

Санкт-Петербургский государственный
университет
Факультет социологии

Социологическое общество
им. М.М.Ковалевского

**Материалы научно-
практической конференции
VII Ковалевские чтения**

15-16 ноября 2012 года

**Санкт-Петербург
2012**

Редакционная коллегия:

А.О. Бороноев, зав. кафедрой ф-та социологии СПбГУ, докт. филос. н., проф.,
Ю.В. Веселов, зав. кафедрой ф-та социологии СПбГУ, докт. экон. н., проф.,
В.Д. Виноградов, зав. кафедрой ф-та социологии СПбГУ, докт. социол. н., проф.,
В.И. Дудина, и.о. декана ф-та социологии СПбГУ, канд. социол. н., доцент
В.Н. Келасьев, зав. кафедрой ф-та социологии СПбГУ, докт. психол. н., проф.,
А.А. Козлов, зав. кафедрой ф-та социологии СПбГУ, докт. социол. н., проф.,
В.В. Козловский, зав. кафедрой ф-та социологии СПбГУ, докт. социол. н., проф.,
А.И. Куропятник, зам.декана ф-та социологии СПбГУ, докт. социол. н., проф.,
В.Г. Овсянников, зав. кафедрой ф-та социологии СПбГУ, докт. филос. н., проф.,
Н.А. Пруель, зав. кафедрой ф-та социологии СПбГУ, докт. социол. н., проф.,
В.Е. Семенов, докт. псих. наук, проф.,
А.Н. Сошнев, зав. кафедрой ф-та социологии СПбГУ, канд. экон. н., проф.,
А.А. Флягин, препод. ф-та социологии СПбГУ,
Д.Д. Иванова, технический секретарь Оргкомитета.

Седьмые Ковалевские чтения / Материалы научно-практической конференции 15-16 ноября 2012 года / Отв. редактор: Ю.В. Асочаков. СПб., 2012.

Оглавление

Секция 1. Социальная реальность в теориях интерпретативной социологии.....	37
Адрова И.С. (Санкт-Петербург) Современная социальная реальность сквозь призму социологических романов А.А. Зиновьева.....	37
Асочаков Ю.В. (Санкт-Петербург) О месте теорий интерпретативной социологии в структуре современной социологии.....	40
Баранец С.Н. (Гатчина) Декомпозиция социальной реальности и пределы понимающей интерпретации.....	43
Басимов М.М. (Курган) ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТИП РЕСПОНДЕНТА КАК КЛЮЧ К ПОНИМАНИЮ ЕГО ОТВЕТОВ (ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ)	45
Батаева Е.В. (Харьков, Украина) Социальная визуалистика как междисциплинарная интерпретативная дисциплина	48
Богомякова Е.С. (Санкт-Петербург) Социальные проблемы: конструкционистский подход	50
Божков О.Б. (Санкт-Петербург) В науке нельзя говорить приблизительно. К вопросу о различии между научными терминами и «просто словами»	54
Бочкарева В.И. (Санкт-Петербург) Социальная реальность в интерпретативной социологии.....	58
Бразевич С.С. (Санкт-Петербург) Национальный вопрос в творчестве М.М.Ковалевского	62
Бурганова Л.А., Ахмадеева К.Н. (Казань) Гендерные стереотипы в интерпретативной социологии.....	64
Быков В.П. (Санкт-Петербург, Россия) Социология М.Вебера: покушение на науку	66
Гольбрайх В.Б. (Санкт-Петербург) Конструирование проблем в процессе конфликта в местной прессе.....	74
Дивисенко К.С. (Санкт-Петербург) Понятие «религиозный жизненный мир» как инструмент социологического анализа духовности*.....	77
Дудина В.И. (Санкт-Петербург) Эпистемологические основания исследовательской стратегии в интерпретативной социологии.....	80
Клюев А.В., Урсу И.С. (Санкт-Петербург) Трактровка понятия «нация» в социологическом наследии Питирима Сорокина.	83

Комаровский А.В. (Минск, Республика Беларусь) Скрытая культурсоциологическая исследовательская программа в работах М. Вебера.....	85
Корнилов П.А. (Казань) Война как предмет теоретической и социокультурной интерпретации.....	88
Косицына С. . (Тольятти , Россия) Социокультурное пространство крупного монопромышленного города: интерпретация представлений молодых рабочих.....	91
Крокинская О.К. (Санкт-Петербург) МНЕНИЕ МАССОВОЕ, НО НЕ СТАНДАРТНОЕ	95
Ломоносова М.В. (Санкт-Петербург) Интерпретативная социология в контексте научного наследия П.А.Сорокина.....	98
Маликова Н.Р. (Москва) Методологические возможности теории «социального капитала» для социологической интерпретации в современных кросс - культурных исследованиях	98
Малов Е.А. (Новосибирск) Политическая эпистемология как выход за границы интерпретативной социологии	101
Нечитайло И.С. (Харьков, Украина) Конструирование социальной реальности посредством образования: роль педагогического дискурса.....	104
Новикова Л.В. (Санкт-Петербург) У истоков качественной методологии в социологическом исследовании (американская традиция).....	107
Орех Е.А. (Санкт-Петербург) Изменения визуальной репрезентации детства в современной России: постановка проблемы.....	109
Папова Р.В., Старосоцкая Е.В. (Горки, Республика Беларусь) ПЕРСПЕКТИВЫ «ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЧЕЛОВЕКА» В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ	112
Петренко П.А., Головин Н.А. (Санкт-Петербург) Новая коммуникативная система: Интернет как способ преодоления невероятности коммуникации.....	115
Профатилова Л.Г. (Харьков, Украина) Нарративный анализ: расширение контуров применения	118
Сибирев В.А. (Санкт-Петербург) Социально-экономические последствия информатизации общества.....	121
Сизова Н.С. (Санкт-Петербург) Интерпретативная социология – в поисках ускользающего смысла.	123
Смирнов Г.П., Смирнов Г.П. (Санкт-Петербург) Интерпретация понятия «смысл» в социологических теориях	124

Урсу И.С., Анисимова С.Ф. (Санкт-Петербург) Интерпретация понятия «русский национальный характер» в социологическом наследии Птитирима Сорокина.	127
Фетисов В.Я. (Санкт-Петербург) Специфика социологического знания и оценка его различных теорий.....	130
Цветаева Н.Н. (Санкт-Петербург) Биографические нарративы как контекст социально-культурных изменений: опыт интерпретации	131
Шипунова Т.В. (Санкт-Петербург) Объяснение versus понимание: возвращение к дискуссии	134
Щелкин А.Г. (Санкт-Петербург) Скандал в социологии: может быть то, что мы называем социологией, таковой и не является?.....	137
Секция 2. Факторы, критерии и перспективы стабилизации современного российского общества	140
Бадмаева Н.В., Иджаева Б.В. (Элиста) Региональный аспект стабилизационных процессов (на примере Калмыкии).....	140
Барсукова С.А. (Пенза) Представления о совести у различных возрастных групп	144
Безручко А.А. (Нягань) РАЗВИТИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ СОВЕТА ДЕПУТАТОВ В Г.П.ПРИОБЬЕ).....	147
Белоярская В.Д. (Санкт-Петербург) Жизненные стратегии сельской молодежи: мотивы возвращения и укоренения в селе	150
Болотин И.С. (Москва) Социальное партнерство в сфере молодежной политики.....	153
Бороноев А.О. (Санкт-Петербург) Евразийские основания идентичности россиян.....	156
Будко Д.А. (Санкт-Петербург) Роль формальных и неформальных практик как фактора стабилизации и дестабилизации российского общества.....	158
Виноградов В.Д. (Санкт-Петербург) Национальные ценности в развитии политической культуры российского общества.....	161
Воробьева А.Г. (Москва) Факторы развития социального контроля как эффективного механизма стабилизации российского общества....	166
Воронкова О. (Москва) Доверие общества власти как фактор стабилизации социально-политического пространства.....	168

Гнездилова О.П. (Белгород) СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО КАК МЕХАНИЗМ УЛУЧШЕНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ	171
Голубкова О.А., Демьянчук Д.Г. (Санкт-Петербург) Качество жизни как один из показателей стабильности общества	172
Григорьева М.В. (Пермь) Российские региональные парламенты в свете электоральных реформ: изменчивость электоральных правил и стабильность персонального состава законодательных собраний	175
Громова А.В. (Волгоград) Социальное партнерство государства и религиозных организаций как один из факторов стабильности поликонфессионального общества	178
Грошева И.А., Грошев И.Л. (Тюмень) Социальная справедливость в российских судах в зеркале общественного мнения	181
Гулей И.А., Ковтунова Ю.С. (Белгород) Современный подход к управлению организационной культурой.....	184
Гусева Н.А. (Санкт-Петербург) Система государственных наград как рискогенная зона социальной справедливости.....	188
Гуськов Д.В. (Екатеринбург) ЭТНИЧЕСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ И НАСАЖДЕНИЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ И ЛИБЕРАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ КАК ИСТОЧНИК ФОРМИРОВАНИЯ ЭКСТРЕМИЗМА В МЕЖКУЛЬТУРНЫХ И МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ.....	190
Дыжова А.А. (Могилев, Республика Беларусь) ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА МОЛОДЕЖИ КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ СТАБИЛЬНОСТИ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА	193
Ежов С.П. (Санкт-Петербург) Коммерциализация как фактор политической дестабилизации российского социума	197
Елисеев С.М. (Санкт-Петербург) Демократия как проблема общества позднего модерна	198
Иванова А.А. (Тула) Политический дискурс парламентских партий как основа стабилизации российского общества	201
Каримова Л.Ф. (Пенза) БЕДНЫЕ В СТРУКТУРЕ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА	208
Когай Е.А. (Курск) ПРОЕКТНАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ	209
Колесник И.Н. (Санкт-Петербург) Успешная самореализация в глубинке как фактор её развития	212

Колпина Л.В. (Белгород) БАРЬЕРЫ СОЦИАЛЬНО-СЕТЕВЫХ ОТНОШЕНИЙ КАК ФАКТОР ОБЩЕСТВЕННОЙ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ.....	215
Комарова А.В. (Санкт-Петербург) Компетентность государственных гражданских служащих как фактор стабильности российского общества.....	218
Королева К.Ю. (Белгород) Время ожидания как фактор удовлетворенности качеством социального обслуживания населения.....	221
Костина Н.Б., Озорнина Ю.П. (Екатеринбург) Эффективное государственное управление социальной сферой как фактор стабилизации российского общества	223
Крюков Д.О. (Санкт-Петербург) Основные подходы к определению научной элиты как фактора стабилизации современного российского общества	227
Кучуков Р.Р. (Уфа) О кадровом потенциале ликвидаторов техногенных и природных аварий в Республике Башкортостан.....	230
Латыпова Г.С. (Уфа) Основные направления государственной политики по активизации экономической деятельности населения	234
Любимова Е.А. (Тюмень) Социальное партнерство как фактор достижения социального равновесия.....	237
Мавликасов А.Х. (Санкт-Петербург) Менталитет населения Российской Федерации как фактор электорального поведения российских граждан (на примере Республики Башкортостан)	240
Маркарян А.Г. (Санкт-Петербург) Согласование интересов и достижение социального равновесия через парадигму Неокорпоратизма: опыт Армении России.	247
Маркин М.Е. (Москва) Введение государственного регулирования рынка как попытка восстановить справедливость в отношениях бизнес-партнеров (на примере современной российской розничной торговли)	250
Мельников Е.Г. (Санкт-Петербург) Социальная структура российского общества в контексте процессов стабилизации: общее, особенное, единичное.	254
Мигунова Д.Ю. (Москва) Социальный капитал и бизнес-образование	258
Милецкий В.П. (Санкт-Петербург) Гражданско-правовые институт как фактор стабилизации современного российского общества....	261

Мищенко А.С., Мищенко А.С. (Санкт-Петербург) Превращение формы трудового процесса как особые элементы социальных взаимодействий и отношений	268
Моисеева Т.П. (Уфа) Неформальные трудовые отношения в современном российском обществе: социальный аспект проблемы	270
Мохначев С.А., Мохначева Е.С. (Ижевск) Инвестиционная инфраструктура и социальное равновесие в процессе стабилизации общества	272
Мункеева Т.А. (Санкт-Петербург) Россия – тип западного общества?	275
Неваева Д.А. (Барнаул) Социальная политика как фактор стабилизации социально-экономического положения населения (на примере Алтайского края)).....	278
Негрова М.С. (Санкт-Петербург) Сложные пространственные формы и ментальные коннотации политического ландшафтообразования (на примере Красноярска).....	283
Немчинова-Львова А.В. (Санкт-Петербург) МУНИЦИПАЛЬНЫЙ СЛУЖАЩИЙ КАК СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЧЕЛОВЕК	285
Нетылько Е.Ю., Нетылько Е.Ю. (Петрозаводск) Патриотизм как фактор стабильности российского общества.....	288
Панкратова Е.В. (Иваново, Россия) Удовлетворенность жизнью и счастье в структуре показателя «качество жизни»	291
Петров Н.Р. (Саратов) СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КАЗАЧЕСТВА В САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ.....	294
Петушков С.А. (Санкт-Петербург) Факторы стабилизации современного российского общества: социально-политические аспекты	297
Плетнев А.В. (Санкт-Петербург) Перспективы развития теории аномии	301
Поздеева Е.Г. (Санкт-Петербург) О ПОВЫШЕНИИ РОЛИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА.....	303
Полетавкина М.Г. (Барнаул) Устранение девиаций в подростковой среде силами студентов добровольческих организаций	307
Посохова Н.В., Гричаникова И.А., Свиридова И.И. (Белгород) Профессиональная адаптация выпускников вузов сферы культуры	309

Проказина Н.В. (Орел) Социологическая культура государственных гражданских служащих в информационно-аналитическом обеспечении управленческой деятельности	313
Ревина Е.П. (Саратов) СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН	316
Росенко С.И. (Санкт-Петербург) Средний класс как фактор стабилизации российского общества	319
Савин С.Д. (Санкт-Петербург) Деидеологизация как фактор дестабилизации российского общества	321
Санина А.Г. (Санкт-Петербург) Государственная идентичность как фактор социальной стабильности	325
Севцова Е.Ю., Ветрова О.А. (Курск) Сущность этносепаратизма и его политические предпосылки	328
Смирнов П.И. (Санкт-Петербург) Отражение основного национального интереса в Конституции РФ и стабильность российского общества	331
Смирнова Е.Д. (Санкт-Петербург) Защита семейных ценностей как фактор стабилизации российского общества	334
Старченко С.А. (Барнаул) Проблемы функционирования и перспективы развития суда с участием присяжных заседателей ..	337
Степанчук Д.Ю. (Тюмень) Мотивационные стратегии современных государственных гражданских служащих Тюменской области....	340
Тихонова О.С. (Барнаул) Альтернативные способы разрешения споров в практике предпринимательской деятельности	343
Тульчинский Г.Л. (Санкт-Петербург) Безопасность и свобода, культура и право: ценностно-нормативные факторы консолидации российского общества	345
Туманова О.И. (Тверь) Негативные тенденции в процессе развития оппозиционных настроений в российском обществе	346
Туракаев М.С. (Санкт-Петербург) Факторы внутренней миграции молодежи из российской глубинки в города: кейс Белокатайского района Республики Башкортостан	349
Халлисте О.В. (Санкт-Петербург) Полиэтничность как фактор политической дестабилизации российского общества?	352
Цветаев В.М. (Санкт-Петербург) Взаимодействие политики и экономики как фактор стабилизации российского общества.....	355
Цорити Л.А. (Санкт-Петербург) Основные факторы стабильности российского общества. Терроризм как дестабилизирующий фактор.	357

Чечеткина О.Н. (Москва) Проблемы социальной мобильности в современном обществе.....	360
Шевцов А.В. (Санкт-Петербург) Немного о предназначении электоральной социологии.....	362
Шелонаев С.И. (Санкт-Петербург) Субституты как фактор стабилизации современного российского общества.....	365
Шпаковская С.В. (Пенза) Страна неизменных парадигм	368
Шумилин А.П. (Пенза) Вопросы программного обеспечения социальной защиты работников предприятий.....	371
Щур А.В. (Санкт-Петербург) Перспективы развития теории аномии.....	378
Юшкова С.А. (Москва) Система социальной защиты населения как один из способов регулирования бедности.	380
Секция 3. Согласие и конфликт в современном российском обществе QUO VADIS	383
Алейников А. (Санкт-Петербург) Конфликтная модель российского общества: основные параметры.....	383
Антипов К.А. (Пермь) Особенности конфликтной самоорганизации граждан на местном уровне	388
Баженов А.М., Мартынова Т.М. (Тула) Социальное движение как форма гражданского общества в современной России	391
Бакшутова Е.В. (Самара) Конфликт как базовая метафора интеллигентского сознания.....	393
Баранец С.Н. (Гатчина) Этика истории и проблема обретения смыслов: ориентиры для России.....	396
Басимов М.М. (Курган) ВЛИЯНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ТИПА РЕСПОНДЕНТА НА НАЛИЧИЕ У НЕГО ПОЛИТИЧЕСКИХ СИМПАТИЙ	398
Белкин А.И. (Самара) Конфликт в потребительском обществе	401
Буйденков А.А. (Горки, Республика Беларусь) Общество потребления - прогресс или социальный нигилизм?	404
Васильева С.А. (Санкт-Петербург) Ценностное отношение к здоровью как актуальная проблема науки и общества	407
Ветрова О.А. (Курск) НАЦИОНАЛЬНЫЙ МЕНТАЛИТЕТ ЛИЧНОСТИ: СУЩНОСТЬ И ОСОБЕННОСТИ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	410
Власова И.В. (Санкт-Петербург) ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ КОНФЛИКТОВ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ	413

Воробьева Н.Ю. (Москва) Духовно-нравственная культура как основа межконфессиональных отношений в современной России	416
Гузельбаева Г.Я. (Казань) Билингвизм в Татарстане как сфера возможного нарушения межэтнического согласия	419
Дайкзель А.. (Гамбург, Германия) Мораль и этика в экономике	422
Жмыриков А.Н. (Нижний Новгород) ТЕОРИЯ ПОЛИМЕНТАЛЬНОСТИ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ КОНЦЕПЦИИ ВКЛЮЧЕННОСТИ ЧЕЛОВЕКА В МИР	424
Иванова Е.И. (Москва) Социально-демографические факторы межпоколенного конфликта	428
Ищенко А.М. (Санкт-Петербург) Родительские объединения Вологодской области: воспроизводство социального капитала региона (на примере родительских сообществ г. Череповца).	431
Казакова Н.Д. (Москва) Социальная солидарность как духовно-нравственное условие общественного согласия в России	434
Кансузян Л.В., Заморский В.В. (Москва) Этические проблемы современной технической цивилизации	436
Кашаев Н.Х. (Уфа) Восстановление прав собственности государства как условие общественного согласия	439
Келасьев О.В. (Санкт-Петербург) Конфликты в образовательных учреждениях и способы их урегулирования	441
Клинецкая Н.В. (Санкт-Петербург) Особенности менталитета российской молодежи	443
Корнилов П.А. (Казань) Социоментальный подход к исследованию проблем насилия и военных конфликтов	448
Кудря Л.И., Шрага М.Х. (Архангельск) «Здоровый образ жизни» очередной миф глобальной медиализации	452
Кузьмина Н.С. (Москва) Несогласие в обществе мнимого согласия – роль СМИ в поддержании ценности потребления	455
Кузьмина А.Н. (Санкт-Петербург) Парадоксы общества потребления	458
Кулагина Е.В. (Санкт-Петербург) Духовно-нравственные ценности в профессии социальная работа	461
Лебедев С.Д. (Белгород) Российский проправославный консенсус как особая форма ментальности	464
Лепешкина Л.Ю. (Тольятти) Проблема сохранения этнической идентичности в современной России	467

Лыкова В.В. (Курск) Коммуникация поколений: что плодотворнее конфликт или интеграция	470
Мазилов В.А. (Ярославль) Профессиональное сознание и толерантность в психологическом сообществе	472
Медведева И.В. (Белгород) Детская беспризорность как социальное явление	475
Мордишева Л.Н. (Пенза) Источники потребительского поведения в трудовой сфере	478
Мочалова К.П. (Красноярск) От модернистского мифа к мифу постмодерна	481
Муха В.Н. (Краснодар, Россия) Образ «Другого» и формирование российской идентичности	485
Нагапетян М.Н. (Екатеринбург) Профессиональная этика государственных (муниципальных) служащих	487
Новоселов С., Микиденко Н.Л. (Новосибирск) Социальное партнерство как инструмент реализации общественно-значимых проектов.....	491
Орлик Е.Н. (Владимир) Нравственная компонента социально- трудовых отношений.....	494
Пасовец Ю.М. (Курск) Отношение населения к неформальным экономическим явлениям как критерий этического общества.....	498
Приходько Ф.С. (Горки, Республика Беларусь) Стиль общения белорусов как выражение их менталитета.....	500
Рахматуллина З.Б. (Уфа) Формирование толерантности у студентов	503
Реутов Е.В. (Белгород) Факторы формирования культуры недоверия в региональном социуме	506
Ростова А.В. (Тольятти) Богатые и бедные в представлении разных поколений.....	510
Русалинова А.А. (Санкт-Петербург) Коллективизм как важнейший элемент этической и организационной основы современного общества	512
Рыкшина Ю.. (Новосибирск) Влияние СМИ на формирование этнических стереотипов	515
Сиротина Т., Рыжманова А.Л. (Барнаул) Образ инвалидности в молодежной среде (на примере студенчества г. Барнаула).....	526
Смагин Б.А. (Санкт-Петербург) Образ науки в «обществе потребления»	529

Сорокина Н.Д. (Москва) Конфликты в современном обществе: причины и их роль в достижении социального согласия	532
Стукова О.В. (Санкт-Петербург) Проблемы экзистенциальной фрустрации и познание смысла по В.Франклу.....	535
Федорова Т.Н. (Санкт-Петербург) Образование: социальное благополучие или конфликт?.....	542
Фирсова Е.А. (Жигулевск) Социальное безразличие как проблема современного общества.....	544
Фирсова Л.В., Черных И.П., Суслова Т.И. (Харьков, Украина) Человек экономический как стабилизатор общественного согласия.....	547
Чернига Е.В. (Волгоград) Экономическая и социальная основы рекламной деятельности: этический аспект.	549
Чулков С.С. (Санкт-Петербург) «Новые» политические группы в современной России.....	552
Шавырина И.В. (Белгород) СОЦИАЛЬНАЯ НАПРЯЖЕННОСТЬ КАК ФАКТОР ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА	553
Шаров А.Н. (Санкт-Петербург) Петербуржцы-2012: проблемы и перспективы	563
Шитикова Е.В. (Череповец) Российская ментальность: поиски измерений, моделей, типов	566
Шманкевич Т.Ю. (Санкт-Петербург) Мониторинг социально-трудовых конфликтов. Что и как мы изучаем?	570
Юрьева А.О. (Екатеринбург) Деньги в системе ценностей современного российского общества.....	573
Секция 4. Пересечение культурных границ и реконфигурация идентичности	576
Бекреев А.Д. (Санкт-Петербург) Телесериалы популярны среди молодёжи и их влияние	576
Белова Т.П. (Иваново) Евангелизм как глобальное социальное движение	579
Бондарев А.К. (Санкт-Петербург) О новых контекстах глобализации	582
Горбунова А.А. (Барнаул) Межэтнические отношения в представлениях современной молодежи (по материалам исследования в Алтайском крае)	585
Горюнов П.Ю. (Санкт-Петербург) Футбольный туризм как символ всемирной культурной интеграции.....	588
Грунт Е.В. (Екатеринбург) Новые тренды в развитии культуры Турции	591

Гуськов Д.В. (Екатеринбург) Экстремизм как социокультурное явление: методологические проблемы эмпирического анализа.....	594
Дорожинская Е.С. (Екатеринбург) Особенности социальной адаптации иностранных студентов в УрФУ.....	597
Инджиголян А.А. (Караганда, Казахстан) Культурный проект триединства языков в Казахстане: проблемы и перспективы.	600
Казарцева Е.В. (Санкт-Петербург) Социокультурная обусловленность этнической самоидентификации русскоязычной молодежи Германии	604
Казьмина Т.Н. (Санкт-Петербург) Поддержание границ общности в контексте глобализации на примере формирования фэндомов	607
Кардинская С.В. (Ижевск) Современные мусульмане Удмуртии: проблема конфессиональной идентичности	608
Киреева Т.. (Санкт-Петербург) Формирование групповой идентичности в контексте освоения городской среды	611
Кузьмина Л. (Санкт-Петербург) «Практики взаимодействия в транзитном месте. «Иностранец» в метро».	613
Лакизюк О.Н. (Санкт-Петербург) Развитие идентичности в межкультурных контекстах	614
Лихачёва С.Н. (Могилёв, Республика Беларусь) Субкультуры молодёжи как феномен социокультурной ситуации в регионе.....	619
Наджафов Р.А. (Санкт-Петербург) Этнокультурный потенциал в контексте глобализации	622
Отнюкова М.С. (Саратов) КОНСТРУИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ ТУРИСТА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ...	625
Палопеженцева М.С. (Новосибирск) СМИ как фактор глобализации и инструмент создания мирового информационного пространства	628
Пашенко Е.Н. (Курск) Трансформация социокультурной идентичности человека под влиянием глобализации	630
Разиньков В.В. (Курск) ВЛИЯНИЕ МОЛОДЕЖНОЙ КУЛЬТУРЫ НА ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ	633
Резаев А.В., Лисицын П.П., Саначин А.А. (Санкт-Петербург) «Everyday» и «day by day» практики трудовых мигрантов в России и Греции.	636
Сараева О.В. (Казань) Социокультурные различия - риски миграции	638
Сикевич З.В. (Санкт-Петербург) О феномене ксенофобии	640
Смоленская Ю.В. (Барнаул) Модель факторов риска экстремистских настроений в полиэтнической среде Алтайского края	644

Сухова А.Н. (Нижний Новгород) Специфика межкультурной адаптации иностранных студентов за границей	646
Тезич М. (Анкара, Турция) «Примордиальный Конструктивизм» теоретико – методологическое исследование формирования этнос.	653
Тысячная О.А. (Санкт-Петербург) Велотуризм как фактор реконфигурации социокультурного пространства Санкт-Петербурга.....	656
Ханхунова М.Ю., Чойропов Ц.Ц. (Улан-Удэ) СОЦИАЛЬНЫЕ МЕДИА КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ	660
Целищева В.Г. (Санкт-Петербург) Память этнических групп: институализация, коммерциализация, политизация.....	669
Чистов В.А. (Санкт-Петербург) Социокультурные измерения международного бизнеса	670
Чистякова М.А. (Курск) Особенности формирования этнического самосознания в условиях научно-образовательной среды ВУЗа ..	673
Чувашова М.Н., Манханова С.В. (Иркутск) Влияние международного туризма на развитие Прибайкалья	676
Щанина Е.В. (Пенза) Миграции ученых как проблема для развития вузовской науки	679
Янг Мин А (Сеул, Республика Корея) С встречи к рождению новой культуры (на примере спектакля «сказки о двух братьях и волшебной тыкве»).....	682
Секция 5. Город как пространство культурного производства и потребления.....	685
Албогачиева М.С. (Санкт-Петербург) О некоторых особенностях адаптации ингушек к условиям городской среды	685
Боднарук Я.В. (Санкт-Петербург) Система коммуникаций в социальном пространстве коммунальной квартиры.....	688
Буйденков А.А. (Горки, Республика Беларусь) Город как форма социального пространства	691
Вершинина И.А. (Москва) Проблема идентичности в капиталистическом городе	695
Веселова М.Н. (Санкт-Петербург) Исторический город в условиях «общества потребления».....	698
Глотов М.Б. (Санкт-Петербург) Санкт-Петербург как пространство освоения культуры студентами полиэтнического вуза	701

Жарков Г.В. (Владимир) Существуют ли социологические индикаторы креативности?.....	704
Исакова И.А. (Нижний Новгород) Транспортная реклама как составляющая социокультурного капитала горожан	707
Ишкинеева Ф.Ф. (Казань) Европейский опыт организации городского пространства - французские городские сады.....	710
Капась Т.Д. (Санкт-Петербург) Молодые предприниматели как креативный класс Санкт-Петербурга.....	714
Карбаинов Н.И. (Казань) Олимпийский Сочи: борьба за культурное производство пространства.....	717
Карцева Л.В. (Казань) Креативный руководитель и социальная среда: динамика взаимодействия.....	719
Локтева Д.А. (Санкт-Петербург) Характеристики постмодернистской организации пространства (на примере анализа «ивентов»).....	722
Музалева Н.В. (Курск) Анализ системы социокультурной идентичности современного студенчества	724
Наумова А.С. (Санкт-Петербург) Малый монопрофильный город как пространство производства и трансформации социальной идентичности.....	727
Новосёлов А.М., Чернега А.А. (Вологда) Проблема соотношения имиджа и образа малого туристического города в современной России.....	734
Ростова А.В., Бирулина Л.В. (Тольятти) Особенности восприятия социокультурного пространства	738
Сергунин А.А., Анищенко А.Г. (Санкт-Петербург) «Города-близнецы» как средство трансграничной социокультурной коммуникации на Севере Европы (терминологический аспект)	742
Сидорова А.С. (Смоленск) «Программа этнографических сведений о городских жителях образованного класса» В.Н. Тенишева	745
Старых Н.П. (Орел) Имидж органов местного самоуправления: проблема гражданской активности и идентичности	748
Тхакахов В.Х. (Санкт-Петербург) Социология большого города Г. Тарда.....	751
Тыканова Е.В. (Санкт-Петербург) Оспариваемые городские пространства: случаи Санкт-Петербурга и Парижа в сравнительной перспективе	752
Хохлова А.М. (Санкт-Петербург) Стратегии и тактики «продвижения» креативных продуктов на петербургском рынке актуального искусства	756

Чернега А.А., Новосёлов А.М. (Пермь) «Ночь музеев» как фактор развития городской культуры: коммуникативный аспект (на примере мероприятия «Ночь музеев – 2012» в Санкт-Петербурге).	759
Шишкина С.В. (Балашов) Малый город и его специфика	763
Секция 6. Гендер и гендерные отношения в современном обществе.....	766
Акпаров В.Х. (Москва) Политэкономия семьи вчера, сегодня и завтра	766
Ахметова С.А. (Казань) Гендерный аспект этнической идентичности и межэтнических отношений (по материалам социологического исследования в Республике Татарстан)	768
Басимов М.М. (Курган) СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ	772
Бондаренко В.А. (Санкт-Петербург) Опыт Финляндии в реализации гендерного равноправия	775
Буряк Т.А. (Краснодар) Этапы профессиональной социализации спортсменов	778
Василенко И.В. (Волгоград) Гендерные отношения в современной российской региональной семье: практики формирования и распределения семейного бюджета	780
Голосова Е.С. (Пенза) Гендерная методология в изучении отношений между полами	784
Грицай Л.А. (Рязань) Социокультурные особенности института отцовства в современной российской семье	786
Дыжова А.А. (Могилев, Республика Беларусь) ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ЗАЩИТЫ ПРАВ МОЛОДЕЖИ	790
Ельяшевич А.М. (Санкт-Петербург) Социальная эволюция гендерных ролей	793
Задворнова Ю.С. (Иваново) Гендерные отношения в семье в исследованиях отечественных социологов	797
Злотникова Л.М. (Гомель, республика Беларусь) Гендерная культура – интегральное знание о проблемах социально-экономического развития общества	801
Иванцова М.В. (Орел) ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ПРЕДПРИЯТИЯ (НА ПРИМЕРЕ МУП «ТРАНСПОРТНЫЕ ЛИНИИ»)	804

Карачева Т.В. (Усть-Каменогорск, Казахстан) Анализ зарубежного опыта и ситуации в Казахстане по организации проживания инвалидов и лиц пожилого возраста в малокомплектных домах (домах малой вместимости)	807
Кириенко В.В. (Гомель, Республика Беларусь) Гендерный аспект в современных семейно-брачных отношениях. (белорусский вариант)	818
Колесова А.О. (Москва) Гендерная специфика представлений младших школьников о распределении домашних обязанностей в их будущей семье	823
Корж Н.В. (Пенза) Ценностные приоритеты современной студенческой молодежи: гендерный аспект.	826
Кошарная Г.Б. (Пенза) Развитие женского предпринимательства в реформируемой России	828
Кравцова А.Н. (Иркутск) Гендерные отношения в социальных институтах и процессах: демографический аспект	832
Кучумова Е.А. (Санкт-Петербург) Мужчины как объект социальной агрессии	836
Леонова О.В. (Астрахань) Гендерные стереотипы студенческой молодежи	839
Ломоносова М.В. (Санкт-Петербург) Трансформация института семьи в контексте развития новых репродуктивных технологий	842
Лошакова Ю.П. (Санкт-Петербург) Особенности гендерного равноправия в Санкт-Петербурге и Швеции.	842
Лукьянова О.С. (Санкт-Петербург) Взгляд на здоровый образ жизни со стороны мужчин: сравнительное исследование Санкт-Петербурга и Перми	845
Мосиенко О.С., Анчутина А.А. (Ростов-на-Дону) Брачный рынок: анализ принципов выбора брачного партнера	849
Намруева Л.В. (Элиста) Когнитивный фактор этнической идентичности (гендерные различия)	853
Поспелова Т.Г. (Санкт-Петербург) Генетическая социология М.М.Ковалевского как теоретическая платформа исследований тенденций развития современной семейной культуры	855
Савельева А.А. (Санкт-Петербург) Конструкционистский подход к изучению гендерной политики, проводимой государством на страницах советских женских журналов	858
Светлакова В.П. (Омск) Социальный лифт для молодого политика(гендерный аспект)	861

Спиридонова В.А. (Санкт-Петербург) Управленческая парадигма XXI века: гендерный аспект	865
Толубаева Л.Т. (Пенза) Влияние гендерной политики организации на карьерный рост персонала	868
Ушакова В.Г. (Санкт-Петербург) Гендерные исследования в социологическом образовании: опыт сравнительного анализа.....	871
Челышева Н.А. (Санкт-Петербург) Гендерные аспекты социальной работы с семьей.....	874
Шевченко И.О. (Москва) Отношения отцов и детей после развода родителей.....	877
Юлдашева О.Н., Сизоненко З.Л. (Уфа) Вопросы теории и методологии гендерных исследований.....	881
Якушина Н.В. (Орел) Гендерные особенности семейного насилия ...	888
Яныкина А.Н. (Казань) Гендерная идентичность как модус бытия социального.....	891

Секция 7. Управление инновационными изменениями

Анплеев А.А. (Казань) Влияние знаков и символов на эффективность организационной деятельности в сфере гостиничного хозяйства	893
Артемова О.. (Санкт-Петербург) Управление социальными сетями в организации	896
Бабкина И.В. (Санкт-Петербург) Местное самоуправление в Санкт-Петербурге глазами горожан	898
Белец Е.В. (Санкт-Петербург) Мотивация муниципального служащего	901
Белоусова О.А. (Курск) Формирование инновационной личности будущего специалиста в ВУЗе.....	904
Большаков К.С. (Санкт-Петербург) ВЛИЯНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ РОССИИ НА ЕГО СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ.....	907
Борисов А.Ф. (Санкт-Петербург) Интеллектуальный капитал: инновационные практики управления	912
Брук С.А. (Санкт-Петербург) Использование концепции Майкла Липски «Street-Level Bureaucrasy» в организации работы российских государственных социальных сервисов	916
Брысина О.П. (Барнаул) Оценка реализации инновационных технологий социальной работы с семьей в Алтайском крае	917

Быкова Е.С. (Саратов) Социальные технологии как инструмент развития кадрового потенциала органов местного самоуправления	921
Васильева Е.А. (Якутск) Эффективность государственной гражданской службы в средствах массовой информации Республики Саха (Якутия): итоги исследования.	923
Виноградов Д. (Санкт-Петербург) Инновации в управлении: социальная ответственность как корпоративная стратегия компании.	926
Волчкова Л.Т., Кузнецов И. Е. (Санкт-Петербург) Социальные новации и новая парадигма планового управления в контексте синкретического преодоления.	929
Габдрахманов Н.К. (Казань) Геодемографическая инфраструктура: теоритическое обоснование	935
Гегер А.Э. (Санкт-Петербург) Человеческий капитал в России: современное состояние проблемы	938
Гилев А.Ю. (Новосибирск) Инновации как источник точек бифуркации социально-экономических показателей	941
Гончарова Е.А. (Москва) Социологическое изучение инновационных процессов в условиях становления информационного общества .	943
Грызлова А.Ю. (Санкт-Петербург) Анализ и факторы повышения управляемости персонала в современных организациях.....	945
Давыдова А.. (Санкт-Петербург) Формирование корпоративных ценностей как управленческая проблема	948
Дагаева Е.А. (Таганрог) СОПРОТИВЛЕНИЕ ИЗМЕНЕНИЯМ: ОПЫТ ДИАГНОСТИКИ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ВУЗА.....	950
Дамберг А.В. (Санкт-Петербург) Социокультурные факторы инновационного развития	953
Дегтярева Е.С. (Санкт-Петербург) Инновационные технологии в развитии рационализаторского знания: социологический аспект	956
Денисова Ю.В. (Санкт-Петербург) Сообщества фирм как инновационная социально-управленческая практика	959
Дерюгин П.П., Князева Е.С. (Санкт-Петербург) Подбор кадров (HR) как способ обеспечения поступательного развития организационной культуры (социологический анализ)	962
Диких А.А. (Санкт-Петербург) Инновационная политика российского государства. Роль проекта партии «Единая Россия» «Национальная инновационная система» в процессе активизации инновационной деятельности.....	964

Дронова Е.Н. (Барнаул) Технология межведомственного взаимодействия органов и учреждений системы профилактики в Алтайском крае	967
Едидович Ж.В. (Санкт-Петербург) Адаптация персонала организации в условиях внедрения инноваций.	969
Ермолаева П.О. (Казань) Оценка эффективности учреждений культуры: мировые практики.....	971
Желнина Е.В. (Тольятти) Профессиональная подготовка персонала как фактор инновационной активности промышленного предприятия	973
Задорин А.В. (Красноярск) Урбанизация и социальные проблемы миллионного Красноярска	975
Захаров Н.Л. (Санкт-Петербург) Модели индустриального общества	978
Зерчанинова Т.Е. (Екатеринбург) Концептуальная модель социального аудита государственного и муниципального управления	981
Иванов О.И. (Санкт-Петербург) ИННОВАЦИОННЫЙ ЧЕЛОВЕК ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	984
Иванова К.А. (Санкт-Петербург) Совершенствования методов руководства в самообучающихся государственных организациях как управленческая инновация	986
Ирдынеев С.Ц. (Москва) Инновационные аспекты корпоративных слияний и поглощений в постиндустриальном обществе	988
Коваленко И.А. (Тюмень) Инновационные процессы в образовании	990
Крекшина М.Ю. (Санкт-Петербург) Специфика управления волонтерами массовых культурных мероприятий (на примере Санкт-Петербургского международного кинофестиваля).....	993
Кузнецова К.А. (Саратов) Концепции управления инновационными изменениями в британской социологии	994
Куликова О.В. (Белгород) ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ В ОБЛАСТИ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ	996
Куркина А.В. (Курск) Конкурентоспособная личность в инновационном обществе особенности становления.	999
Курлов А.Б. (Уфа) Ценностные основания управления современными инновациями.....	1002
Лазуренко Н.В., Подпорошникова Н.Н. (Белгород) Программно-целевой метод как механизм управления региональной семейной политикой	1005

Лесина Л.А. (Екатеринбург) Инновационный потенциал выпускников педагогического вуза.....	1008
Лыска А.Г. (Харьков, Украина) КОНЦЕПТ «AGENCY» В СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ РАЗВИТИЯ СООБЩЕСТВ	1011
Макаров И.И. (Санкт-Петербург) Терминология муниципального права как фактор взаимодействия граждан с органами местной власти	1014
Малышев В.А. (Санкт-Петербург) ФАКТОРЫ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ.....	1018
Мезенова И.В. (Санкт-Петербург) Типы волонтерской деятельности в современной России как проявление инноваций в некоммерческой сфере.	1019
Меньшикова Г.А. (Санкт-Петербург) Public Administration как этап становления системы государственного управления	1020
Миронова А.А. (Санкт-Петербург) Современные тренды в изменении управленческой парадигмы и новая роль стратегического планирования	1022
Назаренко Ю.С. (Минск, Республика Беларусь) Компетентностный профиль современного специалиста в контексте обеспечения инновационной деятельности организаций	1025
Назарой О.В. (Псков) Продвижение инициатив молодежи на базе муниципальных культурно-досуговых центров как пример практического метода освоения основ гражданственности	1027
Натурина К.М. (Иваново) Уровень развития инновационного потенциала молодежи г.Иваново.	1032
Нестерук К.П. (Санкт-Петербург) МУНИЦИПАЛЬНЫЙ СЛУЖАЩИЙ КАК ЭКОНОМИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЧЕЛОВЕК	1035
Овчинникова М.В. (Москва) Обновление структурных сетевых взаимодействий посредством активации инновационного потенциала организации.	1037
Оплетина Н.В. (Москва) Современные проблемы интеграции высшего образования и рынка труда.	1038
Петровская Ю.А. (Петрозаводск) Государственная и общественная системы профилактики детской безнадзорности: особенности организации и взаимодействия	1042
Понукалин А.А. (Саратов) Социально-психологические проблемы управления в инновационном обществе.	1043

Рассказов С.В. (Санкт-Петербург) «ИСКУССТВО УПРАВЛЕНИЯ» МИШЕЛЯ ФУКО И СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ГОСУДАРСТВЕННОМУ АДМИНИСТРИРОВАНИЮ	1046
Ржаненков А.Н. (Санкт-Петербург) Инновационные технологии социальной защиты пожилых людей и инвалидов Санкт- Петербурга	1049
Рубцова М.В., Вершинина В.И. (Санкт-Петербург) Элитарность и инклюзивность: проблемы управления персоналом при переходе к инклюзивному музыкальному образованию	1051
Селина А.П. (Петрозаводск) Технологии управления профессиональной ориентацией молодежи	1052
Сибирев В.В. (Санкт-Петербург) Имидж организации как объект социального управления.	1054
Смирнова А.Ю. (Саратов) Представления о времени как организационно-культурный фактор повышения инновационного потенциала предприятия.	1056
Смирнова А.С. (Санкт-Петербург) Взаимодействие органов местного самоуправления с населением: направления исследования	1060
Сошнев А.Н. (Санкт-Петербург) Система показателей деятельности инновационного центра	1064
Стагнеева А.В. (Белгород) Инновационный потенциал волонтерских организаций	1066
Фобьянчук А.А. (Москва) Анализ структуры социального капитала в инновационном процессе	1069
Челенкова И. (Санкт-Петербург) Институциональные проблемы русской модели корпоративного управления	1071
Шадрина Л.Ю. (Новосибирск) Инновации как объект социологии управления	1075
Шелкова А.Е. (Санкт-Петербург) Социальная технология оценки качества внутрифирменного обучения: актуальность применения.	1077
Шинкарева А.Е. (Белгород) Особенности управления маркетинговой деятельностью в дошкольном образовательном учреждении	1080
Шишкина Н.А. (Красноярск) Анализ основополагающих документов в сфере государственной инновационной политики Российской Федерации	1083
Шиянова Е.Н. (Белгород) Краудсорсинг как механизм реализации потенциала гражданского участия в муниципальном управлении	1087

Шохина Н.А. (Санкт-Петербург) ПРИМЕНЕНИЕ ТЕОРИИ УПРАВЛЕНИЯ КАК ТЕОРИИ СРЕДНЕГО УРОВНЯ ДЛЯ УСИЛЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ	1090
Штукова С.В. (Санкт-Петербург) Общественные слушания как социальная технология развития архивной системы.....	1093
Секция 8. Информационная Россия социальные проблемы и перспективы.....	1095
Березкин А.В., Ковтун Г.С. (Владивосток) Проблема информатизации российского общества	1095
Блинова М.И. (Пермь) Проблемы становления информационного общества в современной России	1100
Виноградов Д.. (Санкт-Петербург) Взаимодействие бизнеса и СМИ в современной России: проблемы и тенденции.....	1103
Ганин Е.А., Ахметова А.А. (Казань) Социокультурное табу в информационных технологиях	1107
Гимадеева Д.Р. (Казань) Информационное общество и социальная мобильность	1109
Гримов О.А. (Курск) Субъектные практики в социальных сетях....	1112
Гуляева А.А. (Воронеж) Интернет-зависимость современных российских старшеклассников (на примере школ г. Воронежа).	1115
Демидова А.В. (Могилев, Республика Беларусь) МОДЕРНИЗАЦИЯ СТРУКТУРЫ И РОЛИ СЕМЬИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ	1119
Демушина О.Н. (Волгоград) Развитие информационного общества (на примере Волгоградской области)	1122
Демьянов Е.И. (Екатеринбург) Компьютерные геймеры: социологический анализ	1125
Денисова Ж.А. (Москва) Информационное неравенство в России: социальные последствия информатизации общества.....	1127
Дужников С.А. (Пенза) Информационный поток в интернет сообществах: проблемы политической социализации молодежи	1130
Ельяшевич А.М. (Санкт-Петербург) Соционика как новое направление в социологии.....	1134
Зырянов В.В., Синяков А.В. (Москва) ОЦЕНКА ОБЕСПЕЧЕННОСТИ ИНФОРМАЦИОННЫМИ РЕСУРСАМИ ОСНОВНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ ПРИ ПЕРЕХОДЕ НА ФГОС	1137

Иванян Р.Г. (Санкт-Петербург) Информационное направление в работе с молодежью: европейские подходы в РФ.....	1140
Игнатьев В.И. (Новосибирск) Социальная реальность в информационном резонансе.....	1143
Ишмухаметов Н.С. (Уфа) К вопросу о влиянии информатизации образования на развитие человеческого капитала.....	1146
Казакова Ю.А. (Иркутск) Образ жизни человека в информационном обществе.....	1149
Кившарь В.В. (Саратов) Образ жизни современного человека сквозь призму мобильной связи.....	1151
Килимова Л.В. (Курск) Воздействие информационной среды на образ жизни студентов.....	1154
Киселев Е.А. (Пенза) Коммуникационная составляющая образа жизни предпринимателей в информационном обществе.....	1157
Ковалев И.В. (Санкт-Петербург) Новые технологии в условиях массификации высшего образования: от заочного к дистанционному обучению.....	1160
Кодина И.Н. (Иваново, Россия) Образ жизни населения малого города как комплекс социальных практик: модель изучения.....	1163
Козырева Л.Д. (Санкт-Петербург) Влияние современных информационных технологий на характер социальных связей (методология социологического анализа).....	1166
Колечко Н.В. (Белгород) Такая разная модернизация.....	1168
Корытникова Н.В. (Харьков, Украина) Интернет как среда формирования духовности современного молодого человека.....	1172
Латышева О.В. (Тула) Законодательное регулирование правоотношений в русскоязычном сегменте сети интернет.....	1175
Легостаева Н.И. (Санкт-Петербург) Ночной и дневной образ жизни современной российской молодежи.....	1178
Лесина Л.А. (Екатеринбург) Роль педагога в условиях информатизации образовательного процесса.....	1181
Махнёва Н.С. (Барнаул) Механизмы социально-правового регулирования современной российской блогосферы.....	1184
Милукова И.А., Дрючек Н.О. (Петрозаводск) Увлечение подростков компьютерными играми: опыт пилотажного анкетирования в школах Республики Карелия.....	1187
Миронова М.В. (Екатеринбург) Обучение компьютерной грамотности пожилых людей: проблемы вхождения в информационное пространство.....	1189

Невесенко Е.Д. (Санкт-Петербург) Особенности влияния интернет-сообществ на развитие общества	1192
Осташкова О. (Абакан) Информационное общество: технологии и профессиональная карьера.....	1202
Петросян Г. (Санкт-Петербург) Информационные технологии в образовании.....	1204
Правкина Я.Ю. (Саратов) Социальные аспекты виртуализации труда современной молодежи: структурно-функциональный подход..	1207
Прончев Г.Б., Лонцов В.В. (Москва) Скрытые угрозы для конфиденциальной информации в виртуальных сообществах ...	1211
Ржиская А.В. (Курск) Модернизация образования всех уровней посредством информационно-коммуникационных технологий .	1213
Рожчук Ю.Н. (Балашов) Образ жизни человека в информационном обществе	1216
Русалинова А.А. (Санкт-Петербург) Сущность и структура информатизации образовательного процесса в современном вузе	1219
Сазонова Е.С. (Белгород) Информационное сопровождение государственной молодежной политики в регионе: проблемы и перспективы развития	1222
Семикина Ю.М. (Балашов) ПРОБЛЕМА ВЛИЯНИЯ АГРЕССИВНОЙ ИНФОРМАЦИИ В ИНТЕРНЕТЕ НА МОЛОДЕЖЬ.....	1225
Сердюцкая О.В. (Москва) Проблемы социализации молодежи, обусловленные сетью Интернет.....	1228
Сикорская М.Н. (Москва) Особенности и перспективы взаимодействия науки и общественности в информационном обществе.....	1231
Сошнев А.Н. (Санкт-Петербург) Образ жизни информационного общества.....	1234
Сущенко А.Д. (Екатеринбург) Выбор студентами дополнительных образовательных услуг высшей школы: значимость информационной составляющей.....	1236
Толмач А.Д., Гаврилов К.А. (Москва) Методологические особенности изучения механизмов приписывания ответственности и виновности в социальных медиа в ситуации теракта (на примере событий в аэропорту «Домодедово» в январе 2011 года).....	1239
Тюхай-Липский С.В. (Санкт-Петербург) Политическое участие сетевого сообщества: форма гражданской активности	1242
Ушанова А.М. (Санкт-Петербург) Медиавирусы в России	1244

Харченко В. (Екатеринбург) ОБРАЗ ЖИЗНИ РОССИЙСКИХ ФРИЛАНСЕРОВ: ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА	1247
Царева А.В. (Санкт-Петербург) Трансформация игровых смыслов в контексте информационного общества	1250
Чернышева Е.А. (Белгород) Информационно-коммуникативная культура в вузе: теоретические основы социологического анализа	1253
Чистякова М.А. (Курск) Становление целостной личности в условиях инновационного развития общества	1256
Шманцарь М.В. (Екатеринбург) Досуг в информационном обществе	1259
Секция 9. Интеграция высшего и среднего образования проблемы и перспективы.....	1262
Андреева А.В. (Санкт-Петербург) К вопросу о перспективах социальной интеграции высшего и среднего образования.....	1262
Артем О.Я. (Екатеринбург) Основные факторы профессиональной ориентации старшеклассников	1264
Афанасьева М.В., Добряк С.Ю. (Санкт-Петербург) Зарубежный опыт использования государственно-частного партнерства в сфере образования	1267
Бородина Л.Б. (Санкт-Петербург) Воспитание толерантности у школьников: формы взаимодействия семьи и школы	1270
Буланова М.Б. (Москва) Социальный портрет социолога- первокурсника	1271
Виноградова М.А. (Санкт-Петербург) Совершенствование компетенции инженера IT-сферы	1274
Волегов В.С. (Пермь) Профессиональное самоопределение студентов среднего и высшего профессионального образования	1277
Гегер С.А. (Санкт-Петербург) Экообразование молодых россиян...1280	
Григорьев В.Е. (Санкт-Петербург) Падение доверия к результатам социологии у студентов факультета социологии СПбГУ	1285
Демченко Т.С. (Москва) Гражданский контроль в системе высшего образования: актуальность исследования.....	1287
Дерюгин П.П., Куликова Е.А. (Санкт-Петербург) Интеллектуальный потенциал дипломированных специалистов старшего возраста и возможности его использования	1288

Елисеева Е.С. (Екатеринбург) Профессиональная культура преподавателей вузов и школ: проблемы современного российского образования	1291
Жукова Н.В. (Санкт-Петербург) Формирование профессиональных ориентаций старшеклассников	1294
Зарипов А.Я., Зарипов М.А. (Уфа) Непрерывное профессиональное образование как фактор формирования высококвалифицированного специалиста	1297
Зверева Т.Ф., Старосельская Е.А. (Санкт-Петербург) К вопросу преподавания социальных дисциплин в школе.	1300
Ильясова А. (Екатеринбург) Сущность и риски государственно-общественного управления в образовании	1303
Канаева Л.В. (Златоуст) Школа-вуз: проблема эффективной преемственности	1309
Каранец С.М. (Санкт-Петербург) Образ жизни человека в информационном обществе (на примере европейских стран ?Большой семерки?).....	1312
Каташинских В.С. (Екатеринбург) Научная деятельность студентов как фактор формирования ориентаций на обучение в магистратуре	1314
Ковалев И.В. (Санкт-Петербург) Университет в контексте Lifelong Learning: императивы институциональной трансформации	1320
Кравцова А.Г. (Красноярск) К вопросу об эмоциональной компетентности современного учителя	1322
Кутыкова И.В. (Санкт-Петербург) Познавательные и педагогические аспекты социологического опроса «проблема исторического сознания молодежи». Интерес современного школьника и студента к отечественной истории.....	1326
Летова С.О. (Санкт-Петербург) Современная российская школа как институт политической социализации.....	1328
Ливач Е.А. (Санкт-Петербург) Восприятие студентами некоторых характеристик поведения преподавателя	1330
Лязина Ю.А. (Уфа) Проблема формирования философского мышления современных студентов.....	1333
Макарова М.Н. (Ижевск) Современные модели интеграции уровней профессионального образования	1335
Михеева Л.Д., Домбровская Н.В. (Санкт-Петербург) Система профессионального технического образования в странах ЕС.....	1347

Овсянников В.Г. (Санкт-Петербург) Прикладное социологическое знание в подготовке профессиональных социологов	1350
Пашков М.В. (Санкт-Петербург) Реализация компетентностного подхода в образовательном процессе	1352
Перепечина Ю.С. (Екатеринбург) Подготовка старшеклассников к ЕГЭ: проблема выбора	1356
Петров А.Ю. (Екатеринбург) Школа и вуз в контексте формирования профессиональной элиты общества	1360
Петрушенко Т.К. (Санкт-Петербург) Совершенствование довузовской подготовки школьников, поступающих в вуз	1363
Пугач В.Ф. (Москва) Среднее и высшее образование в образовательных траекториях молодежи	1365
Реутова М.Н. (Белгород) Социальные технологии адаптации студентов-первокурсников к условиям образовательного пространства вуза	1367
Рузайкина А.В. (Санкт-Петербург) На пути от школы к университету: неформальные практики и оппортунистическое поведение вуза.	1371
Саганенко Г.И. (Санкт-Петербург) Авторские программы гуманистического образования. Опыт взаимодействия с учебными и иными структурами	1375
Самсонова Е.В. (Екатеринбург) Адаптационный потенциал студентов в вузе	1378
Самсонова Т.И. (Санкт-Петербург) Взаимодействие вуза и школы в системе профессиональной ориентации учащихся	1383
Селезнев Л.И. (Санкт-Петербург) Недостающее звено в российской системе школьного образования	1385
Серов А.П. (Санкт-Петербург) Гуманизация школьного образования как социокультурный фактор современности	1388
Смирнов А.К. (Санкт-Петербург) Новые идеи в преподавании химии в школе	1390
Солодова Г.С. (Новосибирск) Образовательная мотивация студентов технического вуза	1393
Сурова Н.Ю. (Саратов) Интеграция высшего образования: проблемы и перспективы	1396
Таскаева А.В. (Чита) Взаимодействие школ и вуза в условиях среднего города. (На примере Забайкальского государственного университета)	1397

Тулузакова М.В. (Балаково) Гендерные проблемы становления российского гражданского общества.....	1400
Фёдоров А.В. (Санкт-Петербург) Проблемы и возможности общего школьного образования детей-инвалидов Санкт-Петербурга.....	1402
Фрицлер Н.В. (Белгород) Компетентностный подход как путь повышения качества подготовки специалистов сферы туризма.	1405
Чухало В.В. (Астрахань) Экспериментальная модель школьного сетевого сообщества исследователей	1411
Шестакова Н.Н., Красавцева Е.И. (Санкт-Петербург) МОЛОДОЕ ПОКОЛЕНИЕ ? ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ОБЩЕСТВА?	1414
Ясюкова Л.А., Пискун О.Е. (Санкт-Петербург) Особенности первичной адаптации студентов к обучению в техническом вузе	1417

Секция 10. Социальные детерминанты здоровья

человека.....	1420
Арбитайло И.Я. (Тюмень) Предпосылки развития здравоохранения в современном Российском обществе	1422
Артамонова О.Е. (Великий Новгород) Гендерные особенности поведенческих стратегий в сфере здоровья.....	1425
Барг А.О., Лебедева-Несевря Н.А. (Пермь) К вопросу сочетанного воздействия социальных и внешнесредовых факторов риска на здоровье человека.....	1428
Башкирова Ю.В. (Великий Новгород) Тенденции изменения состояния здоровья студенческой молодежи.....	1431
Волкова Т.И. (Челябинск) ПРОБЛЕМА СТАРЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ И УВЕЛИЧЕНИЕ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ ЖИЗНИ: К ВОПРОСУ О ПОВЫШЕНИИ СТАБИЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВА.....	1434
Гергилов Р.Е. (Санкт-Петербург) Социология умирания и смерти (танатосоциология)	1437
Гордеева С.С. (Пермь) Социально- демографические и социально- структурные факторы потребления алкоголя (по результатам исследования в Пермском крае).....	1437
Злотникова Л.М. (Гомель, республика Беларусь) СОЦИОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ: ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО ЗНАНИЯ О ЧЕЛОВЕКЕ.....	1440
Иванова Л.Ю. (Москва) Состояние окружающей среды и здоровье (результаты опроса студентов)	1443

Ивахненко Г.А. (Москва) Социальные аспекты здоровья мигрантов	1446
Казakov С.В. (Санкт-Петербург) Оценка населением введения наркотестов в образовательных учреждениях (школах и вузах)	1449
Карачева Т.В. (Усть-Каменогорск, Казахстан) Анализ потребности в услугах проживания и ухода для лиц пожилого возраста и инвалидов в Казахстане	1452
Кистенёва О.А., Кистенёв В.В. (Белгород) Исторический экскурс в проблему полиморбидности	1458
Ковалева Е.О. (Тверь) Здоровье молодежи как общественная ценность	1461
Колпина Л.В., Артеменко О.И. (Белгород) СОЦИАЛЬНОЕ ЗДОРОВЬЕ КАК ВЕКТОР РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ.....	1465
Копытов Д.Ю. (Санкт-Петербург) «Здоровье в контексте жизненных ценностей: осмысление интервью пожилых людей»	1467
Лебедева-Несевря Н.А., Барг А.О. (Пермь) Безответственное медицинское поведение как фактор риска ухудшения здоровья населения.....	1475
Михалева А.В. (Санкт-Петербург) Старение населения: социально-биологические аспекты здоровья и долголетия.....	1482
Намруева Л.В., Муева Н.М. (Элиста) самосохранительное поведение молодежи (по итогам опросов)	1485
Некрасова Е.В. (Санкт-Петербург) Социальное здоровье молодежи как перспективное направление исследования в социологии здоровья	1489
Николаева Н.Г. (Санкт-Петербург) Психосоциальные аспекты качества жизни онкологических больных	1492
Нилов В.М. (Петрозаводск) ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ ЗДОРОВЬЕМ: ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОЙ ПАРАДИГМЫ.....	1493
Нусхаева Б.Б. (Элиста) О состоянии здоровья детей Республики Калмыкия.....	1495
Озерова О.В. (Санкт-Петербург) Тренды женского курения в современной России: 1994-2009 гг.	1498
Орешенкова Н.Э. (Санкт-Петербург) Социально-медицинские проблемы детей с редкими генетическими заболеваниями	1501

Павленко Е.В. (Екатеринбург) Использование коммуникативных возможностей сети Интернет в условиях формирования ценностного отношения молодежи к своему здоровью	1504
Панова Л.В. (Санкт-Петербург) Многоуровневая методология в исследования индивидуального здоровья.....	1508
Прохода В.А. (Москва) Употребление табака в молодежной среде.	1511
Пшеничных Л.А., Шальнева Ю.Ю. (Белгород) коррекционно-развивающая среда специального (коррекционного) образовательного учреждения	1514
Радькова Е.А. (Санкт-Петербург) Современное состояние эффективности реализации программ реабилитации инвалидов в Российской Федерации	1515
Романенко В.В., Бородинкина О.И. (Санкт-Петербург) Развитие доступной профессиональной образовательной среды для лиц с ограниченными возможностями в Санкт-Петербурге.....	1518
Русинова Н.Л., Сафронов В.В. (Санкт-Петербург) Тенденции социальной стратификации здоровья российского населения в 1990-е и 2000-е гг.: значение индивидуальных и социальных факторов	1521
Сергеева Н.И. (Санкт-Петербург) Профилактика проблем здоровья у подростков путём развития их социальной компетентности	1524
Стеценко А.И., Верещкая А.И., Довейко А.Б. (Воронеж) ПОВСЕДНЕВНОЕ ПИТАНИЕ СТУДЕНТОВ УНИВЕРСИТЕТА КАК ОСНОВА ВОЗМОЖНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ОРГАНИЗАЦИЕЙ ПИТАНИЯ	1530
Сушлова Т.И., Фирсова Л.В. (Томск) Социальные проблемы здоровья сквозь призму инклюзивного образования.	1534
Сухова Е.Н. (Нижний Новгород) Ценностные установки будущих врачей: ориентация на профессионализм и признание.	1537
Фионик Ю.А. (Санкт-Петербург) Социальное обслуживание семей, затронутых проблемами ВИЧ-инфекции в Санкт-Петербурге....	1542
Фобьянчук А.А. (Москва) Гигиена жизненного ритма - основной фактор социального здоровья.	1543
Хабибулина В.М. (Санкт-Петербург) Самосохранительное поведение подростков на примере табакокурения: «понять» социологически - «познать» комплексно.	1545
Цыплакова О.Г. (Санкт-Петербург) Детерминанты социального здоровья в современном научном дискурсе	1549

Черепанова М. (Барнаул) Социальные детерминанты суицидальных рисков населения Сибирского Федерального округа (на примере социологического исследования).....	1552
Чернова Г.И., Радькова Е.А., Свинцов А.А. (Санкт-Петербург) Эффективность реабилитации пострадавших в результате несчастных случаев на производстве и профзаболеваний в Российской Федерации как фактор устойчивого социального развития.....	1553
Чернякина Т.С., Шестаков В.П., Свинцов А.Н. (Санкт-Петербург) Социологический анализ мотивации и профориентации подростков инвалидов на труд	1556
Шрага М.Х., Кудря Л.И. (Архангельск) Социальное здоровье и компетенции студентов Института физической культуры, спорта, здоровья САФУ им. М.В. Ломоносова	1559
Секция 11. Социология и экономика питания	1566
Афанасьева И. (Санкт-Петербург) Проблема собственности на землю, как средство производства продуктов питания	1566
Басова Т.В., Таранова О.А. (Санкт-Петербург) Зависимость здоровья детей и подростков от качества их питания в семье. (на примере г. Санкт-Петербурга)	1568
Баханов А.Г. (Минск, Республика Беларусь) Динамика демонстративного потребления в еде	1571
Беляева О.С. (Череповец) Демонстративное потребление в еде.	1573
Ганин Е.А. (Казань) Табуирование алкоголизации в российском обществе как социокультурная технология улучшения здоровья нации	1577
Егорова М.В. (Челябинск) Питание учащихся дореволюционного Урала	1579
Зиброва Г.П. (Санкт-Петербург) Социально-экономические проблемы питания в условиях современного общества	1582
Казанцева А.А. (Тюмень) Питание и здоровье российского общества (на примере школьников г. Тюмени).....	1585
Капусткина Е.В. (Санкт-Петербург) Правильное питание: социальные аспекты	1587
Карпетян Р.В. (Санкт-Петербург) Пища для пролетариата	1589
Малинина Т.Б. (Санкт-Петербург) Потребление населением продуктов питания и потребительная сила общества.	1592
Никифорова О.А. (Санкт-Петербург) Потребительская корзина петербуржцев: региональные особенности	1595

Петров А.В. (Санкт-Петербург) Современный продовольственный кризис и глобальные проблемы обеспечения продуктами питания	1596
Попсуева А.А. (Санкт-Петербург) Демонстративное потребление фермерских продуктов питания в современном российском обществе	1599
Редя Г.П. (Пенза) Социально-психологические особенности женщин с проблемами веса	1603
Синютин М.В. (Санкт-Петербург) Положено - ешь, не положено - не ешь: социальное принуждение в питании.	1606
Смелова А.А. (Санкт-Петербург) Рынок коньяка: конструирование социальной ценности и цены	1606
Тарандо Е.Е. (Санкт-Петербург) Правильное питание как фактор формирования трудового потенциала	1610
Хасаншина М.В. (Чита) университетская столовая глазами студентов	1612
Щепинова Н.А. (Жигулевск) Качественное питание в обществе потребления	1613
Секция 12. Проблемы социологии глазами студентов	1626
Антонов А.А., Пашин Л.А., Проказина Н.В. (Орел) Концептуальные подходы к изучению электорального поведения	1627
Антонова П.Л. (Орел) Теоретические подходы к изучению отечественной бюрократии	1630
Ахматгалиева А.И. (Уфа) Социальные технологии развития научного потенциала молодежи	1632
Банзаракцаева Т.Б. (Санкт-Петербург) Идеология как предмет изучения социологии политики	1636
Блохин А.А. (Санкт-Петербург) Возможные тенденции развития социологии в ближайшем будущем	1638
Ворожбитова А.В. (Санкт-Петербург) Самореализация молодежи в современных российских условиях	1640
Габдулина Г.К., Андреева А.А. (Саратов) Досуг как фактор социализации современной молодежи	1644
Головнева А.В. (Гродно, Республика Беларусь) социологический анализ образа писателя в литературе	1646
Дуплинская А.В. (Санкт-Петербург) Страх как социальный феномен	1650

Евсикова Е.В. (Санкт-Петербург) Социологический анализ самообразования	1652
Евсюкова А.В. (Белгород) Социальная политика как фактор повышения качества жизни населения	1654
Зими́на Ю.В. (Курск) Отношение курских студентов к представителям студенчества из стран дальнего зарубежья.....	1656
Иванова Е.А. (Санкт-Петербург) Семья и брак: тенденции изменения в постсоветской России	1659
Ильиных Е.С. (Барнаул) Профилактика риска суицидального поведения у воспитанников детского дома №6 г. Барнаула.....	1661
Касабуцкая М.С. (Санкт-Петербург) Международный бизнес в контексте глобализации	1664
Коваленко К.А. (Санкт-Петербург) Организационная культура компании: феномен сопротивления изменениям	1668
Кузьминых К. (Санкт-Петербург) Российская экономическая социология сегодня: кто, как и почему?	1670
Лобанова М.И., Сторожева С.П. (Новосибирск) Профессиональные ожидания студентов-социологов	1673
Михайлик Я.В. (Санкт-Петербург) Социальная ответственность российского бизнеса: миф или реальность?	1675
Николаенко Г.А. (Санкт-Петербург) Неформальные платежи в государственной системе здравоохранения.....	1678
Окишева Т.С. (Санкт-Петербург) Интеллектуальная организация «Социологическая школа»	1679
Первушина Е.В. (Санкт-Петербург) Религиозная идентичность в сознании молодежи	1681
Петухова И.С. (Петрозаводск) Социальная адаптация детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в городе Петрозаводске	1684
Попова М.А. (Санкт-Петербург) Креативные пространства как новая многофункциональная площадка для досуга молодежи. (на примере креативных пространств г.Санкт-Петербурга)	1687
Сапрыкина Т.П., Миронова М. В. (Екатеринбург) ПРИМЕНЕНИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ МЕТОДОВ В ИССЛЕДОВАНИИ ЛИЦ, ОСУЖДЁННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ.....	1695
Сеничева А.А. (Санкт-Петербург) Этнические стереотипные представления испанских студентов о русских людях.....	1698
Смирнов Р.Г. (Саратов) Общество потребления: социально- экономические аспекты.....	1702

Стримовская П.И. (Санкт-Петербург) роль социальной сети в международном студенческом сообществе как фактора формирования и зарождения коммуникации.....	1705
Суханова А.Ю. (Тольятти) Мотивы благотворительной деятельности предпринимателей.....	1708
Сычева А.В. (Тула) Добровольческая активность тульской молодежи в современных условиях развития общества.....	1710
Типикина Ю.А. (Санкт-Петербург) Жизненные стратегии курсантов на период окончания действия контракта	1714
Токарева Е.С., Каменский Е.Г. (Курск) Проблема профессиональных рисков молодежи.....	1717
Федюкина К.А., Труфанов Д.О. (Красноярск) Троллинг в представлении студенческой молодежи - активных интернет-пользователей.....	1720
Финашина М.Д. (Санкт-Петербург) Механизмы социокультурной адаптации студентов-участников программы международного студенческого обмена «Work and Travel».....	1723
Хохлов Э.В. (Петрозаводск) Подростки Карелии на рынке труда: кейс-стади МУ «ЦСЗМ».....	1726
Чернова А.В. (Санкт-Петербург) Религиозная культура как транслятор духовных ценностей молодежи: основные аспекты исследования.	1727
Чернышева Л.С. (Санкт-Петербург) О взаимосвязи корпоративной культуры студенческой организации и мотивации ее участников	1730
Черняев М.В., Шишкин Е.В., Злобина В.М., Шишкина Е.О. (Челябинск) Опрос в социальных сетях как актуальный метод социологического исследования	1733
Шушурин И.Н. (Новосибирск) Формирование жизненных стратегий современных школьников.....	1735
Щекина И.В. (Петрозаводск) Проблема оценки эффективности деятельности учреждения социального обслуживания населения	1737
Яцук А.В. (Санкт-Петербург) Конструирование идентичности через изменение параметров тела.....	1740

Секция 1. Социальная реальность в теориях интерпретативной социологии

СОВРЕМЕННАЯ СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ СКВОЗЬ ПРИЗМУ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ РОМАНОВ А.А. ЗИНОВЬЕВА

Адрова И.С. (Санкт-Петербург)

Современное состояние цивилизации, перспективы развития общества – вопросы, которые являлись актуальными во все времена. Многие футурологи спорят на тему будущего России и мира, выдвигают различные прогнозы. Зиновьев к футурологам себя не причислял, даже относился к этой категории учёных скептически: «Тут что ни фраза, то несусветная чушь» [3, 310]. Он утверждал, что прогнозы должны основываться на правилах логики и методологии науки [3, 309]. Все научные пророчества, которые Александр Зиновьев начал формировать с середины 70-х годов XX века сбылись. Это даёт основание смело утверждать, что им создан надёжный прогностический аппарат и пришло время прислушаться к тому, о чем писал и говорил этот прозорливый ученый. Зиновьев выработал свой подход к осмыслению социальной системы общества и описал его в ряде социологических романов: «Логическая социология», «Русская трагедия (гибель утопии)», «На пути к сверхобществу» и др. Для изучения современных социумов им вводится собственный понятийно-категориальный аппарат: «человейник», «предобщество – общество - сверхобщество». Привычное для нас понятие «общество» (как совокупность людей, объединенных схожим образом жизни, территорией) он заменяет на «человейник» (по аналогии со словом «муравейник»), в свою очередь понятию «общество» придавая более широкое значение. Человейник - это организованное объединение людей. Для формирования человејника необходимо участие различных факторов, среди которых - власть и управление, сфера хозяйственной деятельности, сфера религии, идеологии и др. Человейник в процессе своей эволюции проходит три стадии: предобщество, общество и сверхобщество, т.е. микро, макро и суперуровень социальной

организации. Предобщество соответствует родовому строю первобытной формации; общество – государственно-цивилизационным формам жизни (рабовладельческой, феодальной и капиталистической формациям) [2]. Переход от эпохи обществ к эпохе сверхобществ Зиновьев называет великим эволюционным переломом [2, 112]. Сверхобщества представляют собой своего рода продолжение или «надстройку» над обществом и характеризуются сверхгосударственностью, сверхэкономикой и сверхидеологией. Мировоустройство на стадии сверхобществ переходит из естественно-исторической фазы в плано-управляемую, а эволюционный процесс становится результатом сознательной, продуманной политики. В отличие от предыдущих стадий, которые представляли собой множество человеческих объединений, миры человеичков, на стадии сверхобщества складывается единый глобальный человеичник [2]. В современной научной литературе это явление принято называть глобализацией. Зиновьев выделяет две модели перехода к сверхобществу: коммунистическую и западную. По мнению ученого, классическим образцом нового типа общества был Советский Союз. В СССР можно было очевидным образом наблюдать явления, выходящие за рамки социальной организации общества. Это, во-первых, разделение системы власти и управления на государственную, хозяйственную и партийную, причем партийная власть выступала как сверхвласть по отношению к власти хозяйственной и государственной, не будучи легитимной (она осуществляла власть над человеичником, распоряжаясь легитимной властью советов). Во-вторых, в сфере хозяйства прослеживались такие явления, как тотальное планирование, командные методы, политика ценообразования и т.д., что вело к формированию сверхэкономики. В-третьих, был создан механизм сверхидеологии, осуществлявший тотальный контроль за всеми явлениями менталитетного аспекта человеичника [5]. Однако в результате антикоммунистического переворота в горбачевско-ельцинские годы в России была разрушена советская социальная организация. Советский строй «просуществовал более семидесяти лет, но так и сошел с исторической арены, будучи непонятым в качестве сверхобщества» [5]. В последующие годы сверхобщество устанавливается как господство западных государств во главе с США. Наблюдается процесс интеграции стран западного мира в единое глобальное сверхобщество [3]. «С возникновением

глобального сверхобщества произошел перелом в самом типе эволюционного процесса: степень и масштабы сознательности исторических событий достигли такого уровня, что стихийный эволюционный процесс уступил место проектируемой и управляемой эволюции» [5]. В реальности под интеграцией государств можно понимать покорение незападных государств западным миром. При этом происходит навязывание социального строя, экономики, политической системы, идеологии, культуры и образа жизни. Прогрессирует явление, названное Зиновьевым западнизацией общества. Россия также стала двигаться в направлении западнизации, теряя свою суверенность и превращаясь, по словам Зиновьева, в придаток Запада [1, 514]. Реформы в сфере экономики разделили население на грабителей и награбленных, вместо сильной советской идеологии, основанной на чувстве патриотизма, нам навязывается американская идея сплочения «перед лицом мирового терроризма» [1, 520]. Каково будущее России в этом глобальном порабощении? В своем последнем социологическом романе «Русская трагедия (гибель утопии)» А. Зиновьев даёт пессимистичный прогноз, с горечью говорит об утрате советского проекта [4]. «Выражения «глобализация», «западнизация» и «американизация» фиксируют фактически различные аспекты одного и того же процесса эволюции человечества, начавшегося во второй половине 20-го века. Этот процесс ещё только начался. Им будет заполнена вся история человечества в 21 веке» [5]. Россия однозначно эволюционирует, впитывая идеологию Запада, сохраняя черты коммунизма и возрождая национальный русский фундаментализм. В последние годы в российском общественном сознании проявляются черты здорового консерватизма, происходит постепенный возврат к традиционным ценностям. Возможно, это убережет современное российское общество от слепого подражания западному образу жизни.

Литература

1. Зиновьев А.А. «Несостоявшийся проект (сборник)». М.: АСТ, 2009. – 544с.
2. Зиновьев А.А. Логическая социология. М.: Социум, 2002. – 206с. <http://www.zinoviev.ru/rus/text2logic.pdf>
3. Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. <http://www.zinoviev.ru/rus/textsverch.pdf>
4. Зиновьев А.А. Русская трагедия (гибель утопии). <http://www.zinoviev.ru/ru/zinoviev/zinoviev-tragedia.pdf>
5. Зиновьев А.А. Статья «Глобальное сверхобщество и Россия». <http://avkrasn.ru/article-216.html>

О МЕСТЕ ТЕОРИЙ ИНТЕРПРЕТАТИВНОЙ СОЦИОЛОГИИ В СТРУКТУРЕ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

Асочаков Ю.В. (Санкт-Петербург)

Для теоретической социологии характерно наличие в этом «знании» целого ряда теорий, принципиально отличающимися друг от друга по способу понимания своего предмета, методологией и языком. Для определения места интерпретативной социологии в теоретическом поле социологии необходимо ответить на вопрос, каковы отношения между теориями его образующими, как они получают статус «знания» и определенное место в том символическом пространстве, которое называется наукой. Чтобы иметь какие-то основания говорить о «месте», нужно предложить какое-то структурное описание этого поля (что при определенной логической некорректности, весьма уместно в вопросе о «месте»). Организуют ли существующие социологические теории какой-то порядок, который возможно описать как структуру? В поисках ответа на этот вопрос мы должны первую очередь мы по-новому представить взаимоотношение различных социологических теорий, которые в рамках классической эпистемологии выглядят абстрактными оппозициями, существование которых загадочно и, с точки зрения практических нужд существования научной дисциплины, нежелательно. (Этот традиционное понимание ситуации в теоретической социологии выражается в настойчивом стремлении сформулировать и утвердить некую «общую теорию», существование которой вывело бы оппозиционные теоретические варианты за рамки науки.) Можно наметить определенные

принципы получения некоторых представлений о том, как теории, существующие в рамках социальной науки, образуют некую структуру, т.е. устойчивое «объективное» отношения и получить некоторое представление о том, как выглядит это символическое пространство. Мы определенно можем интерпретировать ситуацию в современной теоретической социологии не как теоретический хаос, сложившийся стихийно в отсутствии некоей предполагаемой «общей» теории, а как некий порядок, который позволяет современной социологии и ее научному сообществу не только благополучно существовать, но и довольно активно развиваться, хотя в основном и экстенсивно. Достаточно долго основным способом понимания ситуации в социологической теории был способ, основанный на концепции мультипарадигмальности. Объяснение наличия целого набора парадигм в современной социологической теории основано на предположении существования имманентной логики предмета, которую невозможно описать в рамках одного теоретического подхода, поэтому их существует некоторое количество, каждый из которых специализируется на определенном аспекте или тенденции существования предмета. Специализация определяет и сам вид, то есть основные понятия (язык), и базовые представления о характере исследуемой реальности (фундаментальный закон) той теории, которая лежит в основе данной парадигмы. Сам набор парадигм и образованный ими порядок, как он описывается в различных концепциях мультипарадигмальности (помимо основного, наиболее простого выделения двух парадигм – макро и микро - возможны различные варианты описания этого порядка), определен этой имманентной логикой предмета, поэтому теории не противоречат друг другу, не конкурируют между собой, а находятся в отношении дополнительности. Понимание ситуации в теоретической социологии как ситуации мультипарадигмальности, откладывает, но не решает вопрос о структуре теоретической социологии, поскольку реальная практика использования набора теоретических парадигм как своего рода склада, куда исследователь, как предполагает концепции мультипарадигмальности, обращается и отбирает теоретический инструментарий, соответствующий своим исследовательским задачам, протекает несколько иначе. Вместе с тем активно обсуждаются возможности интеграции социального знания если не в рамках какой-то новой общей теории, то в рамках новой системы представлений о социальной реальности, образующую какую-то новую парадигму, новый теоретический порядок. Если учесть, что социальное знание есть специфическая

часть самого социального процесса, то понимание практического смысла, а чисто теоретического, порядка, или структуры, образуемой социологическими теориями, место среди которых предполагается определить для интерпретативных теорий, связанное с вопросом о легитимности социологической теории, позволит нам получить более реалистическую картину. Вопрос о практическом порядке связан с вопросом о легитимации социального знания, представляемого социологическими теориями. Легитимность социологического теоретического знания обеспечивается не путем логического обоснования ее системы категорий, а наличием соответствующей (отнесенной) ей структуры смыслов и значений, объективированной в повседневных практиках. В теориях, которые образуют специализированные системы знания, социальные объекты получают название, описание связи этих объектов предлагает объяснительные схемы социального мира для индивида, действующего в мире повседневности, т.е. определение, что есть реальность повседневного мира. Знание конечного смысла реальности («большой нарратив») принадлежит сообществу экспертов, и говорить о ней обладают монопольным правом только они. В простых, предполагающих высокую степень стабильности обществах такая институционализированная монополия на определение реальности была не только возможна, но и желательна, так как служит фактором социально-структурной стабильности. Их официальный символический универсум был достаточно устойчив к появлению ересей (альтернативных символических универсумов), подавляя их через «терапию и отрицание». Однако такого рода институализация знания, кроме возникновения «чистой» теории, имеет еще одно следствие: институты склонны сохраняться даже тогда, когда они становятся «проблематичными». Сообщество экспертов будет стремиться к сохранению принятого, официального символического универсума даже в том случае, когда он утратит социально-структурное основание. Современное сложноорганизованное общество для того, чтобы быть стабильным, должно обладать высокой структурной пластичностью и мобильностью, что не только обеспечивает возможность существования альтернативных версий символического универсума, а создает потребность в существовании таковых. Сам проект создания социологии как новой социальной науки предполагал строить ее как некую альтернативную версию определения социальной реальности, которой как таковой еще не существует. Ее дальнейшее развитие так же связано с наличием в ее теории разных, несоединимых в рамках какой-то одной парадигмы,

теоретический тенденций. Для успешного существования современного общества необходима мобильность, постоянная готовность переосмыслить протекающие в нем процессы, в качестве двух основных социальных теорий должна иметь систему консервативную, нацеленную на поддержания существующего порядка вещей, и систему критическую, предлагающую социальные альтернативы. В теоретическом поле социологии это выражено в наличии двух типов по разному ориентированных теорий – теорий, предполагающих описание объективных структур, определяющих действия индивидов и теорий, ориентированных на описание действия индивидов. Их отношение и организует то, что можно назвать структурой теоретического поля социологии. Любая структура выражает отношения власти, поэтому может быть описана как иерархическая система. В нашем случае мы можем указать на то, что доминирующий центр теоретического поля социологии занят теориями первого типа, а периферийная субдоминанта теориями второго. Интерпретативные теории, относящиеся ко второму типу теорий, находятся вне доминантного центра. Их растущее влияние связано с тем, что уже указанные свойства современного общества (пластичность/мобильность, сложность/фрагментарность), делают противоположность центра и периферии поля современной теоретической социологии настолько неопределенной, что она вообще может восприниматься как латентная.

ДЕКОМПОЗИЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ И ПРЕДЕЛЫ ПОНИМАЮЩЕЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Баранец С.Н. (Гатчина)

Известно, что если бы сущность и явление совпадали, всякая наука была бы излишней. Отсутствие совпадения не может автоматически провоцировать искушение к познанию и позыв ощутить радость от обнаружения адекватной интерпретации. Явленная сущность частична и неполна, и достройка ее до целостности осуществляется на долгом и трудном пути развития познания, в том числе и социального, порой без всякой радости, но почти всегда и без повода горевать о несбыточном: познание есть ценность сама по себе, а социальное познание способно продвинуть соционавта, нагруженного социальным капиталом и способного выплыть в общественных обстоятельствах благодаря капитальной социализации компетенций, на пути из социологического и

социологики в социологи. Важность научения правилам и приемам понимающей интерпретации происходящего с тобой так, как будто это происходящее имеет такой же вес и смысл для твоего сообщества и действующих как объективная реальность социальных обстоятельств, как и для тебя самого, переоценить весьма трудно, однако знание такого рода есть знание практическое, получаемое в процессе делания собственной истории на основе полученного наследства и ради так или иначе понятого предназначения. Нащупать существенное звено и связку в паутине взаимозависимостей для понимания устройства созданных ранее и застигнутых здесь и сейчас набора социальных обстоятельств и соответствующих им возможностей – одна их чаемых радостей, извлекаемых исследователем в процессе осуществления им социального познания в качестве нравственного долга и смысла существования. Однако трудно представить себе постоянство успеха в такого рода поиске: изменение реальности имеет место ранее всякого упреждающего знания об этом изменения и всякий раз в непредсказуемой форме. Для получения подтверждений практической приложимости его знаний социологу требуется всякий раз ввергать себя или внедряться в изучаемый пласт реальности, поскольку поручать это дело даже вполне доверенным лицам из состава управляющих принятием решений или властных элит зачастую означает скомпрометировать его конъюнктурной подстановкой задач. Настоящая власть редко занимается рефлексией относительно своих моральных интенций или принципов: даже временное выведение ее из состояния стойкой амнезии в отношении принципов научного управления обществом сегодня можно рассматривать как крупный успех. Однако власть быстро деградирует в условиях заимствования ценностных императивов, несвойственных жизненным установкам большинства тех, кто позволяет считать себя подвластными. Способность власти к выживанию находится в сложной, но, по моему мнению, явной зависимости от уровня теоретической обоснованности и характера адекватности интерпретаций происходящего в ней, с нею, вокруг нее и по ее, власти, поводу. Этот существенный факт дает надежду всякому, кто способен вообразить себя общественным деятелем, ответственным за судьбу страны, в том, что рано или поздно «топографическое» исследование общества будет совмещено с социальной «томографией», так, что основные социальные взаимосвязи, открытые в процессе диверсификационной декомпозиции социальных систем, будут поняты как способные к генеративному синтезу

идеальных объектов, отражающих то в реальности социума, что важно и ценно для его дальнейшей судьбы. Однако парадоксы знания, в том числе и социологического, необоримы: интерпретирующее понимание социальных явлений и процессов связывает то, что не обнаруживается как связанное при непосредственном наблюдении, однако убежденности в том, что полученные данные о существенных свойствах избранного для изучения социального объекта предметны и соответствуют при этом идеалам и нормам научного исследования, нет никогда и не может быть, по правде говоря, ни у кого.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТИП РЕСПОНДЕНТА КАК КЛЮЧ К ПОНИМАНИЮ ЕГО ОТВЕТОВ (ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ)

Басимов М.М. (Курган)

Позитивистская (научная) социология сфокусирована на действиях людей, усматривает объективную реальность «вовне», склоняется в сторону количественных данных (числовых измерений социального поведения). При этом сохраняется отстраненность ученых, проводящих измерения. Интерпретативная социология сфокусирована на том смысле, который люди придают поведению (люди сами конструируют реальность в течении своей жизни), предпочитает качественные данные (восприятия исследователей, касающиеся того, как люди понимают окружающий мир). Исследователи общаются с людьми, выясняя, каким смыслом те наполняют свою повседневную жизнь. В формулировке данных подходов в очередной раз видим противопоставление количественных и качественных методов. Хотя в этом нет необходимости. В случае интерпретативной социологии под качественным исследованием мы по существу понимаем «субъект-субъектные» восприятия респондентов (объекты исследования) и исследователей. И те, и другие в каждом конкретном случае – это персональный психологический портрет. И возникает две задачи: 1. Как люди (респонденты) оценивают реальность в зависимости от своих психологических особенностей. 2. Как исследователи (субъективно) воспринимают понимание окружающего мира другими людьми (респондентами) в зависимости от своих психологических особенностей. Таким образом, «качественность» метода – это скорее всего его «субъективность», которая может изучаться содержательно

количественными методами для различных типологических «субъект-субъектных» взаимодействий, реализующих количественно содержание так называемого «качественного исследования», когда исследование проводится в рамках единичного «субъект-субъектного» взаимодействия, и субъекты никак не заданы, кроме того, что один – это исследователь, а другой – респондент. Мы рассмотрим первую задачу (исследователей пока рассматривать не будем), как традиционный научный подход с использованием наших статистических методов [1,3] выявляет психологические особенности групп респондентов так или иначе ответивших на вопрос социологической анкеты с номинальными вопросами. Для иллюстрации предлагаемого метода нами использованы данные, полученные в рамках исследования по изучению процесса профессионального самоопределения студентов. В исследовании одновременно использовались как социологическая анкета, так и психологические тесты. Мы подробно остановимся на описании групп студентов, ответивших так или иначе на вопрос: «Основные мотивы поступления в учебное заведение» (17 ответов) в рамках личностной типологии по методике Дж.Олдхема и Морриса, определяющей «Тип личности» и «Вероятностные расстройства» данного типа. В предлагаемой методике представлены 14 категорий типов личности. Персональный тип – это неповторимая смесь 14 типов. Все четырнадцать стилей нормальны и универсальны, и хотя любая личность имеет сильные и слабые стороны, нет ничего ненормального в доминировании одного типа или недостатке другого. «Персональный Автопортрет» – это иллюстрация богатства и многообразия отличий среди всех нас. Ниже перечислены 14 типов и соответствующих им расстройств (в скобках): № Тип личности и соответствующих им расстройств. Сокращенное обозначение 1 Тип (А) Бдительный (Параноидальный) TL-A 2 Тип (В) Отшельник (Шизоид) TL-B 3 Тип (С) Идеосинкратический (Шизопатия) TL-C 4 Тип (D) Авантюрный (Антисоциальный) TL-D 5 Тип (Е) Деятельный (Активность на грани срыва) TL-E 6 Тип (F) Драматический (Неестественное актерство) TL-F 7 Тип (G) Самоуверенный (Нарциссизм) TL-G 8 Тип (H) Чувствительный (Уклонение) TL-H 9 Тип (I) Преданный (Зависимый) TL-I 10 Тип (J) Добросовестный (Навязчиво-принудительный) TL-J 11 Тип (K) Праздный (Пассивно-агрессивный) TL-K 12 Тип (L) Агрессивный (Садист) TL-L 13 Тип (M) Альтруистический (Самоуничижение) TL-M 14 Тип (N) Серьезный (Депрессивный) TL-N Всего в задаче рассматривалось четыре вопроса с номинальными ответами социологической анкеты,

которые использовались для построения групп, сравниваемых в дальнейшем по психологическим параметрам личностного теста (в задаче, результаты которой мы приводим, использовались и другие интервальные данные – результаты ответов на анкеты и опросники). Следующие мотивы поступления в учебное заведение в рамках методики «Тип личности» не отличаются преобладанием того или иного типа в рамках изучаемой типологии: «Реализация способностей, наклонностей» (ответ 1); «Желание получить профессию» (ответ 3); «Маленький конкурс или его отсутствие» (ответ 4); «Расширение возможностей трудоустройства после обучения» (ответ 6); «Имелись бюджетные места» (ответ 7); «Возможность в будущем заниматься интеллектуальным трудом» (ответ 10); «Небольшая стоимость обучения в этом учебном заведении» (ответ 13). Сравнительные психогаммы этих групп не отличаются богатством проявления изучаемых параметров (сравнительные весомости параметров меньше по модулю 200) и их мы не будем приводить. Другие мотивы поступления в учебное заведение определяют специфические черты респондентов, которых охарактеризуем в рамках методики «Тип личности». Мотив «Способ временного «спасения» от службы в армии» (ответ 2) в психологическом плане выявляет прежде всего Праздный (K) тип (+660), отчасти Агрессивный (L) тип (+282). Сравнительная психогамма группы: Компонента типа личности Сравнительная весомость TL-K 660 TL-L 282 TL-J 131 TL-M 119 TL-D 62 TL-N 46 TL-C 44 TL-H 38 TL-E 33 TL-F 31 TL-B 18 TL-G 1 TL-A -6 TL-I -9 Мотив «Престиж учебы в этом учебном заведении» (ответ 5) в психологическом плане выявляет прежде всего Агрессивный (L) тип (+310); в меньшей степени Авантюрный (D) тип (+200). Мотив «Уникальность специальности, которую предлагает данное учебное заведение» (ответ 8) в психологическом плане выявляет Драматический (F) тип (+312), но одновременно не идеосинкратический (не C) тип (-238). Мотив «Учебное заведение находилось рядом с домом» (ответ 11) в психологическом плане выявляет со знаком «-» прежде всего Идеосинкратический (C) тип (-569) и Деятельный (E) тип (-565); в меньшей степени Самоуверенный (G) тип (-244) и Альтруистический (M) тип (-214). Таким образом, это неидеосинкратический, недеятельный, несамоуверенный и неальтруистический тип. Мотив «Некуда было идти после школы» (ответ 15) в психологическом плане выявляет со знаком «-» Добросовестный (J) тип (-477), т.е. обладателям данного мотива свойственна недобросовестность. Отдельно можно отметить тех, кто

затруднился дать ответ на этот вопрос (ответ 16), которых в рамках рассматриваемой типологии личности можно охарактеризовать как Праздный (К) тип (+983), и в значительно меньшей степени как Преданный (I) тип (+220). Большинство номинальных ответов анкеты (18 из 32) выбирают представители определенных ярко выраженных психологических типов. Значит, психологический тип определяет (порождает) тот или иной мотив профессионального самоопределения студента вне зависимости от специальности. А ответы на вопросы социологической анкеты становятся содержательно понятными, когда они дополнительно высвечиваются психологически. Вебер считал, что ключ к интерпретативной социологии заключен в немецком слове *Verstehen*, которое означает «понимание», ведь задача ее последователей не только наблюдать за людьми, но и войти в их понимание смысла мира, чтобы оценить, почему они поступают именно так, а не иначе. Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 12-03-00594-а

Литература

1. Басимов М.М. Изучение статистических связей в психологических исследованиях: Монография. – Москва: Из-во Московского психолого-социального института, 2008. – 432 с.
2. Basimov M.M. Mathematical methods in psychological research (Nontraditional methods). Monograph. – Germany, Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 185p.
3. Басимов М.М. Множественное сравнение в социологических исследованиях: Монография. Курган: Курганский государственный университет, 2012. – 224 с.
4. Басимов М.М. Нелинейная социология: Монография. – Курган: Курганский государственный университет, 2012. – 120 с.

СОЦИАЛЬНАЯ ВИЗУАЛИСТИКА КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ ИНТЕРПРЕТАТИВНАЯ ДИСЦИПЛИНА

Батаева Е.В. (Харьков, Украина)

Социальная визуалистика - достаточно новая дисциплина, занимающаяся изучением видимых эффектов социальной жизни, зримых форм социального взаимодействия. Предметом анализа социальной визуалистики может быть масс-медийная образность (изучаемая в социальной иконографии [1, с.138]), Интернет-

визуальность (исследуемая в кибер-визуалистике, которую следует отличать от цифровой визуалистики: если цифровая визуалистика занимается анализом и обработкой цифровых компьютерных изображений и является подвидом компьютерных наук, то кибер-визуалистика является социальной наукой, изучающей феномены визуализации социальных контактов между кибер-актерами). Социальная визуалистика может развиваться в разных направлениях, иконографическом, феноменологическом, семиотическом, герменевтическом; она может иметь теоретическое и практическое, социологическое, философское и филологическое «разрешение». В любом случае ее предназначением становится понимание и интерпретация социальных процессов, видимым проявлением которых становятся социальные образы и визуальные знаки масс-медиа. Социальная визуалистика интересуется визуальными социальными практиками. Визуальные практики современного общества реализуются прежде всего в медийном измерении, – измерении телевидения, Интернета, рекламы, моды, прессы, – которые отныне, задают тон современной социальности. Соответственно, понять современное общество уже невозможно иначе, как наблюдая и анализируя его визуально-медийные проявления, – его медиа-визуальность. Классическое определение термина «визуальность» (visuality) было предложено Х.Фостером во введении к книге «Видение и визуальность», в котором он попытался различить его с понятием видения (vision): «видение предполагает взгляд как физическую операцию, а визуальность – как социальный факт. ...Различие между терминами указывает на различие внутри визуального – между механизмом зрения и его историческими техниками, между данными зрения и его дискурсивными детерминантами, – различие, вызванное тем, как мы видим, как мы можем видеть, как нам позволено видеть и как нас заставляют видеть» [2, p.ix]. Визуальность формируется в конкретном социальном контексте, в котором социальные акторы осуществляют практики видения. По мнению Н.Брайсона, характер визуальности формируется под воздействием социальной дискурсивности, ментальных и языковых практик поведения, востребованных в той или иной социокультурной ситуации; любые отклонения от магистральной дискурсивной линии мировосприятия, «непопадание» в mainstream визуальности конкретной эпохи, стигматизируется как галлюцинаторный, неполноценный, «неправильный» визуальный опыт: «видение социализировано, поэтому отклонение от социальной конструкции визуальной реальности может быть названо

галлюцинацией, недопониманием или «визуальной беспорядочностью». Между субъектом и миром размещено множество дискурсов, которые формируют визуальность, этот культурный конструкт, который отличается от видения (vision), понимаемого как непосредственный визуальный опыт» [2, p.91-92]. Визуальные исследования по своей природе являются междисциплинарными, – при их проведении задействуются методы и принципы анализа многих научных дисциплин, таких как социальная философия, история искусства, философия медиа, визуальная социология, социология массовых коммуникаций, теория кино/фотографии, культурология и т.д. Принцип междисциплинарности, по мнению О.Каменской, заключается не столько в умении исследователя работать на «стыке наук», сколько в возможности интегрировать концепты, подходы, методы взаимодействующих наук и, как следствие, в появлении новых концептуальных эффектов [3, с.11]. Изучение медиа-визуальности в социальной визуалистике может осуществляться в теоретическом и в практическом направлении. Практически-прикладной аспект изучения медиа-визуальности раскрывается в контексте реализации конкретных проектов исследования социальных тенденций, обнаруживаемых в видео-продукции масс-медиа. Речь идет о новой разновидности прикладных исследований, получивших название «визуальных исследований» (visual studies), отпочковавшихся от «культурных исследований» во второй половине 1990-х гг. «Визуальные исследования» интересуются визуальными практиками, которые реализуются в сфере повседневности, обладают параметрами воспроизводимости, повторяемости, текучести и нестабильности и становятся эффектом режимов видения, установившихся в конкретно-культурной ситуации.

Литература

1. Батаева Е.В. Гендерная визуальность современной рекламы / Социология: теория, методы, маркетинг. – 2010. – № 3. – С.136-154
2. Vision and Visuality/ Edited by Hal Foster. Seattle: Bay Press, 1988. – 135 p.
3. Каменская О.Л. Гендергетика – наука будущего // Гендер как интрига познания. – М.: Рудомино, 2002.- С.13-19

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ: КОНСТРУКЦИОНИСТСКИЙ ПОДХОД

Несмотря на то, что категория «социальная проблема» весьма популярна в социологическом дискурсе, сами социологи играют незначительную роль в интерпретации, анализе и разработке стратегий решения социальных проблем. Одной из причин данного положения дел является неопределенность понятия «социальная проблема» в социологическом лексиконе и отсутствие единой теоретико-методологической базы анализа конкретных социальных проблем. Каким образом возникают социальные проблемы? Когда можно говорить о существовании социальной проблемы? Что определяет взгляды, реакции и действия людей в отношении какой-либо проблемы? Чем объясняется непостоянство общественного внимания к социальным проблемам? На эти вопросы социологи долгое время не могли дать ответ. Изначально осмысление и изучение социальных проблем велось в рамках объективистского направления, а именно концепций социальной патологии, социальной дезорганизации, функционализма. Все объективистские подходы объединяет несколько общих черт: идентификация условий, вызвавших проблему, и предложения о путях ее разрешения. Тем не менее, в рамках указанных концепций не было выработано единой теоретико-методологической базы, позволявшей анализировать различные социальные проблемы. Кроме того, была затруднена или практически невозможна эмпирическая операционализация и интерпретация социальных проблем. Вехой в становлении нового взгляда на социальные проблемы стала вышедшая в 1972 году книга Г. Блумера «Социальные проблемы как коллективное поведение», в которой он высказывает ряд критических замечаний в адрес существовавшей на тот момент теории социальных проблем. Суть этих замечаний сводилась к следующему: 1. Социология сама по себе не способна установить или идентифицировать социальную проблему. Социологическое признание социальных проблем идет в кильватере социетального признания, меняя направление вместе с ветром общественной идентификации социальных проблем. Социологи не способны объяснить, почему одни примеры отклонения, дисфункции или структурного напряжения не могут достичь статуса социальной проблемы, тогда как другие получают этот статус. По мнению Г. Блумера, социологи должны изучать процесс, посредством которого общество создает социальные проблемы, однако до сих пор они этим не занимались. 2. Социологи

относятся к социальной проблеме так, как будто она состоит из ряда объективных компонентов, таких, как уровни или показатели, тип людей, вовлеченных в проблему, их число, социальные характеристики и т.д. Социолог может отметить, что на его взгляд, является пагубным условием в обществе, но общество может игнорировать существование этого условия. Условие не становится социальной проблемой для общества, несмотря на доказанное объективное существование. 3. Ярлык «социальная проблема» наклеивается разным условиям, между которыми мало общего. Понимание одного социального условия мало способствовало пониманию других социальных условий. 4. Социологи достигли незначительных успехов в решении социальных проблем, потому как игнорировали тот факт, что социальная проблема – средоточие действий различных, конфликтующих интересов, намерений и целей. Г. Блумер предложил свой взгляд на социальную проблему, интерпретировав ее как результат коллективных действий [1]. Наиболее последовательную точку зрения на социальные проблемы сформулировали М. Спектор и Дж. Китсьюз [2]. По их мнению, социальная проблема – это деятельность индивидов и групп, выражающих недовольство и выдвигающих утверждения требовательного характера (claims-making) относительно некоторых предполагаемых условий. Социологи сместили фокус внимания исследователей с обстоятельств на процесс привлечения внимания к тем или иным обстоятельствам. По мнению М. Спектора и Дж. Китсьюза, пока те или иные условия не будут обозначаться как социальная проблема, не будут различимы, то невозможно говорить о социальной проблеме. М. Спектор и Дж. Китсьюз предложили новую теорию социальных проблем, которая позволяет в непротиворечивой и последовательной форме изучать всевозможные социальные проблемы как на теоретическом, так и на эмпирическом уровне – социальный конструкционизм. Конструкционисты интересуются выдвижением утверждений-требований относительно условий, способам производства смыслов и значений, соотносимых с нежелательными условиями, и реакцией, которую вызывает эта деятельность [2]. Можно говорить о некоторых аналитических категориях, разработанных в рамках конструкционизма для анализа социальной проблемы. Среди них: утверждения-требования, социальные акторы, предполагаемые условия, процесс выдвижения утверждений-требований (карьера социальной проблемы) и др. Значительное внимание социологи уделяют словарю, который используется для описания и классификации условия (слова,

термины, риторика и т.д.). Различные социальные группы соперничают за контроль над определением проблемы. Когда какая-то группа побеждает, ее словарь может быть принят и институционализирован, тогда как понятия оппозиционных групп предаются забвению. Изменение терминологии, создание новых терминов или наполнение существующих терминов новым смыслом – сигнал того, что произошло нечто важное в отношении социальной проблемы. Вместо абстрактного понятия «общество» анализируются конкретные организации, социальные группы, индивиды, которые занимают определенные позиции в отношении тех или иных проблем (социальные акторы). Центральное различие в конструкционизме проводится между объективным условием и определением его в качестве социальной проблемы. Вместо категории «условие» используется категория «предполагаемое условие». В стороне остается вопрос о верности или ошибочности утверждения-требования (так, проблема угрозы НЛЮ и проблема преступности в рамках конструкционизма совершенно равноправны и равнозначны). Таким образом, выдвижение утверждений-требований – это форма взаимодействия: требование одной стороны от другой, чтобы что-то было сделано в отношении некоторого предполагаемого условия. Сторонники конструкционистского подхода рассматривают социальные проблемы не как статичное явление, а как динамичный процесс становления. Условия постоянно определяются и переопределяются, легитимируются в качестве социальной проблемы, наделяются новым смыслом и новыми значениями – проходят стадии «карьеры социальной проблемы» [1,3,4]. Безусловно, конструкционизм не является монолитной методологией, не избежал критических замечаний в свой адрес как со стороны традиционных социологов, так и своих сторонников. В ответ на критику сформировалось 3 формы конструкционизма: строгий конструкционизм, контекстуальный конструкционизм, фальсификационный конструкционизм, каждый из которых обладает определенным эвристическим потенциалом. Таким образом, конструкционисты предложили перспективную теоретико-методологическую базу исследования социальных проблем, позволяющую изучать социальные проблемы не только на теоретическом, но и на эмпирическом уровнях, проводить сравнительные и сравнительно-исторические исследования.

Литература

1. Блумер Г. Социальные проблемы как коллективное поведение // Социальные проблемы: конструкционистское прочтение. Хрестоматия. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2007. С.11-25.
2. Полач Д. Социальные проблемы с конструкционистской точки зрения/Средства массовой коммуникации и социальные проблемы: Хрестоматия/Пер. с англ.; сост. И.Г. Ясавеев. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2000 – 224с. С. 7 – 11.
3. Спектор М., Китсьюз Дж. Конструирование социальных проблем // Контексты современности - II. Хрестоматия. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2001. С.160-163.
4. Хилгартнер С., Боск Чарльз Л. Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен / Средства массовой коммуникации и социальные проблемы: Хрестоматия/Пер. с англ.; сост. И.Г. Ясавеев. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2000 – 224с. С. 18 – 53.

**В НАУКЕ НЕЛЬЗЯ ГОВОРИТЬ ПРИБЛИЗИТЕЛЬНО. К
ВОПРОСУ О РАЗЛИЧИИ МЕЖДУ НАУЧНЫМИ
ТЕРМИНАМИ И «ПРОСТО СЛОВАМИ»**

Божков О.Б. (Санкт-Петербург)

Вряд ли надо говорить о значении языка, речи в нашей жизни. И все-таки говорить об этом приходится. Тем более, когда на повестке дня стоят вопросы судьбы науки и, в частности, - социологии. Язык является одним из мощнейших инструментов науки, особенно наук о человеке и обществе. О нечеткости, расплывчатости понятийного аппарата социологии говорят многие (С. Кирдина, 2001, 2005; Г. Каныгин, 2008, 2012 и др.). О необходимости четкости и строгости при определении понятий писал и Э. Дюркгейм: «... обыденные понятия встречаются не только в основе науки; на них наталкиваешься ежеминутно во всех её построениях. При нынешнем состоянии наших знаний мы не знаем достоверно, что такое государство, суверенитет, политическая свобода, демократия, социализм, коммунизм и т.д. Следовательно, с точки зрения правильного метода, нужно было бы запретить себе употребление этих понятий, пока они научно не установлены. А между тем слова, их выражающие, встречаются постоянно в рассуждениях социологов. Их употребляют без запинки и с уверенностью, как будто они соответствуют вещам, хорошо

известным и определенным, тогда как они порождают в нас лишь расплывчатые понятия, неясную смесь смутных впечатлений, предрассудков и страстей. Мы смеемся теперь над странными рассуждениями средневековых медиков с их понятиями теплого, холодного, сухого, сырого и т.д. и не замечаем, что продолжаем применять тот же метод к разряду явлений, для которых он менее всего пригоден вследствие их чрезвычайной сложности» [3, 428]. Остро обозначил эти проблемы заместитель главного редактора журнала «Социологические исследования» Н.В. Романовский. В частности, он пишет: «Иногда проблема неверно употребляемого термина приобретает принципиальный и даже политически судьбоносный для страны оттенок. Таков «случай» с метафорическим употреблением понятия «элита». В России – при активном участии обществоведов – этот термин внедрен в обиход без учета базовых, исходных и казавшихся непоколебимыми положительных качеств этой группы. К моменту лавинообразного внедрения этого термина в политический новояз России в читавшихся курсах речь шла о кадровой работе, кадровой политике и т.п. В основе понятия кадры лежит сталинская модель – колесики и винтики аппаратов, исполнители приказов сверху, правда, исходный смысл 1930-х годов к этому времени был уже затерт и забыт. Но практики времен «кадровой работы» сохранились, ими и наполнили термин «элита» [9, 15]. И, наконец, еще один диагноз: «Не похоже, что современная социология может предложить обществу более адекватный категориальный аппарат, следовательно, и её исследования могут остаться «игрой в бисер» - не лишенной оригинальности, но значимой для самой социальной науки интеллектуальной игрой» [1, 201]. Обратимся к понятиям общенаучного употребления и высокого уровня абстракции таким, как объективное – субъективное, действительное – реальное (действительность – реальность), а также к широко используемому сегодня понятию «практик». В научной литературе и публицистике можно встретить, по меньшей мере, три смысла, который вкладывается в понятие «объективный (объективное)»: 1) объективное как истинное, существующее на самом деле или действительное; 2) объективное, как отвлеченное, отстраненное, существующее вне нас; 3) объективное, как независящее от нашего сознания. Последнее определение принадлежит Дюркгейму, который использовал его для описания (и объяснения) социального факта. При этом классик строго следовал именно этому смыслу понятия в любых своих работах. В отличие от Дюркгейма, многие современные авторы, к сожалению, небрежно

относятся к этому понятию и употребляют его то в одном, то в другом, то в третьем смысле. Справедливости ради отметим, что чаще всего в ход идет первый из перечисленных выше смыслов: объективное, как подлинное или истинное. В советском политическом лексиконе использовалось родственное понятие «объективизм», которое носило определенно негативный оттенок и часто сопровождалось эпитетом «абстрактный». Также разные смыслы вкладываются и в понятие «субъективный»: 1) субъективный, т.е. принадлежащий субъекту (тому, кто действует); 2) субъективный как недостоверный, частный («отсебятина»). Конечно, эти смыслы можно воспринимать, как очень близкие, однако, с моей точки зрения, они существенно различаются. Социологии издавна приписывается статус «субъективной науки», не способной получить объективное знание об обществе. Одни на этом основании сомневаются в научности этой дисциплины. Другие, в частности, апологеты М. Вебера и постмодернизма, - настаивают на том, что внимание к смыслообразованию, которое доступно только человеку, и составляет особенность социологии, и что только через понимание того, как люди порождают смыслы, как они наделяют смыслом окружающую среду, и возможно понять, что такое общество. В советском политическом лексиконе понятие «субъективизм» также носило негативный оттенок и активно использовалось в научной и политической критике для обозначения несостоятельности тех или иных утверждений или положений. Не лучше обстоит дело с понятиями «действительное» и «реальное» (действительность, реальность). Для многих это – просто синонимы. Думаю, не даром среди обществоведов популярна шутка «В действительности все не так как на самом деле» (вариант: «... как в реальности»). Сегодня очень популярна также идея множественности реальностей. Хотя, если иметь в виду, что понятие «реальность» имеет определенный (и однозначный) смысл, то резоннее говорить о разнообразии реальности, а не о множественности реальностей. В последнее время у социологов, политологов в моду вошло слово «практика» (чаще всего употребляемое во множественном числе «практики»). Смеем заметить, что пока это только слово, ибо оно не обрело ни четкого определения (дефиниции), ни статуса научного термина. Хотя вышло уже несколько книг и множество статей, посвященных «Теории практик». Мы также приложили руку к этой теме, опубликовав статью [2], в которой предприняли попытку определить понятие «практики» и придать этому слову статус научного термина. Вряд ли имеет смысл пересказывать здесь содержание этой статьи. В

закключение уместно будет привести суждение В.Ф. Чесноковой о необходимости овладения отечественными современными социологами языка этой науки. «...брать классические понятия в их современном “снятом виде” — это значит терять в них множество сторон и смыслов, проработавших в свое время на их создание и оставивших на них свои следы. А брать теории в современном виде — это значит терять множество возможностей, оставшихся нереализованными самими авторами и их современниками. Короче, это значит сильно обеднить себя, свое понимание». (11, 538).

Литература

1. Бронзино Л.Ю. Наблюдение за наблюдающими: субъективные заметки участника 10 Конференции Европейской социологической ассоциации //Журнал социологии и социальной антропологии, № 3, 2012, с.192-204.
2. Божков О.Б. Возможность социальных изменения: о применении «теории практик» // Петербургская социология сегодня. Сборник научный трудов Социологического института РАН. — СПб.: Нестор-История, 2010, с. 199-219.
3. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии /Пер. с фр. и послесловие А.Б. Гофмана. — М.: Наука, 1990.
4. Медведев В.А. Проблема понятийных оснований социологических исследований //СоцИс, № 6, 2004, с. 143-146
5. Г. В. Каныгин, Социальное знание: и что , и кто , но как? //Социология вчера, сегодня, завтра. V Социологические чтения памяти Валерия Борисовича Голофаства / Под редакцией О. Б. Божкова — СПб.: Эйдос, 2012, с. 110-132
6. Г. В. Каныгин, Контекстно-ориентированный анализ качественных данных. // Социология вчера, сегодня, завтра. Социологические чтения памяти Валерия Борисовича Голофаства / Под редакцией О. Б. Божкова — СПб.: Бильбо, 2008, с. 116-147.
7. Кирдина С.Г. Социокультурный и институциональный подходы как основа позитивной социологии в России //СоцИс, №12, 2002, с. 23-32
8. Кирдина С. Первородный грех социологии (2005) //http://club.fom.ru/entry.html?entry=2335
9. Романовский Н.В. Понятийные проблемы социологии: поиск адекватной интерпретации //СоцИс, № 4, 2010, с. 13-22.
10. Философский словарь /Под ред. И.Т. Фролова. Издание пятое, М.: 1987, с. 111, 337, 406

11. Чеснокова В.Ф. Язык социологии: Курс лекций / В.Ф. Чеснокова. М.: ОГИ, 2010. — 544 с.

СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В ИНТЕРПРЕТАТИВНОЙ СОЦИОЛОГИИ

Бочкарева В.И. (Санкт-Петербург)

Интерпретативная социология не является направлением независимым от общей логики развития социологической науки, несмотря на специфику теоретико-методологического обоснования, методов и технических приемов. В целом, интерпретативная социология возникла как оппозиция позитивизму и подвергла изменению подход к определению социальной реальности, выделяя в ней значимость смысла - значимой связи взаимодействия в социальном мире. Влияние на разработку этой оппозиции оказали Дильтей, Риккерт, Виндельбанд, которые различали номотетический (генерализующий) характер естественных наук с исследовательской ориентацией на объективное объяснение и идеографический (индивидуализирующий) характер социальных наук с ориентацией на понимание (смысловую связь в общественных явлениях). На этом фоне М.Вебер своей «понимающей социологией» усилил «идеальными типами» значение социологии как номотетической науки. Социологию он определял как науку, которая «намерена понять социальное действие и тем самым дать причинное объяснение его протекания и его результатов» [1, с. 72]. Интерпретативная (понимающая) социология представлена направлениями, школами, теориями, концентрирующими свое внимание на различных смысловых аспектах социальной реальности (не только естественно-материальной, но и идеальной, искусственной по своей природе). Несмотря на существенные различия во взглядах, представителей интерпретативной социологии объединяет внимание к субъективным категориям действия (как оно понимается, осмысленно мотивируется с точки зрения актора), а не просто к массовому, единообразному поведению. В России теоретико-методологическая позиция интерпретативной социологии разрабатывалась представителями этико-социологической («субъективной») школы, «юристами-социологами» (Коркуновым, Петражицким). Так, Н.Кареев подчеркивал, что «ненаучно изучать общественные явления, как бы совершенно игнорируя при этом мысли, чувства и настроения человеческой личности, мотивы ее

деятельности, производимую ею оценку социальных фактов и ее интересы». Тем более, что фактически «критическое исследование тех социологических направлений, которые гордятся наибольшей верностью объективизму, обнаруживает, что, в сущности, требования такого объективизма и невыполнимы» [2, с.385-386]. При изучении социальных явлений их необходимо не только объяснять, но и «понимать» - понимать «внутренний смысл явления и притом не в значении какой-либо метафизической сущности, а в значении факта совершенно реального, как реален факт внутреннего опыта» [2, с.515]. Н.Коркунов назвал свою теоретико-методологическую позицию «субъективным реализмом». Он обосновывал это тем, что «объективизм науки заключается в объективном отношении к исследуемому предмету, а не в том, чтобы исследуемый предмет не имел субъективного характера» [3, с.166]. А специфика социального мира («надорганического») в отличие от мира природы заключается в том, что он имеет субъективный характер - содержит «психические элементы» (сознание, чувства, интеллектуальные, творческие способности, интересы людей, которые мотивируют людей во взаимодействии, «общении»). В основе интерпретативной социологии при всем различии, разномыслии в трактовке ее проблем лежит выделение онтологической специфики социального мира – его смысловая символическая структура. Люди участвуют во взаимодействии («родовом субстрате» всех социальных явлений) сознательно, как познающие и созидающие субъекты взаимодействия, и социальные явления, коллективные формы жизни всегда что-то значат, содержательно значимы для людей, то есть имеют смысл. Взаимодействие, действие, общение требуют опыта их исполнения. Инструментом приобретения практического опыта и навыков взаимодействие является сознание. Содержанием смысла субъектов взаимодействия в социальной жизни являются интересы, мнения, убеждения, цели, ценности, оценки ситуаций, событий, проблем, с которыми сталкиваются люди. Они формируют личность и мотивируют ее в общении, взаимодействии, деятельности. Интерпретативная социология определяет их как «факты», которые нуждаются в исследовании. Действия индивидов, обладающие «субъективно предполагаемым смыслом» (Вебер), «предвзятым мнением» (Михайловский), «человеческой субъективностью» (Кули), «субъективной диспозицией» (Мертон), «обоюдным знанием» как «практическим ресурсом» воспроизводства взаимодействия (Гидденс) формируют специфику социального мира – объекта социологии. «Разница между обществом и природой, - подчеркивает

Э.Гидденс, - заключается в том, что природа не является продуктом человеческой деятельности, она не создана человеческим действием», а организация «осмысленности» является «основополагающим условием социальной жизни» [4, с.286, 291]. «Научный метод» в социологии, по Р.Коллинзу, «не может исключить изучение субъективного», поскольку человеческая субъективность является частью предмета социологии [5, с.252, 262]. С «пониманием» как этапом социологического исследования, цель которого понять смысл действий - выявить мотивы его участников в изучаемом явлении, связаны качественные методы исследования (для истолкования, разъяснения, интерпретации этих действий): анализ личных документов, включенное наблюдение, биографический метод, неструктурированное интервью, фокус-группа и др. Исследования на основании интерпретации (разъяснения, истолкования) значимости субъективных мотивов действующих единиц в реальных обстоятельствах очень разнообразны. Так, в рамках американской микросоциологии проводились исследования разнообразных реальных эмпирических объектов («малых форм») применительно к конкретным, жизненным, повседневным ситуациям, различным аспектам социальной реальности. Однако все видные представители микросоциологии признавали опасность «радикального эмпиризма» в науке и сохраняли связь с теорией, с необходимостью теоретического осмысления эмпирического материала в «натуралистических» исследованиях [5, с.273]. Большое влияние на развитие американской микросоциологии оказал Фрейд, Зиммель, Вебер, Теннис. Так, в исследовании У.Томаса и Ф.Знанецкого «Польский крестьянин в Европе и Америке» использовалась «теория 4-х желаний» Томаса для объяснения процесса адаптации польских крестьян к городской, индустриальной среде Америки (сам термин «желание» был заимствован у Фрейда). Свою теорию Томас затем связал с концепцией «определения ситуации». Общая тенденция развития микросоциологии шла от исследования «малых форм» до попыток создать общую теорию микросоциологии. Это связано с разработкой теорий межличностного взаимодействия и становления самосознания «принятием роли», «взаимностью перспектив», истолкования повседневной рациональности, использования «обыденно-народных методов» во взаимодействии, обмена действиями, «межсубъектного» характера социальной жизни, конструирования социальной реальности на интерпретативной основе (символический интеракционизм, феноменологическая социология, этнометодология,

драматургическая социология, теория обмена и др.). Такие теории, по Коллинзу, «объяснительные субмодели», согласуются с «общей картиной функционирования мира». Связанные с определенными аспектами социальных явлений они помогают более полно и адекватно раскрыть специфику социального мира, и не случайно, что с проблемами смысловой, символической структуры социального мира, с рефлексивной субъективностью действующих единиц (индивидуальных и коллективных) в той или иной мере (со своей аргументацией) связаны все школы и теории социологии (Сорокин, Хабермас, Бурдьё, Луман, Кастельс и др). Так, согласно Н.Луману, «без смысла общество, любая социальная система просто прекратили бы свое существование», а «средством» выражения смысла является «символ, символическое» [6, с.560]. Современный мир, по М.Кастельсу, является «новой социальной формой» - глобальным сетевым обществом, который создается на основе глобальных коммуникативных сетей (Интернета). Все сферы социальной жизни все более зависят от Интернета и его использования в многообразных видах социальной практики. Возникает новая форма социального взаимодействия – «онлайновое взаимодействие», «онлайновая деятельность» и реальная жизнь в режиме онлайн. Кастельс определяет Интернет как «символ» этого общества, «инструмент» взаимодействия и самовыражения, «всеохватывающую инфраструктуру нашего существования», «средство» общественных преобразований, «материальное условие для вовлечения общественных движений в процесс создания нового общества» [7, с. 165, 316, 317]. Индивиды с помощью Интернета конструируют общий смысл (и свою интерпретацию смысла) и используют его в социальной жизни «избирательно», в соответствии со своими интересами, «желаниями», системой ценностей. Эта индивидуализированная связь с обществом «является специфической формой социальности, а не каким-то психологическим атрибутом»: «Новая модель социальности в нашем обществе характеризуется сетевым индивидуализмом» [Там же, с.155]. Различие в социальном опыте порождает структурный индивидуализм. «Мостом» между сетью и личностью («коммуникационным протоколом смысла», по терминологии Кастельса) является искусство во всех его проявлениях. В сетевом обществе оно становится «выражением виртуального и физического материала» и, выполняя роль «инструмента социальной реконструкции», восстанавливает «единство человеческого опыта в противодействии угнетению, разногласиям и конфликтам» [Там же. С.238]. Наиболее значимым

противоречием сетевого общества является «противоречие между нашим чрезмерным технологическим развитием и нашей институциональной и социальной неразвитостью» [Там же, с.321]. Социальная неразвитость связана с отсутствием социальной ответственности (за деградацию природной среды, за деструктивную бедность и «обветшание нашего природного населения», за формирование финансовой олигархии и мировые финансовые кризисы, за доступ к инфраструктуре Интернета и за контроль над ней и т.д.). Этими проблемами должна заниматься «действующая в нашем мире государственная власть». Но она характеризуется кризисом легитимности и эффективности, системной коррупцией, «политикой имиджа», обособленной от общества бюрократией. Выход из этой ситуации Кастельс видит прежде всего в «политическом преобразовании демократических институтов»: «Пока мы не перестроим как снизу доверху, так и сверху донизу наши институты управления и демократии, мы не сможем достойно ответить на те главные вызовы, которые перед нами ставятся» [Там же, с.323].

Литература

1. Вебер М. Основные социологические понятия // Теоретическая социология. Антология. Ч.1. М., 2002.
2. Кареев Н.И. Введение в изучение социологии, СПб., 2008.
3. Коркунов Н. О научном изучении права // Журнал гражданского и уголовного права. 1882, Кн.5.
4. Гидденс Э. Новые правила социологического метода // Теоретическая социология: Антология: В 2 ч., М., 2002.- Ч.2.
5. Коллинз Р. Социология: наука или антинаука? // Там же.
6. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб., 2007.
7. Кастельс М. Галактика Интернета: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург, 2004.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В ТВОРЧЕСТВЕ М.М.КОВАЛЕВСКОГО

Бразевич С.С. (Санкт-Петербург)

Среди многообразных интересов М.М.Ковалевского особое место занимал национальный вопрос. Он не только изучал проблемы национальных взаимоотношений, в частности на Кавказе, но и

активно действовал, добиваясь их разумного решения, используя свои знания и опыт. Кавказ составил особую главу в научной биографии ученого. Изучению этого края М.М.Ковалевский посвятил ряд лет упорного труда. Не считаясь с трудностями, он совершил три продолжительные поездки в самые малодоступные горные районы западного, центрального и восточного Кавказа. [4, с.116-135]. Ковалевский считал ошибочными и даже вредными действия правительства на Кавказе]. В 1906 году Ковалевский был избран депутатом в Государственную Думу и он уже с высокой трибуны обратился к национальным проблемам России. «Если в сфере политических вопросов, - писал Ковалевский, - новое время выставило на очередь вопрос поистине новый, то таким следует признать национальный вопрос. Никогда еще, ни в древности, ни в средние века национальность не являлась ни цементом, соединяющим воедино историей разрозненные народности, ни реагентом, которым искусственно созданные политические конгломераты разлагались бы на их составные части» [3, с.677-678]. Заявления Ковалевского о сложности национальных проблем, его предложения по их разрешению получили широкий общественный резонанс - не только в столице или в крупных провинциальных центрах. О них узнали и те, чьи права М.М.Ковалевский пытался защитить [2, с.1037-1039]. Многие думские коллеги не разделяли позиции Ковалевского в разрешении межнациональных конфликтов, но, несмотря на это, он возлагал на Россию большие надежды, считал, что страна идет по пути обновления и поэтому политика государства должна сводиться «к желанию сохранить мир и добрые отношения со всеми государствами, поддерживая в то же время начало международных прав и справедливости, и заботясь о сохранении раз достигнутых границ при обеспечении всем нациям возможности самостоятельного развития». [1, с.220].

Литература

1. Государственная Дума. Стенографические отчеты. Т.1. - СПб., 1906.
2. Государственная Дума. Стенографические отчеты. Т.2. - СПб., 1906.
3. Ковалевский М.М. Национальный вопрос в старом и новом свете // Вестник Европы. 1885. № 6.
4. Косвен М.О. М.М.Ковалевский как этнограф-кавказовед. К 100-летию со дня рождения (1851-1951) // Советская этнография. 1951. № 4.

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В ИНТЕРПРЕТАТИВНОЙ СОЦИОЛОГИИ

Бурганова Л.А., Ахмадеева К.Н. (Казань)

Методологической рамкой исследования гендерных стереотипов может служить конструкционистская парадигма, которая позволяет связывать макро- и микросоциологии, преодолевать противопоставление объективно-предметного и субъективно-ценностного подходов. С методологической точки зрения парадигма социального конструкционизма не является монолитной. Существует, по крайней мере, два варианта выделения методологических течений в рамках конструкционистской парадигмы: «строгого»/«феноменологического» и «контекстуального» конструкционизма (М. Спектор, Дж. Китсьюз, Дж. Бест, П. Ибарра); «глобального» и «локального» конструкционизма (П. Гриффитс, Я. Хакинг, А. Кукла). Сторонники «строгого» конструкционизма считают, что конструироваться могут любые социальные объекты вне зависимости от того, есть ли соответствующие им «реальные» проявления, тогда как сторонники «контекстуального» конструкционизма уверены в том, что рассматривать конструирование вне отрыва от «объективного контекста» нельзя. Глобальный конструкционизм рассматривает все социальные факты (и соответствующие им события) как совокупность конструкторов, тогда как локальный конструкционизм исходит из того, что лишь некоторые, определенные факты являются конструкторами. В своем исследовании гендерных стереотипов мы придерживаемся позиции сторонников «строгого» и «глобального» конструкционизма, поскольку при анализе данного феномена невозможно найти «объективного» фона, который бы не выступал в качестве социального конструктора (высказывания респондентов-мужчин, газетные публикации о мужчинах-управленцах, даже научные теории – все они являются, в строгом смысле, конструкторами). Казалось бы, единственным исключением являются данные официальной статистики, но и в этом случае возникает вопрос: а могут ли и они являться фоном для анализа? Действительно, превалирование мужчин на высших управленческих должностях является статистическим фактом. Но подтверждает ли это гендерный стереотип о том, что женщины менее способны к управленческой работе? Или мы имеем дело с «патриархальным

заговором», о котором твердят радикальные феменистки? А может это эффект стереотипа о том, что «мужчины не пускают женщин во власть»? Оперировать данными статистики мало удобно и тогда, когда речь идет о таких явлениях, как преступность, болезни и т.д., поскольку нельзя исключать влияние самоцензуры, фильтрации информации, давления различных политических и экономических институтов. Вопрос о соотношении локального и глобального конструкционизма стоит в нашем случае не так остро, ибо сторонники обоих направлений признают гендер в качестве социального конструкта. Глобальный конструкционизм привлекает нас еще и тем, что он является более «объективным» в части отказа от оценочных критериев при выборе объектов для конструкционистского анализа. Конструкционистская деятельность обязательно связана с акторами, постоянно создающими реальность. На это, как известно, обратили внимание еще основоположники феноменологической социологии знания П. Бергер и Т. Лукман, которые, говоря об институционализации, ввели понятие ролей как части институционализованного общества («типы деятелей... в контексте объективированного запаса знания, общего для данной совокупности деятелей») [1, с. 121]. В последующем в научной литературе по конструированию социальной реальности начали говорить об агентах конструкционистской деятельности, к которым могут относиться как индивиды, так и индивиды в совокупной форме социальных групп и институтов. Агенты социального конструирования гендера и связанных с гендером стереотипов многочисленны. По мнению Е.А. Здравомысловой и А.А. Темкиной, к ним относятся институт семьи, воспроизводящий стереотипы «работающей матери», детская литература, детский сад / школа, общественные организации [3, с. 9]. Как отмечает О.А. Воронина, «теория социального конструирования гендера основана на двух постулатах: 1) гендер конструируется (строится) посредством социализации, разделения труда, системой гендерных ролей, семьей, средствами массовой информации; 2) гендер конструируется и самими индивидами - на уровне их сознания (т. е. гендерной идентификации), принятия заданных обществом норм и ролей и подстраивания под них (в одежде, внешности, манере поведения и т. д.)» [2, с. 23]. С учетом многообразия социальных агентов, вносящих тот или иной вклад в конструирование гендерных стереотипов, более оптимальным представляется выделение уровней конструирования гендерных стереотипов. Соответственно, с практической точки зрения достаточным представляется выделение институционального

уровня конструирования с одной стороны, и индивидуального уровня с другой. Данное деление мы производим с точки зрения масштабов влияния социальных агентов и их (над)персонофицированности. На институциональном уровне наиболее активным социальным агентом конструирования гендерных стереотипов являются СМИ, которые используют и обобщают дискурс иных агентов конструирования, таких как политические деятели / институты, научное сообщество, нормотворчество и пр. Что же касается индивидуального уровня, то он непосредственным образом связан с саморефлексивными конструкционистскими практиками индивидов. Рефлексируя по поводу различных социальных практик, индивиды не только определяют собственную идентичность, но и включаются в процесс воспроизводства социальной реальности, например, через адаптацию к социальным нормам, трансляцию их иным индивидам и т.д.

Литература

1. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания /П. Бергер, Т. Лукман. – М.: Медиум, 1995. – 323 с .
2. Воронина, О.А. Гендер / О.А. Воронина // Словарь гендерных терминов / Под. ред. А.А.Денисовой. – М., Информация-XXI век, 2002. – С.23.
3. Здравомыслова, Е.А. Социальная конструкция гендера и гендерная система в России / Е.А. Здравомыслова, А.А. Темкина // Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период: Сб. науч. статей / Под ред. Е.А. Здравомысловой, А.А. Темкиной. — СПб, 1996. — С.5-13.

СОЦИОЛОГИЯ М.ВЕБЕРА: ПОКУШЕНИЕ НА НАУКУ

Быков В.П. (Санкт-Петербург, Россия)

Сегодня многие социологи (в том числе и в России) не только признают факт «веберовского ренессанса», начавшегося во второй половине XX в. и продолжающегося в настоящее время, но и признают благотворность этого ренессанса для социологической науки. С нашей точки зрения, с последним обстоятельством дело обстоит если не совсем наоборот (ибо, как известно, ученые могут способствовать развитию науки и своими заблуждениями), то существенным образом иначе. Как представляется, широкое принятие ныне методологии М.Вебера свидетельствует не столько об

эвристическом потенциале этой методологии, сколько о кризисе современной (прежде всего, «западной», но некоторым образом уже, к сожалению, и российской) теоретической социологии. В настоящее время стало общим местом говорить о «неклассическом типе научности» (противоположном «классическому типу») в социологии, представленном, в наиболее развернутом виде, в работах Вебера, типе, основным положением которого является положение о необходимости «понимания» истинных мотивов изучаемого индивида. Но может ли данный тип быть квалифицирован как научный? На наш взгляд, нет, поскольку его творец отрекся от основных принципов и методов, лежащих в основе всякой науки, какая бы она ни была, будь то «наука о природе», будь то «наука о культуре»[1]. Напротив, Вебер сделал, по сути, все возможное, чтобы устранить возможность подлинно научного изучения человека и общества. И здесь нельзя не отметить: то, что было позволено (эпохой, обществом, еще неразвитым, еще преимущественно аграрным, способом производства, слабым естество- и обществознанием) И.Канту в его время, в XVIII веке, не может быть позволено в XX, а тем более в XXI веке. Не может сегодня ученый начинать исследование человека (и, соответственно, общества) с «эпифеномена», с «разума», игнорируя его, человека, физическую природу. В самом деле, подлинная наука может существовать только в том случае, если сущность, содержание и формы изучаемого объекта правильно определены исследователем, если установлено действительное место данного объекта в ряду других (в свою очередь, тоже адекватно определенных) объектов, если найдены законы, которым подчиняется как вся совокупность рассматриваемых объектов, так и каждый из них в отдельности. Только на основе этих фактов, в конце концов, возможна действительная наука. Рассматривает ли Вебер человека как реальный объект, существующий в реально мире? Нет. Он начинает анализ общества с толкования сущности социального действия, которое социология, чтобы стать наукой, якобы, должна «понять». Но как можно «понять» какое бы то ни было «действие» человека, не уяснив, что такое человек? Очевидно, нет. Если начинать исследование общества с самого начала, а не с его конца, то прежде всего, необходимо обратить внимание на феномен человека как основного субъекта общественных отношений. Наблюдение (этот важнейший метод социологии) позволяет установить тот незыблемый факт, что человек есть существо физическое и не отличается, в принципе, от животного. По своей природе он - плоть от плоти окружающего его

материального мира (что доказали в свое время, в 1838-1839 гг., М.Шлейден и Т.Шванн, создав теорию клетки). А это значит, что человек должен, как все прочие живые существа на Земле, есть, пить и т.д. [2], а уже потом так или иначе строить свои отношения с социумом. Практически это означает, что человек изначально связан, - буквально, кровными узами, - с природой в виде его родных отца и, особенно, - матери, что он еще должен стать, после рождения и долгого воспитания взрослыми (и ровесниками, как показывает практика) способным действовать «рационально» или «иррационально» [3]. Отказываясь от рассмотрения реальной основы человека, мы обречены на уход в абстракции. Мы уничтожаем тот путь, который только и может привести нас к истине. Подводя итог, можно сказать, что Вебер, конечно, способствовал развитию социологии. Но он способствовал развитию этой науки отнюдь не успехами в разработке методологии, а разработкой проблематики, которая, действительно, является актуальной для современной социологии. 1. Думается, предлагаемое Вебером (а также В.Виндельбантом, Г.Риккертом и Г.Зиммелем) деление не вполне правильно, поскольку, если следовать логике, то необходимо вести речь о науках о природе и науках об обществе (как это сделали, например, П.Л.Лавров и К.М.Михайловский, развивая их «субъективный метод в социологии»). 2. На что в «Немецкой идеологии» в свое время справедливо указали К.Маркс и Ф.Энгельс, а еще раньше - древнегреческие философы-материалисты, и, прежде всего, Демокрит - разумеется, в специфической форме, обусловленной уровнем развития того общества, в котором они жили. 3. На самом деле (и это стало особенно ясным после опубликования работ З.Фрейда, а также его учеников и последователей) «правильные» действия человека как таковые невозможно оценивать в качестве исключительно «рациональных». Наблюдение показывает, что в поступках людей очень много автоматизма, привычного, традиционного, рутинного. Гегель справедливо отмечал, что «разум существовал всегда, но не всегда разумной форме». Если отбросить «пьяные спекуляции» [Л.Фейербах], то следует сказать, что человек, - реальный, а не вымышленный, - не в состоянии всегда учесть «все обстоятельства» тех дел, которые он делает. Иное утверждение есть, по сути, отражение сциентистской иллюзии.

ЗДОРОВЬЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ СВЯЗИ ПОДРОСТКОВ И МОЛОДЕЖИ: ПЕРВЫЕ ИТОГИ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Головин Н.А., Окишева Т. Э. (Санкт-Петербург)

В марте 2012 года Факультет социологии Санкт-Петербургского государственного университета провел сбор эмпирических данных с использованием электронной анкеты «Здоровье и социальные связи подростков и молодежи», разработанной совместно с Институтом социологии Гамбургского университета в рамках межвузовского сотрудничества и НИР СПбГУ «Биомедицинские, психологические и социальные основы здоровья человека на ранних этапах развития». Шифр 03.07.116.2011.

Всего в ходе исследования опрошено 310 учащихся. Выборочная совокупность содержит 5 групп учащихся по типам среднего учебного заведения, а также 6-ю группу, состоящую из учеников, посещающих спортивную школу. Ниже в Таблице 1 приводятся данные о совокупности учебных заведений и количестве опрошенных учащихся в каждом из них.

Таблица 1. Характеристика выборочной совокупности эмпирического исследования: средние учебных заведения и количество опрошенных учеников.

№.	Тип школы, продолжит. обучения (лет)	Тип, номер школы	Кол-во опрошенных
1	Гимназия, спец. школа (языковая, матем.) (11)	Гимназия № 63 Гимназия № 67	47 64 Итого: 111
2	Ср. школа, класс с углубл. изуч предмета (11)	Гёте-школе № 515 (немецкая школа) № 625, Математическая школа	41 52 Итого 93
3	Средняя школа, обычный класс (11)	Средняя школа № 19	28
4	Средняя школа, коррекционный класс (11)	Коррекционная школа № 561 Центр Красного Креста «За здоровое поколение...» Центр «Надежда» и Центр «Маша»	23 12 6 Итого 41

6	Общеобразовательных учебных программ нет	ФЛА - Федерация легкой атлетики СПб	14
		ДЮСпортшкола № 3 Калининского р-на СПб	23
			Итого 37
		Всего	310

Ниже приводятся некоторые предварительные итоги анализа полученных данных. Они касаются, во-первых, связи между уровнем школы и здоровьем подростка, а во-вторых, влияния на самочувствие подростка его личного отношения к здоровью. В данный анализ не вошли, например, характеристики социальных связей или различных зависимостей между переменными – все это является предметом дальнейшего углубленного анализа на факультете социологии СПбГУ и сотрудничества с заинтересованными школами.

В основу проведенного исследования легло определение здоровья Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), согласно которому под здоровьем понимается сочетание двух составляющих: во-первых, – отсутствие болезней и, во-вторых, психологически комфортное самочувствие человека. Социологами изучалась вторая составляющая посредством анализа показателей комфортности самочувствия респондентов. Ученикам был задан вопрос: «Как ты себя чувствовал на прошлой неделе?» и предложены 22 критерия оценки самочувствия, используя которые респондент должен был дать оценку личного здоровья с указанием значения по шкале Лайкерта.

Из предоставленных 9 вопросов были направлены на выявление степени активности ученика, того, насколько он бодр и полон сил. Критерии оценки: 1 – выпавшийся/отдохнувший, 2 – активный/активная, 3 – энергичный/энергичная, 4 – обессиленный/обессиленная, 5 – истощенный/истощенная, 6 – усталый/усталая, 7 – бодрый/бодрая, 8 – был прилив сил, 9 – вялый/вялая. Из анализа ответов учеников мы сделали некоторые выводы и предположения о влиянии связи учебы в школе того или иного уровня школ и здоровья ученика.

Прежде всего интересными оказались ответы на вопрос о том, насколько ученики высыпаются. В целом, ответы разнообразны, есть как выпавшиеся, так и не выпавшиеся ученики в разных школах. Однако мы заметили, что, во-первых, ученики школ с углубленным изучением предметов несколько хуже высыпаются, чем остальные. Это означает повышенную нагрузку на них.

Различаются результаты по гимназиям (№63 и №67): в одной (языковой, №67) дети хорошо спят, в другой (математической, №63) не высыпаются. Вероятно причина в том, что в математической школе выше нагрузка. Плюс в математической гимназии большинство детей старше (46 чел. – 15-16 лет, 1 чел. – 17-18 лет), чем в лингвистической (59 чел. – до 14 лет, 3 чел. – 15-16 лет, 1 чел. – 17-18 лет, 1 чел. – старше 21), значит, они получают большую учебную нагрузку. Из-за нагрузки они меньше спят, что существенно влияет на здоровье.

Во-вторых, в школах с углубленным изучением предметов (№515, №625) существует примерно равное количество выпавших и не выпавших учеников, притом, что в этих школах были опрошены в основном ученики старшего возраста. Так, в школе №515 (Гёте-школе) было опрошено: 2 чел. – до 14 лет, 18 чел. – 15-16 лет, 20 чел. – 17-18 лет, 1 чел. – 19-21 лет, всего 39 старшеклассников. В школе №625 (математическая): 3 чел. до 14 лет, 21 чел. – 15-16 лет, 27 чел. – 17-18 лет, 1 чел. – старше 21, всего 49 чел. старшеклассников. Отсюда следует важный вывод о том, что нагрузка на ученика зависит не только и столько номера класса (то есть года обучения), а от принадлежности к тому или иному классу: проще говоря, от учителя и стиля его работы с классом при изучении предмета.

Таким образом, наш первый вывод состоит в том, что в школах с большей нагрузкой ученики старших классов (от 15 лет: 9, 10, 11 классы) хуже высыпаются, чем в остальных, их риски в области здоровья выше. Этот вывод подтверждается тем, что в коррекционных школах, где уровень учебной нагрузки сравнительно ниже, а ученики поступают туда на основе медицинских показаний (проблемы развития), судя по результатам нашего исследования, дети вполне высыпаются. Однако среди респондентов было сравнительно мало учеников коррекционных школ (41 из 310 чел). Поэтому сделанное обобщение нуждается в дальнейшей аргументации.

Кроме того, мы предполагаем, что в специализированных школах учителя дают нагрузку учащимся, ориентируясь на высокие показатели отличников учебы, несколько превышая возможности среднего ученика. Вторая причина недостаточного сна может быть в том, что ребенок тратит больше времени на домашнее задание из-за его сложности (ср. первый вывод) и собственных ограниченных способностей к учебе по сравнению с одноклассниками. Таким образом, школа существенно влияет на здоровье подростка.

Тем не менее, даже при плохом сне значительное число школьников чувствуют себя активными и энергичными, из чего можно сделать вывод, что дети практически здоровы. Большинство из них полны сил и не чувствуют себя истощенными. Однако при анализе ответов на вопросы: «чувствовал ли себя усталым?», «бодрым?», «вялым?», «был прилив сил?» обнаруживаются некоторые неожиданные результаты. (См. Таблица 2)

Таблица 2. Некоторые показатели самочувствия школьников

Показатель самочувствия	Ответ учащегося	Г7	Ш625	Г63	Ш19	Ш515	Ш561	ФЛ А	ДЮ СШ №3	КК	НМ
Усталым/усталой	Безусловно ДА	15	10	11	5	8	7	2	4	5	0
	Скорее ДА	11	15	21	9	17	3	3	5	3	1
	Трудно сказать	11	9	6	4	5	1	2	4	2	3
	Скорее НЕТ	9	9	6	6	4	2	3	4	1	1
	НЕТ	18	9	3	4	7	10	4	6	1	1
Бодрым/бодрой	Безусловно ДА	37	17	11	10	16	15	5	10	4	0
	Скорее ДА	9	19	14	11	14	3	6	6	3	4
	Трудно сказать	10	6	8	1	4	1	1	5	3	2
	Скорее НЕТ	6	5	7	4	5	1	0	0	2	0
	НЕТ	2	5	7	2	2	3	2	2	0	0
Был прилив сил	Безусловно ДА	31	17	10	7	12	17	5	9	2	0
	Скорее ДА	14	16	10	5	11	2	2	7	2	3
	Трудно сказать	11	11	11	7	7	1	3	3	2	2
	Скорее НЕТ	6	8	11	4	7	0	0	3	3	0
	НЕТ	2	0	5	5	4	3	4	1	3	1
Вялым/вялой	Безусловно ДА	12	5	9	2	4	4	0	0	3	0
	Скорее ДА	7	7	11	7	10	1	0	5	2	1
	Трудно сказать	10	8	5	3	3	0	3	2	3	1
	Скорее НЕТ	10	18	15	4	10	2	2	6	2	3

	НЕТ	25	14	7	12	14	16	9	10	2	1

Примечания:

1. Условные обозначения: Г – гимназия и далее ее номер; Ш – школа и ее номер, ФЛА – Федерация легкой атлетики СПб, КК – Центр Красного Креста «За здоровое поколение...», НМ – Центр «Надежда» и Центр «Маша»).
2. Полужирным прямым шрифтом выделено значительное количество ответов, полужирным курсивом – максимальное число ответов по школе

Обращает на себя внимание то, что учащиеся одной и той же школы, гимназии, приюта по-разному оценивают степень своей усталости, вялости или прилива сил. Получается, что бодрость также не зависит от школы, в которой учатся. Отсюда следует, что учебное заведение не так сильно влияет на здоровье. Следовательно, самочувствие ученика в большей мере зависит от его личного отношения к здоровью.

Для подтверждения этого вывода обратимся к ответам на вопрос: «С каким предложением ты согласен? А) Я забочусь о своем здоровье, чтобы не болеть в старости. Б): Не хочу думать, что будет потом. Буду заниматься здоровьем, когда возникнут такие проблемы. Подавляющее большинство учеников, чьи ответы на вопросы о самочувствии показывают, что они практически здоровы и чувствуют себя хорошо, выбрало вариант «А». Проще говоря, здоровые респонденты предпочитают заботиться о своем здоровье сейчас – и это себя оправдывает.

Еще одним таким вопросом была более абстрактная постановка проблемы о том, кто несет ответственность за здоровье. От ученика требовалось высказаться, выбрав 3 варианта ответа, А): человек сам отвечает за свое здоровье. Б): за здоровье человека отвечает общество. В): за здоровье никто не отвечает. Варианты «Б» и «В» не набрали заметного числа ответов, в то время как большинство выбрало вариантом «А». Данный результат также подтверждает, что самочувствие ученика в большей мере зависит от его личного отношения к здоровью.

Анализ данных полученных в ходе исследования «Здоровье и социальные связи подростков и молодежи» продолжается на факультете социологии СПбГУ при сотрудничестве с заинтересованными школами.

КОНСТРУИРОВАНИЕ ПРОБЛЕМ В ПРОЦЕССЕ КОНФЛИКТА В МЕСТНОЙ ПРЕССЕ

Гольбрайх В.Б. (Санкт-Петербург)

Настоящее исследование, посвящено конструированию проблем в местной прессе в процессе экологического конфликта. Средства массовой информации во многом определяют наше понимание социальных проблем, в том числе и экологических, являясь «публичными аренами», на которых идет борьба различных групп вокруг того является ли та или иная ситуация проблемной, требующей решения или нет. Как отмечает Дж. Ханнинган без освещения СМИ крайне мало шансов того, что «социальная проблема станет предметом общественной дискуссии, или станет частью политического процесса» (1, 79). В работе анализируется освещение конфликта вокруг проекта платной автотрассы Москва-Санкт-Петербург в местной прессе. Начавшись как локальный экологический конфликт, деятельность защитников Химкинского леса стала известна далеко за пределами города Химки. Нас интересовало насколько «публичные арены» местных печатных СМИ представляли собой публичное пространство, где различные акторы (власти, проектировщики, протестное движение) могли формулировать противоположные интерпретации проблемной ситуации и, исходя из этого, предлагать пути ее решения. При анализе освещения экологического конфликта в прессе использовался конструктивистский подход в социологии социальных проблем. Представители этого подхода видят социальную проблему как продукт процесса коллективного определения (2, 53). Конструктивистские исследования часто определяют интересы акторов в выдвижении социальной проблемы, объясняющие, почему данная проблема появилась. Социальные проблемы, по мнению С. Хилгатнера и К. Боска, соревнуются между собой за общественное внимание. Исследователи в своей модели выделяют «публичные арены», на которых определяются социальные проблемы, изучают воздействие таких арен. С этой точки зрения, «социальная проблема это спорные условия или ситуация, которая определяется в качестве проблемы на аренах публичного дискурса» (2, 55). На «публичных аренах» проблемы дискуссируются, отбираются, определяются, интерпретируются и представляются общественности. Соревнование между проблемами, означает соревнование между социальными группами, которые заявляют о различных проблемах. Эти группы

относятся к различным секторам общества и могут иметь различные цели. Одной из наиболее важных “публичных арен” являются СМИ. С.Хилгартнер и Ч. Боск говорят о принципах отбора, которые влияют на то, какие проблемы будут обращены вниманию аудитории. Это необходимость в драме и новизне и политическая тенденциозность того или иного органа массовой информации. Для анализа текстов газет было решено использовать анализ фреймов. Проблемная ситуация вокруг Химок, была вызвана принятым проектом прокладки скоростной автомагистрали «Москва-Санкт-Петербург». Мы видим в конфликте вокруг проекта платной трассы Москва - Санкт-Петербург, проходящей через Химкинский округ Московской области, две основные точки зрения на проблему и ее решения. С одной стороны власти, проектировщики видят проблему в транспортном коллапсе, который порождает экономические проблемы, проблемы для жителей Химок. По их мнению, постройка новой автотрассы по принятому проекту приведет к решению обозначенных проблем. С другой стороны экологические активисты, не отрицая необходимость решения транспортной проблемы, видят основную проблему в том маршруте, который выбрали проектировщики. Они полагают, что данный проект только усугубит экологические проблемы как Химок, так и Москвы и предлагают альтернативные маршруты трассы. При анализе текстов статей использовался метод контент-анализа. Предполагалось, проанализировав тексты газеты, выяснить насколько в них присутствуют конкурирующие фреймы определения проблемы и соответственно пути ее решения. Кроме того нас интересовало, насколько представителям общественного движения был открыт доступ на страницы местной газеты. Исходя из утверждений многих исследователей о том, что СМИ склоны подрывать легитимность протестующих и группы, которые можно было бы назвать «аутсайдерами» можно было предположить доминирование одного фрейма, представляющего интересы власти и связанных с ней групп. Также предполагалось, что представителям протестного движения будет затруднен доступ к местным СМИ. Нами не предполагалось существенных различий в освещении двух газет проблем, связанных со строительством трассы. Для анализа были выбраны две городские газеты: «Химкинские новости» и «Вперед». «Химкинские новости» - орган администрации городского округа Химки. Вторую газету, «Вперед», можно назвать «независимой». Для анализа был выбран период с конца марта 2008 г. (период активной деятельности защитников Химкинского леса) по конец октября 2011 года

(некоторого спада активности движения). Анализ не подтвердил изначального предположения, что на «публичных аренах» обеих городских газетах в рамках обсуждения спорной ситуации, мы обнаружим «властный» доминирующий фрейм, говорящий о тех проблемах города, единственным решением которых будет прокладка платной дороги по уже утвержденному маршруту. Была выявлена разница подхода к освещению проблемы между городским официозом и «независимой» городской газетой. В отличие от «Химкинских новостей», где явно доминировал «властный» фрейм, как в определении проблем, так и в путях их решений, мы видим большую плюралистичность «независимой» городской газеты, на страницах которой происходила конкуренция различных фреймов, различная интерпретация спорной ситуации. В то же время, при всех отличиях анализ показал некоторые сходства двух газет. В обеих газетах мы очень редко встречаем обвинения против органов власти. При этом наиболее часто по сравнению с другими акторами обвинения выдвигались против экологических активистов. В то же время доступ «аутсайдеров», самих представителей протестного экологического движения был затруднен не только на страницы городского официоза, но и «независимой» городской газеты. Наше исследование показало в некоторой степени плюралистичность публичного пространства СМИ в Химках в отношении проблемы строительства платной автотрассы, несмотря на отсутствие оппозиционной прессы в городе и жесткий контроль СМИ со стороны местной власти. Политический фактор становится основным в освещении газетой социального конфликта, при этом такие факторы, как драматизм, новизна в меньшей степени влияют на появление новостей в местной прессе. При этом существование прессы хотя бы в меньшей степени зависимой от местной администрации, позволяет жителям в большей степени увидеть альтернативную интерпретацию острой социальной проблемы. Однако анализ показал, что у общественного движения нет возможностей использовать местную прессу, даже формально независимую как ресурс для мобилизации населения в поддержку своих действий.

Литература

1. Hannigan John A Environmental Sociology: A Social Constructionist Perspective: Routledge, 1995

2. Hilgatter S., Bosk C. The Rise and Fall of Social Problems: A Public Arenas Model // American Journal of Sociology. 1988. Vol.94 №1, pp. 53-78

ПОНЯТИЕ «РЕЛИГИОЗНЫЙ ЖИЗНЕННЫЙ МИР» КАК ИНСТРУМЕНТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ДУХОВНОСТИ*

Дивисенко К.С. (Санкт-Петербург)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Религиозные знания, убеждения и практики в жизненном мире: межконфессиональные особенности (православие и протестантизм)», проект № 11–33–00381a2.

Религиозная жизнь современного российского общества характеризуется парадоксальностью. С одной стороны, за последние десятилетия принципиальным образом изменилось положение религиозных организаций, которые стали значимыми социальными силами в современном социокультурном контексте. С другой стороны, согласно результатам социологических исследований (напр., World Value Survey) в России и в ряде европейских стран наблюдается феномен «безбожной религии» — респонденты, считающие себя христианами, не верят в существование Бога и/или не разделяют основные вероучительные догматы. Очевидно, что в настоящее время происходит трансформация религиозной жизни как на институциональном, так и на индивидуальном уровнях. В связи с этим обстоятельством, основным методолого-методическим вопросом является проблема критерия и степени индивидуальной религиозности. С нашей точки зрения, решение данной научной проблемы может быть найдено в рамках интерпретативной социологии, благодаря обращению к концепции жизненного мира. Жизненный мир — одна из ключевых категорий феноменологии, теоретически развиваемая как в философском, так и в социологическом направлениях. «Жизненный мир» вошел в тезаурус социальных наук благодаря работам Э. Гуссерля [2]. Ключевые положения его поздней трансцендентальной феноменологии — теория intersubjectivity и концепция жизненного мира — во многом определили развитие интерпретативной социологии в XX веке. А. Шюцем было продолжено развитие идей феноменологической философии применительно к социологии.

Согласно А. Шюцу, жизнь человека протекает не в одном единственном, пусть даже и многообразном мире, а в относительно автономных «мирах опыта», которые имеют свою собственную структуру и содержание. Каждый человек, таким образом, живет во множестве реальностей, последние А. Шюц предпочитает называть «конечными областями смысла». Шесть базовых характеристик позволяют выделить отдельные конечные области смысла, к ним относятся: степень напряжения сознания, характер эпохи, преобладающая форма спонтанности, форма испытания собственного Я, форма социальности, временная перспектива [4, с. 73]. Таким образом, структура жизненного мира может быть описана как совокупность конечных областей смысла, где повседневная реальность выступает в качестве системообразующего стержня ввиду своей универсальной природы и интересубъективного характера. Мир религиозного опыта сам по себе неоднороден и весьма разнообразен и, как видится, включает конечные области смысла. Крайние полюсы мира религии суть реальность, близкая к повседневности, то есть религиозная повседневность, и экстатические переживания, выходящие за пределы нормальности привычного религиозного опыта. С нашей точки зрения, такое структурирование религиозного жизненного мира целесообразно в рамках феноменологического подхода и позволяет выделить две контрастные области конечного смысла: религиозная повседневность и религиозный экстаз. Мир религиозного экстаза — субъективный мир «выхода из себя», характеризующийся определенным индивидуальным способом созерцания и переживания трансцендентной реальности, особой пространственно-временной структурой. Экстатическая часть религиозного опыта характеризуется индивидуальностью, субъективностью, зависимостью в большей мере от психологических особенностей индивида и, вероятно, меньшей корреляцией с повседневностью. Для задач социальной феноменологии больший интерес представляет тот полюс религиозного жизненного мира, который носит интересубъективный характер, то есть ближе к повседневности. Требованию комплексного исследования религиозности отвечает понятие «религиозный жизненный мир», в котором преломляются как ментальные, когнитивные, ценностные компоненты, так и поведенческие, практические. Опираясь на феноменологическую перспективу социологии религии, религиозный жизненный мир может быть операционализирован как структура взаимосвязанных знаний, убеждений и практик. Такая структура жизненного мира позволяет исследовать в неразрывной связи

сознание и поведение людей в области духовной жизни. Знание как структурный элемент религиозного жизненного мира представляет собой корпус информации, который является общим для определенного круга людей «в привычной самоочевидной обыденности повседневной жизни» [1, с. 44]. Диапазон религиозного знания простирается от специального знания теологических основ до обыденного понимания норм поведения в религиозной общине. Религиозные убеждения представляют собой область интуитивно данного, сформированного теоретическим богословским знанием и личным практическим религиозным опытом. Под религиозной практикой понимается конкретная деятельность, соединяющая слова и действия (религиозное сознание и поведение), в которой может быть выделено два модуса: практики в пространстве религиозной повседневности и повседневные практики в нерелигиозной сфере. Критерием религиозности может служить экспансия религиозного жизненного мира в иную конечную область смысла, а именно в повседневность. Системы рациональности, мотивации, поступков, действий людей в повседневной жизни по мере возрастания степени религиозности начинают определяться не повседневными (мирскими, светскими) факторами, а собственно религиозными. На этом основании выделяются три степени религиозности. Факт религиозного позиционирования — номинальная, самая слабая степень религиозности. Такое вербальное исповедание себя верующим человеком может быть вектором дальнейшего духовного становления либо остаться только реакцией на социокультурный контекст. Вторая степень, помимо номинальной идентификации, характеризуется добавлением религиозного поведения. На этой ступени религиозный жизненный мир существует на правах анклава, то есть относительно изолированно от повседневности. Наконец, третья степень религиозности определяется более глубокими переменами: здесь происходит сильное изменение повседневного образа жизни и образа мыслей, и повседневность становится сферой, подчиненной религиозному. Таким образом, критерием религиозности является степень распространения маркированного религией пространства жизненного мира — в диапазоне от номинальной религиозности до изменения повседневной жизни (см. об этом более подробно [3]).

Литература

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.

2. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб.: Владимир Даль, 2004.
3. Дивисенко К. С. Религиозные знания, убеждения, практики в структуре жизненного мира // Социологический журнал. 2011. № 4. С. 84–100.
4. Шюц А. О множественности реальностей // Социологическая теория: история, современность, перспективы. СПб.: Владимир Даль, 2007. С. 58–109.

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ СТРАТЕГИИ В ИНТЕРПРЕТАТИВНОЙ СОЦИОЛОГИИ

Дудина В.И. (Санкт-Петербург)

В интерпретативной социологии подвергаются ревизии неопозитивистские эпистемологические принципы осуществления исследования. Принцип автономии фактов заменяется принципом теоретической нагруженности наблюдений; контекст обоснования больше не рассматривается, как совокупность нейтральных орудий проверки, но трактуется, как связанный с контекстом открытия и зависимый от него; ставится под сомнение самодостаточность принципа верификации, признается, что теория не может быть опровергнута непосредственным фактами, поскольку для опровержения определенной теории нужна другая теория. Рассмотрим некоторые общие принципы исследовательской стратегии в интерпретативной социологии. Поскольку результат процесса познания определяется теми допущениями, которые есть у исследователя, необходимо объективировать эти допущения и понимать, как исследовательская позиция влияет на выбор объекта исследования. Полевой исследователь должен, насколько это возможно, ясно и отчетливо формулировать те допущения, на которые он опирается в своем исследовании. Внимание к контексту открытия порождает требование необходимости ведения так называемой «естественной истории» исследования. Ведение подобных записей, в частности, позволяет отследить изменение позиции и взглядов исследователя в ходе проекта, поскольку позиция исследователя влияет на интерпретацию тех или иных наблюдений. Также на результат может оказать влияние процесс «вхождения в поле», установления контакта с объектом исследования, всё это, в свою очередь, может повлиять на интерпретацию и

концептуализацию данных. Первичные данные, используемые в процессе анализа, часто остаются в неизменном виде и не подвергаются формализации. Вместо формализации основным приемом работы с данными становится интерпретация. В случае формализации данные приводятся к соизмеримой форме, ценой освобождения от контекста. Кроме того, формализация и приписывание числовых характеристик тем или иным феноменам, как правило, основывается на достаточно произвольных основаниях. Формализация, освобождая высказывание от контекста, направлена на выявление чистых форм или «чистого смысла». Например, в закрытом анкетном вопросе, в котором можно выделить контекстно-зависимую (словесная формулировка, которая может пониматься неоднозначно) и контекстно-свободную (шкала) части, именно контекстно-свободная часть рассматривается в качестве источника данных, которые подвергаются дальнейшей обработке. С точки зрения интерпретирующего подхода, смысл в значительной степени, создаётся именно контекстом, соответственно, чтобы понять то или иное высказывание, надо знать, в каком контексте оно было сказано. Интерпретация – основной прием работы с данными на протяжении всего исследования, а не только на заключительном этапе. Соответственно, в процессе исследования могут пересматриваться гипотезы и интерпретации, методика может гибко меняться по ходу исследования. При этом большое внимание уделяется так называемой конструктивной (или теоретической) валидности – степени соответствия интерпретации эмпирических данных определенной теории. Понятие конструктивной валидности может быть расширено и включать в себя адекватность интерпретаций так называемым «повседневным теориям». Поскольку теоретические понятия должны отвечать требованию адекватности, то есть соответствовать интерпретациям исследуемых, то исследование, как правило, не начинается с построения жесткой теоретической модели, поскольку теоретическая модель отражает позицию исследователя и не всегда соотносится с субъективными значениями исследуемых. Обобщения, чтобы отвечать требованию адекватности, должны осуществляться не до исследования, а в процессе исследования. Исследование направлено не столько на верификацию, сколько на генерирование теории, при этом, результатом исследования, как правило, является типология или описание случая. В отличие от исследования, ищущего общие факторы, действующие независимо от контекста, интерпретативная стратегия направлена на выявление контекстных ограничений для определенных случаев, что получает свое

выражение в понятии «тип». Основной интерес представляют условия или контекст, при которых конструкт или теория действуют, а не обобщение (распространение выводов на другие контексты). Наиболее последовательное развитие данные принципы построения исследования получили в методологии «обоснованной теории» (grounded theory), разработанной американскими социологами Барни Глезером и Ансельмом Страуссом. «Обоснованная теория», с одной стороны, противопоставлялась чрезмерно абстрактным дедуктивным теориям, не имеющим точек соприкосновения с реальностью, а с другой стороны, представляла собой инструмент, содержащий четкие правила работы в контексте открытия, подобно тому, как позитивистская методология в свое время предложила набор правил для работы в контексте обоснования. «Открытие» и «обоснование» в методе обоснованной теории не разведены во времени, а осуществляются параллельно, теория постепенно выстраивается по мере сбора данных и появляющиеся понятия постоянно сравниваются с новыми данными. Выборка также постоянно адаптируется к развивающейся теории и перестраивается по мере сбора данных. Метод обоснованной теории призван минимизировать искажения в интерпретации данных, обусловленные позицией исследователя и, тем самым, содействовать, лучшему пониманию уникального контекста. Поскольку, в соответствии с требованием адекватности теоретических понятий, исследователь должен учитывать интерпретации первого порядка, то появляющаяся теория, применяемые методы и выборка постоянно перестраиваются по ходу исследования с целью достижения соответствия теоретических конструктов интерпретациям исследуемых и лучшего понимания феномена. Результатом реализации данной методологии является теория, представляющая собой локальное обобщение, которое создается, развивается и верифицируется в процессе сбора и анализа данных, относящихся к феномену. Таким образом, сбор данных, анализ данных и теория находятся во взаимной связи. Метод обоснованной теории не может быть отнесен к индуктивным методам построения исследования, основывающимся на допущении о существовании «автономных фактов». Хотя данный метод и провозглашает выведение теории из фактов, тем не менее, он основывается на предварительной теоретической интерпретации данных, в соответствии с принципом «теоретической чувствительности» - способностью «увидеть» теорию в данных. Принцип теоретической чувствительности созвучен постпозитивистскому тезису о теоретической нагруженности

наблюдений, поскольку предполагает, что исследователь имеет дело не с данными, а с «феноменами», которые обосновываются данными. В отличие от данных, «феномены» не наблюдаемы и суждения о них строятся по принципу абдуктивной логики (заключение от наблюдений к ненаблюдаемым свойствам, от случая к правилу), представляющей собой основную форму гипотетического мышления.

ТРАКТОВКА ПОНЯТИЯ «НАЦИЯ» В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ ПИТИРИМА СОРОКИНА.

Клюев А.В., Урсу И.С. (Санкт-Петербург)

На протяжении всей своей творческой биографии П.А.Сорокин постоянно ориентировался на преодолении противоречия между реализмом и номинализмом. В русский период деятельности этот поиск сопровождался неоднократной сменой своих убеждений и воззрений. В анализе социальных явлений он исходил из философии интегрализма, содержащей позитивное начало позитивизма и антипозитивизма. Стремление согласовать в пределах одного определения разнообразные подходы отчетливо прослеживается при его анализе основных факторов социальной эволюции, форм общественного поведения, морали, нации и национальности и т.д. Признавая, что национальный вопрос относится к числу самых острых и обсуждаемых в дореволюционной России, он приходит к выводу, что ни один исследователь не дает точного и ясного ответа на вопрос: «Что такое национальность? Каковы ее элементы? В чем ее отличительные признаки?» [2, с. 293-294]. Подобная ситуация обусловлена тем фактом, что данное понятие носит абстрактный, не конкретный и, следовательно, не научный характер. Всех теоретиков национальности Питирим Сорокин подразделил на две категории. К первой категории он относит Гегеля, Аксакова, С. Франка, П. Струве, Е. Трубецкого, Н. Бердяева и др. В целом данная группа исследователей видит в нации и национальности метафизический принцип, таинственную вне- и сверхразумную сущность, одним из многочисленных проявлений абсолютного и т.д. Все эти определения нации составляют «ряд образцов бессодержательной болтовни ... без всякого смысла» [1, с. 346-347, 352]. Определенный интерес для социологии имеют исследователи второй категории, которые видят в нации или национальности «группу или союз людей, обладающих теми или иными признаками..., объединенных той или иной связью» [1, с. 347].

Сорокин анализирует выдвигаемые той или иной теорией признаки нации. По ходу их анализа он доказывает неистинность и субъективность не только отдельных признаков нации, но и реального бытия нации как целостного социального явления. Завершив свой анализ основных теорий национальности, Сорокин приходит к выводу, что «ни одна из теорий не удовлетворяет и не знает, что такое национальность». Среди основных «грехов» теорий национальности социолог выделяет «бессодержательную болтовню» одних; полное разночтение всех определений национальности; конструирование национальности другими либо в качестве элементарной группы, либо расовой, либо языковой, либо религиозной и т.д. группы; ограниченное и тавтологичное конструирование третьими национальности в качестве кумулятивной группы; отсутствие среди элементарных и кумулятивных теорий национальности научного определения национальности как особого вида социальной группы и их попытка дать такое определение, в которое бы укладывались все ходячие определения национальности. На примере еврейской, французской и немецкой национальностей Питирим Сорокин показывает, «что именем «национальности» покрываются ряд гетерогенных групп. Иными словами, существует только термин «национальность», и нет соответствующей ему определенной, однородной социальной группы»[1, с. 352-355]. Многозначность понятия «национальность» входит в противоречие с правилом науки, утверждающее, что «одним термином следует обозначать явления тождественные. Разнородные же явления необходимо обозначать терминами различными». Поскольку термином «национальность» обозначаются разнородные по своему составу кумулятивные группы, постольку необходимо либо придать ему определенный и конкретный смысл, либо полностью удалить из терминологии социальной науки. Из сказанного П.Сорокин делает два методологических вывода. Во-первых, единство крови, расы, языка, территории, экономики, религии, исторической судьбы, философии, культуры, морали и других качеств не могут быть отнесены к признакам нации. И во-вторых, что реально существует только «индивид» как единичное начало, тогда как «нация как общее начало», в реальной действительности нет и быть не может. Подчеркнем однако, что уже в конце второго десятилетия XX вв. ощущается усиление интегративного начала в его воззрениях. Это выразилось в отрицании как крайнего реализма, так и крайнего номинализма. и утверждении «нет личности без общества, также как нет общества без личности». Принцип мышления «или - или»,

характерный для многих философских и социологических концепций России конца XIX начала XX столетий, постепенно вытеснялся принципом «и - и». Разновидностью последнего является интегральная философия П. Сорокина. Мировой и отечественный опыт свидетельствует, что только взаимосвязь экономики, культуры, и психологии нации есть необходимое условие прогрессивного развития общества. Следует согласиться с известным американским экономистом У.К. Митчелом о том, что «...хозяйственное поведение передовых наций» отличается друг от друга в зависимости от тех характерных черт, которые «коренятся в темпераменте этих наций». Более того, «не подлежит сомнению, что всякое отличие в национальном темпераменте обязательно оказывает влияние на всю экономическую жизнь...народов» [3, с.182].

Литература

1. Сорокин П.А. Что такое национальность (Анализ того, что называется национальностью) / Сорокин П.А. Система социологии. Т.2. Социальная аналитика: Учение о строении сложных социальных агрегатов. – М.: Наука, 1993.
2. Сорокин П.А. Национальность, национальный вопрос и социальное равенство / Сорокин П.А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. – М.: Наука, 1994.
3. Митчел У.К. Экономические циклы. - М.-Л., 1930.

СКРЫТАЯ КУЛЬТУРСОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРОГРАММА В РАБОТАХ М. ВЕБЕРА

Комаровский А.В. (Минск, Республика Беларусь)

Одной из актуальных задач современного вебероведения является определение целостности веберовского наследия. Постепенный отказ от искусственного разделения веберовских работ на «теоретико-методологические» и «материально-эмпирические» труды определялся поиском рамочной исследовательской программы Вебера, задающую органическую целостность его внешне фрагментированному наследию. Вебероведы пришли к выводу, что эта целостность может лежать только в плоскости методологии, так как она одновременно является «механизмом производства» и «местом сборки» разнородных тематических и дисциплинарных наработок немецкого ученого. Однако многие вебероведческие

работы представляли эту целостность скорее в плоскости тематической (поиск лейт-мотива, «темы» веберовских работ), нежели методологической, чем редуцировали познавательный потенциал веберовской мысли до локальных дисциплинарных решений (чаще социологического толка). Широкий интерес к Веберу в гуманитаристике второй половины XX века стимулировался поиском интегральных исследовательских подходов. Важно отметить историко-социологический факт, разделяемый ключевыми немецкими вебероведами (Ф. Тенбруком, В. Хеннисом, В. Шлюхтером). Веберовская социология исходно не получила прочтения и развития, адекватного своей неклассической/постнеклассической эпистемологической направленности. Поэтому она оказалась широко востребованной существенно позже, когда «органически» вырос методологический спрос на постнеклассическую эпистемологию. Данная эпистемология базируется главным образом на представлениях о (1) трансдисциплинарности науки, (2) ее аксиологической нагруженности и (3) конструктивистском самосознании. Трансдисциплинарный характер социологии, заявленный Вебером в начале XX века [1], не укладывался в нарастающую тенденцию монодисциплинарной дифференциации гуманитарного знания, что впоследствии вылилось в механическое «расчленение» и «растаскивание» Вебера по отдельным дисциплинам и, соответственно, исходную методологическую ограниченность данных заимствований, которая затрудняла достижение интегрального видения и применения веберовской методологии (проблема мультидисциплинарной фрагментации). Вопрос об аксиологической нагруженности гуманитарного знания был переведен в диаметрально противоположный неоклассический дискурс «ценностной нейтральности» («свободы от ценностей»), снявшим с повестки дня осознание ценностной (социокультурной) предпосылочности всякого научного, и в особенности гуманитарного знания (проблема радикального интернализма). Наконец, судьбоносный для западной науки «спор о методе», в котором Вебер принял активное участие и предложил социологическое (!) решение, демонстрирующее созидательную (конструктивную), а не отражательную роль науки как одного из ключевых, хотя и системообразующих для Запада типов знания в культуре, также получил неоклассическое решение (проблема объективистского сциентизма). Данная эпистемологическая ситуация доминировала в социологии вплоть до начала 1970-ых гг. благодаря господству

структурно-функционального анализа, блокируя альтернативные интерпретации веберовской социологии. Примечательно, что это произошло синхронно с наступлением господства неоклассики в экономическом знании, которая также сняла с повестки дня неклассические ходы, предложенные институционалистами первой волны (Т. Веблен, Дж. Коммонс в США) и представителями немецкой исторической экономической школы (Г. Шмоллер). При этом малоизвестно, что данное решение внутри социологии было предложено Т. Парсонсом на основе существенных заимствований именно из экономики, не найдя место в которой, Парсонс ушел в социологию, отказавшись от приобретенных в Германии после защиты экономически ориентированной диссертации неклассических установок [2]. В этом контексте важен другой историко-социологический факт. Ключевые версии современных неовеберовских интерпретаций Вебера снимают упомянутые нерелевантные (неоклассические) методологические дилеммы именно средствами культурсоциологического анализа. Современный «культурный поворот» в гуманитарном знании выражает попадание культуры в фокус не только предметной, но и методологической рефлексии, направленной на демонстрацию «материальной» стороны культуры — ее рамочного влияния на феномены социального, экономического, политического планов, выступающие как комплексные предметности, превосходящие по своей структуре и размерности предметы отдельных дисциплин или их искусственных комбинаций, свойственных мультидисциплинарным проектам (что и делают актуальным запрос на трансдисциплинарное знание). Сегодня актуален вопрос не просто экзегетического, а критического прочтения Вебера. Вслед за В. Шлюхтером «мы намерены «не просто интерпретировать, но эксплицировать Вебера. «Эксплицировать» значит следовать предложенной Вебером постановке проблем, но не во всем следовать его решениям. Итак, под экспликацией понимается развитие мысли, домысливание, в ретроспективном и перспективном обращении к другим и другому. ... Скорее речь идет о лучшем решении проблемы при той же ее постановке» [3, с. 25]. Именно методологические разработки Вебера («постановки проблем») и являются актуальным объектом историко-социологического исследования. Его целью является демонстрация того, что в своей полноте веберовская социология представима только в версии культурсоциологии (исключая прочтения как специальной социологической теории или «большой» теории среди прочих).

Литература

1. Комаровский, А.В. Культурсоциология Макса Вебера /А.В. Комаровский // Социологический альманах. – 2012. – вып. 3. – С. 397-407.
2. Ефимов, В.М. Об интерпретативной институциональной экономике (научный доклад)/ В.М. Ефимов. – М., 2007. – 48 с.
3. Шлюхтер, В. Действие, порядок и культура: основные черты веберовской исследовательской программы / В. Шлюхтер // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2004. – Том VII.2. – С. 22-50.

ВОЙНА КАК ПРЕДМЕТ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ И СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Корнилов П.А. (Казань)

Все же в настоящее время можно выделить два фундаментальных подхода в трактовке феномена войны. Первое, у истоков которого в философском плане стояли В.Ф. Малиновский и М. Ревон, а непосредственным толчком, к широкому эмпирическому развитию которого послужили идеи З. Фрейда, объясняет войну исключительно биологическими и психологическими причинами. Главный тезис – такова природа людей, ее и надо изучать. Базовой научной дисциплиной, где постулируется такой подход, соответственно является психология. Второе направление считает войну исключительно общественным феноменом, порождением социальных взаимодействий, результатом социальных отношений. Базовой отраслью научного знания, в которой ведется активная работа в данном направлении, является социология. Однако в целом к подобному подходу тяготеет и социальная философия, и политология, и сама военная теория. Все это связано с тем, что именно военно-теоретическое знание взяло на вооружение тезис Клаузевица о взаимосвязи войны и политики. Не только марксистско-ленинское направление исходило из данного положения, но и многие западные концепции войны также базировались на ней [1, 79-103]. И в современный период идея войны как продолжения политики является отправной точкой для многих теоретических построений. Крупный отечественный военный социолог В.В. Серебрянников в своем фундаментальном труде «Социология войны» пишет: «Никакая война не возникает вдруг из ничего, сама собой. Войны вызревают, как правило, долгие годы, по крайней мере, несколько лет. Их готовят социально-экономические и

политические группы (партии), государства, заинтересованные в этом» [2, 45]. Соответственно со времени своего первоначального выдвижения в последующих концепциях самый знаменитый тезис Клаузевица не остался в неизменном виде, а получил свое развитие и более глубокое осмысление. Однако даже когда говорится о человеческом измерении войны, все ограничивается непосредственно акцентами на социально-политические и социально-экономические параметры, что существенно сужает поле теоретической интерпретации. «Сущность войны, как сложного социального явления, имеет несколько уровней: менее глубокие, т.е. связанные с внешним проявлением, и более глубокие. В определении сущности войны, сущностью первого (ближайшего) порядка выступает направляемая политикой вооруженная борьба, законы которой исследуются военной наукой. Сущность второго (более глубокого порядка) выражает зависимость войны во всех ее формах от политики. Именно политика детерминирует в конечном счете возникновение войны, определяет степень ее масштабности и напряженности, характер использования вооруженного насилия, других его форм. Сущностью третьего (более глубокого порядка) является социально-экономическое содержание самой политики» [3, 23]. При всей разработанности данной модели, следует отметить, что ее глубина ограничивается поверхностью протекания социальных процессов, вкупе с политическими и экономическими. Ограниченность этого подхода в отношении войны на сегодняшний день осознается многими ведущими учеными, как в области психологии, так и социологии. Лоуренс Лешан в своей работе «Если завтра война? Психология войны» авторитетно заявляет: «В настоящее время наши теории сложнее и основаны на большем объеме информации, чем был доступен в древние времена, но все же эти теории опираются на привычные стереотипы» [4, 18]. В.В. Серебрянников в своем труде одной из главных рассматривает проблему «человек и война», особенно в контексте эволюционного процесса. Он ставит ряд основополагающих вопросов, которые требуют своего ответа. «Война, сопровождая жизнь человека, не могла не оказывать воздействия на его эволюцию. Каковы векторы и сила этого воздействия, удельный вес среди других факторов, формировавших качества человека? Как взаимосвязаны развитие войны и человека, как изменяется их взаимовлияние, каковы тенденции в отношении человека к войне, что ожидать в этой области в грядущем столетии?». При этом социолог подчеркивает, что «ответы на эти вопросы имеют не только научное, но и практически-

прикладное значение. Они призваны помочь уяснить перспективы возможного расставания человека с войной, способы ускорения этого процесса, поиска альтернатив войне» [2, 180]. Для решения этих задач в научном плане, прежде всего, необходим методологический междисциплинарный синтез, преодоление узости разрозненных подходов и объединение их в один общий, который бы в себе универсально интегрировал их всех. Реализовать это можно на основе признания сродства войны и насилия, на что указывали многие военные теоретики, и непосредственно глубоко обосновал К. Клаузевиц. Особую сложность в настоящее время приобрело определение базовых понятий «война», «военный конфликт» и т.п. Значения и смыслы данных категорий в современном теоретическом и социокультурном знании все более размываются, лишаются привычной четкости, определенности. Легитимизированно употребляются такие термины, как «экономическая война», «финансовая война», «психологическая война», «информационная война», «автомобильная война», не говоря уже о таком понятии как «холодная война». Подобная разноголосица и путаница, размытость определений мешает серьезному изучению проблем войны и насилия и ставит в тупик даже многих специалистов по военной теории. Военный социолог В.В. Серебрянников отмечает, что «смешение войны с другими социальными явлениями означает неверное их понимание, невозможность выработать к ним правильное отношение, эффективно руководить борьбой, определять необходимые средства и способы ее ведения, цели и задачи» [2, 34]. С одной стороны, это верно, особенно, когда речь идет о вооруженном столкновении с реальным противником. Сами же политики и военные расширяют категориальное поле войны. В настоящее время вполне официально и широко используется термины «война с терроризмом» и «террористическая война». То, что называется данными терминами довольно далеко отходит от классического понимания войны в трудах военных теоретиков. «Армия террористов» - это тоже не типичная армия. С другой стороны, когда писались классические военные труды, таких вызовов и проблем перед обществом не стояло. Получается, что сама жизнь вносит свои коррективы в наше понимание сути войны на сегодняшнем этапе. Возникает вопрос, можем ли мы игнорировать эти изменения и те смыслы и тенденции в отношении войны, которые проявились в последнее время. Вряд ли разумно и тем более научно будет сказать, что прежние понимание и интерпретации войны были правильными, а новые трактовки этой категории ошибочны. Нет, скорее они открывают нам новые

горизонты в дальнейшем изучении этой проблемы. Столь расширенное трактование свидетельствует о новом витке осмысления феномена войны.

Литература

1. Проблемы войны и мира. Критика современных социально-философских концепций. – М., 1967.
2. Серебрянников В.В. Социология войны. – М., 1998. – 320 с.
3. Иванов В.Н., Ксенофонов В.Н. Мир и война: человеческое измерение (социально-философский анализ). – М., 1996. – 121 с. 4. Лешан Л. Если завтра война? Психология войны. – М., 2004. – 142 с.

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО КРУПНОГО МОНОПРОМЫШЛЕННОГО ГОРОДА: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ МОЛОДЫХ РАБОЧИХ

Косицына С. . (Тольятти , Россия)

Социокультурное пространство города, по сути, есть нечто иное как итог социальной и культурной деятельности человека [4] в границах определённого типа городского поселения. Отметим, что пространство города, интерпретируется каждым индивидом по-разному, соответствуя социокультурному опыту и знаниям каждого индивида.[1] Монопромышленный город представляет собой подтип городского поселения, подвид моногорода, градообразующим фактором которого выступает крупное индустриальное предприятие с определённой отраслевой направленностью.[2] Рабочая молодёжь монопромышленного города – источник его развития и дальнейшего существования. Если определить данную подгруппу конкретнее, то это экономически активная подгруппа молодёжного сообщества, социальная роль которой в основном связана с материальным производством на определённом предприятии. [3] Определим характерные черты и структуру городского социокультурного пространства посредством анализа субъективных ответов глубинного интервью 30 молодых рабочих монопромышленного города Тольятти (Самарская область). Согласно данным опроса, город вызывает различные чувства людей, свидетельствующие об их уровне самоидентификации с городским пространством. Город определяется как «родной» в силу того, что

индивид рождается здесь или много лет живёт в своём городском округе, в результате чего развиваются социальные связи личности, происходит процесс её социализации в городском пространстве: «он родной, я тут родился»; «люблю его за то, что он родной, за то, что я здесь уже всех-всех знаю, столько друзей, воспоминаний, впечатлений»; «в этом городе всё, что мне дорого и все кто мне дороги и да, я люблю этот город»; «я не считаю его любимым или не любимым, город как город ничего особенного, но считаю его своим, конечно!» и т.д. У некоторых респондентов город не вызывает чувства родства и каких-либо тёплых чувств, что, вероятнее всего, порождает довольно безучастное поведение в жизни города: «я довольно равнодушен именно к Тольятти. Да, здесь все устоялось в жизни и ритме, но привязанности у меня нет к нему...есть и лучше, почему бы не стремиться пожить в них?»; «я равнодушен к этому городу...я не понимаю, как можно город вообще любить, он что одушевлённое существо? Я больше особо нигде не был, не знаю, родной он мне или нет...». Отметим, что ответы опрошенных говорят о том, что родного города они ещё не нашли, степень родства в данном случае определяется скорее уровнем психологического комфорта респондентов, обусловленным влиянием города. Патриотические чувства горожан к своей малой родине определяют не только положительные оценки города Тольятти, но и выявление его недостатков, а следовательно и потенциальное желание сделать его лучше. Достоинства городского округа Тольятти связаны с его природной составляющей и историей, идущей от Ставрополя-на Волге, что существовал на его месте вплоть до середины XX века: «люблю Тольятти! У нас природы много, есть на что посмотреть...», «...культурные места и особенно природа очень красивая, и не во всех городах можно легко пойти как в лес, так и на реку, озёра – они же у нас рядом!», «не смотря на то, что город молодой, все равно у него уже есть интересная история...» и т.д. Город Тольятти славится и своей автомобильной отраслью промышленности. АвтоВАЗ – главный градообразующий фактор, и это является предметом гордости горожан: «...большой восторг у меня вызывает промышленность, серые корпуса заводов, трубы, огромные химические агрегаты...». А также город – это источник работы и развлечений: «...в городе мне нравится достаточное количество рабочих мест, масса культурных и развлекательных заведений...». Отрицательные черты города характеризуют как внешний образ города, так и его структурные составляющие. Несмотря на то, что индустрия города является его основой, она, тем не менее, она

наносит ущерб его экологии: «...не люблю за то, что заводы всё больше и больше его губят» и пр. Не устраивает молодых рабочих низкий уровень развития культурной и досуговой составляющей города, что характерно для такого типа городских поселений: «не люблю за то, что развлечений мало», «культурно-исторических мест по факту нет...городу то всего лишь по сути 50 лет. Исторических мест Ставрополя не осталось, а новые еще не появились», «культурно-исторические места...ну а смысл в них ходить, если там грязь...», «культура Тольятти откровенно слабовата, если сравнивать с Казанью или тем более с Питером...» и т.д. Неудовлетворённость провинциальностью города и ощущение бесперспективности собственного развития также прослеживается в ответах респондентов: «ненавижу его за то, что это большая деревня и ещё большее болото...», «...нет работы, а для молодых специалистов без стажа работы совсем податься некуда», «мне, допустим, по своей сфере будущей сложно будет найти работу...у нас будет любой человек, без образования, но будет родственник того-то или этого начальника...» и т.д. В высказываниях опрошенных подчёркивается недовольство экологией городского округа, которая обусловлена поведением горожан в общественных местах: «...но он становится с каждым годом всё грязнее и никому до этого нет дела...», «за что не люблю город, за грязь и менталитет людей, которые единственное что могут, это только говорить, что какие все свиньи, но, проходя три метра, тут же бычок кидают на землю...» и пр. Проблем в городе достаточно много, по мнению опрошенных, и касаются они уровня обустройства и комфортности бытовой жизни, развития культурно-досуговой сферы, образовательной и трудовой сфер. Тольятти – «молодёжный город», поэтому молодые рабочие хотят его видеть усовершенствованным и современным, другими словами, респонденты конструируют в своём сознании образ будущего города. Интервьюируемые озабочены будущим культурным развитием городского округа: «Мне кажется, что не получится улучшить культурный облик и образ города, не улучшая благосостояния народа. Если люди будут меньше озабочены зарабатыванием денег для выживания, тем больше времени у них будет на вменяемый досуг...»; «хочется, чтобы больше уделялось внимания на культурное развитие города. Чтобы было больше мест, где можно проводить время с друзьями...», «театр бы улучшила. Точнее саму эту систему в городе...» Удобство и комфортность проживания – главные критерии желаемого будущего города. В данном случае этот факт объясним потребностью молодых рабочих

отдыхать вне заводского помещения, где зачастую труд является физически сложным: «...какой-нибудь развлекательный комплекс, развязок на дороге, а то постоянно в пробке стоим...», «хотел бы нормальных ровных дорог - это раз, и два - нормальную организацию гонок, «покатушек» и прочих автоспортивных мероприятий, наверное, бы очистил город от разного рода быдла и уголовщины...», «если бы у меня была возможность, я бы для города построила много новых девятиэтажных домов, садилов, школ, учебных заведений, парков и просто везде бы насадила деревьев, цветов; чтобы строились новые заводы, фабрики открывались рабочие места» и т.д. Ответственность за проблемы города несёт, прежде всего, городская власть. Следовательно, инициатива, по мнению участников интервью, должна идти «сверху», население является даже не исполнителями, а потребителями услуг сфер городского обслуживания: «Хочу чтобы городская Дума думала о всех жителях, а не только о себе...», «...если бы были такие возможности, я бы всё сделал. А с другой стороны, я не политик и не знаю, как сейчас всё в политике делается...». Итак, городское пространство как социокультурное целое представляет собой структуру учреждений, удовлетворяющих жизненно необходимые потребности молодых рабочих в трудовой деятельности, семейно-бытовой, культурно-досуговой и образовательной. Характерными особенностями образа городского пространства, сконструированного в сознании молодых рабочих, являются взаимозависимость поведения горожан и уровня их идентификации с городом; низкий уровень социокультурной активности и ответственности горожан; ощущение бесперспективности развития города и его населения, законсервированности социальных и культурных взаимодействий.

Литература

1. Щюц А. Социальный мир // Култыгин В.П. Современные зарубежные социологические концепции. – М.: Союз, 2000.
2. Косицина С.В. Социокультурное пространство современного монопромышленного города «Вектор науки ТГУ». - 2011. - №4(18).
3. Косицина, С.В. Рабочая молодежь в контексте городского социокультурного пространства / С.В.Косицина // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2012. - № 3. – ч.2. – С.9-15.

4. Паламарчук М.Л. Город как социокультурный феномен.: Автореф. дис.... канд. филос. наук. – Архангельск, 2009 // Электронная библиотека: диссертации. URL: <http://diss.rsl.ru> (дата обращения: 25.01.2011). – С. 12-13.

МНЕНИЕ МАССОВОЕ, НО НЕ СТАНДАРТНОЕ

Крокинская О.К. (Санкт-Петербург)

В эпоху межформационных переходов пальма первенства в номинации «объяснительная способность» переходит от объективистской парадигмы социологии (эссенциализм, холизм) – к субъективистской (номинализм, методологический индивидуализм). Теория здесь движется за практикой социальных процессов, в которых системные, стабильные регулярности и закономерности воспроизводственного типа ослабевают, и история превращается из процесса относительно объективного в процесс с решающим влиянием субъектного и субъективного факторов. В связи с этим в социологии возникают несколько онтологических и эпистемологических оппозиций. В то время, как воспроизводство системы требует стандартизации человеческих ресурсов, интенсивные трансформации эпохи переходов, напротив, стимулируют отклонения от стандартов. Они проявляются в огромном спектре девиаций, дивергентности и креативности, то есть альтернативных форм организации поведения, мышления и деятельности людей. В периоды стабильности и социального воспроизводства социология собирает урожай стандартизированных массовых мнений, сформированных эффективными практиками доминирующих принципов эпохи. Напротив, в периоды трансформаций она обращается к изучению сугубой специфики субъекта – его уникального индивидуального опыта, аутентичной рефлексии и интерпретаций реальности. Социология стабильных состояний по преимуществу «изучает простую вещь – статистику стереотипов» [1]. Социология переходов и трансформаций, разворачиваясь в сторону «тонких материй» дискурса и нарратива, с помощью которых люди интерпретируют реальность, способна улавливать изменения стереотипов и успешно работать с вероятностными моделями общества [2]. Вместе с тем оппозиция объективистской и субъективистской (интерпретативной) социологии ценна сегодня и тем, что демонстрирует потребность в подходах двойной детерминации. Ибо объяснять надо не только то, как люди

мыслят, объясняют или представляют социальный мир, но и то, как они превращают конструкты в явь. А это без теоретического соединения структуры и воли, понимания их взаимодействия и взаимообусловленности невозможно. Переходные периоды общества с очевидностью наиболее приспособлены историей для массового «превращения ожидаемого в явь» (В.Лефевр), ведь стабилизирующие нормативы и контроль в них ослаблены, а запрос на инновационные решения, наоборот, усилен. Переход к постиндустриальному обществу и его дальнейшее оформление дополнительно облегчают этот процесс, так как опираются на релевантные этой формации субъектность, индивидуальность, интеллект, коллективный разум, что закономерно делает феноменологическую установку в социологии одной из самых продуктивных. Проект «Феноменология социальных страхов» (НИИКСИ СПбГУ; грант РФФИ № 10-06-00403) применяет эти подходы. В соответствии с задачами проекта исследовались современные контексты социальных страхов в нашей стране, в частности – отношения власти и общества. С помощью комбинации упорядоченной номинативной шкалы и открытого вопроса-комментария был произведен замер фобий в отношениях «власть – народ». Опрошено 476 человек, жителей Санкт-Петербурга, в возрасте от 18 до 75 лет. На открытый вопрос получено около 450 ответов в виде развернутых оригинальных суждений. Фобические смысловые позиции выявлены по всем вариантам векторов страха: власть боится народа, народ боится власти, народ и власть боятся друг друга, однако преобладающей оказалась позиция «никто никого не боится» (37%, 44% и 51% ответов в младшей, средней и старшей возрастных группах). Комментарии опрошенных к своим ответам показали, что в последнем случае внешне позитивный характер отношений феноменологически содержит другую, остро негативную коннотацию. Ее содержание свидетельствует о глубоком разрыве между властью и обществом (опрос проходил до начала избирательной кампании 2011 г. и не испытал ее влияния). – Ключевыми выражениями для позиции «Власть боится народа» (в целом по выборке 8% ответов) стали: власть боится волнений, возмущений, подделывает результаты выборов, любые оппозиционные мысли пресекаются <...> – Для позиции «Народ боится власти» (29% ответов): народ боится высказывать свое мнение, не знает, чего ждать от власти, опасения за карьеру, возмущаются, но бездействуют, молчат, когда их унижают <...>. – Для позиции «Народ и власть боятся друг друга» (20% ответов): власть боится восстаний, а народ – восстать; взаимная нелюбовь и

недоверие» <...> – Для позиции «Никто никого не боится» (43% ответов): живут, как в параллельных мирах, все делают, что хотят, всем на все наплевать, власть борется за свое благополучие, им нет дела до народа, каждый за себя <...> и, неоднократно: «Власти наплевать на народ, а народу – на власть». Значение слова «наплевать» привносит в ментальный климат общества смыслы равнодушия, безразличия, презрения, нежелания считаться с кем-либо и с чем-либо. Мотивы нелюбви, недоверия, отчуждения между обществом и властью присутствуют в интерпретациях всех позиций закрытой шкалы. Они носят массовый, даже всеобщий характер. Однако лексически поле дискурса и нарратива при этом весьма разнообразно. Практически отсутствует тот признак, на основании которого Б.А.Грушин в свое время вывел понятие «массы», а именно, – однородность, вербальная и ментальная унификация суждений. Практически весь массив состоит из уникальных, не повторяющихся семантических единиц, что даже довольно сильно затрудняет группировку. Иными словами: при достаточно определенном, даже символически общем, содержании, суждения формулируются отвечающими сугубо самостоятельно и независимо от каких-либо институтов влияния. Так, идиома «Партия воров и жуликов», уже начавшая существовать как массовый мем, здесь еще напрочь отсутствует, она не упомянута ни разу. Полученное собрание суждений представляет собой хор, где у каждого – своя партия. Это та самая «речь, погруженная в жизнь», которая несет с собой свидетельства о характере этой жизни, а не о том, что предписано о ней понимать. Столь гетерогенный характер дискурса указывает на способ создания общей (а в дальнейшем общественной) установки – на базе первичной агрегации единичного. При подобном состоянии и конфигурации массового сознания оно может стать, собственно, общественным мнением. Никем не навязанное, не являющееся результатом обучения (то есть передачи унифицированной ментальной нормы от одной инстанции всем или многим), но, наоборот, выросшее «снизу», очевидно имеющее корни, и прошедшее через естественную самоорганизацию – оно не может просто исчезнуть или рассыпаться. Это уже не масса, еще не сеть, но уже структура. Исследовательская интерпретация, построенная на изучении не только содержания субъективного феноменологического опыта, но и на изучении способа его существования, дает, кажется, некий объективный результат, который задним числом освещает начало гражданского движения зимы 2011-12 гг. и не позволяет думать, что этим началом все и закончится.

Литература

1. Ослон А. Апология умной толпы // «Независимая газета», 28.02.12 – http://www.ng.ru/scenario/2012-02-28/9_apologia.html
2. Общество и власть в условиях политического кризиса. Доклад экспертов ЦСР Комитету гражданских инициатив. – <http://www.csr.ru/images/docs/doklad.pdf>

ИНТЕРПРЕТАТИВНАЯ СОЦИОЛОГИЯ В КОНТЕКСТЕ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ П.А.СОРОКИНА

Ломоносова М.В. (Санкт-Петербург)

1. Критика интерпретативных теорий и эвристические возможности интерпретативных методов исследования.
2. Ценности как предмет социологического исследования.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ТЕОРИИ «СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА» ДЛЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ КРОСС - КУЛЬТУРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Маликова Н.Р. (Москва)

Кросс-культурный подход основан на выявлении и сравнении сходных особенностей и уникального своеобразия различных культурных явлений, набора культурных универсалий, стереотипов моделей поведения, институциональных социальных изменений. Применение его с привлечением концепции социального капитала ориентировано на эмпирические исследования, они также дают основания для углубленной методологической интерпретации, социального проектирования и прогнозирования. Особенностью современных кросс - культурных исследований стали растущая международная кооперация, междисциплинарная интеграция социально-гуманитарного познания, открытость собираемых данных и используемых процедур («Евробарометр», «Латиноамериканский», «Афро-», », «Азиатский», «Арабский» барометры и «Евразийский монитор», исследования World Values Survey Association /WVSA). Для интерпретации результатов продуктивно привлечение концепции «социального капитала» (понятие впервые упомянуто Л. Ханифан, в 1916). Стимулом для осмысления феномена социального капитала стала широко известная концептуальная идея «габитусе» (habitus) П.

Бурдье, который способствует приумножению капитала: экономического, социального, культурного. Социальный капитал является совокупностью явных и потенциальных ресурсов, которые предусматривают наличие включенности в прочные социальные сети институциональных отношений признания обязательств на основе взаимного доверия [Bourdieu, 1985]. Социолог Дж. Коулмэн, раскрывая суть 3-х разновидностей капитала (физического, человеческого и социального), уточняет, что социальный капитал «не осязаем», включен в структуру социальных и социально-психологических отношений, а основу его составляет внутригрупповое доверие, он продуктивен и облегчает совместную деятельность, способствует достижению целей (Coleman, 1988, 1990; Коулмэн, 2001). Обладание развитым социальным капиталом повышает эффективность и стабильность жизнедеятельности демократических сообществ, по утверждению Р. Патнэма. Он пришел к выводу, что гражданское общество, в котором развит социальный капитал, должно обладать следующими чертами: гражданская активность, граждане активно участвуют в общественных делах, их личные интересы не противоречат интересам общества; обеспечены равные права и обязанности для всех граждан; предполагается солидарность, доверие и терпимость в обществе, что позволяет сдерживать оппортунизм; существуют и процветают добровольные ассоциации граждан, которые представляют собой своеобразную школу сотрудничества (Putnam, 1995). Выделяют основные методологические подходы к анализу социального капитала. В современной социологии наиболее популярен сетевой подход. В качестве социального капитала здесь рассматривается уровень включенности в сети социальной сплоченности практически во всех сферах жизнедеятельности. Ресурсный подход является скорее вариантом сетевого подхода. Исходный методологический принцип заключается в предположении, что социальный капитал представляет собой инвестиции индивидов в социальные отношения, посредством которых они получают доступ к укорененным в них ресурсам. Коммунитарный подход объясняет суть социального капитала, как совокупности отношений, возникающих вследствие кооперации в социальных сетях, основанных на нормах социального доверия. Институциональный подход, также основан на нормативно-ценностной интерпретации социального капитала, но с акцентом, на то, что процесс воспроизводства и накопления социального капитала осуществляется благодаря функциональной деятельности социальных институтов (Foley, Edwards, 1996). Вариантом

нормативно-ценностной интерпретации социального капитала является синергетический подход, сочетающий элементы иных подходов, о синергетическом эффекте эффективности социального взаимодействия (Woolcock, Narayan, 2000). Структурную основу социального капитала формируют сети социальных связей. Они используются для транслирования информации, экономии ресурсов, взаимного обучения правилам поведения, формирования репутаций, складывается институциональная основа социального капитала – принадлежность к определенному социальному кругу, членство в группе. В отличие от культурного и человеческого капитала, социальный капитал не является атрибутом отдельного человека. Социальный капитал способен оказывать влияние на другие формы капитала, способствует благосостоянию и конкурентоспособности нации. Выявлена положительная связь социального капитала с хорошим здоровьем, благополучием, ощущением счастья, уровнем удовлетворенности жизнью (Лебедева, Татарко, 2009; Татарко, 2011). Рассмотрев основные методологические подходы, можно выделить структурные компоненты социального капитала: доверие, социальная сплоченность, позитивная и «сильная» групповая идентичность, толерантность. Доверие повсеместно выходит на первый план как ведущий индикатор социального капитала. Оно связано с условиями высокой степени неопределенности, которые присущи современному миру и связаны с риском. Доверие, по мнению германского социолога Никласа Лумана, есть социальный механизм, управляющий неопределенностью социальных отношений и призванный снизить риск. «Доверие – это решение особых проблем, связанных с риском», – пишет он (Luhmann, 1998, с. 107). Польский социолог Петр Штомпка подчеркивает, что «доверие – это ставка на то, как другие поведут себя в будущем» (Sztompka, 1999, 75). В обществе, где можно спокойно доверять другим меньше ресурсов отвлекается на поддержание силовых ведомств, охранных организаций и т. д. Доверие среди членов определенного общества значительно влияет на продолжительность и уровень демократии в стране, а также на ее экономическое развитие (Inglehart, 1990). В познании социального капитала той или иной группы, сообщества, помимо уровня доверия необходимо также учитывать круг социальных групп, которым индивид доверяет. Уровень доверия определяется культурными различиями, которые влияют на «радиус доверия», определяющего круг лиц (или социальных групп), входящих в единую систему доверительных отношений. Социальный капитал локальных групп, если он не подкрепляется социальными

связями с внешними сообществами и социальными институтами, ведет к преобладанию групповой замкнутости, снижает уровень общественного доверия. В некоторых культурах традиционно наблюдался недостаток доверия за пределами семейного круга, что сочетается с сильной централизованной властью, которая стремится ограничить всевозможные добровольные объединения. Общества с высоким уровнем и широким радиусом доверия, напротив, склонны к образованию различных добровольных ассоциаций. В результате именно такого рода общества получают возможность накапливать потенциал в сфере организационных инноваций и более гибко адаптироваться к социальным изменениям и условиям рынка (Fukuyama, 1999; Культура имеет значение, 2002) . Определенные методологические трудности в исследовательских практиках возникают в связи с валидностью используемых социологических методик измерения: методик измерения уровня межличностного доверия (Levicky, Stevenson, Bunker, 1977), социометрического метода, экспресс - диагностики уровня доверия в организации (Шо, 2000: 60). При оценке уровня доверия в кросс - культурных исследованиях используются популярные социологические шкалы для оценки доверия «Мирового опросника ценностей» (World Values Survey/WVS). Концептуальное осмысление «социального капитала» позволило нам осуществить содержательную интерпретацию результатов кросс - культурного исследования среди студенчества Литвы, Польши, России, Украины, Чехии (N=5000). Презентация состоялась на Международной конференции «Нации, регионы, организации – культуры доверия» и «Международной социологической школе» в городе Щецин, Польша

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ КАК ВЫХОД ЗА ГРАНИЦЫ ИНТЕПРЕТАТИВНОЙ СОЦИОЛОГИИ

Малов Е.А. (Новосибирск)

Будет небольшим преувеличением, что интерпретативная социология основана на империализме субъекта, тогда как структурализм предполагает империализм социальных объектов (всё, в том числе социальные субъекты, становится социальным объектом). Одна из целей акторно-сетевой теории (далее АСТ) Б. Латура и М. Каллона – в том, чтобы положить конец этим имперским стремлениям. Предметом социальных наук, в соответствии с АСТ, является не существование какой-либо формы социетальной

тотальности и не опыт индивидуального актора, а сетевые отношения и связи между акторами, особым образом находящиеся в едином пространстве. Социально-пространственные положения и действия навязываются неодушевлёнными предметами наравне с людьми. «Политическая эпистемология» Латура должна пониматься, как стремление показать практические (политические) последствия познавательной деятельности, состоящие в формировании логики ожиданий в отношении поведения окружающих нас вещей. Латур предлагает «политическую эпистемологию» (умножение агентов до бесчисленного множества при отсутствии стабильных объектов ставит политический вопрос о том, кто и в отношении кого осуществляет процесс познания, как организуется совместное пространство обитания субъектов [1]) и «реляционную онтологию» для снятия всех вопросов. В контексте социологической теории релятивизм связан со словом «relation», на русском языке означающим «связи», «отношения». Рассуждая в этом релятивистском ключе, следует допустить, что реальный мир может быть населён не только идентифицируемыми людьми, но и конфигурациями кажушимися «абстрактными» – как состояние продуктивных сил (идеология, гены, религия, и т.п.), которые в состоянии выражать некие смыслы. Для АСТ вообще «характерен «предметно-семиотический» метод фиксации отношений, одновременно предметных (между вещами) и «семиотичных» (между концептами)» [2; 30]. На сегодняшний день «реляционную онтологию» (или «онтологию гибридного мира») Латура можно поставить в один ряд с социальным конструктивизмом (П. Бурдье, Э. Пикеринг, Д. Харавэй), она также созвучна с некоторыми идеями, так или иначе связанными с АСТ постструктуралистов и модернистов (Ж. Делёз, Ж. Деррида). Дихотомия социологии природа-культура или природа-политика, воплощается и решается в дихотомии актор-сеть, не путем уточнения, сближения полюсов дихотомии, а через объявление её единой, цельной. В интерпретативной социологии приоритет в объяснении человеческого поведения отдается действию и значению. Исходя из политической эпистемологии Латура всякое действие не просто ведёт к взаимодействию, а основано на взаимодействии. Почему рекомендуемый нами подход называется актор-сетевым? Слово «актор» (actor) образовано от латинского «*actio*» – «действие». Сам Латур даёт следующую трактовку: «Обе части имеют равно важное значение, следовательно, дефис. Первая часть (актор) показывает, узкое пространство (всевозможные элементы мира), а вторая часть (сеть) может объяснить, через какие

транспортирующие средства, следы, линии, потоки информации, мир, взятый из этих элементов был пересобран и ввергнут на свое место. Вот почему «актор сеть» пишется через дефис, «сеть» не существует как скрытое присутствие в контексте, но остается тем, что соединяет акторов вместе» [3; 53]. Акторно-сетевой подход отличается от сетевого анализа именно тем, что в его основе лежит положение, что жизнь людей состоит из множества взаимодействий, а точнее связей, не только друг с другом, но и с вещами, природными, абстрактными объектами. Материальные и символические порядки симметричны и обуславливают друг друга, производя социальные связи, сплетаясь в разветвленную сеть отношений. Условием фиксации сети и её членов является разделяемая способность идентифицировать их (просто поименовать включённые в неё объекты), а также дать некоторую интерпретацию наблюдаемым действиям (неважно, идёт ли речь об «актерах» или «актантах» как звеньях гигантской сети, по которой передаётся действие). АСТ собирает данные открыто, интерпретативно, ведь акторы сами творят связи. По Латуру, любые результаты познавательной деятельности, можно назвать гибридами, поскольку те представляют собой смесь из политики и природы. Сеть гибридов предположительно состоящая как из одушевленных, так и неодушевленных агентов, полагает он, покрывает все общество, разрыв в сети науки разрывает и все поддерживающие ее учреждения и институты, ибо гибриды не обладают онтологическим статусом» [3]. У подобных объектов прежде не было возможности играть никакой роли, не только из-за определения «социального», использованного социологами, но и из-за их определений «актера». Латур же постановил так: «любая вещь, приводящая к изменению положения дел путем действия и производства отличий – это актер, или, если он не имеет четкой конфигурации – актант» [3; 54]. В дополнение к этому определению выступающие как «фон для человеческих действий», вещи-актанты могут – разрешить (себе), позволить (себе), санкционировать, поощрить, предложить, повлиять, блокировать, сделать возможным, запретить, и т.д. Агентности, организации, коллективы как социальные актер-сети уже собраны (assembled) и даже отсутствие руководящего властного органа не даёт им распасться, если совершаются действия. Люди, взаимодействуя с вещами, например с компьютером, становятся гибридами, увеличивая частоту связей встраиваются в сеть. В определённых случаях соединение акторов в сеть происходит в процессе, именуемом трансляцией. Для того чтобы сеть идентифицировалась, в

ней должны быть новаторы (создатели нового), способные генерировать прослеживаемые объединения, и у которых есть установка на создание некой сети, в которой все вовлеченные акторы согласны создавать/действовать/творить и защищать интересы своей новой сети. Этот процесс подробнее описан в работах М. Каллона и Дж. Ло, в аналитических целях его делят на этапы: «идентификация потенциальных союзников; выявление их заинтересованности в участии; мобилизация ими поддержки определенных действий. В ходе трансляции акторы и их смыслы коллективно переопределяются» [2; 33]. Процесс трансляции – упорядочения и самоорганизации сети происходит постепенно. Учёным, объясняющим социальные явления в рамках интерпретативной социологии, стоит присмотреться к АСТ, которая интересуется причинными объяснениями, предлагая описания для объяснения: отчеты в рамках АСТ предоставляют собой нарративы; в них прослежено, как актанты вершат процессы создания связей, конструирования личностей, групп и «социального». Кроме того, аналитика и исследования в рамках акторно-сетевой теории наиболее эффективны для понимания в рамках акторно-сетевой теории наиболее эффективны для понимания появляющихся акторов и категорий в новых областях техники и науки.

Литература

1. Latour B. Promises of constructivism Chasing technoscience: matrix for materiality. Indiana University Press, 2003.
2. Мальцева Д.В., Романовский Н.В. О современных сетевых теориях в социологии // СоцИс. 2011 – №08 сс. 28-37.
3. Latour B. Reassembling the social: An introduction to actor-network theory. Oxford: Oxford University Press, 2005.

КОНСТРУИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ ПОСРЕДСТВОМ ОБРАЗОВАНИЯ: РОЛЬ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Нечитайло И.С. (Харьков, Украина)

Исходный методологический посыл, лежащий в основе наших рассуждений в рамках заявленной темы, позаимствован у родоначальников конструктивизма П. Бергера и Т. Лукмана и заключается в том, что социально конструируемая реальность – это реальность, которая (пере-)воспроизводится людьми под влиянием ее интерпретации и знаний о ней. Конструирование социальной

реальности – постоянно происходящий, динамический процесс. Результат этого процесса – социальные конструкты. Социальный конструкт – феномен, который кажется вполне естественным, однако, на самом деле, является порождением конкретной культуры или общества и существует исключительно в силу того, что индивиды, составляющие общество и являющиеся носителями культуры, согласны действовать так, будто бы этот феномен существует. Наиболее яркий пример социального конструкта – деньги. Ведь деньги – это просто бумага, которая приобретает ценность только потому, что мы (люди) так считаем и нам это крайне необходимо для поддержания своего социального существования. Социальные конструкты, не являющиеся естественным порождением «природы», они требуют постоянной поддержки со стороны людей. Поэтому одной из задач, которую необходимо разрешить ученому, работающему в рамках социального конструктивизма, является исследование тех процессов и механизмов, посредством (и/или с помощью) которых человек узнает, формирует, институализирует и интегрирует в традицию социальные феномены. Социальные конструкты являются интерпретациями реальности, объектами знания. По определению, знание – восприятие реальности, исходящее из здравого смысла. Знание транслируется (передается), получается, накапливается и используется в процессе социального взаимодействия, человеческих отношений. Важнейшим институтом передачи/получения знания, а следовательно, – институтом активно участвующим в процессе конструирования социальной реальности, является образование. Эта мысль находит много сторонников среди современных российских ученых. Например, Асмолов А. Г. в одной из своих работ подчеркивает, что миссия и природа образования заключаются в его социальной деятельности по порождению системных социальных и ментальных феноменов (и/или эффектов), например таких, как гражданственность [1]. От себя добавим, что в качестве таковых могут также рассматриваться этнос (этническая идентичность), гендер (гендерная идентичность), социальный статус (статусная идентичность) и др. Еще один российский ученый – Суворова Е.В. в своей диссертации, посвященной трансформации функций высшего образования, пишет, что в постнеклассический период и само образование является самостоятельным социальным феноменом, детерминирующим спектр возможных вариантов развития социальной реальности. При этом, образование рассматривается как особая автономная область социального пространства, являющаяся источником создания «внешней социальной мифологии»,

предоставляющая «механизм мифогенеза», т.е. воссоздания картин мира, их совмещение в единой системной целостности [3]. В образовании происходит не только передача/получение знания, но и задаются рамки того, какими должны быть эти знания, каково должно быть их содержание в данный момент времени, в данных социальных условиях. При этом образование располагает одним из самых действенных инструментов конструирования социальной реальности – дискурсом. В общем смысле дискурс – речь, процесс языковой деятельности. В специальном, социогуманитарном смысле – социально обусловленная организация системы речи, а также определенные принципы, в соответствии с которыми реальность классифицируется и репрезентируется в те или иные периоды времени. В понятии дискурса раскрывается способность языка влиять на социальную реальность, изменять ее. Существует множество различных дискурсов, в зависимости от того, в каком контексте они рассматриваются. Наиболее часто говорят о Медиа дискурсе или о политическом дискурсе, подчеркивая их значимость как ресурсов власти [3; 4]. Однако, в контексте заявленной нами темы, речь пойдет о такой «разновидности» дискурса, как педагогический дискурс, который, на наш взгляд, является важнейшей опосредующей структурой трансформации «внешнего» во «внутреннее», становления «социального Я» индивида в процессе образования. Посредством педагогического дискурса происходит моделирование социальной реальности в сознании индивида, осуществляется ее реконструкция, что находит выражение в субъективных намерениях и индивидуальных практиках. Осуществляется эта трансформация при помощи текстовых продуктов, текстов лекций, которые в устной форме воспроизводятся педагогом (учителем, преподавателем) перед аудиторией обучающихся. В частности, по мнению одного из известных английских современных ученых Б. Бернстайна, в этих текстах, воспроизводимых педагогом, осуществляется передача установок на смыслы, а вместе с тем и определенный социальных установок [5]. Изучение педагогического дискурса, имеющего место в современном образовании, представляется крайне важным в совершенствовании педагогических практик, операций и приемов, с целью обеспечения высокого качества образования и направления в нужное русло всего процесса социализации. Именно педагогический дискурс является тем «невидимым объектом изучения, который может стать центральным в разрешении многих проблем образования» [5, с. 20-28].

Литература

1. Асмолов А. Г. Стратегия социокультурной модернизации образования: на пути к преодолению кризиса идентичности и построению гражданского общества / А.Г. Асмолов. – 16 декабря 2009. – Режим доступа: <http://dipkpk.ucoz.ru/asmolov5.docx>
2. Суворова Е. В. Трансформация социальных функций высшего образования (на примере вузов хабаровского края); дис. канд. социол. наук / Е.В. Суворова. – Хабаровск, 2002. – С. 3-7.
3. Chouliaraki L. Media Discourse and the Public Sphere / L. Chouliaraki // Discourse Theory in European Politics. Identity, Policy and Governance: Palgrave Macmillan Ltd 2005. – P. 275 – 296.
4. Fairclough N. Critical Discourse Analysis / N. Fairclough. – London: Longman. 1995. – P. 143-144.
5. Бернштейн Б. Класс, коды и контроль: структура педагогического дискурса / Б. Бернштейн. – М. : Просвещение, 2008. – 272 с.

У ИСТОКОВ КАЧЕСТВЕННОЙ МЕТОДОЛОГИИ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ (АМЕРИКАНСКАЯ ТРАДИЦИЯ)

Новикова Л.В. (Санкт-Петербург)

В социологическом познании не следует противопоставлять количественную и качественную методологии, а стараться использовать их по принципу дополнения одной методологической направленности другой. К середине 60-х г. XX в. в западной социологии использование «жестких» количественных методов достигло своего апогея (до 90 % научных публикаций опирались на данную методологию). На сегодняшний день ситуация в мировой (включая отечественную) социологии изменилась [3, 347-348]. Внимание к конкретному жизненному опыту людей, преломлению социальных отношений в мировосприятии людей из разных социальных групп и общностей стало приметой новейшей социологии. Социолог данной ориентации делает акцент на частных, индивидуальных особенностях социального бытия, с помощью которых пытается воссоздать целостную картину социального поведения людей. Мы не ставим целью всесторонне описать данную методологию, а обратимся к ее истокам на примере ранней американской социологии. В трудах незаслуженно забытого американского социолога-энциклопедиста Ф. Г. Гиддингса (1855-1931) мы читаем, что «...правильность метода очень существенна

для развития новой науки...». С опорой на логические построения Милля он провозглашает социологию наукой «конкретной», «описательной», «исторической», объяснительной». А конкретная наука всегда пользуется «наблюдением и ретроспекцией, классификацией и обобщением, индукцией и дедукцией». Пренебречь одним из методов – «...разрушить достоверность и сделать напрасным самое усердное применение прочих» [2, 56-57] . Гиддингс одним из первых разделил объективные и субъективные аспекты социальной жизни, обратил внимание не только на социальные структуры, но и на психологические факторы. Этим он предвосхитил качественную методологию гуманистической социологии Ф. Знанецкого. Гиддингс «...энергично защищал как объяснительный (interpretative), так и количественный методы» [1, 30]. Именно этот мыслитель «сделал социологию строго социальной наукой» [1, 31]. Следует добавить, что данному ученому чужды крайности в методологии: он постоянно рекомендовал «использовать и расширять статистические процедуры в качестве средства превратить социологию в науку» [1, 432]. Идеи Гиддингса об учете субъективности развил польско-американский социолог Ф. Знанецкий (1882-1958). Он заявил, что как в научном познании, так и при получении практического опыта мы интересуемся только теми действиями, которые сопровождаются осознанным выбором. В науке и социальной практике субъект должен выбрать данные и факты, которые он собирается использовать. Эмпирическое наполнение этих данных и фактов - потенциально неисчерпаемый источник и центр разнообразного конкретного опыта, вводящего ограничения в социальные действия. Все эмпирические объекты представлены субъекту в виде значений, наполненных положительным или отрицательным содержанием («человеческий коэффициент»). Смысловое наполнение социального поведения на практике весьма разнообразно. Концепция Знанецкого подготовила почву для идей символического интеракционизма, внесшего значительный вклад в развитие качественной методологии [5, 152-154]. Остановимся на биографическом методе Знанецкого в его современной интерпретации. Данный метод не способствует воссозданию социальной среды объективно, с позиции беспристрастного наблюдателя. Напротив, его цель состоит в том, чтобы описать ситуацию так, как представляет ее данный человек со своим осознанным индивидуальным выбором. Биографический метод помогает отразить личный опыт каждого человека, помещенного в контекст жизни социальных групп. Были собраны конкретные

данные, построенные на мемуарах респондентов, обучающихся в школе-интернате в Австралии, которые пролили свет на проблемы социальной адаптации мигрантов, на сочетание в их мировосприятии старых и новых ценностей [4]. Знанецкий утверждал, что один из отличительных признаков культурного явления - его соединение с человеческим сознанием. Мир - это "неразделенное целое". Это «целое», однако, интерпретируется с различных точек зрения множеством акторов в зависимости от их системы ценностей. Никакое социальное учреждение и никакой социальный процесс не могут возникнуть независимо от сознания человека. Даже у естественных объектов есть свое значение в культуре, смысловая наполненность. Культурный опыт не существует в изоляции, а является компонентом активно созданных систем и потому может пролить свет на традиции и ценности того или иного этноса [4, 138-143].

Литература

1. Беккер Г., Босков А. Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении. М.: Изд-во иностранной литературы. 1961.
2. Гиддингс Ф. Г. Основы социологии (The principles of sociology). Анализ явлений ассоциации и социальной организации. 2-е изд. М.: Издание магазина «Книжное дело». 1898.
3. Ядов В. А. Стратегия социологического исследования. Учебное пособие. 4-е изд. М: Изд-во «Омега-Л». 2009.
4. An Australian Co-Education Boarding School as a Crucible for Life: a Humanistic Sociological Study of Students' Attitudes from Their Own Memoirs. By Mathew A. White B.A. (Flinders), Grad.Dip.Ed., M.Ed.St., M.A.C.E., F.R.S.A., 2004.
5. Znaniecki Florian. Cultural Sciences. Urbana. University of Illinois, 1952.

ИЗМЕНЕНИЯ ВИЗУАЛЬНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ДЕТСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ.

Орех Е.А. (Санкт-Петербург)

Многообразие сосуществующих в России на сегодняшний день практик воспитания и социализации детей, ценностно-нормативных установок по отношению к детям и детству, а также наличие конкурирующих и альтернативных трактовок детства пока

остаются актуальным предметом для социальных исследователей, поскольку, во-первых, трансформационные процессы российского общества, затрагивающие данную сферу, продолжаются, а во-вторых, проводимые исследования сконцентрированы на проблемах несколько иной возрастной группы – молодёжи в целом, охватывающей возраст от 18 до 35 лет, но не детей младшего возраста. Знание о реализуемых ценностных ориентирах в воспитании и социализации детей, а также о перспективах доминирования одного из конкретных видений детства актуально в контексте научной дискуссии о путях развития России, о перспективах движения к демократическому обществу и правовому государству. Способы визуальной репрезентации ребёнка, варианты конструирования детского образа содержат в себе нормативные стандарты по вопросу о месте ребёнка в социуме, о содержании социальной роли ребёнка, о желательных и недопустимых характеристиках, присущих детям, о феномене детства в целом. Эти нормы присутствуют в сознании творцов фотографии, в качестве которых могут быть рассмотрены как профессиональные фотографы, так и родители, так и сами дети. Незавершённость трансформационных процессов, проходящих в России с 1990-х годов, даёт основания рассмотреть динамику изменений ценностно-нормативных ориентиров по отношению к сфере детства – как по сравнению с окончанием советского периода, так и на протяжении постсоветского этапа нашей истории. Бурное развитие сферы массовых коммуникаций последних десятилетий, увеличение роли фотографии как «среднего искусства» (П. Бурдьё) усиливают значение визуальных артефактов как средств конструирования социальной реальности, что добавляет актуальности данному исследованию. На протяжении периода 1990-х – 2000-х годов способы и содержание визуальной репрезентации детства изменялись. Трудно представить, что снимок современного ребёнка, сделанный, скажем, в современном детском саду, будет напоминать снимок его родителей детсадовского возраста. И дело не в качестве фотобумаги, не в возможностях печати и не в технических характеристиках цифровых фотокамер нашего времени. Дело в содержании фотографии, в том, как ребёнок преподносится фотографом окружающим людям. Вышеназванные изменения обусловлены целым рядом причин. Среди них не последнюю роль играют процессы глобализации и появившиеся в этой связи модели презентации ребёнка, принятые в других странах. Свою лепту вносит стремительное развитие сферы визуальной информации в целом за

последние десятилетия. Но главным образом, конечно, речь идёт о социокультурных, политических изменениях и изменениях идеологии, произошедших в результате масштабной социальной трансформации российского общества 1990-х-2000-х годов, отразившихся на всех сферах жизни человека, и, в частности, на культурных стандартах в отношении детства и восприятия детей, практиках социализации, ассортименте социализирующих институтов и др. Изменения содержательной стороны презентации ребёнка отражают изменения ценностно-нормативной системы детства как социального института. На основании анализа визуальных артефактов (в частности, детской фотографии) мы имеем возможность делать выводы о сути произошедших перемен и разнообразии имеющегося на сегодняшний день спектра ценностно-нормативных установок в отношении воспитания, восприятия ребёнка и детства в целом. В настоящее время вопрос об этом остаётся открытым. Содержание постсоветской социальной и экономической трансформации не является однозначным. Можно говорить о волнообразном движении процесса реформирования, о неоднократных «откатах» - возвратах назад в ходе демократических и рыночных преобразований. Так, например, в контексте разговоров [см., например, подборку статей на эту тему в журнале «Pro et Contra», январь-апрель 2010 года] о (частичном) возврате к модели патерналистского государства в результате политики 2000-х годов остаётся непояснённым вопрос о сферах его (государства) преимущественного влияния: насколько подпадает под него сфера детства и каковы в таком случае перспективы дальнейших социальных изменений российского общества и т.п. Отсюда для исследователя встаёт ряд вопросов: существуют ли на сегодняшний день разноплановые ценностно-нормативные установки в отношении детского воспитания и, соответственно, модели социализации детей, или можно вести речь о наличии одной доминирующей модели? Каково содержание имеющихся моделей (модели)? Экономические преобразования нашей страны сделали очевидными разрыв материальной обеспеченности разных групп российских граждан, явственно обозначилась категория «дети элиты», «дети знаменитостей». Нормы и установки их социализации могут отличаться от установок, транслируемых среднестатистическому ребёнку, но насколько значимы эти отличия? Так, например, до сих пор исследователями элит активно дискутируется вопрос о наличии в современной России «действительно новой» элиты. Проблема заключается даже не в отсутствии номенклатурного прошлого её

представителей, а в обоснованных сомнениях по поводу возможности наличия сколь-либо значимой вариации набора ценностных ориентиров по сравнению с ценностями, транслировавшимися традиционными советскими социализирующими институтами. Но ещё важнее – вопрос о том, какими ценностями руководствуется новая элита в воспитании своих детей. Различаются ли варианты презентации детей разных социальных групп, детей элиты, детей знаменитостей и «среднестатистического» ребёнка? Анализ динамики изменений фотопрезентаций детства от советского общества 1980-х к современному российскому обществу даст возможность оценить современное состояние и перспективы будущего развития института детства. Детская фотография – один из наиболее удачных объектов исследования, прежде всего, потому, что в силу возраста маленький ребёнок не обладает ярко выраженной индивидуальностью и является в некотором смысле «пластилином», из которого его близкое окружение и первичные социализирующие институты имеют возможность «лепить» то, что им кажется правильным. Именно поэтому на детской фотографии вероятность обнаружить «в чистом виде» нормативные шаблоны телесности, влияние дисциплинирующих практик будет наиболее высока.

ПЕРСПЕКТИВЫ «ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЧЕЛОВЕКА» В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ

Папова Р.В., Старосоцкая Е.В. (Горки, Республика Беларусь)

Мы живем в эпоху уникальных, незнакомых для предыдущих эпох изменений, которые несет человечеству глобализация. Вот некоторые из них: формирование международных рынков, «свободное движение» капиталов из страны в страну, увеличение потоков мигрантов и туристов, образование «транс», - «интер»- и «над» - национальных финансовых, экономических и политических институтов. Современная глобализация пока еще находится на первоначальном этапе своего формирования, но ее существенные последствия для человека и человечества уже столь радикальны, масштабны и, в определенном отношении, неожиданны, что вызывают состояние крайней растерянности человечества перед грядущими переменами. Причину таких ее последствий большинство авторов видят в том, что импульсы глобализации задают страны «золотого миллиарда» (особенно США, они являются ее главными «архитекторами»). Парадоксальность же разворачивания современной

глобализации они видят в том, что ее основные «архитекторы», превратив мир в единый организм, этот же мир поделили на два важнейших, прямо противоположных полюса. На одном полюсе находится «богатый Север», а на втором – преимущественно остальная 5/6 часть человечества. Каковы перспективы человечества в целом и особенно каждого отдельного человека в глобализирующемся мире? Этот вопрос поставлен нами не случайно, ибо главным философским вопросом при обсуждении феномена современной глобализации, чтобы видеть процесс глобализации и в его целом и в его перспективе, является вопрос о человеке, о предназначении человека на Земле, о самом смысле и идее человека. Ответ на этот вопрос достаточно очевиден. Неоспорим тот факт, что все интеграционные усилия главных авторов глобализации оказались сконцентрированы в основном в сфере экономики: экономика в глобализационную эпоху стала претендовать на то, чтобы выступать в качестве предельного основания всех происходящих в современном мире процессов. Что касается человека, то и он становится преимущественно «экономическим человеком». И именно страны «богатого Севера», особенно Северная Америка, предлагают образ этого «экономического человека» с его ценностями, ориентациями, идеалами, предпочтениями. Такой человек ориентирован доминантно на прибыль, на экономический успех, на потребление материальных благ. При этом такому человеку придается статус универсальности, и поэтому в России, во Франции, в Японии, в Белоруссии и т.д. современная мас-культура имеет американское лицо и навязывает американский образ жизни. Как следствие этого создается гомогенизированный человек, человек-функция, которым легко управлять, манипулируя его сознанием, навязывая ему стандарты «экономического человека» и потребительского общества. Человек же с иными целями и предпочтениями попадает в число неприиспособленных и нерентабельных. И печальнее всего то, что «все прежние моральные добродетели, заботливо культивируемые человечеством на протяжении всей его истории, отныне осуждены в качестве архаики, мешающей полному торжеству обмена». [2, с.166]. Значимость материальных ценностей не должна отрицаться в жизни человека, тем более, человек ведет себя истинно по-человечески лишь тогда, когда он освобожден от их абсолютной зависимости. Но общество, ориентированное только на материальные ценности, материальный успех и преуспевание, на прибыль, не может в своем развитии не прийти к негативным последствиям. А многие авторы главной причиной возникновения глобального неравновесия, которое

может закончиться экологическим коллапсом и гибелью человечества, называют ориентацию современной западной цивилизации на экономический рост и философию безумного потребления. Усугубляет эту ситуацию доминирующая в современной культуре парадигма постмодернизма, которая активно релятивирует общезначимые человеческие ценности, уравнивая истину и ложь, добро и зло, норму и патологию (отдавая при этом предпочтение последним членам данных оппозиционных пар), и тем самым стимулирует процессы разрушения цельной природы человека. Критическая оценка сложившейся ситуации показывает, что происходящие процессы в определенной степени деформируют сознание человека, усиливая в нем иррациональные импульсы (ранее подавляемые «репрессивной» культурой), активизируя фрейдовское подсознательное, не желающее знать, что такое антисоциальное и запретное. Но именно общезначимые ценности лежат в основании становления человека как уникального творения природы, его истории, придают им великий смысл. И поэтому жизнь без этих ценностей обесмысливает любые действия и достижения, она сама лишается смысла. Но это относится к замыслу об образе человека. Как известно, «замысливаемый» его образ – это целостный, гармонически развитый, устремленный к всестороннему совершенствованию человек, который должен различать добро и зло, истину и ложь, должен стать целью истории и наполнить человеческим содержанием мир, в котором он живет. В замыслах же главных авторов глобализации человек рассматривается ими лишь как средство для достижения своих целей. И печально, но это нужно признать, что нерентабельные и неприспособленные к законам глобализованного рынка часто выбраковываются, освобождая место для тех, кто любыми средствами способен добиться экономического успеха, попирая любые традиционные моральные нормы и нравственные ценности. Но неизбежно осуществится то, что такой выбор человека, правда, ему навязанный, приведет его в никуда. В заключение отметим, что глобализация как таковая вовсе не противопоказана человечеству, но возможна она лишь в том случае, если, во-первых, происходит естественно, а не производится насильственно с жестким навязыванием вариантов ее развития; а во-вторых, если она реализуется ради решения общих проблем человечества и отдельно каждого человека. Думается, что в условиях глобализирующегося мира возрастает роль национального государства, которое должно не только оборонять свою идентичность от экспансий инокультур, образов жизни, но и способствовать

реализации объективного стремления народов к сохранению самобытности. Сегодня же есть огромная доля правды в том, «что история глоболизирующегося человечества подошла к новому барьеру медленного, но верного самоуничтожения и ускоренного движения к коллапсу, который вместе с экологическим коллапсом поставит человечество на грань великого краха» [1, с. 22]. И чтобы этого не произошло, необходимо каждому из нас внедрять в сознание значимость Человека как основного оправдания глобализации, придающего ей смысл и лишаящего абсурда. Иначе, как неизбежно по законам природы, всякие нарисованные на прибрежных песках морей образы смывают волны этих морей, волны современной глобализации, которой, по задумке ее «архитекторов», должен служить человек, смоят его образ навсегда.

Литература

1. Киященко, Н.И. Может ли быть толерантным диалог цивилизаций? / Н.И. Киященко // Философские науки. 2008. № 4.
2. Панарин, А.С. Искушение глобализмом / А.С. Панарин // Москва, 2000.

НОВАЯ КОММУНИКАТИВНАЯ СИСТЕМА: ИНТЕРНЕТ КАК СПОСОБ ПРЕОДОЛЕНИЯ НЕВЕРОЯТНОСТИ КОММУНИКАЦИИ

Петренко П.А., Головин Н.А. (Санкт-Петербург)

Одним из первых проблему перехода к новой коммуникативной системе затронул Маршалл Маклюэн, который предложил термин «Глобальная деревня», весьма актуальный в современном мире культуры постмодерна и глобальной коммуникации, основанной на компьютерных технологиях. Слова Маклюэна о том, что «вначале мы формируем технологии, а потом они формируют нас» становятся пророческими. Ведь «мир, «обязанный» электричеством, не больше деревни» [3] – отметил Маклюэн в 1960-е гг. и был прав. Социолог Луман стал одним из первых в социологии писать о всемирном обществе и разработал его социологическую теорию. При этом он придает основополагающее значение развитию средств коммуникации, точнее многих своих коллег определяя их вклад в общество, в саму социальность. Правда, Луман не питает иллюзий относительно гармонии мирового общества, ведь его теория коммуникации изначально учитывает

проблематичность всякой гармонии и даже равновесия динамических систем. Луман и Маклюэн рассматривают социально-исторический процесс с точки зрения развития средств социальной коммуникации. У Маклюэна движущей силой выступает смена технологий, которую, в свою очередь, вызывает смена способа коммуникации. Теория Лумана основана на общеизвестном развитии символических и технических средств коммуникации: язык жестов, вербальная речь, письменность, книгопечатание, электронные средства коммуникации, средства массовой коммуникации и, наконец, Интернет как среда коммуникации (правда, оставшаяся за рамками у обоих теоретиков, но ставшей новой социально-коммуникативной средой). Современное общество – это коммуникативная сеть. Поэтому, по Луману, если меняются средства и техники коммуникации, средства выражения содержания коммуникации, средства кодирования устных и письменных сообщений, мощности воспроизводства и сохранения информации, то возникает возможность для появления новых общественных структур и даже их необходимость для овладения новым уровнем сложности общества. [4, 284] «Общество сегодня — однозначно всемирное общество», - утверждает Луман. [2, 558]. Для такого общества и современной социальной коммуникации пространство становится несущественным, центры жизни (города) теряют свое значение не только в пространственном, но и в социальном аспекте. На место всякого рода социальных иерархий приходит функциональная дифференциация общества. При этом мировое общество невозможно без современных средств массовой и индивидуальной коммуникации. Что происходит с макросоциальной коммуникации в результате развития Интернет как нового СМК? Ведь это не просто техническое средство трансляции сообщений, это полномасштабная коммуникативная среда, за счет усиления временного аспекта коммуникации и элиминации пространственного воспроизводящая непосредственные социальные отношения и коммуникации. В ответе на этот вопрос заключается «постлумановское развитие» его теории коммуникации, которое еще только предстоит в социологии. В связи с этим рассмотрим основные социальные характеристики Интернет через призму науки об обществе. Глубокий социологический анализ Интернета как культурного явления сделан американским социологом М. Кастельсом. Он утверждает, что Интернет является универсальным социальным пространством свободной коммуникации – таким он был создан изначально учеными и студентами. Эмпирические данные, которые приводит Кастельс в своей работе, указывают на то, что

Интернет не способствует социальной изоляции и отчуждению, как считают многие исследователи данного коммуникативного пространства. Он утверждает, что наоборот, содействует успешному построению межличностных сетей и увеличению коммуникации лицом к лицу. Кастельс утверждает, что Интернет выступил движущей силой перехода к обществу нового типа – сетевому обществу, а через него – к новой экономике. [1] Главной отличительной особенностью Интернета, по мнению Кастельса, является его открытость – с одной стороны его технической архитектуры, а с другой стороны – социальной и институциональной организации. Именно открытость является основой главного достоинства Интернета – способности к саморазвитию, так как пользователи глобальной сети становятся разработчиками технологии и творцами всех социальных отношений в Сети в целом. Обобщая различные концепции развития глобальной сети Интернет, можно сформулировать следующие тезисы: 1) Интернет – фундамент современного общества. Он выступил движущей силой перехода к социальной системе нового типа – сетевому обществу и является технологической базой для дальнейшего быстрого развития коммуникативно-сетевых структур. 2) Он является универсальной социальной средой свободно выстраиваемой коммуникации. 3) Интернет – не только технико-коммуникационное, но и новое крупное социокультурное явление. 4) Интернет эффективно выполняет функцию симуляции социального, особенно на втором этапе своего развития – распространении технологии Web 2.0. Интернет выступает новой глобальной коммуникативной эпохой после галактики Гуттенберга (эпохи книгопечатания) и Галактики Маклюэна (эпохи телевидения). И если для дописьменной эпохи был характерен человек говорящий и слушающий, для эпохи книгопечатания – человек пишущий и читающий, для эпохи телевидения – человек воспринимающий образ, то для эпохи Интернет – характерен новый человек - человек одновременно говорящий, пишущий, смотрящий, читающий и воспринимающий. Интернет увеличивает вероятность коммуникации и преодолевает ее невероятность за счет развития интерактивности. Тем самым Интернет дает диалектическую фигуру отрицания отрицания, на новом уровне вводя в игру доверительность коммуникации. Это служит формированию нового типа социальности, что по сути дела не только подтверждает теорию коммуникации Лумана, но и развивает дальше его теорию социальных систем и теорию общества.

Литература

1. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / Пер. с англ. А. Матвеева под ред. В. Харитонов. — Екатеринбург: У-Фактория (при участии Гуманитарного ун-та), 2004. — 328 с.
2. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб., 2007
3. Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего = The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man. — М.: Академический проект, 2005. — 496 с.
4. Luhmann N. Kommunikationsweisen und Gesellschaft // Rammert W., Bechmann G. Technik und Gesellschaft. Jahrbuch 5. Frankfurt a. M., New York. 1989

НАРРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ: РАСШИРЕНИЕ КОНТУРОВ ПРИМЕНЕНИЯ

Профатилова Л.Г. (Харьков, Украина)

Понятия «нарратив», «нарративный анализ» прочно вошли в лексику социальных исследователей и уже не одно десятилетие являются объектом изучения для социологов и психологов, историков и филологов, специалистов по политической коммуникации, открывая новые перспективы в изучении для каждой из предметных областей. Так, конструкт нарратива в политической науке содержит в себе значительный теоретический потенциал для изучения практики политической коммуникации и прояснения основных идей политического дискурса. Являясь мощным объяснительным инструментом, политический нарратив позволяет понять суть тех или иных политических активов. Содержащий в себе идею или лозунг, вокруг которых организован текст, политический нарратив предназначен для реализации определенных политико-идеологических целей. [1] В практике биографических исследований методология нарратива позволяет, с одной стороны, структурировать жизненную историю индивида, а с другой, является особым способом передачи индивидуально-личностного человеческого опыта. Нарративная структура представляет жизненный путь индивида, как единое целое, при этом является ситуационно инвариантной, независимой от оценочных суждений и позволяет конституировать самоидентичность человека. [2] Стремительный процесс «нарративизации» социального пространства, осознание того, что реальность конструируется через истории - нарративы, а мир

доступен человеку лишь в виде повествований и рассказов о нем, обусловил расширение предметного поля применения конструкта нарратива, тем самым придав новые методологические импульсы в изучении таких сфер как реклама, маркетинг, управление. Как известно, нарратив это всегда дискретная единица текста с четким началом и окончанием, где повествование специально организовано вокруг последовательных событий. В дополнение этого общего, универсального определения каждая область знания может предлагать свои специфические способы наррации и структурирования нарратива. Маркетинговые нарративы рассматриваются как способ особого позиционирования и продвижения компаниями своих брендов. Стремление превратить бренд или товар из набора символов и графики в близкого друга давно берedit умы специалистов по рекламе. Такой подход становится особенно актуальным в эпоху социальных медиа. Благодаря социальным сетям бренды все чаще позиционируют себя как личности. В создаваемых промоаккаунтах бренды все чаще представляются в повествовательной форме. Одежда, автомобили, косметика обзаводятся эмоциями, характером, кругом интересов и собственными друзьями. Бренд в сетях становится человеком, называет себя «я» или «мы». Потребителя уже мало интересуют сухие, скучные пресс-релизы с описанием продукта. Он больше ценит интересного собеседника, веселого рассказчика, того, кто не лишен эмоций и готов ответить на любые вопросы. Чтобы бренд превратить в нарратив, придать ему повествовательную форму следует вокруг него сформировать текст, в основе которого - цепочка взаимозависимых, развертывающихся действий с единой, центральной темой. К основным характеристикам маркетингового нарратива можно отнести наличие в тексте последовательной, разворачивающейся во времени и объединяющей концепции, которая должна быть донесена до потребителя; увлекательного «сюжета», как серии событий; присутствие интригующих «символов» или актеров (будь то человек, продукт или идея) осуществляющих действия; простой доступный способ повествования, ориентированный на целевую аудиторию. В рамках корпоративной коммуникации сегодня все более привлекательным становится создание корпоративных нарративов, как значимого для аудитории контента. Здесь в качестве нарратива выступает «легенда», рассказ, с помощью которого компания хочет донести до аудитории основные свои идеи, цели, видение будущего. В корпоративном нарративе содержится все то главное, что с точки зрения компании выгодно отличает ее от

конкурентов, является запоминающимся. Сохраняя основные характерные черты нарратива - событийность и темпоральность – корпоративный нарратив приобрел целый спектр новых структурных элементов, которые позволяют разработать убедительные корпоративные повествования, работающие на имидж компании, на ее конкурентоспособность. Такие повествования должны отражать особую важность проектов компании; затрагивать как можно больше людей и процессов; быть запоминающимися, содержать ключевую фразу с минимальным количеством слов – «острие нарратива»; события должны разворачиваться во времени, а история постоянно обновляться. Очевидно, что маркетинговый и корпоративный нарративы относятся к разряду событийных, а, следовательно, основными смысловыми доминантами выступают здесь последовательности действий или событий, которые порождают и, соответственно, объясняют изучаемый феномен, при этом являясь ситуационно инвариантными. [2] Широкое распространение и доступность интернета, популярность социальных сетей дает нарративным технологиям неограниченные возможности не только в уже традиционных областях изучения индивидуального опыта, но и в достаточном новых сферах. Привлекательность нарративного подхода в разных областях социогуманитарного знания объясняется прежде всего тем, что нарративное понимание лучше приспособлено для передачи индивидуального человеческого опыта и способно учитывать конкретные жизненные контексты. В рассказанных историях событиям, опыту придается форма и смысл, выделяется центральная тема, начало, середина и конец истории. Нарративы выступают, как способ придать смысл человеческим поступкам и отличить их от просто физических действий. Отличать сферу социальных действий от физического движения позволяют понятия, образующие повествовательную схему: цели, мотивы, интенции и т. п. Тем самым они играют роль связующей нити, благодаря которой на первый взгляд несвязанные и независимые элементы рассматриваются как связанные части целого. Поэтому нарративная природа действительности означает, прежде всего, специфический способ организации действий и событий, а также специфическая форма восприятия объектов.

Литература

1. Профатилова Л.Г. Возможности использования нарративного анализа в современном политическом дискурсе

./Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства. Збірник наукових праць. Х.-2009.

2. Профатилова Л.Г. К вопросу об инвариантах в нарративном анализе. // Социологические методы в современной исследовательской практике. Сборник статей, посвященных памяти первого декана факультета социологии НИУ ВШЭ А.О. Крыштановского. М.: 2011.С.151-153. Доступно на: [//www.hse.ru/data/2011/10/08/1270536713/3 Qualitative Methods.pdf](http://www.hse.ru/data/2011/10/08/1270536713/3%20Qualitative%20Methods.pdf)

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ИНФОРМАТИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Сибирев В.А. (Санкт-Петербург)

Понятие «информационное общество» представляет скорее политический лозунг, чем теоретическое понятие. В качестве образца приводятся США. Там есть чему учиться. России пока далеко до уровня внедрения современных информационных технологий в повседневную жизнь. Однако прогресс в этой сфере идет семимильными шагами. Неслучайно принята «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации» . В ней провозглашается целью формирования и развития информационного общества «повышение качества жизни граждан, обеспечение конкурентоспособности России, развитие экономической, социально-политической, культурной и духовной сфер жизни общества, совершенствование системы государственного управления на основе использования информационных и телекоммуникационных технологий». Для создания целостной и эффективной системы использования информационных технологий, при которой субъекты общества получают максимум выгод, была разработана государственная программа «Информационное общество (2011-2020)»». Государство таким образом активно занимается информатизацией российского общества. «Информатизация - организационный социально - экономический и научно - технический процесс создания оптимальных условий для удовлетворения информационных потребностей и реализации прав граждан, органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций, общественных объединений на основе формирования и использования информационных ресурсов» . Для описания данного процесса целесообразно использовать матричный подход. С его помощью легко описать основные направления развития

информационных технологий. Данные технологии не существуют сами по себе, а направлены на совершенствование взаимодействия между различными субъектами общества: государством (Government), бизнесом (Business) и населением (Customer). При этом одна из сторон играет активную роль (ей соответствуют строки), а другая – пассивную (ей соответствуют столбцы). Соответственно строим матрицу взаимодействий. Она состоит из трех строк и трех столбцов. В результате получается девять элементов, которые обозначаются следующим образом: (Активный субъект)²(Пассивный субъект). Например, G2G (Government- to-Government) – «взаимоотношения внутри системы государственного управления», B2B (Business-to-Business) – «взаимоотношения между коммерческими организациями», C2C (Customer-to-Customer) – «взаимоотношения между потребителями». Внедрение информационных технологий в систему государственного и муниципального управления для оптимизации взаимодействия с бизнесом и населением обозначается как «электронное правительство». Использование их бизнесом – «электронная коммерция». А взаимодействие населения друг с другом – «социальные сети». Важную роль в этих процессах играет Интернет. Сегодня сетевые коммуникации составляют новую социальную морфологию (структуру). М. Кастельс назвал современное общество «обществом сетевых структур». Интенсивность и частота взаимодействий между двумя и более коммуницирующими субъектами выше, если они выступают в качестве узлов одной деловой сети, нежели когда они принадлежат к разным сетям. Включение в сетевые структуры или исключение из них, контуры сетевых потоков, которые задают информационные технологии, становятся доминирующими тенденциями, формирующими современный мир. В современном обществе все большее количество коммуникаций принимает сетевой характер. Разрастание таких структур сопровождается увеличением интенсивности коммуникаций и становится причиной многих серьезных проблем, связанных с безопасностью личности, общества и государства. По сути, речь идет о росте дифференциации социальных процессов, и, соответственно, их усложнении и ускорении. Подобная ситуация требует изучения сетевого коммуникативного пространства. Социальная действительность усложняется и становится изменчивой «текущей современностью» (З. Бауман). Это означает, что ситуация слишком быстро меняется, и если той или иной совокупности характеристик современного общества давать некое имя, то этих имен

потребовалось бы очень много. Основой объединения или разъединения общества, чем дальше, тем больше, становятся так называемые «сети», связующие инициативы и действия множеств отдельных «я». При этом связи между индивидуумами носят как правило очень неустойчивый характер, они легко рушатся и чаще всего недолговечны. Таким образом сетевой подход становится все более популярным в социологии, политике и идеологии. Его основоположником считается М. Грановеттер. Сети это система взаимоотношений между объектами. Объектами могут выступать люди, организации и институты. Каждый человек принадлежит к определенной сети, то есть это его круг общения, его положение в обществе. Сети можно рассматривать на микроуровне (Грановеттер), также и на макроуровне (Кастельс, Луман). Мы рассмотрели различные аспекты информатизации, которые, однако, бывает трудно отделить друг от друга. Можно также констатировать, что попытки выработки комплексного подхода в данной области еще весьма далеки от создания общей теории.

ИНТЕРПРЕТАТИВНАЯ СОЦИОЛОГИЯ – В ПОИСКАХ УСКОЛЬЗАЮЩЕГО СМЫСЛА.

Сизова Н.С. (Санкт-Петербург)

В условиях перманентности трансформационных процессов, обусловленных интенсивным внедрением технологических инноваций и увеличением форм социального взаимодействия, актуализируется способность фиксировать и интерпретировать ключевые события и явления. Фокус внимания смещается на наблюдение репрезентативных практик, состоящих из реакций и контрреакций, самопрезентаций и презентаций. Описание и объяснение посредством сбора данных и демонстрации динамики количественных показателей позволяет постфактум отслеживать результат воздействия многочисленных факторов на образно моделируемые теоретические конструкции, постоянно трансформирующиеся ввиду наличия внутренних противоречий и неопределенности внешних условий. Смысловой контекст вуалируется вариативностью интерпретаций полей взаимодействия. Понимание, подразумевающее поиск глубинных, сущностных причин и взаимосвязей, становится формой предчувствия, ощущений и интуиции, ускользающей от четкого определения и вербализации. Динамика взаимодействия и изменений пропорциональна силе

столкновения и пересечения интересов и целей акторов. Появление не умозрительных ценностных ориентиров, а реальных смыслов, наделенных жизненной энергией, обусловлено образованием микромиров, основным связующим элементом которых является взаимность. Взаимность (желание и возможность увидеть в другом высшую ценность), предполагает открытость и диалог, направленный на достижение согласия или компромисса. Смысловой контекст рождается в результате свободного от принуждения взаимодействия личностей, способных к риску самобытности (быть собой). Интерпретативная социология, в область которой входит качественное измерение действительности посредством выявления целей, мотивов и интересов акторов, является основой понимания смыслового контекста взаимодействия субъектов. Понимание контекста помогает выявлять причинно-следственные связи процессов и прогнозировать вероятное направление цепной реакции. Восприятие смыслов и целей как результата свободного взаимодействия субъектов осуществляемого с учетом принципа взаимности (взаимной симпатии, взаимного интереса и т.д.) позволяет увидеть глубинные процессы, определяющие сценарии и конфигурации повседневной реальности.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОНЯТИЯ «СМЫСЛ» В СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ТЕОРИЯХ

Смирнов Г.П., Смирнов Г.П. (Санкт-Петербург)

В ряде классических социологических теорий понятие «смысл» является ключевым и в тоже время недостаточно определенным. Интерпретация поведения человека начинается с определения того, чем руководствуется индивид, его намерений. Для описания таких намерений или оснований действий социологи стали использовать понятие «смысл». Предлагается рассмотреть наиболее известные трактовки данного понятия в социологической теории и определить его в рамках теории социального действия. В концепции Макса Вебера понятие «смысл» участвует в определении действия и социального действия: «...мы называем действие человека (независимо от того, носит ли оно внешний или внутренний характер, сводится к невмешательству или терпеливому принятию), если и поскольку действующий индивид или индивиды связывают с ним субъективный смысл. «Социальным» мы называем такое действие, которое по предполагаемому действующим лицом или

действующими лицами смыслу соотносится с действием других людей и ориентируется на него»[1, с. - 6603]. Следует отметить, что понятие «смысл» используется Вебером неоднозначно. В концепции Вебера под смыслом подразумевается сразу два явления: мотив и цель. Во-первых, на это указывает его типология поведения человека, где признаком рациональности является наличие осознанной цели. В тоже время немецкий социолог использует понятие «мотив» при анализе поведения человека: «“Мотивом” называется некое смысловое единство, представляющее действующему лицу или наблюдателю достаточной причиной для определенного действия»[1, с. - 614]. Несмотря на то, что Вебер ставил задачу исследования действий с помощью познания и толкования мотивов и соответствия с ними процесса действия, сложно определить, что именно необходимо искать мотив, цель или что-то иное. Достаточно вольное использование понятий характеризующих интенциональную основу действий естественным образом приводит к проблеме интерпретации человеческого поведения. Последователь М.Вебера А.Шютц также использует понятие «смысл». Основываясь на феноменологическом подходе, он разделяет субъективный и объективный смысл, а также определяет смысл действия. Он предлагает рассматривать смысл действия как мотив, который может быть двух типов: «мотив-для» и «мотив-потому-что». Шютц считает, что процесс взаимосвязи отдельных действий человека осуществляются посредством мотива[4, с. - 118-122]. С помощью «мотива-для» и «мотива-потому-что» выстраивается цепь последовательных действий «Эго» и «Альтера» как субъектов взаимодействия. Шютц рассматривает не только смысл поведения, но и объектов, окружающих индивидов и влияющих на их действия. Он использует понятие «жизненный мир», привнесенный из феноменологии. Формирование жизненного мира происходит в ходе взаимодействия индивидов и возможности intersubjectivного формирования смысла вещей. Таким образом, Шютц обосновывает принципиальную возможность существования не только субъективных, но и объективных смыслов жизненного мира и поведения. Основатель символического интеракционизма Дж.Г.Мид использовал понятие «meaning» – «смысл» при рассмотрении интеракции между двумя индивидами. Он описывает смысл как тройственную связь между причиной и результатом последовательных реакций[3, Р. – 78-79]. Схематично это можно выразить следующим образом: ответ индивида к жесту другого индивида есть интерпретация смысла этого жеста, как указание результата данной интеракции, в который вовлечены оба организма.

Такое тройное отношение между жестом, соответствующим ответом и результатом социального акта, который инициировал жест, является смыслом. В отличие от Вебера или Шютца, которые рассматривали взаимодействие в целом, американский социолог сужает свое исследование до непосредственного обмена жестами. Тем самым понятие «смысл» в его концепции приобретает особые свойства и требует дополнительного рассмотрения функции языка, как ретранслятора смысла поведения. Однако, понятие смысл находит применение не только в теориях взаимодействия, но и других фундаментальных направлениях социологической теории. Так, например, понятие «смысл» использует в теории социальных систем Н.Луман. В ходе обоснования теории социальных систем Луман дает обширное описание понятию «смысл». Используя феноменологический подход, он определяет смысл как интенциональное основание, которое имеет ряд признаков и характеристик, необходимых для существования социальных систем[2]. Таким образом, под смыслом социологи понимали некое основание поведения, которое может быть представлено целью, мотивом или стимулом действия. Интерпретация социального поведения человека требует определения соответствующих значений понятия «смысл» для различных видов человеческой активности: деятельности, взаимодействия и действия. Для этого необходимо сформировать общую систему взаимосвязанных понятий, отражающих поведение индивида и групп, а в дальнейшем определить значение смысла к каждому из них. Например, представление о смысле как цели или мотиве целесообразно соотносить с отдельными единичными действиями. Для явлений иного уровня, такие как деятельность или взаимодействие, смысл следует рассматривать как ценности и потребности. При этом необходимо учитывать, что действие является звеном в цепи осуществления какой-либо деятельности и цель формируется исходя из стимулов: ценностей и потребностей. Тем самым действия обеспечивают реализацию ценностей или потребностей человека. Исходя из проведенного анализа, определить смысл социального действия можно, как цель скоррелированного действия одного, двух и более индивидов.

Литература

1. Вебер М. Основные социологические понятия / Пер. с нем. М.И. Левиной // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. с. 602-643

2. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. Пер. с нем. Газиева. Под ред. Н.А.Головина. – СПб.: Наука с., 2007. – 641 с.
3. Mead G.H. Mind, Self and Society: From the Standpoint of a Social Behaviorist. Chicago: University of Chicago Press, 1962. P. 340.
4. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. Методология Социальных наук / Пер. с нем. и англ. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 1056 с.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОНЯТИЯ «РУССКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР» В СОЦИОЛОГИЧЕСКИМ НАСЛЕДИИ ПИТИРИМА СОРОКИНА.

Урсу И.С., Анисимова С.Ф. (Санкт-Петербург)

Базируясь на принципах интегральной философии и системного подхода Питирим Сорокин анализирует понятие «русская нация» как целостную социальную систему. В последнем прижизненном исследовании «Основные черты русской нации в XX столетии» П. Сорокин изложил свои новые воззрения по сущности и содержанию понятия «нация». Нация, как социальная система *sui generis* (лат. – особого рода) «является многосвязной/многофункциональной, солидарной, организованной, полужакрытой социокультурной группой, ... осознающей факт своего существования и единства. Эта группа состоит из индивидов, которые: 1) являются гражданами одного государства; 2) имеют общий или похожий язык и общую совокупность культурных ценностей...; 3) занимают общую территорию...» «Только тогда, когда группа индивидов принадлежит к одному государству, связана общим языком и территорией, - она действительно образует нацию» [1, с. 466, 468]. Однако, нация, как разновидность социальной системы, существенно отличается от государства, этнических (языковых) и территориальных групп. Каждая из трех последних групп формируется на основе общих интересов, ценностей и связей, отличных от интересов, ценностей, ценностей и связей двух других групп. Граждане многих государств относятся к различным группам, а множество территориальных групп не являются ни государствами, ни однородными языковыми группами. К этому добавим, что члены одной и той же этнической (языковой) группы разведены по гражданскому признаку в разные государства. Не только принадлежность к одной из обозначенных трех социальных групп, но

и к конкретной нации оказывает воздействие на сознание и поведение личности. Нация, как целостное единое образование, состоящая из трех взаимосвязанных групп – государства, языковой и территориальной групп – определяют ход исторических событий [1, с. 466-469]. Приступая к анализу основных черт русской нации, ее особенностей, а также специфики доминирующего сознания, культуры и системы ценностей России Сорокин подчеркивает, что он их исследовал как единые социокультурные системы, а не просто некоторые черты, свойства и качества определенных совокупностей отдельных индивидов или представителей русской нации. В физических, биологических и психологических исследованиях было доказано, «что свойства систем существенно отличаются от свойств их элементов или структурных компонентов и что простое знание о несущественном фрагменте одного или нескольких элементов никогда адекватно не выражает свойства целой системы, в которую включен этот элемент, и наоборот. Более того, свойства всякой сложной системы отличаются от свойств всех ее структурных компонентов, взятых и в отдельности, и суммарно»□. Исходя из этого принципа, нацию следует, во-первых, изучать как целостную систему, во-вторых, определить, осмыслить и понять постоянно меняющиеся структурные и динамические черты, и, в-третьих, определить основные черты «характера» русской нации «на основе совокупности объективных и исторически проверяемых фактов». Русская нация возникла в середине IX в. В ее состав входят великорусы, украинцы и белорусы, а также «русифицированные» или ассимилированные этнические группы, вошедшие в состав Российской империи и СССР. Все остальные нерусские этнические и территориальные группы, которые входили или входят в состав Российского государства, не принадлежали и не принадлежат к русской нации. В качестве многосвязной (многофункциональной), солидарной, организованной, полужакрытой социокультурной группы русская нация существует тысячу лет. Такая длительная история свойственна лишь некоторым существующим ныне нациям-государствам. «Совокупность основных черт русской нации включает ее сравнительно длительное существование, огромную жизнеспособность, замечательное упорство, выдающуюся готовность ее представителей идти на жертвы во имя выживания и самосохранения нации, а также необычайное территориальное, демографическое, политическое, социальное и культурное развитие в течение ее исторической жизни» [1, с. 469-472]. Благодаря этому русской нации удалось не только преодолеть возникающие на ее

жизненном пути те или иные трудности (двухсотлетнее господство татар, нашествие европейских и азиатских завоевателей, смута, бунты, восстания, революции, войны, и т.д.); но и сохранить свою целостность, суверенитет и превратиться в огромную империю – территориальную, демографическую, политическую и социально-культурную. Показателями «жизнеспособности», «упорства», «энергичности» и «изобретательности» служат неоднократное восстановление демографических и территориальных потерь, способность устанавливать наиболее актуальный политический режим, отвечающий изменившимся условиям. Достижения во всех областях жизни демонстрируют «силу, творческие способности, находчивость русского и других народов России, их готовность жертвовать своими жизнями, судьбами, ресурсами и благополучием во имя спасения свободы, достоинства и других великих национальных ценностей». Существенных достижений русская нация добилась в экономической, технико-технологической, научной, культурной, религиозной, правовой и т.п. сферах общественной жизни [1, 473-478]. Единство русской нации на протяжении всего периода своего существования объясняется разумным сочетанием расового и этнического разнообразия ее населения. Именно использование принципа «единства в многообразии» позволило российскому обществу достичь успехов в своем поступательном развитии. Политика «единства в многообразии» сводилась к юридическому и фактическому равенству «разнообразных расовых и этнических групп населения». История русской нации была свободной «от дискриминации, притеснения и эксплуатации нерусских национальностей России со стороны русской нации. В настоящее время нерусскому населению даны привилегии, свободы и конституционные права, которыми не обладает даже сама русская нация». На протяжении всей своей истории русская нация выдвигала, приглашала, выбирала или нанимала представителей нерусских национальностей на те или иные политические позиции. Они со временем «русифицировались» и ассимилировались. Мирное расширение границ и роста русской нации осуществлялись в основном политикой недискриминации и равенства различных расовых и этнических групп. Ряд расовых и этнических групп, наций и государств добровольно присоединялись к русскому государству. Что касается проводимых Россией войн, то большинство из них были оборонительными. Общий индекс всех войн России в период с XII по XX столетия показывает, что русская нация значительно реже выступает в качестве воюющей стороны в сравнении с западными

государствами и нациями. Одновременно русская нация не является более революционной и склонной к беспорядкам, чем европейские нации. Мнение «об особой склонности к беспорядкам» и особом «революционизме русского народа является пропагандистским стереотипом, запущенным в употребление политическими противниками русской нации, царского и советского правительства» [1, с. 479-482].

Литература

1. Сорокин П.А. Основные черты русской нации в двадцатом столетии / О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М.: Наука, 1990.
2. Сорокин Питирим. Социальная и культурная динамика. Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. – СПб.: РХГИ, 2000.

СПЕЦИФИКА СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ И ОЦЕНКА ЕГО РАЗЛИЧНЫХ ТЕОРИЙ

Фетисов В.Я. (Санкт-Петербург)

Раскрытие специфики социологии по-прежнему остается актуальной проблемой, решение которой сопряжено с выполнением ею своих познавательных и социальных функций. Продвижение в этом процессе прежде всего определяется тем, насколько полно учитываются основные звенья, присущие любой отрасли науки как высшей формы познавательной деятельности. Схематично их последовательность и связь могут быть выражены следующим образом: объект науки – ее предмет – методы и средства – содержание как система знаний – познавательные и социальные функции. «Приложение» социологии к данной схеме показывает проблемный характер всех ее звеньев. Особая роль в выявлении специфики социологии принадлежит очерчиванию ее предмета, поскольку он предопределяет все другие звенья. Отсюда – особое внимание к нему в дискуссиях об особенностях данной науки. Однако в приведенной схеме существуют не только прямые, но и обратные связи, идущие от функции к содержанию, методам и средствам, предмету и объекту науки. Этот путь исследования крайне важен, так как именно через функции социальная реальность предъявляет требования к науке и тем самым в конечном счете определяет ее специфику и направление развития. Поэтому трудно

понять специфику социологии, причины ее возникновения и развития, абстрагируясь от основных тенденций последних двух столетий, важнейшая из которых – переход от естественно-исторического к социально-историческому развитию. Основа данного перехода – сложный, противоречивый и неравномерно протекающий процесс становления индивидов и различных общностей как социальных единиц, субъектов сознательной, целерациональной деятельности. Анализ их содержания, поведения, отношений и деятельности – основная функция социологии как системы знаний, сориентированной на исследование социальной жизни. Другие сферы общества – экономика, политика и пр., изучаемые соответствующими науками, в ней рассматриваются как предпосылки, условия и средства жизни социальной – процесса сохранения, воспроизводства и развития индивидов и общностей. Различные интерпретативные концепции могут быть правильно поняты и оценены как теории, выражающие, а нередко и абсолютизирующие отдельные стороны и аспекты социальной жизни. Помещение их в контекст общей социологии как теории социальной жизни способствует выявлению их действительного места и роли в системе научного знания, наиболее полному выявлению как негативных, так и позитивных сторон.

БИОГРАФИЧЕСКИЕ НАРРАТИВЫ КАК КОНТЕКСТ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ: ОПЫТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Цветаева Н.Н. (Санкт-Петербург)

Интерпретативный подход качественного социологического исследования, в рамках которого изучаются биографические нарративы (истории жизни, дневники, переписка и другие свидетельства биографического характера обычных людей), дает возможность рассмотреть социально-культурную динамику в антропологическом ключе, уловить культурно-историческую специфику социальных процессов и, тем самым, расширить горизонт видения и понимания социально-культурных изменений. Этот подход является ответом на вызовы современной культурной и познавательной ситуации, когда в центре внимания исследователей оказались темы нестабильности, вариативности, множественности культурных и языковых практик, которые уже не охватываются традиционными схемами классической социологии. В отличие от

привычных социологических опросов, задающих матрицу ответов населения на сформулированные исследователями вопросы, биографические нарративы предоставляют возможность посмотреть на оценки и суждения людей «изнутри», в контексте реалий их собственной жизни, и увидеть структуру осознаваемого человеком жизненного опыта и тех социальных представлений и ценностных ориентиров, в которых этот опыт осмысливается. Они позволяют также прояснить связи между разными слоями ценностного сознания общества, между дискурсом повседневной жизни и нормативными, идеологизированными, дискурсами. Особенно продуктивным оказывается сравнительный анализ биографических нарративов, принадлежащих людям разных поколений. Такой анализ дает представление об исторических этапах «определяющей работы общества» (Бурдьё), об «обновлении дефиниций» (Бергер), а также постепенности происходящих социально-культурных изменений и их «зависимость от пути» (Норт), от культурного наследия. Сегодня уже известны разнообразные методы анализа такого рода текстов [1]. Но использование того или иного метода всегда тесно связано со структурой имеющегося у исследователя эмпирического материала, а также направленностью исследовательского интереса, с проблематизацией этого материала. И если посмотреть на публикации по результатам практической работы с биографическими нарративами, становится очевидным, что в основе этой работы лежит разная исследовательская логика, разные методы и стратегии. Конечно, во многом эту ситуацию определяет утвердившаяся установка на полипарадигмальность социальной науки, свободу и своеобразие исследовательских методик. Можно также предположить, что универсальных методик такой работы и быть не может, так как интерпретация нарративов (а также составление методик их анализа) в большой степени зависят от их структуры и особенностей, которые выясняются только в процессе непосредственной работы с ними. В результате проблемы и гипотезы, которые исследователь надеется раскрыть, в процессе работы постоянно корректируются, уточняются. Чтение материала и развитие интерпретации «идут рука об руку» [2]. Другими словами, работа с нарративами это итерационный процесс, который включает возвратно-поступательное движение по герменевтическому кругу и предполагает целый ряд мер, направленных на корректировку программы и методик исследования, на их уточнение, на аналитическое «перечитывание» и многоступенчатое кодирование материала. Отчасти поэтому всегда трудно представлять результаты

такого исследования, результаты итерационного процесса и «восхождения к теории». В методологии интерпретативного подхода сегодня сформулированы два основных типа интерпретации такого рода текстов - реалистический и нарративный анализ [3]. Считается, что в рамках реалистического анализа исследователь анализирует тексты как свидетельство о социальной реальности, ориентируясь на соответствие между историей жизни и рассказом о ней и пытаясь воссоздать детали той или иной социально-исторической реальности, которая стоит «за текстом». Другой тип интерпретации - нарративный анализ - признается междисциплинарным методом анализа текстов и имеет довольно большую историю, хотя разные исследователи по-разному определяют и понимают теорию и практику такого анализа [4]. Но в целом нарративный анализ направлен на интерпретацию тех субъективных повествовательных конструкций, риторических формул, которые порождены жизненным опытом авторов этих текстов и с помощью которых они упорядочивают свои повествования. Другими словами, основной акцент при нарративном анализе делается на истины опыта авторов текстов, на их опыт осмысления пережитого. И понимаются эти истины опыта только в процесс интерпретации, когда исследователь определяет тот социально-исторический контекст, в котором эти истины сформировались, а также те нормативные дискурсы, мировоззренческие системы, которые на них повлияли [5]. Таким образом, нарративный анализ дает возможность исследовать, какие социально-культурные формы интерпретации и конструирования социальной реальности сложились на том или ином историческом этапе жизни общества и по смене этих социальных конструкторов получить представление об «определяющей работе» общества и о происходящих и происходивших в нем социально-культурных изменениях. В рамках нарративного анализа сложилась и моя исследовательская работа с биографическими нарративами, которая построена на материалах собрания Биографического фонда Социологического института РАН. Фонд был создан в 1989 г. и на сегодняшний день содержит более 700 единиц хранения. Фонд составляют автобиографии, биографические интервью, генеалогии, дневники, семейные хроники, а также материалы нескольких тематических биографических конкурсов. На основе материалов Фонда я реконструировала динамику и особенности социальных представлений и ценностных ориентиров нескольких поколенческих когорт и связи этих представлений и ориентиров с нормативными

дискурсами, наработанными обществом на том или ином этапе его истории.

Литература

1. Стефан Тичер, Майкл Мейер, Рут Водак, Ева Веттер. Методы анализа текста и дискурса / Пер. с англ. – Х.: Изд-во Гуманитарный центр, 2009. 356 с.
2. Томпсон Пол. Голос Прошлого. Устная история. / Пер. с англ. М.: Весь мир, 2003. 368с.
3. Готлиб А. Качественное социологическое исследование: познавательные и экзистенциальные горизонты. Самара: Универс-груп. 2004. 448 с.
4. Троцук И.В. Теория и практика нарративного анализа в социологии. М.: Изд-во РУДН, 2006. 246 с.
5. Ярская-Смирнова Е. Р. Нарративный анализ в социологии // Социологический журнал. 1997. №3. С.38-61.

ОБЪЯСНЕНИЕ VERSUS ПОНИМАНИЕ: ВОЗВРАЩЕНИЕ К ДИСКУССИИ

Шипунова Т.В. (Санкт-Петербург)

В работах В. Дильтея, В. Виндельбанда и Г. Риккерта было постулировано противопоставление наук о природе наукам о культуре (истории, философии и т.д.) [подробно см. 5]: - естественные науки – это номотетические (или генерализующие) науки, изучающие общее и закономерно повторяющееся; метод естественных наук – объяснение; - социальные науки – это идеографические (или индивидуализирующие) науки, изучающие единичное и уникальное; метод социальных наук – понимание. Диспут о сущности и методе социальных наук разделил исследователей на два идейно противоборствующих лагеря. Одни социологи (натуралисты-номиналисты) утверждали, что нет принципиальных отличий в сущности и методе различных наук. Объяснение является методом не только естественных, но и социальных наук. Другие (интерпретативисты) доказывали, что методом социологии следует считать понимание, и не ее дело заниматься поиском и формулированием охватывающих законов, наподобие естественных наук. Так что является методом социальных наук – объяснение или понимание? На протяжении всей истории «диспута о методе» понятия «объяснение» и «понимание» так и не

были определены общезначимым образом. Развитие дискуссии по этому поводу привело к тому, что дискутирующие стороны отождествили (незаметно для себя) эти понятия с понятием «метод исследования». Между тем, метод исследования – это способ добывания новых знаний о предмете. Общие методы исследования едины для всех наук. Сюда относятся: абстрагирование, анализ и синтез, сравнение, обобщение, наблюдение, описание, эксперимент, индукция и дедукция. Любая наука использует в меру надобности любой из этих общих методов, при необходимости конкретизируя его. Например, метод сравнения распадается на методы аналогии, моделирования и сравнительно-исторический метод. Метод объяснения – это, чаще всего, способ, процесс передачи первым участником коммуникации некоторых сведений, знаний второму участнику, снимающих (разрешающих) непонятные для него вопросы. Метод вербальных объяснений имеет пять видов: семантическое (отвечает на вопрос «что это?»), историко-генетическое (вопрос «как и когда это возникло?»), причинно-следственное (на вопрос «почему, по какой причине это возникло?»), функциональное (на вопрос «чему это служит, каково его предназначение?»), телеологическое (на вопрос «какова его цель или с какой целью это создано?»). Все эти виды (или, если угодно, модели) объяснения используются как в науке, так и в обыденной жизни. Различия можно обнаружить лишь в степени строгости их использования, обусловленной опытом и/или наличием формализованного понятийного аппарата. Какой смысл вкладывают, когда говорят о «понимании»? Обычно под пониманием имеют в виду непротиворечивое включение полученных в процессе объяснения сведений в систему представлений и понятий второго участника коммуникации, в состав его интеллектуального опыта. Разумеется, в качестве «второго» участника может выступать и сам человек, когда он сам для себя что-то проясняет (= объясняет), включая этот продукт в систему своих представлений (= понимает). В так называемой понимающей социологии под пониманием подразумевают, видимо, что-то иное. Так, М. Хайдеггер пишет: «Понимание есть экзистенциальное бытие с в о е г о умения быть самого присутствия, а именно так, что это бытие на себе самом размыкает всегдашнее к а к – о н о с-ним-самим-обстояния» [4, 144]. Эта погруженность в бытие как один из возможных родов познания «в отличие от “объяснения”, должно вместе с этим последним интерпретироваться как экзистенциальный дериват первичного понимания, со-конституирующего бытие в о т вообще... В

понимании экзистенциально лежит бытийный способ присутствия как умения быть» [4, 143]. «Формирование понимания мы именуем толкованием. В нем понимание понимая усваивает себе свое понятие» [4, 148]. Представители конструкционизма П. Бергер и Т. Лукман считают, что методом изучения знаний (смыслов, конструкторов) в повседневной жизни является феноменологический анализ как чисто описательный метод, который «воздерживается от причинных и генетических гипотез так же, как и от утверждения относительно онтологического статуса анализируемых феноменов», поскольку «обыденное сознание содержит много до- и квазинаучных интерпретаций повседневной жизни, которые считаются само собой разумеющимися» [1, 39]. Результатом феноменологического анализа является интерпретация и толкование смыслов, которое базируется на ««само собой разумеющихся» субстанциональных знаниях» [2, 214]. Неприятие термина «объяснение» в данном подходе связывается с негативной коннотацией термина «легитимация». Легитимация «оправдывает институциональный порядок, придавая нормативный характер его практическим императивам» [1, 153], что неприемлемо для критиков власти. Более того, - пишут Бергер П. и Лукман Т., - «легитимация и есть этот самый процесс “объяснения” и “оправдания”» [там же]. Если убрать «идейные» соображения, то, в общем и целом, понимание в трактовке указанных авторов предстает как непосредственное присутствующее восприятие смыслов, значений, которые несет в себе предмет изучения. Оно оседает в сознании воспринимающего или передается вовне посредством толкования и/или интерпретации. Понимание как погруженность в бытие - это неразвитое и неструктурированное знание. «Дильтей зафиксировал противоположность между словами “понимать” (verstehen) и “объяснять” (erklären). На первый взгляд понимание и объяснение альтернативны: надо принять либо одно, либо другое. В действительности речь не идет о конфликте методов, поскольку к методологии относится лишь объяснение» [3]. Итак, объяснение и понимание – это не методы исследования, а всего лишь компоненты одного и того же процесса коммуникации между людьми: один объясняет, а другой понимает, если ему удастся непротиворечивым образом ассимилировать полученные сведения в системе своих понятий, если же это ему не удастся, то он не понимает предложенного объяснения. При этом понимание не означает, что человек обязательно согласится с объяснением. Поэтому можно сказать, что бытующее в современной социологии утверждение о том, что разные социологические школы и направления пользуются

разными (принципиально отличными друг от друга) методами – несостоятельно.

Литература

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: «МЕДИУМ», 1995.
2. Западная теоретическая социология. – СПб.: Издательство «Ольга», 1996.
3. Рикёр П. Понимание и объяснение //Новая философская энциклопедия: В 4 тт. М.: Мысль. Под редакцией В.С. Стёпина. 2001. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/8892/ПОНИМАНИЕ (Дата обращения – 15.01.2012).
4. Хайдеггер М. Бытие и время. /Пер. с нем. В.В. Бибихина. – СПб.: Наука, 2006.
5. Шипунова Т.В. Девиантология: современные теоретико-методологические проблемы. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2012. Глава I, III.

СКАНДАЛ В СОЦИОЛОГИИ: МОЖЕТ БЫТЬ ТО, ЧТО МЫ НАЗЫВАЕМ СОЦИОЛОГИЕЙ, ТАКОВОЙ И НЕ ЯВЛЯЕТСЯ?

Щелкин А.Г. (Санкт-Петербург)

1. Прежде всего, одно пояснение к тому сомнению, как оно сформулировано в заголовке. Было бы самым простым делом увидеть в нем то, что первое приходит на ум: автор оригинальничает. Хуже того, самонадеянно претендует на «очередную» социологию, которых сегодня — хоть пруд пруди. Уклонимся от банальностей. Уклонимся, потому что тема, и в самом деле, серьезна и настоятельна. Давно уже пора обсудить вопрос, который для других наук — естественных, технических и даже математических — имеет смысл и даже играет роль грозного вердикта, а, вот, социология, как будто бы обладает иммунитетом от того предположения и даже подозрения, что она, социология, может приносить не только пользу, но и ... вред. Иначе говоря, уместно ли по отношению к социологии деонтологическое правило «Не навреди!»? 2. В порядке исследования проблемы вооружимся уже найденным и неоспоримым. Пафос «Не навреди!» пришел с античных времен из медицины. Тот же энтузиазм сделал «экологическое движение» не только символом современной эпохи, но и её мощным «регулятивным правилом». От «категорического императива» защитников природы сегодня не

могут скрыться не только промышленники, бизнес и власть, но и резиденты «башни из слоновой кости» — учёные, теоретики и разработчики. Отсюда такой размах исследований — особенно немецкоязычном интеллектуальном мире — по «биоэтике» и «философии техники». «Не навреди!» — это четко наблюдаемый деонтологический месседж туда, где сегодня «производится» наука. А что социология? 3. На первый взгляд, кажется, что социология как наука свободна от такой перспективы — стать объектом такого озабоченного принципа, как «Не навреди!». Эта иллюзия сама по себе характерна и небезопасна. Характерна потому, что совсем не случайна, и небезопасна, потому что расслабляет и дезориентирует «того, кого это касается», то есть социологов. А для тех, кто не просто живет в обществе, но и претендует на «производство» знания о «людях в обществе», проблема бдительности имеет особое значение. Факт общеизвестный. Что производится, то и потребляется. Проще говоря, социологическое знание потребляется в обществе. Мало того: «формирует» человека в аристотелевском смысле этого глагола. Отсюда и общее правило: быть в среде себе подобных — значит, быть бдительным. «Бдительность — это всё!» Вот, что вынес, принц Гамлет из своих напряженных наблюдений над людьми в масштабе своей датской миниатюры. 4. Фактически мы задаёмся вопросом, есть ли основание к тревоге и предупреждению — «Люди, будьте бдительны: социология!» Вопрос не из легких. Шокирующая неподъемность таких вопросов, связана, прежде всего, с той иллюзией, о которой говорилось выше. Социология — цитадель гуманитарных наук, сердце *humaitas*^a, и вдруг такое кощунственное подозрение! И всё-таки в самом корпусе социологического знания, особенно в практике его применения и — самое главное — в природе или, как сейчас говорят, «идентификации» человека есть достаточно опорных точек, чтобы подняться над иллюзией безгрешности социологии. 5. В первую очередь, надо сказать о том, о чем не идет речь. Речь не идет о тех наивностях, упрощениях и просто ложных концепциях в социологии, разочаровывающий опыт опоры на которые имеет, слава богу, свою обратную сторону — приращение адекватного знания. Речь не идёт также и о старых грехах «позитивистской социологии», которая после торжественных похорон «больших нарративов» и социологической метафизики, кажется, возвращается сегодня под девизом «нового прагматизма» на ландшафт общественных наук. Многие, что можно было бы исключить из списка упреков и даже подозрений по адресу социологии. Действительно, не об этом речь. 6.

Поговорим в более радикальных терминах — о пределах уместности и неуместности социологии в делах человеческих. И обопремся, естественно, на самое главное в разговоре — на феномен и критерий человека как существа самоопределяющегося, автокаталитического, если пользоваться словарем модной синергетики. 7. Предположение, что человек есть не просто объект и «вещь среди других вещей», но в своем отличительном и подлинном качестве есть «субъект» самодействующий, самоопределяющийся, сам себя относящий и т. д., — предположение это возникло давно и сегодня звучит банально. Но так же старо, как мир, и понимание, что человек есть «вещь среди других вещей», и в этом смысле он объект, «сам себе не принадлежащий». Этот прекрасный дуэт этих двух состояний и образует загадку и разгадку человеческого феномена. Следы описания подобного дуализма мы находим в нашем языке, когда говорим и отличаем друг от друга — «условия существования» и самоё «существование» человека. Язык с присущей ему интуитивной точностью очень глубоко выражает это различие, уместяющееся в физическом корпусе и биографии одной и той же личности. «Условия существования» — внутренняя и внешняя среда обитания человека, поддающаяся объективной фиксации и описанию. Самоё «существование» — это и есть автономная и суверенная область человеческого бытия как существа самоопределяющегося, эта сфера его «экзистенции», его «подлинности», как бы ни трактовать это последнее выражение. Спрашивается, где место социологии как «объективной» науки перед лицом этого дуалистического феномена по имени «человек»? 8. Почему возникает этот вопрос? Одно дело социологически описывать и понимать именно «условия существования» и «возвращать» это понимание в общество в качестве знания для воспроизводства и жизнеустройства последнего. Именно на этом пути социология обрела и обретает все промахи и доблести своей истории как науки и знания, востребованного обществом. И совсем другое дело — претензии социологии на теоретическое реконструирование собственно «человеческой» территории как территории автономности и суверенности. Здесь помимо проблемы сугубо эпистемологического характера, возникает препятствие самого что ни на есть онтологического свойства. 9. Эпистемологическая проблема описания человеческого «существования» состоит в непереводаемости двух языков описания. Личность как субъект описывает себя и опирается на это самописание (самопонимание) в терминах «от первого лица — Я». Социолог обречен на описание поведения наблюдаемого объекта

(даже если этот социолог замахивается на описание самописания другой личности), увы, только с позиции «третьего лица — Он, Она». Наука пыталась решить эту «проблему перевода» на самых разных путях, начиная от интуиции, герменевтики, «эмпатии» и проч. и кончая реконструкцией чужого опыта через идеальное (воображаемое) погружение не в самый этот опыт, а его объективные условия — метод близкий к тому, которым пользуются писатели и актёры на сцене. Однако отличие оригинала от копии в этом случае всегда остается принципиальным. 10. Но принципиальная тревога и забота о том, что социология может нарушить золотое правило «Не навреди!» связано не с эпистемологией а с онтологией данного сюжета. Дело в том, что вступая в область автономии человеческого субъекта, социология становится его соавтором. А это не может не иметь контрпродуктивные последствия. Когда человеческое «существование» (в отличие от «условий существования» начинает ориентироваться и регулироваться «третьей инстанцией» — социологией или чем-то другим — тогда вместе разрушением автономности человека, теряют смысл и такие фундаментальные характеристики субъекта, как «свобода», «ответственность», «творчество» и проч. Классическая культура знала эти ловушки и искушения человеческого духа. Возглас Ф. Шиллера: «Тут человеческое! Здесь я должен остановиться» — мог бы до определенной степени послужить нам намёком всё на ту же тревогу и заботу, которые не могут не касаться и социологии...

Секция 2. Факторы, критерии и перспективы стабилизации современного российского общества

РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ СТАБИЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ (НА ПРИМЕРЕ КАЛМЫКИИ)

Бадмаева Н.В., Иджаева Б.В. (Элиста)

На современном этапе развития российского общества особую актуальность приобретает региональный аспект стабилизационных процессов. Это объясняется переходным состоянием, которое переживает Россия. В условиях перехода происходит регионализация сознания, социально-политическая и

социально-экономическая трансформация общества, что, в свою очередь, влечет за собой изменения в социально-культурной и этнокультурной сфере. Исследуя социальную стабильность региона, и влияющие на нее политические и социальные факторы, мы анализируем региональный срез общества, что позволяет лучше изучить всю систему и, в зависимости от ситуации, адресно реагировать на критические показатели стабильности в том или ином регионе. Рассматривая социальную и политическую стабильность региона, мы понимаем систему отношений, которая «стабильно функционирует в настоящем и способна справляться с нарушениями равновесия (дисфункциями по Парсонсу) за счет действия внутренних регуляторов и резервов ...»[1, 34]. Основополагающими факторами политической и социальной стабильности является массовая поддержка населением региона политического режима, принятие политических ценностей, уровень материальной обеспеченности и социальной защищенности граждан. Социальная и политическая реальность отражается, прежде всего, в совокупности мнений, суждений и оценок людей о политической системе общества, удовлетворенности каждого человека собственным местом в социальной структуре, защитой интересов разных социальных групп. Для определения значений уровня социальной и политической стабильности широко используется метод социологического опроса, в основе которого анализ общественного мнения в отношении социальной, политической, экономической ситуации в конкретных временных и пространственных условиях. Таким образом, предметом рассмотрения в данной статье послужили результаты социологического опроса населения Республики Калмыкия, проведенного Центром мониторинга общественного мнения Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Исследование было проведено по репрезентативной половозрастной выборке. Выборка составила 250 человек. Политическая система общества не удовлетворяет подавляющее большинство граждан. 49,2 % опрошенного населения считают, что «в политической системе нашего общества много недостатков, но их можно устранить путем реформ»; 35,6% респондентов совсем «не устраивает политическая система нашего общества, она считают, что «ее необходимо радикально изменить». Политическая система «полностью устраивает» всего 13,6 % опрошенных жителей региона. В связи с этим можно говорить о слабости развития демократического процесса в республике. Негативные оценки политической системы и

структур говорят о необходимости трансформации политической системы. Далее отметим, что 64% опрошенного населения республики доверяют Президенту РФ и в этом отношении мнение опрошенных респондентов отражает общероссийскую тенденцию. Однако высок процент недоверия к таким политическим институтам как Государственная Дума (40,5%) и политические партии и движения (51%). Таким образом, они обладают низким политическим капиталом, что говорит об оторванности политических партий от интересов большинства населения. Низкий уровень доверия к региональной власти (16,5%) связывается прежде всего с тяжелым социально-экономическим положением региона. Еще меньше доверия вызывают политические партии, доверие к которым находится на уровне 9%. Опрос показал, что большинство населения республики считают, что сегодня государство выражает и защищает интересы богатых слоев населения (31,7%); 19,7% затруднились ответить; 16,5% респондентов думают, что государство защищает интересы всех граждан России; 14,5 % - государственной бюрократии; 7,2% - средних слоев; 6 % - бедных слоев. Соотношение этих данных с показателями политического доверия основным институтам политической системы говорит о развитии факторов, негативно влияющих на региональную стабильность. Далее рассмотрим блок вопросов, отражающих социальную составляющую региональной стабильности. В первую очередь мы рассмотрели блок вопросов, касающийся проблем доступности определенных материальных благ, отдыха и досуга. В связи с этим респондентам был задан вопрос: «Как часто за последние 12 месяцев вашей семье приходилось ограничивать себя в следующем...». В результате наиболее часто респонденты ограничивают себя в отдыхе (36%), посещениях театра и кино (27,6%), ремонте жилья (34%). Никогда не ограничивают себя в покупке продуктов питания (42,9%), лекарствах (41,6%), медицинском обслуживании (40%) и приобретении одежды и обуви (33,2 %). Таким образом, мы видим, что преобладающая часть респондентов в основном не ограничивает себя в приобретении необходимых товаров и продуктов питания. В свою очередь перестали быть массово доступны социальные услуги, связанные с культурным досугом, отдыхом и поездками, соответствующие активной жизни: кино, театр, музеи, выездной отдых. Далее нами были заданы вопросы по социальному оптимизму. На вопрос: «Как изменится ваше материальное положение в ближайшие 12 месяцев?», результаты ответов распределились следующим образом: около трети респондентов отмечают, что их

положение останется таким же, в то же время чуть более трети жителей региона отмечают, что их положение улучшится и чуть более 15% населения дают негативный ответ. На вопрос, как стали жить респонденты (в материальном плане) по сравнению с прошлым годом были получены следующие результаты. Материальное положение 44% опрошенных жителей никак не изменилось, при этом лучше стали жить 22,4% респондентов, а хуже стали жить 17,6% респондентов. На вопрос как изменится на их взгляд экономическая ситуация в регионе, суммарное число позитивных оценок составило треть полученных ответов, в то время как отрицательных оценок немного меньше – одна пятая часть всех полученных ответов. В то же время другая треть респондентов отмечает, что ничего не изменится. Таким образом, наблюдается следующая тенденция: среди респондентов отмечается большой процент консерваторов – тех, кто считает, что ничего не изменится, а о будущем нельзя что-либо сказать точно. Далее мы попросили респондентов оценить свой доход. Около половины опрошенных (45,2%) отнесли себя к группе, где «денег достаточно для приобретения необходимых продуктов и одежды, однако более крупные покупки приходится откладывать»; 21,2% отметили, что «денег хватает только на приобретение продуктов питания»; 8,8% респондентов отметили, что «денег не хватает даже на продукты питания». Ни в чем себе не отказывают 8,8% опрошенных и 13,2% отмечают, что покупка большинства товаров длительного пользования не вызывает у них затруднения. Таким образом, мы видим, что чувствуют себя более уверенно в «завтрашнем дне» всего 22% опрошенных жителей республики, остальная часть опрошенных - удовлетворяют лишь свои повседневные потребности. В заключение отметим, представленные в статье результаты эмпирического исследования показали проблемные точки общества, что волнует людей больше всего и как они реагируют на современную политическую ситуацию в республике. В связи с этим, на повестке дня в вопросах регионального управления должны стоять вопросы поддержания, совершенствования качества жизни людей, их материального благополучия, уверенности в завтрашнем дне. Стабильность невозможна без доверия граждан к власти, без поддержки действий властей со стороны населения. Все эти обстоятельства непосредственным образом сказываются на социальном самочувствии общества и во многом определяют социальную устойчивость региона.

Литература

1. В.К. Левашов. Социополитическая динамика российского общества (2000 – 2006). М. 2007.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СОВЕСТИ У РАЗЛИЧНЫХ ВОЗРАСТНЫХ ГРУПП

Барсукова С.А. (Пенза)

Каждый век имел свою модель и свой идеал. Мы идем к тому, чтобы в качестве руководящей модели использовать полноценно развитое осомоосуществленное человеческое бытие, человека, чья внутренняя природа выражает себя свободно, она не деформирована, не подавлена и не отрицается. Аутентичная самость отчасти может быть определена как способность слышать импульсы-голоса внутри себя, то есть знать, чего ты действительно хочешь и чего не хочешь. Совесть настаивает, чтобы мы были честными по отношению к своей внутренней природе. Как тайна личности совесть принципиально непознаваема. Но, в то же время, она открыта диалогу. Миллионы людей просто живут и совершают действия в соответствии с теми представлениями о сущем и должном, в том числе и о совести, которые у них сложились. Каждый человек имеет какой-то свой опыт беседы со своей совестью, опытно знает ее силу и неподкупность. Эти неопределенные, размытые представления влияют на то, как люди будут вести себя в различных ситуациях нравственного выбора. Предметом нашего исследования является структура социальных представлений о совести различных возрастных групп. Изучение социальных представлений является одним из ведущих направлений современной социальной психологии. По мысли основателя этого направления С. Московичи, те представления, которые разделяют члены той или иной социальной группы, имеют определяющее значение и для построения прогнозов о поведении данной группы (Московичи, 1995). Согласно Ж.-К. Абрику, в структуре СП различают центральное ядро и периферию. Центральное ядро связано с коллективной памятью, оно определяет гомогенность группы и характеризуется устойчивостью. Периферическая система обеспечивает интеграцию индивидуального опыта каждого члена группы. Она подвижна, чувствительна к контексту, противоречива и адаптируется к конкретной реальности, предохраняет центральное ядро от внешних воздействий (см.: Емельянова, 2006). В нашем исследовании приняло участие 1234 человека различных возрастных групп (от 8 до 60 лет). Респондентам

было предложено определить понятие «совесть» (в форме незаконченного предложения «Совесть – это ...»). Ответы респондентов были сгруппированы по подгруппам, в соответствии с возрастными границами (подгруппы уравнены по полу). Анализ полученных данных позволил нам сделать определенные выводы. Исследования отечественных и зарубежных авторов свидетельствуют о том, что ребенок младшего школьного возраста постепенно начинает отходить от восприятия групповой морали близких и уважаемых им людей и открывается для восприятия общечеловеческой высшей нравственности. В нашем исследовании в качестве ядра представлений о совести детей данной возрастной группы было выявлено чувство вины, раскаяния и угрызения (26 % ответов). По 14 % респондентов этой возрастной группы выделили честность и внутренний самоконтроль. На периферии представлений находятся такие параметры как «часть внутреннего мира, которая подсказывает, как поступать правильно» (9 %) и «хорошее поведение; правильный поступок; вежливость; слушаться взрослых» (8 %). Чувство вины, стыда (29 %) является ядром представлений о совести и в возрастной группе младших подростков (11-12 лет). Но на границу выходит представление о том, что совесть – это, прежде всего, голос правильного решения; второе лицо, которое говорит, что надо сделать; внутренний компас; внутренняя душа, которая учит правильно жить и т.п. (12 % выборов). Такие психологические новообразования данного периода как появление внутреннего плана действий, формирование рефлексии, поворот на осознание содержания моральных норм приводят к формированию личностного отношения к базовым понятиям нравственности. На периферии остается «примерное поведение в обществе» (3 %), «внутренний контролер» (3 %). Появляются новые понятия: «чувство ответственности» (6 %) и «по правилам Господа» (3 %). Для старших подростков (13-14 лет) совесть – это, прежде всего, внутренний регулятор, контролер (32 % выборов). На границе находятся следующие высказывания: «внутренний голос, который подсказывает что плохо и хорошо, внутренний советчик» (19 %); «осознание вины, стыда, карающая, мучающая нас часть души» (18 %); «внутреннее осознание своих поступков» (15 %). А на периферии – «честность» (6%); «соблюдение требований взрослых» (3 %). О.П. Рылько в результате экспериментального исследования приходит к выводу, что становление совести у подростков тесно связано с интенсивным развитием в этом возрасте интереса к внутреннему миру другого человека, с развитием альтруистических чувств, с

появлением чувства общности с другими людьми и, прежде всего, со сверстниками, когда интересы окружающих становятся важным и значимым для подростка, сопереживаются им [3]. У лиц юношеского возраста (16-20 лет) понимание совести как внутреннего Я, внутренней гармонии, решение души (20 %) выходит в ядро, наряду с таким определением как «осознание, оценка, внутренний судья» (20 %). На границе между ядром и периферией представлений о совести старшеклассники выделили «честность, справедливость» (19 %); самоконтроль (12 %); и то, что мучает (11 %). На периферии находится сочувствие, гуманное отношение к людям (8 %) и ответственность (6 %). В выборке взрослых (в возрастных группах от 21 до 45 лет) ядро представлений о совести составляют такие высказывания как «внутреннее Я; гармония; согласие с собой; зов души» (в пределах 21-23 % всех высказываний). На границе находятся понятия, отражающие качественные характеристики человека: честность (17 %), 12 % справедливость (12 %), ответственность (10%). А на периферии «внутренний контролер» (6 %), «внутренняя оценка» (6 %), «то, что мучает, гложет» (5 %), «уважение к окружающим» (5 %), «соответствие требованиям морали» (5 %), «заповеди Господа» (3 %). Отличаются представления о совести лиц возрастной группы старше 45 лет. В ядро наряду с таким параметром как «согласие с душой, мир в душе» (21 %) вошли «нормы морали» (27 %). А на границу поднялись «отношение к окружающим» (16 %) и «заповеди Бога» (16 %). Такие качественные характеристик человека, как честность и ответственность уходят на периферию. Таким образом, наше исследование показало динамику представлений о совести в зависимости от возраста. Так в детском возрасте до 12 лет преобладают такие эмоциональные переживания, связанные с совестью, как чувство стыда, вины, угрызания, раскаяния. Совесть как экзистенциальный феномен, по Хайдеггеру, проявляется в переживании не-по-себе-бытия [4]. Автор считал, что данное переживание делает возможным услышать свой голос совести. Точка зрения о том, что совесть – это нравственное чувство также популярна и среди отечественных психологов. Так, например, А.Г. Ковалев пишет, что переживание совести у ребенка вначале связано с конкретной ситуацией проступка и ассоциируется с представлением о наказании [1]. Старшие подростки ассоциируют совесть с такими волевыми компонентами, как самоконтроль и саморегуляция. Это связано с возрастными особенностями протекания психических процессов, когда тема социализации, установления границ являются для подростка значимыми для

формирования основных новообразований. Начиная с 15-16 лет в ядро представлений о совести выходят переживания, связанные с чувством внутреннего согласия, гармонии. По мнению А. Маслоу «источники человечности находятся внутри человеческой личности и не создаются или привносятся обществом, которое только может помочь или прервать развитие человечности» [2, С. 96]. Именно принадлежность к человечеству придает проявлениям совести характер общезначимости. Поступая по совести, человек совершает подлинно человеческий поступок, в котором отражается уникальная личность. Возможность действовать по совести для индивида зависит от уровня его интеллектуального и духовного развития, от его самоактуализации, состояния самодостаточности и осознания целей человечества как своих собственных.

Литература

1. Ковалев А.Г. Психология нравственных чувств подростка/ Сб.: Проблемы воспитания в педагогике. – Л., 1960. – С. 87- 114.
2. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. Под общ. ред. Г.А.Бала. / пер. с англ. - М. : Смысл, 1999. – 425 с.
3. Рылько О.П. Становление чувства совести у подростка: Дисс.. к.пс.н. – Л., - 1972. – 190 с.
4. Хайдеггер М. Бытие и время. – Спб.: Наука, 2006. – 446 с.

РАЗВИТИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ СОВЕТА ДЕПУТАТОВ В Г.П.ПРИОБЬЕ)

Безручко А.А. (Нягань)

Социальные установки, намерения и потребности людей в своей основе всегда определялись возможностями их материального удовлетворения. Существующие негативные аспекты социальной жизни населения в различных регионах нашей страны, формируют необходимость оптимизации качества жизни, которое возможно реализовать через совершенствование системы местного самоуправления – один из наиболее демократичных институтов современного российского общества. Исходя из этого, в современных условиях развития муниципального управления, одной из актуальнейших проблем становится проблема эффективности управленческой структуры в целом, и конкретных органов в частности. На сегодняшний день, статус органов местного

самоуправления теряет символ абстрактной деятельности, а приобретает характер конкретных и качественных процессов. Особое значение в современных условиях имеет исследование региональной специфики представительных органов власти. Опыт отдельных муниципальных образований является как отрицательным, так и положительным, что и требует пристального внимания к таким муниципальным образованиям. Обращение к развитию представительных органов власти в г.п. Приобье показывает, что становление муниципальной власти в поселении происходило в рамках проводимых реформ 90-х гг. XX в. Особое значение имело принятие в 1993 г. Конституции Российской Федерации, которая и определила статус местного самоуправления в целом и органов местного самоуправления в частности. Учитывая, что в 60-е гг. XX в. Приобье было небольшим поселком в 10 домов, а на современном этапе городским поселением, стоит констатировать важность работы всех ветвей власти. Представительный орган муниципального образования является выборным коллегиальным органом местного самоуправления, который наделен полномочиями представлять интересы и реализовывать права всего населения муниципального образования. В городском поселении Приобье к представительному органу муниципальной власти относится Совет поселения – Совет депутатов городского поселения Приобье. Его правовой статус основан на положениях: Конституции РФ, Федерального закона РФ 06.10.2003 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» и Уставе городского поселения Приобье. В ст. 17 Устава Приобья указывается, что «совет поселения избирается на муниципальных выборах на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании». По численности Совет депутатов Приобья включает в себя 10 депутатов. Срок полномочий определен в пять лет. Анализ положений Устава Приобья в отношении представительного органа власти показывает достаточную разработанность правового регулирования полномочий и компетенции Совета депутатов г.п. Приобье. Так, в Уставе Приобья установлены нормы: о статусе (ст.17), полномочиях (ст.18), организации деятельности (ст. 20), статусе депутат (ст.21), о досрочном прекращении деятельности органа и депутата (ст.ст. 19, 21). В этом смысле стоит признать достаточную правовую проработанность норм о представительном органе власти Приобья. Важнейшей организационной формой осуществления полномочий Совета депутатов Приобья является заседательная деятельность. Анализ компетенции и деятельности Совета депутатов Приобья

показал, что его полномочия не ограничиваются нормативной деятельностью, он является представительным органом, и в своей деятельности осуществляет сопутствующие функции в виде контроля, сотрудничества с другими органами. Практическая деятельность Совета депутатов Приобья выражается в принятии необходимых для г.п.Приобья нормативных актов, на осуществление контроля за исполнением бюджета поселения, вопросов местного значения, организацию приема избирателей, выполнение их наказов. Положительным опытом деятельности представительного органа Приобья являются рабочие поездки депутатов непосредственно по территории муниципального образования, для непосредственного решения вопроса на местах. В этом смысле эффективность муниципальной власти, в лице Совета депутатов Приобья зависит не только от нормативной деятельности, но и от конкретной помощи каждому жителю. В результате реформы местного самоуправления впервые в нашей современной истории публичная власть начинает полноценно работать на самом близком к населению уровне – в масштабах сельских и городских поселений. Сейчас уже можно говорить, что поселенческие органы местного самоуправления заработали и приняли на себя ключевые функции по непосредственному обеспечению жизнедеятельности людей на местах. Однако еще остается немало нерешенных проблем. Так, анализ деятельности Совета депутатов Приобья показал, что деятельность представительного органа недостаточно открыта, а именно нельзя проследить динамику деятельности представительного органа. Обращение к официальному сайту органов власти Приобья показывает недостаточную разработанность аналитических отчетов о своей деятельности, статистики принятых решений по тем или иным вопросам местного значения. К основным документам официального сайта органа власти не прикреплено ни одного подробного отчета о деятельности. А это означает, что деятельность представительного органа не может оцениваться комплексно. В рамках предложений, представительному органу власти Приобья стоит официально публиковать отчеты о своей деятельности, а также сформировать инновационную, основанную на принципах электронного институционализма модель стратегически устойчивого развития муниципального района в обеспечение его локальной, региональной и федеральной конкурентоспособности, достойных качества и уровня жизни людей.

ПРИМЕЧАНИЯ: См.: например: Нагорная Н.В. Реформы местного самоуправления в России и Германии: территориальные и

региональные аспекты // Автореферат на соискание ученой степени к.ю.н. – СПб, 2009, Хисамутдинов Х.И. Модели реализации муниципальной власти в РФ // Автореферат на соискание ученой степени к.ю.н. – Казань, 2007, Батов Г.Х., Мамбетов А.В. Методические подходы к формированию эффективной территориальной организации муниципальных образований // Тетра Economicus 2010 – Т. 8. - № 1-3. С. 233-238 Конституция Российской Федерации // Российская газета 1993 – 25 декабря Историческая справка о поселке Приобье // [Электронный ресурс]: <http://www.priobie.ru/index.php/О-посёлке/2011-03-24-17-53-39.html> Федеральный закон РФ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» 06.10.2003 г. // СЗ РФ 2003. - № 40. Ст. 3822 Устав городского поселения Приобье // [Электронный ресурс]: <http://priobie.ru/index.php/Органы-власти/2011-03-24-18-46-32.html> Там же.

ЖИЗНЕННЫЕ СТРАТЕГИИ СЕЛЬСКОЙ МОЛОДЁЖИ: МОТИВЫ ВОЗВРАЩЕНИЯ И УКОРЕНЕНИЯ В СЕЛЕ

Белоярская В.Д. (Санкт-Петербург)

Ситуация в сельской местности По данным переписи населения 2010 года 26,3 % населения России проживают в сельской местности – это порядка 37 с половиной миллионов человек [1]. С каждым годом количество сельских жителей неуклонно уменьшается не только за счёт смертности, но и за счёт миграции молодёжи в город. Случай малого города: Устюжна Ярким примером доминирования у молодёжи желания уехать в город служит высказывание информанта – ученика 11 класса школы №2 города Устюжна Вологодской области: “Вологда, Череповец или Новгород, вот в Устюжну навряд ли вернусь. Как такого, ничего тут особенного нет, нравится тут ничего не может, скучный город, некуда сходить, в больших городах там магазины, клуб, кинотеатр. Ну, каток у нас – но неудобно ходить. Это скучный город”. Чем же так непривлекательна для них Устюжна. Прежде всего – это традиционный образ жизни жителей села и малых городов с доминированием домашнего труда в личном подсобном хозяйстве ради выживания. По результатам проведённых мной интервью можно говорить о том, что многие жители села устали от ведения личного подсобного хозяйства, так, в городе Устюжна, по словам главы его администрации, имеют хорошее личное подсобное

хозяйство (корова, огород, птица) порядка 10%. Остальные – имеют небольшой огород и максимум – разводят кур. Что же происходит с сознанием сельской молодёжи, на глазах которой протекает жизнь их родителей и знакомых. Данная статья написана по материалам исследования жизни в глубинке, проведённого в городе Устюжна Вологодской области и посёлка Октябрьский Краснозёрского района Новосибирской области, метод исследования – полуструктурированное интервью, наблюдение. Выборка квотная. Условия жизни, труда и бюджет времени сельского жителя В 1970-80-х годах Артёмов В.А. провел исследование бюджетов времени сельского жителя, вывод которого был обозначен следующим образом: “Всё больше времени люди уделяют личному подсобному хозяйству. Домашний труд — это «самооказание» бытовых услуг, приготовление пищи и производство ряда нужных для семьи вещей. Труд в личном подсобном хозяйстве дает становящиеся все более дефицитными продукты питания как для потребления в семье, так и для сдачи в потребкооперацию и получения права на приобретение дефицитных непродовольственных товаров, а также для продажи. Конечно, и труд в общественном хозяйстве обеспечивает работника рядом льгот помимо зарплаты. Однако действительная его значимость имела тенденцию к снижению по сравнению с трудом в личном хозяйстве. Отдавая общественному хозяйству больше труда, чем предусмотрено законодательством, сельский житель, тем не менее, не может обеспечить свое существование самым необходимым — продуктами питания. Для этого он должен еще приложить немало труда на своем огороде”[2] . “Сейчас уже не очень рентабельно даже держать скотину, это уже самообман, потому что сколько ты тратишь на то, чтобы вырастить телёнка на год, не только сена и кормов, но и своей работы, а сдаёшь его — ну 7-8 тысяч, но потратили то в итоге больше...”. Таким образом, сами жители села воспринимают ведение хозяйства как бесперспективный, убыточный труд. Ценности и жизненные цели сельской молодёжи По результатам наших исследований жизненного пути сельского жителя был сделан вывод, что в советское время вариант остаться жить и работать в деревне рассматривался приемлемой альтернативой жизни в городе. Во многом этому способствовала система распределения после обучения, к тому же в деревне тогда активно строили жильё, и специалистам предлагали двух-, трёхкомнатные квартиры. Даже подростки, которые заканчивали школу в 1990-е, в большинстве своём не планировали мигрировать в город, они получали рабочие профессии, но кризисная ситуация в стране заставила их изменить

свой выбор в пользу города, как источника больших возможностей, при этом многие из них в конечном счёте вернулись в деревню, так как там было своё жилье, но при этом именно после кризисных девяностых детям с детства начали повторять фразу – “Уезжай из деревни, это такое болото, здесь делать нечего...”. И сегодняшняя ситуация такова, что большинство выпускников сельской школы (не важно – отличники они или двоечники) стараются уехать в город и сознательно выбирают трудности городской жизни. “ У нас нет молодёжи уже, вот максим сейчас приехал на отдых – он практически один, никто в деревню не приезжает жить, сейчас вот только Костя Сафонкин остался, все уезжают – учатся либо работают, но сюда не возвращаются, никого в деревне. Это всё послеперестроечное время, остаются очень мало, ну вот у нас девочка после 9го класса вышла замуж, ну она естественно останется, а все остальные – куда угодно, только не в деревню...” часть молодёжи остаётся в селе сразу после школы, либо возвращается после обучения. Далее мной рассматриваются мотивы укоренения в селе с точки зрения желаний/ресурсов. Механизмы удержания молодёжи в селе:

- Человек обладает ресурсами для переезда – материальными или интеллектуальными, но его мотивация на переезд слаба: - Личные сети (друзья, семья, любовные увлечения). - боязнь большого города - нежелание быть самостоятельным/боязнь проблем - привычка жить по шаблону – желание оставить всё так, как есть сейчас
- Человек не обладает достаточным количеством ресурсов для переезда, хотя имеет мотивы: - отсутствие стартового потенциала (интеллектуального, творческого, экономического) - непредвиденные обстоятельства (болезнь, незапланированная беременность и т.д.)

Механизмы удерживания различны для разных населённых пунктов – определяющий фактор здесь – размер населённого пункта, для города Устюжна, с населением в 6000 человек, работают все из представленных механизмов, а вот для посёлка Октябрьский с населением 800 человек механизм удержания при помощи личных сетей в настоящее время не работает, хотя ещё 20-30 лет назад он работал. И если в городе Устюжна среди молодёжи ещё можно встретить тех, кто действительно любит свой город и готов в нём прожить всю жизнь, то в посёлке Октябрьский такого отношения среди молодёжи не встретишь, каждый из них готов при любой возможной ситуации перебраться в город, в посёлок городского типа. У них нет желания работать на земле, поднимать сельское хозяйство, все они представляли своё будущее другим и вернулись в деревню потому, что не смогли устроить свою жизнь в другом месте

самостоятельно и вернулись под родительскую опеку. Таким образом, основной стратегией сельской молодежи является бегство, восприятие этой стратегии происходит благодаря внушению старшего поколения, а мотивом для возвращения и укоренения в селе служит либо отсутствие необходимых ресурсов, что встречается достаточно редко, либо непредвиденные семейные обстоятельства, а чаще - боязнь менять и самостоятельно строить свою жизнь.

Литература

1. Всероссийская Перепись населения. официальный сайт [Электронный ресурс]. [Обращение к документу: 15 сентября 2012]. Режим доступа: <<http://www.perepis-2010.ru/>>
2. В. А. Артёмов Динамика образа жизни сельского населения [Электронный ресурс]. [Обращение к документу: 15 сентября 2012]. Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/data/868/785/1219/9-V._A._ARTEMOV.pdf>

СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО В СФЕРЕ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ

Болотин И.С. (Москва)

Традиционно социальные функции социального государства сводят к следующему. Во-первых, это обеспечение в обществе оптимального набора экономических возможностей, стимулирование государством предпринимательских инициатив, хозяйственной активности индивидов, социальных групп и всего общества. Во-вторых, это выделение в обществе социальных слоев, которым необходима поддержка со стороны государственных структур на различном уровне, бизнес-сообществ, благотворительных организаций. Результатом такой поддержки должно стать разрешение значимых жизненных проблем. Целью такой поддержки является создание комплекса условий, обеспечивающих последовательную трансформацию объекта поддержки в самостоятельного субъекта социальных отношений. В любом обществе одной из таких групп является молодежь, которая в силу своих возрастных, психофизиологических характеристик, подвижного социального статуса, отсутствия или недостаточного владения профессиональными компетенциями, меняющегося уровня образования и жизненного опыта не способна в полном объеме без постороннего содействия разрешать проблемы, связанные со своим

развитием и вхождением во взрослую жизнь. Современной молодежи характерно раннее личностное становление, достижение социальной и профессиональной зрелости, ускоренное приобретение экономической автономии от семьи и т.п. Кроме того, значительная часть современной молодежи под влиянием динамично протекающих социальных процессов, средств массовой информации уже в подростковой стадии включается в расширяющуюся систему социальных отношений. Эти факторы ускоряют ее социализацию. Поэтому современный молодой человек объективно сочетает в себе сокращающуюся с течением времени неспособность осуществлять самообеспечение и реализацию социального потенциала, что проявляется в различных направлениях и формах его жизнедеятельности в обществе. Такое понимание молодежи, как социальной группы, положено в основу государственной молодежной политики (ГМП) и ее реализации. В контексте такой политики молодежь рассматривается амбиволентно: и как носитель естественно обусловленных возрастом социальных проблем, предполагающих участие государства и общества в их разрешении, и как субъект общественного развития, в котором она выполняет воспроизводственную, трансляционную и инновационную функцию. Учитывая возрастную неоднородность молодежи, различную степень интегрированности ее различных групп в обществе, в начале 90-х годов XX века было принято научно обоснованное, отвечающее интересам личности, государства и общества решение о придании молодым гражданам и их объединениям статуса не только объекта, но и субъекта ГМП. По сути это реализация идеи социального партнерства государства применительно к сфере молодежной политики в вопросах оказания поддержки молодому поколению в преодолении актуальных проблем его становления, обеспечения своевременного и эффективного «вхождения» молодежи в социальную среду. Эта политика направлена на обеспечение гармонизации развития молодежи, как социальной группы, и социума в целом. Следует отметить, что отечественные социологи проблему социального партнерства рассматривают практически исключительно в связи с изучением проблемы трудовых отношений. В настоящее время она становится предметом анализа социологов, которые изучают другие сферы общества, в частности, проблемы молодежи (См. Положение молодежи и реализация государственной молодежной политики в Российской Федерации (2002-2006 гг. В двух частях. М.: МАТИ, 2008). Современных социологов привлекают внимание также вопросы сотрудничества государства и различных

групп общества в сферах защиты окружающей среды, повышения качества и развития образования, включая профессиональное место его самоуправления, оказания социальной помощи людям с ограниченными возможностями, сотрудничество государства и бизнес-сообщества и др. Учитывая тот факт, что социальное партнерство стало, прежде всего, предметом анализа социологии молодежи, полезным будет использование полученного здесь опыта. Поэтому система работы с молодежью стала «лидером» внедрения в социальную мысль идей партнерства. Говоря о партнерстве как об общественном явлении сферы реализации ГМП, вне зависимости от того, кто является ее субъектами, каковы их интересы и т.д., можно выделить ряд принципов, регулирующих взаимодействие партнеров в этой области: - принцип добровольного участия социальных агентов сферы государственной молодежной политики в партнерской деятельности; - принцип равноправия партнеров; - принцип адресной направленности их взаимодействия; - принцип разделения управленческой и иной компетентности субъектов партнерства; - принцип координации и интеграции деятельности партнеров; - принцип оптимизации информационного обмена между субъектами партнерства; - принцип многоуровневого сотрудничества; - принцип предпочтительности обеспечения многоканального финансирования совместной деятельности сторон; - принцип приоритетного обеспечения интересов молодежи в деятельности партнеров (действует одновременно с последующим принципом); - принцип соблюдения социальной справедливости; - принцип направленности партнерства на повышение степени субъектности молодежи в обществе и процессах реализации ГМП; - принцип ведущей роли государства в создании условий, необходимых для установления, поддержания и развития партнерства в сфере ГМП; - принцип гуманитарной направленности партнерства; - принцип безвозмездного объединения усилий и ресурсов сторон для достижения целей ГМП; - принцип взаимной ответственности партнеров; - принцип обеспечения равноправного комплексного контроля за осуществлением совместной деятельности партнеров. Необходимо отметить, что одной из важнейших основ отечественной ГМП, в контексте анализа сущности феномена партнерства, является инновационное применение государством субсидиарного подхода в практике управления данной сферой общественных отношений. Он изначально предполагает, что государство рассматривает молодых граждан и их общественные объединения как полноправных агентов системы работы с молодым поколением, рационально распределяя

компетенции и ответственность между институтами, молодежью и другими субъектами. Характерно, что некоторые из этих субъектов: школы, высшие учебные заведения и др., выступают в качестве предмета глубокого интереса государства, социума и его собственно молодежной составляющей.

Литература

1. Социология молодежи. Энциклопедический словарь/ Отв. ред. Ю.А. Зубок и В.И. Чупров – М.: Academia, 2008.
2. Молодежь в обществе риска. В.И. Чупров, Ю.А. Зубок, К. Уильямс. М.: Наука, 2001.
3. Молодежь в России в начале XXI века: Коллективная монография /Под ред. В.М. Филиппова, - М.: 2007.
4. Эффективная молодежная политика. Из опыта управления и реализации молодежной политики в Российской Федерации. – М.: ИМСГС, 2007.
5. Формирование системы кадрового обеспечения государственной молодежной политики (Информационно-статистический отчет по итогам социологического исследования). – Белгород, 2004.
6. Положение молодежи и реализация государственной молодежной политики в Российской Федерации (2002 – 2006гг.). В двух частях. М.: МАТИ, 2008.

ЕВРАЗИЙСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЯН

Бороноев А.О. (Санкт-Петербург)

Проблема территориально-национального обустройства России активно обсуждаемая тема. Сегодня существует несколько идеологий – химер. Одни считают существующую федерацию соответствующей как общегосударственным и национальным интересам. Кроме того, есть активные силы, которые проводят идею мононационального государства русского народа или русского национального государства. Эта позиция строится на том, что забывается, что Россия, в сущности, русское государство, 80% населения составляют русские при наличии прочих многочисленных народов, определивших свою судьбу в рамках русской государственности и культуры. Не понимать этого прискорбно и, тем более, искать пути создания (А. Севостьянов) русского национального государства. Это течение фактически является

движением определяющим путь развала того, что называется Россия с его сложившейся этнической структурой и общей русско-российской культурой и традициями совместного сожительства. Последняя идея фактически поддерживается реформаторами при власти. Сегодня существуют три проекта модернизации российского федерализма [Можайскова. 2002, 457]. Первый проект определяет 11 крупных экономических регионов, второй – 18; третий – 8. Все они имеют территориально-экономические основания, из российского федерализма исключается этнический аспект, проблема самоопределения культур, что не воспринимается многими. При этом, как утверждал А. Панарин, забывается, что Россия представляет государство – цивилизацию, а не чисто этническое образование. Понятно, что выведение из организационной структуры элементов этнического представительства полностью соответствует современным глобализационным процессам, но на пользу ли это русским и другим аборигенным народам России? В этих условиях сегодня чрезвычайно актуальными становятся идеи евразийского движения. Можно полностью согласиться с утверждением акад. М.Л. Титаренко о том, что в современный период идеологией консолидации России могут быть идеи отечественного евразийства, а не идеи интернационализма, национализма, либерализма, монархизма и т.д. Особенно актуальными из евразийских идей являются, во-первых, понимание России в связи и во вне Европы и Азии, представление ее как евразийского государства – цивилизации, которая вместила в себя европейскую культуру и культуру других народов – монгольских, туранских, тюрских, угро-финских и др. На этой основе в России сформировалась цивилизация русского мира, русской культуры, в которую входят элементы других культур, составляющие периферию этой цивилизации. Во-вторых, идея ценности, самобытности культур, их равенства. Они провозглашали концепцию полилинейности культур, выступая против эволюционной вертикали, утверждая, что момент оценки в этнологии и истории культуры должен быть изгнан навсегда. В-третьих, введение понятия и утверждение идеологии «многонародная нация» России, которая иногда звучала как евразийская нация. Н. Трубецкой об этом писал так: «Национальный субстрат России... представляет вся совокупность народов, населяющих это государство, рассматриваемое как особая многонародная нация, обладающим особым национализмом – евразийством». Эти и многие другие идеи евразийского движения актуальны в нашей стране, где остро обсуждаются проблемы обустройства национальных отношений и

возникают взаимоисключающие позиции, некоторые из них служат основой разрушения России, в частности, из-за отвержения из русской культуры коренных народов, которые, по мнению, Н. Трубецкого составляют часть «многонародной нации» России. Идеология «русскости» России не должна сводиться к идее только русско-этнического государства (национализма), что является фактором провоцирующим распад нашей исторической евразийской культуры, государства и размещение народов по чисто национальным квартирам, что фактически является распадом страны. Сегодня, на мой взгляд, чрезвычайно важно обращение при обсуждении проблем обустройства России к идеям евразийцев и, как говорил Л.Н. Гумилев, искать и развивать идеи целостности страны, идеи комплиментарности, перспективности сожительства. Этому должно способствовать и международное признание идей евразийства, что выражается в проекте создания Евразийского Союза государств. Из сказанного видно, что евразийская идеология может быть важным принципом поиска обустройства России и развития гражданской идентичности «многонародной нации» страны

Литература.

1. Можайскова И.В. Духовный образ русской цивилизации и судьба России (Опыт метаисторического исследования). Ч. IV. М. 2002

РОЛЬ ФОРМАЛЬНЫХ И НЕФОРМАЛЬНЫХ ПРАКТИК КАК ФАКТОРА СТАБИЛИЗАЦИИ И ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Будко Д.А. (Санкт-Петербург)

Одним из важнейших политических факторов обеспечения стабильности в обществе является преобладание формальных политических практик над неформальными. Возможность превалирования последних долгое время рассматривалась лишь исключительно, как неотъемлемая характеристика государств Азии, Латинской Америки и т.д. Однако, как подчёркивают сейчас многие исследователи, неформальные практики - довольно распространённое явление и в странах с укоренившимися демократическими традициями [5,31] Самым ярким примером здесь будут Соединенные Штаты Америки с их культурой лоббизма. Проблема демократичности современной России – предмет отдельных

исследований, однако следует признать, что неформальные практики представляют собой элемент ее политической “повседневности”. Под неформальными политическими практиками можно понимать невербализируемые правила, которые создаются акторами, известны им и используются в обход официальным каналам взаимодействия между ними [4,18]. Основной акцент в данном определении делается на межличностное взаимодействие лиц, осуществляющих их. Впрочем, неформальные практики не имеют некой универсальной природы. Многими исследователями они подразделяются на отдельные, во многом независимые друг от друга виды. С. Ю. Барсукова, анализируя их место в реализации национального АПК, выделяет три группы: «Первая группа неформальных практик восходит к принципиальной невозможности (нежелательности) полностью формализовать процесс реализации национального проекта... Вторая группа неформальных практик прямо восходит к формальным нормам, обслуживая недекларируемые интересы участников процесса посредством приведения их в соответствие с формальным порядком... Третья группа неформальных практик представляет собой игнорирование формальных норм. На место формальных правил ставятся более удобные для участников неформальные схемы взаимодействия...» [2, 44; 46; 49]. Я. Ю. Старцев выводит свою матрицу неформальных практик, сводимую в общем виде к подразделению их на “горизонтальные” (между равными индивидами) – равноценный обмен, досуговые компании, приятельство – и “вертикальные” (имеющие в своей основе подчинение) – клиентелизм, nepотизм, фаворитизм [5, 39]. Особенности неформальных правил порождают огромное количество проблем, неблагоприятно сказывающихся на стабилизации общества. Речь в данном случае идет не о некой коррупционной составляющей, а о самом “механизме” их действия, поскольку, как точно замечает Аузан А.А., принуждение к исполнению неформальных практик осуществляется членами общества. Формальные практики законодательно закреплены, как и санкции. Нарушение же (или напротив осуществление) неофициальных правил влечет за собой отчуждение определенной общности и некое символическое наказание в форме изгнания, порицания и т.д. (в данном контексте мы не рассматриваем случаи нарушения законодательства) [1]. Это вполне соотносится с тем, что П.В. Панов объясняет, как коллективное осмысление политических практик, которое может происходить в рамках определенных групп, которые «воспринимают политическую реальность, ориентируются в пространстве

политических взаимодействий» [3, 165]. В этом плане многими исследователями акцентируется внимание на преобладании в России неформальной составляющей действий политических акторов (в самом широком смысле). Это можно объяснить во многом и культурными факторами и историческими особенностями «российского пути». Однако, заметим, что многие разновидности неформальных практик характерны не только для России, скорее они являются некими универсальными «недостатками», как например феномен фаворитизма, имеющий истоки в далеком прошлом. С нашей точки зрения неформальные политические (как и любые другие) практики возникают из-за наличия определенных пробелов в законодательстве, не искореняющих эту ситуацию, а напротив ее порождающую. Таким образом, для стабилизации общества, в частности российского, значимым является соотношение между формальными и неформальными действиями политических акторов. Учитывая то, что под «стабилизацией» чаще всего понимается установление в обществе демократических порядков и социально-экономического процветания, а именно устойчивость со знаком плюс, то преобладание формальных норм приобретает первостепенное значение. Немаловажно помнить, что неформальные практики, как и большинство явлений, имеют двоякое значение: с одной стороны они порождают коррупцию и дестабилизацию общества, настроенного против произвола, а с другой – указывают на существующие несовершенства и недостатки системы, поскольку сами являются их порождением. Вместе с этим требуется учитывать и специфику самого социума: в частной жизни многие россияне предпочитают неформальные отношения, например в вопросах здравоохранения или трудоустройства. Соответственно, для стабилизации общества значим и некий пересмотр культурных установок и осознание того, что формальная практика не является синонимом волокиты и бюрократизма в его обывательском смысле. Подводя итог, следует отметить: для стабилизации современного российского общества требуется увеличение значимости формальных практик, совершенствование законодательной базы, сводя к минимуму возможность неформальных воздействий, могущих послужить катализатором дестабилизации отношений внутри социума.

Литература

1. Аузан А. А. Национальные ценности и конституционный строй /Аузан// [Электронный ресурс] -

<http://www.polit.ru/article/2007/12/06/auzan/> - (Дата обращения: 04.10.2012)

2. Барсукова С. Ю. Неформальные практики в реализации национального проекта АПК // Социологические исследования. 2008. № 3. С. 43-45.

3. Панов П.В. Институты, идентичности, практики: теоретическая модель политического порядка /Панов/ - М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011.

4. Подхомутникова М.В. Неформальные политические практики в современной России: субъекты институционализации : автореф. дис. ... канд. полит. наук / Подхомутникова/ – Краснодар, 2010.

5. Старцев Я.Ю. Личностно-ориентированные взаимодействия в государственном и муниципальном управлении // Органы власти в системе социальных взаимодействий: социологический, политический и управленческий анализ/ А.А. Александров, Т.Е. Зерчанинова, К.Н. Самков и др. – Екатеринбург : УрАГС, 2009. - С. 31-59.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ В РАЗВИТИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА.

Виноградов В.Д. (Санкт-Петербург)

В русской социологической мысли проблема национальных ценностей, их влияние на развитие государства и общества всегда была в центре внимания. Мечта о «справедливом общежитии», в котором существует «система гармоничных взаимодействий» в виде социальных организаций или гармонические «практические отношения» в то числе межиндивидуальные, превалировала в трудах русских социологов. Исторический процесс вообще рассматривался как «взаимодействие личности и общественной среды». Исходя из ключевого понятия «справедливого общежития» как гипотетического источника прогрессивного развития общественной жизни, П.Л. Лавров и саму социологию определяет в качестве «учения о формах солидарности сознательных особей при различной степени развития этих особей и форм общежития, о фазисах развития солидарности и условиях, укрепляющих или ослабляющих ее, о выработке идеальных форм общежития». Солидарность, справедливость, правда-истина, гармония, нравственность, равенство, свобода, прогресс в общественных отношениях, обусловленные социальным

взаимодействием в самом широком его понимании, повсеместно присутствуют в трудах русских мыслителей XIX-XX вв. Следует сказать, что эти идеи-ценности фактически присутствовали и анализировались в трудах практически всех представителей русской социологии того периода. Лейтмотивом содержания многих трудов русских мыслителей выступает призыв соблюдать нравственные, этические нормы в практике взаимодействия «власть-общество-личность». Этим нормам власть в лице государства должна подчиняться и видеть в них «свое оправдание и свои руководящие начала» . Привожу эти высказывания русских ученых потому, что в их работах уже в конце 19 и в 20-ом веках проблемы влияния определенных национальных ценностей и традиций на систему исторически сформировавшихся устойчивых «образцовых» представлений, убеждений, установок, сознания и образцов поведения индивидов и социальных групп, моделей функционирования институтов политической системы как субъектов политического процесса на основе определенной преемственности уже в определенной степени формулировались. В настоящее время возникают проблемы, связанные с дальнейшим развитием политической демократической культуры в современной России. Практические задачи по ее формированию зависят, по крайней мере, от трех составляющих: во-первых, современный положительный и отрицательный опыт функционирования всей политической системы; во-вторых, попытки заимствования зарубежного политического опыта, в основном, европейского и американского; в-третьих, опора на национальные ценности и традиции, имеющие многовековой характер на российской евразийской почве. Некоторые социологи в полемическом задоре утверждают тезис о формировании «новорусской нации», ментальность и ценностные установки которой формируются под воздействием двух тенденций, зачастую противоречащих друг другу. С одной стороны, для современного российского общества характерно усиление консервативных тенденций как в менталитете и настроениях ведущих групп общества, так и изменениях политической системы. С другой стороны, по очень многим своим характеристикам российское общество все сильнее отделяется от традиционной культуры и традиционных ценностей . По мнению автора, такое состояние ментальности народа является последствием нескольких цивилизационных катастроф: отмена крепостного права без земли; революция и гражданская война; раскрестьянивание страны; новая революция конца XX века, которая примитивизировала общественные отношения до социально-

биологического уровня. Каждый большой или малый народ в своей многовековой истории имеет свои развивающиеся формы гражданского и политического бытоустройства. Цивилизационные демократические приоритеты развития каждого государства основываются, прежде всего, на национально-демократических ценностях. Возникает вопрос – каковы же эти «национально-демократические ценности» для России. Проблема большая и сложная. Много по этому поводу сказано и написано. Ограничусь лишь тем, что попытаюсь высказать еще одно мнение о соотношении национальных ценностей и форм демократического развития сегодняшнего российского государства. В свое время П.А. Сорокин, характеризуя основные черты русской нации за ее более чем тысячелетнюю историю, отмечает следующие основные ее особенности: «сравнительно длительное существование, огромную жизнеспособность, замечательное упорство, выдающуюся готовность ее представителей идти на жертвы во имя выживания и сохранения нации, а также необычайное территориальное, демографическое, политическое, социальное и культурное развитие в течение ее исторической жизни». Недаром он подчеркивает, что такая историческая длительность свойственна только некоторым существующим «НАЦИЯМ-ГОСУДАРСТВАМ». В действительности данные «особенности», обозначенные П.А. Сорокиным, выступают в качестве национально-исторических ценностей, присущих русскому государству на определенном этапе его существования. Выдающийся русский философ В.П. Тугаринов, опираясь на исследования предшественников и свои собственные по этой проблеме, сформулировал общее понятие ценностей: «Ценности суть предметы, явления и их свойства, которые нужны членам определенного общества или класса или отдельной личности в качестве средства удовлетворения их потребностей и интересов, а также идеи и побуждения в качестве нормы, цели или идеала». Выделяя так называемое «гнездо ценностных категорий», в котором присутствуют – ценность, отнесение к ценностям, ценностное отношение, оценка, предмет оценки, он дает детальную характеристику каждой из этих категорий и их субординацию. В этом отношении ценность есть «некий объективный предмет или явление», а также мысль, суждение, намерение, цель, идеал. Теоретический анализ ценностного отношения имеет «два этажа», где на первом «этаже» располагается триада: потребности, интересы, цели; на втором – акты познания, оценки и практики. В классификации ценностей, основывающуюся на структуре общественных явлений, В.П.

Тугаринов, наряду с материальными и духовными, выделяет социально-политические ценности: общественный порядок, мир, безопасность, свободу, равенство, справедливость, человечность. Воспроизводство данных суждений позволяет констатировать факт, что проблема ценностей имеет достаточно сложный и дискуссионный характер. К примеру, моральные или этические ценности иногда влияют на решения и действия отдельных политиков. В результате сама политика с учетом данного фактора становится более предсказуемой и гуманной. В этой связи важной составляющей выступает система предпочтений, в которой в реальности отражается социальная и политическая практика отдельного человека, общности, группы, класса, общества в целом, их интересы и потребности. Система предпочтений как совокупность элементов группового сознания и как основа формирования политических ценностей является, таким образом, существенным фактором, определяющим условия инициирования, детерминации всего политического или социального процесса. Социально-политический процесс в любом обществе имеет свои предпочтения и тем самым находит свою ценностную нишу, которая становится важнейшей составляющей с подобными себе. Социально-политические ценности и могут быть выявлены с помощью этого субъективного критерия, включающего предпочтение, которыми могут обладать социальные общности как организованные целостности. Мы оцениваем то, что есть в реальности плюс конкретные особенности этих реальностей, их взаимосвязи. И в результате зачастую видим – как то, что мы сформулировали и охарактеризовали как ценность, на практике выглядит совсем иначе и является деформированной ценностью. Любое общество и государство характеризуется «своим» набором и иерархией ценностей, которые в совокупности определяют или должны определять наиболее высокий «потолок» социального бытоустройства, как на индивидуальном, так и на коллективном уровне. Деятельностная ценностная система складывается и видоизменяется в процессе исторического развития общества. Данное «лирическое отступление» о проблеме ценностей вовсе не означает завершенности анализа этой довольно интересной, но и сложной темы. Акцент на категориях «идея», «идеал», «цель», «норма» свидетельствует о том, что есть перспектива использования дополнительных исследовательских приемов, в том числе и в социологической науке. В частности, представители структурно-функционального анализа Т. Парсонс, Р. Мертон и др. считали, что

система ценностей обеспечивает самую устойчивую структуру всей социальной системы. Проблема заключается лишь в том, что каждое общество обеспечивает интегрированную социальную ткань с помощью не общечеловеческих, а присущих ему национальных ценностей. Хотя «общечеловеческий» компонент в деятельностном взаимодействии конечно присутствует и реализуется как личностная ценность. Сегодня российское государство пытается найти адекватные «точки опоры», которые способствовали бы, наряду с процессом демократизации, уверенному и стабильному состоянию во всех сферах – социальной, экономической, политической, духовной. Актуализация этих «точек опоры» важна с точки зрения «переживания» переходного периода России. К основательным точкам опоры российской государственности несомненно относятся: централизация верховной власти и персонификация сильной государственной личности в ее служении всем у народу; идеи гуманизма, справедливости, нравственности, добра в их всемирном контексте; державность российской цивилизации, в центре которой русский мир с его многообразным спектром сущностных элементов. Эти национальные особенности в реальности представляют собой ценностные ориентиры в процессе преобразования государственного устройства по демократическому варианту. Национальная демократия, учитывающая цивилизационные характеристики России, выражает и защищает всеобщие интересы, с одной стороны, а с другой – формирует условия для социального согласия и интеграции всех социальных групп населения, обеспечивает права и свободы граждан, элиминирует возникающие конфликты, устанавливает равенство и справедливость. Заимствованная в 90-е годы прошлого века модель западной демократии с самого начала предполагала «низкую оценку собственной национальной среды и завышенную – внешней, ставшей предметом подражания». Стоит подчеркнуть еще один немаловажный нюанс. По данным социологических опросов российская национальная «почва» не отторгает демократические институты и ценности и уверена в хороших перспективах развития демократической политической культуры. Конечно, атрибутика политической культуры, в основе которой лежит русский мир с его фундаментальными ценностями и основополагающими ориентирами их реализации, не получила сегодня своего воплощения. Либеральные демократы продолжают эксплуатировать программу «десталинизации» общества, отрицая при этом все позитивные ценности, которые были присущи социалистическому прошлому, державнической политике. Проводимые исследования

свидетельствуют о том, что наши граждане предпочитают образ такого государства, которое обязано вобрать в себя «все лучшее из практики социализма и капитализма». Во второй половине XX века наш великий сосед – Китай начал строить новое здание справедливого национального государства. Какие-то элементы на начальном этапе строительства этого здания были заимствованы в СССР. Возможно, что сегодня нам стоит обратить большое внимание на сверхпозитивные успехи КНР в строительстве своего государственного здания, где осуществляется политика взвешенного и очень бережного отношения к своей истории и своим национальным традициям, воспитывается чувство глубокого патриотизма. Там не было и никогда не будет программы «демократизации» Китая, которая в случае ее появления привела бы к глубоким социальным деформациям общества и государства.

ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ КАК ЭФФЕКТИВНОГО МЕХАНИЗМА СТАБИЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Воробьева А.Г. (Москва)

Роль социального контроля в стабилизации общественных процессов сложно переоценить. Представляя собой универсальный механизм, выполняющий стабилизирующую, регулирующую, конструктивную, профилактическую, воспитательную, корректирующую и ряд других важных функций, он обладает большим потенциалом в борьбе с проявлениями девиантности и обеспечением стабильности, способствуя развитию приоритетных типов общественного развития. Феномен социального контроля присущ каждому обществу, однако далеко не всегда он эффективно реализуется и соответствует современным системам управления и целям развития. Значительная роль в эффективности функционирования механизма социального контроля заключается в единстве и множестве взаимосвязей и обеспечения конструктивного взаимодействия государственных и общественных контролирующих механизмов. Меры социального контроля тем эффективнее, чем шире в его осуществлении участвуют все общество, его гражданские институты и граждане. Среди факторов, обуславливающих эффективность социального контроля конкретными группами субъектов, важнейшим в реализации государственного контроля является легитимность власти. Возможность реализации

социального контроля гражданами, общественными объединениями и обществом в целом напрямую зависит от наличия у данных субъектов достаточного количества законодательно закрепленных прав на реализацию социального контроля, реально обеспечиваемых государством, а также механизмов его практической реализации. Поэтому также важную роль выполняет политика органов государственной власти, провозглашение и реальное соблюдение законных прав и свобод граждан на реализацию данного вида контроля. К факторам реализации эффективного и действенного социального контроля со стороны граждан, общественных объединений и общества в целом, необходимо отнести их правовую образованность и воспитанность, а также устойчиво-положительные правовые и моральные установки и ценностные ориентации [1]. Реализация общественного контроля немыслима без активных, динамичных, рационально мыслящих граждан, сознающих себя индивидуальными членами общества, наделенными правами и несущими ответственность [2]. Основу механизма социального контроля составляют социальные нормы, поэтому эффективный процесс социализации всех членов общества является фактором, обуславливающим возможность осуществления социального контроля. Эффективность общественного контроля прямо пропорциональна степени единства соответствующих социальных групп и образований, уровню социальной сплоченности, солидарности их членов. Тяжесть и неотвратимость санкций, следующих за нарушением социальных (групповых) норм, теряют свой контролирующий эффект по мере распада социального образования, потери единства, утраты важнейшего, решающего компонента эффективности неформального контроля - феномена социальной солидарности. Кроме того, необходимо констатировать, что дальнейшее развитие форм общественного контроля будет взаимосвязано с развитием гражданского общества в России. Возможность реализации в российском обществе действенного механизма социального контроля будет обеспечена при наличии условий и факторов, обеспечивающих его эффективное развитие и функционирование:

- Самоуправляемость и инициативность членов общества.
- Высокий уровень правовой культуры граждан.
- Высокий уровень гражданской сплоченности.
- Легитимность власти.
- Эффективный процесс социализации всех субъектов общества.

- Признание и фактическая обеспеченность прав человека на реализацию социального контроля над деятельностью полиции.
- Режим законности, верховенство права и закона, равенство всех перед законом и судом.
- Политический и идеологический плюрализм, свобода мнений, слова и печати, независимость СМИ.
- Развитая сеть эффективно функционирующих общественных организаций.

Литература

1. Грудцына Л.Ю. Государство и гражданское общество. Монография/ Под ред. докт. юрид. наук С.М. Петрова.-М.: ЮРКОМПАНИ, 2012
2. Гаджиев К.С. Политическая наука. М.: Международные отношения, 1994

ДОВЕРИЕ ОБЩЕСТВА ВЛАСТИ КАК ФАКТОР СТАБИЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Воронкова О. (Москва)

Социально-политическое согласие, так необходимое для устойчивого развития страны, фактически не было достигнуто после выборов 2011-2012 гг. Одним из основных факторов стабилизации является доверие власти, которое, не только не повышается, но, как демонстрируют всплески протестных настроений и опросы общественного мнения, существенно ослабевает среди значительной части общества. С весны до осени 2012 г. рейтинг доверия разным уровням власти упал в среднем на 10% [1]. Затормозить процесс потери доверия общества власти и остановить развитие противостояния – задача, требующая рационального осмысления и немедленного принятия взвешенных решений, что четко осознается и в продвинутых слоях общества, и на правительственном уровне. Однако пути решения проблемы понимаются по-разному. Более того, предлагаемые обществом и властью перспективы развития страны часто противоположно направлены. Точки соприкосновения подходов пока не найдены и надежды на их поиск, возникнув при принятии одних решений, часто не только не оправдываются, но быстро угасают с принятием других. Действия властных структур не выглядят последовательными, несмотря на видимые старания

стабилизировать социально-политическую атмосферу. Выражая искреннее желание развернуться в сторону народных нужд и «открыться обществу», новая власть сталкивается со старыми проблемами. Парадокс в том, что каждый новый состав правительства, непритворно желая обновить методы руководства, и призывая самих себя к открытому и честному диалогу с народом, начинает каждый раз с нуля – заявления о готовности – и заканчивает упорным воспроизводством прежних методов управления и фактическим отдалением от народа. В чем причина? Причин, конечно, много. Но основные, по-видимому, кроются в недооценке необходимости глубоких системных перемен и, прежде всего, правил самообновления. Сложившиеся в результате подстраивания выборных процедур под желаемый результат механизмы обновления создали однобокую и несбалансированную управленческую структуру, в которой не представлены значительные слои общества и соответственно нет места широкому обсуждению возможных вариантов социально-политического развития. Обновление, проводимое в стиле ротации низших кругов власти при фактической несменяемости ее высших эшелонов, закрытость доступа к управленческой сфере нелояльным персонам, вытеснение критически настроенных и инакомыслящих деятелей направлено в целом к воссозданию системы центрального контролирования всех общественных процессов. Необходимость поддержки такой системы ошибочно считается гарантом стабильности. При такой системе возможно появление лишь фрагментарных управленческих инноваций, которые быстро перемалываются инертной, неповоротливой машиной принятия решений, допускающей лишь одобрительную поддержку спущенных верховной властью директив. Увлекаясь созданием новых проектов государственного масштаба, типа «Открытое правительство», отражающих попытки вступить в диалог с обществом, власть, с трудом преодолевая установки командно-директивной ментальности, все еще не может убедительно продемонстрировать способность слушать разные слои общества и воспринимать идущую снизу критику. В результате накал общественного раздражения не только не угасает, но значительно расширяется и возрастает, принимая все более разнообразные формы. При восстановлении системы тотально-вертикального контролирования все государственные программы и проекты ориентированы на успех лишь в традиционно лояльных власти слоях общества, которых принято называть патерналистскими. На эти слои направлены предвыборные обещания развития программ

государственной заботы и социальной поддержки. И именно эти слои являются целевой аудиторией, с которой власть стремится наладить диалог и с которой пытается работать, вполне оправданно ожидая позитивной реакции. Но тут возникает еще один парадокс. Сами представители обновленной властной когорты – той, что искренне стремится к самосовершенствованию – вынуждены констатировать, что в лояльных власти слоях «нет спроса на «открытое правительство» » [2]. Инициативы власти попадают в созданную собственными руками управленческую ловушку. Власть открывается только для тех, кто ей верен, а патерналистски ориентированным слоям общества открытость власти не очень-то и нужна. Лояльные и во всем поддерживающие власть граждане «убеждены, что за них все должно решать государство» [2] и «разбудить» и «разговорить» таких граждан – вызвать их к конструктивному диалогу – получается с трудом. Такие граждане уверены, что от них все равно ничего не зависит, так нечего и пытаться что-то изменить. Отдельные успехи в пробуждении народного энтузиазма и активности по благоустройству территории, прокладке водопровода или строительству спортплощадки быстро погашаются элементарной нехваткой средств в местных бюджетах для последующих, не попавших в госпрограмму, улучшений из-за отсутствия политических условий для свободного экономического развития, и присутствия неизменной коррупционной составляющей вертикально-директивной системы управления. И вспыхнувший луч доверия власти угасает, не набрав должной силы. Деятельность создаваемых сверху структур общественного контроля, начинающих с энтузиазмом работать при старте очередной государственной программы, периодически обнаруживает свою неэффективность, быстро затухает и требует постоянного перезапуска, так как фактически находится под контролем самой власти и не располагает свободой действия. Но открытости власти требует часть общества, сформировавшая собственную гражданскую позицию и не во всем согласная с принципами управления и действиями власти. С этой частью общества диалог власти не получается. В этой сфере у власти другой «разговор» – суровый, репрессивный. Тех, кто пытается возражать и спорить по системным вопросам, власть предпочитает нейтрализовать, пустив в ход манипуляционную риторику, а если риторика не работает, запугать или вообще смести с политического и общественного поля, чтобы не мешали работать с массами. Доверие власти не может укрепиться только декларативными проектами открытости. Без выправления принципов социально-политических

отношений, предполагающих изначально равные позиции в диалоге власти и общества и взаимное уважение на всех уровнях: от выборов во власть до муниципальной работы на местах, доверие к власти не возникнет, а если и возникнет, то ненадолго. Реальная, а не риторическая открытость власти конструктивной общественной критике и повышение культуры социально-политической коммуникации являются необходимыми условиями роста доверия общества власти и стабильного развития.

Литература

1. Пресс-выпуск Левада-Центра от 26.09.2012 г. Адрес документа в интернете: <http://www.levada.ru/26-09-2012/>.
2. Белых Н. Комментарий на Панельной дискуссии Открытого Правительства «Открытый регион» в рамках XI Международного Инвестиционного форума «Сочи-2012» 21 сентября 2012 г.// «Вести. Россия-24» от 21.09.2012.

СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО КАК МЕХАНИЗМ УЛУЧШЕНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

Гнездилова О.П. (Белгород)

Институту социального партнерства Белгородской области в 2013 году исполнится 20 лет, опыт работы принес положительные результаты. На современном этапе социально-экономического развития социальное партнерство является необходимым условием формирования гражданского общества. Феномен социального партнерства рассматривается в контексте проявлений партнерских отношений преимущественно в социально-трудовой сфере. Под социальным партнерством в этом смысле понимается система договорных отношений между наемными работниками, нанимателями и органами государственного управления. Механизм функционирования социального партнерства рассматривается в выработке согласованной социально-экономической политики государства, урегулирования коллективных трудовых споров, обеспечения полной и продуктивной занятости населения, решения сложных проблем социальной защиты граждан. Под социальным партнерством (категорией, наиболее полно выражающей систему межсекторных взаимодействий) понимается оптимально организованная на взаимовыгодных условиях и эффективная модель взаимодействия и согласования интересов органов государственной

власти субъекта РФ, регионального бизнеса и общественных организаций в целях создания условий для развития регионального сообщества, основными критериями которого являются улучшение качества жизни населения, инновационный экономический рост и экологическое благополучие. В нашем регионе сформирована комплексная модель взаимодействия власти, бизнеса и общественных организаций, включающую: основные принципы, стратегию, приоритетные направления развития, сферы и элементы, механизмы реализации и оценка эффективности и закреплённая в законе Белгородской области от 05.07.2007 № 122 «О социальном партнёрстве в Белгородской области». Базовые направления развития социального партнёрства в нашем регионе основываются на принципах социальной ответственности сторон партнёрства за взятые на себя обязательства, взаимовыгодном и добровольном характере взаимодействия, разграничении основных функций и рисков сторон в системе социального партнёрства, содействии государства развитию социального партнёрства, реалистичном и прагматичном характере социального партнёрства, его разноуровневости и информационной открытости. Система социального партнёрства направлена на улучшение качества жизни населения, её реализация обеспечивает рост заработной платы и контроль за её своевременной выплатой, осуществляет учет граждан, занятых трудовой деятельностью. В Белгородской области осуществляется реализация мероприятий приоритетных национальных проектов, Концепции демографического развития области на период до 2025 года, областной комплексной программы улучшения демографической ситуации в Белгородской области, федеральных и областных целевых программ, направленных на улучшение состояния здоровья матери и ребенка, повышение качества медицинского обслуживания, улучшение жилищных условий и в целом качества жизни населения. Таким образом, реализация социального партнёрства направлена на развитие всех отраслей социальной сферы, что способствует улучшению качества жизни населения Белгородской области, исполнению долгосрочных целевых программ социальной направленности в здравоохранении, образовании, культуре, молодежной политике, физкультуре и спорте, социальной защите населения.

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ КАК ОДИН ИЗ ПОКАЗАТЕЛЕЙ СТАБИЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВА

Голубкова О.А., Демьянчук Д.Г. (Санкт-Петербург)

В научных исследованиях проблема качества жизни представлена как в трудах зарубежных исследователей (M.Argyle, 2003; A. Campbell 1981; D. Mroczek, 2005; D. Myers, E. Diener, 1995), так и в трудах российских ученых (И.А. Джидарьян, 2001; Л.В. Куликов, 1997; Р.М. Шамянов, 2003). Во второй половине XX века концепция качества жизни претерпела существенные изменения в сторону усложнения системы критериев оценки, через дополнение экономических индикаторов социально-психологическими. Поэтому в современном понимании специфика понятия «качество жизни» состоит в том, что оно включает в себя как объективные, так и субъективные критерии, характеризующие физическое, психическое и социальное благополучие человека. В научной литературе, для описания субъективных переживаний своей жизни и личного благополучия индивидом, наряду с термином «качество жизни» (quality of life) используются близкие по значению понятия: «удовлетворенность жизнью» (life satisfaction) «субъективное качество жизни», «субъективное благополучие» (psychological (subjective) well-being (wellness)), «счастье» (happiness). Причем понятие «удовлетворенность жизнью» (life satisfaction) представляет собой субъективную оценку качества, уровня, условий жизни и деятельности индивида. [2]. Исследование уровня удовлетворенности жизнью и его влияние на субъективное восприятие стабильности и благополучия страны проводилось нами в течение 2011-2012 годов. В исследовании принимали участие респонденты из двух стран: Россия (город Санкт - Петербург) и Канада (город Торонто, провинция Онтарио). Общая численность выборки составила 75 респондентов (33 женщины и 42 мужчины). Из них 31 респондент – жители России, 44 респондента – жители Канады. Респонденты, проживающие в России, представлены 19 коренными жителями и 12 эмигрантами, проживающие в Канаде представлены 14 коренными жителями и 30 эмигрантами. В исследовании под понятием «коренной житель» понимались жители России или Канады, которые родились и жили в одной и той же стране, не выезжая в другие страны с целью постоянного проживания. Под понятием «эмигрант» понимались жители России или Канады, приехавшие в другую страну с целью постоянного проживания. В ходе эмпирического исследования использовались следующие методики: шкала счастья М. Фордеса (субъективная оценка удовлетворенности качеством жизни), тест

«Удовлетворенность своей жизнью» Коулмана (объективная оценка удовлетворенности качеством жизни) [1]. По результатам исследования с помощью методики Фордиса следует отметить, что субъективная оценка уровня удовлетворенности жизнью у эмигрантов, проживающих в Канаде, выше среди всех представленных групп респондентов, и практически соответствует высокому уровню удовлетворенности жизнью (7,8 баллов). Эмигранты Канады отмечают лучшие условия жизни, доступность образования и медицины, лучшие условия труда и более высокий уровень зарплаты, низкий уровень преступности, чем в той стране, откуда они родом. Немного ниже уровень удовлетворенности жизнью (7,6 баллов) был выявлен у коренных жителей Канады. Возможно, это связано с тем, что канадцы всю жизнь прожили в своей стране и привыкли к высокому уровню жизни. Для них высокий уровень сервиса, доступность социальной поддержки от государства, возможность покупки собственного жилья, бесплатное и качественное образование и др. является нормой. Следует также отметить, что у группы эмигрантов, прибывших из республик СССР и проживающих в России, в ходе исследования был также выявлен высокий субъективный показатель удовлетворенности жизнью (7,7 баллов). В группе «Россия граждане» показатель уровня удовлетворенности жизнью составил 7,1 баллов. Этот показатель входит в диапазон «средней удовлетворенности жизнью», поэтому можно сказать, что россияне в целом удовлетворены тем, что происходит в их жизни, но, скорее всего, они будут больше стремиться к изменениям, чем другие группы респондентов. Подходя итог вышесказанному, можно констатировать, что ответы по субъективным оценкам всех респондентов входят в диапазон «среднего и высокого уровня удовлетворенности жизнью», что само по себе является очень важным фактом, из которого мы можем сделать вывод о том, что в целом ситуация в изучаемых странах рассматривается как благоприятная. По результатам, полученным с помощью методики Коулмана «Удовлетворенность своей жизнью» было выявлено, что объективная оценка уровня удовлетворенности жизнью по всем группам составила более 8 баллов, что относится к показателям в диапазоне «высокого уровня удовлетворенности жизнью». По результатам двух методик получилось: граждане России чувствуют меньшую удовлетворенность жизнью (7,1 и 8,5), чем эмигранты, проживающие в России (7,7 и 8,9), а коренные жители Канады (7,6 и 9,4), чувствуют большую удовлетворенность жизнью по сравнению с коренными жителями России. То же можно

сказать и о группах респондентов «Эмигранты в Канаде» и «Эмигранты в России». По результатам двух методик было выявлено, что эмигранты в Канаде (7,8 и 9,2) чувствуют большую удовлетворенность собственной жизнью, чем эмигранты в России (7,8 и 8,9). Наличие разрыва между субъективной и объективной оценкой удовлетворенности жизнью (в группе «Канада граждане» разрыв составил 1,8: 7,6 по «Шкале счастья Фордеса» и 9,4 по методике «Удовлетворенность жизнью»), позволяет отметить, что люди из благополучных стран склонны занижать реальный уровень удовлетворенности жизнью. Кроме того, в результате анкетирования было выявлено, что одной из основных причин эмиграции выступает поиск лучшей жизни и несогласие с ситуацией в стране. Респонденты из менее благополучных стран стремятся уехать на постоянное место жительства в страну с благоприятными условиями и стабильным положением. Так большую часть эмигрантов в Канаде составили респонденты из различных республик бывшего СССР (87% от общего количества эмигрантов в Канаде) и респонденты, родившиеся в странах: Индия, Нигерия, Пакистан, Уганда, Филиппины (12 % от общей выборки канадских эмигрантов), т.е. выборка эмигрантов в целом представлена выходцами из стран с нестабильной экономической, политической и социальной ситуацией. Таким образом, следует отметить, что выборка эмигрантов в целом представлена выходцами из стран с нестабильной экономической, политической и социальной ситуацией, которые покинули свою страну в целях поиска лучшей жизни, возможностей самореализации и удовлетворения потребностей в материальных и духовных благах.

Литература

1. Углова Е.А. Влияние феномена экономического благополучия на оценку качества жизни // Дис. канд. псих. наук, 2003, 175 с.
2. Campbell A. The sense of Well0 Being in America: Recent patterns and trends. N.Y.: McGraw-Hill, 1981, 253 p.
3. Campbell A. The Quality of American Life / A.Campbell, P.E.Converse, Rodgers W.L.. -N.Y.: Russell Sage Foundation, 1976, 583 p.

РОССИЙСКИЕ РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПАРЛАМЕНТЫ В СВЕТЕ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ РЕФОРМ: ИЗМЕНЧИВОСТЬ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ПРАВИЛ И СТАБИЛЬНОСТЬ

ПЕРСОНАЛЬНОГО СОСТАВА ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ СОБРАНИЙ

Григорьева М.В. (Пермь)

Мое исследование, которое будет представлено в докладе, посвящено изучению стратегий представителей региональных legislatures как индивидуальных политических акторов, направленных на собственное переизбрание (кросс-региональное исследование). Данное исследование находится на пересечении исследований инкубентства, электоральных систем, представительных органов власти и политических партий в условиях меняющегося политического режима. Располагая в 1990-е годы почти полной свободой в создании новой системы органов региональной власти, субъекты продемонстрировали широкий спектр различных вариантов электоральных систем, в рамках которых происходили выборы в данные органы. Однако наиболее распространенным вариантом оказалась мажоритарная система выборов в одномандатных округах. Таким образом, Россия представляла собой уникальный случай, так как другие страны, относящиеся к новым демократиям, предпочитали пропорциональные системы и голосование за партийные списки. Следствием явилось то, что рооссийские регионы, имевшие высокий политический статус и степень независимости в составе федерации и в большинстве своем значительно превосходящие территориальные единицы европейских государств, в 90-е годы отличались крайне низким уровнем развития политических партий. Партийная принадлежность являлась для кандидата негативным фактором на выборах, что доказано на материале региональных парламентских выборов, предшествующих электоральной реформе 2003 года. Президентализация политики, которая характерна для тех стран, где еще не сложилась устойчивая партийная система, а у избирателей не сформировались устойчивые политические и идеологические взгляды, в российских регионах была крайне высока. Данное явление, - когда первостепенное значение приобретает личность самого кандидата, а не политическая программа партии, к которой он принадлежит, или его собственная предвыборная программа, - помимо прочих факторов, способствовало тому, что степень обновления персонального состава региональных законодательных собраний в результате очередных выборов была крайне низкой. Положение политических партий в регионах кардинально

изменилось в следствие принятия новой редакции федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в 2002 году, в соответствии с которой, начиная с 2003 года не менее половины состава регионального парламента должно избираться по партийным спискам. Однако президенциализация позволила региональным депутатам легко приспособиться к новым электоральным правилам. Если обычно кандидаты стремятся заручиться партийной поддержкой, то в случае с инкумбентами сами партии ищут возможность включить в свои ряды известных в конкретном округе политиков и таким образом увеличить свои шансы на представительство, укрепить свой имидж в глазах рядовых избирателей, либо лишний раз заявить избирателям о себе, если речь идет о малых партиях. Но и крупные партии были заинтересованы в инкумбентах не меньше. Например, партия «Единая Россия», которая в рассматриваемый период времени прочно укрепилась на политической арене, хорошо освоила технику «вербовки» сильных политиков в регионах и успешно применяла ее на выборах в региональные парламнты. Таким образом, процент переизбрания политиков продолжал оставаться весьма высоким. Проведенное исследование показало, что региональные инкумбенты обладают значительными преимуществами на очередных выборах, и эти преимущества к настоящему моменту сформировались на примерно одинаковом уровне в различных регионах. В среднем около 70% депутатов стремятся к переизбранию и приблизительно 70%, от числа участвующих, удается это сделать. Таким образом, во вновь избранных составах региональных парламнтов инкумбенты занимают около половины мест. Такое положение вещей свидетельствует, в частности, о стабилизации политического режима в государстве и институализации региональных парламнтов. Инкумбентские преимущества достаточно высоки, чтобы преодолеть неблагоприятные обстоятельства, связанные с изменением электоральных систем и внешних политических условий. Преимущества региональных инкумбентов на очередных выборах позволяют им выбрать и реализовать успешную стратегию переизбрания. В полной мере инкумбентские преимущества проявляют себя только в случае реализации кандидатом стратегии переизбрания, адекватной как внешним условиям, так и его личным ресурсам. Изменения политической конъюнктуры и электорального законодательства влияют именно на стратегии переизбрания, используемые кандидатами. Прохождению политика на более

высокий уровень власти способствует нестабильная политическая ситуация на данном уровне, необходимость в дополнительных сильных союзниках у противоборствующих политических сил. Ситуация стабильности, когда власть устойчива и сосредоточена в одном центре, а позиции различных политических акторов определены и устойчивы, такому прохождению препятствует. Препятствуют успеху новых политиков и изменения в избирательных системах, поскольку у них меньше (по сравнению с инкументами) ресурсов для того, чтобы выстроить свою стратегию избрания в соответствие с новыми условиями, даже если они изначально представляются более благоприятными. Кандидаты в региональные депутаты обнаруживают стремление к избранию в региональный парламент в результате победы одномандатном округе (в тех регионах, где данная система сохранилась). Такое избрание обеспечивает им более значительные преимущества, прежде всего, наличие собственной социальной базы. Избрание по пропорциональной системе ставит депутата в зависимости от политической партии, лишая своего собственного электората. Такие депутаты становятся менее известными рядовому избирателю. Напротив, именно на долю кандидатов-одномандатников приходится наибольший процент переизбрания в парламент очередного созыва. Партийное выдвижение кандидата на протяжении всего рассматриваемого периода времени для избирающихся по мажоритарной системе инкументов обоих уровней не являлось решающим фактором в глазах избирателей. Тем не менее, в течение рассматриваемого периода времени официальная партийная принадлежность из ненужного и даже отрицательного фактора стала необходимым условием выживания на региональной политической (особенно принадлежность к партии «Единая Россия»). Стратегии переизбрания инкументов отразили изменившуюся роль политических партий на региональном уровне. К 2011 году кандидаты-самовыдвиженцы практически полностью исчезают с региональной политической арены. Тем не менее, процент переизбрания депутатов в ходе очередных выборов продолжает сохраняться.

**СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО ГОСУДАРСТВА И
РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ
СТАБИЛЬНОСТИ ПОЛИКОНФЕССИОНАЛЬНОГО
ОБЩЕСТВА**

В настоящее время в России одним из основных направлений развития государственно-конфессиональных отношений является социальное партнерство государства и религиозных объединений. Некоторые религиозные организации, особенно Русская православная церковь (далее - РПЦ), приобрели немалое влияние и особый статус, несмотря на положения статьи 14 Конституции России о равенстве религиозных объединений. И именно с ними государство наиболее тесно сотрудничает в разных областях - от благотворительности и просвещения до разрешения социальных и политических конфликтов. Происходящие процессы сопровождаются возникновением ряда проблем, которые требуют адекватного теоретического осмысления и эмпирических социологических исследований, что является важным условием для выстраивания государственно-конфессиональных отношений и разработки обоснованных управленческих решений в сфере взаимодействия государства и религиозных объединений. Для того, чтобы выявить сферы общественной жизни, где взаимодействие государства и религиозных организаций необходимо, Центром региональных социологических исследований ВолГУ в июле 2010 г. было проведено исследование на тему «Экономические и духовные практики в жизни волгоградцев», в котором принимал участие непосредственно автор. В ходе исследования использовалась квотно-гнездовая выборка, было опрошено 352 человека, из которых 163 (46,3%) - мужчин, 189 (53,7%) женщин. В исследовании представлены все основные конфессии, зарегистрированные на территории России. Большая же часть опрошенных отнесли себя к православию. Вероисповедная картина Волгограда включает в себя представителей буддизма (0,3 %), ислама (3,7 %), иудаизма (2,8 %), православия (71,6 %), протестантизма (4,3%). У 14,5% нет вероисповедной ориентации. О необходимости участия религиозных организаций в общественной жизни страны заявили 60,8% опрошенных. В этом убеждены представители всех представленных вероисповеданий, ответ «против» отметили люди, не исповедующие никакой религии. Среди основных сфер, в которых следует участвовать религиозным организациям, опрошенные, главным образом, указывают - мораль/ нравственность (36,9%); благотворительность (26,1%); реабилитация людей, попавших в трудную жизненную ситуацию (24,4%); культура (17%). В ходе исследования выяснилось, что менее активны в общественной жизни,

по мнению респондентов, представители протестантизма (2,9%), а наибольшую активность проявляют представители православия (85,5%). Более заметно участие религиозных организаций в благотворительной деятельности, в сфере культуры и нравственного воспитания. На наш взгляд, такая активность может быть обусловлена регулярным освещением различных социальных проектов РПЦ в СМИ, в то время как деятельность других религиозных организаций остается незамеченной в медийном пространстве. РПЦ обладает большими возможностями по сравнению с другими религиозными организациями, с таким суждением согласились 47,2%, с суждением о равных правах согласились 35,5%. Возможное воздействие Русской православной церкви на различные стороны общественной жизни жители Волгограда оценивают по-разному: так, 51,9% заявили, что отнеслись бы положительно к такой деятельности; 24,5% - нейтрально, а 13,9% отрицательно (см. таблица №2). Отрицательно относятся к тому, что Русская православная церковь (РПЦ) пытается воздействовать на различные стороны общественной жизни, представители ислама (7,7%) и люди, не исповедующие никакой религии (26%). Государству следует решать социальные проблемы страны совместно с религиозными организациями, такой вариант ответа выбрали 62,9%. Взаимодействие именно в социальной сфере необходимо, только совместными усилиями возможно добиться решения проблем. Против совместного решения государства и религиозных организаций социальных проблем России выступили люди, которые не исповедуют никакой религии (15,6%), а также представители иудаизма (5,1%). Большинство опрошенных (87,7%), которые выступают за то, чтобы была одна доминирующая религия на территории РФ, отнесли себя к православию. За равные права же религиозных организаций – те люди, вероисповедание у которых отсутствует (15,8%), а также представители других вероисповеданий: ислам (4%), протестантизм (5,3%), католицизм (4,7%), иудаизм (4%), протестантизм (5,3%). Среди религий, с которыми государство взаимодействует больше остальных, респонденты указали православие и ислам. Социальная сфера – один из самых важных объектов взаимодействия религиозных организаций и государства. Но это взаимодействие должно быть со всеми религиозными организациями, а не только с какой-то одной, как это происходит сейчас: государство много внимания уделяет РПЦ, в то время как другие религии остаются в стороне, а это вызывает противоречивую реакцию у населения. Необходимо отметить положительное значение

социального служения религиозных объединений. Их социальная работа - одно из важных направлений восстановления находящейся в глубоком упадке социальной сферы. Религиозные объединения вносят свой вклад в восстановление и приумножение культурного наследия России, связанного с религиозной традицией. Возрождение национальных обычаев народов России также во многом связано с осмыслением и возрождением их религиозных традиций. Отмечая позитивный вклад религиозных объединений в развитие российского государства и общества, нельзя игнорировать негативные аспекты этого взаимодействия. Сложившиеся к настоящему времени государственно-конфессиональные отношения привели к появлению тенденции клерикализации государства и общества, размыванию принципа светского государства, нарушениям права граждан на свободу совести. Одним из основных принципов регулирования государственно-конфессиональных отношений в России является разделение религиозных объединений на «традиционные» и «иные», хотя юридически такая классификация в российском законодательстве не установлена. Перспективы развития социального партнерства государства и религиозных объединений – одна из актуальнейших проблем государственно-конфессиональных отношений. Особенно в связи с тем, что в настоящее время система взаимоотношений государства и религиозных объединений, основанная на их тесном сотрудничестве, порой противоречит светскому характеру государства. Когда такое сотрудничество допустимо в светском государстве, но оно должно строго ориентироваться на Конституцию страны и закон.

СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ В РОССИЙСКИХ СУДАХ В ЗЕРКАЛЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Грошева И.А., Грошев И.Л. (Тюмень)

Исследования уровня доверия к судебной системе, правоохранительным органам сравнительно молоды. Советская судебная система углублённым социологическим исследованиям со стороны ведущих научных центров не подвергалась. Чаще всего суд не выделялся из правоохранительных органов и в вопросах Всероссийского Центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) доминировала триада «суд, прокуратура, милиция». В так называемых омнибусах ВЦИОМ можно было встретить вопросы о судебной системе, где в 1989-1991 гг. использовалась всероссийская

многоступенчатая стратифицированная случайная выборка, репрезентативная для всего Советского Союза [1]. Граждане могли добиться благоприятного результата при обращении в суд по поводу несправедливого решения государственного учреждения практически всегда (2,2%) или часто (7,9%). Почти 2/3 респондентов указывали, что в такой ситуации добиться благоприятного результата можно редко (41,2%) или практически никогда (21,7%). 27% затруднялись с ответом. Следовательно, в 19900 году закономерностью были негативные оценки шансов советских граждан на получение в судах благоприятных для них решений, когда необходимо было отменить или исправить несправедливые в отношении них решения государственных учреждений [1]. Можно утверждать, что усиление негативного мнения в настоящее время лишь подтверждает дисфункциональность институциональных изменений судебной системы. При изучении уровня доверия к правоохранительной системе в XXI веке чаще всего задавался вопрос: «В какой мере заслуживает доверия суд, прокуратура?». Поскольку вопросы исследований, проведённых в разное время, были идентичны, можно проследить некоторую динамику. В.Л. Римский приводит данные исследований Фонда ИНДЕМ 2001, 2004 и 2005 годов, где респондентам, среди которых были как простые граждане, так и бизнесмены, задавались вопросы об их согласии или несогласии с несколькими высказываниями о деятельности российской судебной системы в целом. Несмотря на некоторые разногласия, бизнесменов и граждан объединило мнение о том, что тот кто заплатит, тот выигрывает дело; справедливости в судах не найти, поэтому не стоит и обращаться; высоки неофициальные затраты; существует давление на судей. Практически никаких изменений не произошло в настоящее время. В 2010 г. по данным Левада-Центра, 63% респондентов были убеждены, что в случае спора между представителем власти и рядовым гражданином в России, суд останется на стороне власти имущего вне зависимости от ситуации. 17% уверены, что всё решает взятка. Лишь 11% российских граждан считают, что суд вынесет справедливое решение (Выборка составила 1600 россиян в возрасте 18 лет и старше в 130 населённых пунктах 45 регионов страны) [2]. В 2011 г. Фонд изучения общественного мнения выявил путём постановки открытых вопросов следующее: 16% респондентов считают, что в судах «берут взятки»; «взяточничество процветает в судах» и др. 9% уверены, что судьи «не работают по закону»; «не следуют законам»; «необъективно судят»; «не всегда справедливо решение вышестоящих»; «выносят несправедливые приговоры»;

«могут наказать невиновного человека»; «много невиновных людей, по сути сажают 40%»; «да, работают предвзято многие». Всего лишь 3% считают, что суды «работают согласно законам государства»; «основываются в своей деятельности на законах»; «объективно подходят к рассмотрению дел»; «принимают правильные решения»; «в основном выносят справедливые решения» (Общий объем выборки составил 4028 человек) [3]. Неоднозначность оценок россиян эффективности работы судов, нежелание многих обращаться в судебные органы за восстановлением нарушенных прав и защитой своих интересов, по мнению сотрудников ВЦИОМ, в определённой степени является следствием сохранения в массовом сознании устойчивых стереотипов, негативно характеризующих деятельность этих структур. Авторы статьи не согласны с таким выводом. Такое мнение складывается, прежде всего, по результатам рассмотрения резонансных дел в России (затягивание следствия, когда дело касается чиновников и др.); во-вторых, авторы статьи непосредственно столкнулись с ангажированностью судей, когда дело коснулось коррупции в правоохранительных органах и на себе испытали механизм, который в таком случае запускается в судопроизводстве (см. «Дело Грошева») [4]. Следует заметить, что пробелы в законодательстве кроме специалиста может выявить только тот человек, который непосредственно сталкивался с судопроизводством на практике. Об этом говорят и данные всероссийских исследований, свидетельствующие о том, что люди практически мало знают о деятельности судов и не могут объективно оценить их эффективность. Более критичные оценки наблюдаются у респондентов, имеющих опыт обращения в российские суды. Особенно отмечены такие аспекты их работы, как уровень профессионализма судей, сроки рассмотрения дела в суде, исполнение решения судов, ясность правовой аргументации, доступность обращения с жалобой [5, с. 33]. Следует отметить, что судейская независимость в основном понимается у нас как факт принадлежности к касте неприкасаемых, а не как условие принятия справедливого судебного решения. Безусловно, имеются факты нападения на судей, есть много честных и компетентных людей в этой области. Но на практике рядовые судьи не свободны от давления вышестоящих органов (например, Председателей судов) и оказываются независимыми лишь от закона, который они должны соблюдать. Как следует из приведённых данных, среди населения в России сложилось глубокое неверие в справедливость судебной системы. Это порождает очень опасный эффект отрицания

цивилизованных путей разрешения конфликтов и отнюдь не способствует институционализации правовой культуры. Всё чаще в сводках новостей появляются сообщения о фактах самосуда, что свидетельствует о низкой эффективности института судопроизводства (нападение на «жемчужного прапорщика» через полтора месяца после разгона митинга. Кроме самосуда также встречаются и другие формы протеста, порождённые актами саморазрушительной агрессии: самосожжение, сожжение себя вместе с судьями, подрыв вместе с судебными приставами и др.

Литература

1. Римский В.Л. Обзор социологических исследований судебной системы СССР, выполненных в период с середины 60-х годов XX века до конца 1991 года. – М.: Региональный общественный фонд «Информатика для демократии» (Фонд ИНДЕМ), 2007// URL: <http://www.indem.ru/Proj/SudRef/soc/Rim6091.htm> (Дата обращения: 25.11.2011 г.)
2. Взаимоотношение граждан и власти: незащищённость, бессилие, произвол // URL: <http://www.levada.ru/press/2010062501.html> (Дата обращения: 28.08.2012 г.)
3. Не судимы будьте. Кто и почему верит людям в мантии? // URL: <http://fom.ru/sudy/29> (Дата обращения: 28.08.2012 г.)
4. Дело Грошева // URL: www.delogrosheva.narod.ru 5. Отчёт по результатам общероссийского массового опроса граждан России по теме: «Оценка деятельности судов в Российской Федерации». ВЦИОМ. Москва, ноябрь, 2007.

СОВРЕМЕННЫЙ ПОДХОД К УПРАВЛЕНИЮ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРОЙ

Гулей И.А., Ковтунова Ю.С. (Белгород)

Реализация потенциала организационной культуры создает возможность для повышения результативности производства, изменения методов управления производственными и трудовыми процессами. Применение на практике новейших технологий управления невозможно без изучения основ формирования и развития организационной культуры, дающее комплексное понимание эволюции и функционирования предприятий с учётом

особенностей формирования трудового коллектива . Рассматривая феномен организационной культуры как автономный фактор управления, необходимо определиться с основным подходом к пониманию его сущности и понятия. Проанализировав подходы к понятию сущности организационной культуры ведущих авторов, занимающихся данной проблемой (Р. Акофф, Т. Александрова, М. Бурке, Э.Э. Кеннеди, Л.В.Родя, Р. Рюттингер, Н.В.Мартыненко, М.Х. Мескон Л.С.Савченко, И.С.Шаповалова, Э.Шейн и др.), мы выделили три основных подхода.

1. Организационная культура как инструмент управления, т.е. то, с помощью чего руководители имеют возможность создать более эффективную организацию. С точки зрения указанного подхода, под культурой организации следует понимать уникальную совокупность норм, ценностей, убеждений, образцов поведения и т.п., которые определяют способ объединения групп и отдельных личностей в организацию для достижения поставленных перед ней целей. Данный подход акцентирует внимание на том, как осуществляя управление различными аспектами культуры (ценностные ориентации, убеждения, нормы, технологии, взаимоотношения с потребителями), можно повысить эффективность деятельности организации.

2. Организационная культура как среда управления, где взаимодействуют элементы организации и осуществляются основные организационные процессы. В данном случае организационная культура – это определенная картина более или менее однородных и согласованных друг с другом представлений, значений и обобщений, которые не всегда видны, действуют в трудовом процессе и разделяются различными категориями специалистов, ориентируя их и придавая смысл их деятельности в определенной системе.

3. Организационная культура как объект управления, этот подход с одной стороны включает доводы двух вышеупомянутых направлений, с другой стороны, он охватывает множество теорий, посвященных элементной структуре, типам культуры, поиску взаимосвязей между ее элементами. В данной статье за основу взят указанный подход, поэтому под организационной культурой мы понимаем доминирующие моральные нормы и ценности, принятые образцы поведения и укоренившиеся ритуалы, традиции, которые разделяются членами организации и способны воспроизводиться в этой организации через формальных или неформальных лидеров. Таким образом, организационная культура задает некоторую систему координат, которая объясняет, почему организация функционирует именно таким, а не иным образом. Она позволяет в значительной

мере сгладить проблему согласования индивидуальных целей с общей целью организации, формируя общее культурное пространство, включающее ценности, нормы и поведенческие модели, разделяемые всеми работниками[2]. Данные подходы позволяют рассматривать организационную культуру с позиции трехгранника, находящегося в соответствии со всеми углами. Каждый «угол» (подход) имеет равный вес по отношению к окружающим. Исследователю важно понимать необходимое взаимодействие данных подходов и практическое использование в управленческой деятельности, внедрение с позиции сочетания трех «углов».

В контексте изменяющихся производственных, социальных, управленческих отношений организационная культура характеризуется:

- усилением зависимости компаний от работников, взаимной заинтересованностью, большей свободой персонала в самореализации в пределах трудового процесса;
- доминированием относительно унифицированных методов неэкономической мотивации;
- изменением системы

- экономической мотивации за счет акционирования и заинтересованности персонала в качестве продукции и росте прибыли;
- большей свободой участия персонала в управленческом процессе за счет усиления относительной автономности подразделений и делегирования полномочий;
-

- повышением творческого потенциала сотрудников и развитием персонала как одной из задач управления, обеспечивающим конкурентоспособность организации. Ведущая роль сотрудников организации требует поиска адекватных механизмов формирования их идентичности в организации. Интегрированная модель организационной идентичности включает ряд компонентов, учитывающих внутренние и внешние факторы формирования организационной идентичности. К внутренним факторам относятся:

- 1) выражаемая организационная идентичность – самоприписываемая идентичность, то, что организация декларирует о себе;
- 2) проявленная идентичность, определяемая как через реальные характеристики (такие, например, как структура организации, её рыночное позиционирование), так и через символические проявления организации (обряды, мифы, табу), которые очерчивают внутренние и внешние границы организации.

Внешние факторы формирования организационной идентичности включают такие компоненты, как:

- 1) приписываемая идентичность, базирующаяся на тех признаках, которыми организацию наделяют её различные аудитории;
- 2) проектируемая идентичность,

обращающаяся к используемым организацией элементам, способам, символам, коммуникациям, нормам поведения, с помощью которых организация представляет себя ключевым внешним аудиториям [1]. Воспринимаемые персоналом организации, внутренние и внешние факторы организационной идентичности влияют на индивидуальную идентичность сотрудников, которая определяется нами как опытная идентичность. Опытная идентичность обращается к тому, что члены организации, члены группы в границах организации более или менее осознано испытывают относительно собственной организации. Таким образом, с появлением принципиально новых технологий постиндустриального периода, в которых усиливается роль человека, возникает новое понимание организационной технологии, согласно которому структура технологии состоит не только из формальных правил и норм, но и из неформальных процедур, знание и понимание которых невозможно без приверженности персонала определенным ценностям, таким как профессионализм, качество, активизм, ответственность, самостоятельность и ряду других. Организационная культура в этих условиях становится эффективным инструментом менеджмента, поскольку, формируя у персонала знание неформальных правил, норм, процедур, создает условия для реализации определенных участков технологической цепочки. Итак, управление организационной культурой - это сознательное и намеренное совершение какого-либо действия в ней. Это может включать усиление или ослабление культуры, адаптацию людей в культуре, развитие культуры, поддержание, или изменение культуры. На современном этапе управления существует позиция, что независимо от той стадии развития на которой находится организация, её высшее руководство может управлять культурой двумя способами. Можно утверждать, что управление организационной культурой - это сложный, технологический процесс, требующий как теоретической так и практической разработки и подготовки управленческого персонала. Определение проблемного поля данного процесса поможет управленцам и исследователям корректировать свои действия и производить дополнительные научные расчеты, позволяющие снизить риск ошибки в формировании и внедрении организационной культуры.

Литература

1. Н.В.Мартыненко, Организационная культура как фактор управления человеческими ресурсами: автореф. дис. ... канд. соц. наук. – Волгоград. – 25с.

2. И.С.Шаповалова, Социогенетическое моделирование организационной культуры: автореф. дис. ... докт. соц. наук. – Белгород. – 42с.

СИСТЕМА ГОСУДАРСТВЕННЫХ НАГРАД КАК РИСКОГЕННАЯ ЗОНА СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Гусева Н.А. (Санкт-Петербург)

Вопрос социальной справедливости актуален во все времена, но особенно остро встает в переходные периоды. Трансформация последних лет затронула все сферы российского общества, включая наградные отношения. Как и общество в целом, система государственных наград многократно подвергалась различным преобразованиям и всегда была «лицом эпохи». Особенности иерархии и сам характер наград, наградная политика и непосредственно практика награждения позволяют судить не только об ориентирах развития страны, но и кризисе в отдельных сферах, признаках назревших социальных проблем, дают возможность прогнозирования следствий проводимой политики, а также возможности манипулирования общественным мнением. Осевым элементом системы являются государственные награды – форма положительной санкции, символ социального статуса и атрибут социального признания. Подразумевается, что система государственных наград а priori должна выстраиваться на принципах социальной справедливости, а государственные награды – функционировать в соответствии с ее принципами, поскольку это важная составляющая залога социальной стабильности и целостности общества. Однако существование системы государственных наград в рамках конкретных социальных реалий актуализирует ряд факторов, превалирующее влияние которых порождает дезинтеграционные тенденции в обществе. Так, в современном российском обществе вероятность получения государственной награды зависит от: 1) занятости индивида в определенных секторе (государственный/частный) и отрасли экономики; 2) размера организации, в котором работает действующий субъект; 3) механизма награждения, имеющего в основном бюрократические риски, связанные со временем, субъективизмом в оценке, высокой степенью формализованности; 4) характера межличностных отношений с непосредственным руководителем; 5) правящей власти. Все эти факторы находятся в оппозиции и прямо влияют на

реализацию процесса справедливого награждения. Безусловно, справедливость награждения находится в линейной корреляции с наградной политикой государства (включая льготную), под которой мы понимаем всю совокупность действий, направленных на использование определенным способом государственных наград с целью решения конкретных актуальных политических и социальных задач. Приоритеты развития страны и государства провозглашаются всегда, поэтому одни категории граждан будут в числе предпочтительных для награждения, другие из этого числа неизбежно выпадут. Существующая иерархия внутри системы государственных наград также выделяет категории награждаемых по одним стратификационным параметрам, отделяя их от категорий с другими социально-статусными характеристиками. Такая иерархия в системе не устранима в силу своего предназначения, однако важно соблюдать баланс, чтобы избежать выделения «круга избранных». Продуманность системы с социокультурной и идеологической позиций также влияет на восприятие награждения в общественном мнении как соответствующего или несоответствующего идее социальной справедливости. Современная система государственных наград характеризуется эклектичностью в силу попытки соединить три различные эпохи в истории страны: монархическую Россию, СССР и РФ, что выражается в смешении названий, символики, идеалов и социальных ценностей, размытости социальных ролей. В то время как четкое провозглашение устоявшихся в обществе социальных представлений о должном и недолжном, их непротиворечивость значительно сужает количество потенциально опасных зон нарушения социальной справедливости. Корректным должно быть и отражение исторической реальности в наградах. Являясь носителями исторической памяти, которая сохраняется посредством обозначения важнейших событий прошлого, имен выдающихся личностей и общезначимых символов, государственные награды, как правило, имеют целью рассказать о справедливых победах родного государства. В соблюдении принципов социальной справедливости чрезвычайно важно и то, как государство решает проблему противоправных действий в отношении государственных наград. Если действия, которые умаляют особый статус государственных наград, не пресекаются или караются незначительно, под угрозу ставятся легитимность наград, уровень их социального престижа, порождая всплеск недовольства среди старших категорий граждан, формируя безразличие или неуважительное отношение со стороны молодого поколения.

Беспрецедентные масштабы наградного бизнеса в современной России говорят о значительном упущении в этом аспекте со стороны государства. В целом практика показывает, что в системе государственных наград и наградной политике принципы социальной справедливости неминуемо пренебрегаются. Тем не менее, последнее означает, что, несмотря на невозможность безупречного следования данным принципам, к их реализации необходимо стремиться, что позволит повысить эффективность государственных наград как особой формы диалога между индивидом, государством и обществом.

**ЭТНИЧЕСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ И НАСАЖДЕНИЕ
ТОЛЕРАНТНОСТИ И ЛИБЕРАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ КАК
ИСТОЧНИК ФОРМИРОВАНИЯ ЭКСТРЕМИЗМА В
МЕЖКУЛЬТУРНЫХ И МЕЖЭТНИЧЕСКИХ
ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ**

Гуськов Д.В. (Екатеринбург)

Нелегальная и неконтролируемая иммиграция из стран Кавказа, Средней Азии, Китая в Россию, а также из национальных республик России в другие регионы России, начавшаяся в начале 90-х гг. XX столетия и продолжающаяся до настоящего времени, отчасти породила проблемы, являющиеся источником этнонационального экстремизма. Среди данных проблем можно назвать: этническую преступность и действующую на ее основе теневую экономику, дискриминацию по национальному и культурному признаку, социально-экономическое расслоение. Катализатором этнонациональных проблем является ещё и то обстоятельство, что постепенно спонтанная иммиграция приобретает организованные формы и для поддержания её существования и расширения появляется этническая преступность. Данные факторы оказывают сильнейшее деформирующее влияние на местную социокультурную и экономическую среду. В этой связи иммиграция рассматривается как дестабилизирующий фактор, поддерживаемый извне, необходимый как средство влияния на внутривнутриполитическую и социальную обстановку в России. На сегодняшний день этнические преступные группировки, в своём распоряжении имеют хорошо подготовленных боевиков (при криминальных сообществах иногда создаются т.н. отряды самообороны для охраны своих сфер влияния, зачастую провоцирующие конфликты с местным населением),

контролируют ряд наиболее прибыльных направлений в бизнесе. В данных обстоятельствах национализм возникает как реакция этноса на деструктивные воздействия внешней среды: экономические, социокультурные, политические перемены или иноэтнические воздействия, обусловленные глобализацией. Доведенный до крайнего (абсолютного) состояния патриотизм выражает узкие этнические интересы и смыкается с национализмом и национальным экстремизмом. В этой связи необходимо заметить, что от радикальных форм национализма патриотизм отличается тем, что относится с уважением к национальному сознанию других народов. В периоды экономических, социальных и политических перемен, иноэтнического воздействия возникает национализм, как реакция этноса на указанные деструктивные воздействия, нередко проявляющийся в крайних, радикальных формах. Возникновение экстремизма, также как и радикального (ультраправого) национализма является реакцией индивидуумов и отдельных социальных групп на воздействие различных негативных факторов социальной среды. В результате вышеуказанных деструктивных воздействий этнической преступности и этнических преступных группировок в частности патриотизм законопослушных граждан, уставших от социально-экономического, этнического, правового беспредела, автоматически доводится до крайнего (абсолютного) состояния и перерождается в национализм, который в свою очередь может принять радикальную, деструктивную форму. В результате экстремальность приобретает крайнюю форму экстремизма. Этот процесс может быть также следствием влияния внешних по отношению к молодёжи сил, использующих её экстремальность в своих интересах.[2, 19] Под влиянием тех же самых факторов патриотизм переходит в свою крайнюю форму – национализм, нередко принимающий радикальные, деструктивные формы. Именно национализм как крайняя форма патриотизма является естественным социальным регулятором в условиях дисфункции социальных институтов и кризиса общественного развития. Проблема этнопреступности в настоящее время представляет собой большую опасность в плане наркотизации и криминализации российского общества, деструктивных процессов в экономике и обострения межнациональных отношений. Ответной реакцией на это стало обострение межнациональных и межэтнических отношений, повлекшее за собой рост националистических настроений со стороны россиян и локальные конфликты на этнической почве. Национализм – это здоровая реакция патриотически настроенного индивидуума на

инородное вмешательство или какой-либо экономический, социокультурный или другой сбой, хотя в некоторых случаях эта реакция принимает крайние, радикальные формы. Этнопреступность стала катализатором роста националистических настроений в России. Аналогичное влияние на социокультурную среду оказывает процесс жесткого насаждения толерантности и либеральных ценностей, которые стремятся заменить традиционные социокультурные нормы, характерные для большинства граждан. В России зарегистрировано около двух тысяч правозащитных организаций и организаций, пропагандирующих либеральные ценности. Данные «борцы с режимом» и «либералы» поддерживают большинство акций и мероприятий «гарантов прав и свобод человека» Соединенных Штатов Америки и Европейского Союза, но при этом критикуют и противодействуют большинству инициатив и начинаний, инициированных правительством России и патриотическими организациями в области патриотического воспитания молодежи, борьбы с экстремизмом и терроризмом. Некоторые из них поддерживают сепаратистов на Северном Кавказе, проводят воспитательную деятельность среди молодежи в «центрах по развитию демократии», внушая ненависть в родной стране. При этом, когда подвергаются сомнению или критикуется само либеральное движение, или идея, на которой оно основано, или методы реализации данной идеи, так называемое «либеральное» и «правозащитное» сообщество в худших традициях тоталитарных традиций пресекает любые попытки своей критики, даже в конструктивных позициях, деструктивными, а иногда даже и экстремистскими методами. В борьбе за власть различные либеральные движения могут склонять подконтрольные им части гражданского общества к различным действиям неправового характера, которые в своих крайних проявлениях могут являться экстремистскими. Таким образом, можно отметить, что в современном либеральном движении наметился целый ряд тоталитарных тенденций, которые могут явиться причиной проявления экстремистских действий.

- Невосприимчивость любой критики и уверенность в своей абсолютной правоте радикальных представителей либерального движения, создание и поддержание «либеральных мифов». Именно мифологичность восприятия социальной действительности роднит радикальных представителей либерального движения и экстремистов. Именно мифологичность, согласно утверждениям отечественного исследователя феномена экстремизма А.А. Козлова, формирует у индивидуума

экстремистское сознание.[1, 91] • Оправдание любых насильственных действий, в том числе и экстремистских, а также структур их осуществляющих, ради достижения собственных социальных, экономических или политических целей. • Лицемерие и «использование двойных стандартов», как один из принципов функционирования либерального движения может являться также причиной совершения экстремистских действий и дальнейшего их оправдания «либеральными ценностями» и «демократическими нормами». В итоге можно сделать вывод, что тоталитарные тенденции в либеральном движении также могут приводить к возникновению экстремизма. При этом «либеральный экстремизм» имеет ряд особенностей, которые отличают его от других видов экстремизма: • «либеральный экстремизм» имеет латентный характер, экстремистские действия прикрываются «соблюдением прав человека», «демократическими и либеральными ценностями»; • «либеральный экстремизм» формируется в условиях поддержки радикального либерального движения как внутри государства, так и из-за границы. • «либеральный экстремизм» реализуется в основном не насильственными, а манипулятивными методами. Последствия воздействия «либерального экстремизма» на общество могут быть различными.

Литература

1. Томалинцев В.Н., Козлов А.А. Введение в социальную экстремологию: Учеб. пособие. - СПб.: Изд-во С-Петербур. ун-та, 2005. – 220 с.;
2. Чупров В.И., Зубок Ю.А. Молодёжный экстремизм: сущность, формы проявления, тенденции, - М.: Academia, 2009.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА МОЛОДЕЖИ КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ СТАБИЛЬНОСТИ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА

Дыжова А.А. (Могилев, Республика Беларусь)

Политическая культура Беларуси имеет свои особенности, обусловленные ментальными характеристиками народа, исторической судьбой, спецификой этногенеза, политическим опытом, религиозным, геополитическим и другими факторами, а также противоречиями «переходного» общества. В любой стране молодёжь является будущим общества, его потенциалом и силой, способной оказывать существенное влияние на деятельность

политических, экономических и социальных структур. Это обуславливает актуальность данной темы. В то же время положение молодёжи является одной из острейших проблем любого государства, ибо она нуждается в соответствующих гарантиях со стороны общества и государства для приобретения знаний, трудовых и профессиональных навыков, возможностей вхождения в самостоятельную жизнь. Молодёжь представляет собой наиболее грамотную часть общества; по своим психологическим и возрастным характеристикам она больше предрасположена решать задачи не только текущего дня, но и будущего. Это наиболее подвижная и динамичная социальная группа населения, способная активно реагировать на перемены в обществе, выступать индикатором его социальной напряжённости или социального комфорта [1, с. 97]. Однако, хотелось бы отметить, что в современном обществе существенно снизились социально-политические, культурные, досуговые интересы молодёжи, уровень ее общей культуры. Часть молодежи самоизолируется, уходит «в себя», в социальный вакуум, а это ограничивает ее способность активно включаться в новые общественные отношения, искать различные формы самозащиты и т.д. А главное – социальная бездеятельность рождает социальную безответственность. В ходе наших исследований проводились социологические опросы молодых людей в возрасте от 18 до 31 года. На основе проведенного социологического и правового анализа проблем правовой и политической культуры молодежи были получены данные, позволяющие установить особенности правового мышления и восприятия правовой действительности молодежью. Хотелось бы отметить, что на уровень правового образования молодежи оказывают влияние различные факторы: источники правовой информации, способы и агенты правовой социализации, личный опыт и многое другое. В первую очередь рассмотрим, из каких источников молодые люди получают необходимую им информацию. Таблица 1. – Распределение ответов на вопрос «Отметьте источники получения Вами информации о законах, правовых нормах», в %. Источники % 1 Газеты, радио, телевидение 70,1 2 Преподаватели 45,9 3 Интернет 43,9 4 Семья 23,3 5 Друзья, знакомые 21,3 6 Выступления работников правоохранительных органов 19,7 7 Специальная и правовая литература 19,7 8 Выступления государственных должностных лиц 13,3 9 Электронные правовые базы 7,6 Примечание: В вопросе можно было отметить несколько вариантов, поэтому сумма по столбцам может составлять более 100%. Анализируя ответы респондентов, следует отметить, что

лидирующую позицию в правовом и политическом просвещении занимают средства массовой информации: газеты, радио, телевидение (70,1%) и Интернет (43,9%), которые являются, с одной стороны, самыми доступными, а с другой, не всегда самыми достоверными источниками получения правовой информации. В данном случае основным каналом формирования правового сознания и правовых ценностей молодежи выступает символическая социализация, которая заключается в том, что личность вырабатывает свою систему правовых значений, ассоциативно объединяя в своем правовом мышлении различные представления и понятия. То есть индивид, не имея личного опыта, на интуитивном уровне понимает какой-то социальный или правовой феномен, опосредуя его значение с информацией, получаемой через СМИ. Отсутствие знаний и опыта в данном случае не дают возможности молодым людям грамотно и критично подойти к получаемой, часто достаточно противоречивой и неоднозначной информации, что определенным образом влияет на процесс из правовой социализации и последующих формах правового поведения. В ключе анализа источников получения молодежью правовой и политической информации следует обратиться и к исследованию агентов их правовой социализации (см. табл. 2).

Таблица 2. – Распределение ответов на вопрос «Значимый вклад в Ваше правовое образование и воспитание внесли», в %.

Агенты социализации	%
1 Родители	84,7
2 Преподаватели, учителя, кураторы	70,4
3 Отделы идеологической и воспитательной работы	7,8
4 Общественные организации	4,8
5 Собственное стремление	4,6
6 Студенческие советы самоуправления	3,6
7 Близкие, друзья	1,8

Примечание: В вопросе можно было отметить несколько вариантов, поэтому сумма по столбцам может составлять более 100%. Приведенные данные еще раз подтверждают тот факт, что семья является важнейшим агентом социализации человека, в том числе и правовой. Подавляющее большинство (84,7%) молодых людей отмечают значимый вклад родителей в их правовое воспитание. Однако зачастую этот процесс заключается не в усвоении норм права, а в понимании обыденных правил поведения, т.е. «что хорошо, а что плохо». Необходимо отметить, что данный уровень является определяющим, однако важно, чтобы знания, полученные в семье, далее подкреплялись и совершенствовались. И эту задачу должны взять на себя учреждения образования. Вторым по значимости агентом является система образования, а точнее учителя и преподаватели. Это отмечают 70,4% из числа опрошенной молодежи. К сожалению, приведенные цифры свидетельствуют о

неудовлетворительной работе общественных организация, отделов идеологической и воспитательной работы, а так же студенческих советов самоуправления по формированию правовой культуры молодежи. И сегодня ситуация требует активной, целенаправленной и планомерной работы указанных организаций, направленной на усвоение правовых норм, воспитание уважительного отношения к ним. Очень важным в период становления общества является политическая социализация молодежи. Политическая социализация – это процесс, с помощью которого политическая культура передаётся, приобретает и изменяется. Это также и совокупность процессов становления политического сознания и поведения личности, принятия и исполнения политических ролей, проявления политической активности. Иными словами, под социализацией понимается процесс обучения человека нормам, отношениям и поведению, предпочтительным для существующей политической системы [2, с. 110-111]. Политическая социализация – это вступление личности в политику: формирование политических представлений, ориентаций и установок, приобретение навыков политического участия, вращение в определённую политическую культуру. Политическая культура это ценностно-нормативная система, широкий комплекс установок, символов, идей, поведенческих стереотипов, которые формируют мотивацию политического и общественного поведения людей и обеспечивают целостность общественного сознания в политической сфере. Политическая культура даёт отдельному человеку руководящие принципы политического и общественного поведения, а обществу – систематизированную структуру ценностей и рациональных доводов, норм и идеалов, обеспечивая целостность и интегрированность общественного сознания в этой сфере. Базой для формирования политической культуры является общенациональная культура и ее доминирующие компоненты. Таким образом, политическая культура не сводится лишь к знаниям и убеждениям. Она содержит систему способов реализации этих знаний, ценностных ориентаций, образцов поведения политических субъектов, а в нашем случае молодежи. Она характеризует способ существования этих субъектов, выступая при этом как объективная данность, являющаяся не простым внешним отражением существенных черт политического процесса, но его внутренней, органической частью. Общая ткань политической культуры группы, класса, народа как бы сплетается из индивидуальных ниточек политических культур личностей, а каждый гражданин, участвуя в политической жизни, воспринимая и

передавая политическую информацию, поддерживая или осуждая то или иное политическое решение, участвует в создании и развитии политической культуры общества, к которой он принадлежит. Индивидуальная политическая культура трансформируется в групповую, профессиональную, национальную и тому подобную политическую культуру за счет механизма социального общения. Этот механизм обеспечивается посредством передачи, отбора и формирования социально значимых элементов, слагаемых политических культур отработки уже не индивидуальных, а общественно функциональных, важнейших репрезентативных и детерминирующих определенную социальную группу черт и факторов. Для осуществления этой функции особое значение имеют конституционные права и свободы граждан, а также, как было уже отмечено ранее, средства массовой информации.

Литература

1. Социальная работа: теория и организация: пособие для студентов вузов / П.П. Украинец, С.В. Лапина, С.Н. Бурова и др.; под ред. П.П. Украинец, С.В. Лапиной. – 2-е изд. – Минск: ТетраСистемс, 2007. – 288 с.
2. Яскевич, Я.С. Основы идеологии белорусского государства: Вопросы и ответы. / Я.С. Яскевич. Минск: ТетраСистемс, 2004. – 304 с.

КОММЕРЦИАЛИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО СОЦИУМА

Ежов С.П. (Санкт-Петербург)

Анализируя финансово-экономический кризис начавшийся с Америки, Президент США Б. Обама выделил две его основные причины, а именно: алчность и безответственность. Алчность и безответственность тех, кого он впоследствии назвал «жирными котами». Применительно к российским реалиям это, в первую очередь, элиты – как бизнес, так и политические (что сегодня почти одно и то же). В современной России все стало бизнесом. Стремительно развиваясь, это явление приобрело характер пандемии, и в этом, на наш взгляд основная патология российского социума. Если специфику политического действия, отмечал К. Шмитт можно свести к дихотомии «политический друг - политический враг», то специфику предпринимательской деятельности – к дихотомии

«выгодно – невыгодно». В этом суть идеологии современного бизнеса и бизнесменов. Для бизнеса это даже логично. Нелогично то, что люди с такой идеологией находятся на всех уровнях государственной власти и убеждены в том, что именно это является главным критерием действий во всей социальной сфере – образовании, науке, культуре, здравоохранении и т.д. Алчность и безответственность эти две основные причины генерируют социальную турбулентность, раскалывая как единое пространство, так и народ России. Такое состояние общества не может не вызывать массовое ощущение несправедливости и порождает недоверие к власти, а главное – дискредитирует все попытки социально-экономических и политических преобразований. У Ф.М. Достоевского есть известный тезис – «Если Бога нет, всё дозволено». Я осмелюсь его дополнить: «Если Бога нет и страха нет, вот тогда всё дозволено». Одним из условий, необходимых для нормального функционирования демократии, по мнению Й. Шумпетера, является самоконтроль. Самоконтроль выступает не только элементом политической теории, но и политической культуры. Без рационального осознания потребности в добровольном самоограничении каждого участника политического процесса любая демократия обречена. Демократическое самоограничение – это осознание того, что некоторое действие, вполне легальное и допустимое в данной конкретной ситуации, может не принести пользу общему делу. Консенсус достигается пониманием общих ценностей и принципов функционирования политической системы, а также тем, что и правящая группа, и оппозиция, - т.е. все – превыше всего ставят национальные интересы, примерно одинаково их представляя. Если же морально-этические принципы атрофированы, тогда необходимо принуждение. Необходимо принудить отвечать за свои действия или бездействие, наносящие серьезный ущерб личности, обществу, экологии. Чем серьезнее преступление, тем суровее должно быть наказание, включая смертную казнь. Рассуждая о жестокости и милосердии Н.Макиавелли логично отмечал, что жестокость по отношению к немногим её заслужившим своими деяниями есть не что иное как милосердие по отношению к огромному большинству людей. И наоборот.

ДЕМОКРАТИЯ КАК ПРОБЛЕМА ОБЩЕСТВА ПОЗДНЕГО МОДЕРНА

Елисеев С.М. (Санкт-Петербург)

Проблема демократии по праву можно отнести к одной из «дискуссионных» тем социального познания. Начиная с периода античности и до наших дней ученые посвящают этой теме бесконечное множество работ, высказывая при этом нередко прямо противоположные мнения: от сугубо негативных до предельно восторженных. Переосмысление демократии как типа организации власти и политики происходит только в начале XX века. Прежде всего в американской политической науке, когда в обществе все сильнее стали проявляться тенденции роста новых проблем, решение которых стали связывать с развитием демократических институтов и включением масс в институциональные формы политического участия. Американская политическая наука 1950-1960 гг. формулировала такие определения демократии, под которые в строгом смысле подпадали только две реальные политические системы, а все остальные обладали тем или иным изъяном. Эта традиция сохранилась и по настоящее время. Под влиянием американской политической науки демократия чаще всего ассоциируется с либеральной демократией как исторически обусловленной формой общества модерна. И хотя такой подход подвергается справедливой критики, он по-прежнему остается широко распространенным по всему миру и каждый раз актуализируется в период перехода к демократии той или иной страны при активном участие в этом процессе американских экспертов и консультантов. Но в обществе позднего модерна демократическая политическая власть, все меньше сосредоточивается в национальном государстве, и все больше переходит в руки наднациональных институтов и транснациональных корпораций. Прежние научные представления об обществе пересматриваются и подвергаются обоснованной критики. Но вся проблематика современной демократии по – прежнему вписана в теорию становления и развития общества модерна. Весь категориальный аппарат современной политической теории опирается на понятие «общество модерна», привязан к исторической логике его развития. Начиная с XVIII в. политику представляют как систему объективных связей, обловленную социально-культурными и экономическими отношениями. Она описывается как форма выражения социальных отношений, как система артикуляции и агрегации интересов больших социальных групп, ведущих борьбу за власть, сосредоточенную в государстве и иных политических институтах. Высшим достижением точности репрезентации

социального в конечном итоге провозглашается демократия, основанная на принципах политического равенства и свободы. Правда еще в конце XIX века в Европе правом участвовать в политической жизни могли пользоваться чуть более 30% граждан, парламенты играли второстепенную роль, а политические партии подвергались едва ли не всеобщему осуждению. Ситуация резко меняется только в первые десятилетия XX века, чему не мало способствовала Октябрьская революция в России. Правящие элиты Европы и Америки не хотели доводить дело до революции и в спешном порядке стали пересматривать свое отношение к демократии, к ее основным процедурам и институтам. Собственно говоря, все то положительное, с чем связывают сегодня демократию, сформировалось относительно недавно, хотя многие граждане убеждены в том, что основные процедуры и институты демократии существуют ни одно столетие. Но и западная демократия не стоит на месте. Она развивается, и ее развитие не всегда и не во всем соответствует нашим представлениям о ней. Так под предлогом борьбы с международным терроризмом государство усилило контроль за поведением граждан. Американское правительство наделило полицию и спецслужбы дополнительными полномочиями по контролю за своими гражданами. У самих американских граждан сформирована привычка контроля друг за другом, информирование полицию о подозрительных лицах и т.д. Британское правительство разрабатывает планы, которые позволят осуществлять перехват электронной почты, телефонных разговоров, текстовых сообщений и запросов в поисковых системах любого человека в стране. Аналогичные шаги планируют и другие европейские страны. В недалеком будущем вся жизнь человека с момента рождения и до самой смерти будет записываться сетью видеокамер и датчиков. В этом контексте тема прав и свобод человека в современной демократии приобретает новое звучание. Следовательно, сегодня нельзя жить представлениями о демократии, сложившимися 100-200 лет назад. Нужно искать новые пути развития демократии, адекватные не только национальным особенностям, но и условиям XXI века. Так, например, реальный путь развития демократии всегда был связан с постепенным расширением прав и свобод гражданина, который вместе с правами и свободами принимал на себя ответственность за финансирование этих самых прав и свобод. Стандарты XX-XXI веков требуют всеобщего избирательного права, они не допускают постепенного расширения прав и свобод, но по-прежнему предполагают ответственность гражданина перед

обществом и государством. Но эта ответственность сама по себе не возникает. Для этого нужны соответствующие процедуры и институты, сочетание принуждения и социальных норм, которые стимулируют индивидов быть законопослушными гражданами. Но если в истории становления западной демократии ответственность предшествовала правам и свободам или стимулировалась государственным принуждением и социальным контролем, то в постсоветском обществе наблюдается опережающее развитие прав и свобод по отношению к социальной и правовой ответственности гражданина. В результате складывается деформированная неустойчивая модель демократии, при которой гражданин чаще всего занимает оппортунистическую позицию по отношению к обществу и государству, не беря на себя ответственность за поддержание социального и правового порядка, и в тоже время требует для себя все больше прав и свобод. Демократия предполагает подчинение закону, достаточно высокую степень социальной ответственности и политического участия граждан. Если пороги социальной ответственности и политического участия опускается ниже определенного уровня, то институты демократии деформируются или же меняют режим своего функционирования, переходя образно говоря на «холостой ход». Система сохраняет свою функциональность, но падает ее эффективность. В современном обществе демократия стала своеобразным стандартом политики, к которому стремятся следовать. Но демократии уже не представляет собой идеала, лишённого недостатков и изъянов. Она имеет свои достоинства и недостатки. К демократии стремятся из любви к равенству и свободе. Но если граждане не готовы жить в условиях равенства и свободы, не готовы тратить свои усилия на участие в процессе управления, то демократия для них становится тяжелым бременем или даже преградой, препятствующей распространению клановости, коррупции, социального и правового неравенства. Привыкание к демократии процесс длительный. России еще предстоит найти свой ритм движения в условиях демократии, отвечающий не только ее национальным традициям и культуре, но и вызовам современности.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС ПАРЛАМЕНТСКИХ ПАРТИЙ КАК ОСНОВА СТАБИЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Иванова А.А. (Тула)

Отечественная традиция дискурс-анализа так же была основана в рамках лингвистики (русского языкознания) под влиянием социальных факторов начала XX в. Исследовалась роль языка в функционировании общества. Проблематика именно политического дискурса стала осваиваться в 70-80-е годы XX века. В настоящее время классификация работ исследователей проводится на основе методов и подходов, используемых при рассмотрении политического дискурса: когнитивное, риторическое, лингвистическое, социопсихологическое, психосемантическое и другие направления. В публичной сфере политический дискурс парламентских партий создает виртуальную реальность, которая внушается целевой группе электората. Воздействие на взаимосвязь политического мышления с языковой формой и политическим действием позволяет моделировать политический процесс и тем самым прогнозировать становление демократических институтов. Создавая адекватную историческим реалиям схему политического поведения, политический дискурс, таким образом, воплощает механизм управления сложной государственной системой. Следовательно, данный процесс отвечает за стабильность и преемственность политического курса. Внушение мировосприятия можно избежать с помощью риторических знаний. Уровень развития гражданского общества напрямую зависит от востребованности актуальных лингвистических осмыслений риторических речевых ходов. Процесс изменения взаимодействия власти и общества напрямую зависит от уделения внимания политической элитой политическим нормам, установкам в ходе ведения политического дискурса. Использование ценностных ориентаций, традиционных и либеральных, представляет собой механизмы изменения политической культуры. Специфичность отражения ценностной системы общества обусловлена особенностями экономического, политического и культурного развития России. Демократизация современного политического процесса влечет за собой преобладание морально-нравственных (патриотизм, ответственность и др.) и политических (демократия, политико-правовое единство и др.), традиционных (порядок, сильное государство) и либеральных (свобода, индивидуализм, социальная активность) ценностных ориентиров. Грамотно сконструированный политический дискурс парламентских партий позволит обеспечить преемственность политической культуры российского общества и сохранить национальную, общекультурную идентичность, что в то же время

даст возможность избавления от негативных установок на политическую систему. Консенсусный потенциал политической культуры позволяет, с одной стороны, сохранить преемственность осуществления политики (авторитарные черты), а с другой – выйти на качественно новый уровень своего развития. Структура ценностных ориентаций, заложенная в политическом дискурсе, обусловлена историческим и политическим наследием. В настоящее время политические программы теряют свое первоочередное значение самопрезентации политических партий. Следовательно, первостепенная задача коммуникации осуществляется посредством СМИ, а речевое воздействие организуется за счет интенционального подтекста. Ценностные ориентации, слова-стереотипы (суверенитет, либерализм, правящий режим и др.) позволяют сделать дискурс адреснонаправленным и сформировать идеологические предпочтения в среде электорального выбора. Ориентация на электоральные установки целевой группы определяет интенциональный план политического дискурса, его структурные элементы. Последнее десятилетие проходит под лозунгом демократизации всех общественных процессов в России. Следовательно, главными интенциями политического дискурса парламентских партий становятся темы построения гражданского общества, создание государства, подчиненного интересам общественного саморазвития. Традиционно государство в России играет роль регулятора и инициатора всех реформационных процессов, что привело к преобладанию вынужденных пассивных форм адаптации над активными. Исторически обусловленная односторонняя зависимость индивида от власти повлекла за собой формирование патерналистической ориентации. Преимущественно подданническая политическая культура составила механизм самоорганизации общества. Следовательно, основные направления оптимизации политического дискурса закладываются государством и заключаются в интеграции большей части российского общества – различные варианты национальной идеи. В массовом сознании наиболее широкий отклик получили направления формулирования национальной идеи, разрабатываемые в работах В. Суркова («суверенная демократия»), «План Путина», «Стратегия 2020», основные положения которых так же упоминаются в программных документах парламентских партий. Это объясняется тем, что именно эти работы отличаются наибольшей аксиологической наполненностью и построением на базовых концептах ценностных ориентаций политической культуры: патриотизм, патернализм,

надэтнический прагматизм и социальная ориентированность государства. Новая национально-государственная идея и государственная политика должны быть направлены на достижение гармонии между индивидуальным стремлением каждого человека жить достойно и идеологией, формирующей национальные ценности коллективизма, готовность (при необходимости) к всеобщей мобилизации, к самоограничению ради высокой идеи, к терпению и настойчивости в достижении национальных целей в период стрессов, кризисов и войн, которые, возможно, еще ждут Россию в будущем. Эта гармония ценностей должна быть имманентно присуща национальной идее, заложена в ее основание, и только тогда эта идея сможет реализовываться в предложенной модели, в ее смыслах. Эффективной реализации направлений оптимизации восприятия взаимовлияния политического дискурса парламентских партий и политической культуры в массовом сознании будет способствовать совершенствование политического дискурса парламентских партий на уровне приемов, методов, технологий, аргументирующих основные направления национальной идеи. Изменение восприятия государства с эмоционального уровня на рациональный возможно при акцентировании внимания политических лидеров в ходе выступлений на аргументировании, иллюстративном акте, технологии «обращения к авторитету», ситуативном выборе стилистики аргументирования, на каузальном объяснении исторических фактов и приеме «фундирования». Данные методы усиливают зависимость тематических положений программных заявлений от политической культуры российского общества и тем самым нейтрализуются исторические противоречия. Технологии совершенствования политического дискурса парламентских партий позволят построить диалог власти и общества на взаимосвязи политических программ с современным политическим процессом, на основе использования ассоциативных ярлыков, характеризующих аксиологизированные конструкты национальной идеи: патриотизм, надэтнический прагматизм, сильная государственная власть и социальная направленность государства. Эффективность методов воздействия политического дискурса парламентских партий коррелирует с процессом становления гражданского общества.

**АКАДЕМИЧЕСКАЯ МОБИЛЬНОСТЬ РОССИЙСКИХ
СТУДЕНТОВ: К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ПРОГРАММ
АКАДЕМИЧЕСКОГО ОБМЕНА НА СТАБИЛИЗАЦИЮ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА**

Исакова А.А. (Санкт-Петербург)

Проблемы интернационализации высшего образования в России занимают отнюдь не периферийное положение в повестке дня как органов власти, так и самого академического сообщества. Национальный проект «Образование», федеральная целевая программа развития образования фокусируются на международных проектах, направленных на интернационализацию образования и кросс - культурную кооперацию. Цель последних – интеграция в мировое образовательное пространство, создание условий для интенсивного прироста научного знания. По большому счету, идея состоит в том, чтобы через инновации в образовательной сфере (к коим относится все большая интернационализация высшего образования) повысить конкурентоспособность России на рынке образовательных услуг [1].

В наши дни, пожалуй, сложно себе представить российский университет, который бы не стремился так или иначе придерживаться курса на интернационализацию и не участвовал в программах академического студенческого обмена, отправляя своих подопечных на семестр (год) в принимающий университет, либо приглашая иностранных студентов в свои стены. Особенно эта тенденция прослеживается в столичных ВУЗах. Однако и региональные центры высшего образования зачастую представляют собой солидную платформу для академической мобильности (достаточно обратиться за примерами в университеты Петрозаводска, Казани, Ижевска, Иркутска, Краснодара и др.).

Erasmus Mundus TRIPLE I, Eranet Mundus, стипендиальные программы фонда DAAD, академические визиты в рамках двусторонних соглашений между университетами - это лишь часть внушительного списка программ студенческого обмена, участниками которых являются российские студенты и их «родные» университеты (выступая в роли home university), а также «принимающая сторона» в лице зарубежного ВУЗа (то, что называется host university). Все большая популярность академических обменов в студенческой среде обусловлена, с одной стороны, интересом и мотивацией студентов, их возросшей осведомленностью о возможностях обучения за границей в рамках основного образования. С другой стороны – включение России в Болонский процесс в 2003 году сделало возможным поощрение мобильности студентов, преподавателей, исследователей, и, как следствие, расширение ее горизонтов,

некоторое упрощение всего процесса (подача и рассмотрение заявки, организация учебных курсов в «принимающем» ВУЗе, перезачет кредитов по возвращении в «домашний» университет и т.д.).

В наиболее общем плане под академической мобильностью стоит понимать «период обучения, преподавания и/или проведения исследования в стране, не являющейся постоянной страной проживания студента или научного сотрудника (“home country”). Временные рамки такого периода ограничены, подразумевается, что участник возвращается в страну постоянного проживания после окончания назначенного по продолжительности срока программы обучения за рубежом [4, с.5]. И хотя сам термин «академическая мобильность» не призван включать в себя миграцию членов академического сообщества из одной страны в другую, тем не менее, некоторые западные социологи утвердились во мнении, что студенческая мобильность (основные направления ее «потоков») может служить «зеркалом», своего рода новой картой внутриевропейской миграции [5]. Феномен студенческой мобильности отличается от других форм традиционных миграционных потоков. Если движущим фактором последних обычно являются экономические мотивы и цели, то студенческая мобильность, в первую очередь, обусловлена стремлением к получению нового опыта, жаждой путешествий [3, с.29–51]. Изучение вопроса о причинной связи между пройденным за границей периодом обучения и последовавшими за ним миграционными намерениями студентов в академической литературе достаточно ограничено с точки зрения эмпирических данных. Результаты имеющихся исследований заключают, что прохождение части обучения в рамках программы обмена в другой стране увеличивает шансы ориентации студентов-выпускников на последующую миграцию [см., например, 6]. Можно ли применить данные выводы к анализу российской действительности? Насколько декларируемый курс на интернационализацию в сфере высшего образования обеспечивает «воспитание» и подготовку специалистов, готовых после полученного опыта обучения за рубежом (в рамках данной статьи – в странах Европейского Союза) работать в России? Все эти вопросы должны стать краеугольным камнем для дальнейших социологических исследований проблем высшего образования в современной России.

Не секрет, что историю интеграции Европы можно рассматривать через призму образовательных программ, инициатив, созданных на общеевропейском уровне. Так, формирование единого

образовательного пространства в Европе в определенный момент потребовало привлечения в данный процесс не только студентов из стран-членов Европейского Союза. В региональном плане фокус сменился с ЕС на всю континентальную Европу, в том числе на Россию, которая в течение долгого времени была и остается одним из главных «поставщиков» академических кадров в европейские страны. Однако способствуя интеграции Европы, не дезинтегрируем ли мы собственное, российское, общество? Пришло время не просто поставить перед собой этот вопрос, но и постараться дать на него ответ. Для этого, в свою очередь, необходимо накапливать опыт социологических исследований студенческой академической мобильности, ее влияния на миграционные намерения тех студентов, кто прошел период обучения за границей. До сей поры исследования на эту тему чаще всего сводились либо к дескриптивному статистическому описанию, фокусом которого выступает отдельно взятое государство, либо тяготели к изучению мобильности в контексте проблемы «утечки мозгов». И в том, и в другом случае исследовательские материалы ограничены национальными рамками. Необходимость же учитывать международный аспект в изучении данного вопроса – ключевая предпосылка для дальнейших исследований, поскольку академическая мобильность студентов представляет собой феномен кросс - культурного характера.

Литература

1. Максимцев, Игорь. 2010. “[Innovations as the Key for Russian Universities Penetration to the Global Research Educational Market](http://ifea.spbu.ru/ru/international-activities/ihe.html).” Выступление на международном семинаре по интернационализации высшего образования «Интернационализация высшего образования: тенденции и стратегии», Санкт-Петербург, СПбГУ. Просмотрено 20 сентября 2012 г. (<http://ifea.spbu.ru/ru/international-activities/ihe.html>).
2. Шпаковская, Лариса. 2007. *Политика высшего образования в Европе и России*. СПб.: Норма.
3. Dervin, Fred, ed. 2011. *Analysing the Consequences of Academic Mobility and Migration*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing.
4. Dervin, Fred and Esmeralda Lopes Rosa. 2006. *Research on Academic Mobility: An Overview, List of Researchers and Bibliography*. Department of French Studies, The University of Turku, Finland.

5. King, Roger. 2002. "Towards a new map of European migration." *International Journal of Population Geography* 8(2):89–106.

6. Teichler, Ulrich and Kerstin Janson. 2007. "The Professional Value of Temporary Study in Another European Country: Employment and Work of Former ERASMUS Students." *Journal of Studies in International Education* 11(3–4):486–495.

БЕДНЫЕ В СТРУКТУРЕ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Каримова Л.Ф. (Пенза)

В 90-е гг. XX в. изменилась социальная структура российского общества, произошло массовое обнищание населения, в результате преобладал бедный слой. Бедными считаются низший слой общества, с низкими денежными доходами, низким потребительским потенциалом. Неравенство как принцип расслоения ориентировано на описание и трудности объяснения разных процессов новой общественной структуры в России. Учитывая множество критериев и форм социальной стратификации исследователи стремятся показать четкие и достоверные данные о социальной структуре. Статистические данные расслоения современного общества основаны на анализе доходов. В структуре российского населения по доходам бедные слои составляют 35%, малообеспеченные 30%, среднеобеспеченные 25%, обеспеченные 10% и богатые 5% [1]. При изучении общественного структурирования используют основные критерии: собственность и положение в системе управления, богатство, престиж, власть, привилегии, профессия и капитал. Из данного множества критериев социального расслоения следует выделить технологии изучения стратификации: 1. Векторная или матричная, характеризующая позицию социального субъекта в многомерном координатном пространстве; 2. Доминантная или периодическая, отмечающая замещение действующих оснований социального расслоения в разные периоды развития общества; 3. Синтетическая или универсальная, выявляющая общие организационные механизмы социального расслоения в любых типах общностей [2]. Рассматривая социальную структуру как совокупность различных слоев общества, различающихся по своему положению, необходимо отметить социальный статус, социальную позицию и социальный престиж отдельных личностей. Следует обратить внимание на зависимость

между вознаграждением, положением и оценкой социальных позиций, которая приводит к взаимосвязи результатов, причин и процессов социального расслоения. Расслоение представляет собой процесс развития социального неравенства и иерархического группирования населения на социальных уровнях, которые различаются между собой собственностью, престижем и властью. Социальная структура - это упорядоченные в одно целое отдельные слои общества. Исследуя социальную структуру современного общества, следует опираться на теории социального неравенства. Социальное неравенство определяет положение отдельных индивидуумов и социальных слоев в современном обществе. Данный подход к социальной структуре указывает на оценку, сравнение отдельных личностей, в результате чего социальное расслоение насыщено ценностными предпочтениями и идеологической предвзятостью. Структура неравенства включает в себя различные слои населения, которые занимают определенное положение в обществе. Чаще всего социальное неравенство в современном обществе понимается как стратификация – это деление на социальные слои по определенному критерию. Изучение социальной стратификации в современной России сосредоточено на основных подходах: экономическое содержание социального расслоения населения является фундаментальным основанием дифференциации общества; властный критерий имеет важное значение для поддержания стабильности социальной структуры. Таким образом, социальная структура является важным элементом в современном обществе, в которой бедный слой населения занимает обширное место. Структурированное общество, то в котором общественные нормы, признание и мнения организуют и распределяют по четко определенным слоям населения отдельных личностей и семьи в целом.

Литература

1. http://sbiblio.com/biblio/archive/claste_stratification//
Стратификация российского общества
2. http://sbiblio.com/biblio/archive/mostovaja_ros/01.aspx//
Социальное расслоение и изменение структуры общества

ПРОЕКТНАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Когай Е.А. (Курск)

Сегодня актуален вопрос о самоорганизации креативного класса (прежде всего, творческой интеллигенции) в ответ на объективную потребность сохранения стабильного общества и его развития. Одним из ведущих векторов претворения в жизнь данной формы самоорганизации видится повсеместное утверждение проектной культуры. Как известно, пространство коммуникации формируется культурой. Именно она способна стать интегрирующей силой для восстановления разорванных связей, осуществления национальной и региональной идентичности. Помимо того, расширение культурного поля влечет за собой увеличение пространства выбора и утверждения жизненных стратегий. Соответственно проекты самоорганизации креативного класса могут также рассматриваться как проекты осуществления модернизационных преобразований на постсоветском пространстве. О каких же проектах следует вести речь? Остановимся на трех из них. Это, прежде всего, проект сбережения населения страны и ее регионов, проект инновационного государственного управления и самоуправления, а также проект разработки системы перманентного мониторинга кризисов. Представляется целесообразным обратиться к вопросу о потенциальных возможностях реализации обозначенных проектов – как на общероссийском, так и на региональном уровнях. Задача сбережения населения российских регионов является, несомненно, первостепенной. Это проект сохранения самого населения, повышения уровня популяционного здоровья, улучшения качества жизни людей в целом. В современной литературе широкое распространение получила концепция человеческого потенциала, основная идея которой состоит в том, что социальное развитие следует нацеливать на расширение свобод человека, а именно – расширение возможностей каждого человека в реализации его потенций и устремлений, возможностей вести полноценную, здоровую и творческую жизнь. Концепция человеческого потенциала ориентирует на удовлетворение физических потребностей и желаний людей, а также духовных и других потребностей и ожиданий. Как свидетельствуют Доклады о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации, создаваемые в рамках Программы ООН в последние годы, все большее число российских регионов постепенно выходит на показатель (0,800), характеризующий регионы с высоким значением индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП) – интегрального показателя, включающего доход (валовой региональный продукт на душу населения), долголетие (ожидаемая

продолжительность жизни при рождении), уровень образования (грамотность взрослых и охват образованием детей и молодежи). На 2009 г. число таких регионов достигло 55. Однако, как справедливо отмечают авторы последнего До-клада, «... рост человеческого потенциала регионов России недостаточен для ускорения диффузии инноваций, создания условий для конкуренции регионов и городов за инвестиции и человеческий капитал, повышения мобильности населения. Модернизация и российское пространство все еще далеки друг от друга» [1, 139]. Добавим к этому, что проводимая в российских регионах социальная политика больше напоминает «латание дыр», нежели осуществление системной работы. Так, отмечая эффективность проявления усилий со стороны властных структур в деле социального оздоровления регионов (строительство дорог, школ, больниц, детских садов, газификация сел, поддержка талантливой молодежи и др.), эксперты-ученые Курской области акцентируют внимание на социальной незащищенности человека в широком смысле этого слова, на отсутствии системной работы в данном направлении. Решение же социальных проблем, отмечают они, требует осуществления тщательной продуманной, взвешенной социальной политики, в которой тесно увязаны между собой стратегические и тактические вопросы, а также реальные, конкретные проблемы. Последовательно реализуемая проектная работа, несомненно, позволила бы осуществить важные шаги в данном направлении. Проект инновационного государственного управления и самоуправления. Существенной проблемой нового этапа осуществления реформ в системе управления социально-экономическим развитием страны выступает концептуальный выбор модели государственной службы и выстраивание адекватного вызовам времени механизма управления социокультурными трансформациями. Современное концептуальное видение госслужбы по-прежнему являет собой эклектический конгломерат бюрократического и менеджеристского подходов, не выстроенных в сколько-нибудь связанную систему приоритетов [2]. Вместе с тем, в контексте осуществления действительной модернизации, с отчетливо выраженной инновационной составляющей, ведущей к экономике знаний, следует опираться на демократический режим и ценности, основанные на свободе и достоинстве личности, на его энергии и инициативе. Исследователи связывают контуры инновационного государственного управления с отказом от неэффективного авторитаризма сегодняшних политических институтов и выработкой новых, более устойчивых и успешных правил управленческой

практики, реальным усилением роли общественных организаций и партий, конкурентных доминирующей партии. Выразим надежду на то, что действительный потенциал для реализации данного проекта в ближайшем будущем, судя по всему, будет нарастать. Проект разработки системы перманентного мониторинга кризисов. Как ни печально осознавать данный факт, но общество настоящего, ближайшего и даже отдаленного будущего – это общество риска. Производство все новых рисков становится неотъемлемой частью динамики социоприродных процессов. Все более востребованным становится развитие способностей преодоления все новых и новых опасностей, противостояния угрозам дезорганизации жизни. На повестке дня встает проблема управления рисками. Сегодня человеческое общество стоит перед необходимостью выбирать стратегию своего развития, проектировать свое будущее на срок больший, чем жизнь 2–3 поколений. И неотъемлемой частью этого будущего выступает определение спектра рисков («приемлемого риска»), которые общество не считает неизбежными. Концептуальный подход «реагировать и выправлять» вытесняется концепцией «предвидеть и предупреждать», которая ориентирует на осуществление широкомасштабных теоретических и экспериментальных научных исследований, разработку законодательной базы, а также создание соответствующих управленческих структур. Самоорганизация креативного класса находит свою реализацию через формирование разнообразных сообществ, способных предложить российскому социуму социальные проекты, являющиеся действительным гарантом достижения социального равновесия и утверждения стабильного общества России и ее регионов.

Литература

1. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2011 г. / Под редакцией А. А. Аузана и С. Н. Бобылева. М.: ПРООН в РФ, 2011. – 146 с.
2. Слатинов В.Б. Российская бюрократия в условиях административной ре-формы: агент или препятствие для модернизации? // Вестник философии и социологии Курского государственного университета. Курск, 2010, № 2. – С. 172-177. Работа подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 12-03-00426а.

УСПЕШНАЯ САМОРЕАЛИЗАЦИЯ В ГЛУБИНКЕ КАК ФАКТОР ЕЁ РАЗВИТИЯ

Колесник И.Н. (Санкт-Петербург)

В работе используются данные, полученные в результате проведенного в рамках программы «Российская глубинка между тупиком и модернизацией: модели развития малых населенных пунктов и типы жизненных стратегий их жителей» исследования, которое проходило в городе Устюжна в феврале 2012 года. Целью данной работы являлось изучение одного из факторов сохранения и развития глубинки. Поиск и описание таких факторов актуальны тем, что нестабильность и деградация глубинки могут напрямую сказываться на стабильности всей страны. Если рассматривать современную Россию как систему потоков, формирующих социально-территориальную иерархию, то глубинка будет выступать элементом этой системы, в которой также выделяются столица и региональные центры [2]. Эти элементы напрямую зависят друг от друга и можно говорить о деградации глубинки как деструктивном для системы в целом процессе. Деградация глубинки нарушает баланс потоков, что проблематизирует будущее всей страны. Понимание деградации глубинки как проблемы существует и у представителей административного аппарата. По словам главы администрации муниципального образования «Радищевский район» Ульяновской области РФ Владимира Куманяева, «многие малые города — это корни нации», имеющие давние и во многом сохранившиеся историко-культурные традиции. Не случайно, более половины малых городов имеют государственный статус «исторических». Разрушать такую структуру средних и малых городов значит потерять государственность России [3]. Поэтому в сторону глубинки обращено пристальное внимание, в том числе со стороны государства и рынка. Внедрение федеральных целевых программ и финансовые вложения в экономику отдаленных регионов страны — наиболее очевидные факторы их сохранения и развития. Но так как некоторые запланированные целевые программы зачастую не приводятся в действие на деле, а финансовые вложения не целесообразны в ряде населенных пунктов, следует обратиться к менее очевидному фактору сохранения глубинки — человеческому потенциалу. К человеческому потенциалу, как фактору, влияющему на развитие и сохранение глубинки я отношу: солидарность, кооперацию и возможность самореализации. Анализ ответов респондентов г. Устюжна показал, что человеческий фактор имеет большое значение для них и что он существует в глубинке сам по

себе. Однако он также может поддерживаться и извне. Полученные данные позволили сделать ряд выводов. 1. Поток миграции в глубинке подвластен не только отсутствию или наличию новых рабочих мест, но целой совокупности социальных и личностных факторов. В связи с этим, важнейшим условием конкурентоспособности глубинки становится умение привлекать и удерживать нужных населенному пункту мигрантов, сохранять связи и капитал, накопленные теми, кто уехал. 2. Благополучие глубинки все в меньшей степени становится связанным с ростом численности его населения, но зависит от качества человеческого потенциала людей, живущих в нем. 3. Сегодня базовые потребности и возможности самореализации находятся практически на одном уровне. Для человека, базовые потребности которого уже удовлетворены, именно возможность самореализации становится главным стимулом принятия решений о месте жительства. 4. Значимость творческой самореализации для некоторых людей нередко заставляет их идти на издержки в сфере бытового комфорта. Удовлетворение от творческой деятельности, от преодоления интеллектуальных вызовов и решения сложных задач, от деятельности по улучшению окружающей среды, становится наравне с фактором материального вознаграждения за труд, а иногда и перевешивает его. 5. Для самореализации в глубинке необходимо предоставление возможности для воплощения новых идей и проектов, реализации инициатив и амбиций, развития карьеры, формирования активной жизненной позиции. Большинство из этих условий присутствуют в жизни глубинки и способствуют в первую очередь, развитию соседских и гражданских инициатив, солидарности и кооперации. Именно в глубинке человек имеет возможность наиболее активно участвовать в жизни местного сообщества. Можно привести такие примеры инициатив в глубинке: создание и ведение разнообразных кружков и для детей и для взрослых на бесплатной основе или за символическую плату (художественный кружок для взрослых в г. Устюжна оценивается в 50 рублей за занятие); совместная организация внутриквартальных и внутридворовых пространств; взаимопомощь трудом; практики принятия учителями приемных детей в свою семью, что позволяет поддерживать должное количество учеников в школе и сохраняет статус образовательного учреждения [1]. 6. Многие современные жители мегаполиса в зрелом и преклонном возрасте хотели бы уехать в села, малые города, реализовывая себя там. Из альтернативы город или развитое село они бы выбрали развитое село [4]. 7. Личностное

развитие эффективнее реализуется, когда и глубинка идет по пути развития, создает комфортные условия для жизни своих жителей. Таким образом, одним из основных ресурсов формирования качественного человеческого потенциала в глубинке, как и ее выхода на траекторию положительной динамики социально-экономического развития является создание конкурентных преимуществ в сфере расширения возможностей самореализации человека. Такими преимуществами могут быть: постоянная концентрация активных людей, поддержка атмосферы творческой свободы и роста, проведение в городе событий российского и международного масштабов, череда разнообразных событий для создания и поддержания «живой» среды, рассчитанной на все группы жителей и максимально охватывающей всю территорию города; а также предоставление жителям глубинки возможности посещения концертов, кружков, выставок, театров, ресторанов, парков. Благоприятное влияние на самореализацию жителей глубинки оказывают: создание условий для реализации любых культурных инициатив на базе современной инфраструктуры для творчества, привлечения внешних «культурных инвестиций», воплощения в жизнь авторских культурных проектов, создание инфраструктуры поддержки культурных инициатив и проектов (фондов, грантовых конкурсов), предоставление возможности участия в обсуждении самых острых вопросов городского развития, участия жителей в местном и общественном самоуправлении. В целом, общественная жизнь в глубинке может стать благоприятной средой для рождения творческих инноваций, сплочения местного сообщества, развития личностных качеств ее жителей.

Литература

1. Воробьева Е. Приемное счастье // Журнал «Огонёк» №11, 19 марта 2012 г.
2. Ильин В.И. Российская глубинка в социальной структуре России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. Т. 13. № 4.
3. Суворова И.М. Некоторые проблемы малых городов // http://www.rusnauka.com/6_PNI_2012/Economics/13_101522.doc.htm (04.10.02)
4. ФОМ. Смена места жительства // <http://bd.fom.ru/report/cat/hosehom/dd064325> (04.10.02)

БАРЬЕРЫ СОЦИАЛЬНО-СЕТЕВЫХ ОТНОШЕНИЙ КАК ФАКТОР ОБЩЕСТВЕННОЙ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ (СТАТЬЯ

**ВЫПОЛНЕНА ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ РГНФ.
ГРАНТ «БАРЬЕРЫ СОЦИАЛЬНО-СЕТЕВЫХ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ (РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)» №12-03-
00173. РУК. – КОЛПИНА Л.В.)**

Колпина Л.В. (Белгород)

Социальные сети представляют собой комплекс относительно стабильных межличностных взаимодействий неформального характера, не имеющих выраженной организационной структуры. Выделяют следующие типы сетей: кровно-родственные, дружеские, соседские, профессиональные, досуговые, общественно-политические, национально-конфессиональные (общинного типа), статусные (неформальные отношения с представителями формальных структур, бизнеса, политической элиты), территориальные. Социальные сети позволяют облегчать и «удешевлять» бизнес-процессы [1], оптимизировать жизнедеятельность через использование знакомств, блата[2], практик взаимопомощи [3], способствуя адаптации индивидов[4]. Исследователи делают акцент на коммуникационной и информационной функции, связывая с социальной сетевизацией переход мира в информационную эпоху [5]; выделяют функции: транслирования информации, формирования репутации, повышения доверия и снижения неопределенности [6]; говорят об интеграционном [7] и консолидационном потенциалах, отмечая, что, концы коллективных действий упрятаны в бытовой, семейной, дружеской сферах, в контактах между соседями[3]. Социальные практики, реализуемые в микросреде, перемещаясь в иные сетевые конструкции, обеспечивают приобщение человека к компетенциям макросреды, взаимный процесс координации смыслов, дефиниций [8]. Показатели здоровья также прямо коррелируют со значениями включенности индивида в разноуровневые горизонтальные отношения[9]. А в ситуации, когда власть не способна решать проблемы общества, быть носителями морального авторитета, неформальные связи берут на себя функции поддержки жизнеспособности и развития социума[10]. Таким образом, социальные сети реализуют ряд индивидуально- и общественно значимых функций. Барьеры сетевизации, как совокупность детерминант объективного и субъективного характера, препятствующих складыванию и функционированию социальных сетей, влекут за собой рост социальных дезадаптаций, связанных с

низким доступом к ресурсам социальных сетей, а в массовом порядке – социальную эксклюзию целых групп населения; индивидуализацию жизненных практик и деструктурированность социума; социокультурную разобщенность и ценностную аномию. Барьеры расширения числа участников одной сети чаще всего встречаются в ситуации замыкания контактов на коротких, близко-родственных и дружеских связях, которые обеспечивают адаптационные возможности индивида. Но в рамках одной сети ресурсы достаточно однородны, потому, обеспечивают в большей мере стабильное состояние индивида, а не его развитие. Ресурсы же развития, а не адаптации, больше связаны с выходом в иные социальные сети. В России это детерминированно преимущественно уровнем материального благосостояния: чем оно выше, тем в более разноразноуровневые горизонтальные связи включен индивид. Барьеры же формирования разноразноуровневых горизонтальных связей, как массовое явление, свидетельствуют о неэффективной системе социальной мобильности, ведущей к стагнации социума, а также, о низком консолидационном потенциале социума. В сетевой структуре совершается переход с межличностного уровня взаимодействий к отношениям общественных организаций и государства [11]. Институционализация коллективных стремлений и действий на макросоциальном уровне – это, как правило, этап, следующий за формированием социальных сетей на микросоциальном уровне. И дефицит макрогрупповой интеграции – это следствие недостаточной солидарности на микросоциальном уровне [12, с.4]. Трудно преодолимые барьеры сетевизации, как массовое явление, детерминируют снижение возможностей социальной адаптации большей части населения, его обнищание и концентрацию благ и ресурсов в узких кругах, обуславливая колоссальное неравенство; препятствуют распространению практик, идей, ценностей, обеспечивающих интеграцию общества, что, в конечном итоге, обуславливает низкий уровень социальной консолидации, риски общественной нестабильности и аномии.

Литература

1. Коулмен Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. - 2001. - № 3. - С. 122-139.
2. Левада Ю.А., Левинсон А.Г. «Похвальное слово» дефициту // Горизонт (Москва). - 1988. - № 10.- С. 26-38;
3. Машезерская Л. Институт коллективного действия: актуализация сюжета. Социальные сети доверия: массовые движения

и политические институты представительства в современной России: опыт «старых» и «новых демократий в условиях глобализации // Рук. проекта: С.В. Патрушев. 2007 г. // Режим доступа к изд.: http://www.isras.ru/seti_doveria.html

4. Алексеева А. Социальная реальность. Уверенность, обобщенное доверие и межличностное доверие: критерии различия // Режим доступа к изд.: <http://www.polit.ru/article/2008/12/17/trust/>

5. Бондаренко Ю.В. Социальные сети: контекст применения в социологии среднего уровня // Режим доступа к изд.: http://www.isras.ru/seti_doveria.html.

6. Радаев В.В. Рынок как объект социологического исследования. // Социологические исследования. - 1999. - № 3. - С. 28-37.

7. Уэллман Б. Место родственников в системе личных связей // Социологические исследования. -2000. № 6. - С. 78-88.

8. Социальные сети доверия: массовые движения и политические институты представительства в современной России: опыт «старых» и «новых демократий в условиях глобализации // Рук. проекта: С.В. Патрушев. - 2007. //Режим доступа к изд.: http://www.isras.ru/seti_doveria.html.

9. Русинова Н.Л., Панова Л.Н., Сафронов В.В. Здоровье и социальный капитал (Опыт исследования в Санкт-Петербурге) // Социологические исследования. - 2010. - № 1. - С. 87 – 100

10. Касьянова К. К вопросу о русском национальном характере. - М.: Институт национальной модели экономики, 1994. - 267 с.

11. Петренко Е.С., Градосельская Г.В. Гражданское общество. Добровольные объединения в условиях атомизации // Независимая газета. – 2008, 22 июля.

12. Реутов Е.В., Колпина Л.В., Реутова М.Н., Бояринова И.В. Социальные сети в региональном сообществе: Монография. - Белгород: Изд-во КОНСТАНТА, 2011. – 244 с.

КОМПЕТЕНТНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ КАК ФАКТОР СТАБИЛЬНОСТИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Комарова А.В. (Санкт-Петербург)

В сегодняшнем мире для государственного гражданского служащего необходимо владеть навыками компетентного принятия решений в области компетенции государственных органов, в которых они проходят государственную гражданскую службу, а также по вопросам граждан и устранения их проблем, это необходимое условие для обеспечения стабильности современного российского общества. Некоторые российские исследователи трактуют компетентность в качестве одной из сторон профессионализма [1, с. 15], то есть степени соответствия человека его профессии. В случае рассмотрения компетентности как характеристики эффективности профессиональной деятельности, или характеристики профессионализма, учёные говорят о ней как о профессиональной компетентности, в отличие от других видов компетентности, которые могут быть не связаны с профессиональной деятельностью. А.А. Деркач приводит следующее определение профессиональной компетентности: «Профессиональную компетентность понимают как высокий уровень специальных профессиональных знаний и овладение разными сферами служебной деятельности, глубокое понимание насущных профессиональных проблем, деловую надёжность и способность успешно и безошибочно решать широкий круг профессиональных задач» [1, с. 16]. Российский исследователь утверждает, что знания, умения, навыки и личные качества, входящие в состав профессиональной компетентности, преобразуются в ряд компетенций. Под компетенциями понимаются внутренние, потенциальные, скрытые психологические образования: знания, представления, ценности, которые затем демонстрируются в компетентностях человека. А.А. Деркач, как и ряд других исследователей, выделяет в составе профессиональной компетентности: ключевые, базовые и специальные компетенции. При этом ключевые компетенции необходимы для любой профессиональной деятельности; специальные компетенции являются результатом реализации ключевых и базовых компетенций в конкретной области профессиональной деятельности. При этом ряд авторов включает личностную компетентность в профессиональную в качестве её компонента. Однако всё же следует смотреть на понятие личной компетентности иначе, это понятие шире, так как затрагивает все области возможной деятельности человека, а не только его профессиональную деятельность. В то же время у профессиональной компетентности существуют особенные, только ей характерные черты. В итоге, эти два понятия следует считать взаимодополняющими. Чем отличаются между собой понятия

«профессиональная компетентность» и «специальная компетентность»? Иногда эти понятия отождествляются, однако это не совсем верно. Часто термин профессия и специальность понимают одинаково, как основной род занятий, деятельности. На самом деле термин «специальность» имеет значение еще и как отдельная отрасль науки. В результате термин «профессионал» и «специалист» не тождественны. Специалист — это работник, имеющий какую-либо специальность, а профессионал — человек владеющий своим делом безупречно, на высоком уровне. То есть специалист может и не быть профессионалом. А.А. Деркач выделяет в структуре профессиональной компетентности государственных служащих три вида компетенций: ключевые, базовые и специальные. В качестве ключевых компетенций он выделяет психологические и информационные компетенции. В качестве базовых компетенций: знания в области государственной службы и управленческая компетенция [1, с. 39]. Наиболее интересный и многочисленный список компетенций представляет собой комплекс специальных компетенций в структуре профессиональной компетентности государственных гражданских служащих: 1. «Информационно-аналитическая компетенция». Необходима для анализа ситуации и принятия соответствующего решения. 2. «Планирующая компетенция». Определение цели действия, принятие управленческого решения. 3. «Регулирующая компетенция». Регулирование деятельности людей, находящихся в подчинении руководителя. 4. «Руководящая компетенция». Вовлечение сотрудников в решение общей задачи, управление деятельностью других людей. 5. «Организационно-исполнительная (в том числе хозяйственная) компетенция». Деятельность для достижения результата. 6. «Координирующая (согласовательная) компетенция». Для координации труда действующих лиц. Распределение функций работников. 7. «Контролирующе-учётная компетенция». Обнаружение отклонений в ходе исполнительской деятельности по принятым решениям и их устранение. 8. «Инновационно-исследовательская компетенция». Поиск нетрадиционных путей решения проблем и реализации решений. 9. «Экспертно-консультационная компетенция». Цель – оценка принятого решения и путей его реализации. 10. «Представительская компетенция». Умение представлять свою организацию по вертикали и горизонтали управления. 11. «Профессиональное совершенствование». Стремление повышать свой профессиональный уровень на протяжении всей своей трудовой (служебной) деятельности.

Рассматриваемая работа представляет особый интерес, поскольку в ней выделены компетенции, характерные именно для государственных служащих. Однако на наш взгляд здесь нет одного из значительных блоков, а именно экономических компетенций, если пользоваться предложенной терминологией. В настоящее время государственные служащие, а в особенности государственные гражданские служащие, всё в большей мере ведут экономическую деятельность, решают экономические задачи. С нашей точки зрения, наличие приведенных компетенций позволит государственному гражданскому служащему принимать верные решения, что благоприятно отразится на политической стабильности российского общества.

Литература

1. Акмеологическая оценка профессиональной компетентности государственных служащих. Учебное пособие. / Под ред. Деркача А.А. М.: Изд-во РАГС, 2008. 166 с.

ВРЕМЯ ОЖИДАНИЯ КАК ФАКТОР УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ КАЧЕСТВОМ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Королева К.Ю. (Белгород)

В ноябре-декабре 2010 года был проведен опрос жителей Белгородской области, которые в течение последнего года обращались в Отделения ПФР по вопросам назначения и перерасчета пенсий, выплат различных видов пособий, а также тех граждан, которые в силу профессиональных обязанностей обращаются в региональные структуры Пенсионного фонда. Выборочная совокупность составила 350 человек (размер выборки рассчитан для генеральной совокупности свыше 100 тыс. человек с допущением 5% ошибки). Опрос проводился в населенных пунктах 13 районов области и г. Белгород. Ввиду высокой разнородности исследуемой группы, репрезентативность данных исследования обеспечивалась многоступенчатым случайным отбором на основании территориальной принадлежности респондентов. Среди респондентов присутствовали представители всех возрастных групп, часть опрошенных пришли по вопросам назначения и расчета пенсий, выплат (в частности материнского капитала), часть клиентов пришли по вопросам оформления отчетностей, были и те, которые

пришли получить информацию, помогая своим близким. Анкета включала 9 основных вопросов и дополнительные открытые вопросы для изложения предложений граждан по совершенствованию качества обслуживания населения. Более 55% опрошенных обращаются в структурные подразделения ПФР раз в год и реже, 7.5% респондентов, попавших в выборку, обратились в пенсионный фонд впервые. При ответе на вопрос о режиме работы ПФР подавляющее большинство респондентов (69,6%) отметили, что время обслуживания их устраивает. Среди тех 30 % опрошенных людей, которых не устраивал график работы ПФР, преобладали респонденты возрастных групп 44- 55 лет (они составили более 50% недовольных), 56-65 лет (38 %), посещавшие пенсионный фонд раз в полгода и один раз в год, причем в данной группе как лица, не являющиеся пенсионерами, так и получающие пенсию. Данные опроса показали, что время ожидания в очередях является ключевым фактором неудовлетворенности качеством обслуживания. Так в ходе опроса выяснилось, что лишь третья часть респондентов (34.3%) провели в ожидании приема менее 15 минут. Средний показатель времени ожидания в очереди составил 30 минут. Расчет таблиц сопряженности для показателей степени удовлетворенности качеством обслуживания и времени ожидания в очереди показал наличие статистически значимой связи между данными переменными: чем дольше люди ожидали приема, тем ниже они оценивали качество обслуживания, и наоборот, чем меньше было время ожидания, тем выше оценивалось качество обслуживания клиентов по всем критериям, которые указывались в анкете (компетентность, скорость обслуживания, вежливость и доступность объяснений). При том, что в целом удовлетворенность качеством обслуживания в целом достаточно высокая – скорее недовольны или совсем не довольны качеством обслуживания лишь 13,7 % опрошенных, даже среди тех, кто скорее доволен обслуживанием, более половины ждали в очереди свыше 30 минут, и оценили скорость обслуживания по пятибалльной шкале на 3 и ниже (как среднюю либо низкую). Расчет однофакторного дисперсионного анализа удовлетворенности качеством обслуживания с высокой степенью значимости подтвердил гипотезу о связи между степенью удовлетворенности, оценками уровня квалификации специалистов ПФР и временем ожидания приема: респонденты, которым пришлось ждать более 30 минут в среднем оценивали профессиональную компетентность работников на полбала ниже, чем те, кому ждать не пришлось. В тех районах области, где респонденты оценивали

скорость обслуживания достаточно высоко, в целом удовлетворенность качеством оказываемых услуг выше, в тоже время, где скорость обслуживания была оценена как средняя и низкая, удовлетворенность, по сравнению с другими районами ниже. Также наблюдается взаимосвязь между показателями длительности ожидания, скоростью обслуживания и относительно низкими показателями вежливого обращения с клиентами. Чем дольше людям приходилось ждать, тем ниже были оценки, которые они ставили сотрудникам подразделений ПФР за вежливость. Допустимо, объяснять подобное распределение ответов как субъективной проекцией собственного раздражения, вызванного длительным ожиданием, на поведение сотрудников, так и объективным снижением вежливости в общении с клиентами, вызванным повышенными нагрузками на персонал. Почти в трети анкет (32%) в открытом вопросе в качестве рекомендаций по совершенствованию качества обслуживания респонденты отметили необходимость сокращения очередей, снижения времени ожидания приема и повышения скорости обслуживания, увеличения количества специалистов, сидящих на приеме граждан. На основе данных исследования для Отделения ПФР по Белгородской области были разработаны рекомендации по совершенствованию работы клиентских служб.

ЭФФЕКТИВНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРОЙ КАК ФАКТОР СТАБИЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Костина Н.Б., Озорнина Ю.П. (Екатеринбург)

Формирование демократического и социального государства, ориентированного на удовлетворение социальных потребностей населения, обусловило постановку проблемы определения сущности эффективности государственного управления социальной сферой и разработки комплекса показателей ее оценки. Концептуальная проработка эффективности государственного управления социальной сферой необходима в связи с тем, что критерии ее определения, сформулированные для органов государственной власти РФ, и деятельность последних по достижению определенных количественных нормативов и показателей не приводит к ожидаемому населением конечному результату. Для населения главными показателями эффективности деятельности органов

государственной власти выступают, прежде всего, доступность и качество социально значимых услуг, реализуемость государственных решений в соответствии с интересами различных социально-демографических групп, обеспечение безопасности жизнедеятельности. Для госслужащих целью деятельности являются количественные результаты, значения которых закреплены в нормативных документах, именно по этим параметрам осуществляется на практике оценка деятельности органов государственной власти. Однако используемые показатели не только не позволяют выявить реальную эффективность государственного управления, но, напротив, вводят в заблуждение и население, и самих управляющих субъектов. В конечном счете, это ведет к нарастанию социальной напряженности, утрате доверия к органам государственной власти со стороны различных групп населения. В настоящее время перечень отмеченных показателей представлен в Указе Президента РФ № 825 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации», утвержденном 28 июня 2007 года. Содержание показателей, позволяющих выявить реальный уровень эффективности государственного управления социальной сферой, ограничено и неполно, сводится к удовлетворенности населения медицинской помощью, качеством общего образования, начального и среднего профессионального образования, удовлетворенности населения деятельностью органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации (в том числе их информационной открытостью). При этом очевидно, что последний из названных показателей нуждается в специальной конкретизации, т.к. подразумевает определение эффективности функционирования всей системы государственного управления, что невозможно выразить в одном показателе. Утвержденные позднее в 2009 году, «Методика оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» и «Перечень дополнительных показателей для оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» проблему узкого перечня показателей, призванных оценить удовлетворенность граждан государственным управлением социальной сферой, не решили. Таким образом, несоответствие концептуального обоснования эффективности государственного управления социальной сферой, комплекса используемых показателей тем задачам, которые призваны решать субъекты государственного управления, представляет собой проблему, имеющую теоретический

и практический аспекты. Эффективное государственное управление социальной сферой должно выражаться в конечном итоге в создании благоприятных условий для воспроизводства населения, нормальной повседневной жизнедеятельности, благоприятной деловой среды для бизнеса, соответствовать социальным ожиданиям людей. Вследствие этого в основе государственных решений должны лежать не только знания о состоянии социума и тенденциях его развития, но и информация об отношении населения к проводимой государством социальной политике, оценке гражданами состояния социальной сферы, достигнутого в результате реализации принятых управленческих решений, что нашло отражение и в материалах IV Всероссийского социологического конгресса. Однако в настоящее время социологическое знание не выполняет в должной мере функции обоснования принятия государственных решений и оценки конечных результатов его реализации, на что постоянно обращают внимание ведущие российские социологи. Адекватная оценка эффективности государственного управления социальной сферой тем актуальнее, чем сложнее устроен государственный аппарат, разнообразнее решаемые задачи, выше риски неуправляемости и злоупотреблений в использовании административных ресурсов. Это особенно актуально для Российской Федерации – государства, имеющего значительный потенциал в различных областях, начиная от ресурсной базы и заканчивая человеческим капиталом, и в то же время, занимающего места в «первой десятке» по таким негативным проявлениям как коррупция, казнокрадство, непрофессионализм госслужащих. В процессе изучения сформулированных проблем авторами были проведены эмпирические исследования: 1. Прикладное социологическое исследование, проведенное в 2010 году, объектом которого выступило население г. Екатеринбурга старше 18 лет. В качестве метода исследования использовался поквартирный опрос, объем выборочной совокупности составил 500 человек. 2. Прикладное социологическое исследование, проведенное в 2011 году, объектом которого выступило население г. Арамили (город-спутник Екатеринбурга) старше 18 лет. В качестве метода исследования также использовался поквартирный опрос, объем выборочной совокупности составил 456 человек. Полученные в ходе социологического опроса данные восполнили недостаток социологической информации, необходимой для разработки методики оценки внешней социальной эффективности государственного управления, в частности, позволили: 1. выявить, каким образом социально-демографические характеристики и место

проживания респондентов влияют на оценку ими государственного управления; 2. установить влияние личного опыта взаимодействия респондентов с госслужащими на их оценку деятельности чиновников; 3. определить сферы, в которых государственное управление, по мнению населения, в наши дни наиболее неэффективно; 4. проранжировать элементы социальной сферы по степени их значимости для населения, а также оценить, насколько осуществляемые органами государственной власти направления деятельности соответствуют потребностям и ожиданиям различных групп населения, детерминируют преодоление и недопущение дисбаланса между запросами населения и основными направлениями осуществляемой государственной социальной политики; 5. обнаружить «узкие места» в функционировании социальной сферы, которые возможно исключить за счет формирования частного-государственного партнерства с высоким качеством предоставляемых товаров и услуг; 6. выявить факторы неэффективности деятельности госорганов, ее вероятных последствий; 7. выявить наиболее действенные, с точки зрения населения, механизмы повышения эффективности государственного управления. Результаты нашего исследования показали, что реальные оценки населением социальной сферы и деятельности органов власти, как показатели эффективности деятельности последних, не совпадают с данными, которыми отчитываются перед руководством Главы муниципальных образований. К примеру, 43,8% опрошенных граждан г. Арамили категорически недовольны качеством медицинских услуг; 29,8% оценили учреждения здравоохранения на «удовлетворительно», и только 26,3% качеству медицинского обслуживания в совокупности поставили баллы «хорошо» и «отлично». Однако в докладе Главы Арамильского городского округа доля удовлетворенных медицинской помощью от числа опрошенных в 2009 году составила 72,1%, в 2010 году доля удовлетворенных медицинской помощью равна 75,5% от числа опрошенных. Доля удовлетворенных ЖКХ (качество питьевой воды, теплоснабжения и услуг по вывозу мусора) по данным опроса, проведенного автором исследования, составила 61,3% (4 и 5 баллов); 21,8% – присвоивших 3 балла, и 16,9% соответственно тех, кто оценил на 1 и 2 балла; по данным органов местного самоуправления (ОМС) – 72,9%. Доступность учреждений детского дошкольного образования в перечень показателей оценки эффективности деятельности органов государственной исполнительной власти субъектов Федерации, утвержденного Указом Президента РФ,

вообще не входит. ДДОУ рассматриваются только с точки зрения удовлетворенности населения качеством услуг, предоставляемых в них, хотя негативные настроения граждан в первую очередь связаны с отсутствием достаточного количества мест в детских садах. В отчетах чиновников оценки населением качества ДДОУ вновь положительные: доля граждан удовлетворенных качеством ДДОУ, насчитывает 75,3% от общего числа опрошенных. По результатам исследования качеству общего образования положительные оценки (4 и 5 баллов) присвоили 31,8% от общего числа респондентов; отрицательные оценки (1 и 2 балла) – 24,4%; удовлетворительный балл – 43,9%. В отчете Главы Арамильского городского округа доля удовлетворенных качеством общего образования в 2010 году составила 75,3% от общего числа опрошенных. Таким образом, при сопоставлении официальных данных органов власти и наши исследования очевидно явное расхождение результатов опросов населения, что говорит о нежелании органов власти показывать руководству реальную картину в подотчетной им территории.

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ НАУЧНОЙ ЭЛИТЫ КАК ФАКТОРА СТАБИЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Крюков Д.О. (Санкт-Петербург)

Достаточно неоднозначным и дискуссионным представляется определение интеллектуальной элиты, сформулированное А.М. Салминым. Исследователь считает, что «под интеллектуальной элитой понимается интеллектуальная элита общества, то есть организованная совокупность людей, способных в наибольшей степени воздействовать на него, увлекая активных людей, принадлежащих к разным слоям (и выступающих в данном случае в качестве читателей, слушателей, зрителей, «собеседников»), своими идеями, рождающимися, в частности, и в диалоге с теми же «собеседниками» [1, с. 36]. Бывший министр образования Б.Г. Салтыков рассматривает подтверждённый мировой уровень достижений учёных в качестве критерия отнесения их к элитному слою [2, с. 103]. По мнению С.А. Кислицына современная научная элита представляет собой своеобразную «страту профессиональных научных работников, преподавателей ВУЗов, в которой формируется внутренняя научно-педагогическая иерархия: кандидат наук, доцент, доктор наук, профессор, зав. кафедрой, ректор вуза или директор

НИИ, кавалер государственных наград, лауреат национальных премий» [3, с. 10]. С позиций системного подхода рассматривают научную элиту О. Жаренова, Н. Кечил, Е. Пахомов. По мнению этих исследователей, «научная элита – сложная система. Все её элементы находятся в формальных и неформальных, явных и скрытых связях между собой. Эта система способна развиваться и обновляться, в известных пределах сама восстанавливать утраченное. Вместе с тем она хрупка, уязвима и выпадение (разрушение) тех или иных элементов может сравнительно легко поставить её на грань распада» [4, с. 57]. В ряде науковедческих исследований прослеживается подход, согласно которому признаётся существование единой и универсальной шкалы ценности научных результатов [5]. Первый ранг подобной классификации считается наиболее высоким. Он присваивается определённой проблеме и ожидаемому результату в том случае, если этот результат может способствовать открытию новых закономерностей объекта, взятого за основу исследования, а также новых явлений, новых процессов, новых социально-общественных теорий. В данном случае имеется в виду, что предполагаемый результат либо не имеет аналога в существующей на данный момент времени структуре научного знания, либо представляет совершенно новый подход, парадигму, способ видения и осмысления в исследовании объекта. Второй ранг данной классификации представляет собой углубление и расширение имеющихся знаний о тех объектах, в процессе изучения которых были получены научные результаты, обладающие первым рангом ценности. По мнению А.Д. Савельева, «содержание второго ранга – поиск новых свойств и взаимосвязей в ранее открытых законах, явлениях, новых изобретениях и т.п. Если первый ранг означает поиск и открытие нового, то второй ранг – изучение и поиск свойств и характеристик этого нового. По существу, проблема, содержащая искомое научное знание второго ранга, позволяет закончить весь научный цикл в изучаемой проблемной области. В результате решения одной или нескольких проблем второго ранга происходит исчерпание проблемной ситуации; проблема считается решённой» [6, с. 123]. Третий ранг системы научной ценности охватывает поиск и открытие новых областей применения известных идей и решений, а также расширение сферы использования открытий с учётом как положительных, так и возможных негативных сопутствующих факторов. Можно утверждать, что решение проблем третьего ранга в рамках данной классификации образует, по существу, прединновационную часть полного цикла научных идей. Это

объясняется наличием взаимосвязи с исследованием возможностей инноваций полученных научных результатов первого и второго рангов. Савельев А.Д. считает, что рассмотренная классификация научной проблематики и результатов исследований вполне может способствовать построению системы критериев, характеризующих наличие элитарности тех или иных научных работников. Согласно мнению данного автора, «научный работник может быть отнесён к элитной части научного сообщества, если его творческие научные результаты содержат научные знания первого ранга ценности» [6]. В рамках подхода Б.М. Фирсова к научной элите общества следует относить учёных и специалистов высшей квалификации, отличающихся творческими достижениями и обладающих необходимыми знаниями, а также научным и жизненным опытом для того, чтобы осуществлять роль наставников новых поколений будущих учёных и исследователей. Структуру научной элиты данный исследователь рассматривает с точки зрения существования трёх её слоёв, обладающих различными характеристиками и параметрами. Первый слой научной элиты в рамках данной концепции обозначен как постэлита. Можно утверждать, что к представителям данной страты относятся преимущественно те специалисты, которые к данному моменту времени сумели добиться значительных достижений в науке, и, соответственно, достаточно высокого статуса. В силу различного рода обстоятельств эти учёные уже не создают новых идей и теорий, но заслуженные ранее авторитет и статус позволяют им с полным основанием руководить и направлять усилия молодых коллег, редактировать и оценивать вновь создаваемые работы. Второй слой элитной части научного сообщества обозначается как креативная элита. Как правило, его состав пополняют учёные в возрастном интервале от 25 до 55 лет. Для данной страты в структуре научной элиты характерно наличие наибольших показателей как перехода в другие области научной деятельности, так и эмиграции. Подобные процессы можно объяснить с той точки зрения, что представители данного элитного слоя уже обладают значительным научным потенциалом и при этом ещё относительно молоды. Можно утверждать, что полностью не израсходованный ресурс продуктивного жизненного времени позволяет им проявлять некоторую профессиональную мобильность и маневренность, достаточно легко перестраиваться, приспосабливаться к новым условиям или обстоятельствам, а также пробовать себя в новых направлениях и сферах деятельности. Третий слой элитной части научного сообщества представляет собой

предэлиту или так называемую эмбриональную элиту. Можно сказать, что данная страта представляет собой необходимый источник как пополнения научной элиты, так и осуществления постепенного процесса ротации научных кадров. К третьему слою принято относить наиболее талантливых и перспективных студентов, аспирантов и молодых докторантов [7]. Особый интерес вызывает подход к определению и изучению научной элиты венгерского исследователя Пала Тамаша. Под научной элитой общества он понимает элиту знаний (knowledge elite), которая представляет собой сообщество учёных, действующее в области науки, образования, средств массовой информации. Отдельный слой элиты знаний составляют также политические советники и консультанты. По мнению Тамаша, научная элита обладает определёнными профессиональными знаниями и контролирует формирование системы символов, культурных ценностей, мифов, из которых складываются более или менее согласованные идеологии. Тем самым элита знаний способна решающим образом влиять как на состояние общественного сознания, так и на возможность его мобилизации для достижения поставленных целей.

Литература

1. Салмин А.М. Интеллектуальная элита и политическая власть. // Полития. 1997. №1.
2. Поиск. 1994. №30 (272). 12-18 августа.
3. Кислицын С.А. Научная элита в системе политической власти. М., Изд-во ЛКИ, 2008.
4. Жаренова О., Кечил Н., Пахомов Е. Интеллектуальная миграция россиян. Ближнее и дальнее зарубежье. М.. 2002.
5. Коношенко А.И., Савельев А.Д., Сейдова О.В. Методы выбора тематики научных исследований в вузах. М.: НИИВШ. 1985.
6. Савельев А.Д. Идентификация и формирование научной элиты // Социс. 1995. №2.
7. Фирсов Б.М. Воспроизводство научной элиты [Электрон. документ]// http://www.nir.ru/socio/old/scipubl/sj/1_firsov.htm.
8. Пал Т. Роль элит в венгерском мягком переходе. // Pro et contra. Т. 1. 1996. №1. URL: <http://www.carnegie.ru/ru/pubs/procontra/55562.htm>.

О КАДРОВОМ ПОТЕНЦИАЛЕ ЛИКВИДАТОРОВ ТЕХНОГЕННЫХ И ПРИРОДНЫХ АВАРИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН

Современное российское законодательство определило зоны ответственности органов управления и государственной власти при ликвидации последствий радиационной аварии и защите населения. Так, в пределах санитарно-защитной зоны вокруг ядерного объекта, противоаварийные работы будут выполнять, в основном, производственный персонал и ведомственные специализированные аварийно-спасательные формирования. При необходимости, к этим работам могут быть привлечены также и специалисты региональных служб постоянной готовности. Обязанности по защите населения, попавшего в зону радиационного воздействия, возлагаются на региональные власти, их службы постоянной готовности и противоаварийные формирования. Фактически к работам по ликвидации радиационной аварии может быть привлечено от нескольких сотен до нескольких тысяч человек из персонала аварийного объекта и профессиональных аварийно-спасательных формирований. При крупной аварии потребность в ликвидаторах может исчисляться десятками тысяч. Кроме того, многие специфические работы смогут выполнить лишь специально подготовленные для этого профессионалы. История прошлых аварий свидетельствует, что для успешного проведения аварийных работ и обеспечения мероприятий по защите населения при крупной радиационной аварии, будет необходимо привлечение значительного числа специалистов различных профилей, не занятых ранее в работах по использованию атомной энергии. Это сотрудники милиции и военнослужащие внутренних войск (оцепление и охрана места аварии, регулирование дорожного движения в зоне аварии, обеспечение эвакуации населения, охрана имущества эвакуированного населения), сотрудники противопожарной службы (спасение людей и тушение пожаров в очаге радиационной аварии), работники медицинской службы (сортировка пострадавших, оказание неотложной медицинской помощи), водители пассажирских автопредприятий (вывоз эвакуируемого населения) и пр. Многие из этих специалистов будут привлекаться в экстренном порядке, в условиях не полной информации о сложившейся радиационной обстановке, т. е. их работы могут быть квалифицированы, как потенциально радиационно-опасные, при которых возможен риск облучения свыше установленных нормативов. В случае же радиационной аварии при транспортировке радиоактивных

материалов вероятность того, что ответственность за проведение неотложных аварийно-спасательных мероприятий на острой стадии аварии ляжет именно на региональные службы постоянной готовности многократно возрастает. Ведь эти мероприятия должны проводиться в кратчайшие сроки и могут быть выполнены только подразделениями, дислоцированными в непосредственной близости от места аварии. Вместе с тем, нормативно-правовые акты в области радиационной безопасности накладывают ряд существенных ограничений на участие граждан в радиационно-опасных работах. Согласно этим документам, для привлечения к таким работам необходимо «добровольное письменное согласие» граждан и «их предварительное информирование о возможных дозах облучения и риске для здоровья». В них также отмечается, что ликвидаторами могут быть только «мужчины старше 30 лет, не имеющие медицинских противопоказаний к этим работам, обученные (с проверкой знаний) для работы в зоне радиационной аварии». Работы, связанные с возможным переоблучением, должны проводиться «под радиационным контролем по специальному разрешению (допуску)», в котором указываются предельная продолжительность работы и дополнительные средства защиты. Практически же, многие из этих положений не нашли своего отражения ни в нормативных документах министерств и ведомств, подразделения и сотрудники которых должны будут участвовать в радиационно-опасных работах при проведении мероприятий по защите населения, ни в планах чрезвычайного реагирования на радиационные аварии на ядерных объектах и при транспортировке радиоактивных материалов. Это и понятно, если ввести в действие эти ограничения, ни один военнотружущий срочной службы Минобороны и МЧС, ни значительная часть сотрудников МВД не смогут быть привлечены к радиационно-опасным аварийным работам ввиду возрастного ценза. Да и декларированный принцип добровольности при формировании корпуса ликвидаторов вносит значительную неопределенность в планы реагирования на чрезвычайные ситуации радиационного характера. Надежда на привлечение добровольцев, тем более призрачна, если вспомнить сегодняшнее отношение государства к участникам ликвидации прошлых радиационных аварий и атмосферу радиофобии в регионах расположения ядерных объектов, где аварии наиболее вероятны и где должны будут вербоваться ликвидаторы. Такое положение при реагировании на крупную радиационную аварию должно будет реализоваться по одному из двух противоположных, негативных сценариев. Либо не в полной мере

будут выполнены аварийные планы, в части привлечения сил и средств территориальных служб постоянной готовности и подразделений министерств обороны и чрезвычайных ситуаций, что скажется на защите населения и территорий. Либо, в нарушение российского законодательства, к ликвидации последствий радиационной аварии будут привлечены и подвергнуты риску переоблучения сотни или тысячи молодых сотрудников милиции, пожарных и военнослужащих. 27 декабря 1990 года был образован Российский корпус спасателей, который возглавил Сергей Шойгу. Боевым крещением корпуса стала крупная аварийно-спасательная операция в сентябре того же года на Уфимском нефтеперерабатывающем заводе, где на 150-метровой высоте надломился и завис огромный обломок трубы. Тогда любая ошибка в работе могла стать роковой. Благодаря межведомственному взаимодействию и слаженной работе спасателей трагедии удалось избежать. Направленным взрывом обломок был снесен в точно рассчитанное место. Впоследствии данная спасательная операция была занесена в Книгу рекордов Гиннеса. А уже через несколько лет, в январе 1994 года было создано Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, которое вся страна знает по короткому названию - МЧС, уже не требующему никаких разъяснений. В этот же период начинается активное развитие чрезвычайного ведомства республики. В 1994 году Указом Верховного Совета республики было образовано Министерство охраны окружающей среды, природных ресурсов и чрезвычайных ситуаций Республики Башкортостан (Минприроды и ЧС РБ). А в 1997 году в результате реорганизации было создано Министерство по чрезвычайным ситуациям и экологической безопасности Республики Башкортостан. Через год, в 1998 году, в целях реализации Федерального Закона «О гражданской обороне» и Указа Президента Республики Башкортостан «О структуре республиканских органов исполнительной власти» в республике образовано Министерство по делам гражданской обороны и чрезвычайным ситуациям Республики Башкортостан (МЧС РБ), принявшее на себя часть функций упраздненного Министерства по ЧС и экобезопасности и функции Штаба по делам ГО, ЧС и ликвидации последствий стихийных бедствий Республики Башкортостан. В ходе развития в структуру МЧС России, вошли войска гражданской обороны, государственной инспекции по маломерным судам, государственной пожарной службы, тем самым завершив создание интегрированной системы

спасения и защиты населения от чрезвычайных ситуаций. Сегодня ГУ МЧС России по РБ осуществляет государственный надзор, управление и контроль в области гражданской обороны, предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, обеспечивает пожарную безопасность и безопасность на водных объектах, проводит государственную политику и координацию деятельности в области промышленной безопасности, построение системы управления риском для территории и населения. Созданная законодательная база в этой области составляет более 200 республиканских и 800 муниципальных нормативно-правовых актов.

Литература

1. Постановление Верховного Совета РФ от 23.12.1992 № 4202-1 «Положение о службе в органах внутренних дел Российской Федерации»
2. Федеральный закон от 27.05.2003 №58 «О системе государственной службы в Российской Федерации».
3. Приказ МЧС России от 06.08.2005 № 372 «Об утверждении Положения о территориальном органе Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий - органе, специально уполномоченным решать задачи гражданской обороны и задачи по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций по субъекту Российской Федерации».
4. Федеральный закон от 27.04.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации».
5. Федеральный закон от 21.12.1994 № 69-ФЗ «О пожарной безопасности».
6. Приказ МЧС России от 19.05.2005 №225 «О концепции кадровой политики МЧС России».

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПО АКТИВИЗАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

Латыпова Г.С. (Уфа)

Темпы и эффективность трансформационных процессов во многом будут определяться тем, насколько успешно будут преодолены факторы, сдерживающие экономическую активность российского населения. Важная роль в этом процессе принадлежит

политике государства, деятельности политических партий и движений, направленных на оптимизацию процесса становления рыночных производственных отношений. Основной задачей политической деятельности государства в современных условиях является непосредственное и активное участие в становлении и развитии новых производственных отношений, в отслеживании социально-экономических, политических, духовных процессов с целью обнаружения и предупреждения их негативных проявлений, максимально избегая социальной напряженности и вооруженных конфликтов. Основываясь на знаниях общих закономерностей и тенденций общественного развития, которые проявляют себя и успешно реализуются в настоящее время в жизни отдельных стран с учетом их национальной специфики, государство должно стать главным гарантом создания условий, открывающих дорогу к прогрессивному развитию страны. Политическая деятельность не может быть субъективистски произвольной, она должна коррелироваться требованиями существующего способа производства с его отношениями собственности, обмена и распределения, определенной социальной структуры общества. Это должно учитываться при разработке политических программ. Являясь мощным средством государственного влияния на рыночную экономику, государственное планирование позволяет оказывать целенаправленное воздействие на процессы экономического саморазвития. При этом, стремясь обеспечить достойный уровень жизни и свободное развитие человека, государство не должно переступать черту, за которой начинается грубое вмешательство в экономику, подавление творческой инициативы и свободы труда, трудовых отношений. Происходит органическое переплетение спонтанно складывающихся элементов рыночных отношений с сознательным влиянием на них государства, играющего роль социально-экономического координатора, обеспечивающего необходимый общественный консенсус, соблюдение правовых норм, разумный протекционизм. Задачей государственного планирования (регулирования) становится смягчение неизбежного противоречия между эффективностью производства и распределением, формированием социальной рыночной экономики. Учитывая требования НТП и интересы различных социальных слоев населения, деятельность государства должна быть направлена на:

- стимулирование процессов саморазвития производства и активизацию экономической деятельности его непосредственных участников, на создание условий для их инновационной

восприимчивости, развития творческих способностей с последующей возможностью их реализации;

- последовательное проведение в жизнь основных принципов социальной справедливости общества, проходящего сложный путь технико-технологической модернизации и социально-экономической, политической трансформации. Основными критериями становления социальной рыночной экономики, реализации социальной справедливости в различных сферах общественной жизни должны быть: в социальной сфере – это создание равных возможностей для развития и реализации способностей людей, их социального и производственного потенциала, развитие законодательного процесса, его соотнесение с результатами общественной практики. Объективным критерием справедливости в сфере социальной жизни является жизненный уровень населения, его социальное самочувствие, величина среднего класса в социальной структуре российского общества; в сфере экономики – это последовательная модернизация общественного производства, развитие инновационных экономических форм, социально ориентированной рыночной экономики. Старые механизмы и формы трудового взаимодействия, не подтвердившие своей эффективности, должны уступить место новым, адекватным технико-технологическим, организационным потребностям качественно новой экономики, социальным, духовным и нравственным потребностям обновляющегося социума. Взаимодействие экономически свободных производителей, определяемое широтой мышления и творческим отношением к делу при должной ответственности за принимаемые решения, будет сопровождаться развитием инновационных направлений деятельности с возникновением новых профессий и форм трудовых отношений, социального поведения в целом. Принципы социальной справедливости в экономике должны получить четкое законодательное определение прав и обязанностей человека в сфере труда. Объективным критерием справедливости здесь служит степень развития рыночных отношений, показатели экономического роста, развитие способностей человека, его производственной инициативы и самореализации, мера удовлетворения постоянно возрастающих потребностей людей; в сфере духовной – это разработка научной концепции модернизации социально ориентированной рыночной экономики, объективная информация населения о содержании и путях проведения социально-экономических преобразований, их практических результатах, разработка общенациональной концепции консолидации российского

народа на решение экономических, социальных задач. Объективным критерием справедливости в этой сфере является уровень гласности, повышение научной обоснованности принимаемых социально-экономических программ, культурное возрождение народов России; в сфере политической – концентрация внимания политических партий, общественных движений и организаций на реализацию концепции технико-технологической модернизации, построения инновационной социально ориентированной рыночной экономики, участие в практическом осуществлении ее принципов, последовательное развитие демократии, обеспечение прав человека во всех сферах общественной жизни, развитие институтов гражданского общества, расширение процессов общественного самоуправления. Основным критерием социальной справедливости в сфере политики является устранение кризиса во всех сферах общества, поддержание мира и политической стабильности, обеспечение устойчивого экономического роста, повышение уровня жизни и степени позитивности социального самочувствия людей. Решающая роль в формировании в России социально ориентированной рыночной экономики принадлежит государству. Эффективность государственной политики определяется тем, насколько она соответствует основным направлениям НТП, отражает сущность и содержание происходящих экономических, социальных, политических и духовных процессов, правильно определяет роль политических партий и движений, место и значимость социальных групп в современной диалектике общественной жизни, в системе новых социально-экономических и политических отношений. Главным критерием оценки значимости политической деятельности должна стать адекватность потребностям, основным тенденциям и закономерностям общественного прогресса. Концентрация усилий государства, политических партий и течений на решении обозначенных социально-экономических, политических задач позволит преодолеть период неустойчивости в развитии российского социума, занять достойное место в мировом сообществе.

СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО КАК ФАКТОР ДОСТИЖЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО РАВНОВЕСИЯ

Любимова Е.А. (Тюмень)

Становление социального партнерства как идеологии цивилизованного общества, в основе которой лежит принцип

согласия, а не противостояния является приоритетной задачей для современной России. Речь идет о формировании идеологии, добровольно принимаемой основной массой населения и направленной на обеспечение консолидации сил общества и закладывающей основы социального мира, согласия и прогресса на перспективу. Базисом предлагаемой идеологии выступает институт социального партнерства в сфере труда. Анализ социального партнерства, как социального феномена, способа согласования классовых интересов, предпринимали авторы различных воззрений (от социалистов-утопистов до либералов). Наиболее развернуто идею о необходимости построения отношений работников и предпринимателей на началах солидарности, чтобы общество могло нормально функционировать, обосновал Э. Дюркгейм. Концепция социальной солидарности нашла свое конкретное воплощение в практике социального партнерства. Оно признает у предпринимателей и наемных работников наличие различных социально-экономических интересов, однако не ставит утопической цели преодоления этих различий. Оно – за определенный баланс интересов. Практически это реализуется посредством согласительных процедур: для предпринимателя стабильной прибыли в размерах, необходимых для нормального функционирования предприятия, а для наемного работника – достойных условий существования, удовлетворения жизненных потребностей. Социальное партнерство, как общественный феномен, определяется наличием ряда экономических, социальных, политических, правовых и психологических условий. В сфере экономики уровень развития социального партнерства определяется такими факторами, как: - многообразие форм собственности; - современное состояние производительных сил; - насыщение рынка товарами и услугами; - партисипативный стиль принятия управленческих решений. Возможность реализации партнерских отношений базируется на социальной ориентации рыночной экономики, когда во главу угла ставится не получение прибыли любой ценой, а удовлетворение потребностей общества, обеспечение высокого уровня благосостояния его членов. В социальной среде базовыми условиями партнерских отношений являются: наличие многочисленного среднего класса; развитое гражданское общество. Политико-правовыми условиями эффективно действующей системы социального партнерства выступают: - развитые формы демократии, когда гарантируются права и свободы личности; - свободное функционирование партий и движений, представляющих интересы

основных социальных слоев; - наличие эффективного правового механизма, регулирующего социально-трудовые отношения. Наряду с объективными условиями успешного функционирования системы социального партнерства необходимо наличие субъективных, социально-психологических факторов: - доминирование в общественном сознании ориентации на социальный мир и неконфронтацию между социальными слоями; - принятие работодателями роли заботливых хозяев, вникающих в нужды своих работников; - активное участие работников в многообразных формах управления на предприятиях как отражение понимания ими зависимости личного благополучия от успехов фирмы [1]. Идеологию социального партнерства можно сформулировать следующим образом: через сотрудничество и взаимные уступки двух основных социальных групп - работодателей и наемных работников - в рамках национальной экономики обеспечить их эффективное взаимодействие. Система социального партнерства в сфере труда выступает как амортизатор социальной напряженности, и как основа для рыночной системы трудовых отношений: оформления интересов и прав социальных, корпоративных и региональных групп, формирования адекватных им институтов представительства, нормативно-правовой базы, наработки практики коллективно-договорного регулирования и выработки правил игры в целом. Оценивая исторический постсоветский опыт формирования системы социального партнерства, следует подчеркнуть, что этот процесс начался сверху – с принятия законодательных актов и создания структур верхнего уровня для участия в макроэкономическом регулировании процессов занятости и рынка труда. На территориально-отраслевом уровне он шел крайне противоречиво. Если на верхнем уровне управления осознана необходимость внедрения принципа партнерства в организацию и регулирование трудовых отношений, то на уровне обыденного массового сознания эта идея пока не укоренилась и воспринимается скорее как очередная декларация. Характеризуя деятельность основных субъектов системы социального партнерства в сфере труда в России, следует заострить внимание на таких значимых моментах. Во-первых, Российская Федерация представляется «размытым государственным образованием, громоздким, гигантским и трудно управляемым механизмом» [2]. Поэтому возникает необходимость переосмысления прав и обязанностей государства в регулировании социально-трудовых отношений в целом. В системе социального партнерства должна преобладать власть закона, публичность и легитимность

деятельности властных структур, хотя на практике существуют манипулирование и административное давление на профсоюзы. Во-вторых, анализ соотношения сил работодателей и профсоюзов, показал, что с 2002 г. «... российский работодатель стал самым всевластным по сравнению с работодателями любой страны мира, ибо в соответствии со ст. 22 и ст. 8 ТК РФ ему предоставлено право принимать локальные нормативные акты. Такого законодательного закрепления работодательского права на нормативную власть нет ни в одном государстве, поскольку профсоюзы ... борются, запрещая работодателю самостоятельно принимать локальные нормативные акты и требуя согласования их с представительными органами трудящихся» [3]. Развитие социального партнерства в России затрудняется рядом причин объективного и субъективного характера: уровень открытой и скрытой безработицы; расслоение населения по уровню доходов; низкие темпы структурной перестройки экономики; недооценка правительством социальных аспектов перехода страны к рыночным отношениям; невысокое качество имеющейся правовой базы.

Литература

1. Одегов Ю.Г. Рынок труда и социальное партнерство: Монография / Ю.Г. Одегов, Г.Г. Руденко, И.Г. Митрофанов. – М.: Хронограф, 1998. - С.157.
2. Михеев В.А. Государство в системе социального партнерства /Михеев В.А. // Труд и социальные отношения. – 2008. - №7. – С.15.
3. Цитульский В.Ф. Социально-партнерское регулирование трудовых отношений в России (история, теория, тенденции развития): монография. – М.: Российская правовая академия Министерства юстиции РФ. 2006. - С.775.

МЕНТАЛИТЕТ НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ФАКТОР ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН)

Мавликасов А.Х. (Санкт-Петербург)

В 90-х годах XX века Российская Федерация вступила на путь демократического развития, одним из важнейших элементов которой является институт альтернативных выборов в

законодательные и исполнительные органы власти. С начала введения выборов основных институтов политической власти по настоящее время прослеживаются довольно четкие отличия их результатов по российским регионам. В этих условиях, теоретические схемы, выделяемые западными и отечественными исследователями и классические подходы к исследованию электорального поведения, апробированные и работающие в западных демократиях, малопригодны для России. На мой взгляд, одним из наиболее применимых к российским условиям в исследовании факторов региональных особенностей является социокультурный подход к изучению электорального поведения. Суть подхода в том, что выбор избирателя осуществляется под воздействием ценностей и норм политической культуры сообщества, к которому он принадлежит. Данный подход получил свою разработку в статье А. П. Страхова [Страхов А. П. Изучение электорального поведения россиян: социокультурный подход // Политические исследования. – 2000. - № 3 (56)]. Для того чтобы оценить исследовательские возможности социокультурного подхода в теории и практике изучения процесса выборов в Российской Федерации, необходимо исследовать менталитеты населения отдельных регионов как глубинных уровней в структуре политических культур [Кукоба О. А. Социокультурные детерминанты электорального поведения российских граждан: Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. – Воронеж, 2002. Метод доступа: <http://www.dissercat.com/content/sotsiokulturnye-determinanty-elektoralnogo-povedeniya-rossiiskikh-grazhdan>] применительно к электоральному поведению. Более конкретный анализ современного состояния электорального пространства на федеральном уровне дадут показатели регионов, которые четко отличаются от других результатами выборов в том или ином направлении. В каких-то субъектах население поддерживает либерал-демократов, в других коммунистов. Уровень доверия существующей власти в одних регионах выше, в других ниже. Например, в северокавказских республиках уровень доверия власти значительно превышает показатели Москвы или Санкт-Петербурга. Я обратился к одному из самых крупных субъектов Приволжского федерального округа – Республике Башкортостан. Данный регион обладает особенностью традиционной поддержки на выборах действующей власти. Причем данные результатов голосования всегда отличаются более высокими показателями в сравнении со среднероссийскими. История башкирского народа уходит в глубь

веков. Долгое независимое их существование прервалось войной с монголами, результатом которой стало вхождение в состав империи Чингисхана. После распада Золотой Орды большая часть современного Башкортостана вошла в состав России, затем Советского Союза. Сегодня Башкирия – один из субъектов Российской Федерации. Исторически башкирскому народу свойственно подчинение вышестоящему, будь то Царь, Император, Первый или Генеральный секретарь ЦК КПСС, Президент. Башкирский народ уже долгое время находится под чьим-либо покровительством. Но, они всегда имели определенную самостоятельность внутри государства. Попытки пренебрежения правами башкир всегда заканчивались сопротивлением с их стороны. Достаточно вспомнить башкирские восстания XVII-XVIII веков, последней из которых была Крестьянская война, один из руководителей которой Салават Юлаев считается национальным героем края. Однако у башкир всегда прослеживалась верность своему сюзеру. Даже в условиях беззакония по отношению к ним, они верили в справедливость и доброту Царя. Об этом свидетельствует «Письмо императрице Елизавете Петровне», написанное идеологом одного из восстаний муллой Батыршой. Согласно содержанию письма, башкиры были уверены, что беспорядок в стране, злоупотребление полномочиями со стороны представителей власти не известно императрице. Будто бы задуманная благородная политика императрицы не правильно реализуется на местах. Поэтому в письме были изложены просьбы о разрешении вопросов, касающихся несправедливости по отношению к башкирам. Естественно, историческая судьба башкирского народа отразилась на особенностях его менталитета. Писатель В. Н. Львов в рассказе «Шамсинор» отмечал, что башкиры обладают такими качествами как добродушие, смиренность, приветливость, но без малейшей приниженности и с сознанием собственного достоинства [Цит. по: Валеев И. Башкирский характер // Истоки. - 2006. - № 11 (467). – С. 8-9]. Краевед В. А. Новиков писал: «... Башкиры не имели понятия о стоимости своих богатых девственных степей и лесов. Они уступали их за ничто предприимчивым русским выходцам» [Цит. по: Валеев И. Там же. С. 8-9]. Это говорит об их наивности. И. Лепехин сообщал следующее: «Сия в башкирцах привычка так далеко простирается, что они одни не могут, как говорят, съесть куска хлеба. Мы из любопытства давали калача бывшему с нами старшинскому сыну, который, его на малейшие разломив частицы, оделил всех сидящих башкир» [Цит. по:

Валеев И. Там же. С. 8-9]. Таким образом, сознание башкир исходит из приоритета межличностных отношений. Их деятельность основана на личном доверии. В человеческих отношениях очень высоко ценится чувство солидарности, коллективной помощи. Башкирский народ исследователи наделяли и такими качествами как спокойствие, малодетельность и непредприимчивость, что вытекает из скромных жизненных потребностей, особенностей национального характера. Относительная стабильность экономической жизни была основана на малоизменчивой деятельности скотовода. Кочевой образ жизни, относительно суровые географические условия Урала выработали в башкире большую выносливость и терпеливость духа, укрепили его волю [Рахматуллина З. Н. Башкир: каков его менталитет? // Ватандаш. – 2000. - № 5. – С. 182-186]. В некоторой степени на мировоззрение башкир повлияла и суфийская философия – религиозномистическое учение в Исламе, проникшее в Башкортостан в XIX веке. Догматы суфизма проповедовали аскетизм, терпеливость и покорность судьбе, видимо, под воздействием этого течения и именно в данный период возникла народная пословица: «Довольствуйся тем, что есть, если нет – терпи» [Башкирское народное творчество. Пословицы, поговорки, приметы, загадки. Т.7. – Уфа, 1993. – С. 120]. Можно отметить, что в какой-то степени сегодняшнее электоральное поведение населения Башкортостана объясняется спецификой менталитета башкир. Согласно результатам выборов Президента Российской Федерации 2000 года, по Республике Башкортостан за В. В. Путина люди отдали 61,09 % голосов, в то время как по России В. В. Путин набрал всего 53,43 % [Сводная таблица Центральной избирательной комиссии Российской Федерации о результатах выборов Президента Российской Федерации. Метод доступа: http://cikrf.ru/banners/vib_arhiv/president/2000/index.html]. Наблюдается стабильность поддержки на выборах избирателями Башкортостана существующей власти на всех последующих выборах федерального значения. Выборы Президента РФ 2004 года по Башкортостану: за В. В. Путина – 91,78 %; по России в целом – 71,31 % [Сводная таблица Центральной избирательной комиссии о результатах выборов. Метод доступа: http://www.vybory.izbirkom.ru/region/region/izbirkom?action=show&root=1&tvd=1001000882951&vrn=1001000882950&region=0&global=1&sub_region=0&prver=0&pronetvd=null&vbid=1001000882951&type=227]. Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ 2007 года по Башкирии: за «Единую Россию» - 83,11 %; по

России – 64,30 % [Данные Сводной таблицы ЦИК России о результатах выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (данные ГАС «Выборы»)]. Метод доступа: http://www.vybory.izbirkom.ru/region/region/izbirkom?action=show&root=1&tvd=100100021960186&vrn=100100021960181&region=0&global=1&sub_region=0&prver=0&pronetvd=null&vibid=100100021960186&tyre=233]. Выборы Президента РФ 2008 года по Башкирии: 88,01 % - за Д. А. Медведева. По России же он набрал 70,28 % [Данные Сводной таблицы ЦИК России о результатах выборов Президента Российской Федерации. Метод доступа: http://www.vybory.izbirkom.ru/region/region/izbirkom?action=show&root=1&tvd=100100022249920&vrn=100100022176412&region=0&global=1&sub_region=0&prver=0&pronetvd=null&vibid=100100022249920&tyre=227]. Выборы депутатов Государственной Думы РФ 2011 года по Башкортостану: за «Единую Россию» - 70,5 %; по России – 49,32 % [ЦИК: сводная таблица результатов выборов депутатов Государственной Думы 2011 года. Метод доступа: http://www.vybory.izbirkom.ru/region/region/izbirkom?action=show&root=1&tvd=100100028713304&vrn=100100028713299&region=0&global=1&sub_region=0&prver=0&pronetvd=null&vibid=100100028713304&tyre=233]. Выборы Президента РФ 2012 года по Башкирии: за В. В. Путина – 75,86 %. По Российской Федерации за В. В. Путина проголосовало 64,35 % избирателей [Сводная таблица Центральной избирательной комиссии Российской Федерации о результатах выборов Президента Российской Федерации 4 марта 2012 года. Метод доступа: http://www.cikrf.ru/banners/prezident_2012/itogi/svod_tabl.pdf]. Отмечу, что действующей властью я имею в виду преемственность политической власти: В. В. Путин – ставленник Б. Н. Ельцина, Д. А. Медведев же ставленник В. В. Путина. Во главе партии власти «Единой России» также представитель властвующей команды. Что касается выборов Президента РФ 1996 года по Башкортостану, то первоначально Г. А. Зюганов опережал Б. Н. Ельцина. За Г. А. Зюганова было отдано 42,71 % голосов, за Б. Н. Ельцина – 34,89 % [Сводная таблица Центральной избирательной комиссии Российской Федерации о результатах выборов Президента Российской Федерации. Метод доступа: http://cikrf.ru/banners/vib_arhiv/president/1996/index.html]. Но, в повторном голосовании в определенной степени проявился менталитет башкир, выражающийся в уважении к старшим.

Известный башкирский летчик, дважды герой Советского Союза М. Г. Гареев вспоминал: «Вся семья наша ела из одной чашки, строго соблюдая очередность по старшинству. И когда однажды по рассеянности я запустил ложку раньше отца, его увесистая оплеуха сразу же привела меня в чувство. Кроме этого случая, отец наказал меня всего один раз» [Цит. по: Валеев И. Там же. С. 8-9]. Когда лидер нации, государственный деятель Муртаза Рахимов лично принял участие в предвыборной кампании по поддержке Б. Н. Ельцина, за две недели произошла значительная трансформация электорального пространства в Республике Башкортостан. Б. Н. Ельцин набрал 52,16 %, Г. А. Зюганов – 44,11 % голосов [Сводная таблица Центральной избирательной комиссии Российской Федерации о результатах выборов Президента Российской Федерации. Метод доступа: http://cikrf.ru/banners/vib_arhiv/president/1996/index.html]. Как показывают исследования, влияние М. Г. Рахимова почти в два раза превышает силу воздействия администрации городов и районов и более чем в два раза силу влияния администраций сельских и поселковых советов и более чем в 2,5 раза превышает влияние республиканских государственных органов и руководителей производственных коллективов [Электорат Башкортостана. Том 2-й. (Электоральное поведение избирателей Башкортостана в период выборов Президента России в 1996 году) / под общ. ред. Дж. М. Гилязитдинова, Ю. Н. Дорожкина, С. В. Егорышева. – Уфа: УЮИ МВД России, 1999. – С. 94-96]. Сегодня, в условиях глобализации, мощного воздействия средств массовой информации и коммуникации, проявление менталитета становится все более непредсказуемым и разнообразным. В целом можно отметить, что на сегодняшний день менталитет башкирского народа остается фактором электорального поведения населения Республики Башкортостан. Однако не стоит забывать о силе его воздействия и наличии других немаловажных факторов, оказывающих влияние на поведение электората.

Литература

1. Башкирское народное творчество. Пословицы, поговорки, приметы, загадки. Т.7. – Уфа, 1993.
2. Валеев И. Башкирский характер // Истоки. - 2006. - № 11 (467).
3. Данные Сводной таблицы ЦИК России о результатах выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания

Российской Федерации (данные ГАС «Выборы»). Метод доступа: http://www.vybory.izbirkom.ru/region/region/izbirkom?action=show&root=1&tvд=100100021960186&vrn=100100021960181&region=0&global=1&sub_region=0&prver=0&pronetvd=null&vibid=100100021960186&type=233.

4. Данные Сводной таблицы ЦИК России о результатах выборов Президента Российской Федерации. Метод доступа: http://www.vybory.izbirkom.ru/region/region/izbirkom?action=show&root=1&tvд=100100022249920&vrn=100100022176412&region=0&global=1&sub_region=0&prver=0&pronetvd=null&vibid=100100022249920&type=227.

5. Кукоба О. А. Социокультурные детерминанты электорального поведения российских граждан: Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. – Воронеж, 2002. Метод доступа: <http://www.dissercat.com/content/sotsiokulturnye-determinanty-elektoralnogo-povedeniya-rossiiskikh-grazhdan>.

6. Рахматуллина З. Н. Башкир: каков его менталитет? // Ватандаш. – 2000. - № 5.

7. Сводная таблица Центральной избирательной комиссии Российской Федерации о результатах выборов Президента Российской Федерации. Метод доступа: http://cikrf.ru/banners/vib_arhiv/president/2000/index.html.

8. Сводная таблица Центральной избирательной комиссии о результатах выборов. Метод доступа: http://www.vybory.izbirkom.ru/region/region/izbirkom?action=show&root=1&tvд=1001000882951&vrn=1001000882950&region=0&global=1&sub_region=0&prver=0&pronetvd=null&vibid=1001000882951&type=227.

9. Сводная таблица Центральной избирательной комиссии Российской Федерации о результатах выборов Президента Российской Федерации 4 марта 2012 года. Метод доступа: http://www.cikrf.ru/banners/prezident_2012/itogi/svod_tabl.pdf.

10. Сводная таблица Центральной избирательной комиссии Российской Федерации о результатах выборов Президента Российской Федерации. Метод доступа: http://cikrf.ru/banners/vib_arhiv/president/1996/index.html.

11. Страхов А. П. Изучение электорального поведения россиян: социокультурный подход // Политические исследования. – 2000. - № 3 (56).

12. ЦИК: сводная таблица результатов выборов депутатов Государственной Думы 2011 года. Метод доступа: http://www.vybory.izbirkom.ru/region/region/izbirkom?action=show&root=1&tvd=100100028713304&vrn=100100028713299&region=0&global=1&sub_region=0&prver=0&pronetvd=null&vbid=100100028713304&type=233.

13. Электорат Башкортостана. Том 2-й. (Электоральное поведение избирателей Башкортостана в период выборов Президента России в 1996 году) / под общ. ред. Дж. М. Гилязитдинова, Ю. Н. Дорожкина, С. В. Егорышева. – Уфа: УЮИ МВД России, 1999.

СОГЛАСОВАНИЕ ИНТЕРЕСОВ И ДОСТИЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО РАВНОВЕСИЯ ЧЕРЕЗ ПАРАДИГМУ НЕОКОРПОРАТИЗМА: ОПЫТ АРМЕНИИ РОССИИ.

Маркарян А.Г. (Санкт-Петербург)

Стабильное развитие страны определяется взаимодействием государства, бизнеса и гражданского общества. Лишь правильное конструирование механизма данного взаимодействия, избегая эгоистических интересов каждой из сторон, делает возможным достижение социального равновесия, обеспечивает эффективность и справедливость во всех сферах общественной жизни. При стабильных общественно – политических ситуациях бизнес активнее, организованнее и сознательнее общества. Поэтому для государства выгодно выстраивание отношений именно с ним, конечно же, учитывая при этом и интересы общества. Переходным процессам присуща неопределенность дальнейшего вектора развития общественной системы и ее подсистем, и чтобы как то нейтрализовать ее, нужно достичь «общественного договора» между государством, капиталом и трудом. В литературе, посвященной развитию институтов корпоратизма в разных странах, данный вид согласия встречается в виде разных определений: «социальное партнерство», «согласование интересов» и т.д. - но все же они аналоги неокорпоратизма [4]. Феномен переходной экономики предопределил рассмотрение социально-политического согласия между предпринимателями и представителями власти через призму неокорпоративистской парадигмы. Теоретические положения

неокорпоратизма по сравнению с другими концепциями открывают больше возможностей для исследователя, выдвигают более адекватный подход для понимания и анализа новых социально-политических и социально-экономических феноменов (роль государства, формальное привлечение корпораций и ассоциаций в процесс принятия решений правительством, новые сферы социального управления), происходящих в обществах переходного периода[1]. Он в значительной мере отвечает реалиям сегодняшнего дня, структурным изменениям в российском обществе, раскрывает характеристики предпринимателей как субъекта социально-политического процесса, обладающего значительными ресурсами влияния. Если следовать определению Ф. Шмиттера, то под неокорпоратизмом или современным корпоратизмом понимается «система представительства интересов, в которой составляющие ее субъекты организованы в ограниченное количество монопольных, иерархических, принудительных, и функционально дифференцируемых друг от друга разрядов, признаваемых и зачастую создаваемых государством, которое и гарантирует им монополию в обмен на контроль за подбор их лидеров, выработкой их требований и приверженностей» [4]. Для того чтобы взаимоотношения предпринимательства и политической власти несли стабильный характер, нужно избежать двух крайних форм дисбаланса. Если рассмотреть предпринимательство, то оно реализует функцию риска и прогресса, а политическая власть в свою очередь реализует функцию надежности и стабильности (посредством регулирования и контроля). Население же органически стремится к справедливости – к более равномерному распределению благ. И тут мы уже замечаем некое противостояние понятий. В чем же это проявляется?(формы) 1. Сверхконтроль, властвование со стороны государства лишает экономику развивающего начала и приводит к ситуации стагнации. 2. Бесконтрольность делает ее криминализованной, что тоже в свою очередь приводит к конфликтным и разрушительным социо-экономическим последствиям. Но несмотря на это, многие постсоветские страны, в том числе и Армения, и Россия, демонстрируют специфичный, противоречивый, но оригинальный опыт стабильности (в смысле отсутствия кардинальных социальных потрясений и социально-политического согласия между акторами) с помощью корпоратизации общественных отношений. Под корпоратизацией общественных отношений мы понимаем достижение трехстороннего политического консенсуса в обществе по поводу распределения и

перераспределения социально-политических и социально-экономических ресурсов общества между бизнесом, представителями государственной власти и общества. Хотя и участие последнего более пассивно в отличие от первых двух. Крупные предприниматели в лице своих корпораций в странах, переживающих системную трансформацию, как Армения и Россия, благодаря своим ресурсам, превратились в активно действующих субъектов политической жизни. Они приобрели определенный политический вес, который выражается в прямом влиянии на социально-политические процессы. Примечательно, что корпорации, будучи одной из влиятельнейших групп интересов, относятся к той их категории, которую принято называть институциональной. В отличие от различного рода добровольных объединений, создаваемых ради той или иной цели, профессиональных ассоциаций и некоторых иных групп и объединений, корпорации являются институтами, структурирующими данную общественно-политическую систему. При этом, в отличие от ряда других организаций такого рода (министерства, ведомства, в том числе военные, местные и региональные бюрократии и т.д.), корпорация не может, как правило, реализовать достаточно эффективно свои непосредственные (т.е. в данном случае экономические) функции, если она одновременно не действует и как группа давления. Следовательно, политический аспект ее деятельности становится одним из важнейших, и именно поэтому она не просто игрок на политическом поле, а неотъемлемая часть политической системы. Возвращаясь к определению Шмиттера, отметим, что одним из центральных мест в его определении, конечно же, занимает «контроль», тот политический контроль, который устанавливает государство над «разрядами», т.е. над организациями, ассоциациями, группами интересов, представляющих определенные сектора экономики и т.д. И в реальности мы наблюдаем усиленный контроль над важными центральными объектами российской экономики и как результат - ее дальнейшая национализация, наиболее радикальный способ усиления государства в экономике. Однако, учитывая вышесказанное, не стоит путать корпоратизм с иными формами этатизма (доминантное, прямое административное регулирование экономики). Национализация есть лишь процесс формирования в российской экономике мощного государственного сектора. Старт этому процессу был дан в декабре 2004 года, с удачными сделками Газпрома и Роснефти[3]. Вторым же центральным местом в определении Ф. Шмиттера занимает тесное взаимоотношение заинтересованных

групп с государственными структурами. Поэтому возможно, что государство может предоставить привилегированные условия доступа даже эксклюзивные, лишь некоторым отдельным структурам к процессу принятия решений, тем самым способствуя кланизации экономики и ее отдельных сфер, что мы наблюдаем в армянской реальности. Оно выражается в государственном признании организаций и их монополии на представительство интересов в обмен на контроль за их артикуляцией со стороны государства. В процессе этого механизма в социально-политическом пространстве возникает жесткая структура – клан, бюрократия, представителями, которого выступают те акторы, которые совмещают в себе как политические, так и экономические роли и статус[2]. В связи с этим, в зависимости от структуры экономики, системы политической власти и масштабов страны, возникают множество разновидностей корпоративистских моделей - олигархический корпоративизм, патримональный корпоративизм, клановый, бюрократический и социетальный корпоратизм. В результате модель взаимоотношений, возникшая в России, мы определяем «бюрократически - корпоративистской» а в Армении «кланово - корпоративистской» моделью взаимоотношений предпринимателей и политической власти.

Литература

1. Маркарян А. Г. Предприниматели в системе политической власти в переходных обществах: сравнительный анализ Армении и России. LAP Publishing. Москва. 2012
2. Маркарян А.Г. Взаимоотношения политической власти и предпринимателей в Армении и России // Политэкс Т 6. №3. 2010
3. Паппэ Я., Дранкина Е. Как национализируют Россию // Деньги. №5. 2007. 4. Шмиттер Ф. Неокорпоративизм // Полис №2. 1997.

ВВЕДЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РЫНКА КАК ПОПЫТКА ВОССТАНОВИТЬ СПРАВЕДЛИВОСТЬ В ОТНОШЕНИЯХ БИЗНЕС-ПАРТНЕРОВ (НА ПРИМЕРЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ РОЗНИЧНОЙ ТОРГОВЛИ)

Маркин М.Е. (Москва)

В современной российской розничной торговле критический момент, который оказался в центре внимания деловых, политических и общественных кругов, наступил в 2009 г., когда был разработан и принят федеральный закон «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» (далее – закон о торговле). Ключевые нововведения данного закона можно свести к следующим положениям. Во-первых, розничным сетям запрещается проводить операции при достижении 25%-ной доли от продаж в определенном географическом регионе. Во-вторых, ограничивается возможность включения ритейлерами маркетинговых и других платежей в контракты с поставщиками. В-третьих, допускается введение государственного контроля над ценами в розничных сетях на социально значимые товары [1]. Цель настоящей работы – определить, как различные министерства и ведомства обосновывали необходимость государственного регулирования розничной торговли. Обоснования МЭРТ, Минпромторга и Минсельхоза. Публичные обсуждения необходимости государственного регулирования розничной торговли начались в конце 2006 г., и тогда представители Министерства экономического развития и торговли (МЭРТ) указывали на возникающие все чаще системные проблемы и соответствующие им конфликты в отношениях между розничными сетями и их поставщиками. Отдельную повестку дня сформировал вопрос о появлении тенденции к вытеснению независимых магазинов крупными операторами, в том числе и транснациональными. Решить обе этих проблемы и должен был закон о торговле, который начал разрабатываться в данном министерстве. Иными словами, здесь превалировала индустриальная логика (здесь и далее при описании различных логик обоснования используется терминология экономической теории конвенций [2; 3]) обоснования государственного регулирования, основанная на идее защиты отдельных групп участников рынка. Передача в 2008 г. сферы торговли из компетенции МЭРТ в Министерство промышленности и торговли (Минпромторг) отложила принятие данного закона на неопределенную перспективу, так как представители последнего оценивали его крайне скептически. По их мнению, отношения ритейлеров и поставщиков выстраиваются на основе обычного экономического механизма заключения договоров, а государственное регулирование торговой деятельности может привести скорее к негативным, нежели к позитивным, последствиям (например, к возникновению дефицита отдельных категорий товаров и

образованию очередей за ними в розничных сетях). Иными словами, здесь превалировала рыночная логика обоснования необходимости принятия закона о торговле, основанная на идее обеспечения нормальной работы рынков, однако имели место и элементы гражданского мира, отсылающие к заботе о конечных потребителях. Пассивные позиции Министерства экономического развития, которое больше не отвечало за сферу торговли, и Минпромторга, выражавшего скорее негативное отношение к идее государственного регулирования торговой деятельности, не устраивало другого представителя государства – Министерство сельского хозяйства (Минсельхоз). Последнее при поддержке высшего руководства Правительства вернуло принятие закона о торговле в повестку дня. Своей основной задачей Минсельхоз видел поддержку отечественного сельхозпроизводителя и местный малый бизнес в «противостоянии» с набравшими вес розничными сетями. По сути, такая позиция стала своеобразной преемницей изначальной позиции МЭРТ только в более радикальном виде. Иными словами, здесь также превалировала индустриальная логика обоснования государственного регулирования, основанная на идее защиты отдельных групп участников рынка. В июне 2009 г. после визита Премьер-министра России В.В. Путина в один из московских супермаркетов «Перекресток» процесс обсуждения необходимости принятия закона о торговле перешел в решающую стадию. Высшее руководство Правительства четко обозначило свое политическое обоснование государственного регулирования торговой деятельности, связав его с заботой о населении, с доступностью для него качественных товаров по разумным ценам. Иными словами, здесь в наиболее ярком виде превалировала гражданская логика обоснования необходимости принятия закона о торговле, основанная на идее защиты конечных потребителей. Представители Администрации Президента не выступили с поддержкой государственного регулирования торговой деятельности, но в целом согласились с ее направленностью. Обоснования ФАС В активное обсуждение законопроекта о торговле включилась и Федеральная антимонопольная служба (ФАС). Подчеркивая необходимость защиты конкуренции на российских рынках, ее представители также указывали и на важность поддержки отечественных сельхозпроизводителей и малого бизнеса. Иными словами, здесь имела место комбинация взаимосвязанных элементов рыночной и индустриальной логик обоснования государственного регулирования, основанных на идеях защиты не только конкуренции, но и отдельных

групп участников рынка. Обоснования Государственной Думы и Совета Федерации Наиболее яркими сторонниками принятия закона о торговле стали группы депутатов Государственной Думы и членов Совета Федерации. Первые аргументировали свою позицию необходимостью, с одной стороны, поддерживать конкурентные отношения участников рынка, а с другой стороны, восстановить ослабленную продовольственную безопасность России, оказавшейся в серьезной зависимости от импорта продуктов питания. Иными словами, здесь имела место комбинация взаимосвязанных элементов рыночной и гражданской логик обоснования государственного регулирования, основанных на идеях защиты конкуренции, предоставлении равных прав всем хозяйствующим субъектам и обеспечении продовольственной безопасности страны. Представители Совета Федерации, часть из которых имеет прямое отношение к производству продуктов питания, аргументировали свою позицию необходимостью поддержки отечественных поставщиков, прежде всего, малого бизнеса, стремлением сохранить рабочие места на российских сельхозпредприятиях и важностью повышения эффективности розничных сетей. Иными словами, здесь превалировала индустриальная логика обоснования государственного регулирования, основанная на идеях защиты отдельных групп участников рынка и обеспечении функциональности и стабильности работы организаций. Никакие министерства и ведомства не опираются при аргументировании собственной позиции на одну единственную логику оправдания вне зависимости от контекста. Напротив, для каждого из них характерна сложная комбинация обоснований [4]. С одной стороны, представители государства, выполняя в силу занимаемых позиций функции арбитра, стараются ориентироваться на аргументы, соответствующие гражданской логике обоснования. С другой стороны, оправдания МЭРТ, Минсельхоза и группы членов Совета Федерации также прямо отсылают к индустриальному миру, Минпромторга и группы депутатов Государственной Думы – к миру рынка. Представители ФАС видят своей целью защиту как конкуренции (рыночная логика обоснования государственного регулирования), так и отдельных групп участников рынка (индустриальная логика).

Литература

1. Райт Дж. Закон о торговле: американский опыт // Ведомости. 2010. № 16. 1 февраля.

2. Болтански Л., Тевено Л. Социология критической способности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. 3. № 3. С. 66-83.

3. Boltanski L., Thevenot L. On Justification: Economies of Worth. Princeton: Princeton University Press, 2006.

4. Маркин М.Е. Как обосновывалось государственное регулирование розничной торговли: эмпирический анализ аргументации // Экономическая политика. 2012. № 4. С. 147-162.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В КОНТЕКСТЕ ПРОЦЕССОВ СТАБИЛИЗАЦИИ: ОБЩЕЕ, ОСОБЕННОЕ, ЕДИНИЧНОЕ.

Мельников Е.Г. (Санкт-Петербург)

Одной из главных проблем развития современного российского общества является достижение стабильного характера социальной структуры и как следствие – социального равновесия социума в целом. Но стабильность социальной структуры зависит не только от процессов трансформации, происходящих в рамках данного социума как системы и составляющих ее элементов. Во многом это определяется и связями общества с внешней средой, т.е. с другими общественными системами и глобальными социальными образованиями. Процессы глобализации, происходящие в современном обществе, требуют от социологической науки значительного переосмысления ее предметной области. Это означает, что для их анализа требуется разработка особого понятийно-категориального аппарата и специфических концепций, отличных от традиционных теоретических схем классической социологии. Целью данной работы будет являться попытка разработки некоторых возможных направлений исследования социальной структуры и процессов ее стабилизации, в том числе с точки зрения ее «глобального» измерения. В качестве теоретико-методологических основ будут использованы труды К. Леви-Стросса и П. Штомпки. По утверждению К. Леви-Стросса, в понятие общества входит множество структур, соответствующее различным типам порядков. Система родства предоставляет возможность подчинять поведение индивидов определенным правилам; социальная организация обладает другим способом подчинения, а социальная или экономическая стратификация — третьим. Все эти структуры порядков могут быть, в свою очередь, расположены в определенном

порядке в зависимости от характера связывающих их отношений и от того, как они воздействуют друг на друга с синхронической точки зрения [1, с.330]. Что же понимает классик под социальной структурой? Основным принципом, по утверждению К. Леви-Стросса, является то, что понятие социальной структуры относится не к эмпирической деятельности, а к моделям, построенным по ее подобию. Тем самым обнаруживается различие между двумя понятиями, столь близкими, что их часто смешивают: понятием социальной структуры и понятием социальных отношений. Социальные отношения являются основным материалом для построения моделей, выявляющих саму социальную структуру. Социальная структура ни в коем случае не может быть сведена к совокупности социальных отношений, наблюдаемых в данном обществе [1, с. 286-287]. Данную идею поддерживает и П. Штомпка. «Социальная структура, - утверждает он, - категория объяснительная, теоретическая, абстрактная, не имеющая непосредственно наблюдаемых отнесений; мы связываем ее с эмпирическим материалом только для того, чтобы лучше упорядочить и понять эмпирические факты. Иными словами, общественная жизнь - поверхностный, открытый слой социальной реальности; социальная структура — слой глубокий, скрытый от социального мира» [2]. П. Штомпка выделяет четыре измерения или плана социальной структуры: нормативное, идеальное, интеракционное (организационное) и измерение интересов (жизненных возможностей). Причем, по его мнению, эти разграничения имеют аналитический характер. Эти выделенные измерения социальной структуры не являются обособленными и независимыми. Напротив, они тесно взаимосвязаны, скреплены своеобразной «структурой структур», другими словами «метаструктурой», или структурой второго порядка. Каждое отдельно взятое измерение структуры существенным образом влияет на любое другое и одновременно находится под влиянием всех остальных. [2]. Развить идею П. Штомпки, на наш взгляд, можно следующим образом. В соответствии с диалектикой взаимоотношения трех философских категорий – единичного, особенного и всеобщего следует предположить существование трех уровней социальных структур в современном обществе. Первый уровень (уровень единичного) составляют социальные структуры конкретных социумов – американского, китайского, российского и т.д. В соответствии с общей теорией систем, их характеризуют: количество элементов, порядок их расположения и характер зависимости между ними. В

качестве элементов выступают социальные институты, социальные группы и социальные общности разных типов; базовыми единицами социальной структуры являются нормы и ценности. Структуры первого уровня представляют собой качественную определенность данного социума и, следовательно, любое их изменение повлечет за собой коренной, качественный сдвиг в обществе в целом. Второй уровень (уровень особенного) представляют так называемые «региональные» социальные структуры. Примером таковых может служить социальная структура Европейского Сообщества. Несмотря на целый ряд проблем экономического плана, стоящих сегодня перед странами ЕС, вполне правомерно, на наш взгляд, говорить сегодня о формировании некой качественной определенности, элементами которой будут являться как социальные структуры конкретных европейских социумов, так и специальные социальные институты, созданные и функционирующие непосредственно для реализации целей ЕС. И, наконец, уровень общего, или, говоря словами П. Штомпки, роль «метаструктуры» будет представлять в современном планетарном социуме его глобальная социальная структура, элементами которой будут являться как конкретные, так и региональные социальные структуры. К числу ее элементов добавим также некие новые образования, возникшие как следствие процессов глобализации в современном мире: глобальные социальные страты и глобальные социальные институты, изучение которых уже ведется в современной отечественной и зарубежной социологии. Каждый из этих уровней социальных структур находится в диалектической связи с остальными. Таким образом, стабильность социальной структуры конкретного социума, и в первую очередь – российского, будет зависеть не только от характера внутренних процессов взаимодействия между социальными группами, общностями и институтами, но и от ее связей с другими уровнями социальных структур – региональным и глобальным. Данный факт, несомненно, необходимо учитывать при определении факторов и перспектив стабилизации российского общества. В этой связи с особой остротой возникает вопрос о степени взаимовлияния данных уровней структур друг на друга, и прежде всего – структуры глобальной. Развитие процессов глобализации в современном обществе ставит вопрос, каковы адаптационные ресурсы человечества к этому процессу, достаточно ли подготовлены социальные и экономические структуры, культура и сами люди, и не будут ли столь интенсивные изменения для них травматичны. В последнее время ряд исследователей, в частности, тот же П. Штомпка, выдвинули

концепцию социокультурной травмы. Травма – это разрыв некоторых социальных тканей и процессов. При этом решающее значение имеет не сам разрыв, но именно события, происходящие вокруг этого разрыва. Штомпка исходит из того, что любые социальные изменения травматогенны. Вопрос в том, насколько глубоко, быстро и масштабно травмирован социальный организм. Необходимо отметить, что культурную травму Штомпка считает наиболее опасной и труднопреодолимой и что не все страны одинаково готовы придерживаться правил, устанавливаемых лидером этой гонки – западным миром. Исходя из данной концепции, можно сделать вывод о том, что глобализация может быть рассмотрена как социокультурная травма для некоторых стран. Культура постмодерна, западные ценности и образ жизни и являются травмирующими факторами для обществ экономической самодостаточности, политического суверенитета, культурной и национальной однородности [3]. Концепцию «социокультурной травмы» П. Штомпки можно использовать и в изучении радикальных трансформаций современного российского общества, особенно в их ценностном аспекте. Метафорическое понятие «травмы» позволяет провести аналогию между реакцией общества на неожиданные и радикальные социальные изменения и реакцией организма на внезапное и болезненное внешнее воздействие. Социальная травма обусловлена в первую очередь ломкой ценностных оснований, привычных символов, смыслов и значений социальной реальности. Травматичность радикальных социальных трансформаций происходит в силу их внезапности для большинства людей и их тотальности, поскольку они затрагивают фактически все сферы социальной действительности, в корне меняя характер общественного бытия. Именно в силу последнего обстоятельства такие преобразования затрагивают решительно всех членов общества. Они обесценивают привычные правила социальных действий, накопленные прежним жизненным опытом, изменяют габитус индивида, обесценивают его социальный капитал, делают индивида маргиналом. Представляется, что концепцию «социокультурной травмы» можно рассматривать как одно из возможных направлений исследования российского социума и его структуры наряду с классическими теориями маргинальности, социальной адаптации, социального благополучия и социальной стабильности.

Литература

1. К. Леви-Стросс. Структурная антропология. М.: «Эксмо», 2001.
2. Штомпка П. Понятие социальной структуры: попытка обобщения // Социол. исслед. - 2001. - № 9. - С.3-13.
3. М.В. Масловский, И.В. Никулина. Анализ процессов глобализации в западной теоретической социологии // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского: Серия Социальные науки. Выпуск 1 (5). Н.Новгород: Изд-во ННГУ, 2006. – С.272-278.

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ И БИЗНЕС-ОБРАЗОВАНИЕ

Мигунова Д.Ю. (Москва)

С окончанием периода первоначального накопления капитала в России на первый план выдвигается задача эффективного управления обретенными активами, «мирного» освоения нового делового пространства и выстраивания результативных деловых стратегий в нем. Растет спрос на высококвалифицированных менеджеров высшего и среднего звена, что сказывается на развитии института бизнес-образования. Для того чтобы понять условия и потенциал усиления роли института бизнес-образования высшей ступени в России, необходимо целостное рассмотрение данного института - с учетом его многообразных внешних и внутренних связей, места в институциональной системе с акцентом на тех функциях (явных и латентных), которые оно выполняет в бизнес-среде и по отношению к разным группам слушателей. Бизнес-образование выполняет различные функции, важнейшей из которых является наращивание человеческого капитала. Это главная функция, носящая явный характер. Менее явный характер (а зачастую и латентный) носят функции бизнес-образования, такие как выработка стереотипов поведения и межличностного взаимодействия, способствующих предпринимательскому успеху, приемов установления и укрепления полезных социальных связей [1,3], а, именно, наращивание социального капитала. Все вышесказанное актуально в том случае, когда мы говорим о функционировании бизнес-образования на институциональном уровне. Однако если рассматривать функции бизнес-образования по отношению к конкретным индивидам, наращивание социального капитала нельзя однозначно отнести к латентным, поскольку для некоторой части слушателей приобретение новых контактов может выступать одним

из определяющих мотивов поступления на программы MBA, т.е. выполнять явную функцию. В то же время другими слушателями данная функция априори не осознается, но в процессе получения бизнес-образования часть из них, так или иначе, увеличивает социальный капитал и осознает это. Немало, наверное, найдется и тех, кто был и остается индифферентным к этому ресурсу бизнес-образования. Индикатором накопления социального капитала в сфере бизнес-образования является, прежде всего, расширение и укрепление деловых и иных актуальных социальных связей (горизонтальных и вертикальных), а также возможность приобрести данные навыки в процессе обучения по программам MBA. По данным социологического исследования, проводившегося среди слушателей программ MBA в АНХ в 2010 году (1104 чел.) [2,4], важным мотивом получения бизнес-образования для 98% слушателей является увеличение человеческого капитала, включая получение новых знаний и развитие определенных навыков, в том числе инновационного стратегического мышления, овладение методами анализа и прогнозирования конкретных хозяйственных ситуаций, умение тщательно рассчитывать и оценивать риски, углубление знания иностранного языка и др. Весьма многочисленной является и группа предпринимателей и менеджеров (43%), сочетающая увеличение человеческого и социального капиталов (возможность завязать новые деловые контакты и/или получить соответствующие навыки их налаживания). И совсем мало было тех (8%), кто хотел бы увеличить не только человеческий, но и символический капитал (возможность получить диплом MBA). Таким образом, наращивание социального капитала в ходе обучения рассматривается слушателями хотя и как второстепенный, но достаточно важный мотив прихода на программы MBA. При этом для весьма многочисленной части слушателей данный мотив носит явный характер. Социальный капитал является важным аспектом, который следует учитывать при построении программ MBA и сегментации их слушателей. Группа предпринимателей и менеджеров, для которых важным мотивом поступления в бизнес-школу является увеличение социального капитала, неоднородна и включает разные типы слушателей, условно обозначенные нами как «коммуникабельные», «обучающиеся», «коммуникабельные ученики». Так, «коммуникабельные» составляет примерно 50% группы, для которой важен социальный капитал (20% по массиву в целом). Среди главных мотивов их поступления в бизнес-школу - возможность познакомиться с полезными людьми, завязать новые деловые контакты. «Обучающиеся» - это примерно

23% слушателей (11% по массиву в целом); они надеются в бизнес-школе научиться налаживать и поддерживать нужные связи в деловом сообществе. «Коммуникабельные ученики» - 27% предпринимателей и менеджеров (12% по массиву в целом) – это те, для кого в процессе обучения по программам МВА одинаково важно как завязать новые деловые контакты, так и научиться их налаживать. Данные типы имеют определенные сходства и различия в ожиданиях от обучения по программам МВА. В целом, все три типа связывают получение бизнес-образования с изменениями в своей профессиональной жизни. В частности же, «коммуникабельные ученики» чаще, чем остальные, связывают свои ожидания от получения бизнес-образования с увеличением заработной платы, карьерным ростом и упрочнением своего статуса, как в фирме, так и в обществе (табл.5). В тоже время «коммуникабельные» и «обучающиеся» в большей степени, чем «коммуникабельные ученики», ориентированы на смену места работы и/или изменение сферы деятельности после получения бизнес-образования (при достаточно высоких материальных и карьерных ожиданиях). Факторы, влияющие на эти различия, носят устойчивый характер. Принимая их во внимание, организаторы бизнес-школ могут способствовать повышению удовлетворенности и эффективности обучения слушателей по программам МВА, а также укреплению позиций бизнес-образования как социального института в российской бизнес-среде.

Литература

1. Евенко Л.И., Филонович С.Р., Годин В.В. Обучение в течение всей жизни и бизнес-образование: современные тенденции // Бизнес-образование. 2004. № 1 (16). С. 3-8
2. Заславская Т.И., Крылатых Э.Н., Шабанова М.А. Новое поколение деловых людей России: социальный портрет, карьера, бизнес-образование. М., 2007. 320 с.
3. Кузьминов Я., Филонович С. Бизнес-образование в России: состояние и перспективы (содержательно-институциональные аспекты) // Вопросы экономики. 2004. №1. С. 19 - 36.
4. Шабанова М. А. Ресурс бизнес-образования в современной институциональной среде // Общество и экономика. 2007. №4. С. 168 – 191.

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ ИНСТИТУТ КАК ФАКТОР СТАБИЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Милецкий В.П. (Санкт-Петербург)

Весь мировой опыт убедительно показывает, что формирование стабильного общества и государства происходит поступательно лишь на базе соответствующих системно-формационных и структурных предпосылок. Речь идет, прежде всего, о системно-формационном фундаменте стабильного общества и государства, в качестве которого в современных условиях выступает постиндустриальная система, складывающаяся на посткапиталистической стадии развития современного общества. Последняя выступает формационным каркасом социально-правового демократического государства, его несущей системной конструкцией. Подсистемами постиндустриального общества являются многосекторное социальное рыночное хозяйство, основанное на информационно-технологическом способе производства, развитая социальная сфера, демократическая политическая система и цивилизованная правовая подсистема. Наряду с ними формируются многообразные институциональные, процессуальные и другие компоненты, принадлежащие к структурным элементам стабилизации общества и государства. Речь идет о таких структурных компонентах, как социальные субъекты и институты государственной и муниципальной власти, включая гражданско-правовые организации, нормативно-правовые установления, доктринальные и политико-культурные компоненты, наконец, полный политико-управленческий цикл. Сформированность таких элементов выступает достаточным условием для становления и эффективного функционирования стабильного общества и государства, снимает отчуждение людей от политической власти и обеспечивает через политические и гражданско-правовые институты их участие в разработке и реализации различных социальных проектов и программ развития общества. Таким образом, стабильное общество и государство формируется главным образом благодаря специально создаваемой совокупности многообразных государственных, муниципальных и неправительственных институтов, принимающих непосредственно участие в разработке и осуществлении активной внутренней политики, направленной на поддержание стабильности и

устойчивости общества. В нашем случае особый интерес представляют не столько государственные и муниципальные, сколько гражданские политические и правовые институты, без которых не представляется возможным говорить о других структурных компонентах стабильного государства. При этом если роль, значение и функции государственных и муниципальных институтов в современном российском обществе в немалой степени уже изучены и проанализированы, то проблематика гражданских политико-правовых институтов еще недостаточно разработана. Не претендуя на сколько-нибудь полное освещение данной темы, остановимся на классификации вышеназванных институтов и их роли в стабилизации современной российской общества. Говоря о критериях причисления гражданских политико-правовых институтов к структурным компонентам социального государства, следует отметить, что к ним относится вся совокупность как политико-правовых, так и собственно правовых организаций, которые в соответствии со своими уставными и программными целями и задачами занимаются непосредственным обеспечением и защитой как гражданско-политических, так и собственно социальных прав человека. Среди них, в первую очередь, выделяются много-профильные гражданские институты, которые борются за соблюдение всего комплекса гражданско-политических и социальных прав человека наряду со своими основными функциональными обязанностями. Речь идет о таких организациях, как, например, политические партии, ассоциации среднего и малого бизнеса, особенно практикующие корпо-ративную социальную ответственность, творческие союзы и другие общественно-политические организации. Так, политические партии являются политико-правовыми институтами, которые создаются группами единомышленников и существуют главным образом для цивилизованной борьбы за государственную и муниципальную власть. Это характеризует их профильное функциональное назначение в современном обществе как гражданско-политических институтов. Но наряду с этим они в качестве уже гражданско-правовых организаций все более активно занимаются также защитой социально-экономических, гражданских, политических, и прочих прав и свобод. Особенно активную роль в обеспечении перечисленных прав человека играют политические партии, представленные в парламентах всех уровней. Наряду с перечисленными в современном обществе создано и действует большое число профильных гражданско-правовых институтов в

собственном смысле слова, которые в соответствие со своими программами и уставами не занимаются ничем другим, кроме функциональной деятельности по обеспечению социальных прав и свобод человека. К таким собственно социальным правам и свободам на конституционном уровне в России отнесены право на свободное предпринимательство и другую экономическую деятельность (часть 1 статьи 34); социально-трудовые права человека (статья 37); право на жилище (статья 40); право на охрану здоровья и медицинскую помощь (статья 41); право на образование (статья 43); право на свободу творчества (часть 1 статьи 44); право на участие в культурной жизни, пользование социокультурными учреждениями и на доступ к культурным ценностям (часть 2 статьи 44). Особое место среди названных прав имеют специально закреплённые в Трудовом кодексе социально-трудовые права, к которым относятся не только право на свободный выбор рода деятельности и профессии, но и на труд в безопасных условиях, отвечающих требованиям гигиены; право на справедливое вознаграждение за труд без дискриминации и не ниже установленного минимального размера оплаты труда; право на защиту от безработицы; право на индивидуальные и коллективные трудовые споры, цивилизованные способы их урегулирования и разрешения, включая право на забастовку; право на отдых в выходные (праздничные) дни и оплачиваемый ежегодный отпуск и др. Связанные с обеспечением всех вышеперечисленных прав профильные гражданско-правовые институты имеют узкий социальный профиль и ведут борьбу с властями, собственниками средств производства и работодателями за сугубо социальные права и свободы граждан и в особенности - трудящихся. Их роль и значение существенно возрастает в классово-антагонистическом обществе, в условиях которого эти организации особенно активно отстаивают социально-трудовые права эксплуатируемых масс наемных работников. Благодаря тесной координации деятельности профильных и непрофильных организаций в современном цивилизованном обществе они достигают весьма существенных результатов в обеспечение всего комплекса прав и свобод человека. Всю совокупность гражданских политико-правовых институтов представляется возможным классифицировать также по уровню социальной реальности, в которой они создаются и функционируют. Здесь выделяются международные и национальные гражданско-правовые институты. Среди профильных международных институтов самой известной является Международная организация труда (МОТ). В совокупности национальных гражданско-правовых институтов

самыми последовательными борцами за социальные права трудящихся являются профсоюзы и такие организации защиты прав граждан, как, например, «Общество защиты прав потребителей», «Союз потребителей России» и др. Следует заметить, что они только еще начинают включаться в процесс формирования стабильности общества и государства. Причем, это касается как международных, так и национальных организаций. Очень болезненный удар по стабильности общества был нанесен глобальным финансово-экономическим кризисом (2008-2009 гг.), ответом на который было не только усиление политики правительства страны, но и повышение активности гражданско-правовых институтов в России. Итак, сначала о международных гражданско-правовых институтах профильного типа, к которым не относятся ни ЮНЕСКО, ни Всемирная Организация Здравоохранения (ВОЗ), ни другие институты, созданные с участием правительств разных стран. Выше уже говорилось о том, что среди таких институтов особый статус имеет Международная организация труда (МОТ), которая объединяет многочисленные национальные профессиональные союзы. МОТ координирует и упорядочивает деятельность национальных профсоюзов, оказывает им посильную поддержку в защите социально-трудовых прав наемных работников в их борьбе за свои интересы с работодателями и владельцами предприятий. Во-вторых, большую роль в обеспечении прав человека на охрану здоровья и медицинскую помощь играет Международный Комитет «Красного креста» (МККК), учрежденный еще в 1864 г. Российский Красный Крест действует с 1867 г. В-третьих, в тесной координации с МККК работает Международное движение Красного Креста и Красного Полумесяца. В-четвертых, весомую роль в обеспечении права человека на комфортную и здоровую природную среду обитания играет международная организация «ГРИНПИС», учрежденная в 1971 г. Наряду с профильными весьма значительный вклад в обеспечение социальных прав человека вносят многопрофильные международные гражданско-правовые институты. Социальные права они отстаивают в одной связке со всеми другими правами и свободами человека: универсальными, гражданскими, политическими, культурными и др. При этом большинство из них пришло в России еще при советской власти и активизировали эту деятельность в постсоветский период. Во-первых, речь идет о Международной Хельсинской Федерации по правам человека (The International Helsinki Federation for Human Rights «IHF»), которая является международной неправительственной организацией, основанной национальным

Хельсинским Комитетом и сотрудничающими с ними Организациями в странах – участниках Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). МХФ (INF) стремится добиться соответствия локальных законодательств нормам Хельсинского Заключительного акта и его последующим документам, а также международным юридическим обязательствам, принятым в Совете Европы (СЕ) и Организации Объединенных Наций (ООН). Свою миссию МХФ видит в содействии соблюдению прав человека и построению демократии в России. Для этого МХФ со дня своего основания занимается выявлением нарушений прав человека и добивается от правительства соблюдения взятых на себя международных обязательств в области прав человека. В России филиалом INF является Московская Хельсинская группа (МХГ) - старейшая из ныне действующих в России правозащитных организаций, которая была создана в 1976 году в Москве. Инициатором и первым руководителем МХГ стал известный физик, член-корреспондент Академии наук Армянской ССР, профессор Ю.Ф.Орлов. Ныне МХГ возглавляет Людмила Алексеева, под руководством которой много делается для соблюдения не только гражданско-политических, но и собственно социальных прав человека в России. Во-вторых, определенную роль в защите социальных прав человека играет Freedom House (FH) - неправительственная организация со штаб-квартирой в Вашингтоне (США) и финансируется не столько международными фондами, сколько Государственным департаментом США. По этой причине FH выступает как откровенно проамериканская организация, которая лоббирует интересы США, служит идее распространения американских ценностей и американского первенства в мире. Высокие идеи защиты прав человека не-редко используются FH в качестве прикрытия истинных целей и намерений этой организации. Кроме того, FH одинаково подходит к оценке прав и свобод в различных странах и регионах, используя, как правило, одни и те же методики и стандарты. В то время как в современном мире пока еще не существует единого представления о правах и свободах человека и эти представления могут очень сильно отличаться у разных народов. В-третьих, заметное участие в обеспечении социальных прав человека принимает COHRE (The Centre on Housing Rights and Evictions) - независимая негосударственная не-коммерческая организация по правам человека. Она зарегистрирована в Нидерландах, а главное управление по координации международных проектов находится в Женеве. COHRE – ведущая международная

организация, защищающая права на достойные условия жизни человека, а также принимающая меры против насильственного лишения имущества у жертв административного и иного произвола. В-четвертых, достойно упоминания Международное общество по правам человека - ISHR (International Society for Human Rights), являющееся независимой негосударственной некоммерческой правозащитной организацией, которая в своей деятельности опирается на Всеобщую декларацию прав человека. Организация продвигает идеи толерантности во всех областях культуры и общества, ратует за улучшение социальных условий жизнедеятельности людей и соблюдение преимущественно социальных прав человека. В-пятых, нельзя не отметить организацию «Human Rights Watch», являющуюся одной из ведущих мировых независимых организаций, защищающих основные права человека. Она фиксирует внимание мировой общественности на случаях нарушения прав человека в разных странах, предоставляет голос угнетённым группам населения и выступает против угнетателей, ответственных за нарушения этих прав и преступления. Последние 30 лет эта организация упорно работала в направлении создания законной и моральной почвы для справедливости и безопасности людей во всем мире. Наконец, достойна также упоминания организация «Международная амнистия» - «Amnesty International» (AI), созданная в 1961 г. и выступающая не только за справедливое судебное рассмотрение дел обвиняемых в преступлениях или осужденных, но и за сокращение сроков пребывания и гуманное отношение к подозреваемым во время их содержания под стражей, а также за человеческие условия содержания осужденных в местах лишения свободы. Кроме упомянутых выше следует сказать о таких международных организациях, как «Human Rights First», «Ella Baker Center for Human Rights», «International Commission of Jurists» и других, которые вносят свой посильный вклад обеспечение основных прав и свобод человека во всем мире, включая собственно социальные права. Наряду с международными организациями весьма заметную роль в отстаивании социальных прав человека в современной России играют национальные гражданские политико-правовые институты. Среди них есть как многопрофильные, так и профильные гражданско-правовые институты. К многопрофильным, как отмечалось выше, относятся политические партии, представленные в парламентах всех уровней, ассоциации среднего и малого бизнеса, практикующие корпоративную социальную ответственность, творческие, научные,

спортивные и другие организации, которые наряду со своими главными функциями также активно занимаются решением социальных вопросов. Как известно, из всех зарегистрированных в России политических партий четыре являются «системными», т.е. представлены в Государственной думе по результатам выборов 4 декабря 2011 г. Среди предпринимательских гражданских институтов следует отметить «Российский союз промышленников и предпринимателей» (РСПП), учрежденный в 1990 г. РСПП принял на своем 14 съезде «Социальную Хартию российского бизнеса». Последняя определяет формы и способы участия бизнеса в общественном развитии, а также принципы социальной ответственности предпринимателей и является попыткой обновления диалога между бизнесом, властью и обществом на основе принципа взаимного уважения социальных интересов, ценностей и позиций. Известную роль в реализации социальных программ предпринимателями играет Торгово-промышленная Палата России, являющаяся негосударственным и некоммерческим объединением. Весомую роль в обеспечении на практике корпоративной социальной ответственности малого и среднего бизнеса играет «Опора России», созданная в 2002 г. Особенно заметное участие «Опора» принимает в разработке и реализации программ самозанятости трудящихся, пострадавших от кризиса 2008-2009 гг. Наконец, среди многопрофильных гражданско-правовых институтов особое место занимает учрежденная пять лет назад «Общественная Палата России», которая задумывалась как посредник между официальной властью и населением в обеспечении двусторонних связей между ними. Этот полуофициальный институт гражданского общества занимался не только экспертизой правительственных законопроектов, но и отстаиванием социальных интересов граждан. Так, например, группа членов Общественной Палаты (А.Кучерена, Н.Сванидзе и др.) сумела отстоять в январе 2010 г. от «бульдозерной атаки» знаменитый дачный поселок «Речник» под Москвой и защитить права его жителей. Помимо перечисленных организаций определенную роль в обеспечении социальных прав граждан играют такие организации, как «Солдатские Матери», «Союз комитетов солдатских матерей России», «Российский Союз ветеранов Афганистана», «Общество защиты прав военнослужащих» и др. К профильным гражданско-правовым институтам, отстаивающим главным образом социальные права граждан, относятся уже упоминавшиеся выше российские профсоюзы. Все они действуют на основе закона «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях

деятельности». Среди других гражданско-правовых институтов России отдельно стоят организации, защищающие право человека на достойную жизнь (жизнь в человеческих условиях). К ним относятся «Союз потребителей России», Общественное движение «За социальную справедливость» и некоторые другие. Подводя итог краткого рассмотрения роли гражданско-правовых институтов, можно заключить, что в современных условиях они заметно активизировались и пытаются вносить более весомый вклад в обеспечение стабильности российского общества и государства.

ПРЕВРАЩЕННЫЕ ФОРМЫ ТРУДОВОГО ПРОЦЕССА КАК ОСОБЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ СОЦИАЛЬНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ И ОТНОШЕНИЙ

Мищенко А.С., Мищенко А.С. (Санкт-Петербург)

Развитие социологической науки в нашей стране показывает, что в современных условиях имеется объективная потребность в появлении исследований особых системных характеристик профессиональной трудовой деятельности. В частности, мы связываем дальнейшее развитие трудовой проблематики с проработкой социологических представлений о сущности и механизмах действия «превращенных форм трудовой деятельности». В концептуальном плане такие исследования должны исходить из основополагающей роли труда в обществе и взаимодействия базисных элементов трудового процесса в качестве его особого социально-онтологического явления (Д.Лукач). В ходе многолетнего социологического анализа изменений трудовой деятельности молодых и зрелых работников (с 1983 по 2012г.г. в Петрозаводске, Выборге и Санкт-Петербурге) нам удалось выделить в ней особые превращенные формы. В частности, категориально различить содержание труда и содержательность труда, как превращенную форму производительного труда. Привлечение к анализу трудовых процессов категории «превращенная форма» позволило нам разработать концептуальную схему научного исследования превращенных форм трудового процесса. Она включает в себя несколько форм движения, превращения и взаимодействия его сущностных элементов: «Элементы труда → Сущность труда → Социально-экономические формы труда → его Превращенные формы → Кажимость производительного труда». Раскрытие «превращенной формы», как онтологической универсалии

социального мира означает следующее: обоснование её важной роли во взаимодействии элементов трудового процесса; раскрытие механизма взаимодействия элементов трудовой деятельности, в которой субъект выступает как активнодействующий агент социального бытия (прежде всего производительного труда); исследование при её помощи прямых и обратных взаимодействий непосредственно несоизмеримых между собой содержания, организационных условий и социально-экономической формы производительного труда. Данный процесс опирается на следующие объективные функции превращенных форм трудового процесса: 1) соизмерение различных видов производительного труда с точки зрения их содержания и общественной формы; 2) субстанциализация, разрешение и экспликация в сферу явлений реальных противоречий его развития; 3) способствование более качественной и точной соизмеримости развития субъектов труда в различных видах промышленного труда. На – их гносеологические функции, к которым мы отнесли: 1) содействие адекватному категориальному выражению влияния макросоциальных и экономических характеристик производства на производительный труд обычных работников; 2) обеспечение максимально глубокого категориального выражения взаимодействия абстрактного и конкретного труда через анализ движения причинных и следственных связей производительного трудового процесса; 3) раскрытие особого места содержательности труда во взаимодействии компонентов производительного труда в качестве особой превращенной формы. Используя перечисленные функции “содержательности труда”, как превращенной формы, можно её раскрыть в качестве особой единицы трудовых процессов и специфического рыночного инструмента соизмерения в производительном труде несоизмеримых непосредственно его элементов и компонентов (последний обеспечивает взаимодействие содержания, условий и социально-экономической формы производительного труда). Он, включая в себя превращенные формы трудовой деятельности, одной из которых выступает “содержательность труда”, способен конструктивно, а не только негативно, как полагают ряд авторов, синтезировать её базовые элементы, интегрировано выражать диалектику их прямых и обратных взаимодействий, когерентно обеспечить развитие трудовой деятельности через взаимодействие её сущностных и поверхностных элементов. Показать следующее: взаимодействие её вещественных, социальных, экономических и субъектных моментов (на уровне сущности) всегда опосредуется в процессе своего развертывания и

развития (на уровне явления) взаимосвязями её превращенных форм. Эта закономерность, поскольку она, прежде всего, касается трудовой сферы материального производства – онтологической основы жизнедеятельности любого гражданского общества – может рассматриваться как закон и сущность всякого другого социального взаимодействия и отношения. На наш взгляд, для дальнейшего продвижения в данной проблематике необходимо более детально и предметно раскрыть все разнообразие объективных и гносеологических функций превращенных форм как социально-онтологических явлений и категорий, которые обеспечивают соизмеримость и когерентность познания различных видов трудовых процессов, в разных отраслях производства и сферах общества. В рассмотренной нами предметной области освоена пока только «азбука» данных явлений. Нам необходимо научиться о различных трудовых процессах складывать из её букв, не только отдельные «слова», но и формулировать глубоко осмысленные суждения. На наш взгляд, это даст возможность не только социологии труда, но и социологической науке в целом познать и раскрыть особенности и законы социальных взаимодействий базисных общественных явлений, включающих в себя особые превращенные формы трудовых процессов.

НЕФОРМАЛЬНЫЕ ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ

Моисеева Т.П. (Уфа)

Решение поставленной перед страной задачи построения инновационной, социально ориентированной рыночной экономики предполагает знание объективных процессов, происходящих в сфере трудовых отношений, способных оказать формирующее воздействие на все стороны общественной жизни. Утверждение рыночных производственных отношений, многообразия форм собственности в российской экономике привело к изменению места и роли формального и неформального в трудовых отношениях, их воздействию на трудовую активность людей. Специфика функционирования неформальных трудовых отношений в современном российском обществе предопределена кризисным характером трансформационного процесса, детерминированном рядом факторов: • беспрецедентностью перехода от нерыночных к

рыночным производственным отношениям, кардинальной ломкой прежней социально-экономической системы и ускоренным внедрением рыночных принципов на фоне отсутствия научно-обоснованной программы, стратегии и тактики реформирования страны и социальной неподготовленности основной части населения к переменам;

- разрушением прежней сложившейся за годы советской власти системы общественного разделения труда, ее технико-технологической и социально-экономических составляющих;
- приоритетным развитием сырьевого сектора экономики;
- деградацией субъективного фактора производительных сил;
- неэффективностью государственной политики, неспособностью государства создать действенную правовую основу функционирования современной экономики;
- социальной поляризацией населения, избыточным неравенством и бедностью;
- неразвитостью рыночной инфраструктуры, обеспечивающей поиск и реализацию внедрения различных форм трудовых отношений.

В сфере трудовых отношений кризисность трансформационного процесса отразилась в возросшей степени социальной и экономической незащищенности наемной рабочей силы, разрушении профсоюзной системы, в резком падении жизненного уровня, в усилении дисбаланса в структуре спроса и предложения наличного и необходимого уровня образования и профессионально-квалификационных характеристик работников, в «утечке мозгов», в заполнении рынка труда дешевой рабочей силой, в расхождении между трудовым законодательством и реальными условиями взаимодействия в сфере труда, в девальвации трудовых ценностей, в пренебрежительном отношении к стандартам формальных трудовых отношений. Эти факторы предопределили уникальную социально-экономическую и политическую среду, обусловившую деформацию сложившихся ранее трудовых отношений, переплетение формальных и неформальных норм и правил трудового поведения субъектов, многообразие форм распространения неформальных трудовых отношений, позитивных и негативных последствий в развитии отношений в сфере труда, жизни общества в целом. С одной стороны, неформальные трудовые отношения способствовали раскрепощению творческой инициативы, повышали экономическую активность и предприимчивость, личную заинтересованность работников в результатах своего труда, стимулировали появление новых видов труда, закрепление нетрадиционных гибких форм взаимодействия субъектов трудового взаимодействия. Это увеличивало степень свободы участников трудового процесса,

сокращало уровень регламентации в организации труда и принятии хозяйственных решений. В определенном смысле неформальные трудовые отношения явились питательной средой для развития духа предпринимательства, стали своеобразной школой воспитания навыков трудовой деятельности в конкурентной среде, послужили «полигоном» формирования рыночного поведения в сфере труда для значительной части экономически активных граждан, т.е. имели позитивные экономические и социальные последствия. С другой стороны, неформальные трудовые отношения принимали негативные формы (распространение «конвертных» зарплат, произвольная, по сути, оплата труда людей, занятых в негосударственном секторе экономики, массовые нарушения основных прав и свобод в социально-трудовой сфере: работа по устной договоренности, вынужденные административные отпуска, длительные задержки выплаты заработной платы, оплата труда в натуральной бартерной форме и т.п.) и, оказывая разрушающее воздействие на трудовые отношения, сдерживали позитивную социально-экономическую динамику российского общества, способствовали росту коррупции, взяточничества, рэкета, шантажа, вымогательства. Все это свидетельствует, что неформальные трудовые отношения - сложное явление, детерминирующее как позитивные, так и негативные социально-экономические последствия. Масштабы распространения неформальных трудовых отношений в российском обществе, целая палитра социальных последствий их развития требуют комплексного изучения отношений в сфере труда вообще, неформальных отношений в частности как сложного социально-экономического процесса, поиска объективных причин распространения их различных форм, выработки эффективных мер по оптимизации отношений в сфере труда, способствующих утверждению инновационной, социально ориентированной рыночной экономики.

ИНВЕСТИЦИОННАЯ ИНФРАСТРУКТУРА И СОЦИАЛЬНОЕ РАВНОВЕСИЕ В ПРОЦЕССЕ СТАБИЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Мохначев С.А., Мохначева Е.С. (Ижевск)

Анализ научных публикаций по аспектам функционирования организаций инфраструктуры рыночного типа (или рыночной инфраструктуры в широком смысле) позволяет выделить две основные функции, обусловленные природой

рыночной экономики: а) обеспечение бесперебойного функционирования хозяйственных взаимосвязей и взаимодействия субъектов рыночной экономики; б) регулирование движения товарно-денежных потоков. В качестве субъектов рыночной экономики рассматриваются, с одной стороны, владельцы ресурсов и владельцы продуктов, а с другой – коммерческие структуры и государство. Обе классификации субъектов экономики дополняют друг друга и выделяют этих субъектов по разным критериям. Каждая из выделенных функций характеризуется определенными чертами или свойствами. Обеспечивающая функция по самой своей сути есть функция внутренняя, имманентная инфраструктуре экономики, характеризующая ее сущность и непосредственное предназначение. Такая функция носит пассивный характер. Рыночная инфраструктура, как подсистема всей экономики, как бы предоставляет рыночной экономике условия и возможности для выполнения экономических функций (прежде всего таких, как оптимальная аккумуляция ресурсов и создание из них продуктов хозяйственной деятельности), непосредственно не участвуя в создании продукта. Тем не менее, указанная функция может быть также классифицирована как прямая, поскольку формирование адекватной инфраструктуры является одним из непосредственных и обязательных условий существования и воспроизводства экономической системы, а также ее развития. Регулирующая функция как бы вырастает из обеспечивающей функции, является ее продолжением, но ее свойства иные, прямо противоположные. Прежде всего, она носит внешний характер. Несмотря на то, что инфраструктура является подсистемой в экономической системе, эта подсистема существует над процессом взаимодействия хозяйствующих субъектов, без которых они, с одной стороны, не могут взаимодействовать, но которая, с другой стороны, при определенных обстоятельствах способна оказывать весьма существенное влияние на весь процесс воспроизводства. В этом своем качестве данная функция является активной, что особенно заметно в переходных экономических системах. Наконец, по своей природе она является функцией обратного действия, сигнализируя экономике о тех или иных проблемах в сфере непосредственного создания продукта. Обе функции неразрывно связаны и не могут реализоваться одна без другой. Результатом их взаимодействия является вполне определенный синтетический эффект, который можно определить как оптимизацию движения товарно-денежных потоков. В процессе

обеспечения и регулирования движения товарно-денежных потоков инфраструктура способствует достижению соответствия между общественными потребностями в товарах и услугах и способностью процесса производства удовлетворять их в требуемых масштабах. Тем самым обеспечивается сопряженность в реализации обеих функций, достигается пропорциональность в распределении ресурсов, что, в свою очередь, ведет к минимизации издержек, связанных с распределением ресурсов и продуктов. Институты инфраструктуры рынка занимаются оказанием посреднических услуг в области инвестирования, страхованием различных сторон хозяйственной деятельности, проводят доверительные операции. Инфраструктура также используется при макроэкономическом регулировании: с ее помощью государство осуществляет антиинфляционные мероприятия, политику занятости, противодействует циклическим колебаниям экономики. Инфраструктура призвана обеспечить цивилизованный характер деятельности рыночных субъектов, ее элементы не навязаны субъектами извне, а порождены самими рыночными отношениями. На наш взгляд, особое место в обеспечении социального равновесия в процессе стабилизации общества принадлежит инвестиционной инфраструктуре. Необходимо отметить, что общественное предназначение инвестиционной инфраструктуры, состоящее по Ижболдину-Кронбергу А.Р. в выполнении следующих определенных функций: предъявление денег для инвестиций; облегчение процесса их получения; обеспечение гарантии их получения; предоставление информации о цене на заемные средства; обеспечение постоянного притока инвестиций; организация процесса инвестирования [1, С.23], следует дополнить функцией формирования и преумножения знаний, умений и навыков. Таким образом, можно сделать вывод, что экономическая инфраструктура рынка оказывает существенное влияние не только на функционирование экономической системы в целом, но и на социальное равновесие в обществе.

Литература

1. Ижболдин-Кронберг А.Р. Инвестиционная инфраструктура в рыночной экономике: сущность и эволюция // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2010. № 1. С. 22-25.

РОССИЯ – ТИП НЕЗАПАДНОГО ОБЩЕСТВА?

Мункуева Т.А. (Санкт-Петербург)

Анализируя политические процессы, происходящие в нашей стране, есть все основания полагать, что Россия на современном этапе развития не только не приблизилась к стандартам западной демократии, но и не так далеко ушла от государств с традиционным укладом жизни.

В этой связи возникает ряд вопросов:

- Почему при наличии схожих политических институтов и процедур волеизъявления, российская политическая система за 20 с лишним лет так и не смогла сместиться в сторону западного демократического паттерна?
- Какова роль и функции отечественной партийной системы?

В контексте заявленной проблемы интересными представляются идеи американского ученого Люсьена Пая. В своей статье «Незападный политический процесс» [1] ученый-востоковед, используя методы сравнительной политологии, приходит к выводу, что в основе политического развития западных и незападных стран лежат так называемые культурные «коды», которые и определяют модель поведения населения. Модель поведения, в свою очередь, объясняет развитие демократических принципов на Западе и невосприимчивость к ним в незападном мире.

Ученый выделяет в общей сложности 17 признаков, характеризующих политический процесс в незападных обществах. Они позволяют с одной стороны разграничить два типа обществ, с другой - отражают неприятие западных стандартов в политике, фрагментарность и неразвитость политического процесса в странах незападного типа.

Попробуем соотнести основные предложенные признаки с современными реалиями российской политической системы и определить степень ее соответствия или несоответствия одному из заявленных типов.

По мнению Пая, проблемы политической идентификации, определения альтернативного (по отношению к существующему) политического курса связаны с отсутствием четкой границы между политикой и сферой общественных и личных отношений. В подобных условиях невозможно говорить о свободном, конкурирующем рынке политических идей, где наиболее выгодные,

социально и экономически значимые идеи получали бы поддержку со стороны действующей власти.

Таким образом, политические объединения, не обладая необходимым ресурсом, не имеют возможности занять свое место в партийно-политической системе государства. Попытки создания политических партий, реально выражающих интересы определенных социальных групп, заканчиваются либо провалом, либо принятием этой партией установленных правил игры.

Еще одной довольно важной проблемой в развитии политических процессов является наличие в незападных обществах клик или личных группировок. Именно личные группировки становятся основными субъектами принятия решений, поскольку модель личных отношений является наиболее востребованной для осмысления политического процесса и деятельности в его рамках.

Члены политической организации (партии) при выстраивании лидером какой-либо линии поведения, выработке стратегий и тактик, прежде всего, ориентируются на максимизацию выгоды для себя, чем на достижение декларируемых политических целей и решения поставленных задач. Лояльность к принимаемым лидером решениям определяется личной выгодой каждого члена политической группы, независимо от того, придерживается он четко установленного политического курса или нет.

Оппозиционным партиям Пай отводит роль инициаторов революционных движений. Дело в том, что в незападных обществах за власть борются не политические партии, представляющие интересы тех или иных слоев общества, доказывающие достоинства своих методов, а группы, представляющие различные образы жизни. Поскольку всеохватывающие интересы правящих элит позволяют им поддерживать образ выразителей воли всего народа, оппозиционные партии априори считаются «врагами народа».

Пай также отмечает, что отсутствие единого коммуникационного пространства непосредственно влияет на вовлеченность всего общества в единый политический процесс и его активность. Тем не менее, распространение средств массовой информации среди сельского населения приводит к иллюзии, что, хоть и формально участвовать в политической жизни страны может каждый, в действительности, у представителей сельского общества нет инструментов влияния на политический процесс.

Пай акцентирует внимание на отсутствии в незападных обществах четко очерченной политической сферы, что затрудняет поиск приемлемых для всех легитимных рамок и форм политической

деятельности. Причем, вследствие слияния политической сферы и сферы общественных и личных отношений, процессы развития устойчивой политической системы искусственно замораживаются. Косвенно возникает проблема преемственности политических ориентаций разных поколений.

Справедливо замечание Л. Пая и по поводу отношения в незападных обществах к процессам, происходящим внутри страны. Население убеждено в собственной неспособности повлиять на ситуацию и зачастую принимает традиционную позицию невмешательства.

Важной проблемой для политических процессов незападных стран так же остается проявление взаимозаменяемости и совмещения политических ролей. Даже наиболее значимые посты не имеют четко оформленных и структурированных функций.

Остальные не менее важные признаки, по сути, являются производными от указанных выше. К ним относятся и незнание лидерами государств проблем внутренней политики на фоне усиления своих позиций на международной арене, и харизматический тип лидерства, свойственный главам незападных стран, и отсутствие так называемых политических «брокеров» в политической системе государства.

На основании вышеизложенного, следует признать, что российский политический процесс по основным признакам относится к западному типу.

Итак, с одной стороны, присутствуют попытки приблизиться к стандартам западной демократии, но с другой стороны, отсутствуют признаки формирования той партийной системы, которая там существует. В качестве причин можно выделить и различие в генезисе и условиях функционирования политических институтов при схожести их структуры, и не выполнение политическими субъектами своих основных функций и ряд других причин.

Как уже было сказано выше, Люсьен Пай выделяет определенный культурный «код», отличающий западный мир от незападного. Под этим кодом, или моделью культуры, или адаптационно-деятельностной моделью, он подразумевает «некий присущий тому или иному народу алгоритм действия в определенных ситуациях, который, во-первых, при различных внешних обстоятельствах может принимать различное внешнее выражение...» [3]. Другими словами, на одни и те же процессы различные общества будут реагировать по-разному. Так, в процессе

модернизации западные общества сумели эксплицитно выработать процедуру взаимоотношений такую, которая бы способствовала эффективности организации. Пай говорит о «чувстве ассоциации», при наличии которого в рамках одного общества, но между различными социальными группами, возможно существование эффективной организационной жизни, «направленной к процветанию, даже среди людей, которые не принимают друг друга и выражают чувство агрессивности по отношению друг к другу» [3].

Российское общество, видимо, пока еще находится в состоянии поиска данного «чувства ассоциации».

Литература

1. Пай Л. Незападный политический процесс. Политическая наука. 2003. № 2. С. 66-85.
2. Баранов Н.А. О роли демократии в формировании многополярного мира // Многополярный мир и безопасность: равенство, лидерство, гегемония: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Санкт-Петербург, 27-28 мая 2010 г. В 2-х т. СПб.: Балт. гос. техн. ун-т, 2010. Т.1 С.111-117.
3. Лурье С.В. Историческая этнология. М., Аспект Пресс, 1998.

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КАК ФАКТОР СТАБИЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ)

Неваева Д.А. (Барнаул)

Анализ теоретико-методологических основ исследования социально-экономического положения населения (в рамках стратификационного, структурно-функционального и институционального подходов) показывает, что социологическое исследование социально-экономического положения населения не может быть основано на использовании одного методологического подхода, т.к. каждый из них имеет свои ограничения и недостатки. Основными направлениями эмпирических социологических исследований уровня доходов, статусных позиций населения являются отдельные социальные проблемы населения, такие как безработица, сужение досуговых практик и т.д. Анализ социально-экономического положения населения позволяет сделать вывод о наличии большого количества подходов к его определению и

формированию. Одним из основных является понятие социально-экономического положения населения как комплексной характеристики, отражающей состояние населения в области обеспечения необходимыми материальными и нематериальными благами и услугами, и степень удовлетворения их потребностей в материальных и нематериальных благах и услугах, а также достигнутый уровень его потребления. Среди многочисленных концепций наиболее применимыми для России необходимо отметить концепцию, которая применима для расчета статистических показателей и количественного измерения уровня социального расслоения; а также субъективную концепцию, как основание для определения своего социально-экономического положения по результатам анкетирования, психологическую сторону социальной проблемы. Официальный подход к определению уровня социально-экономического положения в Российской Федерации основан на понятии «прожиточного минимума», под которым понимается стоимостная оценка потребительской корзины, а также обязательные сборы и платежи. Согласно данным статистики, население России характеризуется неодинаковым (полярным) социально-экономическим положением. В настоящее время в наиболее тяжелом состоянии оказались регионы с изначально низкими стартовыми позициями – социально-экономическое положение его жителей отличается нестабильностью и невысоким уровнем доходов. Социально-экономическое положение населения таких регионов характеризуется низким уровнем обеспеченности денежными, имущественными и иными ресурсами, что ограничивает удовлетворение жизненных потребностей и, в первую очередь, определяется позициями региона на всероссийском уровне. При этом, одним из важнейших механизмов, как формирования, так и преодоления ухудшения социально-экономического положения населения является социальная политика, под которой понимается деятельность государства и других акторов, конкретные меры и программы, осуществляемые на федеральном, региональном уровнях и направленные на решение социально значимых проблем населения, способствующих улучшению качества и уровня его жизни. Социологические исследования социальной политики выполняются в рамках нескольких классических подходов: структурно-функциональном, конфликтологическом, деятельностном, институциональном. К основным характеристикам, позволяющими определить социально-экономическое положение населения в структуре общества, являются наличие образования, уровень дохода,

сфера занятости, возраст, семейное положение и наличие детей, место проживания. С учетом ранее накопленного методологического и методического опыта в области исследования социально-экономического положения населения как объекта социальной политики, в основе методики комплексного социологического исследования социально-экономического положения жителей Алтайского края положено использование сочетания опроса населения по их основным проблемам, опроса экспертов, статистических данных и анализа основных институтов социальной политики в данной области. В процессе формирования социально-экономического положения определяющую роль играют факторы макро- и микросреды. К основным макрофакторам относятся социальная политика государства, экономическое положение в стране и регионе, уровень безработицы и уровень доступности основных ресурсов (образовательных, информационных, культурных и др.). К факторам микросреды относятся материальное положение индивида и семьи, положение на рынке труда, место проживания, возраст, образование. Анализ социально-экономического положения населения показывает, что реформы на рубеже XX-XXI веков (1992, 1998 гг.) года имели негативные социальные последствия для миллионов граждан государства. Экономический рост страны и особое внимание социальной политики с 2001 года к вопросам обеспечения жизнедеятельности населения имел положительные последствия для социально-экономического положения населения, но экономический кризис 2008 года затормозил развитие: снизился уровень доходов населения большинства регионов, выросла безработица, а, следовательно, ухудшилось их социально-экономическое положение. Динамика изменения социально-экономического положения населения Алтайского края в целом повторяла общероссийскую, но была более неблагоприятной (в связи с изначально низкими стартовыми позициями региона). Анализ основных инструментов социальной политики по улучшению социально-экономического положения населения позволяет сделать вывод о том, что решение проблем в социально-экономической сфере являются одними из приоритетных областей социальной политики государств. На борьбу с низким уровнем жизни направлены такие программы как «Цели развития тысячелетия», «Цели развития тысячелетия в контексте России», федеральные целевые программы «Образование», «Здравоохранение», «Демография» и «Культура», антикризисная программа Президента, «Стратегия развития России-2020» и «Стратегия развития Алтайского края до 2025 года». На

решение проблемы трудоустройства и жизнеобеспечения населения направлены также программы: «Дополнительные меры по снижению напряженности на рынке труда», ведомственная целевая программа «Развитие сельского хозяйства Алтайского края» на 2008-2012 годы, закон «О развитии сельского хозяйства в Алтайском крае», долгосрочная целевая программа «Обеспечение жильем молодых семей в Алтайском крае» (до 2015 года). При этом программ улучшения качества жизни населения, которые содержали бы мероприятия по улучшению материальных выплат и в целом уровня жизни, до сих пор нет. Проведенное нами исследование в 2009-2010 годах, включающее в себя опрос населения и экспертный опрос, позволило выделить основные проблемы населения Алтайского края и оценить его социально-экономическое положение. Среди социальных проблем основными были отмечены проблемы безработицы, бедности и низких заработных плат в регионе. На ухудшение социально-экономического положения жителей в основном повлияли негативные изменения в экономике (экономический кризис) и социально-экономической политики государства. Основными моделями экономического поведения населения, позволяющими ему улучшить свое социально-экономическое положение, являются дополнительные заработки, занятие семейным хозяйством, либо помощь родственников. Ситуация на рынке труда на селе является более напряженной, чем в городе: отсутствуют рабочие места и снижается зарплата. В 2008-2009 годы по сравнению с предыдущими периодами (2000-е года) напряженность только возросла. Государство является основным субъектом социальной политики в данной области. На общую негативную тенденцию повлиял и экономический кризис, из-за которого в социально-экономическом развитии региона произошли повсеместные ухудшения: безработица, снижение заработной платы и доходов, снижение закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию и уменьшение объемов ее продажи. Непосредственную помощь населению по улучшению их социально-экономического положения оказывают в первую очередь государственные предприятия и учреждения, государственная служба занятости, также люди часто пытаются решить свои проблемы сами. Среди основных мер помощи населению следует выделить содействие трудоустройству, организацию общественных работ и временной занятости, профессиональное обучение и переобучение населения. К эффективным стратегиям самостоятельного преодоления низкого социально-экономического положения также относятся смена места

жительства, смена работы на более выгодную, открытие своего дела. Для того чтобы улучшить социально-экономическое положение населения, необходимо разграничить сферы влияния на проблему по разным уровням власти. Анализ социально-экономического положения населения как объекта социальной политики на примере Алтайского края, осуществленный на основе результатов опросов населения и экспертов, статистических данных и изучение нормативно-правовых документов России и Алтайского края в сфере политики в данной области и социального развития региона, позволяет разработать рекомендации по совершенствованию государственной и региональной политики в данной области. На федеральном уровне необходимо: 1) Поддержка сельского хозяйства как приоритетного направления региона: • финансовая поддержка программ по возрождению АПК; • регулировка цен, тарифов; • повысить цены на сельхозпродукцию, снизить цены на энергоносители, субсидировать сельское хозяйство; • разрабатывать эффективные целевые программы. 2) повышение доходов населения: • контроль над уровнем заработной платы, ее повышение. 3) увеличение социальных гарантий и качества социального обслуживания: • увеличить социальные гарантии, совершенствовать законодательство, увеличить затраты на социальную сферу; • обеспечить доступность образования и переквалификации. 4) эффективная социальная политика: • государственная политика помощи муниципальным и региональным властям. На региональном уровне: 1) содействие в получении льготных кредитов, субсидии. 2) улучшение социально-экономического положения путем: • повышение прожиточного минимума; • повышение заработной платы в приоритетных областях. 3) регулирование производства и продажи сельскохозяйственной продукции: • повышение цен на сельскохозяйственную продукцию; • контроль над ценообразованием. 4) развитие производства и малого бизнеса: • создание благоприятных условий для открытия предприятий; • формировать поддержку малого бизнеса; • создание рабочих мест. Направлениями дальнейшего исследования могут стать сравнение социально-экономического положения сельского и городского населения, детализация социального портрета населения в зависимости от стратегий экономического поведения, оценка эффективности отдельных инструментов политики по улучшению уровня жизни населения населения и сравнительный анализ масштабов и глубины социального расслоения в регионах России,

различающихся отраслевой спецификой и уровнем социально-экономического развития.

**СЛОЖНЫЕ ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ФОРМЫ И
МЕНТАЛЬНЫЕ КОННОТАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО
ЛАНДШАФТООБРАЗОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ
КРАСНОЯРСКА)**

Негрова М.С. (Санкт-Петербург)

В социальном пространстве города особым образом реализуется сложность (нелинейность развития, многовариантность, увеличение качества, самоорганизация институциональных структур, рекурсивность, эмерджентность). Особое внимание уделяется самоповторению, самовоспроизведению культурных элементов в пространстве социального, с одной стороны, и творческому акту, заключённому в несводимости системы к простой совокупности её элементов, с другой. Рекурсивность и эмерджентность оцениваются автором как две взаимодополняющих и взаимопроникающих характеристики одного процесса. Архитектура есть результат и порождение сложного в социальном. Ж. Бодрийяр пишет, что у архитектуры и пространства будущее есть по причине отсутствия таких воплощений, которые положили бы конец всем другим формам, как нет и «такой мысли, которая предопределила бы конец всех других мыслей» [1: 38]. Нелинейность развития заключена в пространственных построениях в архитектуре и ментальных структурах. Архитектурные типы как продолжение менталитета, жизненного мира представителей тех или иных эпох и регионов, политически насыщенного призывного ландшафтообразования получили широкую поддержку в работах зарубежных исследователей. Одним из первых на данный вопрос обратил внимание Э. Дюркгейм, обосновавший устойчивый характер материализации социального факта во внешнем мире [2, 39]. В пространство города вписаны социальные факты и события. Э. Дюркгейм отмечал материализацию социального факта в ставший элемент внешнего мира, самодостаточность архитектурных реальностей [3] Материальное выражение социального пространства города обусловлено менталитетом, историей и культурой общества. Более всего изучение пространства города с точки зрения соответствия его архитектуры духу времени и массовому сознанию нашло своё отражение в становящемся направлении социологии

архитектуры. В данном докладе я рассматриваю политическое ландшафтообразование, как неотъемлемую часть политической культуры, отражающей исторический опыт, историческую память и ценностные ориентации, обуславливающие политическое поведение в контексте реализации социальной сложности. В задачи исследования на котором строится мой доклад входило выявление на примере одного российского города реализации сложности в социальном пространстве города, Красноярска, где при активном участии представителей современного политического режима, задаются политическое ландшафтообразование и вносятся в городское пространство признаки своего присутствия с целью управления массовым сознанием, и гражданского общества отвечающего на них, самоорганизующегося и соорганизующего социальное пространство. Формирование городской среды воплощает связь прошлого, настоящего и будущего, определяет центральный образ города, сохраняющийся во временной перспективе изменений [4:198]. Политолог Р.Ф. Туровский отмечает насыщенность и идеологизированность политических ландшафтов социалистических стран, упоминает такие символы как памятники вождям, мавзолеи, различные лозунги на зданиях [5]. Выбор Красноярска для решения задач исследования обусловлено следующим. Во-первых, Красноярский край, центром которого является г. Красноярск, является наиболее показательным российским регионом, оцениваемым экспертами как модель России 1:7, занимает срединное положение, его экономика зависима от природных ресурсов, а политические предпочтения аналогичны федеральным. Во-вторых, за последние 10 лет в данном городе отмечаются существенные изменения в городской архитектуре, а также всплеск роста городской скульптуры, её визуальная насыщенность. В-третьих, автор в полной мере обладает эмпирической базой для изучения данного города, в том числе, в виде результатов серии опросов представителей красноярского экспертного сообщества в 2006, 2007 и 2012 гг. и возможности включенного наблюдения с 2000 по 2005 гг. и последующего с 2005 по настоящее время. Итак, о том какие изменения произошли в городском ландшафте за последние более чем двадцать лет Вы услышите из презентации доклада. На основании же изученного материала можно заключить, что политическое ландшафтообразование создаёт образ неповторимости через повторяемость известных тем, событий, фактов, мест, симулякризирует и активно осваивает пространство.

Литература

1. Бодрийяр Jean Baudillard Architektur: Wahrheit oder Radicalitat? Literaturverlag Droschl Graz-Wien Erstausgabe, 1999.
2. Дюркгейм Э. Социология. Её предмет, метод, предназначение. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2006.
3. Durkheim Emile. Suicide A Study in Sociology. Translated by J.A. Spaulding and G. Simpson. – New York: The Free Press, 1973
4. Вильковский М. Социология архитектуры. – М.: Фонд «Российский авангард», 2010.
5. Туровский Р.Ф. Политический ландшафт как категория политического анализа // URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-191103.html>

МУНИЦИПАЛЬНЫЙ СЛУЖАЩИЙ КАК СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЧЕЛОВЕК

Немчинова-Львова А.В. (Санкт-Петербург)

Представим, что перед нами находится муниципальный служащий. Он занят своей работой – на столе кипа бумаг, которые необходимо рассортировать, подписать, подшить и так далее. А вот в его кабинет заходит один из жителей муниципального образования, ему было назначено на это время. Наш чиновник начинает принимать гражданина, вникая в тот вопрос, по которому следует обращение. Потом он вновь погружается в «бумажные» дела. Позже наступает время обеда, ещё позже время окончания рабочего дня, далее время окончания рабочего дня. Через месяц другой он отправится в служебную командировку. После чего опять окунётся в свою повседневную и не слишком разнообразную по содержанию работы жизнь. Это взгляд со стороны. А что происходит внутри человека, неужели он всё своё время, проведённое на работе, занимает мыслями о ней? Если так, то это идеальная модель муниципального служащего. Давайте не будем сосредотачиваться на такой модели, в силу того, что её не существует в реальности. Мы постараемся предположить, в какой степени наш персонаж «социологический человек». Ссылаясь на труд Радаева В.В., позволим себе утверждать, что муниципальный служащий в течение своей службы (с момента её начала и до завершения) проходит три стадии становления «социологического человека». Главная особенность такого становления, что протекает оно внутри человека, через призму его личностных черт и качеств, но отражается на его служебной деятельности, то есть внешне. Итак, доклассический период: «на

первом этапе элементы будущего экономико-социологического подхода оформляются в среде самих экономистов альтернативного (нелиберального) толка. Социология еще слишком слаба, а первые социологи не слишком интересуются экономическими вопросами» [1, с. 36]. То есть, образ социологического человека не завершён до конца, в него начинают проникать экономические составляющие, но последние не являются ведущими в его сущности. Проведём аналогию с муниципальным служащим (с учётом представленных характеристик человека Радаевым В.В.): - на заре своей карьеры он формирует своё профессиональное и повседневное жизненное мировоззрение, в большей степени воспринимая себя частью коллектива, а не отдельной единицей муниципальной службы; - побуждения к деятельности у нашего служащего «идут в первую очередь от чувств, а разум выполняет контрольные функции. Человек эгоистичен, но эгоизм не истощает его природы, каковая полагается неизменной» [1, с. 36]. Радаев приводит эти слова Конта в отношении формирования социологического человека. На наш взгляд, это свидетельствует о том, что в профессиональной деятельности пока ещё мотивацией выступают впечатления и переживания личности. Перейдем к характеристике второго этапа становления муниципального служащего как «социологического человека». Предложим выделенные нами черты человека того времени. При этом спроецируем их на личность и профессиональное становление муниципального служащего: - по Марксу «человек выступает как продукт исторических условий, как «совокупность всех общественных отношений». Таким образом, здесь мы видим, что муниципальный служащий всё ещё «часть целого», а не «отдельное целое». И все его действия в большинстве основаны на практике применения чужого опыта; - на этом этапе можно почувствовать экономическую «струю», которая активно «вливается» в общий поток формирования личности. Научно-литературное обоснование: М. Вебер «Протестантская этика и дух капитализма» и Г. Зиммель «Философия денег». Следовательно, муниципальный служащий непроизвольно (по закону развития Гегеля) начинает на данном этапе формировать в себе активную экономическую заинтересованность; - «М. Вебер стоит на позициях методологического индивидуализма, социальный порядок у него не образуется внешними нормативными ограничениями, а оказывается проекцией индивидуального осмысленного действия и не чужд внутренним ценностным конфликтам» [1, с. 41]. Данное утверждение, в проекции на муниципального служащего, даёт право утверждать, что наш

абстрактный муниципальный служащий уже не так как на первом этапе слушает «внутреннего себя». Он становится всё более авторитетным в своём сознании. Таким образом, выявляется парадокс второго этапа: чиновник всё ещё неотделимая часть общности, однако с элементами сугубо личных ориентиров, стоящих, подчас, выше общественных. Третий этап. «Усилия в направлении общего синтеза экономической теории и социологии дают скорее обратный эффект. И в 20—60-х годах XX в. наступает полоса их взаимного отчуждения» [1, с. 41]. А что же тогда происходит с сознанием нашего чиновника? Опять же попробуем характеризовать его состояние в нескольких пунктах: - Стоит отметить преобладание позитивистского подхода в социологии и экономики того времени. «В позитивистских подходах субъективный элемент вменяется действующему лицу только в тех формах, которые эмпирически установлены научными методами» [1, с. 42]. То есть представленный нами ранее служащий теперь начинает не так сильно следовать чувственным позывам, как на первом этапе. Разум же теперь не просто контролёр — он диктует целесообразное и рациональное поведение; - «человек следит за тем, чтобы относительное вознаграждение других не превышало его собственное» [1, с. 43]. На наш взгляд, эту форму развития можно назвать соперничеством. Именно на третьем этапе профессионального и личного развития оно проявляется особенно отчетливо. Итак, на третьем этапе муниципальный служащий оказывается уже социально-экономическим человеком. В его наборе личных качеств теперь первую скрипку играют рациональные. Он ведом конкуренцией и стремлением к экономической (личной) выгоде. Происходит отделение от общего целого в пользу осознания себя как частной отдельной единицей. Так же происходит отдаление от общепринятых законодательных норм. Ищутся пути их обхождения. Всё вышеперечисленное с одной стороны способно ухудшить работу аппарата. Но, вспомним корпоративную культуру жёсткого подхода. Где поощряется единоличие, ведь так человек в большей степени сконцентрирован на работе и способен выполнять её в разы лучше, нежели чем при активном сотрудничестве.

Литература

1. Радаев В.В. Экономическая социология. Курс лекций: Учеб. пособие. - М.: Аспект Пресс, 1998.

ПАТРИОТИЗМ КАК ФАКТОР СТАБИЛЬНОСТИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Нетылько Е.Ю., Нетылько Е.Ю. (Петрозаводск)

Патриотизм как духовно-нравственный стержень, как возможная основа национальной российской идеи, в последнее десятилетие стал объектом многих исследований и споров. Практическое осознание возрождения идеи патриотизма произошло на рубеже тысячелетия, тогда же с 2001 года стартовали последовательно три государственных программы, направленные на патриотическое воспитание россиян. Казалось бы, большинство граждан сегодня считают себя патриотами – по данным ФОМ на 2010 г. - 84%[1]. Исследования показывают, что все последние двадцать лет в патриотизме росла составляющая «любить Родину» и падала – «работать во благо страны». Таким образом, именно пассивный, а не активный патриотизм сегодня является основным у россиян. Но, как известно, любить Родину можно и на расстоянии... Говоря о системе патриотизма, исследователи приводят разные классификации его элементов. Но, в сущности, все они укладываются в четыре компонента[2]. Первый потребностно-мотивационный, заключается в формировании потребности и мотивации к патриотическим убеждениям и деятельности. На практике, данный элемент проявляется «в готовности реализовать себя в профессиональной деятельности, стремлении быть полезным своему государству, готовности в случае необходимости встать на его защиту, готовности самоотверженно защищать свое отечество, его свободу и независимость»[3]. Чтобы сформировать данный компонент у молодежи, необходимо создание ситуаций, вызывающих любовь и гордость за свою Родину, например, чтение рассказов о героической деятельности партизанов на уроках, встречи с ветеранами и др. Второй компонент – когнитивно-интеллектуальный заключается в патриотических знаниях. Однако содержание некоторых знаний может меняться в зависимости от политической идеологии и эпохи в целом. Кроме того, сегодня в эпоху плюрализма мнений, можно любое знание подвергнуть сомнению. Так, например, 60% респондентов отмечают, что исторические события должны быть освещены с разных точек зрения[4]. Таким образом, даже подвиги героев войны могут подвергаться сомнению. Идея плюрализма, понижающая всю современную культуру, не может не затронуть и идею патриотизма. Эмоционально-чувственный компонент отражает

содержание, таких элементов как «патриотические чувства» и «патриотическое сознание», и направлен на формирование патриотических взглядов и убеждений. На практике этот компонент находит выражение в сопереживании родному дому, культурному наследию, природе малой Родины. Очевидно, что осознавая определенные знания, оценивая их, человек не может не испытывать тех или иных чувств. Например, изучение событий Великой отечественной войны, не может оставить равнодушными к подвигам и смерти солдат, мирных жителей. Великая Отечественная война традиционно является главным событием, которым гордятся россияне. Однако нельзя не отметить тревожных тенденций: чем младше возраст респондента, чем реже он вспоминает войну в качестве события, за которое испытывает гордость. Роль Великой Отечественной войны особенно сильна, пока она является частью личной памяти, истории семьи, пока живы бабушки и дедушки, способные передать молодому поколению память о героическом событии. Но с течением времени и сменой поколений она переходит из краткосрочной исторической памяти в область долгосрочной. Подобная гордость проявляется также при оценке научно-технических достижений советского прошлого, таких, как полет Юрия Гагарина, освоение космоса. Это значит, что современной России необходимы новые события и герои, за которых население будет ощущать гордость, и которые смогут сплотить русский народ. Сегодня учителя в духовно-нравственном воспитании уделяют большое внимание таким традиционным мероприятиям как патриотические игры, встречи с заслуженными людьми, поздравления ветеранов с Днем Победы, классные часы, походы по местам боевой славы, тематические уроки истории и литературы и т.д. Кроме того, обычно школа делает акцент на достижения прошлого, в то время как сами школьники отмечают, что «наряду с празднованием памятных дат, желательно увеличить количество мероприятий, которые будут способствовать формированию чувства гордости за сегодняшние достижения соотечественников в спорте, науке, культуре и т.п.»[5, с.100]. Последний практический компонент патриотизма заключается в представлении о том, как человек может проявить свой патриотизм, какие конкретные социальные действия он может предпринять для его выражения в реальной жизни. Очень часто в воспитании именно этот аспект является самым слабым. В школе обычно проявление патриотизма связано с участием в различных мероприятиях, встречах с ветеранами, участием в Зарнице, выступлении на соревнованиях за честь школы. Однако по

выходу из школы, человек попадает во взрослый мир, где практическими проявлениями патриотизма на слуху оказываются служение в армии, рождение и воспитание детей, участие в выборах и т.п. Часто эти цели являются слишком длительными, сложными, и часто откладываются или избегаются людьми вовсе. Понимание о том, что патриотизм как единство со своим народом может проявляться в элементарном уважении к соседям (уборка подъезда, негромкое слушание музыки), почему-то не приходит в голову. Многие сегодня «полагают, что сегодня ни школа (58%), ни средства массовой информации (69%) не воспитывают патриотизма. Что касается института семьи, то 44% считают, что родители воспитывают в своих детях чувство патриотизма, а 39% придерживаются противоположной точки зрения»[6]. Даже такие прямые агенты, как учителя, которые, казалось бы, обязаны реализовывать духовно-нравственное воспитание, далеко не всегда реализуют его. Причины могут быть разные, но в основном «не остается сил (53,5%), не знают, как (52,4%), нет времени (51,9%), не считают это своей задачей (47,2%)» [5, с.102]. Знание элементов патриотизма является неизменной вехой в воспитании патриотизма. Так как его развитие должно быть последовательным на каждом уровне. Если где-то происходит сбой, вся система перестает выполнять, свойственные ей функции. Однако формирование патриотизма должно происходить под влиянием нескольких системно-взаимосвязанных социальных институтов, одной школе данная задача не под силу. Сегодня важно объяснить молодежи, что плюрализм мнений имеет место не всегда и не везде. Нельзя быть в отдельных случаях патриотом, в других поступать, так как тебе выгодно лично для себя. Нужно научить молодежь реальным патриотическим поступкам, которые она могла бы реализовывать каждый день в мирной жизни. В школах нужно больше внимания уделять современным достижениям в науке, культуре и пр. Приглашать современных ученых и деятелей, показывать молодежи, что и сегодня в нашей стране есть, чем гордиться, помимо прошлого, Евровидения и Сочи. И конечно работа должна вестись и самими учителями и родителями, а так же на уровне государства. Невозможно привлечь патриотизм человеку к государству с высоким ростом преступности, бедности, коррупции и пр. Решение социально-экономических проблем и развитие культуры патриотизма должны быть совместным взаимосвязанным процессом.

Литература

1. Федоров В. Патриотизм у россиян - в прошлом // Московский Комсомолец. - 2010. - № 25392.
2. Першина Ю. В. Цивилизационный подход к развитию идей патриотизма в России с древности до начала XX века / Ю.В. Першина, Т. Ю. Еремина. - учеб.-метод. пос. Киров: КИПК и ПРО, 2009.
3. Адаева Н. В. К пониманию сущности патриотизма и патриотического воспитания учащейся молодежи // Человек и образование. - 2012. - № 1(30).
4. Школьные учебники по истории – какими им быть? / ФОМ. - Электрон. ст. - URL: <http://bd.fom.ru/report/map/d072906>, свободный. - Загл. с экрана. - Яз. рус.
5. Пронина Е. И. Особенности воспитания гражданственности и патриотизма школьников старших классов // Социс. - 2011. - №5.
6. Петрова А. С. Патриотическое воспитание молодежи / А.С. Петрова. - Электрон. ст. - URL: <http://bd.fom.ru/report/map/of040106>, свободный. - Загл. с экрана. - Яз. рус.

УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ЖИЗНЬЮ И СЧАСТЬЕ В СТРУКТУРЕ ПОКАЗАТЕЛЯ «КАЧЕСТВО ЖИЗНИ»

Панкратова Е.В. (Иваново, Россия)

«Качество жизни» можно определить как совокупность необходимых и достаточных условий для реализации достойной жизнедеятельности человека в социуме. Такую трактовку мы объясняем следующими моментами. Во-первых, понятие может использоваться для описания процессов жизнедеятельности различных субъектов, в том числе социальных общностей, но оценка качества жизни общности должна иметь в своей основе качество жизни входящих в нее индивидов. Во-вторых, качество индивидуальной жизнедеятельности зависит от объективных условий социума, в которых она реализуется. В-третьих, с помощью качества жизни не просто описываются жизненные процессы, но и производится диагностика качества. Объективные параметры оценки качества жизни вариативны, так как каждое государство устанавливает свои стандарты. Однако в современном мире существуют научно разработанные параметры, признанные международными гуманитарными организациями как условия, без

соблюдения которых говорить о качестве жизни не имеет смысла. Эти параметры постоянно уточняются и корректируются в зависимости от социально-экономической и политической ситуации, экологической обстановки и других факторов. Тем не менее можно и следует говорить о соблюдении необходимых условий. В-четвертых, оценку качества своей жизни производит сам человек. Он определяет, соответствует ли она его потребностям и запросам, ведет ли он достойную жизнедеятельность и способствуют ли условия жизни достижению его целей, т. е. достаточны ли они для него [1, с. 38 — 39]. Последний аргумент позволяет нам говорить о необходимости включения в качество жизни таких категорий как «удовлетворенность жизнью» и «счастье». Удовлетворенность жизнью («life satisfaction») - понятие, которое в современной российской социально-экономической литературе встречается не часто, не говоря уже о «счастье» («happiness»). Термин «life satisfaction» в зарубежной литературе используется как скорее экономический параметр, включающий оценку объективных жизненных условий, а также возможностей владеть чем-то желанным и удовлетворить собственные потребности. «Happiness» употребляется для общей оценки жизненного состояния. Это скорее настроение в конкретный промежуток времени. «Happiness» может определяться через понятие «благополучие» («well-being») [6, p.141]. В настоящее время, с точки зрения К. В. Харченко, можно говорить о двух основных подходах к пониманию категории удовлетворенности. Первый подход направлен на соотношение «удовлетворенности» и «оценки». Он сводится к тому, что от человека требуется оценить, доволен ли он некоторым объектом или стороной жизни. Ответ должен быть представлен в форме оценочного суждения. Такой подход исследователи называют рациональным и высказывают критику в его сторону. Второй подход направлен на соотнесение категории удовлетворенности с категорией состояния. Здесь говорится об удовлетворенности как состоянии внутреннего мира личности. Наиболее удачным вариантом исследования удовлетворенности является сочетание названных подходов [4]. В свою очередь оценка удовлетворенности жизнью человека относится к когнитивному компоненту, а оценка состояния счастья - к аффективному компоненту в структуре качества жизни [1, с. 61 - 64]. Ученые говорят о том, что подобные субъективные оценки способны интегрировать все жизненные аспекты, которые не под силу объективному анализу [3, с. 77]. Ощущение счастья в свою очередь относится к позитивному аффекту, влияние которых на

удовлетворенность жизнью очень велико. Например, при оценке будущего влияние позитивных аффектов в шесть раз больше, чем негативных. Если говорить о влиянии на текущую удовлетворенность жизнью, то известно, что воздействие негативного аффекта (стресс, депрессия) в три раза сильнее позитивного [2, с. 11 — 13]. Эмпирические методики оценки удовлетворенности жизнью и счастья достаточно разработаны в зарубежной социологии. В российской социологии данная проблематика также не получила достойного внимания исследователей. Так, параметр удовлетворенности жизнью фиксируется за счет как оценки удовлетворенности жизнью в целом, так и отдельных ее сфер. В первом случае в анкету или бланк интервью можно включить вопрос: «Как Вы ощущаете свою жизнь в целом?» Ответы предлагается разместить в пределах семиранговой вербально-числовой шкалы от «ужасно» (1) до «прекрасно» (7). Кроме этого, можно использовать серию «стилизированных лиц», которая представляет 7 — 9 рисунков, изображающих лица в различном состоянии: от улыбки до унылого вида. При оценке отдельных сфер жизни выделяются доминантные, например, здоровье, образование, работа, домашнее хозяйство, брак и семейная жизнь, социальное участие и др.[5]. Методики оценки счастья опираются также на использование различных шкал (наиболее популярна шкала с 9 оценками) или процентное распределение (в процентах оценить ситуации, в которых люди чувствуют себя счастливыми, несчастливыми или испытывают нейтральное состояние; сумма оценок не должна превышать 100%) [7]. Однако нужно иметь в виду, что применяя количественные методы (анкетирование с закрытыми вопросами, числовые или вербально-числовые шкалы) для оценки удовлетворенности жизнью и, тем более, счастья невозможно получить как информацию о мотивации выбранного варианта ответа, причинах, так и проследить эмоциональный настрой респондента, его реакции на вопросы о тех или иных проблемных сферах его жизни. В этой ситуации значительную помощь может оказать использование качественных методов, например, интервью с открытыми вопросами. Таким образом, при измерении качества жизни населения необходимо учитывать удовлетворенность жизнью и счастье. Оценки этих аспектов придают качеству жизни характер комплексного социального параметра, наиболее точно отражающего жизнедеятельность как отдельного человека, так и населения конкретной территории.

СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КАЗАЧЕСТВА В САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Петров Н.Р. (Саратов)

История происхождения казаков, время, условия зарождения, формирования, развития казачества на территории России уходят в глубокую древность и в настоящий период представляют одну из дискуссионных проблем в истории русского государства. Одни исследователи считают, что казаки были служилыми этносословными группами в составе русских и других народов России. Другие доказывают единство уклада хозяйства и быта, основу которых составляла воинская служба, что влияло на формирование казачества как этноса. К истории казачества неоднократно обращались историки и исследователи, как в царский период, так и в советское время. Работы дореволюционных исследователей были переизданы как в советское время, так и после 1991 года. Особый интерес к теме казачества проявился в новой России после 1991 года в связи с возрождением социального статуса казаков, в том числе и в Саратовской области. В 2008 году была издана «Энциклопедия казачества», в которой приводится объяснение названия «казаки» как народности, образовавшейся в начале новой эры в результате генетических связей между Туранскими племенами скифского народа Кос-Сака или Ка-Сака и Приазовских славян Меото-Кайсаров с примесью Асов-Аланов или Танаитов (Донцов). В Саратовской губернии казаки появились из-за смеси астраханских и донских казаков. В составе Российского государства казачьи войска высоко ценились, их быт и внутренняя организация всячески поддерживались правительством. Цели и задачи деятельности Саратовского округа ВВКО На сегодняшний день на территории Саратовской области действуют 25 казачьих подразделения: Зарегистрировано в установленном порядке в Управлении Министерства Юстиции по Саратовской области. Основное поле деятельности для казаков в области сегодня – это содействие органам МВД в охране общественного порядка, взаимодействие с органами наркоконтроля, пограничниками, Управлением ФСБ РФ по Саратовской области, Военным комиссариатом по Саратовской области и организация военно-патриотического и спортивного воспитания молодежи. Военно-патриотическое воспитание молодежи Одним из главных направлений работы Саратовское окружное казачество считает

осуществление военно – патриотического воспитания молодежи. В условиях нашего времени казачество выполняет роль, не только некой военной организации, но и так же помогает воспитывать молодое поколение. Д.А. Медведев в одном из своих выступлений поручил казакам воспитывать всю российскую молодежь. В г. Саратове и районах области количество казачьих кадетских классов постоянно увеличивается. Примером является МОУ СОШ № 43 г. Саратова, где первый казачий кадетский класс был открыт ещё в 2004г. За шесть лет учебная и внеурочная жизнь в казачьих классах Саратовской области сложилась в систему. В её основе - духовно-нравственные традиции и устои казачества, основанные на Православной вере, воспитание у молодого поколения патриотических качеств, дисциплины и ответственности. В казачьих классах накоплен значительный опыт воспитания толерантности, чему во многом способствует сотрудничество с Саратовской Епархией Русской Православной Церкви и Духовным Управлением Мусульман Поволжья. В 2011г. на территории Саратовской области было открыто 15 казачьих кадетских классов. На сегодняшний день по учетным данным общее количество кадетов в общеобразовательных учреждениях области составляет: Общее количество казачьих классов -49 ,количество учащихся-1017. Так же в 2012 году запланировано открытие казачьих кадетских классов на территории области. Профориентации воспитанников казачьих классов также способствует взаимодействие СВВКО с УФСКН РФ по Саратовской области, ПУ ФСБ РФ по Саратовской области, ОМОН ГУВД по Саратовской области, УВД по г. Саратову. Особое внимание в казачьих классах уделяется патриотическому и духовно - нравственному воспитанию. С этой целью введена и действует система детского самоуправления: детские казачьи круги, советы командиров. Атаман казачьих классов МОУ «СОШ №43» Косырев Никита является членом Международного координационного центра православной казачьей молодёжи. В казачьих классах области существуют традиции, связанные с общим построением воспитанников и выносом знамён в Дни воинской славы, в Дни государственных праздников, в Дни воинских праздников российского казачества. По утверждённому плану воспитательной работы проводятся построения, строевые смотры, праздники, концерты, спортивные турниры, круглые столы, встречи со священнослужителями и другие мероприятия. Взаимодействие с РПЦ. Все время своего существования казаки активно сотрудничают с РПЦ, казаки станичных (городских)

казацких обществ активно участвовали во всех праздничных богослужениях, проводимых в приходах Саратовской Епархией РПЦ, оказывали помощь в охране общественного порядка при проведении массовых мероприятий, крестных ходов и общественно-значимых акциях, проводимых Саратовской Епархией РПЦ.

Социологическое исследование. В целях моего исследования было взято интервью у атамана Саратовского отдела Волжского казачьего войска Фетисова Андрея Викторовича (информант). На вопрос что сподвигло его на развитие казачества в наше время, информант пояснил, что он казак по роду и развивать казачество у него в крови, но не все казаки даже родовые участвуют в развитии казачества. Далее я задал вопрос о нравственном воспитании казаков сейчас. «У нас ведется активная работа с РПЦ, каждый год мы организовываем рождественские елки вместе с церковью, так же в селе Луганское сейчас мы строим свою церковь в наших кадетских казачьих классах где учатся порядка 1000 юных казаков ведутся занятия по религиозному воспитанию, в православных лагерях наши юные казаки отдыхают каждое лето. Мы продолжаем традиции наших предков, обучая юных казаков владению шашечного и рукопашного боя, езде на лошадях и многому другому». Далее я поинтересовался у информанта, какова численность личного состава Саратовского отдела ВКВ, на что он ответил – «строевых казаков (те кто несут госслужбу) - 4 000 человек, а всего около 8 000 человек, и с каждым годом число казаков в области увеличивается». По мнению информанта так же ведется активная работа по развитию казачьей этнокультуры, казаки работают по вопросам патриотического воспитания граждан. Лидеров казачьих движений часто приглашают на заседания совета по национальной политике и на советы по безопасности губернии. По собственной инициативе казаки патрулируют леса, водоемы, центральные улицы города и поддерживают порядок не только на территории самого города, но и всей Саратовской области. Ну и напоследок был задан вопрос о казачьих семьях, чем обычно занимается казачья семья в области и в городе? Какие основные отличия городской и сельской казачьей семьи? Информант ответил: «Есть небольшое отличие между бытом и нравами городских и сельских казачьих семей, а отличие это состоит в сфере занятости семьи. В городе казаки обычные рабочие и государственные служащие, а в области и в частности на селе, казаки занимаются сельским хозяйством, держа собственные не большие подворья. Атаман связывает это с разными сферами труда в городе и области».

Экономические проблемы Но не так

все хорошо как хотелось бы, по словам информанта, есть и проблемы в развитии казачества в нашем регионе. Главными проблемами он называет полное отсутствие финансирования казачьего полка в регионе. По сути дела, охрана города казаками ведется за счет самого казачества, тут на помощь приходит малый бизнес, созданный самим казачеством губернии. На Кубани, на Дону всем казакам платят жалование, а в нашем регионе нет. Нет его еще по одной причине, которую мне назвал в беседе Фетисов, в Саратовской области нет единого закона о казачьих войсках. Когда заходит разговор о финансировании казачества, или о создании этого закона, то местные власти сразу откладывают на последующие годы, мотивирую тем, что в регионе на это просто нет средств. Мы надеемся, что к казакам нашего региона власти, наконец-то повернутся лицом, и пойдут на встречу в развитии казачества в нашем регионе в ближайшее время.

ФАКТОРЫ СТАБИЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: СОЦИАЛЬНО- ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Петушков С.А. (Санкт-Петербург)

Стабильности в современном российском обществе не так уж и мало, как может показаться на первый взгляд. Если рассматривать экономику, то она уже давно и стабильно ориентирована на экспорт сырья, прежде всего энергоносителей. Если рассматривать политику, то здесь наблюдается не столь продолжительная, но достаточно сильно выраженная стабильность. Если учитывать, что практически все властные полномочия находятся в руках президента, который формирует правительство, то становится очевидным: с 1991 года не происходило смены правящей элиты. Была медленная ротация, которой не могло не быть, но смены не было. Были (и остаются) преемники, дуумвираты – смены не было. Одни могут рассуждать, что это хорошо, другие – что это плохо, но это стабильность, и это нужно констатировать. В религиозной сфере российского общества стабильность наблюдается на более длительном отрезке. Как институты советского общества не пытались сформировать атеистическую культуру, в долгосрочной перспективе им это не удалось.. Их усилиями советское общество было менее религиозным, чем общество конца XIX – начала XX века, но в постсоветский период религиозность стала восстанавливать свои позиции. По крайней мере, имел место устойчивый рост числа россиян,

идентифицирующих себя как православные; в 1989 году таковых было 20%, в 1990 году – 30%, в 1995 году – 50% и к 2008 году – 70% [3, с.137-141]. Получается, что религиозность общества выходит на свой «естественный» уровень. Если стабильности не так и мало, почему тогда остро выражена потребность в стабильности? Дело в том, что существующая стабильность неустойчива. Это показывает, в частности, исследование обеспеченных россиян. Они много что имеют, они строят или покупают жильё, они отдыхают за рубежом, они ценят образование и получают его. Единственное, чем они недовольны – уровнем безопасности [2]. Им есть что терять, и в ситуации слабого закона и распространённой преступности они опасаются потерь. Это ощущение нестабильности. Если обеспеченные россияне не чувствуют себя уверенно, то тем более не могут этого сказать о себе простые жители, которые и адаптированы хуже, и ресурсов для защиты у которых меньше. Получается, что ситуация в стране относительно стабильна, а жители своё положение стабильным назвать не могут. Каковы факторы стабилизации в политической сфере? Их достаточно много, в данной работе будут рассмотрены только некоторые из них. Представляется, что главную роль в поддержании стабильности играет политическая пассивность населения. Вообще влияние политической активности населения на политический режим, а значит, и политическое устройство, видится значительным. Демократия мертва без политической активности населения; даже если правящая элита будет состоять из поклонников этого режима, но население будет инертным, демократии не будет, будет только её картинка, имитация. Тоталитаризм нуждается в массах, которые готовы работать на идею, в идеале – жертвовать собой ради неё. Получается, что политическая пассивность воспроизводит авторитарные порядки. За 2000-е годы в России выросло целое поколение людей, которые ничего не ждут ни от органов власти, ни от социальных институтов. Их жизнь автономна от политики – они не участвуют в политике и не пытаются на неё влиять, они реализуют себя вне неё. Имеет место некоторая противоречивость. По данным комплексного исследования ИСРосАН, проведённого в 2007 году, 57% россиян считали, что участие граждан в общественно-политической жизни необходимо для нормального функционирования общества, но при этом 71% заявили о своей невозможности участия в политике, только 20% – о своей информированности о политике, и только 11% – что знают, как действовать, чтобы их позиция повлияла на политические решения. В странах ЕС среднее значение последнего показателя гораздо выше –

34% (данные по ЕС – начало 2005 года) [4, с.72-81]. Россияне становятся активными, когда затрагиваются непосредственно их интересы. Тогда возникают «движения одного требования» – автомобилистов, протестующих против ограничений на импорт, обманутых дольщиков, пайщиков и т.д. Правительству легко погасить эти локальные требования, дав протестующим компенсацию или пообещав её. Локальности и разрозненности протестов способствует расколота́тость общества. Традиционное общество было стабильным в том числе и потому, что население было разобщено, разбросано по политическим общинам. Жители были едины культурно, но разобщены территориально. Расколота́тость современного урбанизированного общества имеет противоположный характер – жители едины территориально и разобщены культурно – у них разные установки и ориентации на возникающие проблемы. Какие разные установки существуют в современном российском обществе, можно видеть на примере опроса ВЦИОМ (май 2012 года) по отношению к акциям протеста оппозиции. 7% россиян сами готовы участвовать в этих акциях, 15% - поддерживают, но не участвуют, 33% относятся безразлично, 26% не поддерживают митингующих, но считают, что они имеют право на проведение митингов, и 14% высказываются против проведения подобных митингов [5]. То, что модальным является самое инертное отношение, показатель политической пассивности, что было рассмотрено выше. Но дело даже не в этом. Активное, но расколотое общество может создать только движение броуновского типа – много незначительной разнонаправленной активности, но в целом сохраняется стабильность. Если население для сохранения стабильности должно быть пассивно и расколото, то элита, напротив, должна быть консолидирована. Элиты являются держателями ресурсов, даже небольшие сегменты элиты обладают достаточным потенциалом противодействия, а главное – они могут апеллировать к населению, призывать его к борьбе с несправедливостью, привлекать стремлениями к лучшему. Консолидация элиты способствует политической пассивности населения. О консолидации российской элиты говорят отсутствие острой политической борьбы, предсказуемость выборов на федеральном уровне, слабость как парламентской, так и уличной оппозиции. О причинах консолидации элиты можно говорить долго; представляется, что прежде всего все сегменты элиты устраивает статус-кво – бюджет страны наполняется нефтедолларами, которые оседают прежде всего в крупных городах и в высших слоях общества, а при политической пассивности

населения можно не опасаться протестов и сохранять нефтедолларовую прибыль в своих руках. То, как долго может работать такая стратегия, не учитывается; размышления об этом точно имеются, но в плоскость политических решений они не переходят. Ещё один фактор стабильности политической ситуации в стране можно найти в экономической политике. Известно, что в России безработица менее распространена, чем во многих странах ЕС, прежде всего переживающих кризис. Помимо самого кризиса, первая волна которого затронула и Россию, влияет то, что в странах ОЭСР и России действуют разные модели адаптации рынка труда к негативной конъюнктуре. В странах ОЭСР увольняют часть работников, но доходы остальных остаются прежними; в России стараются не увольнять работников до последнего, но зато их переводят на сокращённый рабочий день, отправляют в отпуск, задерживают зарплату[1]. Можно долго спорить об справедливости и эффективности этих тактик, но российский вариант является более стабилизирующим, и можно быть уверенным – правительство заинтересовано в его сохранении. В странах же ОЭСР одни люди продолжают получать высокую зарплату, другие остаются ни с чем. Они не только теряют благосостояние, но и ощущают, что с ними поступили несправедливо. Шансы на акции протеста и дестабилизацию резко возрастают. В заключение необходимо сказать: если абстрагироваться от конкретных факторов и их влияния на политическую ситуацию, то картина более чем знакомая. Известно классическое выражение революционной ситуации: низы не хотят жить по-старому, верхи не могут по-старому управлять. Стабильности лучше всего соответствует противоположная комбинация: низы согласны жить по действующим порядкам и верхи могут управлять в соответствии с ними. О том, что элиту сложившаяся ситуация в целом устраивает, уже говорилось. Не могу утверждать, что народные массы согласны так же жить и дальше, но в ситуации минимума протестов и политической активности можно применить поговорку: «молчание – знак согласия». Что касается вроде бы странной комбинации, когда ситуация в стране стабильна, а положение жителей – нет, то опять же напрашиваются аналогии с броуновским движением: тело стабильно, а его микрочастицы – нет.

Литература

1. Гимпельсон В.Е., Лукьянова А.Л. О бедном бюджетнике замолвите слово: межсекторные отличия в заработной плате. М., ГУ ВШЭ, 2006.

2. Давыдова Н.М., Седова Н.Н. Материально-имущественные характеристики и качество жизни богатых и бедных // Социс, 2004, № 3.
3. Общественное мнение. Ежегодник Левады-центра. М., 2009.
4. Петухов В.В. Политическая активность и гражданское участие в контексте российской идентичности // Полис, 2008, № 1.
5. Пресс-выпуск ВЦИОМ, май 2012.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ АНОМИИ

Плетнев А.В. (Санкт-Петербург)

Социальная anomia является одной из основных категорий, используемых для интерпретации процессов, происходящих в современном российском обществе. Примечательно, что проблема anomia интересует исследователей уже не одно тысячелетие. Еще в религиозных текстах христиан и трудах античных философов понятие anomia использовалось как общее слово[1]. Наибольшее количество исследований по проблеме anomia было проведено в 50-60 годы XX века, когда данная проблема стала доминирующей теорией криминологии[2]. Конец XX века характеризуется возрождением интереса к изучению anomia. Понятие anomia является своеобразной антитезой понятию нормы. Логично предположить, что пока социологов интересует понятие нормы, их будет интересовать и проблема нормативного вакуума. Непреходящая актуальность проблемы anomia и появление новых публикаций по данной теме делают актуальным вопрос о том, какие перспективы открывает перед социологами изучение социальной anomia. Иными словами необходимо определить тот вектор развития теории anomia, который окажется наиболее плодотворным. Этот вопрос является особенно актуальным для современной российской социологии. Хотя с начала 90-х годов в России появился ряд оригинальных теорий и эмпирических методов исследования anomia[3], все эти разработки не встроены в единую исследовательскую школу или ряд школ. По сути, перед нами несколько теорий, никак не связанных между собой. В англоязычной традиции изучения anomia сложилась прямо противоположная ситуация. Все теоретические разработки современных англоязычных исследователей основаны на теории Р. Мертона. Концепция Мертона дополнялась, незначительно модернизировалась или применялась к

конкретным ситуациям последователями Р. Мертона. Сама теория Р. Мертона и основанные на ней теоретические исследования именуются «Теорией напряжения»[4]. В современном мире проблема аномии не теряет актуальности по причине того, что изменение коммуникативных технологий неизбежно приводит к изменению характера социального взаимодействия. В частности появление электронной почты, социальных сетей, форумов и других коммуникативных технологий приводит к развитию преимущественно горизонтальных связей между индивидами[5]. Одной из главных задач, на которых следовало бы сосредоточиться при построении теоретических концепций аномии, является рассмотрение этого явления на всех уровнях. Аномия проявляется как состояние общества в целом, а также на уровне социальных групп и отдельных индивидов. Если западные теоретики предпринимают попытки подобного многоуровневого анализа проблемы, то их российские коллеги рассматривают аномию исключительно как социальное и групповое явление. Аномия на уровне личности не принимается во внимание ни социологами, ни криминологами. Единственным исключением являются работы Лео Сроула, которого отечественные исследователи иногда цитируют. Не менее важной задачей является разработка и стандартизация специфических методов измерения аномии. Существующие теоретические разработки позволяют выделить большое количество индикаторов аномии[6]. И хотя подобное разнообразие полезно для проведения эмпирических исследований, оно затрудняет проведение сравнительных исследований аномии, к которым можно отнести кросс-культурные исследования и регулярные мониторинги уровня аномии в отдельно взятом обществе. Необходимо заметить, что существует как минимум два индикатора, которые часто используются при измерении аномии. К ним относятся уровень самоубийств и уровень преступности. Рассмотрение вопроса о методологических проблемах в использовании этих индикаторов требует написания отдельной, серьезной статьи. Здесь же нам следует отметить, что использования этих индикаторов недостаточно для полноценного изучения аномии, которая проявляет себя во всех сферах общественной жизни (экономическая, политическая, сфера семейных отношений и динамика демографических показателей, религиозная и пр.). В одном из недавних исследований аномии было доказано, что индикаторы аномии в различных сферах общественной жизни демонстрируют схожую динамику[7]. Но это еще не означает, что в любом обществе и в любое время различные индикаторы

аномии будут коррелировать между собой. Подобный вывод, вполне обоснованный в теории, необходимо еще доказать. Отечественные исследователи потенциально способны внести существенный вклад в решение этих задач, а также дальнейшее развитие теории аномии. В отличие от западных коллег, российские социологи явно не страдают от недостатка свежих идей. При этом, к сожалению, российские разработки не приведены в какую-либо систему и практически не известны в англоязычном мире. Поскольку аномичное состояние современного российского общества является актуальной и значимой проблемой, то и развитие теории аномии является важным направлением для теоретической социологии. Развитие теории аномии и совершенствование эмпирических методов ее изучения потенциально могут стать основой для разработки практических рекомендаций по преодолению таких последствий аномии, как различные формы девиантного поведения и демографические проблемы.

Литература

1. Mestrovic, S. G., and H. M. Brown. Durkheim's Concept of Anomie as Deregulation.// Social Problems 1985. vol. 33. p.81.
2. Nikos Passas, Robert Agnew. The future of anomie theory. Northeastern University Press, 1997 - Всего страниц: 240 с. 1.
3. Кривошеев В. В. Особенности аномии в современном российском обществе // Социологические исследования. 2004. № 3. С. 93
4. Hagan F. Introduction to criminology: Theories, methods, and criminal behavior. SAGE Publications, Thousand Oaks 2010. p. 148.
5. Кривошеев В. Короткие жизненные проекты: проявление аномии в современном обществе // Социологические исследования №3, март 2009. С.58-59.
6. Ефимова В.М. Педагогический контекст феномена аномии в профессиональной деятельности по здоровьесбережению учащихся / В.М. Ефимова // Вестник ХНУ имени В.Н. Каразина. Серия: Валеология. – Харьков, 2009. – 862. – Вып. 6. С. 67.
7. Плетнев А. В. Динамика выхода современного российского общества из состояния аномии : автореферат дис. кандидата социологических наук : 22.00.04., 2012. – 27 с.

О ПОВЫШЕНИИ РОЛИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Развитие современного общества неотделимо от развития его социальной сферы: социальная сфера выступает и условием, и результатом движения общества вперед. Состояние социальной сферы отражает сложившийся уровень оптимального решения обществом и государством социальных проблем и открывает новые возможности и пути социального совершенствования. Научным анализом и исследованиями социальной сферы традиционно занимается социология. Фокусируясь на закономерностях, механизмах и принципах функционирования и развития общества как социальной системы, социология дает оценку уровня развития социальной сферы, позиционирует ее в социальном пространстве, выявляет противоречия и формулирует научный заказ на разработку новых практико-ориентированных подходов к ее управлению. Одной из широко обсуждаемых проблем является роль социальной работы в становлении и развитии социального государства. Эта проблема заставляет искать точки взаимодействия социологии и социальной работы и проецировать это взаимодействие на плоскость функционирования и развития социального государства. Социальная работа еще не до конца осознана российским обществом как широкомасштабная деятельность, объектом которой выступают практически все слои населения, а не только нуждающиеся и «слабо» защищенные. По мнению Е.И. Холостовой, под социальной работой понимают целенаправленную деятельность в обществе по оказанию помощи и поддержки различным категориям населения, попавшим в сложную жизненную ситуацию. Главная цель социальной работы – забота о благосостоянии и раскрытие возможностей и способностей личности, семьи, общества к нормальному социальному функционированию [1,с.154]. Важнейшими формами деятельности в социальной работе являются социально-политические акции, работа в сфере общественного образования, создание и управление социальными службами, предназначенными для регулирования отношений, отмеченных социальной напряженностью. Во всех этих направлениях у российского общества существует немало нерешенных организационно-управленческих и правовых проблем. В узком смысле, по мнению П.Д. Павленка, объектом социальной работы является срез социальных отношений, который связан с решением проблем социальной защиты, социальной помощи и поддержки наиболее уязвимых слоев населения, для понимания которых необходима социологическая информация [2]. Социология

выступает методологической базой социальной работы, в свою очередь социальная работа предоставляет информацию, которая может быть использована для прямого или косвенного воздействия через социальную политику на социальную среду в благоприятном для людей направлении. Это взаимодействие является сложным, т.к. категории социально уязвимых граждан многочисленны, их проблемы полиморфны, а состав и статусные характеристики значительно различаются. Поэтому для изучения сущности и специфики социальной работы в современных условиях применим наряду с системным и синергетический подход, который подчеркивает, что любая социальная система (социальная работа) имеет множество путей эволюции, что находит выражение в многообразии форм и методов практики социальной работы как в западных странах, так и в России. Важной особенностью развития системы социальной работы сегодня является то, что по мере движения от низовых структур к региональным и государственным снижается степень влияния субъективно-личностной составляющей в пользу реализации задач социальной работы через государственную политику и систему правовой регуляции жизни общества. На низовых уровнях организации социальной работы механизм ее реализации состоит в деятельности профессионалов-исполнителей (социальных работников)[3]. Т.о. дальнейшее совершенствование системы социальной работы зависит от эволюции механизма координации и отношений сотрудничества профессионалов разных уровней, от выработки интегрированных стратегий, от формулировки и признания ценностных систем. В этой связи большое значение имеет признание социальной работы как важнейшего элемента в системе социального государства. Социальное государство сегодня трактуется как наиболее целесообразный способ соединения начал свободы и власти в целях обеспечения благополучия личности и благоденствия общества, обеспечения социальной справедливости в распределении продуктов труда [4, с.63]. Две основные модели социального государства – государство всеобщего благоденствия и государство, благоприятствующее труду, – по-разному подходят к роли государства в обеспечении граждан и в предоставлении им определенной свободы деятельности. Государство всеобщего благоденствия должно стремиться расширять спектр услуг, увеличивать долю и размер пособий категориям, нуждающимся в поддержке. Модель государства, способствующего труду, основана на мобилизующей роли государства в активной инновационной

деятельности граждан, на поддержке социально полезной деятельности и инициативы. Обе модели предполагают развитие сферы охвата и видов практики социальной работы. В истории становления социальной работы можно проследить две параллельные линии, создающие институциональную и организационную основу социальной работы, – это расширение социальных функций государства и формирование гражданского общества, распространение независимых самостоятельных организаций, выполняющих социальные функции (например, в Великобритании ассоциации взаимопомощи; в СССР – кассы взаимопомощи). Механизмом дальнейшего развития этих линий выступает социальная ответственность, реализуемая как на уровне государства, так и на уровне общностей, организаций, личности. Социальная ответственность как разделяемая всеми этика личной ответственности за благосостояние ближнего, этика взаимного уважения формирует готовность каждого индивида вносить вклад в общее дело, поддерживать тех, кто нуждается в поддержке, ориентироваться на отношения партнерства. В условиях расширения экономической свободы принцип личной ответственности позволяет обдуманно действовать, стремиться к совершенствованию знаний, навыков, своего характера, т.к. «свобода не может быть реальной, если все мы не принимаем на себя обязательство относиться к другим с должным уважением» [5, с. 54]. Существовавшее долгое время доминирование государства в решении социальных проблем в российском обществе обнажило серьезный недостаток в сфере социальной ответственности, без изменения положения дел в этом вопросе невозможно далее надеяться на построение социально-экономических моделей с «человеческим лицом». Социальная ответственность вырастает как результат комплекса взаимодействий между социологией, социальной работой и сферой социального управления.

Литература

1. Е.И. Холостова Социальная работа: история, теория, практика: учебник для бакалавров / Е.И. Холостова – М.: Изд-во Юрайт, 2011. -905с.
2. П.Д. Павленок Социологический аспект социальной работы // www.isras.ru/files/File/sicis/2011-7/Pavlenok.pdf. (Дата обращения 18.09.2011)
3. М.А. Лыгина Синергетические основания социальной работы// Социально-гуманитарные знания, 2010, №5. С.117-129.

4. Ф.И. Шарков Основы социального государства.- М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2012.-314с.

5. Д. Грин Возвращение в гражданское общество: Социальное обеспечение без участия государства / Пер с англ. М.: Новое издательство, 2009. – 220с.

УСТРАНЕНИЕ ДЕВИАЦИЙ В ПОДРОСТКОВОЙ СРЕДЕ СИЛАМИ СТУДЕНТОВ ДОБРОВОЛЬЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Полетавкина М.Г. (Барнаул)

Молодежные добровольческие организации могут выступать субъектом социального партнерства, и тогда многие проблемы современного общества будут решаться легче при помощи действий субъектов сообща. Доброволец – существо будущего, гражданин мира, шанс человечества на выживание [1, с. 23]. История человечества не помнит такого общества, которому были бы чужды идеи добровольной и бескорыстной помощи. Добровольная помощь, оказываемая человеком или группой людей обществу основана на идеях бескорыстного служения гуманным идеалам человечества и не преследует целей извлечения прибыли, получения оплаты или карьерного роста. Она может принимать различные формы: от традиционных видов взаимопомощи до совместных усилий тысяч людей. Деятельность добровольческих организаций регулируется Федеральными законами, среди которых есть закон «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» (7 июля 1995 г.), дающий юридическое определение волонтера: «Добровольцы – граждане, осуществляющие благотворительную деятельность в форме безвозмездного труда в интересах благополучателя, в том числе в интересах благотворительной организации». [2, с. 5]. Практическим примером решения задач молодежных добровольческих организаций служит проект создания и развития добровольческой молодежной организации СОБР на факультете социологии АлтГУ. СОБР – это студенческий отряд быстрого реагирования в ситуации оказания помощи и поддержки несовершеннолетним, находящимся в конфликте с законом. В настоящее время проблема девиантного или отклоняющегося поведения подростков приобретает весьма актуальное значение. Это объясняется теми глубокими преобразованиями, которые происходят в современной России.

Имеется немало проблем, особенно социального характера, которые способствуют росту негативных явлений, в том числе и отклонений от норм общественной жизни. Проект «СОБР» нацелен: во-первых, на развитие сети социальных контактов несовершеннолетних; во-вторых, на оказание им помощи и поддержки в преодолении социально-опасного положения; и, в – третьих, на приобщение подрастающего поколения к здоровому образу жизни. Проект реализуется в социальном партнерстве в течение одного года. Участниками СОБРа являются студенты-волонтеры, которые были отобраны по результатам конкурса-эссе «подросток и закон». Для профессиональной поддержки волонтеров, их подготовки к работе были проведены две социально-психологические студии, где студенты приобрели знания и умения по установлению контакта с несовершеннолетними и оказанию им помощи в процессе реабилитации. Работа позволила нивелировать барьеры-трудности волонтеров при взаимодействии с несовершеннолетними, таких как – установление контакта с подростком, боязнь общения с данной категорией несовершеннолетних, сложность распределения времени на данный вид работы, преодоление барьера «разных взглядов» волонтера и подростка на способ проведения досуга. Деятельность организации СОБР включает 4 направления. Первое – выездные интенсивы. В 2011 году их было 2 – первый в городе Камень-на-Оби, где волонтеры работали в социально-реабилитационном центре «Лучик» и в специальной школе закрытого типа; и второй – в городе Новосибирске, где был тиражирован опыт работы на уровне Сибирского Федерального округа. Второе направление – реализация технологии «Старший брат». Это технология социально-культурной реабилитации несовершеннолетних. По итогам её реализации достигнута удовлетворенность несовершеннолетних социально-позитивным общением с волонтерами и мероприятиями проекта – мероприятие в арбалетно-лучном тире «Шервудский лес», спортивные соревнования в боулинге, концерт группы «Ария», посещение кинотеатра, театра музыкальной комедии. Третье направление – информационно-консультативное, реализующееся при помощи технологии «Виртуальный консультант». Для обеспечения непрерывного общения с несовершеннолетними был создан Интернет-форум, удовлетворяющий запросы подростков в получении конфиденциальной помощи специалистов, волонтеров и сверстников (зарегистрировано доменное имя в сети Интернет www.sobr.pro). Ребята интересуются такими темами, как – будущая профессия, чем заняться в свободное время, планы на лето, как избежать конфликтов с

родителями. На форуме зарегистрировано 92 пользователя и порядка 200 сообщений. Четвертое направление – социальная реклама. Она направлена на трансляцию опыта работы. В настоящее время социальная реклама распространяется на пилотных территориях – социальных партнерах проекта, которые помогают её тиражировать на территории края и за её пределами. Опираясь на опыт работы, можно предложить следующие методические рекомендации по оптимизации работы добровольческих молодежных организаций: - создавать благоприятные организационные условия для работы добровольцев и привлекать человеческие и финансовые ресурсы, необходимые для их вовлечения и деятельности добровольцев; - проводить постоянный мониторинг потребностей участия молодежи в добровольческой деятельности - расширять информационное поле в области добровольчества и обеспечивать доступность информации для всех групп граждан; - осуществлять координаторам по работе с добровольцами обмен опытом реализации социальных инициатив; - создавать и развивать инфраструктуры поддержки добровольческих инициатив - укреплять сотрудничество организаций, развивающих добровольчество на основе специализации и выработанных стратегий, в направлении формирования эффективно действующей системы поддержки добровольчества; - обеспечение социальных гарантий для молодых добровольцев посредством закрепления его правового статуса

Литература

1. Шиндаулетова, С.С. Проблемы правового регулирования волонтерской деятельности: Обзор/С.С. Шиндаулетова. – СПб: Фортесс, 2008.-44 с.
2. О благотворительности и благотворительных организациях: Федер. Закон от 11.08.1995 №135-ФЗ. – В ред. От 22.08.2004.-Ст. 5.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ ВЫПУСКНИКОВ ВУЗОВ СФЕРЫ КУЛЬТУРЫ

Посохова Н.В., Гричаникова И.А., Свиридова И.И. (Белгород)

Белгородский государственный институт искусств и культуры завоевал прочные позиции в регионе как современное учреждение образования, осуществляющее качественную профессиональную подготовку специалистов, востребованных в

регионе. Это позволяет ему занимать лидирующее место в определении культурной политики региона и осуществлять функции образовательного центра в системе всех уровней художественного и культурологического образования. Работу коллектива отличает стабильность, динамизм, высокий профессиональный уровень педагогических кадров. Одна из важнейших проблем существующего образования проявляется в несоответствии уровня выпускаемых вузами специалистов потребностям общества, динамике его развития. Отмена государственного распределения молодых специалистов в начале 90-х годов прошлого века внесла коррективы в систему трудоустройства выпускников, работающих в условиях свободного рынка труда. Это требует от вуза поиска новых подходов в подготовке специалистов, оказания помощи в трудоустройстве и профессиональной адаптации. Востребованность, содействие трудоустройству и профессиональная адаптация выпускников является приоритетным направлением деятельности вуза и напрямую связано с эффективностью профориентационной работы, так как успешность выпускников является показателем престижа вуза и лучшей ему рекламой. В вузе созданы все условия, чтобы полученные профессиональные знания выпускники в дальнейшем использовали для создания новых творческих театральных, музыкальных и хореографических коллективов, культурно-досуговых центров, современных библиотечно-информационных структур, музеев, туристических фирм. Востребованность специалистов — один из важнейших показателей качества подготовки выпускников. Председатели Государственных аттестационных комиссий отмечали высокий уровень качества подготовки выпускников. В отзывах работодателей наших выпускников также дается достаточно высокая оценка качества их подготовки, отмечается быстрое продвижение по ступеням служебно-профессиональной деятельности. Институт гордится своими выпускниками, которые внесли и вносят существенный вклад в развитие культуры и искусства региона. Они успешно вливаются в кадровый потенциал Белгородской области в качестве руководителей административных структур, учреждений культуры, актеров, режиссеров, художественных руководителей ансамблей, оркестров, хореографических, хоровых коллективов. В их числе народные, заслуженные артисты России, заслуженные деятели искусств, заслуженные работники культуры России. Большинство из них занято в отрасли культуры и искусства Дальневосточного региона. Выпускники института — его гордость и судьба. Сегодня они

являются работодателями, принимают на производственную практику и работу новое поколение студентов и передают эстафету в будущее. Среди них руководители и специалисты органов управления культуры городов, областей и районов региона, директора библиотек, домов культуры, театров, музыкальных школ, различных творческих коллективов. В институте функционирует центр по содействию трудоустройства выпускников. Решение настоящей проблемы считается одной из приоритетных задач работы вуза. В ситуации, сложившейся в профессиональной сфере за последние пять – десять лет, просматриваются характерные изменения требований к уровню подготовки кадров. В основе изменений требований имеются такие основания как: практическая готовность к деятельности, наличие минимального опыта работы, а также знание специфики того или иного вида деятельности, которое можно приобрести, проработав какое-то время в своей профессии. Институт стремится готовить специалистов для работы в условиях реальной жизни с учетом специфики региона. В БГИКМ стало традицией проведение презентаций выпускников на выпускающих кафедрах. Студенты принимают участие в ярмарках профессий. Концертная деятельность выпускников является хорошей демонстрацией профессионально-значимых качеств для будущих работодателей. Научно-практические конференции, проводимые в вузе, обязательно предусматривают встречи студентов со специалистами отрасли. Успех студентов связан с успешностью вуза. В Белгородском государственном институте культуры и искусств учебный процесс всегда строился совместно с профессионалами сферы культуры и искусства, последовательно с учётом исторических традиций осуществлялось формирование среды успешности, а значит уверенности выпускников в своих профессиональных навыках. Наши выпускники призваны создавать условия для творческого развития личности, путём приобщения к искусству, научной информации, ценностям культуры. Мы стремимся к тому, чтобы студенты после каждого курса приобретали не только новые знания, но и поднимались на очередной этап овладения профессией. Поэтому одной из ключевых целей обучения мы считаем учебно-профессиональную деятельность студента. Институт стремится готовить специалистов для работы в условиях реальной жизни с учётом специфики региона. Показателем качества подготовки выпускников является их успешная профессиональная адаптация в современных экономических условиях, положительные отзывы с мест работы. Профессиональная адаптация рассматривается нами как

составная часть профориентации, включающая психофизиологический, социально-психологический, организационный и собственно профессиональный аспекты. Отсутствие современных технологий адаптации молодых специалистов к их профессиональной деятельности является одной из проблем, существенно влияющих на эффективность системы «вуз — работодатель». Наш институт, сохраняя сложившиеся традиции сотрудничества с учреждениями культуры и искусства отрасли, в настоящее время формирует систему взаимодействия «вуз — работодатель» с учётом иных социально-экономических условий и требований рынка труда. В формирующуюся систему входят такие обязательные компоненты как корректировка образовательных программ с учётом мнения работодателей, введение программ дополнительного образования и анализ потребностей предприятий и организаций отрасли, опрос руководителей (работодателей) по формированию профессионально-значимых качеств выпускников. Важной частью системы является процесс производственной практики студентов, в рамках которого налаживаются перспективы рабочих мест студентов. Многие из них по завершению практики приглашаются на работу. Связь с выпускниками, а также работа с заочниками также даёт важнейшую информацию по наличию рабочих мест и изменениях в сфере деятельности современных учреждений культуры. Практическая подготовка студентов тесно взаимодействует с профессиональной адаптацией выпускников на рынке труда. Она направлена на обеспечение непрерывности и последовательности овладения студентами профессиональной деятельностью в соответствии с требованиями к уровню подготовки выпускников. На практике студенты знакомятся с этими требованиями, налаживают творческие связи и взаимоотношения с руководителями организаций и учреждений по возможностям своего трудоустройства. Большинство студентов старших курсов в Белгородском государственном институте культуры и искусств проходят практику в учреждениях культуры, искусства и образования на месте будущего распределения, их подключают к реальной профессиональной деятельности, а после окончания вуза они при наличии вакансий трудоустраиваются в данных трудовых коллективах. БГИКИ заключил договоры с организациями и учреждениями культуры и искусства на проведение производственной практики студентов. Широкое образовательное поле в подготовке специалистов, направленное на развитие практических навыков, позволяет нашим выпускникам достаточно

свободно реагировать на изменения требований рынка труда. Поэтому наряду с глубокой общетеоретической подготовкой в вузе расширяются возможности освоения студентами основ будущей деятельности, способствующей их трудоустройству.

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ В ИНФОРМАЦИОННО- АНАЛИТИЧЕСКОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Проказина Н.В. (Орел)

Роль социологического знания в деятельности государственных гражданских служащих достаточно велика. Это связано с тем, что социология выполняет многообразные функции, которые можно разделить на две основные группы. Первая группа - мировоззренчески-ориентационные функции. Они включают в себя: Рефлексивную функцию, обеспечивающую в процессе постижения социальной жизни «объективную фиксацию реальных фактов». Теоретическую функцию, обуславливающую наличие соответствующих знаний, ценностей, ориентаций, убеждений, которые обеспечивают понимание закономерностей и определение сложившихся тенденций. Аналитическую, связанную с определением причин и механизмов осуществления складывающейся ситуации. Критическую, обеспечивающую максимально полное и критическое отображение жизненных процессов с учетом позиций их участников, в т.ч. позиции самого социолога как познающего или преобразующего субъекта; Реляционистскую[1], позволяющую рассматривать социальный мир не как содержащий изначально данную субстанцию, а как постоянно меняющуюся конфигурацию (взаимное расположение) определенных жизненных процессов, форм и связей между людьми. Гуманистическую функцию, направленную на реализацию человеческих ценностей и гуманизацию общественных отношений. Позволяет связывать любой факт социальной жизни с делами и жизненным опытом конкретных людей. В результате возникает определенная ситуация, в которой исследователь (управленец) приобретает особую позицию, становясь в положение этих людей. В результате, появляется необходимость видеть человека с его потребностями, ценностями, интересами и проблемами за всеми событиями. Такой подход расширяет возможности понимания окружающей действительности,

поскольку, заставляет увидеть особенности ситуации не только с позиции экономического, юридического или технократического подходов, но и с позиции гуманистической перспективы. Вторая группа - практически-преобразовательные функции, связанные с нахождением рациональных способов существующих проблем, с поиском методов и технологий изменения и преобразования сложившейся ситуации. Практически-преобразовательные функции реализуются посредством достижения подфункций. Основными из них, на наш взгляд, являются: Коммуникативная функция, обеспечивающая процесс передачи информации от одной социальной группы к другой, а также способствующая циркуляции определенных идей в обществе. Социально-технологическая функция, связанная с подбором адекватных сложившейся ситуации способов, методов и технологий разрешения существующих проблем, с изменением и преобразованием сложившейся ситуации. Прогностическая функция, направленная на определение особенностей и тенденций развития ситуации в будущем[2]. Функция обеспечения «обратной связи» позволяющая определить отправителю - источнику информации, воспринята ли отправленная им информация, с одной стороны. С другой, выявить основные проблемы, с которыми сталкивается потребитель информации – ее получатель. Реализация этой функции обеспечивает достижение диалога и нахождение общих точек зрения между участниками процесса. Информационно-аналитическая, представляющая собой синтез некоторых мировоззренчески-ориентированных и практико-преобразовательных функций. Контрольно-аналитическая функция, обеспечивающая возможность проверить как будет работать то или иное решение, нововведение; как его воспримут люди и какие могут быть ближайшие и отдаленные последствия от реализации этого решения. Диагностическая функция, позволяющая описать любую социальную систему определенным набором показателей. Это создает предпосылки для сравнения ее с нормативной или «идеальной» моделью. Определение отклонений и обуславливает принятие тех или иных управленческих решений. Обозначенные функции позволяют рассматривать социологическую культуру государственных гражданских служащих как одно из условий информационно-аналитического обеспечения управленческой деятельности. Социологическая культура государственных гражданских служащих – система ориентаций и установок относительно восприятия социологии, совокупность социологических взглядов, знаний, убеждений и социологическое

воображение, проявляющиеся в практической деятельности. Особую актуальность социологическая культура государственных гражданских служащих приобретает в условиях осуществления информационно-аналитического обеспечения управленческого процесса[3]. Таким образом, именно уникальность и специфика социологии обуславливают ее особую роль в системе информационно-аналитического и экспертного обеспечения государственного управления. Анализ результатов опроса государственных гражданских служащих относительно выполняемых и востребованных функций социологии в профессиональной деятельности [4] позволяет сделать несколько выводов. 1. В большей степени реализуется рефлексивная функция социологии, которая обеспечивает фиксацию и описание реальных фактов и событий. Однако государственные гражданские служащие заинтересованы в реализации аналитической функции, выявляющей причины и механизмы осуществления складывающейся ситуации. 2. Особую заинтересованность государственные гражданские служащие проявляют в реализации коммуникативной функции, которая обеспечивает процесс передачи информации от одной социальной группы к другой, а также способствует циркуляции определенных идей в обществе. В настоящее время, как показывают результаты исследования, эта функция реализуется недостаточно. 3. Особое место и среди реализуемых и среди востребованных функций занимает социально-технологическая функция, которая входит в группу практико-преобразовательных функций. Она связана с подбором адекватных сложившейся ситуации способов, методов и технологий разрешения существующих проблем, с изменением и преобразованием сложившейся ситуации. 4. Прогностическая функция, обеспечивающая реализацию как поисковых, как и нормативных прогнозов, также выступает востребованной в деятельности органов государственного управления. Отметим, что эмпирические данные свидетельствуют о том, что эта функция и реализуется, и является, по оценкам служащих, востребованной. 5. Не осталась в стороне теоретическая функция. Она обусловлена формированием соответствующих знаний, ценностей, ориентаций, убеждений, которые обеспечивают понимание закономерностей и определение сложившихся тенденций. Таким образом, для принятия и реализации управленческих решений, осуществления мероприятий необходимо понимать особенности общества и тенденции его развития. Проведенный анализ результатов социологического исследования позволяет утверждать, что существенно возрастает

роль социологии в процессе информационно-аналитического обеспечения государственного управления. В целом, использование социологического знания в процессе информационно-аналитической деятельности зависит от уровня развития социологической культуры государственных гражданских служащих.

Литература

1. Резник Ю.М. «Социология жизни» как новое направление междисциплинарных исследований // Социологические исследования. 2000. № 9. С. 12.
2. Проказина Н.В. Феномен социологической культуры в современной России: Монография. Орел: Издательство ОРАГС, 2010. С. 142 - 144
3. Проказина Н.В. «Поверхностный уровень» социологической культуры государственных гражданских служащих // Общество и право. 2012. № 2 (39). С. 257
4. Проказина Н. В. Отношение государственных гражданских служащих к социологическим исследованиям // Труд и социальные отношения. 2010. № 8. С. 14

СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН.

Ревина Е.П. (Саратов)

Проблема развития социального интеллекта в настоящее время активно обсуждается в трудах отечественных и зарубежных психологов (М.И. Бобнева, Ю.Н. Емельянов, В.Н. Куницына, Д.В. Люсин, Р. Стернберг и др.). Наименее исследованной остается область формирования представления о социальном неравенстве. Изучение онтогенеза представления о социальном неравенстве позволяет не только раскрыть психологию социальных отношений в обществе, но и расширить теоретическую и эмпирическую базы понятия социального интеллекта. Д. Гилфорд [3] определяет социальный интеллект как совокупность интеллектуальных способностей, определяющих успешность межличностной оценки, прогнозирования и понимания поведения людей. Известны различные аспекты социального неравенства, среди которых психологический занимает ведущее место. Психологический подход к изучению социального неравенства заключается в восприятии другого человека, как неравного себе. Истоки формирования

представления о социальном неравенстве находятся в раннем детстве и понятие «социальное неравенство» формируется под влиянием доминирующих отношений в непосредственном социальном окружении ребенка. Социальная перцепция - это восприятие, понимание и оценка людьми социальных объектов (других людей, самих себя, групп, социальных общностей). Сама по себе социальная перцепция создает основу для создания образа того или иного неравенства, в том числе и социального. Термин социальная перцепция ввел американский психолог Дж. Брунер [1] для обозначения факта социальной обусловленности восприятия, его зависимости не только от характеристик стимула — объекта, но и прошлого опыта субъекта, его целей, намерений, значимости ситуации. Социальное неравенство является результатом и предпосылкой социальной перцепции и относится к концептам, начало формирования которых локализовано в раннем детстве и связано как с процессом когнитивного развития, так и социализации личности. Основной целью, проведенного нами эмпирического исследования, послужило выявление характера взаимосвязи когнитивного и социального — перцептивного аспектов представления о социальном неравенстве у детей и подростков. На первом этапе исследования, проведенного с детьми дошкольного возраста была использована методика поуровневого (неживой предмет - животное - человек) сравнения. В качестве стимульного материала были использованы картинки одинакового размера. В первой серии проводилось сравнение размеров предметов изображенных на картинке по признаку «больше — меньше», во второй сравнение изображений животных, и, кроме этого выявлялось отношение к сравниваемым животным по признаку «хуже - лучше». В результате исследования были выявлены основные индивидуальные стратегии оценки: 1) больше, значит лучше; 2) лучше, если был опыт позитивного взаимодействия с животным; 3) лучше, исходя из привлекательности животного по отдельным признакам. В контрольной серии использовались картинки с изображениями двух одинаковых по размеру человечков, причем у одного из них был какой-либо предмет обихода (сумочка, игрушка и т.п.). Задача испытуемого состояла в оценке размеров фигур людей. У детей, стратегия которых во второй серии была: «больше, значит лучше» преобладала оценка «лучше, значит больше» (большими по размеру считались люди, у которых был предмет). Было установлено, что погружение ребенка в социальную ситуацию изменяет когнитивную составляющую оценки. В случае сравнения объектов формального

содержания (геом. фигуры), используются существенные в логическом отношении признаки. В случае сравнения объектов социального содержания (предметы) значимым становится то, что социального обусловлено, что имеет ценность в пределах социального окружения и отражено ребенком в его отношении к другим людям. Целью второго этапа исследования послужило изучение динамики представления о социальном неравенстве у школьников. Исследование проводилось экспертным методом. В роли экспертов выступили опытные педагоги одной из школ Саратовской области. Было выявлено следующее: 1) У младших школьников в представлении о социальном неравенстве ведущим фактором служит предметная среда (наличие социально значимых вещей, на это указали 74% экспертов); 2) Для подростков предметная среда отходит на второй план, на первом плане – межличностные отношения (соответственно 37% и 53%); 3) Предыдущая тенденция укрепляется у старшеклассников (соответственно 31% и 69% экспертных оценок). Исследование в целом показало, что возрастные изменения восприятия социального неравенства происходит за счет изменения качества предметной основы: если в младшем возрасте предмет дополняет представление о неравенстве и влияет на него, то у школьников предмет постепенно теряет свою «предметную» функцию и на первый план выходят его социальные характеристики, которые в дальнейшем во многом очищаются от предметной основы. Можно предположить, что в то время как для детей дошкольного возраста социальное неравенство воспринимается как имеющее преимущественно предметный характер, у учащихся средней школы по мере возрастного развития происходит обобщение фактов предметного неравенства и на этой основе возникает представление о социальном неравенстве как обобщенной категории. С позиции Л.С. Выготского [2], это может быть интерпретировано как интериоризация предметных представлений, и постепенное возникновение понятия о социальном неравенстве как инструментального. В дальнейшем это понятие, по-видимому, становится основой для осмысления жизненной позиции, характера отношения с людьми и т.д., становится инструментом социального интеллекта. Поскольку любой вид интеллекта, в том числе и социальный, направлен на выявление характера отношений между предметными явлениями, установление связи между ними, можно констатировать следующую трансформацию становления социального интеллекта. Она заключается в переходе от предметно-

социальных отношений к социально-предметным и от них к социальным.

Литература.

1. Брунер Дж. Психология познания /Дж.Брунер. – М.: Прогресс, 1977
2. Выготский Л.С. История развития высших психических функций /Собрание сочинений, т. 3. — М., 1983.
3. Гилфорд Дж. Три стороны интеллекта // Психология мышления /Под ред. А.М.Матюшкина. М.: Прогресс, 1965.

СРЕДНИЙ КЛАСС КАК ФАКТОР СТАБИЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Росенко С.И. (Санкт-Петербург)

Общество представляет собой сложную социальную систему, развитие которой во многом определяется взаимодействием ее структурных элементов. К их числу прежде всего относятся классы как социальные группы, дифференцированные на основе отношений собственности, характера выполняемых профессиональных функций, источников и уровня доходов, положения во властных структурах и др. Социальноэкономические показатели, характеризующие классы, выступают в качестве определяющих детерминант стабильного общественного развития. Проведенные в последние десятилетия в России реформы самым непосредственным образом сказались на состоянии классовых общностей. В этой связи анализ состояния и тенденций изменений классов имеет ключевое значение для понимания сущности современного российского общества и решения проблемы его устойчивого развития. Переход к информационной цивилизации, который осуществляется в настоящее время в России, сопровождается трансформацией социально-классовой структуры и ее основных элементов. В настоящее время в ее состав входят: правящий класс (собственники основных средств производства и обращения, высшие менеджеры, политики), характеризующийся наличием крупной собственности, высоким и сверхвысоким уровнем доходов и потребления, а также осуществлением управленческих функций в различных сферах общественной жизни; низший класс, объединяющий наемных работников, выполняющих функции исполнительского труда и характеризующиеся низким уровнем

дохода; средний класс, занимающий промежуточное положение между низшим и правящим классами. Средний класс характеризуется сложной внутренней структурой, определяемой многообразием входящих в него социальных групп и слоев. В его состав, с одной стороны, входят представители малого и среднего бизнеса, дифференцированные на основе их отношения к средствам производства. С другой стороны, к среднему классу также относятся группы, выделенные в соответствие с их положением в системе разделения труда – подавляющая часть интеллигенции (специалисты, профессионально занятые сложной умственной деятельностью) и служащие (лица, выполняющие функции нефизического труда). Средний класс объединяет индивидов, характеризующихся стандартным уровнем доходов и потребления, имеющих достаточно высокий уровень образования, профессиональный статус, определенные политические и моральные ценности. В развитых странах средний класс представляет собой наиболее многочисленную классовую общность и рассматривается как основа стабильного экономического и социального развития. Неслучайно, что Д. Белл называет растущий класс профессионалов “сердцем постиндустриального общества”. [1] В российском обществе средний класс как таковой начал формироваться с конца 1970-х гг. прошлого столетия вместе с развитием информационной техники и технологий. С началом реформ этот класс понес самые большие потери. Ориентация руководства на крупный бизнес в значительной степени определила то, что российский средний класс до настоящего времени остается деформированным, внутренне разобщенным, не оплачиваемым в соответствии со значимостью и результатами своего труда, не имеющим политического влияния на принятие выражающих его интересы законов, лишенным права контроля за деятельностью власти. Однако объективный ход общественного развития определяет возрастающую востребованность в кадрах высокой квалификации, а происходящая модернизация выдвигает средний класс в качестве основной социальной силы, определяющей дальнейший прогресс страны. В докладе ООН о развитии человеческого потенциала в России отмечается, что основные надежды на увеличение среднего класса до 30-40% следует связывать с наемными работниками, формирующими отряд «нового среднего класса», в основном представленного высокооплачиваемыми профессионалами, занятыми нефизическим трудом, и менеджерами. Несмотря на недостаточную оформленность и разобщенность среднего класса в России, именно он на

сегодняшний день определяет стабильность и позитивные перспективы развития общества. Его дальнейшее состояние во многом зависит от уровня сформированности гражданского общества и правового государства, качественных характеристик механизма рыночных отношений, идеологической направленности государственной политики. Представляется, что в перспективе средний класс станет фундаментом становления общества социальной справедливости, профессионального труда и высокого интеллекта.

Литература

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт прогнозирования. – М.: Academia, 2004.
2. Доклад ПРООН о развитии человеческого потенциала в РФ за 2011год «Модернизация и развитие человеческого потенциала».- Бюллетень «ООН в России». – 2012. - №4(83).

ДЕИДЕОЛОГИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Савин С.Д. (Санкт-Петербург)

В политическом развитии периода современности (с Великой французской революцией) магистральным идеологическим направлением был либерализм, выстроенный на реальности классово разделенного общества. Остальные идеологии выступали как оппоненты, «смягчали» или «усиливали» его принципы. Под их воздействием модели либеральной демократии менялись, наполнялись новым социальным содержанием. Одна из таких моделей 50-х - 60-х гг. XX века и была построена на концепции деидеологизации. Известный канадский политолог Р. Макферсон назвал ее демократией равновесия (equilibriumdemocracy) [1]. Суть ее заключается в том, что она отвергает моральные требования демократии как всеобщего участия и развития личности, задает рамки стабильности либеральной модели, как равновесия между интересами элит. Группы интересов формируют лидеры, и именно они с опорой на соответствующие технологии, знают, как в рамках демократической политической системы обеспечить стабильность и развитие. Научно-технический прогресс вселил в сторонников либеральной демократии надежды на победу в идеологическом противостоянии с левыми при помощи так называемого

технократического подхода. Было представление, что общество потребления уничтожит коммунизм изнутри, классовое сознание заменит сознанием массового потребителя и рационального избирателя. Однако в развитых странах вскоре осознали, что это путь «в никуда». Студенческие волнения 1960-х гг. и экологический кризис заставили взглянуть на общественное развитие иначе. Новая экологическая парадигма и концепции пределов роста вкупе со старыми демократическими традициями заложили основы для идеологии «устойчивого» (сбалансированного, поддерживающего) развития, в котором ключевую роль имеет категория справедливости (внутрипоколенческой и межпоколенческой). Социальное государство, в той или иной форме провозглашенное в большинстве развитых стран, поставило во главу угла своей деятельности ценность каждой человеческой личности, развитие человеческого потенциала и качество жизни всех слоев общества. В передовых кругах мировой общественности возникло четкое представление, что на место человека потребительского должен прийти человек экологический с приоритетом духовных потребностей. Конечно, вслед за представителями концепции деидеологизации можно подтвердить, что в современном обществе традиционное противостояние левых и правых уходит в историю и в этом смысле можно даже говорить о «конце идеологии». Но это вовсе не означает требований господства технократизма в общественном развитии. Деидеологизация может быть лишь необходимым переходным периодом от традиционной идеологии к возникновению новой идейной базы общества. Российское общество в конце 80-х начале 90-х гг. XX в. прошло трудную ломку ликвидацией господствующей идеологии, того стержня, на котором держалась система советского общества. Однако заявленный официально принцип деидеологизации оказался фальшивым, свидетельствующим о том, что общество потеряло ориентиры развития, находится в «вакууме» ценностей. Правящая элита, хаотически выхватывая противоречивые идеи, долженствующие примирить прошлое с настоящим, слабо представляла себе образ того будущего общественного устройства, ради которого и должен состояться базовый консенсус основных социальных групп в России. В результате идеи демократии оказались в очень скором времени искажены ложными проявлениями «российского либерализма», связанного с хищнической беспринципной наживой и правовым нигилизмом «новых русских», широким политическим манипулированием различных политических сил на выборах и в повседневной информационной политике. В

обществе нарастает политическая апатия, недоверие ко всем политическим институтам. Общественные движения затухают, на политическую арену выходят «театрализованные» политические партии, цель которых, по словам известного российского ученого конца XIX – нач. XX вв. М.Я. Острогорского, разыгрывать представление, а не стремиться к переменам. Власть, застыв в ореоле победителя тоталитарного прошлого, начала окружать себя новыми привилегиями, которые вскоре превзошли таковые советской номенклатуры. «Элитарность» становится новым центром притяжения устремлений людей, как критерий успешности жизни. Потребительские практики ориентируют на потребление элитарных товаров и гламур, как стиль поведения. На фоне углубляющегося кризиса всех сфер общественной жизни растет численно и усиливается как группа «среднего класса» бюрократия. Соответствующие стандарты жизни ей позволяет достичь коррупция, которая пронизывает все общество и становится привычной управленческой практикой государственных органов. Стабилизация и экономический рост начала 2000-х годов были одной из возможных реакций на глубокое падение 90-х годов. Однако декларации тех или иных реформ и национальных проектов дали незначительный эффект. Неконтролируемые события по «принципу домино» могут быстро нарушить «мнимую стабильность», поскольку само общество так и не выработало для себя эффективных механизмов стабилизации. Как подчеркивается в классической литературе по социологии и политологии, особенно со времени возникновения современных концепций политической культуры (Г. Алмонд) и политического конфликта (Л. Козер), длительная стабильность и развитие невозможны без базового консенсуса по самым широким основаниям жизни общества. Критериями такого согласия выступает набор ценностных ориентиров, выстроенных в систему по всем сферам жизни общества. Базовые ценности связаны с такими философскими концептами как свобода, порядок, справедливость, равенство, солидарность, родина. По таким ценностям в обществе должно вырабатываться интуитивное согласие, некие ментальные черты. В социальной сфере базовой ценностью выступает солидарность. Для социологии XIX в. это было ключевое понятие. С ростом солидарности обществоведы того времени увязывали сам прогресс (М.М. Ковалевский). Возникновение теории социального государства напрямую вытекает из развития представлений о социальном как базисе развития. В современном российском обществе мы испытываем дефицит солидарности. С одной стороны

явно провалились бюрократические мобилизационные попытки создания прокремлевских молодежных движений. Бюрократическая структура, действующая по указке свыше, не может привлечь к себе иначе как карьерными интересами ее участников. А для действительной сплоченности и солидарности необходимым является личный пример бескорыстного служения делу, как лидеров, так и рядовых участников. Такие примеры в современной жизни нашего общества единичны. Случаи развития волонтерского движения наши власти пугают и раздражают, так как ставят под сомнение авторитет власти, которая из-за бездушного отношения к судьбам «простых» людей, не может реализовать прописанные законодательно социальные функции. Одной из важнейших функций государства является разработка и осуществление социальной политики, служащей элементом сплочения общества, ориентированной на служение этому обществу. Но в России социальная политика превращается в битву за показатели социального обслуживания. Распределяя ресурсы, никого не заботит, как ими воспользуются. Деидеологизация общества в социальной сфере превратила социальную политику в бездушный механизм по смягчению недовольства малообеспеченных слоев и групп населения. В то время как ее предназначение в социальном государстве – развитие человека, его личностных качеств. Вкладывая в человека, в его образование, здоровье, семейное благополучие, бытовые условия мы строим сплоченное общество на принципах солидарности. Начиная с малых форм солидарности, движемся к большему. В центре идеологии должен быть человек как духовно развитая личность, осознающий свое место в мире, в биосфере – эчеловек. В настоящее время власть закрылась от общества бюрократическими, информационными и силовыми «перегородками», строя иллюзию «столыпинского» реформирования России. Век назад подобная политика привела к революции. Для того чтобы изменить вектор социальных процессов в России следует найти новые ценностно-идеологические основания. На основе бережного отношения к традициям провести качественное обновление государственной идеологии. Государство как защитник народного благосостояния и природных богатств, как гарант права на саморазвитие человека, его личностного, творческого потенциала. Государство согласовывает интересы разных социальных сил, выстраивает партнерские отношения со всеми заинтересованными структурами. Каждый такой пример формирования новой общественной солидарности должен широко и творчески освещаться

в СМИ. Эффективность природопользования – одна из главных государственных идей. Экологическое образование и воспитание соединить с патриотическим и нравственно-религиозным и сделать приоритетом государственной образовательной политики. Старая либеральная идеология сверхпотребления должна порицаться всеми информационно-коммуникативными каналами. Для подобных задач требуется очищение самой власти. Назрело время «перетряхнуть» бюрократическую машину, заставить чиновников демонстрировать эффективность своей деятельности не статистическими показателями и «рисованием реформ по западной кальке», а имиджевыми ходами, завоеванием реального доверия и популярности у населения. Государственный руководитель должен стремиться демонстрировать личное участие в социальных проектах, благотворительности и т.д. Необходимо формировать социальную ответственность и у бизнеса. В основе любых реформ – люди. Чиновники, занимающие привилегированное положение долгие годы неспособны на модернизацию.

Литература

1. Макферсон К.Б. Жизнь и времена либеральной демократии. М., 2011. – 176 с.
2. Негрова М.С., Савин С.Д. О понятии политических факторов стабильности изменяющегося общества// Вестник Санкт-Петерб. ун-та. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2012. №2. С. 238-246.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

Санина А.Г. (Санкт-Петербург)

Понятие «государственная идентичность», в отличие от концептов национальной и гражданской идентичности, переносит акцент с идей культурной унификации и гражданской активности на идею единых границ - как территориальных, так и символических. Государство при этом трактуется уже не как система институтов, выполняющих функции принуждения, а как когнитивно и эмоционально близкое индивиду социальное целое (данная позиция выражается в употреблении синонимичных слов: «страна», «родина»), что сближает научную и повседневную трактовку понятия, делая его более прозрачным и удобным для понимания и

оценки. При этом государственная идентичность не противостоит гражданской; их взаимосвязь и взаимозависимость определяется потребностью индивидов в упорядочивании социального мира, идентификации с «большим социальным целым». Гражданская идентичность является, скорее, деятельностным измерением идентичности государственной, сферой реализации и защиты интересов, сопричастности к самоорганизованной жизни. ИИсключение гражданской идентичности из государственной, производимое на теоретическом уровне, приводит к тому, что, попадая в контекст социально-политической и управленческой практики, государственная идентичность начинает сводиться только к одному ее компоненту – формированию легитимирующей картины мира, способствующей сохранению и развитию государственных институтов. В абсолютном большинстве случаев для достижения этой цели лидеры государства проповедуют идею о том, что государство должно быть государством нации и служить ее интересам, а государственная идентичность непременно должна «конструироваться». При этом правящие элиты предполагают, как правило, что они сами являются объектами патриотической лояльности, поскольку именно они сформулировали истинную «волю коллективного» нации [1]. Вопрос, однако, состоит в том, насколько соответствует «официальный» дискурс государственности и патриотизма той гибкой и постоянно меняющейся «здесь-и-сейчас» идентичности, характерной для человека общества постмодерна, в котором не регулируемость, а самоорганизация общества является качественной характеристикой процесса формирования государственной идентичности. В социуме, где, по образному выражению Баумана, в движение пришли не только индивиды, «но также и финишные линии дорожек, по которым они бегут, да и сами беговые дорожки» [2], идентичность становится пластичной и подвижной, нестабильной и зачастую нефиксируемой – и развивать ее должны прежде всего сами люди, способные вырабатывать приемлемые правила взаимодействия, осознающие необходимость интеграции и согласия, основанного не на приоритете ценностей и интересов власти, а на балансе взаимодействия государства и общества. Потребность в государственной идентичности как принадлежности к «единому целому» предопределяет индивидуальный и групповой интерес к тому, что происходит в государстве. И в этом контексте можно поспорить с утверждением Э. Кассирера о том, что люди не способны обнаружить мифологический характер политики [3]. Мифы и концепции, созданные политической

элитой, сегодня постоянно подвергаются осмыслению, иронии и все чаще – критической трактовке на уровне социальной повседневности. Сегодня очевидно, что существование и стабильность государств обусловлено не столько их историей или политическим режимом, а тем, что каждое новое поколение граждан повторяет выбор в пользу данного государства, идентифицирует себя с ним и демонстрирует ему свою лояльность. Государство – это не только охраняемая границами территория, фиксированное членство и набор институтов, правил и символов, но и наличие в сознании и эмоциональном фоне его граждан общеразделяемого представления о том, что есть данное государство и почему они хотят быть его гражданами [4]. Таким образом, несмотря на то, что идентичность принято характеризовать как самоотождествление или самоосознание, государственная идентичность может рассматриваться как значимый фактор социальной стабильности, отражающий связь индивида и государства, основанную на когнитивной и эмоциональной привязанности, символических структурах, нормативных представлениях, а также на прозрачной структурированности отношений прав и обязанностей между «ролями власти» и «ролями граждан». В данном контексте социологическое исследование государственной идентичности может и должно выявить ее структурные и процессные элементы, определить специфику ее формирования. Какова цель «конструирования» государственной идентичности для властных структур? Какие инструменты может использовать государство, какие социальные институты могут принимать участие в этих идентификационных процессах? Чем определяется потребность индивида в государственной идентичности? И, главное, как увидеть и интерпретировать смыслы, которые индивиды и социальные группы связывают с политическим управлением, с государством и своей принадлежностью к нему? Эти вопросы, на наш взгляд, определяют проблемное поле социологического изучения государственной идентичности как фактора социальной стабильности в современном обществе.

Литература

1. Brown D. The Democratization of National Identity // Henders S. J. (ed.), Democratization and Identity: Regimes and Ethnicity in East and Southeast Asia. Lanham: Rowman and Littlefield, 2004.
2. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005.

3. Кассирер Э. Техника современных политических мифов // Вестн. МГУ. Сер. 7 «Философия». 1990. № 2.

4. Тишков В. А. О государстве и проблеме лояльности. Электронный ресурс: Персональный сайт В. А. Тишкова. <http://www.valerytishkov.ru>. Дата обращения: 21.09.2012.

СУЩНОСТЬ ЭТНОСЕПАРАТИЗМА И ЕГО ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

Севцова Е.Ю., Ветрова О.А. (Курск)

Стремление отдельных регионов и этнотерриторий в составе многонациональных государств к обособлению становится источником социальной, политической и экономической нестабильности и несет угрозу вооруженного противостояния, открытой конфронтации. Последствия которой приводят к человеческим жертвам, появлению беженцев, разрушению региональной хозяйственной инфраструктуры, социальных институтов, снижению эффективности территориальной власти. Сепаратизм, создавая угрозу государственному суверенитету, подрывает территориальную целостность, нарушает принципы геополитической безопасности государства, снижая его международный престиж. В классическом понимании сепаратизм — это стремление к отделению, обособлению; движение за отделение части государства и создание нового государственного образования или за предоставление части страны автономии. В отличие от национально-освободительного движения, сепаратизм обычно выражает интересы определенных кругов местной элиты. Вместе с тем, он может выражать и стремление национальных меньшинств к созданию самостоятельных государств или автономных областей.[3] Сепаратизм можно определить как политическое движение, возникающее в территориально неоднородных (этнически, конфессионально, культурно, экономически и т. п.) государствах, направленное на выход части территории из состава единого государства с целью создания нового независимого государства или вхождения в состав другого государства.[1] В связи с этим целесообразно определить несколько концептуальных парадигм к анализу феномена сепаратизма. Они представлены географической, культурологической, модернизационной, глобализационной, конфликтологической и институциональной парадигмами, из которых каждая предлагает определенный ракурс изучения

сепаратизма, концентрируя внимание на отдельных аспектах этого феномена. Мы считаем наиболее актуальным сочетание географической и конфликтологической парадигмы, так как выделяем для изучения отдельный регион и предполагаем, что стремление к отделению какой-либо нации, в любом случае, порождает конфликт. Следует полагать, что важной составляющей любого сепаратистского конфликта является кризис идентичности, проявляющийся в изменении этнической, конфессиональной и политической самоидентификации людей, усилении влияния националистических группировок и объединений, нарастании их политической активности. Трансформация единой идентичности единого государства в совокупность разорванных периферией локальных идентичностей - свидетельство необратимости процессов дезинтеграции. Изучив парадигмы к анализу данного феномена, целесообразно рассмотреть типологию сепаратизма по различным критериям: - в зависимости от сфер проявления выделяется сепаратизм экономический, правовой, идеологический; - по количеству акторов сепаратизм может быть двусторонним и многосторонним; - идеологическая основа формирует этнический, религиозный и региональный сепаратизм; - политические цели региона позволяют выделить сепаратизм в форме сепарации, ирредентизма или политической автономизации; - по динамике функционирования можно различить сепаратизм эволюционный и радикальный; - задачи политической активности региона разделяют сепаратизм на тактический и стратегический; - анализ социального значения выявляет архаический и прогрессивный сепаратизм; - критерий длительности дает сепаратизм единовременный или постоянный; характер проявления определяет фактический и формальный сепаратизм. В основе современного сепаратизма как политической программы лежит ложная трактовка принципа самоопределения, когда каждая этническая общность должна иметь собственную государственно оформленную территорию. И для Российской Федерации как многонационального государства это является опасным, потому как этносепаратизм — это выход из существующей системы или ее разрушение с целью оформления государственности для отдельной этнокультурной общности. Но, на самом деле, самоопределение нации подразумевает не сепаратизм, а, прежде всего, право на участие в более широком общественно-политическом процессе. Для сепаратистов самоопределение — всегда отторжение от общего государства, политическое и культурное разделение единой страны. Этнический сепаратизм, как

правило, обостряется в периоды социально-экономической нестабильности, сопровождающиеся социальной дифференциацией граждан, ожесточенной борьбой за власть, растущей преступностью. Его возникновение провоцирует также низкая эффективность работы государственного аппарата и правоохранительных органов, отсутствие надежных механизмов правовой защиты населения. Все это, в конечном счете, ведет к нарастанию попыток разрешения возникающих противоречий и конфликтов силовым путем со стороны оппозиционно настроенных к власти этногрупп (общностей).[4] Основу сепаратизма в настоящее время составляют внешнее влияние, внутренняя политика государств и исторический аспект. Однако, поскольку каждая этническая группа интерпретирует прошлое, исходя из своих вполне конкретных, сиюминутных этнополитических целей, каждый конкретный случай по-своему уникален, и ставить знак равенства между этническими конфликтами в разных регионах страны не справедливо. Как показывает практика, этнический сепаратизм возникает при совокупности определенных условий: 1. когда имеет место кризис легитимности власти, связанный с соперничеством элит, в результате чего создается базовая динамика для появления этнического конфликта. 2. когда наличествуют конфликты интересов национального характера, связанные с социальными, морально-этическими и культурными деформациями. 3. когда подготовлен довольно высокий уровень социальной коммуникации, в том числе образования и социально-экономических отношений. 4. когда имеется базисный уровень, обеспечивающий вертикальную социальную мобильность в недоминантной этнической группе. То есть имеется группа образованных людей (лидеров общественного мнения), расценивающих ситуацию, и в первую очередь национальную политику, как несправедливую и ставящих цель по устранению этой несправедливости.[2] Таким образом, можно сказать, что результатом синтеза этнических и региональных проблем является активный всплеск недовольства различных слоев населения проводимой центральным руководством страны политикой и, как следствие,— стремление того или иного региона к политическому обособлению от государства или к повышению своего правового статуса в нем, что представляет собой суть сепаратизма.

Литература

1. Барышников, Д.Н. Конфликты и мировая политика [текст] / Д.Н. Барышников. - учебное пособие. - М.: АСТ МОСКВА: Восток - Запад, 2008. - С. 189-191
2. Сыроежкин К. Сепаратизм: право силы и авантюризм вместо логики и здравого смысла [электронный ресурс] // Профессионалы, № 9-10 (56-57) 2011 Режим доступа: <http://www.baiterek.kz/index.php?journal=33&page=546>
3. «Чума» двух веков [электронный ресурс] // Православное воинство - Публицистика. Режим доступа: <http://www.voskres.ru/army/publicist/chuma.htm>
4. Этносепаратизм как угроза национальной, региональной и глобальной безопасности [электронный ресурс] // Права народов. Режим доступа: <http://www.peoples-rights.info/2011/11/etnoseparatizm-kak-ugroza-nacionalnoj-regionalnoj-i-globalnoj-bezopasnosti/>

ОТРАЖЕНИЕ ОСНОВНОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕРЕСА В КОНСТИТУЦИИ РФ И СТАБИЛЬНОСТЬ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Смирнов П.И. (Санкт-Петербург)

Стабильность любого общества зависит от степени удовлетворенности основных интересов большинства его членов и их согласия относительно важнейших ценностей, составляющих фундамент общества. Задача любого государства способствовать удовлетворению интересов членов и защищать ценности общества, на основе которого оно возникло. Существуют главные ценности, определяющие интересы членов общества. Согласие граждан относительно этих ценностей и интересов – непереносимое условие достойного и стабильного существования общества и государства. Это согласие невозможно, если названные ценности и интересы не отражены ясно и четко в его Конституции. Нынешняя Конституция РФ не удовлетворяет выдвинутым требованиям, поскольку в ней не отражены надлежащим образом ни главные ценности, ни основные национальные интересы. Во второй, основополагающей, ее статье утверждается, что «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства». Очевидно, человек и есть та высшая ценность, относительно которой должно существовать согласие в обществе, соответственно, главным национальным интересом оказывается соблюдение его прав и свобод. Но из текста

статьи неясно, о каком человеке и о каком гражданине идет речь. Если текст понимать буквально, то речь идет о любом человеке и гражданине любой страны, чьи права и свободы обязана защищать РФ. Формально ими могут быть права и свободы любого жителя планеты. Необходимо ясно и недвусмысленно определить основную ценность и основной национальный интерес, для чего полезно обратиться к опыту отечественной и зарубежной мысли. Согласно Данилевскому, «государство есть ...такое состояние общества, которое обеспечивает членам его покровительство личности и имущества», а также «жизнь, честь и свободу национальную» [1, с.186]. В этом высказывании указаны две главные ценности (личность и нация), а также национальный интерес, состоящий в защите этих ценностей. Не рассматривая проблему нации как ценности, уточним понимание основного национального интереса, связанного с ценностью «личность». Подобное понимание высказали идеологи пиночетовского переворота, заявившие, что «цель государства – всеобщее благо, которое правительственная хунта определила как «совокупность условий, позволяющих всем чилийцам и каждому в отдельности реализовать себя как личность» ... Общее благо не есть благо государства. Но оно не есть также и благо большинства или, тем более, меньшинства. ... Это совокупность условий, позволяющих всем членам общества и каждому в отдельности достичь своего подлинного индивидуального блага» [2, с. Б12]. Крайне существенно, что национальный интерес понимается как совокупность условий, позволяющих всем членам общества достигать своего подлинного индивидуального блага. Итак, в первом приближении, национальный интерес можно определить, как совокупность условий, обеспечивающих индивидуальное благо каждого представителя нации (равно – гражданина государства). Но как достичь согласия большинства граждан относительно понимания индивидуального блага? Его можно достичь, если понимать индивидуальное благо как наиболее полную самореализацию (развитие) человека в обществе. Создание условий для этого развития и является задачей государства. Отдельное государство обязано создавать и обеспечивать условия для самореализации только своего гражданина, а не любого человека. Применительно к России национальный интерес должен пониматься как совокупность условий, обеспечивающих развитие каждого гражданина России. Эту формулировку также следует уточнить, опираясь на простейшее представление о человеческой природе. Человек – сложное существо, микрокосм, и его можно рассматривать в трех основных

ипостасях: природной, социальной и духовной. Следовательно, совокупность условий, создаваемых и защищаемых государством, призвана обеспечить надлежащее развитие всех упомянутых сторон человеческой природы. Соответственно, статья 2 Конституции (или аналогичная) должна была бы звучать примерно так: «Высшей ценностью в Российской Федерации признается ее гражданин, его жизнь, достоинство, права и свободы. Государство обязано создавать и защищать условия, позволяющие каждому своему гражданину реализовать себя как природное, социальное и духовное существо». Создание условий для самореализации каждого гражданина как природного существа должно привести к укреплению биопотенциала населения России и его расширенному воспроизводству. В первую очередь, это касается русского народа, без сохранения которого невозможна целостность РФ. Современная демографическая политика российского государства отчасти заслуживает поддержки, хотя упор на материальные стимулы явно недостаточен. Самореализация человека в социальной сфере должна иметь результатом мощный средний класс, т.е. более справедливое распределение собственности на средства производства. Лишь наличие этого класса способно обеспечить необходимый минимум общественного согласия. Численность его должна быть доведена до 60-70% от общей численности населения, тогда как ныне доля среднего класса не превышает по трезвым оценкам – 12-15% [3]. Необходимо выработать долговременную политику, направленную на изменение результатов пресловутой «приватизации». Собственность в России действительно должна стать доступной для каждого ее гражданина. Создание мощного среднего слоя («хозяев») – первейшая задача модернизации социальной структуры российского общества, без которой технологическая модернизация «зависнет» как программа в компьютере, а Сколково окажется очередной «потемкинской деревней». Мощный слой хозяев является необходимой социальной предпосылкой для формирования ряда важных духовных качества российского гражданина, в частности, патриотизма. Чтобы стать подлинными хозяевами страны, большинству людей необходимо иметь не только формальные права гражданина и человека, отраженные в законодательных актах, но и некая мера собственности, которую они будут защищать. Слово «Родина» несет в себе не только нравственно-эмоциональное содержание, связанное с историей народа и милыми с детства картинами природы. Оно включает в себе практически-правовой смысл, согласно которому Родина – это место на Земле, где человек

является хозяином по праву рождения. Он получает от предков право «решать судьбу народа и державы» и обязан защитить его, чтобы передать потомкам. Создание условий для самореализации гражданина России как природного, социального и духовного существа является национальным интересом России на все времена. Закрепление его в Основном Законе страны явится важнейшим условием стабилизации российского общества.

Литература

1. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – . СПб: Издательство «Глаголь», издательство С.-Петербургского университета. 1995.
2. Декларация принципов военного вмешательства / Московские новости, 1993 г. 21 февраля.
3. Привалов А. Сколько граждан России относится к среднему классу / www.4p.ru.

ЗАЩИТА СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ КАК ФАКТОР СТАБИЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Смирнова Е.Д. (Санкт-Петербург)

Проблема сохранения стабильности российского общества является в настоящее время чрезвычайно актуальной. Предвыборные события зимы 2011-2012 гг. показали высокий градус напряженности общественно-политической обстановки в нашей стране. Недовольство государственной властью вызывает принятие ряда законодательных актов, ухудшающих положение народонаселения в сферах здравоохранения, образования, ЖКХ и др. Последний стабилизирующий фактор, способный удержать людей от выхода на улицу – это семья, семейные ценности и интересы. Социологические опросы показывают, что семейные ценности традиционно занимают первое место среди других ценностей и являются доминирующим фактором, определяющим поведенческие паттерны и жизненные стратегии российского народонаселения. Если разрушить этот последний сдерживающий форпост – семью – народное возмущение социальной политикой государства возрастет многократно и, будучи организовано и направлено силами, желающими развала России, окончательно дестабилизирует политическую обстановку в стране. В свете вышесказанного становится ясно, насколько опасным является принятый 25.09.2012 в первом чтении Государственной Думой Федеральный закон №42197-6 «О внесении изменений в

отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам осуществления социального патроната и деятельности органов опеки и попечительства» [1]. Закон №42197-6 ставит под угрозу независимость семьи, ее право самостоятельно решать вопросы семейной жизни, право родителей определять приоритеты воспитания. В силу данного закона контроль над родителями, часто приводящий к изъятию ребенка из семьи, может быть установлен по любому сигналу или по заявлению ребенка, отмечает пресс-служба Ассоциации родительских комитетов и сообществ России «АРКС». Данный законодательный акт – это та самая ювенальная юстиция, портив введения которой в России выступала Православная церковь, общественные организации (Профсоюз граждан России, движение Суть времени, партия «Общее дело», Союз православных граждан, родительские комитеты и др.) и многие известные общественные деятели (актриса Екатерина Васильева, политконсультант Анатолий Вассерман, тележурналист Михаил Леонтьев, председатель исполкома движения «Трудовая Россия» Виктор Анпилов и др.). Современная западная система ювенальной юстиции в целом основана на абсолютизации приоритета прав ребенка по отношению к правам родителей, что подчас приводит к ущемлению прав и интересов родителей и семьи в целом [2]. Согласно системе ювенальной юстиции, запретить выходить ребенку на улицу, пока он не сделает уроки — это не что иное, как «ограничение свободы», наказывать детей физически — «истязание», что-то запрещать — «насилие», отказывать в чем-то — «дискриминация» и т.д. «Апологиеты ювенальной юстиции намерены полностью поставить семью под контроль государства... Частный случай отдельных злоупотреблений возводится во всеобщее правило, и тогда все родители наделяются статусом преступников. Вот против чего мы восстаём и вот чего не должна совершать никакая юстиция ни в каком государстве» - отметил заведующий кафедрой социологии семьи МГУ им. М. В. Ломоносова, профессор, доктор философских наук, академик-секретарь отделения демографии Международной академии прогнозирования А.И. Антонов в интервью portalу «Народы России» [3]. Пилотные проекты по введению ювенальной юстиции уже работают в 22 регионах России. “Детские” суды как пилотные проекты возникли в Ростовской, Саратовской областях, в Санкт-Петербурге. Правда, в Нижегородской области, Республике Северная Осетия, Кабардино-Балкарии и Ингушетии эксперимент быстро прекратили - окончилось финансирование. В 2010 году элементы ювенальных технологий используют суды Иркутской,

Ленинградской, Брянской, Липецкой, Камчатской, Владимирской, Ивановской, Оренбургской, Волгоградской, Московской областей, Пермского края, Республик Хакасия и Карелия. Да и в других регионах, не затронутых пилотными проектами, детям активно внушается в СМИ, в общественных и образовательных учреждениях, что родители до 18 лет обязаны их содержать, кормить, поить, а вот чада своим родителям ничего не должны. В результате у детей формируется извращенное представление о правах и обязанностях. «Система ювенальной юстиции в ее современной сущности (подлинной, а не декларативной) представляет собой сильнейший удар по детско-родительским отношениям и всему социальному укладу. Этот процесс невероятно деструктивен, он беспощадно уничтожает традиционный институт семьи» - заявил директор Института демографических исследований Игорь Белобородов [4]. При введении системы ювенальной юстиции существенно упрощается процедура изъятия детей из семей по причинам их низкого материально достатка, долгов перед ЖКХ, инвалидности родителей и т.п., с последующей передачей детей на воспитание в государственные учреждения, патронатные семьи и т.п. При этом, как показывает российская практика, преступность среди детей, не уменьшается, а только становится более циничной, жестокой, агрессивной, идет процесс ее омоложения за счет 11-13-летних. «На фоне общего снижения уровня преступности увеличилось количество преступлений, совершенных детьми в возрасте до 14 лет, появились и 7-8-летние убийцы, растет число девочек, совершающих преступления» - сообщил уполномоченный при президенте РФ по правам ребенка Павел Астахов [5]. Сегодня необходимо сплотиться всем прогрессивным общественным силам и защитить семейные ценности, сохранить суверенитет семьи и тем самым предотвратить нагнетание общественного недовольства и дестабилизацию российского общества.

Литература

1. http://www.duma.gov.ru/systems/law/?periodType=session&periodValue=autumnal.2012&section=4&PAGEN_1=2#results – официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания РФ.
2. <http://www.patriarchia.ru/db/text/2255583.html> – официальный сайт Московского Патриархата. Проект документа «Позиция Русской Православной Церкви по ювенальной юстиции».

3.
http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=23&idArt=1110
4. <http://www.segodnia.ru/content/16481> [5]
<http://rusk.ru/newsdata.php?idar=48762>

ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СУДА С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ

Старченко С.А. (Барнаул)

Взаимодействие общества и государственной власти в области правосудия является значимой для российского права проблемой. В настоящее время в России наблюдается тенденция, связанная с изменением роли населения в функционировании публичной власти. Важнейшей формой участия населения в отправлении правосудия является суд присяжных. Профессиональные судьи и присяжные олицетворяют два различных начала, стремящихся к одной цели: к беспристрастному и объективному рассмотрению спора и вынесению справедливого решения. При этом судья воплощает в себе судебскую традицию, профессиональные знания, накопленный опыт; присяжные же привносят в суд чувство общественной совести, которое заключено в сознании сограждан, подчас имеющих иное представление о справедливости, чем то, которое присуще судебскому корпусу. Таким образом, возникает своеобразная конкуренция официального и неофициального начал правосудия, что сообщает непререкаемый авторитет вынесенному судом присяжных вердикту [1, С. 3]. И в Совете Федерации, и в Государственной Думе уже не раз проходили слушания по проблемам судебной реформы, в том числе и суда присяжных. Зазвучали громкие заявления о том, что система «народного» правосудия в России фактически не работает, а участники судебных разбирательств просто манипулируют голосами присяжных заседателей. Основные противники суда присяжных – прокуроры и следователи. Говоря о его неэффективности, они, в первую очередь, называют уязвимость присяжных. Заседатели – это обычные люди, и значит, они никак не защищены от определенного давления. Вероятно, очень легко запугать присяжного или подкупить. Такой вариант развития событий вполне возможен, поскольку в стране до сих пор не существует эффективной программы защиты присяжных. Исследования показывают, что среди присяжных

преобладают те, кому легче вырваться из обычного ритма жизни и погрузиться в судебное дело. Ими оказываются, как правило, пенсионеры и безработные. Часто в состав присяжных попадают лица, которые пытаются таким образом получить хоть какой-то доход, не очень заботясь о достижении целей правосудия. В Алтайском крае суд с участием присяжных заседателей введён в 1993 году, как в одной из девяти экспериментальных территорий и к настоящему времени накоплен значительный опыт работы присяжных коллегий. Для изучения суда присяжных в нашем регионе было использовано несколько методов. На первом этапе исследования было решено изучить отношение населения к возможности участия в системе правосудия в качестве присяжного заседателя с помощью анкетирования. Такое исследование было проведено весной 2011 г. в г. Барнауле, в рамках которого были опрошены потенциальные участники суда присяжных. Респондентам был задан ряд вопросов, направленных, во-первых, на определение их информированности о существовании суда присяжных заседателей, во-вторых, на определение отношения к существованию данной формы суда вообще, и, в-третьих, на выявление желания участвовать в его работе. В результате исследования выяснилось, что большинство опрошенных не желает участвовать в суде в качестве присяжного заседателя, боясь решать судьбу человека, боясь, что это займёт много времени (стоит отметить, что данное опасение вполне оправдано) и что будут проблемы на работе. Но, несмотря на это, большая часть полагает, что такая форма суда для России подходит. В итоге получается, что граждане, с одной стороны, не против суда присяжных, а с другой стороны – лично в нём участвовать не хотят. Причём, среди тех, кто не желает попасть в коллессию присяжных больше мужчин, чем женщин. Данные результаты подтверждают статистические данные Алтайского краевого суда, согласно которым суд присяжных в нашем регионе на 70% состоит из женщин, так что в какой-то степени будет верным утверждение, что в нашем регионе правосудие вершат женщины. Чётко видна незаинтересованность населения данной формой судопроизводства. Частично данная ситуация складывается по причине отсутствия информации (или её недостаточности) о процессах с участием присяжных, возможно, нужно придавать их большей огласке, чтобы граждане видели, что участие в суде присяжных – реальность, а не только телевизионное шоу. В связи с тем, что поднятая нами проблема напрямую затрагивает деятельность судей, то на следующем этапе было необходимо узнать их мнение по поводу существования такой

специфической формы судопроизводства как суд присяжных. В качестве метода исследования было выбрано полуструктурированное интервью. На данном этапе исследования основная гипотеза заключается в том, что эксперты преимущественно считают нецелесообразным функционирование суда с участием присяжных коллегий в том виде, в котором он есть сейчас. Интервью на данный момент ещё проводятся, однако, отметим, что наша основная гипотеза скорее подтверждается, чем опровергается. Помимо выше перечисленных методов исследования будет использован метод невключённого наблюдения. Данный метод был выбран с целью фиксирования поведения участников судебного процесса с участием присяжных заседателей, главным образом, присяжной коллегии. Также будет попытка уловить специфику поведения судей, адвокатов и прокуроров. Важно определить, существуют ли особые механизмы воздействия на присяжных, как со стороны защиты, так и со стороны обвинения. Не менее важно уловить общую атмосферу происходящего: внешний вид зала заседания, детали внешности людей, специфические детали коммуникации. Кроме этого, выясним, легко ли попасть на судебный процесс, даже если он является открытым. Проведение наблюдения запланировано на октябрь текущего года. Законодательство о суде присяжных нуждается в дальнейшем совершенствовании. В первую очередь это касается требований к кандидатам в присяжные заседатели, порядка их отбора, обеспечения реальной защиты прав в уголовном процессе. Также кажется необходимым внесение поправок в трудовой кодекс РФ, регулирующих отношения работодателей и членов присяжных коллегий. Законом до сих пор охраняется тайна совещаний присяжных и потому самое интересное: мотивы и логика суждений присяжных остаются недоступными для анализа. Надеяться можно также на будущее изменение законодательства. Стремясь к справедливости, о строительстве которой в настоящее время говорит, в частности, президент, суд присяжных должен совершенствоваться, главным образом, при помощи судебных реформ. Учитывая выше сказанное, вряд ли можно не согласиться с тем, что суд с участием присяжных заседателей – явление, оцениваемое крайне неоднозначно, и можно бесконечно спорить о готовности общества к участию в отправлении правосудия, но тем большая возникает необходимость его комплексного изучения, тем более, что новое время ставит новые правовые проблемы, которые требуют незамедлительных решений, эффективных подходов и продуктивных

направлений научного поиска в области деятельности суда присяжных.

Литература

1. Боботов С. В. Суд присяжных: история и современность/С. В. Боботов, Н. Ф. Чистяков. – М.: Манускрипт, 1992. – 149с.

МОТИВАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ СОВРЕМЕННЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Степанчук Д.Ю. (Тюмень)

Чиновничество любого современного общества представляет собой довольно многочисленную социальную группу. Не является исключением и российское чиновничество. В настоящее время группу государственных гражданских служащих составляют люди разного социального происхождения, уровня образования, профессий со свойственными им стандартами поведения, нормами, ценностными ориентациями, убеждениями. В опыте российского правительства по управлению кадровым корпусом государственной гражданской службы значительное место занимала практика усиления именно мотивации служащих к оперативному и качественному исполнению должностных обязанностей, для чего использовался многоэлементный механизм ее формирования. Главным элементом механизма формирования устойчивой служебной мотивации чиновников начиная с 18 века являлась нормативно-правовая база гражданской службы в виде многочисленных законов, уставов, положений и других документов, в которых определялись условия, содержание и средства повышения мотивации [1; 83]. Однако в современном обществе для улучшения работоспособности госслужащих недостаточно руководствоваться только законодательством. Здесь для кадровых служб и высшего звена управления в первую очередь необходимо учитывать личностные особенности каждого сотрудника, систему ценностных ориентаций, стратегические ориентиры и жизненные стратегии чиновников. «Каждая личность, - пишет М.И. Еникеев, - формирует собственную стратегию жизни - устойчивую систему обобщенных способов преобразования текущих жизненных ситуаций в соответствии с иерархией своих ценностных ориентаций. Стратегия

жизни - общее направление жизнеутверждения личности... При отсутствии стратегии жизни индивид подчиняется лишь текущим смыслам и задачам, его жизнь не реализуется с необходимой полнотой, снижается мотивация его жизнедеятельности, сужаются его духовно-интеллектуальные запросы» [2; 316]. Автором в ходе описания жизненных стратегий чиновников Тюменского региона была расширена и обогащена концепция стратегий жизни личности, предложенная и обоснованная Е.А. Смирновым и Ю.М. Резником. Критерии принадлежности построения жизненного пути чиновников определяются прежде всего ценностными ориентациями и установками в профессиональном и личном планах. Так, ориентация на стратегию жизненного благополучия предполагает преобладание у бюрократов ценностей стабильной и размеренной жизни с уверенностью в завтрашнем дне. Приверженность стратегии жизненного успеха характеризуется значимостью для чиновников ценностей карьерного и профессионального роста. Стремление к самоотдаче и саморазвитию говорит о склонности к стратегии самореализации. Авторское дополнение типологии стратегий жизни характеризуется наличием у современных государственных гражданских служащих стратегии приспособления (удобное стечение обстоятельств для занятия государственной должности, устраиваемые условия труда, низкая активность к достижению целей или иногда даже отсутствие видения четких целей) и стратегии власти (стремление к властным полномочиям и общественному престижу, налаживание «нужных» выгодных знакомств и желание к вхождению в узкий круг властимущих людей). В рамках диссертационной работы весной 2011 г. автором было проведено социологическое исследование, целью которого было выявление и типологизация жизненных стратегий современных государственных гражданских служащих Тюменской области. Анкетный опрос проводился в трех регионах: юг Тюменской области (159 государственных гражданских служащих), Ханты-Мансийский автономный округ (150) и Ямало-Ненецкий автономный округ (84), вместе образующих такой сложнопостроенный субъект РФ, как Тюменская область. Всего было опрошено 393 респондента. Исследование показало, что в среднем по выборке 79,1% чиновников полагают, если они будут работать лучше, то их заработок скорее не увеличится или останется прежним. Оставшаяся часть, а именно 20,9% опрошенных, считают, что их доход наверняка или скорее всего увеличится. Зато при ухудшении качества работы, по мнению почти половины респондентов (46,4%), заработок снизится. Из тех,

кто уверен в этом наверняка, 58,2% не видят возможности увеличения жалования в зависимости от улучшения труда. В целом по региону чиновники мало видят взаимосвязь изменения размера получаемого заработка в зависимости от качества и объема выполняемой работы, особенно в лучшую сторону. Среди основных мотивов работы госслужащих Тюменской области выделяются потребности благополучия – «стабильная работа» (43,6%), где можно «заработать себе на жизнь» (37,0%). Далее следует мотивация к работе через возможность реализовать собственный потенциал (30,9%) и набраться опыта (26,8%) – факторы стратегии успеха. В меньшей степени развиты идеи самореализации, а именно «работа на благо общества» (21,9%) или «служение государству» (17,3%). Работа непосредственно по специальности мотивирует к трудовой деятельности 37,5% ответивших (стратегия приспособления). Интересно проявляются у чиновников мотивы стратегии власти: работать по престижной профессии хотят 8,4 % респондентов, устанавливают на госслужбе полезные связи 6,4 %, но конкретно добиваются власти лишь 1,8 % бюрократов. В 2000-м году по данным социологического исследования, проведенного учеными Российской академии государственной службы при Президенте РФ, на первом месте среди показателей мотивации деятельности госслужащего оказались гарантии постоянной работы и стабильности социального положения (41% опрошенных), на втором – стремление реализовать свои профессиональные качества (40%), далее идут следующие показатели: желание принести больше пользы обществу и государству (30%), стремление обеспечить перспективы служебного роста (20%), занять престижное место в обществе (12%) [3; 215]. Как видно из представленных показателей, что в начале 21-го века на общероссийском уровне, что по прошествии 11 лет на региональном уровне доминируют стратегии благополучия. Это заставляет задуматься о необходимости, со стороны кадровых служб и менеджеров высшего управленческого звена государственной службы, совершенствования системы оплаты и социальных гарантий госслужащих для улучшения работоспособности последних.

Литература

1. Мельников В.П. Исторический опыт управления персоналом гражданской службы России / В.П. Мельников. – М.: Изд-во РАГС, 2008. – 268 с.
2. Еникеев М.И. Общая и социальная психология / М.И. Еникеев. - М.: Норма, Инфра-М, 1999. - 624 с.

3. Государственная служба России: анализ становления, развития и кадрового обеспечения: Материалы научно-исследовательских работ кафедры государственной службы и кадровой политики РАГС при Президенте РФ / Л.В. Вагина, В.Д. Граждан, Л.А. Калининченко и др.; Под. ред. А.И. Турчинова. – М.: Юридическая литература, 2002. – 336 с.

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ СПОСОБЫ РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ В ПРАКТИКЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Тихонова О.С. (Барнаул)

В современной России существует необходимость развития предпринимательства, и государство этому всячески содействует, создавая необходимые условия для развития бизнеса и частной инициативы. Но осуществление предпринимательской деятельности сопровождается различного рода хозяйственными спорами. В условиях экономической свободы, необходимости развития делового сотрудничества участники предпринимательской деятельности (здесь и далее этот термин понимается как лица – юридические и физические, осуществляющие предпринимательскую деятельность) более заинтересованы не в длительной, дорогостоящей судебной процедуре, а в гибких, оперативных формах урегулирования разногласий. Альтернативные способы разрешения конфликтов – это совокупность приемов и способов разрешения споров между участниками предпринимательской деятельности, в результате применения которых спорящие стороны заключают взаимоприемлемое соглашение. К их числу относятся переговоры, посредничество (медиация), третейский суд и так далее. Такие формы получили широкое распространение во многих государствах (в частности, в США, где они применяются наиболее активно и успешно). Переход к рыночным экономическим отношениям, их правовое регулирование на основе гражданского законодательства открывают возможности для использования подобных процедур, рассматриваемых как альтернатива правосудию и призванных разгрузить судебную систему. Чтобы в России привлечение посредника к разрешению коммерческого конфликта стало системой, необходимо три условия: готовность предпринимателей использовать альтернативные методы разрешения споров, наличие специалистов по урегулированию конфликтов и поддержка государства. Альтернативные способы разрешения споров обладают рядом

преимуществ, к их числу стоит отнести добровольность в применении подобных процедур, равноправие сторон в процессе урегулирования спора, беспристрастность посредника и конфиденциальность информации. Однако на сегодняшний день востребованы такие способы далеко не в полной мере и не во всех сферах, где они могут и должны применяться. На данном этапе к альтернативным способам разрешения конфликтов и споров многие относятся скептически, указывая на то, что они неприменимы к российским условиям. По мнению некоторых специалистов, наше общество, в силу ряда причин, пока не готово к таким способам постольку, поскольку не в состоянии взять на себя ответственность за принятие определённого решения. Потенциал альтернативных способов разрешения споров и конфликтов, используется отечественными предпринимателями явно недостаточно. Во многих случаях в таком положении вещей повинны юристы, консультирующие клиентов: нередко предпринимателям ничего неизвестно о возможности прибегнуть, к примеру, к третейскому разбирательству или медиации коммерческого спора, которые по сравнению с разбирательством в суде признаются более быстрыми, менее обременительными и зачастую менее затратными. К сожалению, не все российские юристы указывают клиентам на преимущества рассмотрения коммерческих споров в ином, отличном от правосудия, русле. В предпринимательской деятельности разрешение конфликтов, то есть разрешение столкновения противоположных интересов, взглядов и стремлений, имеет большое значение. Серьёзные разногласия между бизнесменами, возникший острый спор, приводящий к борьбе, – всё это может вызвать нежелательные явления в предпринимательской деятельности. К числу наиболее распространённых конфликтов в предпринимательской практике относятся внутрикорпоративные споры, конфликты с потребителями товаров и услуг, конфликты с чиновниками и, безусловно, конфликты с бизнес-партнерами. Значительную роль в урегулировании предпринимательских споров (конфликтов) играет арбитражный суд. Как свидетельствует статистика, количество коммерческих споров, передаваемых на разрешение арбитражных судов Российской Федерации, неуклонно возрастает. Однако коммерческая практика в современных условиях порождает достаточно сложные споры, разрешение которых требует соответствующей специализации судей арбитражных судов. Из-за юридической и фактической сложности коммерческих споров, территориальной удаленности субъектов коммерческой деятельности

от места нахождения арбитражного суда и наличия массы иных субъективных причин увеличиваются сроки рассмотрения коммерческих споров в государственном арбитражном суде. Это негативно влияет на коммерческий оборот: долговременный период существования правовой неопределенности в коммерческих отношениях влечет для их участников различного рода отрицательные последствия, как имущественные (денежные и иные финансовые потери и так далее), так и неимущественные (разрыв деловых связей, утрата доверия к клиенту, потеря «доброго имени», удар по деловой репутации и так далее). Разумеется, такое положение не может удовлетворять предпринимателей. В этих условиях актуальной становится возможность предпринимателей обратиться за разрешением коммерческого спора к альтернативным способам. К примеру, третейское разбирательство по статистике год от года становится все более популярным в России. Анализ практики окончания коммерческих споров в зарубежных странах свидетельствует о том, что участники делового оборота все чаще используют возможность ликвидации коммерческих споров, обращаясь не к судебным органам, а к помощи посредников (медиаторов), способствующих урегулированию возникшего спора. В настоящее время все большее внимание во многих странах уделяется примирительным процедурам, в данном направлении активно развивается законодательство. Таким образом, в современных экономических условиях хозяйствующие субъекты не должны возлагать надежды только на государственные суды: реалии настоящего времени диктуют необходимость оптимального использования иных механизмов, обращение к которым позволяет достичь того же результата, но в более сжатые сроки и при сохранении (восстановлении) конструктивных отношений между сторонами.

**БЕЗОПАСНОСТЬ И СВОБОДА, КУЛЬТУРА И ПРАВО:
ЦЕННОСТНО-НОРМАТИВНЫЕ ФАКТОРЫ
КОНСОЛИДАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА**

Тульчинский Г.Л. (Санкт-Петербург)

Предложенная ранее ценностно-нормативная модель социогенеза [4], основанная на выделении ценностной оси (безопасность-справедливость-свобода) и оси институциональной (культура-право-государство) позволяет фиксировать особенности

культурного профиля общества, его деформации, акцентировку политических идеологий. На этой основе были рассмотрены перспективы модернизации российского общества [3], которые вполне соответствуют общемировым тенденциям. [2] Перспективы развития предполагает консолидацию, тогда как современное российское общество не только не консолидировано, но может характеризоваться как общество недоверия, что проявляется в экономике недоверия, деформированной судебной практике и т.д. Это обстоятельство усиливается общецивилизационным трендом формирования проектно-сетевых общественных отношений – от деловой и научной активности до личной жизни. [1] Возникающая при этом сетевая рента порождает дополнительные моральные и правовые вызовы и напряжения между предполагающейся высокой степенью доверительности и взаимного интереса – с одной стороны, и искушением корыстного манипулирования и эксплуатации чужого человеческого капитала – с другой. Дивергенция по ценностной оси между безопасностью и самореализацией не может компенсироваться исключительно культуральным фактором (этническим, религиозным). Сбалансированная компенсация предполагает формирование гражданской позиции и гражданской идентичности – что показывает, кстати, не только зарубежный опыт, но и движение гражданского протеста 2011-2012 в России, участники которого сформулировали *de facto* запрос на формирование гражданской нации, на легитимную власть, способную реализовать справедливое отправление своих функций.

Литература

1. Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. М.: НЛО, 2011. – 976 с.
2. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. М.: Новое издательство, 2011. – 464 с.
3. Тульчинский Г.Л. Культура как ресурс и барьер инновационного развития. // Инновации, № 5 (163), 2012, с.74-79.
4. Тульчинский Г.Л. Факторы социогенеза: человеческое, слишком человеческое в политической культуре. // Человек, культура, образование. 2011, № 2, с.5-14.

НЕГАТИВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ПРОЦЕССЕ РАЗВИТИЯ ОППОЗИЦИОННЫХ НАСТРОЕНИЙ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Последние события в политической сфере российского общества свидетельствуют о том, что институты гражданского общества в России развиваются по особому пути. При принятии конкретных решений и их успешной реализации необходимо понимать процессы, которые происходят сегодня в сфере гражданского сознания, а также основные тенденции развития институтов гражданского общества. Протестные выступления на улицах крупных российских городов зимой 2011-2012 года свидетельствуют о напряженной ситуации в социально-политической сфере. Эта напряженность продолжает сохраняться и в настоящее время за счет громких скандалов и разоблачений, интенсивно обсуждаемых в средствах массовой информации. В настоящее время именно благодаря СМИ и в частности сети Интернет любые промахи действующей политической элиты становятся достоянием общественности и информационными поводами для оппозиции. Дестабилизирующие силы благодаря открытым источникам информации и в частности социальным сетям формируют определенное, чаще всего негативное отношение к официальной власти. Любое происшествие, случай криминального характера или коррупции в котором «засвечиваются» представители властной элиты становится предметом активного обсуждения в информационном или виртуальном пространстве. С одной стороны это, несомненно, свидетельствует о работе такого института гражданского общества как свобода слова, когда возможно обсуждение любых фактов и мнений. С другой стороны, аналогичное распространение информации негативного характера в отношении представителей оппозиции трактуется ее представителями не как выражение принципа свободы слова со стороны государства, а как провокация, давление и преследование за политические убеждения. Свобода выражения является базовой ценностью демократии, однако свобода выражать свои мысли не должна представлять угрозы для стабильности политической системы и действовать в отношении всех участников политического процесса одинаково. Неограниченное выражение политической позиции с помощью митингов и массовых шествий также представляется неблагоприятной тенденцией для политической стабильности российского общества. Характеристики участников массовых выступлений настолько обширны и противоречивы, что у общества не возникает единого представления о тех силах, которые претендуют на звание оппозиции, то есть

оппозицию можно в некоторой степени охарактеризовать как несистемную. Кроме того, из анализа информации об акциях в крупных городах из тех же открытых источников (СМИ и интернет) складывается впечатление об отсутствии единой сбалансированной и прочной политической позиции у протестующих сил. Лозунги на сегодняшний день ограничиваются призывами к изменению действующего политического курса, а более конкретной и подробной схемы развития государства протестующие не предлагают. На фоне обвинений, звучащих в адрес действующей власти в формировании симулякров гражданского общества, отсутствие системной идеи по продвижению политической реформы или ее ускорению у представителей оппозиции не добавляет ей очков в борьбе за властные ресурсы. Грамотная программа зрелой политической силы вряд ли должна ограничиваться призывами к коренному изменению существующего политического курса. К тому же лозунги, регулярно озвучиваемые на митингах, относительно социальной и экономической сфер общества так же не выглядят как результаты анализа и экспертного подхода. Оппозиционно настроенные силы не предлагают обществу четкой концепции дальнейшего политического и социального развития государства. В то же самое время действующая власть наоборот демонстрирует шаги, направленные на разрешение возникающих противоречий. Общественное недовольство результатами парламентских выборов привело к изменениям, касающимся избирательного процесса (в частности беспрецедентное в новейшей российской истории прямое освещение процесса голосования в сети интернет). За последнее время был принят резонансных решений, среди которых и закон об упрощенной процедуре регистрации партий, и отмена сбора подписей для участия в выборах в Государственную думу, и ужесточение мер за фальсификацию при подведении итогов голосования. Кроме этого, поддержана идея возвращения прямых выборов губернаторов, а общественные инициативы, набравшие в Интернете сто тысяч и более голосов в свою поддержку, подлежат обязательному рассмотрению в парламенте. Это достаточный и адекватный комплекс мер, которые являются ответом на политические предложения представителей митингующих. Принятие таких решений действующей властью свидетельствуют о ее готовности к диалогу. Государство уже не просто услышало голоса политических оппонентов, но и готово к конструктивному обсуждению и решению возникающих проблем. Странной в данном случае представляется реакция политических противников. Нежелание участвовать в

обсуждении актуальных политических проблем свидетельствует о незрелости политической позиции оппозиции или носит намеренный характер. На сегодняшний день, когда общественные настроения уже отходят от желания участвовать в массовых митингах и шествиях наиболее приемлемым вариантом для оппозиции является переход к более конкретным рациональным действиям. Оппозиционным силам необходимо от критики переходить к реальному участию в борьбе за власть и общественное мнение. В частности хорошей проверкой состоятельности политической позиции будет являться участие в выборах различного уровня. В случае победы реальные дела докажут всю ответственность за приобретенную власть. Негативной тенденцией массовых выступлений являются призывы к резкому изменению политического режима. В данной ситуации не следует так же забывать о том, что действующую власть и ее политику поддерживает хоть и не подавляющее, но все же большинство избирателей (что доказывают результаты выборов Президента РФ). Со стороны оппозиционно настроенных сил было бы неправильно не уважать выбор большинства. Политической системе необходимы реальные рычаги управления, а любые изменения следует проводить постепенно, соблюдая разумный баланс. Поэтому уличные лозунги о смене действующей власти могут оказаться губительными для общественной стабильности. Проведение политики, направленной на развитие гражданского общества означает создание равных возможностей для всех членов общества, реальное, а не формальное соблюдение принципа равенства перед законом, минимизация коррумпированности действующей элиты. Реализация этих условий способна обеспечить поддержку большинства населения, создать условия для восприятия и распространения идей гражданских свобод и гражданского общества, а в итоге создать условия для модернизации страны. Негативные тенденции в реализации гражданских прав и свобод, проявившиеся за последнее время необходимо снижать правовыми решениями в рамках диалога. Те шаги, которые за последнее время были сделаны всеми участниками политического процесса в этом направлении, свидетельствуют о трансформационных процессах затрагивающих основные институты гражданского общества в России и итоговые сценарии этих процессов еще не окончательны.

ФАКТОРЫ ВНУТРЕННЕЙ МИГРАЦИИ МОЛОДЕЖИ ИЗ РОССИЙСКОЙ ГЛУБИНКИ В ГОРОДА: КЕЙС

БЕЛОКАТАЙСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

Туракаев М.С. (Санкт-Петербург)

В современном российском обществе наблюдается отток населения из малых населенных пунктов в города. Происходит старение населения: по данным переписи 2010 г. из 21277 чел. численность трудоспособного населения составляет 12722 чел. [2, с. 23]. Судьба села и района (Новобелокатай – районный центр Белокатайского района) во многом зависит от молодого поколения. В данной работе рассматриваются факторы, привлекающие молодых людей к глубинке и факторы, отталкивающие от нее. Что подразумевается под понятием «глубинка»? Глубинка – «это часть социокультурного пространства, относительно изолированная от основных его потоков, характеризующаяся их относительно низкой интенсивностью и плотностью, ограниченным объемом ресурсов, удаленная от центров политической, экономической и культурной активности» [1, с. 27]. Так определяет понятие «глубинка» профессор В. И. Ильин. Глубинка может быть удалена от центра не только географически, но и социально изолирована (отсутствие дорог, или их плохое состояние, телефонная связь, интернет и т. д.). Она гораздо меньше притягивает людей в свое социокультурное поле, нежели крупные города, или регионы. Что лежит в основе этого притяжения, или наоборот, отторжения? В последние годы в Белокатайском районе наблюдается сокращение численности населения [2, с. 21]. В 2007 г. в районе проживало 21753 чел., в 2008 г. – 21536 чел., в 2009 г. – 21285 чел., в 2010 г. – 20278 чел., в 2011 г. – 20092 чел., в первом полугодии 2012 г. – 19684 чел. Сокращение численности населения осуществляется за счет миграции, так как в Белокатайском районе и в селе Новобелокатай наблюдается несущественный естественный прирост: в 2009 г. родилось 354 чел., умерло 318 чел., в 2012 г. 307 родилось и 302 умерло [2, с. 36]. В Башкортостане направление миграции представляет собой движение из деревень и сел в районы, близко расположенные к столице Уфе [2, с. 25]. Для выявления факторов притягивающих (и удерживающих) в село и отталкивающих молодежь от села у местного населения было взято ряд гайд-интервью, описывающих основные сферы жизнедеятельности людей. Осуществлялось наблюдение за повседневной жизнью местных жителей. Почему молодежь остается в глубинке и что влияет на миграцию из Белокатайского района?

Данные наблюдений и проведенных мною интервью с местными жителями позволяют сделать следующие выводы. Факторы притягивания и отталкивания можно условно разделить на две группы: личностные и социальные факторы. Личностные факторы миграции молодежи из российской глубинки в российские города – это совокупность субъективных установок и стратегий акторов, оказывающих определяющее воздействие на эмиграцию населения. Социальные факторы – это совокупность социокультурных, экономических и политических условий, которые являются движущей силой миграции населения. Основные факторы привлечения (и удержания) молодых людей в Белокатайский район. Личностные факторы – Здоровье, не позволяющее жить в данном месте (или, неспособность уехать из района). – Невозможность и неспособность устроиться на работу в городах. – Семейные корни: родители, собственная семья, друзья и знакомые. Если эти факторы не встречаются часто, то они не играют существенной роли в воздействии на миграцию. Социальные факторы – Тихая и спокойная сельская жизнь. – Красивая природа и комфортный климат. – Дорогое жилье в городах. Основные факторы, выталкивающие (способствующие миграции) молодежь из глубинки Личностные факторы Ограниченная возможность найти себе пару для создания семьи. Общительность и желание найти новых друзей и т. д. Социальные факторы Экономика: рынок труда и занятость, промышленность, сельское хозяйство, предпринимательство и возможность карьерного роста. Во-первых, в районе существует потолок в продвижении по карьерной лестнице. Молодые люди хотят развиваться в профессиональном и карьерном плане. Во-вторых, безработица в селе Новобелокатай достаточно высокая (более 10%). Большая часть молодых людей зарабатывает на жизнь вахтовым методом (они уезжают работать в соседние города Уфа, Екатеринбург, Челябинск, а также в места добычи нефти и газа (ХМАО, Тюменская область и др.)). Затем они возвращаются в село. По причине регулярных переездов, в большинстве случаев молодым парням приходится расставаться со своей семьей на долгое время. В-третьих, в селе нет промышленности, такого предприятия, в котором могло бы быть занято основное население. Сельское хозяйство находится в упадке, так как зарплата низкая, а успешно реализовать продукцию сложно. Прибыль незначительна. Молодежь сельская работа не привлекает. Причина заключается в том, что работа есть, но характер и содержание труда молодых людей не устраивает. Досуг и культурная жизнь населения. Культурная жизнь в городе гораздо

привлекательней в силу большого разнообразия форм реализации досуга. Это кинотеатры, театры, торговые центры, ночные клубы и т. д. В селах и деревнях такого разнообразия соответственно нет. «Данное противоречие порождает мощную тенденцию к центростремительной миграции как средству его решения» [1, с. 39]. Парням и девушкам скучно в селе. Заняться нечем, клубы закрываются слишком рано, а кафе предпочитают не все. Конечно, в районе есть интернет и мобильная связь, но этого недостаточно для заполнения своего досуга. В селе и в целом в районе нет профессиональных педагогов в области музыки, танцев и спорта. Поэтому родители пытаются вырваться из сельской жизни в городское пространство для того, чтобы у их детей были хорошие возможности для саморазвития. Местная политика властей. В Белокатайском районе многие организации функционируют только как филиалы, поскольку власти республики создают новые рабочие места в соседнем селе Месягутово, так как стремятся сделать его городом. Географическое положение. Район находится далеко от ближайших крупных городов (в том числе и к столице Уфе). Местному населению сложно реализовывать сельскохозяйственную продукцию из-за удаленности от городов. Все вышеперечисленные факторы создают неблагоприятные условия для жизнедеятельности молодого поколения. Белокатайский район, благодаря миграции в 2009 году потерял 44 человека, в 2010 г. – 191. Результаты исследования дают основания утверждать, что вышеперечисленные факторы существенно влияют на отток населения из глубинки.

Литература

1. Ильин В. И. Российская глубинка в социальной структуре России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. Т. 13. № 4. С. 25-47.
2. Социально-экономическое положение муниципальных районов и городских округов Республики Башкортостан. Статистический сборник // Башкортостанстат – Уфа, 2011.

ПОЛИЭТНИЧНОСТЬ КАК ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА?

Халлисте О.В. (Санкт-Петербург)

Сегодня в силу глобализационных и миграционных процессов становится все более и более популярной тема толерантности. Проводятся многочисленные социологические опросы на тему отношения местного населения к трудовой миграции, к приезжим из других стран и городов. И в связи с этим возникает вопрос: возможно ли сегодня говорить о том, что полиэтничность нашей страны становится конфликтогеном? Можно ли утверждать, что искусственное насаждение толерантности в условиях непродуманной миграционной политики вызывает лишь отторжение и приводит к социально-политической дестабилизации? Проблема толерантности, на наш взгляд, состоит уже в самом названии. Под толерантностью чаще всего понимается «терпимость». Однако сам процесс «терпения» не может быть долгим, он априори должен быть краткосрочным: терпеть иную культуру, иные традиции и обычаи человек может в качестве туриста, посещающего другие страны, в качестве студента вуза другого города и т.д. Таким образом, человек понимает, что он гость в данном месте, это не его территория, и он должен «потерпеть» даже если ему что-то не нравится. Однако, в настоящий момент программы, посвященные повышению уровня толерантности, подразумевают нечто совсем иное, что становится уже конфликтогенным фактором для разжигания межэтнических конфликтов, вплоть до возникновения ксенофобии. В подсознании человека всегда существует определенное противостояние «Мы» - «Они», еще К. Юнг писал о «коллективном бессознательном». Следовательно, человеку необходимо четко идентифицировать себя с «Мы». Я – гражданин своей страны, житель этого города, санкт-петербуржец, москвич и т.д. В результате складывается целый ряд характеристик, описывающих данную группу «Мы». Сюда может входить и язык, используемый данной группой, и определенные традиции, обычаи, нация, раса, конфессия и т.д. Соответственно, если человек каждый день слышит непонятную для него речь, видит чуждые его культуре обычаи и т.д. – он воспринимает это как вторжение на свою территорию. Это своего рода форма самозащиты, потому что все, что остается непонятым, составляет группу «Они», по отношению к которой толерантность безусловно присутствует, но лишь в краткосрочной перспективе. Еще в октябре 2010 года канцлер Германии А. Меркель признала провал немецкой интеграционной программы, в феврале 2011 года такое же заявление сделал Н. Саркози, бывший на тот момент президентом Франции. Данные примеры не исключение, а скорее закономерность в опыте построения мультикультурного общества в европейских странах.

Зачастую понятие интеграции подменяется ассимиляцией, т.е. политикой полного растворения культуры одного этноса в культуре другого (титulyного), что, как мы наблюдаем, встречает активное сопротивление со стороны представителей этнических меньшинств. Основная проблема здесь заключается в том, что акцент делается на изучении языка титульного населения, в то время как мигрантами и представителями этнических меньшинств особую значимость представляют социально-экономические аспекты жизни в стране, в городе. Так, например, в прибалтийских странах, по мнению властей, ограничение русского населения только собственным языком может вызвать его политическую сепаратизацию. В то же время проблемам социально-экономической интеграции практически не уделяется никакого внимания. Что же касается языково-коммуникативного направления, то на практике оно концентрируется на уменьшении доли образования на русском языке. Система образования здесь рассматривается как один из ключевых факторов процесса интеграции. С одной стороны, улучшается знание языка участников процесса интеграции, с другой же – через обучение языку регулируется социализация и создается привычка к сосуществованию двух культур. Таким образом, как показал опыт стран европейского пространства, интеграция, основанная лишь на изучении языка, не оказалась успешной. Рассматривать «национальный вопрос» без учета национальной идентичности представляется невозможным. Безусловно, Россия испокон веков была полиэтническим государством, и на данный момент в РФ насчитывается более 180 национальностей. И ни в коем случае мы не говорим о поиске путей формирования моноэтнического государства, это противоречит всей нашей тысячелетней истории. Россия изначально возникла и веками развивалась как многонациональное государство. Однако, вследствие непродуманной миграционной политики, избирательности применения закона со стороны властных структур, неуважения приезжих к обычаям, традициям порождает неприязнь среди местного населения вплоть до полного отторжения иных культур. Ответная реакция на такую модель поведения – рост ксенофобии среди местного коренного населения, попытка жестко защитить свои интересы, рабочие места, социальные блага – от «чужеродных конкурентов». Люди шокированы агрессивным давлением на свои традиции, привычный жизненный уклад и всерьез опасаются угрозы утратить национально-государственную идентичность. Примеров здесь может быть множество: от празднования Ураза-байрам в Санкт-Петербурге в обстановке, близкой к хаосу и массовым погромам,

шокирующего местное население, до недавнего случая в Москве, когда дагестанский свадебный кортеж проехал по улицам со стрельбой из оружия. Агрессивное, вызывающее, неуважительное поведение должно встречать соответствующий законный, но жесткий ответ, и в первую очередь со стороны органов власти, которые сегодня часто просто бездействуют. Таким образом, повышение качества миграционной политики государства на данный момент представляется приоритетным. Необходимо направить мигрантов туда, где они будут в наименьшей степени вызывать социальное напряжение, в противном же случае воспитание толерантности и патриотических настроений, чувство социальной справедливости, уважение к законодательной базе государства и т.д. вытеснят проблемы борьбы с ксенофобией, социальной и экономической депривацией, национализмом, этноцентризмом, «утечки мозгов» и т.д.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПОЛИТИКИ И ЭКОНОМИКИ КАК ФАКТОР СТАБИЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Цветаев В.М. (Санкт-Петербург)

Роль политики как фактора экономики очевидна. Для экономиста в оценке данной взаимосвязи важны, прежде всего, два вопроса: должна ли экономическая теория изучать политические факторы, и если должна, то как выразить функционирование политических механизмов в инструментарии экономического анализа. Ответ на первый вопрос связан с выбором исходных положений экономической теории, с ее аксиоматикой, и с характером их сопряженности с теми элементами человеческого поведения, которые конституируют политические процессы. Таких элементов два – ориентация человека на достижение целей и использование механизмов власти в достижении этих целей. Включение политики в поле зрения экономической теории так или иначе инспирировалось нуждами практики, и сегодня она включена в предмет исследования как на макроэкономическом, так и на микроэкономическом уровнях. Макроэкономика, собственно, и сформировалась как направление экономической теории, в которой обосновываются цели и средства политического воздействия на экономику. На микроэкономическом уровне изучение политических факторов взяло на себя институциональное направление экономической теории, которое исходит из того, что фактически любое экономическое решение

принимается коллективно, в результате голосования различных точек зрения. Это значит, что политические решения, которые определяют экономический курс, следует понимать не просто как рациональный выбор, проверяемый рынком, но и как конфликтное взаимодействие разных политических сил, которое завершается либо победой одной из сторон, либо компромиссом. В целом экономика явно эволюционирует в направлении более сложного взаимодействия экономической и социально-политической сторон человеческой жизни. Конфликт, компромисс, согласие, баланс интересов и т.п. насквозь пронизывают функционирование любой экономической системы, а ответ на вопрос, какие принимаются решения, все более зависит от того, как они принимаются. И экономическая теория сегодня признает как свою собственную проблему ту серьезную корректировку, которую придает экономическим процессам социально-политическое взаимодействие участников этих процессов. И не случайно, анализ принятия решений становится специальным разделом теории организаций, теории фирмы, теории систем и т.д. Попробуем проанализировать влияние политических факторов при принятии экономических решений на эффективность экономики. Во-первых, важно, чтобы политическое взаимодействие субъектов экономики не было «перетягиванием одеяла», когда одна группа интересов навязывает другой асимметричное с точки зрения эффективности решение, а получило бы конструктивный характер. Для этого общество в своей политической самоорганизации вырабатывает и вводит институты, которые должны уменьшать издержки, вызванные политическим характером принятия решений. Другая особенность экономических решений, рождаемая их политической окраской, обусловлена тем, что при осуществлении они оказываются менее эффективными, чем предполагается изначально. Возникающие социально-политические издержки объективны и не могут быть устранены, но могут и должны быть минимизированы. И здесь опять-таки важны соответствующие институты. Еще одну, третью, особенность влияния политики на экономику подсказывают жизнь, исторический опыт. Они убеждают в том, что асимметричность в распределение ресурсов не может быть зафиксирована надолго, а тем более, навсегда. Рано или поздно наступает момент, когда соотношение политических сил в принятии экономических решений меняется, что обусловлено снижением эффективности экономики. Это означает, что нельзя запаздывать с принятием правил, которые делают политическое взаимодействие субъектов хозяйствования экономически конструктивным. Наряду с

этим в России институциональная среда, способствующая развитию экономики, все еще развита слабо, а сдерживающее и даже тормозящее воздействие на развитие экономики оказывают как «неявное» присутствие государственных органов, с одной стороны, так и криминальных организаций, с другой. Так, например, существуют охранные агентства, которые формально оказывают услуги по охране, но в реальности легализуют контроль организованной преступности над бизнесом. Другой пример - специализированные организации, продающие «фирмы под ключ». Их функция упрощать для предпринимателей взаимоотношения с бюрократической машиной, помогать им оплачивать бюрократические услуги. В условиях, когда государство не способствует созданию рыночных институтов, а напротив, чинит предпринимателям всяческие препятствия, названные фирмы могут брать на себя функцию посредника между коррумпированным государством и предпринимателями. Вместо создания институтов, способствующих развитию рынка, за счет рыночной инициативы происходит создание институтов, через которые делается возможным слияние государственных органов с преступным миром и бизнесом. Важнейшим из политических инструментов, призванным обеспечить максимальную лабильность экономического курса, считается демократия. Вместе с тем реальности складывающейся сегодня демократии оказывают неблагоприятное воздействие на принятие экономических решений. Это выражается, прежде всего, в популизме и разбалансированности власти и ответственности за принимаемые решения. Таким образом, в самом общем виде можно заключить, что перед российским обществом все еще стоит задача создания экономических и политических институтов, которые позволили бы снизить политические издержки в процессах реформирования экономики в направлении создания условий реализации частного интереса. Ориентиром для преобразований в данной области должен служить западный опыт использования политического инструментария в налаживании диалога и баланса различных по экономическим интересам субъектов экономики.

ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ СТАБИЛЬНОСТИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА. ТЕРРОРИЗМ КАК ДЕСТАБИЛИЗИРУЮЩИЙ ФАКТОР.

Цорити Л.А. (Санкт-Петербург)

Проблема стабильности в современном мире имеет не только научное, академическое значение. Стабилизация экономической, политической, социальной жизни современного российского общества - это то, чего ждут и на что надеются россияне уже много лет. В научном социологическом смысле социальная стабильность - это такая устойчивость социальных структур, процессов и отношений, которая при всех изменениях сохраняет их качественную определенность и целостность как таковых. Она складывается из трех уровней: 1) внутренней стабильности социальных систем (институтов, организаций, сообществ) 2) стабильности взаимосвязей и взаимодействий социальных систем между собой, 3) стабильности всего общества, которую можно обозначить как социетальную стабильность. [1] Таким образом, стабильное общество – это развивающееся и сохраняющее свою устойчивость общество, с налаженным процессом и механизмом изменений, сохраняющий его стабильность, исключая такую борьбу социальных сил, которая ведет к расшатыванию самих устоев общества. Стабильность каждой социальной системы определяется внутренними факторами системы и внешними факторами по отношению к данной системе. Внутренние факторы стабильности общества весьма многообразны. Важнейшее место среди них занимает стабильное функционирование социальных институтов, охватывающих социальную, политическую, экономическую, культурную системы общества. Внешние факторы в свою очередь могут быть подразделены на социальные (антропогенные) и природные. Воздействие внешних социальных факторов может существенно деформировать и даже разрушить социальную систему. Особую роль в поддержании общественной стабильности играют политические факторы. Политический фактор является социологической категорией, характеризующей динамику изменений социальных процессов, выступает движущей силой и необходимым условием этих процессов. Можно выделить следующие виды политических факторов стабильности общества: - по характеру влияния на стабильность и общественные процессы: 1) прямые (политические институты, гражданское общество, эффективность власти, легитимность власти); 2) косвенные (политическая культура, разделение властей, мобильность, циркуляция элит, политический режим); - в зависимости от актора: 1) институциональные (институты власти, институты участия); 2) представительские (политическое лидерство, средний класс, стабилизационно значимое большинство); - по функциям: 1) сохраняющие (система, её элементы, поддерживающие равновесие);

2) адаптационные (помогают обществу адаптироваться к новым условиям во внешней и внутренней среде); 3) развивающие (образование новых элементов и связей, их закрепление). Российская стабильность олицетворяет мобилизационный тип, предполагающий сильную централизацию управленческого аппарата, подавление структуры народного самоуправления. [2] Главным дестабилизирующим фактором в современном мире можно считать терроризм. Терроризм является одной из наиболее серьезных угроз национальной безопасности Российской Федерации и требует самого пристального внимания со стороны гражданского общества и государства, его правоохранительных органов и спецслужб. Одно из последних встречающихся в литературе определений термина «терроризм» гласит, что он означает предумышленное, мотивированное политическими соображениями насилие, совершаемое против небоевых целей субнациональными группами или тайными агентами и обычно ставящее своей целью оказать влияние на ту или иную группу населения. И с такой постановкой вопроса вполне можно согласиться, имея, конечно, в виду ее условность. [3] Основой системы противодействия терроризму является информационно-аналитическая деятельность. Для того, чтобы выбрать эффективную программу противодействия терроризму, соответствующие государственные структуры должны понимать источники, мотивацию, методы подготовки и тактику террористической группы. А это возможно только в случае успешного сбора информации и ее тщательного научного анализа. Одновременно необходимо понимание политических и социальных проблем, порождающих конкретные проявления терроризма и поиск возможных вариантов их решения. В идеале информация должна носить инсайдеровский характер, т.е. быть получена от внедренных или завербованных агентов, находящихся внутри террористической организации. Важную информацию можно также получать благодаря выявлению источников финансирования и путей поступления денег в распоряжение террористической организации, а также благодаря перехвату информации, однако в этих случаях возникает опасность перейти разумные границы и нарушить гарантированную законом неприкосновенность частной жизни. [4] Исследование факторов стабильности и дестабилизирующих факторов дает возможность не только понять механизмы стабилизации общественных систем как таковых, но и проанализировать их содержание с учётом национальных, исторических и иных особенностей развития.

Литература

1. Социология. Основы общей теории. Отв. ред. Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. М.: Норма, 2003. - 912 с.
2. Савин С.Д. Типология политической стабильности в современном обществе // Политическая социология: теоретические и прикладные проблемы. СПб.: ИД СПбГУ, 2007.
3. Геополитика – безопасность – терроризм. Сборник статей. Бишкек: Бийиктик, 2006. С.208
4. Грибанова Г.И. Луппов И.Ф. Противодействие терроризму как функция современного государства. Сыктывкар: КРАГСиУ, 2009. 229 с.

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Чечеткина О.Н. (Москва)

Проблемы развития современного общества, связанные с нарастанием рисков, рассматриваются в рамках теорий общества рисков, которые возникли как попытки осмысления качественных перемен, происходящих в современном западном обществе – как в повседневной жизни и культуре, так и в характере социальной организации и структуре глобальных систем. С распределением и нарастанием рисков возникают социально опасные ситуации и риски модернизации рано или поздно затрагивают и тех, кто их производит или извлекает из них выгоду. Социальная обусловленность рисков позволяет говорить об их роли в структурировании общества в целом, а также в формировании его субъективности на основе характера и совокупности существующих в нем рисков. С одной стороны, риски современного общества являются условием, значительно облегчающим и усиливающим социальную стратификацию (каждая социальная группа адаптируется к современным условиям по-своему, следовательно, рискует по-своему и степень риска разделяет эти группы). Как отмечает немецкий ученый У. Бек, «история распределения рисков показывает, что риски, как и богатства, распределяются по классовой схеме, только в обратном порядке: богатства сосредотачиваются в верхних слоях, риски в нижних. По всей видимости, риски не упраздняют, а усиливают классовое общество» [1, с. 40]. Но с другой стороны, характерной чертой общества риска является индивидуализация, как отмечал П.А. Сорокин [2, с. 500], на современной цивилизации с ее «неотъемлемыми правами человека» лежит печать индивидуализма.

На место сословий уже не встают социальные классы, на место классовых социальных связей уже не встает стабильная рамка семьи, единицей воспроизводства социального элемента становится индивид. Усилению индивидуализма способствует социальная мобильность, поскольку она разрушает «замкнутость жизни в одном социальном ящике», индивид, переходящий из одного социального слоя в другой нередко оказывается принадлежащим к нескольким пересекающимся друг с другом группам. В таком случае трудно установить характеристики индивида путем указания его пребывания в определенной социальной группе, чтобы узнать его, необходимо рассматривать его как отдельную личность и изучать его персональные свойства [2, с. 501]. Иными словами, индивидуализация отдаёт индивида во власть внешнего управления и внешней стандартизации, которые были неизвестны сословным и семейным субкультурам. В обществе риска индивид должен рассматривать себя как активный центр, которому свойственна активная поведенческая модель, сосредоточенная вокруг собственного «Я». В этом случае изменяется и социальная мобильность, которую теперь невозможно рассматривать как перемещение индивидов из одной большой группы населения в другую. В характеристиках социальной мобильности возрастает значение ориентации на индивидуальный успех. Трансформируются и социальные институты, выступающие в роли каналов вертикальной циркуляции. Например, получение высшего профессионального образования, уже не даёт гарантии повышения социального статуса (как это было ранее). Таким образом, профессиональная квалификация является с одной стороны необходимой, а с другой недостаточной составляющей социальной мобильности. В индивидуализированном обществе кроме количественного увеличения рисков отмечается появление новых форм личного риска, детерминированных принятыми решениями. Кроме того, индивидуализированное существование все более сильно зависит от обстоятельств и условий, которые человеку неподвластны. Параллельно возникают рискованные, конфликтные и проблемные ситуации. Ответом человека на вызовы общества риска выступает формирование риск-солидарностей, которые образуются под влиянием нелинейного синтеза разных факторов риска, имеющих подвижные пространственные и временные характеристики. При этом риск-солидарности могут быть как позитивными так и негативными [3, с. 128-131]. Риск-солидарности возникают в определенных ситуациях и с определенной целью, создаются и

распадаются по ситуационным и тематическим признакам, и соответственно в них перемешаны представители самых разных групп и различного социального статуса.

Литература

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну /Пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой. – М.: Прогресс-Традиция, 2000.
2. Сорокин П.А. Социальная мобильность /Пер. с англ. М.В. Соколовой. – М.: Academia; LVS, 2005.
3. Яницкий О.Н. Социология риска. – М.: Издательство LVS, 2003.

НЕМНОГО О ПРЕДНАЗНАЧЕНИИ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ СОЦИОЛОГИИ

Шевцов А.В. (Санкт-Петербург)

В общем и целом речь идет функциях электоральной социологии в представлении русскоязычных исследователей. Но ознакомившись с заявленными в программе конференции позициями («основные политические факторы стабильности российского общества» и «социальное равновесие в процессе стабилизации общества»), автор решил перейти на высокий стиль, перейдя от «пресловутого функционала» к «высокой миссии». Надеюсь, определенную роль в социально-политической стабилизации социологи еще играют. О социальных функциях политических и неполитических выборов говорили и писали много и часто, ограничимся весьма обширной «выжимкой», осуществленной кемеровским исследователем М. В. Желтовым. 1) Формирования представительных органов и определения кандидатов на выборные должности; 2) легитимации политической власти; 3) селекции политической элиты; 4) политического воспитания; 5) мирного урегулирования социальных и политических конфликтов в обществе; 6) рекрутирования политической элиты и организация взаимодействия между национальной и региональными политическими элитами; 7) давления на власть; 8) рационализации процесса борьбы за политическую власть; 9) мобилизации избирателей и повышения уровня их политического участия – как самая распространенная и доступная форма политического участия; 10) поддержки и защиты (оппозиционных политиков); 11) политико-информационная; 12) поддержки процесса становления и развития

многопартийности в обществе; 13) символическая; 14) регулирования социальных отношений в обществе (для неполитических выборов) [2, С. 13-48]. Как видим из данного перечня, в социально-политической сфере избирательный процесс если не «всё», то «почти всё». Тем большая ответственность налагается на лиц, исследующих и информационно обеспечивающих этот процесс. Начнем с более краткой номенклатуры. Студентка МГУ А. А. Араблинская выделила важнейшие функции социологического сопровождения, реализуемые в избирательной кампании: 1) информационную (связана с тем, что социологические исследования способны на научной основе собирать, анализировать и передавать информацию о социальных процессах, что является необходимым для принятия и коррекции управленческих и иных решений в ходе избирательных кампаний); 2) диагностическую (заключается в возможностях социологического исследования на основе собранной информации давать анализ электоральных ситуаций, внутренних причин и следствий того или иного состояния электората, то есть ставить социальный диагноз, что так же является необходимым при проведении суммы предвыборных мероприятий); 3) прогностическую (связана со способностями социологического исследования на основе изучения и анализа электоральных ситуаций предвидеть способы и направления их развертывания, а так же последствия реализации тех или иных предвыборных мероприятий); 4) контрольную (функцию обратной связи) (связана с тем, что социологические знания и методы позволяют отслеживать ход реализации стратегии избирательной кампании, реакцию на нее объекта, дают возможность оценивать степень действенности и эффективности деятельности команды кандидата и возможную вариативность ее последствий); 5) экспертную (функция социологической экспертизы) (заключается в том, что социологические методология и методы позволяют оценивать избирательные технологии (предполагаемый образ кандидата, его программа, стиль поведения и т.п.) на степень их приемлемости, адекватности и реализуемости в конкретной социальной среде, в конкретном избирательном округе) [1]. Для сравнения: начинающая украинская исследовательница К. Телегина отмечала, что «умышленным влиянием на избирателей занимаются преимущественно политтехнологи, пиарщики и политические маркетологи, а основными функциями электоральной социологии остаются информационно-аналитическая и прогностическая [4]. Ю. С. Колесников выделил наиболее часто упоминаемые специалистами функции, определяя, как каждая из них реализуется в процессе

проведения конкретного социологического исследования. 1) Информационная – направлена на обеспечение заказчика достоверными сведениями обо всех сторонах электоральной ситуации. 2) Корректирующая – нацелена на изучение эффективности осуществляемой избирательной кампании, внесение в нее корректив и дополнительных мер. 3) Прогнозная – позволяет оценить реальные шансы участников предвыборной борьбы. 4) Пропагандистская – призвана ознакомить электорат с результатами работы социологов. «В добротном электоральном исследовании всегда присутствуют все эти функции, однако их значимость в зависимости от этапа работы может варьироваться» [3]. Саратовские исследователи Е. С. Григорьев и И. О. Кузнецова, описывая электоральный мониторинг избирательных кампаний, перечисляют следующие функции: 1) информационную (направлена на обеспечение участников выборного марафона достоверными сведениями обо всех сторонах электоральной ситуации); 2) диагностическую (заключается в возможностях методов электорального мониторинга на основе собранной информации давать анализ электоральных ситуаций); 3) корректирующую (нацелена на изучение эффективности осуществляемой избирательной кампании, внесение в нее корректив и дополнительных мер); 4) прогностическую (связана со способностями электорального социологического исследования на основе изучения и анализа электоральных ситуаций предвидеть способы и направления их развертывания); 5) контрольную (обратной связи) (методы электорального мониторинга позволяют отслеживать ход реализации стратегии избирательной кампании); 6) экспертную (социально-политической экспертизы) (позволяет оценивать избирательные технологии на степень их приемлемости, адекватности и реализуемости в конкретной социальной среде); 7) социально-технологическую (комплексная функция, реализуемая через осуществление всех перечисленных ранее функций, связанная с возможностью разработок различных социальных технологий); 8) пропагандистскую (призвана ознакомить электорат с результатами работы социологов) [5, С. 7-9]. Таким образом, в зависимости от квалификации исследователя и выделяемого аспекта социологической деятельности в области политического избирательного процесса, названия функций и их «наполнение» варьируются от списка к списку. Однако основное ядро, – связанное с информированием и прогностикой, диагностикой и экспертизой, контролем и коррекцией, – в том или ином виде сохраняется.

Литература

1. Араблинская А.А. Электоральная социология как фактор эффективной избирательной кампании // Ломоносовские чтения 2004 г. Сб. ст. студентов «Россия и социальные изменения в современном мире». Т. 3. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://lib.socio.msu.ru/l/library?e=d-000-00---0lomon--00-0-0-0prompt-10---4-----0-11--1-ru-50---20-help---00031-001-1-0windowsZz-1251-10&cl=CL1&d=HASH01468844354f01e9becb8891.1.1&x=1>
2. Желтов М. В. Институт выборов: становление, социальные функции, роль в политике. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2003. 253 с.
3. Колесников Ю. С. Электоральная социология [2001] // Псифактор [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://psyfactor.org/lib/socis1.htm>
4. Телегина К. Становление электоральной социологии в Украине: проблемы определения предметного поля [Электронный ресурс. Режим доступа]: <http://www.sociology.kharkov.ua/kmetod/files/publication/telegina.pdf>
5. Электоральная социология: учеб. пособие / С. Б. Суоров, И. О. Кузнецова, Е. С. Григорьев и др.; под ред. С. Б. Суорова. Саратов Изд-во ГОУ ВПО «Сарат. гос. акад. права», 2009. 216 с.

СУБСТИТУТЫ КАК ФАКТОР СТАБИЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА.

Шелонаев С.И. (Санкт-Петербург)

Появление в социальной реальности принципиально новых феноменов, к числу которых относится современная система медиа, радикальное усложнение социальных явлений, делает необходимым привлечение новых концептуальных схем, и, прежде всего, топологического подхода к описанию социума (П. Бурдьё, Н. Луман). Современные представления о социальных институтах базируются на том, что существование института возможно в двух относительно независимых устойчивых формах: формальной иерархической и сетевой. Обычно эти формы рассматриваются как альтернативы, хотя на основе топологического подхода возможна их интеграция в рамках единой модели. В основе предлагаемой интегративной модели институциональной динамики лежат следующие положения.

1. Институт представляет собой необходимый компонент и субсистему социума понимаемого как саморазвивающаяся аутопоэтическая система, состоящая из самореферентных

коммуникативных процессов в социальном пространстве. 2. Институт как часть саморазвивающейся системы социума находится в состоянии динамического неравновесия. Стабильность института имеет динамический характер. 3. Институт может быть описан как неавтономный функциональный топос, призванный обеспечить устойчивое воспроизводство социальных практик, диспозиций и социальных отношений. 4. Институт состоит из упорядоченной совокупности индивидуальных агентов обладающих общим габитусом, институционализированных связей между агентами и комплементарных практик, направленных на реализацию функций института. Это позволяет описать институт как группового агента занимающего определенную позицию в социальном поле. 5. Институт приобретает динамическую стабильность в двух относительно независимых формах: сетевой и формальной иерархической. Различие между формами определяется уровнем выраженности двух переменных: степенью автономности института от социального поля и степенью упорядоченности его внутренней структуры. 6. Формальная иерархическая форма института характеризуется низкой степенью автономности от поля и высокой степенью упорядоченности структуры. Сетевая форма института характеризуется высокой степенью автономности и низкой степенью упорядоченности. 7. Институциональная динамика названных форм определяется общим свойством саморазвивающихся систем к усложнению и необходимостью компенсировать имеющиеся недостатки институциональных форм. Формальный иерархический институт стремится усилить степень своей автономности от поля при сохранении высокого уровня упорядоченности. Сетевой институт стремится усилить степень своей упорядоченности при сохранении высокого уровня автономности. 8. Конечный результат институциональной динамики представляет собой трансформацию форм: сетевой институт трансформируется в формальную иерархическую форму, а формальной в сетевую. Промежуточным результатом институциональной динамики является формирование нестабильных институциональных образований получивших название «субституты». 9. В общем случае субституты представляют собой субкомпоненты института, либо специально созданные за счет внутренних ресурсов института, либо представляющие собой трансформированные части института. 10. Различные институциональные формы и субституты, не связаны с историческим развитием социума, что означает возможность одновременного существования в социальном пространстве разных

институциональных форм и производных от них субституты. Представленная комбинация основных предпосылок интегративной модели институциональной динамики исходит из того факта, что самоорганизующаяся система транслирует принципы, на которых основана, внутрь себя, распространяя их на компоненты ее составляющие. Основным инструментом социальной системы, позволяющей ей контролировать институциональную динамику, является легитимация в социальном пространстве, предполагающая согласование функций и социальных практик конкретного института с другими. Институт, основанный на «слабых» связях значительно меньше нуждается во внешней легитимации, находя ее внутри себя, во взаимном доверии составляющих институт индивидуальных агентов. Это - сетевая форма института. Несомненными достоинствами этой формы, наряду с автономностью, является гибкость и способность к самостабилизации. Однако, очевидны и слабости этого института. М. Грановеттер отмечает, что «личные отношения могут породить и огромное доверие, и неслыханное мошенничество» [1, 54]. Кроме того, структура сети неоднородна. В ней присутствуют плотные коммуникационные кластеры и лакуны, которые Р. Барт назвал «структурные дыры» [3], связываемые постоянной активностью индивидуальных агентов, действующих в сетевом пространстве. Чтобы компенсировать неустойчивость системы, сетевые акторы стремятся повысить упорядоченность сети. Однако, повышение упорядоченности как бы «проявляет» сеть в социальном поле и тем самым, делает необходимой ее легитимацию, тем самым лишая сеть основного преимущества – гибкости. Для того чтобы разрешить это противоречие сетевой институт может создавать из своих, в достаточной степени стабилизированных кластеров подобия формализованных институтов или захватывать некоторые компоненты существующих формальных институтов («субституты») и использовать их в своих целях. В данном случае термин «субститут» маркирует мимикрию формы, а также принципиальную неустойчивость и вторичность этой социальной структуры. Компенсация недостатков формального иерархического института возможна путем усиления его автономности. Однако это резко снижает его легитимность, чего, как считают исследователи, можно избежать путем создания субституты. Так, например, российский политолог Н. В. Петров, описывая субституты институтов государственной власти РФ, отмечает, что, выполняя иногда роль полноценных институтов, они, по существу, таковыми не являются, поскольку их функции либо вовсе не определены

законодательством (как, например, функции полпредов президента), либо реальное наполнение формально предписанных им функций целиком зависит от воли должностного лица [1, 47]. К числу этих субститутов можно отнести Госсовет и консультативные советы при президенте, Совет безопасности, Общественную палату, полпредов президента в федеральных округах и их администрации, общественные приемные. Часть исследователей считает возникновение субститутов крайне негативной тенденцией, хотя в рамках нашей модели это - проявление системного свойства саморазвивающейся системы к усложнению и, одновременно, стремление формализованного иерархического института стать более гибким в ситуации увеличения количества и скорости изменений социальной среды.

Литература

1. Грановеттер, М. Экономическое действие и социальная структура: проблема укорененности [Текст] / М. Грановеттер // Экономическая социология. – 2002. – №3. – Т. 3. С. 44–58.
2. Петров Н. В. Субституты институтов. Отечественные записки. № 6 (39). - 2007. С. 46-50.
3. Burt R. 2001. The Social Capital of structural holes // Guillen M.F., Collins R., England P., Meyer M. (eds.). New Directions in Economic Sociology. N.Y.: Russel Sage Foundation: 201-246.

СТРАНА НЕИЗМЕННЫХ ПАРАДИГМ

Шпаковская С.В. (Пенза)

Печально, но факт, причем исследованиями это доказывается, что Россия на протяжении последних 150 лет, несмотря на все революции, кровь, и страдания, неизменно осуществляет всего лишь одну, можно сказать ставшую для неё традиционной, модель исторического развития. То есть мы стали страной, где, несмотря на все перемены «ничего не меняется» и все основные парадигмы социального развития остаются неизменными. Вот, например, что российский журнал «Нива» писал в статье «Десятилетие государственной Думы» в №17 за 1916 год: «Россия и ее избранники еще не составляют чего-то единого и нераздельного, что в них она до сих пор еще не нашла своего внутреннего облика... духовного «я», не обрела высшего органа национальной воли и мысли, каким для каждого народа служит его парламент. В чем

причина столь странного явления? Она лежит очень глубоко, в самых недрах нашего культурно-общественного строя. При разной культурности низших и высших слоев населения достичь единства... идеалов довольно трудно. Легче назваться конституционным или парламентским государством, чем действительно стать таковым»[1, с.296]. Тут даже и комментировать нечего. Откройте любой журнал по социально-политической проблематике, загляните в Интернет, и вы найдете там то же самое и теми самыми словами. Разница лишь в том, что наша Дума уже немного старше! Ну, кто из нас сегодня, да и в советские времена не слышал, что, нам, мол, хорошего вождя не хватает. Сталина, например, и тогда все будет хорошо! Но... о «хороших вождях» у нас мечтали и ранее, причем те же самые крестьяне. И не когда-нибудь, а в революцию 1905-1906 гг.! Так, осенью 1906 г. газета «Харьковские ведомости» напечатала письмо крестьянина К. Блюдникова, бывшего матроса броненосца «Ретвизан», жившего в селе Беленькое Изюмского уезда, в котором он писал: «Во-первых, братья-крестьяне, меньше б вы пили, так были бы в 10 раз богаче. Тяжелым трудом приобретены имения у дворян. И что же? Крестьяне идут все это разорить и по-христиански ли это?!» «Я, будучи во флоте, везде был, и нигде не видал, чтобы правительство давало землю... Цените же это и стойте грудью за своего царя и наследника. Государь – наш Верховный Вождь». Вождизм по-прежнему у нас процветает, а один из опросов общественного мнения недавно показал, что лишь 3% россиян реально нужна демократия [2, с. 1-2]. Сегодня мы то и дело встречаем шокирующие нас сообщения о том, что милиционер открыл стрельбу в супермаркете, другой кого-то застрелил, а потом покончил с собой, и почему-то удивляемся, что вот до чего дошло дело! Но... так было и раньше! Например, 4 января 1918 г. пензенская газета «Наш путь» сообщала, что младший помощник начальника 3-его милиционного участка Панарин, 30 декабря, напившись, открыл стрельбы из нагана вдоль и поперек улицы Рождественской, подвергая жизнь прохожих смертельной опасности. На улице Московской его задержала толпа и доставила в участок №2, где на него составили протокол! Так что для нашей российской милиции стрелять напившись, это давняя традиция, и случалось такое, скорее всего, не только в Пензе![3, с.3.] Интересно, что все реформы в нашей стране тоже начинались всегда одинаково! Вот, например, что подметил врач Диатропов в своей заметке, опубликованной в газете «Пензенские губернские вести» в... 1863 году, то есть спустя всего два года после отмены крепостного права.

«В своей городской прогулке вы замечаете, что во многих трехкоконных флигелях (трехкоконный флигель тех лет это стандартная трехкоконная городская усадьба) среднее окно переделывается в дверь, над которой уже готова белая надпись на красном фоне: «Распивночно и на вынос»[4]. И после 1991 года разве не с того же началось опять? Только вместо трехкоконных флигелей сейчас используются квартиры в первых этажах многоэтажных зданий, где открываются конторы, парикмахерские, но чаще закусочные, бары и пивные! До сих пор самые «убогие» профессии в России это военные, учителя и врачи, и так было всегда! Ещё в 1812 году офицеры в русской армии получали так мало, что едва сводили концы с концами. Позднее им запрещали жениться не получив звания капитана, потому, что на меньшее жалование содержать жену они не могли! О тяготах этих профессий писали Бунин и Куприн. Ну, а уж газеты и журналы тех лет сообщали об их тяжелой доле постоянно. Сегодня в этом направлении хотя бы что-то изменилось. Но серьезные изменения в области оплаты труба врачей и учителей? Сегодня СМИ любят писать о «криминализации нашего общества» и, что, она у нас постоянно растет. Но как же тогда быть с данными о том, что в 1914 г. криминальный опыт приобретал каждый третий, живший тогда в стране человек?! При этом темпы роста преступности в 10 раз опережали темпы роста населения страны и это данные отнюдь не большевистских историков, а... архива тогдашнего МВД! Растет у нас детская проституция? Ну, так ведь это тоже уже было! К началу 1-й мировой войны на долю детской проституции приходилось 23% от общего числа имевшихся тогда проституток! Впрочем, есть сфера, в которой изменения коснулись самого менталитета народной массы! Так, все исследователи российского общества в начале XX века единодушно отмечали у русских проституток чисто национальное отсутствие понимания своего занятия как профессии, что в итоге и становилось причиной их трагедии. Не так было с путанами из-за рубежа, которые специально(!) ездили в Россию на заработки. Потом они возвращались назад, выходили замуж и дальше вели спокойную и праведную жизнь. Наши же злоупотребляли спиртным, денег не откладывали и потому постепенно опускались все ниже, и в итоге умирали от чахотки и пьянства под забором [5 с. 114, 235]. Теперь «по счастью» и у нас проституция стала профессией, особенно та, что связана с выездом за рубеж, хотя ко всем прочим болезням теперь добавился ещё и СПИД! Так что «изменить Россию» сегодня это значит изменить все эти три главные парадигмы общественного

развития, остающиеся неизменными все последние 150 лет, причем самым «необратимым образом».

Литература

1. Нива//Десятилетие государственной Думы №17. 1916.
 2. Пензенские губернские вестн. 21 сентября 1906. №211.
- Н/ч.
3. Наш путь. 4 января 1918.
 4. Пензенские губернские ведомости 29 января 1864. №5.
- Заметка.
5. Зоткина Н. А. Феномен девиантного поведения в повседневной жизни российского общества на рубеже XIX – XX вв.: преступность, пьянство, проституция (на материалах Пензенской губернии): Дис. канд. ист. наук:07.00.02/Пензенский государственный педагогический университет им. В. Г. Белинского. Пенза, 2002.

ВОПРОСЫ ПРОГРАММНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ РАБОТНИКОВ ПРЕДПРИЯТИЙ

Шумилин А.П. (Пенза)

В настоящее время решение проблем стабильности российского общества, по нашему мнению, необходимо рассматривать в связи с социальной защитой работающего населения. Вопросы социальной защиты рабочих отражаются в плане социально-экономического развития предприятия (ПСЭР). По статусу это один из видов нормативных документов современной организации, рекомендуемый разные аспекты ее социально-экономического развития, бесспорно, гораздо выше советского ПСР. Последний, являясь всего лишь директивным документом скорее всего ориентировал руководство предприятия (организации) на необходимость решения вопросов социального обслуживания членов трудового коллектива. Заметим, такие планы чаще всего разрабатывались на пятилетний период и контролировались, как правило, партийными и профсоюзными комитетами предприятий (организаций). Второй вид нормативного документа – коллективный договор имел правовую силу в том плане, что он был обязателен для реализации по всем пунктам, согласованным администрацией и профсоюзным комитетом. Коллективный договор был основным инструментом реализации многих вопросов, упомянутых ПСР

советского образца. Он пересматривался и утверждался ежегодно, т.е. в отличие от стратегического ПСР более длительного интервала реализации носил в принципе кратковременный оперативный характер. И в этом была его социальная значимость, хотя и достаточно ограниченная в плане рассматриваемой нами проблемы программного обеспечения социальной защиты работников предприятий, организаций в постсоветский период. Так, в начале реформ 90-х годов прошлого века, несмотря на новые подходы к формированию многоуровневой социальной политики (объектом которой являлись трудовые коллективы организаций (предприятий), городские и сельские поселенческие системы и др., результаты, достигнутые как в стране, так и в большинстве регионов России, по формированию институциональной системы социальной защиты населения постепенно нейтрализуются структурной перестройкой системы управления. В итоге пошел необратимый процесс свертывания программ социальной защиты населения и в особенности программ социального развития работников, занятых в материальном производстве и сфере услуг. Стало все меньше выделяться средств на улучшение условий труда, на модернизацию рабочих мест с тяжелыми и вредными условиями труда. Со стороны работодателей не выдерживались ряд требований Европейской социальной хартии (подписанной и ратифицированной в 1996 г.) в таких трех основных областях как защита прав человека на рабочем месте и трудовых прав; социальная защита социально-уязвимых групп за пределами работы, а также всеобщая социальная защита населения. В Декларации глав государств-участников копенгагенского совещания по проблемам социального развития (март, 1995 г.) подчеркивается его приоритетное значение в предстоящем XXI веке. Отмечается, что создание максимально благоприятных условий для совершенствования и более полного применения людьми своих способностей, ресурсов и возможностей составляет главный предмет ответственности правительств и всех секторов гражданского общества. Участники совещания признали, что социальное развитие основано на человеческом достоинстве, человеческих правах, равенстве, уважении, мире, демократии, взаимной ответственности и кооперации, полном уважении различных религиозных и этнических ценностей и культурных традиций людей. Для реализации указанных ориентиров общественных преобразований в глобальном масштабе признано необходимым переместить человека в центр развития и повернуть экономику лицом к человеческим нуждам. Признано необходимым

также разрабатывать специальные программы социального развития, ориентированные на достижение стратегических социальных целей. Для этого имеются соответствующие предпосылки. Эти и другие нормы международного права – важные компоненты, обеспечивающие социальную защиту работающего населения. В системе трудовых коллективов предприятий и организаций они с необходимостью предполагают обеспечение безопасных условий труда для работников, их реабилитацию в медицинских учреждениях в случае производственных травм, инвалидности, профессионального заболевания. Социальное программирование на уровне трудовых коллективов организаций с учетом этих и других материально-вещественных, трудовых, эргономических факторов и условий стимулирует рост эффективности производственной деятельности персонала, улучшает его морально-психологическую и социальную среду. Важно в этой связи привести некоторые примеры программирования социальной защиты работников современной организации, заложенного в таком важнейшем инструменте контроля за его организацией каким является трудовой договор. Пример взят из опыта открытого акционерного общества «Автоваз». В коллективном договоре такой крупнейшей российской компании как «Автоваз», есть ряд норм, регулирующих качество трудовой жизни работников в цехах с вредными условиями труда. Их реализация осуществляется по двум направлениям: 1) проведение аттестации рабочих мест по условиям труда в цехах и 2) по результатам аттестации проведение мероприятий по дальнейшему улучшению воздушной среды, освещенности, нормализации температурного режима, снижению уровня шума и вибрации, устранению тяжелого физического труда. Для эффективного контроля за выполнением этой работы предусмотрено составление новых карт условий труда. [1] Важным элементом программы социальной защиты заводчан является лечение работников с профессиональными заболеваниями, неработающих, пенсионеров, обеспечение работников компании и членов их семей санаториями, базами отдыха и детскими оздоровительными лагерями. Кроме этих мер в организации «Автоваз» предусмотрена Программа добровольного медицинского страхования (ДМС).[1] Элементом социальных гарантий работникам со стороны администрации является также возмещение причиненного ущерба в соответствии с действующим законодательством, предоставление возможности в результате стойкой утраты трудоспособности обучение новой профессии с выплатой до 2-х лет средней зарплаты по прежнему месту работы, а

также сохранение средней зарплаты в случае пребывания в медицинских учреждениях по причине получения увечья либо иного повреждения здоровья. [1] Условием выполнения этих обязательств, обеспечивающих социальную защиту работников «Автоваз», являются гарантии, закрепленные в коллективном договоре: со стороны работодателя – «обеспечение работникам...социальных гарантий и льгот, установленных законодательством и настоящим Коллективным договором»; обязательства профсоюзного комитета – «оказывать содействие устойчивой и прибыльной деятельности ОАО «Автоваз» в рамках проводимой политики социального партнерства... оказывать помощь в защите индивидуальных трудовых прав работников, не являющихся членами профсоюза»; обязательства работников – выполнять производственные задания... улучшать качество продукции, способствовать росту производительности труда,...соблюдать трудовую дисциплину». В плане рассмотренных аспектов социальной защиты работающего персонала крупнейшей компании ОАО «Автоваз», входящей в ООО «Группу Автоваз» важен и такой аспект, каким является формирование корпоративной культуры, определяющей возможность разработки и реализации такой модели развития организации, в которой были бы увязаны основные стратегические цели и установки производственного характера с кадровыми и социальными целями. Это последняя составляющая предполагает соблюдение пропорций социального развития, создание условий для всестороннего развития личности работника, обеспечение производства квалифицированными кадрами.[2]

Литература

1. Коллективный договор открытого акционерного общества «Автоваз» с изменениями на 2008 год. Тольятти. 2008. с. 23-24.
2. Егоршин А.П. Основы управления персоналом. Учебное пособие. 2-е изд-е. М.: Инфра-М.2008. с. 173-175.

АТТИТЮДЫ БЕЛОРУССКОЙ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

В.С. Щур, В.В. Ивчик (Горки, Республика Беларусь)

Финансовый кризис, начавшийся в США в 2008 г., за короткий промежуток времени перерос в глобальный экономический кризис. Население Республики Беларусь его негативное воздействие

начало испытывать с осени 2008 г., но наиболее пагубно на уровне жизни людей он сказался в 2011 г. Его последствия: значительная девальвация в конце мая этого года белорусского рубля (сразу на 56%, к октябрю 2012 г. падение в 3 раза); инфляция достигла огромных размеров (цены на продукты питания, товары и услуги выросли втрое и более раз и продолжают расти); снизился потребительский спрос населения; большие процентные ставки рефинансирования; сокращение финансирования некоторых социальных программ, и др. Это в целом дестабилизирующе отразилось на материальном положении и психоэмоциональном состоянии субъектов всех социальных групп. В связи с этим в ходе проведенного в начале 2012 г. (n=360) социологического опроса мы попытались выяснить, как белорусская молодежь воспринимает, переживает изменившуюся ситуацию и адаптируется к ней.

Как же экономический кризис в Беларуси отразился на уровне жизни респондентов? Так, половина из них констатировала его значительное снижение, 28,5% – незначительное, у 16,5% он остался на прежнем уровне, у 2,7% – вырос незначительно, а у 1,5% – вырос значительно. Результаты опроса показывают, что нынешнее материальное положение полностью устраивает только 2,7% молодых людей, 20,8% – скорее устраивает, 45,4% скорее не устраивает и 28,5% – совсем не устраивает.

Субъективное восприятие человеком последствий экономического кризиса напрямую связано с его потребительскими возможностями – с тем, что он может приобрести, а в чем вынужден ограничивать себя. Данные о том, насколько денежные доходы респондентов позволяют им приобрести недвижимость, различные товары и оплатить услуги, представлены в таблице.

Таблица. – Насколько наличие денежных доходов у респондентов позволяет приобрести, купить, оплатить и т.п. следующее (в % от числа опрошенных):

	Всегда позволяют	Не всегда	Не позволяют
Строительство квартиры или дома	2,7	19,6	73,1
Коммунальные услуги	73,1	20,4	3,8
Одежда из натуральных тканей (хлопок, шерсть, шелк и т.п.)	31,2	50,0	16,2
Обувь из натуральной кожи	34,2	46,5	15,8
Предметы мебели	13,5	53,8	27,3

Современная бытовая техника (стиральная машина, кухонный комбайн, пылесос и др.)	23,1	48,5	24,2
Современная электронная аппаратура (компьютер и др.)	20,4	50,0	24,6
Импортные лекарства	26,2	50,8	18,5
Платные медицинские услуги	25,4	48,1	21,2
Качественные хозяйственно-бытовые товары (моющие и чистящие средства и др.)	58,5	31,5	6,9
Фирменные парфюмерные изделия	50,0	20,4	20,4
Оплата за содержание детей в детских дошкольных учреждениях	48,8	15,8	10,0
Приобретение автомобиля	6,5	25,4	64,6

Из приведенных в таблице данных видно, что денежные доходы большинству из опрошенных всегда позволяют оплатить коммунальные услуги (73,1%), приобрести хозяйственно-бытовые товары (58,5%), и почти половине из них – оплатить за содержание детей в детских дошкольных учреждениях (48,8%). Подавляющее большинство молодых людей (73,1%) не могут позволить себе в нынешних условиях строительство квартиры либо дома, а также приобретение автомобиля (64,6%).

В ходе опроса у респондентов выяснялось: «Хватает ли Вам (Вашей семье) в настоящее время денег на полноценное и качественное ежедневное питание?». Процент тех, кому денег вполне хватает на это – 47,3%; 39,6% – их не совсем хватает; 11,9% отметили, что их не хватает.

Экономический кризис всегда сопряжен с усложнением ситуации на рынке труда, сокращением рабочих мест. Какая доля молодых людей в данной ситуации имеет постоянную работу, а какая нет? Результаты опроса отражают следующую ситуацию: 76,2% респондентов на момент опроса имели постоянную работу; 8,8% – временную работу; 2,3% – попали под сокращение; 5,5% – являлись безработными; 1,5% – работали неполную рабочую неделю; 4,6% – находились в отпуске по уходу за ребенком.

Какие каналы для своего трудоустройства предполагают использовать безработные респонденты? Наиболее значимыми каналами предполагаемого трудоустройства для них являются:

просмотр или размещение объявлений в газетах, журналах и т.д. (23,1%); непосредственное обращение к нанимателям, в отделы кадров предприятий, организаций и фирм (18,8%); помощь друзей, знакомых (18,5%); помощь родителей, родственников (17,7%); состоят на учете в государственной службе занятости 4,2%; рассчитывают на частные кадровые агентства 3,8% респондентов.

У молодых выяснялось, собираются ли они обучиться на новую специальность, если их нынешняя профессия уже не востребована или окажется таковой. Следует отметить, что уже обучаются 50,4%, установка на обучение присуща 17,3%, не собираются это делать – 6,5%, не определились в данном плане 8,8% опрошенных.

Активный, предприимчивый человек постоянно нацелен на поиск путей и способов повышения своего (семьи) уровня жизни, своего материального благосостояния в целом. В связи с этим респондентам предлагалось ответить на вопрос: «На предприятии (организации) какой формы собственности Вы предпочли бы работать для повышения своего материального благосостояния?». Опрос обнаружил следующие аттитюды молодых людей: каждый четвертый из них предпочел бы работать на госпредприятии, в организации; каждый пятый наиболее приемлемой формой повышения своего материального дохода считает работу на собственном предприятии, фирме, в своем фермерском хозяйстве; такое же количество желало бы работать на совместном предприятии (фирме) с участием иностранного капитала; еще 13,6% – на иностранном предприятии; 11,3% нацелены на индивидуальную предпринимательскую деятельность; 10,5% – предпочли бы работать на частном предприятии (фирме).

Имеющиеся у определенной части молодежи проблемы с поиском работы заставляют ее «просчитывать» различные варианты трудоустройства. Так, 26,2% опрошенных, проживающих в городе, согласились бы переехать работать в сельскую местность. На постоянное жительство и работу за рубеж желали бы уехать 33,1% молодых людей, на временную – 32,3%, не собираются этого делать никогда 10,8% опрошенных. Причем на постоянную работу и жительство готовы уехать в любую западноевропейскую страну 20,8% респондентов, в Россию – 12,3%, в США – 8,5%, в другие страны – 4,3%. Что касается временной работы, то Россия является наиболее предпочтительной страной (18,8%), на страны Западной Европы нацелены 14,6% респондентов, другие же страны для временного трудоустройства менее привлекательны.

Проведенное социологическое исследование показало, что затянувшийся экономический кризис своеобразно преломляется в поведении и аттитюдах белорусской молодежи. Осуществляя поиск различных вариантов адаптации к изменившимся экономическим реалиям, молодые люди рассчитывают в основном на собственные силы и профессионализм и готовы работать для повышения личного и семейного благополучия там, где это наиболее выгодно.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ АНОМИИ

Щур А.В. (Санкт-Петербург)

Социальная anomia является одной из основных категорий, используемых для интерпретации процессов, происходящих в современном российском обществе. Примечательно, что проблема anomии интересует исследователей уже не одно тысячелетие. Еще в религиозных текстах христиан и трудах античных философов понятие anomии использовалось как общее слово[1]. Наибольшее количество исследований по проблеме anomии было проведено в 50-60 годы XX века, когда данная проблема стала доминирующей теорией криминологии[2]. Конец XX века характеризуется возрождением интереса к изучению anomии. Понятие anomia является своеобразной антитезой понятию нормы. Логично предположить, что пока социологов интересует понятие нормы, их будет интересовать и проблема нормативного вакуума. Непреходящая актуальность проблемы anomии и появление новых публикаций по данной теме делают актуальным вопрос о том, какие перспективы открывает перед социологами изучение социальной anomии. Иными словами необходимо определить тот вектор развития теории anomии, который окажется наиболее плодотворным. Этот вопрос является особенно актуальным для современной российской социологии. Хотя с начала 90-х годов в России появился ряд оригинальных теорий и эмпирических методов исследования anomии[3], все эти разработки не встроены в единую исследовательскую школу или ряд школ. По сути, перед нами несколько теорий, никак не связанных между собой. В англоязычной традиции изучения anomии сложилась прямо противоположная ситуация. Все теоретические разработки современных англоязычных исследователей основаны на теории Р. Мертона. Концепция Мертона дополнялась, незначительно модернизировалась или применялась к конкретным ситуациям последователями Р. Мертона. Сама теория Р.

Мертон и основанные на ней теоретические исследования именуется «Теорией напряжения»[4]. В современном мире проблема аномии не теряет актуальности по причине того, что изменение коммуникативных технологий неизбежно приводит к изменению характера социального взаимодействия. В частности появление электронной почты, социальных сетей, форумов и других коммуникативных технологий приводит к развитию преимущественно горизонтальных связей между индивидами[5]. Одной из главных задач, на которых следовало бы сосредоточиться при построении теоретических концепций аномии, является рассмотрение этого явления на всех уровнях. Аномия проявляется как состояние общества в целом, а также на уровне социальных групп и отдельных индивидов. Если западные теоретики предпринимают попытки подобного многоуровневого анализа проблемы, то их российские коллеги рассматривают аномию исключительно как социальное и групповое явление. Аномия на уровне личности не принимается во внимание ни социологами, ни криминологами. Единственным исключением являются работы Лео Сроула, которого отечественные исследователи иногда цитируют. Не менее важной задачей является разработка и стандартизация специфических методов измерения аномии. Существующие теоретические разработки позволяют выделить большое количество индикаторов аномии[6]. И хотя подобное разнообразие полезно для проведения эмпирических исследований, оно затрудняет проведение сравнительных исследований аномии, к которым можно отнести кросс-культурные исследования и регулярные мониторинги уровня аномии в отдельно взятом обществе. Необходимо заметить, что существует как минимум два индикатора, которые часто используются при измерении аномии. К ним относятся уровень самоубийств и уровень преступности. Рассмотрение вопроса о методологических проблемах в использовании этих индикаторов требует написания отдельной, серьезной статьи. Здесь же нам следует отметить, что использования этих индикаторов недостаточно для полноценного изучения аномии, которая проявляет себя во всех сферах общественной жизни (экономическая, политическая, сфера семейных отношений и динамика демографических показателей, религиозная и пр.). В одном из недавних исследований аномии было доказано, что индикаторы аномии в различных сферах общественной жизни демонстрируют схожую динамику[7]. Но это еще не означает, что в любом обществе и в любое время различные индикаторы аномии будут коррелировать между собой. Подобный вывод, вполне

обоснованный в теории, необходимо еще доказать. Отечественные исследователи потенциально способны внести существенный вклад в решение этих задач, а также дальнейшее развитие теории аномии. В отличие от западных коллег, российские социологи явно не страдают от недостатка свежих идей. При этом, к сожалению, российские разработки не приведены в какую-либо систему и практически не известны в англоязычном мире. Поскольку аномичное состояние современного российского общества является актуальной и значимой проблемой, то и развитие теории аномии является важным направлением для теоретической социологии. Развитие теории аномии и совершенствование эмпирических методов ее изучения потенциально могут стать основой для разработки практических рекомендаций по преодолению таких последствий аномии, как различные формы девиантного поведения и демографические проблемы.

Литература

1. Mestrovic, S. G., and H. M. Brown. Durkheim's Concept of Anomie as Dereglement.// Social Problems 1985. vol. 33. p.81.
2. Nikos Passas, Robert Agnew. The future of anomie theory. Northeastern University Press, 1997 - Всего страниц: 240 с. 1.
3. Кривошеев В. В. Особенности аномии в современном российском обществе // Социологические исследования. 2004. № 3. С. 93
4. Hagan F. Introduction to criminology: Theories, methods, and criminal behavior. SAGE Publications, Thousand Oaks 2010. p. 148.
5. Кривошеев В. Короткие жизненные проекты: проявление аномии в современном обществе // Социологические исследования №3, март 2009. С.58-59.
6. Ефимова В.М. Педагогический контекст феномена аномии в профессиональной деятельности по здоровьесбережению учащихся / В.М. Ефимова // Вестник ХНУ имени В.Н. Каразина. Серия: Валеология. – Харьков, 2009. – 862. – Вып. 6. С. 67.
7. Плетнев А. В. Динамика выхода современного российского общества из состояния аномии : автореферат дис. кандидата социологических наук : 22.00.04., 2012. – 27 с.

СИСТЕМА СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ РЕГУЛИРОВАНИЯ БЕДНОСТИ.

Юшкова С.А. (Москва)

Институциональный характер системы социальной защиты населения проявляется, в том, что ее осуществляют различные специализированные социальные институты, деятельность которых, и определяет рамки системы социальной защиты. Такими институтами являются, государство, различные фонды, агентства, службы, кассы и т.д., в зависимости от национальной специфики системы социальной защиты. У каждого из этих институтов есть свои ролевые, функциональные и статусные особенности, но для того, чтобы проанализировать институциональный характер системы социальной защиты населения, начнем с определения термина «социальный институт». Социальный институт – это социальное явление, т.е. результат взаимодействия людей, с одной стороны, с другой, это социальный процесс, с третьей, это элемент социальной структуры, исторические формы организации и регулирования общественной жизни. С помощью социальных институтов упорядочиваются социальные взаимодействия между людьми и другими элементами общества, обеспечивается устойчивость общественной жизни. Система социальной защиты любой страны является интегральным социальным институтом, т.е. состоит из совокупности институтов, учреждений, организаций, выполняющими как специфические функции, так и ряд системообразующих. Основными компонентами института социальной защиты является, во-первых, наличие материальных средств, которые, с одной стороны, представлены в виде денег, материальных и нематериальных активов, с другой стороны, в виде специальных устройств, сооружений, транспорта, средств связи, компьютеров и т.д., которые необходимы для нормального их функционирования. Второй компонент системы социальной защиты, как социального института, это способы действия и поведения индивидов, образующих избранные (специальные) социальные группы, призванные осуществлять специфические институциональные функции. Определяются они в форме закона или подзаконных актов, касающихся как форм реализации социальной защиты, так и форм отчетности структурных единиц и должностных лиц. Третий компонент в структуре социального института - это индивиды или лица, на плечи которых судьба и разделение общественного труда возложила заботу о неимущих или малоимущих, больных и престарелых согражданах, и которые реализуют социальные цели конкретного института, в данном случае социальной защиты. Требования, которые предъявляются к этим людям, связаны с

образованием, опытом, местом проживания, и т.д. Выделим основные функции системы социальной защиты как социального института. Система социальной защиты удовлетворяет следующие потребности общества – это: 1) предотвращение дестабилизации общества путем поддержки определенного уровня благосостояния граждан, которое определяется соотношением между денежной суммой в виде доходов и трансфертов, и суммой благ, приобретаемых на нее. С учетом инфляции и налоговой политики. Именно степень неравенства в распределении доходов иллюстрированная кривой Лоренца является индикатором уровня благосостояния, в частности бедности, для удержания которой в определенных рамках и существует система социальной защиты. 2) Аккумуляция средств для целей социальной защиты из различных источников и легитимно определенными способами. 3) Распределение средств по критериям, определенным законодательно. 4) Поддержание достойного уровня жизни населения исходя из конкретных социально-экономических условий общества. В каждом социальном институте есть основные принципы, в соответствии с которыми институт действует и реализует потребности общества. Основные принципы работы системы социальной защиты населения заключаются в следующем: создание системы эффективной занятости населения; подготовка и переквалификация кадров; создание эффективной системы формирования доходов населения; макро регулирование процесса дифференциации доходов и потребления, обеспечивающих профессиональную и социальную мобильность населения; официальное (правовое) определение и поддержание жизненного уровня, в соответствие с международными нормами. Система социальной защиты в целом и социального обеспечения, в частности, являются определенными факторами экономического развития и сами как социальные процессы и институты теснейшим образом связаны с экономикой. И эта связь не является случайной, т.е. система социальной защиты и обеспечения являются социально-экономическими факторами. Во-первых, система социальной защиты и обеспечения аккумулирует финансовые средства; во-вторых, выплачивает их; в-третьих, она перераспределяет средства и доходы. Кроме того, выплаты по линии социального обеспечения, как основного элемента социальной защиты, направлены на обеспечение потребностей граждан, находящихся в той или иной, предусмотренной законом ситуации. Средства, в системе социального обеспечения перераспределяются от одних субъектов к другим, причем меняется само их предназначение. Само

перераспределение, как взаимодействие между различными социальными субъектами, является важной социальной проблемой, суть которой состоит в эффективности финансирования социального обеспечения. Решение этой проблемы вызывает, причем незамедлительно, социально-экономические последствия. Так, лица, получающие выплаты по линии социального обеспечения, тратят их на удовлетворение своих потребностей, т.е. оплачивают товары и услуги, создавая тем самым спрос на эти товары на рынке. Повидимому, они могут составлять и составляют особый сегмент рынка, хотя бы потому, что определенный размер выплат по социальному обеспечению определяет границы потребительского, платежеспособного спроса тех, кто такие выплаты получает. Естественно, можно возразить, что это не главная цель системы социальной защиты и социального обеспечения, но зато, это неотъемлемое социально-экономическое последствие этих выплат. Система социальной защиты и социального обеспечения, формируя потребительский платежеспособный спрос, вызывает в экономике следствия, которые влияют на образование конъюнктурных циклов, на состояние занятости и на ход инфляционных процессов. Таким образом, система социальной защиты и обеспечения, является важным социально-экономическим институтом, определяющим основные социально-экономические характеристики инновационного общества и перспективы его развития. Проявляется это, прежде всего, в перераспределении доходов, в формировании платежеспособного спроса, в увеличении или уменьшении налогового бремени. В свою очередь эти особенности влияют на процессы занятости и безработицы, определяют такое экономическое положение как бедность, которое является не только показателем неравенства в распределении доходов, но и важным индикатором социального и экономического положения людей в конкретном обществе.

Секция 3. Согласие и конфликт в современном российском обществе QUO VADIS

КОНФЛИКТНАЯ МОДЕЛЬ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: ОСНОВНЫЕ ПАРАМЕТРЫ

Сэр Ральф Дарендорф утверждал, что «необходима как равновесная, так и конфликтная модель общества; и может быть, в философском анализе у человеческого общества всегда два лица, наделенных одинаковой реальностью: одно лицо - стабильности, гармонии и консенсуса, а другое - изменения, конфликта и принуждения»[1,358] Конфликтная модель общества, таким образом, является мощным «ресурсом возможных описаний» (Макс Вебер) трансформаций социума.

Фокус исследовательской оптики эволюции российской институциональной системы сегодня направлен на выделение доминантного размежевания, устойчивых «разломов» (Джон Хигли), «кливажей» (Стейн Роккан и Сеймур Липсет), «социальных трещин» (Арнольд Тойнби), являющихся следствием как структурных изменений в обществе, так и культурной динамики или базовых социокультурных культурных различий. При этом значимые линии размежеваний в их взаимосвязи, взаимовлиянии и взаимообусловленности могут приобретать различные конфигурации. Несомненно, процессы российских трансформаций многоплановы и полиаспектны и представляют, говоря словами Р.Коллинза, «запутанный многосторонний процесс конфликта на нескольких фронтах» [2,101] . Новым кредо современного российского политического режима становится явная демонстрация публичности всех наличествующих конструктивных напряженностей и конфликтов, открытое манифестирование имеющегося у него права и мобилизации полного меню вовлеченных в генерацию власти авторитативных и аллокативных ресурсов, позволяющих участвовать в этих конфликтах открыто на стороне определенных акторов. Как писал М.М.Сперанский, «Россия, разделённая в видах разных состояний, истощает силы свои взаимно борьбой их и оставляет на стороне правительства всю неограниченность действия»[3,17] В российской практике реализуется в основном модель использования насилия ради достижения групповых интересов в формате открыто манифестируемой вражды различных социальных групп при осознанном использовании политических технологий интенсификации и эскалации конфликтов, в том числе с использованием приема поисков внутреннего и внешнего врагов. В контексте этой устойчивой тенденции социального развития, политической традиции и политической культуры, возникает эффект преобладания административных методов регулирования

конфликтности и доминирование неформальной составляющей институционализации конфликтов. Разумеется, было бы непростительной самонадеянностью безапелляционно требовать от акторов российской политики понимания таких инструментальных возможностей адекватного разрешения политических конфликтов, как, например, честность. Напротив, используются все возможности «отрицания и сокрытия конфликта ложью, обманом, ложными символами» [4,492]. Но отдельные правила, нормы, рутинные процедуры и практики, из которых складываются различные институты конфликто разрешения и институциональная среда конфликтов в целом должны строиться на взаимном сдерживании «противопоставленных интересов». Дэвид Юм называл этот принцип «равенством сопротивлений», Георгий Гачев - «взаимной дополнительностью». В качестве модели концептуализации можно использовать формулу западного исследователя демократии Чарлза Тилли, согласно которой демократия - это широкие, равноправные, взаимообязывающие, защищенные консультации по поводу по поводу назначений на политические посты и принятия государственных решений [5,27]. Наиболее заметным проявлением такого формата отношений является технологичное и компромиссное вскрытие глубоких сущностных проблем при котором имманентное качество политической культуры - перевод ранее скрытых конфликтов в открытое публичное пространство, их обнажение. По Луману, конфликтность - «естественное» состояние и ресурс коммуникативной эволюции общества, в правовых обществах конфликтов не избегают, они не подавляются, а, напротив, расширяют их возможности, стремясь «избежать лишь насильственного разрешения конфликтов и обеспечить каждому из них подходящую форму коммуникации» [6,491]. Таким образом, в данной конфликтной модели общества восприятие конфликта - это не ужас перед вскрытием пережатых каналов коммуникации, когда хлынет застоявшееся содержимое, а упорядочивание коммуникативного хаоса, мотивация, позволяющая «действовать необычным образом» с целью оздоровления экономической или политической системы и мотивировать действия акторов, нацеленных на принципиально новые модели поведения и модернизацию социальных институтов в настоящем и будущем. В этой системе координат, например, очевидно, что чем более активна политическая оппозиция, чем более интенсифицирован политический конфликт, чем более развиты сети ее массовой поддержки, тем тщательнее она должна подходить к урегулированию

своих отношений с властью, тем более серьезные усилия она должна предпринимать для выработки механизмов согласительных процедур, позволяющих вести торг с властью не только в неформальных, но и во вполне официальных рамках. Пока же нет согласованных правил для диалога власти и «рассерженных горожан», а есть обоюдоострая символическая колкость, провоцирующая на взаимную жестокость. Между тем, в России стороны конфликта, как правило, в том числе и путем коррекции институциональных правил, готовятся к не к компромиссу, а к максимальной напряженности. Луман называет это « проблемой избыточного давления», когда «разочарованных побуждают продемонстрировать, что в своих ожиданиях они придерживаются своих ожиданий спровоцировать конфликт и , по возможности, настоять на своем. К тому, кто на этом основании делается агрессивным, трудно подступить, потому что приходится считать, что он сам по себе прав. Однако следствия могут выходить далеко за пределы повода. И то, что предусматривалось в качестве публичной поддержки и тем самым содействовало решимости ожидаемого, может стать проблемой общественного возмущения»[7,439]

Реализовать в рамках данной модели требования к заинтересованности всех акторов конфликтного процесса в установлении общих правил игры, признания их взаимной необходимости и ценности практически невозможно. Правила координации и разрешения конфликтов всякий раз разные и всякий раз устанавливаются под действием силы, механизмы согласования складываются в основном на неформальном уровне. «Поскольку же в России так и не сложилась правильная институциональная система, все задачи управления становятся чрезвычайными» [8,24], то можно сказать, что российская власть, навязывая неравенство сторон конфликта, борется с ним, а не защищает стороны от уничтожения. Не допуская конфликты в политику, монетизируя монополию на насилие, «сливая» конфликты и не умея ими управлять, власть формирует спрос на их создание, создавая, по определению Г. Павловского «бизнес манипуляции угрозами и ложными повестками дня». Нити, идущие от власти к социуму, обрываются. Их конфликтность тихо стирается, заодно с рядом важных ответов. Стрессовая неопределенность порождает потребность в определенности, что в политическом плане означает принятие властью на себя заботу о предсказуемости, определенности, стабильности. Такие действия чаще всего они влекут за собой новые конфликты, иногда и вовсе фатальные последствия для

акторов и имеющих для них не меньшее значение, чем конституционные преобразования и экономические реформы. Характерным и убедительным в силу “чистоты эксперимента” и индикативной яркости (одно из ведущих мест в мире по количеству ДТП и погибших в них) примером этой черты функционирования отечественных институтов - стремления обойти формально предписанные нормы- является уровень соблюдения правил дорожного движения и способов разрешения конфликтов по этому поводу как между участниками, так и с представителями власти. Обнаруживается принципиальная перегруженность российского общества неуправляемыми конфликтами, накопление их в частных руках, устранение в частных интересах. Российская власть, не решая конфликты и не справляясь с ними, «всегда занята недопущением их в политику. Ни один участник конфликта не найдет в ней арбитра без сложного и дорого поиска. Не управлять оказывается выигрышной стратегией руководства» [9,48]. Характерной чертой подобной модели является неспособность к устранению системных конфликтов и конструктивных напряжений, неизменное откладывание принципиальных решений «на потом». (пенсионная реформа - один из штрихов этой картины российских управленческих практик). Отмеченный тренд выстраивания системы управления конфликтами хорошо описывается крылатой фразой из фильма «Белое солнце пустыни»: «Тебя как, сразу прикончить или желаешь помучаться? - Лучше б, конечно, помучаться».

Литература

1. Дарендорф Р. Тропы из утопии. М.: Праксис, 2002 .
2. Коллинз Р. Четыре социологических традиции. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2009.
3. Сперанский М.М. Проекты и записки. М. Л., 1961.
4. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб.: Наука, 2007.
5. Тилли Ч. Демократия. М.: АНО «Институт общественного проектирования», 2007 ,С.27
6. Луман Н. Указ.соч.
7. Луман Н. Указ.соч
8. Пивоваров Ю. Русская политика в ее историческом и культурном отношении. М.:РОССПЭН, 2006.
9. Павловский Г. Гениальная власть! Словарь абстракций Кремля. М.: Европа, 2012, с.48.

ОСОБЕННОСТИ КОНФЛИКТНОЙ САМООРГАНИЗАЦИИ ГРАЖДАН НА МЕСТНОМ УРОВНЕ

Антипьев К.А. (Пермь)

Вопрос доверия граждан власти всё сильнее звучит в общественной повестке дня. И без того высокая дистанция между властью и обществом, продолжает увеличиваться не только на федеральном и региональном, но и на местном уровне. Особенно значим, по нашему мнению, является вопрос доверия именно для местной власти, как наиболее приближенной к повседневным, бытовым нуждам и интересам граждан. Тем более, что механизмы формирования данной власти, влияния на неё у местного сообщества более широки, чем возможности граждан России во влиянии на власть федеральную или региональную. На местном уровне до сих пор сохраняется возможность пусть и ограниченной, но политической конкуренции, результат выборов менее запрограммирован, чем на уровне субъекта Федерации или на уровне государства в целом. При этом успехи или неудачи муниципальной власти непосредственно отражаются на качестве жизни местного сообщества. Но тенденция снижения доверия к органам власти вообще отражается и на уровне местного самоуправления, в частности, порождая конфликтные ситуации, которые с одной стороны снижают положительную оценку власти, с другой стороны способствуют вовлечению граждан во взаимодействие (пусть и конфликтное) с муниципалитетом. Однако конфликты на местном уровне свидетельствуют не только о накоплении противоречий между субъектами, но и может быть показателем роста самосознания местного сообщества, гражданской активности. Конфликт часто является закономерным итогом противоречий, накапливающихся между местной властью и местным сообществом. Противоречия и проблемы вынуждают местных жителей становиться гражданскими активистами и реально использовать своё право на местное самоуправление. Эксперты отмечают, что количество конфликтов между гражданами и муниципальной властью неуклонно возрастает. Причиной того, что граждане идут на конфронтацию с властью является отсутствие позитивных примеров, практик отстаивания своих интересов, которые имели бы повторяющийся характер, т.е. воспринимались бы не как случайность, а как закономерность. То есть у граждан сложилась установка, что посредством обращения в органы власти, к депутатам или иным специалистам местного

самоуправления, добиться решения своих проблем затруднительно. И наоборот очевидным становится то, что лишь эскалация конфликта привлекает внимание как самой власти, так и контролирующих структур к имеющейся проблеме. Многие российские населённые пункты и местные сообщества в них проживающие зависят от единственного, расположенного в них предприятия, представляя собой монопоселения. Поддержание жизни как населения, так и имеющейся инфраструктуры зависит от деятельности данных предприятий, что осознаётся местным сообществом. В небольших поселениях проявление социальной и политической гражданской активности, является более ограниченной, в отличие от большого города с диверсифицированной экономикой, здесь больше возможности применения административного ресурса. Местные органы власти так или иначе связаны с руководством или собственниками «градообразующего» предприятия, а граждане опасаются потери работы. Конфликтность между местным сообществом и властью происходит, как правило, в случае наличие производственных проблем (невыплаты или задержка выплаты заработной платы, сокращения с предприятия, закрытие предприятия), либо по причине проблем с инфраструктурой (отсутствие тепла, водоснабжения, некачественный ремонт дома и т.д.), или нежелания власти вмешаться на стороне местных жителей в возникшем конфликте. В подобных населённых пунктах местное сообщество является более сплочённым, имеет схожие общие интересы и потребности, но более инертно, чем городские местные сообщества. В крупных городах, природа конфликтов власти с местным сообществом гораздо шире и возможность манёвра власти гораздо меньше, как меньше и возможность прямого административного давления. Во многих крупных городах конфликт между местным сообществом и властью возникает, через возникновение конфликта местного сообщества и интересов бизнеса. Бизнес заинтересован в извлечении максимальной прибыли и его мало интересуют интересы горожан в отношении комфортной среды жизни. Именно бизнес заинтересован в точечной застройке, размещении коммерческих объектов на первых этажах многоквартирных домов, сокращении зон отдыха горожан для размещения своих объектов. Массовые обращения граждан в органы городской власти зачастую связаны с планами точечной застройки городских территорий. Граждане утверждают, что при разработке планов строительства не учитывается их мнение, результаты обязательных в данном случае общественных слушаний

фальсифицируются или общественное мнение не берётся в расчет вообще. Конфликты между местным сообществом с одной стороны и бизнесом и властью с другой, разворачивающиеся в сфере градостроительной политики, повторяются во множестве городов России, хотя особую активность в отстаивании своих прав проявляют жители городов-миллионников. Это и неудивительно, так как крупный бизнес концентрируется преимущественно в крупных или близких к крупным городам территориях. Власть, как правило, первоначально встаёт на сторону бизнеса, давая разрешения, подписывая необходимые бумаги, и если не возникает пересечения интересов местного сообщества и власти, то до конфликта дело не доходит. Но пересечение интересов, нарушение прав местного сообщества происходит достаточно часто, вследствие чего возникает конфликт. В ходе конфликта достаточно пассивное местное сообщество относительно быстро самоорганизуется и начинает отстаивать свои интересы или восстанавливать нарушенные права. Такая самоорганизация всё чаще встречается в современной России и сильно ударяет по авторитету местной власти. Причиной такой самоорганизации может быть: уничтожение прилегающих лесных массивов (г.Химки, Московская область); возведение объектов не устраивающих местных жителей; проблема межнациональных и межконфессиональных отношений (г.Кондопога, Карелия; Москва; с. Карагай, Пермский край; п.Демьяново, Кировская область и др.); снос историко-архитектурных объектов (Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург и др.); распространение наркотиков (Екатеринбург). Особенности такой активности является то, что наметившаяся проблема непосредственно затрагивает социальную среду проживания местных жителей, вне зависимости от их социально-экономического статуса. Эскалация конфронтации происходит тогда, когда местные власти либо закрывают глаза на возникшую проблему, либо стоят на позициях противостоящей жителям стороны (бизнесменов, национальных диаспор, коррумпированного чиновничества). Наиболее опасными являются межэтнические конфликты на местном уровне, происходящие во многом по причине нежелания местных властей вовремя реагировать на социальную напряжённость. При возникновении конфликта между местным населением и «приезжими», как показывает современная российская практика, усиленно замалчивается природа конфликта, категорически отвергается «национальная» составляющая конфликта. Зачастую отвергается и само наличие конфликта. Это связано с тем, что федеральная власть упорно отрицает наличия у нас в стране

серьёзных межэтнических проблем, отвергает формулировку «межэтнический конфликт», списывая всё на «бытовой конфликт или криминальные разборки». Между тем, подобные конфликты серьёзно подрывают авторитет местной власти, не готовой к регулированию конфликтов подобного рода. Подобная конфликтная самоорганизация граждан, является достаточно полезной для становления гражданского общества, так как она привлекает внимание не только общественности к сути проблем, но и заставляет местные власти, контрольные органы обратить внимание на суть противоречий.

СОЦИАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ КАК ФОРМА ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Баженов А.М., Мартынова Т.М. (Тула)

В России возникло новое социальное явление. Впервые за долгие годы в общественном настроении стали происходить изменения. В социальной реальности наших соотечественников многое не устраивает. Концентрация людей перешла в кристаллизацию социальных групп. В первую очередь это связано с прошедшими парламентскими и президентскими выборами в 2011-2012 гг. в стране. Независимые наблюдатели, которые контролировали ход думских и президентских выборов, организации «Голос» и «Гражданин наблюдатель» сыграли огромную роль в формировании общественного протеста и в придании ему конструктивного характера. Общественное недовольство было направлено в мирное русло: люди пытались добиться осуществления конституционных прав через выборную процедуру. Как известно, конец 2011 и начало 2012 гг. ознаменовались целой серией шествий и митингов жителей Москвы, Санкт-Петербурга и других городов. Речь идет о таких массовых акциях в столице, как митинг 5 декабря на Чистых прудах, на Болотной площади 10 декабря, на проспекте Сахарова 24 декабря, на улице Якиманке и Болотной площади 4 февраля, наконец, на Новом Арбате 10 марта. Потом был «Марш миллионов» 6 мая и 12 июня 2012 г. Между двумя «Маршами миллионов» была проведена акция в Москве «мобильный майдан», который простоял целую неделю. Некоторые аналитики отмечают, что в полной мере сказался эффект сетевых революций. Размах митингов стал неожиданностью для всех. Видимо, одной из причин этого феномена – качественный скачок распространения Интернета.

Социологические исследования свидетельствуют, что число граждан, хотя бы иногда пользующихся Интернетом, достигло в начале 2012 г. 50 %. А в начале 2010 г. их было чуть больше трети. По замерам ФОМ, быстрее всего росла суточная аудитория (прирост 40 %, при росте месячной аудитории – 27 %). Как правило, люди, которые пользуются Интернетом каждый день, прибегают к его услугам для получения новостей. По данным Левада-Центра, число использующих сеть для того, чтобы следить за новостями, увеличилось с начала 2011 г. к началу 2012 г. с 11 % до 24 % (это четверть взрослого населения) [2, с. 9]. Конечно, накопление критической массы в настроениях среди участников социального движения шло сравнительно продолжительное время. Фальсификация итогов думских и президентских выборов стали своеобразным катализатором для социального движения населения Москвы, Санкт-Петербурга, других городов. Возникло движение «За четные выборы». Многие избиратели убедились на практике в существовании фальсификаций итогов выборов. Одним из знаковых событий переживаемого времени стал не просто взрыв гражданского самосознания, но и тот факт, что в нем активное участие приняли неполитизированные слои общества – студенты, «сетевые хомячки», банковские служащие, офисные клерки. Их называют представителями «креативного класса»: настоящих творческих людей среди них оказалось действительно много. Иначе говоря, появилось пробудившееся от спячки поколение молодых, активных, дееспособных, перспективных людей. В их кругу находится много артистов, режиссеров, музыкантов, художников, литераторов, журналистов, преподавателей вузов. Здесь имеются свои лидеры, авторитеты, способные увлечь, убедить, зажечь не политическими лозунгами, а талантом и искренностью. Эту часть населения, некоторые стали ее называть «рассерженными горожанами», не устраивает институт несменяемого политического лидерства, недемократичность избрания парламента, дефицит политических свобод, контроль над средствами массовой информации, масштабная коррупция. Социальное движение «За четные выборы» аналитики сравнивают с движением, в первую очередь в США, «Occupy Wall-Street». По аналогии с западным вариантом в Москве после событий 6 мая 2012 г. возник уличный лагерь «ОккупайАбай». 11 мая сотрудник Института социологии РАН О. Крыштановская с коллегами опросили в лагере на Чистых прудах более 100 его обитателей, составив портрет протестующих. Средний возраст участников лагеря 31 год, 65,8 % имеют высшее образование, а 10,1

% - по два и более высших образования. Студентов на Чистых прудах было около 35 %, 45 % - специалисты: программисты, переводчики, юристы, менеджеры, банковские служащие, ученые и преподаватели вузов [1, с. 10]. Проявляя солидарность с москвичами, в регионах также разбивали уличные лагеря. Многочисленным по составу участников оказался лагерь на Исаакиевской площади в Санкт-Петербурге. Впрочем, в период от декабрьских событий на Болотной площади до майских «гуляний» социальное движение в принципе сильно изменилось, регионы все активнее стали просыпаться. Итак, социальное движение, возникшее в последнее время, является проявлением и одновременно формой гражданского общества в современной России.

Литература

1. Барабанов И., Крылов М. Париж 1968-го, Москва 2012-го – и там и там протестующая молодежь вышла на улицы и осталась на них – в мае // The New Times. 2012. № 17.

2. Рогов К. Фонтаны и институты: ловушки для оппозиции // Новая газета. 2012. № 61.

КОНФЛИКТ КАК БАЗОВАЯ МЕТАФОРА ИНТЕЛЛИГЕНТСКОГО СОЗНАНИЯ

Бакшутова Е.В. (Самара)

Системообразующим социально-психологическим механизмом, обеспечивающим длительность существования группы интеллигенции, и поддерживающим интеллигентский дискурс на протяжении десятилетий, является конфликт группового сознания и группового самосознания (как между ними, так и внутри каждой из оппозиций). Конфликт может быть представлен в виде многоуровневой модели противоположных аспектов активности группы – от самосознания до социальных практик. В целом, конфликт и самосознания, и социального проектирования интеллигенции реализуется в диапазоне «консерватизм – радикализм», что: а) на философском уровне представлено как антиномия идей традиционализма – рационализма (т.е. социальное устройство осуществляется либо «по вере» с опорой на нерефлексируемую традицию, либо рационально, умышленно планомерно, без учета исторической традиции); б) на социально-политическом уровне выражается как оппозиция стратегий этатизма

– либерализма (либо социальная субъектность принадлежит исключительно государству, либо разделяется индивидами на уровне личной ответственности); в) на социально-психологическом уровне реализуется как конфликт установок разрушения – созидания и сохранения (смыслов, ценностей, культуры, общества, политического строя); г) на личностном уровне представлен как противоречие ценностно-смысловых ориентаций экзистенциализм – моральный утилитаризм. Каждый из уровней имеет свое содержание, динамику, но представляет собой открытую систему, взаимосвязанную с другими уровнями. Интеллигентское сознание характеризуется сверхсвязностью всех уровней, но при этом мы не можем уйти от бинарности самого сознания интеллигенции. И полагаем, что базовый конфликт интеллигентского сознания, в котором решается вопрос о базовом доверии/недоверии миру и себе связан с доверием/недоверием собственной культуре. Остановимся на конфликте установок разрушения – созидания. Предполагавшиеся интеллигенцией тенденции социальной активности были абсолютно противоположными, светлое будущее предполагалось достичь либо эволюционным путем, через воспитание и самовоспитание личности, воспитание, «чуждое социалистического оптимизма», а то, которое «верит только в творчество, «положительную работу человека над самим собой, в борьбу его внутри себя во имя творческих задач»... Другой путь – путь героев по Н.К. Михайловскому. Известный публицист, литературный критик и социолог и писал о том, например, что вне прогресса нравственного «всякое научное открытие, каждый шаг науки вперед, если его можно будет утилизировать с целями убийства или разрушения, завтра же будет пущен в ход» [5, с.268]. Интересно, что конфликт революционизма – консерватизма выражен таким «простым» бытийным феноменом, как мещанство. Именно через него интеллигенцию определяют как ее сторонники, так и противники. Традиционно (в западной истории) либеральные ценности связаны с активностью буржуазии, при этом духовные, социальные и политические ценности неразрывно связаны с экономической свободой. В России представление о роли буржуазии (прогрессивное на Западе) весьма негативно. Эта проблема актуальна не только для России периода формирования капиталистических тенденций в начале XX века. Она чрезвычайно важна и сегодня, поскольку интеллигенция не осталась в стороне от гедонистических устремлений общества потребления. Н.А. Бердяев писал о том, что «интеллигенция – не есть социальный класс...», он подчеркивал, что «интеллигенция была идеалистическим классом,

классом людей, целиком увлеченных идеями и готовых во имя своих идей на тюрьму, на каторгу, на смерть» [1, с.24]. А значит, «обуржуазивание» грозило превращением интеллигенции в мещанство, что было недопустимо, о чем мы уже говорили выше. Вот что писал Д.С. Мережковский: «В судьбе Герцена, этого величайшего российского интеллигента, предсказан вопрос, от которого зависит судьба всей русской интеллигенции: поймет ли она, что лишь в грядущем христианстве заключена сила, способная победить мещанство и хамство грядущее? Если поймет, то будет первым исповедником и мучеником нового мира; а если нет, то, подобно Герцену, – только последним бойцом старого мира, умирающим гладиатором» [4, с.28]. Не будем забывать, что в рамках другого, но тоже интеллигентского, революционного проекта будущего России существовало и другое представление о мещанстве. По Горькому и Ленину, «мещанство – это строй души современного представителя командующих классов»; для него характерны: «уродливо развитое чувство собственности», «пассивная позиция в битве жизни», «мещанский индивидуализм», «паразитизм», принципиально несовместимые с народной жизнью» [2, с.355, 343]. Именно «на почве усиленных попыток примирить непримиримое» развивается «накожная болезнь мещанской души» – совесть и «нечто вроде религии» – гуманизм [2, с.356]. «Злые враги жизни», мещане, по Горькому, способны «видеть и принять только правду факта»; им «чужда и непонятна правда человеческого стремления к творчеству фактов»; отсюда стремление спрятаться от жизни и творчества жизни (т.е. революции) «в темные уголки мистицизма, в красивенькие беседки эстетики», в запутанные «лабиринты метафизики» и «узкие, засоренные хламом вековой лжи тропинки религии». В категорию мещанства, таким образом, попадает почти вся русская литература, «мещанская» по преимуществу [2, с.351]. Для «эволюционной» интеллигенции мещанство – это все, что связано с буржуазным строем; в свою очередь она сама – воплощение мещанства для сторонников революционного пути. М. Горький говорит о неспособности интеллигенции к творчеству жизни, а П.Б. Струве отрицает воспитание как «устроение» в стиле социалистического творческого оптимизма, и говорит о необходимости творческой работы человека над самим собой [6]. Современные работы, анализирующие соотношение понятий «интеллигенция» и «интеллектуалы» (см.: [3], [7]) так же противоположным образом интерпретируют их. В одних случаях носителями мещанского сознания выступают интеллигенты, в других – интеллектуалы.

Возможно, что преодоление этого конфликта осуществится не скоро, но по крайней мере рефлексия данной проблематики позволяет вынести его за пределы конфликтного аутодискурса, что не может не способствовать оптимизации социальных процессов и социально-психологических явлений.

Литература

1. Бердяев Н.А. Русская идея. М.: ООО Изд-во В. Шевчук», 2000.
2. Горький М. Заметки о мещанстве // Собрание соч.: В 30 тт. Т.23. М., 1953.
3. Грамши А. Тюремные тетради в трех частях. Ч.1. М., 1991.
4. Мережковский Д.С. Грядущий хам // «Болезнь России». Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1991.
5. Михайловский Н.К. Литературные воспоминания и современная смута. В 2-х тт. Т.1. СПб., 1900-1901.
6. Струве П.Б. Интеллигенция и революция / Вехи. Интеллигенция в России: Сб. ст. 1909–1910. М.: Молодая гвардия, 1991. С.136-152.
7. Фирсов Б.М. Интеллигенция и интеллектуалы в конце XX века // Звезда, 2001. №8 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2001/8/firsov.html>. Дата обращения: 12.05.2012.

ЭТИКА ИСТОРИИ И ПРОБЛЕМА ОБРЕТЕНИЯ СМЫСЛОВ: ОРИЕНТИРЫ ДЛЯ РОССИИ

Баранец С.Н. (Гатчина)

Борьба за социальную справедливость моральна, но не эстетична. Всякое историческое движение, для которого находится объяснение и оправдание, уже принадлежит истории, и в этом плане ретроспективное упорядочивание исторического материала основывается на предпосылке, согласно которой достигнутое состояние, если оно и не из лучших, все-таки не худшее из всех возможных. Щель между бытием и вымыслом о будущем, в которую проваливается рефлексивный смысл, может стать пропастью – все зависит от масштаба и мерки, с которой всякий, полагающий возможным перестроить мир также и по законам красоты, подступает к застигнутому им событийному континууму социально-исторической реальности. Соизмеримость данного и желаемого

возможна, впрочем, далеко не всегда, и пройдет немалый срок, прежде чем человек научится достигать оптимального эффекта путем минимального воздействия на реальность. В нынешнем состоянии цивилизационных достижений это получается как редкое исключение из по-русски трагикомической связки слов «хотели», «лучше» и «как всегда». Впрочем, излишняя осторожность в обращении с социальной реальностью приводит к гипертрофированному развитию иллюзорных и реалистических механизмов, которые вырабатываются в культуре для компенсации социального бессилия человека. Романтизм горьковского Данко – «Что сделаю я для людей?!», равно как и «трещина в сердце поэта», откликнувшегося на фундаментальную расколотость мира, суть явления, которые только на первый взгляд кажутся ортогональными, хотя, по сути, сосуществуют как комплиментарные: подобные мыслеобразы могли родиться в ту эпоху, когда еще не были выработаны и апробированы в практиках действия изоцированные социальные технологии канализации общественной активности, а идеология революционаризма не сменилась исповеданием тотального ненасилия. В целом, однако, мир не сменил свою качественную природу даже в виду великих и ужасных открытий XX века: добрые люди по-прежнему хотят странного, а недобрые в меру сил портят им жизнь. Относительно невеликие фазы мирного сосуществования народов, стран и личностей сменяются все более разрушительными в моральном плане фазами выяснения отношений, и хотя с угрозой всеобщего самоуничтожения все оказалось не так уж плохо, способов «достать соседа» изобретено за последнее время столько, что впору вспомнить знаменитое «*homo homini lupus est*» и призвать на помощь новый, просвещенный тоталитаризм. И все же есть уверенность, что для России и мира все не так безнадежно. Синдроматика смены тысячелетий, рождающая уродов вместо чудовищ, постепенно сходит на нет, и на смену ей непременно заявятся новые времена, в которых влюбленным и влюбленным друг в друга всё удастся уже не раз в жизни и не по случаю, а именно тогда, когда это им действительно будет надобно. Озираемость, доступность культурного опыта других позволяет вносить поправки и на самость, и на общность (обобщественность), так что погибать за правое дело ради доказательства его правоты теперь уже не совсем обязательно – порой достаточно просто сменить «позису». Хорошо ли это и вполне ли морален такой поворот – вопрос из другой истории. Однако ориентиры для России придется выбрать с учетом ее собственного мирозначительного прошлого, а также и в связи с наличным

человеческим материалом. Структурные неравенства и несоответствия порождают новые формы классового сотрудничества и соперничества, однако понятно, что опыт «советизма», так или иначе, забыт не будет, но будет не раз помянут.

ВЛИЯНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ТИПА РЕСПОНДЕНТА НА НАЛИЧИЕ У НЕГО ПОЛИТИЧЕСКИХ СИМПАТИЙ

Басимов М.М. (Курган)

О зависимости между интервальными переменными и многозначной номинальной переменной говорить не имеет смысла, но можно сравнить группы по номинальному признаку через множественное сравнение этих групп по интервальным параметрам. Номинальные ответы дают возможность через выбор ответа относить респондента к той или иной группе по классификации. Классы по ответам на вопрос (с номинальными ответами) могут отличаться по многим другим интервальным параметрам. В дальнейшем номинальные переменные будем рассматривать как внешние факторы, благодаря которым объекты исследования разбиваются на пересекающиеся или непересекающиеся группы, которые можно подвергнуть процедуре множественного сравнения, описывая их набором всех имеющихся (или содержательно из них отобранных) интервальных параметров. Локальные эмпирические классификации позволяют рассматривать внутреннюю (содержательно определяемую выбранными вопросами анкеты) структуру подмножества эмпирических данных исследования, которая показывает насколько неоднородна совокупность ответов на вопросы анкеты, представленные интервальными переменными, и как эту неоднородность высвечивают и усиливают внешние факторы, представленные номинальными переменными, придавая ей определенную типологическую структуру. Для иллюстрации предлагаемого метода нами использованы данные, полученные в рамках исследования политических предпочтений и политической активности потенциальных избирателей. В исследовании одновременно использовались как социологическая анкета, так и психологические тесты. Мы подробно остановимся на описании групп респондентов, ответивших так или иначе на вопросы с номинальными ответами социологической анкеты, в рамках личностной типологии по методике Дж.Олдхэма и Морриса. Психологический портрет респондентов определялся по методике

Дж. Олдхема и Морриса определения «Типа личности» и «Вероятностных расстройств» данного типа. В предлагаемой методике представлены 14 категорий типов личности. Тест определяет «норму» и «акцентуацию» определенного типа личности. Персональный тип – это неповторимая смесь 14 типов. Все четырнадцать стилей нормальны и универсальны, и хотя любая личность имеет сильные и слабые стороны, нет ничего ненормального в доминировании одного типа или недостатке другого. «Персональный Автопортрет» – это иллюстрация богатства и многообразия отличий среди всех нас. Ниже перечислены 14 типов и соответствующих им расстройств (в скобках):

№	Тип личности	Сокращенное обозначение
1	Тип (А) Бдительный (Параноидальный)	TL-A
2	Тип (В) Отшельник (Шизоид)	TL-B
3	Тип (С) Идеосинкратический (Шизопатия)	TL-C
4	Тип (D) Авантюрный (Антисоциальный)	TL-D
5	Тип (Е) Деятельный (Активность на грани срыва)	TL-E
6	Тип (F) Драматический (Неестественное актерство)	TL-F
7	Тип (G) Самоуверенный (Нарциссизм)	TL-G
8	Тип (H) Чувствительный (Уклонение)	TL-H
9	Тип (I) Преданный (Зависимый)	TL-I
10	Тип (J) Добросовестный (Навязчиво-принудительный)	TL-J
11	Тип (K) Праздный (Пассивно-агрессивный)	TL-K
12	Тип (L) Агрессивный (Садист)	TL-L
13	Тип (M) Альтруистический (Самоуничтожение)	TL-M
14	Тип (N) Серьезный (Депрессивный)	TL-N

Приведем для примера отдельные результаты множественного сравнения групп, выбиравших те или иные номинальные ответы по вопросам анкеты. Всего в задаче рассматривалось 14 вопросов с номинальными ответами социологической анкеты, которые использовались для построения групп, сравниваемых в дальнейшем по психологическим параметрам личностного теста (в задаче, результаты которой мы приводим, использовались и другие интервальные данные – результаты ответов на анкеты и опросники). Рассмотрим три группы респондентов, ответивших «Да», «Нет», «Затрудняюсь ответить» на вопрос анкеты: «Испытываете ли Вы чувство симпатии к каким-либо из известных Вам политическим партиям?».

1. Группа респондентов, испытывающих симпатии к отдельным (за которые можно голосовать) политическим партиям (ответ 1: «Да»), которых в рамках рассматриваемой типологии личности можно охарактеризовать прежде всего как Бдительный (А) тип (сравнительная весомость = +596) и Добросовестный (J) тип (сравнительная весомость = +533). В меньшей степени, как Деятельный (Е) тип (+316), Идеосинкратический (С) тип (+229), Серьезный (N) тип (+207).

Сравнительная психограмма рассматриваемой группы: Компонента типа личности Сравнительная весомость TL-A 596 TL-J 533 TL-E 316 TL-C 229 TL-N 207 TL-G 143 TL-M 141 TL-L 64 TL-B 31 TL-F 31 TL-K 21 TL-H 16 TL-D 14 TL-I -20 2. Группа респондентов, не испытывающих симпатии к политическим партиям (не определившихся в партийном поле), когда все партии или упоминание о партиях вызывает у них отрицательную реакцию (ответ 2: «Нет»), которых в рамках рассматриваемой типологии личности можно охарактеризовать прежде всего как (все сравнительные весомости со знаком минус) не Драматический (F) тип (сравнительная весомость = -163), как не Агрессивный (L) тип (-178), как не Идеосинкратический (C) тип (-197). Сравнительная психограмма рассматриваемой группы: Компонента типа личности Сравнительная весомость TL-I 23 TL-B 20 TL-J -11 TL-M -13 TL-H -19 TL-K -83 TL-A -86 TL-N -95 TL-D -117 TL-E -125 TL-G -128 TL-F -163 TL-L -178 TL-C -197 3. Отдельно можно отметить тех респондентов, кто затруднился дать ответ на этот вопрос (ответ 3: «Затрудняюсь ответить»), которых в рамках рассматриваемой типологии личности можно охарактеризовать как (F) Драматический тип (+118). Остальные ярко проявляющиеся компоненты в рамках рассматриваемой типологии личности можно охарактеризовать прежде всего с приставкой «не» (все сравнительные весомости со знаком минус): не Альтруистический (M) тип (сравнительная весомость = -116), не Добросовестный (J) тип (-236), не Отшельник (B) (-359). Сравнительная психограмма рассматриваемой группы: Компонента типа личности Сравнительная весомость TL-F 118 TL-D 36 TL-K 8 TL-C 7 TL-E 7 TL-H 2 TL-I 1 TL-L 0 TL-N -1 TL-G -6 TL-A -21 TL-M -116 TL-J -236 TL-B -359 В задачах множественного сравнения большинство номинальных ответов выбирают представители определенных ярко выраженных психологических типов. Значит, психологический тип определяет (порождает) то или иное отношение к изучаемым проблемам. А ответы на вопросы социологической анкеты становятся содержательно понятными, когда они дополнительно высвечиваются психологически. При этом процент тех или иных ответов (обычная цель социологического исследования) становится не просто результатом, а определяется психологическими типами личности среди респондентов, акцентуациями их темперамента и характера. Вебер считал, что ключ к интерпретативной социологии заключен в немецком слове *Verstehen*, которое означает «понимание», ведь задача ее последователей не только наблюдать за людьми, но и войти в их

понимание смысла мира, чтобы оценить, почему они поступают именно так, а не иначе. Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 11-06-00174-а

Литература

1. Басимов М.М. Изучение статистических связей в психологических исследованиях: Монография. – Москва: Из-во Московского психолого-социального института, 2008. – 432 с.
2. Basimov M.M. Mathematical methods in psychological research (Nontraditional methods). Mo-nograph. – Germany, Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 185p.
3. Басимов М.М. Множественное сравнение в социологических исследованиях: Монография. Курган: Курганский государственный университет, 2012. – 224 с.
4. Басимов М.М. Нелинейная социология: Монография. – Курган: Курганский государственный университет, 2012. – 120 с.

КОНФЛИКТ В ПОТРЕБИТЕЛЬСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Белкин А.И. (Самара)

Данная статья посвящена исследованию, теоретическому осмыслению оснований и специфики конфликта в обществе потребления. Конфликт является противоречием, которое возникает на основе объективно существующих или субъективно представляемых участниками, субъектами, то есть сторонами конфликта, причинно-детерминирующих факторов. Эти факторы часто описываются как конфликтная ситуация, то есть объективно существующее противоречие. Накапливаясь, такие противоречия неизбежно ведут к конфликту, так как достаточно возникновения нескольких конфликтных ситуаций, чтобы возник конфликт и проявился в видимой форме. С другой стороны, одно-единственное противоречие может и не быть достаточным основанием для конфликта, если не произошел инцидент - повод для конфликта. Исследования сторон конфликта, провокаций, типов поведения в конфликте периодически проводятся в психологической науке, однако не так часто учеными затрагиваются более общие: культурные, социальные основы конфликта. Признано, что одним из оснований конфликта является характер общественных отношений, так как к социальным детерминантам конфликта можно отнести не только сами социальные отношения, их характер, а и специфику

межличностного взаимодействия, нравственное состояние общества, межклассовый антагонизм и другие социальные факторы. Не останавливаясь подробно на составляющих конфликта, о которых вдумчивый читатель, конечно же, знает или прочтет в специальной литературе, отметим специфику конфликта в обществе потребления. Следует сказать, что в обществе потребления конфликт приобретает массовый характер. Это связано с тем, что конфликт часто может служить орудием воздействия и манипулирования. В обществе потребления манипулирование приобретает массовый характер. Известен древний принцип: «разделяй, чтобы властвовать», который как нельзя более применим к характеру манипулирования в массовом обществе. В настоящее время массовое общество потребления нарративизируется и все более переходит в виртуальный план. Это также говорит о том, что основания для конфликта становятся все менее реальными, не требуют особенного обоснования и зачастую создаются «на ходу» в целях воздействия на массовое сознание искусными журналистами или политиками. Для того, чтобы манипуляция была успешной, люди должны быть разобщены и в межличностных отношениях должно отсутствовать доверие. В обществе потребления, где все превращается в товар и есть предпосылки для формирования рыночного типа характера (Э. Фромм), конфликт легко реализуем. Для общества потребления характерен акцент на удовлетворении потребностей отдельного индивидуума в ущерб другим людям или, как минимум, при игнорировании их потребностей. Соответственно, игнорирование потребностей и интересов других индивидуумов в борьбе за конкурентные блага создает предпосылки для конфликта, так как другой в этом случае выступает как конкурент за обладание материальными благами. Конкуренция связана с конфликтом и, соответственно, распространение получает стратегия конфликтного поведения, обозначаемая как соперничество - стремление к получению максимальной прибыли, игнорируя интересы других участников межличностного общения. Обострение конфликтности между индивидуумами и отдельными социальными группами ведет к тому, что ими легко управлять, так как они не способны устанавливать прочные отношения и достигать безконфликтного или конструктивно-конфликтного взаимодействия. Таким образом, первой особенностью конфликта в массовом обществе потребления является его универсализация, связанная как с самим характером отношений, типичным для этого общества, так и с использованием конфликта в целях манипулирования. Кроме того, в обществе

потребления конфликт приобретает эгоцентрический характер. Это проявляется в том, что конфликт реализуется в плоскости личности, эго-структуры человека, а его объективные основания отходят на второй план. Значение конфликта как способа решения задач деятельности снижается, зато повышается его роль как регулятора межличностных отношений. В силу эго-центризма и авторитаризма человек массового общества повышенно конфликтен, причем сам конфликт проявляется в представлении о повышенной конфликтности внешней среды и необходимости защищать свое жизненное пространство. Конфликт в таком случае также играет роль защитного организма, который позволяет личности сохранять устойчивое представление о мире, характерное для массового человека. Окружающая среда рассматривается преимущественно как враждебная, причем действия окружающих трактуются с учетом их пользы для субъекта. Таким образом, конфликт в потребительском обществе приобретает эгоцентрический характер, связанный как с установкой на реализацию собственных целей и интересов, так и с представлением о конфликтности окружающей социальной среды. Конфликт в обществе массового потребления имеет свои корни и в тех межличностных отношениях, которые характерны для этого общества. Согласно разрабатываемой нами модели, уровень межличностных отношений, способность продуцировать межличностные отношения связаны со степенью развитости сознания субъекта, носителя сознания. Рассмотрим модель в самом общем виде. Основанием для выделения межличностных отношений может служить характер восприятия и социального оценивания, а также степень вклада в межличностные отношения: 1) потребительские отношения связаны с недифференцированным характером восприятия окружающей среды, которая рассматривается преимущественно как способ удовлетворения собственных потребностей. Ценность другого не осознается, преобладает манипуляция; 2) социальная категоризация – межличностные отношения начинают дифференцироваться, различаться в зависимости от характеристик субъектов, с которыми имеет дело воспринимающий субъект. Это могут быть социальные или преимущественно узко-психологические характеристики; 3) личностный уровень характерен для субъектов, для которых основанием межличностных отношений являются они сами, их личность и здесь другой впервые становится ценен сам по себе; 4) любовь – высший уровень, при котором другой становится не менее, а, возможно и более важен, чем собственная эго-структура. В

обществе потребления преимущественное распространение получает первый вид межличностных отношений. Таким образом, специфика конфликта в обществе потребления связано со степенью развитости сознания составляющих его индивидуумов и отражает потребительские отношения как ведущий тип межличностных отношений. Еще одной особенностью конфликта в массовом обществе потребления является его универсализация, превращение в норму. Конфликт, который в общем-то должен проявляться как свидетельство нестабильности, нарушений в системе социальных, в том числе межличностных отношений, становится нормой этих отношений. Следовательно, основными характеристиками конфликта в массовом обществе потребления являются: во-первых, его универсализация, во-вторых, эгоцентрический характер, в-третьих, потребительский характер, связанный с недифференцированным в психологическом плане отношением к миру; в-четвертых, нормативный характер.

ОБЩЕСТВО ПОТРЕБЛЕНИЯ - ПРОГРЕСС ИЛИ СОЦИАЛЬНЫЙ НИГИЛИЗМ?

Буйденков А.А. (Горки, Республика Беларусь)

Общество потребления – широко распространенная метафора для описания состояния современного общества, характеризующегося индустриализацией и урбанизацией, стандартизацией производства, бюрократизацией общественной жизни, распространением «массовой культуры», абсолютизацией материальных потребностей человека и приданием потребительству статуса высшей социальной, нравственной ценности. Общество потребления возникает в результате развития капитализма, сопровождаемого бурным экономическим и техническим развитием и такими социальными изменениями, как рост доходов, существенно изменяющий структуру потребления; снижение продолжительности рабочего дня и рост свободного времени; размывание классовой структуры; индивидуализация потребления. Идея прогресса преломилась в общественном сознании буржуазного общества в убеждение, что все новое заведомо лучше старого. Прогресс переориентировался на сокращение жизненного цикла производимой продукции, ускоренную смену ее поколений. Это породило особое явление: экономику предложения и общество потребления. Международное разделение труда обусловило разворачивающийся

процесс глобализации, распространяющий универсальные, «общечеловеческие» ценности, унифицированные стандарты потребления во всем мире, независимо от религиозных или национальных традиций, исторических типов цивилизаций. Навязывание этих и других стандартов, выдаваемых за абсолютные истины, неизбежно сопровождается оскудением мышления, подавлением оригинальных, независимых мнений. Победа цивилизации стандарта над культурой личности привела к ликвидации индивидуального человеческого фактора в истории. Современное потребление, как отмечал в своих работах Ж. Бодрийяр, это, прежде всего, потребление знаков и символов. Они не выражают некий до них существующий набор смыслов: смысл генерируется в самой системе знаков/символов, привлекающих внимание потребителя. Потребление сегодня практически утерало связь с удовлетворением уже существующего набора потребностей, укорененных в человеческой биологии - как его понимала классическая экономическая теория. По мнению философа, навязчивое стремление потреблять не является следствием психологических причин и не вызвано только силой подражания. «Потребление именно потому столь неистребимо, что это тотально идеалистическая практика, которая за известным порогом уже не имеет более ни-чего общего с удовлетворением потребностей или же с принципом реальности. Дело в том, что проект, сообщаящий ей динамику, всегда оказывается разочарован подразумевающей его вещью. Получив непосредственное существование в знаке, он переносит свою динамику на бесконечное и систематическое обладание все новыми и новыми потребительскими вещами/знаками. Тогда потребление, чтобы остаться собой, то есть жизненным принципом, должно либо превзойти себя, либо бесконечно повторяться. А сам жизненный проект, будучи раздроблен, разочарован и включен в знаковую систему, вновь и вновь возникает и отменяется в череде вещей. Поэтому мечтать об «умеренном» потреблении или же о создании какой-то нормализующей его сетки потребностей – наивно-абсурдный морализм». Таким образом, общество потребления оказывается одной из самых жестких социальных конструкций когда-либо существовавших на Земле, но его тоталитаризм ненавязчив и маскируется под огромную, невиданную ранее, свободу выбора материальных благ. Принятие ценности потребления как главной цели человеческого бытия стало не-обходимым и едва ли не главным условием существования современного западного общества. Его мощь обеспечивается не

военной силой, не финансовыми потоками, не при-родными ресурсами, а господством в массовом сознании культа тотального потребительства. Именно он, став элементом сознания, обуславливает поведение индивидов и социальных групп. В потребительском обществе трансформируется и само понятие свободы, для многих сводящейся сегодня к увеличению материального уровня потребления, гедонизму, социальному паразитизму, отсутствию ответственности перед теми, кто оказался менее удачлив. Озабоченность западного человека своим материальным и чувственным удовлетворением делает его все более неспособным к моральному самоограничению, а стало быть, все более нетерпимым к позициям других. Не знающее границ стремление к потреблению, ставшее доминантой социально-экономической и культурной жизни Запада, давно вошло в противоречие с ресурсными возможностями Земли. Г. Уэллс в свое время писал: «Было бы смешно доказывать, что соединенных мировых средств и энергии всего человечества, особенно если они хорошо организованы, хватит с излишком, чтобы удовлетворить материальную нужду всякой человеческой единицы. И если возможно организовать так, что каждый человек будет довольствоваться разумным физическим и умственным комфортом, не воспроизводя типа низшего порядка, нет никакой причины, чтобы это было не устроено». Тоталитарная модель общества потребления бесцеремонно навязывается всему миру в качестве универсальной. И эта экспансия распространяется благодаря интернету и другим современным средствам массовой коммуникации со скоростью пандемии. Впервые сознательно общество потребления стало пропагандироваться американскими президентами Д. Эйзенхауэром, Дж. Кеннеди, Л. Джонсоном. Материальная обеспеченность, по их мысли, должна была стать главным козырем в холодной войне с СССР: «Пусть русские запускают спутники, пусть освобождают негров от рабства колониализма, пусть гордятся своими достижениями в шахматах и балете, а мы будем просто... лучше жить и в конце концов, масса пойдет за нашими идеалами». Принято считать, что социализм в нашей стране рухнул в 1991 г. На самом деле это произошло гораздо раньше, когда Н. Хрущев провозгласил свой знаменитый лозунг: «Догнать и перегнать Америку по молоку и мясу». Именно тогда советское руководство признало ценности общества потребления универсальными, объявив главной целью страны «удовлетворение все возрастающих материальных потребностей советских людей», в чем якобы и

состоит смысл строительства коммунизма как общества «в котором все будет бесплатно». Подмена Хрущевым коммунистического общественного идеала ценностями общества потребления и привела к катастрофическим для страны последствиям в 1980–90-е гг. В США в последние годы растет движение антипотребителей, которые утверждают: смысл жизни человека не в потреблении материальных благ, а значит, и смысл жизни и деятельности нации, государства также не должен быть направлен на экономический рост. Вместо министерства экономики антипотребители предлагают создать министерство духа и свободного времени. В России парадигма «общества потребления» до сих пор остается господствующей. В программах всех партий повышение уровня жизни народа стоит как главная цель, различаются лишь способы ее достижения. Между тем, такая цель вовсе не очевидна. Подобно тому, как смысл жизни отдельного индивида не исчерпывается потреблением материальных благ, смысл жизни народа так же, возможно, состоит в реализации какой-либо миссии, в историческом свершении, для чего зачастую приходится отказываться от высокого уровня жизни.

ЦЕННОСТНОЕ ОТНОШЕНИЕ К ЗДОРОВЬЮ КАК АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА НАУКИ И ОБЩЕСТВА

Васильева С.А. (Санкт-Петербург)

Именно здоровье населения и здоровье каждого отдельного члена общества является тем самым ресурсом, без которого невозможно достижение благополучия и стабильного поступательного развития страны. Российское общество, испытывшее за последние десятилетия стрессовое воздействие политических и экономических реформ, совокупности ряда кризисов (геополитического, экологического, демографического, нравственного и т.д.), в полной мере ощутило на себе остроту проблем выживаемости и падения общественного здоровья. Уровень общей заболеваемости по данным обращаемости населения в лечебно-профилактические учреждения, увеличился за последние 15 лет более чем на 30%. Возросла статистика онкологических, сердечнососудистых, эндокринных заболеваний. Получили рост и распространение социально-обусловленные болезни: ВИЧ-инфекция, туберкулез, наркомания, алкоголизм, психические расстройства. Остроту проблем общественного здоровья из года в год подытоживает ужасающая статистика смертности и самоубийств.

Специфика показателей состояния здоровья общества определяет особый круг проблем на пути реализации стратегий своего сохранения и развития. В последние годы растет интерес исследователей в области социологии, философии, психологии, медицины, социальной работы к изучению факторов формирования здоровья-нездоровья. Причем в каждой из областей знания за последние годы изменились направления анализа данной проблематики. Социальная философия от изучения места человека в природе и обществе сместила акценты в сторону специального мировоззренческого осмысления трансформации человека и его здоровья при переходе на уровень информационной цивилизации (И.Л.Андреев, 2008; Бирюкова Э.А., 2010). Медицинское сообщество стало говорить не только о полисиндромности болезни и новой социальной болезни – лекарственной эпидемии (неконтролируемый и неправильный прием лекарств), но и о роли взаимосвязи духовного и генетического потенциала в формировании жизни, здоровья-нездоровья человека (Трошин В.Д., Шахов Б.Е.). Несмотря на то, что большое число психологических исследований проблем здоровья идет в рамках теории стресса, развития аксиологического (ценностного) подхода принимается также актуальным и перспективным, поскольку считается, что субъективная значимость отношения к здоровью может в достаточной мере влиять на механизм регуляции здоровьесберегающего поведения не только отдельных людей, но и целых социальных институтов (Хруцкий К.С., 2000, Никифоров Г.С., 2003, Березовская Р.А., 2011). Понятие «отношение к здоровью» является на настоящий момент одним из центральных в социологии здоровья и исследуется как социальный феномен, включающий в себя систему ценностно-мотивационных установок, связывающих личность с обществом (Журавлева И.В., 1989, 2002, 2006; Федоров А.И. 2004, 2008, Гордеева С.С., 2011). В области социальной работы отношение к здоровью рассматривается с точки зрения полноценной самореализации человека в обществе, посредством социальных практик и психокоррекционного воздействия специалиста при решении проблем включения/исключения индивида или группы (особенно категорий социального риска, неблагополучия) в социальную среду (Келасьев В.Н.). Данные российских социологических исследований последних лет (Журавлева И.В., 2002, Федоров А.И., 2004, Семенов В.Е., 2010) свидетельствуют, что среди общечеловеческих ценностей-универсалий важность ценности здоровья определяется 2-ми-5-ми позициями ранговых мест. По данным исследований жизненных

ценностей под руководством проф. В.Е. Семенова в НИИКСИ СПбГУ ценность здоровья у молодых людей до 30-ти лет из провинции и таких мегаполисов как Москва и С.-Петербург сохраняла свою значимость на уровне 2-го рангового места по результатам замеров 2007, 2008, 2010 гг., а это означает, что здоровье входит в число основных ценностей населения нашей страны. В ряде исследований социологов и психологов обращает на себя внимание факт разрыва между декларированием особой значимости здоровья и реализацией ценностного отношения к здоровью на практике на уровне индивидуального и группового поведения. Социокультурная реализация ценности здоровья у современной молодежи все в большей мере приобретает характер инструментальной ценности. Похоже, что это проявление особенностей этапа рыночной экономики и законов общества потребления. Современные работодатели очень активно используют установку молодого поколения на зарабатывание денег в ущерб своему здоровью. По результатам социологического опроса ВЦИОМ (2009) уже 41% респондентов считают, что в плохом состоянии своего здоровья человек виноват сам. За последнее время тенденция смещения ответственности за свое здоровье на самого субъекта негласно поддерживается и социальными институтами власти. Поскольку, субсидий, выделяемых государством, хватает лишь на обновление некоторого диагностического оборудования и небольшое повышение заработной платы мед. работников (при увеличении нагрузки). В конечном же счете это выливается в то, что основная плата за лечение и самолечение ложится на плечи отдельного индивида и его семьи. Здоровье представляет собой сплав био-медико-социальных категорий. Последняя составляющая во многих планах зависит от места ценности здоровья, мировоззрения, образа жизни, уровня притязаний и активности самореализации человека и населения в целом. Отсутствие в общественном сознании объединяющего начала, отсутствие должной базы развития здравоохранения, отсутствие качественных условий жизни для значительного числа различных категорий граждан требует переосмысления подходов к формированию здоровья населения и выработки мер по преодолению гуманитарного кризиса в стране. На индивидуальном, групповом и общественном уровне культура управления здоровьем должна заключаться в создании качественно новых возможностей для формирования здорового образа жизни населения. Повышение уровня здоровья при здоровом образе жизни будет способствовать достижению состояния физического и социального благополучия в

рамках определенного улучшения социально-экономических условий при ценностно-нравственных ориентирах в реализации деятельности каждого отдельного индивида и общества в целом. Этому и должны быть посвящены новые комплексные междисциплинарные разработки в области ценностного отношения к здоровью в нашей стране.

Литература

1. Андреев И.Л. Проблемы здоровья человека// Вестник Российской Академии Наук, 2008. т.78. № 8. с.726-733.
2. Березовская Р.А. Исследования отношения к здоровью: современное состояние проблемы в отечественной психологии//Вестник СПбГУ. сер.12, 2011. вып.1. с.221-226.
3. Гордеева С.С. Отношение к здоровью как социальный феномен//Вестник Пермского университета. Вып.2 (6), 2011. с.131-136.
4. Журавлева И.В. Отношение к здоровью индивида и общества. М.: Наука, 2006. 238с.
5. Келасьев В.Н. Социальное здоровье и социализация человека. СПб, Химиздат, 2005. 167с.
6. Шахов Б.Е. Духовно-генетические основы здоровья семьи// Медицинский альманах, № 3, 2008. с. 23-35.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ МЕНТАЛИТЕТ ЛИЧНОСТИ: СУЩНОСТЬ И ОСОБЕННОСТИ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Ветрова О.А. (Курск)

В условиях движения мирового сообщества к глобализации и интеграции разных народов встает вопрос о выработке способа сохранения национальной самобытности русского народа, его культуры и менталитета. Менталитет народа является одним из факторов, влияющих на ход исторических процессов и реформ, что сегодня особенно актуально для российского общества. Осмысление менталитета дает возможность русскому народу постичь собственную сущность, узнать свою историю, культуру. Изучение менталитета во всей сложности его проявления основывается на интеграции многих видов знания. Особенности социологического анализа данного феномена заключаются в том, что он дает научную основу для прогнозирования поведения русского народа в целом, и его представителей в различных регионах. Свободный доступ к

ценностям других культур приводит к тому, что они внедряются в сознание и вызывают изменение мировоззрения и поведения индивидов, блокируя проявление изначальных ментальных характеристик. Поэтому возникает проблема определения способов сохранения исконного русского менталитета. С нашей точки зрения поиск этих способов необходимо осуществлять в рамках национальной культуры и искусства. Мы опираемся на искусство как инструмент формирования менталитета, так как оно позволяет судить о ряде причин и способов формирования того или иного менталитета, о технологиях, с помощью которых содержательные основания менталитета переходили в соответствующие параметры мировоззрения и ожидаемого поведения людей. Понятие «менталитет» характеризуется множественностью значений. Это понятие, заимствованное из западной науки, стало употребляться российскими учеными с конца 80-х годов. На наш взгляд, менталитет – это биосоциальный феномен, формирующийся под воздействием естественно-географических, этнических, культурных, социально-экономических факторов, определяющий картину мира, национальный характер, поведение индивида. Структура менталитета, на наш взгляд, состоит из ядра и периферического слоя: ментальности и картины мира. Ядро – это наиболее устойчивая к изменениям часть менталитета, состоящая из ценностей, архетипов, мотивов и форм поведения, интеллектуальных и аффективных реакций и национального характера. Ядро отвечает за стабильность и национальную самобытность менталитета и культуры. Ментальность – это среда функционирования ядра менталитета и связующее звено между ним и картиной мира. Ментальность – это область взаимопроникновения ядра и картины мира, она включает в себя как элементы ядра, так и элементы картины мира, соотношение которых меняется в зависимости от конкретных условий. Содержание ментальности формируется на основе ядра и зависит от социального окружения, к которому принадлежит индивид. В одном этносе может существовать несколько ментальностей. Можно говорить о том, что представители регионов отличаются друг от друга не менталитетом, а ментальностью. Картина мира – это элемент менталитета, складывающийся под воздействием ядра через ментальную среду и подверженный влияниям окружающей среды – культуры. Картина мира включена в структуру менталитета, так как наиболее полно отражает важнейшие стороны человеческой жизнедеятельности. Различия этнических менталитетов проявляются в национальных картинах мира, определяемых этническими константами. Картина

мира – это слой, вырабатывающий инновации. Ментальность выполняет функцию фильтрации инноваций, образуемых картиной мира. Ментальность аккумулирует инновации, а те из них, которые оказываются жизнеспособными и не противоречат общему содержанию менталитета, переходят в состав ядра. Содержание ядра менталитета одинаково для большинства представителей этноса. Ментальность связана с различными социальными слоями и регионами и обуславливает их этническую и социальную характеристику. Картина мира, как наиболее изменчивый элемент менталитета отражает все многообразие социальной дифференциации общества. Ядро менталитета формирует картину мира через ментальную среду, а картина мира изменяет ядро в процессе фильтрации инноваций ментальностью. Для изучения особенностей российского менталитета мы определили его элементы, доступные для эмпирического изучения. Национальное самосознание и национальный характер представляют собой проявления менталитета как на уровне личности, так и на уровне общности, причем эти проявления доступны непосредственному эмпирическому наблюдению и изучению. Самосознание включает в себя взгляды индивидов, отражающие специфику духовного развития национальных общностей, выражает стремление к сохранению своих национальных особенностей. Самосознание выполняет следующие функции: 1) приспособительную; 2) защитную; 3) познавательную; 4) функцию самоконтроля. Основными факторами формирования и развития национального самосознания являются: культура, наука, язык, система образования и память. Самосознание выступает в роли динамической характеристики менталитета. Доступной для социологического исследования формой проявления национального самосознания являются этнические стереотипы, которые выполняют важную функцию, определяя поведение человека в различных ситуациях. Национальный характер, в отличие от самосознания, менее подвержен изменениям. Национальный характер — это совокупность специфических психологических и духовных качеств, норм поведения и деятельности, типичных для представителей той или иной нации. Вся совокупность детерминирующих факторов национального характера может быть разделена на две группы: природно-биологические и социально-культурные. Люди, принадлежащие к разным расовым группам демонстрируют разные нормы поведения. А тип общества, сформировавшийся у того или иного народа, оказывает еще большее влияние на его характер. Тип общества определяется системой ценностей, которая принята в нем, и

в основе национального характера лежат социокультурные ценности. Национальный характер представляет совокупность важнейших способов регулирования деятельности и общения, сложившихся на основании системы ценностей общества, созданного нацией. Устойчивость ценностей придает устойчивость обществу и нации. Поэтому, чтобы понять русский национальный характер, необходимо выделить набор ценностей, носителем которых является русский народ. Выявив качественную определенность национального самосознания и национального характера, мы можем выявить и качественную определенность обусловившего их менталитета.

ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ КОНФЛИКТОВ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Власова И.В. (Санкт-Петербург)

Территориальные особенности, климат, этническое многообразие, природные богатства и менталитет русского народа – факторы, исторически способствующие возникновению и распространению конфликтов различного уровня. Изменяясь, получая новые формы, они все глубже проникали в сферы жизни народа России. Этот процесс сопровождался постоянным поиском путей сглаживания конфликтных ситуаций. В современном российском обществе возникновение новых конфликтов определяется возрастающей социальной напряженностью и техногенными рисками. Понятие «конфликт» в научной литературе в XX веке употребляется в сочетании с понятиями «безопасность», «доверие», «терпимость». Категория «терпимость» (толерантность) прошла сложный путь постоянного становления, обогащения и расширения. Первые проявления толерантности (терпимости) многие исследователи (В.П. Золотухин, К.П. Гречко, А. Перцев и др.) относят к эпохе античности. В.М. Розин античную толерантность рассматривает как пример формирования общих социальных условий. По мнению ученого, она реализовалась – в государственной политике, религии и философии и способствовала формированию и развитию античной культуры, античной государственности [1]. Толерантность как феномен зарождается и начинает свое развитие в рамках западноевропейской культуры. Отечественная традиция представлена преимущественно исследованием толерантности как терпимости. Рассмотрение истинных социальных причин конфликта позволяет культивировать в

обществе новое отношение к конфликту, раскрыть его позитивные возможности, способы предотвращения и устранения, т.к. конфликт – это не только сложный компонент человеческого общения, но и важное общественное явление. Выделяя конфликт как явление общественное, следует рассматривать его социологические, идеологические и психологические стороны. Динамика исследований конфликтов, в течение XX века, согласно исследованиям А.Я. Анцупова, С.В. Баклановского, выглядит следующим образом: наибольшее количество – в области психологии и социологии, меньше исследований в педагогике и военных науках. Конфликт (от лат. Conflictus – столкновение) понятие, смысл которого в обыденной жизни связан с враждой, отчуждением, однако феномен конфликта наполнен аксиологическим содержанием и не всегда поддается рациональному анализу. При исследовании особенностей поведения в конфликтных ситуациях ученые большое внимание уделяют динамическим характеристикам. Согласно исследованиям, на конструктивный или деструктивный исход, последствия для оппонентов и коллективов, участвующих в них, оказывают влияние: - индивидуальные характеристики, присущие каждому конфликту; - временные параметры, которые порой оказывают решающее влияние на развитие событий [2, с. 57]. Конфликтность личности определяется комплексным действием нескольких групп факторов. К психологическим факторам относят темперамент, уровень агрессивности и притязаний, психологическую неустойчивость, и множество других признаков. Социальные факторы – условия жизни и деятельности, возможности релаксации, социальное окружение, общий уровень культуры и т.п. Таким образом, оценив все это многообразие и сведя его в систему, можно приближенно точно оценить конфликтность личности [3, с. 57]. Изучение отличительных особенностей конфликта с позиции педагогики, социальной философии, психологии, исследование истинных социальных причин конфликта позволяет культивировать в обществе новое отношение к конфликту, раскрыть его позитивные возможности, способы предотвращения и устранения. В современной России проблема безопасности становится одной из самых важных: степень угрозы не зависит от размеров страны, ее территориального расположения и экономического развития. Плодотворному сотрудничеству на всех уровнях общества во многом препятствуют стереотипы недоверительного отношения сложившиеся в результате периодической конфронтации между различными странами мира: «Из периода «холодной войны», мировая цивилизация без

промедления вошла в период катастроф, продуцируемых прежде всего социальной и политической неустроенностью нарождающегося глобального общества» [4]. Первые публикации, посвященные проблеме доверия, появляются в трудах мыслителей еще в первой трети XX века, исследования проводятся, в основном, в направлении межличностного доверия. Социологи активно разрабатывают проблему безопасности, определяя различные риски, связанные с категорией доверия, при этом понимая последнюю как универсальную характеристику общества. П. Штомпка выделяет следующие уровни доверия: реляционный, психологический, культурный. Третий (культурный) подразумевает доверие на уровне коллективного, исторического опыта общества. Речь идет о «культурах доверия» и «культурах недоверия» [5. С. 13]. Межличностная коммуникация, безопасное взаимодействие априорно предполагают определенную степень доверия. Последняя вырабатывается в раннем детстве и во многом зависит от социокультурных факторов. Согласно исследованиям западных мыслителей (Г. Зиммеля, Н. Лумана, Э. Гиденса и др.) категория «доверие» требует осмысления в контексте исторической и социальной динамики. Доверие как моральная ценность существует в различных культурах, но занимает разное место в иерархической структуре последних, т. к. ее формирование, в первую очередь, связано: - с особенностью национального характера; - с особенностью всей системы ценностей и установками на различных социальных уровнях; Отечественные исследователи полагают, что «выявление культурной мотивации социальных изменений оказывается эффективным средством анализа интенсивных трансграничных процессов, характерных для наступившей эпохи» [6. С. 8]. Таким образом, современные исследования в области конфликтов, требуют пристального рассмотрения и изучения понятий «безопасность», «доверие», «толерантность» в социологии, философии, психологии. В современном российском обществе их следует проводить с учетом следующих социокультурных вызовов глобализации: - социальной стратификации; - этнокультурной дифференциации; - воспроизводства социальной напряженности и низкого уровня толерантности в публичной сфере; - сужению сферы влияния традиционных средств культурной коммуникации [6. С. 19].

Литература

1. Розин В.М. Теоретическая и прикладная культурология. М., 2007. С. 186.

2. Анцупов А.Я., Баклановский С.В. Конфликтология в схемах и комментариях. – СПб.: Питер, 2007. – 288 с.
3. Анцупов А.Я., Прошанов С.Л. Российская конфликтология. Аналитический обзор 607 диссертаций XX века. – М., 2004. – 704 с.
4. Левашов В.К. Глобализация и социальная безопасность / Социс. 2002. №3.
5. Фрейк Н.В. Концепция доверия в исследованиях П. Штомпки. / Социс. 2006.
6. Семененко И.С. Глобализация и социокультурная динамика: личность, общество, культура. / Полис 2003. №1.

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА КАК ОСНОВА МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Воробьёва Н.Ю. (Москва)

Межконфессиональные отношения являются одним из видов социальных взаимодействий. Аксиологию социальных взаимодействий составляют христианские добродетели: вера, надежда и любовь, но, как известно, любовь из них больше. Источником асоциальных отношений соответственно выступают такие пороки как неверие, отчаяние и ненависть, составляющие во многом содержание современной секуляризованной культуры. Любовь как наивысшая христианская добродетель есть цель, ради которой должна сегодня существовать и развиваться духовно-нравственная культура. Действительно, в Евангелии человеку даны две главных заповеди – о любви к Богу и ближнему. Какой должна быть духовно-нравственная культура, чтобы указать пути к действительному исполнению этих двух главных заповедей о любви, без исполнения которых невозможно преодолеть деструктивность социальных взаимодействий и наладить межконфессиональное сотрудничество? Ситуация Постмодерна создала особые условия для незамедлительного поиска ответов на этот вопрос. Плюрализм культур как базовый принцип в современном мировом сообществе позволяет многообразно определять такие понятия как «духовность», «нравственность». Современная культура представляет собой мозаику национальных и исторических культур. В этом лабиринте предлагается найти единое на потребу. Духовно-нравственную культуру мы определяем как результат духовной и нравственной

жизни. Сегодня о «духовности», «духовной жизни» говорят люди самых различных мировоззрений, так как именно она определяет характер, направление и саму разумность всей человеческой деятельности. Дух, духовная сторона души человека, обращен к вечности и является внутренним центром, собирающим воедино силы души и направляющим их к единой высшей цели, к Богу. Бессознательными проявлениями духовной стороны человеческой природы являются: стремление к истине, знанию смысла всего существующего; естественный нравственный закон, т.е. совесть как со-весть, со-знание; стремление к красоте; неудовлетворенность ничем временным; жажда бесконечного совершенства, стремление придать жизненным целям значение высшего идеала – создание кумиров, идолов. По библейскому учению, дух – это та сила, которую вдохнул Бог в лицо человека, завершая его творение. В православном понимании духовность связана с понятием Святого Духа, с понятием святости: «духовность – это способность жить так, чтобы вся жизнь была пронизана присутствием Святого Духа, чтобы Святой Дух действовал в человеке» [1. С. 357-358]. «Духовность» – это религиозный термин, так же как «культура» (от лат. «cultus» – «богослужение»). Человеческая культура имеет религиозное происхождение: можно проследить истоки любого культурного феномена – и мы обнаружим их в религиозных верованиях, в религиозном культе. Светская культура, претендующая на независимое от религии бытие, появилась на Западе в эпоху Возрождения, а в России ещё позже. Но, как показал опыт последующих столетий, культура не может быть нейтральной по отношению к религии. Светская культура либо противопоставляет себя всему божественному, либо становится религиозной, пытаясь нащупать утраченный или создать свой собственный путь к Богу. Каковы особенности духовной жизни христианина? Мы постараемся указать лишь на некоторые принципиально важные особенности. Вся духовная жизнь христианина ориентирована на Христа и обусловлена стремлением к личному с Ним общению. Смирение, духовная нищета, рождающиеся от познания себя, своего «ветхого человека» – это первейшие условия для начала духовной жизни. Необходимо сравнить себя с нормами нравственности, проверить свою жизнь по заповедям Божьим. Дальнейшее познание собственной греховности, покаяние и есть основа развития личности. Важно понять, что грех – это нечто ненормальное, противоестественное для человеческой природы. Духовная жизнь христианина также немыслима без участия в таинствах Церкви. Это и

крещение, и покаяние, и исповедь, и причастие. Духовная жизнь – это церковная жизнь. На пути к Богу человек нуждается в духовном наставнике. Это может быть священник. Также для получения духовного руководства существует обширная духовная литература. Основным содержанием духовной жизни христианина является молитва – беседа души с Богом. Непрестанная молитва и есть «хождение перед Богом», когда всякое дело и всякое слово проверяется заповедями Божиими. Люди, имеющие опыт молитвы, свидетельствуют о переживании ими состояния мира, при котором утихают все страсти и разрешаются противоречия. В духовной жизни невозможны выжидательные ходы. Если человек не приближается к Богу, то он непременно деградирует. Важной чертой духовной жизни является память о смерти. Такая внутренняя установка придает земной жизни серьезность и глубину. Из земной жизни человек возьмет с собой лишь то, что накопил в духовном опыте. Ещё при жизни христианин может стать небожителем. Таким образом, духовно-нравственной культуре нас учит Церковь во главе со Христом-Спасителем и лик святых, которые прошли путь духовной жизни и достигли обожения, но не только спаслись, но и преобразили земной мир: обожение святых проявилось и в уподоблении промыслительной деятельности Бога о мире, и любви Божией к твари. Сегодня важно осознать, что ни наука, ни искусство, ни мораль сами по себе не спасут человека; современную культуру необходимо спасать через воцерковление жизни – личной и общественной, через введение в культуру предельных смыслов христианства. Только в этом случае духовно-нравственная культура станет нормально функционировать и выполнит свое назначение – укажет путь ко спасению души и преображению мира через со-творчество, со-работничество человека Творцу, ведь без Него «не можем делать ничего» (Ин.15:5). От того, как будет определена духовно-нравственная культура, зависит дальнейшее развитие российского общества, которое должно вновь осознать свои духовные приоритеты, достичь единства в их понимании и совместной реализации. Русская Православная Церковь не только возвращает современную российскую культуру к религиозным корням, но и помогает ей «переступить границы чисто земного дела: предлагая путь очищения сердца и сочетания с Творцом, она делает ее открытой для соработничества Богу» [2. С. 142]. Для современных христиан духовно-нравственная культура – это императив, т.к. христианства нет и не может быть без культурного воплощения, без присутствия в истории, как об этом многократно писали выдающиеся

русские богословы и философы: протопресвитер Василий Зеньковский, протоиерей Сергей Булгаков, священномученик Иларион (Троицкий), священник Павел Флоренский, Н.А. Бердяев, Г.П. Федотов, И.А. Ильин, протоиерей Георгий Флоровский, как засвидетельствовали, наконец, новомученики и исповедники Российские XX в.

Литература

1. Иларион (Алфеев), епископ. Вы – свет мира: Что нужно знать о христианской жизни. – М.: Эксмо, 2009.
2. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. - Изд-во Московской Патриархии, 2000.

БИЛИНГВИЗМ В ТАТАРСТАНЕ КАК СФЕРА ВОЗМОЖНОГО НАРУШЕНИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО СОГЛАСИЯ

Гузельбаева Г.Я. (Казань)

Республика Татарстан – один из регионов России с официальным двуязычием. На момент принятия в 1992 г. Закона «О языках народов Республики Татарстан» можно отметить две характерные особенности русско-татарского билингвизма. Во-первых, его односторонний характер (языком межэтнического общения был только русский), а во-вторых, отчетливо наблюдалась устойчивая диглоссия, которая выражалась в высоком социальном престиже русского языка и низком статусе татарского наряду с разделением сфер использования этих языков. Невостребованность татарского практически во всех публичных сферах наряду с языковой политикой советского государства препятствовали овладению этническим языком татар другими национальностями. До развала Советского Союза татары чувствовали себя ущемленным этносом в значительной степени из-за ограниченных возможностей использовать свой этнический язык в публичном пространстве и полноценно развивать его во всех сферах. С начала 1990-х гг. начался активный процесс возрождения и модернизации татарского языка, он стал более активно использоваться в государственном управлении, образовании, интернете, однако заметно смягчить асимметричность языковой модели Татарстана не удалось. Сегодня татарский все еще не имеет реальной возможности стать языком межэтнического общения ни в публичной, ни в приватной сферах. Одна из основных причин этого – недостаточная степень владения татарским языком

нетитульными этносами республики. Выравнивание статуса татарского языка по отношению к русскому сейчас осуществляется во многом за счет изменений в системе школьного образования. В 1992 г. татарский язык введен в школьную программу как обязательный учебный предмет для всех этнических групп (в равном объеме с русским языком). Одним из итогов этого стало повышение уровня знания татарского молодым поколением татарстанцев [1; 2; 3; 4]. Согласно данным социологического исследования, проведенного в фев-рале-марте 2012 г. в Республике Татарстан научно-исследовательским коллективом кафедры социологии Казанского федерального университета (объем выборки – 1590 единиц), 61% всех жителей РТ хорошо понимают татарский язык, 53% - владеют разговорной речью. (Научно-исслед. проект Казанского федер. университета [12-48 в рамках гос. задания Министерства образования и науки РФ] «Состояние и динамика межэтнических и межконфессиональных отношений в Республике Татарстан»; науч. рук. Р.Г. Минзаринов, авт. колл.: С.А. Ахметова, Г.Я. Гузельбаева, М.Ю. Ефлова, Л.Р. Низамова, А.Н. Нурутдинова.) Конечно, татары владеют своим языком гораздо лучше, чем другие этнические группы, однако отчетливо наблюдается тенденция освоения татарским всеми национальностями Татарстана (прежде всего молодежью). Но татарский чаще всего остается для школьников (особенно для русских и других этнических меньшинств) лишь одним из учебных предметов, который они в той или иной мере осваивают, что однако не означает активного применения полученных знаний на практике и использование татарского как средство повседневного общения. Слабая мотивация изучения татарского языка и низкая конкурентоспособность языковых знаний помешают справиться с задачей смягчения языковой асимметрии. Серьезной проблемой в реализации Закона о языках и преодолении одностороннего двуязычия также является несовершенство методик преподавания татарского в средней школе и крайний недостаток языковых курсов для населения республики. В последние годы среди общественности, особенно среди родителей школьников возникли дискуссии об оптимальном соотношении русского и татарского языков в школьной программе вплоть до поднятия вопроса о необходимости изучения татарского всеми учащимися средней школы. Некоторыми родителями часто высказываются недовольства тем, что наличие и объем татарского языка в школьной программе приводит к ухудшению в преподавании русского. В последние годы, в отличие от ситуации времен СССР, уже русские (точнее –

русскоязычные) чувствуют свою уязвленность по фактору языка. Это выражается прежде всего в их ощущении агрессивного давления татарского языка в сфере образования и уязвленном положении русского. Они стремятся защитить позиции русского в средней школе, активно ища поддержку как у местных властей, так и у федеральных. В феврале 2011 г. русские родители, а также родители – городские татары подписали открытое письмо министру образования РФ [5], а в апреле вышли на пикеты против обязательного изучения в системе школьного образования татарского языка в таких объемах, как это существует в республике сегодня [6]. Такие же пикеты прошли и в апреле 2012 г. [7]. (В ответ на пикеты русскоязычных со своими пикетами в защиту татарского языка вышли татары, показывая, что они продолжают быть недовольными «захватнической» позицией русского языка.) Однако, данные социологических исследований, результаты ЕГЭ по русскому языку татарстанских школьников в 2011 и 2012 гг., а также этнический состав и мотивация слушателей курсов татарского языка, организованных в 2012 г. Правительством РТ, говорят скорее о несостоятельности доводов участников пикетов против языковой политики Татарстана в сфере образования. Исследование, проведенное коллективом социологов КФУ в 2012 г., показывает, что большинство татарстанцев – 72% – положительно относятся к обязательному присутствию татарского языка в школьной программе (84% всех татар и 57% русских). К тому же необходимо отметить, что выпускники Республики Татарстан в 2011 и 2012 гг. показали более высокие результаты единого государственного экзамена (ЕГЭ) по русскому языку, чем в целом по России (например, в 2011 г. средний балл в РТ составил 62,4 против 60 в России; 54 человека набрали на экзаменах по русскому языку 100 баллов, причем четверо из этих выпускников представляют школы, где обучение ведется на татарском языке) [8]. В начале февраля 2012 г. Кабинетом министров Татарстана были организованы в Казани бесплатные курсы татарского языка для всех желающих (в первый раз за 20 лет официального двуязычия – и пока в последний). Неожиданно для самих организаторов, поступило около 1200 заявок от желающих пройти обучение татарскому языку, причем значительная часть – от русских (их доля составила 40%, хотя некоторые эксперты ожидали, что основной костяк слушателей составят городские татары, не владеющие своим родным языком). Таким образом, именно двуязычие – самая уязвимая область, относительно которой основные этнические группы Татарстана проявляют недовольство друг другом.

Однако, в этот «мягкий конфликт» вовлечены вовсе не основная масса населения, а те активисты, которые проявляют себя в СМИ, интернете и на площадях у зданий законодательной и исполнительной властей. От того, смогут ли активисты и власти республики найти компромисс в вопросах эффективной реализации Закона «О языках народов Республики Татарстан», особенно в вопросах совершенствования языкового образования, зависит и выравнивание языковой асимметрии в Республике Татарстан, и упрочение паритетного двуязычия, а самое важное – сохранение межэтнического согласия.

Литература

1. Wigglesworth-Baker Т. Использование титульных языков русским населением спустя 20 лет после распада Советского Союза (Республика Татарстан) // Материалы Международной научно-практич. конференции «Языки России и стран ближнего зарубежья как иностранные: преподавание и изучение». – Казань: 2011. – С. 320-328.
2. Davis H., Veinguer A. Building a Tatar Elite: Language and National Schooling in Kazan // Ethnicities, 2007, Vol. 7, No. 2, 186-207.
3. Gorenburg D. Tatar Language Policies in Comparative Perspective: Why Some Revivals Fail and Some Succeed // Ad Imperio, 2005, No.1.
4. Государственные языки в школьном образовании Республики Та-тарстан. Информационно-аналитич. материал по результатам этносоциологического исследования в г. Казани / Отв. ред. Р.Н. Мусина. – Казань: Институт истории АН РТ, 2006.
5. Открытое письмо Министру образования и науки РФ А.А. Фурсенко «О проблемах реализации гос. федеральных образовательных стандартов для русскоязычных детей Республики Татарстан» // URL: <http://open-letter.ru/letter/24551>
6. Больше уроков русского языка просят даже татары // URL: <http://www.tatpressa.ru/news/bolshe-urokov-russkogo-yazyka-prosyat-dazhe-tatary-2586.html> (дата обращения 25.08.2012).
7. Языковой тупик // URL: <http://etatar.ru/top/42832> (дата обращения 25.08.2012).
8. Результаты ЕГЭ-2011 превзошли показатели прошлого года // URL: <http://kazan.bezformata.ru/listnews/rezultati-ege-2011-v-tatarstane/968136/> (дата обращения 25.08.2012).

МОРАЛЬ И ЭТИКА В ЭКОНОМИКЕ

Мораль и этика – две разные формы создания сообществ. Этика по большей части безморальна, а мораль может этически осуществляться лишь при определенных условиях. Фердинанд Тённиес обнаружил этот контраст как противоположность общности и общества – двух чистых понятий строгой науки о социальном. Для экономической социологии было бы полезно актуализировать данное различие. I. В нарастающем всемирном движении почти все становится везде доступным – кроме материальности места! Образ места субстанционален: он является данным, уникальным, монадообразным. На поверхности шара нет геометрического центра, каждое место математически равноценно. Поэтому мы, люди, развили неумолимое сознание эгоцентричности. С социологической точки зрения наш глобус имеет атомарные источники культурной энергии. Их личные субстанциональные ядра излучают в остальной мир. Чем больше населения, тем больше таких излучающих энергетических ядер. Большинство такой моралетопии еще ждет своего часа... Чтобы быть участником иного центра, мы развили торговлю. Люди живут в товарах и в их топическом знании; товары популярны в той мере, в какой свидетельствуют свое происхождение. Это есть геофизическая причина их фетишизма (согласно юристу Карлу Марксу, с гневом назвавшему это явление так): они предлагают покупателям участие в потерянной экзистенции. Товары приглашают к дополнительному развитию, они предлагают горизонты возможного действия для любого иного центра. II. Моралетопии возникают из нравов, своей истории и знания. Они действуют морально ради цели выживания своей общности. Мораль подразумевает связь с обоснованными мнениями на пользу и для защиты своей общности. Мораль означает связь с реальными людьми. Она местная, топическая; этика является безместной, утопичной. Этика подразумевает связь с абстракцией рода человеческого. Она есть идеалистическая связанность – в том числе и с будущим. В известном смысле этика безморальна. Она возникает на определенной стадии развития человечества и сегодня столь же вещна, как и в начале. Она опирается на право и использует возможность договора. Конечно, договоры о договорах хрупки против силы местных нравов и их истории. Священник придерживается моралетопы, воспитатель желает этику. Воин защищает местный моралетоп, потому и возвышается на центральной

площади в виде героя из камня; уклонист от военной службы является этиком и имеет известные проблемы со своим моралотопом. ООН – это попытка реализации этики в качестве актуального Града Ученых. Футбольные команды действуют морально, а этику нужны гарантии арбитра. Категорический императив хочет реализовать этику, – но внимание: Кант формулирует его в сослагательном наклонении! Следует четко понятийно разделять оба вида связи. В жизни мы их наблюдаем все время вместе, но они в высшей степени разные, например, семейная общность и акционерное общество. III. Для экономической политики отсюда следует ясная задача: товары и их социально-функциональное тело – марка – должны содержать местные типажи. Лишь тогда творец-предприниматель создает своих верных последователей и потребителей, готовых платить. Не вдруг, а постепенно, воспроизводством топического образца, подобного себе. Таким образом, ответственные должны определить сильные стороны своего места и сфокусироваться на нем. Чем жестче всемирное движение, тем важнее может быть место. В той мере, в какой Санкт-Петербург остается Петербургом, все хотят в Петербург – чтобы жить там, посмотреть его, участвовать в инвестициях. Самая лучшая инвестиция – управление своим образом, остающимся себе подобным. Но однако: вложения обычно дают работу и благосостояние сообщества при реализации в этике, если они уместные, честные, добросовестные, длительные, здоровые, соблюдающие обязательства. И точно сосчитанные: чтобы все участники цепочки производства товаров получали бы правильное вознаграждение. Марка продает мораль на условиях этики. Корректное экономическое действие соединяет мораль и этику, обеспечивая себе продолжительный успех. Полилог культур развивает центральные точки поверхности – чем больше глобализации, тем важнее этический вклад места. Перевод Н.А. Головина

ТЕОРИЯ ПОЛИМЕНТАЛЬНОСТИ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ КОНЦЕПЦИИ ВКЛЮЧЕННОСТИ ЧЕЛОВЕКА В МИР

Жмыриков А.Н. (Нижний Новгород)

Решение кризисных проблем всех сфер жизнедеятельности российского общества связано с преодолением отчуждения подавляющего большинства граждан от процесса равноправного

взаимного обмена вкладами в развитие личности и государства. «Сегодня, когда и большинство народов России в бедствии, писал А.И. Солженицын, - многие из них крепятся своею объединенностью и усилиями местного устройства. А русский народ – в наихудшем положении, ибо в цепи наших потерь мы утратили связующую, спасительную сцепку друг с другом, а с ней – и сознание своего места в стране. Наше национальное сознание впало в летаргию. Мы еле живы: между глухим беспамятством позади и грозно маячащим исчезновением впереди» [7, с.156]. Актуальность проблемы преодоления отчуждения граждан от активного участия в жизнедеятельности страны, определяет потребность в разработке научной теории включенности человека в мир. На основании обобщения 20-летнего опыта социологического и политико-психологического изучения активности российских граждан нами выдвинута концепция включенности человека в мир. Методологическим основанием этой концепции служат социологическая теория институциональных матриц, разрабатываемая социологами новосибирской научной социологической школы и сформулированная в наиболее точном виде, С.Г. Кирдиной [4] и теория полиментальности, предложенная В.Е. Семеновым [5]. В данной статье мы остановим внимание читателя на соотношении теории полиментальности и концепции включенности человека в мир. Под включенностью нами понимается сложный, диалектический, многоуровневый и иерархический процесс непосредственного и опосредованного взаимодействия человека с миром, в ходе которого происходит переоценка прошлого опыта, достижение актуальных целей и проектирование образа потребного будущего. Система включенности человека в мир структурно представляет собой три подсистемы, взаимосвязанных одно-многозначными связями. Институциональная подсистема отражает опосредованное взаимодействие человека с миром на уровне государственного образования. Опосредование осуществляется экономическими, политическими и идеологическими институтами, образующими структуру государства. Взаимодействие этих институтов, а также их компонентный состав достаточно подробно описаны в работах С.Г. Кирдиной [4]. Групповая подсистема включенности отражает опосредованное взаимодействие человека с миром на уровне больших социальных групп. Механизм такого взаимодействия исследован С.Г. Елизаровым [1]. Личностная подсистема включенности отражает непосредственное межличностное взаимодействие людей в рамках малой социальной

группы. Механизм такого взаимодействия, применительно к проблеме мотивационной включенности, исследован Н.Л. Карповой [3]. Мы предположили, что функционирование системы включенности человека в мир подчиняется законам цикличного действия полиментальности. В теории полиментальности В.Е. Семенова основные российские менталитеты классифицированы на основе философских универсальных категорий-оппозиций: Дух (Бог) – материя (идол) – по вертикали; общество (коллектив) – личность (индивидуальность) по горизонтали [5]. Исходя из определения менталитета, сделанного в теории полиментальности, где «менталитет – это исторически сложившееся групповое долговременное умонастроение, единство (сплав) сознательных и неосознанных ценностей, норм, установок в их когнитивном, эмоциональном и поведенческом выражении» [6, с.278], можно при описании менталитета, опосредующего взаимодействие подсистем включенности человека в мир, уточнить названия координатных осей. Верхний полюс будет соответствовать стремлению к достижению Истины. При этом «истина» понимается в своем предельном выражении. Это не только научное познание реалий мира, но и инсайт. Нижний полюс будет отражать стремлению к достижению практической пользы, материальной выгоды. Полюса горизонтальной оси будут представлены соответственно, стремлением действовать в соответствии с принятыми нормами, правилами, этикетом или в соответствии со стремлением к самовыражению, выделению из среды, эстетическому самоутверждению. Согласно принципу цикличности доминант менталитетов в структуре полиментальности, на протяжении одного ментального цикла будут чередоваться фазы, в которых будет акцентуировано проявляться один из менталитетов. В 90-е годы акцентуировано проявлялся криминально-мафиозный менталитет, в нулевые годы – индивидуалистско-капиталистический; в настоящее время – православно-христианский. Наши исследования включенности человека в мир, проведенные в эти годы, показали, что в период доминанты криминально-мафиозного менталитета в общественном и индивидуальном сознании доминировали представления о «маленьком человеке» (герое) противостоящем чудовищным по масштабу силам враждебного государства. Ценностные ориентации личности были смещены в зону утилитарного прагматизма. Закон, и вообще любая этика, игнорировались не только личностью, но и государством. В Конституцию страны и федеральные законы вносились постоянные

поправки, пока, наконец, в 1993 году, государство не расстреляло из танков собственный парламент и не приняло новую Конституцию. Эстетическое самовыражение было редуцировано в область безобразного. Примерами на уровне общества служили предельно извращенные образцы гедонистической культуры (гомосексуальной, порнографической, наркотикофильной). Примерами на уровне личности – предельно циничные попиратели права и морали (от создателей финансовых пирамид до грабителей и террористов). В период доминанты индивидуалистско-капиталистического менталитета в общественном и индивидуальном сознании доминировали представления о равноценном противостоянии «среднего человека» и «среднего общества». Ценностные ориентации и личности, и общества, были размыты по вертикальной оси «Истина – Польза». Общество было заинтересовано лишь в таких исследованиях, которые давали возможность получать прибыль «здесь и сейчас». При этом прибыль исчислялась не только в денежном эквиваленте, но и в политическом (например, в цене были технологии электорального манипулирования). Личность была ориентирована на приобретение знаний, посредством которых можно извлечь пользу для себя «здесь и сейчас». Ярким примером могут служить конкурсы того времени на экономические специальности в вузах. Этика была поглощена Выгодой. На уровне государства это проявилось расцветом коррупции. На уровне личности – действиями по достижению личной выгоды за счет использования прорех в законодательстве. В период доминанты православно-христианского менталитета общественное сознание отражает образ «маленького», отрицательного человека (грешника) и «большого» мира вокруг него. Доминирующим является стремление к истине в образе справедливости. С позиции личности эстетическое самовыражение поглощено этической доминантой. Это проявляется в нарастающем характере коллективных публичных акций в пользу соблюдения властью действующих законов, гарантирующих политические и экономические свободы. С позиции государства это проявляется действиями силового подавления коллективных протестных акций. Степень выраженности вышеназванных проявлений (уровень включенности человека в мир) неодинакова как в пространстве региональных менталитетов, так и по времени проявления в различных подсистемах системы включенности (институциональной, групповой, личностной). Нами выделены 4 уровня включенности, отражающие различную степень интеграции человека с миром в конкретный период времени: высокий-оптимальный, высокий-

избыточный, низкий, дезадапционный [2]. Каждый из этих уровней измеряется количественными показателями выраженности конкретных параметров, и в тоже время отражает качественную характеристику – стиль проявления регионального менталитета.

Литература

1. Елизаров С.Г. Мотивационно-ценностная включенность малой группы в социальную систему (систему групп) разных типов [Текст] : дис. ...д-ра психол.наук: 19.00.05 /Елизаров С.Г. – Курск, 2010.
2. Жмыриков А.Н. Психология политического лидерства в современной России. Н. Новгород: Нижегородский гуманитарный центр. 1996.
3. Карпова Н.Л. Мотивационная включенность в деятельность [Текст] : дис. ...д-ра психол.наук: 19.00.01 / Карпова Н.Л. – М, 1998.
4. Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России.-Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2001.
5. Семенов В.Е. Российская полиментальность и социально-психологическая динамика на перепутье эпох.- Спб.: Изд-во СПбГУ, 2008.
6. Семенов В.Е. Российская полиментальность и ее выражение в культуре //Социология и общество: Тезисы Первого Всероссийского социологического конгресса «Общество и социология: новые реалии и новые идеи» 27-30 сентября 2000 года. – СПб., 2000. – С.278-279.
7. Солженицын А.И. Россия в обвале. – М.: Русский путь. 1998.

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ МЕЖПОКОЛЕННОГО КОНФЛИКТА

Иванова Е.И. (Москва)

Осмысление демографических процессов в период кардинальных общественных перемен традиционно связывается с проблемой поколений, взаимоотношений «отцов и детей». Вместе с тем, мировоззрение людей формируется в современную им историческую эпоху, оно имеет свои особые черты, отличные от прежних, в них находят отражение последствия важных социально-

исторических событий. К таким событиям относятся различные преобразования общества, в том числе революционные, прерывающие социальное время исторической эпохи. Соответственно, и поколения, переживающие и участвующие в них, также нарушают непрерывность традиционных длящихся процессов их воспроизводства. В то же время, особенности демографических процессов, присущих предшествующим поколениям, продолжают оказывать влияние на современное состояние общества, и события одного времени соотносятся с событиями другого и измеряются через них. В 2000-е годы в активную жизнедеятельность вступили и вступают молодые люди, не заставшие в сознательном возрасте советской действительности и отличающиеся от поколений предшествовавшего периода, поведением, иными ценностями, образом жизни, взглядами на социальную реальность. Это нередко приводит к возникновению противоречий, антиномий, когда преобладающие в обществе мировоззрения, действия, одновременно сосуществуют и противостоят друг другу [3]. Наиболее наглядно данные противоречия проявились в направлении демографических процессов, обусловивших затяжную депопуляцию в стране, последствия которой имеют беспрецедентный для мирного времени характер во взаимоотношениях между поколениями в различных сферах жизнедеятельности. Проблема воспроизводства преемственности опыта предыдущих поколений, органично связана с формами взаимодействия поколений. Формы взаимодействия могут быть разными, их сочетание является «нитем, из совокупности которых создается ткань человеческой истории» [2, с.97]. Они определяются спецификой макросоциального времени эпохи с характерными для нее социальными структурами и институтами, а также микросоциальным временем, субъективно переживаемым каждым живущим в данную эпоху поколением. Для социальных преобразований в России были характерны опережающие темпы слома ключевых структур общества по сравнению с созданием новых. В результате нарушилась последовательность социальных событий, резко изменилось поведение людей. Кризисная ситуация в социальных и демографических структурах в условиях дискретного характера связей социальных времен растянулась на два десятилетия. Противоречия между поколениями в период прерывистого характера развития современного общества приобрели форму ценностных, экономических, политических антиномий. Они накладываются и взаимно стимулируют друг друга, в результате чего вопрос о первичности одной из конфликтных областей лишается смысла [1,

с.5]. Изменения в демографических структурах поколений способны их усилить, поскольку порождают конфликты «степени» (Г.Тард). Указанные изменения проявились в длительной депопуляции, ухудшении здоровья, снижения рождаемости и регистрируемой брачности, старении населения. Во-первых, на фоне потери социальной ориентации, неуверенности в будущем, кризиса прежней системы ценностей происходит снижение жизненного потенциала поколения XXI в. На основе оценок изменений среднего возраста смерти от основных причин и их соотношения в структуре смертности нами проанализированы элементы преждевременной смертности мужчин. Показано, что существенные территориальные различия в ее уровне усугубляют проблему гендерно-структурной неоднородности процесса, придают ей характер региональной стратификации. Анализ факторов преждевременной смертности доказывает связь социальных и демографических компонент воспроизводства поколения. Во-вторых, изменения в системе жизненных ценностей поколений XXI в. ставят стремление к индивидуальной свободе и экономическую независимость выше семейных обязательств. Рост популярности незарегистрированных браков, увеличение среднего возраста вступления в первый брак, рост внебрачной рождаемости и числа неполных семей, массовый характер разводимости дают основания констатировать снижение значимости традиционной установки на ценность семьи и рост приоритетности внесемейных ценностей (образование, доходы, карьера). В-третьих, старение населения как качественное изменение в демографической структуре современного общества, также создает условия для возникновения конфликтов «степени», оказывая воздействие на особенности функционирования социальных институтов, на механизмы воспроизводства социальных отношений. В реальности его следствие проявляется в особенностях взаимодействия поколений, которое реализуется на основе сочетания солидарности и противостояния между различными социально-демографическими когортами. С учетом его специфики в российской реальности они связаны с изменением числа поколений, присутствующих в семье и обществе вследствие сокращения численности населения младших возрастных групп и мужчин старшего возраста; наличием значимых гендерных диспропорций в старших поколениях; ростом демографической нагрузки на группы трудоспособных возрастов; снижением уровня благосостояния и потребления пожилых людей. Анализ особенностей взаимодействия между поколениями на уровне общества на основе макросоциальных

статистических данных и данных социологического мониторинга «РМЭЗ», а также на уровне семьи на основе результатов авторского специального социологического исследования позволил сделать следующие выводы. 1) Формы взаимодействия и антиномий социально-демографических поколений разнообразны, определяются взаимным влиянием его различных компонент на поддержание равномерного перераспределения доходов всех живущих поколений, особенно на формирование источников обеспечения расходов на пенсионное обеспечение граждан. 2) Взаимодействие между современными поколениями отражает их интересы на уровнях семьи и общества. На уровне семьи оно проявляется в форме межпоколенной поддержки и имеет большое значение для пожилых представителей поколения. На уровне общества оно зависит от действующих механизмов социального обеспечения. 3) Указанные механизмы в период социально-экономических и политических преобразований российского общества, усиления дискретности его временных связей, находились в «догоняющем» реформы состоянии, налаживались методом «проб и ошибок». Поэтому семейные межпоколенные трансферты в данный период играли более важную роль в обеспечении солидарности поколений. Их роль велика и в настоящее время, они представляют собой овеществленную форму общественного сознания, развитие которой содействует интеграции общества. Вместе с тем, задачи консолидации общества в рамках дихотомии семейные-государственные трансферты, состоят в преимущественном развитии последних, поскольку их приоритетность и определяет сущность социального государства.

Литература

1. Здравомыслов А.Г. Социология конфликта. М.: Аспект-Пресс, 1996.
2. Сорокин П.А. Система социологии. Том. I. М.: Астрель, 2008.
3. Тощенко Ж.Т. Антиномия — новая характеристика общественного сознания в современной России // Социол. исслед. №12..2010.

**РОДИТЕЛЬСКИЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ ВОЛОГОДСКОЙ
ОБЛАСТИ: ВОСПРОИЗВОДСТВО СОЦИАЛЬНОГО
КАПИТАЛА РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ РОДИТЕЛЬСКИХ
СООБЩЕСТВ Г. ЧЕРЕПОВЦА).**

В последние годы гражданское общество начинает заявлять о себе все более активно, что выражается, с одной стороны – в оппозиционных социальных акциях различных групп интересов против современной государственной власти, а с другой – в появлении различных гражданских инициатив. Возникают эти инициативы независимо друг от друга в разных регионах. Формирование коллективных мнений, активизация людей происходит не только вокруг защиты своих собственных (обычно нарушенных) прав, но и вокруг различных проблемных областей, на которые государство не имеет возможности, желания или времени обратить внимание. Практики гражданского участия усложняются и приобретают новые формы. Сегодня в России всё больше становится общественных организаций и сообществ, объединяющих родителей. Зарождается новый тип солидарности, основанных не на профессиональных, дружеских, родственных или соседских отношениях, а на осознании общих проблем и идей. Родительство здесь выступает объединяющей идеей. В центре внимания современных родителей - благополучие ребенка, которое включает не только физическое и материальное благополучие, но и качество детско-родительских отношений. Ученые говорят о возникновении нового типа родителя – «ответственного родителя». Ответственные родители ищут кооперации друг с другом и объединяются для решения своих проблем [3]. Кооперация родителей происходит в двух основных формах: Во-первых, в реальной жизни, что находит выражение в существовании инициативных групп, в деятельности родительских клубов и кружков, родительских организаций различного уровня; во-вторых, в существовании форумов и виртуальных сообществ родителей, основанных на общих интересах, где родители имеют возможность обсудить различные проблемы, с которыми они сталкиваются. Часто бывает так, что интернет становится стартовой площадкой для создания реально действующей организации, поэтому обе формы родительской активности тесно взаимосвязаны. Целью нашего исследования стало изучение реально функционирующих родительских сообществ в г. Череповце. Необходимо отметить, что Череповец является самым крупным и развитым городом Вологодской области и обладает мощным индустриальным и социальным потенциалом. Тем не менее, гражданская активность города на первый взгляд ниже, гражданские инициативы менее разнообразны, чем в столичных городах – Санкт-

Петербурге и Москве. В Череповце осуществляют свою деятельность десятки НКО, клубов и других организаций граждан. Из них не более 10 объединений созданы для решения различных вопросов, касающихся детско-родительских отношений - клуб «Современная мама», семейные клубы «Домашний очаг» и «Поколение 2010», Вологодская региональная общественная организация «Центр поддержки больных целиакией» и другие. Для того, чтобы возникла гражданская инициатива, необходимы 2 условия - наличие сильного харизматичного лидера и проблемной области, которая будет являться объединяющей платформой. Родительские сообщества г. Череповца с одной стороны, очень отличаются по целям, с другой - их объединяет одна очень важная особенность – способность воспроизводить социальный капитал. Родительские объединения можно представить в виде сетей отношений или социальных сетей. Важной характеристикой социальных сетей является их способность создавать и накапливать социальный капитал, представляющий собой ресурс, который может быть использован и (или) мобилизован в целенаправленном действии (Н. Лин). Наличие социального капитала облегчает действия акторов внутри родительского сообщества, способствует достижению определённых целей, добиться которых при его отсутствии сложно или просто невозможно (Дж. Коулман). Сети социальных связей, являющиеся структурной основой социального капитала, могут использоваться для передачи информации, для экономии ресурсов, взаимного обучения правилам поведения (В. Радаев) [2]. В родительских сообществах Череповца воспроизводятся реципрокные социальные отношения, поскольку происходит постоянный взаимообмен поддержками между членами сообщества. Социальный капитал не принадлежит одному индивиду, а накапливается внутри сообществ, внутри которых функционируют нормы, ценности, правила, основанные на доверии. Поэтому родительские сообщества являются аккумуляторами социального капитала, который необходим для развития гражданской активности, гражданского общества [1].

Литература

1. Безрукова О.Н. Ресурсы и сети поддержки ответственного родительства в молодых семьях. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2011. – 216 с.
2. Коньков А.Т. Социальный капитал как концепция экономической социологии и его роль в системе экономического взаимодействия : диссертация ... доктора социологических наук :

22.00.03 / Коньков Александр Тимофеевич; [Место защиты: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова] Москва, 2007 340 с. : 71 07-22/74

3. Шпаковская Л., Чернова Ж. Родительство-2010: гражданский активизм и новые солидарности // Cogita!ru, 2010 / <http://www.cogita.ru/analitka/issledovaniya/roditelstvo-2010-grazhdanskii-aktivizm-i-novye-solidarnosti>

СОЦИАЛЬНАЯ СОЛИДАРНОСТЬ КАК ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЕ УСЛОВИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО СОГЛАСИЯ В РОССИИ

Казакова Н.Д. (Москва)

Согласно данным исследований «Общественное мнение» Левада-Центра [1] в 2010 году в сравнении с 2008 годом по оценкам населения России стало меньше свободы, справедливости, солидарности и взаимного доверия между людьми, а также за десятилетие ослабилось уважение к окружающим и личная ответственность в стране. При этом преобладающая часть (69% в 2008 г. и 66% в 2010 г.) респондентов убеждены, что с людьми надо быть осторожными, и, соответственно только 26 и 30% считают, что людям можно доверять. Хотя произошли некоторые изменения показателей оценки резкого падения общественной нравственности в 2010 году в сравнении с 2000 годом с 51% до 37%, россияне по-прежнему встревожены ростом насилия, жестокости (50 %), распушенностью современной молодежи (46%), безразличием к судьбам окружающих (32%), ростом числа уголовных преступлений (28%), распространением стяжательства, жажды наживы (25%). Очевидно, что подобные настроения свидетельствуют о тенденции социальной дезинтеграции российского общества и назревшей необходимости создания условий общественного согласия. Одним из таких условий является социальная солидарность, под которой, например, М.М. Ковалевский понимает «сознание общности интересов и взаимной зависимости друг от друга» [2, с. 83]. В современной науке социальная солидарность трактуется как интеграция, единство, сплоченность, ответственность общества или группы на основе общих интересов и целей. Социальная солидарность в качестве теоретического конструкта и реального состояния общественных отношений привлекает внимание ученых с самых истоков становления социологии как самостоятельной науки. Представления, в частности, Э. Дюркгейма, о развитии человеческой

солидарности от механической формы к органической, а обществ от сегментарных к организованным, основаны на эволюционистском представлении о последовательной смене во времени и усложнении социальных видов. Если не единственным, то, по крайней мере, главным источником общественной солидарности выступает разделение общественного труда [2, с.69]. Профессиональная специализация делает каждого человека уникальным, поэтому влияние коллективного сознания уменьшается, а механическая солидарность, основанная на сходных представлениях, сменяется органической, базирующейся на признании ценности достоинства индивида, равенства возможностей, трудовой этики и социальной справедливости. Отсюда органическая социальная солидарность – это духовно-нравственный, этический механизм постоянного воспроизводства социальной интеграции и согласия в обществе. Несмотря на то, что индивидуальность и субъектность личности являются методологическими предпосылками концепции социальной солидарности, она не вписывается в неолиберальную парадигму, являющуюся идеологической основой государственного управления в современной России. Современные представители неолиберализма считают, что, рынок как наиболее эффективная форма хозяйствования создает наилучшие условия для экономического роста; свобода субъектов экономической деятельности имеет приоритетное значение; государство должно обеспечивать условия для конкуренции и осуществлять контроль там, где эти условия отсутствуют. Императивами действия в неолиберальной идеологии и политике являются максимизация прибыли, выгода, нажива, поэтому частный интерес субъекта рыночных отношений объективно находится в противоречии с интересами других социальных субъектов, а свобода регламентирована и регулируется лишь национальными законами о конкуренции, а не социальными нормами. В концепциях солидарности приоритетное значение имеют духовно-нравственные ценности, а интерес отдельного индивида всегда соотносится с общественными и групповыми интересами. Поведение людей ориентируется на социальный образец, обладающий нравственной силой и вызывающий уважение. Признается необходимость сложной регламентации общественных отношений для обеспечения индивидам экономической независимости, без которых их свобода лишь номинальна [2, с. 7]. Государство, общество и личность не противопоставляются, а признаются совместными участниками общественного развития, главной целью которого является социальная солидарность,

уважение достоинства личности и справедливость. Амбициозные государственные проекты в России, в том числе и модернизационные, не могут быть реализованы без использования социальной солидарности как ценности, идеологии и парадигмы общественного развития. Как ценность социальная солидарность выступает социальным образцом, препятствующим злоупотреблению силой и доминированию интересов статусных групп в ущерб государственным и общественным интересам. Как идеология является конструктивной альтернативой неолиберализму, и должна выступать ядром систем общественной и личностных ценностей, способствуя общественному согласию, раскрытию потенциала личности, организаций и общества. Как парадигма общественного развития – ставить ориентиры, определять приоритеты и цель существования любого, в том числе и российского общества «которая состоит в уничтожении или, по крайней мере, в ослаблении войны между людьми, подчиняя физическое право сильнейшего более высокому закону» [3, с. 7].

Литература

1. Общественное мнение – 2010. М.: Левада_Центр, 2011
2. Ковалевский М.М. Сочинения в 2-х томах. Т. 1. Социология. - СПб, 1997
3. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. – М.: Канон, 1996

ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ТЕХНИЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Кансузян Л.В., Заморский В.В. (Москва)

Социологический анализ современной технической цивилизации исходит из осмысления рисков и, в целом, кризиса техногенной цивилизации. Проектирование, производство и применение техники как инструмента цивилизационного развития внушает опасения за судьбу человечества и живой природы на Земле. Усиливается деградация биосферы, практически полностью включенная человеком в техносферу. В XXI в. сохраняются риски крупномасштабного распространения и катастрофического применения атомного, химического и бактериологического оружия. Реально создание в обозримом будущем волновых, сейсмических, психотропных, генетических, с использованием нанотехнологий и

биотехнологий, и иных военно-технических средств массового поражения, возможности и последствия применения которых непредсказуемы. Уже находятся на вооружении боевые квантовые генераторы, электронные средства информационной войны, основанные на применении новейших достижений естествознания, технических наук и IT-технологий. В сферу военного планирования и размещения военно-технических средств практически уже включены околоземное космическое пространство и предельно глубокие слои мирового океана. Быстро развиваются глобальные технические системы (ГТС), функционирование которых существенно влияет на природные и социокультурные процессы, определяющие состояние биосферы (1).

Попытки выйти из разvertingающегося кризиса технической цивилизации путем дальнейшего ускорения безграничного научно-технического прогресса и торжества рационализма особенно близки современному массовому и инженерному сознанию, так как укоренены в традиционных представлениях о безусловно благотворной роли науки и техники в истории человечества. Но дальнейшее развитие «заботы человека о природе», разумного управления природой как механизмом, соответственно идеям, зародившимся во времена Просвещения и восторжествовавшим в индустриальную эпоху, на самом деле есть путь не к спасению, а к полной технизации природы, к неизбежному превращению естественно развивающейся биосферы в техносферу, постоянно увеличивающую искусственное пространство, вне которого невозможно будет существование человека. Задача заключается в теоретической ревизии и переосмыслении сложившихся представлений о роли инженерии в развитии отношения человек - природа, а в конечном итоге, к постановке проблемы нового социологического обоснования современной инженерной деятельности и путей дальнейшего развития технической цивилизации.

Сегодня существуют не только теоретические, но и практические, даже технологические предпосылки перехода человечества на путь устойчивой и безопасной для живого вещества Земли коэволюции человека, общества и природы в условиях рационального баланса естественного и искусственного.

Исходя из этих реалий и различных оценок современного состояния технической цивилизации, можно рассмотреть три варианта целеполагания и задач построения человеком будущего постиндустриального мира. 1. «Ничего страшного, все под контролем». Из оценки экологической ситуации как опасной, но контролируемой, следует цель сохранения

ценностей и целей потребительского индустриального общества, и, на их базе, продолжение эволюционного развития технической цивилизации по сложившемуся пути с внесением приемлемых корректив в частные задачи и средства деятельности. Именно такой сценарий намечен концепцией безопасного и устойчивого развития.

2. «Необходимо частичное реформирование». Из оценки ситуации как кризисной и вышедшей из-под контроля, но исправляемой при условии принятия мировым сообществом неотложных мер, следуют цели сохранения исторически сложившихся ценностей человечества в условиях прорыва на пути построения полностью управляемой, то есть, искусственной природы - ноосферы.

3. «Требуются радикальные изменения». Оценка ситуации как исторического перелома технического прогресса, признание недопустимости в будущем сверхпотребления природы в форме материальных благ как цели и смысла жизни, ведет к формированию целеполагания нового типа - построению гармонического постиндустриального общества с переосмысленной системой позитивных ценностей. Отсюда вытекают задачи рационального обеспечения коэволюции человека, общества и природы, реализации на этой основе сущностных, атрибутивных духовных качеств человека, обеспечения приоритета подлинно гуманистических целей всестороннего и безграничного развития духа, разума и общественной морали.

Существующие подходы к анализу взаимоотношений вооруженного техникой человека и природы так или иначе используют оценку техники. Но применительно к данной цели, эта оценка не совпадает - ни по основаниям, ни по критериям, - с другими целями, в других системах отношений и связей. В промышленном производстве критериями оценки являются технологичность (количество деталей и сборных узлов, их приспособленность к обработке на существующем и нестандартном технологическом оборудовании), серийность (штучное, мелкосерийное, поточное или массовое производство). Имеются также относительно самостоятельные многоуровневые системы потребительских, военно-технических, политических и прочих оценок техники. Каждая такая система ориентирована на оценку не всего технического объекта во всем многообразии его практически неисчерпаемых свойств, характеристик и связей, а лишь некоторых сторон его качества, определяющих соответствие техники требованиям, предъявляемым ей субъектом в рамках решаемой конкретной задачи. Отдельные аспекты качества оцениваются, как правило, интегральным показателем, или комплексом показателей (совокупностью количественных характеристик) существенных для

субъекта свойств объекта. Сложная, чаще всего - иерархическая структура обобщающих оценок техники обуславливает необходимость «взвешивания», установления коэффициентов значимости, учитываемых в них свойств и характеристик оцениваемого предмета. Проблема оценки техники выходит за ее собственные границы и должна решаться в рамках более общей проблемы человеческих ценностей. Воспользоваться преимуществами современной технической цивилизации, при сохранении неадекватного им социального устройства и его мировоззренческих и нравственных оснований, а также базирующихся на них критериях оценки результатов инженерной деятельности, невозможно.

Литература

1. Козлов Б.И. Инженерия и общество в постиндустриальном мире. В сб.: Этюды по социальной инженерии: от утопии к организации. М., УРСС.2002.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ПРАВ СОБСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВА КАК УСЛОВИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО СОГЛАСИЯ

Кашаев Н.Х. (Уфа)

В 2011 году исполнилось 20 лет с начала всеобъемлющей приватизации в России и на постсоветском пространстве в целом. Начало этому положил Закон РФ от 03.07.91 № 1531-1 «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в РФ». Идеологической основой приватизации стало представление российских либералов о том, что частная собственность всегда эффективнее государственной. Можно ли сказать через 20 лет, что частная собственность оказалась эффективнее государственной на постсоветском пространстве? В результате проведенной в стране приватизации, по крайней мере, формально было создано одно из необходимых условий перехода к экономике многоукладного типа. В то же время ни одна из декларированных приоритетных целей приватизации так и не была достигнута. Во-первых, она не решила задачу повышения эффективности производства. Сегодня в России, как правило, неэффективно работают предприятия любых форм собственности. Во-вторых, так и не была решена проблема привлечения инвестиций, хотя средства у государства и у частного

капитала на цели модернизации экономики страны имеются. Прежде всего, в так называемом стабилизационном фонде, образованном от продажи сырья по высоким ценам. Однако средства этого фонда по большей части вкладываются почему-то преимущественно не в свои, а в западные компании. В-третьих, не была создана конкурентная среда на рынке - одно из главных условий формирования успешных предприятий. Таким образом, необходимость возврата части переданного в частные руки государственного и муниципального имущества стала сегодня более чем очевидной. Счетная палата признала необходимость разработки и принятия закона о национализации и муниципализации, который определил бы принципы и порядок возмездного отчуждения государством и муниципальными образованиями имущества частных собственников. Речь должна идти о безусловном возвращении государству, равно как и муниципальному образованию, незаконно приватизированного имущества. В настоящее время практически в каждом российском регионе идут судебные процессы, которые нередко заканчиваются возвращением имущества приватизированного предприятия в государственную собственность - полностью или частично. Этот процесс сдерживается отсутствием политической воли руководства страны в этом вопросе и недостаточной силой (на сегодняшний день) давления общества, которое заставило бы власть активизировать процесс восстановления прав государства как собственника в судебном порядке. В России возможны три законных способа восстановления прав государства как собственника: Первый способ. Добровольный возврат путем выкупа государством приватизированного имущества, дарения имущества государству, мены долга предприятия государству (в том числе по обязательным платежам в бюджеты всех уровней) на соответствующий пакет акций на этапе мирового соглашения до суда. Второй способ. Принудительный, в судебном порядке: - в случае отчуждения имущества, которое по закону не может принадлежать частному лицу; - отчуждение в пользу государства недвижимого имущества в связи с изъятием земельного участка, на котором оно расположено; - могут быть выкуплены государством по суду либо проданы на торгах бесхозяйственно содержимые культурные ценности, охраняемые государством, если им грозит утрата своего значения; - возможно изъятие по решению государственных органов имущества в случаях стихийных бедствий, аварий, эпидемий и при иных обстоятельствах, носящих чрезвычайный характер, с выплатой бывшему собственнику стоимости имущества (реквизиция); -возможно безвозмездное

изъятие имущества у частного собственника по решению суда в виде санкции за совершение правонарушения (конфискация). Третий способ. Национализация - принудительное обращение собственности граждан и юридических лиц в собственность государства на основании закона. При этом цели национализации могут быть самыми различными. Во-первых, сохранение предприятий для обеспечения национально-государственной безопасности страны либо социально значимых, в которые частный капитал не идет либо идет в недостаточном объеме из-за высокой стоимости, длительных сроков окупаемости, высокой степени риска и т.п. Во-вторых, целью национализации может быть выведение из-под контроля иностранного капитала важных для обеспечения экономического суверенитета страны предприятий посредством их передачи в государственную собственность. В-третьих, национализация может быть необходима для обеспечения экологической безопасности страны. В-четвертых, национализация может проводиться для защиты потребителей от злоупотреблений, к которым может привести нахождение в частной собственности естественных монополий. В-пятых, осуществление путем национализации структурной перестройки народного хозяйства, необходимость которой остро ощущается в современной России. В-шестых, пресечение незаконного перевода прибылей за границу. В-седьмых, изменение профиля приватизированного предприятия (в случае, когда это изменение противоречит общественным интересам). Вопрос о целесообразности национализации, ее масштабе, порядке и условиях ее проведения должен решаться в зависимости от того, какому государству (нынешнему, компрадорскому, либо национально и социально ориентированному) должна быть возвращена часть ранее приватизированного имущества и кто должен управлять национализированными предприятиями (государственные чиновники либо те, кто на них занят), а не из идеологических соображений типа «национализация – орудие социалистического переустройства общества».

КОНФЛИКТЫ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ И СПОСОБЫ ИХ УРЕГУЛИРОВАНИЯ

Келасьев О.В. (Санкт-Петербург)

Речь будет идти о средних школах и учреждениях начального профессионального образования (профессиональные

лицей или бывшие ПТУ). Сфера обучения, воспитания, социализации подрастающего поколения переполнена различными конфликтами, которые старательно скрывают от общественности руководители образовательных учреждений. Действует принцип не «выносить сор из избы», школам и профессиональным лицам важно позиционировать себя в качестве «приличных учреждений», у которых нет особых проблем и острых конфликтов. К этому побуждает сложившаяся система контроля и отчётности образовательных учреждений. Но о наличии острых конфликтов говорят сами учащиеся, учителя, СМИ, просачивающиеся в интернет данные, видеоролики, мнения различных экспертов, отзывы родителей и т.д. Конечно, современная школа отражает то, что происходит в российском обществе. Только в отличие от других сфер жизнедеятельности общества она является наиболее закрытой для изучения. И исследователя, рискнувшего изучать эти конфликты, ждёт глухая стена обороны. Конфликты разворачиваются в системах: «учащийся – учащийся», «учащийся – учитель», «учитель – учитель», «учитель – родитель», «учащийся – родитель (как правило, другого учащегося)», «родители – школьная администрация»; «школьная администрация – высшие органы управления образованием» и т.д. На уровне системы начального профессионального образования в конфликты включаются ещё и правоохранительные органы, органы опеки и попечительства, комиссии по делам несовершеннолетних. В школах конфликты порождаются большим числом причин: социальными и психологическими различиями учащихся, принадлежностью к различным слоям и группам, различиями в воспитании и т.д. Несмотря на разнообразие возникающих в школах конфликтов, при их урегулировании акцент делается на довольно скудный репертуар административных методов. В системе начального профессионального образования конфликты часто связаны с трудностями контингента (низкая социальная зрелость, проблемы в семье, отсутствие жизненных планов и перспектив, наличие вредных привычек и т.д.). Соответственно на плечи педагогического коллектива ложится тяжёлый груз формирования отсутствующих социальных навыков, с семьи эта задача перекладывается на педагогический коллектив, который, однако, ориентирован на профобучение, а не на формирование жизненных навыков. Рядовые педагоги, которые должны урегулировать конфликт, участниками которого они сами являются, порой фактически устраняются от этого и перекладывают ответственность на администрацию (заместителя

директора по воспитательной работе), которая, в свою очередь, перекладывает регулирование конфликта на родителей или полицию. Последняя, в свою очередь, требует воспитательной работы от администрации лицея, указывая, что они не занимаются воспитанием. Вместо реального разрешения конфликтов субъекты занимаются перекладыванием ответственности друг на друга. Формируется своеобразный порочный круг, в котором нет места профессиональному урегулированию конфликтов. Проведённое нами исследование показывает, что в профессиональных лицеях наиболее распространёнными способами реагирования на конфликт являются административно-силовые методы (написание докладных, объяснительных; направление в полицию и комиссию по делам несовершеннолетних запугивание, угроза наказанием (например, поставить на учёт в базу данных по несовершеннолетним правонарушителям, комиссию по делам несовершеннолетних и т.д.). Негатив этой практики и в том, что учащийся, окунаясь в эти распространённые в педагогической среде способы урегулирования конфликтов, усваивает, копирует их и в дальнейшем воспроизводит. Это проявляется на разных уровнях. Скажем, на уровне «ученик-ученик» учащиеся, пытаясь самостоятельно решить конфликты, часто прибегают к использованию силовых и манипулятивных методов (драки, разборки, угрозы насилия, давление через социальные сети, клеймение, моббинг по отношению к изгоям). Налицо парадоксальная ситуация: с одной стороны распространённость конфликтов в образовательных учреждениях, которые выступают как неотъемлемые составляющие процесса взаимодействия субъектов учебно-воспитательного процесса, и, с другой стороны, отсутствие по-настоящему заинтересованных субъектов в их урегулировании. Разорвать своеобразный порочный круг могут только новые способы разрешения конфликтов, которые ориентированы на посредничество, примирение, включение подростков в сам процесс урегулирования конфликтов. Первичным шагом в создании таких инновационных служб является повышение конфликтологической компетентности всех участников педагогического процесса и обучение их навыкам посредничества в конфликтах (обучаться этим навыкам должна не только администрация и социальные педагоги, но и самим учащиеся).

ОСОБЕННОСТИ МЕНТАЛИТЕТА РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Клинецкая Н.В. (Санкт-Петербург)

Тема ментальности обычно связывается с народом, с национальностью. Различные подходы к определению данного понятия в рамках социологии, психологии, социальной психологии и т.д., не приводят к однозначному пониманию и определению ментальности. Несмотря на это интерес ученых к ментальности не угасает, что свидетельствует о большом интересе к данному феномену. Это связано с попытками объяснить многие аспекты поведения людей, скрытых в глубинах человеческой психики, привлекая понятие ментальности. По нашему мнению, можно присоединиться к мнению авторов, которые, осуществив подробный анализ понятия ментальности, пришли к определению национального менталитета как «системы взаимосвязанных образов, включая бессознательные, которые лежат в основе коллективных представлений нации о мире и о своем месте в мире. Эти образы устойчивы к изменению, большинство из них передаются в генотипе и оказывают значимое влияние на конфигурацию других компонентов национального психического склада» [1, сс.25]. Приведенное определение говорит о том, что образующийся в течение большого исторического времени менталитет, вырабатывающий образцы поведения, определенные ценностные ориентации и установки, проникает в сферу коллективного бессознательного и не поддается быстрому изменению, несмотря на внешние изменения. Особенность очень медленного изменения менталитета оказывает, с одной стороны, стабилизирующее воздействие на национальное сознание, а с другой, - является определенным тормозом при попытках модернизации общества. Россия в национальном отношении – очень сложная и неоднозначная страна, которая, имея в своем составе множество национальностей, соответственно имеет весьма разнообразный набор национальных менталитетов. В советскую эпоху была сделана попытка примирить национальные менталитеты, осуществляя эффективную национальную политику в отношении входящих в состав СССР республик. В результате люди на практике чувствовали свою причастность к великой державе, чувствовали себя единым советским народом. Проявлением менталитета является система ценностей, являющаяся отражением архетипов, составляющих определенные структурные элементы менталитета. Сейчас много исследований, посвященных молодежным ценностям. Исследования, проводившиеся в лаборатории проблем молодежи НИИКСИ

факультета социологии СПбГУ, показали, что ценности молодежи не всегда согласуются с ценностями их родителей. При ответе на вопрос «согласуются ли Ваши жизненные ценности с ценностями Ваших родителей?» основная доля респондентов заявила о частичном согласии с ценностями родителей (65,7%), четверть (24,2%), что «ценности согласуются полностью» и 8,8% считают, что их ценности «совсем не согласуются» (опрос 2008 г.). Как видим, из приведенных данных мы не можем говорить о полной передаче ценностей старших поколений более молодым. Происходят определенные изменения в ценностных ориентациях. Понятно, что это связано, прежде всего, с изменением положения России в окружающем мире, с реальным воздействием на социально-экономические процессы в мире идеи глобализации, с развитием информационных технологий. Проводимые опросы молодежи показывают некоторые новые тенденции, проявляющиеся в молодежном сознании, которые, как нам представляется, являются маркерами происходящих изменений в русской ментальности. Хотелось бы отметить, что устойчиво отмечается возникновение трех групп молодых людей осознающих себя как «граждан России», граждан «малой родины», где они родились и выросли и «граждан мира». Очевидно, что такое самоопределение себя в современном мире говорит о совершенно разном мироощущении молодых людей. Одно дело ощущать себя гражданином маленького города, села, или даже и большого города, и совсем другое дело представлять себя «гражданином мира». Очевидно, что разные масштабы видения себя в мире влекут разные ценности, нормы и, скорее всего, изменение ментальности. Исследования показали, что, если в целом по России (опрос 2008 г, «граждан мира» было 18,5%, а граждан России 57,8%, то, например, в Петербурге в 2012 г. «гражданами мира» себя назвали уже 33,9%, а гражданами России только 41,7%. Такой крупный мегаполис как Санкт-Петербург не может не оказывать своего влияния на сознание молодежи, и, видимо, поэтому такое значительное количество респондентов идентифицировали себя с «гражданами мира», но и в России, хотя и в меньшей мере также наблюдается устойчивая тенденция роста молодежи в группе «граждан мира». Если рассматривать влияние религии на гражданскую самоидентификацию, то, например, данные исследования, проведенного в 2012 г среди студентов вузов Санкт-Петербурга, показывают, что среди глубоко верующих респондентов наибольшее количество «граждан России» (58,8% ответивших), тогда как в других группах верующих и атеистов их значительно меньше.

Студентам, считающим, что существует некое духовное иррациональное начало мира, т.е. имеющим мировоззренческие установки, близкие к религиозно-философским, менее близки «граждане России» - таковых 33,1%, но их больше среди тех, кто полагает себя «гражданами мира» - 46%. В группе верующих в Бога, но не соблюдающий обрядов, 46,9% «граждан России» и 26,6% «граждан мира». Среди атеистов много как «граждан России» (44,1%), так и «граждан мира» (35,6%). С нашей точки зрения, полученные данные иллюстрируют, что русская ментальность, в основе которой лежит православное вероучение, оказывает влияние на самоидентификацию студентами себя в качестве граждан определенного уровня. Другая интересная тенденция, которая стала характерной для современной молодежи – это появление в ценностных ориентациях ценности жизненного успеха, понимаемого как некоего ориентира достижения жизненных благ. При этом следует обратить внимание, что данная ценность, присущая западному менталитету, обозначена далеко не всеми респондентами. Треть ответивших респондентов (33,3%) указали, что «жизненный успех является одной из значимых ценностей, и они готовы сделать все, чтобы его добиться». Иными словами, треть вузовской молодежи Санкт-Петербурга признает важность для себя этой ценности, которая, как нам представляется, не является присущей русской ментальности, основанной на православной идее самопожертвования, смирения и покорности. Еще 26% респондентов считают, это «жизнь – это борьба и преодоление препятствий и есть жизненный успех и в этом смысле он значим». Очевидно, что достаточно большая доля опрошенных молодых людей не готовы вписываться в традиционную ментальность, оказывая, в свою очередь, влияние на ее изменение. Таким образом, полученные при опросах современной молодежи России данные, позволяют предположить о происходящих изменениях в ментальности, появлении групп молодых людей с иными, нежели традиционными, ментальными установками.

Литература

1. Шнейдер Л.Б., Вальцев С.В. Социально-психологические особенности национального менталитета: Учеб.пособие. 2009.

ПРОБЛЕМА ВОССТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ НАШЕГО ВЕКА

Козлов А.А. (Санкт-Петербург)

Молодежной политике в России в нынешнем году исполняется 20 лет. Срок, по современным меркам значительный и требующий подведения итогов. А также и определения основных векторов и перспективных способов решения проблем молодежи на следующие 20-30 лет.

В целом, итоги двадцатилетия сводятся к следующему. Во-первых, не просто сформирована государственная структура в центре и в регионах, но и найдено (причем не сразу, а методом проб и ошибок), а найдена, в целом, более или менее приемлемая форма организации и определены требования к кадрам. Причем более успешно этот процесс шел в регионах, и менее удачно, если не сказать -провально, – в центре. Во всяком случае, бесконечные и безуспешные эксперименты с реорганизацией центральных органов управления молодежной политикой в диапазоне от госкомитета до департамента двух министерств, привели к существенной дезорганизации системы работы с молодежью. А заодно и к потере наработанного опыта и чрезвычайно ценных кадров, вернуть которые обратно не представляется возможным. А общий урон таков, что можно смело говорить о восстановлении молодежной политики в стране.

Остались нерешенными вопросы развития законодательства о молодежи и молодежной политике. Действующих законодательных актов явно не достаточно для развертывания серьезной работы. Главный и ощутимый пробел – отсутствие основополагающего Закона РФ «О молодежи и молодежной политике». А о постепенном развитии его в целостное законодательство речи уже давно не идет. По сути, утрачена связь управляющих органов с научными центрами, ранее обеспечивавших работу с молодежью солидной научной и методической базой. Эпизодически составляются доклады о положении молодежи в стране. И это при наличии ряда научных центров, традиционно заявлявших о себе, в качестве системообразующих и определяющих стратегии изучения проблем молодежи с их огромным опытом. Исчез и центральный институт исследования проблем молодежи.

Практически не разрабатывается и проблематика экономики молодежной политики. Остается множество вопросов, связанных с развитием государственной молодежной политики в государственно-

общественный институт. Как и вопросов развития социальной активности молодежи.

А это тем более важно в связи с серьезнейшими переменами, как в социальной жизни страны, с изменением ее контактов с окружающим миром, так и с переменами в ориентациях и в характеристиках самой молодежи. Новые вызовы времени определяют и необходимость новых подходов. Прежде всего, имеется в виду сокращения разрыва между молодежью и государством, о возвращении того, что можно назвать социальным доверием. А до этого сегодня очень и очень далеко. Далее, к наиболее существенным и крайне трудным задачам является постепенное решение проблемы востребованности молодого человека в современной России. Во всяком случае, данные исследований показывают наличие трети молодых людей в разной степени предполагающих решение своих жизненных проблем за пределами страны. Причем, наиболее ощутимый урон несет наиболее образованный и в перспективе успешный, но наименее обеспеченный материально сегмент молодежи.

Молодежная политика требует серьезной коррекции применительно к ее основополагающей задаче. Это, в первую очередь, создание условий для максимального обеспечения процессов формирования и развития молодого поколения, а в особенности, в плане создания благоприятной среды обитания и развития молодежи, это защита среды развития молодежи от неблагоприятных воздействий, это защита прав молодежи, наконец, это система поддержки и помощи, конкретным группам молодежи и отдельным молодым людям в решении их жизненных проблем.

В суе быстрое время, от нас как-то ушел смысл исканий каждого поколения, того, что классик отечественной науки о молодежи В.Т.Лисовский называл «социальными проблемами молодежи», определяя их главную суть в профессиональном и нравственном выборе. Помощь в этом и есть основное содержание отечественной молодежной политики.

СОЦИОМЕНТАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ПРОБЛЕМ НАСИЛИЯ И ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

Корнилов П.А. (Казань)

Война и насилие всегда занимали исключительное место в жизни людей. Исследователи, занимающиеся этими вопросами, не

могут удержаться от того, чтобы не привести шокирующие цифры. Давно уже осознаны и рассчитаны деструктивные последствия войны, и речь идет не только о массовой гибели населения и разрушениях материальных ценностей. Еще П. Сорокин отмечал, что войны и революции ведут к отрицательной селекции, так как в них гибнут лучшие представители общества. В.В. Серебрянников также указывает, что война уносит из жизни самых талантливых, нравственных, что резко снижает творческий потенциал общества, «отвлекает массу наиболее дееспособного населения от созидательного труда», задерживает развитие стран иногда на десятки лет. «Большая война, подчиняя себе в нарастающей степени всю деятельность общества, неизбежно увеличивает и ущерб ему. Выброшенные на ветер, а вернее – обращенные во вред человечеству, огромные средства могли бы послужить на пользу прогресса, развития каждой личности» [1, 669-70]. Таким образом, пристрастие людей к войне скорее носит иррациональный характер, чем рациональный. Война по многим параметрам приносит людям больше ущерба, чем выгоды. Выкладки современных ученых больше подтверждают подход В.Ф. Малиновского к войне, его безоговорочное осуждение этого явления. Одно понимание этого, казалось бы, должно было бы прекратить войны. Тот же В.Ф. Малиновский в свое время призывал о войне: «Время нам оставить сие заблуждение и истребить зло, подкрепляемое наиболее всего невежеством. Европа ныне достигшая просвещения и человеколюбия, которые дают ей неоспоримые преимущества пред прочими частями света, должна показать опыт оных, чрез восстановление и утверждение общего и неразрывного мира между собою» [2, 2-3]. В ответ Европа, как известно, не только не отказалась от войны, а наоборот, стала полигоном наиболее широкомасштабных и кровопролитных войн. Самые массовые мировые войны тоже инициировались не какими-то «дикими» народами, а «цивилизованными» европейскими государствами. В конце концов, развитие цивилизации привело к тому, что очередная мировая война грозила стать последней, так как воевать после нее было бы уже некому. Это заставило осмыслить проблему войны даже тех, кто был далек от ее изучения. Стало шириться пацифистское движение, многие видные ученые подали свой голос в защиту мира. Наибольшую известность приобрел «Манифест Рассела-Эйнштейна», который был опубликован еще в 1955 году. В нем говорится: «проблема, которую мы ставим перед вами, сурова, ужасна и неумолима: человечество должно отказаться от войны или оно будет

уничтожено. Люди не ставят перед собой альтернативу лишь потому, что войны трудно искоренить» [3, 76]. Действительно несмотря даже на такие благие призывы самых известных и авторитетных людей в истории человечества, войну искоренить так и не удалось. Современное изучение многогранного комплекса вышеприведенных проблем уже не носит фундаментального значения, а все больше характеризуется дроблением и локализацией тем. Главным из них и происшедшим довольно давно является отделение вопроса войны от проблемы насилия. Дальнейшая фрагментизация измельчила уже сами эти темы. Мировые войны были отделены от локальных, исторические от современных, а терроризм, репрессии, геноцид, криминальные преступления и психологическое насилие вообще рассматриваются отдельно. Во всех исследованиях подчеркивается важный прикладной и практический аспект изучения, почти все они претендуют на окончательное разрешение от бремени поднимаемых вопросов. Несмотря на все большую специализацию и отраслевизацию в изучении войны и насилия со стороны многих наук и дисциплин, таких как социология, психология, политология, геополитика, правоведение, криминалистика и т.д., ни одна из стоящих проблем полностью так и не решена, ни маньяков меньше не стало, ни подростковой преступности, ни террористических актов. В настоящее время перед исследовательской практикой и социальной инженерией вообще ставятся, куда более скромные задачи, пусть если не остановить совсем, то хотя бы затормозить, сдержать рост деструктивных явлений, дать технологии успешной борьбы с ними. Однако и тут ситуация далека от идеальной, достижения есть, но проблем меньше не становится. Стоит стабилизировать положение в одной области, как следом происходит всплеск в другой. Возникает «эффект лернейской гидры»: отрубаем одну голову, а взамен вырастает еще десять таких же. Следует признать, что в борьбе с «гидрой войны и насилия» мы больше «бьем по хвостам» и запаздываем с реагированием. Что же делать? Прежде всего, осознать, что подобные проблемы можно решить только в комплексном единстве и ценой коллективных усилий. Надеяться справиться с насилием в частных областях и путем мелких преодолений решить проблему в целом наивно. Изгнанные из одних сфер насильственные явления начинают активней проявлять себя в других. Отсюда насущная необходимость видеть всю структуру, формирующую данное положение дел, не терять целостность восприятия. Главная научная проблема заключается в отсутствии новых методологических парадигм и теоретических подходов. В

рамках старых были достигнуты большие успехи, но найти окончательное преодоление проблем военно-насильственного комплекса, которые бы получили отражение в социальной инженерии и привели бы к приемлемым результатам, так и не удалось. Дефицит новых концептуальных идей и привел к тому, что после исчерпания макро-уровня научные исследования были перенесены на микро- в надежде там найти решения, которые могли бы стать ключом к позитивному изменению ситуации в целом. Однако данный путь также не оправдал себя, на сегодня очевидно: надо возвращаться к фундаментальным основам и искать точку опоры для нового глубинного зондажа проблем, благо за предшествующий период в науке были созданы условия и предпосылки для рывка вперед в данном направлении. В последнее время в связи с этим можно встретить много новых идей, некоторые из них научно-обоснованы, другие носят сугубо умозрительный характер и порой граничат с бредом, все же все они торят дорогу в одном направлении и содержат призыв к новаторскому переосмыслению накопленного наукой опыта. Наиболее перспективным в этом плане нам представляется ментальный подход, который с одной стороны еще не получил официального научного статуса в номенклатуре магистральных социогуманитарных теорий, но с другой стороны и новоделом, свежим не апробированным изобретением не является. В пользу данной концепции говорит широкое распространение самого понятия «менталитет» как в научном, так и социально-практическом знании. Растет число ментальных исследований в философии, политологии, психологии, филологии, несколько отстает от них социология, а в истории после длительного и активного развития обозначились в этой области кризисные явления, связанные все с той же излишней фрагментацией. Иными словами, ментальный подход, несмотря на отсутствие официального научного признания, по факту активно разрабатывался и продолжает активно разрабатываться во многих областях социально-гуманитарного знания, уже проделал длительную эволюцию и способен выйти на новый виток своего развития.

Литература

1. Серебрянников В.В. Социология войны. – М., 1998. – 320 с.
2. Малиновский В.Ф. Рассуждения о войне и мире. – СПб., 1803.

3. Манифест Рассела-Эйнштейна // Иванов В.Н., Ксенофонов В.Н. Мир и война: человеческое измерение (социально-философский анализ). – М., 1996.

«ЗДОРОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ» ОЧЕРЕДНОЙ МИФ ГЛОБАЛЬНОЙ МЕДИКАЛИЗАЦИИ

Кудря Л.И., Шрага М.Х. (Архангельск)

В современных западных обществах на исходе XX в. сложился настоящий культ «здоровья и здорового образа жизни». Параллельно в 1990-е годы в России, на развалинах советской системы здравоохранения возникла псевдонаука и практика — валеология — культ здоровья, который свел себе актуальное место в «педагогической науке» России. С 1 января 2012 года в основном вступил в действие ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Законодатель формально признаёт приоритет профилактики в сфере охраны здоровья. Однако на первое место поставил обеспечение «1) разработки и реализации программ формирования здорового образа жизни, в том числе программ снижения потребления алкоголя и табака, предупреждения и борьбы с немедицинским потреблением наркотических средств и психотропных веществ;». К профилактическим мероприятиям в ФЗ вошли также: «мероприятий по предупреждению и раннему выявлению заболеваний (в т.ч. социально значимых)», и профилактические и иные медицинские осмотры, диспансеризация и др. медицинские мероприятия. В этой связи, и в контексте Алма-тинской конференции, особый интерес представляет обсуждение вопроса роли государства, общества в деле здравоохранения. Д.С. Чубенко суть «медикализации» представляет в негативном ключе, так как официальный медицинский истеблишмент, узурпировал те функции, которые медицинский сектор не способен адекватно выполнить. В основе медиализации безусловно лежит всеобщую озабоченность собственным здоровьем в обществе риска и стремление укрепить его любыми доступными средствами и т.п. На Западе Европе стало обязательным и не вызывающим сомнения «...мнение о необходимости формирования здорового образа жизни, здорового и красивого тела, правильного питания...». Как образец цивилизации это мнение победило и в России. Действительно сейчас практически на каждом телевизионном канале в России имеются передачи «о здоровье», в книжных магазинах можно найти

множество медицинских справочных изданий «для семьи», популярны периодические издания о здоровом образе жизни. Развита реклама различных «здоровых продуктов питания», «товаров для здоровья», промышленных товаров на грани спекуляции здоровьем. Обратим внимание на стихийность интереса к медицинским проблемам в современном обществе. Стихийность же формирует ситуацию «рационального невежества». Появляются культурно обусловленные патологические синдромы, например, экстремальные формы озабоченности здоровьем, гигиенические стрессы, патологическое проявление целительства и т. п. Антинаучная популяризация медицинских знаний приводит к созданию круга некомпетентных людей, стремящихся оказывать всем медицинские услуги, выступают фактором риска, провоцируя самолечение. Медикализация поставила перед больным, его родственниками, медицинским персоналом новые проблемы этики и морали. Появление современных медицинских возможностей и технологий (реанимация, аппараты искусственного жизнеобеспечения, искусственной беременности, трансплантации органов и тканей и т.п., генетических вмешательств и др.) дополнительно усложняет решение проблем биомедицинской этики. В условиях российского капиталистического рынка это порождает конфликты и не только этического характера — создаются условия для уголовных преступлений, наживе на «здоровье». Ведущими агентами медикализации нашего времени являются различные фармацевтические фирмы, к примеру, такие фармацевтические гиганты, как «Мерк», «Пфайзер» и другие. Продавая лекарства против облысения, импотенции и остеопороза (дефицита кальция в организме), «торговцы лекарствами» в наибольшей мере оказались ответственными за создание все новых болезней и опасных состояний там. Другой пример — дискурс о возможности многочисленных рисков для женского здоровья, таких, как остеопороз, слабоумие, болезни Альцгеймера и болезни сердца. Фармацевтические кампании нашли в пожилых женщинах массового потребителя препаратов, позволяющих снизить риски, обусловленные менопаузой. Новые биомедицинские технологии, влекут за собой новые формы контроля над телом и человеческой природой в целом. Одновременно с этим во имя все новых индивидуальных желаний сохраняются высокие расходы на биомедицину, что всегда отвечает интересам производителей этих технологий, но не обязательно отвечает интересам самих людей. Мишель Фуко связал процесс медикализации с более широким

социальным процессом – модернизацией . В соответствие с этим подходом становление западной медицины стало частью процесса модернизации наряду с развитием промышленного капитализма, машинного производства, бюрократии и рационализма в культуре. Медикализация — форма посягательства на человеческую природу, сопряженную к тому же с бессмысленным расходом ресурсов. Но неумеренные амбиции медицины привели к неслыханному росту расходов на здравоохранение, вместо того, чтобы более эффективно использовать имеющиеся ресурсы на борьбу с голодом, бедностью и улучшение среды обитания. Современная медицина не только слишком дорогое удовольствие для общества, но и то, что она несет с собой настоящую угрозу общественному здоровью. Высокотехнологичная и дорогостоящая медицина породила к жизни особую форму эпидемии – ятрогенез – целый спектр эффектов, вызванных неудачным лекарственным лечением, вмешательствами хирургов, болезненными методами диагностики, больничными инфекциями и халатностью докторов. Для представителей западного среднего класса собственное тело стало средством демонстрации успешности и самовыражения. У них всегда озабоченность тем, чтобы не болеть, всегда улыбаться, хорошо выглядеть, долго оставаться молодым и вести активный образ жизни в старости. Они принимают идею «личной ответственности за свое здоровье, опираясь на биомедицинские (физиологические) критерии здоровья. Фактически они освободили правительства своих стран от необходимости заботиться о здоровье остального населения. Конечно, происходит процесс дальнейшей коммерциализации здоровья. Это приводит к тому, что сфера дешевого или вовсе бесплатного государственного здравоохранения стала стремительно сужаться в России и других странах мира.

Литература

1. Который был принят Государственной Думой 1 ноября 2011 года и одобрен Советом Федерации 9 ноября 2011 года
2. Чубенко Д.С. Социология здоровья. Становление и пути развития //Социология и социальная работа/Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2007, № 1 (6), с. 118–122.
3. Медведева Л. М. Homo medicus как возможный результат медикализации. Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 1 (11).

4. Медведева Л. М. Homo medicus как возможный результат медиализации. Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 1 (11).

5. Колесникова И.С. Новации в социологии медицины и здоровья // Социс,. 2008.— № 4.— С. 90.

6. Михель Д.В. Социальная антропология медицинских систем: медицинская антропология: учеб. пособ. для студентов – Саратов: Новый Проект, 2010. – 80 с.

НЕСОГЛАСИЕ В ОБЩЕСТВЕ МНМОГО СОГЛАСИЯ – РОЛЬ СМИ В ПОДДЕРЖАНИИ ЦЕННОСТИ ПОТРЕБЛЕНИЯ

Кузьмина Н.С. (Москва)

Ценности общества потребления. Общество потребления – термин, плотно вошедший в социальную мысль для характеристики современности. Фактически, подразумевает под собой новые формы общественного устройства, социальную структуру, формы неравенства и конфликта, внося новые качественные характеристики в традиционное общество. Почему модель общества потребления оказалась столь удачным проектом для индивида и общества в целом? Контент-анализ наиболее читаемых изданий (03-04.2012) показал четкий вектор – воспроизводство и трансляции ценностей культуры потребления. Издания выполняют главным образом развлекательную функцию. Обычно люди утверждают, что признают низкий уровень качества подобных изданий, однако, находят возможным их чтение с целью занять время. Однако опасность представляет та группа, которая использует подобные издания как «Библию» жизни. Происходит воздействие на цели и ценности индивида, в зависимости от социально-демографических характеристик, системы стереотипов и знакомых сценариев, установок, ценностей и др. Мы пришли к выводам, что основное воздействие происходит на возрастную группу 22+. Группа, с одной стороны, не закончившая самоопределения, с другой – обладающая финансовой самостоятельностью, платежеспособностью для массового товара. Если рассматривать гендерный аспект, то это в первую очередь женщины, имеющие образование на уровне среднее-высшее. По территориальному признаку – крупные города. Ценности данной группы тяготеют к материальным и вписываются в формулу: «Бери от жизни все и прямо сейчас», однако, очевидна тенденция смещения ценностей в сторону семьи и брака, но не выведение их на

первый план, а рассмотрение в качестве «одна цель из многих других». Издания предлагают сценарий удачной жизни, которая никак не случится без покупок, которые удачно предлагает реклама на соседней странице. По данным TNS, самый большой объем суммарной рекламы в печатных СМИ – торговые центры, развлекательные центры, легковой автотранспорт, одежда. Мы делаем вывод, что механизм продвижения брендов – создание сценария, когда без определенных покупок невозможно продвижения к «идеальной» жизни, представление о которой является весьма схематичным и стереотипным, «час радиопередачи ради минуты сообщения о марке» [1]. В процессе воздействия СМИ ранжируют ценности, выводя на первый план нужные смыслы. 1. «Потребительский дискурс» забывает «дискурс информационный»; сочетание рекламы и текстов создает монотонную картинку, недоступную для восприятия и осмысления: «реклама бритвы «Ремингтон»; резюме социального движения за последние пятнадцать дней; репортаж о войне; реклама моющего средства «Крио» [1]; 2. Подобная логика усвоения сообщений информационных и потребительских приводит к тому, что индивид не в состоянии дифференцировать свой подход и ко всему начинает относиться как потребитель; 3. Информация «становится безразличной и единственно ценной оказывается привязанность к предметам потребления» [1]. Механизмы трансляции ценностей. СМИ ориентируются на аудиторию на 15-20% ниже средней, достигают цели благодаря коротким статьям (1 печатная полоса), богатому визуальному ряду (переводя издания из категории «для чтения» в категорию «для просмотра»), коротким предложениям и броским безличным заголовкам. Текст написан от первого лица и всегда совершается отсылка к мнению простых людей и экспертного сообщества, для особой убедительности приводятся статистические выкладки, что подчеркивает точность и объективность выводов. Формирование идентичности. Материалы предлагают некий вызов современному индивиду: такой же ты, как и мы? Таким образом, не формируется четкой групповой принадлежности, однако, создается четкая оппозиция «свои» – «чужие», формируемая не через принадлежность к группе, а через отрицание ценностей других. Рассмотрим, как данная группа изданий формирует ответы на группы вопросов, опираясь на структурные вопросы Т. Ван Дейка [5]: 1. Кто мы? □ Идентификация по гендерному признаку и уровню материального благосостояния. 2. Кто относится к нам? □ Те, кто разделяют наши ценности. 3. Что мы делаем? □ Работаем,

развлекаемся. 4. Каковы цели наших действий? □ Материальное благополучие, если получится параллельно решить другие вопросы – тоже неплохо. 5. Какие нормы и ценности мы выбираем? □ Общение, работа, инициативность, независимость (из типологии Н.И. Лапина) [2] и нет совпадений по группе традиционных русских ценностей Н.О.Лосского [3]. Конфликт? В такой ситуации общество более не формулирует основной конфликт, т.к. нет четких социальных групп, разделяющих ценности и интересы. Потребление ведет к индивидуализации. Конфликта «я» и «группа» более не существует, конфликт становится исключительно внутрличностным явлением. Экономическая сверхприбыль. В конце 1970-х гг Д.Смайт выступил с тезисом, что «содержание массмедиа используется для конструирования аудитории; рекламодатели платят СМИ за услугу предоставления доступа к этой аудитории; в конечном итоге именно аудитория доставляется рекламодателям» [4]. Следовательно, СМИ выступают главным механизмом продвижения ценностей потребления, а в основе данного процесса лежит стремление к получению экономической сверхприбыли. Обслуживание свободного времени. Подчеркнем тот факт, что СМИ теснейшим образом связаны со свободным временем, формы организации и время которого трансформируются с изменением характера труда и социальной структуры общества. Следовательно, потребление гарантирует индивиду иллюзию включенности в социальную жизнь, иллюзию насыщенности социальных контактов и социального участия. Выводы. 1. Традиционного социального конфликта в обществе потребления нет, как и нет идентичности с определенной группой. 2. Чрезмерное потребление, навязывание его ценности приводит к апатии личности относительно социальных вопросов. Чрезмерное изобилие не гарантирует качество. 3. Основной конфликт укоренен внутри личности – это конфликт между жизнью и ее иллюзией, гарантированной потреблением. 4. Вопрос о согласии в обществе не формулируется. 5. Основными мифами потребления выступают – включенность в социальную жизнь, участие, свобода и наличие безграничных возможностей. Предметы потребления манипулируют личностью. 6. Основным механизмом трансляции ценностей потребления выступают СМИ, призванные обеспечить экономическую сверхприбыль.

Литература

1. Бодрийяр Ж. Общество потребления: Его мифы и структуры. — М.: Республика, 2006.

2. Лапин Н.И., Беляева Л.А. Динамика ценностей населения реформирующейся России. — М.: Эдиториал — УРСС, 1996.
3. Лосский Н.О. Характер русского народа. — М.: Изд-во «Ключ», 1990.
4. Цит. по: «Вартанова Е.Л. Медиаэкономика зарубежных стран. — М.: Аспект Пресс, 2003».
5. Van Dijk T.A. Ideological discourse analysis // Journal of Political Ideologies. — No. 11. — 2006.

ПАРАДОКСЫ ОБЩЕСТВА ПОТРЕБЛЕНИЯ

Кузьмина А.Н. (Санкт-Петербург)

Потребление как социальный и культурный процесс стало предметом пристального внимания ученых-социологов XX века. В XXI столетии масштаб опосредованного рынком индивидуального потребления многократно вырос. Экспансия потребления дала основание говорить о формировании общества потребления. Этот социальный феномен достаточно сложен и неоднозначен. Вдохновением настоящего текста и его теоретической основой послужили идеи следующих исследователей-социологов и философов Р. Барта, Ж.-Бодрийяра, П. Бурдьё, М. Вебера, Т. Веблена, Г. Зиммеля, В. Зомбарта, В. Ильина, О. Савельевой, О. Шпенглера, а так же писателя Ф. Бегбедера. Общество потребления полно парадоксов, которые и являются предметом данной работы. Массовость – индивидуализм. Парадокс индивидуальности и массы общества потребления состоит в том, что человек с одной стороны использует продукты массового потребления, но в то же время с их помощью пытается выразить свою индивидуальность. Сознательно или бессознательно, мы используем процесс потребления для самовыражения себя как уникальной личности и для саморепрезентации себя как представителя определенной социальной группы перед другими индивидами. Человек совершает свой индивидуальный потребительский выбор, но одновременно с этим он ориентируется на референтную группу (социальную группу, которая служит для индивида своеобразным стандартом, системой отсчета для себя и других, а также источником формирования социальных норм и ценностных ориентаций [1]), т. е. в итоге желает быть частью этой группы. Индивид говорит миру - «я» особенный, это мой выбор и он сформирован моим внутренним миром, но я также часть этой группы людей (тех, кто носит только вещи класса люкс,

определенные бренды, ездит на дорогих машинах или же наоборот поддерживает отечественный автопром). (Лже) свобода выбора. Общество потребления предлагает обширный выбор товаров и услуг (симулируя ситуацию выбора). В реальности же наше потребление диктуется навязанными нам как мифами о красоте, сексуальности, счастье, так и культурными, религиозными и социальными факторами (нормами, навязанными обществом, в котором живёт индивид), стилями жизни. Реклама как одна из маркетинговых технологий, превращающих потребление в индустрию, не «обслуживает» право человека на выбор, а лишь создает иллюзию потребительского выбора. Недостижимость идеала. Не без помощи СМИ, общество потребления кормит сознание индивидов квазиидеалами. Это «мифологизированные конструкции, предназначенные для социального употребления» [4], т.е. недостижимые, ложные идеалы, лишь косвенно соотносящиеся с реальностью. Мы грезим идеальными мирами, образами счастья, нашего личного, но так умело создаваемыми и пропагандируемыми рекламой. Мы стремимся к квазиидеалам, потребляя рекламируемые товары или услуги. Но идеальные модели потребления стереотипизированы. Не всегда, а точнее не все имеют возможность достичь желаемого квазиидеала, что заставляет нас с одной стороны чувствовать себя неполноценными (порождается внутриличностный конфликт «Я желаемое» и «Я реальное»), а с другой стороны это становится причиной для постоянного стремления к лучшему, мотивацией для более усердной учебы, работы. Замкнутый круг: работа ради потребления. Для человека общества потребления сам процесс потребления приобретает символический смысл. Человек живёт, чтобы работать ради потребления. Люди, достигая желаемых квазиидеалов, на следующий день находят для себя новые желаемые объекты потребления, делают их своими целями и начинают работать на их достижение. Люди становятся заложниками системы общества потребления, навечно попадая в железную клетку. Вдобавок к этому, как уже упоминалось выше, значимость акта потребления как способа идентификации в обществе и саморепрезентации заставляет нас вновь и вновь потреблять, что в итоге вызывает парадокс высокой трудовой активности у людей, у которых, казалось бы, все уже есть [3]. Мы гонимся за новинками, пытаемся поспеть за модой. А общество потребления, в свою очередь, дает нам такую возможность, постоянно подкармливая рынок новинками, обновленными версиями старых вещей, создавая культ обладания новинкой среди почитателей этой компании (наглядным примером является феномен компании

Apple и их смартфона I-Phone). Вещи, ещё не потерявшие своей утилитарной ценности, теряют для нас свою ценность в принципе. Т.е. мы ещё можем носить эти джинсы или пользоваться этим телефоном, но т. к. это уже не модно или технически несовершенно, мы покупаем новые вещи. Символическое значение вещей выходит на первый план, что в свою очередь становится появлением иной духовности. Другая духовность. Меновая стоимость товара становится важнее реальной полезности данного блага для удовлетворения своих потребностей, из-за чего индивид начинает воспринимать себя как своего рода разменную монету, тот же товар [4]. Все, что нас окружает, нами потребляется. И не только видимые субстанции, но и такие универсальные формы человеческих отношений, как дружба, любовь и секс. Ранее приватные, личные вещи выходят в открытое, в публичное пространство, с каждым годом всё больше и больше приобретая форму рыночных услуг, становясь продуктом нашего потребления. Обществу потребления выгодно, чтобы всё покупалось и всё продавалось, ведь именно этот факт и обеспечивает его успешное существование. «Все продается: любовь, искусство, планета Земля, вы, я» [2] - констатировал главный герой романа Фредерика Бегбедера «99 франков». Первые симптомы «изнуренной души», к которым Освальд Шпенглер отнес отчужденность, практицизм, бездушность, рационализм, отсутствие живой религиозности [5] применимы и к описанию души человека общества потребления. Приобретение и обладание теми или иными вещами, возможность пользоваться теми или иными услугами для человека общества потребления становится важнее духовных ценностей. Мы судим о людях не по их внутреннему миру, а по социальному статусу, который в свою очередь обеспечивается возможностью следовать потребительскому поведению, свойственному определенной социальной группе. Мы забываем в этой гонке за своим местом под солнцем о душе, что может в итоге привести к обнищанию культуры человечества в целом. Таким образом, потребление становится демиургом нашей жизни, делая её ещё более парадоксальной.

Литература

1. Андреева Г. М., Богомолова Н.Н., Петровская Л.А. Зарубежная социальная психология XX столетия: Теоретические подходы: Учеб. пособие для вузов. -- М.: Аспект Пресс, 2002. стр. 193
2. Бегбедер Ф., 99 франков, М: Иностранка, 2007

3. Ильин В. И., Общество потребления в России: Миф или реальность?, СПб: Прагматика культуры, 2006
4. Савельева О. О., Социология рекламного воздействия, М.: «РИП-холдинг», 2006. серия «Академия рекламы»
5. Шпенглер О., Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории, М., 1993. стр. 624

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ В ПРОФЕССИИ СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА.

Кулагина Е.В. (Санкт-Петербург)

В современном мире отечественные и зарубежные исследователи указывают на возрастание роли духовно-нравственных ценностей для специалистов всех помогающих профессий. Ценности, адекватные специфике профессии социального работника, не только способствуют успешности его профессиональной деятельности, но и открывают возможность успешной самореализации и проявления творческих качеств в этой так востребованной современным российским обществом профессии. Исследования ценностных основ профессии социальная работа, ценностных ориентаций профессионалов велись в течение нескольких десятилетий и к началу третьего тысячелетия в профессии сложились несколько типологии ценностей. В зарубежной практике вопрос о роли ценностей в профессии социального работника, впервые был поставлен М. Памфрей. Базируясь на результатах собственных многолетних исследований, в своей книге «Преподавание ценностей и этики социальной работы» вышедшей в 1959 г. автор рассматривала следующие вопросы: природа и ценности социальной работы; сходство и различия в ценностях клиентов, социальных работников и общества; проблема соотношения ценностей социального работника и повседневной практики использования технологии интервенции, природу конфликта ценностей, а также применение этических кодексов в теории и практической деятельности социальной работы. Другой автор У.Гордон утверждал, что в качестве фундаментальных ценностей социальной работы следует принять то, что: человек имеет первостепенное значение для общества; все люди в обществе взаимосвязаны и несут социальную ответственность друг перед другом; то, что каждый человек уникален и отличается от других людей; у каждого должна быть возможность полной реализации

своих потенций и принятие ответственности за свои социальные действия; в обществе должны быть приняты комплекс мер по обеспечению условий реализации личностью своих потенций. Два варианта типологии ценностей социальной работы предложил Ч.Леви. В более раннем варианте (в начале 70х годов) автор рассматривает ценности, лежащие в основе понимания социальными работниками своих клиентов, результатов взаимодействия людей и технологии, способы работы с людьми. Позже, в 80-х в типологию ценностей социальной работы Ч.Леви включил описание социетальных ценностей, которые присущи социальным организациям и институтам, обеспечивающим функционирование деятельности по предоставлению социальных услуг[1]. В настоящее время наиболее полный перечень базовых ценностей в профессии социальная работа можно найти в Этическом Кодексе (1996 г.), разработанном Национальной Ассоциацией социальных работников США, а так же в документах Международной Федерации социальных работников. В отечественных исследованиях ценностей профессии социальная работа складывается противоречивая ситуация. В литературе указано, что в российской практике социальной работы отсутствует единая система профессиональных ценностей. Рассматриваются разноречивые позиции в отношении понятия, структуры и содержания профессиональных ценностей в социальной работе, методов профилактики профессиональных деформаций и профессионального выгорания представителей помогающих профессий. Е.И.Холостова определяет ценности как опосредующий фактор человеческой деятельности, основанный на комбинации общих стандартов и идеалов поведения людей. По мнению автора, профессиональные ценности включают в себя: соблюдение определенных обязанностей; профессиональную ответственность за свою деятельность; уважение человеческого достоинства клиента. А также возрастание значения таких общечеловеческих ценностей как: право на жизнь, гуманизм, совесть, справедливость, достоинство, долг, солидарность[2]. Другой автор - Е.Р. Ярская-Смирнова выделяет четыре наиболее характерные для социальной работы ценности: доступ специалиста к ресурсам; уникальность личности клиента; усиление самостоятельности клиента, его способность к самоопределению; ответственность специалиста перед отдельными гражданами и обществом[2]. Подчеркивая гуманистическую направленность системы ценностей социального работника, В.А.Мальцев выделяет такие ценности как: активная деятельная жизнь, интересная работа; познание,

продуктивная жизнь, развитие, счастье других, терпимость, чуткость, широта взглядов, эффективность в делах. Три взаимосвязанные группы ценностей деятельности профессионального социального работника выделяет Н.Б.Шмелёва: ценности, отражающие альтруистический характер деятельности; ценности этической ответственности перед профессией, это отстаивание и защита достоинства и целостности профессии, а так же ценности, суть которых состоит в развитии этических норм, знаний и миссии социальной работы; ценности, связанные с потребностью самореализации, самоутверждения и самосовершенствования личности социального работника, достижения профессионализма в деятельности. С точки зрения теории систем, выделяя уровни и иерархии ценностей, рассматривает ценности профессии социальной работы Г.П. Медведева, так как, по мнению автора, социальная работа, ориентируясь на идеальную иерархию ценностей, должна учитывать реально функционирующую в обществе систему ценностей [3]. Возрастание роли духовно-нравственных начал в деятельности социального работника определяется тем, что в России возрастает доля пожилых людей, которые выступают клиентами социального работника. Это те люди, которые предъявляют повышенные требования к этическим аспектам взаимодействия с социальным работником, а также необходимо признать тот факт, что представители данной клиентальной группы особенно чувствительны к нарушению этических норм. Между тем, эти этические нормы четко не прописаны в Профессионально-этическом кодексе социального работника России, без чего он не может быть реально действующим документом. Поэтому профессиональная деятельность социального работника чаще всего регулируется скорее его личностными установками, индивидуальными личностными ориентациями, которые резко различаются у профессионалов разных регионов страны. Такое различие связано с полиментальностью нашего общества. Очевидно, что воспитание духовно-нравственных ценностей у социальных работников, а особенно у студентов - будущих профессионалов это шаг к достижению социального согласия в российском обществе между различными социально-ментальными группами.

Литература

1. Авдеева Е.Ю. Формирование профессиональных ценностей в процессе подготовки специалистов по социальной работе./Ученые записки СПбГИПСР 2008.Т.10 №2.

2. Менщикова И.Ю. Формирование системы профессиональных ценностей у работников социальной сферы./Казанский педагогический журнал. 7-8'2009

3. Фаизова Д.Д. Профессиональные ценности социальной работы в современных исследованиях: сравнительный анализ./Социальная политика и социология №8, 2010.

РОССИЙСКИЙ ПРОПРАВОСЛАВНЫЙ КОНСЕНСУС КАК ОСОБАЯ ФОРМА МЕНТАЛЬНОСТИ

Лебедев С.Д. (Белгород)

Социально-политические трансформации начала 1990-х гг. внесли принципиальную нелинейность и «парадоксальность» в российскую религиозную ситуацию, что особенно ярко демонстрирует социокультурное положение православной религии и церкви. В результате Церковь вновь обрела достойное место в обществе, установился высокий уровень общественного престижа и реальной роли религии и религиозных организаций в общественных процессах [5, с.11]. На пике этого процесса произошло решающее изменение баланса массовых социальных настроений в пользу положительного отношения к религии и религиозной самоидентификации населения (1992 г.) [11, с.8]. В то же время реальное состояние общественного сознания и психологии в постсоветской России существенно отличается от того состояния, которое должно характеризовать религиозный социум. Ж.Т. Тощенко определяет его как «парадоксальное», основанное на противоречивом сочетании религиозных и секулярных умонастроений [8, с.356]. К этой оценке близки другие российские социологи. Так, С.В. Туманов констатирует массовое «обращение к забытому традиционному для этно-са типу идеала, вспоминание элементов старого мировоззрения, характерного для предшествующих поколений» [9, с.107], подчеркивая принципиальное отличие «новых верующих», к которым он относит почти половину населения, от традиционно православных [9, с. 108]. Авторы комплексного исследования «Базовые ценности россиян» (2002) отмечают сочетание «позитивного отношения к религии, в особенности к православию, при одновременной рационализации отношения к окружающему миру», что выражается в «десакрализации православия при признании его ценности как социального института» [1, с.94]. Данные оценки указывают на то, что

современная российская полиментальность [7, с.87] обогатилась еще одним феноменом, нуждающимся в описании и объяснении. Д.Е. Фурман определяет доминирующую в российском массовом сознании с конца 1990-х гг. рефлексию активизировавшегося православного христианства через понятие «проправославный консенсус». Последний характеризуется существенным («на порядок») преобладанием положительно-идеологического отношения к православию над собственно религиозным умонастроением. «Всеобщее убеждение в том, что православие – высшая ценность, что оно неотделимо от русского самосознания и русской культуры, что РПЦ надо доверять и надо оберегать ее, ограничивая деятельность других религий, лишь очень слабо переходит в веру (даже чисто «вербальную» веру) в собственно учение РПЦ. 67% доверяют РПЦ, 63% считают, что она дает «исчерпывающие ответы на духовные запросы людей» ... но при этом в личного Бога верят только 19%!» [6, с.47]. В данной связи характерно, что настроение «проправославного консенсуса» распространяется и на значительную часть неверующих и даже часть атеистов [4, с.81]. В целом же доля взрослого населения России, «хорошо» и «очень хорошо» относящегося к православию, доходит до 96% [10, с.19-20]. Непротиворечивое социологическое объяснение данного феномена предложено Б.В. Дубиным. Данный исследователь квалифицирует такое отношение российского светского общества к православно-христианской традиции как «симулятивную идентификацию» с ней. Человек (группа, общность) при такой установке соотносит себя с «воображаемым сообществом», носящим сугубо символический характер, что не предполагает изменений в его повседневных практиках. При этом, «православное» примерно тождественно русскому/российскому и отмечает внешний периметр (мысленную границу) государственно-национальной общности» [2, с.38] – то есть его аутентичное религиозное содержание в сознании субъекта не раскрывается, выступая как «превращенная форма», символическое обозначение светской референции. Интерпретация Б.В. Дубина представляется соответствующей особому варианту ментальности, несводимому ни к стереотипу «религиозного возрождения», ни к стереотипу секуляризации общественного сознания. Соединение в массовом сознании установок на безальтернативное единство и стабильность с меморизацией и медиатизацией коллективной идентичности [3, с.18] выразилось во вторичной статусной символизации православия и распространившихся практиках легитимации определенного комплекса ценностей через

демонстративно-символические отсылки к нему. Православная религиозная символика здесь используется по преимуществу для социального конструирования варианта светской сакральности, функция которой состоит в «поддерживающей» легитимации таких ценностей и образцов поведения в контексте доминирующей светской культуры, которая сама по себе не справляется с функцией «поддержания образца» (Т. Парсонс). В терминах межкультурного взаимодействия, данный ментальный феномен может быть описан как паллиативная рефлексивная адаптация мейнстримной светской культуры к «вызову» активизировавшейся православной культуры, при сохранении status quo светской доминанты. Вербальная и невербальная символика православия применяется здесь, осознанно или неосознанно, для обозначения светских референций. Актуальная светская культура при этом мимикрирует под контрагента – рецептирует отдельные функционально значимые для себя «православные» элементы, рефлексивно встраивая их в светский контекст, но дистанцируясь от сакрального отношения православной религиозности.

Литература

1. Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы / Отв. ред. Рябов А.В., Курбангалеева Е.Ш. – М.: Дом интеллектуальной книги, 2003.
2. Дубин Б. Религиозная вера в России 90-х годов // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. – 1999. – № 1 (39).
3. Дубин Б. Симулятивная власть и церемониальная политика. О политической культуре современной России // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2006. – № 1 (81).
4. Каарийнен К., Фурман Д.Е. Религиозность в России на рубеже XX – XXI столетий // Общественные науки и современность. – 2007. – № 2.
5. Лопаткин Р.А. Конфессиональное пространство России: глазами социолога // Религия и право. – 2001. – № 4.
6. Новые церкви, старые верующие – старые церкви, новые верующие. Религия в постсоветской России / Под ред. К. Каарийнена, Д. Фурмана. – М.; СПб.: Летний сад, 2007.
7. Семенов В.Е. Российская полиментальность, религиозность и духовно-нравственное возрождение // Социология религии в обществе Позднего Модерна: Материалы Российской

научной конференции с международным участием / Науч. ред. С.Д. Лебедев. – Белгород: ИПК НИУ «БелГУ», 2011.

8. Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек. 2-е изд.– М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008.

9. Туманов С.В. Современная Россия: массовое сознание и массовое поведение (опыт интегративного анализа).– М.: Изд-во МГУ, 2000.

10. Фурман Д.Е., Каарияйнен К. Религиозная стабилизация. Отношение к религии в современной России // Свободная мысль – XXI. Теоретический и политический журнал.– 2003.– № 7.

11. Чеснокова В.Ф. Тесным путем: Процесс воцерковления населения России в конце XX века.– М.: Академический Проект, 2005.

ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Лепешкина Л.Ю. (Тольятти)

На современном этапе существования общества проверке подвергаются устоявшиеся ценности, сложившиеся представления человека о себе и его месте в мире. В настоящее время наблюдается сложная взаимосвязь морально-нравственного развития и условий социализации индивида. На смену традиционно устоявшимся факторам социализации, как взаимоотношения в семье, система образования и воспитания, приходят новые реалии жизни, среди которых особое положение занимают информационные технологии и средства массовой коммуникации. Последние могут выступать в качестве важнейшего механизма формирования морально-нравственных элементов общества и способствовать возрастанию роли массовой культуры. В данной ситуации индивид все более унифицируется, утрачивает личностную специфику и перестает быть ответственным творцом своей жизни. Для того чтобы сохранить свою этническую культуру в этих условиях, многие народы пытаются выбрать путь назад, в форме возвращения традиций, что ведет зачастую к застою и их изоляции от современного мира. Примером попытки избежать универсализации является ревайвалистское движение, одно из религиозных течений Южной Азии. Его суть состоит в том, что оно стремится возродить национальные традиции прошлого, называя современную эпоху источником человеческих бед и всеобщей деградации. В связи с этим возникает вопрос:

способствует ли ревайализм интеграции или дезинтеграции этнической общности, сохраняет ли он ее идентичность? Сегодня этнические культуры должны учитывать тенденции развития мировой цивилизации, в которой ведущую роль играет западная культура. Следовательно, чтобы сохранить себя, эти культуры вынуждены принимать образцы существования, предлагаемые Западом. Результатом подобного подражания может стать не только утрата самобытных черт культуры, но и полное исчезновение последней как полноценного этнического субъекта. С другой стороны, если постоянно акцентировать внимание на своей уникальности и неповторимости, возникает опасность оказаться изолированным от остальной части мира. Неужели у этнических культур нет выбора и им придется раствориться в западной культуре, потеряв свою значимость? Для ответа на этот вопрос определяющим фактором является не желание понравиться, а умение оставаться собой. В качестве основного условия сохранения этнической культуры в процессе глобализации выступает стремление самого народа сохранить свою культуру, заявить о себе как «личности высшего порядка» [1]. Ярким примером заявления о себе как самостоятельной единице является открытое письмо жителей Марий Эл главе компании «Microsoft» Биллу Гейтсу о необходимости включения пяти букв марийского алфавита в операционную систему Windows. По мнению мари, шрифт Arial Unicode, который якобы предназначен для написания на марийском языке, кажется им «унижением их достоинства и «резервацией» для малочисленных народов». Как известно, привитие уважения к своим культурным традициям начинается с детства. Это традиционные способы воспитания: знакомство с национальной литературой, преподавание в школе предмета «Родной язык», организация детского кружка «народные танцы» и т.д. На наш взгляд, это один из эффективных инструментов профилактики межэтнических конфликтов и создания атмосферы толерантности в столь поликультурном обществе, как российское. Так, в настоящее время некоторые традиции уже не имеют большого значения для народов Поволжья, особенно в городской среде. Если обычаи и обряды совершаются в рамках какого-либо праздника, то это символизирует дань прошлому, а в их глубокий смысл вникают немногие. Причинами этой ситуации, например, среди чувашей могут выступать влияние западной культуры, ассимиляция через межнациональные браки с русскими, татарами, мордвой и другими народами. Причем выбор в пользу чувашской национальности среди чувашских юношей и девушек до

недавнего времени составлял 10,7%. Более того, согласно опросу, проведенному в 1999 году, 20-25% чувашских респондентов не идентифицировали себя с этносом. Традиционная чувашская культура и сам этноним «чуваш» вызывали у них негативную реакцию [4]. Вероятно, в это время часть чувашского этноса не верила в будущее народа и не видела необходимости в подъеме его национального самосознания. Наш следующий пример по вопросу этнического самоопределения связан с культурой татар-кряшен, проживающих на территории Поволжья. В течение последних шестидесяти-пятидесяти лет в научной литературе, а затем на страницах печатных средств массовой информации и в Интернете достаточно активно обсуждается вопрос о положении татар-кряшен. В частности, авторы статьи о кряшене в журнале «Радонеж» по данному вопросу пишут следующее: «Кряшены формировались как этнос еще в болгарский период. С насильственным лишением кряшен в 1926 году статуса самостоятельного этноса, повлекшим упразднение школ, других учебных и культурных кряшенских учреждений, начался процесс ассимиляции кряшен татарским большинством. В последнее десятилетие этот процесс усугубился стремлением исламизировать православных кряшен» [3, с. 6]. В этом смысле весьма показательны результаты Всероссийской переписи населения 2010 года, согласно которой кряшены перечислялись вслед за татарами, а общая численность татар включала численность кряшен как их подгруппы [2]. Вместе с тем, в кряшенской среде сохранились самобытный язык, общие исторические корни, уходящие в далекое прошлое и проявляющие себя в обрядности, что свидетельствует о возможности признания татар-кряшен в качестве отдельного народа. По-видимому, здесь есть вполне логичное объяснение. Возникновение какого-то нового этноса на территории и без того многонационального государства создает предпосылки конфликта с устоявшейся бюрократической системой и дестабилизирует относительно однородную структуру общества, что впоследствии может обернуться межэтническими столкновениями и стремлением «новоявленного» народа к своей независимости. Следовательно, в условиях современности становится «невыгодно» рассуждать о важности сохранения этнической самобытности народов России, когда цели государства, реализуемые через систему школьного и вузовского образования, через средства массовой информации, направлены лишь на формирование «общества потребления».

Литература

1. Бердяев Н. А. Судьба России. – М. : АСТ, 2004. – 333 с.
2. Всероссийская перепись населения 2010 года. URL: http://www.perepis-2010.ru/results_of_the_census/results-inform.php (дата обращения: 07.09.2012).
3. Житников А., Руфимский А. Битва Давида и Голиафа, или как кряшены отстаивают свое право на существование // Радонеж. – 2002. – №1 (119). – С. 6-7.
4. Матвеев Г. Б. Об этничности и этнических ценностях материальной, духовной и соционормативной культуры // Проблемы национального в развитии чувашского народа : сб. ст. – Чебоксары: ЧГИГН, 1999. – С. 161-173.

КОММУНИКАЦИЯ ПОКОЛЕНИЙ: ЧТО ПЛОДОТВОРНЕЕ КОНФЛИКТ ИЛИ ИНТЕГРАЦИЯ

Лыкова В.В. (Курск)

В кризисные периоды общественного развития, когда затрудняется непрерывность передачи традиции, возникают разрывы социокультурной преемственности, увеличивая тем самым степень социальной дезинтеграции. Являясь базой социетального единства общества, ценностный консенсус всех социальных групп, в том числе возрастных, является необходимым условием повышения интегративного потенциала ценностной системы общества, на основе которой выстраиваются межпоколенческие отношения, и осуществляется культурно-ценностная преемственность поколений. В российском обществе в силу ряда особенностей исторического развития сложилась специфическая социокультурная ситуация, которую можно определить как ситуацию ментальнообусловленной аксиологической неоднородности. В периоды обострения этой ситуации она переходит в состояние социокультурного раскола, констатированного А. С. Ахиезером. Долговременная социокультурная неоднородность является питательной средой для возникновения и развития различного рода аксиологических противостояний и конфликтов, в частности, межпоколенческих конфликтов ценностей, выступая фактором риска в сфере межпоколенческих коммуникаций. Существенными факторами развития конфликта ценностей между поколениями россиян являются культурная травма, возникшая в результате реформ на постсоветском пространстве страны, и вовлечение российского общества в процесс глобализации. Обесценивание социетальных

ценностей старшего поколения, связанное с отказом от коммунистической идеологии, и распространение в обществе, прежде всего в молодежной среде, потребительских ориентаций, стало базой развития межпоколенческого конфликта ценностей в первое десятилетие реформ. В то же время резкая интенсификация межкультурных контактов, информатизация общества, развитие глобальных культурных и экономических связей привели к плюрализации ценностей, создав тем самым условия для многомерного ценностного противостояния поколений, меркантилизации системы ценностей молодежи, культурной дезинтеграции поколений, развития социального аутизма, девиантного и делинквентного поведения молодежи. Ряд социологических исследований (М.К. Горшков, В.Е. Семенов, Ю.В. Стригунов, А.В. Петров и др.) показывает, что в настоящее время для большинства современных россиян, вне зависимости от возрастной принадлежности, приоритетное значение в системе ценностей имеют индивидуалистические ценности, связанные с личной жизненной стратегией каждого конкретного индивида. Но ранее в течение достаточно длительного времени социологи констатировали значительное несовпадение – вплоть до конфликта – ценностей молодежи и старших поколений в трансформирующемся российском обществе. Конфликт поколений по поводу ценностей был естественным следствием стремительных дезинтеграционных процессов в обществе, вызванных радикальными преобразованиями, разрушением привычной социальной структуры, утратой привычной для старших поколений моноидеологии, распространением новых потребительских стандартов и т. д. Межпоколенческий конфликт ценностей в таких случаях связан с переоценкой молодым поколением социокультурного опыта своих предшественников. В результате разрушения межпоколенческой преемственности ценностей и норм поведения, утраты ценности социального опыта предшествующих поколений на первый план, как отмечают известные российские исследователи, выходит индивидуализация как форма саморегуляции молодежи в условиях, когда отсутствуют универсальные образцы социальной регуляции. Обострение межпоколенческих противоречий в современном российском обществе достигло своего пика в период реформ. Межпоколенческий конфликт ценностей в условиях социальной трансформации проявлялся как на микроуровне, в рамках конкретной семьи, так и на макроуровне, в рамках общества в целом. Существенные различия и даже противоречия в иерархии ценностей старших и младших

поколений влекли за собой их конфронтацию, что оказывало дезинтегрирующее и дестабилизирующее влияние на общество. Наблюдался сильный разрыв между системами ценностей старшего поколения и более младших поколений, который усугублялся фактическим расколом российского общества по политическим признакам. Стабилизационные процессы в политической, экономической, культурной сферах социальной жизни современной России повлекли за собой и уменьшение противоречий между поколениями. Выросло новое поколение российской молодежи, не имеющее представления о жизни в советском обществе. Молодые люди эпохи реформ вошли в средний возраст, стали поколением «отцов». Старшее, «советское», поколение постепенно уходит из активной социальной жизни. Как мы уже отмечали выше, в последние годы в российском обществе наблюдается устойчивая тенденция к смягчению противоречий между поколениями. Итак, происходит ли в современной России сокращение разрыва между поколениями? Безусловно. Способствует ли нарастающая интеграция поколений развитию общества? На наш взгляд, нет. Во-первых, потому, что это интеграция без развития: на базе архаических форм коммуникации (семейно-родственных). А во-вторых, это близость ценностных ориентаций атомизированных, индивидуалистически настроенных индивидов, вряд ли сегодня способных к плодотворному взаимодействию во имя общесоциальных целей, которые могут не только выходить за рамки их собственных интересов, но возможно противоречить им. Есть ли выход? Ряд исследователей, в частности петербургский ученый в сфере прикладной политологии В. Костюшев, утверждают, поколение-актор в нашем обществе только начало складываться, и это вряд ли обрадует власть предрежащих, так как их пока только намеченные ценностные ориентации явно противоречат, насаждаемым властью. Надо думать по своим ценностям это поколение будет ближе (по сути, а не коммунистической форме) к «советским» поколениям, ухода которых многие с таким нетерпением ждали.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ И ТОЛЕРАНТНОСТЬ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ СООБЩЕСТВЕ

Мазилов В.А. (Ярославль)

Психологи, активно изучая различные процессы в самых разных сообществах, часто упускают то, что имеет место в их

профессиональной среде. Сошлемся в данном случае на авторитетное мнение А.В.Юревича, который отмечает, что «термин «рефлексия» - одно из наиболее популярных понятий психологической науки. Однако, известная формула «сапожник ходит без сапог» применима и в данном случае: активно применяя этот термин и изучая различные виды рефлексии, психологическая наука испытывает дефицит рефлексии, обращенной на саму эту науку» (Юревич, 2008, с.5). Автор поясняет, что «саморефлексия науки не сводится только к ее методологической рефлексии. К основным разделам науковедения как науки о самой науке, т.е. о ее саморефлексии, принято относить не только философскую методологию науки, но также социологию науки, психологию науки, экономику науки, организацию науки, научную политику, наукометрию и др., а ее саморефлексия, выстроенная в рамках лишь одного из этих направлений, обречена на заведомую неполноту и односторонность» (Юревич, 2008, с.5). Представляется, что А.В. Юревич прав – саморефлексия современных психологов недостаточна. Ниже мы остановимся на одном из проявлений недостаточности такого рода рефлексии. Обратимся вначале к современному состоянию самой психологической науки. Видимо, Карл Юнг был прав, утверждая, что время глобальных теорий в психологии еще не наступило. Хотя с тех пор прошло более полувека, ситуация принципиально не изменилась. Возможно, научным психологам стоит переменить ориентацию своих разработок – вместо попыток создания глобальной «супертеории» перейти к «нормальной» работе по упорядочению, соотнесению уже добытого знания. Представляется, что научная психология в полной мере еще не осознала реальных размеров того богатства, которое накоплено предыдущими поколениями научных психологов и действительно существует. Правда, для того, чтобы это осознать, необходимо изменение установки. В психологии действительно накоплено огромное количество научного материала, выдвинуто множество гипотез и теорий, сформулировано много концепций. Главная проблема состоит в недостаточном реальном взаимном соотнесении различных подходов и теорий. Нами было проведено исследование, которое показало, что в этом отношении не все обстоит благополучно. Выявлено, в частности, что у исследователей доминируют установки на получение нового, оригинального научного продукта. Реальные интегративные установки выражены минимально. Наибольшую ценность в работах их коллег (в глазах самих исследователей) имеют позитивные ссылки на собственные работы и использование полученных результатов другими учеными.

Интересно, что хотя реально интегративные установки выражены минимально, на уровне деклараций процессы интеграции в психологии самими психологами оцениваются чрезвычайно позитивно. На пути интеграции есть существенные психологические препятствия, имеющие корни в представлениях психологов-исследователей. Главное состоит, собственно говоря, в необходимости изменения методологических установок самих психологов. Неявные, часто не осознаваемые самими исследователями представления о развитии психологической науки работают против интеграции. Поясним это. Согласно широко распространенным представлениям, развитие науки (в нашем случае - психологии), идет от частной теории к построению более общей. Таким образом, «более развитая» концепция «отменяет» («снимает», как часто выражаются в своих отчетах психологи-исследователи) предыдущую (в наших исследованиях, в которых принимали участие известные психологи, интервьюируемые приводят убедительные примеры, характеризующие их научное мировоззрение: теория Эйнштейна «обобщила» ньютоновскую физику, часто встречаются ссылки на гегелевскую модель развития через отрицание и т.д.). В результате научный психолог нацелен на создание общей «универсальной» теории. В современной психологии доминирует установка на «поиск отличий» (заметим, эффективно поддерживаемая существующими научными нормами: даже от курсовой работы (не говоря уже о диссертациях) требуется научная новизна, в результате чего очень легко употребляется слово «впервые»), что в немалой степени способствует чисто «вербальному» творчеству (вспомним Гете: «Из голых слов, ярься и споря, возводят здания теорий...»). Психологи привыкают рассматривать работы других лишь как предшествующие осуществлению «собственного» синтеза. Чтобы описанное не показалось сгущением красок, приведем фрагмент из яркой статьи А.В.Юревича. Прошлое психологии «обычно предстает как скопление ошибок, нагромождение артефактов, паутина тупиковых направлений исследования или, в лучшем случае, как беспорядочное накопление феноменологии, которое по отношению к психологии грядущего призвано сыграть ту же подготовительную роль, какую философия сыграла по отношению к науке. Именно в силу такого отношения к прошлому психологическое знание не кумулятивно, а любое новое направление психологической мысли уверенно отменяет все предыдущие, видя в них только «кладбища феноменологии», фон для оттенения своих достоинств и иллюстрации чужих ошибок»

(Юревич, 2001, с.13). По нашему мнению, прежде всего, необходимо преодолеть одно существенное психологическое препятствие. Связано оно, как ни покажется странным, с тем методологическим влиянием, которое оказали на сознание многих современных психологов-исследователей работы методолога науки Томаса Куна. Мы имеем в виду широкий резонанс, который получили известные высказывания выдающегося историка и философа науки о несоизмеримости научных теорий. Психологическое сообщество с готовностью приняло тезис о несоизмеримости психологических теорий, причем «в общем виде»: о несоизмеримости психологических теорий вообще. Однако, так ли это? Нами было показано (Мазиллов, 2012), что идея о несоизмеримости не приложима к современной психологии. Напротив, может быть предложена и обоснована идея соизмеримости психологических концепций. Многие психологи разделяют мнение, что психологические концепции несоизмеримы. При этом обычно ссылаются на работу Томаса Куна «Структура научных революций», в которой он, как многие полагают, обосновал этот тезис (Кун, 1975). Обратим внимание, что обычно те психологи, которые восприняли куновские положения, говорят о несоизмеримости теорий вообще. Не имея возможности обсуждать здесь эту проблему в целом, отметим, что проведенное нами исследование показало, что принципиальная несоизмеримость теорий и концепций в современной психологии никоим образом не доказана (Мазиллов, 2011). Она реализуется нами в концепции когнитивной методологии психологии (Мазиллов, 2012), которая направлена на интеграцию научного психологического знания и способствует усилению толерантных установок и взаимопониманию в психологическом сообществе.

ДЕТСКАЯ БЕСПРИЗОРНОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ

Медведева И.В. (Белгород)

Проблема беспризорности несовершеннолетних является крайне актуальной для изучения, так как в нашей стране беспризорность несовершеннолетних приобрела катастрофические размеры. Профилактическая работа с данной категорией несовершеннолетних ведется уже длительное время и в целом ситуацию, обозначаемую ранее как эпидемия, удалось

стабилизировать. Тем не менее, беспризорные дети по-прежнему остаются объектом пристального внимания со стороны государства и общества. Как социальное явление беспризорность несовершеннолетних рассматривается в качестве угрозы обществу и национальному будущему России. Речь идет не просто о сиротах, малолетних преступниках или беглецах, покинувших семью, а о социальном явлении, глубоко затрагивающем все общество, имеющем драматичные и непредсказуемые последствия. С увеличением срока пребывания на улице без попечения взрослых, несовершеннолетние вовлекаются в сообщество беспризорных, усваивают его нормы, ценности, привыкают к подобному образу жизни. Состояние физического и психического здоровья беспризорных детей, масштабы распространения этого явления, причины утраты семейных и социальных связей, адаптация и реадaptация детей к жизни в обществе – все это является темой для общественных и научных дискуссий. Проблема беспризорности несовершеннолетних не теряет актуальности потому, что причины, обусловившие столь масштабное распространение данного явления, не устранены в современной российской действительности. Социально-экономические процессы, обусловившие ухудшение положения детей и возможности семьи и государства по их жизнеобеспечению и развитию, характерны для всего современного российского общества, однако отчетливо просматривается их региональная дифференциация. В этой связи становится актуальным изучение явления беспризорности несовершеннолетних на региональном уровне. Для выявления отношения жителей г. Белгород к детской беспризорности мы провели социологическое исследование, проблема которого заключается в противоречии между существованием детской беспризорности, с одной стороны, и недостаточной теоретической и методологической разработкой комплекса мер по их профилактике, с другой стороны. Объектом исследования явилось население города Белгорода. Предметом – детская беспризорность как социальное явление. Цель исследования – выяснить с помощью опроса мнение населения города о детской беспризорности. Для определения выборочной совокупности мы воспользовались стихийной выборкой. Стихийная выборка формируется непосредственно при работе исследователя «в поле» без всяких предварительных отборочных процедур. При этом опрашиваются все, кто соответствует параметрам генеральной совокупности. В данном исследовании – это жители города Белгород, генеральная совокупность которых составляют 356426 человек. В

ходе пилотажного исследования, направленного на выявление отношения к детской беспризорности жителей города Белгорода, было опрошено 70 человек. Возраст большинства опрошенных – 19-45 лет. При ответе на вопрос о чувствах и эмоциях к беспризорным детям было получено большое разнообразие ответов. Выяснилось, что чувства сострадания появляется в основном у женщин и девушек (10% и 25%). Сочувствуют таким детям и мужчины, и женщины приблизительно одинаково (по 10%). Суммарные данные ответов в процентах представлены в таблице 2. Таблица 2 Распределение ответов респондентов на вопрос «Какие чувства у Вас вызывают беспризорные дети?», % Пол Чувства Муж. Жен. Сострадание 12% 45% Сочувствие 10% 20% Жалость 19% 34% Равнодушие 22% 1% Раздражение 20% 0% Возмущение 17% 0% Как видно из таблицы 3, к основной причине возникновения детской беспризорности почти половина респондентов (47%) отнесли нарушение структуры и функции семьи. Практически 1/4 опрошенных ответили – девиантное поведение родителей (23%). 13% респондентов отметили, что причина детской беспризорности заключается в отсутствии педагогического надзора и попечения. По 7% набрали варианты ответов – экономический кризис и падение жизненного уровня населения. Гендерных различий при ответах на данный вопрос не было. И мужчины, и женщины отвечали приблизительно одинаково (см. таблицу 5). Таблица 3 Причины возникновения детской беспризорности, % Варианты ответов Муж. Жен. Нарушение структуры и функции семьи. 33% 35% Девиантное поведение родителей (например, пьянство, аморальный образ жизни) 20% 24% Отсутствие педагогического надзора и попечения 16% 19% Экономический кризис. 15% 12% Падение жизненного уровня населения. 12% 7% Все выше перечисленное 4% 3% На вопрос о том, какая структура (служба) должна координировать ситуацию с детской беспризорностью более половины опрошенных отметили вариант – Министерство здравоохранения и социального развития Российской Федерации (60%). 20% респондентов считают, что необходимо создание специального министерства (службы) по делам семьи и детей. И лишь 3% респондентов затруднились дать ответ. А Федеральная служба безопасности и Министерство образования и науки РФ как вариант Министерства (службы), которое должно координировать ситуацию с детской беспризорностью респондентами не рассматривались вообще (0%) Гендерных различий респондентов при выборе ответов на данный вопрос не наблюдалось. Подводя итоги вышесказанного, можно сказать, что

гипотеза об основной причине детской беспризорности нашла свое подтверждение. 47 % респондентов считают, что основной причиной детской беспризорности является ослабление института семьи (т.е. нарушение структуры и функции семьи). Гипотеза о том, что более высокий эмоциональный и поведенческий компоненты будут у девушек и женщин, а мужская часть населения города ведут себя по отношению с беспризорниками более сдержано, так же подтвердилась. По результатам опроса можно сказать, что чувства сострадания появляется в основном у женщин и девушек (25%). Мужчины более сдержаны, многие равнодушны (12%). А вот гипотеза о необходимости создания службы или организацию, которая будет координировать ситуацию с детской беспризорностью подтвердилась частично. Только 1/5 респондентов придерживаются такого мнения. Большинство опрошенных (60%) считают, что Министерство здравоохранения и социального развития Российской Федерации должно координировать ситуацию с детской беспризорностью. К основным предпосылкам возникновения детской беспризорности почти половина опрошиваемых (47%) отнесла нарушение структуры и функции семьи. На втором месте по результатам опроса оказалось девиантное поведение родителей (например, пьянство, аморальный образ жизни) (23%). В целом, можно сказать, что проблема детской беспризорности волнует население нашего города. Люди охотно отвечали на вопросы, предлагали свои варианты, только 1-3% опрошенных затруднялись дать ответы.

ИСТОЧНИКИ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ПОВЕДЕНИЯ В ТРУДОВОЙ СФЕРЕ

Мордишева Л.Н. (Пенза)

Трудовая мораль в современном обществе пронизана пропагандой материальных ценностей, а ценность творческого, полезного обществу производственного труда, по сути, отсутствует. Трудовая деятельность в настоящее время ассоциируется со средством получения дохода, и в этом каждый обыватель видит предназначение и ценность труда, формируя тем самым к нему «потребительское» отношение. Тем не менее, труд может и должен являться непосредственной, самостоятельной ценностью, источником развития. Однако же для большинства труд является лишь побочным аспектом жизнедеятельности. Рассматривая эту проблему обратимся

к типологии жизненных ценностей индивида. основополагающие жизненные ценности – это те ценности, ради которых стоит жить, ценности, утверждению которых человек посвящает свою жизнь и которые он рассматривает как призвание. А. Маслоу назвал их «бытийными ценностями», или предельными ценностями, выше которых у человека уже нет ничего. Другими словами, речь идет не о ценностях-средствах, а о ценностях-целях, образующих высший смысл жизни человека. Отсутствие таких основополагающих ценностей делает человека несвободным и нестабильным, подверженным ситуативным и временным влияниям. Без таких ценностей, как показал В. Франкл, личность не может развиваться нормально. У человека возникает состояние «экзистенциального вакуума» и скуки, а его поведение часто становится девиантным (алкоголизм, преступность, наркомания). Все это приводит к возникновению различного рода внутриличностных конфликтов, неврозов, а порой и суицидальному поведению. Примерами основополагающих жизненных ценностей может служить правда, красота, совершенство, доброта, уникальность, справедливость, богатство, самодостаточность и проч. Труд, приносящий пользу не только индивиду, но и окружающим, являющийся источником самореализации и саморазвития по праву может быть причислен к списку основополагающих жизненных ценностей (ценностью-целью). Однако ценностные ориентации большинства россиян рассматривают труд в качестве ценности-средства. Данному обстоятельству способствует ряд факторов. Во-первых, на формирование ценностных основ трудового поведения оказала существенное влияние религия. Православие лишило труд его высокого начала, трактуя тяжесть труда как наказание Божье за первородный грех. Труд понимается как непреодолимые и закономерные трудности. Кроме того, особенное отношение к труду определялось и тем, что материальный и духовный мир были противопоставлены друг другу. Сфера труда в православии приземлена, отдалена от высших ценностей и поэтому успех в деловой сфере традиционно не был социально одобряем. Во-вторых, развитие трудовой этики в конце XIX – начале XX вв. среди рабочих России только начиналось, в то время как в Западной Европе и США переход от традиционной к современной этике труда в начале XX в. завершился. Российские работники, крестьяне и рабочие, в массе придерживались традиционной трудовой этики, в основе которой лежала умеренная работа. Крестьянин руководствовался в своем труде идеей «достатка» и не был склонен работать сверх того, что

этот недостаток ему обеспечивает. Начало XXв. картина отношения крестьян к труду остается той же: деньги – не накопленный труд, служащий основой для дальнейшего труда, а лишь средство для удовлетворения непосредственно потребности. Кроме того, чрезмерная идеологизация поведения в советский период прочно утвердила понятие «труд», как «работу не на себя» [1,с.61]. В-третьих, выражи российской истории способствовали понижению труда как ценности. Любые изменения, будь то введение крепостного права или провозглашение всеобщей свободы труда, влекло за собой вынужденное подчинение законам, не воспринимаемым как нравственные и справедливые. Трудовая деятельность, в подобной атмосфере, сопряжена крайне негативными последствиями и не способствует развитию труда как ценности для отдельно взятого работника. Стоит отметить, что вытекающее из вышеизложенных факторов, способствующих формированию потребительской ориентации на труд, отчуждение труда играет важную роль формирования труда, как ценности-средства. Не даром потребление некоторыми исследователями трактуется как «бегство» человека от отчужденного труда. В случае отчуждения труда человек, принудительно или добровольно, включается в трудовой процесс, зажатый в тиски социальных условий, которые являются внешними и чуждыми для него, более того, поработают человека, делают его труд бессмысленным, уродующим морально и физически. Причем человек своими собственными руками и мыслями продолжает воспроизводить эти социальные условия. Собственное исследование выявило: чем ярче выражена ориентация на труд как на средство удовлетворения благ (потребительское отношение к труду), а не как самоцель, тем выше уровень отчуждения труда. Исследования последних пятнадцати лет говорят о снижении социальной значимости труда в два раза, по сравнению с советским периодом. По результатам исследований Б.Г. Тукумцева в 2000г., отношение к труду у большинства коллективов определялось следующим поведением: «особо не напрягаться, но требования выполнять» [2,с.49]. Стремление к труду как к средству присвоения вне-трудовых благ или отсутствие каких-либо положительных мотивов у подавляющего количества работников было и остается характерным для российского общества. В результате исследования, проведенного автором, данная теория также нашла свое подтверждение: 47% респондентов отметили, что труд для них, это «Вынужденная необходимость». Гармоничное же развитие мотивов самооценности труда и мотив труда-средства встретилось реже (34%), и лишь у 17%

респондентов развиты мотивы самооценности труда [3]. Стоит отметить, что стремление к труду исключительно как к цели, так же как и сугубо потребительское отношение к нему – проявление односторонности развития трудовой мотивации. Тем не менее, не подлежит сомнению и тот факт, что без определения труда, как источника личностного развития могут возникнуть более серьезные проблемы, такие как отчуждение труда и различные формы девиантного поведения в трудовой сфере. Работник, ценящий в своей работе только заработок представляет реальную угрозу деятельности всей компании. Как показывает собственное исследование, на предприятиях, где широко распространен подобный подход, страдают от проявления множества девиаций, таких как воровство, употребление алкоголя на рабочем месте, прогулы, притеснение и прочее. Таким образом, в результате влияния самых разных факторов, для сознания русского работника длительное время было характерно именно «потребительское» отношение к труду, к труду как к средству. Формирующаяся на протяжении столетий трудовая этика российского населения стала внутренне присущей сознанию, способствовала закреплению ценностей в образе жизни людей, в трудовой деятельности. За короткий промежуток времени невозможно «перемолоть» базовые установки, детерминированные множеством факторов. Потребительское отношение к труду может быть преодолено и прекращено только после осознания и обогащения новыми ценностями – преодоления хищнических инстинктов творческими.

Литература

1. Барсукова С.Ю. Неформальная экономика и система ценностей россиян // Социологические исследования. – 2001. – № 1. – С. 57 – 62.
2. Тукумцев Б.Г. Самарский мониторинг социально-трудовой сферы // Социологические исследования. – 2001. – № 7. – С. 41 – 50.
3. Мордишева Л.Н. Потребительское отношение к труду как источник девиантного поведения работников в трудовой сфере [Электронный ресурс] // Ломоносов : материалы XVI Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых – М. : МАКС Пресс, 2009. – Режим доступа : http://www.lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2009/21_12.pdf

ОТ МОДЕРНИСТСКОГО МИФА К МИФУ ПОСТМОДЕРНА

В настоящее время проблема мифотворчества достаточно широко обсуждается исследователями различных областей гуманитарного знания – культурологами, социологами, лингвистами. Однако к настоящему моменту единый подход к пониманию данного феномена всё ещё не выработался: миф зачастую смешивается с такими понятиями, как архетип, стереотип, симулякр, а мифология отождествляется с идеологией, коллективным бессознательным. Несмотря на различия в терминологии, ученые едины в одном – в XX веке миф остаётся одним из важнейших феноменов массового сознания, а мифотворчество – одной из ключевых политических технологий. Кроме того, многие следователи подчеркивают, что роль мифа в современном постиндустриальном обществе выше, чем в индустриальном обществе модерна. Очевидно, однако, что взгляды на феномен мифа у представителей классической науки и исследователей, придерживающихся парадигмы постмодерна, имеют специфические отличия. Попробуем проанализировать, в чём они заключаются. Для начала обратимся к концепциям мифа, созданным в русле классической школы. Традиционным для модерна является трактовка мифа как линейного сказания, повествования, истории. В основе данной трактовки лежит утверждение о том, что в первобытных и примитивных обществах миф представлялся описанием подлинных, реальных событий, и что еще важнее, событий сакральных, значительных, служащих образцом для подражания [5, 11]. Современные ученые классического направления также рассматривают миф как способ существования в культуре «священной традиции». Согласно формулировке В. Полосина [2, 28], миф есть иносказательная история, трактуемая посредством символических образов, метафор и аналогий реальный, индуктивно обобщенный до архетипичности позитивный и негативный опыт реализации той или иной потребности общества. Английский исследователь Кристофер Флад дает следующее определение политического мифа: идеологически маркированное повествование, претендующее на статус истинного представления о событиях прошлого, настоящего и прогнозируемого будущего и воспринятое социальной группой как верное в основных чертах [4, 43]. Таким образом, в рассмотренной перспективе современный миф представляется наследником архаического повествовательного мифа, эмоционально-окрашенной истории, претендующей на статус истины. Это несколько сужает сферу применения данного понятия,

так как составными частями мифа может являться и визуальная, и аудиальная среда. Стремительное развитие мифотворчества как политической технологии началось в XX веке. После окончания Первой мировой войны тоталитарные государства, установив контроль над СМИ, приступили к построению новых государственных мифологем, пронизанных эмоциональными, внерациональными компонентами. Как в Германии, так и в СССР был разработан комплекс особых символов и ритуалов, легших в основу мировосприятия простых граждан, создан мистический культ политических лидеров, власть которых основывалась не на рациональных программах, а на харизматическом убеждении масс в правильности выбранного курса. При этом, по мнению исследователей-классиков, вера в иллюзии оказалась столь основательной не просто в силу природы человеческого сознания, а в силу столь постоянно меняющейся ситуации, в которой очутились массы. С точки зрения Э. Кассирера, обращение к мифу и магии характерно для ситуации, где обычные возможности людей и рациональный метод познания недостаточны для контроля над окружающим миром. Люди обращаются к мифам в периоды кризисов и острой социальной тревожности, как, например, в Германии после Первой мировой войны. Тем не менее, иррациональная политическая мифология XX века действительно пришла на смену рациональной идеологии века XIX. Но по мнению исследователей-постмодернистов, причиной актуализации мифологии стала не сложная социально-экономическая ситуация. Так, Л. Фишман считает, что в ситуации постмодерна идеологии не имеют реальной силы, ибо лежащая в их основе научная рациональность перестала быть образцом мышления для масс. В отрыве от эмоционально насыщенных исторических фактов, от архетипов коллективного бессознательного идеологическая рациональность бессильна [3, 85]. Выдающийся теоретик постмодерна Маршалл Маклюэн выделил три этапа в развитии цивилизации, определяемые преобладающим типом коммуникации — устным, письменным и печатным, электрическим и электронным. Маклюэн утверждал, что технология коммуникаций является своеобразным продолжением сознания людей. Поэтому, каждый новый этап развития средств коммуникации серьезно влияет на характер отображения и, соответственно, восприятия реальности, сложившийся ранее. Так, печатные средства коммуникации усиливают пространственные, визуальные аспекты восприятия. Это существенно отличается от цельного, мифологического восприятия людей в предшествующую культурную эпоху «племенного

человека». Переход от печатных к электронным средствам коммуникации формирует новый тип восприятия реальности. Теперь познание мира происходит не линейно или фрагментарно, а одновременно. Человек оказывается включенным во все происходящее целостно, сознанию возвращается при этом утерянная ранее «мифологическая образность». Маклюэн определяет миф как мгновенное целостное видение сложного процесса, который обычно растягивается на большой промежуток времени. «Миф представляет собой сжатие, или импловзивное свертывание всякого процесса, и сегодня мгновенная скорость электричества сообщает мифическое измерение даже самому простому промышленному и социальному действию. Мы живем мифически, но продолжаем мыслить фрагментарно и однобоко» [1, 31]. Следует отметить, что Маклюэн был не первым, кто определил миф не как линейное повествование, а как целостное видение. Еще Фридрих Ницше писал о мифе как о способе осмысления реальности в целостных образах, которое восполняет собой утраченную целостность современной цивилизации и культуры. Жорж Сорель также считал, что «миф есть целостность, которая лишь одна имеет значение; его части могут интересовать нас постольку, поскольку в них выражается основная идея». Однако лишь в эпоху постмодерна стала очевидна взаимосвязь мифа и средств массовой коммуникации. Таким образом, можно сделать вывод о том, что классическая концепция мифа как последовательного рассказа, до сих пор высказываемая многими исследователями, является устаревшей, так как не учитывает перехода от линейной схемы восприятия к целостной. Применение данного подхода может быть ограничено рассмотрением мифа лишь как мифологического повествования.

Литература

1. Маклюэн Г.М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. М.: Кучково поле, 2011. – 464 с.
2. Полосин, В.С. Миф. Религия. Государство. – М.: Ладомир, 1999. – 440 с.
3. Фишман, Л.Г. Политический миф и идеология: «опасное сближение»? // Полис. – 2006. - № 4. – С. 74-86.
4. Флад, К. Политический миф. Теоретическое исследование. М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 264 с.
5. Элиаде, М. Аспекты мифа. – М.: Академический Проект, 2010. — 251 с.

ОБРАЗ «ДРУГОГО» И ФОРМИРОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Муха В.Н. (Краснодар, Россия)

Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект №12-23-01000 а(м)

В современной России продолжается процесс формирования государственной идентичности – «россияне», способной сплотить многонациональное общество. Согласно опросу, проведенному Институтом социологии РАН, роль россиянина, гражданина России является сейчас самой распространенной «я-идентификацией» (58% опрошенных), а житель определенной местности (34%), и представитель конкретной национальности (21%) отстают от нее в разы [1, с. 35]. Как известно, идентичность конструируется на основе обозначения для общества тех или иных «Других», по отношению к которым «Мы» способны создать представление о «Себе». Такое стремление человеческих сообществ разделять мир на «Мы» и «Они», «Свои» и «Другие» было и будет всегда: для того чтобы консолидироваться, необходимо отмежевываться, для того чтобы возникло «Мы», обязательно необходим «Другой». При этом дифференцирующие признаки могут меняться (территория, вероисповедание, цвет кожи, повседневные практики и т.п.), но принцип остается неизменным – индивиды отличают таких же, как «Я» от тех, кто таковым никогда являться не будет. Таким образом, проблема осознания себя тесно связана с вопросом существования «Другого». Самоидентификация по принципу «мы-они», «свой-чужой» – первичное и одно из основных, но недостаточных условий для объяснения существования «Другого». Как «Другой» может восприниматься любая социальная общность: молодые люди всегда «другие» для пожилых, работодатели для наемных работников, богатые – для бедных и т.д. Дистанция между противопоставляемыми общностями не является заданной и неизменной, и может варьироваться в зависимости от социальных условий, исторических и культурных традиций. «Другой» может быть партнером, конкурентом, «Чужим», наконец, он может быть «Врагом». «Другой» – это носитель признаков отличия, «инаковости», а вот оценка этих отличий и порождает «Чужого» и «Врага». В российском обществе «Другой» чаще выступает в обличье «Чужого» и «Врага». При этом можно выделить внешнего «Другого», по отношению к которому российское общество

самоопределяется во внешнеполитическом пространстве, и внутреннего «Другого», служащего для укрепления внутреннего порядка и проведения символические границы внутри социума. «Другие» отнюдь не однородная группа. Обратимся к рассмотрению этнических общностей как внутреннего «Другого». Сегодня тенденция к межгрупповому сравнению по этническим основаниям в российском массовом сознании заметно актуализировалась. Это активизирует процессы межгруппового сравнения, этнические симпатии и антипатии. При этом, как свидетельствуют данные опроса ВЦИОМ в 2010 г. [3], у большинства опрошенных россиян (65%) нет четких этнических антипатий, 29% заявляют о негативных эмоциях в отношении представителей кавказских народов, еще 6% говорят о нелюбви к выходцам из Средней Азии, у 3% неприязнь вызывают китайцы и евреи. Сложившуюся систему антипатий подтвердил недавно проведенный опрос ФОМ. Так в апреле 2012 года по отношению к представителям другой национальности испытывали неприязнь, раздражение 19% опрошенных россиян. При этом наиболее негативные эмоции вызывали «представители кавказских национальностей», «выходцы из Средней Азии» и более абстрактно «все мигранты» [4, с. 36]. Таким образом, антипатии россияне испытывают преимущественно к тем этническим группами негативный опыт взаимоотношений с которыми сформировался не более чем за последние два десятилетия. Сегодня в России как это фиксируется результатами массовых опросов, образ «другого» воплощается фигурой «мигранта», при этом категория «мигрант» означает практически любого, кто является чуждым для региона проживания или принимающего сообщества. Так данные ФОМ свидетельствуют, что 62% опрошенных считают, что следует ограничивать въезд в область (край, республику) представителей определенных национальностей [4, с.37]. Образ «Другого» может формироваться на реальных и мнимых основаниях, и представлять собой естественный или целенаправленный процесс. Историческая память, стереотипы любого сложившегося социума, позволяют людям сохранять и передавать из поколения в поколение ранее сформированные «образы Других», в свою очередь СМИ и политические технологии позволяют актуализировать в общественном сознании образы «Другого», либо создают новые. Подводя итог, отметим, что роль образа «Другого» в формировании собственной идентичности на различных этапах развития любого общества исключительно важна. Чтобы возникло чувство «Мы», где-то рядом должны быть «Они». Не маловажно и то, в каком обличье

выступает «Другой»: как «Враг», как «Чужой» или как просто «Другой». В современном российском общественном дискурсе образ «Другого» представлен преимущественно как образ «Чужого» и даже «Врага». И этот образ выполняет, прежде всего, функцию консолидации общества перед лицом некой угрозы, внутренней или внешней, реальной или мифической. Но обретение коллективной идентичности через образ «Врага» – непродуктивно и только порождает новые образы «Врага».

Литература

1. Российская идентичность в социологическом измерении. Аналитический доклад. М.: ИС РАН, 2007.
2. Малахов В.С. Что значит «мыслить национально»? Из истории немецкой и русской мысли первой трети XX века // Логос. 2001(31). №5-6 URL: www.ruthenia.ru/logos/number/2001_5_6/01.htm
3. Этнические симпатии и антипатии россиян // ВЦИОМ : [веб-сайт]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=13515>.
4. Межнациональные отношения // Доминанты. Поле мнений. Фонд Общественное Мнение. № 17. 03.05.2012.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЭТИКА ГОСУДАРСТВЕННЫХ (МУНИЦИПАЛЬНЫХ) СЛУЖАЩИХ

Нагапетян М.Н. (Екатеринбург)

В данной статье рассмотрена проблема повышения этического уровня государственных служащих, как одного из факторов повышения эффективности государственных служб. Проанализированы причины падения доверия граждан по отношению к правительству и государственным институтам. Выявлена и обоснована необходимость в усовершенствовании уровня профессиональной подготовки государственных (муниципальных) служащих. На основе проделанной работы видится целесообразным внедрение в программы переподготовки кадрового потенциала этического кодекса. Актуальность темы определяется потребностью в изучении этики государственного служащего как одного из важнейших факторов, влияющих на эффективность работы государственной службы. Цель работы заключается в определении путей совершенствования формирования этических норм государственного служащего, как фактора повышения

эффективности государственной службы. Достижение поставленных целей обеспечивается решением следующих задач: - проанализировать особенности и проблемы формирования этики государственного служащего; - определить пути совершенствования формирования этических норм государственного служащего, как фактора повышения эффективности государственной службы. Развитие России по направлению к демократическому правовому государству, регулирование всех ее социальных структур, невозможно без утверждения этики. Основой для разработки соответствующими государственными органами и органами местного самоуправления кодексов этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих является Типовой кодекс. Он представляет собой свод общих принципов профессиональной служебной этики и основных правил служебного поведения, которыми должны руководствоваться государственные (муниципальные) служащие независимо от замещаемой ими должности [7]. Под этикой государственного служащего (управленца) [5] всё чаще понимается умение в процессе подготовки и принятия решения общаться с представителями различных групп интересов, и в процессе этого общения стремиться осознать природу интересов, специфику их возможного учёта в управленческих решениях, возможность достижения согласия интересов в различных вариантах решения [9]. Чем больше разрастается общество, тем сложнее становится процесс принятия решения, то есть нужно стремиться удовлетворить как можно больше групп населения, а вместе с тем возрастает количество вариантов в принятии решения [3]. В основе этики государственного служащего должна быть координация, а по возможности и гармонизация интересов. Размышляя об этических аспектах, зачастую используется категория ценности. Но очень часто между конкурирующими ценностями возникает конфликт. Уровень морального развития как отдельно взятой личности, так и службы в целом определяется ориентацией на гуманистические универсальные принципы справедливости: равенство человеческих прав и уважение человеческого достоинства [4]. В современном обществе постоянно возрастает внимание к вопросам этики государственных служащих [8]. Это обусловлено все более выраженной зависимостью перспективы развития человеческой цивилизации от тех моральных принципов и норм, которыми служащие руководствуются в своей деятельности [11]. Цели государственной службы, ее ведущие принципы, нормы,

требования к ее кадрам - все содержит нравственный аспект, в решающей степени определяющий ее направленность, ее основные доминанты [6]. Государственный служащий объективно выступает одновременно как должностное лицо, занимающее определенное место в служебной иерархии, как общественный деятель, оказывающий влияние на развитие социальных и экономических процессов, как наемный работник, зачастую как руководитель персонала и работодатель, а также как частное лицо [2]. Формирование этики соответствующего современным требованиям этики государственного служащего усугубляются тем, что исходный уровень профессиональной подготовки значительной группы государственных служащих не соответствует требованиям по занимаемым должностям [1]. В этой связи, наличие в образовательных программах значительного объема гуманитарных предметов обусловлено необходимостью осознания и принятия гуманитарных и нравственных оснований этики. Еще одним моментом, вызывающим озабоченность, является очевидное падение доверия по отношению к правительству и государственным институтам, и то, как это скажется на легитимности правительства и государственных институтов. Ослабление доверия ассоциируется, по крайней мере, отчасти, с разоблачениями неподобающих действий и, в некоторых случаях, прямой коррупции со стороны государственных должностных лиц [10]. При этом неясно, то ли действительно ослабляются нормы поведения, то ли дело в том, что в наши дни, когда управление государством носит открытый характер, средства массовой информации предпринимают собственные расследования, а общественность стала более искушенной, ошибки и судебно наказуемые проступки просто более заметны. Ясно лишь то, что этика и нормы в жизни государства стали более серьезной общественно-политической проблемой, требующей принятия действенных мер соответствующими правительствами. Таким образом, решение проблемы повышения этического уровня государственных служащих, как одного из факторов повышения эффективности государственных служб заключается в следующем: - государственному служащему необходим комплекс специальных знаний и практических навыков, приобретенных в результате общей и специальной подготовки, а также опыта работы. Особенность профессиональной этики государственного служащего заключается в том, что он должен обладать знаниями особенностей соответствующей управляемой сферы; - в свою очередь, повышение этики напрямую зависит от профессиональной деятельности

государственного служащего, а от профессиональной деятельности зависит эффективное развитие государственного управления. Таким образом, основная проблема формирования этики - это подготовка и переподготовка кадрового потенциала. Необходимость введения жестких норм, регламентирующих поведение на государственной службе, стала одной из наиболее значимых проблем. Повышение уровня этики государственных служащих, путем повышения профессиональной деятельности, формирование этических норм, путем внедрения в программы переподготовки кадрового потенциала этического кодекса, является важным условием эффективного функционирования государственной службы на благо общества.

Литература

1. Богомолов А.С. Античная философия / А.С. Богомолов - М.: 2001
2. Гренчикова, А. Подготовка молодых специалистов / А. Гренчикова, Д. Петрушова // Управление персоналом. - 2004. - №12 (98) - С. 63 - 65.
3. Иванов, В.В. Государственное управление: Справочное пособие / В.В. Иванов, А.Н. Коробова. - 2-е изд., доп. - М.: Инфра - М, 2006. - 718 с.
4. Игнатов, В.Г. Государственное и муниципальное управление: Введение в специальность. Основы теории и организации: учебное пособие/ В.Г. Иванов. - М.: «Март»; Ростов - на - Дону: Март. 2005. - 448 с.
5. Попов, В.Г., Профессиональная культура современного российского государственного чиновника./В.Г. Попов, В.В. Китаев, Б.С. Хохряков, Н.Г. Чевтаева - М.: Екатеринбург: УрАГС, 2003. С. 58.
6. Сумароков, В.З. Государственное управление в современной системе организации власти: монография / В.З. Сумароков. - Краснодар: Фрегат, 2003. - 52 с.
7. Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих. Одобрен решением президиума Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции от 23 декабря 2010 г. (протокол № 21)
8. Указа Президента Российской Федерации от 12 августа 2002 г. № 885 в ред. от 16.07.2009г. «Об утверждении общих принципов служебного поведения государственных служащих»

9. Федеральный закон от 27.05.2003 № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» в ред. от 28.12.2010г. // СЗ РФ от 02.06.2003, № 22, ст. 2063.

10. Федеральных законов от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» в ред. от 11.07.2011г.

11. Ярецкий В.Ю. Идеино-концептуальная основа и социально-личностные предпосылки формирования профессиональной компетентности специалиста / В.Ю. Ярецкий // Российское государство и общество в XXI в.: Контуры социального развития: Матер. студ. науч. практ. конф. 27 апр. 2006 - Воронеж: НОУ «НПИОЦ», 2006. - С. 156 - 158

СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО КАК ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННО-ЗНАЧИМЫХ ПРОЕКТОВ

Новоселов С., Микиденко Н.Л. (Новосибирск)

Современное российское общество переживает период, для которого характерно наличие многочисленных социальных проблем, повышение заинтересованности и усиление роли общественности в решении возникающих проблем. При этом происходит активный поиск новых моделей взаимодействия разных сторон при решении проблем. Одним из таких направлений стало социальное партнерство, получившее широкое признание с 90-х годов прошлого столетия. Термин «социальное партнерство» сегодня относится к числу обсуждаемых в научной литературе. Можно встретить в научной литературе узкое понимание этого термина как конкретного типа социально-трудовых отношений между органами государственной власти, работодателями и трудовым коллективом. В других случаях указывают на то, что социальное партнерство – это специфический вид общественных отношений между профессиональными, социальными группами, слоями, классами, их общественными объединениями, органами власти и бизнесом. Также существует точка зрения, что социальное партнерство есть мировоззренческая основа согласования и защиты интересов различных социальных групп, слоев, их общественных объединения, бизнеса и органов государственной власти. В данной работе социальное партнерство рассматривается как инструмент реализации общественно-значимых проектов. Речь идет об эффективном взаимодействии местной власти (в лице Мэрии г.Новосибирска и Правительства Новосибирской области), крупных бизнес-компаний,

СМИ и, конечно же, общественных организаций. Сегодня такое партнерство имеет большую значимость. Власть стала уделять большое внимание разного рода общественным инициативам. Создаются все новые и новые общественные организации, а социально-ответственный бизнес вошел в моду. Проекты, основанные на основе социального партнерства имеют больше шансов на успех, в отличие от других. Как правило, власть в таких проектах оказывает административную поддержку, в том числе, через привлечение СМИ, бизнес осуществляет финансово-материальную поддержку проекта, а общественные организации являются исполнителями. С декабря 2011 года в НСО запущена программа «Уникальный ресурс Сибири», целью которой является поддержка студенчества. Программа является ярким примером социального партнерства, когда организаторами выступает власть (Правительство НСО, мэрия г.Новосибирска), общественные организации(АНО «Масс-Медиа-Центр», НООО «Социальное партнерство», ОО «Национальный благотворительный фонд») и ряд бизнес-компаний («РусГидро»-«Новосибирская ГЭС», «ТЕЛЕ2 Новосибирск», «Балтика Новосибирск»). По итогам программы «Уникальный ресурс Сибири» сформирована неформальная структура «Актив УРС», который выступил инициатором и организатором ряда общественно-значимых проектов, в том числе «Экологический дозор». Проект «Экологический дозор» реализуется с марта 2012 года. Целями проекта стали развитие экологической культуры и расширение экологического сознания населения; объединение усилий властных структур, бизнеса и широкой общественности для решения экологических проблем территории; духовное, нравственное воспитание молодежи через осмысление личной ответственности за экологическое состояние родного края. Формирование у молодежи экологически ответственного поведения, бережного отношения к окружающей среде; популяризация принципов волонтерства и благотворительности. Участниками проекта стало около 300 человек, в их числе представители власти и общественных организаций, студенты и школьники, сотрудники компаний-партнеров. Проект стал победителем грантового конкурса, проводимого Мэрией города Новосибирска, получил высокую оценку и предложение административной поддержки на форуме «Селигер 2012». Успешная реализация Проекта потребовала, чтобы он стал коалиционным. На первом этапе оказалось важным понять, чем Проект может заинтересовать Власть и бизнес. Проект должен быть социально-значимым, решать конкретные проблемы. В то же время он должен

быть интересен и бизнес-структурам. В первую очередь, был проведен мониторинг потенциальных партнеров. Обычно у крупных компаний есть своя «фишка». Одни поддерживают молодые таланты, другие спорт, кто-то занимается благотворительностью, а кто-то борется за экологию. Как правило, вся эта информация размещена на корпоративных сайтах. Затем аннотация Проекта была переписана, где он стал позиционироваться не как общественно-значимый, а как PR-акция (размещение логотипов, публикации в СМИ и т.д.). На имя PR-менеджеров потенциальных партнеров (такую информацию тоже можно найти на корпоративных сайтах) были разосланы предложения сотрудничества с темой письма «PR-акция». Далее последовали личные встречи с представителями компаний, где Проект был презентован и подчеркнута его социальная значимость. Не менее важно было заручиться поддержкой власти. Здесь решающую роль играла не материальная поддержка, а возможность заявлять о поддержке потенциальным партнерам. Вторым этапом в подготовке Проекта стало согласование с районными администрациями мест и времени проведения акций. Здесь сложностей не возникло, опять же благодаря поддержке Мэрии города Новосибирска. Третий этап, привлечение волонтеров. Для этой цели существует огромное количество ресурсов. Школьные тематические сообщества, профкомы ВУЗов, общественные организации, ТОСы, районные ресурсные центры, местные жители и т.п. Также есть методы работы в сети. Это перепосты (когда один пользователь пишет публичное сообщение, а другие его цитируют), размещение информации в СМИ и группах вконтакте. Последний способ, один из самых интересных. Вконтакте существуют группы, в которых состоят по несколько сотен тысяч человек. Например, группа жителей Новосибирска, любителей спорта, борцов за экологию и т.п. Администраторы этих групп вполне положительно относятся к такого рода информации и обычно размещают ее у себя, далее вступает в работу вышеупомянутый перепост, когда менее авторитетные группы цитируют информацию из более авторитетной. Не стоит забывать и про сотрудников организации. Например, на одну нашу акцию вышли сотрудники «ТЕЛЕ2» во главе со своим генеральным директором. В приглашении принять участие в акции был сделан акцент не только на социальной значимости, но и на личной выгоде каждого. К такой выгоде были отнесены благодарственные письма, сувениры, обед, развлекательная программа. Перед проведением акций были разосланы пресс релизы на новостные ресурсы города. Здесь важную роль сыграли пресс-

службы Мэрии и Правительства. Лично считаю, что если акция не была освещена в СМИ, то смысл ее крайне невелик. Безусловно, коалиционный проект оказался выгодным всем его участникам. Бизнес структуры получили полноценную PR-акцию, организаторы бесценный опыт, а волонтеры хорошо провели время. Важно отметить, что благодаря такого рода проектам, появляется еще один инструмент привлечения средств бизнеса для решения общественных проблем. В заключении следует отметить, что для меня, как для руководителя Проекта, была очень важна поддержка опытного и авторитетного человека. Таким человеком стала Раиса Алексеевна Жмодик, член Общественной палаты Новосибирской области. Каким бы интересным не был мой проект, любой представитель Власти или бизнеса в первую очередь задает вопрос «Вы от кого?». Считаю, что для успешной реализации молодежных проектов, представители Власти должны брать под патронаж руководителей проектов, делиться опытом, давать советы, а также пользоваться своим авторитетом. Тогда успешная реализация проекта станет заслугой не только его руководителя, но и человека, оказавшего авторитетную поддержку. Совсем недавно я считал, что успех молодежного проекта, в первую очередь, зависит от финансирования, сегодня я считаю, что успех молодежного проекта, в первую очередь зависит от авторитета его руководителя, потому что именно руководитель должен грамотно и эффективно организовать работу всех участников Социального партнерства.

НРАВСТВЕННАЯ КОМПОНЕНТА СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Орлик Е.Н. (Владимир)

К достижениям постсоветского периода российского общества в сфере социально-трудовых отношений можно отнести следующее: разработка прогрессивного трудового законодательства, финансовая и социальная поддержка государством людей, временно оставшихся без работы; развитие рынка труда за счет включения в сферу занятости новых социальных ролей и профессий (бизнесменов, топ-менеджеров, пиарщиков и рекламистов, риэлторов, финансовых аналитиков и пр.), значительное увеличение трудовой мобильности (широкие возможности трудоустроиться с последующим переездом в любой регион страны и за рубежом), снижение патернализма и рост индивидуальной ответственности работников наемного труда,

правовое оформление и социальная регламентация трудовых споров и конфликтов (возможность решения этих конфликтов с использованием не только арбитража, судебных инстанций, но и путем привлечения конфликтующими сторонами сил общественного мнения, иных институтов гражданского общества). Добавим, что существенно упростились правила получения той или иной профессиональной роли: достаточно «оказаться в нужном месте и в нужное время». В студенческих аудиториях рассказы преподавателей кафедр социальных и общественных наук о том, что для подтверждения своей квалификации все они были вынуждены проходить процедуру персонального согласования на партийных бюро обкомов, воспринимаются как анахронизм. Кроме того, многие студенты воспринимают как должное тот факт, что молодые люди чуть постарше их возглавляют серьезные направления в бизнес-структурах или руководят корпорациями. Вместе с тем за этой фасадной стороной рынка труда скрываются нерешенные проблемы и серьезные социально-экономические и нравственно-правовые коллизии, которые, накладываясь друг на друга, создают сложную мозаику переходных форм социально-трудовых отношений от индустриального к постиндустриальному порядку в сфере занятости, в современном состоянии которой ярко проявляются такие черты, как дестандартизация и флексибилизация. В условиях, когда на рынке труда правила игры, не успев установиться, претерпевают серьезные изменения, возрастает роль нравственного фактора развития социально-трудовых отношений. Безусловно, ведущая роль в поддержании социально-трудовых отношений на должном уровне наряду с государством и политическими институтами отводится работодателям. И надо отдать должное, что многие руководители как крупных национальных корпораций, так и региональных градообразующих предприятий с этим неплохо справляются, идя по пути развития социально ответственного бизнеса, работая над улучшением условий труда и социальной поддержки персонала, формированием и развитием систем корпоративных ценностей, усиленного участия в общенациональных и местных программах по поддержке среды обитания, детства, материнства, развитию спорта и массовой физической культуры. Между тем повсеместное распространение получила практика уклонения бизнес-структур от уплаты налогов. Часто уклонение от налогов рассматривается работодателями как источник развития бизнеса. И любой уважающий себя бизнесмен пользуется «лазейками» в действующем законодательстве, чтобы «скосить государеву мзду». Нередко такая

практика переносится и в частную жизнь. Еще более безнравственно выглядит ситуация, когда эта практика переносится на отношения с лицами наемного труда. Так, многие работодатели, пользуясь конкуренцией на рынке труда, предлагают соискателям, после прохождения ими процедуры собеседования на искомую должность, поработать неделю-другую без оплаты или при оплате ниже минимального размера оплаты труда, и лишь потом берут их в штат с прохождением испытательного срока. Нередко работодатели для сокращения налогооблагаемой базы своего бизнеса предлагают соискателям работать без оформления трудовых отношений или на таких же условиях предлагают пройти обучение, даже если работник имеет опыт по профилю будущей профессиональной роли. Во всех перечисленных случаях мы имеем дело не только с нарушением трудового законодательства, но и с нарушением нравственных норм взаимоотношений работодателей с работополучателями. Вообще тенденция «экономить» на работниках довольно прочно прописалась в отечественных социально-трудовых отношениях. Повсеместное распространение получила практика некомпенсируемых переработок наемных работников и специалистов, а также свертывание социальных программ, замораживание заработной платы в стабильных и с прибылью работающих организациях и компаниях, введение системы административных штрафов, депремирования, нарушение санитарно-гигиенических условий труда и т.п. Teambuilding в корпорациях зачастую сводится к сплочению групп руководителей, топ-менеджеров, в которые входят акционеры, собственники и их ближайшие родственники, аффилированные лица и высокооплачиваемые наемные специалисты. Иногда разрыв между руководством корпораций и непосредственными исполнителями приобретает дезорганизующий характер. Например, под предлогом сохранения коммерческой тайны в ряде случаев происходит утаивание или недоведение необходимой производственной информации до исполнителей. Это приводит к их дезориентации, невозможности реализовать свой трудовой потенциал, что выливается в конфликты с непосредственным начальством, порождает социальную напряженность, ухудшает морально-психологический климат в трудовых коллективах. Все вышеперечисленное делает социально-трудовые отношения конфликтными. При этом специалисты, работающие по найму, редко решаются на открытый конфликт с работодателями из-за боязни потерять свое рабочее место. Трудовая мотивация часто носит не экономический, а административно-принудительный характер.

Здесь свое слово могли бы сказать профсоюзы. Однако в подавляющем своем большинстве руководители профсоюзов организаций и предприятий также находятся в экономической зависимости от работодателей и лишь в исключительных случаях решаются на открытый конфликт с ними. К тому же практика показывает, что переход предприятий и организаций в частные руки нередко сопровождается свертыванием работы профсоюзов. Техника этого процесса проста: работникам в массовом порядке предлагается собственноручно написать заявления о выходе из профсоюза. Большинство работников идет на этот шаг опять-таки из-за боязни лишиться рабочего места. А если членов профсоюза нет, то и организация, говоря языком формальной логики, превращается в пустое множество. К тому же существенным обременением современных социально-трудовых отношений является тот факт, что в некоторых регионах у власти остаются представители советской партийно-номенклатурной элиты. Данное обстоятельство ведет к расстановке на ключевых постах в регионе и в бизнесе их ближайших родственников и доверенных лиц. К сожалению, административный ресурс - это мощный локомотив развития не только регионального бизнеса. Речь идет о таком социально-экономическом феномене как олигархия. Одним из крайних проявлений олигархии является вывоз капитала за рубеж, в офшорные зоны, причем на вполне легальной основе. Что касается наемных работников, то их протестный потенциал против вышеозначенных порядков в бизнесе проявляется в недобросовестном выполнении принятых на себя обязательств; работе по принципу «они делают вид, что нам платят, мы делаем вид, что работаем»; воровстве на производстве (от готовой продукции и ее комплектующих деталей до канцелярских принадлежностей); распространении компрометирующей фирму и репутацию ее руководителей информации и т.п. Все эти факты не вкладываются в схему выстраивания партнерских социально-трудовых отношений, имеющих все основания для развития в России. Так как именно Россия имеет огромный исторический опыт в развитии социально ответственного бизнеса с присущими ему меценатством и благотворительностью, установлении традиций коллективизма и товарищеской взаимопомощи, закреплении на практике демократических основ управления трудовыми коллективами. С этой точки зрения по-прежнему актуальными сегодня остаются вопросы повышения правового самосознания работодателей и правовой культуры граждан, формирования на уровне общественного мнения социальной морали, преодоления дистанции

между бизнесом и обществом, обществом и государством, развития управленческой культуры и повышения трудовой дисциплины исполнителей.

Литература

1. Шабанова М.А. Проблема встраивания рынка в «нерыночное общество» // Социолог. исслед. 2005. № 12
2. Тощенко Ж.Т. Социология труда: опыт нового прочтения. М.: Мысль, 2005
3. Темницкий А.Л. Теоретико-методологические подходы к исследованию трудового поведения // Социолог. исслед. 2007. № 6
4. Радаев В.В. Экономическая социология. Курс лекций. М.: Аспект Пресс, 1998

ОТНОШЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ К НЕФОРМАЛЬНЫМ ЭКОНОМИЧЕСКИМ ЯВЛЕНИЯМ КАК КРИТЕРИЙ ЭТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Пасовец Ю.М. (Курск)

Работа выполнена по гранту Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых (МК – 60.2011.6)

Модернизация российской экономики предполагает и модернизацию социальных отношений в экономической сфере российского общества, поскольку построение нового типа экономических отношений напрямую зависит от нормативной регуляции экономического поведения населения. Преодоление неформальных явлений в экономической системе России невозможно без соблюдения населением этических норм, регулирующих экономические связи и взаимодействия, без утверждения основ этического общества. В связи с этим возникает необходимость в выявлении и анализе отношения населения к неформальным экономическим явлениям, факторов, влияющих на него. Эмпирическую базу исследования составляют результаты социологического опроса по экономической адаптации населения, проведенного нами в 2012 г. на территории Курской области (N=500 человек). Выборочная совокупность исследования формировалась как стратифицированная, многоступенчатая, случайная на этапе отбора респондентов выборка. Выборка в достаточной мере репрезентирует население региона (в возрасте 18 лет и старше);

ошибка выборки по одному признаку не превышает 3 %. Как показывают результаты опроса населения, для подавляющего большинства (72,6 %) жителей Курской области неуплата налогов в той или иной степени недопустима. Вместе с тем 12,2 % курян затрудняются дать однозначную оценку допустимости неуплаты налогов, а 15,2 % - считают ее полностью или скорее допустимой. Большинство из тех, кто терпимо относится к неуплате налогов либо не высказывает определенного отношения к этому явлению, называет несколько причин, по которым они придерживаются такого мнения (при ответе на вопрос можно было выбрать все подходящие варианты ответов). Основной причиной терпимого отношения к неуплате налогов для 20,0 % от всей численности опрошенных выступает убеждение в том, что уплата налогов для них является вынужденной обязанностью или наказанием, связанным с необходимостью государства обеспечивать всех нуждающихся и пенсионеров, когда они никому и ничем не обязаны. При этом 15,8 % от общего количества респондентов считают налоговые отчисления невыгодными для себя, так как лично для них и их семьи это не приносит никакой пользы. Меньшую распространенность в региональном общественном мнении имеют иные позиции, раскрывающие основания терпимого или нейтрального отношения к неуплате налогов. Так, по мнению 5,2 % всех опрошенных курян, на неуплату налогов влияет ее скрытый и индивидуальный характер, потому что их действия в составе большой группы налогоплательщиков останутся незамеченными и не повлияют на решение других об уплате налогов. Также 2,2 % участников опроса не задумываются о воздействии неуплаты налогов на других налогоплательщиков, отмечая только скрытый характер такого явления («Вы стараетесь уйти от налогов, потому что трудно обнаружить сокрытие доходов и Вам можно этим воспользоваться»). Несколько меньшее количество респондентов (4,6 %) допускают неуплату налогов, поскольку считают, что наказания (санкции) за неуплату налогов меньше, чем затраты на налоговые отчисления. Только единицы из числа респондентов называют другие причины терпимого или нейтрального отношения к неуплате налогов («налоги наши уходят не по назначению», «налоговая служба плохо ведет учет, и наказывают ни за что»). Обращает на себя внимание тот факт, что 23,2 % курян в той или иной мере допускают получение зарплаты «в конвертах», то есть без отчислений налогов работодателем, 19,8 % - относятся к этому нейтрально, а 57 % - негативно. Показательно, что 73,6 % жителей региона считают недопустимым обогащение за

счет других людей, более половины (57,4 %) – обогащение за счет государства. Между тем тех, кто нейтрально оценивает эти два вида обогащения, 14,8 % и 21,0 % соответственно. Практически каждый десятый опрошенный в той или иной степени допускает обогащение за счет других, а 21,6 % считают, что возможно обогащение за счет государства. Тем самым подавляющее большинство населения признает неизбежность принципа неприкосновенности частной собственности. Число лиц, допускающих возможность обогатиться за счет государства, превышает в два раза количество тех, кто допускает вероятность обогащения за чужой счет. Таким образом, результаты исследования показали распространенность среди значительного числа лиц терпимого отношения к некоторым явлениям неформальной экономики (неуплате налогов, сокрытию доходов от налогового учета и др.), что требует обеспечения эффективного функционирования системы налогообложения, охраны имущества (государственной, муниципальной собственности, частной собственности), а также разработки и реализации системы мер по изменению отношения этой части населения к теневым экономическим явлениям: содействие формированию норм их неприятия; приобщение к экономической этике. В целом реализация данных мер будет способствовать укреплению основ этического общества в России.

СТИЛЬ ОБЩЕНИЯ БЕЛОРУСОВ КАК ВЫРАЖЕНИЕ ИХ МЕНТАЛИТЕТА

Приходько Ф.С. (Горки, Республика Беларусь)

Современный мир столкнулся с серьезными вызовами. Социальную угрозу в XXI веке несет в себе разрушение духовно-нравственных основ общества [1, с. 419-421]. Нынешний этап глобализации осуществляется по сценарию «вестоксикации» – прививки всему мировому сообществу ценностей западной цивилизации. В сложившихся условиях локальные и региональные цивилизации пытаются сохранить свои традиции и ценности, культурно-цивилизационное своеобразие. Утверждается идея, что полилог цивилизаций как равноправных субъектов международных отношений – необходимое условие стабильности глобализирующегося мира и гарант преодоления опасности возможного «столкновения цивилизаций». Республика Беларусь может стать для современного мира моделью формирования

толерантных взаимоотношений между людьми различных национальностей и конфессий. Культурно-исторические ценности белорусов могут служить связующим звеном между цивилизациями Запада и Востока. Основанием для этого является их синтетическая природа, способствующая преодолению ригоризма ценностных установок как Запада, так и Востока. Среди социокультурных ценностей белорусов особо выделяется ценность коллективизма как установки на гармонизацию интересов личности, коллектива и общества в целом, ценность государства как оплота и гаранта стабильности общества. Само становление белорусского социума стало возможным благодаря созданию сильного, способного обеспечить безопасность границ, государства. Среди других ценностей белорусского народа следует назвать ценности семьи, веры, социальной справедливости, равенства [2, с. 151-152]. Эти традиционные ценности восточнославянских народов невозможно рационализировать, уподобив их нормам формального права. Отсюда – характерный для общественного сознания выбор «правда-истина» или «правда-справедливость», решаемый, как правило, в пользу последней. Неотъемлемой чертой белорусского менталитета является толерантность, являющаяся характеристикой духовной и практической жизни белорусов на протяжении многих веков. Она сформировалась исторически, в процессе длительного совместного проживания белорусов с другими этносами, изучения их языка и культуры, активного взаимодействия по всем аспектам жизнедеятельности социума. Терпимость к другим, уважение к иным верованиям, обычаям и традициям стали неотъемлемой чертой белорусского менталитета, визитной карточкой народа. Это главное качество, необходимое для межкультурного диалога и предопределяющего его успех. Кроме того, населению Беларуси свойственны такие черты, как неприхотливость и непритязательность в быту – черты, сформированные исторически, и так необходимые современному миру, начинающему ощущать дефицит природных ресурсов. Им не присуще стремление к радикальным переменам в своей социальной жизни. Для белорусов характерным является уважение права, законопослушание. Можно говорить о возникновении контактной ментальности. Трудности исторического бытия белорусского народа ставили его перед необходимостью выработки навыков выживания, общения, нахождения взаимовыгодного компромисса с неизмеримо более сильными соседями. В белорусском стиле общения отразились многие черты национального характера такие, как сочувствие, стремление к

компромиссу, мысленно стать на позиции другой стороны, неторопливость. При решении спорных вопросов демонстрируют готовность терпеливо ждать созревания нужных условий. Все это тесно связано со способностью белорусов пожертвовать сиюминутными выгодами ради более важных долговременных интересов. В общении белорусам не свойственно навязывать свои правила игры, как правило, они стараются мягко войти в новую среду, предпочитая гармоничное выстраивание отношений с окружающими. Ради этого белорусы способны копировать поведение людей, с которыми общаются. Однако стремление к компромиссу не мешает им успешно отстаивать свою точку зрения. Во время дискуссий, переговоров белорусы проявляют гибкость и терпение. Они всегда готовы к долгим с неочевидными результатами переговорам. В спорных вопросах белорусы чаще выжидают, чтобы партнеры первыми «открыли карты», высказали свою точку зрения, первыми сделали предложения и т.п. На уступки они идут, как правило, под самый конец переговоров, уже после того, как оценят возможности и недостатки своих партнеров. Для белорусов характерно стремление идти навстречу своим партнерам по переговорам, если те делают им значимые для них уступки. Эти уступки они рассматривают как проявление уважения к себе. Практически всегда партнер, пошедший на уступки, может рассчитывать на встречные уступки со стороны белорусских коллег. Существенным фактором становления глобалистского менталитета, как важнейшего фактора стабильности глобализирующегося мира, служит мультилингвизм – употребление в пределах социальной общности, скажем страны, нескольких языков. Это средство обогащения культур. Мультилингвизм – это не только способность говорить на нескольких языках, это еще и особый тип мышления, впитывающий в себя культурные ценности нескольких цивилизаций, иначе, мышление, открытое к диалогу. В Республике Беларусь в качестве государственных признаны белорусский и русский, реализуется программа, ориентирующая школьников на овладение тремя языками: белорусским, русским и языком международного общения. Таким образом, можно утверждать, что менталитет белорусов является прообразом глобалистского менталитета, важнейшими компонентами которого являются такие качества личности, как бережное отношение к природе, нетерпимость к насилию, любовь к справедливости, приверженность нормам разумного, или умеренного потребления материальных благ, умение

слушать и слышать, способность к диалогу, компромиссу, мультилингвизм.

Литература

1. Краснова, О.П., Денисова, Л.Е. Разрушение духовно-нравственных основ общества как социальная угроза XXI века / О.П. Краснова, Л.Е. Денисова // *Философия в Беларуси и перспективы мировой интеллектуальной культуры: Материалы международной научной конференции к 80-летию Института философии НАН Беларуси, г. Минск, 14–15 апреля 2011 г.* / науч. ред. совет: А.А. Лазаревич [и др.]; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т философии. – Минск: Право и экономика, 2011.

2. Шинкевич, Е.Ю. Смыслоразнозначные ориентиры современных белорусов / Е.Ю. Шинкевич // *Национальная философия в контексте современных глобальных процессов: Материалы международной научно-практической конференции, 16–17 декабря 2010 г.* / науч. ред. совет: А.А. Лазаревич [и др.]; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т философии. – Минск: Право и экономика, 2011.

ФОРМИРОВАНИЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ У СТУДЕНТОВ

Рахматуллина З.Б. (Уфа)

Международная комиссия по образованию для XXI века в докладе «Образование: скрытое сокровище», подготовленном для ЮНЕСКО, основную задачу образования в XXI веке сформулировала как «учиться жить вместе». Среди важнейших целей образования обозначены «подготовка личности к активной гражданственности, открытой миру» и «укоренение ценностей терпимости» [1; с. 108]. Современная парадигма образования является концептуальной и инструментальной основой формирующейся модели выпускника вуза – будущего специалиста. Основной акцент в ней сделан на профессиональной компетентности, владении совокупностью знаний общепрофессионального и специального характера, отвечающих современному уровню технологического обновления производства, изменения рынка труда, развития общества. Вместе с тем в модели специалиста недостаточно внимания уделяется нравственным аспектам деятельности специалиста, в частности, толерантности как принципу межличностного общения и качеству человеческой личности. В научной литературе толерантность понимается как: 1)

модальный стоицизм: принципиальное признание того, что другой имеет «право», иначе - «одобрение различия» [3, р. 10 - 11]; 2) моральный идеал: «благость толерантности как отношения» [4, р. 160]; соотношение 3) «теорий блага» (как общественной значимости и основания толерантности) и прав человека [5, р. 18], в том числе права реализовать свой жизненный проект; 4) «баланса суждений» [6, Р. 13]; 5) временного баланса сил между конфликтующими группами и ценностями [7, р. 323]; 6) способов достижения мирного сосуществования; способа, посредством которого утверждаются другие ценности - свобода, равенство, справедливость [8, с. 110]; 7) ценность и социальная норма гражданского общества [9, с. 113 - 129]. При некотором различии рассмотренных подходов можно выделить главное, что определяет толерантность – ценность и отношения. Отнесение толерантности к ценностям обусловлено тем, что растущее осознание взаимосвязи людей в обществе, а также многообразия человеческого мира предполагает не только его разность, но и определенную общность. Основу этой общности составляют принадлежность к человечеству и опора на общечеловеческие ценности. Это позволяет человеку понять «другого», признать за ним право на существование, если это не противоречит основам цивилизованного общежития, делает возможным диалог. Условием такого существования и взаимодействия является толерантность, которая, обеспечивая позицию «равенства разнообразия», предупреждает насилие, делает возможным сосуществование различных людей и человеческих общностей, а также при сохранении индивидуальности стимулирует их взаимное развитие и обогащение. [2; с. 1069] Система высшего образования может стать благоприятной средой для формирования толерантности, поскольку она предполагает не только получение будущим специалистом профессиональных знаний, но и воспитание личности, привитие толерантности, уважения к правам личности, ее индивидуальности, непохожести на других и признания интересов группы или общенациональных интересов и т.д. В вузе целесообразно смещение акцентов в сторону воспитания, т.к. «образование складывается из обучения и воспитания, причем и обучение, и воспитание между собой переплетаются» [11; с.26]. Необходимо в вузах постепенное превращение воспитания в общее дело всех звеньев и участников образовательного процесса на основе обогащения содержания и форм воспитательной деятельности. Ибо, как писал известный русский православный философ И.А.Ильин: «Образование без воспитания есть дело ложное и опасное. Оно

создает чаще всего людей полуобразованных, самомнительных и заносчивых, тщеславных спорщиков, напористых и беззастенчивых карьеристов; оно вооружает противодуховные силы; оно развивает и поощряет в человеке «волка» [12; с.309]. Кроме того как справедливо утверждают авторы учебника «Педагогика и психология высшей школы», отсутствие специальных молодежных организаций делает сегодня процесс обучения в высшей школе практически единственным полем приложения воспитательного воздействия, которое осуществляется через содержательные и процессуальные характеристики преподаваемых дисциплин. В процессе обучения в вузе, по их мнению, могут быть реализованы практически все направления воспитательного воздействия. Блоки дисциплин, достаточно полно представленные в учебных планах специальности, дают возможность получения: 1) нравственного, эстетического, физического, правового, гражданского, экономического воспитания (гуманитарный блок); 2) умственного, экологического воспитания (блок естественнонаучных дисциплин); 3) трудового воспитания - во время прохождения производственных практик и непосредственно в учебном процессе, как в аудитории, так и в ходе самостоятельной работы [13; с. 44-45]. Современная гуманистическая парадигма воспитания провозглашает отказ от жестко запланированных и навязываемых студенту социокультурных стандартов сознания и поведения. Взамен приходит идея свободного развития, самоактуализации и самоопределения личности в результате ее собственного выбора. В рамках данной парадигмы приобрели реальную силу идеи развивающей образовательной (В.А. Козырев, В.А. Яснов) и воспитательной (А.В. Мудрик, Л.И. Новикова, В.И. Слободчиков и др.) среды, пространства развития и формирования личности, значительно меняющие роль педагога и характер педагогических взаимоотношений в сторону гуманизации и демократизации. Процесс выявления, актуализации и реализации воспитательного потенциала учебных дисциплин должен осуществляться совместными и согласованными действиями педагогов и студентов как полноправных субъектов образовательного процесса в высшей школе. Ясно, что реализация этого потенциала зависит от мастерства преподавателей и от собственной активности и творческой инициативы студентов, поскольку толерантность служит своего рода мостом, соединяющим частное и общее, различия и единство. Формирование толерантности у студентов – это социальный заказ общества современной системе образования.

Литература

1. Выводы 46-й сессии Международной конференции по образованию и предлагаемые действия. // Перспективы. 2003. №1. С. 105–108.
2. Касьянова Е. И. Толерантность в системе ценностных приоритетов высшего образования // Социология в системе научного управления [Электронный ресурс]: Материалы IV Всероссийского социологического конгресса / ИС РАН, ИСПИ РАН, РГСУ. — М.: ИС РАН, 2012. — 1 CD ROM. С. 1069-1070.
3. Waller M. On Toleration. New Haven: Vale University press, 1997.
4. Nicholson P. Toleration as a Moral Ideal // Aspects of Toleration. / Eds. / Horton, S. Mendus. London, New York: Mthnen and Co. ltd, 1985.
5. Mendus S. Toleration and the Limits of Liberation. Humenities Press International, 1989.
6. Toleration. An Elusive Virtne / Ed. D. Haid. Princetone: Princetone University Press, 1996.
7. Grey I. Pluralizm and Toleration in Contemporary Political Philisophi // Political Studies. Vol. 48. Oxford: Blecknell Publishers, 2000.
8. Хомяков М. Б. Толерантность: парадоксальная ценность // Журнал социологии, социальной антропологии. 2003. Том. IV. N 4.
9. Кольцова Е. Ю., Таратута Е. Е. Измерение толерантности // Журнал социологии, социальной антропологии, 2003. Том IV. N 4.
10. Победа Н. А. Толерантность: содержательные смыслы и социологическая интерпретация // Социологические исследования. № 6. 2007. С. 13-28.
11. Луначарский А.В. Воспитание нового человека. Л., 1928. — С. 26.
12. Путь к очевидности. М.1993.— С.309.
13. Педагогика и психология высшей школы. —Ростов н/Д, 2002.

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ НЕДОВЕРИЯ В РЕГИОНАЛЬНОМ СОЦИУМЕ

Реутов Е.В. (Белгород)

Российское общество испытывает дефицит доверия, который фиксируют результаты социологических опросов. Эту ситуацию зафиксировал во второй половине 1990-х гг. Г.Г. Дилигенский: «в

российском социуме низок уровень взаимного доверия людей, для него типичны взаимное безразличие, ограниченность реципрокного (т.е. основанного на взаимном исполнении обязанностей) поведения «родственно-дружеским» кругом, а чувство долга - масштабами семьи» [1, 230]. Никаких существенных изменений в лучшую сторону за прошедшие 10-15 лет не произошло. Так, по данным Левада-центра (2010 г., N=1600 человек), лишь 27% респондентов считает, что большинству людей можно доверять, а 66% - что в отношениях с людьми нужно быть очень осторожным (затруднилось ответить 4% респондентов) При этом, начиная с 1989 года наблюдается неуклонное снижение показателей доверия [2]. Опрос, проведенный под руководством автора в Белгородской области, выявил аналогичную тенденцию. Считают, что большинству людей можно доверять, 33,1% респондентов, нельзя – 51,5%, затруднились с ответом 15,4% [3, 43-44]. Устойчивость подобных показателей межличностного доверия в сочетании с низким уровнем доверия большинству политических и общественных институтов (за исключением Президента РФ, премьер-министра, РПЦ и, отчасти, Правительства РФ) позволяют констатировать сформированность в российском социуме своеобразной «культуры недоверия» (понятие, восходящее к работам П. Штомпки [4, 5]) как комплекса доминирующих в общественном сознании ценностей и установок, связанных с презумпцией нечестности и ненадежности большинства участников социальных отношений (как актуальных, так и потенциальных). Помимо собственно ментальных характеристик, «культура недоверия» отражена в массовых социальных практиках, для которых характерно: невключенность в функционирование большинства публичных институтов, неразвитость социальных сетей, за исключением основанных на близкородственных связях. Факторы формирования «культуры недоверия» можно классифицировать по ряду оснований. Во-первых, в соответствии со структурированием социума по сферам, можно говорить о социокультурных, административно-политических, социальных, экономических факторах. Социокультурными факторами выступают доминирующие в социуме ценности и установки, поддерживаемые традицией, религиозными и образовательными системами и пр. Административно-политические факторы исходят из структуры властных отношений и тех возможностей/ограничений, которые данные отношения транслируют в общество. Социальные факторы заключаются, прежде всего, в многообразии социальных групп и специфике их отношений друг с другом. Экономические факторы

действуют, как правило, опосредованно через социальные и определяются особенностями производственных отношений, экономической ситуацией в обществе и их влиянием на качество жизни, социальную поляризацию и т.п. В зависимости от устойчивости влияния на ситуацию следует вести речь о доминантных и ситуативных факторах. Если доминантные факторы имеют самовоспроизводящийся характер и являются производными от преобладающих в социуме в течение длительного исторического времени практик, то ситуативные формируются в зависимости от конкретной ситуации. Так, доминантными факторами формирования «культуры недоверия» применительно к российскому обществу являются отчужденность народа от власти, наличие множества этнокультурных барьеров, территориально-поселенческая «анклавность», обусловленная низкой плотностью населения, проживающего на огромной территории. К ситуативным факторам относятся особенности социальной динамики. Как правило, это стремительные и неконтролируемые большинством населения социальные трансформации. Так, в качестве ключевых причин падения доверия в посткоммунистических обществах рядом исследователей рассматривается социальная травма, негативный социальный форм шоковых реформ [6]. К их числу следует прибавить: слабость гражданских ассоциаций, социальную «атомизацию», высокий уровень преступности, связанной, в том числе, с посягательством на жизнь и имущество граждан. В соответствии с разделением социального доверия на институциональное и межличностное, следует отметить и возможную специфику факторов, определяющих тот и другой тип доверия. Так, межличностного недоверия в российском обществе имеет под собой, прежде всего, «травматическое» основание. Помимо шока от быстрых перемен, масса людей испытала сильнейшее воздействие реальных и мифологизированных образцов достижения стремительного успеха, основанного на нарушении этических и правовых норм. Соответственно, доверие к людям стало рассматриваться либо как слишком большой и непозволительный риск, либо как препятствие к достижению успеха. Формирование «культуры институционального недоверия» обусловлено комплексом причин, среди которых - деинституционализация социальных отношений и неэффективность многих социальных институтов. Деинституционализация обусловлена, в свою очередь, традиционным доминированием неформальных практик в российском социуме, персонализацией социальных, особенно политических, феноменов,

свойственных общественному сознанию, а также огромным разрывом между формальными институтами и неформальными практиками в политической и экономической сферах общества. Паттерны массового сознания российского общества достаточно инертны и воспринимают функционирование институций, как правило, через их персонификацию либо в контексте борьбы групп интересов. Принятие управленческих решений, действительно, сплошь и рядом носят спонтанный, внеинституциональный характер. Но, по-видимому, базовые факторы институционального недоверия коренятся в неэффективности либо абсолютной недейственности институтов в их способности реализовывать общезначимые цели с минимальным уровнем дисфункциональности. Все указанные факторы имеют социетальный характер. Между тем, существует и явная специфика, связанная с групповыми и личностными характеристиками, формирующими недоверие как устойчивый аттитюд. К ним относятся статусно-ролевые факторы недоверия. П. Штомпка, наряду с профессиями, предполагающими высокий уровень доверия к контрагенту (врач, социальный работник, священник) говорит о занятиях, связанных с недоверием (полицейский, таможенник и пр.). Распространенность в обществе подобных сфер деятельности также способствует закреплению «культуры недоверия». Можно также утверждать, что, помимо профессионально-статусных характеристик, на формирование «культуры недоверия» могут оказывать влияние иные статусно-ролевые характеристики, связанные с частотой тех или иных ситуаций в жизни человека или особенностями его внепрофессиональной деятельности. Если, по П. Штомпке, для появления культуры доверия необходим типовой уровень персонального и коллективного капитала, ресурсов, наиболее значимыми из которых являются богатство, хорошая стабильная работа, многообразие социальных ролей, власть, образование, «связи», крепкая семья, религиозные верования [5, 133], соответственно, противоположный аттитюд формируется в условиях отсутствия хорошей (по субъективным меркам) и стабильной работы, недостаточной квалификации, ограниченности социальных и межличностных контактов, отчуждения от власти, проблем и отсутствия взаимопонимания в семье, морального релятивизма.

Литература

1. Дилигенский Г.Г. Становление гражданского общества: Культурные и психологические проблемы // Гражданское общество в России: Структуры и сознание. М.: Наука, 1998. С.221-251.
2. Стоит ли доверять людям? // URL: <http://www.levada.ru/press/2010051901.print.html> (дата обращения 25.05.2010)
3. Реутов Е.В., Колпина Л.В. Социальное доверие в региональном сообществе // Среднерусский вестник общественных наук. 2010. № 3. С.40-48.
4. Sztompka P. Trust: a Sociological Theory. Cambridge: Cambridge University press, 1999.
5. Штомпка П. Доверие – основа общества. М.: Логос, 2012. 440 с.
6. Еремичева Г., Симпура Ю. Недоверие как социальная проблема современной России // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т.2. Вып. 4. URL: http://read.newlibrary.ru/read/eremicheva_g_simpura_yu_/page0/nedoverie_kak_socialnaja_problema_sovremennoi_rossii.html (дата обращения 16.08.2012)

БОГАТЫЕ И БЕДНЫЕ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ РАЗНЫХ ПОКОЛЕНИЙ

Ростова А.В. (Тольятти)

Трансформация социальной структуры современного российского общества, развитие рыночных отношений приводит к смене паттернов поведения. Формируемый в СССР резко негативный образ богатого человека, сочувственное отношение к бедным сегодня уже не отвечают современным реалиям жизни. Квинтэссенция отношения к богатым и бедным выражается в малых жанрах фольклора – пословицах и поговорках, которые в короткой форме выражающие мудрые мысли народов, выражают мораль, отношение к какому-либо явлению и нередко имею юмористическую окраску. В 2012 году нами было проведено социологическое исследование в г.о.Тольятти, в ходе которого было опрошено 200 респондентов в возрасте от 20 до 60 лет (Таблица 1). В состав респондентов вошли 52% женщин и 48% мужчин с различным уровнем образования. Выборка – целевая. Таблица 1. Возрастной состав респондентов (в %)

Возраст респондентов	% 20-30 лет	27	31-40 лет	25	41-50 лет	25	51-60 лет	23
Всего	100							

В ходе исследования респондентам было

предложено высказать свое согласие, либо несогласие с рядом пословиц и поговорок о богатстве и бедности. В итоге были получены следующие результаты. Стоит отметить, что основная масса респондентов в основном выразила согласие с предлагаемыми пословицами. Однако стоит отметить и существенную разницу между представителями советского и постсоветского общества. Например, «Трудом праведным не наживешь палат каменных». Мнения респондентов разделились: 54% высказали свое согласие, тогда как 46% - не согласны с данным утверждением. При этом среди респондентов, считающих невозможным праведным трудом достичь благосостояния, 70% оказались люди в возрасте 51-60 лет. Что же касается молодого поколения – 20-30 лет – то, их мнения разделились поровну. 64% респондентов согласились с высказыванием «Бедность не порок, а несчастье», остальные – чуть больше трети – не согласны с такой постановкой вопроса. Причем к «сочувствующим» примкнули представители советского общества. Это свидетельствует о глубоко укоренившемся паттерне оправдывать бедность несправедливой социальной реальностью. Эти выводы подтверждают и следующие результаты. 36% респондентов посчитали, что «Без денег – бездельник», тогда как 64% все же не согласились с данным утверждением. Относительно утверждения «Богачи едят калачи, да не спят в ночи» мнения разделились следующим образом: 38% - согласились и 62% - высказали несогласие. Однако, здесь стоит отметить следующую особенность: чем выше респонденты оценивали уровень своего благосостояния, тем в большей степени при ответе они склонялись в сторону несогласия с поговоркой, и наоборот (Таблица 2).

Таблица 2 Мнение респондентов о пословице (по уровню материального благосостояния, в %)

Богачи едят калачи, да не спят в ночи	Размер заработной платы до 10 000	10 001-20 000	20 001-30 000	более 30 001
Согласен	49%	36%	12.5%	38%
Не согласен	51%	64%	87.5%	62%
Всего	100%	100%	100%	100%

Такую же тенденцию можно наблюдать и при высказывания о пословице «Чем беднее, тем щедрее; чем богаче, тем скупее», однако мнения здесь разделились практически поровну: 52% - согласен; 48% - не согласен. Среди согласных с тем, что «Богатством ума не купишь» оказалось 78%, среди несогласных 22%. Что касается мнения респондентов «Не в деньгах счастье», то радостным фактом оказалось то, что основная масса опрошенных – 76% – согласны с данным высказыванием, при этом независимо от оценки своего материального благосостояния. Однако 24% респондентов все-таки не выразили своего согласия.

Здесь стоит отметить, что по мере взросления респондентов деньги как залог счастливой жизни постепенно теряют свою значимость. Интересными представляются следующие результаты. Мнения о поговорке «Деньги как камень на душу ложаться» разделились практически поровну: 47% согласных против 53% несогласных. Однако здесь интересно сравнить ответы по возрастам респондентов (Таблица 3). Таблица 3. Мнение респондентов о пословице (по возрасту респондентов, в %) Деньги как камень на душу ложаться

Возраст	20-30 лет	31-40 лет	41-50 лет	51-60 лет	Всего
Согласен	33%	35%	58%	64%	47%
Не согласен	67%	65%	42%	36%	53%
Всего	100%	100%	100%	100%	100%

Как видно из приведенной таблицы, ответы обратно пропорциональны возрасту, то есть чем старше человек, тем он более склонен соглашаться с поговоркой; чем респонденты моложе, тем, напротив, они в меньшей степени согласны с утверждением. Это свидетельствует о становлении нового отношения к деньгам и богатству среди молодого поколения, которое в большей степени склонно позитивно оценивать богатство. О новом отношении к богатству свидетельствуют и результаты высказываний респондентов о пословице «Богатство полюбится - ум расступится»: 39% согласных и 61% несогласных. В число несогласных вошли представители двух возрастных групп – 20-30 и 31-40 лет. Таким образом, подводя итог проведенному исследованию, можно отметить следующее, что среди представителей старшего поколения сохраняются сформированные еще в советскую эпоху представления о богатстве и бедности. В частности, респонденты негативно оценивают богатых и сочувственно относятся к бедным. Что касается молодого поколения, то здесь можно наблюдать становление новых культурных паттернов: более критичное отношение к бедным и терпимое отношение к богатым и богатству. Однако стоит отметить, что это становление весьма противоречиво, что выражается в достаточно противоречивых ответах.

КОЛЛЕКТИВИЗМ КАК ВАЖНЕЙШИЙ ЭЛЕМЕНТ ЭТИЧЕСКОЙ И ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ОСНОВЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Русалинова А.А. (Санкт-Петербург)

С начала 90-х годов прошлого века в отечественной социологической науке проблемы и принципы коллективизма либо просто игнорируются, либо подвергаются уничижительной критике

как противоречащие современным социальным системам организации общества, поскольку они, якобы, основаны на подавлении интересов личности в пользу интересам общества в целом и той конкретной общности, в которую человек включается как член социума. Между тем, по мере развития новых социальных реалий в жизни России и всего мира все чаще проявляется самая насущная потребность современного общества в возрождении ценностей коллективизма как важнейшего фактора регулирования взаимоотношений между людьми как на уровне отдельных организаций и предприятий, так и на уровне всего человечества в целом. Эта потребность особенно ярко проявляется в экстремальных условиях человеческой деятельности, когда именно от проявления «духа коллективизма» зависит не только успешность совместной деятельности людей, но иногда сама их жизнь. Хорошо осознают и чувствуют потребность в коллективизме как наиважнейшей характеристике спортивной команды, обеспечивающей ее высокие результаты, тренеры наших победителей спортивных олимпиад и сами члены олимпийских команд. Потребность в развитии духа коллективизма на уровне отдельных организаций и предприятий в настоящее время реализуется технологией «командообразования», которое рассматривается в качестве необходимого условия успешности совместной деятельности как управленческого персонала, так и отдельных исполнительских групп, в которых выполнение поставленных задач может быть обеспечено только совместной взаимосвязанной деятельностью. Потребность в коллективных формах отдыха (рекреационной деятельности) можно считать одной из наиболее устойчивых социально-психологических характеристик молодежи. В современных условиях потребность в совместной деятельности приобретает у молодежи форму широкого развития волонтерского движения. По данным некоторых исследований ведущими мотивами участия в волонтерской деятельности являются мотивы альтруистические (потребность быть полезными другим людям), прагматические (потребность получать реальные результаты приложения своего личностного потенциала) и коммуникативные (потребность расширить круг своего общения и обрести новых знакомых и друзей). Несмотря на все попытки «антикоммунистов» вытравить сами термины «коллектив» и «коллективизм», эти термины сохраняются в реальной языковой практике и не только передаются новым поколениям молодежи, родившейся уже в 90-е годы, но и принимаются многими из них как реальные ценности. Так, по данным опроса студентов Санкт-

Петербургского Политехнического университета, выполненного в лаборатории социальной психологии НИИКСИ СПбГУ в 2011 г. (опрошено 150 чел.) было установлено, что для этой категории молодежи коллективистские отношения в учебной группе имеют важное значение. При этом, в своем большинстве оценки личностной значимости коллективистских характеристик превышают значения оценок уровня реального развития тех же характеристик в учебной группе опрошенных. Наиболее высоко оценивается значимость уважения друг к другу (индекс групповой оценки по всему массиву составляет 0,86), взаимопомощи и сотрудничества (0,78), интереса друг к другу (0,78). Эта особенность отражает достаточно высокий уровень потребности студентов именно в коллективистских отношениях. Только оценки личностной значимости уровня развития взаимной требовательности и соревновательных отношений оказались ниже оценок их реального развития в группе. Таким образом, реализация принципов коллективизма оказывается в настоящее время актуальной и для новых поколений россиян. Наконец, в последние годы стали появляться социологические материалы, которые прямо ставят вопрос о необходимости переосмысления терминов «коллективизм» и «коллектив» с позиций не только его реальной востребованности в современном обществе, но и жизненной необходимости целенаправленной разработки механизмов его внедрения в организацию жизни всего человечества [1, 2, 3, 4]. В то же время игнорирование принципов коллективизма в современных условиях начинает представлять глобальную опасность для самого существования человеческого общества: развитие ориентации только на личное благополучие, возрастающее доминирование материальных ценностей, рост коррупции, самых жестоких видов преступлений против личности, межконфессиональных конфликтов, молодежного экстремизма, - все это в определенной степени следствия выдавливания из менталитета самых разных слоев общества одной из важнейших нравственных ценностей, на которых строится само существование человечества. Одной из главных причин игнорирования в отечественной социальной науке проблем коллективизма и коллектива можно считать теоретическую неразработанность самих этих терминов и определяемых ими явлений социальной жизни общества. Из этой причины вытекает и вторая – отсутствие надежного, хорошо проверенного методического инструментария для проведения эмпирических исследований и обобщения их результатов. В настоящее время в лаборатории социальной психологии НИИКСИ ф-

та социологии СПбГУ в рамках общей темы «Духовно-нравственные ценности как важнейший фактор социального согласия и развития» осуществляется разработка теоретических и методических подходов к изучению этого важнейшего принципа существования и развития человеческого общества и измерению уровней его реализации в различных типах организованных общностей.. При этом в основу как методологической разработки, так и эмпирического исследования закладывается уровневый подход: коллективизм рассматривается: а) как общечеловеческая ценность и элементарный принцип существования и развития общества в целом, б) как наиболее эффективный тип деловых и личных взаимоотношений в каждой реальной организации, осуществляющей социально значимую деятельность; в) как особая индивидуально-психологическая характеристика личности, имеющая принципиальное значение для успешности построения нового высокоорганизованного общества.

Литература

1. Худяков С.В. Коллективность и совместность как категории социологического исследования организации//Вестник Пермского национального исследовательского поли-технического университета. Социально-экономи-ческие науки. 2010. № 7. С. 41-50.
2. Русалинова А.А. Сущность коллективизма и его роль как духовно-нравственной ценности в жизни современного российского общества. Материалы V Ковалевских чтений, СПб. 2010 . С. 843-845.
3. Толстых Н.Н. О реабилитации термина «коллектив» и возрождении проблематики коллективизма. Социальная психология и общество 2011. № 3. С. 5-13.
4. Русалинова А.А. Коллективизм как социально-психологическая и нравственная основа формирования толерантности и противостояния экстремизму, национализму и терроризму. Материалы VI Ковалевских чтений. СПб, 2011. С. 550-552.

ВЛИЯНИЕ СМИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПОВ

Рыкшина Ю.. (Новосибирск)

Одной из характерных черт современного общества стали динамичные миграционные процессы, одним из следствий которых становятся изменения в этнической структуре отдельных регионов,

что, в свою очередь, влияет на характер межэтнических отношений и отражается в функционирующих этнических стереотипах. В науке сложилось устойчивое понимание этнического стереотипа как устойчивых, эмоционально насыщенных образов этнических групп, и аккумулирующих опыт общения и взаимодействия разных этнических групп. Известно, что этнические стереотипы формируются с детства, источником могут выступать значимые для ребенка личности, такие как родители, воспитатели, учителя, в дальнейшем новые знания об этническом разнообразии черпаются из множества других источников, среди которых значимое место занимают средства массовой информации. Свойствами этнических стереотипов является обобщенность, схематичность образов, которые относятся к этнической группе в целом, и переносятся на каждого отдельного члена этой группы. Исследования показывают, что в раннем детстве человек свободен от стереотипных представлений. Однако уже в младшем школьном возрасте стереотипы начинают активно усваиваться и использоваться детьми, значительно опережая формирование собственных ясных представлений об этнических группах. В книге Павленко В. Н. и Таглина С. А. «Факторы этногенеза» указано на то, что первый слой этнической специфики сознания закладывается в раннем сенсомоторном опыте ребенка. Этот процесс начинается с того момента, когда ребенок начинает воспринимать содержание напеваемых ему колыбельных песен. Есть и другие факторы, влияющие на формирование этнических стереотипов. Воспитание, образование, общественная оценка различных событий, средства массовой информации – через эти каналы формируются представления о других этнических группах. Средства массовой информации как канал трансляции и проецирования играют очень важную роль в формировании этнических стереотипов. От того как именно преподнесена информация и от того, толерантно ли она освещена зависит ее восприятие аудиторией. Многие исследователи отмечают, что явно негативные и интолерантные сообщения в СМИ могут формировать явно отрицательные представления о той или иной группе населения. От деятельности СМИ зависит взаимопонимание и взаимотерпимость людей разных национальностей и конфессий, живущих на территории одной страны. Современные СМИ способны предоставлять человеку информацию в таком виде и формате, который достаточен для удовлетворения информационных потребностей. Достаточно включить новостную ленту в интернете, чтобы увидеть информацию в интересующем блоке, будь то политика, спорт или наука.

Современному человеку дали возможность не расставлять самостоятельно оценки событиям, ведь от комментария журналиста можно получить уже сформированное мнение, которое легко воспринять человеку. Человек становится более подвержен влиянию извне. Этнические стереотипы зарождаются от увиденного где-то или услышанного, даже, если человек ни разу не встречался с представителем данной национальности, которую он «недолюбливает», то в соответствии с феноменом стереотипизации происходит проекция, имеющихся у него знаний на конкретного представителя этнической группы. Средства массовой информации влияют на сознание людей, формируя отрицательное или положительное отношение к чему-либо, в практике СМИ активно используются способы, влияющие на потребителя информации, на подсознательном уровне. Выгодная информация встраивается в общий поток подаваемой информации и в итоге автоматически вызывает определенную реакцию в обществе на конкретное событие. Часто подача информации в СМИ сопровождается тщательным отбором понятий, которые могут вызывать различные ассоциации. Это позволяет влиять на восприятие людьми информации. Может быть сделан упор на формулировку предложений, например - Россия – наша страна; наш президент; преступление совершено молодыми парнями, а может и так: рост числа армян в городе, ограбление произвел таджик, преступником оказался азербайджанец. Рассматривая сводки городских новостей можно увидеть, что когда происходит какое-либо негативное событие, совершенное русскими людьми, то на их национальности не делают акцента, когда же речь заходит об иностранных гражданах, то сразу указывается национальность и упор делается как раз на нее. У того, кто смотрит/читает/слушает новости складывается определенное отношение к другим этносам, как к вражеским. Анализ содержания материалов, посвященных этнической проблематике позволяет высказать предположение, что в современных отечественных СМИ ещё не нашла должного отражения и не развита культура подачи материалов, освещающих этническую проблематику. Редко и не очень подробно освещаются жизнь малых народов или народов Кавказа, чаще это привязано к религиозным праздникам. К позитивным событиям, которые отражают жизнь других народов, относятся крупные события, такие как научные открытия, выборы президента или получение призов в международных фестивалях. Исследование данной темы чрезвычайно актуально на материалах СМИ, так как преподносит огромное количество информации, мною

проанализированы процессы межэтнического взаимодействия после освещения, какого либо события. Объектом исследования выступают СМИ. Предметом – характер влияния СМИ на формирование этнических стереотипов. При проведении данного исследования была проанализирована литература на эту тематику (исследования, монографии, публикации), систематизирована полученная информация и обобщены полученные данные. В качестве метода исследования был выбран контент-анализ материалов, публикуемых в таких журналах как «Русский Репортер», «Коммерсантъ» и газете «Аргументы и Факты». В качестве единиц контент-анализа были взяты слова или фразы (часть текста, содержащая в себе признаки, соотносящиеся с категориями анализа), логически-связанные с присутствием формирования стереотипов о других народов при помощи СМИ.

СОЦИАЛЬНОЕ СОГЛАСИЕ В РОССИИ В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ РОССИЙСКОЙ ПОЛИМЕНТАЛЬНОСТИ

Семёнов В.Е. (Санкт-Петербург)

В нашем понимании такие большие социальные группы как нация, народ, население страны отличаются полиментальностью (термин введен автором в 1999 г.), т.е. наличием нескольких менталитетов в их сложном взаимосуществовании и противоборстве. Еще в 1994 г. автор предложил типологию базовых российских менталитетов на основе философских категорий-координат («Бог – идол», «коллектив – индивид»): российско-православный (имеет тысячелетнюю историю); коллективистско-социалистический (имеет истоки в общине, артели, сформировался за три четверти века в СССР); индивидуалистско-капиталистический (формировавшийся, начиная с реформ Петра I по 1917 год, и возрождающийся ныне в очень специфическом виде); криминально-мафиозный (существовал всегда, в 90-е годы XX века в России превратился в феномен «великой криминальной революции»). Следует еще назвать массовый мозаично-эклетический псевдоменталитет [1].

Полиментальность своеобразно проявляется и отражается в политическом сознании и политической практике людей. По выборам разного уровня (от местных до президентских) до некоторой степени можно судить о принадлежности россиян к различным типам ментальности, политического сознания. Так, на президентских выборах в марте 2000 г. коллективистско-социалистический менталитет выразила примерно треть избирателей, голосовавших за

лидера КПРФ Г.Зюганова и губернатора А.Тулеева. Западно-капиталистическую ментальность выразили 5,8% избирателей, проголосовавших за Г.Явлинского. Можно сказать, что среди 52,6% избирателей, выбравших В.Путина, было много представителей православной ментальности, так как его православность постоянно позиционировали СМИ. Выразитель эклектического псевдоменталитета В.Жириновский получил 2,7% голосов.

В 2004 году на президентских выборах за представителей коллективистского менталитета Н.Харитонов и С.Глазьева суммарно проголосовало 17,8%. Выразительницу прозападного либерального менталитета И.Хакамаду предпочли только 3,9%. Кандидата от «псевдоментальной» ЛДПР О.Малышкина поддержали 2% избирателей. Зато православный демократ В.Путин набрал 71,2%.

В 2008 г. выразитель социалистического менталитета Г.Зюганов получил 17,7% голосов избирателей. Прозападный предводитель российского масонства А.Богданов довольствовался 1,3% голосов, в то же время представитель псевдоменталитета В.Жириновский приподнялся до 9,35%. Новый президент РФ Д.Медведев (заметим, что он, как и Путин, позиционировал себя как православного христианина) получил 70,3% голосов избирателей.

В 2012 году представители коллективистко-социалистического менталитета Г.Зюганов и С.Миронов получили 21,1% голосов (соответственно, 17,2% и 3,9%). Прозападному либералу М.Прохорову на сей раз досталось 8% голосов, что значительно выше всех прошлых результатов представителей индивидуалистско-капиталистической ментальности. В то же время, В.Путин получил 63,6% голосов (на 7,6% меньше, чем в 2004 году). Выразитель мозаично-эклектического менталитета В.Жириновский также получил меньший процент голосов, чем ранее (6,2%). При этом следует отметить, что Прохоров наибольшее число голосов обрёл в Москве (20%) и Петербурге (почти 16%), где сосредоточена основная часть богатых людей и «золотой молодёжи». Здесь же проходили многотысячные демонстрации прежде всего либеральной прозападной публики под лозунгом «За честные выборы» (различные нарушения на выборах, несомненно, имели место). Однако, социологические опросы свидетельствуют, что В.Путин, безусловно, победил, даже если таких нарушений не было бы. Тем более очевидно, что М.Прохоров со своими противоречивыми прозападными, эксплуататорскими и снобистскими установками чужд большинству российских избирателей. Но неадекватные

действия властей в процессе выборов привели к протестным настроениям и действиям среди молодёжи.

Выборы в Государственную Думу в декабре 2003, 2007 и 2011 гг. также подтвердили указанные тенденции. Прозападные партии СПС («Правое дело») и «Яблоко» оказались вне Думы. Таким образом, на основе анализа результатов голосования (при всех их недостатках), можно косвенно говорить о том, что в стране относительно преобладают традиционные (прежде всего, православные) и просоциальные умонастроения.

Не случайно в наших исследованиях петербургских студентов и учащейся и работающей молодёжи Петербурга на вопрос «Какое общество Вы хотели бы построить в России?» лидирующими вариантами ответов оказались: «общество социальной справедливости», «общество личной свободы и бизнеса» и «общество правды и добра». Вариант «общество потребления и комфорта» получил меньше всего сторонников (20%). К тому же, за последние 10 лет ценность справедливости среди молодёжи выросла в 2 раза [2].

В настоящее время идёт ценностная идейная кристаллизация. После более чем 20 лет «промывания мозгов» и перепрограммирования нашего сознания с помощью олигархических СМИ, рекламы, интернета часть населения выбирает деньги, нелегитимный бизнес и идеологию потребления. И в то же время большинство всё-таки предпочитает духовно-нравственные и просоциальные ценности. Однако приходится признать, что среди молодёжи потребителей «пива и зрелищ», ограниченных эгоистов появилось достаточно много.

Вместе с тем, очевидно, что кроме извечного противостояния законопослушных граждан и криминалитета, существуют проблемы в сфере социального согласия и психологической совместимости и между другими представителями базовых российских менталитетов. В своё время это была идейная борьба между «почвенниками» и «западниками», затем уже физическая борьба, перешедшая в гражданскую войну между «белыми» и «красными». Ныне возникают и более сложные противоречия между условно говоря «белыми» (традиционалистами), «красными» (социалистами) и «голубыми» (либералами) - практически между представителями трёх базовых российских менталитетов.

Как это ни покажется для некоторых странным, но в современной ситуации между православным и социалистически-коллективистским менталитетом наблюдается большее согласие, чем

между каждым из этих двух менталитетов и либерально-индивидуалистическим менталитетом, о чём свидетельствуют результаты социологических исследований, в том числе проведённых в НИИКСИ.

Выход из создавшихся ценностно-ментальных противоречий может быть найден в некоем духовно-нравственном прозрении и консенсусе. В рациональном для одних и эмоциональном для других постижении жизни, мира и справедливости как высших ценностей, из которых и происходит социальное согласие. Даже морально индифферентные люди должны понять, что иначе всех, и их в том числе, ожидает конфликт, столкновение и, в худшем случае, в конце концов, взаимоуничтожение.

Примеры согласия представителей базовых российских менталитетов (за исключением криминального) имеются. Например, в совместных выступлениях петербуржцев против строительства в близком к центру города месте дисгармонично агрессивной сверхвысокой башни «Газпрома» (свыше 400 метров), в которых приняли участие и либералы, и «левые», и христиане. Ценность гармонии, классической красоты города восторжествовала. А ведь, рассуждая философски, гармония – это и есть наглядно выраженная справедливость, а социальная несправедливость – та же дисгармония, порождающая хаос и конфликт. Поэтому главным национальным проектом в стране должен стать проект «Духовно-нравственное преобразование России», без которого никакое настоящее развитие невозможно [2].

Литература

1. Семенов В.Е. Российская полиментальность и социально-психологическая динамика на перепутье эпох. – СПб, Изд-во СПбГУ, 2008
2. Семенов В.Е. Духовно-нравственные ценности и воспитание как важнейшие условия развития России // Психологический журнал. 2011, №5, С.92-96.

О КУЛЬТУРНОМ СОДЕРЖАНИИ ПРАВОСОЗНАНИЯ

Сикевич З.В. (Санкт-Петербург)

Исторически в России, причем далеко не случайно, сложилось устойчивое представление о законе, как о чем-то враждебном и противостоящем частному, «маленькому» человеку, который вполне естественно стремится его обойти, обмануть его носителей, а если не удастся, остаются два пути – «умаслить» («не подмажешь – не поедешь») или понадеяться на удачу.

Человек государству заведомо не верит, так как оно постоянно обманывало его в лице носителей власти – отелных чиновников, поэтому по отношению к этому «несправедливому» государству допускается любой обман, который нравственно оправдывается как защитная реакция частного лица на давление государственной машины. Все это из поколения в поколение безотчетно впитывается любым из нас еще в ходе семейной социализации, и не всегда даже выходит на уровень социальной рефлексии.

В результате нормативным на уровне обыденного сознания становится не законопослушание, а напротив, уклонение от закона или удобная интерпретация этого закона в свою пользу.

Представляется, что такое восприятие Закона, Права, в целом Государства труднее всего поддается трансформации, именно потому, что затрагивает наиболее глубинные слои обыденного сознания и, как уже говорилось, неосознаваемой модели межличностных и межгрупповых отношений.

Таким образом, институциональная норма законопослушания и правосознания, в культурном отношении универсальная для всех людей, независимо от их этнической принадлежности, в русском контексте вступает в непримиримое противоречие с нормами обычного права, сложившимися на основе практического опыта взаимодействия наших соотечественников с правовой системой Государства и Власти.

Проверка этого концептуального предположения стала одной из первостепенных задач исследования 2010 г. Предполагалось, что именно в этой сфере социальных и групповых отношений противоречия будут наиболее глубокими, и в конкретных жизненных ситуациях человек предпочтет поступить «по обычаю», а не в соответствии с институциональным императивом.

Для сравнения восприятия закона как универсальной формы взаимодействия людей в обществе, с одной стороны, и «закона в России» как социокультурной интерпретации этого понятия, исходя

из собственного опыта носителя нормативной установки, участником опроса были предложены два сходных по содержанию вопроса, построенные на основе методики семантического дифференциала.

Респонденту следовало сначала выразить те чувства, которые вызывает лично у него понятие «закон», а затем, то же самое проделать с понятием «закон в России». Парные, полярные по знаку, ассоциации с этими символическими категориями (например, «хорошо» - «плохо») оценивались по 5-балльной шкале. Более высокий балл (5 или 4) присваивался позитивному полюсу шкалы (например, «спокойно»), а низкие баллы (2 или 1) - негативному полюсу шкалы (например, «тревожно»). Предпочтение «3» интерпретировалось как сомнение в выборе той или иной категории.

Методический символ этой конструкции заключается в том, что парные сравнения прямо не отражают содержания сравниваемых категорий, а маркируют спонтанную эмоциональную реакцию на определенное символическое понятие. Ценность этой методики заключается в снижении эффекта «социальной желательности» (стремления респондента следовать общепринятой норме, чтобы не оказаться в меньшинстве), так как социальная норма скрыта, и он отвечает, как чувствует.

Таблица 1

(средний балл)

«Закон» и «Закон в России» в восприятии петербуржцев

<i>Позитивные суждения</i>	ЗАКОН	ЗАКОН В РОССИИ	<i>Негативные суждения</i>
Хорошо	3,9	2,5	Плохо
Важно	4,3	3,0	Не важно
Спокойно	3,8	2,3	Тревожно
Удобно	3,3	2,5	Не удобно
Сильно	3,4	2,3	Слабо
Независимо	3,0	2,2	Зависимо

Средний балл по всем суждениям просто «Закона» – 3,6 балла; «закона в России» - 2,5 балла. Различие в оценке, причем существенное – налицо.

Примечательно, что подавляющее число опрошенных петербуржцев полагает, что законы «важны» для любого общества, в

том числе и российского: по паре суждений «важно – не важно» для категории «закон в России» оценка по сравнению с другими относительно более высокая.

Наиболее скептически участники опроса относятся к независимости закона. Не случайно последняя пара суждений в обеих категориях получила самую низкую оценку. По-видимому, у россиян сохраняется традиционная уверенность в том, что любой закон выражает интересы элит, а не простого человека, и поэтому зависит от воли любого носителя власти значительно больше, чем от категорий «должного» и «морального».

Несмотря на то, что респонденты в целом признают необходимость закона как такового, нигилистическое для России отношение к праву косвенно влияет и на общую оценку этой категории. Только в одном случае (пара «важно» - «не важно») оценка превышает 4 балла.

Прямой вопрос, заданный участникам опроса, раскрывает причины подобного скепсиса. 97,5% респондентов, т.е. фактически все, считают, что в реальной жизни конституционная норма равенства перед законом не соблюдается. В числе тех, кто пользуются негласными преимуществами, были названы «богатые люди» (67,8%), «представители власти в целом» (67,0%), «криминальные структуры» (63,3%), «силовики» (43,5%). Причем две трети участников опроса перечисляли не одну, а несколько групп людей, которые, по их мнению, «равнее» других перед законом.

Не удивительно поэтому, что лишь каждому 5 респонденту (21,6%) стыдно в тех случаях, когда приходится обходить закон. 70,8% «грустно» от того, что в нашей стране выгодно законы не соблюдать.

Вместе с тем, как это и не парадоксально, 80,1% опрошенных петербуржцев считают себя законопослушными людьми, по-видимому, полагая, что законопослушание и игнорирование «неудобных» законов – это совершенно разные модели поведения.

С целью контроля полученных данных мы прибегли к психолингвистической процедуре; респондентам предлагалось выбрать из 13 фразеологизмов один, который соответствовал бы их представлению о том, во-первых, каким должен быть идеальный закон, во-вторых, каким он не должен быть ни в коем случае, в-третьих, каков закон в России и, в-четвертых, каким закон в России не бывает никогда (см. табл. 2).

Самое первое, что бросается в глаза при взгляде на таблицу 2 – это фактическое совпадение ответов как по рубрикам «идеальный

закон» и «не такой закон в России», так и по рубрикам «плохой закон» и «закон в России».

Таблица 2
Символические образы закона

<i>Суждения</i>	<i>Идеальный закон</i>	<i>Плохой закон</i>	<i>Закон в России</i>	<i>Не такой закон в России</i>
Без сучка, без задоринки	40,2	0,8	-	12,5
Грош цена	-	7,5	6,7	2,5
Комар носу не подточит	6,7	-	3,3	17,5
Курам на смех	-	15,0	5,0	3,3
Зеленая улица	2,4	2,5	0,8	2,5
Филькина грамота	-	23,6	16,7	4,2
Ни рыба, ни мясо	-	8,3	24,2	0,8
Белый свет	2,4	-	2,5	6,7
Темный лес	0,8	16,6	15,8	2,5
Ясный как дважды два	31,7	0,8	3,3	22,5
Выеденного яйца не стоит	-	9,1	3,3	4,2
Работает как по маслу	15,0	-	1,6	13,3
На скорую руку	0,8	15,8	16,8	7,5

Как видно, идеальный закон должен быть «без сучка, без задоринки», «ясным как дважды два» и «работать как по маслу». Т.е. выражаясь современным лапидарным языком, хороший закон ясен, непротиворечив, не допускает двусмысленных толкований, и поэтому работает без всяких помех и затруднений, независимо от того, кем именно и в отношении кого он применяется.

К российским законам, по мнению респондентов, безукоризненность формулировки, прозрачность и результативность явно не относятся. К тому же к ним никак не относится качество «комар носу не подточит», т.е. российские законы легко оспорить, придаться к их содержанию.

А какие законы типичны для России? Это «ни рыба, ни мясо», т.е. нечто непонятное и неопределенное. «Филькина грамота», т.е. пустая бумажка, не обладающая никакой реальной ценностью. Они созданы «на скорую руку», т.е. кое-как; в них можно заблудиться как «в темном лесу.»

Но именно эти же качества, как считают опрошенные петербуржцы, характеризуют «плохие законы», которые «курам на смех», т.е. что-то нелепое и бессмысленное.

Конечно, можно утешаться тем, что все лишь затверженные традиционные стереотипы, и на самом деле российские законы – прекрасны, только их исполнители слегка «подкачали».

ОБРАЗ ИНВАЛИДНОСТИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ (НА ПРИМЕРЕ СТУДЕНЧЕСТВА Г. БАРНАУЛА)

Сиротина Т., Рыжманова А.Л. (Барнаул)

Согласно Конвенции о правах инвалидов, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 13 декабря 2006 г. и ратифицированной РФ 3 мая 2012 г., Россия берет на себя обязательство «принимать безотлагательные, эффективные и надлежащие меры к тому, чтобы вести борьбу со стереотипами, предрассудками и вредными обычаями в отношении инвалидов во всех сферах жизни; а так же поощрять позитивные представления об инвалидах и более глубокое понимание их обществом» (ст. 8). Молодежь является одной из наиболее динамичных социальных групп. Представления молодых людей о людях с нарушениями развития значительно влияют на отношение к людям с ограниченными возможностями в социуме. Особая роль в этом процессе принадлежит студенческой молодежи как наиболее образованной части молодых людей. С целью выявления существующего в представлениях студенческой молодежи г. Барнаула образа человека с нарушениями развития, сравнения данного образа с представлениями о себе молодых людей с инвалидностью и поиска путей формирования позитивных представлений об инвалидах, нами было проведено социологическое исследование. В исследовании (метод – анкетирование) приняли участие 107 молодых людей с ограниченными возможностями и без таковых в возрасте от 17 до 30 лет. Распределение выборочной совокупности по категориям: молодежь с инвалидностью – 50 чел., молодежь без инвалидности – 57 чел.. Распределение совокупности респондентов по полу: 62,6% – женщины, 37,4% – мужчины. Среди основных источников информации о проблемах людей с инвалидностью более половины молодых людей без инвалидности выделила средства массовой информации, кинофильмы (66,7%); следующую по величине группу составил личный опыт (40,4%). Вероятно, личный опыт является наиболее эффективным способом формирования реалистичного образа человека с инвалидностью, однако в условиях катастрофического недостатка такого опыта

(59,6% респондентов) на первое место выходят визуальные образы, информация, представленные в СМИ, фильмах. Общим вопросом для обеих групп молодежи был вопрос об их досуге. Было выявлено, что проведение досуга имеет не такие большие различия для обеих категорий респондентов. Для них одинаково важно как общение с друзьями (86% молодые люди без инвалидности и 70% □ с ограниченными возможностями), так и общение в Интернете (52,6% □ 66%), что объясняется возрастом выбранной нами категории. Вместе с тем, молодые люди с инвалидностью больше времени проводят в интернете, что, вероятно, связано как с наличием большего количества свободного времени, так и неприиспособленностью городской инфраструктуры для передвижения маломобильных групп населения, что существенно ограничивает для них выбор форм досуга. Последним объясняется и гораздо более редкое посещение молодыми людьми с ограниченными возможностями развлекательных мест в городе (36,8% □ 22%). Нас также интересовало представление молодых людей без инвалидности о формах досуга молодежи с инвалидностью. Результаты были следующими: по мнению студентов молодые люди с ограниченными возможностями предпочитают проводить свободное время в сети Интернет (80,7%), общаясь с семьей (71,9%), читая (59,6%), со значительным отрывом – общаясь с друзьями (42,1%) и др.. Таким образом, в представлениях молодежи без нарушений развития человек с ограниченными возможностями ограничен в общении с окружающими людьми и окружающим миром, его или ее досуг сводится к общению с семьей, чтению и пребыванию в сети Интернет. Отдых и досуг представляется гораздо более пассивным, чем есть в реальности. Несмотря на архитектурные и физические барьеры, которые приходится преодолевать маломобильной молодежи, молодые люди с инвалидностью значительно чаще «выходят в свет», чем это представляется молодым людям без инвалидности. Распределение ответов на вопрос об основных проблемах молодежи с ограниченными возможностями выглядит следующим образом. Сами молодые люди с ограниченными возможностями называют среди основных проблем, с которыми им приходится сталкиваться (в порядке убывания): отсутствие интересной работы (48%), денег (30%), недостаток общения (16%) и др.. Окружающие же люди придают иное значение проблемам молодежи с инвалидностью. На первое место также ставится потребность в интересной работе, причем молодые люди без инвалидности придают данной проблеме гораздо большее значение,

чем сами молодые инвалиды (78,9% □ молодежь без инвалидности и 48% □ молодежь с инвалидностью), далее идет потребность в деньгах (40,4% против 30%). Только 16% молодых людей с инвалидностью выделили как проблему недостаток общения, в то время как каждый второй молодой человек без инвалидности (61,4%) отметили данную проблему как актуальную для молодежи с ограниченными возможностями. Вероятно, полученные данные во многом объясняются как теми представлениями, которые существуют в обществе об изолированности человека с ограниченными возможностями, так и неясным представлением о социальном, экономическом положении молодых людей с инвалидностью, их реальных потребностях и проблемах, особенностях воспитания, ориентирующих на активную или пассивную жизненную позицию и стратегию. Интересным, на наш взгляд, представляется тот набор личностных качеств, который приписывается человеку с ограниченными возможностями в обществе. Можно выделить такие противоположные черты как: сдержанный – эмоциональный, замкнутый – общительный, старается остаться в тени – нравится быть в центре внимания. Первые черты назывались молодыми людьми, не имеющими инвалидность, вторые – молодыми людьми с ограниченными возможностями. Мы получили два образа, один из которых рисует нам необщительного и сдержанного в эмоциональном плане человека, второй, наоборот, некий образ общительного и стремящегося к этому общению человека. Мы можем наблюдать прямую связь между тем, какие черты приписываются молодежи с ограниченными возможностями и тем, с какими проблемами она сталкивается в жизни по мнению окружающих людей. Вместе с тем, обе категории респондентов единодушны в таких чертах, как: доброта, чувство юмора и др.. Нами также были заданы вопросы относительно личного отношения респондента (без инвалидности) к людям с инвалидностью и отношения общества в целом к людям с ограниченными возможностями. Большинство молодых людей отвечали, что относятся к людям с ограниченными возможностями «доброжелательно» (48,6%), «с жалостью и сочувствием» (35,7%), такие чувства как «неприязнь», «безразличие» назывались очень редко (1,4% соответственно). Вместе с тем, при ответе на следующий вопрос об отношении общества к людям с нарушениями развития, ответы были следующие: «с жалостью» – 40,7%, «безразлично» – 24,4%, «настороженно» – 18,6%, «с неприязнью» – 10,5%, «доброжелательно» – 3,5%. Как мы видим, ответы значительно

разнятся. Данные вопросы относятся к разряду сензитивных. Полученные результаты можно объяснить тем, что человек при ответе на вопрос о своем личном отношении хочет показаться более толерантным, добрым, чутким и т.д., в то время как при ответе на вопрос от третьего лица, не от своего имени, отстраняется и как бы говорит не о себе и не о своем отношении. Индивид перестает соотносить себя с отвечающим и, таким образом, дает более объективный ответ. Полученные результаты свидетельствуют об искаженном представлении об инвалидности в молодежной среде, преобладании жалостливого, настороженного и безразличного отношения к людям с ограниченными возможностями. К основным средствам формирования позитивного мнения о людях с инвалидностью в молодежной среде можно отнести личный опыт, визуальные репрезентации, представленные в СМИ, художественных фильмах, сети Интернет, а так же образование как мощный транслятор общественных ценностей. При этом сами люди с инвалидностью могут выступать не просто потребителями транслируемой информации, но и серьезно влиять на форму ее подачи и содержательное наполнение.

ОБРАЗ НАУКИ В «ОБЩЕСТВЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ»

Смагин Б.А. (Санкт-Петербург)

В чем причина пессимистического восприятия науки? А оно присутствует в общественном сознании. Почему в настоящее время усилилась тенденция оценивать науку и ее результаты со знаком минус? Откуда такое негативное и критическое отношение к науке, ее методам, ее рациональности? В том ли, что за последние десятилетия мы не наблюдаем (в области естественных наук, в первую очередь физики) революционных подвижек? Отголоском этой ситуации является утверждение о «конце науки» (в более мягком варианте – о ее кризисе). Е.А.Мамчур (социолог и эпистемолог науки) считает, что «основная причина, как представляется, состоит во всеобщем разочаровании в европейской цивилизации. Она не оправдала связываемых с нею ожиданий на то, что она сумеет обеспечить всех людей достойным человека существованием и сделать мир царством всеобщей справедливости» [1, 393]. «Общество потребления», едва возникнув, начинает требовать от науки результатов «здесь и теперь». И уж, конечно, революционных прорывов в познании мира (природы, общества,

человека, культуры), не замечая того, что в развитых странах уже достигнут уровень комфортной жизни (использование нового сотового с цветным экраном и компьютера с процессором в 30 раз быстрее). Разочарование в науке является проблемой общества, а не науки. И, если общество, устав ждать «революции», просто отвернется от науки, то хуже будет не только последней:). Привыкнув к тому, что без больших внешних усилий мы получаем все новые и новые товары и услуги, мы переносим это же и на науку. К науке предъявляются требования, которые она не может выполнить не в силу своей неполноценности, а по причине своей эффективности: мы узнали уже настолько много, что каждый новый шаг требует и сил и времени. Перед наукой стоят даже конкретные вопросы, которые потенциально могут спровоцировать революции (например, природа темной материи и темной энергии). Но здесь ход за экспериментаторами, и, возможно, проблема даже чисто финансовая[2]. Где корни потребительского отношения к науке? Массовое сознание не стремится осваивать «поле науки». Это делают за него средства массовой информации. Особенно это показательно для Интернета. Но у журналистики тоже свой подход к науке: сенсация. В наши дни (как и всегда впрочем) науку окружает множество самых разнообразных проектов, которые наукой не являются. Но очень часто отличить собственно научное знание от псевдонауки весьма непросто. Более того, вполне научное утверждение может со временем и накоплением нового материала стать чем-то несурзным, а ненаучное гипотетическое стать строго обоснованным. Четкой границы здесь нет. И ошибиться может даже профессионал. Но он ошибается очень редко. Чем можно руководствоваться, пытаясь определить и отделить научное знание от того плотного облака мифологии, которое его окружает? [3] Массовое сознание способно реагировать не на сами научные открытия, а на их популярные интерпретации. Но чаще всего ученый пишет популярное изложение существа своего открытия далеко не сразу, если пишет вообще. Гейзенберг описал свои интуиции квантовой механики через тридцать лет после того, как их пережил. Отделить науку от псевдонауки можно. Это и сделал П. Фейерабенд. Однако, он же предлагает уравнивать физику, астрономию, историю или астрологию, натуральную магию, легенды... Если перед вами разворачивают картину мира, которая агрессивно и безапелляционно отвергает все известные и принятые представления, если в ней используются все виды знаний и искусств одновременно, если при малейшем затруднении автор ссылается на сокровенное, то вероятнее

всего - это псевдонаука, как бы ни был подробен ссылочный аппарат, сколь ни темны термины, и какое бы количество математических формул не встретилось на страницах[4]. Но вопрос о том, в какой мере и в каком ракурсе общие черты данного образа представлены в сознании российского общества на современном этапе, нуждается в специальном изучении. Кроме того, исследования общественных представлений о науке либо носят лишь констатирующий характер, либо ориентированы на изменение ситуации путем просветительской деятельности, т.е. распространения научных знаний. В литературе показано, что в качестве проблематичных и могущих оказывать негативное воздействие на массовое сознание российского общества следующие моменты образа науки: разграничение и противопоставление российской и западной науки, отдельных областей научного исследования; акцентировка внимания скорее на необходимости финансирования науки, чем на отдаче от этого финансирования; широкая представленность паранаучного знания под видом научного. Вместе с тем статистически отмечается превалирование восприятия науки как социального института над представлением о ней как познавательном процессе; преобладание оценочных суждений над содержательными; смешение представлений о науке из разных периодов ее развития; тенденция к отождествлению науки лишь с некоторыми дисциплинами; недостаточная степень научной осведомленности. Кроме того, феномен «современная российская наука» отличается в сознании респондентов от «науки вообще» и оценивается значительно более негативно.[5] Важно показать, что многие из перечисленных в адрес науки обвинений не обоснованы, а претензии завышены. Они не являются результатом сколько-нибудь серьезного анализа природы науки и ее действительной роли в человеческом обществе. Высказанные раз, они слишком быстро стали общим местом. Тезис о тотальной вине науки во всех деструктивных последствиях развития техногенной цивилизации стал переключиваться из работы в работу, превратившись в очередной стереотип мышления не только представителей околонучных кругов, но и многих профессиональных исследователей науки.

Литература

1. Мамчур Е.А. Образы науки в современной культуре. М., 2008.
2. Кризис науки в обществе потребления. Обозрение С.Попова // http://xray.sai.msu.ru/~polar/sci_rev/review/popov34.html

3. Губайловский В. Около науки // <http://www.scorcher.ru/art/theory/annot/annot.htm>

4. Губайловский В. Цит. соч.

5. Шматко М.В. Образ науки в массовом сознании современного российского общества. Автореферат канд. дисс. Омск, 2007.

КОНФЛИКТЫ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: ПРИЧИНЫ И ИХ РОЛЬ В ДОСТИЖЕНИИ СОЦИАЛЬНОГО СОГЛАСИЯ

Сорокина Н.Д. (Москва)

В настоящее время можно наблюдать рост социальной напряженности. Это находит отражение, в частности, в всплеске протестных настроений. В этих условиях особое значение приобретает знание основ конфликтологии, прежде всего представителями властных структур, что необходимо при принятии адекватных управленческих решений на всех уровнях властной вертикали. Поэтому возникает важная задача поиска методов и способов изучения социальной напряженности, прогнозирования перерастания ее в конфликты.

В нестабильном обществе, каковым является современное российское общество, успешное урегулирование конфликтов возможно при условии налаженного механизма социальной коммуникации. Такой механизм возможен в институционально закрепленных практиках социального диалога. Отсюда необходимость в выстраивании социальной коммуникации в режиме обмена мнениями, который позволил бы прийти к согласованию интересов конфликтующих сторон. Между тем одним из признаков нестабильного общества является наличие множества противоречий и конфликтов, иногда протекающих в особо острой форме. Нерешенность многих социальных проблем приводят к тому, что конфликты во многом носят деструктивный характер. Рассмотрим причины наиболее типичных конфликтных ситуаций, характерных для современного общества, в том числе и российского. Увеличение социального расслоения в современном обществе, резкое нарушение принципа социальной справедливости обостряет и другие противоречия, приводящие при определенных условиях к разного рода конфликтам. Так, абсолютизация рыночных механизмов приводит зачастую к тому, что не уделяется должного внимания проблемам социального неравенства, следствием чего появляются и усугубляются такие процессы, как обнищание значительной части

населения, усиление безработицы и рост трудовой миграции, в том числе нелегальной, возрастание этнической напряженности и т.д. Это провоцирует конфликты на межнациональной, межконфессиональной почве, региональные и т.д. Глобализация приводит к росту неравенства между «богатыми» и «бедными» странами. Вместе с тем в основе защиты локальных и групповых интересов от влияния процесса глобализации часто лежит охрана национальных культурных ценностей. С другой стороны, политика мультикультурализма, проводимая некоторыми западными странами, имеет и негативные последствия для принимающей стороны, обостряя конфликты, в основе которых лежит защита западных ценностей и национальных интересов. Еще один вид противостояний в современном обществе, связанных так или иначе с проблемой социального неравенства – это противостояния на почве защиты окружающей среды. Сейчас мы все больше можем наблюдать противоречие между экологией и экономическим ростом как на локальном, так и на глобальном уровнях. Этот вид противоречия в настоящее время становится одним из основных. В этой связи можно прогнозировать рост конфликтов как на почве обострения борьбы за ограниченные природные ресурсы между странами, отдельными регионами, так и между социальными группами, которые условно можно назвать «бедные» и «богатые». Эгоизм, стремление к неограниченному потреблению более обеспеченных и благополучных социальных групп все в большей степени вызывает негативную реакцию местного населения, страдающего от точечных застроек, неконтролируемых вырубок лесных насаждений, резко изменяющих ландшафт городской среды, сельских поселений, привычный образ жизни многих горожан и сельских жителей. Таким образом, конфликты, связанные так или иначе с социальным неравенством, имеют сложную природу. Конфликтология исходит из того, что в основе практически любого конфликта лежат как объективные, так и субъективные причины. Вопрос в том, что превалирует? Что является первопричиной? Иногда объективные и субъективные причины так переплетены, что трудно определить первопричину конфликта. Это порождает в обыденном сознании стереотип, что тот или иной конфликт порожден исключительно субъективными причинами. Анализ таких конфликтов сопряжен с трудностями выделения их источника и причин. Поэтому важно при анализе, диагностике конфликта различать объективные и субъективные причины. Рассмотрим пример с изучением конфликтов в одном из наиболее

конфликтногенных регионов России, а именно в северокавказском. Изучению данного региона уделяется особое внимание. С 2006 г. проводится мониторинг конфликтных процессов методом экспертного опроса. На основе проведенного анализа социально-политических процессов на Юге России экспертами в 2006 г. и в 2007 г. были сделаны выводы о том, что в регионе сохраняется повышенная конфликтность, динамика регионального конфликтного процесса имеет инерционный характер. В этом процессе качественного изменения не произошло и не прогнозируется. Причем, проблемы и риски, производные от конфликтногенности северокавказского региона, носят не региональный масштаб, а федеральный. Имеется много симптомов того, что постепенно протестные настроения в регионе, сосредоточенные прежде преимущественно во внутрирегиональных контраверсивных диалогах, обретают антицентристскую направленность и, хуже того, антироссийскую [1. С.201]. Данная проблематика нашла свое продолжение в виде опроса 2009-2010 гг. Экспертами (в числе которых была и автор статьи) являлись исследователи из шести федеральных округов, занимающиеся проблемами конфликта на протяжении многих лет. Среди основных задач данного опроса служили следующие: уточнение конфликтологических сценариев развития южнороссийского макрорегиона и разработка среднесрочных конфликтологических сценариев Юга России до 2020 г.; анализ и прогнозирование угроз и рисков этнополитической стабильности на Юге России, выявление путей их минимизации [2. С. 5]. Итоги данного опроса показали, что качественного изменения ситуации на Юге России не произошло. Эксперты указали на те же тенденции манифестации конфликтногенных признаков, что и в опросе 2007 года: рост значимости внутривнутриполитического и особенно этнокультурного факторов; усиление влияния геополитического фактора на конфликтные процессы в южном регионе. А вот в отношении роли конфессионального и этнического признаков в конфликтах оценки экспертов, данные в 2007 и 2009 гг., различаются - их значимость заметно выросла, особенно конфессионального аспекта [2. С. 35]. На основе анализа экспертных оценок были сформулированы предложения о необходимости конструктивных действий, прежде всего на федеральном уровне, по снижению конфликтногенности в регионе. Причем, как отмечали эксперты, действия не должны сводиться к увеличению финансовой помощи, а должны быть ориентированы на решительные изменения в кадровой, социально-экономической и культурной политике как на

федеральном, так и на региональном уровнях [2. С. 133]. Изучение конфликтов показывает, что порой бывает трудно различить рациональные и иррациональные причины возникновения конфликтов. Это опровергает бытующее представление о том, что конфликт всегда представляет собой некоторое логически объяснимое противоречие между людьми, рационально отстаивающими свои интересы. Сложность причин конфликта состоит в том, что те не всегда поддаются строгой логической реконструкции, часто содержат иррациональную составляющую, что не позволяет разрешить его простыми средствами. Особенно это заметно в межнациональных конфликтах, когда преобладание деструктивных эмоций может приобрести неуправляемый характер. Поэтому можно сделать прогноз о том, что в отсутствии обратной связи между властью и различными слоями российского социума развитых институтов гражданского общества, социальная напряженность будет усиливаться, и разного типа конфликты будут протекать не только с использованием ненасильственных форм.

Литература

1. Авксентьев В.А., Гриценко Г.Д., Дмитриев А.В. Региональная конфликтология: концепты и российская практика /Под ред. чл.-корр. РАН М.К. Горшкова. М., 2008.
2. Дмитриев А.В. Юг России: конфликтологическая экспертиза /А.В. Дмитриев. М., 2010.

ПРОБЛЕМЫ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ФРУСТРАЦИИ И ПОЗНАНИЕ СМЫСЛА ПО В.ФРАНКЛУ

Стукова О.В. (Санкт-Петербург)

Сегодня мы, по сути, имеем дело уже с фрустрацией не сексуальных потребностей, как во времена Фрейда, а с фрустрацией потребностей экзистенциальных. Мы живем в век распространяющегося все шире чувства смыслоутраты. В такой век воспитание должно быть направлено на то, чтобы не только передавать знания, но и оттачивать совесть так, чтобы человеку хватило чуткости расслышать требование, содержащееся в каждой отдельной ситуации. Виктор Э.Франкл /здесь и далее по 1/. Виктор Франкл, ученик З.Фрейда, всю жизнь споривший со своим учителем, разработал свое психологическое учение, состоящее из 3 частей: 1. учение о стремлении к смыслу (1-й тезис которого: «человек

стремится обрести смысл и ощущает фрустрацию и вакуум, если это стремление остается нереализованным»); 2. собственно - учение о смысле жизни и 3. учение о свободе воли и совести. Как психотерапевт, Франкл посвятил десятилетия своей жизни практической помощи людям, потерявшим смысл жизни и оттого – желание жить. А таких среди американских студентов в 60-70-е годы XX века он обнаружил до 85%, из которых подавляющее большинство ни в чем материальном не нуждалось... В том числе 90% случаев тяжелого хронического алкоголизма и 100% наркомании сопровождаются острым чувством утраты смысла жизни – тут В.Франкл ввел понятие «экзистенциальный вакуум»: «Даже самоубийца верит в смысл – если не жизни, то смерти»/цит. по 2/. «Когда меня спрашивают, как я объясняю причины, порождающие этот экзистенциальный вакуум, я обычно использую следующую краткую формулу: - в отличие от животных инстинкты не диктуют человеку, что ему нужно, и - в отличие от человека вчерашнего дня традиции не диктуют сегодняшнему человеку, что ему должно. Не зная, ни того, что ему нужно, ни того, что он должен – человек, похоже, утратил ясное представление о том, чего же он хочет. В итоге он либо хочет того же, чего и другие (конформизм), либо делает то, что другие хотят от него (тоталитаризм)». Итак, по Франклу для личности очень важно понять, почувствовать – что именно ему нужно в данный момент (см. эпиграф). И поскольку речь идет не о капризах, а о Предназначении, во всяком случае – о ступенях на Пути к нему, то Голосом, ведущим субъекта по этому Пути, по мнению Франкла служит совесть каждого (у Льва Толстого это голос Бога). Человек (по В.Франклу) – это существо, которое постоянно решает – кем он будет в следующий момент? Здесь уместно древнегреческое наименование Человека «An-Thropos» - т.е. «Тот, Кто тянется, Растет Вверх» /как актуально подметил Кристофер Вульф /3/. Не в этом ли древнем определении непосредственно заложено Предназначение Человека? В.Франкл считает проблему Высшего Смысла (истории, бытия) – «Сверхсмысла» - слишком сложной, чтобы ее мог разрешить каждый для себя, но постулирует необходимость создания – в дополнение к «глубинной психологии» подсознательного – «вершинной психологии» высших ценностей, в том числе «стремления к Смыслу». Маслоу уже разделил потребности на низшие и высшие, однако он утверждал, что такая высшая потребность как стремление к смыслу, возникает лишь после удовлетворения низших элементарных потребностей: «сначала пища, потом мораль»... Франкл от лица психиатров спорит с Маслоу: он

каждый день может наблюдать, что «потребность и вопрос о смысле жизни возникает именно тогда, когда человеку живется хуже некуда» - в том числе в концлагере. Великому психологу, проводшему с 1942 по 1945 гг. в Освенциме и Дахау – виднее... В процессе детальной разработки своей «вершинной психологии» В.Франкл пришел к выводу, что «...человеческое бытие всегда ориентировано вовне на нечто, что не является им самим - на что-то или на кого-то: на смысл, который необходимо осуществить, или на другого человека, к которому мы тянемся с любовью. В служении делу или любви к другому человек осуществляет сам себя». Однако многие люди не только не понимают смысла своей жизни, но и не стремятся его познать и выяснить. В.Франкл объясняет этот парадокс социальными процессами XX века. Так в США после снятия господства пуританской протестантской морали даже любой намек на морализаторство стал считаться недопустимым ущемлением свободы личности. В результате возник массовый отказ от Смысла и Цели. (Аналогичная ситуация – только позже, в 80-90-х годах – возникла в Восточной Европе как реакция на снятие коммунистического морализаторства). Но даже в таких условиях в послевоенные годы В.Франкл находит в США среди студентов огромный интерес к этой проблеме. Здесь Франкл предостерегает от подмены Смысла счастьем, наслаждением – которое в подсознании заложено как обратная связь, как сигнал правильности направления. Но Франкл, основываясь на обширных исследованиях Шарлотты Бюхлер /цит. по 1/, убежден, что счастье как признак нормального гомеостаза – не может быть Смыслом. И мы убедились в его правоте за последние десятилетия: многие ложные источники наслаждения (наркотики) лишь уводят человека в дебри иллюзий... Франкл вводит понятие высших ценностей – смысловых универсалий. Их три: 1. Ценности Творчества (что мы даем миру (творчество, дети, др.); 2. Ценности Переживания (что мы берем от мира (вот здесь как раз эмоции и переживания, знания) и 3. Ценности Отношений (позиция, которую мы выбираем по отношению к судьбе, которую мы не в силах изменить). Мы не можем выбрать Смысл – но можем выбрать свое призвание в жизни, в котором мы обретем Смысл. Так из своего практического врачебного опыта Франкл выводит: даже безысходному страданию люди могут придать глубокий жизненный смысл! Все зависит лишь от самого субъекта. Максимальное число таких вариантов (значительно больше, чем у Франкла) – семь уровней познания Смысла жизни мы находим в древних индийских духовных традициях. Психиатр, объехавший весь мир с лекциями,

признал, что если в США и Европе ему говорили, что он привез им нечто новое – то на Востоке сообщали, что «все это можно найти в древних Ведах, учении Дзен или трудах Лао-цзы»/цит. по /2/. Покажем эту восточную классическую лестницу как шкалу духовного познания из семи ступеней – поэтому лучше читать их СНИЗУ ВВЕРХ (в скобках – традиционное санскритско-эзотерическое название центра-ступени на нашем теле) – чтобы сохранить логику шкалу Восхождения к Смыслу: 7. (Сахасрара – темя) – Полное слияние с Богом... 6. (Аджна – «Третий глаз») – Духовный синтез – познание Смыслов и причин Бытия... 5. (Вишудха – горло) -- Анализ смыслов и причин. Понимание Времени и Пространства. 4. (Анахата – сердце) – Бог есть Любовь ко ВСЕМ людям и живым существам – вот Смысл существования (и всех религий)! 3. (Манипура – область талии) – здесь смысл – во власти над людьми и обладании материей (в т.ч. деньгами). Это пафос западной цивилизации. 2. (Свадхистана – область живота) – здесь смысл жизни – в устроенном быте и личной жизни (семья, секс, дети, потом устроить их жизнь, потом дожидаться внуков...) 1. (Муладхара – низ позвоночника) – Цель – ВЫЖИТЬ! Просто ЖИТЬ! Выводы: 1. По В.Франклу смысл жизни субъективен: не только от личности к личности, но и от ситуации к ситуации смысл меняется. 2. Жизнь человека не может лишиться смысла ни при каких обстоятельствах – смысл жизни всегда может быть найден! 3. Человек (по В.Франклу) – это существо, которое постоянно решает – кем он будет в следующий момент. И ведет его чувствительный орган – совесть. 4. «Лишь вершина человека – это человек» /Парацельс /по 2/. 5. Человеческое бытие всегда ориентировано вовне... - на что-то или на кого-то: на смысл, который необходимо осуществить, или на другого человека, к которому мы тянемся с любовью. В служении делу или любви к другому человек осуществляет сам себя».

Литература

1. Виктор Франкл. Человек в поисках смысла. – М: Прогресс, 1990. – 368 с.
2. Леонтьев А.Н. Предисловие к кн. «В.Франкл. Человек в поисках смысла. – М: Прогресс, 1990. – с.5-21.
3. Кристофер Вульф. Интервью «Журналу социологии и социальной антропологии», 2010, №3, с.5-18.
4. Шарлотта Бюхлер /цит. по 1/.

МЕДИЦИНСКАЯ ПОМОЩЬ ИНВАЛИДАМ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Фёдоров А. В., Шаров А. Н. (Санкт-Петербург)

В современном Петербурге около 17% городского населения (почти 800 тыс. чел.) являются инвалидами — людьми с ограниченными возможностями жизнедеятельности. Значительная их часть находится в экономически активном трудоспособном возрасте и, несмотря на недуг, осуществляет трудовую деятельность. Участие в труде горожан со стойким расстройством здоровья (при наличии медицинских показаний) способствует обретению ими экономической независимости и повышению качества жизни, реальной интеграции в социум.

Отметим, что одним из основных направлений социальной защиты петербуржцев с ослабленным здоровьем является предоставление разносторонней и эффективной медицинской помощи. Состояние здоровья имеет первостепенное значение в жизни каждого человека. Для тех же людей, у кого оно частично утрачено, особенно важно принять все необходимые меры для его восстановления, по возможности не допустить дальнейшего развития болезни и более тяжких последствий инвалидизации. Согласно Федеральному закону «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» «оказание квалифицированной медицинской помощи инвалидам, включая лекарственное обеспечение, осуществляется бесплатно или на льготных условиях в соответствии с законодательством Российской Федерации и законодательством субъектов Российской Федерации. ...Медицинская реабилитация инвалидов проводится в рамках федеральной базовой программы обязательного медицинского страхования населения Российской Федерации за счёт средств федерального и территориальных фондов обязательного медицинского страхования» [1, статья 13]. Медицинская реабилитация включает в себя мероприятия по восстановительной терапии, реконструктивной хирургии, протезированию и ортезированию (например, обеспечение слуховыми аппаратами слабослышащих или снабжение специальной ортопедической обувью лечебно-вспомогательного назначения опорников). Таково в общих чертах законодательно-теоретическое решение проблемы.

В реальных условиях жизни в мегаполисе всё выглядит несколько иначе. Обратимся к материалам нашего социологического исследования. В июле – августе 2012 года нами по оригинальной анкете методом случайной выборки были опрошены 134 работающих инвалидов-горожан. Мужчины в выборке составляли 60 человек, женщины – 74. Число молодых респондентов в возрасте до 30 лет – 48 человек; опрошенных в старшей возрастной группе (30 лет и старше) – 86. Очевидно, молодёжь испытывает определённые трудности при трудоустройстве. По категориям инвалидности (ограничению физических возможностей жизнедеятельности) респонденты распределились следующим образом: 27 человек – инвалиды с нарушением функций опорно-двигательного аппарата (опорники) и горожане с нарушением др. жизненно важных функций; 55 петербуржцев – инвалиды по слуху и речи; 52 респондента – инвалиды по зрению.

Как показал опрос, значительное большинство петербуржцев с проблемами здоровья получают медицинскую помощь в поликлиниках по месту проживания (76,5%), поликлиниках (здравпунктах) по месту работы (10,6%) и в других государственных (муниципальных) учреждениях города – в специализированных НИИ, в поликлиниках и стационарах медицинских ВУЗов, больницах (10,0%). Частнопрактикующие врачи, медицинские фирмы и кооперативы доступны сегодня менее чем двум процентам (!) инвалидов.

Вот как выглядят ответы наших респондентов об оплате своего лечения (в % к числу ответивших на вопрос):

- бесплатно, за счёт фонда обязательного медицинского страхования (53,8%);
- в основном бесплатно, оплачивая лишь некоторые методы лечения (40,2%);
- оплачивая большинство процедур и методов лечения (6,0%);
- полностью оплачивают лечение (нет).

И доступности для них платных методов лечения и лекарств (включая операции и стоматологическую помощь):

- доступны все необходимые методы лечения и лекарства (6,1%);
- доступно большинство необходимых методов лечения и лекарств (13,7%);
- доступно менее половины необходимых методов лечения и лекарств (68,7%);

- практически ни какие платные методы и лекарства мне недоступны (11,5%).

Как же оценивают состояние здоровья горожане-инвалиды? Хорошим своё здоровье считали 14,2% опрошенных, удовлетворительным – 73,1%, плохим – 6,7%.

При этом хорошее здоровье чаще отмечали молодые люди в возрасте до 30 лет (25,0% ответивших против 8,1% в старшей возрастной группе), мужчины (20,0%) по отношению к женщинам (9,5%), инвалиды-опорники и инвалиды с нарушением др. жизненно важных функций (33,3%). Оценили здоровье как плохое 9,3% респондентов старше 30 лет и 13,5% слабовидящих петербуржцев (все они, кроме 1 человека, являлись инвалидами первой и второй групп). Учитывая известные проблемы со здоровьем у всего населения мегаполиса, данную ситуацию можно признать удовлетворительной.

Однако, согласны ли с нашей оценкой сами инвалиды? Удовлетворены ли они качеством получаемой медицинской помощи? Данные опроса представлены в таблице 1. Они представляются достаточно информативными и мы воздержимся от комментария в рамках данной ограниченной по объёму работы.

Таблица 1. Степень удовлетворённости медицинской помощью
(в % к числу ответивших)

Инвалиды	Инвалиды					
	до 30 лет			30 лет		
и старше						
Удовлетворены ли Вы:	Да	Нет	Затруднились Ответить	Да	Нет	Затруднились Ответить
Отношением (вниманием) к Вам медицинского персонала	25,0	13,6	61,4	27,1	25,9	47,0
Результатами лечения	25,0	9,1	65,9	23,5	29,4	47,1
Обеспечением бесплатными Лекарствами	4,5	27,3	68,2	4,7	64,0	31,3
Бесплатными	9,1	27,3	63,6	1,2	61,6	37,2

путёвками для лечения в санатории						

Литература

1. О социальной защите инвалидов в Российской Федерации (Федеральный закон). Статья 13 // Российская газета. 1995, 2 декабря.

2. Фёдоров А. В. Медицинская помощь, лекарственное и протезно-ортопедическое обеспечение // В кн.: Фёдоров А. В. Социальная защита молодых инвалидов-горожан в условиях перехода к рыночной экономике. – СПб: Издательство С.-Петербургского университета, 1999. – С. 15 – 23.

ОБРАЗОВАНИЕ: СОЦИАЛЬНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ ИЛИ КОНФЛИКТ?

Федорова Т.Н. (Санкт-Петербург)

Критериями социального благополучия можно условно назвать удовлетворённость человека своим социальным статусом и состоянием общества, к которому он принадлежит, удовлетворённость межличностными связями; его статус в микросоциальном окружении. Традиционно в общественном сознании достижение жизненного успеха, неотъемлемо связанного с социальным благополучием, нельзя отделить от получения качественного образования. Опрос студентов петербургских вузов, проведенный нами весной 2012 года (число респондентов - 384 человека), показал, что все меньшее количество молодых людей считает полученное образование гарантией своего жизненного успеха. Так, с утверждением «Образование нужно иметь, но оно не играет большой роли в жизни» согласились 38,8% наших респондентов. 17,2% студентов выбрали ответ «Успешный человек в наше время может быть необразованным». И менее половины - 43,2% - присоединились к мнению, что «Образование помогает достичь успеха в жизни». Почти четверть опрошенных студентов (24,3%) собираются уехать за границу навсегда, что в первую очередь можно объяснить неуверенностью молодых людей в своей востребованности в нашем государстве после окончания учебы. На вопрос: «Как Вы считаете, будете ли Вы востребованы в нашем государстве после

окончания учебы?» менее трети респондентов ответили утвердительно (31,8%), а ответ «Вряд ли можно быть в этом уверенным» дали 62,2 % молодых людей; 4,7% отнесли себя к разряду «лишних людей». Хорошие перспективы для России прогнозируют всего лишь 14,1% от числа опрошенных студентов. Ответ «При нынешней власти и разложении структур перспектив у нашей страны практически нет» дали 36,5% молодых людей. Почти каждый второй из опрошенных (48,2%) придерживается мнения, что «...трудности еще впереди и посерьезней тех, что были». Вполне естественно, что отделить достижение своего личного успеха от положения дел в стране для значительной части молодых людей не представляется возможным: ответ «Личный успех невозможно отделить от политико-экономического, духовно-нравственного и культурного состояния страны» выбрали 22,9% респондентов; ответ «Достижение личного успеха в некоторой степени зависит от состояния дел в стране» дали 49% опрошенных; противоположного мнения, а именно: «не зависит» придерживается 22,1%. Таким образом, достижение социального благополучия в родной стране для большей части опрошенных нами студентов, по их мнению, оказалось проблематичным. Закономерно усилились космополитические настроения в студенческой среде. Так, «гражданами мира» назвали себя уже более трети (33,9%) молодых людей. Суждение «Я – гражданин России» выбрали 41,7% респондентов, а 22,9% от числа опрошенных предпочли суждение «Я – гражданин своей малой родины - места, в котором родился или вырос». Не составляет особого труда дать объяснение произошедшим подвижкам в настроении в молодежной среде. По всей очевидности, они обусловлены тем, что на протяжении двух последних десятилетий в условиях деиндустриализации в России происходила трансформация системы образования под стандарты «постиндустриального» мира, что в сочетании с законодательно оформленным запретом на идеологию объективно способствовало формированию у части подрастающего поколения космополитического, глобалистского мировоззрения, согласно которому первичные ценности – это сырьевые ресурсы, а отнюдь не ценности, связанные с Родиной и родным народом. Резкое увеличение количества студентов при падении уровня высшего образования скрывает масштабы безработицы среди молодежи в стране, а причисление образования к сфере услуг, активный процесс «монетизации» образовательных услуг привели к тому, что престиж и качество высшего образования стали неуклонно понижаться.

СОЦИАЛЬНОЕ БЕЗРАЗЛИЧИЕ КАК ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Фирсова Е.А. (Жигулевск)

«Не бойся врагов – в худшем случае они могут тебя убить. Не бойся друзей – в худшем случае они могут тебя предать. Бойся равнодушных – они не убивают и не предадут, но только с их молчаливого согласия существует на земле предательство и убийство!» Бруно Ясенский

На наш взгляд, данная мысль очень точно и правильно характеризует современное общество. Режим демократии, правовое государство, которые признают человека высшей ценностью, привели к чрезмерной индивидуализации современного общества. В настоящее время мы каждый день сталкиваемся с безразличием на улицах городов, где каждый спешит по своим делам и стремится оградить себя от проблем со стороны чужих людей. В связи с данной проблемой нами было проведено анкетирование с целью выявления отношения жителей городского округа Тольятти к проблемам других людей, оценки степени их равнодушия. Выборка составила 100 человек в возрасте от 18 до 80 лет. Было опрошено равное количество женщин и мужчин, разделенным по возрастным категориям. Равное количество респондентов разделилось по следующим возрастным группам: 18-30, 31-40, 41-50, 51-60, 61-80 лет. В анкете использовался преимущественно метод проективных методик. Первый вопрос нашей анкеты касался оценки собственных действий в определенной ситуации. Мы предложили спроецировать следующую ситуацию: «Вы идете по улице и замечаете лежащего на тротуаре мужчину. Каковы Ваши действия?..». Практически половина всех опрошенных (45%) сказали, что попытались бы помочь лежащему человеку, призвав на помощь окружающих. Следовательно, можно предположить, что оставшаяся часть респондентов проявила пассивный настрой в данном вопросе – 19% опрошенных ответили, что они побоялись бы за свое здоровье и 18% увидев равнодушные прохожих, последуют их примеру. Десятая часть респондентов (11%) утверждают, что пройдут мимо, без желания помочь. 7% опрошенных затруднились ответить. Заметных различий между мужчинами и женщинами разных возрастов не наблюдается. Таким образом, мы считаем, что прослеживается негативная тенденция: большинство опрошенных проявили полное безразличие.

Примечательно то, что, увидев, как на незнакомого человека нападают несколько молодых людей, мужчины чаще проявляют равнодушие, нежели женщины. Большинство мужчин предпочитают уйти с места событий, в то время как, женщины предпочитают вызвать полицию. Например, в возрасте от 18 до 30 лет 50% опрошенных мужчин предпочли бы скрыться с места происшествия, а 70% женщин вызвали бы сотрудников правоохранительных органов. Было рассмотрено также и отношение горожан к проблемам пожилых людей. В частности мы попросили описать реакцию респондентов на просьбу пожилой женщины помочь перейти дорогу. Половина опрошенных (51%) уверены в том, что им бы не составило труда оказать помощь в такой ситуации. 28% участников анкетирования отметили, что помогут женщине только, если у них будет достаточно времени, причем в основном это были мужчины. Таким образом, отношение к проблемам людей пожилого возраста весьма неоднозначное. На наш взгляд, немногие готовы прийти на помощь или делают это с неохотой. Также мы считаем, что в данном случае у некоторых респондентов прослеживается неискренность в ответах. Далее мы поинтересовались: жертвовали ли респонденты когда-либо средства нуждающимся людям. Большая часть опрошенных (67%) утверждали, что им приходилось помогать нуждающимся. В частности: бездомным, детям-сиротам, солдатам, животным, погорельцам и пр. Причиной данных действий опрошенные называют жалость и сочувствие к обездоленным людям – 41% всех респондентов. Всего 11% опрошенных считают, что чувство долга сподвигло их на такой шаг. И, также, всего 18% респондентов хотят своим примером показать окружающим, что многие люди на сегодняшний день нуждаются в той или иной помощи. Мужчины намного меньше женщин оказывают помощь нуждающимся: всего треть опрошенных мужчин (30%) в возрасте от 51 до 60 лет за всю свою жизнь жертвовали средства незнакомым людям; также 60% мужчин в возрасте от 18 до 30 лет никогда не участвовали в различных благотворительных мероприятиях. Следующий вопрос касался отношения респондентов к проблемам людей. Вариант «иногда у меня возникают мысли о том, что у многих жителей Земли существуют серьезные проблемы, но я быстро забываюсь и не придаю значения этому» выбрали 31% респондентов. Примерно такое же количество опрошенных (29%) утверждают, что их заботят проблемы других людей. Пятая часть опрошенных мужчин (20%) не желают задумываться о проблемах других людей и утверждают, что их интересуют только собственные проблемы. На

лицо проявление апатии и равнодушия среди определенного количества населения, особенно среди мужчин. Каковы причины социального безразличия? Результаты опроса показали, что основными причинами равнодушия людей в обществе является в первую очередь социальное расслоение. Так считают 32 % респондентов. Также многие опрошенные часто отмечали, что на равнодушие влияет плохое воспитание и неэффективная государственная политика (по 29 %) Причиной равнодушия может являться и неправильное усвоение культурных ценностей - 22% всех респондентов считают именно так. Мужчины в первую очередь, видят причину в плохом воспитании (25%). Женщины видят основу этой проблемы в неэффективной государственной политике. Такие варианты как, повышенная преступность в стране, растущая тенденция индивидуализации в обществе были менее всего распространены (9 и 13% соответственно). Больше половины опрошенных считают, что равнодушие не имеет положительных черт и что нужно по мере своих возможностей оказывать помощь нуждающимся людям (52%). Результаты одинаковы и среди респондентов мужчин, и среди женщин. Среди мужчин было распространено мнение, что, скорее всего, равнодушие не имеет положительных черт и безразличие развивает в людях только отрицательные качества (24%). Подводя итог всему вышесказанному, можно сделать вывод, что практически все люди когда-либо ощущали на себе равнодушие со стороны окружающих, но никто не считает себя очагом проявления безразличия. Безразличие в обществе принимает все более глобальный характер, оно проникло сегодня практически во все сферы жизнедеятельности человека. Растущая тенденция индивидуализации в современном обществе всё чаще приводит к проявлению апатии, безучастного, лишённого интереса, пассивного отношения ко всему окружающему. Причинами безразличия являются и плохое воспитание, и неправильная государственная политика, отсутствие четкой идеологии в данной области, и социальное расслоение в обществе, и многое другое. Но, на наш взгляд, эти факторы являются лишь предпосылками, истинная же причина кроется в самих людях, в их собственном мироощущении. Ведь равнодушие и безразличие нередко становятся внутренним состоянием человека и их образом жизни. На сегодняшний день практически отсутствуют исследования проблемы безразличия в обществе. Но, на наш взгляд, для того, чтобы минимизировать данное явление – проявление равнодушия по отношению к другим людям, нужен комплекс мер, начиная с

семейного воспитания, заканчивая эффективной государственной политикой. Мы просто должны понимать, что страна для нас – то же самое, что большая семья. И взаимоотношение людей внутри этой семьи и определяет судьбу всего человечества!

ЧЕЛОВЕК ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КАК СТАБИЛИЗАТОР ОБЩЕСТВЕННОГО СОГЛАСИЯ

Фирсова Л.В., Черных И.П., Суслова Т.И. (Харьков, Украина)

Одним из факторов устойчивого общественного согласия является эффективная экономическая деятельность людей. В этой связи заслуживают внимания представления социологов и экономистов о мотивах и характеристиках деятельности хозяйствующего человека. В трудах Адама Смита (1723-1790) – основателя экономики как самостоятельной науки, Альфреда Маршалла (1842-1924) – создателя микроэкономической теории, Джона Кейнса (1883-1946) – автора теории макроэкономики, Макса Вебера (1864-1920) – социолога и историка хозяйственной деятельности и других учёных оформилась теория рационального «экономического человека». На основе своего понимания «экономического человека» А. Смит предпринимает попытку объяснения жизни общества. Экономический человек, по мнению Смита, всюду ищет свою собственную экономическую выгоду. Для достижения этой цели индивид в принципе всегда поступает строго рационально. Таким образом, можно вычислить, как экономический человек поведет себя в различных ситуациях. В пользу материальной заинтересованности Смит приводит следующий аргумент: «Всякая личность ни намерена содействовать общественному интересу, ни осознает, насколько она это делает... В данном, как и во множестве иных случаев, невидимая рука подводит ее к содействию цели, не являющейся частью ее намерений. И не всегда обществу хуже от того, что цель эта не входит в намерения личности. Преследуя собственный интерес, личность часто способствует интересу общества более продуктивно, нежели способствуя ему сознательно» [1, р. 265]. В интересы общества, безусловно, входит согласие, поэтому деятельность экономического человека объективно содействует обеспечению и стабилизации этого согласия. Согласно Смиту, логика рынка подразумевает, что с помощью «невидимой руки» достижима всеобщая польза, какими бы ни были личные пороки людей. Смит также подчеркивает, что

функционирование рынка должно регулироваться в соответствии с законом и справедливостью. Это означает, что Смит оперирует понятиями не только рыночной экономики, но и сферы межличностного взаимодействия и юридических факторов. Иногда утверждается, что отмеченные характеристики «экономического человека» являются универсальными, присущими людям во все времена и во всех культурах. Действительно, стремление к богатству или, по крайней мере, к материальному благополучию можно считать родовой чертой человека. Однако это стремление может реализовываться разными путями: через спекуляцию, обман, подчинение других людей и т.п. А может – через рационально организованную экономическую деятельность. История показывает, что подобная деятельность стала достаточно распространенным явлением лишь с возникновением капиталистического общества. Человек экономический, как его понимал Смит, не движим стремлением к общественному благу, но в этом и нет нужды: общественное благо и согласие наступят сами по себе. Силой рыночных механизмов из своекорыстного поведения человека получается общественное благодеяние. Это ловкость «невидимой руки», под воздействием которой человек экономический превращается в невольного радателя за общественное благо и основанное на нём согласие. Индивид всюду ищет свою экономическую выгоду и для достижения этой цели поступает рационально. Следовательно, можно вычислить, как поведет себя в различных ситуациях *homo economicus*. Смит исходил из того, что люди руководствуются в экономической области индивидуальными корыстными интересами. Но преследовать свой интерес человек может, оказывая услуги другим людям, только предлагая в обмен свой труд и продукты труда. Удовлетворение чужой потребности – залог достижения собственной цели. Люди помогают друг другу и одновременно способствуют развитию общества, хотя каждый из них эгоист и печется о собственных интересах. Помешать нормальному согласованию интересов общества и отдельного человека может отсутствие свободы, поэтому Смит выступает против всего, что её ограничивает. В начале XX столетия М. Вебер показал, что становление западного капитализма связано с возникновением предприятий, цель которых – получение максимальной прибыли, а средство для достижения этой цели – рациональная организация жизни, труда, производства и торговли. Сочетание стремления к прибыли с рациональной дисциплиной является уникальной чертой западного капитализма. Эта уникальность определяется тем, что

желание наживы удовлетворяется не путем завоевания, спекуляций или авантюры, а с помощью дисциплины и расчета, в рамках непрерывно действующего предприятия, ориентированного на получение дохода посредством использования возможностей честного и мирного рыночного обмена. В ставшей классической работе «Протестантская этика и дух капитализма» (1905) Вебер выдвинул и постарался подкрепить фактами гипотезу о том, что протестантская Реформация способствовала развитию норм и взглядов, весьма благоприятных для такой деятельности. Последующая экономическая мысль пошла ещё дальше. Веру в способность рынка решить большинство экономических проблем и убеждение в том, что рыночный механизм, несмотря на огромное увеличение активности государства, на самом деле является преобладающим типом экономической организации в Западном мире, ныне обычно связывают с «чикагской школой» (профессор экономики и социологии Чикагского университета, лауреат Нобелевской премии Гэри С. Беккер и др.). С «чикагской школой» связано убеждение в том, что стандартное допущение об «экономическом человеке», рациональном агенте, который всегда стремится максимизировать свою выгоду, позволяет объяснить все аспекты человеческого поведения, а не только экономические. Именно последнее является тем, что характеризует вклад Беккера в науку. Беккер открыл область исследований, которая доселе была преимущественно сферой интересов антропологов и психологов. Тем самым он многое сделал для расширения границ экономического и социологического познания.

Литература

1. Malone L.J. and Heilbroner R.L. The Essential Adam Smith. N.Y., 1986.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ОСНОВЫ РЕКЛАМНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.

Чернига Е.В. (Волгоград)

Со времен «вывесочной» эпохи рекламы многое изменилось. Развитие средств массовой коммуникации ведет к большему охвату аудитории рекламными средствами. Растет количество и качество рекламоносителей. От рекламы невозможно скрыться, невозможно ее игнорировать. Из простого уведомления,

информации на вывеске, она становится частью культуры, хотим мы этого или нет. Как следует из вышеизложенного, споры о рекламе продолжаются. До сих пор не выработано единого для всех понятия «реклама». Разночтения встречаются везде. Также по-разному оцениваются ее функции. Существует два полюса: на одном находятся те исследователи, которые признают лишь информационную функцию рекламы, на другом – те, кто обвиняют рекламу в перманентной суггестии. Истина, как всегда, оказывается где-то посередине. О роли рекламы в развитии Западной цивилизации написаны сотни томов. Десятки – принадлежат ее восторженным почитателям, один из которых – президент США Кальвин Кулидж определял рекламу, как самый мощный фактор,, влияющий на поведение нации. Он также видел в ней инструмент понимания духовной стороны торговли и перевоспитанию человечества [1]. Маркетинг изначально социален, т.к. направлен на удовлетворение потребностей (запросов, интересов, намерений населения), опирается на социологические методы сбора и анализа информации. Причем дифференциация потребителей (сегментация рынка) осуществляется чем дальше, тем больше, не просто по социально – демографическим признакам, сколько по более тонким основаниям, связанным с изучением условий жизни потребителей. Коммерческая природа маркетинга и рекламы привела к тому, что эффект от этой деятельности более важен в экономическом плане, который является наиболее заметным и исчисляемым. Проблемы, связанные с дисфункциональностью рекламы, артикулируются только в ситуациях с некачественными товарами или заведомо ложной рекламой. Выпады рекламы против этики и морали не имеют быстрого эффекта, они латентны, но накапливаясь, трансформируют отношение общества к общепринятым нормам. Ярким примером такой трансформации является индивидуалистическая концепция западных стран, которая стала «своей» в России. Постепенное проникновение идей индивидуализма через рекламу привело к разрушению системы личности русского человека, которая основывалась на коллективизме и братстве. Условием сохранения и развития цивилизации является преемственность общественно-значимых ценностей и ценностных ориентаций, исторически заложенных в мировоззренческую структуру в религиозных, философских, социологических, нравственно-ориентированных теориях. Они формируют так называемую информацию, которая является основой жизнедеятельности индивида и обеспечивает стабильность общества. Реклама в настоящее время активно влияет

на восприятие информации, а, следовательно, и на формирование определенных ценностей личности и социальных групп. На современном этапе развития общества формирование мировоззрения, ценностных ориентаций происходит не столько под воздействием семьи, системы образования, конфессиональных учреждений и учреждений культуры, сколько в результате влияния средств массовой коммуникации и рекламы. Исключительно высокие темпы роста экономики и производства в странах мира усиливают конкуренция производителей, увеличиваются трудности сбыта продукции. Растет количество и расширяется ассортимент, совершенствуются технологические и технические процессы производства товаров. В результате на рынке создается картина определенного их единообразия: большие и малые фирмы в таких условиях выравниваются в своих возможностях. И чтобы выжить, им приходится прибегать к особым, дополнительным методам сбыта произведенной продукции, в частности к широкому или целевому использованию рекламы. В современном производстве она представляет собой совокупность элементов маркетинга, ориентированных на продвижение и сбыт товара на рынке. Таким образом, реклама входит важнейшей составной частью в процесс экономических отношений организации: планирования производства, разработки и выпуска, сбыта товара на рынке. А рекламный менеджмент выступает как составная часть общей и маркетинговой стратегии организации. При этом роль рекламы возрастает, а роль семьи, образования, учреждений культуры снижается. Современная реклама в ее основном проявлении в виде коммерческой рекламы, возводит в универсальную ценность потребление, а не созидание, что отражается на процессе формирования личности, снижая его творческий потенциал как субъекта перспективного развития общества. Реклама является одним из экономических стимулов развития общественного производства. Экономический эффект рекламной деятельности по времени наступает ранее, чем последствия деградации культурной среды вследствие действия рекламы. Дополнительный объем продаж рекламируемого товара можно получить практически сразу после выхода рекламной информации: от нескольких дней до года. Последствия деградации культурной среды общественного воспроизводства начинают проявляться в течение жизни поколения. В конце двадцатого века экономический, политический, социальный кризис, потрясший Россию, привел к изменению преемственности общественно-значимых ценностей в первую очередь молодым поколением.

Возрождение коммерческой рекламы с приоритетностью ценности потребления негативно повлияло на воспроизводство ценностей духовного развития, сострадания и взаимопомощи, традиционных для российского общества. На современном этапе развития главный акцент начинает смещаться от экономической выгоды к социально ориентированному маркетингу. Но, реклама, пока, воспитывает только человека-потребителя, а задачей рекламы в обществе является формирование и духовных ценностей. Для того чтобы реклама утверждала духовные ценности, она должна быть не только частью экономических отношений, но, прежде всего, фактором формирования этических ориентаций экономики и общества в целом.

Литература

1. Веселов Д.В. Роль СМИ в процессе формирования общественного сознания в современном информационном обществе. – Красноярск: «Автостоп», 2009. – 220 с.

«НОВЫЕ» ПОЛИТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Чулков С.С. (Санкт-Петербург)

Политическая жизнь России изменилась за прошедшие годы. Актуальными стали вопросы, ранее не поднимавшиеся широкой общественностью. На волне этих изменений можно заметить несколько важных тенденций. Одна из них – это появление в медиа-пространстве двух противоборствующих политических групп: «православных консерваторов» и «либеральных западников». Наличие таких групп в медиа-пространстве не вызывает сомнений. Подтверждение этому и предвыборная риторика В.В. Путина, и нашумевший цикл Лошака «Россия – полное затмение», и скандал с «Пусси Роут». Вызывают интерес вопросы о реальном существовании этих политических групп в нашей стране, как они воспринимают друг друга, каковы их мировоззренческие установки, и каким они видят развитие страны? Пока эти политические группы еще не институализированы, несмотря на то, что их представители наличествуют практически во всех партийных структурах от Единой России (либеральный клуб при партии и частые конфликты среди её членов) до коммунистов (движение ««Русский лад»»). Внутри самих политических партий происходит реальная борьба за влияние на эти группы. С выходом закона об упрощении регистрации политических

партий появляются новые образования, которые совмещают в себе мировоззрение и консерваторов и либералов. Анализируя функционирование этих двух противоположных групп, в медиа-пространстве, можно сделать вывод о том, что конфронтация между ними усиливается, и что она идет в основном по вопросу ценностей. Впервые открытое противостояние этих двух политических групп проявилось в ходе предвыборных компаний 2011-2012 гг., когда те, кто выходили на Болотную площадь были названы либералами, а те, кто выходил на «Поклонную гору» – консерваторами. Это был достаточно грамотный ход PR компании Единой России: если ты против Путина, значит ты против России, за США. При этом, основываясь на данных социологических исследований, нельзя утверждать, что консерваторы – это электорат Путина. Конфликт между консерваторами и либералами носит не политический характер, хотя политические силы пытаются на этом поле активно играть. Конфликт происходит по поводу ценностей, и на первый план в медиа-пространстве выходит вопрос о религиозности и светскости. Еще один интересный феномен – взаимоотношения между двумя конфликтующими сторонами. Если консерваторы явно настроены агрессивно к представителям либерального лагеря, то либералы скорее презирают и насмехаются над консерваторами. Если одни очень серьезно обеспокоены разрушением Родины, то другие боятся мракобесия и считают, что это скорее приведет к развалу страны. Самый главный вывод, к которому можно прийти: развязанная «война» консерваторов и либералов в медиа-пространстве – это бомба замедленного действия. В этом конфликте нет тенденции к разрешению, стороны не пытаются выработать общую линию взаимодействия, а лишь клеймят позором друг друга. Единственное что их объединяет – поиск врага: для одних – В.В. Путин, для других – США. Данный конфликт можно обозначить как симулякр, который искусственным образом создала власть и сейчас его активно подогревает, не понимая долгосрочных последствий.

СОЦИАЛЬНАЯ НАПРЯЖЕННОСТЬ КАК ФАКТОР ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Шавырина И.В. (Белгород)

В условиях социальных трансформаций особую актуальность приобретает необходимость формирования условий для минимизации возможных отрицательных последствий различного

рода перемен. Категориально, дезинтегративные социокультурные процессы, сопровождающие переход к иным формам социальной организации, наиболее определенно могут быть описаны через понятие «социальная напряженность». Исторически содержание социальной напряженности, как отмечает Е.И. Степанов, осмысливалось и развивалось в социологической, социально-психологической и конфликтологической литературе в связи с такими явлениями и отражающими их понятиями как социальная дезинтеграция или отсутствие солидарности взаимодействующих личностей и групп, девиация (в отношениях стабильного общества), утрата социальной идентичности, депривация и фрустрация основных потребностей личности, группы, общности, классовая борьба, межнациональные столкновения, наконец, социальный кризис и сопряженная с ним опасность социальной катастрофы как полной утраты управляемости общественных процессов и институтов и распада всех прежних общественных связей и отношений [1; 44]. Так, уже Э. Дюркгейм, по существу в неявном виде использует его при анализе процесса дезинтеграции как разрыва социальных связей, утраты ценностных ориентиров, нарастания социальной аномии. Р. Мертон, развивая вслед за ним анализ условий и характерных особенностей возникновения и развертывания процесса социальной аномии, показывает, что последний имеет своей основой принятие или неприятие ценностей, связанных либо с целями общества, либо со средствами достижения этих целей, либо с тем и другим вместе. В результате возникает целый ряд состояний. Принятие обеих систем ценностей определяет конформность поведения личности или группы. Отвержение целей, но принятие средств их достижения означает рутинизацию или имитацию деятельности. Отвержение средств при принятии целей определяет инновационное действие. Простое отвержение и того, и другого означает уход, самоизоляцию личности и группы. Наконец, предложение ими новых целей и новых средств взамен отвергнутых обуславливает состояние бунта как состояния не только наиболее решительного противостояния, но и наиболее непримиримого противоборства [1; 45]. Понятие «социальная напряженность» в научный оборот было введено Т. Парсонсом. Во-первых, им был определен источник социальной напряженности: сопротивление нормативного элемента социального действия, встречаемое им при его реализации. Во-вторых, Т. Парсонс указал на неразрывную связь социальной напряженности и конфликта, которая предшествует конфликту, и, при наличии соответствующих условий может

перерасти и действительно перерастает в конфликт. В-третьих, им было применено понятие «социальной напряженности» для анализа целостной социальной системы. По Парсонсу, она характеризует некоторую тенденцию или прессинг, обуславливающий возникновение дисбаланса в отношениях между структурными элементами социальной системы: «Напряжение есть тенденция к нарушению равновесия в балансе обмена между двумя или более компонентами системы» [1; 45]. В случае большого напряжения контрольные механизмы системы могут не выдержать, и баланс отношений будет нарушен, что приведет к разрушению прежней структуры и ее преобразования в новое состояние. Развернутый анализ социальной напряженности дал Н. Смелзер в работе «Теории коллективного поведения». Следует отметить, что он в трактовке напряженности акцентировал большее внимание на ее деятельностной и внутренне мотивированной природе. Определяя ее как «несоответствие между компонентами действий, и, следовательно, их неадекватное функционирование», он выявил наличие напряженности на разных уровнях социального действия. На уровне организации и мотивации источником напряжения, по его мнению, является, прежде всего, несоответствие между ответственным выполнением ролевых функций и характером вознаграждения, на уровне норм напряженность определяется характером и степенью дезинтеграции во взаимодействии индивидов и групп, на уровне ценностей – особенностями и взаимодействием культурных, религиозных и идеологических установок. Им было выявлено закономерное появление и нарастание социальной напряженности, которое связано с неясностью и неопределенностью статусов и соответствующих им ролевых предписаний, следствием чего выступает нечеткость и неопределенность оценок деятельности различных социальных субъектов. То есть, по Смелзеру, ситуация неопределенности является исходной точкой, но только не самой напряженности, а перерастания на этой основе ее в конфликт [1; 46]. В отечественной философии и конфликтологии проблемы социальной напряженности долгое время рассматривались в контексте трудовых конфликтов на производстве. В начале 1990 – х гг. этот интерес актуализировался происходившими в стране трансформационными процессами, и социальная напряженность стала рассматриваться, прежде всего, в контексте социального самочувствия населения и межнациональных отношений. Пожалуй, первым в отечественной науке, сформулировавшим теоретические положения анализа социальной напряженности на социально-

психологическом уровне, был В.О. Рукавишников. Социальную напряженность он определяет как понятие, характеризующее особое состояние общественной жизни, отличающееся обострением внутренних противоречий объективного и субъективного характера (добавим - усугубленных в ряде случаев действием внешних обстоятельств иной природы, например, стихийных бедствий, катастроф и т. д.). Он выделил следующие признаки напряженности: 1) в самых широких слоях населения наблюдается недовольство существующим положением дел в жизненно важных сферах общественной жизни, наложение неудовлетворенности социальным порядком в широком смысле слова; 2) под влиянием общественных настроений утрачивается доверие к властям, исчезает ощущение безопасности, широкое хождение приобретают пессимистические оценки будущего, всевозможные слухи, в обществе в целом (или в отдельных территориальных общностях) возникает атмосфера массового психического беспокойства, эмоционального возбуждения; 3) социальная напряженность отражается и проявляется не только в общественных настроениях, но и в массовых действиях: в ажиотажном спросе, в вынужденной или добровольной миграции, активизации деятельности общественно-политических движений в борьбе за власть и влияние в массах, в стихийных и организованных митингах, демонстрациях, забастовках и иных формах гражданского неповиновения. Причины социальной напряженности В.О. Рукавишников видит, во-первых, в совокупности фундаментальных – экономических, политических, социальных и иных процессов, ход и направленность течения которых приводят к возникновению в обществе нестабильной или конфликтной ситуации, и, во-вторых, на эти фундаментальные причины зачастую накладывается действие локальных факторов (в том числе действий средств массовой информации, экстремистских и националистических групп, неадекватные действия местных властей и т.д.), вызывающие обострение ситуации в тот или иной момент времени в различных регионах страны. Им было выделено три стадии нарастания социальной напряженности: 1) скрытое от внешних наблюдателей нарастание недовольства - «ворчание на кухне и разговоры в курилках», для которой характерна неорганизованная форма выражения неудовлетворенности, обеспокоенности в связи с множасьими нарушениями привычного хода вещей без сколько-нибудь ясного осознания причин и масштабов, происходящих в общественной жизни изменений; 2) обострение пика напряженности, отчетливое осознание ненормальности существующего положения,

для которой характерно возникновение очагов (зон) резкого обострения напряженности в отдельных регионах и населенных пунктах; 3) уменьшение (снятие, спад) напряженности, постепенное исчезновение характерных для этого состояния общественной жизни черт. Социальная напряженность возникает, как считает В.О. Рукавишников, когда длительное время не разрешается противоречие между потребностями, интересами, социальными ожиданиями всей массы значительной части населения и мерой их фактического удовлетворения. Это приводит к накоплению недовольства, увеличению агрессивности отдельных групп и категорий людей, нарастание стрессов, психической усталости и раздражительности. Так же он выделил пути нарастания социальной напряженности: 1) когда большинство людей в начале смутно ощущает, а затем по мере развития событий осознает, что удовлетворение их социальных, экономических, политических, национальных, культурных или каких-либо иных жизненно важных потребностей, интересов и прав находится под угрозой или даже становится невозможным; 2) когда какая-то, первоначально сравнительно небольшая, часть людей не может удовлетворить свои потребности и реализовать свои интересы в существующих в обществе условиях, и поэтому, независимо от того, по каким причинам и чем конкретно была вызвана такая ситуация, вступает в борьбу против действительных и мнимых препятствий или надуманного ущемления своих прав, распространяя в обществе настроения недовольности, страха, пессимизма и т.д. [2;7- 8]. Впервые, достаточно четко провел различие между понятиями «напряженность» и «социальная напряженность» В.А. Головкин, который указал на то, что «если мы определим напряженность как реакцию субъекта деятельности на блокировку результативности взаимодействия противоположным субъектом отношения, то социальная напряженность будет реактивным состоянием группового субъекта» [3;75]. Применительно к трудовому коллективу он выделил следующие признаки социальной напряженности: 1) высокий уровень недовольности работников условиями и уровнем организации труда, производства и управления; 2) наличие острой проблемы, затрагивающей интересы большинства членов коллектива и отсутствие реальных путей ее решения в рамках действующего законодательства и возможностей предприятия; 3) проявление апатии и безразличия к результатам труда, рост иждивенческих настроений; 4) пессимизм и неверие в эффективность принимаемых мер социальной защиты в условиях радикальных преобразований, неуверенность в будущем; 5)

неблагоприятная морально- психологическая атмосфера, разногласия, конфликты, эмоциональная напряженность отношений в коллективе; 6) высокий уровень потенциальной текучести среди рабочих основных процессов; 7) падение трудовой и технологической дисциплины; 8) потеря руководством инициативы в управлении ситуацией, консолидация группировок вокруг неформальных лидеров; 9) выдвижение требований, проведение митингов, собраний, делегирование представителей коллектива для решения вопросов с руководством [3; 89-90]. На основании изучения психологического климата трудовых коллективов П.Д. Чорнобай предложил свое видение проблемы социальной напряженности. Им были гипотетически выдвинуты и эмпирически доказаны следующие положения: - социальная напряженность возникает вследствие неудовлетворенности основных, в данном случае, социальных потребностей человека; - поскольку полностью удовлетворить, насытить человеческие потребности невозможно, то естественно, существует определенная фоновая неудовлетворенность – напряженности; - должен существовать порог социальной напряженности, выше которого она приобретает взрывоопасный характер, то есть становится своеобразной «гремучей смесью», способной взорваться при наличии соответствующих социальных детонаторов; - степень удовлетворения своих потребностей человек определяет сам, то есть это во многом субъективная категория. У каждого свои внутренние эталоны. Отследить их чисто объективно, через перечень доступных человеку материальных и духовных благ – потребительскую корзину – крайне сложно. Ведь можно иметь весьма скромный достаток и быть им вполне довольным. Но ведь нередко бывает и наоборот. Следовательно, индикаторы также должны быть субъективны; - нарастание социальной напряженности надо обнаруживать, фиксировать как можно раньше, еще в латентной стадии. Средства обнаружения и измерения должны быть простыми и надежными [4; 94]. Как со всей очевидностью вытекает из всего выше сказанного, источником социальной напряженности он считает неудовлетворенность социальными потребностями. К числу основных признаков социальной напряженности, Ф.И. Шарков, относит следующие: 1) рост агрессии, преступности; обострение межнациональных конфликтов; 2) увеличение числа самоубийств; преобладание настроения пессимизма, равнодушия; 3) снижение рождаемости, увеличение числа разводов; 4) повышение уровня заболеваемости, смертности; 5) разрыв хозяйственных связей; 6) разобщение в трудовых коллективах; 7) спад производства; 8)

ухудшение показателей экономической деятельности [5; 152]. Обобщая основные положения отечественных ученых, можно сделать вывод, что в качестве типовых выделяют следующие блоки или группы показателей напряженности: - показатели социальной депривации или фрустрации как выражение состояния и уровня неудовлетворенности существующими условиями жизни, подавленности основных жизненных потребностей и интересов. Они фиксируются, главным образом, через оценки жизни, ее качества и уровня как приемлемых и неприемлемых, терпимых и нетерпимых, высоких и низких и т.п.; - показатели социальной идентификации, выражаемые через осознание людьми своей принадлежности к определенным общественным группам, деление тех, кто с ними взаимодействует на той или иной почве на «своих» и «чужих», а также через выявление уровне толерантности, терпимости по отношению к позициям и действиям «несвоих»; - показатели готовности к протестным действиям, выражаемые, прежде всего, через личную настроенность на защиту собственных интересов, а также на открытое выступление против устремлений и действий представителей и участников социальных органов и институтов различных уровней: властных и силовых структур, местного самоуправления, администрации производственных предприятий и т.п.; - характеристика собственно предпринятых уже или намечаемых к реализации конфликтных действий как не только мотивируемых всеми вышеназванными показателями, но и дающих дополнительные важные представления об особенностях этой мотивации, ее состоянии, выраженности и осознанности. Этапы перерастания социальной напряженности в открытый конфликт были выделены отечественными исследователями П.И. Куконковым, а также Н.С. Данакиным, Л.Я. Дятченко и В.И. Сперанским. Согласно П.И. Куконкову процесс перерастания социальной напряженности в конфликт включает следующие этапы: - усиление неудовлетворенности различных социальных субъектов условиями жизнедеятельности; - обнаружение причинно-следственной связи между характером объекта неудовлетворенности и деятельностью других социальных субъектов, вызывающие социальную напряженность; - усиление социальной напряженности, трансформирующейся в конфликтный потенциал; - аккумуляция конфликтного потенциала и его переход в открытый социальный конфликт. В плане проведения конфликтологического мониторинга, по справедливому замечанию автора, особое значение имеет этап становления и развития социальной напряженности, в рамках

которого сохраняется возможность не только прогнозирования и управления социальным конфликтом, но и выявление факторов снижения конфликтогенной активности, нейтрализации конфронтационного сознания и поведения, способных любой элемент социальной неудовлетворенности превращать в открытый социальный конфликт [6; 9]. Исследовательским коллективом в составе Н.С. Данакина, Л.Я. Дятченко и В.И. Сперанского при анализе управленческих систем в развертывании социальной напряженности во времени было выделено три основные стадии: - появление противоречий, зарождение напряженности; - идентификация субъектов напряженности (лиц, групп, организационных структур, блокирующих друг другу достижение целей). На этом этапе происходит превращение объективно существующей ситуации в ее субъективное отображение в форме конфликтной ситуации; - преодоление социальной напряженности. Как указывают авторы, в реальной жизни эти стадии трудно различить, они взаимосвязаны; сама напряженность может развиваться сразу по нескольким направлениям. К примеру, напряженная ситуация в трудовом коллективе, обусловленная несправедливой системой оплаты труда, может вызвать недовольство работников системой руководства в целом, личностью руководителя, политикой администрации предприятия и др. Напряженность в коллективе в этом случае развивается в виде обострения соответствующих социальных проблем. Развитие процесса одновременно идет и по другой линии – расширение круга втянутых в него лиц за счет вовлечения в конфликт - на той или другой его стороне - работников, чьи интересы не ущемлены, но которые связаны с конфликтующими межличностными отношениями и в силу этого оказываются готовы оказать моральную поддержку своим товарищам. Зачастую социальная напряженность распространяется на внешние связи подсистемы общества. Например, коллектив внутренне сплочен, но находится в худшем положении по сравнению с другими предприятиями отрасли, региона. Появляются противоречия во взаимоотношениях коллектива с органами управления различного уровня, на внутренние отношения такая напряженность распространяется не всегда. Напряженность, по мнению авторов, переходит в конфликт, когда существующие противоречия достаточно долгое время не решаются, обостряются. Такая ситуация порождает дезинтеграцию коллективных связей, возникают отдельные противостояния. Происходит не только осознание собственных интересов и размежевание коллектива на

этой основе, но и снижение значимости внутриколлективной деятельности в ее прежних рамках. Противостояние, борьба за сферы влияния, столкновения лидеров и членов групп нарушают стабильность экономических, общественных, а также межличностных связей коллектива, ведут к ухудшению объективных показателей его деятельности. Поскольку противоречия предельно обнажены, выход из кризиса зачастую возможен лишь за счет ущемления интересов тех или иных из этих групп. Такая ситуация требует от лиц, принимающих решение, не только выработки позитивной программы действий, но и умения воплощать ее в жизнь в условиях кризиса, недовольства, активного сопротивления участников [7; 27-29]. Применительно к межэтническим отношениям Ж.Т. Тощенко выделяет уровни напряжения через призму этносоциальных конфликтов: - этноограниченность (то есть нежелание идти на контакты за пределами своего этноса) является наиболее распространенным и практически поразившим в той или иной степени все национальные регионы. Данный подход пропагандирует преимущества мононациональной жизни, удовлетворенность единым национальным самосознанием, предпочтительность однонациональных коллективов, монополизацию руководящих постов всех уровней. Этноограниченность является исходной, первоначальной базой для разрушения межнационального согласия; - этноэгоизм (стремление к обеспечению преимуществ своему народу за счет других) получает все большее распространение и заключается в введении жестких ограничений по национальному признаку при назначении на руководящую должность, на владение и распоряжение природными ресурсами, контрольными пакетами акций обеспечиваются представители титульного народа и т.д.; - этнофобизм (шовинизм), который характеризуется прямой враждебностью, непримиримостью по отношению к иным, «не своим», «чужим» народам и проявляется на межличностном уровне [8; 152-153]. Также, в контексте межнациональных отношений, рассматривает социальную напряженность В.Н. Иванов, которая, по его мнению, является латентной стадией развертывания межнационального конфликта. В это время происходит осознание собственного национального статуса будущих участников конфликта, его сопоставления со статусом других национальных общностей, выражающееся, прежде всего, в оценке степени реализации собственных национальных интересов, возможностей экономического и социального развития, сохранения культурной самобытности. На этой основе делаются выводы о

социально справедливом или несправедливом отношении к тем или иным национальным группам, их доступе к осуществлению власти, материальным ресурсам, об ущемленности их прав, неоправданном доминировании одних над другими. Вырабатывается определенная групповая идеология, отличающаяся значительной агрессивностью, нетерпимостью, формирующая образ врага в лице представителей другой национальности. Но именно она играет консолидирующую роль, объединяющую национальную группу, формирует готовность участников выступать на стороне своей национальной группы в возникающих конфликтах и установки на определенные способы их поведения. Недовольство собственным национальным статусом, его низкая оценка и поиск причин сложившейся ситуации, их осознание активизирует, как правило, историческую память, что приводит к оживлению некоторых уходящих корнями в далекое прошлое стереотипов, усиливающих ощущение дискриминации и ущемление национального достоинства. В результате происходит резкая концентрация недовольства в массовом сознании, усиливаются негативные эмоции, обуславливающие неадекватные сегодняшней ситуации разрушительные действия [9; 75-76]. Таким образом, изучение социальной напряженности в настоящее время осуществляется в рамках различных дисциплин – философии, социологии, социальной психологии, конфликтологии. Проблемное поле исследований социальной напряженности локализуется на пространстве трудовых, межличностных и межнациональных отношений, применительно к которым выявляются признаки социальной напряженности, а также ее стадийная структура, трансформирующая ее в социальный конфликт.

Литература

1. Конфликты в современной России (проблемы анализа и регулирования) / Под. ред. Е.И. Степанова. – М. : Эдиториал УРСС, 1999. – 344 с.
2. Рукавишников В. О. Социальная напряженность // Диалог. – 1990. – № 8. – С. 6-11.
3. Тепечин В. И. Социальная напряженность в контексте проблемы национальной безопасности России // Социальные конфликты. – Вып. 9. – М., 1995. – С. 24-31.
4. Головкин В. А. Диагностика социальной напряженности в коллективе // Социальная напряженность на производстве. – Обнинск, 1990. – С. 70-92.

5. Чорнобай П. Д. Социальная напряженность: опыт измерения // Социологические исследования. – 1992. – № 7. – С. 94-98.

6. Шарков Ф. И. Мониторинг напряженности и толерантности: теория и методика исследования // Социальное согласие и толерантность в современном мире / Отв. ред. З.Т. Голенкова, Г.М. Денисовский. – Вып. 2, М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2002. – С. 148-159.

7. Куконков П. И. Социальная напряженность как этап в процессе развития конфликта // Социальные конфликты. – Вып. 9, М., 1995. – С. 6-11.

8. Данакин Н. С., Дятченко Л. Я., Сперанский В. И. Конфликты и технология их предупреждения. – Белгород : Центр социальных технологий, 1995. – 316 с.

9. Тощенко Ж. Т. Постсоветское пространство: Суверенизация и интеграция: Этносоциологические очерки. – М.: РГГУ, 1997. – 214 с.

10. Иванов В. Н. Межнациональная напряженность: причины и факторы (по результатам межрегионального социологического исследования) / Права человека и межнациональные отношения. Сб. ст. / Отв. ред. Е.А. Лукашева. – М. : Институт государства и права РАН, 1994. – 133 с.

ПЕТЕРБУРЖЦЫ-2012: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Шаров А.Н. (Санкт-Петербург)

Наблюдаемый период в развитии современного российского общества можно охарактеризовать как время достаточно высокой адаптивности населения к сложившимся в обществе условиям, но также и как время напряжённых опасений и ожиданий, обусловленных ощущением «ненадёжности» существования в этих условиях. Последнее вызвано, по всей вероятности тем, что экономика в целом развивается однобоко, как сырьевая, постоянным оттоком капиталов за рубеж, общей невысокой экономической активностью и некоторыми другими родственными факторами. В нашем исследовании на материалах массового опроса мы прозондировали вопросы доминирующих ценностей, основных ожиданий и озабоченностей работающего населения Санкт-Петербурга и его отношения к будущему. Всего опрошено 604 человека, выборка квотно-случайная, опрос проводился в мае-июне

2012 г. по анкете на бумажном носителе. Все данные в статье приведены в процентах к числу опрошенных. Ценности и ценностные векторы являются одним из основных индикаторов сознания и поведения человека, состояния конкретного общества в целом. Ценности выступают в качестве фактора, определяющего жизненные достижения, проблематизацию и оценку основных условий существования человека. На вопрос «Что, по Вашему мнению, главное в жизни? (выберите только один пункт)» нами получены следующие ответы: - хорошая работа, семья, дети.....44,9 - любовь близких, уважение окружающих, чувство достоинства.....29,8 - надо в жизни сделать что-то полезное, оставить после себя добрую память.....7,1 - жизнь даётся один раз и надо прожить её богато, красиво, и гори всё огнём!.....6,5 - да всё равно, что будет, то будет.....4,8 - не задумывался(алась) над этим.....6,6 Мы видим, что доминантными ценностями из предложенного списка являются ценности семьи, детей, хорошей работы (44,9% опрошенных). Речь идёт, безусловно, о прочной семье и достаточно интересной и также достаточно оплачиваемой (не обязательно высокооплачиваемой) работе. На втором месте по значимости – ценность отношений с окружающими – «любовь близких, уважение окружающих, чувство достоинства» – 29,8%. К ним примыкает также вариант «надо в жизни сделать что-то полезное, оставить после себя добрую память» – 7,1%. Из таблицы видно, что три четверти ответов включают ориентацию на базовые жизненные ценности – работа, семья, дети, любовь близких, уважение окружающих, чувство достоинства. Надо полагать, что большинство тех, кто выбрал первый вариант ответа, могли бы также выбрать и второй, и третий варианты ответов – все они вместе составляют ядро ценностной матрицы в традиции российского общества. Другие ценности (включая «сделать что-то полезное, оставить после себя добрую память») резко уступают им в популярности. Жить «богато, красиво» в качестве для себя ценности указали лишь 6,5% опрошенных, и не особенно озабоченных ценностями жизни чуть более 11%. Таким образом, можно фиксировать, что подавляющее большинство опрошенных петербуржцев ориентированы на традиционные ценности, что в значительной степени определяет и отношение к будущему, и основные ожидания и озабоченности работающего населения Санкт-

Петербурга. Что более всего заботит сегодня петербуржцев? Что, по их мнению, представляет наибольшую угрозу их жизни сегодня? Данные приведены ниже (можно было отметить несколько пунктов, поэтому сумма ответов превышает 100 процентов): - остаться без работы, без заработка.....29,8 - потерять то, что нажито с большим трудом.....22,0 - то, что придётся менять привычный образ жизни, планы на будущее.....15,7 - может произойти такое, с чем я не смогу справиться.....30,0 - стать жертвой теракта.....19,7 - жизнь в постоянном напряжении, ожидании неприятностей.....16,4

В ответах респондентов упоминаются и другие проблемы, которые беспокоят сегодня петербуржцев: будущее детей (внуков), молодёжи вообще, уровень пенсионного обеспечения, здоровье (своё и близких). Упоминаются также необходимость «коренных изменений» в обществе, необходимость «сменить власть» и некоторые другие. Как можно видеть, угроза «чисто материальных» возможных потерь («остаться без работы, без заработка» и «потерять то, что нажито с большим трудом») составляет более 50% ответов. Если иметь в виду, что речь не идёт о каких-то необычных, особо больших накоплениях, имуществе, но об условиях и об имуществе, обеспечивающих обычный семейный достаток, то потери, о которых идёт речь, действительно жизненно важны и, естественно, должны вызывать тревогу за будущее. В то же время, наиболее частый ответ – «может произойти такое, с чем я не смогу справиться» составил 30,0% всех ответов. К этому выбору примыкает выбор ответа «жизнь в постоянном напряжении, ожидании неприятностей» – 16,4% ответов. В сумме они также составляют почти половину опрошенных. Кроме того, каждый пятый из опрошенных петербуржцев озабочен возможностью стать жертвой теракта. Всё это свидетельствует о наличии напряжённости в обществе, которую нельзя просто проигнорировать. Показательно также то, что лишь 15,7% работающих петербуржцев боятся того, что придётся менять привычный образ жизни, планы на будущее, что свидетельствует о достаточно адекватном восприятии перемен в нашем обществе, даже резких и неожиданных и, по крайней мере, вербальной готовности на них соответствующим образом реагировать. Каким видят будущее наши респонденты? Насколько приведённые выше оценки и настроения влияют на его восприятие? Мы можем, хотя бы в

ограниченном плане видеть это в ответах на следующий вопрос анкеты: «Какие чувства в отношении своего будущего Вы испытываете в настоящий момент?»: - я уверен, что со мной и с моими близкими всё будет хорошо.....34,4 - испытываю некоторую тревогу за своё будущее.....49,2 - боюсь, что в будущем у меня будут большие неприятности.....10,1 - испытываю страх перед будущим.....5,8

Ответы на вопрос показывают, что, несмотря на высокий уровень опасений и негативных ожиданий, в целом будущее воспринимается петербуржцами отнюдь не в чёрных тонах. 83,6% опрошенных либо уверены, что с ними и с их близкими всё будет хорошо, либо испытывают лишь некоторую тревогу за своё будущее. Исходя из приведённых выше данных об угрозах и опасениях, которые горожане испытывают сегодня, можно было бы ожидать более пессимистических оценок. В то же время, ожидание крупных неприятностей, страх перед будущим испытывают 15,9% опрошенных. Это достаточно высокий процент, который всё же должен вызвать озабоченность в обществе. Резюмируя, можно утверждать, что в современном российском обществе существует потенциал неудовлетворённости, также можно констатировать в общественном сознании петербуржцев достаточно высокий уровень тревожности, вызываемый ощущением угроз со стороны общества. В то же время, необходимо отметить противоречивость некоторых из приведённых данных, что вызывает необходимость дальнейших исследований проблемы.

РОССИЙСКАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ: ПОИСКИ ИЗМЕРЕНИЙ, МОДЕЛЕЙ, ТИПОВ

Шитикова Е.В. (Череповец)

Не претендуя на обзор вековой отечественной дискуссии о «загадочной русской душе», «особом пути» России и т.п., равно как и огромного массива сравнительных этнометрических исследований за последние два-три десятилетия [5, 8, 11], хотелось бы выделить некоторые узловые точки данной проблематики. Актуальность исследований данного социально-культурного явления подчеркивается, в частности, возросшим в последнее время числом обращений политологов и аналитиков к модели «пионера» подобных

исследований, Гирта Хофстида [1], которая в последние годы, казалось бы, стала подзабываться. Самым показательным является недавнее исследование МВФ [12], в ходе которого было изучено поведение 50 тысяч компаний в 51 стране мира в зависимости от четырех хофстидовских измерений (дистанция власти, индивидуализм, неприятие неопределенности и маскулинность). Характерен и заголовок публикации: «Модернизации России мешает ее культурный код». Явное отражение современных реалий с актуализацией старых споров о выборе «пути» и модели российской государственности, вплоть до предложений воссоздания «исторической общности», реанимации ВПК по образцу 1930-х годов т.п. Рассмотрим базовые понятия. Одно из наиболее удачных определений термина «менталитет» принадлежит В.Е. Семенову - «менталитет - исторически сложившееся долговременное умонастроение, единство (сплав) сознательных и неосознанных ценностей, норм, установок в их когнитивном, эмоциональном и поведенческом воплощении, присущее той или иной социальной группе и ее представителям». При этом детерминантами являются общая история, географические и экологические условия, традиции, язык, фольклор, религия и т.п. [9, с. 59] Не менее важным является утверждение В.Е. Семенова о наличии полиментальности как сосуществования и сложного взаимодействия нескольких менталитетов. Им была выделена квадра российских менталитетов: российско-православного, коллективистско - социалистического, индивидуалистско - капиталистического, криминально - группового. Дополнительно выделен еще один тип — мозаично-эkleктический псевдоменталитет, который, по мнению ученого, формируется под воздействием «массовой культуры» и СМИ. Типы менталитетов определяются философскими суперкатегориями - оппозициями: «дух (Бог) - материя (идол)» по вертикальной координате, «общество (коллектив, мы) - личность (индивидуальность, эго)» по горизонтальной координате. При этом, автор считает их в известном смысле универсальными, т.е. задающими ментальности и для других стран. Стоит заметить, что наиболее популярные зарубежные модели организационной культуры (модель конкурирующих ценностей Камерона и Куинна [3] и модель Тромпенаарса-Хэмпдена-Тернера [10]), также построены на двух независимых полярных «осях». Пусть и других по содержанию: ориентация на внешнее/внутреннее и степень неприятия неопределенности (в терминах Хофстида). Но переменные в этих моделях определены на основе критического отбора/обобщения десятков различных показателей, а отнесение к

тому или иному типу, во-первых, не исключает «смеси» или суперпозиции, во-вторых, основано на специальных диагностических инструментах. Кроме того, логика такого рода моделей не допускает появление «пятого элемента». Не секрет, что большинство эмпирических исследований определяют место российской культуры в целом и большинства отечественных компаний - в «пирамидально-бюрократическом» квадранте (высокие дистанция власти, избегание неопределенности) [5, 8]. Далее: несмотря на важность научного познания феномена ментальности, национальной культуры, изучение этого явления крайне важно и с практической точки зрения. Большинство исследователей подчеркивает: не бывает плохих или хороших культур, но они могут быть более или менее сложно изменяемы, а также в большей или меньшей степени являться тормозом, барьером для изменений. Известны классические примеры: развитие кружков качества в Японии (успешное) и США (неудачное), или внедрение программ управления по целям – успешное у англосаксов и провальное у французов [1]. А вот российский пример, связанный с тенденциями в высшем образовании. Исследование, проведенное по методике Хофстида [8], показало, что у наших студентов на старте учебы более западный менталитет, чем у остальных россиян, но к концу в нем проявляются «восточные» черты. В частности, дистанция власти у студентов медленно растет от курса к курсу, а индивидуализм падает. Была высказана гипотеза о том, что «вероятно, восточное мышление студентов прививает как раз вузовское образование». Это создает очевидные проблемы для работодателей: их усилия по совершенствованию бизнес-процессов и систем стимулирования, повышения вовлеченности персонала, основанные на западных практиках, могут быть малоэффективными. Что подтверждают исследования Г. Градосельской [4] : «...в России большинство сотрудников крупных компаний скептически относятся к корпоративным порядкам и ценностям... при первой возможности они готовы нарушить правила или изменить родной организации... в компаниях произошла реинкарнация советских экономически чиновников...»). И, как следствие этого, по данным недавнего исследования агентства «Headwork», до 35-45 процентов сотрудников были отнесены в ходе кадрового исследования с точки зрения лояльности, мотивации и вовлеченности к категории «не наших людей» (то есть, с низкими оценками по всем трем составляющим). Высоко оценивая научную смелость Семенова В.Е. в его попытке включить в анализ ментальности «духовную компоненту»,

«зафиксировать» криминально-мафиозный тип менталитета, стоит заметить, что постулируемый автором сдвиг от текущего состояния к российско-православному (на основе вывода, что, православие является «имманентной идеей России», и должно стать основой успешной стратегии развития страны в будущем») является, по сути, революционным (движение по диагонали квадрантов). А значит - наиболее «энергозатратным» и наименее вероятным. Диалектическое мышление требует в этом случае анализа «уместности», определения зон риска и опасности [7]. Другой аспект, оставшийся вне поля зрения – это необходимость изучения феномена и в географическом пространстве. М.П. Крыловым было обосновано культурное триединство региональной идентичности (РИ) местных общностей по материалам модельного полигона (в пределах исторического ядра Европейской России). Были выявлены три автономных ракурса РИ, по-разному характеризующих отношение общества к традиции и своеобразно локализованных в геопространстве. Они получили названия: транстрадиционная, традиционалистская, надтрадиционная идентичность. При этом, каждая из трех культур-идентичностей характеризуется своим императивом, хорошо формулируемым в терминах местного патриотизма. В заключение отметим, что сегодня, через полвека после начала подобных исследований, становятся все более ясными достижения и вклады, равно как нерешенные проблемы и насущные задачи.

Литература

1. Гирт Хофстид. Влияние культур на теорию и практику деятельности организаций. Взгляды и иллюстрации. Под ред. Дж. Биллсберри. - Жуковский. МИМ ЛИНК, 2001, с. 259 – 278.
2. Градосельская Г. Невольники в галстуках. Изнанка корпоративной культуры. Harvard Business Review – Россия. 2009, [49].
3. Ким Камерон и Роберт Куинн. Диагностика и изменение организационной культуры. «Питер», 2001.
4. Крылов М.П. Региональная идентичность в Европейской России. М. Новый Хронограф. 2010.
5. Латова Н.В. Этнометрические измерения: теория и практика. «Экономические стратегии», № 2, 1999, с. 19-32.
6. Латов Ю., Латова Н. «Ускользающий Запад» (Повод поразмышлять). HBR-Россия, 2007, сентябрь, с. 20-22

7. Масленников В.Г. Теория перемен. – Москва: «Глобус», 2000, с. 205-217
8. Мясоедов С.П. Основы кросскультурного менеджмента. Москва. «Дело», 2003, с. 186-196.
9. Семенов В.Е. Типология российских менталитетов и имманентная идеология России // Вестник СПбГУ. Сер. 6.–1997.– Вып. 4.–№ 27.–С. 59–67.
10. Семёнов В.Е. Российская полиментальность и социально-психологическая динамика на перепутье эпох. СПб, 2008
11. Социальное пространство России («круглый стол»). СОЦИС, 1992, №3, с. 49-67. 12. <http://finance.rambler.ru/news/economics/114739728.html>

МОНИТОРИНГ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ КОНФЛИКТОВ. ЧТО И КАК МЫ ИЗУЧАЕМ?

Шманкевич Т.Ю. (Санкт-Петербург)

Первая сложность при организации мониторинга социально-трудовых конфликтов (СТК) заключается в том, что пока нет общепринятого определения СТК, что связано с молодым возрастом конфликтологической тематики. Советской наукой официально утверждалось, что в СССР т.н. антагонистические противоречия отсутствуют, конфликтной ситуации между трудящимися и администрацией, рабочими и властными структурами не может быть по определению. Проблематика трудовых конфликтов возникла в 90-е гг. XX века, давшие наивысший подъем забастовочного движения в новейшей истории России. В научный оборот вошло понятие «трудовой конфликт», заимствованное российскими социологами непосредственно из юридических документов в силу неразработанности общей теории социального конфликта [2,7]. Значительная работа по систематизации подходов к исследованию конфликтов с учетом специфики постсоветского периода стала Программа «Социология конфликта», разработанная Российским независимым Институтом Социальных и Национальных проблем (1993-1994гг.). Разработчики Программы в качестве первостепенных выделили три вида конфликтов: политические, национально-этнические и социально-экономические. Подчеркивалось, что эти конфликты взаимопроникают друг в друга, определяя специфику общественно-политической ситуации, и не могут быть поняты, если рассматривать их по отдельности. Трудовые конфликты

анализировались в ряду социально-экономических конфликтов. Мониторинг трудовых конфликтов был отнесен к исследованиям среднего уровня и определен как процедура создания целостного образа конфликтных ситуаций, возникших на основе неудовлетворенности способами включения в трудовую сферу жизнедеятельности, условиями пребывания в ней и возможности ее покинуть, а так же «на основе неудовлетворенности прежде всего экономическим положением, которое рассматривается либо как ухудшение в сравнении с привычным уровнем потребления и уровнем жизни (реальный конфликт потребностей), либо как худшее положение в сравнении с другими социальными группами (конфликт интересов)» [1,36]. В настоящее время в литературе всё чаще используется понятие «социально-трудовой конфликт», но четкого общепринятого определения СТК на данный момент не существует, нередко СТК и трудовой конфликт рассматриваются как синонимы. С этим связана недостаточно проработанная система индикаторов СТК, ведь прежде чем оговаривать, какие стороны феномена мы фиксируем, необходимо четко определить сам феномен, который мы изучаем. Иначе телега оказывается впереди лошади. Значительно затрудняет организацию полноценного мониторинга СТК отсутствие проработанных «прозрачных» исследовательских методик и общих исследовательских, в том числе статистических, подходов. Хотя ещё в 1994 году специальным Постановлением Правительства РФ об организации Всероссийского мониторинга социально-трудовой сферы (от 18 июля 1994 г. № 846) было поручено Министерству труда Российской Федерации и Государственному комитету Российской Федерации по статистике «установить единую систему показателей мониторинга и совместно с заинтересованными федеральными органами исполнительной власти определить его подсистемы». Насколько успешно решена поставленная задача, говорит пример Росстата, фиксирующего СТК лишь по трем показателям: а) число организаций, на которых проводились забастовки; б) число участников; в) количество не отработанного ими времени. В итоге, по данным Росстата, в 2008 г. в РФ было зафиксировано всего 4 забастовки, в 2009 г. – одна забастовка (данные на 2010 и 2011 гг. до сих пор не опубликованы). Такая статистическая идиллия имеет своё объяснение. Сведения в Росстат подаются исключительно одной из сторон трудового конфликта – работодателем. Помимо забастовок, иные формы социально-трудовых конфликтов Росстатом не фиксируются, к тому же учитываются только т.н. легальные забастовки, проходящие в рамках

коллективных трудовых споров и соответствующие требованиям российского законодательства. Т.к. прописанный в законе регламент оказался достаточно запутанным, практически любую забастовку, оказывается, можно квалифицировать как незаконную. Отличную от Росстата статистику дает мониторинг протестной трудовой активности на территории РФ, который ведется с 2008 года Центром социально-трудовых прав. Исследование строится как анализ информации по СТК, содержащейся в интернет-сайтах, а также проведение кейс-стади наиболее сложных случаев трудовых конфликтов. По данным мониторинга, ежегодное количество протестов и забастовок исчисляется сотнями [3]. Многолетний мониторинг вызывает профессиональное уважение, но представляется не совсем убедительной подача итоговой информации как некой объективной данности без корреляции с информационными возможностями используемых источников (нет ссылки на использованные информационные ресурсы). Учитывая отмеченное, в 2011-2012 году Центром мониторинга и анализа социально-трудовых конфликтов (СПб) был проведен пилотажный мониторинг СТК по материалам интернет-сайтов, одной из задач которого было уточнение характеристик объекта и предмета исследования. Объект мониторинга был определен как конфликтная ситуация, за которой просматривается не просто противоречие между интересами предпринимателя и работника, но позиция государства, определенная социально-экономическая политика. Отсюда важнейшими параметрами мониторинга (характеристика предмета исследования) помимо статистической информации (время, место, количество участников) выступала позиция участников конфликта, включая государственные и правоохранительные органы, общественные организации, профсоюзы. По Интернет – источникам сложно составить представление о позиции всех участников. Так участие в урегулировании конфликтов представителей государства Интернет-сайтами часто либо игнорируется, либо подается в риторике «пикалевского синдрома». Нет системного отражения участия в СТК правоохранительных структур. За 2011 год было зафиксировано 21 обращение в прокуратуру, тогда как на сайте Ген. прокуратуры вывешено сообщение о 2000 заявлений трудящихся. Для того чтобы снять недоверие к полученным результатам, необходимо указывать, из какого источника берется анализируемая информация; определять степени релевантности информационного источника тем СТК, о которых в нем идет речь; использовать в качестве основного принципа работы с материалом триангуляцию, то

есть сопоставление информации об одном и том же СТК, содержащейся на разных специализированных сайтах и порталах СМИ, а также в других источниках: материалах экспертных опросов, интервью, нацеленных на уточнение оценки конфликтной ситуации.

Литература

1. Здравомыслов А.Г. Социология конфликта. Выпуск первый. Исследование конфликта на макроуровне. Теоретические предпосылки. - Нижний Новгород, 1994. 82 с.
2. Забастовки в 1989-1993 гг. в России (социологический аспект) / Под ред. д.ф.н. Зайцева А.К. – Калуга: Калужский институт социологии, КГПУ, 1996. – 120 с.
3. <http://www.unionstoday.ru/news/columns/2012/03/01/16174>

ДЕНЬГИ В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Юрьева А.О. (Екатеринбург)

Общество потребления – это совокупность общественных отношений, в которых ключевое место играет индивидуальное потребление, опосредованное рынком [1]. Впервые термин «общество потребления» был описан в труде немецкого социолога Эрика Фромма. Этот термин довольно часто используется как в науке, так и в обыденной жизни. Но никто не может сказать с уверенностью, хорошо ли то, что современное капиталистическое общество – это общество потребления. Современное российское общество можно определить как формирующееся в том смысле, что Россия развивается в русле капитализма, но всё ещё уступает по уровню социально – экономического развития западным капиталистическим странам. Россия находится на пути самоидентификации как на мировой арене, так и «внутри» государства. Безусловно, этот процесс становления государства не может не отразиться на мировоззрении личности, социальных групп и общества в целом. В периоды трансформации общественной системы, система ценностных ориентаций также подвергается существенным изменениям. В традиционный «набор» жизненных ценностей личности обычно включают следующие ценности: семья, здоровье, работа, друзья - знакомые, свободное время, религия, удовольствие и прочие. В современном обществе, в традиционную систему ценностей входит и новый компонент – деньги. Общество

потребления невозможно без денег – инструмента потребления. Денежные мотивы становятся всё более значимыми на всех уровнях жизнедеятельности индивида, группы, общества в целом. Деньги занимают прочную позицию в сознании индивида, формируя его поведение. Деньги выполняют не только экономические функции, но и социально – культурные. Социальными аспектами функционирования денег занимались К. Маркс, Г. Зиммель («Философия денег», 1900), М. Вебер («Протестантская этика и дух капитализма», 1905), С. Московичи («Машина, творящая богов», 1988) и многие другие, в трудах которых заложены основы понимания денег как социального феномена и социального института. Современный исследователь С. Б. Абрамова говорит: «В современном обществе деньги выполняют не только экономические, но и социальные, и культурные функции. Обычно они используются для получения других ценностей, но современная культурная эпоха вновь превращает их в самоцель, они обретают абсолютную ценность» [2]. Действительно, для того, чтобы иметь возможность элементарно поговорить по телефону со своими любимыми близкими людьми, необходимо минимальное количество денег для того, чтобы приобрести средство связи (телефон) и приобрести услуги связи (положительный баланс на счету телефона). В апреле 2012 года нами было проведено социологическое исследование, посвященное изучению места денег в системе ценностей жителей города Екатеринбург в возрасте от 18 лет и старше. Кроме того, в выборку попали респонденты с различным уровнем образования, уровнем доходов, различными по роду занятий и семейному положению. Результаты исследования показали нам, что деньги в системе ценностей респондентов занимают лишь 9-е место. На первых местах в системе ценностей – семья и её безопасность. Мы можем сказать с уверенностью, что наше исследование показало, что семья как и прежде – это самая важная вещь в жизни современного общества. Но, в ходе нашего исследования, мы столкнулись с противоречиями. Семья – это то, что человек ценит больше всего на момент опроса. Но когда респондентам задавались вопросы о будущем, такие как: «Чего Вы опасаетесь больше всего», то мы получали противоположные результаты. Один из ведущих страхов опрошенных по результатам исследования – это ухудшение материального положения. Также, по мнению респондентов, для так называемой хорошей жизни, прежде всего, необходима материальная обеспеченность. Респонденты вполне удовлетворены жизнью, которую они ведут на сегодняшний день, возможно поэтому, деньги не являются определяющей

ценностью. 53 % опрошенных указали, что деньги играют в их жизни второстепенную роль, а 40 % сказали, что деньги играют первостепенную роль. Эти проценты являются достаточно высокими, но они несомненно малы в сравнении с другими ценностями. Но, важно то, что никто из опрошенных не указал на то, что деньги для них не имеют никакого значения вообще. 70 % респондентов уверены, что деньги важны как для старших, так и для молодых. Это говорит нам о том, что деньги являются универсальной категорией для всех возрастов. Также мы замерили готовность респондентов на определенные действия для получения денег. Приведём пример на получении денег с помощью брака по расчету. Респонденты нейтрально относятся к бракам по расчету, хотя они не согласны с тем, что их будущий супруг/супруга (супруг/супруга будущих детей/внуков) обязательно должен быть богатым. То есть респонденты склонны не обращать внимания на социально неодобряемые формы получения денег, но не хотели бы видеть среди таких людей себя/своих детей/внуков. Таким образом, можем сделать вывод о том, что в современном капиталистическом обществе, где деньги стали практически единственной универсальной формой связи и коммуникации, в обществе, в котором деньги являются главным инструментом потребления всё более растущих благ, оказывается, что далеко не все можно ими измерить и за них купить. Ряд важных ценностей человеческой жизни не имеет денежного выражения: не продаются истинная любовь и дружба, а продажные - недорого стоят. Можно купить партнеров, но не преданность и надежность; можно оплатить образование и получение профессиональной квалификации, но нельзя купить талант и творчество озарения; можно установить и наладить связи с людьми, но не обрести настоящих друзей или возлюбленных; за деньги можно заставить людей совершать какие-либо действия, работу, но не решиться на подвиг; можно купить произведение искусства, но не умение видеть и чувствовать прекрасное. Однако, именно то, что нельзя купить за деньги, и образует неотчужденную, подлинно социальную и культурную сферу в отличие от экономической.

Литература

1. Ильин В. И. Общество потребления в России, миф или реальность? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://artpragmatica.ru/hse/?uid=459> (дата обращения 30.09.2012)
2. Абрамова С. Б. Деньги как социальная ценность: поколенческий срез проблемы [Электронный ресурс]. – Режим

Секция 4. Пересечение культурных границ и реконфигурация идентичности

ТЕЛЕСЕРИАЛЫ ПОПУЛЯРНЫЕ СРЕДИ МОЛОДЁЖИ И ИХ ВЛИЯНИЕ

Бекреев А.Д. (Санкт-Петербург)

Массовая культура является неотъемлемой частью культуры в современном мире, частью имеющей широкое распространение. Телевизионные сериалы представляют собой феномен массовой культуры возникший в 20 веке, занимающий значительное место по содержательным, временным и функциональным позициям. Такая их значимость в массовой культуре связана с рядом причин. Они заполняют телевизионное время, в связи с большим количеством каналов. Чрезвычайно велика социальная значимость, так как позволяют проводить определённые мировоззренческие ориентиры, постулаты и тем самым воздействовать на сознание телезрителей. Телесериалы позволяют донести квазикоммуникационные ценности, а модели поведения, визуальные образы фразеологически переносятся в обыденную жизнь. В странах-производителях сериалов, имена детей из реальной жизни совпадают с именами героев, изучая их даже можно сказать в какое время родился ребёнок. С одной стороны телесериалы - это феномен массовой культуры, а с другой инструмент воздействия на реальную жизнь. Неоспоримо, что ценности которые там транслируются плавно перетекают в нашу обыденность. Что же такое телесериал? Телесериал - это художественное или документальное (а нас интересует именно этот вид) кинопроизведение, состоящее из множества серий и предназначенное для демонстрации по телевидению. Каждая серия оформлена как самостоятельная единица большой истории с собственным продолжением. Группы героев появляется от недели к неделе, позволяя транслировать историю как несколько параллельно происходящих приключений со множеством вариаций. Каждый герой отрабатывает свой стереотип поведения. Каждое действие составляется, как правило, из десяти - пятнадцати серий. В каждой

серию – трансляция нескольких действий с несколькими группами героев. Но насколько близок российской действительности феномен телесериала? По данным исследования (весна 2012 года) проведенного российским независимым холдингом «Ромир», специализирующемся на маркетинговых, медиа и социально-экономических исследованиях, России сей феномен крайне близок. Согласно полученным результатам, 81% горожан заявили, что смотрели художественные телесериалы за последние три месяца перед непосредственно опросом. Вопреки распространенному стереотипу, зрительская аудитория представлена почти равными долями и среди мужчин (80%) и среди женщин (81%). Давно ушли в прошлое времена, когда устоявшееся сокращение от слова «телесериал» ассоциировалось исключительно с прекрасной половиной человечества. Наиболее популярными сериалами оказались: по ТВ - «Интерны», в интернете - «Доктор Хаус». Среди молодых людей возраста от 18 до 24 лет доля регулярно смотрящих сериалы так же весьма высока, около 70%. Наиболее популярными у этой возрастной группы, в отличие от старших поколений, являются сериалы производства США и Европы. Вот список наиболее популярных западных телесериалов (в скобках указан год начала съёмок) в порядке убывания, основанный на данных нескольких русскоязычных рейтинговых сайтах (является приблизительным): 1. Игра престолов (2011) 2. Доктор Хаус (2004) 3. Шерлок (2010) 4. Друзья (1994) 5. Теория большого взрыва (2007) 6. Во все тяжкие (2008) 7. Правосудие Декстера (2006) 8. Побег (2005) 9. Как я встретил вашу маму (2005) 10. Плохие/Отбросы (2009) Сделав сравнительный анализ этих телесериалов, можно увидеть что общего в этих самых популярных кинопроизведениях есть, и чего нет в не самых известных сейчас сагах, таких например как «Американская история ужасов». Абсолютно в каждом телесериале из перечисленных, имеется уникальный персонаж. Он может быть единственным главным героем или разделять этот титул с другими, но его наличие неоспоримо. Этот персонаж уникален, прежде всего, своим взглядом на мир, отличным от взглядов других персонажей сериала, а так же своим поведением, причём всегда это поведение эксцентрично и выходит за рамки нормы, в некоторых сериалах это поведение фактически незаконно (Плохие, Во все тяжкие). Сам персонаж резко выделяется на фоне остальных (или большинства остальных) не только чертами характера, зачастую гипертрофированными (чрезмерный рационализм, глупость, похотливость) но иногда и физически (карликовый рост,

неоперабельная стадия рака). Этот человек по своей натуре смесь положительных и отрицательных черт (что в определённой среде называется «плохороший»), причём существуют несколько серий (либо весь сериал может быть этому посвящён) которые раскрывают эту отрицательную черту персонажа и представляют её в кульминации как следствие хороших намерений (производство наркотиков и жадность на благо семьи; убийство ради брата; подлое поведение на вечеринке чтобы отпугнуть поклонников от девушки своего друга). И главное, что в каждом сериале этот персонаж направлен на преодоление существующих норм, своего рода бунт. Весь сюжет сериала основан (иногда полностью, иногда частично) на этом персонаже. Их поведение никак не осуждается, а скорее даже преподносится как положительный пример. Вот список персонажей приведённых выше телесериалов, полностью подпадающие под описание этого стереотипа: 1. Тирион Ланнистер (Игра престолов) 2. Грегори Хаус (Доктор Хаус) 3. Шерлок Холмс (Шерлок) 4. Джоуи Триббани (Друзья) 5. Шелдон Купер (Теория большого взрыва) 6. Уолтер Уайт (Во все тяжкие) 7. Декстер Морган (Правосудие Декстера) 8. Майкл Скофилд (Побег) 9. Барни Стинсон (Как я встретил вашу маму) 10. Нейтан Янг/Руди Уэйд начиная с третьего сезона (Плохие/Отбросы) Таким образом, можно сделать вывод, что наиболее популярные западные сериалы содержат и распространяют в себе своего рода поощрение «выхода за рамки», «борьбы с системой», «плохорошести» (можно также интерпретировать этот посыл как «все средства хороши») а так же «уникальной, выделяющейся, эксцентричной личности» и именно эти нормы привлекают внимание современной молодёжи, как в России, так и на Западе. На мой взгляд, такой набор посылов вполне объясним спецификой аудитории и нашего современного общества. Капиталистическое общество потребления пропагандирует уникальность каждой личности, что и выливается в чрезмерную уникальность этих персонажей. Далее «все средства хороши», тоже можно объяснить капиталистическим типом отношений в странах-производителях сериалов, то есть это норма призывает добиваться своей цели во что бы то ни стало и не смотря ни на кого. И наконец «бунт», «выход за рамки» объясним молодостью аудитории, стремящейся к эмансипации, к своему освобождению. Хороши эти нормы для нашего общества или плохи – совершенно другой вопрос. Примечательно, что количество телесериалов содержащих как основу для сюжета подобные стереотипы персонажей в последнее время увеличивается (Сообщество, Уилфред), в то время как ещё в середине

90-ых таковых телесериалов практически не было. Но если этот стереотипный персонаж придаёт такую популярность, почему его не используют в других проявлениях массовой культуры? Вероятно, причиной тому является специфическое отличие телесериала от фильмов, театральных постановок и т.п. (Хотя и тут можно найти такого персонажа как «Шерлок Холмс» от режиссёра Гая Ричи). А именно то что сериал гораздо длиннее любого фильма, и таким образом зритель способен глубже проникнуться преподносимым ему миром, крепче сжиться с этим стереотипным персонажем. Имея в наличии ресурс времени, телесериалы способны детально создать свой мир и своего уникального персонажа, в отличии от своего более динамичного конкурента, фильма. Впрочем, это всего лишь предположение. В заключение хотелось бы сказать, что естественно популярность сериала зависит не только от наличия подобного стереотипного персонажа, классические критерии качества фильмов как сюжет и подбор актёров никто не отменял. Но, тем не менее, наличие в подавляющем большинстве популярных у молодёжи сериалов (и режиссёров или игр) норм «уникальности», «выхода за рамки», «плохорошести» и «бунта» всё же имеется, и уже успело превратиться в тенденцию.

Литература

1. Попова Л.О., Ромаха О.В. Феномен телевизионных сериалов в современной массовой культуре. Электронное издание Аналитика Культурологии Выпуск 3 (12), 2008
2. И. А. Полуэхтова. Динамика российской телеаудитории. СОЦИС январь 2010
3. http://romir.ru/studies/366_1342468800/ (дата обращения 04.10.2012 23:33)

ЕВАНГЕЛИЗМ КАК ГЛОБАЛЬНОЕ СОЦИАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ

Белова Т.П. (Иваново)

Глобализация представляет собой симбиоз противоречивых социальных процессов, имеющих множество измерений, включая религиозное. Одним из наиболее динамичных социальных движений глобального характера является евангелический протестантизм, особенно пятидесятничество и неопятидесятничество (харизматическое движение) [1, 15], [2]. По данным ежегодного исследования «Состояния глобальной миссии» оно имеет самый

стремительный рост среди христианских конфессий. Ежедневно во всем мире харизматами-пятидесятниками становятся 37 тыс. человек в день. По этому показателю их превосходят только мусульмане (79 тыс. человек в день). Второе место по увеличению численности своего сообщества среди христиан занимает Римско-католическая церковь, которая ежедневно прибавляет 34 тыс. человек. Далее следуют традиционные протестантские церкви, количество прихожан в которых увеличивается на 20 тыс. в день, а затем православные церкви, у которых отмечается ежедневный рост на 5 тыс. человек [3]. Британский социолог ДД. Мартин, который много лет посвятил изучению движения евангелизма, установил, что во всем мире насчитывается по меньшей мере 250 миллионов его сторонников. Мартин характеризует его как эффективную школу для созидания гражданского общества. Чилийские и южноафриканские данные, полученные социологом, свидетельствуют о том, что обращение в эту религию меняет отношение людей к семье, сексуальному поведению, воспитанию детей и, что самое главное, к работе и экономике вообще. Церкви пятидесятников и общины харизматов создаются и поддерживаются обычными людьми (обычно женщинами), пасторы назначаются из тех же самых людей и не зависят от внешней иерархии. Образ жизни этих церквей создает автономное пространство для тех людей, кто, так или иначе, испытывает его недостаток. Мартин также подчёркивает, что движение евангелизма в целом и особенно пятидесятничество, ведёт свою активную миссионерскую деятельность исключительно мирно: у него нет силового сегмента, и оно не пытается навязывать себя всему обществу [2], [4]. Как отмечает П.Л. Бергер, принятие евангелизма «принесло пользу огромному количеству новообращенных в Восточной Азии (во всех общинах Китая, в Южной Корее, на Филиппинах), на островах Тихого океана, в африканских странах южнее Сахары, (где оно часто переплетается с элементами традиционных африканских религий. Но наиболее замечательный успех оно достигло в Латинской Америке, где протестантами-евангелистами являются около сорока – пятидесяти миллионов человек, причем большинство из них являются протестантами в первом поколении [4, 8]. Таким образом, евангелическое движение возрастает по всему миру в странах, где этот тип религии был прежде или неизвестен или был очень незначителен. Как считает Бергер, пятидесятничество – это та религия, которая теперь, как некогда в Англии и Северной Америке, учит, выражаясь словами Макса Вебера, «протестантской этике», т. е. воспитывает единственно

приемлемую мораль для тех, кто хочет чего-то добиться в начинающуюся эру современного капитализма. Хотя эта разновидность протестантизма явно англосаксонского происхождения (современное пятидесятничество возникло в Соединенных Штатах около ста лет назад), она хорошо приживалась всюду, куда проникала. Для нее не обязательно владение английским языком, а характер богослужения (особенно используемая при этом музыка) позволяет ей прекрасно уживаться с местными традициями. Однако «дух», который она выражает, обнаруживает абсолютно англосаксонские черты, что проявляется в удачном сочетании личностного самовыражения, равноправия (особенно между мужчинами и женщинами) и способности к созданию добровольных объединений. Таким образом, она облегчает не только социальную мобильность в период становления рыночной экономики (что, конечно, было сутью веберовской концепции), но и фактическое или ожидаемое участие той или иной страны в новой глобальной экономике. Кроме того Бергер отмечает, что лидеры этого движения осознают свою причастность к некоему глобальному движению с растущими контактами между ними (независимо от их гражданской принадлежности к тому или иному государству) и центрами протестантизма, находящимися в Соединенных Штатах [1, 16]. Весьма скромно присутствие евангелического движения Бергер оценивает в Восточной Европе [6, 17]. Это, возможно, связано с тем, что в целом характер религиозных процессов в посткоммунистических странах ему представляется до конца не ясным [5, 9]. Необходимо сказать, что пятидесятничество и неопятидесятничество являются динамично развивающимися христианскими конфессиями современной России. Пятидесятнические общины, появившиеся в нашей стране в начале XX в., в советский период получили характер маргинальных религиозных групп. В настоящее время и консервативные, и реформистские течения в российском евангелизме стали открытыми для сотрудничества с государством и обществом. Следует отметить, что при разработке своей социальной концепции Российский объединённый союз христиан веры евангельской опирался на ключевые моменты «Основ социальной концепции Русской православной Церкви», причём пастор С.В. Ряховский получил на это личное согласие митрополита Кирилла (нынешнего Патриарха) [7]. В силу заметного увеличения количества общин и активной социальной деятельности пятидесятническое движение превратилось в значительную силу в рамках российского гражданского общества. С

одной стороны, пятидесятники пытаются найти свое место в рамках русской и других национальных культур, а с другой стороны, идёт процесс формирования патриотических ценностей российского протестантизма [8]. К важнейшим факторам, обеспечивающим динамизм социального движения евангелизма на глобальном и локальном уровнях, относится сетевой принцип его функционирования Модель Г12 (Government of 12) [9].

Литература

1. Бергер П.Л. Введение: Культурная динамика глобализации // Многоликая глобализация / под ред. П. Бергера и С. Хантингтона. М.: Аспект-Пресс, 2004.
2. Martin D. The Evangelical Protestant Upsurge and Its Political Implications // The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics / Ed. by P. Berger. Washington, DC: Ethics and Public Policy Center, 1999.
3. Ковалёва А. В мире растёт количество верующих людей и падает число атеистов. URL: <http://www.sedmitza.ru/news/2631410.htm> (дата обращения: 25.11.2011).
4. Martin D. Pentecostalism: The World Their Parish. Oxford: Blackwell, 2002.
5. Berger P.L. The Desecularization of the World: A Global Overview // The Desecularization of the World.
6. Berger P.L. Religion and Global Civil Society // Religion in global civil society / Ed. by M. Juergensmeyer. Oxford: Oxford University Press, 2005.
7. Мезинцев Н. Российские протестанты объединяются // НГ-религии. 30.10.2002.
8. Лункин Р. Н. Вероучение и социальная деятельность пятидесятников в России: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М.: Ин-т философии РАН, 2005.
9. Видение Г12. URL: <http://www.g12chita.ru/church/vision.php> (дата обращения: 02.10.2011).

О НОВЫХ КОНТЕКСТАХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Бондарев А.К. (Санкт-Петербург)

Новый экспертный доклад Ernst&Young, основанный на данных Booz & Company, Boston Consulting Group, Fortune 500, American Express, Всемирного Банка, «Успешные люди: признание

роли женщин в стимулировании делового и экономического развития», представляется, знаменует некоторую переломную точку в методологическом подходе к анализу факторов глобализации мирового хозяйства [1]. В том смысле, что становление отношений между акторами международного бизнеса призывается исследовать не только на базе парадигмы «хомо экономикус», прагматического интереса, но также национальной идентичности и идеологии, включая гендерный подход. В качестве эмпирической базы проверки гипотезы в первую очередь выбрана сфера спорта. Кроме спорта в докладе также рассмотрена роль женщин в бизнесе и жизни общества в целом. Обозначены задачи, которые еще предстоит решить. Особенно интересно, что в документе анализируется роль женщин с точки зрения прогнозируемого роста их доходов: в последующие 5 лет доходы женщин вырастут на 5 трлн. долларов США и составят 18 трлн. долларов США. Это почти вдвое превысит ожидаемые темпы роста ВВП Китая и Индии вместе взятых. В отличие от спорта, где все большее количество женщин, добиваются до вершины спортивной карьеры, участвуя в Олимпиаде, и, несмотря на прогресс, достигнутый в образовании женщин в США после принятия поправок к законодательству об образовании, известных под названием «Статьи 9», количество женщин, руководящих компаниями из списка Fortune 500, хотя и выросло вдвое за прошедшее десятилетие, составило лишь 3,6% от всех руководителей в 2012 году. Если рассматривать экономику индустриальных стран в совокупности, женщины составляют в ней только 11,1% от всех членов советов директоров, а в странах с активно развивающимся рынком этот показатель не превышает 7,2%. Исследователи говорят, что женщины, занимающие руководящие посты, способны вполне осязаемым образом повысить эффективность организации в значительной степени, поддающейся количественному измерению. Согласно исследованию проведенному Университетом Пеппердин, рентабельность 25 компаний из списка Fortune 500, которые активнее остальных продвигали женщин на руководящие посты, в среднем превышала рентабельность других компаний из этого списка, работающих в тех же отраслях, на 18-69%. Причем согласно данным организации Catalyst, компании из списка Fortune 500 с наибольшим количеством женщин среди членов совета директоров показывают лучшие результаты деятельности, чем организации, где женщины представлены в совете директоров в меньшем количестве, если сравнивать доходность их акционерного капитала, продаж и инвестированного капитала (53%, 42% и 66% соответственно).

Однако результаты опросов American Express свидетельствуют о неоднозначности полученных данных. Так, в США количество компаний, которыми владеют женщины, растет, но эффективность их работы увеличивается в меньшей степени, что касается как количества работников, так и прибыли. По мнению Booz & Company, около 860 млн. женщин (более 25% всех женщин в мире) либо «не готовы», либо «лишены способности» принимать участие в мировой экономической деятельности. Возраст большинства из них варьируется от 20 до 65 лет. Почти 95% живут в странах с развивающейся экономикой; остальные - представительницы Северной Америки, Западной Европы и Японии. С учетом новорожденных девочек и девочек постарше, которым еще не исполнилось 20, данное количество вырастет в течение следующего десятилетия до миллиарда. Методика анализа, таким образом, сопряжена с Индексом гендерного неравенства (ИГН), который в качестве эксперимента был введен в юбилейном 20-м издании «Доклада о развитии человека» [2]. Новый индекс представляет собой композитный показатель, отражающий неравенство в достижениях между мужчинами и женщинами в трех измерениях: репродуктивном здоровье, расширении прав и возможностей, а также на рынке труда. Значения ИГН колеблются от нуля (полное равенство женщин и мужчин) до единицы (полное неравенство во всех измерениях). Репродуктивное здоровье измеряется двумя показателями: уровнем материнской смертности и коэффициентом рождаемости у подростков. Расширение прав и возможностей также измеряется двумя показателями: соотношением числа женщин и мужчин, являющихся депутатами парламента и уровень среднего и высшего образования среди женщин. Экономическая активность измеряется участием женщин в рабочей силе. ИГН предназначен для выявления степени подрыва средних по стране достижений в области развития человека гендерным неравенством, и обеспечения эмпирической основы для анализа политики и усилий по осведомленности и пропаганде. Разумеется, методология ИГН схожа с методологией индекса человеческого развития (ИЧР), скорректированного с учетом неравенства (ИЧРН). Причем, так как ИГН включает в себя измерения ИЧР, то в отличие от ИЧРН он не может быть интерпретирован как непосредственные потери ИЧР. В отличие от ИЧР более высокие значения ИГН означают худшие достижения. Однако ИГН сталкивается со значительными ограничениями в плане доступности данных, что касается владения активами, гендерного насилия и участия в принятии решений на

уровне местных органов государственного и хозяйственного управления, а также других сферах общественной жизни. Кроме того, по измерению рынка труда не хватает информации о доходах, занятости и неоплачиваемой работе женщин. В ИГН не учтены другие важные аспекты, такие как использование времени - многие женщины имеют дополнительную нагрузку по уходу и ведению домашнего хозяйства, которая сокращает их время на отдых и увеличивает стресс и истощение, что не берется во внимание. Тем не менее ИГН вводит методологические усовершенствования и альтернативные показатели. Он измеряет гендерное неравенство в трех измерениях, при помощи тщательно подобранных показателей для отражения состояния репродуктивного здоровья женщин, а также расширения их прав и возможностей и участия на рынке труда по сравнению с мужчинами. Доходы, которые представляют собой наиболее спорный компонент предыдущих индексов, введенных в 1995 г., не являются компонентом ИГН. Кроме того, новый индекс не позволяет перекрестной компенсации в разных измерениях. Однако, как и в случае с предшествующими индексами, невозможно определить, глядя на значения ИГН, какой из полов находится в лучшем положении. ИГН был введен в качестве экспериментального индекса. Однако он не является идеальным измерителем и нуждается в дальнейшем развитии и совершенствовании.

Литература

1. High achievers: recognizing the power of women to spur business and economic growth // www.ey.com/RU/ru/2012-08-13.
2. См., напр.: Доклады о человеческом развитии ООН // Reports (1990-2011) | Global Reports | HDR 2010 | Download |

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЯ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ)

Горбунова А.А. (Барнаул)

В настоящее время молодежь как особая демографическая группа рассматривается в качестве стратегического ресурса социально-экономического развития и ключевого фактора общественных трансформаций. Более того, современная молодежная политика рассматривает молодых людей как главный ресурс обеспечения национальной безопасности Российского государства.

Утверждается также доминирующая роль молодежи в распространении идеологии толерантности, развитии российской культуры и укреплении межпоколенческих и межнациональных отношений. В свете данных тенденций особый интерес представляет изучение межэтнических отношений именно с позиции молодого поколения. Для данного исследования использовались данные, полученные в ходе проекта «Социальные риски воспроизводства девиаций и социальная безопасность населения России: проблемы взаимообусловленности и трансформации в современных условиях кризисного состояния общества», реализующегося в 2009-2011 гг. Выборку составили 284 человека, 47% молодых людей, 53% девушек, в возрасте 15 до 30 лет, проживающих на территории Алтайского края. Для всестороннего анализа межэтнических отношений нами были выделены три составляющие: когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты. Что позволило нам определить соответственно знания опрошенной молодежи о характере межэтнических взаимодействий в регионе, отношении молодежи к представителям других этнических групп и реальные стратегии поведения в межэтнической среде. Кроме того, в результате построения регрессионной модели, были выделены факторы, оказывающие наибольшее влияние на отношение молодых людей к представителям другой национальности. В результате, сфера межэтнических отношений характеризуется следующим образом: - Проблемы, связанные с напряженностью в этнических отношениях (межнациональные конфликты, экстремизм, национализм), по оценкам молодежи, не являются особо острыми для Алтайского края, однако в качестве общероссийских они занимают одно из ведущих мест. - Угроза терроризма как крайняя степень межэтнических противоречий в структуре проблем Алтайского края указывается небольшим количеством людей (всего 2%), однако вероятность его совершения отмечают сравнительно большим количеством человек (13%) и еще большее число опрошенных (40%) боятся стать его жертвой. - Та же закономерность прослеживается в оценке нападений на почве национальной неприязни: опасаются этого четверть опрошенных, а реальную враждебность по отношению к себе отмечают только 3%. Таким образом, существует некое противоречие между ощущением угрозы молодежи и реальной возможностью ее осуществления. - Достаточно большое количество опрошенных (42%) затрудняются в оценке динамики распространения конфликтов между коренными жителями и приезжими других национальностей, что может свидетельствовать о

низкой осведомленности молодежи состояния межэтнических отношений в регионе. Но, несмотря на это, большинство молодых людей все же посчитали, что в их населенном пункте нет экстремистские формирований. - Эмоциональное отношение к людям иной национальности в целом можно охарактеризовать как достаточно благоприятное: негативные чувства к данным людям испытывают только 10% опрошенных, 60% осуждают проявления враждебности и агрессии в их адрес. Опрошенная молодежь также одинаково оценивает коренных жителей и приезжих людей другой национальности в качестве виновников существующих конфликтов. Однако, несмотря на это, значительное количество молодых людей (40-50%) положительно расценили утверждения, касающиеся превосходства собственной нации. Что является тревожным сигналом. - Что касается случаев проявления экстремизма и национализма в Алтайском крае, то большинство молодежи, а это 81% не сталкивались за последний год с какими-либо проявлениями экстремизма. Только 1% опрошенных был ущемлен по национальному признаку, 2% – по религиозному, еще 5% являлись свидетелями унижениями из-за национальности или вероисповедания. - В случаях ущемления по национальному признаку молодые люди предпочли обратиться за помощью к друзьям и знакомым, либо изменить свое поведение на более безопасное. Более активно защищали свои права люди, столкнувшиеся с проблемами по религиозному признаку: в таких случаях они обращались в органы власти, правоохранительные органы, учреждения социальной защиты, а также принимали помощь со стороны близких, родственников. На отношение к представителям других национальностей в первую очередь влияют: 1. Пол: как показывает практика, в группе лиц с преимущественно негативным отношением к иным этносам количество мужчин превосходит количество женщин в среднем в 2 раза; 2. Социальная активность личности: было выявлено, что у людей, активно занимающихся общественно-политической деятельностью, постоянно совершенствующих свой образовательный уровень преобладает позитивное отношение к людям другой нации; 3. Уровень доверие власти – следующий показатель межэтнического отношения. Как правило, молодые люди с негативными чувствами характеризуются низким уровнем доверия различным государственным структурам и общественным организациям. Они также в большей степени не удовлетворены деятельностью данных учреждений; 4. Люди с преобладанием негативных ощущений в отношении иных этнических

групп чаще отмечают значимыми для России такие проблемы, как угроза сепаратизма, раскол государства, вооруженные конфликты на территории РФ, массовые выступления населения. Считая причинами данных проблем снижение регулирующей роли государства в обществе, потеря Россией статуса великой державы и лидирующего места в мире. 5. Влияет на отношение к другим нациям и состояние межэтнических отношений. Так в группе, характеризующихся негативизмом в отношении иных этносов люди чаще чувствуют враждебность к себе с их стороны, опасаются стать жертвой нападения на национальной почве, и практически не осуждают проявления враждебности в адрес лиц другой национальности. Люди с негативным отношением считают актуальной тенденцию увеличения количества конфликтов между коренными и приезжими жителями в их населенном пункте. Таким образом, современная молодежь в целом достаточно благоприятно оценивает состояние межэтнических отношений в Алтайском крае, однако, не всегда обладая полной информацией о характере межэтнических взаимодействий в регионе. Не смотря на это, значительное количество молодых людей положительно расценивают утверждения, касающиеся превосходства собственной нации. Тем самым мы можем говорить о наличии некоего потенциала враждебности в молодежной среде. Наиболее значимыми катализаторами которого могут быть: утрата доверия власти и неудовлетворенность ею деятельностью, а также факты межэтнической напряженности.

ФУТБОЛЬНЫЙ ТУРИЗМ КАК СИМВОЛ ВСЕМИРНОЙ КУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ.

Горюнов П.Ю. (Санкт-Петербург)

Неоспоримым фактом является то, что глобальная интеграция является сложным комплексным процессом. В нее включены все сферы общественной жизни: политическая, экономическая, культурная и так далее. Футбол, как самый популярный вид спорта в современном мире, не может не отражать происходящих в нем процессов. С данной мысли начинает свой труд «Как футбол объясняет мир. Невероятная теория глобализации», известный американский журналист и социолог, Франклин Фоер, он формулирует ее следующим образом: «Футбол – это нечто большее, нежели игра или даже образ жизни, это отчетливое отражение

противоречивых тенденций современного мира...» [1]. В данной работе автор концентрируется на рассмотрении футбольных и околофутбольных процессов, как символов эпохи глобализации. Фоер рассматривает частные ситуации и конструирует из них общую теорию, но упускает глобальные процессы, которые демонстрируют межкультурную коммуникацию «здесь и сейчас», в частности, футбольный туризм. Прежде чем описывать историю развития данного феномена, определять степень его символичности для процессов глобализации, необходимо категориально определить понятие футбольного туризма, и то, чем он отличается от традиционного посещения других стран. Футбольный туризм – это посещение территории отличающийся от места жительства индивида с одной целью – просмотр футбольного матча. Данный вид туризма можно разделить на два вида – внутри государства, в котором проживает болельщик, и «выездной» туризм, то есть, поездка в другую страну. Так же следует отметить, что наиболее распространенный в современной России футбольный туризм – поддержка отечественного клуба или сборной на международной арене, но существует и другой вид поездок – посещение наиболее важных матчей зарубежных внутренних чемпионатов. Если говорить об истории зарождения данного феномена, футбольный туризм следует считать традиционным для болельщиков западных стран. На протяжении всего двадцатого века болельщики из Англии, Франции, Германии и так далее, путешествовали вслед за любимой командой. Для России в свою очередь, данный вид туризма стал типичен только после распада Советского Союза, что объясняется политической ситуацией. В советское время болельщики начали путешествовать за любимой командой по территории государства в конце 70-х – начале 80-х годов, но о международных «выездах» на тот момент говорить не приходилось. Первые потоки «футбольных туристов» на международную арену появились в 90-х годах прошлого века, но их нельзя считать массовыми, так как уровень жизни в России, не позволял осуществлять подобные путешествия. На сегодняшний день, на каждый международный матч отечественной команды отправляется не менее полутора тысяч болельщиков, наиболее массовым «выездом» принято считать Суперкубок Европы 2008 года в Монако, в котором сошлись ФК «Зенит» из Санкт-Петербурга и Английский «Манчестер Юнайтед», на данном матче присутствовало двенадцать тысяч болельщиков из России. На современном отечественном рынке туристических услуг существует множество компаний, которые специализируются именно на футбольном

туризме. Более того, следует отметить, что выходит ежемесячный журнал «Magshop report on tour» [2], который повествует болельщикам о том, какие матчи следует посетить, как следует себя вести в общении с болельщиками из других стран и так далее. Наиболее ярким примером футбольного туризма следует считать Чемпионаты Мира и Европы по футболу, которые притягивают к себе миллионы болельщиков из разных стран (Чемпионат Европы 2012 года в Украине и Польше посетило 8,3 миллиона зарубежных болельщиков). Во время проведения подобного форума страна-организатор превращается в своеобразный «плавильный котел», в котором представлены болельщики из разных культур, осуществляющие крайне интенсивное коммуникации. Таким образом, болельщики из России присоединились к общеевропейской практике футбольного туризма, что способствует регулярному межкультурному общению и демонстрации национальных традиций поддержки любимой команды. Следует так же отметить, что туризм – это не единственный способ интернациональной презентации национальной традиции потребления футбольного контента. В связи с тем, что телевизионные каналы транслируют большое количество международных матчей, телезритель может оценить, как в другой стране болельщики ведут себя на стадионе, что, безусловно, создает определенный имидж государству, из которого осуществляется вещание. Материалы, представленные в данном тексте, позволяют с уверенностью говорить о том, что футбольные болельщики, а в частности, феномен футбольного туризма, наглядно демонстрирует интеграционные процессы, происходящие в современном мире.

Литература

1. Фоер Ф.. Как футбол объясняет мир. Невероятная теория глобализации. / Пер. с англ. – М.: ЗАО «ОЛИМП-БИЗНЕС», 2006 – 272 с.
2. Magshop report on tour: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magshop.appee.ru/>. Дата обращения: 05.10.2012
3. Айзенберг К. Футбол как глобальный феномен: Исторические перспективы. Логос. 2006. № 3. С. 91-103. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/text/18917522/>. Дата обращения: 05.10.2012
4. Gary Armstrong. Football Hooligans: Knowing the Score (Explorations in Anthropology)./ Oxford: «Berg Publishers», 2003 – 320 с.

НОВЫЕ ТРЕНДЫ В РАЗВИТИИ КУЛЬТУРЫ ТУРЦИИ

Грунт Е.В. (Екатеринбург)

Страны, которые объединяют не столько географическим, сколько «культурно-религиозным» понятием «мусульманские страны», до недавнего времени имели закрытый («замкнутый тип культуры») [1], длительное время развивались на своей собственной основе и не имели столь мощных миграционных потоков. Несмотря на то, что в современной Турции проживает более 94% мусульман, в Египте - более 90%, в Арабских Эмиратах около 70%, а Индонезия является самой крупной по численности мусульманской страной в мире [2], последние десятилетия свидетельствуют об изменении состава населения этих стран в результате массовой миграции. Процессы миграции меняют не только расово-антропологическую основу этих стран, но и подрывают ее идентичность, изменяют социокультурное пространство этих стран. Большой поток мигрантов сегодня идет из России. Так, по предварительным данным посла России в Турции В.Е.Ивановского, сегодня можно говорить примерно о пятидесяти тысячах проживающих в Турции россиян [3]. Представители двух первых волн миграции в Турцию были вынужденными мигрантами из России (поражение в Крестьянской войне Кондратия Булавина, вынужденный отъезд интеллигенции и белой армии после Октябрьской революции 1917 года). Современные мигранты – добровольные переселенцы из России. Поэтому первые - по своему быту, образу жизни и культуре продолжали оставаться бывшими русскими людьми. Однако они являлись носителями ценностей чужой для Турции культуры, и, следовательно, продолжали оставаться для нее иностранцами. Поэтому, чтобы не потерять свою индивидуальность, представители первых волн миграции сохраняли свою культурную идентичность и формировали русскую диаспору. Современные мигранты стремятся, как сохранить ее, так и обрести новую, что меняет культурные контуры страны. Об этом красноречиво говорят данные социологического исследования, проведенного нами в Турции в конце 2010 года в среде русских эмигрантов. Методами исследования выступили глубинное интервью с русскоязычными эмигрантами и экспертный опрос руководителей русскоязычной диаспоры. Важным элементом культуры являются традиции и быт русскоязычных эмигрантов. Рассмотрим некоторые показатели. Анализ праздников, которые отмечают эмигранты, находясь в

другой стране на постоянном месте жительства, показал, что самым популярным праздником является Новый год. Его отмечают все респонденты, проживающие в Турции. Также наиболее отмечаемыми праздниками среди представителей русскоязычной диаспоры стали: Дни Рождения членов семьи, Рождество (63,3% опрошенных) и День Победы (2% респондентов). Кроме того, респонденты указали, что отмечают праздники других культур, например, День святого Валентина (44,9%). Более трети русскоязычных эмигрантов также отмечают все мусульманские праздники. На наш взгляд, это можно объяснить тем, что 71,0% опрошенных, проживающих в Турции, состоят в браке с представителем турецкой культуры и, соответственно, как члены турецкой семьи, они отмечают мусульманские праздники наравне со всеми. Вместе с тем, большинство таких семей отмечают и русские праздники, так как супругам, состоящим в смешанных (межнациональных) браках приходится принимать условия обеих сторон. На это указало 40,0% респондентов. Поскольку национальная еда является частью культуры, то, по нашему мнению, будет целесообразным оценить вкусы и предпочтения в еде представителей русской диаспоры в рассматриваемой мусульманской стране. Анализ результатов исследования позволил сделать вывод о том, что большинство респондентов (65,3%) предпочитают, как русскую кухню, так и кухню страны пребывания. Более того, в трети семей, имеющих смешанные браки, происходит чередование приготовления блюд турецкой и русской кухни. Что касается языка как важного элемента культуры, на котором говорят эмигранты, то 90, 0% респондентов владеет турецким языком. Более того, около 40,0% семей говорят на двух языках – русском и турецком, что подтверждается данными глубинного интервью: «С ребенком мы каждый год ездим в Россию навестить дедушек и бабушек. Первое время, Настя говорит на турецком, (но при этом, хорошо знает русский язык), а спустя неделю уже - свободно общается только на русском. Мой муж так же неплохо говорит на русском языке» (Наталья, 38 лет, продавец, г. Стамбул). Говоря о религии, никто из респондентов не выделил мусульманство в качестве критерия отличия между двумя культурами. С одной стороны, возможно, это связано с тем, что в мультикультурном обществе, в условиях глобализации, традиционные институты религии теряют свое значение, кроме того, в России на протяжении 70 лет существовал пресловутый научный атеизм. Поэтому, несмотря на то, что в Турции, где мусульманство не просто официальная государственная религия,

но и основа менталитета и мировоззрения людей, русскоязычные эмигранты, религиозные убеждения которых не имеют устойчивой подоплеки, не ощущают влияния мусульманства на себе. С другой стороны, мусульманство в Турции уже не столь ортодоксально, как оно было раньше, и, по сравнению с другими мусульманскими странами (например, Египет, Арабские Эмираты), имеет более европеизированный характер: «Турция - это традиционное общество, основу которого составляет ислам, однако мусульманство там имеет европеизированный характер (Татьяна, 38 лет, директор туристического агентства). Данные исследования показали, что около трети эмигрантов из России принимает ислам (в основном, это – женщины, состоящие в смешанных браках). Исследование зафиксировало новый тренд в развитии культуры Турции: сегодня представители турецкой культуры изучают русский язык, используют российско-турецкие методы воспитания детей, отмечают совместно праздники и т.д. Все это свидетельствует, с одной стороны, о том, что мы наблюдаем не только кризисное состояние культурной идентичности русских эмигрантов, так как, по нашему мнению, основания для сохранения собственной культурной идентичности у представителей русскоязычной диаспоры в Турции довольно шаткие, и эта группа опрошенных наиболее подвержена формированию новой культурной идентичности, но - и культурной идентичности представителей турецкой культуры. Однако в отношении Турции необходимо сделать некоторые дополнения, довольно существенные, на наш взгляд. Глобальные процессы, способствующие переходу к информационному обществу, приводят к унификации и стиранию границ в коммуникативных связях. Это представляет угрозу сохранению национальной самобытности стран и народов. Если раньше религия, в первую очередь, ислам, как традиционный институт культуры, оказывала первостепенное влияние на формирование турецкой идентичности и мировоззренческие основы турецкого менталитета, то сегодня ее значение существенно поменялось. На данном этапе, в первую очередь, в силу европеизации страны, а также вследствие внедрения в пространство культуры новых трансляторов культурных образцов, ислам перестает быть главной направляющей силой в ценностно-нормообразующей регуляции. Кроме того, наличие большого количества эмигрантов подрывают духовные основы турецкого общества. Все это так же характеризует кризис культурной идентичности в стране. Мы согласны с Э. Гидденсом, что самоидентичность все больше воспринимается сегодня не как

твердая, раз и навсегда сформированная данность, а как незаконченный развивающийся проект. [4]

Литература

1. Данилевский Н.Я. Культура и Европа. М., 1981
2. См.: Энциклопедия Британника / [Электронный ресурс], режим доступа: <http://www.britannica.com>
3. Интервью посла России в Турции В.Е.Ивановского, интернет журнал МИД РФ «Консул» № 4,19, 2009 / [Электрон. ресурс], режим доступа: http://www.turkey.mid.ru/hron/int_10.html
4. См.: Giddens. A. Modernity and self-identity. Stanford(cal.) Stanford univ.press, 1991.-7, - P. 256.

ЭКСТРЕМИЗМ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ЯВЛЕНИЕ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Гуськов Д.В. (Екатеринбург)

Экстремизм – это сложное и многогранное явление, исследуемое несколькими смежными научными дисциплинами. В настоящее время существуют различные методологические подходы к определению экстремизма как научной категории. Слово «экстремизм» происходит от латинского *extremus* «экстремус», что означает «крайний». В самом широком смысле экстремизм принято определять как приверженность к крайним взглядам, мерам, действиям и решениям. В настоящее время экстремизм чаще всего характеризуется как политическое, юридическое, явление, реже как психобиологическое или социально-психологическое, но не как социокультурное явление. Хотя социокультурные основания и факторы возникновения, развития и протекания экстремизма также имеют место. Кроме того, на данный момент, в науке существует ряд авторских определений, характеризующих явление экстремизма с различных сторон и научных позиций, раскрывающих особенности данного феномена. Так, например, ряд исследователей, среди которых Козлов А.А., Томалинцев В.Н., Зубок Ю.А., Чупров В.И. связывают явление экстремизма в обществе с природной экстремальностью человеческого бытия и сознания. Понятия «экстремизм» и «экстремальность» происходят от одного латинского слова *extremus* – край, конец. Оба понятия несут значение

интенсивности, напряжённости, остроты. Можно согласиться с Козловым А.А. и Томалинцевым В.Н., что одной из характеристик экстремизма как социокультурного феномена является то, что он несёт личностное начало и является естественным фактором социокультурной среды, отражающим взаимодействие индивида и общества. Однако определение феномена экстремизма, данное Козловым А.А. и Томалинцевым В.Н., характеризует экстремизм как негативное явление: «Экстремизм есть крайняя степень пренебрежения, т. е. поправление уже установленных норм и принципов господствующего вкуса, общепринятого стиля.[3, 91]. Схожей позиции по поводу экстремизма придерживаются исследователи Ю.А. Зубок и В.И. Чупров. Они выяснили, что крайние формы экстремальности, перерастая в экстремистские проявления, способствуют самореализации молодых людей. [4, 19] В этой ситуации, необходимо обратиться к классификации уровней экстремизма, данной отечественным исследователем Э.А. Паином. Э.А. Паин при изучении социальной природы экстремизма выделил два уровня проявления экстремизма как социокультурного явления. На персональном уровне предпосылки экстремизма могут выражаться в форме этнической, классовой неприязни, агрессии, страха перед «чуждым».[5, 113 – 124] На уровне социума, взаимодействия различных социальных групп, этнических и религиозных общностей проявления экстремизма нарастают в периоды начавшихся, но не завершённых исторических перемен.[5, 113 – 124] Учитывая вышеизложенное, необходимо обратить внимание на исследования ученых Р.А. Зобова и В.Н. Келасьева, где они утверждают, что на уровне рядовых членов общества агрессия часто направляется против тех, кто не входит в круг «своих». Экстремизм в данном случае приобретает безличный, анонимный характер.[1, 150] Кроме того, по мнению Р.А. Зобова и В.Н. Келасьева, экстремизм связан с постановкой высоких целей, ориентаций человека на лучшее будущее, стремлением подняться над обыденностью жизни, максимальной самореализацией, напряжением духовных и физических сил, саморазвитием, обогащением личности.[1, 154] Можно согласиться с данной позицией, что экстремизм в различных его проявлениях может оцениваться неоднозначно. Данные обстоятельства создают целый ряд методологических проблем, с которыми может столкнуться исследователь при эмпирическом анализе экстремизма в социокультурной среде. В связи с данным обстоятельством первая проблема возникает уже при попытке определить понятие

«экстремизм». Однако определяя объем и содержание данного понятия, нельзя отстраниться и от ценностного подхода к нему, и это порождает множество смыслов и значений. Экстремизм, как и любое другое понятие может иметь целый ряд значений и смыслов в зависимости от отрасли гуманитарного научного знания и даже от ценностных предпочтений исследователей. Кроме того, одновременно возникает ещё и вторая проблема, проблема логической дифференциации экстремизма со схожими, близкими понятиями (радикализм, фанатизм, терроризм, конформизм). Данная проблема была обозначена М.Я. Яхьяевым в статье «Методологические проблемы исследования экстремизма»: «Присматриваясь к экстремизму, пытаюсь понятийно определить его, мы, прежде всего, сталкиваемся с проблемой логической дифференциации экстремизма с такими тождественными явлениями, как радикализм, фундаментализм, фанатизм. А без четкого разграничения этих явлений мы не сможем высветить сущность и понятийно обозначить их».[6] Третьей методологической проблемой при эмпирическом анализе экстремизма как социокультурного явления является само отношение исследователя к исследуемому феномену с позиции его ценностных ориентаций, которых придерживается исследователь. В связи с этим, особая трудность в установлении критериев экстремизма, особенного социокультурного, проявляется в социальных системах, в которых социокультурное ядро окончательно не сформировалось, и его нормы не стали общепринятыми и привычными для данного общества. Четвертой методологической проблемой в эмпирическом анализе экстремизма как социокультурного явления является то, что в массовом сознании девиантное поведение и экстремизм стали ассоциироваться со многими негативными проявлениями возникла тенденция считать его «негативным, несущим деструкцию». Так, например, российские исследователи феномена молодежного экстремизма Т.И. Кухтевич и О.В.Туманян также увидели, что существует проблема восприятия девиантности и экстремизма как негативных явлений, без учета двоякости их воздействий на социокультурную среду. По этому поводу они изложили следующую позицию: «Возьмем, к примеру, понятие «девиантность»...Будучи привнесено в социальное знание, понятие стало означать отклоняющееся поведение и получило негативную окраску».[2, 20] В современном массовом общественном сознании часто господствует гипертрофированная трактовка экстремизма как явления, связанного в основном с политической жизнью. Благодаря средствам массовой информации в обществе

утвердилось мнение, согласно которому любое явление, каким-либо образом связанное с агрессивным насилием, стали называть девиацией, экстремизмом или терроризмом. В этой связи можно только частично, а точнее наполовину согласиться с создателем теории социального контроля Нейлом Смелзером, определившим девиацию как негативное явления, как отклонение от групповой нормы, которое влечет за собой изоляцию, лечение, тюремное заключение или другое наказание нарушителя.[7] Пятой методологической проблемой эмпирического анализа экстремизма как социокультурного явления является проблема классификации проявлений экстремизма в социальной среде и унификации данных классификаций.

Литература

1. Зобов Р.А., Келасьев В.Н. Человечествознание: самореализация человека: Учебник / Под общей редакцией проф. В.Н. Келасьева. – СПб.: Изд-во С-Петербур. ун-та, 2008;
2. Кухтевич Т.И, Туманян О.В. Экстремизм в молодежной среде: Учебное пособие. – М.: МАТИ, 2009;
3. Томалинцев В.Н., Козлов А.А. Введение в социальную экстремологию: Учеб. пособие. - СПб.: Изд-во С-Петербур. ун-та, 2005. – 220 с.;
4. Чупров В.И., Зубок Ю.А. Молодёжный экстремизм: сущность, формы проявления, тенденции, - М.: Academia, 2009;
5. Паин Э.А. Социальная природа экстремизма и терроризма / Э.А. Паин // Общественные науки и современность. – 2002. - №4. – с. 113-124;
6. Яхьяев М.Я. «Методологические проблемы исследования экстремизма»: <http://www.ekstremizm.ru/publikacii/izuchenie-i-prognozirovanie/item/615-metodologicheskie-problemy-issledovaniya-ekstremizma> (01.10.2012);
7. Нейл Смелзер, Девиация и социальный контроль: http://scepsis.ru/authors/id_174.html (01.10.2012).

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В УРФУ

Дорожинская Е.С. (Екатеринбург)

Фундаментальность российского образования делает Россию привлекательной для иностранных студентов и традиционно в наши

вузы приезжают на обучение студенты из разных стран. За последние годы количество иностранных студентов в нашей стране значительно увеличилось, что подтверждает главную тенденцию Болонского процесса — интернационализацию образования. В мае 2011 года в Екатеринбурге произошло объединение двух крупных университетов: Уральского государственного университета имени А.М. Горького и Уральского государственного технического университета имени Б.Н. Ельцина. Это объединение было совершено в целях создания одного из семи федеральных университетов России, которые бы обеспечили тесное международное сотрудничество, а также, для того чтобы наша страна могла использовать свой потенциал на мировом рынке образовательных услуг. Сегодня УрФУ обладает самой обширной в регионе географией международных связей, включающей как страны СНГ, так и дальнее зарубежье. В общей сложности за последние четыре года преподаватели УрФУ были командированы в 54 страны мира, включая и такие отдаленные, как Чили, Новая Зеландия и Танзания. Сегодня около ста преподавателей готовы читать ряд курсов на английском, немецком, итальянском, французском или сербскохорватском языках. В 2012 учебном году в Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н.Ельцина было зачислено около 300 иностранных студентов, 70 из них приехали из стран дальнего зарубежья – Гвинеи, Китая, Вьетнама, и других европейских стран. Таким образом, в университете сегодня учатся молодые люди из 36 государств мира [1]. Рост числа иностранных студентов в вузе актуализирует проблемы, связанные успешным прохождением процесса социальной адаптации учебными мигрантами, и соответственно, обеспечением оптимальных условий их проживания и обучения в УрФУ. Приезжая в Россию, иностранный студент попадает в принципиально новые социальные условия. Несмотря на уже имеющийся социальный опыт, полученный в родной стране, условия жизни (и обучения) в России можно считать для студента-иностранца непривычными. Разница между организацией общественной жизни и условиями обучения в родной стране и в России порождает проблемы, связанные с адаптацией студента к условиям жизни и обучения в чужой стране. Иностранному студенту необходимо привыкнуть к новым климатическим и бытовым условиям, к новой образовательной системе, к новому языку общения, к интернациональному характеру учебных групп и потоков и т. д. Весной 2012 года нами было проведено исследование, посвященное изучению процесса социальной адаптации иностранных

студентов Уральского федерального университета. В опросе приняли участие иностранные студенты, приехавшие из Китая, КНР, Тайланда и Италии. По данным исследования, только 10% опрошенных оценивают свой уровень знания русского языка выше среднего, не смотря на то, что среднее время пребывания иностранных студентов в России составляет от 2 до 4 лет. В качестве источника данной проблемы студенты видят недостаточное обеспечение учебными пособиями и материалами, недостаточное количество часов преподавания русского языка. Все это тормозит процесс учебно-образовательной адаптации иностранных студентов. Стоит обратить внимание на то, что многие студенты сталкиваются с проблемой, «неправильной» организации питания в вузе – русская кухня в столовых университета не привлекает иностранных студентов, хотя в целом, большая часть студентов-иностранцев положительно относится к ней. Для многих учебных мигрантов питание в столовых является достаточно дорогостоящим удовольствием, поэтому многие из них не употребляют блюда традиционной русской кухни и вынуждены готовить «свои» блюда, что замедляет процесс социальной адаптации. Студенты Уральского федерального университета, которые проживают в общежитии, а это 59 % опрошенных, жалуются на постоянный шум и размещение в одной комнате большого количества людей. Те учебные мигранты, которые снимают жилье, говорят о его дорогой стоимости. Хотелось бы отметить, что у иностранных студентов, арендующих квартиры (41%) , процесс социальной адаптации протекает несколько медленнее поскольку, как правило, они проживают со своими соотечественниками и лишены частого общения с носителями языка, которое позволило бы им быстрее влиться в студенческий коллектив и привыкнуть к новым социальным условиям. Большинство опрошенных иностранных студентов отмечают, что вполне нормально чувствуют себя как в университете, так и за его пределами и оценивают отношение к ним местных жителей как хорошее. Это позволяет образовательным мигрантам безбоязненно довольно часто ходить в кино, посещать кафе, заниматься спортом и т.д, что способствует их успешной адаптации. Подводя итог, можно сделать вывод, что адаптация студентов-иностранцев в российской социокультурной среде представляет собой совокупность сложных, многоплановых процессов, протекающих на различных уровнях социальных взаимодействий. Успешность данного процесса зависит от многих факторов и даже при самых благоприятных условиях у личности возникают различного рода сложности. Руководство

Уральского федерального университета на сегодняшний день реконструирует существующую систему обучения и проживания иностранных студентов, однако остается еще довольно большое количество проблем, которые необходимо решить для того, чтобы использовать весь свой потенциал на рынке мировых образовательных услуг.

Литература

1. Первокурсникам УрФУ помогут запомнить расположение общежитий и медсанчасти. Архив новостей Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, 18 сентября 2012 г. Официальный сайт Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. Режим доступа: <http://urfu.ru/home/press/news/article/pervokursnikam-urfu-pomogut-zapomnit-raspologhenie-o/>

КУЛЬТУРНЫЙ ПРОЕКТ ТРИЕДИНСТВА ЯЗЫКОВ В КАЗАХСТАНЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ.

Инджиголян А.А. (Караганда, Казахстан)

В различных странах национально-языковые вопросы решаются в зависимости от сложившейся в них языковой ситуации. Исходя из целей и содержания языковой политики, каждое государство вырабатывает собственную модель языкового развития. Функционирование языков в современном Казахстане имеет свои уникальные черты: сосуществование большого количества генетически и типологически разнообразных языков (в Казахстане проживают представители более 130 наций и народностей) при наличии двух широко распространенных языков-партнёров (казахского и русского). Реалии Казахстана сегодня требуют языковой политики, отвечающей потребностям полиэтнического населения страны и учитывающей особенности языковой, демографической и политической ситуации как фактора политической стабильности общества. Языковая политика в Казахстане прошла, несколько этапов своего развития. В Казахстане за период независимости выработан ценный опыт административного управления языковой политикой. 20 лет назад ситуация в языковой сфере была результатом осуществляемой в Казахстане политики русификации, насильственным переселением репрессированных

народов, экономической миграцией. Более того, государственные институты не способствовали поддержанию этнических культурных практик, в том числе и языковых. У этой политики были и плюсы и минусы. Главный недостаток – утрата казахами и представителями других этнических групп родного языка. Преимущество – через русский язык казахская интеллигенция получила доступ к образованию – в частности можно отметить, что доля среди представителей казахского этноса технической интеллигенции была одной из самых высоких среди среднеазиатских республик.

После обретения независимости осуществлялась политика последовательного билингвизма – освоения населением казахского и русского языков в равной мере. Сегодня в Республике в настоящий момент осуществляется уникальный культурный проект триединства языков – ориентирования молодежи и населения в целом на изучение казахского, русского и английского языков. Можно отметить, что во всех социолингвистических энциклопедиях знание человеком двух языков характеризуется как билингвизм, знание более двух языков считается характеристикой полиглота. Можно констатировать, что социальное требование знать более двух языков свидетельствуют о вступлении Казахстана в эпоху модерна, когда социальные запросы по отношению к человеку чрезвычайно возросли. • Важным положительным фактором является признание со стороны государства и осознание широкой научной общественности необходимости постоянного мониторинга за развитием языковой ситуации. Это важно, так как этнический состав населения в Казахстане весьма неоднороден. В течение сентября – октября 2011 в Казахстане было проведено социологическое исследование по изучению языковой ситуации в различных этнических меньшинствах. Осуществлено 10 фокус групп в 10 регионах Казахстана, с представителями 10 наиболее многочисленных этнических групп Казахстана. Этнические группы были разбиты на три категории • Тюркоязычные группы (кыргызы, узбеки, турки) • Славянские группы (русские, поляки, украинцы, белорусы) • иные (немцы, дунгане, корейцы, чеченцы) Возрастной диапазон информантов варьировался от 18 до 65 лет. Представители всех профессиональных групп населения. Исследование находится на стадии обработки информации, но уже можно сделать предварительные замечания. Как показывают социологические замеры, представители всех этнических диаспор хорошо инкорпорированы в казахстанское общество, занимают высокие социальные позиции по образованию и видам занятости. Проявляют

высокую степень адаптивности, сохраняя свою этнокультурную специфику. В асимилиационно-интеграционный процесс, некоторые диаспоры в Казахстане втянуты сильнее (корейцы, немцы, поляки), некоторые слабее (азербайджанцы, армяне). В целом, можно отметить, что участники исследований (фокус групповых бесед), демонстрируют слабую этническую организованность, практически все являются третьим, четвертым поколением, рожденных вне своей исторической родины. В то же время участники еще обладают четким пониманием своего инокультурного происхождения, главным образом за счет родственников, вернувшихся на свою историческую родину не так давно, или продолжающих жить там, с которыми поддерживается связь. В ходе исследования одним из вопросов было выяснение отношения информантов к государственной языковой политике, изучение информационного пространства языков, определение социалингвистических потребностей. В целом можно говорить о констатации информантами какого-либо напряжения в языковой ситуации. С другой стороны состояние развития своего этноязыка, вызывают у них тревогу, например корейцы, дунгане, немцы практически утратили языковую идентичность, но в то же время не утратили этническую. В этих случаях русский язык оказал вытесняющее воздействие, становясь единственным родным языком для представителей нерусских этносов. Данные свидетельствуют о переломе в психологии и сознании людей. Абсолютное большинство информантов признает правомерность широкого внедрения государственного языка (казахского) в государственные структуры и повседневность и уверены в том, что он в будущем станет фактором консолидации всего общества. В тоже все респонденты демонстрируют ориентацию на полилингвизм, особенно нетюркоязычные группы. Можно говорить о нескольких факторах, влияющих на выработку языковой стратегии поведения информантов по отношению к изучению языков и оценке языковой ситуации в целом. В первых значение имеет наличие или отсутствие у этнического меньшинства государственности вообще, и второе – экономическое и политическое положение на своей исторической родине. В зависимости от этих двух факторов в группах обсуждалась тема перспектив возможной миграции. Наиболее сильные миграционные настроения прослеживались в польской, немецкой, группах и для этих групп было характерны высокие социалингвистические потребности в изучении родного языка, и наименьшая востребованность в изучении государственного. Другие этнические группы – корейцы, и все

тюркоязычные группы, демонстрировали полное отсутствие миграционных настроений и констатацию что они находятся в процессе изучения государственного языка. На вопрос кто помогал в изучении казахского языка – были получены ответы: • с детства знаю, семья • окружение, соседи, друзья • и на последнем месте языковые курсы, обучение в школе. В ответах на вопрос что мешает выучить государственный казахский язык ответы ранжировались иначе – первое место занимают жалобы на отсутствие квалифицированных преподавателей, литературы, второе нехватка времени, сложность в изучении (для славянских групп населения) отсутствие мотивации, связанной с возрастом участников («я уже все старый, пусть дети учат»). Хотя и молодые люди точно не могли сформулировать назвать какую-либо причину, препятствующую освоить казахский язык, что указывает на их пассивную гражданскую позицию в вопросе реализации языковой политики. Можно говорить и об инерции привычки у части информантов. Встречаются ответы • невозможно параллельно с основной работой заниматься языком • в организации где я работаю не созданы условия. Важным фактором при изучении языков вообще, и казахского языка в частности, многие информанты указывают проблему поколений. То есть, более старшие поколения, отмечали необходимость изучения государственного языка более молодыми. Большинство информантов отмечали последовательность в проведении языковой политики, отсутствие компанейщины, доброжелательную обстановку по отношению к тем кто не знает государственный язык – всегда помогут, подскажут и так далее. В тоже время представители тюркоязычных групп, для которых казахский язык и казахская культура близка лингвистически («мы мусульмане у нас одна культура»), хорошо владеют языком, с удовольствием отдают детей в казахскую школу, и глубоко мотивированы на то, что знание языка будет способствовать их социальному подъему и профессиональному успеху. Исследования показывают, что социолингвистические потребности у населения разнообразные – все этнические группы, отмечали наличие тех или иных проблем в изучении родного языка или поддержании его в активном состоянии. Недостаток периодической печати на родном языке, отсутствие телеканалов или хотя бы несколько часов вещания в неделю. Отсутствие хороших учебников, недостаток классов с углубленным изучением языков. С другой стороны все отмечают что, с казахским языком в плане информационного пространства, ситуация достаточно благополучна. Много часов вещания, представители тюркоязычных этнических групп постоянно смотрят казахоязычные

каналы, отмечают их хорошее качество и даже настроены против трансляции западных каналов телевидения. Определить роль Интернета в изучении языков не удалось, но некоторые информанты отмечали желание изучать различные языки с его помощью. Проведенный анализ показывает усложнение языковых практик у этнических диаспор – включение в повседневный и профессиональный язык иноязычных образований, ориентацию на полилингвизм.

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ЭТНИЧЕСКОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ РУССКОЯЗЫЧНОЙ МОЛОДЕЖИ ГЕРМАНИИ

Казарцева Е.В. (Санкт-Петербург)

Процесс интеграции различных этнических групп из Восточной Европы в общеевропейское культурное пространство сопровождается культурными изменениями, затрагивающими как групповой, так и индивидуальный уровень. Германия, в которую в период с начала 1990-х до середины 2000-х годов происходила интенсивная иммиграция из бывшего Советского Союза, в этом процессе играет особую роль. Уже в начале 2000-х гг. в этой стране насчитывалось более 1 млн. русскоязычных переселенцев. География стран-доноров русскоязычной эмиграции была достаточно разнообразной. Например, участниками нашего исследования, которое проводилось в 2008 г. в Берлине, стали молодые иммигранты из России, Казахстана, Украины, Грузии, Прибалтики, а также те, кто имел опыт эмиграции из России и стран СНГ в Израиль. Глубинные интервью, проведенные с представителями различных категорий молодых иммигрантов, показали, что русскоязычная диаспора весьма неоднородна и разнообразна культурному уровню, религиозным убеждениям, отношению к кооренному населению, роду занятий и выбранным стратегиям адаптации в новом обществе. Кроме того, наблюдались различия в этнической самоидентификации иммигрантов: информанты называли себя русскими, евреями, русскими немцами, немцами, а иногда этот вопрос вызывал затруднения. Формирование этнической самоидентификации русскоязычных иммигрантов происходило под влиянием нескольких факторов. Прежде всего, это сохранение этнических особенностей и культурных традиций в семье (вертикальная культурная трансмиссия). У иммигрантов, переехавших в подростковом возрасте

(старше 12 лет), этническое самосознание формировалось в доэмигрантский период на Родине, а в условиях эмиграции продолжило свое формирование под влиянием семьи. В основном иммигранты причисляли себя к русским, но можно было наблюдать и примеры «смешанных» идентичностей, когда дети воспитываются в рамках различных культур. Например, одна из информанток приехала по еврейской линии из Грузии. На вопрос о том, на каком языке принято разговаривать у нее в семье, она ответила следующее: «С мамой я разговариваю по-русски, потому что она с Украины. С папой я разговариваю по-грузински, а с младшим братом – по-немецки, потому что он уже стал немцем, или еще иногда по-английски, когда мы не хотим, чтобы нас родители поняли» (Кристина, 18 лет). Кроме того, Кристина православная, но все же интересуется еврейской культурой. В Германии она чувствует себя русской, поскольку приходится много общаться с русскоговорящими и учиться в гимназии с углубленным изучением русского языка. Русский язык является важным фактором в формировании этнической самоидентификации как основной язык общения иммигрантов из бывшего Советского Союза. Общение на русском языке может происходить даже в среде иммигрантов, для которых русский не является родным. В этом случае этническая самоидентификация далеко не всегда связана с «этнической» линией эмиграции. Например, иммигрант, приехавший по еврейской линии, равно как и поздний переселенец, приехавший по немецкой линии, может считать себя русским. Русскими себя называли и иммигранты, приехавшие по другим линиям из Украины, Прибалтики, Грузии, Азербайджана. Таким образом, можно говорить о существовании в среде русскоязычных иммигрантов русской надэтнической идентичности, где единственным этноконсолидирующим фактором является владение русским языком. Определенную роль в формировании русской надэтнической идентичности, играет также ее конструирование немецким коренным населением, которое причисляет всех иммигрантов из бывшего Советского Союза к русским. Многие информанты отмечали, что для их немецкого окружения не имеет никакого значения ни линия эмиграции, ни регион, откуда иммигрант приехал, а некоторые представители немецкой молодежи вообще не знают, что «есть какие-то линии эмиграции». Формирование этнической самоидентификации русскоязычной молодежи также связано с выбором стратегий аккультурации в принимающем обществе. Ассимилировавшиеся иммигранты идентифицировали себя только с немцами. Смена

самоидентификации в некоторых случаях основывалась на убеждении, что в Германии «русским быть плохо», и нужно приложить все усилия для того, чтобы немцы не догадывались о твоём происхождении. Вот пример из интервью с русским немцем Андреем, выбравшего стратегию ассимиляции: «Да, у меня такая цель была: стать немцем. Очень сильная даже. После первого года я сам себе сказал: «Вот ты сейчас должен немцем стать», но я чувствовал это, что я стремлюсь, и обязательно им буду...» (Андрей, 19 лет). Кроме того, в семье Андрея ассимиляция являлась целью эмиграции, и выбор данной стратегии поддерживался старшими членами семьи. Наибольшие проблемы с этническим самоопределением, как показало исследование, испытывали интегрировавшиеся иммигранты, которые в высокой степени владели русским и немецким языком, испытывали интерес к обеим культурам и имели достаточно широкий круг общения как среди русскоязычного населения, так и среди коренных немцев. Представители этой группы утверждали, что уже не могут сказать, что они русские, поскольку чувствуют отличие своего мировоззрения от мировоззрения «русских», но с другой стороны, они не могут сказать, что они немцы, поскольку росли и воспитывались в русских традициях. В данной группе определение этнической самоидентификации иногда ограничивается компромиссным понятием «мы – европейцы», что свидетельствует о переходе на еще более высокий уровень надэтнической идентичности. Стоит отметить, что существуют различия в этнической самоидентификации русскоязычных евреев. С одной стороны, многие иммигранты, несмотря на то, что приехали по еврейской линии, не считают себя евреями, не ощущают свою причастность к еврейской культуре, а считают себя русскими. С другой стороны, существуют молодежные группы (в нашем исследовании это были русскоязычные евреи, приехавшие из Израиля), идентифицирующие себя только с еврейской культурой. Эта группа молодежи выбирает для себя стратегию маргинализации, демонстрируя свое отличие от всех остальных групп, которое основывается на наличии определенного, свойственного только им, мировоззрения. Особенность этого мировоззрения заключается в религиозности и осуждении неверующих или слабо верующих евреев и причисление таковых к категории «неистинных» или «евреев только по паспорту». Для данной группы характерно отчуждение и жесткое сопротивление нормам и правилам, навязываемым с одной стороны немецким обществом, с другой – еврейской общиной, которая, по словам

одного из информантов, «существует для тех, кто ничего не понимает в еврейской культуре».

ПОДДЕРЖАНИЕ ГРАНИЦ ОБЩНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА ПРИМЕРЕ ФОРМИРОВАНИЯ ФЭНДОМОВ

Казьмина Т.Н. (Санкт-Петербург)

Сегодня глобализация предлагает современному актору свободное пространство для любых форм интеллектуального взаимодействия. Однако это пространство, так или иначе, разграничивается локальными группами, формирующимися за счёт глобальных потоков. Глобальные потоки культурных образов можно назвать первым фактором формирования таких групп. Вторым же фактором будет непосредственное взаимодействие акторов между собой внутри маркированных ими границ, и как следствие – образование специфической идентичности, поддерживающей эти границы изнутри. В нашем исследовании мы рассмотрели стратегию формирования и поддержания границ в группах на примере формирования фэндомов. Фэндом или фандом (англ. fandom – «фанатство») – это неформальное сообщество, объединённое общим интересом к чему-либо, в большинстве своём – к тому или иному художественному произведению или явлению, связанному с искусством или же какой-либо визуализацией образов, связанных со сферой интересов. Чаще всего под это понятие попадает не только группа, но и то произведение/явление, служащее причиной объединения. Стоит отметить, что фэндомы сегодня распространяются всё больше и постепенно приходят на смену такому понятию, как субкультура, охватывая более широкие масштабы и более точно отражая специфику молодёжных объединений.

Мы ограничили область рассмотрения формирования фэндомов сферой традиционной и современной японской культуры, так как данная культура за несколько последних десятилетий приобрела в России большую популярность. В результате исследования, проведённого весной 2012 года, были сделаны выводы о непосредственном взаимовлиянии фэндома как такового и идентичности актора: потребность в осознании общей идентичности является инструментом, с помощью которого поддерживаются границы внутри группы. Однако, учитывая специфику такого явления, как фэндом, мы должны отметить

прозрачность и гибкость границ: группы всегда открыты для новых участников. Главное, чтобы у акторов было достаточное знание по данной области, а также желание активного участия в жизни сообщества. Другая важная тенденция, проявившаяся в результате: зависимость понимания специфики явления фэндом от деятельности актора. Таким образом, для одних фэндом является только производением, без связи с группой его поклонников, а для других – непосредственно активным сообществом единомышленников, занимающихся творчеством в рамках художественного произведения. Как следствие, варьируется и стратегия формирования идентичности – акцент ставится либо на деятельность, либо на взаимодействие внутри группы, в которую вовлечён актор. В связи с широкими техническими возможностями, фэндомы как воображаемые сообщества выводят нас на новый уровень понимания объединений, в которых точкой отсчёта будет являться только один фактор, одно явление. Отсюда следует и внешняя сторона процесса развития таких «фанатских сообществ»: разработчики явлений, послуживших основой для формирования локальных групп, зачастую ищут пути регулирования потоков медийных образов в глобальном пространстве. Таким образом, мы получаем масштабную систему, в которой взаимосвязаны и группы единомышленников, и производители медийных образов, и это даёт нам гарантию перспектив развития как способов поддержания границ общностей, так и фэндомов как таковых.

СОВРЕМЕННЫЕ МУСУЛЬМАНЕ УДМУРТИИ: ПРОБЛЕМА КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Кардинская С.В. (Ижевск)

Для выявления оснований современной российской «мусульманскости» в 2010-2012 гг. были проведены глубинные биографические интервью, в которых участвовали молодые мусульмане от 17 до 23 лет (23 человек), посещающие воскресные занятия в ижевской мечети, а также 29 представителей более старшей возрастной группы (27-40 лет) – посетителей мечети, среди которых находились и русские мусульмане (14 человек). Как правило, информанты, независимо от возраста и этнической принадлежности, отмечают, что у них был выбор – «идти, или не идти в мечеть» - то есть, все они получили светское воспитание и учились в обычных образовательных учреждениях. Лишь в трех случаях на этот выбор

повлияла религиозность родителей-мусульман. Чаще родители определяются информантами как «нерелигиозные», однако, желающие, чтобы дети «читали намаз». Одна из информанток сообщила, что идти в мечеть «учиться исламу» ее заставил отец, тогда как она не связывает дальнейшую жизнь с исламом. Другая часть информантов в 90-е годы сделала осознанный выбор в пользу ислама, а для русских мусульман это был еще и выбор между христианством и исламом. Всплеск религиозности в 90-е годы привел к возрождению многих религиозных течений, однако, некоторые русские выбирают ислам. Почему? Как утверждают информанты, ни в одной из религий кроме ислама нет конкретных «инструкций» как нужно правильно жить. Так, христианство, по мнению информантов, допускает «неверие». Неверующий человек, по мнению информантов, свободен в своих пороках. Что же является отличительными чертами ислама? Как правило, к исламским принципам относятся намаз, пост, хадж (паломничество в Мекку), закят (помощь бедным, пожертвования на нужды общины) и джихад (усердие, религиозное рвение). Все информанты признают важность намаза (пятикратной молитвы), однако, не все считают ее обязательной, особенно молодежь: «Я считаю, что это другой мир, это не мы, не молодежь.... Это новые понятия какие-то, новые нормы... более жесточенные. Это не наша реальность» (жен. 20 лет.) Остальные четыре «официальных» признака ислама упоминаются информантами старшего возраста, молодые люди практически не вспоминают о них. Один из информантов приводит фразу из Корана: «Аллах не нуждается в нашем поклонении», для того, чтобы показать, что строгое соблюдение намаза не является обязательным. Хадж также совершают далеко не все мусульмане, так как традиционный хадж требует преодоления трудностей и лишений, а также больших временных затрат. Закят, по высказываниям женщин-мусульманок, платят только мужчины и то, если у них имеются средства. Пост также нельзя обозначить как признак мусульманской традиции, так как он присутствует во всех религиях. Что касается самого яркого признака исламской религии, джихада, то по высказываниям информантов, «священная война с неверными» - это не единственный и не главный вид джихада. Наличие «священной войны», по их мнению, оказывается необходимым лишь для защиты исламского населения и лишь в тот период, когда ислам только распространялся. Гораздо большее значение опрошенные мусульмане придают «большому джихаду»: «В переводе «джихад» означает «усердие» в религии, в вере в Бога. Это значит, нужно

поступать так, чтобы Бог был доволен. Ты можешь преодолеть свой эгоизм, свои недостатки, добиться уважения в общине – это и будет «джихад»» (муж. 41 г). Если проанализировать это высказывание, то мы не обнаружим в нем ничего специфически исламского, обозначив лишь наличие общерелигиозного стремления верующих быть угодными Богу. Однако в высказываниях всех информантов присутствует характеристика ислама как набора запретов. Так, ислам предполагает запрет на алкогольные напитки и табачные изделия, предписание носить платок и не носить короткие юбки, не ходить на дискотеки, не слушать музыку и т.д. Ислам как набор запретов воспринимается «мусульманами» как нечто не требующее объяснений. Собственно, «исламскость» и заключается в отказе от некоторых вещей и действий, позволительных для «других», «не мусульман». Отказ служит маркирующим принципом «исламскости», отделяет «мусульман» как «своих» от всех «других». Отказываясь, то есть, испытывая недостаток, «мусульманин» получает некую дополнительную избыточность своего существования, заключающуюся в том, что он становится лучше, добрее, терпеливее и т.п. По мнению информантов, «мусульманскость» – это естественное состояние человека, которое обладает некой досоциальной первозданностью. Лишенность социальных несовершенств обнаруживается в «ребенке» как «чистой доске», на которой впоследствии появляются знаки социального, уменьшая совершенство и усиливая его нехватку. Прочерчиванием границы-ограничения Другого и выделением его в качестве маркирующего принципа оказывается абсолютное знание – «истина», которая выражается в обозначении различия «знание / незнание», где «знание» есть само ограничение, а незнание – преступление ограничений. Соответственно, «мусульманское знание» становится знанием предписаний. Поскольку «исламскость» заключается в соответствии предписаниям и отказе, воспроизводство «исламскости» предполагает ограничение в качестве образа жизни, когда нормативность воспринимается как естественная. Мусульманскость понимается информантами в качестве некой первозданной истины, скрытой под напластованиями социального порядка, который, с этой позиции, обозначается как «искаженный». В этой связи, специфическим образом раскрывается понятие «вера». В высказываниях из интервью, в основном, с «русскими мусульманами», обнаруживаются примеры технократического и натуралистического дискурсов. Информанты называют Коран «профессиональной инструкцией», набором поведенческих

предписаний. Такой технократический дискурс можно проинтерпретировать в качестве своеобразного варианта современной десекуляризации. Коран, по мнению информантов, является также и инструкцией по устройству общества. Опрошенные мусульмане глубоко убеждены, что только теократия может «спаси мир». Однако, в сфере мусульманских дискурсивных практик происходит конструирование утопии, так как формируются модели идеального общества. Социальное устройство определяется предписаниями Корана, а также нормами шариата. Мусульманская модель социального устройства оказывается единственной истиной, поскольку это «законы, установленные Богом». Такое государство является наиболее благополучным и комфортным, соотношенным с естественными принципами существования мира. Однако идеальное общество всегда оказывается отсутствующим, отстраненным либо в прошлое (Арабский халифат), либо пространственно отдаленным (Саудовская Аравия, ОАЭ), поэтому оно становится некой воображаемой моделью «воплощенного рая». Такая воображаемая модель отсутствующего социального становится основанием для критики современного общества. Общество рассматривается как не такое, каким оно должно быть, недостаточное. То, чего ему не хватает, существует как идеальный проект в мусульманском дискурсе и оказывается избыточным – тем, что не обнаруживается ни во времени, ни в пространстве – отсутствующий принцип социального порядка. Проектный характер мусульманского социального дискурса идеологизирует его, побуждая «исламскость» функционировать как постоянное обозначение разрыва между тем, что общество есть и тем, каким оно должно быть. Пространство разрыва становится местом актуализации различных идеологических течений и политических движений, использующих исламскую символику. Этот разрыв оказывается основанием идеологизации ислама, а также возникновения современных мусульманских организаций и ассоциаций.

ФОРМИРОВАНИЕ ГРУППОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ОСВОЕНИЯ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

Киреева Т.. (Санкт-Петербург)

Процессы глобализации и вызванные ими изменения в мире заставили ученых пересмотреть свое понимание явлений «пространства», «общества» и «культуры». Несмотря на

многочисленные попытки, полноценной антропологической теории «культуры и пространства» не существует до сих пор. Городская среда предоставляет богатое поле для социологической и антропологической деятельности: «Социальные проблемы в основе своей – проблемы города... город стал центром и средоточием социальных изменений, которые постепенно умножались и усложнялись до того, что сегодня каждый большой город является локальным центром мировой экономики и цивилизации» [1]. Физическое пространство городской среды представляет собой ценный, ограниченный ресурс, за присвоение которого борется множество городских сообществ и субкультур. Внутри ограниченного городского пространства существуют пространства социальные. Их сложное взаимодействие находит свое отражение в организации физического пространства. Через потребление физического пространства субъекты воплощают свой «стиль жизни» [2] и формируют смысловое содержание символического пространства потоков. Пространство потоков образуется из символов, которыми обозначаются материальные и нематериальные объекты в совокупности с субъектами [3]. Вынужденное соседство различных социальных пространств и их взаимодействие внутри городской среды приводит к необходимости постоянного воспроизводства границ (материальных и нематериальных) между этими социальными пространствами. В том числе, необходимость изменения физического пространства таким образом, чтобы оно «предписывало» субъектам желаемую модель поведения. В стремлении ограничить внешнее влияние сообщество формирует несколько «слоев» субкультуры: «культура для туристов» и «культура для аборигенов». Основным различительным знаком выступают способы и объекты потребления. Имеются трудности в определении границ сообществ: сами по себе они высоко дифференцированы и мобильны. Результаты исследования арт-центра «Пушкинская, 10» показывают, как экономические, социальные и культурные изменения отражаются в реструктурировании городского пространства и затем, в объективированной форме, становятся основанием для становления групповой идентичности сообщества.

Литература

1. Парк Р. Город как социальная лаборатория // Социологическое обозрение Том 2. № 3. 2002.

2. Бурдые П. Социология социального пространства / Пер. с франц. ; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. – М. : Институт экспериментальной социологии ;СПб. : Алетейя, 2007.

3. Тысячнюк М. С. Мобильная социология Джона Урри // Журнал социологии и социальной антропологии. Том VII. № 4. 2004.

**«ПРАКТИКИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ТРАНЗИТНОМ МЕСТЕ.
«ИНОСТРАНЕЦ» В МЕТРО».**

Кузьмина Л. (Санкт-Петербург)

1. Метро как транзитное место. Пространство петербургского метрополитена рассматривается мной не только как средство передвижения, но и как место встреч, рекламное пространство, как экскурсионное поле. В таком контексте интересно проводить границу между городом и его «подземной» частью, проанализировать, как люди воспринимают и соотносят такое символическое разделение Санкт-Петербурга на 2 части. Актуально ли вообще это разделение? 2. Взаимодействие и поведение людей в метро. Будут изложены сценарии типичного поведения пассажиров, которые были выявлены в рамках моего исследования «Социокультурное пространство петербургского метрополитена» в ходе включенного наблюдения. В свою очередь, необходимо ответить на вопрос: «правомерно ли говорить вообще о наличии типичного поведения в петербургском метрополитене?», как метро унифицирует поведение и практики взаимодействия своих пассажиров. 3. Типология пассажиров. Будет приведена собственная общая классификация пассажиров петербургского метрополитена. Особое внимание будет уделено эффекту «иностранца» в метро, кого и почему можно отнести к этой категории. 4. Понятие «дефицитного ресурса» в рамках пространства метро. Во время часа пик взаимодействие пассажиров приобретает несколько иной характер. Все происходит на пределе. По сути, в этот момент между пассажирами начинается идти «борьба за ресурсы». Ресурсами выступают место и время. Стоит заметить, что также происходит идентификация себя в этом нестандартном пространстве. Интересно рассмотреть, какой путь «борьбы» выберет для себя каждый пассажир. И как позже можно ликвидировать или избежать негативные последствия соответствующего выбора агрессивного поведения граждан.

РАЗВИТИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ В МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОНТЕКСТАХ

Лакизюк О.Н. (Санкт-Петербург)

В предыдущие времена идентичность определялась локальными условиями и ресурсами, знаниями о локальной среде и взаимодействиями в рамках локальных контекстов. С расширением глобальной торговли, ростом индустриализации, коммуникации в сфере средств массовой информации и свободными рыночными отношениями всё общество стало более либеральным, чем раньше в связи с появлением различных возможностей в области развития идентичностей. Комплексность понятия идентичность стала практически неотъемлемой чертой современных обществ. (См. Walter).

Занимаясь в своей хабилитации темой академических обменов между Россией и Германией, я уделяю внимание кроме тем профессионального и личностного развития респондентов, социального развития общества также и теме идентичности, иначе — её развитию в ходе учебных и рабочих стажировок за границей. Вопросы, которые возникают в данной связи, можно обозначить следующим образом:

Насколько люди, интересующиеся академическими стажировками зарубежом, обладают изначально особой идентичностью, насколько изначально мотивация к совершению поездки влияет на самоидентификацию, которая меняется в ходе подобных стажировок и процесса репатриации?

Являются ли новые приобретённые составляющие идентичности релевантными в плане личностного и профессионального роста, способствуют ли они глобальному и локальному развитию общества? Представляя вначале некоторую теоретическую базу, обратимся к теории американской учёной Н. Зусман, которая на протяжении многих лет изучает тему идентичности, исследуя репатриантов. Она говорит о том, что все типы идентичностей в ходе протекания межкультурной адаптации можно разделить на три типа: это субтрактивный (subtractive), аддитивный (affirmative) и глобальный (global) тип. Изначально нужно исходить из того, что любая идентичность динамична по своей природе. Несомненно то, что каждый человек, проживший длительное время зарубежом, меняет в ходе данного опыта свою идентичность. К ней добавляются новые элементы, старые же составляющие подвергаются изменениям. В зависимости от того или иного из выбранных трёх возможностей

межкультурной адаптации можно в итоге говорить о том, будет ли идентичная принадлежность бикультурной или ограничится на одной из нескольких возможных культур. Человек может как бы прибавить к своей ранее существовавшей идентичной принадлежности иные элементы, может отвергнуть подобные изменения или так удачно объединить интеркультурные элементы, что в итоге можно говорить о глобальном видении мира и себя в нём. (См. Sussman (б). “Идентичность это динамичный процесс, длящийся всю жизнь и зависимый от обстоятельств. Формирование идентичности начинается с рождения, приобретает более чёткие формы во время подросткового периода и продолжает изменяться в течение взрослого периода жизни. Идентичность важна по причинам влияния на восприятие, поведение и отношение к другим людям.” (**Hud-Aleem/Countryman**). Факторы, влияющие на процесс, можно в целом обозначить, как самооценка, принадлежность к определённым локальным культурам, культурная дистанция между определёнными странами, эмоциональное отношение к окружающей действительности, связь с родной культурой во время иммиграции и саморефлексия.

В этой связи стоит отметить, что сценарий полного перехода из одной культуры в другую имеет в большинстве обстоятельств более ограниченный смысл, чем другие возможные виды функционирования в рамках нескольких культур — ведь минимум в данном исследовании мы говорим о людях, работающих в интернациональных проектах, тех, кто постоянно общается с представителями разных стран. Не стоит забывать и об общих чертах глобализации и о том, перед какими вызовами она зачастую ставит многих членов общества, где ограниченный взгляд со стороны одной культуры зачастую существенно ограничивает рамки личностного и профессионального развития. В дальнейшем стоит также выделить тот факт, что те общества, где многие культурные течения имеют право на существование и признаются широкими слоями населения, обычно извлекают из этого пользу во многих социальных сферах, таких, как культура, наука, межличностные отношения, а также в экономическом развитии и политических отношениях. (См. Sussman (а). В этой связи также интересно мнение английского учёного Иаина Чемберса, который в своей книге “Иммиграция, культура, идентичность” говорит о том, что в современном мире почти все люди иммигранты, стараясь тем самым привлечь общественное внимание к иностранцам, развитию толерантности и выделяя

возникающее чувство дислокации у иммигрантов при общественном отвержении той или иной культуры. (См. Chambers).

Касаясь практических результатов собственного исследования, где я опросила 14 респондентов на основе проблемноцентрированных лейтмотивных интервью, нужно сказать, что российские учёные, учившиеся или стажировавшиеся в Германии, в большинстве случаев выбирают аддитивный или глобальный тип развития собственной идентичности.

“Я думаю, что все люди меняют в ходе пребывания зарубежом свою ментальность. Я не могу сказать, что моя идентичность сильно изменилась, но это зависит от каждого человека лично. Я, например, стал более бикультурным. Это касается отношения к жизни и ко многим вещам [...] Если мы говорим о потенциалах управления различными ситуациями в жизни — вторая культурная адаптация помогает обрести такие ресурсы. Люди, обладающие межкультурным опытом общения, более гибкие в общении, они более широко смотрят на вещи и обладают лучшими потенциалами в решении проблем. Такие люди, как правило, лучше адаптируются к различным условиям по причине имеющегося социокультурного опыта.” (Певзнер, М. Н., 59 лет, проректор по международной деятельности НовГУ, Новгородский Государственный Университет).

“Я мог понять в Германии абсолютно точно — я не хочу покидать Россию. Мне не представляется возможным жить в другой стране. В настоящее время у нас в России те же самые возможности, как и в любой другой европейской стране. Вся учёба была, как большое приключение, изменившее всю мою жизнь. Я мог понять в это время многое, что я ценю в своей жизни, чего мне не хватает и какие ценности для меня важны.” (Руслан, 23 года, поиск работы после окончания ВУЗа, Санкт-Петербург).

“Если я приезжаю в страну — я открываю дверь, если уезжаю — закрываю дверь. После этого я продолжаю жить так, как жила до поездки.” (Влада, 36 лет, переводчик, Великий Новгород).

“Я абсолютно уверена, что каждый опыт пребывания за границей важен для расширения собственного горизонта. Мы познакомились в Германии со многими людьми из разных стран, это было интересно не только с гуманитарной точки зрения, но и с социологической перспективы. Я развила более критический взгляд на себя саму. [...] Я развила в Германии особую идентичность, я бы сказала — европейскую идентичность. Раньше у меня было иное отношение к жизни и к семье.” (Ирина, 34 года, менеджер, Санкт-Петербург).

Что также важно заметить в данной связи — большинство опрошенных без каких-либо сложностей интегрируются при возвращении домой в предыдущую среду обитания. Целевая группа обладает хорошими внутренними ресурсами реинтеграции и принятия различных социальных сфер обитания. Эти люди способны сохранить в различных условиях позитивный взгляд на окружающий мир и хорошую самооценку. Реинтеграция в целом длится от нескольких дней и недель до нескольких месяцев, она включает работу над (новой) идентичностью и в большинстве случаев заканчивается межкультурной адаптацией по отношению к прежнему и приобретённому социальному опыту.

“Приблизительно через две недели я привыкла к окружающей среде. Ситуация улучшилась, потому что я начала работать. [...] Сейчас я довольна своей жизнью — я никогда не жалела о том, что вернулась. Сейчас у меня есть всё, что нужно. У меня тот же жизненный стандарт, как и в западных странах — единственная разница, что „картинка“ вокруг другая.” (Ксения, 33 года, переводчик, Великий Новгород).

“Одним из преимуществ жизни в России в настоящее время являются улучшенные возможности в повседневной жизни для тех людей, которые имеют хорошую работу. У нас те же самые машины, магазины, где можно купить всё. Но, конечно же, России нужна лучшая социальная инфраструктура, сельскохозяйственная и коммунальная политика.” ([Ширин, А.Г., 49 лет, Декан Билингвального Факультета Педагогики, директор Института Непрерывного Педагогического Образования, Новгородский Государственный Университет).

“У меня не было никаких сложностей с реинтеграцией. Но я знаю, что это может быть настоящей проблемой. Особенно для тех студентов, кто провёл за границей много времени и успел дистанцироваться от повседневной жизни в России.” (Григорьева, И.А., 59 лет, профессор кафедры теории и практики социальной работы, зам. директора Центра Дополнительного Образования Санкт-Петербургского Государственного Университета).

Возможно к причинам относительно непроблематичной реинтеграции российских учёных относятся помимо уровня образования, занимаемой должности и социального статуса также их стабильная идентичность в плане принадлежности к определённым социальным слоям и русскому народу в целом. Согласно исследованию Дженнифер Хуф можно с уверенностью исходить из того, что те люди, которые воспринимают себя, как представители

той или иной нации, лучше реинтегрируются, остаются более довольными окружающей обстановкой, менее критикуют социум в целом, таким людям больше помогают окружающие, что в итоге опять же отражается на стабильности их идентичности. (См. Huff).

Учёная из Новой Зеландии и Австралии Наоми Вальтер говорит о двух типах идентичности в процессе репатриации, которые объясняются изначальной мотивацией поездки зарубеж. Первый тип называется «поездка, направленная на понимание мира», второй тип основывается на понимании своей нации и идентичной принадлежности. Соответственно люди могут чувствовать себя бездомными, находиться на стадии лучшего осознания своей идентичности или подтверждения существовавших до данного момента представлений. Соотношение этих тенденций, конечно же, индивидуально в каждом конкретном случае и может достигать бикультурных установок по отношению к родной и принимающей стране. В некоторых случаях респонденты могут говорить о развившейся идентичной принадлежности ко всему миру, Европе или азиатским странам. В любом случае более стабильная прежняя идентичность или приобретение новых мультикультурных элементов означают лучшее самопознание, больший социальный опыт и личностный рост. (См. Walter). Люди, имеющие подобный жизненный опыт, обладают большей эмпатией по отношению к другим людям, чувствуют себя более эманципированно, чем раньше, применяют альтернативные пути решения задач и лучше понимают мир. (См. Alvesson/ Willmott).

Суммируя сказанное в этой статье, нужно подчеркнуть, что процесс изменения идентичности в процессе иммиграции не избежен. В большинстве случаев возрастает многосторонность и комплексность данной личностной характеристики, изменяется идентичная принадлежность, расширяется потенциальный круг культур, где определённый человек чувствует себя уверенно или происходит стабилизация существующей до этого ментальности. Человек развивает свой эмоциональный интеллект, самоанализ, находит свою позицию в ракурсе локальных и глобальных течений.

Литература

1. Alvesson, Mats, Willmott, Hugh. (2002): Identity Regulation as Organizational Control: Producing the Appropriate Individual. In: Journal of Management Studies. Volume 39, Issue 5.

2. Chambers, Iain. (1994): Migration, Culture, Identity. Routledge, London.
3. Hud-Aleem, Raushanah, Countryman, Jacqueline. (2008): Biracial Identity Development and Recommendations in Therapy. *Boonshoft School of Medicine, Wright State University*. (Изд.). Online: <http://www.innovationscns.com/biracial-identity-development-and-recommendations-in-therapy/>, октябрь, 2012.
4. Huff, Jennifer L. (2001): Parental Attachment, Reverse Culture Shock, Perceived Social Support, and College Adjustment of Missionary Children. In: Journal of Psychology and Theology. USA.
5. Sussman, Nan M. (a). (2002): Sojourners to another country: the psychological roller-coaster of cultural transitions. International Association for Cross-Cultural Psychology. (Изд.). Online: http://www.library.csi.cuny.edu/sussman/publications/Online_Readings_The_Psychological_Rollercoaster_of_Cultural_Transitions.pdf, октябрь, 2012.
6. Sussman, N.M. (b). (2002): Testing the cultural identity model of the cultural transition cycle: Sojourners return home. International Journal of Intercultural Relations, 26(4), 391-408.
7. Walter, Naomi. (2006): Brain exchange. Creating the Kiwi-Diaspora. Returning home from OE. University of Waikato. (Изд.). Online: <http://www.myl.govt.nz/documents/have-your-say/youth-parliament/transport-and-industrial-global-career-link-investigation-travellers-repatriating-to-nz-after-oe.pdf>, октябрь, 2012.

СУБКУЛЬТУРЫ МОЛОДЁЖИ КАК ФЕНОМЕН СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СИТУАЦИИ В РЕГИОНЕ

Лихачёва С.Н. (Могилёв, Республика Беларусь)

Молодёжь – та социально-демографическая группа, которая располагает значительно большим объёмом свободного времени по сравнению с остальными. При этом свободное время, досуг выполняют для юношей и девушек не только традиционную функцию отдыха после работы, занятия любимым делом, но и являются механизмом самореализации, поиска круга общения, единомышленников, определения своего места в обществе. Особая роль в этом процессе отводится молодёжной субкультуре – феномену, характерному для индустриального развитой и постиндустриальной стадии любого типа культуры. Это переходная

стадия становления личности, утрачивающая своё значение по мере адаптации к миру взрослых. Исследователь Ш. Айзенштадт в работе «От поколения к поколению: возрастные группы и социальные структуры» рассматривает молодежную культуру как институт, который регулирует процесс отделения ребенка от семьи, подготовку молодежи к занятию своей статусной позиции во взрослой социальной системе. Она обеспечивает ясный набор ценностей, позиций и поведенческих норм, которым нужно следовать, что бы ни происходило вокруг [1]. Исследование молодёжных субкультур даёт возможность глубже понять субъектность молодых людей. Традиционно молодёжь воспринимается как социальный ресурс общества, объект социализации, перенимающий опыт старших поколений. Однако конфликтологический подход обращает внимание на свойственную процессу интеграции в общество конфликтность, допускает наличие у молодёжи ценностей, не совпадающих с доминирующими в обществе. Т. Шанин утверждает, что поколение – важнейший элемент общественного деления. Базовая общность жизненного опыта в определенный период, помноженная на его драматичность, создает близость понимания, близость мышления, статистическую общность [2, 8-9]. Возникновение и распространение молодёжных субкультур в 50-60-е годы XX века заявило о субъектности отдельных поколений, изменениях в критериях ролевого разделения общества на основе возрастного признака. Весной 2012 года коллективом Могилёвского института региональных социально-политических исследований в рамках изучения темы: «Жизненные ориентации и социальные ценности молодёжи Могилёвщины в условиях трансформирующегося общества» были рассмотрены особенности отношения и участия в субкультурах молодых жителей Могилёвской области, общий объём выборочной совокупности составил 932 человека. Молодёжь представляет собой социально и культурно неоднородную группу, в условиях многоукладной экономики и перехода к постиндустриальной стадии развития происходит ее социальная дифференциация и культурная сегментация. Существует большое количество классификаций молодёжных субкультур. В первую очередь по направленности интересов и способу проведения досуга (музыкальные, спортивные и т.д.), также их можно различать по социально-правовому признаку: просоциальные, асоциальные, антисоциальные. Как показали результаты проведенного социологического опроса, молодёжные субкультуры, которых можно насчитать несколько десятков, достаточно хорошо известны в среде

старшеклассников и молодёжи. Несмотря на определенную закрытость этих молодёжных течений, они широко представлены на телевидении, радио, в Интернете. Многие из них связаны с музыкой, развлечениями и через СМИ можно во всех подробностях изучить их стиль одежды, манеры, сленг, понять смысловую направленность. При желании можно узнать о любом субкультурном направлении, используя в первую очередь Интернет. При этом уже не имеет значение место проживания, например, среди школьников используют для этих целей данный источник проживающие в крупном городе 88,7%, в райцентре 89,7%, в сельской местности 88,7%. Однако они существуют не только на основных каналах массовой информации, но и среди непосредственного окружения, в частности по месту жительства, учебы, работы. Например, рэперы встречались 23,6% школьников и 14% молодёжи постарше; эмо – 17,7% и 18,7% соответственно; готы – 4,2% и 12,2% соответственно. Среди школьников только примерно каждый десятый относит себя к представителям субкультурных направлений. Самыми «представительными» оказались геймеры – 2,5%, металлисты – 2,5%, байкеры, паркурщики, скейтеры по 2,1%. В более старшей по возрасту группе – среди молодёжи, старше 18 лет - ситуация схожая, хотя интерес к субкультурам и включенность в них меньшая. Массовым распространение субкультурных направлений среди молодёжи Могилёвщины назвать нельзя – это, примерно, каждый десятый. Однако, исходя из определений субкультуры, того, что это автономное образование внутри доминирующей культуры, можно говорить о достаточно заметной вовлеченности в неё как подростков, так и молодых людей в регионе. При этом «присутствие» молодёжных субкультур в наших городах мы можем наблюдать достаточно часто. Это расписанные граффити стены, ревущие ночью моторы байкеров, громкая музыка в стиле рэп в общественных местах, «странные» скопления необычно одетой молодёжи и т.д. О том, что в целом не являющееся деструктивным феноменом, молодежные субкультуры все же могут вызывать определенную обеспокоенность говорят и ответы молодёжи на вопрос: «Сталкивались ли вы с представителями молодёжных субкультур, совершавших следующие действия?». Употребляли спиртное в общественных местах – 41,3%, сильно шумели – 41,2%, вели себя агрессивно – 30,1%, портили какие-либо предметы (скамейки, лифты и т.д.) – 19%, совершали опасные действия в отношении себя или окружающих – 12,8%, употребляли наркотики – 6,9%. Конечно же, и не вовлеченная в них молодёжь употребляет спиртные напитки,

нарушает общественный порядок и т.д., однако многие из направлений субкультуры пропагандируют такие действия в качестве неотъемлемого атрибута принадлежности. Особенно опасным является пристрастие к наркотикам, культ самоубийства, рискованные трюки. Молодёжные субкультуры – сложное, многоплановое и достаточно динамично развивающееся явление, имеющее ряд специфических черт и характерных особенностей. Субкультуры региона сосредоточены в основном вокруг досуговых увлечений молодёжи, они также создают специфические механизмы солидаризации, которые объединяют членов группы или интересующихся ими. Основной фактор, привлекающий молодёжь субкультуры – стремление найти единомышленников и возможность проявить себя. За этим может стоять ощущение невостребованности обществом, обособление от него, критическое отношение и стремление к отрицанию или пересмотру традиционных ценностей. На сегодняшний день в регионе нет необходимости контролировать молодёжные субкультурные группы и тем более запрещать, однако стоит обратить внимание на содержание и формы работы сети подростковых и молодёжных образовательных, воспитательных и культурно-досуговых учреждений.

Литература

1. Eisenstadt, S.N. From generation to generation: age groups and social structure / S.N.Eisenstadt/ - N.Y.: Glencoe, 1956.
2. Шанин, Т. История поколений и поколенческая история России / Т. Шанин // Человек. Сообщество. Управление. – 2005. - № 3. – С. 6-25.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Наджафов Р.А. (Санкт-Петербург)

Современная глобализация представляет собой противоречивый процесс, в котором сочетаются интернационализация и локализация. В связи с этим в международном бизнесе применяются максимы «думай глобально, действуй локально» и стратегии глокализации. Между тем следует рассмотреть и альтернативу «думай локально, действуй глобально». Представляется, что эта проблема может быть рассмотрена в парадигме этноэкономики, катализа этнокультурного фактора во

включении региона, территории в международное сотрудничество и мирохозяйственные процессы. Использование термина «этноэкономика» исследовано такими учеными, как Ж. Д. Дармилова, Ю. С. Колесников, Н.Н. Лебедева, О.А. Ломовцева, В. Н. Овчинников, К. В. Павлов, С.В. Паникарова и др. Обычно он употребляется в узком значении, например, когда речь идет об «этническом разделении труда», проявлением которого служит концентрация отдельных меньшинств в некоторых профессиях и секторах экономики, или как проявление особых этнических традиций в рамках отдельного предприятия. В таком же отношении этноэкономику определяют как систему с чертами традиционного (аграрного) производства, сохраняющего свойства персонифицированного локального сообщества, часть продукции и услуг которого не принимает форму прямого товарно-денежного обмена. То есть рассматривают ее как элемент традиционализма. В этой связи представляется актуальным вопрос об идентификации этого сектора экономики. Существующие понятия, описывающие различные стороны этого феномена – «мелкотоварное производство», «натуральное хозяйство», «традиционный хозяйственный уклад» - недостаточно отражают системность фактора, на котором зиждется этот сектор экономики. Все эти понятия необходимо методологически связать с понятием «этнос», т.е. происхождением и социальной формой локального хозяйственного уклада, а также культуры на территориях проживания этнических групп. К характерным чертам этноэкономики относятся: - доминирование неформальных институтов; - господство традиционных, преимущественно аграрных форм хозяйственной деятельности; - сочетание натуральных и мелкотоварных форм производства, замкнутость домохозяйств, малоразвитость обмена; - немобильные ресурсы, присущие местной среде обитания; - эмпирический хозяйственно-трудовой опыт, использование кустарных ремесел и надомного труда; - экстенсивный тип занятости с использованием сырьевой хозяйственной инфраструктуры, доминирование ручного труда; - низкая социальная и территориально-пространственная мобильность населения. Таким образом, понятие «этническая экономика» обладает более широким смыслом: это относительно самостоятельная сфера общественного воспроизводства, функционирование и развитие которой определяется в первую очередь этническим фактором. Она, наконец, может рассматриваться и как особая модель экономического развития, реализующаяся на уровне государства или его отдельных территорий (например,

Чукотский округ или северокавказские республики в России). А в странах с этнически гомогенным составом населения национальная экономика, как правило, приобретает ряд черт, отличающих ее от хозяйственных моделей государств с иным типом культуры. Примеры такого рода можно найти на европейском и азиатском, африканском и американском континентах. Содержательной характеристикой этноэкономики выступает «социальный капитал», благодаря которому она эффективно выполняет стабилизирующую и воспроизводственную функции. Социальный капитал - многогранное понятие. Ф. Фукуяма определяет его «как набор неформальных ценностей или норм, которые разделяются членами группы и которые делают возможным сотрудничество внутри этой группы» [1, 30]. Данный феномен трактуется и как совокупность реальных или потенциальных ресурсов, которые связаны с обладанием длительными сетевыми связями более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания, иными словами, членства в группе, которое обеспечивает каждому из своих членов поддержку в виде коллективного капитала [2, 102, 103]. Социальный капитал - признаваемые субъектами хозяйственных взаимодействий нормы, правила, обычаи, традиции, имплицитные договоренности, формальные и неформальные ограничения для осуществления эффективных взаимосвязей в процессе хозяйственной деятельности – включает этнокультурный потенциал. В свою очередь этнокультурный потенциал может выступать одним из факторов социального и экономического развития, особенно проблемных и депрессивных территорий. Для ряда регионов, не располагающих значительным промышленным или аграрным потенциалом, ориентация на культурное богатство становится одной из реальных возможностей роста. Изучение этнокультурного потенциала позволяет более обоснованно подходить к определению стратегий и тактик регионального развития; формированию основ региональной этнокультурной политики; принятию всесторонне обоснованных решений по включению культурного наследия региона в экономический оборот. Решение этих задач способствует созданию пространственных предпосылок для формирования дополнительных конкурентных преимуществ, базирующихся на внутренних ресурсах самого сообщества. Экспертами Ассоциации менеджеров культуры представлен публичный доклад, в котором среди методов системного развития территорий через ресурс культуры названы следующие: культурный туризм; имидж- и брендостроительство; включение ресурса

народных промыслов в индустрию производства сувенирной продукции; развитие фестивальных проектов и других форм коллективного движения; новые технологии работы с традиционной культурой (например, этнофутуризм - направление, для которого характерно «осовременивание» традиционной этнической культуры); межкультурная (или мультикультурная) коммуникация (основной ресурс - зоны влияния соседних областей, землячеств и т. д.) [3]. Парадигма этноэкономики, представляется, справедливо признается специалистами в качестве теоретико-методологической базы для программно-проектной управления этноэкономическими системами автохтонной части населения республик Северного Кавказа (их аллохтонные группы в соседних областях и краях в значительной мере сохраняют особенности взаимоотношений и хозяйственного уклада своей исторической родины). Подобная территориальная локализация, определяя одинаковость условий жизни, обуславливает особые формы организационной жизнедеятельности.

Литература

1. Фукуяма Ф. Великий разрыв. М., 2003.
2. Bourdieu P. Forms of Capital // The Sociology of Economic Life. Boulder, 2001.
3. Публичный экспертный доклад «Культура как ресурс регионального развития» (URL: <http://amcult.ru/analyz/report>).

КОНСТРУИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ ТУРИСТА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Отнюкова М.С. (Саратов)

Советский Союз был относительно закрытой страной, поэтому выезжали и въезжали в относительно не большое количество туристов. После распада СССР, открылись границы, и у россиян появилась возможность путешествовать в другие страны. Изменение практик повседневности, рост уровня жизни, высвобождение большего объема досугового времени, новые формы занятости, трансформация глобальной социокультурной обстановки способствовали развитию туристического освоения социального пространства, сопровождающегося формированием мощной системы социокультурных сервисов, направленной на потребление разнообразных социальных сред, институционализацию социальных и коммерческих практик туризма. В этих условиях особое значение

приобретает изучение социального конструирования идентичности в контексте туристических практик. Для современной России характерна открытость культурных границ, что обеспечивает приток постмодернистских идей и новых технологий. Постмодернистский сдвиг в общественном сознании и практике вызвал изменения в поведении потребителей в поле туризма. В настоящее время, в эпоху глобализованного потребления, изменились система ценностей и ориентаций в выборе досуговой активности, и сами туристы, что в свою очередь предполагает иное отношение к туризму и туристической деятельности. В современной туристской практике произошли трансформации поведенческих стереотипов туристов, усилилось влияние активных форм отдыха, сформировался спрос на удовольствия и смену впечатлений. Кроме этого расширился круг потенциальных потребителей туристских услуг (одинокое люди, бездетные пары, работающие женщины) и изменилась возрастная структура туристов. Так же произошли изменения по форме организации тура, актуализировались специализация и индивидуализация туристского спроса. Групповые туры, пользующиеся популярностью в советское время, сейчас привлекают в основном школьников и студентов. Не менее важный аспект современного туризма – это повышение требований туристов к уровню сервиса. Данные изменения туристских практик привели к конструированию различных типов идентичностей в поле туризма. Известно, что идентичность формируется в ходе синтеза всех характеристик человека в уникальную структуру, которая определяется и изменяется в результате социокультурной ориентации в постоянно меняющейся среде. Мы понимаем идентичность, как свойство психики человека в концентрированном виде выражать свою принадлежность к различным социальным, национальным, профессиональным, языковым, политическим, религиозным, расовым и другим группам или иным общностям. Идентичность конструируется и наделяется значениями в пределах отношений сходства и различий [1; 96]. Следовательно в процессе поездки у туриста появляется возможность конструирования своей идентичности, как Другого. По мнению В. Дильтея: «внутренний опыт, при котором я углубляюсь в свои собственные состояния, никогда не даст мне возможности осознать свою индивидуальность. Только в сравнении себя с другими я познаю индивидуальное во мне: я сознаю только то, что во мне отличается от другого» [1; 96]. Трансформации потребительских запросов и желаний, изменения в психологии современного человека, а также постоянная жажда и

поиск нового, как характерная черта нынешнего туриста, привели к росту предложений и формированию необычных и эксклюзивных туров, активизировали инновационную деятельность в сфере туризма. Разные виды туризма формируют разные типы идентичностей. Туризм дает возможность совершать путешествие не только в географическом, но и социальном пространстве. Например, возможность туристической поездки, в которой объектом интереса становятся самые бедные районы мира и их обитатели. Этот так называемые туры в стиле white trash или пуризм (poor – в переводе с английского «бедный»). Тысячи людей берут фотоаппарат и отправляются смотреть на бедность, болезни и грязь, чтобы затем похвастаться тем, что правильно провели свой отпуск. Увидев, в каких условиях живут другие люди, турист конструирует идентичность обеспеченного и богатого человека. Подобные туры выполняют социально-терапевтическую функцию для индивидов. В. Ильин замечает, что «есть перечень широко известных достопримечательностей. Турист конструирует свою идентичность в процессе специфического освоения мира: он отмечается у материальных оснований своих стереотипов. Египет? Где здесь пирамиды? Париж? Где Эйфелева башня и Лувр?» [2; 28]. Туристическая поездка, посредством специфического освоения мира, способствует конструированию идентичности туриста. Для туриста реальное выражение идентичности – это накопленный опыт пережитых пройденных «дорог» [2; 28]. С точки зрения туриста, личность – это, прежде всего, совокупность географических впечатлений и опыта путешествий. Как отмечает В. Ильин: «турист конструирует свою идентичность, гоняясь за новыми впечатлениями. Логика этого процесса такова: Я – X, потому что я был в У (видел, испытал, попробовал Н). Идентичность в ее реальном выражении – это пережитое, это пройденная география» [2; 28]. Идентичность смелого и отважного туриста формируют экстремальные туры. Любителям экстремальной жизни нужен адреналин. Для таких людей существует экстремальный вид туризма. Рискованное потребление позволяет туристам-экстремалам конструировать свою идентичность. В этом контексте риск превращается в ценность, за которую многие платят большие деньги. В апреле 2012 нами было проведено социологическое исследование, целью исследования являлось выявление особенностей формирования туристкой идентичности. При проведении анализа ответов, нами была выявлена своего рода закономерность, у людей, выезжающих из родного города в другие, изменялось отношение к своему городу в лучшую сторону, они стали

обращать внимание на то, чего раньше не замечали (85%). Это подтверждает, выдвинутую в начале исследования, гипотезу, что с накоплением опыта путешествий, родной город становится более значимым и интересным. С приобретенным опытом посещения других стран и городов, формируется идентичность горожанина. Подводя итоги, отметим, реализуя самые разнообразные индивидуальные мотивы, туризм формирует стандартизированные потребительские практики развлечений, и проведения свободного времени. При помощи потребительских практик туристы имеют возможности конструирования личной, социальной и территориальной идентичности.

Литература

1. Черняева Т.И. Туризм: практика познания Другого, практика познания себя // Психологические этюды: опыт и решения: межвуз сб. науч. тр.; под ред. Р. Тугушева. – Саратов: СГУ, 2004, Вып. 3, С. 96.
2. Ильин В.И. Товар как социальный конструкт // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев, 2004, №2, С. 29-39.

СМИ КАК ФАКТОР ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ИНСТРУМЕНТ СОЗДАНИЯ МИРОВОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА

Палопеженцева М.С. (Новосибирск)

Беспрецедентные в истории человечества информационно-коммуникативные возможности, присущие новому информационному режиму, явились тем фундаментом, на котором базируются все глобализационные процессы [3]. Это приводит к тому, что каждый человек, зачастую помимо своей воли, пользуется продукцией масс-медиа ежедневно: полностью ограничить себя от их влияния сегодня не представляется возможным. К фоновой информации можно отнести прослушивание радио в машине или в общественном транспорте, новостные блоки на поисковых сайтах или в электронной почте, авторские передачи или выпуски новостей на телевидении. За последние десятилетия система средств массовой информации претерпела значительные изменения: и по набору функций, и по способам организации, и по возможностям общения со своей аудиторией. И на ее трансформацию повлияли не только

технический прогресс и появление новых возможностей для массовой коммуникации и трансляции информации, но и изменения в социуме, который уже вошел в активный процесс глобализации и формирует свои предпочтения и интересы совсем в ином ключе. Так, современные средства массовой информации и органично взаимосвязанные с ними средства и каналы телекоммуникации в условиях информатизации и совершенствования информационных технологий консолидируются и образуют глобальную информационно - коммуникационную систему (ГИКС), кардинально изменившую базовые параметры информационной среды [3]. Исследователи выделяют два основных глобальных изменения системы СМИ: слияние технологий (перевод различных типов информации в цифровой формат) и конвергенция различных типов масс-медиа (обмен функциями, универсальность каналов передачи информации, появление синтетических жанров) [2]. Также в число приобретённых характеристик СМИ следует отнести: 1. Стирание барьеров между различными каналами трансляции информации и формами ее существования; 2. Возможность глобального охвата аудитории единым контентом; 3. Быстроту прохождения информационных сообщений; 4. Интеллектуализацию информационной инфраструктуры. В свою очередь общество, так или иначе состоящее из различных аудиторий разных СМИ, в силу глобализации влияющих на общественную эволюцию факторов приобрело такие черты как информационная проницаемость (прозрачность), информационная зависимость и информационная сенсбилизация (чувствительность к информационным импульсам) [3]. Современные технологии позволяют СМИ транслировать идентичные сообщения сразу огромному кругу людей, охватывая практически все мировое сообщество. Так как темы и факты, распространяемые средствами массовой информации, схожи друг с другом, происходит формирование общественного мнения о той или иной проблематике или о том или ином явлении действительности в масштабах всего мирового сообщества. Глобализация предполагает объединение, слияние, стирание различий между народами, обычаями, экономиками. И преодолеть территориальные границы и информационные барьеры помогают именно средства массовой информации, образуя особую информационную среду, которая является связующим звеном между разными общностями и системами. Исследователи отмечают следующие признаки нового общества, которое вошло в информационное измерение: принципиальное изменение механизма восприятия мира, а также

формирование коллективного сознания до уровня общечеловеческого [1]. Сегодня восприятие мира в основном формируется глобальными средствами массовой информации, которые с помощью информационных технологий и отбора фактов рисуют у аудитории иллюзию объективной реальности, что, как было рассмотрено выше, невозможно в принципе. Так как СМИ всего мира практически синхронно рассказывают о важных для мирового сообщества (которое также вовлечено в процесс глобализации и имеет общие интересы) событиях, многократно повторяя и дополняя свои сообщения, то можно сделать предположение, что при этом картина мира оказывается идентичной у огромных масс людей. Так, исследователи допускают возможность появления коллективного сознания всего человечества [1]. Делая выводы, необходимо отметить следующее. Средства массовой информации и процесс глобализации современного мира неразрывно связаны друг с другом и оказывают друг на друга взаимное влияние. Так, СМИ являются одним из факторов или движущих сил процесса глобализации, составляя единое информационное поле, объединяющее в себе информационные потоки и массовое сознание. Глобализация же, в свою очередь, повлияла на структуру и внутреннюю организацию самих средств массовой информации, которые не только имеют тенденцию терять уникальность, укрупняться и вливаться в состав мировых медиакорпораций, но и склонны к унификации технических средств и появлению синтетических жанров и форм работы. Коренные изменения претерпевает и общественное мнение, которое формируется на основе транслируемых в СМИ сообщений и превращается в коллективное сознание человечества.

Литература

1. Братимов О.В., Горский Ю.М., Делягин М.Г., Коваленко А.А. Практика глобализации: игры и правила новой эпохи / Под ред. М.Г. Делягина. – М.: ИНФРА-М, 2000.
2. Варганова, Е.Л. К чему ведет конвергенция СМИ / Е.Л. Варганова // Информационное общество. – 1999. – вып. 5.
3. Сляднева Н.А. Функция СМИ в обществе периода глобализации / Н.А. Сляднева. – Режим доступа: <http://misit.ucoz.ru/load/6-1-0-46>.

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЧЕЛОВЕКА ПОД ВЛИЯНИЕМ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Глобализация проявляется в движении к универсальному экономическому, правовому, информационному, образовательному, культурному пространству. Глава Мирового банка Джеймс Вулфенсон дал свою оценку процессов глобализации: «Глобализация делает из мира единое глобальное образование. Национальное и интернациональное сливаются. Вспомните последний финансовый кризис, СПИД, глобальное потепление. ...В бедных странах происходит быстрая урбанизация, появляется гражданское общество, развивается демократия - и власть постепенно переходит от центрального правительства на местный уровень»[1,с.101]. Становление информационного общества ведет к росту культурного единообразия, которое утверждается в процессе вестернизации, под влиянием американской экономической и культурной экспансии. Стремительное распространение прозападных потребительских стандартов порождает миф о наступлении эпохи культурной унификации. К элементам «глобальной культуры» относят как единые модели потребления, так и ориентацию на институты демократии, присущие национальным культурам. Социальные и культурные потоки не ограничены лишь национальными рамками. Они отражают постоянно меняющуюся социальную реальность и транслируют личные пристрастия, предпочтения индивидов в культуре на институциональный уровень. Коллективная идентичность начинает выходить за рамки национальных границ, приобретает глобальные формы. Это повышает уровень свободы, перестраивает национальные сообщества и культурные традиции. Глобализация является продуктом ускорения социокультурной динамики в масштабе всего мира, что приводит к расположению географически, социально, культурно удаленных локальностей в единый пространственно-временной континуум [1, с.103]. В период становления глобального общества изменения затрагивают все наиболее важные компоненты социокультурного пространства, а именно: личность, общество, включающее в себя множество взаимодействующих друг с другом индивидов, культуру, которая является продуктом данного взаимодействия. Все эти компоненты находятся в тесной взаимосвязи друг с другом. На сегодняшний день в центре стремительно меняющейся социокультурной реальности оказывается индивидуальная и групповая (институциональная) идентичность, которая и соединяет между собой личность, общество

и культуру. Многие ученые и исследователи в данной области говорят о том, что идентичность в глобализирующемся мире характеризуется изменчивостью и нестабильностью. И наряду с унификацией, единообразием социокультурных универсалий происходит усиление первичной идентичности, т.е. тех устойчивых элементов культуры, которые считаются традиционными. Вопреки существовавшему мнению, что ориентация на традиционные ценности тормозит развитие модернизации, социокультурная динамика мира в эпоху глобализации доказала, что первичная идентичность трансформируется, путем переосмысления и приспособливания к новой реальности традиционных установок. Поэтому вполне закономерным является и тот факт, что даже в наиболее развитых странах, где процессы глобализации идут ускоренными темпами, заметна тенденция к опоре на исторические, национальные, этнические ценности, местные традиции и культурные особенности государств. Во многом они выступают основой как индивидуальной, так и групповой идентичности, неким видимым свидетельством ее устойчивости, что в условиях глобализирующегося мира крайне важно. Подобные явления выступают неким сплачивающим, объединяющим звеном, и на фоне всеобщей унификации и массовизации поддерживают гордость за свою страну и свои традиции. Так, все большее распространение получают национальная кухня, разнообразные этнические мотивы, орнаменты в одежде, в оформлении интерьеров, в архитектуре, что способствует приобщению людей к своим традициям. Кроме того, можно говорить о назревающем конфликте между мультикультурализмом, являющимся порождением глобализации, и этнонационализмом, продуктом традиционной узконациональной культуры. Мультикультурализм ориентирован на свободу выражения культурного опыта, провозглашает демократические политические свободы, пытается обеспечивать сосуществование многообразных культурных, этнических и иных общностей посредством реализации социальных и культурных программ. Этнонационализм же, в свою очередь, пытается построить социально-политическую систему с опорой на традиционные механизмы и достижения национальной культуры. Однако невозможно полностью отгородиться от мировых процессов глобализации. Проникновению инокультурных установок в общества с устойчивыми социальными институтами способствуют глобальные миграционные потоки. Поэтому условием прочного существования, гармоничного функционирования, прогрессивного развития общества является культура толерантности. Унификация

духовной составляющей культуры может привести к ее упрощению, примитивности. В связи с этим, целесообразным представляется сохранение прочности общественного и культурного компонента за счет разнообразия культур, где условием гармоничного мира может стать потенциал каждого из культурных миров.

Литература

1. Гавров С.Н. Социокультурная традиция и модернизация российского общества: Монография / С.Н. Гавров. – М. – 2002. – 146с.

ВЛИЯНИЕ МОЛОДЕЖНОЙ КУЛЬТУРЫ НА ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ

Разицьков В.В. (Курск)

Молодежь является наиболее социально активной частью населения. Она наследует степень развития общества, формирует образ будущего. Сегодня молодежь следует рассматривать как инновационный потенциал, роль которого возрастает во всех сферах жизнедеятельности общества. Молодость становится центральным пунктом биографии человека, в котором имеет место кризис идентичности. Молодой человек должен найти самого себя, найти свое место в обществе, узнать, что о нем думают другие, и чего они от него ожидают. Он определяет свою социальную роль. В связи с этим одной из значимых является проблема формирования идентичности представителей молодежи. Особую актуальность проблем формирования идентичности молодежи в современной России обуславливает глубокая трансформация общества и государства, приведшая к радикальным изменениям социальной реальности. Социокультурная трансформация не может не порождать определенный «кризис идентичности», составной частью которого является и кризис гражданской идентичности. Последствия этого кризиса непосредственно влияют и на процесс гражданского становления молодежи. Учитывая социальные реалии нашего государства и, в частности, смену ценностных ориентиров подрастающего поколения, проблема формирования идентичности молодежи в настоящее время приобрела особую остроту. Идентичность - результат идентификации, которая рассматривается как важнейший фактор социализации. Социализация и формирование идентичности молодого человека неразрывно связаны. Они

обеспечивают ощущение единства со своим социальным окружением и являются механизмом подключения молодежи к социокультурной и ценностной системе общества. Условия становления гражданского общества, сопровождающиеся процессами распада прежней системы ценностей, идеалов, существующих моделей социализации и поисками новых, не могли не оказать влияние на личностное формирование и развитие молодежи. Это влияние закономерно носит противоречивый, сложный характер, что обуславливает широкий круг интересов в молодежной среде. Молодежная среда подвержена трансформационным процессам, поскольку в силу особенностей своего возраста и отношения к жизни именно она быстрее других принимает новые ценности и больше других нуждается в социальной и культурной идентичности. В молодежной среде выделяется своя культура, что связано с неопределенностью собственных социальных ролей, неуверенностью в собственном социальном статусе. Молодежная культура обусловлена и социумом, в котором она функционирует, нормами, потребностями, идеалами социального развития. Молодежная культура отражает социальный и психологический облик своего времени и общества. Молодых людей привлекает возможность посредством различных молодежных групп воздействовать на окружающий мир и людей, выразить свою индивидуальность. Привлекательность социально активной деятельности для молодых людей на внутреннем уровне основана на использовании практик, предлагающих нечто новое, необычное, дающее новые ощущения. Как только деятельность превращается в привычку и воспроизводит одно и то же, интерес к ней пропадает. Обязательной составляющей активного поведения выступает четкая и ясная цель. Она сама по себе является мощным стимулом к действию, при этом сфера активности не имеет значения, поэтому не правомерно говорить о пассивности современной молодежи, скорее следует искать новые формы молодежной культуры. [1] На основе созданных социальных и культурных норм, молодежь вынуждена принимать те условия, которые создали предыдущие поколения, хоть и не всегда эти условия оказываются для нее благоприятными. Сегодня современный молодой человек очень впечатлителен, динамичен и эмоционален, поэтому часто возникает непонимание и конфликт между ним и представителями старшего поколения из-за несовпадения мнений, интересов, увлечений и ценностей. Процесс культурной преемственности одновременно сближает и разъединяет поколения. Старшее поколение передает весь свой опыт и духовное богатство, а молодежи необходимо прилагать усилия для его

овладения, но помимо этого, ей необходимо соединять этот материал с реальной современной жизнью, образуя тем самым новую культуру. Некоторые исследователи считают, что возникает принципиально новый тип культуры, в рамках которой не молодежь заимствует нормы и ценности из опыта предыдущих поколений, а старшее поколение от молодых. [2] Часто конфликты происходят из-за того, что родители не хотят признать, что их ребенок повзрослел. Представители взрослого поколения полагают, что возраст и опыт позволяют им диктовать более молодому манеру поведения, делать замечания, требовать следовать их советам. По их мнению, среди молодежи наблюдается падение нравов. Молодежь в свою очередь считает, что они обладают достаточным багажом знаний, и возраст в данном случае не играет особой роли. Из-за подобного разногласия между сторонами возникает напряжение, и они не могут добраться до самой сути проблемы, возникшей в их отношениях. Вместо этого список взаимных претензий и разногласий пополняется, а пути их разрешения не находятся. Для того чтобы свести конфликты к минимуму, необходимо учесть личные психологические особенности каждого из участников конфликта. Современная российская молодежь иначе воспринимает мир, чем их родители, выросшие в другой политико-идеологической системе. Положение старшего поколения усугубляется наличием прошлого опыта и моделированием жизни по иному образцу, тогда как молодежь отдает предпочтение навязанному западному образу жизни, обществу массового потребления. Эти различия между поколениями не позволяют детям учиться у предков, что в свою очередь приводит к проблеме с идентичностью, молодой человек не имеет корней в сообществе, и не знает своего места, и назначения, что в свою очередь приводит к неуважению ожиданий других людей. В этой связи роль идентичности, представляется особенно значимой для общества. Поэтому проблема идентичности становится важной категорией теоретических интерпретаций строящегося нового общественного порядка.

Литература

1. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996. С. 385.
2.
http://www.vestnik.adygnet.ru/files/2010.2/945/shikova2010_2.pdf

«EVERYDAY» И «DAY BY DAY» ПРАКТИКИ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ В РОССИИ И ГРЕЦИИ.

Резаев А.В., Лисицын П.П., Саначин А.А. (Санкт-Петербург)

Исследовательскими группами НП «МцМп» и АНО «Интеркомцентр» при поддержке РГНФ в 2010-2012 годах проводилось исследование повседневных практик транснациональных трудовых мигрантов. Для этого представители исследовательской коллектива изучали две группы мигрантов: из Украины, осуществляющих свои практики в настоящее время в Афинах (Греция) и из Узбекистана, осуществляющих свои практики в Санкт-Петербурге (Россия). Исследование проводилось методом case-study, реализованным посредством методов включенного наблюдения и дополнительно глубинного интервью. Данные были объективированы информацией из СМИ. Индивиды, которые стали объектами наблюдения, участвовали в исследованиях на протяжении всех трех лет, из-за чего степень доверия к представителям исследовательской группы была высокой. Одной из задач исследования, которую ставили перед собой в 2010 г., было определение того, какие теории применимы к исследованию повседневных практик. Исследовательский коллектив выделил две теории: everyday practices или day by day practices. В случае изучения повседневных практик как everyday practices – речь идет о том, что объекты исследования для себя не разделяют выходные и будни, выходные становятся логичным продолжением будней, из-за чего осуществляются стандартные действия: уборка дома, приготовление обеда/ужина, поход в магазин и т.д. В случае day by day practices речь может идти о постоянном проявлении действий со стороны мигрантов, как в будни, так и в выходные дни, как-то: выезд за город, встречи с друзьями, обсуждение рабочих вопросов, обсуждение совместных планов и т.д. Степень активного отдыха диктует различные подходы к пониманию повседневности. В этой статье мы приводим примеры, основанные на опыте России и Греции, различного подхода к повседневности со стороны мигрантов из Узбекистана и Украины. Если в Греции мигранты стараются в выходные вести активный образ жизни, быть мобильными, то в России мигранты обозначают будни - когда они находятся на работе, а выходные проходят размеренно - когда выполняются домашние дела. Но при этом у мигрантов из двух исследуемых стран разнятся формы отдыха. Мигранты в Греции каждый выходные стремятся

выехать за город: покататься на лошадях, съездить на пикник и т.д. Мигранты в России стремятся провести выходные в городе, минимально выходить на улицу. Во многом такому распределению времени способствует наличие у некоторых мигрантов в Греции личного транспорта, в отличие от большинства мигрантов в России. Подобная активность, на наш взгляд вызвана не только экономическим положением мигрантов, но и целью, с которой начинается процесс трудовой миграции. Мигранты в Греции во всех исследуемых случаях хотят остаться жить в Греции навсегда. Мигранты в России – это временные мигранты, которые ставят своей целью получения дохода для обеспечения жизни своих семей на родине. Подобные цели определяют активность во всех сферах жизни мигранта на принимающей территории. Очевидно, что именно подход к определению цели мигранта влияет на степень активности в изучении национального языка принимающего сообщества. Мигранты в Греции общаются как внутри группы со своим языком, так и в группе с носителями национального языка. Мигранты в Петербурге общаются преимущественно, с представителями своей этнической группы. Очень малое время относится к общению с носителями русского языка. Отсюда возникают различия в языке общения. Так мигранты в Греции, общаясь с носителями русского языка, зачастую путают русские и греческие фразы в один монолог. Ответ реципиента, в таком случае, преимущественно оказывается на том языке, на котором был задан вопрос. Мигранты в России предпочитают общаться на своем родном языке. Здесь необходимо сказать о тех целях социального действия, которые преследуют мигранты в Греции и России. В итоге мы получаем, видим очевидную логическую взаимосвязь между целью мигранта и степенью его активности в процессе социальной адаптации, которую мы в данном исследовании рассматривали через позицию повседневности. Понимание повседневности как двух видов активности «day by day» и «everyday» практик зависит от комплекса действий направленного мигрантом на участие в жизни принимающего сообщества. В качестве одного из результатов исследования мы установили, что повседневные практики мигрантов различаются между собой. При этом различия связаны с той средой, в которой они находятся. Мигранты в Греции предпочитают вести активный образ жизни, направленный на собственную ассимиляцию в принимающем сообществе, а мигранты в России стараются обособиться от принимающего сообщества, существовать в своей культуре. На основании исследования мы определили, что

повседневные практики необходимо делить на everyday practices и day by day practices. Последний вид практик особенно актуален для мигрантов, которые стараются получить доход в разных сферах, завязать большее количество социальных контактов, как с представителями принимающего сообщества, так и с представителями своего этноса. При планировании мероприятий, направленных на развитие мигрантов необходимо видеть различия в этих понятиях, т.к. они определяют характер вовлеченности мигрантов в трудовые процессы на территории России и Греции. В первом случае практики являются хабитуализированными, во втором случае большее внимание уделяется креативности действия, поиску вариантов собственного развития. Как указывает Х. Йоас, именно такой вид социального действия приносит больше пользы, как самому индивиду, так и принимающему его сообществу.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ - РИСКИ МИГРАЦИИ

Сараева О.В. (Казань)

Миграция стала важнейшей, неизбежной и потенциально полезной составляющей социально-экономической жизни всех стран и регионов. Вытекает это из следующих причин: во – первых, миграция восполняет трудоактивное население, что в первую очередь, важно для экономики страны; во – вторых, миграция компенсирует естественную убыль населения, т.е. решает демографические проблемы нашего общества. Но, несмотря на это, миграция несет в себе потенциальные риски и связано это, прежде всего с социокультурными различиями. Попытаемся разобраться в том перечне рисков, которые «рисуют» нам средства массовой информации. Правовые риски — это риски, обусловленные изменением политической обстановки, законодательных норм, влияющих на трудовую деятельность мигрантов и коренного населения (заккрытие границ, ужесточение процедур оформления на работу, увеличение числа нелегальной иммиграции и др.). Социологические (социальные) риски, под которыми подразумеваются риски возникновения таких отрицательных социальных явлений, как преступность, нарушение государственной безопасности, неблагоприятные социальные последствия: снижения качества жизни, утрата идентичности и т.д. Экономические риски – это возможности случайного возникновения нежелательных убытков, обусловленных неблагоприятными изменениями в экономике и

измеряемых в денежном выражении. Демографические риски – это риски, обусловленные изменением демографической ситуации в стране выезда и въезда иммигрантов. Исторические риски – это риски, связанные с анализом предшествующего иммиграционного опыта. Психологические риски обусловлены изменением и ухудшением внутреннего состояния индивидов, снижением работоспособности, появлением излишней тревожности и раздражительности. Данный тип риска вызван: чувством потери или лишения статуса, друзей, родины, профессии; чувством отверженности; чувством тревоги и неполноценности. Экологические риски – это риски, связанные с трудовой деятельностью, которая наносит ущерб экологии. Для данных типов рисков характерна опасность или потенциальная угроза возникновения ущерба, а также тесное взаимодействие с другими видами рисков. Поведение людей, оказавшихся в чужой им социальной и культурной среде, имеет свои особенности. Так, К. Додд [3] выделяет основные пути поведения в межкультурном взаимодействии в условиях адаптации: – Flight (создание своего микромира, избегание прямых контактов с чужой культурой); – Fight (перенос своей модели поведения в новую среду); – Filter (сохранение как собственной культуры, так и высокая активность, коммуникабельность в новой среде); – Flex (изменение культурной идентичности, как на уровне внешнего поведения, так и на уровне социального восприятия). В среде трудовых мигрантов присутствует ряд факторов, которые препятствуют их адаптации и дальнейшей возможной интеграции в российский социум, отсюда и «раздутые» СМИ риски миграции. К их числу можно отнести низкий образовательный уровень, плохое знание русского языка, выпадение из правового поля. Большинство мигрантов оказывается на непрестижной работе, в замкнутом пространстве своей этнической группы, что зачастую провоцирует и вызывает негативное отношение к культуре принимающей стороны. Проблема адаптации трудовых мигрантов, в том числе и посредством образовательных программ, является одной из ключевых проблем современного общества. Так электронная газета «Столетие» [1] описывает проблему и риски культурных различий детей мигрантов в школах. «Чем лучше будут эти дети адаптированы к реалиям российской жизни, тем меньше будет возникать бытовых всплесков ксенофобии с одной стороны и попыток «приезжих» перенести привычки и традиции своего социума в иную социокультурную среду - с другой». Идеальной модели интеграции и адаптации мигрантов в социокультурную среду не

существует и как справедливо подчеркивает С.Маркедонов: «К нам приезжают люди, для которых Россия - второй дом. И владеют они языком намного лучше, чем албанцы, которые приезжают в Италию, или арабы, прибывающие во Францию. Нужно только обеспечить мигранту условия для нормальной интеграции в российский социум» [2]. К сожалению, пока социокультурные факторы не сумели стать тем объединяющим механизмом, который был бы способен урегулировать миграцию и гарантировать безопасность, сократить риски и уменьшить напряженность в обществе, улучшить социально-политическую ситуацию в стране. Эффективность управления миграционными процессами зависит от степени международного сотрудничества. Мигрант должен иметь поддержку направляющей и принимающей стороны. Мигранты вправе претендовать на равные возможности с гражданами принимающей страны, но при этом у них должна быть потребность соблюдать законы и устои жизни принимающей страны.

Литература

1. А. Борисов. Русский – в зоне турбулентности. Информационно-аналитическое издание фонда исторической перспективы, интернет-газета Столетие. Дата обращения 2.10.2012 г.
2. Маркедонов С. Российские власти и простые граждане переоценивают угрозу миграции. Московский комсомолец. Дата обращения 2.10.2012 г.
3. Dodd C. H. Dynamics of intercultural communication. – Boston. MS: McGraw Hill, 1998.

О ФЕНОМЕНЕ КСЕНОФОБИИ

Сикевич З.В. (Санкт-Петербург)

Почти не осознаваемое сравнение идентификационной категории «мы» со всеми прочими не-нами, в качестве которых могут выступать любые они, не-наши, чужие, потому что другие является неотъемлемым свойством восприятия на уровне межгрупповой коммуникации. Операция сравнения фактически предусматривает противопоставление, а если противопоставление, то и оценивание, причем это оценивание можно мысленно расположить вдоль шкалы, где одним полюсом положительным будем мы, а противоположным отрицательным, совершенно чужие они. Таким образом, речь идет о феномене социокультурной инаковости, которая сопровождает любую реальную или символическую самоидентификацию и,

следовательно, и дистанцирование. В социологии эта категория характеризует степень близости и отчуждения социальных групп, причем жесткость и размерность дистанции служат показателем стабильности или нестабильности общества на институциональном уровне, а также степени модернизации общества. Так, исторически дистанция «христиане и мусульмане» или «православные и католики» была обусловлена не только уровнем стабильности и модернизации, но и целым веером социально-исторических и культурных мотивов. Безусловно, дистанция «свои – чужие» еще и подвижна, так, например, дистанцирование по религиозному признаку в прежнее время было значимее, чем сейчас. Так, в частности, можно говорить о пульсации конфессиональной дистанции в России. Если во времена Российской империи она была жесткой и фактически непреодолимой, то при советской власти потеряла определенность, размылась, о чем говорит, между прочим, и высокая численность межэтнических браков без оглядки на традиционное вероисповедание. В современных условиях она вновь приобретает отчетливость, способствуя формированию социально-психологических барьеров в межэтническом взаимодействии. Кроме того, жесткость оппозиции может быть различной для участников межгруппового сравнения. Так, дистанция «христиане – мусульмане» со стороны мусульман более жесткая, чем со стороны христиан. В качестве чужих могут атрибутироваться фактически любые группы - не только социальные, но и половозрастные (к примеру, «отцы» и «дети» или оппозиция «мужчины – женщины»), статусные («богатые» и «бедные», «элиты» - «рядовые граждане»). Как показывают данные исследования, в последние годы в связи с процессом этнизации многонациональных сообществ, таких как Югославия, СССР, Чехословакия (на Западе – Бельгия, Испания) наиболее острой, болезненной, ведущей нередко к трагическим последствиям в форме этнических конфликтов становится этносоциальная дистанция по признаку принадлежности к той или иной этнической группе. К более жесткому дистанцированию по сравнению со старшими возрастными группами склонна молодежь. Так, свое согласие с лозунгом «Россия – для русских» выражает примерно каждый четвертый петербуржец старше 60 лет, и более половины (52,4%) респондентов возрастной группы 18 – 25 лет (квотная выборка СПб., 2009 г.). В ходе исследования 2009 – 2010 гг. выяснилось, что примерно каждого пятого участника опроса можно отнести к людям, подверженным ксенофобии. Отвечая на вопрос о своем личном отношении к представителям других

народов, 15,7% респондентов отметили свою «настороженность» к ним, а 3,8% - «антипатию» ко всем «чужакам» в совокупности.

41,9% опрошенных петербуржцев обуславливает свою позицию тем, как «они относятся к людям моей национальности». Каждый четвертый (25,4%) тем, «какая именно у них национальность» и примерно равное число ставит свое отношение в зависимость - от «традиций, обычаев и религии» этих народов (13,9%), «их занятий, профессии» (14,7%), «местожительства – в моем городе или у себя дома» (14,9%) .

Данные исследований демонстрируют, что фобии для носителей этнических предубеждений в русской среде носят по преимуществу защитный, а не агрессивный, наступательный характер. Это обратная психологическая реакция на подчас декларируемое членами контактной этнической группы чувство превосходства, пренебрежения, уязвляющих групповое самлюбие членов титульной общности, что, конечно, никоим образом не оправдывает ее.

Сходная мотивация присутствует и у тех респондентов, которые обуславливает свое восприятие исключительно местожительством «чужаков». Представители иноэтнических групп вызывают негативное отношение только в качестве приезжих, экономических мигрантов, т.е. в качестве непосредственных соседей. Такую фобию можно охарактеризовать как ситуативную неприязнь в отличие от этнического предрассудка, который носит более устойчивый, долговременный, культурно мотивированный характер и обращен на всех членов отвергаемой общности независимо от их дислокации в социальном пространстве.

Этническая дистанция, как выяснилось, фиксируется также и на уровне внешнего опознания членов «своей» и других этнических групп по антропологическим признакам, как бы приблизительны они и ни были. Так, лишь 31,6% опрошенных петербуржцев не обращает никакого внимания на национальность окружающих на улице, в транспорте и т.д., считая, по-видимому, этот признак несущественным для оценивания в ходе интеракции. 36,4% респондентов делают это постоянно, а 32,0% отмечают для себя национальность прохожих в том случае, если они им «чем-то несимпатичны».

Как мы видим, все три группы - равновелики и каждая из них составляет примерно треть от числа всех участников опроса. Однако нельзя не учитывать того, что у 68,4% респондентов этническая акцентуация социального взаимодействия, пусть произвольно, но присутствует всегда или в случае негативного оценивания. Таким образом, норма «по обычаю», фиксирующая принадлежность к общности «свои» или «чужие»,

продолжает доминировать в обыденном сознании большинства опрошенных жителей нашего города.

Наряду с прямыми признаками этнической дистанции, такими как произвольная фиксация национальной принадлежности и мотивация оценивания «других» общностей, существует и один очень точный, хотя и несколько завуалированный для респондента, показатель наличия ксенофобии – это отношение к смешанному браку своего ближайшего родственника. Конкретная жизненная ситуация проецируется на самого себя, и поэтому давление институциональной нормы («как надо») ослабевает, а человек невольно раскрывает истинную меру своей этнической толерантности.

В качестве контрольного к вопросу, выявляющему общее отношение к межэтническим бракам, на меньшей группе испытуемых (175 чел.) был апробирован вопрос, оформленный в виде незаконченного предложения: «если бы моя дочь (сестра) решила выйти замуж за азербайджанца, я бы...». Более половины участников этой группы, соответствующей по своим половозрастным показателям основной выборке исследования, выказали резкое неприятие подобной перспективы, а в ряде случаев – готовность прибегнуть к крайним мерам. Так, один из респондентов заявляет, что «убил бы его» (мужчина 32 лет с высшим образованием, русский), а другой (мужчина 59 лет, со средним техническим образованием, украинец) «заплатил бы людям, чтобы его больше не видеть». Примечательно, что большая часть радикальных антагонистов подобных брачных союзов заявляет, что к людям другой национальности и веры надо относиться «с уважением», «доброжелательно», «терпимо», «как к самим себе» (72,3%). Две трети тех же самых людей (64,2%) согласны с утверждением, что у терроризма нет национальности, однако на свое ближайшее окружение (семью) эта похвальная установка никак не распространяется. Петербуржец 47 лет с высшим образованием, заявляющий, что к людям любой национальности и веры надо относиться без «фанатизма», вместе с тем в случае желания своей дочери или сестры связать свою судьбу с азербайджанцем, «усомнился бы в ее умственных способностях». Любопытно, что респонденты не замечают явного противоречия в своих ответах, хотя оба незаконченных предложения (по поводу отношения к людям другой национальности и предполагаемого зятя - азербайджанца) следуют друг за другом. Вероятнее всего, этот внешний парадокс объясняется тем, что в первом случае над участниками опроса довлеет институциональная норма толерантности, во второй же,

очень конкретной житейской истории – они, сами того не замечая, проявляют «архетипическую» установку защиты своего этнического пространства от «чужаков». Итак, в заключение можно констатировать, что ксенофобия как архетипическая установка отвержения «чужих» в пользу «своих» сохраняет свою значимость во всяком случае в условиях социальной трансформации.

МОДЕЛЬ ФАКТОРОВ РИСКА ЭКСТРЕМИСТСКИХ НАСТРОЕНИЙ В ПОЛИЭТНИЧНОЙ СРЕДЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Смоленская Ю.В. (Барнаул)

Отличительной особенностью современного российского социума, в том числе Алтайского края является высокая степень его полиэтничности. Вся история России развивалась по пути наращивания этнического, а значит, культурного и конфессионального многообразия и, несмотря на активные ассимиляционные процессы, уровень его остается достаточно высоким, даже после распада Советского Союза.[1] Следствием стал рост напряжения в межнациональных отношениях, которое в условиях кризиса экономики и политической власти выразилось в усилении «оборонительного» национализма, в практике сепаратизма и межнациональных конфликтов, в том числе экстремистского толка.[2] Эмпирическую базу исследования экстремистских настроений молодежи составили материалы социологического исследования, проведенного в апреле-октябре 2010 года. Для анализа нами использованы результаты опроса молодежи Алтайского края в количестве 295 человек (18-30 лет). Половина опрошенных респондентов считает, что коренная нация должна владеть всеми правами на властные полномочия, что может определять особенности национальных взаимоотношений, быть основой напряженности в проявлении дискриминации по национальному признаку, однако, важен не сам факт данного отношения, сколько совокупность ориентаций и чувств, лежащих в их основе.[3] Большая часть молодежи считает свою нацию лучшей, однако 36 % имеют противоположное мнение, связанное с толерантным отношением, проявляющие максимальную терпимость к людям другой национальности. Около четверти опрошенных молодых людей не имеет четкой мировоззренческой позиции относительно национальных предпочтений. Специфика отношения молодежи к

межнациональным и этническим конфликтам зависит от пола, возраста, образовательного уровня, национальности молодого человека, опасность развития межнациональных конфликтов оценивают молодежь от 18-28 , разного пола, с высшим, профессиональным образованием, преимущественно русские. Десятая часть опрошенной молодежи негативно относятся к представителям других наций и могут входить в различные субкультуры агрессивного толка, наподобие скинхедов, а также провоцировать националистические настроения среди молодежи.[4] Особенности эмоционального отношения к национальной нетерпимости, заключается в том, что 37 % молодых респондентов не осуждают подобное отношение, что является на наш взгляд, пессимистичным показателем, не способствующим улучшению взаимоотношений национальных представителей в регионе. Для выявления социальных факторов, обуславливающих риск экстремистских настроений молодежи, представим модель, полученную с помощью регрессионного анализа данных социологического исследования.[5] Данный анализ позволил выделить переменные, с разной степенью значимости связанные с увеличением шансов попасть в группу молодежи с толерантным отношением к другим национальностям, а также провоцирующих противоположное отношение, способствующее экстремизму. Так, способствует толерантному отношению комплекс социальных факторов, среди которых важными оказались такие ценности как, духовность, нравственность, уважение, любовь, гордость за свою страну, ощущение своей необходимости.[6] Ряд показателей социально- экономического благополучия могут провоцировать рост националистической неприязни, экстремизма, среди них: потеря стабильности и невозможность ее прогнозировать; бедность, низкий уровень жизни; трудности с получением образования; алкоголизм. С другой стороны материальный достаток, здоровье, на уровне тенденций более благоприятен для формирования толерантного отношения. [7] Наиболее опасными факторами, провоцирующие националистические настроения оказались пропагандистские мероприятия экстремистского толка (ущемление прав из-за национальности, религиозных взглядов, пропаганда фашизма, экстремистские акции, шествия и поджоги) вызывают самые большие шансы увеличить анти толерантные, экстремистские взгляды молодежи относительно представителей других наций.

СПЕЦИФИКА МЕЖКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ ЗА ГРАНИЦЕЙ

Сухова А.Н. (Нижний Новгород)

Проблема межкультурной адаптации в условиях мультикультурального социального пространства в последние десятилетия становится все более актуальной в связи с расширением экономического, социального и культурного поля взаимодействия. Это дает больше возможностей для изучения культур и, в целом, антропологического и социального пространства других стран. Особенный интерес в исследовании взаимодействия культур представляет изучение студенческой молодежи, а именно, стратегий поведения молодых людей в поликультурном социальном пространстве. Сегодня практика международного сотрудничества, рост числа и популярности программ студенческого обмена и стажировок говорят о массовом характере процессов, связанных с социальной мобильностью и наращиванием социального капитала. Вузы во всех странах стремятся к привлечению все большего числа иностранных студентов. Такие факторы, как интеграция в систему высшего образования, эффективность учебной деятельности, успешное социальное (а в данном случае, межкультурное) взаимодействие в академической, социальной и культурной средах являются основополагающими в изучении проблем социокультурной и академической адаптации студентов, проходящих обучение за границей. Эффективность механизмов управления научно-исследовательской и академической активностью студентов, мотивирующие аспекты академической деятельности, способствующие сглаженной адаптации в непривычных условиях взаимодействия, заслуживают внимания исследователя в рамках изучения феномена «адаптации». В рамках глобализации информационного и образовательного пространств в борьбу за привлекательность вступают университеты всего мира, пытаясь занять высшие ступени в рейтинге мирового научного сообщества. В подобных условиях постоянно существующей конкурентной борьбы студенты вынуждены адаптироваться к специфике выбранного ими университета и новой среды, в целом. Стереотипическое восприятие новой среды не позволяет полноценно реализовать «новичку» свои возможности и ограничивает его адаптивные способности. Поэтому выход за границы привычного и традиционного представления о негативных сторонах культур тех или иных стран/народов может

являться одним из условий сглаженной адаптации. Важно отметить, что не существует общего для всех «правила» успешной адаптации: подготовка к этому этапу «жизненного сценария» человека является, в большей степени, освоением теории, нежели практических навыков. Это связано с особенностями субъективного восприятия, жизненных возможностей, социального капитала и изначально сложившихся условий первичной и вторичной социализации. В процессе социального познания формируется ряд представлений о «должном» и задаются критерии оценивания реальности. Учитывая, что автоматический перенос социальных практик и навыков, которыми человек владел в географическом и социальном пространстве родной страны, на пространство инокультурной среды невозможен, происходит деформация привычных образцов восприятия, что влечет соответствующие трудности в оценке и регулировании своего поведения в новых условиях. Действительно, в условиях открытых границ реальность предоставляет возможности для взаимодействия, взаимообогащения культур и традиций. Успех этого взаимодействия определяется множеством факторов. Не следует забывать о стрессовых состояниях, обусловленных переживанием непредсказуемых и неожиданных ситуаций, сила которых зависит от накопленного социального опыта конкретного индивида. Отсутствие социальной и психологической напряженности является одним из оптимальных условий успешной адаптации, социального и культурного обмена между представителями двух (и более) общностей. Изучение предпосылок и механизмов, условий и агентов адаптационного процесса, влияющих на его эффективность, позволит подойти к решению и оценке проблемы межкультурной адаптации с более объективных позиций. Важно понять не только специфику, но и общие механизмы адаптационного процесса в инокультурной среде, участником которого становится студенческая молодежь. Исследование стратегий успешной адаптации на примере одной из самых привлекательных для иностранных студентов стран, а именно, Германии, позволяет вести речь об исследовании механизмов адаптации и особенностей социокультурного взаимодействия не только на уровне общностей и групп, но и на уровне социальных институтов. Опыт и практика международного сотрудничества ставит немецкую академическую систему в один ряд с наиболее конкурентоспособными образовательными системами США и Англии. Поэтому возможность комплексного эмпирического исследования проблемы социокультурной адаптации иностранного студенчества в поле немецкой системы обучения (а именно, на

площадке Университета Дуйсбург-Эссен) представляет особую практическую ценность. Вопрос о преемственности механизмов и инструментов регулирования не только академической, но и социальной жизни иностранных студентов является актуальным для российской реальности. Достижение европейского уровня в организации процесса обучения студентов является одним из условий привлекательности системы высшего образования для иностранных студентов. Особого внимания заслуживает разработка системы организованной помощи международным студентам, приезжающим на обучение в Россию. Германия, в этом смысле, является образцом системного подхода в оказании такого рода поддержки. В данном контексте, выход Российской системы образования на международный уровень стал бы перспективным продолжением процесса интеллектуальной интеграции России в Европейское сообщество. Основу представленной работы составляют результаты социологического исследования по специфике адаптации иностранных студентов в Университете Дуйсбург-Эссен (Германия). В исследовании приняли участие студенты, приехавшие в университет по программам «Эразмус», «Двойные дипломы» и самостоятельно. Срок проведения исследования – с окт. 2011г. по март 2012 г. Автором рассматривается специфика адаптационного процесса иностранных студентов с разных сторон, принимаются во внимание не единичные аспекты жизнедеятельности визитера за границей, а их комплексное воздействие на его мироощущение и социальные (в первую очередь, адаптационные) навыки. Основной задачей практического исследования адаптационного поведения визитеров за границей является выявление способности (или отсутствие ее реализации) к грамотному распоряжению различными видами капитала (социального, интеллектуального, культурного) в новой социокультурной среде. Ставится вопрос о том, в каких сферах жизнедеятельности в условиях адаптации студенты чувствуют себя наиболее уязвимо, а какие не представляют для них особых сложностей и не требуют усилий по разрешению «внутреннего конфликта». Важным аспектом в анализе поставленной проблемы является временная переменная: стадийность адаптационного процесса, изменение его интенсивности в зависимости от продолжительности пребывания новичка за границей. В ходе работы выработана система практических рекомендаций по оптимизации адаптационного процесса, обеспечивающих эффективность последнего в рамках российской действительности. А именно, речь идет о принятии существующих в Европе (на примере немецкого

университета) моделей адаптационной политики иностранных студентов на уровне вуза, в частности, международного отдела. В частности, речь идет о: - предоставлении бесплатных языковых курсов для совершенствования навыков владения иностранным языком; - проведении мероприятий, организованных совместно с студенческими организациями, преподавательским составом университета и сотрудниками международного отдела, направленных на поиск «общего языка» с принимающей стороной. - организации ознакомительных курсов (пример Германии – Orientierungs Woche) по особенностям устройства и функционирования принимающего вуза и его отдельных подразделений; правила регистрации и пользования библиотечным фондом; запись на спортивные секции и проч. - организации работы и обновления информационного содержания официального сайта университета, ориентированного на иностранных студентов со знаниями различных иностранных языков. - создании клубов по интересам и совместных поездок иностранных студентов с принимающими (местными) студентами для установления контактов и совершенствования взаимодействия между ними и интеграции в принимающее общество. - организации специализированных тренингов и групп (социальной работы) по сопровождению визитеров и разрешению жизненных проблем иностранных студентов ориентированы на снижение адаптационных трудностей и совершенствованию адаптационных стратегий иностранцев. На основе прикладного исследования выявлена зависимость успешности адаптации визитеров от возможности распоряжения определенными видами капитала и способностью реализации целей посредством имеющихся и наработанных ресурсов. Чем больше открытость и стремление к преодолению проблемных ситуаций и трудностей, чем выше мотивация к поиску «союзников» и помощников в разрешении проблемных ситуаций, чем выше границы открытости к принимающей среде, тем одновременно выше возможность наращивания социальных связей, приобщения к неформальной и формальной среде взаимодействия, к мотивации в освоении академических знаний – наращивании интеллектуального капитала. Таким образом, чем больше возможностей для самореализации готов предоставить себе иностранный студент, чем выше степень его открытости и восприимчивости к новой среде и обществу, чем выше его готовность и настрой быть успешным и эффективно соединять повседневную деятельность и взаимодействие с академической средой, чем в большей степени он будет заинтересован найти выход из проблемных ситуаций, обращаясь за

помощью и поддержкой, тем эффективнее и «сглаженнее» будет осуществляться его адаптация в новых условиях и тем быстрее он добьется комфортного функционирования в созданных им же самим условиях. Автором были определены группы студентов – представители разных стран, частота столкновения с проблемными ситуациями и интенсивность переживания трудностей у которых оказалась выше, чем у остальных испытуемых: преимущественно, это визитеры из стран Азии и ближнего зарубежья. В случае с первыми наблюдается значительный разрыв в академическом и культурном планах (различия Европейской и Азиатской культур и академических систем), в частности, установках и менталитете участников исследования. Для представителей стран ближнего Зарубежья и России характерным отличием от европейской студенческой молодежи стало отсутствие высокого уровня мобильности и гибкости в приобщении к немецкой среде. Степень географического разрыва, безусловно, также оказалась значима для представителей стран Азии и России. В ходе исследования была изучена специфика различных сфер адаптационного процесса (социальной, культурной, языковой, академической) с позиций применения различных методов исследования (глубинные интервью, анкетный опрос, экспертное интервью, метод «дневниковых записей»). Комплексный подход в исследовании позволил дать объективную оценку проблеме адаптации иностранных студентов. Наиболее результативной и информативной имеет смысл считать качественную методику исследования, раскрывающую более глубоко обобщенные фрагменты адаптационного процесса (по данным анкетного опроса). Также, были разработаны практические рекомендации Международным Отделам университетов по организации работы с иностранными студентами в рамках снижения дискомфорта адаптационного процесса. В частности, были выявлено: 1. Критерии адаптированности, включающие в себя самочувствие студентов, достижение поставленных целей, временные затраты, были полностью достигнуты на стадии вторичной адаптации (к концу учебного семестра). 2. Имейшиеся и наработанные ресурсы, такие как: коммуникативная компетентность (сохранение прежних, домашних + наращивание новых социальных связей), интеллектуальный капитал (в виде академических квалификаций и знаний), культурный капитал (результат приобретенных знаний о принимающей культуре) имели развитие и совершенствование. В итоге исследования можно констатировать преимущество качественного метода исследования феномена адаптации студентов по отношению к количественному.

Содержательные аспекты адаптации, описанные иностранными студентами вне рамок вопросов анкеты подразумевают более детальные ответы, большую открытость и рефлексивную составляющую. Ценность комплексного исследования подтверждается набором инструментов, позволяющих произвести многосторонний «замер» адаптационных трудностей и выявить стратегии успешной адаптации. К подобным стратегиям следует отнести следующие: 1. Четкие формулировки ожиданий по отношению к поездке. Как правило, для ребят, чьи установки четко оформлены, результативность адаптации и мотивация к преодолению трудностей выражена в большей степени, нежели у «сомневающихся». 2. Открытость к внешним факторам и стремление найти решение проблем – успешный психологический механизм, формирующий адаптационный успех. 3. Действенная поддержка со стороны принимающего общества в лице сверстников, кураторов программ обучения, сотрудников международного отдела принимающего университета – те инструменты, которыми не должен пренебрегать «новичок»; те механизмы, которые должны быть анонсируемыми для приезжих иностранцев. Для этого необходимость создания унифицированных источников ознакомления/получения/пополнения информации представляется крайне значимой. В результате проведенного исследования «социокультурная адаптация» может быть определена как процесс гармоничного вхождения индивида в поле социальных, культурных, академических практик, сопровождающийся активным применением имеющихся ресурсов с целью наращивания, использования, трансляции социального, символического, интеллектуального капиталов для достижения успешного функционирования адаптанта в условиях новой среды. Итогом адаптации будем считать «социальную адаптированность» – как результат успешного прохождения адаптационного процесса, связанного с разрешением адаптационных трудностей, посредством эффективного использования ресурсов. В качестве итога работы отметим, что, в целом, внимание многих ребят при ответе на вопросы было сфокусировано, преимущественно, на академической сфере жизни за границей, в возможность укрепления социальных связей именно в рамках учебного процесса (как со студентами, так и с преподавателями) стало для них ценной возможностью наращивания социального капитала. Интенсивность взаимодействия европейских и не-европейских (русских, азиатских, ближневосточных) студентов крайне различна. Наибольшую степень

интеграции в немецкое сообщество показали студенты из Европы, тогда как для русских, восточноевропейских, азиатских и ближневосточных визитеров процесс вхождения в новую среду был связан со сложностями, прежде всего, культурного и ценностного характера. Представители этих стран больше проявляли «групповую» идентичность, взаимодействуя, преимущественно, в среде «своих», тогда как для европейских студентов процесс включения в новое социальное и коммуникативное пространство был сопряжен с личными и эмоциональными аспектами, а не с культурными и символическими атрибутами среды. Для всех респондентов ближайшее окружение (сверстники) и кураторы программ стали основным источником помощи в решении проблемных ситуаций, как и на этапе первичной адаптации. Для большинства респондентов на втором и третьем этапах исследования (в отличие от этапа первичной адаптации) наиболее проблемной оказалась «целевая» сфера активности – академическая; языковые барьеры были также отмечены как один из факторов затрудненной адаптации. Уровень языковой компетентности (владение иностранным языком), по оценкам большинства респондентов, повысился: мотивационная компонента обучения играет для них решающую роль не только в изучении языка, но и в организации своего обучения. Фактор самостоятельности и стремление к расширению спектра социальных контактов для многих респондентов (европейцев, в частности) послужил стимулом к активному включению в коммуникативную, социокультурную среду принимающего общества. Респонденты указывают, что культура принимающего общества является ценной частью его жизни именно с точки зрения особого образа и ритма жизни, отношения ко времени и организации своего досуга и работы – уходя от общих качеств, присущих немецкому обществу, в целом, и указывая на черты/свойства личности отдельных его представителей, с которыми им удалось наладить контакты. Традиционность и нормы жизни Германии для многих студентов оказались связаны с особым отношением немцев к своей жизни и жизни своей семьи; при этом, четкая разграниченность жизненных «зон» была признана респондентами ценным свойством и важной частью ментальности немецкого народа. В целом, действие административных структур (в частности, Международного Отдела и отделов по работе со студентами) оказалось для студентов менее привлекательным и полезным, чем взаимодействие с коллегами и наставниками. Ценность межличностных отношений для многих ребят была связана с особенностями их культуры и социального окружения на родине.

Для одних это послужило стимулом к сплочению с европейским сообществом, для других – с представителями своей культуры. При этом все участники выразили искренний интерес и надежду на возможность успешной адаптации и включение в полноценную жизнь в Германии. Опыт эффективной работы Международного отдела с иностранными студентами является залогом привлекательности российского образования и повышения его конкурентоспособности на международной арене, а также способствует расширению и углублению научного сотрудничества, формированию устойчивых партнерских связей в академической среде.

«ПРИМОРДИАЛЬНЫЙ КОНСТРУКТИВИЗМ» ТЕОРЕТИКО – МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНОС.

Тезич М. (Анкара, Турция)

Предметом данной работы является исследование характера этноса, с одной стороны, как примордиального явления, а с другой стороны делается попытка его анализа как конструируемого феномена в рамках концептуального рассуждения о примордиальном конструктивизме, который рассматривает процессы формирования примордиального представления на основе субъективного восприятия. Принимая во внимание основы сравнительного анализа западного подхода к проблеме ethnicity с российским подходом можно сформулировать некоторые выводы. В рамках конструктивизма Ф. Барт представляет «ethnicity» как когнитивный феномен, который является результатом демаркации, складывающейся в результате взаимоотношения с другими группами. Основным критерием формирования этнической границы выступают самокатегоризация и категоризация других, в изменяющейся социальной обстановке [6]. В российской науке для исследования феномена этнического взаимодействия используется термин «этничность». По В. Тишкову – этничность является формой социальной организации культурных различий. Здесь понятия «вера» и «культура» переплетаются в рамках «наша культура». То есть без веры, культура не играет отличительной роли [4, с.99]. В связи с этим, нужно анализировать концепты этнического самосознания, с которым этнос приобретает свою сущность, учитывая важность влияния веры. В российской науке, феномен «этнос и этническое

самосознание» представлен работами Ю.В. Бромля, Н.Н. Чебоксаровой, В.И. Козлова и др и рассматривается как устойчивая совокупность людей, обладающих общими, относительно стабильными особенностями. В рамках этого определения основное внимание уделяется вопросам объективных признаков этноса и формирования сущности этнического самосознания как явление вторичное, но имеющее решающие функции [1, с.16-27]. Сформировалось два противоположных подхода к проблеме формирования этнического самосознания. С одной стороны, этническое самосознание предстает как феномен, который отражает ряд объективных признаков этнической общности, с другой стороны, этническое самосознание кристаллизуется в результате субъективного мышления [2,с.13-23]. На основе двух противоположных направлений в проблеме формирования этнического самосознания мы вводим концепт «примордиальный конструктивизм» [3], который, учитывая интерактивность этих двух противоречивых этапов формирования сознания, акцентирует внимание на субъективных аспектах и их реформирование в объективное представление. Несмотря на то, что ядром примордиального конструктивизма является рассмотрение процессов кристаллизации субъективного мышления и формирования самоидентификации, в фокус его внимания попадают также факторы, влияющие на эти процессы. Во-первых, основой примордиального конструктивизма является анализ социального действия. В процессе исторического развития общества на каждом его этапе возникают новые формы социальных действий, оказывающие влияние на субъективное мышление, что в свою очередь ведет к изменениям в социальном восприятии и идентификации. Мы рассматриваем следующие формы социального действия: иммиграции, катастрофы, оккупация (колонии управления), открытия, производство, изменение формы торговли и торговых отношений и т. д. В результате социальных действий в обществе появляются новые политические структуры, изменяется юридический статус, возникают новые интересы, социальные группы, социальные конфликты и т. д. В рамках изменяющегося социального окружения, с целью выживания формируются новые социальные группы, объединенные представлением коллективной судьбы и общей идентификацией, через которые люди приобретают «самосознание». Это первичный этап самосознания. Самосознание является необходимым предусловием примордиального конструктивизма. На этом уровне, основная структура субъективного

мышления начинает формироваться в рамках социального действия. Проблема кристаллизации субъективного мышления вводит другое необходимое предусловие примордиального конструктивизма – формирование примордиального представления. Во-вторых, согласно примордиальному конструктивизму, следующим этапом является формирование «примордиального представления». Параллельно с переформированием социальной структуры возникают новые социальные условия и социальные нормы, образующие основу формирования социальных символов и традиций, которые после многочисленных повторов получают признание общества и воплощаются в социальных институтах. Новые поколения, родившиеся в этом социальном окружении, завершают свою социализацию в рамках новых социальных символов. Таким образом, в процессе социализации у личности формируется врожденное представление идентичности с новыми социальными символами, которые пробуждают врожденное (примордиальное) представление (ощущение «мы»). Таким образом, люди, родившиеся в новых традициях, будут отличаться от предыдущих поколений этими приобретёнными традициями, врожденным представлением. В итоге, общество не только приобретает новую структуру и новые социальные институты, но также в результате социализации укореняется сознание группового единства, сопровождающие образование основы другого необходимого предусловия примордиального конструктивизма «увеличенного самосознания». Согласно примордиальному конструктивизму, ядром этноса является самосознание. Самосознание (возрождение старых представлений в новых формах или формирование новых значений) как явление возникает в результате кристаллизации субъективного мышления на основе объективных фактов и укореняющегося в результате социализации. Иными словами, можно утверждать, что, создавая свою объективную реальность, социальное действие оказывает влияние на формирование группового самосознания. Так, благодаря созданию самосознания, группа устанавливает отношения с имеющимися социальными маркерами в рамках «наши». То есть, социальные маркеры принимают этническую форму в процессе осознания групповой принадлежности. Необходимым условием закрепления группового самосознания является институционализация объективной реальности, которая постоянно возрождается в новых поколениях и передает новым поколениям врожденное представление. В то время как внутренняя гомогенизация увеличивается благодаря

социальным символам и традициям, которые воздействуют на формирование ощущения группового единства, взаимодействие между группами также усиливает групповое самосознание. До этого момента мы рассуждали о проблеме формирования группового сознания. Хотя все эти процессы объясняют формирование группового сознания, они недостаточны для образования этноса. Самым последним необходимым предусловием примордиального конструктивизма является процесс слияния группового сознания с этнонимом (создается новый этноним или старый этноним приобретает новые значения). Можно заключить, что самым важным элементом этноса является самоидентификация, которая позволяет одной группе, имеющей свои особенности, отличаться от других. Без этнической самоидентификации группа не может принять форму этноса, она останется субкультурой. В итоге этого теоретического рассуждения, можно заключить, что этнос является конструируемым явлением на основе примордиального мнения. Он принимает свою форму в результате естественных процессов или может искусственно формироваться.

Литература

1. Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии. М.: «Наука», 1981.
2. Колпаков Е.М. Этнос и этничность// ЭО. –М., 1995. № 5.
3. Тезич М.Дж. «примордиальный конструктивизм» как теоретико-методологическая основа исследования этнической идентичности// Социологическая методология- от теории к практике сборник научных статей по итогам II ежегодной социологической школы. Под ред. Бороноева А.О. –Спб, 2012. (в печати)
4. Тишков В.А. Реквем по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. –М.: Наука, 2003.
5. Appadurai A. 'Disjuncture and Differences in the Global Cultural Economy'. Modernity at Large Cultural Dimensions of Globalization. University of Minnesota Press., 2003.
6. Barth, F. Ethnic groups and boundaries the social organization of culture difference. Boston: Little Brown., 1969.
7. Banks M. Ethnicity: Anthropological Constructions. Routledge., 1996.

ВЕЛОТУРИЗМ КАК ФАКТОР РЕКОНФИГУРАЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА САНКТ- ПЕТЕРБУРГА

Туризм как особый род досуговой деятельности принято считать одним из важнейших факторов как социально-экономического, так и социокультурного развития. Вместе с тем, международный туризм зачастую выступает в качестве агента закрепления неравенства, существующего в пределах миросистемы, и тем самым способствует росту экономических, экологических и культурных рисков. Однако между туризмом как индустрией и туризмом как практикой необходимо проводить определенные различия, особенно учитывая, что в последнее время мы можем наблюдать рост популярности так называемого «дикого», а также экологического или поддерживающего туризма. Данные туристские практики отличает отказ от традиционных услуг, предлагаемых индустрией туризма, и стремление либо к новым моделям взаимодействия с принимающей стороной (в случае поддерживающего туризма), либо к самостоятельному их конструированию. В последнем случае особенно важным является рассмотрение внутреннего, локального туризма. Понятие «туризм» имеет множество определений, но даже будучи рассмотрено с противоположных точек зрения – с одной стороны как «профанная», а с другой – как сакральная практика, – оно остается неразрывно связано с идеей различения. Так, туризм может пониматься как ритуальная практика религиозного рода или феномен массовой культуры, но в обоих случаях, по словам Дж. Урри, туристское созерцание конструируется через различие [1, 124]. Таким образом, туристские практики исторически и культурно обусловлены, но они всегда являются отражением процессов, характеризующих современное им общество. В связи с этим, рост популярности самостоятельно конструируемого туризма не случаен – он явно является ответом на вызовы виртуализации, стандартизации, акселерации и других процессов, которые Т.Х. Эриксен называет в числе ключевых оснований, по которым может быть охарактеризована глобализация как неотъемлемая часть современности [2]. В качестве примера локально ориентированного туризма, характеризующегося самостоятельным конструированием, нами был рассмотрен велотуризм, активно развивающийся в Санкт-Петербурге в последние годы. В качестве гипотезы было выдвинуто предположение о том, что велотуризм как туристская практика, конструируемая в условиях отсутствия велоинфраструктуры,

обладает большим потенциалом по переосмыслению и освоению имеющегося пространства на новых позициях. Объектом исследования выступали велообъединения Санкт-Петербурга (понимаемые как устойчивые группы, сформированные на основе общего интереса (к досуговому использованию велосипеда), подкрепляемого регулярным взаимодействием в процессе совместной досуговой деятельности). Предметом исследования стали велопрактики (досуговое использование велосипеда в рамках велообъединений) и их сопряженность с иными видами социальных и культурных практик. Исследование велотуризма представлялось актуальным с двух точек зрения: Во-первых, изучаемые группы и осуществляемые ими досуговые практики представляют собой основу для формирования сообщества по интересам, приобретающего форму сетевого единства. Процесс формирования социальных сетей в контексте социокультурной динамики современного мира представляет собой один из самых важных аспектов развития современного общества. Именно подобные сообщества «профессионалов», объединенные устойчивым взаимодействием в сфере своих интересов, задают динамику инновационных процессов. Во-вторых, изучение данной темы актуально и с чисто прикладной точки зрения – в связи с разработкой проекта по развитию велоинфраструктуры, реализуемой в настоящий момент администрацией города. Успех и эффективность этого проекта во многом зависят от учета опыта инициативных сообществ города, чьи участники конструируют аналог отсутствующей велоинфраструктуры в процессе своих досуговых практик. В ходе исследования были выделены следующие характеристики велотуризма как досуга, имеющего туристскую специфику и осуществляемого в городской среде Санкт-Петербурга и его пригородов. 1) Открытость (это характерно как для велообъединений, доступ в которые открыт для любого заинтересованного, так и для пространства города, с которым велообъединения взаимодействуют на различных основаниях (это участие в городских мероприятиях, организация новых веломаршрутов, пешие прогулки, посещения музеев, выставок, кинотеатров и т.д.) 2) Гибкость, выражающаяся в отсутствии заданных велодорожками маршрутов и четкой формулировки ПДД относительно велосипедистов. Это предполагает большую рефлексивность велосипедистов на дороге, «лиминальность» их положения как обладателей двойного статуса (имеющих возможность передвигаться как по проезжей части, так и по

тротуару). Гибкость способствует: - установлению более плотной коммуникации в городском пространстве, - демонстрации альтернативных моделей освоения городского пространства, - плюрализации и формированию большей терпимости к различиям. 3) Многообразие, характеризующее цели и формы практик, реализуемых велообъединениями: - познавательные (велопоходы, имеющие целью посещение уникального объекта, имеющего природное или историко-культурологическое значение) - спортивные (пробеги, марафоны, длительные велопоходы) - досуговые (выезды на природу с целью отдыха, включающего подвижные игры, организацию лагеря, т.е. туристские практики) На основании данных характеристик были сделаны следующие выводы: Во-первых, велопрактики отличаются плотная встроенность в пространство (как физическое – осуществление практики в любых погодных условиях, подчинение ландшафту; так и культурно-историческое – внимание к объектам разного уровня, посещение значимых для Петербурга мест и объектов, память о ключевых для петербургской идентичности исторических событиях). Во-вторых, велопрактики отличаются многообразием, выражающееся в разной целевой направленности мероприятий в рамках велообъединения (равное внимание к парадным достопримечательностям и маргинальным объектам, использование разного транспорта и его комбинаций) и мотивационных характеристиках его участников (ориентация на спортивные достижения, тренировку сил, посещение памятников природы и культуры, общение). В-третьих, велопрактики характеризуются плотно межличностное взаимодействие, включающее в себя как связи внутри велообъединения, так и связи с широким кругом лиц вне него (членами смежных досуговых групп, местными жителями, случайными встречными, участниками посещаемых мероприятий). Это позволяет говорить о том, что отсутствие велоинфраструктуры, групповая форма организации велопрактик и специфика велосипеда как транспортного средства способствуют формированию велотуризма как особого способа освоения и конструирования городского пространства. Это, в свою очередь, позволяет рассматривать его в качестве фактора реконфигурации социокультурного пространства Санкт-Петербурга.

Литература

1. Черняева Т.И. Туристическое потребление: стандартизация впечатлений// Журнал социологии и социальной антропологии. Том XII. №3. 2009

2. Eriksen T.H. Globalization: The Key Concepts. – Oxford, New York: Berg, 2007

СОЦИАЛЬНЫЕ МЕДИА КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Ханхунова М.Ю., Чойропов Ц.Ц. (Улан-Удэ)

Сегодняшние средства массовой информации представляют собой результат прогресса информационно-коммуникационных технологий. Традиционные СМИ находятся в состоянии, который Е.Л. Варганова называет дигитализацией или цифровизацией, – это процесс перехода средств массовой информации в цифровой (электронный) формат [7]. В результате этого процесса Интернет становится особым информационным коммуникационным пространством, в котором медиапродукты благодаря цифровому формату способны преодолеть традиционные «ограничения» СМИ. Медиапродукт напрямую выходит к своей аудитории, распространяется автоматически благодаря цифровым технологиям – собственным сайтам, «живым» журналам, блогам, страничкам в социальных сетях, задействуя сразу несколько из перечисленных инструментов. В итоге, можно говорить о существовании новых медиа, под которыми мы понимаем совокупность социальных медиа, использующих технологии Web 2.0, позволяющих создавать и обмениваться контентом (от англ. content – содержание), апеллирующим к чувству принадлежности к определенным сообществам или группам по интересам. Для таких медиа отсутствуют понятия времени и редакции. Если ранее, чтобы опубликовать какой-либо материал, необходимо было потратить время на подготовку, печатание материалов, то сейчас рамки времени значительно сократились, материал становится актуальным здесь и сейчас; редакция для социальных медиа также не столь важна, т.е. контент становится продуктом, коллективно создаваемым: пользователи могут делиться своими мнениями, опытом, знаниями, новостями, фотографиями, видео- аудиозаписями и ссылками, формируя вокруг себя интерактивный культурный интерфейс. Основные конкурентные преимущества социальных медиа – это доступность информации, минимизация персонального пространства, отсутствие пространственных ограничений, оперативность и мобильность [4]. Если вспомнить, с чего началась эра социальных медиа, то можно взять за основу появление в конце 70-х электронных

досок объявлений. После появились интерактивные информационные сервисы – CompuServe (система, предоставляющая спектр услуг, в том числе доступ к информационной базе Службы внутренних доходов США – Авт.) и Prodigy (он-лайн программа, предлагающая абонентам доступ к новостям, играм, опросам, услугам магазинов, промо-акциям и др. – Авт.), а затем более известные – ICQ (централизованная служба мгновенного обмена сообщениями в Интернете – Авт.), Internet Relay Chat (IRC – сервис, созданный для группового общения в режиме реального времени через личные сообщения и обмен данными, в т.ч. файлами – Авт.). Сайты знакомств стали первыми социальными сетями, они позволили создавать персональные учетные записи с юзерпиками (от англ. «user picture» – «картинка пользователя» – графическое представление пользователя), впоследствии – аватаркой или аватарой (от англ. «avatar» – олицетворение, видеообраз). В 1999 году был запущен сервис LiveJournal (сервис, предоставляющий возможность создания персонального и коллективного блога-дневника, комментирования чужих записей – Авт.). Используя иной подход, чем предыдущие программы, этот сервис позволил постоянно обновлять информацию и предоставил возможность обратной связи. Однако наибольшую популярность социальные сети завоевали тогда, когда появились сервисы: MySpace, LinkedIn, Twitter и Facebook и его русскоязычный аналог «ВКонтакте». Эти социальные сети предоставили аудитории удобный интерфейс: возможность создания профиля с персональной информацией, производства и распространения своего контента, управления настройками доступа, возможностями интерактивного общения (приватно и публично – Авт.) и отслеживания обратной связи. Пользователь может писать новые сообщения, а также комментировать уже опубликованные сообщения, дополняя фотографиями, аудио- и видеозаписями, опросами и т.д. Таким образом, можно говорить о том, что социальные сети, выступают особым социальным пространством [5], той сферой, где трансформируются традиционные формы социализации и социальных отношений, т.е. в сетях пользователь может быть таким, каким он хочет быть, но не является на самом деле. Доступность интернета для городской молодежи привела к максимальной доступности и прозрачности информации. Молодые люди значительную часть своего свободного времени, а зачастую и рабочего, проводят в Интернете, в частности в социальных сетях: общаются, развлекаются (слушают музыку и смотрят фильмы, ролики и фотографии, делятся новостями и т.п.), организуют свой

досуг и т.д. Рассматриваемые нами медиа представляют интерес именно для молодежи: в виртуальном мире всегда легче познакомиться и выдать желаемое за действительное. Социальные сети играют огромную роль в процессе социализации молодого человека, когда происходит формирование основных ценностных ориентаций, социальных норм и идентификации т.д. Идентификация как один из механизмов социализации личности тесно связана с социальными институтами – семьей, системой образования. В обществе современном и информационном роль этих институтов нивелируется, более значимыми факторами социализации молодежи начинают становиться такие инструменты коммуникации, как социальные медиа. Если говорить о процессе идентификации в социальных медиа, то необходимо упомянуть таких исследователей, как Д.В. Иванов, А. Бюль и М. Пэту, А. Кронкер и М. Вэйнштейн, посвятивших свои работы изучению феномена компьютеризации. Д.Ц. Бороноева исследует образ бурятской молодежи, ее интересы, ценностные ориентации, этническую самоидентификацию по материалам сайта бурятского народа – buriatia.org.ru. Виртуальное общение на сайте есть, по мнению Д.Ц. Бороноевой, поток символов и знаков, отражающий процесс создания образа бурятской молодежи [6]. Н. Спивак говорит о социальном хаосе СМИ, о массовой информационной перегрузке [3] – это взрыв активности в социальных сетях, где сотни или тысячи друзей в режиме реального времени делятся бесконечным количеством информации. Поэтому следующие несколько лет наша жизнь будет становиться все более фрагментированной. За этот процесс отвечают одновременно и социальные сети и сами пользователи. К негативным эффектам социальных медиа можно отнести процесс изменения самосознания вследствие использования компьютерных технологий, т.е. киберсоциализацию, в результате которой у пользователя возникает целый ряд новых ожиданий и интересов, мотивов и целей, потребностей и установок, а также форм психологической и социальной активности [7]. Обозначенные проблемы влияния социальных медиа на социализацию и формирование идентичности молодежи являются факторами научного интереса и целесообразности предпринятого нами комплексного социологического исследования с целью определения степени влияния виртуального информационно-коммуникационного пространства на процесс формирования этнической идентичности. Объектом анкетного опроса являются молодые люди в возрасте от 14-30 лет (включительно) [9]. Предмет исследования – социальные

сети как инструмент формирования этнической идентичности. Задачи исследования: Определить степень влияния Интернета и социальных сетей на молодежь посредством анализа частоты и длительности, а также целей пребывания молодежи в социальных сетях; Выделить основные направления этнической идентичности молодежи; Выявить факторы воздействия социальных медиа на формирование этнической идентичности. Гипотезы исследования: Интернет для большинства молодежи до 30 лет является основным доступным источником получения информации, общения и развлечений, а также инструментом формирования мнения по важным вопросам и проблемам – политическим, экономическим, философским, социальным и т.д. Под воздействием увиденного и прочитанного в виртуальном пространстве формируется своя воображаемая реальность [7], переносимая в реальный мир. Социальные сети представляют для молодежи до 30 лет основной и доступный инструмент формирования мнения и принятия решений. Во-первых, это объясняется тем, что молодежь представляет самую мобильную и активную категорию населения, быстро воспринимающую все технические новинки. Для них социальные медиа преобладают в ответе на вопрос, где получить информации. Во-вторых, социальные медиа выполняют функцию социального присутствия и «самопрезентации», что способствует самораскрытию молодых людей, т.е. одобрение сверстниками более значимо, чем одобрение некого, часто отстраненного, общества [6]. Основным инструментом исследования является анкета из 23 вопросов. В анкетном опросе в соответствующих пропорциях по критерию возраста и пола принял участие 621 человек (30,5 % мужчин и 69,4 % женщин) с различными формами занятости (школьники, учащиеся средних специальных учебных заведений, учащиеся вузов, работающая молодежь и т.д.). Выборка, использованная в исследовании, – простая случайная, где каждый представитель совокупности имеет одинаковую неизвестную вероятность быть выбранным. Простая случайная выборка – наиболее верный способ достижения репрезентативности выборки [6]. Многоступенчатость выборки оправдывается тем, что факторы этнической идентификации молодежи зависят от таких элементов, как уровень образования, возраст и пол. Подобные критерии выборки позволили в полной мере сделать выводы об отношении молодежи к социальным сетям и их влиянии на процесс идентификации. Для достижения репрезентативности полученных результатов объект исследования был разделен на четыре группы: молодые люди (до 18 лет включительно), учащаяся молодежь (от 19 до 21 года),

работающая молодежь (от 22 до 25 лет и от 26 до 30 лет) (рисунок 1). Рис. 1 – Процентное соотношение респондентов по возрастному признаку. Анализ результатов анкетного опроса показал, что на сегодняшний день глобальная сеть Интернет занимает значительное место в жизни современной молодежи. Полученные в ходе исследования данные демонстрируют, что Интернет помогает организовать свободное время для 32 % опрошенных: они проводят время в социальных сетях более 4 часов. 43% респондентов указали, что находятся в сети от 1 до 3 часов, что также считается высоким показателем; 16 % заходят в социальные сети менее чем на час; четыре раза в неделю в социальных сетях проводят 4 % и 1 – 2 раза в неделю – 3% (рисунок 2). Рис. 2 – Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как часто вы бываете в социальных сетях («Одноклассники», Facebook, «ВКонтакте», Mail.ru и др.)?» Для всестороннего понимания изучаемого предмета было установлено соотношение времени, проводимого в Интернете, с возрастными категориями респондентов. Из диаграммы, помещенной на рисунке 3, видно, что наиболее активны в Интернете молодые люди в возрасте от 22 до 25 лет. 20,8 % респондентов этой возрастной категории проводят в сети от 1 до 3 часов ежедневно. Они же лидируют и среди тех, кто проводит в социальных медиа более 4 часов, – 15,4%. На втором месте – молодые люди возрастной категории от 19 до 21 года: 10,9% пребывают в сети от 1 до 3 часов, 7,8 % – более 4 часов. Рис. 3 – Распределение ответов респондентов на вопрос: «Сколько времени вы проводите в социальных сетях?» в зависимости от возрастной категории. Согласно результатам исследования, 49% женщин проводят в сети от 1 до 3 часов, более 4 часов – 24%, на третьем месте – позиция «менее часа»: столько времени проводят в сетях 10,4% представительниц женского пола. Среди опрошенных мужчин 46% проводят в Интернете от 1 до 3 часов, 8,7% – более 4 часов, менее одного часа – 5,9%. Рис. 4 – Распределение ответов респондентов на вопрос: «Сколько времени вы проводите в социальных сетях?» в зависимости от принадлежности к полу. Для сравнения: американцы проводят в Интернете ежемесячно 32 часа. Как видно из диаграммы на рисунке 5 больше времени в Интернете проводят люди в возрасте от 45 до 54 лет, в среднем они тратят 39 часов. Молодые люди в возрасте 18-24 лет – 32 часа, 25-34 лет – 35 часов. Ежедневно средний американец тратит примерно 13 часов (или два часа в день), используя интернет как телевизор в автономном режиме. Всего в опросе участвовало 30 тыс. человек [2]. Рис. 5 – Среднее время нахождения в Интернете в США (Источник:

comScore Media Metrix, Average Jan. 2010 – Dec. 2010) [2]. Значительное число молодых людей в сети ничего серьезного не обсуждают, а общаются с друзьями – 57 % опрошенных; тему отношений между людьми обсуждают 14% респондентов; на третьем месте по популярности обсуждаемых тем – проблемы культуры, языка и этноса, религии – 8,7%, вопросами политики и экономики интересуются 5 % респондентов; образования и науки – 4%; для развлечения социальные сети используют 7% (рисунок 6). Рис. 6 – Распределение ответов на вопрос: «Какие темы Вы чаще обсуждаете при общении в социальных сетях?» Молодые люди ищут в социальных сетях развлечения – 33,3% респондентов, общения и новых знакомств – 29,3 %; с целью общения по интересам в группах и сообществах в социальные сети заходят 26,8%; используют их для самовыражения – 5,9%, для поиска новых возможностей и работы – 6,8 %, другие цели, в том числе троллинг, преследуют 11 % (рисунок 7). Рис. 7 – Распределение ответов опрошенных на вопрос: «С какой целью Вы посещаете социальные сети?». Таким образом, Интернет играет значительную роль в повседневной реальности молодого человека, прежде всего для удовлетворения потребности в общении и развлечении. При этом 26,8% молодых людей внедрены в разнообразные сообщества и группы по интересам. 5,9% от всего количества опрошенных называют Интернет средством для самовыражения, скорее всего, в авторских блогах, дневниках, заметках и т.п. Проблемы культуры, языка и этноса, вопросы религии интересуют незначительную часть опрошенных, а именно, 8,7%, тем не менее, это достаточные, по нашему мнению, свидетельства интереса и внутренней готовности молодежи обсуждать данные темы в таких многочисленных сообществах, как социальные сети. Самой популярной по посещаемости социальной сетью среди опрошенных является социальная сеть «ВКонтакте», в ней зарегистрированы все опрошенные респонденты. Всего этот сервис объединяет более 35 миллионов человек [8] и доступен более чем на 50 языках. Если ранее его разработчики позиционировали ресурс как социальную сеть только для студентов и выпускников российских вузов, то позднее сайт стал «современным, быстрым и эстетичным способом общения в сети» [8]. «ВКонтакте» насчитывается 1520 сообществ и групп, посвященных Республике Бурятия и народам, в ней проживающим. Самые многочисленные группы: «Буряты всех стран, объединяйтесь!» (16970 участников), «Я бурят(ка) и я этим горжусь!» (8130 человек), «Бурятия ВКонтакте» (4928 человек), «Самые-самые буряты» (4105 участников), «Клуб всем сердцем любящих Бурятию,

Байкал, Улан-Удэ» (2310 участников) и др. Материалов, связанных с Бурятией – 5057 видеозаписей, более 500 аудиозаписей. Очевидно, что социальные медиа можно рассматривать в качестве одного из самых перспективных инструментов формирования этнической идентичности. Однако не стоит забывать о фильтрации поступающей информации и этическом корпусе таких инструментов. Исследование выявило, что по признаку этнической принадлежности молодые люди относят себя к разным группам. Мужчины Родиной считают «деревню/город, где родился/вырос» – 43% опрошенных, 21,7% называют Родиной «родную землю моего народа», 17,8 – Россию. 24,1% опрошенных женщин Родиной считают Россию, 22,4% – «деревню/город, где родился/вырос», 13,3% – «родную землю моего народа». Рис. 8 – Распределение ответов на вопрос: «Какое место вы считаете в первую очередь своей Родиной?» Гражданами России себя идентифицируют 42,1% женщин и 40,2% мужчин; «в равной степени гражданином России и человеком своего народа» называют себя 25,6% мужчин и 24,1% женщин. Жителями республики считают себя 13,5% женщин и 11,1% мужчин. Рис. 9 – Распределение ответов на вопрос: «Кем бы Вы назвали себя в первую очередь?» В рамках исследования было выявлено, что 54,2% опрошенных считают, что информация, полученная из социальных сетей, оказывает незначительное влияние на их жизненную позицию; 36,9% респондентов указали, что «Интернет может повлиять на мнение по незначительным вопросам», для 8,7% опрошенных информация в Интернете оказывает значительное влияние и полностью формирует их жизненные установки. Рис. 10 – Распределение ответов респондентов о влиянии интернета на формирование мнения. В жизни современного молодого человека Интернет занимает важное место. Большинство респондентов Интернет воспринимается скорее как развлекательный, информационный ресурс, не влияющий на принятие решений: играть в видеоигры, слушать музыку, смотреть концерты и фильмы – все это стало доступно благодаря Интернету. Скорее молодежь ведет пассивный образ жизни за компьютером, процент тех, кто формирует свое мнение посредством интернета, составляет не более 9%. В отличие от традиционных СМИ Интернет позволяет молодежи ощущать себя частью глобального медийного пространства – это, на наш взгляд, первичная идентификация молодого интернет-пользователя, а не только жителем исключительно своего региона, страны. Однако значительная часть опрошенных используют социальные сети для общения в сообществах по интересам, ведь

распространены различные страницы, сайты и сообщества и форумы, где молодые люди высказывают свое мнение по поводу различных проблем, касающихся науки, культуры, политики, состояния языка и этноса. Такие темы интересуют 22,1% опрошенных. Таким образом, мы говорим о том, что этническая или региональная идентичность формируется не под воздействием Интернета, социальных сетей, а организованных в них сообществ. Данные нашего исследования – почти 30% респондентов, включенных в различные сообщества, и более 1,5 тыс. групп с маркерами «Бурятия», «буряты» – могут служить подтверждением этого вывода. Социальные медиа – это набор он-лайн технологий, позволяющих пользователю или зрителю самостоятельно формировать свое коммуникационное пространство и свою реальность, которая может весьма отличаться от действительной. Потому, говорим мы, интернет-воздействие на формирование этнической идентичности в настоящее время носит стихийный, спорадический характер. Социальные медиа создают эффект социальной эйфории, в том числе и этнической, что означает конструирование максимально комфортной для пользователя реальности. И основная проблема, стоящая перед нами сегодня, – это фильтрация поступающей информации из различных источников и создание этического корпуса социальных медиа, поскольку социальная эйфория, особенно по признаку этнической принадлежности, имеет способность переходить в состоянии «социальной агрессии». Другой негативный момент заключается в том, что возникновение информационной избыточности влечет за собой психологическую зависимость от Интернета и рост социальной апатии [7]. В нашем случае социальная апатия может означать утрату этнической идентичности и последующую социальную дезориентацию. Однако будущее социальных медиа в качестве эффективного инструмента идентификации, в том числе этнической, поскольку, будучи масштабным информационным ресурсом, они предоставляют человеку своеобразный «список» возможных идентичностей, право выбора и уже готовые и разнообразные технологии самореализации.

Литература

1. Americans Now Spend As Much Time Using Internet as TV. Available online 14.12.2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mashable.com/2010/12/13/internet-tv-forrester/>
2. Average Time Spent Online per U.S. Visitor in 2010. Available online 13.01.2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<http://www.comscore.com/2011/01/average-time-spent-online-per-u-s-visitor-in-2010/>

3. Is Social Assistance the Next Frontier of Social Media Innovation? Ryan McBurney. Available online 02.08.2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.getbusymedia.com/is-social-assistance-the-next-frontier-of-social-media-innovation/>

4. Social media? Get serious! Understanding the functional building blocks of social media. Jan H. Kietzmann, Kristopher Hermkens, Ian P. McCarthy, Bruno S. Silvestre. Available online 05.02.2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0007681311000061>

5. Баткаева, Е. Роль социальных сетей в социализации молодежи // Информационно-аналитический центр «Парето» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pareto-center.ru/smi-59.html>

6. Бороноева, Д.Ц. Идентификационная практика современной бурятской молодежи в зеркале виртуальных коммуникаций // Роль молодежи в развитии мирового сообщества. – Улан-Удэ, 2004. – Ч. 1. – С. 85-87.

7. Вартанова Е.С. Раздел VI. Экономика онлайн-СМИ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://evartist.narod.ru/text11/49.htm>

8. «ВКонтакте»: описание сайта. Проверено 23 января 2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vk.com/help.php?page=about>

9. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма // Канон-Пресс Ц. – М., 2001. – 277 с.

10. Дуров, П. «ВКонтакте» миллион участников. 17 июля 2007 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vk.com/blog?nid=54>

11. Козыревская, А.В., Осипов, В.Е. Современное информационное пространство, его влияние на образование и социализацию человека // Вестник Восточно-Сибирской государственной академии образования. – Иркутск, 2010. – Вып. 12. – С. 24–30

12. Плешаков, В.А. Виртуальная социализация как современный аспект квазисоциализации личности // Проблемы педагогического образования. Сборник научных статей / Под ред. В.

**ПАМЯТЬ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП: ИНСТИТУАЛИЗАЦИЯ,
КОММЕРЦИАЛИЗАЦИЯ, ПОЛИТИЗАЦИЯ.**

Целищева В.Г. (Санкт-Петербург)

Процессы сохранения локального культурного наследия порождают множество вопросов, которые продолжают оставаться открытыми, несмотря на значительное количество научных работ, посвященных им. Что именно нужно сохранять и кто этим должен заниматься? Насколько автономными должны быть национальные автономии в вопросах культуры? Как балансировать между ассимиляцией и культурной изоляцией? Надо ли учить детей родному языку родителей, если пространство применения его в повседневной жизни сужается? Эти и другие вопросы, от ответов на которые зависит многое – от политической стабильности, до неконфликтной личностной социальной включенности, неразрывно связаны со способами, которыми приобретает, поддерживается, актуализируется этническая идентичность. Анализ этих способов, а конкретнее – исследования социальных практик сохранения и поддержания историко-культурного наследия были осуществлены в ходе экспедиций 2008 – 2011гг. на Дальний Восток и в Республику Коми. Исследовательский интерес определялся изменением роли исторического прошлого народов и социальной памяти этнических групп в современной общественной жизни, их политизация на местном, региональном, государственном и международном уровнях. Выбор в качестве объекта исследования этнографических музеев, этнокультурных центров, фольклорных коллективов и мастерских народного творчества и др., обусловлен ролью этих учреждений в конструировании и поддержании этнонациональной дифференциации. Закрепляя на институциональном уровне практики презентации национальной специфики, они создают пространства взаимодействий множественных социальных связей - связей диахронных, соединяющих исторические поколения, и синхронных - между вещами и людьми, между разными социальными группами. Фокусировка исследовательского интереса продиктована еще одной причиной, отражающей специфику современного социального мировоззрения - усилению исследовательского интереса к соотношению в обществе истории и памяти. Известный французский

ученый, Пьер Нора, в конце 20 века задал тон критическому анализу процессов перехода истории, как коллективного прошлого к актуализированной памяти, как прошлого локальных групп и индивидов. Феноменом современности, возникшим в результате демократизации общества, эмансипации национальных, социальных и пр. меньшинств, ученый считает превращение, как памяти, так и идентичности из качеств личности в качества, очерчивающие и поддерживающие группы: «Речь идет о быстром возникновении разнообразных форм памяти меньшинств, для которых отвоевание собственного прошлого является необходимой составляющей утверждения собственной идентичности» (П. Нора Всемирное торжество памяти // «Неприкосновенный запас» 2005, №2-3 (40-41), <http://magazines.russ.ru:8080/nz/2005/2/nora22.html>). История создания, развития, изменений в историческом и социокультурном контекстах, современной деятельности исследуемых учреждений культуры дает материал для понимания механизмов достижения интересов участников этнополитических процессов, создающих новые стратегии и использующих существующие ресурсы в конструировании конфигураций современного социокультурного пространства, процессов конструирования и поддержания этнонациональной идентичности, востребованности традиционных ценностей в постмодернистском обществе. Более подробно эти и другие вопросы будут рассмотрены в докладе.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО БИЗНЕСА

Чистов В.А. (Санкт-Петербург)

Среди каналов воздействия международного бизнеса в качестве катализатора социокультурных изменений существенное место, представляется, занимает теория и практика брендинга, в том числе формирование имиджа страны. На самом деле, эффективность брендингового подхода в контексте современной глобализации доказана на опыте крупных транснациональных компаний. Так, проведенные эмпирические исследования взаимосвязи между ценой акции компании (МТС, Сбербанк, Wimm-Bill-Dan, Coca-Cola, IBM, Disney) и стоимостью её бренда за период 2009-2011 гг. не оставляют сомнений о высокой степени зависимости между ними. Общеизвестно, что формирование тренда на поступательное развитие имиджа страны за рубежом включает как решение

внутриполитических и социальных проблем, так и проведение кампаний по привлечению иностранных туристов и инвесторов, что в свою очередь влечет значительные социокультурные изменения, прежде всего обусловленные созданием новой инфраструктуры. О последнем свидетельствует опыт организации и проведения в России глобальных мероприятий, в том числе в Санкт-Петербурге. Очевидно, выстраивание положительного образа России должно стать приоритетным национальным проектом. Вместе с тем формирование имиджа страны опирается на социокультурный (транскультурный) подход, разрабатываемый такими учеными, как Г. Хофстеде, Ч. Хампден-Тернер, Ф. Тромпенаарс, Л.М. Симонова и др. Подобные методики позволяют проводить социально-культурную идентификацию субъектов международного бизнеса, устанавливать пределы применимости (тем самым эффективности) зарубежных социокультурных моделей, а также мониторинг социокультурных изменений международного менеджмента. Значительную роль в этом случае имеют международные социологические исследования. Причем интерпретация полученных данных отличается парадоксальным эффектом кластеризации, или эффект конфронтации традиционных социокультурных алгоритмов с алгоритмами заимствованной извне экономической модели. С одной стороны, констатируется специфичность социокультурной идентификации субъекта, в то же время – его общность с весьма отдаленными в пространственно-временном континууме феноменами. Так, Л.М. Симонова на основе проведенных критериальных исследований российской деловой культуры делает вывод, что по своим культурным параметрам страна тяготеет к странам Латинской Америки в большей мере, нежели к тем, которые составляют западноевропейский кластер [1]. Между тем, в частности, мексиканский философ Хосе Васконселос (1882 - 1959) выражал идею собственного пути мексиканского развития, основанного на расовой и культурной гибридизации. Представляется, что анализ социокультурных изменений следует проводить с учетом конкретных групп населения страны-реципиента, у которых складывается собственный образ. Так, в одном из исследований была предложена конструктивная метафора о «трех разных Мексиках» [2]. Научный подход к брендингу представлен в работах таких исследователей, как Д. Аакер, К. Келлер, Ж.-Н. Капферер, В. Домнин, В. Перция, где формулируются разные модельные модификации создания и управления брендом. Так, на основе теории коммуникаций, включающей классическую дихотомию «стимул-

реакция», бренд рассматривается как источник товара, услуги и удовлетворения потребителей, образующий шесть граней: физические особенности и качества бренда, индивидуальность, культура, взаимоотношения, отражение у потребителя, самообраз. В конечном счете, представляется, происходит повышение социальной ответственности бизнеса. Так, компании теперь изменяют свои бизнес-модели, включая социокультурные проблемы в свои стратегии, в том числе развитие территорий и инфраструктуры. Смысл этого – создать концепцию, отражающую растущее убеждение, что получение дохода и достижение социального прогресса не являются взаимоисключающими целями. Территориальный брендинг имеет свои особенности. Так, брендинг государства – конкретный инструмент в современной геополитике, геоэкономике, экономической дипломатии [3]. От его мощности и эффективности использования в значительной мере зависит международная конкурентоспособность и перспективы национальной экономики. Стоимость бренда России по данным международной компании Brand Finance, ежегодно составляющей рейтинг 100 национальных брендов, в 2012 г. выросла на 25% (11-е место, \$1.06 трлн.). Однако этого оказалось недостаточно, чтобы опередить Индию – своего партнера по БРИКС, отличившуюся самым низким показателем роста в этой группе стран: 2.4% (\$1.25 трлн.) [4]. По оценке Brand Finance Russia, 11-е место – это очень высокая оценка для России, а заслуженный результат обусловлен хорошими экономическими показателями и успешным преодолением кризиса 2008-2009 годов. Между тем справедлива обеспокоенность тем, сможет ли Россия и дальше поддерживать набранный темп? Кроме того, психический диссонанс вносит порубежное положение с Топ10. Хотя опережение соперников, которые сами уступают позиции, отличается от соперничества с лидерами или участниками БРИКС. Так, Италия (10) – единственный представитель Топ10, потерявший 29.7% стоимости национального бренда за год, тогда как Китай (2) прибавил за год 60.6% (выше только у Польши (20) – 74%), Бразилия (8) – 46.2%, ЮАР (31) – 41.4% стоимости национального бренда. Строго говоря, с чисто математической точки зрения в данной методике не используется «поправочный коэффициент» с учетом размеров территорий или объемов добываемых природных ресурсов, где, бесспорно, у России число конкурентов ограничено. Тем более это касается социокультурных аспектов. Представляется, что ещё предстоит разработать модель роста, в которой социокультурные

изменения нашли бы место, подобно «икс-фактору эффективности», «остатку», открытых экономистами (Х. Лейбенстайн; Р. Солоу).

Литература

1. Симонова Л.М. Теория и методология кросс-культурных взаимодействий в международном предпринимательстве. А/реф. дисс...д.э.н. СПбГУЭФ.С. 25.
2. «Пути улучшения образа России в ведущих испаноязычных странах Латинской Америки (на примере <Мексика>, Венесуэлы, Чили и Аргентины)», проект N 06-03-02110а. // Имидж России в Мексике: прошлое, настоящее, будущее. - Латинская Америка. 2006. № 11.
3. <http://www.marketing.spb.ru/lib-special/regions/>
4. Brand Finance Nation Brands 100 // <http://brandirectory.com/>

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ В УСЛОВИЯХ НАУЧНО- ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ ВУЗА

Чистякова М.А. (Курск)

Сегодня во всем мире отмечается значительное возрастание роли этнических процессов в общественном сознании. Всплеск этнического самосознания в современный период унификации духовной и материальной культуры, международной интеграции означает стремление народов сохранить в новых условиях свою самобытность, ценностное отношение к традиционному языку, образу жизни. Осознание этнической принадлежности к определенному этническому обществу, поддержание этнического самосознания является актуальным как для отдельных индивидов, так и для целых народов. Проблема идентичности, самоопределения является актуальной для большинства людей. Многие нации и народности по-новому осмысливают свой исторический путь, что ведет к возрождению интереса к национальной культуре, родному языку, обычаям и традициям предком. Многие исследователи указывают на распространенное стремление народов сохранить свою самобытность, возрастание интереса к этническим корням. Интерес к своим корням у отдельных людей и целых народов проявляется в самых разных формах: от попыток реанимации старинных обычаев и обрядов, поисков «загадочной народной души» до стремления создать или восстановить свою национальную государственность.

Национальные ценности в духовной сфере — огромное интеллектуальное богатство и неисчерпаемый резерв воспроизводства общечеловеческих ценностей, культурных и нравственных традиций народов, процесса общенационального созидания. Культура сегодня существует в национальной форме самовыражения. Национальное же рождается из конкретно-исторических особенностей жизни народа, его биосоциальной сущности. Самая главная и самая привлекательная особенность национальной культуры — это ее удивительное разнообразие, самобытность и неповторимость. По результатам социологического исследования, проведенного в 2011 году на базе ЮЗГУ (г. Курск), развивая особенности своей культуры, нация избегает подражания и копирования, так 73% опрошенных не соблюдают традиции/обычаи своих народов, создает свои формы организации культурной жизни, которые она реализует в своих национальных обычаях и традициях. Среди наиболее популярных национальных праздников, обычаев и традиций респонденты отметили следующие: Масленица, Новый год, Рождество, Ивана Купалы, Свадебные обряды, Пасха. Примечателен тот факт, что данные праздники отмечали в своих ответах как представители русского этноса, так и других. Большинство ученых сходятся во мнении, что «нации» в процессе глобализации уже деформировались настолько, что говорить о классическом понятии «нация» становится все более сложно. При этом его эволюция развиваться настолько стремительно, что уже в ближайшем будущем, можно будет говорить о новом качестве людских сообществ. Трансформация «нации» в «политическую нацию» подрывает традиционную концепцию национальной идеи. Политическая нация характеризуется меньшей сплоченностью и большей степенью индивидуализма ее носителей, что выдвигает на первый план личные цели. Не удивительно, что в современных западных государствах очень популярна формула — «Богатый гражданин — богатое государство», а не наоборот, как это было раньше. Главным содержанием национальной идеи является представление о том, что каждая нация, каждый народ (этнос) должен иметь суверенное национальное государство, а также, что права нации имеют верховенство над правами личности. В современном мире, в котором большинство государств имеет полиэтнический характер, может послужить основой сепаратистских тенденций и дестабилизации общественной обстановки. Социологические исследования прошлых лет показывают, что в повседневном общении, на работе и в быту люди разных национальностей демонстрируют высокий уровень

доверия и толерантности друг к другу. Основу для совместного существования люди видят в духовности, культуре, развитии своей самобытности, а не в открытом или скрытом противостоянии. Сравнивая себя с другими членами общества по языку и культуре, человек или осознает свою общность с ними, или отличает себя от них. Этнодифференцирующие признаки почти всегда отражают некоторую объективную реальность, чаще всего элементы духовной культуры. Но отражение может быть более или менее адекватным, более или менее искаженным, даже ложным. При сопоставлении результатов контент-анализа свободных описаний нами было обнаружено, что понятие «типичный русский» пересекается в сознании современных подростков с понятиями «современный русский», «россиянин». Молодежь идентифицирует себя с этими категориями, о чем может свидетельствовать тесная связь между этими категориями и «Я». Следовательно, можно говорить об этнической и гражданской идентификации молодежи. В целом, в описаниях преобладают положительные характеристики. Так, среди личностных черт наиболее часто упоминались качества, отражающие общий стиль поведения: молодежь описывает «типичного русского» как доброго, простого, честного. По мнению респондентов, для «типичного русского» характерно: широта души, духовность, противоречивость личности. Среди черт, отражающих отношение к людям, чаще всего встречались следующие характеристики: добродушие, доброжелательность, отзывчивость, взаимопомощь и взаимовыручка, душевность, сердечность. Достаточно много опрошенных оценивают «типичного русского» как умного, смекалистого. Например, среди черт, отражающих социально-демографические характеристики, чаще всего встречались: высказывания, касающиеся материального положения «типичного русского». Опрошенные, как правило, описывали его как «материально необеспеченного», «бедного». Среди черт, отражающих отношение к труду, также присутствуют как положительные, так и отрицательные характеристики. Так, опрошенные называют «типичного русского» трудолюбивым и работающим и отмечают лень как одну из характеристик. Еще одна часто отмечаемая негативная социальная характеристика – пьянство, злоупотребление алкоголем. Описание внешности «типичного русского» довольно узко. Респонденты пользуются определением «красивый» для обозначения этой категории. Отметим, что описание представителя своего этноса значимо не отличается от описания представителя «чужого», что может говорить о размытии границы

«Мы – Они». Для миллионов людей этническая идентичность - это само собой разумеющаяся данность, не подлежащая рефлексии, через которую они себя осознают и благодаря которой могут ответить сами себе «Кто я и с кем я?». В результате чего данный образ наполняется не только позитивными, но и негативными чертами. Следует отметить, что в описаниях указывались наряду с позитивными и негативные черты. В целом, мы можем зафиксировать позитивную групповую этническую самооценку, что в определенной степени является основой для этнической толерантности.

Литература

1. Гусейнов А.А. Философия, мораль, политика. М. 2002
2. Гусейнов А.А. Моральная демонология как форма апологии насилия// Вопросы философии. 1995 №5
3. Шахназаров Г.Х. Откровение и заблуждения теории цивилизации. М. 2003

ВЛИЯНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ТУРИЗМА НА РАЗВИТИЕ ПРИБАЙКАЛЬЯ

Чувашова М.Н., Манханова С.В. (Иркутск)

Иркутская область обладает значительным природно-ресурсным потенциалом, позволяющим создавать благоприятную обстановку для развития рекреации. В настоящее время туризм признан одним из приоритетных направлений в экономики развития региона. Этому способствует богатая флора и фауна оз. Байкал, а также прилегающие к нему территории. Прибайкалье занимает обширную часть Иркутской области. Остров Ольхон является визитной карточкой озера, постоянные ветры сделали его солнечным местом, солнце здесь сияет, как и на Чёрном море по 2200-2400 часов в год. Природа акватории имеет множество эндемиков, памятников истории. Комитет всемирного наследия Юнеско признал озеро Байкал объектом всемирного природного наследия в 1996 г. Байкал ежегодно посещает около 300 тыс. человек, въездной туризм представлен туристами из Германии, Нидерландов, Бельгии, Австрии, Кореи, Польши, Франции, Японии, которые в основном предпочитают посетить о. Ольхон. Международный туризм оказывает огромное влияние на формирование культурного ландшафта. С увеличением количества туристов на побережье строятся гостиничные комплексы, особенно активно в Слюдянском

районе, Ольхонском районе и в п. Листвянка (30 км от г. Иркутска). Это имеет, как позитивные, так и негативные стороны. Позитивной является увеличение рабочих мест, приток инвестиций, имидж Иркутской области; негативной - экологическая нагрузка, уничтожение эндемиков, памятников культуры. На 31-ой сессии Комитета Всемирного наследия ЮНЕСКО, прошедшей в начале июля этого года в Новой Зеландии при рассмотрении проблем Байкала, говорили о возможном изменении его статуса с «всемирного наследия» на «всемирное наследие находящееся в опасности». Озвученная в СМИ угроза исключения Байкала из почетного списка природных объектов достояния всего человечества, первый сигнал о неблагополучии на его берегах. На прошедшей сессии ЮНЕСКО ограничилось рекомендацией «уменьшить и держать под контролем другие источники загрязнения территории участка Всемирного наследия» на Байкале. Среди этих других источников загрязнения на первом месте находится жизнедеятельность человека на берегах озера. Через 15 лет число туристов на Байкале может увеличиться до 1,5 млн. человек в год. Строительство крупных туристических центров на берегах Байкала приведет к ослаблению охранного статуса озера [1]. Если пять лет назад вопрос по развитию рекреации в регионе ставился: «как увеличить поток туристов и количество турбаз?», то сейчас главным требованием является качество предоставления услуг и уменьшение экологической нагрузки на территории. Свободная опись государственной собственности Иркутской области памятников истории насчитывает 21 охраняемый природный комплекс. Однако эта опись не может обезопасить памятники культуры и истории от разрушений и вандализма, поэтому нужно принимать новые меры по охране. В настоящее время турбазы предлагают свою систему организации отдыха для туристов, в неё входят различные виды услуг: организации культурных мероприятий, проведение Зимниады, туристических походов, экскурсий по разрешённым местам, рыбалка, прогулки на катере и многое другое, но не организацией лечебно – оздоровительных услуг и создание курортов. Сейчас в моду вошёл экологический туризм, в услуги которого входят такие развлечения, связанные со знакомством туристов с историей района, его этносом. Например, некоторые турбазы на о. Ольхон предлагают проживание в бурятских юртах, общение с шаманом, посещение исторических мест и др., но этого недостаточно для развития экотуризма в целом по району. На территории района нужно развивать этот вид туризма, т.к. он поддерживает устойчивость окружающей среды, участие местных

жителей, их мотивацию в получении доходов от туристической деятельности, что, в свою очередь, ведёт к созданию экономических стимулов к охране природы, культурно-исторических мест и развитию экотуризма на Байкале. Впервые термин «экотуризм» был использован на конференции мексиканским экологом Гектором Цебаллосом Ласкурией в первой половине 80-х годов XX, а в России в это же время в речевой оборот в ходе разработки и эксплуатации пешеходного маршрута «Кругобайкальская железная дорога». Экологический туризм - это целенаправленные путешествия в природные территории с целью более глубокого понимания местной культуры и природной среды, которые не нарушают целостность экосистемы, при этом делают охрану природных ресурсов выгодной для местных жителей [1]. Отличительные особенности экотуризма – это предотвращение негативного воздействия на природу и, одновременно, побуждение туроператоров и туристов содействовать охране природы, знакомство с этносами, проживающими на данной территории и социально-экономическому развитию региона. Международный туризм является составляющей процесса глобализации, тем самым происходит смешение стиля жизни, смена устоев, «перелом» стереотипов. Это проявляется в массовом изучении английского языка: в последнее время, по проведенному нами опросу, примерно 6 из 10 студентов учат английский по собственному желанию, в опросе принимало участие 100 студентов Иркутского Государственного Университета в возрасте от 18-22 лет. Современное состояние инфраструктуры, степень готовности населения к обслуживанию разнообразных туристских потоков, нерешённость вопросов с отводом земель в установленном законодательством порядке под туристско - рекреационные цели, состояние подготовки кадров для этой сферы – всё это не позволяет развивать все формы туризма и ввести в действие сразу все территории, обладающие рекреационными ресурсами. Хотя регион обладает достаточно большими и разнообразными по типу туристскими ресурсами, позволяющими развивать перспективные виды туризма и отдыха. В настоящее время ведутся работы по мониторингу окружающей среды, включающие в себя не только охрану природных территорий, а также территорий, являющихся культурно-историческими памятниками, но и утилизацию отходов. «Непрозрачность» туристско - рекреационного бизнеса: сокрытие уплаты налогов на землю, коррумпированность создает дополнительные проблемы, которые нужно решать на региональном уровне. Все меры контроля, мониторинга, внедрения новых

технологий для охраны акватории, региональные программы позволят развивать в дальнейшем качественно и узаконено развивать рекреационную зону Прибайкалья. Также необходимо создать такие условия, что бы новый вид туризма – экотуризм смог развиваться в новых рыночных условиях с меньшими потерями и приносить больше прибыли не в урон окружающей среде. Для этого нужно, чтобы люди ценили то, что имеют, всю ту природную красоту, которая их окружает. Озеро Байкал - жемчужина России и мирового наследия ЮНЕСКО нужно сохранить его для будущих поколений.

Литература

1. « Утраченный Байкал», URL: <http://baikal.babr.ru/baiktrash/> (дата доступа 28.09.12 г.)

МИГРАЦИИ УЧЕНЫХ КАК ПРОБЛЕМА ДЛЯ РАЗВИТИЯ ВУЗОВСКОЙ НАУКИ

Щанина Е.В. (Пенза)

С переходом на новые рыночные отношения, Россия сталкивается с рядом серьезных проблем. Среди них есть одна проблема, не разрешив которую, будет невозможным дальнейшее экономическое развитие нашей страны — это проблема «утечки умов», т. е. проблема утечки высококвалифицированных трудовых кадров за границу. И одной из главных задач государства состоит в том, что бы разрешить эту непростую задачу путем разработки системы программ и проведении правильной политики по регулированию рынка труда квалифицированной рабочей силы и разрешению вопросов связанных с ним. Большую проблему для развития вузовской науки представляет старение и уход научных кадров из сферы образования, в т.ч. их миграция за рубеж. Анализ возрастного состава кадров высшей квалификации вузов и организаций Минобразования России показывает: только 2,5 % докторов наук имеют возраст до 40 лет; 20,5 % докторов – в возрасте до 50 лет; 79,5 % докторов – в возрасте от 50 лет и старше; 45,6 % - в возрасте от 60 и старше. Среди кандидатов наук: 21% - до 40 лет, 50,1 % - до 50 лет и 49,9 % - от 50 лет и старше. «Погоня за умами» стала одним из определяющих факторов экономического процветания в условиях современной международной конкуренции. Безусловное лидерство в этой области принадлежит США, активно привлекают иностранных специалистов и западноевропейские

страны. Миграция специалистов обусловлена теми же факторами, что и неквалифицированной рабочей силы. В первую очередь надо отметить различный уровень экономического и социального развития стран. Ученые и специалисты покидают свою страну в пользу другой, если находят там более высокое материальное вознаграждение, неограниченные возможности для творчества и саморазвития, лучшее лабораторное оборудование, более комфортные бытовые условия, больше гражданских прав и демократических свобод. Миграция ученых имеет отличные от миграции неквалифицированных рабочих последствия для стран. Миграция неквалифицированных рабочих достаточно благоприятна для страны–донора, т. к. позволяет уменьшить безработицу и связанные с ней социальные издержки и расходы, а так же эмигранты, пересылая часть заработка на родину или привозя его домой по возвращении, снабжают тем самым отечественную экономику валютными ресурсами. При эмиграции квалифицированных рабочих и инженерно–технического персонала, ученых и специалистов страна–донор оказывается в большом проигрыше. Она теряет все капитальные затраты, вложенные в подготовку этих кадров. Отечественный рынок теряет самые «соки» рабочей силы, интеллектуальную элиту, творческий потенциал которой служил первоосновой и залогом развития экономики в условиях НТР. Таким образом, страна–донор ухудшает свое сегодняшнее положение, теряет перспективы развития в будущем. Соответственно все потери страны–донора оборачиваются выигрышем для другой страны. Процесс перехода от плановой к рыночной экономике в нашей стране сопровождается оттоком квалифицированных кадров. Он протекает двояко: как широкое перемещение специалистов из сфер, связанных с наукой в другие сферы в нашей стране – внутренняя утечка, как продолжительный или постоянный отъезд за границу (эмиграция) – внешняя утечка. В том и в другом случае результаты одни и те же: - Гибель создававшихся десятилетиями школ и коллективов; - Резкое торможение научных разработок и их внедрения; - Снижение эффективности инвестиций в фундамент и прикладную науку; - Дезорганизация рынка труда научных кадров; - Политика государства лишается в научно технической сфере устойчивости и перспективы. Социальные последствия : -Быстрое падение привлекательности научной деятельности в общественном сознании, прежде всего молодежи ; - Разрушается заинтересованность во вложениях в нашу науку у зарубежных

инвесторов; Растущая безработица и другие негативные процессы толкают к эмиграции. Процесс эмиграции высококвалифицированных кадров из России идет одновременно как бы в двух направлениях: - Трудовой эмиграции (Преимущественно возвратной, с сохранением гражданства), - Этнической эмиграции (Как правило безвозвратной, с сохранением или не сохранением гражданства) Россия сталкивается с рядом серьезных проблем в формировании и развитии рынка высококвалифицированных кадров. В данной связи целесообразно обратиться к опыту, накопленному странами Восточной Европы, которые разработали механизмы, смягчающие отрицательные последствия при переходе к рынку труда. По имеющимся оценкам американцы экономят на привлечении ученых-эмигрантов около 1 млрд. долларов в год (доход). Понятно, что адекватный этому доходу ущерб несут страны-экспортеры. Внутренняя эмиграция, прежде всего в коммерческую деятельность, вызвана следующими причинами: - Значительной дифференциацией величины вознаграждения за труд; - Невозможностью в условиях кризиса реализовать свои творческие способности собственно в науке. По отношению к внешней эмиграции действительны те же причины, но добавляются различия на рынках труда стран-экспортеров и стран-импортеров рабочей силы. Последние таковы, что в условиях резких структурных изменений в России создается определенный избыток кадров как раз на тех направлениях, которые связаны с большей склонностью к эмиграции и с большими шансами на получение за границей работы по специальности. В следствии «внутренней утечки умов» наибольшие потери несут инженерно-технические науки, экономика и управление, в меньшей мере право, наименьшие - медицина, физика, гуманитарные науки. Эта тенденция отражает резко возросшую потребность активно развивающихся коммерческих структур в специалистах финансово-экономической деятельности и прикладным технологиям, что воплощает общую специфику рынка труда в трансформируемых экономиках. По иному складывается ситуация на рынке «внешней эмиграции». Наибольший отток (11-14%) — математика, информатика, медицина, химия, биология, физика. Характерно, что именно представители этих специальностей наиболее интенсивно мигрируют в рамках международного рынка. Опыт ряда государств, раньше чем Россия столкнувшихся с широкомасштабным оттоком интеллектуального потенциала и

выработавших соответствующие защитные механизмы, показывает, что существует возможность в определенных пределах воздействовать на стихийный процесс «утечки умов» и уменьшить его отрицательные последствия для экономики страны. Кардинальное решение экономики стояло бы в превращении процесса миграции ученых из одностороннего (Россия(Запад) в нормальный для всех развитых стран двусторонний процесс обмена научными кадрами. Оно, однако может быть обеспечено только созданием в России нормального функционирующего гражданского общества, предъявляющего высокий спрос на научные идеи и разработки, возрождением российской культуры, сближением жизненного уровня и условий труда отечественных ученых и специалистов с условием, достигнутым в развивающихся странах.

С ВСТРЕЧИ К РОЖДЕНИЮ НОВОЙ КУЛЬТУРЫ (НА ПРИМЕРЕ СПЕКТАКЛЯ «СКАЗКИ О ДВУХ БРАТЬЯХ И ВОЛШЕБНОЙ ТЫКВЕ»)

Янг Мин А (Сеул, Республика Корея)

В наступивший XXI век – век культуры в процессе глобализации, увеличения миграции, распространения Интернета и массовой коммуникации в мире происходит процесс культурной плюрализации, стимулирующий развитие в различных государствах специфических институциональных и неинституциональных форм мультикультуральной рефлексии. В настоящее время проблема взаимодействия культур является одной из важнейших. Вместе с этим в процессе глобализации и миграции разрозненное население земного шара становится всемирным сообществом. Многие страны предстают как полиэтничные и мультикультурные, а межгосударственные связи оказываются всё более тесными. Каждое государство пытается найти способ мирного сотрудничества и сосуществования с другими, в том числе на основе общих ценностей. Похожие процессы происходят и внутри общества. На данном этапе главная задача заключается в том, чтобы найти взаимопонимание и воспитать толерантность в отношениях между людьми разных культур и национальностей. Эти явления подняли проблему переосмысления культурной идентичности на уровне каждого государства и отдельного региона. Взаимодействие между российской и корейской культурами началось в конце XIX века после

создания общих границ между двумя государствами. До 90-х годов XX века корейская культура, которая была представлена россиянам, - это либо северокорейская, либо российско-корейская; однако после 90-х годов в России появилась возможность познакомиться и с южнокорейской культурой. В настоящее время мы наблюдаем увеличение количества контактов России и Южной Кореи в различных областях: экономической, политической, энергетической, научно-технологической, культурной и т.д. Проблема заключается в том, что за эти годы, несмотря на постоянное развитие культурного взаимодействия, страны так и не вышли на необходимый уровень взаимоотношений, во многих вопросах оставшись на уровне времен холодной войны. До сих пор на межгосударственном уровне российско-южнокорейское культурное взаимодействие не может избежать идеологического влияния прошлого, то есть культурные отношения остались все тем же односторонним процессом, в частности, относительно классической культуры. Республике Корея и Российской Федерации необходимо найти новую модель такого взаимодействия в условиях культурного разнообразия, определить культурные точки взаимного соприкосновения, сохраняя свои национальные специфики и культурные традиции. В этом контексте можно делать акцент на культурно-художественную деятельность. Она играет роль подушки безопасности, устраняя возможность культурного шока от иной культуры. В принимающей культуре усваивается новый габитус, что способствует проявлению интереса к другой культуре, её постепенному пониманию через опыт восприятия иных эстетических ценностей. Этот процесс, в свою очередь, дает возможность формирования толерантного отношения к иной культуре, а также повышения интереса к своей культуре, переосмысления её с точки зрения мультикультуральности. Так, например, в процессе усвоения элементов корейской танцевальной культуры через культурно-художественную практику агенты получают новый опыт восприятия иной культуры. Таким образом, на базе культурно-художественной работы, в частности, танцевального искусства, мы можем наблюдать, как участники имеют возможность понимания иной культуры через усвоение новых паттернов поведения, через опыт восприятия иных эстетических ценностей, что ведет к постепенной инкультурации при сохранении собственной культурной идентичности. Данный процесс может быть рассмотрен через представление себя другим (Гоффман И.), социологию повседневности (Щютц А.), через включение элементов иной культуры в свое мировоззрение (символический интеракционизм

Мида Дж.). При этом, совместный и мультикультурный проект между корейскими и российскими артистами корейский уличный спектакль «сказка о двух братьях и волшебной тыкве» на русском языке является адекватным примером для улучшения взаимопонимания двух культур, расширения культурной границы и создания общего языка на базе корейской традиционной и современной культуры. Данный спектакль состоялся в театре «Лицедеи», 29-ого сентября 2012 г. при поддержке министерства культуры, туризма и спорт Республики Корея и фонда корейского традиционного исполнительского искусства. Подготовка к премьере спектакля шла около 3 месяца (с 3-ого июля по 29-ого сентября). Участниками спектакля являются корейские, российские и российско-корейские артисты которые занимаются традиционными и современными искусствами. В этом проекте автор участвовал в качестве постановщика спектакля. Этот спектакль на базе известной корейской традиционной сказки. Его форма «Маданнори (уличный спектакль)» - это современный корейский театральный жанр, которая возникла 80-х гг. в Южной Корее,. Именно в этом жанре можно свободно говорить о социальных нарушениях и в нем все разрешается то, что в реальном мире невозможно. Поэтому именно выбрался этот жанр то, что возможно в этом спектакле совместить корейскую традиционную и современную культуру вместе с русской культурой. По своему характеру театр является одним из комплексных жанров искусства: одновременно системой паттернов поведения, имеющей культурную ценность, традиции, нормы, обычаи, и способом невербальной коммуникации. Кроме этого, коллективная танцевальная самодеятельность создает солидарность среди участников, формирует новый круг общения. Выступление перед публикой формирует уверенность, культурное самосознание, дает возможность передать собственное удовольствие зрителю и насладиться реакцией публики, создает общие интересы и увеличивает объём культурного пространства. При этом воссоздание усвоенных элементов культуры через собственную интерпретацию способствует появлению своеобразной новой формы культуры. После спектакля было опрошено среди зрителей о впечатлениях. Опрошенных можно разделить на 3 группах. Первая группа - русские зрители незнакомые с корейской культурой раньше и случайно попавшие в этот спектакль. Этот спектакль был интересен и вызвал интерес к настоящей корейской традиционной культуре, Вторая группа - российских корейцев. Он вызвал ностальгию им, что вспоминать о культуре своих предков. Третья группа – корейцы из

южной Кореи, которые живут в Санкт-Петербурге в данный момент. Сначала они были поражены, то что русские и российские корейцы очень хорошо играют на корейских инструментах и хорошо танцуют корейские традиционные танец даже лучше обычные корейцы. Спектакль действительно был интересным для них, несмотря на то что они плохо понимают русский язык. Один молодой корейцы говорил о том, что он в первый раз видел корейское традиционное искусство в Санкт-Петербурге. Оно было интересное и впечатляющее. Когда он вернется в Корею, еще хочу смотреть корейские традиционные музыки и танцы. Таким образом, в результате проекта участников и зрителей выявлено, что культурное взаимодействие между российской и корейской культурами происходит как двухсторонний процесс на базе признания «другого» и сохранения равновесия, что дает толчок к развитию обеих культур.

Секция 5. Город как пространство культурного производства и потребления

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ АДАПТАЦИИ ИНГУШЕК К УСЛОВИЯМ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

Албогачиева М.С. (Санкт-Петербург)

Сегодня в мире происходят процессы урбанизации и глобализации, которые привели к интенсификации изменений в системах социальных ролей и общепринятых норм в обществе. В ингушском обществе еще сохранились многие элементы традиционной культуры и традиционного мировоззрения, но в последние десятилетия наблюдается активная трансформация гендерных стереотипов ингушской женщины. Постепенное расширение приватного пространства женщины, избравшей город местом постоянного проживания, повлекло за собой изменения в ее образе жизни.

В прошлом ингуши в значительной массе своей проживали в сельской местности, за исключением небольшой прослойки интеллигенции, обосновавшейся за пределами исконной территории проживания. Образование Республики Ингушетия несколько изменило ситуацию. По данным Госкомстата, на 1 января 2011 г. городское население республики составляет 159193, а сельское –

255799 человек. Как и прежде, меньше половины населения проживает в городах, таких как Карабулак, Магас, Малгобек, Назрань.

Села Ингушетии сегодня не могут выполнять функцию социокультурной среды в той степени, которая необходима для начального этапа формирования личности в современных условиях. Структура ингушского села – это сельский совет, медицинский пункт и школа; остальные элементы социальной инфраструктуры, призванные облегчить жизнь населения и способствовать совмещению работы женщин с семейными обязанностями, почти повсеместно отсутствуют. В некоторых сельских населенных пунктах есть клубы и спортивные залы, но они не предназначены для женской половины общества. Интернет теперь стал доступен многим, и это скрашивает жизнь женщин, даже тех, которые живут в горных селениях, так как они пользуются модемами Мегафон, Билайн и других провайдеров. Но, к сожалению, компьютер тоже является роскошью для многих жительниц села, и продвинутых пользователей немного: чаще всего это те, кто закончил вуз или техникум в городах и имеет навыки пользователя компьютера. В общем, сельская жизнь очень размеренна, скучна и бесперспективна, поэтому идет постоянный отток сельских жителей молодого и среднего возраста в города республики и экономически развитые мегаполисы страны.

Результаты исследования показывают, что главным мотивом, толкающим женщин покидать свои родные села и деревни, является желание изменить свою жизнь в целом, повысить свой социальный статус, приобрести образование. Многие, даже получив соответствующее образование, не желают возвращаться домой, так как молодежь, за редким исключением, не имеет каких-либо реальных перспектив для дальнейшего социального и культурного роста: в республике нет рабочих мест, уровень безработицы составляет 49.1 % [http://ria.ru/research_rating].

Вместе с тем, городская жизнь сопряжена с массой социально-психологических, культурных и экономических проблем. «Трудности социально-психологической адаптации в городе связаны с приспособлением к психологическому микроклимату и ритму жизни города, к новому коллективу на работе и учебе, новым соседям, с установлением новых дружеских контактов и т. д. Чем крупнее город, тем сложнее недавней селянке приспособиться к городскому стилю жизни, тем болезненнее она расстается с привычными формами поведения и общения» [3: 198].

Проблема социальной адаптации сельских ингушек в экономически развитых мегаполисах связана и с трудностями культурного характера. Для того чтобы стать «своей» в городской среде, ингушке приходится все реже обращаться к национальной культуре и чаще – к урбанизированной, городской. Современная одежда ингушек состоит из юбок, блузок и платьев фабричного производства, без этнических компонентов. На голову ингушки надевают платок, в крайнем случае – полоску или ободок [1:230]. И женщины, и девушки традиционно предпочитают длинные волосы, а если стрижки – то не очень короткие [4:176].

Желание адаптироваться к новым условиям существования формирует новые стереотипы поведения, не типичные для ингушек, и на некоторые отступления от правил многие смотрят без излишней драматизации. Так, в традиционной женской одежде нет практики ношения брюк, и, соответственно, их ношение воспринимается как отступление от правил. Но значительная часть девушек, проживающих в городах России, за рубежом, и некоторые девушки из Ингушетии носят брюки. Многие жительницы мегаполиса предпочитают не носить платок. «Для многих женщин головной убор в любой его форме является доказательством и демонстрацией их религиозности, для других, не менее убежденных мусульманок, одежда и внешний вид не имеют никакого значения, религия является их частным делом, состоянием души, и не должна никаким образом выставляться напоказ» [2: 268]. Прически городских ингушек сегодня также не имеют этнической окраски.

Итак, только преодоление барьера собственной этнической идентичности является условием успешной социальной адаптации ингушки в городе, давая ей возможность почувствовать себя «своей» в новой социокультурной среде. Нужно отметить, что проблемы, связанные с переездом в крупные города, не решаются полностью, так как, даже адаптировавшись в местное сообщество, ингушки не всегда могут получить работу по специальности, и многие вынуждены выполнять низкоквалифицированную работу. Они менее конкурентоспособны на рынке труда и мало востребованы. Наиболее престижные высокооплачиваемые места занимают чаще всего местные женщины, использующие более обширные каналы личных связей, получающие информацию от знакомых и близких родственников и друзей. Им легче получить рекомендацию и устроиться на хорошую работу, тогда как бывшим провинциалкам приходится соглашаться на любую позицию. Многие готовы и на

такие условия, так как, живя в Ингушетии, они не всегда могут добиться трудоустройства.

Результаты наших исследований по широкому кругу актуальных проблем городской и сельской ингушки, еще раз подтверждают правильность тезиса о том, что проблема социальной адаптации женщин к условиям города связана со сложным и противоречивым процессом их вживания в новую социокультурную среду, сопровождающимся ломкой традиционных ценностей, жизненных установок, а также необходимостью разрешения целого ряда социально-экономических проблем.

Литература

1. Албогачиева М. С.-Г. Свадебный костюм ингушки: традиция и мода // XI Международная научно-практическая конференция «Мода и дизайн: исторический опыт - новые технологии». СПб., 2008. С.228-233
2. Балтанова Г.Р. Мусульманка. М.: Логос, 2007. - 376 с.
3. Валиахметов Р., Ахметова Г., Латыпова Ф. Семья и общество глазами современной башкирской женщины // Ватандаш. – 2001. – № 7. – С.192-201
4. Павлова О.С. Ингушский этнос на современном этапе. Черты социально психологического портрета. М., 2012. – 384с.
5. http://ria.ru/research_rating

СИСТЕМА КОММУНИКАЦИЙ В СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ КОММУНАЛЬНОЙ КВАРТИРЫ

Боднарук Я.В. (Санкт-Петербург)

Наследие советского общества все еще явно присутствует или ощущается как контекст во многих жизненных структурах и повседневных практиках людей. Одним из таких рудиментов советского образа жизни является коммунальная квартира. Коммунальные квартиры все еще остаются резервацией вынужденного коллективизма и взаимной зависимости, незащищенной приватности и надежды на государственный патронаж.

Особенности жилищной и социальной политики советского государства привели к формированию уникального комплекса культурных черт, наблюдаемых в организации быта коммунальных квартир. Илья Утехин, автор крупного этнографического

исследования коммунальных квартир, заявляет: можно «условно предположить, что в 1970-80 годы формируется «традиционное коммунальное мировоззрение» [1].

Вынужденное сожительство людей, не связанных родственными узами, в условиях ограниченного физического пространства и, как следствие, незащищенной приватности, приводит к большому количеству разнообразных конфликтов и трений. Одной из весомых причин подобного рода разногласий являются коммуникативные барьеры различного рода. Для нас наиболее интересны будут социальные барьеры. Социальный барьер возникает между людьми, говорящими на одном и том же естественном языке, но принадлежащими к различным социальным группам. При наличии подобных барьеров коммуникации затруднено взаимопонимание разных поколений, представителей разных классов и страт, жителей города и села, мужчин и женщин, людей с разным уровнем образования и т.д. Сущность социального барьера кроется не в различных жаргонах, стилях речи, отличающих одну социальную группу от другой, а в различии ценностных ориентаций, личного психофизиологического и житейского опыта.

К определению причин возникновения подобных барьеров можно подойти с двух сторон. Во-первых, они естественным образом формируются между далекими друг от друга в социальном плане группами. Здесь необходимо упомянуть, что предметом нашего исследования являются коммунальные квартиры, располагающиеся именно в «старом фонде», то есть в центре Петербурга. Большинство «потомственных» коммунальных жильцов идентифицируют себя с прослойкой петербургской интеллигенции (что является, кстати, одной из весомых причин отказов жителей коммунальных квартир переезжать в отдельное, но находящееся в спальных, отдаленных районах города жилье). Здесь мы обнаруживаем наличие барьеров коммуникации между «потомственными коммунальщиками» и другими жильцами, в большинстве своем идентифицируемыми с люмпенами. В формате коммунальной квартиры они вынуждены тесно сосуществовать друг с другом, и возникающие барьеры мешают адекватной и продуктивной коммуникации между ними, что приводит, соответственно, к возникновению различного рода трений.

С другой стороны, барьеры коммуникации могут возникать как результат совместного проживания людей, разных по своим социально-демографическим характеристикам, а также плохо адаптирующихся к специфическим условиям коммунальной жизни. Здесь мы можем наблюдать разногласия, возникающие между

«старожилами» коммунальных квартир, чаще всего живущими в них с рождения, и молодым поколением, использующим коммунальные квартиры как временное жилье. В ряде случаев имеет место неприятие сложившегося коммунального образа жизни со стороны новоприбывших жильцов. Уроженцы коммунальных квартир, в свою очередь, заведомо уверены в том, что новички не будут относиться к данной квартире как к своему дому, т.е. со всей ответственностью, что приводит к возникновению конфликтных ситуаций, инициируемых обеими сторонами.

Далее рассмотрим специфические условия, являющиеся неотъемлемой частью проживания в коммунальной квартире. Одной из характерных черт системы внутреннего устройства коммунальной квартиры является проблематизация, размывание границ между публичным и приватным. В контексте нашего исследования будем считать, что публичное – это открытое обществу и, соответственно, общественной оценке, находящееся на виду. Приватное – другая часть существования, зона освобождения, то место, где мы можем «сложить руки», расслабиться. Это место семьи и домашнего мира, место секретности. Приватная реальность содержит наиболее близкие вещи, которые не должны никого более заботить и которые не могут быть «предъявлены» без нашего ведома. В условиях насыщенного городского образа жизни человек постоянно вынужден находиться в насыщенной коммуникативной среде. Но есть «отдушина» – собственный дом, который дает гарантированную защиту от нежелательных контактов с «чужими» людьми. В коммунальной же квартире нет такого «убежища». Коммунальная квартира – то место, где встречаются и соединяются приватность и публичность. Теснота и тонкие стены гарантируют, что о личных делах каждого становится известно всем. Жители коммунальных квартир являются друг другу одновременно своими и чужими. Прозрачность пространства доводит их осведомленность о жизни друг друга до степени, в других условиях доступной лишь близким родственникам.

Ситуация осложняется тем, что в процессе социальных трансформаций все более значительную часть населения коммунальных квартир, как говорилось ранее, составляют «временные» жильцы, снимающие комнаты. Культурные и ценностные установки таких жильцов существенно отличаются от «традиционного коммунального мировоззрения» постоянных жильцов. Временные жильцы отличаются от постоянных своим низким статусом в коллективе, имеют меньший авторитет в решении

внутриквартирных вопросов. В глазах постоянных жильцов временные лишь условно оказываются членами коллектива [1].

Когда в коммунальную квартиру попадает человек, не живший ранее в таких условиях, он начинает остро чувствовать, прежде всего, невозможность побыть одному, избежать присутствия других – чужих ему – людей, со всеми вытекающими из этого последствиями. Для уроженца коммунальной квартиры такая проблема просто не существует: он не ощущает это как проблему, не чувствует дискомфорта. Для него нет ничего особенного в том, чтобы постоянно видеть кого-то и быть на виду у соседей. Конечно, и для него общение с другими участниками сообщества может быть в каких-то случаях неприятным и проблематичным, но само по себе это состояние постоянной потенциальной включенности в коммуникацию является фоном, которого не замечают [1]. Это характеристика так называемой «коммуникативной прозрачности» пространства, когда потенциальная и актуальная осведомленность участников сообщества о жизни друг друга пересекает границы публичного и частного пространства. Естественно, представителям нового, «не коммунального», поколения трудно мириться с такой степенью открытости и незащищенности, что приводит к возникновению барьеров коммуникации между ними и уроженцами коммунальных квартир. В рамках представленного в докладе исследования будут изучены демаркация границ публичного и частного и трансформация состава населения коммунальных квартир в последние десятилетия: появление трудовых мигрантов, временных съемщиков, которые становятся все более весомой частью населения коммунальных квартир. Важно будет рассмотреть и формирование коалиций в сообществе коммунальной квартиры, а также то, как меняется система коммуникаций внутри коммунальной квартиры в перспективе расселения.

Система коммуникаций в коммунальной квартире представляет собой уникальный и пока плохо описанный исследовательский предмет. Это дает почву для новых проектов по полевому изучению этой проблемной и до сих пор актуальной стороны Петербурга.

ГОРОД КАК ФОРМА СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Буйденков А.А. (Горки, Республика Беларусь)

Все существующее имеет пространственно-временные характеристики, будучи определенным ими и в то же время определяя их. Такая широта, универсальность применимости категорий пространства и времени делает их привлекательными в качестве объекта исследования. Если временные параметры явлений, в конечном счете, сводимы к истории, то пространственные – к географии, размещению. Говоря о жизни в XXI веке, наибольший интерес в качестве пространства приобретает город (если рассуждать о реальном физическом пространстве, в котором мы живем). Пространство – совокупность субъектных аспектов жизненной среды – место жизни, существования человека как личности и индивидуальности в ее информационном, социально-нормативном, диспозиционном, коммуникативном, ментальном измерениях (пространствах).

Представляется, что проблема разделения территории и пространства – одна из проблем перехода от традиционного общества к цивилизации, от территориально-хозяйственного типа социальности – к другому типу, которое Зиммель обозначает как «общественное единство» [1]. Содержание жизни сельского поселения преимущественно исчерпывается «территориальными событиями» – хозяйственными делами на конкретной территории: земледельческой, охотничьей, пастбищной и т.п. Содержание жизни, события пространства большого города выходят по своему значению далеко за пределы его территориальных границ. Человек не исчерпан пределами его тела или области, которую он непосредственно заполняет своей деятельностью, но лишь суммой влияния, которое он оказывает во времени и в пространстве, – так и город равен совокупности оказанного им за его ближайшими пределами влияния. Это только и есть его настоящий объем, в котором выражается его бытие.

Каждый человек наполняет своей субстанцией и деятельностью непосредственно свое место. Если между людьми нет взаимодействия, то пространство между ними – это, «практически говоря, – ничто». В то мгновение, когда оба они вступают во взаимодействие, пространство между ними оказывается заполненным и оживотворенным. Пространство – это, по Зиммелю, совокупность «точек вращения»: горожанин «вращается в разных кругах», соприкасаясь с различными социокультурными мирами. Граница – это не факт территории, а «социологический факт», обозначающий различие отношений между элементами одной сферы и элементами

другой сферы жизни. Наличие общего пространства означает, что соприкоснулись между собой элементы, ранее независимые.

Пространство – место соединения разнородных духовных элементов: взглядов, ценностей, смыслов и т.п. Историческое проживание, или даже временное, но концентрированное местонахождение определенных социальных групп, субкультур накладывает отпечаток на конкретную территорию. Речь идет о «духе места» – о традициях и моделях поведения, доминирующих в определенной «местности», о стереотипах восприятия физических объектов конкретной территории.

Это обстоятельство ставит задачу структурирования городского пространства по культурно-историческим единицам. В качестве первоначального примера можно назвать лондонский Сити. Небольшие города, как правило, тождественны одной единице. При дальнейшем росте населения и территории города вокруг первой центральной единицы начинают развиваться следующие единицы – меньшего размера и меньшей интенсивности. Крупные города складывались постепенно из таких социально-пространственных единиц. В Праге 14–15 веков существовало, по крайней мере, 5 единиц, да еще имеющих автономный статус самостоятельного города. Это Градчаны – верхний город с королевской резиденцией и высшей аристократией; Младостранский – нижний город; Старый город на другой стороне Влтавы с торговой площадью (Тыном), ратушей и собором; Юзефов город еврейской общины; Новый город, заложенный королем Карлом. Будапешт в действительности представляет собой два города: это Буда и Пешт. В современных городах России с населением 250 тысяч человек, как правило, имеются 2–4 единицы, включая одну центральную. В городах с населением 500 тысяч человек количество единиц увеличивается до 6–7. В городе с населением в 1 млн. жителей формируется уже 8–10 единиц, расположенных вокруг центральной единицы.

Эти свойства городского пространства позволяют горожанину наиболее эффективно и экономично, по сравнению с другими формами поселения, найти удовлетворяющие его условия и создать привлекательную среду проживания. Жизнедеятельность горожан протекает и упорядочивается в процессе осмысления материальных и идеальных условий жизни. Смыслы становятся точками жизненного пространства, а применительно к городу – точкой отсчета городского пространства. Главная функция любых точек отсчета заключена в том, что они оформляют некоторый порядок, в котором становится возможна некоторая траектория

поведения и жизненного пути. Таким образом, пространство превращается в обжитое осмысленное пространство города. Люди насыщают точки своими символами: храмами, властью, развлечениями, торговлей, жильем.

Город по своей природе – генератор социокультурного разнообразия. Социокультурная сущность города состоит в том, что он является генератором новых смыслов, инновационным полем общества, самоусложняющейся и повышающей уровень собственной организации системой. Город постоянно рождает проблемы, и сам же их решает. Причем, выходя из одного неравновесного состояния, город создает другое. Дифференциация культуры и деятельности в городе носит всеохватный характер. Город формирует разные настроения, новые смыслы, нормы и ценности и, наконец, новые слова и символы для выражения этих сущностей. В городе рождаются разные мироощущения и нетождественные интересы различных субкультур, страт, срезов и групп, формирующих городское сообщество.

Город явлен человеку как субъект диалога. Соотнося себя с конкретным городом, каждый человек считывает бесконечный текст этого города, вписывается в него, отталкивается, любит или ненавидит, устанавливает с городом самые разные экзистенциально значимые отношения. Интенция диалога – то есть способность к диалогу, готовность к нему – составляет природу горожанина. Через диалог идет взаимоувязка качественно различных субъектов и феноменов, вырабатывается понимание иного, вырабатываются общие смыслы, нормы и конвенции. Диалог разворачивается в двух планах. Во-первых, в социокультурном пространстве города. В этой перспективе мы получим диалог между различными сообществами и субкультурами. Этот род диалога реализуется в бесконечном многообразии диалогов больших и малых: от дискуссии в стенах парламента до перепалки в семье, объединяющей представителей различных субкультур, этносов, носителей различающегося образа жизни (а таких семей – подавляющее большинство). Диалог происходит в территориальном плане. Примером такого диалога будет типичная ситуация диалога промышленно развитого севера и сельскохозяйственного юга. Другой пример: диалог «город – город» или исключительно важный диалог типа «город – провинция» или «город – деревня».

Все формы произведения человека читаются как текст и оказываются элементом городского диалога. Политика, ухаживание, любовные игры, искусство, архитектура, публицистика, наука,

городской фольклор – все это и многое другое суть формы диалога. Число субъектов такого диалога практически неисчислимо: существуют и коллективные диалоги, и индивидуальные, и город как целое. Субъекты диалога в городе образуют сложную, постоянно изменяющуюся и как бы мерцающую структуру. Они появляются и исчезают.

Литература

1. Зиммель Г. Большие горда и духовная жизнь // Логос. 2002. № 3-4.

ПРОБЛЕМА ИДЕНТИЧНОСТИ В КАПИТАЛИСТИЧЕСКОМ ГОРОДЕ

Вершинина И.А. (Москва)

В самом начале развития социологии Э. Дюркгейм, Г. Зиммель, Ф. Теннис и другие классики обратили внимание на существование контраста не только между городом и деревней, но также между большим городом и маленьким, жизнь в котором, как и в деревне, отличается медленным, привычным и равномерным ритмом. Большие города стали результатом развития общества модерна, в основе которого лежит капитализм. Большие города предоставляют человеку индивидуальную и социальную свободу, однако свобода и независимость в данном случае – результат взаимной замкнутости и безразличия. Физическая близость и скученность только подчеркивают духовную отдаленность, поэтому, по мнению Г. Зиммеля, нигде человек не чувствует себя таким одиноким и покинутым, как среди общей давки больших городов [5: 24]. Для Г. Зиммеля, горожанин – это чужак: именно он является, благодаря своей инаковости и непохожести на других, носителем новой свободы.

Позднее эти идеи получили свое развитие в трудах большинства ученых, анализировавших проблемы городов. Мы видим образ горожанина, который, как внутренний мигрант, путешествует по экологической системе, у представителя чикагской школы Л. Вирта [3]; встречаем фигуру фланера у его современника В. Бенямина, относящегося к франкфуртской школе [1, 2]. Для В. Бенямина фланер – субъект, стоящий над своей средой. Он находится еще на пороге: как мегаполиса, так и класса буржуазии, – и нигде не ощущает себя как дома.

Среди современных социологов проблема городской идентичности довольно подробно рассмотрена Р. Сеннетом [6, 7, 10]. В фокусе его внимания оказались, в первую очередь, проблемы формирования идентичности и свободы индивида в городе. Позиция Р. Сеннета не во всем совпадает с представлениями о городе его предшественников. Например, Г. Зиммель, В. Беньямин и Г. Дебор считают, что жизнь в городе характеризуется отчуждением, и не видят шансов для установления осмысленных человеческих связей в этом пространстве [4, 57]. У Р. Сеннета другая точка зрения, которую он пытается доказать, апеллируя к историческим фактам, хотя он также констатирует глубокий общественный кризис, вызванный утратой публичной сферы. Трансформация публичной сферы во многом стала результатом экономических изменений. Человек «становится дьяволом» не только для других, которых он пытается заставить действовать так, чтобы извлечь выгоду, но и для самого себя: неограниченная экономическая конкуренция может привести к самоуничтожению личности. Многие христианские постулаты, которые не вызывали сомнений у средневекового человека, оказались несовместимы с экономическим индивидуализмом, который свойственен капиталистическому обществу. В эпоху становления капитализма экономический индивидуализм рассматривался как разновидность искушения души. Однако в современном мире он стал такой же нормой, как когда-то были жертвенность и сострадание. Подчиняясь законам рынка, человек терял бесценное сокровище, душу, а точнее, продавал ее: «Как купец, доводящий своих конкурентов до разорения, как ростовщик, как хозяин, как игрок, ставящий на кон чужие жизни, Номо есономісус мог быть дьяволом для других, но он был и дьяволом самому себе, потому что ему грозило самоуничтожение; сами институты, посредством которых он надеялся достичь процветания, могли погубить его на Страшном суде» [9: 206-207].

Этот Номо есономісус жил уже в пространстве, лишенном эмоциональной привязанности. Безразличие стало одной из характерных черт капитализма и наиболее ярко проявляет себя в городах. Городское пространство в современном мире выстроено на принципе «урбанистического индивидуализма», который делает человека все более молчаливым. Мы воспринимаем незнакомцев как потенциальный источник опасности, поэтому все больше замыкаемся в себе. Улицы, кафе, магазины, вокзалы, автобусы и метро оказались в современном городе такими местами, где в основном обмениваются взглядами, а не словами. Безразличие старого капитализма,

основанного на классах, было материальным; безразличие же нового, гибкого капитализма более личностно и менее материально по форме [6, 248].

Гибкие структуры характеризуются нехваткой отзывчивости в силу того, что элементы легко заменяемы. Поэтому гибкий капитализм ослабляет характер, приводит к его коррозии, поскольку характер – это связь с внешним миром, которая заставляет нас чувствовать себя необходимыми другим. Пространство стало, по словам Р. Сеннета, мертвым. Его формирование происходит за счет стирания обитаемого публичного пространства: публичное пространство превращается в место для передвижения, а не для пребывания в нем. Мертвое публичное пространство становится причиной того, что люди начинают искать в личном то, в чем им было отказано на чужой территории. Неуравновешенная личная и пустая публичная жизнь стали результатом формирования новой капиталистической светской городской культуры.

Торжество в городе капитализма и утрата «души» довольно хорошо видны во многих российских городах. Современная Москва – результат стремления к максимальной прибыли, в погоне за которой город потерял свой исторический облик. В результате хаотичной застройки Москва утратила архитектурно-художественную целостность и превратилась в сумму культур [8: 130]. Капитализм стал религией [1: 100-101], которая угрожает «коррозией» не только личности горожанина, но и самим городам.

Литература

1. Беньямин В. Учение о подобию. Медиаэстетические произведения. М.: РГГУ, 2012.
2. Беньямин В. Улица с односторонним движением. М.: Ад Маргинем Пресс, 2012.
3. Вирт Л. Урбанизм как образ жизни / Вирт Л. Избранные работы по социологии. М.: ИНИОН РАН, 2005.
4. Дехаан Х. Возвращение социального: российские и советские города как вызов для западной историографии // Антропологический форум. 2010. № 12.
5. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. № 3-4.
6. Сеннет Р. Коррозия характера. Новосибирск – Москва: ФСПИ «Тренды», 2004.
7. Сеннет Р. Падение публичного человека. М.: Логос, 2002.

8. Смолицкая Т.А., Король Т.О., Голубева Е.И. Городской культурный ландшафт: Традиции и современные тенденции развития. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012.

9. Sennett R. *Flesh and Stone. The Body and the City in Western Civilization*. New York, London: W.W. Norton Company, 1994.

10. Sennett R. *The Uses of Disorder. Personal Identity and City Life*. New York, London: W.W. Norton Company, 1970.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ГОРОД В УСЛОВИЯХ «ОБЩЕСТВА ПОТРЕБЛЕНИЯ»

Веселова М.Н. (Санкт-Петербург)

В сфере социокультурных исследований исторический город вызывает особый интерес. Он не просто представляет собой форму человеческого общежития, но и несет в себе огромный пласт материального и духовного наследия. В 1970 г. постановлением коллегии Министерства культуры РСФСР и Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам строительства впервые был утвержден список 115 исторических городов и других населенных мест РСФСР, являющихся достоянием национальной культуры. Впоследствии реестр существенно расширили, выявили несколько сотен подобных объектов, требующих к себе особого внимания при застройке и реконструкции.

Однако, несмотря на существующие программы и постановления по охране и возрождению исторических городов, в настоящее время довольно часто встречаются случаи варварского отношения к памятникам культуры. Одной из главных причин пренебрежения градостроительным наследием является коренная ломка устоявшейся системы ценностей в условиях рыночной экономики и формирование так называемого «общества потребления». Как отмечал Ж. Бодрийяр, «мы находимся на той стадии, когда потребление охватывает всю жизнь, когда все роды деятельности комбинируются одним и тем же способом, когда русло удовольствий прочерчено заранее, час за часом...» [1: 7]. Смысл человеческого существования сводится к накоплению вещей и погоне за экономическим благосостоянием. Потребление охватывает не только сферу материальных, но и духовных ценностей, внедряется в социальные и культурные отношения. Основной задачей для рыночного человека становится «иметь», а не «быть». Он расточительно относится ко всему, что его окружает: вещам, людям,

среде, – поскольку склонен жить одним днем, не задумываясь о будущем.

«Живое существо становится товаром на "рынке личностей"» [6: 93]. Люди покупаются и продаются, коллекционируются, используются или выбрасываются за ненадобностью. В поиске удовольствия человек превращается в заложника им же созданных потребительских ценностей. В таких условиях исторический город становится похожим на «нагромождение, изобилие предметов... В кружок собираются церковь, теннисные корты, элегантные магазинчики, библиотека» [1: 5].

Исторический город превращается в ареал обитания «здесь и сейчас» и теряет свое назначение хранителя культурных традиций прошлого. Он оценивается лишь с точки зрения комфортности существования, не порождает никаких фундаментальных воспоминаний и ассоциаций, не вызывает восхищения. «Впервые в истории возникает эпоха без эталонов, которая не видит позади ничего образцового, ничего приемлемого для себя... Мы чувствуем, что внезапно стали одинокими, что мертвые умерли всерьез, навсегда и больше не могут нам помочь» [4: 59]. Городское пространство с вековыми традициями кажется непонятым, скучным, пустым для «общества потребителей». Именно поэтому так беспощадно истощается материальный и духовный потенциал исторических городов.

«Общество потребителей» искажает древнюю планировку, внедряя в нее однотипную застройку и пренебрегая значимыми архитектурными сооружениями, памятными местами, произведениями искусства. Так, в Санкт-Петербурге историческая панорама Стрелки Васильевского острова варварски нарушена 18-этажным жилым комплексом «Финансист», построенным в стиле постмодернизма в 2007-2009 гг., и 17-этажным бизнес-центром «Биржа», открытым в 2010 г. И это не единичный случай. Поистине массовый характер приобретает необоснованное и – порой – незаконное разрушение исторической среды в коммерческих целях. Жертвами современного общества в первую очередь становятся ветхие или деревянные сооружения, которые, с точки зрения потребительского сознания, отслужили свой век и не представляют никакой ценности. Вместо снесенных памятников культуры вырастают промышленные здания, торговые комплексы, благоустроенные дома.

Подобную ситуацию, к сожалению, можно наблюдать повсеместно. К примеру, в Уфе всего за несколько лет (с 1999 по

2004 гг.) было снесено 50 памятников культуры. В Санкт-Петербурге с 2005 г. подверглись массовому уничтожению целые кварталы исторической застройки [5]. В Москве за период с 1990 по 2006 гг. было разрушено и испорчено более 700 исторических зданий [3]. Нередко можно встретить и случаи варварского уничтожения археологического наследия исторических городов вследствие непродуманного промышленного и дорожного строительства, распахки земель или незаконных раскопок с целью наживы. Такой участи, к примеру, периодически подвергается Гнездовский комплекс, расположенный в верховьях Днепра к западу от Смоленска. Он включает в себя остатки торгово-ремесленных поселений с культурным слоем конца IX–X вв. и считается одним из самых богатых археологических памятников на территории Восточной Европы. Несанкционированные раскопки «черных» археологов в поисках кладов с каждым годом приобретают все большие масштабы, что ставит под угрозу само существование Гнездовского комплекса. Объектом аналогичных грабежей является Рюриково Городище, находящееся в двух километрах южнее от центра Великого Новгорода на правом берегу реки Волхов. Древнее поселение было основано в IX в. как административный и торгово-ремесленный центр Приильменя. В культурном слое археологического памятника сохранилось большое количество ценных вещей скандинавского происхождения. Однако в результате незаконных раскопок ряд из них навсегда утрачен [2].

Таким образом, в условиях «общества потребления» культурное наследие большинства исторических городов находится под угрозой исчезновения. Стремительные темпы глобализации и технизации стирают традиционный облик древних архитектурных сооружений и планировок, природных ландшафтов и памятных мест. Неслучайно О. Шпенглер во втором томе своего труда «Закат Европы» назвал современный период временем гибели городской культуры, когда она приносит «кровь и душу своих создателей» [7: 110] в жертву цивилизации и, тем самым, уничтожает себя. Пожалуй, только неравнодушное и осознанное отношение горожан к наследию прошлого способно изменить судьбу исторических городов в лучшую сторону.

Литература

1. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / Пер. с фр. Е.А. Самарской. – М.: Республика; Культурная революция, 2006. – 269 с.

2. Грабительские раскопки как фактор уничтожения археологического наследия России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ironcross-cma.com/content/view/428/61/>
3. Калинина Ю. Памятник без памяти. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://moskva.kotoroy.net/press/111.html>
4. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс / Пер. с исп. Б.В. Дубина, А.М. Гелескул и др. – М.: АСТ, 2002. – 509 с.
5. Разрушенный Петербург. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://karpovka.net/net/>
6. Фромм Э. Иметь или быть? / Пер. с англ. Н. Войсунской, И. Каменкович, Е. Комарова и др. – М.: АСТ, 2000. – 129 с.
7. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы / Пер. с нем. И.И. Маханькова. – М.: Мысль, 1998. – 606 с.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ КАК ПРОСТРАНСТВО ОСВОЕНИЯ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТАМИ ПОЛИЭТНИЧЕСКОГО ВУЗА

Глотов М.Б. (Санкт-Петербург)

Объектом представленного в докладе исследования выступили иногородние студенты Государственной полярной академии. Эмпирические данные получены в результате опросов «Студенты ГПА о Санкт-Петербурге», «Художественный мир и жизненные ориентации студентов ГПА», «Адаптация студентов ГПА к условиям учебы и жизни в Санкт-Петербурге», «Художественный досуг студентов ГПА».

Одним из первых вопросов, который был задан респондентам, был вопрос о причинах желания учиться именно в петербургском вузе. Среди ответов выделялись следующие: желание учиться в культурной столице России, престижность и элитарность петербургского образования, перспективы карьерного роста (всего около 90% ответов). Большинство иногородних абитуриентов стойко придерживаются представления о Санкт-Петербурге как о крупнейшем образовательном, научном и культурном центре России. На их желание учиться в Санкт-Петербурге повлияли также посещения города во время школьных экскурсий, поездок с родителями (73,2% опрошенных бывали ранее в Санкт-Петербурге).

Согласно опросам, во время обучения в ГПА около 70% респондентов интенсивно осваивают культурное пространство Санкт-Петербурга. Пик посещения учреждений культуры и

культурных мероприятий иногородними студентами приходится на I и II курсы обучения.

В ходе исследования было установлено, что в структуре жизненных ориентаций иногородних студентов повышение культурного уровня занимает 3-е место после учебы и здоровья. Каждый четвертый студент указал на желание посещать музеи и выставки, 30,8% – театры и концерты. Реальное же посещение иногородними студентами учреждений художественной культуры за два месяца панельного обследования выглядело следующим образом: посетили музеи и выставки 72,8% студентов, оперные и балетные спектакли – 10,3%, драматические театры – 16,7%, концерты классической музыки – всего 2,8%. Список музеев, которые посетили студенты, составил 20 наименований. Самые популярные из них – Эрмитаж, Русский музей, Кунсткамера, музей Этнографии народов России, Зоологический музей, музей Арктики и Антарктики, Геологический музей. Реже посещаются художественные выставки (около 30% студентов), выставки народной культуры, мемориальные музеи. Особенно любят студенты посещать пригороды и их музеи.

Большинство респондентов отмечают любовь к прогулкам по городу и его окрестностям, делая, например, такие заявления: *«Прогулка по Санкт-Петербургу – это уже культурная программа», «Лучший способ культурно отдохнуть – просто погулять по тихим улочкам города»*. Любимых мест в Санкт-Петербурге у иногородних студентов достаточно много: в основном, это ландшафтно-архитектурные символы города. Особую любовь выражают студенты к паркам города. Любимы и тихие улочки. Есть и особые пристрастия: *«на крыше Исаакиевского собора», «один уютный дворик на Невском», «Лиговка», «парк на Воронежской»*. Чаше других назывались Крестовский остров, Летний Сад, Стрелка Васильевского острова, Пять углов, Малая Садовая, городские каналы и мосты. Большинство студентов привлекает «всеобщая коммуникация» Санкт-Петербурга – Невский проспект. Как они отмечают: *«Прогулки по Невскому проспекту – это масса совершенно новых впечатлений и эмоций»; «Мне очень нравится бывать возле Казанского собора»*.

Наибольшее замешательство у студентов вызвал вопрос: *«Ваше любимое произведение о Санкт-Петербурге?»* На него не смогли ответить 29,3% опрошенных студентов. Всего было названо около 50 произведений или персоналий (О. Мандельштам, А. Белый, А. Блок, О. Берггольц).

Важными вопросами исследования были вопросы о формировании у иногородних студентов петербургской идентичности. Около половины респондентов из разных регионов проецируют на себя петербургскую идентичность: *«Я уже чувствую себя питерской»*; *«У меня такое чувство, что я живу здесь с самого рождения»*; *«Я чувствую себя причастной к Питеру, как и коренные жители»*; *«Я ощущаю себя петербурженкой, даже лучше, чем некоторые петербуржцы»*. У некоторых респондентов проявлялась двойственная идентификация. Они заявляли, что, несмотря на свою любовь к Санкт-Петербургу, в них *«пока преобладает провинциальность»*; что душой они все еще в своем регионе; что их родина там, где живут их родители. Однако каждый третий опрошенный считает себя «чужим» в Санкт-Петербурге. Каждый четвертый из них полагает: чтобы ощущать себя петербуржцем, надо родиться в Санкт-Петербурге.

Многие студенты уважительно отзываются о «петербургском характере», стиле поведения и общения. Они признают, что у петербуржцев своя этика поведения, что они тактичны, вежливы, добросердечны, гостеприимны. Некоторые студенты хотели бы развить в себе эти качества и считают, что *«быть петербуржцем – большая честь»*. Однако встречаются и негативные мнения, которые вызваны общением с жителями города, не интересующимися его культурой или проявляющими крайние чувства национализма.

Часто встречающееся в ответах студентов употребление слова *«питерцы»*, а не *«петербуржцы»* может свидетельствовать о том, что иногородние учащиеся идентифицируют себя скорее с представителями массово-демократической, а не элитарной культуры Санкт-Петербурга. Сходные идентификационные и поведенческие позиции занимают иногородние студенты других вузов города, например, студенты Российского государственного университета им. А.И. Герцена из числа малочисленных народов Севера.

Более 2/3 иногородних студентов хотели бы остаться в Санкт-Петербурге после окончания учебы. Основные мотивы: любовь к городу, перспективы карьерного роста и высоких заработков, бесперспективность работы в регионе, возможность приобщения к культуре. В интервью иногородние студенты заявляли о том, что они *«уже полюбили Питер и не представляют жизни в другом городе»*, что им *«хочется своими глазами каждый день видеть это великолепие»*. В большинстве ответов, однако, акцентируются прагматические моменты: *«в Санкт-Петербурге больше возможностей реализовать себя, найти хорошую работу,*

сделать карьеру»; «есть перспективы найти престижную работу, жить европейской жизнью»; «большой город – большие возможности»; «если приложить усилия, то можно продвигаться в карьере и занять хорошее положение». Стремление студентов остаться после окончания обучения в вузе в мегаполисе подтверждают исследования отечественных и зарубежных социологов. Ими также отмечается все большая значимость для молодежи постматериалистических ценностей (качество жизни, самореализация, общение, культурный рост, интересная работа, свобода выбора). Об этом же свидетельствуют и такие высказывания студентов, как: *«Санкт-Петербург – город с более высокими ценностными ориентациями»; «Мне нравится возможность приобщиться здесь к мировой культуре».*

Полученные данные эмпирических исследований позволяют сделать некоторые выводы. Во-первых, у большинства иногородних студентов сформировалась или находится в стадии формирования петербургская идентичность. Во-вторых, знакомство студентов с культурной жизнью Санкт-Петербурга пока еще носит поверхностный и ограниченный характер. Требуются как активные действия со стороны администрации вуза в организации культурного досуга иногородних студентов, так и инициативность самих студентов.

СУЩЕСТВУЮТ ЛИ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИНДИКАТОРЫ КРЕАТИВНОСТИ?

Жарков Г.В. (Владимир)

Начиная с весны 2012 г., группой независимых исследователей во Владимире был инициирован проект под названием «Креативный класс современной российской провинции». Однако, как показал анализ и западной, и отечественной литературы, понятие «креативного класса» операционализируется в основном через психологические, а не через социологические и даже не через социально-экономические характеристики. При проектировании пилотного исследования нами были отобраны следующие формальные социодемографические характеристики: возраст – 25-35 лет (поскольку для России характерно, с одной стороны, «отложенное» взросление, а с другой – предполагалось, что у «рожденных в СССР» не было базовых возможностей для самоидентификации с креативным классом), доход/заработная плата

– не менее, чем в полтора раза превышающая среднюю по региону; занятость в отраслях, отнесенных авторами теории креативного класса к креативным: интернет-технологии и программирование, СМИ, финансы, право, здравоохранение, управление бизнесом. При этом остро встал вопрос, включать ли в потенциальный состав креативного класса государственных служащих или исключать их из исследуемой выборки? В условиях российской провинции, где степень огосударствления всех сфер жизни чрезвычайно высока, мы приняли решение включить их в анализ, однако на методологическом уровне этот вопрос для нас не решен.

В результате проведенного пилотного исследования (приняли участие более 200 человек из Владимирской, Ярославской, Калужской, Московской, Костромской областей) были выделены следующие социологические индикаторы, на статистически значимом уровне выделяющие лиц, самоидентифицирующихся с креативным классом (кстати, возраст участников, по итогам дискуссии в социальных сетях после публикации объявления об исследовании был поднят до 45 лет).

1. Постоянное переобучение. Представители креативного класса значимо чаще, чем не относящие себя к нему, используют обе стратегии продолжения образования: как получение дополнительных специальностей, так и повышение квалификации. Важно отметить, что для них важен не сам факт переобучения, а получение реальных знаний/умений, что выражается в относительно большой доле формально не оконченных курсов.

2. Присутствие в «информационном поле». Значимое большинство представителей провинциального креативного класса имеют личные сайты, ведут блоги, присутствуют в социальных сетях (причем виды этих соцсетей и формы присутствия также значимо отличаются от характерных, например, для госслужащих или предпринимателей). Наличие и технические характеристики «гаджетов» для них является мощнейшим социоидентифицирующим признаком.

3. Информатизация и виртуализация профессиональной деятельности является важнейшим ресурсом для достижения того, что опрошенные называют «освобождением от офисного рабства». Под этим понимается (а) предпочтение работы на дому или, во всяком случае, вне офиса; (б) самостоятельное распределение рабочего времени и нагрузок.

4. Снятие противопоставления дом/офис сопровождается размыванием категорий рабочее/досуговое время. Представители

«креативного класса» чаще всего затрудняются с ответом на вопрос о средней продолжительности рабочего дня: они не могут отделить досуговую деятельность от производственной необходимости (модель «Понедельник начинается в субботу»). Значимо чаще, чем у представителей контрольной выборки, у них отсутствует фиксированный плановый отпуск.

5. Весьма интересные различия были обнаружены в особенностях потребления представителей «креативного класса». Так, среди главных жизненных материальных целей/ценностей у них на первом месте находится приобретение/наличие не просто собственной «жилплощади», а именно отдельного дома (у представителей контрольных выборок главную жизненную ценность чаще всего представляет автомобиль, а также не отдельный дом, а жизненное пространство как таковое). Их крупные покупки значительно более индивидуальны, чем у представителей контрольных выборок, поскольку они, прежде всего, связаны с обслуживанием профессиональной деятельности и/или собственно творчества (например, кино/видео/фотоаппаратура, предметы искусства). Значительную долю в бюджете занимает благотворительность/участие в общественных/культурных акциях.

6. Если в предыдущих социологических характеристиках «креативного класса в российской провинции» не было обнаружено значимых гендерных различий, то в семейных стратегиях мужчин и женщин были обнаружены интересные различия такого рода. Прежде всего, это установка на «детность» у мужчин и «отказа от деторождения во имя самореализации» у женщин. В связи с этим, в частности, оказалось, что мужчины из исследуемой группы часто воспитывают детей в нескольких семьях, а также имеют установку на «прием детей в семью». В то же время, среди представителей креативного класса (как у мужчин, так и у женщин) значимо чаще встречаются самые разные варианты «альтернативных» семей.

Таким образом, можно считать установленным, что «креативный класс» в современной российской провинции является не просто спекулятивным образом сформированной категорией или самоидентификацией, но группой, имеющей вполне определенные социологические характеристики, по набору которых можно осуществлять исследовательский поиск и разрабатывать соответствующие инструменты исследования. В то же время, на наш взгляд, необходимо продолжать и теоретико-методологическое обсуждение концепта «креативный класс», прежде чем он займет

свое место в объяснительной системе понятий современной российской социологии.

ТРАНСПОРТНАЯ РЕКЛАМА КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО КАПИТАЛА ГОРОЖАН

Исакова И.А. (Нижний Новгород)

Социальное и экономическое развитие стран зависит не только от наличия ресурсов, технологических инноваций, но и от культурных ценностей, которые разделяют граждане, от уровня и качества их социальных взаимоотношений. Все эти достижения можно объединить в понятие «капитал». В социологии исследованием капитала занимались многие знаменитые ученые, такие как П. Бурдьё, а за ним и Дж. Коулман, и Ф. Фукуяма, в России – В.В. Радаев и другие. На вопрос, что же такое «капитал», все эти ученые отвечали по-своему, но все интерпретации объединяет одно: «Любой капитал представляет собою социальное отношение» [1].

Социальные отношения очень многогранны, поэтому и капитал имеет разные формы. Нельзя однозначно отнести рекламу к одной из таких форм. В рамках нашего исследования мы определим транспортную рекламу как вид социокультурного капитала. По своей сути реклама, прежде всего, экономический феномен, поэтому ее можно рассмотреть и как вид экономического капитала. В.В. Радаев определяет его как триединство «денежный капитал (финансовые средства); производственный капитал (средства производства); товарный капитал (готовые продукты)» [1]. Таким образом, транспортная реклама в чистом виде не относится ни к одному из трех представленных форм: она – не деньги, не средство производства и не совсем готовый продукт (готовым продуктом она является для рекламного агентства, но в целом для рынка она средство продвижения товара).

Реклама имеет художественную и символическую составляющие, которые определяют не столько ее назначение, сколько содержание и посыл. С этой точки зрения, рекламу можно причислить к культурному капиталу. Как заметил П. Бурдьё, культурный капитал, как и реклама, приобретается «совершенно неосознанно» [2]. Знание рекламы, как и культурный капитал, «нельзя накопить независимо от способностей индивидуального агента к его приобретению» [2], то есть человек может неосознанно получать информацию из рекламы, но вот использовать ее или нет –

он решает сам. Определение культурного капитала, данное В.В. Радаевым, полностью подходит для характеристики рекламы: «культурный капитал воплощается в практическом знании, позволяющем человеку распознавать стратегии и принципы действия других хозяйственных агентов».

Реклама также связана с социальным капиталом. «В отличие от культурного и человеческого капитала, социальный капитал не является атрибутом отдельного человека» [1]. Реклама в значительной мере является феноменом городской среды. Это значит, что она является достоянием всех горожан, которые так или иначе ее видят; она включается в сети городских коммуникаций. Город, несомненно, формирует «сети социальных связей, которые используются для транслирования информации, экономии ресурсов, взаимного обучения правилам поведения, формирования репутаций» [1]. Дж. Коулман определяет социальный капитал как «множество различных составляющих, которые характеризуются двумя общими свойствами: они, во-первых, состоят из нескольких социальных структур и, во-вторых, облегчают определенные действия акторов внутри структуры, будь то индивид или корпорация» [3]. Наличие социального капитала способствует пониманию членами общества потребностей, мыслей и поступков друг друга, то есть консолидации и интеграции. Одним из способов интеграции человека во взаимоотношения в социально-экономической сфере является реклама. «Важная форма социального капитала – возможность получения информации, которая свойственна социальным отношениям. Информация имеет большое значение для действия» [3]. Это отвечает духу рекламы. Она дает информацию о товаре, провоцирующую человека на более и менее определенное предсказуемое поведение, поэтому мы относим рекламу к социальному капиталу.

В.В. Радаев определяет социальный капитал как «совокупность отношений, которые связаны с ожиданиями того, что другие агенты будут выполнять свои обязательства без применения санкций» [1]. Это определение основано на необходимости некоей идеи или особого вида взаимоотношений людей, которые будут приняты всеми и позволят прогнозировать поведение в той или иной ситуации. Наличие таких отношений или, иными словами, социального капитала способствует благосостоянию и повышению конкурентоспособности. Недостаточно весомый социальный капитал не позволяет полноценно функционировать в современном обществе.

Дж. Коулман в своей статье «Капитал социальный и человеческий» пишет, что социальный капитал является важной формой «получения информации, которая свойственна социальным отношениям. Информация имеет большое значение для действия. Человек, не очень интересующийся текущими событиями, но желающий быть в курсе всего важного, может сэкономить время на чтении газеты, общаясь с людьми, уделяющими этому вопросу больше внимания. Аналогично социолог, заинтересованный последними исследованиями в своей области, может удовлетворять свои интересы, общаясь с осведомленными коллегами» [3]. А человек, который имеет минимум свободного времени, чтобы разобраться в достоинствах и недостатках многочисленных видов типичного товара, пользуется рекламой, делая свой выбор. «Все эти примеры социальных отношений представляют собой форму социального капитала, обеспечивающего получение информации, которая облегчает действия», – пишет Дж. Коулман [3].

Реклама участвует в формировании социального капитала, предоставляя человеку знания о товаре, позволяя ему ориентироваться в товарном изобилии. Например, заходя в хозяйственный отдел современных магазинов, покупатель видит как минимум три категории стиральных порошков: дорогие, средней ценовой категории и дешевые. Каждая категория представлена несколькими разновидностями порошка, из которых следует выбрать один. И если первое отсеивание происходит по цене, то дальше человек пользуется либо своим предыдущим опытом, либо опытом доверенных лиц (семья, друзья), либо информационными источниками, а именно рекламой. В ситуациях, когда выбор совершается впервые, значение рекламы возрастает. Рекламные средства дают покупателю информационный задел для удовлетворения своих потребительских нужд. Чем больше информации о нужном ему товаре человек получает, тем легче ему сделать выбор и тем качественнее этот выбор будет. Реклама – это технологичный инновационный способ формирования общественного сознания, являющийся неотъемлемой частью городской культуры общества потребления.

Литература

1. Радаев В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация / В.В. Радаев // Электронный журнал «Экономическая социология». – сентябрь 2002 г. – Том 3. – № 4. – С. 20-32. – URL: www.ecsoc.msses.ru.

2. Бурдые П. Формы капитала / Перевод М.С. Добряковой // Экономическая социология Радаев // Электронный журнал «Экономическая социология». – ноябрь 2002 г. – Том 3. – № 5. – С. 60-74. – URL: www.ecsoc.msses.ru.

3. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий / Дж. Коулман // Общественные науки и современность. – 2001. – № 3. – С. 121-139.

ЕВРОПЕЙСКИЙ ОПЫТ ОРГАНИЗАЦИИ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА - ФРАНЦУЗСКИЕ ГОРОДСКИЕ САДЫ

Ишкинеева Ф.Ф. (Казань)

Проблема организации и реинтерпретации городского пространства, обеспечения доступности природы для горожан является одной из наиболее обсуждаемых и актуальных проблем в большинстве стран. Меняется ментальность современных горожан, пересматриваются их ценности, определяются новые потребности, которые находят отражение в новых программах, определяющих направление городского развития. В исследованиях и на практике акцент в отношении горожанина и природы переносится с потребительского, визуально-эстетического подхода к новой модели, в рамках которой человек рассматривается как часть природы, а наличие доступа к природе интерпретируется как его естественная потребность и право. Возникают новые формы социальных практик, которые требуют анализа и оценки.

В рамках деятельности международной сети «Устойчивое городское развитие: отношение между горожанином и природой» при финансовой поддержке министерства устойчивого развития и экологии Франции автору была представлена возможность в период с 22 по 27 мая 2010 г. ознакомиться с практиками организации деятельности коллективных городских садов Большого Парижа, наибольший научный и практический интерес среди которых представляют три вида садов: так называемые «разделенные сады», «семейные сады» и «сады социального включения».

Разделенные сады, *les jardins partages*, – это вид коллективного городского садоводства, характерный для мегаполиса, с ограниченным количеством свободных земель. Данный вид сада не имеет аналогов в условиях российской городской практики. Разделенным он называется не потому, что территория поделена между садоводами, а потому, что уход за садом и интерес к нему

разделяется группой людей. В результате образуется особый микромир, своеобразная коммуна с общими интересами и обязанностями.

Подобные сады могут располагаться в самых неожиданных местах: будь то крыша дома, подворотня или участок земли между жилыми домами или офисами. Они традиционно весьма скромны по размеру: площадь сада может составлять всего нескольких соток, поделенных на небольшие грядки. Процессу возникновения сада предшествует следующая процедура: жители квартала, в котором есть участок не занятой земли, обращаются в префектуру с просьбой о передаче им права на использование этой земли для занятий садоводством. При положительном решении вопроса земля, оставаясь в собственности префектуры, передается во временное пользование садоводам. Территория сада обычно огорожена и запирается, у садоводов имеются ключи, и они в любое время могут прийти поработать и отдохнуть в саду, постоять на земле. При каждом таком саде может состоять несколько десятков членов. При этом на каждого садовода может приходиться менее двух квадратных метров земли. Но люди дорожат своим членством в садовом обществе, очень любят его, ощущают необходимость в нем. Деятельность подобных обществ регламентируется общим собранием: решения о том, что сажать, как ухаживать за посадками, какие удобрения вносить, какое время каждый садовод должен отработать в саду, принимаются совместно. Бюджет сада складывается из членских взносов садоводов и средств, выделяемых муниципалитетом. Количество подобных садов увеличивается с каждым годом, но до сих пор не удовлетворена потребность горожан, желающих иметь членство в таком саду.

С точки зрения российской ментальности, данный вид садоводства вообще трудно назвать садоводством в прямом смысле этого слова. Не сразу понятны смысл и цель такого рода садов, мотивы поведения садоводов. Это больше «игра в сад», иллюзия причастности, чем реальное садоводство. В то же время, более детальный анализ позволяет утверждать, что смысл и значимость такого рода садоводства, мотивы поведения людей обусловлены спецификой и характером развития современной цивилизации, индивидуализмом, доминированием логики рынка, лишаящим человека-горожанина возможности удовлетворения его естественных потребностей. Даже такой небольшой по размерам, разделяемый с другими сад позволяет человеку получить доступ к земле, обрести право участия в садоводческом творчестве – право быть не

наблюдателем, а участником действия. Кроме того, этот сад является формой проведения досуга, компенсирующей не удовлетворенную потребность горожан в общении, способствующей возникновению чувства причастности, единства. Это форма самоорганизации и единения, идущая снизу: по инициативе самих горожан.

Второй вид коллективных садов – это «семейные сады». Такие сады имеют сходство с распространенными в России коллективными садовыми товариществами. Традиционно эти сады располагаются на свободных землях в пригородах, вблизи жилых кварталов. Это территория, размер которой варьируется от нескольких десятков соток до 1-2 гектаров, с общей инфраструктурой, поделенная на отдельные участки, размером 100-150 квадратных метров. Процесс создания сада осуществляется следующим образом: жители района обращаются в префектуру с просьбой выделить им во временное пользование находящуюся в их квартале свободную землю для создания коллективного садового общества. При удовлетворении просьбы префектура выделяет определенную сумму на обустройство инфраструктуры садового общества, проводит работы по ограждению территории садового общества, постройке мест общего пользования и разметке участков, после чего земли садового общества распределяются между семьями из близлежащих многоэтажных домов, которые хотели бы иметь сад. Бюджет садового общества состоит из ежегодных членских взносов и средств, выделяемых префектурой на функционирование садового общества. Общие вопросы функционирования садового общества, связанные с распределением бюджета, покупкой инвентаря, определением общественных обязанностей и регламентацией единицы времени общественно полезных работ для каждого члена сообщества, решаются на общем собрании. На индивидуальной территории из строений имеется только обеспеченный префектурой навес и щитовой сарай для инструментов размером в 1,5-2 квадратных метра. Садоводы не имеют права самостоятельно осуществлять какие-либо капитальные постройки и оставаться в садах на ночь.

Что сажать, каждая семья решает самостоятельно. Каждый участок индивидуален. У кого-то это может быть зеленая лужайка с цветами, у кого-то – овощи и плодовые кустарники. Для большинства семей такой сад является местом сбора, местом совместной деятельности и проведения досуга, что способствует объединению и укреплению семьи. В рамках садового общества организуются общие праздники, устанавливаются дружеские

отношения, расширяется жизненное пространство горожан, кипит «другая» жизнь. Все это стимулирует интерес горожан к членству в садовом обществе. Очередность получения таких участков может быть определена на несколько лет вперед. Имеющееся количество семейных садов не удовлетворяет все возрастающую потребность горожан в садоводстве. Несмотря на скромные, по российским меркам, участки садоводы дорожат возможностью на своей территории вырастить определенное количество овощей и фруктов, для кого-то это даже является весомым вкладом в семейный бюджет. Но все же основное назначение такого сада – возможность изменения устоявшегося образа жизни, расширения жизненного пространства, смены обстановки, релаксации, удовлетворения потребности в общении, а также возможность творчества через доступ к деятельности, связанной с обработкой земли.

Третий вид садов – «сады социального включения». Это социальный проект, осуществляемый государством с целью содействия в адаптации людям, которые оказались в трудной жизненной ситуации. Они отдаленно напоминают виды общественно-полезных работ, организуемые российскими центрами занятости, для безработных. Но, в отличие от российской практики, каждый такой сад-организация, является социальным центром, к которому прикрепляется определенное количество людей на фиксированное время, в течение которого садоводы обязаны отработать определенное количество часов в саду, за что им выплачивается социальное пособие, предоставляется возможность приобрести выращенные овощи за более низкую цену, оказываются различного рода консультационные и образовательные услуги.

Эти сады, функционирующие как социальные центры, располагаются в пригородах или в небольших городах района Эль-Франц и занимают территорию в несколько гектаров. Как обычно, они представляют собой большую огражденную территорию, внутри которой находится поле, на котором выращиваются различные овощные культуры, и здание, в котором могут располагаться административный корпус, мастерская, учебные классы, склад для хранения овощей, помещение для техники и садового инвентаря. Функционирование такого социального сада финансируется государством. В эти сады-центры могут обратиться безработные, которые не могут самостоятельно найти работу, люди, оказавшиеся в сложной жизненной ситуации. В процессе совместного труда, общения и обучения они получают навыки адаптации к жизни в социуме. Если в течение года им не удастся найти работу, они могут

получить повторное право нахождения при центре. Но обычно этого года бывает достаточно для того, чтобы люди сумели найти работу, освоили язык, если не владели им прежде, и могли ориентироваться в обществе. Эти сады особенно востребованы многочисленными мигрантами, которым приходится адаптироваться к условиям жизни в непривычной для себя среде. Социальная значимость этих садов велика: через социализацию и адаптацию посредством понятной и свойственной природе человека деятельности они позволяют снять напряженность, снизить конфликтогенность общества и являются своего рода средством профилактики правонарушений.

Таким образом, каждый из представленных выше садов, удовлетворяет потребности различных категорий горожан. Для большинства это (возможно, даже неосознанная) форма адаптации к условиям жизни в мегаполисе, возможность хотя бы частичной компенсации утраченных способов удовлетворения естественных человеческих потребностей в общении, коллективизме, творчестве, доступе к природе. Анализ практик, направленных на обеспечение устойчивого городского развития, в частности французского опыта организации городских садов, позволяет по-новому взглянуть на территориальные ресурсы России и оценить потенциал российского коллективного садоводства, наводит на размышления о необходимости сохранения исторически сложившихся практик организации отношений между горожанином и природой и поиска новых форм, соответствующих современным реалиям.

МОЛОДЫЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ КАК КРЕАТИВНЫЙ КЛАСС САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Капась Т.Д. (Санкт-Петербург)

Американский социолог Ричард Флорида причисляет к креативному классу творческих профессионалов, занятых в креативном сегменте экономики: работников, чья экономическая функция заключается в создании нематериальных активов, приносящих материальные дивиденды, т.е. новых идей, новых технологий и нового креативного содержания. Иными словами, стратификация производится по профессиональному критерию: представители креативного класса – это профессионалы творческих профессий. Можно говорить даже о «человеке креативном» («*homo creativus*»), для которого определяющей является творческая идентичность и в котором превалируют непрагматические

жизненные мотивации – нередко и со специфической креативной моделью поведения. Носителям подобного психотипа присуща способность к нестандартному мышлению, к риску, к принятию эффективных решений в условиях неопределенности, к творческим озарениям, к трансгрессии и трансценденции, к выходу за пределы имманентной личностной данности. В иных же социальных стратах, включая бюрократический класс, доминирует, как правило, вполне рациональная мотивация.

Представители креативного класса напоминают «предпринимателей» в экономической теории Йозефа Шумпетера, которые обладают «предпринимательской способностью»: они ориентированы не на линейный экономический рост, а на инновации и экономическое развитие. На основе работы Шумпетера «Теория экономического развития» можно выделить следующие группы мотивов, побуждающие людей к предпринимательской деятельности: 1. экономические мотивы; 2. социальные мотивы; 3. психологические мотивы; 4. физические мотивы; 5. гуманистические мотивы. Экономические мотивы – это стремление извлечь экономическую выгоду посредством достижения успеха победы, либо успеха выживания, либо того и другого одновременно. Экономическая выгода состоит в обеспечении себя и своих близких средствами существования, достаточными, как минимум, для поддержания жизни и воспроизведения своей рабочей силы, как максимум – для укрепления личного конкурентного потенциала и обеспечения личных конкурентных преимуществ над другими предпринимателями. К предпринимательской деятельности людей подталкивают не только экономические мотивы, но и социальные:

- инициирование форм социального общения (социальных коммуникаций) как способ реализации, поддержания и усиления собственной социальной энергетики;
- достижение успеха в обществе на законных основаниях, поддержание правовой адекватности, подчинение «дела» применяемым нормам права в сочетании с инициированием улучшения этих норм;
- публичная презентация личных конкурентных преимуществ и достижений;
- формирование и укрепление положительной репутации в глазах окружения;
- приобретение социальных знаний, умений, навыков, в том числе использование чужого опыта в собственной деятельности и обучение на чужих ошибках;

- обретение социального, в том числе правового комфорта.

Социальные мотивы предпринимательского поведения отражают социальное начало в природе людей, потребности в социальных коммуникациях, стремление к социальной адекватности, общественному признанию. Социальное общение всегда иницируется определенными людьми, которые самостоятельно предпринимают шаги для создания необходимых форм такого общения. Поэтому социальная мотивация предпринимательского поведения содержится в постоянной эволюции социальных коммуникаций.

Психологические мотивы предпринимательской деятельности отражают потребность многих людей в эффективной самореализации, развитии личностных качеств, осознании собственной личности, самоутверждении в деловых отношениях, оптимизации межличностных контактов и формировании психологической устойчивости. Посредством предприимчивого поведения люди формируют механизмы эмоционального взаимодействия с другими людьми, развивают в себе такие качества, как настойчивость, уверенность в себе, внимание, воля, аккуратность, открытость, терпение, последовательность в действиях.

В основе гуманистической мотивации людей к предпринимательской деятельности лежат их потребности, имеющие этический, эстетический, идейный (концептуальный, общеприродный) характер. Данные мотивы отражают потребности людей в активном поведении, доминировании, развитии, обретении комфорта в этической, эстетической, идейной областях.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что предприниматели – это субъекты экономической деятельности, стремящиеся улучшить свое материальное положение. Однако это не единственный и часто не основной мотив. Предприниматели прежде всего стремятся к успеху, нацелены на завоевание признания в обществе и на максимальную самореализацию: чаще всего это творческие люди. Данный вывод также подтверждают результаты нашего социологического исследования – серии глубинных интервью с представителями малого бизнеса, проводившихся в Санкт-Петербурге. Были получены следующие ответы респондентов на вопрос: «В чем для вас преимущество предпринимательской деятельности перед работой по найму?»: *«С помощью предпринимательской деятельности я реализую свои творческие способности, получаю неплохие деньги, и мне это льстит»*; *«Предпринимательство дает мне независимость. Нет рамок. Я сам*

выбираю, в каком направлении мне развиваться, на каких рынках»; «Все нужно было согласовывать. Я находилась в определенных рамках. Я была марионеткой». Ответы респондентов на вопрос: «Стремились ли вы с помощью бизнеса зарабатывать больше чем по найму?» – были такими: «Прибыль была второстепенна на первых этапах», «Доход не был первоочередным», «Весь доход мы вкладывали в развитие нашей идеи».

Следовательно, современных предпринимателей следует рассматривать как креативный класс нашего города. Ведь предпринимательская инициатива тесно связана с творчеством, со стремлением к независимости, общественному признанию, максимальной самореализации. Доход следует рассматривать лишь как критерий успеха, который демонстрирует, насколько хорошо реализован изначально задуманный предпринимательский проект.

ОЛИМПИЙСКИЙ СОЧИ: БОРЬБА ЗА КУЛЬТУРНОЕ ПРОИЗВОДСТВО ПРОСТРАНСТВА

Карбаинов Н.И. (Казань)

В последние десятилетия власти стран и городов во всем мире стремятся провести международные спортивные мега-события, такие как Олимпийские игры, чемпионаты мира и т.д. Не является исключением и Россия. Так, например, в 2013 г. в Казани пройдет Универсиада, в 2014 г. в Сочи будут проведены зимние Олимпийские игры, в 2018 г. в нескольких городах пройдет чемпионат мира по футболу. Предполагается, что организация и проведение таких масштабных спортивных праздников определяют ряд благоприятных социальных и экономических последствий: например, обеспечат рост престижа страны на международной арене, привлечение инвестиций, строительство новой инфраструктуры, появление новых рабочих мест, развитие туризма и т.д. Однако наряду с позитивными последствиями данные спортивные события могут также привести и к определенным социальным издержкам, таким как разрушение привычного образа жизни и социальных связей в локальных сообществах, потеря горожанами жилья и работы (особенно среди малоимущего населения), ухудшение экологической обстановки, снижение роли местного самоуправления, нарушение прав собственности и прав человека.

В данном докладе будет рассмотрен один из аспектов влияния спортивных мега-событий на города – борьба за культурное

производство пространства на примере подготовки к олимпийским играм в Сочи. Доклад основан на материалах полевого исследования, проведенного автором в 2010 – 2011 гг. в Имеретинской низменности, в районе города Сочи, где в настоящий момент строятся основные спортивные объекты будущей олимпиады.

Олимпийские игры представляют собой яркий пример деятельности так называемых «машин городского роста» [2; 4; 7]. Именно «машины роста» – коалиции элитных групп – выдвигают на повестку дня развитие города, региона или страны. В качестве одной из стратегий развития данные коалиции предлагают проведение олимпийских игр [1]. Олимпиада становится легитимным поводом перераспределения собственности – крупномасштабной передачи ресурсов от одних собственников и пользователей к другим [3]. Таким образом, «олимпийские машины роста» [7] следуют принципу меновой стоимости собственности (*англ.* – *exchange value*), в ущерб потребительской стоимости (*англ.* – *use value*). Другими словами, элитные коалиции стремятся любыми способами запустить объекты собственности (прежде всего недвижимость) в рыночный оборот и, тем самым, извлечь из этого оборота прибыль, не особенно считаясь с тем, что эта собственность может выполнять также и другие функции (например, поддержание групповой идентичности местного сообщества). Кроме того, олимпийские игры являются хорошим поводом для приватизации публичного пространства (парков, пляжей и других мест общего пользования) [6].

Следование различным принципам стоимости приводит к столкновению элитных групп, представляющих «олимпийских машин роста», с местными жителями. Одним из аспектов этого конфликта является борьба за культурное производство пространства. В случае Сочи представители «машин роста» пытаются превратить «заброшенную» сельскохозяйственную окраину города – Имеретинскую низменность – в курорт мирового уровня, ориентированный на туристов из высших классов. Данная стратегия проявляется как в физической трансформации пространства (например, в строительстве крупных гостиниц и набережной на территории дикого пляжа), так и в создании определенных дискурсивных образов (например, «Сочи – курорт мирового уровня»). Важно отметить, что стратегическая деятельность элит предполагает и тотальное переопределение пространства. Конечная цель этой стратегии – превращение пространства Имеретинки в товар для внешнего потребления. В свою очередь, сопротивление местных жителей как слабой стороны в этом

конflikте проявляется в виде тактик, или «оружия слабых», в терминологии Джеймса Скотта [5]. Местные жители борются за сохранение хотя бы некоторых сегментов пространства Имеретинки (например, дикого пляжа, зеленых насаждений и т.д.). Цель данных тактик – консервация отдельных мест, которые, во-первых, будут и дальше привлекать туристов с невысокими доходами, а во-вторых – останутся объектами внутреннего «потребления» для самих местных жителей.

Литература

1. Logan, J.R., Molotch H.L. Urban Fortunes: The Political Economy of Place. Berkeley, CA: University of California Press, 1987; Burbank M.J., Heying C.H., Andranovich G. Antigrowth Politics or Piecemeal Resistance? Citizen Opposition to Olympic-Related Economic Growth // Urban Affairs Review. 2000. Vol. 35. No. 3. Pp. 334-357; Surborg B., VanWynsberghe R., Wyly E. Mapping the Olympic growth machine // City. 2008. Vol. 12. No. 3. Pp. 341 – 355.
2. Andranovich G., Burbank M.J., Heying C.H. Olympic Cities: Lessons Learned from Mega-Event Politics // Journal of Urban Affairs. 2001. Vol. 23. No. 2. Pp. 113 – 131.
3. Cheyne J. Olympian Masterplanning in London // Planning Theory & Practice. 2009. Vol. 10. No. 3. 404 – 408.
4. Surborg B., VanWynsberghe R., Wyly E. Mapping the Olympic growth machine // City. 2008. Vol. 12. No. 3. Pp. 341 – 355.
5. Smith A. Theorising the Relationship between Major Sport Events and Social Sustainability // Journal of Sport & Tourism. 2009. Vol. 14. No. 2. Pp. 109 – 120.

КРЕАТИВНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ И СОЦИАЛЬНАЯ СРЕДА: ДИНАМИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Карцева Л.В. (Казань)

В данном контексте можно говорить о двух важных феноменах, которые характеризуют процессы изменения и развития современного общества. Первый из них – создание инновационной социальной и технико-технологической среды, второй – формирование креативной личности – носителя инновационной культуры как неотъемлемой части творческого процесса.

Инновационная культура определяется социологом А.Ф. Валеевой как некий комплекс, состоящий из таких компонентов, как

уровень культуры, образования, квалификации работника, степень его «интеллектуального оснащения» и ценностные ориентации [1]. Иначе говоря, психологический портрет творческой личности, выполненный в свое время талантливым психологом А. Маслоу, неизбежно должен быть дополнен портретом социальным, когда в единое целое объединяются процессы самореализации и саморазвития индивида и его инновационного поведения. Последнее А.Ф. Валеева трактует как «действия, в которых проявляется личностное отношение работников к обновлению производства» [1]. Имеется в виду, что в зависимости от социального статуса, семейного положения, уровня квалификации и образования могут быть отмечены действия, направленные как на поддержку процесса изменений в организации, так и на сопротивление им. И тогда поведение индивида можно квалифицировать как находящееся в рамках инновационной культуры либо выходящее за их границы.

Если же говорить о руководителе предприятия, организации, то здесь инновационное поведение усложняется. Руководитель – это не просто участник инновационного процесса. В его функции входит, прежде всего, осознание общественной необходимости в изменениях; поиск концепции решения проблемы; изучение состояния проблемы; разработка новации; освоение новшества; распространение инновации на производстве; интеграция нововведения в культуру. Именно разработка и использование инноваций – закономерность общественного развития, способствующая переходу цивилизации на новый уровень эволюции. Таково мнение философа Ю.А. Карповой, с которым нельзя не согласиться [2].

В этом смысле показателен пример Республики Татарстан, которая стала одним из наиболее успешных регионов России по вложению инвестиций в экономику. В частности, на новостном сайте Республики Татарстан в июне 2012 г. сообщалось, что, по данным Министерства экономики республики, по итогам 2011 г. Татарстан стал вторым в рейтинге инновационной активности регионов из обследованных Национальной ассоциацией инноваций и развития информационных технологий (НАИРИТ) 83 субъектов. На первом месте оказалась столица России Москва, на третьем – вторая столица страны Санкт-Петербург. Данное событие стало возможным благодаря тому, что в регионе действуют крупнейшая в России особая экономическая зона «Алабуга», четыре промышленных парка, технополис и 14 технопарков. В качестве показателей успешности были отобраны такие индикаторы, как «стимулирование развития науки и инновационной сферы, а также получение

объективной картины текущего состояния сферы инноваций в России» [3].

В данном контексте важно учесть, что инновационная культура как таковая влияет на представления индивида о себе и о должном социальном поведении окружающих людей. Как указывает Г.К. Триандис, известный американский антрополог, культуролог, историк, культура сказывается в выборе субъектом модели социального поведения, и это могут быть агрессивное поведение, оказание помощи, доминирование и конфликтные действия [4]. Так, один из важных аспектов культуры и творчества – гендерный. Мужское и женское равноправие – вопрос идеологический. В тех странах, которые пошли по социалистическому пути, официально существует идеология гендерного равноправия, однако женщины ни в политике, ни в экономике, ни на производстве не занимают в них ведущих позиций. Иное дело – страны с рыночной экономикой, информационные общества, где социальная успешность сохраняется за теми индивидами, кто достигает наивысших результатов в производительности труда. Здесь существенное значение имеют способности разного рода: в общественной работе, в продвижении по карьерной лестнице, в творческой деятельности. Пол играет здесь не самую важную роль.

Помимо пола как характеристики, влияющей на творческие интенции руководителя, отмечаются также возраст, религиозные взгляды, политические, нравственные, эстетические симпатии и экономический статус. В соответствии с ними на одну и ту же ситуацию реакция будет различной – в зависимости от типа культуры ее участников [4: 121].

Литература

1. Валеева А.Ф. Инновационная культура как фактор развития предпринимательской активности работников производства в условиях формирования рыночных отношений: Автореф. дисс... канд. соц.н.. Казань, 1993. С. 13.
2. Карпова Ю.А. Развитие интеллектуального ресурса в процессе инновационной деятельности: Автореф. дис... д-ра философ. н. - М., 1998. С. 9.
3. См. сайт Экономика. В России Приволжский округ Татарстан. Материал предоставлен Информационным Агентством Татар-Информ. Казань, 20 июня, «Татар-информ». Дата обращения 21 июня 2012, 12:36 (мск) Новости региона Татарстан рейтинги.

4. Триандис Г.К. Культура и социальное поведение. М.: ФОРУМ, 2007.

ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОСТРАНСТВА (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА «ИВЕНТОВ»)

Локтева Д.А. (Санкт-Петербург)

Учитывая то, что истоки постмодерна связывают с одним из стилистических направлений архитектуры, можно предположить, что именно в архитектурном (пространственном) ракурсе и стоит исследовать постмодерн. Другими словами, нам был интересен вопрос, как постмодерн (как социальное состояние с характерным для него миропониманием) объективируется и воплощается в пространстве. Объектом нашего исследования является объективация [проявления] культурных тенденций в организации пространства. Предмет исследования определен как характеристики постмодернистской организации пространства. Исходя из этого, цель нашего исследования — это выявление характеристик постмодернистской организации пространств на публичных мероприятиях («ивентах»).

Объективацию мы будем рассматривать, ориентируясь на два основных аспекта: структурирование и конструирование. Структурирование пространства отсылает к идеям и фактической организации пространства со стороны тех, кто обладает определенной властью по созданию и планированию пространства, то есть организаторов процесса, которые задают границы и маркируют места. За основу анализа мы берем идеи А. Лефевра о создании пространственных практик социальными группами, представителей которых Лефевр обозначал как профессиональных создателей кодов и знаков: архитекторов, планировщиков и других «деятелей». Причем они не просто задают эти пространственные практики, но и передают информацию, воплощая в архитектуре при помощи своеобразного языка знаков и символов культурные тенденции. Мы также учитываем позицию Г. Зиммеля, отмечавшего роль архитектурного вопроса, с одной стороны, формирующегося людьми, как носителями особой культуры и присущих ей взглядов, а с другой стороны — оказывающего влияние на тех, кто пользуется этими архитектурными строениями в повседневной жизни. Конструирование пространства относится к смыслам и практикам

«потребителей» пространств – посетителей мероприятий. Здесь речь идет о том, что социальное пространство может рассматриваться как процесс конструирования со стороны тех, кто пребывает в пространстве, т.е. участников, где символическое, ментальное оформляет материальное, наполняет его смысловым содержанием за счет работы восприятия и проявляется в поведении и практиках акторов. Опираясь на идеи феноменологов, мы предполагаем, что индивиды конструируют пространство так же, как и реальность. Так, акторы, находясь в структурированном, с подачи организаторов, пространстве, наполняют его смыслами и конструируют в процессе взаимодействия. Это пространство взаимодействия, подразумевающее факт соприсутствия (у Зиммеля), отношений лицом-к-лицу (у Шюца). Такой момент, как общность пространства, в нашем случае также учитывается.

Если в модерне (здесь мы ориентируемся на идеи Фуко), структурирование и конструирование пространства находятся в иерархии, точнее, структурирование подразумевает реализацию власти, подчиняя себе конструирование, организовывая и упорядочивая восприятие и поведение в пространстве, то в постмодерне можно говорить о смешении этих процессов. Границы между структурированием и конструированием в постмодернистской ситуации нежесткие, подвижные: это происходит вследствие подвижности ролей, изменений процессов восприятия у субъектов.

Немного об эмпирической базе. Поскольку в исследовании делается акцент на двух аспектах объективации: структурировании пространства организаторами и конструировании пространства участниками, – было принято решение разбить исследование на три основных части, комбинируя следующие методы: экспертное интервью (полуструктурированное неформализованное интервью с организаторами «ивэнт»); полуструктурированное неформализованное интервью с участниками «ивэнт»; включенное наблюдение, которое «работало» на поиск информантов среди участников и обеспечивало непосредственно сбор информации, фиксацию исследуемых признаков. Исследование проводилось в «Полигоне» – на мебельной фабрике, где организуются закрытые вечеринки, в лаборатории ЦСИ в г. Новосибирске, в «Friends club».

Выбор мест определяется наличием следующих внешних и внутренних критериев:

- Во-первых, это досугово-творческое содержание «ивента». Отметим, что выбранные нами публичные «ивэнты» носят анонимный характер: в них не релевантны социально-экономические

статусы участников (отсутствует даже дресс-контроль, в отличие от других подобных мест).

- Во-вторых, нами выбирались пространства с малой регламентированностью – «свободные пространства для совместной творческой деятельности». Малая регламентированность предполагает спонтанность, положительное отношение к неопределенности.

- Также нами был выделен такой критерий, как ролевая подвижность, включающий в себя неоднозначность, неопределенность деятельности присутствующих на «ивенте».

- Важным критерием мы посчитали и наличие условного сообщества. Речь идет о спонтанном объединении людей, в постсовременных теориях называемых «трайбами», т.е. «постмодернистскими племенными собраниями».

- Последним пунктом, описывающим логику выбора мест и одновременно специфику выбранных «ивентов», является низкий уровень коммерциализации. Деятельность организаторов не ориентирована на получение прибыли (это, скорее, социальные проекты, где деньги не взимаются вовсе или – в некоторых случаях – собираются лишь на покрытие организационных расходов).

АНАЛИЗ СИСТЕМЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОГО СТУДЕНЧЕСТВА

Музалева Н.В. (Курск)

Современное информационное общество конструирует огромное количество культурных норм, смыслов, образов, моделей поведения, расширяя традиционные границы коммуникации. Привычная социальная среда утрачивает свою однородность, становится все более фрагментированной и разнообразной. Под влиянием миграционных процессов и урбанизации город сегодня превращается в сложное поликультурное пространство, что, несомненно, актуализирует проблему социокультурной идентичности личности [1]. Значительное влияние на процессы ее становления и формирования оказывает период обучения в высшей школе.

Многие современные вузы являются некой моделью мультикультурного пространства, которое характеризуется неоднородностью социальной среды (этнической, конфессиональной и т.д.) и гетерогенностью социальных связей, подразумевающей наличие сложной системы взаимодействий, включающей как

горизонтальные (между студентами, между преподавателями) и вертикальные (студент-преподаватель, ректор-декан) связи, так и смешанные (студенческое самоуправление, профсоюзы). Кроме того, пространство каждого университета наполнено собственными традициями, ритуалами, особой символикой.

В связи с этим на базе Юго-Западного Государственного университета было проведено эмпирическое исследование с целью изучения социокультурной идентичности студентов. Прежде всего, следует отметить, что под социокультурной идентичностью в данном случае понимается осознание принадлежности к определенной социальной группе или общности посредством принятия и интериоризации культурных норм, ценностей и образцов, детерминирующих поведение ее членов, и дифференциации от иных групп и общностей. В ходе исследования была построена своеобразная модель социокультурной идентичности студентов, где в качестве основных элементов рассмотрены профессиональная, этническая и гражданская идентичность. Внешней же средой для исследуемой системы является образовательное пространство ЮЗГУ.

Итак, согласно результатам анкетирования, были выявлены следующие структурные и содержательные особенности социокультурной идентичности. Профессиональная идентичность на данном этапе развития состоит в сознательности и обдуманности выбора студентами будущей профессии, мотивом которого у 25% респондентов являются востребованность и у 24% – определение ее как своего призвания. Студенты имеют достаточно ясные представления относительно качеств, присущих профессионалам в их отрасли и специфичных для разных направлений обучения (технического, экономического, гуманитарного), а также приписывают себе эти качества. У большинства учащихся можно отметить позитивное эмоциональное восприятие своей специальности, проявление интереса к дисциплинам, непосредственно связанным с ней. Комфортность социально-психологического климата и значимые статусно-ролевые позиции студенческой группы как прообраза профессионального коллектива позволяют говорить о референтности этой группы для респондентов. И, наконец, порядка 83% студентов заявляют о стремлении в будущем работать по специальности как наиболее значимом пути профессиональной самореализации.

Этническая идентичность заключается в системе представлений о типичных качествах, присущих представителю своей национальности, среди которых наиболее выражены, по

мнению респондентов, лень и склонность к вредным привычкам. В качестве собственных личных характеристик студенты выделяют доброту, отзывчивость, свободолюбие, независимость, щедрость, открытость, свойственные русским, на их взгляд, в несколько меньшей степени. При этом 59% респондентов отмечают, что гордятся своей национальностью. Кроме того, можно выделить позитивное отношение учащихся к представителям других национальностей, иностранным студентам, и формирование в отношении их положительных стереотипов, выстраивание адекватной модели взаимодействия с ними с преобладанием контактов делового характера.

Гражданскую идентичность студентов составляет система символично-образных представлений о России как о «доме», «Родине» и о народном герое как о человеке, совершившем военный подвиг, или об исторической личности, добившейся выдающихся результатов в своем деле; преобладающее чувство гордости за свою страну, ее военное прошлое, достижения в области науки, культуры и спорта, а также активная гражданская позиция, наблюдаемая у более чем половины опрошенных и заключающаяся в осознании своего гражданского долга и участии в важнейших политических событиях государства.

По результатам исследования были выявлены и некоторые негативные тенденции процесса формирования социокультурной идентичности студентов. Можно отметить более низкую оценку своей группы по ряду параметров при сопоставлении ее с другими группами и общностями (профессиональными, этническими, гражданскими). Кроме того, у некоторой части студентов (от 8% до 20%) можно предположить переживание различных форм кризиса идентичности, проявляющегося в неадекватности самооценки, расплывчатости и неопределенности образа «Я», разочаровании в выборе собственной специальности и неопределенности относительно дальнейших профессиональных перспектив, отсутствии психологического комфорта и низких статусных позициях в студенческой группе, критическом отношении к своей стране и низкой гражданской активности, бескомпромиссных негативных суждениях и порой враждебных настроениях в отношении представителей этнических аутгрупп.

Сглаживание данных тенденций возможно благодаря комплексу таких образовательно-воспитательных мероприятий, как открытые научно-практические конференции и разнообразие видов практических занятий по специальности (профессиональная

идентичность), организация совместных походов в музеи, экскурсии по историческим местам, проведение уроков толерантности и фестивалей национальных культур (этническая идентичность), встречи с известными общественными деятелями, политиками (гражданская идентичность) и др. Таким образом, достижение целей и решение задач по формированию социокультурной идентичности студента в мультикультурном пространстве университета должно реализовываться на практике через систему всего учебно-воспитательного процесса с использованием современных методов и способов воспитательного воздействия. Она должны быть направлена на создание такого воспитательного окружения, которое содействует развитию и саморазвитию личности студента, его идентификации и самореализации.

Литература

1. Шакурова, М.В. Социокультурное пространство как условие становление социокультурной идентичности личности // Интернет - журнал «Культура и общество». URL: <http://www.e-culture.ru/Articles/2007/Shakurova.pdf> (дата обращения 5.09.2012).

МАЛЫЙ МОНОПРОФИЛЬНЫЙ ГОРОД КАК ПРОСТРАНСТВО ПРОИЗВОДСТВА И ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Наумова А.С. (Санкт-Петербург)

В структуре административно-видового деления населенных пунктов Российской Федерации существует категория «монопрофильный город», под которую подпадает особый тип устройства поселения. Его важнейший признак – наличие конкретной производственной отрасли, которая играет роль «локомотива» экономики населенного пункта и «стрелы» его жизнедеятельности. В последнее время ситуация жизнедеятельности большинства моногородов определяется официальным дискурсом как нестабильная, проблемная, социально-неблагополучная. Чрезвычайно важно понять, какова в настоящее время социально-экономических перемен идентичность жителей монопрофильных городов. Этот вопрос актуален, поскольку идентичность представляет собой весьма функциональную характеристику, отвечающую за поведение не только индивида, но целых социальных групп, закрепляя его/их в пространстве города, либо, наоборот,

стимулируя активные перемещения в поисках лучших социальных условий.

Как постулируют социальные конструктивисты, идентичность реагирует на трансформации социальной структуры, подвержена влиянию социальных перемен. В динамично развивающемся, мозаичном мире социальная идентичность дробится на множество элементов, складывается из них. Каждая социальная роль, исполняемая индивидом, каждый социальный статус, им занимаемый, предполагает наличие определенной идентичности. Подобное состояние идентичности современного человека правомерно обозначить через концепт «множественной идентичности». Такая идентичность представляет собой динамическую структуру самоощущений индивида в качестве члена различных социальных групп, образованных по определенному основанию (гендер, возраст, субкультура, религия), а также восприятия его окружающими в качестве участника данных групп. Элементы множественной идентичности могут находиться в непротиворечивом взаимодействии между собой и, в таком случае, поддерживают друг друга.

Однако одно из свойств множественной идентичности заключается в следующем: в ситуации, когда один из ее элементов подвергается маргинализации, высока вероятность, что вся структура будет деформирована. Подобная ситуация наблюдается в кейсе, рассмотренном нами в ходе эмпирического исследования. Это исследование было проведено в типичном монопрофильном городе современной российской глубинки – городе Сланцы Ленинградской области (методы: биографические интервью, качественный анализ документов официального дискурса: информационно-библиографических изданий материалов местной прессы), где имеет место системный социальный кризис, вызванный, прежде всего, банкротством главного градообразующего предприятия. Множественная идентичность горожан рассматривалась по таким параметрам, как профессиональная, семейная, локальная/территориальная. Результаты исследования позволяют говорить о следующих некоторых чертах и процессах, характерных для идентичности локального сообщества.

1. Одним из важнейших каналов конструирования множественной идентичности сланцевчан оказался газетный дискурс местной прессы. Более 68 лет газета репрезентирует социальную реальность города и района. В результате контент-анализа и качественного анализа газетных заголовков удалось установить, что

публикации периода 1990-х гг. отличались крайней противоречивостью: на фоне сообщений о невыплатах зарплат шахтерам регулярно публикуются сообщения о поздравлениях и чествованиях по случаю их профессионального праздника. Это способствует неустойчивости идентичности, стимулирует ситуацию идентификационного кризиса. В 2000-х гг. газетный дискурс становится более однородным. Ситуация в градообразующей отрасли получает более однозначные оценки. Данная информация способствует трансформации идентичности горожан.

2. Сланцевчане советского периода имели ярко выраженную особую идентичность, что подкреплялось целым набором факторов: осознанием своей важной роли в промышленности страны, высокими заработками, доступом к дефицитным ресурсам, монопрофильным характером города, – все это влияло на формирование представлений жителей о себе как «особых», «уникальных», «избранных», «привилегированных».

3. Социальная идентичность горожан является многоэлементной (профессиональная, семейная, локальная/территориальная). В советский период все уровни идентичности как бы подкрепляли, поддерживали друг друга: город – шахтерский, профессия – престижна в городском пространстве. Даже семейная идентичность нередко была опосредована профессиональной (наличие трудовых династий на предприятии), стратегии выбора образовательного учреждения также детерминировались производством (обучение в Ленинградском горном институте, нынешнем Национальном минерально-сырьевом университете «Горный»).

4. Внутри элементов множественной идентичности можно выделить несколько уровней. Например, профессиональная идентичность работников шахты подразделяется на уровни от наиболее широкого «Я – шахтер» до максимально узкого «Я – шахтер шахты им. С.М. Кирова производственного объединения «Ленинградсланец»». В зависимости от должности информанта можно выделить еще более дробное деление: «Я – проходчик бригады N шахты им. С.М. Кирова». Вероятно, здесь действует следующий принцип: чем более высокую ступень на служебной лестнице занимает индивид, тем шире категории его профессиональной идентификации, и наоборот.

5. Множественная идентичность сланцевчан в период стабильности и расцвета города (советский период) подкреплялась повседневными практиками: профессиональными (труд на шахтах и

смежных производствах), потребительскими (доступ к дефицитным благам), мобильности (поездки в Ленинград, Эстонию); досуговыми (майские и ноябрьские общегородские демонстрации, широкое отмечание профессионального праздника День шахтера), а также городской символикой, например, топонимикой (названия улиц: улица Горняков, улица Шахтеров, улица Шахтерской Славы, Шахтная улица; названия культурно-досуговых объектов: стадион «Шахтер», городской Дом культуры Горняков; памятники: С.М. Кирову, памятник шахтеру и геологу, памятник шахтерам).

6. Эмпирическое исследование зафиксировало рассогласование повседневных практик горожан и символов социокультурного поля в современных Сланцах. Таким образом, гипотеза исследования подтвердилась: период социально-экономических перемен отмечен трансформацией множественной идентичности жителей малого города, особенно ее профессиональной составляющей. Кроме того, есть достаточно оснований для утверждения, что одним из проявлений означенной трансформации является кризис социальной идентичности, который диагностируется у части городского населения. Проявления кризиса идентичности различны: профессиональная невостребованность, отсутствие перспектив, нарушение семейных связей, отток молодежи из города, «вымирание» города. Негативные последствия сложившейся ситуации, на наш взгляд, очевидны.

СТРАТЕГИИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КРЕАТИВНЫХ СООБЩЕСТВ В ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДА

Ненько А.Е., Пивоваров А.М. (Санкт-Петербург)

В докладе будут представлены некоторые результаты научно-исследовательского проекта факультета социологии СПбГУ «Коммуникативные практики создания знания в социальном пространстве современного города» 2011-2012 гг., объектом которого являются креативные сообщества Санкт-Петербурга [1].

В фокусе доклада – рассмотрение стратегий репрезентации креативных сообществ в городе через формы символического и физического освоения ими специфических пространств и сред. Такой подход не является традиционным, так как мы будем говорить о репрезентации не столько как об «образе» сообщества, сколько как о той его практической и дискурсивной деятельности, через которую

оно представляет себя в городе наряду с другими сообществами и через которую оно может быть узно и соотнесено с условной «картой» креативного пространства города. Несмотря на эмпирические особенности кейсов, мы считаем, что такой подход к рассмотрению репрезентации и выделению компонентов соответствующих стратегий может применяться и для других эмпирических случаев. В то же время, мы уверены, что такая оптика рассмотрения может быть доработана заинтересованными лицами.

Эмпирическим материалом для доклада служат сравнительные качественные данные по трем креативным сообществам: «Паразит», «Что делать?» и «Непокоренные». Все названные сообщества подпадают под определение, выработанное в рамках проекта, а именно представляют собой «разновидность сообщества практики, которая объединяет творческих индивидов, регулярно создающих произведения искусства в ходе общих или сопряженных творческих практик, и характеризуется высокой экспрессивностью взаимодействия и самовыражения» [1]. Тем не менее, между ними имеются существенные различия, которые проявляются на различных уровнях их рассмотрения. В целом, сообщество «Паразит» является демократической площадкой для совместного экспонирования и коммуникации и объединяет художников, иронизирующих над современным искусством и его истеблишментом, «паразитирующих на телах чужих культурных институций» и проявляющих особый интерес к перформансу. «Что делать?» является самым известным в Петербурге сообществом политически сознательных, левых (в широком понимании) художников-активистов, которые работают и как теоретики. «Непокоренные» на данном этапе представляют сообщество художников, которые объединены благодаря соседству мастерских и наличию куратора и ориентированы на создание «качественного» современного искусства. Данный доклад является попыткой концептуализации этих различий через рассмотрение репрезентаций данных сообществ в культурном пространстве города.

Основным тезисом доклада является следующее утверждение: стратегия репрезентации креативного сообщества в пространстве города базируется на специфических для участников данного сообщества ценностях и установках, связанных с творчеством, и реализуется в характерных художественных практиках и выборе для их осуществления соответствующего места и среды города, а также формы работы с ними.

Сравнительное описание компонентов, составляющих стратегии репрезентации указанных креативных сообществ, представлено в таблице 1.

Табл. 1. Сравнительное описание компонентов репрезентации креативных сообществ в городском пространстве

сообщество показатель	«Паразит»	«Что делать?»	«Непокоренные»
Идейные творческие установки	Мягкие тактики переименовани я повседневност и, ирония и «трэш»; переосмыслен ие истеблишмент а «мира искусства», его экзистенциаль ная, политически не ангажированна я, «нерефлексиру емая» критика	Политическая ангажированно сть, левое искусство; критика «недопредстав ленности» (underrepresent edness) социальных сообществ и групп, критика власти, рефлексируема я и теоретизируем ая	Успешное, качественное современное искусство, стилевая, жанровая всеядность: главное не что показывается, а с каким эффектом. Либерализм: «вместе, но по отдельности».
Форма художественных практик	Акции «захвата» пространства; перформансы в городской среде, в культурных институциях	Участие в митингах, демонстрациях ; «брехтианский » спектакль; «дрейф» в районах города	Художественные фестивали, выставки, экспонирование произведений, исполненных в традиционных и альтернативных фундаментальны х жанрах

Характерные пространства репрезентации (физическая и дискурсивная интерпретация)	«Пространство неосвоенной повседневности» (также не институционализированные по отношению к «миру искусства»): городская публичная среда, частное пространство (магазины); «легитимизированное пространство» (институционализированное по отношению к «миру искусства»): галереи и музеи современного искусства	Городское публичное пространство, означенное как «политическое» – площади; городское публичное пространство, означенное как «политически недопредставленное (underrepresented)» (напр., район м. Нарвская); сценические площадки дворцов культуры.	«Пространства экспонирования» современного искусства, признанные городскими публиками и креативным истеблишментом : галереи, лофты, мастерские, креативные пространства
Как осваивается пространство?	Нарушение фрейма стереотипного «функционального» восприятия пространства	Насыщение обыденного пространства политическим и смыслами	Традиционное функциональное использование экспозиционного пространства; умелое использование ресурсов пространства
Самоидентификация сообщества в городском пространстве	Образ «паразитов»: «шутов» и «ловкачей», ироничность и самоирония, игривость, легкая критичность	Образ объединяющего активных левых, дискурсивно вовлеченных, ответственных, рефлексирующих художников	Образ «успешных» современных художников, представляющих серьезное искусство, умелых в обращении с имеющимися ресурсами мест

Табл. 2. Стратегии репрезентации креативных сообществ в городском пространстве

Стратегия	Проблематизация	Политизация	Использование
Сообщество	«Городской паразит»	«Политический активист»	«Неискоординированные»

	повседневности		пространств города для продвижения современного искусства

В докладе будут представлены примеры художественных практик освоения городских пространств, иллюстрирующие стратегии репрезентации трех рассматриваемых креативных сообществ в различных местах и средах города. Кроме того, внимание будет уделено рассмотрению контекста капиталистических отношений культурного производства, в который погружены указанные сообщества. Речь идет о том, что в сегодняшней ситуации «авторитарного капитализма» [3], несмотря на все свои видимые различия (вполне соответствующие их истинным творческим порывам), креативные сообщества подвержены общему риску быть поглощенными «обществом спектакля» [2], превратившись в «навар» капиталистов от искусства.

Литература

1. Басов Н.В., Хохлова А.М., Пивоваров А.М., Тыканова Е.В., Царева А.В. Отчет о научно исследовательской работе по проекту №10.23.476.2011 «Коммуникативные практики создания знания в социальном пространстве современного города» внебюджетных НИР факультета социологии СПбГУ: Этап 1 «Коммуникативные механизмы создания знания внутри креативных сообществ». СПб., 2011.

2. Ги Дебор Э. Общество спектакля. М., 2011.

3. Йоханнес Тумфарт «В кризис выигрывает авторитарный капитализм». Интервью с Славой Жижек [Электронный ресурс] / Zeitonline 29.08.2011. – Электронное издание - Радио Голос России. За рубежом. Мировые СМИ. Режим доступа: <http://rus.ruvr.ru/2011/08/29/55311658.html>, свободный. – Загл. с экрана

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ИМИДЖА И ОБРАЗА МАЛОГО ТУРИСТИЧЕСКОГО ГОРОДА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.

Новосёлов А.М., Чернега А.А. (Вологда)

В настоящее время, когда ряд малых городов России испытывают значительные экономические проблемы, связанные с приостановлением производств, нехваткой рабочих мест и оттоком населения в более крупные населенные пункты, одним из приоритетных направлений их развития так или иначе становится туризм. Развитый туризм на базе малого города – это дополнительные вливания в бюджет, улучшение инвестиционного климата, появление новых рабочих мест.

Понятно, что возможности для создания качественного туристического проекта в разных городах могут быть различными. На это влияют, в первую очередь, наличие значимых исторических либо ландшафтных достопримечательностей и грамотная работа по продвижению созданных на их базе маршрутов на туристический рынок. Но даже если достопримечательностей в малом городе не слишком много, реально привлечение в тот или иной населенный пункт значительного количества посетителей за счет качественной проработки брендинга территории.

Бренд – это образ марки товара или услуги в сознании покупателя, выделяющий его в ряду конкурирующих марок. Яркий, устойчивый бренд способствует динамичному городскому развитию, повышению социальной стабильности городского сообщества, реализации городских и федеральных программ развития [1]. С данным явлением также тесно связано понятие имиджа территории, который формируется на базе существующих и развиваемых брендов.

Если имидж и бренд, как правило, являются продуктами, которые продаются туристам, то понятие «образ города» более специфично и, как правило, является более приближенным к действительности, поскольку создается жителями самого города, которые обычно не имеют отношения к развитию тех или иных брендинговых программ. Другими словами, имидж создается искусственно, а образ – формируется на реальной основе [2].

Проблемой данного доклада является противоречие между имиджем и образом малого туристического города. В качестве основного метода исследования нами был выбран традиционный качественный анализ документов. Основанием для выбора данного метода послужил сравнительно небольшой корпус источников – прежде всего данных местной прессы и интернет-форумов. Нами были изучены документы по трем малым городам России: Тотье, Великому Устюгу (Вологодская область) и Плесу (Ивановская область).

Основным брендом Тотьмы является лозунг «Тотьма – город русских мореходов», смысл которого связан со значительной ролью города в организации купеческих экспедиций в «Русскую Америку» (Аляску, Северную Калифорнию) во второй половине восемнадцатого века. Развитие бренда связано с установкой памятника мореходам и землепроходцам (2005), открытием музеев мореходов (1996, 2010), выпуском специализированных изданий, посвященных истории тотемского мореходства.

Проанализировав ряд публикаций в местной прессе, можно сделать уверенный вывод: тотьмичи усваивают бренд достаточно активно. Среди великих земляков горожане называют преимущественно Ивана Кускова, самого знаменитого исследователя Аляски и Северной Калифорнии, чуть реже звучат имена некоторых других купцов-мореходов. В стихах о Тотьме, которые периодически публикуются на страницах газет, постоянно прослеживается тематика мореходства. О существовании данного бренда горожане знают и им в значительной мере гордятся. Более того, ряд тотьмичей высказывает мнение о том, что он нуждается в большей популяризации. Не случайно горожане в целом положительно высказываются о своем отношении к развитию туризма в Тотьме и присутствию туристов на улицах города [3].

Другие черты образа Тотьмы глазами горожан – «малозатяжность», «тишина», «умиление», «природа», «большая река», «холмы», «спокойствие», «гармония». Примерно это же обещается туристам, потому в данном случае мы можем говорить о значительных совпадениях в образе и имидже малого города.

Основной городской бренд Великого Устюга – «Родина Деда Мороза» – был создан искусственно: никаких объективных предпосылок к его возникновению не было. Над концепцией бренда работала большая команда маркетологов из Москвы, Санкт-Петербурга и Вологды. Была придумана легенда-обоснование для поселения Деда Мороза в Великом Устюге, быстрыми темпами построены почта и резиденция волшебника, выпущены сопутствующие сувениры. Сейчас слава «Родины Деда Мороза» распространилась по всей стране, практически полностью затмив славу старых брендов Великого Устюга: искусства «мороза по жести», северной черни и т.п. При этом старые бренды были органично инкорпорированы в новый.

Тем не менее, одобрение местных жителей данный бренд получает достаточно медленно. Как удалось узнать из материалов городского форума, часть горожан считает его «слишком

искусственным», возникшим стихийно: по желанию двух-трех человек. Отношение к проекту в целом достаточно индифферентное. Жители отмечают улучшившуюся инфраструктуру города, появление новых кафе и магазинов, популяризацию Великого Устюга на уровне страны, но в то же время неодобрительно отзываются о качестве проекта «Родина Деда Мороза», о том, что за этим искусственно созданным брендом туристы не видят реальных красот Великого Устюга. Образ города, создаваемый устюжанами, связан прежде всего со старинными храмами, тихими улицами, провинциальным бытом, рекой Сухоней, тогда как родину Деда Мороза хоть и отмечают, но далеко не в первую очередь [4]. Тем не менее «градус мнений» относительно нового имиджа неуклонно теплеет, что можно проследить по мнениям горожан в местной прессе.

В отличие от Тотьмы и Великого Устюга, Плес значительно более открыт для туристов: основное его достоинство – удобное расположение на Волге. В Плесе успешно развивается бренд «Потаенная Россия» – один из наиболее популярных туристских проектов страны. Имидж города успешно сформирован на основе идеи о настоящем облике России, который, в первую очередь, связан с патриархальным бытом, неспешным течением жизни, природными красотами, экологической чистотой места и т.п.

Тем не менее, анализ мнений горожан в местной прессе указывает на многочисленные проблемы города: отсутствуют крупные предприятия, возникают проблемы с работой, сложный рельеф сильно затрудняет прокладку коммуникаций, в большей части Плеса отсутствуют бытовые удобства, в городе нет дома культуры и больницы. Прямым текстом одна из жительниц заявляет: «Думаю, нужно больше обращать внимание на нужды местных жителей. Ведь стараются сделать курортный город, все внимание на туристов, а плесян обходят стороной!» [5]. Мало в городке и магазинов, а предприятия общественного питания рассчитаны на достаточно высокий ценовой уровень.

Так или иначе, гордость за природные красоты Плеса, за его узнаваемость, популярность, несомненно, присутствует в отзывах жителей. Основной проблемой в данном случае становится неверная концепция бренда «Потаенная Россия»: плесяне отмечают, что, как правило, гости города живут в уютных коттеджах со всеми удобствами и просто наслаждаются природными красотами Плеса, тогда как большинство жителей «России потаенной» живут в достаточно некомфортных бытовых условиях, порой лишены элементарных удобств, развитой инфраструктуры досуга. Таким

образом, в данном случае образ города, создаваемый плесянами, находится в оппозиции по отношению к официальному туристическому имиджу.

Рассмотренные нами примеры еще раз убедительно доказывают, что положительные примеры брендинга, которые позволяют привлечь в малые города туристов, могут в той или иной степени не приниматься местными жителями, идти вразрез с создаваемыми образами родных городов. Можно сделать вывод, что для грамотного взаимодействия властей и населения тех или иных территорий необходима не только тщательная проработка финансовой составляющей бренда, но и согласование его с местными жителями, активная разработка деталей имиджевой составляющей, позволяющих населению более активно участвовать в реализации проектов, извлекать из них наибольшую выгоду для себя.

Литература

1. Спирченко М.А. Образ, имидж и бренд туристского города. [Электронный ресурс]. – URL...: http://archvuz.ru/numbers/2007_22/k23 (дата обращения 11.07.2012).
2. Новосёлов А.М. Образ города как культурного и туристического центра в восприятии его жителей (на примере г.Вологды). [Электронный ресурс]. – URL...: http://www.uresearch.psu.ru/files/articles/432_72685.doc (дата обращения 18.06.2012)
3. Из архива периодического печатного издания «Тотемские вести».
4. Материалы городского форума Великого Устюга. [Электронный ресурс]. – URL...: <http://forum.v-ustug.ru/> (дата обращения 17.06.2012)
5. Плёсский вестник. Периодическое издание. № 24. [Электронный ресурс]. – URL...: http://cs5702.userapi.com/u63649068/docs/7b6c342959ef/Plyossky_vestnik_24.pdf (дата обращения 17.06.2012)

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

Ростова А.В., Бирулина Л.В. (Тольятти)

Для изучения того, как воспринимают город Тольятти непосредственно его жители, нам необходимо обратиться к

эмпирическим данным. В рамках данного исследования нами был проведен опрос, в котором приняли участие 100 человек: девушки и юноши в равном соотношении. Пилотажное исследование было проведено ранее, в 2011 г. Исследование вопросов внешнего облика города без визуальной демонстрации объектов опроса было бы странным и, скорее всего, неинформативным. Поэтому нами была разработана анкета с применением визуального метода. В данной анкете были представлены изображения нескольких достопримечательностей – 9 памятников в Тольятти. Респондентам было предложено оценить каждую фотографию и отметить главные характеристики обозначенных мест. Из числа тольяттинских достопримечательностей были выбраны следующие: памятник В.Н. Татищеву, здание заводоуправления «АвтоВАЗ», обелиск Славы на площади Свободы, памятник жертвам политических репрессий, памятник преданности, памятник всем погибшим защитникам Отечества, мемориальная стена Ф.Ф. Ушакову, Спасо-Преображенский собор и скульптура «Признание в любви». Данные места были подобраны так, чтобы более широко охватить изучаемые аспекты города: среди них есть патриотические и религиозные постройки, самые известные символы города, старые и новые памятники.

Теперь подробнее о результатах опроса. В первом вопросе анкеты респондентам было предложено оценить, насколько привлекательно для них место, изображенное на фотографии по 5-балльной шкале. Среди тольяттинских достопримечательностей наивысшей оценки были удостоены следующие: скульптура «Признание в любви» – средняя оценка 4,6, памятник преданности – 4,32 и Спасо-Преображенский собор – 4,28. Как мы видим, тольяттинцы выбрали более новые памятники. Это говорит о том, что жители города любят более современные места. Можно предположить, что более старые памятники стали привычными и скучными для горожан. Кроме того, отмеченные места символизируют те ценности, которые тольяттинцы, вероятно, ставят выше других: любовь, верность, духовность.

Следующий вопрос был направлен на выявление тех чувств, которые вызывают представленные городские виды. Условно можно поделить предложенную респондентам шкалу на 2 части – положительные чувства и нейтрально-отрицательные. Из тольяттинских достопримечательностей более позитивные эмоции у горожан вызывают: скульптура «Признание в любви» (172 отметки), Спасо-Преображенский собор (168 отметок) и памятник всем

погибшим защитникам Отечества (160 отметок). Можно выделить основные впечатления от некоторых мест Тольятти, описанные респондентами: например, памятник В.Н. Татищеву – «любование» (54 отметки); памятник всем погибшим защитникам Отечества – «патриотизм, гордость» (58); памятник жертвам политических репрессий – «интерес» (62); памятник преданности – «восхищение» (52) и т.д. Есть и те места, которые наделяются опрашиваемыми наибольшим количеством нейтрально-отрицательных отметок: это, прежде всего, здание заводоуправления «АвтоВАЗ» (60 отметок, 38 из которых – «равнодушие»). Также сильных эмоций у многих респондентов не вызывает обелиск Славы (20 отметок «равнодушие»). Таким образом, менее всего тольяттинцев эмоционально затрагивают памятники «истории города». Это можно объяснить тем, Тольятти – город молодой, и населяющая его молодежь не ощущает связь поколений так сильно, как в городах с долгой историей. Подобные выводы подтверждает и пилотажный экспресс-опрос, где респонденты часто отмечали «отсутствие исторических зданий» как недостаток городского вида.

В третьем вопросе анкеты мы спросили респондентов об основных характеристиках выбранных мест. Характеристики также были условно поделены на группы: положительные, нейтральные и отрицательные. Наибольшее количество позитивных характеристик было связано с такими объектами, как скульптура «Признание в любви» (210 отметок), Спасо-Преображенский собор (166), памятник жертвам политических репрессий (162) и памятник преданности (160). Среди главных характеристик можно выделить следующие: скульптура «Признание в любви» – «оригинальная» (80), памятник В.Н. Татищеву – «место с приятной атмосферой» (62), Спасо-Преображенский собор – «красивый» (70) и т.д. Характеристика «достойный символ города» чаще соотносилась респондентами с памятником В.Н. Татищеву и Спасо-Преображенским собором – 50 и 44 отметки соответственно. Стоит добавить, что при оценке памятника Татищеву респонденты нередко отмечали именно природную красоту места: берег и парк, но не сам памятник. Больше всего нейтральных характеристик получили памятник В.Н. Татищеву (80) и здание заводоуправления «АвтоВАЗ» (62). А наибольшее количество отрицательных отметок принадлежит зданию заводоуправления «АвтоВАЗ» (14) и памятнику жертвам политических репрессий (16). В тоже время памятник жертвам политических репрессий не получил ни одного нейтрального отзыва, то есть это место может нравиться или не нравится, но никого не

оставляет равнодушным. Можно отметить и места, которые не имеют ни одной отрицательной отметки: это памятник В.Н. Татищеву, памятник преданности, скульптура «Признание в любви». Эти места вызывают у респондентов положительные и нейтральные эмоции.

Подводя итог анализу этого смыслового блока, можно отметить, что молодые горожане весьма не критично относятся к достопримечательностям своего города. Это скорее отрицательный фактор, чем положительный: ведь лишь в условиях самокритики могут появиться действительно инновационные, передовые изобретения (в том числе и в сфере культуры).

Четвертый вопрос был посвящен выяснению того, украшают ли выбранные памятники и скульптуры город. Разумеется, все тольяттинские достопримечательности получили позитивный отзыв. Больше количество положительных оценок имеют: памятник жертвам политических репрессий, памятник преданности, памятник всем погибшим защитникам Отечества, скульптура «Признание в любви» – по 96 отметок, памятник В.Н. Татищеву – 94 отметки. Больше количество отрицательных ответов вновь оказались связаны со зданием заводоуправления «АвтоВАЗ» (30), что подтверждает недостаточно позитивное отношение горожан к внешнему виду этого строения. Об этом респонденты писали в открытом вопросе: *«когда-то это было круто – такое красивое многоэтажное зеркальное здание, самое высокое в городе, но сейчас это уже никому не интересно, символ устарел, надо что-то новое», «это социально важное здание – там многие горожане работают, а так – оно не очень-то красивое».*

Подводя итог нашему исследованию, мы можем заключить, что тольяттинская молодежь не слишком часто и серьезно задумывается о проблемах внешнего облика города. Результаты исследования показали, что молодые люди не критичны к собственным достопримечательностям: в их ответах редко присутствуют негативные оценки, однако довольно много среднеположительных и нейтральных. Это говорит о спокойном отношении к облику города, балансирующем между умеренно позитивными оценками и равнодушием. По нашему мнению, данные выводы можно оценить как негативные, т.е. подобное отношение тольяттинцев к собственному городу не может привести к активной трансформации его облика и общему развитию.

«ГОРОДА-БЛИЗНЕЦЫ» КАК СРЕДСТВО ТРАНСГРАНИЧНОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ НА СЕВЕРЕ ЕВРОПЫ (ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Сергунин А.А., Анищенко А.Г. (Санкт-Петербург)

С окончанием «холодной войны» регионы и отдельные муниципальные образования европейских стран оказались вовлеченными в активные трансграничные связи с зарубежными странами. Формирование «пар» так называемых «городов-близнецов» явилось одной из форм такого сотрудничества. Появившись на Севере Европы еще в конце 1980-х гг. (первой была «пара» Торнио-Хапаранда, представлявшая Финляндию и Швецию), движение «городов-близнецов» охватило в 1990-е гг. и практически всю Европу. Многие специалисты видят в данном движении не только новую форму приграничного сотрудничества, но и одно из средств создания новых трансграничных идентичностей в Европе.

Что касается самого термина «города-близнецы» (*англ.* – twin cities), то он впервые появился в США применительно к двум городам, расположенным на разных берегах Миссисипи и развивающимся как взаимодополняемые хозяйственные комплексы, – Миннеаполису и Сент-Полу. С тех пор этот термин получил широкое хождение в научной литературе для обозначения одного из типов городской агломерации.

В западной литературе появилось множество родственных «городам-близнецам» англоязычных терминов – «двойные города» (double-cities), города-побратимы (fraternal cities), города-сестры (sister cities), «породненные-города» (related towns), «соединенные города» (connected cities), трансграничные города (trans-border cities), двунациональные города (bi-national cities), «города-соседи» (neighbourhood cities), «парные города» (coupled towns), города-партнеры (partner cities), «города-друзья» (friendship towns), «города-мостики» (bridge-towns) и пр. Эти термины нередко используются бессистемно, часто как синонимичные, хотя полного смыслового совпадения между ними нет: каждый имеет свою специфику. Постараемся точнее определить суть понятия «города-близнецы».

Во-первых, необходимо разграничить понятие «города-близнецы» во внутригосударственном и международном смыслах. Речь пойдет об изучении именно международных городских «пар», а не «двойников» типа Миннеаполиса и Сент-Пола. Во-вторых, необходимо отделить понятие «города-близнецы» (twin cities) от всех

других форм и видов международного межгородского сотрудничества, для обозначения которых используются указанные выше термины.

В частности, можно предложить следующие критерии для выделения «городов-близнецов» из всей массы муниципальных образований, принимающих участие в международном сотрудничестве [1; 2, 8; 3]:

- Эти города должны быть расположены непосредственно на границе, т.е. быть приграничными городами (в противоположность, например, городам-побратимам, которые могут быть расположены на большом удалении друг от друга и развивать связи между собой не по причине географической близости, а совершенно по другим мотивам, как, например, в случае с неформальной ассоциацией «разбомбленных» городов – Ковентри, Дрезден, Калининград (Кенигсберг), Волгоград (Сталинград) и пр.).
- Они должны иметь общее историческое прошлое, в котором были единым целым или, наоборот, противостояли друг другу [2]. Так, в результате образовавшейся после второй мировой войны новой советско-финской границы прежде единый финский город Энсо был разделен на две части, из которых образовались современные Иматра и Светогорск. Поселение Валк, возникшее еще в XIII в., получившее статус города в 1584 г., последовательно находившееся под польским, шведским и российским управлением и имевшее смешанное эстонско-латышское население, после получения двумя балтийскими народами независимости в результате международного арбитража в 1920 г. было разделено на эстонскую Валгу и латышскую Валку. Сходная история и у финского Торнио и шведской Хапаранды, которые до перехода Финляндии под юрисдикцию России в 1809 г. были единым городом Торнио (основан шведским королем в 1621 г.). В 1821 г. шведы основали г. Хапаранду, чтобы «компенсировать» потерю Торнио. В то же время Нарва и Ивангород с самого начала возникли как, соответственно, датский (позже – шведский) и русский форпосты на Балтике. Однако в периоды, когда их оба контролировали Швеция, Россия, Эстония и СССР, Нарва и Ивангород образовывали, по сути дела, единый социально-экономический организм при сохранении, однако, их административного различия.
- Несмотря на то, что в ходе предшествующего исторического развития их разделили государственные границы, в настоящее время эти города должны иметь стремление к сотрудничеству друг с другом.

- Как правило (но не обязательно), «близнецы» расположены по разные берега одной реки, исторически служившей естественной географической границей между ними (Нарва-Ивангород, Валга-Валка, Торнио-Хапаранда и пр.). По этой причине такие «пары» называют «городами-мостами», символизирующими связь между разными странами и народами [3].
- Нередко население «городов-близнецов» имеет смешанный этнический состав и владеет языками обоих этносов (как это имеет место в случае с указанными выше тремя городскими «парами»).
- Под сотрудничество «городов-близнецов» должна быть «подведена» определенная правовая и институциональная «опора» – соответствующие международные соглашения, совместные органы управления и координации. Так, в 2006 г. была создана Ассоциация «городов-близнецов».

В «идеале» – там, где это позволяет характер межгосударственных отношений, – сотрудничество между «близнецами» ведет к стиранию государственных границ и фактическому слиянию «близнецов» в одно городское образование (при сохранении условного административного разделения). Примерами формирования таких трансграничных общностей являются «пары» Торнио-Хапаранда и Валга-Валка, осуществляющие сотрудничество в рамках моделей «еврогородов» (Eurocities).

Конечно, другие «пары» (в том числе с участием российских городов – Нарва-Ивангород, Иматра-Светогорск, Киркенес-Никель) в силу различных причин (прежде всего, непростых межгосударственных отношений) пока не ставят таких далеко идущих целей, но, тем не менее, сотрудничество между «городами-близнецами» способствует сближению между ними и ослабляет «разделительный эффект» государственных границ. Последние из линий, которые подчеркивают государственный суверенитет над той или иной территорией и проводят четкое различие между разными странами и народами, постепенно превращаются в зону сотрудничества, помогающую преодолеть исторические конфликты и предубеждения.

Литература

1. Buursink J. Dubbelsteden // Acta Geographica Lovaniensia, 1994, № 34, pp. 175-80.

2. Joenniemi P., Sergunin A. Another Face of Integration: City Twinning in Europe // Research Journal of International Studies, 2011, № 22.

3. Schultz H., Jajeśniak-Quast D., Stokłosa K. Twin Towns on the Border as Laboratories of European Integration. Frankfurt (Oder): Frankfurter Institut für Transformationsstudien, 2002 (Arbeitsberichte 4/02) <URL http://www.europa-uni.de/de/forschung/institut/institut_fit/publikationen/discussion_papers/2002/04-02-Schultz.pdf>.

**«ПРОГРАММА ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ СВЕДЕНИЙ О
ГОРОДСКИХ ЖИТЕЛЯХ ОБРАЗОВАННОГО КЛАССА» В.Н.
ТЕНИШЕВА**

Сидорова А.С. (Смоленск)

Вячеслав Николаевич Тенишев был уверен в практической необходимости науки, объясняющей поведение людей и способной прогнозировать их поступки. В духе позитивизма, он интересовался только положительными, практически полезными знаниями. Социолог считал необходимым изучать людей, знать их потребности, образ жизни. На основе своих соображений по вопросам исследования общественных классов и предыдущего опыта этнографических исследований В.Н. Тенишев составил две программы: «Программу этнографических сведений о крестьянах Центральной России» и «Программу этнографических сведений о городских жителях образованного класса».

Несмотря на то, что программы называются этнографическими, в большей степени их стоит отнести к программам социологических исследований. Во-первых, в них особое внимание уделяется не национальным особенностям народа в целом и историческому развитию нации, а социальным группам России рубежа XIX-XX веков. Во-вторых, обе программы ориентированы не на сбор фольклорного материала, выявление особенностей верований и обычаев народа, а на фактическое поведение определенных классов общества при различных обстоятельствах. В-третьих, обе программы исследований были составлены таким образом, чтобы по результатам анализа полученных в ходе сбора сведений о различных социальных группах можно было предвидеть их поведение при различных условиях, то есть предполагали возможности прогнозирования.

В «Программе этнографических сведений о русских городских жителях образованного класса» Тенишев обращал внимание корреспондентов на то, что работа с данной категорией населения гораздо сложнее, чем с другими. Поэтому здесь важна беспристрастность исследователя. Задачи указанной программы соответствуют разработанной В.Н. Тенишевым классификации потребностей индивидуальной и общественной жизни человека. Она включает в себя следующие пункты: отличительные свойства организма; окружающий мир в отношении к людям данного племени или класса народа; исторический очерк; образ жизни народа; общественные установления, обычаи и законы, регулирующие отношения людей ко всему племени или государству; отношения между соотечественниками; верования, знания, язык, письмо, искусство; семья, обычный порядок жизни; сближение полов, брак, отклонение от брака; рождение детей, воспитание, обучение и доведение до самостоятельности; выходящие из ряда обстоятельства. В «городской» программе пропущены два раздела: исторический очерк и краткий очерк образа жизни. Почему Тенишев не включил данные пункты в программу о городских жителях, он не аргументировал. Возможно, раздел «исторический очерк» был исключен по причине определенности изучаемой социальной группы, а образ жизни городских жителей был близок самому автору, поэтому в его изучении не было необходимости. Также отклонением от общей схемы построения программы явилось добавление в «Программу этнографических сведений о городских жителях образованного класса» раздела под названием: «Женщина как воспитательница детей». По нашему мнению, добавление указанного раздела обусловлено тем, что в семье «городских жителей образованного класса» преимущественно женщины занимались воспитанием детей: обучали музыке, иностранным языкам, литературе, этикету и другим необходимым в кругу представителей данного класса умениям и навыкам.

Так как «городская программа» Тенишева не доработана до конца, в ней можно еще выделить некоторые несоответствия вышеупомянутым разделам, выделенным в книге «Деятельность животных». Некоторые из них сформулированы несколько по-другому. Есть вообще не обозначенные литерой разделы: «Условия жизни в обществе», «Прохождение службы». Каждый раздел программы внутри дифференцирован, большинство разделов имеют подразделы – главы, которые, в свою очередь, включают в себя конкретные вопросы. Предполагалось, что такое дробление разделов

и глав позволит упростить корреспондентам систематизацию, упорядочение и наблюдение за различными сторонами жизни изучаемых общественных классов.

Если просмотреть содержание программы, то несложно заметить преимущественный интерес автора к сфере общественных, экономических, правовых отношений. Большая часть вопросов составлена по этим темам. В.Н. Тенишев считал, что именно такие отношения поддаются точному описанию, а на периферии интересов этнографии должны находиться вопросы о культуре, религии, суевериях и т.п. При постановке вопросов программы учитывается специфика изучаемого общественного класса. Например, общественные отношения призваны изучить вопросы: «Какие профессии считаются более почетными?», «Как относится к мундиру население и те, кто мундир не носит?», «Каковы отношения различных социальных прослоек «образованного класса»: например, дворяне не препятствуют ли бракам с иными сословиями, а купцы не стремятся ли породниться с дворянами?» и т.п.

Особое внимание в программе уделяется вопросам о внешнем виде горожан (о форме одежды для различных жизненных ситуаций, о соответствии одежды занимаемому в обществе положению), о прохождении службы (о поступлении в должность, дисциплине, отставке, жаловании, пенсии и даже о взяточничестве), об образовании (о согласии или несогласии с распределением наук в учебных заведениях по циклам, о делении образования на общее и специальное).

Один из самых обширных разделов программы – «3) Семья. Обычный порядок жизни». В.Н. Тенишев старается выяснить, какой смысл вкладывают горожане в понятия «род», «родственность», «родство». Для него также имеет немаловажное значение деление семей по составу. Скорее всего, такой интерес связан с постепенным утрачиванием переходящих из поколения в поколение традиций. Происходил распад старой патриархальной крестьянской семьи. Изменялось отношение к старшему поколению, опыт которого в меняющихся капиталистических условиях уходил на второй план, а на первый – выдвигалась инициативность, принятие инновационных взглядов.

Так как «Программа этнографических сведений о городских жителях образованного класса» осталась недоработанной, то на ее плюсы и минусы указывать нецелесообразно. Если говорить о программе в целом, то стоит отметить, во-первых, что она является одним из первых социологических исследований города. Во-вторых,

программа дает обширные сведения о жизни, деятельности и обычаях горожан к. XIX – нач. XX вв. Вопросы программы могут быть использованы для составления программ современных социологических исследований городского населения.

ИМИДЖ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ: ПРОБЛЕМА ГРАЖДАНСКОЙ АКТИВНОСТИ И ИДЕНТИЧНОСТИ

Старых Н.П. (Орел)

Принципиальное значение для формирования имиджа органов местного самоуправления имеет активизация взаимодействия муниципальных органов с общественностью, привлечение граждан для участия в местном самоуправлении. Отсутствие доверия органам местного самоуправления со стороны населения ведет к низкой эффективности взаимодействия населения и органов местного самоуправления, к отсутствию уверенности населения о возможности повлиять на принимаемые управленческие решения. Все это не может способствовать активности участия населения в жизни муниципального образования, формированию положительного имиджа органов местного самоуправления. Участие населения в управлении своим городом должно являться важнейшей задачей, поскольку самоуправление может стать эффективным только при активном вовлечении населения, которое понимает возможность реализации своих экономических, социальных выгод, юридической и правовой справедливости и которое рассматривает свою гражданскую активность как решающий фактор становления местного самоуправления [1].

Так, в настоящее время активно участвуют в общественной, культурной, спортивной жизни города 8,6% жителей, интересуются, но не участвуют – 33,8%, готовы участвовать, но нет времени – 17,0%, не интересуются городскими событиями – 18,5%, не желают принимать участие – 22,1%. Таким образом, результаты социологического исследования [2] свидетельствуют о том, что 40,6% жителей безразлична «судьба» города, около 60% опрошенных в той или иной мере интересуются жизнью города.

На вопрос о формах участия в общественной жизни за последние три года по месту жительства или работы ответы респондентов распределились следующим образом (в процентах от

полученных ответов): коллективное обустройство подъездов, домов, детских площадок, окружающих территорий – 17,9%, подписание петиций, обращений, участие в митингах, пикетах по поводу конкретного события в жизни города – 10,1%, участие в работе домкомов, жилищных кооперативов, местном общественном самоуправлении – 10,7%, сбор средств, вещей для людей, попавших в тяжелое положение – 8,5%, участие в избирательных кампаниях – 6,7%, участие в деятельности профсоюзной организации, совета трудового коллектива – 3,1%, участие в митингах, забастовках, организуемых местными профсоюзами – 4,3%, участие в общественных организациях женщин, ветеранов, молодежи и пр. – 3,3%, участие в деятельности региональных отделений политических партий – 0,9%, участие в деятельности религиозных организаций – 0,9%, ни в чем подобном участия не принимал – 33,5%.

За последние три года жители осуществляли следующие формы гражданского участия (в процентах от полученных ответов): обращение к конкретному политику или в органы власти – 13,7%, участие в работе политической партии, группы, движения – 6,4%, участие в работе какой-либо общественной организации – 9,4%, ношение или вывешивание символики какой-либо политической, социально или какой-либо иной акции – 7,6%, подписание петиций, обращений, открытых писем – 8,0%, участие в разрешенных демонстрациях – 4,1%, отказ от покупки или потребления каких-либо товаров для выражения протеста – 0,2%, ни в чем подобном участия не принимал – 50,6%. Полученные результаты [2] подтверждают низкую активность населения, так как ни в каких формах общественной жизни не принимали участие 33,5% горожан, а 50,6 % – не осуществляли ни каких форм гражданского участия. Таким образом, данные результаты свидетельствуют о том, что органы местного самоуправления недостаточно реализуют одну из важнейших своих функций – связь с населением управляемых территорий в решении вопросов местного значения. Причина здесь заключается как в недостаточной коммуникативной активности местных органов власти, так и в пассивности населения [3].

Пассивность населения объясняется отсутствием чувства общности и идентификации себя городом, что подтверждается результатами социологических исследований. Так в социологическом исследовании (2010 г.) [4], на вопрос «С кем Вы испытываете чувство общности?» ответы респондентов распределились следующим образом (в процентах от полученных ответов): со своей семьей – 35,1%, с друзьями по работе, учебе – 21,9%, с людьми,

разделяющими взгляды на жизнь, – 13,0%, с людьми той же профессии, рода занятий – 8,5%, с людьми того же материального достатка – 5,4%, с россиянами – 4,7%, с людьми, живущими в том же городе, – 4,0%, с людьми той же национальности – 2,4%, со всеми людьми на планете – 2,1%, с людьми, близкими по политическим взглядам, – 1,2%, с общностью «советский народ» – 1,0%, с гражданами СНГ – 0,5%, с европейцами – 0,2%. В следующем социологическом исследовании (2011 г.) [2], при ответе на этот же вопрос мнения респондентов распределились следующим образом: с друзьями по работе, учебе – 22,5%, с людьми своего поколения – 20,4%, разделяющими взгляды на жизнь – 13,5%, с людьми той же профессии, рода занятий – 10,9%, с россиянами – 9,9%, с людьми, живущими в том же городе, – 7,0%, с людьми той же национальности – 6,1%, со всеми людьми на планете – 2,6%, с людьми, с людьми того же материального достатка – 2,4%, с общностью «советский народ» – 2,3%, с людьми, близкими по политическим взглядам, позициям, – 1,7%, с гражданами СНГ – 0,7%. Из представленных данных видно, что из тринадцати предложенных вариантов позиция «с людьми, живущими в том же городе» в первом случае занимает лишь седьмое место (и процент полученных ответов незначительный – 4,0%,) во втором – шестое (7,0%), что позволяет говорить о разобщенности жителей и об отсутствии горожан чувства единства.

Таким образом, активное участие граждан в местном самоуправлении не только способствует развитию гражданского сознания, социальной ответственности и идентичности местного сообщества, но и росту доверия органам местного самоуправления, а следовательно, формированию положительного имиджа органов местного самоуправления.

Литература

1. Качеван В.А., Мальцева М.В. О взаимодействии органов местного самоуправления с общественностью // Федеративные отношения. – 2002. – № 12 // <http://www.murom.info/?mi=15&art=458> (дата обращения: 22.05.2010)
2. Экспресс опрос «Формы гражданского участия населения в жизни г. Орла» 26-27 октября 2011; n=378 (г. Орел). Экспресс опрос проведен кафедрой «Социология и психология управления» Орловского филиала РАНХиГС
3. Татаурова Е.Н. Муниципальное управление: проблема взаимодействия с населением // Журнал «Регионоведение». – 2008 – № 1. // <http://regionsar.ru/node/11>. (дата обращения: 22.05.2010).

4. Социологический опрос (анкетирование) домохозяйств, апрель – май 2010 года среди жителей города Орла. Общий объем выборки – 624 анкеты, заполненные опрошенными представителями семей.

СОЦИОЛОГИЯ БОЛЬШОГО ГОРОДА Г. ТАРДА

Тхакахов В.Х. (Санкт-Петербург)

Г. Тард – известный французский социолог, криминолог, представитель психологического направления в европейской общественной мысли. Он разработал теорию подражания, придерживался принципов социологического номинализма, выступал научным оппонентом Э. Дюркгейма и его школы. Г. Тард внес содержательный вклад в зарождавшуюся на рубеже XIX-XX веков социологию города. Напомним, что последняя институционализировалась на основе изучения нового феномена, доселе неизвестного социальным мыслителям прошлого. Речь идет о становлении и развитии большого (крупного) города в Западной Европе. Г. Тард, в частности, проявил активный научный интерес к исследованию влияния большого города на окружающее пространство и формы поселения. Взаимодействие столицы и провинций, крупного города и деревни в контексте социализации, девиации и деликвентности – одно из ключевых направлений урбаносоциологических изысканий французского социолога.

Отметим, что рост городов в XIX – начале XX вв. вызывал неоднозначную реакцию европейских интеллектуалов. Одни (Ф. Теннис, Ф. Ницше, О. Шпенглер) однозначно занимали антиурбанистскую позицию, другие (Г. Зиммель, Ч. Бут, П. Геддес) – пытались понять противоречивую роль урбанизма и урбанизации, а также перспективное место больших городов как результата социального прогресса и развития. Г. Тард, на наш взгляд, занимает промежуточное положение в споре. Если кратко резюмировать ключевые рассуждения и выводы Г. Тарда по данной проблеме, то их можно свести к следующим тезисам.

1. Большие города – центры изобретения и дальнейшего распространения преступлений. Во Франции это Париж, Марсель, Лион, Тулуза.

2. Пример больших городов оказывает прямое и опосредованное влияние на малые города и деревни. Основной вектор внутренней французской миграции, отмечает Г. Тард,

направлен именно в большие города: «Большие города привлекают деревни, потому что последние начали с подражания им во всем» [1: 125].

3. Большие города представляют собой гетерогенное пространство, в котором происходит смешение классов. Данный процесс негативно влияет на уровень преступности: она увеличивается. Согласно Тарду, детерминирующее влияние оказывает не сам переезд представителей различных классов, а оторванность индивидов от семьи и почвы (отечества), нарушение социальных связей и укорененности.

4. Лидерами в статистике преступлений и проступков являются крупные города: Париж, Бордо, Тулуза, Марсель, Лион.

5. Важнейшим фактором, который также стимулирует рост преступности в больших городах, является, с точки зрения Г. Тарда «слишком быстрое обогащение» [1: 128], порождающее высшую и низшую формы деклассации, которые концентрируются именно в крупных городских центрах.

6. Для больших городов характерен космополитизм преступных сообществ («шайка парижских мошенников собирает проходимцев всех стран...» [1: 64].

7. Парижские разновидности мошенничества в дальнейшем появляются на деревенских ярмарках Франции.

8. Дуэли возникают и существуют преимущественно в крупных городах.

9. Покушение на невинность детей – преимущественно преступление, совершаемое в городах и, в первую очередь, в больших.

10. Одним из инструментов распространения подражания в сфере преступности выступают СМИ (газеты и журналы), которые продаются по всей стране.

Литература

1. Тард Г. Преступник и преступление. Сравнительная преступность. Преступления толпы. – М.: ИНФРА – М., 2009.

ОСПАРИВАЕМЫЕ ГОРОДСКИЕ ПРОСТРАНСТВА: СЛУЧАИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА И ПАРИЖА В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Тыканова Е.В. (Санкт-Петербург)

Доклад посвящен изучению социального напряжения, возникающего из-за несоответствия действий сильных групп интересов (власть, бизнес) в отношении городского пространства и представлений горожан о том, как это пространство должно быть обустроено и упорядочено. Городские власти и инвесторы в ходе реализации градостроительных решений наделяют городское пространство новыми культурными смыслами. Эти смыслы, основанные на ценностях экономической рентабельности городского пространства, не находят отклика горожан, которые воспринимают «свой» город сквозь призму памяти, наррации и привычки.

В контексте изучения протестных инициатив горожан мы обратим внимание на два крупных европейских города – Париж и Санкт-Петербург, – в каждом из которых дискуссии о роли сохранения исторического и архитектурного наследия играют большую роль при разработке и обсуждении градостроительной политики. Париж и Санкт-Петербург выбраны в качестве примеров оспаривания городского пространства и потому, что во многом имеют схожую судьбу в отношении исторических центров и общие проблемы сохранения и поддержания архитектурных и исторических памятников. Так, в советское время в Ленинграде было принято решение оставить в целостности историческую застройку центральной части города и возвести новые строения сталинского типа, символизирующие новую эпоху, в Московском районе. В данный момент центральная часть Санкт-Петербурга входит в охранную зону ЮНЕСКО. Однако нередки случаи сноса зданий в центре города и возведения новых строений, что провоцирует протестную активность горожан. Париж претерпел две волны джентрификации: в 1960-е гг. в Латинском квартале [1], в 1970-80-е гг. – в квартале Марэ [2]. Тем не менее, столица Франции известна тем, что новые высотные здания были вынесены за пределы исторического центра в деловой район Дефанс.

Стратегии протестной деятельности локальных сообществ, направленной против градостроительных решений сильных групп интересов, а также социальные условия, в контексте которых происходит оспаривание городского пространства, мы рассмотрим на эмпирических материалах двух изученных нами случаев. Это:

- протестные инициативы локальных сообществ и их лоббистов против потенциального сноса дома Юргенса в Санкт-Петербурге (ул. Жуковского, дом 19, центр города),
- борьба за сохранение архитектурного комплекса Порт-Маон: старинного здания молочной фермы Монтсури и прилегающей к ней

усадьбы Сен-Жак в Париже (улица Томб-д'Иссуар, 14 округ, периферия Латинского квартала).

Критериями выбора случаев в нашем сравнительном исследовании послужила историческая ценность оспариваемых объектов.

В обоих случаях представители локальных сообществ выступили против градостроительных решений в отношении оспариваемых участков городского пространства. Однако стратегии, к которым прибегали жильцы, отстаивающие сохранение дома Юргенса и комплекса Порт-Маон, различаются. Члены локального сообщества Томб-д'Иссуар активно прибегали к легитимным способам борьбы против разрешения Министерства культуры Франции на снос, причем их действия оставались эффективными на протяжении нескольких лет. Так, парижане оспаривали право инвестора на снос построек, разрушение археологического участка и новое строительство в административном трибунале, собирали подписи под коллективными обращениями в различные инстанции (Совет старейшин, Мэрия Парижа), делали запросы в Городской и Федеральный Советы (парламенты). Эти действия жильцов стали катализаторами бурной дискуссии о судьбе фермы и усадьбы в Мэрии Парижа и открытого голосования фракций, в ходе которого представители «левых» партий выступили против уничтожения исторических зданий, тогда как большинство «правых» проголосовало «за». Также жильцы активно привлекали к освещению конфликта прессу и выступали с немногочисленными публичными акциями. Тем не менее, при смене главы округа от партии «левых» на политика, лояльного к действиям инвестора и представляющего интересы «правых», фирма-застройщик получила разрешение на снос трех зданий и под предлогом аварийности снесла все оставшиеся строения.

Жители локального сообщества, защищавшего дом Юргенса, также изначально обратились к легитимным путям решения проблемы: адресовали коллективные письма губернатору и главам районных администраций. Однако эти действия не были эффективными, что заставило членов локального сообщества приступить к активным продолжительным публичным акциям протеста. Необходимо подчеркнуть, что жильцы избрали стратегию объединения с градозащитными организациями «Движение гражданских инициатив» и «Живой город», а также обратились к представителям других локальных сообществ с целью создания сетей для обмена эффективным опытом самоорганизации и протеста.

Подобные расхождения протестных инициатив представителей локальных сообществ Санкт-Петербурга и Парижа можно объяснить различиями в типах городских политических режимов, сложившихся в этих городах. Так, в Санкт-Петербурге политический режим принял форму «машины роста» [3] – симбиоза политических и бизнес-элит (в контексте нашего города – строительных корпораций) [4], извлекающих выгоды через рыночное использование городских территорий. Поэтому доступ локальных сообществ к легитимным способам борьбы ограничен, что заставляет их активнее прибегать к публичному протесту и консолидации ресурсов в коалициях с градозащитными движениями и другими инициативными группами.

Необходимо отметить, что в европейских странах важными агентами городской политики выступают политические партии: влияние «левых» партий является препятствием для формирования коалиционных режимов в виде «машин роста», причем большую роль в принятии градостроительных и иных решений играют политические лидеры [5]. Именно поэтому локальному сообществу Томб-д'Иссуар в течение нескольких лет удавалось легитимным образом оспаривать многочисленные заявки инвестора на уничтожение строений. Между тем, при смене политического лидера в административном округе, инвестор получил право на реализацию градостроительного решения на снос зданий, и представители локального сообщества были вынуждены обратиться к публичному протесту. Таким образом, можно заключить, что различные конфигурации политического дискурса обуславливают возможности и ограничения протестных инициатив локальных сообществ.

Литература

1. Cherval A. La gentrification à Paris intra-muros: dynamiques spatial, rapport sociaux et politique publiques. Thèse de doctorat. Décembre 2008.
2. Djirikian A. La gentrification du Marais: quarante ans d'évolution de la population et des logements. Thèse de doctorat. Juin 2004.
3. Molotch H. The City as a Growth Machine: Toward a Political Economy of Place // American Journal of Sociology. 1976. Vol. 82. № 2. P. 309-332.
4. Тев Д. Политэкономический подход в анализе местной власти. К вопросу о коалиции, правящей в Санкт-Петербурге // Политическая экспертиза. 2006. Т. 2. № 2. С. 99-121.

5. Strom E. In Search of the Growth Coalition: American Urban Theories and the Redevelopment of Berlin // Urban Affairs Review. 1996. Vol. 31. № 4. P. 455-481.

СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ «ПРОДВИЖЕНИЯ» КРЕАТИВНЫХ ПРОДУКТОВ НА ПЕТЕРБУРГСКОМ РЫНКЕ АКТУАЛЬНОГО ИСКУССТВА

Хохлова А.М. (Санкт-Петербург)

В фокусе данного доклада находятся стратегии и тактики, к которым прибегают молодые петербургские художники, работающие в формате актуального искусства (*англ.* – contemporary art), для распространения собственных произведений и обеспечения коммуникативного резонанса вокруг них. В соответствии с определением В. Воробьевой, под актуальным искусством мы понимаем «совокупность современных художественных практик, в основе которых лежит творческий эксперимент, связанный с субъективным отражением действительности. Такому эксперименту присущи поиски и генерация новых идей, концептов, образов, новых средств и материалов выражения, вплоть до дематериализации объекта» [3]. Таким образом, важнейшими признаками актуального искусства являются его экспериментальный характер, полисемантичность, использование новых техник и приемов художественного выражения, охватывающих живопись, инсталляцию, хеппенинг, перформанс, site-specific art, лэнд-арт и пр.

В докладе представлены результаты эмпирического исследования креативных сообществ Санкт-Петербурга. Данное исследование было осуществлено в логике кейс-стади: в соответствии со стратегией множественных вариативных случаев для изучения было отобрано четыре городских арт-сообщества, различающихся по масштабу, долговременности существования, характеру пространственной закреплённости, целевой аудитории, типу взаимодействия с городским пространством, стилевым характеристикам творчества. Для сбора данных был использован широкий спектр методов полевого исследования: слабоструктурированное интервью, включенное наблюдение, визуальные методы и др.

В качестве основной теоретической рамки исследования мы воспользовались концепцией «мира искусства» Г. Беккера [4], а также положениями структуралистского конструктивизма П. Бурдьё,

позволяющими реконструировать логику формирования и воспроизводства поля искусства. Беккер подчеркивает коллективную и коммуникативную природу искусства, развивающегося как особая институциональная и дискурсивная среда, которая объединяет «людей и организации, производящие события и объекты, которые сам мир искусства определяет как искусство» [4: 704] и основывается на общеразделяемых конвенциях, регулирующих производство, распределение и потребление креативных продуктов. Бурдые описывает поле искусства как многомерное пространство (дис-)позиций акторов, задаваемых доступом этих акторов к различным формам капиталов и определяющих их взгляды на искусство, а также их практики, направленные либо на сохранение, либо на изменение существующей структуры силовых отношений [2]. Это пространство диспозиций обладает относительной независимостью функционирования от внешних принуждений и способностью к рефракции, то есть переопределению внешних воздействий в соответствии с собственной логикой. Здесь складывается особый канон творчества, основанный на представлениях о профессионализме и профессиональной традиции, и утверждается собственно художественная легитимность создания произведений искусства, которые превращаются в «символические блага»: «двуликие реальности товаров и значений, сугубо символическая и рыночная ценность которых остается относительно независимыми друг от друга, даже когда экономическая санкция способствует усилению культурного признания – интеллектуального, художественного и научного» [1].

Постепенно поле искусства становится все более дифференцированным и расчленяется внутренними границами. Эти границы могут конструироваться и воспроизводиться разнообразными способами: например, через освоение, символическое присвоение и маркирование физического пространства (компактное расселение художников и стратегический выбор ими выставочных площадок), использование дискурсивных практик исключения, нацеленных на демонстрацию низкого статуса определенных творцов и публик, развитие институтов профессиональной социализации и неформальных механизмов включения в корпус творцов. Художественное поле распадается на «поле массового производства символических благ» и «поле ограниченного производства символических благ». «Поле массового производства» обладает сравнительно низкой автономией, поскольку зависит от вкусов и предпочтений широких публик, оправдывает

товарный характер творчества и мерилом успеха считает массовую популярность. Напротив, «поле ограниченного производства» делает ставку на инновативность, настойчиво стремится сформировать собственные креативные практики и критерии оценки результирующих произведений искусства и мерилом успеха определяет признание узкого круга профессионалов [1].

Опираясь на собранные эмпирические данные, мы покажем, как стремление к отдифференциации, свойственное полю ограниченного производства, оформляет петербургский рынок актуального искусства. В условиях дефицита спонсорской и государственной поддержки, без которой не ориентированное на коммерческие прибыли актуальное искусство оказывается нежизнеспособным, успех художников в значительной мере зависит от их постоянных усилий по самопродвижению: участию в конкурсах и коллективных проектах, составлению заявок, распространению информации о себе в Интернете. Эти функции, как правило, не передаются экспертам (например, агентам), поскольку их услуги дорого стоят, а реализуются самими художниками. Художники зачастую бывают вынуждены брать на себя и обязанности кураторов: они разрабатывают концепции выставок и иных проектов, пишут тексты, ведут переговоры с галеристами. Выбирая выставочные площадки, участники арт-рынка должны быть очень внимательными: неосторожное сотрудничество с коммерческой галерей может привести к стигматизации художника и исключению его из профессионального сообщества, тогда как успешная выставка в грамотно подобранном экспозиционном пространстве увеличивает символический капитал художника и выступает своеобразным «карьерным лифтом» в поле искусства.

Таким образом, несмотря на небольшие масштабы, петербургский рынок актуального искусства представляет собой жесткую конкурентную среду, где стратегическая деятельность художников по «продвижению» арт-объектов приобретает решающее значение, а любая ошибка может иметь фатальные последствия именно в силу закрытости рынка и плотности социальных связей между участниками.

Литература

1. Бурдье П. Рынок символической продукции // Вопросы социологии. 1993. № 1/2. С. 49-62.
2. Бурдье П. Поле политики, поле социальных наук, поле журналистики // Социоанализ Пьера Бурдье. Альманах Российско-

французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. М., СПб., 2005. С. 107-138.

3. Воробьева В. Актуальное искусство: зритель в поисках смысла // Арт-куратор: сайт о современном искусстве и тех, кто его делает. URL: http://artkurator.com/articles/Vera_ru.html, дата обращения – 01.10.2012.

4. Becker H.S. Art Worlds and Social Types // American Behavioral Scientist. 1976. Vol. 19. № 6. Pp. 703-718.

5. Bourdieu P. Distinction. A social critic of the judgment of taste. London & New York, 2010.

**«НОЧЬ МУЗЕЕВ» КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ГОРОДСКОЙ
КУЛЬТУРЫ: КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ (НА
ПРИМЕРЕ МЕРОПРИЯТИЯ «НОЧЬ МУЗЕЕВ – 2012» В
САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ).**

Чернега А.А., Новосёлов А.М. (Пермь)

В современном российском обществе происходит трансформация дискурса о феномене городской культуры. Культурные мероприятия, акции, действия, флешмобы, перформансы, фестивали, городская театрализация, выход современного искусства в различных его формах в пространство города – все эти процессы постепенно набирают популярность как в крупных, так и в малых городах России. Одним из относительно новых типов подобных мероприятий является проект «Ночь музеев». Зародившийся в Европе в 1997 году, в нашу страну он пришел спустя 5 лет, а наиболее популярен стал в 2008-2012 гг.

Акция «Ночь музеев» включает в себя проведение экскурсий, театрализованных постановок, встреч и перформансов в часы, когда музей в обычное время не работает – вечером или ночью. Время проведения данной акции приурочено к международному дню музеев 18 мая, и обычно мероприятия «Ночи...» проводятся в ближайшие к этой дате выходные. Проект стремительно завоевывает популярность в России: так, в 2012 г. в акции приняли участие не только музеи Москвы, Санкт-Петербурга, большинства региональных центров РФ, но и музеи малых провинциальных городов, таких как Белозерск, Нерехта, Великий Устюг [1]. Специфической чертой проекта является то, что каждый музей формирует самостоятельную программу мероприятий, выбирая форматы, которые порой могут резко отличаться друг от друга: от привычных в рамках музея

экскурсий и открытий выставок до невозможных в другое время в музее действ вроде дискотек и пиротехнических шоу.

Ключевым актором анализируемого мероприятия является музей, рассматриваемый нами как социальный институт, реализующий в обществе определенные группы функций. Среди них особенно выделяется коммуникативная функция музея, по мнению некоторых исследователей являющаяся генеральной, смыслополагающей [2].

Проблемой данного доклада является противоречие между функционированием музея как традиционного социального института и презентацией его в качестве участника современного городского культурного пространства. В качестве основных исследовательских задач нами были выделены, во-первых, описание социальных практик, складывающихся в процессе мероприятия «Ночь музеев»; во-вторых, анализ коммуникативных процессов внутри музейно-городской среды в исследуемый период; в-третьих, изучение перспектив музея в нетрадиционных для него условиях в рамках городского пространства.

В качестве исследовательского метода было применено включенное наблюдение в русле качественной социологической традиции [3: 123]. Данный метод был использован нами во время проведения акции «Ночь музеев» в Санкт-Петербурге 19-20 мая 2012 г. Присутствие исследователей в поле осуществлялось в период с 18.00 19 мая по 5.00 20 мая. В порядке очередности были посещены: музей городской скульптуры, музей почвоведения, музей городского электрического транспорта, центральный выставочный зал «Манеж», центральный музей связи им. А.С. Попова, музей истории религии.

Нами было выявлено, что в мероприятии «Ночь музеев» достаточно активное участие принимают различные социально-возрастные и социально-статусные группы. У многих музеев в течение всего полевого исследования наблюдались большие очереди, что говорит о популярности проекта и высоком интересе людей к нему. Следует отметить, что посетители музеев проявляли любознательность, заинтересованность в формировании социально-коммуникативного пространства проекта, что выражалось в соответственном поведении на экскурсиях и в экспозиционных залах. В процессе обмена мнениями между участниками музейного процесса неоднократно встречались реплики о том, что такая предлагаемая им форма проведения свободного времени «интересна», «необычна», позволяет нескучным образом

акцентировать внимание личности и семьи на познании культуры, а также «отдохнуть от суеты».

Примечателен тот факт, что после полуночи основную долю участников мероприятия составляла молодежь. Примерно третья часть представителей данной социальной группы, по наблюдениям, состояла из тех людей, для которых ночной способ проведения свободного времени является актуальным (маркерами выделения таких публик в наблюдении стали алкогольные напитки, дорогие машины, специфический сленг и т.п.). В данной ситуации, с одной стороны, музей как ключевой участник «Ночи...» стал новым пространством коммуникации для «городской ночной молодежи». С другой стороны, следствием этого явилось смещение реализации традиционных функций музея в обществе, например, воспитательной, познавательной, образовательной, гедонистической, к функциям других социальных институтов, например, ночного клуба. Тем не менее, данная тенденция не является преобладающей.

Нами были обнаружены многочисленные приемы «оживления» музейного и городского пространств. Так, музей электротранспорта предлагал посетителям прокатиться на трамвае 1910 г. выпуска; в ЦВЗ «Манеж» проходила дискотека; в музее почвоведения для тактильных ощущений были доступны образцы почв; в музее связи им. Попова работали зоны познавательно-развлекательного досуга (новинки средств связи были доступны посетителям в интерактивном режиме). В качестве ключевых коммуникативных процессов, замеченных нами, были знакомство и общение людей друг с другом в музейном процессе; активное взаимодействие участников проекта (сотрудники музеев – посетители, посетители – посетители); межмузейное взаимодействие (заранее составленные карты расположения музеев, курсирование специальных автобусов по музейным маршрутам города, рекламирование одних музеев другими).

По результатам наблюдения было выявлено, что большинство обследованных музеев отказались от традиционных форм взаимодействия с посетителями, применив при этом принципы «живого» музея [4]. С одной стороны, это позитивная тенденция, поскольку концепция «живого» музея предполагает включение в музейный процесс интерактивных элементы, презентует музей как «институт соучастия», что наблюдалось в ряде музеев. С другой стороны, не все обследованные нами музеи реализовывали установленные традиционные для этого социального института функции. Некоторые наблюдаемые нами элементы музейного

процесса можно выразить в таких ассоциативных терминах как «кафе», «тусовка», «место встречи молодежи, ведущей ночной образ жизни», «столпотворение», «очередь».

Однако можно утверждать, что деятельность музеев в рамках анализируемого мероприятия является, в целом, позитивным фактором развития городской культуры. Значимым признаком бытования музея в городе в описанных условиях становится его открытость, что является одной из первоочередных проблем современного музея [5]. Результаты исследования показали готовность общества к такому шагу со стороны музея: нами не были обнаружены социально нежелательные формы поведения посетителей непосредственно в экспозиционных залах (распитие спиртных напитков, небрежное обращение с экспонатами, акты вандализма и т.п.).

В «Ночь музеев» Санкт-Петербург стал большой арт-площадкой, где музей был артикулирован в качестве элемента актуальной культуры, привлекающего к себе людей разных возрастов и профессий в нестандартное время. В качестве причин, привлёкших большое количество людей к участию в социокультурном проекте «Ночь музеев», можно выделить заинтересованность общества в нестандартных формах музейной деятельности; привлекательное коммуникативное пространство, предоставляемое тандемом «музеи – город»; широкое освещение проекта в СМИ; активную рекламу мероприятия. Не стоит забывать и о том, что Санкт-Петербург занимает первое место в списке наиболее популярных среди туристов городов России [6] и является признанной «культурной столицей», что также могло привлечь именно в этот город туристов, желающих посетить данную акцию.

Можно считать, что противоречие, поднятое в проблеме данного исследования, оказалось научно разрешимым. Однако исход проблемной ситуации оказался возможным за счет неспецифической формы презентации музея в качестве актора, формирующего современный городской досуг. Безусловно, изучение поднятой проблемы должно быть продолжено как в других регионах России, так и с использованием других методов качественной социологии.

Литература

1. Музеи Вологодской области примут участие в традиционной международной акции «Ночь в музее». Электронный ресурс. – URL: <http://info35.info/novosti/vologodskoi->

oblasti/kultura/muzei-vologodskoi-oblasti-uchastie-v-tradicionoi-mezhdunarodnoi-aksi-noch-v-muze.html (дата обращения 13.06.2012).

2. Беззубова О.В. Некоторые аспекты теоретического осмысления музея как феномена культуры // Литературный журнал геосимволистов «Мой берег». URL: <http://moy-bereg.ru/aspektyi-kulturyi/nekotoryie-aspektyi-teoreticheskogo-osmysleniya-muzeya-kak-fenomena-kulturyi.html> (дата обращения 03.06.2012).

3. Горшков М.К. Прикладная социология: методология и методы: учебное пособие/ М.К. Горшков, Ф.Э. Шереги.-М.:Альфа-М: ИНФРА-М,2011.- 416 с.

4. Новосёлов А.М., Чернега А.А. Роль «живого» музея как фактора привлечения туристов в современном российском обществе // Музей и проблемы «культурного туризма»: Материалы десятого Круглого стола в Государственном Эрмитаже 12-13 апреля 2012 г., СПб, 2012. С.101-106.

5. Хачатрян Л.А., Чернега А.А. Социальная польза музея для учащейся молодежи: сущность и проблемы [Текст] // Вестник Пермского университета. Серия Философия. Психология. Социология № 2(10). Пермь: ПГУ. 2012. - С.167-172

6. Россия. 10 лучших туристических направлений (по результатам Travellers Choice 2012). Электронный ресурс. – URL: <http://www.tripadvisor.ru/TravelersChoice-Destinations> (дата обращения 13.06.2012).

МАЛЫЙ ГОРОД И ЕГО СПЕЦИФИКА

Шишкина С.В. (Балашов)

Сегодня социально-стратификационная структура населения рассматривается одна из главных характеристик города как в статике, так и динамике. В городе формируется социальное расслоение, дистанцируются и фиксируются социальные роли людей, отражающиеся в различных сторонах жизни горожан, начиная от различий в жилье, пище, одежде, функциях, взаимоотношениях, этикете и заканчивая изменением и структурированностью городского пространства [5]. В современной социологии город рассматривается как социально-исторический фактор, географический пространственный объект, в котором формируются новые формы организации общественной жизни – правовая, производственная, социально-стратификационная, – создаются новые социальные институты. В работе «Город» М. Вебер сформулировал

социально-исторический подход, где отличительными признаками города назвал отсутствие личного знакомства, рынок, неземледельческий труд, развитые управленческие функции [2].

Современный город – территориально-концентрированная форма расселения людей, занятых преимущественно несельскохозяйственным трудом. Город представляет собой место концентрации производственных функций в сфере промышленности, транспорта, услуг [3: 219]. Для Ф. Броделя приоритетом является описание индивидуального своеобразия городов, а не типичности: «сколько городов, столько и социальных формул». По Броделю, социальные взаимодействия внутри города определяются местом населенного пункта в общей национальной системе поселений [1]. Первая характеристика города – это количественные параметры (численность населения, размеры поселения, плотность населения на единицу городской площади); вторая – качественные показатели (выполняемые городом функции, виды деятельности жителей, взаимодействие с ближней и дальней округой) [5]. Мы намеренно отказываемся от приоритета показателя численности населения при определении малого города, поскольку считаем, что малый город – это локальный компактный социум, социально-экономическая система, в которой демографические компоненты уступают другим составляющим по значимости.

В отечественной социологии долгое время не уделялось должного внимания изучению стратификационной специфики малых городов. Немногочисленные исследования касаются в большей степени географических, властных, экономических или статистико-демографических вопросов. В последние годы появились труды, авторами которых являются работники управленческой, социальной и образовательной сфер, непосредственно участвующие в разрешении многочисленных проблем социального комплекса на местах. В отечественной научной среде сложилась традиция относить к малым городам районные центры областного, краевого или республиканского подчинения. Специфика таких городов обусловлена их социально-экономической, инженерно-технической и организационно-управленческой структурой. Малый город имеет четкое положение в структуре территориальных образований: это город третьего уровня, но первый в том пространстве сельских населенных пунктов, к которому стягиваются нити духовно-образовательной культуры района. По укладу жизни горожан подобный населенный пункт является переходным звеном между городом и селом, а также первым этапом миграции сельского

населения в областные центры и столицы. Первоначально селяне переезжают в поселок или малый город, не теряя связи с землей, а их дети полностью переходят к городскому образу жизни.

По сравнению с сельской местностью, город привлекает потоки населения возможностью трудиться и получать средства к существованию, так как основным фактором урбомиграционных процессов и количественного роста являются имеющиеся и создаваемые рабочие места. Помимо витальных потребностей человек обладает социально-личностными и метафизическими потребностями, для реализации которых город предоставляет больше возможностей. Как свидетельствуют статистические и эмпирические данные, полученные в ходе прикладных социологических исследований, меру возможностей в удовлетворении потребностей определяют условия конкретного места поселения, детерминированные его профилем, численностью, административным статусом [4]. В городах с числом жителей от 10 до 100 тыс. в Российской Федерации проживает 32 млн. человек [6], т.е. малые города являются экономическими и социокультурными центрами для пятой части населения страны.

Литература

1. Бродель Ф. Время мира. Т.3. Материалистическая цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв.. <http://www.unn.ru/rus/fl4/k2/students/hopes/9.htm>. (дата обращения 25.07.09.)
2. Вебер М. История хозяйства. Город. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001.
3. Город. // Социологическая энциклопедия: В 2т. Т.1 / Национальный общественно-научный фонд / Руководитель научного проекта Г.Ю. Семигин; Главный редактор В.Н. Иванов. – М.: Мысль, 2003. – 694 с. С. 219.
4. Дулина Н.В. Феномен города в меняющемся мире // Человек, культура, общество: Межвуз. сб. науч. тр. / Редкол.: Н.В. Дулина (отв. ред.) и др. / ВолгГТУ. Волгоград, 2005. Вып. 5. С.20-29.
5. Тыхеева Ю.Ц. Человек в городском пространстве (Философско-антропологические основания урбанологии). // URL: <http://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/professor.ru/Tyheeva/>. (дата обращения 18.08.09).
6. Федеральная служба государственной статистики. Официальный сайт // <http://www.gks.ru/>.

Секция 6. Гендер и гендерные отношения в современном обществе

ПОЛИТЭКОНОМИЯ СЕМЬИ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ И ЗАВТРА

Акпаров В.Х. (Москва)

Деградация семьи стала в последние годы более чем очевидной. Что ждет институт семьи в будущем? Для ответа на этот вопрос надо вспомнить, чем была семья в прошлом и каковы механизмы изменения семьи в настоящем. Патриархальная семья аграрного общества была производственной единицей, в которой органично совмещались производство вещей и производство людей. Политически семья представляла собой деспотическую диктатуру отца, совмещавшего роли организатора производства, военного, политического и духовного лидера. Жена и дети были, по существу, рабами мужчины, работавшими на него за хлеб, и он полновластно распоряжался не только их временем и свободой, но и жизнью («я тебя породил, я тебя и убью»). Экономическая независимость семей друг от друга была основой непрерывных войн между ними (кровная месть) под руководством отца. Дети являлись работниками родителей, источниками благополучия семьи. Ни отец, ни мать не могли уйти из семьи, бросив детей, так как это означало голодную смерть в ближайшую зиму. Семья была крепкой. Дети были цементом семьи. Политика семьи была пронаталистской, о депопуляции не было и речи. Развитие капитализма привело к утрате семьей производственной функции, отцом- положения полновластного хозяина семьи, детьми- роли работников семейного крестьянского хозяйства. Однако это коснулось только производства вещей, производство людей (взрослых людей, способных самих себя содержать) осталось прямой функцией семьи. Это производство до сих пор осуществляется на нерыночной патриархальной основе. Люди не обращаются на рынке, как вещи, в результате чего продукт семьи не имеет цены и бесплатен для потребителя. В результате производство людей абсолютно убыточно, так как семья принципиально не может покрыть издержки на производство человека. У всех убыточных производств одна судьба- они закрываются под угрозой голодной смерти владельцев. Закрывается, прекращает свое существование, и семья. В настоящее время в капиталистических странах производство людей сократилось до 1-2

человек на женщину за всю её жизнь и имеет тенденцию к дальнейшему падению. Поскольку уже достигнутый уровень рождаемости меньше уровня простого воспроизводства, сохранение патриархального способа производства человека смертельно для общества и вскоре должно быть заменено на рыночное производство людей. Рыночное производство может вестись как индустриальным, так и мелкотоварным способом. От того, какой способ выберет общество, в первую очередь государство, и будет зависеть судьба семьи в ближайшем будущем. Попытки перевести семью, производство людей, на рыночную основу ведутся давно. Из последних следует отметить попытки покупки детей у родителей с сохранением мелкотоварного (семейного) производства людей через пособия на детей (в Исландии за первого ребенка платят 25000 евро, за второго – 50000 и за третьего – 75000 евро, у нас материнский капитал составляет всего 10000 долларов и выдается со многими оговорками). До тех пор, пока предлагаемая государством сумма будет меньше порога рентабельности детопроизводства, никакого влияния на рождаемость (кроме сдвига календаря рождений) она не имела и иметь не будет. Уровень рентабельности легко посчитать, зная общественно необходимые расходы семьи на ребенка от рождения до выхода на работу. К этой сумме надо добавить потери в зарплате матери за время, пока она сидит с детьми, в том числе и на бюллетене, а также еще некоторую сумму, чтобы рожать и воспитывать детей для женщины было выгоднее, чем работать на производстве вещей. Эти деньги проще всего получить у самих детей через реформу пенсионной системы [1]. Если пенсионные взносы (28% зарплаты) работодатель будет платить не в Пенсионный фонд, а прямо родителям, это будет своего рода рента, возврат инвестиций в детей, семья при этом укрепитя и рождаемость вырастет до африканского уровня. Авторитет отца вырастет, дети из балласта, лишних ртов, иждивенцев вновь станут цементом, связывающим семью. Женщина не будет стараться играть роль мужчины второго сорта, труд матери ввиду его хорошей оплачиваемости вновь станет почетным. Феминизм исчезнет, как дурной сон, гомосексуалисты будут восприниматься как клинические идиоты. Недавняя инициатива Жириновского по покупке за 100000 руб. детей у матерей, принявших решение сделать аборт, с последующим их воспитанием в детских домах уже из серии попыток создать индустриальное производство людей [2,3]. Конечно, в соревновании между мелкотоварным и крупным индустриальным производством всегда выигрывает последнее.

Можно себе представить заводы по производству людей, где суррогатные матери рожают, наемные нянечки выхаживают, а наемные учителя обучают новых граждан. Унификация, научная организация этого процесса, массовость производства (один воспитатель на тридцать детей), широкая возможность контроля над личностями (оболванивания) наверняка сделают в будущем индустриальный способ производства людей (несчастных сирот) господствующим. Произойдет немыслимое пока разрушение морали, нравственности. Страна будет состоять из людей, не знающих, что такое материнская любовь. Семья же окончательно превратится в то, чем она, по сути, и является в настоящее время – в мини-клуб по интересам (если образована по принципу сходства интересов), в публичный дом для двоих (если целью был секс), временным местом для отдыха и здорового питания (если мужчине нужна повар или прислуга), и т.п. Производство детей уйдет из числа функций семьи точно так же, как в недалеком прошлом из её сферы ушло производство вещей.

Литература

1. Проект «Доктрина сбережения и умножения русского и других коренных народов России (Стратегия демографического прорыва)» Сайт фонда содействия объединению русского народа «Русские»://URL: <http://russkie-fond.ru/node/281>
2. Сайт интернет-сообщества сторонников Жириновского:// URL: <http://www.ldpr-krd.ru/viewvuj.html?id=157/> 3. Сайт Леон Ива. Голос разума URL:<http://iva-istina.narod.ru/08smia/dommateri.html>

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН)

Ахметова С.А. (Казань)

Под этнической идентичностью понимается социально-психологическая категория, в которой отражается осознание принадлежности индивида, группы к определенной этнической общности. В структуре этнической идентичности выделяют обычно три основных компонента: когнитивный (знания об особенностях этнической группы и осознание индивида ее представителем), аффективный (оценка качеств своей этнической группы),

поведенческий (действия индивида как представителя определенной этнической группы) [1, 290]. Многообразные проявления этничности – это поле позиций субъектов этничности, выражающихся в отличительных и узнаваемых этнокультурных практиках, связанных со степенью владения родным языком и характером его использования, силой выраженности этнической идентичности. Этничности свойственны изменчивость, пластичность, ситуативность, в то же время этнические группы имеют достаточно устойчивый характер. Однако этнические границы постепенно «размываются», структура социокультурных идентичностей усложняется [2, 157]. Гендерный аспект в этносоциологических исследованиях – не распространенный сюжет, вероятно, потому, что различия в гендерном плане зачастую оказываются незначительными [3, 164].

Материалы социологического исследования¹, проведенного в РТ группой университетских социологов по репрезентативной выборке об этнической идентичности и межэтнических отношениях, продемонстрировали как сходство, так и различия позиций представителей разного пола. Сходство позиций в гендерном аспекте проявляется в ряде случаев: 1) степень актуализации этнической идентичности у представителей разного пола примерно одинакова: опрос показал, что 71% мужчин из всех респондентов-мужчин считают, что современному человеку необходимо чувствовать себя представителем какой-либо национальности, женщин с аналогичным мнением 70%; 2) анализ эмпирических данных свидетельствует, что значительных различий в формировании этнической идентичности посредством языка, его использования в семье родителей как языка общения родственников, между респондентами-мужчинами и респондентами-женщинами нет; 3) как мужчины, так и женщины считают важным знание своего родного языка, в том ----- Научно-исследовательский проект Казанского федерального университета [12-48 в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ] «Состояние и динамика межэтнических и межконфессиональных отношений в Республике Татарстан» (Науч. рук. Р.Г. Минзарипов, авт. колл.: С.А. Ахметова, Г.Я. Гузельбаева, М.Ю. Ефлова, Л.Р. Низамова, А.Н. Нурутдинова). числе подрастающим поколением; 4) однако изучение татарского языка является проблемным полем для определенной части мужчин и женщин. При сходстве ряда позиций в представлениях мужчин и женщин об этнической идентичности и межэтнических отношениях существуют определенные различия. Анализ степени владения

татарским как языком титульной нации в гендерном аспекте свидетельствует о наличии расхождений: среди женщин несколько больше лиц, хорошо владеющих разговорной речью: 36% по сравнению с мужчинами – их 32%, умеющих читать на татарском языке – их больше мужчин на 6%, умеющих писать на татарском языке – их больше мужчин на 5%. Этот факт можно объяснить большей вовлеченностью женщин в повседневную жизнь, их более интенсивными контактами в сфере услуг, их большей занятостью по сравнению с мужчинами в сфере воспитания и образования детей. Об этом свидетельствует и факт более интенсивного использования женщинами татарского языка в повседневной жизни – 57%, в то время как среди мужчин их 43%. Некоторые различия обнаружились в отношении к национальной принадлежности других людей: национальность окружающих имеет большое значение для 37,0% мужчин и для 30 % женщин, что свидетельствует о большей толерантности женщин по сравнению с мужчинами. Взгляды мужчин и женщин относительно возможности контактировать с приезжими из других регионов России в разной степени близости (шкала Богардуса) различаются, как правило, незначительно, однако характеризуют определенную тенденцию. Приведем распределение респондентов по готовности принять приезжих в качестве:

- новых земляков-татарстанцев: да – 21% мужчин и 19% женщин, скорее нет – по 26% тех и других;
- коллег по работе и сослуживцев: пятая часть мужчин и женщин – за, 21% мужчин и 24% женщин – против;
- соседей по дому или подъезду: да – по 18% мужчин и женщин, нет – четвертая часть мужчин, 28% женщин;
- друзей: да – пятая часть мужчин и женщин, нет – 24,5% мужчин и 28% женщин;
- членов семьи: да – 14% мужчин и 12,4% женщин, нет – 42% мужчин и 46% женщин.

Эти данные свидетельствуют о том, что среди женщин больше лиц (в пределах 3-4%) практически по всем позициям настроенных против приезжих из других регионов страны. По мере сокращения дистанции в процессе возможного общения местных жителей с приезжими из других регионов страны наблюдается тенденция убывания доли лиц, настроенных положительно к мигрантам, и возрастает доля отрицательно настроенных к ним людей. Особенно велика доля и мужчин, и женщин, настроенных отрицательно по поводу возможного родства с приезжими, причем женщин среди них больше: 46% против 42% мужчин. В «средней» дистанции – земляка, коллеги, друга – доля отрицательно настроенных не столь велика, здесь модальной группой (до 50%) являются лица, нейтрально относящиеся к приезжим.

Еще более сдержанное отношение жители проявили к возможному проживанию в республике приезжих из Средней Азии и государств Кавказа: - за новых россиян – по 9% мужчин и женщин, против – 47% мужчин и 46% женщин; - за новых земляков-татарстанцев – 8% мужчин и 9,5% женщин; против – 47% мужчин и 46,5% женщин. При этом среди женщин несколько больше, чем среди мужчин, лиц, благожелательно настроенных к иммигрантам, приехавшим на постоянное место жительства: положительно к ним относятся 12,5% женщин и 10,5% мужчин; отрицательно – 40% женщин и 43% мужчин.

Позиции мужчин и женщин по поводу политики в отношении иммигрантов идентичны: доминирующей является группа мужчин – 45%, выступающих за их временное проживание в России, женщин несколько меньше – 40%, пятая часть и мужчин и женщин склонна запретить им въезд в страну, лишь шесть процентов тех и других – за их укоренение.

Эмпирические данные свидетельствуют о том, что позиции мужчин и женщин в отношении приезжих из Средней Азии и Кавказа отличаются, как правило, на незначительную величину, и что среди них вдвое меньше лиц, готовых принять иммигрантов в качестве новых россиян или земляков-татарстанцев по сравнению с мигрантами из регионов России.

О состоянии межэтнических отношений в РФ и РТ взгляды мужчин и женщин несколько разошлись. Женщин, считающих благоприятными отношения в РФ, несколько больше мужчин, и меньше среди тех, кто характеризует их как напряженные, кризисные. По отношению к РТ женщины, наоборот, в этом плане более критичны: их меньше среди тех, кто оценивает межэтнические отношения в РТ как благоприятные и спокойные: 60% против 66% мужчин и больше среди оценивающих эти отношения как напряженные, кризисные: 6,3% против 4,2% мужчин. Вероятно, расхождения в оценках связаны с тем, что женщины чаще мужчин сталкивались с фактами дискриминации, унижения по национальному признаку: 14% женщин против 11% мужчин. Подобные случаи чаще бывают по месту проживания, то есть в своей республике, поэтому ситуация в РФ воспринимается как более благоприятная.

Результаты проведенного в РТ исследования свидетельствуют о том, что в принципе позиции мужчин и женщин по поводу этнической идентичности и межэтнических отношений являются сходными, вместе с тем наблюдаются различия, связанные со спецификой мужских и женских ролей в обществе.

Литература

1. Этнопедагогика семьи. Энциклопедический словарь.- Казань: Изд-во ТГГПУ, 2010. – 310 с.

2. Низамова Л.Р. Сложносоставная концепция современной этничности: пределы и возможности теоретического синтеза // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. Том XII. № 1. – С.141-159.

3. Столярова Г.Р. Феномен межэтнического взаимодействия: опыт постсоветского Татарстана. – Казань: Казанский государственный университет, 2004. – 315 с.

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ

Басимов М.М. (Курган)

Локальные эмпирические классификации позволяют рассматривать внутреннюю (содержательно определяемую выбранными вопросами анкеты) структуру подмножества эмпирических данных исследования, которая показывает насколько неоднородна совокупность ответов на вопросы анкеты, представленные интервальными переменными, и как эту неоднородность высвечивают и усиливают внешние факторы, представленные номинальными переменными, придавая ей определенную типологическую структуру. Для иллюстрации предлагаемого метода нами использованы данные, полученные в рамках исследования политических предпочтений и политической активности потенциальных избирателей. Если в рамках исследования сравнивать только группы, полученные по гендерным отличиям, мы не получим в достаточном количестве интересной для анализа и интерпретации информации, потому что, как показано ниже, отличаются между собой не просто мужчины и женщины, а однородные социальные группы среди мужчин и женщин. Для решения задачи «Множественного сравнения» [1,3] проведем сортировку респондентов на непересекающиеся группы по трем позициям: 1-я позиция пол (М или Ж) 2-я позиция «Семейный» (С) или «Холостой» (Х) 3-я позиция «Субъективная оценка экономического положения» (3 – ниже среднего, 4 – средняя обеспеченность, 5 – полный достаток). Из 12 гипотетических групп (по количеству респондентов достаточных для множественного сравнения) получилось 9 невырожденных непересекающихся групп: МХЗ – холостые мужчины ниже средней обеспеченности по

субъективной оценке; МХ4 – холостые мужчины средней обеспеченности по субъективной оценке; МС3 – семейные мужчины ниже средней обеспеченности по субъективной оценке; МС4 – семейные мужчины средней обеспеченности по субъективной оценке; ЖХ3 – холостые женщины ниже средней обеспеченности по субъективной оценке; ЖХ4 – холостые женщины средней обеспеченности по субъективной оценке; ЖС3 – семейные женщины ниже средней обеспеченности по субъективной оценке; ЖС4 – семейные женщины средней обеспеченности по субъективной оценке; ЖХ5 – холостые женщины полного достатка по субъективной оценке. Рассмотрим как в результате множественного сравнения распределились 9 изучаемых групп респондентов для 12 параметров принятия наиболее известных политических сил (партии, политические деятели).

1. Наибольшее принятие Депутатов Госдумы наблюдается у холостых мужчин средней обеспеченности по субъективной оценке (сравнительная весомость = +327) и холостых женщин ниже средней обеспеченности по субъективной оценке (сравнительная весомость = +135). Противоположный полюс образуют семейные мужчины ниже средней обеспеченности по субъективной оценке (сравнительная весомость = -197) и, прежде всего, семейные мужчины средней обеспеченности по субъективной оценке (сравнительная весомость = -323). Приведем для этого параметра полное распределение 9 групп по уровням с указанием сравнительной весомости: Группа / Сравнительная весомость

МХ4	327	ЖХ3	135	ЖС3	18	ЖХ5	-3	ЖС4	-42	ЖХ4	-51
МХ3	-87	МС3	-197	МС4	-323						

2. Наибольшее принятие Членов правительства наблюдается у холостых мужчин средней обеспеченности по субъективной оценке (сравнительная весомость = +154). Противоположный полюс образуют прежде всего семейные мужчины средней обеспеченности по субъективной оценке (сравнительная весомость = -251), холостые женщины полного достатка по субъективной оценке (сравнительная весомость = -214), а также холостые мужчины ниже средней обеспеченности по субъективной оценке (сравнительная весомость = -146). Приведем для этого параметра полное распределение 9 групп по уровням с указанием сравнительной весомости: Группа / Сравнительная весомость

МХ4	154	ЖС3	87	ЖХ3	36	ЖС4	19	ЖХ4	-8
МС3	-26	МХ3	-146	ЖХ5	-214	МС4	-251		

3. Партию «Единая Россия» принимают прежде всего семейные женщины ниже средней обеспеченности по субъективной оценке (сравнительная весомость = +162). Явного неприятия среди 9

рассматриваемых групп не наблюдается. 4. Партию «Справедливая Россия» принимают прежде всего холостые женщины средней обеспеченности по субъективной оценке (сравнительная весомость = +323), в меньшей степени семейные женщины ниже средней обеспеченности по субъективной оценке (сравнительная весомость = +102). Не принимают «Справедливую Россию» прежде всего холостые мужчины средней обеспеченности по субъективной оценке (сравнительная весомость = -127). 5. В отношении партии ЛДПР нет экстремальных отношений (принятия или непринятия), все группы воспринимают ее достаточно нейтрально (по сравнительной весомости от -53 до +41). 6. КПРФ принимают холостые женщины средней обеспеченности по субъективной оценке (сравнительная весомость = +135), но особенно негативно эту партию воспринимают семейные мужчины средней обеспеченности по субъективной оценке (сравнительная весомость = -521). 7. Партию «Правое дело» принимают больше других семейные женщины ниже средней обеспеченности по субъективной оценке (сравнительная весомость = +250) и холостые женщины ниже средней обеспеченности по субъективной оценке (сравнительная весомость = +136). Наиболее отрицательно к ней относятся семейные мужчины ниже средней обеспеченности по субъективной оценке (сравнительная весомость = -103). 8. К партии «Яблоко» нет явных симпатий у представителей рассматриваемых групп (максимальная сравнительная весомость +59), недовольство же можно отметить у семейных мужчин ниже средней обеспеченности по субъективной оценке (сравнительная весомость = -101). 9. Д.А.Медведеву симпатизируют семейные женщины средней обеспеченности по субъективной оценке (сравнительная весомость = +302). Явного неприятия при этом не выявлено (минимум по сравнительной весомости -84). 10. В.В.Жириновский, как и его партия не вызывают сильных эмоций у сравниваемых групп (по сравнительной весомости от -97 до +64). 11. Г.А.Зюганова принимают семейные женщины ниже средней обеспеченности по субъективной оценке (сравнительная весомость = +156), а наиболее отрицательно относятся к нему семейные женщины средней обеспеченности по субъективной оценке (сравнительная весомость = -121). 12. И только В.В.Путин из 12 рассмотренных объектов (объектов принятия-непринятия) распределил группы респондентов 9 образованных групп строго по гендерному принципу: вначале 5 групп женщин, затем 4 группы мужчин. Наибольшие симпатии В.В.Путин вызывает у семейных женщин средней обеспеченности по субъективной оценке (сравнительная весомость =

+220), в несколько меньшей степени – у семейных женщин ниже средней обеспеченности по субъективной оценке (сравнительная весомость = +138). Явного неприятия при этом не выявлено (минимум по сравнительной весомости -83). Приведем для этого параметра полное распределение 9 групп по уровням с указанием сравнительной весомости: Группа / Сравнительная весомость ЖС4 220 ЖС3 138 ЖХ3 15 ЖХ5 3 ЖХ4 -34 МХ4 -41 МХ3 -42 МС3 -82 МС4 -83. Всего в исследовании рассматривалось 84 параметра (из которых было отобрано для статьи 12 родственных по содержанию). Результаты показывают, что для получения содержательной информации необходимо рассматривать однородные социальные группы среди мужчин и женщин в рамках гендерного исследования, не объединяя их только по гендерному фактору. Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 11-06-00174-а

Литература

1. Басимов М.М. Изучение статистических связей в психологических исследованиях: Монография. – Москва: Из-во Московского психолого-социального института, 2008. – 432 с.
2. Basimov M.M. Mathematical methods in psychological research (Nontraditional methods). Mo-nograph. – Germany, Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 185p.
3. Басимов М.М. Множественное сравнение в социологических исследованиях: Монография. Курган: Курганский государственный университет, 2012. – 224 с.
4. Басимов М.М. Нелинейная социология: Монография. – Курган: Курганский государственный университет, 2012. – 120 с.

ОПЫТ ФИНЛЯНДИИ В РЕАЛИЗАЦИИ ГЕНДЕРНОГО РАВНОПРАВИЯ

Бондаренко В.А. (Санкт-Петербург)

Современная полемика на тему гендерного равенства между мужчинами и женщинами началась в Финляндии в 1960-х. Традиционно гендерные роли рассматривались как основанные на труде в аграрном обществе. В индустриальном обществе представители обоих полов работают вне дома. Мужчины и женщины должны иметь равные гендерные роли в семье, равные права на прибыльное занятие и возможность оказывать влияние в

обществе на равной основе. Северные страны ассоциируются с моделью «государства всеобщего благосостояния», ставящей своей целью достижение социального равенства за счет обеспечения граждан обширными социальными правами, в дополнение к правам политическим и гражданским. В Финляндии использование скандинавской модели «государства всеобщего благосостояния» относится, главным образом, к проектам послевоенного времени; эта идея возникла в 1960-е гг. Для реализации полного гендерного равноправия, в частности, равной оплаты труда, были сформированы различные государственные органы, а также негосударственные организации, изданы законы о гендерном равенстве, проведены программы и созданы планы по достижению равноправия. Согласно Конституции Финляндии и закону о равных правах между мужчинами и женщинами, органы государственной власти несут ответственность за продвижение гендерного равенства. Реализация гендерного равенства входит в компетенцию министерства здравоохранения и социального обеспечения, у которого есть три организации для этой цели. Бюро равенства ответственно за гендерную стратегию и политику. Уполномоченный по гендерному равенству – независимый агент, который отслеживает соблюдение Закона о гендерном равенстве. Совет по гендерному равноправию наблюдает за соблюдением равенства на практике и стремится способствовать этому путем различных инициатив. В финском парламенте за гендерное равенство отвечает Комитет по вопросам равенства. Главным источником гендерного равноправия в Финляндии является Закон о гендерном равенстве. Финляндия была последней из северных стран, принявших такой закон - в 1986 г. Несмотря на то что страна совсем не отставала в политике равных возможностей, все еще сохранялась дискриминация, что побуждало правительство к законодательной инициативе. Финский закон 1986 г. имел двойную цель: во-первых, остановить прямую и косвенную дискриминацию по признаку пола, прежде всего, в области занятости; во-вторых, способствовать распространению равных возможностей путем принятия специальных мер, улучшающих положение женщин на рынке труда. Закон также требовал, чтобы мужчины и женщины имели равные возможности в сфере образования и профессиональной подготовки. Несмотря на законодательную базу, равенство между мужчинами и женщинами все еще нуждалось в усилении, поэтому с 1986 года правительство проводит программу гендерного равенства. Эта программа изучает и координирует политику равенства. Программа подразумевает и

создание правительством планов гендерного равенства, периодический отчет и другие проекты, предоставляемые, в частности, и Министерством по здравоохранению и социальному обеспечению. Индикатор гендерного равенства (Gender Equality Barometer) является также одним из важнейших проектов. Он предоставляется обычно раз в три-четыре года министерством здравоохранения и социального обеспечения. Отчет изучает положение женщин и мужчин и исследует процесс реализации гендерного равенства в трудовой жизни, школе и внутри семьи. В 1991 году в Финляндии была основана «Сеть женщин - членов парламента», объединяющая их независимо от партийной принадлежности. Целью этой женской внутрипарламентской группы является проведение в жизнь политики гендерного равноправия, а также защита женской точки зрения при подготовке законопроектов. Политика поддержки занятости женщин начала развиваться в 1910-х. Первый декретный отпуск (4 недели) был законодательно закреплён для женщин, которые работали на фабриках, в 1917 году. В 1919 женщины, работавшие в магазинах, конторах и публичном секторе получили право на декретный отпуск. В 1922 году вышел закон, запрещающий аннулирование трудового договора с женщинами во время декретного отпуска. Закон о пособии по беременности вышел в 1937. В 1963 году женщинам запрещалось выходить на работу сразу после рождения ребенка. А закон по декретным отпускам для всех женщин вступил в силу в следующем году. В настоящее время в Финляндии существует всеохватывающая система материнских отпусков (105 дней), отцовских отпусков (от 6 до 18 дней) и родительских отпусков (158 дней). Фактически Финляндия является пионером в данной области – она первая страна в мире, которая ввела – в 1975 г. – отпуск для отцов по уходу за новорожденным ребёнком. Размер выдаваемого родителям в течение родительского отпуска пособия зависит от их заработной платы; как правило, родители получают примерно 66 % от суммы её /его обычного дохода. Государство также выплачивает пособия по домашнему уходу за детьми матери или отцу, если один из них пожелает оставаться дома до тех пор, пока ребёнку не исполнится три года. У родителей малолетних детей также есть возможность сокращать свои рабочие часы вплоть до окончания ребёнком первого школьного семестра. Утверждая законодательно отцовские отпуска, правительство имело несколько целей. Во-первых, эти отпуска способствуют установлению отношений между отцами и новорожденными. Во-вторых, целью было установление гендерного равенства в аспектах,

касающихся обязанностей по уходу за детьми. Такие отпуска помогают разделить эти обязанности между обоими родителями – матерью и отцом. В-третьих, это содействует улучшению ситуации на рынке труда у женщин. Как известно, в возрастной категории 25-35 лет меньше женщин представлено на рынке труда из-за рождения детей. Вопросы семейной политики и особенно социального обеспечения ребенка были в фокусе в 1970-х. С появлением всеобщих декретных отпусков в Финляндии стала развиваться и система социального обеспечения маленьких детей. Здесь принято обоим родителям работать вне дома даже тогда, когда ребенок еще не достиг школьного возраста. Поэтому создание учреждений по уходу за детьми имело высокий приоритет. Закон о детских дошкольных учреждениях вступил в силу в 1973 году, а в 1991 году введена поправка к этому закону, гарантирующая каждому ребенку в возрасте до 3-х лет место в муниципальном детском дошкольном учреждении. В 1985 вышел закон о пособии по уходу за ребенком на дому. Теперь родители могли выбирать: отдать ребенка в детский сад (или ясли) или же получать пособие по уходу за ребенком, если есть возможность оставить его дома. Таким образом, занимая одно из первых мест в мире по реализации гендерного равноправия, государство проводит серьезную политику в отношении, как женщин, так и мужчин. Они дополняют законы, систематически составляют планы гендерной политики, представляют ежегодные отчеты. Говоря о сфере труда, здесь есть к чему стремиться. Разница в зарплате между мужчинами и женщинами все еще остается существенной. Однако государство, а также неправительственные организации стараются с этим бороться. Что касается частной жизни, проводится активная политика, направленная на поощрение отцов брать отпуска по уходу за ребенком. Финляндия не собирается останавливаться на достигнутом, напротив, делает все возможное для укрепления своей политики в отношении гендерного равноправия.

ЭТАПЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ СПОРТСМЕНОВ

Буряк Т.А. (Краснодар)

Спорт как важный социальный феномен пронизывает все уровни современного социума, оказывая широкое воздействие на основные сферы жизнедеятельности общества. В то же время остается недостаточно изученным ряд особенностей протекания

процесса профессиональной социализации спортсмена от начала и до завершения его спортивной карьеры. В последние годы к спорту как зрелищу мирового масштаба в преддверии Зимней Олимпиады 2014 в Сочи проявляется все больший интерес. Кроме этого важно понять, что помимо красивой «обложки» (праздника, красочного шоу), есть и другая сторона этого процесса – изнурительная каждодневная работа спортсменов над собой, т.е. их профессия – профессиональный спорт. Процесс подготовки кадров и включения их в сферу профессиональной деятельности является одним из важнейших факторов, оказывающих влияние на особенности и успешность протекания профессиональной деятельности. В социологических и психологических дисциплинах данный процесс принято обозначать как процесс профессиональной социализации. Попробуем разобраться в особенностях социализации спортсмена на каждом этапе спортивной карьеры. Профессиональная социализация спортсмена – процесс, в котором можно выделить следующие этапы: 1 этап. На первом этапе возникает проблема адаптации спортсменов к новым вторичным агентам социализации (спортивному коллективу, судьям, врачам), осознание себя спортсменом, постепенная адаптация к новым условиям, т.е. происходит процесс усвоения спортсменом новых «правил жизни», в том социуме, в котором ему в дальнейшем придется развиваться (в спортивном коллективе). На этом этапе очень необходима помощь и поддержка тренера, он как никто другой необходим на данном этапе формирования юного спортсмена, так как он играет главную роль в обеспечении психологического поведения и деятельности спортсмена и, конечно же, спортивной команды на различных этапах соревнований играет тренер. Поэтому от него зависит, насколько эффективно будет работать команда, сумеет ли он, руководя ею, тренируя спортсменов, добиться максимально эффективных результатов; 2 этап. Привыкнув к условиям и людям, которые его окружают, юный спортсмен постепенно переходит на новый для себя уровень профессиональной социализации. Тренировки становятся более интенсивными, выезды на соревнования более частыми, а, следовательно, круг общения становится шире, т.е. возникает проблема физической и психологической подготовленности спортсмена к переходу на более высокий уровень спортивного мастерства. Происходит переход из юношеского в взрослый профессиональный, а значит высокооплачиваемый. К сожалению, не все спортсмены выдерживают такой путь жизни и некоторые сходят с дистанции; 3 этап. Этот период характеризуется расцветом карьеры, достойные гонорары,

«звездность», далеко идущие планы; 4 этап. Этот этап спортивной социализации спортсменов, характеризуется спадом, т.е. возникает проблема кризиса в спортивной карьере. В итоге, либо она совсем подходит к концу, либо продолжается, но в другом амплуа – в виде тренера, помощника тренера, массажиста, т.е. происходит процесс ресоциализации. После завершения спортивной карьеры, у спортсмена происходит психологический кризис – обусловленный социально-психологической неподготовленностью к новым условиям, новому окружению, новым людям и т.д. Именно в этот нелегкий период рядом должны быть близкие люди, готовые оказать помощь. Но если же, спортсмен находит себя в другом деле (обычно это предпринимательство, бизнес, меценатство), то кризис проходит благополучно для него и окружающих людей. В общем, как показало проведенное нами исследование (экспертный опрос 10 профессиональных спортсменов и 5 тренеров), профессиональная карьера в большом спорте и начинается довольно рано, примерно в 13-16 лет и заканчивается в 20- 35 лет. Но в этом есть и свои плюсы, например, уже к 30 годам, успешный спортсмен может «крепко стоять на ногах», т.е. обеспечить себя и свою семью практически всем необходимым. Чего нельзя сказать о карьере людей, не занимающихся спортом. Их карьера к 30 годам, только начинает успешно развиваться. Так же опрошенные тренеры и спортсмены солидарны в том, что личные качества спортсмена (целеустремленность, самостоятельность, воля и т.д.) влияют на его успешную карьеру. Подводя итог, можно отметить, что профессиональная социализация каждого спортсмена уникальна и особенно, требует еще большего изучения и анализа.

ГЕНДЕРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ СЕМЬЕ: ПРАКТИКИ ФОРМИРОВАНИЯ И РАПСРЕДЕЛЕНИЯ СЕМЕЙНОГО БЮДЖЕТА

Василенко И.В. (Волгоград)

Семья остается важнейшим социальным институтом и ценностью для современных россиян. Она продолжает обеспечивать претворение в жизнь социальных, экономических и других потребностей индивида, самой семьи и общества в целом. Семья выполняет целый ряд важнейших функций, среди которых – восстановление жизненных сил человека, его работоспособности и

творческой деятельности. Эта сторона семейных отношений обеспечивается определенными формами и способами потребления и обслуживания, организацией и производством самих предметов потребления, а также конкретными формами социальных отношений, поддерживаемых рациональностью рыночной экономики и бытующими культурными традициями и ценностями общества. Для выполнения этих функций, использования необходимых форм и способов потребления в каждой семье формируется и используется семейный бюджет, как источник денежных семейных средств. Практики формирования гендерных отношений в современных российских региональных семьях в области создания и расходования семейного бюджета изучались на основе результатов конкретного социологического исследования «Жизненные проблемы в оценках населения Волгограда», проведенного с 1.07.2011 по 28.07.2011 гг. творческим коллективом кафедры социологии Волгоградского государственного университета, под руководством проф. И.В.Василенко. (N=720. Тип выборки: маршрутно-квотный)/ Одной из важных статусных характеристик семьи является гендер. Различия в статусе мужчины и женщины являются принципиальным источником гендерных различий в поведении. Дифференциация статусов супругов формирует определенные взаимные ожидания, что определяет модель взаимодействия мужа и жены в рамках семьи. По данным проведенного социологического исследования, 40,9% респондентов ожидают, что главой семьи должен быть муж/отец, 37,5% - что оба взрослых члена семьи: (муж/отец и жена/мать). Ожидания, что главой семьи может быть жена/мать есть лишь у 7,2% опрошенных. Около 6,0% респондентов своих ожиданий не сформировали. Остальные считают, что в семье не может быть главы. Эти данные свидетельствуют о том, что представления о семье как патриархальной ячейке хотя и преобладает, однако не характеризует сознание большинства респондентов. К патриархальным представлениям приближаются эгалитарные, т.е. более цивилизованные и современные, на основе которых мужчина и женщина являются паритетными субъектами семейных и хозяйственных отношений. В то же время, для большинства (70,9%) опрошенных основной доход в семью обязан приносить муж/отец. Из этого следует, что мужчина должен приносить больший доход и в случае патриархальной семьи и в случае эгалитарной. В этом случае «работает» идеологический штамп восприятия мужчины как добытчика средств к существованию. Считается, что мужчина получает более высокий заработок, является кормильцем.

Соответственно оправданной выглядит гипотеза идеологически обусловленной разницы в оплате труда супругов. В данном подходе механизм неравенства ролей объявляется производной не от рынка труда, а от регулирующих его хозяйственных идеологий. Представления о ведущей роли мужа/отца как источника дохода в целом тождественны реальным отношениям. Так, по данным социологического исследования муж/отец приносит основной доход в семьях 73,8% опрошенных. Жена/мать является источником основного дохода в семейный бюджет, по мнению 13,8%. Отсутствует реальная практика выполнения мужем и женой равных ролей в принесении дохода. Вместе с тем, 41,6% опрошенных отметили, что семейный бюджет планируется совместно, мужем и женой; 16,6% - что его планирует жена, а 13,4% - что он намечается всей семьей. О том, что семейный бюджет планирует только мужчина заявило всего 7,2% опрошенных. В десятой части семей респондентов бюджет вообще не планируется, а 7,5% -затруднились выразить свое мнение. Представленные данные указывают на то, что женщины в современной семье выполняют роль распорядителя финансовых средств чаще, чем мужчины: они это делают либо самостоятельно, либо совместно с мужчиной или другими членами семьи. Это и понятно, семейные дела, как наименее престижное поле занятости отдано мужчинами женщинам. Женщинам ничего не оставалось делать, как устойчиво обосноваться в нем. Представления мужчин и женщин об их роли в планировании семейного бюджета существенно отличаются. Так, 10,4% мужчин считают, что именно мужчины планируют семейный бюджет. Согласны с ними всего 5,0% женщин. В семьях у 14,8% мужчин бюджет планирует женщина/жена. В то же время 18,0% женщин считают, что именно они планируют семейный бюджет. О совместном планировании бюджета заявляют 36,3% мужчин и 45,4% женщин. В этом случае разница мнений наиболее высока. Она составляет 9,1%. Большая доля опрошенных мужчин, по сравнению с женщинами, уверена, что семейный бюджет планируется всей семьей – 16,3% (для сравнения: так же считают 11,5% женщин). Мужчин оказалось больше среди затрудняющихся определить субъектов планирования семейного бюджета – 10,4% (женщин – 5,5%). Важным элементом материальной стороны гендерных отношений являются сбережения и их последующие вложения. В ситуации социально-экономического кризиса не многие могут себе позволить сделать сбережения. Так 62,5% опрошенных отметили, что у них сбережений нет. 31,6% респондентов сберегают часть денежных средств. 5,6% -

затрудились ответить. Интересным представляется изучение практики трат сделанных в семье сбережений. Чуть более четверти респондентов потратили бы их на отдых (27,5%); 26,9% - на ремонт квартиры и 23,4% - на приобретение недвижимости. При этом, женщины больше всего голосов отдали за трату сбережений на отдых и самообразование, в то время как мужчины бы вложили их в недвижимость. По данным социологического исследования, по крайней мере, в 10,3% семей существует потребность в дополнительном заработке для увеличения размера семейного бюджета. К сожалению, формы занятости, приносящие дополнительный заработок респонденты указывали с явной неохотой. Многие просто отказались это сделать. Чаще всего указывались: свое дело и приусадебный участок. Итак, семейный бюджет формируется за счет основного и в некоторых случаях дополнительного заработка взрослых членов семьи. Возникает вопрос: «Как респонденты поступают с собственным доходом, принося его в семью?». 37,5% опрошенных отметили, что могут потратить часть доходов на себя, а часть отдают супругу или супруге. Так отвечают и мужчины, и женщины. Несмотря на то, что часть дохода каждый может потратить на себя, эти траты осуществляются чаще всего по семейной необходимости или согласовываются внутри семьи – так ответило 78,8% опрошенных. В то же время на вопрос о том, «складываются» ли вместе доходы мужа и жены вместе ответили утвердительно 45,3% респондентов. Из них: 40,0% мужчин и 49,2% женщин. Надо отметить, что это, в основном молодые семьи, которые начали жить вместе не так давно. 39,7% опрошенных отметили, что в их семьях нет практики «складывания» денег. К числу этих респондентов относится 48,9% мужчин и 33,3% женщин. Не стали отвечать на этот вопрос 14,4% респондентов (10,4% мужчин и 16,9% женщин). Таким образом, по крайней мере, в среднем, в 40,0% семей мужчины и женщины оставляют часть доходов для своего личного пользования. Приведенные выше данные указывают на то, что около 50,0% мужчин не имеют желание вкладывать свой доход в семейный бюджет полностью. Доля женщин значительно ниже - 33,3%. В преобладающем большинстве семей совокупный семейный доход тратится по следующим направлениям: продукты питания – 88,1%; оплата услуг – 81,3%; товары кратковременного пользования – 35,1%. Как же складываются гендерные отношения в процессе приобретения продуктов или товаров? Половина респондентов (50,9%) отмечает, что продукты должна покупать женщина. 39,6% склоняются к мнению, что это должны делать муж и

жена совместно. А вот такие покупки как техника, машины, мебель и т.д. супруги должны покупать вместе. Таким образом, несмотря на то, что женщина в последнее время стала полноправным участником сферы занятости вне дома и вносит свой доход в семейный бюджет, ей отводятся все домашние дела. Мужчины стараются вкладывать в домашнее хозяйство не весь свой доход и минимизировать свои домашние обязанности за счет женщин. В то же время, они активно ведут себя, когда речь идет о тратах семейного бюджета и играют ведущую роль при покупке дорогостоящих предметов и вещей.

ГЕНДЕРНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ В ИЗУЧЕНИИ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ПОЛАМИ

Голосова Е.С. (Пенза)

В современных социально-экономических условиях решающую роль в формировании различий в положении и поведении людей в обществе играет не биологический пол, а социальные и культурные условия, в которых существует и развивается общество. Социальные различия между женщинами и мужчинами рассматриваются как культурно сконструированные, то есть гендерные. Американский социолог Э. Гидденс в 1989 г. писал: «Если пол имеет отношение к физическим телесным различиям между мужчиной и женщиной, то понятие «гендер» затрагивает их психологические, социальные и культурные особенности. Разграничение пола и гендера является фундаментальным, так как многие различия между мужчиной и женщиной обуславливаются причинами, не являющимися биологическими по своей природе. Если пол индивида биологически детерминирован, то род (гендер) является культурно и социально заданным. Таким образом, существует два пола (мужской и женский) и два рода (мужественный и женственный)» [1, с. 124]. С точки зрения социальной психологии, гендерные различия заложены в социальных нормах, которые в соответствии с биологическими характеристиками определяют различные типы поведения и интересы человека. Наборы норм, содержащие обобщенную информацию о качествах, свойственных каждому из полов, называются полоролевыми или гендерными ролями. Например, в традиционном обществе роль кормильца (добытчика) в семье принадлежала мужчине, а женщина это осознавала, принимала и занималась домашним хозяйством. Гендерные роли оказывают существенное влияние на становление и

развитие общественных отношений, и изучаются социальными, гуманитарными, историческими и психологическими науками. В свою очередь, разделение по признаку пола оказывает существенное влияние на положение мужчин и женщин в обществе, их социальный статус, на реализацию в профессиональной и семейной сферах. Множество областей для гендерного анализа существует в сфере труда. Именно в данной сфере проявляется гендерное неравенство, особенно в процессе асимметричного воздействия социально-экономической трансформации и выражается в таком сложном социально-экономическом явлении, как безработица. Гендерная дифференциация проявляется в уровне безработицы, в способах и времени поиска работы, причинах потери работы и т.д. Ведь мужчины и женщины имеют разную мотивацию, разные перспективы и шансы трудоустройства, стратегии в поисках работы и другие различия. Как отмечают некоторые исследователи, существуют мужские и женские сферы занятости. Возникает проблема гендерной дискриминации на рынке труда. Современная социологическая наука предлагает свою интерпретацию и более детальное изучение отношений между полами и распределение ролей в обществе – гендерную методологию, которая охватывает всю совокупность развития человеческих отношений в обществе в зависимости от половых характеристик, рассматривая объект познания (мужчин и женщин) одновременно как целостную совокупность и взаимодополняющие элементы системы. Сущность гендерной методологии состоит не просто в описании разницы в статусах, ролях и иных аспектах жизни мужчин и женщин, а в анализе власти и доминирования, утверждаемых в обществе посредством гендерных ролей и отношений [2]. Данный подход позволяет по-новому посмотреть на проблему гендерного неравенства. Так как гендерные различия оказываются социально и культурно сконструированными, что позволяет выдвигать задачу ликвидации дискриминации по признаку полу там, где основанием для дискриминации выступает биологический пол (например, на рынке труда, где репродуктивная роль женщин часто является основанием для профессиональной дискриминации). Как считает известный в России и за рубежом специалист в области теории и методологии гендерных исследований О. А. Воронина – гендерная методология по определению междисциплинарна, аккумулируя социологические, политологические, культурологические идеи, она трансформирует их в принципиально новый подход к анализу культуры и общества [2, с. 9]. Данное высказывание в ходе различных исследований

справедливо стали подтверждать и российские учёные: например, Айвазова С. Г., Барсукова С. Ю., Воронина О. А., Здравомыслова Е. А., Костикова И. В., Мезенцева Е. Б., Ржаницына Л. С., Силласте Г.Г. и др. Мы можем немного перефразировать, сказав, что гендерные исследования предлагают новый подход к изучению и поиску решений различных общественных и социально-экономических проблем, среди которых, особую важность имеет проблема безработицы. Будучи явлением, достаточно новым для большинства ученых, и поэтому недостаточно разработанным, гендер сталкивается с проблемой «методологической адаптации» в различных науках и дисциплинах. Например, Н. К. Радина выделяет тенденции к искажению методологических основ гендерных исследований. Среди них следующие: 1) подмена гендерной методологии методологией биологического детерминизма и 2) отождествление гендерного подхода в исследованиях с феминизмом как движением [3, с. 125]. В целом, ученые видят в этом феномене методологический потенциал разрешения социальных проблем и рассматривают его как метод преобразования поло-ролевых взаимодействий [4, С.159].

Литература

1. Гидденс Э. Социология / Э. Гидденс. – М.: УРСС, 2005. – 632 с.
2. Воронина О. А. Формирование гендерного подхода в социальных науках / О. А. Воронина // Гендерный калейдоскоп. – М.: Academia, 2001. – С. 8-32.
3. Радина Н. К. Гендерная методология в социальной психологии // Гендер как инструмент познания и преобразования общества: материалы международной конференции «Гендерные исследования: люди и темы, которые объединяют сообщество» (4–5 апреля 2005 г., г. Москва) / ред.-сост. Е. А. Баллаева, О. А. Воронина, Л. Г. Лунякова. М.: РОО МЦГИ при участии ООО «Солтэкс», 2006. С. 125-134.
4. Тукачева Ю. С. Социально-философская сущность гендера // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2011. – № 7 (13): в 3-х ч. Ч. 1. С. 157-160.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИНСТИТУТА ОТЦОВСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Образ отца в культурном наследии многих народов считается истинным воплощением мужского начала. Более того, в христианском мире, к которому по праву принадлежит и наша страна, на протяжении столетий сформировалось особое отношение к отцовству как важнейшей духовно-нравственной ценности, достойной почитания и прославления. Однако в современной России эта традиция ценностного отношения к отцовству утрачивается. Более того, ярко проявляют себя кризисные явления в области семьи в целом и родительства в частности. Ослабляются социальные связи между родителями и детьми, снижается значимость родства и родительства. «Самоутверждение и автономность как наиболее важные принципы современной жизни ведут к разрушению традиционных устоев семьи; в связи с чем существенно меняются социальные роли женщины-матери и мужчины-отца», – отмечает Н.В. Богачёва [1, с. 3]. Это согласуется с мнением Н.А. Зелевской о том, что в настоящее время резко снижается социальная значимость материнства и отцовства [2]. Как указывает Н.А. Демчук, только 50% современных матерей и 23,6% современных отцов отвечают требованиям эффективного родительства [3, с. 3]. Изучая эти статистические данные, нетрудно заметить, что кризисные явления в большей степени затрагивают отцовство, чем материнство. Эту же особенность более низкой психологической готовности современных юношей к родительству по сравнению с девушками замечает и Е.В. Кричевская, делая вывод о том, что «существующие различия в представлении об отцовской роли современных юношей и девушек может помешать юношам в будущем реализовать конструктивную модель отцовского поведения в своей семье» [4, с. 8]. Безусловно, сложившаяся ситуация требует внимательного изучения феномена отцовства, а также выявления основных социокультурных причин снижения значимости отцовства в сознании большинства наших молодых современников. Следует отметить, что психология и социология отцовства представляют собой еще достаточно «молодые» направления исследований, которые стали активно разрабатываться в отечественной науке лишь в последние десятилетия (Т.Б. Беляева, Ю.В. Евсенкова, Е.В. Кричевская, С.С. Протопопов, И.В. Рыбалко и др.). Согласно А.Р. Михеевой, отцовство представляет собой «культурное явление, исторически возникшее в моногамной семье, сущность которого заключается в готовности мужчины взять на себя ответственность за содержание и

воспитание своих детей» [5, с. 62]. Таким образом, отцовство понимается как осознанная потребность мужчины в рождении, воспитании детей, предполагающее ценностное отношение к ребенку как объекту любви, заботы и ответственности. При этом ряд исследователей (Ю.В. Борисенко, Р.В. Манеров, Р.В. Овчарова) отмечают не только психолого-личностную, но и психолого-социальную обусловленность отцовства. Поэтому в какой-то мере истоки современного кризисного состояния отцовства нужно искать в общественных преобразованиях, которые происходили в нашей стране в течение XX века. Во-первых, либерализация общественной морали, пропаганда свободного образа жизни способствовали увеличению числа разводов и детей, рожденных вне брака. Это привело к тому, что часть детей выросла в семьях без отца, без его воспитательного примера и заботы. Безусловно, данное обстоятельство крайне негативно повлияло как на становление личности таких детей, так и на развитие отцовской позиции самих мужчин. Во-вторых, в результате социальных преобразований в начале столетия подверглись значительным изменениям традиционные представления о роли мужчины-отца как о «кормильце» и «защитнике» семьи. Как отмечает А.Р. Михеева, «равноправие мужа и жены в осуществлении роли «кормильца» и «добытчика» еще больше снизило роль мужчины в семье, привело к ослаблению функции социального отцовства, ослаблению чувства ответственности за воспитание, социализацию своих потомков» [5, с. 62]. В-третьих, развернувшееся в Советской России движение за эмансипацию женщин способствовало их активному включению в сферу труда. При этом общественная деятельность способствовала формированию у женщин традиционно мужских качеств: волевых черт характера, твердости, стремления к лидерству, профессиональному самоутверждению, карьерному росту. Зачастую этот властный стиль женского поведения стал переноситься в семейные отношения, что привело к доминированию в семье авторитета не мужа, а жены. В-четвертых, именно на XX век пришлось самые разрушительные для нашей страны войны, значительным образом сократившие долю мужского населения и приведшие к тому, что женщины были вынуждены брать на свои плечи обязанности погибших отцов, мужей и братьев. В-пятых, активный процесс урбанизации способствовал тому, что в разы увеличилась доля городского населения страны. При таком типе социального устройства отец вынужден трудиться вдалеке от дома, фактически отстраняясь от своей семьи. В-шестых, советская

государственная политика в области семьи была целиком построена на поддержке материнства (пособия, отпуска, льготы и т.п.). Более того, часть исследователей склонны видеть в данном обстоятельстве определенную черту идеологии тоталитарного государства. В частности, Р.А. Лопин отмечает, что в результате подобной политики произошло «исключение мужского начала из семейного быта и замена его полным вмешательством государства в дела семьи; <...> государство стало третьим углом в семейном треугольнике, отчуждая женщину от мужчины – мужа – отца, лишая его самих основ мужского начала; в результате мужчина был оттеснен из семейной жизни и утратил свою функцию» [6, с. 275]. В-седьмых, произошла постепенная феминизация системы образования и воспитания, когда мальчики, возможно, и без того лишённые отцовской опеки, в школе и других воспитательных учреждениях видели перед собой только учительниц-женщин, а не учителей-мужчин. Ну и, наконец, в-восьмых, в постсоветской России ситуация осложнилась резким снижением уровня жизни, сменой ценностной парадигмы в обществе от коллективизма к крайнему индивидуализму и гедонизму, широкой пропагандой ценностей потребительской культуры. Все эти перечисленные обстоятельства привели к тому, что психологи и педагоги с тревогой пишут о проблеме отцовства как об одной из актуальных проблем современной семьи [4, с. 15]. Более того, в значительной степени, согласно Р.В. Манерову, обостряются вопросы, связанные с девиантным отцовством: уходом мужчины из семьи, отказом от совместной жизни с супругой (подругой) и своим ребенком; проявлением насилия по отношению к ребенку; безразличным отношением к детям [7, с. 284-288]. Связано столь негативное проявление мужского поведения помимо выше обозначенных социокультурных причин также и с личностными особенностями современных юношей: инфантильностью, недоверием, негативным восприятием действительности, равнодушием, неуверенностью в себе [3, с. 7]. Поэтому проблема возрождения ценностного отношения к отцовству являются, на наш взгляд, жизненно необходимым приоритетом возрождения русской семьи.

Литература

1. Богачёва, Н. В. Родительство как фактор устойчивости семьи в современном российском обществе: автореф. ... канд. социол. наук. – Казань, 2005.

2. Зелевская, Н.А. Проблема воспитания детей в семье в русской педагогике второй по-ловины XIX – первой половине XX веков: дис... канд. пед. наук. – Рязань, 2003.

3. Демчук, Н.А. Формирование психологической готовности юношей к отцовству: авто-реф. ... канд. психол. наук. – Казань, 2006.

4. Кричевская, Е.В. Историко-культурные представления о роли отца в российской се-мейной традиции: автореф. ... канд. пед наук. – СПб, 2009.

5. Михеева, А.Р. Брак, семья, родительство: социологические и демографические аспек-ты: учеб. пособие. – Новосибирск, 2001.

6. Лопин, Р.А. Кризис современной российской семьи как фактор отказа от традицион-ной системы нравственных ценностей: матер. Всерос. науч.-практич. конф. «Семья – культура – образование в изменяющейся России» / под ред. О.В. Бессчетновой. – Сара-тов, 2009.

7. Манеров Р.В. Психология отцовства. // Ежегодник Российского психологического общества: материалы 3-го Всероссийского съезда психологов: в 8 т. – СПб., 2003. Т. 5.

ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ЗАЩИТЫ ПРАВ МОЛОДЕЖИ

Дыжова А.А. (Могилев, Республика Беларусь)

«Гендерные исследования» как самостоятельная область научных и образовательных интересов является собирательным понятием для современных гуманитарных теорий — экономических, социальных, политических, лингвистических и других, так или иначе интерпретирующих проблему взаимоотношений полов и использующих новейшее ее обозначение — «гендер». Гендерные исследования предполагают как теоретическую разработку философских, социологических, психологических вопросов, связанных с традиционными проблемами личности, социальных норм, общества в целом, так и общественную практику в самом широком смысле, включающую художественное творчество, политическое и социальное управление, институт семьи, образование, сферу межличностных отношений. В современном обществе, когда значительно расширились возможности людей по автономному, самостоятельному участию в гражданском обороте, конституционных и административных правоотношениях, роль юридической грамотности существенно возросла. И для того чтобы

эффективно реализовать все права и возможности необходимо обладать хотя бы элементарными знаниями в области гражданского, конституционного, уголовного и процессуального права. Гендерные исследования проводятся и в этой области. В этой связи особенное значение приобретает правовое просвещение граждан, которое включает в себя не только усвоение ими правовых знаний, но и понимание его требований и дозволений, а также умение эффективно применять их на практике. Позитивное развитие правосознания и оформление правовой культуры напрямую зависят от качества диалога и отношений молодежи с государственными органами. Немаловажную роль здесь играет также оценка молодыми людьми государства в качестве правового, которая в свою очередь формируется за счет оценки правового статуса социальных институтов репрезентирующих государство для граждан. Одним из показателей качественного уровня взаимодействия юношей и девушек и государственных органов является «уровень их защищенности», который также может использоваться для измерения степени доверия к ним, а также говорить о действенности правовых и социальных норм в различных сферах функционирования общества. В нашем исследовании мы выделили несколько основных сфер, которые, по нашему мнению, в большей степени помогают реализовать поставленные нами задачи. В первую очередь это семья и улица, которые определяют уровень комфортности любого человека, учебное заведение и рабочее место, определяющие уровень профессиональной комфортности. Важным показателем, который является наиболее иллюстративным и характеризует деятельность многих государственных организаций в целом, и правовой системы в частности, является «уровень комфортности» наших граждан на улице. На рисунке 1 отражены полученные данные в контекстном распределении по полу. Рисунок 1 – Распределение ответов на вопрос: «Считаете ли вы себя защищенными на улице», в % Как видно из приведенных на диаграмме данных полностью уверены и чувствуют себя защищенными 13% мужчин и только 1% женщин, скорее защищены, чем нет 34,9% и 21,1% соответственно. Однако, почти половина мужчин (49,2%) усомнились в безопасности своего пребывания на улице, а среди респондентов женского пола данный показатель составил 76,4%. Для того чтобы дополнить картину и определить специфику взаимодействия молодых жителей с социальными институтами, функционирующими в различных сферах общества, мы обратились к респондентам с просьбой назвать сферы, в которых нарушались их права (см. таблицу 1). Только 4,4%

молодых жителей ответили, что их права не нарушались. В целом, «лидирует», по нарушениям прав сфера торговли (40,0%). Также часто молодые люди сталкиваются с нарушением своих прав в сфере медицинского обслуживания (27%) и трудовых отношений (25,5%), являющимися базовыми для белорусских граждан. Однако рассмотренные сферы и показатели для мужчин и женщин значительно разнятся. Так для мужчин наиболее «болезненными» сферами оказались сфера трудовых отношений (31,7%), взаимоотношения с правоохранительными органами (30,9%) и только на третьем месте оказалась торговля (28,4%), тогда как более половины женщин (50,3%) определили именно эту сферу как наиболее проблемную. Особенно хотелось бы отметить, что 20,7% респондентов, а из них каждый третий молодой мужчина указали на нарушения своих прав представителями правоохранительных органов.

Таблица 1 – Распределение мнений на вопрос: «В какой сфере нарушались Ваши законные права и интересы?» в %

Сферы	Мужчины	Женщины	Общее распределение
Торговли	28,4	50,3	40,0
Медицинского обслуживания	14,5	38,3	27,0
Трудовых отношений	31,7	20,0	25,5
Во взаимоотношениях с правоохранительными органами	30,9	11,3	20,7
Образования	20,0	14,7	17,2
Социального обслуживания	10,7	16,8	13,9
Семейно-бытовых отношений	7,2	13,8	10,7
Государственного управления	5,5	2,0	3,7
В судебной сфере	3,2	2,3	2,7
Политики	4,2	1,4	2,7

Примечание – В вопросе можно было отметить несколько вариантов, поэтому сумма по столбцам может составлять более 100%. В целом при анализе полученных нами данных видно, что больше половины женщин республики считают себя не защищенными и при этом их права нарушаются как правило в сфере торговли и медицинского обслуживания, тогда как мужчины указывают на незащищенность в области трудовых правоотношений и во взаимоотношениях с правоохранительными органами. При проведении исследований респондентам был задан вопрос какой из способов защиты их прав они считают наиболее эффективным. Проанализировав полученные данные, стало понятно, что 32,9% мужчин считают, что необходимо обращаться в судебные органы, а 22,9% вообще говорят, что можно рассчитывать на собственные силы и нет смысла обращаться к специалистам. В свою очередь достаточно большой процент молодых женщин (31,5%) – никак не защищают свои нарушенные права, а при нарушении своих прав больше всего рассчитывают (46,5%) на родственников и юристов, а также на специалистов – юристов и адвокатов (43,1%). При этом наиболее эффективными способами защиты своих прав и интересов они

считали судебные (47,8%) и правоохранительные (45,4%) органы. Из выше сказанного можно сделать вывод что молодым людям, как юношам так и девушкам, никак не обойтись при защите своих прав без квалифицированной юридической помощи. Однако мужчины более пессимистично относятся к помощи правоохранительных органов и предпочитают рассчитывать на свои собственные силы, считая обращение в данные органы бесполезным занятием. Тогда как женщины склонны все таки рассчитывать на родственников и судебные с правоохранительными органами. При всем при этом самым молодым людям обязательно владеть основами правовых знаний, что бы определить свои права и факт их нарушения.

СОЦИАЛЬНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ГЕНДЕРНЫХ РОЛЕЙ

Ельяшевич А.М. (Санкт-Петербург)

Несколько десятков тысяч лет тому назад в истории человечества произошло принципиальное изменение - естественный биологический отбор перестал поспевать за резко ускорившимся темпом социальных изменений и человек как биологическое существо оказался “законсервированным” на стадии, соответствующей условиям жизни первобытного племени. Соответственно этому в человеке оказались заложенными гендерные роли, отвечающие этим условиям: мужчина - охотник и воин, женщина - воспитательница детей, хранительница очага.

Мужчины занял доминирующее положение в обществе, человечество пошло по пути патриархата, а не матриархата, и доминирование мужчин оказалось закрепленным во всех мировых религиях. Историческое развитие поддерживало доминирование мужчин - мир жил и до сих продолжает жить по “мужским законам” - законам войны. Женщинам же, чтобы достигнуть успеха в сферах, в наибольшей степени определяющих современное развитие общества (политика, бизнес, управление в гражданской и военной сфере), приходится отказываться от свойственных им женских качеств и играть по мужским правилам. Но можно подойти к рассматриваемой теме не с позиции конкуренции женщин и мужчин, не с позиции ролей мужчин и женщин в современном мире, а с позиции сосуществования и конкуренции женского и мужского начала в человеке, восходящей к даосизму, в котором полярные категории инь и ян являются фундаментальными. При этом еще Лао-цзы сетовал на то, люди больше ценят ян (мужское, доминирующее, твердое) и пренебрегают инь (женским, податливым, мягким), и связывал инь с

жизнью, а ян со смертью [1] . До недавнего времени проблема жизни и смерти касалась только отдельных людей или их сообществ, но уже во второй половине XX века вопрос жизни и смерти обрел глобальный характер - ядерная зима, которая неизбежно наступила бы после масштабной ядерной войны, с большой долей вероятности привела бы к вымиранию человека как биологического вида. Поскольку ядерным оружием обладало только несколько государств, а реальное противостояние сводилось к противостоянию двух ядерных сверхдержав, переход от характерного для мужского начала противоборства к характерному для женского начала приемлемому партнерству в сфере стратегических ядерных вооружений был осуществлен сравнительно легко и быстро.

Сейчас же ситуация изменилась, так как ликвидация угрозы ядерной войны вывела на первое место другую угрозу - угрозу глобальной экологической катастрофы. Издевательство человека над природой достигло таких масштабов, что природа начала принимать ответные меры, как на макроуровне (техногенное изменение климата, стихийные бедствия), так и на микроуровне (опасные мутации микроорганизмов). Наибольшую угрозу представляют последние - появление СПИДа можно рассматривать как предупредительный звонок человеку как биологическому виду. И чтобы адекватно отреагировать на этот вызов природы, недостаточно договоренности двух или даже нескольких десятков государств - необходим всеобщий переход человечества от политики агрессии, конкуренции, противостояния к политике сотрудничества. Необходимо, чтобы в человеке на первый план выступило “женское начало”.

В то же время, и в мужчинах, и в женщинах, сосуществуют оба начала - и мужское, и женское. Даже такой яркий представитель мужского шовинизма в его крайних формах, как автор книги “Пол и характер” Отто Вейнингер, писал, что термины “мужчина” и “женщин” можно отнести только к идеальным половым формам, которые в действительности не существуют. Наиболее глубокую, с моей точки зрения, трактовку этой темы дает Карл Густав Юнг, который ввел понятия анимы - (бессознательной женской стороны личности мужчины) и анимуса (бессознательной мужской стороны личности женщины). Юнг писал: “Молодые люди могут пережить полную утрату анимы без всякого ущерба. На этой стадии главное - быть мужчиной. ... После середины жизни потеря анимы ведет к снижению жизненности, гибкости, подвижности, доброты - появляется ригидность, сварливость, стереотипность, фанатизм, упрямство, педантичность и в то же время безропотность,

утомляемость, неряшливость, безответственность и, в конечном итоге, детская раздражительность со склонностью к алкоголю” [2].

Надо отметить, что такая разница в соотношении мужского и женского начала в человеке в разные периоды жизни определяется и эволюционными причинами - ведь естественный отбор, содействовавший закреплению гендерных ролей первобытного племени, “работал” только по отношению к молодым особям - даже до 30 лет первобытный человек, как правило, не доживал. Поэтому жизнь в зрелом возрасте, если не после 30, то после 40-50, является в какой-то степени для современного человека жизнью после срока, отведенного ему первобытным естественным отбором, и поведение зрелых мужчин и женщин в гораздо большей степени зависит от социальных, а не биологических факторов, и поддается целенаправленному изменению.

В заключение замечу, что вывод Юнга можно распространить и на человечество в целом. Если считать предыдущий период его развития молодостью, то доминирование мужского начала было естественным. Созрев, человечество, должно в полной мере задействовать свое женское начало.

С этой точки зрения, процесс все возрастающей роли женщин в сферах, ранее им недоступных, является вполне закономерным. Одновременно идет, хотя и гораздо более медленными темпами, процесс развития у мужчин «женских» качеств, повышения их роли в сферах, ранее являвшихся сугубо женскими. При этом важно, чтобы происходило развитие положительных, а не отрицательных мужских качеств у женщин и положительных, а не отрицательных женских качеств у мужчин.

Для исследования того, как идет описанный процесс, нами была разработана специальная анкета ГСИО (гендерные стереотипы, идентификация и оценка) [3]. Анкета содержит 4 шкалы: тестируемому предлагается список из 60 качеств (см. Таблицу) с просьбой оценить по 5-балльной системе, насколько эти качества свойственны мужчинам или женщинам, насколько они выражены у самого тестируемого, насколько они являются положительными или отрицательными и, наконец, насколько эти качества необходимы в его работе. Сопоставление результатов оценки списка качеств по 4 шкалам дает более десятка коэффициентов:

- степень маскулинности-фемининности тестируемого по его собственным представлениям;
- степень его маскулинности-фемининности по характерным для данной социальной и возрастной группы представлениям;

- преобладание у тестируемого положительных или отрицательных качеств по его собственному мнению (положительная или отрицательная самооценка);
- степень положительности-отрицательности его качеств по характерному для группы мнению;
- соответствие его представлений о "мужских" и "женских" качествах с общепринятыми; - - стремление тестируемого считать качества какого-то пола только положительными или только отрицательными; сходство со "средним" мужчиной или "средней" женщиной и др.

Протестировано более 1000 человек. При этом оказалось что существует устойчивое общее представление о том, какие качества в наибольшей степени присущи мужчинам, какие женщинам и какие являются нейтральными. В то же время имеется значительный разброс как в представлениях о том, какие качества в большей степени присущи мужчинам или женщинам, в оценке собственной маскулинности или фемининности. Меньший разброс наблюдался в оценке положительности и отрицательности качеств.

Таблица

Вера в себя	Сильный характер	Решительность	Агрессивность
Уступчивость	Порядочность	Предусмотрительность	Доверчивость
Отзывчивость	Грубость	Честность	Широта взглядов
Ответственность	Твердость	Пунктуальность	Целеустремленность
Жизнерадостность	Любознательность	Вежливость	Непосредственность
Искренность	Лень	Тщеславие	Демократичность
Независимость	Аналитический ум	Властность	Надежность
Застенчивость	Резкость	Доброта	Скромность
Добросовестность	Упрямство	Обаяние	Неорганизованность
Спортивность	Склонность к лидерству	Смелость	Дух соревнования
Мягкость	Чуткость	Сердечность	Совестливость
Трудолюбие	Прямота	Самоуверенность	Тактичность
Напористость	Склонность к риску	Стойкость	Честолюбие
Падкость на лесть	Интуиция	Чувство юмора	Хитрость

Беспечность	Скрытность	Дружелюбие	Консерватизм

Литература

1. Флауэр Алан. Лао Цзы. Москва. «Амфора». 2009.
2. Юнг К. Г. Психология бессознательного. Москва. Канон+РООИ «Реабилитация». 2012.
3. Ельяшевич А.М., Каргапольцев С.Е., Новочадов В.В. Методика исследования гендерных стереотипов, идентификации и оценки / Гендерные исследования. С-Пб., 2002.

ГЕНДЕРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СЕМЬЕ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ СОЦИОЛОГОВ

Задворнова Ю.С. (Иваново)

Исследование гендерных отношений постепенно становится неотъемлемой частью большинства социальных наук. Исследования гендерных отношений в России развивались под влиянием западных парадигм, но в отличном от Запада культурном и социально-политическом контексте. Однако еще задолго до того, как исследования гендера обрели статус научной дисциплины, главной и зачастую единственной социальной ареной, где гендерные отношения становились видимыми, была семья – один из классических объектов внимания социологии. Советская социология семьи рассматривала институт семьи с сугубо функциональных позиций. Изучению подлежали аспекты бытования семей, наиболее значимые с точки зрения государственного интереса: репродуктивные планы, разводы, формы брачных отношений, воспитание детей [13]. Противоречие между производственными и бытовыми функциями, возложенными на женщин, их высокая загруженность были одной из наиболее распространенных тем исследования социологов 1970-1980-х гг. Так, А.Г. Харчев утверждал, что неравное распределение семейных обязанностей влечет нарушение принципа равноправия полов, создает мужчине лучшие условия для физического и культурного развития, чем женщине [15]. Л.Гордон, Э.Клопов, Л.Оников по итогам социологического опроса отмечали, что домашний труд занимает у работающих мужчин около 1 часа в сутки, у женщин, имеющих детей, до 4-5 часов в день [4]. По данным социологического исследования З.А.Янковой, 25% опрошенных женщин считали необходимым более равномерное распределение обязанностей между супругами [16]. В

научной литературе 1970-х гг. встречались суждения о том, что женщина фактически занимает главенствующее положение в семье: в ее распоряжении находится семейный бюджет, она воспитывает детей, организует семейный досуг. Лишь после 1990-х годов появилась возможность использовать концептуальные ресурсы западных теорий [15]. Опубликованная в 1989 году в журнале «Коммунист» статья А. Посадской, Н. Римашиевской и Н. Захаровой «Как мы решали женский вопрос» положила начало новому направлению в науке и общественном женском движении. Так, исследовательницы Н.Захарова, А.Посадская, Н.Римашиевская в своих исследованиях утверждали, что советский тип семейных отношений был отнюдь не эгалитарным [11]. С начала 90-х растет интерес к гендерной проблематике. На базе Института социально-экономических проблем народонаселения Госкомтруда и Академии наук образуется Московский центр гендерных исследований, в числе научных задач которого – осмысление опыта западной феминистской традиции, проведение женских и гендерных исследований[5]. В рамках семьи и демографии объектом особого внимания становятся женщины, воспитывающие детей без мужа, внебрачные матери (Т.А.Гурко), анализируются проблемы одиноких мужчин и женщин «активного брачного возраста» (Ю.М.Черепухин). В 90-е годы гендерные отношения исследуются в контексте трансформации российского общества (О.М.Здравомыслова) [7]. Е.С. Балабанова изучает различные факторы зависимости женщин, показывает, что к основным последствиям зависимого состояния неработающих жен относится ущемление их прав в распоряжении семейными ресурсами, контроль над их поведением со стороны мужа или партнера, снижение самоуважения [2]. С.И.Голодом предпринят анализ стереотипов мужественности - женственности, представлений о необходимости участия мужчин и женщин профессиональной и образовательной сфере, а также об их духовной жизни [3]. Продолжает развиваться социально-экономический подход, акцентирующий внимание на проблемах поведения женщин на рынке труда и социальной политике в сфере женской занятости. В этнокультурных исследованиях анализируется женская духовная культура с точки зрения особенностей социополовых отношений в исторической перспективе, стереотипов «мужского» и «женского» [10]. В начале 1990-х обозначается новая методология в анализе женских проблем – культурологическая. Гендерный подход в рамках культурологии впервые обозначается О.А. Ворониной и Т.А. Клименковой. Они отмечают, что для преодоления системы

устоявшихся гендерных ролей «нельзя ограничиваться только юридическими и социально-экономическими мероприятиями, гораздо более серьезного внимания заслуживает преодоление дискриминации женщин и традиционной идеологии в области культуры» [6,9]. Между тем, в отечественной социологии понятие «гендер» интерпретируется по-разному в зависимости от той социальной теории или исследовательской парадигмы, в рамках которой изучаются отношения мужественности и женственности. В одном случае исследователи гендерных отношений руководствуются либерально-феминистской интерпретацией полоролевого подхода. В другом - гендерные отношения рассматриваются как отношения власти и неравенства, в условиях которых патриархатное общество угнетает и подавляет женщину. Соответственно приверженцы различных социально-теоретических подходов исповедуют разную идеологию. А.И.Антонов, В.М.Медков стоят на позициях структурного функционализма и жесткой комплиментарности гендерных ролей в семье [1]. Вслед за скандинавскими феминистками отечественные социологи используют понятие гендерный контракт, определяя его как контекстуально обусловленные, иерархически структурированные образцы взаимодействия полов. (А.Темкина, А.Роткирх) [12]. Попытку применить объединительную парадигму к гендерным исследованиям осуществили Е.А.Здравомыслова и А.А.Темкина. По их мнению, социально-конструктивистская парадигма задает рамки исследования механизмов формирования и воспроизводства мужественности и женственности, гендерной культуры, «создания гендера» в повседневности, в публичной (экономике, политике, масс-медиа) и приватной сферах, а также способы формирования знания о них [8]. Таким образом, за последние двадцать лет гендерные отношения стали темой многочисленных исследований в отечественной социологии. Однако, несмотря на многочисленность работ, посвященных анализу гендерных отношений, у научного сообщества нет четкой приверженности к той или иной методологии, гендерные исследования осуществляются параллельно в русле различных методологических подходов, и выбор метода зависит от методологической ориентации исследователя.

Литература

1. Антонов А.И., Медков В.М. Социология семьи. М.: Изд-во МГУ: Изд-во Международного университета бизнеса и управления («Братья Карич»), 1996. - 304с.

2. Балабанова Е.С. Домашний труд в семье как символ гендера и власти//Гендерные исследования.2005 // dipsm.org.ua/files/2008/11/109-Balabanova.pdf. 01.12.2011.
3. Голод С.И. Российское население сквозь призму гендерных отношений // Качество населения Санкт-Петербурга. / Отв. ред. Б.М. Фирсов.СПб.: СПб. филиал ИСРосАН. 1996.
4. Гордон Л., Клопов Э., Оников Л. Социальные проблемы быта // Коммунист. 1974. № 17. С. 49-60.С.53.
5. Гурко Т.А. Социология пола и гендерных отношений // Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. 2-е изд., перераб. и допол. М.: Институт социологии РАН, 1998. – СС. 173-195.
6. Женщины и социальная политика (гендерный аспект) / Отв. ред. З. А. Хоткина. М.: ИСЭПН РАН, 1992. С.45.
7. Здравомыслова О.М. Семья и общество: гендерное измерение российской трансформации. М.: Едиториал УРСС, 2003. – 152 с.
8. Исследования женщин и гендерные исследования на Западе и в России. Е.А.Здравомыслова А.А.Темкина // Общественные науки и современность. 1999. №6.
9. Клименкова Т.А. Женщина как феномен культуры. Взгляд из России. М.: Преображение, 1996.
10. Котовская М., Золотухина М., Шалыгина Н. «Завидуйте, я - женщина!!?» М.: Ларина сервис, 1993.
11. Римашевская Н.,Ванной Д., Малышева М. и др. Окно в русскую частную жизнь. Супружеские пары в 1996 году. М.: Academia, 1999. 272 с.
12. Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России. А.Темкина. А.Роткирх // Социол. иссл. 2002.№11. с.4-1
13. Тартаковская И. Гендерные отношения в приватной сфере: постсоветские трансформации семьи и интимности // Laboratorium. 2010. №3. С. 5–11
14. Харчев А.Г. Семья в советском обществе. Л., 1960. 112 с. С.45.
15. Хасбулатова О.А. Российская гендерная политика в XX столетии: мифы и реалии. – Иваново: ИвГУ, 2005. – 372 с. С.277.
16. Янкова З.А. О семейно-бытовых ролях работающей женщины. -Социальные исследования. М., - 1969, вып.4. С.79.

ГЕНДЕРНАЯ КУЛЬТУРА – ИНТЕГРАЛЬНОЕ ЗНАНИЕ О ПРОБЛЕМАХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Злотникова Л.М. (Гомель, республика беларусь)

Многие гуманитарные науки занимаются проблемами культуры человека. Среди них пальма первенства принадлежит философии. Еще древние мыслители Аристотель, Платон, Демокрит, Анаксгор и другие посвятили много времени и сил проблемам формирования культуры поведения и мышления человека. Сложно назвать период развития цивилизации когда бы культура не занимала умы людей. В XVIII веке великий экономист предпринял попытку сформулировать основные ценности в жизни человека. В результате экономическая наука и практика получила понятие «частичный человек». Производственная и трудовая деятельность стали узко специализированы дифференцированы. Общая и производственная культура сформировала основу поклонения материальным факторам. Экономическая рациональность решила проблему издержек, но и сформировала методологию оценок ролевых функций человека в обществе. Производственная деятельность и связанная с ней культура заложили основы противоречий между требованиями доходности предприятия и общечеловеческими ценностями. В период низкого уровня развития общественного производства «человек – винтик» не вызывал заметного отрицания. Социальные и культурные ценности носили в большей степени вербальный характер. В XIX веке Дж. Стюарт Милль, который в большей степени известен как экономист сформулировал свое философское восприятие человека. Частичный человек нужен на определенных этапах развития общественного производства, но он действует в условиях жестких стереотипов. Оказывая некоторое положительное влияние на функционирование производства, они служат значительным тормозом в выявлении, развитии одаренности и индивидуальности. Частичный человек категорически не приемлет свободы. Жизнедеятельность в условиях свободы и ответственности требует новой культуры. Цивилизация развивается только активным меньшинством. Индивидуальность, оригинальность мышления, гражданская смелость и самоотдача лежат в основе прогресса. Гениальность и талант проявляются и воспроизводятся в свободном обществе. Формирование культуры индивидуальности, на наш взгляд, является основной проблемой общей культуры. История

развития человеческого общения полна примеров неприятия человека по внешним, религиозным, научным, политическим, гендерным принципам понимания мира и поведения. Признание важности культа индивидуальности позволяет говорить о том, что чаще всего проявляются гендерные различия в культуре. До настоящего времени средства массовой информации, выступления политиков, общественное мнение распространяют стереотип высокой гениальности мужчин. Приводятся, на первый взгляд, убедительные аргументы о количестве мужчин и женщин, которые добились выдающихся результатов в науке, политике, искусстве. При этом упускается принципиально важное отличие – уровень свободы мужчин и женщин. Его можно сформулировать латинской поговоркой: *Quod licet Iovi, non licet bovi*, что в переводе означает, что позволено Юпитеру, не позволено быку. Принципы, формы поведения, место, роль и функции мужчин и женщин были заложены в период «варварского существования» человека. Структурирование мужской и женской ответственности, культуры поведения сопровождалось установлением общественного института социальной иерархии. Появились престижные и непрестижные виды деятельности, формы и культурная основа поведения в соответствии с социальным статусом. Престижный вид деятельности априори признавался уважаемым. Непрестижные занятия не могли претендовать на достойное отношение. Непрестижными видами деятельности занимались только женщины. Ограничение свободы женщин, заложенное на этапе человеческой цивилизации, было экономически оправдано. В период варварского существования наибольшим уважением начинают пользоваться воины, завоеватели, добытчики. Именно они, мужественные герои, ежедневно совершающие акты насилия (оправданные необходимостью пропитания), считаются героями достойными подражания, они получают все почести и звания. Широко распространена легенда о том, что во время Спарты все родившиеся дети проходили тщательный отбор и оставлялись только самые здоровые, а не прошедшие отбор сбрасывались, для чего якобы использовалась Тайгетская пропасть. Считается, что никто остальных детей не убивал, они просто получали отдельное воспитание. С каждым годом суровость воспитания только нарастала. Следить за собой спартанским юношам разрешалось только во время походов. В обычной жизни такое поведение расценивалось как недостойное мужчины – воина. Не здесь корни пренебрежительного отношения некоторых мужчин к опрятности, соблюдению элементарной гигиены

и т.д. Может быть связь между культурой и физиологической памятью. Столетия человек направлял максимум усилий на восхваление и широкое распространение культуры насилия, упакованной в обертку «мужественности». В XXI веке общество по-прежнему остается заложником социально-исторических стереотипов. Мужество и отвага настолько доминируют во всех сферах жизнедеятельности, что даже появилась культура под условным названием «унисекс». Оправданные в период выживания человека методы насилия над живой природой (в силу особой слабости человека) сегодня формируют систему противодействий на пути развития цивилизации. Физические и моральные унижения не только расширили институт насилия, но и сделали его более устойчивым. Если физическое воздействие в определенной степени (выделено нами) осуждается, действует система уголовной ответственности, то что касается морального насилия, он носит латентный характер. Вербальные оскорбления и унижения личного достоинства все чаще воспринимаются обществом как демонстрация силы и мужества, все больше девушек и женщин используют нецензурную лексику. Противоречивость формирования новой культуры гендерных отношений в прочности и устойчивости стереотипов. Раскрытие природных способностей человека возможно в условиях свободного существования. Далеко не всегда человек, обладающий уникальными способностями, обладает физической силой, и готов ею воспользоваться ради достижений своих целей. В последние годы усилились попытки формализации образования. Тестирование, на наш взгляд, привнесло в жизнь новые негативные элементы культуры, которые несовместимы с условиями развития таланта. Попытки унификации личностного потенциала человека не только направлены на уничтожение индивидуальности, но и закрепляют действующие стереотипы. В большинстве случаев именно женщины оказываются втиснутыми в стандартные формы жизнедеятельности. Домашнее насилие в действующей системе культурных ценностей чаще всего остается без внимания общества. Параллельное существование общечеловеческих и экономических ценностей нашло выражение в XXI веке женщине-охотнице за мужчинами. Если общество по-прежнему преклоняется перед мужественностью и героизмом, почему бы им не следовать. Индивидуальность, талант и другие лучшие качества человеческого потенциала пока, к сожалению, уступают мужеству и героизму.

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ПРЕДПРИЯТИЯ (НА ПРИМЕРЕ МУП «ТРАНСПОРТНЫЕ ЛИНИИ»)

Иванцова М.В. (Орел)

Важным фактором при анализе организационной культуры является гендерный состав персонала предприятия. Повсеместно распространен смешанный в половом отношении тип организации, где и мужчины, и женщины играют существенную роль в формировании специфики групповых отношений, организационной культуры в целом. Управление подобными организациями требует учета гендерных аспектов организационного поведения, понимания характерных различий мировосприятия и жизненных целей мужчин и женщин работников, а также особенностей их взаимодействия друг с другом. Некоторые разработанные модели организационной культуры уже содержат (явно или косвенно) гендерно обусловленные признаки. В качестве примера можно указать на модель организационной культуры известного голландского ученого Г.Хофштеде, в которой выделены пять основных характеристик (показателей) организационной культуры: дистанция власти, долгосрочная или краткосрочная ориентация, избегание неопределенности, маскулинность/феминность, индивидуализм/коллективизм.[1] На первый взгляд, в представленной модели лишь параметр маскулинность/феминность (мужественность/женственность) имеет ярко выраженный гендерный подтекст. Действительно, система ценностей и ее гендерная окраска в существенной степени определяют лицо организационной культуры. Однако, гендерный контекст заложен и в ряде других признаков, характеризующих организационную культуру в рамках данной модели. Такие показатели, как индивидуализм/коллективизм, дистанция власти, избегание неопределенности, по своему наполнению отчетливо соотносятся с преобладанием в организации тех или иных гендерных установок и идеалов, особенностями гендерного взаимодействия в целом. Так преобладание маскулинного начала в организации увеличивает дистанцию власти; коллективистские отношения в большей степени формируются под влиянием феминного гендерного типа, оно же способствует ориентации организации на долгосрочную перспективу. Гендерное влияние на показатель толерантности к неопределенности в организационной практике требует дополнительных исследований,

однако можно предположить, что в силу родовой природы феминного гендерного типа с присущим ему консерватизмом повышенная степень избегания неопределенности должна быть свойственна организациям с «женским» лицом. Исходя из поставленной проблемы, нами был осуществлен анализ организационной культуры МУП «Транспортные линии», который показал, что существующая на предприятии культура имеет маскулинную направленность, выражающуюся в преобладании «жестких» (материальных) методов мотивирования и стимулирования, малой степени участия персонала в процессе принятия решений, стремлении руководства дистанцироваться от коллектива. Традиции и обычаи предприятия отражают и гендерные характеристики организационной культуры. Так в организациях с «женским» типом организационной культуры традиции и обычаи, как правило, направлены на поддержание теплых личных отношений, развитие солидарности и коллективистских чувств. «Мужскому» типу культуры свойственны обычаи, стимулирующие стремление к развитию профессиональных качеств, конкуренция, стремление к достижению поставленных целей. Каждое предприятие формирует свои собственные обычаи и традиции. В МУП «Транспортные линии» существуют такие традиции как конкурсы профессионального мастерства (34,3 %), традиция совместно отмечать профессиональные и общие праздники (26,8 %), а также дни рождения сотрудников (26,6 %) . Традиция совместно отмечать праздники и памятные даты направлена, в большей степени, на поддержание и развитие взаимоотношений внутри коллектива, на создание благоприятного психологического климата. Немаловажным фактором при анализе организационной культуры является степень участия персонала в постановке целей и задач предприятия, планировании работ. Руководители предприятий с «женским лицом» более склонны к коллективному обсуждению целей и задач, совместному принятию решений, в то время как в «мужских» руководитель принимает решение единолично, либо совместно с ограниченным кругом лиц (заместители, советники). Как показало исследование, руководство МУП «Транспортные линии» более склонно самостоятельно принимать решения (более 97 % респондентов), без участия персонала, что часто приводит к рассогласованию целей с возможностями сотрудников и предприятия в целом. Рассогласованность задач предприятия с его реальными возможностями – одна из основных причин конфликтных ситуаций на предприятии (93% респондентов отмечают, что все задания

выдаются без обсуждения и пояснений со стороны руководства). Часто причиной конфликта становится неудовлетворительное обеспечение работников необходимыми ресурсами, техникой, материалами (65,5 %), что также свидетельствует о недостатках в организации трудового процесса со стороны руководства предприятия. Факторный анализ позволил выделить пять факторов, суммарно объясняющих 86,9 % дисперсии. Оставшиеся 13,1 % приходятся на геометрические искажения. Первый фактор, объясняющий 21,5 % дисперсии, интерпретируем как «фактор интересной работы». Он включает варианты «стремиться к новому и неизведанному», «быть понятым другими», «заниматься делом, требующим полной отдачи». Вариант «иметь теплые отношения с людьми» имеет отрицательную корреляцию. Вторым главным фактором (19,8 % дисперсии) – «фактор материальной стабильности» – включает варианты «обеспечить себе будущее», «обеспечить материальный комфорт», «избегать неприятностей». Третий фактор – «фактор карьеры» – детерминирует 18,9 % разброса данных. Данный фактор включает варианты «Упрочить свое положение», «Зарабатывать на жизнь», «Иметь хороших собеседников» (последний имеет отрицательную корреляцию). Четвертый фактор, определённый как «фактор саморазвития», объясняет 14,3 % дисперсии. «Добиться признания и уважения», «Развивать свои силы и способности». Последний фактор (12,4 % дисперсии) – «фактор авторитета» – включает лишь один вариант – «Обеспечить себе положение влияния». Наиболее ярко гендерные аспекты организационной культуры предприятия проявляются на подповерхностном уровне. Преобладание таких ценностей как признание и уважение, материальное положение, профессиональные навыки и власть также свидетельствует о «перевесе» в сторону мужественности. Подобное положение вещей негативно сказалось на морально-психологическом климате в коллективе. В связи с этим руководству предприятия следует предпринять меры по изменению организационной культуры, внесению в нее феминных характеристик. В частности, внедрение психологических способов мотивирования и стимулирования, установление общих для коллектива обычаев и традиций, изменение системы управления в сторону сотрудничества с работниками в вопросах формулирования целей и задач предприятия. Подобные изменения организационной культуры позволят значительно повысить эффективность работы персонала и предприятия в целом.

Литература

1. Семенов, Ю.Г. Организационная культура. М.: Логос, 2006. – 255с.

**АНАЛИЗ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА И СИТУАЦИИ В
КАЗАХСТАНЕ ПО ОРГАНИЗАЦИИ ПРОЖИВАНИЯ
ИНВАЛИДОВ И ЛИЦ ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА В
МАЛОКОМПЛЕКТНЫХ ДОМАХ (ДОМАХ МАЛОЙ
ВМЕСТИМОСТИ)**

Карачева Т.В. (Усть-Каменогорск, Казахстан)

Вопрос стационарного обслуживания инвалидов и лиц пожилого возраста, нуждающихся в уходе претерпел в западных странах длительную эволюцию. Остановимся на состоянии проблемы в настоящее время. Вопрос комплектовании клиентов, нуждающихся в услугах проживания и ухода, имеет большое значение в свете организации деятельности служб, структурного развития системы социального обслуживания населения, кадрового, материально-технического и финансового обеспечения. [3] Вместе с тем, он зависит от многих культурно исторических и социально-экономических факторов: традиций, места жительства, наличия семьи и ее состава, материального положения семьи, наличия подготовленных кадров социальных работников, помощников по уходу, медицинских сестер, геронтологов, психологов, специалистов по развитию движения и др., которые в своей деятельности придерживаются этических принципов социальной работы. Кроме того, он зависит от наличия семьи и родственников, способных обеспечить уход за своим родственником, а также многих других. [4] В США политика благополучия пожилых лиц поддерживается Федеральным правительством в очень небольших размерах. Основные средства выделяются программами Medicare и Medicaid, которые оплачивают услуги сестринских домов и услуг на дому, лицам, имеющим страховку. Но около 45 млн. американцев не имеет страховки, и остаются за бортом системы [5]. При том, что все конфессии США (наиболее значительные - протестантская, католическая и иудейская) имеют свои благотворительные организации, в том числе и дома для престарелых, а опекаемыми являются не только единоверцы, но и люди, принадлежащие к другим религиозным общинам. В штате этих организаций много добровольцев. Поэтому в США прослеживается четкая тенденция создания условий для проживания престарелых граждан в домашних

условиях. Реализация ее осуществляется через систему нестационарных видов социальной помощи, предоставляемых государственными или частными организациями, а также путем денежных выплат престарелым для самостоятельного приобретения ими тех или иных социальных услуг. Итак, основанием для попадания в учреждение в США является потребность пожилого человека или инвалида в уходе и медико-социальном обслуживании. Выбор типа учреждения зависит от: а) тяжести нарушений функций б) степени потребности в услугах ухода, в) материального положения, г) наличия страховки по старости и возможности оплачивать услуги. Большинство домов для нетрудоспособных (80%) в США приносят прибыль частным владельцам, которые ими владеют, за счет оплаты опекаемыми их услуг, получения спонсорской помощи и государственных дотаций. Государство выдает лицензии и контролирует соответствие нормативам условия содержания в них. Нормативы имеют федеральный характер, то есть обязательны для всех учреждений такого типа. Часть домов имеют некоммерческий характер и принадлежат различным благотворительным и религиозным организациям или государству. Источники и механизмы финансирования услуг ухода в США: 1. Благотворительность, 2. Страхование от старости и болезней, 3. Покупка услуг клиентами. Ассоциация социальных работников США определяет политику и ведет подготовку специалистов разного профиля в области социальной работы. Ею разработан и принят Этический Кодекс социального работника, создана база данных, оказывается содействие в повышении их квалификации и трудовых прав. В Европейских странах повсеместно проводится политика деинституционализации и преимущество отдается надомному обслуживанию, предоставлению ухода в специальных оборудованных домах, где клиенты проживают в условиях максимально приближенных к домашним. В домах престарелых, пансионатах и домах для нетрудоспособных живут в основном 1) престарелые люди, 2) нуждающиеся в долговременном уходе, их средний возраст - 84 года. Большею частью это 3) женщины, никогда не состоявшие в браке и не имеющие детей. [36,37,41,57,68,69]. В Испании и Греции 1) молодые инвалиды не помещаются в дома – интернаты для одиноких престарелых и престарелых инвалидов, а проживают маленькими группами или отдельными общинами. Также в этих странах распространено 2) создание небольших интернатов и общежитий для инвалидов на 15-20 человек, которые могут быть открыты благотворительными

организациями и частными лицами. Финансирование услуг осуществляется за счет благотворительности, страхования, бюджетных дотаций и сооплаты, которая осуществляется дифференцированно.

В Дании, Швеции и других странах Северной Европы, где высок уровень налогов на прибыль, финансирование услуг осуществляется в большей части за счет бюджета, кроме того за счет благотворительных фондов и религиозных организаций, некоторые услуги медицинского характера предоставляются на условиях сооплаты. В Дании начиная с 2002 года, не строят интернаты для престарелых, вместо этого строятся отдельные жилища, приспособленные к потребностям пожилого человека. Они могут располагаться в обычных домах или строиться отдельно. Некоторые дома престарелых переоборудованы в дома с отдельными квартирами и названы «центрами для пожилых граждан».

В Швеции каждому гражданину обеспечено единообразие социальных условий, гарантирован равный доступ ко всем услугам, предлагаемым независимо от места проживания и финансового положения, путем уравнивания богатых и бедных муниципалитетов. Конституционная защита социальных прав находит свое выражение в Законе о социальном обеспечении 1982 г. Этот закон подчеркивает право индивида на получение помощи из сообщества в соответствии с пятью основными принципами. Наиболее важную часть рассматриваемого закона составляет ст. 6, озаглавленная «Право на помощь». Предусмотренное в ней право трактуется весьма широко и имеет в виду не только финансовую помощь. Наличие жилья, удовлетворяющего потребности лиц преклонного возраста, расположенного по соседству со службами оказания социальных, коммерческих, медико-социальных и культурных услуг. Лицо преклонного возраста обладает правом на: а) жилищное пособие или б) дотацию для обустройства жилища; в) обычное или специально приспособленное жилище; г) жилье с повышенным уровнем комфортности для тяжелых инвалидов (обеспечивается независимость и безопасность, повышенная комфортность, ряд услуг и теленаблюдение; д) отдельное жилище в рамках общежития; е) дома-пансионаты по уходу, ж) институты медицинского характера для лиц 1) преклонного возраста с 2) особо тяжелым состоянием здоровья.

Государственная социальная политика Великобритании в отношении престарелых граждан и инвалидов также как в Швеции ориентирована на создание полноценных условий для их максимально возможного проживания в домашних условиях, в первую очередь за счет широкого

предоставления нестационарных форм и видов социального обслуживания.

Причинами являются дороговизна и недостаточное развитие сети интернатных учреждений, часто не располагающих возможностями оказания полноценной помощи этой категории лиц из-за отсутствия собственной медицинской службы, условий интенсивного медицинского и бытового ухода. Социальная и медицинская помощь, предоставляемая престарелым и инвалидам на дому, рассматривается в качестве важного элемента реализации всей социальной политики в стране, в значительной мере позволяющей разрешить многие проблемы этой категории лиц, связанные с одиночеством и утратой интереса к жизни, способствующей развитию контактов с окружающими, улучшению жизненных условий. Государство через министерства здравоохранения, социального обеспечения, труда, жилищного строительства координирует реализацию общих принципов социальной политики и осуществляет финансовый контроль. Организация социального обслуживания возлагается на органы местного самоуправления, предоставляющие как обязательные, так и дополнительные услуги, причем в выборе услуг им предоставлена значительная самостоятельность.

В Норвегии во многих городах страны ведется строительство квартир для престарелых. Например, в центре Осло в непосредственной близости от магазинов, банков, предприятий бытового обслуживания за счет средств муниципалитета для них построен по специальному проекту 90-квартирный жилой дом, который возглавляет заведующий. В его штат входят два социальных работника, обязанностью которых является оказание помощи во время болезни, доставка при необходимости питания из дома-интерната, оказание проживающим других мелких услуг. При доме имеются кафе-клуб, кабинет врача, ведущего прием два раза в неделю, прачечная самообслуживания. Для престарелых, проживающих в доме, введены льготы по оплате жилья и электроэнергии. Во Франции, Финляндии и многих других странах, одной из основных целей предоставления престарелым и инвалидам социально-бытовой помощи является создание условий для их максимально долгого пребывания в привычных домашних условиях. Поэтому в стационарных условиях пансионатов, интернатов, домах престарелых обслуживаются только лица с 1)самыми тяжелыми нарушениями, 2)нуждающиеся в специализированных услугах. Наибольшее распространение получили виды помощи — услуги «домашних помощников», сестринский уход за престарелыми на дому и «госпиталь на дому».

Служба «домашних помощников», создание которой относится к середине пятидесятых годов, предназначена для оказания услуг преимущественно бытового характера пожилым людям, испытывающим затруднения в приобретении продуктов питания, приготовлении пищи, содержании жилых помещений и т.п. Финансируется она или за счет системы государственного страхования, или частных страховых компаний. Для престарелых со значительной степенью утраты способности к самообслуживанию предназначается служба «сестринского ухода», которая включает в себя как элементы обычного надомного обслуживания, так и предоставление доврачебной медицинской помощи и услуг гигиенического характера. Основанием к принятию престарелых на такое обслуживание является решение лечащего врача. Обслуживание осуществляется бригадным методом — медицинской сестрой и ее помощницей (няней). Медицинские сестры выполняют врачебные назначения и контролируют работу своих помощников, которые, в частности, могут переодеть больного, умыться, сделать клизму и т.п. Оплата этих услуг по установленным расценкам проводится за счет страхования по болезни. Для лиц пожилого возраста, выписываемых из стационарных медицинских учреждений и не требующих интенсивного лечения, может быть организован «госпиталь на дому». Обслуживание таких лиц осуществляется врачами и медицинскими сестрами совместно с социальными работниками, оказывающими услуги бытового характера. В сфере социального обеспечения Финляндии действует централизованная система планирования и услуги оказываются по результатам оценки потребностей. Государство в обязательном порядке предоставляет муниципалитетам дотации на оказание социальной помощи населению, составляющие не менее половины от суммы всех их затрат на эти цели. Кроме того, источником финансирования услуг ухода и проживания являются дотации, страховка, и по некоторым специальным медико-социальным услугам — сооплата. Непосредственное предоставление социально-бытовых услуг престарелым, возложено на муниципалитеты, действующие по принципу самоуправления и организующие свою работу в этом направлении на основании пятилетних планов. Наряду с муниципалитетами социальные услуги оказываются также частными организациями и церковью. Большое значение в Финляндии придается и обустройству жилья престарелых и инвалидов, включающее оснащение квартир системой круглосуточной связи с социальными работниками. В оказании

социальной помощи престарелым и инвалидам в Финляндии выбрано направление, ориентированное на услуги на дому, которые условно можно разделить на два вида. Для престарелых и инвалидов, сохранивших в достаточной мере способность к самообслуживанию, предоставляется помощь в уходе за квартирой, лицам практически не выходящим из дома, оказывается содействие в обеспечении питанием, приготовлении пищи, оказываются санитарно-гигиенические услуги. Такая помощь может оказываться престарелым на постоянной основе или на определенный период времени, например, на период отпуска родственников. [12] Предоставлением социальной помощи на дому в стране занято более 13 тыс. социальных работников, предварительно прошедших специальную подготовку. Значительной части престарелых и инвалидов помощь оказывается родственниками или частными лицами, причем в этом случае им выплачивается специальное пособие на уход. Широкий набор услуг могут предложить центры социальной помощи, в которых для пенсионеров и инвалидов имеются помещения для отдыха и досуга, медицинские кабинеты, залы лечебной физкультуры и массажа, сауна, бассейн, столовая, лечебно-трудовые мастерские. Обычно через такие центры обеспечивают горячим питанием лиц, обслуживаемых на дому. Доставка обедов на дом производится в индивидуальных термосах на автотранспорте центра или арендуемой машине. Многие центры социальной помощи в вечернее время предоставляют разнообразные услуги и другим категориям населения за плату. В Германии традиционно важную роль в обеспечении и организации социального обслуживания престарелых и инвалидов играют добровольные объединения, в первую очередь, церковные благотворительные союзы и Немецкий Красный Крест, а также система страхования (больничная касса). Однако в современных условиях часть их функций вынуждено брать на себя государство. Большое распространение в стране получили центры дневного пребывания, различные клубы для пожилых. Несколько лет назад начали создаваться социальные отделения для оказания престарелым социальной и медицинской помощи в домашних условиях и включающие в себя службы помощи в хозяйственных делах, ухода за больными. Услуги ухода на дому и в стационаре оказываются обученным на 1-2 летних курсах персоналом по уходу. Для оказания услуг ухода с проживанием принимаются социальные работники, социальные помощники и медицинские сестры. В Японии, как в одной из высокоразвитых индустриальных стран, продолжительность

жизни за период после второй мировой войны возросла и достигла в 1986 г. — 74,3 лет для мужчин и 79,8 лет для женщин. Сегодня 80% мужчин и 90% женщин достигают возраста 65 лет. В начале XXI века Япония станет страной, в которой престарелые составят более 20% населения. Изменение демографической ситуации предполагает и совершенствование системы социального обслуживания пожилых людей. Новая система медико-социального обслуживания была введена в феврале 1983 года. Это первый этап для решения проблем обслуживания стареющего общества. Особенностью борьбы со старением является создание различных служб здравоохранения для лиц от 40 лет и более на местном уровне. [12]

В Российской Федерации как и в Казахстане система услуг ухода с проживанием обеспечивалась государством и оказывалась в крупных государственных медико-социальных учреждениях. [5] Так, на начало 1975 года в РСФСР функционировало 878 домов для престарелых и инвалидов, в которых проживало более 200 тысяч человек, а на начало 1991 года их было 877 и в них находилось 261 тысяча человек. Стабильность этих показателей при росте потребности в услугах отчасти связана с расширением практики оказания социальной помощи на дому нетрудоспособным гражданам, и с тем, что строительство новых домов-интернатов шло очень медленно из-за недостаточного выделения денежных средств и ряда других причин. В настоящее время в системе социальной защиты населения РФ действует 959 стационарных учреждений для лиц пожилого возраста и инвалидов. [1] Сейчас в МСУ (дома-интернаты) поступают в основном: 1) люди, требующие постоянного ухода, 2) утратившие в значительной мере способность передвигаться. Основанием для помещения пожилых людей и инвалидов в медико-социальное учреждение, также как и в Казахстане является 3) потребность в услугах ухода, 4) отсутствие близких родственников, которые по законодательству обязаны обеспечивать уход, или в редких случаях, когда 5) родственники не могут обеспечить уход.

Однако, функционирование домов-интернатов как одной из основных стационарных форм социального обслуживания престарелых связано с целым рядом серьезных проблем. Среди них: а) высокая потребность в услугах проживания и ухода, в целом ряде территорий РФ сохраняется очередь престарелых граждан, желающих поступить в стационарные учреждения социального обслуживания (в последние десять лет очередь сохранялась на уровне 18-21 тысячи человек). С другой стороны, пожилые люди все чаще проявляют б) желание жить в

привычной для них домашней обстановке, в) дороговизна услуг МСУ, г) проблемы регулирования межличностных отношений в больших скоплениях больных людей, проживающих постоянно в закрытых помещениях. Медицинские работники склонны считать причиной то, что среди престарелых значительную часть составляют люди с кратковременными или стойкими психическими нарушениями и сенильным слабоумием. Они осложняют жизнь проживающих в учреждении, провоцируют возникновение конфликтных ситуаций, нарушают спокойствие в коллективе. О невозможности решения регулирования проблемы в рамках медицинской модели свидетельствует опыт Кирово-Чепецкого пансионата войны и труда Кировской области. Здесь проживает более 800 человек, в том числе 45% нуждаются в постороннем уходе, средний возраст жителей — 74 года.

Созданы все необходимые условия для проживающих: типовые просторные здания, комнаты на 2-4-х человек, хорошая мебель, цветные телевизоры, ковры, картины, цветы, открыт свой музей памяти, есть молельная комната, библиотека, кинозал, ежемесячно отмечаются дни рождения за праздничным столом и т.д. Есть хорошо оборудованный фито-бар, где ежедневно готовятся целебные настои из лекарственных трав. В штате пансионата есть и врач-психотерапевт.

Несмотря на все созданные условия, люди все же морально деградируют, теряют такие качества как терпение, честность, достоинство и др. Это вызвано несомненно старостью, но, как считает врач-психиатр Г. Потехина, тем, что пансионат не может обеспечить занятость проживающих, обеспечение их работой. Из-за отсутствия материалов и заказов здесь закрыт швейный цех, мастерская по изготовлению кисточек, нет своего подсобного хозяйства, только теплица для ранних овощей. В результате — налицо негативные различные явления (пьянство, воровство, грубость, насилие над более слабыми, конфликтные ситуации).

Влияние социальных и психологических факторов на процесс старения личности заключается, прежде всего, в нарушении привычных связей и отношений, приводящих к неблагоприятному воздействию на личность, что вызывает необходимость расширения объема и повышения качества медико-психологической помощи, вовлечения пожилых в активную жизнедеятельность. В последние годы в ряде регионов развились службы нового типа разных форм собственности. Так, ГУ Куйбышевский пансионат ветеранов Красноглинского района Самарской области стал, по существу, другим учреждением —

центром социального обслуживания населения. Здесь есть медико-социальное отделение, отделение социального обслуживания на дому, отделение дневного и временного, до 6 месяцев пребывания и др. Имеется свое подсобное хозяйство и пасека, открыт ремонтно-строительный цех, приобретен транспорт. Есть хорошая библиотека, зрительный зал на 450 мест, проводятся различные культурно-массовые мероприятия, концерты художественной самодеятельности и профессиональных артистов. Превратившись из пансионата в центр, это учреждение стало одновременно гибко сочетать в своей деятельности стационарные и нестационарные формы обслуживания. В медико-социальное отделение социального обслуживания попадают, как правило, 1)тяжело больные, 2)лежачие пожилые люди, которых приносят буквально на руках. Каждый из них, по существу, нуждается в сиделке. Среди них встречаются люди самые разные, в том числе и с 3)психологическими проблемами, так что требуются не только медицинская помощь и уход, но и большая психологическая помощь. Одной из новых форм социального обслуживания в территориях РФ является строительство за счет бюджета специальных жилых домов для одиноких пожилых граждан и супружеских пар с комплексом служб социально-бытового назначения. Так в соответствии с примерным Положением о специальном доме для одиноких пожилых людей, утвержденном Министерством социальной защиты населения 7 апреля 1994 года, в Саратовской области сдан дом для постоянного проживания 1)одиноких граждан, а также 2)супружеских пар, которые сохранили 3)полную или частичную способность к само- обслуживанию в быту и 4)нуждаются в создании условий для самореализации своих основных жизненных потребностей. Основная цель создания таких домов — обеспечение благоприятных условий проживания и самообслуживания; предоставление проживающим престарелым гражданам социально-бытовой и медицинской помощи; создание условий для активного образа жизни, в том числе посильной трудовой деятельности. Специальные дома для одиноких престарелых могут быть построены как по типовому проекту, так и располагаться в переоборудованных отдельных зданиях или в части многоэтажного здания. [11] Они состоят из одно-двухкомнатных квартир и включают в себя комплекс служб социально-бытового назначения, медицинский кабинет, библиотеку, столовую, пункты заказов на продовольственные товары, сдачу белья в прачечную или химчистку, помещения для проведения культурного досуга и для трудовой деятельности. Они должны быть оснащены

средствами малой механизации для облегчения самообслуживания проживающих граждан [7]. При таких домах организуются круглосуточно действующие диспетчерские пункты, обеспеченные внутренней связью с жилыми помещениями и внешней телефонной связью. Медицинское обслуживание проживающих в этих домах граждан осуществляется, в соответствии с Положением, медицинским персоналом территориальных лечебно-профилактических учреждений, а организация социально-бытового, торгового и культурного обслуживания — соответствующими территориальными органами и службами. В Положении четко определены основные правила, требования и условия строительства и предоставления жилья в специальных жилых домах для одиноких пожилых людей, проживания, оплаты и т.д. Следует подчеркнуть, что на основе действующего законодательства, гражданам, проживающим в таких домах, пенсия выплачивается в полном размере. Они имеют право на первоочередное направление в стационарные учреждения органов социальной защиты населения. Специальные жилые дома для одиноких пожилых людей и супружеских пар — это один из путей решения сложной задачи по оказанию социальной помощи, а также целого комплекса социальных проблем престарелых граждан. Таких домов в России пока еще мало, но они получают все большее признание и развитие. Аналогичный опыт имеется в Алматы. [8]. В г.Стерлитамаке при активном содействии мэра сумели построить девятиэтажный дом с квартирами для 1)одиноких ветеранов и инвалидов, которым 2)трудно или 3)невозможно себя обслуживать. Здесь есть социальная служба, блок бытовых услуг, столовая, мастерские, лифты. [7]. В Костроме был построен специальный многоэтажный дом «Ветеран» на 125 квартир для 1)одиноких пожилых людей, 2)нуждающихся в умеренном объеме ухода и 3)услугах медсестер. Проектом предусмотрены: блок обслуживания, медицинский кабинет, внутренняя телефонная связь и мастерские, в которых они смогут при желании поработать. А рядом с этим домом — магазины, междугородний узел связи, стоматологическая поликлиника, филармония, стадион, парк, гостиница с рестораном, церковь. Все это, несомненно, позволяет решить многие проблемы, удовлетворить потребности одиноких пожилых людей, продлить их активную жизнедеятельность. Интересен опыт малокомплектного дома на 30 человек, созданного акционерным обществом «Белоколодезское» Белгородской области более пяти лет назад по инициативе и по проекту бывшего руководителя колхоза Н.В.Таволжанского, позаботившегося не

только о строительстве этого дома для 1) пожилых 2) одиноких ветеранов, 3) работавших на данном предприятии, но и о том, чтобы он был не казенным, а обстановка и быт, по возможности, не отличались от домашних. Внутренние помещения спроектированы как отдельные квартиры, в каждой из них большая комната на двоих, ванная с туалетом, большой коридор, окна, выходящие в сад. Рядом — административное здание и столовая. Четырехразовое питание, если необходимо — с доставкой в комнату. Администрация и сотрудники — медицинская сестра, повар, социальные помощники, знают каждого проживающего, родственники по желанию могут погостить вместе в одной комнате, да и с друзьями и знакомыми связь не прекращается. Жильцы Дома ветеранов — бывшие колхозники, люди тяжелого крестьянского труда, и они особенно ценят заботу обслуживающего персонала, внимание к себе. Финансирование дома осуществляется акционерным обществом.

Литература

1. Национальный стандарт Российской Федерации «Социальное обслуживание населения. Основные виды социальных услуг». ГОСТ Р 52143-2003
2. Крумлинде Х. Жилища для престарелых и инвалидов./ Х. Крумлинде. — М.: Стройиздат, 1983. — 88 с.
3. Постановление Правительства Республики Казахстан от 31 декабря 2008 года № 1354 « , «Об утверждении натуральных норм питания для лиц, обслуживающихся в домах интернатах, реабилитационных центрах, учебных заведениях для детей-инвалидов, территориальных центрах социального обслуживания, центрах социальной адаптации».
4. Постановление Правительства Республики Казахстан от 22 сентября 2000 года № 1428 «Об утверждении Правил о служебных командировках в пределах Республики Казахстан работников государственных учреждений, содержащихся за счет средств государственного бюджета, а также депутатов Парламента Республики Казахстан»,
5. Постановление Правительства Республики Казахстан от 2 ноября 1998 года № 1118 «О нормативах потребления электроэнергии, тепла на отопление, горячей и холодной воды и других коммунальных услуг по организациям, финансируемым из средств бюджета»,
6. Бюджетный кодекс Республики Казахстан

7. Популярная энциклопедия пожилого человека. - Самара, 1996.
8. Превентивная геронтология и гериатрия. - Киев, 1990, 1991.
9. Принципы и концепции развития медико-социальной реабилитации больных, инвалидов и лиц пожилого возраста: Методические рекомендации. - М., 1990.
10. Руководство по геронтологии. - М.: Медицина, 1990.
11. Симаков А.Г. Социальная стратификация в постсоветский период: стратегия и тактика социальной работы. - М., 1996.
12. Соловьева Л. Социальное обеспечение в западных странах: проблемы 90-х годов //Мировая экономика и международные отношения. -1993.-№12.

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ В СОВРЕМЕННЫХ СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЯХ. (БЕЛОРУССКИЙ ВАРИАНТ)

Кириенко В.В. (Гомель, Республика Беларусь)

В периоды интенсивной трансформации комплекса общественных отношений существенной модернизации подвергаются все социальные институты. Но имеющиеся данные мировой истории показывают, что особенно болезненно периоды социального хаоса переживает социальный институт семьи и брака. Именно здесь переплетаются политические, экономические и социокультурные и интимно-личностные связи и отношения. С целью уточнения состояния и тенденции к изменению структуры семейных ценностей в современном белорусском обществе автором была разработана программа социологического исследования «Семья и брак: современность и перспективы». Анкетный опрос был проведен в Гомельской обл. в IV квартале 2011 г. Выборочная совокупность составила 576 человек, репрезентативность которой обеспечена по основным социально-демографическим параметрам. В настоящем обзоре представлены первые аналитические материалы полученных результатов анкетного опроса. С целью уточнения происходящих изменений в структуре распределения семейных прав и обязанностей супругов респондентам было предложено ответить на вопрос анкеты «Как Вы полагаете, каким образом должны распределяться семейные обязанности между мужем и женой?». Полученные результаты приведены в табл. 1 и 2. Для

получения сопоставительных результатов были применены следующие коэффициенты: да, безусловно – 1,0; по мере возможности – 0,5; нет, не должен (не должна) – 1,0.

Таблица 1
РЕЙТИНГИ СЕМЕЙНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ МУЖА
Обязанности мужа в оценке мужчин
Обязанности мужа в оценке женщин
Номер
Да, безусловно, % По мере возможности, % Нет, % Не ответили, %
Приведенная оценка Да, безусловно, % По мере возможности, % Нет, % Не ответили, %
Приведенная оценка 5 93,3 3,6 1,8 1,3 93,3 92,0 8,0 0,0 0 96,3 2 85,6 6,7 3,6 4,1 85,8 91,3 6,4 0,5 1,8 95,0 4 58,3 32,1 6,1 3,5 68,2 47,5 41,1 2,3 9,1 65,8 3 47,2 29,7 4,2 18,9 57,9 31,1 37,4 4,6 26,9 45,2 1 38,2 35,2 9,1 17,9 46,7 29,1 37,4 3,2 30,6 44,3 6 19,4 26,1 19,4 35,1 13,0 11,0 33,3 8,7 47,0 18,9

Таблица 2 РЕЙТИНГИ СЕМЕЙНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ ЖЕНЫ
Обязанности жены в оценке мужчин
Обязанности жены в оценке женщин
Номер Да, безусловно, % По мере возможности, % Нет, % Не ответили, %
Приведенная оценка Да, безусловно, % По мере возможности, % Нет, % Не ответили, %
Приведенная оценка 6 86,7 3,6 3,6 6,1 84,8 81,7 9,6 3,2 5,5 83,3 4 65,5 20,0 1,8 12,7 73,6 62,1 26,9 0,5 11,0 75,1 1* 67,9 10,9 7,9 13,3 65,5 77,2 13,2 1,4 8,2 82,4 3 61,2 21,2 6,7 10,9 65,2 66,7 23,3 0,9 9,1 77,4 2 20,6 34,5 12,1 32,8 25,8 6,8 47,0 6,4 39,8 24,0 5 15,8 30,3 21,2 37,7 9,7 14,6 37,9 6,4 41,1 27,2

*1. Обеспечивать семейный уют, быть хранителем «очага». 2. Обеспечивать материальное благополучие, быть «добытчиком». 3. Распределять семейный бюджет. 4. Оказывать детям помощь в выполнении учебных домашних заданий. 5. Приобщать мальчиков к труду, воспитывать у них мужественность. 6. Приобщать девочек к труду, воспитывать у них женственность. Итак, как показали результаты анкетного опроса, обязанности жены, в представлении как мужчин, так и женщин, определены достаточно синхронно. И мужчины, и женщины в качестве главной функции жены определили обязанность приобщения девочек к труду, воспитания у них женственности. В качестве безусловной на эту функцию указало 81,7 % опрошенных женщин и 86,7 % мужчин. Подчеркнем, что эта традиционная обязанность матери, в оценке респондентов-женщин, выражена более мягко, чем в оценке мужчин. Достаточно синхронно и женщинами, и мужчинами оценена такая социально-гендерная функция жены, как оказание помощи детям в выполнении школьных заданий. Эту женскую функцию в качестве безусловной оценили 65,5 % респондентов-мужчин и 62,1 % женщин. По мнению 20,0 % мужчин и 26,9 % опрошенных женщин, воспитательную функцию жена должна выполнять по мере возможности. В оценке обязанности

жены по поддержанию домашнего «очага», обеспечению семейного уюта мнения мужчин и женщин разошлись. В данном случае женщины оказались большими консерваторами, чем мужчины. Ведь в соответствии с традиционными семейными нормами одной из отличительных, чисто женских семейных функций считается обязанность поддержания особенного домашнего уюта. В нашем опросе женщины поддержали традиционный стереотип: приведенная оценка этой функции жены, в оценке женщин, составила 82,4, тогда как приведенная оценка этой женской функции в оценке мужчин – только 65,5. Что касается финансовой функции – распределения семейного бюджета, то за эту обязанность жены в безусловной форме высказались 61,2 % опрошенных мужчин и 66,7 % женщин. Подчеркнем, что и в данном случае женщины оказались несколько большими «консерваторами», чем мужчины. Ведь в традиционной народной культуре удел мужей быть «добытчиком», обеспечивать материальное благополучие семьи, тогда как удел жен – распределять, в большинстве случаев, достаточно скромный семейный бюджет. Как показали результаты опроса, и современные женщины не отказываются от выполнения этой традиционной обязанности. Так, приведенная оценка женской функции распределения семейного бюджета, в оценке женщин, составила 77,4, а в оценке мужчин – 65,2. В пределах традиционной семейной культуры ощущают себя и мужчины, и женщины при оценке функции обеспечения материального благополучия семьи. По-прежнему полагая, что быть «добытчиком», обеспечивать материальное благополучие в семье – обязанность мужа, функцию «добытчика» в качестве безусловной нормы оставили за собой только 6,8 % женщин-респонденток. При этом 47,0 % женщин ответили, что быть «добытчицами» они должны по мере возможности, скорее всего вместе с мужьями; 6,4 % женщин ответили, что обеспечение материального благополучия семьи вообще не входит в их обязанности. Следует подчеркнуть, что мужчины более «по-современному» подошли к оценке варианта «Жена – добытчица», и 20,6 % респондентов-мужчин ответили, что обеспечение семейного материального благополучия – это, безусловно, и женское дело. Достаточно синхронно, опять-таки в духе традиционных семейных ценностей, и мужчины, и женщины подошли к оценке необходимости женами выполнять «мужнюю» обязанность – приобщать мальчиков к труду, формировать у них мужественность. Причем здесь большими ортодоксами, консерваторами проявили себя мужчины. Так, в оценке респондентов мужчин, приведенная оценка

приемлемости воспитания женами у мальчиков мужественности, составила только 9,7, тогда как женщины свою способность воспитания у мальчиков мужественности, скорее всего от безвыходности при наличии сына, но отсутствии мужа, оценили в 3 раза выше – 27,2. Достаточно синхронно опрошенные мужчины и женщины подошли к оценке семейных обязанностей мужа. Симптоматично, что в качестве главной мужской семейной обязанности и мужчины, и женщины определили социально-воспитательную функцию: воспитание у мальчиков мужественности, приобщение их к труду. Эту мужскую обязанность в качестве безусловной оценили 93,3% и в качестве возможной - 3,6 % опрошенных мужчин. С этой самооценкой мужчин согласилось 92,0 % женщин-респонденток, а 8,0 % женщин ответили, что воспитанием сыновей мужа должны заниматься в меру своих возможностей. Подчеркнем, что мужскую функцию межпоколенной трансляции гендерных характеристик от отца к сыну так или иначе определили 98,7 % опрошенных мужчин и 100 % женщин. Практически на таком же уровне респонденты оценили и традиционную семейную функцию мужей – быть «добытчиком», обеспечивать материальное благополучие семьи. Эту мужнюю обязанность в качестве безусловной оценили 85,6 % опрошенных мужчин, а 6,7 % отметили, что быть семейными «добытчиками» мужа должны по мере возможности. Следует подчеркнуть, что 3,6 % мужчин-респондентов вообще отвергли эту функцию, и 4,1 % не смогли или не захотели ответить. Женщины подошли к оценке важнейшей мужской обязанности более основательно и функцию мужа «добытчика» в качестве обязательной определили 91,3 %, а в качестве возможной - 6,4 % женщин-респонденток. Приведенная оценка мужской функции «добытчика» у женщин-респонденток оказалась большей, чем в мужской самооценке (85,8), и составила 95,0. В качестве значимой семейной функции и мужчины, и женщины определили нетрадиционную обязанность мужа в оказании детям помощи в выполнении школьных заданий. Эту функцию 58,3 % мужчин признали в качестве безусловной, а 32,1 % - в качестве возможной. Следует отметить, что только 3,5 % мужчин не смогли или не захотели ответить на этот вопрос, 6,1 % вполне определенно отметили, что «не мужское это дело». Приведенная оценка необходимости участия мужей в школьной подготовке детей в оценке мужчин составила 68,2. Опрошенные женщины фактически согласились с самооценкой мужчин в выполнении этой нетрадиционной для мужчин функции. Так, почти половина женщин-

респонденток (47,5 %) обозначили эту функцию в качестве безусловной и почти столько же (41,4 %) отметили, что школьными заданиями с детьми мужа должны заниматься по мере возможности. Но почти каждая десятая опрошенная женщина (9,1 %) не смогла (или не захотела) ответить на этот вопрос. Женская приведенная оценка необходимости участия мужей в образовании детей составила 65,2. Одной из непростых семейных обязанностей является задача распределения семейного бюджета. Почти половина опрошенных мужчин (47,2 %) ответили, что мужа безусловно должны заниматься этим вопросом, чуть менее трети (29,7 %) посчитали, что распределять бюджет они должны по мере своей возможности и 4,2 % опрошенных мужчин ответили, что это не входит в компетенции мужей. Приведенная самооценка мужчин о правомерности участия мужей в распределении семейного бюджета составила 57,9 %. Женщины оценили необходимость участия мужей в распределении семейного бюджета менее осторожно, чем мужчины. Менее трети опрошенных женщин (31,1 %) признали эту мужскую функцию в качестве безусловной, и 37,4 женщин определили участие мужей в распределении семейного бюджета в качестве допустимой. Следует подчеркнуть, что нормативность участия мужей в распределении семейного бюджета не столь понятна, как предыдущие; почти каждый пятый опрошенный мужчина (18,9 %) и каждая четвертая женщина (26,9 %) либо не захотели, либо не смогли подобрать подходящий ответ на этот вопрос. Представители и сильной, и прекрасной половины человечества достаточно осторожно оценили востребованность мужчин в обеспечении семейного уюта, поддержании семейного очага. Только четверо из десяти (38,2 %) оценили эту мужскую функцию в качестве безусловной и еще 35,2 % - в качестве возможной. При этом 17,9 % мужчин-респондентов просто не смогло (или не захотело) ответить на этот вопрос, а 9,1 % ответили, что поддержание домашнего уюта не мужское дело. Женщины к оценке пригодности мужчин в поддержании семейного уюта подошли еще более осторожно, чем сами мужчины. Только 29,1 % опрошенных женщин уверены, что мужчины должны безусловно и 37,4 % - умеренно заниматься поддержанием семейного очага. Тогда как каждая третья опрошенная женщина (30,6 %) по-видимому потому, что не смогли определить, чего в таком случае будет больше – вреда или пользы, не смогли или не захотели отвечать на этот вопрос. И наконец, в качестве наименее значимой семейной обязанности мужа как мужчины, так и женщины определили задачу воспитания у девочек женственности, приобщения их к женскому

труду. В качестве безусловной эту нетрадиционную семейную обязанность признал только каждый пятый (19,4 %) и в качестве возможной – каждый четвертый (26,1 %) опрошенный мужчина. При этом более трети (35,1 %) опрошенных мужчин не смогли или не захотели отвечать на этот вопрос, а почти каждый пятый (19,4 %) определенно ответил, что мужья не должны заниматься формированием у девочек женских характеристик. Приведенная оценка необходимости мужей заниматься воспитанием девочек составила всего 13,0. Женщины возможности мужей в качестве воспитателей девочек оценили еще более скромно, чем это сделали мужчины. Только каждая десятая (11,0 %) опрошенная женщина вполне и (33,3 %) частично уверена в пользе участия мужей в воспитании у девочек женственности. Почти половина (47,0 %) опрошенных женщин не смогли определиться в степени пользы или вреда, а каждая одиннадцатая (8,7 %) женщина определенно не доверяет мужу такую функцию. Подводя итоги сделанного респондентами распределения семейных обязанностей между мужем и женой, правомерно сделать следующие выводы: • самооценки и оценки друг у друга семейных функций мужа и жены принципиально совпадают, а имеющиеся различия в оценках носят не качественный, а количественный характер; • у мужа в качестве явно гендерно-определенных семейных функций выступают: функции «добытчика», обеспечивающего материальное благополучие семьи, а также воспитателя мальчиков, приобщение их к труду и формирование черт мужественности; • у жены в качестве явно гендерно-определенной семейной - определена функция воспитателя девочек, приобщения их к труду, формирования у них необходимых качеств женственности; • функции распределения семейного бюджета, участия в школьном воспитании, оказания помощи детям в подготовке школьных заданий, а также обеспечения семейного уюта, поддержания семейного «очага» на паритетных началах должны обеспечивать оба супруга при доминировании жены.

ГЕНДЕРНАЯ СПЕЦИФИКА ПРЕДСТАВЛЕНИЙ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ О РАСПРЕДЕЛЕНИИ ДОМАШНИХ ОБЯЗАННОСТЕЙ В ИХ БУДУЩЕЙ СЕМЬЕ

Колесова А.О. (Москва)

В рамках диссертационного исследования по теме «Представления младших школьников о родительских ролях» были

проанализированы детские представления о распределении домашних обязанностей в их будущей семье. Анализ строился на результатах интервью с младшими школьниками. В исследовании приняли участие 100 учащихся ГОУ СОШ №514 г. Москвы в возрасте 8-10 лет (47% мальчиков, 53% девочек). При сравнении ответов детей на вопросы интервью о профессиональной занятости их будущих супругов была обнаружена статистически значимая разница в представлениях девочек и мальчиков о занятости будущей жены ($p=0,000$). Практически половина опрошенных мальчиков (40,5%) озвучила, что их будущая жена будет домохозяйкой: «Жену хотел хорошую, добрую, как моя мама. Она будет заниматься всем по дому. Она будет домохозяйка, будет дома сидеть со всеми, а я буду работать, как мой папа»; «Лучше, чтобы была домохозяйкой, как моя мама. Работать буду я»; «Жена будет умная, чтобы хорошо разбиралась в хозяйстве, с мягким характером, красивая. Не задумывался, чем она будет заниматься. На самом деле, это правильно, когда мужчина работает, а женщина с детьми. Если женщина работает, то дети без присмотра, дом пустой. Не хочу, чтобы она работала. Работать буду я». При этом всего лишь 4,7% девочек видят в роли «домашней хозяйки» будущего мужа: «У меня муж будет чуткий и заботливый, будет сидеть дома, а я работать, как в нашей семье»; «У мужа обязанности – следить за детьми, заниматься их воспитанием. Я буду ходить на работу, а вечером готовить ужин. Воспитанием детей я буду заниматься в выходные, а муж – в будни». Говоря о собственной занятости, все опрошенные мальчики сказали, что будут в будущем работать и лишь 21,4% девочек ответили, что видят себя в будущем только в роли домохозяйки: «Муж будет работать, а я буду дома сидеть с детьми»; «Я буду за всеми следить, заниматься хозяйством, готовить. Муж будет денег нам приносить, работать, а я буду в магазин ходить, все приносить. Если денег будет не хватать, я пойду работать». Подавляющее количество девочек, принявших участие в нашем исследовании, не желают отказываться в будущем от карьеры: «Я хочу работать в банке или стать знаменитой»; «Я буду работать. Я хочу работать»; «Буду работать. Не хотела бы только сидеть дома». Они готовы сочетать работу с домашними делами: «Нет, я буду работать. У меня тоже будут свои дела, но у меня будет больше дел по дому»; «Я буду и работать, и домохозяйкой»; «В семье будут работать оба. Когда будут дети, тогда, наверное, захочу быть первое время домохозяйкой». Практически половина опрошенных мальчиков (49,5%) предпочитают, чтобы их будущая жена все-таки

занималась своей карьерой: «Жена будет работать... Не хочу, чтобы она сидела дома»; «Я и жена будем и работать, и заниматься домашним хозяйством, как мои папа и мама»; «Она будет заниматься сначала детьми, а потом будет работать». Качественный анализ высказываний младших школьников относительно распределения домашних обязанностей между супругами в их будущей семье помог определить следующие подходы: 1) обязанности делятся между супругами на основе гендерной дифференциации. Дети, которые придерживались данного подхода, озвучили в своих ответах традиционные стереотипы относительно разновидностей домашнего труда: «домашние обязанности у меня – все по дому делать («стирать», «готовить», «убираться»). Муж будет: «мусор выносить»; «машину мыть»; «ездить за продуктами»; «таскать тяжелые сумки»; «покупать еду, одежду ребенку»; «все время все чинить»; «приносить деньги на еду», - говорили девочки. Среди опрошенных детей была выделена группа мальчиков, придерживающаяся разделению домашних обязанностей по гендерному признаку. Их ответы были следующие: «будем делить обязанности: я - выносить мусор, ковры чистить, телевизор протирать. Жена – мыть посуду, готовить»; «мои самостоятельные дела: покупать еду, готовить и еще что-нибудь делать, например, чинить - мужская работа. Посуду мыть не буду». 2) отсутствие разделения домашних обязанностей по гендерному признаку. Сюда мы отнесли представления детей, в соответствии с которыми будущая жена будет распределять домашние обязанности между членами семьи, а муж, в свою очередь, соответствовать ее ожиданиям и помогать ей: «Я бы хотел, пока я на работе, жена убирает, посуду моет, стирает. Я по дому буду помогать ей, гладить свою одежду, когда буду собираться на работу». В соответствии с детскими представлениями, муж будет помогать будущей жене убираться в доме и готовить еду, а также выполнять работу, для которой необходима физическая сила: «муж будет помогать жене принести что-нибудь, или помыть полы, почистить ковры»; «муж будет мне помогать, а я буду, как мама, убираться, готовить, стирать»; «буду помогать жене убираться, что-нибудь готовить. Ну и, конечно, ремонт буду делать». 3) равноправное распределение домашних обязанностей без гендерных различий. Типичные ответы девочек: «Домашние обязанности – мы будем убирать, мыть посуду вместе, готовить, есть вместе и, конечно, мы будем спать вместе. Все будем делать вместе. Я буду, конечно, работать»; «... я буду убираться, готовить, мыть посуду, следить за детьми, гулять с ними. Муж будет готовить, тоже следить за детьми, убираться. Домашние

обязанности будем делить поровну». Типичные ответы мальчиков: «Будем вместе убираться, готовить – иногда я, иногда жена. Воспитывать детей будет мама (жена) и я, но чаще я, так как жене придется, и работать, и мыть полы еще»; «Домашние обязанности будут поровну, только она стирать не будет. Я буду. Я и руками могу стирать. Я один раз до мозоли стирал». 4) освобождение мужчины от домашних обязанностей. Такой подход разделяет небольшая группа девочек и мальчиков: «Муж – у него не будет никаких домашних обязанностей. Будет иногда помогать. Если я где-нибудь буду, он будет заниматься ребенком. Домашние обязанности у меня – все. Муж будет только работать. По дому ничего делать не будет»; «Все домашние обязанности мои – стирать, мыть посуду, убираться, помогать детям с уроками, и во всем поддерживать мужа»; «Обязанность мужа всегда на меня полагаться, всегда по-доброму со мной обращаться»; «У жены также как у мамы – делать все по хозяйству, а я, наверное, как и папа, буду сидеть за компьютером»; «Я буду работать, сидеть на диване, смотреть телевизор (смеется). Если будет не лень, буду в выходные помогать»; «Все будет делать жена». Таким образом, наше исследование показало, что в распределении домашних обязанностей будущих супругов младшие школьники демонстрируют традиционные полоролевые представления, основанные на гендерных различиях. У некоторых детей было зафиксировано стремление к равноправному распределению обязанностей в будущей семье.

ЦЕННОСТНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ СОВРЕМЕННОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ.

Корж Н.В. (Пенза)

Изменения в нашей стране происходят на всех уровнях общественной жизни, не только определяя макропроцессы, но и меняя ценностные и нормативные установки в сознании и поведении отдельных людей. Проблемы современного общества все острее ставят перед любым человеком вопрос самоопределения, формирования своей активной жизненной позиции, а так же нравственного выбора. Трансформация ценностей привела людей к пересмотру ценностных приоритетов, в том числе и среди молодежи. Включаясь в социальную структуру общества, молодое поколение видоизменяется, совершенствуется. Общество воздействует на сознание молодежи через определенную структуру ценностей. В

процессе социализации молодой человек не только усваивает социальные нормы и культурные ценности, но формируется свои собственные ценности, интересы, потребности свое отношение к окружающей действительности. Проблема изменения жизненных ценностей в ситуации быстроменяющихся социально-экономических условий и влияния на этот процесс разных факторов является актуальной для решения вопросов связанных с личностным развитием молодых людей. Изучение ценностных ориентаций молодежи позволяет выявить степень ее адаптации к быстроменяющимся социальным условиям и ее инновационный потенциал. Именно поэтому интерес к доминирующим ценностям молодежи не иссякает. Очень важно изучить и понять какими ценностями руководствуется молодое поколение, какие установки у них преобладают. Однако наиболее интересной для анализа выступает студенческая молодежь, так как студенчество является характерной социальной группой, наиболее адекватно отражающей перемены, происходящие в обществе. В период ее обучения происходит наиболее интенсивное психологическое и социальное формирования личности. На этом фоне в студенческой среде происходит трансформация системы ценностных ориентаций. В период студенчества на личность большое влияние оказывает макросоциальная среда: она начинает осознаваться как источник ориентаций и регулятор выбора жизненных позиций. В результате этого, и ценностные ориентации, во-первых, во многом отражают принятые в обществе жизненные ориентиры, и, во-вторых, зависят от актуальной ситуации и меняются, иногда значительно. В то же время ценностные ориентации достаточно независимы и могут передаваться от поколения к поколению не только через агентов первичной социализации, но и через сетевую коммуникацию в различных социальных общностях. Исследование ценностного аспекта мнений, взглядов студентов показывает направление развития человеческого потенциала регионального социума и его перспективы. Исследование, проведенное среди студентов государственных и не государственных вузов г. Пензы, показало следующие ценностные приоритеты молодого поколения. Высшие ступени в иерархии ценностей у девушек занимают семья (81,8%), здоровье (71,9%) и материальное благополучие (64,5%). Мужская половина студенческой молодежи отдала предпочтение таким жизненным ценностям как здоровье (67,7%), семья (67,3%) и материальное благополучие (64,1%). Таким образом, результаты исследования свидетельствуют, что вершина ценностной иерархии

остается одинаковой и у юношей и у девушек. Различие в первостепенности такой ценности как здоровье у юношей, определяется, скорее всего, его инструментальной функцией, так как здоровье выступает в виде средства достижения поставленных целей. Несмотря на изменения института семьи, появления новых гендерных моделей, возникновения различных форм брачно-семейных отношений, семья традиционно остается привлекательной ценностью у студенческой молодежи. Меньшее признание получила такая ценность как «интересная работа» у юношей (37,3%) и у девушек (45,3%). Данные исследования показывают, что содержание работы у молодого поколения являются не столь важными, сколько то, что, благодаря ей, молодые люди могут достичь экономического достатка. Материальные блага становятся для молодого поколения одной из главных терминальных ценностей. Низшие ступени ценностной структуры занимают у юношей личная свобода (17,9%), общественное признание (8,8%), и законность (7,4%). У девушек личная свобода (12,8%), общественное признание (4,4%) и законность (4,4%). Интересным является тот факт, что ценность «законность» как потребность в установлении государством порядка в обществе, который должен обеспечивать безопасность граждан страны, находится на самом последнем месте. Таким образом, рыночная экономика ориентирует молодых людей на те ценности, которые являются наиболее подходящими для достижения успеха в современном обществе. Результаты проведенного исследования показали, что ценностная структура девушек и юношей выглядит приблизительно одинаково. Связанно это, прежде всего, с изменениями в обществе, появлением новых гендерных норм, правил поведения. В современном обществе все больше признается гендерное равенство. Создание домашнего уюта как традиционная система ценностей в жизни женщины отходит на второй план, уступая место профессиональной самореализации. В результате происходит переход от традиционных моделей, где мужчина был «главой и кормильцем» в семье к новым моделям, где присутствуют два кормильца или же где женщина является единственным «добытчиком» в семье.

РАЗВИТИЕ ЖЕНСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РЕФОРМИРУЕМОЙ РОССИИ

Кошарная Г.Б. (Пенза)

В общественном мнении бизнес традиционно считается мужским занятием. Развитие женского предпринимательства в реформируемой России для многих его участниц явилось вынужденным, и было связано с усилением социальной дискриминации женщин в сфере труда при переходе к рынку, маргинализацией работающих женщин, ростом безработицы. Они были вытеснены, в первую очередь, из сферы высококвалифицированного труда - управления, НИОКР, приборостроения, электроники. Даже в традиционно «женских» отраслях, где удельный вес женщин всегда был велик, таких, как финансы, связь, торговля, жилищно-коммунальное хозяйство, начался процесс замещения женщин мужчинами [1]. В результате они оказываются менее конкурентоспособными на рынке труда. В этих условиях уход в предпринимательство для многих из женщин становится условием выживания, а впоследствии и способом реализации себя как личности. Женское предпринимательство в России составляет по разным оценкам от 18 до 20% [2]. По данным ряда исследований, больше всего доля женщин-предпринимательниц в таких отраслях, как розничная торговля, культура, наука, образование. Она составляет около 39% в торговле и 56% в науке. Меньшей численностью женщин-предпринимательниц характеризуются такие отрасли, как промышленность (13%), сельское хозяйство, оптовая торговля, финансовая сфера (20%). Менее всего женщин-предпринимателей в строительстве и на транспорте [3]. Анализируя предпринимательство, не следует забывать, что предпринимательская функция - это функция экономического лидерства. Главная роль предпринимателя заключается в управлении и принятии стратегических решений. Долгое время женщина в России была отстранена от принятия ответственных решений на всех уровнях, способности ее оставались невостребованными, а суммарным эффектом этого явилась заниженная самооценка. Конечно, с таким наследием, да еще с предвзятым отношением в обществе к профессиональной карьере женщины, а тем более, к предпринимательству трудно решиться на самостоятельное дело, которое, к тому же, связано с немалым риском. Тем не менее, женщины все более и более отвоевывают позиции в бизнесе. Несмотря на то, что между предпринимателями - мужчинами и женщинами - существует немало общего, можно найти целый ряд различий в мотивации, методах ведения бизнеса, профессиональной ориентации, управленческих технологиях, вызванных гендерными различиями. Анализ личностных

характеристик мужчин и женщин, занятых в предпринимательстве, показывает, что во многом они сходны. Жесткая предпринимательская среда требует от ее субъектов энергичности, организаторских способностей, инициативности. Поэтому выживает лишь тот, кто обладает такими качествами, независимо от пола. Предприниматели, как мужчины, так и женщины отличаются целеустремленностью, независимостью, у тех и других преобладает деловая ориентация. [4]. Женское предпринимательство в России развивается противоречиво. Ряд исследователей считают, что в транзитивном обществе, в условиях системного кризиса экономики женское предпринимательство не может быть эффективным. Успеха в деле добиваются люди с сильным и даже агрессивным началом, поэтому российское предпринимательство, по мнению его исследователей, сохраняет традиционные маскулинные черты [5]. По результатам проведенного автором в 2011 г. экспертного опроса среди предпринимателей г. Пензы и Пензенской области, было выявлено, что 73% опрошенных считают, что женщины не уступают в предпринимательских способностях мужчинам, причем женщины оценивают свои способности в этой сфере почти в 2 раза выше, чем мужчины (67%), тогда как среди мужчин такого мнения придерживаются только 32%. Данные опроса свидетельствуют, что мужчины, оценивают у женщин выше выраженность таких качеств, как забота о коллективе (15.3% против 12.5% у женщин), умение предотвращать конфликты (21.2% против 18.8%), инициативность и настойчивость (15.2% против 14.1%), благотворительность (11.8% против 7.8%). В свою очередь женщины, более высоко, чем мужчины, оценивают у себя такие качества, как честность (12.5% против 7.0% по оценке мужчин), профессионализм (4.7% против 2.4%) и организаторские способности (10.9% против 7.1%). Таким образом, в целом по многим позициям о выраженности тех или иных качеств у женщин, занимающихся предпринимательством, мнение мужчин и женщин совпадает. Особое значение женщины-предприниматели отводят таким чертам, как честность, обязательность, ответственность. Вместе с тем не подтверждается распространенное мнение о том, что женщины в большей степени ориентированы на совершенствование человеческих отношений в коллективе и меньше уделяют внимания производственным моментам. Сущностной чертой предпринимателя является его способность к риску. Отсутствие способности рисковать, когда это необходимо, может не только ограничивать развитие дела, но и быть причиной значительных потерь, связанных как с финансами, так и с

конкурентоспособностью фирмы. В среднем мужчины более склонны к риску, чем женщины, т.к. женщины генетически более консервативны в связи с ответственностью за семью. Исследования показывают, что решения с большой степенью риска принимаются людьми с сильной потребностью в самоутверждении и более агрессивными. Разумеется, если женщина обладает такими качествами в более низкой степени, это будет сказываться на эффективности ее бизнеса. В нашем исследовании 82,5% предпринимателей были готовы пойти на риск, причем разброс между мужчинами и женщинами оказался незначительным и составил всего лишь 6%. Это еще раз подтверждает предположение о том, что эффективность предпринимательства зависит от того, насколько женщина отходит от своей гендерной модели поведения и овладевает необходимыми личностными качествами, традиционно считающимися мужскими. Таким образом, результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что женщины наряду с мужчинами обладают теми качествами и способностями, необходимыми для ведения успешной предпринимательской деятельности. Женщины также склонны к риску при принятии решений в нестандартных ситуациях, обладают высокой мотивацией к независимости, достижению успеха. Практика свидетельствует, что происходит сближение мужских и женских технологий управления бизнесом за счет изменения женщинами своих гендерных ролей. Женщины-предприниматели добиваются успеха, лишь усваивая мужские модели поведения, хотя и смягчая их в некоторой степени патернализмом. Основной причиной низкой толерантности по отношению к женщине-предпринимателю в современной России, на наш взгляд, является прежде всего менталитет российского общества. Традиционно бизнес в России считается преимущественно мужским делом и то, что женщины пытаются завоевать определенные позиции в бизнесе, воспринимается как противоречие сложившимся традициям. Для того чтобы изменить веками складывавшееся представление о роли женщины в обществе, о ее предназначении, необходимо длительное время. Прежде всего, начать следует с воспитания гендерной толерантности не только в семье, но и в образовательных учреждениях. Такое положение еще больше затрудняет принятие женщинами решения заняться предпринимательской деятельностью. Здесь необходима помощь со стороны правительственных органов, заинтересованных в развитии малого и среднего бизнеса. Требуется создание специального отдела по женскому бизнесу, для тех, кто решил начать собственное дело.

Для развития «женских» фирм, специалисты данного отдела будут привлекать банки, которые на льготных условиях предоставят кредиты для женщин. Следует привлекать внимание различных женских организаций. Все это должно быть направлено на то, чтобы помочь женщинам занять прочные позиции в выбранной сфере, повысить квалификацию, оказать помощь в организации собственного дела.

Литература

1. Ржаницына Л. Работающие женщины в России в конце 90-х. // Вопросы экономики. - 2000. - № 3.
2. Чирикова А.Е. Деловая женщина в экстремальных ситуациях // Социологические исследования. - 2008. - №9-10.
3. Барсукова С. Ю. Женское предпринимательство: специфика и перспективы // Социологические исследования. - 2007. - № 8.
4. Кричевская О.Н. Женский менеджмент в современном российском бизнесе: мифы и реалии // Российское предпринимательство: стратегия, власть, менеджмент. - 2008. - № 2.
5. Бунин И. Новые российские предприниматели / В кн.: Бизнесмены России. 40 историй успеха. - М, 2005.

ГЕНДЕРНЫЕ ОТНОШЕНИЕ В СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТАХ И ПРОЦЕССАХ: ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Кравцова А.Н. (Иркутск)

В последнее время все чаще мы слышим такое, для нас все еще относительно новое словосочетание, как «гендерные исследования». Данное течение исследований появилось в связи с изменением различных социальных процессов, которые повлекли за собой дальнейшие изменения в социальной структуре общества, а также изменение отношения людей к этим процессам и их роли в этих процессах. Так с появлением, например, новых профессий начинают появляться новые вакансии, которые задействуют как мужчин, так и женщин; последние начинают приобретать больше значимых ролей, чем раньше (привычные: дом, семья и т.п.). Следовательно, уклад всей жизни (отношения, семья и т.д.) также начинает меняться, что требует новых исследований в этой области. Развитие гендерных исследований и «гендерного дискурса» началось в России на рубеже 1980-х — 1990-х годов. Гендерные исследования

существуют в отечественной науке два десятилетия. Формальной датой их рождения можно считать апрель 1989 года, когда в очередном номере журнала «Коммунист» – главного идеологического органа СССР – появилась статья «Как мы решаем женский вопрос» Натальи Римашевской, Натальи Захаровой и Анастасии Посадской. «Мы исходим из того, что так называемое естественное разделение труда между мужчиной и женщиной имеет социальную природу», – заявляли авторы и ставили вопрос о новой научной дисциплине, содержанием которой явилось бы изучение социального неравенства, обусловленного полом. Хотя слово «гендер» в статье не упоминалось, в ней шла речь о патриархатных стереотипах, закрепляющих естественность, а, следовательно, неизбежность такого неравенства, и был обозначен современный подход к отношениям пола как социальным отношениям или, говоря иначе, гендерный подход. «Женский вопрос» не только формулировался как социальный вызов, но из статьи вполне определенно вычитывался призыв к его публичному обсуждению: адресатом послания исследователей было «большое» общество, а не только профессиональное сообщество. Это было, по сути дела, актом публичной социологии, хотя название жанра пришло к нам позже [1]. Из вышеописанной «истории» российских гендерных исследований мы уже видим наличие гендерной социологии, т.е. ту отрасль социологии, которая изучает закономерности дифференциации мужских и женских социальных ролей. Здесь мы видим зарождающийся женский протест относительно тех ролей и статусов, которыми обладает женщина. В связи с изменениями в сознании женщин восприятия ими их ролей в обществе появляются и изменения в воспроизводстве населения. Раньше главными задачами женщин были: поддержание уюта в доме, рождение и воспитание детей и т.п. Но со временем такое восприятие женских «обязанностей» трансформировалось и вот мы уже видим, что женская половина общества напрямую заявляет о своих претензиях на другие виды деятельности. В этих претензиях, главным образом, звучит тезис: «женщина не должна заниматься только семьей, а обязана наравне с мужчиной добиваться личностных успехов в жизни, таких как - профессиональный рост, развитие своей личности и т.п.». Следовательно, чем больше будет таких настроений в женских кругах, тем сильнее будут изменяться демографические процессы, в которых женщина играет, на наш взгляд, определяющую роль. Раньше на изменения в воспроизводстве населения главным образом влияли проблемы не связанные напрямую с желанием

человека родить потомство (войны, когда мужчины умирали, и порой просто не было от кого рожать, особенно в деревнях; эпидемии, в силу своего не знания люди не могли месяцами, годами справиться с какой-то «напастью» и не могли воспроизвести и сохранить новое поколение и т.д.), люди вынуждены были в силу экономических, политических и других причин оставаться без него. На данный момент времени все большее влияние на процессы воспроизводства населения оказывает настроение общества. Люди сами решают продолжить свой род сейчас или потом, когда в жизни все наладится (чаще всего определяющим критерием здесь становится устройство на престижную, высокооплачиваемую работу, а как следствие материальное благополучие). В большинстве случаев молодые пары решают повременить с рождением ребенка. Данная тенденция, на наш взгляд, является зачастую результатом гендерных изменений, происходящих в нашем обществе. Если раньше девушки выходили в раннем возрасте замуж и сразу рожали, то сейчас многие считают, что для начала необходимо получить образование (порой не одно), добиться определенных профессиональных успехов и т.п., а потом уже обзаводиться потомством. Так, например, в одном из исследований, проведенным Фондом общественного мнения в 2012 году, респондентам был предложен вопрос: Если бы у вас в семье была дочь-подросток, то с чем, прежде всего, вы связывали бы её будущее: с удачным замужеством или с хорошей работой? 45,8% связали бы будущее дочери с хорошей работой, 37,3% ассоциируют будущее дочери с удачным замужеством, остальные затруднились с ответом [2]. Данная ситуация усугубляется ещё и тем, что порой женщине просто «приказывают» на работе не рожать определенное количество лет, пока не будет выработан назначенный стаж на этом предприятии. Однако, даже тот факт, что это является конституционным ущемлением прав человека (женщины) не останавливает работодателя ставить такие ограничения своим сотрудницам. Итак, после несложных расчетов современного ритма жизни женщины мы приходим к выводу, что ей нужно сначала получить высшее образование - до 23 лет, проработать минимум 5 лет в организации – это ещё до 28 лет. Данный период не только она должна страдать от того, что не может себе позволить родить, но и её мужчина. Здесь следует заметить, что данные изменения в сознании есть, главным образом, у женщины, но не у мужчины. Ему наоборот хочется продолжить свой род, возможно, часто именно из-за этого происходит непонимание в молодых семьях и дальнейший развод или вообще невозможность женщине выйти замуж, т.к. её

останавливает карьера. Уже сейчас, по многочисленным социологическим исследованиям, в том числе мониторинговым, мы видим, что большинство разводов приходится на те пары, которые состоят в браке не более пяти лет. Здесь возникает ещё одна проблема – биологические рамки, из-за которых женщина может родить не в любом возрасте. Так первого ребёнка рекомендуют рожать до 25-27 лет. При этом учитывается естественная способность женского организма к зачатию, вынашиванию плода и рождению ребёнка. Кроме того, такой возраст характеризуется достаточной социальной и психологической зрелостью. Т.е. важно, чтобы женщина родила до 27, а по всему вышеизложенному она может родить первого ребенка только после 28. Конечно, в последнее время встречаются случаи, когда женщина благополучно рождает первенца после 35 и 40 лет, но не стоит забывать, что это только исключения из правил. На наш взгляд, для полноценной жизни ребенка необходимо, чтобы он был рожден в молодой семье, это важно как для ребенка, так и для его родителей, в особенности важно для мамы. Ещё одной интересной особенностью происходящей в нашем государстве является то, что государственная семейная политика направлена на поддержание только вторых, третьих и т.д. рождений. Но, как мы видим, современная женщина не готова рожать первого ребенка до 28, а о последующих рождениях, возможно, вообще не задумывается. И поэтому получается, что мера государства относится только к тем, кто «решился» на рождение ребенка в более раннем возрасте и не хочет останавливаться на одном. Наблюдая сегодняшние тенденции можно предположить, что такая мера как «Материнский капитал» (по случаю вторых и последующих рождений) не будет веским аргументом в пользу выбора зачатия и рождения ребенка. На наш взгляд, государство должно создать такие условия, в которых поддерживались бы именно первые рождения, когда у молодых семей ни чего нет, а не последующие когда семья уже «крепко стоит на ногах». Хотя, безусловно, на каждое рождение нового гражданина страны должна быть реакция государства (помощь/поддержка). Гендерные изменения (которые во многом происходят из-за присутствия в обществе западных стереотипов), происходящие в различных социальных институтах и процессах, не лучшим образом сказываются на демографической ситуации государства. Определяющую роль в сегодняшней демографической ситуации должна сыграть, на наш взгляд, позиция государства на поддержку молодых семей, молодых родителей. Женщина должна видеть эту позицию государства и чувствовать себя и своего ребенка

защищенными в правовом плане, экономическом и пр. Важным фактором, влияющим на увеличение рождений, также является пропаганда того, что женщина должна сначала родить, а потом заниматься карьерой. Это говорит о том, что общество должно избавляться от западных стереотипов и вспомнить, что в России женщина все-таки хранительница домашнего очага, а не «Business woman» как в западных странах.

Литература

1. Здравомыслова, О. Гендерные исследования как опыт публичной социологии в России / Ольга Здравомыслова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.perspektivy.info/rus/nashe/gendernyje_issledovaniya_kak_opyt_publichnoj_sociologii_v_rossii_2011-04-25.htm. - Загл. с экрана.

2. Фонд «Общественное мнение»- репрезентативный опрос населения старше 18 лет. «Женщина – тоже человек»: представления россиян о феминизме / Респонденты - жители 100 городских и сельских населенных пунктов из 43 субъектов РФ. В опросе участвовали 1500 человек. Вопросы задавались в ходе интервью по месту жительства респондентов. - 2 сентября 2012 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fom.ru/obshchestvo/10611>. - Загл. с экрана.

МУЖЧИНЫ КАК ОБЪЕКТ СОЦИАЛЬНОЙ АГРЕССИИ

Кучумова Е.А. (Санкт-Петербург)

Мировой экономический кризис повлек за собой существенные изменения в институте семьи – в отношениях между супругами, детьми, родственных связях, между поколениями. В обществе явно прослеживаются проявления гендерного, семейного конфликта. Вместе с тем усиливаются тенденции к сокращению брачности, увеличению количества разводов, неполных семей и других негативных социально-демографических последствий. Сегодня на фоне общей волны насилия, захлестнувшей общество, насилие в семье, практически не становится предметом обсуждения. Причин для этого много и одна из них – стыд и стремление скрыть факты насилия, «не выносить сор из избы». К сожалению, сейчас в России преобладает равнодушие общества к проявлению насилия в семье, отсутствует понимание и осознание этой проблемы у большей части населения. Если раньше жертвами домашнего насилия

становились исключительно женщины, то в настоящее время мужчины также подвергаются домашнему насилию. С каждым днем количество покалеченных морально и физически мужчин растет, и возможно через несколько лет проблема насилия над мужчинами приобретет такой же масштаб, как и проблема домашнего насилия над женщинами. Объяснений к данному явлению существует множество: в связи с ритмом повседневной жизни женщины эмансипировали, а следовательно считают, что они обладают равными правами с мужчинами, в том числе и применение домашнего насилия. Тема насилия в семье над мужчиной является тайной за семью печатями для общества, потому что насилие над мужчиной само по себе недопустимо в разумах всего человечества. Мужчина – сильный, рассудительный, добытчик, - именно этим качествам противоречит всеобщее мнение о мужчине, который стал жертвой женщины. Женщина же иногда руководствуется своими личными причинами, начиная от ревности и заканчивая финансовыми претензиями, подкрепление которых, нередко сводится к рукоприкладству в отношении своего мужа. Естественно, что мужчины, оказавшиеся в кризисной ситуации, максимально стараются прикрыть последствия домашнего насилия над собой порой нелепыми объяснениями. Именно этот факт «молчания» мужчин порождает мнение, что в мире не существует такого явления, как насилие над мужчинами в семье [2]. Благодаря исследованиям, проведенным сравнительно недавно, общество приобретает необходимые знания о домашнем насилии над мужчинами, которые помогут модифицировать службы для мужчин, находящихся в кризисной ситуации, а также привлечь внимание государства к этой проблеме. В мире существует минимальное количество служб, готовых помочь мужчинам справиться с тяжелой жизненной ситуацией. Существует множество женских центров – но нет мужских. Автономная некоммерческая организация (АНКО) «Мужчины 21 века» была впервые создана в Санкт-Петербурге 15 декабря 2007 г. с целью оказания психологической (психотерапевтической) помощи мужчинам, склонным к насилию, повышения информированности населения об этом пагубном социальном феномене, а также работы с мужчинами, пережившими домашнее насилие. Данная организация тесно сотрудничает как с рядом городских кризисных центров для женщин, так и зарубежными партнерами (Швеция, Норвегия, Литва, Белоруссия), развивая опыт деятельности международного сотрудничества «Мужская контактная сеть» в Российской Федерации. Основные социальные услуги,

предлагаемые АНКО – это индивидуальные психологические консультации совместно жертвы и насильника (обидчика), то есть это семейное консультирование и психотерапия. В нашей стране в последней трети двадцатого века технологии и содержание социальной работы были обогащены практикой создания мужских кризисных центров. В этом отразился стратегический поворот в социологии гендерных исследований, где мужчины стали рассматриваться не только как субъект социальной агрессии, но и её объекты, жертвы, нуждающиеся в социальной помощи и поддержке [1]. По результатам нашего исследования установлено, что в социально-демографическом составе мужчин, ставших жертвой насилия в семье, преобладают: возрастные группы от 20 до 35 и от 40 до 55 лет, особенно 35-40 лет; по семейному статусу до 60% женаты; по трудовому статусу – это безработные или занимающиеся неквалифицированным (физическим) трудом с низкой зарплатой; социальному положению: рабочие (52%), безработные (28%), служащие (14%), прочие – (6%); имеющие психологические особенности – неуверенные в себе, слепо ценящие институт семьи, какие бы трудности и страдания он не приносил; терпимо относящиеся к насилию, пока он не доходит до физической расправы с отягчающими последствиями для здоровья; не воспринимающие угрозы или другую форму психологического насилия в свой адрес как акт насильственных действий над собой, хотя, по мнению экспертов, мужчины тяжелее всего реагируют на данный вид насилия. Согласно опросу респондентов до 70% из них, считают проблему домашнего насилия над мужчинами серьезным негативным явлением. Им было предложено указать, какие действия в отношении мужчин являются насильственными. Среди вариантов ответов преобладали: физическое (86 из 100), эмоциональное (50,3), экономическое насилие (отказ в деньгах на приобретение нужных вещей) признавалось лишь частично (28,1). По мнению опрошенных мужчин, последствия насилия могут быть такие как ухудшение здоровья (96 из 100), психологическая травма (70), развитие комплекса неполноценности, начало употребления алкоголя, наркотиков (по 60), уход из дома или развод с женой (46), суицид (42), у него «испортиться» характер (31). То есть практически все респонденты уверены, что в результате насилия над мужчиной у него произойдут изменения в состоянии его физического или психического здоровья в худшую сторону, а также он будет вынужден покинуть свой дом или развестись с женой, так как такое отношение нетерпимо. Кроме того, респонденты предположили, что

мужчина, подвергшийся домашнему насилию, замкнется в себе (отгородится от окружающих) или наоборот, будет стараться компенсировать свое состояние путем унижения окружающих его людей, не исключен вариант, что всю обиду он будет вымещать на своем ребенке. Мужчинам – респондентам было предложено ответить на вопрос: «Какие учреждения для мужчин – жертв насилия семье, нужны в Санкт-Петербурге?». Большая часть из них (до 66%) считает, что необходимы специальные приюты и убежища и только около 7% указали, что не нуждаются ни в каких учреждениях и помощи. Респонденты также отметили, что им нужна консультативная помощь (психологов, юристов, медиков) – 63%, телефоны доверия – 43%, кризисные центры – 40%. По мнению опрошенных экспертов – специалистов организации «Мужчины 21века» фактором риска возникновения насилия у взрослого семейного мужчины является негативные отношения к нему в детстве. Специалисты единогласно высказались, что насилие над мужчиной со стороны его супруги или сожительницы тормозит его карьерный рост, вплоть до возможности потери им работы. Для предотвращения семейного насилия требуется кропотливая просветительская работа среди населения для повышения общего уровня психологической культуры, формирования социальных установок неприемлемости насильственных форм поведения.

Литература

1. Алексеева Л.С.; Кошелева А.Д.; Соколова Е.Т.; Шапиро Б.Ю. Насилие в семье: с чего начинается семейное неблагополучие. - М., 2000.
2. Бойченко Л. Д. Гендерное насилие: причины и следствия. /Л. Д. Бойченко. – Петрозаводск, 2005.

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Леонова О.В. (Астрахань)

Изучение процесса гендерной стереотипизации сознания современной российской молодежи, на наш взгляд, позволяет не только проанализировать механизмы воспроизводства традиционных гендерных стереотипов в современной российской культуре, но и дает возможность прогнозировать будущее развитие российского общества. В марте-апреле 2012 г. автором было проведено анкетирование среди учащихся Астраханского государственного

университета с целью изучения особенностей гендерных стереотипов студенчества. Объем выборочной совокупности составил 180 человек, из них – 60% девушки и 40% юноши. Сначала студентам был задан вопрос о значении понятия «гендер». Больше половины опрошенных отметили, что «гендер» – это социально биологическая характеристика, с помощью которой люди дают определение понятиям «мужчина» и «женщина»; 30,5% студентов считают, что это специфический набор культурных характеристик которые определяют социальное поведение женщин и мужчин, их взаимоотношения между собой и только для 14,6% респондентов – это социальная модель женщин и мужчин, определяющая их положение и роль в обществе и его институтах (семье, политической структуре, экономике, культуре, образовании и др.). Иначе говоря, большинство респондентов имеют поверхностное понимание данного понятия и не рассматривают его как существенно емкое определение. Что касается наличия гендерных стереотипов в общественном сознании, то результаты исследования показали, что для 57,3% опрошенных гендерные стереотипы совсем не выдумка, а имеют место быть; 19% студентов ответили, что их не существует и это все выдумки и 23,7% молодежи затруднились ответить на данный вопрос. Если все же для большинства респондентов имеют место в наше время существовать гендерные стереотипы и это совсем не выдумка, то кто или что оказало влияние на их формирование? Значительную роль на их формирование оказывают родители (63,8%), друзья (21,9%), СМИ (9,3%), собственный опыт (5%). Социальные роли издавна имели четкие границы и понимание. Мужчина – добытчик в семье, женщина – хранительница очага. Вследствие феминизации общества, произошло перераспределение прав и обязанностей, в итоге, роли стали взаимопроникать: некоторые женщины вольно или невольно стали финансово обеспечивать семью, иные мужчины начали выполнять роль группы дополнительной материальной поддержки или же полностью взяли на себя быт. В связи с этим респондентам был задан вопрос: «Справедливо ли закрепление за мужчиной роли «добытчика», а за женщиной роли «хранительницы очага» в современных условиях?». Результаты исследования показали, что 37,9% студентов считают это справедливым, так как это закреплено исторически и передается из поколения в поколение путем воспитания. Однако больше половины молодых людей (51,3%) отметили такую ситуацию несправедливой, а 10,8 % респондентов затруднились ответить. Таким образом, мы фиксируем с незначительным перевесом изменения традиционных

ролевых стереотипов в молодежной среде. Какими, качествами должны обладать «настоящие женщины» и «настоящие мужчины»? Мнения студентов распределились следующим образом: «настоящий мужчина» должен быть великодушным – 45,6%; иметь чувство собственного достоинства – 15,6%; быть сильным – 13,7%; храбрым, надежным, щедрым – 9,8%; ответственным – 6,8%; самостоятельным – 5,6%; иметь хорошее чувство юмора – 2,9%. «Настоящей женщине» должны сопутствовать такие качества как мудрость – 23,4%; любовь, доброта, радость – 18,9%; быть хранительницей очага – 13,9%; иметь чувство собственного достоинства – 13,5%; быть нежной, красивой и обаятельной – 12,3%; сексуальной – 8,3%; заботливой – 6,1%; искренней – 3,6%. Что касается проблем гендерного неравенства в повседневной жизни, то с ними приходилось встречаться 51,3% студентам. Прежде всего это касается сферы профессиональной деятельности. На вопрос «Как Вы считаете, существует ли проблема гендерного неравенства на рынке труда в нашей стране?» большинство опрошенных (87,9%) ответили «конечно, существует. Молодежь связывает такое положение с тем, что в современных условиях на рынке труда сохраняется разделение профессий на мужские и женские. Типично женскими профессиями молодые считают «учитель», «воспитатель», «повар», «кассир». Интересно, что 5% опрошенных отметили и такой вид чисто женской профессии как домохозяйка, который имеет место быть в современном обществе. Среди «чисто» мужских профессий доминируют «водитель», «шахтер», «спасатель». Среди профессий, предназначенных исключительно для представителей сильного пола, были названы «руководитель компании», «летчик-испытатель», сапожник. Большинство молодых людей (51,3%) не согласны с утверждением, что при найме на работу пол кандидата имеет значение. При этом каждый третий отметил, что стремление к профессиональному успеху свойственно больше мужчинам. На вопрос «Если бы Вам предстояло сократить несколько работников одинаковой специальности и уровня профессионализма, кого бы Вы скорее уволили, мужчину или женщину?» ответы распределились следующим образом: 30,5% респондентов уволили бы женщину большей частью из-за семейных проблем. Каждый четвертый респондент уволил бы мужчину так как «с женщиной приятнее работать»; «они лучше работают и более ответственные», а каждый пятый затруднился дать ответ на этот вопрос. Результаты исследования по проблеме гендерной стереотипизации сознания современной студенческой молодежи свидетельствуют о том, что

наиболее значимым фактором, определяющим гендерные установки молодежи, как показывает исследование, является пол. Таким образом, студенческая молодежь, как наиболее образованная, динамичная, прогрессивная часть современного социума, способна не только трансформировать патриархальные гендерные стереотипы, препятствующие политическому и социально-экономическому реформированию современной России, но и создавать новые модели поведения, отношений, способствующие дальнейшей модернизации нашего общества, становлению его подлинно демократических институтов. Гипотеза исследования о том, что существуют различия в гендерных стереотипах между юношами и девушками в студенчестве полностью не подтвердилась, потому как стереотипы, приписываемые гендерам данной выборкой, совпадают с общим представлением о гендерных стереотипах. Небольшие различия в соотношениях между полами, такие как приписывание «мужских» качеств идеальной женщине и наоборот, наталкивает на мысль о том, что в нашем обществе, в нынешних условиях, появляется тенденция изменения представлений о качественных характеристиках мужчин и женщин. Но это вовсе не означает, что гендерные стереотипы способны кардинально измениться, поскольку основы «женских» и «мужских» качеств остаются незыблемыми.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТА СЕМЬИ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ НОВЫХ РЕПРОДУКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Ломоносова М.В. (Санкт-Петербург)

1. Новые репродуктивные технологии - история развития. 2. Особенности трансформации института семьи в современном российском обществе. 3. Юридические, социальные и этические аспекты вспомогательных репродуктивных технологий. 4. Проблемы социологического анализа новых репродуктивных технологий.

ОСОБЕННОСТИ ГЕНДЕРНОГО РАВНОПРАВИА В САНКТ- ПЕТЕРБУРГЕ И ШВЕЦИИ.

Лошакова Ю.П. (Санкт-Петербург)

Санкт-Петербург - культурная столица России - плодотворно сотрудничает со Скандинавией и в частности со Швецией, успехи которой в области продвижения гендерного равенства оценены во

всем мире. Санкт-Петербург находится на пути формирования условий для создания гендерного равенства. Так, была принята «Концепция развития гендерного равенства в Санкт-Петербурге на период до 2015 года». Она основывается не только на Конституции РФ, провозгласившей равенство женщин и мужчин, но и на ратифицированных РФ международных соглашениях, заложивших основы гендерной политики, таких как Конвенция ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, Всеобщая декларация прав человека, платформы «Пекин + 5» и «Пекин +10», а также Пекинская платформа действий. В соответствии с законодательством РФ мужчинам предоставляется такое же право на отпуск по уходу за ребенком, как и женщинам, кроме того уголовно наказуема дискриминация в трудовой сфере. Но данные правовые инструменты на практике практически не применяются. [Сагитова, 2008] Несмотря на растущее число людей, осознающих значимость гендерного равноправия в жизни общества и отдельной личности, еще не созрело достаточного количества предпосылок для реализации в Санкт-Петербурге политики гендерного равенства. Женщины в целом отстранены от руководящих должностей, а если они и занимают высокий пост, то чаще всего в непроизводственных сферах — культуре, социальном обеспечении, образовании и здравоохранении. Экономика и оборонная промышленность по-прежнему считаются традиционно мужскими. Женщины в основном работают на малопrestижных должностях, и часто лишены возможности участвовать в принятии важных для организации или общества решений. Такое гендерное распределение в трудовой сфере приводит к существенной разнице в заработной плате женщин и мужчин. Даже работая на равнозначных должностях и имея равные квалификации, женщины получают в среднем 60-70% мужской заработной платы [Каримова, 2009]. Вышесказанное свидетельствует, что в настоящее время в Санкт-Петербурге гендерное неравенство проявляется во всех сферах деятельности мужчин и женщин. Сознание большинства горожан настолько подавлено традиционными стереотипами восприятия полоролевых возможностей мужчин и женщин, что люди даже не осознают проявляемой по отношению к ним дискриминации и не пытаются с ней бороться. Совершенно иное положение дел складывается в Швеции, где население всей страны лишь примерно вдвое превышает населения города Санкт-Петербурга и составляет около 9,5 млн. чел. Швеция входит в пятерку стран с наиболее высоким уровнем гендерного равноправия [Степанова, 2004]. Хоть

Швеция еще далека от достижения полного гендерного равенства, ее опыт в реализации политики гендерного равноправия вызывает одобрение мировой общественности. Гендерная политика Швеции, основанная на принципе равных возможностей и прав для всех (а не только для женщин), соответствует приоритетам Европейского Союза и мира в целом в данной области. Главным стержнем достижения гендерного равноправия женщин и мужчин в Швеции является законодательная база, а также национальный механизм обеспечения равенства. Швеция, как и Россия, ратифицировала международные соглашения, нацеленные на искоренение дискриминации, такие как Всеобщая декларация прав человека, Пекинская декларация, Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин и другие. Но в отличие от российского законодательства, шведское законодательство о запрете дискриминации намного более содержательно и конкретно. В Швеции действуют пять законов, посвященных гендерному равноправию: - Закон о запрете дискриминации; - Закон о равноправии мужчин и женщин; - Закон об отпуске по уходу за ребенком; - Закон о запрете дискриминации и другого оскорбительного обращения с детьми и учащимися; - Закон о равном отношении к студентам ВУЗов. В Швеции существуют следующие органы и должностные лица, отвечающие за гендерное равноправие: Министр по вопросам интеграции и равноправия полов, Отдел по вопросам равноправия полов, Специальный эксперт по вопросам равноправия полов, Комитет по вопросам равноправия полов, Омбудсмен по дискриминации. В правительстве Швеции полное равенство полов еще не достигнуто, но представительство женщин там принципиально больше, чем в Санкт-Петербурге. В Шведском Парламенте мужчины занимают около 55%, а женщины соответственно – 45% [Степанова, 2004]. Такое количество женщин позволяет им не только продвигать гендерное равенство, но и влиять на принятие множества важных решений. Проблема неравной заработной платы для женщин и мужчин стоит на повестке дня шведского правительства. В настоящее время женщины в Швеции получают около 80-90% заработной платы мужчин [Степанова, 2004], что значительно превосходит аналогичный показатель по Санкт-Петербургу. В условиях гендерного равноправия и женщины, и мужчины в равной степени отдают свои навыки и умения на благо общества. Формирование и осознание общих ценностей привели Швецию к тем результатам, к которым следует стремиться и Санкт-Петербургу. Проводимая в Швеции гендерная политика - один из

основополагающих факторов, обеспечивающих столь высокий уровень жизни. Швеция достигла впечатляющих результатов в области гендерной политики благодаря не только законодательству в сфере гендерного равенства, но и осознанию обществом насущных гендерных проблем. Швеция одной из первых основала соответствующие государственные органы и стала осуществлять программы по достижению гендерного равенства. Чтобы достичь более высокого уровня гендерного равноправия в Санкт-Петербурге, следует принять определенные меры, аналогичные принятым в Швеции.

Литература

1. Каримова Н.И. Гендерное равенство без границ. Сравнение опыта Санкт-Петербурга и Северных стран, СПб.: СПб ОО «Петербургская ЭГИДА», 2009.
2. Сагитова. М. План действий по сотрудничеству в социальной сфере Правительства Санкт-Петербурга и Совета Министров Северных стран (доклад на конференции). СПб, 2008
3. Степанова М.М., Кириченко М.М., Кочкина Е.В Гендерная реконструкция политических систем. Политика гендерного равенства в скандинавских странах. - СПб: ИСПГ, Алетеия, 2004. – 992с.

ВЗГЛЯД НА ЗДОРОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ СО СТОРОНЫ МУЖЧИН: СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА И ПЕРМИ

Лукьянова О.С. (Санкт-Петербург)

В современных средствах массовой информации тема здоровья и здорового образа жизни занимает далеко не последнее место. На телевидении стали популярны медицинские программы, журналы и газеты рассказывают про различные комплексы упражнений и новейшие диеты. Интерес к человеку и его качеству жизни, обуславливают актуальность проблемы здоровья и здорового образа жизни как на уровне государственных институтов, так и в жизненных стратегиях людей. В связи с этим здоровье приобретает приоритетное значение в жизни людей. Здоровье, согласно Уставу ВОЗ (Всемирной Организации Здоровья) является состоянием полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствием болезней и физических дефектов. С этой точки зрения, понимание здоровья предполагает как систематическое

исследование разнообразных факторов (медико-биологических, психосоциальных, структурных, культурно-исторических), влияющих на человека, так и выработку под влиянием этих факторов систематических многоуровневых действий, совершаемых самим человеком и направленных на сохранение и улучшение здоровья в его физическом, социальном и духовном контекстах [1]. Таким образом, под здоровым образом жизни мы будем понимать систему действий, направленных на профилактику болезней и укрепление здоровья. В качестве основных можно выделить следующие составляющие здорового образа жизни: отказ от курения, употребления алкоголя и наркотиков; здоровое питание, соответствующее физиологическим особенностям конкретного человека; физическая активность, которая может включать или специальные физические упражнения (занятия спортом, фитнес), или любительские (зарядка, прогулки, катание на велосипеде и т. д.); безопасная и благоприятная окружающая среда, экологическая обстановка; нормальное психоэмоциональное состояние; регулярные медицинские обследования. Следует отметить, что эти действия должны выполняться на протяжении длительного периода времени, то есть диета должна быть постоянной, отказ от курения и алкоголя — полный, а физические упражнения — регулярными. Но насколько данное выше определение соответствует действительности? И какие особенности присущи здоровому образу жизни мужчин? Чтобы ответить на эти вопросы, мы опросили мужчин (n=104), проживающих в двух городах: Санкт-Петербург (n=42) и Пермь (n=62). Такая локализация была обусловлена нашей гипотезой о том, что в большом мегаполисе люди более ориентированы на сохранение и улучшение здоровья (в силу определённой системы ценностей), чем в небольшом городе центральной России. Опросник состоял из блока открытых вопросов, связанных с определением понятия «здоровый образ жизни», и социально-демографического блока. Сразу необходимо отметить, что в исследовании приняли участие в основном молодые люди в возрасте от 18 до 34 лет, что, конечно же, повлияло на результаты. Как оказалось, мужчины оценивают состояние своего здоровья достаточно оптимистично: большинство чувствуют себя удовлетворительно (Спб — 38%, Пермь — 37%) или хорошо (Спб — 45%, Пермь — 50%). При этом количество респондентов, ведущих по их собственному мнению здоровый образ жизни (Спб — 47,6%, Пермь — 62,9%), и тех, кто от него отказался, примерно равно. Следовательно, удовлетворительное или плохое состояние здоровья нельзя назвать основной причиной, по которой

мужчины начинают вести здоровый образ жизни. В качестве основных составляющих ЗОЖ респонденты выделили: здоровое питание, занятия спортом, отказ от вредных привычек, активный образ жизни, правильный режим дня и особое эмоциональное состояние. Такие компоненты как медицинские обследования, здоровая экология и уважительное отношение к телу упоминались крайне редко. Интересно так же отметить, что несколько респондентов (9,6%) по Перми в качестве обязательной составляющей здорового образа жизни выделили секс. Среди петербуржцев данного варианта ответа озвучено не было. Самым важным в ведении здорового образа жизни мужчины считают занятия спортом (Спб, Пермь — 66%), понимая под этим как занятия в тренажёрном зале и занятия фитнесом, так и выполняемые дома, самостоятельные упражнения (отжимания, зарядка и т. д.). При этом респонденты часто указывали, что эти занятия должны носить регулярный и систематический характер. В погоне за современными стандартами красоты мужчины, как и женщины, хотят иметь подтянутое тело и хорошую фигуру, поэтому неудивительно, что спорт занимает центральное место в их понимании здорового образа жизни. Другим обязательным компонентом ЗОЖ по мнению мужчин является здоровое питание (Спб — 50%, Пермь — 58%). Для респондентов важно, чтобы питание было «здоровым», «правильным», «умеренным», «сбалансированным», однако понимание этих характеристик нуждается в уточнении. Всего несколько ответов содержали в себе пояснения: «отказ от жирного, мучного, от быстрых углеводов, желательно и от жареного, не переедать, пить 2-3 литра воды в день, никаких пакетированных соков и газированной воды», «здоровая пища а не макдоналдсы», «ещё лучше — вегетарианство», «ограничиваю потребление не здоровых продуктов (жирной, острой, пережаренной пищи, сладкого)». Таким образом, мужчины считают необходимым правильно питаться, однако затрудняются объяснить, что под этим подразумевается. Следующая большая категория ответов — отказ от вредных привычек (Спб — 54,7%, Пермь — 56,4%). Это понятие для респондентов довольно неоднозначно: большинство мужчин указали необходимость отказа от курения, меньше — отказ от алкоголя, и всего несколько человек упомянули отказ от наркотиков. В отношении отказа от курения респонденты оказались солидарны, указывая важность полного (иногда это прилагательное было написано заглавными буквами) отказа от употребления сигарет и других табачных изделий. Что касается алкоголя, мужчины оказались

менее единодушны. Респонденты предлагали следующее: «отсутствие алкоголя», «минимум алкоголя», «отказ от крепкого алкоголя», «не пить или пить только качественный алкоголь в жестких рамках», «наличие культуры умеренного потребления алкоголя», «изредка выпивать». То есть часть мужчин не считают употребление алкоголя, в отличие от курения или употребления наркотиков, столь уж вредной привычкой, которая может пагубно сказаться на состоянии их здоровья. Активный образ жизни так же немаловажен для мужчин, несмотря на то, что респонденты упоминали его в своих ответах гораздо реже (Спб — 19%, Пермь — 27,4%). По мнению молодых людей, активный образ жизни непременно должен быть связан с деятельностью вне дома: «гулять на свежем воздухе, или по лесу», «прогулки на велосипеде», «легкие пробежки или воскресные лыжные прогулки», «как можно меньше сидеть», «активный отдых на природе». Таким образом, происходит некое совмещение приятного с полезным, где в качестве приятного выступает некая абстрактное место с более здоровой, чем в городе, экологией, а под полезным понимается тот или иной вид «движения» (бег, ходьба, лыжи и т. д.). Неожиданным для нас, но достаточно популярным среди респондентов оказался такой компонент здорового образа жизни, как соблюдение режима (Спб — 28,5%, Пермь — 24,1%). В эту категорию вошли следующие варианты ответов: «режим дня», «сон», «достаточно спать», «высыпание», «распорядок дня», «ложиться и вставать в определенное время», «здоровый сон», «правильный режим сна». В этих ответах мы видим подтверждение тезиса о том, что наш мир постоянно ускоряется, увеличивается темп жизни, и именно поэтому умение правильно распоряжаться своим временем становится важным, в том числе и для мужчин. Распланировать свой день так, чтобы выделить достаточно времени для полноценного здорового сна — непозволительная роскошь для многих молодых людей, которые совмещают либо несколько видов трудовой деятельности, либо работу и свои семейные обязанности. Однако в силу своего возраста эти мужчины не всегда могут адекватно оценить необходимость правильного сна, поэтому зачастую «недосыпают», хотя и не признаются в этом. Последнюю категорию ответов мы обозначили как эмоциональное состояние (Спб — 11,9%, Пермь — 12,9%). Под этим неоднозначным термином мы понимаем определённое духовное самочувствие, которое ассоциируется у мужчин с психологическим здоровьем: «спокойствие», «отсутствие стрессов», «позитивное эмоциональное состояние», «волевые задачи», «тренировка

психологической устойчивости», «четкая позиция в жизни». То есть для мужчин важен не только определённый эмоциональный настрой, но и то, как он влияет на их повседневную жизнь. Если ты не знаешь, чего хочешь добиться, если ты не будешь спокоен и уверен в себе, то ты не достигнешь поставленных целей и это впоследствии скажется на твоём здоровье. В конце опроса мы так же попросили респондентов указать, ведут ли они по их собственному мнению здоровый образ жизни. Те, кто положительно ответил на данный вопрос (Спб — 47,6%, Пермь — 62,9%), пояснили, что стараются выполнять все основные пункты, указанные выше и ведущие к здоровому образу жизни. Однако, ключевым здесь является слово «стараюсь», многократно упоминавшееся респондентами. Остальные респонденты, которые по их мнению здоровый образ жизни не ведут, выделили несколько основных причин, которые их останавливают. Для петербуржцев это — отсутствие времени (27%), нежелание отказаться от вредных привычек (27%) и лень (40,9%). Таким образом, по результатам исследования можно сказать, что наша первоначальная гипотеза о разности понимания здорового образа жизни жителями двух городов опровергнута. Это, несомненно, положительная тенденция, так как нам удалось выделить те основные составляющие здорового образа жизни, которые важны для молодых людей. Однако нам так и не удалось раскрыть эти категории и выяснить достоверно, что мужчины понимают под каждой из них, и для нас это, несомненно, новый фронт работ.

1. Устав (Конституция) Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ)». (Принят в г. Нью-Йорке 22.07.1946)

БРАЧНЫЙ РЫНОК: АНАЛИЗ ПРИНЦИПОВ ВЫБОРА БРАЧНОГО ПАРТНЁРА.

Мосиенко О.С., Анчутина А.А. (Ростов-на-Дону)

Брачный выбор человека основывается, прежде всего, на его представлении об идеальном партнере, образ которого имеется в сознании каждого. В создании данного образа участвует собственный опыт, опыт родительской семьи, литературные и киногерои, социальные стереотипы и идеалы, СМИ. Брачный рынок - термин, применяемый для условного обозначения системы соотношений численностей различных групп бракоспособного населения. Ситуация на «брачном рынке» зависит от числа потенциальных брачных партнёров на определенной территории, его половозрастной

структуры [1]. Отечественный психолог М.А. Абалакина обосновала теоретическую модель соотношения процессов межличностного восприятия и динамики добрачных отношений. Автор выделяет три стадии позитивного развития отношений в добрачной паре. На первой стадии происходит встреча партнеров и формирование первых впечатлений друг о друге. Вторая стадия начинается, когда отношения переходят в устойчивую фазу, т. е. и сами партнеры, и окружающие воспринимают ддиаду как достаточно стабильную пару. Отношения становятся более или менее интенсивными и характеризуются высокой эмоциональностью. Третья стадия возникает после решения партнеров о вступлении в брак. Снижается степень идеализации, возрастает удовлетворенность отношениями с партнером. В промежутке между первой и второй стадиями стимульные, чисто внешние параметры, в частности физическая привлекательность, уступают место сравнению мотивационно-потребностной, ценностной или ролевой сфер личности партнера [2]. Совокупность добрачных факторов, побудивших молодых людей заключить семейный союз, существенно влияет на успешность адаптации супругов в первые годы совместной жизни, на прочность брака или вероятность развода. Такими добрачными факторами являются: место и ситуация знакомства молодых людей; первое впечатление друг о друге (положительное, отрицательное, амбивалентное, индифферентное); социально-демографические характеристики вступающих в брак; продолжительность периода ухаживания; инициатор брачного предложения (юноша, девушка, родители, другие); время обдумывания брачного предложения; ситуация оформления брака; возраст будущей пары; родители и отношение последних к браку своих детей; динамические и характерологические особенности супругов; отношения в семье с братьями и сестрами [3]. Установлено, что благотворно влияют на брачные отношения: знакомство на работе или в учебном заведении; взаимное положительное первое впечатление; период ухаживания от одного до полутора лет; инициатива брачного предложения со стороны мужчины; принятие предложения после непродолжительного обдумывания (до двух недель); сопровождение регистрации брака свадебным торжеством [4, с.192]. Специальных компенсирующих мер требуют добрачные отношения, имеющие некоторые особенности: - Случайный характер знакомства. - Отрицательное, амбивалентное и индифферентное первое впечатление. - Короткий (до шести месяцев) или долгий (более трех лет) период ухаживания. - Проявление прямой или косвенной

инициативы заключения брака со стороны женщины (вынужденное или спровоцированное). В первую очередь речь идет о беременности. Вероятность распада семей с добрачной беременностью примерно в 2 раза выше по сравнению с другими ситуациями. Это можно объяснить тем, что, во-первых, добрачная беременность нарушает процесс адаптации жениха и невесты к браку. Из нормального хода развития взаимоотношений мужчины и женщины практически выпадает важнейшая стадия развития семьи – освоение новых для себя супружеских ролей. Молодые люди сразу «перескакивают» на следующую стадию семейной жизни, связанную с рождением и воспитанием ребенка. Во-вторых, появление ребенка резко обостряет экономические проблемы, вызывая частые конфликты, напряженность супружеских взаимоотношений, провоцирует принятие решений о разводе.

- Продолжительность брачного предложения (более двух недель).
- Возраст будущей пары. Это относится к тем молодым людям, которые спешат или вынуждены по разным причинам сразу после школы выйти замуж или жениться. В 18 лет девушка, как правило, способна стать матерью, ее организм полностью сформировался, она уже окончила школу, и определилась в своей дальнейшей жизни. Но в раннем возрасте не стоит торопиться выходить замуж. Наиболее приемлемое время для замужества, по мнению психологов, социологов 22 - 23 года [4, с.192]. В последние годы отмечается тенденция к «взрослению» брачного возраста. Все больше молодых людей стараются получить образование, профессию, иметь материальный достаток и жилищные условия, а потому считают оптимальным для вступления в брак возраст после 27 лет. Однако эмпирически доказано, что поздний возраст вступления в брак также является добрачным фактором «риска». Компенсирующих мер требуют и психологическая (темперамент), и социокультурная (различие в ценностных ориентациях, мировоззрении, установках, религии и др.) несовместимость молодых людей, а также отрицательное отношение родителей и других референтных людей к данному браку, серьезные ссоры во время ухаживания. А вообще, предбрачное общение надо потратить на подробное интервьюирование друг друга по значимым жизненным темам. Например, хорошо бы поговорить о том, сколько детей должно быть в семье, как распределять будущий семейный бюджет, где проводить отпуск, приоритеты в приобретении знаний и т.д. [5].

Анализируя специфику добрачного периода, необходимо отметить такое явление, как идеализация партнера, которое также может негативно сказаться на межличностном общении до брака и в

супружеских отношениях. В заключении отметим, что анализ специфики добрачного периода позволяет сформулировать его функции: 1. Накопление совместных впечатлений и переживаний. На этом этапе создается своеобразный эмоциональный потенциал будущей семейной жизни, запас чувств, которые позволят более успешно и менее «болезненно» адаптироваться к ней. 2. Более глубокое узнавание друг друга и параллельно уточнение и проверка принятого решения о возможности семейной жизни. 3. Между партнерами необходим информационный обмен по таким вопросам, как ценностные ориентации и жизненные планы; детали биографии, представления о супружестве, ролевые ожидания и притязания, репродуктивные установки и др. Выбор брачного партнера - обычное явление в развитии взрослого человека, но это также одна из основных проблем в его жизни. В наше время молодые люди не воспринимают предбрачные ухаживания как важнейший жизненный этап, а ведь он является решающим, предопределяющим дальнейшее благополучие семейного союза. Ведь все мы знаем, что брак является одной из важнейших структур и механизмов производства и воспроизводства общества.

Литература

1. Социология семьи // [http://ibrain.kz/mod/book/view.php?id=210 & chapterid=926](http://ibrain.kz/mod/book/view.php?id=210&chapterid=926) // (дата обращения 20.03.2012).
2. Абалакина, М.А. Изучение межличностного восприятия в добрачной паре // Методы исследования межличностного восприятия», под ред. Андреевой Г.М. - М, 1984.
3. Особенности предбрачного периода // http://ru.ru.facebook.com/note.php?note_id=201740496549137&comments // (дата обращения 23.04.12).
4. Психология семейных отношений с основами семейного консультирования: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / под. ред. Силяевой, Е.Г. - М.: Издательский центр «Академия», 2002. С.192.
5. Особенности поведения молодежи в добрачном периоде / <http://socioonom.ru/baza-znani/materialy-konferencii/materialy-konferencii-psikhologo-socialnaja-rabota-v-sovremennom-obshchestve-problemy-i-reshenija/osobennosti-povedenija-molodezhi-v-dobrachnyi-period> // (дата обращения 1.05.12).
6. Басун, В. Человек как товар и покупатель на сексуально-брачном рынке. М, 2002. С.15.

КОГНИТИВНЫЙ ФАКТОР ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ)

Намруева Л.В. (Элиста)

Глобализация, вовлекающая народы, этнические группы в процессы интенсивной интеграции и смешения, приводит не к унификации и нивелировке культуры, а, напротив, к взрыву этнических чувств, к стремлению сохранить свою идентичность, к попыткам сознательной консервации наследия предков. Особое значение приобретает знание национальных корней, этнической истории, традиционной системы ценностей. Т.Г. Стефаненко знания, представления о собственной группе определяет как когнитивный компонент в структуре этнической идентичности [1, 236]. В нашей статье мы рассмотрим важную составляющую этого компонента, этническую осведомленность, включающую объективные знания о традициях определенного народа, в данном случае калмыцкого. Российских калмыков, представителей немногочисленного народа, беспокоит постепенное исчезновение этничности. Проблема ее сохранения, несмотря на свою актуальность и востребованность, недостаточно исследована в гендерном разрезе. В этом отношении права З.В. Сикевич, утверждая, что «гендер нельзя анализировать без учета его культурной составляющей точно так же как этничность не может изучаться без гендерной структуры этнического сообщества» [2, 114]. Анализ отдельных результатов анкетного опроса, проведенного в 2010 г. отделом социально-политических и экологических исследований КИГИ РАН, позволит понять, как пересекаются гендерные и этнические отношения у калмыков. В анкетировании участвовало 283 человека калмыцкой национальности, из них мужчины составляют 47,7 %, а женщины — 52,3 %. Молодые люди до 29 лет представляют 66% выборки, 30-39 15%, 40-49 лет 10 лет, 50-59 лет 9%. Закрытый вопрос «Что для Вас значит быть представителем своего народа?» определял основные факторы этнической идентичности. Следует отметить, что мнение мужчин и женщин по этому поводу разделилось. Респонденты-мужчины (21,6 %) считают, что принадлежность к этносу позволяет в первую очередь гордиться историей и культурой своего народа. Во-вторых, придерживаться обычаев и традиций своего народа (19,4 %), в-третьих, знать культуру и историю своего народа (14,9 %). Респонденты-женщины считают несколько по-иному. Каждая четвертая опрошенная (24,3 %) считает, что быть

представителем народа значит, прежде всего, придерживаться его обычаев и традиций. По мнению 18,9 % респонденток, принадлежность к этносу позволяет гордиться его историей и культурой. И третьим важным фактором этничности у женщин выступает языковой (17,6 %). У мужчин этот показатель (14,2 %) не является основным. Из анализа полученных результатов видим, что в обеих группах (с небольшой лишь разницей) присутствует аффективный компонент этнической идентичности, который проявляется в такой положительной эмоции, как гордость за культуру, историю своего народа. Небольшая часть анкетированных выразила свое индифферентное отношение к этнической самоидентификации, 5,2 % мужчин и 4,1 % женщин отметили, что национальность для них ничего не значит, они не задумываются по этому поводу. Соответственно, эта категория не испытывает глубоких эмоциональных связей с этнической общностью и тем более моральных обязательств по отношению к ней. Женщины в большей степени ориентированы на действие по сохранению этнической культуры, чем мужчины. Об этом свидетельствуют данные опроса: четверть опрошенных женщин и пятая часть опрошенных мужчин считают, что принадлежность к этносу обязывает придерживаться традиций и обычаев своего народа. В этой связи полностью согласны с утверждением З.В. Сикевич о том, что женщины играют важную роль в передаче и формировании этнической идентичности, именно они, воспитывая детей, воспроизводят этнические и культурные границы между «своими» и «чужими» [2, 110]. В современной калмыцкой культуре, как и в русской, мать отвечает за воспитание и дочерей, и сыновей, а отец играет вспомогательную роль «дисциплинатора». Мать играет главную роль в социализации индивида, в том числе и этнической. Для сохранения традиционных нравственных ценностей этнос обращается к этническим истокам, к неписаным нормам народа, которые «поставляют» носителю культуры те конкретные образы, из которых он исходит при оценке тех или иных явлений. Такие конкретные поучения содержит народный фольклор – пословицы, сказки, поговорки, на которых воспитывается каждый ребенок [2, 68]. Один из вопросов анкеты выявлял, в какой степени калмыки знакомы с различными жанрами богатого калмыцкого устного народного творчества. Сравнительный анализ показал, что женщины лучше знают фольклор, чем мужчины. 27,7 % и 16,4 % респондентов, соответственно, отметили, что хорошо знают фольклорные жанры. В анкете они указывали, каким жанром владеют. Оказалось, что более

всего доступны калмыцкие песни, йорялы (благопожелания), далее следуют калмыцкие танцы. Огорчает тот факт, что знание пословиц, поговорок, сказок отмечено единицами. К сожалению, большая часть массива практически ничего (33,8 %) или в минимальной степени (36,6 %) знает фольклорные жанры своего народа. В целом, женщины лучше осведомлены в этом вопросе, чем мужчины. Понятно, что нам живущим в век информационных технологий, в постоянной борьбе за существование не хватает времени на то, чтобы приобщиться к вечным неизменным ценностям, доставшимся нам от предков. Однако, как бы ни изменялись жизненные потребности, исторические обстоятельства, общественные условия, люди всегда будут нуждаться в духовных ценностях, нравственных нормах, которые не только регулируют социальное поведение, но и защищают их неповторимую идентичность. А значит, нам надо знать, иметь представление об особенностях и различиях своей и других этнических группах.

Литература

1. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: Учебник для вузов. 3-е изд., испр. И доп. М.: аспект Пресс, 2003. 368 с.
2. Сикевич З.В. Социальная психология этнических отношений. Курс лекций. СПб.: Изд-во АНО «ИПП», 2008.

ГЕНЕТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ М.М.КОВАЛЕВСКОГО КАК ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ПЛАТФОРМА ИССЛЕДОВАНИЙ ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ СЕМЕЙНОЙ КУЛЬТУРЫ

Поспелова Т.Г. (Санкт-Петербург)

Генетическая социология М.М.Ковалевского, представляющая одно из важных направлений его исследований, остается по-прежнему актуальной и востребованной в качестве методологического основания для исследований семейной проблематики. Эволюция брачно-семейных и интимных отношений, как известно, протекает в драматической борьбе традиционных и современных стереотипов, сопровождается позитивными и негативными последствиями, появлением новых социальных проблем. Рассматривая в рамках теории прогресса происхождение и эволюцию института семьи, М.М.Ковалевский указывает на сохранность в современных формах семейной культуры элементов, характерных для предыдущих стадий ее развития, определяет корни

этого феномена и анализирует причины транслирования, так называемых, пережитков прошлого. В своих работах М.М.Ковалевский подчеркивает комплексный характер функциональной и факторной обусловленности стадийности развития института семьи, появления доминирующей парадигмы. Переходы от матриархальной к патриархальной, а затем к эгалитарной форме организации гендерных отношений М.М.Ковалевский объясняет совокупностью демографических, экономических и психологических факторов. Культурологический анализ М.М.Ковалевского специфики организации жизнедеятельности семьи в различных этнических сообществах обнаруживает гетерохронность процессов социальной эволюции. Наиболее приспособленным для социологических исследований М.М. Ковалевский считал историко-сравнительный метод.[1,2] Использование этого метода позволяет анализировать современные тенденции развития института семьи, отражающие мультикультурализм в организации семейных отношений, присутствие в современной семейной культуре разноуровневых элементов, состоящих из устаревших, традиционных и инновационных паттернов поведения. Семейная культура, как составная часть общей культуры, представляет собой комплекс ценностно-нормативных моделей жизнедеятельности, исторически отобранных и транслируемых с целью сохранения в образе жизни полезного опыта, стабилизации социальной структуры общества. Определяя культуру «как мир норм, возникших в процессе аккумуляции прошлого опыта деятельности, мир, нормативно организующий деятельность настоящую, а через нее и будущую», Генисаревский О.И. выделяет две стадии в развитии культурного бытия - архаическую и технологическую. На архаической стадии основная функция культуры - воспроизведение общественной жизни, придание постоянства общественному бытию. Другую стадию культуры представляет технологическое проектирование новых слоев культуры, характеризующееся созданием новых произвольных форм, которые постепенно закрепляются и приобретают статус культурных норм. Те образцы, которые проходят отбор и остаются после отсева прочих вновь сотворенных норм, ассимилируются культурой. Здесь уже не культура формирует общество, а общество - культуру.[3] Тенденции развития современной семейной культуры, демократизации социальных отношений, расширения возможностей для выбора способа и стиля жизнедеятельности, отражают процессы ее динамичных плюралистичных преобразований. Проблемы

сохранения в культуре архаичных элементов, которые были представлены в эволюционной теории М.М.Ковалевского, а также смещения в ней традиционных, инновационных и контркультурных элементов, создающих конфликтогенный фон, приобретают новую значимость и актуальность. В этом контексте отношение в обществе к отдельным элементам семейной культуры, которое варьирует в различные исторические периоды, представляет интерес для эмпирической социологии семьи. Так, один из аспектов исследований в области социологии молодежи составляет изучение брачно-семейных установок и ориентаций молодежи, их обусловленность комплексом социальных факторов. Регулярные опросы молодежи позволяют проводить сравнительный анализ социальных установок и отслеживать характер трансформаций семейных ценностей. Как известно, практически все аспекты семейной проблематики подлежат динамичным преобразованиям и проводятся через оценивание общественного мнения с позиций «пережитки-традиции-инновации». Половое воспитание, формирование ценностей и брачно-семейных ориентаций, стратегии выбора брачного партнера, устойчивость и качество супружеских и семейных отношений, функционирование и интеграция семейных структур, серийная брачность и т.д. - подвержены постоянной перепроверке и переоценке. Поэтому в рамках исследований на стыке социологии семьи и социологии молодежи рассматривается отношение молодежи к различным аспектам брачно-семейных отношений. Так, предметом изучения является отношение молодежи к регистрации брака, внебрачным отношениям, необходимости получать согласие родителей на брак, организации уклада семейной жизни, профессиональной занятости супругов, продолжительности брака, супружеской верности/неверности и т.д. Для дифференциации оценок респондентов вводится несколько категориальных матриц. Одна из шкал содержит оценочные суждения в формате «устаревшие позиции (пережитки прошлого)», современные позиции, прогрессивные, инновационные формы. Вторая категориальная матрица содержит формат для выражения субъективного отношения относительно приемлемости различных аспектов. Шкала ответов содержит следующие позиции: «категорически недопустимо, недопустимо, зависит от обстоятельств, допустимо, вполне приемлемо». Важное место в программе исследований занимает гендерный аспект, изучение различий в оценках юношей и девушек, их когнитивная согласованность. Для проведения гендерного анализа разработана

специальная программа обработки эмпирической информации (Кобра-КД), которая позволяет определять уровень когнитивного консонанса/диссонанса в суждениях респондентов относительно различных аспектов семейных отношений. Результаты исследований отражают варьирование этого показателя при оценке различных параметров, а также временные колебания субкультурных позиций. В совокупности оценочных суждений выделяются устойчивые и изменчивые установки, терминальные и инструментальные ценностные ориентации. Некоторые позиции отражают возрождение взглядов, отвергаемых в предыдущие периоды, или напротив, отвержение контркультурных установок, которые до этого признавались как инновационные и прогрессивные.[4,5] Генетическая социология и историко-сравнительная методология М.М.Ковалевского может успешно применяться в качестве методологической базы в современных исследованиях брачно-семейных и гендерных отношений.

Литература

1. Ковалевский М.М. Понятие генетической социологии и ее метод//Социология. 1910.
2. Ковалевский М.М. Очерки происхождения и развития семьи и частной собственности. 2007.
3. Цит. по: Чеснокова В.Ф. Язык социологии. М.,2010.
4. Лисовский В.Т. Молодежь. Любовь, брак, семья. М., 2003.
5. Поспелова Т.Г. Ценностные ориентации молодежи в сфере семейных отношений//Молодые россияне: эскиз к портрету. СПб, 2011.

КОНСТРУКЦИОНИСТСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ГЕНДЕРНОЙ ПОЛИТИКИ, ПРОВОДИМОЙ ГОСУДАРСТВОМ НА СТРАНИЦАХ СОВЕТСКИХ ЖЕНСКИХ ЖУРНАЛОВ

Савельева А.А. (Санкт-Петербург)

В последнее время все больше исследователей обращаются к методологии конструкционистского подхода. Растущую популярность обеспечивают широкие возможности его применения. Использование конструкционизма в качестве базы для гендерных исследований предполагает отрицание биологического детерминизма в отношениях между полами, т.е. предписывает понимание гендера как социального конструкта. В этой связи, выдвигаемые на

публичной арене утверждения-требования [1] становятся общественно значимыми, поскольку признаются большинством как важные, требующие соблюдения и общественного контроля. Немаловажным преимуществом конструкционистского подхода также следует указать и то, что в исследование могут быть включены как современные, так и исторические утверждения-требования. Итак, использование конструкционистского подхода к изучению гендерной политики, проводимой государством на страницах советских женских журналов, ставит ряд исследовательских задач. 1. Необходимо выявить набор утверждений-требований, определить уделяемый им в журнале объем, а также частоту их упоминания. 2. Следует ответить на вопрос, почему эти утверждения-требования убедительны, какие из них имеют больший «вес», т.е. существует ли их внутренняя иерархия. 3. Необходимо показать, какие интересы преследуются функционерами [2] при выдвижении утверждений-требований. 4. Следует охарактеризовать процесс типизации образов. 5. Необходимо изучить общественную реакцию и то, как она учитывается в дальнейшем, каков ее результат. Важно отметить, что исследование журнальных текстов должно сопровождаться обращением к представленному в издании изобразительному ряду. С развитием технических возможностей визуальный аспект в восприятии информации становится не менее значим, чем текстовый, и даже, напротив, начинает играть все более важную роль (особенно это заметно при сравнении ранних изданий с современными журналами). Применительно к выбранной теме, именно журналы, целевой аудиторией которых являются женщины, будут выступать в роли публичной арены. В первой половине XIX века женские журналы «воспроизводили и формировали публичный дискурс, официальный концепт женщины, главным составляющим которого было удачное замужество как определяющая социального успеха женщины, основа ее социального статуса». [3, с.32] Идеалом служил образ женщины-жены, матери, хозяйки. Смена политического режима в стране повлекла за собой реорганизацию экономических, социальных, общественных и культурных отношений. Социальные роли женщины постепенно расширялись, что привело к необходимости пересмотра принципов гендерной политики. Начиная с 1917 года, авторитарная государственная политика была направлена на различение граждан по признаку пола. Женщины были определены как особая категория граждан, имеющая значимые отличия по сравнению с мужчинами. Эти отличия женщин большевистская власть позиционирует как репродуктивно-

биологические и социально-политические. В результате, женщина предстает, с одной стороны, как «отсталый элемент», нуждающийся в целенаправленном государственно-политическом воздействии, но в то же время рассматривается как потенциальная мать и строитель социалистического общества, мобилизованный пролетарским государством. Создание образа «новой советской женщины» сопровождалось появлением образа «нового советского мужчины». Конструирование отношений между полами определялось политикой вовлечения женщины в общественное производство и политическую жизнь, а также государственным регулированием семьи. При этом государство, с одной стороны, осуществляло нормативное принудительное регулирование в законодательных актах разного уровня [4, с. 300], а с другой – создавало идеологический аппарат принуждения, контролирующий гендерные отношения. Согласно Е.А. Здравомысловой и А.А. Темкиной, «официальный дискурс советской власти не был когерентным и последовательным» [4, с. 302], гендерная идеология была порой противоречивой (например, в досталинский и послесталинский периоды). Разделяя советскую эпоху на три последовательных периода, исследовательницы так характеризуют каждый из них. Послереволюционный период представлен конкурирующими дискурсами, каждый из которых объединял женщин в особую категорию; в эпоху сталинизма осуществлялся жесткий контроль, обеспечивающий формирование образа «работающей матери»; во время либерализации происходило постепенное ослабление идеологического давления, сопровождавшегося формированием специфической неформальной (оппонирующей официальной) публичной сферы. Происходившие в период либерализации изменения повлекли за собой увеличение числа функционеров, т.е. тех, кто непосредственно обращается к аудитории – публично представляет тот или иной образ, закрепляя «типичные» утверждения-требования (сюда можно отнести редакторов, журналистов, заказчиков, различные политические партии и пр.). Однако необходимо изучать не только риторику и дискурс, но также конкретные действия и интересы, которые проявляют эту риторику. Реакцией на выдвигаемые утверждения-требования можно признать, например, женское движение или попытку в 1979 г. издавать независимый диссидентский журнал «Женщины и Россия». Эти примеры говорят также о том, что конструирование гендерного порядка происходит не только на страницах журналов, но, что еще важнее, в процессе взаимодействия социальных групп друг с другом. Таким образом, в советском

обществе гендерный порядок в значительной степени диктовался государственной политикой, однако в последующий период постсоветских трансформаций государство окончательно утратило свою «конституирующую роль в конструировании гендера» [4, с. 320]. На фоне развития рыночных отношений, появления конкурирующих дискурсов и новых практик повседневности расширился круг функционеров, формирующих общественно значимые утверждения-требования. Пример женских журналов позволяет проследить в исторической ретроспективе изменение конструируемого образа женщины.

Литература

1. Если бы речь шла о конструировании социальной проблемы, то под утверждениями-требованиями следовало бы понимать риторику требовательного характера (то, в чем выражается представление некоторой группы о конкретной проблеме). Рассматривая вопрос конструирования гендера в советских журналах, приходим к пониманию утверждений-требований, как характеристик, составляющих официальный идеал советской женщины, а также предписанных ей стратегий поведения (например, требование совмещения роли матери, жены, работницы).

2. Функционеры – это индивиды или группы, участвующие в процессе публичного представления утверждений-требований (например, редакторский коллектив журнала, авторы статей и фотографий и др.)

3. Юкина И.И. Дискурс женской прессы XIX века // Женские и гендерные исследования. № 5 - СПб, 2000. С. 32-39.

4. Здравомыслова Е.А., Тёмкина А.А. Государственное конструирование гендера в советском обществе // Журнал исследований социальной политики. 2003. т. 1. № 3/4.

СОЦИАЛЬНЫЙ ЛИФТ ДЛЯ МОЛОДОГО ПОЛИТИКА(ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ)

Светлакова В.П. (Омск)

Молодежь играет огромную роль в развитии демократии, рыночной экономики, гражданского общества и правового государства. Сегодня она привлекает особое внимание политиков и лидеров общественного мнения. Несколько лет назад партия «Единая Россия», поддержанная своим лидером Владимиром Путиным,

объявила призыв молодёжи во власть. В рамках этого общего тренда была учреждена федеральная программа ВОО «Молодая Гвардия Единой России» «Молодёжь во власть». В результате представительство молодёжи в Госдуме, в региональных законодательных собраниях и в местном самоуправлении повысилась. «Ставка на молодёжь – конёк дальновидных политиков, – подчеркнул президент. – Губернаторы, которые поддерживают инициативы поколения next, обеспечивают своим регионам надёжное будущее». Экс - президент России Дмитрий Медведев подписал закон, изменяющий минимальный возраст для кандидатов в депутаты местного самоуправления. Федеральный закон, был принят Государственной Думой 21 октября 2009 года и одобрен Советом Федерации 30 октября 2009 года. Так Федеральным законом предусматривается изменить сложившуюся практику и чётко установить, что депутатом представительного органа муниципального образования может быть избран гражданин Российской Федерации, достигший 18 лет. Политические партии и созданные ими общественные объединения сейчас очень активно занимаются молодёжью. Они поняли, что молодёжь — это реальная сила, которая может оказать услугу в достижении конкретной цели. Сейчас партии привлекают в свои ряды как можно больше молодых ребят, Это, прежде всего, массовка на мероприятиях, которая с энтузиазмом отстоит весь митинг, держа флаг и, при этом, соревнуясь друг с другом, кто этот флаг выше поднимет. С другой стороны, особо удачливые молодые люди, действительно, является партийным резервом. Почему же молодые люди идут в политику? Зачем они нужны взрослым, зрелым политикам? Как они попадают во власть? Например, в США существует жесткая карьерная лестница, по которой должен пройти молодой человек, чтобы пробиться во власть (от волонтера на избирательной кампании). Рассмотрим приход молодых людей в «большую» политику, в частности, молодых женщин, с точки зрения социальной мобильности. Начало систематическому изучению было положено Питиримом Сорокиным, под которой он понимал любой переход индивида или социального объекта (ценности), то есть всего того, что создано или модифицировано человеческой деятельностью, из одной социальной позиции в другую [1]. К каналам или «лифтам» социальной мобильности Питирим Сорокин относил армию, церковь, образовательные институты, семью, политические и профессиональные организации, средства массовой информации и т.д. В современной России одним из социальных лифтов прихода в

политику молодых женщин является происхождение, семья. Два ярких примера. Мария Гайдар, дочь известного российского политика и экономиста Егора Гайдара - экономист, политик, бывший заместитель Председателя Правительства Кировской области, курировала вопросы здравоохранения и социального развития, ранее исполняющая обязанности заместителя, советник губернатора Кировской области, бывший член политсовета партии СПС. Она была самым молодым заместителем председателя регионального правительства. Мария Гайдар получила широкую известность благодаря участию в различного рода политических акциях. По ее мнению, «молодежной политики, так же, как политики женской, как политики взрослой, не существует – есть просто политика. И сейчас действительно активную роль в ней начинает играть молодежь. Действительно, молодые люди сейчас пытаются заявлять о своих проблемах, о тех проблемах, которые их волнуют, поэтому в основном то, что они говорят, касаются тех проблем, которые они сами видят. Можно сказать, что сейчас появилось новое поколение политиков, которое со всех сторон, с разных спектров продвигается, преодолевая сопротивление своих старших товарищей. Преодолевая сопротивление властных структур, но, тем не менее, уже можно говорить, что такое поколение есть». Мария Гайдар два года подряд (2006 и 2007) становится лидером рейтинга молодых политиков по версии молодёжного издания RE, а в 2007 году получает приз зрительского голосования «Лучшие политики России» в номинации «Самый честный политик», проводимого общественно-политической программой «Народ хочет знать». Второй пример - Шойгу Юлия Сергеевна, директор Центра экстренной психологической помощи МЧС России, окончила факультет психологии Московского государственного университета. Кандидат психологических наук. Начала работать в центре в 1999 году, окончив факультет психологии Московского государственного университета. В 2001 году стала заместителем директора центра, с 2002 года возглавляет его. Другим социальным лифтом является уже упоминаемая Молодая Гвардия, помогающим человеку из незнатной семьи, благодаря его недюжинной смелости, и не меньшей активности, пробраться через тернистые леса конкуренции к алее политической славы и участие в общественных организациях (в основном в студенчестве). Молодая Гвардия притягивает в свои члены заинтересованных в дальнейшей политической карьере молодых людей. В качестве примера можно привести Председателя Национального Собрания Молодых Депутатов с 2010 года, муниципального депутата - Екатерину

Лебедеву. Екатерина Лебедева родилась 21 ноября 1980 г. в Мариуполе, с отличием окончила философский факультет Санкт-Петербургского государственного университета по специализации «прикладная политология», а в 2010 году получила второе высшее образование – на экономическом факультете СПбГУ. С 2002 года занимается активной общественной деятельностью в организации «Городской Центр социально-правовой помощи»; Член комиссии по молодежной политике. После избрания Председателем МОО Национального Собрания Молодых Депутатов, Екатерина занимается вопросами молодежной политики. Активно сотрудничает с комитетом по делам молодежи ГД РФ. Еще одним социальным лифтом для молодых политиков является спорт. Во власть пришли спортсмены, которые своими выдающимися достижениями прославили страну. К таким молодым политикам относится Алина Кабаева, неоднократная чемпионка мира и Европы по художественной гимнастике, в политике – с 2007 года. Также сейчас социальным лифтом для прихода во власть является и шоу-бизнес плюс членство в Молодой гвардии и происхождение. Один из примеров – Мария Кожевникова, дочь известного хоккеиста Александра Кожевникова, актриса. Она входит в общественный совет Молодой Гвардии Единой России, является куратором проекта «Я — спасатель». Или Анна Чапман, о которой лидер «Молодой гвардии» Т. Прокопенко заявил, что Анна является «героем поколения и займется в движении направлением по патриотическому воспитанию молодежи». А сайт «Молодой гвардии» сообщает, что «Анна Чапман в Общественном совете „Молодой Гвардии“ являет собой пример безусловного патриотизма — любви без условий к своей Родине. Она очень правильный пример для молодого поколения» (Татаринов А., 2010). Анна Чапман по сообщениям российских спецслужб и собственным показаниям, - раскрытый агент российской разведки, действовавший в США, ныне телеведущая. Вывод: 1. Идут в политику за определенной целью, за карьерным ростом, или за тем, чтобы изменить коренным образом ситуацию в молодежной среде. То есть участие в политике дает возможность простому молодому человеку реализовать его самые смелые планы и идеи, хотя сами идеи и проекты, которые рождаются в головах молодых людей, очень быстро вступают в конфликт с реальностью и застывают перед различными барьерами. 2. Каналами прихода молодых женщин в «большую» политику является: происхождение (семья); участие в «Молодой Гвардии Единой России»; выдающиеся достижения в спорте; шоу-бизнес. В меньшей степени такими «лифтами» является

волонтерство в избирательной кампании и общественные организации.

Литература

1. Сорокин П. Человек, цивилизация, общество. - М.: Политиздат, 1992. – 543 с.

УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА XXI ВЕКА: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Спиридонова В.А. (Санкт-Петербург)

Модернизация политической системы России, её экономики и социокультурной сферы невозможна без фундаментальных изменений менеджериально-управленческой подсистемы общества, этого особого «среза» социального организма. Сегодня требуется большое количество управленцев/менеджеров, способных к нестандартным действиям в кризисных ситуациях, к освоению новой управленческой парадигмы XXI века. Что она из себя представляет? Суть её – в отказе от технократической, дегуманизированной, отчуждающей философии и практики управления; в социокультурной и этической ориентированности бизнеса и управления, их инновационном характере; в понимании особой значимости людей умственного труда, «когнитариев». Новая управленческая парадигма переносит акцент управленческой деятельности на сферу человеческих отношений, на развитие человека. Следовательно, новая модель управления требует нового гендерного «наполнения», изменения гендерных отношений, гендерного порядка, гендерной стратификации в обществе и системе управления. Управленческая и организационная культура должны быть избавлены от «андроцентризма», гендерной дискриминации женщин, их отчуждения от управления бизнесом и государством. Социальный порядок будущего может быть основан только на гендерном равенстве; возможно, именно задействование женского творческого потенциала, преимуществ «женского» стиля управления/менеджмента поможет преодолеть системные кризисные явления в российском обществе. Сторонники теории социального конструирования гендера, отвергнув биологический детерминизм, доказали, что гендер – это социальный конструкт, различия «мужского» и «женского» - всего лишь «способ интерпретации биологического», легитимный в данном социуме. Гендерные

отношения организуются как социальные отношения власти и неравенства; гендерные стереотипы встроены во все социальные институты. Была предпринята попытка критики классических подходов в социологии, не улавливающих природы гендера. По мнению социальных конструктивистов, гендерный порядок может быть изменён людьми. Управленческая парадигма XXI века не может быть выстроена на принципах гендерной дискриминации женщин, гендерной асимметрии на рынке труда; она требует смягчения гендерной иерархии и гендерной конкуренции в сфере управления. О гендерном разделении труда высказывались классики социологии и социологии управления. По мнению Э. Дюркгейма, мужчинам достались в обществе интеллектуальные функции, а женщинам – эмоциональные. Т. Парсонс выделял инструментальные роли мужчин (защитник, добытчик, представитель семьи во внешнем мире) и экспрессивные роли женщин (забота, психологическая поддержка). Гендерные особенности менеджмента (управления) описываются, в основном, на основе этой дихотомии «мужского/женского», иногда достаточно стереотипно. Мужской менеджмент – это: активизм, достижительность, авторитарный стиль, ориентация на цель, опора на интеллект, лидерские технологии, жёсткость. Женский менеджмент – это: эмоциональность, альтруизм, ориентация на контекст, на процесс, на коммуникации с подчинёнными, на очеловечивание отношений; это «мягкие технологии», меньше риска, гибкость, изобретательность, опора на интуицию, меньшая дистанция власти. Есть также мнения о надуманности данных различий: менеджмент может быть только эффективным, а половая принадлежность управленца не столь значима. Например, такой вывод был сделан в ходе опросов институтом Гэллапа. Об интерполовом характере менеджмента свидетельствуют результаты исследований с помощью «управленческой решётки» Блейка и Моутона: одинаковое количество как мужчин, так и женщин ориентированы на задание (60%) и на человека (40%). Женщины-управленцы часто тяготеют к «мужским» технологиям, превосходят мужчин по «мужским» показателям: демонстрируют высокий интеллект, принимают ответственность и риск, они прагматичны, уверены в себе, ориентируются на достижение целей, достаточно жёстки. Мужчины, наоборот, все больше ценят «женский менеджмент», где больше гибкости, человечности, креативности, интуитивных озарений, вариативности деловых стратегий. По американским исследованиям, за женщинами-управленцами будущее, так как они живут дольше, лучше справляются с болезнями и стрессами, более открыты и

экспрессивны в общении. По мнению Лайкерта, из четырех стилей управления женщины тяготеют к самым эффективным: №3 (существенное доверие и уважение персонала) и №4 (полное уважение и доверие). Многие теоретики и практики социального управления считают, что в рамках управленческой парадигмы ХХІ века наиболее востребованным будет смешанный, «женско-мужской», «андрогенный» стиль менеджмента/управления, критикуют «андроцентризм» и маскулинный характер управленческой практики ХХ века, протестуют против нарушения прав женщин в сфере культурного администрирования и бизнес-управления. По данным эмпирических исследований Г. Хофштеде в ХХ веке, по индексу «мужественности» национальной управленческой и организационной культуры Россия набрала 40 баллов из 100 (по «замерам» А.И. Наумова в 90-х г.г. ХХ века – 45 баллов); при этом показатель Франции – 43 балла, Китая – 50, США – 62, Германии – 66, Японии – 95. Что касается системы государственного управления, то в ХХІ веке она должна быть приближена к потребителям административных услуг, основана на результатах мониторинга потребностей граждан, все более приобретать «сервисный» характер. Существует необходимость прихода талантливых женщин-госменеджеров в эту сферу. Например, в Верховном Совете СССР в 80-е г.г. ХХ века было 35% женщин; в 90-е г.г. в Совете РСФСР – 8,9%, народных депутатов – 5,3%. В ходе административной реформы и реформы госслужбы в РФ много делается для привлечения женщин в управление, принимаются новые документы, ратифицируются международные акты («Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации по отношению к женщинам», «Пекинская декларация», «Платформа действий» и др.), введена гендерная статистика в госуправлении. Сегодня в этом отношении лидируют скандинавские страны (в Швеции – 42,7% женщин-депутатов); в Европе – 12,5%. В России в 2000-е годы граждане также увидели во власти много ярких женщин-госуправленцев и политиков. В некоторых отраслях бизнеса их даже больше, чем в Европе. В целом, мировой опыт показывает, что общество стабильно, если во власти находится 30-40% женщин. Правильный «гендерный дизайн» в современном обществе и сфере управления требует реализации таких мер гендерной политики, как: - Нерепрессивная гендерная социализация людей; - Гендерное просвещение масс; введение курсов гендерной психологии и социологии в вузах; - Преодоление гендерных стереотипов в СМИ и массовом сознании; - Гендерная экспертиза законодательства РФ; -

Гендерная кадровая политика; - Преодоление отчуждения женщин от управления, соблюдения равных гендерных пропорций в сфере крупного администрирования; - Квотирование мест для женщин во властных структурах; - Изучение западного опыта преодоления гендерной дискриминации, в т.ч. в управлении, подключение к международным конвенциям по этому вопросу; - Перестройка преподавания менеджмента и ГМУ с учетом современных «гендерных императивов» - с целью создания института менеджмента нового, постиндустриального типа; - Активизация деятельности институтов гражданского общества по вопросам гендерного равноправия; - Использование в гендерной политике теоретических и практических наработок социологии гендера и социологии управления. Итак, в России, в стране с «женской душой», пока еще доминируют маскулинный гендерный порядок и не задействован творческий потенциал современных женщин-управленцев. Но модель управления XXI века может быть только с «женским лицом».

ВЛИЯНИЕ ГЕНДЕРНОЙ ПОЛИТИКИ ОРГАНИЗАЦИИ НА КАРЬЕРНЫЙ РОСТ ПЕРСОНАЛА

Толубаева Л.Т. (Пенза)

Большую часть социальной жизни человек проживает в организациях. Исходя из этого, социальным для него является организационное пространство, которое, как часть общего социального пространства, характеризуется многомерностью. Развитие и продвижение работника может происходить в должностном, профессиональном, статусном или монетарном направлении карьеры. Карьера представляет собой процесс профессионального, социально-экономического развития человека, выраженный в его продвижении по ступеням должностей, квалификации, статусов, вознаграждения и фиксируемый в определенной последовательности занимаемых на этих ступенях позиций. Любая карьера нуждается в управлении. Необходимость в управлении карьерой обусловлена ее важной ролью в жизни человека, деятельности организации, а также в развитии общества в целом. Стремление человека управлять своей карьерой объясняется тем большим значением, которое она имеет для его жизнедеятельности. Карьера выступает в роли своеобразного контекста трудовой жизни человека, структурируя его трудовой

опыт последовательностью определенных ступеней. Благодаря возможности структурирования профессиональная жизнь человека является не сплошной бессвязной массой действий и событий, а приобретает вид развития, упорядоченного ступенями продвижения. Организация также заинтересована в управлении карьерой своего персонала, поскольку грамотно построенное управление карьерным процессом имеет важное значение для ее функционирования и развития, так как является фактором повышения эффективности деятельности, условием устойчивости и жизнеспособности организации.

В последнее время в социально-психологических исследованиях особое внимание уделяется гендерным аспектам построения карьеры. Основные гендерные стереотипы, касающиеся построения карьеры, связаны с полоролевой социализацией, социальными стереотипами, устройством социума. Как показывают социально-психологические исследования, женщины не меньше мужчин заинтересованы в продвижении по службе и повышении своего образовательного уровня, ориентированы на престиж, заработную плату, обладают не меньшим чувством ответственности. Изучение гендерных аспектов в управлении организаций показывают, что центральным элементом организации в результате исторического завоевания правового государства, является формальная и декларируемая безличность в отношении непрофессиональных личностных особенностей, таких как пол, возраст, национальность и прочее. Вместе с тем, спецификой гендера в любой организации является то, что он выступает «субъектом управления» мужчин и женщин. Исследование присутствия гендерных отношений показывают, что, как правило, в любых организациях на первое место выступают гендерные стереотипы, гендерные представления, которые целенаправленно или неявно влияют на формирование внутриорганизационной гендерной политики.

Гендерная политика организации включает такие вопросы как регулирование кадрового состава работников по половому признаку, влияние фактора пола на формирование властных структур в организации, на служебное и профессиональное разделение труда внутри организации, на формирование кадрового резерва организации, на психологический климат и текучесть кадров, организационную культуру и организационную этику и др. Нередко в реализации гендерной политики в скрытой форме присутствует идеология равенства/неравенства мужчин и женщин, базирующаяся на тезисе о природном неравенстве полов, по которому определяются возможности профессионального роста и продвижения по

социальной лестнице. Как показывают исследования, в реальной жизни имеет место неравные возможности мужчин и женщин в стартовых карьерных условиях. Карьерные ожидания женщин формируются в противопоставлении «карьера или семья», и в борьбе «женщина или мужчина», а организации, какими бы разными они не были, как правило, утверждают себя как мужской мир. Как при приеме на работу, так и при сокращении персонала женщины подвергаются неявной дискриминации: мужчина не обязан отчитываться перед нанимателем в том, сколько часов в день он занимается работой по дому, а женщину подробно расспрашивают, как она будет совмещать профессиональные обязанности с материнскими, и кто ухаживает за детьми, когда они болеют; при возникшей необходимости сокращения сотрудников на предприятии, первыми под этот процесс попадают женщины, а, оказавшись безработными, женщины обычно сталкиваются с большими, чем мужчины, трудностями при получении доступа к различным программам помощи. Женский руководящий персонал вынужден бороться с культурными барьерами, которые отказывают им в легитимации их претензий на руководство. Пока женщина сравнивает себя с женщинами, она может почувствовать удовлетворение своим социальным и профессиональным статусом, но, оценивая себя относительно мужчин, она сталкивается с явным принижением своих способностей и возможностей. Политика равноправия, нацеленная на гендерную симметрию, деловые и организационные стратегии при исследовании их реализации, выявляют противоречия в институциональных структурах и культурах. Гендерный подход к планированию профессиональной карьеры с позиций обоснования рационального возраста и нормативных сроков занятия должностей с учетом личностных характеристик и устремлений мужчин и женщин, предполагает изучение длительности прохождения каждого этапа карьеры представителями различных социополовых групп, выявление сходства и различия в прохождении этапов карьеры у женщин и мужчин. Гендерное планирование профессиональной карьеры заключается в том, что с момента принятия работника в организацию и до предполагаемого увольнения с работы необходимо организовать равные возможности мужчинам и женщинам для планомерного горизонтального и вертикального продвижения работника по системе должностей и рабочих мест.

ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ: ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

Ушакова В.Г. (Санкт-Петербург)

Наличие гендерных исследований в социологическом образовании современного университета - показатель его интеллектуальной состоятельности, социальной адекватности и престижа. В российской системе образования теория и практика гендерных исследований используется, прежде всего, теми университетами, которые стремятся соответствовать мировому образовательному уровню. В рамках Института гендерных исследований факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета в 2010-2012 гг. под руководством автора было проведено социологическое исследование, целью которого был сравнительный анализ учебных дисциплин гендерной проблематики в ВУЗах Санкт-Петербурга и Киева на примере факультетов, осуществляющих подготовку по специальности «социология». Особенно большой и уникальный вклад в эту работу внесла талантливая выпускница факультета социологии СПбГУ Шубина Елена Игоревна. В Санкт-Петербурге в исследовании участвовали 8 университетов: Санкт-Петербургский государственный университет, факультет социологии; Санкт-Петербургский филиал Государственного университета – Высшей школы экономики, факультет социологии; Санкт-Петербургский государственный университет сервиса и экономики, институт социологии и управления социальными процессами; Санкт-Петербургский университет культуры и искусств, факультет культурологии и социологии; Европейский университет в Санкт-Петербурге, факультет политических наук и социологии; Российский государственный педагогический университет им. А.А. Герцена, факультет социальных наук; Санкт-Петербургский государственный инженерно-экономический университет, гуманитарный факультет; Санкт-Петербургский государственный морской технический университет, факультет естественнонаучного и гуманитарного образования. В качестве ключевого вопроса был выделен следующий: преподаются ли на данном факультете дисциплины гендерной проблематики? Изучаемым временным интервалом преподавания учебных дисциплин гендерной проблематики был период 2010/2011 и 2011/2012 учебных годов. Для анализа курсов были выделены общие и специализированные (магистерские)

программы по гендерным исследованиям. К общим относятся дисциплины гендерной проблематики (обязательные/по выбору), читаемые специалистам, бакалаврам и магистрантам, а к специализированным – дисциплины гендерной проблематики (обязательные/по выбору), читаемые магистрантам в рамках магистерских программ по гендерным исследованиям. Были проведены: сравнительный контент-анализ рабочих программ учебных дисциплин, анкетный опрос (14) и экспертное интервью с 4 преподавателями. В Санкт-Петербурге на 5 факультетах из 8 преподаются 24 дисциплины гендерной проблематики. На основании контент-анализа содержания рабочих программ учебных дисциплин гендерной проблематики можно сделать следующие выводы: дисциплины гендерной проблематики, преподаваемые на соответствующих факультетах университетов Санкт-Петербурга, в большей степени ориентированы на рассмотрение различных теорий, дисциплин и отраслей научного знания (например, гендерная теория, теория феминизма, гендерная социология, психология, гендерные, феминистские, женские исследования); среди лидирующих понятий выступают: «Гендер», «пол», «гендерная стратификация», «гендерное неравенство/равенство», «гендерные проблемы», «гендерная политика», «гендерные отношения». «гендерная идентичность», «гендерные роли», «гендерные стереотипы», «гендерные аспекты», «гендерные различия». К индивидуальным понятиям относятся: «гендерная гармония», «гендерный дуализм», «гендерные разрывы», «эффект «гендерного безразличия», «гендерное гражданство», «гендерное пространство», «гендерная обусловленность», «гендерное воспитание», «гендерные детерминанты», «гендерные предпочтения», «гендерная специфика». При рассмотрении таких дуальных тем, как «мужское-женское», «мужчина-женщина», «маскулинность-феминность», большее внимание уделяется рассмотрению «женского», «феминного». На данное обстоятельство следует обратить внимание и стремиться к преодолению данного дисбаланса, поскольку в фокусе дисциплин гендерной проблематики должен находиться не один гендер, а «диалог гендеров» и рассмотрению проблем каждого пола/гендера в рамках этого диалога стоит уделять равное внимание. Также большое внимание уделяется «семье», «браку», «родительству». Подводя итог, хотелось бы отметить, что гендерное просвещение и образование социологов на данном этапе, к сожалению, находится далеко не на самом высоком уровне (и в одном, и в другом городе) – курсы читаются, но читаются не везде, неких общих стандартов о том, что

должны содержать курсы, нет, большинство программ – авторские. В Санкт-Петербурге есть специальные магистерские программы по гендерным исследованиям, куда могут пойти студенты, желающие получить соответствующие знания. Однако эти студенты будут представлять второй уровень обучения, что касается студентов первого уровня – ситуация весьма плачевная, т.к. большая часть российских учебных планов, в соответствии с которыми происходит обучение по специальности «социология», не содержит дисциплин гендерной проблематики. В Киеве ситуация обратная – социологи первой ступени (бакалавры) в большинстве своем слушают данные курсы в обязательном порядке, однако возможность продолжить обучение углубленно (например, поступить в магистратуру по программе «Гендерные исследования») отсутствует, т.к. нет программ. При этом студенты заинтересованы в прохождении учебных дисциплин гендерной проблематики (поскольку каждый учебный курс имеет свою направленность, несмотря на наличие неких общих позиций в содержательной структуре, то степень заинтересованности зависит от потребностей студентов, определяемых личным и/или научным интересом). Таким образом, можно сделать вывод о том, что учебные дисциплины гендерной проблематики, преподаваемые на факультетах, осуществляющих подготовку студентов по специальности «социология», нуждаются в дальнейшем развитии (речь идет и об увеличении числа данных дисциплин, и о внесении корректив в содержательную часть уже существующих дисциплин). Наши же защитные аргументы сводятся к тому, что, во-первых, постепенная динамика в данном отношении и в Санкт-Петербурге, и в Киеве происходит; в Санкт-Петербурге в 2005-м и далее в 2008-м годах были открыты программы по гендерным исследованиям, в Киеве примерно в это же время была создана сертификационная программа по гендерным исследованиям. Среди основных целей и задач в Концепции развития гендерного равенства в Санкт-Петербурге на период до 2015 года заявлены реформы в области образования и просвещения ввиду «отсутствия целенаправленной долгосрочной государственной политики в области гендерного образования и просвещения», «отсутствия финансовой поддержки со стороны государства для проведения систематической работы по гендерному образованию и просвещению», «недостаточной разработки теоретико-методологической базы гендерного образования и просвещения», «отсутствия системы подготовки специалистов по гендерному образованию», «отсутствию государственных образовательных

стандартов в ряде профильных специализаций и программ гендерных исследований как учебной дисциплины в средних и высших специальных учебных заведениях». Гендерные исследования приобретают практическую актуальность также в связи с обострением гендерных проблем в современном российском обществе. В качестве примера можно привести острую дискуссию по поводу второго чтения в Государственной Думе Федерального Закона «О государственных гарантиях равных прав и свобод женщин и мужчин» («О государственных гарантиях равных прав и свобод мужчин и женщин и равных возможностей для их реализации»). Таким образом, гендерные исследования имеют солидный потенциал развития и серьёзную востребованность не только со стороны студенческого, но и гражданского сообщества.

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ С СЕМЬЕЙ

Челышева Н.А. (Санкт-Петербург)

Семейное поведение в своих конкретных формах – брачного, супружеского и репродуктивного, реализует процессы формирования и функционирования семьи. Очевидно, что семейное партнерство будет более эффективным, если оно подчинено принципу «гендерной конгруэнтности», т.е. принципу совпадения или максимальной комплементарности наиболее типичных потребностей мужчин и женщин. Ситуация, характеризующая сегодняшнее состояние и тенденции развития семьи в нашем обществе, свидетельствует о том, что принцип гендерной конгруэнтности «не работает» в социокультурной среде с различной ценностно-нормативной нагрузкой образцов поведения мужчин и женщин. Действие двойного гендерного стандарта обнаруживается во многих сферах общественной жизни, но в сфере семейного поведения оно проявляется наиболее отчетливо. Очевидна социокультурная обусловленность этой потребности для женщин – несмотря на изменение картины ролевых и статусных позиций женщины в современном обществе, именно семейный статус является индикатором социальной полноценности женщины, степени её соответствия тем нормативным предписаниям и ролевым ожиданиям, которые имплицитно содержатся в нормативной системе общества. Отсутствие статуса замужней у женщины, перешагнувшей определенный, неформально установленный возрастной рубеж,

обычно требует объяснений. При этом приоритетная значимость других ценностей, лежащих вне пространства брачно-семейных отношений, как правило, признается проблематичной и не оправдывающей невыполнение женщиной предписанной ей социальной роли. В массовом сознании за женщиной не признается права сознательного отказа от возможности обретения брачно-семейного статуса, следовательно, «незамужество» становится маркером малопривлекательности женщины на брачном рынке. Принципиально иные социокультурные стандарты выработаны современным обществом в отношении мужчин. Если в нормативных предписаниях, адресованных женщинам, прямо или косвенно прослеживается элемент долженствования, то те же предписания в отношении мужчин содержат, скорее, элемент желательности. Иными словами, семейно-брачный статус мужчины – это статус желательный, но отнюдь не обязательный, потому что в общественном сознании этот статус не включен в качестве значимого компонента в социально-позитивную оценку мужчины. Утрата традиционной для русского этноса социальной модели перехода от одной возрастной роли к другой вызвало деформацию системы возрастных ценностей, что в свою очередь нивелировало престиж брака в шкале социальных ценностей современного мужчины. В СССР материнство было институционализировано как функциональная обязанность женщины и поддерживалось соответствующими идеологическими конструкциями, в частности, учреждением государственных наград «Мать-героиня» и «Материнская слава», в то время как мужские семейные роли оставались на периферии государственного и научного внимания. Современные сценарии мужских ролей, в основном, сконцентрированы на внесемейных ориентирах социального функционирования мужчины, нейтрализующих негативный эффект семейно-ролевой несостоятельности. Устойчивый социальный стереотип, утверждающий материальное обеспечение основной мужской ролью в семье, снижает значимость супружеских и родительских ролей. Одним из самых распространенных транскультурных архетипов отцовства является образ «отсутствующего» отца. В современном российском обществе монопольным представителям семьи, в основном, является женщина, которая осуществляет взаимодействие семьи с различными социальными институтами – здравоохранением, образованием, системой социальной защиты населения. Институт отцовства практически не воспроизводится в постразводных семьях, так как, несмотря на законодательное закрепление симметричных

родительских прав матери и отца, при расторжении брака ребенок после развода, как правило, остается с матерью, а контакты с отцом становятся эпизодическими. Одним из следствий трансформации социально-экономических, политических и социокультурных условий жизни в современной России является изменение социальных репрезентаций и ролевых гендерных конструктов, что выражается, в частности, в появлении новых форм активности отцов. Очевидна необходимость создания системы социальной поддержки отцовских практик, при этом наиболее востребованной представляется работа с монородительскими отцовскими семьями, а также работа в ситуации постразводного отцовства. Монородительская отцовская семья является одним из альтернативных типов семьи, поэтому многие проблемы мужчин, в одиночку воспитывающих ребенка, требуют анализа и осмысления. Однако, как следует из практики работы социальных служб, приоритетное внимание, как правило, уделяется монородительским семьям с одинокой матерью. Тем не менее, в центрах социальной работы с семьей уже существуют направления деятельности, ориентированные на оказание различных видов помощи и поддержки монородительской отцовской семье. Результаты исследования, проведенного в одном из центров социальной помощи семье и детям Санкт-Петербурга, свидетельствуют о наличии достаточно сложных как социальных, так и психологических проблем в функционировании этого типа семей. По мнению большинства экспертов – сотрудников Центра, традиционные гендерные стереотипы российского общества являются основными факторами, препятствующими конструктивной работе с мужчинами, воспитывающими ребенка без матери. Социально одобряемая модель поведения - «мужчины не плачут» не позволяет таким отцам признавать наличие проблем в своей семье, говорить об этих проблемах, обсуждать с кем-либо возникшие сложности. Они предпочитают искать интересующую информацию в литературе или Интернете. Наиболее востребованными видами социальной поддержки у одиноких отцов, состоящих на учете в Центре, является помощь в организации досуга ребенка, устройстве его в детское учреждение, в оформлении документов, необходимых для оформления денежных пособий. В числе наиболее актуальных все эксперты Центра отметили проблему детско-родительских отношений в монородительской отцовской семье, особенно если у одинокого отца есть дочь или дочери. Поэтому социально-педагогический патронаж такой семьи является обязательным.

Одним из перспективных направлений работы с монородительской отцовской семьей является расширение объемов дистантного консультирования, в частности развитие проекта «Кризисная линия для мужчин». Дистантное консультирование эффективно помогает нейтрализовать естественную тревогу и фрустрацию у мужчин при обращении за помощью, позволяет проговорить свои чувства, определить свои состояния и описать проблемную ситуацию. Главное преимущество «Кризисной линии для мужчин» – анонимность общения. В программных документах, посвященных гендерной проблематике и её актуальности в современной России, подчеркивается необходимость достижения социального равенства мужчин и женщин как первого этапа трансформации их традиционных социальных ролей. Однако изменение культурной парадигмы, как правило, признается необходимым только в отношении женщин, ибо существующая социокультурная стереотипизация ставит их в положение «второго пола». В то же время пока явно недостаточно научного внимания уделяется гендерным стереотипам, существенно определяющим качество жизни современных российских мужчин.

ОТНОШЕНИЯ ОТЦОВ И ДЕТЕЙ ПОСЛЕ РАЗВОДА РОДИТЕЛЕЙ

Шевченко И.О. (Москва)

В докладе представлены результаты следующих исследований: 1) «Особенности социализации «детей развода», 2004-2005 гг., методы исследования – глубинное интервью, свободное интервью, проективные рисуночные методики. 2) «Отцы об отношениях с детьми после развода», 2008-2009г., методы исследования – глубинное интервью. 3) «Отцы и дети после развода родителей», 2010-2011г., методы исследования – глубинное и неформализованное интервью. Восприятие детьми развода родителей. Можно выделить основные факторы, влияющие на адаптацию ребенка к разводу родителей: возраст (дети младшего возраста гораздо легче адаптируются к разводу родителей); привязанность к уходящему родителю (если дети, особенно маленькие, сильно привязаны к матери, уход из семьи отца переживается спокойнее, переживания могут почти не проявляться внешне, но все равно присутствуют); поведение родителей (уход одного из родителей, сопровождаемый открытыми конфликтами, более травматичен для

ребенка) в процессе и после развода. Позитивные факторы: желание и интерес отца общаться с ребенком (в первую очередь, а интерес и желание ребенка влияют гораздо меньше); заинтересованность матери в общении ребенка с отцом. К негативным факторам можно отнести: негативное влияние других родственников, и, в первую очередь, негативное влияние матери; дистанция между отцом и ребенком (проживание в разных городах); занятость отца на работе; появление у родителей другой семьи. Этапы развития отношений отца и ребенка после развода родителей. Схожая динамика позволяет выделить три этапа развития отношений разведенного отца и его ребенка. Для первого этапа, который начинается после развода родителей, характерны частые встречи, высокая степень участия отца в жизни ребенка, материальная поддержка со стороны отца. Для второго этапа характерны редкие встречи, низкая степень участия, низкий уровень материальной поддержки. Переломным моментом в отношениях отца и ребенка служит взросление ребенка. Дети, становясь взрослее, часто выступают инициаторами возобновления отношений и способствуют учащению встреч. Детям нужен друг и близкий человек. У молодых людей появляются общие интересы и увлечения с отцами, поводы для встреч и темы для разговоров. Отношения отца и ребенка на первых двух этапах формируются родителями. Важную роль играют отношения родителей и те линии поведения, которым они следуют после развода. Ребенок обычно (но не всегда) не выступает активным субъектом на этих этапах. Имеют значение беспокойство отца за ребенка, потребность отца в общении с ребенком, чувство ответственности за судьбу ребенка и другие социальные факторы отцовства. Развод – большая травма для супругов. Женщины особенно остро переживают расставание с бывшим мужем. Они ищут поддержку и утешение в детях, проецируя свои негативные эмоции на ребенка. Ребенок, становясь свидетелем материнских переживаний, видит в отце маминого обидчика и настраивается против него. Вместе с тем, невозможно возлагать ответственность за формирование нормальных отношений только на отца или только на мать. В целом, можно сделать следующие выводы: В России отсутствует культура развода. В наличии явный перекос как в общественном сознании, так и в юридической практике – «ребенок должен воспитываться матерью». Отсутствует практика совместной опеки. Мать зачастую относится к ребенку как к своей собственности. Наблюдается потребительское отношение к отцу, как со стороны матери, так и, соответственно, со стороны ребенка. Присутствуют и отрицание отцовской ответственности, и ситуации,

когда отцы исчезают из жизни детей или ограничиваются только материальной поддержкой. Вместе с тем дети в интервью отмечают, что им необходима отцовская поддержка в любой форме.

СЕМЬЯ, ПРОФЕССИЯ И ЧТО ЕЩЁ... АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ И ПРОБЛЕМЫ СОВМЕЩЕНИЯ ПРОФЕССИИ И СЕМЬИ

(Перевод с немецкого: Ушакова В.Г.)

Рита Штейн-Редент (Оснабрюк, Германия)

Успешное сочетание современными родителями профессиональной деятельности и семьи имеет в настоящее время решающее значение не только в экономическом плане, но и в демографическом, моральном, эмоциональном.

В 2010 году доля 20-60-летних людей составила на одну сотню 33,3 человека, доля людей моложе 20 лет была 47,6 человек, остальные - 60 лет и старше. В сумме первые две группы составляют квоту 80,9 человек. По данным Федерального Статистического Управления индекс молодёжи в последующие десятилетия не будет серьёзно изменяться и в 2050 году составит около 34,8 [1]. В повседневности эти изменения в течение некоторого времени уже становятся заметными: школы закрываются, структур по уходу за пожилыми создаётся всё больше, предприятия отчаянно ищут профессионалов и университеты находятся во всё усиливающейся конкуренции за обучающихся – с одной стороны. С другой стороны, речь идёт сегодня о том, чтобы искусно организовать совмещение работы и частной жизни; это не всегда просто, потому что изменились женские и мужские биографии и их приспособляемость к профессиональным отношениям становится всё более непредсказуемыми.

Тезис 1:

Совмещение профессии и семьи занимает важное место в политической повестке дня в Германии. Семья существует не только там, где мужчина и женщина живут вместе со своими детьми. Всё более надо исходить из многообразия жизненных форм, которые сочетаются с различными конфигурациями домашнего хозяйства. Существует также Я-семья, которая участвует в социальных контекстах.

Тезис 2:

В то время как работодатели ожидают от своих работников всё больше гибкости, мобильности и доступности, временные ресурсы семьи в значительной степени игнорируются или рассматриваются как препятствие. Для многих женщин и мужчин решение иметь детей связано с профессиональными последствиями. Родители хотели бы сегодня всё-таки иметь больше времени для детей и семьи без ущерба для карьеры или профессии. Чтобы приблизиться к цели формирования мира профессии, дружественного семье – создать работу, поддерживающую семью, вместо семьи, поддерживающей работу - нужно в дополнение к отдельным мерам создавать условия труда, как правило, предназначенных и ориентированных на семью.

Тезис 3:

Разнообразные профессиональные и жизненные ситуации, как и отношения между работой и жизнью трудящихся приводят к различным профессиональным биографиям женщин и мужчин. Восьмой Отчёт о положении семьи Федерального министерства по делам семьи, пожилых людей, женщин и молодёжи, опубликованный 10.10.2012 года [2], констатирует, что сохранение традиционных гендерных ролей и дискриминация в отношении женщин оказывают негативное влияние на местоположение Германии в международной экономике.

Тезис 4:

Наиболее часто женщины оказываются перед дилеммой в связи рабочим временем: они работают или полный день, тогда угрожает нехватка времени на семью, или они работают неполный день, тогда угрожает отказ от карьеры. Длительность профессионального рабочего времени радикально различается у матерей и отцов: в то время как матери в среднем 24,4 часа в неделю профессионально работают - поэтому все больше полагаются на неполный рабочий день – отцы находятся на работе в среднем 39,7 часов в неделю. Это создаёт различие рабочего времени в 15 часов в неделю.

Тезис 5:

Немецкие женщины сейчас зарабатывают на 24 процента меньше, чем их коллеги-мужчины. Германия является одной из худших в ЕС. Помимо различных профессиональных биографий традиционное неравенство продолжает сохранять по-прежнему решающее значение. Это ведёт к моральным, экономическим и культурным последствиям

Тезис 6:

Для детей и молодых людей сегодня, как и прежде, высокое значение имеет принадлежность к семье, как с точки зрения прямой поддержки и услуг, так и с точки зрения эмоциональных ценностей. Всё более растущая профессиональная занятость женщин с детьми, вероятно серьезно не изменит эти тенденции,. Скорее, описание жизненной ситуации детей и положения молодых людей указывает на то, как важно создать рамочные условия, которые сделают возможным, чтобы оба родителя могли совмещать работу и семейную жизнь. Это также означает, что родителям нужно время, в дополнение к работе, для семьи.

Литература

1. <http://www.bpb.de/nachschlagen/zahlen-und-fakten/soziale-situation-in-deutschland/61544/entwicklung-der-altersstruktur>
2. <http://www.bmfsfj.de/BMFSFJ/Service/Publikationen/publikationen.did=190394.html>

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Юлдашева О.Н., Сизоненко З.Л. (Уфа)

Диалектика пола выражается во взаимной зависимости и дополняемости женщины и мужчины. Взаимная зависимость полов является основой равенства и пропорциональности, равенства своеобразных ценностей. Но это равенство существует в различии: это полярность, представляющая основной закон жизни. Любые сущностные характеристики человека реализуются в формах мужского или женского поведения. На индивида оказывают влияние историческая ситуация, социальная принадлежность, окружение, характер социокультурного взаимодействия между полами и его осмысление. Все это способствует обогащению личности и совершенствованию самого общества, поскольку «мужское и женское начала – это универсальные, сущностные характеристики человеческого бытия» [1]. В качестве компонентов «гендера» западные психологи (Р. Унгер, Г. Рабин, А. Рич) [2] выделяют

гендерные стереотипы, гендерные нормы, гендерные роли и гендерную идентичность. При этом акцент делается на биологических, психологических, культурологических различиях поолов при явной недооценке влияния социально детерминирующих их факторов. Следует отметить, что различия между понятиями «пол» и «гендер» в западной философии, психологии и социологии являются предметом дискуссий в течение длительного времени. В российской социологии признак пола, отражающий принадлежность индивида к конкретной половой группе в структуре общества, изначально социален, так как личность, независимо от ее пола, рождается и развивается (если, конечно, это не «маугли») в социуме, в многообразной системе социальных связей и отношений. Поэтому российским социологам нет необходимости пересматривать свои методологические концепции и принципы социального анализа положения в обществе различных гендерных групп. Скорее нам следует принять понятия «пол» в его англоязычной транскрипции (гендер), позволяющей через унификацию научной категории («пол», «гендер») сделать это понятие интернационально применимым в любой стране, шире – в мировой научной и социальной практике, независимо от национального терминологического аппарата. Само основополагающее понятие «гендер» (от англ. gender – род), означающее социальный пол, противопоставляется понятию пола биологического (англ. sex) и используется для обоснования центральной феминистической идеи о том, что социальные особенности полов определяются историческими и этнокультурными условиями, следовательно, половые социальные роли мужчин и женщин не определены их биологией, а социально сконструированы. Сегодня ни одно профессиональное исследование в области социальных и гуманитарных наук немыслимо без использования гендерного подхода. Таким образом, «гендер» затрагивает психологические, социальные и культурные особенности мужчин и женщин. Разграничения пола и гендера можно назвать фундаментальными, так как многие различия между мужчиной и женщиной обуславливаются причинами, не являющимися биологическими по своей природе. Гендерный подход делает акцент на самооценности личности женщины, признает неотъемлемым ее право на развитие творчество, на свободу в проявлении себя. При этом сторонники феминизма едины в критике традиционной патриархальной культуры, основанной на принципах господства мужчины над женщиной; на отождествлении человека и «подлинно человеческих» качеств с мужчиной и мужскими качествами.

Представители марксистского направления сводят гендерное неравенство к классовому, т.е. гендерные проблемы в марксизме починены классовым. Хотя, заметив в «Немецкой идеологии», что первой формой частной собственности и первым разделением труда является рабство в семье, «где жена и дети – рабы мужчины», К.Маркс никогда к этому вопросу не возвращался. Представители «социалистической» феминологии пытаются сочетать радикализм с марксизмом (Бенстон, Бернштейн): класс и пол представляются политическими механизмами, которые необходимо устранить, а мужское и женское начала должны быть социально irrelevantны (независимы). Впоследствии феминистский радикализм постепенно идет на убыль. Дальнейшее развитие общества и культуры видится представителям феминистской теории по-разному: например, «гинекоцентристы» считают, что главным является общественное признание большей, по сравнению с мужской, ценности «истинно женского женственного». Сторонники «культурного» феминизма настаивают на развитии отдельно от мужской сепаратной женской культуры общения, поведения, отношений. «Гуманистические» феминистские теории ориентированы на создание общества, исключая любые формы господства, насилия и подавления личности, трансформацию всей системы человеческих отношений (между мужчиной и женщиной, внутри каждого из половых групп, между взрослыми и детьми). «Гуманистический» феминизм считает, что маскулинная культура деформирует и подавляет не только женщин, но и мужчин, ибо «сильный» мужчина утверждается только через унижение и подавление ее личности. Но в такой ситуации нет победителей: господин и раб всегда зависят друг от друга; поработав, нельзя стать свободным. Выход из такого тупика феминистки видят в сознательном формировании нового «немаскулинного» сознания, в пересмотре традиционных понятий силы и иерархии и замене их понятием сотрудничества (и «сетей» отношений), в нравственном совершенствовании личности, в перестройке всей системы человеческих отношений, которые должны быть направлены на «любовь и уважение к ближнему», в создании общества, исключая все формы насилия и подавления личности. Для К. Маркса и Ф. Энгельса гендерные различия во власти и статусе лишь отражают другие различия – прежде всего классовые. В работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельс отмечает, что частная собственность породила моногамию как потребность в прямых наследниках [3]. Опираясь на исследования Л. Моргана, Ф. Энгельс предложил эволюционно-

материалистический подход к изучению семейных и половых отношений. По его мнению, в примитивном обществе нет ни гендерного, ни классового деления. Все примитивные общества были матрилинейными, где господствовал матриархат. Переход к патриархату связан с появлением скотоводства и кочевничества. Это и было началом эпохи всемирно-исторического поражения женщин. Когда возник институт брака, женщины превратились в одну из форм «частной собственности» мужчины. Моногамия устанавливалась только для женщин, в то время как мужчинам разрешалось общение с другими женщинами. Соответственно женщины перестанут быть рабынями в том случае, если классовое деление общества преодолено. Безусловной заслугой марксизма является тезис о необходимости освобождения женщин от социального и экономического неравенства, акцент на двойной занятости женщин на производстве и дома. Однако в полной мере еще не проанализированы вопросы о том, почему мужчины предпочитают оставить наследство, в идеале (для большинства мужчин) наследника мужского пола, если они все равно умирают, и почему женщины «хотят» быть целомудренными. В России яркими представительницами марксизма были Инесса Арманд и Александра Коллонтай. Именно А. Коллонтай предложила организовать детские сады, создать специальные рабочие места в детских садах, такие как воспитатель, уборщица, повар и т.п. Эти меры по ее мнению, способствуют освобождению женщин от домашнего труда и позволяют включиться в равноправный трудовой процесс, освобождают их. По ее мнению, как домашний труд, так и материнство угнетали женщин. А. Коллонтай выступила за отмену семьи и свободу сексуальных отношений, что являлось одним из атрибутов равноправия полов и предложила радикальную программу, основанную на всеобщем включении женщин в производство и социализации домашнего труда. Классическая социальная теория начала складываться во второй половине XIX века на фоне промышленной и социальной революций в Европе. Большинство социальных теоретиков считали разделение мужских и женских социальных ролей священным и неизменным, полагая самореализацию женщин возможной лишь в рамках домашнего мира. Достаточно часто социологические теории либо игнорировали женщин вообще, либо отводили им второстепенные роли. Так, в частности, обращение к проблематике гендерных отношений одного из основоположников социологии Э. Дюркгейма было связано с моральной оценкой разделения труда в обществе. Как известно, он

считал разделение труда фундаментальным базисом общественной порядка и категорическим императивом коллективного морального сознания. Растущая специализация экономических, политических, административных институтов нередко подвергалась критике как источник экономических кризисов и классовых конфликтов. В своих работах Э. Дюркгейм пытался разрешить эти противоречия, рассматривая «факты моральной жизни в соответствии с методами социальной науки». Он считал моральные последствия разделения труда более важными, чем экономические. Парадигмальным вариантом разделения труда он считал брак, разделение труда в котором служит источником солидарности [4]. При этом, с его точки зрения, физическая и культурная дифференциация между мужчинами и женщинами все время увеличивается. Дюркгейм пришел к заключению, что, «чем глубже мы обращаемся в прошлое, тем менее значительными становятся различия между мужчинами и женщинами» – во внешности, физической силе, строении мозга, а также выполнении социальных ролей и функций. Развитие института брака, по мнению Дюркгейма, происходило по мере нарастания все большей дифференциации между мужчинами и женщинами. Женщины становились постепенно все более слабыми физически, размер их мозга все более уменьшался по сравнению с мужским, зато при этом у них развивалась моральное чувство и мягкость характера. По мере развития института брака, женщины отстранялись от участия в войнах и других публичных событиях и сосредоточивали свои жизненные интересы вокруг семьи. Дюркгейм считал, что именно разделение труда на основе половых ролей создало фундамент для солидарности в домашней сфере. Эта история конъюгальной (брачной) солидарности позволила Дюркгейму выдвинуть гипотезу о том, что усиление социального разделения труда ведет не к конфликтам, а к консенсусу и солидарности. Серьезный недостаток предложенного Дюркгеймом анализа конъюгальной солидарности заключается в том, что наличие в браке принуждения, подавления и неравного обмена любыми видами ресурсов он интерпретировал как простую техническую комплиментарность функций. Создатель немецкой классической социологии Г. Зиммель считал подчиненное положение женщин серьезной проблемой и уделял особое внимание исследованию того, как доминантная мужская культура препятствует автономному развитию женской идентичности и ограничивает участие женщин в культуре. Те роли, которые социально предписаны женщинам, недостаточны для их автономной самореализации, а независимая

моральная оценка их деятельности подменяется выработанными мужчинами критериями. Зиммель, в отличие от Дюркгейма, подчеркивал, что разделение труда по половому признаку приводит к тому, что женщины воспринимаются лишь сквозь призму отношений с мужчинами. Сами же по себе женщины – «ничто», потому что доступные им роли не имеют никаких специфических, независимых женских качеств: «Все унижение женщины исходит из того, что существование женщины оценивается по критериям, смоделированным для противоположного пола» [5]. Зиммель разделял традиционную точку зрения о разделении между полами сфер бытия: «мужчина – культура, женщина – природа». Женщины, по его мнению, находятся гораздо ближе к темным примитивным силам природы, их наиболее существенные личностные характеристики связаны с самыми естественными, самыми универсальными, самыми важными с биологической точки зрения функциями. Он полагал, что женский характер не может быть выведен ни из полового разделения труда, ни из его культурной объективации. Радикально противопоставляя «природу женщины» миру мужской культуры, он считал ее «неопознаваемой» для мужчины. По Зиммелю, исторически женщины стали позже, чем мужчины, пользоваться правами частной собственности, и их личное имущество в основном состояло из украшений, в то время как первым личным имуществом мужчин было оружие. По его мнению, это обстоятельство указывает на более активную и агрессивную природу мужчин, расширявших границы влияния своей личности насильственно, против воли других. Женщины же в гораздо большей степени выражали готовность зависеть от доброй воли других людей: они выражали свою индивидуальность через восхищение и признательность, которые получали из внешнего социального мира [6]. В XX веке в противовес утверждению, что иерархия между мужчинами и женщинами биологически обоснована, возникает теория «социального конструирования гендера». Социальные конструктивисты сформулировали основное свое утверждение: «пол не дается от рождения, а приобретается в процессе социальных взаимодействий», что звучит как продолжение тезиса Симоны де Бовуар: «женщиной не рождаются, женщиной становятся» [7]. Теория гендера как стратификационной категории базируется на классических теориях социального неравенства и социальной стратификации (М. Вебер, Э. Гидденс, П.А. Сорокин и др.). Э. Гидденс отмечает, что классовый фактор является не единственным в определении социальных различий, влияющих на поведение мужчин

и женщин. В число других факторов входит этническая и культурная принадлежность [8]. Помимо биологического и социального аспектов гендерного неравенства феминистками обнаружен третий – символический, или культурный. Мужское и женское на онтологическом и гносеологическом уровнях существуют как элементы культурно-символических рядов: мужское–рациональное–духовное–божественное–...–культурное и женское–чувственное–телесное–греховное–...–природное. В этих аспектах содержатся неявные ценностные ориентации и установки, сформулированные таким образом, что все, определяемое как «мужское», считается позитивным, значимым, а определяемое «женским» – негативным, вторичным и субординируемым. При этом многие явления и понятия приобретают гендерную окраску. Таким образом, в современной науке можно выделить три основные теории гендера: 1. Теория социального конструирования гендера. 2. Гендер как стратификационная категория. 3. Гендер как культурная метафора [9]. Новаторство гендерного подхода в рассмотрении неравенства полов состоит в попытках придать этому феномену социальное, социально-экономическое или социально-культурное объяснение, а также показать, что оно исторически сложилось в «патриархальном» обществе и закрепилось в «патриархальных» образах общества и науки. Гендерный подход, во-первых, делает акцент на самоценности личности женщины, признает неотъемлемым ее право на развитие, творчество, на свободу в проявлении себя. Во-вторых, представители гендерного подхода едины в критике традиционной патриархальной культуры, основанной на принципах господства мужчины над женщиной, на отождествлении человека и «подлинно человеческих» качеств с мужчиной и мужскими качествами [10]. Принимается во внимание то обстоятельство, что, несмотря на определенный прогресс в процессе эмансипации женщин в двадцатом столетии, современный мир до сих пор не смог предоставить им равные с мужчинами возможности в самореализации личности. Женщинам значительно труднее утвердить себя в деятельности вне дома, обеспечить свое выживание в неблагоприятных экономических, политических и социальных условиях, во времена общественных катаклизмов. В связи с этим обществом предпринимаются специфические меры по оказанию социальной поддержки и защиты женщин. Многообразие теоретических подходов свидетельствует о сложности гендерных проблем и неустанных попытках их разрешения посредством социологических исследований в том числе. При выборе методологии важно не допустить радикальных

отклонений от истины в угоду определенным политическим соображениям. Спекулирование на «женском» или «мужском» вопросе чревато углублением гендерного неравенства и усилением влияния гендерных стереотипов, препятствующих гармоничному развитию личности и взаимопониманию полов.

Литература

1. Шумилова О.Е. Политическое поведение женщин в условиях реформирования современного российского общества: Дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 : Тула, 2004. 187 с.; Шведова Н.А. Просто о сложном: тендерное просвещение. – М.: «Антиква», 2002. – С. 178.
2. Rich A. Of Women Born: Motherhood as Experience and Institutions. W. W. Norton & Company. New York-London, 1986. Ruhin G. The Traffic in Women: Notes on the «Political Economy» of Sex // Women, Culture and Society. Stanford (Cal), 1974.
3. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения: в 9 т. – М.: Политиздат, 1987.
4. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991. – С.56-65.
5. Цит. По: Брандт Г.А. Природа женщины. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2000. – С. 57.
6. Тартаковская И.Н. Гендерная социология. – М.: ООО «Вариант» при участии ООО «Невский простор», 2005. – С.20-23.
7. Гендерология и феминология: Учебное пособие / Р.Г. Петрова. – 5-е изд., перераб и доп. – М.: ИТК «Дашков и К», 2010. – С.46-47.
8. Гидденс Э. Социология. – М.: Эдиториал УРСС, 1999.
9. См.: Воронина О.А. Социокультурные детерминанты развития гендерной теории в России и на Западе // Общественные науки и современность. 2000. № 4. – С.9-21.
10. Электронный ресурс: <http://encbook.ru/content234155/>. Дата обращения: 28.08.2011 г.

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СЕМЕЙНОГО НАСИЛИЯ

Якушина Н.В. (Орел)

Насильственные действия членов семьи по отношению друг к другу имели место во всех обществах и во все времена, но не всегда

они рассматривались в качестве социальной проблемы. Существует так называемое структурное насилие, которое, как отмечает Т.С. Сулимова, легитимно представлено в культуре, социальных символах, традициях и ритуалах. Так «педагогическое» насилие над детьми, «домостроевское» обращение с женщинами или же «спартанское» отношение к старикам и инвалидам в те или иные времена было закреплено законом и (или) поддерживалось общественной моралью. Иначе говоря, те или иные формы насилия могут восприниматься населением как справедливое дело («культурное» насилие, по Д. Галтунгу). Однако в последние десятилетия насилие в семье осознается как серьезная и масштабная проблема, которая порождает множество других социальных и индивидуальных проблем. В частности, сформировалось понимание, что недостаточно только наказывать виновных, необходимо также реабилитировать жертву насилия и поработать с человеком, совершившим насилие, во избежание повторения ситуации [4, с. 17]. Исследования показывают, что насилие, осуществляемое мужчинами, не существует в вакууме. Это динамика более и менее значимых форм эмоционального (психологического) и физического насилия. Хотя мужчины, на первый взгляд, обладают большей властью в отношениях, а женщины только подчиняются, в реальности все намного сложнее. Результаты свыше ста исследований демонстрируют высокий уровень агрессивности и насилия, совершаемого женщинами. Так, национальные исследования домашнего насилия в 1975 и 1985 годах, проведенные М. Страусом, Р. Геллесом и С. Стейнметц, выявили примерно равный и даже чуть более высокий уровень насилия, совершаемый женщинами в отношении мужчин. Под насилием М. Страус и его коллеги понимали «действия, направленные на причинение физической боли или травм независимо от того, были ли в результате насилия нанесены травмы и повреждения или нет» [2, с. 110]. Одно из исследований домашнего насилия, проведенное в России в 1996 году, выявило, что женщины чаще являются инициаторами вербальных оскорблений, особенно в возрасте 18-29 лет, и провоцируют физические оскорбления. Авторы подчеркивали, что «в оскорбительное поведение вовлечены и мужчины и женщины: одни мужчины не могут быть виноваты в кризисных семейных ситуациях, которые заканчиваются насилием» [1, с. 89]. Проведенный среди жителей г. Орла опрос показал, что 71 % респондентов признают важной проблему насилия в семье и 48,5 % широко распространенной (присутствует в 60-80 % семей). Также

респондентам был задан вопрос, о том, что они вкладывают в понятие «семейное насилие». Полученные ответы были объединены в пять следующих групп: физическое насилие (жесткие действия в отношении другого человека, применение силы, избиение, рукоприкладство, пинки и т.д.); психологическое (унижение, издевательство и т.д.); сексуальное (принуждение к сексу); экономическое (ограничение в деньгах, лишение средств и т.д.); использование детей для установления контроля над взрослой жертвой. В результате выяснилось, что почти все респонденты (88,5 %) указали физическое насилие и больше половины (57 %) указали психологическое. Вопреки сложившимся стереотипам оба партнера, как мужчина, так и женщина являются активными участниками отношений, проявляющими агрессию. Так как мужчины крупнее и физически сильнее женщин, то их агрессия чаще всего выражается через применение физической силы (94,5 %). Женщины же чаще прибегают к использованию лучше сформированных у них вербальных и эмоциональных способностей в выражении агрессии (82,5 %). Традиционные женские роли оказывают существенное влияние на формирование так называемых пассивных или «непрямых» методов выражения агрессии. К. Бьеквист описывает непрямую агрессию как попытку причинить кому-то боль, при этом избежав мести. Вербальное насилие служит примером так называемых «стратегий низкого риска» в выражении агрессии. Примером таких стратегий среди девочек чаще всего являются распространение слухов, установление отношений с людьми, которые неприятны партнеру, подговаривание группы к исключению кого-то из ее членов с целью навредить ему и т.д. [3]. Как правило, насилие в семье проявляется обоими супругами и является взаимным. Однако мужчины считают провокаторами насилия женщин (31,9 %), а женщины напротив мужчин (34,9 %). Преодоление стереотипов о том, что женщины слабые и пассивные – решающий шаг на пути к пониманию природы насилия. То, что мужчины чаще всего называют причинами своей агрессии, а именно, что жена «пилит», «действует на нервы», «заводится и не может остановиться», не воспринимается серьезно [3]. Действия агрессора являются схожими, цикличными и развиваются по трем четко выделенным фазам (напряжение, инцидент острого насилия, «медовый месяц»). Важной особенностью домашнего насилия является то, что в нем присутствует фаза «любви и раскаяния» что не дает жертве прекратить цикл насилия. Как мы уже отмечали, семейное насилие является распространенной, чаще латентной проблемой но, несмотря на это большинство опрошенных

(69,5 %) не приемлют насилие в своей семье. Однако 8 % респондентов считают домашнее насилие допустимым, а 15 % считают приемлемым в зависимости от ситуации. Таким образом, обладая примерно таким же «насильственным потенциалом», как и мужчины, женщины выражают его несколько другими способами. Различия между мужчинами и женщинами в проявлении агрессии порождаются в значительной мере сложившимися в обществе гендерными ролями и социальными стереотипами.

Литература

1. Ильяшенко, А. Н. Основные черты насильственной преступности в семье // Российский следователь. – 2003. – №4. – С. 85-90.
2. Лысова, А. В. Насилие в семье – объект социальной политики в США // Социологические исследования. – 2005. – №12. – С. 108-116.
3. Первякова, И. К. Женщины – жертвы преступлений // Социологические исследования. – 2000. – №9. – С. 96-97.
4. Торгашов, В. А. Дисфункциональная семья как фактор формирования девиантного поведения // Социальная политика и социология – 2007. – № 2. – С. 17-23.

ГЕНДЕРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК МОДУС БЫТИЯ СОЦИАЛЬНОГО

Яныкина А.Н. (Казань)

Проблема идентичности тесно связана с антропологической проблематикой, с определением границ и пределов человеческого Я. В социально-философском дискурсе неоднократно предпринимались попытки интерпретации и определения данного феномена – от теорий и концепций «множественности идентичностей» до полного отрицания ее наличия. В гендерных исследованиях, в философии феминизма особое значение приобретает необходимость выявления соотношения многочисленных составляющих идентичности для придания онтологического статуса категории гендер и гендерной идентичности как модальным характеристикам бытия социального. Гендерная идентичность в реорганизованном пространстве современного социума, в котором пребывает человек, по своей внутренней природе является символической идентичностью. В трактовке Д.Скотт одним из компонентов гендера является

«комплекс культурных символов (связанных с половым диморфизмом), которые вызывают в членах сообщества, принадлежащих к определенной культурной традиции, множественные и зачастую противоречивые образы». [2, 45]. Раскрывая сущность гендера как отражения социокультурной составляющей пола, гендерная идентичность может быть представлена как данность и как выбор. Данность (тело, место и время рождения и т.д.) выражает определённую, конкретность и темпоральность человеческого существования. Но личность всегда находится в ситуации выбора – в течение жизни приходится принимать решения, выбирать различные стратегии поведения, тем самым обнаруживать различные аспекты своего бытия, принимать свою природу или противостоять ей. При необходимости индивид целенаправленно может изменять свою гендерную идентичность, особенно в тех случаях, если она навязывается обществом ради контроля над личностью. Субъект может обладать гендерной идентичностью, а может только ее мыслить. Актуализируется вопрос осознания своей гендерной идентичности. Самосознание своей гендерной идентичности позволяет рассматривать ее не как нечто статичное, а в динамике – как процесс выбора некоторой траектории жизнедеятельности в многоуровневом социокультурном пространстве. При этом происходит трансформация образа самого себя, меняются условия и цели реализации намеченного «жизненного сценария». Гендерная идентичность отрицает редуцирование личности до выполнения ею социальных функций как соответствия человека определённой социальной группе, месту в социуме и т.п. Данный конструкт представляет собой особого рода коммуникацию, целью которой является интеграция нескольких субъектов в рамках единого бытия. Если формирование идентичности связано с первичной бинарной структурой мира – деление пространства на «в-себе-бытие» и «бытие-для-другого», то гендерная идентичность образует диалектическую триаду – «в-себе-бытие», «бытие-для-другого» и, как отражение гендера, «для-себя-бытие». По Г.В.Ф.Гегелю «согласно этим трем определениям сознание должно знать предмет в качестве себя самого». [3, 459] Самоосознание своей гендерной идентичности позволяет реализовать статус свободного существа, определяющего самого себя. Несоответствие парных категорий «для-себя-бытие» и «бытие-для-другого» драматическим образом нарушает формирование гармоничной, зрелой личности [4, 106]. В результате происходит расхождение биологического и культурного процессов развития

субъекта. Человек включается в общественную жизнь, поскольку гендерная идентичность требует выполнения специфических функций, открывает личности доступ к определенным ценностям, включает его в определенные виды деятельности и общения, ставит его в определенную позицию по отношению к окружающему миру. Интериоризация каждой социальной роли меняет его в ту или иную сторону, способствует формированию тех или иных свойств личности. В то же время, в реальности личность никогда не скована рамками заданных социальных ролей. Развиваясь в конкретно-исторических условиях, личность трансформирует социальные роли как константно задаваемые системой функциональные качества и обретает гендерную идентичность, соответствующую новым представлениям о самих себе, о другом, о своем «жизненном мире».

Литература

1. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания / Б.Г.Ананьев. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1968. — 339с.
2. Бурлачук Л.Ф., Морозов С.М. Словарь-справочник по психодиагностике / Л.Ф.Бурлачук, С.М. Морозов. - СПб.: Питер Ком, 2004. - 528 с.
3. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. Философия истории / Георг Вильгельм Фридрих Гегель. – М.: Эксмо, 2007. -880с.
4. Кон И.С. В поисках себя: Личность и ее самосознание / И.С. Кон. - М.: Политиздат, 1984. - 335с.
5. Кон И.С. Половые различия и дифференциация социальных ролей // Соотношение биологического и социального в человеке / Под ред. В.М.Банщикова и Б.Ф. Ломова. - Москва, 1975. - С. 763-776.

Секция 7. Управление инновационными изменениями

ВЛИЯНИЕ ЗНАКОВ И СИМВОЛОВ НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ ГОСТИНИЧНОГО ХОЗЯЙСТВА

Анплеев А.А. (Казань)

В семиотике под знаком понимается нечто, способное в некотором отношении выступать вместо чего-либо другого, то есть обладать значением, будучи воспринято живым объектом.[1] Иными словами знак представляет собой объект (артефакт), выступающий в восприятии человека аналогом другого объекта, замещающий его и носящий некоторый смысл. Символ рассматривается как представление, слившееся со своим значением в некое единство.[1] Иначе говоря, символы – это условные знаки каких-либо понятий, идей, явлений. Особое значение знаки и символы приобретают на предприятиях сферы обслуживания. Они позволяют посетителям получить общее представление об организации, наличие/отсутствие коллективного единства. Но главная задача знаково-символической системы заключается в привлечении клиентов и формировании их лояльности. Автором было проведено исследование в гостиничном предприятии как наиболее ярком представителе сферы обслуживания, в котором наглядно представлены данные категории. В качестве метода использовалось наблюдение. Цель исследования заключалась в выявлении культурных практик в гостиничном предприятии. Исследование проводилось в отелях г. Казань («Транзит», «Фатима»). Объектом исследования выступал весь персонал гостиницы. Выбор данных гостиниц обусловлен тем, что оба отеля ориентированы на гостей со средним достатком, но при этом каждый отель обладает внутренней самобытностью, которая заключена в оформлении гостиницы, манере приветствия, общения персонала с гостями, внутренних устоявшихся правилах и нормах поведения. Гостиничный комплекс «Транзит» находится недалеко от живописного места – Голубого озера, расположенного вблизи города Казань. Отличительной особенностью гостиничного комплекса является его пригородное расположение, идеально подходящее для проведения семейного отдыха. Гостиничный комплекс включает в себя отель с номерами различного уровня комфортности (1-,2-,3- и 4-местные номера, номера люкс и полулюкс, блочные номера и VIP-номера), русская баня, сауна с бассейном, теннисный корт, мини-футбольное поле, бильярд, автомойка, стоянка для легковых и грузовых автомобилей, а также круглосуточный торговый комплекс, в котором есть магазин запчастей и продуктовый магазин. Общее количество работников отеля – 39 человек. Отель «Фатима» расположен в историческом центре города Казань, под сводами кремлевских стен. В отеле имеется все необходимое для комфортного и недорогого проживания. Номерной фонд гостиницы включает 33 стандартных номера и 6 полулюксов. Специфика отеля - низкая

стоимость проживания при довольно высоком для данной категории гостиниц уровне сервиса, а также наличие национального колорита в обслуживании гостей. Последнее выражается в оформлении номерного фонда, приветствие гостей на двух языках (русский, татарский), преобладании блюд национальной - татарской кухни в меню ресторана, расположенного в отеле. Общее количество работников отеля – 28 человек. В качестве основных параметров наблюдения использовались следующие: манера поведения, соблюдение норм, направленность (позитивная, негативная, нейтральная), частота проявления (часто, иногда, всегда). Отдельно оценивались управленческий и обслуживающий персонал. Было выявлено следующее. В оформлении отеля «Транзит» присутствует стремление позиционировать себя как более дорогое и статусное заведение, чем на самом деле. Об этом говорит демонстрация в холле отеля всевозможных дипломов гостям, наличие строгой, единой формы, манера общения и обращения с клиентом. Это свидетельствует о том, что руководство уделяет большое внимание имиджевой составляющей отеля, с целью заслужить лояльность клиентов. В отеле «Фатима» присутствует легкий национальный татарский колорит. На это указывает оформление отеля, приветствие гостей на двух языках, преобладание блюд национальной кухни в меню ресторана. Следовательно, администрация гостиницы, используя особенности татарской культуры, сформировало свой стиль, отличный от других отелей. Декларируемые администрацией отеля ценности, такие как: верховенство принципа «клиент всегда прав», безукоризненное соблюдение субординации и трудовой дисциплины, а также преобладание формализации в отношениях между работниками не всегда исполняются. Это особенно проявляется в стрессовых ситуациях, которые вносят максимальную разобщенность в коллектив. Работники гостиницы не могут сосредоточиться на исполнении собственных полномочий, возникают распри, конфликты между членами организации. Это говорит о слабости руководства коллектива, его неспособности сплотить работников перед возникшей трудностью, а также ошибки в организации подбора персонала. Следует сказать, что в ходе общения между работниками не было выделено профессионального жаргона, это объясняется относительно молодым коллективом (средний возраст работников 24 года), а также отсутствия профильного (гостиничного) образования у большинства работников. В большинстве своем члены организации попали в отель по

рекомендациям знакомых, друзей (более 70%) и реже в соответствие со своими профессиональными качествами (менее 30%).

Литература

1. Соломоник А.Б. Парадигма семиотики. М.: МЕТ, 2006. С.325.

УПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫМИ СЕТЯМИ В ОРГАНИЗАЦИИ

Артемова О.. (Санкт-Петербург)

Современные организации подвержены постоянному изменению. Они становятся больше, локализуются не только в одном городе или стране, но и на разных континентах, что не может не влиять на процесс управления. «Изменился качественный состав рабочей силы, которой приходится управлять: в прежние времена основную массу рабочих составлял малоквалифицированный персонал, тогда как в наши дни руководителям приходится иметь дело с высокообразованными работниками умственного труда.» (Друкер П. Энциклопедия менеджмента, М.: Вильямс, 2006. С. 20) Другой стала и внешняя среда организаций: изменились потребители, возросла конкуренция во многих отраслях, экономическая среда очень подвижна, политические и социо-культурные факторы все больше влияют на предприятия. Следовательно, мы можем говорить о необходимости совершенствования механизмов управления в контексте современного мира. Такие функции управления, как планирование, прогнозирование, координация, организация, мотивация и контроль остались теми же. Однако, непосредственные методы, которыми данные функции будут осуществляться, не могут быть универсальными. Возникает острая необходимость в особых контекстуальных управленческих инструментах. Например, изучение структуры взаимодействий внутри персонала в контексте современного мира и возможности их управления в рамках меняющейся парадигмы изучения организаций является актуальной и необходимой для подробного рассмотрения в различных исследованиях. В рамках данного исследования мы предлагаем взглянуть на процесс управления с точки зрения сетевого подхода, представления организации как социальной сети. В рамках нашей исследовательской работы мы обращали наше внимание на применение сетевого подхода к анализу неформальной структуры организации и её влиянии на формальную. Мы рассмотрели

проблему возникновения специфических управленческих методов, которые могут возникнуть, если изучать структуру организации с точки зрения сетевого подхода. Мы выявили что, адекватное знание о социальной сети в организации позволит принимать решения, целенаправленно поощряющие грамотное и нужное сотрудничество, устранять пробелы в коммуникации, повышать гибкость и способность организации к быстрому реагированию на изменения. Знание социальной сети дает точно определить, что происходит в группе, и как это изменить. Что касается сфер применения анализа сетей, были выделены следующие: поддержка партнерских отношений и альянсов; оценка успешности реализации стратегии; совершенствование процесса принятия решений в сетях высшего руководства; интеграция сетей, связанных с основными процессами; поощрение инноваций; интеграция после слияния компаний и серьезных изменений; создание сообществ для решения конкретных задач (или рабочих групп). Также, нами была выявлена определенная информация, которую мы можем получить в процессе анализа социальной сети организации, и которая, вне сомнения, оказывает воздействие на принимаемые управленческие решения. Были выделены следующие вопросы: определение пробелов и пустот, снижающих эффективность сети; влияние иерархии на поток информации; Недоступность источников информации; проблема курсирования информации в сети; данные о знании сотрудников об источниках информации, мнений и опыта. Что касается методов управления, нами были определены возможности управления проблемными ситуациями, зависящими от места того или иного актора в сети: информационной перегрузка в линейной структуре; центральностью актора в сети; посредники и пограничники и их роль в сети и периферийные акторы. Были выявлены методы управления, направленные на развитие сотрудничества в социальной сети через внимание к организационному контексту, структуре организации, месту персонала в организации. когда менеджеры дополняют анализ сети вниманием данным компонентам – можно быть уверенным, что усилия сотрудников компании соответствует её стратегическим мотивам, и социальная сеть не вернется к непродуктивным моделям. В каждом конкретном случае нужно смотреть, какой из методов управления будет наиболее оптимальным. Была показана роль влияния при управлении социальной сетью, формировании общих целей и мнений внутри нее. С точки зрения Марка Грановеттера – одного из первых ученых, изучающих социальные сети. Из статьи «Сила слабых связей» мы можем понять важную роль слабых связей

при влиянии одних акторов на других посредством распространения своих идей. Социальный капитал также способствует влиянию в сетях. Большой объем социального капитала придает актору авторитет, способствующий влиянию. При грамотном использовании своего социального капитала актору начинают доверять остальные участники сети, не обладающие им, следовательно, данный актор часто формирует мнения внутри сети, что является одним из проявлений влияния. Далее мы рассмотрели явление, фактически обратное социальному капиталу, а именно структурные пустоты. Погруженность в структурные пустоты дает актору преимущества получения ресурсов от сетей, с которыми он соединен через эту пустоту, и он может обладать контролем на входящей и исходящей информацией в сети, что также является одним из способов активного влияния на акторов сетей. В конце мы подробно остановились на модели информационного влияния и выяснили, что практически всегда в сети можно выделить одного или нескольких акторов, которые оказывают наибольшее влияние на формировании того или иного мнения внутри структуры. И есть спутники – акторы, которые не оказывают влияния ни на одного актора. Как мы видим, некоторые, до этого не принимаемые во внимание моменты, становятся достаточно важными при исследовании организации с точки зрения сетевого подхода. Но, как и в любой теории, связанной с поведением людей, здесь остается ещё много «темных пятен», изучением которых нам только предстоит заняться.

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ ГЛАЗАМИ ГОРОЖАН

Бабкина И.В. (Санкт-Петербург)

При специфике петербургского местного самоуправления – сильной зависимости от федеральных и региональных властей – для данного вида социального управления характерна и общероссийская проблема: местное население крайне неохотно выходит на уровень взаимодействия с муниципальной властью. Между тем, в последние годы научное сообщество говорит о том, что развитие гражданского общества и демократизация страны, возможны только за счет включения населения, как активного субъекта социального управления, в управление на местном уровне (А.В. Захарова, А.М. Киселева, В.И. Лыков). Существует так же еще одна проблема, связанная с инертным отношением населения к самоуправлению:

отсутствует понимание связи между качеством жизни сообщества или его конкретных представителей и качеством муниципального управления. Однако если рассматривать качество, как философскую категорию, можно отметить, что оно по своей сущности является всеобъемлющим: высокое качество одной системы не может одновременно сосуществовать с низким качеством другой, связанной с первой, системой. Следовательно, принципиально важно осознание населением своих возможностей в работе над повышением качества жизни через участие в местном самоуправлении. Тем не менее, не только со стороны населения мы можем наблюдать барьеры на пути развития самоуправления: сами представители муниципальной власти не допускают, что местное население может и должно участвовать в управлении территорией. В результате мы получаем: 1 – отсутствие механизмов доступа населения к участию в управлении муниципальным образованием; 2 – низкую степень контроля деятельности муниципальных служащих; 3 – слабую информированность населения об управленческих решениях местной власти и стратегическом планировании развития территории; 4 – отсутствие возможности осмысления населением связи между качеством жизни и качеством самоуправления и работы над его повышением. В свое время Н.О. Лосский писал о пассивности российского населения, как о его ментальной черте. Однако с переходом к рыночным отношениям, изменилось и общее отношение человека к бытию. Объективно россияне готовы к активности, и в том числе на местном уровне. Согласно полученным эмпирическим данным*, с утверждением о том, что население должно проявлять активность в развитии территории и своего дома, района, а не ждать содействия со стороны власти согласились 82% петербуржцев. При этом 65% горожан считает, что гражданский долг на уровне муниципалитета НЕ сводится только к участию в выборах: мэра и депутатов, которые в дальнейшем будут решать повседневные вопросы территории. В этом прослеживается так же степень недоверия к власти: местным органам власти своего района доверяют только 25% населения и еще 35% горожан считают, что муниципальные служащие их района работают добросовестно. Характеризуя тип отношений, сложившийся органами местной власти муниципальных образований Санкт-Петербурга, 50% населения отмечают «содействие, помощь», еще 31% - «равнодушие», 10% - «сотрудничество», 7% - «покровительство» и 2% - «конфликт». Хотя при этом 69% опрошенных считают, что население и муниципальная власть должны в равной степени

работать над развитием территории, что указывает на желание развивать тип отношений «сотрудничество». Сейчас же 89% горожан придерживаются мнения, что с муниципальными служащими сложно выйти на контакт и 32% опрошенных говорят о том, что их может мотивировать обратиться в орган муниципального управления района только нестандартная или чрезвычайная ситуация (еще 24% говорят о том, что вряд ли обратятся в муниципалитет вне зависимости от ситуации). Люди склонны скорее сами или совместно с соседями, знакомыми разрешать бытовые ситуации или же полностью оставаться пассивным к тому, что находится за пределами их квартиры/дома, чем обращаться к муниципалам. То есть при наличии достаточно активного потенциала населения и осознания им того, что развивать территорию необходимо совместными с органом местной власти усилиями, выходить на уровень взаимодействия мало кто предпочитает. Возможно, причина кроется в том, что 54% опрошенных считают, что от их участия в работе местного самоуправления не зависит качество их жизни. Другими словами, люди не наделяют авторитетом ту форму власти, которая находится ближе всего к ним и не желают участвовать в том, что не способно влиять на качество их жизни сообразно имеющимся интересам. Или же причины могут обнаруживаться в том, что сами муниципалы не проявляют заинтересованности в решении проблем населения (1), моральные качества (честность, открытость, бескорыстие и т.д.) муниципальных служащих вызывают сомнение населения (2), как и их компетентность при выполнении работы (3). Все приведенные данные свидетельствуют о том, что местному самоуправлению необходимо уделять внимание, т.к. данная форма социального управления очень противоречива и нет четкого понимания ее сущности. Для преодоления проблем необходимо изучение взаимодействия населения и власти на местном уровне. По мнению автора, наиболее успешными для реализации этой цели представляются драматургический подход И. Гоффмана, теория структуризации Э. Гидденса и неинституциональный подход (Д. Норд, О. Уильямсон, В.В. Радаев). *Исследование, выдержки из которого приведены в тезисах, было проведено в марте-апреле 2012 по половозрастной квоте среди жителей различных районов Санкт-Петербурга. Выборка составила 400 человек.

Литература

1. Волчкова Л.Т. Качество социального управления: уроки истории и современность // Социальное управление: качество,

технологии, инновации: Сборник научных статей / Под ред. Л.Т. Волчковой. – СПб.: Изд-во «Санкт-Петербургского университета», 2010. С.8-24.

2. Крянев Ю.В., Кузнецов М.А. Философия качества / Пред. Б.В. Бойцова. – М.: Изд-во «Вузовская книга», 2004. – 304 с.

3. Накипов А.М. Качество муниципального управления: социологический аспект. Автореферат дисс... канд. социол. наук. Санкт-Петербург, 2007. – 24 с.

4. Радаев В.В. Новый институциональный подход: построение исследовательской схемы // Экономическая социология, 2001. Т.2. №3. С.5-26.

МОТИВАЦИЯ МУНИЦИПАЛЬНОГО СЛУЖАЩЕГО

Белец Е.В. (Санкт-Петербург)

В наши дни проблема мотивации очень актуальна, так как основой любой организации являются люди. Путь к эффективному управлению человеком лежит через понятие его мотивации. Если хорошо знать, что движет человеком, к чему он стремится, что побуждает его к деятельности, то возможно создать «модель управления человеком», где он сам будет стремиться выполнить свою работу наилучшим образом. Как и любая другая категория работников, муниципальные служащие также обладают своими особенностями, которые следует учитывать в кадровой политике. Оптимально выстроенная траектория профессионального развития и должностного роста позволяет муниципальному служащему найти свое место в структуре организации, стимулируя его к более полному раскрытию профессионального, делового и личностного потенциала. Любая активность людей осуществляется, в конечном счете, во имя реализации их потребностей. Потребность – это осознанная необходимость в тех или иных материальных, культурных благах, социальных и духовных ценностях. В психологии под потребностью понимается особое состояние психики индивида, отражающее несоответствие между его внутренними и внешними условиями деятельности, которое является причиной осознания человеком эмоциональной напряженности или неудовлетворенности и оказывает влияние на формирование внутренних мотивов его деятельности. Когда потребность ощущается человеком, оно пробуждает в нем состояние устремленности удовлетворить ее. Потребность является той силой, которая заставляет людей

действовать, производить материальные, социальные и духовные блага. Если некое благо оказывается значимым и важным для человека, то оно превращается в стимул. Если же импульс стремления к этому объекту проходит через сознание человека, стимул перерастает в мотив, т.е. во внутреннее побуждение к действию[3]. В научной работе В.В. Радаева «Хозяйственная мотивация и типы рациональности» отмечается, что с точки зрения экономиста, хозяйственное действие мотивировано интересом. При возникновении стимула в виде натурального или денежного блага, человек просчитывает возможные последствия действий, оценивая при этом два важных фактора: полезность получаемого блага и масштаб издержек, т.е. затраты времени и ресурсов для получения блага. Следование интересу предполагает, что человек обладает свободой выбора между способами своего поведения. Но если у человека эта свобода отсутствует и ли ограничена, то интерес замещается принуждением. Существуют четыре формы принуждения. Первая – внеэкономическое принуждение, которое выражает отношения непосредственного господства и подчинения, личной зависимости человека от других людей. Вторая форма – экономическое принуждение, под которым понимается зависимость человека от материальных условий его существования. В данных формах принуждения человеком движет страх – древнейшее чувство и одно из основных психических состояний человека. Третья форма – технологическое принуждение, зависимость человека от условий труда и производства, порождаемую его узкой профессиональной квалификацией. Четвертая форма – идеологическое принуждение, которое возникает как продукт манипулирования личным интересом. Особым источником мотивации выступают социальные нормы, которые не являются для человека сводом ограничений. Они успешно осваиваются и становятся внутренними элементами его личных побуждений[4]. История мотивации относится к глубокому прошлому. Проблеме мотивации уделяли много зарубежных социологов и психологов. Одним из первых был основатель научного менеджмента Ф.У. Тейлор, который предложил свою систему мотивации. Система мотивации у Тейлора включает в себя два элемента: урок-задание и премию. Ежедневно рабочему дается определенный урок-задание, который он должен выполнить в определенный срок и который составляет нормальную дневную выработку для хорошего рабочего. В случае успешного выполнения задания обеспечивается соответствующий высокий уровень оплаты, премии. Вместе с тем существуют причины, рождающие «работу с

прохладцей» вне зависимости от вознаграждения[3]. Самая известная мотивационная модель ранжирования потребностей человека была предложена А. Маслоу. Потребности человека не равноценны, а имеют сложную неравнозначную структуру. В теории Маслоу потребности более высокого порядка становятся актуальными для человека лишь после того, как удовлетворяются потребности более низкого порядка. Каждая из названных теорий имеет что-то особенное, отличительное, что дало ей возможность получить широкое признание теоретиков и практиков и внести существенный вклад в разработку знаний о мотивации[1]. Муниципальная служба в Российской Федерации – это профессиональная деятельность граждан, которая осуществляется на постоянной основе на должностях муниципальной службы, замещаемых путем заключения трудового договора (контракта). От количественных и качественных характеристик кадров, уровня образования, профессионального опыта, деловых и нравственных качеств муниципального служащего зависит возможность и способность государства обеспечить эффективную взаимосвязь властных структур и общества, осуществлять управленческие функции, соблюдать интересы, права и свободы граждан в Российской Федерации. Систему мотивации труда муниципального служащего можно рассмотреть через мотивацию муниципальных служащих к повышению уровня своего профессионализма и компетентности. Принцип профессионализма и компетентности определен как один из основных принципов организации муниципальной службы. Современная стратегия управления должна быть направлена на более полное и эффективное использование потенциала муниципальных служащих, т.е. его способностей и возможностей как личности на основе стимулирования его всестороннего развития. Для того чтобы добиться высокого уровня профессионализма муниципальных служащих необходимо учитывать мотивы, которые движут ими в процессе выполнения профессиональной деятельности, а также применять соответствующие системы стимулов, направленные на реализацию мотивов[2]. Важнейшим фактором профессионального развития персонала являются различные формы стимулирования труда, его условия, содержания и оплаты. Работник только тогда заинтересован в своем профессиональном развитии, постоянном повышении квалификации, когда видит, что этот труд отвечает его интересам, оплачивается, способствует удовлетворению максимального количества его потребностей. К возможным методам мотивации можно отнести: справедливое денежное вознаграждение,

наделение полномочиями и ответственностью, пробуждение интереса к работе, возможность персонального роста. Таким образом, приоритетами работы в системе муниципальной службы являются стабильность деятельности, профессиональный опыт и интересное содержание труда, что указывает на высокий уровень мотивации интеллектуального развития, профессионального совершенствования и творческой самостоятельности.

Литература

1. Абчук В.А., Гелих О.Я. Философия и теория управления: учебное пособие. – СПб.: Книжный Дом, 2008. – 456 с.
2. Граждан В.Д. Государственная гражданская служба: учебное пособие. – М.: ЮРКНИГА, 2005. – 480 с.
3. Карташова Л.В., Никонова Т.В., Соломадина Т.О. Организационное поведение: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2007. – 384 с.
4. Радаев В.В. Социальные основы экономического действия // Лекция 4. Хозяйственная мотивация и типы рациональности. М.: Наука, 2006.

ФОРМИРОВАНИЕ ИННОВАЦИОННОЙ ЛИЧНОСТИ БУДУЩЕГО СПЕЦИАЛИСТА В ВУЗЕ

Белоусова О.А. (Курск)

Исследование модернизации современного общества и его подсистем предполагает изучение значимости инноваций, а также баланса социального порядка и неопределенности, прогресса и инверсии общества, стабильного и изменчивого. Недостаточно рассматривать инновации в обществе лишь как объективно совершающиеся процессы. Не менее важно понять их с позиций человеческих взаимодействий: ведут ли они к сохранению, гармоничному развитию общества в целом. Инновации в одной сфере жизни социума могут вызывать совершенно неожиданные изменения в других его сферах. Для успешного становления инновационного российского общества необходимым условием является разработка стратегии инновационного развития страны. Главным конкурентным преимуществом в этом случае выступает реализация человеческого потенциала, направленная на наиболее эффективное применение знаний и умений для постепенного улучшения технологий, экономических результатов, жизни общества в целом. Становление и

успешное развитие инновационного общества невозможно без улучшения качества современного образования. Важным условием формирования инновационной личности будущего специалиста в вузе является применение современных образовательных методик, основанных на использовании современных достижений науки и информационных технологий. Сегодня целью высшего образования является не только формирование профессиональных знаний и навыков, но и подготовка высококвалифицированного специалиста с развитым творческим потенциалом. Эта цель соответствует и современным требованиям организации производства, задачам социального управления. Так как творческий потенциал обеспечивает быструю адаптацию выпускника ВУЗа к новым условиям работы; способность к использованию усвоенных знаний и приобретению новых; навыки творческого поиска, переориентации, выбора в определённой ситуации; умение овладевать новыми методами работы, ориентироваться в новых направлениях и адекватно оценивать их. Соответственно задачей высшей школы выступит создание образовательной среды, способствующей формированию и развитию таких качеств инновационной личности как творческий потенциал, высокий интеллектуальный уровень, понимание и предвидение последствий внедрения инновационных продуктов, социальная ответственность, самообразование, способность к принятию новых неординарных решений. Для этого в период всего обучения необходимо применять современные инновационные образовательные технологии. Оптимизация педагогического процесса путем совершенствования методов преподавания является важным, но не единственным фактором формирования инновационной личности. [2, с.4] Одним из главных условий, способствующих повышению качества подготовки квалифицированных специалистов в высшей школе, повышению конкурентоспособности выпускников, их профессиональной компетентности и социальной мобильности, является использование современных образовательных технологий, обеспечивающих не только освоение необходимого объема профессиональных знаний и умений, но и развитие творческого потенциала. Отбор методов и средств преподавания в вузе должен совмещаться с процессом обучения определённым навыкам и воспитания, которые могут реализовываться только в процессе сотворчества преподавателя и студента. Необходимость решения современных проблем информационного общества требует сегодня от будущего специалиста творческого осмысления сложившейся реальности, ее

преобразования. Инновационная личность реализуется во взаимосвязи внешней среды и востребованности в её способностях. Формирование инновационной среды и усовершенствование образовательных техник, способствующих развитию личности – задачи, решение которых во многом определяют успешность образования и становления инновационной личности. Современные образовательные технологии способствуют повышению мотивации молодого специалиста к занятию научной деятельностью, активизируют творческий потенциал. В обстановке все возрастающей конкуренции в науке, производстве, высокоточных технологических процессах, в защите информации становится очевидным, что категория талантливой молодежи представляет для общества ценный капитал – своеобразную инвестицию в будущее. Нынешний уровень развития информационных и коммуникационных технологий позволяет успешно применять их в обучении с целью развития творческого потенциала человека посредством более эффективной организации познавательной деятельности студентов в ходе образовательного процесса. На основе такого важного дидактического свойства компьютерных новшеств, как индивидуализация учебного процесса при сохранении его целостности за счет динамической адаптивности учебных программ. Более того, новые информационные и коммуникационные технологии вызвали серьезные изменения и в технологии получения знания. Создание высоко организованной информационно-технической базы в вузе обеспечивает учащегося большим количеством носителей информации такими, например, как видео-изображения, сложные структуры системы знания и их комбинации, которые можно получить через Интернет или другие компьютерные сети. Использование средств новых информационных технологий способствует усилению мотивации и стимулированию интереса учащихся благодаря новизне работы с компьютером и мультимедийным технологиям. Практика проведения занятий с использованием информационно-компьютерных технологий способствует совершенствованию и активизации учебного процесса, созданию положительной мотивации студентов к выполнению умственных и практических действий, способствует развитию творческого потенциала, развитию внимания, стимулирует познавательную активность. Так же следует отметить, что важным условием формирования и развития инновационной личности студента является использование новых методов преподавания, способствующих повышению качества подготовки специалистов,

развитию у студентов творческих способностей, умению самостоятельно принимать решения. Основными инновационными методами в образовании являются: методы проблемного и проектного обучения, моделирования, исследовательские методы, модульное обучение, игровые технологии, метод мозгового штурма, метод кейс-стади, метод творческих заданий, методы активного обучения. В современной практике преподавания необходимо совмещать традиционные формы с инновационными. Применение электронных мультимедийных учебников и пособий; проблемно-ориентированного междисциплинарного подхода к изучению учебных дисциплин; проектно-организационных технологий обучения работе в команде над комплексным решением практических задач, все это способствует активизации образовательного процесса. Инновационные методы предполагают: возрастание роли обучаемого в учебном процессе, активизации сотворчества преподавателя и студента; возможность обратной связи преподавателя с каждым обучающимся при использовании новых коммуникационных технологий.[3, с120] Таким образом, качество образования определяется способностью человека ответить на вызовы современного ему мира, а научное знание и профессионализм как продукт инновационного образования должны обеспечить успешное участие человека в развитии общества.

ВЛИЯНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ РОССИИ НА ЕГО СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Большаков К.С. (Санкт-Петербург)

Становление и развитие местного самоуправления в России обуславливает необходимость теоретического осмысления данных процессов, используя анализ исторического прошлого. В истории России выделяются периоды ослабления и укрепления основ местного самоуправления. На наш взгляд рассмотрение влияния исторического развития местного самоуправления в России на его современное состояние необходимо начинать с выявления важнейших критериев, которые находят свое отражение в Федеральном законе Российской Федерации от 6 октября 2003 г. N 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Первое с чего бы хотелось начать это выборность. Выборность органов местного самоуправления является

одним из важнейших принципов его осуществления. Только зная исторические и иные местные традиции, родившись или прожив на данной территории несколько лет, служащий может реально вникать в местные проблемы и решать их. Основы выборности органов местного самоуправления зарождались в Древней Руси в таких городах как Новгород и Псков. Эти города являлись классическими образцами самоуправляющихся городских общин. Основным представительным органом власти в этих городах было вече – народное собрание. Новгородцы и псковичи выработали, по их мнению, наиболее стабильную форму полномочного народного собрания. Согласно принимаемым в то время грамотам, для признания вече устанавливался определенный состав участников. Однако инициаторами созыва вече могли выступать как народ в целом, князья, так и отдельные частные лица. Вече устанавливало правила управления, договоры с князьями и с иностранными землями, объявляло войны, заключало мир, призывало князей, делало распоряжения о сборе войска и охране страны, определяло торговые права и качество монеты, устанавливало правила и законы. Таким образом, вече совмещало законодательные и судебные функции, особенно в делах, касающихся нарушения общественных прав. Стоит отметить, что судебная функция органов местного самоуправления в дальнейшем была снята с целью искоренения узурпированности власти. Выборность органов местного самоуправления в дальнейшем, путем подписания жалованной грамоты, поддержала лишь Екатерина II. В 1786 году сначала в Москве и Петербурге, а затем и в остальных городах Империи были созданы городские думы. К компетенции городских дум относилось: обеспечение в городе согласия и благочиния, разрешение внутрисословных споров, наблюдение за городским строительством. В отличие от ратуш и магистратов в ведение городской думы не были включены судебные дела — их решали специальные судебные органы. Общая дума избирала из своего состава Шестигласную думу, которая вела непосредственную работу по заведованию текущими городскими делами. В состав этого учреждения входили городской голова и шесть гласных - по одному от каждого разряда «общества градского». Шестигласная дума была не только исполнительным органом при Общей думе. Ее ведению подлежал тот же круг вопросов, что и для Общей думы. Разница состояла лишь в том, что последняя собиралась для рассмотрения более сложных вопросов, а первая - для всенедельного ведения текущих дел. Хотя изначально предусматривался сложный многопалатный состав городской думы,

отражающий интересы различных сословий, в большинстве уездных городов вскоре было введено упрощенное самоуправление: собрание всех членов городского общества с небольшим выборным советом из представителей разных групп городского населения для выполнения текущих дел. Таким образом, выделяя выборность как основной принцип местного самоуправления, стоит отметить, что не все цари и князья видели смысл в ее необходимости. Возможно, боялись своевластия народа, или же просто по характеру своему были склонны к авторитарным методам правления. Из итогов реформ Екатерины II так же стоит отметить то, что за городом было закреплено муниципальное имущество. К нему относились земли, сады, поля, луга, реки и мельницы. Проводя аналогии с современной действительностью, стоит отметить, что данный принцип отображен в Федеральном законе Российской Федерации от 6 октября 2003 г. N 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», в статье 50, где так же как и в грамоте перечисляется муниципальное имущество. Важнейшим реформатором местного самоуправления в России является Александр II. Его земская (1864) и городская (1870) реформы преследовали цель децентрализации управления и развития местного самоуправления в Российской Империи. Александр II четко понимал нужды населения, которому во многом не доставало финансирования для выполнения своих полномочий. Для решений этой проблемы местному самоуправлению выделялась реальная финансовая основа для своей деятельности. До 60% всех платежей оставались на территории земств, а 20% уходило в государственную и губернскую казну. С нашей точки зрения - это положительный опыт для современных реформаторов. Кроме того, Александр II поддержал идею выборности власти: все органы местного самоуправления избирались и контролировались избирателями. Если рассматривать историческое развитие местного самоуправления с точки зрения расширения полномочий, то здесь можно выделить следующее. В Древней Руси, полномочия местного самоуправления были чрезвычайные: они включали в себя даже судебную функцию. Возможно, это говорит о том, что местное самоуправление находилось на начальном этапе своего развития и не в достаточной степени организовано. Следующим существенным этапом обновления полномочий местного самоуправления стала земская реформа Ивана Грозного, призванная уничтожить опустошительную для экономики систему кормлений и ослабить всевластие местных феодалов, предоставила широкие полномочия земским и губным

старостам, избираемым населением. К функциям земских и губных властей относилось в основном выполнение поручений центральных органов власти правительства по управлению и сбору налогов. Земские органы собирали подати, разбирали гражданские и второстепенные уголовные дела черносошных крестьян и посадских людей. В 1625 г. в 146 городах с уездами появляются воеводы, назначенные Разрядным приказом и утвержденные царем. Как правило, они назначались на срок до трех лет и за свою службу получали денежное жалование и поместья. В крупных городах было по несколько воевод. Институт воевод был основным звеном местного самоуправления. В XVII в. на большинстве территорий России существовали две формы «самоуправления» - губная и земская. Каждым округом - «губой» - управляли губной староста и его помощники - целовальники. В их ведении находились тюрьмы и тюремные служители, палачи, выборные от населения сотские и десятские. Свободное население выбирало губного старосту из дворян и детей боярских, целовальников - из черносошных крестьян или посадских. При Петре I было учреждено 30 января 1699 г. бурмистрская палата в Москве и земские избы в городах. Состав их был выборный. Избы собирали доходы и заведовали повинностями, лежавшими на «купецких и промышленных людях». Управление делами города, как целого, на них возложено не было. В 1702 г. должности губных старост были упразднены и их функции были переданы воеводам и выборным дворянским советам, без которых воевода ничего чинить не мог. В 1718—1724 гг. земские избы были заменены магистратами. Данные меры были приняты с целью устранения местных приказных властей от вмешательства в дела посадских общин. На магистраты были возложены в основном судебные и административно-финансовые функции. Суд вообще был изъят из рук губернаторов и воевод и вручен выборным ландрихтерам (судьям) и надворным судам. Кроме того, на магистраты предполагалось возложить наблюдение за внутренним порядком и благоустройством в городе, однако в действительности это осуществлено не было. Главным из прав, предоставленных магистратам, было право раскладки податей и повинностей, осуществляемое через старост и старшин с согласия всех граждан. Решающим образом с точки зрения наделения полномочий, внес вклад в развитие местного самоуправления Александр II. Согласно положению о земских учреждениях, желая сделать земства более управляемыми, с преобладанием влияния в них господствующих классов, закон предусматривал, деление избирателей уездов на три

курии для избрания уездного земского собрания. С приходом к власти Александра III, местное самоуправление потеряло часть своих полномочий. Были проведены контрреформы, с целью увеличить воздействие государственной власти на местное самоуправление. Император посчитал, что реформы его отца чрезмерно распустили местное самоуправление и нуждались в изменении. Территориальная обособленность местного самоуправления является следующим нашим критерием. Известно, что деление на территориальные единицы началось с самого зарождения управления. Первым признаком государства является его территория, то же самое, но в куда меньших масштабах, обстоит и с местным самоуправлением. В Древней Руси низшей административной единицей была волость, во главе которой стоял сотский (сотник), или староста, волость владела землей. Слово волость означало подвластную кому бы то ни было территорию. В общем смысле волостью называлось соединение поселений, принадлежащих к одному владению. Волость «раскладывала» государственные подати и повинности, наместничьи корца. Центром волостного управления была волостная канцелярия – казна. Там же решались мелкие судебные дела. В дальнейшем реформаторством административного устройства местного самоуправления вплотную занялся Петр I. Согласно первой административной реформе, так как Государство Российское уже в то время занимало впечатляющую территорию, император принимает решение разделить территорию на 8 губерний. Губернии тех времен, по их величине и размаху можно сравнить с современными федеральными округами. В 1719 г. Петр предпринял вторую административную реформу, которая привела к еще большей бюрократизации и централизации системы управления. Губернии были разделены на провинции. Местные органы, созданные при Петре I, оказались нежизнеспособными. Россия не была готова к отделению суда от администрации, надзора - от исполнения, финансового управления – от полиции и т. д. Вновь созданные учреждения требовали огромных средств. И уже в 30-е г. от многого пришлось отказаться. Вернулись к прежней системе уездного деления. К 1727 г. Россия подразделялась на 14 губерний, 47 провинций и 250 уездов. Под уездом понималась группа волостей тяготевших к городу. Таким образом, мы проанализировали критерии основных реформаторов местного самоуправления в России. Провели аналогии с действующим законодательством, и выявили ряд совпадений. Не возможно создавать что то новое, не изучив ошибки наших предшественников. Как сказал классик: «Опыт – сын ошибок

трудных». Любите историю, учите историю, и тогда, возможно, к нам придет тот успех, которого мы все так ждем.

Литература

1. Дворниченко А.Ю. Российская история с древнейших времен до падения самодержавия. Учебное пособие. Москва: Весь мир, 2010.
2. История государственного управления Россией. Учебник / отв. редактор В.Г. Игнатов. Ростов-на-Дону: Феникс, 2002.
3. Ляшенко Л.М. Александр II, или история трех одиночных. Москва: Молодая гвардия, 2003.
4. Смирнов В.Г. История Великого Новгорода. Москва: Вече, 2006.
5. Российское законодательство X-XX веков, т.5. Законодательство периода рассвета абсолютизма. Москва: Юридическая литература, 1987.
6. Труайя А. Екатерина Великая. Москва: Эксмо, 2004.
7. Флоря Б.Н. Иван Грозный. Москва: Молодая гвардия, 2003.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ: ИННОВАЦИОННЫЕ ПРАКТИКИ УПРАВЛЕНИЯ

Борисов А.Ф. (Санкт-Петербург)

Современная экономика, основанная на знаниях и услугах, немислима без грамотного управления нематериальными активами организации. К важнейшим нематериальным активам современных организаций относятся компетенции персонала, бренды, структурные инновации, знания и отношения с заинтересованными лицами. Значительная часть западных фирм, которые были созданы в течение последних десятилетий, зависит от них кардинально. Эксперты отмечают, что и в России значимость нематериальных активов в повышении конкурентоспособности организации растет очень быстро. Поэтому менеджеры компаний все больше нуждаются в практических навыках и инструментах для управления интеллектуальным капиталом. Идентификация, измерение, анализ и обобщение результатов, является одной из фундаментальных задач стратегического управления организацией [1, с. 322]. Существует мнение, что нельзя управлять тем, что не измерено. Поэтому измерение и оценка интеллектуального капитала является

важнейшим элементом управления им. Многие исследователи в процессе измерения и оценки интеллектуального капитала стремились количественно объяснить данный феномен как разницу между рыночной ценой компании и ее балансовой стоимостью. Примером такого чисто финансового подхода к измерению интеллектуального капитала является уравнение Л. Эдвинссона [2, с. 12]: рыночная ценность компании = балансовая ценность + интеллектуальный капитал. Вместе с тем, данный подход к измерению интеллектуального капитала имеет свои недостатки. Во-первых, балансовая и рыночная ценности измеряются в разных единицах — искусственных и реальных деньгах, что вносит ошибки в процесс измерения и делает его зачастую бессмысленным. Во-вторых, поскольку создание ценности в компании зависит от сложного взаимодействия ресурсов, балансовая ценность и интеллектуальный капитал не являются разделяемыми переменными, как подразумевает данное уравнение. И, наконец, в-третьих, рыночная ценность бизнеса обусловлена внешними для компании факторами, а ценность интеллектуального капитала зависит от точки зрения исследователя. Наряду с финансовыми методами измерения интеллектуального капитала существуют и нефинансовые методы его оценки с помощью независимых показателей или в виде группы компетенций. Самым известным среди них и наиболее распространенным является система сбалансированных показателей, разработанная Капланом и Нортон [3, с. 68–70]. Авторы придерживаются той точки зрения, что один-единственный показатель не может быть целью деятельности и не в состоянии привлечь внимания ко всем жизненно важным сферам бизнеса. Система сбалансированных показателей помогает работникам согласовывать свою индивидуальную работу с общей стратегией. Она доводит стратегию до их сведения, обеспечивает краткосрочное и долгосрочное размещение ресурсов, дает обратную связь. В целом, она фокусирует внимание на ключевых показателях, дающих истинную картину эффективности работы компании, позволяет ей сосредоточиться на жизненно важных показателях, которые создают ее стоимость. Для оценки интеллектуального капитала некоммерческих организаций и организаций общественного сектора наиболее полезными являются: а) Методы прямой оценки интеллектуального капитала (Direct Intellectual Capital Methods — DIS). К ним относятся все методы, с помощью которых оценивают денежную ценность всех компонентов интеллектуального капитала. После того, как они будут оценены, выводится итоговая оценка

интеллектуального капитала организации; б) Методы балльных оценок (Scorecard Methods — SC) основываются на выявлении различных составляющих интеллектуального капитала, на определении их индикаторов и индексов, которые представляются в виде оценочных карт или графиков. Методы DIS и SC обладают потенциалом создания более полного представления о здоровье всей организации, чем финансовые показатели и могут также применяться для оценки интеллектуального капитала различных уровней организации. Они оценивают ресурсы интеллектуального капитала снизу вверх и, следовательно, могут быть более быстрыми и точными. Недостатки этих методов заключаются в том, что индикаторы нематериальных активов контекстно-зависимы, а значение определений ресурсов может быть разным для каждой организации, что сильно осложняет сравнение (бенчмаркинг). Проблемой является также и то, что они не могут легко быть соотнесены с финансовыми результатами. Исследовательский интерес представляют методы оценки и измерения человеческого капитала, разработанные европейскими и американскими компаниями: а) Мониторинг человеческого капитала Эдварда Мейо. Он позволяет определить ценность человеческих активов предприятия, которая равна расходам на сотрудников, помноженным на индивидуальный коэффициент человеческого актива. Последний представляет собой средневзвешенную оценку возможностей, потенциала роста, личного качества работы и соответствия совокупности организационных ценностей в контексте конкретной рабочей среды. При этом абсолютные показатели не имеют значения. Важно лишь одно: позволяет ли процесс изменений сделать вывод о том, является ли человеческий капитал достаточным, увеличивается он или уменьшается и выявляет ли он проблемы, решением которых надо заняться. В процессе мониторинга человеческого капитала необходимо сосредоточиться на ключевых показателях. Например, на уровне специальных знаний, которыми владеют сотрудники организации. Результаты мониторинга этого показателя можно анализировать, если при этом будут определены ключевые для данной организации знания. б) Модель организационной эффективности работы, созданная компанией Mercer HR Consulting. Основными элементами этой модели являются работники, рабочие процессы, структуры управления, информация и знания, принятие решений и система вознаграждения. Каждый из этих элементов по своему проявляется в контексте каждой конкретной организации. Если эти элементы развивались по отдельности, как это нередко и происходит, то слишком велика

вероятность несогласованности и того, что человеческий капитал не является оптимальным для существенного увеличения доходов компании. Идентификация этих возможностей требует постоянного измерения активов человеческого капитала организации и практических методов менеджмента, влияющих на качество работы.

в) Модель Sears Roebuck. Данная модель описывает цепь «работник–покупатель–прибыль». Ее иногда называют «моделью приверженности». Она позволяет объяснить влияние инвестиций в человеческий капитал на рост приверженности работников к своей компании и как следствие этого рост удовлетворенности покупателей и качества работы. Эта модель использует данные, полученные из таких источников, как опросы сотрудников и покупателей, индексы удовлетворенности покупателей, статистика эффективности работы компании, а также такие показатели как текучесть кадров, длительность обслуживания и прогулы. Использование этой модели помогло многим компаниям статистически доказать, что чем больше приверженность работников, тем более будут удовлетворены покупатели. На основании этой модели можно предсказать, какое влияние будет оказывать изменение одного фактора, касающегося приверженности работников на удовлетворенность покупателей и в конечном итоге на эффективность бизнеса.

г) Модель качества Европейского фонда управления качеством (EFQM). Эта модель предлагает еще одну схему измерения человеческого капитала. Она включает в себя показатели удовлетворенности покупателей, работников и показатели влияния на общество, которые достигаются руководством организации при грамотном определении политики, стратегии, ресурсов, процессов, необходимых для того, чтобы добиться максимально хороших показателей в своем бизнесе.

Литература

1. Курс MBA по стратегическому менеджменту / Пер. с англ. 3-е изд. перераб. М.: Альпина Букс, 2006, 588 с.
2. Эдвиссон Лейф. Корпоративная долгота. Навигация в экономике, основанной на знаниях. М.: ИНФРА — М, 2005. 248 с.
3. Армстронг М. Практика управления человеческими ресурсами. 10-е изд. / пер. с англ. под ред. С. К. Мордовина. СПб.: Питер, 2012. 848 с.

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОНЦЕПЦИИ МАЙКЛА ЛИПСКИ
«STREET-LEVEL BUREAUCRACY» В ОРГАНИЗАЦИИ
РАБОТЫ РОССИЙСКИХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ
СОЦИАЛЬНЫХ СЕРВИСОВ**

Брук С.А. (Санкт-Петербург)

На сегодняшний день научные работы и теоретические разработки в сфере организации государственного управления (Public Administration) являются крайне востребованными. От грамотной организации деятельности органов государственной власти и государственных служащих, зависит успешная и эффективная реализация заданного политического курса страны и политики в различных сферах жизни общества, воплощение государственных программ и концепций. Книга американского профессора политических наук, специалиста работающего в области государственного управления Майкла Липски «Street-Level Bureaucrasy: Dilemmas of individual in public services», впервые опубликованная в 1980 году, стала общепризнанной классической работой в области государственного управления. В своей книге Майкл Липски выделяет особую категорию государственных организаций, учреждений и институтов. К ним он относит все учреждения и институты функционирующие в областях общественного здоровья, безопасности и образования. Данную категорию он именует « Street-Level Bureaucrasy» (бюрократией «низового», уличного уровня). Служащие данных организаций (полицейские, судьи и работники тюрем, работники образования, здравоохранения а также работники государственных социальных сервисов) образуют собой интерфейс между обществом и государством. Работники данной категории, по словам автора, действительно реализуют государственную политику претворяют в жизнь разработки государственного аппарата. Служащие бюрократии данного типа должны быть специалистами очень высокого уровня. Так как базис их обучения сильно различается с реальной «уличной» обстановкой, в которой им приходится работать. В реальности им приходится применять все накопленные знания в быстроизменяющейся среде и с ограниченным количеством информации о клиенте, о его проблеме, при этом цели их деятельности являются идеализированными, а планы крайне амбициозными и также всегда должны приносить положительный результат. Работники данной категории ответственны за клиентов

при ограниченных ресурсах - времени, информации, и средствах. Им самостоятельно приходится разрабатывать механизмы помогающие им делать свою работу, решать поставленные задачи эффективно. Именно от них зависит то, как будет реализовываться государственная политика в сферах, в которых они работают. Данная концепция, впервые изложенная Майклом Липски в 1980 году, не потеряла актуальности и сегодня. Более того, разрабатываемая теория опиралась на общественное и государственное устройство североамериканских и западноевропейских стран, но при этом изложенные в ней идеи о проблемах формирования механизмов работы служащих данного уровня актуальны и для современной России. Сегодня в России остро стоит проблема развития и эффективного функционирования государственных социальных сервисов. Стремясь к формированию социального государства, правительство Российской Федерации активно занимается решением проблем социального обслуживания населения. Разрабатываются концепции социальной политики, растет количество учреждений социального обслуживания населения, становятся все более актуальными и востребованными профессии социального работника, социального педагога, а также знания в области социологии семейной и социальной политики. Но эффективная работа данных служб зависит не только от работы государственного аппарата, а также от осознания специфики своей деятельности работниками данных служб. С помощью концепции Майкла Липски в ходе доклада будут изложены основные способы организации эффективной работы и успешного развития российских государственных социальных сервисов.

ОЦЕНКА РЕАЛИЗАЦИИ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ С СЕМЬЕЙ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ

Брысина О.П. (Барнаул)

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках
научно-исследовательского проекта РГНФ, проект №11-13-22004
а/Т*

В настоящее время выявление семей, находящихся в социально опасном положении, происходит достаточно поздно, когда они уже переживают стадию хронического кризиса. Такие семьи обладают малым реабилитационным потенциалом и помочь им восстановиться чрезвычайно трудно. Это обстоятельство приводит к

росту числа лишений родительских прав, несмотря на рост числа и объем услуг, оказываемых социальными службами, что побуждает ставить вопрос об эффективности оказываемой помощи. [2, с. 1] Эффективность работы по профилактике социального сиротства напрямую зависит от организации выявления нарушения прав ребенка и оказания помощи семье на ранних стадиях семейного кризиса, когда реабилитационный потенциал семьи сохранен и остается возможность поддержки нормальных условий для развития ребенка, предотвращения лишения родительских прав. С 2009 года в Алтайском крае реализуется целевая программа «Свет в родном окне». Данная программа предполагает внедрение инновационных моделей профилактики социального сиротства. Суть таких моделей сводится к внедрению следующих технологий: раннее внедрение реабилитационных услуг, механизма межведомственного взаимодействия в процессе ведения случая семейного неблагополучия и жестокого обращения с ребенком. Кафедрой социальной работы АлтГУ был разработан научно-исследовательский проект, направленный на выявление трудностей, возникающих в ходе внедрения вышеуказанных технологий. На основании полученных эмпирических данных проведен сравнительный анализ внедрения и реализации данной технологии на территории в условиях города и села. Анализ проводится по следующим критериям: 1. Работа нормативно-правовых актов на сравняемых территориях; 2. Характер взаимодействия с различными ведомствами; 3. Характер возникающих трудностей в процессе реализации технологий; 4. Эффективность и наличие реабилитационных услуг (социальная гостиная, низкопороговый клуб, игровая, сенсорная комната, игровой автобус) на городских и сельских территориях; 5. Используемые специалистами различных территорий формы мониторинга и оценки деятельности. По результатам сравнительного анализа выяснилось, что количество оценок экспертами нормативно-правовых актов, регламентирующих порядок взаимодействия по раннему выявлению и работе со случаем жестокого обращения с ребенком и пренебрежения его нуждами, как «работающие» больше на территории городов. Число работающих нормативно-правовых актов (в %): □ Порядок межведомственного взаимодействия органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних по раннему выявлению нарушения прав и законных интересов несовершеннолетних и оказанию кризисной помощи семьям и детям, находящимся в трудной жизненной ситуации (город -100%, село –

90%); □ Положение о рабочей группе по раннему выявлению нарушения прав и законных интересов несовершеннолетних (город - 47%, село – 30%); □ Положение о Территориальном консилиуме специалистов по раннему выявлению нарушения прав и законных интересов несовершеннолетних и оказанию кризисной помощи семьям и детям, находящимся в трудной жизненной ситуации (город - 74%, село – 77%); □ Положение о кураторе по работе со случаем нарушения прав и законных интересов несовершеннолетних и оказанию кризисной помощи семьям и детям, находящимся в трудной жизненной ситуации (город - 58%, село – 27%) Учитывая, что базовый принцип внедряемых новых социальных практик - межведомственность, экспертам было предложено указать ведомства, с которыми происходит взаимодействие, а также указать характер этого взаимодействия. Представляется интересным тот факт, что наиболее легко и безболезненно происходит сотрудничество с различными структурами у сельских специалистов, что подтверждают следующие цифры: 60% опрошенных сельчан и 36% респондентов из города оценили характер взаимодействия с Комиссией по делам несовершеннолетних и защите их прав как «легко находим совместные пути решения проблемы». Подобная ситуация, когда численность «легкости во взаимодействии» сельских специалистов превышает практически в два раза по сравнению с городскими специалистами, сложилась и в отношениях с другими ведомствами: □ ОВД: 46% и 26%,; □ учреждения здравоохранения: 43% против 11%; □ органы и учреждения по делам молодежи, культуре, физической культуре и спорту: 50% и 33%. Полученные данные свидетельствуют о необходимости разграничения функциональных обязанностей каждого субъекта профилактики и обучения работе в команде для выстраивания наиболее эффективной работы на территории не только города, но и села, поскольку трудности во взаимодействии сравниваемых субъектов не исключены. Если говорить о характере возникающих трудностей в процессе реализации инновационных технологий, то на всех территориях он практически одинаков: □ трудности межведомственного взаимодействия на разных этапах работы с семьей (несвоевременное уведомление, перекладывание обязательств, дублирование функций); □ трудности, связанные с недостатком знаний, компетенции у специалистов; □ трудности, связанные с нехваткой ресурсов (транспорта, горючесмазочных материалов), возможностью изолировать ребенка. Данный тип трудностей в большей мере присущ учреждениям сельской

местности. Поскольку помимо сотрудничества с различными органами системы профилактики происходит внедрение реабилитационных услуг, экспертов попросили оценить их эффективность. Проведенное исследование показало, что респонденты сельской местности в большей мере склонны присваивать усредненные оценки результативности услуг, в то время как эксперты из городов дают более высокие баллы: □ Социальная гостиная «Город» – высокий уровень - 22%, средний уровень - 22%, низкий уровень - 12%, данная услуга отсутствует - 44%; «Село» – высокий уровень 6%, средний уровень 27%, низкий уровень 6%, данная услуга отсутствует 61%; □ Низкопороговый клуб «Город» – высокий уровень - 45%, средний уровень - 27%, низкий уровень - 9%, данная услуга отсутствует - 18%; «Село» – высокий уровень 6%, средний уровень 54%, низкий уровень 8%, данная услуга отсутствует 32%; □ Сенсорная комната «Город» – высокий уровень - 67%, средний уровень - 5%, низкий уровень - 5%, данная услуга отсутствует - 23%; «Село» – высокий уровень 18%, средний уровень 12%, низкий уровень 5%, данная услуга отсутствует 65%; Вероятно, это связано с разной ресурсной обеспеченностью, на многих сельских территориях инновационные услуги пока отсутствуют. Оценку эффективности услуг, деятельности, отслеживание результативности работы инновационных технологий профилактики социального сиротства, опрошенные специалисты, проводят через использование следующих форм: заседание комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, проведение территориального консилиума, рабочие собрания кураторов, супервизия, профессиональные консультации, анализ планов, отчетов, опрос специалистов и клиентов. Указанные формы мониторинга и оценки деятельности применяются в равной степени специалистами всех территорий, исключением является супервизия. На селе она менее популярна, поскольку ощущается нехватка обученных данной форме работы специалистов. Таким образом, данное исследование позволило выявить трудности, возникающие в процессе внедрения инновационных технологий профилактики социального сиротства, а также структурировать и систематизировать их относительно субъектов профилактики на различных территориях края.

Литература

1. О дальнейших мерах по улучшению положения детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, в Алтайском крае на период 2009-2011 годов: Постановление Администрации Алтайского

края от 20 июля 2009 г. N 313 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.altairregion22.ru/upload/iblock/d14/post313_09.doc. – Загл. с экрана.

2. Чудова С.Г., Трудности и проблемы при внедрении инновационных практик профилактики социального сиротства, связанного с жестоким обращением с детьми, на региональном уровне (на примере Алтайского края) / С.Г Чудова, И. В. Антонович, Е. В. Васильева, Е. Н. Дронова, Ю. А. Калинина, Т. А. Мазайлова // Вестник Алтайской науки. – 2012. - №1. – С. 69-74.

СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Быкова Е.С. (Саратов)

В условиях реформирования местного самоуправления в России предъявляются особые требования к развитию кадрового потенциала органов местного самоуправления, к подготовке, уровню знаний, профессионализму и социальной ответственности муниципальных служащих. Однако сохранившийся административный стиль управления; преобладание на высоких руководящих постах лиц, получивших свой профессиональный опыт при прежней системе управления; использование личных связей как основного фактора приема на муниципальную службу и карьерного роста сдерживает формирование эффективного кадрового корпуса. Персонифицированная кадровая политика блокирует возможность в полной мере реализовывать профессиональные качества и способности муниципальных служащих, что сдерживает решение задач социально-экономического развития муниципальных образований и повышения уровня и качества жизни населения. В связи с этим, возрастает необходимость изменения подхода к развитию кадрового потенциала органов местного самоуправления. В настоящее время важным фактором оптимизации управленческих и кадровых процессов является применение социальных технологий. Социальная технология всегда детерминирована общественной проблемой и направлена на ее решение. Использование социальных технологий позволяет алгоритмизировать деятельность и тиражировать эффективные решения сходных задач, оптимизировать принятие управленческих решений, согласовать цели; рационализировать кадровые процедуры; планировать,

прогнозировать и диагностировать управленческие ситуации; совершенствовать коммуникации и др. Однако недостаточность понимания руководством муниципальных образований принципов интеграции научных разработок в управленческий процесс сдерживает внедрение в практику социально-технологических инструментов. В августе – сентябре 2010г. автором был проведен экспертный опрос руководителей, занимающих высшие и главные должности муниципальной службы г. Саратова (глава города, главы администраций, заместители глав администраций, председатели комитетов, управляющие делами и заместители управляющих делами – всего 70 экспертов) на тему применения социальных технологий в развитии кадрового потенциала органов местного самоуправления. Более половины – 51,5 % – экспертов оценили состояние кадрового потенциала органов местного самоуправления в городе как удовлетворительное и 27% как более чем удовлетворительное. При этом, наиболее значимыми факторами, препятствующими развитию кадрового потенциала, муниципальные служащие и депутаты называют следующие: 40,9% - низкая мотивация деятельности; 36,3 % - отсутствие условий быстрого продвижения вверх по карьерной «лестнице»; по 27% - недостаточный образовательный уровень муниципальных служащих и неиспользование эффективных социальных технологий развития кадрового потенциала. В ходе опроса среди основных проблем развития кадрового потенциала органов местного самоуправления города Саратова, требующих тщательной проработки и научного анализа, эксперты выделили следующие: отсутствие комплексного подхода к организации обучения служащих органов власти, обучения вновь избранных руководителей муниципалитетов с точки зрения роли муниципального управленца во взаимоотношениях с народом; недостаточная востребованность профессионализма и компетентности персонала, отсутствие научно обоснованных социальных технологий воздействия на кадровые процессы. Несмотря на высокую оценку руководством роли социальных технологий в развитии кадрового потенциала органов местного самоуправления города Саратова, масштаб их реализации невелик, и на практике преимущественно применяются социальные технологии повышения квалификации и формирования кадрового резерва, недостаточно используются мотивационные технологии, и менее всего – технологии построения карьеры муниципального служащего и коучинг-технологии. Выявление необходимых направлений развития кадрового потенциала должно сопровождаться подбором и

разработкой адаптированного к социально-профессиональным характеристикам муниципальных служащих социально-технологического инструментария, включающего применение достижений передового опыта, научные обоснования социальных технологий.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЫ В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ): ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ.

Васильева Е.А. (Якутск)

Государственная служба в российской социологии традиционно рассматривается в двух аспектах: как профессиональное сообщество, осуществляющее трудовую деятельность в рамках исполнения полномочий органов исполнительной власти и как социальный институт. Законодательно закрепились именно первое определение, что обусловило направленность административных реформ, проходивших в Российской Федерации с 2002 года [1]: управление государственной службой осуществлялось на принципах и методах управления персоналом. Однако реализация основной задачи реформы – повышение эффективности и социальной направленности деятельности служащих – столкнулась с рядом проблем, одна из которых – неготовность чиновников принять новые принципы функционирования, усиливающаяся институциональными качествами государственной службы. Как социальный институт государственная служба представляет собой нормы и правила поведения людей в сфере государственного управления и обладает особым институциональным потенциалом, под которым мы понимаем нереализованные возможности повышения легитимности института. Институциональный потенциал обладает следующими характеристиками: напряженность (степень легитимации института в обществе), направленность (степень влияния института в обществе), а также силовое воздействие (степень важности норм, ценностей и ролей, составляющих институт, для людей, которые в него включены). Все это вместе представляет собой социальное поле института, которое может пересекаться с полями других институтов и даже поглощать их либо же поглощаться ими. Поле государственной службы находится включено в поле государственного управления, которое в свою очередь, является частью поля социального управления как метаинститута.

Воздействовать на социальное поле института можно посредством воздействия на его имидж, то есть целенаправленно формируя образ, выделяющий определенные ценностные характеристики, призванный оказать эмоционально-психологическое воздействие в целях его популяризации, рекламы [2]. В отношении государственной службы пока целесообразно говорить не об имидже, а об образе, то есть о стихийно складывающемся психологическом и эмоциональном представлении, так как до настоящего времени целенаправленное формирование имиджа государственной службы не ведется. Более того, приходится констатировать, что в России насчитывается многовековая история негативного позиционирования чиновничества, что привело к негативному самоопределению в рамках института государственной службы. Для выявления современного образа государственной гражданской службы в средствах массовой информации Республики Саха (Якутия) проведено социологическое исследование методом контент-анализа, одной из задач которого являлось оценка средствами массовой информации Республики Саха (Якутия) деятельности государственных гражданских служащих по критерию эффективности. Обследуемая совокупность представлена двумя средствами массовой информации: газетой «Якутия» как официальным источником информации о деятельности органов исполнительной власти и газетой «Якутск вечерний» как представителем оппозиционной точки зрения. Частота информации – количество абзацев, с упоминанием единиц счета в тексте. В ходе исследования были получены следующие результаты. Государственная гражданская служба упоминается в официальном средстве массовой информации в среднем в 4 раза чаще, чем в оппозиционном: в газете «Якутия» 2,9 упоминаний на печатный лист, а в «Якутске вечернем» - 0,5 упоминаний. Федеральная государственная служба упоминается в обследованных СМИ значительно реже, чем республиканская – 18,7% в газете «Якутия» и 19,5% в газете «Якутск вечерний», что вполне объяснимо, так как в обоих СМИ обсуждаются в основном вопросы местного значения. В обеих газетах частота упоминания этого института выше всего в сообщениях, касающихся актуальных проблем социально-экономического развития Республики Саха (Якутия) (61,5% в газете «Якутск вечерний» и 56,8% в газете «Якутия»). Таким образом, задачей государственной службы в представлениях СМИ РС(Я) является социально-экономическое развитие территории, а также участие в деятельности лиц, занимающих государственные

должности, но в значительно меньшей степени. Представления СМИ об эффективности деятельности органов исполнительной власти можно оценить по знаку высказываний. Газета «Якутск вечерний», позиционируясь как оппозиционная газета, критически подходит к деятельности органов исполнительной власти и руководства Республики Саха (Якутия) и Российской Федерации, поэтому вполне ожидаемо преобладание негативных оценок в суждениях – 50,1% от общего числа упоминаний. В газете «Якутия» наибольшая доля упоминаний носит нейтральный характер – 63%. Доля позитивных высказываний в газете «Якутия» составляет всего 24,1%, что всего в два раза превышает долю позитивных высказываний в газете «Якутск вечерний» (12%). На фоне нейтральной позиции официальных сообщений, подчеркнуто негативная оценка оппозиционного СМИ более выпукло формирует общее негативное впечатление. В газете «Якутия» усредненная оценка эффективности деятельности республиканских органов власти выше, чем федеральных, так как доля позитивных упоминаний республиканских чиновников (26% от общего числа высказываний) в два раза выше, чем федеральных (13,2%). В газете «Якутск вечерний», напротив, при общей негативной оценке, доля позитивных упоминаний федеральной службы выше – 16,7% от общего числа высказываний (при 12,9% позитивных упоминаний республиканской). В сообщениях о политических событиях оценка деятельности и федеральных, и республиканских органов власти еще более негативна, причем федеральные органы власти оцениваются как менее эффективные обоими СМИ: доля негативных оценок федеральной государственной службы в официальном СМИ составляет 31,5%, а в оппозиционном – 64,4%, республиканской соответственно 18,1% и 59,9%. Итак, подводя итоги исследования, можно констатировать, что сформированный и поддерживаемый в средствах массовой информации образ государственной гражданской службы негативен, ее эффективность оценивается низко. Сложившаяся ситуация усиливает состояние фрустрации и неопределенности у государственных служащих, постоянно существующих в состоянии осуждения, снижает их удовлетворенность работой, а, следовательно, способствует дальнейшему снижению эффективности их деятельности. Таким образом, напряженность институционального поля государственной службы в настоящее время существенно возросла в результате негативной оценки этого института в обществе, что может привести в долгосрочной перспективе к полной делигитимизации государственной гражданской службы.

Литература

1. Концепция административной реформы в Российской Федерации в 2006-2010 годах, утвержденная Распоряжением Правительства Российской Федерации от 25.10.2005 г. №1789-р.
2. Современный словарь иностранных слов. М., 2000, с. 229

ИННОВАЦИИ В УПРАВЛЕНИИ: СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК КОРПОРАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ КОМПАНИИ.

Виноградов Д. (Санкт-Петербург)

Сегодняшнее положение корпоративной социальной ответственности в России принято связывать с кризисным периодом. С одной стороны, речь идёт о кризисе самой концепции устойчивого развития, которая прививается в нашей стране на протяжении последних десяти лет. С другой стороны, представители научного сообщества (и в небольшой степени представители бизнеса и властных кругов) отмечают явные симптомы отторжения практик КСО российскими предпринимателями именно в период глобального экономического кризиса [6]. К сожалению, последний факт свидетельствует о коренных ошибках, заложенных в сознание российского бизнес-сообщества еще на стадии формирования представлений о КСО в нашей стране. Подтверждается этот факт статистикой о том, что в период с 2008 по 2012 год 76% российских компаний сократили свои расходы на социальные программы [10]. При этом другие исследования показывают, что более 80% российских компаний признают необходимость реализации бизнесом политики социальной ответственности [5, с.1131]. Объяснить это можно тем, что принципы социальной ответственности возникали в России еще до прихода западных концепций устойчивого развития. Под влиянием государственной власти, чиновников, предприниматели эпохи 90-х годов XX века финансировали те или иные социальные проекты в обмен на определенные привилегии со стороны органов местной власти или надзорных органов. Этот механизм «социальных соглашений» между бизнесом и местной властью во многих регионах продолжает сохраняться и до сих пор, а его принципы остались основополагающими для дальнейшего развития концепции КСО в России. Исторический путь развития КСО в нашей стране определяет сегодня факт того, что бизнес-сообщество воспринимает свою социальную политику как статью

вынужденных расходов, замещающих государственную поддержку [10]. С этим и связано сокращение социальных программ российскими компаниями в экономически сложные периоды. В то же время западные компании, преимущественно, крупные международные корпорации, напротив, усиливают свою политику КСО в периоды экономических обострений. Разница между отношением российского бизнесмена и западного к политике КСО заключается в том, что западный бизнесмен старается встраивать принципы КСО в стратегию управления бизнесом, российский же — относится к КСО как к дополнительной «факультативной» деятельности организации. Это усиливается слабой поддержкой правительства в вопросах укрепления принципов корпоративного гражданства. «Бизнес вообще вряд ли может чувствовать какую-либо ответственность перед обществом, поскольку ни бизнес, ни сама власть пока еще не подходили серьезно к теме социальной ответственности бизнеса. На мой взгляд, социальная ответственность бизнеса должна быть четко прописана в правилах его ведения. Однако, что конкретно там должно быть написано, я пока затрудняюсь ответить» — комментарий заместителя председателя Комитета Государственной Думы по собственности, члена фракции «Единая Россия» (обладающей парламентским большинством и традиционно именуемой «Партией власти») Ю. Медведев [9]. Известно, что европейский подход к развитию КСО это «воспитание социально ответственного предпринимателя», на которого изначально возлагаются серьезные ожидания по развитию социального обеспечения общества. В Англии и Франции давно существуют должности министров по вопросам КСО [11]. Чувствуя свою ответственность и высокие ожидания со стороны общества и правительства, западный предприниматель старается выстраивать свой бизнес социально ориентированно по многим направлениям КСО. КСО становится формой стратегического управления компанией. Для российского предпринимателя концепция КСО воспринимается пришедшей извне. При этом традиции меценатства, благотворительности обычно «наслаиваются» на общие представления о западных концепциях КСО. Таким образом, КСО уже не воспринимается как изначально необходимая форма построения и ориентации бизнеса. Однако сегодня российский бизнесмен уже ощущает необходимость применения КСО (общемировая тенденция, показатель «успешности» компании, требования западных партнеров, возможное улучшение репутации компании и т.д.). Наряду с этим, не осознавая необходимости

интеграции принципов КСО в систему управления компанией, предприниматель продолжает относиться к КСО как бремени. И в то же время, старается найти свою выгоду от «ношения этого бремени»: отсюда стремление к качественному освещению своих социальных программ в СМИ; использование КСО как орудия антикризисного PR и т.д. Таким образом в системе «принципы – процессы – результаты», российское бизнес-сообщество пытается перешагнуть от первой стадии сразу к третьей [1, с. 225]. Оно готово условно принимать принципы КСО, но не готово выстраивать свои бизнес-процессы согласно этим принципам. В то время как основной эффект и польза самой компании от реализации политики КСО заключается не в ситуативных возможностях улучшения своего имиджа или повышении стоимости акций компании за счет выхода информации о её положительном КСО-рейтинге, а в комплексном укреплении позиций компании. Ситуации, при которой все её бизнес-процессы максимально ориентированы на стейкхолдеров, и политика социальной ответственности становится своеобразной формой инвестиции в будущее процветание компании. Среди российских компаний на общем фоне можно выделить пример компании «Яндекс». С наступлением глобального экономического кризиса компания, вместо сокращения расходов на социальные программы, напротив, усиливает свои вложения в программы подготовки кадров и, главным образом, проекты по профессиональному обучению студентов профильных ВУЗов. Тем самым компания вносит свой положительный вклад в развитие молодого поколения, усовершенствования системы образования и, одновременно, оберегает себя от будущего дефицита квалифицированных специалистов на фоне демографической ямы 90х годов.

Литература

1. Благоев Ю. Е. Корпоративная социальная ответственность: эволюция концепции. — СПб: Изд-во «Высшая школа менеджмента», 2010.
2. Ивченко С.В., Либоракина М.И., Сиваева Т.С. Город и бизнес: формирование социальной ответственности российских компаний. — М.: Фонд «Институт экономики города», 2003.
3. Кузнецов А. Л. Захаров Н. Л. Управление социальным развитием организации. — М.: Инфра-М, 2006.
4. Туркин С. Социальные инвестиции в бизнесе. Пособие для менеджеров. — М.: Русский университет, 2003.
5. Умаров М. PR-писные истины. — М.: Вершина, 2008.

6. Петров А. В., Виноградов Д. А. Социальная ответственность российского бизнеса в период современного глобального экономического кризиса: проблемы и тенденции // Общество. Среда. Развитие. — 2012, № 3.

7. Толмасова А. Отношение государства к корпоративной благотворительности // SEAL — 2003 — N1, С. 17–34.

8. Демидов Е. Е., Николаева М. И. Корпоративная социальная ответственность: сообразим на троих [Электронный ресурс] // Корпоративный менеджмент — 2009 — Режим доступа http://www.cfin.ru/anticrisis/macroeconomics/government_program/csr.shtml (дата обращения 02.09.2012)

9. Кому много дано, с того много и спросится — парламентарии об ответственном бизнесе. [Электронный ресурс] // Новости Федерации — 2010 — Режим доступа <http://regions.ru/news/2264371/> (дата обращения 28.08.2012)

10. Смирнова Е. Просто хороший бизнес. [Электронный ресурс] // Эксперт Северо-Запад — 2010 — Режим доступа http://www.gsom.spbu.ru/prensa/prensa/2010_12_27_expert_blagov/ (дата обращения 10.06.2012)

11. Яровой А. И. Влияние институтов власти на развитие корпоративной социальной ответственности в России и Европейском союзе [Электронный ресурс] // Гуманитарные Технологии и развитие человека — 2010 — Режим доступа <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2010/2596> (дата обращения 10.09.2012)

СОЦИАЛЬНЫЕ НОВАЦИИ И НОВАЯ ПАРАДИГМА ПЛАНОВОГО УПРАВЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ СИНКРЕТИЧЕСКОГО ПРЕОДОЛЕНИЯ.

Волчкова Л.Т., Кузнецов И. Е. (Санкт-Петербург)

Стремительное развитие современного общества, экономическая глобализация, распространение в мире современных средств электронной коммуникации ведут к индивидуализации, постепенному отчуждению личности от средств воспроизводства и центров принятия макроплановых управленческих решений и, как следствие, отхода от принятых в обществе нравственно-нормативных ориентаций. Это приводит к отсутствию нормативно-правового консенсуса в современном комплексном обществе [1, Р. 75-81]. Осмысление современных условий функционирования и развития,

процесса легитимации современных идей сложного общества и его подсистем, прежде всего экономики и политики, позволяет выявить ряд закономерных тенденций, обуславливающих смену парадигмы планового управления социально-экономическими процессами на всех уровнях хозяйствования, политического руководства и администрирования в контексте социальных новаций и стремления к успеху, свободе и социальной справедливости. Необходимость принципиально нового подхода к планированию связана с синкретическим преодолением. Синкретическое преодоление представляет собой процесс интегративного преодоления ограниченности индивидуального телесного физического как временного конечного и укоренение в духовном метафизическом мире как потенциально безграничном, открывает неисчерпаемые возможности для космологизации сущего и формирования неуничтожимости духовного. Происходит процесс диалектического отрицания, где та сторона противоречия, от которой происходит интенсивное действие, направленное на качественное изменение, возвышение энергии бессознательного [2, С. 741]. Создание смысловых символов и знаний, обуславливающих признание ценностей всеми без исключения членами обществ, а также разработка механизмов интернализации их в сознание индивидов является целеполагающими основами новых подходов в управлении [3, С. 147-155]. Синкретическое преодоление связано с качественными изменениями в сущностных свойствах человека как производителя и потребителя и укоренении духовного, без-мерного в социальных отношениях, что объективно обуславливает демократизацию социально-экономической и политической жизни общества, расширение свобод, обеспечение социальных гарантий нормальной жизнедеятельности людей, предоставление равных возможностей для развития и применения способностей людей, для реализации их творческой активности [2, С. 741]. Эту идею развивает проф. В.Н. Иванов, который отмечает, что содержание управленческой парадигмы во многом определяется характером господствующей сегодня в мире цивилизации, причем цивилизационные перемены являются результатом усилий разных субъектов управления, иницилирующих свои управленческие усилия с учетом объективных изменений в окружающем мире. В качестве объекта управления выдвигается сложная биосоциальная система: Космос-Биосфера-Общество-Человек, а в качестве субъекта – духовно-нравственный, интеллектуально богатый творческий человек. Новая парадигма управления и планирования связывается с

ноосферным миро-воззрением, корпоративным механизмом хозяйствования, базирующемся на экономике знаний, наукоемких энергосберегающих, экологически чистых технологиях, позволяющим раскрыть творческий потенциал личности, социума [4, С. 2-9]. Смена парадигмы управления, т.е. переход на принципиально новую модель управления и его ядра- планирования, означает, что происходят существенные, качественные изменения в объекте управления и планирования, структурно изменяется субъекты управления, плановых практик, а также происходят качественные изменения в отношениях управления, т.е. в отношениях между субъектом и объектом управления. Используя ретроспективный анализ изменения отношений управления в развивающихся обществах в период XX столетия, можно выделить, на наш взгляд, несколько моделей планирования, управления, сменяющих друг друга, вследствие, и под воздействием усложняющихся производительных сил и производственных отношений. Это – технократическая модель; экономическая – рационально бюрократическая модель, социальная – корпоративно-стратегическая модель, социально-личностная синкретическая модель. Закономерной тенденцией является усложнение взаимодействий вследствие усиления взаимозависимости между людьми, социальными группами как внутри государства, так и между странами. На рубеже XX-XI веков сложился ряд взаимосвязанных процессов, объединяющих индивидов, группы, сообщества, государства, рынки, корпорации, национальные правительства и неправительственные организации в сложные сплетения социальных отношений, стала разрастаться сеть всемирной взаимозависимости, сети глобального производства и распределения, представляющие интересы развитых государств [5, С. 6]. С другой стороны, дальнейшее развитие разделения труда и технологическая революция, ведущие к постепенному вытеснению человеческого механического труда, распространению фрилансерства и удаленной работы вкупе со стремительным развитием виртуального общения, способствуют отчуждению индивидов и падению социальной солидарности в обществе. Минимизация повседневной практики межличностных взаимодействий постепенно будет вытесняться все большим и большим символическим взаимодействием в виртуальных социальных сетях. Усиление социального неравенства имеет следствием закрепление одой группы менее развитых стран за выполнением функций обслуживания других, продвинутых стран. При этом жесткие правила взаимодействия на мировом рынке,

диктуемые продвинутыми странами, претендующими на мировое господство, противоречат нормам социальной справедливости. Нарастающая сложность человеческих взаимодействий обусловлена трансформацией «правил социальной и политической игры, в которой постепенно рушатся барьеры доступа к решению, позволяя все более и более многочисленным группам, имеющим к тому же разные интересы вмешиваться в любые решения» [6, С. 124]. На фоне этих объективных тенденций особо значимыми становятся тенденции стремления к свободе, успеху и социальной справедливости. Источник свободы заключается в принципиальном изменении положения человека в общественном производстве. Растущая отчужденность индивидуума от средств производства в недалеком будущем ведет не только к растущему ощущению им личной свободы, но и к уменьшению его личной ответственности. Справедливость - является одной из исторически доказанной ценностью взаимных отношений между людьми. Ее смысловое значение концентрируется вокруг понятий беспристрастность, честность, законность. Объективные основания, характеризующие усложнением связей в общественном производстве и усилением взаимозависимости его участников, а также субъективные устремления к свободе и социальной справедливости требуют смены парадигмы управления и планирования. Демократизация – одно из актуальных требований современной парадигмы планового управления. Она означает переход от принятия решений на разных уровнях управления узким кругом лиц к прозрачности при формировании, выработке и принятии управленческих решений, расширению участников данных процедур. Новая модель управления в контексте тенденций развития современного общества предполагает переход на новые принципы. К новым принципам управления относят: сокращение сложности, упрощение организационных структур и управленческих процедур, автономизацию операционных единиц, свободу принятия решений автономными единицами на местах для все более полного удовлетворения потребностей клиентов, переход от разделения труда в управлении к широкой профессионализации и сочетании многообразных общих и специфических функций управления, активное задействование творческого потенциала человека. При этом важным вектором трансформации управления является развитие со управления в области целеполагания, поскольку сложным социальным системам нельзя навязать целевые решения, они должны вырабатываться и приниматься социумом, при этом сообщество

принимает на себе всю ответственность за выполнение принятого решения. Необходимо задействовать всех участников процесса управления еще на стадии целеполагания посредством обсуждения в СМИ и виртуальных сетях. При выработке и принятии управленческих решений важно учитывать, что идеология экономоцентризма и технологического детерминизма, прагматизма и крайнего индивидуализма отжила свой век. На смену ей приходит идеология антропоцентризма в качественно новом ее понимании. Реальный социальный мир предстает в человеческом измерении: экономика и техника являются средством, а человек, его материальное, физическое и нравственное развитие, возможность проявить свой социальный потенциал становится основным индикатором прогрессивности современного мира [5, С. 10]. Демократизация управления на основе свободы выбора и социальной справедливости обуславливает изменение соотношения функций и методов управления. Среди функций управления особое значение в современном динамичном мире придается пред-видению – прогнозированию и планированию. Все более актуальным становится необходимость дополнять поисковое прогнозирование нормативным. Это требует, в свою очередь, обогащения социального содержания процесса программирования. Планирование как функция и метод управления из жестко регламентирующего организационно-экономического процесса, существенно ограничивающего свободу индивидов, социальных общностей превращается в гибкий инструмент управления, в социальный процесс познания и достижения компромиссов, ориентированный на согласование разнообразных потребностей и противоречивых интересов различных субъектов хозяйственной, политической и общественной жизни. Важнейшей функцией становится координация взаимодействий в системе общественного производства и жизнедеятельности общества. При этом ведущим элементом координационного механизма выступает целевой блок, задающий направление взаимодействий, подкрепляемый мотивационными инструментами и стимуляторами. Модифицируется и функция контроля. Административный, бюрократический контроль по мере возможности и необходимости заменяется социальным контролем и самоконтролем в т.ч. и в виртуальном пространстве. Традиционные методы управления становятся несостоятельными. Их трансформация осуществляется в направлении более активного использования гибких инструментов управленческих взаимодействий. Их суть состоит в том, что не столько сила, сколько правильно подобранная конфигурация

управленческого воздействия определяет его результативность; «малые, но правильно организованные – резонансные – воздействия на сложные системы чрезвычайно эффективны» [7, С. 5]. Важным при переходе к новым принципам и методам управления является дополнение бюрократических правил и регламентирующих процедур управлением, опирающимся на культуру сообщества и ее развитие. Ввиду этого необходимо знание и исследование этой культуры, направлений ее изменения, закономерных тенденций с учетом глобальных изменений и национальной исторически обусловленной специфики. Важным представляется исследование различных исторически сложившихся в стране типов культуры, традиций и нравственности с точки зрения возможности каждой из них стимулировать рост способности людей противостоять нарастающей дезорганизации, ее последствиям. Фокусом этой возможности должно быть возрастание способности формировать эффективные решения, отвечающие на вызовы усложняющегося общества, на необходимость формулировать и разрешать все более сложные проблемы [8, С. 10]. Актуально, поэтому, инвестирование в культуру, в том числе в организационную, управленческую, а не упование на спонтанное ее развитие при поддержке меценатов и спонсоров. Реформирование административного управления, направленное на освобождение членов общества от бюрократического груза, имеет шансы на успех, если ее предваряет инвестирование знаний.

Литература

1. Luhmann N. The differentiation of society./ Transl. by S. Holmes & C/ Larmore. N. Y.: Co. Univ. Press. 1982.
2. В.Ф. Мартынов, С. Ю. Солодников. Большой энциклопедический словарь, философия, социология, религия, эзотеризм. М., 2002
3. П. Бергер, Т. Лукман. Конструирование социальной реальности. М. 1995.
4. Иванов В.Н. Управленческая парадигма XXI века: тенденция становления. 2005.
5. Осипов Г.В. Российская социология в XXI веке. М., 2003.
6. Крозье М. Основные тенденции современных сложных обществ // Социология: Хрестоматия. Сост. Ю.Г. Волков, И.В. Мостовая. М., 2003.

7. Князев Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика как новое мировидение: диалог с И. Пригожиным // Вопросы философии. 1992. №2.

8. Ахиезер А.С. Россия – от общества риска к обществу повышенной опасности // тезисы докладов и выступлений на II Всероссийском социологическом конгрессе «Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы». Т.1. М., 2003.

ГЕОДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ИНФРАСТРУКТУРА: ТЕОРИТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ

Габдрахманов Н.К. (Казань)

Под социальной инфраструктурой следует понимать комплекс предприятий, сооружений и учреждений, обеспечивающих на определенной территории необходимые материальные и культурно-бытовые условия жизни населения, т.е. жилой фонд, учреждения науки и искусства, общего и профессионального образования, здравоохранения и социального обеспечения, предприятия торговли и коммунального хозяйства, сооружения спортивно-оздоровительного назначения, пассажирский транспорт [4, с.7]. Однако, при рассмотрении социальной инфраструктуры следует посмотреть на поселенческую структуру, как на результат деятельности людей и общества в целом по удовлетворению своих потребностей. Поэтому в плане преобразования поселенческой структуры наиболее актуальной является задача формирования регионального типа расселения, а также развития поселенческих мест с учетом потребностей и интересов населения. Большое значение в развитии региона имеет территориальная парадигма. Ее суть состоит в том, что территория рассматривается как арена взаимодействия различных движущих сил и компонентов природы и общества, т.е. и как ресурс, и как особым образом организованное пространство. Территориальность в этом смысле ведет к формированию особого социально-экономического ландшафта, который является внешним выражением содержания данного понятия. В свою очередь содержательно территориальность есть не что иное, как потенциальные возможности территории [5, с.26]. Пространственную и земельно-ресурсную основу сельских поселений составляют территории в пределах установленных границ сельских поселений, а также все, что находится над и под поверхностью указанных

территорий. При этом важную роль в процессах сельского расселения играет комплекс условий: природных, социальных, экономических и др. На каждой территории в значительной степени под влиянием природных факторов формируется своеобразная структура сельского расселения. Однако влияние природной среды и отдельных природных факторов всегда опосредованно и зависит от исторической ступени развития общества в условиях определенного способа производства, определенных экономических отношений. Рост и развитие поселений, совершенствование их территориальной и социокультурной организации неразрывно связаны с интенсификацией использования природных ресурсов, повышением производительности земель, частично промышленности в урбанизированных территориях, развитием рыночных (товарно-денежных) отношений, формированием более гибких связей между сельскохозяйственными товаропроизводителями и торгово-промышленными предприятиями. Развитие в сельской местности материальной сферы жизнеобеспечения населения способствует выравниванию заработной платы, улучшению культурного обслуживания и других показателей уровня жизни в сравнении с городом. Современные преобразования земельных и экономических отношений в сельской местности, сопряженные с перераспределением земельной и иной собственности, оказались ущербными для развития поселений, поскольку осуществлялись за их чертой и не ориентированы, к сожалению, на задачи их сохранения и развития. Напротив, набирает силу стихийный процесс отторжения земель и сел под различные рода объекты, не связанные с целенаправленной деятельностью в сельском хозяйстве и с конкретными сельскими поселениями и их населением (строительство дач, «второго жилья» для горожан, промышленных предприятий и пр. в непосредственной близости от населенных мест). При этом во многих случаях не решаются вопросы социальной и инженерной инфраструктуры, которые ложатся бременем на слабые села и деревни. Территориально развитие на уровне региона обычно закладывается в концепции и планы районной планировки. Однако быстро меняющаяся ситуация не позволяет осуществлять надежный контроль за территориальным, во многом стихийным развитием поселений. Помимо проблем территориального развития в поселениях стоит вопрос формирования облика сел, особенно в субурбанизированных местностях. Это выражается в строительстве безликих комплексов или помпезных жилых домов, по размерам, качеству строительства и стилистике выпадающих из окружающего

ландшафта. Сельская местность является важным элементом в понятии культурной идентичности населения. Однако долгое время, да и сегодня она не рассматривается как пространство, которое необходимо сохранить в его полноте, недооценивая важность, как местных архитектурных образцов строений, так и различных типов культурных ландшафтов. Именно поэтому сегодня во многих европейских странах ставится вопрос о сохранении и возделывании культурного ландшафта, как места для достойного жилья и окружающей среды для трудовой деятельности человека, особенно как места отдыха, имеющего значимые социальные аспекты, кроме того, такие ландшафты представляют и экономическую ценность для развития туризма, строительства домов отдыха, отелей, ресторанов и пр. Характер застройки современных сел должен отвечать требованиям комплексного развития, задачам получения экологически чистой среды обитания, создания комфортного жилья, достаточно развитой социальной и инженерной инфраструктуры, включая дорожно-транспортные сети, объекты производственной сферы, сохранения историко-культурного и природного наследия. применяемые в жилищном строительстве на селе архитектурно-строительные системы должны отличаться многовариантностью типов домов по размерам, ценовым показателям, архитектурно-планировочным решениям и эксплуатационным характеристикам. Именно поэтому помимо социальной и инженерной инфраструктуры следует также учитывать геодемографическую инфраструктуру, под которой понимается устойчивая совокупность социально-демографических элементов пространства, обеспечивающих общие и специальные условия для рациональной организации основных видов деятельности человека во всех сферах общественной жизни [1].

Литература

1. Габдрахманов Н.К. Геодемографическая инфраструктура Республики Татарстан // Социология в системе научного управления обществом: Материалы IV Всероссийского социологического конгресса. - Москва, 2012. - С.1447-1448
2. Инфраструктура муниципальных образований: учебное пособие / под ред. П.В. Кухтина. – М. :КНОРУС, 2008. – 208 с.
3. Миндлин Я. С., Лапин В. П. Фельдшерско-акушерский пункт // Краткая медицинская энциклопедия / глав. ред. - академик Б. В. Петровский. - второе изд. - М.: «Советская энциклопедия», 1989.

4. Пациорковский В.В. Социальная инфраструктура: к проблеме построения предмета исследования // Социальная инфраструктура. – М., 1990. – 265 с.

5. Трофимов А.М., Рубцов В.А., Ермолаев О.П. Региональный геоэкологический анализ. – Учебное пособие, Казань, 2009. – 428 с.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ В РОССИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Гегер А.Э. (Санкт-Петербург)

На современном этапе ключевым источником экономического роста становятся нематериальный капитал и его важнейшая составляющая – интеллектуальный капитал, масштабы и качество которого в существенной и возрастающей степени определяет основные параметры инновационного развития. Инновация не возникает спонтанно, она появляется в результате целенаправленного действия достаточно большого количества людей в условиях достаточно благоприятной среды. Интеллектуальный капитал – это капитал, постоянно генерирующий инновации, т.е. обеспечивающий непрерывный процесс превращения нового знания в новые товары и услуги. Определение интеллектуального капитала. Приведем здесь определение авторитета в области управления интеллектуального капитала Йорана Рууса. Интеллектуальный капитал можно определить как все неденежные и нематериальные ресурсы, полностью или частично контролируемые организацией и участвующие в создании ценности. Руус подразделяет ИК на три категории, основываясь на их экономическом поведении. Это: 1) Отношенческий капитал. Сюда входят все отношения, которые устанавливаются организациями: с клиентами, потребителями, посредниками, представителями, поставщиками, партнерами, владельцами, кредиторами и т.п. 2) Организационный капитал. Все те вещи, которые остаются в организации, когда работники покинули здание, но которые вы не можете обнаружить в балансовом отчете. Сюда входят такие ресурсы как бренды, интеллектуальная собственность, процессы, системы, организационные структуры, информация (на бумаге и в базах данных) и т.п. 3) Человеческий капитал. Все качества, которые характеризуют индивидуумов как ресурсы для компании, при условии, что эти качества не могут быть заменены машинами или записаны на листе бумаги. В эту категорию

входят такие ресурсы, как компетенция, отношение к работе, умения, неявные знания, личные связи и т.п. [1; 37] В своем докладе я намерен коснуться в первую очередь проблемы человеческого капитала. Согласно данным Степановой А.Е., которая анализировала ИРЧП и инновационное развитие в регионах, была выявлена проблема недостаточной мотивации и неэффективного управления персоналом [4; 25]. Говоря о недостаточной мотивации, мы уже вступаем в ценностное поле (здесь мы можем говорить о недостаточной значимости ценности самореализации – см. исследования Инглхарта, который определяет нынешнее российское общество как материалистическое, где преобладают ценности выживания над ценностями самореализации/самовыражения) [6; 15]. Обсуждения проблем развития человеческого капитала/потенциала в России в разное время проходило в разных аспектах. В течение длительного времени она рассматривалась как проблема трудовых ресурсов. В рамках планов и программ социального и экономического развития разрабатывались меры обеспечения заложенных темпов роста экономики трудовыми ресурсами в нужном количестве, необходимой квалификации и размещаемой в соответствии с планами развития промышленности. Для этого периода характерно преобладание производственного подхода, социальные показатели имели тенденцию к улучшению (уровень образования, продолжительность жизни). В настоящее время государство не выполняет эту функцию в прежнем объеме, но необходимость изучения состояния трудовых ресурсов и прогнозирования его на будущее осталась, поэтому оценки состояния трудовых ресурсов и прогнозирования на перспективу проводятся при разработке программ социального и экономического развития. Мониторинг состояния здоровья населения проводится как основание для разработки социальных программ. Внимание научной общественности к комплексной проблеме состояния потенциала населения усилилось в последние годы в связи с тревожным фактом увеличения разрыва между требованиями, предъявляемыми к населению происходящей революцией в производстве, и фактическим состоянием трудового потенциала. В настоящее время в России ситуация с человеческим капиталом выглядит довольно плачевной. Как общий негативный фактор отмечена потеря стратегических целей у населения. Валерия Касамара (заместитель декана факультета прикладной политологии НИУ ВШЭ) сказала: Депрессия, которую мы можем наблюдать у людей среднего и старшего возрастов, в последние годы стала стремительно

распространяться на молодежь. А как можно изменить эту ситуацию? Как стимулировать стремление к самореализации, желание расти и развиваться? Ведь наши сегодняшние проблемы связаны не только с отсутствием квалифицированных кадров. Да, людей, которые могут выполнять даже простые инструкции, найти не так просто. Да, менеджеры крупных компаний испытывают огромную недостачу качественной рабочей силы. Но ведь это лишь следствие общей депрессии [3]. Журнал «Эксперт» провел в 2007 году круглый стол с участием Д.Медведева на тему «Человеческий капитал в стратегии национального развития». По словам Медведева, его вывела на проблему человеческого капитала работа с национальными проектами. Социальная политика патернализма предполагает отношение к человеку как пассиву, на который государство должно тратить деньги. Медведев, напротив, очевидно намерен выстраивать социальную политику, основанную на отношении к человеку как к активу, в который государство вкладывает деньги. Опыт реализации национальных проектов показывает, что привычная патерналистская политика в социальной сфере зашла в тупик. Необходимо рассматривать социальные отрасли как обычные отрасли производства. А это означает переход от понятия «человеческие ресурсы» к понятию «человеческий капитал», из чего следует необходимость разработки механизма самовозрастания этого вида капитала [5]. Выводы в первом приближении: • Интеллектуальный капитал (и человеческий капитал как его составляющая) является существенным драйвером инновационной экономики • В России одним из сдерживающих факторов развития инновационной экономики можно отметить недостаточную развитость интеллектуального капитала, а именно: а. Низкий ИРЧП (в основном за счет короткой продолжительности жизни) б. Низкая мотивация с. Преобладание ценностей «выживания» над ценностями «самореализации»

Литература

1. Й. Руус С. Пайк Л. Ферстрем Интеллектуальный капитал: практика управления СПб 2007.
2. Научный семинар Евгения Ясина, 22.02.2005
http://www.liberal.ru/sitan_print.asp?Num=540
3. Степанова А.Е. Интеллектуальный капитал как фактор развития инновационной экономики автореферат на соискание ученой степени кандидата экономических наук Ставрополь – 2010

4. Человеческий капитал,
http://www.expert.ru/printissues/expert/2007/14/medvedev_i_chelovecheskiy_kapital/ 5. Inglehart, R., Baker, W. E. Modernization's Challenge to Traditional Values: Who's Afraid of Ronald McDonald? // Futurist. 2001, Vol 35, (2).

ИННОВАЦИИ КАК ИСТОЧНИК ТОЧЕК БИФУРКАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ

Гилев А.Ю. (Новосибирск)

Множество работ посвящено прогнозированию социально-экономических катастроф, катастроф экономического развития, в большинстве случаев применяется эволюционный подход к изучению точек перехода систем на новый качественный уровень. Считается что характеристики системы мало меняются за малый промежуток времени. Что правомерно для равномерного развития системы, его еще называют гладким, устойчивым, непрерывным, адаптационным. Когда же речь идет об инновациях, то возможны большие изменения системы за всё те же малые промежутки времени. Возможно и вероятно появление так называемых «точек бифуркации» в развитии системы. В такие моменты развития системы эволюционные модели должны дополняться бифуркационными. Вопрос возможности предсказания момента появления новой технологии остается открытым. Определенно можно сказать только то что вероятность появления новой технологии в определенной сфере знания повышается когда подобное открытие происходит в соседней, смежной отрасли. Момент появления «первичного» открытия, которое потянет за собой все остальные сферы, менее предсказуем. В физической науке поведения материальных частиц давно известен принцип турбулентности, охватывающий интересующие нас моменты перехода системы через точки бифуркации. Применение принципов и законом турбулентности к социальным системам относительно новый метод. С одной стороны он укладывается в принципы механистической социологии, с другой же стороны правомерность применения законов неживой материи к социальным системам остается спорной. Тем ни менее возможность моделировать социальные системы с использованием бифуркационных моделей присутствует. В практике прогнозирования социальной реальности, социальных процессов важную роль играет социальная турбулентность (особенно что

касается глобальных процессов, явлений). Турбулентность сама по себе в физических средах (газ, жидкость) ещё не полностью изучена, но имеющиеся результаты исследований позволяют говорить о возможности приложения к социальным процессам приёмов применяемых для моделирования турбулентности в физических средах. Таким образом появляется «социальная турбулентность», её характер несомненно глобальный, она охватывает как все мировое сообщество целиком, так и весь исторический период развития общества. При таком масштабе рассмотрения любого показателя (мировое сообщество и большой временной период), динамика его изменения — его движение по временной оси будет казаться беспорядочным, именно как и движение физических частиц при возникновении явления турбулентности. Стоит отметить что особенно при автоматизированной обработке результатов не стоит отбрасывать явные «выбросы» в исходных данных, так как «не подходящие» на первый взгляд данные могут отлично вписаться в модель описывающая турбулентность. О. В. Доброчеев пишет о том что глобальные процессы объединения людей при возникновении цивилизаций должны сопровождаться рядом процессов разделения общественной среды на составные части [1; 88]. С. В. Дубровский приводит пример передачи энергии от тысячелетних волн возникновения и развития этносов, вековым циклам государственного строительства, десятилетним волнам социального и экономического развития, вплоть до самых малых – годовых и даже ежедневных колебаний общественной деятельности. Короткие (вековые и короче) волны социальных колебаний должны быть неустойчивыми, как по периоду, так и по амплитуде. Отсюда и возможны появления «выбросов» и нестабильность наблюдаемых величин при крупном масштабе рассмотрения [2; 85]. Современные компьютерные технологии позволяют очень быстро и результативно строить графики для прогнозирования наблюдаемых показателей. Графики позволяют в наглядном виде представить как текущее положение вещей, так и «коридор» в рамках которого будут находиться значения показателя. Принятие управленческих решений на основе моделирования, учитывающего турбулентность позволяет сдвинуть показатель к верхней границе предсказанного коридора значений переменной, или даже превысить предсказанное значение, что внесёт в последствии корректировки в имеющуюся модель, но что самое главное позволит улучшить значение рассматриваемого показателя, а значит, и жизнь людей.

Литература

1. Доброчеев О.В., Физические закономерности общественного развития от тысячелетних цивилизаций до сегодняшних дней // Общественные науки и современность, 1996, № 6, с. 88-101

2. Дубровский С., Прогнозирование катастроф (на примере циклов Кондратьева) // Общественные науки и современность, 1993, № 5, с. 82-91

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Гончарова Е.А. (Москва)

Теоретическое рассмотрение и практическая реализация инновационных процессов является в современной науке предметом фундаментального интереса как для естествознания, так и для гуманитарных наук. Инновация (от позднелатинского *innovatio* — новация, новшество, нововведение) в широком смысле слова означает новый способ что-либо делать. Понятие инновации включает в себя открытие — приращение знания и изобретение — новый способ использования существующих знаний. Становление концепции инновационного развития общества может рассматриваться как приоритетное направление фундаментальных и прикладных исследований. И если применительно к техническим и экономическим наукам эта проблема в определённой степени изучена, то применительно к гуманитарной сфере результаты научных поисков до сих пор не осмыслены, что существенно ограничивает возможности самой инновационной деятельности. В Проекте № 97090719-2 Федерального закона об инновационной деятельности в РФ, внесённом депутатом Государственной Думы М. К. Глубоковским, членом Совета Федерации В. М. Крессом, в III главе «Государственная инновационная политика», статье 9 о принципах инновационной деятельности сказано: «Инновационная деятельность в Российской Федерации осуществляется в соответствии со следующими принципами: приоритет развития экономики, обеспечения продовольствием, материальными и энергетическими ресурсами, укрепления обороноспособности и обеспечения безопасности Российской Федерации, в том числе экологической, охраны здоровья населения и его жизнеобеспечения». Приведённая выше выдержка ярко иллюстрирует факт того, что в

современном российском обществе отсутствует социокультурная компонента, которая обеспечивала бы адекватное взаимодействие инноваций и социальной среды. Потребность в инновациях является характерной чертой развития современного общества, в котором в связи с усилением роли информации произошли качественные изменения в экономической и технологической сферах, а также в поведении людей как главных участников инновационных процессов. Вследствие этого необходимо признать общесоциальный характер таких процессов. Успешность инновационных процессов в современном обществе во многом будет предопределена тем, насколько кардинально поменяется сам подход к осмыслению, изучению и практической реализации инноваций в пользу междисциплинарности. Выражением этого является усиление роли социологии в обеспечении инновационной практики. Социологическая наука соединяет теоретико-методологическое знание в области исследования инновационных процессов с эмпирическими данными, полученными в результате проведения конкретных исследований, обеспечивая единство инновационной теории и практики. Наличие общественной потребности рассмотрения инновационных феноменов с социологической точки зрения актуализирует значимость их изучения не только на уровне общей, но и на уровне специальной социологической теории – социологии инноваций. Это относительно новая отрасль социологии, она позволяет изучать специфические социальные связи, имеющие место в реализации инновационных процессов, исследовать социальные предпосылки, условия и факторы их появления и осуществления, а также специфику взаимодействия инновационных процессов с другими социальными процессами. Проблему реализации инновационных процессов необходимо осмыслить с точки зрения социальной составляющей инновационной деятельности и её адекватности новому содержанию социального прогресса. Вместе с тем, повсеместно наблюдается социологическая необеспеченность осуществления инновационных преобразований. Именно поэтому необходимо исследовать возможности социального управления изменениями, формирования инновационной культуры и социальных механизмов инновационной деятельности, повышения уровня инновационной активности и включённости в инновационную практику. Состояние инновационной сферы во многом определяет будущий статус нашего государства в мировом сообществе. Актуальность исследования инновационных процессов формируется в ответ на потребности практики, поставившей задачу

переустройства общества по пути инновационного развития, обозначенного в Федеральном законе Российской Федерации от 28 сентября 2010 г. N 244-ФЗ «Об инновационном центре «Сколково»», Постановлении Правительства РФ от 21 августа 2001 г. N 605 «О федеральной целевой научно-технической программе «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития науки и техники» на 2002-2006 годы» и других законах и постановлениях.

АНАЛИЗ И ФАКТОРЫ ПОВЫШЕНИЯ УПРАВЛЯЕМОСТИ ПЕРСОНАЛА В СОВРЕМЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ.

Грызлова А.Ю. (Санкт-Петербург)

Не всегда действия руководителя приводят к необходимому или желаемому результату. Это во многом зависит от различных факторов, например, хорошо ли руководитель знает коллектив и закономерности его поведения, способен ли он вести за собой людей, нужен ли стиль поведения был выбран изначально, умеет ли руководитель оказывать эффективное воздействие на подчиненных. При этом, оказание влияния должно осуществляться полностью в соответствии с организационными задачами и целями. Исходя из того, насколько объект управления поддается управляющему воздействию, нужно выбрать и сочетать разные источники власти. Нельзя забывать о том, что при работе с людьми недостаточно только знать о механизмах влияния, всегда надо учитывать реакцию управляемого объекта. Определенный баланс власти устанавливается благодаря ответной реакции управляемого объекта. И эту ответную реакцию необходимо учитывать, поскольку в обратном случае, результат может быть отличным или противоположный ожиданиям. В связи со всем вышесказанным, изучение такой темы как управляемость персонала сейчас выглядит очень актуальным. Управляемость – это социальный феномен, поскольку управляемость создается всеми субъектами системы или общества в целом. Управляемость нельзя понимать только с технической точки зрения или как синоним подконтрольности. В современной практике само понятие управление стало все больше рассматриваться не как воздействие на объект, а как взаимодействие субъектов. В этой связи, управляемость – одна из основных ценностей в организации. Управляемость – это ключевое свойство системы управления. По А. И. Пригожину, «управляемость есть одна из трех генеральных управленческих ценностей деловой организации (наряду с

инновационностью и клиентностью)...это некоторая мера в соотношении управляющей и управляемой подсистем организации, та степень контроля, которую первая из них может распространять на вторую, охватывать ее» [1]. Именно благодаря управляемости обеспечивается целостность деятельности любой системы, любой организации. В свое время, эта целостность обеспечивает хорошую адаптацию к условиям окружающей среды, ускоряет процесс достижения поставленных целей. Большое количество неуправляемых элементов системы приводит деятельность предприятия к фрагментарности. Классический пример неуправляемых действий элементов системы: лебедь, рак и щука. Исходя из этого, напрашивается вывод о том, что от согласованности всей производимой деятельности в коллективе прямо зависит эффективная деятельность всей организации. От уровня управляемости напрямую зависит уровень целостности организации. Большое количество неуправляемых элементов системы приводит деятельность предприятия к фрагментарности. Классический пример неуправляемых действий элементов системы: лебедь, рак и щука. Результат – нулевой, зато, сколько усилий прилагается. Исходя из этого, напрашивается вывод о том, что от согласованности всей производимой деятельности в коллективе прямо зависит эффективная деятельность всей организации. Для оценки качества работы системы управления в организации необходимо уметь давать оценку уровню управляемости. Уровень управляемости должен быть известен на любом участке деятельности, если нет возможности дать оценку на каждом конкретном участке, то нельзя говорить о качестве системы в целом. Но на данный момент, понятие плохо изучено и не существуют никаких общих методик по измерению уровня управляемости. Управляемость персонала - это ответная реакция трудового коллектива на управленческие воздействия со стороны руководителя, менеджера или всей системы управления. Эта ответная реакция, в том числе и на использование власти, может быть как положительной, тогда она проявляется как адекватное, творческое или инициативное выполнение поручений, или же реакция может быть отрицательной, что проявляется через бездействие, формальное выполнение поручений или противодействие. То есть коллектив может либо помогать, содействовать достижению общей поставленной организацией цели, либо затруднять ее скорейшее достижение. Положительная реакция говорит о высокой управляемости, отрицательная – о низком уровне управляемости или о ее полном отсутствии. В практике управления, для увеличения

управляемости персонала в организации, следует обращать пристальное внимание на следующие факторы. Во-первых, существует ряд факторов относящихся к менеджеру и системе управления в организации: руководитель всегда должен быть наделен достаточными полномочиями; его решения должны быть качественными, обдуманными и соотносится с ресурсами организации; тип управления должен соответствовать ситуации. Во-вторых, также есть ряд факторов относящихся к персоналу: между трудовым коллективом и руководителем должны быть отношения доверия; профессиональный уровень знаний работников должен быть как можно выше; должна быть благоприятная социально-психологическая атмосфера в коллективе. Все эти факторы должны находиться под пристальным вниманием руководителей организации. От положительной направленности перечисленных факторов напрямую зависит степень управляемости персонала. Так же, руководителю стоит помнить о том, что отношения содействия и сотрудничества помогают в поддержании управляемости в организации. В современных условиях существования организаций, отдельно стоит развивать отношения партнерства между фирмой и ее сотрудниками. Привлечение людей к делам, вопросам и поискам решений для организации сделает работников заинтересованными в успехе всей деятельности фирмы. Ощущения себя частью чего-то большого будет побуждать работников к повышению качества выполняемой ими работы. Осознание того, что от успеха организации зависит их собственный успех, может заставить людей творчески и инициативно реагировать на поставленные задачи. Для укрепления отношений партнерства руководство должно ввести систему мотивации сотрудников. Если же отношения партнерства налажены в организации, то уровень управляемости будет постоянно поддерживаться за счет положительной реакции персонала на управленческие воздействия. В целом, вопросы управляемости персонала являются новым и перспективным направлением в теории управления персоналом. Понятие на данный момент плохо разработано и нет общего подхода к измерению уровня управляемости, но это лишь дает простор для дальнейших исследований и проработки этой проблемы. Используемая

Литература

1. Пригожин А.И. Методы развития организаций. – М.:МЦФЭР, 2003 г. С.56.

ФОРМИРОВАНИЕ КОРПОРАТИВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ КАК УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Давыдова А.. (Санкт-Петербург)

В основе деятельности любой компании лежит определенная система ценностей и принципов, закреплённая уставом, к реализации которой стремится вся группа. На ней основывается и организация труда, позволяющая сотрудникам чётко ставить перед собой цели и задачи, и стиль поведения, согласовывающий принятые нормы взаимодействия подчинённых и руководящего звена. Принятая всеми сотрудниками система ценностей, лежащая в основе Корпоративного кодекса, позволяет придерживаться единой культуры бизнеса компании при взаимодействии с людьми по всему миру. И если раньше корпоративным ценностям уделялось меньше внимания, то на глобальной арене 21 века в результате корпоративных скандалов и войн их признание стало повсеместно. Формирование и внедрение корпоративных ценностей - сложный и долгосрочный процесс. У многих компаний возникают проблемы в ходе разработки кодекса корпоративной этики сотрудника. Перед лидером и менеджером любой компании всегда ставится ряд тяжёлых задач: сохранение целостности компании и её процветания даже в период кризисных глобальных ситуаций, способных разрушить и подорвать систему управления. Для поддержания стабильности бизнеса, корпоративного успеха лидеры приходят к осознанию необходимости управления на основе ценностей и убеждений. Такое управление станет важнейшим инструментом создания стабильной, конкурентоспособной и более гуманной корпоративной культуры. Управление на основе ценностей (Management by Values) – модель менеджмента, важнейший инструмент стратегического управления, который «способен раскрыть рыночный потенциал компании через связь сотрудников» [1]. Управление на основе ценностей является ключевым аспектом в развитии деятельности любого стратегического бизнеса. С развитием технологий управления персоналом зарубежные компании пришли к выводам, что переход к новым стратегиям видения бизнеса откроет новые горизонты для успешного осуществления бизнес-проектов. К сожалению, в России внедрение MBV не так развито, как в Западноевропейских странах. Многие компании в лице лидеров и топ-менеджеров пришли к осознанию того, что ценности являются важнейшим атрибутом для всех членов организации, позволяющий

интерпретировать миссию и видение компании понятным для исполнителей или других персон образом. Основной целью управления на основе ценностей является структурированный аналитический процесс разработки инновационных, комплексных, творческих подходов для разрешения сложных проблем, которые зачастую подрывают изнутри систему управления компании, не позволяя ей развиваться в нужном направлении. В развитых индустриальных странах подобная система управления известна и широко используется с 90-х годов. В России же на данном этапе развития рынка ресурс ценностей задействован в управленческой практике крайне слабо, хотя несет в себе потенциал для развития организации. Ценности корпоративной культуры закрепляются в нормах корпоративного поведения и устанавливаются Корпоративным кодексом. Стремление к общим ценностям способно сплотить людей в группы, создавая мощную силу в достижении поставленных целей, а, следовательно, и повышения эффективности деятельности компании. Принято выделять материальные и духовные ценности. Материальные ценности – это «ценности в вещественной форме, в виде имущества, товаров, предметов».[2] Духовные ценности - это своеобразный духовный капитал человечества, это общественные идеалы, моральные, этические нормы, понятия о предназначении человека, о смысле жизни и т.п. Поскольку система ценностей динамична, то при потере одной ценности ее может заменить другая. При формировании корпоративных ценностей - цели выражаются в миссии компании и составляют ее основу, а ценности-средства определяют принципы формирования политики компании, закладывающиеся в установленные нормы поведения персонала при взаимодействии с клиентами, партнерами, сотрудниками и т.д.[3] С. Долан и С. Гарсия отмечают, что корпоративные ценности – неотъемлемая часть силы знаний, так как они определяют повседневное поведение, обеспечивают слаженное взаимодействие и придают смысл коллективной воле, служат для разрешения конфликтов и принятия решений об изменениях, стимулируют развитие и позволяют гораздо легче справляться со сложными процессами с помощью творческого подхода, чем с помощью методических руководств. [1] А успех организации зависит от таких корпоративных ценностей, как креатив, инициативность, энергичность, уверенность, смелость, готовность идти на риск, гибкость и самостоятельность психологическая и финансовая. Корпоративные ценности формируют манеру поведения и действия не только рабочего персонала, но и самого руководства

предприятия. Корпоративные ценности компании – это система основных постулатов и принципов, на которых основывается деятельность предприятия. Это своеобразные установки, которые определяют важнейшие направления в функционировании бизнеса.

Литература

1. Гарсия С, Долан С. Управление на основе ценностей. – М.: Претекст, 2008. – 315 с.
2. Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б.. Современный экономический словарь. 2 е изд., испр. М.: ИНФРА М. 1999, 479 с.
3. Карташова Л.В. Никонова Т.В. Соломанидина Т.О. Организационное поведение. М.: ИнФРА-М, 2005 - 220 с.

СОПРОТИВЛЕНИЕ ИЗМЕНЕНИЯМ: ОПЫТ ДИАГНОСТИКИ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ВУЗА

Дагаева Е.А. (Таганрог)

Интеграция российской высшей школы в мировое образовательное пространство актуализирует необходимость активного вовлечения вузовского сообщества в преобразования, связанные с Болонским процессом. Успешность реализации поставленных задач напрямую зависит от степени их понимания и принятия профессорско-преподавательским составом вуза. В связи с этим, менеджмент современного российского вуза находится в поиске стратегий формирования эффективной организационной культуры как необходимого ресурса проводимых преобразований. На данный момент можно выделить лишь единичные исследования, проведенные в области изучения организационной культуры учреждений высшего профессионального образования [1-3]. В рамках данной статьи мы хотим поделиться собственным опытом диагностики организационной культуры вуза в контексте внедрения СМК. Цель исследования – выявление и описание типологических особенностей организационной культуры вуза в контексте внедрения СМК. Объект исследования был представлен на двух уровнях – топ-менеджмент, а также персонал – сотрудники и профессорско-преподавательский состав (ППС). Всего в исследовании приняло участие 115 испытуемых, которые были разделены на 2 группы: сотрудники и ППС вуза – 107 человек, топ-менеджмент – 8. Объем выборки составил 68% от общего числа сотрудников, а также ППС

вуза и 70% от общей численности топ-менеджмента соответственно, что подтверждает репрезентативность полученных данных. Предмет исследования – оргкультурные представления и предпочтения персонала и топ-менеджмента вуза. Выбор методик осуществлялся в соответствии с поставленной целью, задачами и методологическим подходом исследования. В качестве основной методики выступал вопросник «Инструмент оценки организационной культуры» К. Камерона и Р. Куинна – OCAI (Organizational Culture's Analyze Instrument). Полученные при его использовании результаты уточнялись и дополнялись с помощью опросника на определение склонности к типу организационной культуры Т.Ю. Базарова. Также нами было использовано стандартизированное интервью. Стандартизированное интервью было направлено на выяснение индивидуального мнения каждого из интервьюируемых топ-менеджеров относительно ресурсов и проблем развития вуза, в том числе, внедрения СМК. Наряду с высокой оценкой потенциала вуза топ-менеджмент выделяет и внутренние барьеры, которые препятствуют проведению изменений. Первостепенной проблемой вуза топ-менеджмент называет неготовность определенной части профессорско-преподавательского состава принять новые цели и задачи, следовать им, активно участвовать во внедрении инноваций. Существование субкультуры, враждебной идеям проводимых преобразований в вузе, является, по мнению топ-менеджмента, одним из главных внутренних барьеров его развития. Согласно результатам интервью, проведение изменений в вузе наталкивается на сопротивление со стороны определенной (по мнению отдельных топ-менеджеров, довольно большой) части персонала, что требует более глубокого изучения причин происходящего на уровне организационной культуры. Результаты исследования по вопроснику OCAI, свидетельствуют о том, что группы испытуемых – «топ-менеджмент» и «ППС и сотрудники» характеризуются достаточно близкими оргкультурными представлениями об актуальной ОК. Так, группа «топ-менеджмент» придерживается мнения, что в настоящий момент вуз обладает ярко выраженной иерархической культурой с сильным рыночным компонентом, группа «ППС и сотрудники» в качестве доминирующих в настоящее время «архетипов» оргкультуры вуза также определяет рыночный и иерархический компоненты. Что касается будущего, то наиболее предпочтительными типами оргкультуры в группе «топ-менеджеров» остаются иерархическая и рыночная культуры. Вместе с тем, перспективу изменений в области оргкультуры руководящий состав

видит в наращивании адхократического компонента за счет сокращения иерархического. Стремление топ-менеджмента усилить адхократический «архетип» оргкультуры объяснимо обострением конкуренции на рынке образовательных услуг. Именно инновации, мобильность и способность оперативно и адекватно реагировать на «вызовы» внешней среды позволят вузу сохранить и усилить свои позиции. Нельзя сказать, что персонал полностью разделяет точку зрения руководящего состава относительно предпочтительного типа оргкультуры. Идеальным «сценарием» изменений здесь видится мощное наращивание кланового типа в ущерб рыночному и иерархическому. Изменениям предпочитается стабильность и сохранение статус-кво. Существующая организационная культура, по мнению обеих групп, нуждается в изменениях, однако видение изменений является несогласованным. Разница в видении изменений, которым должна быть подвергнута организационная культура со стороны руководящего состава и персонала, подводит к мысли о том, что зарегистрированное противостояние не способствует усилению организационной эффективности. Несогласованность точек зрения руководящего состава и сотрудников является одной из причин сопротивления изменениям, проводимым в вузе в связи с переходом к системе менеджмента качества (СМК). Анализ результатов по опроснику Т.Ю. Базарова позволил установить присутствие конфликта ценностей партиципативной и органической оргкультур в группе «ППС и сотрудники». Следует предполагать, что в данной группе присутствуют две достаточно развитые субкультуры: прогрессивная – партиципативная и регрессивная – органическая. В качестве рекомендаций по преодолению барьеров, препятствующих внедрению изменений, могут выступать следующие: целенаправленная модернизация организационной культуры посредством формирования ценностно-ориентационного единства руководства и персонала вуза, разработка и внедрение стандартов корпоративного поведения, реализация материальных и нематериальных форм поощрения сотрудников, придерживающихся корпоративных стандартов. Ориентир в развитии организационной культуры данного вуза нам видится в наращивании адхократического компонента при сохранении рыночного и иерархического.

Литература

1. Захарова Л.Н. Организационная культура университета в контексте проблем диагностики и формирования готовности студента

к работе в условиях современного предприятия // Университетское управление: практика и анализ. №2 (42). 2006. С.31-39.

2. Томилин О. Б., Макаркин Н. П., Бритов А. В. Роль организационной культуры в эффективном менеджменте высшего учебного заведения // Университетское управление: практика и анализ. № 5-6. 2004. С.152-162.

3. Шакурова А.В. Организационная культура образовательного учреждения как системный фактор формирования мотивационной готовности учащихся к трудовой деятельности: Автореф. дис... канд. социол. наук. Н. Новгород, 2005. 23 с.

4. Щербина С.В. Организационная культура в западной традиции: природа, логика формирования и функции // Социс. 1996. №7. С. 21-28.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Дамберг А.В. (Санкт-Петербург)

Несмотря на происходящее в последние годы относительное оживление экономики, Россия с серьезным опозданием входит в систему положительных тенденций современных мирохозяйственных процессов и не сократила экономического отставания от наиболее развитых стран. При этом переход России на инновационный путь развития является безальтернативной необходимостью: это и средство развития и его необходимый результат. Однако, при активном декларировании данных намерений и разработке множества проектов, достижение поставленных целей происходит с трудом. А в обществе сформировалось скептическое отношение к возможности их осуществления. В чем причины неудач перехода к обществу и экономике «производства и расширенного воспроизводства нововведений»? Показательными в данном контексте являются слова Ф.М. Сарагосы 8-ого генерального директора ЮНЕСКО (1987 — 1999): «... любая попытка добиться экономического роста без учета особенностей национальной культуры неизбежно ведёт к серьёзным нарушениям хозяйственной структуры и культурной целостности, к резкому ослаблению всего творческого потенциала государства. Подлинное развитие должно основываться на максимальном использовании ресурсов каждого конкретного общества, а это означает, что приоритеты, задачи и цели следует определять исходя из требований культуры...» [3]. Проблема

заключается в том, что хотя в настоящее время становится очевидным, что обязательным условием экономического роста и процветания является переход общества к инновационной фазе развития, как правило, мало внимания уделяется анализу национальной культурной специфики, поведенческих кодов, культурной матрице общества. Зачастую акцент делается на экономических, организационно-правовых или технологических факторах, работающих в инновационной сфере непосредственно и прямо. Социокультурные факторы действуют неявно, косвенно, латентно, опосредованно, социально-дифференцированно, отсрочено. Это затрудняет возможность их исследования и применения и зачастую они просто не принимаются во внимание. Очевидно, что инновационный процесс невозможен без определенного взаимодействия подразделений и организаций, обучения и переподготовки специалистов, планирования, разработки систем мотивации, преодоления нежелательных последствий. В него обязательно входят организационно-экономические и социокультурные условия нововведения [2]. Однако для того, чтобы заработала инновационная экономика, должны быть изменены и ценностные приоритеты, созданы новые социально-экономические институты. А такая задача не только не ставится, но и мало кем осознается. При этом культуру не следует понимать только как результат определенного достигнутого уровня исторического развития, где она является целостным объектом, с которым взаимодействует общественное производство. В контексте инновационного развития государств культура — это непрерывный саморазвивающийся процесс, включающий в себя систему общественного производства, она соединяет не только созданные духовные и материальные ценности, но и осознанную историю движения ним [1]. Закономерности влияния культуры и её базовых ценностей на развитие общества стали предметом исследований уже с XVIII века. Адам Смит и Джон Стюарт Милль считали, что культурные факторы иногда оказывают гораздо большее влияние на поведение людей, чем примитивное преследование личной выгоды. Карл Маркс также принимал во внимание сферу культуры, однако, говорил об обратной зависимости: сложившаяся технология предопределяет доминирующую культурную систему в обществе. Макс Вебер утверждал, что религия (протестантский реформизм) один из основных факторов развития капиталистического общества, поскольку в данной культуре накопление богатства и благосостояния рассматривалось не только как преимущество, но и как долг каждого

протестанта, реализуемый через сакрализацию трудовой этики и воздержания. Карл Полани в книге «Великая трансформация» относит религию и культуру к «факторам сдерживания», время от времени встающим на пути законов рынка и зачастую в негативном направлении. Они, скорее, тормозят развитие, чем его ускоряют или совершенствуют. Эдвард Бэнфилд в исследовании 1958 года «Моральная основа отсталого общества» объяснял низкие темпы развития тех или иных экономик культурными системами, сложившимися в различных странах. Дэвид Ландес описал зависимость между процветанием национальной экономики и такими качествами ее граждан как экономность и бережливость, трудолюбие, упорство, честность и терпимость. Такие качества, как ксенофобия, религиозная нетерпимость, коррупция гарантируют бедность широких масс населения и медленное развитие экономики. К современным исследованиям влияния культуры на развитие обществ относятся работы Самюэля Хантингтона и Лоуренса Харрисона, выявившие 25 факторов, которые определяют различия прогрессивной культуры и культуры, сопротивляющейся прогрессу. А Герт Хофстеде предложил совокупность 5 показателей, определяющих основные культурные характеристики различных народов (избегание неопределенности, властная дистанция, коллективизм и индивидуализм, женственности и мужественность, а также ориентация во времени). Таким образом, в настоящее время выявлены определенные социальные, культурные и психологические особенности, оказывающие влияние на развитие общества в целом, и таких его сфер как экономика и, в частности, инновации. Среди таких особенностей стремление к отсутствию иерархии, равенство прав и полномочий, высокий уровень доверия, децентрализация власти, а также характерные для носителей индивидуалистических установок психологические качества: автономия, ответственность, распределение обязанностей, мобильность, стремление к успеху, желание награды и поощрения, опора на собственное мнение. Когда определены причины недостаточно активного развития инновационной отрасли в России, необходимо ответить на вопрос, какие механизмы могли стать катализатором их развития? Ведь очевидным является то, что сейчас нет возможности сносить «дом» и строить его заново (как минимум по причине ресурсной недостаточности). Решение проблемы видится в формировании региональных микрокультур, которые при преобладании в себе черт доминирующей культуры, будут включать и характеристики, необходимые для стимулирования инновационного роста (примером

могут служить так называемые «кружки качества» [4]). Должны быть созданы специальные коммуникативные схемы для решения инновационных проблем, возникающих в определенной структурной единице (предприятие, отрасль, регион). Таким образом, учет региональных особенностей развития (социальных, культурных, экономических, административных, политических, демографических, территориальных и др.), отраженных в региональной микрокультуре, формирование коммуникативных микросред и образований, а также применение современных коммуникативных методов сопровождения инновационных процессов будут способствовать их успешной реализации.

Литература

1. Табатадзе Л.О. Социокультурные факторы управления инновационной сферой в России // Мониторинг общественного мнения. 2011. № 1 (101). С. 146 – 151.
2. Чепуренко А.Ю. Предпринимательский потенциал российского общества // Модернизация экономики России: социальный контекст. В 4 кн. / Ясин Е.Г. и др. Кн. 2. – М.: изд-во ГУ – ВШЭ, 2004, с.399-416.
3. Щученко В.А. Историзация культуры как требование кризисной эпохи // Клио. Журнал для учёных. 2000. № 1. С. 39.
4. Кружки качества – организационная форма стимулирования творческой активности работников, основанная на личной заинтересованности членов в улучшении результатов труда. КК начали создаваться в Японии в 1960-е гг. как один из компонентов новой системы организации и управления производством (т.н. тотального управления).

ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В РАЗВИТИИ РАЦИОНАЛИЗАТОРСКОГО ЗНАНИЯ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Дегтярева Е.С. (Санкт-Петербург)

В современном мире возрастает влияния знания в его различных формах: техника, информация, образование. Знание начинает выступать основной производительной силой общества. Инновационные технологии, представляя собой овеществленную форму знания, все активнее внедряются в современное производство. Белл Д. определяет знание и информацию двумя поворотными

пунктами современной истории. Информация, подчеркивает он, становится «всеобщим знанием». Технология, в свою очередь, освобождается от своего приказного характера, становясь «послушным инструментом» [1, с. 331]. Уровень развития техники выступает показателем того, до какой степени наука превратилась в непосредственную производительную силу. Научные идеи, воплощаясь в технике, не исчезают, а существуют в ней, но только в ином, овеществленном виде, так наука из потенциальной духовной силы превращается в материальную силу общественного производства [5, с. 51]. Это означает, согласно Стоуньеру, что поток информации в современном обществе направлен не к «от производства к науке», а «от науки к производству» [6, с. 393]. Для инновационных технологий первостепенным является их предварительное внедрение в массы через культурные образцы. Например, в США, в связи с преобладанием демократического стиля общения, телефон распространился быстрее, чем в Европе, где кастово-иерархический стиль коммуникации сменился частно-неформальным лишь после Первой мировой войны, хотя технически телефонизация в Европе могла осуществиться еще в конце XIX века [3, с. 52]. Дойчман, проводя аналогию с известной моделью «научных революций Куна», описывая циклическую модель промышленной рационализации, выделяет в ней 5 стадий: становление, кодификацию, институционализацию, упадок и кризис [3, с. 66]. На стадии становления «социальные конструкции» подгоняют экономическую среду под формат рационалистической стратегии, сами они при этом относятся к «рационалистическим мифам», не подчиняющимся рациональной логике. Эти «социальные конструкции» возникают на почве первоначального мифа об абсолютном богатстве, который управляет капиталистическим развитием. На этом этапе распространяются технологические образцы, в соответствии с которыми оформляются любые новшества [3, с. 66]. На стадии кодификации распространяющиеся мифы утрачивают инновационный характер, переходя в кодифицированное знание. Мифы определяют стандарты рациональности и принципы разделения труда между человеком и техникой [3, с. 67]. Дойчман утверждает, что развитие рациональных парадигм в рамках мимического и нормативного изоморфизма подразумевает также и их упадок. Рациональная парадигма создает препятствия к появлению альтернативных технологий, возникает «технологическая блокировка». На этом этапе стадия упадка переходит в стадию кризиса. Уменьшается прибыль предприятий, возрастает число

банкротов, усиливается политическая борьба за власть и производственные конфликты на управленческом уровне. Явно очерчивается необходимость в поиске нового «рационалистического мифа». Открываются широкие возможности внедрения инноваций. А затем новый «рационалистический миф» начинает свой цикл, задавая новые направления развитию технико-организационных рационализаторских составляющих предыдущего мифа [3, с. 68]. Ссылаясь на модель производства Керна, Витке описывает связи концепций и парадигм, отмечая, например, что тейлоровская парадигма и концепция крупного предпринимательства развивались параллельно. Параметры деятельности, на которых основывается рационализация, имеют свое особое соотношение микроуровня процесса производства и макроуровня общественного регулирования. Эти «принятые измерители» не представляют собой рационализацию как таковую, в традиционном ее аспекте [2, с. 65]. Витке, в свою очередь, различает «рационализаторские парадигмы» и «рационализаторские концепции», подчеркивая, что в парадигмах существуют определенные различия между ее разработкой и реализацией в конкретных производственных процессах. «Парадигма устанавливает границы, в которых происходит конкретная деятельность по формированию рационализации». Разработанная парадигма обеспечивает стабильность созданной на теоретическом уровне определенной концепции рационализации. Объект концепции рационализации представляет собой ответ на вопрос – как практически можно реализовать основную цель в условиях данного процесса производства (автоматизирование конкретных объектов, скорость циклов автоматизации, последовательность взаимодействия рабочих мест и т. п.). Парадигма не является действительностью, но качество структурирования делает ее практической. Например, парадигма рационализации Тейлора имеет характеристики производственной модели [2, с. 63-64]. Раммерт отмечает, что современная западная рационализация находится в тесной взаимосвязи с сущностью капиталистического производства. Распространяя принципы формальной рационализации в организации процесса труда и производства, современные капиталистические производства сохраняют свое превосходство в отношении других общественных форм и промышленных институтов. Области направления развития рационализации определены экономическими и политическими интересами классов, распоряжающихся стратегически важными организационными, производственными и научными ресурсами. Общий план достижения целей

капиталистической организации направлен на «использование рациональных средств с целью увеличения капитала и гарантии господства» [4, с. 152-153].

Литература

1. Белл, Д. Социальные рамки информационного общества / Д. Белл // Новая технократическая волна на Западе / под редакцией П.С. Гуревич. – М.: Прогресс, 1986. – С. 330-342.
2. Витке, Ф. Системная рационализация – к анализу актуальных переломных процессов в сфере промышленного производства / Фолькер Витке // Фельдхофф Ю., Карапетян Р. Индустриальная социология и социология предприятия (часть II). Сборник текстов. – Санкт-Петербург: СПбГУ, 1998. – С. 58-83
3. Дойчман, К. Спираль индустриальных мифологий: социальное конструирование рационально организованного производства / К. Дойчман // Социологический журнал. – Т.3 – №3. – 2003. – С. 51-70.
4. Раммерт, В. Капиталистическая рационализация и организация труда // Социология труда. Сб. текстов / Вернер Раммерт / Сост. Ю. Фельдхофф, Р. Карапетян. В 2-х ч. Ч. 1. – СПб.: СПбГУ, 1998. – С. 145-160.
5. Каргаполова Е.В. Социокультурный портрет Астраханской области: опыт социологического, экономического и политического анализа / авт. колл: Е.В. Каргаполова, А.Ю. Арясова, Т.Ю. Гречкина, Л.А. Лебединцева, Ю.И. Убогович / Отв. ред. Е.В. Каргаполова. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2010. – 307 с.
6. Стоуньер, Т. Информационное богатство: профиль постиндустриальной экономики / Т. Стоуньер // Новая технократическая волна на Западе / под редакцией П.С. Гуревич. – М.: Прогресс, 1986. – С. 392-409

СООБЩЕСТВА ФИРМ КАК ИННОВАЦИОННАЯ СОЦИАЛЬНО-УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ ПРАКТИКА

Денисова Ю.В. (Санкт-Петербург)

Вхождение в мировое экономическое пространство, формирование единого рынка, дают организациям поистине безграничные возможности. Однако эти возможности не могут быть реализованы, если компания не готова к действиям в новых условиях. Инновационной практикой управления компанией является

сообщество фирм (collaborative community). Как указывается в книге «В поисках эффективного управления» Питерса и Уотермена [1], большинство крупных иерархично выстроенных компаний середины 20 века боролись за приспособление к нарастающей глобализации рынков и технологий. В результате этого появилась новая форма организационной структуры, способная возродить падающую эффективность американских компаний. Эта форма организационной структуры получила название «мультифирменной сетевой организации» («multifirm network»). В конце 80-х- начале 90-х г.г. в компаниях с так называемой «высокодинамичной» внешней средой, появляются новые вызовы и формируются структуры, которые можно назвать «динамическими сетями» [2], в противовес «статическим сетям». Высокодинамичная внешняя среда организаций, быстрые изменения в технологиях и на рынке, бросают вызов стабильности традиционных сетевых структур, поскольку быстрые инновации в товарах или услугах часто требуют создания новых межфирменных коммуникаций, взамен уже существующих. В результате фирмы- участники сети часто обнаруживают себя выключенными. или , напротив, включенными, в те или иные сети и рынки. В иных же ситуациях, элементы продукции двух или более компаний, в комплексе с продуктом фирмы- инноватора могут быть использованы для создания принципиально нового продукта для совершенно нового рынка сбыта. Поэтому, начиная с конца 90-х годов и по сегодняшний день, фирмы пытаются создавать новые модели организационных структур, базирующиеся на предыдущих двух моделях. Новая модель, по замыслу менеджеров, должна сочетать автономность каждой отдельной компании и сетевые структуры, как связующее звено. Изначально, данная модель называлась «федеративной», а позже- моделью «сообществ» [3]. В отдельных отраслях- компьютерной, биотехнологиях, телекоммуникациях и производстве медицинского оборудования, ведущие компании создавали такие структуры для обеспечения полного рыночного использования создаваемых технологий и ноу-хау. В рамках данной инновационной управленческой практики компании создают сообщества, или принимают в них участие для беспрепятственного обмена знаниями и создания механизмов и инфраструктуры , обеспечивающих для фирм- участниц возможность сотрудничества как внутри сети, так и вне ее. Сообщества создают условия для реализации потенциала своих участников, и оказывают услуги, позволяющие компаниям достичь в сотрудничестве более высоких результатов, чем если бы они действовали по отдельности. В

то время как традиционные сетевые структуры направлены на совместное производство продукта, «динамические сети» (или сообщества) создают совместную информационную базу и объединяют ресурсы для реализации инновационных проектов, имеющих коммерческий потенциал на задействованных рынках. Сообщество- это форма организационной структуры, в которой независимые фирмы- участники взаимодействуют друг с другом, подчиняясь общей системе норм и ценностей. Широкое распространение таких структур среди компаний, вне зависимости от их месторасположения, реализуемой стратегии и отрасли экономики. позволяет говорить о дееспособности данной модели. Для подтверждения данного тезиса следует отметить, что могут существовать разные формы сообществ и что фирмы могут разными способами использовать сообщества для повышения успешности своих инновационных проектов. Основные требования к созданию такой практики [4]: □ компания должна для начала сформировать внутреннюю культуру, систему ценностей, ориентированную на сотрудничество, прежде чем пытаться организовать подобное сообщество с внешними партнерами. Фактором формирования такой культуры является убежденность в том, что сотрудничество будет полезно для фирмы. □ барьеры, препятствующие эффективному сотрудничеству между фирмами, лежат в плоскости психологии, социальных институтов (институциональные барьеры) и права. □ данная управленческая практика может быть полезна также на межнациональном уровне, для совместного решения таких проблем, как растущая экономическая дифференциация и изменения климата. □ Несмотря на идею о паритетности такого сотрудничества, Сноу [3] утверждает, что в данном сообществе должен быть лидер, ссылаясь на пример «Blade.org», сообщества, созданного компаниями IBM, Intel и шестью другими компаниями в 2006 г. для развития серверной платформы Open Blade. IBM также распространяет идею сотрудничества со своими глобальными партнерами в рамках своей стратегии R&D. По мнению компании, именно сотрудничество позволит реализовывать вовремя инновации, необходимые в глобальной экономике. Примером подобного сообщества может служить Blade.org, созданного IBM для развития и продвижения на рынке blade- серверов, компьютерной технологии с большим, однако непредсказуемым рыночным потенциалом. Особенность данной инновационной структуры - наличие общих для фирм- участниц баз знаний и информации, позволяющих сообща создавать новые знания, делиться ими, для чего разработаны детальные механизмы прямого

межфирменного взаимодействия. На данный момент в сообществе более 250 фирм, реализуется более 60 решений для обмена знаниями. Залогом успеха, по мнению организаторов, является непосредственное взаимодействие между участниками. Blade.org использует данную модель сотрудничества для коммерциализации новых продуктов, вместо того, чтобы продвигать их в одиночку, как это делалось ранее. После этого каждый участник вносит свой вклад в создание общей ресурсной базы, которой затем смогут пользоваться все фирмы- участники. Последним этапом выступает создание формальных протоколов, процессов и инфраструктур, позволяющих акторам непосредственно взаимодействовать друг с другом, вместо того, чтобы проходить все ступени иерархической лестницы. Современные организации вынуждены постоянно создавать инновационные организационные структуры и модели межорганизационного сотрудничества, поскольку в условиях глобальной конкуренции возрастает значение производства и управления знаниями. По мнению руководителей, это способствует производству инновационных товаров и услуг, а также их продвижению на рынке.

Литература

1. Т. Питерс., Р. Уотермен. В поисках эффективного управления. М.: Прогресс, 1986.
2. Granovetter, M. 1985. Economic action and social structure: The problem of embeddedness. American Journal of Sociology 91 (3): 481–510.
3. Miles, R. E., G. Miles, and C. C. Snow. 2005. Collaborative entrepreneurship: how communities of networked firms use continuous innovation to create economic wealth. Stanford, CA: Stanford University Press.
4. Wenger, E. 1998. Communities of practice: Learning, meaning and identity. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
5. Сайт Blade.org. дата доступа 22.09.2012

ПОДБОР КАДРОВ (HR) КАК СПОСОБ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПОСТУПАТЕЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ (СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

Дерюгин П.П., Князева Е.С. (Санкт-Петербург)

Одна из важнейших функций организационной культуры – обеспечивать развитие предприятия, фирмы и адаптироваться к внешним условиям с минимальными издержками при сохранении миссии и целей компании. Организации меняются вместе с обществом и, как следствие, меняются способы жизнедеятельности – организационная культура. В условиях социальных трансформаций организационная культура обеспечивает поддержание и воспроизводство системы коллективных представлений и ценностей (приобретенных организацией в процессе решения проблем адаптации к изменениям внешней среды и внутренней интеграции), правил и ритуалов поведения для достижения целей организации. Поэтому поступательное развитие организационной культуры является необходимым условием функционирования самой организации. Одним из важных способов успешной адаптации организаций к изменяющимся условиям внешней среды выступает система подбора персонала, постоянная забота о том, чтобы направленность, технологии и конкретные приемы подбора людей в организацию соответствовали бы динамике развития социальных процессов. Система подбора кадров – это совокупность целей, сил и средств возобновления кадровых ресурсов и потенциалов организации (социальных, трудовых, профессиональных, интеллектуальных, компетентностных, психологических и др.). В социальном отношении система подбора персонала выступает посредником, обеспечивающим эффективное взаимодействие между внешней и внутренней средами организации. При этом динамическое равновесие обеспечивается за счет точного подбора персонала, который сможет с наименьшим временем адаптации влиться в существующую культуру организации без нанесения ей вреда (вызова изменений). Социологический анализ системы подбора персонала организации выступает важным условием выявления проблем, трудностей и недостатков этой деятельности. На наш взгляд, важнейшими элементами такого анализа выступают: 1. изучение стратегии привлечения персонала, которая бы обеспечивала согласованность соответствующих мероприятий со стратегией развития общеорганизационной культуры; 2. выбор варианта привлечения, определение перечня требований к кандидатам, установление уровня оплаты труда, способов мотивации и перспектив служебного роста, осуществление практических действий по привлечению персонала, соответствующих ведущим тенденциям организационной культуры; 3. разработку требований к привлекаемым кандидатам, обладающих качествами и

компетенциями, необходимыми для поддержания и развития организационной культуры и целей, поставленных организацией; 4. определение источников (внутренний и внешний рекрутинг) в наибольшей степени соответствующих интересам формирования организационной культуры; 5. разработку методов привлечения и способы информирования возможных кандидатов о потребности в дополнительных трудовых ресурсах. Представленные элементы социологического анализа системы найма персонала соответствующей интересам развития организационной культуры не исчерпывают всего круга возникающих проблем.

Литература

1. Герчиков В.И. Управление персоналом: работник - самый эффективный ресурс компании. – М.: Инфра-М, 2007г.
2. Дэйв Ульрих. Эффективное управление персоналом: новая роль HR-менеджера в организации = Human Resource Champions: The Next Agenda for Adding Value and Delivering Results. — М.: «Вильямс», 2006г.
3. Морнель Пьер Технология эффективного найма. — Добрая Книга, 2005г.
4. Шекшня С.В. Управление персоналом современной организации, Москва, 2002г.

ИННОВАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА. РОЛЬ ПРОЕКТА ПАРТИИ «ЕДИНАЯ РОССИЯ» «НАЦИОНАЛЬНАЯ ИННОВАЦИОННАЯ СИСТЕМА» В ПРОЦЕССЕ АКТИВИЗАЦИИ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.

Диких А.А. (Санкт-Петербург)

Актуальность темы обуславливается тем, что государству необходимо соответствовать веяниям нового времени. Инновационная политика позволяет сделать шаг по направлению к желаемому результату, она подчинена одной цели: стимулированию инновационной активности и развитию научно-технического потенциала. Отслеживая появления новшеств в оборудовании, передовых технологиях, и товарах старается внедрить их на рынок. Инновационная политика позволяет управлять новшествами. Однако, как отмечает И. Милославский: «Инновация — это не всякое новшество или нововведение, а только такое, которое серьезно

повышает эффективность действующей системы»[2] Индивидуализация инновационной политики позволяет занять ей место в сфере государственного регулирования. Государственная инновационная политика - это совокупность мероприятий, которые направлены на активизацию инновационной деятельности, повышение ее эффективности и широкое использование результатов в целях ускоренного социально-экономического развития страны, а также удовлетворения общественных потребностей. Важнейшим вопросом инновационной политики государства является разработка процедуры предложения и использования новых идей. Инновационная политика государства включает в себя три этапа [3,с.74]: • разработку научно обоснованных концепций (системы взглядов) развития инновационной деятельности – осуществляется на основе анализа состояния инновационного потенциала; • определение основных направлений государственной поддержки инноваций; • осуществление практических действий по реализации поставленных целей, направленных на повышение инновационной активности. В Правительстве Российской Федерации реализуется ряд мер, которые направлены на развитие наиболее значимых приоритетов в рамках государственной инновационной политики. К основным направлениям государственной инновационной политики российского государства на современном этапе относят: □ разработку нормативно-правового обеспечения инновационной деятельности, механизмов ее стимулирования, защиты интеллектуальной собственности и введения ее в хозяйственный оборот; □ ряд важных мер, которые уже были реализованы за последние годы в рамках инновационной политики по стимулированию компаний к инновациям и развитию различных инструментов поддержки технологической модернизации, однако при наличии отдельных улучшений сохраняется фрагментарность и неустойчивость общего прогресса в этой сфере [4]. □ в рамках развития инновационной политики российского государства в регионах планируется реализовать следующее [5, с.123]: а) реформирование предприятий - суть реформирования в проведении структурных, технологических и технических преобразований; б) реформирование финансово-кредитной системы. Сюда входят: меры по снижению уровня инфляции и ставки рефинансирования, предпринятые государством и его кредитно-финансовыми институтами, которые создали определенные условия для долгосрочного инвестирования, в том числе реального сектора экономики; в) предполагаемое совершенствование системы

межрегионального взаимодействия; г) формирование фондового рынка и институциональные преобразования, создающие условия для массового участия хозяйствующих субъектов в товаре - и капиталобороте; д) совершенствование системы государственных инвестиций (имеется в виду, прежде всего, повышение эффективности инвестиционных ресурсов). □ развитие науки и техники. Базисом здесь является создание фундаментальных исследований и развитие системы образования в целом. В процессе активизации инновационной деятельности необходимо участие не только органов государственного управления, коммерческих структур, но и различных общественных организаций и объединений, как на федеральном, так и на региональном уровнях, которые будут обеспечивать взаимосвязь политики государства с обществом. Такую роль призваны играть политические партии. Партией «Единая Россия» был создан проект «Национальная инновационная система», который призван стать вкладом в решение стратегической для сегодняшнего времени задачи – первенства страны в мировой экономике, основанной на инновациях [1]. □ Партия способна внести решающий вклад в формирование институциональной структуры инновационной экономики, включая: □ развитие законодательства об инновационной деятельности; □ развертывание и функционирование конвенциональных (договорных) институциональных структур в инновационных деловых кластерах. Партия в состоянии инициировать создание таких кластеров в регионах и выступить гарантом исполнения определенных правил в отношении резидентов соответствующих кластеров; □ благоприятное для инновационной экономики развитие «неписаных кодексов» и др.; □ Партия способна консолидировать элиты на задачах формирования экономики инновационного типа и создать систему поддержки инновационной экономики политическими и административными элитами. Партия способна создать и институализировать Федеральный инновационный совет и сеть статусных региональных инновационных советов; □ Партия способна сформировать для участников инновационной экономики эффективную систему взаимодействия власти, бизнеса и общества (ключевую роль в этой системе могут сыграть статусные инновационные советы, сформированные на партийной основе); □ Партия, как общественно-политическая сила, способна повлиять на комплекс факторов, в зависимости от которых складывается инновационная конъюнктура рынка. Как видно из идей проекта, партия призвана обеспечить стратегическую роль в формировании национальной инновационной

системы. Целями проекта «Национальной инновационной системы» является участие партии «Единая Россия» в формировании в России экономики инновационного типа, а также участие в реализации стратегии социально-экономического развития «2020». Согласно принятой стратегии инновационного развития «2020» и ряда мер, которые планируется предпринять и тех, что уже реализуются при поддержке различных сфер общества, главной задачей государственной инновационной политики является переход нашей страны к инновационному пути развития.

Литература

1. «Единая Россия» официальный сайт партии. Проект «Национальная инновационная система» Режим доступа: <http://old.er.ru/rubr.shtml?110554>
2. Милославский И. Новизна с последствиями. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.inauka.ru/education/article92760.html>
3. Мухамедьяров А. М. «Инновационный менеджмент», Учебное пособие, Второе издание, Москва, ИНФРА-М, 2008 - 176 с.
4. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 8 декабря 2011 г. № 2227-р). [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.mii.ru/docs/rtf/strateg_innov_2020.pdf
5. Топсахалова Ф. М.-Г., Ниров М.Ч. Приоритетные направления развития инновационной политики государства в регионе // Успехи современного естествознания. – 2011. – № 1 – С. 123-124

ТЕХНОЛОГИЯ МЕЖВЕДОМСТВЕННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ И УЧРЕЖДЕНИЙ СИСТЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ

Дронова Е.Н. (Барнаул)

Актуальность разработки и реализации технологии межведомственного взаимодействия органов и учреждений системы профилактики обусловлена необходимостью повышения качества индивидуальной профилактической работы с несовершеннолетними, находящимися в социально опасном положении. Правовая основа разработки и реализации технологии: Федеральный закон от

24.06.1999 г. №120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», Постановления комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав Алтайского края от 17.10.2007 г. №5 и от 22 мая 2009 г. № 2. Цели технологии: оперативное выявление несовершеннолетних и семей, находящихся в социально опасном положении; разработка и реализация комплекса мер социального, психолого-педагогического, правового и иного характера по восстановлению социального статуса несовершеннолетнего и семьи. Субъекты межведомственного взаимодействия: на уровне организации – комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав, органы управления и учреждения в сфере социальной защиты населения, образования, здравоохранения, культуры, по делам молодежи, правоохранительные органы, социально-ориентированные общественные организации. Целевая группа: лица в возрасте до 18 лет, которые совершают правонарушения, антиобщественные действия или вследствие безнадзорности/беспризорности находятся в обстановке, представляющей опасность для жизни, здоровья, не отвечающей требованиям к их воспитанию и содержанию. Принципы реализации технологии: законности, межведомственного взаимодействия, распределения сфер ответственности, индивидуального подхода, комплексности, гласности. Этапы реализации технологии: 1. Выявление несовершеннолетних и семей, находящихся в социально-опасном положении (в процессе выполнения должностных обязанностей; в ходе рейдовых мероприятий; при участии граждан, общественности). 2. Сообщение в муниципальную комиссию по делам несовершеннолетних и защите их прав о выявленном факте неблагополучия. 3. Организация муниципальной комиссией по делам несовершеннолетних и защите их прав первичного межведомственного обследования условий жизни семьи несовершеннолетнего с привлечением группы специалистов системы профилактики. 4. Вынесение муниципальной комиссией по делам несовершеннолетних и защите их прав постановления о постановке несовершеннолетнего на учет и его направление в учреждение социального обслуживания – территориальный центр социальной помощи семье и детям по месту жительства. 5. Разработка специалистами учреждения социального обслуживания программы индивидуальной социальной реабилитации несовершеннолетнего, ее обсуждение на первичном межведомственном консилиуме. 6. Утверждение программы индивидуальной социальной реабилитации несовершеннолетнего в

муниципальной комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав. 7. Реализация утверждений программы индивидуальной социальной реабилитации несовершеннолетнего по месту жительства. 8. Подведение на заключительном межведомственном консилиуме итогов индивидуальной профилактической работы с несовершеннолетним. Принятие решения о необходимости пролонгирования индивидуальной профилактической работы или об её окончании. Направление протокола консилиума в муниципальную комиссию по делам несовершеннолетних и защите их прав. Ожидаемый результат реализации технологии межведомственного взаимодействия органов и учреждений системы профилактики: выход несовершеннолетнего из социально опасного положения, снятие его с учета по данному основанию.

АДАПТАЦИЯ ПЕРСОНАЛА ОРГАНИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ ВНЕДРЕНИЯ ИННОВАЦИЙ.

Едидович Ж.В. (Санкт-Петербург)

Появление на российском рынке крупных иностранных компаний и приход глобальных торговых сетей вынуждает современные российские организации не только тесно взаимодействовать с ними, но и конкурировать, постоянно осуществляя мониторинг новых технологий и прививая наиболее успешные из них в свои механизмы функционирования. Инновационный процесс охватывает цикл от возникновения идеи до ее практической реализации. Основная масса инноваций реализуется в рыночной экономике компаниями как средство решения производственных, коммерческих задач, как важнейший фактор обеспечения стабильности их функционирования, экономического роста и конкурентоспособности. Значение инноваций постоянно возрастает, так как практика бизнеса буквально заставляет каждую компанию вводить разнообразные новшества и рационализировать производство. Необходимость инноваций диктует не только внешняя среда, но и угроза устаревания существующих продуктов и услуг. Инновации – залог успешного развития компании. Кроме того, инновации имеют решающие значения для поддержания или повышения уровня доходности. Конечной целью инновационного процесса является коммерческое освоение инновации и ее рентабельное использование [1]. Отсутствие внимания менеджмента к проблеме адаптации персонала в период закрепления инноваций

закономерно приводит к последствиям, ограничивающим конкурентные возможности компании: - работники не имеют ясного представления относительно самого усвояемого инновационного продукта; - изменения, затрагивающие трудовой процесс, не поддерживаются в деловых и межличностных контактах сотрудников, что ведет за собой неполное (или частичное) их принятие и интеграцию. Введение нового механизма, внедрение различных организационных и производственных инноваций сопровождается значительным высвобождением и перераспределением рабочей силы, увеличением числа работников, вынужденных либо осваивать новые аспекты деятельности, либо менять свое рабочее место и коллектив. Адаптация персонала к изменениям – это процесс приспособления работников к изменениям условий внешней и внутренней среды в организации [2]. Чем быстрее работник сможет адаптироваться к новым условиям, тем раньше он начнет работать наиболее эффективно, что, несомненно, приведет к более быстрой интеграции самого адаптивного процесса в механизмы работы организации. Инновационная деятельность – это постоянно воспроизводящийся процесс изменений, преобразования различных сторон производства, модернизации технико-технологической и организационной структуры предприятия [3, с. 204]. А это, в свою очередь, обуславливает необходимость понимания инновационного управления как гибкой системы, опережающий формируемый инновационный процесс. Необходимо понимать, что сам адаптационный процесс в организации напрямую зависит от ее системы информационно-аналитической и методической поддержки принятия управленческих решений в системе управления персоналом. При использовании грамотно разработанной системы адаптации руководство получает от сотрудников максимальную отдачу в работе в кратчайшие сроки. Инструментом реализации желаемых результатов выступает программа адаптации персонала, внедрение которой позволит зафиксировать основные элементы адаптационного процесса в организации, а использование – повысит эффективность ее работы. Программа адаптации работников представляет собой четкий план действий, ясно определяющий содержание и роли участников процесса, с указанием результата и сроков выполнения по этапам этого процесса. Процесс адаптации персонала может обеспечиваться через проведение коллективного тренинга, организации семинара, обучения посредством прикрепления наставника. Ответственные за процесс адаптации сотрудников к работе во время внедрения изменений в компанию

должны стремиться поддерживать инициативу и творчество коллег. В период адаптации совместно кадровой службы и управляющим подразделением проводятся промежуточные собеседования с сотрудником. Цель данных собеседований – оценка хода адаптации сотрудника и оперативное выявление проблем в данном процессе [4, с. 313]. Это позволит своевременно определить пути их решения и тем самым повысить оперативность и эффективность адаптации сотрудника. Завершающей процедурой программы адаптации должно стать проведение оценки адаптации персонала, выявляющей степень усвоения инновационных методик трудового процесса, а также степень морально-психологического включения в работу после ввода инноваций. Она включает в себя следующие аспекты: - корпоративная адаптация: вопросы, связанные с организацией деятельности компании при внедрении нововведений; - технологическая адаптация – освоение новых технологий; - профессиональная адаптация – оценка полученных знаний, умений и навыков; - психофизиологическая адаптация – приспособление к новому режиму труда и отдыха. Адаптация организации к инновациям начнется только в том случае, когда работники будут положительно оценены по каждому из предлагаемых аспектов. Данная процедура также может привести к ротации кадров и, как следствие, – формированию обновленной команды внутри коллектива, нацеленной на решение новых для компании задач в режиме уже закрепившихся и устоявшихся изменений.

Литература

1. Бовин А.А. Управление инновациями в организациях: учебное пособие - 3-е изд., стереотип. - М.: Омега-Л, 2009.
2. Кибанов А.Я. Управление персоналом организации: Учебник. – М.: Инфра-М, 2009.
3. Потемкин В.К. Управление персоналом: Учебник для вузов. – СПб.: Питер, 2010.
4. Веснин В.Р. Практический менеджмент персонала. – М.: Антиква, 2003.
5. Валдайцев С.В. Антикризисное управление на основе инноваций: учебник. – М.: Проспект, 2005.
6. Фатхутдинов Р.А. Производственный менеджмент. – 5-е изд. – СПб.: Питер, 2006.

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ: МИРОВЫЕ ПРАКТИКИ

На сегодняшний день в мировой практике растет интерес к анализу учреждений культуры. В зарубежной науке область, изучающая эффективность деятельности учреждений культуры, называется эвалуаторные исследования (evaluation research) [1]. Согласно опросу органов местного самоуправления (n=220), проведенного японским Фондом региональных культурных программ (JAFRA) в марте 2005 г., 80% органов местного самоуправления испытывают трудности в выборе подходящих индикаторов оценки деятельности учреждений культуры, а также в выборе соответствующих методик их оценивания. Большинство исследователей, анализируя институты поставки продуктов культуры, используют общую систему оценки, применяемую к государственным органам власти. Вместе с тем, такой подход не всегда является обоснованным при оценке учреждений культуры [2]. Так, наиболее распространенная оценка деятельности государственного сектора включает в себя оценку эффективности менеджмента и оценку финансовых показателей таких, как степень посещаемости, коэффициент загрузки, доход от основной деятельности предприятия и т.д. Такой, общий, подход не предусматривает включения культурных маркеров оценивания. Представим, например, что деятельность культурного мероприятия «А» приносит 90% посещаемости и высокую степень удовлетворенности клиентами, в то время как мероприятие «Б» приносит только 50% посещаемости и противоречивые оценки удовлетворенности со стороны клиентов. Безусловно, с точки зрения общего подхода (operational perspective) измерения эффективности, мероприятие «А» обладает большей эффективностью, чем мероприятие «Б». Однако, производя сравнение необходимо пояснить, что мероприятие «А» – музыкальный концерт, рассчитанный на массовую аудиторию, в то время, как мероприятие «Б» – показ кинофильма из серии «альтернативное кино», рассчитанное на небольшую аудиторию любителей подобного рода культурного продукта. В этой связи, сложность оценки эффективности деятельности институтов культуры состоит в проблеме установления набора критериев, лежащих в двух ценностных плоскостях – общественных и культурных ценностей, с одной стороны, и в ценности финансовой и управленческой эффективности, с другой. Другая проблема связана с измерением

общественных и культурных ценностей мероприятий. На сегодняшний день не существует однозначной и исчерпывающей оценки социально-культурной ценности деятельности учреждений культуры, которые бы корреспондировали с управленческой эффективностью и финансовыми показателями. Для того, чтобы система оценки эффективности приносила долгосрочный положительный эффект, она должна быть систематически интегрирована в структуру деятельности учреждений культуры. Только в этом случае, измерение эффективности будет практически значимым инструментом для менеджеров в сфере стратегического развития учреждений культуры. Однако, для достижения этого необходимо обосновать то, как измерение эффективности будет коррелировать с организационной миссией и то, как оно будет помогать организации достигать поставленных перед ней целей и задач. Кроме этого, необходимо обеспечить, чтобы мероприятия по оценке эффективности были соотнесены с региональным, федеральным и международным контекстом [3].

Литература

1. Economou, M. Evaluation strategies in the cultural sector: the case of the Kelvingrove Museum and Art Gallery in Glasgow / M. Economou // Museum and society. - 2004.- Vol. 2, № 1. – P. 30-46.
2. Yoshimoto, M. The Evaluation of Cultural Institutions and Policies—Toward a Framework for Creative Evaluation / M. Yoshimoto. – NLI Research, 2005. – 10 p.
3. Calvert, P.J. Assessing the effectiveness and quality of libraries / P.J. Calvert // Thesis in fulfillment of the requirements of Doctor of Philosophy in Information Systems. – 2008. - 267 p.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА ПЕРСОНАЛА КАК ФАКТОР ИННОВАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

Желнина Е.В. (Тольятти)

Современный уровень развития организаций, компаний и предприятий диктует их работникам иной, нежели 10-15 лет назад, рабочий ритм. Возрастающая скорость появления, распространения и устаревания знаний, информации, технологий и методов «выдавливает» из организации людей инертных, пассивных, не стремящихся к непрерывному узнаванию новой информации,

постоянному совершенствованию. Другими словами, современным предприятиям требуется «человек самообучающийся». Возрастающая конкурентоспособность компании от профессионализма и высокой квалификации ее работников обнаруживает необходимость организационного «вмешательства» в процесс профессиональной подготовки работников как непосредственно, так и через стимулирование самообучения, самоподготовки. В связи с этим наиболее значимым аспектом разработки и внедрения в деятельность промышленного предприятия системы непрерывной профессиональной подготовки персонала является ее влияния на инновационную активность данного предприятия, на снижение боязни к переменам и инновациям его работников, стимулирование их к инновационной деятельности. В современных условиях, когда инновации приобретают статус основного показателя жизнестойкости, жизнеспособности любой социально-экономической системы, предприятиям необходимо искать внутренние условия поддержания высокого тона инновационной активности. Одним из таких условий является система профессиональной подготовки персонала, обеспечивающая возможность роста рационализаторских предложений от работников, а также нивелирования процессов неприятия сотрудниками различного рода нововведений. Несмотря на очевидную эффективность системы корпоративной профподготовки, представители административного аппарата промышленных предприятий не оказывают ей достаточного внимания (ни в плане разработки, ни финансирования). Именно поэтому, необходимо более подробное изучение влияния действующей корпоративной системы профессиональной подготовки персонала промышленной компании на инновационную активность промышленного предприятия, на возможности влияния системы профессиональной подготовки на снижение боязни к переменам, инновациям его работников, стимулирование к инновационной деятельности. Эмпирическое изучение указанных процессов целесообразно начинать с теоретического осмысления понятия «инновационная активность» с позиций структурно-функционального, эволюционного и конфликтологического подходов. Структурно-функциональный подход даст нам возможность увидеть основные элементы инновационной активности и отследить их функции в системе предприятия. Так, выделяем субъект и объект инновационной активности, ее причины, условия, факторы и последствия. Каждый из этих структурных элементов выполняет свои особые функции.

Субъект является активным действующим началом инновационных процессов. На предприятии субъектом инновационной активности выступают работники, причем, должность и вид трудовой деятельности не оказывают существенного влияния на активность данного субъекта, поскольку определяющими факторами здесь оказываются характерологические свойства субъекта и его образование. В эволюционном подходе основным тезисом мы возьмем цикличность развития. Идея циклов подскажет нам этапность и динамику инновационной активности на предприятии. Основными факторами увеличения или сокращения циклов является сложность деятельности (технологичность производства, сложность товара или услуги, разветвленная система управления и т.п.). Выделенные циклы позволят нам просчитать подъемы и спады инновационной активности на предприятии и на основе этого составить программу действий по реагированию (при условии подъема) или стимулированию (при условии спада) инновационной деятельности работников предприятия. Конфликтологический подход поможет сформулировать научно обоснованные рекомендации по внедрению инноваций в деятельность предприятия, по активизации инновационной активности на промышленном предприятии, преодолению сопротивления инновациям со стороны работников. Таким образом, основываясь на указанных методологических подходах, мы сформируем комплексное представление об инновационной активности современного российского промышленного предприятия и проведем его эмпирическое изучение через призму корпоративной системы профессиональной подготовки персонала. Это позволит нам создать научно обоснованную систему корпоративной профессиональной подготовки персонала, направленную в том числе и на оптимизацию организационных инноваций.

УРБАНИЗАЦИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МИЛЛИОННОГО КРАСНОЯРСКА

Задорин А.В. (Красноярск)

10 апреля 2012 г. в 19:44 по местному времени в г. Красноярске родился миллионный житель. На первый взгляд, это позитивный факт, поскольку в современной России статус города-миллионника дает возможность участия в большем числе федеральных программ и проектов, в том числе и

общенациональных. Но, с другой стороны, новый статус города был обеспечен за счет притока мигрантов. В Красноярск ежедневно приезжают около 30 новых жителей. По словам главы Красстата С. Окладникова, они обеспечивают 88% роста численности, и лишь оставшиеся 12% приходятся на прирост рождаемости [3]. Приток мигрантов объясняется инвестиционными проектами, реализуемыми на территории края [3]. В то же время социально-экономическое развитие региона идет неравномерно, о чем говорят, например, результаты последней переписи населения. С 2002 по 2010 г. городское население Красноярского края сократилось на 88063 человек, при этом численность населения краевого центра выросла на 65321 человек, или на 7,2%. В остальных городских поселениях (кроме г. Сосновоборска – пригорода Красноярска) население сократилось [6]. Сказанное говорит о том, что развивается только красноярская агломерация. В принципе повода для беспокойства нет: рост городов – закономерный процесс в современном мире. Ряд крупных ученых такое положение вещей одобряют. «Нам нужно... развитие... системы крупных городских агломераций и урбанизированных районов, вовлекающих в орбиту своего социально-культурного и экономического влияния обширные сельские территории» [5, 113], – полагает ведущий научный сотрудник института географии РАН Ю.Л. Пивоваров. Ему вторит академик РАН Н.Н. Моисеев: «Основной массе населения Земли предстоит и далее обитать в мегаполисах... Нужно принять эту реальность и научиться строить мегаполисы так, чтобы в них можно было жить» [4, 62]. Правда, в той же самой статье академик Моисеев вынужден констатировать, что это невозможно, поскольку «условия жизни в больших городах противоречат генетической приспособленности человека» [4, 64]. И, тем не менее, продолжает: «Жизнь в большом городе предъявляет к людям особые требования. Их важно понять, освоить и привить миллионам граждан» [4, 67]. А все потому, что «в крупных городах выгоднее (эффективнее) делать бизнес, организовывать производство, торговлю» [4, 63]. Как показывает практика, реальное преимущество больших городов перед другими поселениями состоит только в благоприятных условиях для ведения бизнеса – это развитая инфраструктура, наличие квалифицированной рабочей силы, широкий рынок сбыта товаров (обитатели мегаполисов в среднем богаче жителей из глубинки и ведут потребительский образ жизни) и т.д. Остальные преимущества мегаполисов либо мнимые, как, например, свобода поведения, либо их сводит на нет негативное влияние городской

среды [1]. Последнее относится к здравоохранению. Известно, что в крупных городах спектр медицинских услуг весьма широк; но, с другой стороны, высоки и показатели заболеваемости населения. Таким образом, ради интересов крупного капитала масса людей вынуждена испытывать неудобства обитания в крупном городе. Настоящим бедствием для красноярцев стала транспортная проблема, точнее растущая автомобилизация. Красноярск входит в число самых автомобилизированных городов России, занимая третье место в этом рейтинге (330 автомобилей на тысячу жителей). Быстрый рост автомобилизации Красноярска стал причиной резких изменений в уровне влияния на экологическую обстановку города выхлопных и промышленных выбросов. Если в 2009 и 2010 гг. передвижные источники занимали долю в 45-46% от всего объема выбросов (остальное приходилось на промышленность), то в 2011 г. этот показатель достиг 49,8%. Объем выбросов вырос на 12,12 тыс. т и достиг величины в 139,2 тыс. т [2]. В 2011 г. специалисты несколько раз фиксировали в атмосфере разных районов города большие превышения концентрации бензопирена, образуемого при сгорании углеводородного топлива. При этом транспортная проблема не решается, а усугубляется: строительство дорог и парковок происходит за счет рекреаций, зелени, пешеходных путей и общественных пространств. В свою очередь, жители периферии страдают от слаборазвитой инфраструктуры и безработицы, поскольку львиная доля финансовых средств сосредоточилась в краевом центре. За пределами красноярской агломерации практически не ведется жилищное строительство, объекты соцкультбыта возводятся эпизодически. Несмотря на это, с 2007 г. в краевой и городской администрации началось рассмотрение вопроса по объединению в муниципальное образование «Большой Красноярск» значительной части его агломерации – Красноярска, его городов-спутников (Дивногорска и Сосновоборска), Березовки и других близлежащих поселков. Предполагается, что благодаря объединению и ускоренному развитию численность населения «Большого Красноярска» составит в 2020 г. около 1,5 млн. человек. Федеральный центр поддерживает эту инициативу и включил «Большой Красноярск» в разрабатываемую Минрегионразвития и Минэкономразвития программу создания в России четырнадцати так называемых опорных российских городов-миллионеров. В отличие от российских политиков и управленцев (которые определяют сегодня курс развития страны и ее регионов), западный мир, похоже, понял всю серьезность проблемы перенаселенности мегаполисов.

Идея остановки процесса урбанизации и разукрупнения мегаполисов становится весьма популярной в передовых экономически развитых странах, захватывая широкие слои населения. Находит отклик эта идея и в российских научных кругах [1]. Резюмируя сказанное, приходится констатировать отсутствие социально направленной стратегии развития региона: развивается преимущественно красноярская агломерация в ущерб остальным территориям. Концентрация финансовых ресурсов в Красноярске только усугубляет проблемы города. Думается, улучшить состояние социально-экономической сферы можно только путем равномерного развития территорий региона. Интересы бизнеса не должны отравлять жизнь людям и, в конце концов, противоречить здравому смыслу.

Литература

1. Архитектура и строительство России. – 2003. – № 7.
2. ДЕЛА.ru [Электронный ресурс]: Красноярск переходит на самоотправление. – URL: <http://www.dela.ru/articles/avto-zagryaznenie/> (дата обращения: 23.09.2012).
3. Информационное агентство «Росбалт». [Электронный ресурс]: Гастарбайтеры сделали из Красноярска миллионник. – URL: <http://www.rosbalt.ru/federal/2012/04/10/968018.html> (дата обращения: 23.09.2012).
4. Моисеев Н. Мегаполисы как естественный фактор развития челове-ства // Свободная мысль. – 1997. – № 3. – С. 62-67.
5. Пивоваров Ю. Географическое учение об урбанизации: проблемы и поиски решений // Свободная мысль. – 1995. – № 4. – С. 111-121.
6. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю. [Электронный ресурс]: Краткие итоги Всероссийской переписи населения 2010 года по Красноярскому краю; Предварительные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года: Доклад. – URL: <http://www.krasstat.gks.ru/news/vpn2010/default.aspx> (дата обращения: 23.09.2012).

МОДЕЛИ ИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

Захаров Н.Л. (Санкт-Петербург)

Обобщая основные имеющиеся на сегодняшний момент концепции социального развития, то можно выделить следующие этапы общественной трансформации: традиционное общество представлено множеством различных цивилизаций (или культур) по причине того, что отдельная такая цивилизация в значительной мере зависит от географической среды своего обитания в силу наличия в своем распоряжении рутинных технических средств труда; таким образом, имеется множество моделей развития традиционного общества. Индустриальное общество имеет смысл признать, что оно представлено двумя основными полюсными моделями, известные как капитализм и социализм; формирующееся информационное общество, по всей видимости, будет представлено единой глобальной моделью, имеющей вариации, обусловленные предшествующими этапами. Итак, главное положение этой статьи, что сформировавшееся на рубеже XIX-XX веков индустриальное общество оказалось представлено двумя основными социально-экономическими моделями – капиталистической и социалистической. В данном утверждении заложена идея, что социализм и капитализм две равнозначные модели одного этапа социального развития, а именно индустриального. Возникновение той или иной модели связано с целым комплексом экономических, геополитических и социо-культурных факторов, которые будут представлены в данной статье. Рассмотрим предпосылки возникновения капитализма. Условие первое – избыточное наличие доступных ресурсов необходимых для развития промышленности. Именно это обеспечило возможность формирования свободного рынка и конкуренции. Либеральный рынок в условиях изобилия ресурсов сам является естественной самоорганизующейся системой, не нуждающейся в целенаправленном управлении. В этом случае государство если и участвует в экономической деятельности, то, скорее, как один из многочисленных субъектов – возможно, самый крупный, но равноправный с другими. Господствующей формой собственности является частная собственность отдельных экономических субъектов. Второе условие – капиталистическая модель сформироваться в странах, где геополитически имелись благоприятные климатические условия, сырьевые колонии в разных частях планеты, незамерзающие порты в метрополиях и устойчивые внутренние коммуникации, высокая плотность населения. Описанные выше условия явились благоприятной основой устойчивого технического роста. Но они же привели к цикличности функционирования экономической системы, кризисам

перепроизводства и росту напряженности между трудом и капиталом. Для недопущения разрушительных кризисов и большого роста безработицы капиталистические государства стали принимать антимонопольные законы, ограничивающие отрицательное воздействие кризисов на развитие экономики, начали прилагать усилия к созданию устойчиво действующих корпораций и введению правового и экономического регулирования производства, а соответственно, совокупного спроса и совокупного предложения товаров. К середине XX века появилась явная необходимость вмешательства государства в регулировании экономики, а также в формировании и проведении социальной политики, как инструмента снятия напряжения между трудом и капиталом. Появление данной тенденции свидетельствует о размывании «чистого» капитализма. Данная тенденция свидетельствует о том, что капитализм достиг своего позднего состояния, т.е. состояния позднего капитализма, или посткапитализма. Социалистическая модель хозяйствования сформировалась в тех странах, где географические и геополитические условия являлись препятствием в развитии индустриализма. Таковым является неустойчивый меняющийся климат, сложный ландшафт, подверженность природным катаклизмам (что требовало использования большого количества энергетических ресурсов). Неблагоприятные геополитические характеристики – незначительное число сырьевых колоний, малочисленные незамерзающие морские порты, протяженные коммуникации суши, имевшие низкую пропускную способность (отсюда ограниченность сырьевых ресурсов). Дисбаланс демографических характеристик населения (либо недостаток человеческих ресурсов, либо, наоборот, переизбыток). Нехватка ресурсов не способствует формированию либерального рынка, а значит, ведет к монополистической экономике, и в своем естественном развитии превращается в государственный монополизм. Государство становится либо единственным, либо подавляющим экономическим субъектом-собственником. Весь этот комплекс условий препятствует техническому развитию. Поэтому государственный субъект вынужден реагировать на все это мобилизацией экономических усилий, что, в свою очередь, приводит в экономике к ограничению возможностей функционирования либерального рынка и формированию системы административного регулирования экономических ресурсов. Важнейшим инструментом государственного управления для социалистических стран становится социальная политика, осуществляемая

социалистическими странами, способствует мобилизация человеческих ресурсов, что с одной стороны, дает отдельному человеку минимум социальных гарантий, необходимых ему для осуществления производственной деятельности, а с другой – лишает его гуманитарных гарантий, обеспечивающих его самореализацию как свободной личности. Геополитические реалии вынуждают социалистические государства стремиться к лидерству на мировой политической и экономической арене, а следовательно им в большей мере требуется мобилизация человеческих ресурсов, что, таким образом, ведет к усилению эксплуатации работников (от низшего до высшего квалификационного уровня). Итогом такой эксплуатации являются высокие научно-технические достижения в ряде областей, на которые нацелена деятельность государственного субъекта, и отставание во всех других. Научно-техническое развитие становится некомплексным, бессистемным и зависимым от воли государственного субъекта, а не от естественных социально-экономических условий. По этой причине снижается роль естественных саморегулирующих социально-экономических факторов, возрастает роль государственного субъекта в управлении, а, одновременно, возрастает и цена человеческой ошибки. Труднодоступность сырьевых ресурсов и неустойчивость научно-технического развития влияет на эффективность функционирования экономической системы, что приводит к низкому благосостоянию населения, снижению экономической активности организаций и угасанию мотивированности персонала. Возникшее экономическое отставание социалистических стран с необходимостью требовало либеризации рынка, т.е. снижение роли государства в управление экономикой, и детотализации личности – освобождения ее от политического диктата и идеологического давления. Возникновение данной тенденции свидетельствует, что социализм достиг пределов своего развития и превратился в поздний социализм, или постсоциализм. Индустриальное общество (и капиталистическое, социалистическое), дав толчок небывалому за всю историю человечества научно-техническому развитию, сформировало новые условия производительной деятельности человека.

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНОГО АУДИТА ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Зерчанинова Т.Е. (Екатеринбург)

По отношению к государственному и муниципальному управлению мы рассматриваем социальный аудит как вид социоинженерной деятельности, включающий социальную диагностику состояния социальной системы, оценку социальной эффективности государственного и муниципального управления и консультационную поддержку органов государственной власти и органов местного самоуправления по совершенствованию деятельности. Нами разработана концептуальная модель социального аудита государственного и муниципального управления. При разработке данной модели использованы отдельные положения Концепции российской модели социального аудита [1]. Однако данная модель наполнена новым содержанием, адаптированным к государственному и муниципальному управлению и к социологическим методам исследования. Структура концептуальной модели социального аудита государственного и муниципального управления представлена взаимосвязанными элементами: 1) субъекты социального аудита, 2) объекты социального аудита, 3) принципы социального аудита, 4) цель социального аудита, 5) функции социального аудита, 6) система действий, из которых состоит процесс социального аудита (процедура), 7) средства и методы социального аудита, 8) условия, в которых осуществляется социальный аудит, 9) результаты социального аудита. Рассмотрим элементы предлагаемой модели. 1. Субъектами социального аудита государственного и муниципального управления являются заказчики социального аудита (органы государственной власти и органы местного самоуправления, политические партии, общественные организации и другие институты гражданского общества) и исполнители (научно-исследовательские коллективы, организации, отдельные ученые). 2. Объектом социального аудита государственного и муниципального управления является деятельность органов государственной власти и органов местного самоуправления по разработке и реализации государственной и муниципальной политики. 3. Принципы социального аудита: добровольность, рекомендательный характер, независимость социальных аудиторов от заказчиков, открытость результатов социального аудита, профессионализм аудиторов, достоверность результатов социального аудита. 4. Целью социального аудита государственного и муниципального управления является оценка социальной эффективности деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления и разработка управ-

ленческих технологий совершенствования данной деятельности, т.е. оптимизация управления, повышение его эффективности. 5. Функции социального аудита государственного и муниципального управления: диагностическая, оценочная, функция обратной связи, корректирующая, функция регулирования взаимодействия между органами власти, общественными организациями и институтами гражданского общества. 6. Процедура социального аудита государственного и муниципального управления включает четыре этапа: 1) предметно-содержательный анализ текстов документов о содержании и механизмах государственной и муниципальной политики (концепции, стратегии, государственные и муниципальные программы); 2) диагностический – социологическая диагностика на основе социологического мониторинга; 3) оценочный – оценка социальной эффективности государственного и муниципального управления, установление причин и степени отклонений результатов от намеченных целей и задач. С содержательной точки зрения предполагает анализ результативности и эффективности деятельности органов государственного и муниципального управления; 4) консультационный – предполагает разработку мер, практических рекомендаций по совершенствованию государственного и муниципального управления, устранению нарушений, отклонений в деятельности органов власти, повышению социальной эффективности их деятельности. 7. Средства и методы социального аудита государственного и муниципального управления. Средства социального аудита: познавательные (методы исследовательской деятельности) и предметные (компьютеры, оргтехника, канцелярия). Методы социального аудита могут быть разделены на две группы: 1) теоретические: описание, анализ, синтез, моделирование, измерение, сравнение, классификация, типология; 2) эмпирические: анализ официальных документов, социологический опрос населения, фокус-группа, экспертные методы, эвристические методы, анализ статистических показателей. 8. Условия, в которых осуществляется социальный аудит – это комплекс характеристик среды, в которой осуществляется деятельность и которые необходимы для её реализации. «Инвариантным для любой деятельности является следующий набор групп условий: мотивационные, кадровые, материально-технические, научно-методические, финансовые, организационные, нормативно-правовые, информационные условия» [2]. К представленному перечню условий можно добавить психологические условия, а также условия макросреды (политические, экономические, социальные). 9.

Результаты социального аудита – это завершенная форма деятельности или реализованная цель. Результаты социального аудита молодежной политики включают: результаты социальной диагностики, результаты оценки эффективности деятельности органов власти, практические рекомендации по совершенствованию государственного и муниципального управления или управленческие технологии, готовые к внедрению. Разработанная модель социального аудита прошла апробацию в двух регионах: Ханты-Мансийском автономном округе – Югре [3] и в Свердловской области [4]. Подводя итоги, можно сделать вывод, что социальный аудит может достаточно успешно применяться для диагностики, оценки и совершенствования государственного и муниципального управления. К достоинствам социального аудита государственного и муниципального управления можно отнести: технологичность, алгоритмичность, комплексный характер, сочетание статистических и социологических показателей, применение количественных и не количественных методов, позволяющих получить достоверные данные. Ограничения применения социального аудита связаны с затратностью подобных исследований. Однако в целях получения достоверного знания и адекватной оценки рекомендуется проводить независимый социальный аудит.

Литература

1. Концепция российской модели социального аудита. М.: Академия труда и социальных отношений, 2007. 24 с. URL: <http://www.globecsi.ru/Articles/2007/Popov.pdf> (дата обращения: 19.07.2012).
2. Новиков А.М., Новиков Д.А. Методология. М.: СИНТЕГ, 2007. 668 с. URL: <http://www.mtas.ru/uploads/methodology.htm> (дата обращения: 11.08.2012).
3. Зерчанинова Т.Е. Позднякова Е.В. Социальный аудит молодежных целевых программ // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2011. № 4. С. 83-87.
4. Зерчанинова Т.Е., Никитина А.С. Опыт социального аудита молодежной политики Свердловской области // Вопросы политологии и социологии. 2012. № 2.

ИННОВАЦИОННЫЙ ЧЕЛОВЕК ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Иванов О.И. (Санкт-Петербург)

Минэкономразвития РФ на своем сайте разместил проект важного документа - «Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года». Среди многих амбициозных задач на перспективу поставлена задача формирования инновационного человека в России. В соответствии с замыслом создателей упомянутого документа категория «Инновационный человек» означает, что каждый гражданин должен стать адаптивным к постоянным изменениям во всех сферах жизни, активным инициатором и производителем этих изменений. Вряд ли можно согласиться с такой общей трактовкой «инновационного человека». На наш взгляд при формировании инновационного человека необходимо ориентироваться на создание и развитие у граждан России потребностей, способностей и готовности позитивно относиться к новому, совершенствовать уже имеющиеся продукты и технологии и создавать новые, то есть создавать инновационный человеческий потенциал. Этот потенциал мы определили как сформированную во взаимодействии с социальной средой систему потребностей, способностей и готовности индивидуальных и коллективных социальных акторов выполнять такие деятельности, результатом которых будет усовершенствование ранее созданных и используемых разнообразных продуктов и создание новых продуктов, свойства которых открывают новые возможности в решении актуальных общественных, научных, технических, производственных и других проблем. Для России формирование и развитие инновационной компоненты человеческого потенциала является и актуальной и невероятно сложной задачей. Без создания в общественном сознании россиян культа нового, самого передового, самого качественного, лучшего в мире, сформировать инновационный потенциал невозможно. Развитые капиталистические страны создавали этот культ. Быть первым, лучшим в мире — это не только свойство массового сознания населения этих стран, это также свойство поведения деятельной части их граждан. Эти свойства явились результатом взаимодействия различных социальных, культурных, политических, экономических факторов. Среди последних значительную роль сыграла конкурентная среда. Казалось бы, развитие в России капиталистических общественных отношений, формирование внутренней конкурентной среды, необходимость участвовать в международной конкуренции должны были дать мощный толчок для инновационных деятельностей. Но этого не произошло и не

происходит. Причин этого, конечно, много. Формирование нового качества человеческого потенциала – задача не из простых. Его нельзя создать сразу и целиком. Его можно формировать покомпонентно и во взаимосвязи компонент. Инновационная компонента человеческого потенциала может быть создана во взаимодействии и во взаимосвязи с другими компонентами: научно-технической, предпринимательской и конкурентной. В определенной степени эти компоненты уже сформированы. Но чтобы привести их в полное действие, необходимо придать им новое качество, сконцентрировать в нужном месте и в нужное время, консолидировать и активизировать, направляя на достижение конкретных целей. Сконцентрированный и консолидированный человеческий потенциал может стать основой роста науки, техники, производства. Формируя новое качество человеческого потенциала, развивая его и используя, Россия может перейти в состояние «общества созидания». Один из главных вопросов практического, реального создания инновационной экономики России – это вопрос о создании некоторой критической массы необходимых компонент человеческого потенциала, при которых возможны преобразования определенных, прежде всего стратегических секторов экономики в соответствии с требованиями жесткой конкурентной борьбы. Если не будет создана эта критическая масса человеческого потенциала, все правовые, административные акты, направленные на улучшение условий для инновационного развития экономики, все декларации, призывы к модернизации так и останутся на бумаге. Путь к созданию этой критической массы – формирование и реализация политики развития человеческого потенциала в России. Ее основной целью должно стать формирование и развитие систем и комплексов систем потребностей, способностей и готовности индивидов и общностей к выполнению жизненно необходимых для устойчивого развития российского общества и его экономики социально значимых деятельности, ролей и функций. Каждый гражданин России может включиться в процесс формирования своего личностного потенциала, а многочисленные государственные и общественные институты обязаны этому всячески содействовать. И тогда, при активном участии многих, человеческий потенциал России обретет новое качество.

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕТОДОВ РУКОВОДСТВА В
САМООБУЧАЮЩИХСЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ
ОРГАНИЗАЦИЯХ КАК УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ ИННОВАЦИЯ**

Иванова К.А. (Санкт-Петербург)

Экономика РФ находится на противоречивом этапе развития. Не смотря на то, что уже двадцать лет длятся рыночные и демократические реформы, так и не удалось создать модель управления на разных уровнях организации общества. Те требования, которые сейчас предъявляются государственным организациям, требуют от них пересмотра их организационных структур, дебюрократизации и совершенствования методов руководства. С другой стороны требуется развитие и самой теории управления самообучающейся государственной организацией, которая позволит сформулировать новую методологию соответствующую динамично развивающемуся обществу. Самообучающаяся организация-это организация, все члены которой учувствуют в идентификации и решении проблем, что дает ей возможность постоянно экспериментировать, изменяться и совершенствоваться, а значит, развивать способности к росту, обучению и достижению поставленных целей (Р.Дафт). Как же сделать государственную организацию самообучающейся? Существенную роль в данном процессе играет совершенствование методов руководства. Исходя из того, что единственным собственником является государство, как правило, в основе руководства государственной организацией лежат директивные методы. Однако директивность противоречит процессу самообучения, так как замедляет процесс анализа, обмена и обсуждения информации. Таким образом, необходимо разработать такую структуру методов руководства государственной организацией, которые совмещали бы в себе необходимость прямого руководства исходящего от государства и коллегиальности управления необходимой для работы с более широким сектором стейкхолдеров. В связи с этим можно предложить осуществить симбиоз директивных и недирективных методов руководства в государственных организациях, позволяющий сохранить директивные поручения, но при этом нацеленный на развитие интереса работников государственной организации к достижению ее целей. Данные методы руководства должны ориентировать работников на достижение социально значимого результата не только с помощью материального стимулирования, но и путем повышения их роли в реальном управлении социальными процессами.

ИННОВАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ КОРПОРАТИВНЫХ СЛИЯНИЙ И ПОГЛОЩЕНИЙ В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ

Ирдынеев С.Ц. (Москва)

Социально-экономический контекст, в рамках которого происходят объединения компаний, разительно изменился за последние полвека. Главное изменение носило институциональный характер и было вызвано трансформацией системы менеджмента при переходе к постиндустриальному обществу. Базовым направлением данной трансформации стало стремление системы корпоративных отношений к открытости. Компании становятся все более открытыми как с хозяйственной, так и социальной точки зрения. В современных условиях они уже не отгораживаются от рынка жесткими барьерами, они впускают рынок в себя, становясь более прозрачными и более приспособленными для долгосрочных альянсов с другими агентами рыночных отношений. Чтобы быть ближе к рынку и оперативно принимать необходимые решения, единая пирамидальная структура фирмы распадается на множество относительно независимых подразделений. В случае слияния или поглощения организации человек, работающий в таком независимом подразделении, мало что изменяет в своей работе. Если в бюрократической организации классического типа смена начальника часто означала конец карьеры, в современных постиндустриальных организациях такая смена с точки зрения потери работы или осложнения продвижения уступает по своей силе ошибкам в организации работы с внешним окружением. Слияния и поглощения многими руководителями рассматриваются не как кризисная ситуация, требующая защиты и самообороны, а как изменение контекста деятельности, некоторого возрастания неопределенности, что может в принципе привести и к положительным для них результатам. Наглядно объяснить изменения организаций, основанные на усилении их ориентированности на внешнее окружение, можно с использованием типологии организационных культур К. Камерона и Р. Куина. Данная типология разработана на основе анализа двух конкурирующих пар ценностей: внешняя ориентация компании в противовес внутренней ориентации и гибкость в действиях в противовес стабильности и контролю. В результате своего исследования К. Камерон и Р. Куинн выделяют следующие 4 типа организационных культур, отличающихся между собой набором критериев, определяющих стержневые ценности

организации. Иерархическая культура – это культура бюрократического типа, характеристики которой соответствуют классическим атрибутам бюрократии, сформулированным М. Вебером. Рыночная культура характерна для организаций, ориентированных на внешнее окружение и работающих с использованием механизмов рыночной экономики. Главный фокус деятельности такой организации сосредоточен на работе с внешними клиентами - поставщиками, потребителями, подрядчиками и т.д. Стержневыми целями, доминирующими в организациях рыночного типа, являются конкурентоспособность и продуктивность. Клановая культура напоминает организацию семейного типа. Данный тип культуры характеризуется как дружное место работы, где люди имеют много общего и доверяют друг другу. Наконец, адхократическая культура представлена в структурах, которые отличаются быстрой адаптацией к меняющимся внешним условиям и производством новаторских видов продукции и услуг. Адхократическая организация напоминает не пирамиду или дворец, а мобильный, быстро перестраиваемый шатер. Адхократическая и рыночная культуры, имеющие явную ориентацию на внешнее окружение, более адекватны объединительным процессам по сравнению с бюрократической и клановой культурами. Организации с адхократической культурой с их постоянно меняющимися структурными подразделениями, нацеленностью на автономию отдельных групп как нельзя более подходят для процессов слияния и поглощения. Добавление новых звеньев в данную организацию проходит практически безболезненно, точно также как и вхождение этих звеньев в более мощные структуры. Рыночная культура, несмотря на известную степень централизации, также выглядит более предпочтительной в процессе объединения в сравнении, например, с бюрократической. Она нацеливает людей на внимание к конкурентной среде и высокие достижения. Персонал, воспитанный в данной ценностной среде, вполне адаптивен к новым условиям. В традиционном индустриальном обществе преобладали бюрократические и клановые организации. Культура первых была характерна в первую очередь для крупного бизнеса, а вторых – для малого и среднего. В движении к постиндустриальному миру все больше становится организаций с рыночной и адхократической культурой. Тем самым процессы слияния и поглощения компаний обретают более устойчивый культурный базис. Понятно, что эта тенденция на практике наталкивается на множество препятствий, особенно, когда бюрократические или клановые культуры берут в

объединительных процессах верх над рыночными и адхократическими. Но в целом с точки зрения доминирующих ценностей постиндустриальные организации выглядят значительно более привлекательными в рамках объединительных процессов. Их предшественники боялись впускать внутрь устоявшейся структуры «чужаков». Внутренний мир был слишком дорог для них, чтобы быть открытыми и не бояться слияния с чем-то чуждым. Современные компании более транспарентны для внешних влияний, их персонал постоянно сталкивается и в случае независимого существования компании с новыми задачами и вызовами внешней среды. Поэтому люди здесь меньше боятся перемен, связанных со слияниями и поглощениями, ведь данные процессы могут принести не только неприятности, но и новые возможности. В рамках общей тенденции к открытости компаний и усиления их зависимости от рынка следует обратить внимание на становление проектных структур. Сегодня организация как таковая может превратиться в проект. Эти временные объединения людей все шире используются в постиндустриальной экономике. Чем больше организация использует проектные структуры, тем легче она претерпевает процессы слияния и поглощения. Эта легкость в немалой степени связана с человеческим фактором. Для работника бюрократической организации реорганизация отделов, перевод в другие подразделения всегда был связан с немалым риском. Проектный работник имеет другую психологию. Его и в обычной жизни без всяких слияний и поглощений постоянно перебрасывают из одной группы в другую и дают новые задания. Проектные фирмы могут объединяться и разделяться без видимого ущерба для большинства сотрудников. Таким образом, традиционные пирамидальные многоуровневые структуры управления начали уходить в прошлое. Новые структуры пытались наиболее полно соответствовать новой постиндустриальной реальности, они становились все более гибкими и раздробленными. Фактически речь идет о том, что в современных условиях в процессе объединения не нужно пытаться построить новую пирамиду из кубиков, оставшихся от старых пирамид. Возможно относительно спокойное присоединение новых и новых элементов к открытой социальной системе, коей являются постиндустриальные организации. Они способны присоединять к себе фирмы, подобно тому, как государства вступают в новые соглашения и образуют союзы.

ИННОВАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ОБРАЗОВАНИИ

Инновации не даром становятся объектом активного исследования, внедрения, анализа, так как пронизывают почти все сферы жизнедеятельности общества. Нововведения есть результат деятельности ученых или передового опыта работников в различных областях: образование, здравоохранение, промышленность и др. Процесс внедрения инноваций не стихийен, поэтому обязательно наличие структур, занимающихся его регулированием, управлением. «Обновление, новшество, изменение» - означает термин «инновация» в переводе с латинского языка. Появившись впервые в исследованиях в XIX веке, это понятие означало введение некоторых элементов одной культуры в другую. Позднее, в начале XX века, изучением нововведений стала заниматься молодая наука – инноватика, областью исследования которой стали закономерности внедрения инноваций непосредственно в производство. Инновационные процессы в педагогической деятельности на Западе стали изучаться с 50-х годов XX века, в России – последние 30 лет. Применительно к педагогическому процессу инновация означает введение нового в цели, содержание, методы и формы обучения и воспитания, организацию совместной деятельности учителя и учащегося [4, 492]. Педагогическая инновация - нововведение в педагогическую деятельность, изменения в содержании и технологии обучения и воспитания, имеющие целью повышение их эффективности [3, 198]. Таким образом, инновационный процесс заключается в формировании и развитии содержания и организации нового. В целом под инновационным процессом понимается комплексная деятельность по созданию (рождению, разработке), освоению, использованию и распространению новшеств. Инновационный процесс состоит из нескольких этапов [2, 4]:

- определение потребности в изменениях;
- сбор информации и анализ ситуации;
- предварительный выбор или самостоятельная разработка нововведения;
- принятие решения о внедрении (освоении);
- собственно само внедрение, включая пробное использование новшества;
- институализация или длительное использование новшества, в процессе которого оно становится элементом повседневной практики.

Указанные этапы в совокупности составляют инновационный цикл. В образовании нововведения могут быть как специально разработанными, заранее спланированными, так и открытыми абсолютно случайно в результате педагогической

деятельности, педагогической инициативы. Таким образом, инновационный процесс в образовании заключается в изменениях в методах, формах, приёмах, средствах, в содержании образования или в его целях. В России наблюдается процесс активной модернизации системы образования, поэтому особенно актуален вопрос формирования инновационных механизмов развития образования. До сих пор остается спорным вопрос о том, нужна ли вообще такая модернизация российскому образованию. По оценке экспертов, в Советском Союзе была создана система образования, которая до сих пор по многим показателям может служить образцом для этих стран [1]. Но нельзя забывать о том, что главная задача образования – подготовка высококвалифицированных специалистов для различных областей промышленности. Таким образом, речь должна идти об опережающем по отношению к другим системам образования инновационном развитии. С целью выявления отношения населения к реформам образования в России был проведен опрос студентов 2-4 курсов Института права, экономики и управления Тюменского Государственного Университета. Данная категория опрошиваемых была выбрана не случайно: именно их мнение необходимо учитывать в отношении реформирования системы образования, некоторых аспектов учебной деятельности, так как студенты – непосредственные, активные участники процесса образования. Это та категория людей, от которых зависит качество образования, это будущие высококвалифицированные специалисты. Нами был разработан специальный инструментарий (анкета), с помощью которого можно выявить отношение студентов к инновациям в современном образовании. В результате, был сделан вывод о том, что студенчество в своём большинстве не поддерживает последние реформ в данной области, не осведомлены о предстоящих реформах, но в целом наблюдается общая удовлетворённость функционированием современной системы образования в России.

Литература

1. Кузьменко Н. Е., Лунин В. В., Рыжова О. Н. О модернизации образования в России. http://www.portalus.ru/modules/shkola/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1193321840&archive=1196814959&startfrom=&ucat=&
2. Лазарев В. С. понятие педагогической и инновационной системы школы/ В. С. Лазарев// Сельская школа. - 2003. - № 1. – с 4-9.

3. Рапацевич Е. С. Педагогика. Большая современная энциклопедия/Е. С. Рапацевич.- Минск: Современное слово. - 2005.- 368 с.

4. Слостёнин В. А. Педагогика/ В. А. Слостёнин. - М.: Школа-Пресс, 2000 г.- 512 с.

**СПЕЦИФИКА УПРАВЛЕНИЯ ВОЛОНТЕРАМИ МАССОВЫХ
КУЛЬТУРНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ (НА ПРИМЕРЕ САНКТ-
ПЕТЕРБУРГСКОГО МЕЖДУНАРОДНОГО
КИНОФЕСТИВАЛЯ)**

Крекшина М.Ю. (Санкт-Петербург)

На данный момент в Санкт-Петербурге проводится большое количество массовых культурных мероприятий, в которых участвуют множество волонтеров. Но почему молодые люди стремятся участвовать в таких мероприятиях, что их на это побуждает, и как грамотно управлять волонтерами, ответы на эти актуальные вопросы я постараюсь представить в своей работе. Мое исследование будет основываться как на теориях таких знаменитых французских социологов как: Мишель Крозье и его концепции управления, Пьер Бурдьё и его структурный конструктивизм, так и на полученных мною, эмпирическим путем, данных. Французский социологический подход к исследованию управления характеризуется тем, что центральным понятием является «социальный актор», то есть активный деятель. Социология акторов зародилась во Франции в XX веке, одним из ее представителей являлся Мишель Крозье. Его концепция управления является акторо-ориентированной: социальные акторы, исходя из личных целей и осознания необходимости достижения общеорганизационных целей, вступают в социальные действия и взаимодействия, которые проявляются во многом в игровой форме. Этот процесс включает в себя организацию, контроль, координацию процесса достижения поставленных целей. Социальная солидарность акторов в управлении позволяет достигать эффективной работы, а также удовлетворять личные потребности. Опираясь на эту теорию, можно сказать, что объект моего исследования - волонтеры, являются социальными акторами, которые без всякой оплаты за свой труд помогали организовывать Санкт-Петербургский международный кинофестиваль. Я предлагала волонтерам анкету, состоящую из открытых вопросов, где они могли полностью выразить свои мысли. По данным полученным

анкетированием, я выявила, что средний возраст волонтеров – это 19,5 лет. Также можно сказать, что участвующие в данном мероприятии в общей массе студенты разнообразных специальностей, в основном нетехнических. Например: экономисты, лингвисты, специалисты по международным отношениям, менеджеры, юристы и другие. Также в исследовании я представлю результаты интервью с куратором волонтеров, которая рассказала мне об организации работы волонтеров и немало о самом фестивале.

КОНЦЕПЦИИ УПРАВЛЕНИЯ ИННОВАЦИОННЫМИ ИЗМЕНЕНИЯМИ В БРИТАНСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Кузнецова К.А. (Саратов)

Инновационный путь развития современного российского общества продекларирован на высшем государственном уровне как магистральный и даже единственно возможный в условиях усиливающейся международной конкуренции. В этих условиях ставка делается, в частности, на институциональную адаптивность концептуальных моделей инновационного управления отдельных развитых стран в аспектах их содержания, системной организации и исторического опыта [1, с. 1]. В рамках развития сравнительных исследований представляется целесообразным историко-социологический анализ концепций управления инновационными изменениями, сформировавшихся в британской социологии. Такого рода анализ, на наш взгляд, позволяет особым образом заострить проблемный характер целого ряда социальных и исторических явлений, связанных с инновациями и изменениями, в особом ракурсе социологии управления. В британской научной традиции социального управления, восходящей к XVII веку, английский термин «innovation» изначально имеет довольно широкий спектр значений и рассматривается, в общем смысле, как важное управленческое приложение теоретических и практических знаний, приводящее к успеху в различных сферах общественной жизни [2, р. 110]. Вместе с тем, английские исследователи П. Томпсон и Д. Мак-Хью полагают, что время начала формирования современного типа инновационного управления – начало XX века [3, р. 23]. В этот период концепции управления инновационными изменениями в британской социологии исторически формируются в контексте классических исследований феноменов менеджмента и организаций. В исследованиях М. Буравого, Дж. Вудворта, С. Клегга и Д.

Данкерли, Э. Петтигрю, Дж. Пфеффера, Х. Хэрриса, Р. Эдвардса было установлено, что эти феномены представляют собой неотъемлемую часть инновационной деятельности и становятся самостоятельным фактором фундаментальных общественных изменений. По мнению экспертов, эти исследования носили в большей степени поисковый характер и осуществлялись по многим теоретическим направлениям: они охватили большое число различных и часто изолированных друг от друга уровней и стилей анализа. Вместе с тем, возрастающий интерес ученых к поиску инновационных решений в различных сферах жизнедеятельности социума привел к развитию взаимосвязанных управленческих концепций, интегрирующих функции инновационного менеджмента в современном обществе [4, р. 91-92]. Поворот к современной исследовательской парадигме управления инновационными изменениями в британской социологии произошел в связи с результатами эксперимента, осуществленного учеными Манчестерского университета. В числе основных задач эксперимента ставилась проверка гипотезы: приведет ли к повышению эффективности производства внедрение организационных и технологических нововведений или, наоборот, повлечет за собой негативные последствия, снизит эффект ранее внедренных и прижившихся форм организации труда. Посредством полевых методов исследования трудовых отношений на уровне конкретного предприятия, ученые пытались найти объяснение тому, как взаимосвязаны новые технологии и организационные структуры, инновационная политика и стратегии управления [5, р. 161]. Манчестерские исследования значительно повлияли на концептуальное осмысление практик управления инновационным потенциалом организации. Получили развитие и новые теоретические направления, в фокусе которых находится организационная культура, специфически детерминирующая процесс управления инновационными изменениями. Для авторов, работающих в русле данного подхода, организационная культура является отражением формальных корпоративных ценностей и способов инновационной деятельности. Именно эти свойства организации как социального института признаются культурными и являются объектом управления [6, р. 71]. Известный английский исследователь истории социологии менеджмента М. Рид, обобщая существующие в мировой практике концепции управления инновационными изменениями, отмечает [7, р. 373], что сложившаяся в этой области британская традиция стимулировала

дальнейший рост исследовательского интереса к социологической концептуализации различных управленческих аспектов процесса реализации новых идей и знаний с целью их практического использования. Сформировавшиеся на ее основе концептуальные модели изменили организационные и управленческие императивы этого процесса и, как следствие, затронули внутреннюю логику инновационного менеджмента и трансформацию его институтов.

ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ В ОБЛАСТИ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ

Куликова О.В. (Белгород)

Проблема изучения адаптации сотрудников к профессиональной деятельности в организации в последнее время приобретает все большую актуальность в России. Большинство современных организаций направляет огромное количество средств на развитие своего персонала, так как именно квалифицированные и опытные специалисты являются одним из основных слагаемых успеха организации. Адаптация молодых специалистов является элементом системы управления персоналом и влияет на повышение конкурентоспособности организации [2]. Учитывая современную ситуацию, необходимо в короткий срок помочь молодым людям сформировать готовность решать задачи в непростых ситуациях, иногда в условиях неопределенности. Требования, предъявляемые к молодому специалисту, высокие, поэтому только знаний по выбранной специальности бывает недостаточно. Каждое предприятие должно быть заинтересовано не только в эффективной работе своих сотрудников, но и в постоянном карьерном росте наиболее способных из них. В свою очередь, карьерная перспектива является важнейшим стимулом для повышения качества труда самих работников. Обновление кадрового состава, наряду с его переподготовкой становится одним из показателей внутренней стабильности предприятия. Поэтому обучение персонала в современных условиях становится существенным фактором социально-экономического развития страны. Оно дает возможность молодому специалисту приобретать способность самоопределяться в сложных ситуациях, активно участвовать в создании новых экономических, культурных ценностей, вырабатывать способность к экономическим преобразованиям и социальным переменам. Основой проектирования современного образовательного процесса в сфере

профессионального образования, является группа методологических подходов, доказавших свою эффективность с точки зрения решения системных задач развития общества и института образования: системный, деятельностный, личностно-ориентированный. В то же время, важнейшей характеристикой развития научного знания является его интеграция, и в этой связи к числу перспективных можно отнести комплексный, синергетический и компетентностный подходы. Широкое использование в последнее время компетентностного подхода продиктовано и тем, что современные условия предъявляют к специалистам требования, недостаточно учтенные в процессе подготовки в вузах. Эти новые требования не связаны жестко с той или иной дисциплиной или предметом, они носят надпредметный характер, отличаются универсальностью. Работодатели наряду с профессиональными знаниями и умениями сегодня ценят новые способности, касающиеся общения и умения работать в команде, творческого подхода, способности предвидеть события, находчивости, умения постоянно учиться и адаптироваться к переменам, деловитости, ответственности и организованности. Сегодня необходима подготовка специалиста с определенным набором ключевых компетенций личности, способной успешно адаптироваться к постоянно меняющимся условиям деятельности. На основании этого можно говорить о складывающейся концепции компетенции, которая начинает играть существенную роль в решении вопросов внутрифирменного образования и становления современного специалиста. Таким образом, потребность в разработке технологии обучения молодых специалистов с тем, чтобы ее результатом стало формирование специалиста, способного успешно адаптироваться к постоянно меняющимся условиям деятельности и приобретать необходимые ключевые компетенции позволило нам сформулировать цель нашего исследования. По мнению М.А. Гулиной, адаптация – это интегративный показатель состояния человека, отражающий его возможности выполнять определенные биосоциальные функции, а именно: - адекватное восприятие окружающей действительности и собственного организма; - адекватная система отношений и общения с окружающими, способность к труду, обучению, к организации досуга и отдыха; - изменчивость (адаптивность) поведения в соответствии с ролевыми ожиданиями других [1]. Трудовая адаптация как социальный процесс связана с профессиональным и социальным приспособлением молодого специалиста к требованиям трудовой организации. Иными словами, осваивая профессиональную сферу своей жизни, молодой

специалист проходит через два уровня адаптации, то есть можно выделить такие направления, как профессиональная адаптация и социальная адаптация молодого специалиста. При поступлении на работу у каждого человека уже имеются цели и ценностные ориентации поведения, что позволяет молодому специалисту сформировать и свои требования к организации. В данном случае во избежание определенных проблем на пути адаптации необходимо согласовать свою индивидуальную позицию с целями и задачами трудовой организации. Реализация требований между работником и организацией ведут к их совместному взаимодействию, приспособлению друг к другу. Профессиональная адаптация предполагает наличие профессиональных знаний, навыков, умений, способствующих развитию определенного отношения работника к выбранной профессии. Ситуативная адаптация может время от времени возникать в любой профессиональной деятельности, коренное изменение профессиональной среды, как правило, ведет к вторичной профессиональной адаптации человека. Межличностные отношения, групповые нормы и ценности, выбранный стиль руководства, материальное стимулирование работников и другие характеристики трудовой организации тесно связаны с социально-психологической адаптацией молодых специалистов. Социально-психологическая адаптация работника предполагает получение последним информации о трудовой организации. Это и система деловых и личных взаимоотношений в группе, информация о ее лидерах, нормы и ценности организации, позиции отдельных членов группы и т.д. Социально-психологическая адаптация – это достаточно длительный и сложный, а в некоторых случаях еще и болезненный процесс, что обусловлено отказом от привычного, изменением повеления и преодолением различного рода затруднений. Руководители организаций должны уделять определенное внимание новым сотрудникам, чтобы процесс их психологической адаптации, протекал успешно. Удовлетворение профессией и работой, взаимоотношения с сослуживцами, отсутствие желания сменить работу являются показателем того, что работник успешно прошел стадии адаптации. Таким образом, если в результате адаптационного процесса, организация в кратчайшие сроки получает высокомотивированных сотрудников, работающих на стабильный результат, то процесс адаптации сотрудников в данной организации действительно эффективен.

Литература

1. Володина Н.В. Адаптация персонала. Российский опыт построения комплексной системы / Н.В. Володина. – Изд-во «ЭКСМО», 2008. – 127 с.

2. Егоршин А.П. Управление персоналом: учебник для вузов / А.П. Егоршин, 5-е изд., доп и перераб. – Н. Новгород: НИМБ, 2005. – 720 с.

КОНКУРЕНТОСПОСОБНАЯ ЛИЧНОСТЬ В ИННОВАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ.

Куркина А.В. (Курск)

В условиях интенсивных преобразований, происходящих в российском обществе, исследование факторов инновационной среды, места в ней личности, а также изучение возможных качественных преобразований самой личности, на наш взгляд, является весьма актуальным. Прежде всего, внешняя среда, воздействующая на индивида - огромный культурный опыт, накопленный человеческим обществом. Только усвоив опыт предшествующих поколений, приобретя свой собственный, человек становится конкретной личностью. В основе прогресса человечества лежит образованность и инициативность членов общества, именно от этого зависит социально-экономическое процветание государства. Если общество способно каждому своему члену дать образование и возможность проявить инициативу, преуспеть в стремительно меняющемся мире - значит это общество само по себе инновационное, что подчеркивает необходимость создания достаточных условий для формирования конкурентоспособной личности. Необходимо заметить, что среда оказывается существенным условием развития личности; в то же время под влиянием деятельности человека среда изменяется и сама. Поэтому проблемы взаимоотношений человека и среды рассматриваются в рамках различных научных дисциплин и направлений (философия, социология, психология, социальная экология, педагогика, и др.). Правящей элите современного российского государства, вступающего на путь инновационного развития, необходимо учитывать, что общество может лишь тогда называться инновационным, когда инновации станут базовым элементом функционирования всех компонентов системы хозяйствования: формирования структуры производства и его технической базы; совершенствования систем управления и развития

человеческого фактора производства. Только в таком случае возможен переход от инноваций как фрагментарного явления в российской экономике к инновационному пути ее развития. У России «сейчас имеется уникальный шанс: используя созданные в предыдущие годы предпосылки, благоприятную международную конъюнктуру, твердо встать на путь модернизации страны, причем не только в сфере производства, но и во всех сферах - политической, экономической, социальной. Ключевые направления этой работы - образование, инновации, здравоохранение, управление и, наконец, преодоление бедности в стране, борьба с засильем бюрократии и коррупцией». В современном глобализирующемся инновационно ориентированном обществе стоит обратить внимание на повсеместно и порой безграмотно вводимые новшества, последствия которые нередко недооценивают. Следует учитывать устоявшиеся в обществе традиции. Каждая новая традиция первоначально выступает как инновационное действие, и именно путем апробирования инноваций коллективным опытом та или иная из них может войти в число традиций. Вместе с тем по всему ходу развития человечества должно сохраняться определенное соотношение между традиционным и инновационным, и только такое сочетание дает возможным обществу и сохраняться в своей самобытности, и приспосабливаться к изменяющимся условиям жизни. Инновация только тогда приживается в социуме, когда вписывается в систему имеющихся значений социокультурного опыта, согласуется с имеющейся традицией или порождает новую традицию. Конкурентоспособной личности необходимо грамотно оценивать существующую социокультурную среду, противоречивость которой обуславливается погоней за безмерно вводимыми инновациями и недооцениванием складывающихся веками традиций. В противном случае общество окунется в коммерциализацию и потеряет свою самобытность. Российской инновационной модели общества безусловно необходимо ориентироваться как на международные стандарты, так и на передовые западные технологии, однако не рационально заниматься «слепым» копированием - отечественную инновационную систему следует выстраивать в первую очередь в духе преемственности лучших традиций российских технологий и качества, возрождения научного прогресса отечественной науки во всех областях, включая самые современные и наукоемкие. Поток социальных инноваций затрудняет социальную адаптацию человека, вынужденного постоянно переживать состояние стресса, обусловленного разрывом с традициями, с привычными нормативно-ценностными установками.

Оборот ценностей, происходящий сегодня быстрее, чем когда-либо в истории, ставит человека в ситуацию перманентного выбора во всех сферах его жизнедеятельности. В то же время проблема выбора осложняется доминированием массовой культуры, навязывающей человеку с помощью современных информационных технологий ценности общества массового потребления. Инновационное общество выдвигает такие новые требования к самоактуализации человека, как способность к постоянной мобильности, выражающейся в перемене места жительства, в смене профессии, постоянном повышении квалификации, коммуникативной компетентности, в овладении языками. Ключевыми характеристиками конкурентоспособной личности в инновационном обществе считаются готовность жить и работать в условиях повседневного риска, способность адекватно оценивать ситуацию, принимать самостоятельные решения при отсутствии их алгоритмов. Особое значение приобретает умение индивида управлять глобальными информационными потоками в ускоряющемся процессе социальных инноваций, способствующее успешной вертикальной мобильности личности в социальной иерархии. Современные специалисты должны отличаться новым, инновационным мышлением, то есть наличием не только знаний общего и специального характера, но и способностью оперативного реагирования на возникшую проблему с использованием новейших инновационных, творческих подходов. Инновационное мышление - новый формат современного мышления, важнейший элемент современного производства, требующего высокоинтеллектуальных знаний и творчества. Социолог и футуролог Дж. Нейсбит в работе «Высокая технология -глубокая гуманность?» определяет, что конкурентоспособному специалисту в современном инновационном обществе необходимо обладать способностью «принять технологию, которая сохраняет нашу человечность, и отвергнуть технологию, которая грубо в нее вторгается». [54, с.18] Следует отметить, что инновации, как и любой творческий продукт по своей природе амбивалентны, то есть могут иметь как конструктивное, так и деструктивное значение для общества. Инновации в коррупционной сфере, в нелегальной экономике, терроризме, мафиозных структурах несут лишь разрушительные моменты, поэтому конкурентоспособной личности необходимо обладать устоявшейся системой ценностных ориентаций и действовать в направлении гуманизации общества при введении и одобрении новаций. Идеал всесторонне развитой, гармоничной личности вытесняется

прагматичным характером процесса самоактуализации, то есть его вектор направлен на развитие лишь тех способностей и потенций человека, на которые есть запрос общества. В этих условиях переживаниям индивидом ответственности за принятие решений, действия необходимо стать его главным жизненным императивом, а гуманитарная значимость его инновационной деятельности - приоритетной для общества. Осмысление человеком социальных ценностей является одним из аксиологических аспектов процесса самоактуализации в инновационном обществе.

Литература

1. Горбачев М.С. Как распорядиться властью // РГ. 2008. 4 марта. С. 2

ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ УПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННЫМИ ИННОВАЦИЯМИ

Курлов А.Б. (Уфа)

Современное понимание сути социального управления существенно отличается от первоначальных представлений о нём. Теперь оно, прежде всего, подразумевает универсальный характер процедур, ориентированных на управление проблемами ценностного плана, которые обусловлены обширной социальной синергией. При этом, «ценности разнообразны как формы облаков» [см.: 1, С. 360]. Поэтому, стремление субъекта управления к формированию строгих линейных связей с объектом нивелирует это разнообразие, по сути, разрушая основания его социальности, девальвируя потенциал объекта инновационного развития. Теперь обратимся непосредственно к поставленной проблеме. Возможно ли управление инновациями? Очевидно, ответ на этот вопрос зависит от того насколько предсказуемо проявление инноваций. Если их возникновение стохастично, то управлять ими невозможно, но, если их развитие регулятивно, то инновации вполне управляемы, ибо появляется возможность изменения факторов их фундации. Казалось бы, что ответ на этот вопрос прост: поскольку инновации выражены в вещной форме, то они вполне управляемы. Однако не все так просто. Дело в том, что возможными инновации делает субъектное творчество, а оно, по сути, процесс во многом стихийный. Поэтому, традиционное экстраполяционное прогнозирование, в этом случае, оказывается неэффективным в силу того, что мы не можем

предсказать возможные качественные изменения (инновации), которые порой задают совершенно новые порядки в развитии социального объекта (объекта управления). В то же время было бы неправильно абсолютизировать стихийность в творчестве и переносить ее на весь инновационный процесс. На самом деле, прежде чем творчество станет инновацией, то есть превратится в вещь, – оно претерпевает иные метаморфозы. Результатом творчества является открытие, которое никогда не имеет вещных форм. Инновации же существуют лишь в качестве прикладных аспектов открытия. Поэтому между открытием и инновацией возникает разрыв, ибо не всякое открытие становится инновацией. Но любое открытие обладает собственной ценностью, так как углубляет наше понимание мира. В то же время любая инновация социально значима лишь постольку, поскольку она способна изменить мир. Следовательно, будучи прямым порождением творчества, открытие стихийно, случайно, неуправляемо. Но инновация, будучи следствием открытия, существует иначе. В разрыв между открытием и инновацией входит субъектный замысел, возникающий в силу осознания человеком некоей ценности, благодаря которому открытие и имплицитно свои возможные практические (вещные) следствия. Именно поэтому управление инновациями становится возможным, т.к. они тесно связаны с ценностями и мотивами преобразующей деятельности человека. В связи с этим актуализируется антропоориентированный подход к данной проблеме. Его суть состоит в том, что управляемость процесса инновационной деятельности всецело обусловлена возможностями согласования разнонаправленных интересов и целей людей на основе определенной системы социальных ценностей. По сути, речь идет об идеологии, способной консолидировать усилия людей в рамках рассматриваемого процесса. Последняя предстает в форме системной целостности – {цель + технология целедостижения}, благодаря которой инновационная деятельность и обретает аттрактивность, определяя, в какие формы инноваций будут «отлиты» результаты тех или иных открытий. При этом указанное определение целей (и ценностей) отнюдь не должно являться прерогативой властных субъектов, ибо управление инновациями, оставаясь открытым (не зарегулированным) процессом, не приемлет директивных техник менеджмента, в основе которых лежит все та же экстраполяционная схема, построенная исключительно на линейных связях. В противном случае, утрачивается обратная связь с многочисленными проявлениями последствий внедрения инноваций, что уже сейчас

приводит нашу социальность к целому ряду деструктивных системных эффектов. О. Тоффлер в свое время отметил, что стремясь «...предотвратить шок от столкновения с будущим...мы не можем позволить себе непродуманных решений...» В противном случае «...это означает, совершить коллективное самоубийство» [см.: 2, С.55-56]. В силу этого, стратегическое управление инновационным процессом должно быть реализовано отнюдь не субъектами власти, а экспертами, способными создать научно обоснованные модели развития новых форм консолидации деятельности людей на основе социально значимых ценностей. Дело в том, что механизм стратегического управления инновациями чрезвычайно сложен, что предполагает использование принципов социальной самоорганизации при прогнозном определении результатов инновационной деятельности. В этих условиях и кульминируется роль экспертизы, как главного инструмента при создании рассматриваемых управленческих стратегий. Экспертный взгляд на процесс самоорганизации метаморфозно изменяющейся российской социальности чрезвычайно актуален именно сегодня. Он, в первом приближении, показывает, что под осцилляторами следует понимать различные формы и порядки не всегда четко структурированных современных социальных практик; под аттракторами – инновационную деятельность. В этой системе детерминированного хаоса аттракторы неизбежно ведут к целям – инновациям [подробнее об этом см.: 3, С.11-62]. Спектр последних чрезвычайно разнообразен в силу отсутствия базовой социальной идеологии, что и обуславливает безграничный горизонт этих целей. Поэтому, российская социальность «обречена» на хаотичные инновационные изменения, и в этом смысле неуправляема. Но, управление инновациями, в данной ситуации, возможно в ином формате, – оно может быть реализовано через социальные ценности. При этом, аксиологические установки будут действовать как модуляторы, «разрешая» те инновации, которые соответствуют наличным социальным приоритетам и, «запрещая» иные. Если базовым ценностным параметром является, например, «потребление», то соответственно будут реализовываться те инновации, которые соответствуют этой социальной преференции. В конечном счете, социальная действительность это проекция внутренней природы человека, как существа способного оценивать и преобразовывать этот мир. Инновационная деятельность и инновации становятся орудиями этого преобразования. Надо в то же время ясно понимать что, изменяя реальность человек изменяет и свои ценностные

приоритеты. В скором времени эти изменения примут необратимый характер и направление инноваций, внедряемых в структуры нашей социальности, будут все в большей степени определять ценностный, а, следовательно, и социально-деятельностный облик нашего общества. И если наше будущее нам не безразлично, мы должны прилагать максимум усилий к планированию потока социальных нововведений и управлению инновационной деятельностью на основе социально значимых ценностных ориентиров.

Литература

1. Дьюи. Дж. Либерализм и социальные действия.// О свободе. Антология мировой либеральной мысли.- М.: Традиция, 2000.- С.331-384.
2. Тоффлер Э. Шок будущего / Э. Тоффлер.- М.: ООО «Издательство АСТ», 2002.- 558 с.
3. Курлов А.Б. Основы информационной аналитики./ А.Б.Курлов, В.К.Петров.- М.: «Юрист», 2009.- 350 с.

ПРОГРАММНО-ЦЕЛЕВОЙ МЕТОД КАК МЕХАНИЗМ УПРАВЛЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКОЙ

Лазуренко Н.В., Подпоринова Н.Н. (Белгород)

Социальное проектирование это процесс создания прототипа, прообраза социальных объектов, социальных качеств, социальных процессов и отношений. Это звено социально-управленческого цикла, представляющее собой социальную технологию (комплекс взаимосвязанных операций), нацеленную на диагностику актуальных и перспективных социально значимых проблем, выработку вариантов образцов решений, таких проблем совместно с механизмом обеспечения согласованных действий по их реализации [1,22]. Разработка и реализация проектов выступает как элемент стратегии «управления при помощи проектов». В регионах, как правило, такая управленческая стратегия реализуется через целевые программы. Так, например, в Белгородской области принято Постановление правительства Белгородской области от 31 мая 2010 г. №202-пп «Об утверждении положения об управлении проектами в органах исполнительной власти и государственных органах Белгородской области». Положение применяется для управления проектами, направленными на достижения целей, определенных Стратегией социально-экономического развития Белгородской

области на период до 2025 года, областными целевыми программами, правовыми актами Губернатора и правительства области, поручениями Губернатора области. Положением предусматривается порядок формирования организационной структуры проекта, порядок управления проектами, организационное сопровождение и мониторинг проекта. Программа (греч. *programma* – объявление, предписание) – способ пошаговой (позапной) организации деятельности по развертыванию какого-либо содержания, а также по организации и реализации познавательных (исследовательских) содержаний и процедур. Конечная цель, которую призвана реализовать программа, всегда формулируется как возможная, желательная, должная, соотносимая с каким-либо идеалом, предполагающая вариативные пути своего достижения и не содержащая изначальных гарантий своей реализуемости [2]. Целевые программы в механизме реализации государственной социальной политики органично дополняют в качестве ее инструмента законы и оперативно-управленческую деятельность государственных органов. Особенность этого механизма состоит в том, что его действие направлено на решение проблемы в той или иной области экономики или социальной сферы путем перевода проблемы в плоскость конкретных управленческих задач. Они обеспечивают осуществление программно-целевого подхода в законотворческой и управленческой деятельности. Реализация программно-целевого подхода в региональной семейной политике предполагает наличие концептуальной основы для его разработки. Концепция семейной политики по своей сути есть система идей, взглядов, представлений, определяющая границы правового и идеологического пространства, в рамках которого могут формироваться программные документы по вопросам рождаемости и поддержки семьи, здоровья и продолжительности жизни и иных направлений государственного регулирования социальной сферы. Социальная политика государства, направленная на оказание помощи семье в выполнении своих важнейших функций, предполагает первоначальное определение критериев, позволяющих установить круг семей, нуждающихся в такой помощи. Это означает, прежде всего, реализацию принципа адресности социальной помощи и поддержки. Для эффективной реализации семейно-демографической политики сегодня используется программно-целевой метод, который позволит организовать комплексную профилактическую работу с семьями, находящимися на ранней стадии социального неблагополучия, объединить усилия и возможности всех заинтересованных ведомств и

структур для оказания эффективной помощи семье. Программно-целевой метод позволяет более эффективно использовать финансовые ресурсы, сконцентрировав их на решении приоритетных задач, обеспечить взаимосвязь между проводимыми мероприятиями и результатами их выполнения. На современном этапе в рамках реализации региональной семейно-демографической политики определены пять основных направлений деятельности органов и учреждений системы социальной защиты населения по предупреждению семейного неблагополучия и социального сиротства. Это: оказание своевременной комплексной социальной поддержки семьи на ранних этапах проявления семейного неблагополучия; раннее выявление и оказание своевременной эффективной помощи женщинам, имеющим намерение отказаться от ребенка; формирование системы предупреждения нарушений прав несовершеннолетних и жестокого обращения с ними; содействие в преодолении изолированности семей, воспитывающих детей-инвалидов, оказание комплексной социальной поддержки; организации системы активной поддержки родителей в воспитании и развитии детей, укрепление их родительской роли, совершенствование просветительской и образовательной работы с родителями. Семейная политика формируется как единство государственной концепции семейной политики, федерального законодательства, регулирующего правовые, экономические и социальные аспекты деятельности семьи, и региональной системы реализации основных направлений семейной политики. Семейная политика – это реализация обратной связи между конкретной семьей и органами государственной власти. В этой связи чрезвычайную важность приобретает формирование семейной политики на уровне региона. Реализация задач политики в этом направлении невозможна без конкретной работы, направленной на улучшение деятельности семьи как социального института. Разделение полномочий между федеральными и местными уровнями власти позволяет решить многие проблемы семейной политики в Российской Федерации. Указ Президента РФ «Об основных положениях региональной политики в Российской Федерации» от 3 июня 1996 г. № 803 предусматривает правовые разграничения полномочий и ответственности между органами власти на федеральном, региональном и местном уровнях. Региональная семейная политика призвана обеспечить защиту прав и интересов семьи на основе федеральных законов, создание условий для ее функционирования. В условиях социально-экономического кризиса важнейшая задача региональной политики состоит в

реализации дополнительных мер поддержки семей. Создаются свои целевые программы и концепции семейной политики. Региональные программы в области семейной политики направлены на: социальную поддержку семей; систему семейных форм жизнеустройства детей сирот и детей, оставшихся без попечения родителей; жилищную политика; деятельность общественных организаций; освещение семейной демографической политики в СМИ.

Литература

1. Прогнозное социальное проектирование: Теоретико-методологические и методические проблемы: учебн. пособие для вузов по спец. «Социология», «Социология управления» / Отв ред Т.М. Друидзе- М.: Наука, 1994
2. Яценко, Н.Е. Толковый словарь обществоведческих терминов / Н.Е. Яценко. – СПб.: Нева, 1999

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ВЫПУСКНИКОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВУЗА

Лесина Л.А. (Екатеринбург)

Термин «инновационный потенциал» чаще всего используется по отношению к промышленным и коммерческим предприятиям. Однако возрастающая сегодня сложность культурно-исторической ситуации, сама социодинамика культуры, «непрерывно меняющей свои ценности и нормы», неизмеримо повышают значимость активных личностей в современном образовании. Субъектность в образовании как социальном институте неразрывно связана с инерционными процессами. С одной стороны, инерционность образования (некоторые авторы употребляют термин «консервативность») обусловлена его социокультурной функцией, реализуемой посредством передачи устойчивых форм социального опыта от поколения к поколению и формирования традиционной системы ценностей. С другой стороны, образование подчинено непрерывным процессам изменения структуры, функций, поэтому нуждается в активных личностях, способных преодолеть пассивность, излишнюю инерционность и запаздывающий характер развития системы образования. Более или менее значительные изменения в образовании, трансформация его содержания и качества осуществляются в форме накопления и видоизменения различных

инноваций, инициатив в образовательном пространстве. Поэтому существенным элементом развития системы образования является инновационная деятельность педагогов, степень их активности в определении и формировании актуальных смыслов и ценностей реального образовательного пространства (новых социально-педагогических, психологических, социокультурных идей и т.д.), в поиске наиболее эффективных форм и методов образовательной деятельности, опробовании новых методик и технологий обучения. Весьма важным представляется изучение инновационного потенциала выпускников педагогического вуза – будущих учителей, активных субъектов инновационной деятельности. Исходной является идея К.Манхейма о молодежи как скрытом ресурсе развития. Инновационный потенциал педагога понимается нами как совокупность социокультурных и творческих характеристик личности, определяющих готовность совершенствовать образовательную деятельность и наличие обеспечивающих эту готовность качеств, умений, навыков, а также средств и методов. Позитивные оценки собственных качеств, знаний и навыков, подготовленности к инновационной деятельности распределяются весьма неравномерно, что свидетельствует о некоторой эклектичности ориентаций, разбросанности интересов, хаотичности целей, поведения, оценок студентов-выпускников педвуза (в качестве объекта исследования были выбраны студенты Уральского государственного педагогического университета). Как студенты оценивают собственный инновационный потенциал и умения его реализовать? По мнению студентов, значимыми профессиональными качествами, формирующими педагога, являются фундаментальные знания по предмету, умение планировать и оценивать результаты своей деятельности, методическая подготовка, умение определять собственную стратегию преподавания и навыки управления группой. Последние места в ранжированном ряду занимают навыки диагностики и коррекции индивидуального развития обучаемого, умение принять решение в ситуации неопределенности; умение творчески пользоваться специальной и справочной литературой также занимает невысокие позиции. Между тем, современные исследователи рассматривают самообразование как вид деятельности, без которого педагог не может состояться как профессионал. Кроме того, без регулярной работы с научной литературой, без анализа теоретических изысканий и результатов новейших экспериментальных исследований невозможно использовать инновации в образовательной деятельности. В

приоритетную группу качеств, которые оцениваются студентами как «достаточно развитые», вошли следующие: методическая подготовка, умение планировать и оценивать результаты своей педагогической деятельности, далее следует овладение навыками рефлексивного мышления. Анализ собственного стиля мышления, взаимодействия чрезвычайно полезен любому педагогу. Для его проведения необходимо хотя бы в общих чертах владеть навыками самоанализа и понимать основные особенности своей личности. В то же время, значительно более низкую оценку получил «инновационный» блок знаний и умений. Так, умение использовать педагогические инновации, формулировать и решать оригинальные обучающие задачи, осуществлять диагностику и коррекцию индивидуального развития детей находят у себя значительно меньшее количество студентов. Лишь 44% опрошенных студентов отметили у себя склонность к активному восприятию инноваций в образовательной деятельности. Треть респондентов полагают, что качество преподавания в педагогическом вузе соответствует лишь частично или вообще не соответствует требованиям времени. Таким образом, цепочка «превращение знания в опыт, а опыт в профессиональную деятельность» на практике реализуется лишь отчасти. Способность к научно-поисковой деятельности и хорошо развитые навыки самостоятельной работы формируются в процессе активной учебной деятельности. Элементом инновационности непосредственно в учебном процессе можно считать участие студентов в различных формах научной работы. Студентов вполне устраивает вовлечение их в пространство научно-исследовательской деятельности кафедр (68% опрошенных), хотя и в большинстве своем студенты не видят возможности внедрить свои научные разработки через инновационные площадки вуза. Лишь 1% опрошенных студентов собираются заняться после окончания педагогического вуза научно-исследовательской деятельностью. Между тем, творчество является неотъемлемой характеристикой педагогического труда. Поэтому важно сформировать у студентов установку в каждом конкретном случае школьной жизни выходить за рамки нормативной деятельности и осуществлять поиск нетрадиционных способов решения учебно-воспитательных проблем. Таким образом, наблюдается явное противоречие между идеальной моделью профессии педагога (исследователь, психолог, новатор) и уровнем реального развития инновационного потенциала, в частности, низкий уровень креативности мышления, неразвитость исследовательского подхода к своей деятельности. В этом

плане показательна иерархия приоритетных форм учебной деятельности. Подавляющее большинство студентов (90% опрошенных) удовлетворены преобладанием традиционных форм обучения над инновационными. Лекции остаются пока важной формой удовлетворения познавательных интересов студенческой молодежи. Результаты исследования позволяют сделать вывод о доминировании пассивности студентов в отношении получения образования, что совершенно не согласуется с существующими, постоянно изменяющимися условиями общественной жизни и личными жизненными обстоятельствами. Лишь небольшая доля студентов реально делает образование своим, лично значимым, присваивает его, реализует на практике различные модели познавательной деятельности и, соответственно, пользуется, рассматривает образовательную деятельность как сферу личностной самореализации.

КОНЦЕПТ «AGENCY» В СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ РАЗВИТИЯ СООБЩЕСТВ

Лыска А.Г. (Харьков, Украина)

Функционирование систем государственного управления и местного самоуправления на современном этапе своего развития предусматривает вовлечение в процессы подготовки, принятия и реализации управленческих решений, контроля за их исполнением различных акторов, которые еще относительно недавно не воспринимались равноправными «традиционным» субъектам управления (органам власти и должностным лицам). Как один из таких акторов активно позиционируется территориальное сообщество. Соответственно, актуализируются вопросы перехода сообществ из состояния объектов управления в состояние субъектов управления, их самодетерминации и освобождения от внешней зависимости, развития сообществ. Актуальность вопросов обобщения наработок в этой области зарубежных исследователей, адаптации соответствующих иностранных моделей к отечественным условиям определяется необходимостью использования передового опыта развитых стран для создания целостной концепции развития территориальных сообществ, разработки и внедрения механизмов развития сообществ в муниципальную практику. В этом контексте наиболее продуктивным представляется обращение к опыту, прежде всего, США, Канады, Австралии и Великобритании, поскольку

именно в этих странах зарождались и внедрялись идея и методы развития общин, накоплен существенный эмпирический материал и получила наиболее детальную разработку соответствующая теория. Следует отметить, что само понятие “развитие сообщества” весьма разнопланово; данный концепт может истолковываться: как процесс, отражая происходящие в сообществе количественные и качественные изменения и акцентируя на социальных и психологических аспектах взаимодействия жителей; как метод достижения поставленной цели, ставя во главу угла итоги деятельности; как программа, представленная набором процедур и перечнем мероприятий (акцент на деятельности); и, наконец, как движение, своеобразная кампания, определяемая пониманием и толкованием населением самой идеи развития сообщества [2, с. 13]. Тем не менее, большинство ученых разделяет мнение, что развитие сообщества характеризуется качественными преобразованиями в экономической, социальной и экологической сферах. На протяжении своей истории, развитие сообщества эволюционировало от незначительного усилия небольшого сообщества организаций, деятельность которых американские исследователи сравнивают с донкихотской борьбой за улучшение условий и качества жизни в нескольких бедных городских районах, к мейнстриму практик и институтов, превратившись, в конце концов, в «... существенный компонент городских политических экономик в США» [5, с. 1]. При этом отмечается, что «теория развития сообществ определяет особый вид социального порядка и особую методологию его достижения» [1, с. 10]. Одним из концептов, который применяется в современной теории развития общин, является «эйдженси» (agency). Непосредственный перевод на русский язык термина agency в контексте трансформационных процессов, происходящих в рамках локальных коллективов, осложняется отсутствием отечественного эквивалента, который смог бы отразить все содержание и объем соответствующего понятия, которые вкладываются в него англоязычными исследователями. В частности, agency можно перевести как: агентство, представительство, орган, организация, учреждение, бюро, функция, фактор, содействие, посредничество, действие, деятельность, отношение, услуги, соглашение, доверенность, договор и др.. Более того, даже среди англоязычных ученых отсутствует однозначная трактовка термина agency, или хотя бы сродный подход к его толкованию. Так, исследователи из Royal Roads University (Канада) Е. Дейл и Дж. Спаркс, анализируя «эйдженси» в контексте устойчивого развития сообществ, прямо указывают, что «Слово «agency» «-

несколько необычный термин» [3, с. 476]. Между тем, этот концепт занимает важное место в методологии развития территориальных сообществ. Подчеркивая роль и значение агенсу, исследователи также определяют его (наряду с обеспечением солидарности) собственно целью развития сообщества [1, с. 10-12, 4, с. 51]. Часто под агенсу понимаются специальные органы, а также должностные лица. То есть «... «агенсу»- существительное; команда или структура людей, выполняющих специфические задачи для специфической цели» [3, с. 476]. Кроме того, агенсу «... может также сослаться на умышленные действия и процессы, приводящие к новому «положению вещей», которые не смогли бы возникнуть иначе. В этом контексте, агенсу - глагол, это - действия индивидуумов и групп, таких как индивидуальные действия, лидерство и движители изменения в общинах. Это люди, которые сплетают членов сообщества и группы вместе, будучи «узлами», сочетающие диалоги в сети» [3, с. 476]. Как подчеркивает Й. Бхаттачария, агенсу - это современный концепт, он связан с концепцией выбора, которая, в свою очередь, является продуктом картины социальных изменений. По мнению ученого, в до-модерных обществах, ни концепция, ни проблема эйдженси, не могли возникнуть, поскольку выбор либо принципиально отсутствовал, или был весьма ограниченным. И только с наступлением модерна человек смог задумываться над выбором профессии, своего места жительства, своей одежды, своей диеты, или даже своей религии. Но, модерн, создав беспрецедентные возможности для выбора и эйдженси, также освободил силы, чтобы аннулировать их. Как подчеркивает Й. Бхаттачария, формирования эйдженси определяет повестку дня для развития сообщества [1, с. 13]. Речь идет о том, что конечной целью и мерилом развития должна быть способность людей упорядочивать свою жизнь, создавать, воспроизводить и изменять окружающую действительность, существовать согласно с собственной системой ценностей, иметь силу определять себя в противоположность тому, чтобы быть определенным другими [1, с. 12]. Таким образом, агенсу в контексте развития сообщества изменяет акцент от понимания процессов развития и самой цели преобразований в сообществе в чисто экономическом, материальном аспектах (что было свойственно на ранних этапах развития соответствующей теории) и приобретает философский смысл, отражая способность сообщества самоопределяться, самоактуализироваться, его способность брать на себя ответственность, формировать свою субъектность.

Литература

1. Bhattacharyya J. Theorizing community development / Jnanabrata Bhattacharyya // Journal of the Community Development Society. – 2004. – Vol. 34, № 2. – P. 5–34.
2. Christenson, J. A. Community Development [Текст] / James A. Christenson, Kim Fendley, Jerry W. Robinson // Community Development in Perspective / edited by James A. Christenson, Jerry W. Robinson. – Ames, IA : Iowa State University Press. – 1989. – P. 3–25.
3. Dale A. The ‘agency’ of sustainable community development / Ann Dale, Jennie Sparkes // Community Development Journal. – 2011. – Vol. 46, № 4. – P. 476–492.
4. Green J. J. Community Development as Social Movement: A Contribution to Models of Practice / John J. Green // Journal of the Community Development Society. – 2008. – Vol. 39, № 1. – P. 50–62.
5. The Community Development Reader / edited by James DeFilippis and Susan Saegert. – New York : Routledge. – 2007. – 360 p.

ТЕРМИНОЛОГИЯ МУНИЦИПАЛЬНОГО ПРАВА КАК ФАКТОР ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГРАЖДАН С ОРГАНАМИ МЕСТНОЙ ВЛАСТИ

Макаров И.И. (Санкт-Петербург)

С 1 января 2006 года на территории Ленинградской области в полной мере начали функционировать органы местного самоуправления муниципальных образований, которые созданы в результате реформы, начатой в 2003 году принятием нового закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Этот Федеральный закон, в отличие от действовавшего прежде закона 1995 года, подробнее и детальнее регламентировал различные аспекты организации и деятельности органов местного самоуправления в России. Одним из главных направлений реформы стали изменения в территориальной организации местного самоуправления. В стране введена двухуровневая система местного самоуправления. Органы местной власти создавались на уровне муниципальных районов и на уровне первичных территориальных единиц, которые получили наименования городских и сельских поселений. В Федеральном законе городское и сельское поселение – это термины, определяемые законодателем первыми в ряду понятий муниципального права. Поселение – это тип муниципального образования, который подразделяется на два вида в зависимости от категории населенных

пунктов, составляющих его основу. Объем полномочий у городского и сельского поселения одинаков. Различия в правовом статусе между городским и сельским поселениями относятся только к структуре органов местного самоуправления, создаваемых в поселениях разного вида; для задач настоящей статьи эти различия не актуальны. В период с 2008 по 2012 год в трех городах, расположенных в восточной части Ленинградской области проведен экспертный опрос о последствиях реформы местного самоуправления, в том числе об изменениях территориальной организации. В качестве экспертов выступали лица, имевшие определенный (как правило, четыре и более лет) опыт работы в органах местного самоуправления или участия в общественной жизни в Тихвине, в Пикалёво и в Бокситогорске. Ряд экспертов высказали мнение об употреблении термина «поселение», который стал своеобразной этикеткой нового территориального устройства местной власти, и о восприятии этого термина местными жителями. Эти эксперты единодушно отмечали крайне неудачный выбор термина и предлагали каким-то образом заменить слово, обозначающее муниципальное образование первичного уровня. При этом неоднократно отмечалась консервативность жителей муниципальных образований в использовании понятий, обозначающих первичные территориальные единицы. «Эффекта особого она не дала, эта реформа. Ну, и как считает сельское население, “сельсовет”, так он и считает. Сельсовет. Слово “поселение” среди населения не прижилось, <...> Особенно в городс[кой], в городской местности, что это “городское поселение” [измененным голосом]. Это среди населения не приживается. Ну, наверное, время нужно, чтобы это прижилось». (И4) Большинство экспертов, упомянувших об этой проблеме, указывают на коннотации, которое вызывает это слово с терминологией уголовно-исполнительного права. Такие коннотации очень устойчивы. «И даже само название, где очень даже обиж[ает], даже просто эмоционально людей оскорбляет слово “поселение”. Это очень неудачно выбрано слово. <...> потому что мы знаем, что на посе[лениях], выселках, на поселениях кто у нас жил, и в царское время, и в былые годы. Вы знаете, что тоже. Поэтому люди считают, что нас приравняли к ссыльным, мы живем в выселках, на поселении. Это очень неудачное слово, конечно, вот в этой системе местного самоуправления». (И3) «Вот, суд идёт: “Вот туда на поселение...”, я говорю: “Никого ссылать не надо – кругом поселения” [смеется]. Ну надо исправляться, всё это, я не знаю чего». (И1) В отдельных, отзывах, не зафиксированных в интервью, новое название вида муниципальных

образований ассоциировалось с аракчеевскими военными поселениями. Нередко введение термина «поселение» воспринимается жителями городов как лишение населенного пункта городского статуса либо как промежуточный этап к такому шагу. В любом случае горожане высказывают настороженность и недоверие к этой терминологической новации. «В Пикалёве очень отрицательно. И особенно население раздражает слово «поселение». Все-таки город Пикалёво и в наши времена, это был город, промышленный город. По возрастному он был моложе, чем город Бокситогорск. По численности – то же самое. И поэтому он всегда был город». (И4) «самолюбие задетое – это как раз, то о чем мы говорили, так. О том, что такое Пикалёво, что, как у нас было озвучено было, значит, “городское поселение”. “Нас превратили в село, поселок и так далее”. Все это очень такой был большой фактор, который ударил по всем жителям. Тяжело конечно было доказывать. Нас обвиняли, в том числе и меня, что “Вы сдали город, вы это самое...”. Ну, мы живем в цивилизованном государстве. Принято решение. Оно выполнялось для всех. Не только по нашей Ленинградской области. Единая система была сделана, так». (И5) Если угодно, негативные коннотации термина «поселение» можно считать серьезным «символическим антиресурсом» власти, который способен вносить ощутимые помехи в коммуникацию властных органов с гражданами. Автору памятен случай, когда в период кризиса в мае 2009 года руководитель рабочей группы администрации Ленинградской области в городе Пикалёво, встречаясь с рабочими на заводской территории, неосторожно употребил слова «Пикалёвское городское поселение», чем вызвал бурный протест со стороны заводчан. Попытки указать на то, что такое название, нравится оно или нет, соответствует законодательству, успеха не имели. Продолжить спокойный разговор с жителями, которые считали себя оскорбленными таким образом, стало практически невозможным. Наблюдается два варианта стратегии избегания термина «поселение». Первый вариант заключается в употреблении прежних дореформенных наименований территориальных единиц, особенно в сельской местности. Второй вариант, который в настоящее время допускается и законодательством – это формулировка такого официального наименования муниципального образования, которое не предусматривает использование дополнительного элемента наименования, указывающего на статус муниципального образования. «Вполне нормальное образование, муниципальное образование там “город Пикалёво” там, муниципальное образование,

не знаю, Анисимово, Большой Двор. <...> Не нравится. Поэтому у нас, слава Богу, в уставе – “муниципальное образование город Пикалево”». (И2) Наименование муниципального образования состоит таким образом из одного индивидуализирующего элемента, который совпадает с наименованием города. Нередко в поисках более приемлемого аналога опрашиваемые эксперты делают попытку апелляции к зарубежному, в частности европейскому опыту. «В законе написали тоже умники там. По-другому надо. У финнов там коммуна, во Франции – коммуна. По-моему, да? А у нас нет, назвали самым худым словом, которое существует на русском языке.» (И1). Почему же вызывающее столь отрицательные эмоции граждан и экспертов слово на протяжении довольно длительного времени после вступления в силу нового федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» продолжает применяться и не подвергается никаким модификациям в отличие от других норм действующего муниципального права? Одна из причин в том, что термин этот не так нов, как думает большинство его критиков. Он как минимум на десять лет старше последнего российского закона «Об общих принципах организации местного самоуправления» и был использован для регулирования муниципально-территориальных отношений авторами действующей российской Конституции, статья 131 которой гласит, что местное самоуправление в России «осуществляется в городских, сельских поселениях и на других территориях с учетом исторических и иных местных традиций». Важная деталь состоит в том, что в Конституции 1993 года и в течение последующих десяти лет правоприменительной практики термин «поселение» понимался и использовался в значении «населенный пункт». Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления» 2003 года растолковал понятия населенного пункта и поселения, зафиксировав последнее в качестве обозначения вида муниципального образования. Этот тонкий юридический нюанс неведом и малоинтересен жителям муниципальных образований. Происходящая подмена понятия статуса населенного пункта понятием статуса муниципального образования может остаться нераспознанной даже исследователем, который профессионально занимается соответствующим кейсом. Результатом сложившейся с употреблением рассматриваемого термина ситуации становится общее снижение эффективности коммуникации властных органов с гражданами. Чиновники и депутаты вынуждены либо дополнительно разъяснять правовые

нюансы существующей территориальной организации местного самоуправления либо пытаться реабилитировать термин с помощью формирования новых положительных коннотаций либо избегать использования термина. Все три варианта повышают временные издержки на коммуникацию, и ни один не может служить гарантией адекватного понимания в ситуации, когда спектр возможных реакций на использованный термин лежит в пределах от недоумевающего равнодушия до агрессивного манипулирования.

ФАКТОРЫ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Малышев В.А. (Санкт-Петербург)

Практические результаты от внедрения или использования инновационных технологий для предприятий РФ являются важнейшим фактором в решении сложных, первостепенных задач. Российские предприятия по-прежнему мало восприимчивы к нововведениям. Технологические возможности производств в основных отраслях экономики (машиностроение, авиа-, судостроение,...) еще в разы уступают передовым зарубежным аналогам. Все это не может сделать наши предприятия высоко конкурентоспособными, производить действительно рентабельную и качественную серийную продукцию, пригодную для отечественного и мирового рынков.

Данная проблема еще сильнее проявляется с вступлением Российской Федерации в ВТО (Всемирная торговая организация). С вступлением в данную организацию наши возможности по защите отечественных производителей от крупных игроков глобального рынка существенно ограничиваются.

Пути преодоления технологического отставания известны: - благоприятные условия для развития инновационных производств и технологий (в т.ч. льготы: налоговые, таможенные, кредитнофинансовые); - подготовка специалистов на базе отечественных и зарубежных научных центров; - создание и кураторство стратегических бизнес-кластеров, бизнес-инкубаторов, малых инновационных фирм (венчурные предприятия); - привлечение зарубежных инвестиций: прямых – виде открытий иностранных фирм и предприятий, и портфельных – в виде соинвестирования передовых рыночных проектов.

Кроме этого, - необходимо сформировать «заинтересованную» в инновациях рыночную среду, чтобы новые разработанные и произведенные товары, технологии и услуги были бы интересны и

выгодны для рыночных агентов, в первую очередь, отечественных; - в силу того, что в РФ остается доминирующим государственный сектор, важно, чтобы потребителями инновационных технологий стали государственные предприятия. Остается повторить слова известного специалиста в этой области П.Друкера о том, что инновации начинаются с анализа имеющегося потенциала с целью его эффективного использования. Тут у нас также есть немалые резервы и возможности.

ТИПЫ ВОЛОНТЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ИННОВАЦИЙ В НЕКОММЕРЧЕСКОЙ СФЕРЕ.

Мезенова И.В. (Санкт-Петербург)

В современной отечественной науке в последнее десятилетие фокус исследований сместился на разработку, внедрение и изучение инноваций в различных секторах жизни индивида. В большей степени это касается политических и экономических сфер. При этом многие институты и практики остаются без должного внимания и изучения. К таковым относится феномен современного волонтерства в России. Под термином «волонтерство» мы понимаем различного рода деятельность, направленную на оказание взаимопомощи и самопомощи, официальное предоставление услуг и другие формы гражданского участия, которая осуществляется добровольно на благо широкой общественности и без расчета на материальное вознаграждение. Для российского общества данный феномен – абсолютно новое явление, но которое начинает стремительно охватывать все слои общества. Несомненно, что наибольшую распространенность оно получило среди молодежи, как способ самореализации и идентификации. Необходимо отметить тот факт, что современное волонтерство становится неотъемлемым институтом общества, новой сферой досуга и элементом коммуникаций. Интересно, что добровольческая деятельность также выступает в качестве социального лифта, дающего человеку возможность динамической мобильности. Остановимся кратко на нескольких специфических типах волонтерства в России. - Волонтеры в детских домах, волонтеры культуры, экологии и здравоохранения. Наиболее распространенные и перенятые с Запада виды волонтерской активности. Именно они выступают неотъемлемой частью формирования третьего некоммерческого

сектора экономики. Данные практики устраняют бреши в социальной политике государства, консолидируют общество и порождают высокие моральные ценности всего общества. - спонсорство компаний. Достаточно распространенный тип неиндивидуального волонтерства, преследующий цели: проявление социальной ответственности бизнеса; скрытая или явная реклама; получение, впоследствии, дотаций от государства; вложение средств в долгосрочную перспективу и другие. - «Наблюдатели». Абсолютно уникальный и новый вид волонтерства, появившийся как результат политической нестабильности государства, а также проявления гражданской активности, ставшей в каком-то роде мейнстримом российского общества. При этом солидарность с «наблюдателями» становится статусной ценностью. - «Вынужденное волонтерство» или фандрайзинг – создание некоммерческих фондов для оказания помощи по сбору средств для лечения детей и взрослых. - Информационные волонтеры, оказывающие различную помощь в интернет – сообществах, блогах, комментариях. С приходом информационного века данный вид деятельности стал очень распространенным. Современный уклад жизни человека ограничивает его face-to-face коммуникацию, заменяя её виртуальным общением. Информационные волонтеры не только передают нужную информацию, но и создают колоссальную социальную сеть индивидов, способную в краткие сроки выйти из виртуального мира в реальный. Известный нам пример – деятельность Навального. - Международные волонтеры. Тенденция последнего десятилетия – глобальные обменные волонтерские программы, привлекающие людей из различных стран, дающие огромные возможности изучения культур и формирования единой коммуникации. Мы выделили несколько типов волонтерства в России, наметив, таким образом, возможные фокусы исследований, так как актуальность данной темы крайне высока. Незрелость и нестабильность добровольчества делают ее наиболее привлекательной проблемой для социологов.

PUBLIC ADMINISTRATION КАК ЭТАП СТАНОВЛЕНИЯ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Меньшикова Г.А. (Санкт-Петербург)

Уже более полутора веков мировая наука активно экспериментирует в поисках системы экономически эффективного и

социально ориентированного государственного управления. Результаты труда ученых воплотились в сотнях написанных книг, тысячах опубликованных статей, они предопределили направления административных реформ, которые прошли по всем без исключения развитым странам. За рубежом принято идентифицировать эти поиски термином «Public Administration», актуализируя, тем самым, два базовых направления государственного реформирования: акцент на действия административного звена (исполнительской ветви) системы (1) и переплетение с интересами населения (2). Представляется, что и для нашей страны термин «Public Administration» точнее отражает суть перемен, чем используемое российскими учеными понятие - «реформы государственного управления». Даже то, что приходится обходиться словами на иностранном языке отражает суть ситуации — наши реформы и содержание научных исследований инициированы зарубежной наукой. Ни государственная система, ни политика (ее лидеры), ни население - не сформировали в общественном сознании актуальности реформ; только глядя на события, происходящие за рубежом, нами осознается целесообразность перемен. Копирование зарубежного опыта является, как представляется, и главным аргументом содержания административных реформ проводимых в стране. Новации не инициировались ходом собственного развития, а были привнесены из-вне. Это прослеживается и в создании института МСУ, и в осуществлении перестройки государственной гражданской службы, и в создании агентств, как формы гос. учреждений, ориентированных на внедрение принципов менеджмента, и во внедрение новой технологии планирования — гос.заказ. Перечисленные тренды реформирования внедряются в практику десятилетиями, проходят длительный период имитации реформ, пока их целесообразность не найдет общественного признания. Представляется, что включение курса «Public Administration» в структуру дисциплин, читаемых на ф-те социология, не просто восполнило пробел в социологическом знании, передаваемом студентам в ходе их обучения, но и отражало социальную миссию факультета, инициирующего инновационные процессы, облегчающего их внедрение в практику. Преподавание курса сопряжено с рядом сложностей, вытекающих из его особенностей. Во-первых, этот курс является мультидисциплинарным, т.е. построен на обобщении знаний, приобретенных различными науками: политологией, менеджментом, социологией и др. Во-вторых, он ориентирован на новейшие достижения этих наук, поскольку именно

они способствуют осмыслению закономерностей современного развития системы государственного управления, что представляет трудность в трансляции знаний. В-третьих, естественной и обязательной его частью является информация о ходе зарубежных исследований и результатов прохождения там административных реформ, что требует и знания иностранных языков, и вхождения в мировую научную сеть (по теме). В-четвертых, чтение его невозможно без описания того, что происходит в нашей стране: какие новации внедряются, как осуществляется этот процесс, какие трудности при этом возникают и какие результаты получены. При этом, представляется, что курс является абсолютно востребованным студентами. Он не просто обеспечивает их профессиональными социологическими знаниями, но и формирует их подготовленность как граждан своей страны. Он учит их с естественной обязательностью принимать участие в управленческих процессах: контролировать (наблюдать) и критиковать действия органов власти, избирать и быть избираемыми, участвовать в формировании статистического мониторинга, сравнивать и оценивать.

СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕНДЫ В ИЗМЕНЕНИИ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ И НОВАЯ РОЛЬ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ

Миронова А.А. (Санкт-Петербург)

Возникновение стратегического планирования как типичной управленческой практики общественного развития стало возможным с момента возникновения т.н. «менеджерального» похода к государственному управлению, который появился в западных странах в форме концепции нового государственного управления (new public management). Период второй половины 1980-х – середины 1990-х гг. называют важной вехой на пути интенсивного поиска оптимальных моделей государственного управления, когда распространилась интернациональная практика «рыночного» реформирования административных систем. В это время административная государственная реорганизация коснулась стран Северной Америки, Европы, Австралии и Азиатско-Тихоокеанского региона, частично Африки, а в начале 2000-х годов идеи «Public administration» стали закрепляться и в России. Реформирование по менеджеральной модели предполагает делегирование ряда функций,

выполняемых государством, рыночным структурам и привлечение в сферу государственного управления свойственных рынку методов, принципов и категорий (конкуренция, расчет затрат, издержки) [1]. Создание системы управления, в которой цели, методы, приоритеты деятельности государственных структур адаптированы к интересам и потребностям гражданина, является метацелью проводимой в нашей стране административной реформы. В России изменение управленческой парадигмы в сторону «Public administration» шло по пути внедрения принципов управления по результатам, которое в российских регионах и городах проходило в рамках бюджетной и административной реформ. Их целью стало повышение эффективности деятельности органов исполнительной власти и управления государственными и муниципальными финансами. Известно, что одной из функций социальной общности является социальное сознание, направленное на то, чтобы индивид мог «наравне с другими участвовать в общем деле» (Р. Дж. Коллингвуд) [2, 142]. Это формирует общее стремление сообщества к соуправлению теми социальными процессами, в которые он вовлекается. С другой стороны, социальное пространство территории все в большей мере усложняется, и индивид сталкивается с естественными барьерами полноценно реализовать себя как соучастник управленческих процессов, направленных на развитие среды его жизнедеятельности. Вместе с тем расширяется набор и сложность задач, которые должны исполняться органами местной власти, все в большей мере начинающими осознавать необходимость вовлечения общественности в процесс их постановки и реализации. Сообщество связывает свое собственное развитие с территориальным. Само развитие подразумевает совокупное социальное действие, направленное в будущее, и в процесс определения перспективного вектора развития территории должны включаться интегрированные представления о будущем членов этого сообщества. Следование этому принципу, который закладывается в основу современного городского стратегического планирования, меняет структуру и качество взаимодействий участников планового процесса (акторов). Кроме того, организация процессов в городах, социальная динамика претерпевают изменения. В новом ключе развиваются модели взаимодействия горожан, что влияет в свою очередь на их отношение к окружающей среде и средовому пространству в городах. Меняются и их личные стратегии и ценности общества, локализованные в городском пространстве. Принципы устойчивости территориального развития, воспринятые западным

сообществом, отражают изменения в ценностях самого общества, обеспокоенного будущим и воспринявшим неизбежность истощения природных ресурсов и угрозу экологического и демографического факторов. «Экологизация» потребления, распространение парадигмы здорового образа жизни и расширение возможностей для выбора места развития своих способностей (обучение, профессиональная деятельность) в глобальном масштабе определяют сегодня характер индивидуального поведения человека и формируют новую концепцию личных стратегий. Представляется, что процесс городского стратегического планирования имеет возможности для синкретического развития городского социума (устойчивого развития), т.е. развития на основе преобладающего нравственного (духовного) императива над материальным как требования сохранения и совершенствования жизни. Поскольку город рассматривается нами как социальная система, основу которой составляет социальная общность людей, проживающих на его территории, представляется необходимым учитывать в процессе стратегического планирования, прежде всего, социальные характеристики и условия жизнедеятельности населения (текущие и прогнозируемые) как базовые в создании перспективного видения городского развития. Посредством стратегического планирования должен создаваться механизм общественного диалога различных социальных групп и власти. Процесс стратегического планирования должен учитывать интересы жителей городов, развивать их социальную активность, позволять местному сообществу представить свои проекты и принимать участие в формировании будущего своего города. Кроме того, посредством стратегического планирования должна происходить институционализация в жизнедеятельности городов новых ценностей развития общества, развиваться и укореняться идея устойчивого развития.

Литература

1. Красильников Д.Г., Троицкая Е.А. Новый государственный менеджмент и административная реформа в Пермском крае // *Ars administrandi: Ежегодник* – 2009. URL: http://ars-administrandi.com/ArsAdministrandi2009_1.pdf (дата обращения: 10.07.2012).
2. Северное регионоведение в современной регионологии: монография / Отв. ред. Ю.Ф. Лукин. – Архангельск: Высшая школа делового администрирования ИУППК ПГУ им. М.В. Ломоносова, 2005. http://narfu.ru/pomorsu.ru/www.pomorsu.ru/_doc/mba/nr/intcon.pdf

КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПРОФИЛЬ СОВРЕМЕННОГО СПЕЦИАЛИСТА В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИЙ

Назаренко Ю.С. (Минск, Республика Беларусь)

Современное информационное общество основано на работе с информацией и множественными специализированными знаниями. Повышение продуктивности напрямую связывается не только с креативностью сотрудников, но и с организационными процессами и технологическими решениями, обеспечивающими как инновационный творческий процесс, так и рутинное воспроизводство и распространение знаний, которые делают возможным глубокое и оперативное сотрудничество и его синергетическую результативность. В данном контексте трансформируется компетентностный профиль специалиста. Наряду с ядерными компетенциями, необходимыми для непосредственной профессиональной деятельности, сегодня приобретает значение пояс вторичных компетенций, обеспечивающих умения более широкого плана и связанные с индивидуальной работой со знанием и сотрудничеством/управлением в организации. Таким образом, развитие профессиональных умений тесно связано с располагаемыми инструментами и средой, которые стимулируют позитивно или негативно карьерный рост и продуктивность труда сотрудника. Основным институтом приобретения компетенций является институт образования. В процессе обучения определенной специальности и в результате получения диплома накапливается значительный уровень знаний (стратегических компетенций), которые повышают конкурентоспособность на рынке труда. Для этого необходимо ориентация учреждений образования на актуальные запросы рынка труда, активное формирование образовательного стандарта в соответствии с (опережающим) профессиональным стандартом. Характерной особенностью данного стандарта является его выход за рамки узкопрофессиональных знаний и навыков в поле более широких компетенций, обеспечивающих общекультурную компетентность в глобализированном мире. Поэтому актуальной задачей является исследование структуры и процессов формирования «широкого» компетентностного профиля профессионалов. С этой целью весной 2012 года группой исследователей из США и Казахстана было проведено исследование, в котором изучались

ожидания бизнес-работодателей в Казахстане в отношении актуальных компетенций в профессиональной области связей с общественностью (PR), влияющих на профессиональный рост и продуктивность [1]. Целью исследования было обеспечение практического руководства для преподавателей по разработке новых учебных программ в стратегических коммуникациях, которые помогут университетам в Казахстане улучшить подготовку специалистов PR и расширить их возможности при трудоустройстве. Исследователи опирались на методику специалиста в области организационных коммуникаций Шокли-Залабак Shockley-Zalabak (2009). Методика включает четыре основных компонента: знания (knowledge, способность понимать и участвовать в коммуникации внутри организации), навыки (skills, различные навыки для анализа ситуаций внутри организации и эффективного участия в процессах планирования, разработки и распространения труда), чувствительность (sensitivity, способность «чувствовать» анализировать роли и позиции различных сотрудников) и ценности (values, индивидуальная и коллективная этика как фактор корпоративной культуры организации). Рассмотрим составляющие компетенции каждого вышеприведенного компонента: знания (knowledge) – диплом университета, профессиональные стандарты, иностранные языки, психология; навыки (skills) – компетентность в социальных медиа, умение вести диалог, способность налаживать взаимоотношения, самоконтроль, ведение переговоров, умение убеждать; чувствительность (sensitivity) – креативность, гибкость, адаптивность, стрессоустойчивость, общительность, дипломатичность; ценности (values) – надежность, ответственность, пунктуальность, прилежность, многофункциональность. Согласно результатам исследования упомянутые компоненты зависят друг от друга (демонстрируя корреляцию от умеренной до сильной), в то же время 54% дисперсии компонента «навыки» объясняется тремя другими компонентами (знания, чувствительность и ценности). Таким образом, профессиональное развитие специалистов зависит не только от его знаний, но и от ценностных ориентаций и в особенности от умений адаптироваться и существовать внутри организации. Дальнейшие исследования смогут выявить и другие конфигурации зависимости в данной четырехкомпонентной структуре, объясняющей инновационный потенциал специалиста (специалистов в области PR).

Литература

1. Samoilenko, S.A., Ballard-Reisch, D., Akhatova, B. (2011). Evaluating Employer Communication Competency Expectations in Kazakhstan./ S.A. Samoilenko, D. Ballard-Reisch, B. Akhatova // Research Study presented November 18 at the 97th Annual Conventional of the National Communication Association in New Orleans, LA. // [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.deirdrebreakenridge.com/2012/05/evaluating-employer-communication-competency-expectations-a-pilot-study/?fb_ref=.T7E8HWL5yvh.like&fb_source=profile_multiline#.T7Pbx-s9Wvj. – Date of access: 29.09.2012.

**ПРОДВИЖЕНИЕ ИНИЦИАТИВ МОЛОДЕЖИ НА БАЗЕ
МУНИЦИПАЛЬНЫХ КУЛЬТУРНО-ДОСУГОВЫХ ЦЕНТРОВ
КАК ПРИМЕР ПРАКТИЧЕСКОГО МЕТОДА ОСВОЕНИЯ
ОСНОВ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ**

Назарой О.В. (Псков)

Одной из основополагающих идей XXI века, связанной с переосмыслением роли человека и культуры, в том числе культуры его досуга, является идея формирования в России гражданского общества. Данная идея соотносится с международной политической концепцией устойчивого общественного развития, направленного на благополучие, физическое и духовное здоровье населения, повышение качества жизни. На рубеже XX–XXI веков эта идея особенно актуальна относительно молодежи, за которой социологическими и гуманитарными науками признается новая роль органического динамичного субъекта развития общества и культуры. Молодежь как относительно самостоятельная социальная группа во многом представляет собой саморегулируемую систему. Многие процессы, происходящие в молодежной среде, регулируются изнутри путем собственного выбора способов и средств реализации индивидуальных и групповых интересов. Актуальными же разновидностями социально-культурных инициатив в молодежной среде на сегодняшний день являются самоуправление и добровольчество, воплощающие модель преодоления кризиса культурной и гражданской идентичности молодежи. Об этом свидетельствуют «Стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации», 2008 г., «Концепция содействия развитию благотворительной деятельности и добровольчества в Российской Федерации», 2009 г. Однако важной проблемой на сегодняшний день

является тот факт, что еще не определены педагогические теоретико-концептуальные подходы к реализации социально-культурной модели самоуправления молодежи в сфере досуга. Это особенно важно в условиях городов, где преобладают стереотипы коммерциализованной массовой культуры и заметна социальная апатия молодежи либо агрессивная активность деструктивных молодежных формирований (В.И. Чупров, А.Ю. Дроздов). Обращаясь к работам отечественных авторов, проблематика социально-культурного проектирования, педагогический и проектно-технологический аспекты различных видов социально-культурной деятельности, социальной инициативы молодежи были раскрыты в исследованиях И.В. Бестужева-Лады, Г.М. Бирженюка, С.Б. Брижатовой, Т.М. Дридзе, А.Д. Жаркова, Т.Г. Киселевой, Ю.Д. Красильникова, В.И. Курбатова, Э.А. Орловой, А.В. Соколова, Ю.А. Стрельцова, Е.И. Холостовой и др. Анализ их работ и разработанности проблемы подтвердил необходимость теоретико-методологического обоснования педагогики продвижения молодежных инициатив в сфере досуга, путем формирования инициативных групп молодежи на базе культурно-досуговых центров. Основной целью данного исследования стало изучение воспитательного значения молодежного самоуправления в сфере досуга, на примере создания инициативных групп молодежи на базе современных культурно-досуговых центров. Объектом исследования в данной работе стали молодежные инициативные группы, действующие на базе культурно-досуговых центров. Предметом исследования стал процесс формирования социально-культурного продвижения инициатив молодежи в сфере досуга в рамках деятельности молодежной инициативной группы. В соответствии с этим необходимо обозначить важную роль неинституциональных механизмов саморегуляции и социальной самоорганизации, а также их определения в контексте данной работы, рассмотренные ниже. Саморегуляция – деятельность, направленная на предупреждение и преодоление возникающих отклонений, т.е. того, что индивид (группа) принимает для себя как должное и ожидаемое. [6, с.285] Социальная самоорганизация – упорядочение спонтанных процессов внутриколлективного взаимодействия членов группы путем их саморегулирования. [6, с.312] В процессе самоорганизации активная роль принадлежит ее субъектам. Формирующаяся в процессе деятельности участников молодежной инициативной группы структура организации обеспечивает их распределение для реализации конкретных функций. Упорядочивание может

достигаться как путем целенаправленного регулирования, так и по средствам саморегуляции. В соответствии с рассмотренными выше понятиями, было сформулировано авторское определение понятия «инициативной молодежной группы» в сфере досуга – это добровольное самоуправление, некоммерческое формирование, созданное по инициативе молодых граждан (в возрасте от 14 до 30 лет), интегрированных на основе общности интересов в области досуга, на базе культурно-досугового учреждения, с целью самоорганизации и продвижения молодежных инициатив. На сегодняшний день рассмотрение молодежи и ее лидеров как потенциального и реального субъекта творческих инициатив, определенная часть которого испытывает потребность в социализации и социальном творчестве и нуждается в овладении продвижением своих инициатив как в педагогическом инструменте преодоления кризиса гражданской идентичности и развития социального творчества – является одной из основных задач деятельности современных культурно-досуговых центров молодежи. Активная молодежь является потенциальным субъектом творческих инициатив в силу психовозрастных особенностей (предрасположенность к новизне, нетерпимость к рутине) и противоречивости социально-статусных ролей. В связи с этим в педагогике сферы досуга необходимо заботиться о воспитании контингента инноваторов, рассматривая в этом качестве лидеров молодежи. В данном случае в молодежных культурно-досуговых центрах могут быть реализованы программы различного профиля: социально-гуманитарные; художественно-эстетические; спортивно-оздоровительные; научно-технические. Ведь в идеале каждый молодежный центр – это своеобразная арена социально-культурной деятельности, как различных молодежных групп, так и отдельных индивидов, способствующая выявлению молодежных лидеров, способных объединяться в инициативные группы. Психологическая атмосфера в данном учреждении должна характеризоваться безоговорочным демократизмом, самостоятельностью и инициативой молодых, их общественным самоуправлением. В арсенале культурно-досуговых центров должно быть неисчерпаемое количество возможностей создания ситуации успеха для каждого молодого человека, высокий уровень культурно-технической оснащенности, использование современных досуговых технологий, форм и методов, эстетически насыщенное пространство и высокий художественный уровень досугового процесса. В таких центрах для формирования молодежных инициативных групп должна

создаваться возможность предоставления организационных полномочий и делегирования задач при организации различных досуговых молодежных мероприятий. Предоставление возможности регулировать взаимоотношения внутри коллектива вокруг творческой инициативы работников центра и возможность выстраивать собственную иерархию отношений в зависимости от индивидуальных способностей в зависимости от характера мероприятия – вот новая характеристика современного досуга молодежи. В инициативном молодежном коллективе каждый его участник одновременно является и организатором, и исполнителем того или иного вида деятельности, а условный руководитель предъявляет свои требования не ко всему коллективу, а к группе, ответственной за определенный вид деятельности, которая в свою очередь, в случае принятия требований руководителя предъявляет эти требования всему коллективу. В такой ситуации рождается инициатива, критический подход к решению проблемы, общественное мнение и сознательная дисциплина. Инициативная группа объединяет людей, готовых принимать активное участие в организации мероприятий и деятельности культурно-досугового центра в целом, поэтому эти люди должны отличаться креативным подходом к работе, инициативностью, трудолюбием, желанием открывать новые горизонты. Отобрав такую инициативную группу молодежи, сотрудники культурно-досугового учреждения должны найти правильную мотивацию для того, чтобы молодым людям было интересно работать над воспроизводством наиболее жизнеспособных инициатив на постоянной основе. Мотивировать их можно такими открывающимися для них возможностями, как:

- Живой опыт организационной работы в сфере досуга;
- Опыт социальной работы с разными представителями общественных направлений, СМИ, коммерческими организациями;
- Расширение круга общения, в том числе с представителями различных городских организаций;
- Раскрытие творческого потенциала.

Для того, чтобы правильно организовать процесс работы подобных инициативных групп, для начала сотрудникам культурно-досугового центра можно осуществлять контроль за процессом осуществления творческих инициатив. Для этого необходимо обучить членов группы базовым знаниям, которые понадобятся им для работы. На своем примере объяснить как нужно, к примеру, обращаться с тем или иным документом, как общаться с представителем той или иной организации, необходимой для реализации инициативы. Можно организовать работу данной инициативной группы в соответствии с

принципами сетевой структуры, и ниже представлены следующие направления их усилий:

- Надо сделать явным для всех блок перспективного видения, который задает контекст (рамку) для работы всего досугового учреждения.
- Необходимо распределить деятельность инициативной группы равномерно на каждого члена группы.
- Создать открытую техническую инфраструктуру – связь, общую электронную почту и т.д., обеспечивающую, например, возможность мгновенно обмениваться полученной значимой информацией, использование которой не требует отлагательств.
- Разработать стратегию интеграции и организации данных и сведений, обеспечивающую возможность для специалистов разных профилей включаться в работу.
- Организовать команды, способные работать над многими задачами – параллельно и последовательно (кто в какой команде сейчас задействован, над чем она работает и т.д.). На первоначальном этапе сотрудники должны сами создать список задач для инициативной группы.
- Обеспечить обучение группы: они должны учиться друг у друга, сохранять полученные в ходе работы над досуговым мероприятием знания и опыт. Главное препятствие на пути к этому – конкурентный индивидуализм, воспитываемый в учебных заведениях и отношение к своему знанию как к своей собственности.
- Сформулировать и сформировать ценности, нормы и систему вознаграждения за успешно организованные мероприятия. Кроме позитивного опыта самоорганизации в молодежной среде, для культурно-досугового центра помощь работоспособной и обученной инициативной группы на сегодняшний день в ряде случаев окажется единственной возможностью организации большого количества мероприятий для молодежи для учреждений с небольшим штатом сотрудников культурно-досугового центра.

Формулируя вывод проведенного исследования важно еще раз обозначить необходимость внедрения процессов самоорганизации досуговой деятельности современной молодежи, с целью приобщения ее к основам формирования в России гражданского общества на основе участия в практической общественно-полезной деятельности.

Литература

1. Ерасов, Б.С. Социальная культурология: Учебное пособие / Б.С. Ерасов. – М.: Аспект Пресс, 1998. – 591 с.
2. Немерюк, А.А. Молодежные организации и движения России в 1992-2005 гг. (на материалах г.Москвы): Автореферат

диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / А.А. Немерюк. – М.: 2010

3. Оленина, Г.В. Педагогика социально-культурного проектирования продвижения гражданских инициатив молодежи: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора педагогических наук / Г.В. Оленина. – Барнаул: 2011

4. Омельченко, Е.Л. Молодежные культуры и субкультуры / Е.Л. Омельченко. – М.: Логос, 2000. – 365 с.

5. Чередниченко, Г.А. Молодежь России: социальные ориентации и жизненные пути / Г.А. Чередниченко. – СПб.: Изд-во РХГИ, 2004. – 504 с.

6. Чупров, В.И. Социология молодежи: Учебное пособие / В.И. Чупров. – М.: ИНФРА-М, 2011. – 336 с.

УРОВЕНЬ РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА МОЛОДЕЖИ Г.ИВАНОВО.

Натурина К.М. (Иваново)

Современность, рассматриваемая как эпоха общественного развития, предъявляет специфические требования к человеческой личности. Чтобы соответствовать этим актуальным требованиям, необходимо иметь определенные личностные установки, качества и ценности, которые бы позволили человеку эффективно участвовать в инновационных процессах. Э. Хаген ввел в науку понятие инновационной личности[1, С.]. Он рассматривал ее как предпосылку усиления экономического роста, распространения предпринимательства и накопления капитала. По его мнению, это определенный личностный синдром, который противоположен авторитарной личности в традиционном обществе. Ученый выделяет и описывает следующие основные характеристики инновационной личности: □ отношение к действительности характеризуется любознательностью и стремлением управлять ею, что выражается в упорном поиске основных регуляторов с целью воздействовать на различные явления и контролировать их; □ принятие на себя ответственности за плохие стороны мира, сопряженное с поиском наилучших решений и попытками внести изменения; □ открытость и терпимость в отношениях с людьми, одобрительное отношение к их стремлению к инновациям и оригинальности; □ творчество, стимулирующее самобытность и стремление к новизне, неукротимая любознательность. Согласно «адаптационно-

инновационной» теории (Kirton, 1984), инноватор обладает следующими личностными особенностями [2, С.]: □ имеет нестандартный подход к решению задач, поэтому может показаться недисциплинированным, поверхностно мыслящим; □ склонен «открывать» проблемы и новые пути их решения; □ в процессе достижения поставленных целей не очень охотно использует уже известные средства; □ склонен брать на себя управление в непредсказуемых ситуациях; □ часто бросает вызов правилам, не проявляет особого уважения к традициям; □ склонен делегировать рутинные функции другим людям; □ является катализатором изменений в устойчивой группе, бывает неуважителен к общегрупповому согласованному мнению, часто шокирует окружающих. Нами было проведено социологическое исследование по изучению инновационного потенциала молодежи г. Иваново. Исследование показало, что черты инновационного поведения и мышления среди молодежи города распределены неравномерно [3] Ядро инновационного потенциала данной социальной группы – 33% респондентов – это непосредственные организаторы инновационных процессов. Данная категория молодежи ориентирована на творческое изменение и преобразование собственной жизни. Смысл жизни для них определяется через понятие свободы и самореализации. Это люди в возрасте от 25 до 30 лет, имеющие высшее и послевузовское (ученая степень) образование, занятые в области образования, науки, управления и занимающиеся предпринимательской деятельностью. Для исполнителей инновационной деятельности, которые составляют 50% опрошенных, в большей степени характерна стратегия жизненного успеха. Респонденты, принимающие участие в инновационных процессах в качестве исполнителей, стремятся к жизненному успеху, реализуемому посредством собственных усилий и действий. Их образ жизни подразумевает активную, деятельную, насыщенную делами и событиями жизнь, они энергичные и преуспевающие люди, стремящиеся к общественному признанию. Эту группу составляют люди в возрасте от 25-до 30 лет, имеющие незаконченное высшее, либо высшее образование, студенты вузов и колледжей, либо работающие по найму. Не принимают участия в инновационной деятельности 17% опрошенных. Их можно назвать пассивными наблюдателями. Среди данной категории молодежи преобладает стремление к стабильной жизни, ориентация на комфорт, достигаемый посредством приобретения разнообразных материальных, культурных и социальных благ. Можно говорить о том, что им свойственна стратегия жизненного благополучия. В

данную группу входят люди в возрасте от 18 до 25 лет, имеющие среднее специальное образование, учащиеся колледжей, занимающиеся домохозяйством и те, кто совмещает работу с учебой. Таким образом, можно говорить о развитом инновационном потенциале молодежи города. Почти треть – активные участники, уже имеющие сформированные инновационные качества. Половина респондентов готова участвовать в инновационной деятельности, располагая для этого необходимыми качествами. Нас интересовал вопрос о том, как молодежь оценивает возможности реализации своих инновационных качеств в городе. Самые низкие оценки высказали респонденты, которых мы отнесли к «ядру» инновационного потенциала. Молодые люди не видят возможностей для своего профессионального роста в регионе, возможностей применения и реализации своих новаторских идей и разработок, говорят об отсутствии перспектив для детей. Они в большей степени, чем другие группы, настроены на отъезд из города и региона в целом. Оценки «исполнителей» инновационной деятельности более лояльные. Они также думают о переезде из города, то по другим причинам, среди которых преобладают следующие: низкий уровень заработной платы; отсутствие подходящей работы; невозможность устроить личную жизнь. Миграционные настроения респондентов свидетельствуют о низких оценках перспектив региона молодежью. Это позволяет сделать вывод о том, что, даже имея высокий инновационный потенциал, молодежь при этом не имеет возможности его реализации в своей профессиональной деятельности. Результаты проведенного исследования с неумолимой настоятельностью ставят вопрос о необходимости сохранения и стимулирования инновационного потенциала молодежи города. Для этого, по нашему мнению, необходимы целевые меры по работе с различными группами молодежи. В процесс разработки этих мероприятий должны быть вовлечены все заинтересованные стороны: сами молодые люди, общественные организации, руководство города и области. Только в этом случае можно будет говорить о реальном активном включении молодежи в инновационные процессы. Это позволит обеспечить социальное, культурное и экономическое воспроизводство, ускорить развитие города.

Литература.

1. Карпова Ю.А. Введение в социологию инноватики. СПб., 2004.

2. Яголковский С.Р. Инновационность как детерминанта развития: личностный, групповой и организационный аспекты // Творчество: от биологических оснований к социальным и культурным феноменам. М., 2011, С. 510.

3. Натурина К.М. Состояние и возможности реализации инновационного потенциала молодежи Ивановской области // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2012» / Отв. ред. А.И. Андреев, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, М.В. Чистякова. [Электронный ресурс] — М.: МАКС Пресс, 2012.

МУНИЦИПАЛЬНЫЙ СЛУЖАЩИЙ КАК ЭКОНОМИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЧЕЛОВЕК

Нестерук К.П. (Санкт-Петербург)

В современной науке рассматриваются понятия *homo economicus* (экономический человек) и *homo sociologicus* (социологический человек). Рассмотрим, применимы ли модели экономического и социологического человека для муниципального служащего. Социологический человек, тот, который подчиняется общественным нормам и альтруистичен, ведет себя иррационально и непоследовательно, слабо информирован и не способен к калькуляции выгод и издержек. Экономический человек – независимый, эгоистичный, рациональный и компетентный [3]. Такие характеристики как эгоистичный или альтруистичный не подходят для муниципального служащего. Так как альтруистичный человек – склонный бескорыстно действовать на пользу других, не считаясь со своими личными интересами, а эгоистичный человек ставит личные интересы выше общественных. Действия же муниципального служащего направлены на пользу общества. За свой труд он получает денежное вознаграждение, оплачиваемое из местного бюджета. Следующие черты экономического и социологического человека: он независимый или подчиняется общественным нормам. Определение независимого человека: самостоятельный, не находящийся в подчинении, свободный. Подчинение общественным нормам – зависимость от общественных норм, повиновение им. Муниципальный служащий подчиняется нормам и законам Российской Федерации. Является ли муниципальный служащий рациональным или иррациональным и непоследовательным? Рациональный – разумно обоснованный, целесообразный.

Иррациональный – не постигаемый разумом. Муниципальный служащий должен поступать разумно и обоснованно. Например, рационально использовать средства местного бюджета, рабочее время и т.п. Компетентен ли муниципальный служащий? Безусловно. Компетентный – знающий, осведомленный. На муниципальную службу может быть принят гражданин, имеющий профессиональное образование и отвечающий квалификационным требованиям. То есть компетентный в области муниципального управления. Рассмотрев все определения, характеризующие экономического и социологического человека можно сделать вывод, что муниципальный служащий вбирает в себя элементы двух моделей. Идеальный муниципальный служащий – компетентный, рациональный человек, служащий на благо населения, строго в соответствии с законодательством Российской Федерации, за денежное содержание. Определение муниципального служащего записано в Федеральном законе от 2 марта 2007 года №25-ФЗ «муниципальный служащий – гражданин, исполняющий в порядке определенном муниципальными правовыми актами в соответствии с федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации, обязанности по должности муниципальной службы за денежное содержание, выплачиваемые за счет средств местного бюджета» [1]. Муниципальный служащий, проживающий в окружении людей, служащий на благо страны выполняет социальное действие. Материальное вознаграждение за его труд является экономическим действием. Для прохождения муниципальной службы муниципальному служащему предоставляются социальные гарантии и права. Так, например, ему должны быть гарантированы: условия работы, медицинское обслуживание, что относится к социальным действиям. Также ему выплачивается денежное содержание или иные выплаты, предусмотренные законодательством, ежегодный оплачиваемый отпуск, пенсионное обеспечение за выслугу лет, обязательное государственное страхование на случай причинения вреда здоровью и имуществу в связи с исполнением им должностных обязанностей – эти характеристики определяют экономическую сферу его деятельности. В результате синтеза экономической и социологической модели можно утверждать, что экономико-социологическая модель человека находится ближе всего к муниципальному служащему.

Литература

1. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации. Федеральный закон от 06 окт. 2003г. №131-ФЗ. – М.: Издательство «Омега-Л», 2010.

2. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2005. – 1200 с.

3. Радаев В.В. Экономическая социология. Курс лекций: Учебное пособие. — М.: Аспект Пресс, 1998. — 368 с.

ОБНОВЛЕНИЕ СТРУКТУРНЫХ СЕТЕВЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ ПОСРЕДСТВОМ АКТИВАЦИИ ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА ОРГАНИЗАЦИИ.

Овчинникова М.В. (Москва)

Посредством мульти-методного анализа трансформации рынка производства ювелирных изделий в России автор выявляет, как новые государственные рамки и развитие общественных институтов могут усиливать (укреплять и утверждать) многочисленные, сложные (множественные и перекрестные) сетевые взаимодействия, что является подтверждением скрытой силы, заложенной в формальных рамках. Эта сила действует на коллективные ресурсы и обладает способностью изменять порядок межфирменных взаимодействий. Автор выявляет два вектора скрытой силы, заложенной в изменениях формальных рамок организационного поля. В рамках исследования выявляется особый принцип воздействия векторов силы. Текущие формальные рамки оказывают прямое воздействие на изменения, которые в них вносятся на законодательном уровне, и, одновременно с этим, на действия, предпринимаемые общественными организациями и институтами. Далее наблюдается реакция со стороны акторов организационного поля. С их стороны, один вектор изменений связан с прямым соблюдением новых законов и, при этом, сохранение существовавших ранее практик и правил. С другой стороны, появляется скрытая сила воздействия изменений, произведенных в формальных рамках, а именно – обновление структурных сетевых взаимодействий посредством активации инновационного потенциала организации (ранее не использовавшегося, но существовавшего). В рамках доклада, автор детально представит теоретические [Hannan, Freeman 1977, Laumann, Galaskiewicz, Marsden 1978, White, Boorman, Breiger 1976, DiMaggio 1982, McDermott, Corredoira, Kruse, 2009] и

методологические рамки исследования, на основании результатов которого сделаны указанные заключения. Исследование проводилось на базе НИУ-ВШЭ в 2010 – 2012 гг.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ И РЫНКА ТРУДА.

Оплетина Н.В. (Москва)

Подготовка выпускников вузов к современному рынку труда считается одной из основных движущих сил образовательных реформ. Перед системой образования современный рынок труда ставит совершенно новые вызовы – формирование целостной системы управления занятостью выпускников, которая должна обладать адаптивностью, т.е. способностью заблаговременно и оперативно реагировать на изменение внешних и внутренних факторов, оказывающих существенное влияние на ее функционирование. Немаловажную роль в данном процессе призвана сыграть формирующаяся в современных условиях практика взаимодействия «вуз-работодатель», как базовый элемент системы регулирования трудоустройства молодых специалистов. Вместе с тем, складывающаяся, в большей мере стихийно, данная практика полна проблем и противоречий, влияющих на развитие социального взаимодействия в этой сфере. Важным фактором, оказывающим влияние на складывающуюся практику социального взаимодействия между работодателем и выпускником вуза - направления экономических преобразований в переходной экономике, серьезная перестройка структуры экономики. Многие эксперты связывают происходящие и предстоящие структурные изменения с переходом в новый технологический уклад. Организационным ядром доминирующего сегодня технологического уклада, является микроэлектроника и программное обеспечение. Это определяет и развитие производств, формирующих его ядро, куда входят электронные компоненты и устройства, электронно-вычислительная техника, радио- и телекоммуникационное оборудование, лазерное оборудование, услуги по обслуживанию вычислительной техники. Именно эти отрасли определяют генерирование технологических нововведений в современной экономике. Востребована индивидуализация производства и потребления, повышение гибкости производства, преодоление экологических ограничений по энерго- и материалопотреблению. Безусловно, в ходе его формирования будут

оформляться и новые требования к набору знаний, умений, навыков работника-специалиста в данных условиях. Весной 2010г журнал «Форбс» обнародовал список самых перспективных профессий будущего, составленный в Калифорнийском университете США. Исследование основывается на данных Министерства труда и интервью с управляющими крупных компаний. Рейтинг десяти главных профессий будущего опубликованных заметно отличается от знакомых сегодня позиций. Появились профессии о возможной необходимости которых, большинство сегодня всего даже не задумываются. [1] Меняющейся российской экономике так же требуется все больше работников самых разных квалификаций, подчас отсутствующих в квалификационных требованиях. На высшем уровне постоянно звучит мысль, что в стране перекося в выпуске специальностей социогуманитарного профиля. В то же время, анализ практики трудоустройства выпускников вузов показывает высокую адаптивность на рынке труда специалистов именно этих направлений подготовки. Например, анализ вакансий в целом по Москве показывает, что работодатели чаще всего видят выпускников на вакансиях торговых представителей, консультантов, мерчендайзеров, операторов call-центров – там, где востребован именно социальный профиль подготовки. Данные Департамента Труда и занятости населения г.Москвы за 2010 год показывают, что в отделы трудоустройства городской государственной службы занятости населения обратилось 2920 выпускников, среди них инженеров - 20,6% [2] Именно эта профессиональная категория выпускников не смогла сразу реализовать себя на рынке труда. Формирование компетентностной модели выпускника вуза, адекватной требованиям новой экономики, так же выступает важным фактором оказывающим влияние на формирование практики взаимодействия «вуз-работодатель». Основная проблема на этом пути - несоответствие требований работодателей к компетенциям выпускников и претензий самих молодых специалистов. Выпускники вузов по уровню подготовки и полученным компетенциям, как показывают опросы работодателей, не всегда соответствуют их требованиям. При этом и сами выпускники, не удовлетворенные предлагаемой работой, заработной платой и условиями труда, нередко отказываются от трудоустройства по полученной специальности. В совокупности это ведет к низкой эффективности использования труда молодых специалистов, что позволяет ставить вопрос не о «перепроизводстве» специалистов с высшим образованием, и о неудовлетворительном качестве их

подготовки. [3] Работодатель, желающий отвечать современным вызовам, стремится обеспечить большую гибкость наемного труда через ротацию рабочих мест, разнообразие рабочих операций, повышение адаптивности, разнообразие трудовых навыков, непрерывное обучение, внедрение гибких графиков рабочего времени и т.д. Эксперты отмечают, что изменение требований работодателей происходит не только в профессионально-квалификационной сфере труда, но и в социально-психологической и социально-культурной плоскостях. Современные императивы ориентируют на большую инициативу и самостоятельность, способность работать во временных рабочих группах (командах), высокую мотивацию к переобучению – именно данные компетенции востребованы на рынке труда. Как правило, выше работодателями, оцениваются универсальные компетенции выпускников, связанные с личностными характеристиками человека. Среди социально-личностных компетенций чрезвычайно важными отмечают: способность проявлять в профессиональной деятельности личные качества в соответствии с ситуацией (ответственность, самостоятельность, инициативность, целеустремленность и т.д.); способность к самосовершенствованию и повышению профессионального уровня; работа в команде. Способность к коммуникации оценивается работодателями как важная, но чаще в качестве желательной называлась способность к коммуникации на иностранном языке. [4] Не случайно Болонский процесс, активным участником которого является Россия, предполагает осуществить переход на практически ориентированное образование - на подготовку выпускника с практической готовностью к выполнению профессиональных задач. Основой пригодности к занятости такого выпускника вуза является достаточность полученных базовых, общепрофессиональных и прикладных знаний и умений. Представляется, что сегодня назрела необходимость формирования компетентностной модели выпускника каждого вуза, с учетом специфики учебного заведения, конкретного направления подготовки и с учетом специфики рынка труда. Решение такой сложной задачи во многом зависит от объединенных усилий работодателей, а так же факультетов и выпускающих кафедр каждого вуза. В этом случае, если при построении компетентностной модели выпускника вуза будет предусмотрено тесное взаимодействие образования с работодателями, то это позволит обеспечить гибкое реагирование образовательных программ на существующие и перспективные запросы экономики.

Немаловажный момент, на который следует обратить внимание при анализе складывающейся практики взаимодействия в системе «вуз-работодатель» – изменения, происходящие на самом рынке труда. Профессионализация деятельности на рынке труда непосредственным образом связана с углублением специализации, и с возрастанием значения знаний, умений, навыков в осуществлении конкретной трудовой деятельности, в частности по подбору и отбору персонала. В каждом из сегментов рынка труда выделяются определенные стратегии подбора и найма персонала, в зависимости от жизненного цикла организации, от кадровой стратегии, экономической ситуации. . Выпускник, который выходит на рынок труда и попадает в руки кадровиков, сегодня находится в сложном положении, он опять вынужден сдавать экзамены для поступления на службу, проходить тестирование и анкетирование, проявлять коммуникативные и общесоциальные компетенции. К такой ситуации многие не готовы. Процесс трудоустройства выпускника становится одной из самых серьезных проблем, т.к. предполагает знания, умения и определенные навыки для его осуществления. Тенденции, демонстрируемые современным рынком труда, представляют трудоустраиваемость выпускника как интегральную компетенцию, которой он должен владеть и как технологию, которую ему необходимо освоить. [5] В этой связи, магистральным направлением для отечественных вузов является признание трудоустраиваемости как необходимой компетенции выпускника вуза и встраивание данных умений и навыков в учебные программы. Таким образом, в условиях реформирования системы высшего профессионального образования налаженная и эффективная практика взаимодействия «работодатель-вуз» выступает одним из основных показателей реализации образовательной политики вуза, во многом определяющим его рейтинг в числе других профильных высших учебных заведений. Все чаще именно этот момент связывают с конкурентоспособностью современного вуза, т.к. данные позиции определяют его способностью готовить специалистов, выдерживающих конкурентную борьбу на конкретном внешнем и внутреннем рынке труда.

Литература

1. Самые актуальные профессии ближайшего будущего. Новый взгляд. // Подготовлено: MoeObrazovanie.ru по материалам сайта: www.forbesrussia.ru URL: <http://moeobrazovanie.ru>

2. Труд и занятость населения г. Москвы 2010. Статистический сборник. Под общей редакцией к.э.н. А.С. Гринберга // Департамент труда и занятости г. Москвы. URL: <http://labor.ru>

3. Круглый стол: «Трудоустройство выпускников современных вузов: опыт и проблемы» - Социология образования, №2, февраль 2010, с. 91-98.

4. Е.М. Аврамова Ю.Б.Верпаховская: Работодатели и выпускники вузов на рынке труда: взаимные ожидания. // «Социологические исследования», 2006, №4, с. 37-46.

5. Оплетина Н.В. Трудоустройство как социальная технология и интегральная компетенция выпускника современного вуза / Трудоустройство и трудоустраиваемость выпускников российских вузов: история и современность. Монография / Науч.ред. д.с.н., проф. И.С.Болотина. // М-СПб.: Нестор-История, 2012.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ СИСТЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ ДЕТСКОЙ БЕЗНАДЗОРНОСТИ: ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Петровская Ю.А. (Петрозаводск)

Разные отрасли социологии рассматривают детскую безнадзорность с разных точек зрения. Вместе с тем актуальность этой научной проблемы обуславливается недостаточностью социологических знаний по ряду вопросов. Во-первых, детская безнадзорность создает базу для различных поведенческих отклонений. Однако причинно-следственные связи между детской безнадзорностью и разными видами девиаций, а также другими социальными факторами до сих пор не имеют единственно возможного научного объяснения. Во-вторых, детская безнадзорность, являясь по существу проблемой не только социальной, но и управленческой, отличается недостаточным осмыслением в предметном поле социологии управления. Ученые и специалисты-практики подробно и разносторонне анализируют проблемы, связанные с развитием и функционированием системы профилактики безнадзорности как фактора риска подростковой девиантности. Среди основных трудностей выделяются: недостатки и зачастую декларативный характер законодательства, низкая степень межведомственной координации субъектов профилактики, несистематичность индивидуальной профилактической работы,

несоответствующее качество кадрового состава социальных учреждений и организаций. Во многом проблемы профилактики детской безнадзорности носят управленческий характер, требуют качественно иных подходов к организации профилактической работы, привлечения альтернативных ресурсов. Одним из таких перспективных ресурсов может стать социальный капитал семьи. Все составляющие социального капитала в той или иной степени могут быть использованы в качестве инструментов профилактики, а гносеологический потенциал теории социального капитала может способствовать более глубокому осмыслению проблемы детской безнадзорности, не ограничиваясь в ее понимании только директивно-педагогическим подходом. Социальное управление имеет в основе соединение усилий искусственно созданных коопераций (государственных учреждений, органов государственной власти и т.д.) и естественных коопераций (семьи, местного сообщества, общественных объединений и т.д.). Однако необходимо обратить внимание на то, что государственные учреждения, министерства и ведомства, входящие в систему защиты детства, обладая рядом признаков аутопойетических систем (Н.Луман), имеют строгую иерархическую структуру управления. Как типичная бюрократическая система государственная система профилактики детской безнадзорности порождает элементы недобросовестности и коррумпированности чиновников. Иным по характеру субъектом являются общественные организации и объединения, которые создаются и функционируют в интересах целевой группы. Однако уровень развитости общественного сектора в России по-прежнему остается достаточно низким. Так же слабо развитыми оказываются взаимоотношения среди местных сообществ, которые могут стать эффективным инструментом профилактики детской безнадзорности.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ В ИННОВАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ.

Понукалин А.А. (Саратов)

Инновационное общество, построение которого в России безальтернативно[1], может быть только интенсивно и экстенсивно развивающимся. Успехи этого развития будут зависеть от качества управления им. Основными показателями инновационности общества в настоящее время становятся показатели динамики его развития по отношению к модели желаемого будущего. Можно

утверждать, что управление является условием и способом существования всякого развивающегося человеческого общества[2], каким должно быть инновационное общество в настоящее время. Ставится задача изучения роли управления в процессах становления и развития инновационного общества. Необходимость в управлении обусловлена тем, что инновационные процессы должны осуществляться большими социальными группами, в состав которых входят представители творческих профессий, исполнители разных уровней, организаторы. Инновационное общество это глобальная государственная система с «распределёнными» параметрами, стабильностью и прогрессивной динамикой. Фактором системообразования выступает цель, адекватная условиям, в которых функционирует система, и требованиям общества по их изменению. Трансформация наличного состояния общественного бытия в желаемое осознана обществом и осуществляется инновационной системой, стремящейся к достижению осознанной цели. Инновационные процессы в такой системе становятся совместной деятельностью (по А. Л. Журавлёву) и это обуславливает социально-психологические проблемы управления ей. Тогда основополагающей социально-психологической категорией в методологии изучения проблем становления и развития инновационного общества является категория совместной деятельности[3]. Основной объект социально-психологического управления в этом плане – это совместная деятельность людей, объединяемых инновационным процессом, выступающим в качестве характерологической единицы инновационного общества. Управление относится как к поведению системы (внутренние процессы), так и к окружающей среде (внешние процессы), определяющей условия успешного функционирования системы. Роль управления возрастает в ситуациях неопределённости, когда возрастает степень риска и возникают (неразрешимые известными средствами) проблемы, выход из которых обеспечивает не только сохранение существующего, но и развитие в направлении желаемого. Когда неопределённость по своему дезорганизующему воздействию достигает некоторого критического порога, возникает кризис[4], преодоление которого возможно только посредством эффективного управления, противостоящего хаосу, как механизма проблемных решений и их реализации. Одним из важнейших причин неопределённости является рынок, тем более, когда он сталкивается с общемировым кризисом. Управленческая деятельность, которая должна быть инновационной, есть труд, имеющий психологическое содержание (по Е. А. Климову[5]). Качество управления определяет

эффективность решений, позволяющих прогнозировать последствия, и их реализацию на уровне максимально возможного общественно ценного результата (в контексте достижения основной цели системы). Необходима инновационная теория управления в условиях кризиса и концепция инновационной практики управления, способного эффективно действовать в таких условиях. Одна из основных проблем разработки такой теории – определение конкретных объектов управления в инновационной системе. К ним можно отнести, в частности, массовое сознание в обществе, объединяемым социальной идеей; образовательные процессы в учреждениях общего, специального и профессионального образования; сферу фундаментальной и прикладной науки; сферу труда и досуга в их целостности; сферу социального прогнозирования и социального конструирования. В конечном счёте, реальным объектом управления является большая группа (как система инновационной деятельности), включающая подгруппы: исследователей, результаты работы которых оказались выбранными для внедрения; разработчиков, выполняющих ОКР по созданию образца продукции; технологов, оптимизирующих процесс серийного выпуска продукции; производителей этой продукции; её маркетологов и реализаторов; экономистов-плановиков, логистиков. Конечно, в систему входят и те, кто обеспечивает финансирование такой системы и заинтересован в её продуктивности, поэтому она должна быть высокоэффективной в отношении результата «общего дела». Инновационный путь развития предполагает необходимость формирования коллективистской командной психологии субъектов инновационной деятельности.

Литература

1. Набиулина Э. С.. Концепция 2020: общественная дискуссия //Гражданский диалог. - №2, 2008. – С.11-21.
2. Тощенко Ж.Т. Актуальные проблемы социологии управления// Социс, 3 2, 1998. - С. 98.
3. Журавлёв А. Л.. Развитие концепции совместной деятельности в современной отечественной психологии\Совместная деятельность в условиях организационно-экономических изменений. М.: Институт психологии РАН, 1997.
4. Мунтиян В.И.. СНГ и мировой финансовый кризис/Инновации. – СПб. - №12, 2008, - С. 3 – 14.

5. Климов Е.А.. Психология труда как область познания, отрасль науки, учебная дисциплина и профессия\\Вопросы психологии. - №1, 1983.

**«ИСКУССТВО УПРАВЛЕНИЯ» МИШЕЛЯ ФУКО И
СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ГОСУДАРСТВЕННОМУ
АДМИНИСТРИРОВАНИЮ**

Рассказов С.В. (Санкт-Петербург)

Результаты ретроспективного анализа идей и практик государственного управления (точнее сказать – правления), выполненного Мишелем Фуко в конце 1970-х годов, положили начало направлению исследований, известного как «правительственность» или «искусство государственного управления». Как предполагается, этот неологизм составлен из слов «управлять» и «образ мышления». Часто он понимается в смысле учения «о рациональности правительства и о генезисе и технологиях современного (либерального) государственного правления»[3, с. 212]. Цель нашей работы состоит в том, чтобы показать, что данное направление может рассматриваться в качестве теоретической первоосновы современных тенденций развития государственного администрирования. По М. Фуко, «осуществление власти состоит в «сопровождении поведения» [conduite des conduites] и в приспособлении к вероятностям». Здесь речь идет не столько о столкновении соперников или о взаимных обязательствах сторон, сколько о порядке управления, а управлять - значит «структурировать возможное поле действия других» [2, с. 181], то есть «воздействие на действия». Сказанное означает, что в основе властных отношений лежат социальные связи [2, с. 184]. Примерно с XVIII века властвование правительства «над вещами и над людьми» постепенно начинает уступать монопольные позиции управлению интересом. Под ним понимается «сложная игра интересов индивидуальных и коллективных, общественной полезности и экономической выгоды, равновесия рынка и режима государственной власти, это сложная игра основополагающих прав и независимости управляемых». При таком подходе правительство «есть то, что манипулирует этими интересами» [1, с. 65]. Государственное управление обеспечивает социальную координацию в обществе, необходимую для достижения намеченных целей. Современными механизмами, позволяющими перевести эту задачу в плоскость

практической реализации, считаются иерархия, рынок и сети. В первом случае речь идет о традиционной модели государственного (публичного) администрирования. Следуя ей, уменьшение сложности достигается посредством разбиения исходной задачи на более мелкие и простые подзадачи, взаимоувязанные в иерархическом порядке. Исполнительные органы государственной власти и управления и связанные с ними ведомства образуют жесткую структуру с бюрократической организацией. При этом «бюрократия есть средство перевода общественных действий в рационально-упорядоченное социальное действие». Теоретическое обоснование организаций рассматриваемого типа дано Максом Вебером [11]. В современном «неовеберовском государстве» традиционная бюрократическая модель администрирования характеризуется следующими особенностями [10, с. 118, 119]:

- Наблюдается сдвиг в направлении на удовлетворение потребностей и желаний граждан. Основным способом его реализации является формирование у исполнителей профессиональной культуры качества и обслуживания.
- В прежние методы работы включаются механизмы консультации и прямого представительства граждан.
- Законы о правительстве модернизируются таким образом, чтобы поощрять ориентацию исполнителей больше на достижение результатов, чем на строгое следование процедуре.
- «Бюрократ» становится не просто экспертом в соответствующей ему области деятельности, но также и профессиональным менеджером, ориентированным на удовлетворение потребностей граждан.

По мере роста сложности, разнообразия и изменчивости задач, размеры иерархической организации резко увеличиваются и она начинает давать сбои. Качественно иной механизм социальной координации в национальном масштабе предлагает рынок. Социальную координацию здесь обеспечивает не бюрократия, а собственная заинтересованность отдельного индивидуума, реализуемая при рыночном обмене. Говорят об «умеренном правлении», при котором на рынок возложено «выявление такой вещи, как истина». Складывающиеся на нем цены задают «эталон», «позволяющий различить, какие из правительственных практик правильны, а какие ошибочны» [1, с. 50]. В этом случае государственное управление заключается, прежде всего, в создании и поддержании условий для функционирования рынка и «разруливании» свойственных ему «провалов». Такой взгляд позволяет перенести в сферу государственного администрирования апробированные в бизнесе ценности, концепции и практики обеспечения максимальной

удовлетворенности потребителей, эффективности и качества их обслуживания. Население считается «клиентом», в интересах которого руководители - менеджеры направляют деятельность государственных учреждений. Этот подход известен как «новый государственный (общественный) менеджмент» (есть и другие названия), формулу которого, сильно упрощая, можно записать в виде: «разукрупнение + конкуренция + стимулирование» [5, с. 256]. Примерно с начала 2000-годов к двум рассмотренным выше «эталонным» способам социальной координации все более уверенно добавляют социальные сети и говорят о сетевом управлении. Сетевое государственное администрирование обеспечивает взаимодействия между правительственными и частными организациями, предоставляющими услуги населению, а также с другими социальными акторами. Социологической основой функционирования социальных сетей являются доверие и взаимность (в общем случае к сетям добавляют сообщества, кланы или эгалитаризм). Сети в контексте власти выступают основой гипотезы о «сетевом государстве» [4]. При определенных условиях кооперация, консенсус и демократическое управление, основанные на солидарности, альтруизме, лояльности, взаимности и доверии, больше способствуют росту организационной эффективности, чем бюрократическое и рыночное исполнение административной власти. Такой взгляд составляет одно из положений постмодернистской концепции государственного администрирования [6]. Управление и контроль в сети достигаются двумя способами. Первый сводится к вовлечению в кооперативные стратегические взаимодействия разных участников, которые заинтересованы в достижении общей цели, и поддержанию активности в их отношениях. Второй предполагает формирование сети с априорно заданными структурными характеристиками и «программой» работы [8, с. 140, 141]. Перечисленные выше способы координации – иерархия, рынок, сети – обычно используются в сочетании друг с другом и тогда говорят о метауправлении. Они тесно связаны со стилем управления [7, с. 143]. В свою очередь, на выбор стиля управления значительное влияние оказывает национальные политико-административные традиции и культура. В качестве рабочей гипотезы [9, с. 61, 64] для проведения исследований можно принять соответствие способов управления и показателей измерений культуры Герта Хофстеда. Итак, нами показано, что теоретические взгляды М. Фуко на государственное управление дают единую социологическую основу общего понимания современных подходов в Public administration.

Литература

1. Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978 – 1979 учебном году. СПб.: Наука, 2010.
2. Фуко М. Субъект и власть. В кн.: Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 3. М.: Праксис, 2000.
3. Хестанов Р. Арканы либерального правительства // Прогнозис. 2010. N 1. С. 212.
4. Castells M. Communication Power. N.-Y.: Oxford University Press, 2009.
5. Dunleavy P., Margetts H. et al. Digital Era Governance: IT Corporations, the State, and E-Government. N.-Y.: Oxford university press, 2006.
6. Frederickson H.G. et al. The Public Administration Theory Primer. 2nd ed. Boulder: Westview Press, 2012.
7. Kersbergen K.V., Waarden F.V. «Governance» as a Bridge Between Disciplines: Cross-Disciplinary Inspiration Regarding Shifts in Governance and Problems of Governability, Accountability and Legitimacy // European Journal of Political Research. 2004. V. 43. N 2.
8. Klijn, E.H., Coppenhan J.F. Public Management and Policy Networks: Foundations of a Network Approach to Governance // Public Management. 2000. V. 2, N 2.
9. Meuleman L. Public Management and the Metagovernance of Hierarchies, Networks and Markets: The Feasibility of Designing and Managing Governance Style Combinations. Physica-Verlag A Springer Company, 2008.
10. Pollitt C., Bouckaert G. Public Management Reform: A Comparative Analysis - New Public Management, Governance, and the Neo-Weberian State. Third ed. N.-Y.: Oxford University Press, 2011.
11. Weber M. Bureaucracy. In: Economy and Society. Ch. XI. V. II. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1978. P. 215, 956 – 1005.

ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ И ИНВАЛИДОВ САНКТ- ПЕТЕРБУРГА

Ржаненков А.Н. (Санкт-Петербург)

Одной из основных задач, стоящих в настоящее время перед страной, является снижение экономических, социальных последствий кризиса и инновационное развитие ведущих институтов социальной сферы, в первую очередь – системы социальной защиты населения пожилого возраста и инвалидов. За последние годы, ситуация глобального экономического кризиса подтвердила необходимость инновационных преобразований в этой системе с учетом всех современных трансформаций социума. Возникла острая потребность в целенаправленном поиске инновационных социальных технологий для защиты пожилых и инвалидов из-за: – массового характера оказания им социальной помощи и поддержки; – стандартизации и унификации социальных услуг и других способов социального действия; – приоритетного социально ориентированного решения социальных проблем данной когорты людей в социальной политике города. Сейчас в ведении Комитета по социальной политике Санкт-Петербурга находится 37 специализированных учреждений социального обслуживания и 2 государственных унитарных предприятия, в том числе 25 стационарных (где проживает около 9 тыс. человек) и нестационарных (комплексные центры социального обслуживания населения, имеющиеся во всех районах города, в них функционирует более 600 структурных подразделений, где в 2011 г. Получили социальные услуги около 600 тыс. человек.). Одним из направлений социальной защиты одиноких граждан пожилого возраста, является предоставление им жилья в специальных домах с комплексом служб социально-бытового назначения. Сегодня в 13 районах города создано 18 таких домов, в которых проживает 1,2 тыс. человек, из них более 30% находятся на надомном социальном обслуживании комплексными центрами. В последнее время в Санкт-Петербурге внедрены и успешно реализуются инновационные социальные технологии – адресные социальные программы: «Сиделки», «Тревожная кнопка», «Социальное такси», предоставляющие эти социальные услуги жителям пожилого возраста и инвалидам. В 2011 г. за счет средств бюджета города услуги «сиделок» получили 1,8 тыс. человек, услуги «тревожная кнопка» были оказаны 10,6 тыс. петербуржцам, было реализовано 548,7 тыс. заявок на социальное такси. На заседании Правительства Санкт-Петербурга (25.04.12 г.) были подведены итоги реализации в 2011 г. Программы «Повышение качества жизни граждан пожилого возраста в Санкт-Петербурге» на 2011-2013 гг. Отлично, что в целом Правительством города выполняются социальные обязательства, предусмотренные мероприятиями Программы. Общий объем средств,

направленных на реализацию мероприятий Программы (2011 г.) составил 4,5 млрд. рублей. Общий объем бюджетных средств на финансирования других направлений социальной политики города в отношении пожилых людей составил более 20,6 млрд. руб., из них средств бюджета Санкт-Петербурга – 17,2 млрд. руб., федерального бюджета – 3,4 млрд. рублей. Кроме того, в городе реализуется план мероприятий по развитию доступной среды жизнедеятельности для инвалидов на 2011-2012 гг. Дальнейшее инновационное развитие системы социальной защиты населения пожилого возраста и инвалидов должно включать трансформации модели ее государственного регулирования, направленные на диверсификацию форм участия государства, внедрение многосубъективных организационно-правовых норм, повышение взаимной ответственности государства и личности, переориентацию пожилого населения на самозащитные социальные технологии. Внедрение инновационных социальных технологий в структуры социальной сферы сервиса позволяет перейти на новую ступень создания и функционирования учреждений системы социальной защиты населения, качественно социальных услуг людям пожилого возраста и инвалидам.

ЭЛИТАРНОСТЬ И ИНКЛЮЗИВНОСТЬ: ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ ПРИ ПЕРЕХОДЕ К ИНКЛЮЗИВНОМУ МУЗЫКАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ

Рубцова М.В., Вершинина В.И. (Санкт-Петербург)

Социальные изменения, проходящие в современном обществе, изменяют систему координат, по которой раньше профессиональным сообществом оценивался уровень профессионализма. Одним из интересных примеров взаимодействия профессионального сообщества с быстро меняющейся социальной средой является введение инклюзивного музыкального образования. В Санкт-Петербурге есть музыкальные учебные заведения разных типов. Специфика школы с углубленным изучением предметов музыкального цикла такова, что обучение музыкальным предметам неотделимо от обучения общеобразовательным предметам, что представляет сложность в отличие от обыкновенных музыкальных школ. В такой школе обучаются как дети, имеющие хорошие профессиональные данные, стремящиеся стать музыкантами, так и дети, не имеющие музыкальных способностей, посещающие занятия

для общего развития. В последнее время все чаще в школу приходят обучаться «особые» дети, которые требуют повышенного внимания преподавателей и особых методик обучения. Вместе с тем,, профессиональное сообщество педагогов-музыкантов часто не приемлет работы с детьми, не имеющими данных, детей с проблемами со здоровьем, ссылаясь на «элитарность» музыкального образования, отсутствие стимулов для работы с детьми, которые не станут профессионалами. Особенно остро встает проблема с «особыми» детьми, которые нуждаются в обучении музыке как музыкотерапии. В обычной практике музыкальных школ существуют мероприятия для оценки деятельности педагогов и их учащихся. Часто дети, показывающие плохие результаты в обучении, прослушиваются отдельно, не выставляются на общие мероприятия. Но практика показывает, что именно включение слабых детей в данные мероприятия может позволить достигнуть положительной динамики в обучении. Достаточно сложно убедить преподавателей-музыкантов, что обучение музыке может быть просто полезно для здоровья ребенка, и любой результат должен быть поддержан. Совмещение элитарного и инклюзивного образования показывает, что проблемы управления персоналом могут быть укоренены в системе ценностей профессионального сообщества. Задача системы управления в таком случае состоит в комплексной работе с изменением ценностных ориентаций.

ТЕХНОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИЕЙ МОЛОДЕЖИ

Селина А.П. (Петрозаводск)

Профессиональное самоопределение длится в течение всей жизни: человек выбирает профессию, проходя стадии фантазии, проб, выборов, их реализации, затем вступает в профессию, позднее меняет порой саму профессию или специальности внутри неё, в зависимости от изменений в мире профессии, от изменений в самом себе, от отношения к труду. В настоящее время подчеркивается, что правильный выбор профессии и нацеленная на это профориентация важны не только с позиции определения жизненных планов человека, но и с точки зрения развития общества в целом. Решение этого жизненно важного вопроса происходит порой стихийно и случайно, молодым людям не оказывается достаточная помощь. Рыночные отношения формируют новые требования к работнику. Привычные

ценностно-нормативные стереотипы в сфере занятости ориентировали на стабильность, неизменность, гарантированность. В современных условиях одним из главных факторов, определяющих комплекс социально-экономических условий осуществления трудовой деятельности, становится негарантированная занятость. Таким образом, в рыночных условиях становится актуальным возрастание потенциала трудовой мобильности, под которой понимается изменение трудового статуса (переход из состояния занятости в состояние незанятости, смена профессий и т.д.). Можно прийти к выводу о том, что первоначальный процесс выбора профессии является ответственным. А также, процесс профессиональной ориентации в современном обществе занимает все больший временной период жизни каждого индивида, в связи с возможной необходимостью получения новой профессии. Кроме того, сегодня проблема профориентации приобретает особый вес, так как условия жесткой конкуренции на рынке труда затрудняют адаптацию подростков в обществе. И здесь грамотная профориентационная работа специалистов может сыграть свою позитивную роль в воспитании молодого поколения профессионалов различных профилей. И очень важно построить работу по профориентации и профконсультированию, в частности, таким образом, чтобы решение о выборе профессии стало самостоятельным, рожденным в совместной работе учащегося и консультируемого, так как профессиональная направленность подростка во многом зависит от его личностных особенностей. Отказ государства от контроля данной сферы вызвал формирование у молодежи установки на активное самоопределение. Отмена централизованного планирования и директивного распределения, отсутствие продуманного механизма прогнозирования развития сфер рынка труда усложняет учет потребностей государства в необходимых профессиональных кадрах, что приводит к рассогласованию рынка образовательных услуг и рынка труда, несоответствию запросов последнего предложениям учреждений профессионального образования, а, следовательно, к затруднению трудоустройства и росту безработицы. Актуальность избранной проблемы продиктована и тем, что социологический анализ процесса профессионального выбора, профессионального становления личности и факторов, влияющих на них в современных условиях, находится в начальной стадии. Таким образом, в этой ситуации всестороннее исследование профессиональной ориентации школьников как объекта социологической науки становится

исключительно значимой проблемой для общества не только в научном, но и в практическом плане.

ИМИДЖ ОРГАНИЗАЦИИ КАК ОБЪЕКТ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ.

Сибирев В.В. (Санкт-Петербург)

Формирование и поддержание положительного имиджа организации в рыночных условиях является важным направлением управленческой деятельности. Имиджем необходимо управлять постоянно, так как это понятие динамическое, оно не создается раз и навсегда. Его нужно постоянно поддерживать, а для этого необходимо знать и понимать зоны риска. Социальные аспекты управления имиджем является предметом социального управления. «Социальное управление – это процесс управления в различных типах общностей, организации, институтов и общества в целом, осуществляемый для сохранения и обеспечения устойчивости развития соответствующей системы, упорядочения и совершенствования ее структуры, достижения ее целей» [1, с.14]. Можно выделить два направления социального управления имиджа организации – внутренний и внешний. Внутренний это создание сплоченного коллектива и корпоративной культуры внутри организации, а внешний это взаимодействия с целевыми аудиториями. Как внутреннее, так и внешнее управление имиджем начинается с определения миссии и стратегии организации. Миссия фирмы это цель ради которой существует компания, а стратегия это как эта цель будет достигаться [2, с.14]. Сотрудники должны быть информированы о задачах, целях и результатах работы организации. . Это очень важно, иначе сотрудники не будут знать предназначение организации и к какой цели они будут стремиться. Эти цели, задачи должны транслироваться во внешнюю среду и являются своеобразным «фундаментом» имиджа любой организации. На основе миссии выстраивается внутренний имидж. По Алексею Биницкому, внутренний имидж - это «восприятие и психологическое отношение к компании ее сотрудников, менеджеров, собственников, акционеров, правления и материнских организаций, составляющих внутреннюю среду компании» [3]. Главной функцией внутреннего имиджа является формирование организационной культуры, в которой каждый работник идентифицирует себя с организацией. А это, в свою очередь, ведет к тому, что сотрудники данной

организации будут более активно трудиться и отдавать все силы общему делу, а также стремиться к развитию себя и повышению собственной квалификации. Можно выделить следующие мероприятия направленные на управление внутренним имиджем: создание единого сплоченного коллектива, формирование доверительных отношений между руководством и сотрудниками, надежность и развитость горизонтальных и вертикальных связей, социальные гарантии, система з\п, возможность карьерного роста и хорошая моральная атмосфера и т.д [4, с.135]. Таким образом, формирование внутреннего имиджа неразрывно связано с социальным управлением в организации [5, с.39]. Помимо этого одной из задач социального управления имиджем любой организации является целенаправленная информационная работа, ориентированная на целевые группы и учитывающая их социальные характеристики. Можно выделить четыре целевые аудитории во внешней среде, которые вступают с организацией в коммуникационный процесс. • Потенциальные работники. • Партнеры организации. • Органы власти и управления (партии, законодательная и исполнительная власть) • Общественность. Здесь сложность управления заключается в том, что каждая целевая группа имеет свои собственные интересы, которые частично могут противоречить друг другу. Учет этих интересов положительно сказывается на восприятии организации. Но проблема в том, что организация не может учитывать интересы всех одновременно. Главной задачей организации является понимание того, как ей действовать, чтобы не нанести удар по себе самой в стремлении угодить всем и своему имиджу, так как имидж влияет на репутацию организации, отражается на ее деловых отношениях с целевыми группами. Организации важно понять, какая целевая аудитория ей наиболее важна и, отталкиваясь от этого, строить свой имидж. Вот именно поэтому, основной задачей социального управления имиджем организации является анализ соотношения интересов участников взаимодействующих сторон, установление различий между тем, что организация транслирует и тем как ее воспринимают окружающие.

Литература

1. Иванов В.Н. Основы социального управления. - М,2001. С.287.
2. Би. Дж. Имидж фирмы. Планирование, формирование, продвижение.-Спб.: Издательство «Питер», 2000.С.224.

3. Бинецкий А.Э. Внутренний имидж компании. – Электронный ресурс: режим доступа <http://www.ippnou.ru/article.php?idarticle=001840>

4. Решетникова И.И. Формирования и развитие делового имиджа. М.: ЗАО Издательство Экономика, 2008 С. 272

5. Оксинойд К. Э., Розина Е. В Управление социальным развитием и социальная работа с персоналом организации. – М. Издательство «Прспект», 2012. С.64.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ВРЕМЕНИ КАК ОРГАНИЗАЦИОННО-КУЛЬТУРНЫЙ ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА ПРЕДПРИЯТИЯ.

Смирнова А.Ю. (Саратов)

Целью данной статьи является анализ социально-психологического содержания инновационного потенциала и детерминант инновационного развития организаций. Инновационная активность и инновационный потенциал предприятий находятся в сфере исследовательского внимания многих отечественных и зарубежных авторов. [1, 2; 3, 4; 5, 6; 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 22, 24]. Инновационность изучается на индивидуальном и групповом уровнях. Ряд исследователей связывают ее с креативностью [16], другие, напротив, диверсифицируют эти понятия [2, 3, 24]. Рядом исследователей инновационный потенциал понимается как способность личности находить идеи за рамками системы и привносить их внутрь, способность эффективно представлять и претворять новые идеи [5; 9]. Последнее определение, на наш взгляд, акцентирует внимание на необходимости рассматривать инновационный потенциал организации именно в контексте потенциала организации как открытой сложной социальной системы, а не с точки зрения поотенциала отдельной личности. Современная деятельность, в какой бы сфере она не протекала, все более требует трансдисциплинарного синтеза знаний [14], тем более, если эта деятельность протекает в сфере создания инноваций [7]. Данное обстоятельство опять подчеркивает важность рассмотрения инновационного потенциала организации и факторов его детерминирующих именно на групповом уровне. Инновационный потенциал организации часто связывается с креативностью ее работников. Т. Любарт с коллегами создали концепцию кротивности,

основанную на симбиотическом сочетании личностных (интеллектуальные процессы и интеллектуальный стиль, личностные особенности индивида; знания; мотивация) и средовых (культурных) факторов [16]. Редкость же креативности обуславливают именно несочетание этих внешних и внутренних факторов. Таким образом, повышение инновационного потенциала организации и повышение уровня креативности каждого ее отдельного работника неразрывно связаны с созданием соответствующей организационной среды, где эти внутренние predispositions креативности смогут развиваться в истинное ее проявление, обеспечив инновационное развитие предприятия. С. Московичи, анализируя социально-психологическое содержание процесса инновации, определяет его как процесс создания новых социальных представлений, источником которого обычно становится групповое меньшинство или индивид [17]. Внимание авторов к феномену социальных представлений, а также целесообразность рассмотрения инновационного потенциала организации как целостной группы делает целесообразным, на наш взгляд, внимание к феномену культуры. Культура может являться объектом социально-психологического вмешательства на индивидуальном, интраорганизационном и интерорганизационном уровнях. Содержание социальных представлений определяет нормы, декларируемые ценности и артефакты [23], то есть именно социальные представления определяют инновационный потенциал организации и детерминируют ее инновационное развитие. Нами были получены эмпирические данные о различии представлений, свойственных инновационным предприятиям и компаниям, развивающимся традиционно, и разработана социально-психологическая модель инновационной организационной культуры [21]. К числу выявленных различий относятся различия в представлении о миссии организации, представления о работнике, деятельности, способе взаимодействия со средой; о роли обучения, карьере, а также представления о времени и др. [17, 18, 19]. Следует отметить, что в число этих отличительных культурных особенностей вошла также высокая интолерантность к неопределенности и риску в деятельности, в то время, как среда, в которой функционируют инновационные предприятия характеризуется высокой сложностью и изменчивостью. Кроме того, изменения, которые вынуждены реализовывать предприятия, оптимизирующие свою стратегию в целях увеличения инновационного компонента принимают на себя дополнительные инновационные риски. В целях анализа появившихся ограничений нами было выполнено исследование, в

котором мы опросили руководителей инновационных предприятий какие отличительные особенности их организаций (в соответствии с разработанной социально-психологической моделью) обуславливают их успех в работе. Помимо объективных факторов, таких как практический опыт в работе, респондентами были отмечены способность строить долгосрочные планы и ориентация на будущее. Мы предположили, что особое представления о времени – это как раз тот субъективный фактор, который позволяет компенсировать риски. Нами были опрошены руководители инновационных предприятий и обнаружена корреляция между субъективной оценкой уровня рискованности среды и срочностью планирования (0,84), а также стремлением ориентироваться на стандарты будущего (0,64). Таким образом, можно заключить, что увеличение горизонта планирования является ресурсом, который позволяет минимизировать риск внешней среды. Экстраполируя полученные результаты и разработанную ранее социально-психологическую модель инновационной организационной культуры на интерорганизационный уровень, мы хотели бы отметить, что срочности планирования инновационных предприятий и иных (мы анализировали промышленные предприятия и вузы) значительно отличаются ($f=4,983$); значимы различия и в ориентации на стандарты будущего/стандарты сегодняшнего дня ($f=2,33$). Резюмируя вышеизложенное, следует отменить, что анализ социально-психологического содержания инновационного потенциала и детерминант инновационного развития предприятия является важной научной задачей, требующей интеграции усилий различных научных дисциплин. Социальная психология, категориальный аппарат которой позволяет раскрыть глубинное содержание феномена культуры должна акцентировать свое исследовательское внимание именно на культурной детерминации инновационного развития предприятий. На основании выполненного эмпирического исследования в числе прочих аспектов организационной культуры, детерминирующих инновационное развитие, следует отметить роль представлений о времени, как фактора, выступающего компенсатором уровня воспринимаемого риска, а следовательно, делающего инновационные изменения более возможными.

Литература

1. Agarwal, R., Prasad, J. A conceptual and operational definition of personal innovativeness in the domain of information technology// *Information Systems Research*, 9(2), 1998, pp. 204-215.
2. Creativity in the opportunity identification process and the moderating effect of diverse information, Gielnik, M. M., Frese, M., Graf, J. M., & Kampschulte, A. (2012). Creativity in the opportunity identification process and the moderating effect of diverse information, *Journal of Business Venturing*, 27(5), 559–576.
3. Frese, M., Chell, E., & Klandt, H. (Eds.) (2000). *Psychological approaches to entrepreneurship. Special issue for the European Journal of Work and Organizational psychology* (Vol. 9, No. 1 2000). Hove, East Sussex, UK Psychology Press
4. Goldsmith, R. E. Personality Characteristics Associated With Adaption- Innovation// *Journal of Psychology*, № 117, 1984, pp. 159-165.
5. Grewal, R., Mehta, R., Kardes, F.R. The role of the social-identity function of attitudes in consumer innovativeness and opinion leadership // *Journal of Economic Psychology*, №21, 2000, pp. 233-252.
6. Hirschman, E. Innovativeness, Novelty Seeking, and Consumer Creativity // *Journal of Consumer Research*, 7 (December), 1980, pp. 283-295.
7. Ichijo and Nonaka, Knowledge creation and management: new challenges for managers. Oxford university press, 2007. 336 p.
8. Kirton, M.J. KAI manual, 2nd edn. Hatfield: Occupational Research Centre, 1987
9. Larsen, T.J., Wetherbe, J.C. An exploratory field study of differences in information technology use between more- and less-innovative middle managers // *Information & Management*, Vol. 36, Issue 2, August 1999, pp. 93-108.
10. Leung K. Innovation and entrepreneurship: a Chinese perspective. *International Journal of Psychology* P. 556. XXX International Congress of Psychology/ Cape Town, South Africa, July 22-27, 2012, abstracts.
11. Noppers E. Signaling with sustainable innovations. *International Journal of Psychology* P. 556. XXX International Congress of Psychology/ Cape Town, South Africa, July 22-27, 2012, abstracts.
12. Schillewaert, N., Ahearne, M., J., Frambach, R.T., Moenaert, R.K. The adoption of information technology in the sales force // *Industrial Marketing Management*, Vol. 34, Issue 4, May 2005, pp. 323-336.
13. Smirnova A. Y. Determinants and Restrictions of Organizational Development (Large Industrial Enterprise Case Study)/

«Организационная психология : люди и риски» : сб. материалов II российско-американской науч. конф. / под ред. проф. Л.Н. Аксеновской. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2011. С. 59-63.

14. Teece J. Dynamic capabilities and strategic management, Oxford university press, 2009. 299 p.

15. Zhang W. The relationship between innovation culture and transformational performance of small and medium firms in China. International Journal of Psychology P. 556. XXX International Congress of Psychology/ Cape Town, South Africa, July 22-27, 2012, abstracts.

16. Любарт Т. Психология креативности. М.: Когито-Центр 2009 г. С. 58, С. 58.

17. Московичи С. Социальная психология. 7-е изд. под редакцией СПб: Питер. 2007 г. С. 65.

18. Понукалин А.А. Социальная психология управления инновационной деятельностью // Известия Саратовского университета. Новая серия. – Серия Философия. Психология. Педагогика, выпуск 4. – 2011 – Том. 10. - С. 83-88.

19. Смирнова А.Ю. Культурные детерминанты инновационного развития организаций. «Организационная среда 21 века: статьи и доклады 3 международной научно-практической конференции. М. 24 апреля 2012 г. ISBN 978-5-7764-0060-7

20. Смирнова А.Ю. Оценка совместимости культурных характеристик как метод социально-психологического анализа организационной культуры : дис. канд. психол. наук. 19.00.05 – социальная психология. Саратов, 2010. 240 с.

21. Смирнова А.Ю. Социально - психологическая модель организационной культуры инновационного предприятия Опыт и перспективы развития университетской психологии в Саратове. Материалы юбилейной научно-практической конференции 9-12 декабря 2011 года., Саратов, ИД «Дельта», 2011. ISBN 978-5-9758-1354-1. С. 178-187.

22. Социальная психология в трудах отечественных психологов. Свенцицкий А.Л. СПб., 2000. С. 95

23. Шейн Э. Организационная культура и лидерство. 3-е изд. СПб.: Питер, 2007. 336 с.

24. Яголковский С. Р. Психология инноваций: подходы, модели, процессы. М. 2010. 236 с.

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОРГАНОВ МЕСТНОГО
САМОУПРАВЛЕНИЯ С НАСЕЛЕНИЕМ: НАПРАВЛЕНИЯ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

Смирнова А.С. (Санкт-Петербург)

Исследование вопросов местного самоуправления достаточно давно привлекает внимание социологов. Ведь с точки зрения населения - решение местных вопросов - это показатель действенности власти, как на местном уровне, так и на уровне страны в целом. Именно от качества местного самоуправления во многом зависит социальное самочувствие жителей региона. Оно подразумевает под собой сложный, динамичный, комплексный показатель социальных мироощущений личности, социальных общностей и групп. В проводимом исследовании предлагается форма анализа, обеспечивающая учет мнений как непосредственно жителей муниципального образования, так и представителей органов муниципальной власти. Данная методика позволит сопоставить отношение обеих сторон к исследуемым проблемам и выработать единый подход к их решению. Тема социологического исследования такова: «Изучение практик взаимодействия органа местного самоуправления и населения». Что же такое местное самоуправление? Местное самоуправление – это государственное разрешение населению решать некоторые вопросы местного значения, такие как создание и празднование национальных праздников, проведение уборки территорий и др., учитывая интересы всех жителей местной территории. Основными же задачами муниципальной службы в Санкт-Петербурге являются: • обеспечение прав и свобод человека и гражданина на территории муниципальных образований; • обеспечение реализации положений Конституции Российской Федерации федерального законодательства, Устава Санкт-Петербурга, законов Санкт-Петербурга, уставов муниципальных образований, правовых актов органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления на соответствующей территории. Местное самоуправление в соответствии с Конституцией РФ осуществляет некоторые функции. Одними из основных являются: 1) обеспечение участия населения в самостоятельном решении местных вопросов; 2) обеспечение социально-экономического развития соответствующей территории; 3) осуществление защиты интересов и прав местного самоуправления. Рабочая группа на базе кафедры социального управления и планирования СПбГУ проводилось социологическое исследование, суть которого состояла в том, чтобы выявить развитие потенциала местного самоуправления как института, лежащего в

основе демократии и гражданского общества. Существует так же еще одна проблема: местная власть продолжает оставаться самой непопулярной формой власти в стране, это отражается на показателях явки на местные выборы, у населения отсутствует интерес к работе местных органов власти, учитывая то, что именно от их деятельности зависит благополучное существование населения территории. Отсутствует систематическое, необходимое для повышения качества самоуправления, взаимодействие местных органов власти с населением. Исследование проходило среди населения Санкт-Петербурга, выборочная совокупность, которой составила 400 человек (178 мужчин и 222 женщины). Так же в исследовании участвовали муниципальные служащие Санкт-Петербурга и из всей генеральной совокупности были выбраны те представители, которые компетентны в вопросах взаимодействия с населением. Такими специалистами в местном самоуправлении города являются муниципальные мэры и их заместители (20 человек). Целью данного социологического исследования был анализ существующего взаимодействия между органом местной власти и населением и создание правила взаимодействия, направленных на его увеличение и, тем самым, на повышение качества работы института местного самоуправления. Для достижения поставленной цели нам необходимо было решить такие задачи как: охарактеризовать функционирование института местного самоуправления в Санкт-Петербурге на основе формальных источников информации, выявить практики взаимодействия в местном самоуправлении двух взаимодействующих сторон: муниципальных служащих и населения муниципальных образований Санкт-Петербурга, выявить правила взаимодействия в местном самоуправлении. Теоретическим объектом исследования является качество местного самоуправления в Санкт-Петербурге, а эмпирическим объектом взаимодействие в местном самоуправлении Санкт-Петербурга, как основа повышения его качества. Предметом данного исследования выступают правила взаимодействия в местном самоуправлении, складывающиеся в реальной практике сторон на уровне муниципального управления. О высоком качестве в институте местного самоуправления можно говорить тогда, когда взаимодействие между сторонами осуществляется регулярно, напрямую, непрерывно и целенаправленно для решения актуальных вопросов. Следовательно, в системе Public Administration значимой является не только компетентность профессиональных управленцев, но и населения в вопросах взаимодействия с властью. На наш взгляд, показателями

данной компетентности могут выступать: знание конституционных прав и обязанностей местного сообщества, знание основных органов исполнительной власти (с их реквизитами), в которые следует обращаться при решении местных вопросов, легитимированный доступ в органы местного самоуправления. В ходе исследования мы постарались ответить на следующие вопросы: 1. Какие правила взаимодействия в институте местного самоуправления существуют у взаимодействующих сторон сейчас? 2. Какие из существующих правил необходимо изменить для того, чтобы повысить частоту взаимодействия сторон, чтобы тем самым способствовать повышению качества местного самоуправления? Социологическое исследование состоит из трех этапов. Каждому этапу исследования соответствуют определенные методы. Первый этап: анализ законодательно-правовой базы и внешней информации по вопросу местного самоуправления в Санкт-Петербурге. Для него был выбран метод анализа документов. Следующий этап: анкетный опрос населения Санкт-Петербурга. Соответственно был выбран опрос населения при помощи анкетирования. Последний этап: интервьюирование муниципальных служащих Санкт-Петербурга. Выбран метод интервьюирования. В результате проведенного исследования были сформулированы определенные выводы, основным из которых является следующий: если характеризовать тип отношений между органами власти и населением, то 50% отмечают «содействие», 31 % «равнодушие», 10% «сотрудничество», 7%: «покровительство» и 2% «конфликт». Благодаря полученным данным можно сказать, что большинство населения Санкт-Петербург достаточно позитивно оценивают действия местного самоуправления на определенных территориях.

Литература

1. Закон Санкт-Петербурга о муниципальной службе в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург 15 февраля 2000 года N 53-8).
2. Конституция Российской Федерации.
3. Медведев Н.П. Социальное самочувствие личности: вопросы содержания, измерения и оценки // Социальное самочувствие населения в современной России: Тезисы докладов Всероссийской научно-практической конференции. Ростов-на-Дону, 2010. Интернет источники.
4. <http://enc-dic.com/polytology/Mestnoe-samoupravlenie-89.html> - Интернет словарь.

СИСТЕМА ПОКАЗАТЕЛЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИННОВАЦИОННОГО ЦЕНТРА

Сошнев А.Н. (Санкт-Петербург)

Инноватике в стратегии развития Российской Федерации отводится ключевое место. Переход от сырьевой модели функционирования к интеллектуальной предполагает изменение не только экономики, на что сегодня обращается внимание, но и переустройство общества, изменение структуры кадрового потенциала, интеллектуализация рынка труда, развитие безлюдных технологий и пр. Совершение такого прорыва предполагает организационное оформление точек роста, которые могут стать катализаторами в изменении характера воспроизводства общества. Именно такая роль отводится инновационным центрам, создаваемым в России. Однако создание инновационных центров не гарантирует эффективность их деятельности. Из большого количества технопарков и наукоградов результативными оказываются единицы. Отсюда следует, что необходимо создать методику анализа деятельности инновационных центров, которая бы учитывала их специфику, особенности выполняемых функций, жизненный цикл самого инновационного центра. Нами предлагаются подходы к разработке такой методики. Последняя включает следующие элементы: во-первых, систему показателей; во-вторых, информационную базу; в-третьих, правила проведения анализа. Построение системы показателей деятельности инновационных центров предполагает решение следующих вопросов. 1. Определение положения инновационного центра на мировом уровне; 2. Определение положения инновационного центра на народно-хозяйственном уровне; 3. Определение положения инновационного центра в поселении. 4. Определение условий деятельности инновационного центра как хозяйствующего субъекта; 5. Определение условий деятельности инновационного центра как трудового коллектива. В обосновании целей и задач инновационного центра важно учитывать перспективы развития определенных направлений инноватики, как на мировом, так и на национальном уровне. В качестве показателей характеризующих положение ИЦ на мировом уровне предлагается следующее:

1. Научная специализация инновационного центра – качественная характеристика;

2. Место на мировом уровне в рамках специализации – долей собственного научного результата в мировом научном контенте – числом публикаций имеющих мировое признание, международных премий присужденных сотрудникам ИЦ, индексами цитирования публикаций, количеством международных конференций, симпозиумов проводимых ИЦ;

3. Интернационализация коллектива ИЦ – долей иностранных сотрудников, работающих в ИЦ; 4. Заинтересованность мирового сообщества в деятельности ИЦ – объемами иностранных инвестиций привлекаемых в ИЦ. В зависимости от особенностей инновационного центра данный блок показателей может быть расширен за счет, например, региональной составляющей. К примеру развитие отношений стран Евразии, ШОС, ОДКБ и других международных объединений целесообразно дополнить созданием международных центров. Положение инновационных центров на государственном уровне целесообразно отобразить следующими показателями:

1. Показатели результативности деятельности ИЦ:

1.1. Доля народнохозяйственного продукта (валового, конечного) в стоимостном выражении, производимая с использованием результатов ИЦ.

1.2. Доля народнохозяйственного продукта, произведенная с использованием результатов ИЦ в натуральном выражении.

2. Конкурентоспособность результатов деятельности ИЦ на народнохозяйственном уровне;

3. Показатель ведущей роли ИЦ на государственном уровне – количество организованных национальных конференций, симпозиумов, форумов:

- количеством мероприятий обеспечивающих квалификации специалистов по профилю ИЦ;
- числом специалистов, повысивших квалификацию.

Инновационные центры имеют свою пространственную закреплённость. Они могут выступать градообразующим элементом, центром вокруг которого формируется городская среда. Представляется очень важным оценить роль ИЦ в жизни города. Для этого рационально использовать следующие показатели:

1. Доля работников ИЦ в общей численности трудоспособного населения города (района);

2. Среднедушевой доход жителей города в сравнении со среднедушевым доходом работников ИЦ;

3. Обеспеченность жильем сотрудников ИЦ в городе;

4. Влияние деятельности ИЦ на состояние экологии города;
5. Доля энергетики и коммунальных услуг потребляемых ИЦ;

6. Состояние сферы досуга в городе и роль ИЦ в развитии образования и культуры города.

Инновационный центр как хозяйствующий субъект имеет недвижимое и движимое имущество, финансовые средства, интеллектуальную собственность. Для оценки экономического состояния ИЦ, его устойчивой деятельности рационально воспользоваться приемами комплексного хозяйственно-экономического анализа. В числе показателей можно рекомендовать следующее:

1. Показатели эффективности управления;
2. Показатели структуры и динамики доходов;
3. Показатели использования производственных ресурсов;
4. Показатели расходов ИЦ;
5. Показатели прибыли;
6. Показатели рентабельности;
7. Показатели использования активов ИЦ;
8. Показатели инвестиционной деятельности;
9. Показатели финансового состояния: устойчивости, ликвидности.

Инновационный центр представляет собой трудовой коллектив, имеющий особые условия организации.

Для оценки его состояния целесообразно использовать следующие группы показателей:

1. Полодемографические;
2. Профессионально-квалификационные;
3. Социально-психологические;
4. Социально-правовые;
5. Организационно-технологические, включающее характеристики организации и состава трудового коллектива.

Предложенная система показателей деятельности инновационного центра в зависимости от его специфики может дополняться другими показателями. т.е. система имеет открытый характер.

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ВОЛОНТЕРСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Стагнеева А.В. (Белгород)

Раскрытие сущности инновационного потенциала волонтерских организаций целесообразно осуществлять через определение составных его категорий, то есть таких понятий как «потенциал», «инновации» и «волонтерские организации». В Большой Советской Энциклопедии термин «потенциал» трактуется как «...средства, запасы, источники, имеющиеся в наличии и могущие быть мобилизованы, приведены в действие, использованы для достижения определенных целей, осуществления плана, решения какой-либо задачи; возможности отдельного лица, общества, государства в определенной области» [1]. Инновация – понятие неоднозначное, в литературе насчитываются сотни определений данного термина. Например, Б. Санто считает, что это такой общественный, технический, экономический процесс, который через практическое использование идей и изобретений приводит к созданию лучших по своим свойствам изделий, технологий [2, 24]. Ф.Ф. Бездудный трактует инновацию как процесс реализации новой идеи в любой сфере жизнедеятельности человека, способствующей удовлетворению существующей потребности на рынке и приносящей экономический эффект [3, 8]. Также инновация рассматривается как новшество в производственной и непроизводственной сферах, в области экономических, социальных, правовых отношений, науки, культуры, образования, здравоохранения ... и т.д. [4, 367]. Волонтерские организации представляют собой добровольные некоммерческие формирования, созданные по инициативе граждан, объединившихся на основе общности интересов, осуществляющих благотворительную деятельность в форме безвозмездного труда; это союзы людей, объединенных каким-либо социально значимым интересом, отраженным в программе организации. Такие программы направлены на улучшение жизни человеческого сообщества, в том числе на предоставление социальной помощи и услуг. Их деятельность основана на трех основных принципах: защита общих интересов своих членов, вступление в организацию только по личному желанию каждого, неправительственная и негосударственная сущность организации. Возникновение волонтерских организаций обусловлено коренными общественными изменениями. В ситуации социальной неопределенности и социальной аномии катастрофически увеличивается численность маргинальных, неадаптированных членов общества, неспособных к самоорганизации. Подобное состояние общества, угрожая социальному равновесию, порождает потребность в оказании

целенаправленной помощи нуждающимся социальным группам и отдельным гражданам, при этом оказывается не только материальная и финансовая помощь, но и создаются условия для их адаптации и организации их социального участия. Итак, в условиях, когда государство разделяет ответственность за социальное развитие общества с гражданами, полагая конец патерналистской модели социальной политики и психологии социального иждивенчества, возрастает роль волонтерской работы и организаций ее осуществляющих [5]. Таким образом, инновационный потенциал волонтерских организаций есть не что иное, как совокупность различных видов ресурсов, включая в первую очередь человеческие ресурсы, а также материальные, информационные и иные ресурсы, необходимых для осуществления неоплачиваемой, сознательной, добровольческой деятельности на благо других и способствующих реализации новшеств в любой сфере жизнедеятельности человека. Волонтерство, являясь, инновационным ресурсом социального партнерства и развития гражданского общества, является практической платформой для объединения общественно-государственных усилий при решении проблем в социально значимых сферах жизни: образование, здравоохранение, спорт, культура, обустройство и развитие территорий, помощь нуждающимся пожилым людям, детям, инвалидам, другим категориям незащищенных слоев населения. Практический аспект понятия «инновационный потенциал» отражен в работах П. Друкера, который отмечал, что инновации начинаются с анализа имеющегося потенциала с целью его эффективного использования [5]. Возможности волонтерской деятельности обусловлены тем, что, будучи воспитательным, образовательным и развивающим процессом, она способствует приобретению полезных жизненных умений, активизирующих личностный рост и индивидуальное развитие, межличностное общение и взаимодействие, пропагандирует и укореняет в обществе фундаментальные ценности такие, как добро, милосердие, сострадание, справедливость, солидарность, отзывчивость и другие, а также создает условия для реализации ресурса свободы, предоставляет людям поле выбора. Развитие волонтерских организаций в России – задача инновационного характера, поскольку волонтерство это весьма эффективный способ вовлечения людей в социальную практику через создание условий для их свободного доступа и участия в общественно значимой деятельности. Кроме того, потенциал волонтерских организаций выражается в том, что добровольцы

способны вносить существенный вклад в реализацию задач важнейших сфер жизни общества: социальной политики, развития гражданского общества, социального и экономического, и в целом – задач инновационного и модернизационного развития страны.

Литература

- 1 . Большая Советская Энциклопедия / Гл. ред. А.М. Прохоров. – Т. 20. – М.: Изд. «Советская энциклопедия», 1975.
2. Санто Б. Инновация как средство экономического развития. – М.: Прогресс, 1990.
3. Бездудный Ф.Ф., Смирнова Г.А., Нечаева О.Д. Сущность понятия инновация и его классификация // Инновации. – 1998. – № 2-3(13).
4. Финансово-кредитный энциклопедический словарь / Под общ. ред. А.Г. Грязновой. – М.: Финансы и статистика, 2004.
5. Гордилова О.А., Гнездилова М.С., Лахнова В.В. Волонтерство как социальный феномен: учебно-методическое пособие. – Белгород: ИПЦ «ПОЛИТЕРРА», 2008.
6. Васюхин О.В., Павлова Е.А. Развитие инновационного потенциала промышленного предприятия. – М.: Издательство «Академия Естествознания», 2010.

АНАЛИЗ СТРУКТУРЫ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА В ИННОВАЦИОННОМ ПРОЦЕССЕ

Фобьянчук А.А. (Москва)

В необходимости успешного развития общества лежат предпосылки потребности качественных изменений, только определяются методы, с помощью которых осуществляется данный процесс. В определении действий по выстраиванию бизнес структуры учитываются все ресурсы влияющие на потенциал эффективной работы организации. Одним из основных ресурсов в функционировании организационной структуры является человеческий ресурс организации или точнее сказать социальный капитал организации. Инновационная деятельность неразрывно связана с социальной средой, так как в ее основе лежит деятельность человека, коллектива людей с интервалом выработки идеи до выпуска самой продукции и включающая такие элементы как совершенствования и корректировка процесса, удовлетворение спроса на эту продукцию, услугу. Инновационное развитие – это

основа успешного становления общества в постиндустриальный период. Что же включается в понятие инновация? Инновационная деятельность рассматривается с разных точек зрения: в связи с технологиями, коммерцией, социальными системами, экономическим развитием и формулированием политики. Более общее понятие инновации принято считать коммерциализированное новшество, несущее в себе высокую потребность обществом. Необходимо понимать, что данное новшество, выраженное в виде товара или услуги, предлагается обществу за определенную плату. Плата является определенным показателем потребности общества в этом продукте. Такое новшество несет в себе конечный результат интеллектуальной деятельности человека, его фантазии, творческий процесс, открытия изобретений и рационализации в виде новой или отличной от предшествующей продукции. Инновация это не всякое новшество или нововведение, а только такое, которое серьезно повышает эффективность действующей системы производства, в основе которой находится социальный капитал. Социальный капитал – это совокупность активов в социуме используемых для получения вновь создаваемого блага увеличивая при этом производительность труда. Анализируя, какие процессы происходят внутри социально - инновационной среды и что сплачивает непосредственно людей в данном трудовом коллективе, попытаемся охарактеризовать сам социальный капитал, опираясь на системный метод исследования. Социальная структура - совокупность взаимосвязанных элементов, составляющих внутреннее строение коллектива в инновационной деятельности. В свою очередь социальная структура организации является конституцией социальной среды, которая включает в себя людей осуществляющих свою деятельность с инновационным началом. В таком случае, каждый работник должен отвечать определенным требованиям необходимым для работы в коллективе, причем в коллективе выполняющим совместную работу, нацеленную на конечный успешный результат. Для осуществления подбора такого персонала, по созданию творческого коллектива, применяются научные методики, лежащие в основе работы кадровой службы предприятия или организации. Всем известно, что социальная структура в реальной деятельности по производству товаров или предоставлению услуг является не однородной. Такая структура может состоять из различных элементарных групп, например группы расовые, возрастные, профессиональные, по месту постоянного проживания, партийные и т.д. Каждая из этих социальных групп носит свои внутренние характеристики, объединенные в социальную

систему, не учитывать их при организации единого коллектива для выполнения работ связанных с инновациями было бы ошибочно. Тем более что в настоящий период, а это касается не только России, но и другие страны, происходило и продолжает наблюдаться миграционные движения масс между странами. Наша задача стоит в нахождении материала способного сплотить такие коллективы и нацелит их на эффективное выполнение поставленных задач. В своем труде «Система социологии» Питирим Александрович Сорокин раскрывает элементы явлений взаимодействия людей, один из таких элементов определяется им как проводник взаимодействия. Такие проводники передают действие или раздражение актов от одного индивида к другому «выражаясь языком энергетики, по которым энергия, в частности психическая энергия, передается от одного индивида к другому». П. Сорокин характеризует роль проводников как явления в действительности, существующие в виде физической реальности, в связи с этим становится ясным механизм, посредством которого одни индивиды, разделенные пространством и временем от других, могут взаимодействовать друг с другом. Такое коллективное взаимодействие основывается на переживаниях и поступках людей. Исходя из того, что взаимодействие людей по своей природе есть, прежде всего, взаимодействие психическое обмена идеями, чувствами, волевыми импульсами многие социологи делают выводы о том, что социология трудовой деятельности, есть не что иное, как коллективная психология. Для того чтобы определить необходимость социального капитала, необходимо рассматривать социальные действия с помощью социальной системы. Социальная система — целостная структура, основным элементом которой являются люди, их взаимодействия, отношения и связи. Эти связи, взаимодействия и отношения носят устойчивый характер и воспроизводятся в историческом процессе на основе совместной деятельности людей, переходя из поколения в поколение тем самым накапливая социальный капитал. В связи с этим инновационный процесс не может рассматриваться только как экономическая или техническая категория. Инновационный процесс — это единый, многофункциональный механизм с социальными основами, выраженными в социальном капитале и не учитывать эти основы нельзя, иначе этот процесс будет работать неэффективно, не отвечать требованиям инновации в полном объеме.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ МОДЕЛИ КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Челенкова И.. (Санкт-Петербург)

За последние четверть века в России сложилась неустойчивая модель корпоративного управления (КУ) с различной степенью качества. Модель существенно отличается от первоначального замысла не только в силу объективных обстоятельств, но и допущенных ошибок разработчиков. В формировании институциональной среды ключевая роль принадлежит правовым нормам (Р. ЛаПорта). В российской модели они представляли конгломерат элементов из англосаксонской и континентальной правовых систем, ведущим к противоречиям в трактовках, различиям в правоприменении, смысловым искажениям, институциональным ловушкам. В дальнейшем поправки и принятие новых законов в области корпоративного права снимает остроту социально-экономического и политического напряжения и обеспечивает дрейф КУ в сторону континентальной модели. Например, в период с декабря 2008г. по июль 2009 г. в России было принято 12 федеральных законов, в которых существенно, а иногда и кардинально изменялись нормы в сфере корпоративного управления. Д.Норт предупреждал [1], что для изменения экономических основ общества внедрение формальных институтов права недостаточно. Для этого необходимо изменение неформальных норм, а также исторически сложившихся культурных традиций, обычаев, системы ценностей, интересов, мотивов. Ю.Хабермас подчеркивал, что импортируемый институт корпоративного управления должен быть включен в «жизненный мир» человека, социальной группы, общества в целом. По его утверждению, «жизненный мир» — это коллективный процесс интерпретаций тех или иных ситуаций, в которых оказываются люди, это их жизненный опыт, субъективный мир, внутреннее состояние. Понять жизненный мир можно через сферы социальной деятельности: культуру, где создаются и передаются знания; через коллективную общность, степень сплоченности организации, солидарность, обеспечивающей чувство единства с социальной организацией; через социализацию личности, благодаря которой у индивидов формируется идентичность (представление о себе на основе осознания принадлежности к той или иной социальной общности) и способность быть актором — ответственным субъектом социального действия. Жизненный мир обеспечивает мотивацию действий субъектов корпоративного управления. [2] С

позиции авторитетных аналитиков, сосредоточенность на формальных институциональных нормах корпоративного управления приводит к оппортунистическому поведению, социально-экономическим противоречиям, финансовым кризисам [3.С.41]. К настоящему времени накоплен значительный теоретический и практический опыт «культивирования» модели корпоративного управления в условиях российской транзитарной экономики: 1- обозначены этапы ее развития (градация от двух до восьми этапов); 2 - сложилось понимание необходимости: учета времени для преобразований, опоры на прецеденты, обращения к поддержке социальных групп, специальных усилий по администрированию новых правил; мониторингу процессов институциональных изменений; информационной поддержке инноваций; обучения новым навыкам; 3 – разработаны методы и механизмы формирования институциональной среды: «шоковая терапия», когнитивные, нейролингвистические методики, технологии компромиссов, стратегические планы развития и пр. [4] Проблематика социологических исследований системы корпоративного управления неоднородна. В сравнении, например, с корпоративным правом, организационной культурой недостаточно исследований по изучению динамики интересов и мотивов, ценностных ориентаций участников корпоративных отношений, применения комплексного анализа изучения элементов системы и качества корпоративного управления. Одним из условий создания проективной программы качественной системы корпоративного управления является ориентация на решение ее специфических задач. С одной стороны, российская базовая модель корпоративного управления продолжает формироваться. В целом ее отличает высоко концентрированная собственность и инсайдерская структура; сращивание банковского и промышленного капитала, формирование олигархии; использование собственных средств для инвестирования и незначительное размещение IPO; слаборазделенность отношений собственности и управления: развитие корпоративного права и внедрение стандартов и правил финансовой и управленческой отчетности. С другой стороны, различия в темпах и индивидуальные особенности развития моделей КУ на предприятиях создает их неповторимые характеристики. Для одних – это закрепление рыночного характера компании, для других - превращение из акционерной компании в публичную корпорацию, в ТНК и ГК. Кроме того, особенность корпоративного развития и управления связаны с региональной и отраслевой принадлежностью

корпорации; ее организационно-правовой формой (ОАО, ООО, ЗАО); функционированием совета директоров, правления; состоянием внутренней документации и информационно-техническим обслуживанием; с реальными интересами участников корпоративного управления (собственников, менеджеров, инвесторов, персоналом, кредиторами, государством) и их отношениями (доверия, конфликта, партнерства), стимулами (материальными, статусными, творческими); ценностями (семья, деньги, дружба, честь, долг, ответственность, труд) и др. Существенное значение имеет методологическая проблема оценка качества всего комплекса институциональных особенностей системы корпоративного управления. Оценки регулярных мониторингов и рейтинговых агентств нацелены в основном на формализованные показатели. Вводимые в них качественные показатели остаются ограниченными. В этой связи объективную, глубокую и всестороннюю оценку качества корпоративного управления получают на основе использования неформализованного интервью, нарративного анализа текстов, содержащих биографический материал и опыт корпоративного управления участников корпоративных отношений. Таким образом, российский институт корпоративного управления продолжает формироваться. Его неустойчивость, отличие от первоначального замысла связаны с допущенными ошибками в правовых нормах модели, игнорированием неформальных правил и культурных особенностей по определению «русской модели» управления.

Литература

1. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала, 1997.
2. Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия Текст. //Вестник Московского университета. Серия 7: Философия.- 1993. - №4. Хабермас Ю. Отношения к миру и рациональные аспекты действия в четырех социологических понятиях действия.//Пер. с нем. Т.Тягуновой. Социологическое обозрение. 2008. Т. 7. №1.
3. Solomon J. Corporate Governance and Accountability. John Wiley & Sons Ltd, The Atrium, UK, 2010.
4. Кузьминов Я.И., Радаев В.В., Яковлев А.А., Ясин Е.Г. Институты: От заимствования к выращиванию. Опыт российских реформ и возможное культивирование институциональных изменений. М.:ГУ-ВШЭ.2005;

5. Радыгин А.Д., Энтов Р., Межеураупс И.В. Особенности формирования национальной модели корпоративного управления. М.:ИЭПП,2003,№55;

6. Российская промышленность:институциональное развитие. Под ред. Т.Г.Долгопятовой. М.: Государственный университет – Высшая школа экономики.2002;

7. Шаститко А.Е. Проблемы корпоративного управления и особенности перераспределения прав контроля в России. М.,БЭА.№56.2004// [www/beafnd.org](http://www.beafnd.org);

8. Яковлев А.А., Симачев Ю.С., Данилов Ю.А. Корпоративное управление в российских компаниях: до и после кризиса: ПрепринтWPI/2010/02.- М.:Издательский дом Государственного университета – Высшая школа экономики,2010.

ИННОВАЦИИ КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ

Шадрина Л.Ю. (Новосибирск)

Многие предприятия пытаются в том или ином виде осуществлять инновационную деятельность самостоятельно, через создаваемые специально для этого дочерние структуры или инновационные центры, призванные способствовать продвижению и использованию инновационной продукции. Тем не менее, инновационная деятельность, несмотря на перспективность, может сыграть и отрицательную роль, чтобы этого не случилось необходимо изучать и анализировать проблемные «узкие места» в управлении. В настоящее время утвердилось общее мнение, что основу успешно действующих организаций составляет ее персонал. Когда организация подавляет личность, она ставит под угрозу свою способность изменяться. Когда же организация стимулирует самовыражение личности, то ей трудно не обновляться. Индивиды – единственный источник обновления компании. Нововведение рассматривается не только как организационно-технологический поэтапный процесс создания, внедрения и распространения (диффузии) новшества, но и как социокультурный процесс, связанный с изменением функций и структуры организации, ее ценностей. Внедрение новшества – это процесс вторжения элементов новой культуры в прежнюю культуру отношений, который называется интервенцией. Именно поэтому при осуществлении нововведений нередко возникает сопротивление персонала организации переменам. Оно может быть явным, в виде открытой

критики проектов и предстоящих действий, и скрытым, при внешнем согласии с изменениями. Люди при осуществлении изменений вынуждены рисковать, а это противоречит их натуре. Поведение персонала при этом обусловлено: [1, с. 152].

- страхом перед неизвестностью последствий перемен;
- обеспокоенностью возможной утратой стабильности;
- ожиданием возможного снижения доходов;
- возможной потерей своего статуса;
- боязнью оказаться лишними в организации;
- неспособностью выполнять новую роль в будущем;
- неспособностью или нежеланием обучаться новому делу.

Для снижения уровня сопротивления персонала необходимо применять методы социологии управления, а именно создавать внутри организации особую адаптивную культуру, позволяющую справиться с происходящими переменами. Особенностью такой культуры является постоянная нацеленность персонала на нововведения, повышения уровня лояльности которая присуща организациям инновационного типа. Неудивительно, что сегодня все больше компаний начинает задумываться о способах повышения лояльности своего персонала. Специалисты убеждены в том, что создание лояльности у работников - лучшее вложение средств, способное быстро и значительно повысить эффективность компании. Ведь лояльность является важным условием безопасности компании, оказывающим существенное влияние на благонадежность работников. Не секрет, что лояльность сотрудников является условием формирования у них высокой профессиональной мотивации, которая, в свою очередь, отражается на всех сторонах деятельности. Лояльные работники также готовы мириться с временными трудностями компании, они меньше сопротивляются организационным изменениям. Практика показывает, что лояльность к компании существенно влияет на качество выполняемой работы, творческий подход к решению профессиональных задач, способность брать на себя дополнительные функции и ответственность, прикладывать максимум усилий для достижения общих целей. Такие сотрудники, как правило, активно занимаются самообразованием, готовы делиться профессиональным опытом с коллегами, быть наставниками. Иными словами, лояльные специалисты используют все ресурсы и резервы для максимизации результатов своей работы, могут оказывать положительное влияние на результативность труда коллег. Работа, направленная на повышение лояльности, имеет циклический характер. Поэтому после реализации программы важно получить обратную связь от персонала, т. е. снова провести диагностику уровня лояльности и убедиться в эффективности

реализованных мероприятий. «Превращение нейтрального сотрудника в преданного, - пишет К. В. Харский, - непростой путь. Невозможно предсказать заранее, сколько времени может занять этот процесс. И прочность полученного результата невозможно проверить, пока кто-то не попытается разрушить ее. И тем не менее, многие компании предпринимают попытки увеличить лояльность персонала. Во всяком случае, это касается лояльности ведущих специалистов, от работы которых зависит жизнеспособность и само существование компании». [2, с. 205].

Литература

1. Бовин А.А., Чередникова Л.Е. Интеллектуальная собственность в системе инновационного менеджмента: Учебное пособие.- Новосибирск: НГАЭиУ, 2000. -526с. Харский К.В. Благонадежность и лояльность персонала - СПб.: Питер, 2003. -496с.

СОЦИАЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ВНУТРИФИРМЕННОГО ОБУЧЕНИЯ: АКТУАЛЬНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ.

Шелкова А.Е. (Санкт-Петербург)

В условиях современного общества важнейшей ценностью и ресурсом стала информация, а производительный интеллектуальный потенциал человека – решающим фактором общественного прогресса и экономического роста. Именно поэтому в экономически и информационно развитых странах развитию образования уделяется огромное внимание и оказывается серьезная государственная поддержка. Возрастание роли и влияния отдельного работника и его индивидуальных особенностей на результаты деятельности всей организации по-новому определяют подход к понятию совокупности работников организации как к ее человеческим ресурсам, важнейшему интегрированному фактору ее успешного развития. Анализ существующих тенденций подтверждает вывод о том, что знания сейчас устаревают значительно быстрее, чем раньше. В соответствии с материалами исследований Европейского Фонда Развития Управленческих Кадров – EFMD, в настоящее время период устаревания знаний специалистов составляет 1,5 – 2 года. И потому на передний план выходит задача систематического, комплексного и непрерывного развития человеческих ресурсов, максимально согласованного с целями и стратегией развития организации.

Важнейшим компонентом стратегического развития человеческих ресурсов организации является внутрифирменное обучение. Чем оно результативнее, чем лучше вписано в общую схему развития человеческих ресурсов и скоординировано с общим направлением развития и деятельности организации, тем большую пользу организации оно приносит. Это подчеркивает необходимость повышения эффективности внутрифирменного обучения путем ее оценки, определения проблемных моментов и разработки методики их устранения, что делает актуальной тему настоящей статьи. Сегодня и исследователи, и практики стали уделять больше внимания оценке эффективности внутрифирменного обучения. Однако, по-прежнему мало разработаны комплексные подходы к оценке пройденного обучения. Более того, и в российской, и в зарубежной практике практически не встречаются социальные технологии, направленные на разработку методики системной оценки корпоративного обучения, что делает актуальной тему настоящего исследования. В основе разработки социальной технологии оценки качества внутрифирменного обучения лежат концепции социального взаимодействия: – концепция социального обмена Дж. Хоманса [5]; – концепция символического интеракционизма Дж. Мида [6] и Г. Блумера [1]; – драматургический подход Э. Гофмана [2]. Главной особенностью социальной технологии оценки качества обучения является то, что в основе ее разработки лежит процесс взаимодействие субъектов системы корпоративного обучения, таких как руководитель, вышестоящий руководитель, представитель службы персонала, коллеги, подчиненные, клиенты, бизнес-тренер и сам обучаемый. Иными словами, процедура оценки эффективности конкретного курса (тренинга, программы обучения) базируется на особенностях интеракции разных субъектов системы внутрифирменного обучения. Изучить данное взаимодействие можно только с помощью анализа конкретных ситуаций с помощью концепций социального взаимодействия. В данном случае нельзя выделить одну концепцию и утверждать, что она лучше всего отражает систему взаимодействия субъектов в процессе оценки обучения персонала. Каждая из концепций подходит для определенного направления в обучении. Для разработки программы командообразования и развития внутрифирменной коммуникации можно применить концепцию управления впечатлениями Э. Гофмана. Теория символического интеракционизма отражает взаимодействие в рамках программы управленческой подготовки руководящего состава. А теория социального обмена наиболее полно

отражает взаимодействие субъектов системы обучения (сам обучаемый и коллеги). Оценка внутрифирменного обучения всеми субъектами обучения означает разнообразие источников, которые обеспечивают наиболее полную картину результатов обучения сотрудника/сотрудников. В процессе оценки ключевую роль играет процесс взаимодействия субъектов внутрифирменного обучения. Таким образом, процесс оценки состоит в получении в получении обратной связи от вышеперечисленных субъектов. Однако не всегда уместно использовать все эти источники. Выбор того или иного субъекта системы обучения персонала должен осуществляться исходя из принципа компетентности, принципа информированности и принципа экономичности [4]. В разработке критериев оценки внутрифирменного обучения, на мой взгляд, наиболее точной является модель профессионального развития [3], содержащая четыре критерия составляющих единый комплекс. В эту систему входят: оценка прогресса, оценка цели, оценка удовлетворенности и оценка результата. По итогам проведенного исследования разработана социальная технология оценки качества внутрифирменного обучения, новизна которой заключается в новом подходе: оценка качества и эффективности корпоративных тренингов происходит благодаря взаимодействию субъектов обучения (вышестоящего и непосредственного руководителя, коллег по работе, специалиста отдела персонала, клиентов, подчиненных и самого обучаемого). Такой подход является наиболее оптимальным с точки зрения использования ресурсов: в данном случае затрачивается значительно меньше материальных средств, так как организации не прибегают к услугам компаний-посредников, занимающихся оценкой бизнес-обучения, услуги которых отличаются дороговизной, а обходится внутренними (сотрудники, специалисты отдела персонала и т. д.) и внешними (клиенты) «оценщиками». Временные ресурсы в данной социальной технологии также используются оптимально, так как время затрачивается только на проведения оценочных операций и процедур □ оценка проводится, в основном, внутренними силами организации; таким образом, временные ресурсы не тратятся на поиски стороннего «оценщика», а внутри организации всегда можно выделить определенное время для процедур оценивания для каждого субъекта, которое можно зафиксировать время в «Положении о внутрифирменном обучении». Такой подход является более объективным, так как оценкой занимается не только HR-отдел или в случае отсутствия такового руководитель, но и другие субъекты. Все вышеперечисленное позволяет создать условия для системной

оценки пройденного обучения. Таким образом, разработанная социальная технология оценки качества внутрифирменного обучения является крайне актуальной в современных условиях, так как в настоящее время многие современные компании проводят корпоративное обучение и для них важно оценить его качество, а социальная технология – это удобный, оптимальный способ это сделать.

Литература

1. Блумер, Г. Общество как символическая интеракция. // Современная зарубежная социальная психология: тексты / Под ред. Т.М. Андреевой, Н.Н. Богомоловой, Л.А. Петровской. – М.: Изд-во МГУ, 1984.
2. Гофман, И. Представление себя другим в повседневной жизни. / Пер. с англ. А. Д. Ковалева. – М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2000.
3. Митина, Л.М. Управлять или подавлять. // Социология образования. – 2002. – №6.
4. Половинко, В.С. Субъекты оценки персонала. // Вестник Омского Университета. – 1998. – № 4.
5. Хоманс, Дж. Социальное поведение как обмен. // Современная зарубежная социальная психология. – М.: Издательство Московского университета, 1984.
6. Mead, G. From Gesture to Symbol. // Self and Society. Chicago. – 1934.

ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ МАРКЕТИНГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ В ДОШКОЛЬНОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ УЧРЕЖДЕНИИ

Шинкарева А.Е. (Белгород)

Достаточно высокие темпы развития рынка услуг в сфере дошкольного образования, появление новых альтернативных форм оказания образовательных услуг в регионах, автономность дошкольных учреждений, обозначили перед их руководителями задачу поиска резервов эффективности и качества образовательного процесса, совершенствования организационно-экономических механизмов функционирования, используя грамотное управление и маркетинговый подход в своей деятельности. В связи с этим возникает объективная необходимость не только в организации и

осуществлении маркетинговой деятельности в ДОУ, но и в грамотном управлении ею. Руководитель должен быть компетентным в принятии управленческих решений, определяющих программу деятельности коллектива по эффективному разрешению актуальных проблем на основе знания объективных законов функционирования управляемой системы и анализа информации о ее состоянии. Одной из задач нашего исследования явилось определение сущности, функций, структуры маркетинговой деятельности дошкольного учреждения. Разделяя точку зрения С.А. Езоповой, под маркетинговой деятельностью в дошкольном образовательном учреждении мы понимаем деятельность, направленную на изучение спроса и оказание населению качественных образовательных услуг, направленных на удовлетворение потребностей, как детей и их родителей, так и коллектива дошкольного образовательного учреждения. По мнению автора, маркетинговая деятельность в дошкольном образовательном учреждении выполняет следующие функции: исследовательскую, организационную, коммуникативную, инновационную[2]. Опираясь на структуру маркетинговой деятельности дошкольного образовательного учреждения, предложенную С. А. Езоповой, мы предлагаем свою структуру маркетинговой деятельности, представленную следующими этапами: 1. Мотивирующий этап – создание нормативно-правовой базы для оказания дополнительных образовательных услуг в дошкольном образовательном учреждении, маркетинговой службы, проведение маркетингового исследования, для изучения маркетинговой среды дошкольного учреждения. 2. Аналитико-прогностический этап – анализ рыночных возможностей детского сада: создание системы маркетинговой информации; анализ результатов маркетинговых исследований. Отбор целевых рынков детского сада: сегментирование рынка образовательных услуг, выбор целевых сегментов, на которые дошкольное учреждение будет ориентироваться и позиционирование услуг на рынке. 3. Организационный этап – создание комплекса маркетинга детского сада: формирование портфеля услуг (политика предложенных услуг, ассортиментная политика); определение цен на услуги (ценовая политика); организация продвижения услуг на рынке (сбытовая, коммуникативная политика). 4. Координационно-корректирующий – управление маркетинговой деятельностью дошкольного образовательного учреждения: работа с педагогическим коллективом и потребителями образовательных услуг. 5. Рефлексивно-оценочный этап – оценка деятельности маркетинговой службы, анализ

достигнутых результатов. Сложность современных задач управления ДОУ, в том числе и маркетинговой деятельностью, требует более детального изучения данного процесса. В науке термин управление трактуется с трех позиций. Во-первых, управление определяется как деятельность; во-вторых, управление рассматривается как воздействие одной системы на другую, одного человека на другого или группу; в-третьих, управление есть взаимодействие субъектов. Управление маркетинговой деятельностью является одним из новых направлений в деятельности руководителя ДОУ, хотя некоторые его аспекты, такие как взаимодействие с родителями, с социальными партнерами и др. реализуются в детских садах с давних пор. Однако изменение окружающей ситуации, преобразование деятельности ДОУ требуют осуществления целенаправленного управления маркетинговой деятельностью, а именно: её планирования, организации и контроля. Остановимся кратко на характеристике каждого этапа управления маркетинговой деятельностью ДОУ. При планировании маркетинговой деятельности С.А. Езопова рекомендует придерживаться следующей структуры: анализ текущей маркетинговой ситуации; анализ опасностей и возможностей, исходящих от маркетинговой среды ДОУ; определение маркетинговых целей учреждения; выработка маркетинговых стратегий; составление детального плана действий (календарный план); определение бюджета маркетинга; определение способа контроля [2, 130]. В ДОУ осуществляется стратегическое, тактическое и оперативное планирование маркетинга, которое реализуется в тесной взаимосвязи с разработкой планов деятельности образовательного учреждения в целом. Анализ практики управления ряда дошкольных учреждений показал, что маркетинговые планы не оформляются как отдельные документы, а включаются как направления (разделы) в программы развития, годовой и оперативный планы работы. Следующим этапом процесса управления маркетинговой деятельностью в ДОУ является - этап организации. Организация, определяется С.А. Езоповой, как процесс, направленный на упорядочивание деятельности учреждения, создание его структуры, распределение обязанностей между членами с целью реализации намеченных планов и достижения намеченных результатов [2, 145]. Специфичность организации маркетинговой деятельности в дошкольном образовательном учреждении определяется следующими особенностями: образовательными услугами; финансированием образовательного учреждения; потребителями образовательных

услуг; маркетинговой средой образовательного учреждения; конкурентами на рынке образовательных услуг. Завершающим этапом управления маркетинговой деятельностью является этап контроля. Контроль маркетинговой деятельности ДООУ осуществляется в соответствии с годовым планом и может проводиться по следующим направлениям: анализ мнения потребителей представителей ДООУ; анализ востребованности предлагаемых услуг (выявление наиболее популярных услуг, прогнозирование изменения ассортимента, политики услуг ДООУ и т. д.); анализ соотношения между затратами на маркетинговую деятельность и объемом реализации услуг; анализ эффективности используемых технологий маркетинговой деятельности; анализ удовлетворенности сотрудников управлением маркетинговой деятельностью дошкольного учреждения. Таким образом, руководитель дошкольным учреждением должен понимать, что маркетинговая деятельность в сфере образовательных услуг, как и маркетинг любого другого товара, имеет свои особенности только в сфере приложения, а все основные теоретические аспекты в нем ничем не отличаются от маркетинга на любом другом товарном рынке [1].

Литература

1. Ганаева Е. А. Гуманитаризация маркетинговой деятельности образовательного учреждения / Е. А. Ганаева. – Оренбург. 2007. – 217 с.
2. Езоповой С. А. Менеджмент в дошкольном образовании / С. А. Езопова. – М.: Финпресс, 2003. – 330 с.

АНАЛИЗ ОСНОВОПОЛАГАЮЩИХ ДОКУМЕНТОВ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИННОВАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Шишкина Н.А. (Красноярск)

В последнее десятилетие практически все развитые и новые индустриальные страны рассматривают инновации не только как важнейший фактор социально-экономического развития, но и как определяющее условие конкурентного позиционирования страны. В условиях мировой конкуренции крайне сложно догнать развитые страны по уровню благосостояния, не обеспечивая развития в тех секторах отечественной экономики, которые определяют

специализацию на мировом рынке. Стержневой идеей развития экономики России является переход к инновационной концепции, где основной трудностью является решение задачи по догоняющему и одновременно опережающему развитию. Эта задача может быть решена, если инновационные процессы будут выстраиваться на основе модернизационных. Устаревшая технологическая база не позволяет добиваться высоких показателей производительности и ресурсосбережения, поэтому отечественной экономике сложно конкурировать на рынке, особенно это касается отраслей: химия, нефтехимия, сельское хозяйство, пищевая промышленность, деревообработка, подотрасли машиностроения, металлургия, энергетика.

Основополагающим документом в сфере государственной инновационной политики Российской Федерации является федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике» [1,2]. Двадцать лет назад начали разрабатываться концептуальные документы, призванные определить стратегическую, долгосрочную научную и инновационную политику и согласовать ее с другими экономическими инициативами страны. Основными задачами являлись формирование национальной инновационной системы и переход к инновационной экономике. Проведение исследований на современном уровне практически в любой области науки и техники требует больших финансовых и материальных затрат, что часто не под силу одной стране. Использование международной кооперации в научных исследованиях позволяет объединить средства и ресурсы разных государств и дает возможность реализовать инновационный проект. Долгосрочные стратегические цели российской политики в области науки, технологий и инноваций, в том числе и в области международного сотрудничества, закреплены в ряде концептуальных и программных документов. В документе от 2005 года «Основные направления политики РФ в области развития инновационной системы на период до 2010 г.» впервые дано определение инновационной системы и перечислены ее основные задачи. В документе от 2006 года «Стратегия развития науки и инноваций в РФ на период до 2015 г.» среди задач, которые намечается решить в рамках реализации Стратегии, отмечены создание эффективной национальной инновационной системы, модернизация экономики на основе технологических инноваций. Комплексная программа до 2015 года научно-технологического развития и технологической модернизации российской экономики призвана обеспечить целенаправленность усилий государственных органов, бизнеса и

институтов гражданского общества по обеспечению научно-технологического развития и технологической модернизации экономики, так как различные стимулирующие меры распределены по разным целевым программам, отраслевым стратегиям, различным ведомствам. В 2008 году была создана Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года, где базовым для достижения заявленной цели является наличие адекватных инструментов прогнозирования, которые позволяют обеспечить концентрацию ресурсов государства на приоритетных направлениях и максимальную эффективность расходования имеющихся ресурсов, в первую очередь, бюджетных средств. Задача стимулирования инновационной деятельности ставятся и в ряде других федеральных целевых программ, отраслевых стратегиях развития, программных разработках партий. Например, «Энергетическая стратегия России на период до 2020 г.», «Федеральная космическая программа», «Развитие технологий для гражданской авиации», «Национальная технологическая база», «Стратегия развития российской химической и нефтехимической отраслей на период до 2015 г.». Таким образом, в рассмотренных документах обозначены ключевые направления развития национальной инновационной системы, в том числе в контексте развития мирового инновационного пространства. Основным недостатком является то, что не уделено должное внимание вопросам внешнеэкономического позиционирования российской инновационной системы. По основным элементам инновационного процесса имеются действующие документы, но документов по развитию рынка инновационного продукта практически нет. Основная особенность перехода к инновационному типу экономического развития состоит в том, что Российской Федерации предстоит одновременно решать задачи и догоняющего, и опережающего развития. В условиях глобальной конкуренции и открытой экономики невозможно достичь уровня развитых стран по показателям благосостояния и эффективности, не обеспечивая опережающее развитие тех секторов российской экономики, которые определяют ее специализацию в мировой системе хозяйствования и позволяют в максимальной степени реализовать национальные конкурентные преимущества. Так, в Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 г., утверждённой распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р, рассматриваются наиболее важные вопросы, связанные с проблемой перехода России на инновационный путь развития.

Согласно документу, инновационное развитие отечественной экономики в период с 2008 по 2020 годы будет проходить в 2 этапа. Первый этап, периодизация которого лежит в рамках с 2008 по 2012 годы, базируется на реализации и расширении конкурентных преимуществ на глобальном рынке в традиционных сферах: энергетика, транспорт, аграрный сектор, переработка природных ресурсов. Предполагается, что одновременно будут создаваться институциональные условия и технологические заделы, обеспечивающие на следующем этапе системный перевод российской экономики в режим инновационного развития. Качественным показателем развития инновационной системы будет выступать расходы на НИОКР (частные и государственные расходы) - 1,4-1,6% от ВВП [3]. Второй этап планируется провести в период с 2013 по 2020 годы. Осуществляется комплекс мероприятий для перехода на новую технологическую базу, улучшения качества человеческого потенциала и социальной среды. На данном этапе должно проходить процесс интегрирования отечественной инновационной системы в глобальную, а именно расширение позиций российских компаний на мировых высокотехнологичных рынках, превращение высокотехнологичных производств и отраслей экономики знаний в значимый фактор экономического роста. Качественным показателем развития системы будет выступать увеличение расходов на НИОКР, которые составят 3% ВВП [3]. Таким образом, в ключевых положениях концепции [3] определено, что инновации рассматриваются как ключевой фактор социально-экономического развития страны. Отмечается, что переход экономики на инновационный тип развития невозможен без формирования конкурентоспособной в мировом масштабе инновационной экономики, для создания которой необходимо повышение спроса на инновации, увеличение эффективности сектора генерации знаний. Основными причинами отставания страны в области инновационного развития являются, во-первых, низкая эффективность коммерциализации результатов НИОКР. Здесь можно выделить следующие причины: ограниченный внутренний и внешний спрос на отечественные инновации. Недостаточность внешнего спроса можно объяснить отсутствием рыночной ниши отечественной инновационной системы в глобальной экономике. С другой стороны, отсутствие комплексности, системности в сопровождении инноваций, начиная с этапа получения патента, подготовки бизнес-планов и этапа коммерциализации. Внутренний спрос ограничен несовершенством отечественной системы защиты

авторских прав, низкой результативностью финансирования инновационных проектов как с помощью бюджетных механизмов, так и частных. Итак, важнейшей проблемой инновационного развития является низкая заинтересованность бизнеса в производстве полного инновационного цикла. А с другой стороны, отсутствие активного сотрудничества и партнерства между бизнесом, наукой и государством. Разрыв в цепочке между звеньями определяет неэффективность дальнейшего взаимодействия участников инновационного процесса. Российская экономика, прежде всего, должна ликвидировать свое отставание по уровню инновационного развития от наиболее развитых стран мира путем ускоренного наращивания собственного научно-исследовательского потенциала, создания наиболее благоприятных условий для внедрения результатов изобретательской деятельности. Этих целей можно достигнуть за счет повышения конкурентоспособности отечественных инновационных предприятий путем внедрения такой системы их оценивания, которая позволит финансировать инновационные проекты с лучшими в отечественной и зарубежной практике.

Литература

1. Федеральный закон Российской Федерации № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике». М., 1996 г.
2. Федеральный закон Российской Федерации N 254-ФЗ «О внесении изменений в федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике». М., 2011 г.
3. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, Утверждена распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р.

КРАУДСОРСИНГ КАК МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ ПОТЕНЦИАЛА ГРАЖДАНСКОГО УЧАСТИЯ В МУНИЦИПАЛЬНОМ УПРАВЛЕНИИ

Шиянова Е.Н. (Белгород)

Местное самоуправление как самый близкий к населению уровень публичной власти должно основываться на активном участии жителей муниципальных образований в решении вопросов местного значения. В связи с этим особую актуальность приобретают проблемы реализации потенциала гражданского участия в

российском обществе. В настоящее время, согласно российскому законодательству, возможна реализация потенциала гражданского участия в следующих формах: местный референдум, муниципальные выборы, голосование по отзыву депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления, голосование по вопросам изменения границ муниципального образования, преобразования муниципального образования; сход граждан; правотворческая инициатива граждан; территориальное общественное самоуправление; публичные слушания; собрание граждан; конференция граждан (собрание делегатов); опрос граждан; обращения граждан в органы местного самоуправления; другие формы непосредственного осуществления населением местного самоуправления и участия в его осуществлении [1]. Специфику функционирования ряда указанных форм можно выявить, анализируя результаты исследований ВЦИОМ. Результаты исследований говорят о том, что в 2011 году 61% россиян не принимали участие в каких-либо формах коллективной общественно-полезной деятельности, что на 16% больше по сравнению с 2008 г. [2]. Наиболее распространенными формами гражданского участия в социальной жизни являются участие в выборах в органы власти различного уровня 27% (40% в 2008 г.), коллективное благоустройство подъездов, домов, детских площадок, окружающей территории – 8% (15% в 2008 г.), сбор средств, вещей для людей, попавших в тяжелое положение (теракт, стихийное бедствие, лечение, операция) – 4% (9% в 2008 г.), участие в проведении избирательной кампании (сбор подписей, агитация, работа на избирательном участке) – 2% (4% в 2008 г.) [2]. Уровень общественного участия граждан остается довольно низким. Например, в 2008 году хоть какое-нибудь участие (формальное или неформальное) в деятельности общественных организаций принимали лишь 2% россиян [2]. Результаты исследований показывают тот факт, что имеющиеся формы гражданского участия являются мало востребованными населением, и для того чтобы повысить уровень гражданского участия необходимо развитие новых более эффективных форм. В данном контексте особый интерес приобретает возможность использования в муниципальном управлении технологий краудсорсинга. Как сказал Г. Греф: «Краудсорсинг – это главный управленческий прорыв XXI века» [3]. Термин краудсорсинг означает передачу отдельных производственных функций неопределённому кругу лиц на основании публичной оферты, не подразумевающей заключение

трудового договора [4]. При этом используется коллективный интеллект и синергия взаимодействия большого количества людей. Краудсорсинг позволяет агрегировать информацию, опыт, мнения, прогнозы, предпочтения и оценки. Впервые термин «краудсоринг» ввел редактор и журналист Джефф Хау в своей статье в 2006 г. и затем обстоятельно раскрыл преимущества новой технологии в книге «Краудсорсинг: коллективный разум как инструмент развития бизнеса (Crowdsourcing: Why the Power of the Crowd is Driving the Future of Business, 2009)» [4]. Краудсорсинг основан на том предположении, что в обществе всегда присутствуют талантливые люди, готовые бесплатно или за символическое вознаграждение генерировать идеи, решать проблемы и даже проводить исследования в корпоративных или общественных целях, при этом главным стимулом для них является не вознаграждение, а возможность увидеть воплощение своей идеи в практической деятельности. В настоящее время механизмы краудсорсинга используются практически во всех областях практической деятельности, за исключением некоторых, требующих специальных знаний и особых профессиональных навыков. Привлекательным является применение нового инструмента не только в бизнесе, но и в муниципальном секторе для эффективного взаимодействия органов власти и гражданского общества. Для продуктивного внедрения краудсорсинга в муниципальном секторе необходимо соблюдение ряда условий: - краудсорсинг не должен трансформироваться в политическую кампанию выполнения поручений первых лиц государства и административную процедуру формального внедрения инноваций; - краудсорсинг в конкретном органе власти не должен иметь постоянный характер, поскольку на протяжении длительного периода времени проблематично обеспечить активность и мотивацию общественных экспертов; - краудсорсинг должен исходить из обширных представлений о состоянии, проблемах и специфике деятельности конкретного органа власти, действующем нормативном окружении; - краудсорсинг должен предусматривать превентивную позицию при постановке в органе власти нового механизма взаимодействия с обществом; - краудсорсинг должен быть основан на активном режиме работы, который предполагает ежедневный мониторинг поступающих предложений, постоянный диалог с экспертами, поддержание их заинтересованности, обеспечение прозрачности результатов обсуждения; - внедрение краудсорсинга потребует специального программного обеспечения. При выполнении этих условий результатами внедрения краудсорсинга для

органа власти должны стать: - позитивный политический имидж за счет улучшения взаимодействия с потребителями муниципальных услуг; - позитивный управленческий имидж за счет внедрения современных управленческих технологий; - создание банка инновационных и реалистичных идей; - повышение качества нормативных и методических документов за счет результатов общественной экспертизы; - формирование команды профессиональных и общественных экспертов; - оптимизация сроков поиска новых решений и подготовки документов, имеющих принципиальное общественное и профессиональное значение; - повышение эффективности бюджетных расходов за счет замены дорогостоящих профессионалов на коллективный разум. Внедрение краудсорсинга в муниципальное управление будет содействовать созданию гражданского общества, в котором активность граждан, общественная экспертиза и народный контроль станут представлять неотъемлемые характеристики процесса принятия важных управленческих решений.

Литература

1. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный Закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ // Режим доступа к изд.: <http://www.consultant.ru/popular/selfgovernment/>.
2. Массовое политическое участие в России: только выборы или что-то еще? / ВЦИОМ. Пресс-выпуск. – 2011. – №1728 // Режим доступа к изд.: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=111514>.
3. Г. Греф Эффективность российской власти и модернизация / Ведомости официальный сайт // Режим доступа к изд.: http://www.vedomosti.ru/opinion/news/1631600/effektivnost_vlasti.
4. Википедия свободная энциклопедия / Официальный сайт // Режим доступа к изд.: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%CA%F0%E0%F3%E4%F1%EE%F0%F1%E8%ED%E3>.

ПРИМЕНЕНИЕ ТЕОРИИ УПРАВЛЕНИЯ КАК ТЕОРИИ СРЕДНЕГО УРОВНЯ ДЛЯ УСИЛЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ

Под конкурентоспособностью организации понимается реальная и потенциальная способность организации проектировать, изготавливать, реализовывать продукцию, которая по ценовым и неценовым характеристикам в комплексе более привлекательна для потребителей, чем продукция их конкурентов. Повышение уровня конкурентоспособности организации, оптимизация ее функционирования и элементарное выживание в рыночной среде – фундаментальная проблема современного управления. Теория управления как теория среднего уровня, являясь специальной областью знаний об управлении, может формировать более общие современные знания об этом виде деятельности, содержит эффективные методы, с помощью которых менеджер может достичь и усилить конкурентоспособность своей организации. Понятие «теория среднего уровня» ввел американский социолог Роберт Кинг Мертон в работе «Социальная теория и социальная структура». В данной статье мы попытаемся ответить на следующий вопрос: Почему теорию управления относят к теориям среднего уровня? По мнению Роберта Мертона, если общая социологическая теория хочет заметно продвинуться вперед, она должна развиваться по следующим взаимосвязанным направлениям: (1) разрабатывать специальные теории, на основании которых создаются гипотезы, поддающиеся эмпирической проверке, и (2) развивать, а не обнаруживать «вдруг» все более общую концептуальную схему, способную объединить группы специальных теорий [2, с. 79]. Роберт Мертон потому акцентирует наше внимание на разработку теорий среднего уровня, что именно они способны дать более точные знания, нежели чем меньшие, частные аксиомы или высшие, самые общие аксиомы. Теории среднего уровня объединяются в более общие теории. Благодаря этому, теории среднего уровня закладывают фундамент для еще больших знаний, что способствует развитию общей социологической теории. Роберт Мертон утверждает: «Установка на средний уровень позволяет точно определить сферу непознанного. Вместо того чтобы претендовать на осведомленность там, где ее в действительности нет, она четко указывает, что еще надо узнать, чтобы заложить фундамент для еще больших знаний. Это не означает, что она способна справиться с задачей предоставить теоретические решения всех неотложных практических проблем нашего времени; но это означает, что она обеспечивает поворот к тем проблемам, которые уже сейчас можно уточнить в свете имеющихся

знаний» [2, с. 100]. Таким образом, теорию управления как специальный раздел общих знаний об управлении можно смело отнести к теориям среднего уровня. К теориям среднего уровня также можно отнести «философию управления», «теорию организации» и др. Следовательно, они формируют общие знания об управлении. Теория управления как теория среднего уровня имеет большое значение для общих знаний об управлении, так как занимается изучением закономерностей управления, выработкой обоснованных рекомендаций по его практике [1, с. 211]. В этом состоит актуальность темы данной научной статьи. Цель данной научной статьи состоит в том, чтобы рассмотреть теорию управления как теорию среднего уровня. Для достижения указанной цели мы считаем необходимым решить следующую задачу – рассмотреть сущность и содержание теории управления как специальный раздел науки об управлении, одновременно сопоставляя эту теорию с представлениями о теориях среднего уровня. Роберт Мертон определяет социологическую теорию как логически взаимосвязанное множество утверждений, из которых можно вывести эмпирические закономерности [2, с. 64]. Теории среднего уровня находятся между рабочими гипотезами и общей социологической теорией. Рабочие гипотезы представляют собой утверждения, которые подтверждаются экспериментальным исследованием. Теории среднего уровня состоят из ограниченного множества таких гипотез. В свою очередь, теории среднего уровня объединяются в более широкие теоретические системы. В общей социологической теории сосредоточены все теоретические знания данной научной дисциплины. Рабочие гипотезы формируют эмпирические знания – знания, полученные в результате различных экспериментальных исследований. Таким образом, теории среднего уровня являются связующим звеном теории и практики. Теория среднего уровня используется в социологии в основном как ориентир для эмпирического исследования. Теория управления как теория среднего уровня является составляющей частью (специальный раздел) системы общих знаний об управлении. Как уже было сказано, теория управления – специальный раздел современных знаний об управлении, который занимается изучением закономерностей управления, выработкой обоснованных рекомендаций по его практике. Одновременно с этим, теория управления – это междисциплинарная область научного знания, то есть в состав теории управления входит ряд научных дисциплин, таких как социальная философия и социология, социальная психология и хозяйственное право, маркетинг и

экономическая теория, экономико-математические методы и другие науки. Теория управления использует описательные методы, свойственные гуманитарным наукам, и количественные методы точных наук. К количественным методам относят прикладную математику, методы исследования операций (экономико-математические методы), в том числе теорию вероятностей и математическую статистику, математическое планирование (математическое программирование), теорию конфликтных ситуаций (теорию игр и статистических решений), теорию массового обслуживания, теорию управления запасами и другие методы. Это является важной характеристикой теории управления как теории среднего уровня, так как, в этом случае, теория управления рассматривается как общая система знаний для специальных знаний, полученных с помощью специфических методов познания и проверенных на практике, в практической деятельности. Таким образом, теорию управления одновременно можно рассматривать как важную составляющую часть, специальный раздел, системы общих знаний об управлении, формируя их, так и общую систему знаний об этом виде деятельности (управлении) для других более конкретных знаний. Следовательно, это характеризует теорию управления как теорию среднего уровня. Исходя из вышесказанного, можно сделать следующий вывод, что теория управления как теория среднего уровня, которая содержит систему знаний эффективного управления, способствует достижению и усилению конкурентоспособности организации.

Литература

1. Абчук В. А., Гелих О. Я. Философия и теория управления: Учебное пособие. СПб.: ООО «Книжный дом», 2008. 456 с.
2. Роберт Мертон. Социальная теория и социальная структура. М.: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. 873 с.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ СЛУШАНИЯ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ АРХИВНОЙ СИСТЕМЫ

Штукова С.В. (Санкт-Петербург)

Институты гражданского общества находятся в РФ в стадии становления уже достаточно продолжительный период времени. За последние двадцать лет эта тема стала «притчей во языцах», призыв к скорейшему строительству гражданского общества стал сменяться

скептическим отношением обществоведов к перспективам его появления в ближайшее время. Гражданское общество нельзя искусственно нарастить, оно должно проявиться само. Вместе с тем, система государственного управления также должна делать шаги навстречу, позволяющие активизировать этот процесс. Социальная технология – это совокупность этапов, процедур и операций, позволяющих субъектам управления решить общественно значимую задачу. Социальная технология развития архивной системы призвана подключить к процессу управления архивным делом представителей гражданского общества. В архивную отрасль в последнее время было привнесено достаточно много нововведений: введение электронного документооборота и информатизации, новых регламентов оказания услуг, больший акцент на коллегиальные формы управления, взаимодействие с общественными ассоциациями (например, обществом историков-архивистов), частными архивами и архивными службами. Такое расширение форм взаимодействия требует подключения более широкого круга субъектов к процессу определения организаций, сдающих свои документы в государственные архивы на постоянное хранение (источников комплектования). Архивы всегда рассматривались как закрытые учреждения. Но они существуют за счет средств бюджета, а значит денег налогоплательщиков, поэтому мы считаем необходимым привлечь широкие круги общественности к знакомству с проблемами архивной отрасли, выработкой путей их решения. Перечень документов, поступающих на хранение в архивы, менялся с течением времени. Положение дел с исполнением запросов в архивах показывает, что ряд востребованных документов невозможно найти, т.к. они имели ограниченные сроки хранения и уже уничтожены. Согласно данным статистики Архивного комитета Санкт-Петербурга, около 25% запросов граждан и организаций не может быть удовлетворено в связи с отсутствием документов. Достаточно сложно предусмотреть, какие документы, каких предприятий и организаций будут востребованы в будущем. Об этом надо задуматься сегодня. Чем активнее будет проведено обсуждение, тем полнее мы сможем определить объем необходимых документов. Мы считаем, что проведение общественных слушаний по определению состава документов, имеющих историко-культурную и социально-правовую ценность, и перечня организаций, обладающих ими, может стать необходимым элементом обеспечения открытости деятельности Архивного комитета и государственных архивов Санкт-Петербурга. Проведение первых общественных слушаний в сфере архивного дела

намечено на начало 2013 г. На общественные слушания будут приглашены заинтересованные граждане, исследователи, представители общественных организаций, предприятий и муниципальных образований. Общественные слушания будут сопровождаться отчетом перед общественностью о работе Архивного комитета Санкт-Петербурга.

Литература

1. Тихонов А.В. Социология управления: стратегии, процедуры и результаты исследований / А.В. Тихонов, М.Г. Иванова, А.А. Мерзляков и др.; редкол.: д. социол. н., проф. А.В. Тихонов (отв. ред.) и др.]. – М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2010

2. Гражданское общество в модернизирующейся России: аналитический доклад Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора. – М.: 2011.

Секция 8. Информационная Россия социальные проблемы и перспективы

ПРОБЛЕМА ИНФОРМАТИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Березкин А.В., Ковтун Г.С. (Владивосток)

За последние десятилетия внедрение и распространение новых информационных технологий существенно изменило повседневную жизнь человека в глобальном масштабе. Наличие или отсутствие доступа к интернет-технологиям стало один из показателей развития любого общества, особенно претендующего на статус «инновационного». Информатизация социума становится приоритетом в государственной политике страны [1]. В России, однако, сложилась противоречивая ситуация в отношении информатизации общества. Кратко её можно охарактеризовать так «информатизация для всего общества – благо, а для детского сообщества – угроза, вред» [2, 51]. Со стороны официальной государственной власти проводится интенсивная политика по внедрению информационных технологий во все сферы жизни общества. Но существует и другая стратегия, ориентированная на отрицательное отношение к Интернету,

особенно в отношении того предполагаемого негативного воздействия, которое по мнению многих экспертов оказывают интернет-технологии на поведение молодёжи, подростков и детей. Так, на примере веб-поиска с помощью Yandex.ru и Google.com ссылок по ключевым словам «проблема информационной безопасности среди детей/ подростков/ молодёжи», проведенного в январе 2012 года, было получено, что:

- среди детей количество ссылок составило 1 000 000 и 507 000 шт соответственно;

- среди подростков - 420 000 и 154 000;

- среди молодежи - 534 000 и 358 000 шт.

Тем самым, количество ссылок по проблеме информационной безопасности среди детей минимум в 2 раза превышает аналогичную тему среди подростков. Основные темы сообщений по данным ссылкам можно описать, как «Новые СМК, прежде всего компьютер, Интернет, занимают все свободное время подростков. Дети из-за этого совсем не читают. Дети совсем не общаются друг с другом. Дети с помощью компьютера просвещаются в вопросах секса. Дети привыкают только развлекаться. Дети становятся жестокими под влиянием Интернета» [2, 51].

Становятся ли дети в данном случае неким условным «заложником» общества перед изменениями, в связи с использованием интернет-технологий? Не есть ли это желание «взрослого сообщества», которое производит, контролирует, финансирует различные каналы информации и средства сообщения, абстрагироваться от собственной ответственности за содержание этой информации, перекладывая вину на самих детей? Ведь именно дети и подростки оказываются значительно более компетентными в использовании информационных технологий, а, следовательно, более всего подверженные возможным негативным последствиям информационного пространства российского сегмента Интернета. Не является ли данное опасение одно из причин желания взрослого населения России обезопасить своё пребывание в Интернете через ограничение и его контроль? Например, согласно исследованию РОМИР интернет-аудитории за 2004 год, большинство россиян (76%) считали необходимым наличие цензуры в СМИ и, в частности, в Интернете [3].

Как полагают зарубежные исследователи Э. Шмидт и К. Тойбинер, такая обеспокоенность отсутствием безопасности в Интернете характерна не только для России, но и для стран Запада. Тем не менее, замечают исследователи, в частности, страх перед интернет-

зависимостью, потерей собственного «я» в киберпространстве в России сильнее, чем, например, в США или Германии. Его высказывают и те, у кого нет опыта пользования этой средой, и политики, и даже ученые [4,80]. Например, в российской исследовательской литературе существует публикации, которые в той или иной мере абсолютизируют однозначно негативное воздействие Интернета на молодёжь, детей и подростков. В монографии российских психологов Корольковой Л.Н. и Королькова К.В. Интернет-сообщество с чертами тотального института как фактор десоциализации. Ставрополь: СТИС ЮРГУЭС, 2010. феномен интернет-зависимости рассматривается с точки зрения десоциализации представителя молодёжной аудитории российского Интернета, проводится сравнительный анализ интернет-сообщества с исправительными колониями. Исследователи приходят к выводу, что интернет-зависимость представляет собой глобальную социально-психологическую проблему, сравнимую с проблемой наркотизации страны, и в ближайшее время без отсутствия должного социального контроля со стороны общества, мы «рискуем получить массовую десоциализацию среди подростков и молодёжи, активно вовлекаемой в использовании интернет-технологий» [5]. Помимо академических исследований в российских СМИ также периодически публикуются материалы о вреде интернет-технологий, например, публикации под названием «Польза и вред от «Одноклассников. ру» [6], «Сайт Одноклассники. ру рушит семьи и наводит судебных приставов» [7], «Социальные сети развода» [8], «Ребёнок за компьютером: творец или беглец?» [9]. Во всех подобных материалах в той или иной форме описывается нарратив, главной сюжетной линией которого является разрушения семейной и/или личной жизни участников события по причине их неконтролируемого использования Интернета. Какие могут быть причины возникновения данной ситуации в российском социуме вокруг Интернета? Один из основателей российского Интернета сетевой журналист Сергей Кузнецов предлагает свой вариант ответа. С его точки зрения: «Интернет оказался пространством, куда вытеснялись нежелательные чувства и эмоции общества: ненависть, агрессия и сексуальность. В этом смысле образ Интернета конструировался по тем же принципам, что и образ Чужого в обществе – чужестранца, инопланетянина, безумца» [10,12]. Следовательно, опасная чужеродная среда требует контроля со стороны общества, ограничения пребывания в интернет-пространстве детей и подростков, самых уязвимых, с точки зрения

общества, её пользователей. Американский ученый – специалист в области коммуникаций – Лори Рид (Lori Reed) в своем исследовании «Интернет-зависимость как гендерный феномен» («Computer addiction as a Gendered Phenomenon», 2000) пытается объяснить подобную двойственность тем, что все новинки в области медиатехнологий в момент своего массового распространения вызывали волну панических предсказаний относительно их влияния на психическое здоровье. Так, телеграф грозил умопомешательством и разрушением отношений между мужчиной и женщиной, поскольку не требовал личного общения; телефоны внушали опасение специфических заболеваний; радио – нервных расстройств; доказательством вредного воздействия телевидения, особенно на детей занимают до сих пор. Но за периодом массовой паники, неизбежно шла фаза угасания и потери интереса к данной проблематике, как в текстах масс-медиа, так и в академическом дискурсе [11]. В США опасения о негативных последствиях информатизации общества были связаны, по мнению Лори Рид, с реакцией патриархально настроенного сегмента американского общества на изменение самосознания и самопрезентации женщин-домохозяек, вызванное проникновением интернет-технологий в их повседневную жизнь. В соответствии с этим использование женщинами-домохозяйками интернет-технологий определяется как нежелательное поведение, угрожающее «традиционным» ценностям и интересам, а сами они обозначаются как интернет-зависимые (имеющие психические отклонения). Несоответствие поведения таких женщин традиционным гендерным ролям, вызывает стремление общественности к моральному принуждению и контролю над ним посредством создания так называемых «социальных практик здорового образа жизни», новой формы социальной сегрегации общества [11]. В данном контексте проблема информационной безопасности дискутируется вокруг стремления общественного мнения к поддержанию гендерного неравенства, а также к перенесению ответственности за кризис традиционных семейных ценностей с общества на личность: женщину-домохозяйку, использующую интернет-технологии в своей повседневной жизни. Иной, политический, аспект проблемы информатизации общества, анализирует другая американская исследовательница – Марселла Сзаблевич (M. Szablewics). В статье «Болезненные эффекты «опиума для души»: критический культурный анализ китайской моральной паники по поводу интернет-зависимости» («The ill effects of “opium

for the spirit»: a critical cultural analysis of China's Internet addiction moral panic», 2007) она прослеживает динамику отношения власти к интернет-технологиям; указывает на возможность объяснения данного процесса стремлением китайских властей к социальному контролю над Интернет-СМИ [12].

По мнению М. Сзаблевич, отправной точкой китайской политики в отношении контроля над интернет-технологиями является обеспокоенность правительства страны распространением среди ее населения, особенно среди молодежи, неподконтрольной неофициальной информации, полученной путем использования интернет-технологий.

Таким образом, представленный краткий обзор различных точек зрения на возможные последствия информатизации общества, показывает, что данный вопрос актуален не только для российского социума. Процесс информатизации обусловлен взаимовлиянием самых разных социальных групп внутри общества, и не является сугубо технологическим способом обеспечения населения доступом к Интернету. Поэтому, если в обществе и существует потребность в ограничении получения детьми определенной информации в Интернете, то необходимо понимать, как и каким образом, такие ограничения могут отразиться как на всех других участниках процесса информатизации, так и на самом обществе. Необходим комплексный анализ процесса информатизации общества в контексте повседневной деятельности человека.

Литература

1. Электронная Россия. Доступно из URL: <http://www.elrussia.ru/>
2. Майорова С.Н. Противоречие и парадоксы воспитательной ситуации в России начала XXI века. С. 45–52// Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2009. №1. 144с.
3. День Российской печати. РОМИР мониторинг. – 2004 URL: http://romir.ru/news/res_results/87.html (15.09.11.)
4. Шмидт Э., Тойбинер К. Российский интернет – альтернативная публичная сфера? //Control+Shift. М.: НЛЮ, 2009.
5. Королькова Л.Н., Корольков К.В. Интернет-сообщество с чертами тотального института как фактор десоциализации.- Ставрополь: СТИС ЮРГУЭС, 2010, - 149с.
6. Польза и вред от «Одноклассников. ру»// Золотой рог. 2008, 31.01. С. 21.

7. Сайт Одноклассники. ру рушит семьи и наводит судебных приставов// Комсомольская правда. 2008. №26-т (24053). С. 12-13.
8. Социальные сети развода// Владивосток. 2011. №170. С. 24.
9. Ребёнок за компьютером: творец или беглец?// Приморская газета. 2011. №99. С.14.
10. Кузнецов С. Ощупывая слона: Заметки по истории русского Интернета. М.: НЛО, 2004. 387с.
11. Reed L. Computer addiction as a Gendered Phenomenon. URL: http://chnm.gmu.edu/ematters/issue6/body_bios.html#reed (30.11.11.)
12. Szablewics M. The ill effects of “opium for the spirit”: a critical cultural analysis of China’s Internet addiction moral panic. URL: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/17544750.2010.516579?journalCode=rjc20> (29.11.11.)

ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Блинова М.И. (Пермь)

На современном этапе развития российского общества правительством РФ объявлен курс на формирование информационного типа общественной системы[2]. Научному сообществу необходимо ответить на ряд вопросов: что под собой подразумевает термин «информационный», какие показатели характеризует степень информатизации системы, насколько Россия готова к подобным преобразованиям, насколько они своевременны и необходимы, а так же – как реформы воспринимаются гражданами страны, дабы все проводимые реформы были эффективны и способствовали улучшению жизни граждан. Проблеме определения качественных особенностей информационного общества посвящено множество исследований во всем мире. Однако научном сообществе до сих пор нет чёткого разграничения между категориями «информационного» и «постиндустриального» общества. Часть исследователей (Горелова Е.В.[3], Иноземцев В.Л.[4] и др.) строго дифференцируют термины, другая (Акулова О.В.[1], Букреев И.Н.[2] и др.) – употребляет сразу оба, не выделяя качественных различий между ними. Кроме того, в научный дискурс начинают проникать такие термины как «постинформационное общество»,

«постэкономическое общество», «креативное общество» (Савчук В.В., Мацевича И.Я., Горохова В.Г. и др.). Однако наиболее обоснованным, на наш взгляд, является рассмотрение информационного общества как ступени развития постиндустриального, поскольку информационная составляющая в различных сферах жизнедеятельности общества носит скорее инструментальный характер, а определение информации, как ресурса (наравне с материальными, трудовыми, природными), до сих пор затруднительно. Обращаясь к смысловой наполненности категории, наиболее полной можно назвать предложенную У. Дайзардом[5] трёхфазовую модель становления информационного общества: 1. Становление основных экономических отраслей по производству и распределению информации; 2. Расширение номенклатуры информационных услуг для других отраслей промышленности и для правительства; 3. Создание широкой сети информационных средств на потребительском уровне. Проникая во все сферы жизни общества и его индивидов, информационные технологии существенно меняют привычное течение жизни и организации производства, взаимодействия между людьми. Первоочередная трудность, возникающая в определении степени информатизации российского общества, – это его многоуровневость. Используя терминологию Э. Тоффлера, можно сказать, что в России наложились друг на друга несколько «Волн»[8]: например, наравне с возможностью выращивания органов и тканей, производство ё-мобилей из вторичного сырья на солнечных батареях, можно встретить полуразрушенные заводы, с оборудованием ещё довоенного времени, тяжёлых условиях жизни в деревнях, в целом довольно низким уровнем качества жизни по стране. Ряд трудностей вызывают территориальная протяжённость, особенности климатических условий, многонациональность нашей страны. На сегодняшний день проводится ряд системных преобразований, по возможности максимально полно включающих все сферы жизни общества. Стратегия становления в России информационного общества подкреплена рядом документов, таких как: федеральная целевая программа (ФЦП) «Электронная Россия (2002-2010 годы)», Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, государственная Программа Российской Федерации «Информационное общество (2011-2020 годы)», ряд других. Однако необходимо учитывать, кроме как положительных последствий реформ (включённость российской экономики в мировую, повышение конкурентоспособности товаров, снижение расходов на

приобретение новейших ИКТ, повышение качества жизни и т.д.), возможные опасности (взаимопроникновение и взаимозависимости государственных экономик, созданию «виртуальных» финансовых фондов и т.д.). Для анализа уровня развития информационного общества было разработано множество индексов. Среди них: IDI (ICT Development Index), HDI (Human Development Index), ISI (Information Society). Они так же применимы для России. Учитывая же, что российское общество находится на одной из первых ступеней формирования информационного общества, можно выделить следующие основные совокупные показатели: развитость рынка информационных технологий, степень телефонизации населения, количество единиц компьютерной техники на человека, доступность Интернета и цели использования информационных технологий. Основной акцент в реформировании делается на внедрение персональной компьютерной техники с доступом к Интернету, распространением телефонной связи, отлаживанию правовой системы по информационной безопасности и защите, а так же формированию информационной культуры у населения. За десятилетие был совершён значительный прорыв в озвученных выше показателях. На сегодняшний день около 60% жителей России обладают персональными компьютерами (ПК) с выходом в Интернет[7]. Наибольший прогресс можно наблюдать у показателей сотовой связи: на данном этапе практически каждый имеет один и более сотовых телефонов. Хотя вызывают некоторое опасение цели использования, несущие развлекательный характер (просмотр фильмов, прослушиванию музыки, игр и неформальному общению). В целом Россия находится в неоднозначном положении. С одной стороны, до сих пор не сформировано постиндустриальное общество, с другой стороны, формируются элементы информационно-коммуникационных технологи. Россия обречена отчасти искусственно насаждать элементы информационного общества, но оформление стратегии реформирования в политическую программу развития даёт надежду на качественные преобразования, повышения уровня жизни, сокращению разрыва с развитыми странами.

Литература

1. Акулова О.В. Изменение технологии обучения в условиях перехода к информационному обществу. – Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2004. – Т. 4. – № 9. – С. 107-5.

2. Букреев И.Н. Движение России в информационное общество. – Информационное общество. – 2009. – № 3. – С. 22-34.
3. Горелова Е.В. Информационное общество: концепции и историческая практика. – Вестник Тюменского государственного университета. – 2006. – № 6. – С. 130-132.
4. Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы: Учеб. пособие для студентов вузов. – М.: Логос, 2000. – 304 с.
5. Информационное общество и проблемы социального развития [электронный ресурс]. – Режим доступа <http://www.computerra.ru/offline/2001/414/12982/>
6. Концепция информационного общества в России [электронный ресурс]. – Режим доступа – <http://www.iis.ru/library/riss/>
7. Общее количество персональных компьютеров [электронный ресурс]. – Режим доступа http://itosvita.ucoz.ua/news/obshhee_kolichestvo_personalnykh_kompyuterov_v_rf_dostiglo_62 mln_shtuk/2011-02-19-337
8. Тоффлер Э. Третья волна [электронный ресурс]. – Режим доступа http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Toffler/_Index.php

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ БИЗНЕСА И СМИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ.

Виноградов Д.. (Санкт-Петербург)

Традиционно сфера предпринимательства и журналистская среда в Российском государстве не имели четкой связи. Бизнес не так сильно заинтересован в освещении своей деятельности как органы власти, а представители «четвертой власти» больше интересуются социальными и политическими вопросами, нежели происходящим в сфере бизнеса. Представители предпринимательской среды, особенно крупного предпринимательства, в основном воспринимают средства массовой информации как один из возможных источников прибыли, видят СМИ в качестве бизнеса. Журналисты в определенной мере освещают события в мире коммерции, но либо в рамках узкоспециализированных СМИ, либо в тех вопросах, которые напрямую связаны с потребителем и изучением спроса на продукцию

[3]. Тем не менее, с развитием public relations коммуникаций, корпоративной социальной ответственности бизнеса предприниматель всё больше нуждается в полноценном раскрытии событий своей сферы средствами массовой информации. Социальные действия, направленные на улучшение отношений бизнеса с различными стейкхолдерами, требуют широкого распространения информации [5]. Говоря о социальной роли бизнеса в обществе уместно использовать термин — корпоративная социальная ответственность. С одной стороны, КСО предпринимательства напрямую не направлено на постоянное освещение в СМИ, и, как следствие, увеличение паблицитного капитала организации [2]. Но, с другой стороны, улучшение репутации компании посредством освещения через СМИ её положительного вклада в развитие общества является значимым стимулом для предпринимателя. И в целом стабильное распространение информации необходимо для успешного развития КСО в России в виду того, что на сегодняшний момент предпринимательская среда испытывает острую нехватку знаний в вопросах построения социальной стратегии бизнеса. СМИ могли бы быть своеобразным рупором практик КСО бизнеса. Проводимые исследования, сигнализируют о масштабной проблеме нехватки информации по вопросам устойчивого развития. Речь идёт о том, что современное общество редко сталкивается с постановкой вопроса КСО в повседневной жизни. Безусловно, при наличии собственной инициативы у представителей общества есть возможность получить материалы по теме КСО. Российскими учёными опубликовано значительное количество работ и исследований по теме КСО. В научной среде эта тема популярна, обсуждаема. Существенный вклад в описание эволюции корпоративного гражданства в России внес директор Центра корпоративной социальной ответственности Высшей школы менеджмента СПбГУ Ю. Е. Благоев [1]. Большое количество работ по вопросам укрепления социальной ответственности и связанным с нею темам развития гражданского общества, профсоюзного движения, корпоративной культуры, социологии труда принадлежит профессору кафедры экономической социологии СПбГУ А. В. Петрову [4]. Тем не менее, теоретическое и практическое становление сферы КСО в России всё равно испытывает острый дефицит исследований, научных работ, и, главное, единой оценки многих процессов, происходящих в её рамках. В этой связи становится очевидным, что представители российского общества и сферы предпринимательства, не проявляющие собственную

инициативу в вопросах изучения теории и концепций КСО, не имеют возможности получать знания об этой сфере из традиционных общедоступных источников, в частности СМИ. Во-первых, российская журналистика испытывает еще более значимые сложности в вопросах трактовки терминов КСО и оценки её нынешнего положения. Во-вторых, многие значимые социальные инициативы российских компаний не получают должного освещения в СМИ в силу определенных консервативных принципов российской журналистики. Корреспондент всегда опасается «сделать рекламу» той или иной организации, увеличить её «паблицитный капитал». Поэтому российское журналистское сообщество придерживается той позиции, что правильнее вообще не освещать социальную деятельность бизнеса, даже касательно её благотворительной составляющей. Исключением являются случаи размещения информации о положительной деятельности компании на платной основе. В итоге журналисты ограничиваются предоставлением общей информации об уровнях социальной деятельности российского бизнеса в целом, в общих чертах, без указания конкретных инициатив, программ и компаний их реализующих. В такой ситуации российское общество остается в определенном информационном вакууме по вопросам КСО. Что, в свою очередь, безусловно, сдерживает и ограничивает возможности более активного развития корпоративного гражданства и социальных инициатив на территории Российской Федерации. Общенациональное исследование, проведенное в 2008 году Ассоциацией менеджеров в рамках проекта программы развития ООН по продвижению Глобального договора при участии Высшей Школы Менеджмента СПбГУ и поддержке Стратегического программного фонда Посольства Великобритании, показало большую разрозненность крупного российского бизнеса в терминологии устойчивого развития, трактовке смыслов и составляющих КСО [1, с. 223]. В то же время, есть и положительные процессы в вопросах освещения социальной деятельности российского бизнеса. Осознавая потребность в должном обсуждении, распространении информации о развитии КСО, предпринимательская среда в России самостоятельно стала организовывать информационные площадки. Существенный вклад в популяризацию КСО в России внесло Агентство Социальной Информации, созданное еще в 1994 году. Своей основной миссией Агентство изначально провозгласило — «Вносить вклад в устойчивое развитие общества, гармонизацию общественных отношений, содействуя росту доверия между различными секторами, организациями и людьми» [11].

Другой успешный российский информационный проект о КСО – портал CSRJOURNAL.com. Акцент новостной службы портала смещен в сторону событий российской бизнес-среды. Таким образом, портал позволяет получать полноценное представление о практическом развитии КСО в России. Ощувив востребованность аудиторий в получении новостной информации исключительно в сфере КСО, владельцы CSRJOURNAL.com в сентябре 2012 года начали выпуск печатного журнала «Устойчивый бизнес». По заявлению самой редакции, «журнал призван стать ведущей экспертной коммуникационной площадкой для обмена опытом среди менеджеров отечественных компаний, а также главным аналитическим ресурсом для информирования мирового бизнес-сообщества и инвесторов об успешных практиках ответственного ведения бизнеса компаний в странах СНГ» [12]. Появление и развитие СМИ, специализирующихся на вопросах корпоративного гражданства, устойчивого развития, социальной ответственности свидетельствует о том, что российский предприниматель сегодня полностью осознает всю важность социального подхода при формировании стратегии бизнеса. Более того, он видит необходимость в дальнейшем развитии КСО в России и понимает, что без должной открытости в вопросах освещения событий этой сферы, необходимой динамики развития бизнеса не достичь. В целом можно сказать, что подобные СМИ способствуют тому, чтобы взаимодействие между секторами общества носило конструктивный характер.

Литература

1. Благов Ю. Е. Корпоративная социальная ответственность: эволюция концепции. — СПб: Изд-во «Высшая школа менеджмента», 2010.
2. Викентьев И. Л. Приемы рекламы и PR. — СПб: Триз-Шанс, 1995.
3. Ворошилов В. В. Теория и практика массовой информации. — СПб: Издат-во Михайлова В. А., 2006.
4. Петров А. В. «Глобализация» экономики: социальные и политические аспекты. — СПб: Изд-во СПбГУ, 2009.
5. Туркин С. Социальные инвестиции в бизнесе. Пособие для менеджеров. — М.: Русский университет, 2003.
6. Алексеева О. Корпоративная социальная ответственность в России. Взросление в неблагоприятном окружении // SEAL. — 2004. — N1. — С. 4-7.

7. Козина И. М. Особенности «Социально ответственного бизнеса» российских предприятий // Журнал исследований социальной политики. — 2004. — № 3 (3). — С. 367-378.
8. Петров А. В., Виноградов Д. А. Социальная ответственность российского бизнеса в период современного глобального экономического кризиса: проблемы и тенденции // Общество. Среда. Развитие. — 2012, № 3.
9. Алексеева О. Социальная ответственность компаний — Опыт Запада и России [Электронный ресурс] // Меценат. — 2004. — № 3-4. — Режим доступа: http://www.maecenas.ru/doc/2004_3_5.html (дата обращения: 02.07.2012).
10. Демидов Е. Е., Николаева М. И. Корпоративная социальная ответственность: сообразим на троих [Электронный ресурс] // Корпоративный менеджмент — 2009 — Режим доступа http://www.cfin.ru/anticrisis/macroeconomics/government_program/csr.shtml (дата обращения 02.09.2012)
11. Портал Агентства Социальной Информации [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.soc-otvet.ru/asi/aboutasi/whoiswe> (дата обращения 14.07.2012)
12. Портал о корпоративной социальной ответственности CSRJOURNAL [Электронный ресурс] // Режим доступа http://www.csrjournal.com/o_proekte.html (дата обращения 28.09.2012)
13. Стандарты по Корпоративной социальной ответственности [Электронный ресурс] // Портал корпоративной социальной ответственности Всероссийской Организации Качества — Режим доступа <http://www.ksovok.com/standarts.php> (дата обращения 22.08.2012)

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ТАБУ В ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЯХ

Ганин Е.А., Ахметова А.А. (Казань)

На современном этапе развития Российской Федерации происходит стабилизация социально-экономических сфер общества: сформированы стабильные государственные институты; появляются организации гражданского самоуправления, формируется гражданское общество и т.п. Значительную роль в данных процессах играет информация, передаваемая посредством интернета. В современном обществе интернет-пространство занимает все более важные позиции. Все больше и больше населения прибегает к

помощи интернета при поиске необходимой информации, проведения досуга, общения и т.п. Интернет содержит множество различного контента, который может по-разному воздействовать на сознание человека, так как содержание его не всегда бывает морально допустимым или же наоборот формирует систему нормативного поведения. В связи с этим складывается или наоборот разрушается система табу. Это связано с тем, что образы табу, формируемые в интернете закрепляются в сознании человека, пользующегося теми или иными ресурсам. Например, при рассмотрении уголовной практики МВД России люди начинают осознавать последствия девиантного поведения, и стараются следовать определенным нормам. Или наоборот, сформированные табу сознанием человека разрушаются при использовании того или иного контента. Например, фильмы, содержащие детскую порнографию могут способствовать появлению педофилов в обществе. Основными источниками этого процесса выступают поисковые системы, которые содержат в себе все имеющиеся интернет ресурсы. Поисковые системы отличаются друг от друга алгоритмами работы с информацией, которые включают отбор, индексирование, поиск, иерархию ресурсов, широтой охвата данной информации в Интернете. По запросу пользователя поисковые системы автоматически делают запросы в интернет-пространстве, с которым они взаимодействуют. После чего автоматически анализируют полученные от различных серверов ответы, собирают их в единый список ссылок на информационные ресурсы (объединяя повторяют ссылки от разных систем) и выдают его пользователю. Ссылки на ресурсы в списке сортируются в соответствии с алгоритмами поисковой системы. Ссылки на наиболее значимые ресурсы сети помещаются в вершину списка найденных результатов [2, 27]. Формирование системы табу в поисковых системах обусловлены тем, что их владельцы нацелены, прежде всего, на получение прибыли, которая формируется за счет рекламы и продвижения сайтов, готовых проплатить более выгодную позицию в ней. Создатели же сайтов зарабатывают деньги при размещении рекламных баннеров и высокой посещаемости их интернет-страницы. Все это приводит к тому, что качество публикуемой информации в интернет-пространстве находится на низком уровне, механизм контроля её достоверности, корректности до сих пор не разработан. Также немаловажное значение в формировании системы табу в интернет-пространстве играет угроза безопасности компьютера пользователя при его обращении к неизвестным сайтам [1, 169].

Таким образом, гражданин, решивший посредством интернета воспользоваться информацией, сталкивается с системой табу, в конечном итоге это препятствует развитию качества, доступности, открытости информационных потоков в Российской Федерации.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО И СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ

Гимадеева Д.Р. (Казань)

Залогом успешного развития общества является характер социальной мобильности, при котором члены общества имеют возможность повышать свой социальный статус, осуществляя при этом как индивидуальное, так и социальное развитие в целом. Предполагается, что в условиях информационного общества характер социальной мобильности претерпевает значительную трансформацию. Еще в начале 50-х гг. основоположник кибернетики Н.Винер стал обосновывать тезис о «второй промышленной революции»[1]. Характерной чертой первой промышленной революции, начавшейся более двухсот лет назад и завершившейся во второй половине XIX в., он называл использование технологических новшеств. Вторая промышленная революция открыла путь к использованию техники в сфере интеллектуальной деятельности людей. Этот новый тип общества, называемый Беллом как постиндустриальный, привносит в процесс социальной мобильности качественно новые атрибуты и свойства. Белл выделил именно такую черту как сфера занятости в качестве характерной при переходе к обществу информационного типа [4]. Рассматривая структуру занятости населения, Белл отмечает увеличение доли занятых в информационной сфере. Д.Белл отмечает, сокращение класса, занимающегося ручным и неквалифицированным трудом, тогда как на другом полюсе социальной стратификации класс интеллектуальных работников становится доминирующим. Данное обстоятельство, подтверждаемое эмпирическими фактами, принимается как основание возможности говорить о новом типе общества - информационном. Оценивая изменения социальной структуры и статуса в обществе, Белл отмечает, что главными факторами статуса и социальной мобильности становятся не собственность, а знания. Ведущую роль в социальной структуре Белл отводит «классу профессионалов», состоящему из четырех сословий: научного, технологического, административного и культурного.

Основным условием социального продвижения Белл называет не обладание собственностью, а владение знаниями и технологией. Наиболее ярким примером анализа реалий современного социума является подход Д. Иванова[2]. Принципиальное отличие современного общества от всех видов предшествующих состоит в новом характере коммуникационных взаимодействий. Не объем информации, а способы трансляции, являются революционизирующим фактором современности. Человек информационного общества может обладать меньшим объемом знаний, но на порядок активнее участвует в коммуникации. Более информированный человек не тот, кто больше знает, а кто участвует в большем числе коммуникаций. Базовой технологией в рамках компьютерной революции стал Интернет. Понимание информационного общества как социальной структуры, базирующейся на инновациях присуще отечественным теоретикам А. Н. Абдулову и А. М. Кулькину[3]. Информационное общество рассматривается как первая стадия постиндустриального. Авторы проводят анализ, к каким инновационным последствиям приводит применение информационных технологий не только в экономике, но и в уровне жизни, медицинском обслуживании, социальной защищенности и т. п. Продуцирование инноваций тесным образом связано с развитием научно-технического потенциала. Важнейшие черты информационного общества, оказывающие значительные социальные последствия выявляет в своих работах Э.Тоффлер. Он отмечает, что меняется и социальная структура информационного общества. На смену пролетариату приходит т.н. «когнитариат», состоящий из профессионалов, из высокообразованных работников, обладающих информацией и профессиональными навыками работы с самой разнообразной информацией. Такие люди не станут лишь потреблять информацию, но будут и производить ее. Здесь Тоффлер солидарен с Беллом, уже не обладание собственностью или социальное происхождение определяют характер мобильности индивида в обществе, а его доступ к информации, наличие навыков работы с информацией, т.е. образованность, компетентность. Схожие идеи выражает другой известный теоретик М.Кастельс: предвидит рост квалификации, образования и доходов в стратификационной системе, которые выражаются, главным образом, эволюцией структуры занятости и профессий. Деловые услуги всех этих разнообразных сфер объединяет общая тенденция - «высокое содержание знаний»[5] под которым понимает компонент по компьютерной обработке данных. Отечественный исследователь И. Н. Курносов детально

конкретизирует направления развития информационной сферы[6]. По его мнению, главное для построения информационного общества — это развитие дистанционных сфер деятельности. Удаленные коммуникации должны позволить осуществлять работу практически во всех сферах услуг, а также обеспечивать разнообразие досуга, возникновение новых отношений между людьми, основанных на связях в режиме реального времени. Экономический подход к трактовке сущности информационного общества среди отечественных исследователей характерен для И. С. Мелюхина[6]. С его точки зрения информационное общество имеет три важнейших признака: информация используется как экономический ресурс, она становится предметом массового потребления, формируется информационный сектор экономики - происходит интенсивное насыщение сектора экономики информационными услугами. Согласно А. Н. Абдулову и А. М. Кулькину, в информационном обществе наука выходит на первый план, отодвигая такие факторы как размеры территории, наличие запасов полезных ископаемых, численность населения, климат и т. п. Развитие науки в информационном обществе оказывает прямое влияние на рост благосостояния граждан. Знания и коммуникации становятся источником богатства общества[7]. С точки зрения исследования социальной мобильности, российское общество постперестроечного периода оценивается как закрытое, то есть обладающее низкой социальной мобильностью. Исследователи мобильности в российском обществе отмечают тенденции: 1) снижение темпов социальной мобильности, связанный с ухудшением функционирования традиционных социальных лифтов, распространенных в советском обществе и характерных для государств с плановой экономикой; 2) нарастание поляризации между социальными слоями, преобладание нисходящей социальной мобильности; 3) увеличение в разрыве «жизненных шансов» (термин М.Вебера) в зависимости от геополитического расположения, т.е. поляризация центральных регионов и периферии – провинциальных регионов. Рассмотрев некоторые концепции западных и отечественных теоретиков информационного общества, можно выделить следующие характерные черты социальной мобильности в информационном обществе:

- Определяющая роль и высокий уровень развития информационных технологий, в особенности, интернета.
- Главным фактором общественных изменений становится производство и использование информации; теоретическое знание, доминирующую роль начинает играть сфера

услуг, причем услуг информационных. Таким образом, изменение роли, объема, скорости передачи информации повлекло за собой изменения практически во всех сферах жизни общества: экономической, политической, культурной, социальной. В частности, ученые выделяют новые тенденции в профессиональной сфере, новые возможности дистанционных технологий, рост сферы услуг и приоритет знаний перед физическим трудом, материальными ресурсами.

Литература

1. Винер Н. Человеческое использование человеческих существ: кибернетика и общество, с.154
2. Иванов Д. Общество как виртуальная реальность, с.357
3. Абдулов А. Н, Кулькин А. М. Контуры информационного общества, с.26
4. Даниел Белл. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования
5. М. Кастельс. Информационная эпоха: экономика, общество и культура, с.218
6. Скородумова О.Б. Отечественные подходы к интерпретации информационного общества: постиндустриальная, синергетическая и постмодернистская парадигмы.
7. Абдулов А. Н, Кулькин А. М. Контуры информационного общества, с. 27

СУБЪЕКТНЫЕ ПРАКТИКИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Гримов О.А. (Курск)

Современный этап развития общества характеризуется стремительным распространением новейших средств Интернет-коммуникации. Одним из них являются социальные сети, понимаемые нами как интерактивные веб-сервисы, отличительными чертами которых является возможность самопрезентации пользователя, наличие контакт-листа (списка друзей – пользователей, с которыми установлена связь) и возможность кооперативной деятельности (создание сообществ и т.д.) Социальные сети являются полифункциональной средой, обеспечивающей широкие возможности для осуществления разнообразных видов деятельности субъекта. Субъектом в информационном пространстве онлайн-социальных сетей, как правило, выступает личность, уникальный

пользователь. Однако субъектность может быть не только личностной, но и коллективной. К коллективным формам субъектности можно отнести разнообразные сетевые сообщества, группы и объединения.

Широкие возможности деятельности и активности в социальных сетях определяют онтологию информационно-коммуникативного пространства социальных сетей и вектор его развития.

Информационно-коммуникативное пространство не является статичной структурой, обладающей определённой системой паттернов воздействия на коммуникантов и регулирования коммуникативных процессов. Оно представляет собой особое интерментальное образование, социальное пространство знания, воспроизводимое в процессе социального конструирования реальности, детерминированного активизацией сущностных свойств субъекта. Производство и воспроизводство реальности в социальных сетях – акт непрерывного со-творения, самотворения и здесь-присутствия. Виртуальную реальность социальных сетей можно определить как тотальное здесь-присутствие субъекта, характеризующееся динамической непрерывностью процессуального осуществления наличного бытия.

Здесь-присутствие отличается креативным стремлением к самоконструированию, построению идентичности и соотнесения себя с определёнными рамками или фреймами («структурами визуализации» по И.А. Мальковской [1]), определяющими возможности самоактуализации личности, но также и формализующими их.

Самоактуализация в социальных сетях напрямую связана с когнитивными практиками. Социально-сетевые сервисы реорганизуют сферу духовных, в том числе когнитивных практик индивида, трансформируя способы познания, структурирования, анализа и ценностного отбора информации. Богатство познавательных и информационных возможностей, предоставляемых социальными сетями, обеспечивает выход личности за рамки бинарных оппозиций; в условиях культурного плюрализма многообразие наличных объектов культуры позволяет индивиду потреблять продукты как элитарной, так и массовой культуры.

К когнитивным практикам мы также относим рефлексии; закреплённое в практиках стремление индивида к самопознанию и саморазвитию является важнейшим признаком конструктивной преобразовательной деятельности. Любая коммуникативная деятельность в социальных сетях (особенно – запись в микроблоге) является проявлением автодиалогичности и способствует аутокоммуникации и самоанализу. Информационно-коммуникативное пространство социальных сетей воспроизводится

практиками повседневности, симулирующими действительность, но в то же время всё более её организующими и структурирующими. В социальной сети формируется новая форма социальной организации (в случае коллективной субъектности) и новые формы организации социального пространства личности. Решающее значение при конструировании информационно-коммуникативного пространства приобретает участие субъекта, его активность. Активность субъекта в социальных сетях означает перманентное оригинальное самоконструирование в различных дискурсах как метафизическое подтверждение своего наличия, актуализирующееся в онлайн-коммуникации. При этом самоконструирование не предполагает обязательного построения альтернативной идентичности. Перманентное самоконструирование становится важнейшим требованием, предъявляемым к личности в социальных сетях, без которого виртуальный Я-образ перестанет быть привлекательным и интересным для других пользователей. Именно привлечение внимания становится основным вектором успешной интеграции в виртуальное сообщество. Конструктивная активность субъекта понимается нами как перманентное производство и воспроизводство социальных практик, дискурсов как новых форм личностного самовыражения. Активность субъекта диалектична по своей природе, что проявляется в единстве производства и потребления социокультурных практик в социальных сетях как пребывания среды в субъекте и субъекта в среде. Формирование среды имманентно предполагает бытие-в-ней и «потребление» её. Главными каналами конструктивной активности в социальных сетях являются разнообразные коммуникативные практики и создание виртуального Я-образа (самопрезентация), которые в совокупности можно назвать самоконструированием. Процесс перманентного самоконструирования личности в онлайн-социальных сетях осуществляется посредством реализации различных повседневных практик, обусловленных вынесением их из мира обыденного в мир виртуальный и заключающихся в попытках придать своему виртуальному бытию черты реальной жизни, своеобразный распорядок, и изменяющих наличное состояние субъекта в социальной сети. Именно практики повседневности характеризуют конструктивность мышления и активности субъекта в информационно-коммуникативном пространстве.

Литература

1. Мальковская И.А. Метаморфозы субъектности в современном мире // Социологические исследования. 2008. - № 5. - с. 16-25.

**ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТЬ СОВРЕМЕННЫХ
РОССИЙСКИХ СТАРШЕКЛАССНИКОВ (НА ПРИМЕРЕ
ШКОЛ Г. ВОРОНЕЖА).**

Гуляева А.А. (Воронеж)

Компьютер и компьютерные технологии стали неотъемлемой частью жизни российского общества, практически всех его социальных групп, школьников в том числе. Специалисты обращают внимание на возникшее противоречие. С одной стороны, компьютер – средство технического прогресса, а с другой – виртуальная реальность, поглощающая все большее количество людей. Проблеме компьютерной зависимости уже посвящен ряд трудов. Систематизируя все разработки в данной области – можно выделить три направления изучения: психологическое, медицинское, социологическое. Родоначальниками психологического изучения феноменов зависимости от Интернета могут считаться два американца: клинический психолог К.Янг и психиатр И.Голдберг. В 1994 г. К. Янг разработала и поместила на веб-сайте специальный опросник, а также выделила основные типы Интернет-зависимости [1]. И. Голдберг в 1995 г. предложил набор диагностических критериев для определения зависимости от Интернета. Психологический подход в изучении Интернет-зависимости связан с именами Ю.В. Фомичева, Д. Гринфилд, М. Гриффитс, М. Шоттон, А.Е. Войскунского. В.А. Лоскутова, кандидат медицинских наук в области психиатрии, изучала интернет-зависимость как форму нехимических аддитивных расстройств с медицинской точки зрения [2]. М.Орзак разработала перечень физических симптомов Интернет-зависимости [3]. Н.В. Чудова также занималась разработкой перечня черт, свойственных Интернет-зависимым людям [4, с.113-117]. С.И. Конопицкий рассматривал Интернет как предмет социологического анализа. В. Е. Иванов отмечает, что основная функция Интернета, связанная с получением информации, сегодня перестает быть ведущей, такую роль берет на себя функция коммуникации [5]. Данная проблема лежит в поле зрения разных наук – психологии, медицины, социологии, и исследования носят междисциплинарный характер. Более того, в саму сеть Интернет включены разные по

половозрастному составу группы людей: от детей и школьников до пожилого населения. Школьники старших классов – большая общность, отличающаяся разнообразными характеристиками. Обращение к их проблемам не случайно. Российская аудитория Интернета стремительно растет, и школьники составляют ее значительную часть. Сейчас уже почти каждый третий школьник в нашей стране выходит в Интернет, и чем старше подростки, тем выше среди них доля «интернетчиков». Исследования фонда «Общественное мнение» неоднократно подтверждали этот факт. Сейчас мы можем констатировать, что почти девять из десяти (86%) российских подростков 12–17 лет хотя бы раз в месяц пользуются интернетом. Это самый высокий показатель проникновения интернета в возрастных группах. Среди молодежи 18–24 лет он сопоставим (84%), но среди россиян старших возрастов значительно ниже [6]. Интерес составляют социологические исследования, которые позволяют выявить определенную предрасположенность к Интернет-зависимости. Одним из таких было исследование, проведенное в 2012 г. в ряде воронежских школ, посвященное данной проблематике объектом которого стали старшеклассники. Было выяснено, что старшеклассники активно внедряются в виртуальное пространство. Практически все старшеклассники подключаются к Интернету, используя домашний компьютер, каждый третий выходит в Сеть с мобильных телефонов, а каждый седьмой – из дома друзей. Такое широкое распространение и упрощенность доступа в Интернет, сами увлекают школьников в виртуальное пространство. Относительно времени, которое проводят школьники в Сети ежедневно, были получены следующие данные: чуть менее половины школьников ежедневно проводят в сети Интернет от 2 до 4 часов, каждый пятый от 1 до 2 часов, каждый девятый от 4 до 5 часов. Подавляющее большинство – четверо из пяти опрошенных ежедневно посещают сеть Интернет. По итогам исследования девять из десяти опрошенных пользуются Интернетом более 3 лет – то есть, пребывание в Сети уже не ново для школьников, они имеют определенные навыки работы и сформировали свои собственные предпочтения в многообразии предлагаемых ресурсов Интернета. Наибольшей популярностью у старшеклассников г. Воронежа пользуются социальные сети – девять из десяти опрошенных назвали именно их. Вторые по популярности – ресурсы для учебы, а также фильмотеки и аудиотеки – их отметили четверо из пяти респондентов. Электронной почтой пользуются семь из десяти школьников, электронными библиотеками – каждый второй, каждый

третий опрошенный играет в он-лайн игры. При ответе на открытый вопрос о посещаемых ресурсах подавляющее большинство, в первую очередь отметило, социальные сети. Важно обратить внимание, что ресурсы для учебы указал всего каждый седьмой респондентов, и это те старшеклассники, которым через год-два предстоит выпускиться из школы и либо продолжить свое обучение, либо пойти работать. Удивительно, что выпускники предпочитают не библиотеки, а социальные сети. Частое использование поисковиков для нахождения интересующей информации отметил каждый десятый респондент, а библиотеки – только один из пятидесяти опрошенных. Чрезмерное пребывание в сети Интернет сказывается и на успеваемости школьников: чем больше количество времени, потраченного на Сеть, тем ниже успеваемость старшеклассников. Четверть троечников проводят в сети 3-4 часа, половина - 4-5 часов ежедневно. Чем меньше юноши и девушки проводят времени в Интернете, тем больше среди них доля отличников. Каждый третий старшеклассник говорит о том, что у него бывали периоды в жизни, когда он с головой уходил в компьютерные игры. О наличии проблемы контроля времени, проводимого в Сети, также говорит тот факт, что половине школьников случалось пренебрегать приемом пищи потому, что они «засиделись в Интернете». В прожективном вопросе о количестве времени, которое старшеклассники хотели бы проводить в Интернете, семь из десяти опрошенных хотели бы проводить в Сети времени столько же, сколько и сейчас (напомним, что средний индикатор здесь колеблется от 2 до 4 часов ежедневно); каждый пятый - хотели бы проводить еще больше времени он-лайн. Это говорит о серьезной увлеченности школьников Интернетом. При рассмотрении гендерных особенностей Интернет-зависимости старшеклассников существенных различий выявлено не было: юноши и девушки в равной степени включены в виртуальное пространство. Интернет-зависимость школьников формируется под воздействием целого ряда факторов, носящих объективный и субъективный характер. Объективным фактором является компьютеризация всех сфер жизни: появление электронной почты, возможности пользоваться государственными услугами через Интернет, оплата коммунальных услуг, реализация федеральной целевой программы «Электронная Россия». Таким образом, само руководство страны стремится как можно больше людей включить в виртуальное пространство. По словам главы Министерства образования А.А. Фурсенко 97% российских школ обеспечены доступом в Интернет. Можно сказать, что развитие научно-

технического прогресса в обществе само дает значительную предпосылку возникновению Интернет-зависимости среди школьников. Общим субъективным фактором Интернет-зависимости является идея компьютеризации: предпочтение электронных книг, СМИ, аудио и видеозаписей. Выявлено, что основополагающими характеристиками Интернет зависимости стали: активное внедрение школьников в виртуальное пространство, отсутствие гендерной предрасположенности к Интернет-зависимости, существенное влияние количества проводимого времени в Сети на успеваемость в школе, а также проблема контроля времени, проводимого в Интернете. Эти факторы характерны для большинства современных школьников. Старшеклассники пренебрегают приемом пищи; уверенно говорят о вреде здоровью, которое наносит пребывание в Интернете; испытывают скуку в отсутствии подключения к Интернету. Сеть Интернет сегодня – это не просто техническое новшество XXI века, доступное каждому, Интернет – это некая новая виртуальная среда действия и взаимодействия людей, участниками которой в большей степени является молодежь. Чрезмерное увлечение этой средой вызывает отчуждение от реального мира, что в свою очередь играет определенную роль в формировании личности человека и, к сожалению, зачастую эта роль бывает негативной. Проблема Интернет-зависимости нуждается в дальнейшем изучении как на региональном, так и на федеральном уровнях.

Литература

1. Young K. Internet Addiction: Symptoms, Evaluation, And Treatment/ К. Young. – [\(http://www.healthyplace.com/addictions/center-for-internet-addiction-recovery/internet-addiction-symptoms-evaluation-and-treatment/\)](http://www.healthyplace.com/addictions/center-for-internet-addiction-recovery/internet-addiction-symptoms-evaluation-and-treatment/)
2. Лоскутова В.А. Социально-психологические аспекты Интернет-зависимости /В.А. Лоскутова. – [\(http://user.lvs.ru/vita/doclad.htm/\)](http://user.lvs.ru/vita/doclad.htm/)
3. Orzack M.H. Computer addiction: What is it?/M.H. Orzack// Psychiatric Times. - August 1998. - V. 15. - N 8. – [\(http://www.health.am/psy/more/computer-addiction-what-is-it/\)](http://www.health.am/psy/more/computer-addiction-what-is-it/)
4. Чудова И.В. Особенности образа «Я» «Жителя Интернета»/И.В. Чудова// Психологический журнал. 2002. - Т. 22. - № 1. - С. 113-117.

5. Корнев. К. Особенности Интернет-коммуникации и типы Интернет-пользователей в молодежной студенческой среде. // К. Корнев. –2005. – (<http://volokhonsky.ru/internet/kornev.pdf/>)

6. Фонд «Общественное мнение». Базы данных. - (<http://bd.fom.ru/>)

МОДЕРНИЗАЦИЯ СТРУКТУРЫ И РОЛИ СЕМЬИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Демидова А.В. (Могилев, Республика Беларусь)

Семья как живой социальный организм находится в постоянном движении, видоизменяется и наполняется новым содержанием под влиянием происходящих в обществе изменений, причем каждый исторический период накладывает на эти изменения свой специфический «отпечаток». Этот особый социальный институт, находясь под воздействием изменений, происходящих в обществе, модернизирует свои функции и формы. Так, в современном обществе в ходе экономических, политических и социально-культурных преобразований изменились сущностные основы функционирования семьи, способы деятельности и самовыражения ее членов, образцы гендерных взаимодействий в брачно-семейных отношениях, роли, статусы, ценностные установки женщин и мужчин на брак и семью, внутренние связи между членами семьи, их жизненные приоритеты. Поэтому изучению семьи в рамках перехода к информационному общественному устройству необходимо уделить особое внимание, тем более что именно семья в условиях информационной эпохи может стать основной движущей силой общественного развития, если сумеет восстановить присущую ей гармонию. В этой связи стала актуальной задача не просто принять во внимание цивилизационную теорию, но и дополнить ее парадигмой, предметом интереса которой были бы не суперобщности (как и цивилизационной и формационной теориях), а сами люди. То есть парадигму, которая могла бы дать ответ на вопрос о том, как меняется микроуровень общественных отношений под воздействием развивающейся социальной среды, которая могла бы дать индивидам доступное объяснение социальной реальности, определить ориентиры жизни отдельного человека и общества в целом. Создание такой парадигмы целесообразно сосредоточить, прежде всего, на том фундаменте, на котором строятся все сложнейшие конструкции общественной организации, на том общем,

что неизбежно присутствовало везде и всегда. Таким фундаментом, имеющим к тому же важнейшее значение в традиционном обществе, является семья, которая возникла в эпоху позднего неолита и до сих пор остается наиболее устойчивым социальным образованием – 85% людей в мире живет в семьях (преимущественно в нуклеарных). Не случайно А. Тоффлер, представляя историю человечества состоящей из аграрной, индустриальной и информационной волн развития, постоянно возвращается к институту семьи: «большая семья» аграрного периода, «ядерная» («нуклеарная») семья промышленной эпохи, «разнообразная» семья информационной фазы. [3, с.105]. Таким образом, в информационном обществе институт семьи сохраняется, однако претерпевает значительные изменения на функциональном и структурном уровнях. Наблюдается автономизация брачно-семейных институтов: брака (без превращения брачного союза в семейную общность: пробный брак, открытый брак, браки-посещения и т.д.); семьи (в которой нет супружеской пары); родительства (когда отсутствуют отношения между мужчиной и женщиной как супругами, но есть отношения между ними, как между отцом и матерью общего ребенка или ограничение отношений только связью между матерью и ребенком – одинокое материнство, неполная семья); родства (когда в семье есть только один ребенок, не имеющий родных братьев и сестер)[1, с. 112]. Распространение вышеперечисленных явлений повлекли возникновение новой тенденции в брачно-семейных отношениях, так называемой «виртуализации». В настоящее время, по мнению Д. В. Иванова [2, с.183-189], любовь и брак все меньше определяются реальными (материальными, физиологическими и т.п.) потребностями и все больше становятся функциями от образов сексуальности и семьи, создаваемых или конструируемых индивидами, а чаще заимствуемых ими у масс-медиа. Сегодня физиологические потребности можно удовлетворять без жесткой идентификации или ориентации, без официального принятия обязательств в отношении партнера и потомства. Сегодня санкционируется практически любая ориентация сексуального поведения. Сексуальная свобода находит выражение в практике «открытых отношений», «пробного брака» – партнерства или сожительства (cohabitation), в гомосексуальных союзах. Таким образом, брак становится виртуальным. В современном обществе даже минимизированное родство в рамках нуклеарной семьи виртуализируется. Исследуя статистические данные можно зафиксировать снижение доли классических нуклеарных семей в общем числе домохозяйств и рост числа неполных семей. А их

сравнительно стабильное существование в современном обществе свидетельствует о том, что исполнение социальных ролей заботливых родителей, воспитывающих, возвращающих детей становится виртуальным. В отсутствии реальных родительских функций, рассеянных между педагогами, чиновниками, социальными работниками и т.п., родительство становится симулятором — образом материнства (отцовства), не имеющим референтов в реальности. Наиболее характерным примером виртуальной семьи могут служить неполные семьи, функционирующие «с замещением»: когда эмоции, получаемые в коммуникации с образами, генерируемыми на дисплее, компенсируют отсутствие одного из классических партнеров — отца (мужа), матери (жены), ребенка. Компьютерная индустрия поставляет на рынок разнообразные киберпротезы брачно-семейных отношений, замещающие сегодня реальные внутрисемейные отношения и «выполняющие» различные семейные функции. Отчуждение человеческой сущности в виртуальную реальность может принимать и более изощренные формы, например, киберпротезирования реальной сексуальности и гендерного поведения. Примером могут служить активно рекламирующиеся и продвигающиеся на рынке эротической продукции интерактивные игры на CD-ROM, симулирующие сексуальный контакт с партнером (партнершей). В современном обществе базовые компоненты брачно-семейных практик модерна: сексуальность, супружество, родительство — симулируются, и, как следствие, институты: семья, брак, родство (по нуклеарному типу), воспитание часто принимают виртуальную, а не реально существующую форму. Подводя итог, следует отметить, что процесс модернизации семьи, как и всякий социальный процесс, имеет как положительные, так и отрицательные стороны. Однако он неизбежен и необратим, как и неизбежен социальный прогресс в целом. Все многообразие брачно-семейных форм и отношений сегодня невозможно подвести под один определенный тип современной семьи. Сегодняшние реалии таковы, что приходится говорить не об одном типе семьи, а о различных модификациях семейных типов, которые могут быть основаны либо на супружестве, либо на родительстве, либо на родстве, либо на сочетаниях этих трех оснований. Современная модель семьи должна базироваться также на равноправных возможностях самореализации в брачно-семейной сфере, в трудовой сфере и общественной деятельности.

Литература

1. Демидова, А.В. Состояние института семьи в условиях трансформации белорусского общества / А.В. Демидова // Социология.— 2008. — №2. —с. 110-119.

2. Иванов, Д. В. Императив виртуализации: Современные теории общественных изменений / Д.В. Иванов — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2002. — 212 с.

3. Тоффлер, А. Футурошок / А. Тоффлер— СПб.,1997.

РАЗВИТИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Демушина О.Н. (Волгоград)

В настоящее время осознаны предпосылки и реальные пути формирования и развития информационного общества в России. Этот процесс имеет глобальный характер, что делает неизбежным вхождение нашей страны в мировое информационное сообщество. Использование материальных и духовных благ информационной цивилизации может обеспечить населению России достойную жизнь, экономическое процветание и необходимые условия для свободного развития личности. Профессор У. Мартин, перечисляя основные характеристики информационного общества, отмечает, что коммуникация является его ключевым элементом. Оптимизации осуществления коммуникации между институтами власти и обществом, повышению транспарентности этого процесса будет способствовать внедрение и повсеместное развитие электронного правительства, которое называют необходимым атрибутом информационного общества. В Российской Федерации ещё в 90-е годы сформировались предпосылки перехода к информационному обществу. В 2008 г. распоряжением Правительства РФ была одобрена Концепция формирования в Российской Федерации электронного правительства. В соответствии с Концепцией целями формирования в Российской Федерации электронного правительства являются: • повышение качества и доступности предоставляемых организациям и гражданам государственных услуг, упрощение процедуры и сокращение сроков их оказания, снижение административных издержек со стороны граждан и организаций, связанных с получением государственных услуг, а также внедрение единых стандартов обслуживания граждан; • повышение открытости информации о деятельности органов государственной власти и расширение возможности доступа к ней и непосредственного участия

организаций, граждан и институтов гражданского общества в процедурах формирования и экспертизы решений, принимаемых на всех уровнях государственного управления [2]. В соответствии с Концепцией в ряде регионов были созданы информационно-справочные порталы, призванные способствовать повышению эффективности коммуникации институтов власти и общества. Представляется целесообразным проанализировать деятельность информационно-справочного портала Волгоградской области по критериям, предложенным ООН.

1) Информационная достаточность и удобство портала для граждан. ИСП предоставляет достаточно актуальную, однако статичную информацию о структуре региональных органов управления; расположении приемных, регламентах работы и руководителях, включая контактные данные, часы приема и т.д. На портале имеется возможность поиска, есть ссылки на нормативно-правовые акты РФ. Внешний вид и дизайн отвечают стилистике официального портала органов власти. Но, с другой стороны, можно отметить текстовую избыточность, что затрудняет восприятие информации. Навигация информационно-справочного портала достаточно удобная, но сводится в основном к ссылкам на структурные подразделения администрации. На карте портала даётся полный список предоставляемых страниц в рамках сайта. Сайт обновляется регулярно, но не часто, а время от времени. Существует возможность просмотра материалов сайта слабовидящими. Не предусмотрены возможности звукового сопровождения материалов сайта для слабослышащих. Информация представлена только на русском языке, возможность перевода на портале отсутствует.

2) Уровень интерактивности. Необходимо отметить достаточно слабую интерактивность информационно-справочного портала Волгоградской области. По сути, представлена только возможность просмотра документов для ознакомления. В качестве исключения можно отметить наличие раздела «Замечания, пожелания», однако он очень слабо востребован потребителями услуги, с одной стороны, и не содержит ответов на жалобы граждан, с другой. Посетители не могут участвовать в онлайн-дискуссиях либо выкладывать комментарии на досках сообщений в соответствии с вынесенными на обсуждение проблемами.

3) Транзакционное взаимодействие. Несмотря на наличие на портале раздела «Госуслуги», говорить о транзакционном взаимодействии не представляется возможным. Уровень сервисных услуг ограничен пассивным взаимодействием. Отсутствует возможность получения услуг онлайн (таких как подача заявок в электронной форме на

получение лицензий на ведение профессиональной деятельности, подача налоговых деклараций, заявлений на обмен документов и т.п.) В сети отсутствует информация о возможных местах и режиме оказания государственных услуг, нет образцов заявок в органы власти для их получения, отсутствуют примеры их заполнения 4) Доступность для граждан Фактором, существенно снижающим эффективность деятельности электронного правительства Волгоградской области, является отсутствие возможности его использования всеми гражданами, независимо от возраста и финансового состояния. Так, люди пожилого возраста, а также лица с низким достатком вряд ли могут воспользоваться современными достижениями в сфере информационных технологий по причине низкой информированности в данной области, а также отсутствия компьютера дома. Эту проблему можно было бы решить с помощью обустройства публичных точек доступа по аналогии с австралийской системой MAXI, представляющей собой единый узел обслуживания населения, доступный не только с настольных компьютеров, но и через киоски, а также по телефону 24 часа в сутки [4]. Таким образом, ИСП Волгоградской области нельзя назвать удобным и востребованным гражданами. Он слабо информативен, несмотря на избыток сухих, текстовых материалов, не предполагает реальной обратной связи и поэтому не вызывает интереса у потребителей. Можно сделать вывод, что электронное правительство Волгоградской области находится на первой, начальной – информационной стадии своего развития, поскольку существует пока только в виде сайта с ограниченными возможностями обратной связи и низкой интерактивностью. Большинство граждан слабо информированы о сайте и не заинтересованы в его услугах. Пока ещё невозможно говорить о свободном доступе всех категорий граждан Волгоградской области к электронному правительству, что показывает его низкую эффективность на сегодняшний день. Следовательно, в Волгоградской области пока не достигнута основная цель электронного правительства: повышение эффективности коммуникации органов власти и общества.

Литература

1. Информационно-справочный портал Волгоградской области // <http://www.volganet.ru>
2. Концепция формирования информационного общества в России // <http://www.iis.ru/library/riss/>

3. Андропова, О., Николаев, А. Электронное правительство в Европе и мире / О. Андропова // http://www.ci.ru/inform22_01/p_0600.htm

4. Владимиров, В. Прозрачность и ответственность / В. Владимиров // <http://e-government.ru/dyn/>

5. E-Government или государство в Сети. Статья подготовлена специалистами отделов консалтинга и маркетинга компании Actis Systems <http://www.actis.ru/pressclub/default.asp>

КОМПЬЮТЕРНЫЕ ГЕЙМЕРЫ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Демьянов Е.И. (Екатеринбург)

Компьютерные геймеры: социологический анализ Ни для не секрет, что компьютерные технологии давно и прочно вошли в нашу повседневную жизнь. Сегодня наблюдается компьютеризация практически всех сфер общественной жизни. Интернет, компьютерные игры, высокотехнологичные программы послужили источником формирования «виртуального пространства». Молодежь более других подвержена влиянию этого пространство. По статистике, только в сеть Интернет еженедельно выходят более 42 млн. человек, большая часть которых – это люди до 34 лет. Вокруг компьютеров и компьютерных технологий сегодня мы можем наблюдать образование субкультур. Одной из наиболее известных является субкультура геймеров. В рамках дипломной работы в г.Екатринбурге было проведено исследование субкультуры геймеров. Цель, которую мы перед собой ставили, это изучение особенностей субкультуры геймеров. В рамках данной работы нами было проведено исследование посетителей игровых компьютерных клубов, в ходе которого было опрошено 487 человек. На основании проделанной работы мы смогли обозначить отличительные черты субкультуры геймеров. Вот некоторые из них. Компьютерная игра является одной из воплощений «виртуальной реальности». Именно она послужила основой формирования субкультуры геймеров. Движение геймеров сегодня охватывает все новые социальные группы и категории лиц. Мы выяснили, что уже сейчас ряд авторов выделяют геймеров как особую социальную группу, охватывающую людей, увлекающихся компьютерными играми наряду с прочими разновидностями досуга и развлечений. Видеоигры, оставаясь развлечением, сосуществуют наряду с другими увлечениями и

способами проведения досуга К критериям геймеров относятся: повторяющиеся эпизоды игры; постоянная или периодическая вовлеченность; повторная тяга и напряжение через определенный промежуток времени; возможное изменение круга интересов, вытеснение прежних мотиваций игровой, постоянные мысли об игре, преобладание и воображении ситуаций, связанных с игровыми комбинациями; невозможность контролировать интенсивное влечение к игре, прервать ее волевым усилием. Для геймеров характерна «игровая зависимость». Конечно, не все играющие безнадежно увлечены виртуальным пространством, но все – таки, этот феномен характерен для рассматриваемой группы. Как показало исследование, геймеры – это люди в возрасте от шестнадцати до тридцати лет. Как правило, в браке или сожительстве не состоят, детей не имеют, образование преобладает среднее и неоконченное высшее, материальное положение – достаточно хорошее и хорошее. Геймеры – это преимущественно мужчины. Интересно, что многие геймеры не относят себя к таковым и рассматривают игру как вид досуга. Что касается вопроса о ценностях, то нужно сказать, что к ценностям своего поколения опрошенные относят: материальное благополучие, развлечения, семью, работу, виртуальное пространство. К своим же ценностям опрошенные относят: вначале семью, затем материальное благополучие, работу, жизнь и любовь. Как правило, геймеры играют в компьютерные игры дома, преимущественно в вечернее время. Мало кто из опрошенных состоит в каком – либо реальном сообществе, как правило, это те люди, которые позиционируют себя как геймера. В основном, геймеры состоят в виртуальных сообществах (группы, кланы в играх и т.д.). Таким образом, можно сделать следующие выводы. Для опрошенных игра – это форма развлечения, досуг. В реальности, ведущая деятельность – это учеба и/или работа. Играм же посвящается не так много времени. Что касается их образа жизни, то принято считать, что он характеризуется тем, что геймеры больше времени уделяют играм, а следовательно можно сделать вывод, что они часто используют сеть Интернет, покупают технику для игры, уделяют много времени виртуальному общению и средствам мультимедиа и т.д. Но, как показало наше исследование, это не совсем верно. Геймеры – это игроки. Но игра для них не является первостепенной. Как правило, приоритеты отдаются общепринятым ценностям, таким как, например, семья, здоровье, любовь. Конечно, мы не говорим о случаях игровой зависимости, которая является крайней степенью «вовлечения в игру». Как уже говорилось ранее,

большинство играющих не позиционируют «играние» как ведущий вид деятельности и не состоят в реальных сообществах. Все же сегодня нельзя выделить определенные черты, по которым можно сказать, что тот или иной играющий относится к субкультуре геймеров. Это понятие достаточно размыто и является скорее собирательным, относящимся ко всем любителям компьютерных игр. Лишь в некоторых случаях, когда люди играют профессионально и выступают на игровых турнирах, игра оказывается ведущим видом деятельности. Описав основные характеристики, присущие геймерам, их образу жизни, мы можем заключить, что субкультура геймеров достаточно специфична. Ее членов сложно отличить по каким-либо внешним атрибутам, за исключением тех случаев, когда, например, используется игровой сленг. Наше исследование показало, что геймеры не всегда относят себя к рассматриваемой субкультуре со своими, присущими только ей, ценностями, ориентациями, потребностями, склонностями, объединениями и т.д. Конечно, игра в компьютерные игры занимает особое место, но все-таки не является ведущим видом деятельности, как принято считать, а выступает скорее способом проведения досуга.

ИНФОРМАЦИОННОЕ НЕРАВЕНСТВО В РОССИИ: СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ИНФОРМАТИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Денисова Ж.А. (Москва)

Информатизация российского общества протекает в условиях широкого спектра социальных изменений, оказывающих существенное воздействие на характер и содержание этого процесса. Созданы политические, правовые, социально-экономические предпосылки дальнейшей информатизации страны. Вместе с тем, недостаточная разработанность информационной политики государства, слабая правовая обеспеченность этого процесса, неравномерность экономического развития регионов, социальная поляризация населения и т.д. создают проблему информационного неравенства в российском обществе. Информационное неравенство – это вид социального неравенства, характеризующий неравный доступ личности, групп, государств к информационным ресурсам, понимаемым как совокупность технико-технологических, социально-экономических и социокультурных благ. Несмотря на то, что этот феномен есть отражение и следствие других видов социального

неравенства, расширение функций информации и знания в обществе, способствует тому, что это общественное явление оказывает все большее влияние на социальную жизнь. Существующие меры по устранению информационного неравенства не являются адекватными потребностям развития общества и личности. Всеобщая компьютеризация не может разрешить эту проблему, которая вызвана причинами политического, экономического, социокультурного и т.д. характера. Информатизация современного российского общества затрагивает все сферы общественной жизни, вызывая как позитивные, так и негативные социальные последствия:

1. В социально-экономической сфере: - нестабильность экономической политики, которая проявляется в лоббировании своих интересов крупными информационно-финансовыми группами, благодаря информационному монополизму. Подобное осуществление экономической политики делает ее непредсказуемой, точечной и нестабильной, что приводит к снижению функциональности экономической системы, нарушает равновесие социально-экономических процессов, дезориентирует других, особенно средних и мелких, экономических субъектов и т.д.; - углубление социально-экономического неравенства регионов происходит из-за неравномерного распределения информационных и коммуникационных средств на территории России, что способствует все большему разрыву между регионами по трудовому, интеллектуальному, материальному, демографическому и т.д. потенциалу; - неравенство в сфере труда проявляется, с одной стороны, в увеличении количества невостребованных работников, так как одним из основных требований при найме на работу помимо образования и профессиональной квалификации становится необходимость владения персональным компьютером, с другой, - в низкой мобильности трудовых ресурсов, препятствующей трудоустройству работников информационной сферы; - углубление социально-экономической дифференциации вызвано все большей поляризацией российского общества по социально-экономическим признакам, чему способствует неравный доступ к информации, знаниям. Информационное неравенство оказывает все большее влияние на имущественную поляризацию населения России, препятствуя росту уровня образования, повышению профессиональной квалификации и статусных позиций большинства российских граждан. 2. В социально-политической сфере: - повышение возможностей политического манипулирования вызвано превращением финансово-промышленных групп в информационных

монополистов. В результате им принадлежит особое право в осуществлении функций прямых и обратных связей между обществом, политической элитой и властью; - информационные монополии, претендующие на статус четвертой власти, в своем стремлении к независимости находятся в конфронтации с государственной властью, что может привести к государственному информационному монополизму; - снижение массовой политической активности отчасти происходит из-за политического отчуждения от политической жизни, вызванного ограниченным доступом к информации большинства россиян, что делает политический процесс уделом избранных, имеющих широкий доступ к информации; - снижение качества политической элиты сопровождается высокой степенью ее доступа к информационным ресурсам, большими возможностями манипулирования общественным мнением, навыками создания благоприятного на период избирательных кампаний имиджа и т.д., что порождает проблему смены или кардинального обновления современной правящей российской элиты. 3. В социокультурной сфере - иерархичность культуры, вызванная неравенством доступа к информационным ресурсам, ранжирует и разделяет россиян по уровню освоения национального и мирового культурного богатства, что приводит к формированию различных систем ценностей, появлению субкультур, отсутствию четко выраженных ориентиров для социального действия; - поляризация знаний, формирование различий между элитарным (качественным) и массовым (посредственным) знанием, что детерминирует становление жестко фиксированной иерархии социальных слоев, ограничивает функции образования как фактора социальной мобильности; - ослабление образовательного, научного и интеллектуального потенциала происходит, несмотря на кажущийся свободным доступ к различной информации. Информационное неравенство препятствует переквалификации специалистов в соответствии с требованиями информатизации общества, что приводит к невостребованности знаний и опыта большого количества образованных россиян. Таким образом, информационное неравенство оказывает негативное воздействие на течение социальных процессов в обществе, вызывает социальное напряжение, способствует диспропорции социальной структуры, к снижению статуса или к социальному отчуждению ряда общественных групп, «выпадающих» не только из процесса информатизации, но и социальной жизни, что, в свою очередь, снижает шансы на построение гражданского общества. Решение проблемы информационного неравенства в

России возможно на базе взвешенной государственной информационной политики, основанной на собственной парадигме постиндустриального развития и учитывающей социокультурную уникальность россиян; с учетом научной обоснованности и социальной приемлемости приоритетных направлений информатизации российского общества; при условии сохранения и развития образовательного и интеллектуального потенциала страны.

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОТОК В ИНТЕРНЕТ СООБЩЕСТВАХ: ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЁЖИ

Дужников С.А. (Пенза)

Не для кого ни секрет, что политические взгляды «витающие» в сети интернет, а особенно в интернет сообществах, далеки от официальной политики нашего государства. Свобода самовыражения и отсутствие вменяемого контроля в сети дает возможность развитию политических движений разного толка, что в конечном итоге приводит к развитию противостояния государству. Но по настоящему с большими проблемами власть столкнулась именно в последний год. В конце 2011 года протестное движение расцвело именно в социальных сетях интернет. Недовольство проведения выборов в сети выплеснулось многотысячными шествиями в столице. Появилась новая движущая сила, которая захватила стратегический плацдарм в свои руки и этот плацдарм в ближайшее время будет центром развития событий. В связи с этим обеспокоенность политической социализации молодёжи сильно возрастает. Рассмотрим социальные сети, в которых зародилось протестное движение. Одной из главных социальных сетей протестного движения стала livejournal.com, в которой в 2006 году начал свою деятельность А. Навальный, будущий идеолог «белых ленточек». Начал свою политическую деятельность в livejournal.com с «русского марша» с постепенным переходом в раскручивание собственного имени на социальных проблемах граждан, что вылилось в последствие в проектах «РосПил» и «РосЯма», дискредитирующих аппарат власти. Интернет сообщество построено таким образом, что информация в нем легко попадает в топ и распространяется среди пользователей, что в конечном итоге приводит к популяризации данной информации. Стоит так же отметить, что в сервисе социальной сети livejournal.com

предоставлена возможность перехода к информационной страничке пользователя в других социальных сетях, таких как facebook.com, twitter.com и vk.com, которые так же собирают большую аудиторию активной молодёжи, где возможна видоизменённая концепция распространения информации. Здесь необходимо отметить главную деталь информационного потока, который проходит по всем социальным сетям для развития протестного движения: этот информационный поток захватывает большую часть молодежи. Вот что об этом пишет в своей статье Р.Э. Бараш: « в национальном масштабе распространённость Интернета в России является средней — по данным исследования ИС РАН, в 2012 г. доля активных пользователей Интернета составила 49%, причём значительная часть активных пользователей не являются блогерами и не участвуют активно в социальной самоорганизации через Интернет. Тем не менее пока Рунет остаётся элитарной и стратифицированной средой, в которой доминируют городские и образованные пользователи, с большим разрывом между крупными городами и пригородными районами. При этом, по данным Комсдор, доля активных пользователей Интернета, которые постоянно пользуются блогами и социальными сетями, в России выше, чем в США. К тому же те, кто используют сайты социальных сетей, гораздо большее вовлечены в это, чем пользователи в других странах»[1, с 105]. Таким образом, развитие политической социализации молодежи в сети интернет проходит с подавляющим большинством в сторону смещения к оппозиции, а не ко власти, что может привести в дальнейшем к проблемам в обществе. Д. Хенсон в своей статье «Глобальная модель политической социализации» подчеркивает, что: «граждане любого возраста восприимчивы к явным и скрытым идеям, которые имеют место в программах СМИ. Значительное внимание уделяется молодым гражданам и спорам о степени влияния СМИ (особенно отрицательное влияние)»[2]. Популяризированные идеи интернет и его развитие выводит политическую социализацию молодежи на новый уровень открывая новый виток развитие общественных и политических движений в нашей стране, возможно, являясь спланированной акцией внешних сил, действующих на территории России под удобным прикрытием.

Литература

1. Интернет как средство самоактуализации и революционной самоорганизации // Мониторинг общественного

мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 3[109]. С. 100-109

2. <http://www.philology.ru/linguistics1/henson-07.htm>

НЕЧЕТКИЕ КОГНИТИВНЫЕ КАРТЫ И DATA MINING

Евсеев Е.А. (Санкт-Петербург)

В различных областях человеческой деятельности повседневно возникает необходимость решения задач анализа, прогноза и диагностики, выявления скрытых зависимостей, ранее неизвестных («скрытых») практически полезных знаний и поддержки принятия решений. Вследствие бурного роста объема информации, развития технологий ее сбора, хранения и организации в базах и хранилищах данных (в том числе интернет), классические методы анализа информации и моделирования исследуемых объектов зачастую отстают от потребностей реальной жизни. Необходимы универсальные методы и алгоритмы, пригодные для обработки разнородной информации. Совокупность методов обнаружения в многочисленных данных ранее неизвестных, нетривиальных, практически полезных и доступных интерпретации знаний, необходимых для принятия решений в различных сферах человеческой деятельности часто называют Data Mining, что можно перевести как «интеллектуальный анализ данных» или «глубинный анализ данных».

Основу методов Data Mining составляют всевозможные методы классификации, моделирования и прогнозирования, основанные на применении деревьев решений, искусственных нейронных сетей, генетических алгоритмов, эволюционного программирования, нечёткой логики. Когнитивного моделирования. В основу современных технологий Data Mining положена концепция поиска шаблонов, отражающих закономерности, свойственные выборкам данных. Поиск шаблонов производится методами, не использующими никаких априорных предположений об этих выборках. Одно из важнейших свойств методов Data Mining состоит в наглядном представлении результатов вычислений, что позволяет использовать инструментарий Data Mining людьми, не имеющими специальной математической подготовки.

Эффективность принятия решений во многом зависит от способностей лиц, принимающих решения, анализировать сложные причинно-следственные связи, учитывать скрытые последствия взаимовлияний в больших сложных системах. Для анализа сложных, слабоформализованных систем в методиках Data Mining широко используются различные нечеткие методологии, в том числе нечеткие множества, нейронные сети, генетические алгоритмы, одним перспективных современных направлений является использование нечетких когнитивных карт.

В моделях нечетких когнитивных карт (НKK), предложенных Коско в 1982 г. (являющихся развитием классических когнитивных карт Аксельрода) предполагается, что сила влияния (зависимости) между вершинами (концептами) могут принимать значения от -1 до +1. Обычно в работе над составлением нечеткой когнитивной карты принимает участие несколько специалистов (экспертов) выбранной области — это позволяет уточнить структуру и основные параметры карты. Прежде всего, эксперты определяют основные концепты рассматриваемой ситуации. При оценке влияния концептов обычно используются лингвистические переменные, типичные для нечёткой логики («сильное», «умеренное», «слабое» влияние). После этого, на основе функций принадлежности лингвистические переменные агрегируются и преобразуются в числовое значение в интервале [-1; 1].

В ряде случаев непосредственное составление когнитивной карты оказывается слишком сложным и даже невозможным, это может быть вызвано отсутствием экспертов или недостаточной изученностью предметной области. В таких случаях приходится использовать формализованные компьютерные методы конструирования и анализа нечётких когнитивных карт. В рамках такого подхода структура причинно-следственных связей, сами концепты и силы их взаимовлияния оцениваются алгоритмическим способом на основании имеющихся массивов данных, можно сказать, что таким образом знания экспертов заменяются знаниями, полученными анализом данных с помощью алгоритмизированных процедур. Методология построения НKK подразумевает выполнение нескольких шагов: описание проблемы, определение наиболее важных понятий (концептов) и параметров, сбор соответствующих данных (обычно в виде временных рядов), анализ и построение НKK (определение структуры и сил влияния) на основе имеющихся данных, объединение похожих вершин (кластеризация). Целью является построение НKK адекватно отражающей зависимости в

имеющихся данных — в качестве меры адекватности можно рассматривать расхождение реальных данных с прогнозами, получаемыми по предлагаемой НКК. Алгоритмы, используемые для построения и анализа и НКК можно разделить на несколько больших групп:

- алгоритмы на основе правил ассоциаций;
- алгоритмы классификации, основанные на понятии расстояния;
- алгоритмы «мягких» (нечетких) вычисления Хебба (Hebbian);
- генетические алгоритмы «мягких» (нечетких) вычислений.

В настоящее время существует достаточно много исследований, в которых предпринимаются попытки сравнения эффективности применения различных алгоритмов (эволюционных, генетических (GA), сетей Петри, симулятивного отжига (SA), табу поиска (TS), метод DEMATEL) для анализа и совершенствования структуры НКК, кластеризации множества вершин, уточнения матрицы влияния. К сожалению, до настоящего времени не удалось сформулировать четкого критерия выбора алгоритма построения, анализа и модернизации НКК. При большом количестве узлов, довольно эффективен метод SA, в то время как для небольших моделей более предпочтителен GA методы, в то же время использование методов табу поиска со списком «запрещенных» изменений НКК позволяет эффективно управлять процессом построения итоговой модели в общем случае.

СОЦИОНИКА КАК НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В СОЦИОЛОГИИ

Ельяшевич А.М. (Санкт-Петербург)

Термин «информатика» был придуман немецким ученым Карлом Штейнбухом в 1957 году - немногим более 50 лет тому назад. В «Толковом словаре русского языка» В.И.Даля нет даже слова «информация». А в «Словаре иностранных слов», изданном в 40-х годах прошлого столетия, это слово, происходящее от латинского *informare*, означающего «изображать, составлять понятие о чем-нибудь» трактуется как «осведомление; сообщение, осведомляющее о положении дел или о чьей-либо деятельности, сведения о чем-либо». Однако если рассматривать информатику не как «науку о компьютерах», а как учение о способе получения, накопления,

передачи и использования информации о внешнем мире и внутреннем мире человека, то становится ясно, что человек стал использовать информатику еще в древности. Недавно вышла книга Игоря Вайсбанда «5000 лет информатики» [1]. В предисловии к ней я отметил, что не считаю такое парадоксальное название некорректным. Вид человека мы определяем как *Homo sapiens* – человек разумный. Но в русском языке у слова «разумный», кроме значения «обладающий разумом, умом, интеллектом», есть еще одно значение: «оправдываемый разумом, основанный на разуме, обладающий положительным смыслом». Так вот с этой точки зрения, человек в гораздо меньшей степени разумен, чем животные. Можно сказать, что человек обладает разумом, но не разумен, а животные не обладают разумом, но более разумны.

Свойством, принципиально отличающим человека от животных, является умение осознавать, передавать и использовать полученные им сведения об окружающем его мире, т.е. информацию. Именно это умение примерно 100 000 лет назад заменило медленную эволюцию человека как биологического существа (наш геном практически не отличается от генома людей каменного века), на гораздо более быструю эволюцию социальную. Поэтому человека следовало бы назвать *Homo informatico*. Человека сделал человеком не труд (муравьи не менее трудолюбивы, чем люди), а возможность передавать информацию практически в неограниченном объеме из поколения в поколение. Конечно и животные умеют передавать информацию (непосредственно от родителей детенышам, а также другим особям своего вида путем подачи различного типа сигналов), но их возможности не идут ни в какое сравнение с возможностями человека. И самое главное – передача информации животными ограничивается короткими временными интервалами, а через поколения передается только в виде генетической информации, самой медленной из всех возможных (мы не говорим здесь о вирусах и бактериях, у которых смена поколений происходит в миллиарды раз быстрее, чем у человека). Человек же сначала благодаря развитию языка, а потом и письменности, смог эффективно передавать информацию следующим поколениям. С этой точки зрения, действительно, информатике, которую можно рассматривать как область технологий, применяемых человеком для познания и освоения мира, никак не меньше 5000 лет. К анализу психики человека первым применил информационный подход, не употребив при этом ни разу слово «информация», великий швейцарский ученый Карл Густав Юнг [2]. Опередив психологов –

своих современников на несколько десятков лет, Юнг рассмотрел человеческую психику с точки зрения того, как человек получает, перерабатывает и использует получаемую информацию. Он поставил вопрос: «Что нужно человеку, чтобы общаться с внешним миром?». Оказалось, что для этого нужны четыре психических функции, которые «...соответствуют очевидным средствам, благодаря которым сознание получает свою ориентацию в опыте. Ощущение (т.е. восприятие органами чувств) говорит нам, что нечто существует; мышление говорит, что это такое; чувство отвечает, благоприятно это или нет, а интуиция оповещает нас, откуда это возникло и куда уйдет».

Если перевести эти слова на язык современной информационной теории, то мы увидим, что юнговские функции служат:

- Ощущение (S) - для получения информации через органы чувств.
- Мышление (Т) - для анализа полученной информации.
- Чувство (F) - для оценки информации.
- Интуиция (N) - для обобщения полученной информации, установления её связи с прошлым и будущим.

Мышление и чувство Юнг связал с сознанием и назвал их рациональными - это сугубо «человеческие» функции, Ощущение же и интуицию он связал с бессознательным и назвал их иррациональными. Эти функции присущи животным не в меньшей степени, чем человеку, хотя интуиция проявляется у животных и человека по-разному. На основе своего подхода Юнг создал теорию психологических типов человека. Каждая из этих функций существует в двух вариантах – экстравертном и интровертном, причем у человека одна из 8 функций является наиболее развитой – ведущей и поэтому Юнг выделил 8 психологических типов человека.

Следующий шаг в развитии информационного подхода к психике человека сделал польский психиатр Антон Кемпински [3], прошедший ужас гитлеровского концлагеря и пришедший к мысли о том, что живым существам, взаимодействующим со средой, свойствен не только обмен веществ, называемый метаболизмом, но «в непрерывном обмене энергией и информацией со средой (метаболизм энергетический и информационный) каждый живой организм, от простейшего до самого сложного, стремится сохранить свой собственный порядок». Так появился термин «информационный метаболизм», который в широкий, не только сугубо научный оборот, ввела литовский ученый Аушра Аугустивинайте (в соционике называют ее для краткости просто Аушрой), которая поняла информационное содержание юнговской

типологии, определила 16 психологических типов человека, назвав их типами информационного метаболизма (сокращенно ТИМ-ами) [4]. Ею было создано новое научное полидисциплинарное направление - соционика. 16 же ТИМ-ов можно с не меньшим основанием назвать социотипами. В дальнейшем определенные социотипы стали приписывать не только отдельным людям, но и целым народам, городам и другим объектам, порожденным деятельностью человека.

Надо отметить, что еще за несколько десятилетий до Аушры 16 психологических типов, исходя из теории Юнга, выделили и американки Изабелла Майер-Бриггс и Катрина Бриггс, разработавшие опросник Майер-Бриггс, широко использовавшийся в практике профориентации.

Большинство профессиональных психологов относятся к соционике с подозрением. Их можно понять – Аушра построила жесткую схему, в которой каждому из 16 ТИМов отвечает жесткая схема, в которой разные психические функции обладает большей или меньшей степенью развития и выполняют разные, а для данного ТИМа строго определенные функции. Однако благодаря тому, что Аушра предложила также разумную схему различных интертипных отношений, соционика оказалась очень полезной для понимания того, как нужно строить отношения между людьми различных ТИМ-ов, а также, что может быть, еще важнее для понимания человеком самого себя. Многие психологи применяют соционический подход в практической работе, не афишируя это. Соционика стала популярной и у педагогов, социологов, политологов, кадровых работников, космонавтов. За последние 15 лет защищено около 800 диссертаций, в которых использовалась соционика.

Литература

1. Вайсбанд И. 5000 лет информатики. «Черная белка». 2010.
2. Юнг К.Г. Психологические типы. СПб, «Азбука». 2001.
3. Кемпинкий А. Меланхолия. «Наука». 2002.
4. Аугустивиначюте А. Соционика. «Черная белка». 2008.

ОЦЕНКА ОБЕСПЕЧЕННОСТИ ИНФОРМАЦИОННЫМИ РЕСУРСАМИ ОСНОВНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ ПРИ ПЕРЕХОДЕ НА ФГОС

Зырянов В.В., Сияяков А.В. (Москва)

Как известно, с сентября 2011 г. все вузы России ведут образовательную деятельность только на основе федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС). В связи с этим, встал вопрос об оценке содержания, качества и темпов работы вузов, по решению задач модернизации профессионального образования в России. Для получения такой оценки Департамент развития профессионального образования Минобрнауки России инициировал мониторинг эффективности внедрения ФГОС, проведение которого поручил Ассоциации классических университетов России, Ассоциации технических университетов, Институту комплексных исследований образования МГУ имени М.В.Ломоносова и Региональной общественной организации «Центр изучения проблем профессионального образования». В октябре-ноябре 2011 г. и в марте-сентябре 2012 г. мониторинг эффективности внедрения ФГОС учреждениями ВПО был проведён в 313 вузах подведомственных Минобрнауки России. В настоящем материале приведены результаты мониторинга в части, отражающей положение дел с обеспечением вузами России требований Федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС) к информационному обеспечению образовательного процесса. Важным условием реализации принципов и требований ФГОС ВПО является обеспечение вузом каждому студенту возможности неограниченного доступа к электронно-библиотечной системе (ЭБС). Анкетирование проректоров по учебной работе в октябре 2011 г. дало следующие результаты: 100%-ю обеспеченность создали в 41% вузов, более чем 50%-ой обеспеченности достигли еще в 43% вузов, и, наконец, в 16% вузов этот показатель не дотягивает до 50%. Обеспеченность индивидуального неограниченного доступа обучающихся к электронно-библиотечной системе (ЭБС) несколько отличается по федеральным округам. Так, 54 и 53% вузов в Дальневосточном и Приволжском ФО соответственно обеспечили 100%-ю доступность, в то время как в Северо-Западном ФО это смогли сделать только в 32% вузов. В то же время 20% вузов Центрального ФО не обеспечили доступность даже на 50%. Если же взять суммарный процент вузов по категориям 100%-й и более чем 50%-ой обеспеченности доступа к ЭБС, то наилучший результат зафиксирован в Южном ФО – 95%, т.е. там только 5% вузов не смогли обеспечить доступность хотя бы на 50%. Значимость этого требования обусловлена, кроме всего прочего, необходимостью обеспечения условий для организации самостоятельной работы студентов, которая в соответствии с ФГОС ВПО занимает гораздо

более значимое место в учебном процессе, чем это предписывалось предшествующим образовательным стандартом. Вузам, не достигшим 100%-го показателя обеспеченности доступа обучающихся к ЭБС, был задан вопрос о том, когда они планируют достичь такого уровня. Результаты таковы. В половине ФО перспективу обеспечения полного индивидуального неограниченного доступа обучающихся к электронно-библиотечной системе (ЭБС) даже к лету 2013 года видят не все вузы, и если в Центральном ФО их только 2%, то в Северо-Западном 12%. Это значит, что после двух лет работы одно из базовых условий учебного процесса в соответствии с ФГОС ВПО обеспечат не все. Это крайняя ситуация. Однако озабоченность вызывает и то, что только к лету 2013 года планируют выйти на уровень 100%-ой обеспеченности доступа к ЭБС 43% вузов в Приволжском ФО и 33% в Уральском ФО. Картину дополняет анализ состояния дел с подключенностью вузов к ЭБС, приведённый по данным мониторинга сайтов вузов в октябре 2011 г. Если в Сибирском и Северо-Западном ФО положение можно считать приемлемым (90 и 82% вузов), то прямо-таки бедственно обстоят дела в вузах Дальневосточного ФО - только 16%, т.е. 84% вузов не имеют на своих сайтах ссылок на ЭБС или хотя бы упоминания о них. Опрос в марте-апреле 2012 г. преподавателей, приступивших к работе по ФГОС, позволил уточнить положение дел с доступностью электронных баз отечественных и зарубежных периодических изданий и библиотечных фондов вузов, а также с полнотой последних. Как следует из их ответов, 45% (с колебанием по ФО от 37 до 59%) преподавателей полностью удовлетворены возможностями, которые предоставляют им вузовские библиотеки, в то время как 10% совсем не удовлетворены созданными условиями, причём за этой средней величиной скрывается значимый разброс показателя по ФО: в пяти из них он выше 10, а в Северо-Кавказском ФО равен только двум. Хуже обстоят дела с доступом к ресурсам ЭБС - средний уровень неудовлетворённости преподавателей по исследованным вузам здесь уже 15%, и за ним опять стоит весьма большая неоднородность – от 5% в Северо-Кавказском, до 22 в Дальневосточном ФО. Наконец, доступ к базам данных, информационным справочным и поисковым системам удовлетворяет 67% преподавателей, однако и здесь есть 10% совершенно не удовлетворённых, и опять отмечается сильный разрыв между 5-7% в Северо-Кавказском и Южном ФО, с одной стороны, и 17% в Дальневосточном, с другой. 10-15% неудовлетворённых и затруднившихся в оценке доступности к ресурсам ЭБС и

обеспеченности учебной литературой в среднем по стране – это совсем немало, если исходить из того, что это базовое условие не только реализации ФГОС, но и современного преподавания вообще. А показатели вузов Дальнего Востока и вовсе вызывают большую тревогу. Более благоприятной выглядит ситуация в вузах с организацией электронного доступа к базам данных, информационным справочным и поисковым системам – почти 70% преподавателей полностью удовлетворены возможностями такого доступа, еще 20% удовлетворены частично, но при этом 10% не удовлетворены или затрудняются дать оценку. Вряд ли кто-то оспорит, что каждый современный преподаватель должен иметь доступ к базам данных, информационным справочным и поисковым системам, тогда эти 10 (а в Дальневосточном ФО – 17) процентов, в значительной степени отражают готовность вузов к работе в новых условиях. На вопрос о наличии доступа к электронным библиотекам вузов отвечали также студенты бакалавриата и магистранты. Их ответы очень хорошо коррелируют с ответами преподавателей. Практически те же 28% неудовлетворённых в Дальневосточном ФО и 16% по стране в целом. Наконец, в весеннем опросе 2012 г. преподаватели оценили готовность материально-технической базы, обеспечивающей информатизацию образовательного процесса. Из ответов на вопрос «Что из материально-технического обеспечения образовательного процесса доступно Вам в структурном подразделении (факультет/институт)» удалось узнать, что персональный компьютер доступен в среднем 50% преподавателей (с разбросом по ФО от 69 в Северо-Кавказском до 39 в Центральном ФО), а доступ к Интернету есть у 70% преподавателей в среднем по обследованным вузам (вариацией по ФО от 80 в Северо-Кавказском, до 52 в Центральном ФО). Анализ данных, полученных в результате мониторинга позволил определить, что информационное обеспечение образовательного процесса на сегодня является «болевым точкой» перехода на работу по ФГОС ВПО всего высшего образования России.

ИНФОРМАЦИОННОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В РАБОТЕ С МОЛОДЕЖЬЮ: ЕВРОПЕЙСКИЕ ПОДХОДЫ В РФ

Иванян Р.Г. (Санкт-Петербург)

Уважение демократии, прав и основных свобод человека предусматривает право на получение доступа к полной, объективной,

понятной и достоверной информации. Это право признано во Всеобщей декларации прав человека, Конвенции о правах ребенка, Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и других документах. Доступ к информации становится очень важным, потому что он расширяет выбор возможностей, способствует росту самостоятельности молодежи, от которой зависит будущее страны. В 1990 г. Комитетом министров Совета Европы были подписаны Рекомендации странам-членам Совета Европы, касающиеся информирования и консультирования молодых людей. В документе подчеркивается важность информационного компонента в работе с молодежью. Россия является членом Совета Европы и разделяет основные ценности этой организации, таким образом очевидно, что информационная работа должна занять соответствующее место в молодежной политике РФ. В 2004 г. на европейском уровне была принята Европейская Хартия молодежной информационной работы. В документе прописываются направления молодежной информационной работы, которая может включать в себя широкий спектр мероприятий: информирование, консультирование, руководство, поддержку, наставничество и подготовку кадров, создание сетей, а также перенаправление в специализированные службы. Хартия предложила создание молодежных информационных центров, основная задача которых заключалась бы в предоставлении молодежи объективной, не подверженной религиозному, политическому, идеологическому или коммерческому влиянию, информации по широкому кругу вопросов, затрагивающих все интересующие ее темы. В 1986 г. на европейском уровне было создано Европейское информационное и консультационное агентство по молодежи (ERYICA) [Европейское информационное и консультационное агентство по молодежи (ERYICA). [Электронный ресурс]. URL: <http://eryica.org/>. (дата посещения 20.03.2011)]. По данным на январь 2011г. она состояла из 25 членов, 5 аффилированных и 3 партнерских организаций, работающих в 29 странах Европы, и охватывала более 8000 молодежных информационных центров. В РФ партнером ERYICA является Санкт-Петербургская региональная молодежная благотворительная общественная организация «Молодежный Информационный Центр». Еще одним шагом европейской информационной работы можно назвать создание сети Евродеск [Сеть Евродеск. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eurodesk.org>. (дата посещения 20.03.2011).], которая занимается администрированием Европейского молодежного портала и предоставляет целый спектр информационных услуг: • ответы на

экстренные вопросы – по телефону, электронной почте, лично, и т.д., • консультации и помощь по запросу, • публикации и ресурсы, • мероприятия, встречи, конференции, семинары и т.д., • Интернет-доступ к европейской информации, • тренинги и поддержку. Инновацией последних трех лет можно назвать социальную работу с молодежью, осуществляемую посредством новых информационных технологий. Молодежь является самой активной группой в использовании возможностей сети Интернет. Три четверти российских подростков в возрасте от 14 до 16 лет — пользователи сети. [Из выступления председателя Комиссии Совета Федерации по делам молодежи и туризму Юрия Шамкова на семинаре-совещании «Единое молодежное информационное пространство – новый этап реализации молодежной политики», прошедшего в Совете Федерации 27 апреля 2009] . Все чаще и чаще Интернет становится пространством для обмена мнениями, инициирования дискуссий и молодежных проектов. Так, например, проект «It gets better» на www.youtube.com по профилактике жестокого обращения в школах и других учебных заведения начался с небольшого видеосюжета, снятого одним из тех, кто прошел подобное испытание, и готов поделиться своим опытом по разрешению ситуации. Небольшой ролик на две минуты стал примером для других, к настоящему моменту в сети вывешено уже более 10 000 небольших видеорассказов от первого лица. Идея оказалась настолько привлекательной, что многие крупные коммерческие кампании захотели ощутить сопричастность проекту и создали веб-страницы, предложив своим сотрудникам принять участие в этой инициативе. Маленькое послание появилось и от президента США Б. Обамы, который в своем выступлении призывает проявлять нетерпимость к любому виду агрессии и насилия. Всемирная сеть создает возможности для он-лайн информирования и консультирования молодых людей, гарантируя анонимность и конфиденциальность. Этим фактором активно пользуются европейские молодежные социальные службы, в том числе молодежные информационные центры. Речь идет не только о создании сайта организации и обеспечении ее рекламы, но и о формировании вокруг структуры определенного молодежного сообщества. Последнее чаще всего осуществляется с помощью социальных сетей, таких, как Facebook (в Европе), «Одноклассники», «В контакте» и др. Отдельным блоком необходимо выделить различные образовательные возможности, предоставляемые новыми информационными технологиями: дистанционные курсы, обучение в режиме реального времени,

образовательные виртуальные платформы и др. Учитывая рост влияния современных технологий, в 2009 г. на европейском уровне были сформулированы положения по молодежной информационной работе он-лайн. В них признается, что подобная работа становится важным и неотъемлемым компонентом молодежной сферы и должна соответствовать определенным критериям качества. Частично они прописаны в Хартии по молодежной информационной работе, но специфика Интернета вынуждает сформулировать еще и дополнительные. Россия оказалась вне процесса развития европейской молодежной информационной работы: отдельные попытки создания молодежных информационных центров были неустойчивыми, даже при наличии постоянного государственного финансирования. В то же время осознание важности информационного компонента в работе с молодежью прослеживается в ключевых документах по молодежной политике РФ. Молодежная информационная работа обладает огромным ресурсом и потенциалом, который можно направить на улучшение качества жизни россиян. Однако для полномасштабного понимания ее принципов и технология необходим комплексный и последовательный, долгосрочный подход, возможный лишь в условиях социальной, экономической и политической стабильности страны. Только в этом случае возможно выстраивание соответствующей структуры молодежных учреждений, обучение персонала, создание и поддержание информационных баз данных и ведение качественных консультаций.

СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В ИНФОРМАЦИОННОМ РЕЗОНАНСЕ

Игнатьев В.И. (Новосибирск)

1. Рост объемов информации и интенсивности информационных потоков ведёт с середины XX века к резкому росту символического, порождаемого не практикой, а сознанием, социального мира - социальной реальности. Социальная реальность как воображаемый социальный мир становится независимой от его основы - социальной действительности. Этот эффект я называю «информационный резонанс». Картины реальности становятся более сложными и не соответствуют действительности. Из образов рождается множество образцов возможных социальных практик. Они конкурируют с традиционными и устойчивыми образцами действий.

Растёт и становится постоянной аномия. В результате актуальные социальные действия приходят в противоречие с виртуальными и действиями. Виртуальные действия и виртуальная реальность начинают собственную социальную жизнь. Возникает альтернативное, параллельное социальное пространство. 2. Мировые кризисы становятся всё более масштабными и непредсказуемыми. Одна из причин - в радикальных изменениях оснований глобального социума как системы. Мы, на мой взгляд, имеем дело с трансформацией социальной структуры и появлением разлома социального пространства. Для анализа введем различие социального пространства на «социальную реальность» и «социальную действительность». Образцы социальных действий существуют как мыслимые части общей мыслимой картины социальной жизни. Индивиды думают (полагают), что эти фрагменты и есть действительная жизнь. Однако эти картины - иллюзии, искажённое и фантастическое описание скрытой действительной социальной жизни. Иллюзорная картина социальной жизни - это «социальная реальность». «Социальная действительность» - это скрытая от индивидов социальная жизнь. Социальную действительность может открыть только специальное - научное - познание. Мир социальной реальности - нестабильный, вероятностный, фантастический. Это - виртуальная реальность. Социальная действительность - это мир состоявшихся социальных практик и форм. 3. Всегда социальная реальность скрывала социальную действительность. Это было органичное единство формы и содержания. Условием стабильности социальной жизни является единство социальной реальности и социальной действительности. Реальность подчиняется действительности, а виртуальное (мыслимое) социальное действие подчинено актуальному. Виртуальное - посредник между практическими действиями. В последнее время произошла трансформация простейшего элемента социальной системы — ее «клетки» - системы социального взаимодействия. Из отношения между практическими действиями двух индивидов оно превратилось в отношение между виртуальными и актуальными действиями одного и того же индивида. При этом «другой» стал «выпадать» из системы действия. Социальная ориентация актора сместилась с «другого» на самого себя. Теперь средства идентификации индивида, выбор способа действия и социальной нормы создаются самим индивидом. Он сам определяет маршрут действий (виртуал) и ориентируется на созданную им жизненную картину социального мира, в котором он и творец, и

хозяин, и судья. Возник и новый – виртуальный – «другой», теперь уже как плод чистого воображения. Этот «аватар» есть проекция самого себя на систему социальных связей виртуала.

4. Информационный резонанс – это целая серия волн: 1) дифференциация и умножение количества воображаемых миров социальной реальности; 2) рост аномии и полиориентации акторов; 3) возникновение «зон резонанса» – страты альтернативного социального пространства; 4) рост конфликтов и дезинтеграции традиционного пространства социальной действительности. Возникает эффект, который я называю «пространственный разлом». Можно выделить 4 фазы разлома социального пространства: 1) накопление критической массы информации 2) скачок роста информации, появление зон информационного резонанса 3) конфликт, дезинтеграция социальной действительности. Рост виртуальных страт и агентов разлома 4) дифференциация и распад социального пространства

5. Агенты разлома (виртуальные страты как новый тип агентов рынка) – это прежде всего виртуальные производители, которые конструируют симулятивные экономические практики («конструкторы образов»). Виртуальные предприниматели симулируют инновации. При этом они исполняют социальные роли офисных дизайнеров, специалистов по корпоративному имиджу, PR-менеджеров. В цену товаров ими включается «виртуальная стоимость» – мыслимая, а не действительная затрата труда. Появляется сообщество «виртуально платёжеспособных»: наличие денег у индивидов заменяется образом платёжеспособности. Этот образ симулируют частные лица, функционеры финансовых организаций, игроки на биржах. Они все провоцируют рост массы денег, т.е. виртуальной стоимости, стоимости без труда. Это и виртуальные плательщики, кредиторы, заёмщики – особая виртуальная страта. Социальные институты – рынок, фирма, государство, партии, университет, наука – всё более становятся частью виртуального пространства. Они становятся образами, симуляциями действительных институтов. Их нормы – это образы-симулякры.

6. Дальнейшее развитие виртуального пространства связано с превращением постиндустриального капитализма в «глэм-капитализм» (Д. В. Иванов). Новые акторы этого этапа, обнаруженные Д.В.Ивановым, можно, на мой взгляд, отнести к новому типу агентов создания особого пространства «социальной реальности». Это глэм-капиталисты: держатели авторских прав (изобретения, бизнес-идеи, тексты, музыка, собственные имя и тело). Это сверхновые профессионалы – креативные директора, проект-

менеджеры, дизайнеры, стилисты, консультанты. Их особенность - они быстро стали богатыми, и жизнь для них - «проект». Их стиль - интенсивное сверхпотребление. Сверхновые группы – «креативный класс» и «бобос». Креативный класс создаёт новые формы и продукты без ограничений, они максимально свободны в творчестве, их много и они богаты (художники, дизайнеры, финансисты, менеджеры, юристы, врачи). В развитых странах это примерно 30% рабочей силы. «Бобос» - богемная буржуазия. Часть богемы создала свой бизнес: стала продюсерами, владельцами сетей клубов и ресторанов. Таким образом, рост информации, в конечном итоге, порождает агентов нестабильности, хаоса и риска, т.е. формирует особую программу социальных взаимодействий, в основе которых лежат виртуальные практики. Они неустойчивые (нестабильные), не планируются, имеют вероятностный характер. Так появляется социальное пространство, для которого характерна текучесть и эфемерность.

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ИНФОРМАТИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ НА РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

Ишмухаметов Н.С. (Уфа)

Информатизация выступает основополагающим, подготовительным фактором постиндустриализации экономики и общества. Исходя из гипотезы, что информатизация позволяет создать информационно-коммуникационную инфраструктуру «экономики знаний», рассмотрим вопрос о влиянии процессов информатизации образования на развитие человеческого капитала. Развитие человеческого капитала есть, по нашему мнению, процесс всестороннего движения человеческих способностей, основанный на их расширенном воспроизводстве в рамках того или иного вида деятельности и приводящий к совершенствованию человека как субъекта данного вида деятельности – например, как производителя, потребителя, творческого субъекта или социального. Способности в данном случае есть концентрированное выражение знаний, умений, навыков человека, а также его компетенций и уровня мотивации. При этом развитие человеком своих способностей зависит, во-первых, от его потребностей и устремлений, а во-вторых, от социального окружения, в котором находится человек. Социальная составляющая общественных отношений является своего рода «питательной

средой», в которой «взрачивается» человеческий капитал. Следует отметить, что для ряда современных отраслей экономики информация выступает таким же стратегически важным ресурсом, как материальные и энергетические ресурсы, а уровень информатизации (степень и скорость распространения информационных технологий) становится одним из существенных факторов успешного социально-экономического развития и повышения конкурентоспособности. Если информатизацию рассматривать как комплексное, системное явление, имеющее воздействие на все сферы жизнедеятельности современного общества, то можно выдвинуть гипотезу о её воздействии по двум каналам: во-первых, на собственно сферу образования (как институт развития человеческого капитала), во-вторых, на человеческий капитал, его отдельные компоненты. Относительно образования как института развития человеческого капитала в современной России резонно отметить два важных момента. Во-первых, на сегодняшний день российская система образования всё также насущно нуждается в комплексной внутренней информатизации самих «производственных» процессов. Предоставление («производство») услуг в большей части учреждений этих систем осуществляется с помощью архаичных (с точки зрения информационно-коммуникационного обеспечения) средств производства. Учебный процесс в типичных школах, колледжах, университетах России проходит «у доски с тряпкой». Инновационные информационные технологии (мультимедиа-технологии, дистанционный доступ к интерактивному учебному процессу, интерактивные доски) остаются мало распространенными, слабо используемыми, либо вообще неизвестными преподавателям и учащимся. Отсутствуют развитые сети информационного обмена между системой образования и академической наукой. Во-вторых, именно система образования (и функционирующий в ней человеческий капитал) должна, на наш взгляд, выполнять в составе информационно-коммуникационной инфраструктуры организационные и обслуживающие функции для «экономики знаний». От качества информатизации образования зависит способность этих систем включиться в инфраструктуру «экономики знаний». Цель информатизации образования состоит в глобальной рационализации интеллектуальной деятельности, в подготовке человека к полноценной жизни в информационном обществе путем повышения качества образования на основе применения новейших информационных технологий. На наш взгляд, инвестиции в информатизацию образования есть вложения,

направляемые, прежде всего, на развитие будущего человеческого капитала. В этом аспекте инвестиции в информатизацию здравоохранения можно считать вложениями, направляемыми на повышение эффективности охраны здоровья с целью сохранения «витальной» составляющей реально функционирующего и будущего человеческого капитала. В свою очередь, инвестиции в информатизацию науки выступают условием создания систем информационного обмена, выступающих своего рода катализатором инноваций в сфере науки и за её пределами. Соответственно, инвестиции в информатизацию правительственных органов следует признать вложениями, направляемыми на повышение эффективности деятельности институтов государственной власти, в том числе связанных с развитием человеческого капитала, а также повышение мобильности информации как экономического ресурса в масштабах всей национальной экономики, поскольку правительственные органы «находятся на пересечении» большинства информационных потоков современного общества. Как отмечает Скрыль Т.В., «по мере развития процесса информатизации экономики меняется роль правительства, оно вынуждено менять спектр услуг и способы их предоставления. Благодаря появлению новых информационных технологий власть меняет способ общения с гражданами» [1, С. 297]. Необходимость информатизации ставит перед системой образования более масштабные задачи, чем просто процесс компьютеризации (как накопление компьютерной техники и ее использование для решения узких задач). На передний план выходит, в частности, задача интеграции системы образования с постиндустриальным сектором экономики. Однако при расчетах показателей информатизации отечественных учреждений образования, здравоохранения традиционно учитываются лишь число компьютеров, их состав по поколениям, наличие доступа в интернет. В отношении второго канала (воздействия информатизации на человеческий капитал) следует, по нашему мнению, обратить внимание на его проявление в нескольких направлениях, в частности: - формировании нового сектора экономики (получившего название «ИТ-сектор»), предъявляющего спрос на специалистов нового класса, способных эффективно работать в сфере ИТ, а также совершенствовании информационно-коммуникационной инфраструктуры информационного и других секторов экономики, востребованности в отношении специалистов всех отраслей экономики получения и регулярного обновления навыков в сфере ИТ; - развитии потребительных способностей в сфере ИТ, которые, в свою очередь,

содействуют развитию производительных и даже творческих способностей в сфере ИТ, выдвижению социальных способностей на качественно новый уровень развития, с предоставлением новых возможностей, в особенности, для развития коммуникативных способностей (посредством мобильной связи, информационных социальных сетей и т.п.); - создании качественно новых условий (например, условие интерактивности) организации производительной деятельности, с внедрением в практику новых понятий («конференция» может при определенных условиях замещаться «веб-конференцией», «семинар» заменяться «вебинаром», консультации специалистов – on-line-консультациями и т.д.), что способствует более эффективной реализации человеческого потенциала посредством распространения дистанционных форм деятельности (в особенности это касается потенциала людей с ограниченными возможностями).

Литература

1. Скрыль Т.В. Формирование информационного сектора экономики: теоретико-методологический аспект // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – № 4 (60). – 2008. – С. 290-299.

ОБРАЗ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Казакова Ю.А. (Иркутск)

Информация является базовым элементом, связывающим людей в единое целое, позволяющая им взаимодействовать друг с другом. Способность и возможность человека получать информацию, информировать, владеть информацией, распоряжаться ею во благо, либо во вред окружающим, формирует образ всемогущего над другими живыми существами. Недаром существует высказывание: «Кто владеет информацией – тот владеет миром». Каждый человек находится внутри информационного потока. В данном случае индивид может либо преодолеть силу информационного потока и остаться суверенным, что дает ему возможность безграничного распоряжения информацией, либо информация поглотит его с головой и не оставит право выбора. Можно ли утверждать, что в настоящее время существует информационное общество? Для ответа на данный вопрос необходимо выделить основные критерии

информационного общества и определить соответствует ли нынешнее общество им. Во-первых, в информационном обществе оформляется и занимает доминирующие позиции во всех сферах жизнедеятельности человека информация. Во-вторых, в информационном обществе обмен информацией, происходящий между людьми, не имеет границ в пространственном и временном значении. В-третьих, наблюдается широкомасштабное использование перспективных информационных технологий, средств вычислительной техники и телекоммуникаций. Исходя из вышесказанного, можно с уверенностью заявить, что в настоящее время общество является информационным. Процесс информатизации общества оперативно охватывает весь мир. Многие люди не успевают шагать в ногу с информационным прогрессом. Так, например, старому поколению тяжело адаптироваться в современном информационном мире. Многие люди преклонного возраста с трудом усваивают процесс использования предметов информационного новшества. Массовая информатизация отразилась и на образе жизни каждого человека. Данный факт выражается в преобладании статичного, сидячего, образа жизни над динамичным. В настоящее время преобладающее большинство людей имеют такую работу, внешними атрибутами которой являются компьютерный стол, стул и компьютер. И в сфере досуга человечество стало отдавать предпочтение пассивному отдыху, а именно: компьютерным играм, просмотру телепередач, чтению газет и т.д. На данном этапе развития человеку уже не обязательно покидать свое жилище, с целью осуществления покупки товаров, он может сделать заказ посредством интернета, телефона, и выбранные товары будут доставлены в назначенный срок, в указанное место. Итак, выясним, какие последствия, позитивные и негативные, влечет за собой информационное общество для образа жизни человека. Информационное пространство является источником массы возможностей, связанных, прежде всего, с развитием человека в интеллектуальной области. Позитивное последствие информационного общества влечет за собой и негативные черты, выражающиеся в информационных войнах, в потреблении недостоверной, фальшивой информации. Статический образ жизни, в связи с наступившим этапом информационного общества, негативно отражается на здоровье человека. На данный период развития человечества информационное общество крепко закрепило свои позиции и широко распространило свое влияние.

ОБРАЗ ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА СКВОЗЬ ПРИЗМУ МОБИЛЬНОЙ СВЯЗИ

Кившарь В.В. (Саратов)

Информационное общество – общество, в котором большинство работающих занято производством, хранением, переработкой и реализацией информации, особенно высшей ее формы – знаний. В информационном обществе изменятся не только производство, но и весь уклад жизни, система ценностей, возрастет значимость культурного досуга по отношению к материальным ценностям. По сравнению с индустриальным обществом, где все направлено на производство и потребление товаров, в информационном обществе производятся и потребляются интеллект, знания, что приводит к увеличению доли умственного труда. Материальной и технологической базой информационного общества являются различного рода системы на базе компьютерной техники и компьютерных сетей, информационной технологии, телекоммуникационной связи [4]. В настоящее время происходит смещение исследовательского интереса – от анализа информационного общества в целом к анализу проблемы человека в нем. Формирующееся информационное общество характеризуется не только и не столько расширяющимися возможностями накопления и переработки информации, сколько новыми формами коммуникации. Данные принципиальные изменения процесса коммуникации в современном мире рассматриваются по самым разным основаниям. Прежде всего, в качестве наиболее общего изменения отмечают глобализацию средств массовой информации и коммуникации. Именно она задает, по выражению Э. Гидденса, «мировой информационный порядок», сущностью которого становится насильственное распространение западной культуры по всему миру [2]. В итоге все эти изменения привели к тому, что сегодня теоретики информационного общества фактически отождествляют процессы коммуникации и развития социальных структур. Таким образом, существенно изменился основной параметр оценки информационного социума: не информация, а коммуникация оказывается его «смыслообразующим стержнем» [1]. Поскольку влияние современных информационных технологий на социальные процессы и человека связывается скорее с заметными изменениями характера коммуникации, нежели с информацией как таковой, возникает вопрос: как же отражаются практики коммуникации в

информационном обществе на образе жизни человека? В рамках данного вопроса изложение будет ограничено анализом лишь такой коммуникативной реалии информационного мира как коммуникация посредством мобильного телефона, что вызвано рядом соображений. Прежде всего, динамика распространения мобильных телефонов и, соответственно, повышения ее «удельного веса» в процессах коммуникации в целом практически не имеет аналогов. В связи с тем, что постоянно расширяется спектр услуг операторов, таких как: круглосуточное бесплатное справочно-информационное обслуживание; доступ в Интернет и т.д. мобильный телефон стал незаменимым спутником жизни миллионов людей. Немаловажным фактором стремительного и повсеместного распространения мобильных телефонов в России является их относительная дешевизна и миниатюрность аппарата по сравнению с компьютерами, ноутбуками, планшетами и т.д. Предпочтение для анализа именно мобильных телефонов вызвано также и тем, что он максимально воплощает в себе ведущую особенность современных информационных технологий. Значимое влияние информационной компоненты на социум и на человека стало возможным лишь с момента их качественного изменения, а именно появления для пользователей информации возможности активно участвовать в них. И наиболее полно эта возможность представлена в коммуникации посредством мобильных телефонов. В настоящее время все более актуально становится понятие информационный образ жизни человека. Информационный образ жизни человека можно определить как образ жизни людей в информационном обществе, где все стороны жизни в значительной степени пронизываются информационными отношениями, базирующимися на современных информационных технологиях. Главной чертой образа жизни является его системность, проявляющаяся в том, что входящие в его состав виды деятельности (трудовая, общественно-политическая, учебная, бытовая, социально-культурная, досуговая) взаимосвязаны между собой: изменение одной из них ведет к изменению другой. Рассмотрим практики использования мобильного телефона в нескольких основных видах деятельности: • Трудовая. Современные телефоны позволяют пользователю наиболее оперативно осуществлять «деловую» коммуникацию, например, проверять электронную почту, проводить переговоры и конференции в режиме онлайн при этом находясь в любом месте в любое время. • Учебная деятельность. При небольших финансовых и временных затратах студенты могут получать доступ к мировым библиотекам, читать

статьи и научные труды ученых, использовать интерактивные переводчики. • Досуговая деятельность. Общение в социальных сетях значительно расширяет географию и скорость обмена информацией, расширяются возможности творческой самореализации. Немаловажную роль в досуговой деятельности занимают игры, в т.ч. интерактивные. Эти примеры свидетельствуют о том, что коммуникация посредством мобильного телефона пронизывает основные виды деятельности человека, а как следствие оказывает непосредственное влияние на образ жизни человека в целом. Средства массовой коммуникации, в т.ч. мобильная связь, становятся и средством конструирования образа жизни, центрированного на модных способах поведения, на играх и развлечениях, и средством их реализации: виртуализированная форма развлечений и есть само содержание, подобно тому, как средство коммуникации само и есть сообщение [3]. В рамках данного анализа можно сделать следующие выводы: потребление мобильной связи – это особого рода деятельность (творческое решение сложной задачи, обучение, развлечение), процесс взаимодействия с другими людьми (обмен информацией, соревнование, объединение в группы), образ жизни и мыслей. Если задуматься, то можно смело утверждать: почти все аспекты нашей жизни зависят от мобильных устройств, телефонов, мы не можем без них ощущать себя комфортно, они стали частью нашего мира. В настоящее время можно отметить благоприятные предпосылки для развития персональных мобильных систем, которые будут позволять в той или иной мере консолидировать информационные потоки, а также снижать долю информационного шума. Задача новых технологий состоит не только в том, чтобы предоставить пользователю необходимый результат за короткое время с соблюдением новых требований в отношении определенных характеристик информации, но и позаботиться о социальном здоровье общества.

Литература

1. Белинская Е.П., Жичкина А.Е. Современные исследования виртуальной коммуникации: проблемы, гипотезы, результаты//Образование и информационная культура. Социологические аспекты. / под ред. В.С.Собкина. – М.: Центр социологии образования РАО, 2000, С. 395 – 430.
2. Гидденс Э. Социология. М., 1999.

3. Понукалина О.В. Социальное конструирование представлений о досуге у молодежи // Высшее образование в России. 2009. N 1. С. 137-142.

4. Урсул А. Д. Становление информационного общества и модель опережающего образования//Научно – техническая информация. Серия 1. - 1997. - N2. С. 1 – 11.

ВОЗДЕЙСТВИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ СРЕДЫ НА ОБРАЗ ЖИЗНИ СТУДЕНТОВ

Килимова Л.В. (Курск)

Становление информационного общества, общества модерна знаменует радикальные преобразования не только в сфере производственных структур и технологии, но главным образом в сфере социально-экономических отношений, в культуре, духовной жизни и быту. Поэтому информатизацию общества следует представлять в виде процесса овладения информацией как ресурсом управления и развития с помощью средств информатики с целью создания информационного общества и на этой основе – дальнейшего прогрессивного развития общества. Условия жизнедеятельности информационного общества России порождают зависимость информированности одного человека от информации, приобретенной другими людьми. Поэтому уже недостаточно уметь самостоятельно осваивать и накапливать информацию, необходимо знать технологии работы с ней. В период перехода к информационному обществу у человека возникает необходимость иметь навыки быстрого восприятия и обработки больших объёмов информации, владения современными средствами, методами и технологиями работы. Для обеспечения успешности решения проблем, возникающих в процессе информатизации общества, человеку необходимо быть включенным в информационно-коммуникативную среду современного общества. Это достигается путем приобретения навыков владения информационно-телекоммуникационными технологиями. Однако, включенность в данную среду в значительной мере изменяет образ жизни молодого человека, формируя специфические ценностные ориентации потребности, интересы. В России роль глобального средства информации выполняет сеть Интернет. Информационно-коммуникативная среда в настоящее время оказывает существенное влияние на образ мышления и поведения людей, их действия в реальной жизни. У молодежи, как особой социальной общности,

система ценностных ориентаций находится в стадии активного становления, что характеризуется влиянием на нее различных внешних факторов. К таким факторам можно отнести молодежные субкультурные течения, специфику получаемого образования, круг общения, Интернет-коммуникации, получившие в последнее время особую популярность у молодежи, являются одним из признаков повсеместной виртуализации жизни студентов, что меняет их образ жизни в сторону отчужденности от внешних контактов, от социального к информационному взаимодействию. В современных условиях получение новой информации преобладает над материальными ценностями, что влечет за собой изменение иерархии потребностей людей. Данная тенденция может быть продиктована влиянием глобальной сети Интернет на ценности молодежи, посредством формирования информационно-коммуникативной среды, трансформирующей традиционные формы коммуникации. Новые формы коммуникации, меняя ценности молодежи, распространяют нормы виртуального образа жизни: отчужденность от реальности, фрагментарность общения, многоальтернативность вариантов поиска решения т.д. Данные изменения в некоторой степени обусловлены влиянием особых факторов, присущих только молодежи, как особой социальной группы. По данным социологического исследования, проведенного в ЮЗГУ, вся современная студенческая молодежь (100%) имеет доступ к Интернет. Причем абсолютное большинство опрошенных студентов (81%) пользуются Интернетом ежедневно, а половина из них (41%) тратят на это более 3 часов в сутки. Среди целей обращения к информационной сети относительное большинство респондентов отметили образования и общение (74% и 76%, соответственно), около половины студентов, принявших участие в опросе, обращается к сети для получения развлекательной информации и пользования электронной почтой (51% и 46%, соответственно); около четверти респондентов проводят время в Интернете для работы и для получения новостей (29% и 17%, соответственно) и всего 6% пользуются Интернетом для поиска информации о товарах и услугах. Представители технической сферы научного знания больше отдают предпочтение поиску информации о товарах и услугах, чем гуманитарной сферы (75% против 25%, соответственно). Информационно-коммуникативная среда характеризуется не столько расширением возможностей накопления и переработки информации, как это представлялось в классических вариантах концепции информационного общества, сколько новыми формами

коммуникации. Эти новые формы коммуникации, имеющие определенные свойства, накладывают специфику на социальное взаимодействие между людьми. Данная среда представляет собой совокупность информационных технологий, влияющих на социокультурное взаимодействие в обществе, развивающаяся на основе информационно-телекоммуникационных технологий, порождающих открытую и доступную информационную среду, обеспечивающую удовлетворение потребности личности практически в любой информации. Информационно-коммуникационные технологии способствуют развитию телекоммуникационной сети Интернет, получившей огромную популярность в последнее десятилетие у молодых людей, являющейся и средством, и средой их существования вне общества. Абсолютное большинство респондентов (86%), зарегистрированы в социальных сетях, таких как «Одноклассники», «ВКонтакте», «Мой мир» и другие. В социальных сетях мужчин в отличие от женщин больше привлекает возможность оперативного оповещения о событиях (58% мужчин и 42% женщин), а женщин – размещение фото и роликов о себе (63% женщин и 37 мужчин). Это может свидетельствовать о том, что женщины используют социальные сети с целью саморекламы, чтобы показать себя и нравится окружающим, а для мужчин социальные сети – это источник фактов, информации. В ходе исследования была сделана попытка выявления Интернет-зависимости респондентов. В процессе формирования Интернет-аддикции происходит централизация использования Интернета за счет другой деятельности, в том числе и домашних дел. Из-за большого количества времени, проводимого в сети, страдают успехи в учёбе или работе. Одна десятая опрошенных студентов (10%) указали на то, что их успехи в учебе часто страдают из-за пребывания в сети, из них 67% мужчин и только треть женщин (33%). Причем, в этой группе наиболее низкий процент студентов ЮЗГУ, которые учатся на отлично (3%). Почти треть респондентов указали, что их успехи в учебе страдают редко или никогда (26% и 33%, соответственно). Среди респондентов, имеющих невысокий уровень успеваемости, наиболее высок процент респондентов, считающих себя Интернет-зависимыми. Одним из важнейших негативных последствий Интернет-зависимости является ущерб не только производственной деятельности, но и социальной активности. Аддиктивная реализация в Интернете становится суррогатом межличностных контактов, от которых нарастает изоляция в реальной жизни. Корреляционный анализ позволил утверждать, что:

□ чем чаще испытуемые пользуются Интернетом, тем больше времени они тратят на процесс общения; □ чем чаще испытуемые пользуются Интернетом и чем больше время, проведенное в сети, отводится испытуемыми на общение, тем чаще у них обнаруживаются признаки Интернет-зависимости; В силу того, что студенчество является активной частью общества, критически реагирующей на различные общественные преобразования, что показывает их открытость и готовность к переменам, они более всего подвержены влиянию информационно-коммуникативного пространства. В течение своей студенческой жизни молодые люди связаны с другими людьми непосредственно или опосредованно, воздействуя на них и являясь объектом социальных взаимодействий, представляющих собой систему взаимообусловленных социальных действий, связанных циклической причинной зависимостью, при которой действия одного субъекта являются одновременно причиной и следствием ответных действий других субъектов. Студенты как представители молодежной социальной общности, чутко реагируют на нововведения в обществе, прогрессивны, отчасти являясь инициаторами различных инноваций и новаторами социокультурных процессов. Студенчество сегодня является, своего рода, индикатором состояния общества, резко реагирующим на негативные тенденции в развитии общества.

КОММУНИКАЦИОННАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ОБРАЗА ЖИЗНИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Киселев Е.А. (Пенза)

Информатизация является следствием и формой выражения научно-технического прогресса последних лет, и, как всякий этап подобного развития, она имеет две стороны. Одна из них сугубо техническая, проявляющаяся в распространении информационной техники и информационных технологий, другая - социальная, обнаруживающая себя в воздействии на общественные процессы и на образ жизни отдельных людей. По мнению А.А. Возьмителя, образ жизни представляет собой устойчивые формы социального бытия, совместной деятельности людей, типичные для исторически конкретных социальных отношений, формирующиеся в соответствии с генерализованными нормами и ценностями, отражающими эти отношения. [1] В образе жизни закреплены и находят обобщенное

выражение результаты взаимодействия человека со всей совокупностью оказываемых на него социальных воздействий. В своей жизнедеятельности человек как субъект общественных отношений отражает образ жизни той общности, к которой он принадлежит. В последние годы образ жизни людей становится все более информационным по своему содержанию, и нет никакого сомнения в том, что эта важная тенденция развития цивилизации сохранится и в будущем. Информационные технологии, проникая во все сферы жизни социума, воздействуют не только на его архитектуру, но и существенно влияют на способы и формы бытия отдельного человека. В этой связи проблемы информатизации общества, ее социальных последствий привлекают внимание как зарубежных, так и отечественных исследователей. Однако большинство специалистов концентрируют свое внимание на технической составляющей данного процесса. Между тем социальная составляющая информатизации весьма велика и требует своего осмысления. Информационные технологии не только изменили управление технологическими процессами, но стали инструментом реализации социальных технологий воздействия на человека, которое может и не иметь целенаправленного характера. Сегодня информационные технологии существенно влияют как на взаимоотношения между человеком и обществом, так и между отдельными людьми. Информатизация образа жизни, изменяет социальные процессы идентификации и самоидентификации личности, опиравшиеся в традиционном обществе на прямые контакты человека с теми или иными социальными группами и людьми. Модифицируя коммуникативную сферу человека, информационные технологии неизбежно вносят новое содержание в социальные процессы идентификации. Развитие информационного общества приводит к тому, что люди начинают использовать принципиально другие средства коммуникации и получают значительно больший объем информации из разнообразных источников. Это позволяет им не только более эффективно осваивать окружающую их природную и социальную среду, но и успешно решать задачи личного самосовершенствования, профессионального роста, повышения социального статуса, удовлетворения разнообразных материальных и духовных потребностей. Информационное общество полностью меняет уклад жизни. В нем возникают совершенно другие отношения: и социальные, и производственные. И, конечно, люди в информационном обществе начинают иначе относиться к информации. Прежде всего, появляются новые требования к

информационной прозрачности, к обеспечению свободного доступа к информации. Это одна из важнейших характеристик нового общества. Информатизация общественного пространства не могла не коснуться предпринимательского слоя, занимающего ведущую роль в социально-экономическом развитии нашей страны. Непосредственно, предпринимательскими структурами происходит реализация и продвижение основной массы инноваций как средства решения производственных и коммерческих задач. Рассматривая образ жизни предпринимателей особое внимание нужно обратить на их занятость, ведь главная особенность деятельности представителей бизнес-слоя заключается в непропорциональном распределении деловой активности, за счет других сфер - дома, семьи, дружеских отношений, досуга. Не случайно научная общественность характеризует предпринимателей как людей, занимающихся, именно, специфическим видом трудовой деятельности, которой они полностью посвящают свою жизнь. Под влиянием повсеместного внедрения информационных технологий, социально-экономическая ситуация в России, сегодня, становится всё динамичнее: кардинально поменялся рынок труда, появились новые виды бизнеса. Данные трансформации приводят к изменениям в трудовой сфере предпринимательского слоя и накладывают отпечаток на коммуникационную составляющую образа жизни представителей, данной профессии. Предпринимательская деятельность в современном обществе связана, прежде всего, с информацией, передача и прием которой осуществляется по различным коммуникационным каналам. Применение бизнес-коммуникаций на основе современных информационных технологий становится мощным инструментом предпринимателя для реализации эффективного бизнеса. Системы международных компьютерных сетей и мультимедиа позволяют российским бизнесменам включиться в мировой бизнес. Новая коммуникационная среда возникает и поддерживается при помощи соответствующих технологических решений на различных предприятиях. Чтобы достичь своих целей, бизнесмен должен постоянно поддерживать связь с персоналом, коллегами, клиентами, ревизорами, журналистами и со многими другими людьми, которые значимо влияют на его бизнес. Именно от этих результатов общения, в большей степени будет зависеть финансовая сторона предпринимательской деятельности. Современный предприниматель работает в сложной коммуникативной среде, используя весь коммуникативный арсенал, накопленный человечеством за

тысячелетия - от устной передачи информации до использования современнейших средств коммуникации. Именно поэтому, предпринимателям, для большей успешности и эффективности в их трудовой деятельности, приходится постоянно пополнять свой багаж знаний и совершенствовать коммуникативные навыки. Быстрый темп и информационная насыщенность современной жизни приводят к коммуникативным перегрузкам предпринимателей, что имеет отражение на досуговой активности данной категории людей. Свободное время требуется предпринимателю для того, чтобы поддержать соответствующую интеллектуальную и физическую форму, необходимую для напряженной и информационно перегруженной работы. Неудивительно поэтому, что структура досуговых занятий предпринимателей не отличается большим разнообразием, а предпочтение отдается незамысловатым и пассивным видам отдыха.

Литература

1. Возьмитель А.А., Осадчая Г.И. Образ жизни в России: динамика изменений // Социологические исследования. 2010. № 1. С. 17-27.

НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В УСЛОВИЯХ МАССИФИКАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: ОТ ЗАОЧНОГО К ДИСТАНЦИОННОМУ ОБУЧЕНИЮ

Ковалев И.В. (Санкт-Петербург)

Новые технологии в условиях массификации высшего образования: от заочного к дистанционному обучению. Высшее образование, с каждым годом становящееся все более массовым, вызывает немало критики с точки зрения организации, форм и качества подготовки. Нарастающий спрос становится испытанием для университетов и структур, обеспечивающих их функционирование. Абсолютно непродуманной ответной реакцией на подобные общественные тенденции становятся призывы к различным формам искусственного ограничения подобного спроса в целях сокращения «перепроизводства людей с высшим образованием». Система высшего образования, выступая неотъемлемым атрибутом инновационного развития общества, сама по себе крайне медленно приспосабливается к изменениям, сохраняя по форме классические методы, существующие столетиями, но

сегодня, очевидно, не обеспечивающие реализацию поставленных общественных задач. Имманентная ригидность системы особенно остро проявляется в отечественном университетском образовании, ориентированном на воспроизводстве традиций преподавания, ограниченных масштабами аудитории (в особенности в гуманитарном образовании классических университетов). Современные технологические средства позволяют обеспечить действительную массовость образовательного процесса без существенных затрат на материальное оснащение, переподготовку кадров и содержательного изменения учебных планов. В области подготовки по социальным и гуманитарным бакалаврским направлениям такая форма должна, на наш взгляд, стать одной из основополагающих. Многие зарубежные учебные заведения на протяжении последних нескольких лет (а некоторые и десятилетий) активно развивают такие формы в подготовке специалистов, используя дистанционные технологии как в рамках основных, так дополнительных образовательных программ. В особенности на этом поприще преуспели западноевропейские, американские, японские и корейские бизнес-школы, а также университеты, реализующие программы образования для взрослых. Российская система высшего образования сегодня находится лишь на начальном этапе использования дистанционных технологий, что во многом объясняется несовершенством законодательства в сфере образования, бюрократизацией процессов, ограничивающих многие частные инициативы, а также, что не менее важно, неготовностью использования новых форм обучения со стороны профессорско-преподавательского состава вузов. Стоит отметить, что дистанционные технологии в образовании – достаточно многогранное и широкое понятие, не ограничивающееся исключительно пространством сети Интернет. Так, к дистанционным можно отнести такие способы, как размещение информации в печатных изданиях, лекции по радио и телевидению и т.п. Кроме того, традиционное очное обучение содержит в себе также немало элементов дистанционной формы. В частности все виды самостоятельной работы (чтение специальной литературы, выполнение домашних заданий). Безусловно, переход к дистанционным формам образовательной деятельности не может иметь скачкообразный характер, предполагает длительный поэтапный процесс. На наш взгляд, первичной стадией подобного перехода могло бы явиться замещение так называемой заочной формы обучения, де-факто системно устаревшей и требующей

коренной трансформации. Многие ведущие российские вузы (в частности СПбГУ) на сегодняшний день отказались от подобной формы подготовки, признав ее низкую эффективность и несоответствие новым тенденциям в обществе. Сущность образовательного процесса на заочном отделении заключается в выдаче задания для самостоятельного выполнения студентами на определенный период и чтение лекций по разным предметам в предельно сжатые сроки. По итогам студенты должны пройти процедуру аттестации. Непосредственное взаимодействие студентов и преподавателей при такой форме происходит как правило 2 раза в год в период установочной сессии, в процессе которой обучающиеся должны освоить огромный объем материала. Во многом ввиду несовершенства данного принципа, преподаватели предъявляют требования при аттестации к студентам-заочникам, значительно более мягкие, чем, к примеру, к студентам очного отделения, что ставит под сомнение степень объективности оценки знаний. Реализация образовательного процесса на заочном отделении, в первую очередь ориентированного на работающих студентов, осложняется еще и тем, что работодатель (преимущественно в коммерческом секторе) не всегда предоставляет отпуск с отрывом от производства, несмотря на существующую законодательную норму. Также стоит отметить затраты времени и средств, связанные с перемещением иногородних студентов до места учебы и обратно для того, чтобы прослушать курсы лекции по предмету в аудитории. Данный список негативных аспектов заочного обучения можно продолжить. Тем не менее вузы, ликвидировавшие заочную форму как несовершенную, не сумели пока предложить адекватных альтернатив замещения. Наряду с постоянно сокращаемым количеством бюджетных мест на очно-заочной (вечерней) форме, в университетах наметилась тенденция к ограничению вплоть до полного устранения способов получения высшего образования для занятых в производстве и не сумевших получить его ранее. Данный аспект, вкупе с уже обозначенными тенденциями массификации высшего образования, неизбежно затрагивает главную проблему функционирования системы – обеспечение равенства доступа к образованию. Приемлемым вариантом замены заочного обучения в вузах представляется спектр применения различных дистанционных форм, в особенности их электронных разновидностей, к которым относится метод прямой трансляции лекции, заполнение on-line тестов, доступ к электронным библиотекам и т.д. Система «e-learning» (электронное обучение) предполагает расширение

аудитории слушателей, нивелируя зависимость от числа мест в аудитории, прямой привязки к контрольным цифрам приема, а также высвобождение времени, затрачиваемого студентом и преподавателем на перемещение. В дискуссиях о развитии электронных форм наиболее сложным вопросом является определение степени самостоятельности выполняемой работы студентами при проведении аттестации, что вынуждает сегодня проводить ее очно. Однако данная проблема может быть решена также с использованием современных технологий. Было бы неверно не отметить ряд существенных недостатков дистанционных технологий в образовании в сравнении с классическими формами. Так, существенно снижается контакт с аудиторией, осложняется обратная связь со слушателями в виде вопросов или дискуссий. Однако при очевидно существующих минусах таких форм, дистанционные технологии рассматриваются как очевидный тренд воспроизводства системы образования, позволяющий адекватно обеспечить реакцию на процесс роста спроса на высшее образование.

ОБРАЗ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ МАЛОГО ГОРОДА КАК КОМПЛЕКС СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК: МОДЕЛЬ ИЗУЧЕНИЯ

Кодина И.Н. (Иваново, Россия)

В настоящее время в российской социологии происходит актуализация исследовательского интереса к категории «образ жизни». Социологи отмечают проблемы диверсификации образа жизни россиян, акцентируют внимание на росте региональных различий, констатируют возникновение нового образа жизни [1; 6]. Возникает необходимость комплексного изучения образа жизни населения как интегративной характеристики всех форм жизненных практик, с учетом тех социальных условий, в которых они формируются. Одним из важных и перспективных направлений социологического изучения образа жизни является исследование особенностей образа жизни в условиях различных территориальных образований, в том числе в условиях малого города. В настоящее время малые города являются доминирующей формой городских поселений в России: их доля составляет 70,9% от всех типов городов, в них проживают 16 млн.635 тыс. человек. Взгляды на малый город как на поселение, в котором представлены смешанные черты сельского и городского образа жизни, сегодня утрачивает свое

значение. Возникает необходимость в разработке новых типологий образа жизни населения, учитывающих специфику малого города: его размер, численность населения, удаленность от региональных центров, экономические и социокультурные особенности; в изучении детерминант, определяющих выбор образа жизни в региональном контексте. Образ жизни населения мы определяем как комплекс устойчивых, регулярных социальных практик населения, проявляющиеся в различных сферах жизни и определяемые, с одной стороны, детерминантами социальной среды, а с другой стороны, личностными детерминантами. Для понимания и описания социальных практик важными являются труды классиков социологии – М. Вебера, Т. Парсонса, П. Бурдьё и Э. Гидденса [2; 3; 5; 7]. В отечественной социологии также доминирует взгляд, согласно которому под социальными практиками понимаются совокупность действий и взаимодействий индивидов, групп, общностей в условиях определенной социальной среды [4]. В этом смысле практики объясняют коллективное действие как традиционное, рутинизированное, сложившееся в результате привычки. Социальные практики классифицируются нами в соответствии с основными сферами жизнедеятельности: в профессионально-трудовой сфере выделяются практики занятости и трудовые практики различных профессиональных групп, образовательные и миграционные практики населения; в общественно-политической сфере – практики участия / неучастия населения в общественной и политической жизни города и страны; в семейно-бытовой сфере – бытовые практики населения, брачные и репродуктивные практики, практики социального обмена между родственниками; в культурно-досуговой сфере – способы и формы проведения досуга, выбор места досуга и агентов досугового поведения. Рассмотрение образа жизни населения как совокупности социальных практик, а малого города как среды их формирования позволяет говорить о выделении детерминант образа жизни населения малого города, в совокупности образующих сложную взаимосвязанную систему. Выбор образа жизни как совокупности повседневных практик определяется, во-первых, детерминантами среды, а во-вторых, личностными детерминантами. Детерминанты среды – объективно существующие факторы и условия, отражающие специфику социальной среды малого города. К ним относятся: естественно-природные детерминанты (географические особенности, природный потенциал малого города, его удаленность от областного центра), социально-экономические детерминанты (степень развития

социальной инфраструктуры малого города, его промышленный потенциал), социально-политические детерминанты (административный статус города, меры и программы развития городской среды и др.), демографические детерминанты (размер малого города, структура населения) и социокультурные детерминанты (ценностные ориентации, сложившиеся на уровне социальной среды, конфессиональные и этнокультурные традиции). Личностные детерминанты – статусные, социально-демографические и ценностно-нормативные характеристики индивида, отражающие специфику личности как активного субъекта образа жизни. По итогам проведенных нами эмпирических исследований в десяти малых городах Ивановской области (2005-2011 года, n=240, n=950, n=800, n=500) к характерным для малого города социальным практикам отнесены: – в профессионально-трудовой сфере: практики сверхурочной и вторичной занятости населения; преобладание занятости в третичном секторе экономики (торговля и услуги); практики ведения личного подсобного хозяйства; практики трудовой миграции (сезонные и вахтовые, практики отходничества); практики образовательной миграции молодежи; – в общественно-политической сфере: практики высокой электоральной и низкой протестной активности населения; малая включенность в практики участия в общественной и политической жизни малого города; – в семейно-бытовой сфере: однодетность семьи при ориентациях на двухдетность; распространенность расширенных (больших) и неполных семей; практики многопланового социального обмена между родственниками; распространение патерналистских практик; – в культурно-досуговой сфере: практики закрытых способов проведения досуга (дома, с семьей); распространенность простых форм заполнения свободного времени (просмотр ТВ, чтение, сон); практики регулярного чтения местных газет; практики употребления алкоголя; практики «выездного» досуга. Также исследования показали, что детерминанты социальной среды и личностные детерминанты определяют образ жизни населения малых городов в разных сферах жизни в различной степени. В профессионально-трудовой и культурно-досуговой сферах определяющее значение имеют детерминанты социальной среды. Среди них: социально-экономические (тип малого города, уровень жизни), естественно-природные (удаленность малого города от областного центра) и социокультурные (историко-культурный потенциал города и система ценностных ориентаций) детерминанты. Специфику образа жизни в общественно-политической и семейно-бытовой сферах в большей

степени определяют личностные детерминанты (уровень образования, гендерно-возрастные особенности, семейное положение, а также давность проживания горожан в малом городе). В качестве дальнейших перспектив исследования темы можно выделить: во-первых, сравнительные исследования образа жизни населения и детерминант, его определяющих, в различных типах поселений (больших и малых городах, в сельской местности); во-вторых, исследование разнообразных типов социальных практик населения (например, традиционных и инновационных) в различных сферах жизни; в-третьих, изучение образа жизни отдельных групп населения в городской среде.

Литература

1. Алексеев, А.И. Кризис урбанизации: формирование нового образа жизни / А. И. Алексеев, Н.В. Зубаревич // Проблемы прогнозирования. – 2000. – №1. – С. 138-146.
2. Бурдые, П. Практический смысл / пер с фр. А. Т. Бикбова, К. Д. Вознесенской, С. Н. Зенкина, Н. А. Шматко. – СПб.: Алатейя, 2001.
3. Вебер, М. Основные социологические понятия / пер. с нем. М. И. Левиной // Вебер М. Избранные произведения. – М., 1990.
4. Волков В., Хархордин О. Теория практик. – СПб.: Издательство «Европейский университет в Санкт-Петербурге», 2008.
5. Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации. – М., 2003.
6. Дундина, М. В. Особенности образа жизни современной России / М. В. Дундина // Тезисы III Всероссийского социологического конгресса. – М.: ИС РАН, 2008.
7. Парсонс, Т. Структура социального действия // Парсонс Т. О структуре социального действия. – М., 2000.

ВЛИЯНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ХАРАКТЕР СОЦИАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ (МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА)

Козырева Л.Д. (Санкт-Петербург)

Сегодня все большее число социологов признают, что современная социальная наука находится в глубоком кризисе. Более того, появились утверждения о «неспособности социологии в нынешнем ее состоянии дать ответы на самые насущные вопросы

общественной жизни» [2, 118]. С подобными утверждениями трудно согласиться, если только не пониматься под «социологией» сумму догматизированных идей, которые разрушаются при первом же столкновении с реальной жизнью и тем более абсолютно не готовы дать научно обоснованный прогноз общественного развития. Но все же приходится согласиться с тем, что кризисные явления в развитии науки ощущаются. И это не только два IV Социологических конгресса в разных российских городах с одной идеей о назначении социологии в обществе, но и более глубокие процессы. В первую очередь, следует сказать о кризисе методологических оснований социологического анализа. В попытках преодоления кризиса социология, как отмечают исследователи, начала движение к динамичному сетевому взаимодействию теоретико-методологических подходов, в котором практически невозможно выделить главенствующую теорию, своего рода методологический центр, задающий характер и направление развития мировой социологической мысли. Нет и очевидно лидирующей темы исследования [1, с.20]. Особенно четко этот факт проявляется при исследовании социальных последствий влияния новых феноменов информационной эпохи на социальные связи и взаимодействия. Так, известный австралийский социолог Р.Уотсон с тревогой пишет об усугублении глубочайшего одиночества человека в эпоху тотальной коммуникации и связи всего со всем. В качестве примера он приводит случай с возникновением в Японии социального феномена, получившего название «хикикомори». Это слово можно приблизительно перевести как «уход». Его используют применительно к детям и молодым людям, которые сидят дома и практически никогда не выходят. Зарегистрирован случай, когда молодой человек заперся у себя в спальне в возрасте двадцати лет и затем на протяжении четырнадцати последующих лет играл в видеоигры, смотрел телевизор и спал, не выходя из комнаты. Еду ему приносила мать, которая жила этажом ниже в полном одиночестве. Данный феномен – явление исключительно японское, но никто до сих пор не может назвать его причину. По свидетельству специалистов, в Японии на сегодняшний день от ста тысяч до миллиона «хикикомори» [4, 56]. Многие исследователи подчеркивают, что существование электронной почты, скайпа, мобильного телефона и т.д. постепенно приводит к тому, что социальные связи слабеют, люди отдаляются друг от друга. Общение приобретает примитивный характер, лишается эмоциональной окраски. И самое главное, происходят необратимые изменения в

работе головного мозга. Совершенно очевидно, что все эти тревожащие феномены требуют тщательного и постоянного изучения, в том числе и социологами. В методологическом арсенале классической и современной социологии существуют теории и идеи, которые позволят осмыслить новые феномены информационной эпохи. На наш взгляд, это в первую очередь теории, объединяемые в классическом интеракционизме Дж.Мида и Г.Блумера, ролевых теориях, теориях референтных групп. Их исходная позиция, состоящая в том, что поведение индивида обусловлено тремя основными факторами – структурой личности, ролью и референтной группой, позволит найти объяснение причин растущего одиночества. Плодотворным в методологическом отношении представляется нам и подход к анализу современных феноменов с точки зрения сетевой теории. Так, М.Грановеттер подчеркивает «силу слабых связей», различая «сильные связи» (между индивидом и его ближним окружением) и «слабые связи» (между индивидом и знакомыми). По его мнению, индивид лишенный слабых связей, оказывается отделенным, пребывая лишь внутри одной группы, где существует сильная связь. Таким образом, слабые связи предотвращают изоляцию индивида и обеспечивают более эффективную интеграцию в обществе, решая тем самым проблему одиночества [3, 343]. Совершенно очевидно, что методологический арсенал классической и современной социологии может предоставить еще ни один вариант объяснительных парадигм. И здесь требуются значительные усилия нашего профессионального сообщества.

Литература

1. Кравченко С.А. Социология в движении к взаимодействию теоретико-методологических подходов // Социологические исследования. 2011. № 1. С.19-22.
2. Матвеева Н.Ю. Кризис социологической науки. Возвращение к истокам // Социологические исследования. 2012. № 5. С.117-126.
3. Цит по: Ритцер Дж. Современные социологические теории. – 5-ое изд. СПб.: Питер, 2002. – 688 с.
4. Уотсон Р. Файлы будущего: история следующих 50 лет. – М.: Эксмо, 2011. – 352 с.

ТАКАЯ РАЗНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ

Колечко Н.В. (Белгород)

За последнее время в российском обществе произошли преобразования, которые повлекли за собой кардинальные изменения в социальной и культурной сферах теперь уже информационного общества. Изменения связаны с переходом от одного общественно-экономического устройства общества к другому, в процессе которого произошли значительные изменения в идеологии страны, а также в ценностных ориентациях людей. Ценностные ориентации устанавливают стандарты для достижения желательных и нежелательных целей. Эта функция целеполагания является мощным мотивационным регулятором человеческого поведения. Функции различных ценностных ориентаций заключаются в изменении эволюционного процесса, в котором те ценности, которые наиболее подходят для жизни в определенных условиях существования, имеют селективное преимущество перед ценностями, которые в меньшей степени подходят для этих условий. Этот выбор отражает эволюционный принцип, который делает эти ценности эффективными в борьбе за выживание в заданных условиях, когда преобладающие ценностные ориентации отражают преобладающие экзистенциальные условия. Причем, если экзистенциальные условия меняются, то меняются и ценностные ориентации, но из-за значительного отставания во времени необходимо реагировать на воздействие экзистенциальных изменений и использовать различные вариации стратегий, которые будут наиболее соответствовать новым условиям существования. В ходе социального развития человечество находит пути адаптации к технике, технологиям, являющимся следствием изменений во внутренней и внешней экономике отдельно взятого государства. Все это составляет часть экономической модернизации, в основе которой лежит развитие высоких технологий, являющихся главным инструментом оптимизации всех сфер деятельности человека. Результатом процесса модернизации становятся перемены в поведении людей, в социальных отношениях, в идеологической мысли, в политической жизни, в нормах и структурах права, а также в традиционной культуре социума. Если модернизация подразумевает под собой «новые модели, идущие на смену старым, которые носят более современный характер, отвечающий более высокой степени развития и потому считающиеся в определенном смысле «современнее», «выше», «лучше старых» [1], то культурная модернизация – это широкое понятие, которое представляет собой процесс перехода от традиционного общества с религиозным мировоззрением и авторитарной властью к эпохе

массового потребления, где доминирующими понятиями являются «инновации», «динамизм социальной жизни» и «демократия». Но можно ли определить культурную модернизацию как совершенствование или улучшение? В отличие от общественно-экономического пути модернизации процесс культурной модернизации интересен тем, что вроде бы подразумевается совершенствование и улучшение, а на деле происходит «замещение собственных норм, ценностей, моделей и образцов поведения соответствующим нормам, ценностям, моделям и образцам, пришедшим извне, из инокультурной среды» [1]. Изменение ценностей влечет смену религиозных убеждений, мотиваций, изменение уровня рождаемости, сексуальных норм. В таких условиях традиции и культура приобретают последнее значение, а процессы модернизации неблагоприятным образом влияют на культурное формирование личности. Таким образом, социально-экономическое развитие приносит массивные и примерно предсказуемые изменения в культуре, но, в условиях экономического коллапса, культурные изменения будут иметь тенденцию к движению в противоположном направлении. Чтобы понять регресс культурных ценностей, необходимо выделить следующие причины проявления модернизации: 1. Невозможность обеспечить дальнейшее развитие на основе прежних экономических, социальных и политических механизмов. 2. Очевидный разрыв в уровне развития по сравнению с западными странами. 3. Индустриализация. 4. Возрастание геополитических угроз. Разные общества следуют различным траекториям развития даже тогда, когда в основе модернизации лежат одни и те же причины, так как на общество оказывают влияние специфические факторы, такие как культурное наследие данного общества, а также формы, в соответствии с которыми развивается это общество. В целом, модернизация – это взаимодействие таких социальных процессов, как индустриализация, урбанизация, либерализация, которое меняет культурную самобытность отдельного социума. Если говорить об истоках модернизации, то они берут свое начало от Западной Европы. Исторически сложилось так, что в России процесс модернизации явно выделился на этапе преобразований Петра I, которые были направлены на приобщение правящего слоя к европейской культуре. Следующим этапом кардинальных изменений стала крестьянская реформа, когда в условиях быстро меняющейся социальной жизни появился наемный труд, резко вызвавший приток рабочих из деревень в города – так называемая урбанизация. Попытка превратить страну в

социалистическую державу началась с уничтожения экономического, социального, культурного и нравственного потенциала развития общества. Представители социальной и культурной элиты подверглись массовым преследованиям и уничтожениям. Религия, являющаяся нравственным остовом общества, стала объектом для постоянных гонений и давления со стороны новой власти. На пороге 2-й мировой войны большая часть представителей элиты, составляющих офицерский корпус, а также интеллигенция были репрессированы. В результате чего, по культурному и нравственному наследию страны снова был нанесен разрушительный удар. Коллективное мышление, насилие, давление со стороны власти способствовали индустриализации страны, но препятствовали социально-культурному развитию населения. Важной составляющей истории, повлиявшей на дальнейший ход развития модернизации, стала «холодная война», главной идеей которой была гонка вооружений и соперничество двух держав. Итогом социалистического общества стала перестройка, и как следствие, необходимость в реформировании, направленные на капитализацию страны, а вслед за этим неспособность общества, по мнению российского философа С.С. Кара-Мурза, принять «ценности и институты модернизации, поскольку Россия представляет собой традиционное общество с коллективистскими и ориентированным на нравственные ценности типом мировоззрения, а модернизация опирается на установки в духе индивидуализма и прагматизма». В итоге, после длительного процесса догоняющей модернизации, на сегодняшний день мы имеем страну с аномичным состоянием общества и сырьевой экономикой, которая зависит от цен на энергоресурсы. Таким образом, чтобы выжить в жестких условиях действительности и не зависеть от стран Запада, в том числе США, необходимы преобразования в экономике страны, развитие не сырьевых, а производственных ресурсов. Но сделать это не изменив социально-культурное сознание людей невозможно. Очевидно, что изменения в сфере экономики цепной реакцией отразятся на культурном мироощущении и традиционном укладе российского общества, которое характеризуется активным внедрением и усвоением западных ценностей, норм, определенных норм поведения, а также взятыми извне организационными моделями. Одним из важных моментов является вид модернизации, в соответствии с которым государство идет по пути преобразований и изменений. Следствием органической модернизации является изменение общественного сознания и культуры, но осуществляется

данный процесс только с помощью революционных методов. Неорганическая модернизация, которой следует наша страна, имеет «догоняющий» характер и несет изменения, в первую очередь, в сфере экономики, что в дальнейшем осложняет восприятие инноваций общественным сознанием. Российское общество с ненасытным аппетитом поглощает элементы западной массовой культуры, отходя от традиционного, т.е. от привычек, складывающихся веками. Такое явление, как массовая культура можно назвать промежуточным звеном в жизни человека, «не приобщившегося по разным причинам к «высокой» культуре, но уже оторвавшимся от традиционного общества» [2]. В соответствии с определением негативной оценки общества, «общество, вовлеченное в массовую культуру, характеризуется «бездуховностью, упрощенным взглядом на жизнь, подыгрыванием низменным страстям толпы» [2], что, по мнению испанского философа и критика Х. Ортеги-и-Гассета, в процессе быстрого роста населения, технизации, ослабляет культурный и нравственный статус цивилизации. В этих условиях Россия оказалась на другом конце геополитического пространства с явными притязаниями традиционной и современной культуры в обществе. Поэтому сейчас для страны необходимо создание программ и мероприятий, направленных на реанимацию частично забытых, деформированных и разрушенных духовных ценностей. В связи с чем очень остро встает вопрос о невозможности социально-экономического развития без развития духовного мира личности, ее совершенствования и социокультурной направленности.

Литература

1. Ионин, Л.Г. Социология культуры [Текст]: учеб. пособие для вузов / Л.Г. Ионин; Гос ун-т – Высшая школа экономики. – 4-е изд., перераб. И доп. – М.: Изд. Дом ГУ ВШЭ, 2004. – 427, [5] с.
2. Михайлова, Л.И. Социология культуры [Текст]: учеб. пособие / Л.И. Михайлова. – М.: ИТК «Дашков и К», 2008. – 396 с.

ИНТЕРНЕТ КАК СРЕДА ФОРМИРОВАНИЯ ДУХОВНОСТИ СОВРЕМЕННОГО МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА

Корытникова Н.В. (Харьков, Украина)

Оцифровывание повседневной, потребительской, трудовой и культурной деятельности дополнило многогранность образа жизни

человека в информационном обществе. В результате создания новых коммуникативных технологий изменились духовные основы и морально-этические принципы взаимодействия людей. С одной стороны, открытость, интерактивность и доступность интернет-ресурсов способствуют укреплению духовного мира и формированию позитивных черт личности (милосердия, уважения, терпимости). С другой стороны, анонимность, интернет-аддикция, информационные перегрузки приводят к внутренней деградации и разрушительным формам социальных отношений (насилию, алчности, жестокости, нигилизму). Балансируя между указанными позициями, оцифрованной личности постоянно приходится искать гармонию, от которой зависит уровень интеллектуального развития и культурных достижений всего общества. Назревший в обществе кризис культуры выражается в массовом распространении безнравственности и духовной отсталости молодого поколения. Главной чертой молодёжи является интерес ко всему новому, способность рисковать и реализовывать самые смелые идеи, но вместе с тем ей также присущи мобильность ценностных ориентаций, изменчивость духовных установок и поиск культурных приоритетов. В этом контексте духовная амбивалентность современного общества обусловлена не столько массовой информатизацией и технологическим детерменизмом, а сколько индивидуализацией сознания и повседневных практик личности, что проявляется в разнообразии стилей жизни, форм потребления, способов межличностной коммуникации. Актуальной становится задача переосмысления роли Интернета в формировании духовности молодого человека. Следует рассмотреть возможности новых информационных технологий с точки зрения духовно-нравственного воспитания, указать на основные принципы адаптации молодого человека к условиям информационного общества. Интернет-технологии предоставляют человеку комфортную площадку для познавательной и творческой деятельности, тем самым создают оптимальные условия для самореализации в социальной сфере и самосовершенствования своего внутреннего мира. Возможности интернет-ресурсов открывают большие перспективы для каждого пользователя: доступ к огромным фондам библиотек, музеев и художественных галерей, удобное время и место для наглядного и всегда актуального дистанционного образования, просмотр продукции киноиндустрии, а также моментальность продаж в интернет-магазинах, нескончаемый поток новостей, увеличение развлекательно-досуговых сервисов и др. Нельзя забывать о том, что

та или иная технология – это только инструмент в руках человека. Ускорение информационных процессов делает несовременными укоренившиеся нравственные доктрины, а сам человек не успевает обстоятельно разобраться в своих духовных идеалах и представлениях о смысле жизни. Поэтому целесообразность использования того или иного сервиса Интернета требует предварительной психологической оценки и социальной экспертизы. Очевидные положительные стороны интернет-коммуникаций все чаще нивелируются недостаточной социальной включенностью индивида, а ограниченность его социальных взаимодействий приводит к дисфункциональным последствиям использования Интернета: - снижению интереса к чтению классической литературы, которая во многом способствует формированию высоких нравственных позиций; - низкому уровню речевой культуры (массовое использование ненормативной лексики при виртуальном общении приобретает характер нормы и переносится в оффлайн-общение); - росту агрессивности, нетерпимости, раздражительности, неуравновешенности, которые могут привести к психическим расстройствам; - высокому уровню самоубийств, причина которых в отсутствии достойных жизненных ценностей и идеалов; - чрезмерной расторможенности, цинизму, откровенному хамству, эгоцентризму, черствости, жестокости. Все эти деструктивные процессы не случайны, а являются результатом развития современного общества, которое делает объектом продажи любые ценности, потребности и желания человека. Массовые производители, рекламодатели, маркетологи тщательно планируют и организуют информационную войну против личности с целью создания послушной, инфантильной массы людей. Новые масс-медиа, ориентируясь на рекламодателей, продолжают манипулировать сознанием человека и определяют сегодняшнюю социальную ситуацию, формируя антисоциальный тип личности, демографическое сдерживание, различные контркультурные группы. Как результат информатизации фиксируются такие закономерности как рост числа неполных семей, обострение различных психических и сексуальных аномалий, усугубление форм социального отчуждения. Для исключения амбивалентной роли Интернета в формировании духовности личности несомненно требуется соответствующая государственная, масс-медийная и образовательная поддержка проектов, направленных на сохранение высокой морали личности в информационном обществе.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРАВООТНОШЕНИЙ В РУССКОЯЗЫЧНОМ СЕГМЕНТЕ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Латышева О.В. (Тула)

К осени 2012 года по представлению В.В. Путина на законодательном уровне должны быть прописаны «Способы участия общества в управлении государством». Воплощение «участия» будет осуществляться посредством сети Интернет. Через портал «Госуслуги.ру» любой зарегистрированный пользователь сможет предложить свой потенциальный законопроект. После внесения предложения, вопрос будет вынесен на веб-голосование, стоит отметить, что проголосовать «за» представляется возможным анонимно через систему лайков. Для того чтобы предложение передали для рассмотрения в Государственную Думу, прежде всего, оно должно заручиться поддержкой 100 000 пользователей, а затем его передадут на рассмотрение, относительно соответствия действующему законодательству РФ, и утверждение правительственными экспертам. Данный проект является частью одной из программных статей В.В. Путина - «Демократия и качество государства», что не оставляет сомнений в том, что государство решило окончательно освоить веб-пространство. При сохранении текущих тенденций в развитии и распространении интернета к концу 2014 года число пользователей вырастет приблизительно на 30 млн человек. Тем не менее, имеет место ряд проблемных зон, основная из которых это проблема цифрового неравенства или неравномерного доступа к сети. На конец 2008 года только около 21,5 процента всех российских домашних хозяйств (11,4 млн. домашних хозяйств) имели широкополосный доступ в сеть Интернет, а средняя скорость доступа в регионах варьировалась от 128 Кбит/с до 1 Мбит/с, что существенно ниже, чем в Москве (7,5 Мбит/с) и Санкт-Петербурге (6 Мбит/с) [Российская газета. Документы. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2010/11/16/infobschestvo-site-dok.html>]. В каждом втором регионе России удельный вес организаций, использующих широкополосный доступ, не превышает 27 процентов. Даже лидер по этому показателю (г. Москва) на 8 процентных пунктов отстает от уровня использования широкополосного доступа в странах Европейского союза. Для устранения вышеописанной проблемной зоны государством планируется значительное снижение стоимости предоставляемых населению услуг на основе информационных

технологий с одновременным повышением их качества на основе развития конкуренции между операторами связи и поставщиками оборудования. Важно так же отметить, что еще одним фактором, препятствующим ускоренному развитию в России информационного общества, является недостаточный уровень распространения в обществе базовых навыков использования информационных технологий. Явление имеет место как среди населения в целом, так и среди государственных и муниципальных служащих. Вторым не менее острым вопросом для русскоязычного сегмента интернета является правовое регулирование данной сферы. Прежде чем, рассматривать ситуацию с профильным российским «сетевым» законодательством, необходимо рассмотреть ключевые нормативные документы, определяющие развитие глобальной паутины в целом. Среди них: Программа ЮНЕСКО «Информация для всех», Окинавская Хартия глобального информационного общества, Государственная программа Российской Федерации «Информационное общество (2011-2020 г.)», а так же Системный проект формирования в Российской Федерации Инфраструктуры Электронного Правительства. Концепция программы ЮНЕСКО состоит в разработке всеми государствами-членами организации стратегии содержательного наполнения информации в цифровой форме для поощрения развития информации, являющейся общественным достоянием, и создания ее нового содержательного наполнения. Окинавская Хартия глобального информационного общества видит целью развития информационных технологий в том, чтобы они «служили достижению взаимодополняющих целей обеспечения устойчивого экономического роста, повышения общественного благосостояния, стимулирования социального согласия и полной реализации их потенциала в области укрепления демократии, транспарентного и ответственного управления международного мира и стабильности». Одной из ключевых задач Государственной программы Российской Федерации «Информационное общество (2011-2020 г.) является повышение качества жизни граждан и улучшение условий развития бизнеса в информационном обществе, в том числе: развитие сервисов для упрощения процедур взаимодействия общества и государства с использованием информационных и коммуникационных технологий; перевод государственных и муниципальных услуг в электронный вид [Российская газета. Документы. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2010/11/16/infobschestvo-site-dok.html>]. Примером реализации положения программы служит портал Гос.услуги

(<http://www.gosuslugi.ru>). Используя раздел «Электронные услуги» гражданам предоставляется услуга по оформлению и выдаче паспортов гражданина Российской Федерации, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации, содержащих электронные носители информации; организации приёма граждан, обеспечение своевременного и полного рассмотрения устных и письменных обращений граждан, принятия решений и направления ответов заявителям в установленный законодательством Российской Федерации срок и ряд других. Что же касается комплексного правового регулирования сетевого пространства, то на сегодняшний день оно ограничивается проектом «Закона об Интернете», согласно которому «Каждый гражданин имеет право свободно распространять и получать информацию в Интернете». Закрыть сайт можно только по вступившему в законную силу решению суда, говорится в проекте поправок к Закону «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», регулирующих работу Интернета. При этом в проекте закона обозначено, что государственное регулирование электронной экономической деятельности как предпринимательской, а также тесно связанной с ней непредпринимательской деятельности с использованием информационных технологий в информационной среде глобальных компьютерных сетей осуществляется гражданским законодательством с учетом особенностей, установленных положениями настоящего федерального закона [Российская газета. Документы. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2010/11/16/infobschestvo-site-dok.html>]. То есть получается, что большая часть правоотношений в веб-среде регулируется профильным внесетевым законодательством, но при этом не учитывается специфика среды. Тем не менее, стоит отметить и тот факт, что российское законодательство становится более однозначным в вопросах Интернета и его продуктов. Так 14 июня 2011 года Государственной Думой был принят Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового регулирования в сфере средств массовой информации», данный закон вводит термин «сетевое издание». Чуть позже вышел Приказ Роспечати от 27.02.2012 N 42 «Об утверждении критериев отбора получателей государственной поддержки в области средств массовой информации» (Зарегистрировано в Минюсте РФ 13.03.2012 N 23467), в котором указаны критерии отбора организаций - получателей государственной поддержки, осуществляющих производство,

распространение и (или) тиражирование социально значимых проектов в области электронных средств массовой информации, в том числе создание и поддержание в сети интернет сайтов, имеющих социальное значение. На наш взгляд, при сохранении существующих тенденций следует ожидать расширение механизмов участия граждан в управлении государством, а так же разработку ряда законодательных актов, регулирующих правоотношения непосредственно в сетевом пространстве. Последнее в свою очередь, является объективной необходимостью, поскольку имеет место не только частичное перемещение деятельности институтов государственной власти в интернет, но и социально значимых сфер жизнедеятельности общества.

Литература

1. Российская газета. Документы. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2010/11/16/infobschestvo-site-dok.html>
2. Интернет в России: динамика проникновения. Весна-2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://runet.fom.ru/>

НОЧНОЙ И ДНЕВНОЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Легостаева Н.И. (Санкт-Петербург)

Жизнь современной молодежи насыщена новыми неизученными явлениями. Постепенно развивается новая проблема – сужающегося поля самореализации молодого поколения в социально позитивных областях: научной, социальноориентированной, профессиональной. Развитие социума ведет к тому, что экономическая сфера жизнедеятельности начинает играть доминирующую роль над всеми остальными сферами. Это неизбежно приводит к возникновению массовой городской культуры потребительского типа, которая тормозит, а иногда и исключает многих молодых людей из процессов позитивного развития. Потребительский образ жизни, превращаясь в самоцель, приводит к обеднению духовной жизни, к нежеланию принимать ответственность за свои поступки и лишает человека возможности быть творцом своей жизни. Формируется и активно набирает темпы индустрия свободного времени и развлечений, которая вовлекает значительную массу молодых людей. Тревожным является тот факт,

что альтернатива заполнения свободного временного пространства молодых людей активной «дневной» деятельностью не является привлекательной для больших масс молодого поколения. Набирает обороты процесс деформации и изменения не всегда в положительную сторону жизненных планов молодых людей, отсутствие средне- и долгосрочного планирования собственной жизни. Постепенно развивается процесс потери профессиональной квалификации молодых людей, которую они приобрели в соответствии со своим образованием. Это ведет к тому, что в перспективе может появиться новая массовая категория молодых «лишних» людей, незанятых в трудовом и профессиональном поле. В последнее время представляется интересной тенденция дифференциации молодежи на тех, кто ведет дневной образ жизни и ночной. «Ночная» молодежь относится к тем, кто очень часто лицом к лицу сталкивается с экстремальными явлениями: экстремальное время суток, экстремальная музыка, экстремальный отдых. Термин «экстремальная ситуация» означает степень наибольшего отклонения от нормы, за пределами которого системе грозит либо уничтожение, либо переход в иное, адаптированное к новым условиям, состояние [4]. Таким образом, экстремальность может деструктивно влиять на молодой организм, разрушая его (нарушение режима сна, злоупотребление легальными и нелегальными психоактивными веществами и т.д.) и одновременно с этим катализировать творческое развитие молодых людей в ночном формате времени (музыка, танцы, фаершоу, выставки, видеопредставления, шоу барменов и т.д.). В ночное время экстремальность превращается в норму, рождая удовольствие и красоту. В настоящее время активно развивается сфера ночного досуга для молодежи: ночные кафе, клубы, бары. Начинает появляться новый пласт «ночных» людей. К ним можно отнести молодых людей более старшей возрастной категории (25–30 лет), которые получили среднее специальное или высшее образование и профессионально заняты в ночное время суток (диджеи, музыканты, бармены, официанты, звукорежиссеры, светорежиссеры, артменеджеры, организаторы, охранники, актеры, танцоры), студентов, временно подрабатывающих ночью в свободное от учебы время, а также тех молодых людей, кто любит проводить свое свободное время в ночных клубах – «тусовщики». К «дневным» представителям молодежи относятся студенты, а также те молодые люди, кто профессионально занят в дневное время и предпочитают организовывать свой досуг днем. Большой интерес вызывает процесс изменения ценностей у представителей «ночной» молодежи.

Изменяются такие ценности, как труд, дружба, любовь и другие. Основная мотивация к труду у людей, профессионально занятых в ночной сфере, состоит в том, чтобы заработать деньги, но здесь появляется еще один мотив – это получение удовольствия от прослушивания танцевальной музыки, ночных шоу, употребления психоактивных веществ, общения с различной публикой. Работа начинает приносить удовольствие, раскрывать творческий потенциал человека. Труд перестает ассоциироваться с усердием. Среди работающих в ночных заведениях людей существует тоже дифференциация: те, кто нацелен на творческий, карьерный рост и получение дохода от проделанной работы и те, кто выполняет свой минимальный функционал и получает удовольствие от ночной жизни. У первой категории людей чётче сформулирована линия целей. Они выступают творцами, которым соответствует жизнетворческий тип жизненных стратегий [3]. Вторая категория «ночных» работников становятся потребителями готовых музыкальных и иных продуктов, растворяются в среде целеустремленных лидеров и для них характерны стратегии жизнеобеспечения и жизнестроительства [3]. Другими и приятелями нередко становятся люди, которые встречаются и общаются на «тусовке». Общение не всегда носит конструктивный или взаимообогащающий характер, людям просто весело друг с другом танцевать, проводить время, расслабляться. Можно выделить еще один интересный процесс – вовлечение «ночной» молодежью «дневных» в свой образ жизни. Рекреационная сфера не всегда сводится к походам в кино, театр, концерты. «Дневная» молодежь идет в ночную среду. И здесь снова появляются неизученные процессы, которые было бы интересно понять. Кто-то из «дневных» адаптируется к новой среде и остается в ней, переходя на ночной формат жизни. Другие, побывав на нескольких ночных мероприятиях, отсеиваются и больше не возвращаются к ним. Третьи начинают совмещать дневной и ночной образ жизни. Одной из причин ухода в ночную среду может выступать нежелание молодого поколения работать в бюрократических социальных структурах, где существует определенный перечень должностных обязанностей, восьмичасовой рабочий день, аванс в начале месяца, заработная плата в соответствии с квалификацией и так далее. Часть современной молодежи не желает быть «винтиками» бюрократических структур и предпочитают ночной формат жизни, где нередко нивелируется стратификационное разделение по образованию, уровню дохода, престижу профессии, религиозной и

национальной принадлежности. Вместе с позитивными тенденциями в процессах дифференциации молодежи на «ночную» и «дневную» также можно увидеть негативные явления. Молодые люди, работающие в сфере ночного досуга, отработав несколько дней подряд, днем ведут пассивный образ жизни. Усталость истощает силы и потенциал человека, он начинает вести неинтересную и рутинную дневную жизнь, которая начинает крутиться вокруг удовлетворения витальных потребностей: сне, еде, воде, сексе. Постепенно потребности в получении образования, повышении профессиональной квалификации, саморазвитии в «дневном» социальном пространстве отодвигаются на второй план, а нередко и вообще не возникают. Это может привести к тому, что в 35-40 лет люди останутся без профессии, работы, дохода. Ночная жизнь сильно подрывает здоровье человека, и не все молодые люди смогут продолжать работу в данной сфере, когда уже станут зрелыми людьми и в социум хлынет поток безработных, нездоровых, так называемых «лишних» людей. С помощью каких механизмов и институтов их адаптировать к новым жизненным реалиям? В каких сферах общественной деятельности их можно будет задействовать? Возможен ли будет процесс их образования в зрелом возрасте? Все эти вопросы остро касаются будущего развития России. Исследования образа будущего и жизненных стратегий современной российской молодежи, относящей себя как к ночной, так и к дневной сферам жизнедеятельности, являются необходимыми, так как именно жизненные стратегии определяют личное, социальное и культурное будущее как личности, так и всего общества в целом.

Литература

1. Ельникова Г.А., Алиев Ш.И. Жизненные стратегии молодежи: теоретический и методологический анализ: Монография. – Белгород: Кооперативное образование, 2008. – 245 с.
2. Образ будущего. Опыт социолого-философского анализа / Под ред. Р.А. Зобова и А.А. Козлова. – СПб.: Химиздат, 2001 – 104 с.
3. Резник Ю.М., Смирнов Е.А. Жизненные стратегии личности (опыт комплексного анализа). - М.: Институт человека РАН, Независимый институт гражданского общества, 2002. – 260 с.
4. Томалинцев В.Н. Экстремаль России: Прогноз развития. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.

РОЛЬ ПЕДАГОГА В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАТИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

Информатизация образовательного пространства существенно изменила профессиональную роль педагога. Во-первых, возрастающая доступность информации нивелировала роль педагога как транслятора готовых образцов знаний, и, напротив, актуализировала роль наставника, консультанта, лидера, способного увлечь за собой, раскрыть внутренний потенциал обучающихся, инициировать саморазвитие их личностей, высвобождая творческую энергию. Субъекты образования постепенно приходят к пониманию того, что реальное знание не то, что передается в неизменном виде из поколения в поколение, независимо от личностного опыта, а то, что является результатом индивидуальной творческой активности самого человека. В настоящее время происходит осмысление сложных культурно-исторических форм бытия знания, осознание сопричастности каждого человека к его порождению, его судьбам в культуре, что неизбежно привело к изменениям в понимании педагогической деятельности, ее содержания, форм и методов. Во-вторых, все большее внедрение информационных коммуникативных технологий диктует определенные требования к процессу формирования и развития качеств личности в образовательном пространстве. В условиях нестабильности, многовариантности развития возникает потребность в становлении и развитии субъектности обучающихся. Образование, по сути, становится деятельностью культурно-топологического типа, где важно не просто накопление информации, но активность по ее осмыслению, означиванию, интерпретации, важна рефлексия над знанием как способом самоидентификации. Педагогическая задача сохранения и развития активности обучающихся, развертывание их побудительных механизмов к учебной деятельности может решаться только на основе принципа автономии процесса самоутверждения обучающегося как личности, поддерживаемого механизмами саморегуляции. Наиболее эффективным социальным механизмом саморегуляции и способом взаимодействия выступает механизм лидерства, предполагающий личностно-профессиональную субъектность обеих сторон, вступающих во взаимодействие по поводу образовательной деятельности. Потребности личности не замыкаются на ее профессиональной деятельности. В зависимости от опыта, ситуации и мотивационной структуры профессиональные мотивы трансформируются в потребность самовыражения и через

нее в необходимость лидерства в определенной сфере, профессиональной ситуации. Деятельность может иметь качества лидерской, когда личность привносит свое индивидуальное в ситуацию и преобразует ее, активно использует причины, детерминанты образовательного поведения в соответствии с собственными интересами и целями, распределяет их, осознает и сама становится причиной изменений в среде. Образовательное лидерство возникает в процессе целеустремленного, активного развертывания жизненных и профессиональных стратегий, творческого поиска. Педагог в роли лидера предстает как самостоятельно действующий субъект образовательного процесса, имеющий свое видение этого процесса, свою технологию и стиль обучения; его пространство – содержание и формы образования, стратегия и стиль поведения в учебном коллективе. Важным является и процесс взаимодействия педагога и обучающихся как равноправных партнеров общения, задающих различные логики мышления, смыслы, так как функцией педагога является не подготовка к жизни, а непосредственное включение в жизненный процесс. Роль лидера-педагога сводится не к решению проблем, а к созданию ситуации успеха обучающихся, в результате чего повышается их индивидуальная активность и работоспособность, трансформируются поведенческие установки. При этом лидер не фокусирует внимание на себе, а действует как бы со стороны. Реализация лидерской роли педагогов в процессе профессиональной деятельности предполагает диалогичность бытия, следовательно, и субъектность взаимодействующих сторон, равнозначность их онтологических статусов. В образовательной деятельности каждого обучающего–лидера это должно проявляться следующим образом: установка на лидерство в профессии; умение учитывать установки на лидерство у партнеров по взаимодействию (обучаемых, других обучающихся); создание благоприятных условий в образовательном пространстве для приобретения лидерских установок (среда формирования лидеров), культивирование такой направленности у участников взаимодействия. Потребность в реализации новой роли обучающихся актуализировала необходимость формирования качественно нового субъекта педагогической деятельности, способного внести свой творческий, теоретический, практический вклад в инновационные процессы в системе образования. Качественные характеристики нового субъекта педагогической деятельности определяются тем, что он: вырабатывает свой стиль общения и обучения, свою педагогическую концепцию, отражающую

личностное понимание педагогического процесса, собственную педагогическую философию; обладает новым педагогическим мышлением, творческим, исследовательским подходом к воспитанию, глубоким знанием и пониманием человека как предмета своей деятельности; способен в условиях изменяющейся социальной практики к переоценке накопленного опыта, анализу своих возможностей, умеет приобретать новые знания, используя современные информационные образовательные технологии; владеет основами педагогического менеджмента, новейшими технологиями педагогического труда, видением проблем своей деятельности в широком контексте гуманитарного, методологического и мировоззренческого знания. Поэтому обучающим как субъектной группе необходимо реализовать в своей профессиональной деятельности наряду с собственно педагогическими еще и лидерские функции. При этом под категорией «функция обучающего» мы будем понимать роль, которую он выполняет относительно потребностей системы образования и интересов составляющих ее социальных общностей, отдельных личностей.

МЕХАНИЗМЫ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ БЛОГОСФЕРЫ.

Махнёва Н.С. (Барнаул)

Блогосфера – это совокупность всех блогов, то есть интернет-дневников, как сообщество или социальная сеть. Отсутствие цензуры, общедоступность блогов привлекают к ним внимание большого числа пользователей Рунета. Благодаря возможности комментировать интересующие посты в блогах часто развивается активное обсуждение, дискуссии, споры. Увеличивается влияние блогеров в современном российском обществе. К их мнению начинают прислушиваться органы власти. Блогосфера все чаще конкурирует с официальными СМИ, оказывая большое влияние на формирование общественного мнения. Часто граждане объединяются для решения социальных проблем, для защиты своих интересов именно в блогосфере, где легко можно найти поддержку, привлечь внимание к проблеме и вместе принять необходимые для её решения меры. Кроме того, известны примеры, когда блогеры добивались того, что обсуждение проблемы перетекло в традиционные СМИ. Важно, что сетевое сообщество может стать услышанным, а не

только пассивно реагировать на происходящее. В связи с возрастающим влиянием блогосферы, актуальным становится вопрос о ее регулировании. Можно выделить правовой и внутрисетевой виды регулирования. В соответствии с принципами регулирования интернета, все отношения, возникающие в блогосфере и носящие характер правоотношений, регулируемых существующими отраслями права (например, заключение договора, размещение объекта авторского права), должны подчиняться требованиям соответствующих отраслей. Тем не менее, возникает много противоречий, связанных с особенностями блогосферы. Особенность блогов заключается в том, что они представляют собой частные дневники и не являются средствами массовой информации, оставаясь при этом доступными для большой аудитории интернет-пользователей. Поэтому случаи предъявления обвинений блогерам по статьям Уголовного кодекса Российской Федерации практически всегда вызывают общественный диссонанс. Уголовные дела против блогеров возбуждались по статьям: 280 УК РФ (призывы к осуществлению экстремистской деятельности), 319 УК РФ (оскорбление представителей власти), 282 УК РФ (возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства) и по статье 207 УК РФ (заведомо ложное сообщение об акте терроризма). Из всех известных случаев оправдан был лишь один человек, другие блогеры были приговорены к условному заключению на год или штрафам. Количество подобных дел увеличивается, хотя они остаются единичными. В связи с этим возникает проблема критериев, по которым возбуждаются подобные дела. Учитывая большое количество агрессивных, нецензурных, критикующих власть блогов, необоснованным кажется привлечение к уголовной ответственности конкретных блогеров. В целом регулирование информации в блогосфере осуществляется на основании ряда законодательных и нормативных актов. Прежде всего, в соответствии с п. 1 ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ. Конституция РФ устанавливает право каждого свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом, гарантирует свободу массовой информации и запрещает цензуру. Основным федеральным законом, регулирующим контент блогов,

является Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Этот закон так же утверждает свободу информации, исключая случаи, когда она угрожает безопасности государства или нарушает права других людей. В 2012 году был разработан и принят Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и отдельные законодательные акты Российской Федерации». В этом законе, впервые в российском законодательстве даются определения интернет-сайта, интернет-страницы, доменного имени, сетевого адреса, владельца интернет-сайта, хостинг-провайдера. Также в закон добавляется новая статья, согласно которой создается некая информационная система (Реестр), где указаны все интернет-страницы и сайты, содержащие информацию, запрещенную к распространению на территории РФ. С момента внесения доменного имени или ссылки на интернет-страницу в Реестр хостинг-провайдер обязан в течение суток проинформировать владельца сайта о необходимости удаления интернет-страницы целиком. В случае отказа или бездействия владельца сайта, хостинг-провайдер обязан ограничить доступ к такому сайту. В случае непринятия хостинг-провайдером и владельцем сайта данных мер, сетевой адрес сайта включается в Реестр. Оператор связи обязан в течение суток с момента включения сетевого адреса сайта в Реестр ограничить к нему доступ. Тот факт, что на одном IP-адресе может находиться несколько тысяч сайтов, законом не учитывается. Принятие этого закона вызвало бурную дискуссию. С критикой закона выступили русскоязычный сегмент энциклопедии Wikipedia, блогхостинг «Живой Журнал», социальная сеть «ВКонтакте», компании Яндекс и Google и национальная ассоциация телерадиовещателей. Противники законопроекта опасаются, что закон, изобилующий противоречивыми и субъективными формулировками, станет инструментом борьбы с неудобными. Совет по правам человека при президенте России прямо назвал инициативу узакониванием цензуры. В связи с неоднозначностью правового регулирования блогосферы, некоторые эксперты считают, что необходимо развитие внутрисетевого регулирования, как более эффективного и лояльного. При регистрации блога пользователь соглашается с правилами поведения на сайте. Если же блогер нарушает правила, то его дневник блокируется на время или удаляется. Но чаще всего для применения администрацией таких действий необходимы жалобы других пользователей. Сами блогеры также могут устанавливать нормы

поведения в своих блогах или сообществах. Очень часто авторы запрещают нецензурную лексику, оскорбление других пользователей и т.п. За нарушение этих норм, блогер вправе удалить комментарий, или «забанить» автора, т.е. отключить его доступ к своему блогу. В целом, внутрисетевое регулирование эффективно, но носит фрагментарный характер. Так как регулирование блогосферы актуальный и неизученный вопрос, мы проводим исследование на данную тему. В рамках исследования проводится анализ нормативно-правовой базы и социальные механизмы регулирования блогосферы, возможности саморегулирования. Также планируется провести экспертный опрос с целью получения оценок эффективности механизмов регулирования блогосферы, предложений по их усовершенствованию, выявления их слабых и сильных сторон. Будет проведён анкетный опрос самих блогеров. Целью исследования является разработка рекомендаций по совершенствованию механизма социально-правового регулирования блогосферы.

УВЛЕЧЕНИЕ ПОДРОСТКОВ КОМПЬЮТЕРНЫМИ ИГРАМИ: ОПЫТ ПИЛОТАЖНОГО АНКЕТИРОВАНИЯ В ШКОЛАХ РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ

Милюкова И.А., Дрючек Н.О. (Петрозаводск)

Компьютеры сегодня становятся привычным элементом повседневной жизни россиян: в среднем на 100 человек в нашей стране приходится 20,1 персональных компьютера, а в крупных городах, например, в Москве – 47,1 [1, 88]. Республика Карелия входит в семерку лидеров по индексу использования ИКТ для развития региона, во всех школах республики оборудованы современные компьютерные классы. С одной стороны, информатизация российского общества, без сомнения, позитивно влияет на образовательный уровень и интеллектуальное развитие россиян, их возможности расширения коммуникации и социального взаимодействия в глобальном пространстве. Но, с другой стороны, медики и психологи всерьез озабочены тем, что неумеренное пользование компьютером ведет к существенным нарушениям процесса социализации детей и подростков, ухудшает их физическое и эмоциональное здоровье, способность успешно адаптироваться и взаимодействовать с окружающим миром [2, 98-99]. Появляется даже новая форма зависимости – компьютерная и Internet зависимость. В основу доклада положены результаты пробного анкетирования,

проведенного в 2012 году среди подростков 14-18 лет в четырех городах Карелии – Петрозаводске, Сортавала, Ланденпохья и Пудожье. В общей совокупности было опрошено чуть больше 140 учеников 9-11 классов из девяти общеобразовательных школ. Основными программными вопросами исследования были следующие: - как часто и в каких целях подростки используют компьютеры; - какое место компьютер и компьютерные игры занимают в структуре досуга современных подростков; - какие компьютерные игры они предпочитают и что именно в этих играх их привлекает; - насколько информированы подростки о возможных последствиях увлечения компьютерными играми; - влияет ли увлечение компьютерными играми на отношения со сверстниками и родителями. Анализ собранных в ходе анкетирования данных показал, что почти половина опрошенных старшеклассников (44,7%) имеет опыт игр на компьютере, а каждый пятый признался, что играет в них ежедневно. Юношей в группе постоянно играющих в два раза больше, чем девушек. От класса к классу, т.е. с возрастом, численность играющих несколько уменьшается. При этом в будни девушки проводят за компьютерными играми в среднем 2,9 часов, молодые люди - 3,7, на выходных эти цифры еще выше – у девушек – 3,8 часа, а у молодых людей – 4,9 часов. Хотя, как известно, по нормам Минздрава РФ подростки могут работать за компьютером непрерывно не более 30 минут на первом часу работы, и 20 минут – на втором, а безопасная норма для занятий компьютерными играми для старшеклассников – всего лишь 15 минут. Любопытно, что при ответе на вопрос, сколько времени респонденты хотели бы тратить на компьютерные игры, выяснилось, что «желаемое» время значительно меньше реального. По всей видимости, многие подростки очень хотели бы тратить свое свободное время на другие виды деятельности, но справиться с «эффектом затягивания игры» самостоятельно не могут. Одним из важных факторов приобщения к «касте играющих» имеет ближайшее социальное окружение подростка, прежде всего, его друзья и сверстники. У всех, кто регулярно играет в компьютерные игры, есть знакомые геймеры 12-18 лет, у некоторых количество таких знакомых достигает до сотни человек. А вот среди тех, кто не имеет такой практики – только каждый шестой (15,4%) сказал, что имеет знакомых, увлекающихся играми. Иногда именно сложности во взаимоотношениях в реальном мире толкают подростка к стремлению искать друзей в виртуальном мире. Те подростки, кто не играют в компьютерные игры, не видят практически никаких позитивных последствий в такой форме

проведения досуга. Их же «оппоненты» уверены, что участие в играх развивает у подростков навыки работы с компьютером, способствует их самовыражению, а главное – дает возможность хорошенько отдохнуть и полноценно развлечься. При этом «играющие» прекрасно понимают и негативные последствия увлечения играми, но оценивают их опасность значительно ниже, чем «неиграющие» сверстники. Компьютерная игра — это особый, виртуальный мир, где достаточно легко удовлетворить основные потребности подростка. Здесь можно самостоятельно принимать решения и не бояться ответственности. Подросток все больше уходит в виртуальную реальность, где реализует свои силы и способности, а личностный рост в реальном мире уходит на задний план. Важно помочь любителям компьютерных игр преодолеть свои личностные проблемы: проблемы межличностных отношений, повышать уверенность в себе и своих силах, формировать позитивное мышление и оптимистический взгляд в будущее. Тогда компьютерные игры станут для подростков лишь развлечением, средством развития каких-либо навыков, а не способом бегства от себя и от реальности.

Литература

1. Еляков А.Д. Российское общество в информационном измерении // Социологические исследования. - 2009.- №7.
2. Цой Н.А. Феномен Интернет - зависимости и одиночество // Социологические исследования. – 2011. - №12.

ОБУЧЕНИЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ГРАМОТНОСТИ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ: ПРОБЛЕМЫ ВХОЖДЕНИЯ В ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО

Миронова М.В. (Екатеринбург)

С каждым годом количество пожилых граждан в нашей стране продолжает увеличиваться. На сегодняшний день общее количество пожилого населения составляет 21,6 процента от общей структуры населения [1]. Увеличение доли пожилых людей в общей структуре населения предполагает повышение их значимости в социальной, экономической, политической и др. сферах жизни общества. Вместе с тем в российском социуме еще достаточно сильны стереотипы в отношении старшего поколения. Чаще всего в сознании молодых людей пожилой человек предстает как больной,

немогущий, материально не обеспеченный, недостаточно мобильный, консервативный, не способный к восприятию нового, саморазвитию. Надо признать, что данная позиция активно поддерживается средствами массовой информации [2]. Отношение к пожилым людям в обществе достаточно емко характеризуют австрийские учёные Х. Хофф и Э. Рингель: «Объективная картина настоящего положения заставляет, к сожалению, утверждать, что положение пожилого человека становится всё более трудным, ...уважение к возрасту, бывшее ещё правилом в прошлом столетии, сегодня исчезает, уступая место безразличию или даже известному виду вражды по отношению к старым людям»[3]. Переход от одного жизненного и возрастного этапа к другому не проходит безболезненно. Пожилой возраст также сопровождается рядом социальных рисков. Такими рисками могут выступать снижение уровня здоровья граждан, риск потери работы, снижение конкурентоспособности на рынке труда, понижение материального благополучия, изменение социальных ролей и социального статуса, нарушения процесса взаимодействия, как с ближайшим окружением, так и с социумом в целом. Следует признать, что вышеперечисленные риски в нашей стране гораздо выше, нежели в других западных государствах. Риски могут успешно преодолеваются как самими пожилыми людьми, так и при помощи поддержки социального окружения и эффективной социальной политики в этой сфере. Работа с пожилыми людьми должна, прежде всего, опираться на имеющиеся у них ресурсы, в качестве которых могут выступать: наличие значительного количества свободного времени, трудовая незанятость, жизненный опыт, мотивация на продление активного долголетия. Как показывают данные социологических исследований, около 40 % лиц пожилого возраста – это люди, нацеленные на активную общественную жизнь[1]. Вместе с тем увеличение мобильности пожилых людей, удовлетворение их социокультурных потребностей и запросов невозможно в полной мере без их вхождения в информационное пространство и освоения компьютера. Одним из важнейших ресурсов современного общества, которое может являться мощным средством социокультурной реабилитации пожилого человека, является компьютер. В качестве такого элемента системы реабилитации в Свердловской области создана и реализуется на протяжении двух лет Региональная комплексная программа «Старшее поколение» на 2011-2013 годы. В рамках программы действует «Школа пожилого человека», одним из направлений которой стал проект «Компьютерный ликбез».

Благодаря реализации данного проекта пожилые люди получили возможность на Базе Комплексного Центра Социального Обслуживания Населения (КЦСОН) Октябрьского района пройти обучение и получить первоначальные знания в области ПК и Интернет. Первоначально занятия проводились исключительно силами специалистов центра. Постепенно деятельность специалистов ограничилась выполнением информационной организационной функций. Центром были привлечены волонтеры двух ВУЗов города, одним из которых является Уральский Федеральный университет. Привлечение студентов позволило значительно расширить масштабы обучения. На сегодняшний день можно провести промежуточную оценку данного сотрудничества. Речь идет именно о сотрудничестве, поскольку, преимущества для обеих сторон очевидны. Студенты, обучающиеся по направлению «Социальная работа», в ходе подобного взаимодействия получают возможность развития общекультурных и профессиональных компетенций. Люди старшего возраста имеют возможность не только обучиться работе на ПК. Освоение компьютера становится для них чем-то большим. Они отмечают, что это форма проведения досуга, способ коммуникации. Посредством социальных сетей они могут общаться со своими родственниками, знакомыми, друзьями, с которыми нет иной возможности встретиться. Это форма релаксации, когда есть возможность отдохнуть от забот повседневности. Компьютер повышает уровень их информированности по многим вопросам. Так, например, они получают доступ к сайтам государственных структур, центров социального обслуживания населения, поликлиник и т.д. Более того, компьютер становится средством повышения их социальной мобильности. У них появляются новые интересы, они учатся устанавливать новые социально-полезные связи. Вместе с тем, по материалам пилотажного исследования, был выявлен ряд проблем, рассматриваемых нами в качестве задач, решение которых будет способствовать более эффективной организации процесса обучения. Существенные затруднения возникают у студентов, на этапе работы с пожилыми людьми в тех случаях, когда группы формируются без учета первоначальных знаний и умений обучающихся. Большинство пожилых людей ограничивает свои запросы умением пользоваться почтой, набирать, редактировать текст в Word. Вместе с тем, имеются и продвинутые пользователи, желающие на более высоком уровне освоить интернет, социальные сети. На наш взгляд, целесообразным является проведение первичного тестирования, позволяющего определить базовый

уровень учащихся, а также установить их запрос на данную услугу. Программы обучения пожилых людей в различных центрах города носят достаточно разноплановый характер, поскольку составлены непосредственно силами специалистов центра. Нам представляется, что создание единой программы, ориентированной в то же время на разный уровень знаний обучающихся, основанные на общедидактических принципах (научности, преемственности и т.д.), а также принимающие во внимание психологию и педагогику обучения старшего поколения, способствовало бы более продуктивной организации обучения. По мнению студентов, при обучении пожилых людей компьютерной грамотности, необходимо учитывать специфику возраста. В связи с этим, программы обучения должны строиться на выделении четко заданных алгоритмов действий, которые пожилой человек способен лучше усвоить. Обучение компьютерной грамотности является услугой, доступной пока не для всех пенсионеров. Предоставить ее всем желающим силами только самих Центров не представляется возможным. Имеющиеся проблемы, достаточно успешно можно преодолеть путем организации взаимодействия с образовательными учреждениями города. Привлечение студентов и учащихся в качестве волонтеров, спонсорская поддержка, проведение исследований по данной проблеме позволят старшему поколению намного быстрее и успешнее войти в информационное пространство.

Литература

1. Региональная комплексная программа «Старшее поколение» на 2011-2013 годы. Утверждена постановлением Правительства Сврдл. Обл. от 31.03.2011.
2. Старикова М.М. Геронтологические аспекты социальной реальности, формируемой СМИ. Пятые Ковалевские чтения. Материалы научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 12-13 ноября, 2010 г.
3. Социальное самочувствие и положение пожилых людей в регионе / под общ. ред. д-ра социол. наук, проф. Н. М. Байкова, д-ра психол. наук, проф. Л. В. Кашириной. – Хабаровск : ДВАГС, 2012.

ОСОБЕННОСТИ ВЛИЯНИЯ ИНТЕРНЕТ-СООБЩЕСТВ НА РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВА

Невесенко Е.Д. (Санкт-Петербург)

За последние десятилетия в обществе произошли существенные социальные изменения, и особую роль в этих социальных процессах сыграли развитие и доступность для большинства членов общества информационных технологий и сети Интернет. Сеть Интернет стала катализатором данных социальных изменений в обществе благодаря двум своим основным функциям – информационной и коммуникационной. Посредством Сети индивиды получили более удобные способы поиска информации и осуществления коммуникации друг с другом. Техническое совершенствование механизмов осуществления данных функций способствовали привлечению в Сеть все большего числа пользователей. Отметим, что на сегодняшний день число пользователей русскоязычного сегмента сети Интернет насчитывает порядка 70 млн. человек [1]. Наличие большого количества пользователей в Сети, открытие «площадок» для осуществления массового взаимодействия (к примеру, форумов и чатов) привели к установлению между пользователями прочных социальных связей и отношений, и, в конечном итоге, способствовало образованию специфических виртуальных социальных общностей, получивших название «интернет-сообщество». Интернет-сообщество – это стихийно или целенаправленно сложившаяся система постоянных пользователей-соавторов интернет-ресурса, которые в рамках политики данного ресурса осуществляют информационный обмен на установленную тематику, ведущийся на основе ранее принятых правил, запретов и санкций к нарушителям, служащий целям поддержания и развития ресурса [2]. В наше время в сети Интернет функционирует огромное количество разнопрофильных интернет-сообществ. Для общего понимания рассматриваемой социальной общности, представим некоторые виды интернет-сообществ. К примеру, выделяют такие интернет-сообщества, как [3, с. 88]: 1) Тематические сообщества: возможные тематические направления сообществ - спорт, экономика, политика, культура и т.д. В качестве примера можно отметить спортивное сообщество сайта Sport.ru (www.sport.ru); 2) Географические сообщества: это сообщества, отражающие социальные аспекты определенной страны, региона, города и т.д. Наглядным примером является форум Санкт-Петербурга (<http://www.spbtalk.ru/>); 3) Сообщества потребителей: возможные тематические направления - автомашины, сотовые телефоны, компьютерные инновации и т.д. Примером может служить автомобильный форум Санкт-Петербурга (<http://www.spbdrive.ru/forum/index.php>); 4) Профессиональные

сообщества: возможные тематические направления - бизнес, дизайн, IT. К примеру, бизнес-форум (<http://www.biznet.ru/>); 5) Сообщества прямого общения: целью таких сообществ (так называемых сайтов знакомств) является установление дружеских или романтических отношений. За примером обратимся к сайту Dating.ru (<http://dating.ru/>) или сайту LovePlanet (<http://loveplanet.ru/>); 6) Гендерные сообщества: к этому виду интернет-сообществ можно отнести петербургский женский сайт (<http://www.womanspb.ru/forum.html>); 7) Протестные сообщества: сообщества, специализирующие критическим отношением к людям, событиям, явлениям. К примеру, форум антивоенного движения (<http://forum.voinenet.ru/>). 8) Маргинальные сообщества: сообщества, развивающие в среде Интернет культуру различных маргинальных групп (панки, готы, гопники и т.д.). С целью ознакомления с этим видом сообщества предлагаем обратиться к форуму готов (<http://www.4gots.ru/forum/>). Каждое сообщество, функционирующее в Сети, отличается от других сетевых виртуальных сообществ, даже близких ему по тематике. Специфические особенности интернет-сообщества складываются на основании характера социальных взаимодействий между его участниками, осуществляемых в течение определенного времени. Так на данном основании формируются негласные нормы и правила поведения, система ценностей и установок, стили и модели общения, которыми впоследствии руководствуются все участники интернет-сообщества. На основании выработанных в процессе внутреннего взаимодействия схем проводится и прием в сообщество новых участников. Желая стать полноценным участником интернет-сообщества, пользователь принимает установленные нормы и правила поведения в сообществе, а затем в процессе длительного взаимодействия с другими участниками усваивает культивируемые данным интернет-сообществом ценности, установки, мировоззрения, порой руководствуясь ими и в процессе осуществления деятельности в социальной реальности. Таким образом, на основании выше отмеченного, можно говорить о том, что интернет-сообщество выполняет функцию социализации личности. Для определения понятия социализации личности в Сети введен термин киберсоциализация [4, с. 24]. Киберсоциализация – это процесс качественных изменений структуры самосознания личности и потребностно-мотивационной сферы индивидуума, происходящих под влиянием и в результате использования человеком современных информационно-коммуникационных, цифровых и компьютерных технологий в контексте усвоения и воспроизводства им культуры в

рамках персональной жизнедеятельности [4, с.24]. Вступая в интернет-сообщество, разделяя сформированные внутри него нормы, правила, ценности и интересы, пользователь становится частью процесса функционирования сообщества: способствует внутреннему развитию сообщества, определяет политику его взаимодействия с другими социальными сетевыми сообществами, в частности, и виртуальной средой в целом. Рассмотрев специфические особенности интернет-сообщества как социального феномена, определим те основания, которые позволяют нам говорить о значимости деятельности интернет-сообщества для развития общества. Для начала представим соответствующую классификацию интернет-сообществ на основании их социальной позиции. Таким образом, мы выделяем:

- Профильные социально ориентированные интернет-сообщества. К их числу можно отнести те сообщества, которые в качестве своей основной цели выбрали социально значимые ориентиры – социальная помощь, экология, воспитание, образование и т.п.
- Непрофильные социально ориентированные интернет-сообщества. Основное направление деятельности данных сообществ не связано непосредственно с перечисленными социальными ориентирами (например, сообщество автолюбителей), однако активно поддерживаются их участниками.
- Социально пассивные интернет-сообщества. Данную категорию составляют непрофильные интернет-сообщества, не выражающие явные социально ориентированные позиции. Отметим, что этот вид интернет-сообществ в рамках данной статьи рассматриваться не будет.
- Социально опасные интернет-сообщества. Это сообщества, деятельность которых негативно сказывается на развитии и благосостоянии общества. Рассмотрим данные категории интернет-сообществ подробнее.

1) Профильные социально ориентированные интернет-сообщества. В эту категорию входят интернет-сообщества следующих направленностей:

- сообщества социальной помощи (Благотворительный фонд «Волонтеры в помощь детям-сиротам» (<http://www.otkazniki.ru/forum/index.php?s=ca51313d0d13e6c4e8e1b638ab9a0fb8&act=idx>), Благотворительный форум «Помощь ради жизни» (<http://www.helpforlife.ru/>), Благотворительное интернет-сообщество «Линия Жизни» (<http://vk.com/club27943795>) и др.);
- сообщества помощи домашним животным (Форум виртуального рай (<http://petsparadise.ru/forum>), Форум зооклуба (<http://forums.zooclub.ru/index.php?s=83297bf31fc707c4b107ed6167996cc3>));
- экологические сообщества (Экологический форум (<http://www.forum.priroda.su/>), Экологическая социальная сеть

«Посади Дерево.ru» (<http://www.posady-derevo.ru>); □ образовательные сообщества (Сетевое образовательное сообщество «Открытый класс» (<http://www.openclass.ru/>), Языковая социальная сеть italki.com (<http://www.italki.com/>); □ и другие интернет-сообщества, деятельность которых ориентирована на социальную сферу. Отметим, что профильные социально ориентированные интернет-сообщества преследуют цели общественного блага. Так Благотворительный фонд «Волонтеры в помощь детям-сиротам» для достижения данной цели ставит перед собой следующие задачи: □ Оказание материальной и волонтерской помощи детям-сиротам, проживающим в детских домах и школах-интернатах различных городов России (Анапа, Владивосток, Москва, Санкт-Петербург, Смоленск и др.). К примеру, волонтеры Фонда помогли собрать необходимые денежные средства на операцию для незрячего ребенка (1,5 лет) [5]. □ Сбор пожертвований в пользу детей-сирот и неблагополучных семей (причем в свободном доступе на сайте Фонда представлены финансовые отчеты). □ Привлечение новых волонтеров. □ Проведение различных благотворительных акции и детских мероприятий. К примеру, Фонд организовал Творческую мастерскую по пошиву текстильных игрушек, которые впоследствии продаются на благотворительных ярмарках. 2) Непрофильные социально ориентированные интернет-сообщества. Для данной категории интернет-сообществ также свойственно оказание и социальной помощи нуждающимся категориям граждан, и содействие в защите окружающей среды, и т.д. В подтверждение наших слов приведем следующие примеры. Основным профилем интернет-сообщества Krasmama.Ru (<http://forum.krasmama.ru/viewforum.php?f=57>) является организация информационно-коммуникационного пространства для родителей Красноярского края. В данном сообществе пользователи могут обсудить различного рода ситуации, связанные с воспитанием и образованием детей, организацией быта и семейного досуга, получить консультацию специалистов в разных областях медицины, а также продать или приобрести нужные для дома товары. Однако, помимо вышеперечисленных задач, Форум ориентирован также на безвозмездное оказание помощи нуждающимся гражданам. В раздел «Помощь нуждающимся» участниками Форума проводится сбор материальных и денежных средств, предлагаются волонтерские услуги. Также ведется раздел «Архив добрых дел», в котором отмечаются случаи оказания помощи участниками Форума, имеющие положительные результаты. Благотворительной и волонтерской

деятельностью занимаются и участники Российского клуба владельцев Hyundai Sante Fe (<http://www.clubsantafe.ru/forum/>). (Большая часть участников данного интернет-сообщества проживает в Санкт-Петербурге и Москве.) Участники клуба оказывают материальную и финансовую поддержку Свирьстройскому детскому дому (Ленинградская область) и Асеньевскому детскому дому (Калужская область). Свою благотворительную команду автолюбители называют «Волонтеры бездорожья» (<http://www.clubsantafe.ru/forum/viewforum.php?f=4>). Проведение благотворительной деятельности в сети Интернет поддерживают также социальные сети. Так в 2010 году специалистами социальной сети «ВКонтакте» специально для благотворительных интернет-сообществ, образованных в рамках данной сети, был введен виджет «Пожертвования», значительно упрощающий процесс перевода денежных средств на благотворительные цели. Для перевода денежных средств необходимо всего лишь два раза кликнуть по виджету курсором [6]. Первоначально новая система была введена только в двух интернет-сообществах, организованных фондами «Теплый дом» (Санкт-Петербург (<http://vk.com/domgdeteplo>)) и «Подари ребенку праздник» (Санкт-Петербург (<http://vk.com/deti>), Москва, Мурманск, Архангельск, Северодвинск). Однако уже через неделю посредством данного виджета было собрано порядка 100 тыс. рублей, из них фонду «Теплому дому» 1490 пользователей пожертвовали больше 36 тысяч рублей, а фонду «Подари ребенку праздник» - 3809 пользователей перевели около 50 тысяч рублей. К новой системе, после проверки их деятельности администрацией социальной сети (во избежание случаев мошенничества), планируется подключить еще порядка 200 благотворительных интернет-сообществ [6]. Отмеченные примеры позволяют нам говорить о положительном влиянии деятельности интернет-сообществ на развитие общества. Позитивное влияние интернет-сообществ на развитие общества может выразиться в следующем: □ воспитание общественной сознательности среди населения, □ формирование правильных социальных ценностных ориентиров у молодежи, □ рост образованности среди населения (образовательные интернет-сообщества), □ улучшение социального климата, □ улучшение окружающей среды (экологические интернет-сообщества), □ рост благосостояния общества и др. 3) Социально опасные интернет-сообщества. Деятельность данных интернет-сообществ сопровождается нарушением общественного порядка, причинением вреда жизни и благополучию людей, нанесению урона

культурным памятникам и окружающей среде, и т.п. К разряду социально опасных относятся, в первую очередь, экстремистские интернет-сообщества. Экстремистские интернет-сообщества подразделяются на следующие виды [7]: □ экстремистские религиозные секты, □ группы политических и экономических террористов, □ традиционные и новые организованные в оффлайне организованные преступные сообщества, □ некоторые молодежные группы экстремистской технократической направленности. Отметим, что по данным Генпрокуратуры РФ, в 2010 году в сети Интернет было выявлено более 7 тысяч террористических сайтов, причем около 500 из них являются русскоязычными [8]. Посредством формирования интернет-сообществ социальные группы экстремистской направленности решают следующие задачи: □ распространение своих взглядов, идеологий, программ; □ вербовка новых членов [9]; □ поддержание связи между участниками данного сообщества и представителями других подобных групп; □ организация противоправных акций, проводимых впоследствии в физической реальности; □ сбор материальных и денежных средств; □ организация преступной деятельности в Сети (шантаж, хакерские атаки и т.п.). Особенно опасен рост и активность экстремистских интернет-сообществ для молодежи, известной своей восприимчивостью к влияниям со стороны внешних факторов. Подтверждением этого может служить ситуация, произошедшая в Иркутске в 2010 г. Двое студентов, вдохновленные экстремистской идеологией, распространяемой в сети Интернет, произвели серию убийств, а также организовали в социальных сетях соответствующие их взглядам интернет-сообщества, посредством которых вербовали сторонников для совершения новых преступлений [10]. Негативное влияние экстремистских интернет-сообществ на жизни общества также прослеживается и в другом примере. Так в 2012 году была пресечена деятельность объединения «Северное Братство», готовившего сетевую «бархатную» революцию в Российской Федерации. Представители объединения занимались распространением экстремистской идеологии и вербовкой новых участников посредством сформированного интернет-сообщества [11]. Отметим, что организация сетевых «бархатных» революций с помощью интернет-сообществ, образованных, как на базе персональных веб-сайтов, так и сторонних интернет-ресурсов (к примеру, сервисов он-лайн дневников, социальных сетей, и т.п.) практика достаточно распространенная. Так среди подобных сетевых революций можно отметить следующие: □ «Оранжевая» революция

в Украине (2004 г.); □ «Цветная» революция в Молдове (2009 г.); □ Революции в Египте, Тунисе и Ливии (2011 г.). Для предотвращения деятельности экстремистских интернет-сообществ принимаются соответствующие меры как со стороны правоохранительных органов, хостинг-провайдеров, администраций интернет-ресурсов, так и со стороны пользователей. Деятельность правоохранительных органов в данном случае сводится к выявлению сетевых сообществ экстремистской направленности в сети Интернет, а деятельность хостинг-провайдеров и администраций интернет-ресурсов – к закрытию данных сообществ. В пользовательской среде также принимаются меры по пресечению деятельности экстремистских интернет-сообществ путем выявления и сообщения о них в надлежащие органы (как правило, в администрацию интернет-ресурса). Примером в данном случае может служить деятельность интернет-сообщества «Таганрог против оранжевой революции» (<http://vk.com/stoporange>) [12]. Таким образом, социально опасная деятельность ряда интернет-сообществ может привести к следующим негативным для развития общества последствиям: □ подорвать традиционные нормы, базовые ценности, моральные устои в обществе; □ внедрить в сознание граждан опасные стереотипы и установки (особая опасность для молодежи); □ подорвать социальную стабильность общества; □ усугубить социальную напряженность в обществе; □ способствовать росту преступности в социальной физической реальности; □ препятствовать развитию экономики (экономический кибертерроризм). Подводя итог, обозначим следующие моменты: □ Интернет-сообщество – это стихийно или целенаправленно сложившаяся система постоянных пользователей-соавторов интернет-ресурса, которые в рамках политики данного ресурса осуществляют информационный обмен на установленную тематику, ведущийся на основе ранее принятых правил, запретов и санкций к нарушителям, служащий целям поддержания и развития ресурса. □ Каждое сообщество, функционирующее в Сети, обладает рядом специфических особенностей, сформированных в результате продолжительного взаимодействия между его участниками (негласные нормы и правила поведения, система ценностей и установок, стили и модели общения, которыми руководствуются все участники интернет-сообщества). □ Вступая в интернет-сообщество, пользователь принимает присущие интернет-сообществу нормы и правила поведения, а затем в процессе взаимодействия с другими участниками усваивает культивируемые данным сообществом ценности, установки, мировоззрения, порой

руководствуясь ими и в процессе осуществления деятельности в социальной реальности. □ Рассмотрев специфические особенности интернет-сообщества как социального феномена, определим те основания, которые позволяют нам говорить о значимости деятельности интернет-сообщества для развития общества. □ Для этого мы сформировали классификацию интернет-сообществ на основании их социальной позиции и выделили такие виды виртуальных сообществ, как профильные социально ориентированные интернет-сообщества, непрофильные социально ориентированные интернет-сообщества, социально пассивные интернет-сообщества, и социально опасные интернет-сообщества. □ Проанализировав характер деятельности этих категорий интернет-сообществ, мы выявили следующие возможные направления влияния виртуальных сообществ на развитие общества: - Позитивное влияние интернет-сообщества на развитие общества - это воспитание общественной сознательности среди населения, формирование правильных социальных ценностных ориентиров у молодежи, рост образованности среди населения (образовательные интернет-сообщества), улучшение социального климата, улучшение окружающей среды (экологические интернет-сообщества), рост благосостояния общества и др. - Негативное влияние интернет-сообществ на развитие общества –это подрыв традиционных норм, базовых ценностей, моральных устоев в обществе; внедрение в сознание граждан опасных стереотипов и установок (особая опасность для молодежи); подрыв социальной стабильности общества; усугубление социальной напряженности в обществе; рост преступности в социальной физической реальности; препятствие развитию экономики (экономический кибертерроризм). В заключении отметим, что совместная деятельность государственных органов, хостинг-провайдеров и пользователей Сети, направленная на поддержание социально ориентированных интернет-сообществ и пресечение деятельности социально опасных виртуальных сообществ, приведет к стабилизации социальной ситуации в сети Интернет и положительно скажется на развитии общества в целом.

Литература

1. Статистика веб-аудитории в России: Интернет в мире и в России – 2012 [Электронный ресурс]. Дата обновления: 12.09.2012. - URL: http://www.bizhit.ru/index/users_count/0-151 (дата обращения: 12.09.2012).

2. Шакула Д. Интернет-сообщества как субъекты, формирующие глобальную информационную среду: понятие, происхождение, типы: сайт научно-культурологического журнала «RELGA» - 2006 [Электронный ресурс]. Дата обновления: 12.09.2012. - URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=1055&level1=main&level2=articles> (дата обращения: 12.09.2012).
3. Невесенко Е.Д. Специфика формирования и функционирования интернет-сообществ: социальный аспект - Молодой ученый. Ежемесячный научный журнал. №5 (28) Том II. – 2011. – С. 88-92.
4. Плешаков В.А. Теория киберсоциализации человека. Монография / Под общ. ред. Чл.-корр. РАО, д.п.н., профессора А.В.Мудрика. – М.: МПГУ; «Номо Cyberus», 2011. - 400 с.
5. Неравнодушие: уникальная операция вернула малышу-сироте зрение: Православный портал о благотворительности и социальной деятельности «Милосердие.ru» – 2011 [Электронный ресурс]. Дата обновления: 13.09.2012. - URL: <http://www.miloserdie.ru/index.php?ss=1&s=78&id=15357> (дата обращения: 13.09.2012).
6. Боков М. Благотворительность уходит в социальные сети: информационно-новостной портал «Мой район онлайн» - 2010 [Электронный ресурс]. Дата обновления: 13.09.2012. - URL: <http://www.mr7.ru/articles/34211/> (дата обращения: 13.09.2012).
7. Сундиев И. Экстрим и экстримизм современной России: Институт динамического консерватизма - [Электронный ресурс]. Дата обновления: 12.09.2012. - URL: <http://www.dynacon.ru/content/articles/375/> (дата обращения: 12.09.2012).
8. Генпрокуратура России насчитала семь тысяч террористических сайтов: Официальный интернет-портал правовой информации – 2010 [Электронный ресурс]. Дата обновления: 13.09.2012. - URL: http://www.pravo.gov.ru/news/2010.06/news_0007.html (дата обращения: 13.09.2012).
9. Седова Я. Заговор в Сети. Террористы даже смертников вербуют через Интернет: Украина Криминальная – 2011 [Электронный ресурс]. Дата обновления: 13.09.2012. - URL: http://cripo.com.ua/print.php?sect_id=1&aid=123748 (дата обращения: 13.09.2012).

10. В «ВКонтакте» нашли экстремизм: информационный портал Web-daily – 2012 [Электронный ресурс]. Дата обновления: 13.09.2012. - URL: <http://web-daily.ru/o-proekte/> (дата обращения: 13.09.2012).

11. Мосгорсуд запретил объединение «Северное Братство», готовившее «бархатную» революцию в РФ посредством интернет-игр: Право.Ru – 2012 [Электронный ресурс]. Дата обновления: 13.09.2012. - URL: <http://pravo.ru/news/view/75980/> (дата обращения: 13.09.2012).

12. Пора закрывать экстремистские группы в контакте: интернет-представительство сообщества «Таганрог против оранжевой революции» - 2012 [Электронный ресурс]. Дата обновления: 13.09.2012. - URL: <http://www.stoporange.ru/?p=615> (дата обращения: 13.09.2012).

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО: ТЕХНОЛОГИИ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КАРЬЕРА

Осташкова О. (Абакан)

Говоря о современности, западные теоретики используют ряд терминов, таких как «постиндустриальное общество» (Ален Турен), «информационное общество» (Дэниэл Белл), «информационное общество» (Эмануэль Кастельс), «общество текучего модерна» Зигмунд Бауман. Независимо от разницы в терминологии всеми исследователями обозначается свершившийся переход к обществу иного формата. Достаточно подробно описываются изменения, касающиеся социальных структур и социальных институтов - речь идёт о гибкости в управлении, о появлении децентрализации и сетевых структур, недоверии существующим социальным институтам. Эмануэль Кастельс, характеризуя информационализм, акцентирует внимание на его «ориентации (курсив автора) на технологическое развитие, то есть на накопление знаний и более высокие уровни в обработке информации...Технология и технологические отношения пронизывают человеческий опыт, они формируют всю область человеческого поведения.[1] Все представленные изменения касаются макроуровня общества, но остаётся открытым вопрос о том, как они отражаются на повседневной жизни людей. Сегодня на российском рынке товаров и услуг большой сегмент занимают компьютерные программные продукты. Фирмы, реализующие эти

продукты, зачастую имеют сетевую структуру. Это динамично развивающийся сектор, который напрямую зависит от развития технологий. Ключевой вопрос, интересующий нас - как в логике сетевых структур и меняющихся технологий строятся карьерные стратегии специалистов. Работа построена на материалах исследования «Профессиональная карьера молодых специалистов в сетевых организациях», проведенного в 2009-2010 гг. Рассматривались 2 кейса - коммерческие организации, которые занимаются автоматизацией бизнеса (одна мелкая компания до 100 человек, другая средняя - свыше 150 человек). Объектом нашего исследования стали специалисты по сопровождению программных продуктов. В рамках исследования проводилось наблюдение (в первой компании в течение всего периода автор работала специалистом по развитию персонала) и собрано 20 биографических интервью. Основные задачи анализа биографических интервью и наблюдения: выявить специфику сетевой структуры организаций; определить - возможна ли иерархия в сети, на чём она строится; рассмотреть влияние технологий на содержание работы и карьеру. В сетевых организациях акцент делается на горизонтальной сети, в нашем случае даже руководители фирм позиционировали себя рядовыми специалистами по сопровождению, которые плюс к этому выполняют управленческие функции. Сеть – это, прежде всего, плоская иерархия и командный менеджмент, где роли распределяются в зависимости от выполняемых задач. Здесь предполагает открытость изменениям, готовность идти на риск, мобильность. Правила взаимодействия между специалистами, а так же между специалистами и руководителем устанавливаются «до востребования», никто их не обсуждает и не проблематизирует пока не возникнет конфликтная ситуация, которая порождает установление новых правил. Плоская иерархия - это скорее формальная характеристика, по факту мы имеем дело с тем, что все специалисты, занимающиеся одним программным продуктом, имеют одинаковые должности. Но плоскость иерархии улетучивается, когда мы проникаем в суть распределения клиентской базы. Есть неформальная «привлекательность клиентов» - критерии «привлекательности»: размер организации, её местонахождение (в городе или в районах) и «беспроблемность» (требуют меньше внимания, более «продвинутые» пользователи). Иерархия строится на заработанной репутации, отзывах клиентов, чем лучше отзывы, тем более «привлекательные организации» передаются на сопровождение. Отсюда складывается место в организационной

иерархии. Понятие «карьера» естественным образом трансформируется под воздействием сложившейся иерархии. Карьерный рост уже не рассматривается как последовательная смена должностей, но она по-прежнему соотносится с зарплатой, ростом, лидерством; и добавляется то, что, пожалуй, является новым - «привлекательность клиента». С развитием технологий меняется и форма работы: если ещё пару лет назад, нужно было все вопросы решать непосредственно в организации клиента, то сейчас они решаются с помощью удалённого доступа через интернет. Выезды совершаются частично, только потому, что пользователи нуждаются в личном общении, и ещё не привыкли к такому формату взаимодействия. Специалисты редко строят стратегические планы относительно карьеры, они заглядывают лишь в ближайшее будущее и дальнейшее развитие формируется под воздействием текущей деятельности. Такое положение дел, указывает на то, что рядовые специалисты не могут предугадать логику развития технологий или самостоятельно влиять на неё, им только остаётся ждать нового витка в развитие технологий, постепенно обучаться и применять эти знания в течение непродолжительного времени. Чуть дальше идут их руководители, которые пытаются уловить векторы развития компьютерных программных продуктов и приобретают патенты на их дистрибьюцию, что приводит к расширению направлений в рамках одной компании. Но это экстенсивный путь развития, более эффективный вариант – это создание «своего», нового продукта, но он на уровне данного региона пока он не реализован.

Литература

1. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика общество и культура. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/index.php (дата обращения: 15.06.2012).

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБРАЗОВАНИИ

Петросян Г. (Санкт-Петербург)

Последнее десятилетие в мировом сообществе характеризуется прогрессивным развитием информационных технологий, что приводит к глобальным трансформациям во всех сферах жизнедеятельности общества, в том числе и в системе образования. Изменение потребностей общества в условиях

глобализации ставит новые цели перед системой высшего образования, которое становится не привилегией, а правом. Существующие форматы обучения подвергаются серьезной проверке на прочность и устойчивость, а также адекватность и соответствие современным условиям. Одновременно появляются новые форматы образования, которые отличаются не только и не столько инструментарием, сколько идеологической основой. Так, например, внеформальное образование отвечает принципам добровольности участия; разнообразия и гибкости; интерактивности; творческой и демократичной атмосферы; активности учащихся, равноправия ученика и учителя; восприятия группы как важного источника знаний; опоры на личный опыт участников и др. Концепция обучения на протяжении всей жизни (life-long learning), получившая широкое распространение на западе, подразумевает активное участие индивида в приобретении знаний и навыков независимо от возраста и обозначает особое качество человеческой натуры – умение учиться (learning to learn). Концепция self-directed learning опирается на способность человека самостоятельно определять сферы, формы и области своего обучения. Эти и многие другие современные тенденции ставят ключевых стейкхолдеров в сфере образования перед серьезным выбором: оставаться на прежних, устаревших позициях или прибегать к изменениям и модернизации существующих механизмов по предоставлению образовательных услуг. Прогрессивные учреждения понимают всю ограниченность и тупиковость первого подхода и, стремясь не отставать от современного студента, разрабатывают новые приемы и образовательные технологии. Высший профессионализм опирается на понимание необходимости целостного и комплексного подхода к модернизации системы образования, включающего и идеологические основы, и взаимоотношения между обучаемым и обучающим, и практический инструментарий и многое другое. Наиболее современными тенденциями современной российской высшей школы можно назвать постепенную интеграцию в структуру образовательного процесса различных форм дистанционного и он-лайн обучения, создание электронных библиотек, разработку электронных учебников. Такие подходы не только положительно влияют на имидж вуза, но и привлекают новые группы студентов. В России дистанционное и он-лайн образование формируются одновременно и параллельно, в то время как во всем мире первоначально появилось дистанционное обучение, а затем и он-лайн. В настоящее время в России можно выделить несколько форм

получения дистанционного образования. Первая — одна из наиболее распространенных, позволяет активизировать самостоятельную работу студентов на дневных формах обучения. Она предполагает использование Интернета для обучения и проверки знаний студентов. Вторая форма — это «университеты третьего возраста», как называют их на Западе, подразумевающие обучение пожилых людей с целью повышения их интеллектуального уровня. Сейчас в России подобная форма обучения находится в стадии зарождения, но спрос уже чувствуется. Третья группа — дистанционное обучение студентов из других регионов, в основном в виде курсов по повышению квалификации. Несомненным достоинством дистанционного и он-лайн обучения является обеспечение доступа к образованию студентов, не имеющих возможности физического присутствия в образовательном учреждении, что может быть связано как с географической дистанцией, так и с социальной или медицинской изоляцией (например, люди с инвалидностью, заключенные под стражу и т.д.). Другим плюсом можно назвать широкий количественный охват обучающихся (например, в он-лайн классе может находиться и сто человек, и пятьсот, и больше). для Создания равных стартовых возможностей при получении высшего образования приводит к расширению количественного и качественного состава студенческой группы и становится предпосылкой формирования социальной справедливости. Дистанционное и он-лайн образование принципиально отличаются от привычных нам форм по целому ряду факторов, понимание которых особенно необходимо тем преподавателям, которые планируют переходить на подобные форматы обучения. Во-первых, они ориентированы на индивидуальные образовательные потребности, которые должны подвергаться систематическому изучению для последующей коррекции учебных программ, что подразумевает определенную степень преподавательской свободы и гибкости. Во-вторых, внедрение подобных форм обучения невозможно при отсутствии у студентов внутренней готовности, проявляющейся и в технической компетентности, компьютерной грамотности, и в наличии соответствующего современного оборудования, доступа к скоростному интернету, и в мотивации получения именно дистанционного образования и т.д. В-третьих, чрезвычайно важной является готовность к он-лайн и дистанционному обучению самих преподавателей, причем не только и не столько на уровне компьютерных навыков, сколько на уровне методологических подходов. Четвертым фактором является необходимость

высокопрофессионального, регулярного и своевременного технического, информационного и административного сопровождения. Пятый фактор перекликается с четвертым. Преподавательская деятельность фокусируется в трех плоскостях: взаимоотношения с веб-дизайнерами (разработка образовательных веб-ресурсов, электронных учебников и их размещение в сети); со студентами (проведение он-лайн курсов); с коллегами (синхронизация образовательного процесса). Отсутствие общей координации может стать существенной преградой на пути достижения эффективности. Шестым фактором является необходимость комплексного подхода к новым форматам образования. Например, проведение занятий в виртуальных классах будет намного эффективнее в случае существования виртуальных библиотек и электронных учебников. Полезность и перспективность инновационной технологии в современном образовательном пространстве не вызывает сомнений. Обучение преподавателей, несомненно, является первым шагом по его формированию, однако дальнейшее внедрение он-лайн образования зависит от множества факторов и требует дополнительных ресурсов, причем не столько материальных, сколько человеческих и организационных.

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ВИРТУАЛИЗАЦИИ ТРУДА СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ: СТРУКТУРНО- ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Правкина Я.Ю. (Саратов)

Современные социальные процессы репрезентируют неустойчивость сложившихся социальных структур. При этом достаточно часто дестабилизирующим фактором выступает недостаточное внимание власти к молодежи как одной из наиболее активных социальных групп. Внимание, прежде всего, должно проявляться в обеспечении возможности трудоустройства молодежи, и содействие занятости становится одной из наиболее актуальных проблем для правительств многих государств. Молодежь изначально проигрывает на рынке труда в силу возрастных, образовательных особенностей, отсутствия профессионального опыта. В итоге, по данным Росстата за 2012 год, в России проживает 38 млн. человек в возрасте от 14 до 30 лет (почти треть населения страны) и каждый третий из них – безработный [6]. Одним из эффективных способов

содействия занятости молодежи выступает развитие дистанционных ресурсов трудоустройства. По результатам проведенного нами социологического эмпирического исследования в 2011-2012 годах более половины молодых людей (53%) предпочли бы дистанционную трудовую деятельность традиционной. Объем выборки – 285 респондентов из трёх федеральных округов: Поволжского (ПФО), Сибирского (СФО) и Центрального (ЦФО). Появление новых информационно-цифровых технологий привело к тому, что зачастую работа специалистов не требует их физического присутствия на рабочем месте. Переход к информационно-цифровому обществу, которое продолжает формироваться на стыке изменений в коммуникационных технологиях и в мотивации трудового поведения людей, обуславливает существенные трансформации социально-трудовых отношений, а именно, появление «дистанционных отношений» между работодателем и его сотрудниками, которые являются частью процесса децентрализации трудовой деятельности во времени и пространстве, - то есть процесса формирования гибкого рынка труда. Самым «революционным» феноменом в сфере занятости стал дистанционный труд, или виртуализация рабочих мест. В настоящее время процесс виртуализации дистанционной занятости только начинается, происходит постепенное замещение «реальных» механизмов и практик занятости на виртуальные аналоги (по Д. Иванову) [4, 52]. Ученый подразумевает под виртуализацией любое замещение реальности ее симуляцией, образом, не обязательно с помощью компьютерной техники, но обязательно с применением логики виртуальной реальности. Функциональная сущность виртуализации социально-трудовой деятельности заключается в том, что, используя современные технические средства, человек получает возможность взаимодействовать не с реальными объектами, а с их отображениями, символами. Интернет формирует принципиально новую ситуацию, создавая единую виртуальную среду с типичными для рынка интеракциями участников. К признакам виртуального процесса можно отнести его предварительную неопределенность для субъектов взаимодействия, уникальность каждого подобного «контакта». Главная особенность дистанционной работы - выполнение разнообразных операций человеком, находящимся в отдалении от того места, где аккумулируются результаты с помощью телекоммуникаций, компьютеров, Интернет - технологий. Замены важных институциональных механизмов контроля и управления в системе дистанционного труда на их виртуальные аналоги пока не

происходит или происходит в редких случаях. Специфика дистанционного труда предполагает, что такие, традиционные вопросы, как: моральная атмосфера в коллективе, требования к внешнему виду сотрудников и трудовой дисциплине, льготы и оплачиваемый отпуск, перестают быть значимыми. Остается только функциональное ядро процесса – выполнение (работник) и оплата (заказчик). В целом, в настоящее время, трудовая деятельность становится более разнообразной, изменяется ее характер и содержание [8, 20]. Меняется сам предмет труда: он становится менее материальным и все более символическим [7, 48]. Возникают новые формы труда: дистанционный и виртуальный, что приводит к исчезновению постоянного места трудовой деятельности. Данное явление вписывается в контекст теории Ф.Тенниса, о том, что типичной чертой современности является изоляция индивидов в деперсонифицированном обществе (Gesellschaft), или «одиночество в толпе» [1, 61]. А так же Ж. Бодрийяра, который считает, что сам труженик уже не человек, даже не мужчина или женщина: у него свой особенный пол - рабочая сила, предназначенная его для определенной цели [3, 60]. Труд больше не является производительным, он становится воспроизводительным, воспроизводящим предназначенность к труду как установку целого общества. При этом труд, лишенный своей энергии и субстанции, воскресает как социальная симулятивная модель [3, 59]. На этом основании, Ж.Бодрийяр утверждает, что необходимо перейти от марксистского рассмотрения наемно-пролетарского труда, к рассмотрению труда как услуги. Этот переход тем более заметен, если мы говорим о дистанционном труде вообще и дистанционном труде молодежи в частности. Поскольку, с точки зрения Ж.Бодрийяра, в настоящее время «всякий труд сливается с обслуживанием, - с трудом как чистой занятостью, когда человек расходует, представляет другому свое время....в таком смысле предоставление услуги действительно не отделимо от предоставляющего ее..... Производится ли при этом что-нибудь или нет – не имеет значения по сравнению с личной зависимостью....Труд повсюду, потому что труда больше нет.....Все места заточения и сосредоточения, которые выработала наша культура утрачивают свои границы, растворяясь в глобальном обществе» [3, 67]. При этом, в информационном обществе капитал организуется в глобальную сеть, утверждает М.Кастельс - труд преимущественно сохраняет локальный характер: «Кто владелец? Кто изготовитель? Кто хозяин? Кто слуга? Эти понятия становятся

все более размытыми в условиях системы производства, характеризуемой меняющейся конфигурацией, совместной работой, созданием сетей, привлечением внешних источников, использованием субподрядов» [5, 502]. С точки зрения З.Баумана, феномен ответственности перед предприятием исчезает не только из трудовой жизни наемного работника, но также и из обязательств собственника предприятия, точнее, его инвестора [2, 88]. Таким образом, дистанционная занятость представляет собой особый вид организации деятельности, которую, возможно, по-нашему мнению, трактовать как процесс выполнения трудовой деятельности вне традиционного рабочего места с целью удовлетворения индивидуальных и социальных потребностей, получения дохода с использованием различных средств коммуникации (напр., телефона, факса, Интернета). Перспективы развития дистанционных форм занятости напрямую зависят от объемов финансовых вложений. Виртуализация занятости, расширение пространства дистанционного труда способствуют эффективной реализации социальных функций (явных и латентных) таких социальных институтов как, например, государство, профсоюзы, общественные молодежные организации, образование. Успешное трудоустройство молодежи оптимизирует меры социальной поддержки, социальной помощи молодым, повысит действенность социальной политики.

Литература

1. Tonnies F. Die Entstehung meiner Begriffe Gemeinschaft und Gesellschaft // Köln. Ztschr. Soziol. 1955. Jg. 7. № 3. P. 61.
2. Бауман З. Власть без места, место без власти // Социологический журнал. № 3-4. 1998. С. 88.
3. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2011. 392 с.
4. Иванов Д.В. Виртуализация общества. Версия 2.0. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2002. 259 с.
5. Кастельс М. Становление общества сетевых структур / Новая постиндустриальная волна на Западе. М., 1999. 837 с.
6. Лайтман М. Мир ожидает дефицит рабочих мест // <http://laitman.livejournal.com/3279527.html>.
7. Макарова М. «Конец труда»: миф и реальность постиндустриализма// Экономическая социология. 2007.Т.8. №1. С.48.

8. Тукумцев Б. Социокультурный подход к анализу трудовой деятельности // Проблемы труда, трудовых отношений и качества жизни. Самара: Универс групп, 2007. С.20-21.

СКРЫТЫЕ УГРОЗЫ ДЛЯ КОНФИДЕНЦИАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ В ВИРТУАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВАХ

Прончев Г.Б., Лонцов В.В. (Москва)

Современный этап развития общества характеризуется возрастающей ролью информационной сферы, представляющей собой совокупность информации, информационной инфраструктуры, субъектов, осуществляющих сбор, формирование, распространение и использование информации, а также системы регулирования возникающих при этом общественных отношений. В связи с ростом и развитием телекоммуникационных технологий, в частности, все более широким распространением компьютеризации и ростом доступности глобальной вычислительной сети Интернет российское общество все больше приобретает отличительные признаки информационного общества, с его направленностью на развитие производства, переработки, хранения и распространения информации среди членов общества [1]. Интеграция в мировое информационное пространство, интенсивное развитие информационной инфраструктуры, средств и систем связи, а также информатизация практически всех сторон общественной жизни и деятельности органов государственной власти и управления существенно усиливают зависимость функционирования общества и государства от состояния информационной сферы [2]. Глобальная сеть Интернет – важнейший инструмент развития коммуникационной среды. Трудно переоценить его влияние на жизнь мирового сообщества. В настоящее время Интернет характеризуется как глобальная компьютерная сеть, призванная объединять Человечество в процессе обмена информацией. Число пользователей всемирной паутиной растет с каждым днем, появляются все новые и новые технологии, упрощающие и ускоряющие передачу информации. По результатам опроса ВЦИОМ, проведенного 31 марта - 1 апреля 2012 года [3], Интернетом пользуется 58% россиян (в апреле 2011 года - 53%), причем наиболее заметно увеличение ежедневной аудитории Всемирной паутины (с 30% в начале года до 38% весной). Один из наиболее важных аспектов развития Интернета – это возможность непосредственного межличностного общения и организации

виртуальных социальных групп из индивидуумов, имеющих общие цели, интересы, взгляды, занятия, хобби, место жительства, пол, национальность, проблемы, обстоятельства и т.п. Социальная сеть в Интернете – интерактивный многопользовательский Интернет-ресурс, содержание которого заполняется самими участниками сети. Такой Интернет-ресурс формируется на базе различных информационных ресурсов, например, на базе сайтов, порталов, электронных конференций и т.д. и представляет собой автоматизированную виртуальную социальную среду, позволяющую общаться группе пользователей, объединенных общим интересом. Помимо прочего, социальные сети в Интернете в настоящее время можно рассмотреть как социально-вспомогательный или социально-регулятивный инструмент, ориентированный на общественно-полезные цели [4]. В последнее время все чаще обсуждается вопрос о том, опасны ли социальные сети [5]. Вернее, сами сети, очевидно, не опасны, - опасной может быть та информация, которая в них содержится. Очень часто пользователи, регистрируясь на сайтах социальных сетей, оставляют свою личную информацию, которая может стать доступной злоумышленникам. Недавно появилась информация, что банки используют социальные сети для скоринга – оценки надежности клиентов-заемщиков [6], хотя официально регламентом социальных сетей обычно запрещено осуществлять сбор персональных данных других пользователей с целью их последующей обработки. В настоящее время социальные сети активно используются Федеральной службой судебных приставов для розыска должников и уведомления их об имеющихся задолженностях. Примечательно, что судебным приставам в розыске должников помогает то, что последние, будучи пользователями социальных сетей, указывают там такие свои данные, как дата рождения, фамилия, имя и отчество, место работы и так далее [7]. Для большинства пользователей посещение социальной сети является приятным времяпровождением. Здесь происходит поиск друзей, знакомства, встречи. Безопасность такого времяпровождения, несмотря на все предпринимаемые усилия со стороны владельцев ресурсов, во многом зависит и от самого пользователя. Работа выполнена при поддержке РФФИ (грант 10-01-00332-а) и РГНФ (грант 12-03-00431).

Литература

1. Durneva E.E., Lontsov V.V., Pronchev G.B. Stratification of Internet users / Труды Третьей международной конференции

“Математическое моделирование социальной и экономической динамики” (MMSED-2010)– М.: ЛЕНАНД, 2010, С. 99 – 100.

2. Прончев Г.Б., Муравьев В.И. Социальные сети как фактор перехода России к инновационному развитию // Социология, 2011, №3, С. 36 – 56.

3. Пресс-выпуск ВЦИОМ № 2002 от 18.04.2012 г. / Интернет-ресурс <http://wciom.ru>.

4. В.В. Лонцов, Г.Б. Прончев, Е.Е. Дурнева Виртуальные социальные среды для людей с ограниченными возможностями / Социология в системе научного управления обществом: Материалы IV Всероссийского социологического конгресса, Москва, 2 – 4 февраля 2012 г. / ИС РАН, ИСПИ РАН, РГСУ. – М.: ИС РАН, 2012, С. 2420-2421.

5. Кораблев М.Н., Лонцов В.В., Прончев Г.Б. Защита конфиденциальной информации в социальных сетях Интернета // Социология, 2010, № 4, С. 33 – 45.

6. Андреева Г.В. Скоринг как метод оценки кредитного риска // Банковское дело, 2000, №6.

7. “Одноклассники.ру” помогли мурманским приставам в поисках алиментщика / РИА «Новости Федерации» Интернет-ресурс: <http://www.regions.ru>.

МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ ВСЕХ УРОВНЕЙ ПОСРЕДСТВОМ ИНФОРМАЦИОННО- КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Ржиская А.В. (Курск)

С переходом общества на ступень информатизации, появлением глобальной сети Интернет образование не только получило новые возможности для развития существующей системы, но и пополнилось ранее несуществующей или не освоенной формой образования – дистанционным обучением. Необходимо перечислить некоторые, наиболее заинтересовавшие на процессы информатизации в образовании: -информатизация дополнительного образования, - информатизация модели школы полного дня, -информатизация дошкольного образования, -информатизация профессионального образования. Дистанционные технологии в образовании занимают особое место. Это уникальная возможность для детей и молодых людей с ограниченными возможностями. Индивидуальный подход в обучении таких детей, это основа их обучения. Необходимо

скорректировать учебную программу, учитывая умственные и физические особенности учащегося, подготовить индивидуальный курс обучения. Дистанционная форма обучения детей с ограниченными возможностями является основной и наиболее эффективной. Однако дистанционное обучение широко используется не только для детей с ограничениями возможности обучаться в обычных школах по здоровью. Важны и другие функции, выполняемые этой формой обучения: -дистанционная помощь отстающим из социально незащищенных семей, -дистанционное обучение для детей, являющихся членами олимпийских команд и других значимых организаций, развивающих способности талантливых детей, -дистанционная помощь в подготовке к ЕГЭ, независимая оценка и аттестация. Во всей системе образования дистанционные технологии начинают играть все большую роль. В модели школы или вуза информатизации, где все основные процессы погружены в цифровую информационную среду, взаимодействие между участниками образовательного процесса становится одновременно более оперативным и более богатым. И все это благодаря дистанционным технологиям. Они являются ключевыми в модели Сетевой школы. В этой модели осуществляется объединение сильной, востребованной школы с менее популярными, испытывающими трудности с набором учащихся учреждениями. В результате сильная школа получает дополнительный пространственный ресурс, а слабая – педагогическую поддержку. Эффективность работы сетевой школы может быть обеспечена за счет интенсивного дистанционного взаимодействия. Такое взаимодействие позволяет подключать ресурс сильной школы в ключевые моменты образовательного процесса (по возможности, планируемые заранее). В области дополнительного образования детей имеется существенно меньше трудностей и препятствий в информатизации образовательного процесса, чем в общем образовании. Это направление является перспективным, отработанные там модели, как и в других случаях, могут переноситься в общее образование. Дополнительное образование детей, как на базе общеобразовательных учреждений, так и на базе учреждений дополнительного образования детей входит в область данной концепции. Модель школы полного дня, предполагающая использование материальных, информационных и кадровых ресурсов школы после завершения занятий по основному учебному плану школы, обеспечивает наиболее естественный контекст для информатизации. В крупных городах, таких как Москва, уже

накоплен значительный опыт в этом направлении. Как показывает мировой и отечественный опыт, информационные технологии имеют значительный потенциал в образовательном процессе дошкольников. Достаточно вспомнить прослушивание и обсуждение аудиокниг. Однако опыта применения информационных технологий в отечественном дошкольном образовании недостаточно для выстраивания какой-то стабильной системной стратегии. Необходим значительный объем экспериментальной работы. В настоящее время известны попытки ввода в строй значительного количества дошкольных образовательных учреждений. Сформированы, в общих чертах основные принципы построения содержания дошкольного образования. Применение информационно-коммуникационных технологий в управлении дошкольным образовательным учреждением может внедряться по мере разработки соответствующих технологических решений, нормативной базы и подготовки кадров, формирования у руководителей детских садов квалифицированной установки на применение информационно-коммуникационных технологий в своей работе. Форсирование процесса оснащения рабочих мест администраторов дошкольных образовательных учреждений не даст существенного административного или экономического эффекта. Информатизация профессионального образования значительно продвинулась вперед: в настоящее время наличие компьютерной техники в учебном заведении или выход в глобальную информационную сеть является обычным явлением, методологически в образовании пока господствует традиционный подход. Немаловажным является и тот факт, что быстрота изменений, происходящих в областях, связанных с совершенствованием и развитием информационно-коммуникационных технологий, не имеет аналогов в прошлом, а образовательная сфера, в свою очередь, использует эти технологии в режиме запаздывания и к тому же не самым активным образом. Однако, учебная и профессионально значимая информация, предназначенная для усвоения обучаемым, неукоснительно расширяется содержательно и структурно, усложняется, что, несомненно, создает определенные трудности для ее представления, извлечения, усвоения и использования. Из всего выше сказанного, становится ясно, что информационно-коммуникационные технологии внесли значительные, а иногда и кардинальные изменения в образовательный процесс всех ступеней иерархии.

ОБРАЗ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Рожчук Ю.Н. (Балашов)

Первой попыткой автоматизированной обработки информации стало создание Чарльзом Бэббиджем в середине XIX века механической цифровой Аналитической машины. Однако лишь с середины XX века, с момента появления электронных устройств обработки и хранения информации (ЭВМ, а затем персонального компьютера), начался постепенный переход от индустриального общества к информационному. В информационном обществе главным ресурсом является информация, именно на основе владения информацией о самых различных процессах и явлениях можно эффективно и оптимально строить любую деятельность. Важно не только произвести большое количество продукции, но сделать нужную продукцию в определенное время и с определенными затратами. В информационном обществе повышается не только качество потребления, но и качество производства, человек, использующий информационные технологии, имеет лучшие условия труда, а труд становится творческим и интеллектуальным. По современным воззрениям информационное общество - это такое общество, в котором производство и потребление информации является важнейшим видом деятельности, а информация признается наиболее значимым ресурсом, новые информационные и телекоммуникационные технологии и техника становятся базовыми технологиями и техникой, а информационная среда наряду с социальной и экологической – новой средой обитания человека. В информационном обществе в изобилии циркулирует высокая по качеству информация, а также есть все необходимые средства для ее хранения, распределения и использования. Информация легко и быстро распространяется по требованиям заинтересованных людей и организаций и выдается им в привычной для них форме. Стоимость пользования информационными услугами настолько невысока, что они доступны каждому. В информационном обществе люди получают доступ к надежным источникам информации. Процесс компьютеризации избавляет людей от рутинной работы, позволяет обеспечить высокий уровень автоматизации обработки информации в производственной и социальной сферах. Движущей силой развития общества должно стать производство информационного, а не материального продукта. Материальный же продукт станет более

информационно емким, что означает увеличение доли инноваций, дизайна и маркетинга в его стоимости. В информационном обществе изменятся не только производство, но и весь уклад жизни, система ценностей, возрастет значимость культурного досуга по отношению к материальным ценностям. По сравнению с индустриальным обществом, где все направлено на производство и потребление товаров, в информационном обществе производятся и потребляются интеллект, знания, что приводит к увеличению доли умственного труда. От человека потребуются способность к творчеству, возрастет спрос на знания[1]. Для полного описания образа жизни человека в информационном обществе возьмем в качестве примера компьютерщика-трудоголика. Заболеть трудоголизмом легче человеку умственного труда, т.к. физический труд не может длиться долго и рано или поздно человеку потребуются отдых. Умственная же деятельность позволяет работать непрерывно. Сам по себе мозг не устает, но чем больше человек трудится, тем менее эффективна его работа. Самыми современными трудоголиками лидируют компьютерщики, программисты, за ними следуют бизнесмены и топ-менеджеры крупных компаний, затем врачи, юристы, экономисты, бухгалтеры, на четвертой позиции стоят люди творческих профессий. В процессе работы у человека раздражаются рецепторы нервных клеток мозга в так называемых «центрах удовольствия», синтезируя и выбрасывая активные вещества - нейротрансмиттеры, в том числе эндорфины. Но эти клетки довольно быстро изнуряются, и первоначальная длительность работы уже не в состоянии обеспечить необходимого количества эндорфинов. Возникает потребность еще больше увеличить продолжительность работ - и так по нарастающей.[2] Стремление к наслаждению трудовым процессом порождает неутолимый голод этого наслаждения. Компьютерщик - это образ жизни, при котором главными целям и источниками получения удовлетворения от жизни являются познание и творческий труд на пользу Сетевого Сообщества[3]: 1. Стремлением к познанию, т.е. желанием постоянно расширять и углублять свои знания о компьютерах и Сети, причем познания могут относиться не только к технической стороне работы компьютеров, но и к вопросам, связанным с ними косвенно, например, влиянию компьютеров на межчеловеческие отношения. 2. Целеустремленность и упорство как образ жизни, т.е. умение четко ставить цель и добиваться ее, но при этом уметь вовремя отказаться, если цель - недостижима, а также умение учиться на чужих ошибках и признавать свои, а также высокая работоспособность для

максимально быстрого достижения своих целей. 3. Готовность помочь другим людям. Всегда готов помочь другому человеку в компьютерных вопросах, за исключением одного единственного случая: когда кто-то пытается нагло наживаться таким образом за его счет. Помогая другим он всегда старается объяснить, отчего берутся проблемы и как их решать. 4. Информация, с точки зрения компьютерщика, не может быть товаром, который покупается и продается, она должна быть либо свободно доступной (т.е. не превышать стоимости носителя или передачи по каналу связи), либо засекреченной. Самым большим преступлением, является отказ поделиться информацией с человеком, который желает научиться что-то делать сам, если этот отказ продиктован соображениями собственной материальной выгоды. 5. Дружба в понимании может существовать только в Сети, так как только Сетевые средства и способы общения позволяют достичь высокого уровня доверия между людьми, и при этом никак не ограничить их свободу. 6. Компьютерщик не принимает гендерный стереотип поведения (т.е. модель поведения, считающуюся традиционной для представителей определенного пола), который оффлайновое (вне Сети) некомпьютерное общество пытается ему навязать. Как следствие, любовные отношения с лицом противоположного пола возможны только в том случае, если девушка окажется способной взять этот стереотип на себя. 7. В оффлайне компьютерщик избегает всяческих шумных компаний и многолудных мероприятий, т.к. в них он чувствует себя лишним и ненужным. Кроме этого, он не признает такого понятия как «летний отдых» в традиционном обывательском понимании, а использует отпуск (или каникулы) для самосовершенствования или расширения компьютерных знаний. 8. Компьютерщик постоянно ищет способы добиться от компьютера большей производительности за счет применения накопленных знаний и оптимизации программных и аппаратных настроек без вложения дополнительных денежных средств. Постоянно поддерживает почти идеальный порядок на своем компьютере, он почти всегда знает, что у него есть и где это искать. 9. Излишние материальные ценности (т.е. такие, которые не являются необходимыми для поддержания жизнедеятельности и не оказывают непосредственного влияния на эффективность работы на благо Сетевого сообщества) для него не представляют никакой ценности. 10. Компьютерщик пытается заставить окружающих принимать его таким, какой он есть, не допускает навязывания стереотипов поведения, противоречащих его внутренним потребностям, и не

терпит людей, которые пытаются это сделать. Кроме этого, он никогда и ни при каких условиях не прощает когда-либо нанесенных обид и рано или поздно мстит обидчику.

Литература

1. <http://www.ippnou.ru/article.php?idarticle=003057>
2. Толочек В.А. Современная психология труда.- СПб.: Питер, 2009.
3. Нарисын Н. Трудоголики или бегство в никуда // <http://www.naritsyn.ru>

СУЩНОСТЬ И СТРУКТУРА ИНФОРМАТИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В СОВРЕМЕННОМ ВУЗЕ

Русалинова А.А. (Санкт-Петербург)

Любая реформа направлена на совершенствование определенной сферы жизнедеятельности общества. Начатая реформа высшего профессионального образования в России также имеет прямой целью повышение качества подготовки квалифицированных и высококвалифицированных кадров для всех сфер реальной экономики и социальной сферы общества. При проведении реформы ее идеологи обращают на необходимость обеспечения инновационного характера самого процесса обучения в вузах. Однако понимание «инноваций в образовании» на практике оказывается более чем странным. Прежде всего, почти весь «инновационный» пыл практически направлен на перестройку «образовательных технологий», т.е. разработку изменений, вносимых в структуру процесса обучения. Предполагается перенести центр тяжести в этом процессе: а) на индивидуализацию процесса обучения, основанную на существенном увеличении доли самостоятельного «добывания знаний» студентами и на снижение роли преподавателя как источника профессионально необходимой и самой современной информации; б) на развитие и усложнение форм контроля за объемом усвоенной студентами информации. Установка на усиление самостоятельной активности обучающихся требует понимания ее реальных границ и ограничений. Мы сталкиваемся иногда с тенденцией довести принцип самостоятельности в обучении до абсурда: в некоторых школах учителям начальных классов предлагается определять тему очередного урока на основе обсуждения предложений самих учеников! В вузах наблюдается тенденция к максимально широкому переходу на работу студентов

по индивидуальным планам, позволяющим не посещать лекции даже по профилирующим дисциплинам. «Инновационность» при этом сводится к отказу от принципа системности знаний... При этом забывается старая педагогическая истина о том, что самостоятельная работа учащихся предполагает наличие «подготовительного» периода, обеспечивающего создание прочной информационной базы, основанной на принципе максимальной полноты и системности. Постепенное сокращение общенаучных дисциплин, опирающихся на отработанные лекционные циклы, заведомо предопределяет снижение качества обучения. Переход к новой структуре деятельности преподавателей вузов не включает в очередь «перестройку» этапа предварительной психологической, методической и информационной подготовки преподавателей. Более того, в самой процедуре перехода исключена коллективная работа профессорско-преподавательского состава над адекватным современному моменту содержанием процесса обучения. «Сверху», т.е. из Минвуза спускаются «образовательные стандарты», неведомо кем и на какой основе разработанные. Практически ликвидируется возможность для вузов «иметь свое лицо», разрабатывать наиболее глубоко конкретные направления подготовки кадров, используя индивидуальный потенциал своих преподавателей. Ликвидируются традиции создания сплоченных коллективов преподавателей-единомышленников. В целом совершенно уничтожается особый «дух института», создающий высокую мотивацию продуктивного обучения в преподавательской среде и такую же высокую мотивацию учебного труда студентов. В ходе реформы уделяется на первый взгляд достаточно большое внимание процессам «информатизации» учебного процесса. Но если приглядеться к этим усилиям внимательно, оказывается, что вся информатизация сводится к максимальному насыщению учебных заведений техническими средствами информации, в первую очередь компьютерами и проекционными устройствами. Придается большое значение обеспечению студентам доступа к интернету. В то же время внешняя шумиха вокруг информатизации учебного процесса обратно пропорциональна реальным сущностным характеристикам этого процесса и их результативности. Во-первых, интернет не отражает то содержание и динамически растущие объемы знаний, вырабатываемых современными науками, которые необходимы для качественной подготовки конкурентоспособного специалиста. Кроме того, интернет засорен кошмарным количеством абсолютно не нужной нормальному человеку информацией. Во-вторых,

качественная профессиональная информация в интернете все в большей степени становится платной. Чтобы прочесть статью в одном из включенных в список elibragu журналов, нужно заплатить 200 руб.! Доступность самых свежих научных статей в библиотеках также ограничена как количеством экземпляров в библиотеках, да и количеством самих научных библиотек. Поэтому дефицит профессиональной информации – это не просто беда, а настоящая трагедия не только для студентов, но и в не меньшей степени, для преподавателей. В принципе, информации в интернете вроде бы много, но доступ к нужной весьма затруднен. Процесс информатизации безусловно должен охватить прежде всего преподавателей вуза. С этой точки зрения необходимо предпринять ряд специфических организационных действий: а) вернуть на новом уровне систему курсов повышения квалификации работников высшей школы, обеспечивающую вооружение слушателей курсов самой современной профессиональной информацией, для чего надо привлечь кадры ученых, владеющих та-кой информацией; б) обеспечить высокий уровень владения преподавательским составом иностранными языками для выхода на мировой уровень современного научного знания; в) шире практиковать зарубежные стажировки и межвузовский обмен преподавателями вузов; г) обеспечить организационное развитие потока профессионально необходимой информации по всем направлениям подготовки специалистов в вузе через активизацию системы профессиональных сообществ и соответствующих социальных сетей. Для решения этих задач целесообразно и необходимо на каждом факультете любого вуза создать центры информационной поддержки учебного процесса, которые должны будут обеспечивать в достаточном количестве тиражирование конкретных учебных материалов по заявкам преподавателей. При этом недопустимо подменять организацию таких центров созданием центров технического обеспечения учебного процесса. Один из эффективных путей организационной работы по реформированию обучения в высшей школе был успешно внедрен еще в советское время на ряде ведущих предприятий страны и полностью себя оправдал. Таким путем было создание выпускающих кафедр вузов на тех предприятиях, для которых готовятся соответствующие кадры, что позволяет реально связывать обучение студентов с современными потребностями реальной экономики в конкретных категориях специалистов и обеспечивает их современной информационной базой. Например, в Ленинградском объединении электронного приборостроения «Светлана» работали

выпускающие кафедры ЛЭТИ, Политехнического и Технологического институтов. Выпускники этих кафедр выполняли свои дипломные работы непосредственно в рамках той проблематики, которая была актуальной для предприятия, занимавшего передовые позиции в одной из самых востребованных отраслей реальной экономики страны. Можно только приветствовать возрождение этой традиции, подтверждающей возможность повышения качества обучения в вузе за счет определенных организационных мероприятий, обеспечивающих создание необходимой информационной базы.

ИНФОРМАЦИОННОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В РЕГИОНЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Сазонова Е.С. (Белгород)

Под информационным сопровождением государственной молодежной политики (ГМП) мы понимаем пролонгированный, динамический процесс, охватывающий комплекс мероприятий, направленных на повышение эффективности взаимодействия власти и молодежи путем повышения информированности общественности об основных мероприятиях ГМП с широким привлечением средств массовой коммуникации. Проведенное нами социологическое исследование показало, что и информирование общественности о ГМП в Белгородской области имеет ряд проблем. 1. Проблемы, выявленные со стороны молодежи: - слабое использование каналов коммуникации, пользующихся популярностью у молодежи; - качество предлагаемой информации; - своевременность информирования. 2. Проблемы, выявленные со стороны специалистов, работающих с молодежью: - недостаточный уровень знаний журналистов в сфере ГМП; - редактирование информации без согласования со специалистами, работающими с молодежью; - сложность бесплатного размещения своих материалов в СМИ, изготовления и распространения социальной рекламы. 3. Проблемы, выявленные со стороны журналистов региональных СМИ: - предоставление скучной и однообразной информации со стороны учреждений, работающих с молодежью; - дискретный характер подачи материала; - административные барьеры при получении дополнительных сведений. Мы выделяем ряд возможностей решения данных проблем и перспективы развития информационного

сопровождения ГМП в регионе. 1. Создание внутреннего информационного пространства сферы ГМП в регионе через создание единой региональной системы информационного обеспечения молодежи, ориентированной на формирование постоянно обновляемых баз данных по вопросам, интересующих как молодежь, так и структуры, работающих с ней. Инфраструктура такой системы должна быть представлена на региональном и муниципальном уровнях. Необходимо включить в единое информационное пространство ГМП в регионе государственные учреждения, принимающие участие в реализации региональной государственной молодежной политики, СМИ, ресурсы общественных организаций, образовательных учреждений. Единое информационное пространство региона должно представлять собой совокупность баз данных, технологий их ведения и использования, информационно-телекоммуникационных систем и сетей, функционирующих на основе единых принципов и по общим правилам. В Белгородской области это можно сделать на основе работающей с 2009 года информационной сети «Новый взгляд». 2. Формирование партнерских отношений с региональными СМИ, обеспечение их поддержкой в виде конкурсов, долгосрочных контрактов, грантов: - Адекватное освещение в СМИ информации о реализации ГМП в регионе, ее выступление в качестве ключевого приоритета. Нужно не только давать информацию в новостных программах, но посвящать целые программы молодежным проблемам и возможностям их решения. Полагаем, что молодежные телевизионные проекты как имеющие особую социальную значимость должны поддерживаться областными и районными управлениями по делам молодежи не исключая возможность достижения ими самоокупаемости. - Повышение профессионального уровня создателей молодежных газет, журналов, телепередач. В штате каждого медийного молодежного проекта должен состоять профессиональный журналист. - Объявление ежегодного конкурса для всех региональных СМИ на создание информационных материалов на молодежную тематику. 3. Формирование партнерских отношений с образовательными учреждениями области и молодежными общественными организациями. Необходимо привлекать их ресурсы (корпоративные сайты, печатные издания) для информирования молодежи, проводить выездные встречи с молодежью по изменениям в ГМП, вводить в образовательных учреждениях изучение дисциплины «Информационная культура личности». А высшие учебные заведения региона, ведущие

подготовку в специалистов по работе с молодежью должны рассматриваться как исследовательские центры и лаборатории. 4. Разработка и распространение красочной и запоминающейся социальной рекламы. Примеры успешных российских проектов можно посмотреть на сайте социальной рекламы www.socreklama.ru. Также можно бесплатно воспользоваться банком социальной рекламы www.atprint.ru/media/. Социальная реклама должна быть бесплатной, но из-за спорных моментов в механизме реализации ФЗ «О рекламе» чаще она является платной. Данная проблема может быть решена благодаря: - принятию областных законодательных актов, определяющих объемы социальной рекламы, направленной на формирование позитивного имиджа ГМП в области; - интеграции разработчиков информации и информационных проектов, адресованных молодому поколению, особенно через формирование государственного заказа на производство медиа-продукции, социальной рекламы для молодежи; - привлечению молодых людей на условиях участия в конкурсе социальной рекламы. Это позволяет решать вопросы разработки макетов, а сам конкурс выступает как коммуникационный канал и информирует данную целевую аудиторию о деятельности учреждений, входящих в систему органов реализации ГМП в регионе. Подобная практика взаимодействия государственных структур, частного бизнеса и образовательных учреждений успешно реализуется на федеральном уровне и во многих регионах. Другая проблема – способы распространения социальной рекламы. Мы считаем целесообразным размещать ее на информационных стендах учебных заведений. Можно обеспечить ее выпуск как областных вкладок в районные газеты области и в региональные печатные издания, ориентированные на молодежь. 5. Организация взаимодействия с операторами мобильной связи о рассылке СМС об изменениях в ГМП, проведении значимых мероприятий и т.д. (например, с Теле2, которая позиционирует себя в региональных СМИ как молодежного оператора сотовой связи и социально ответственную компанию, вносящую вклад в развитие региона). 6. Организация взаимодействия в сети Интернет. Перспективным направлением информационной работы является сайт как ключевая информационная площадка органов региональной ГМП. Рекомендуется скорректировать работу в интернет-пространстве с учетом потребностей и возможностей целевых аудиторий (молодежи всех возрастных подгрупп, журналистов и т.д.), на которые будет рассчитана информация различного содержания. Интерес белгородской молодежи к социальным сетям, особенно

Вконтакте, заставляет рассматривать и эти ресурсы для возможности в них размещения новостных сообщений. 7. Формирование позитивного имиджа специалиста, работающего в сфере региональной ГМП. Ключевым ресурсом в данном случае будет являться высокий уровень профессиональной компетенции, высшее специальное образование, содержательная сторона деятельности, а также позитивный эмотивный образ специалистов. Специалистам рекомендуется систематически представлять СМИ материалы о молодых успешных специалистах, о специалистах, которые имеют большой практический опыт работы. 8. Использование технологий связей с общественностью, проведение специальных мероприятий (презентаций, выставок и т.д.). «Мягкое управление» через связи с общественностью поможет донести мысль, что меры социальной поддержки направлены на поддержку не только социально незащищённых представителей молодежи, но и на социально перспективных. Результатом реализации данных предложений станет формирование модели должного правомерного и социально активного поведения молодых людей Белгородчины.

ПРОБЛЕМА ВЛИЯНИЯ АГРЕССИВНОЙ ИНФОРМАЦИИ В ИНТЕРНЕТЕ НА МОЛОДЕЖЬ

Семикина Ю.М. (Балашов)

Молодежь всегда была наиболее активной частью общества. За молодыми будущее, поэтому именно они заинтересованы в решении многих социальных проблем. Причем зачастую на добровольных началах и с небывалым рвением. Молодежную социальную активность, с одной стороны, считают провокационной и нестабильной, с другой стороны, она является залогом социальных инноваций. Задача общества – создание условий для включения молодежи как активного субъекта общественных отношений через развитие и интеграцию молодежного потенциала в процессы культурного развития общества. Сфера деятельности молодых людей совершенно разная, главное – желание выразить свое мнение в процессе принятия решений, затрагивающих их интересы, доказать свою «полезность» и независимость обществу, возможность самореализации и т.д. И, конечно же, одними из первых молодые люди покорили информационное пространство. Объясняется это «продвинутостью» молодого поколения в сфере IT-технологий и возможностью выплеснуть все свои мысли, аудитория достаточно

велика, размещение информации обычно бесплатно. Нельзя забывать и о псевдоанонимности пользователя (о полной анонимности говорить не стоит). Одним из важнейших результатов развития систем электронных коммуникаций стал феномен «социальных сетей», то есть образование устойчивых виртуальных групп людей, объединенных каким-либо Интернет-сервисом. Социальные сети предоставляют широкие возможности для публикации всевозможной информации, ограничивая ее только по содержанию (обычно запреты не отличаются от законодательных).[1] Продвижение в информационное пространство разных инициатив и позиций на самом деле ничего не стоит, требует минимальных знаний и усилий, позволяет найти новых друзей и единомышленников, а порой приносит хорошие дивиденды. Объединение молодых людей может выступать от имени всей возрастной группы, что привлекает внимание СМИ, государственных структур и неправительственных организаций. В результате мы получаем искаженную реальность. Причем, сильнее страдают такие же представители молодежи, потому что им не хватает опыта и невысок уровень культуры. Популяризация ложных ценностей и безучастность государства, превращает наиболее продвинутую, активную и творческую социальную группу в бездумных «марионеток». Однако такая форма социальной активности молодежи представляет собой неотъемлемую часть современного общества. Электронные коммуникации могут, как способствовать развитию полезной для общества личности, так создавать опасные тенденции ее развития в сторону национальной нетерпимости, экстремистской или корыстной ориентации. Проблема нашего общества заключается в том, чтобы сама молодежь могла отличить «добро» и «зло» в виртуальном пространстве. Во многих развитых странах Интернет уже взяли под контроль. И речь идет не только о цензуре. В США, например, действует общенациональная программа «Cybercitizen Awareness Program», направленная на обучение правильному использованию новых технологий, посредством проведения параллелей между реальным (оффлайн) и виртуальным (онлайн) мирами. Основная задача программы – организация эффективно действующего социального контроля, профилактика девиантного поведения в молодежной среде, поддержка разработки образовательных материалов для родителей, учителей и детей.[2] В Великобритании действует эффективная горячая линия «Internet Watch Foundation», на которую поступают жалобы о нелегальном содержании в Интернете; незаконные материалы удаляются провайдерами при поддержке полиции.

Эффективная программа по защите детей от агрессивной информации работает и в Австралии, где при государственной поддержке особая организация «Net Alert» реализует разнообразные проекты по безопасному использованию Сети [3]. К способам защиты от угроз виртуального мира, как показывает мировой опыт, относится, во-первых, государственный контроль. В последнее время о регулировании Интернета заговорили и в России. Некоторые российские политики полагают, что государство не может оставить Сеть без контроля и должно проводить определенную Интернет-политику. И даже противники сетевой цензуры, согласны с тем, что молодое поколение необходимо защищать от угроз Сети. Во-вторых, решение этой проблемы во многом зависит от семьи. Родители должны интересоваться сайтами, которые посещают их чада, знать, чем увлекается и в какие игры играет. К сожалению, в большинстве семей подростки лучше родителей разбираются в компьютере, хотя чаще всего, родители не имеют возможности контролировать своего ребенка, например, находясь на работе. В таких случаях доступ в Интернет можно регулировать с помощью специальных фильтрующих программ. Подобные программы - контентные фильтры – устанавливаются на персональных компьютерах, а также в школах и библиотеках. В России практика использования подобных программ скорее исключение из правил. К тому же, эти программы не очень эффективны, так как не настроены на работу с русскоязычным контентом. Однако, разработки подобных программных продуктов уже ведутся, и стоит ожидать появления качественных отечественных аналогов. Как показывает опыт западных стран, обучать молодых людей безопасному использованию Интернета должна еще и школа. В российских школах сейчас проводится тотальная информатизация, однако культура общения с компьютером пока не сформирована. К сожалению, российские школы пока не имеют ни ресурсов, ни возможностей обучать учащихся безопасному доступу и информировать об угрозах Сети. Наконец, проблема агрессивной информации в Интернете – это еще и этическая проблема, потому проблема общества. Она встает перед всеми, кто организует и наполняет Сеть. Информации не бывает в чистом виде – она всегда несет некий воспитательный эффект. Потому необходима выработка этических принципов, на которых могла бы строиться Всемирная паутина. Такие этические принципы должны вырабатываться и поддерживаться самим обществом. Только так мы можем создать

благоприятную среду для развития и интеграции молодежного потенциала в процессы культурного развития общества.

Литература

1. URL: [http://ru.wikipedia.org/wiki/Социальные сети](http://ru.wikipedia.org/wiki/Социальные_сети)
2. Бондаренко С.В. Виртуальные сетевые сообщества девиантного поведения /Погосян Л.А., Бондаренко С.В., Черноус В.В. «Профилактика девиантного поведения молодежи Дона и Юга России». Приложение к «Южнороссийскому обозрению ЦСРИ и П ИППК при РГУ и ИСПИ РАН». Отв. редактор Ю.Г. Волков. -Ростов-на-Дону: Издательство СКНЦ ВШ, 2003. С. 54-88.
3. URL: <http://ololonews.com>

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ, ОБУСЛОВЛЕННЫЕ СЕТЬЮ ИНТЕРНЕТ

Сердюцкая О.В. (Москва)

В последнее время наблюдается компьютеризация всех сфер общественной жизни. Рост количества пользователей компьютерных технологий, распространение компьютерных сетей, типа Интернет, различного рода программ -все это факторы, влияющие на процесс социализации человека. При этом влияние именно информационных технологий взаимодействия, требует особого осмысления. В настоящее время происходит интенсивное экспериментирование с анонимностью от предельного самораскрытия с элементами эксгибиционизма (здесь — обнажения самых интимных чувств, поступков, переживаний и пр.) и/или аггравации (здесь — преувеличение своих трудностей с целью вызвать сочувствие и пр.) до обмана, склонности к манипулированию и попыток фактически управлять мнением о себе.[5 С.431-460]. Так, в чате имеется возможность послать отдельному лицу сообщение, которого группа может и не видеть. В средах мультимедийного чата такого типа текстовые переговоры часто происходят в виртуальном пространстве, где участники используют маленькие иконки визуализации, чтобы представить себя. Некоторые пользователи любят представляться вымышленными образами, изменяя имя, возраст, личность, а порой и пол. Некоторые среды чата представляют собой запутанный фантастический мир, в котором участники создают всевозможные типы вымышленных ролей и сценариев. Невозможность видеть и слышать другого человека делает чат неоднозначным средством

общения, тем более что люди не знают настоящих имен друг друга. Электронная почта выглядит особенно привлекательным в подростковом и студенческом возрастах, когда люди часто испытывают известные трудности при установлении непосредственного контакта с другими людьми. Кроме того, электронная почта позволяет исключить возможность прочтения персонального сообщения третьими лицами, обеспечивая тем самым интимность. Важной негативной стороной коммуникативного применения Интернета можно считать интернет-зависимость: подобное общение способно целиком затягивать субъекта, не оставляя ему ни времени, ни сил на другие виды деятельности. Однако термин «зависимость от Интернета» выглядит спорным, если подходить к нему с медико-психологическими критериями: она не упоминается в официальных перечнях заболеваний, не вполне ясны и критерии, отличающие этот феномен от других человеческих увлечений (коллекционирование, страсть к покупкам, графоманство, просмотр телепередач, гипертрофированная забота о собственном здоровье и др.). Интернет — это модель информационного потенциала общества, мощный информационный базис для самых разнообразных видов и направлений человеческой деятельности. К настоящему времени большое распространение получили всевозможные познавательные и образовательные ресурсы: интернет-энциклопедии и справочники, обучающие курсы, электронные библиотеки, сетевые картинные и фотогалереи и др. Один из способов использования информационных возможностей компьютеров и ресурсов Интернета для целенаправленного развития человека — организованные формы дистанционного образования. Преимущества их перед традиционными заключаются в возможности пользователя самостоятельно определять собственную образовательную траекторию, в частности путем выбора изучаемых курсов. Компьютер и Интернет предоставляют широкий спектр возможностей для творческой самореализации в процессе создания и редактирования изображений, моделирования трехмерных объектов и ландшафтов, создания аудио- и видеоконтента, компьютерной анимации, справочных и обучающих систем, web-дизайна и др.[4, С.64-79] Анонимная демонстрация продукта творчества позволяет смягчить последствия его негативной оценки, а различные способы манипулирования идентичностью (например, приписывание продукта вымышленному автору) позволяют стать практически неуязвимым для критики. Следует отметить, однако, что в условиях отсутствия внешнего контроля творческая деятельность может

приобретать асоциальный характер. Примером может служить гипертрофированное увлечение поиском и применением знаний об организации работы Интернета. Оно характеризует личностную трансформацию, известную как хакерство. Студент, увлечённый Интернетом, приобретает проблемы с учёбой и экзаменами. Посещая не относящиеся к делу сайты, часами проводя время в чатах, играя в игры вместо занятий, он выпадает из учебного процесса, а иногда и из реальности. Все интересы переключаются на Интернет, поэтому нередко студент останавливается в развитии. Накапливается усталость вплоть до стрессов и нервных срывов.[6, С. 42-44] Обилие всевозможных готовых рефератов, докладов и других ресурсов сети, которые можно скачать, облегчают жизнь студентам. Но при этом страдает интеллект, отпадает необходимость искать информацию, обрабатывать и систематизировать её самостоятельно.[2, С. 89-100] Из-за постоянного времяпровождения в сети Интернет у молодых людей возникают проблемы с общением. Желание общаться при помощи сети уже свидетельствует о трудностях в формировании и успешном осуществлении межличностного общения в реальной жизни. Общение в сети лишает возможности видеть своего собеседника, устанавливать с ним контакт, лишает общение эмоций. У студента возникают трудности при знакомстве с новыми людьми в реальности, взаимодействии с одноклассниками, преподавателями, друзьями и родными. За монитором нет возможности видеть человека, что позволяет ему чувствовать себя раскованно. Невозможность быть узанным собеседниками по переписке предоставляет соблазн создать желаемый образ. Надевая идеальную «маску» для собеседников, отличающуюся в лучшую сторону от представлений человека о себе самом, студент становится неуверенным в себе, потому что при выходе из чата исчезает и «идеальный» образ. [1, С. 178-179]. Возникает чувство социальной неспособности, личностной непривлекательности и приниженности по отношению к другим, появляется нежелание вступать во взаимоотношения с людьми без гарантии понравиться. Проблемы в общении создают риск одиночества студента. Студент привыкает высказывать своё мнение только письменно, начинает бояться высказываться при «реальных» людях, видя и слыша своих собеседников. Это создаёт проблемы при необходимости публичных выступлений и при ответе на экзаменах, при обсуждении коллективных дел группы и в ситуациях, требующих принятия решения.[3] Таким образом, анонимность как свойство общения в Интернете одновременно помогает тем, кто испытывает трудности с

контактами найти друзей и является причиной потери индивидуальности, возникновения проблем в реальных межличностных взаимодействиях, интернет-аддикции. Интернет — это одновременно информационный потенциал общества, возможность дистанционного образования, творческой самореализации и источник проблемы с учёбой и остановки в развитии. Проблемы социализации, обусловленные сетью Интернет, требуют дополнительного исследования.

Литература

1. Арестова О.Н., Бабанин Л.Н., Войскунский А.Е. Коммуникация в компьютерных сетях: психологические детерминанты и последствия // Вестник Московск. Ун-та. 2003. Серия 14, Вып. 4.
2. Бабаева Ю.Д., Войскунский А.Е. Психологические последствия информатизации // Психологический журнал, т. 19, N 1, 2005.
3. Бабаева Ю.Д., Войскунский А.Е., Смыслова О.В. Интернет: воздействие на личность. Гуманитарные исследования в Интернете / Под ред. А.Е. Войскунского. М.: Можайск-Терра, 2000.
4. Войскунский А. Е. Метафоры интернета. // Вопросы философии. — 2001. — № 11.
5. Жичкина А.Е., Белинская Е.П. Самопрезентация в виртуальной реальности и особенности идентичности подростка-пользователя Интернета // Образование и информационная культура. Социологические аспекты. / под ред. В.С. Собкина. — М., 2000.
6. Залесский П., Спектр М. (2004). Сколько нас? Какие мы? Портрет российской Интернет-аудитории // Мир Internet, 7-8.

ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАУКИ И ОБЩЕСТВЕННОСТИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Сикорская М.Н. (Москва)

Стремительное развитие технологий переопределяет порядок жизни и социальные практики современного человека. Как отмечает Д. Белл, характеристики информационного общества предполагают не только то, что знания и информация становятся стратегическими ресурсами, но также понимание этих ресурсов как трансформирующихся объектов [1]. С этой точки зрения особую

актуальность представляет вопрос циркуляции научного знания и его трансформации в процессе перехода из собственно научной сферы в область общественного восприятия и потребления. Проблематизация этого процесса с точки зрения становления научно-популярного знания в качестве возможного стратегического ресурса влияния на науку и станет предметом нашего рассмотрения. Особый статус научно-популярного знания был сформирован и закреплён во времена СССР: в середине 80-х гг. XX века каждая двадцатая книга была маркирована как научно-популярная, а тиражи периодических научно-популярных изданий превышали несколько миллионов экземпляров [2]. На сегодняшний день ситуация кардинально изменилась: тиражи подобных изданий упали до нескольких десятков тысяч изданий. Однако такое положение дел резко контрастирует с представлениями о стратегическом статусе информации в постиндустриальном обществе и заставляет поставить вопрос о том, насколько открытым и значимым ресурсом для современного человека является научное знание. В настоящее время одним из наиболее очевидных средств доступа к научному знанию после его перехода в статус научно-популярного является Интернет. И информационные технологии здесь становятся не только инструментом для реализации определенных целей и запросов пользователей глобальной сети, но и инструментом, создающим новые горизонты развития отношений между авторами и читателями контента. Как отмечает Кастельс, в определенной мере исчезает различие между создателями и пользователями информации [3]. Возникает новая роль современного индивида, пользователя сети Интернет, – роль создателя медиа-контента (content creator) наравне с профессионалами в этой области [7, р. 849]. Пользовательские комментарии и замечания, следующие за текстом основной новости, становятся не менее важным информационным ресурсом, чем сам информационный повод. Выделяя трех субъектов взаимодействия по повестке научно-популярного знания – наука, медиа, общественность, – мы должны отметить взаимовлияние, оказываемое каждым из них друг на друга. Однако сегодня информационный ресурс позволяет публике не только акцентировать внимание на определенных, представляющих значимый для нее интерес темах, но и оказывать косвенное (и порой прямое) воздействие на первичного агента, отправителя первичного сообщения – научное сообщество. В процессе восприятия определенной информации научно-популярного характера не обязательны прямое «поглощение» предоставленных данных, более того, читатель склонен к выборочному восприятию

предоставленной информации и созданию своей собственной версии прочитанного [4]. Данный подход к анализу информации, поступающей из научной сферы в публичную, требует переопределения модели взаимодействия науки и широкой общественности с информационной точки зрения. Бурное развитие науки в начале XX века во многом способствовало формированию ее элитарного и обособленного статуса [5]. Однако современное развитие технологий, расширение доступа к информации приводит к тому, что распространенные ранее типы специализированного и «педагогического» взаимодействия с общественностью уступают свое место демократическим моделям коммуникации науки и публики [5]. Сегодня мы можем говорить не об однолинейном процессе трансляции научных знаний, а о циркулирующих потоках коммуникации между наукой и общественностью, касающихся обсуждения значимых социальных вопросов, возможностей участия и оказания влияния на принятие решения. Альтернативой одностороннему взаимодействию в таком случае, как отмечает итальянский социолог М. Букки, являются модели диалога и участия – двунаправленная модель переговоров и мульти-направленная модель со-производства знаний [5]. Модель диалога в данном случае предполагает «не установление равенства между общественным мнением и научными доказательствами», но осознание научным сообществом того, что существуют и другие релевантные мнения и факты, учет которых необходим при решении общественно важных проблем [6, р. 351]. В свою очередь с позиции со-производства знаний (knowledge co-production) общественность может рассматриваться как один из равноправных акторов процесса принятия решений – как субъект, который вправе принимать активное участие в обсуждении актуальных вопросов, даже несмотря на не-экспертный статус и локально опосредованный характер высказываемых мнений [5, р. 68]. Таким образом, исчезновение границ между пользователями и создателями информации формирует потребность в переопределении модели информационного взаимодействия между различными сферами современного общества. Рассмотренный нами пример перехода научного знания в публичную сферу демонстрирует формирующие новые роли субъектов коммуникации со стороны науки и общества. Расширяющиеся границы взаимодействия между наукой и публикой предлагают общественности новые формы влияния и участия в совместном диалоге с представителями различных областей знания для решения актуальных общественных проблем.

Литература

1. Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе / Под ред. П.С. Гуревича. М.: Прогресс, 1986. С. 330-342.
2. Ваганов А. Жанр, который мы потеряли: очерк истории отечественной научно-популярной литературы. М.: АНО «Журнал «Экология и жизнь», 2012.
3. Кастельс М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана; Гос. ун-т. Высш. шк. экономики. М., 2000.
4. Bates B. Public culture and public understanding of genetics: a focus group study // Public Understanding of Science. 2005. Vol. 14. P. 47-65.
5. Bucchi M. Of deficits, deviations and dialogues: theories of public communication of science // Handbook of Public Communication of Science and Technology / Ed. by M. Bucchi, B. Trench. Routledge: London, 2008. P. 57-76.
6. Jackson R., Barbagallo F., Haste H. Strengths of public dialogue on science-related issues // Critical Review of International Social and Political Philosophy. 2005. Vol. 8 (3). P. 349-358.
7. Laslo E., Baram-Tsabari A., Lewenstein B. A growth medium for the message: Online science journalism affordance for exploring public discourse of science and ethics // Journalism. 2011. Vol. 12 (7). P. 847-870.

ОБРАЗ ЖИЗНИ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Сошнев А.Н. (Санкт-Петербург)

Теоретики информационного общества особое внимание обращают на развитие сферы услуг, на ее опережающий рост, рассматривают динамику как главную характеристику перехода индустриального общества в новое качество. Однако развитие данного сектора меняет не только структуру общественного производства, но и, что на наш взгляд, имеет еще большее значение, меняет образ жизни человека. Эти изменения обнаруживаются в способе формирования материальных и духовных потребностей, изменении ценностных установок, организации повседневных практик и формировании долговечных целей. Индустриальное общество сформировало свои производительные силы главным элементом которых стали машины, заместившие человека в

материальном производстве. Творцы машин и управляющие ими определили главные характеристики образа жизни индустриального общества. Собственно производственная деятельность потребовала высокого уровня профессиональной подготовки, глубокой производственной дифференциации и кооперации различных видов труда. Инженерно-технический персонал стал главным элементом городских систем, формирующим образ жизни, потребности, нормы и ценности. Специфика индустриального образа жизни – крупные трудовые коллективы, высокий уровень сопряженности, взаимной зависимости и взаимного социального контроля. Помимо института производства образ жизни человека формируют и другие институты: семья, культура, политика. В информационном обществе посредством информатизации происходят принципиальные изменения в процессе формирования потребностей личности. Расширение информационного поля человека, которое обеспечивается техническими ресурсами компьютеризации, казалось бы снимают ограничения потребительского поля личности. Оно предстает безграничным. Но реальный уровень потребления вступает в противоречие с виртуальным. Последнее оказывается таким конструктом, который создается и достигается личностью с гораздо меньшими усилиями нежели удовлетворение реальных потребностей. Виртуализация социального воспроизводства – один из принципиальных признаков информационного общества. Причем последняя характерна для тех страт общества, которые характеризуют низкий уровень потребления. Высшие страты используют информатизацию как инструмент закрепления своего образа жизни. Механизм информатизации имеет как технико-технологическую сторону, отражающую уровень технического развития общества, т.е. собственно процесс компьютеризации и интернетизации. Технические устройства позволяющие получать и передавать информацию за последние годы получили прорывное развитие. Мобильная телефонная связь обеспечивающая доступ в интернет по сути снимает пространственные ограничения. В независимости от того, где находятся взаимодействующие субъекты они могут получать, передавать и обмениваться информацией. Ограничения определены лишь техническими возможностями сети и соответствующих технических устройств. Однако, технические предпосылки в формировании образа жизни имеют другую, более важную сторону, а именно социальную. Для личности в организации ее целесообразной деятельности важно выбрать из информационного поля такие образы, которые обеспечили бы рациональное социальное

воспроизводство. Само по себе информационное поле нейтрально. Социальный смысл приобретают те или иные его элементы в процессе целесообразной деятельности. Человек должен обладать определенной способностью выбора ценностей, т.е. определенным уровнем развития. Можно сказать, что сегодня техническая информатизация опережает способность основной части населения воспринимать социальный смысл информации, что ведет к катастрофическим последствиям. Одно из последних проявлений противоречат между технической информатизацией и социальной информатизацией, на наш взгляд, стало размещение в интернет фильма «Невинность мусульман», повлекшее обострение межрелигиозных отношений и человеческие жертвы. Информационное общество порождает новые противоречия их можно классифицировать следующим образом: 1. Противоречия вызванные различным уровнем технического развития обществ. Развитые общества не только обеспечивают технико-технологическую информатизацию, но и трансляцию своих ценностей как главных в мировом социальном воспроизводстве. В свою очередь, стремление сохранить собственную идентичность в слаборазвитых обществах часто проявляется в агрессивных формах. 2. Противоречия внутри общества проявляющиеся в неравном доступе к информационным ресурсам в зависимости от статуса. 3. Противоречия между институтами общества проявляющиеся в способности институтов использовать информатизацию для выполнения своих функций. 4. Противоречия генерационного характера, проявляющиеся в способности к адаптации в условиях информатизации различных возрастных групп. Поскольку субъектами указанных отношений выступают люди, то противоречия могут усиливаться или сглаживаться в зависимости от этнонациональных, религиозных, пространственно-поселенческих и других обстоятельств. Большое значение в формировании образа жизни имеют темпы динамики ценностных установок. Здесь информатизация становится главным фактором трансляции и тиражирования ценностей, превращения их в транснациональные и мировые.

**ВЫБОР СТУДЕНТАМИ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ:
ЗНАЧИМОСТЬ ИНФОРМАЦИОННОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ.**

Сущенко А.Д. (Екатеринбург)

Трансформации в системе высшего образования вследствие введения возможности выбора студентами курсов в ходе образовательного процесса и усиление конкуренции на рынке образовательных услуг по причине наличия разнообразных предложений дополнительных образовательных услуг как у вузов, так и у других субъектов данного рынка, влекут за собой изменения во взаимодействии создателей дополнительных образовательных услуг и их потребителей. Как следствие, смена механизмов взаимодействия данных субъектов определяет появление потребности в формировании новой системы информирования студентов о дополнительных образовательных курсах, поскольку ее функционирование во многом может влиять на выбор студентами тех или иных курсов. На данный момент отсутствие во многих вузах Екатеринбурга детально разработанной и функционирующей на практике системы информирования о дополнительных образовательных услугах определяет фрагментарный тип знания о них среди потенциальных потребителей. Во-первых, это касается тех образовательных услуг, которые вузы предоставляют в форме курсов повышения квалификации и переподготовки. Несмотря на наличие предложения данных курсов в вузах города Екатеринбурга по различным направлениям подготовки, потенциальный потребитель не имеет возможности ознакомиться ни с полной программой курсов, ни с особенностями предложения. Информация о таких дополнительных курсах размещена на официальных сайтах вузов в сжатом варианте (в ходе экспресс-анализа официальных сайтов вузов нами выявлено, что, как правило, указаны такие критерии, как название предлагаемых курсов, краткая аннотация курсов, сроки обучения, целевая аудитория курсов, форма обучения: с отрывом от работы/с возможностью совмещения). Также в ходе телефонного экспресс-опроса сотрудников вузов Екатеринбурга (с помощью техники *mystery shopping*) выявлено, что приемные комиссии либо сервисы информационной поддержки не могут предоставить более детальную информацию, помимо той, которая размещена на сайте, например, о квалификации преподавателей, читающих курсы, о наличии у преподавателей практического опыта по преподаваемым курсам, о полном перечне дисциплин, входящих в состав дополнительных образовательных курсов и других возможных характеристиках. С большим нежеланием некоторые вузы Екатеринбурга (преимущественно государственные вузы, имеющие высокий статус по сравнению с вузами-конкурентами по индексу

потенциала вуза: количеству поступивших абитуриентов, среднему баллу зачисленных студентов, количеству предлагаемых направлений по приоритетным отраслям науки и т.д.) информируют о стоимости дополнительных образовательных курсов либо отрицают наличие данной информации и предлагают потенциальному потребителю обратиться за более подробной информацией к сотрудникам вуза, которые являются создателями конкретных курсов или участвуют в организации образовательного процесса. Данный тип взаимодействия с потенциальными потребителями, который условно можно назвать «закрытый для общения», на наш взгляд, не является эффективным с точки зрения привлечения потенциальных потребителей в силу насыщенности рынка дополнительных образовательных услуг, как следствие, вероятности приобретения интересующих потенциального потребителя услуг у вузов-конкурентов. Возможно предложить полярный тип взаимодействия, который условно может быть назван как «внимательный к собеседнику», с ориентацией вузов на предоставление подробной информации при обращении потенциальных потребителей: о ценовой политике, возможных скидках, особенностях обучения по конкретной программе курса, об основных различиях предлагаемых курсов и их преимуществах. В настоящее время подобный тип взаимодействия с потенциальными потребителями, в основном, практикуют коммерческие вузы Екатеринбурга. Применение данного типа взаимодействия в некоторых государственных вузах во время первого обращения потенциального потребителя в вуз для получения информации о предлагаемых дополнительных курсах позволит сделать вузы более привлекательными с точки зрения возможного места получения профессиональной переподготовки или повышения квалификации. Во-вторых, проблема информирования ярко проявляется в ходе организации образовательного процесса при взаимодействии создателей дополнительных образовательных курсов, включенных в вариативную часть образовательной программы, и их потенциальных потребителей, которыми являются студенты, обучающиеся по тому или иному направлению подготовки. Несмотря на наличие возможности выбора данных курсов, студенты, как правило, не обладают информацией о специфике предлагаемых курсов, о вопросах, которые будут обсуждаться в рамках курсов, о возможности приобретения тех или иных знаний и навыков в ходе взаимодействия с преподавателями. На наш взгляд, необходимо создание организованных «событий» по поводу обсуждения перечня возможных курсов по выбору, которые позволили бы студентам не

только выяснить особенности предлагаемых курсов, например, с помощью презентаций курсов создателями, разработанных по аналогичным критериям, которые были выделены нами при описании необходимой информационной составляющей при выборе курсов переподготовки и повышения квалификации. Также предлагаемые организованные «события» позволяли бы, на наш взгляд, оценить преимущества каждого курса, уточнить интересующую информацию о курсах у создателей, как следствие, предоставить студенту реальную возможность выстроить собственную траекторию развития в ходе образовательного процесса в вузе. Дальнейшие перспективы нашего исследования заключаются в выявлении тех особенностей и критериев дополнительных образовательных услуг, которые в большей степени определяют выбор студентами курсов в зависимости от категории опрашиваемых и их ориентаций на дополнительные образовательные услуги. Это позволит предложить рекомендации при формировании комплексной модели взаимодействия создателей и потребителей дополнительных образовательных услуг высшей школы, в том числе относительно системы информирования о них.

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ
МЕХАНИЗМОВ ПРИПИСЫВАНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И
ВИНОВНОСТИ В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА В СИТУАЦИИ
ТЕРАКТА (НА ПРИМЕРЕ СОБЫТИЙ В АЭРОПОРТУ
«ДОМОДЕДОВО» В ЯНВАРЕ 2011 ГОДА)**

Толмач А.Д., Гаврилов К.А. (Москва)

Процессы трансформации современного общества, его структуры, тесно связаны с появлением, становлением и активным развитием коммуникативных практик на базе новых технических средств. Бурное развитие средств и способов коммуникации позволило исследователям говорить о социальных медиа как об особом виде средств массовой информации. На начальных этапах коммуникация в интернете организовывалась по образцам классических СМИ. Существовали производители информации («контента») и потребители (аудитория). Однако постепенно – с развитием технических средств и самой сети – в коммуникативном процессе появлялись элементы диалогичности. Переломным для развития диалогической и нелинейной коммуникации в интернете стал 2001 год, когда появилось множество интернет-сервисов,

обладающих характеристиками социальных медиа. С помощью этих сервисов интернет-пользователи получили возможность создавать свои собственные сообщения в рамках совместно используемой саморегулирующейся среды. [1]. Попробуем обозначить первые шаги по анализу социальных медиа (блогов и микроблогов) для решения конкретной задачи по определению приписывания ответственности и вины в ситуации теракта. Актуальность задачи обусловлена отсутствием комплексного представления о том, каким образом население воспринимает риски террористической угрозы. В частности, недостаточно изучены особенности приписывания ответственности и вины различным акторам в ситуации, когда террористический акт уже произошел. Совершенно очевидно, что «обыденная» точка зрения на события может радикально отличаться от того, каким образом ситуация воспринимается и оценивается лицами, принимающими решения. Подобный разрыв предположительно влияет на эффективность социальной коммуникации по поводу терактов, на чувство доверия со стороны населения к базовым институтам современного общества. Теоретической основой исследования выступают работы по «социологии риска», в которых явным образом признается связь между понятиями «риск» и «ответственность». Речь идет прежде всего о традиции, восходящей по крайней мере к работам М.Дуглас, которая утверждала, что риск – это слово, которое превосходно обслуживает «судебные потребности» современной глобальной культуры [2]. «Судебный» в данном контексте следует понимать в смысле «относящийся к ответственности» и «указывающий на виновного» (в связи с этим корректнее говорить о теории М.Дуглас как об «обвинительной теории опасности» [3]). Связь ответственности и риска подчеркивается и другими исследователями. Так, Н.Луман говорит о риске в контексте решений, которым следует вменить ответственность за некоторое неблагоприятное событие, например, за катастрофу [4]. В целом, в социологии риска достаточно распространена точка зрения, что риск связан с решением субъекта [5], что позволяет сформулировать предположение, согласно которому восприятие любых ситуаций риска неизбежно содержит в себе аспекты приписывания ответственности и вины. Отправной точкой для разработки указанной методики послужили решения, предложенные в рамках так называемой «народной социологии» (“Folk Sociology”), ставящей вопросы о глубине, точности и надежности описательного и объяснительного знания акторов «о себе и о социальном мире, в котором они действуют», в том числе их

знания «о причинах и следствиях собственного поведения и поведения других людей» [6]. Отдельное направление «народной социологии» связано изучением «наивного» приписывания моральной ответственности или виновности различного рода акторам. В качестве метода исследования часто используется факторные экспериментальные планы, в которых варьируются различные элементы так называемых виньеток-сценариев, которые, в свою очередь, оцениваются респондентами по различным параметрам [7; 8]. Также существуют попытки получить доступ к обыденному социальному знанию и субъективным теориям в ходе анализа неформализованных глубинных интервью [9]. Предлагаемая нами методика занимает промежуточное положение между этими двумя обозначенными направлениями. В предлагаемом исследовании мы пытаемся получить доступ к сознанию респондентов не посредством различных опросных методик, а анализируя тексты (блоги/микроблоги), «произведенные» неспециалистами в сети интернет по поводу террористического акта. В таком случае мы минимизируем влияние инструментария (и самого факта участия в эксперименте/опросе) на полученные результаты, осознавая при этом специфику коммуникации в социальных медиа, которая ограничивает валидность выводов (в частности, вопрос о том, в какой степени восприятие событий блогерами совпадает с реакциями «обычных» людей). Обозначим тезисно основные этапы работы по анализу блогов и изучению приписывания ответственности и вины в ситуации теракта. Эмпирический кейс - теракт в аэропорту Домодедово в январе 2011 г., информационная база – тексты блогов в связи с данным терактом, размещенные на двух платформах – LiveJournal.com и Twitter. 1. Формирование исходной базы данных. Сбор всех связанных с терактом русскоязычных сообщений (без комментариев) на указанных платформах. 2. Построение случайной выборки для разработки и апробации инструментария. Получившийся массив анализировался двумя исследователями (независимо друг от друга) на предмет упоминания акторов, действий, контекста. 3. Сопоставление предварительных списков и обсуждения спорных мест, составление общего кодификатора. 4. Построение новой случайной выборки из собранного массива сообщений и кодирование на основе разработанного алгоритма. 5. Анализ результатов, поиск различий между «авторскими» сообщениями, «перепостами» авторских сообщений, «перепостами» СМИ или официальных источников.

Литература

1. Prentice S., Huffman E. Social Media's New Role in Emergency Management // *Emergency Management and Robotics for Hazardous Environments* [Electronic resources]. URL: <http://www.inl.gov/technicalpublications/Documents/3931947.pdf> (date of access: 27.09.2011).
2. Дуглас М. Риск как судебный механизм // *THESIS*. 1994. № 5. С. 242-253.
3. Баньковская С.П. Мери Дуглас: Экскурс в антропологический модернизм // Дуглас М. Чистота и опасность: анализ представлений об осквернении и табу. М.: КАНОН-Пресс-Ц, Кучково поле, 2000. С. 5-16.
4. Луман Н. Понятие риска // *THESIS*. 1994. № 5. С. 135-160.
5. Мозговая А. В. Риск как социологическая категория // *Социология*: 4М. 2006. №22. С. 5-18.
6. Девятко И.Ф., Абрамов Р.Н., Кожанов А.А. О пределах и природе дескриптивного обыденного знания о социальном мире // *Социол. исслед.* 2010. №9. С. 3-17.
7. Lagnado D.A., Channon S. Judgements of cause and blame // *Cognition*. 2008. Vol. 108. P. 754-770.
8. Lickel B., Schmader T., Hamilton D. A Case of Collective Responsibility: Who Else Was to Blame for the Columbine High School Shootings? // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2003. Vol. 29. P. 194-204.
9. Рождественская Е.Ю. Документальный доступ к «субъективным микротеориям» и обыденному знанию // *Социология: Методология, методы, математическое моделирование*. 2011. № 33. С. 80—111.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ СЕТЕВОГО СООБЩЕСТВА: ФОРМА ГРАЖДАНСКОЙ АКТИВНОСТИ

Тюхай-Липский С.В. (Санкт-Петербург)

Тенденция развития гражданского общества возможна только при условии формирования адекватной общественно-политической системы, особую значимость здесь приобретает процесс освоения сетевого пространства. В условиях становления информационного общества, наблюдается и качественное обновление инструментов гражданского политического участия. Так новым инструментом политического участия способным обеспечить непрерывный диалог власти с представителями общественности

является – Сеть, выступая в качестве ресурса, способного существенным образом изменить политический ландшафт. Сеть, объединяя граждан, по сути, превращается в аналог гражданского общества, общество становится соучастником публичной политики и источником обновления власти. Существенной чертой трансформационных изменений последнего времени является информационная составляющая политической активности. Возрастает мотивация граждан к самостоятельному общественно-политическому участию. Наблюдается трансформация политической активности в сети в реальное политическое участие. Сеть обладает огромным потенциалом, но этот потенциал может быть использован также и в целях, направленных на дестабилизацию политической системы в стране (Twitter-, Facebook-революции), как пример уличные беспорядки в ходе молодежных протестных акций в арабских странах, волна митингов в Москве и Санкт-Петербурге и др. Как показывает мировая и российская практика, социальные сети становятся важным инструментом управления конфликтами и протестными действиями. Растущие требования граждан к инструментарию политической деятельности, влекут развитие более «свободных» форм политической активности, непосредственным образом, связанным с развитием средств коммуникации и социальных сетей, которые способствуют формированию демократических процессов. По данным международной исследовательской компании в сфере статистических измерений цифрового мира comScore: с 2010 года Россия занимает первое место в мире по количеству интернет пользователей, посещающих социальные сети [1]. Заметную роль в формировании общественного мнения играют социальные сети «ВКонтакте» и «Facebook». Число пользователей социальных сетей растет с каждым днем. Коммуникация, которую осуществляют онлайн-социальные сети, позволяет за кратчайшее время активизировать и мобилизовать широкие массы, как то показывают последние политические события. Эксперты уже сегодня сходятся во мнении, социальные сети становятся ареной для публичной политики. В современной России реализация публичной политики осуществляется в условиях формирования политических сетей. Так попыткой создания полноценной политической сети как нового элемента в системе государственного управления стал проект, инициированный Д.А. Медведевым – «большое правительство РФ» [2]. Проект стал новой системой взаимодействия власти и общества, с возможностью представления в исполнительной власти интересов различных социальных групп и общественных институтов. Попыткой

включить гражданское общество в процесс принятия государственных решений. В рамках проекта реализуется система «Открытого правительства». Система строится по принципу: «Открытое правительство» = «вовлеченность граждан», «Открытое правительство» = «открытость власти». Политическая сеть призвана открывать правительство перед обществом, вовлекая в публичность граждан и институты гражданского общества. В свете последних событий современной России актуальным становится исследование коммуникативных практик, используемых государством для установления взаимоотношений с гражданским обществом, здесь исследуя специфику российского публичного пространства, нельзя не отметить доминирующего воздействия властей, наполняющих политическое поле и отчасти задающих направление развития для политических сетей. Политическая структура, формирующаяся в сети, не обязательно является демократической структурой, появление лидеров общественного мнения – сетевой элиты, концентрируя власть в руках группы лиц, новая сетевая элита способна контролировать информационное пространство, задавая вектор движения сетевого сообщества. В исследованиях политического участия сетевого сообщества отсутствует разработанная методология исследования, позволяющая исследовать политическое поведение сетевой элиты и ее влияние на сетевое сообщество. Структура современных политических исследований предполагает выработку новой методологии сетевого анализа политики, предполагающую поиск синтеза различных методов: качественных и количественных, статических и динамических, аналитических и интерпретационных. Сегодня мировой и российский опыт показывает: сетевое сообщество оказывает влияние на публичную политику, а вовлеченность гражданского общества в политические процессы приводит к существенным изменениям общественно-политической системы.

Литература

1. Россия лидер по числу интернет-пользователей. [Электронный ресурс]. Url: <http://www.digit.ru/internet/20120119/388720439.html> (дата обращения: 29.09.2012)
2. Открытое правительство. [Электронный ресурс]. Url: <http://www.большоеправительство.рф> (дата обращения: 27.09.2012)

МЕДИАВИРУСЫ В РОССИИ

Нынешняя жизнь людей полна различной информации. К примеру, за день современный человек узнаёт столько, сколько средневековый человек узнавал за всю жизнь. Не секрет, что среди такого большого потока есть много совершенно не нужной и вредной информации. К этой категории можно отнести так называемые медиавирусы. Что же такое медиавирус? Специалист в области средств массовой информации Дуглас Рашкофф ввёл этот термин для обозначения медиасобытий, вызывающих прямо или косвенно определённые изменения в жизни общества. Данный автор, опираясь на меметику (научная дисциплина, изучающая передачу информации в общественной среде), говорит о том, что медиавирусы являются мемами или мемокомплексами. Условно медиавирусы можно разделить на три вида: преднамеренно созданные, «кооптированные» («вирусы-тягочи») и полностью самозарождающиеся медивирусы. Преднамеренно созданные медиавирусы сознательно кем-то запускаются, что бы способствовать распространению какого-либо товара или идеологии. Примерами таких вирусов будут являться рекламные акции (выход iPhone 5) или трюки медиаактивистов. Стоит отметить, что создание и продвижение в массы такого типа вирусов трудоёмко. Текст может быть идеальным, однако размещенный не в том месте или не в то время, он не будет иметь должного эффекта. «Кооптированные» вирусы зачастую возникают спонтанно, но мгновенно начинают использоваться заинтересованными группами с целью распространения собственных концепций. Примером может послужить убийство фаната московского «Спартака» Егора Свиридова. Данным событием воспользовались националисты и организовали массовые беспорядки в Москве и Санкт-Петербурге. Полностью самозарождающиеся медиавирусы вызывают интерес масс и распространяются сами по себе. Примерами могут послужить многие Интернет-мемы, научные открытия и новые технологии. Независимо от особенностей оболочки все медиавирусы способны, вызывая интерес у потребителей, распространяться с большой скоростью и вызывать существенные сдвиги в общественном сознании. Интернет является весьма благоприятной средой для распространения медиавирусов во многом благодаря своей интерактивности и высокой скорости обмена информацией. Некоторые исследователи сегодня даже считают, что в недалеком будущем Интернет сможет стать плацдармом для новых

революций.[3] Заводя разговор о медиавирусах трудно не коснуться такого понятия как медиаактивизм. Это явление, особенно характерно для нескольких последних десятилетий, но предпосылки которого, вероятно, можно было наблюдать на протяжении всего развития средств коммуникации между людьми. Медиаактивистов условно можно назвать «партизанами информационной войны», так как существуют организованные группы или отдельные индивиды, которые ведут специальную работу по созданию медиавирусов. [2] В России существует целая студия по созданию вирусного видео – «My Duck's Vision». Одно из самых популярных и скандальных видео данной студии это «Выродки в ВКонтакте (эпизод №1)». Этот материал просмотрело почти 2 миллиона человек. Конечно же сразу возникло много обсуждений данного видео и пользователи разделились на два лагеря: на тех, кто согласен с авторами и тех, кто против. Стоит отметить, что создатели ролика не просчитались и вовремя выставили этот материал в сеть, чем собственно и заслужили общественное внимание. Как видно из материалов этой статьи, медиавирусы очень удобны для того, что бы манипулировать общественным мнением. Учитывая тот фактор, что свободу СМИ в России получила совсем не давно, можно предположить, что российский зритель не привык «фильтровать» получаемую информацию. Конечно, если дело касается продажи какого-то популярного продукта, то особого вреда никому это не причинит. Но что если данным способ будут пытаться навязать кандидата в президенты или какую-нибудь идеологию? Это вполне может изменить весь существующий общественный строй. Некоторые видят выход из такой не простой ситуации в том, что бы научить людей проверять информацию. Было бы не плохо, если бы этому учили ещё в школе. Другие думают, что если государство будет контролировать информацию в СМИ, то такую ситуацию можно будет избежать. В следствии последних событий можно отметить, что в России придерживаются больше второй позиции («Закон о цензуре в интернете», «Закон о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и др.). Какая из двух версия лучшая покажет время. Однако стоит учитывать тот факт, что пока существует медиаиндустрия, будут появляться и медиавирусы. На наш взгляд людям стоит подробнее изучить механизмы их возникновения, распространения и воздействия, так как это поможет избежать трагических ошибок в будущем. Используемая

Литература

1. Дуглас Рашкофф, «Медиавирус», «Ультра. Культура», 2003
2. Электронный ресурс: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Медиавирус>
3. Электронный ресурс: <http://www.programmex.ru/node/71>

ОБРАЗ ЖИЗНИ РОССИЙСКИХ ФРИЛАНСЕРОВ: ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Харченко В.. (Екатеринбург)

С трансформацией индустриального общества, или «общества всеобщего труда», происходит дополнение (в некоторых случаях и вытеснение) стандартной, или полной, атипичными формами занятости. Стандартизированная модель занятости (или SER-model [1]), для которой характерны найм у постоянного и единственного работодателя, работа на полный рабочий день, защищенная нормами трудового права, все чаще «конкурирует» с нестандартной моделью трудовых отношений (non-SER-model), которой, с развитием когнитивного капитализма (по А. Горцу), все чаще отдают предпочтение работники, труд которых связан с производством и обработкой информации, оказанием услуг – нематериальным [5]. Так на современном рынке труда под воздействием дестандартизации и флексибилизации занятости складываются различные атипичные формы найма (например, неполная, множественная, вторичная и др.), особое место среди которых занимает свободная (independent, независимая) занятость, или фриланс. В анализе перспектив развития рынка труда и занятости в целом футурологи [5, 6, 10, 14] отмечают – будут складываться рынки труда, в которых работники и работодатели будут вступать во временные трудовые отношения, организация перестанет быть основным источником занятости, а «работника организации» будут вытеснять «свободные агенты» [11], или фрилансеры. Таким образом, складывающееся информационное общество маркируется появлением фрилансеров и фриланса. Мы определяем фриланс как модель занятости, в которой работник и заказчик независимы друг от друга, т.е. не связаны постоянными трудовыми отношениями, при этом работник осуществляет поиск работы (заказов) и организует ее (режим, объем работы) согласно собственным интересам и опыту, а заказчик рассматривает его как временного исполнителя, контрактника. Работников, занятость

которых строится в модели фриланс, мы определяем как фрилансеров. Нам хотелось бы заострить внимание на появлении в массовых эмпирических обследованиях категории «работающие на себя». Так, в опросе ФОМа 2011 г. население было сгруппировано на безработных, штатных работников и «работающих на себя» [11]. Результаты фомнибуса описывают «работающих на себя» как работников, для которых ценны характер работы и заинтересованность в ней, рутинность и однообразие в работе их не привлекает, работа должна приносить ощутимые, удовлетворительные результаты. Активную достижительскую позицию «работающих на себя» подтверждает ответ на вопрос о готовности больше работать, чтобы увеличить свой доход 76% ответили утвердительно. По большому счету к «работающим на себя» могли быть отнесены все респонденты, которые не заняты в организации – и предприниматели, и представители свободных, творческих профессий и фрилансеры – но это свидетельствует о формировании особого класса (по П. Бурдье [2]), для которого выбор той или иной модели занятости зависит от его особенностей образа жизни, социального статуса, профессии и ценностных предпочтений прежде всего. Анализировать особенности занятости фрилансеров нам помогает концепция Ч. Хэнди об организации «портфеля работ» [14]. Портфель работ «это способ описания того, как работы, которым отдавал свое время его владелец, формируют сбалансированное целое». Целым в данном случае выступает совокупность оплачиваемой и неоплачиваемой работы (домашняя и бесплатная работа, обучение). Концепция портфеля (оплачиваемых) работ укладывается в понимание фриланса как модели занятости – правильно собирая заказы, фрилансер может регулировать доходы в разные периоды жизни, учитывая собственные потребности и необходимость работать; портфель уже реализованных проектов влияют на формирование опыта, социального капитала, что особенно значимо для репутации и известности самого фрилансера. Если продолжить идею Хэнди и говорить об организации баланса жизнедеятельности в целом (т.е. включая все формы жизнедеятельности – семейную, досуговую, повседневную и пр.), то мы обнаружим необходимость в анализе образа жизни – интегральной характеристики жизнедеятельности индивидов, групп или общества [см., например, 7, 12]. Анализ образа и стиля жизни в социологии посвящен корпус литературы, в которой авторы пытались не только описать современные тренды, но спрогнозировать развитие жизненных траекторий групп, общностей,

классов [3, 4, 8, 9]. Все подходы сходны в том, что важное значение в анализе образа жизни той или иной социальной группы, общности или индивида имеют особенности занятости, трудовой деятельности. Мы выделили следующие общие, характерные для всей общности, черты образа жизни фрилансеров: • Нелинейность и лоскутность трудовой биографии и карьеры; • «Продвижение в карьере» горизонтально, в зависимости от накопленного со временем опыта, известности, репутации; • Профессионализм фрилансера определяется на основе конкретных умений, компетенций, складывающиеся с опытом, выполнением проектов, накоплением социального капитала (расширения социальных сетей заказчиков, прежде всего); • Баланс работы и других видов жизнедеятельности выстраивается на основе личных предпочтений, потребностей фрилансера; • Ценности, разделяемые фрилансерами, являются: свобода, возможность оставаться самим собой, ответственность и собственные критерии успеха (выделены Д. Пинком [10, с. 71-88]). Именно они составляют ценностный стержень, отличающий фрилансеров по стилю жизни от других групп, классов. Опираясь на результаты нашего исследования* (серии интервью и кейс-стади) и на вторичный анализ данных переписей фрилансеров [13], мы разработали типологию фрилансеров, в основе которой лежит различие в образе жизни фрилансеров, а именно: мамалансеры, студенты-фрилансеры, хобби-фрилансеры, опытные фрилансеры, фрилансеры – востребованные работники. На особенностях образа жизни каждого типа фрилансеров мы сфокусируемся подробнее в докладе в рамках анализа образа жизни человека в информационном обществе. * Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Фриланс как новая форма наемного труда: процессы институционализации трудовых отношений», проект № 11-03-00669а (рук. М.Г. Бурлуцкая)

Литература

1. Vosko Leah F. Managing the Margins. Gender, Citizenship, and the International Regulation of Precarious Employment. New York. 2010.
2. Бурдые П. Социология социального пространства. СПб. 2007.
3. Возьмитель А.А. Диверсификация образа жизни (Способы и стили жизни в постсоветском социальном пространстве) // Мир России. 2002. №1.

4. Возьмитель А.А., Осадчая Г. И. Образ жизни в России: динамика изменений // Социологические исследования. 2010. № 1.
5. Горц А. Нематериальное: знание, стоимость, капитал. М., 2010.
6. Малоун Т.У. Труд в новом столетии. Как новые формы бизнеса влияют на организации, стиль управления и вашу жизнь. М., 2006.
7. Молевич Е.Ф. Образ жизни как интегральное выражение жизнедеятельности личности, группы и общества / Молевич Е.Ф. Общая социология. М., 2003. С. 316-326.
8. Омельченко Е.Л. Культурные практики и стили жизни российской молодежи в конце XX века // Рубеж (альманах соц. исслед.). 2003. № 18.
9. Осадчая Г.И. Стиль жизни молодых горожан: трансформация и региональная дифференциация // Социологические исследования. 2002. № 10.
10. Пинк Д. Нация свободных агентов: как новые независимые работники меняют жизнь Америки. М., 2005.
11. Работать в компании или «на себя»? Опрос «ФОМнибус» 23–24 апреля. 100 населенных пункта, 43 субъекта РФ, 1500 респондентов. Дата публикации: 26.05.2011 URL: <http://bd.fom.ru/pdf/d21rvkins11.pdf> (дата обращения: 15.09.2012)
12. Социологический энциклопедический словарь. М., 1998. С. 207.
13. Стребков Д.О., Шевчук А.В. Фрилансеры на электронных рынках: роль социальных связей // Экономическая социология. 2009. Т.10. №5.
14. Хэнди Ч. Время безрассудства. Искусство управления в организации будущего. СПб., 2001.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИГРОВЫХ СМЫСЛОВ В КОНТЕКСТЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Царева А.В. (Санкт-Петербург)

Одной из важнейших культурных тенденций современного общества становится «игроизация» различных форм социальной жизни. Особое значение приобретают процессы объединения игровой культуры и современных информационных виртуальных технологий, не только порождающие новые формы социальной деятельности, но и демонстрирующие симптомы глубинных изменений социального

бытия. Анализируя главные тренды современности, американский социальный аналитик Дж. Нейсбит выделяет ряд симптомов, являющихся ключевыми для понимания современных культурных трансформаций [Нейсбит, С.16-36]. В числе этих симптомов: - особое отношение к технологиям, объединяющее суеверный страх невежества и обожествляющее преклонение перед возможностями; - размывание границ между реальностью и фантазией, выдвигающее симуляции, подделки и иллюзии в качестве наиболее значимых ценностей; - игроизация окружающего мира и восприятие технологий не как инструментов достижения целей, а прежде всего как игрушек, предназначенных для развлечения и времяпрепровождения. - увеличение отчуждения и рассеянности в социальных отношениях. Игроизация как тенденция современного информационного общества предполагает дальнейшее расширение рамок традиционных представлений о социальных и культурных границах и функциях игры. Традиционно игра представляет собой одну из базовых форм социальной практики, выполняющую множество важнейших социальных функций. Один из основоположников исследований феномена игры Й.Хейзинга особое внимание уделял ее культурогенной роли, подчеркивая, что «человеческая культура развивается в игре и как игра» [Хейзинга, С. 7]. Именно в процессе игры происходит апробация, отбор и хабитуализация культурных форм, что делает игру также важнейшим показателем культурного развития общества. Солидарность или конкурентность игровых отношений, богатство ролевого репертуара различных игр, характер выигрыша, особенности используемых в игре предметов — все это отражает системы ценностей, актуальные проблемы и контексты повседневности соответствующих социальных групп. Различные возрастные, гендерные, профессиональные и пр. группы обладают собственным набором предпочитаемых игр, участие в которых является важным фактором групповой социализации. Условием игры выступает возможность свободной деятельности, раскрепощающая сознание, мобилизующая творческий потенциал, позволяющая оценить и пересмотреть социальные альтернативы. Это особая социальная реальность, относительно автономная по отношению к «реальному миру», и в то же время находящаяся с этим миром в отношениях взаимного обмена эмоциями, смыслами и паттернами социальной деятельности. Определяющие характеристики игровой реальности, — особое эмоциональное состояние игроков (азарт, веселье, интерес и пр.), и наличие специфических игровых «фреймов» - символических границ

и коммуникативных сигналов, позволяющих участникам эффективно выполнять свои игровые роли, отделяя мир игры от реального мира. Игровая реальность создает возможность разрядки эмоционального напряжения, совершенствования форм индивидуальной и групповой деятельности, обучения и личностного роста. Определение границ между «игрой» и «реальной жизнью», принятие игровых ценностей, легитимность, распространенность и репертуар игр в различных социальных группах оказывают огромное влияние на состояние общества. Хотя система внутренних правил игры может быть достаточно сложной и требовать от игроков аналитических способностей и стратегического мышления, в своих конечных целях игра должна сохранять принципиальную несерьезность и бескорыстие, свободу от материальной выгоды. Игра как животных, так и людей принципиально «избыточна», она выходит за рамки прагматически ориентированной рациональности и несводима к удовлетворению базовых потребностей. Целью игры является в первую очередь процесс, а не выигрыш, в противном случае игра перестает быть игрой. Сегодня мы становимся свидетелями постепенной смены сложившегося стереотипного представления о детстве как возрастном периоде, привилегированном с точки зрения игры. В результате внедрения новых информационно-компьютерных технологий игра необратимо «взрослеет», оказывая масштабное воздействие на различные сферы социальной жизни. Современные компьютерные игры формируют символические пространства, ежедневно посещаемые миллионами пользователей во всем мире. Игровые среды представляют множество возможностей: конструирование альтернативной повседневности (симуляционные игры типа *Second Life*), переживание захватывающих и ярких приключений (ролевые игры-квесты типа *Ultima*, *Skyrim*), создание и руководство собственной империей (стратегии типа *World of Warcraft*), реалистичный опыт управления различными транспортными средствами, с том числе экзотическими (игры-тренажеры) и т. д. Количество пользователей только онлайн-игр во всем мире в 2011 г. достигло 534 млн. чел., к 2013 г. это число предположительно должно увеличиться до 713 млн. [J'son & Partners]. Онлайн-овые и офлайн-овые игры представляют собой успешный бизнес (объем мирового рынка онлайн-игр в 2011 увеличился на 23% и достиг 20 млрд долларов), для пользователей — это главным образом способ приятного проведения досуга, общения, психологической разрядки и просто «убийства времени». Вместе с тем подобные виртуальные миры воплощают в себе более значимые

и масштабные тенденции и контексты, связанные с общими изменениями социальной жизни и далеко выходящие за рамки компьютерных игр и развлечений. Переоценка значения игры в современном мире обусловлена рядом причин как демографического, так и социального характера: урбанизация и информатизация общества, увеличение объема свободного времени, повышение возраста вступления в брак, изменение структуры семейных отношений, рост уровня доходов и пр. Одна из главных причин — трансформация структуры свободного времени и форм социальной деятельности в связи с интеграцией информационных технологий в различные сферы жизни. Новые технологии и связанные с ними практики сегодня обрастают множеством субъективно значимых смыслов, превращая мобильные гаджеты типа iPad в «самых близких друзей», а онлайн-сетевые игры — в «любимый дом». Результатом становится нарастание тенденций игроизации и виртуализации социальной реальности, объединение игры — феномена более древнего, чем культура и общество, — и виртуализирующего эффекта новых компьютерных информационных технологий.

Литература

1. Нейсбит Дж. Высокая технология, глубокая гуманность: Технологии и наши поиски смысла. М.: АСТ:Транзиткнига, 2005.
2. Хейзинга Й. Homo ludens. М.: Прогресс-Академия, 1992.
3. J'son & Partners Consulting. Рынок онлайн-игр в России и мире, 2009-2013. Аналитический обзор. URL: http://www.json.ru/poleznye_materialy/free_market_watches/analytics/online_games_market_in_russia_and_in_the_world_2009-2013/, доступ 20.08.2012.

ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНАЯ КУЛЬТУРА В ВУЗЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Чернышева Е.А. (Белгород)

Мысль, высказанная еще в начале XX в. известным американским журналистом, политологом и социологом Уолтером Липпманом, в настоящее время актуальна как никогда раньше: «Жизнь горожанина лишена уединения, молчания и свободы... На жителей большого города непрерывно давит звук — то сильный и

резкий, то угасающий, но все же постоянный и беспощадный. В современном промышленном обществе мысль плавает в потоке шума» [1, с. 88-89]. Современная молодежь уже не мыслит своего существования без Интернета, мобильных телефонов, практически постоянного присутствия в социальных сетях. Все это образует наложения «реального» и «виртуального» пространств, в которых обитают молодые люди, создавая тем самым дополнительные барьеры на пути успешного образовательного процесса в вузе. Поэтому изучение уровня информационно-коммуникативной компетентности студентов и преподавателей вузе приобретает особую значимость. Отметим, что термины «информационная культура» и «коммуникативная культура» зачастую применяют для обозначения видов культуры, связанных с определенными сферами человеческой деятельности. На наш взгляд, более правомерно использовать категорию «информационно-коммуникативная культура». Совокупность информационных стратегий, информационно-коммуникативной компетентности, представлений, связанных с этой сферой, информационного пространства, коммуникаций, связанных с получением, хранением и передачей информации формирует информационно-коммуникативную культуру личности, факультета, вуза и т.д. Информация сама по себе не имеет смысла, она вовлечена в систему коммуникаций вокруг нее, в случае конфликтных коммуникаций информационное поле становится монологичным, именно поэтому мы предлагаем рассматривать информационно-коммуникативную культуру субъектов вузовской деятельности в единстве их информационных и коммуникативных поведенческих практик и культурных образцов. Осуществить социологический анализ информационно-коммуникативной культуры в вузе посредством осмысления повседневных дискурсивных практик, на наш взгляд, возможно, опираясь на следующие теоретические подходы: качественный и гендерный подходы, концепции «культурных исследований» и дискурс-анализа. Не останавливаясь подробно на содержании каждого из них, раскроем основные возможности применения вышеперечисленных подходов для изучения информационно-коммуникативной культуры в вузе [2]. С помощью качественного подхода и качественных методов представляется возможным обосновать важность анализа повседневных взаимодействий на микроуровне – отдельно взятых субъектов информационно-коммуникативной деятельности в вузе, а также разработать наиболее адекватную методику для диагностики уровня информационно-коммуникативной компетентности.

Гендерный подход изменяет «угол зрения» исследователя, наполняя привычные социальные отношения и термины качественно новым смыслом. Он позволяет рассматривать коммуникации в вузе как систему властных гендерно-обусловленных отношений. В постмодернистских концепциях нами были найдены основания для исследования информационно-коммуникативной культуры в вузе посредством анализа повседневных коммуникаций. Из идей, высказанных сторонниками различных течений постмодернизма для нас важно следующее: наполнение повседневных коммуникаций культурно-семиотическими смыслами; рассмотрение дискурса «здесь и сейчас» в единстве с социальным контекстом, т.к. в иное время, в иных условиях не может повториться тождественная ситуация; понимание «полифоничности» и «обыденности» культуры. Теории постмодернизма очень близки качественному подходу, т.к. утверждают возможность существования «множественности» истин и смыслов, и их равнозначной ценности. Стратегией осмысления эмпирического и теоретического материала может выступать «обоснованная теория» («grounded theory») [3]. Опираясь на концептуальные основания, можно выделить уровни анализа информационно-коммуникативной культуры в вузе. Уникальность повседневных коммуникаций, связанных с поиском, получением и обработкой информации, осуществляемых «здесь и сейчас» составляет реальный «текст» информационно-коммуникативной деятельности в вузе. Вербально артикулированной формой «текста» коммуникации является «дискурс» (речь, «погруженная в жизнь») и дискурсивные практики. Гендерные аспекты «текста» информационно-коммуникативной деятельности отражаются в гендерном дисплее. Однако, «текст» не имеет смысла без рассмотрения надтекстовой реальности – «контекста» – внешние по отношению к дискурсивной практике невербальные объективные процессы, которые обуславливают ее сущностные характеристики. Таким образом, «контекст» выступает условием информационно-коммуникативной деятельности. Культурно-семиотические смыслы, заложенные в гендерные стереотипы, образуют «подтекст» информационно-коммуникативной деятельности, влияющий на различия в «прочтении текста» коммуникации. Поэтому подтекст выступает фактором информационно-коммуникативной деятельности. Стратегией исследования может выступить кейс-стади (case study). На наш взгляд, каждая система коммуникаций является уникальной, поэтому, теоретически, любой объект можно изучать при помощи данного подхода. Стратегия кейс-стади помогает

исследователю в поиске ответов на вопросы «как» и «почему», позволяя подробно описать какое-либо явление или социальный институт, уточнить факты и найти факторы, влияющие на ситуацию, способствует формулированию теории. В то же время «открытость» кейс-стади дает возможности рассмотрения феномена с позиций его участников и исследователей, дальнейшей интерпретации при чтении отчетных текстов [4, с. 15-19]. Основные показатели диагностики информационно-коммуникативной компетентности детей и молодежи, а также способы ее повышения были разработаны Т.З. Адамьянц [5]. На наш взгляд, только комплексное воздействие на все уровни информационно-коммуникативной деятельности в вузе создаст возможности повышения эффективности информационно-коммуникативной деятельности субъектов вузовского социокультурного пространства.

Литература

1. Липпман У. Общественное мнение / пер. с англ. Т.В. Барчуновой. М. : Институт Фонда «Общественное мнение», 2004.
2. Ильяева И.А. Гендерная культура в информационно-коммуникативной деятельности вузовской библиотеки / И. А. Ильяева, Е. А. Чернышева. Белгород : Изд-во БГТУ им. В. Г. Шухова, 2008.
3. Страусс А. Основы качественного исследования : обоснованная теория, процедуры и техники / А. Страусс, Д. Корбин. М. : Эдиториал УРСС, 2001.
4. Фливерберг Б. Кейс-стади в контексте качественно-количественной проблематики // Социол. исследования. 2004. № 9.
5. Адамьянц Т.З. Социальные коммуникации : учеб. пособие для вузов. М.: Дрофа. 2009.

СТАНОВЛЕНИЕ ЦЕЛОСТНОЙ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Чистякова М.А. (Курск)

Становление рыночной экономики, формирование социальной инфраструктуры, демократических традиций и механизмов в политической сфере повышают ценность и значимость права, требуют изменения характера воздействия правовых средств на общественные отношения. В связи с развитием новой системы взаимоотношений между государством, организациями и гражданами

потребность в формировании целостной, социально активной, личности приобретает еще большую актуальность. На основе целостного образа человека могут быть выработаны обоснованные критерии гуманистического отношения к личности и разработаны эффективные условия социального устройства. Выступая в качестве специфического ориентира при формировании общих принципов и установок человеческой деятельности в современной жизни, такой образ обеспечивает оптимальные условия для совершенствования человека и общества. Проблема целостного человека трансформируется в проблему целостности личности. Разработка проблемы целостности личности требует, прежде всего, ответа на вопрос, что понимать под категорией «целостность». Исторически целостность является одной из важных характеристик человеческого бытия и тенденция осмысления человека как целостного существа всегда (явным или скрытым образом) присутствовала в философских размышлениях различных мыслителей. При этом в самом общем смысле целостность выступает как обобщенная характеристика сложно структурированных объектов, выражающая их интегрированность, самодостаточность, завершенность, автономность, их противопоставленность окружению, связанную с их внутренней активностью; она характеризует их качественное своеобразие, обусловленное присущими им специфическими закономерностями функционирования и развития. Отправной точкой нашей работы станет понимание человека как существа целостного, связанного в своем развитии со всей общественной системой. В таком случае личность предстает незавершенностью, требующей дальнейшего становления и развития: личность конструирует и перестраивает себя на протяжении всей жизни, стремясь к оптимальному развитию, ибо ее сущность состоит в реализации продуктивного, жизне - творческого начала [1]. Специфика человека как целостности состоит еще и в том, что в нем, в его сущности и существовании, вне зависимости от каких бы то ни было обстоятельств более или менее гармонично сочетаются три стороны: природная, социальная и духовная. Поэтому мы можем предположить, что целостность личности проявляется, прежде всего, посредством ее творческой сущности, так как личность – это единство внутреннего и внешнего, притом выражает сложную их взаимосвязь, зависящую от особенностей характера и влияния этого внешнего на личность, от уровня развитости способностей личности в присвоении объективированных сущностных сил, в самоактуализации. То есть развитие личности обусловлено ее

фундаментальной потребностью в самоосуществлении. Именно степень реализованности личностью ее потенциала позволяет говорить о ее целостности [2]. Б.Ф. Skinner ограничивает целостность личности внешней средой. Он считает, что всякое поведение обусловлено внешней средой, награждающей или карающей поведенческие реакции индивида. Иными словами, человек является машиной, частью природы. Однако, на наш взгляд, в подобной концепции упраздняется человек, его неповторимость и уникальность, ведь подход к человеку как к машине не объясняет многообразие личности, так как сущность машины состоит в единообразии и самотождественности: среда бросает вызовы индивиду, на которые он реагирует по определенному, заранее предусмотренному, алгоритму. Наоборот, личность предстает незавершенностью, требующей дальнейшего становления и развития: личность конструирует и перестраивает себя на протяжении всей жизни. Поскольку самоосуществление личности происходит в социальных условиях ее жизнедеятельности, ее «Я» будет восприниматься как неотъемлемая часть общества и культуры, где ценности задают направленность человека как целостной системы. То есть личность предстает как целостная система, элементами которой являются взаимосвязанные природно-биологические, психические и социальные качества. Личность и общество взаимопереплетаются и самосогласовываются. В итоге данного взаимодействия возникает предметный мир культуры, на основе которого происходит становление личности. Отметим, что хотя личность и общество подчинены взаимодействию в процессах поддержания устойчивости и развития, резонно ставить вопрос об определенной самостоятельности, инвариантности законов общественного и индивидуального развития. Суть этой инвариантности заключается в следующих моментах. Во-первых, личность не является прямым следствием структурно-функциональных связей общества, законов его развития и функционирования. Во-вторых, общество не находится в прямой зависимости от социально-психологических характеристик индивида, законов его развития и функционирования. Поэтому нельзя не согласиться, что степень целостности личности обусловлена уровнем ее всестороннего развития, который, вместе с тем, зависит от целостной включенности свойств личности в конкретную деятельность и определяемую этой деятельностью систему отношений. Если содержание и характер деятельности требуют проявления всех ее качеств во взаимосвязи, развивается и

целостность личности. А если целостность проявляется и развивается только во взаимозависимости ее качеств, она выражает, характеризует личность как систему. Любой же системе присущ системообразующий элемент, отражающий ее сущность. А сущность человека как представителя рода человеческого одна - творчески преобразующая [1]. Именно в процессе присвоения этой родовой сущности и превращается человек из частичного в целостного. Реализуя потенциалы среды, изменяя связи и отношения человека со средой его обитания, совершенствуя деятельность учреждений или создавая новые, можно создать дополнительные возможности для развития и самореализации личности [7].

Литература

1. Кравчук, П.Ф. Проявление творческой сущности личности в условиях современного общества / П.Ф. Кравчук, В.В. Зотов // Личность. Культура. Общество - 2006. - № 4. - С. 217-227.
2. Кравчук, П.Ф. Творческий потенциал как интегральное качество личности / П.Ф. Кравчук, В.В. Зотов // Личность. Культура. Общество - 2006. - № 4. - С. 217-227.
3. Леонтьев, А.Н. Деятельность. Сознание. Личность / А.Н. Леонтьев. - М., 1985. - 321 с.
4. Лисин, Б.К. Инновационная культура [Текст] / Б.К. Лисин // Инновации. - 2008. - № 10. - С. 49 - 53.
5. Маслоу, А. Г. Дальние пределы человеческой психики / Перев. с англ. А.М. Татлыдаевой. - СПб.: Евразия, 1997. - 430 с.
6. Матюшин, А. Как сформировать творческую личность? / А. Матюшин // Вестник высшей школы. - 2004. - № 8. - С. 30-35.
7. Михайлов, Н.Н. О потребности личности в самореализации / Н.Н. Михайлов // Философские науки, 1982. - № 4. - с. 24-32.

ДОСУГ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Шманцарь М.В. (Екатеринбург)

Для каждого исторического периода характерны особые черты досуга. В аграрном обществе свободное от труда и бытовых дел время воспринималось, как возможность восстановить силы для дальнейшей работы, то есть в указанную эпоху досуг был исключительно необходимостью, приложением к труду. В индустриальном обществе урбанизация и научно-технические

открытия породили множество новых способов проведения досуга. Он (досуг) стал возможностью для физического и духовного развития человека. Однако в тот период досуг все еще не являлся самодовлеющей ценностью. На данный момент времени общество все более интенсивно движется к постиндустриальной (информационной) фазе своего развития. Многие страны (которые принято называть развитыми) уже всецело влились в этот период. Относительно России у ученых не сложилось единого мнения: одни считают, что мы уже сейчас живем в информационном обществе, другие причисляют Россию к обществам переходного типа (то есть к таким обществам, которые находятся на пути от индустриальной стадии развития к постиндустриальной). На наш взгляд, Россию можно назвать информационным обществом, так как уже сложились основные специфические черты этой стадии: увеличение роли знания в жизни человека, отношение к информации как к важнейшему ресурсу, развитая телекоммуникационная сеть, широкое применение новых технологий во всех сферах жизнедеятельности. Досуг в информационном обществе – это не просто свободное время, это возможность сделать свою жизнь ярче и насыщеннее. Удовлетворенность досугом является одним из важнейших индикаторов социального самочувствия различных социальных групп [1]. Россия активно принимает новые способы общения, отдыха, развлечений; появляются и развиваются новые технологии, которые могут быть применены в сфере досуга. Досуг обогащается, совершенствуется, появляется множество вариантов его проведения. Несмотря на это имеет место негативная тенденция: деятельность в свободное время нередко сводится к пассивному потреблению продуктов массовой культуры, что способствует потере социальной активности россиян. Футуролог Грэхем Т. Молитор считает, что в ближайшем будущем произойдет сокращение рабочей недели, что приведет к увеличению времени для досуга, но это время будет потрачено не на самосовершенствование, а на «сидячее» времяпрепровождение [2, с. 395]. Теоретическое осмысление досуга в контексте социально-исторических трансформаций, связанных с информационным обществом, осуществлено авторами концепций потребления (Бодрийяр) и «цивилизации досуга» (Дюмазедье, Фурастье, Каплан). М. Каплан понимает под досугом центральный элемент культуры. Он считает, что досуг в современном обществе является источником идентификации личности и тех ценностей, которые раньше формировались работой и религией [3]. Активный досуг (к нему мы можем отнести включенность индивида в

деятельность различных образовательных, оздоровительных, общественно-политических, гражданских институтов) является параметром качества жизни; именно такой досуг наиболее богат, разнообразен и социально значим. Однако эти виды деятельности требуют определенных затрат как материального, так и интеллектуального характера [1]. Конкретные данные о досуге россиян показывают, что уровень вовлеченности в активные формы его проведения является низким. Россияне предпочитают самые распространенные и не требующие никаких дополнительных затрат домашние формы проведения свободного времени (просмотр телевизионных передач, чтение и пр.) [1]. В современном российском обществе особое место занимает Интернет как относительно новый, но быстро завоевывающий популярность способ проведения досуга. Он предоставляет новые каналы для коммуникации, может выступать в роли справочника и магазина, меняет очертания нашей повседневной жизни. Мы не можем не заметить пользу, которую приносит Интернет, однако он породил и несколько существенных проблем: во-первых, происходит замена реального общения виртуальным; во-вторых, теряют свою значимость посещения культурных учреждений (рассуждения по типу «зачем ходить в театр, если есть запись постановки, доступная в Сети?»); в-третьих, нарушение авторских прав. Также следует отметить, что досуг в информационном обществе нередко вытесняет удовлетворение потребности в сне, поскольку клубы, бары, концерты, телевидение, Интернет доступны круглосуточно. Недосыпание может привести к снижению трудоспособности человека и к различным проблемам со здоровьем. Таким образом, в информационном обществе сфера досуга непрерывно пополняется новыми видами деятельности, индустрия досуга расширяется. Несмотря на это россияне, в целом, включены в те формы проведения досуга, которые не сопряжены с саморазвитием и материальными и интеллектуальными затратами, то есть они предпочли путь наименьшего сопротивления. Также можно выделить следующие тенденции: возрастание роли Интернета в досуге россиян, вытеснение сна досугом и выбор пассивных форм проведения досуга с локализацией внутри дома. Исходя из приведенных характеристик, можно сделать вывод о необходимости инструментов, которые помогли бы привлечь россиян к активным формам проведения досуга.

Литература

1. Городской средний класс в современной России. Аналитический доклад [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.isras.ru/analytical_report_MiddleClass_7.html (дата обращения: 29.09.2012).
2. Мир нашего завтра: Антология современной классической прогностики. – М.: Изд-во Эксмо, 2003. – 512 с.
3. Hazard P. D. Leisure in America: A social inquiry by Max Kaplan [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://myglobaleye.blogspot.com/2009/11/leisure-in-america-social-inquiry-by.html> (дата обращения: 29.09.2012).

Секция 9. Интеграция высшего и среднего образования проблемы и перспективы

К ВОПРОСУ О ПЕРСПЕКТИВАХ СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Андреева А.В. (Санкт-Петербург)

Система российского образования вступила в эпоху интенсивного реформирования. Но многочисленные реформы, даже если бы они носили системный характер, неизбежно нарушают сложившиеся за долгое время функционирования общества системные связи между его элементами. Хорошим примером такого процесса может служить реформирование российской экономики в 90-е гг. XX в., когда институт образования оказался «оторванным» от потребностей новой рыночной системы, неспособным в итоге поставлять на рынок труда необходимых специалистов. Система образования вынуждена была переориентироваться на потребности практики, однако до сих пор эта проблема остается для нашей страны не просто не решенной, но одной из самых острых. Последние полтора десятилетия не прекращаются попытки вывести российское образование из кризиса, сделать сопоставимым с признанными во всем мире эталонами, для чего была произведена попытка перехода от традиционного подхода к образованию, ориентированного на передачу определенного объема знаний, навыков и умений, к компетентностному подходу. Однако, ошибочным было предположение, что, организовав структуру высшего образования в соответствии с принципами болонского процесса, можно было

оставить без внимания то, что: а) формальные структуры большинства российских вузов устарели и непригодны для обеспечения перехода к инновационному типу образования, б) монопольным поставщиком абитуриентов вузов остаются по-прежнему нереструктурированные в соответствии с новым компетентностным подходом к высшему образованию школы и среднеспециальные учебные учреждения. Очевидно, что внутри института образования между элементами его структуры – высшим образованием и средним – было окончательно нарушено взаимодействие и до того далекое от оптимального. В этой связи неизбежно возникла проблема интеграции высшего и среднего образования, как наиважнейших элементов института. Вопросы возможности такой интеграции поднимаются на разных уровнях власти, активно обсуждаются на различных социологических и педагогических конференциях по всей стране. Приблизиться к ее решению возможно, если прояснить понятие интеграции концептуально. Впервые различие между социальной и системной (или функциональной) интеграцией провел Д.Локвуд в 1964 г. и разрабатывается многими современными социологами. Функциональная интеграция касается отношений совместимости и несовместимости между социальными институтами. Функциональная интеграция может быть обеспечена путем дальнейшего системного реформирования института образования, совершенствованием нормативной базы, регулирующей функционирование этого института. Социальная интеграция высшего и среднего образования предполагает стремление не просто сотрудничеству, а установление бесконфликтных, упорядоченных связей и взаимодействий между социальными деятелями: вузами, среднеспециальными образовательными учреждениями и школами. И этот процесс возможно стимулировать уже сегодня. Чтобы способствовать социальной интеграции высшего и среднего образования необходимо, прежде всего, установить между ними прочную коммуникацию и обеспечить их совместную деятельность. В решении этой задачи могут оказаться полезными не только ежегодное проведение совместных семинаров и конференций по общим проблемам, но и: - организация на базе вузов постоянных курсов повышения квалификации для учителей школ и преподавателей среднеспециальных учебных учреждений в соответствии с требованиями нового компетентностного подхода к образованию; - совместная разработка программ учебных дисциплин для школьников на основе компетентностного подхода; -

информационное взаимодействие школ и вузов: вуз должен информировать школы о своей деятельности на протяжении всего времени обучения школьников, чтобы последние имели представление не только о возможностях послевузовского трудоустройства, но и о специфике предлагаемых вузом специальностей; - организация исследовательских проектов и совместное в них участие преподавателей вузов, школьных учителей, студентов и школьников; - организация преподавателями вузов тематических семинаров и тренингов (например, по риторике, ведению дискуссии, эффективному обучению и т. д.), подготавливающих школьников к обучению в вузе; - организация посещения школьниками лекций и возможности общения с преподавателями интересующих их вузов и другие мероприятия. Отдельно стоит подчеркнуть необходимость и актуальность включения в обсуждаемый интеграционный процесс школ-интернатов и школ для детей с ограниченными возможностями, поскольку такое взаимодействие на постоянной основе позволит этим категориям учащихся не только эффективнее интегрироваться в социум, но и развить свой потенциал. В целом направления развития социальной интеграции высшего и среднего образования могут быть ограничены исключительно нашей фантазией, важно при этом обнаружить взаимное стремление этих структур к взаимному действию.

ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ

Артём О.Я. (Екатеринбург)

В современном, столь изменчивом мире, роль получения образования и профессии стремительно растёт. Ещё раньше высшее образование считалось редкостью, и было не каждому возможно его получить. Но, сейчас же выпускники школ, все чаще стремятся овладеть профессиональным образованием, при этом, большую значимость и престижность занимают, именно ВУЗы. Выбор профессии и профессионального общеобразовательного учреждения, это всегда достаточно сложный процесс, который требует множество усилий и возможностей. В большей степени, с данным процессом сталкиваются выпускники школ. Но, для того чтобы старшеклассники сформировали свой профессиональный выбор, необходима определенная система мероприятий. В данном случае,

речь будет идти о факторах профессиональной ориентации старшеклассников. Для начала, стоит отметить, что под профессиональной ориентацией, мы будем понимать: систему совместных мероприятий основных факторов профессиональной ориентации (семьи, школы, друзей, профессиональных общеобразовательных учреждений, СМИ, профессиональных организаций и предприятий), направленную на оказание помощи учащимся в формировании выбора профессии, а также профессионального общеобразовательного учреждения. Итак, профориентация впервые, как самостоятельная научно-практическая система начала складываться в США в начале прошлого века. В г. Бостоне в 1908 г. Ф. Парсонсом было организовано первое профконсультационное бюро для учащихся городских школ. Ф. Парсонс проводил обследование учащихся с помощью анкетирования и тестирования, детально изучал полученные данные о подростках и сопоставлял их с требованиями той или иной профессии. На основе полученных выводов он проводил индивидуальные консультации[1]. Сейчас же, рассмотрение проблематики профессиональной ориентации, не менее значимо, чем было раньше. Общество развивается, в нем произошло большое количество изменений. Сменились поколения, ценности, устои, приоритеты, цели в жизни людей, в том числе и выпускников школ. А также, во многом изменилась и усовершенствовалась профориентационная работа со старшеклассниками. Все более значимым становится взаимодействие учащихся с профессиональными общеобразовательными учреждениями и СМИ, а именно интернетом, при этом возникает проблема того, что роль семьи в формировании выбора профессии, а также школы, уходит на второй план. Далее, попытаемся разобраться более подробно, на примере двух проведенных исследований. Данное исследование было проведено в 2008 году, М.К. Горшковым, Ф.Э. Шереги, опубликованное в книге ?Молодежь России: социологический портрет? в 2010 г. Авторы исследования анализируют специфику выбора профессии среди старшеклассников, при этом, подробно рассматривают возрастающую роль интернета, как источника информации[2]. Результаты проведенного исследования показали, что интернет, как главный источник информации, приобретает все большую значимость среди учащихся 14-17 лет (61,9%). Стоит отметить, что об этом свидетельствует нарастание новых информационно-коммуникационных традиций у будущего поколения. И конечно, важно уточнить, что высокая вовлеченность учащихся старших

классов использованием интернета, во многом влияет и формирует их профессиональную ориентацию, взгляды на жизнь, ценности и многое другое. Заходя в интернет для учебы или общения с друзьями, выпускники школ явно обсуждают со своими знакомыми актуальные темы и проблемы. В данном случае, это скорее будут такие темы, как выбор профессии, профессионального заведения и др. Взгляды, мнения, реклама в интернете откладывает определенный отпечаток в сознании старшеклассников, что, как раз таки, во многом и формирует их выбор в сторону той или иной профессии и профессионального общеобразовательного учреждения. Еще, немаловажно то, что авторами исследовалась такая проблематика, как мнение учащихся о том, представляет ли школа достаточно возможностей для того, чтобы выбрать будущую профессию? Оказалось, что большинство выпускников не профессионально ориентированы (54,8%), причины как определили учащиеся, отсутствия должных уроков помогающих сформировать профессиональный выбор. Также, при выборе той или иной профессии 48,8% старшеклассников отметили, что выбирают сами, независимо от мнения родителей, школы, друзей. Далее, остановимся на результатах исследования, которое было проведено в апреле 2012 года в г. Екатеринбурге, автором данной статьи. Благодаря полученным данным, мы попытались выявить тенденции того, как старшеклассники формируют свой профессиональный выбор. На первое место, по влиянию на формирование профессионального выбора учащихся, выходят профессиональные образовательные учреждения, затем семья и школа. Почему, влияние профессиональных образовательных учреждений, занимает первую позицию? Может быть, это связано с тем, что профессиональные заведения все больше стали о себе заявлять, информировать о своих предлагаемых специальностях, престиже, возможностях, также, при введении ЕГЭ, старшеклассники могут через интернет, выходя на сайты профессиональных образовательных учреждений отправлять свои результаты и в дальнейшем, смотреть списки по зачислению и т.д. В ходе исследования было выявлено, что интернет среди выпускников школ (11класс), выступает главным источником информации (87%). Безусловно, роль интернета в обществе, в целом, возросла, и старшеклассники, как подрастающее поколение, достаточно, быстро смогли это уловить. Кроме того, сейчас есть тенденция того, что выпускники школ обсуждают на форумах свой предстоящий профессиональный выбор. Также, при подготовке к ЕГЭ существует множество он-лайн тестов, где старшеклассники без

труда смогут попытаться пройти тест и узнать свои результаты. Таким образом, подводя итог, можно сказать, что в современном обществе формируют и влияют на профессиональный выбор старшеклассников, скорее не семья или школа, а личный выбор выпускников, взаимодействие с профессиональными общеобразовательными учреждениями, а также, пользование интернетом, как главного источника информации.

Литература

1. Педагогика. ? 2005, № 9. ? С. 65-72 С.С. Гриншпун Профориентация учащихся: зарубежный опыт Профориентация в США. Режим доступа: http://www.cls-kuntsevo.ru/portal_proforientir/prof_obuch_uchashihsya_zarubezgom_v_s ha.php.(дата обращения: 03.10.2012).
2. М.К. Горшков, Ф.Э. Шереги Молодежь России: социологический портрет Режим доступа: http://www.isras.ru/files/File/Molodez_Rossii.pdf. (дата обращения: 03.10.2012).

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Афанасьева М.В., Добряк С.Ю. (Санкт-Петербург)

Государственно-частное партнерство (ГЧП) сегодня широко используется и в России, и в мире, но не имеет четкого общепринятого определения. При этом в мире существует единство в понимании в каких сферах применяется ГЧП, какие используются модели для реализации проектов ГЧП и какой необходимо сформировать инструментарий. ГЧП в целом ряде развитых и развивающихся стран уже продемонстрировало свою эффективность в сфере решения инфраструктурных проблем, являясь хорошо проработанной ? на основе практического опыта - экономической концепцией. В России же понимание важности и возможностей использования ГЧП до сих пор не сформировано, что препятствует развитию российского рынка проектов ГЧП, тем самым, не позволяет использовать данный механизм для развития общественной инфраструктуры во всероссийском масштабе. Условно ГЧП понимают в широком и узком смыслах. В широком смысле под ГЧП подразумевается любое официальное конструктивное

взаимодействие власти и бизнеса не только в экономике, но и в политике, культуре, науке. В узком смысле под государственно-частным партнёрством понимается ? взаимодействие бизнеса и власти в процессе реализации социально значимых проектов, имеющих общегосударственное значение. Рассмотрим основные признаки государственно-частного партнерства. 1. сторонами ГЧП являются государство и частный бизнес; 2. взаимодействие сторон в ГЧП имеет юридическую основу; 3. взаимодействие бизнеса и власти имеет партнерский характер, основанный на учете интересов обеих сторон. ГЧП применяется при реализации проектов, имеющих существенную общественно-государственную значимость. ГЧП-проекты - это, прежде всего реализация публичных интересов. Совместные цели и интересы обеих партнеров координируются на основе: ? общегосударственных общественно-полезных целей; ? в процессе реализации проектов на основе ГЧП, объединяются усилия сторон; ? финансовые риски и затраты, а также достигнутые в ГЧП результаты распределяются между сторонами в пропорциях согласно взаимным договоренностям, оформленным юридически. На основе этих признаков можно предложить следующее определение понятия ГЧП, которое представляется возможным рассматривать в качестве основы для законодательного закрепления понятия ГЧП. ГЧП - это юридически оформленные отношения органов власти и субъектов предпринимательства в отношении объектов, находящихся в юрисдикции государства, основанные на обязательном разделении рисков, учете интересов и координации усилий сторон, осуществляемые в целях наиболее эффективной реализации проектов, имеющих важное общественно-государственное значение. Основные принципы проектов ГЧП 1.Государству важны объем и качество услуг, а не только наличие объекта инфраструктуры 2.Квалификация и опыт частного сектора (ноу-хау и менеджмент) в области проектирования, строительства, эксплуатации инфраструктуры используется для оказания услуг, объем и качество которых определяется государством 3.Риски заранее идентифицируются и передаются стороне, которая может лучше справиться ими 4.Возмещение затрат частного сектора зависит от качества его работы 5.По каждому проекту необходимо сравнение механизма ГЧП с традиционной схемой госзакупа с точки зрения эффективности расходования средств. Сам термин «государственно-частное партнерство» является дословным переводом английского термина «public-private partnership» (PPP) и давно применяется в зарубежных государствах: Франции, Великобритании, США, Канаде,

Австрии, Бельгии, Дании, Австралии, Израиле, Ирландии, Финляндии, Испании, Португалии, Греции, Южной Кореи, Сингапуре, Чехии. Во Франции такой опыт сотрудничества государства и бизнеса впервые был реализован еще в 1552 году при постройке канала по концессионному принципу. В Великобритании стоимость объектов частной финансовой инициативы, которая является там основной формой ГЧП, в течение последних 10 лет составляет 24 млрд. фунтов стерлингов, а в течение следующих трех лет планируется реализовать проекты на общую сумму 12 млрд. фунтов стерлингов. Ежегодно заключается до 80 новых соглашений. По данным британского правительства, такие проекты обеспечивают 17% экономии для бюджета страны. По данным Национального совета по частно-государственной кооперации, в США из 65 базовых видов деятельности муниципальных властей (водопровод, канализация, уборка мусора, школьное образование и др.) средний город использует коммерческие фирмы при исполнении 23. С 1990 по 2010 годы в Евросоюзе были реализованы 1452 проекта ГЧП на сумму 272 млрд евро. Только в 2010 году было осуществлено 112 проектов стоимостью 18,3 млрд евро, причем на образование и здравоохранение пришлось 6,5 млрд евро. Если говорить о динамике развития проектов ГЧП в ЕС, то объемы таких соглашений неуклонно росли вплоть до 2007 года. Однако мировой кризис значительно сбавил активность взаимодействия частного сектора с госструктурами. Впрочем, уже результаты 2010 года явно продемонстрировали готовность европейцев к восстановлению докризисных объемов в краткосрочном периоде до максимальных показателей 2007 года – 29,6 млрд евро, а в перспективе – и их превышению. По количеству соглашений ГЧП в Европе бесспорным лидером является Великобритания, на экономику которой по итогам 2010 года приходится 44 сделки из 112 проектов ГЧП в целом по Европе. С 1990 по 2009 годы доля Великобритании в общеевропейском количестве проектов ГЧП составила 67,1 %, а по их стоимости – 52,5 %. Второй результат по численности и стоимости соглашений ГЧП в общем объеме Евросоюза за аналогичный период продемонстрировала Испания – 10,1 % и 11,4 % соответственно. На третьей позиции Франция – 5,4 % и 5,3 %. В 2010 году во Франции было реализовано 19 проектов на сумму 1,8 млрд евро. Отдельно стоит отметить перераспределение отраслевых приоритетов в европейских проектах ГЧП. По итогам 2010 года лидером по количеству соглашений ГЧП в Европе является сфера образования (34 %), ощутимо опережая традиционную для ГЧП транспортную

сферу (21 %). Значительные позиции в общем объеме сделок ГЧП занимает и здравоохранение (17 %). Совокупная доля образования и здравоохранения возросла до 35 % по стоимости и до 51 % по количеству сделок. Определенные позитивные тенденции наблюдаются и у государств Восточной Европы, которые только начинают перенимать опыт западных соседей в направлении государственно-частного партнерства. В 2010 году в Восточной Европе было заключено шесть сделок ГЧП против двух в 2009 году, но в то же время их суммарный стоимостной объем сократился с 2 млрд евро до 150 млн евро. На наш взгляд, изучение нормативного правового регулирования государственно-частного партнерства в зарубежных государствах, в которых данный вид партнерства уже давно служит эффективным средством реализации инновационной и инвестиционной политики, укрепления экономики, расширения инфраструктуры, реализации масштабных социальных проектов, является целесообразным.

ВОСПИТАНИЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ У ШКОЛЬНИКОВ: ФОРМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЕМЬИ И ШКОЛЫ

Бородина Л.Б. (Санкт-Петербург)

Понятие «толерантность» постепенно входит в воспитательный процесс современной школы. «Что такое толерантность?», «Как стать толерантной личностью?» – эти вопросы все чаще обсуждаются учителями, родителями и учащимися. Воспитание толерантности – одна из важнейших задач современной семьи и школы. Однако в семье эта задача редко является ведущей. Семья должна дать ребенку первый опыт взаимодействия с людьми: здесь ребенок должен учиться общаться, учиться слушать и уважать взрослых, бережно относиться к своим близким, уважать мнение других. В формировании толерантности в семье должен сыграть личный пример родителей, родственников: атмосфера отношений в семье, стиль взаимодействия между родителями, между родственниками, детьми. Формальная поддержка толерантного поведения может сопровождаться и нетолерантными суждениями родителей. Существует проблема межнациональной толерантности. Именно родители сеют гнезда межнациональной вражды, неприязни, даже не замечая этого. Дети впитывают националистические оценки родителей о «плохом» русском, еврее, узбеке и воспринимают их

негативное отношение к людям другой национальности. Это может привести детей или к двойному стандарту поведения, или к тому, что, дети заражаются националистическими настроениями, как их родители.

Среди типов нетолерантного поведения младших школьников можно выделить: и нетолерантное поведение в отношении представителей других национальностей, в отношении представителей межнациональных браков, а также в отношении детей с отклонением в развитии.

Работа с данными типами нетолерантного поведения требует разных форм организации взаимодействия семьи и школы. Можно назвать некоторые из них:

1) знакомство с семьей школьника; 2) совместное обсуждение на классных часах проблем межнационального общения с учащимися и родителями (личный пример взрослых воспитывает межнациональное сознание) 3) обучение родителей навыкам толерантного общения (выявление проблем в воспитании детей, семейных отношениях, поведении родителей) 3) занятия и беседы с родителями: а) Роль общения в жизни ребенка. б) Причины возникновения конфликтов у детей. в) Как научить ребенка понимать других людей Проведение на классных часах дискуссий с детьми: Что значит быть терпимым в отношении с людьми? Нужно ли Нужно ли быть самим собой? Возможно ли жить без конфликтов? Умею ли я понимать других людей? Обсуждение ситуации. Работа родителей по организации совместной деятельности родителей и детей. Проведение совместных праздников. Проведение совместных занятий по проблемам общения, взаимоотношений родителей и детей. Только совместными усилиями школа и семья смогут воспитывать у детей толерантное поведение.

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ СОЦИОЛОГА-ПЕРВОКУРСНИКА

Буланова М.Б. (Москва)

Качество подготовки студентов-социологов в некоторой степени зависит от начального уровня их знаний и степени ориентации в специфике будущей профессиональной деятельности. В октябре 2012 г. на социологическом факультете Российского государственного гуманитарного университета было проведено «входное» тестирование первокурсников. Всего в опросе приняли участие 94 человека. 1. Открытый вопрос: ?Какие социальные

проблемы, по Вашему мнению, являются наиболее актуальными в современном российском обществе?? Большинство студентов дает расширительное толкование социальных проблем, отнеся к ним всю совокупность проблем российского общества. Среди них первыми названы: ?коррупция (взяточничество)? (38 чел.); ?алкоголизм и табакокурение? (33 чел.); ?демографические проблемы (низкая рождаемость, высокая смертность)?(29 чел.); ?наркомания? (26 чел.); ?безработица? (23 чел.); ?бедность? (20 чел.), ?социальное неравенство? (20 чел.). Кроме того, выделены проблемы ?преступности? (13 чел.), ?бездомности? (8 чел.), ?детей-сирот? (6 чел.), ?инвалидов? (5 чел.), ?пенсионеров? (5 чел.). Относительно общей атмосферы российского общества, студентов беспокоит: ?Падение нравственных устоев общества?, ?Ущемление прав детей, инвалидов, пенсионеров?, ?Упадок института семьи и брака?, ?Социальная незащищенность населения?, ?Неуважение ветеранов ВОВ?, ?Неуважение к пожилым людям?, ?Недоверие к власти?. Отвечая на данный вопрос, молодежь ?уловила? отрицательную волну настроений среди российских граждан: ?Безразличие людей к будущему России?, ?Отсутствие у людей желания бороться за свои права?, ?Пассивное участие в жизни государства?, ?Нигилизм молодого поколения?. Первокурсников волнует: ?Недостаточное финансирование школ, больниц, науки?, ?Слабое развитие толерантности у граждан?, ?Большое количество мигрантов?, ?Качество и доступность здравоохранения и образования?. 2. Открытый вопрос: ?Из чего состоит государственная социальная политика?? Отвечая на данный вопрос, студенты продемонстрировали осведомленность о формах, целях и содержании государственной социальной политики. Однако интересны сопровождающие ответы комментарии. Например, ?Все, что она включает, мало исполняет?, ?Наше государство недостаточно успешно, чтобы заниматься социальной сферой?, ?Социальная политика обязана сохранять в обществе баланс, где все люди будут довольны сложившейся ситуацией?, ?Главное ? регулирование социального неравенства?, ?Необходимо сократить разрыв между сверхбогатыми и бедными?. 3. Полузакрытый вопрос: ?Какое будущее ожидает Россию?? Студентам были предложены варианты: капиталистическое, социалистическое, особое, религиозное, национальное, другое. Необходимо отметить, что этот вопрос вызвал затруднение у студентов. Часть из них постарались описать то общество, в котором им хотелось бы жить: ?Россию ждет особое общество, что-то принципиально новое, содержащее в себе элементы

каждого из предыдущих типов?; ?Россия выйдет на новый уровень и станет ведущей на мировой арене?; ?Надеюсь, что в России будет правовое государство (но это крайне сложно)?.. Другая часть экстраполировала в будущее современные тенденции: Оптимисты считают: ?Все будет хорошо, просто не сразу, капитализм себя исчерпает, а за ним должно что-то появиться?; ?Россия станет ?космической державой? и совершит какую-нибудь гуманитарную революцию?.. Пессимистических прогнозов больше: ?Россию не ждут изменения в политической системе до тех пор, пока полностью не сменится правящая верхушка?; ?Если обстановка не изменится, то у России нет будущего?; ?Россию ждет плачевное будущее, т.к. государство не уделяет должного внимания проблемам общества?; ?Россию ожидает особое будущее, так как русских людей становится все меньше?.. Интересно, что, есть обнадеживающий комментарий к данному вопросу: ?Будущее страны зависит от самого общества, то есть от нас?.. 4. Открытый вопрос: ?Что такое социальная справедливость?? В большинстве ответов содержится идея ?равенства?. Например, ?равный доступ различных социальных групп общества к социальным благам или участию в деятельности?, ?равенство классов?, ?общие права и одинаковое положение в какой-либо социальной группе?, ?равенство в обществе вне зависимости от гендерной принадлежности, конфессии, расы, экономического положения, равенство перед законом?. Но есть и другое понимание, что социальная справедливость: ?Механизм, основанный на общественной морали и социальных нормах, регулирующий поступки и поведение людей в обществе?; ?Один из распространенных общественных идеалов?; ?Реальная возможность для каждого человека реализовать свои профессиональные знания и навыки?.. 5. Открытый вопрос: ?Как Вы думаете, чем занимается социолог? Какие виды работ он выполняет?. Ответы первокурсников свидетельствуют о том, что у них есть общее представление о профессии: ?Изучает общество, его структуру, законы его развития, поведением людей?; ?Занимается актуальными вопросами современной жизни общества?; ?Занимается социальной аналитикой?. В некоторых ответах есть конкретизация: ?Проводит социологические исследования мнений и поведения людей?; ?Выясняет настроения людей, чтобы решать их проблемы?; ?Составляет статистику общества?; ?Проводит опросы на разные темы, составляет рейтинги?. Понимание субъектной составляющей профессии показывают ответы: ?Социолог может ?прописать? меры, которые помогут обществу ?вылечить??; ?По заказу определенной

организации собирает и обрабатывает информацию?, ?Это врач, но только для общества?. 6. Открытый вопрос: ?Решением каких проблем, как социолог, Вы хотели бы заниматься?? Часть первокурсников, видимо под впечатлением ответов на вопрос об актуальных социальных проблемах, ответили: ?Хотелось бы начать с проблем бедности?; ?Помочь малоимущим семьям?; ?Заняться проблемами социального неравенства?. Другая часть студентов выбрали отраслевые социологии: социологию маркетинга и рекламы, экономическую социологию, социологию образования, политическую социологию, социологию управления. Некоторые первокурсники ответили, что еще не определились с выбором своего поля деятельности. Следует отметить и ответы тех студентов, которые не прошли по конкурсу на другие специальности. Их будущее в социологии не ясно даже им самим. Таким образом, можно сделать следующий вывод. На первый курс пришли студенты, равнодушные, имеющие представление об актуальных проблемах российского общества, готовые принять участие в решении этих проблем с помощью социологии как науки и профессии.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ КОМПЕТЕНЦИИ ИНЖЕНЕРА ИТ-СФЕРЫ

Виноградова М.А. (Санкт-Петербург)

Как свидетельствуют научные публикации [1], часто техническое и гуманитарное образование рассматриваются как противоположные полюса научного знания. Однако трудно не заметить их взаимосвязь друг с другом и взаимное влияние. В условиях технократизации общества и его структур, эта взаимосвязь проявляется в том, что технические науки выступают в качестве донора, а гуманитарные и общественные ? в качестве реципиента. Отражением этого процесса является и тотальная математизация наук, и приоритетное финансирование технических наук, и ориентация научных разработок в основном на получение результатов в виде технологий или технических продуктов. Обратный же вектор влияния, т.е. общественных и гуманитарных наук на технические, носит скорее латентный характер, хотя сила этого влияния более чем очевидна. С появлением новых видов техники и технологий (облачные вычисления, аппаратные разработки для хранения и обработки ?больших данных? и т.д.) происходит изменение в способах управления техническими системами и

взаимодействия с ними. При этом техника не просто вносит изменения в жизнедеятельность человека и общества, но и формирует новые антропологические типы и человечество постепенно становится своего рода биокomпонентом техносферы. [2, С. 240] С того момента, когда наука начала осознаваться как производительная сила общества, процесс такого масштаба и такого характера не может не отразиться как на институтах науки и образования, так и на профессиональной деятельности человека. Однако степень внедрения в техническое образование компоненты общественных и гуманитарных наук не отвечает реальным потребностям общества и носит исключительно общий развивающий характер. Примером, отражающим существующую ситуацию, может служить тенденция, наблюдаемая в сфере ИТ. В современных условиях крупные компании концентрируются не только на производстве компьютерного оборудования и программного обеспечения, но переводят свою деятельность в сферу ИТ-услуг. Инженер в ИТ-сфере теперь должен обладать не только предметными компетенциями (знанием способов, технологий производства, проектирования, технического контроля и т.д.), но и оказывать услуги в своей сфере, что подразумевает общение с потребителями, поставщиками, консультирование их по широкому кругу вопросов. Те, кто относит себя к сфере технического образования и потребляет его, а именно инженеры различных направлений, не могут абстрагироваться от проблем коммуникации с другими людьми, т.е. не могут не обладать навыками и компетенциями относящимися к социально-психологической сфере. Поэтому часто им приходится учиться на ходу, бессистемно, чего можно избежать внесением изменений в образовательные программы, реализуемые техническими учебными заведениями. На выходе из высших учебных заведений выпускники не всегда обладают тем набором компетенций, который предусмотрен образовательным стандартом. Выпускники технических вузов, получившие квалификацию инженера, часто отчуждены от проблематики тех компетенций, которые помогают выпускникам адаптироваться к социально-психологической сфере жизни общества, а выпускники гуманитарных и общественных специальностей, напротив, лишены компетенций, позволяющих им эффективно управлять современными быстроразвивающимися информационными технологиями и мультимедиа. Компетенция ? это совокупность смысловых ориентаций, знаний, умений, навыков и опыта деятельности выпускников по отношению к определенному кругу объектов

реальной действительности и жизни, необходимых для осуществления лично и социально значимой продуктивной деятельности. [3, С.150] В научной литературе представлены различные модели компетенций. Например, предметные, методологические и социальные; [4, С.18] образовательные (знание дисциплины, способность самостоятельно приобретать знания), творческие или креативные (умение самостоятельно искать и обнаруживать причинно-следственные связи, применять новые подходы, решать нестандартные задачи и формировать новые, одним словом, творить и выбирать), социально-психологические (усвоение норм общества, понимание целостного мира и своего места в нем) и профессиональные (умение конкретизировать знания и навыки и применить их в локальной области производственной деятельности) [3, С. 144]. По результатам многолетнего проекта "Настройка образовательных структур в Европе" были выделены следующие типы компетенций: инструментальные (способность понимать идеи и теории и манипулировать ими, способности для организации условий работы, использование технических устройств, навыки управления информацией и работы на компьютере, устное или письменное общение или знание иностранного языка), межличностные (способность выражать свои чувства, способность к критике и самокритике) и системные (навыки и способности, которые позволяют человеку видеть части целого в их связи и единстве [5]. Как свидетельствуют представленные модели, все компетенции равноправны и равнозначны по отношению друг к другу. Поэтому, в каких бы образовательных программах (как технической, так и гуманитарной направленности) они не реализовывались, их нельзя делить на первостепенные и второстепенные. Выпускник должен в совершенстве владеть всеми. Что частично и позволит решить проблему связи высшего образования с профессиональной деятельностью по управлению сложными техническими системами.

Литература

1. Емельянов В.В. Гуманитаризация высшего технического образования глазами студентов // Социологические исследования. ? 1990. №3. С. 123-125
2. Зорин А.Л. Гуманитарные дисциплины в системе негуманитарного образования // Вопросы образования. 2006. № 4. С. 106-113.

3. Добрускин М.Е. Роль гуманитарного образования в подготовке инженеров // Социологические исследования. 2001. № 9. С. 95-98.
4. Андреев А.Л., Бутырин П.А., Горохов В.Г. Социология техники, 288 с. 3 .
5. Овсянников В.Г., Пашков М.В. Качество образования: ценностный подход и принципы инновационного обучения // Вестник Санкт-Петербургского Университета. Серия 12. ? 2011. № 1. С.141-150
6. Смирнова, Е.Э. От общих положений Болонского процесса к конструированию российских образцов / Е.Э. Смирнова //Россия и Европа на пути интеграции в единое образовательное пространство: опыт международных образовательных программ: сбор. матер. межвузовского семинара. ? СПб.: Борей Арт, 2007
7. Настройка образовательных структур в Европе. Вклад университетов в Болонский процесс. [URL]: http://www.hse.ru/data/2010/12/10/1218620004/Introduction_Tuning%20Educational%20Structures.pdf (Дата обращения: 04.10.2012)

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ СТУДЕНТОВ СРЕДНЕГО И ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Волегов В.С. (Пермь)

Развитие общественного производства, его усложнение и внутренняя дифференциация приводит к появлению все новых и новых видов деятельности, специальностей, усложнению профессионально-трудовой подсистемы общества, что, в свою очередь, ведет к большей проблематизации процесса трудовой адаптации молодёжи, повышению рисков и неопределенности при осуществлении профессионального выбора. В совокупности с пониманием роли молодёжи как одного из главных ресурсов инновационного развития общества, утвердившимся в отечественной социологической науке [см. напр. 1, с. 5; 2, с. 88], это позволяет говорить о высокой актуальности изучения мотивов и факторов профессионального самоопределения молодёжи в современном российском обществе. Процесс формирования личностной профессиональной траектории представляет собой выработку личностью представления о профессионально-трудовой сфере общественной жизни и своём месте в трудовых отношениях и

согласование этих представлений с объективными социальными условиями их реализации: состоянием и потребностями рынка труда, существующими ограничениями. Данная формулировка показывает необходимость введения анализа мотивов и факторов профессионального выбора в более широкий социально-экономический контекст, а именно: текущее состояние рынка труда, прежде всего структуру спроса на профессии. По данным Государственного казенного учреждения ?Центр занятости населения г. Перми? наиболее востребованными группами профессий в краевом центре на конец 2011 г. являлись: квалифицированные рабочие (32,9% вакансий), неквалифицированные рабочие (19,7%), операторы, аппаратчики, машинисты (16,5%), каждая восьмая вакансия связана со сферой обслуживания и торговли (12,2%). Довольно низкой является потребность работодателей в специалистах высшего и среднего уровня квалификации: 6,6% и 7,6% от общего количества вакансий соответственно [3]. Дополнительным источником сведений о потребностях городского рынка труда является обзор объявлений о приеме на работу. Данный источник позволяет затронуть сферы экономики не отслеживаемые официальной статистикой (прежде всего неформальную занятость и т.н. ?теневую экономику?), кроме того служит дополнительным средством уточнения статистических данных. По результатам контент-анализа раздела объявлений о приеме на работу газеты Ва-Банк за 2010 г. можно получить несколько иную конфигурацию структуры спроса на профессиональные группы: на первое место выходят специальности, связанные со сферой торговли и обслуживания (33,8% объявлений), следом идет группа неквалифицированных рабочих (16,5%), замыкают тройку квалифицированные рабочие (13,7%) [4, с. 111-113]. В условиях довольно низкого спроса на профессии сопряженные с получением высшего профессионального образования, фиксируемого по двум вышеуказанным источникам информации, проблема мотивов профессионального выбора у студентов высших учебных заведений и учреждений среднего профессионального образования приобретает особую актуальность. Данная проблема анализировалась на примере студентов НОУ СПО ?Прикамский современный социально-гуманитарный колледж? (далее ПССГК) и ФГБОУ ВПО ?Пермский государственный национальный исследовательский университет? (ПГНИУ). Метод сбора информации ? анкетирование. Целесообразно говорить о двух генеральных совокупностях: студентах ПССГК и ПГНИУ, что определяет наличие в исследовании двух выборочных

совокупностей. В колледже ? гнездовая (в качестве единиц отбора использовались академические группы), ПГНИУ ? квотная выборка (в качестве котирующего признака выбран факультет обучения). В подвыборках применялся метод ?снежного кома?. Всего в опросе участвовало 142 респондента, 78 из них ? студенты ПГНИУ. Наиболее значимыми мотивами выступают в обеих группах испытуемых широкие социальные мотивы ? важность профессионального образования для дальнейшей жизни и места в обществе: 45,2% студентов колледжа и 46,2% студентов университета выбрали указанное значение; на втором месте идут узкие социальные мотивы: признание, достойное вознаграждение за труд, должность (32,3% и 28,2% соответственно). Ориентация на мнение социального окружения более характерна для студентов колледжа, в то время как для лиц, получающих высшее образование, более важен сам процесс обучения или его инструментальная значимость (ориентация на диплом). Приоритеты студентов колледжа и университета при выборе профессии разнятся: для среднего профессионального образования более важным оказывается универсальность полученных знаний и навыков (их востребованность на рынке труда в целом), для учащихся университета более важным оказывается интерес к специальности и только потом ? универсальность знаний и навыков. Характерным является тот факт, что на востребованность профессии практически не указывают студенты социально-гуманитарного профиля: для них более актуальным выступает универсальность получаемых знаний и навыков. Студенты колледжа в большей степени склонны проявлять оптимизм в оценке востребованности своей профессии. Важно уточнить, что в выборку студентов ПССГК входят учащиеся специальностей ?Менеджмент? и ?Право и организация социального обеспечения?, занимающих достаточно высокие места по количеству выпускников, обратившихся в Агентство по занятости населения Пермского края в 2010 году [5, с. 9]. Утверждение востребованности выбранной профессии лидирует и среди учащихся университета, однако, около 30% студентов отказываются рассматривать свою специальность востребованной на рынке труда. Детализация по признаку ?Профиль обучения? показывает, что менее всего о востребованности своей профессии на рынке труда склонны говорить представители профессий социально-гуманитарного профиля. Если среди студентов-?естественников? свою профессию невостребованной считает 12,6%, то среди ?гуманитариев? таких 39,6%. Все это позволяет говорить о том, что наиболее значимым

мотивом высшего (прежде всего, социально-гуманитарного) и среднего профессионального образования в условиях преимущественно индустриальной стадии развития общества и, как следствие, невысокого спроса на высококвалифицированные кадры, выступает социальная значимость образования, его социально-статусная сторона.

Литература

1. Проблемы профессионального самоопределения молодежи: анализ ценностных ориентаций и профессиональных стратегий // Информационно-аналитический отчет. ? Екатеринбург: УрФУ, 2011. ? 167 с.
2. Семенова Л.А. Особенности профессионально-трудового самоопределения молодежи // Вестник Института социологии. ? 2011. ? №2. ? С. 87-105.
3. Паспорт г. Перми. ? Пермь: ГКУ ЦЗН г. Перми.
4. Антипов А.Г., Волегов В.С. Структура спроса на профессии (на основе контент-анализа объявлений о работе в г. Перми) // Вестник Пермского университета. Серия: Философия. Психология. Социология. ? 2011. - №4(8). ? С. 107 ? 114.
5. Выпускники: состояние регистрируемого рынка труда выпускников в 2010 году. Информационный бюллетень. ? Пермь, 2011. ? 70 с.

ЭКООБРАЗОВАНИЕ МОЛОДЫХ РОССИЯН

Гегер С.А. (Санкт-Петербург)

В данной работе сделана попытка кратко осветить вопросы, связанные с феноменом экологического образования молодежи России. Социологи указывают: респонденты весьма хорошо осведомлены об экологических проблемах, однако приводимые примеры (загрязнение воздуха, перенаселение планеты и т.п.) свидетельствуют о том, что экологические проблемы воспринимаются главным образом как некие абстрактные, не конкретизированные понятия. Соответственно, неиндивидуальны и предлагаемые способы решения экологических проблем. В качестве субъектов решения указываются, в основном, ?специалисты?, ?государство?, ?правительство?, ?власть?. Число ответов ?я? - минимально. Налицо абстрактное отношение большей части населения к экологическим проблемам и их решению. В подобной

ситуации имеет смысл говорить о ресурсах образования для запуска основных механизмов формирования экологического сознания у наиболее активной и восприимчивой части общества - молодежи. Между тем, общепризнанно, в том числе и со стороны государственных структур, что в России скорее общественные организации и активная часть учительства играют ведущую роль в формировании и развитии экологического сознания населения, в большей степени за счет неформального экологического образования и просвещения. Характеризуя экологическое сознание молодежи РФ, стоит отметить, что его развитие недостаточно для создания особых жизненных стилей на оригинальной философской основе. Среди учащейся молодежи (наиболее культурной и информированной в молодежной среде), по данным исследований В.А. Лукова, испытывают опасение относительно загрязнения окружающей среды, экологической катастрофы менее четверти опрошенных (19,7%; исследование МосГУ ?Молодежь-2002?, N=718). Экологически ориентированные группы немногочисленны и в известной мере являются подражанием западным молодежным эоактивистам, без учета российской специфики. Акции российского ?Гринписа?, зачастую, в большей степени демонстративны, чем эффективны. Бывает, молодежные объединения в своих официальных материалах опираются на экологическую проблематику, однако фактическая основа группы оказывается иной. То есть популярные субкультурные образы попросту используются для формирования определенного имиджа организованных структур. Еще один нюанс - неформальным группам, имеющим основой общий интерес, не получивший широкого распространения в социуме, удобнее организовываться при официальных структурах и поддерживать их в той мере, в какой это не мешает реализовывать свое, особое видение мира и соответствующие социальные практики. В настоящее время есть смысл говорить о системе экологического образования, которое является составляющей образования вообще. Принято считать временем становления экологического образования в России период конца 80-х - начала 90-х. Однако еще в 20 -е годы впервые на государственном уровне, чиновниками отдела охраны природы Наркомпроса была сделана заявка о включении разделов по охране природы в школьные программы. Это был единственный период в России вплоть до 90-х годов, когда к делу образования были допущены общественные организации. С 30-х годов прошлого века государство взяло полный контроль над образованием, оставив общественной организации в лице ВООП (Всесоюзное общество

охраны природы) несущественную часть пропаганды в рамках «народных университетов». Мощный подъем экологического образования связан с принятием в 1992 году Федерального закона «Об охране окружающей среды», согласно которому государство взяло на себя хотя бы формально функцию обеспечения экологического образования граждан. С большей активностью в области экологического образования работают природоохранные, а не образовательные структуры. Закон «Об образовании» лишь определяет воспитание любви к окружающей природе одним из принципов государственной политики в области образования. В последнее время наблюдается отступление от ориентации на обязательное преподавание экологических знаний в учебных заведениях, закрепленное статьей 74 Федерального закона «Об охране окружающей среды» от 19.12.1991. В законе «Об охране окружающей среды» 2001 года ничего не сказано о непрерывности и обязательности экологического образования. В настоящее время в России сформировалось несколько подходов к концептуальным основам и методам экологического образования: 1) цивилизационный, основанный на формировании общепланетарных позиций экообразования, 2) культурологический - ориентирован на изучение традиций каждого народа в отдельности и глубинных систем с общими стандартами и нормами экологического сознания, 3) естественнонаучный, самый распространенный. Сторонники этого подхода берут за основу науки естественного цикла и строят образование на понимании процессов происходящих в природе. В России пока что развивается дополнительное экологическое образование школьников и студентов. В самом общем приближении, государственные учреждения предлагают для совместных проектов чаще всего финансирование, информационную и организационную поддержку; общественные объединения в свою очередь предоставляют новаторские идеи, волонтеров и оплачиваемых исполнителей, иногда ? собственную техническую базу, а также финансирование из благотворительных грантов. Таким образом, постепенно в России общественное движение приобретает все больший вес в экологическом образовании. Одна из наиболее ярких общественных организаций Санкт-Петербурга, активно взаимодействующая со школьниками и студентами - «Друзья Балтики», действует с 1994 года в области экологического образования, защиты природы и развития сотрудничества учителей и молодежных экогрупп в южной части бассейна Финского залива. Сегодня в проекты и программы организации вовлечены более 300

человек. Активисты организации работают в Санкт-Петербурге и пригородах .

ИМИДЖЕВЫЕ И БРЕНДОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ВУЗА

Гнатюк О.Л. (профессор, РГПУ им. А.И.Герцена)

После принятия нового Закона РФ об образовании в конкурентных условиях обретения вузами статуса федерального, исследовательского и т.д. – каждый вуз заинтересован в эффективных интегрированных коммуникациях: связях с общественностью, рекламе, выставочной деятельности, продвижении в благоприятном информационном пространстве. Любой вуз - это и организация, и социальный институт, и коммуникационный процесс. Сегодня эффективно управляемые коммуникации вуза невозможны без стратегических коммуникаций, связанных с управлением имиджем, репутацией, брендом вуза при помощи СМИ.

Если, используя системный и кибернетический подходы для управления коммуникационными процессами в вузе, применить *коммуникативные и символические интеграторы*, то на «входе» вуза как системы мы получим: его *стратегию, миссию, ценности, идеологию, историю* - основные «слагаемые» корпоративной философии вуза, а также его *девиз, имя, символику*. На «выходе» вуза как системы мы получим: его репутацию, имидж, идентичность, бренд [1, с. 189-191].

Несмотря на инновационные технологии, используемых сегодня в системе высшего образования, именно *аксиосфера* любого вуза в рамках традиции гуманистической педагогики является важнейшей. *Аксиосфера* – это и есть миссия, ценности, идеология вуза, и она связана именно с *антропологически-гуманитарным*, а не с *технологически-прагматическим* подходом к высшему образованию. Аксиосфера любого вуза раскрывается в актуальной до сих пор «триаде» стратегических целей миссии университета, предложенной Х.Ортега – и - Гассетом еще в 1930 г.: *профессия, наука, культура*. В этом плане активно обсуждаемые в рамках дискурса о реформе образования ожидаемые компетенции обучаемых – вторичны. Аксиосфера высшего образования также связана с «*качеством целей*» - т.е. с выбором вузом (в лице его управляющих структур, профессорско-преподавательского состава, студентов) смысловых ценностей-целей, оправдывающих самодостаточность, идентичность

и индивидуальность конкретного вуза. Цели вуза следует искать в ценностях; ценности вуза - первичны, цели вторичны.

Практически каждый вуз имеет имидж, но не каждый вуз имеет бренд. *Имидж вуза* – это целенаправленно сформированный образ вуза, выделяющий его определенные ценностные характеристики, призванный оказать эмоционально-психологическое воздействие на общественность. Имидж вуза - это целостное восприятие (понимание и оценка) различными группами общественности информации о различных сторонах его деятельности: обучающей, научной, воспитательной, общественной и др. Структура имиджа вуза представляет собой: имидж образовательных услуг, качества образования, научной деятельности и т.д.; имидж их потребителя – студентов различных подразделений и форм обучения; внутренний имидж вуза его подразделений, включая их корпоративную культуру; имидж руководителя вуза; имидж профессорско-преподавательского состава и персонала вуза и его подразделений; визуальный имидж (архитектура, внутренний дизайн помещений, символика и др.); социальный имидж (социальные аспекты деятельности); бизнес-имидж (деловая репутация, показатели активности на рынке образовательных услуг) [2, с.132-138].

Наиболее важными атрибутами *бренда* вуза являются следующие: история вуза, его известность в профессиональных кругах и в обществе; качество образования; стабильность вуза и перспективы профессионального развития; востребованность выпускников на рынке труда; качественный состав и профессионализм профессорско-преподавательского состава; территориально местонахождение вуза; фирменный стиль; известность, открытость и интегрированность вуза во внешнюю среду; перспективы его развития; престижность диплома; имидж вуза; репутация и профессионализм руководства вуза [3, с. 230, 240-242].

Литература

1. Гнатюк О. Л. Вуз как коммуникационный процесс: возможности исследования в теории коммуникации в эпоху «галактики Маклюэна» //Философия человека: современные коммуникативные практики и образование: Сб. научн. трудов. СПб.: Изд-во РХГА, 2010.

2. Кондратьев Э.В., Абрамов Р.Н. Связи с общественностью: учеб. пособ. 3-е изд. М.: Академический Проект, 2005.

3. Грошев И., Ермолаев Ю., Степанычева Е. Бренд высших учебных заведений: особенности формирования // Общество и экономика, 2009, № 11-12.

ПАДЕНИЕ ДОВЕРИЯ К РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИИ У СТУДЕНТОВ ФАКУЛЬТЕТА СОЦИОЛОГИИ СПбГУ

Григорьев В.Е. (Санкт-Петербург)

В апреле 2012 года нами был проведен опрос по электронной почте, в котором мы задали вопрос о доверии к результатам разных наук, в том числе социологии. Мы использовали 7-балльную шкалу. Описательные статистики выглядят так:

	N	Мин.	Макс.	Среднее	Стд. откл.
Физика	75	4,00	7,00	6,0667	,82746
филология	33	2,00	7,00	5,3939	1,11634
социология	108	2,00	7,00	4,9444	,92558
астрономия	34	1,00	7,00	4,5000	1,52256
философия	74	1,00	6,00	3,6216	1,08164

Всего было получено 108 оценок (98 от женщин) при уровне возврата около 40% для учащихся. Целью эксперимента было проверить, зависят ли ответы от контекста. Результат эксперимента оказался отрицательным. Зависимости доверия к результатам социологии от контекста сравнения не обнаружено (вероятность справедливости нуль-гипотезы ? 0,47). Как компенсацию мы получили интересную зависимость доверия к результатам социологии по курсам:

Курс	N	Среднее	Стд. отклонение
1	22	5,4091	,95912
2	17	5,0588	,65865
3	14	4,7143	,82542
4	9	4,55556	1,01379
5	9	4,6667	,86603
Вып.	37	4,8649	,97645
Итого	108	4,9444	,92558

Дисперсионный анализ показал значимые контрасты на уровне 0,05 между 1 курсом с одной стороны и 3, 4, 5 курсами и выпускниками с другой. Регрессионный анализ (без учета выпускников) показывает, что с каждым курсом доверие падает на 0,22 пункта ($p=0,04$). Зависимости уровня доверия от возраста и пола не обнаружено. Основной результат: доверие к результатам социологии по мере обучения падает. Мы взяли восемь интервью у студентов 1-4 курсов об их опыте. Вопросы касались изменений в отношении к социологии их самих и их одногруппников, а также мы предложили им объяснить вышеизложенные результаты. Было также использовано пять интервью, которые взяла Дарья Макарова, в процессе работы над дипломом. Когда студенты говорят о переменах в своём отношении к социологии, то чаще всего возникает тема получения новых знаний, часто упоминается личный опыт участия в исследованиях или опыт знакомых, а также степень интересности

учебного материала. Также упоминаются демотивирующие высказывания преподавателей о социологии как профессии, степень увлеченности преподавателей, влияние друзей. Интересно, что оценки перемен в себе и в одноклассниках резко разошлись. Основная тема для товарищей: «я знаю крайне мало людей, которые действительно увлечены?». Это в ? интервью, где информанты готовы были дать сведения. Напротив, про себя почти все (?) отмечают рост интереса к социологии. Разумеется, о причинах перемен в других студентах информанты знаем гораздо меньше и почти ничего не могут сообщить. Но контраст меня впечатляет. Каким оценкам следует доверять? Можно вспомнить работы психолога из Корнелла Дэвида Даннинга, показавшего, что люди более точно способны оценить положение других, чем своё собственное. Например, 94 % преподавателей вузов, как сообщает Даннинг, считают, что их уровень преподавания выше среднего. Что совершенно нереалистично. В таком случае, скорее следует доверять сообщениям о разочаровании, чем росте интереса. Вспомним эффект Даннинга ? Крюгера, для людей с низкой квалификацией в любом виде деятельности характерно следующее: 1. они склонны переоценивать собственные умения; 2. они не способны адекватно оценивать действительно высокий уровень умений у других; 3. они не способны осознавать всю глубину своей некомпетентности; Найденное расхождение может говорить о низком уровне образования у студентов. Среди объяснений падения доверия в половине интервью информанты указывают на личный опыт участия в исследованиях. Другие объяснения: отсутствие перспектив работы по профессии, демотивирующая информация от преподавателей, рост социологических знаний по мере учёбы. Интересно, что наши информанты не готовы были рассказать о переменах в своих товарищах, но с легкостью выдвигали объяснения, почему они так ответили на вопрос о доверии. Это говорит, что эти объяснения скорее проекция своих чувств и мыслей, чем знание других. Это делает ещё более сомнительными единодушные рассказы о собственном интересе к социологии. Если говорить об известных работах в этой области, то можно упомянуть модель развития Уильяма Перри (Perry, William G., Jr. (1970). *Forms of Intellectual and Ethical Development in the College Years: A Scheme*. New York: Holt, Rinehart, and Winston), по который студенты развивают релятивистские взгляды. Т.е. отказываются от идеи, что существуют правильные ответы. Возможно, это может приводить к падению

уровня доверия к результатам. Тогда подобный эффект должен обнаруживаться и у студентов других учебных заведений.

ГРАЖДАНСКИЙ КОНТРОЛЬ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: АКТУАЛЬНОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Демченко Т.С. (Москва)

В условиях социально-экономических изменений, глобализации общественных отношений актуальным становится качество образования личности, обеспечивающее в стратегическом будущем повышенный уровень развития человеческого капитала. Объективно на процесс обучения и воспитания личности оказывают влияние множество неблагоприятных факторов: финансово-экономический и демографический кризис; несовершенство организационной структуры вузов, низкий уровень правового обеспечения процесса гражданского контроля высшего образования и другие. В настоящее время вузы находятся в состоянии конкурентной борьбы за абитуриентов, где преимущество получают образовательные учреждения, которые обеспечивают высокий уровень качества подготовки кадров. Как показывает социальная практика, эту проблему можно успешно решать, если задействовать силы и средства гражданского контроля высшего образования. Гражданский контроль является неотъемлемым условием успешного функционирования системы высшего образования. Содержательный анализ соответствующих теорий и современной образовательной практики показал, что актуальность исследований в данном направлении детерминруется условиями демократического общества, в рамках которого обучаемые реализуют свои права на качественные образовательные услуги, а также организаторской деятельностью администрации вуза по рационализации путей совершенствования учебного процесса. Значимость гражданского контроля как вида социального контроля была определена и обоснована в работах отечественных исследователей Я.И. Гилинского, П.А. Сорокина и зарубежных Э. Росса, Т. Парсонса и других. Однако в условиях постоянных изменений структур общества и интенсивного развития социальных институтов назрела необходимость уточнить понятие гражданского контроля и интерпретировать его к сфере высшего образования. Как показывает практика, понятие «гражданский контроль» применительно к высшему образованию необходимо расширить, включив в него

дополнительные категории. В таком случае, гражданский контроль в системе высшего образования может быть представлен как часть процесса управления, представляющая собой совокупность систем, механизмов, сил и средств неформальных структур и организаций, обеспечивающих регулирование процесса обучения и воспитания системой социальных санкций. Такое понятие феномена ?гражданский контроль в системе высшего образования? соответствует: Во-первых, изменениям в социальной, экономической и политической жизни, повлекшим потребность в подготовке кадров, способных реализоваться в условиях инновационной экономики. Во-вторых, необходимости уточнения теоретических и практических основ гражданского контроля применительно к высшему образованию. В-третьих, рационализации гражданского контроля в системе высшего образования. В-четвертых, потребности объединения всех сил и средств подсистем вуза, структур вышестоящих органов управления образованием и наукой, а также неформальных организаций в единую систему, позволяющую получить эффект синергии в процессе обеспечения рациональности высшего образования.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ДИПЛОМИРОВАННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА И ВОЗМОЖНОСТИ ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

Дерюгин П.П., Куликова Е.А. (Санкт-Петербург)

Интеллектуальный потенциал ? комплексная характеристика уровня развития интеллектуальных, творческих возможностей, ресурсов страны, отрасли, личности. К его изучению можно подходить с двух сторон: как к совокупности людей ? обладателей знания, ориентирующихся на познавательную и преобразовательную деятельность; как к совокупности научных, технических, социальных, культурных знаний, овеществленных в материально-технических формах и знаковых системах, являющихся средством достижения целей общества [1,12]. Интеллектуальный потенциал конкретных людей и нации в целом определяет место, занимаемое государством в мировых экономических отношениях, его вес и конкурентоспособность [3]. Данный вид потенциала характеризуется интеллектуальной деятельностью общества. Состояние дел в сфере интеллектуальной деятельности России является на настоящий момент крайне неудовлетворительным. Как считают исследователи

данной темы, если в большинстве стран мира отмечается стремление к развитию интеллектуального потенциала, то в России прослеживается прямо противоположная тенденция ? к его неэффективному использованию и разрушению [6]. В данной плоскости обращает на себя внимание проблема невостребованности дипломированных специалистов с высшим образованием старше 45 лет, остро стоящая перед современным российским обществом. Незаинтересованность в работе людей достигших пика своего профессионального развития ? проблема неизвестная развитым странам. Уровень образования ? одна из основных составляющих при оценке интеллектуального потенциала личности. В отношении молодых специалистов ценность полученных знаний подвергается сомнению, в связи с тем, что их социализация проходила в период активных реформ образовательной системы. Хотя качество образования, применение полученных знаний и навыков часто подвергаются критике, тем не менее, следует понять и принять, что иного потенциала в стране нет. И потому весьма важно осознать как актуальную мысль о том, что всякий потенциал требует, прежде всего, условий для реализации, иначе он просто размывается и деградирует [4]. Ресурсами интеллектуального потенциала в профессиональной структуре ? интеллектуально-профессионального потенциала ? обладают профессиональные группы работников, имеющих высокий уровень образования и занимающихся трудом, требующим высокой квалификации и решения многофункциональных задач. Данный вид потенциала ? созревает ? постепенно, формируясь и накапливаясь с приобретением трудового опыта. Абсурдность ситуации с работниками старшего возраста состоит в том, что будучи трудовыми кадрами, обладающими в достаточной мере такими важными, с точки зрения работодателя, качествами как опыт работы и профильное образование, они по достижении сорокапятилетнего возраста оказываются не нужны рынку труда, хотя являются носителями сформировавшегося потенциала. Составные части интеллектуального потенциала могут быть выделены по нескольким признакам. Основной структурной составляющей интеллектуального потенциала является человеческий потенциал, т.е. физические и духовные возможности граждан, которые могут быть использованы для достижения производительных целей [2]. Второй крупной частью можно назвать интеллектуальный капитал личности ? знания и творческие замыслы личности. В информационном обществе, трудно переоценить важность в использовании качественного интеллектуального

капитала для развития и нормального функционирования общества. С.М. Климов выделяет также социальный потенциал (или ресурсы), т.е. потенциал социального взаимодействия, заложенный в каждом человеке, и степень его включенности в социальную среду [3]. Наличие широких сетей знакомств в профессиональной и личной сфере, также можно рассматривать, как часть интеллектуального потенциала сотрудника. На данный момент на российском рынке труда наблюдается ситуация, при которой в процессе трудовой деятельности формируется специалист, обладающий широкой сетью знакомств, развитыми профессиональными навыками, имеющий прикладной опыт применения обширного багажа знаний, по достижении сорока пяти летнего возрастного порога перестает рассматриваться как полезный для трудового процесса кадр, и оставаясь частью трудоспособного населения, становится вынужден спускаться по карьерной лестнице. Специалисты по кадрам обращают внимание, что «возрастной потолок» ярко выражен не во всех профессиональных сферах, а только самых технологичных, недавно появившихся и требующих постоянной активности. Самыми «закрытыми» для сотрудников среднего и старшего возраста являются сферы ИТ, маркетинга и продаж. Стереотипы, существующие о работодателе, связаны с тем, что данные сферы требуют постоянного обновления знаний и навыков работы, а в случае с продажами активных действий и мобильности, в то время как для людей перешагнувших сорокалетний барьер повышенные физические нагрузки, усвоение новых знаний и смена устоявшихся схем дается с трудом. Выделяют реализованный и нереализованный интеллектуальный потенциал индивида. Нереализованный интеллектуальный потенциал характеризуется наличием интеллектуальных резервов (в случае, когда потенциал работы ниже потенциала выполняющего ее специалиста) или их отсутствием (в случае равенства указанных потенциалов или недостатка потенциала работника) [3]. Трудоустройство специалистов старшего возраста связано как раз в нереализованным потенциалом, что выражается в необходимости устраиваться на новую работу, идя на понижение должности, упрощение задач и снижение ответственности. Интеллектуальным потенциалом в современных условиях могут обладать люди любых профессий, способные к творческому мышлению, к неординарным поступкам и действиям [5,8]. Старение населения, постепенное сокращение его трудоспособной экономически активной части ведет к необходимости изменения трудовых стереотипов по отношению к специалистам старшего

возраста обладающих накопленным и нереализованным интеллектуальным потенциалом. Одним из вариантов решения проблемы может стать восстановление института наставничества.

Литература

1. Аглямова Г.Р. Интеллектуальный потенциал молодого города: структура, содержание, социальные функции// Общество и экономика. 1999. №5-6.
2. Вишневский А.Г. Человеческий потенциал. М., 1999.
3. Левченко Л.В., Карпенко О.А. Институциональный подход к анализу категории ?интеллектуальный капитал? //Экономические науки. 2009. №7. 88-89.
4. Попова И.П., Темницкий А.Л. Интеллектуально-профессиональный потенциал: к проблеме структурных изменений.// СОЦИС. 2011. №1. С. 56-67.
5. Титова Е.В. К вопросу об инновационном развитии и ценности интеллектуального потенциала// Экономические науки. 2010. №12. С. 7-12.
6. Шилова О.В. Состояние интеллектуального потенциала российской науки. //Наука и власть: проблемы и коммуникации: материалы Всероссийской научной конференции. ? М.: Научный эксперт, 2009. ? С. 504-512.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВУЗОВ И ШКОЛ: ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Елисеева Е.С. (Екатеринбург)

Образование всегда в любом обществе являлось одним из самых важных элементов, формирующих личность. Очевидно, что в любом здоровом обществе ценится прослойка наиболее образованных, компетентных его представителей. Чем выше коэффициент интеллектуального развития общества той или иной страны, тем выше его духовное развитие. Следовательно, одной из ключевых профессиональных групп в современном обществе являются преподаватели как начального, среднего, так и высшего профессионального образования. Преподавание во все времена в России считалось одним из самых почетных видов деятельности, но на сегодняшний день, к сожалению, многое изменилось. В условиях вступления России в Болонский процесс, становления рыночной

экономики существенно изменилось положение и статус преподавателей высшей школы в обществе. Вместе с тем идет нелегкий процесс поиска новых подходов к содержанию и формам профессиональной деятельности, адаптация к новым стандартам в сложившихся условиях. Наблюдается серьезное падение престижа профессии преподавателя в обществе, влекущее за собой массу неприятных последствий, связанных с демотивацией деятельности молодых преподавателей и, как следствие, к снижению качества образования в целом. Назревшая на сегодняшний день проблема требует тщательного социологического анализа. Чрезвычайно важным является осознание преподавателями своей деятельности, понимание того, чем для них является их профессиональная культура. Профессиональную культуру мы понимаем, прежде всего, как взаимодействие работника и профессиональной среды на основе представленных в ней высших образцов трудовой деятельности, обеспечивающих необходимому социуму качество выполнения работниками производственных обязанностей, обусловленное сочетанием объективных и субъективных факторов [1]. Таким образом, профессиональная культура преподавателя - это достаточно мощный регулятор его деятельности, который задает некую планку в его профессиональной практике. Однако возникает вопрос о том, кто формирует, и кто должен формировать его профессиональную культуру? В ноябре - декабре 2011 года в г. Екатеринбурге нами было проведено социологическое исследование, посвященное изучению проблемы профессиональной культуры молодых преподавателей вузов, в ходе которого был опрошен 151 молодой преподаватель, а так же проведена серия полуструктурированных интервью с руководителями структурных подразделений. Используемый нами качественный метод позволил так же проанализировать и профессиональную культуру преподавателей средней школы в сравнении с профессиональной культурой преподавателей высшей школы. Исследование показало, что на сегодняшний день практически никто не занимается профессиональной культурой молодых преподавателей вузов. Преподаватели в вузе предоставлены сами себе, ориентируются преимущественно на свой опыт времен студенчества и свои внутренние ощущения: ?И отсюда его профессиональная культура, в конечном счете, определяется вообще непонятно, кем. Потому что тут самое удивительное, что дальше еще одним субъектом, который должен определять профессионализм, выступают студенты. Но студент, слава богу, никакого понятия не имеет о том, чему учат, и

отсюда он вынужден поглощать все, что ему дают, не зависимо от того, нужно, не нужно, соответствует даже науке, не соответствует... В этом смысле, он - это наименее требовательный субъект. И получается, что преподавателю, в конечном счете, предъявлять свой профессионализм практически некому? (М.А.В., директор департамента). Довольно красноречиво по этому поводу говорят и данные опроса. Исследование зафиксировало, что более половины молодых преподавателей вузов (58,3%) испытывают острый недостаток профессиональных знаний и неудовлетворенны ими (64,0%). В школах мы можем наблюдать иную картину, где преподаватели подвержены проверкам со стороны руководства и более опытных коллег, в обязанности которых входит не только осуществление контроля за деятельностью менее опытных преподавателей, но также и помощь в работе над ошибками, разработка рекомендаций: ?В школе каждого учителя ну минимум 3-4 раза в году могут проверить. Завуч, директор школы, коллеги по работе могут прийти, их просто заставляют. И каждый руководитель отвечает, что вот он там что-то посещал. А если посещал, то он может дать какие-то предложения. Мнение свое высказать, в том числе и молодому учителю. А в системе вузовского образования этого нет. Вот ?сверх демократия? (М.А.В., директор департамента). Таким образом, на сегодняшний день мы наблюдаем явное падение качества высшего образования в современных вузах. Преподаватели все с меньшим желанием стремятся войти в коллектив кафедры, у них не возникает желания расти профессионально, отсутствуют ориентиры и стимулы профессиональной деятельности. ?Никаких стимулов для повышения профессионального мастерства нет, ибо от этого никак не зависит ни зарплата, ни что-то другое, качество преподавания абсолютно не оценивается. Потому, что если даже существуют какие-то формы стимулирования так называемой научной работы и где-то это учитывается, то профессионализм, поскольку его трудно потрогать и замерить, то он, соответственно никак не стимулируется, потому что все остальные показатели (получение звания доцента), показатели, будто бы профессионализма на уровне кандидата наук или профессора ? это никак не отражает реальность? (М.А.В., директор департамента). Так же стоит отметить, что в вузе существует проблема привлечения действительно квалифицированных специалистов. Это связано с тем, что подавляющее большинство респондентов не удовлетворено оценкой своего труда (70,0%). Так, на вопрос о том, выбрали бы они профессию преподавателя, половина респондентов ответила

отрицательно, при этом готова сменить профессию более трети опрошенных молодых преподавателей вузов. Данные экспертного опроса подтверждают мнение респондентов: «У нас бывает, что ребята оказываются очень способными, очень хорошими, подающими высокие надежды преподавателями, но их перетягивают в другие места, где выше заработная плата. Они уходят. К сожалению, в этом плане стимулировать нечем молодого преподавателя. Это все серьезная для нас проблема. К сожалению, за последние годы было много уже случаев, как минимум пять человек могу назвать, которых мы потеряли именно по этой причине?» (Б.И.В., заведующая кафедрой). Если говорить о современных школах, то необходимо отметить, что в последние годы преподавателям школ удалось обратить на себя внимание государственных структур, вследствие чего заработная плата рядового преподавателя вышла на более достойный уровень. С переходом системы среднего образования на так называемое подушевое финансирование школы начали конкурировать за привлечение как способных учеников, так и талантливых преподавателей, что, на наш взгляд, приводит к стремлению преподавателей средних школ повышать свой профессиональный уровень и закрепляться в школе. В качестве вывода хотелось бы отметить, что сегодня необходимо проводить достаточно серьезную работу в сфере высшего профессионального образования. Мы полагаем, что одной из главных задач государства является выравнивание «кривой справедливости» по отношению профессиональной группы преподавателей (школ и вузов). Следовательно, данная тема требует более глубокой теоретической разработки, проведения эмпирических исследований.

Литература

1. Лымарь А.Н. Профессиональная культура педагогов высшей школы: социологический анализ, дисс. канд. соц. наук. ? Екатеринбург, 2008, с. 24

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СТАРШЕКЛАССНИКОВ

Жукова Н.В. (Санкт-Петербург)

Осенью 2009 г. в сосновоборской средней школе сотрудниками НИИКСИ факультета социологии СПбГУ было проведено полуструктурированное интервью, целью которого было

выявление жизненных и профессиональных ориентаций выпускников из малого города. В интервью приняли участие 12 учащихся 11-х классов. Отношение к школе к выпускному классу приобретает в настоящее время явно прагматическую окраску. На первый план выходит восприятие школы как к этапа получения ресурса, необходимого в будущей жизни. В оценке получаемых знаний четко видна утилитарная позиция ? их роль в поступлении в высшее учебное заведение становится ведущей: знания важны ??в дальнейшем при поступлении в вуз?, ?чтоб поступить, там, в вуз??. Именно с поступлением в вуз основная часть выпускников связывает свое ближайшее будущее. Учебные заведения среднего профессионального образования ? техникумы или лицеи ? упоминаются редко. В целом видна четко сформировавшаяся у выпускников установка, которую можно наглядно представить высказыванием: ?После окончания школы ? в вуз?. Причина такого выбора в сложившейся ассоциации между вузом и последующей ?хорошей работой?: он дает ?образование (ценность которого) в получении будущей профессии?. Можно предположить, что в целом предпочтение вуза базируется на сформировавшемся у школьников идеале ? работать в соответствии с полученным образованием: ?работать как раз вот по полученной с высшим образованием?, как высказалась одна из опрошенных девушек. Профессиональная деятельность, не являясь приоритетной с точки зрения ближайших жизненных планов, в перспективе представляется опрошенным необходимой частью будущей жизни: ?хотела бы выучиться, получить работу, зарабатывать деньги?, ?хорошая карьера, хорошая работа?, ?получить профессию хорошую?. Возможно, что для опрошенных характерно не столько отождествление образования с конкретной профессией, сколько с прибыльной работой, которая ?сможет дать пропитание?. Материальный мотив является важной частью представлений об идеальной работе практически у всех респондентов. Хотя он - не единственно значимая ее характеристика, в их сознании он получил явный перевес перед всеми остальными (общение, интересное содержание, карьерный рост, открытие своего дела и прочее). Данный мотив также выступает как один из ключевых (наряду с интересом, привлекательностью труда) в представлениях выпускников о мотивах и смысле труда. В идеале они дополняют друг друга, ориентация исключительно на материальный мотив оказалась слабой. Зарплата (материальное вознаграждение за работу) рассматривается прежде всего как возможность содержать себя и своих близких, будущую семью: ?без

работы не будет и денег, не будет денег ? нету так сказать, нету средств для проживания?, ?личный смысл, ну чтобы, как бы, продержаться семью, ну, на денежном достатке?. Основная часть респондентов в той или иной форме выразила намерение продолжать обучение после окончания школы, их суждения сводятся к тому, что в принципе необходимо учиться дальше; но сфера обучения для них была еще не определена, как, в некоторых случаях, и сама уверенность в своем стремлении поступить в вуз. Такое отношение к обучению может быть связано с неопределенностью их профессионального выбора. Так, весьма распространена ситуация когда их выбор связан не с одной конкретной профессией, а с широкой сферой деятельности. По-видимому, этим объясняется тот факт, что в краткосрочной перспективе намерение работать в конкретной сфере не характерно для респондентов. Проблема влияния профориентационной деятельности школы на профессиональный выбор представляется важной для анализа установки выпускников на поступление в вуз. Зачастую суть профессионального выбора заключается в необходимости выбора учебного заведения, и в подавляющем большинстве случаев, высшего профессионального образования, связанного со сферой деятельности, наиболее перспективной с точки зрения получения ?прибыльной работы?. Профильное обучение в старших классах не дает четких представлений о будущей профессии. Выбор самого профиля обучения школьниками основан в первую очередь на оценке привлекательности для себя учебных дисциплин, наличии интереса к определенным предметам, возможности изучения любимых предметов в выбранном профиле. Экскурсии на предприятия, тестирования, введение профильных дисциплин слабо помогает профессиональному выбору школьников и слабо влияет на формирование их трудовых ценностей. Опрошенные выпускники, оценивая влияние подобных направлений деятельности школы на свои представления о работе, часто отрицали его: ?нет?, ?никак?. Основным полезным итогом такого рода деятельности ? в ?просто ознакомлении?, лишь в отдельных случаях опрошенные говорили о подтверждении правильности сделанного ими профессионального выбора в процессе участия в таких мероприятиях: ??они как-то подтвердили мой выбор, когда я решила, что да, я хочу этим заниматься?. Изредка они отмечали положительное влияние изученных предметов и дополнительных курсов на их трудовую этику: ??больше воспитали трудолюбие?. Представляется важным усиление содержательного аспекта проводимых при

организационном участии школы экскурсий или лекций о профессиях. Актуальная информация о сути выполняемой работы, профессиональных качествах специалистов, требуемых в той или иной сфере, систематичность осуществляемых мероприятий способны увеличить влияние профориентационной деятельности школы на профессиональный выбор старшеклассников. В целом, учебные факультативы и курсы существенным образом трансформировались и вышли из сферы чисто школьной деятельности. Распространение различных центров дополнительного образования, коммерциализация и внедрение платных услуг сильно повлияли на образовательный процесс. Теперь выпускник старается сформировать для себя набор курсов, которые он будет посещать, прежде всего с позиций их полезности для сдачи ЕГЭ. Большинство выпускников посещают факультативы в школе, а зачастую еще и в центрах дополнительного образования, по дисциплинам, включенным в перечень обязательных для сдачи ? русскому языку и математике, а далее ? предметам, выбор которых зависит от учреждения, в котором планируется получать образование в дальнейшем.

НЕПРЕРЫВНОЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ВЫСОККВАЛИФИЦИРОВАННОГО СПЕЦИАЛИСТА

Зарипов А.Я., Зарипов М.А. (Уфа)

Современные условия профессиональной деятельности специалиста характеризуются быстрой сменой производственных условий, видов деятельности и требований к ее качеству, а также сменой характера взаимоотношений участников производственного процесса. Это требует от образовательной системы научить личность учиться и учиться не только фрагментарно, но и в течение всей жизни, обновляя собственный запас знаний. Задача образовательной системы заключается не только в том, чтобы вооружить людей определенным багажом знаний, но и научить их применять знания и навыки в практической деятельности не только профессиональной, но и познавательной, физической, социальной и другой иной, какова нужна личности и обществу. Профессиональное образование ? это не только возможность получить качественные знания и навыки в профессиональной деятельности, но достаточно значимый в жизни индивида период, в течение которого происходит формирование

мировоззрения, образа жизни, общения, интересов, увлечений. Это время жизненного самоопределения, самоосознания, принятия важных решений, оценки различных процессов, поступков людей. Воспитание инициативного, ответственного, нравственного, духовного, интеллигентного специалиста в условиях образовательного и научно-производственного комплекса требует создания современной концепции и методики непрерывного профессионального образования и воспитания. Велением времени является формирование образовательной системы, развивающей общую культуру, нравственность, духовность, социальную ориентацию, новое сознание при высоком качестве профессиональной подготовки. Изменение общественных отношений требует пересмотра и введения новых стандартов не только в отдельных отраслях, но и во всей системе сразу. При диалектическом подходе, можно предположить, что данные изменения произойдут неравномерно, т.к. в одних сферах эти инновации дадут быстрый эффект, а в других для их внедрения и усвоения потребуется время. В системе профессионального образования необходимо произвести кардинальные изменения, которые помогут бы изменить не только методику и процесс подготовки специалиста, но и оптимизировали бы весь процесс подготовки высококвалифицированного, высокообразованного, высокоинтеллектуального специалиста. Нет сомнения, что система непрерывного профессионального образования требует более пристального внимания, т.к. это задача государственная, стратегическая. С нашей точки зрения, для совершенствования системы непрерывного профессионального образования необходимо, прежде всего, а) отслеживание и динамическое изменение содержания и формы образовательной системы к жизненным потребностям личности и общества; б) непрерывность профессионального образования, что позволит обеспечить мотивацию обучающихся при переходе на ступенчатое, многоуровневое образование и самообразование; в) повышение культуры обучения и самообучения, обеспечение высокой степенью информативности и научности. Система непрерывного профессионального образования должна способствовать организации образовательного процесса, начиная с дошкольных образовательных учреждений и заканчивая многоуровневой профессиональной подготовкой и переподготовкой специалистов. Структура непрерывной профессионально-диверсифицированной образовательной системы должна объединять дошкольников, школьников, учащихся профессиональных училищ, лицеев,

студентов техникумов, колледжей, вузов, обеспечивая поступательное движение и развитие образовательного процесса. Перед системой непрерывного образования ставится цель не только приобщить человека к знанию, но и развивать в нем стремление к приобретению новых знаний, умению владеть и пользоваться информацией, воспитывать восприимчивость к социально-экономическим и научно-техническим нововведениям, творческому отношению к труду. При решении задач оптимизации профессиональной подготовки и переподготовки необходимо, в первую очередь, ориентироваться на конечный результат, уровень и качество профессиональной подготовки и переподготовки кадров, востребованных региональными рынками труда. Оздоровление и реформирование экономики государства невозможно без реформы образовательной системы. В первую очередь необходимо уяснить, по каким основным критериям следует определять векторы реформирования и модернизации системы профессионального образования. Для этой цели должен быть сформирован комплекс мероприятий по совершенствованию форм, содержания, методов и технологий профессионального образования, а так же структуры образовательной системы, основанные на принципах непрерывности, интеграции и диверсификации. Необходимо создать организационные и финансовые механизмы, а также укрепить связи сферы профессионального образования с наукой и производством на принципах социального партнерства, обеспечив при этом законодательную базу модернизации профессионального образования. Рассматривая актуальность управления процессом совершенствования непрерывного, профессионального образования, подготовки и переподготовки кадров, необходимо учитывать, что в современном мире научно-технические и социальные процессы быстро и кардинально изменяют условия труда и содержание профессиональной деятельности человека на протяжении всей его жизни. Непрерывно изменяется общественное бытие и сознание, модернизируются социально-трудовые отношения в обществе, формируются новые условия для прогресса мировоззрения людей. Это значит, что в условиях постиндустриального общества в целях адаптации к этим процессам человек должен быть готов на протяжении всей своей трудовой деятельности к переобучению и повышению квалификации. Современное состояние системы профессионального образования представляет собой совокупность многоуровневых элементов профессионального образования: начального, среднего, высшего. Эти элементы не объединены

организационной идеей непрерывного профессионального образования и самораскрытия сущностных сил личности. Непосредственный контакт учебных заведений между собой носит эпизодический, бессистемный и межведомственный характер. Данная модель образовательной системы является классической, консервативной, закрытой и разобщенной, не имеющей единого вектора в определении целей и задач в качественной подготовке и переподготовке востребованных специалистов. Идея непрерывного профессионального образования в сознании общества остается декларативной, формально организованной и невостребованной субъектами управления обществом. Образовательный процесс является одним из важнейших для любого государства, поскольку связан с его ментальным потенциалом, экономической и военной мощью, глубиной духовной жизни, преемственностью традиций. Для современного этапа развития нашего государства необходимы дальновидные и перспективные планы развития государственного профессионального обучения.

К ВОПРОСУ ПРЕПОДАВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ДИСЦИПЛИН В ШКОЛЕ.

Зверева Т.Ф., Старосельская Е.А. (Санкт-Петербург)

Одной из основных задач, которая определена Национальной доктриной образования в Российской Федерации, является ?формирование у детей и молодёжи целостного миропонимания и современного научного мировоззрения, развитие культуры межнациональных отношений?[1]. Ведущее место в её решении в рамках школьной программы отводится социальным и гуманитарным наукам, в преподавании которых находят место достижения как современной науки, так и происходящие в сфере культуры и техники изменения. Если рассматривать образование как ?демократическое право современного человека на приобретение знаний, умений и компетенций, востребованных на рынке труда, на приобщение к культурному достоянию и развитие своих способностей и наклонностей?[2], то именно школа призвана обеспечить реализацию этого права. Однако в настоящее время здесь возникает целый ряд трудностей, и связаны они и с системой образования, и с проблемами семьи. Но хотелось бы остановиться на вопросах преподавания курса обществознания, одной из основных задач которого является воспитание гражданина с активной

жизненной позицией, с высокой правовой культурой, настоящего патриота своей страны. Ибо образование без воспитания невозможно. Появляется проблема гражданской мотивации: педагог становится не только человеком, передающим Знание, но и воспитателем, с которым дети делятся, порой, самым сокровенным. Поэтому учитель и сам должен быть личностью, которая учит школьника самостоятельно ставить перед собой значимые задачи, помогает находить пути их разрешения, воспитывает чувство ответственности. Это особенно ярко проявляется на уроках обществознания. В этот курс входят следующие блоки: научное познание общества, вопросы экономики, социологии, политологии, духовной жизни общества, правоведения, которые изучаются с 6-го по 11-й класс включительно. Но проблема преподавания курса обществознания заключается в огромном количестве учебников, написанных разными авторами, и учителю для создания информационно наполненного урока требуется проработать несколько учебников разных авторов. Подготовка урока с использованием ИКТ требует определенного времени, т.к. предлагаемые печатные пособия не всегда соответствуют логике урока, который выстраивается с учётом уровня учащихся. Поэтому каждый урок индивидуален. Ещё одна трудность заключается в том, что при изучении нового материала учащиеся должны усвоить от четырёх до десяти новых понятий. Не всегда в тексте учебника ученик может проследить четкую логику построения учебного материала, т.е. вытянуть логическую цепочку. Время урока ограничено сорока пятью минутами, а на объяснение порядка выполнения домашнего задания учитель тратит лишние минуты. И учащиеся не всегда его выполняют согласно требованиям. При выполнении творческих работ дети пользуются, в основном, интернетом, скачивая кусочки из сайтов, плохо связывая их между собой. И эта детская практика касается не только обществознания: об этой проблеме говорила Тина Канделаки на совещании при Президенте РФ в лицее № 126: ??Основным интерфейсом образования сегодня является социальная сеть ?Вконтакте?[3]. Это серьёзная проблема: дети перестают пользоваться печатными изданиями, что значительно обедняет их словарный запас и умение правильно и грамотно говорить. И какие бы теории развивающего обучения ни создавали, они не будут работать без взаимной заинтересованности учителя, ученика и родителей. Это очень серьёзный вопрос, вопрос мотивации. Если в начальной школе родители активны, охотно помогают учителю, отслеживают выполнение домашнего задания ребенком, то в основной школе

внимание родителей к своим детям ослабевает: исследования ожиданий детей и родителей показали, что они не совпадают. В старшей школе картина меняется: большинство учащихся нацелены на продолжение образования, поэтому они более активны и ответственны. Но все вышеназванные проблемы всё равно остаются. Однако есть ряд непосредственных трудностей, с которыми мы сталкиваемся в процессе преподавания. Во-первых, учащиеся с большим трудом усваивают некоторые социологические понятия, поэтому мы часто используем методику ролевых и деловых игр. Они всегда вызывают неподдельный интерес у детей, независимо от возраста. Кроме того, такая форма проведения урока способствует формированию умения работать в команде, повышает чувство ответственности. Учащиеся учатся проводить простейшие социологические исследования: анкетирование по какому-либо вопросу, дело интервью с последующим анализом результатов исследования. Сложнее обстоит с ролевыми играми по блоку ?Политология?: всегда много вопросов, споров, неприятия определённых позиций. Здесь велика степень доверия к учителю, который, выслушав мнение учащихся, способен подвести их к принятию совместного положительного решения, как граждан своей страны. Так же не просто решаются вопросы духовно-нравственного воспитания: интернет заменил живое общение друг с другом: дети предпочитают общение через социальные сети. Поэтому трудно вести разговор о живописи, музыке, театре. На уроке возможен только фрагментарный показ произведений мировой культуры, что не создаёт у учащихся целостной картины культурного наследия страны. Поэтому учитель ищет разные варианты приобщения школьников к культуре своего народа. Так появляются проекты ?Сам себе экскурсовод?, ?Годовой цикл народных праздников?, ?От изучения малой Родины к гражданственности? и др. Современная петербургская школа полиэтнична, поликонфессиональна, поэтому особое внимание на уроках мы уделяем вопросам национальной культуры, молодёжной субкультуре, создавая условия для предотвращения возникновения конфликтных ситуаций на межнациональной почве. В заключение хочется сказать, что проблем в преподавании курса обществознания в современной школе достаточно. Не все из них может решить учитель, школа. Требуются кардинальные государственные решения, принятые с учетом реалий современной российской действительности.

Литература

1. Национальная доктрина образования в РФ
2. И.Н. Сиземская Образование на волне российской модернизации//Вести ВГУ № 2, 2011, стр.138
3. Совещание при Президенте РФ в лицее № 126 Санкт-Петербурга

СУЩНОСТЬ И РИСКИ ГОСУДАРСТВЕННО-ОБЩЕСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В ОБРАЗОВАНИИ

Ильясова А. (Екатеринбург)

Важным показателем эффективности модернизации российского образования является внедрение моделей государственно-общественного управления образовательными учреждениями в целях развития институтов общественного участия в образовательной деятельности и повышения открытости и инвестиционной привлекательности сферы образования. Государственно-общественный характер системы управления образованием должен изначально появиться в отношениях между самими субъектами образования: должны появиться области взаимодействия, которые характеризуются паритетностью, ?горизонтальностью? управления. Вариативные формы государственно-общественного управления определяются: выявленными возможностями и ресурсными дефицитами образовательного учреждения; потенциальными формами участия общественности в управлении образованием; условиями для реализации конкретной модели государственно-общественного управления в образовательном учреждении [1]. В современной образовательной практике, в педагогической публицистике понятия ?общественно-государственное? и ?государственно-общественное управление? встречаются с одинаковой частотой. Что это - игра слов или какое-то более серьезное противоречие? Общество создает государство как инструмент достижения собственных целей. По крайней мере, такова природа демократического общества. С другой стороны, в центре нашего внимания находится именно государственная школа, которая в логике модернизации претерпевает существенные перемены. И сегодня именно государство (в лице руководителя) выступает инициатором развития взаимодействия с общественностью на школьном уровне. Получается, что по сути общественно-государственное в настоящее время является скорее государственно-общественным. В истории России идея

государственно-общественного управления имеет достаточно глубокие корни: епархиальные училищные советы, волостные общины, попечительские советы гимназий и реальных училищ, земские управы. Школы, в управлении которыми участвовали эти организации, как правило, имели многоканальное финансирование, которое предназначалось для удовлетворения потребности в книгах, пособиях, для награждения учителей и учеников, жалования учащихся, содержания школ, повышения квалификации учителей. В свою очередь общество предъявляло к своим школам все более высокие требования, заставляя их перестраиваться, искать новые формы и методы обучения, расширять содержание образования. Но даже это, по мнению передовых деятелей образования, было недостаточным. П. Ф. Каптерев в 1915 году говорил о наступлении общественного периода (в отличие от предшествовавших ему церковного и государственного) в развитии отечественной педагогики. Конечно, - писал он, - общество далеко не так influentially в постановке образования, как ему подобает быть; физическая сила на стороне государства, а оно до сих пор стремится рассматривать народное образование как простого служителя государства и ставит его далеко не на первое место; но слишком ясно чувствуется присутствие других деятелей в этом периоде, выдвигающих другие задачи, вливающих новое содержание в прежние формы образования?. Аналогичная ситуация складывается в современной России. Перед образованием ставятся новые задачи, изменяются его содержание и формы, складываются новые институты гражданского общества и социальные группы, готовые вкладывать в систему образования различные ресурсы. Их запросы могут быть обусловлены как личной заинтересованностью, так и социальной необходимостью. В чем специфика сегодняшней ситуации? Правила управления образовательным учреждением требуют исполнения принципа государственно-общественного характера управления на основе создания гармоничной единой системы управления, в которой единоначалие осуществляет руководитель, а самоуправление осуществляется в двух формах: непосредственной демократии и представительной демократии. Формой непосредственной демократии является общее собрание, педагогический совет, когда в нем участвуют все педагогические работники. Формой представительной демократии являются конференция, совет образовательного учреждения, попечительский совет, управляющий совет и другие. Порядок выборов органов самоуправления образовательного учреждения и их компетенция

определяются уставом образовательного учреждения. Сущность государственно-общественного управления в современном образовании предполагает согласованное взаимодействие между государством и обществом в решении различных вопросов образования, связанных с возможностью ответственно и результативно влиять на образовательную политику, принятие управленческих решений, участие в выполнении ресурсобеспечивающих функций, создании здоровой социальной среды для учащихся. Понимание сущности государственно-общественных отношений предполагает согласование и определение представлений о возможностях государственной составляющей и общественной составляющих и складывающихся между ними договорных отношений. Государственная составляющая образования должна гарантировать обеспечение доступности и равных возможностей получения полноценного качественного образования [3]. В общественной составляющей можно выделить внутренние компоненты: внутреннее профессиональное сообщество, ученическое самоуправление и так далее - и внешние: представители родителей, бизнеса, общественных организаций, ассоциации выпускников, национально-культурных сообществ, фонды развития и так далее. Общественность - это организованные структуры, отражающие интересы социальных групп в области образования и не подчинённые органам управления образованием. Это могут быть структуры: - непосредственно не связанные с системой образования (объединения работодателей, творческие союзы, научные учреждения); - объединяющие работников образования (например, ассоциация педагогов-исследователей, ассоциация руководителей школ); - объединяющие участников образовательного процесса (родителей, учащихся); - обеспечивающие систему образования определёнными ресурсами (за счёт внебюджетных источников - проектные группы, исследовательские лаборатории, временные научно-исследовательские коллективы и так далее). Эти структуры могут быть постоянными (ассоциации, союзы, советы, некоммерческие партнёрства) или временными (собрания, совещания, конференции). Выражать интересы определённых социальных групп в сфере образования могут также специалисты, изучающие образовательные запросы и проблемы населения (социологи, психологи, организаторы образования). Эту группу специалистов можно определить как группу экспертов по социальным проблемам образования. К общественности можно отнести группу экспертов по вопросам управления образовательными

системами, независимых от органов управления образованием. Пропорции участия различных составляющих в образовании и управлении образованием не могут быть заданы раз и навсегда, баланс между ними будет носить подвижный характер. Деятельность органов управления образованием в условиях постепенного выращивания общественной составляющей образования и управления им может строиться как совместно разделенная деятельность. При этом развитие государственно-общественного управления в образовании связано с рядом ограничений и рисков, многие из которых обусловлены сложившимися стереотипами сознания представителей образования и социума. Среди таких рисков могут быть: - стремление к построению вертикально-иерархических отношений с лицами и организациями; - опасность понимания развития государственно-общественного взаимодействия как усиления одной из сторон в интересах другой или как нового перераспределения нынешних функций управления. Цели государственно-общественного управления образованием не могут задаваться лишь ведомственными интересами самой системы образования, они должны формироваться в диалоге между всеми заказчиками и конкретными потребителями результатов образования. К заказчикам образовательных услуг можно отнести: детей, родителей, производственные структуры, хозяйствующие субъекты, местную, региональную власть, региональную и национальную элиту с учетом социально-культурных, экономических и других особенностей территории, культурно-образовательных традиций, национально-этнических отношений и заявленных стратегических приоритетов развития образовательного учреждения. Государственно-общественное управление образованием развивается на основе принципов, предполагающих: - открытость и демократичность, - взаимодействие и согласованность, - участие и соуправление. Приоритетными направлениями в соответствии с этим выступают: - создание условий для взаимовыгодного сотрудничества различных моделей государственно-общественного управления на уровнях муниципалитета, органов местного самоуправления, некоммерческих неполитических организаций, профессиональных сообществ и так далее, отвечающих требованиям Закона РФ «Об образовании», «Концепции и стратегии модернизации российского образования на период до 2010 года», «Федеральной целевой программы развития образования на 2006-2010 годы»; - обучение и консультационная поддержка управленческих кадров государственного управления образованием.

Современная система управления образованием изменяется по нескольким направлениям: - снижается степень централизации управления образованием, - в системе образования переходят к договорным отношениям, - повышается роль инноваций, - развиваются общественные инициативы в сфере образования, - создаются ?горизонтальные? управленческие структуры [2]. Ещё одно существенное изменение, характеризующее переход к государственно-общественному управлению образованием, - создание негосударственных структур, расширяющих возможности государственных (и муниципальных) школ в выборе путей своего ресурсного обеспечения (центры образовательных технологий, ресурсные центры, фонды и другие структуры по поддержке образовательных инициатив и тому подобное). Несомненным признаком государственно-общественного управления считается появление ?горизонтальных? управленческих структур в форме попечительских советов, Советов школ, Управляющих советов. В то же время опыт ряда регионов показал, что сам факт наличия попечительских советов (или других аналогичных структур) нельзя рассматривать как признак государственно-общественного управления, так как в таких структурах не принимаются какие-либо решения, ограничиваясь согласием с решениями, которые предполагает школьная администрация. Опыт последних лет показал, что не всегда и не везде можно создать ?горизонтальные? управленческие структуры (например, из-за отсутствия в данный момент подходящих людей, которые могли бы войти в состав попечительского совета). Но всегда и везде есть возможность организовать диалог с местным социумом по актуальным проблемам развития образования. Организация такого диалога может рассматриваться как одно из принципиальных изменений в системе управления образованием. Основные признаки государственно-общественного управления: - совместная управленческая деятельность государственных и негосударственных структур по руководству образовательными проектами; - процедура принятия решения государственным (муниципальным) органом управления образованием, предусматривающая обязательное согласование проекта решения с представителями общественности; - делегирование части властных полномочий органов управления образованием структурам, представляющим интересы определённых групп общественности. Потребность общественности в управлении образовательными системами зависит от уровня организованности самой общественности, от наличия структур,

представляющих её интересы, в том числе от экспертных структур. Поэтому разнообразные меры, позволяющие изучать общественное мнение, привлекать общественность к аттестации образовательных учреждений, к экспертизе образовательных результатов, организовывать общественное обсуждение проблем образования - необходимое условие повышения уровня общественной активности в сфере образования. Сложнее обстоит дело с формированием у органов управления образованием мотивации привлекать общественность к принятию управленческих решений. Обычно руководители образовательных учреждений и руководители более высокого ранга стремятся ограничить участие общественности в управлении, боясь некомпетентного и агрессивного вмешательства в сферу образования, не желая также утратить хотя бы часть своих властных полномочий [4]. Опыт отдельных регионов подсказывает, что эффективное взаимодействие системы образования и общественных структур можно обеспечить, если представители сферы образования включены в общественные структуры, например представительство руководителей образования в совете предпринимателей и другое. Это создает возможность для формирования компетентного социального заказа школе и экономической поддержки этого заказа. Существуют различные формы участия общественности в принятии управленческих решений. При реализации такой формы проявляется такой феномен, как «коллективный субъект принятия решения». Одним из примеров коллективного субъекта выступает инновационная модель общественно-активной школы, работающей на основе концепции общественно-активного образования в развитии местного сообщества, что является возможностью для местных жителей, школ, организаций и учреждений стать активными партнерами в решении местных, в том числе образовательных проблем [5].

Литература

1. Косарецкий С. Г., Общественно-государственное управление в общем образовании // Косарецкий С. Г., Моисеев А. М., Седельников А. А., Мерцалова Т. А. // Учебное пособие. М., 2011.
2. Моисеев А. М. Как создать управляющий совет школы // Под ред. Моисеева А. М. // Учебно-методические материалы. М.: Вердана, 2007.
3. Федорова Н.М. Исторические аспекты участия государства и общества в становлении российской школы. / Н.М.Федорова // Известия Российского государственного

педагогического университета им. А. И. Герцена: Научный журнал. - СПб., 2009 - № 113.

4. Седельников А.А. Реализация принципа государственно-общественного управления в автономном образовательном учреждении // Журнал "Справочник руководителя образовательного учреждения", №11, 2010.

5. Седельников А.А. Создание и организация деятельности управляющих советов/ Сборник методических материалов/ Сост. Пинский А.А. ? Москва ? Ханты-Мансийск: 2006. - С. 15-53.

6. Сергеев, С. Д. Общество и государство как факторы развития отечественной школы / С. Д. Сергеев // Цивилизация народов Поволжья и Приуралья : сб. науч. тр. ? Чебоксары, 2006.

ШКОЛА-ВУЗ: ПРОБЛЕМА ЭФФЕКТИВНОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ

Канаева Л.В. (Златоуст)

В докладе представлена проблема ограниченности ЕГЭ, как механизма поставляющего в вузы недостаточно подготовленных в профессиональном смысле абитуриентов. Более эффективную подстройку к обновляющимся требованиям вузов могут осуществить учреждения СПО ? пропущенное звено в связке школа-вуз. В начале 00-х гг. В Минобразования было запущено два эксперимента: по внедрению ЕГЭ (2001г.) и профильного обучения на старшей ступени общего образования (2002г.). Последний эксперимент осуществлялся значительно медленнее, в основном в крупных школах, где контингент позволял внедрить три-пять профилей, вместо рекомендованных тринадцати. Основная же масса школ была не способна реализовать данный проект, в связи с сокращением числа учащихся и трудностями организации вариативных траекторий обучения. Приходится констатировать, что тогда эксперимент по профильному обучению на старшей ступени общего образования не удался. Например, в Челябинской области предполагалось создание в каждом микрорайоне ?опорных? школ профильного обучения для старшеклассников, но для этого было необходимо дополнительное финансирование, обеспечение учебниками нового поколения и повышение квалификации педагогов. Бюджет страны не позволял реализовать этот проект и проект по внедрению ЕГЭ одновременно. Приоритет был отдан эксперименту с ЕГЭ, который получив неплохую организационно-техническую и методическую проработку,

давно перешел в штатный режим. Однако нарушилась комплексность и синхронность замысла - результаты оказались половинчатыми. Очевидна неэффективность ЕГЭ отбора, поставляющего в вузы инфантильных абитуриентов, наученных зубрить или шпаргалить, но в массе своей не имеющих должной профильной подготовки, необходимой профессиональной эрудиции, исследовательской мотивации и социальной зрелости. Введение ЕГЭ было критически воспринято вузовским сообществом, потому как импортное заимствование с непривычной для отечественного образования технологичностью и стандартизацией лишило права вузы самим проводить вступительные экзамены и осуществлять входной анализ контингента. Для школ с переходом на ЕГЭ усилилась функция государственного контроля и управления качеством общего образования, за счет возросшей рейтинговой сопоставимости выпускных результатов. Что повлияло на аттестацию образовательных учреждений и учителей, а также межшкольную конкуренцию в рейтингах успешности сдачи ЕГЭ. Все это стимулировало теневые девиации в виде репетиторства и фальсификаций результатов по различным коррупционным схемам. С позиции учащихся - внедрение ЕГЭ совпало с предельной массовостью желающих получить высшее образование и, одновременно, снижением готовности к этому процессу. Появление поколения next, сильно отличающееся по мировоззрению, амбициям и стилю жизни, оказалось менее организованным и эрудированным, умеющим учиться в основном с репетиторами, и даже на занятиях зависающее в музыкальном фоне, телефонных играх и социальных сетях. Приход такого контингента критики ЕГЭ связали с дегуманизацией тестовых технологий, хотя появление виртуального поколения со ?странными аттракторами? явление объективное и закономерное для новой технократичной культуры. Нельзя не признать позитивную роль ЕГЭ в создании равных шансов для абитуриентов на дистанционное оценивание, без субъективизма школьной и вузовской комиссии. Беспрецедентен и разнообразный, комплексный характер заданий (КИМов), чего не было прежде в экзаменационной практике с билетами. Произошло развитие единого образовательного пространства страны благодаря электронно-информационному обеспечению процедур подготовки, проведения и публикации результатов ЕГЭ. Укрепилась и преемственность между общим и профессиональным образованием. Однако, ЕГЭ как инновационный многофункциональный механизм: контроля знаний абитуриентов, освобождения последних от двойной экзаменационной

нагрузки и борьбы с коррупцией ? не дал ожидаемых результатов. Прошло достаточно времени, чтобы увидеть существенные недостатки ЕГЭ. Прежде всего, это: ненадежность и ограниченность механизма отбора абитуриентов на основе ЕГЭ рейтинга по общеобразовательным предметам при отсутствии профильных испытаний. Происходящая деградация высшего образования связана с приходом молодежи, слабо ориентирующейся в будущей профессии (исключением является профотбор в художественных и спортивно-силовых вузах). Если бы ЕГЭ-критерий был поддержан другими, например: профориентационным тестом, исследовательским проектом, средним баллом аттестата, социально-психологической характеристикой (в стандартизированной форме, обрабатываемой компьютером) ? тогда было бы меньше общественной критики в адрес ЕГЭ. Внимание переключилось бы на проблемы диагностики ?входных? компетенций поступающих или констатации их профессиональной непросвещенности, слабых аналитических навыков, запущенности других предметов, социальной пассивности. Недавно принятый закон ?Об образовании в РФ? позволяет вузам вырабатывать дополнительные требования к абитуриенту (ст.74 ч.3). Пока лишь некоторые вузы учитывают дополнительную информацию (микрореитинг) о поступающих в ситуациях равных баллов по ЕГЭ. Предлагается внести поправки в Положение о ЕГЭ, дополнив инициативное право вузов обязательным расширением критериев конкурсного поступления в вуз, используя практику художественных вузов, где профессиональная подготовленность является приоритетной. Но готовы ли вузы при нынешней экономии на вступительные процедуры внедрять эти дополнительные критерии наряду с ЕГЭ-рейтингом? Переход системы ВПО на федеральные стандарты третьего поколения, предусматривающие компетентностный подход в реализации образования и оценке его качества, автоматически предполагает и более сложный входной фильтр для поступающих. Способна ли школа обеспечить выпускникам такой портфолио, ведь его наполнение значительно увеличит нагрузку на старшеклассников и психолого-педагогический персонал. Потребуется пересмотр только принятых образовательных стандартов старшей ступени школы[2], полностью ориентированных на профильную вариативность обучения, но общественностью воспринятые как неудачные, а точнее трудно реализуемые [3]. Сможет ли школа на этот раз реализовать на должном уровне профильное обучение старшеклассников? Пока их численность до прихода поколения от

«бэби-бума» остается недостаточной, чтобы организовать вариативные траектории обучения, которые всегда непредсказуемы по объему педагогической нагрузки. Индивидуальный выбор учащихся может сократить учебную группу до 1-2 человек, и тогда одни учителя будут не заняты, а другие – наоборот, перегружены. Исправление недостатков ЕГЭ через реформирование старшей ступени школы может оказаться слишком трудоемким и не очень результативным. Более эффективно это можно сделать на уровне колледжей, где социальное, профессиональное и когнитивное развитие старшеклассников протекает быстрее. Давно назрело отделение старшего звена от основной (начальной и средней) школы. Старшеклассники проигрывают от соседства с малышами в не развивающей для них среде – и по социализации, и по качеству профильной и профориентационной (предпрофильной) подготовки. В 16 лет достижение официального трудоспособного возраста обязывает молодых людей к изменению мировоззрения и стиля жизни, которые должны формироваться в более взрослой социальной среде. Думается, что соответствовать этим требованиям могут колледжи. Именно СПО – недостающее звено в связке школа-вуз.

Литература

1. Последняя версия ФЗ «Об образовании в РФ».
2. Доработанный Федеральный образовательный стандарт среднего (полного) образования ФГОС // www.minobrnauki.rf/
3. Привалов А. О том, что будет со школой // Эксперт, 2012 №20 с.21-27.

ОБРАЗ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН «БОЛЬШОЙ СЕМЕРКИ»)

Каранец С.М. (Санкт-Петербург)

Информационное общество, возникшее в результате информационной революции, коренным образом повлияло на изменение качества жизни, которое в свою очередь стало определяться объемом эксплуатируемой информации. Образ жизни, в том числе и уровень жизни, стал зависеть от количества потребляемых услуг социально-культурного сектора (СКС). Например, грамотным признается человек, умеющий читать и писать без ошибок, но и владеющий компьютерной грамотностью,

признающий культурные ценности информации. Социально-культурная сфера представляет собой совокупность производственных отношений возникающих между экономическими агентами в процессе создания, распределения, потребления социально-культурных благ. Это деятельность людей, направлена на производство и оказание образовательных, культурных и медицинских благ и услуг домохозяйствам, в том числе общественных, квазиобщественных и частных. Главной особенностью отраслей социально-культурную сферы является их способность изменять интеллектуальные и физические способности домохозяйства. Следовательно, потребление услуг СКС поможет или изменить существующий образ жизни, или сохранить его. Например, развитие общественного здравоохранения позволило увеличить не только продолжительность жизни, но и повысить число работающих пенсионеров, ведущих активный образ жизни. Массовое получение высшего образования привело к росту заработной платы, увеличению фрикционной безработицы, саморазвитию, самореализации личности. Бесплатность и общедоступность публичных библиотек позволяет быстро получить необходимую информацию. Исследуем валовой внутренний продукт (ВВП), как наиболее точный показатель создаваемой конечной продукции информационного общества. В отраслевой структуре валового внутреннего продукта европейских стран ?Большой семерки? услуги, создаваемые работниками социально-культурного сектора, превысили десяти процентный рубеж. Образованная ими добавленная стоимость значительно опередила стоимость, созданную в отраслях сельское и лесное хозяйство, охота и рыболовство, строительство, транспорт и связь. Однако ВВП не является универсальным макроэкономическим показателем, характеризующим достигнутое общественное благосостояние информационного общества. Образ жизни человека во многом характеризует структура расходов домашних хозяйств. Их средняя склонность к потреблению значительно превышает среднюю склонность к сбережению и составляет 61%. В условиях информационной экономики наблюдается тенденция роста средней склонности к потреблению. В структуре расходов домашних хозяйств европейских стран ?Большой семерки? преобладают расходы на услуги социально-культурного сектора (26% в среднем по стране). Второе и третье места в структуре расходов занимают услуги, оказываемые ЖКХ, и транспортные услуги (19% и 11% соответственно). Особым спросом в условиях информационного общества пользуются образовательные услуги. Интегральным

показателем развития системы образования в обществе служит средняя ожидаемая продолжительность обучения для детей в возрасте 5 лет. Если до XX века, по подсчетам исследователей, объем накопленных знаний удваивался каждые 100 лет, то в условиях информационной экономики - каждые пять лет. Поэтому возникла острая необходимость в увеличении продолжительности обучения, массовом получении высшего образования и обучении в течение всей жизни (по концепции Life Long Learning). Рынок труда информационной экономики предъявляет повышенные требования к уровню и продолжительности образования. Ожидаемая продолжительность обучения в европейских странах (G 7) составляет в среднем по странам 17 лет. Расходы на образование (нагрузка на экономику) превысили 5% ВВП. Причем главным инвестором выступает государство: соотношение государственных и частных источников составляет пропорцию 5 к 1. В России это соотношение составляет 4 к 2. Так как образование как отрасль СКС в условиях информационной экономики выполняет функции: профессионально-экономическую, гуманистическую, воспитательную, социальную, урбанистическую, демографическую, культурную или культурно-историческую и посредническую, то нагрузка на экономику должна иметь тенденцию к повышению, даже в условиях финансово - экономического кризиса. Если в 19 веке Торстейн Бунде Веблен открывает явление показного потребления товаров (эффект Веблена), то в 21 веке наблюдается показное потребление образовательных услуг. Так в России структура выпуска профессионального образования (предложение на рынке труда) не соответствует спросу. Выпускники экономических, юридических и других факультетов работают в сферах, не требующих знаний, получаемых в высших образовательных заведениях, или не по вновь обретенной специальности. Другим аргументом в пользу показного потребления образовательных услуг служит избыток выпускников заочных, очно ? заочных (вечерних) и дистанционных форм обучения. Таким образом, в условиях информационного общества XXI века особая роль отводится процессу оказания услуг социально-культурной сферы. Главным инвестором на рынке СКС выступает государство. Потребление услуг социально-культурной сферы помогает сохранить существующий образ жизни, так и изменить его.

НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СТУДЕНТОВ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ОРИЕНТАЦИЙ НА ОБУЧЕНИЕ В МАГИСТРАТУРЕ

Каташинских В.С. (Екатеринбург)

Вопрос обучения в магистратуре на данном этапе развития российской системы образования для студентов стоит довольно остро. После внедрения двухуровневой модели высшего профессионального образования (бакалавриат ? магистратура) многие студенты задаются вопросом: достаточно ли для успешной карьеры диплома бакалавра? Или все же степень магистра в современном обществе необходима? Поэтому изучение ориентаций студентов на обучение в бакалавриате или магистратуре представляется крайне важным. Исследование ориентаций студентов на обучение в магистратуре проводилось нами в 2010-2011 гг. в вузах г. Екатеринбурга. Объем выборки составил 1038 человек (N=1038). Объектом исследования явились студенты четырех (Уральский Федеральный Университет, Уральский Государственный Лесотехнический Университет, Уральский Гуманитарный институт, Гуманитарный Университет) государственных и негосударственных вузов г.Екатеринбурга, обучающихся по программам бакалавриата разных специальностей. Мы изучали мнения респондентов, обучающихся на технических, гуманитарных и естественнонаучных специальностях в равных пропорциях. В каждом вузе были отобраны студенты определенных факультетов, в соответствии с основным профилем вуза и общим числом учащихся. Мы опрашивали студентов, обучающихся по программам бакалавриата, так как именно им в первую очередь предстоит выбор остановиться на получении степени бакалавра или продолжить свое обучение в магистратуре. Студенты же 4 курса как раз на пороге выбора получать степень магистра в дальнейшем или нет. Наше исследование показало, что 67,7% респондентов планируют продолжать обучение в магистратуре. Распределение мнений среди студентов 1 и 4 курсов практически не отличается. Эти данные свидетельствуют о том, что абсолютное большинство студентов понимают значимость диплома магистра для своего будущего. К основным причинам, по которым студенты будут продолжать свое обучение в магистратуре, относятся возможность получить дополнительные знания и навыки, которые будут способствовать профессиональному и карьерному росту (65,7% опрошенных), приоритет перед специалистами с дипломом бакалавра при трудоустройстве (60,1% ответивших), а также просто для саморазвития (32,3% респондентов). Таким образом, значимость

диплома магистра для студентов в первую очередь сводится к карьерному росту, трудоустройству. Те студенты, кто отказывается от обучения в магистратуре, считают, что магистратура ? для будущих ученых, а их цель - практиковать (66,9% респондентов). Обучение в магистратуре ? это лишняя трата времени, для успешной работы вполне хватит диплома бакалавра считает 52,3% среди тех опрошенных, кто не планирует продолжать свое обучение в магистратуре по окончании бакалавриата. Ориентации студентов на обучение в магистратуре формируются под воздействием факторов различного характера. В данной статье рассмотрим научную деятельность студентов как фактор формирования ориентаций на обучение в магистратуре. Научная деятельность является объективным фактором, следовательно является одним из основополагающих при формировании образовательных ориентаций студентов. Под научной деятельностью студентов чаще всего понимается участие в научно-практических конференциях, круглых столах, семинарах, а также написание и публикация тезисов и научных статей. Рассмотрим каждый из аспектов научной деятельности студентов в отдельности. Подавляющее большинство опрошенных не имеют научных публикаций ? такой ответ дали 78,6% опрошенных. Хотя среди тех, кто ориентирован на обучение в магистратуре больше студентов, имеющих научные публикации, нежели среди тех, кто не планирует продолжать свое обучение в магистратуре по окончании бакалавриата. Анализируя распределение респондентов по курсу, на котором они обучаются, получается, что число тех студентов, кто имеет научные публикации, увеличивается к четвертому курсу. За период обучения в вузе некоторые студенты начинают научную деятельность. Также обучение в магистратуре изначально предполагает наличие у студента интереса к научной деятельности, аналитической работе, теоретизированию материала. Но перспектива получить дополнительные бонусы при поступлении в магистратуру, не является первоочередным стимулом для занятия научной работой. Возможность поступить в магистратуру занимает лишь вторую позицию ? 21,9% респондентов. Первое место в списке мотиваций для написания научных публикаций среди студентов, которые планируют продолжать свое обучение в магистратуре, занимает саморазвитие (54,8% опрошенных). Среди тех студентов, кто планирует продолжать свое обучение в магистратуре большинство (52,3% опрошенных) принимает участие в научных конференциях, семинарах, круглых столах. Среди тех, кто остановится на получении диплома бакалавра, не участвуют в

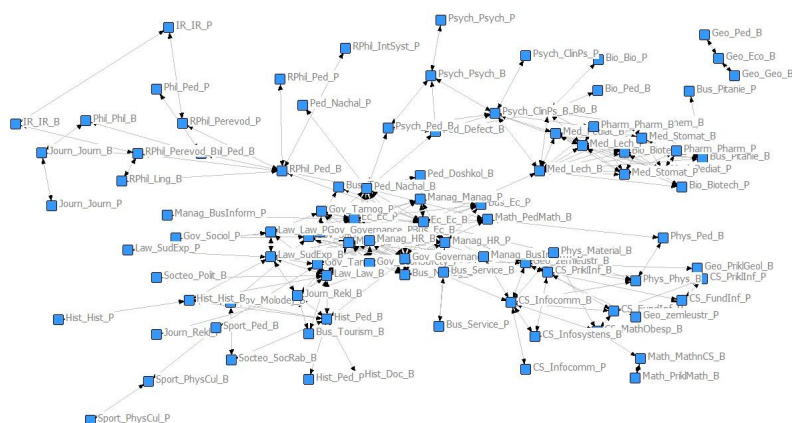
научных мероприятиях 67,1% респондентов. Стоит отметить, что в научных конференциях участвует гораздо больший процент студентов, нежели публикует свои научные материалы (21,4% опрошенных, против 46,2%). Многие студенты посещают научные конференции, семинары, круглые столы в качестве слушателей, ради расширения кругозора, саморазвития. Данные, полученные в ходе нашего исследования, подтверждают это. Участвует в научных конференциях, семинарах, круглых столах для саморазвития 53% из тех респондентов, кто планирует продолжать обучение в магистратуре. И лишь 22,6% делают это ради дополнительных бонусов при поступлении в магистратуру. Научная деятельность, безусловно, должна быть важным фактором при решении студента продолжать свое обучение в магистратуре после окончания бакалавриата. Ведь опыт написания научных статей, тезисов, докладов, участия в научно-практических конференциях, семинарах, круглых столах должен побудить молодого человека вести научную работу, углублять свои знания, расширять кругозор, общую и профессиональную эрудицию, что и позволяет обучение в магистратуре, в особенности, если это положительный опыт. Однако, как мы выяснили, несмотря на то, что половина опрошенных нами студентов участвует в научно-практических конференциях, семинарах, круглых столах, а четверть респондентов имеет научные публикации, возможность продолжить обучение в магистратуре, получить дополнительные бонусы при поступлении на более высокую ступень высшего профессионального образования после бакалавриата является лишь вторичной мотивацией. Поэтому представляется необходимым создавать систему стимулов, формирующую в студенческой среде тягу к научной деятельности, осознание ее необходимости и важности как для саморазвития, как и для дальнейшей успешной карьеры.

КАК АБИТУРИЕНТЫ ВЫБИРАЮТ ФАКУЛЬТЕТЫ: СОЦИАЛЬНО-СЕТЕВОЙ АНАЛИЗ В РАМКАХ ОТДЕЛЬНО ВЗЯТОГО ВУЗА

Кнорре А.В. (Санкт-Петербург)

Одной из самых популярных и часто обсуждаемых, но при этом почти не исследованных в российской социологии образования тем является выбор места получения высшего образования. Горизонтальная стратификация в высшем образовании ? то, как

разные люди поступают на разные специальности ? напрямую связана как с рынком труда и экономическим контекстом, так и с социоэкономическим статусом поступающих [1]. Массовые представления о престиже одних профессий и невостребованности других ставят интересную задачу исследования, как на самом деле люди выбирают вуз, факультет и специальность. Проведенное исследование, кратко представленное здесь, было попыткой посмотреть на группировки факультетов и специальностей, на которые подают заявки о поступлении молодые люди, или на возможные перетекания абитуриентов между факультетами и специальностями. Для исследования была взята статистика подачи заявлений о приеме с сайта Белгородского государственного университета. Данные сначала были превращены в бимодальную сеть абитуриент-специальность, где каждому человеку соответствует значение 1, если он подавался на данную специальность, и 0, если не подавался. Полученная матрица была превращена в одномодальную (матрицу аффилиаций) и затем визуализирована в программном пакете UCINET/NetDraw [2]. Всего имелись данные по 3921 абитуриенту, 21 факультету и 75 специальностям внутри них. Полученные результаты представлены в виде набора узлов, которые соответствуют специальностям, и связям между ними, чем сильнее связь между двумя специальностями, тем больше людей подало заявления на обе эти специальности одновременно. Результаты трудноинтерпретируемы: разные специальности на одном и том же факультете по-разному связаны с другими. Если смотреть только на относительно сильные связи между специальностями (когда не менее определенного количества человек подают на две разные специальности), то видны несколько изолированных друг от друга кластеров с общим центральным кластером.

В центре представлены факультеты экономики, государственного управления, юридический и факультет управления и предпринимательства. С центром связаны почти все специальности педагога на разных факультетах, а сам педагогический факультет опосредует кластер с факультетами филологии и романо-германской филологии и центр. Другой кластер состоит из факультетов математики и компьютерных наук. Почти отдельностоящим является кластер из биолого-химического и медицинского факультетов, а самым изолированным ? из специальностей геолого-географического факультета. Специальности других факультетов, в основном, равномерно ?размазаны? вокруг центра, за исключением факультета физической культуры, а также факультета журналистики и международных отношений, которые слабо связаны с факультетами филологии. Такая структура, скорее всего, связана не только с абстрактной престижностью факультета и/или специальности, но и с конкретными факторами, влияющими на выбор: количеством бюджетных мест, конкурсом и проходным баллом ЕГЭ на бюджет, стоимостью платного обучения. Самое большое количество бюджетных мест было на программах обучения лечебному делу, педагогике иностранного языка, информационным технологиям и системам связи и экономике (75, 54, 40 и 35 соответственно). Самыми трудными для поступления оказались специальности лингвистика, юриспруденция, стоматология (по сумме баллов ЕГЭ ? 267, 263, 257), и они же -- самыми дорогими для платников. В визуализации самыми центральными стали специальности лечебное дело и экономика, поскольку они обладали наибольшим числом подавших документы

(955 и 845 человек соответственно, остальные специальности ? не более 400 ч.). Характерно, что специальность по экономике является центральной для всей сети связей между специальностями в то время как лечебное дело ? центр биологических и медицинских специальностей. Это значит, что экономика ? наиболее привлекательное место для самых разных по профессиональной ориентации абитуриентов. Возможным продолжением этой работы является анализ самого выбора специальности из набора альтернатив, когда, имея возможность поступить на несколько специальностей, финансируемых из государственного бюджета, абитуриент выбирает определенную специальность. Так можно измерить престижность специальностей и составить рейтинг, который был бы свободен от опасности смещения вследствие факторов, связанных с успехом самого поступления.

Литература

1. Gerber T.P., Cheung S.Y. Horizontal Stratification in Postsecondary Education: Forms, Explanations, and Implications. Annual Review of Sociology. 2008. 34:299-318
2. Borgatti, S.P., Everett, M.G. and Freeman, L.C. 2002. Ucinet for Windows: Software for Social Network Analysis. Harvard, MA: Analytic Technologies.

УНИВЕРСИТЕТ В КОНТЕКСТЕ LIFELONG LEARNING: ИМПЕРАТИВЫ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Ковалев И.В. (Санкт-Петербург)

Университет в контексте Lifelong learning: императивы институциональной трансформации. Кризис университета как замкнутой и крайне сложно трансформируемой системы стал объектом осмысления западной социологической и социально-философской мысли со второй половины XX века. Наряду с явно спекулятивными рассуждениями о неминуемой институциональной гибели университета (вкуче, что характерно, со школой), многочисленные рефлексии породили попытки переформатирования структуры системы высшего образования и содержания образовательных стратегий в экономически развитых странах. Результатом преобразования должен быть конституирован новый принцип функционирования университетов, обеспеченный

смещением акцентов с разового на перманентное образование при условии преодоления атавизмов индустриальной эпохи и решения ряда организационно-технологических и содержательных задач. Однозначно фиксируемое проблемное поле современного университета ? его инерционность и ригидность, порожденные низким уровнем межинституциональной конкуренции, что в свою очередь приводит к постоянному воспроизводству архаичных установок в образовательных практиках и отсутствию должного уровня гибкости в профессиональной деятельности преподавателей. Следствием таких тенденций становится постепенная общественная девальвация университетского знания, возрастающий прагматичный подход к вузам и собственно к высшему образованию как инструментам получения индивидом права на гипотетические привилегии в будущем. Университеты, доказав свою социальную и экономическую состоятельность в индустриальную эпоху, предопределившую возвышение их общественной значимости, сегодня демонстрируют очевидную иррелевантность общественным запросам современности. Ключевая претензия ? чрезмерная ориентированность университетского образования на контекст специализма, что формирует представления о роли университета как пространства разовой подготовки кадров для нужд рынка труда. Наиболее остро институциональный кризис университета находит отражение в российской системе образования, находящейся сегодня в условиях двойного давления. Глобальные общественные изменения в совокупности с фактически потерявший смысл законсервированной системой советской отраслевой модели детерминируют содержательную ?перенастройку?, смену акцентов в образовательных ориентациях российских вузов. Предпринимаемые в самые последние годы шаги по укрупнению и реорганизации некоторых учебных заведений являются, безусловно, своевременной, но не достаточной мерой, затрагивающей организационную сторону, но оставляющей без внимания сущностные аспекты функционирования. Одним из возможных сценариев развития высшего образования в России может стать инициированная государством и поддержанная профессиональным сообществом переориентация на модель ?образования на протяжении всей жизни? (Lifelong learning), позволяющей расширить функциональные границы университетов, обеспечив их общественную целесообразность и сформировав траектории их дальнейшего развития. В этой связи перед российским образованием возникают требования, адекватная реакция на которые способна преодолеть соответствующий кризис. Так, в качестве

основных императивов существования по-настоящему современного университета могут быть сформулированы следующие: ? обеспечение институциональной открытости, позволяющей гибко и динамично реагировать на социальные, экономические и технологические изменения; ? кооперативные ориентации: активное взаимодействие с другими образовательными и рыночными институтами; ? нивелирование чрезмерного сциентизма в образовании; ? принцип специализма в гуманитарном образовании, искусственно и безыскусно воспроизводимого ?старыми? вузами, должен быть замещен расширением содержания на бакалаврской ступени образования (модель ?Liberal Arts? в американских колледжах); ? четкое внутрисистемное разграничение функций ученого и преподавателя; ? расширение портфеля программ дополнительного образования взрослых ? не только профессиональной направленности, но и обеспечивающих удовлетворение познавательных потребностей индивидов всех возрастов (андрагогическое и геронтологическое образование); ? постоянное поддержание предметно-знаниевого уровня преподавателей, обеспечиваемого механизмами полноценного внутрисистемного контроля; ? внедрение дистанционных форм образования, обеспечивающего замещение архаичных и низкопродуктивных очно-заочной и заочной форм.

К ВОПРОСУ ОБ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СОВРЕМЕННОГО УЧИТЕЛЯ

Кравцова А.Г. (Красноярск)

Современный этап развития высшего профессионального образования характеризуется увеличением количества исследований, направленных на поиск путей совершенствования профессиональной подготовки специалистов педагогического профиля. Это обусловлено модернизацией системы профессиональной подготовки, введением федерального государственного образовательного стандарта третьего поколения. Так в частности, согласно ФГОС ВПО современный учитель должен обладать общекультурными, общепрофессиональными компетенциями и компетенциями в области педагогической деятельности. Заметим, что в данный набор компетенций не включается эмоциональный компонент образовательного процесса, описываемый в категории ?эмоциональная компетентность?. Эмоциональная компетентность

определяется как ?способность распознавать, понимать и использовать эмоциональную информацию о себе или других, которая опосредует эффективную работу? [3]. Таким образом, обеспечивается психологическое благополучие и профессиональная успешность личности. Педагоги с высоким показателем эмоциональной компетентности хорошо осознают себя, свои собственные ценности, потребности и живут в соответствии с ними. Теория и практика показывают, что эмоционально компетентный учитель обладает способностью к педагогической импровизации и творчеству, что характеризует его как профессионала [7]. В свою очередь, это дает возможность современному педагогу быть компетентным в направлении эмоционального воспитания учащихся, способствовать овладению ими культурой проявления эмоций, значимость которой отмечали Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн. Такие учителя выбирают позитивные тактики влияния: поддержку, воодушевление, развитие. Таким образом, компетентностный подход к исследованию профессиональной подготовки педагогов предполагает введение эмоциональных компетенций, которые определяют новый аспект в профессиональной пригодности специалистов ? эмоциональную пригодность. Данное понятие разработано в рамках концепции эмоциональных границ профессии, основанной на теоретико-методологических принципах постнеклассической социологии [1]. Эмоциональная пригодность - это наличие у индивида эмоциональных ценностей, соответствующих требованиям профессии. Эмоционально пригодным специалистом является человек, чьи потребности в определенных эмоциональных переживаниях могут удовлетворяться эмоциональными переживаниями, свойственными для конкретной профессиональной деятельности. Как отмечает О. Н. Доценко, субъект, включенный в профессию скорее когнитивно, чем ценностно и эмоционально, овладевает лишь необходимым минимумом профессиональных знаний и умений, и он может не стремиться ни к профессиональному росту, ни к совершенствованию своего труда [4]. Концепция эмоциональных границ профессии позволяет определить эмоциональную пригодность специалиста к той или иной деятельности. Основные положения концепции эмоциональных границ профессии [5, 6]: 1.Набор (совокупность) эмоциональных ценностей выступает предметом удовлетворения соответствующего набора потребностей индивида в эмоциональных переживаниях. Данный набор формируется в определенной профессиональной среде и может быть определен как эмоциональные границы профессии

(ЭГП). 2. Эмоциональные границы профессии экстрагируются из эмоционального (бессознательного) уровня массового сознания, которое, как отмечал Д.В. Ольшанский, надиндивидуальное и надгрупповое по содержанию, но индивидуальное по форме функционирования. ЭГП содержит эмоциональные состояния, обладающие реальностью переживания и испытываемые специалистами в конкретной профессиональной деятельности. 3. В процессе социализации, получения профессионального образования, непосредственно в трудовом процессе у человека формируются представления об эмоциональных границах той или иной профессии, то есть о присущем ей наборе эмоциональных ценностей. 4. Соответствие эмоциональных границ профессии эмоциональным ценностям индивида является необходимым условием его профессиональной реализации, достижения высокого уровня профессиональной компетентности и удовлетворенности от трудового процесса. Основные понятия концепции эмоциональных границ профессии: Эмоциональные границы профессии ? набор (совокупность) эмоциональных ценностей, характеризующих данную профессию (имеющих устойчивую связь с данной профессией на бессознательном уровне сознания индивидов и групп), и выступающих предметом удовлетворения соответствующего набора потребностей в эмоциональных переживаниях индивида. ЭГП включают два компонента: 1. Инвариантный компонент ? постоянный, константный набор эмоциональных ценностей, соответствующий конкретной профессии и выделяемый в сознании индивидов вне зависимости от их принадлежности к социальным группам. Можно определить данный набор эмоциональных ценностей как эмоциональное ядро профессии (ЭЯП), присущее всем специалистам конкретной профессии. 2. Вариативный компонент включает наборы эмоциональных ценностей, выделяемые в бессознательном компоненте массового сознания разных социальных групп. Эмоциональные ценности формируются в наборы в зависимости от принадлежности их носителей к той или иной социальной группе. Мы полагаем, что эмоциональные ценности как значимые эмоциональные переживания и состояния, выступающие в частности мотивом поведения и деятельности людей, являются основанием для формирования эмоциональных компетенций. Таким образом, видится необходимым расширение понятия профессиональной компетентности современного учителя, включение в него эмоциональной компетентности. Социологическая концепция эмоциональных границ профессии способна выступить

теоретическим основанием выявления эмоциональных ценностей, связанных с содержанием профессиональной деятельности современного педагога. Данный подход позволит уточнить содержание эмоциональной компетентности педагога за счет предъявления четких требований к его эмоциональной пригодности ? наличию у него ориентаций на конкретные эмоциональные ценности, выступающих основанием для формирования эмоциональной компетентности.

Литература

1. Nemirovskiy V.G. The Interdisciplinary Perspectives of the Contemporary Post-Non-Classical Sociology / The International Journal of Interdisciplinary Social Sciences. 2007. Vol. 2. Num.1.
2. Андреева И.Н. Развитие эмоциональной компетентности педагогов [Текст] / Психология образования сегодня: Теория и практика: материалы международной науч.-прак. конф. Под ред. С И Коптевой, А.П. Лобанова, Н.В. Дроздовой. Минск, 2003.
3. Гоулман Д. Эмоциональное лидерство: Искусство управления людьми на основе эмоционального интеллекта / Дэниел Гоулман, Ричард Бояцис, Энни Макки; Пер. с англ. ? М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. ? 301с.
4. Доценко, О. Н. Эмоциональная направленность представителей социномических профессий с различным уровнем выгорания [Текст] : автореф. дис. канд. псих. наук: 15.12.08 / О. Н. Доценко.? М., 2008. ? 29 С.
5. Кравцова А.Г. Социологическая концепция эмоциональных границ профессии [Электронный ресурс] / материалы Всероссийской социол. конф. «Образование и общество». Москва, 20-22 октября 2009 г. М.: ИС РАН; РОС, 2009 (Диск CD, ISBN 978-5-89697-165-8).
6. Кравцова А.Г. Концепция эмоциональных границ профессии как средство повышения качества высшего профессионального образования [Текст] /А.Г. Кравцова, Д.О. Труфанов / материалы Всероссийской науч.-метод. конф. ?Повышение качества высшего профессионального образования?: в 3 ч. Ч.2. ? Красноярск, 15-17 октября 2009 г.: ИПК СФУ, 2009. ? 303 с.
7. Посадская Т.В. Эмоциональная компетентность педагога - важное условие сохранения и укрепления здоровья [Электронный ресурс]. ? 2010г. - <http://arutynov.viperson.ru/wind.php?ID=636881&soch=1>

**ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА «ПРОБЛЕМА
ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ МОЛОДЕЖИ». ИНТЕРЕС
СОВРЕМЕННОГО ШКОЛЬНИКА И СТУДЕНТА К
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ**

Кутыкова И.В. (Санкт-Петербург)

В современном исследовании исторического сознания, в том числе учащейся и студенческой молодежи, трудно переоценить значение результатов социологического опроса в их познавательных и педагогических аспектах. Познавательные аспекты связаны с реализацией целостного подхода к проблеме, с выявлением тенденций, проблем и перспектив современного состояния, функционирования, формирования и развития исторического сознания молодежи, с самопознанием школьника и студента. Педагогические аспекты ? с вопросами методологии, мотивации преподавания и изучения истории, нравственного и эстетического воспитания историей. Вопрос об интересе учащейся и студенческой молодежи к истории, главным образом отечественной истории, представляет один из важнейших вопросов, открывающих путь к сущностному постижению исторического сознания современников. Интерес учащейся и студенческой молодежи к истории, как показывают результаты исследования автора, носит устойчивый характер. Особое значение в ряду исторических периодов и стран, вызывающих не только интерес, но и потребность в знании и понимании, необходимых молодому человеку в контексте современной действительности, приобретает отечественная история. За период с 1996 по 2010 гг. имеет место количественная и качественная динамика интереса учащейся и студенческой молодежи к отечественной истории. Согласно результатам опроса старшеклассников двух средних школ Санкт-Петербурга, предпринятого автором в 1996 году, отечественная история вызывала интерес у 38% респондентов. Примечательно, что предпочтения десятиклассников и одиннадцатиклассников в данном вопросе разнились. Учащихся десятого класса, во-первых, интересовала всеобщая история, в частности Древнего мира, средневековья (79%), во-вторых, история Отечества (21%). При этом бо?льшую потребность в приобщении к отечественной истории испытывали десятиклассники школы с углубленным изучением иностранного языка (16% против 5% десятиклассников средней школы обычного

типа). Для учащихся одиннадцатого класса (59%) интересна отечественная история, главным образом, XX столетия, затем история всеобщая (41%). Интерес к истории XX века обуславливался, преимущественно, учебной программой выпускного класса, однако доминирующее восприятие истории как реальной жизни способствовало наибольшему интересу школьников к недавнему прошлому своего Отечества, его изучению и пониманию. Результаты пилотного опроса студентов первого курса аграрного университета Санкт-Петербурга в 2002 году показали, что наибольший интерес вчерашние школьники проявляли к отечественной истории (56%) периодов киевской Руси, а также XVII-XVIII вв., XV в., XV-XVIII вв., 1812 г., правления Петра I, истории коммунистической партии и СССР, правления Ивана Грозного, ?времен переворотов?. Кроме того, 22% респондентов интересовала отечественная и всеобщая история (например, эпоха дворцовых переворотов и французская революция, история до Александра I и эпохи Возрождения, царствование Екатерины II и всеобщая история XVIII-XIX вв., ?отечественная история с XVIII века и до наших дней? и средневековая история, правление Ивана Грозного, Бориса Годунова и история крестовых походов, правление Александра II и средневековая история). Всеобщая история (средневековая история, история XX века, Древнего Востока; история II мировой войны, история эпохи Возрождения) была интересна 22% студентов. Студенты технического вуза Санкт-Петербурга, принявшие участие в исследовании, предпринятом автором в 2006 и 2010 годах, признались, что в ряду многочисленных стран, исторических периодов и эпох, привлекающих их внимание, первостепенное значение приобретает история Отечества (42 упоминания ? 2006 г.; 2010 г. ? 79), затем история стран Европы (Франции, Англии, Италии, Испании и др.) и всеобщая история (Древнего мира). Студенты охотно называют периоды в отечественной истории, которые привлекают их внимание, не дождавшись специального вопроса, посвященного истории Отечества. В 2010 году лидирует история России различных периодов и эпох (например, XIX-XX вв., XVIII-XX вв., XX в., ?все периоды?, ?дворцовые перевороты?, ?годы перестройки?, ?все!?, XVIII в., 1941-1945 гг., ?послевоенное время?, 1945-2000 гг., XVI-XIX вв. (первокурсники), XIX-XX вв., правление Николая II, Великая Отечественная война, Иван Грозный, XVII-XX вв., 90-е годы, 1812 г., XVIII в., начало XX века, XVIII-XIX вв., эпоха Петра I - Екатерины II, ?все эпохи?, ?Россия X-XXI вв.? (второкурсники)). На второе место по количеству упоминаний в 2010

году выходит история СССР (в 2006 году - Древняя Русь). Специальный вопрос, посвященный периодам и эпохам в отечественной истории, позволил определить, что пристальное внимание студентов обращено на историю: 1. российского государства периода московского княжества, российской империи, конца XIX ? первой половины XX веков (2006г. ? 35; 2010г. ? 77); 2. 2006г. ? Древней Руси (18), 2010г. ? СССР (44); 3. 2006г. ? СССР (16), 2010г. ? ?всех/многих? периодов, в том числе ?резких изменений?, новейшей историей (26); 4. 2006г. - ?всех/многих? периодов, в том числе ?резких изменений?, новейшей историей (15), 2010г. ? Древней Руси (20). Во взглядах студентов первого и второго курсов на данный вопрос в 2006 году существовали некоторые различия. Так, студентам второго курса была интересна история: 1. Древней Руси; 2. российского государства периода московского княжества, российской империи, конца XIX ? первой половины XX вв.; 3. ?все/многое?, в том числе периоды ?резких изменений?, новейшая история; 4. советский период. К 2010 году различия во взглядах респондентов преодолены; наиболее привлекательными и ценными для постижения ?страны? в истории Отечества студентами единодушно признаны: 1. российское государство периода московского княжества, российская империя, конец XIX ? первая половина XX вв.; 2. советский период; 3. все/многое, в том числе периоды ?резких изменений?, новейшая история; 4. Древняя Русь. Примечательно, что данные результаты аналогичны тем предпочтениям в соответствующей иерархии, которые продемонстрировали своими ответами первокурсники в 2006 году. Представленные результаты исследований по вопросу ?интерес современного школьника и студента к отечественной истории? показывают, что наметившаяся тенденция предпочтения старшеклассниками, выпускниками школ периодов отечественной истории, к которым проявляется витальный и познавательный интерес, является впоследствии доминантой исторического сознания студенческой молодежи.

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ШКОЛА КАК ИНСТИТУТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ

Летова С.О. (Санкт-Петербург)

Социологическое понимание процесса политической социализации предполагает признание обусловленности этого

процесса общественными структурами и их взаимное влияние. Общим для различных точек зрения на процесс политической социализации, существующих в рамках социологического подхода, является принцип об определяющей роли социальной среды в процессе формирования личности.

При трансформации общественных структур существенным образом изменяется и политическая социализация. Эффективная политическая социализация в свою очередь обеспечивает успех преобразования общественных структур.

Школа обладает значительным потенциалом в деле формирования политического сознания и политической культуры учащихся в силу всеобщего характера среднего образования и объективных возможностей прямой передачи школой политической информации и политических ценностей под контролем государства.

Политическая социализация школьников как процесс, с одной стороны, обусловленный общественными структурами, а с другой стороны, - сам воздействующий на процессы общественных изменений является важным инструментом демократизации. Вместе с тем роль современной школы в качестве института политической социализации изучена недостаточно.

При анализе процесса политической социализации в школе представляется целесообразным выделить следующие уровни изучения:

- макроуровень ? роль государства в политической социализации, протекающей в рамках школы;

- мезоуровень ? влияние содержательного компонента образовательных программ, образовательной модели, стиля обучения, школьного климата, взаимодействия школы с другими агентами политической социализации;

- микроуровень ? взаимодействие личности с агентами изучаемого процесса ? учителями и сверстниками.

Изучение политической социализации на макроуровне предполагает изучение официальных документов, действующих в сфере образования и анализ экспертных интервью, отражающих эффективность воплощения официальной линии на локальном уровне.

В последние двадцать лет возникло типовое разнообразие школ, и процесс социализации в различных типах образовательных учреждений происходит по-разному. Новая система оплаты труда учителей, содержание статей Закона о бюджетных организациях, а также проект нового Закона об образовании показывают, что выбран путь дальнейшего усиления дифференциации школ. Федеральный перечень учебников, рекомендованных и допущенных к изучению в школах на 2012/2013

год, насчитывает уже 2499 книг. Следовательно, несмотря на возрождение целенаправленной политической социализации, на мезоуровне изучения этого процесса необходимо учитывать многообразие моделей политической социализации, практикуемых в школах.

В современном российском образовании можно выделить два крайних типа политической социализации. Почвенно-национальный, или коллективистский тип политической социализации предполагает формирование национально-патриотических ценностей учащихся, а индивидуалистический, или либеральный тип опирается на модели образовательных систем западных стран. Тип социализации, практикуемой в каждой конкретной школе, оказывается смешанным, поскольку важными факторами являются политико-поколенческая структура учительского сообщества и контингент учащихся, что в свою очередь делает процесс исследования политической социализации в школе на микроуровне особенно сложным и трудоемким.

Попытки государства регулировать направление социализации и вернуть ее в русло планируемого процесса с заданным результатом и одновременное усиление различий в содержании и структуре гуманитарных дисциплин, степени воплощения личностно-ориентированного подхода в обучении, соотношении духовно-нравственного и гражданского воспитания, способствующее формированию фрагментированного типа политической культуры, свидетельствуют о сложности и противоречивости процесса политической социализации школьников в современной России. Таким образом, современная российская школа нуждается в пристальном внимании исследователей-социологов и всестороннем изучении на всех уровнях как институт политической социализации.

ВОСПРИЯТИЕ СТУДЕНТАМИ НЕКОТОРЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ПОВЕДЕНИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ

Ливач Е.А. (Санкт-Петербург)

Отечественная система образования всегда придерживалась авторитарной модели, основными признаками которой являются: ведущая роль учителя в образовательном процессе, его непререкаемый авторитет, направленность образования на подготовку к выполнению социальных функций (что и определяет образовательные стандарты, учебные планы и объем необходимых к усвоению знаний, умений и навыков). Учитель формулирует цели

воспитания и обучения, конструирует пути и способы их достижения, отбирает соответствующие средства, устанавливает границы активности ученика в образовательном процессе [1]. Однако демократизация общества подразумевает изменение характера социальных отношений индивидов, их взаимных ожиданий, их представлений о своих функциях и функциях партнеров по социальному взаимодействию. Мы предположили, что ожидания обучаемых по поводу поведения учителя смещаются в сторону демократичности, готовности к диалогу, более непосредственному выражению эмоций и настроений. Целью нашего исследования было выявить ожидания и предпочтения учащихся по поводу вербального и невербального поведения преподавателя. Параметры поведения были выделены на основе концепции В. Сатир о моделях эффективного и неэффективного общения [2]. Гипотеза исследования: учащиеся ожидают от преподавателя демократичного поведения, готовности частично уступить инициативу учащимся, более непосредственного и эмоционального поведения, чем это принято в авторитарной модели образования. В. Сатир, анализируя модели поведения в общении, описывает наиболее эффективную модель как ?уравновешенную или гибкую?, для которой характерна конгруэнтность, то есть соответствие слов жестам, позе и тону. Сатир считает, что данная модель поведения эффективна в любых типах взаимодействий, включая образовательный процесс: ?Читаете ли Вы лекции, консультируете или инструктируете кого-то ? одним словом, когда вы заняты в процессах, где необходимо точно выражаться, если вы придерживаетесь при этом уравновешенной модели общения, то не скрываете свои чувства, свободно двигаетесь, и это не мешает вашим рабочим процессам? [2, с. 76]. Сатир описывает модели поведения в общении, сравнивая их по вербальным и невербальным характеристикам, которые мы проанализировали и использовали при опросе учащихся. Таким образом было выделено 10 параметров поведения преподавателя: эмоциональный ? рациональный; собранный ? рассеянный; сдержанный ? импульсивный; мягкий ? твердый; отстраненный ? участливый; впечатлительный ? рассудительный; энергичный ? расслабленный; ведомый ? ведущий; спокойный ? напряженный; вопрошающий ? утверждающий. На основе этого списка респондентам было предложено определить наиболее привлекательные характеристики поведения преподавателя, а также наименее привлекательные (использовался метод семантического дифференциала Осгуда). Параметры выборки: N=180 (студенты 1-5 курсов СПбГТИ(ТУ)), мужчины ? 40%, женщины ?

60%, возрастные группы: 17-18 лет ? 16%, 19-20 лет ? 43%, >20 лет ? 41%. Опрос проводился в мае 2012 г. Были получены следующие результаты. Наиболее привлекательным для опрошенных оказалось следующее поведение преподавателя: ?эмоциональность ? рациональность?: нечто среднее ? 34%, скорее рациональный ? 26%; ?собранный ? рассеянность?: собранный ? 39%, очень собранный ? 24%; ?сдержанность? импульсивность?: сдержанный ? 22%, скорее сдержанный ? 25%, нечто среднее ? 23%. ?мягкий ? твердый?: скорее мягкий ? 17%, нечто среднее ? 35%, скорее твердый ? 17%. ?отстраненность ? участливость?: скорее участливый ? 23%, участливый ? 34%, предельно участливый ? 26%. ?впечатлительность ? рассудительность?: нечто среднее ? 29%, скорее рассудительный ? 24%, рассудительный ? 19%. ?энергичность ? расслабленность?: очень энергичный ? 18%, энергичный ? 31%, скорее энергичный ? 22%. ?ведомая позиция ? ведущая позиция?: нечто среднее ? 23%, скорее ведущий - 25%, ведущий ? 26%, всегда ведущий ? 18%. ?спокойствие ? напряженность?: очень спокойный ? 28%, спокойный ? 33%, скорее спокойный ? 21%. ?роль вопрошающего ? роль утверждающего?: скорее вопрошающий ? 13%, нечто среднее ? 40%, скорее утверждающий ? 17%, утверждающий ? 16%. Наименее привлекательным для опрошенных оказалось следующее поведение преподавателя: ?эмоциональность ? рациональность?: очень эмоциональный ? 36%, очень рациональный ? 27%. ?собранный ? рассеянность?: очень собранный ? 16%, очень рассеянный ? 46%. ?сдержанность? импульсивность?: очень сдержанный ? 14%, очень импульсивный ? 39%. ?мягкий ? твердый?: очень мягкий ? 17%, твердый ? 17%, очень твердый ? 33%. ?отстраненность ? участливость?: очень отстраненный ? 51%, отстраненный ? 20%. ?впечатлительность ? рассудительность?: очень впечатлительный ? 32%, очень рассудительный ? 18%. ?энергичность ? расслабленность?: очень энергичный ? 12%, нечто среднее (предположительно, респонденты затруднились ответить) ? 17%, очень расслабленный ? 41%. ?ведомая позиция ? ведущая позиция?: всегда ведомый ? 31%, всегда ведущий ? 27%. ?спокойствие ? напряженность?: напряженный ? 17%, предельно напряженный ? 52%. ?роль вопрошающего ? роль утверждающего?: всегда вопрошающий ? 26%, всегда утверждающий ? 31%. Таким образом, наиболее привлекательным для студентов является следующий тип преподавателя: энергичный, собранный, спокойный, не напряженный, рассудительный и умеренно рациональный, сдержанный, но не холодный (выражающий свои эмоции),

лидирующий во взаимодействии, но не подавляющий, активно участвующий в диалоге в обеих ролях ? как вопрошающего, так и утверждающего. Наибольшую антипатию вызывает жесткая закреплённость моделей поведения ? как постоянные вопросы, так и постоянные утверждения, как чрезмерная напряжённость, так и чрезмерная расслабленность, как чрезмерная эмоциональность и импульсивность, так и чрезмерная отстранённость. Следовательно, стремление преподавателя следовать строго определенной ролевой модели не способствует эффективности педагогического взаимодействия. Студенты вуза нуждаются в руководящей роли преподавателя ? человека, владеющего собой и контролирующего ситуацию, но хотят видеть именно человека ? участливого, выражающего эмоции и активно участвующего в диалоге. Результаты исследования могут быть полезны преподавателям, выбирающим стиль профессиональной деятельности.

Литература

1. Парадигмы базовых моделей образовательного процесса: Электронный ресурс [<http://www.profile-edu.ru/stati.html>]
2. Сатир В. Модели общения // Сатир В. Вы и ваша семья. - М., Институт общегуманитарных исследований, 2007. - 288 с.

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ФИЛОСОФСКОГО МЫШЛЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ СТУДЕНТОВ.

Лязина Ю.А. (Уфа)

В настоящее время философская теория - это сложная система знаний, основным содержанием которой являются наиболее общие принципы бытия и познания, законы функционирования и развития объективного мира. На первый план она выдвигает проблемы научного осмысления реальности и систематизации полученных знаний, проблемы духовного мира личности, сущности человеческого бытия и сознания. Философия выступает как духовное рационально-теоретическое освоение действительности. Ее назначение ? научить человека самостоятельно и творчески мыслить, понимать свое назначение, правильно оценивать свои возможности и роль в мире. Реализация задач философского познания связана, в частности, с готовностью мышления человека решать проблемные задачи. К сожалению, сегодняшняя ситуация, складывающаяся в среднем образовании, показывает нам наличие принципиального

разрыва преемственности формирования такого типа мышления. Введение единого государственного экзамена (ЕГЭ), широкое применение тестовых заданий ориентировано на запоминание отдельных фактов без четкой взаимосвязи, что характерно для дискретного, машинного типа мышления. Такой тип мышления можно назвать задачным. Специфика учебной задачи состоит в том, что, решая ее, человек научается решению всех однотипных с нею задач и способ решения становится обобщенным. Обучение, направленное на формирование такого типа мышления, имеет низкий коэффициент полезного действия, поскольку он основан на запоминании огромного количества информации и алгоритмов решения множества частных стандартных задач. Это противоположно творческому, неалгоритмическому мышлению. Человек при таком типе обучения теряет способность мыслить диалектически, осмысливать объект в динамике, в процессе становления и взаимодействия с окружающим миром. Неалгоритмическая модель есть модель мышления как деятельности, где разворачиваются процессы целеобразования, смыслообразования и мотивообразования, выражающие творческую природу мышления. Творческое мышление, начинаясь с вопроса или проблемы, активизирует познавательную деятельность и моделирует процесс мышления человека. Эффект обучения при разрешении проблем обусловлен возникновением у обучающихся потребности в новых знаниях, целеполагании и целеосуществлении в процессе поиска недостающего знания, которое позволяет перевести проблему в задачу или ряд задач и найти способы их решения. В таком случае сама учебная деятельность провоцирует включение продуктивного мышления и наполняется личностным, гуманистическим смыслом [1]. Таким образом, введение ЕГЭ и распространение тестирования в учебных заведениях способствует формированию нетворческого, задачного типа мышления, снижению потребности в обучении, снижению способности аргументировать собственную позицию (если она вообще есть), неумению самостоятельно осмысливать ситуацию. Такое положение вещей, безусловно, представляет серьезную угрозу личности, общественному сознанию, нации в целом, государству как социальному институту. Необходимо добавить, что в юношеском возрасте завершается формирование когнитивных процессов и, прежде всего, мышления. В эти годы мысль окончательно соединяется со словом, в результате чего образуется внутренняя речь как основное средство организации мышления и регуляции других познавательных процессов. Интеллект в своих высших проявлениях

становится речевым, а речь интеллектуализированной. Возникает полноценное теоретическое мышление [2]. Но это в идеале. Практика показывает, что большинство современных студентов не умеют грамотно оформлять свою мысль в речевой форме, затрудняются даже в простейших формулировках. Они не могут связать теоретические знания с практическими, не могут привести элементарные примеры из жизни, подтверждающие изучаемые закономерности. Эта проблема, на наш взгляд, также является следствием ориентированности среднего образования на формирование задачного типа мышления. По определению, философия есть общий взгляд на мир, высший уровень осмысления окружающей действительности. Для этого, безусловно, необходим навык систематизации знаний и умения грамотно излагать свои выводы. Поэтому, на наш взгляд, необходимо активно вводить в курс школьного обучения предметы типа риторики, а также предварять изучение философских абстракций обращением к другим предметам гуманитарного и общеобразовательного цикла: социологии, психологии, культурологии. Присутствующие в них элементы философского анализа позволят подготовить мышление студентов к более продуктивному восприятию философии и формировать у них способность специфически человеческого, творческого речевого мышления. Очевидно, что реализация поставленных задач будет способствовать формированию мировоззрения будущего специалиста и гражданина, как в профессиональном, так и в личностном плане.

Литература

1. Введенская Е.В. Проблема трансформации мышления современного человека. ? В сб. ?Философские проблемы биологии и медицины?, вып. 5 - М.: 2011, С. 170 ? 171.
2. Немов Р.С. Психология. Учеб. для студентов высш. пед. учеб. заведений. В 2 кн. Кн. 2. Психология образования. ? М.: Просвещение: Владос, 1994. ? С. 302.

СОВРЕМЕННЫЕ МОДЕЛИ ИНТЕГРАЦИИ УРОВНЕЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Макарова М.Н. (Ижевск)

Трансформация современного высшего образования в настоящее время осуществляется по целому ряду областей и носит разнонаправленный характер. С одной стороны, в связи с его

растущей популярностью среди населения, во всем мире растет число вузов и обучающихся в них студентов. С другой стороны, внутри самой системы высшего образования наблюдается усиление диверсификации, вследствие чего представления о различных типах вузов (университетах, институтах, колледжах) подвергаются трансформации и становятся предметом дискуссий в связи с изменением роли этих учреждений в социуме. Меняются и ценности населения по отношению к образованию, а также стратегии его получения. Изменения в структуре и характеристиках высшего образования в западных странах отразились в концепции «академического дрейфа», предполагающей анализ различных форм изменений, сдвигов основными образовательными субъектами. Этими субъектами являются, прежде всего, студенты, получающие или стремящиеся получить высшее образование, профессию, приобрести определенный социальный и профессиональный статус. Категория «академический дрейф» приобрела наибольшую популярность начиная с 90-х годов прошлого века, в период наиболее острых дискуссий о судьбах высшего образования, на фоне роста его популярности и растущего внутреннего расслоения. Эта концепция имеет несколько трактовок. Первая характеризует системный уровень трансформаций в образовательных институтах любого уровня, что отражается, безусловно, в трансформации образовательных учреждений и программ обучения. Понятие «академический» здесь использовано в расширительном смысле и не соотносится напрямую с университетским образованием. Однако движение в сторону «академичности», своеобразное смещение образования снизу вверх является основной тенденцией «дрейфа», имеющего различные направления течения. В настоящее время эта проблема обсуждается применительно к образованию в Европе, скандинавских странах, Канаде, США и даже к некоторым странам Восточной Европы. Наиболее распространенным направлением дрейфа является преобразование программ профессионального или профессионально-технического содержания в сторону теоретических, фундаментальных категорий, а также включение исследовательской составляющей, что означает приближение к университетскому уровню колледжей, профессионально-технических училищ к политехникам и т.д. Другой вариант этой формы изменений предполагает расширение (либерализацию) образовательной программы, которая при этом становится расширенной, также приобретая при этом черты фундаментальности и научно-исследовательскую составляющую. Джонассон выделяет в рамках

этой категории так называемый «институциональный дрейф» [9, р. 9]. Он предполагает переход от одного образовательного учреждения к институциональной иерархии, что позволяет этому учреждению быть более престижным, чем раньше. Примером здесь может служить слияние колледжа с университетом, что позволяет колледжу приобщаться к участию в исследовательской деятельности, соответственно к университетскому уровню. Дрейф в данном случае может быть понят как «восходящий». Боковой (lateral) дрейф предполагает слияние учреждений, имеющих равный статус. Возможны также различные комбинации подобного рода изменений. Здесь, по мнению ряда исследователей, часто вступают в игру правительство и иные властные субъекты, хотя таковые могут играть роль и на ранних стадиях дрейфа, инициируя трансформацию посредством образовательной политики. Вследствие подобных изменений возникает дисбаланс между ступенями образовательной системы [7, р. 98]: на верхних ступенях конкуренция и, как следствие, - диверсификация, все большее расслоение, а на нижних пустоты, уменьшение количества учреждений вплоть до полной ликвидации той или иной образовательной подсистемы. Подобного рода трансформации могут быть результатом как внешнего социально-политического или экономического воздействия на образовательные институты, так и быть инициированы в рамках самих образовательных учреждений, испытывающих потребности в развитии и совершенствовании учебных программ, участия в научных исследованиях. В частности, Кивик разработал типологию образовательных систем в зависимости от структуры высшего образования [10, р. 401]. Первая подсистема может быть названа «традиционной» университетской системой, поскольку она представлена традиционными университетами и очень небольшим количеством специализированных колледжей. Другие учреждения являются частью системы среднего профессионального или непрерывного образования (образование для учителей, медсестер и инженеров). Эта система была наиболее распространена в Европе до начала 1960-х. Дуальные системы включают в себя наряду с традиционными университетами и другие учреждения, в частности, колледжи. Эти учреждения являются многочисленными, мелкими и специализированными, предлагают двух- или трехлетние профессиональные программы, ведущие к диплому, имеют свою собственную культуру и тесные связи с профессиональной практикой. Завершение программы их обучения не приводит к доступу в университеты, за исключением очень ограниченных

случаев. Эта система была достаточно популярной в шестидесятые и семидесятые годы. ?Бинарные? системы представляют собой две параллельные подсистемы высшего образования: традиционные университеты и альтернативные учреждения, такие как политехнические институты или колледжи. Ранее небольшие, специализированные и дифференцированные колледжи теперь объединены в центры с общим регулированием. Эти центры также связаны с местными сообществами и ориентированы на удовлетворение региональных потребностей. В отношениях между субъектами может присутствовать как координация, распределение обязанностей, например, университеты отвечают за фундаментальные исследования и научно-исследовательские работы, а колледжи и институты ? обеспечивают прикладные аспекты и профессионализацию, так и соперничество, особенно если грани между ними стираются и появляются аналогичные направления деятельности или дублирующие программы. Исследователи считают, что разница между дуальной и бинарной системами является весьма размытой. ?Унифицированные? системы предполагают наличие всеобъемлющей системы высшего образования, включающей все разновидности высших учебных заведений. Номенклатура высшего образования (как правило, это ?университет?) распространяется на все учреждения. Учреждения в такой системе формально не дифференцированы. По-прежнему там могут оставаться некоторые различия в статусе и репутации вузов, чаще всего в отношении исследований. В ?стратифицированных? системах высшего образования так же, как и в унифицированных предполагается наличие объединенной системы высшего образования. Тем не менее, учреждения различаются как внутренне, так и внешне. Эта дифференциация может быть связана с государственной политикой или условиями рынка. Подобная система встречается в основном в США. На основе этой системы, например, была разработана система измерения институционального дрейфа в северных странах, в основе которой лежали, в частности, следующие критерии: правила и положения о проведении исследований, то есть возможность неуниверситетского учреждения проводить исследования; преемственность выпускных испытаний в колледже и вступительных экзаменов в университете; названия университетов, а также индивидуальные и институциональные системы продвижения по службе (кадровая политика в вузах) [8, 2006]. Иная разновидность академического дрейфа рассматривается как изменения в учебном плане или программе с целью изменить содержание обучения без

каких бы то ни было институциональных или структурных изменений. Например, либерализация программы означает расширение ее границ, наряду с этим существует прагматизация программы (сужение ее границ к узко-специализированным). Подобные тенденции, в частности, отмечались в отношении изменения британских образовательных программ в сторону их «профессионализации». Этот процесс связывается во многом с давлением бизнеса на образование и прогрессистскими концепциями социальной ответственности образования перед рыночной экономикой и местным сообществом [14, р. 308]. В целом эта тенденция была вызвана усилением перформативности высшего образования под давлением экономики и политических сил, а также властных субъектов различного уровня. Вместе с тем, отмечают исследователи, подобный вид «дрейфа» является наименее идентифицируемым, поскольку содержание учебного плана не всегда формально декларируется и может быть по-разному оценена различными субъектами. Подобная трансформация структуры высшего образования связана с рядом причин, являющихся предметом постоянных дискуссий исследователей. Много говорится об упадке традиционных ценностей университетского образования, превращения их в инструментально-обслуживающие функции для экономики и потребностей среднего класса. Дискредитация ценностей академической свободы, в частности, выражается в усилении зависимости университетов от экономических структур, бизнеса и властных органов. «Новый менеджеризм» в образовании зачастую связывается с усилением бюрократизации, контроля и давлением местных сообществ на университеты. Поэтому, преобразование образовательных программ в направлении профессионализации, откликов на запросы работодателей, бизнеса и власти является ответом на усиление зависимости университетов от внешней среды. С. Басснет, иллюстрируя этот тезис, пишет: «Университетская жизнь становится все больше похожа на страну чудес, заставляя меня чувствовать себя все более как нечто среднее между Алисой – ошеломленной от постоянно меняющейся странности всего этого – и Белым Кроликом, вечно метаемым от встречи к встрече в состоянии постоянного опоздания» [12]. Скотт связывает идею падения университетских ценностей с развитием идей «общества знаний». Если традиционный университет, воспроизводящий элиту, был способен поддерживать «критическое расстояние» от общества, оставаясь относительно автономным, то массовая система высшего образования, наоборот, полностью

встроена в общество, реализуя профессиональные, а не научные интересы, проповедуя инструментальные, а не либеральные (или академические) ценности. Более того, многие «классические» университеты взяли на себя новые роли, которые существенно отличаются от своих традиционных ролей - например, путем создания бизнес-школ, развивающихся по месту работы, изменений в учебных программах или создания технологии перезачета кредитов. Общество знаний, считает Скотт, привело к размыванию границ между политикой и рынком, наукой и культурой. В этой связи «успех» университетов в решении социально-экономических и иных проблем, его инновационные функции привели на деле к уменьшению их автономии [12]. Университет перестает быть уникальным не только в воспроизводстве элиты, которая сама подверглась существенным изменениям, но и в решении социальных и научных задач, становясь одним из рядоположенных институтов нового «общества знаний». «Тотальность» знания, изменение его роли, таким образом, привело к утрате университетами монополии на «истину» и значительной части своей автономии. Скотт отмечает, что наряду с дрейфом учебного плана, то есть его трансформации от академического к профессиональному содержанию, происходит сдвиг в научно-исследовательской деятельности: от теоретических, фундаментальных к прикладным исследованиям в рамках университетов. Таким образом, университеты вносят свою лепту в развитие общества знаний, становясь его необходимым элементом, однако не единственным и отнюдь не уникальным. Другой не менее важной разновидностью академического дрейфа является студенческий дрейф (the drift of the student body). Он означает, по сути, выбор студентами той или иной образовательной программы, образовательного уровня, в соответствии с предыдущим уровнем образования, интересами, способностями и еще массой неявных, но существенных социальных факторов, таких, как пол, этнос, социальный статус и т.д. Однако «дрейф» в данном понимании также не лишен трансформационного смысла. Большинство исследований, проведенных в различных странах, обнаруживают тенденцию предпочтения студентами «академически ориентированных» программ, предпочитая их профессионально ориентированным» [9, p.10]. Это значит, что студенты, выбирая программу и место обучения, предпочитают либо программы университетского уровня, либо те программы и учреждения неуниверситетского уровня, которые могут непосредственно привести впоследствии к университету. Эта тенденция, именуемая как «креденциализм»,

проявляется во всем мире и подталкивает вузы и государства к трансформации образовательных программ в сторону расширения университетов за счет учреждений более низкого уровня, прежде всего колледжей, и к иным видам академического дрейфа, описанным ранее. В частности, в США и Канаде большинство колледжей, вышедших из местных профессиональных школ, впоследствии становятся низовыми подразделениями университета. Одним из важнейших требований общественности, начиная с 40-х годов прошлого века, становится наличие в колледжах программ, которые могли бы иметь в дальнейшем свое продолжение в университете [Skolnik, 2004]. Постепенно местные колледжи и профессиональные школы проникают в районы, обычно зарезервированные для университетов. Все эти процессы с неизбежностью приводят к слиянию, выраженному, в частности, в формировании образовательных комплексов, расширении структуры университетов за счет колледжа, появлении совместных образовательных программ и перезачета кредитов (например, два первых курса бакалавриата студент получает в колледже, а два последних – в университете). Подобные формы партнерства выгодны для многих субъектов: колледжи повышают свой статус и число студентов, университеты приобретают связь с практикой и миром работы, которой они подчас не имеют и за отсутствие которой все чаще критикуются, а местные власти получают образовательный комплекс, который может выступать дополнительным объектом инвестиций со стороны различных субъектов, государства, общественных структур и бизнеса. Кроме того, колледжи способствуют привлечению студентов в университеты посредством организации совместных программ и экзаменов со средними школами, что привлекает выпускников школ возможностью дальнейшего поступления в университет. Благодаря колледжам университеты, по мнению исследователей, смогли уделять более пристальное внимание неэкономическим целям, таким, как поиски истины и передачу общей культуры? [13]. Колледжи же сосредоточили свое внимание на экономических целях?, то есть подготовка специалистов для экономики и прикладные исследования. Связь с профессиональными ассоциациями и работодателями позволяет им более эффективно реагировать на актуальные потребности рынка труда и запросы экономики. Партнерство с университетами позволяет им заниматься прикладными исследованиями, получать гранты, стипендии и т.д., то есть иметь определенные университетские привилегии и открыть для себя новые

возможности и виды деятельности. Таким образом, являясь изначально промежуточным звеном между школой и вузом только для выпускника, желающего получить высшее образование, колледжи становятся этим звеном институционально, дрейфуя вверх, преобразуясь реально и номинально в университетскую, академически ориентированную структуру. Университеты же становятся более профессионально ориентированными (vocationalism), в результате чего представление о традиционном университете меняется, а либеральные ценности уступают свое место инструментальным. Но это неизбежный процесс, результатом которого является создание корпоративных вузов, усиливается вклад университетских сообществ в проведение прикладных исследований и в производство инноваций. Этот дрейф университетов, скорее всего, является ответом на требования экономики и общества приблизить высшее образование к их насущным потребностям. Экономика требует от вузов прикладных исследований и подготовки специалистов-профессионалов, а население – доступности высшего образования, открывающего прямой доступ к рынку труда. В российском профессиональном образовании в настоящее время наблюдаются аналогичные тенденции модернизации, продиктованные, с одной стороны, изменяющимися потребностями населения, с другой – приоритетами экономического развития. Массовизация высшего образования, рост числа студентов являются следствиями его популярности у населения. В свою очередь, давно уже назрел кризис систем начального и среднего профессионального образования: недобор абитуриентов, неэффективная занятость и рост безработицы выпускников. По данным исследований, лишь четверть выпускников начального профобразования выходят на рынок труда, 16% ждут призыва в армию, примерно 53% хотят продолжить обучение в СПО и вузах, а еще 6% намереваются сразу сменить полученную профессию. Соответственно, 59% уже по выходе из профессионального училища или лицея не собираются работать по полученной профессии, а еще 16% выпускников, тех, кто уходит в армию, далеко не всегда будут работать в той сфере, для которой их готовили. 76% окончивших средние специальные учебные заведения собираются продолжать учебу, при этом 91% – в вузах? [1]. В настоящее время система начального и среднего профессионального образования не удовлетворяет требованиям рынка труда, вследствие чего при возрастающей потребности экономики в квалифицированных рабочих кадрах одновременно растет и безработица среди выпускников НПО и СПО. Кроме того,

эта система в течение многих лет не подвергалась существенным изменениям. Рыночные механизмы привели к утрате установившихся взаимосвязей как с производственным сектором, так и с образовательными учреждениями других уровней, в особенности со школами. Все эти тенденции потребовали серьезных трансформаций в системе профессионального обучения всех уровней, которые выразились, во-первых, в ?профессионализации? систем НПО и СПО, проявившейся в тенденции из слияния и движения в сторону потребностей экономики, прежде всего региональной. Учреждения этих уровней трансформируются либо в укрупненные комплексы, реализующие программы различного уровня, либо в ресурсные центры, связанные с предприятиями, профессиональными и отраслевыми ассоциациями. Интегративные процессы в профессиональной подготовке предусматривают такие аспекты, как: интеграция образовательных уровней (допрофессиональная подготовка, начальное, среднее, высшее профессиональное образование, система повышения квалификации и переподготовки); интеграция федеральных, региональных и локальных (на уровне образовательных учреждений) образовательных программ, предусматривающая преемственность образовательного процесса; интеграция умений и навыков, выраженная во включенности компетенций одного уровня в образовательные программы другого уровня, обеспечивающей гибкость и многофункциональность рабочей силы. Уже в ?Концепции развития сети образовательных учреждений, подведомственных Рособразованию? указано на необходимость ?обеспечить системную интеграцию образовательных учреждений всех уровней, направленную на непрерывное профессиональное образование, на формирование современной инфраструктуры интегрированных образовательных комплексов, на содержательную и организационную преемственность между уровнями профессионального образования? [2] В проекте федерального закона ?Об образовании в Российской Федерации? подобного рода интеграционные тенденции получили свое яркое отражение: ?Профессиональное образование включает в себя следующие уровни образования: среднее профессиональное образование и высшее образование?. Таким образом, уровень НПО прекращает свое существование, растворяясь в многоуровневых колледжах или превращаясь в учреждения краткосрочной подготовки, ?доводки? рабочих или ?учебные центры профессиональных квалификаций? и приобретения первоначальных профессиональных навыков. Часть его также переходит в старшие

классы средней школы: «Среднее общее образование направлено на развитие интереса к познанию и творческих способностей обучающегося, формирование навыков самостоятельной учебной деятельности на основе профильности, дифференциации и профессиональной ориентации (курсив мой - М.М.) содержания среднего общего образования, подготовку обучающегося к жизни в обществе, самостоятельному жизненному выбору, началу трудовой деятельности и продолжению образования» [5]. Во-вторых, наблюдается «академизация» колледжей и техникумов, предполагающая их интеграцию с вузами. В докладе «Российское образование. 2020: модель образования для экономики, основанной на знаниях» указывается, что в новой структуре учреждений профессионального образования «колледжи, реализующие базовые программы профессионального образования, могут входить в состав университетов». Отражением этих процессов в настоящее время является реализация во многих вузах программ среднего профессионального образования, а ссузах – программ «прикладного» или «технического» бакалавриата. В п. 5 ст. 7 законопроекта об образовании говорится о том, что «основные образовательные программы среднего профессионального образования могут быть реализованы организациями высшего образования». При этом «колледжи, институты и их филиалы вправе выполнять фундаментальные и прикладные научные исследования преимущественно в одной области науки или культуры» (п. 4 ст. 113). В документе «Программа сети высших учебных заведений, подведомственных Рособразованию, на 2010-2011 годы» говорится, какие вузы перестанут существовать как самостоятельные, а какие превратятся в центры педагогического образования. В их структуру помимо двух-трех государственных вузов на договорной основе попадут «региональные институты повышения квалификации работников образования и педагогические колледжи». Эти изменения, говорится в документе, повысят качество предоставляемых услуг, сократят количество вузов, осуществляющих подготовку специалистов низкого качества по не востребованным рынком специальностям и обеспечат «рациональное использование бюджетных средств» [3]. В итоге каждый последующий уровень профессионального образования, по принципу «матрешки» получает возможность вести программы более низкого уровня, что обеспечивает непрерывность образовательного процесса и возможности индивидуального и институционального «дрейфа» по различным траекториям. Кроме того, реализация предполагаемых

реформ может способствовать усилению взаимосвязи образования и экономики посредством участия работодателей в подготовке специалистов различного уровня квалификации и проводить прикладные исследования не только в рамках университетских форм обучения, но и на уровне среднего профессионального образования. На каждом уровне, наряду с интегративным потенциалом, появляется возможность диверсификации по типам образовательных учреждений. Это особенно ярко проявляется в процессе формирования различных типов вузов: формируются федеральные и национальные исследовательские университеты, да и среди «обычных» вузов также наблюдается дифференциация по самым различным критериям. Однако давать оценку происходящим и грядущим изменениям пока трудно. В настоящее время идет процесс адаптации субъектов образования к нововведениям, связанным с новыми образовательными стандартами, изменением структуры образовательных учреждений, формированием программ, введением уровневой подготовки и т.д. С другой стороны, в отношении проектов будущих изменений в сфере образования не утихают дискуссии о перспективах их реализации, трудностях внедрения и ломки укоренившихся традиций и образцов образовательных практик. Вместе с тем, рассматривая процессы трансформации образования как в России, так и за рубежом, становится ясно, что модель «академического дрейфа» может быть применима к анализу этих процессов. Она хорошо отражает не только изменчивость и текучесть современных социальных институтов, но и позволяет отследить реальные и потенциальные траектории перемещения социальных субъектов образования, их ценностные и социальные ориентации.

Литература

1. Клячко Т. Профессиональное образование: снова реформы // Ведомости. 29.09.2010
http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/246613/snova_reformy
2. Концепция развития сети образовательных учреждений, подведомственных Рособразованию. Приложение к Приказу Рособразованию от 25 мая 2007 года «О ходе оптимизации сети подведомственных образовательных учреждений»
http://www.edu.ru/db/mo/Data/d_07/a921.html
3. Никольская П. Демография сольет вузы // Газета.ru: Общество. 16.02.10
<http://www.gazeta.ru/social/2010/02/16/3324933.shtml>

4. Проект федерального закона "Об образовании в Российской Федерации" (на 15 июля 2011 года)
<http://mon.gov.ru/dok/proj/7786/>
5. Проект федерального закона "Об образовании в Российской Федерации" (на 15 июля 2011 года)
<http://mon.gov.ru/dok/proj/7786/>
6. Российское образование ? 2020: модель образования для экономики, основанной на знаниях: к IX Междунар. науч. конф. "Модернизация экономики и глобализация", Москва, 1-3 апреля 2008 г. / под ред. Я. Кузьминова, И. Фрумина; Гос. ун-т ? Высшая школа экономики. ? М., 2008.
7. Archer M. S. (1984) Social Origins of Educational Systems. University Edition. London: Sage, 1984.
8. Johannsdottir, G. (2006) Convergence in the development of Nordic higher education systems prior to the Bologna reform process. Paper at the CHER conference in Kassel 2006.
<http://www.unikassel.de/wz1/CHER/Welcome.html>
9. Jonasson J.T. (2006) Can credentialism help to predict the convergence of institutions and systems of higher education? CHER 19th Annual Conference Systems Convergence and Institutional Diversity? Centre for Research on Higher Education and Work, University of Kassel, 2006.
10. Kyvik, S. (2004) Structural Changes in Higher Education Systems in Western Europe // Higher Education in Europe, 2004. 29(3), P. 393-409.
11. Mutton E.(2003) Legal Education: The Integrated Law School. SLS Conference in Oxford, September 2003.
12. Scott P. (2004) Ethics "in" and "for" Higher Education // International Conference on Ethical and Moral Dimensions for Higher Education and Science in Europe. Bucharest, 2004.
http://www.cepes.ro/September/scott_print.htm
13. Skolnik M. (2004) The Relationship of the community college to other providers of postsecondary and adult education in Canada and implications for policy // Higher Education Perspectives, 2004. Vol 1, No 1.
<https://jps.library.utoronto.ca/index.php/hep/article/view/574>
14. Williams, R., Yeomans, D. (1994) The Technical and Vocational Education Initiative and School Autonomy in the Management of Curriculum Change. Research Papers in Education.1994. 9(3). P. 303-319.

СИСТЕМА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ТЕХНИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СТРАНАХ ЕС.

Михеева Л.Д., Домбровская Н.В. (Санкт-Петербург)

В развитых европейских странах профессиональное образование играет важную роль и осуществляется либо в конце цикла школьного обучения, либо непосредственно сразу после него. Главной особенностью программ прикладного профессионально-технического образования (в противовес академическому университетскому образованию) является то, что учебные заведения подобного профиля дают узкоспециализированное прикладное образование, которое готовит будущих специалистов для выполнения конкретных задач в конкретной области, а не направлено на развитие абстрактных общих навыков, которые могут быть использованы в различных сферах профессиональной деятельности. Такие программы могут быть введены в рамках школьного образования (в старших классах школы), или ? что случается чаще ? они сочетаются в послешкольном образовании с непосредственной работой по специальности. При этом, как правило, заключается так называемый ?студенческий контракт? (по аналогии с целевым набором в России). В последнем случае, программы профессионального обучения отличаются от программ общего тем, что студент не может самостоятельно выбирать содержание своей образовательной программы, он обязан учитывать интересы фирмы, направляющей его на учебу. Содержание и структура программ начального профессионального образования и обучения очень различаются в различных странах-членах ЕС [7. Стр. 1-24] и даже в различных регионах стран-членов ЕС [5. Стр. 208-234]. С научной точки зрения трудно определить экономическую отдачу от подобного профессионального образования на рынке труда, поскольку, к сожалению, данный уровень обучения выбирают в основном студенты, не слишком хорошо успевавшие в школе. Данные сравнительных исследований показывают, что получение прикладного профессионального образования оценивается ниже, чем получение общего академического образования [8. Стр. 1325-1343.], а размеры доходов от профессионального образования существенно различаются по странам Европы. При этом может показаться, что получение профессионального образования не принесет студентам этих вузов в будущем существенного дохода даже в странах с уже

хорошо развитой системы профессионально-технического образования [6; 2. Стр. 161-199]. В таких странах, как правило, меньше количество работников без послешкольного образования, и ниже уровень безработицы среди молодежи [9. Стр. 289-325]. С другой стороны, в этих странах выше показатели безработицы среди пожилых людей, которые ранее получили профессионально-техническое образование по этой системе, поскольку полученные в ней специальные навыки быстро устаревают в связи с ускоряющимся научно-техническим прогрессом. В целом же хорошо развитая система, дающая узкоспециализированное образование, как правило, получает положительные оценки экономистов [См., напр. 1; 4]. Сочетание профессионального образования с опытом работы облегчает переход от обучения непосредственно к работе [10. Стр.34-92] и мотивирует студентов к хорошему обучению. Фирмы при этом стремятся обеспечить своим сотрудникам достойную подготовку. Схемы, которые сочетают профессиональное образование с внутрифирменным обучением, лучше подходят для содействия перехода от обучения в школе к работе, чем чисто теоретическое профессиональное образование. Для эффективной системы профессионального технического образования важно учитывать потребности рынка, что и обеспечивается участием фирм-работодателей в этом процессе. Сотрудничество частного сектора в сочетании с сертификацией в государственном секторе является одним из средств достижения высоких показателей обучения. Для студентов, которые не дотягивают до стандартов академических навыков, необходимых для достижения успеха в получении высшего университетского образования, приобретение прикладных навыков профессионально-технического образовательного уровня может быть единственным путем к получению достойного пост-школьного образования, особенно, когда образование сочетается с обучением на рабочем месте. Во Франции, в частности, такие студенты получают больше шансов найти работу, чем студенты, которые получили лишь школьное профессиональное образование [3. Стр. 426-442]. Следует отметить, что необходима адаптация программ профессионально-технического образования к рынку труда, так как требования этого рынка к выпускникам меняются быстро и часто, к тому же зачастую различаются по регионам. Узкое профессиональное образование иногда перестает удовлетворять потребности рынка, проблема усиливается устаревшими профессиональными навыками. Сложности планирования данного типа профессионального образования связаны с ускорением научно-технического прогресса;

этот тип образования наиболее эффективен для повышения уровня общей начальной профессиональной компетентности работников, для быстрого начала трудовой деятельности и должно сопровождаться дальнейшим повышением квалификации и курсами переподготовки.

Литература

1. Acemoglu, Daron. Human Capital Policies and the Distribution of Income: A Framework for Analysis and Literature Review. New Zealand Treasury Working Papers 01/03. Wellington: The Treasury. 2001
2. Bishop, John H. The Impact of Previous Training on Productivity and Wages. NBER Comparative Labor Markets Series. Chicago: University of Chicago Press. 1994
3. Bonnal, Liliane, Sylvie Mendes, Catherine Sofer. School-to-Work Transition: Apprenticeship versus Vocational School in France. International Journal of Manpower 23 (5). 2002
4. Clark, Damon, Ren? Fahr. The Promise of Workplace Training for Non-College Bound Youth: Theory and Evidence from German Apprenticeship. CEP Discussion Paper 528. London: Centre for Economic Performance, London School of Economics. 2002
5. Franz, Wolfgang, David Soskice. The German Apprenticeship System. In: Friedrich Buttler, Wolfgang Franz, Ronald Schettkat, David Soskice (eds.), Institutional Frameworks and Labor Market Performance: Comparative Views on the U.S. and German Economies. London: Routledge. 1995
6. Lauer, Charlotte, Viktor Steiner. Returns to Education in West Germany: An Empirical Assessment. ZEW Discussion Paper 00-04. Mannheim: Centre for European Economic Research. 2000
7. Lynch, Lisa M. Introduction. In: Lisa M. Lynch (ed.), Training and the Private Sector: International Comparisons: 1-24. NBER Comparative Labor Markets Series. Chicago: University of Chicago Press. 1994
8. Psacharopoulos, George. Returns to Investment in Education: A Global Update. World Development 22 (9). 1994
9. Ryan, Paul. Is Apprenticeship Better? A Review of the Economic Evidence. Journal of Vocational Education and Training 50 (2). 1998
10. Ryan, Paul. The School-to-Work Transition: A Cross-National Perspective. Journal of Economic Literature 39 (1). 2001

ПРИКЛАДНОЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ В ПОДГОТОВКЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЦИОЛОГОВ

Овсянников В.Г. (Санкт-Петербург)

Логика исторического развития поставила Россию перед объективно необходимыми переменами всех граней ее экономической, политической и социокультурной жизни. Мировой опыт последних десятилетий показал прямую связь между ростом эффективного общественного производства и уровнем гуманитаризации, локализации и демократизации образовательной системы общества. До последнего времени в массовом сознании и практической политике России бытовало представление, что люди, кадры с необходимыми профессиональными и гражданскими качествами где-то уже есть, их надо лишь призвать, заинтересовать. Преобладали две обособленные трактовки такого подхода. Первая, достаточно упрощенная, заключалась в том, что социальная активность, предприимчивость человека есть результат повышения благосостояния, удовлетворение потребительского спроса. Вторая фактически сводила процесс формирования человеческих качеств, необходимых обществу, морализированию, дидактике, повторению прописных истин. В неявной форме эти две вульгарно-идеалистические позиции существуют и сейчас (богатство как стимул предпринимательства, либо абсолютизация прав человека, демократических процедур и т.п.) Благополучие человека, его социальная активность и самочувствие, как это уже всем очевидно, не сводится только к уровню и даже качеству жизни, оцениваемой в среднестатистических показателях. Оно, скорее, определяется мерой доступности средств для решения его жизненно важных целей. Именно этому должны способствовать социальные реформы в России, охватывающие весь комплекс направлений и средств взаимодействия человека с его природным, социальным и культурным окружением. Это в сто крат быстрее создаст условия для конкуренции и регулирования рынка в интересах всего населения, всех потребителей и производителей. Необходимо скорейшее преодоление односторонних вульгаризованных решений, осуществляемых зачастую антиконституционными и антиправовыми средствами, неслыханным насилием над человеческой природой и ее базовыми качествами и признание социальной политики самостоятельной сферой государственной и социальной деятельности. Именно социальная политика и практическая

(прикладная) социология, если следовать заветам П. Сорокина, должна быть, в отличие от бессодержательных и напыщенных систем общественной морали?, большей частью представляющих набор елейных фраз, неспособных что-либо изменить, опытной системой рецептов, принципов, указывающей точные средства для борьбы с социальными болезнями, для рациональных реформ в науке, образовании, политике, религии и т.д. Здесь хотелось бы особо подчеркнуть, что данный подход отличается от традиционной точки зрения, когда полагают, что только наука создает нечто принципиально новое, а затем оно тиражируется промышленностью и управленческими структурами и осваивается людьми через быт, средства коммуникации или систему образования; всё ? ?сверху? от ученых. В этой схеме нет места ни творчеству, ни инициативности, ни культуре дела и общения в строгом значении этих понятий. Остается только освоение, адаптация, стабилизация и тиражирование, распространение. Однако, ни отнесенность научного знания к конкретному объекту, ни даже нацеленность на его преобразование сами по себе прикладного знания не образуют. В данном случае, все-таки, осуществляется господство теории, а практика считается выходом за пределы науки, операцией, начинающейся там, где низшая операция считается законченной. Этот способ формирования программы практической деятельности не является единственным. В обществе функционируют и такие программы, которые формируются на основе обыденных знаний, культурных традиций, в ходе непосредственного практического отражения действительности. Их-то и должны заменить, тем самым в корне преобразуя социальную практику, научно обоснованные практические методы деятельности населения в непосредственной жизненной ситуации. Новое общество ? это не общество потребления, а общество причастности, вовлеченности и развития. Успех поиска новых форм организации, по существу, зависит от способности учиться. Ключевое понятие способности к инновационным изменениям ? это обучение. Социальная практика по своей природе является универсальной, комплексной. Поэтому для целей практической деятельности необходимо создавать комплексы знаний, включающие естественно-научные, технические и социальные знания. Примерами этого явления служат новые отрасли прикладной социологии ? социальная инженерия, социальная инноватика, социальная экология, социальная работа, психосоциология (Дудченко В.С., Резник Ю.М., Щербина В.В.) Тенденция к синтезу естественных, технических и общественных

наук возникает и реализуется в значительной мере под влиянием запросов практики, и поэтому ее анализ входит в компетенцию социологии и методологии практики. (Ельмеев В.Я., Овсянников В.Г.) В рамках такого понимания основная функция прикладной социологии связывается с деятельностью по обоснованию, планированию и реализации социальных проектов практических изменений социальных систем разных типов и уровней. В настоящее время отрасли прикладной социологии как социальной политики еще не стали реальной научной базой антикризисной деятельности правительства и других властных структур, принимающих управленческие решения на макросоциальном уровне. В лучшем случае, социологи-социальные инженеры выступают в качестве экспертов или советников в этих структурах. Они не могут пока выполнять весь комплекс прикладных работ: исследование ? проектирование и программирование ? внедрение и реализация практического управленческого решения, затрагивающего основы общественного бытия. К тому же правительство не способное реально реформировать общество, в т.ч. систему образования, более того готовое ради решения сиюминутных задач разрушить худобедно работающую систему подготовки профессиональных кадров, даже не ставит себе цель самосохранения и реального совершенствования системы образования и других направлений социальной политики, попадая в полную зависимость ограниченной потребности в сокращении бюджетных расходов. Социальное реформирование на основе минимальных социальных стандартов, нормативного и минимального бюджетного финансирования противоречит прогрессивному развитию личности. Настало, вероятно, время расширить подготовку профессиональных социальных инженеров-аналитиков, диагностиков, конструкторов, проектировщиков и др., что требует введения в перечень социологических специальностей новой специальности и группы специальностей.

Литература

1. Сорокин П. Система социологии Сыктывкар, 1991.
2. Дудченко В.С. Инновационные технологии М., 1996.
3. Социальное моделирование и программирование: прикладная социология. Отв. ред. В.Г. Овсянников СПб., 2008.

РЕАЛИЗАЦИЯ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Пашков М.В. (Санкт-Петербург)

Очевидно, переориентация российского образования с когнитивного на компетентностный подход способствует повышению качества высшего образования, приближает образовательный дискурс к реальной практике выпускников, облегчает доступ российских вузов на международный, региональный и другие рынки образовательных услуг. Однако одно дело декларировать новый подход и другое дело его реализовать в образовательном процессе в условиях, когда понятие компетенций используется широко и многопланово, а понятие компетентностного подхода остается размытым. О каких только компетенциях, степень владения которыми призвана определять грамотность? студентов, не идет речь в рамках компетентностного подхода. В одних моделях они подразделяются на образовательные, творческие (креативные), социально-психологические и профессиональные; в других ? на предметные, методологические и социальные; в третьих ? на компетенции кодирования (декодирование текста), семантические (понимание смыслов), практические или ффункциональные (умение выполнять повседневные задачи: прочесть газету, выписать чек, заполнить приложение к документам и т.д.) и критические (критически выбирать и анализировать тексты, определять надежность источников информации и т.д.). Как известно, компетентностный подход начал формироваться с 70-х годов двадцатого века в контексте работ Н. Хомского. Понятие, модели и теории компетенций и компетентности получили развитие в работах Н.А. Гришанова, Н.В. Кузьмина, А.К. Маркова, В.Н. Куницина, Г.Э. Белицкой, Л.И. Берестова, В.И. Байденко, А.В. Хуторского, Р. Уайта, Б.Бернштейна, Дж. Равена, П. Фрибоди, Р. Мартина, Э.Дейли и др. Поэтому вряд ли найдется преподаватель, который бы не знал, что образовательная компетенция ? это совокупность смысловых ориентаций, знаний, умений, навыков и опыта деятельности выпускников по отношению к определенному кругу объектов реальной действительности и жизни, необходимых для осуществления личностно- и социально значимой и продуктивной деятельности. Сложнее обстоит дело с разработкой продуктивных подходов, методик и моделей ? кейсов, направленных на воплощение преподавателями компетенций в вещных, организационных и гуманитарных практиках обучающихся. Однако разработки технологий эффективного формирования компетенций,

существующие в сфере организаций, практически отсутствуют в сфере образования. Это признается и российскими, и западными специалистами. И начинать этот процесс следует, по-видимому, с выявления и осмысления тех условий, при которых компетентностный подход способен обеспечить качественный сдвиг в российском образовании. Среди целого ряда условий мы выделили бы следующие. Во-первых, если 40% из 7 млн. студентов российских вузов не могут и не умеют учиться, так как не владеют базовыми компетенциями, которыми они должны были овладеть еще в школе, [1] то, по-видимому, компетентностный подход, представленный такими компетенциями, как знания, применение знаний, принятие элементарных решений, навыки коммуникации и навыки самообучения, в той или иной форме должен получить прописку уже на уровне школьного образования. Во-вторых, переход российского образования на двухуровневую систему (бакалавриат и магистратура) предполагает, что профессия в том виде, в котором она сложилась в середине прошлого века и в котором она отражена в образовательных стандартах, и, следовательно, вообще в структуре образования, умирает или умерла совсем?. [1] Исходя из этого существование на уровне бакалавриата свыше 450 направлений, а внутри каждого направления еще целого ряда профилей не только дискредитирует само понятие бакалавриата, призванного еще только подготовить обучающегося к освоению той или иной профессии, но и затрудняет реализацию компетентностного подхода. Последнее обстоятельство обусловлено тем, что овладение профессиональными компетенциями предполагает решение двух часто трудно коррелирующих между собой задач: глубокое освоение студентами теоретических положений наук и овладение технологиями их перевода на язык практических действий. Первая ориентирует образовательную доктрину на накопление фактов, на образование ?здесь и сейчас?, вторая связана с интерпретациями, объяснениями и рассуждениями обучающегося по поводу истоков его знаний. Именно персональное структурирование и систематизация знаний, перевод его в плоскость индивидуальных практических действий развивает индивидуальную социокультурную практику студентов, предоставляет ему возможность самостоятельно выбирать интеллектуальные ресурсы, формирующие его образ мысли, видение мира, бытия? всего того, что остается с ним и помогает найти себе применение в жизни. [3] Исходя из этого, эффективность реализации компетентностного подхода значительно возрастет, если в образовательных программах больше учебного времени будет

отведено различным формам самостоятельной работы, но не за счет увеличения учебной нагрузки на студента (зачастую в России так и происходит), а за счет разумного перераспределения времени между аудиторной и внеаудиторной нагрузкой. В России львиную долю учебного времени студенты проводят в аудиториях, тогда как в западных университетах она составляет 20 ? 25 % учебного времени. [2, с. 206] Кроме того, смещение акцента образовательных программ с накопления знаний на накопление умений и навыков некоторые авторы связывают с необходимостью снижения уровня теоретизации основных проблем знания и выходом за границы избитой образовательной формулы ?вопрос-ответ?, когда отслеживается только правильность ответа, к анализу самого процесса поиска ответа. В этом случае обучающийся вынужден интерпретировать, объяснять и рассуждать, шаг за шагом складывая мозаику искомого ответа и оценивая свои успехи от истоков знания до самого конца, а преподаватель отмечать все точки этого пути, перепрофилировать и направлять его внимание, т.е. не лекцию читать, а руководить, сверяясь со строгими установками. Как полагает американский педагог-теоретик, профессор ?The Ohio State University? Эдгар Дейл, усвояемость знаний при таком интерактивном формате работы возрастает до 90%. Правда, требуются коммуникативные модели, координирующие действия преподавателя и обучающегося в процессе обучения, адаптированные к российским реалиям. Вследствие этого ?обучение в течение всей жизни? становится не просто одним из принципов компетентностного подхода, а ?философией жизни?, стержнем профессионального и личностного развития, в котором ключевую роль играет кумулятивное обучение, т.е. накопление обучающимся навыков, знаний и опыта. Именно из этих фактов и складывается как его интеллектуальный потенциал, так и способности к дальнейшему обучению и практической деятельности. В-третьих, помимо активизации в образовательном процессе деятельности самих обучающихся и ориентации их на обучение в течение всей жизни компетентностный подход должен конструироваться с учетом их образовательной мобильности и потребности в знании языка ?для быстрого реагирования на интеллектуальные вызовы мульти-языковой среды?. Именно образовательная мобильность актуализировала проблемы междисциплинарного и мульти языкового сочетания образовательных программ и необходимость соединения языковой и учебной подготовки в рамках одного предметного курса. Нельзя отмахнуться как от того, что ?язык?, его природа, коммуникативные

особенности для иностранных студентов становятся объектом исследования наравне с выбранной им предметной областью в рамках основной образовательной программы, так и от того, что внедрение в повседневную жизнь информационных мультимедиа технологий меняет саму систему общения. Текст, как способ передачи информации, уже не является основным способом общения, лишь переходя в новые форматы в сочетании со звуком, изображением, спецэффектами, он включается практически в любой информационно-коммуникативный канал. [3]

Литература

1. Я.Кузьминов. Образование и стратегии личного успеха. ? <http://www.polit.ru/article/2011/01/12/education/>
2. Е.В.Добренькова. Социальная морфология образовательного дискурса: историко-социологические аспекты. ? М.; Альфа-М, 2006 ? 335 с.
3. Peter Freebody, Karl Maton, J R Martin (2008) ?Talk, text, and knowledge in cumulative, integrated learning: A response to ?intellectual challenge?, 188-201. In Australian Journal of Language and Literacy. ? http://www.karlmarton.com/pdf/2008Freebody_AJLL.pdf;

ПОДГОТОВКА СТАРШЕКЛАССНИКОВ К ЕГЭ: ПРОБЛЕМА ВЫБОРА

Перепечина Ю.С. (Екатеринбург)

2009 г. стал для российской системы образования переломным. Именно тогда была отменена традиционная система сдачи выпускных школьных экзаменов ?по билетам? и введена всеобщая обязательная система Единого государственного экзамена [6]. За это время тема Единого госэкзамена стала невероятно актуальной. Общество разделилось на два лагеря: ?за ЕГЭ? и ?против ЕГЭ?. С одной стороны, ЕГЭ позволяет регулярно получать данные о качестве школьного образования. До введения ЕГЭ, мы часто ссылались на результаты международных академических олимпиад. Но, ведь первое место, занятое нашим десятиклассником на олимпиаде по всемирной истории, не говорит о том, что все старшеклассники России знают, когда распалась Римская империя и началась эпоха Великих географических открытий. С 2000 г. раз в три года Россия участвует в ?Program for International Students Assessment?, в ходе которой анализируется массовое, а не ?элитарно-

олимпиадное? образование в десятках стран. Тысячи обычных школьников исследуются по таким показателям, как умение читать, т.е. понимать и интерпретировать тексты различного характера; подходить к решению нестандартной учебной и жизненной задачи; слушать и слышать чужое мнение и т.п. [4] В оценке российские учащиеся старших классов общеобразовательных школ, занимают далеко не первые места рейтинга. Так в 2000 г. среди 32 стран-участниц Россия заняла 25-е место, в 2003 г. ? 32-е (из 43), 36 (из 57) и 41 (из 65) в 2006 и 2009 гг. соответственно. Лидерами становятся Китай, Нидерланды, Сингапур, Финляндия и Япония. Отсюда следует, что российские учащиеся старших классов с одной стороны, имеют достаточно высокий уровень овладения предметными знаниями, но с другой - не умеют применять эти знания на практике ? работать с разными источниками информации, выражать и аргументировать свою точку зрения [4]. В идеале школьное образование должно обеспечивать развитие этих компетенций у учащегося, но всё чаще и чаще мы слышим, как, особенно в условиях прохождения государственной итоговой аттестации в форме ЕГЭ, педагоги ?натаскивают? учащихся на правильные ответы, формируют из знания некий стандарт, утверждающий единую точку зрения. Возникает вопрос: как однозначно можно оценить то или иное социальное явление? Как можно задать рамки для знания о человеке? Итак, обсуждение школьного образования ? его содержания, формы, результаты и т.д. ? стало ?полем битвы? различных мнений. Особенно острым противостояние этих мнений стало в 2008 г., когда результаты школьного образования во всех субъектах РФ стал измеряться при помощи ЕГЭ. Активная дискуссия с участием чиновников, преподавателей школ и вузов, школьников и их родителей ведётся в Интернете. Но резкие высказывания в Интернете не единственное доказательство разочарования в реформе российской системы образования и, в частности, ЕГЭ. По данным Общественной палаты РФ к 2007 г. возник и становится всё более заметным ?кризис доверия? родителей к качеству среднего общего образования. Выросло число школьников, заканчивающих 10-11 классы экстерном: дети, с целью поступить в престижные вузы, получают необходимые знания от репетиторов или на специальных курсах. Влияние на социализацию подростка школы и коллектива сверстников ни дети, ни их родители при этом не учитывают. Их можно понять. С помощью таких внешкольных, дополнительных видов обучения старшеклассник сам может анализировать учебный материал - что он уже знает и умеет, а что ещё нет ? например, по

обществознанию. Не по тому обществознанию, в 50-70 уроков которых предписано вместить сразу несколько отдельных друг от друга наук: политологию, правоведение, социальную психологию, социальную философию, экономику и т.д., а по тому обществознанию, которое на Западе называют ?Humanities? - блок социально-гуманитарных знаний, направленных на социализацию личности. Однако в платных дополнительных образовательных услугах нуждаются не только школьники-экстерны, но и самые обычные старшеклассники, которые просто хотят сдать ЕГЭ. Ещё в 2000 г. для того, чтобы успешно сдать выпускной экзамен по какой-либо дисциплине, старшекласснику достаточно было освоить школьную программу. Кроме того, учитель заранее выдавал учащимся вопросы к экзамену, в течение всего года мог консультировать учеников, подсказывать, на что именно следует обратить внимание и т.д. То есть, выпускник знал, что его ожидает в день экзамена. С введением ЕГЭ школьник идёт к пункту приёма экзамена и не знает, какие задания ему попадутся. Он не готовился по конкретным вопросам, а, в лучшем случае, учил весь материал школьной программы. Но, для того, чтобы за год вспомнить всю школьную программу за несколько лет, одного учебного года мало. Он, как и раньше, предназначен для изучения нового материала. Времени для повторения, а тем более, решения заданий из Контрольно-измерительных материалов просто нет. Освоения школьной программы мало. Школьнику нужна дополнительная подготовка. Об этом свидетельствует и попытка проанализировать условия поступления выпускников школ в вуз (т.к. ЕГЭ одновременно является выпускным экзаменом из школы и вступительным в вузы и ссузы), проделанная в 2005 г. кафедрой сравнительной образовательной политики Российского университета дружбы народов (РУДН) [1]. Вывод исследования заключался в следующем: важнейший фактор, способствующий поступлению в вуз, а, следовательно, и предварительной сдачи ЕГЭ, - это прохождение дополнительной, особой стадии образования. Речь идёт либо о самостоятельной подготовке, либо индивидуальной подготовке с репетиторами из данного вуза, либо о коллективной подготовке на подготовительных курсах при данном вузе. Старшекласснику остаётся лишь сделать выбор в пользу того или иного варианта. Однако этот выбор школьник делает, полагаясь не только на собственное представление о том, как он будет сдавать ЕГЭ, но и определённые ресурсы, которые он может использовать при подготовке. Этот выбор зависит от многих факторов. Мы

считаем, что изучение этих факторов, влияющих на выбор старшеклассниками ресурсов и методов подготовки к ЕГЭ по обществознанию является достаточно актуальной и важной для социологического анализа проблемой. Именно обществознание, за исключением русского языка и математики, из года в год занимает лидирующую позицию по количеству участников ЕГЭ в рейтинге общеобразовательных предметов. Мы выделяем следующие методы подготовки к ЕГЭ по обществознанию: самостоятельная подготовка, подготовительные курсы при вузе, подготовка с репетитором, профильное обучение в школе. Мы считаем, что выбор того или иного метода подготовки свидетельствуют о разных образовательных стратегиях учеников, различиях в ресурсной обеспеченности и дифференциации учеников средней школы в целом. Как влияет такая дифференциация на успешность ученика, результаты прохождения экзаменационных испытаний и дальнейшую образовательную карьеру? Вот лишь часть вопросов, которые мы рассматриваем в нашем исследовании. Мы считаем, что результаты нашего исследования будут интересны старшеклассникам и их родителям, организаторами подготовительных курсов при школе и при вузе, репетиторам, но главное? тем, кто стоит за организацией процесса и содержания школьного образования. Может быть, следует что-то изменить?

Литература

1. Артамонова М. В., Богословская О. В., Латов Ю. В. Институциональная трансформация российского высшего образования // Интернет-конференция «Дети и молодежь» <http://ecsocman.hse.ru/iconf/33372699/index.html> (дата обращения: 1.10.2012)
2. Краевский В.В. Чему учить? // Вопросы образования. 2004. №3. С. 5-23.
3. Лобанов С.К. Технология самореализации личности в процессе изучения обществоведческих дисциплин // Среднее профессиональное образование. 2009. №11. С. 54-56.
4. Любимов Л.Л. Смысл и составляющие школьного гуманитарного образования // Вопросы образования. 2007. №1. С. 282-295.
5. Образование и общество: готова ли Россия инвестировать в своё будущее? Доклад Общественной палаты Российской Федерации // Вопросы образования. 2007. №4. С. 5-102.

6. Федеральный закон от 09.02.2007 №17-ФЗ ?О внесении изменений в Закон Российской Федерации ?Об образовании? и Федеральный закон ?О высшем и послевузовском профессиональном образовании? в части проведения Единого государственного экзамена? (в ред. Федерального закона от 01.12.2007 №309-ФЗ).

ШКОЛА И ВУЗ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ ОБЩЕСТВА

Петров А.Ю. (Екатеринбург)

Профессиональной элитой мы могли бы назвать объективно существующие в каждой профессиональной сфере группы экспертов, качественно выделяющихся среди остальных наиболее эффективными результатами своей профессиональной деятельности. Между тем, оперирование понятием элиты вызывает множество ассоциативных толкований, размывая как сам объект социологического исследования, так и те оценочные критерии, которые позволяли бы социологически измерять данный феномен количественно. Проблема ?очерчивания? социального слоя профессиональной элиты сталкивается с дилеммой: профессиональная (интеллектуальная, экспертная) элита - это наличие особых внутриличностных качеств или же это особый социальный статус? Уже в самом понятии ?элита? мы видим взаимосвязь объективной и субъективной составляющих: безусловно, существуют некие стратификационные внешние критерии принадлежности к элитным (избранным) слоям общества, но существует еще и субъективный, внутриличностный, мотивационный компонент, связанный с внутренней самооценкой, самоотнесением и самоидентификацией. Очевидно, что учет балансового соотношения объективных и субъективных критериев при формировании своего рода ?Я-концепции? социальной элиты потребует ответов на вопросы: каков перечень тех ценностных ориентаций, личностных качеств, способностей и мотивов, позволяющих образованному человеку причислить к социальной элите себя самого? И, напротив, какова ценностная структура человека, субъективно причисляющего себя к социальной элите, не обладая при этом качествами фактической образованности и профессиональной квалификации? Между тем, профессиональная (экспертная) элита существует объективно: среди школьников выделяется прослойка интеллектуально продвинутых ?ботаников? и

победителей олимпиад, в вузах мы наблюдаем пусть и небольшой, но все-таки заметный слой ярко мотивированных на получение качественного образования студентов, в любом профессиональном социуме мы неизбежно вычленим микрогруппы так называемых «истинных профессионалов». Умышленно используя тавтологию как стилистический прием, мы обращаем внимание на то, что именно в этих социальных микрогруппах объективно концентрируются люди с одинаково высоким уровнем профессионального образования и широким профессиональным кругозором для непрерывного дискуссионного обсуждения профессиональных проблем, представляющих для участников взаимный профессионально-эвристический интерес. Более того, участие в подобных элитных микросоциумах представляют собой уникальную форму непрерывного профессионального самообразования и личностного роста. И, что самое важное, именно профессиональная элита устанавливает те неформальные образовательные стандарты, которых должны придерживаться, с ее точки зрения, как отдельные индивиды, так и социум в целом. К примеру, известная дискуссия вокруг ЕГЭ является, по своей сути, отголоском противостояния этих двух профессионально-образовательных установок и стандартов – элитного, повышенного (вытекающего из потребности в широком и непрерывном профессиональном образовании), с одной стороны, и массового, усредненного (ограничивающегося единым разумным и достаточным профессиональным минимумом), – с другой. Отсюда, актуальным представляется вопрос о том, в какой степени элитные профессиональные группы (на этапах школы, вуза и практики), находясь под влиянием бытовых настроений и утвердившихся социальных стереотипов, внутренне ощущают себя элитой социальной? Проведенное нами исследование среди студентов-очников крупного технического вуза – Уральского государственного технического университета (было опрошено более 400 третьекурсников-«технарей») – выявляет тенденцию заметного превалирования социальной мотивации над профессионально-эвристической: 47,7% (половина!) студентов сугубо технических специальностей (прямо скажем, на уровне бытового общественного мнения далеко не самых престижных и элитных) – будущие механики, сварщики, металлурги – еще не доучившись, откровенно сожалеют о своем профессиональном выборе, в будущем работать по обучаемой специальности вовсе не собираются и, как они нам признались, главным образом, по причине слабой социальной востребованности на сегодняшний день подобного рода профессий

(?Здесь много не заработаешь и карьеры не сделаешь?). Иными словами, элитный специалист не получает элитного социального статуса. Социологическое исследование в гимназиях Нижнего Тагила ? крупного промышленного центра Уральского региона, - ставило своей целью диагностировать взгляды выпускников элитных школ нового типа (являющихся некой ценностной альтернативой традиционным общеобразовательным школам) на проблему профессионального выбора. Представители нынешней школьной элиты (в общей сложности нами было опрошено более 300 выпускников) в процессе своего профессионального самоопределения руководствуются прежде всего соображениями универсального характера будущей профессии (?полученные здесь знания всегда пригодятся в жизни, независимо от того, буду ли я работать по этой специальности? - 71,4%), ее социального престижа (?эта специальность на сегодняшний день одна из самых престижных? - 64,3%), а также возможности быстрой карьеры (?получаемая специальность поможет быстро устроиться в жизни, начать свое дело, добиться служебного продвижения - 74,3%). Смеем утверждать, что большинство выпускников в процессе выбора вуза и будущей специальности лишь во вторую очередь готовы задуматься о том, насколько она будет соответствовать их внутреннему, личностному складу и интеллектуальным способностям. Так, по нашим данным, мотивы профессионально-эвристического порядка попали у выпускников гимназий лишь во второй по значимости блок профессионального выбора: будущая профессия предоставит ?возможность профессионального самовыражения и контактов с увлеченными и творческими людьми? (42,9%), а также ?возможность углубленного творческого поиска с возможным выходом на инновационные виды деятельности? (37,0%). Иными словами, в процессе профессионального выбора социальные интересы элитной части выпускников школ стали весьма заметно превалировать над интересами профессионально-эвристическими. Фактическая не востребованность широкой профессиональной образованности вынуждает человека сводить свою индивидуальную познавательную потребность к разумному минимуму, достаточному для того, чтобы занять желаемую (в том числе и элитную) социальную нишу. Данный процесс проявляется в массовидном характере сегодняшнего высшего образования, которое фактически уже перестало быть элитным, и в размывании слоя профессиональной элиты слоями квази-элиты. Так, к примеру, среди мотивов массового получения юридической специальности (опрашивались более 300 студентов

юридического факультета одного из ?коммерческого? вузов) на первое место был поставлен мотив-надежда: диплом юриста позволит в будущем существенно улучшить материальное положение (72,2%). Между тем, эвристический интерес к юридической профессии откровенно уступил (лишь 39,4%).

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ДОВУЗОВСКОЙ ПОДГОТОВКИ ШКОЛЬНИКОВ, ПОСТУПАЮЩИХ В ВУЗ

Петрушенко Т.К. (Санкт-Петербург)

Снижение качества подготовки в общеобразовательной школе в настоящее время признается практически всем обществом, включая работников сферы образования. Такое положение вызвано целым рядом как объективных, так и субъективных причин. Последние семнадцать лет характеризуются непрерывными реформами в образовании, которые зачастую носят прямо противоположный характер. В результате в 2005 году уже на уровне руководства Министерства образования и науки РФ было констатировано: учащиеся общеобразовательной школы не в состоянии справиться с нагрузкой, определяемой Государственным стандартом минимума содержания образования. По словам министра А. А. Фурсенко, объем учебной нагрузки в школах должен быть снижен минимум на 25 %, а, по мнению идеолога разработки действующих стандартов академика РАО О. Д. Днепров, они превышают возможности учащихся в несколько раз. Высшее и среднее образование ? это относительно самостоятельная система, целевой функцией которой является систематическое обучение и воспитание молодежи, ориентированные на овладение ими определенными знаниями, умениями, навыками. Современные социально-экономические условия вызывают качественные и количественные изменения практически всех сторон деятельности высшей школы ? от содержания образования специалистов и организации работы вуза, материально-технического оснащения учебного процесса до форм взаимодействия с различными предприятиями и организациями. В то же время вопросы совершенствования высшего образования концентрируются прежде всего вокруг проблемы взаимосвязи между вузами и средней школой. Что же касается проблемы подготовки абитуриентов к последующему обучению в вузе, то они обусловлены противоречиями между: ? возросшими требованиями к абитуриентам

и неудовлетворительным уровнем подготовки выпускников школ; ? желанием молодых людей получить высшее образование и их неумением самостоятельно организовать процесс подготовки к конкурсным экзаменам; ? методами контроля знаний в школе и новыми технологиями проверки знаний, умений и навыков у абитуриентов и студентов вуза; ? традиционными методами, формами организации учебного процесса в школе и новыми целями, стоящими перед высшим профессиональным образованием; ? несовершенством системы вступительных испытаний и необходимостью отбора абитуриентов, способных успешно осваивать вузовские предметы; ? потребностями общества в людях с развитыми способностями и отсутствием методики их выявления. Сложность отбора содержания образования в системе довузовского образования часто не учитывает, что подготовительные программы временно и неизбежно будут заменены, отсюда возникает необходимость в разработке новых принципов отбора содержания образования для качественной подготовки будущих абитуриентов, которые бы учитывали особенности их возраста и специфические потребности и особенности довузовского образования. С их учетом необходимо решать задачу общего развития абитуриентов, в программы обучения следует включать материал, способствующий развитию креативности, самостоятельности мышления, оказывающий содействие формированию готовности абитуриентов к обучению в вузе. Нужны программы, направляющие весь педагогический процесс и его носителей на обучение, развивающие творческие возможности слушателя. Обучение абитуриентов творческой познавательности способствует познанию слушателями своих скрытых возможностей, которые можно и нужно стимулировать, развивать в самостоятельной учебной деятельности. Поэтому способы решения творческих задач следует начинать не на вузовском этапе обучения, а в средней школе ? это самые наилучшие условия в системе довузовского образования. Поэтому традиционная установка на запоминание известных фактов и положений, так называемое углубление знаний, не отвечает уже задачам нового времени. Необходимо наряду с решением этих задач развивать творческие способности человека. Основной целью довузовского обучения является формирование готовности слушателей к продолжению образования в вузе по избранной специальности, а это предполагает не дальнейшее углубление знаний, а подготовку и адаптацию будущего студента к условиям вузовского обучения, а для этого нет нужды в ?натаскивании? и заучивании знаний, необходимых для

воспроизведения на экзаменах. Необходимо создавать условия для общего развития слушателей, осуществить преемственность между школьным и вузовским обучением. Отсюда очевидно, что школьные методы обучения не всегда отвечают целям и задачам довузовского образования. Поэтому в отличие от школьных методов обучения методы, применяемые в довузовском обучении, условно можно назвать инновационными. Их особенность не в противопоставлении школьным методам, а в их дополнении при решении новых педагогических задач, отличных от условий общеобразовательной школы. Обучающиеся должны испытывать глубокую потребность в самостоятельности, они должны играть ведущую роль в процессе своего образования. Задача преподавателя сводится в конечном итоге к тому, чтобы поощрять и поддерживать развитие будущих студентов к самоуправлению, оказывать им помощь в определении параметров обучения и поиске информации. Основной характеристикой процесса обучения становится процесс самостоятельного поиска знаний, умений, навыков и развитие профессионально значимых качеств.

СРЕДНЕЕ И ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТРАЕКТОРИЯХ МОЛОДЕЖИ

Пугач В.Ф. (Москва)

Образовательные траектории молодежи, распределение поступающих в вузы по видам образования связаны с его доступностью, качеством. Известно, что в России правом поступления в вузы обладают лица, имеющие среднее общее, начальное и среднее профессиональное образование, а также желающие получить второе высшее образование. В течение постсоветского периода распределение приема в вузы по уровням предыдущего образования является достаточно стабильным, за исключением начала 1990-х годов. Около двух третей составляют выпускники обще-образовательных школ, около одной четверти ? лица со средним профессио-нальным образованием. Примерно с 2000 г. наблюдается почти равенство удельного веса лиц с начальным и высшим профессиональным образованием на уровне 4-5%. Экстремальные значения наблюдались в начале 1990-х годов: среди за-численных в вузы увеличилась до 80% доля лиц со средним общим образова-нием и, соответственно, уменьшился удельный вес имеющих начальное и сред-нее профессиональное образоваание. Этот факт можно объяснить тем, что в ус-ловиях социально-

экономической трансформации общества, существенного ухудшения условий жизни люди, уже имеющие какое-то профессиональное образование, не могли себе позволить учиться дальше. К принципиальным изменениям структуры приема по виду полученного ранее образования следует отнести рост численности и доли лиц, уже имеющих высшее образование, только для них оказалась характерной четко выраженная динамика к росту, причем кратному. Среди зачисленных в негосударственные вузы чуть более половины составляют лица, имеющие общее среднее образование, примерно по 8% - лица с начальным и высшим профессиональным образованием, почти треть ? выпускники средних профессиональных учебных заведений. В результате почти половина поступающих в негосударственные вузы уже имеют какое-то профессиональное образование. Сравним распределение зачисленных в государственные и негосударственные вузы по уровню образования. Общими чертами обоих видов вузов являются: - их доступность для лиц, имеющих все уровни образования, дающие право поступления в вузы; - максимальную долю составляют выпускники общеобразовательных школ, вторую по численности образуют лица со средним профессиональным образованием; - лица с начальным и высшим профессиональным образованием представлены в равных долях. Отличительными чертами государственных и негосударственных вузов являются следующие: - ситуация с распределением лиц по уровню образования в государственных вузах в динамике более стабильная; - выпускники общеобразовательных школ в большей степени представлены в государственных вузах, в то время как лица с профессиональным образованием ? в негосударственных. Сравнение государственных и негосударственных вузов показывает, что в негосударственных вузах контингент более однородный ? почти независимо от вида предыдущего образования среди всех зачисленных около 60-70% сразу же поступили в вуз, в то время как в государственных вузах сразу же поступают только выпускники общеобразовательных школ. Из рассмотрения процесса формирования студенческих контингентов можно сделать некоторые выводы. Отдельные формы обучения высшего образования существенно отличаются не только по типам предыдущего образования студентов, но и времени его получения. Формы обучения являются звеньями разных по типам образовательно-профессиональных путей, причем дневное обучение является в основном первым профессиональным образованием, получаемым без перерыва в учебе, а вечернее и заочное обучение

чаще является вторым профессиональным образованием, получаемым после некоторого перерыва в учебе. Для получения более полной картины образовательных траекторий на довузовском уровне рассмотрим выпуск из образовательных учреждений общего среднего, начального и среднего профессионального образования, в том числе поступивших в том же году в вузы. Сравнивая данные базового советского года (1985) и постсоветский период, видим очень быстрый рост доли выпускников общеобразовательных школ, учреждений начального и среднего профессионального образования, поступающих в год окончания в вузы. За два постсоветских десятилетия рост доли поступающих в вузы в год получения предыдущего образования составил: для выпускников общеобразовательных школ ? 2.8 раза, для учреждений начального профессионального образования ? 4.1 раза, среднего профессионального ? 6.5 раза. Следовательно, привлекательность высшего образования быстро растет, причем у выпускников всех типов довузовского образования. Следовательно, в процессе формирования студенческих контингентов вузов наблюдаются следующие тенденции: ? растет привлекательность высшего образования у выпускников всех видов довузовского образования; ? система образования на уровне перехода от среднего к высшему становится все в большей степени действительно непрерывной; ? рост непрерывности происходит по всем образовательным траекториям; ? среди каналов формирования студенческих контингентов наибольший рост привлекательности происходит там, где эта привлекательность относительно низкая. В результате этого высшая школа не только оказывается все чаще включенной в образовательные траектории молодежи, но и становится звеном, все более стягивающим в узел все виды траекторий, в т.ч. проходящих через образовательные учреждения начального и среднего профессионального образования. Речь идет, прежде всего, о социальной, а не экономической потребности в высшем образовании.

СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ-ПЕРВОКУРСНИКОВ К УСЛОВИЯМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ВУЗА

Реутова М.Н. (Белгород)

Одной из важнейших задач любого вуза является работа со студентами первого курса, направленная на их быструю и успешную

адаптацию к новой системе обучения и социальных отношений, на освоение ими новой роли студентов. Первокурсники любой специальности сталкиваются с рядом проблем, связанных с резкой сменой содержания и объёма учебного материала; специфичными для вуза видами занятий; с новой профессиональной и предметной терминологией; отсутствием навыков самостоятельной работы; неумением конспектировать, работать с первоисточниками; с новой социальной средой; иными нормами поведения и взаимоотношений в вузе и др. Переход на двухуровневую систему получения высшего профессионального образования, внедрение новых образовательных стандартов, изменение учебных планов еще больше осложняют процесс социальной адаптации студентов младших курсов к образовательной среде вуза. Понятие адаптации носит универсальный характер и рассматривается, как правило, как процесс активного приспособления индивида или группы к новым материальным и социокультурным условиям. По мнению ряда авторов, процесс социальной адаптации носит двусторонний характер, в результате чего создаются условия не только для осуществления личностью ее потребностей и жизненных целей, но и для прогрессивного изменения самой адаптирующей среды [5, с. 90]. Многообразие условий социальной среды порождает различные виды и формы социальной адаптации. Одной из них выступает социальная адаптация студентов-первокурсников к условиям образовательного пространства. Под социальной адаптацией студентов-первокурсников мы понимаем процесс взаимодействия личности студента с образовательной средой, в ходе которого обучающиеся приспособляются к новым формам обучения и коммуникативного взаимодействия, принимают на себя новые социальные роли и, в конечном итоге, включаются в новую социальную среду, учебно-воспитательный процесс и новую систему отношений. Как свидетельствуют результаты социологических исследований по проблемам социальной адаптации студентов-первокурсников, в протекании данного процесса наблюдаются различные трудности и противоречия. К основным проблемам, с которыми сталкиваются и сами студенты, и преподаватели, работающие с первокурсниками, относятся следующие. Во-первых, это невысокая мотивация к обучению в вузе в целом и получению конкретной специальности, в частности. Результаты исследования А.А. Извольской (Тульский государственный педагогический университет) показали, что для большинства студентов в целом характерен средний (для 80%) или низкий (для 11%) уровень мотивации. Иерархия мотивов обучения

первокурсников в вузе выглядит следующим образом: на первом месте стоит получение диплома, далее ? получение знаний и овладение профессией [2, с. 64]. Опрос студентов Белгородского государственного национального исследовательского университета, проведенный Центром социальных технологий НИУ ?БелГУ? в сентябре-октябре 2011 г., показал, что только 14,0% абитуриентов поступили в университет с целью ?получить диплом?, что более чем в три раза меньше числа абитуриентов, нацеленных на получение знаний. Результаты обследования, проведенного Н.Н. Савельевой на базе Дальневосточного государственного университета, свидетельствуют, что у большей части первокурсников (более 55%) готовность к обучению в вузе находится на низком уровне и всего у 10% - на высоком [3, с. 330]. Во-вторых, негативным фактором выступает повышение уровня тревожности, снижение самооценки, ухудшение физического самочувствия студентов первого курса. Так, исследование, проведенное Н.А.Селезневой на базе Казанской государственной академии ветеринарной медицины, выявило, что у 52,3% обследуемых наблюдается высокий уровень тревожности, влияющий на их самооценку и физическое самочувствие. Склонность воспринимать широкий круг ситуаций как угрозу своей самооценке (высокая личностная тревожность) в сочетании с низкой самооценкой и неудовлетворенностью собой, как чувство социальной неуспешности были диагностированы у 12,8% студентов. 68,6% опрошенных показали высокую степень внутренней самокритики, которая, в сочетании с высокой тревожностью, может способствовать проявлению депрессивных реакций. Некоторые студенты отмечали появление новых болевых синдромов: головной боли, боли в животе, груди с момента начала учебной деятельности в вузе [4, с. 334-335]. В-третьих, серьезной проблемой у современных первокурсников является низкий уровень владения навыками учебно-познавательной деятельности, неумение организовывать себя, перегруженность учебного процесса, недостаточный уровень довузовской подготовки. Согласно результатам исследования А.А. Извольской (ТГПУ), 39% респондентов не могут найти в литературе необходимый для подготовки к занятиям материал; 28% опрошенных указали, что до настоящего времени (начало второго семестра) не всегда успевают конспектировать материал на лекциях [1, с. 66]. По данным Н.Н. Савельевой, наиболее трудным для первокурсников является овладение навыками самостоятельной работы. Согласно самооценке студентов, сформированность у них учебно-управленческих и учебно-информационных умений находится на среднем уровне (55%)

и, соответственно, по оценке преподавателей ? 50%, а сформированность учебно-логических умений находится на низком уровне: по самооценке студентов ? 55%, и по оценке преподавателей ? 65% [3, с. 330]. Представленные эмпирические данные свидетельствуют о необходимости совершенствования управленческого воздействия на процесс социальной адаптации студентов первого курса к условиям вузовской образовательной среды, одним из направлений которого может стать использование социально-технологического подхода. Рассматривая социальные технологии как способы и процедуры оптимизации жизнедеятельности человека в условиях нарастающей взаимозависимости, динамики и обновления общественных процессов [1], выделим следующие виды социальных технологий совершенствования управления адаптацией студентов-первокурсников к условиям образовательного пространства современного вуза: 1. Технологии учебно-познавательной деятельности, связанные с преподаванием адаптивных и факультативных учебных курсов: ?Введение в специальность?, ?Технологии поиска информации?, ?Педагогика и психология высшей школы? и др., изучение которых позволяет не только углубить знания студентов в определенных областях научного знания, но и сформировать необходимые для дальнейшего обучения умения и навыки. 2. Технологии социально-воспитательной работы, направленные на формирование у студентов активной жизненной позиции, гражданской ответственности, патриотизма, творческого отношения к учебе; формирование у студентов нравственных, духовных и культурных ценностей и потребностей; привитие этических норм и общепринятых правил поведения в обществе и др. Включают в себя оптимальные алгоритмы проведения кураторских часов, тематических бесед, участия в общеуниверситетских социально-воспитательных мероприятиях, благотворительных акциях и т.п. 3. Коммуникативные технологии, обеспечивающие включение студентов-первокурсников в студенческую среду, завязывание социальных контактов, освоение и принятие социальной роли студента: тренинги на сплочение, Дни здоровья, проведение посвящения в студенты, творческих конкурсов, встречи студентов-первокурсников с ректором и др. 4. Гигиенические технологии, предполагающие диагностику психического состояния и физического самочувствия студентов-первокурсников; проведение тематических бесед о рациональном распределении учебной нагрузки, технологии предупреждения стрессовых состояний, обусловленных усталостью,

повышенным умственным напряжением; технологии приобщения студентов к здоровому образу жизни, занятиям физической культурой и спортом. Таким образом, социально-технологический подход является эффективным механизмом совершенствования управленческого воздействия на процесс социальной адаптации студентов-первокурсников.

Литература

1. Извольская А.А. Исследование адаптированности студентов первого курса в педагогической вузе // В мире научных открытий. ? 2009. ? № 5. ? С. 61-67.
2. Дятченко Л.Я. Социальные технологии в управлении общественными процессами. М. ? Белгород, 1993.
3. Савельева Н.Н. Проектирование системы адаптации первокурсников к обучению в вузе // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. ? 2007. ? Т. 14. ? № 37. ? С. 328-333.
4. Селезнева Н.А. К вопросу о социально-психологической адаптации студентов к условиям учебной работы в вузе // Ученые записки Казанской государственной академии ветеринарной медицины им. Н.Э. Баумана. ? 2010. ? № 202. ? С. 331-336.
5. Свиридов Н.А. Адаптационные процессы в среде молодежи (Дальневосточная ситуация) // Социологические исследования. ? 2002. ? № 1. ? С. 89-96.

НА ПУТИ ОТ ШКОЛЫ К УНИВЕРСИТЕТУ: НЕФОРМАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ И ОПОРТУНИСТИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ ВУЗА.

Рузайкина А.В. (Санкт-Петербург)

Поступление в университет является важным и трудным испытанием в жизни каждого абитуриента, независимо от его способностей и уровня подготовки. Но данный путь сопряжен с разного рода трудностями, которые практически невозможно обойти. Основные трудности связаны с вступительными испытаниями (на сегодняшний день в роли испытаний выступает Единый государственный экзамен) и непосредственно сам процесс поступления, скрывающий в себе самые разнообразные ?подводные камни?. Один из этапов реформирования образования начался в 2004 г., когда состоялся первый экспериментальный ЕГЭ для всех

школьников России. Произошла замена системы выпускных экзаменов по окончании средней школы или учебного заведения начального и среднего профессионального образования и вступительных экзаменов в вуз Единым государственным экзаменом (ЕГЭ).[1] С тех пор был запущен новый механизм аттестации школьников, который действует в нашей стране до настоящего времени. Стоит напомнить, что единый экзамен, имеющий стандартизированную форму и дающий право на финансирование высшего образования студента из государственного бюджета посредством ГИФО, является единственным инструментом, позволяющим радикально сократить коррупцию при переходе из школы в высшее учебное заведение, обеспечить возможность получения высшего образования талантливым детям из низкостатусных и малообеспеченных семей [2]. Однако администрация вузов поспешила воспользоваться сложившейся ситуацией и обыграть формальную практику ЕГЭ неформальными методами. Внешне декларируемый принцип равенства доступа абитуриентов при поступлении на бюджетные места, в реальности оказался фильтром - барьером, не облегчающим, а напротив затрудняющим доступ к получению высшего образования. О чем свидетельствует отличающаяся практика шкалирования Единых тестов при получении школьного аттестата, и при прохождении вступительных испытаний в роли абитуриента. Шкала баллов при поступлении заведомо выше шкалы, по которой выставляются оценки в аттестат. Таким образом, школьники, успешно сдавшие ЕГЭ, при поступлении в вуз не дотягивали даже до минимального уровня баллов, необходимых для поступления на бюджетные места, и вынуждены были занимать коммерческие места. Такое поведение вузов было продиктовано экономическими предпосылками. Доля государственного финансирования высшего образования, начиная с 1992 г., неуклонно снижалась. После дефолта 1998 г. вузы столкнулись с существенным сокращением как бюджетных, так и внебюджетных средств и были вынуждены адаптироваться к новой ситуации. Вузы оказались в ситуации самостоятельного выживания. При этом большая часть вузов выбрала чисто экономическую стратегию «финансовое благополучие», соответствующую принципу максимизации дохода. [3] Основным источником дохода при этом становились «платные» студенты, набираемые на внебюджетные места. Как следствие, наблюдаем оппортунистическое поведение со стороны вузов, используя все тот же «инструмент равного доступа» - ЕГЭ. Ситуация оппортунизма одного из ведущего медицинского вуза

(выражается в стремлении любыми средствами заполнить внебюджетные места) выглядела следующим образом: три четверти абитуриентов из числа проверенных Рособрнадзором в августе 2011 г. по спискам рекомендованных к зачислению на бюджетные места в РНИМУ имени Пирогова оказались «мертвыми душами». А именно: 75% абитуриентов вуза не числились в федеральной базе свидетельств о результатах ЕГЭ: ведомство проверило 709 человек, рекомендованных к зачислению, и 536 человек из них оказались «мертвыми душами». [4] Описанный пример подкрепляется множеством других примеров оппортунистического поведения вузов, особенно на стадии перехода школа - вуз. Оппортунизм в рамках неоинституционального подхода представляет собой процесс преследования собственного интереса посредством любых методов и средств. [4] Главной целью любого университета является привлечение как можно большего количества студентов, и для достижения этой цели используются самые разнообразные, далеко не самые честные методы. Оппортунизм в университетской среде обусловлен, в первую очередь, тем, что образовательные услуги как благо обладают рядом особенностей. Во-первых, отдача от образования начинает проявляться не сразу, а через некоторый промежуток времени. Во-вторых, эта отдача зависит не только от непосредственного качества получаемых услуг, но еще и от ряда параметров, на которые образовательное учреждение влиять не может. В-третьих, в процессе обучения важны усилия не только преподавателя, но и того, кто обучается. Все эти характеристики обуславливают тот факт, что оценить качество образования напрямую и сразу его потребителям крайне сложно, и что образование можно отнести к категории доверительных благ. Доверительные товары ? это товары, для которых установление покупателем необходимого их объема и качества невозможно либо связано с запретительно-высокими издержками. [6] Указанные характеристики образовательных услуг создают ?благоприятную почву? для представителей вузов и помогают им в удовлетворении собственных потребностей. В доказательство можно привести еще один довод, ответив на следующий вопрос: кто является основным поставщиком информации для абитуриентов. Продавец, в данном случае университет, является практически единственным источником информации о предлагаемом им товаре, то есть образовательных услугах. И потребители - абитуриенты и их родители, оценивая информацию, связанную с вузом, не имеют объективной возможности оценить качество образования напрямую и

ориентируются на прозрачные измеряемые индикаторы, свидетельствующие далеко не всегда о высоком качестве образования. [6] Описанная ситуация создает самые благоприятные условия для оппортунистического поведения со стороны университетов. И главным образом в данной ситуации оппортунизм может проявляться в том, что университет имеет возможность поставлять на рынок образования и реализовывать товар низкого качества, выдавая его за высококачественный товар. И потребитель, то есть будущий студент, сможет оценить качество образовательного продукта только в перспективе. Таким образом, оторванность и не отлаженное взаимодействие двух уровней образования, школы и университета, оказывает прямое и не самое положительное воздействие на обучающихся. Для решения данного вопроса необходима эффективная система контроля, способная противостоять нарастающему оппортунизму российских вузов.

Литература

1. Закон РФ ?Об образовании? от 10 июля. 1992г. глава 2, статья 15.
2. Филиппов М. Об основных направлениях намечаемых реформ в системе образования в России и экспериментах, направленных на их отработку. Обновление школы. М., 2002.
3. Зарецкая С.Л., Крыштановский А.О., Титова Н.Л., Другов М.А., Михайлюк М.В., Васильев Д.А., Капанова Л.Д., Клячко Т.Л., Заборовская А.С. Стратегии адаптации высших учебных заведений: Экономический и социологический аспекты Москва: ГУ ВШЭ. 2002.
4. ?Лихорадка ЕГЭ? перекинулась на вузы: ?второй медицинский? принимал ?мертвые души? абитуриентов. Электронная версия журнала ?Коррупции нет? [Электронный ресурс]: <http://www.corruption.net/articles/fact-4839.html>
5. Коуз Р. Фирма, рынок и право: сб. статей / пер. с англ. Б. Пинскера; науч. ред. Р. Капелюшников. ? М.: Новое издательство, - Серия ?Библиотека Фонда ?Либеральная миссия?, 2007. ? 224 с.
6. Юдкевич М.М. Деятельность университетов и ученых: экономические объяснения и академические оправдания (комментарий к статье А. Даймонда ?Поведение университетов и ученых: экономические объяснения?)// Экономика университета: институты и организации. Сборник переводных статей с комментариями. [Электронный ресурс]: http://www.hse.ru/data/2010/12/04/1237587229/Yudkevich_Deitelnost%20universitetov.pdf

АВТОРСКИЕ ПРОГРАММЫ ГУМАНИСТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ. ОПЫТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С УЧЕБНЫМИ И ИНЫМИ СТРУКТУРАМИ

Саганенко Г.И. (Санкт-Петербург)

Будут представлены ДВЕ программы с освещением следующих компонент: - замысел программы, - принципы, формирующие ее целостность, - предметная структура программы - методики преподавания - многообразные попытки расширить поле действия образовательных программ и внедрить их в образовательную практику в школах и вузе, их эффективность. Выступления на конференциях, мастер-классы, массовые соревнования, оформление канонических программ дополнительного образования, заявки на конкурсы и в фонды. Программа 1. Гуманистическое развитие учащихся при поддержке ресурсов социологии Резюме. Современное гуманитарное образование строится на определенном академическом материале, включая литературные и исторические коллизии, формальные и логические задания, академические учебники, курсы лекции и занятий и пр. Но оно минимально касается жизни реального человека и жизни реального общества. Человек, проучившись даже два десятка лет в разных системах образования, не получает достаточных опыта, ресурсов и инструментов, чтобы осмысливать актуальное общество и свою жизнь в его разнообразных контекстах. Это чревато многообразными издержками и потерями как для личности, так и для общества. Чтобы начать движение в преодолении такой ситуации, предлагается социально-познавательная программа, включающая многообразные рефлексивные социологические методики и способы изучения и осмысления социальной жизни, которые могут эффективно сопровождать учащегося на жизненном пути. Эти методики будут помогать учащемуся в соответствии с его возрастом вырабатывать собственные базовые представления о значимых социальных сферах, которые составляют его жизнь, жизнь окружающих его людей и жизнь реального общества, осознанно принимать на себя ответственность за свою полноценную, творческую и безопасную жизнь. Очень важно начинать развивать социальное мышление у человека с раннего возраста, с подростковых классов. Актуальность социально-ориентированной программы. В принципе речь идет о ресурсах системы образования в деле

подготовки современной личности, ориентирующей в разных социальных пространствах, осознанно воспринимающих себя, свои ресурсы и характер получаемого знания. Базовый каркас обеспечивает социология, становление социологического мышления, где основная образовательная идея выстраивается от освоения индивидуальных сфер к общественным сферам разного уровня, развитие обеспечивает каркас, позволяющий развивать и подключать в освоенный социальный мир все большее количество значимых социальных сфер, расширять восприятие их под разным углом зрения. Характер и особенности нравственных, образовательных, профессиональных, трудовых, инновационных установок подростков, молодежи, взрослых выстраиваются по всему периоду перманентной социализации и развития каждого человека. Значительная часть успешности этого процесса определяется системой образования, ее адекватностью ВЫЗОВАМ СОВРЕМЕННОЙ. К сожалению, обнаруживается значительное рассогласование установок ?нормативного? российского образования, его содержательного наполнения, используемых в нем форматов обучения, разрешенных в нем принципов и способов взаимодействия образовательных субъектов, с одной стороны, и устремлениями современного общества и современной личности, с другой стороны. Существующая в учебниках предметная информация дает лишь слабое информационное насыщение относительно окружающих человека и значимых для него социальных сфер ? образования, учебы, знания, самореализации, семьи, взаимодействия со сверстниками, дружбы, любви, здоровья, репродуктивного поведения, успеха и мн. др. В процессе обучения фактически ни одна значимая социальная сфера не становится предметом систематической рефлексии и осмысления ни ее внутренней структуры, ни ее связей с другими сферами. Используемая в обучении информация является абстрактно-научной, несистемной, нередко архаичной или стремительно устаревающей, обучение не сопровождается способами/механизмами вовлечения свежих коллизий окружающего мира в активный познавательный процесс и др. Проанализировано ТРИ учебника, опубликована статья ?Актуальная реальность и история в учебной литературе?. (1. Культурология / Под ред. В.П. Большакова и С.Н. Иконниковой. Изд-во ?Питер?, 2010. - 552 с. 2. Страницы жизни нашего края с древнейших времен до современности. Для 5 класса: Учебное пособие. СПб. 2003. - 464320 с. Авторы: Л.К. Ермолаева и др. 3. Обществознание. 6 класс: учебник для общеобразовательных

учреждений / Под ред. Л.Н. Боголюбова, Л.Ф. Ивановой; РоМ.: Просвещение, 2010. ? 224 с). Проанализированы логика изложения ГЕОГРАФИИ в современной школе от 6 до 10 класса, учебник ИСТОРИИ для 8-го класса. Стандартизация, ныне активно внедряемая в систему общего и высшего отечественного образования, еще больше усугубляет ситуацию ?архаизации? и отчуждения процесса образования и получаемого в нем знания от значимых коллизий жизни актуального общества и реального человека, тем более с учетом того, что окружающая жизнь перманентно меняется, меняются цели и средства развития, меняется значимость социальных вещей, меняется любой человек. Опыт Г.И. Саганенко в преподавании социологии в ГУКИ, НИУ ВШЭ, Военмехе. Массовые группы заочников. Работа со школами № 179, 238,, 239, 590, 232. Рефлексивные опросы в школах 179, 242, ПЛ 42, 24, средние школы г. Рассказово Тамбовской области и г. Балаково Саратовской области. Рефлексивные опросы в вузах: СПГУИТМО, СПбГУКИ, ЛЭТИ, ЛЭИС, ВОЕНМЕХ, Политех, Инжэкон, РГПУ. А также в двух французских университетах Сорбонна-Париж 5 и Сорбонна-Париж-8. Проекты, поддержанные грантами РГНФ и РФФИ. Проекты 2012, НЕ поддержанные грантами РГНФ, Тема, НЕ принятая на 6-ю Конференцию им. А.О. Крыштановского. Содержание программы 1: Содержание программы зависит от образовательно-возрастного статуса контингента учащихся, с которыми происходит коммуникация/занятие. Речь идет об освоении таких сфер, как: - ценности и смыслы, - ценности и цели, - образование/учеба, - семейная среда, - здоровье, - самореализация, - я и другие, - экстрим/досуг, - современные и грядущие зависимости, - социология классическая и гуманистическая ? Программа 2. Освоение географических и культурных пространств на базе познавательных игр. Новизна, актуальность, педагогическая целесообразность. Существующая в учебниках предметная информация дает лишь некоторое информационное насыщение относительно окружающих человека значимых социальных и познавательных пространств. В основном же используемая в обучении информация является несистемной, достаточно быстро устаревает, не сопровождается способами/механизмами вовлечения ?свежих? коллизий окружающего мира в активный познавательный процесс и др. Для преодоления этого предлагается данная программа, которая ориентирована на насыщение познавательного процесса современными привлекательными и системными объектами познания. Предлагаемая программа доступна для любого учащегося,

не ориентирована на продвинутых учащихся, более того ?скромные? учащиеся нередко получают импульс развития и становятся активными и успешными в образовательном пространстве. Цели программы: Освоение школьниками последовательной информации о корреспондирующих подсистемах окружающего мира, развитие познавательной активности школьников на базе системного использования познавательных игр и самостоятельного поиска новых решений. Содержание программы 2: 1 Европа, которая всегда с тобой 2 Избранные европейские страны 3 Санкт-Петербург 4 Ленобласть 5 Российская Федерация 6 История Российского государства 7 Земной шар: политические и физические измерения 8 ?Живопись через века и страны? 9 Сундук с драгоценностями: Всемирное наследие ЮНЕСКО 10 ДИСКАВЕРИ ? познавая мир через ТВ Один из важных способов ? формирование нового отношения к познавательным ресурсам телевидения. Другие темы / Другие игры

АДАПТАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СТУДЕНТОВ В ВУЗЕ

Самсонова Е.В. (Екатеринбург)

Начало обучения в вузе - стартовый этап профессионального становления специалиста, успешность которого определяется адекватностью профессионального самоопределения, выбора уровня и направленности профессионального образования. Профессиональное самоопределение является одной из форм самоопределения личности в целом. Оно начинается в старших классах средней школы, в подростково - юношеском возрасте ? периоде наиболее интенсивного развития человека, который характеризуется ярко выраженными диспропорциями в уровнях и темпах развития морфологических и функциональных структур организма: на фоне почти сформировавшегося организма человек как личность только вступает в фазу формирования. Именно на этот возраст приходится решение вопроса о выборе пути профессионального развития. Однако, отсутствие у выбирающих профессию в этом возрасте, всесторонней информации о профессиях и слабое знание собственных реальных возможностей, отсутствие аргументированной мотивации выбора влечет за собой не вполне продуманный, порой случайный выбор специальности, что порождает трудности в процессе обучения. Первостепенная роль в успешности профессионального становления специалиста в период

обучения в вузе принадлежит адаптации. На разных этапах профессионального обучения ведущую роль выполняют разные доминирующие адаптационные мотивы. На стадии профессионального самоопределения главными в адаптации: структура мотивов выбора студентами специальности, являются как профессиональные, так и прагматические мотивы. В зависимости от направленности содержания профессиональной деятельности (специальности) в структурных компонентах мотивационной сфере, детерминирующих направленность профессионального выбора, наблюдаются различия: определяющими мотивами избрания специальности студентами факультета естественно- гуманитарного профиля явились профессиональные мотивы; у студентов технического профиля обучения в числе ведущих мотивов выбора могут лидировать прагматические мотивы. Среди профессиональных мотивов выбора на начальном этапе профессионального становления (первый курс) прямую корреляционную зависимость с учебной успешностью может выйти ? интерес к профессии?, что может сказаться на высоком уровне академической успеваемости студентов. Мотивы выбора специальности определяют не только учебную успешность, но и устойчивость профессиональных намерений, адаптации к профессии. Наиболее ярко эта зависимость может проявляться в период обучения: на первом курсе наблюдается самый большой процент отчисления студентов. Наряду с отчислениями по причине неуспеваемости, значительная часть студентов уходит из-за слабой обоснованности профессионального выбора, прерывает учебу по собственному желанию, ставя под сомнение смысл продолжения учебы по избранной специальности. Адекватность профессионального самоопределения обуславливает успешность адаптации в вузе, критерием которой является эффективность учебной деятельности, усвоение вузовских норм поведения, установление социальных контактов. Несмотря на общие закономерности, процесс адаптации носит индивидуальный характер и определяется личностными характеристиками обучающихся. Главным условием успешности учебной деятельности студентов служит не только достаточный уровень интеллектуального развития, но и индивидуальные особенности свойств темперамента, состояния эмоционально-волевой сферы, а также возрастные особенности. Индивидуально-типологические характеристики обучающихся определяют степень усвоения и их последующую реализацию, они определяют функциональное состояние человека в период эмоционального напряжения и, таким образом, влияют на

успешность деятельности в ситуации экзамена. Наблюдая за студентами во время экзаменационной сессии, можно констатировать, что реакция на стрессовую ситуацию экзамена, выражена у большинства студентов независимо от курса обучения. Снижение функционального состояния во время сессии, вызывается усиленной умственной нагрузкой, связанной с подготовкой к экзаменам, эмоциональным и волевым напряжением, воздействием эмоциогенных факторов ? ситуации ожидания, неопределенности и др. С возрастом, в результате поступательного формирования приспособительно - компенсаторных механизмов организма, отмечаются повышение уровня работоспособности и снижение утомляемости студентов. Об этом свидетельствуют как субъективные показатели (число студентов, характеризующихся отрицательной динамикой функционального состояния на сдачу экзамена, от первого к пятому курсу существенно снижается), так и объективные, к числу которых относится средний экзаменационный балл, последовательно повышающийся к третьему и пятому курсам, а также более высокий уровень сформированности характеристик эмоционально-волевой сферы, самоконтроля поведения, свойств нервной системы, что обуславливает повышение эффективности учебной деятельности. Профессиональное становление студентов в вузе обеспечивают преподаватели и преподаваемые ими дисциплины. Основополагающими факторами формирования будущего специалиста являются профессиональные и личностные качества преподавателя. Личность преподавателя оказывает прямое воздействие не только на качество знаний по предмету, но и формирует отношение студентов к самому предмету изучения, значимость изучаемой дисциплины для будущей профессиональной деятельности. На успешность обучения, в частности балл, полученный студентом во время экзамена, большое значение оказывает фактор психологической совместимости между преподавателем и студентом. Наиболее высокая связь между отношениями ?студент-преподаватель? и экзаменационным баллом наблюдается во время первой экзаменационной сессии: более высокой оценке преподавателя соответствует больший экзаменационный балл. Очевидно, в период адаптации, экзаменационная ситуация воспринимается студентом непосредственно через личность преподавателя, и отношение студента к преподавателю можно рассматривать как эмоциогенный фактор, влияющий на функциональное состояние и успешность сдачи экзамена, а возможно, и уровень знаний по предмету в целом. У

студентов третьего и пятого курсов связь между экзаменационными баллом и их субъективной оценкой личностных и профессиональных качеств преподавателей отсутствует. По видимому, на этом этапе обучения, личность преподавателя уже не является основополагающей, стимулирующими успешность обучения являются личностные ценности, престиж, стремление более глубоко освоить изучаемую дисциплину и другие социальные и профессиональные факторы. По личностным и профессиональным качествам преподавательский состав вуза, по оценкам студентов, не однородный. Наиболее высоко студенты ценят такие качества, которые характеризуют отношение преподавателей к студентам; более низкие ранги имеют качества, характеризующие стиль преподавательской деятельности и такие профессиональные характеристики преподавателей, как поддержание интереса к предмету в процессе изложения материала и акцентирование внимания студентов на использование знаний изучаемого предмета в их дальнейшей профессиональной деятельности. Личность преподавателя воспринимается студентом как единый образ, где профессиональные и личностные характеристики отождествляются, что находит выражение в среднем балле (ранге) преподавателя. Неотъемлемой составляющей образовательного процесса в вузе является активное формирование у студентов навыков и умений самостоятельной работы, т.е. адаптации к учебному процессу: научить студентов учиться и самосовершенствоваться в процессе учебной и дальнейшей профессиональной деятельности, способствовать эффективному формированию профессиональной карьеры выпускников. Одним из критериев оценки качества образования в вузе является готовность выпускников к продолжению образования, к саморазвитию и самообразованию в течение всего процесса профессиональной деятельности. Готовность к адаптации, саморазвитию определяется наличием навыков продуктивного динамического чтения (скорость чтения, отделение главного от второстепенного, анализ, обобщение информации), в основе которого лежат общеинтеллектуальные умения. В развитии составляющих адаптации и продуктивного динамического чтения наблюдается положительная динамика показателей смысловой памяти и мыслительных процессов. В развитии мыслительных процессов, обеспечивающих самостоятельность принятия решения, у студентов первых курсов, как правило, положительная динамика отсутствует. Формирование навыков конспектирования лекций в процессе вузовского обучения идет медленно. Результаты самооценки

готовности к самостоятельной работе показывают, что в процессе обучения число студентов, владеющих навыками и умениями в области самообразования, повышается, однако по отдельным составляющим готовности к самостоятельной работе (работа с научной литературой, классификация информации, составление схем, таблиц, графиков) процент остается невысоким. В период адаптации к учебному процессу, у студентов формируются навыки самоконтроля, который представляет собой самооценку собственных действий, поведения, качества и объема приобретенных знаний, умения оперировать ими, формулировать собственную оценку, позицию. Успешность адаптации и самостоятельной работы определяется наличием навыков и умений самоорганизации деятельности и поведения. Самооценка студентами навыков и умений в области самоорганизации учебной деятельности свидетельствует о низком уровне сформированности таких качеств, как самодисциплина, регулярность. Систематичность, организованность, собранность, планирование. При этом, у студентов старших курсов самооценка навыков и умений самоорганизации, как правило, ниже, чем у первокурсников. Отмеченная тенденция наблюдается на фоне высокой самооценки волевых качеств, которые являются основой формирования самоорганизации и самоконтроля. Несоразмерность оценок, вероятно, объясняется завышением самооценки волевых качеств, которое характерно для подростково - юношеского возраста. Необходимость изучения деятельности студентов связана с основной целью адаптационного процесса ? обеспечение возможности каждому развитие своих склонностей и познавательных интересов, способности к самообразованию. Основными из них являются ? общеинтеллектуальные умения, познавательные интересы, стиль учебной деятельности, память, речь, мышление, т.е. все, то, из чего складывается профессиональная компетентность будущего специалиста. Кроме того, не менее важны адаптационные аспекты, мотивы, понимание важности получаемых знаний и желание приобрести их самостоятельно.

Литература

1. Антропов В.А., Туманова В.А., Семенко И.Е. Профессиональное становление личности специалиста в период обучения в вузе.-Екатеринбург: Изд-во Урал.гос.ун-та путей сообщения.-2007.-278 с.

2. Вишневский Ю.Р., Шапко В.Т., Социология-учебное пособие. Курс лекций для технических вузов.-3-е изд., перераб. и доп. Екатеринбург: ГОУ ВПО УГТУ-УПИ, 2007. 280 с.

3. Харчев А.Г. Социология семьи: проблемы становления науки.-1979 г.-М.: ЦСП, 2003.-342 с.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВУЗА И ШКОЛЫ В СИСТЕМЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИИ УЧАЩИХСЯ

Самсонова Т.И. (Санкт-Петербург)

Эффективное взаимодействие общеобразовательной и высшей профессиональной школы в системе профессиональной ориентации учащихся ? будущих студентов является исключительно важным по нескольким причинам. Профессиональный выбор современных школьников сегодня крайне противоречив. Школьники ориентируются на престижные, высокооплачиваемые профессии, не особо обращая внимания на свои склонности и способности к тем или иным видам деятельности и на конъюнктуру рынка труда. Недостаточный уровень профессионального самоопределения молодых специалистов приводит к проблемам трудоустройства, к низкой результативности их профессиональной деятельности. Профориентация абитуриентов является важнейшим направлением работы вузов и для них самих: катастрофический спад рождаемости в 90-е гг. прошлого столетия привел к тому, что сегодня выпускников школ крайне мало, с каждым годом их все меньше, и такая ситуация изменится еще не скоро. Это приводит к серьезной конкуренции образовательных учреждений, в которой эффективная профориентационная работа обеспечивает существенное преимущество вуза среди других субъектов образовательного процесса. Профориентационная работа важна и в целом для обеспечения непрерывности образовательного процесса ? школа-вуз?, поскольку повышение качества подготовки специалистов в значительной степени зависит от согласованности усилий всех субъектов образовательного процесса. В условиях рыночных отношений кардинально меняются характер и цели труда, возрастает его интенсивность, усиливается напряженность. Необходима подготовка компетентного специалиста, имеющего склонности и способности к выбранной профессии, успешно и быстро адаптирующегося к профессиональной деятельности, умеющего проектировать и реализовывать свои образовательные и

профессиональные траектории, самосовершенствоваться на протяжении всей жизни. Это невозможно без профориентационной работы уже в стенах школы. Очевидно, профориентация молодежи по своей сути является проблемой общественной, социально значимой. Профессиональная ориентация – это многоаспектная система, включающая в себя информирование школьников, изучение их психофизиологических особенностей, проведение психодиагностики, организацию довузовской подготовки, занятий по психологии личности и формированию жизненных стратегий. Работа по профессиональной ориентации учащихся должна быть интенсивной, комплексной, с участием вузов, предприятий и организаций, СМИ. А проводимые мероприятия – по-настоящему интересными для школьников. Одним из главных субъектов профориентационной работы со школьниками является вуз. На кафедре «Социология» Санкт-Петербургского государственного университета сервиса и экономики (СПбГУСЭ) накоплен определенный опыт по организации профориентационной работы со школьниками и сотрудничеству со школами. Кафедра уделяет много сил и внимания профориентационной работе с учащимися школ, как в ее традиционных, так и в новых формах. В СПбГУСЭ с 2008 года активно работает Социологическая лаборатория, на базе которой проходит подготовка студентов – будущих социологов, а также проводятся социологические исследования, в которых участвуют преподаватели и студенты кафедры. Потенциал Социологической лаборатории используется и для работы по профессиональной ориентации – школьники, посещающие кафедру во время проведения Дня открытых дверей, приходят в Лабораторию. Они видят работу социолога: студенты приносят заполненные респондентами анкеты и вводят полученные данные для дальнейшей обработки в файлы программы SPSS, расшифровывают интервью, преподаватели обсуждают программы и методологию исследований, разрабатывают инструментарий. Абитуриенты «вживаются» в атмосферу работы Социологической лаборатории, профессиональной деятельности социолога. Новый проект кафедры по профориентационной работе – Заочная Социологическая школа. Это курс лекций по социологии для школьников в доступной и понятной форме, сопровождающихся интересными практическими заданиями, который проходит в дистанционном режиме, с помощью современных информационных технологий, что, безусловно, соответствует интересам нынешнего поколения молодежи, для которого все, что происходит в виртуальной реальности, в том числе и обучение, более интересно и

понятно. Кафедра следит также за актуальностью информации на страничке кафедры сайта СПбГУСЭ о направлениях подготовки, мероприятиях, проводимых на кафедре, происходящих событиях, которые могут быть интересны абитуриентам, своевременно обновляя информацию, сопровождая ее фотографиями, поскольку сегодня молодежь предпочитает получать информацию о вузах также из сети Интернет. Среди проводимых мероприятий, безусловно, есть место и для таких традиционных методов профориентационной работы как встречи со школьниками и их родителями в школах, в рамках Дня открытых дверей СПбГУСЭ. Преподаватели и студенты кафедры рассказывают о направлениях подготовки и специализациях кафедры ?Социология?, разъясняют условия приема на данное направление, рассказывают об особенностях работы социолога, о сфере практического приложения знаний, умений, навыков, полученных при обучении данной специальности. И здесь выясняется, что и школьники, и их родители не слишком осведомлены о том, кто такой социолог, что он делает, каковы его возможности в плане профессиональной карьеры и, что немаловажно для современных молодых людей, в плане обеспечения собственной финансовой состоятельности. Не знают школьники и о том, что рынок труда специалистами-социологами еще далеко не насыщен, как это уже давно произошло с экономистами, юристами, специалистами по PR и рекламе, и по-прежнему стремятся поступать на данные специальности, о чем говорят ежегодные высокие конкурсы на соответствующие факультеты. Безусловно, разъяснению реальной ситуации на рынке труда уделяется большое внимание в ходе бесед и встреч с будущими абитуриентами. Только комплекс мероприятий ? беседы и встречи со школьниками и их родителями в реальности, занятия и ?встречи? в сети Интернет, ?погружение? в атмосферу деятельности социолога ? обеспечит наибольшую эффективность работы по профессиональной ориентации учащихся школ при взаимодействии школы и вуза.

НЕДОСТАЮЩЕЕ ЗВЕНО В РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЕ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Селезнев Л.И. (Санкт-Петербург)

Речь идет о высокой школе (high school). Сопоставим структуру школьного образования в России и развитых странах. В России ? одиннадцатилетнее образование: начальная школа(4 года),

средняя школа(5 лет), составляющие основное общее образование(до 9-го класса) и выпускные классы (10-11), завершающие среднее общее образование. В развитых странах ? двенадцатилетнее образование: начальная (элементарная) школа (2-3 года), средняя школа (до 9-ого класса включительно) и высокая школа (10-12 классы). Разница не только в сроках обучения. Структура школьного образования в развитых странах строится с учетом возрастных социально-психологических различий школьников. Так, три названные звена школы отделены пространственно: для элементарной, средней и высокой школ, как правило, строятся отдельные здания и соответственно оборудуются прилегающие территории. Начальная (элементарная) школа располагается в одно-двухэтажных зданиях, прилегающие к школе территории представляют детские игровые площадки. Метод обучения ? сочетание преподавания «трех R» (чтение, письмо, арифметика) с привычными для этой возрастной группы играми, включая игры на воздухе. Первичная социализация заключается в привитии навыков коллективизма, взаимной ответственности и поддержки, дисциплинированности, включающей соблюдение распорядка дня и признание авторитета руководителя (учителя). Продолжительность уроков сокращенная ? не более 30 минут с адекватными перерывами на отдых и игры. В школе второй ступени (средней, 3,4-9 классы) доминируют известные нашей школе формы организации учебного процесса: занятие по классам, с ежедневным контролем знаний учащихся (домашние задания, опрос у доски, письменные работы и т.п.). Главная социальная задача ? формирование поведенческой культуры тинейджеров: взаимного уважения, вежливости, толерантности, психической уравновешенности, справедливости и равноправия, трудолюбия, личной заинтересованности в непрерывном пополнении багажа знаний, почтительного отношения к старшим по возрасту и лицам другого пола. Третья ступень ? высокая школа(10-12 классы) во многом отличается от предыдущих ступеней. Это одновременно завершающая стадия школьного образования и промежуточное звено между средней и высшей школами. Для высокой школы строятся отдельные помещения, приспособленные для выполнения стоящих перед нею задач. Все классы (группы) в высокой школе специализированные: физико-математические, химико-биологические, гуманитарных наук, литературы и искусства, спорта. Значительная роль отводится физвоспитанию и спорту. В обычной бесплатной американской школе две трети площади занято спортивными сооружениями. В

стране только атлетических школьных команд 46 тысяч. Спорт в США считается делом гражданского общества [1, с. 56]. Студенту высокой школы (их чаще называют уже именно так) результаты предыдущего обучения помогают выбрать образовательную программу, а тем самым и последующую образовательную траекторию. Уже на этой стадии допускается, чтобы студент мог сменить выбранную программу, исходя из самооценки своих способности и наклонностей. Тем самым обучающийся превращается из объекта в субъект образовательного процесса. Форма занятий университетская: лекции (включая поточные для всех студентов), семинары, лабораторные работы. Контроль знаний учащихся - зачеты и экзамены по мере выполнения учебных программ. Для ведения занятий, наряду со штатными преподавателями, привлекаются специалисты со стороны, включая университетских профессоров, в частности, для чтения поточных лекций. Примечательно, что в учебные программы высокой школы включены высшая математика, общая физика, химия и биология, конституционное право, менеджмент и ряд других дисциплин, обычно изучаемых на первых курсах российских вузов. В результате специализированной подготовки выпускники высокой школы оказываются лучше проориентированы для дальнейшего обучения в университете. В итоге подобная структура образования ведет к повышению эффективности учебного процесса. В высокой школе возрастным особенностям студентов уделяется первостепенное внимание. Предметом социального воспитания являются теперь «взрослые дети» (15-18 лет), готовящиеся к самостоятельной жизни. Кстати, значительная их часть живет уже вне семьи (в общежитиях при школе, в арендуемых комнатах и квартирах. На первый план выдвигаются такие общественные связи, как ценностные ориентации, взаимоотношение полов, круг друзей и знакомств, самоидентификация, положение личности в социуме, строительство планов на будущее, карьерные перспективы, формирование позиций индивида в условиях адаптации к гражданскому обществу. Таким образом, основные образовательно-воспитательные функции, выполняемые высокой школой, заключаются в следующем: 1) Завершение процесса формирования системы базовых знаний, необходимых для вступающего в жизнь молодого поколения. 2) Выявление индивидуального потенциала (способностей) обучающихся, для последующего приобретения ими профессиональных знаний и навыков. 3) Развитие потребностей в освоении культурного наследия, соблюдения принципов и норм

этического поведения и отношений в обществе. 4) Привитие представлений о здоровом образе жизни, приобщение к физической культуре и спорту на регулярной основе (как существенной составляющей здорового образа жизни). 5) Формирование ценностных ориентаций, гражданской позиции молодых людей. В повестку дня осенней 2012 года сессии Государственной Думы внесен вопрос о проекте новой редакции федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»[2]. Проект предусматривает сохранение существующей системы школьного образования (три ступени, без высокой школы). Это означает, что предусмотренный проектом уровневая модель подготовки в вузах бакалавров и магистров, исходя из западного опыта[3], будет неизбежно носить имитационный характер. Отсутствие в проекте закона об образовании даже упоминания о высокой школе, как ключевого звена в интеграции среднего и высшего образования, ставит отечественную систему образования в разряд недоразвитых. Разумеется, воплощение в реальность системы 12-летнего школьного образования, принятой в развитых странах, требует существенного (в разы!) увеличения финансирования этой социальной сферы, к чему наше государство, очевидно, пока не готово.

Литература

1. Аргументы и факты, №39, 26 сентября ? 2 октября 2012, с.56, «Штатные игры».
2. «Российская газета» 17 января 2012 (сайт).
3. Мишинкина А.В. Становление новой уровневой модели современного российского университета. «Журнал социологии и социальной антропологии», Том XV, №3 (62). СПб, 2012.

ГУМАНИЗАЦИЯ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФАКТОР СОВРЕМЕННОСТИ

Серов А.П. (Санкт-Петербург)

В 2010 году на встрече с лауреатами конкурса «Учитель года России» и в послании Федеральному собранию президент России Д.А. Медведев поручил Министерству науки провести общественное обсуждение законопроекта «Об образовании». Идеология реформы Российского образования определялась социально-экономическими процессами Российского общества и ориентацией на Болонскую декларацию. Российское образование вступило в этап глубоких

качественных изменений. Россия переживает сегодня судьбоносный момент переоценки ценностей. Один из аспектов этой проблемы – соотношение специального и общечеловеческого (гуманитарного). Очевидно, что образование не должно быть только профессиональным. Задача института образования готовить не только специалистов-профессионалов, но и вообще образованных граждан. Подлинно гуманитарное образование, как – познание человеком правды о себе?, является первейшей, основной задачей человека. Только такое образование и может называться образованием, ибо образование человека – это одновременно и научение и воспитание. Светский гуманизм – продукт развития цивилизации нового и новейшего времени. В настоящее время большое распространение имеет международное гуманистическое движение под эгидой Международной академии гуманизма. Гуманизм как мировоззрение есть система нравственных и гражданских ценностей, ценностных ориентаций. Задача образования как раз и состоит в формировании у человека смысло-жизненных убеждений, должно отношения к жизненным ориентирам. Убеждение, будучи особой личностно-психологической структурой, способствует переводу знания из абстрактного содержания сознания в состав внутреннего духовного мира учащегося. Оно предстаёт объектом и образовательного, и воспитательного воздействия. Современная цивилизация характеризуется преобладанием технократизма, что вызвано абсолютизацией разума и человеческого познания. Следствием такой диспозиции является доминирование ориентации на вещи, утилитарно-функциональной установки, обладания. Одностороннее преувеличение интеллекта является следствием технической установки при решении социальных и личностных проблем. Информационное общество базируется на новом типе отношений, новом принципе свободной индивидуальности. Образование становится не только обучением, но и способом жизнедеятельности человека. На сегодняшний день наше общество с уверенностью можно назвать обществом потребления. Произошли изменения в ценностных ориентациях россиян, в частности школьников. Так, в структуре ценностных ориентаций старшеклассников произошёл переход от направленности на деловую активность, прагматические или альтруистические ценности к направленности на комфортное сосуществование в социуме. Важнейшими процессами юношеского возраста являются расширение жизненного мира личности, круга общения, групповой принадлежности, где связующим звеном между обществом и

личностью выступают ценности. Непосредственное влияние на структуру ценностей личности оказывает общество через институт образования. Ценностные ориентации и предпочтения школьников - это отражения в их сознание ценностей, признаваемых ими в качестве стратегических жизненных целей и общих мировоззренческих ориентиров. Гуманитаризация Российского образования, в частности, образования школьного, - ведущая предпосылка развития страны. Гуманистический императив - это императив всестороннего, гармоничного, целостного, универсально развитого человека, раскрытия его духовно-нравственных сил и интеллекта. Человеко-центристская концепция гуманизации российского общества ставит в центр своих программ человека, семью, качество жизни, человековедение. Это концепция исходит из категории ?социальности? как центральной категории концепции гуманизации. Практика прошедших лет показала, что гуманизация образования способна стать способом преодоления разрыва между естественнонаучными, техническими и гуманитарными знаниями, то есть способом перехода от технократической модели образования к образованию культурно-детерминированному, духовно-нравственно обогащённому. Гуманитарное школьное образования рассматривается ныне как фактор, способный адаптировать россиян к новым реалиям техногенного мира. Оно осуществляется посредством преподавания в школах социальных дисциплин: обществознания, истории, истории религии, литературы, мировой художественной культуры, основ религиозных культур и светской этики.

НОВЫЕ ИДЕИ В ПРЕПОДАВАНИИ ХИМИИ В ШКОЛЕ

Смирнов А.К. (Санкт-Петербург)

Суть общего среднего образования в действительности сводиться к предоставлению будущему взрослому человеку всех необходимых знаний в разных сферах жизни для успешного и уверенного развития личности. Исходя из этой позиции и был разработан экспериментальный урок по химии, подразумевающий полученные в его ходе знания столь же значимыми для человека, как и знания родного языка или истории. Однако принцип важности информации, полученной в школе, воспринимается далеко не каждым учеником с должным вниманием. К тому же, сокращение объема изучения материала, сокращение лабораторных занятий по химии неизбежно приводит к понижению грамотности выпускников

в области химии. Как результат, новые поколения выпускников не имеют базовых знаний о веществах, окружающих их в повседневной жизни, об их воздействии на организм, о простейших химических и фармакологических правилах безопасности, т.д. Автор статьи, студент 4 курса факультета химической и биотехнологии СПбГТИ (ТУ), провел эксперимент с целью выявить эффективность нетрадиционных (для современной системы российского школьного образования) методов усвоения знаний. При подборе методов использовался ?конус Дейла? [1]. В рамках эксперимента были проведены три урока химии в 8 классе ГОУ Гимназия №67 (Санкт-Петербург). Тема урока - ?Индикаторы? - была выбрана для исследования по той причине, что в курсе химии она практически не освещается, однако сильно приближена к повседневной жизни. Следовательно, понимание научной сути каждодневных процессов должно повысить общий уровень образованности будущего выпускника. Так, была сформулирована цель урока-исследования: рассмотреть нетрадиционные педагогические средства и оценить эффективность их влияния на уровень остаточных знаний учащихся. В рамках эксперимента были разработаны следующие средства обучения: 1. для каждого ученика был изготовлен вручную из дизайнерской бумаги журнал для записи основных определений и данных эксперимента; 2. все журналы были изготовлены именными, таким образом, каждый получал свой собственный журнал; 3. аккуратно заполненный журнал содержит все основные данные по этой теме (суммируются записанные определения, результаты опытов и ответы на вопросы, связывающие бытовые явления с химическими процессами); 4. журнал включает в себя два индивидуальных задания, побуждающих ученика к самостоятельной работе; 5. домашние контрольные вопросы, включенные в структуру урока и вклеенные в журнал, имеют целью повысить способность ученика находить необходимую информацию в различных источниках; также самостоятельная проработка вопросов положительно сказывается на запоминании и осмыслении полученных знаний; 6. объявленный конкурс творческих работ был направлен на очередную проработку полученных знаний с творческим походом с целью их закрепления; 7. обещанные в качестве победных призов химические подарки были использованы для поощрения и стимуляции работы. 8. сами учащиеся активно участвуют в работе, принося на урок различные продукты, кислоты, щелочи, используемые в быту (витамин С, нашатырный спирт, овощи, фрукты, чай, т.п.) Основной акцент в исследовании был

сделан на самостоятельную работу учащихся - дети сами приносили продукты, получали их настои и проверили, как меняется их цвет в разных средах, записывая результаты в индивидуальный журнал наблюдений. Эффективность экспериментальных уроков была проверена путем проведения опроса всех учащихся 8-11 классов спустя шесть месяцев после описанных уроков. Проверка знаний включала 10 вопросов по пройденной теме, среди которых были вопросы с вариантами ответа, вопросы-ловушки, открытые вопросы. С целью выявления компетентности среди возможных вариантов не были использованы заведомо очевидные ответы. Опрос проводился с полной анонимностью и без отметки, что позволяет получить более-менее индивидуальные ответы, а не продукт коллективной деятельности, который не отражает среднего уровня знания. В качестве контрольной группы были выбраны ученики старших классов (9-11). Результаты их опроса сравнивались с результатами экспериментальной группы ? учеников 8 класса. Анализ анкет показал, что большая часть учеников восьмого класса хорошо разбирается в данной теме даже по прошествии полугода после проведение урока. Так, 81% знает, что такое ?рН?, и 75% могут правильно определить рН дистиллированной воды. Примечательно, что 100% знают, как себя вести при химическом ожоге кислотой. 75% считают эти знания необходимыми каждому человеку, не согласны с ними всего 13%. Относительно других классов ситуация резко отличается. 10-11 классы в среднем дают схожие ответы: знание ?рН? - 60%, рН воды - 20%, с ожогом справятся 55% и 35% считают знания необходимыми (против 29%). В обоих 9-х классах количество правильных ответов на четыре указанных вопроса колеблется на уровне 35%, а число несогласных с необходимостью знания этих данных достигает 56%. Примечательно, что в обоих 9-х классах автор также проводил урок по данной теме годом раньше, но без лабораторных работ, индивидуальных заданий и теоретических углублений. Следовательно, можно сказать, что данный метод преподавания, рассматриваемый в исследовании, является действительно весьма эффективным. К недостаткам данной работы можно отнести временную неоднозначность результатов: куда показательнее были бы данные двух классов одного уровня, в которых параллельно проводились бы обычный урок и урок по данной методике. В таком случае результаты исследования более точно отражали бы эффективность метода. На данный момент работа над исследованием продолжается.

Литература

1. Dale, E. Audio-Visual Methods in Teaching/ E. Dale. - NY: Holt, Rinehart & Winston, 1969. - 3rd ed. - 108 p.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МОТИВАЦИЯ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА

Солодова Г.С. (Новосибирск)

Среди приоритетных направлений развития высшего образования ? повышение его качества. Вместе с тем и не без оснований, существует, довольно устойчивое представление об утрате учебной мотивации среди студентов, что, безусловно, входит в противоречие с обозначенной целью. Полагаем, что проведенное нами изучение установок студентов первого курса Сибирского государственного Университета телекоммуникаций и информатики (г. Новосибирск, объем выборочной совокупности составил 564 человека, что составило 75% от общего числа студентов первого курса) позволяет в большей или меньшей степени экстраполировать полученные результаты и выводы и на другие технические вузы. В условиях сохранения неблагоприятных тенденций развития общероссийской демографической ситуации, а именно, ежегодного сокращения численности выпускников средних школ, с одной стороны, и высокой конкуренции вузов непосредственно ? с другой, возрастает необходимость привлечения выпускников из разных областей и, даже, регионов. Логично предположить, что это обуславливает необходимость как сохранения уже существующих, так и выстраивание новых рекрутских стратегий в будущем. Основным ?территориальным донором?, что вполне объяснимо и закономерно, стали Новосибирск (39%) и Новосибирская область (17%), оставшиеся 44% первокурсников набраны из других областей и регионов, что, видимо, является неплохим показателем престижа вуза. Существенным преимуществом Университета является отсутствие серьезного дисбаланса между выпускаемыми специальностями и спросом на них на рынке труда. Подготавливаемые специальности в массе своей востребованы, конкурентоспособны и далеки от кризиса перепроизводства. Так, определяющим обстоятельством, обусловившим выбор уже, конкретно, Университета, стали потенциальные, и что хочется подчеркнуть, как раз профессиональные перспективы, а именно ? возможность трудоустройства по специальности после окончания вуза?. На этот аргумент сослалось 72% опрошенных первокурсников.

Иначе говоря, на этапе выбора у студентов преобладало представление о том, что предлагаемое профессиональное образование соответствует сегодняшним и долгосрочным потребностям рынка труда. Безусловно, этот довод говорит об изначальной готовности и мотивированности на учебный процесс. Несколько слов о социально-демографических характеристиках первокурсников. Несмотря на то, что основная часть ? более семидесяти процентов учится на бюджетной основе, преимущественно это выпускники городских школ. Ребят из сельской местности около 20%. Такое соотношение не является неожиданным, оно достаточно наглядно демонстрирует неравенство образовательных и материальных возможностей, предопределяемое местом жительства абитуриента. Основным фактором, определившим решение о получении высшего образования, стала вполне конкретная цель ? желание стать высококлассным специалистом ? на него сослались 65% первокурсников. Этот показатель отражает как главные, терминальные ценности студентов, так и реалии рынка труда ? люди с высшим образованием и при устройстве на работу и в оплате труда обладают конкурентными преимуществами. Исходя из этого, и это является социально значимым ? студенты ориентированы на получение специальности, на профессиональное образование. То есть изначально они мотивированы, готовы и хотят обучаться профессии. Второе, с существенным отрывом, обстоятельство, которое подвигает молодых людей к продолжению образования в высшей школе это стремление к личностному развитию ? 17%. Обучение в вузе рассматривается как возможность получения разносторонних знаний и продолжение образования как такового. Отметим, что с точки зрения мотивации и потенциального выстраивания продуктивной совместной работы, это достаточно перспективная и благодатная часть студентов. Можно предположить, что для этой группы первокурсников значимым будет познавательность, содержательность самого процесса обучения, форма лекций и семинаров, включающих элементы общего развития. Диплом о высшем образовании ? это, с одной стороны, своеобразный трамплин, облегчающий социальное продвижение, с другой ? некая охранная грамота, защищающая от привлечения к неквалифицированной и физически тяжелой работе, т.е. вещь, в общем-то нелишняя. Получение диплома меняет социальный статус человека, дает ему новые социальные связи, повышает шансы на жизненный успех в целом. Неудивительно, что желание получить диплом, вне зависимости от дальнейшей профессиональной

занятости, оказалось на третьем месте. Эту причину получения высшего образования отметил каждый десятый ? 12%. С точки зрения мотивации обучения тоже неплохо. Однако, в этом случае, основным фактором, побуждающим к учебе, может стать боязнь отчисления, с вытекающими отсюда недовольством родителей и перспективой стать объектом пристального внимания военкоматов. Иными словами, доминирует не достижительная, а избегательная мотивация. Акцент переносится на внешние стимулы и административно-карательные меры со стороны деканатов и других организаций и лиц, что процесс обучения делает менее привлекательным и успешным. С точки зрения мотивации обучения, существенным является интерес к профессии и желание работать по специальности. Полученные результаты позволяют говорить о достаточно высокой изначальной заинтересованности студентов будущей профессией. Общая численность первокурсников, ответивших, что получаемая профессия им либо ?однозначно?, либо ?скорее? неинтересна чуть больше 2%. Оставшиеся это, по меньшей мере, и условно говоря, ?не имеющие аллергии? к получаемой специальности, т.е. те с кем можно и нужно работать. Следующим индикатором учебной мотивированности является стремление работать по специальности. По нашим данным, большинство, а именно, три четверти первокурсников, однозначно настроены на работу по специальности. Каждый десятый либо не определился ? ?пока не знаю? (12%), либо, планируя работать по другой специальности, рассчитывает, что полученные знания ему все равно пригодятся (10%). Таким образом, несмотря на периодически и справедливо возникающие сетования по поводу немотивированности студентов, большинство первокурсников пришли в Университет достаточно сознательно ? с надеждой на качественное профессиональное обучение и с интересом к будущей, пусть слабо и, возможно, ошибочно представляемой профессии. Более того, четко выражена установка на профессиональную занятость в соответствии с получаемой специальностью. Основные мотивы получения высшего образования связаны прежде всего с приобретением профессии, в меньшей степени ? с личностным развитием и получением диплома. Поступление в вуз перестает рассматриваться преимущественно как способ получения диплома. Молодые люди, ориентированы на обучение и получение специальности как элемент и способ выстраивания своей профессиональной карьеры и успешной жизненной траектории в целом. Полагаю, что это существенный

показатель здоровых тенденций, проявляющихся в системе образования и обществе в целом.

ИНТЕГРАЦИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Сурова Н.Ю. (Саратов)

В современных условиях модернизации экономики России и требований максимального использования имеющихся государственных ресурсов особую роль имеет направление реформ, направленное на развитие системы образования. При этом, основным препятствием для эффективного развития социально ? экономической системы России и особенно отдаленных ее регионов является недостаток у зарождающихся структур модернизации экономики - институциональной базы и организационного ядра, функцию которых могли бы выполнить современные университеты как системообразующие и градообразующие комплексы. Современная административная реформа и реформа образовательной системы, проводимые в России, принуждают учебные заведения использовать механизмы внебюджетного привлечения финансовых ресурсов и выстраивать эффективное взаимодействие с местным сообществом, интегрируя органы местного самоуправления, бизнес ? среду, общественные организации и гражданское общество. В данной схеме именно образовательным комплексам может отводиться роль объединяющего и консолидирующего начала ? организационного ядра, т.к. помимо инфраструктурных и организационных ресурсов региональные университеты обладают воспроизводственным и интеллектуальным потенциалом ? т.к., как правило, объединяют интеллектуальную элиту местного сообщества, и, зачастую, реализуют программы непрерывного образования. При этом для активного участия в процессах общественного и социально ? экономического развития региональным университетам не хватает технологического и нормативного ресурса, а также социализации целей и программ ВУЗа. Привлечение финансового ? производственных ресурсов и трансформация современных региональных университетов в открытые системы по отношению к местному сообществу может значительно ускорить процесс становления региональных вузов как институциональной базы развития гражданского общества и региональной экономики на локальном уровне, поэтому для эффективного развития социально-

экономической системы необходимо осуществить разработку и внедрение механизмов интегрированного образования. Интегрированное образование на сегодняшний момент крайне актуально для развития современной социально-экономической системы отдаленных регионов России, т.к. является инновационной формой создания социально значимых консорциумов в рамках связки общественность ? государство ? высшая школа - бизнес. Механизмы интегрированного образования не только привлекают необходимые ресурсы, но и, главное, формируют элементы общества и управленческой структуры, укрепляя взаимодействие государственной власти, бизнеса, высшей школы, НКО, что обеспечивает институциональную и организационную базу для эффективного развития местных сообществ отдаленных российских городов с использованием партнерского ресурса региональных университетов.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ШКОЛ И ВУЗА В УСЛОВИЯХ СРЕДНЕГО ГОРОДА. (НА ПРИМЕРЕ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА)

Таскаева А.В. (Чита)

В современном мире роль образования очевидна. Образование ? одно из важнейших условий развития экономики и гражданского общества. Существенные изменения в социально-экономическом устройстве России затрагивает школу, которая вынуждена и должна изменяться, чтобы удовлетворять требованиям государства и общества. В последние годы взаимодействие вузов и школ становится не только областью управления образованием, но и предметом исследовательского внимания. При этом отмечается, что традиционные и устойчивые связи вузов и школ как отдельных ступеней (уровней) системы образования претерпевают существенные изменения. С одной стороны, это позволяет проявить особенности сложившейся практики взаимодействия, а с другой ? охарактеризовать направления повышения его качества. Интеллектуальный потенциал подрастающего поколения многих малых и средних городов России достаточно высок, многие родители имеют высшее образование и настроены на академически ориентированное образование своих детей. Удаленность от крупных вузовских центров существенно усложняет для учащихся возможность непосредственного общения с представителями высшей

школы, а это снижает конкурентоспособность школ таких городов на рынке образовательных услуг. Поэтому перспективными направлениями инновационной деятельности школы среднего города являются:

- Формирование условий для профессионального самоопределения учащихся через специализацию в рамках профильного обучения.
- Оработка механизмов взаимодействия школ среднего города с вузами с целью модернизации форм учебного процесса.

Чита – типичный средний город России. А Забайкальский государственный университет (ЗабГУ) – является одним из крупнейших классических вузов города. Забайкальский государственный университет открыт в 1966 г. в Чите как общетехнический факультет Иркутского политехнического института. В мае 2011г. переименован в федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Забайкальский государственный университет». На данный момент сотрудничество с школами – является одним из приоритетных направлений деятельности ЗабГУ. К основным направлениям взаимодействия ЗабГУ со школами города и края можно отнести:

- Учебно-методическое взаимодействие, которое включает в себя подготовку и апробацию учебников, учебных и методических пособий для учащихся и учителей, работающих в школе; руководство учебной деятельностью по профильным дисциплинам; контакты учителей школ с преподавателями вузов с целью консультаций и обмена опытом.
- Научно-методическая работа, которая содержит следующие формы: проведение совместных круглых столов по наиболее важным вопросам совместной деятельности; организация методических семинаров при кафедрах вуза с участием преподавателей школы; организация ежегодных студенческих научно-практических конференций с привлечением учащихся школ; рецензирование преподавателями вузов исследовательских и проектных работ учащихся школ (к примеру, в ежегодной международной научно-практической конференции «Эффективность реализации государственной молодежной политики: опыт регионов и перспективы развития» решением оргкомитета, начала свое существование секция специально для учащихся средней школы); привлечение к участию в научно-практических конференциях на базе вуза учителей школ; оказание методической помощи преподавателями вузов при разработке учебных программ средних образовательных учреждений по профильным дисциплинам; подготовка и издание совместных научных сборников статей,

учебных пособий, монографий с обобщением опыта работы учителей и методистов, по результатам научных исследований, организация научно-исследовательской деятельности учащихся старших классов под руководством преподавателей вуза, предоставление базы университета для совершенствования знаний учащихся школ (возможность пользоваться ресурсами научной библиотеки ЗабГУ), привлечение преподавателей вуза к подготовке школьников к региональным и всероссийским олимпиадам, конкурсам и ЕГЭ. ? Кадровая работа, которая заключается в переподготовке кадров путем организации курсов повышения квалификации учителей на базе ЗабГУ. Кроме того на базе факультета социально-политических систем был реализован проект «Курсы повышения квалификации специалистов сферы государственной молодежной политики» в котором приняли участие, как учителя средних школ и лицеев, так и руководители и специалисты органов по делам молодежи в муниципальных районах и городских округах Забайкальского края, руководители детских и молодежных общественных объединений, руководители и специалисты молодежных центров, подростковых клубов и социальных служб; центров студенческих трудовых отрядов. ? Преподавательская деятельность, включающая проведение дистанционных лекций и очных консультаций для учителей, привлечение к учебному процессу в средних школах высококвалифицированных кадров (кандидатов и докторов наук) для ведения профильных дисциплин и элективных курсов. ? Профориентационная работа, готовящая учащихся к профессиональному самоопределению: проведение дней открытых дверей в ЗабГУ; встречи с учителями, учащимися и их родителями с целью проведения бесед о правилах приема в вуз и условиях обучения в нем; представление вуза с показом видеороликов, презентаций и рекламных буклетов о вузе и направлениях подготовки; приглашение школьников на вузовские мероприятия. В свою очередь, школа ? площадка для научного исследования. Школа ? это лаборатория, база практики, предоставляющая огромный полигон для научного исследования. В школе достаточно сырого материала, который можно положить в основу кандидатского или докторского исследования. Специалисты ЗабГУ имеют возможность провести качественную экспертизу той богатой информационной базы, которая наработана школой за много лет. Прежде всего, это касается методологии педагогики. Таким образом, рассматривая вопросы взаимодействия школ и вузов волнуют в равной степени и

школьных учителей, и преподавателей вузов. Вуз принимает школьных выпускников, школы готовят вузовских абитуриентов, т.е. школа и вуз делают одно общее дело, находясь, постоянно в тесном сотрудничестве.

ГЕНДЕРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ РОССИЙСКОГО ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

ТУЛУЗАКОВА М.В. (Балаково)

Становление гражданского общества предполагает, прежде всего, изменение господствующей системы ценностей, в которой могут быть выделены традиционные (патриархатные) и альтернативные (гендерные) системы. Именно последняя из названных систем и закладывает основы политической культуры гражданского общества. Проблема состоит в том, что гендерная система ценностей плохо вписывается в современное общество. И происходит это по следующим причинам: подобная система ценностей мало известна широким кругам населения; компромиссный характер гендерной системы ценностей воспринимается либо как слабость её носителей, либо как покушение на «культ муж чины». В социуме всегда существовали, и будут существовать специфические интересы женского и мужского населения. Биологический диморфизм, психологические различия между полами, социальная полоролевая дифференциация и стратификация, культурные стереотипы феминности и маскулинности, особенности гендерной социализации позволяют понять характер протекания многих социальных процессов. Любые социальные изменения должны начинаться с трансформации сознания, преодоления гендерной некомпетентности как на обыденном уровне, так и на уровне принятия решений. При сохранении главной идеи – учете специфики положения мужчин и женщин на каждой стадии развития политической, экономической, социальной и духовной сферы, то есть независимо от вида деятельности, необходимо при выборе вариантов социально-политического развития учитывать потенциально различное их влияние на женщин и мужчин, что позволит избежать непредвиденных результатов. Гендерная система ценностей может стать привычной только через непосредственную деятельность (самодеятельность) граждан и, прежде всего женщин, которые должны осознавать свою миссию, которая заключается в стимуляции социального сознания в

направлении гуманизма и демократии. Ценность этики феминной культуры состоит в том, что женщины проходят иной опыт социализации, а потому им нет нужды постоянно доказывать свой статус (он уже основан на деторождении), выстраивать цепочки иерархии и бороться за престижное место в них. Но государство регулирует репродукцию, сексуальность, разделение труда и тому подобные вещи без широкого присутствия в публичной сфере самих женщин. Основная задача в настоящее время состоит в создании таких условий в обществе, которые способствовали бы формированию женщины с иным отношением к себе (иной взгляд на себя, собственное положение в обществе) и, вытекающим из этого, иным мировоззрением. Женщины имеют возможность конкретизировать общечеловеческие проблемы в терминах пола, используя антипатриархальный ресурс женских социально-политических движений, объективно консолидирующих российское общество и способствующих становлению институтов гражданского общества. Интеграция женщин в процесс становления гражданского общества предполагает решение целого ряда задач. Во-первых, определение путей достижения равных прав и равных возможностей, реализации концепции паритетной демократии. Во-вторых, совершенствование форм гендерного просвещения на различных уровнях государственного управления и в сфере общественной деятельности. В-третьих, обеспечение путей реализации идеи гражданского общества для обеспечения социального партнерства между женскими общественными организациями и правительственными органами через систему договоров. В-четвертых, активизация СМИ по отражению деятельности и проблем женских общественных организаций. Решение этих задач затруднено тем, что по-прежнему находятся в действии привычные для российского общества концепция социального протекционизма и соответствующая ей патерналистская идеология с традиционным взглядом на женщину как на получательницу льгот и помощи со стороны государства. Гендерные проблемы процесса становления гражданского общества может быть исследовано в трех контекстах. Во-первых, это социально-экономический и политический статус женщины в обществе и наделение их базовыми полномочиями, от которых зависят основные параметры гендерного баланса. Во-вторых, вытекающие из первого контекста социальная практика и закономерности развития женского социального творчества как реализация потенциала женской социально-демографической общности и ресурс социальных изменений. В-третьих, степень

участия женщин непосредственно в социально-политической жизни в рамках изучения женских социально-политических движений, доступа женщин к принятию решений, способных кардинально менять характер развития общества и направленность социальных изменений.

Женские негосударственные общественные организации и движения достаточно твердо демонстрируют практику усиления влияния, формирования единой коллективной воли и утверждение её в качестве реального фактора процесса становления гражданского общества. Опыт участия автора в реализации проекта «Построение гражданского общества через женские объединения?», патронируемой представительством Еврокомиссии в России, позволяет утверждать, что именно гендерный фактор может быть рассмотрен как детерминанта позитивных изменений в процессе становления российского гражданского общества.

ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ОБЩЕГО ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЕТЕЙ-ИНВАЛИДОВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Фёдоров А.В. (Санкт-Петербург)

По данным Всемирной организации здравоохранения в мире отмечается устойчивая тенденция роста числа людей с ограниченными возможностями жизнедеятельности, именуемых у нас инвалидами. Сегодня их доля в человеческой популяции уже превысила десяти процентный рубеж. Указанные негативные процессы, к сожалению, не миновали как Россию в целом, так и Санкт-Петербург. В период с 1990-го по 2005 годы число инвалидов в стране утроилось. Сегодня в современной России по данным различных источников проживают уже от 13 до 14,5 млн. инвалидов, а их доля в населении страны составляет 12 ? 15%, в том числе более 600 тыс. детей-инвалидов в возрасте до 18 лет. Не вызывает оптимизма и демографическая ситуация, складывающаяся в северной столице. На 1-ое января 2011 года в Санкт-Петербурге проживало 768,6 тыс. инвалидов. Из них 83,0% составляли граждане пенсионного возраста, 15,2% - люди активного трудоспособного возраста и 1,8% (14,2 тыс. чел.) - дети-инвалиды, что составляло уже почти 17% (!) от общей численности жителей города. И в настоящее время данная тревожная статистика остаётся практически неизменной. В 2008 году Российская Федерация подписала Декларацию ООН о правах инвалидов, переводящую человека с ограниченными возможностями из объекта заботы в субъект права.

Из этого следует, что современная Россия, как и большинство стран Европы и мира, делает ставку на активные формы и методы реабилитации, максимально возможную интеграцию инвалидов в нормальную общественную жизнь. Согласно этому документу, ?инвалиды имеют право на? образование, ремесленную профессиональную подготовку и восстановление трудоспособности, на помощь, консультации, на услуги по трудоустройству?, которые позволят им максимально проявить свои возможности и способности и ускорят процесс их социальной интеграции и реинтеграции? [1, статья 6].

Говоря о юных горожанах с ограниченными возможностями жизнедеятельности, молодых инвалидах, для обеспечения их права быть равными среди равных при вступлении в самостоятельную жизнь необходимо добиваться безусловной реализации общей цели социализации ? экономической независимости. Разумеется, её достижение возможно только при учёте специфических особенностей, интересов, потребностей и возможностей данной социальной группы. Выяснению этой специфики, а также образовательных возможностей социума по общему школьному обучению и были посвящены наши исследования. Для детей-инвалидов, способных к эффективному обучению только в специально созданных условиях, в Санкт-Петербурге существуют особые адаптированные к их возможностям варианты освоения школьных знаний ? коррекционные классы общеобразовательных школ, специальные школы (образовательные центры) и школы-интернаты. Этот сектор коррекционного специального образования, кроме преподавания предметов по стандартной общепринятой программе общего школьного начального и среднего образования (для учащихся с сохранным интеллектом), осуществляет обучение и по вспомогательному облегчённому и сокращённому варианту (для учащихся с ограниченно сохранным интеллектом). В классах и школах последнего типа из программы, как правило, исключаются сложные точные предметы: физика, химия, алгебра. Преподаётся адаптированный общий курс математики, но алгебры там нет. Вместо этих предметов увеличено количество уроков труда и физкультуры. Вариант программы обучения (объём получаемых знаний) определяется решением медико-педагогической комиссии при зачислении ребёнка-инвалида в коррекционную школу или класс. Обучаясь по стандартной программе, незаконченное среднее образование (9 классов) школьники-инвалиды получают за 10 лет учёбы, а полное среднее общее образование (11 классов) ? за 12 лет. Лишний год учёбы

обусловлен необходимостью снижения нагрузки на ослабленный болезнью детский организм, проведением мероприятий по медицинской реабилитации. Аттестаты о среднем (не вспомогательном!) образовании, выдаваемые этими учебными заведениями, действительны при поступлении во все профессиональные училища, лицеи, колледжи, техникумы и вузы России и Петербурга. . Коррекционные классы городских школ и гимназий призваны решать актуальные задачи активной социальной помощи детям с ограниченными возможностями здоровья по месту проживания. Положительным моментом в данном случае является, на наш взгляд, наличие у них возможности участвовать в общешкольных мероприятиях вместе со своими здоровыми сверстниками из параллельных классов. Важно также, что особенные юные горожане получают образование вблизи от дома и воспитываются в кругу семьи. Специальные школы и образовательные центры. Мы рассмотрим основные аспекты функционирования этих петербургских учебных заведений на примере средней общеобразовательной школы № 584 с поэтическим названием ?Озерки? и государственного образовательного учреждения ?Центр ?Динамика?. В них обучаются и получают воспитание дети и подростки с множественными проблемами в физическом развитии, вызванными в основном заболеваниями опорно-двигательного аппарата. Одни по утрам приезжают в школу с родителями или родственниками самостоятельно, другие ? на школьных автобусах. Здесь удачно сочетается домашнее проживание с качеством получаемых школьных знаний. Образовательные учреждения имеют одну из самых современных учебных баз со специализированными кабинетами по отдельным предметам (химия, физика, информатика, иностранные языки и др.), компьютеры + высокоскоростной Интернет, интерактивные электронные классные доски?. В классах ? доброжелательная атмосфера и почти индивидуальный подход к обучению. Наполняемость классов от пяти до двенадцати человек. Понятно, что каждому отдельному ученику уделяется здесь гораздо больше внимания, чем в массовой школе. Во внеурочное время классы сопровождают воспитатели (тьютеры), оказывая помощь в передвижении и обслуживании. Имеется возможность для развивающих занятий по интересам в разнообразных кружках. Учащимся доступны оздоровительная физкультура и спорт. В период обучения по медицинским показаниям проводятся лечебные курсы реабилитации ? массаж, гидромассаж, физиотерапевтические процедуры. Проходят

индивидуальные занятия с логопедами, психологами, социальными педагогами. И всё это в учебных и бытовых помещениях полностью адаптированных к передвижению на колясках и при помощи костылей! Широкие удобные коридоры и двери, лестницы с низкими ступенями, оборудованные перилами и пандусами, специальные туалеты.

Школы-интернаты ? образовательные учреждения с круглосуточным пребыванием обучающихся, созданные в целях оказания помощи семье в обучении и воспитании детей-инвалидов, формирования у них навыков самостоятельной жизни, всестороннего раскрытия творческих способностей. Они обладают всеми отмеченными нами выше преимуществами специальных школ и позволяют одновременно помочь родителям в решении социально-бытовых проблем, связанных с ежедневным посещением учащимися школы, а также их комфортным проживанием, питанием, уходом и обслуживанием (включая необходимую медицинскую помощь). Эти государственные институты незаменимы в условиях неполной и кризисной семьи особенного молодого горожанина. Заслуженным авторитетом и уважением в Петербурге пользуются коллективы школ-интернатов № 1 им. К. К. Грота для слепых и слабовидящих детей и № 9 для школьников с нарушением двигательных функций. В этих петербургских интернатах созданы все условия для комфортного проживания и эффективного обучения.

Литература

1. Декларация ООН о правах инвалидов. Принята резолюцией Генеральной Ассамблеи от 9 декабря 1975 года // Документы ООН: электронный Интернет-ресурс.

КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД КАК ПУТЬ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ СФЕРЫ ТУРИЗМА.

Фрицлер Н.В. (Белгород)

В настоящее время в России туристский сектор становится одним из базовых, а его структура, приоритеты оказывают непосредственное воздействие на уровень социально-культурного, социально-экономического развития общества. Ряд исследователей в сфере туризма отмечают, что уровень подготовки специалистов сферы туризма на сегодняшний день недостаточно высок. Руководители туристских компаний отмечают, что не более 25

процентов сотрудников обладают высокой квалификацией в сфере туризма. В то же время, 80 процентов студентов туристского вуза одного из проведенных исследований считают освоение знаний и умений в сфере туризма перспективным в своей будущей профессиональной деятельности. Наметившийся в последние годы переход от традиционной квалификации специалиста, подразумевающей функциональные соответствия между требованиями рабочего места и целями образования, к развитию в человеке способности ориентироваться в разнообразии сложных и непредсказуемых рабочих ситуациях, иметь представление о последствиях своей деятельности и нести за них ответственность, повышают значимость компетентностного подхода в подготовке специалистов. Структура профессиональной деятельности сферы туризма требует от будущего специалиста развитого кругозора, междисциплинарного чутья, способности к креативным решениям, а также формирования гуманистических ценностей. Все это актуализирует компетентностный подход в подготовке студентов к профессиональной деятельности в сфере туризма. Идея компетентностного подхода в нашей стране закрепились в ходе подготовки Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года? и в настоящее время рассматривается как основа смены ценностных ориентиров и целей образования [5, с.36]. Это идея открытого заказа на другое содержание образования. Изменения в нем связывают с необходимостью освоения минимально необходимых (стандартных) требований для жизни и деятельности в различных сферах общества. В последние годы в России происходит переориентация в оценке результата образования с понятий ?подготовленность?, ?образованность? на понятия ?компетенция?, ?компетентность? обучающихся, то есть делается ставка на компетентностный подход в образовании [5, с.34]. Реализация компетентностного подхода требует нового проектирования, как результатов образования, так и самого учебного процесса и механизма управления им. Поэтому поиск эффективных путей, связанных с разработкой и внедрением компетентностного подхода, многими исследователями рассматривается как актуальная и своевременная проблема. Ознакомление с зарубежной и отечественной литературой по проблеме компетентностного подхода позволяет нам выделить такие мнения ученых, согласно которым компетентностный подход рассматривается как метод моделирования целей и результатов образования как норм его качества, отражение результата образования в целостном виде как системы признаков

готовности выпускника к осуществлению той или иной деятельности. В частности данное мнение принадлежит ученому Д. С. Ермакову [5, с.37]. Опираясь на мнение О.Е. Лебедева, в рамках исследования компетентностный подход определяется как совокупность общих принципов определения целей образования, отбора содержания образования, организации образовательного процесса и оценки образовательных результатов[5, с.12]. Отметим так же, что понятие ?компетентностный подход? получило распространение в связи с дискуссиями о проблемах и путях модернизации российского образования. Таким образом, можно констатировать, что к настоящему времени в науке достаточно эффективно разрабатывается и разносторонне рассматривается проблема компетентности и поиск оснований реализации компетентностного подхода в образовании. Сегодняшний день наметил, с одной стороны, необходимость, а с другой, неизбежность реализации компетентностного подхода, который позволит: ? перевести образование как процесс накопления знания в деятельностный процесс, использования фактов в решении открытых жизненных задач/проблем; ? реализовать смену парадигмы с ?образование на всю жизнь? в ?образование через всю жизнь?; ? объединить в себе интеллектуальную и навыковую составляющие образования; ? развить новую идеологию интерпретации содержания образования, формируемого ?от результата?. Реализация компетентностного подхода связана с удовлетворением потребности человека в профессиональном образовании, обогащающем возможности его осуществления; формирование стратегий личностного и профессионального развития. Именно такой подход позволяет обеспечить конкурентоспособность специалистов. Профессиональная компетенция представляет собой способность успешно действовать на основе практического опыта, умения и знаний при решении задач профессионального рода деятельности. Профессиональная компетентность специалиста сферы туризма достаточно специфична, и в соответствии с федеральным государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования по направлению подготовки 100400 Туризм (квалификация (степень) ?бакалавр?) ориентирована: 1. В проектной деятельности: ? на овладение теоретическими основами проектирования, готовностью к применению основных методов проектирования в туризме; ? на выработку способностей обрабатывать и интерпретировать с использованием базовых знаний математики и информатики данные, необходимые для осуществления

проектной деятельности в туризме; ? на выработку способностью самостоятельно находить и использовать различные источники информации по проекту туристского продукта; ? на формирование готовности к реализации проектов в туристской индустрии. 2. В производственно-технологической деятельности: ? на формирование готовности к разработке туристского продукта на основе современных технологий; ? на установку способностей к реализации туристского продукта с использованием информационных и коммуникативных технологий. 3. В организационно-управленческой деятельности: ? на формирование способности к работе в трудовых коллективах предприятий туристской индустрии; ? на установку способности организовывать работу исполнителей, принимать управленческие решения в организации туристской деятельности, в том числе с учетом социальной политики государства; ? на формирование умения рассчитать и оценить затраты по организации деятельности предприятия туристской индустрии. 4. В сервисной деятельности: ? на формирование способностей использовать нормативные документы по качеству, стандартизации и сертификации в туристской индустрии; ? на формирование способности к эффективному общению с потребителями туристского продукта; ? на формирование умения организовать процесс обслуживания потребителя; 5. В научно-исследовательской деятельности: ? на формирование способности находить, анализировать и обрабатывать научно-техническую информацию в области туристской деятельности с использованием информационно-коммуникационных технологий; ? на установку способности использовать методы мониторинга рынка туристских услуг; ? на формирование готовности к применению прикладных методов исследовательской деятельности в туризме; ? на выработку готовности к применению инновационных технологий в туристской деятельности [1]. Для обоснования педагогических условий, которые будут способствовать повышению качества подготовки специалиста сферы туризма в контексте компетентного подхода, мы должны уточнить, что нами понимается под таковыми. В научной литературе мы встречаемся с различными точками зрения. Наиболее обоснованными, на наш взгляд, являются определения данные учеными Н.М. Борытко и В.И. Андреевым. Под педагогическим условием Н.М. Борытко понимает внешнее обстоятельство, оказывающее существенное влияние на протекание педагогического процесса, в той или иной мере сознательного сконструированного педагогом, предполагающего достижение определенного результата

[4, с. 12]. В.И. Андреев считает, что педагогические условия представляют собой результат целенаправленного отбора, конструирования и применения элементов содержания, методов (приемов), а также организационных форм обучения для достижения целей? [2, с. 17]. На сегодняшний день современными исследователями в области туризма намечена тенденция к возникновению определенных трудностей в данной сфере. Это во многом связывается и с отсутствием в определенных регионах молодых высококвалифицированных специалистов сферы туризма в целом, которые обладают не только определенным багажом теоретических знаний в области туризма, но и имеют практические навыки своей профессии, и профессионально компетентны в сфере своей деятельности. Возможным путем решения данной проблемы является максимальное обращение внимания формированию у каждого будущего специалиста профессиональной компетентности. По нашему мнению, достижение данного шага станет возможным не только при изучении студентами соответствующих дисциплин в рамках учебного процесса, которые сформируют и будут обогащать перечень профессиональных качеств будущего специалиста, но и при системной реализации таких педагогических условий, как: - системный анализ отечественного и зарубежного опыта, и на его основе выявление совокупности профессиональных компетенций специалиста сферы туризма; - разработка модели, системно представляющая процесс и результат формирования у студентов туристского вуза и вузов культуры и искусств профессиональных компетенций в сфере туризма; - выявление педагогических условий реализации формирования профессиональных компетенций у студентов сферы туризма; - разработка методического обеспечения по формированию профессиональных компетенций у студентов в сфере туризма, включающее: программы обучения, рекомендации по проведению аудиторных и внеаудиторных занятий, тесты для контроля формирования профессиональных компетенций, систему групповых и индивидуальных заданий, направленных на формирование профессиональных компетенций у студентов в сфере туризма. Так же определенными педагогическими условиями формирования профессиональных компетенций у студентов в сфере туризма может являться дополнение базовых программ по дисциплинам (общие гуманитарные и социально-экономические дисциплины, общепрофессиональные дисциплины специальности, дисциплины специализации) элективными практико-ориентированными курсами поведенческой, культурологической и

технологической направленности; использование активных методов и форм подготовки студентов (иерархическое структурирование представляемых знаний с возможностью их достраивания студентами; использование метода проектов, ?мозговых штурмов?, ситуационного анализа, коллективной системы обучения), использование технологии ?портфолио?; подготовка педагогических кадров к работе по формированию профессиональных компетенций у студентов по культурно-познавательному туризму. Педагогическое условие по повышению качества подготовки специалиста сферы туризма в контексте компетентностного подхода, основывающееся на разработке методического обеспечения по формированию профессиональных компетенций у студентов по туризму, может включать в себя разработку методического обеспечения для преподавателей по формированию профессиональных компетенций у студентов в сфере туризма, включающее: основное содержание программ элективных курсов поведенческого блока, например, - ?Речевая, логическая и психологическая культуры делового разговора?, ?Невербальная и вербальная культура делового разговора?, ?Ведение деловой беседы?, ?Ведение делового телефонного разговора?, ?Работа в конфликтных ситуациях?; культурологического блока - ?Региональные культуры в современной России?, ?Классическая модель культуры?, ?Искусство XX века?; технологического блока - пример, ?Взаимоотношения специалиста сферы туризма и клиента в процессе осуществления сервисной деятельности?, ?Сервисная деятельность?, ?Этика специалиста сферы культурного туризма?. Так же своеобразным педагогическим условием может являться система профессиональных собеседований и психологического тестирования студентов на протяжении всего периода обучения. Это необходимо, для того, чтобы показать над какими личностными качествами должен работать будущий профессионал в сфере туризма совместно с педагогами, а какие личностные качества ему мешают в формировании своего профессионализма. Данные тестирования смогут помочь решить ряд проблем, а также сократить время и нервы, как новоиспеченному специалисту, так и его будущему работодателю. Проблема становления профессионала ? это, в первую очередь, проблема личностного и социального развития будущего специалиста как субъекта социального действия. Он должен видеть свою профессию во всей совокупности ее широких социальных связей, знать предъявляемые к ней и ее представителям требования, понимать содержание и специфику своей профессиональной

деятельности, ориентироваться в круге профессиональных задач и быть готовым разрешать их в меняющихся социальных условиях. Профессиональный уровень специалистов, основывающийся на профессиональной компетентности ? служит гарантом надежности и стабильности. Культура же специалиста развивается не только через практический опыт, интеллектуальные основы профессионализма формируются, прежде всего, образованием, главная цель которого ? достижение профессиональной компетентности каждого специалиста.

Литература

1. ФГОС - № 489. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 100400 туризм (квалификация (степень) бакалавр). ? Введ. ? 2010. ? 01.01. - http://www.edu.ru/db-mon/mo/Data/d_09/m489.html
2. Андреев, В.И. Педагогика: учебный курс для творческого саморазвития / В. И. Андреев. - 2-е изд. Казань: Центр инновационных технологий, 2000. ? 252 с.
3. Биржаков, М.Б. Введение в туризм: учебник / М.Б. Биржаков. - издание 8-е, переработанное и дополненное. - СПб. : Издательский дом ?Герда?, 2006. - 512 с.
4. Борытко, Н.М. В пространстве воспитательной деятельности/ Н. М. Борытко. - Волгоград: Перемена, 2001. ? 117 с.
5. Зимняя, И.А. Компетентностный подход. Каково его место в системе современных подходов к проблемам образования? (теоретико-методологический аспект) // Высшее образование сегодня. ? 2006. ?№ 8. ? С. 20?26.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ШКОЛЬНОГО СЕТЕВОГО СООБЩЕСТВА ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Чухало В.В. (Астрахань)

Совместный проект Министерства образования и науки Астраханской области, Кафедры социологии Астраханского государственного университета, социальной сети для школьников ?Дневник.ру? и Исследовательского агентства ?GS? Одной из проблем интеграции среднего и высшего образования является излишняя теоретизация и академичность последнего, что негативно сказывается на мотивации школьников к участию в вузовских

программах. Для успешной реализации идеи «Социология в школе» мы решили уйти от стандартных «теоретических курсов» и сосредоточить свое внимание исключительно на практической части обучения, также была предпринята попытка создания так называемой «инициативы снизу», т.е. инициатором обучения должны были стать сами школьники. Самой амбициозной задачей, которую мы перед собой ставили, являлось обеспечение массового участия старшеклассников из различных районов Астраханской области в проекте. Наиболее подходящей организационной формой реализации проекта была выбрана модель школьного сетевого сообщества (community of practice) [1]. Школьное сетевое сообщество исследователей - открытая саморазвивающаяся система развития интеллектуального, коммуникационного и творческого потенциала личности ребёнка посредством участия его в совместных исследовательских проектах, осуществляемых дистанционно на основе Интернет технологий. Участие в сетевом сообществе предполагает постоянное «действие» со стороны его членов, т.е. оно включает в себя постоянный обмен знаниями; накопление опыта, навыков, новых знаний; увеличение социальных связей внутри сообщества; расширение самого сообщества. Любой ребёнок может переходить от начального легитимного периферийного участия к полноправному членству. Вступление в сообщество означает, в первую очередь, доступ к ресурсам этого сообщества. Эти ресурсы могут быть как материальными, так и нематериальными. Но прежде всего, они получают возможность быть за одним столом с более опытными коллегами и спрашивать у них совета в случае необходимости [2]. Основные характеристики сообщества: Открытость - система открыта для всех субъектов (в сообщество может вступить любой желающий). Саморазвитие - система развивается самостоятельно, используя интеллектуальные и творческие ресурсы её членов и не нуждается в постоянном внешнем стимулировании и контроле. Самовоспроизводство - система направлена на постоянное расширение и включение в свой состав новых субъектов. Общее видение проекта: На базе школ формируются самостоятельные сетевые ячейки «социологические станции», вертикальная и горизонтальная связь с которыми, будет осуществляться посредством Интернет, на базе социальной сети «Дневник.ру». Все участники сообщества будут работать над исследовательскими проектами в дистанционном режиме. Курировать работу будут тьюторы - сотрудники Исследовательского агентства «GS», преподаватели и студенты кафедры Социологии

Астраханского государственного университета. Периодически будут происходить личные встречи в режиме семинаров и тренингов, для улучшения коммуникации между членами сообщества и более эффективной передачи накопленного опыта. Обучение не будет узконаправленным, в проекте будут принимать участие специалисты-практики из смежных гуманитарных дисциплин (психология, журналистика, маркетинг, менеджмент и др.), что позволит существенно расширить кругозор участников сообщества, а также показать альтернативные варианты профессиональных и образовательных траекторий. Ожидаемые результаты: - повышение общественной, научной и коммуникационной активности детей, вовлечённых в сетевое сообщество; - увеличение численности сетевого сообщества без административного вмешательства; - создание эффективной модели взаимодействия Школа-Вуз-Работодатель; - формирование чётких карьерных стратегий у участников сетевого сообщества; - создание информационной базы, на основе которой сетевое сообщество сможет развиваться самостоятельно (видео-лекции, презентации, методические материалы). В начале учебного 2011-2012 года Исследовательским агентством ?GS?, социальной сетью для школьников ?Дневник.ру? и кафедрой социологии Астраханского государственного университета при поддержке Министерства образования и науки Астраханской области было проведено ряд мероприятий в рамках проекта ?Школьное сетевое сообщество исследователей?. 1. Рекрутинг. - В социальной сети ?Дневник.ру? была создана группа сообщества, на основе которой впоследствии осуществлялась коммуникация между участниками проекта. - Во время проведения массового опроса школьников на тему ?Профессиональное самоопределение молодёжи в условиях современного рынка труда Астраханского региона? (опрошено 2700 школьников 9-11-х классов), в тело анкеты был вставлен информационный блок с кратким описанием проекта и контактами для связи с его участниками (в итоге, в группе зарегистрировалось 33 человека). - Проведение мероприятия ?Встреча со школьниками? социология: исследовательские практики и перспективы? на базе Астраханского государственного университета в рамках ?Недели социологии?, на которое были приглашены все желающие старшеклассники. 2. Первичный запуск системы. Был проведен тренинг-семинар на базе средней общеобразовательной школы в пригороде Астрахани. В качестве тренеров и ассистентов были приглашены сотрудники Исследовательского агентства ?GS?, популярные Астраханские

блоггеры, практикующий психолог, студенты специальности социология и преподаватель из университета. Программа тренинг-семинара включала в себя следующие блоки: - командообразование; - первичная информация о социологии; - разработка прикладного социологического исследования; - социальные сети и блоги. В ходе мероприятия старшеклассники получили первичную информацию о социологии, как науке и о целях проведения прикладных социологических исследований; получили навыки выбора и формулирования актуальных тем исследовательских проектов, а также постановке целей и задач. Показаны основные возможности, которые предоставляют социальные сети и блоги для реализации собственных исследовательских проектов и дистанционного взаимодействия с участниками сообщества. Учитывая позитивные отзывы участников тренинг-семинара и астраханской блогосферы [3,4] о данном проекте, можно с уверенностью сказать, что данная модель взаимодействия между школой, вузом и работодателем является весьма эффективной и многообещающей. К сожалению проект не получил финансовой поддержки и, на данный момент, заморожен на неопределенный срок. Говорить о результатах не представляется возможным, так как для этого необходимо более долгий промежуток времени (как минимум один учебный год).

Литература

1. Lave, J & Wenger E, Situated Learning: Legitimate Peripheral Participation, Cambridge: Cambridge University Press, 1991.
2. Sharp A.M. The Community of Inquiry: Education for Democracy // Thinking. 1991. Vol. 9
3. <http://mihail-nesterov.livejournal.com/393266.html>
4. <http://ramka-07.livejournal.com/226572.html>

МОЛОДОЕ ПОКОЛЕНИЕ ? ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ОБЩЕСТВА?

Шестакова Н.Н., Красавцева Е.И. (Санкт-Петербург)

Для того, чтобы получить ответ на этот поставленный в заглавии и казалось бы, вполне очевидный вопрос, авторами было проведено специальное исследование в одной из средних школ Санкт-Петербурга. Действительно, может ли современное общество возлагать надежды на своих молодых граждан, которые в недалеком будущем войдут в состав трудовых ресурсов российского населения,

реализуя свой накопленный в годы обучения человеческий потенциал. Какими представлениями об инновациях и инновационной деятельности обладают сегодняшние старшеклассники? Готовятся ли они к труду в современных условиях? Каким образом они это делают? Эти и некоторые другие цели и задачи были положены в основу проведенного (в форме анкетного опроса) в сентябре 2012 года обследования учащихся 10-11 классов. Всего опрошено 55 человек. В качестве респондентов были выбраны подростки 15-17 лет, обладающие (по предположению авторов) достаточно сформированным мировоззрением и долженствующие иметь определенное представление о предмете исследования. Однако это оказалось не совсем так. В частности, несколько неожиданным для авторов стало то, что практически половина опрошенных, 43,6%, ничего не знают о принятом Российской Федерацией курсе на инновационное развитие страны. Еще четверть респондентов, 25,5%, затруднилась с ответом на этот вопрос. Если сопоставить приведенные результаты с распределением ответов на вопрос об источниках получения информации о приоритетных направлениях развития государства, то можно увидеть, что более чем в 40% случаев знакомство с проблемой произошло через информационные источники: 21,8% - почерпнули сведения через сеть Интернет; 20,0% - через информационные радио- и телепрограммы и еще 1,8% - через газеты и журналы. Роль семьи, школы и ближайшего окружения (друзей, сверстников) оказалась ничтожной (18,3% - суммарно), соответственно: 5,5%; 5,5% и 7,3%. Таким образом, в результате исследования получено не только очередное свидетельство перетекания основного воспитательного воздействия на молодое поколение из институтов семьи и образования (и, в данном случае, общеобразовательной школы) в плохо контролируемые ?руки? средств массовой информации, включая Интернет-пространство, но и подтверждение также вполне известного факта относительно формирования СМИ предпочтительных сфер интереса молодежи. А в нашем случае ? о выпадении из сферы этих интересов проблематики будущего нашей страны, способов достижения этого прогнозируемого будущего и собственного места и роли в реализации этого будущего. В этой связи любопытно было установить также, что именно понимают подростки под категорией ?инновационное развитие? (на вопрос можно было дать более одного ответа, формулировки ответов были максимально адаптированы с учетом возраста). Комментарии, в принципе, весьма очевидны: практически шестеро из каждых 10

опрошенных при оценке инновационных процессов ориентируются на достижения промышленно развитых стран, причем 3-4 из них видят роль России в параллельном с ними инновационном развитии, а оставшиеся двое ? определяют позицию нашей страны как опережающую. Из предложенных респондентами собственных трактовок категории ?инновационное развитие? обратим внимание на одну, отражающую не просто ее понимание, но и уровень глубины осведомленности в проблеме: ?введение в общественное пользование каких-то изобретений?, что, собственно, и составляет сегодня основную проблему российского инновационного развития. К сожалению, такого рода ответ одиннадцатиклассника был единственным. Обратимся к вопросам, связанным с определением тех субъектов, чьими усилиями должны осуществляться процессы инновационного развития ? то есть к ключевому вопросу, заявленному в названии. В общем результаты ответов оказались также не то, чтобы уж очень неожиданными, но далеко не слишком обнадеживающими. Пожалуй, самым позитивным моментом в отношении выявления субъектов инновационной деятельности (на вопрос также можно было выбрать более одного варианта ответа) следует указать признание половиной респондентов, 49,1%, в качестве таковых всех граждан страны. Однако, несмотря на это, каждые 6 из 10 опрошенных (58,2%) полагают инновационную деятельность уделом исключительно работников высококвалифицированного труда: ученых и исследователей ? 30,9%, а также инженеров и специалистов ? 27,3%. Делом молодого поколения видит инновационную деятельность лишь каждый шестой опрошенный (16,4%). <Простых> рабочих отнес к числу субъектов инновационной активности только один (!) респондент и еще один выпускник школы высказал мнение, что инновационной деятельностью должны заниматься ?специальные люди? - ?инноваторы?. Таким образом, можно констатировать не только ?слабость? понимания самой категории ?инновационная деятельность?, но и ее некоторую ?загадочность? даже для учащихся выпускных классов такого крупного, промышленно, научно и культурно развитого мегаполиса как Санкт-Петербург и, как следствие, соотнесение ее исключительно с высокоразвитым, сформированным человеческим потенциалом и человеческим капиталом (как воплощением человеческого потенциала в общественном производстве). При этом следует отметить непонимание даже абстрактной роли и места молодого поколения в процессах инновационного развития. А как же обстоит дело с

осознанием старшеклассниками своей конкретной роли в предстоящем развитии страны? Вопросы, направленные на выяснение личностных намерений респондентов, были сформулированы следующим образом: «Планируешь ли ты связывать свою будущую работу с инновациями, трудом в инновационных отраслях экономики?» и вытекающий из него: «Если собираешься, то каким образом?». На первый из них твердый положительный ответ дали всего 10,9% опрошенных; более трети (36,4% - !) учащихся выпускных классов высказались отрицательно. Половина опрошенных, 52,7%, пока не определилась, будут ли они так или иначе связывать свою предстоящую трудовую деятельность со сферой инноваций. (Впрочем, при известном подходе это может быть истолковано как некий позитивный эффект, возникший из информации, полученной респондентами в ходе опроса). Постановка предыдущего вопроса в значительной степени определила и количество полученных ответов на вопрос относительно формы будущей инновационной активности респондентов и подготовке к таковой: их дали только 38,2% учащихся, безусловно выделив такую понятную школьникам позицию как: «постараюсь овладеть возможно большим количеством современных знаний» (23,6%). Далее, с большим отрывом в порядке убывания следуют варианты: «получу подходящую профессию (дополнительно указаны сферы: химия, медицина, генетика, вирусология)?» 5,6%; «собираюсь трудиться на предприятии, в организации, фирме, деятельность которой связана с инновациями или работающей в инновационной сфере?» 1,8%. Из дополненных респондентами укажем только три четкие ответа «не собираюсь?». Полученные результаты позволяют говорить о тотальной неготовности молодежи к занятию активной позиции в инновационном развитии России, даже несмотря на то, что 94,6% учащихся выпускных классов планируют после окончания школы продолжить свое образование в высших учебных заведениях.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРВИЧНОЙ АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ К ОБУЧЕНИЮ В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ

Ясюкова Л.А., Пискун О.Е. (Санкт-петербург)

Поступая в вуз, молодой человек вынужден адаптироваться к изменившимся условиям жизни, и чем благополучнее и быстрее осуществится его вхождение в новую среду, тем успешнее будет происходить не только становление специалиста, но и раскрытие

личностного потенциала в целом. Следовательно, перед каждым вузом встает задача оптимизации процесса адаптации первокурсников. Грамотное ее решение зависит от изучения и выявления факторов, способствующих и препятствующих адаптации студентов к новой для них социальной среде. Для мониторингового исследования адаптированности студентов к обучению в ИМОП СПбГТУ в течение последних пяти лет используется анкета, в которой, в частности, респонденты указывают, какое настроение доминирует у них в настоящее время (предлагается пять градаций: оптимистичное, спокойное, раздраженное, тревожное, подавленное). Для выявления факторов, осложняющих вхождение молодых людей в студенческую жизнь, в дополнение к анкетному опросу использовались тест структуры интеллекта ААмтхауэра, методика социальной перцепции, коммуникативных установок и самооценки Фидлера-Ясюковой, методика толерантности Ясюковой и личностный опросник Кеттелла. Мониторинговые исследования проводились весной, т.е. анализировался результат социально-психологической адаптации. В октябре 2011 года было проведено пробное изучение первичной адаптации студентов к обучению в техническом вузе. В задачу исследования входило выделение особенностей именно социально-психологической адаптации, в отличие от вторичной дезадаптации, когда студенты начинают испытывать трудности при освоении научно-практических знаний, т.е. начинают доминировать собственно учебные проблемы. Было опрошено 159 первокурсников (43 юноши и 116 девушек). Сравнительный анализ самочувствия первокурсников в начале и в конце учебного года показывает, что процент дезадаптивных студентов существенно различается. На начальном этапе обучения было выявлено всего 18% дезадаптивных первокурсников, а к концу учебного года их количество увеличивается до 25%-30%. На II-ом и III-ем курсах выявляется относительно постоянный процент дезадаптивных студентов ? 25%. Следовательно, собственно социально-психологическая адаптация к новому коллективу и изменившимся общим условиям жизнедеятельности происходит у студентов успешнее, нежели адаптация к процессу обучения, т.к. постоянно четвертая часть из них испытывает трудности в учебе. Анализ гендерных различий показывает, что с трудностями первичной адаптации сталкиваются в основном девушки (23%). Среди юношей только у 5% было отмечено преобладающе тревожное эмоциональное состояние. Различия в протекании первичной социально-психологической адаптации юношей и девушек

статистически высоко достоверны. Можно заключить, что трудности на начальном этапе обучения в техническом вузе, которые в большей степени связаны с проблемами в сфере общения, испытывают только девушки. Юноши в абсолютном большинстве чувствуют себя вполне комфортно. Ситуация выравнивается к концу I курса, процент дезадаптивных юношей существенно возрастает, т.к. начинают доминировать трудности в учебе, а проблемы общения в той или иной степени решаются, сглаживаются и отходят на второй план. Исследование показало, что для всех студентов, испытывающих трудности на первичном этапе адаптации, характерны наиболее низкие баллы по тесту толерантности (ТО). Они отличаются узостью кругозора, ограниченностью культурных интересов (Т1), им свойственны такие установки, как предубеждение, настороженность по отношению к людям иных взглядов и культурных традиций (Т2), раздражительность, низкий контроль эмоций (Т5) в ситуациях общения с ними. Корреляционный анализ выявил высоко значимые положительные связи настроения с толерантными установками, что также свидетельствует об их необходимости для адаптации и бесконфликтного взаимодействия молодых людей в поликультурной среде современного технического вуза. Несформированность толерантных установок резко сужает сферу возможных коммуникативных контактов и осложняет процесс социальной адаптации молодых людей в поликультурной студенческой среде. Успешности первичной адаптации и формированию толерантных установок способствует общая доброжелательность (МРС) и самокритичность (СО) студентов, что было выявлено корреляционным анализом. Трудности в период первичной адаптации испытывают недостаточно самокритичные студенты со скептической установкой по отношению к людям (тест Фидлера-Ясюковой). Сравнение данных по опроснику Кеттелла показало, что труднее адаптируются тревожные (О?), эмоциональные (С?), ориентированные на высокие достижения (Q4?) студенты. Корреляционный анализ выявил высоко значимые отрицательные связи адаптированности с показателями тревожности и нервно-психического напряжения (О и Q4) и положительные ? с эмоциональной уравновешенностью (С). Выявлены статистически достоверные различия по личностным особенностям между студентами, которые легко адаптировались, и теми, кто испытывает трудности первичной адаптации. Легче адаптируются уравновешенные, нетревожные, оптимистичные, настроенные на развлечения и веселую студенческую жизнь, неисполнительные

студенты с невысоким уровнем притязаний (F?, C?, O?, G?, Q4?). Как видно, часть личностных качеств, благоприятствующих первичной адаптации студентов, в дальнейшем будет осложнять их учебу в вузе. Напротив, трудности первичной адаптации испытывают эмоционально реактивные, тревожные, исполнительные студенты с высоким уровнем притязаний. По личностным особенностям, измеряемым с помощью опросника Кеттелла, между юношами и девушками выявлены следующие статистически достоверные различия. Девушки, по сравнению с юношами, более тревожны, честолюбивы, характеризуются более высоким уровнем мотивации и нервно-психического напряжения (O?, L?, Q4?), что объясняет более высокий процент дезадаптивных студенток. В целом исследование показало, что осложнения первичной адаптации возникают при недостаточно толерантных коммуникативных установках студентов в сочетании с повышенной эмоциональной реактивностью, слабой самокритичностью и серьезным отношением к учебе.

Секция 10. Социальные детерминанты здоровья человека

ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩИЕ ПРАКТИКИ В СТРУКТУРЕ ОБРАЗА ЖИЗНИ СЕМЬИ¹

Антонова Н.Л., Кузьменко Т.В. (Екатеринбург)

Здоровьесбережение – одна из центральных проблем современного российского общества. Программы и проекты разного уровня (федеральные, региональные, муниципальные), направленные на воплощение идеи здорового образа жизни, к сожалению, не всегда эффективны, особенно когда речь идет о формировании здоровьесберегающих практик детей, поскольку базовым субъектом их становления выступает семья. Именно семья, по нашему мнению, должна стать фундаментом становления и

¹ *Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 11-13-66007а/У*

воспроизводства практик здоровьесбережения в структуре образа жизни подрастающего поколения.

Формирование практик здоровьесбережения есть условие дальнейшего развития саморегуляции индивида, позволяющего от внешнего контроля перейти к внутреннему самоконтролю, это условие становления самосознания и активной жизненной позиции, а также ответственности за свое здоровье и за здоровье других людей личности.

Наше исследование, основной целью которого стал анализ формирования практик здоровьесбережения детей дошкольного возраста, было проведено весной 2012 года в г. Екатеринбурге. Мы опросили родителей дошкольников (N=120), и провели беседы с детьми подготовительных групп двух дошкольных образовательных учреждений.

Результаты исследования свидетельствуют о явном противоречии в оценках родителей и детей. Так, по мнению родительской общности, деятельность, направленная на заботу о здоровье детей, является центральной узловой в структуре их образа жизни. Однако материалы бесед с детьми показали, что реальную заботу о здоровье родители проявляют лишь в условиях, противоположных, т.е. в том случае, когда ребенок заболел. Об этом и свидетельствуют результаты опроса родителей. Они не включают в свой образ жизни совместные действия с детьми, направленные на укрепление и развитие здоровья. В частности, на вопрос о том, каким образом проводят выходные и праздничные дни опрошенные отмечают занятия хозяйственно-бытовыми делами, посещение магазинов, просмотр телевизора, посещение кафе, ресторанов, баров. В структуре свободного времяпрепровождения отсутствуют здоровьесберегающие практики, и дети вынуждены либо включаться в деятельность родителей, либо формировать собственные действия. К последним можно отнести компьютерные игры, которые отметили все участники беседы. Дошкольники также отмечают поздний подъем и поздний отход ко сну, просмотр телевизора, нерациональное питание: *«...В выходные весь день за компьютером играю», «...смотрю телевизор допоздна», «в выходные мы с мамой идем в кафе и покупаем картошку фри и гамбургеры».*

Привычная «детсадовская» структура образа жизни дошкольников в семье меняется, что влечет за собой противоречия в усвоении моделей здоровьесберегающих практик. Если в дошкольном образовательном учреждении существует утвержденный распорядок дня, а одной из базовых его функций выступает сохранение и

развитие здоровья ребенка, то в семье режим дня, как правило, нарушается, а здоровье ребенка вызывает опасения родителей лишь при заболевании.

Процессуальный характер образа жизни дошкольника закрепляется в его режиме (распорядке) дня, в основе которого гармоничное (рациональное, правильное) чередование различных видов деятельности в течении суток. В процессе соблюдения режима дня у ребенка формируются установки на самостоятельное его выполнение, что способствует развитию таких личностных качеств как организованность и ответственность. Режим дня ребенка в семье должен стать продолжением режима дня, осваиваемого в детском учреждении.

Что касается основных здоровьесберегающих мероприятий, которые проводят родители, то они затрагивают не профилактику заболеваний, а непосредственно лечение. По мнению детей, родители и ближайшие родственники проявляют заботу о здоровье следующим образом: *«Мама меряет (измеряет) температуру, покупает лекарства», «Бабушка говорит мне полоскать горло», «Когда я болею, папа покупает мне сок».*

Особый интерес вызывает практика самолечения, которую применяет большая часть опрошенных родителей. Если ребенок заболел, то 65% опрошенных ее использует, и лишь каждый третий респондент идет с ребенком на прием к врачу. Мы полагаем, что несмотря проблемы и трудности в системе медицинского обслуживания (большие очереди на прием к врачу, грубость медперсонала и т.п.), актуализация практики самолечения может привести к осложнениям и дальнейшим неблагоприятным последствиям. Родители воспроизводят модель самолечения, используемую для улучшения собственного здоровья, в отношении и своих детей.

Таким образом, вопрос формирования и развития здоровьесберегающих практик в семье, по нашему мнению, не решен. Требуется система взаимодействия семьи и дошкольного образовательного учреждения, которая выступит условием формирования единого здоровьесберегающего пространства и становления практик здоровьесбережения детей дошкольного возраста.

ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗВИТИЯ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Глобализация последствий и возможные необратимые изменения окружающей среды, актуализировали проблему изменений приоритетов духовного и интеллектуального начала в развитии человека, выдвигая доминирующей ценностью общественное и индивидуальное здоровье. Современная ситуация в мировом сообществе характеризуется устойчивым переходом наиболее развитых стран на принципиально новую стадию своего развития – постиндустриальное общество. Этот переход часто ассоциируется с вступлением человечества в новую эру – «эру качества» [1]. Качество становится основным показателем и критерием жизнедеятельности. Однако политические и социально-экономические преобразования в России конца XX века проблемы человека и его здоровья поставили на последнее место, что выразилось в снижении расходов на физическую культуру, питание, в неудовлетворительном контроле за условиями труда, состоянием экологии, то есть в снижении качества жизни населения. Предпосылки, актуализирующие проблему социального здоровья, преломляясь сквозь российскую традицию, современные процессы, приобретают собственную специфику [5, с.31]. Феномен «отношение к здоровью» претерпел трансформацию, которая выражается в необходимости принятия на себя ответственности за собственное здоровье. Однако в силу инертности психологических механизмов индивидуального и общественного сознания, ригидности мышления, низкой способности адаптации к меняющимся условиям, население оказалось неспособным адекватно реагировать на новые реалии. Поскольку социальное здоровье общества является одним из факторов, определяющих эффективность функционирования любой социально-экономической системы, осознанная ответственность общества и индивида за собственное здоровье была определена Всемирной организацией здравоохранения как основной фактор, без которого усилия служб национального здравоохранения по достижению здоровья для всех будут оставаться недостаточно эффективными [1]. В это же время, распад Советского Союза ознаменовался деструктивными процессами во многих сферах экономики. Растущий дефицит бюджета обусловил нехватку финансовых средств и обострение ситуации в первую очередь в здравоохранении, финансировавшемся по остаточному принципу, а слабая моральная и материальная мотивация медицинского персонала привела к снижению качества лечебно-профилактической

помощи, «инфляции» звания врача и клятвы Гиппократова. Россия переживает духовно-нравственный кризис, который находит свое отражение во всех сферах общественной жизни: разрушается привычная уверенность в будущем, переосмысливается прошлое, меняются модели поведения в настоящем, личность утрачивает прежнюю убежденность в своей причастности к большим социальным общностям и группам, переосмысливает представление о своем положении в системе общественных связей [2, с.6]. Система государственного здравоохранения уже не в состоянии выполнять в полном объеме свои функции. Социальный компонент незаметно исчез из работы врача, а сама медицина стала постепенно приобретать все более и более «пожарный» характер [4, с.106]. В последнее время в амбулаторном звене здравоохранения значительно уменьшился объем профилактических программ. Отмечается повсеместное ухудшение материально-технической базы для занятий физкультурой, спортом, оздоровления в летний период. Негативное влияние оказывают промышленное загрязнение окружающей среды, ухудшение качества питания, стрессовые ситуации в повседневной жизни и несовершенство психологической поддержки. Все это привело к резкому ухудшению медико-демографической ситуации в стране: заметному «постарению» населения; снижению уровня рождаемости, который не обеспечивает даже простого воспроизводства населения; росту числа хронических заболеваний, инвалидности, психических расстройств [2, с.7]. Все это обуславливает необходимость повышения эффективности системы оказания медицинских услуг и является важнейшей частью социально-экономической политики государства [4, с. 104]. Развитие рынка медицинских услуг неизбежно связано с рядом проблем, касающихся дефицита финансирования государственных и муниципальных медицинских учреждений, диспропорции развития городского и сельского здравоохранения, низкой доступностью медицинских услуг для разных категорий населения. В условиях роста доходов населения и ограниченности выделяемых ресурсов на развитие здравоохранения увеличение объема платных услуг является дополнительным источником расширения возможностей для удовлетворения потребностей человека в медицинской помощи. Концептуализация инвестиций в здоровье осуществляется в рамках теории человеческого капитала. Если человеческий капитал важен для развития экономики, а здоровье составляет его важную часть, то здоровье важно для экономического результата и наоборот, экономический результат важен для здоровья [5, с.28]. Здоровье

может влиять на экономические результаты как на уровне страны, так и на уровне индивида в развитых странах в основном по четырем каналам, а именно более высокая производительность, увеличение предложения рабочей силы, повышение квалификации как результат обучения, увеличение накоплений для инвестиций в физический и интеллектуальный капитал.

Литература

1. Доклад об экономике России. Июнь 2008 г. Всемирный банк // <http://www.worldbank.org.ru>. 32 с.
2. Гусейнова Л.А. Приоритеты устойчивого развития России: качество жизни и экологичность сознания // Качество. Инновации. Образование. – 2006. - №5. – с. 5-8
3. Законодательство Российской Федерации об охране здоровья граждан от 22 июля 1993 года № 5487-1 1.
4. Савченко Т.Н. , Головина Г.М. Круглый стол. Качество жизни: понятия, методы оценки // психологический журнал. – 2004. – том 25 № 6. – с. 106-108
5. Токарева О.Е. Уровень и качество жизни населения в условиях развития рыночной системы // социально-экономические проблемы развития современной России. -2001. –выпуск 3. –с. 27-33

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ В СФЕРЕ ЗДОРОВЬЯ

Артамонова О.Е. (Великий Новгород)

Одним из значимых факторов общественного здоровья является признак пола, его дифференцирующая роль признается и на уровне обыденного сознания, и в современной научной литературе. Структура гендерной обусловленности здоровья включает разнообразные группы факторов. К ним можно отнести особенности экономической активности мужчин и женщин, исторически сложившиеся и воспроизводимые позиции мужчин и женщин в общественном разделении труда (включая специфику их трудовой занятости в быту и домашнем хозяйстве), правовое положение и социальную защищенность, ментальные, субкультурные и социально-психологические различия. Результаты регионального исследования общественного здоровья, проведенного Новгородским научным центром СЗО РАМН в 2003-2009 гг. и лабораторией социологии Новгородского государственного университета имени

Ярослава Мудрого показывают различия социально-медицинских характеристик здоровья в массивах мужчин и женщин, каждый из которых является репрезентативным в отношении соответствующих групп населения Новгородской области. Эти различия позволяют существенно уточнить взаимосвязь социальных факторов общественного здоровья в структуре показателей здоровья мужчин и женщин. Статистический анализ показателей информированности взрослого населения (от 18 лет и старше) об имеющихся заболеваниях и установленных диагнозов свидетельствует, что мужчинам свойственна в сравнении с женщинами более низкая информированность, при относительно близких средних количествах установленных диагнозов. В среднем каждому третьему мужчине (32,7%) не известно об имеющихся у него заболеваниях. Среди женщин только каждая пятая (19,2%) проявляет такую неосведомленность. Взрослый мужчина в среднем знает лишь о 1,5 диагнозах имеющихся у него заболеваний, в то же время как женщина в среднем знает о 2,4 диагнозах. Существенно различается в группах мужчин и женщин информированность об имеющихся хронических заболеваниях. Знают о таких заболеваниях в среднем лишь около 45% мужчин и 62% женщин. По мнению ряда исследователей, именно половая роль и предъявляемые к ней социальные ожидания выступают центральным фактором гендерных различий в связанном со здоровьем поведении [1]. Общеизвестно, что мужчинам чаще всего не присуща обеспокоенность вопросами собственного здоровья. Мужчины менее внимательно относятся к здоровью, отличаются патологическим образом жизни. В условиях кризисной ситуации плохо усваивают деструктивные процессы и вынуждены больше трудиться, чтобы содержать семью, не обращая внимания на состояние самочувствия. [2; 47] Материалы исследования подтвердили: мужчины, в сравнении с женщинами, реже испытывают беспокойство по поводу своего здоровья. Индекс тревожности (средневзвешенное значение показателя частоты, с которой респондент испытывает беспокойство по поводу здоровья, его значения варьируют от 0 - беспокойства не бывает до 1,0 - беспокойство есть постоянно) применительно к взрослым мужчинам и женщинам составил, соответственно, 0,49 и 0,63. Среди мужчин, при общем нарастании тревожности, отмечается некоторое снижение тревожности в возрастных группах 25-29 и 60-64-лет, в то время как у женщин с возрастом происходит нарастание индекса тревожности. Одним из возможных объяснений спада тревожности молодых мужчин может служить то, что этот возраст совпадает с рождением

первенцев в молодых семьях. Этот же период у многих мужчин характеризуется активным и напряженным поиском индивидуального места в экономической системе, вынужденной приоритетностью вопросов профессионально-трудового самоутверждения и, как следствие, отступлением на второй план проблем и рефлексии собственного здоровья. Причины снижения уровня тревожности в группе мужчин 60-64 лет может быть обусловлено тем, что у «молодых» пенсионеров этот период связан с продолжающимся или новым трудоустройством, проблемами профессионально-трудовой реадaptации, переходом на менее квалифицированные трудовые позиции, либо конкуренцией на прежнем рабочем месте с более молодыми работниками. Столкновение с подобными проблемами и принимаемые мужчинами модели их разрешения, скорее всего, притупляют беспокойство по поводу здоровья, которое, однако, с новой силой проявляется уже в возрасте старше 65 лет, хотя и уступает соответствующим характеристикам женщин в аналогичном возрасте. В целом, сравнительно низкая тревожность мужчин в молодежных и трудоспособных возрастных группах по поводу состояния своего здоровья может рассматриваться в качестве сопутствующего психологического атрибута их приниженного ценностного отношения к здоровью. Трехмерный анализ данных мониторинга по возрасту и полу позволяет обнаружить влияние гендерных поведенческих стереотипов в отдельных возрастах. Анализ данных показал, что в группе молодых мужчин (15-25 лет) систематическое обращение к врачу при болезни зафиксировано на уровне 10%. Это вдвое реже, чем в группах женщин того же возраста. В то же время наиболее частая стратегия мужчин в этом возрасте - «жесткий» отказ от медицинской помощи, то есть ориентация на самолечение в любых ситуациях. Подобная стратегия характерна для каждого третьего мужчины, и она распространена вдвое чаще, чем среди женщин такого же возраста. Более детальный анализ данных исследования показал, что у мужчин критическая самооценка здоровья формируется сравнительно медленнее, отстает от темпа аналогичного процесса в женской группе (скорее всего, по причине объективной динамики состояния здоровья в соответствующих группах мужчин) и достигает господствующего положения лишь в когортах старше 70 лет. Учитывая, что средняя продолжительность жизни мужчин составляет 57 лет, многие из них просто не успевают сформировать ценностное отношение к собственному здоровью. Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод о

том, что существующий гендерный разрыв поведенческих стратегий в сфере здоровья нельзя признать приемлемым с точки зрения тенденций развития современного общества. Так, невозможно считать нормой, когда значимыми оказываются гендерные стереотипы, и значительная часть мужчин оказывается глуха к здравому смыслу, связанному с объективной ценностью здоровья, и с нерациональной легкостью вступает в массовые ситуации риска не только для здоровья, но и жизни.

Литература

1. Гурвич И.Н. Социальная психология здоровья. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999.- 1023 с.
2. Здоровье и здравоохранение в гендерном измерении / под общ.ред. Н.М. Римашевской; редколлегия: Е.А.Баллаева, Л.Г.Луныкова, Т.В.Чубарова. - М.: Агентство «Социальный проект», 2007. - 240 с.

К ВОПРОСУ СОЧЕТАННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ СОЦИАЛЬНЫХ И ВНЕШНЕСРЕДОВЫХ ФАКТОРОВ РИСКА НА ЗДОРОВЬЕ ЧЕЛОВЕКА

Барг А.О., Лебедева-Несевря Н.А. (Пермь)

Формирование и индивидуального, и общественного здоровья имеет многофакторную обусловленность, в которой факторы различной природы неразрывно связаны. Проблема оценки соотношения данных факторов в детерминации здоровья человека сегодня решается не путем противопоставления друг другу, а путем признания их взаимосвязанности и взаимодействия. Практически каждая болезнь обусловлена влиянием наследственности и среды. Оба крайних полюса – только наследственно обусловленная болезнь или болезнь, вызванная только экзогенными факторами, – представляют собой с теоретической точки зрения «идеальные полюсы», которые практически не существуют. Между этими полюсами имеется непрерывный ряд, в котором одни заболевания являются преимущественно эндогенными по своей природе, другие преимущественно экзогенными. Ключевым понятием при описании механизма воздействия факторов риска на здоровье человека является понятие «сочетанность действия». Сочетанное действие – это одновременное воздействие нескольких химических, физических, биологических или социальных факторов. Наглядной

ситуацией, демонстрирующей сочетанное действие вредных факторов на человека, может служить работа с компьютером. Исследования показали, что неблагоприятные изменения функционального состояния пользователей персональных компьютеров определяются сочетанием следующих факторов: уровни генерируемых электромагнитных полей, параметры освещенности, микроклимат в помещении, состояние здоровья, возраст, интенсивность и длительность работы с компьютером. Исследования сочетанного действия производственных факторов в комплексе с непроизводственными факторами риска на здоровье работников промышленных предприятий, проведенные специалистами ФБУН «Федеральный научный центр медико-профилактических технологий управления рисками здоровью населения» в 2010-2012 гг., позволили установить, что стаж работы на предприятии в условиях воздействия шума, вибрации и при высокой тяжести труда является более значимым для здоровья в подгруппах работников, подверженных действию поведенческих факторов, т.е. у данного контингента указанные производственные факторы с большей вероятностью вызовут развитие профессионально обусловленных заболеваний. Так, для группы работников, регулярно (несколько раз в месяц или чаще) употребляющих алкогольные напитки, значимость связи заболеваний органов пищеварения и стажа работы выше, чем для тех, кто вообще спиртные напитки не употребляет. Доказано изменение значимости связи стажа и развития болезней органов пищеварения в группах работников с различным режимом питания; также было зафиксировано различие значимости связи стажа работы во вредных условиях труда и заболеваний органов дыхания в группах работников, выделенных по основанию «длительность пребывания на свежем воздухе». За всю историю изучения злокачественных новообразований не было выявлено какого-либо специфического этиологического фактора, который присутствовал бы при развитии данных заболеваний. Однако в результате многочисленных исследований был выявлен определенный комплекс разнородных факторов (эндогенных, экзогенных), для которых связь с риском развития рака была подтверждена. Так, факторы окружающей среды в сочетании с поведением человека занимают примерно 80% в этиологии рака. 10% случаев рака связано с потреблением алкоголя, 35% – с сочетанным воздействием курения и потребления алкоголя, 4-10% – с профессиональными факторами риска, 40% – с комбинированным воздействием курения, потребления алкоголя и профессиональных

факторов [5]. Часто при сочетанном действии факторов вероятность развития заболевания увеличивается в разы. Например, по данным французских исследователей, курение повышает вероятность онкологических заболеваний в 1,5 раза, злоупотребление алкоголем – в 1,2, тогда как сочетание их воздействия – в 5,7 раза [3]. Роль отдельных факторов риска в возникновении и развитии конкретных заболеваний не одинакова. Так, при работе с компьютером среди всех действующих факторов решающее значение имеют характер и интенсивность воздействия электромагнитного излучения на пользователя. Из известных более чем 20 факторов риска способствуют возникновению сердечно-сосудистых болезней, наибольшее значение имеют артериальная гипертензия, курение, повышенное содержание холестерина в крови, избыточная масса тела, недостаточная физическая активность. Рядом научных исследований было доказано, что наличие даже одного из факторов риска увеличивает смертность мужчин в возрасте от 50 до 69 лет в 3,5 раза, а сочетанное действие нескольких факторов – в 5-7 раз. Сочетание трех основных факторов риска (курение, дислипидемия, артериальная гипертензия) увеличивает риск развития ишемической болезни сердца у женщин на 40%, у мужчин – на 100% по сравнению с лицами, у которых эти факторы риска отсутствуют [1]. Среди факторов риска, приводящих к возникновению хронических неспецифических заболеваний органов дыхания у взрослых, основными являются курение, загрязнение воздушной среды, производственное загрязнение воздуха на рабочих местах, респираторные вирусные заболевания. При этом курение – значительно более агрессивный агент, чем загрязнение воздушной среды, и играет ведущую роль в развитии хронических неспецифических болезней легких [4]. Интересны результаты исследования роли биологических и социальных факторов в возникновении патологии поведения у детей [2]. На основании анализа результатов клинических наблюдений авторы пришли к выводу, что роль биологических и социальных факторов в возникновении патологического поведения неодинакова в разных случаях: а) при наследственном предрасположении биологический фактор – только почва для развития патологического поведения; основной же причиной являются социальные факторы; б) в тех случаях, когда имеются более грубые остаточные явления мозгового поражения, влияние социального фактора лишь дополнительное; в) в части случаев ведущая роль принадлежит социальному фактору, а биологический фактор не имеет большого значения. При анализе

этиологии заболеваний чаще всего встречается сочетание различных факторов риска. Значимость отдельных факторов риска не одинакова и зависит от степени выраженности и сроков продолжительности действия каждого из них, а также от соответствующих условий.

Литература

1. Карпова И.С. Факторы риска атеросклероза и борьба с ними // Портал «Беларусь сегодня». URL: <http://www.sb.by/post/78628/> (дата обращения: 26.09.2012).
2. Липидес М.И., Исаева Е.И., Черняева В.М. Возрастные особенности патологии поведения у детей в зависимости от биологического и социального фактора// Материалы 5-го Всесоюзного съезда неврологов и психиатров. Т.2., М., 1969. С.298-300.
3. Лисовский В.А., Евсеев С.П. Комплексная профилактика заболеваний и реабилитация больных и инвалидов. Москва: Советский спорт, 2004.
4. Петровский Б.В. Профилактика // Краткая медицинская энциклопедия: в 3 Т. М.: Советская энциклопедия, 1984.
5. Писарева Л.Ф. Рак репродуктивных органов: эпидемиология, факторы риска / Л.Ф. Писарева, А.А. Мельник, И.Н. Одинцова, Н.А. Мартынова // Сибирский онкологический журнал. 2003. №1. С. 56–71.
6. Тезисы подготовлены при поддержке гранта Российского гуманитарного научного фонда, проект № 12-16-59016а (р).

ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЕНИЯ СОСТОЯНИЯ ЗДОРОВЬЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Башкирова Ю.В. (Великий Новгород)

Существующая в нашей стране неблагоприятная демографическая ситуация выдвигает в разряд национальных приоритетов мероприятия по сохранению и укреплению здоровья населения страны и, прежде всего, молодежи. В этих условиях необходимо формировать у современной студенческой молодежи установки на здоровый образ жизни, что позволит обеспечить здоровье будущих специалистов и руководителей, здоровье элиты общества, здоровье нации в целом. В сложившейся ситуации изучение и глубокий анализ параметров здоровья студентов, поведенческих характеристик, а также факторов влияющих на

здоровье, является одним из важнейших путей по оптимизации здоровья учащейся молодежи. К главным причинам серьезных отклонений в состоянии здоровья и физического развития студенчества можно отнести: недостаточную двигательную активность, неправильное питание, нерациональный режим труда и отдыха, а также наличие вредных привычек. Результаты, полученные в ходе трендового исследования «Образ жизни и здоровье студентов», проведенного в Новгородском государственном университете в 2001 г. и 2011 г. позволяют отметить ряд изменений в состоянии здоровья и образе жизни регионального студенчества. За прошедшее десятилетие значительно не изменилось количество студентов, отмечающих ухудшение здоровья за время обучения в университете. В 2011 году каждый пятый студент отметил ухудшение в состоянии здоровья, в 2001 г. на ухудшение указывал каждый четвертый. Почти каждый второй указал на стабильность в состоянии здоровья, в 2001 г. таких студентов было на 7% меньше. Велика доля затруднившихся ответить на данный вопрос (29% в 2011 г. и 33% в 2001 г.). Наиболее распространенными признаками отклонений в самочувствии студентов остаются: усталость в течение дня, сонливость, головокружение. Стоит отметить, что на усталость и сонливое состояние студенты стали указывать чаще, чем в 2001 г. Так, почти на 10% выросла доля респондентов, испытывающих постоянную усталость (с 13,9% в 2001 г. до 23,8% в 2011 г.). Почти на 12% увеличилось число студентов, отмечающих постоянную сонливость. А вот головокружение студенты стали отмечают реже (62,4% в 2001 г. и 50,5% в 2011 г.). Вызывает тревогу и то, что среди университетского студенчества преобладает экстремальный тип поведения, когда студенты пропускают занятия только при сильном заболевании. В 2011 г. доля таких студентов составила около 72%, в 2001 г. их было чуть больше - 78,5%. Также в среде студенческой молодежи сформировалась такая группа, которая не позволяет себе пропускать учебные занятия даже во время болезни. Данная группа составляет около 13% от общего числа студентов. Возможно, это связано с дефицитом информации о доступных медицинских услугах не только в университете, но и в городе. Вследствие чего забота о собственном здоровье откладывается во времени и заболевания могут перейти в хроническую стадию. Судя по результатам опроса, проблемы информированности о медицинских услугах еще далеки от оптимального решения, только 30% студентов считают такую информацию доступной. Но почти столько же (27,6%) отметили, что такая информация для них недостаточно доступна. Чаще всего

студенты затруднялись ответить (38%) на поставленный вопрос. Обращает на себя внимание тот факт, что уровень удовлетворенности такой информацией снижается с курсом обучения. Так студенты первых-третьих курсов высказывают удовлетворенность чаще, чем старшекурсники. Такую ситуацию вряд ли можно признать удовлетворительной. Учитывая, что в университете созданы оздоровительные центры, в которых работают квалифицированные специалисты, только 27,5% студентов указывают на доступность медицинской помощи. Доступность качественной медицинской помощи очень сильно зависит от уровня благосостояния студента, что может привести к отказу от медицинской помощи среди студентов, чей уровень благосостояния колеблется от «критически низкого» до «удовлетворительно», и выработать среди них установку на самолечение. Доля таких студентов в вузе составляет около 40%. Еще одной немаловажной составляющей здорового образа жизни является — рациональный режим питания. Среди студентов только 5% постоянно соблюдают режим питания. Каждому пятому удается довольно часто правильно питаться. 47% респондентов признались, что соблюдают режим питания редко. Каждому четвертому вообще не удается рационально питаться. Кроме того, не позволяет вести здоровый образ жизни и напряженный характер учебы. На это указывают чуть более трети студентов. Несмотря на все меры принимаемые университетом, по-прежнему большое влияние на состояние здоровья студентов оказывают «вредные привычки», в числе которых: злоупотребление алкоголем, табакокурение и употребление наркотиков. Каждый четвертый студент вуза курит, две трети имеют опыт употребления алкоголя, около 5% имеют опыт употребления наркотиков. За десять лет существенных изменений не произошло. Происходящее ухудшение состояния здоровья, по мнению самих студентов, связано со следующими обстоятельствами: нерациональным режимом учебного дня (не оставляющим возможности для отдыха и восстановления), неудовлетворительным питанием, с недосыпанием и невозможностью следить за собственным здоровьем. В такой картине причин мнение студентов совпадает с экспертными оценками специалистов по гигиене и санитарии [1]. Таким образом приходится констатировать, что у современного регионального студенчества не выработано ценностное отношение к индивидуальному и общественному здоровью как необходимому жизненному ресурсу. В результате чего значительная часть студентов попадает в ситуации риска для собственного здоровья.

Литература

1. Артамонова О. Е. Социальная дифференциация населения в сфере здоровья. В. Новгород, 2008.

ПРОБЛЕМА СТАРЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ И УВЕЛИЧЕНИЕ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ ЖИЗНИ: К ВОПРОСУ О ПОВЫШЕНИИ СТАБИЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВА

Волкова Т.И. (Челябинск)

Люди во все времена хотели жить долго, сохранив физическое здоровье и ясность ума. В древности, когда население Земли было незначительным, в силу высокой смертности и низкой продолжительности жизни, в результате различных причин, и, прежде всего, отсутствия развитой медицины и элементарной санитарии, данная проблема рассматривалась как социальное благо. В современном обществе, численность которого превысила 6 млрд. человек с его глобальными проблемами, данный вопрос требует детального рассмотрения. Великие ученые и философы пытались снять покров с тайны старости и отдалить ее приход. Гиппократ, заложивший основы научной медицины и врачебной этики полагал, что поведение, эмоциональный настрой и социальные условия напрямую влияют на продолжительность жизни, а люди болеют в силу естественных причин, находящихся в самом организме и во внешней среде, поэтому человек может быть здоровым и жить долго, если будет вести правильный образ жизни и избегать отрицательные эмоции [1, с. 214]. Аристоотель считал причиной возрастного угасания “постепенное расхождение прирожденного жара”, но при этом выступал противником продления жизни больным, неспособным приносить пользу обществу: “...ни одного калеку выращивать не следует” [2, с. 623]. Но от болезней никто не застрахован. Общество как бы предполагает их, делая “легитимными”, создавая социальные институты и структуры, занимающиеся болезнями. Болезнь и больной становятся неотъемлемыми элементами социальной системы. Болезнь, с одной стороны, рассматривается как зло, а с другой – необходимое условие нормального функционирования общества. С болезнью непосредственно связана проблема старения и перспектива продления жизни. Великий русский физиолог И.И. Мечников считал, что продление человеческой жизни полезно, а идеалом человеческой природы является “ортобиоз – развитие человека с целью достичь

долгой деятельности и бодрой старости” [3, с. 271]. Главными факторами продолжительности жизни современные ученые считают: наследственность, образ жизни, питание и окружающую среду [4, с. 14]. Последние достижения науки важными элементами долголетия определяют антиоксиданты, детоксификацию, клеточную терапию и другое [5, с. 20]. Увеличение продолжительности жизни, являясь по своей сути глубоко гуманным, может привести, к сожалению, к негативным социально-демографическим последствиям. Во-первых, растет население планеты, что влечет за собой дефицит продовольствия, энергетических и сырьевых ресурсов. Во-вторых, происходит старение человечества за счет увеличения числа пожилых людей. Если в 1975 г. на возрастную группу старше 65 лет приходилось в мире около 5% населения, то в 2000 году – почти 10%, а в 2010 году этот показатель приблизился к 25%! В результате в обществе постоянно растет доля пенсионеров. Старение и продление жизни могут препятствовать нормальной восходящей социальной мобильности группы молодых поколений, а это, по мнению П.А. Сорокина, приведет к “деградации социальной группы в целом, в понижении ее ранга на фоне других групп или в разрушении ее социального единства” [6, с. 374]. Продление жизни происходит так же благодаря успешному лечению смертельно опасных болезней, поражающих людей молодого и зрелого возраста. Это атеросклероз, приводящий к развитию инфаркта миокарда и инсульта, рак, сахарный диабет, ряд инфекционных заболеваний и др. В данном случае медицина как бы обманывает природу: люди, которые по всем законам эволюции должны были умереть и выключиться из процесса размножения, получают право на жизнь и воспроизведение себе подобных. Расплачиваться за это вынуждено все человечество, обремененное дополнительным числом больных и инвалидов. В подтверждение вышеизложенного, можно привести результаты социологического опроса, проведенного автором в декабре 2011 г. на базе Челябинской государственной медицинской академии. Методом формализованного интервью было опрошено 268 студентов 2-5 курсов. На вопрос: “Хотели бы Вы жить до 100 лет и более?” более половины опрошенных – (51,6%) ответили: “Да, но только при сохранении здорового тела и здорового ума”, при этом среди девушек таких больше, чем среди юношей – (60,0%) и (30,7%) соответственно. Отрицательно ответили (33,9%) респондентов, мотивируя свой выбор тем, что жить долго и оставаться молодым невозможно, а без этого проблема продления жизни теряет всякий смысл. Только (10,4%) опрошенных хотели бы жить долго, не взирая

ни на какие условия; (4,1%) затруднились с ответом. Таким образом, продление жизни – не самая главная мечта человека. Люди хотели бы жить долго, но как говорили греки, хорошо – “умереть как можно более молодым и как можно более в преклонном возрасте”. Учитывая тот факт, что рождаемость довольно низкая, а количество трудоспособного населения значительно сокращается с каждым годом, все это может привести в недалеком будущем к серьезным экономическим, социальным и демографическим проблемам. Но, встав перед выбором – умереть или продлить себе жизнь медицинскими методами, большинство людей выберут, скорее всего, второе, даже если удовольствие от жизни будет испорчено различными результатами лечения. “И если достаточно много людей решают, например, продлить себе жизнь еще на десять лет, потеряв при этом 30% функциональных возможностей, то счёт за это продление жизни будет выписан всему обществу в целом” [7, с. 141-142]. Это уже фактически и происходит в таких странах, как Япония, Италия, Германия, где население быстро стареет. Пожилые люди перестают освобождать места молодым, которым станет куда труднее продвигаться по иерархической лестнице, основанной на возрасте. Хотя каждый индивидуум желает отодвинуть собственную смерть как можно дальше, в массе людям может не понравиться жизнь в обществе, где средний возраст составляет 80-90 лет, где секс и размножение станут делом лишь незначительного меньшинства населения. Забота о престарелых родителях уже стала вытеснять заботу о детях... В будущем основная часть общества может оказаться в рабстве у 2-3 или большего числа поколений, полностью от нее зависимых. Болезнь, старение и продление жизни, таким образом, оказывают существенное влияние не только на стабильность общества, но и общество определяет характер и интенсивность заболеваний, процессов старения и продолжительность жизни населения.

Литература

1. Гиппократ. Избранные произведения. – М.: Сварог, 1994. – 534 с.
2. Аристотель. Сочинения. В 4-х т. Т. 4. – М.: Мысль, 1984. – 830 с.
3. Мечников И.И. Этюды оптимизма. – М.: Наука, 1988. – 289 с.
4. Островская И.В. Продолжительность активного долголетия // Медицинская сестра. – 2006. – №6. – С. 14-18.

5. Сапольски Р. Психозэмоциональная составляющая долголетия // Натуральная фармакология и косметология. – 2006. – №4. – С. 20-39.

6. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.

7. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. – М.: ООО “Изд-во АСТ”, 2004. – 349 с.

СОЦИОЛОГИЯ УМИРАНИЯ И СМЕРТИ (ТАНАТОСОЦИОЛОГИЯ)

Гергилов Р.Е. (Санкт-Петербург)

Области исследований танатосоциологии: умирание, смерть и постморальность. Сложность исследования названных феноменов обусловлена властными отношениями. Вытеснение смерти из сферы публичного. Табуизация смерти и умирания. Возникновение и развитие концепций смерти, их культурная и социальная обусловленность. Изменение отношения социума к смерти. Смерть и умирание в контексте социальных коммуникаций. Социальная и психическая смерть. Институционализация и менеджмент умирания. Траур и социальная память.

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-СТРУКТУРНЫЕ ФАКТОРЫ ПОТРЕБЛЕНИЯ АЛКОГОЛЯ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПЕРМСКОМ КРАЕ)

Гордеева С.С. (Пермь)

Социально-демографические и социально-структурные факторы потребления алкоголя (по результатам исследования в Пермском крае) Проблема низкой продолжительности жизни в России сегодня рассматривается преимущественно в тесной связи с деструктивными поведенческими практиками в отношении здоровья, особое место среди которых занимает злоупотребление алкоголем. Формирование определенного типа поведения зависит от целого комплекса факторов, создающих социальный фон жизни человека. К числу таких факторов относят экономические, социальные, психологические, культурные и другие детерминанты [1,2,3]. Можно выделить 2 группы факторов, которые оказывают влияние на

потребления алкоголя и формирование типа поведения в отношении здоровья. К первой группе факторов социально-демографического порядка относятся пол и возраст человека, к социально-структурным факторам, соответственно, категории дохода и образования. Эмпирический анализ указанных факторов потребления алкоголя является необходимым этапом изучения поведенческих практик в отношении здоровья. Цель исследования: провести количественную оценку социально-структурных и социально-демографических факторов потребления алкоголя населением Пермского края. Материалы и методы. Эмпирической базой исследования выступили результаты социологического опроса (метод – раздаточное анкетирование) населения Пермского края в возрасте 18 лет и старше (объем выборки – 904 человека, способ отбора респондентов – территориальный многоступенчатый квотный отбор, квотируемые признаки – пол, возраст и уровень образования). Сроки проведения полевого этапа исследования – май 2012 г. Обработка и анализ полученных данных осуществлялись в программе SPSS for Windows версия 13.0. Результаты. Согласно результатам исследования потребление алкоголя достаточно распространено: 78,5% взрослого населения Пермского края потребляли какие-либо алкогольные напитки в течение последнего месяца. Потребление алкоголя характерно в большей степени для мужчин: среди них доля потребляющих алкоголь за последний месяц составила 80,9% (против 76,3% среди женщин). Наиболее популярным типом алкогольного напитка является водка и другие крепкие алкогольные напитки: за последний месяц водку пили 48,7% потреблявших алкоголь. Следующий по распространенности потребления напиток – это вино (шампанское) (44,0%). Пиво пьют 33,8% жителей Пермского края. Значительно уступают в потреблении алкогольные коктейли: доля потреблявших алкогольные коктейли составила 6,9%. Таким образом, водка – самый популярный напиток среди жителей Пермского края. Потребление спиртного в виде крепкого алкоголя характерно для северного паттерна потребления спиртных напитков [4]. Доля потребляющих алкоголь выше в основных возрастных группах и немного ниже в группах 18-30 и после 61 года. Среди молодых людей в возрасте от 18 до 30 лет 86,9% потребляют алкогольные напитки. Доля тех, кто потребляет алкоголь в возрастной группе старше 61 года составила 71,1%. Наибольшее значение потребляющих алкоголь приходится на возрастную группу от 31 до 45 лет (89,2%). Согласно результатам исследования, доля потребляющих алкоголь увеличивается по мере роста уровня дохода респондентов и

снижается в группе с доходом от 22500 и выше. Так, 83,6% потребителей алкоголя среди респондентов с уровнем дохода до 7499 рублей в месяц на одного члена семьи. Доля респондентов с уровнем дохода от 15000 до 22499 рублей составляет 86,4%. Процент респондентов потребляющих алкоголь в группе с доходом выше 22500 рублей составляет 83,5%, что аналогично данным первой группы с доходом семьи до 7499 рублей в месяц. Обращает на себя внимание тот факт, что доля респондентов, потребляющих алкоголь, выше среди респондентов, получивших высшее образование. Более образованные жители Пермского края пьют чаще: доля тех, кто употреблял алкоголь в течение последнего года, составила 88,4% среди респондентов, получивших высшее образование и 82,6% и 84,2%, получивших общее и профессиональное образование соответственно. Выводы. Проведенное исследование позволило выявить наличие социально-демографических и социально-структурных факторов потребления алкоголя жителями Пермского края и количественно оценить их значимость. Установлено, что принадлежность к мужскому полу, а также более высокий уровень образования увеличивает вероятность того, что индивид потребляет алкоголь. Изучение социально-демографических и социально-структурных факторов потребления алкоголя, их взаимозависимость, представляет собой важное направление в дальнейших исследованиях формирования типов поведения в отношении здоровья. Выбор того или иного типа поведения в значительной мере зависит от сложного комплекса экономических, социальных, демографических факторов, определяющих положение индивида в социальной структуре общества. Эмпирический анализ социально-демографических и социально-структурных факторов потребления алкоголя позволит рассмотреть механизмы формирования поведенческих практик в отношении здоровья более детально, выявить особенности алкогольного поведения разных слоев населения.

Литература

1. Озерова О.В. Алкоголизация и смертность в современной России // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2009. №2. С.39-42.
2. Моисеева В.В. Основные тенденции и факторы риска в алкогольном поведении молодежи: связь с девиацией // Информационно-аналитический вестник «Социальные аспекты здоровья населения» М., 2010 – Т15, №3. С.1-18.

3. Денисова И. Потребление алкоголя в России: влияние на здоровье и смертность // Серия «Аналитические расчеты и разработки». 2010. № 31. – 40 с.

4. Горячева Н.В. Сравнение паттернов потребления спиртных напитков в России и северных странах Европы // Социология: методология, методы и математическое моделирование (Социология: 4М). 2004. № 18. С. 45-59.

СОЦИОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ: ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО ЗНАНИЯ О ЧЕЛОВЕКЕ

Злотникова Л.М. (Гомель, республика беларусь)

В 50-е годы XX века понятие социология стало широко применяться в отношении здоровья человека, но использовалось оно в основном с прилагательным медицинская. Такое отношение к проблемам здоровья человека сложившейся практикой отождествления здоровья и медицины. До настоящего времени учреждения и отрасли, которые занимаются лечением, т.е. диагностируют причины заболеваний, лечат и проводят определенную профилактическую работу по предупреждению массовых инфекционных заболеваний, носят гордое название «здравоохранение». Давно признано, что состояние медицинской науки и практики могут оказывать влияние на состояние здоровья максимум в 10% случаев. Подавляющее большинство факторов и условий, которые формируют или разрушают здоровья находятся за пределами медицинского воздействия. Они факторы порождаются в основном социальными, экономическими условиями, поведенческими и оценочными нормами и стереотипами в отношении здоровья. В XIX в. великий Э.Дюркгейм, анализируя причины самоубийств, обратил внимание на существование тесных взаимосвязей между социально-экономическими условиями жизнедеятельности и безжалостным отношением человека к собственной жизни. Прошло более ста лет однако проблема ухода из жизни людей в трудоспособном возрасте не потеряла актуальности. Э.Дюркгейм задолго до негативных оценок современного состояния морали и нравственности отмечал, что развитие научно-технического прогресса оказывает деградирующее воздействие на человека. Интенсивность труда, усиление ответственности и в тоже время нивелирование индивидуальности превращают человека в раба производства и денег. Не менее важной социальной проблемой

является отношение человека к самому себе. Наиболее адекватно оно проявляется в эмпирической ценности здоровья. Многочисленные опросы об отношении к здоровью на вербальном уровне подтверждают его ценность. Реальное положение дел находится в серьезном противоречии с провозглашенной значимостью. Часто встречающиеся прямые вопросы в анкетах и интервью о жизненных ценностях, как правило, дают заранее известный ответ. Сложность изучения проблем здоровья человека с использованием социологических методов давно была обозначена Питиримом Сорокиным. Ученый постоянно и настойчиво обращал внимание исследователей на прочное и безотрывное взаимодействие биологических и психологических свойств организма человека. По глубокому убеждению ученого принципиально важные различия между людьми по физическим, психологическим, генетическим и социальным факторам не только методологически, но и методически осложняют подготовку и проведение системных исследований здоровья человека. К сожалению, особенности отношения к формированию, поддержанию трудоспособного здоровья крайне редко находят отражение в социологической науке. Ярчайшим подтверждением неопределенности места и роли социологии здоровья в гуманитарном знании о человеке может служить часто встречающееся отождествление социологии здоровья и социологии медицины. Медицинская наука давно предложила структуру факторов, которые оказывают влияние на состояние здоровья человека. Уровню развития медицинской науки и практики отводится всего 15%. Остальные 85% отражают условия производства, жизнедеятельности, морально-нравственные ценности, господствующие в обществе. Реализация многогранных функций человека осуществляется через взаимодействие. Состояние здоровья человека формируется и проявляется через многочисленные и разнообразные формы воздействия и взаимодействия. В качестве убедительного примера можно привести распространение инфекционных заболеваний. Многие из них способны вызвать не только эпидемии, но и пандемии, уносящие миллионы человеческих жизней. В вопросах опасности возникновения и распространения инфекционных заболеваний в мире достигнут определенный уровень понимания, разработаны и используются механизмы снижения опасности негативного воздействия на человека. На современном этапе развития цивилизации, к сожалению, пока нет должного отношения к выявлению и предупреждению заболеваний, которые условно не являются инфекционными. Однако Всемирная

организация здравоохранения (ВОЗ) постоянно проявляет озабоченность ростом психических расстройств. Они влекут за собой «неинфекционную эпидемию XXI века» - сердечнососудистую и онкологическую патологию. Постоянные стрессы на работе, дома, в общественном транспорте, моральные унижения оказывают негативное воздействие сначала на состояние психики, а потом приводят к серьезным физиологическим изменениям. Обозначенные формы взаимодействия людей не оказывают прямого воздействия. Практически находятся вне поле исследовательского интереса социологов. Здоровье человека постоянно находится под влиянием условий жизнедеятельности, зависят от социального статуса, материального положения и профессиональной деятельности. Интенсивность труда, высокая персональная ответственность за конечные результаты, быстро изменяющаяся структура жизненного времени человека, все больше времени человек проводит на работе, в транспорте, оказывает отрицательное воздействие на организм. Объявленная программа модернизации производства и предпринимаемые шаги по ее реализации нацелены в основном на увеличения производительности труда, повышение отдачи от капитальных вложений. Реализация политики модернизации проходит без социологического сопровождения. Каким образом новые технологии и новая техника повлияют на структуру времени. В жизни человека время – это ограниченный ресурс. Рациональное использование его с точки зрения трудоспособного здоровья, а значит и эффективности производства должно стать важнейшим направлением гуманитарного знания о человеке. Социология здоровья может стать той первой наукой, которая сформулирует весь комплекс проблем, связанный с использованием времени. В настоящее время цивилизация продолжает жизнь в условиях господства материального фактора производства. Понятна озабоченность ограниченными объемами нефти, газа и других природных ресурсов. Важнейшим ресурсом является человек, а конкретнее – время, которое человек может потратить с максимально возможной отдачей и для себя и для общества. Сегодня эффективность использования человеческого потенциала оценивается через производительность труда. Но он отражает только количественные изменения в краткосрочном периоде, может достигаться за счет усиления эксплуатации здоровья человека. Действующие на практике механизмы утилитарной оценки эффективности производственной деятельности давно сформировали прочную основу негативного отношения к здоровью человека. Ни в

одном экономическом документе невозможно найти ответ на вопрос: «Сколько здоровья человек платит за любые новшества?». Именно на него, на наш взгляд, и призвана ответить социология здоровья. Постановка такой задачи перед социологией здоровья необходима для разграничения предметов исследования социологии медицины и социологии здоровья.

СОСТОЯНИЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ И ЗДОРОВЬЕ (РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСА СТУДЕНТОВ)

Иванова Л.Ю. (Москва)

По данным ВОЗ до 33% здоровья человека прямо связано с состоянием и качеством окружающей среды, еще около 50% опосредовано (через пищу, воду, курение и др.) [1, с.46]. Отмечается связь заболеваемости населения с загрязнением атмосферного воздуха, водных ресурсов и почвенного покрова. В частности, экологическое неблагополучие в Москве рассматривается как одна из «серьезных причин заболеваемости и смертности десятков тысяч москвичей ежегодно» [1, с.7]. Россияне выражают обеспокоенность экологической ситуацией в стране [2]. Причем, «экологическое поведение в большинстве случаев определяется через призму комфорта и экономического благополучия» [3]. В системе ценностных ориентаций субъекта природа может выступать терминальной или инструментальной ценностью. В последнем случае ее восприятие варьирует от сугубо утилитарного (с сиюминутной выгодой) до прагматично ориентированного на перспективу и учитывающего возможности биосферы и биоценозов к самовосстановлению и ассимиляции продуктов антропогенной деятельности. Высокая ценность природы и/или здоровья в системе ценностных ориентаций может побуждать человека к деятельности по улучшению экологической ситуации на макро- и микро-уровнях. В случае доминирования ценности здоровья такая деятельность мотивируется тем, что благоприятная среда служит условием хорошего самочувствия и сохранения здоровья. Однако для достижения желаемого результата необходима компетентность в вопросах последствий антропогенного влияния на окружающую среду и здоровье человека. С ухудшением экологической ситуации будет возрастать ее значение как фактора влияющего на общественное здоровье. Состояние окружающей среды в РФ во многом будет зависеть от выбранной стратегии экономического

развития, экологической культуры элиты, активности населения по сохранению природы и улучшению экологической обстановки, а также от знаний в этой области. В исследовании «Здоровье и окружающая среда», проведенном в секторе социальных проблем здоровья ФГБУН Института социологии РАН изучалось мнение студентов о влиянии экологической ситуации в столице на их здоровье, о различных аспектах улучшения состояния окружающей среды в стране, а также установки вузовской молодежи на участие в этой деятельности. В 2011-2012 гг. было опрошено 486 студентов двух московских вузов (Московский государственный текстильный университет им. А.Н. Косыгина и Московский государственный университет дизайна и технологии, включая такое его подразделение как институт социальной инженерии). Анкеты заполнили 23,6% юношей и 76,4% девушек. Результаты опроса приводятся отдельно по полу. Негативную динамику экологической ситуации за последние 20 лет на планете и в России отметили более 70% юношей и более 80% девушек, в Москве – свыше 80% студентов обоего пола. Основным загрязнителем атмосферного воздуха в столице является автотранспорт. Это указали две трети как юношей, так и девушек, четверть – назвали промышленность, остальные – затруднились с ответом. Доля ответов «автотранспорт» заметно меньше среди студентов, которые водят автомобиль. Скорее всего, автолюбители склонны занижать вредные последствия для окружающей среды эксплуатируемого ими транспортного средства. Отрицательное влияние экологической ситуации в Москве на свое здоровье отметили свыше 85% и юношей, и девушек. Чаще это делали студенты оценившие его как «плохое». Среди указавших негативное воздействие экологической обстановки в Москве на их здоровье, обеспокоенность по этому поводу выразили 70,1% юношей и 89,8% девушек. Доля таких ответов больше среди студентов, которые считают, что заботятся о своем здоровье по сравнению с теми, кто этого не делает (76,5% против 37,5% в подгруппе юношей, 90,5% против 77,3% в подгруппе девушек). Для студентов (и юношей, и девушек), указавших, что они заботятся о собственном здоровье, менее характерно рискованное в отношении него поведение. Например, они реже отмечали, что регулярно курят, чаще – что задумываются о пользе употребляемых продуктов питания, «ежедневно» и «часто» занимаются физкультурой. Студенты продемонстрировали низкую активность и намерение участвовать в коллективных формах защиты окружающей среды и обращаться во властные структуры для ее сохранения и улучшения. Согласно

опросу, по 2/3 как юношей, так и девушек не намерены участвовать в акциях экологов, посещать общественные слушания по проектам, которые могут ухудшить экологию района, в котором живут, свыше трети – не предполагают подписывать обращения в защиту природы в Интернете, более 40% – голосовать за партии с перспективной экологической программой. Студенты, отметившие отрицательное воздействие экологической ситуации в столице на свое здоровье и высказавшие обеспокоенность по этому поводу, существенно реже выражали отказ от вышеперечисленных действий. Они несколько чаще выбирали ответы «уже делаю» и особенно «постараюсь делать», по сравнению с теми, кого не волнует или оставляет равнодушным влияние экологической обстановки. Для того чтобы активность по оздоровлению окружающей среды была результативной, человеку необходимо ориентироваться в этом вопросе. В настоящее время СМИ мало внимания уделяют экологическим проблемам. Опрос показал, что значительная часть студентов не понимает необходимости осмысления стратегий и перспектив экономического развития страны в контексте последствий для экологии, а также ряда важных мер по снижению загрязнения. Например, около половины опрошенных не считает, что России срочно требуется разработка модели устойчивого развития, на основе анализа вариантов экономического развития с учетом последствий для окружающей среды. Почти 40% юношей и девушек не видят необходимости в срочном внедрении эффективного использования вторичного сырья. Большинство из них полагает, что эти проекты могут подождать, но есть и такие, кто вообще считает их не нужными. В заключение отметим, что среди студентов выразивших обеспокоенность влиянием экологии столицы на их здоровье, несколько больше доля имеющих опыт или намерение обратиться к вышеперечисленным формам защиты окружающей среды (участие в акциях экологов и др.). Однако, значительная часть респондентов этой категории исключает для себя такую активность. Скорее всего, за этим стоят формальные ответы относительно обеспокоенности влиянием экологической ситуации на здоровье, недостаточное внимание к нему и к экологическим проблемам, а также социальная пассивность и отсутствие в обществе культуры реагирования на деградацию окружающей среды.

Литература

1. Яблоков А.В. Окружающая среда и здоровье москвичей. Москве необходима другая экологическая политика. М. 2009. – 132 с.

[URL:http://www.yabloko.ru/books/yablokov_environment.pdf](http://www.yabloko.ru/books/yablokov_environment.pdf)

2. 09.08.2007, Опрос населения ФОМ. Экология в России: оценка ситуации [URL:http://bd.fom.ru/report/map/d073222](http://bd.fom.ru/report/map/d073222)

3. 20.01.2011 ВЦИОМ Пресс-выпуск №1670. Экологическая культура россиян. URL:<http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=111285>

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЗДОРОВЬЯ МИГРАНТОВ

Ивахненко Г.А. (Москва)

По данным Центра демографии и экологии человека, в 2011 году в России нелегально работали порядка 5 миллионов мигрантов [1]. Более чем 26 тысяч иностранцев, прошедших обследование в России в 2011 году, являются носителями инфекционных и вирусных заболеваний, в том числе ВИЧ, гепатитов и туберкулеза [2].

С целью получения информации о контроле за здоровьем мигрантов, прибывающих на работу в Россию, был проведен содержательный анализ 22 электронных источников, отражающих состояние этой проблемы с 2007 года. В результате были обозначены основные тематические блоки, затронутые в изученных документах:

1. Анализируется эффективность законодательных актов, позволяющих мигрантам устраиваться на работу в России. В ряде документов отмечается, что п.5 ст.27 Федерального закона от 15.08.1996 г. «О порядке выезда и въезда в российскую Федерацию», запрещающем мигрантам въезд на территорию РФ без действительного в нашей стране медицинского полиса, почти никогда не исполняется. В результате по прибытию мигранты не тратят время на анализы. Обращается внимание на изменения, внесенные с 1 июля 2011 г. в федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в РФ». Теперь закон обязывает гастарбайтеров, не зависимо от срока разрешения на работу, представлять справки об отсутствии заболевания наркоманией и инфекционными заболеваниями, которые представляют опасность для окружающих, предусмотренные перечнем, утвержденным уполномоченным Правительством РФ, федеральным органом исполнительной власти, а также сертификат об отсутствии ВИЧ-инфекции на бумажном носителе либо в форме электронных документов (ФЗ от 1 июля 2011 года № 169-ФЗ п.5, ст.6.1).

2. Рассматриваются предложения экспертов о способах увеличения эффективности контроля за здоровьем мигрантов: а)

усовершенствование системы добровольного страхования. Предлагается создать на территории СНГ единую систему добровольного страхования. Так, оформив полис в Центральной Азии, мигрант может воспользоваться им в России. В ряде рекомендаций предлагает при разработке механизмов медицинского страхования учитывать низкую платежеспособность гастарбайтеров. Эксперты предусматривают возможность оплаты полиса из различных источников – в том числе и работодателем, который должен взять на себя обязательства обеспечивать хотя бы частично медицинское обслуживание своего работника [3]. Другое предложение касается того, чтобы часть расходов взял на себя мигрант, а часть, как в филиппинской модели соцстраха, осталось за страной, из которой мигрант прибыл [3]. 6) вопрос о порядке предоставления справок о здоровье трудовыми мигрантами. Согласно федеральному закону «О правовом положении иностранных граждан в РФ» прибывающие на работу в Россию гастарбайтеры, не зависимо от срока разрешения на работу, должны представлять справки об отсутствии у них опасных заболеваний. Ряд специалистов сходятся во мнении, что в идеале мигрант должен приезжать уже со справкой о состоянии здоровья на руках, выданной иностранным учреждением, которому доверяют в России. Эти эксперты говорят о необходимости серьезно отслеживать всех въезжающих еще на границе с Россией. На миграционных пунктах гастарбайтеры должны сдавать повторные анализы на все социально опасные заболевания, а тех, кто уже оказался в России, необходимо принудительно обследовать. Основным же контролем за здоровьем мигрантов, по общему мнению, следует заниматься Минздраву. в) регуляция получения иностранцами амбулаторной, стационарной и иной плановой медицинской помощи. Вопрос о получении трудовыми мигрантами помимо скорой и неотложной медицинской помощи, также амбулаторной, стационарной и иной плановой медпомощи до сих не урегулирован. По закону бесплатно мигранты могут воспользоваться только неотложной медицинской помощью, а уже за элементарную перевязку должны платить. Более того, если с иностранным гражданином, въехавшим на территорию России в порядке, не требующем получения визы, происходит несчастный случай и ему потребуется медицинская помощь, бремя расходов по ее оказанию такому гражданину целиком и полностью ложится на государство, то есть на российских налогоплательщиков. 3. Указывается, что федеральным и региональным властям необходимо улучшить контроль за наличием у трудовых мигрантов

опасных заболеваний. В документах приводятся различные данные, свидетельствующие о недостаточном контроле властных органов за наличием у прибывающих гастарбайтеров опасных для россиян инфекционных заболеваний. Например, с января по август 2010 года в медицинских госучреждениях Москвы обследовалось лишь 13000 трудовых мигрантов. Согласно Федеральному закону «О въезде и выезде в РФ» иностранец может быть депортирован из России по причинам медицинского характера: например, при заболевании ВИЧ или лепрой (проказой). Но если трудовой мигрант с выявленной ВИЧ-инфекцией вернется к себе на Родину, то приезжего с открытой формой туберкулеза наше государство обязано лечить, а это требует солидных затрат и долгого времени.

4. Поднимается вопрос о том, что попытки контролировать здоровье мигрантов все больше заходят в тупик. Во-первых, в крупных городах и, прежде всего, в Москве добросовестный мониторинг всех въезжающих оказался просто невозможным. В столице лечебные учреждения департамента здравоохранения физически не смогли бы обследовать всех мигрантов. Пропускная способность московских диспансеров не рассчитана на два миллиона дополнительных обследований в год. Во-вторых, Федеральная миграционная служба выдавала разрешение на работу по справкам, достоверность которых невозможно было проверить потому, что в Москве не существует единой базы данных, куда стекались бы сведения об обследованных мигрантах. В итоге по экспертным оценкам в Москве в 2008 году оказались около 1 миллиона непрошедших медицинский контроль гастарбайтеров. А в 2007 году ни один из 300 мигрантов, страдающих от СПИДа, не был депортирован [2].

5. Дискутируется вопрос о том, кто должен оплачивать лечение мигрантов. Экстренную помощь мигрантам в России оказывает «скорая», за всю остальную мигранты платят сами или из кармана работодателя. В 2011 году 38% мигрантов потратили на медуслуги от 1 до 1,5 тысяч рублей, а 27% – от двух до четырех [3]. Принимая во внимание прецеденты коммерческих клиник, пишет электронный источник, можно предположить, что речь идет о трех посещениях доктора или об одной консультации или нескольких анализах [3]. В документах зафиксированы разные предложения экспертов по оплате лечения мигрантов. Так, А. Починок считает, что этот вопрос зависит от наличия соглашений между приглашающей и отправляющей сторонами на предоставление медицинской страховки отъезжающим. Вопрос «где лечить», по его мнению, должен решаться в каждом конкретном случае отдельно [4].

6. Обращается внимание на случаи предоставления гастарбайтерами

недействительных медицинских документов. Не секрет, что зачастую справки о состоянии здоровья гастарбайтерами покупаются, а у миграционных служб нет возможности проверить их достоверность. Гастарбайтеры зачастую считают вполне нормальным давать взятки врачам за получение необходимых для регистрации справок. В качестве примера приводятся конкретные случаи задержания медиков, подозреваемых в торговле справками об отсутствии ВИЧ–инфекции.

Литература

1. Жизнь мигрантов в России легче не стала <http://www.zagran.kiev.ua/articl.php?nev=378&idart=3785> 26.10. 2011 г.
2. Гастарбайтеры заражают Россию СПИДом. <http://health.russiaregionpress.ru/arhcives/3219/> 2.11. 2011 г.
3. Мигрантов заставят платить за здоровье? <http://pdv-info.ru/zdorove/migrantov-zastavyt-platit-za-zdorove/> 26.10. 2011.
4. Туберкулез не победить, если на бороться с нелегальной миграцией (мнения парламентариев <http://www.regions.ru/news/health/2347132/> 26.10.2011 г.

ОЦЕНКА НАСЕЛЕНИЕМ ВВЕДЕНИЯ НАРКОТЕСТОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ (ШКОЛАХ И ВУЗАХ)

Казаков С.В. (Санкт-Петербург)

Проблема введения тестирования на потребление наркотических средств в учебных заведениях (разного уровня) за последние два года перешла из стадии обсуждения и локальных экспериментов в практическую, системно-организационную плоскость. С одной стороны, наркологическая ситуация в образовательной среде (а в ней, как известно, «сконцентрированы» основные возрастные – молодёжные - «группы риска») продолжает оставаться сложной (по меньшей мере), с другой стороны, накоплен уже немалый опыт внедрения процедур эффективного выявления в той или иной степени потребителей наркотиков из числа учащихся. Уже на этапе добровольной формы тестирования этот опыт, по утверждению Главного нарколога Минздравсоцразвития РФ, президента Общероссийской общественной организации «Российская наркологическая лига» Евгения Брюна, начинает приносить ощутимые положительные результаты: «В тех учреждениях, где мы уже проводим работу, технология позволяет снизить уровень

потребления в 5-7 раз. Если ввести требование обязательного тестирования при приёме в вуз, школьники за полгода до поступления задумаются и бросят наркотики» [1]. Очевидно, что решение проблемы профилактики распространения и потребления наркосодержащих средств в учебных заведениях должно идти по пути реализации принципов системности и непрерывности, координации соответствующего взаимодействия по линии «школа-вуз». Эксперты указывают на необходимость методологической детализации и законодательного оформления системы наркотестов как важнейшего профилактического инструмента антинаркотической работы в ОУ. Объективное тестирование (на основе биохимических анализов – скрининг и др.) позволит своевременно выявлять «проблемные зоны» и оценивать масштабы угрозы в каждом конкретном случае, постепенно формируя общую картину. По мнению специалистов, «школа никогда не будет наркобезопасной, также как и вуз, если не будет рейтинга оценки наркобезопасности» [2]. Понимает ли, поддерживает ли массовое сознание («простые» граждане) позицию экспертного сообщества по такому социально-психологическому «чувствительному» вопросу, как проведение наркотестирования подростков и молодёжи в школах и вузах? Социологические исследования (ещё один – «субъективный» - инструмент оценивания наркоситуации, в частности, в её локальных конфигурациях) фиксируют в большинстве своём понимание населением (в том числе, и самими «объектами» тестов - учащимися) необходимости введения тестирования как такового. Так, по свидетельству социологов «Левада-центра», за первые 6 месяцев 2012 года в тесте на наркотики участвовали школьники порядка шестисот московских школ, а также студенты около пятидесяти вузов. «Большинство тестируемых отнеслись к тесту в целом положительно. При этом стало известно, что почти 40% опрошенных крайне негативно относятся к перспективе учёбы с наркоманами. Более того, 19% студентов и школьников просто не желают сидеть с наркоманами за одной партой» [3]. Опрос, проведённый на сайте Госнарконоконтроля (Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков) среди его многочисленных посетителей (людей, по меньшей мере, интересующихся, а иногда и вполне компетентных) выявил следующий «рейтинг» наиболее эффективных способов первичной профилактики немедицинского потребления наркотиков среди молодёжи: - развитие спорта и организация досуга – 26%; - введение обязательного тестирования на потребление наркотиков в школах и вузах – 20%; - повышение уровня жизни –

16%; - запрет на пропаганду наркотиков через СМИ и интернет – 15%; - профилактические уроки в учебных заведениях – 12% [4]. Как видим, среди реальных практических мер (осуществимых уже в краткосрочной перспективе) лидирует именно введение тестирования, притом на обязательных условиях. Какие бы аргументы ни приводились в общественном дискурсе критиками данной меры, тем не менее, и репрезентативные исследования свидетельствуют об одобрении как минимум половиной респондентов обязательной формы наркотестов в ОУ и одновременно четвертью – в той или иной степени добровольного тестирования (например, опрос ВЦИОМ, май 2011 г. [5]). По нашим данным [6], в 2011 году считающих, что тестирование «и в вузах, и в школах должно быть обязательным», было 58,6%, полагающих, что оно должно быть «обязательным в вузах, а в школах – добровольным» набралось 3,7%, вариант «обязательным в школах, добровольным - в вузах» выбрали 6,4% и, наконец, доля ратующих за полную добровольность наркотестов (и в школах, и в вузах) составила 14,9%. В 2012 году результаты распределения мнений по данным вариантам соответственно составили: 49,2%, 6,2%, 7,1% и 19,4% (затруднилось ответить стабильно 6,7%). Небольшое снижение доли безусловных сторонников обязательности наркотестов (и одновременно рост настаивающих на их добровольности), видимо, связано с некоторой эмоциональностью в обсуждениях и самом восприятии темы обязательности вводимых тестов в СМИ, в целевых аудиториях (в первую очередь, в среде родителей учащихся). При этом следует подчеркнуть, что доля противников тестирования на потребление наркотиков в учебных заведениях (выбравших вариант «его не нужно вводить ни в вузах, ни в школах») колеблется вокруг 10-11% - в упомянутых мониторингах, а в опросе ВЦИОМ 2011 года суммарно составляет и того меньше – 7%. Таким образом, можно говорить о вполне определённом и устойчивом социальном консенсусе по вопросу о необходимости внедрения наркотестов в обыденную практику образовательных учреждений разных уровней. И это обстоятельство является существенной предпосылкой для дальнейшей эффективной антинаркотической работы в среде учащейся молодёжи как одной из основных «групп риска» в плане распространения наркопотребления.

Литература

1. Тестирование на наркотики в школах, вузах и при приёме на работу: быть или не быть? http://www.narkotiki.ru/expert_6985.html

2. Мнение, высказанное доцентом кафедры конфликтологии философского факультета СПбГУ, членом правления РОО «Российская наркологическая лига», к.ю.н. Г. Зазулиным на круглом столе «Введение тестирования на наркотики в школах, вузах и при приеме на работу» (18.04.2012 г.). См.: http://www.narkotiki.ru/expert_6985.html

3. Опубликованы результаты очередного теста на наркотики <http://www.studyguide.ru/news.php?id=959>

4. Результаты опросов на сайте ФСКН РФ: http://www.fskn.gov.ru/pages/main/community_ties/polls/results/index.shtml

5. См.: Пресс-выпуск №1747 «Наркотики в школе: поможет ли обязательное тестирование» <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=111594>

6. Автор с 2008 года участвовал в организации и проведении массовых телефонных репрезентативных опросов населения районов Санкт-Петербурга – в рамках комплексного мониторинга наркоситуации в городе, осуществляемого Санкт-Петербургским информационно-аналитическим центром Комитета по информатизации и связи Правительства Санкт-Петербурга

АНАЛИЗ ПОТРЕБНОСТИ В УСЛУГАХ ПРОЖИВАНИЯ И УХОДА ДЛЯ ЛИЦ ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА И ИНВАЛИДОВ В КАЗАХСТАНЕ

Карачева Т.В. (Усть-Каменогорск, Казахстан)

По данным ООН один из 10 жителей земли страдает от физических, сенсорных или умственных дефектов и не менее 25% всего населения страдают расстройствами здоровья с нарушением жизненно важных функций. Примерно одна семья из четырех человек имеет в своем составе человека с ограниченными возможностями [1]. Показатели инвалидности в Казахстане составляют 3% от всего населения, но они не отражают реального положения и не согласуются данным ООН о том, что соотношение количества инвалидов к остальному населению равно 1 к 10. У нас это соотношение составляет 1 к 33. То есть, судя по официальным отчетам МСЭ, в Казахстане проживает население, отличающееся уникально отличными показателями здоровья. Перечисленные ниже факты позволяют сделать выводы, что: а) имеет место регулирование доступа к государственной поддержке лицам с ограниченными

возможностями путем жестких критериев и ригидной системы оценки инвалидности, б) в последующие годы следует ожидать рост показателя инвалидности. [2] Данные казахстанской статистики об инвалидности противоречат отчетам развитых стран и данным ООН. То, что только 3 из 10 (29%) учтенных в Казахстане инвалидов относятся к 3 группе, а 7 из 10 к выраженным и тяжелым формам противоречит отчетам о соотношении тяжелых и легких форм инвалидности в странах Европы и США. Это соотношение по разным странам колеблется от 8-7 легких форм к 2-3 тяжелым и выраженным нарушениям. [3] По тяжести нарушений функций среди лиц, признанных МСЭ инвалидами преобладает доля второй группы (выраженные нарушения функций) - 60%, а удельный вес инвалидов первой группы (тяжелые нарушения функций) составили 11%. Численность инвалидов с тяжелыми и выраженными формами инвалидности в Казахстане составила более 293 тысячи человек. Превалирование тяжелых форм инвалидности является важным фактором, обуславливающим низкие показатели реабилитации инвалидов (8,7%), полной – 5,7%. С другой стороны, именно инвалиды первой и второй группы чаще всего нуждаются в услугах ухода, проживания с поддержкой и адаптации жилья. [4] Простые расчеты свидетельствуют о том, что в Казахстане должны быть зарегистрированы и получать необходимую помощь от 700 до 800 тысяч лиц с ограниченными возможностями, причем рост будет обусловлен регистрацией инвалидов с легкой и умеренной тяжестью нарушений. Эти категории чаще нуждаются в услугах раннего вмешательства в нарушенное развитие, инклюзивного общего среднего и профессионального образования, комплексной медико-социальной и профессионально-трудовой реабилитации, компенсаторных средств и информационно-правовой поддержке. Регулируемый характер показателей инвалидности подтверждается статистическими отчетами казахстанских психолого-медико-педагогических консультаций (ПМПК), функционирующих в системе образования. По их данным, удельный вес учтенных детей с ограниченными возможностями в 3 раза выше, чем показатели детской инвалидности, а в некоторых регионах и в городской местности достигает - 8%. Растет удельный вес детей инвалидов в детской популяции, но он остается еще крайне низким. Так в 2010 году он составил 1.25% против 0.98 в 2007 году. По нашим прогнозам показатель будет расти и достигнет к 2020 году 8-10% детского населения (в книге «Состояние умственного и физического здоровья и развития детей и подростков в Республике Казахстан. Проблемы и

перспективы», Алматы, 1997 год). Эти прогнозы уже подтверждаются данными психолого-медико-педагогических консультаций (ПМПК), по статистическим отчетам которых удельный вес детей с ограниченными возможностями растет и составил более 3% детского населения. Другим подтверждением прогнозируемого роста инвалидности и соответственно увеличение потребности в услугах ухода является увеличение удельного веса детей инвалидов в возрасте от 0 до 3 лет среди общего количества детей инвалидов с 9.75% до 12.53% за последние три года. [5] Согласно градации демографической комиссии ООН, страна, в которой доля населения в возрасте от 65-ти лет и старше в общей численности населения превышает 7% относится к странам с демографически старым населением. Анализ обзора ситуации в области старения опубликованный ООН в 2004 г. позволил сделать главные выводы, позволяющие определить принципы социальной политики государства: 1. Процесс демографического старения характеризуется увеличением доли лиц 60 лет и старше при сокращении доли населения детского и трудоспособного возраста (от 15 до 59 лет). 2. Демографическое старение представляет собой широко распространенное явление, оно происходит во всех странах мира. 3. Старение населения — глубинный процесс, сильно сказывается на всех сторонах жизни людей: в экономике отражается на экономическом росте, накоплениях, инвестициях, потреблении, занятости, пенсионном обеспечении, налоговой политике и передаче накопленных знаний и опыта из поколения в поколение; в социальной сфере старение сказывается на составе семьи, условиях жизни, потребности в жилье, миграции, эпидемиологии болезней и медицинской помощи; в политике оно влияет на результатах выборов, системе политического представительства и др. 4. Демографическое старение является долгосрочной тенденцией, в мире с 1950 года доля лиц старших возрастов увеличивалась и по прогнозам к 2050 году достигнет 22 %. Наиболее быстро растет доля лиц 80 лет и старше, нуждающихся в долгосрочных программах ухода. Их численность ежегодно увеличивается на 3,9 процента. Среди лиц в возрасте 60 лет и старше сегодня каждому восьмому за 80. Ожидается, что к 2050 году два из десяти пожилых людей будут старше 80 лет. [6] 5. Коэффициент потенциальной поддержки (КПП), показывает, сколько лиц трудоспособного возраста приходится на одного старше 65 лет. По мере старения населения КПП снижается. В 2007 году КПП составил 9 к 1, по прогнозам к 2050 году КПП составит лишь четыре человека трудоспособного возраста на одного

пожилого. Снижение КПП имеет важные последствия для механизмов социального обеспечения, социальных услуг и пенсионных систем. Коэффициент поддержки родителей, т.е. соотношение лиц в возрасте 85 лет и старше и лиц в возрасте от 50 до 64 лет, позволяет оценивать масштабы потенциальной поддержки, которую оказывают пожилым членам семьи их родственники. В 1950 году в мире насчитывалось менее 2 человек в возрасте 85 лет и старше на каждые 100 человек в возрасте от 50 до 64 лет. Сейчас этот показатель составляет чуть больше 4:100, а к 2050 году он, по прогнозам, достигнет 12:100. Это значит, что вероятность того, что нагрузка на лица, которые сами уже перешагнули рубеж среднего возраста, по выполнению обязанностей по уходу за своими престарелыми родственниками увеличится в три раза. Поэтому необходимо развитие системы альтернативных социальных услуг поддержки семьи, домашнего ухода и недорогих форм оказания услуг с проживанием; 6. Здоровье пожилых лиц с возрастом, как правило, ухудшается, и по мере старения увеличиваются потребности в услугах по долгосрочному уходу за престарелыми. [7] В Республике Казахстан наметилась тенденция старения населения со всеми вытекающими последствиями. В 1999 г. доля лиц старше 65 лет составляла 6,7%, в 2002 году мы перешагнули «порог старения», в 2004 году достигли 7,4%. [8] По прогнозам казахстанских экспертов, к 2030 году удельный вес лиц, перешагнувших порог старения, увеличится до 11,5%. По данным Минздрава в 2009 году среднегодовая численность лиц от 65 лет и старше составила в Казахстане 1 161.392 человека и составила в общей популяции 7.3%. [9]. Удельный вес пожилого женского населения составил 65.3% против 34.7 % мужчин. Стабилизация показателя старения в последние годы обусловлена улучшением некоторых демографических показателей обеспечивающих естественный прирост населения. [10]. Вызывает опасение высокая заболеваемость среди молодого и взрослого населения. Представители этой группы к 2025 году будут составлять большинство пожилых людей, нуждающихся в большом объеме медико-социальных услуг и услуг ухода. [11]. Системы социальной защиты и здравоохранения окажутся в сложном положении, как с точки зрения финансовых ресурсов, так и в связи с необходимостью ввода новых мощностей. [12] Таким образом, имеющиеся прогнозы старения населения свидетельствуют о том, что в перспективе потребность в услугах ухода с проживанием станет остро актуальной. Исследователи прогнозируют, что в странах Европы 10% пожилых и престарелых

будет охвачено услугами на дому в случае дальнейшего роста продолжительности жизни.

Литература

1. Закон Республики Казахстан от 13 апреля 2005 года № 39 «О социальной защите инвалидов в Республике Казахстан»
2. Закон Республики Казахстан от 29 декабря 2008 года «О специальных социальных услугах».
3. Методические рекомендации от 30 апреля 2003 года № 4.05.065.03 «Рекомендуемые нормы рационального питания для детей с отклонениями в физическом и умственном развитии, воспитывающихся в домах-интернатах», утвержденные приказом Главного санитарного врача Республики Казахстан от 30 апреля 2003 года №27
4. Приказ Министра труда и социальной защиты населения Республики Казахстан от 6 декабря 2010 года № 394-ө «Об утверждении стандартов оказания специальных социальных услуг в области социальной защиты населения» Приложение 1 к приказу Министра труда и социальной защиты населения Республики Казахстан от 6 декабря 2010 года № 394-ө «Стандарт оказания специальных социальных услуг в области социальной защиты населения в условиях стационара»
5. Приказ Министра труда и социальной защиты населения Республики Казахстан «Об утверждении Типовых Правил социального обслуживания»
6. Нормативы руководителей, специалистов, служащих и рабочих водопроводно-канализационного хозяйства (1997 г.)
7. Единый тарифно-квалификационный справочник работ и профессий рабочих
8. Приказ Министра здравоохранения Республики Казахстан от 07.04.2010 №238 «Об утверждении штатов и штатных нормативов организаций здравоохранения».
9. Приказ Министра здравоохранения Республики Казахстан от 27 октября 2010 года № 850 «Об утверждении минимальных стандартов (нормативов) оснащения медицинской техникой и изделиями медицинского назначения государственных организаций здравоохранения».
10. О внесении изменений и дополнений в приказ Министра здравоохранения Республики Казахстан от 27 октября 2010 года № 850 «Об утверждении минимальных стандартов (нормативов)

оснащения медицинской техникой и изделиями медицинского назначения государственных организаций здравоохранения».

11. Архитектурная среда обитания инвалидов и престарелых: сб. статей./ под ред. В.К. Степанова – М.: Стройиздат, 1989. – 604 с.

12. Ржехина О.И. Жилые дома для пожилых за рубежом: (обзор)./ 1975. О.И. Ржехина, П.Г. Рудаков, К.Ф. Сорокин. – М.: [ЦНТИ по гражд. стр-ву и архитектуре], 1975. – 35 с.: ил.

СОЦИАЛЬНАЯ СРЕДА РОССИЙСКОГО СОЦИУМА И ЗДОРОВЬЕ ЧЕЛОВЕКА

Келасьев В.Н., Первова И.Л. (Санкт-Петербург)

Характеристиками социальной среды российского социума являются: повышенная нестабильность, неопределенность, агрессивность, альтернативность, потеря нравственных и моральных ориентиров, закрытость власти, незащищенность населения, трудности самореализации для значительной части работающих граждан, расширение социального дна, трудности освоения предметно-физической среды лицами с ограниченными возможностями и т.д.

Среда, отличающаяся такими параметрами, порождает у человека ощущение внутренней нестабильности, неопределенности, хаотичности, мифологичности мышления, невротичности, и т.п. Хаос внешней среды неизбежно перерастает в хаос внутри человека. Неслучайно специалисты отмечают фрустрацию и невротизацию значительной части населения в период и после перестройки, рост нервно-психических заболеваний.

Конкретными детерминантами, оказывающими наиболее очевидное влияние на здоровье населения крупного мегаполиса, являются:

- непрерывно реформируемая система медицинского обслуживания населения (которой недовольны более 2/3 населения);
- опасность заражения социально значимыми заболеваниями (туберкулез, гепатит, ВИЧ)
- качество продуктов питания (ГМО, химические красители, разрыхлители, ароматизаторы, эмульгаторы, нитраты и т.п.);
- качество воды (состояние трубопроводов);
- состояние воздушной среды (загазованность, выбросы предприятий, сокращение зеленых насаждений, растения – аллергены);

- низкая компетентность населения по здоровьесбережению (режим труда, отдыха, питания, физическая активность);
- провокация аддикций (торговля – центральное место для алко/табакопродукции, объемы; реклама; высоко технологичная коммуникация – Интернет / телефонная / компьютерная зависимости);
- организация транспортной системы (недостаточность общественного транспорта, пробки);
- состояние тротуаров и дорожных покрытий (трещины, ямы, пыль от зимней обработки);
- уплотнительная застройка (человеческие муравейники);
- излучение бытовых приборов;
- некомфортность городской среды (недостаток скамеек, туалетов; частое отсутствие шаговой доступности аптек, магазинов, поликлиник; отсутствие велосипедных дорожек; недостаточность пешеходных зон)
- представления / мифы общественного сознания (ответственность за здоровье несут врачи, а не сам человек; безвредность употребления низкопроцентного алкоголя, фильтрованной табачной продукции, доверчивость к рекламе БАДов)

Парадокс заключается в том, что по каждой из перечисленных детерминант существует конкретный комитет в структуре власти, отвечающий за компетентное решение соответствующих проблем. Нельзя сказать, что власть совсем не озабочена решением этих проблем, однако темп и уровень практической реализации население уже не устраивает, поскольку многие проблемы имеют хронический характер и люди не ощущают заметных изменений. Для оздоровления социальной среды необходим инновационный, межведомственный, комплексный подход, способный снизить или снять негативное влияние указанных детерминант. Такой подход требует соответствующего социологического обеспечения.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС В ПРОБЛЕМУ ПОЛИМОРБИДНОСТИ

Кистенёва О.А., Кистенёв В.В. (Белгород)

Одной из важных проблем гериатрической практики является – полиморбидность. Термин «полиморбидность» означает 1) явление наличия нескольких заболеваний у одного человека; 2)

сочетание нескольких хронических патологий, где очень сложно выделить основное и сопутствующее заболевание, течение заболеваний в виду возрастных изменений организма. Всё в организме связано. Ни одна функция, ни один орган, ни одна система не работает изолированно. Ничто не проходит бесследно. Нарушение работы одного, казалось бы, крошечного звена, несмотря на своевременное устранение дефекта, влечёт за собой изменения в течении многих процессов, механизмов и функций. Лекарям Древнего Египта, Вавилона и Средней Азии было известно о взаимосвязи одних болезней с другими. Более четырех тысячелетий назад им была известна диагностика болезней по пульсу, измерение которого сегодня используется, разве что, в диагностике болезней сердца. Продолжая традиции вавилонских и египетских врачей, книдская школа Древней Греции развивала учение о признаках болезней (симптомах) и диагностике (метод выслушивания и открытие плевретического трения). Великий мыслитель и врач Гиппократ писал: «Осмотр тела – целое дело: он требует знания, слуха, обоняния, осязания, языка, рассуждения». Он, наперекор своим противникам, был убежден в необходимости поиска глубоко скрытых причин болезней, а не устранения лишь их симптомов [2; 126]. Одно из произведений «Гиппократова сборника», которое стало основой диагностики заболеваний, – это «Прогностика». В этом труде даются подробные описания прогноза различных заболеваний, постановки диагноза, способы осмотра, опроса больного, наблюдения за ним, а также методы «лечения у постели больного» [1, 185]. Для сравнения заметим, что методы диагностики, которыми владели врачи классического периода истории Греции V—IV вв. до н. э., во многом схожи с перечисленными ниже древнекитайскими методами. Искусство диагностики в Древнем Китае основывалось на следующих методах обследования больного: осмотре кожи, глаз, слизистых и языка; определении общего состояния и настроения больного; выслушивании звуков, возникающих в теле человека, определении его запахов; подробном опросе больного; исследовании пульса; давлении на активные точки. Согласно преданию, эти методы были введены легендарным врачом, жившим в XI в. до н. э. и известным под псевдонимом Вян Цюэ. Таким образом, можно говорить, что в Древнем Китае зародилась народная медицина, использовавшая комплексный подход к лечению человеческого организма, полную диагностику заболеваний в купе с общим оздоровлением организма и единением его с природой [9; 202].

Немалый вклад в развитие диагностики внес древнеримский врач Гален и, особенно, врач Авиценна (Ибн-Сина, представитель арабской медицины), влияние трудов которого ощущалось до XVI века, как в арабских, так и в европейских странах. В медицине Арабских Халифатов в период средневековья осуществлялись клинические наблюдения за больными и приемы диагностики. Но каких-либо принципиально новых революционизирующих идей не было. Координально отличается в этой области медицина Византийской империи в период средневековья, где осмотры и демонстрации больных не практиковались. Византийская церковь фальсифицировала наследие Галена, изъяв идею значения опытного знания, непосредственного наблюдения и эксперимента [4; 159]. В эпоху Возрождения появились новые диагностические методы. В тот период стали предприниматься попытки применять методы химического (ятрохимия) и физического исследования. В XVIII и XIX веках в клинику вводятся новые методы исследования пациента. В 1758 году предложена термометрия. В конце XVIII века – начале XIX века была внедрена перкуссия, изобретен стетоскоп, разработан метод аускультации. Существенным этапом для развития диагностики стала разработка метода систематического опроса — анамнеза и методической пальпации органов брюшной полости, а также клиническая оценка термометрии [5; 97]. В России в XIX в. под влиянием основоположников внутренней клиники С.П. Боткина, Г.А. Захарьина и А.А. Остроумова широко распространяется физиологическое направление, которое требует функционального и всестороннего рассмотрения. Они провозгласили в России принцип комплексной диагностики и рационального лечения в ведении соматических больных [7; 46]. М. Я. Мудров полагал, что «познание болезни есть половина лечения». Но диагноз необходим не только для лечения и предупреждения болезней. Он необходим также для постановки предсказания, для оценки трудоспособности [10; 65]. Многие века назад поколения врачей пропагандировали целесообразность комплексного подхода в выявлении болезней и исцелении больного, однако современная медицина, отличающаяся обилием диагностических методик и разнообразием лечебных процедур, потребовала конкретизации [6; 38]. Бытует мнение, что возраст человека является основным условием полиморбидности. Сроки начала заболеваний, формирующих синдромы полиморбидности, и их хронизация приходятся на молодой (30-45 лет) и средний (46-60 лет) возраст, а результат их суммарного накопления, период яркой клинической демонстрации начинают

проявляться в пожилом (61-75 лет) возрасте, дальнейшие прожитые годы лишь добавляют количество болезней [3; 40]. Ранее считалось, что проблема полиморбидности более характерна для пациентов пожилого и старческого возраста. С возрастом происходит «накопление» хронических заболеваний. Таким образом, у пациента в возрасте 35–40 лет и старше врач на амбулаторном приеме в большинстве случаев имеет дело с полиморбидностью [8; 993]. Поэтому особое внимание следует уделить такому явлению как полиморбидность в молодых возрастных группах. Это позволит еще на ранних стадиях остановить процессы преждевременного старения, то есть способствовать продлению периода активной старости, а значит улучшению качества жизни людей.

Литература

1. Гиппократ. Прогностика // Этика и общая медицина. СПб., 2001. С. 185.
2. Гиппократ. Сочинения / Пер. В. И. Руднева, комм. В. П. Карпова. Кн.1. Избранные книги. М., 1936.
3. Горшунова Н.К., Медведев Н.В. Здоровье, полиморбидность и качество жизни людей старшего возраста и долгожителей // Современные наукоемкие технологии. 2005. № 4 С. 40-42.
4. Ковнер С.Г. История средневековой медицины. Киев, 1893.
5. Козаченко В.И., Петленко В. П. История философии и медицина. СПб., 1994.
6. Кротков Е.А. Логика врачебной диагностики. Днепропетровск, 1990.
7. Лазебник Л. Б., Востриков Г. П., Дроздов В. Н. Доктор Сергей Петрович Боткин. М.: Анахарсис, 2003.
8. Лазебник Л.Б. Старение и полиморбидность. Consilium Medicum. Общие вопросы гериатрии. 2005. Т. 7. № 12. С. С. 993-996.
9. Марчукова С. Медицина в зеркале истории. М., 2003.
10. Чазов Е.И. Очерки диагностики. М., 1988.

ЗДОРОВЬЕ МОЛОДЕЖИ КАК ОБЩЕСТВЕННАЯ ЦЕННОСТЬ

Ковалева Е.О. (Тверь)

В последнее время в России происходили существенные изменения базовых основ жизни общества, и новые социально-

экономические реалии вызвали противоречивые тенденции в развитии молодого поколения. К ним можно отнести такие явления как наркомания, токсикомания, экстремизм, беспризорность, резкое ухудшение физического и психического здоровья молодых. Здоровая молодежь является ценнейшим капиталом государства. Тем не менее, состояние ее здоровья на сегодняшний день оставляет желать лучшего, что обусловлено воздействием таких факторов как снижение материального благополучия значительной части населения, ухудшение экологической ситуации, малоподвижный образ жизни, большая информационная нагрузка, распространение вредных привычек, неправильное питание, а также здоровье разрушительные стереотипы поведения и ослабление инфраструктуры системы здравоохранения. Каждый из вышеперечисленных факторов может способствовать развитию целого ряда заболеваний. Так табакокурение увеличивает риск сердечнососудистых заболеваний, болезней органов дыхания, рака и смертности от них. Наркомания способствует распространению гепатитов В и С. Одной из самых опасных социальных болезней, к тому же тесно связанной и с употреблением наркотических веществ, является синдром приобретенного иммунодефицита (СПИД). Среди инфицированных преимущественно молодые люди, которые заразились либо при употреблении наркотиков, либо половым путем еще в старших классах общеобразовательной школы. Сохраняется низкая культура интимных отношений, распространенность аборт, калечащих здоровье молодых женщин, слабая осведомленность молодых мужчин о культуре контрацептивного поведения. Растет смертность молодежи, особенно молодых мужчин. Специфика российской модели смертности состоит в том, что ее рост отмечается практически по всем основным группам причин, причем средний возраст умирающих от хронических патологий, традиционно присущих старшим поколениям, стремительно молодеет. Жизнеспособность будущего поколения будет зависеть от степени мобилизации социальных, экономических и культурных резервов государства, направленных на сохранение молодежного здоровья. Изменившаяся социально-экономическая ситуация, реформа здравоохранения, увеличение доли платных услуг поставили население перед необходимостью изменить сложившиеся стереотипы сознания и поведения в сфере здоровья и осознать необходимость собственной ответственности за него. Однако люди оказались не готовы к этому по причине отсутствия у них необходимых знаний. В связи с тем, что процесс формирования

потребностей и установок на здоровье весьма сложный и длительный, начинать эту работу следует с раннего возраста. Анализ состояния проблемы здоровья молодежи, показывает, что существовавшая система его формирования существенно подорвана, а новая – только создается в неблагоприятных условиях жизни, трудовой деятельности, окружающей среды. Для решения проблем здоровья молодого поколения необходимо оптимизировать государственную и муниципальную политику, позволяющую снижать воздействие негативных факторов, повысить ценность здоровья. Формирование отношения к здоровому образу жизни как к личному и общественному приоритету, пропаганда ответственного отношения к своему здоровью является одним из главных направлений молодежной политики в современной России, в рамках которой предусматривается целый ряд мероприятий. Среди них широкая пропаганда здорового образа жизни; организация системы активного досуга; экологическое просвещение и расширение участия молодежи в мероприятиях по сохранению и улучшению состояния окружающей среды; развитие у молодых людей потребности в занятиях физической культурой, спортом и туризмом, закаливания и укрепления организма; развитие системы подросткового здравоохранения, обязательной комплексной диспансеризации, обеспечение безопасного материнства; развитие индустрии отдыха и оздоровления молодежи; формирование и развитие системы учреждений специального социального обслуживания; активизация профилактических мер по предупреждению алкоголизма, наркомании, распространения ВИЧ-инфекций; развитие и реализация программ здорового питания. Начиная с 2006 года в России реализовываются приоритетные национальные проекты, в состав которых вошел и проект «Здоровье». В соответствии с ним, преобразования в российской медицине должны идти по трем основным направлениям: совершенствование работы учреждений здравоохранения первичного звена, развитие высокотехнологичных видов медицинской помощи и профилактика заболеваний. В рамках проекта проводится серьезная работа по улучшению питания учащихся общеобразовательных учреждений. Разработаны и введены в действие методические рекомендации «О мерах по совершенствованию санитарно-эпидемиологического надзора за организацией питания в образовательных учреждениях», «Рекомендуемые среднесуточные наборы продуктов для питания детей 7-11 и 11-18 лет», «Примерные меню горячих школьных завтраков и обедов для организации питания детей 7-11 и 11-18 лет в

общеобразовательных учреждениях» и «Рекомендуемый ассортимент пищевых продуктов для реализации в школьных буфетах». В 2011 году был принят Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», который предусматривает мероприятия, направленные на формирование здорового образа жизни у граждан Российской Федерации, в том числе профилактику алкоголизма, наркомании, токсикомании; формирование у различных групп населения, особенно у подрастающего поколения, мотивации для ведения здорового образа жизни, искоренение вредных привычек; развитие физической культуры, обеспечение здорового питания. Одним из основных направлений по реализации указанных мероприятий является создание у граждан мотивации к личной ответственности за своё здоровье. В целях формирования здорового образа жизни молодого поколения, профилактики наркомании и алкоголизма принято постановление о реализации программы «Профилактика наркомании и зависимости от психоактивных веществ, асоциальных явлений в молодежной среде, правовая защита и сохранение психического здоровья молодежи», а также федеральная целевая программа «Молодежь России». Минспорттуризм России разработал Стратегию развития физической культуры и спорта в Российской Федерации, в которой определена цель, задачи и основные направления реализации государственной политики в области развития физической культуры и спорта на период до 2020 года. Однако, вышеперечисленные программы и мероприятия по сохранению здоровья молодого поколения и пропаганде здорового образа жизни пока еще не дают положительных результатов, прежде всего по тому, что большая часть подростков и молодежи не включены в систему организованных форм досуга из-за резкого сокращения количества учреждений культуры, ограниченного финансирования спортивных объектов, свертывания воспитательной работы в школах и вузах, уменьшения секций и кружков, оздоровительных клубов, работающих на бесплатной основе. В заключении хотелось бы еще раз отметить, что показателем благополучия общества и государства является состояние здоровья молодого поколения. Охрана его здоровья должна быть важнейшей государственной задачей не только потому, что определяет качество жизни молодежи, но и в силу того, что фундамент здоровья взрослого населения страны закладывается в детском и подростковом возрасте. Кроме того в руках у государства есть реальные рычаги, позволяющие инициировать и контролировать исполнение здоровьесберегающих программ.

СОЦИАЛЬНОЕ ЗДОРОВЬЕ КАК ВЕКТОР РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

Колпина Л.В., Артеменко О.И. (Белгород)

Социальное здоровье, в соответствии с общепринятой дефиницией ВОЗ [1], наравне с физическим и психическим аспектами, является составляющей индивидуального здоровья. В данном контексте его следует определять как совокупность позитивных личностных характеристик, детерминирующих отношения социального субъекта со средой и выражающих его способность экологично и эффективно реализовывать в ней собственные и общественно значимые цели. Социальная эффективность характеризуется способностью социального субъекта с минимальными затратами и максимальной результативностью достигать поставленных целей. Экологичность подразумевает, что результатом и условием деятельности личности с социальным окружением станут сохранение целостности субъектов взаимодействия и даже их взаиморазвитие (на основе согласования индивидуальных интересов с интересами контрагентов или среды). В такой интерпретации к интегральным показателям социального здоровья относятся: социальное самочувствие индивида, характеристики его социальной активности, полнота социальных связей и отношений, их представленность в основных сферах жизнедеятельности; степень социальной ответственности, а также подконтрольности, предсказуемости, управляемости для индивида ситуацией в этих сферах. Как и в ситуации с физическим и психическим аспектом, осознанная необходимость социального здоровья формируется с возрастом. Но в отличие от первых двух, по-видимому, к пожилому возрасту она достигает своего апогея. Иллюстрируют данный тезис результаты проведенного нами опроса методом сочинений (2008 г., N = 240), в ходе которого респондентам ставилась задача написать сочинение на тему: «Что для вас значит здоровье, быть здоровым?». После этого полученные ответы были подвергнуты контент-анализу. Ответы распределялись по четырем категориям, отражающим биологические, психологические, социальные и духовно-нравственные аспекты, которыми респонденты характеризовали состояние здоровья. Естественно, что 100% респондентов связывают здоровье в первую очередь с физическим состоянием. Значение, в меньшей мере,

психологического, в большей мере - социального аспекта - с возрастом имеет тенденцию к повышению, тогда как нравственного - к незначительному снижению. Снижение с возрастом выраженности нравственного аспекта (описание здоровья через нравственные характеристики в группе 14-19-летних встречается у 27%, 20-29-летних - у 40%; а в возрастных группах от 30 лет и старше колеблется в пределах 20%) мы объясняем не уменьшением его значимости, а интериоризацией нравственных нормативов, что, в целом, характеризует созревание личности и согласуется с трендом повышения значимости психологической составляющей здоровья. Если среди 14-19-летних описывают здоровье через психологические характеристики менее 70% опрошенных, то среди респондентов 60-и лет и старше, таковых уже почти 100%. То есть, психологическое здоровье, изначально, по значимости, занимая второе место после физического, с возрастом начинает играть такую же роль, как и последнее. Социальный же аспект здоровья изначально играет минимальное значение: в младшей возрастной группе (14-19 лет) о нем упоминают менее 10% опрошенных. С возрастом его значимость резко возрастает (до 40% среди 40-49-летних, до 50% - у 50-59-летних, до 80% - у респондентов старше 60 лет). Увеличение роли социального аспекта, по нашему мнению, в своей основе имеет причиной то, что Э. Эриксон описывает как актуализацию потребности в генеративности - заинтересованности в создании следующего поколения и руководстве им, передаче тем или иным образом своих знаний, опыта, ценностей [2]. Если респонденты среднего возраста описывают это как желание иметь семью, то пожилого - как потребность «быть нужным», и чтобы «твой труд был кому-то нужен», «приносить пользу окружающим, общаться с близкими, друзьями»; «помогать детям, внукам», «доступными средствами стараться сделать лучше жизнь родных и близких людей, друзей, при возможности, позитивно влиять на изменение окружающей действительности через политическую и общественную деятельность, СМИ и т.д.». Таким образом, социальный аспект здоровья в полной мере актуализируется в старших возрастных группах. В связи с этим, следует согласиться с А. Маслоу, который обращает внимание на аналогичную закономерность в отношении психологического здоровья, которое в его интерпретации включает значительную часть и социальные характеристик. Он отмечал, что связывает его именно со зрелым возрастом. И поэтому, считал разумнее трактовать данное понятие как «развитие и движение в сторону самоактуализации»[3]. Косвенным подтверждением этим

выводам служат данные опроса Фонда «Общественное мнение» о ценностях, приходящих и уходящих с возрастом. Сравнительные данные (по возрастам) ответа на вопрос «Какие из перечисленных слов означают наиболее важные для Вас понятия?» показали, что если в молодежной группе (18-34 года) лидируют больше индивидуалистские ценности (семья, достаток, свобода, успех), то общечеловеческие ценности чаще отмечают в более зрелом возрасте (наряду со снижением значимости индивидуалистских в наиболее возрастных группах.) Если в средней возрастной группе (35-54 года) наряду с достатком возникает еще и выраженная ценность прав человека, то в группе пожилых (от 55 лет и старше) в качестве наиболее важных респонденты выбирают – мир, справедливость, права человека, порядок, а также, совесть и духовность [4]. Указанные данные позволяют сделать вывод, что социальное здоровье следует рассматривать как феномен, специфичный для каждого возрастного периода и в полной мере раскрывающийся в зрелости в результате интериоризации общечеловеческих норм, ценностей, а также, актуализации потребности в генеративности, желания оставить после себя потомство, знания, передать опыт, принести пользу другим людям.

Литература

1. Устав (Конституция) Всемирной Организации Здравоохранения [Электронный ресурс] /Всемирная организация. Основные документы. 38-е издание, 1991 // Режим доступа к изд.: <http://med.lawmix.ru>
2. Эриксон, Э. Детство и общество [Текст] /Э. Эриксон ; пер. с англ. – СПб.: «ЛЕНАТО», «АСТ», Фонд «Университетская книга», 1996. - 592 с.
3. Маслоу, А. Самоактуализированные люди: исследование психологического здоровья [Электронный ресурс] // перевод А.М. Татлыбаевой - СПб., 1999. // Режим доступа к изд.: <http://www.gramotey.com> –
4. Ценности, приходящие и уходящие с возрастом (16.06.2011). [Электронный ресурс] // Режим доступа к изд.: <http://bd.fom.ru/pdf/d24cpiusv11.pdf>

«ЗДОРОВЬЕ В КОНТЕКСТЕ ЖИЗНЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ: ОСМЫСЛЕНИЕ ИНТЕРВЬЮ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ»

Копытов Д.Ю. (Санкт-Петербург)

В данном случае речь идет об одной из коллизий, систематически проявившихся в процессе беседы с пожилыми людьми – значимости здоровья к данному моменту в жизни респондентов, факторов, оказавших влияние на здоровье в жизненной судьбе конкретного человека. Интервью собирались в рамках проекта «Река жизни: усиление взаимосвязи разных поколений», проведенного при поддержке немецкого фонда «Память, ответственность и будущее» в 2010 году (руководитель проф. Г.И. Саганенко). Идея исследования заключалась в том, чтобы наладить определенную связь между разными поколениями россиян. Проведены встречи и записаны жизненные истории 23 пожилых людей. Для данных тезисов выделена лишь проблематика здоровья, проанализированная в содержании девяти интервью. Три интервью публикуются в первом выпуске электронного альманаха журнала «Пространство и время». Проблема сохранения здоровья для жителей России в последние десятилетия стоит как никогда остро. Средняя продолжительность жизни наших соотечественников год от года снижается. Растет смертность. Государственные программы, направленные на оздоровление населения России, зачастую не оказывают существенного влияния на демографическую ситуацию. Проблемы со здоровьем возникают даже у молодых людей, только что вступающих в активную фазу жизни. Так, например, каждый третий мужчина, подлежащий призыву на военную службу, по состоянию здоровья не может служить в армии. Ситуацию усложняют алкоголизация населения, употребление наркотиков и другие, объективные и субъективные факторы, способствующие потере здоровья (климат, характер труда и так далее). Найти формы усиления серьезного отношения молодежи к своему здоровью – одна из дополнительных целей проекта. С помощью биографических интервью с представителями старшего поколения изучались жизненные мотивации респондентов, изменение их отношения к здоровью, обществу – к собственной жизни. Результатом проекта стало собрание биографических текстов «Траектории судьбы» и создание совместной группы студентов и ветеранов «Нить через тысячелетие», задачей которой является актуализация и сохранение жизненных историй/траекторий, аккумуляция опыта старшего поколения. В период с марта по май 2010-го года в рамках проекта «Река жизни...» автор статьи провел пять глубинных биографических интервью с жителями Санкт-Петербурга в возрасте от 64-х до 84-х лет. Предметом исследования выступили вопросы, связанные с

оценкой респондентами собственной жизни, факторы, влияющие на сохранение и потерю здоровья, взаимосвязь респондентов с современным молодым поколением, передача жизненного опыта потомкам. Задачами исследования были: нахождение подходящего способа общения с респондентами, выявление значимости опыта старшего поколения для молодёжи и для самих респондентов. Используемые методы: глубинное интервью, встречи и дискуссии, глубинный анализ. Ход работы. Поиск собственных респондентов оказался весьма непростым делом, несмотря на то, что каждый четвертый житель Санкт-Петербурга старше 60 лет. Проблематичным был процесс общения именно с целью взять интервью: не все сразу понимали, зачем нужен диктофон, куда пойдут полученные данные. Потенциальные информанты отказывались давать интервью из-за страхов и опасений перед неизвестным человеком. Однако после интервью люди были удовлетворены тем, что изложили свои истории, пообщались с заинтересованным человеком, частично почувствовали свою полезность, востребованность. Интервью состояло из пяти блоков вопросов: 1. Знакомство. Динамика жизненного пути. В данном блоке внимание респондентов было акцентировано на рассказе о себе с самого рождения. Место и дата рождения, семья, образование, работа – вот лишь некоторые вопросы первой части. Также здесь предлагалось отдельно рассказать о самом счастливом, удовлетворительном периоде жизни, о потерях и ресурсах на будущее. 2. Период войны. Детство. Юность. Почти у всех респондентов период молодости совпал с периодом Великой Отечественной войны, самые молодые пережили войну в детстве. Рассматривались взаимоотношения в сложный для каждого и для страны период, где пережили эти годы, какие особенные события запомнились, как война отразилась на человеке и его семье. 3. Взаимосвязь поколений, связи с другими людьми. Задавались вопросы об отношениях с другими возрастными, профессиональными, религиозными и иными группами людей. Приоткрывались аспекты семейной жизни. Спрашивали, где сейчас и чем занимаются дети, внуки; как строится общение с ними. Поднималась проблема молодежи. Идея удовлетворенности поведением современной молодежи, сравнение с молодыми людьми предыдущих эпох. Респондентам предлагалось рассказать о своей «нужности», востребованности в жизни, или о причинах невостребованности. 4. Здоровье. Идея динамики здоровья. Тема здоровья проходила красной нитью по всем интервью. Контингент

респондентов варьировал, как уже сказано, от 64 до 84 лет. Следовательно, проблема здоровья в данный момент стоит для них очень остро. А как было раньше? С какого возраста информанты начали заботиться о своей физической форме? Кроме того, интересовала идея здоровья как капитала, ресурса. Также предполагалось, что респонденты поделятся своими предостережениями по поводу преждевременной потери здоровья.

5. «Отпечатки эпох». Данный блок связан с политической и экономической ситуациями в нашей стране и с их отголосками на жизнь конкретного человека (нашего респондента) и его окружения. Были вопросы о том, в какие годы жилось лучше (при каком правителе, конкретные годы), когда было тяжелее, с какой эпохой респондент может себя идентифицировать.

Сбор информации. С целью поиска информантов и адекватных условий для общения мы проводили работу в региональной благотворительной общественной организации «Азария». Первым респондентом был Евгений Константинович - мужчина весьма преклонного возраста (80 лет), бывший натурщик, рассказавший о коллизиях этой работы, в том числе серьезно разрушивших его здоровье. Интервью с ним публикуется в упомянутом журнале. Лично мною опрошено 5 человек. Проанализированы также интервью, проведенные моими коллегами по проекту – Тимуром Аминовым (студентом СПб ГУКИ) и Алексеем Сидориным (выпускником СПбГУКИ, а ныне аспирантом СИ РАН). Интервью записывались в различных условиях. Первые два проводились в уютном тихом помещении с хорошей мебелью, что не могло не способствовать плавному ходу беседы. Впрочем, другие три интервью получились красочными и содержательными, несмотря на то, что были взяты на улице. Длилась беседа, как правило, около получаса. С сохранения деталей беседы все интервью записывались на диктофон. С одной стороны, это сначала немного смущало респондентов, с другой – они сразу же ощущали важность и значимость своих ответов для исследования и для них самих. Выяснилось, что респонденты во время войны подверглись серьезным испытаниям. Выделим несколько выявленных общих фактов и тенденций: 1) В каждом случае происходило раннее взросление, ценности, характерные для подростков шестнадцатилетнего возраста резко сменились на ценности, значимые для самостоятельного и взрослого человека: во главу угла ставилось образование, создание семьи, помощь родителям – то, что в мирные годы могло подождать еще несколько лет; 2) Практически у каждого информанта налицо потеря

нуклеарной семейной связи. Многих в детском возрасте разлучали с родителями, и связь с семьей терялась практически навсегда или очень сильно трансформировалась; 3) Половина опрошенных вспоминает о серьезных перенесенных заболеваниях: чесотке, цинге, вшах, тифе и т. д. Отсюда следует, что здоровье наших респондентов с ранней юности было под угрозой. По свидетельствам наших героев, лучше было в тех местах, куда не доходили немцы: голод можно было утолить с помощью даров леса; 4) В опасности было не только физическое здоровье информантов, но и психическое: регулярно у них на глазах умирали люди: от бомб, пуль, голода, холода. Психика респондентов к тому моменту была еще неокрепшей. Даже сегодня, по прошествии огромного количества лет, пожилые люди горько плачут при воспоминаниях военного времени. Из опрошенных информантов сдержался только один, очевидно, потому что мужчина; 5) Произошло формирование другого отношения к жизни. Возросла солидарность, люди стали трепетно относиться к мирной жизни. Это подтверждается резким желанием некоторых респондентов заняться образованием после войны, завести семью, найти родителей. Сложности мирной жизни уже не воспринимались так остро, как ранее. Все опрошенные пожилые люди вспоминали войну с ужасом и скорбью в глазах, говорили, что лучше бы и не вспоминать об этом.

Выводы о проведенном исследовании. Главный содержательный вывод таков: пожилые люди начали ревностно относиться к своему здоровью лишь тогда, когда уже столкнулись с проблемами с ним. Согласно нашим данным, депривации у старшего поколения не наблюдается, от недостатка внимания со стороны детей, семьи и общества они не страдают, напротив, некоторые интервьюируемые сами дистанцируются от излишнего общения (Евгений Константинович, Людмила Михайловна). Уровнем жизни оказались недовольны всего три человека, тогда как в целом все остальные были довольны. Стоит отметить, что в исследовании не были задействованы как минимум две категории пожилых людей: самый низший класс и старшие родственники элиты. Впрочем, преодолением таких упущений не могут «похвастаться» и другие социологические исследования. Почти в каждом респондент в интервью отмечал следующее: 1) Наличие болезней-отголосков войны, 2) Небольшое количество собственных детей, 3) Наличие огромного «букета» заболеваний к старости. В процессе интервью наши респонденты ощутили свою значимость, так как мы обсуждали вопросы, которые касаются их лично. Они чувствовали заинтересованность, в том, что они пережили и с удовольствием

осмысливали траектории своего жизненного пути. Респонденты также почувствовали значимость для самих себя, значимость собственной жизни, они с удовольствием занимались рефлексией своей жизни, переосмысливая для себя некоторые этапы, замечали ошибки, рассказывали об удачах. В рамках проекта «Река жизни...» был получен опыт общения с представителями пожилого поколения, опробованы разные способы коммуникации, изучены материалы биографического фонда Социологического института РАН. Был получен опыт интервьюера в биографическом интервью. Также исследование помогло выяснить, что поколения, проживающие активную фазу жизни, нуждаются в ознакомлении с процессом старения. Информанты, рассуждая о собственной жизни, регулярно озвучивали идею своей неосведомленности по поводу проблем старости, жалели об упущенных возможностях в этой области. Осмысление своей жизни людьми старшего поколения как нельзя лучше проиллюстрировало необходимость задуматься о старости уже сегодня. Резкая возрастная сегрегация, имеющая место в Санкт-Петербурге, свидетельствует о моральном надломе общества. Однако старость – это единственный социальный риск, которого не избежать, и отношение к пожилым людям не должно отличаться от отношения к другим возрастным группам.

СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ЗДОРОВЬЕ В ПОЖИЛОМ ВОЗРАСТЕ

Корнышева А.Е. (Санкт-Петербург)

Существует много подходов к определению понятия «здоровья». В последнее время здоровье рассматривается не только как совокупность физического, психического и социального благополучия человека.[5] Учитывается динамический аспект данного понятия, его связь с адаптацией. Здоровье воспринимается как динамическое равновесие организма со средой, его способность приспосабливаться к меняющимся внешним условиям.[4]

Здоровью в пожилом возрасте во многом способствует активная старость, т.е. поддержание физического здоровья и продолжение полноценной жизни в обществе.[1]

Для активной жизни пожилых людей необходимо несколько условий. Их можно разделить на две группы:

1. Внешние условия (социальные факторы);
2. Внутренняя предрасположенность (мотивация).

Остановимся поподробнее на первой группе. К социальным факторам можно отнести следующие:

1) Возможность продолжения профессиональной деятельности после выхода на пенсию.

Государственная политика в отношении занятости пенсионеров по старости неоднозначна. С одной стороны, государство предпринимает меры по поддержке этой категории населения. Например, пожилые люди не только имеют право продолжать работать после наступления пенсионного возраста, но и остаются полноправными субъектами трудового права. Но, с другой стороны, законодательство не всегда исполняется. Однако, стоит отметить достаточно высокий процент людей, продолжающих профессиональную деятельность после наступления пенсионного возраста. По результатам исследований приводятся цифра около 60% пенсионеров в первый год пенсионного возраста.[3]

2) Широкий выбор социальных учреждений, предоставляющих условия для культурной и общественной жизни, образования, общения и т.д..

В настоящее время, действует достаточно много, как государственных, так и негосударственных организаций, проводящих образовательные и развлекательные программы. При этом, спрос на некоторые проекты превышает предложение. Например, существуют большие очереди в обоих типах учреждений на посещение компьютерных курсов. Кроме того, наблюдается невысокая степень информированности целевой группы о существующих программах и их несоответствие потребностям пожилых.

3) Уличная инфраструктура, приспособленная к потребностям людей пожилого возраста.

Она включает, в том числе, адаптированный общественный транспорт (низкий пол, пандусы в метро), достаточное количество скамеек в парках и во дворах, удобные для пожилых людей переходы в поликлиниках, музеях и театрах и т.д. Хотя в настоящее время наметилось движение по пути формирования данной инфраструктуры, городская среда все еще не соответствует потребностям данной социальной группы.

4) Материальный уровень, достаточный для ведения достойной жизни.

В настоящее время уровень пенсий сильно дифференцирован. Хотя пенсия при достижении пенсионного возраста, в среднем, не существенна, люди старше 1945г. рождения в большинстве своем получают большое количество надбавок

(государственную пенсию как участники и инвалиды ВОВ, ЖБЛ и т.д., «путинскую» надбавку как ЖБЛ, компенсации как инвалиды и т.д.). В результате размер их пенсии часто не только покрывает насущные расходы, но и предоставляет возможность для накоплений. Следует отметить также стабильность данного источника дохода и его регулярную индексацию (хотя она и не покрывает инфляцию). При этом, средний размер пенсии остается невысоким (9573 руб. по Санкт-Петербургу на 2012г.).

5) Доступность медицинской помощи.

В сфере здравоохранения также наблюдается несоответствие между декларируемым государством правом на бесплатную медицинскую помощь и реальной ситуацией недоступности и платности многих услуг. Эта проблема существует и в сфере обеспечения пожилых людей лекарствами.

6) При необходимости социальная помощь на дому и в стационаре.

В настоящее время развита широкая сеть государственных учреждений по оказанию данных видов помощи. Однако, отмечается ряд недостатков в их работе. Например, ограниченность предоставляемых услуг, их недоступность для некоторых категорий пожилых людей, частичная оплата услуг, которая растет непропорционально увеличению пенсии и т.д.

Данные социальные факторы позитивно влияют на возможность активной жизни в пожилом возрасте, и, соответственно, на здоровье людей старших возрастов. Они способствуют поддержанию как физических, так интеллектуальных функций человека, его социального благосостояния. К сожалению, в настоящее время, уровень развития данных внешних условий остается не очень высоким. Однако, намечается движение по пути их развития, что, как можно надеяться, скажется и на здоровье пожилых людей.

Литература

1. Келасьев В.Н., Первова И.Л. Социальная компетентность и технологии ее формирования в современной России // Вестник Санкт-Петербургского Университета – 2010, серия 12, №3

2. Колосова Г.В. Повышение качества жизни граждан пожилого возраста в Санкт-Петербурге: итоги 2011 г.// Материалы международного конгресса «Социальная адаптация, поддержка и здоровье пожилых людей в современном обществе» - СПб, 2012

3. Малеева Т. Синявская О. Модели занятости пенсионеров // ДемоскопWeekly -
<http://demoscope.ru/weekly/2008/0341/tema04.php>
4. Никифоров Г.С. Психология здоровья. Учебное пособие. М., 2002
5. Healthandaging: adiscussionpaper // Всемирная Организация Здравоохранения -
http://whqlibdoc.who.int/hq/2002/WHO_NMH_NPH_02.8.pdf
f (дата обращения 05.03.2010)

БЕЗОТВЕТСТВЕННОЕ МЕДИЦИНСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ КАК ФАКТОР РИСКА УХУДШЕНИЯ ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ

Лебедева-Несевря Н.А., Барг А.О. (Пермь)

Вопрос о роли эндогенных и экзогенных факторов в этиологии заболевания является одним из наиболее актуальных в современной науке. По мере накопления клинических данных, развития теоретической медицины, а также других наук, имеющих своим предметом факторы и условия, детерминирующие состояние здоровья отдельного индивида и населения в целом, взгляды на значение различных факторов в возникновении заболеваний и на взаимоотношения между действующей вредностью и организмом больного значительно изменились. В современном обществе на первый план выходят поведенческие факторы риска ухудшения здоровья, важное место среди которых занимает безответственное медицинское поведение, сопряженное с низким уровнем медицинской и санитарно-гигиенической грамотности населения, а также девальвацией здоровья как социальной ценности. Индивидуальное медицинское поведение или шире, медицинская активность, отражает наиболее типичные и характерные виды, формы активности, деятельности людей в области профилактики и лечения соматических и психических заболеваний. Важно отличать медицинское поведение от прочих форм активности, связанных с формированием (укреплением, сохранением) здоровья, таких как занятия физической культурой, закаливание, гигиеническое поведение и пр. Как правило, медицинское поведение (активность) интерпретируется в двух смыслах. Первый предполагает привязку к практикам взаимодействия индивида с субститутами медицины как социального института [2; 3] (под медицинским поведением (активностью) в данном случае подразумевается поведение пациента,

поведение индивида как получателя медицинских услуг). Второй – несколько более широкое толкование, ассоциированное с ролью больного, предполагающей реализацию системы мероприятий, направленных на восстановление здоровья, предупреждение осложнений заболевания и устранение тягостных для больного проявлений болезни, т.е. лечение. Структурными компонентами безответственного медицинского поведения как фактора риска ухудшения здоровья выступает, во-первых, несвоевременное обращение к врачу (пренебрежение профилактическими осмотрами и обращение к специалисту только в случае появления серьезных симптомов). Как показывают результаты исследований, несвоевременное обращение к врачу является ключевой причиной хронизации многих заболеваний, появления их осложненных исходов, а также запущенности. В России такие виды заболеваний как злокачественные новообразования прямой кишки, шейки матки, молочной железы, яичника зачастую диагностируются лишь на III-IV стадиях как раз в силу несвоевременного обращения больного к специалисту-онкологу [1; 5]. Вторым компонентом безответственного медицинского поведения является низкая приверженность пациентов терапии, включающая самовольное прерывание пациентом курса терапии (недолечивание), несоблюдение пациентом схемы лечения и низкую комплаентность в отношении фармацевтических препаратов. В данном случае термин «комплаентность», понимаемый в узком смысле, включает 2 аспекта: а) пациент принимает неправильную дозу препарата (слишком маленькую или слишком большую) и б) пациент не соблюдает кратность и продолжительность приема препарата. В-третьих, безответственное медицинское поведение включает в себя безответственное самолечение, заключающееся в а) реализации длительного (свыше 3 дней) самолечения, б) применении нескольких лекарственных препаратов сразу, в) приеме фармацевтических препаратов без назначения врача при расстройствах здоровья у детей или в состоянии беременности, а также при неясных болях в груди и животе и впервые появившихся перебоях в работе сердца, г) обращении к «народным» методам лечения и д) обращении за рекомендацией о фармацевтических препаратах и методах лечения к кому-то, кроме врача [6]. Отметим, что в эмпирических исследованиях установлено, что неблагоприятная побочная реакция на лекарственный препарат в каждом пятом случае является следствием их самостоятельного применения, без назначения врача, в том числе препаратов, отпускаемых только по рецепту [4]. Наконец,

четвертый компонент безответственного медицинского поведения – это отсутствие самоконтроля основных показателей здоровья (измерения артериального давления, содержания сахара и холестерина в крови, самообследования молочных желез у женщин и пр.). Значимость реализации подобного поведения подтверждается, например, фактом того, что в 90% случаев опухоли груди выявляются женщинами именно в ходе самообследования, без реализации специальных диагностических процедур [7]. Исследование, проведенное специалистами ФБУН «ФНЦ медико-профилактических технологий управления рисками здоровью населения» в мае-июне 2012 г. среди работников одного из промышленных предприятий г. Перми (объем выборки – 95 человек, способ отбора респондентов – квотный, метод сбора данных – раздаточное анкетирование на рабочем месте), позволило установить высокую распространенность практик безответственного медицинского поведения в изучаемой группе. Так, менее 20% опрошенных систематически следят самостоятельно за ключевыми маркерами состояния здоровья – артериальным давлением, содержанием сахара и холестерина в крови, весом и пр. Только 39% респондентов обращаются к врачам с профилактической целью, большинство же идет к специалисту лишь в случае возникновения серьезной проблемы со здоровьем. Назначенный врачом курс лечения проходят полностью менее половины (41%) работников предприятия. Свыше трети опрошенных (35%) регулярно практикуют самолечение, принимают фармацевтические препараты без назначения врачей. Безответственное медицинское поведение выступает важным фактором риска ухудшения здоровья населения, провоцирующим увеличение смертельных исходов от различных заболеваний, снижающим эффективность принимаемых в сфере охраны и укрепления здоровья населения решений, оборачивающимся весомыми потерями человеческого потенциала и экономическими затратами. Значимость последствий реализации безответственного медицинского поведения выводит данную проблему в число самых актуальных в современном мире.

Литература

1. Егорова А.Т., Свирская С.В. Состояние заболеваемости раком шейки матки женщин в Красноярском крае // Сибирский медицинский журнал. 2011. № 7. С. 90-93.
2. Ибрагимов А.Н. Характеристика здоровья и медицинской активности старшеклассников по их самооценке / А.Н. Ибрагимов,

А.М. Дюкарева // Общественное здоровье и здравоохранение. 2007. № 3. С. 30-33.

3. Потешонкова С.В. Характеристика медицинской активности и информированности беременных с хроническими воспалительными заболеваниями почек / С.В. Потешонкова, М.В. Кулигина, Л.В. Карнеева // Российский медико-биологический вестник им. академика И.П. Павлова. 2009. № 4. С. 74-79.

4. Смусева О. Н., Соловкина Ю. В. Побочные лекарственные реакции при самолечении // Саратовский научно-медицинский журнал. 2012. Т. 8, № 1. С. 35–37.

5. Старостина М.А., Афанасьева З.А. О причинах запущенности рака прямой кишки в республике Татарстан // Казанский медицинский журнал. 2009. № 5. С. 735-736.

6. См. об этом подробнее: Guidelines for the Regulatory Assessment of Medicinal Products for use in Self-Medication. WHO/EDM/QSM/00.1, Geneva: World Health Organization, 2000, retrieved 2012-09-02.

7. Foster R.S., Bang S. P., Costanza M.C. et al. Breast self-examination practices and breast cancer stage. N. Engl. J. Med., 1978, v. 299, p. 265-270.

8. Тезисы подготовлены при поддержке гранта Российского гуманитарного научного фонда, проект № 12-16-59016а (р).

ЗНАЧЕНИЕ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ (РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Макарова С.П. (Череповец)

Необходимость заботы о здоровье не вызывает сомнений. Вместе с тем, на протяжении длительного времени русский человек предпринимал активные действия, направленные на улучшение самочувствия, только тогда, когда возникали какие-либо проблемы в этой области. Несмотря на парадоксальность подобного поведения, оно вполне объяснимо, истоки его можно обнаружить в древнем укладе жизни, патерналистской заботе государства в период Советского Союза. Изменение ценностных ориентаций, произошедших в постперестроечные годы и поддержанное на правительственном уровне, стимулировало население страны к осознанию важности принципов здорового образа жизни.

Традиционно наиболее активно и масштабно на новые модные тенденции отреагировала молодежь.

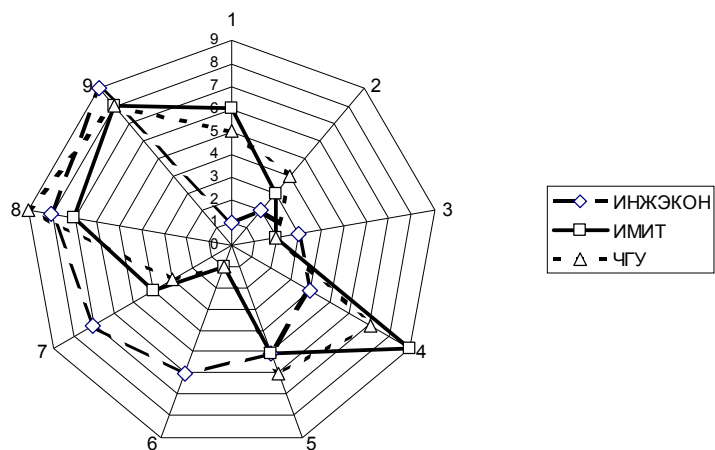
Все обозначенное выше можно рассматривать как предпосылку для комплекса социологических исследований, организованных в 2010-2011 гг. Основной целью исследования являлось изучение того, какой смысл современная молодежь вкладывает в понятие «здоровый образ жизни» (ЗОЖ) и какие действия готова предпринять в данном направлении.

В качестве респондентов была выбрана студенческая молодежь, получающая очное экономическое образование в вузах г. Череповца Вологодской области. Выборочная совокупность исследования составила 300 человек.

Остановимся кратко на основных выводах, сделанных по итогам исследования. Сначала необходимо определиться с тем, что студенты подразумевают, говоря о здоровом образе жизни. Распределение позиций респондентов представлено на диаграмме 1. При анализе данных становится понятно, что мнения студентов различных вузов достаточно отличны друг от друга. Это не позволяет выделить компоненты здорового образа жизни, одинаково важные для всех респондентов. Разброс суждений может быть вызван как индивидуальными ценностными ориентирами личности, так и влиянием ближайшего окружения, имеющего различные установки.

Некоторую общность суждений можно отметить только в выделении средних по значимости и наименее важных для студентов составляющих, таких, как: «правильный режим дня» (5-е место), «получение различной информации о ЗОЖ» (8-е место) и «закаливание» (9-е место).

В качестве важного и положительного момента следует отметить то обстоятельство, что студенты двух вузов на первое место ставят «внутреннее гармоничное состояние», что может говорить о понимании важности собственного настроения и силы его влияния на общее состояние организма.

Условные обозначения компонентов ЗОЖ			
№ п/п	Компонент ЗОЖ	№ п/п	Компонент ЗОЖ
1	Рациональное питание	6	Внутреннее гармоничное состояние
2	Привитие полезных привычек с детства	7	Отказ от вредных привычек
3	Умеренные физические нагрузки (зарядка, тренировки и т.д)	8	Получение различной информации о ЗОЖ
4	Прогулки на свежем воздухе	9	Закаливание
5	Правильный режим дня		

Рис. 1. Рейтинг значимости компонентов здорового образа жизни
(наиболее значимые компоненты имеют больший вес и стремятся к центру диаграммы)

В результате исследования было установлено, что у респондентов сформировано достаточно однозначное понимание необходимости ведения здорового образа жизни, что они и демонстрируют своими ответами (рис. 2).

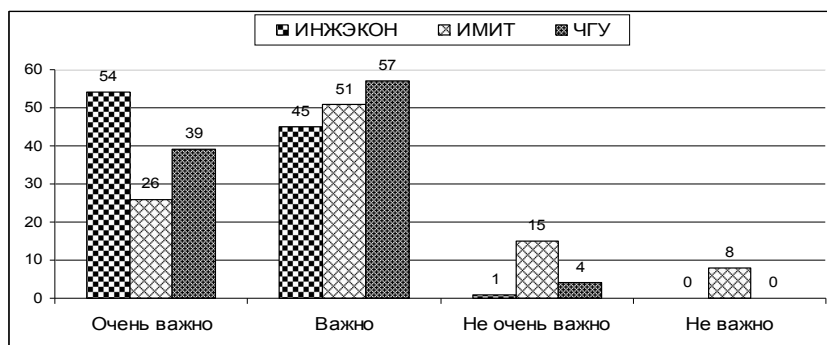

Рис. 2. Важность соблюдения основ здорового образа жизни

Настораживают ответы, согласно которым респонденты не видят в ЗОЖ особенной необходимости. Логично предположить, что для данных студентов закономерность «соблюдение принципов здорового образа жизни является предпосылкой и условием здоровья и долголетия» не является бесспорной.

Большое удивление в непоследовательности суждений и действий студентов вызывает расхождение между пониманием значимости для человека здорового образа жизни и готовности его придерживаться (рис. 3). Достаточно значительная часть опрошенных призналась в эпизодичности соблюдения правил здорового образа жизни (суммарно – 32,7% по всем вузам).

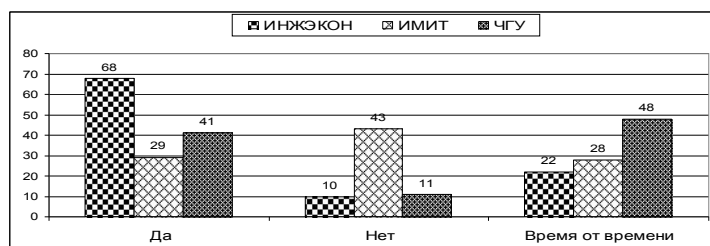
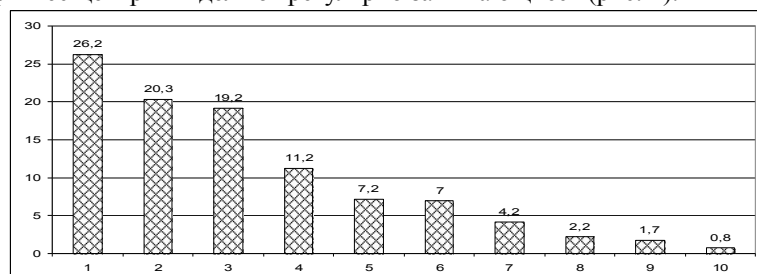

Рис. 3. «Ведете ли Вы здоровый образ жизни?»

Скорее всего, данное расхождение вызвано тем, что наличие убеждений, не требующее затрат и усилий, дается респондентам не в пример легче, чем активные действия, предполагающие волевые усилия и иногда идущие вразрез с сиюминутными желаниями.

В качестве одного из наиболее значимых способов соблюдения здорового образа жизни студенты указывают умеренные физические нагрузки. Сегодня практически в каждом населенном пункте созданы условия для двигательной активности. Лидирующие позиции в данном направлении занимают различные фитнес-центры и тренажерные залы. Интересно посмотреть, какие мотивы визитов в фитнес-центры выделяют регулярно занимающиеся (рис. 4).

Условные обозначения мотивов			
№ п/п	Мотив	№ п/п	Мотив
1	укрепление здоровья	6	хороший тренер
2	стремление хорошо выглядеть	7	за компанию
3	повод отказаться от диет	8	приятная группа
4	улучшить настроение, избавиться от стресса	9	с пользой провести свободное время
5	модно и престижно	10	повод для знакомства

Рис. 4. Мотивы посещения фитнес-центров
(суммарно по всем опрошенным)

Суммируя результаты исследования, необходимо отметить несколько положительных моментов, состоящих в том, что студенты в молодом возрасте:

- осознают необходимость заботы о собственном здоровье,
- имеют представление о том, что для этого необходимо делать,
- готовы прикладывать определенные усилия.

СТАРЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ: СОЦИАЛЬНО-БИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЗДОРОВЬЯ И ДОЛГОЛЕТИЯ.

Михалева А.В. (Санкт-Петербург)

В настоящее время, в связи с увеличением числа пожилых людей в демографической структуре населения особую актуальность приобретает социологическое осмысление проблем этой возрастной категории. Процесс старения населения в России происходит на фоне изменения социально-экономической ситуации пожилых людей, формирования негативных, медикализованных взглядов на этот период жизни человека. Однако согласимся, что пожилые должны рассматриваться как любая другая достаточно дифференцированная социально-возрастная группа, без акцентирования внимания на болезнях и необходимости медицинской помощи. Кроме того, обществу видны те проблемы, которые регулярно тиражируют СМИ, а связаны они не с объективными характеристиками проблемы, а с предпочтениями аудитории или текущими политическими задачами. Тем не менее, количество пожилых людей и долгожителей ежегодно возрастает. Под долгожительством принято понимать социально-биологическое явление, характеризующееся дожитием человека до высоких возрастных рубежей, значительно превышающих среднюю продолжительность жизни. Людей, возраст которых превышает 90 лет, называют долгожителями. В Санкт-Петербурге, как и во всех регионах мира, количество долгожителей растет. «В 2011 году, среди жителей города, насчитывалось 14847 пожилых граждан старше 90 лет и 179 человек старше 100 лет». [1, с. 16]. На продолжительность жизни влияют различные социальные, экономические, биологические факторы. Одним из основных факторов долголетия является здоровье. «Здоровье - это такое психофизиологическое и духовное состояние человека, которое обеспечивает его полноценное биосоциальное функционирование, физическую и интеллектуальную работоспособность, достаточную приспособляемость к естественным воздействиям изменчивой внешней среды при отсутствии патологических отклонений в организме» [2, с. 41]. В российском социуме доминирует представление о том, что чем старше становятся люди, тем хуже их здоровье. Однако очевидно, что чем дольше человеку удалось прожить, тем крепче здоровье. Действительно, несмотря на свой календарный возраст, многие долгожители остаются достаточно сохранными людьми, как физически, так и психически. Хотя большое число долгожителей имеет заболевания, приводящие к снижению способности к самообслуживанию. В отношении пожилых и долгожителей, именно термины «сохранность», или «самостоятельность» определяют состояние здоровья и качество жизни. Современные долгожители обладают достаточной информацией о способах поддержания и сохранения

здоровья, однако это не гарантирует того, что они будут им следовать. Для этого необходима стойкая мотивация, которая не выработана у большинства людей старшего возраста. Кроме того социальная политика государства ориентирует население преимущественно на лечение, а не на предупреждение заболеваний. Многие исследователи считают образ жизни главным фактором, определяющим продолжительность жизни человека. Образ жизни может пониматься и как совокупность конкретных подходов каждого человека к использованию ресурсов и возможностей, предоставляемых ему социальными условиями, образованием, рыночными отношениями. Физическая активность, положительные эмоции, адекватное питание и, конечно, отказ от вредных привычек, в значительной степени являются основой здорового образа жизни. Регулярные физические упражнения мобилизуют защитные силы организма, предупреждают многие заболевания, дают существенный прирост общего здоровья на всех этапах жизни человека и, в конечном итоге, продлевают жизнь. Однако люди будут выбирать тот образ жизни в старшем возрасте, который более соответствует прежнему образу жизни. Такие факторы, как занятость домашними делами, личная пассивность, отсутствие интереса к физкультуре и условий для занятий или плохое здоровье препятствуют физической активности пожилых людей и долгожителей. Согласимся, что здоровье и активное долголетие - это огромный повседневный труд по совершенствованию самих себя. Очевидно, что о своем здоровье и его сохранности каждый человек должен заботиться сам, тем не менее, профилактические меры людей старшего возраста не должны ограничиваться посещением медицинских учреждений, необходимо отказаться от вредных привычек, следить за питанием и физической активностью. Наблюдения показывают, что долгожительство часто свойственно как определенным семьям, так и населению определенных территорий, что свидетельствует о значении наследственных и экологических (качество окружающей среды) факторов долголетия. Так, например, дети долгожителей имеют шансы дожить до 90 и более лет в четыре раза выше, чем остальные. Поэтому долгожительство – в значительной степени семейная черта. Долголетие во многом зависит от включенности человека в систему социальных взаимодействий. Наличие разнообразных социальных связей и дружеских контактов, крепкая семья, интересная работа, приносящая моральное удовлетворение, высокий социальный статус положительно влияют на продолжительность жизни. Можно отметить раннее начало и позднее окончание трудовой деятельности

долгожителей. Почти четверть из них продолжали работать до глубокой старости, считая труд неотъемлемой частью своей жизни. Систематический труд не только обеспечивает человеку средства существования, дает определенный статус, но и реализует социальную активность индивида, способствует продлению жизни, поэтому работа необходима пожилым. Так, например, около половины величайших открытий, отмеченных Нобелевской премией, сделаны людьми именно среднего и старшего возраста. Согласимся, что чем дольше люди старшего возраста будут продолжать трудовую деятельность, тем больше в них будет заинтересовано общество. Кроме того, интересное проведение досуга, поиск полезных и значимых занятий, соответствующих индивидуальным склонностям, интересам, способностям обычно приносит пожилым людям чувство удовлетворения, способствует укреплению здоровья и продлению жизни. Многие пожилые люди и долгожители могут участвовать в добровольческой деятельности и оказывать помощь самостоятельно — соседям, знакомым, родственникам, как пожилым, так и детям/подросткам, что в свою очередь, является решением проблем одиночества и неустойчивости. Очевидно, что если пожилой человек хочет сохранить жизнеспособность в старшем возрасте, он должен активно участвовать в различных видах деятельности - воспитании внуков, в политике, в общественных организациях, оздоровительных программах. Старение – длительный многомерный процесс, имеющий индивидуальный характер, обусловленный возникновением изменений, которые в дальнейшем проявятся как признаки старости. У разных людей она происходит по-разному и в разные сроки. Поэтому основная задача российского общества – не просто замедлить этот процесс и увеличить продолжительность жизни, но сохранить здоровье и обеспечить активное профессиональное и творческое долголетие.

Литература

1. Пожилой человек в современном обществе: социологический анализ / Под ред. И.А. Григорьевой. СПб.: «Астерион». 2011. 86 с.
2. Царик А.В. Некоторые аспекты стратегии активного долголетия // Теория и практика физической культуры. 2002. С. 40-43.

САМОСОХРАНИТЕЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ МОЛОДЕЖИ (ПО ИТОГАМ ОПРОСОВ)

Самосохранительное поведение молодежи (на материале эмпирических исследований) Л. В. Намруева, Н. М. Муева В связи с тем, что на долю молодежи приходится приблизительно половина случаев заражения ВИЧ в мире, актуально изучение информированности молодых людей о проблемах ВИЧ, СПИДа, их самосохранительного поведения, сексуального поведения, характера вовлечения их в модели рискованного поведения. Самосохранительное поведение это система действий и отношений, опосредующих здоровье и продолжительность жизни индивида, имеющая универсальный характер, который проявляется в его соотнесенности со всеми сферами жизни (производственной, семейной, репродуктивной и др.) [1, 4]. В данной статье осуществлен вторичный анализ некоторых результатов анкетных опросов, проведенных в 2006 г. и 2009 г. Калмыцким Республиканским центром специализированных видов медицинской помощи. Объект изучения студенты высших, среднеспециальных учебных заведений и профессиональных училищ республики. Общая выборочная совокупность составила 1360 человек. В 2006 г. было опрошено 400 человек (студентов ссузов), 600 человек (студентов вузов), в 2009 г. 360 человек (студентов вузов). Цель нашего исследования: проанализировать уровень возможного риска заражения ВИЧ-инфекцией и другими заболеваниями, передающимися половым путем в данной целевой группе. Исходя из поставленной цели, решаются следующие задачи: выяснить уровень информированности учащихся о ВИЧ/СПИДе; определить уровень толерантности к людям, живущим с ВИЧ/СПИДом; выявить способы рискованного поведения в молодежной среде (определение рискованных практик сексуального поведения). Рассмотрим информированность молодых людей о способах передачи ВИЧ-инфекции. На вопрос: «Какими путями может передаваться ВИЧ-инфекция?», были получены данные, свидетельствующие о том, что подавляющее большинство ответивших знает основные способы передачи ВИЧ-инфекции: незащищенный сексуальный контакт (96,9 %), попадание в организм зараженной крови (92,4 %), использование одного общего шприца наркоманами (91,8 %), от ВИЧ-инфицированной беременной женщины к новорожденному ребенку (88,4 %). Заметим, что информированность студентов ссузов несколько ниже, чем студентов

вузов по всем перечисленным позициям. В 2006 г. 67,7 % студентов вузов указали и еще один путь передачи ВИЧ-инфекции незащищенные гомосексуальные контакты. Стопроцентное знание об основных путях (незащищенный сексуальный контакт, попадание в организм зараженной крови) продемонстрировали в 2009 г. студенты высшего учебного заведения. Несмотря на то, что в 2006 г. студенты вузов показывают высокий уровень информированности, они отмечают неправильные ответы. Ошибочно полагая, что ВИЧ можно заразиться при укусах кровососущих насекомых (14,0 %), при телесном контакте (7,8 %), бытовым путем (6,2 %), при чихании, насморке, кашле (6,2 %), если ВИЧ-инфицированный готовит продукты (2,5 %). Таким образом, сравнение полученных результатов показало, что уровень информированности студентов о путях передачи ВИЧ довольно высок, подавляющее большинство респондентов (более 90 %) знает об основных путях передачи ВИЧ-инфекции. Один из вопросов анкеты позволил определить уровень толерантности респондентов по отношению к ВИЧ-позитивным людям. Отметим, что опросные листы, использованные в ходе анкетирования, не идентичны, т.е. полностью не совпадают. Поэтому проанализируем результаты отдельно по годам (2006, 2009). Данные, полученные в 2006 г., показывают, что 84 % респондентов в случае заражения ВИЧ члена своей семьи будут за ним ухаживать. Всего 2 % респондентов в этой ситуации настроены категорически отрицательно. В случае, если зараженным ВИЧ окажется однокурсник/ца, 62 % респондентов продолжат общение с ними и в их поведении ничего не изменится. А ответы четверти говорят о прямо противоположной точке зрения, так, 24 % опрошенных перестанут общаться со своим/ей однокурсником/цей. Сравнение этих результатов позволяет нам констатировать, что к более близким людям отношение терпимее, чем к отдаленным. Акцентируем внимание на том, что почти одна пятая часть всех опрошенных учащихся (19,0 %) не толерантна к ВИЧ-позитивным людям, не смотря на то, что уровень информированности студентов по путям передачи ВИЧ – высокий, так как более 90 % опрошенных знают, какими путями передается ВИЧ. Результаты опроса 2006 г. показывают, что в студенческой среде высок процент людей более 60% от всей выборки, толерантно относящихся к ВИЧ-позитивным. Отметим, что среди опрошенных студентов вузов есть не определившиеся в своем поведении в рассматриваемых ситуациях. В группе студентов ссузов затруднившихся ответить нет. Можно сделать вывод, что наличие образования и высокого уровня

информированности о ВИЧ-инфекции, напрямую не влияет на толерантное отношение к людям, живущим с ВИЧ. Опрос 2009 г. студентов вузов показал, что каждый третий опрошенный (33,1 %) уверен в том, что учитель, инфицированный ВИЧ, может работать с детьми, как и все другие учителя. 41,4 % респондентов полагают, что для всех будет лучше, если учитель, инфицированный ВИЧ, перестанет работать с детьми. Уровень нетерпимого отношения, как видим, выше, чем толерантного. Треть (33,1 %), заявила, что ничего не изменится в их поведении, если они узнают, что врач или продавец в магазине инфицирован ВИЧ. Напротив, 44,2 % респондентов воспользуются услугами другого врача или начнут делать покупки в другом магазине, когда узнают, что их врач или продавец инфицирован ВИЧ. И эта ситуация показывает, что преобладает нетерпимое отношение. Как видим, студенты вузов, опрошенные в 2009 г., демонстрируют низкий уровень толерантности по отношению к людям, живущим с ВИЧ/СПИДом (ЛЖВС), лишь каждый третий опрошенный (33 %) толерантен к ЛЖВС. В то же время более 40 % опрошенных не толерантны к людям, инфицированным ВИЧ. Сравнение результатов исследований (2006 и 2009 гг.), определяющих отношение ЛЖВС, позволяет констатировать, что отношение молодых людей, несмотря на почти стопроцентную информированность о ВИЧ/СПИДе, ухудшается, становится более нетерпимым. Возможно, не последнюю роль в этом играет ситуация, предложенная исследователями. В отношении родственников, однокурсников ЛЖВС, которые принадлежат к близкому кругу взаимодействий, проявляется толерантность, а в отношении ЛЖВС отдаленного круга (врач, продавец), уже демонстрируется интолерантность. Эти наши выводы требуют дальнейшего глубокого изучения. Результаты нашего исследования выходят за рамки изучения сформированности терпимого отношения к ВИЧ-инфицированным. Очевидно наличие другой актуальной и глобальной проблемы – воспитания толерантной личности. С самого раннего возраста необходимо воспитывать доброжелательность, лояльность к различиям.

Литература

1. Журавлева И.В. Самосохранительное поведение и репродуктивный статус подростков // Тезисы докладов и выступлений на II Всероссийском социологическом конгрессе «Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы»: В 3 т. М.: Альфа М., 2003. Т 3. С. 48-50.

СОЦИАЛЬНОЕ ЗДОРОВЬЕ МОЛОДЕЖИ КАК ПЕРСПЕКТИВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СОЦИОЛОГИИ ЗДОРОВЬЯ

Некрасова Е.В. (Санкт-Петербург)

Социальное здоровье является основной проблемой исследования в социологии здоровья. Это ключевая категория данного научного знания. Проблемным и в то же время одним из наиболее перспективных полей исследования в социологии здоровья выступает изучение социального здоровья молодого поколения. Решение проблем здоровья возможно лишь на основе политеоретического анализа социальных процессов. Под социальным здоровьем понимают соответствующий уровень совокупного физического, психического, интеллектуального, социального, духовно-нравственного и репродуктивного здоровья населения [7, с. 254-255]. По мнению Р.А. Зобова и В.Н. Келасьева, социальное здоровье может быть представлено как отражение отношения общества к человеку и реализуется через включение человека в разнообразные социальные структуры. Тем самым оно может рассматриваться как итог, результат такого включения [1, с. 9]. Важным является определение социального здоровья молодежи. Социальное здоровье молодежи представляет собой социально опосредованное физическое, психическое и духовно-нравственное состояние молодежи как особой социально-демографической группы, находящейся в процессе наиболее активного периода социализации. Феноменом, по смыслу и содержанию противоположным социальному здоровью, является социальное нездоровье. По мысли Р.А. Зобова и В.Н. Келасьева, к социальному нездоровью приводит социальное исключение из среды или какой-либо её сферы. Весьма масштабные формы исключения порождает социальная некомпетентность человека. Её начальная форма возникает уже на основе трудностей доступа значительного количества людей к современным формам образования, тех или иных форм благополучия в семье, определенных дефектов социализации, низкого уровня жизни, недостаточной социальной зрелости индивида [2, с. 53-54]. Наблюдается снижение показателей социального здоровья молодежи. Серьезное опасение вызывают саморазрушение и самоуничтожение человека, в том числе этносов, населяющих Россию. Наиболее сильно втянутыми в этот процесс оказались дети,

подростки и молодежь. Анализ проявляющихся в этой среде процессов позволяет утверждать, что категории «саморазрушение» и «самоуничтожение» применимы к анализу как медицинского, так и духовного, морально-нравственного, интеллектуального, психического состояния детско-подростковой и молодежной среды [6, с. 169-170]. Что касается последствий влияния социальных рисков на современную молодежь, то в условиях риска происходят такие характерные проявления нарушения процесса развития молодежи, как нарушение воспроизводства жизненных сил, неопределенность возможностей самореализации молодежи, ценностно-нормативная неопределенность, а также неопределенность идентичности. Таким образом, ключевым фактором, определяющим жизненные стратегии молодежи в обществе риска, становится «неопределенность», которая оказывает непосредственное влияние на процесс социализации молодого поколения в этом обществе, делая его преимущественно случайным, вероятностным по своему характеру, определяя стиль мышления, поведения, жизненные стратегии, являющиеся отражением социального самочувствия и здоровья молодежи [3, с. 12-13]. Социальное нездоровье молодежи – это совокупность деструктивных тенденций в молодежной среде, влияющих на физическое, психическое и духовно-нравственное состояние молодежи как особой социально-демографической группы, деформирующих процесс её социализации. Опрос молодежи «Социальное здоровье молодежи», проведенный в различных регионах нашей страны сотрудниками лаборатории исследования проблем молодежи НИИКСИ СПбГУ, демонстрирует агрессивные состояния как показатели социального нездоровья в молодежной среде [5, с. 47-49]. Исследование показывает, что характеристики респондентов по проявлению их агрессивности в отношении других людей распределяются следующим образом: постоянно испытывают состояния агрессивности 4% (так называемые «агрессоры»), время от времени – 53,0% (типичное состояние для большинства), практически никогда – 43%. Наибольшие опасения вызывает первая из указанных категорий. Важными и наиболее перспективными в практическом плане являются научные исследования в сфере формирования социального здоровья молодежи. Как полагает А.А. Козлов, применительно к деятельности государственных служб обеспечение социального здоровья и здорового образа жизни во многом определяется их способностью воздействовать: а) на среду обитания формирующейся личности, и в частности конструировать и формировать эту среду; б) на процесс формирования личности с

точки зрения соответствия законам и этапам развития личности; в) на охрану (защиту) прав формирующейся личности; г) на создание системы целевой поддержки (помощи) развивающейся личности, формирование мотивации на здоровый образ жизни. Это возможно при наличии информационной базы и методологии. При этом речь идет не только о целенаправленном конструировании пространства формирования и обитания формирующейся личности, но и о применении мер прямого и косвенного управления, способствующих упрочению положения личности в социуме и уверенности в завтрашнем дне, обретению осмысленности жизни как части жизни общества и, в определенной степени, государства [4, с. 42]. Таким образом, проблема социального здоровья и нездоровья является в высшей степени значимой для российского социума. Особенно это касается молодого поколения, в среде которого распространены алкоголизм, наркомания, различные виды антисоциального поведения. Для предотвращения дальнейшей эскалации негативного потенциала необходима действенная государственная молодежная политика, направленная на поддержание и развитие социального здоровья молодого поколения, преодоление деструктивных тенденций в среде российской молодежи.

Литература

1. Зобов Р.А., Келасьев В.Н. Методологические проблемы исследования социального здоровья в контексте социализации личности // Актуальные проблемы исследования социального здоровья. Ч. I. Опыт социолого-философского анализа / Под ред. Р.А. Зобова и А.А. Козлова. СПб.: Химиздат, 2004. 168 с.
2. Зобов Р.А., Келасьев В.Н. Социальное здоровье и социализация человека / Под общ. ред. В.Н. Келасьева: Учеб. пос. СПб.: ХИМИЗДАТ, 2005. 168 с.
3. Зузуля И.В. Социальное здоровье российской молодежи в условиях рискогенности российского общества. Ростов-на-Дону: Антей, 2007. 16 с.
4. Козлов А.А. Социальное здоровье молодежи // Актуальные проблемы исследования социального здоровья. Ч. I. Опыт социолого-философского анализа / Под ред. Р.А. Зобова и А.А. Козлова. СПб.: Химиздат, 2004. 168 с.
5. Козлов А.А. Социальное здоровье и агрессивные состояния // Актуальные проблемы исследования социального здоровья молодежи. Часть II. Информационно-аналитические

материалы / Под ред. Р.А. Зобова: Учеб. пос. СПб.: ХИМИЗДАТ, 2005. 88 с.

6. Молодежь и социальное здоровье / Под ред. Р.А. Зобова. СПб.: ХИМИЗДАТ, 2006. 284 с.

7. Перова И.Л. Социальное здоровье и подрастающее поколение. Гл. 21 // Молодежь и социальное здоровье / Под ред. Р.А. Зобова. СПб.: ХИМИЗДАТ, 2006. 284 с.

ПСИХОСОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ ОНКОЛОГИЧЕСКИХ БОЛЬНЫХ

Николаева Н.Г. (Санкт-Петербург)

Психосоциальные аспекты в оценке качества жизни больных злокачественными новообразованиями не менее важны, чем степень сохранности физических функций и способность к активности. В современной системе здравоохранения специальные учреждения, оказывающие помощь онкологическим больным, по ряду причин не способны осуществлять комплексную реабилитацию помимо лечения злокачественных новообразований. Как показали результаты опроса медицинских работников в 100% случаев им приходится решать вопросы психологического характера и в 55% - материально-бытовые проблемы. Психологические и социальные задачи, с которыми сталкиваются пациенты и их близкие часто становятся причиной непонимания, и даже недовольства по отношению к персоналу онкологических учреждений. Особенность менталитета наших сограждан предполагает обязательное перекладывание ответственности на другого человека и, желательно, с минимальными затратами для себя. В беседе с родственниками онкологических больных половина из них (50%) отмечали присутствие страхов по поводу невозможности должного ухода за тяжело больным человеком в домашних условиях, а также возможных проблемах в семье, связанных с его осуществлением. Они уверены в том, что уход за их больными родственниками должны осуществлять только сотрудники медицинских учреждений. Большинство пациентов со злокачественными новообразованиями – 89% адекватно оценивают свое состояние и потому на вопрос о пожеланиях к службе паллиативной помощи отвечали размышлениями о системе здравоохранения вообще, об отношении общества к онкологическим больным, по большей части отстраненном. По их мнению, дефицит общения не может быть полностью компенсирован родственниками и

сотрудниками учреждения. Хорошим подспорьем было бы постоянное (а не единичное) присутствие волонтеров и не только религиозной направленности. Таким образом, с целью повышения эффективности терапии и качества жизни пациентов с онкологическими заболеваниями одновременно с комплексным лечением необходимо оказание им и их семьям психологической и социальной поддержки на всех этапах специализированной помощи от момента установления диагноза до выздоровления и возвращения этой категории лиц к прежнему социальному положению. При этом предполагается взаимодействие и координация усилий специалистов смежных профессий – врачей, психологов, социальных работников. Проведенное исследование позволило выявить еще одну немаловажную проблему, о которой говорили как пациенты, так и сотрудники медицинских учреждений - это проблема отстраненного отношения нашего общества к онкологическим больным. К сожалению, социально-экономические перемены в стране выдвигают на первый план ценности материального характера, вопросам духовности и милосердия в настоящее время уделяется внимание больше со стороны религиозных и благотворительных организаций. На сегодняшний момент представляется необходимым: - создание службы добровольных помощников, обеспечивающих безвозмездный уход за пациентами в домашних условиях и в стационаре; - привлечение внимания государственных, коммерческих, общественных и религиозных организаций к проблемам онкологических больных; - воспитание в обществе гуманного отношения к физическим и психологическим страданиям пациентов. Универсальность организации медико-психолого-социальной помощи онкобольным является той наиболее эффективной формой, которая позволит более полно удовлетворить их медицинские, психологические и социальные нужды.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ ЗДОРОВЬЕМ: ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОЙ ПАРАДИГМЫ

Нилов В.М. (Петрозаводск)

Переживаемый кризис общественного здоровья и затянувшаяся реформа здравоохранения в условиях явно разворачивающегося мирового экономического кризиса все острее ставят вопрос не только об оптимизации и повышении эффективности государственного управления здравоохранением, но и

изменении приоритетов в этой деятельности, переходе от «ориентации на расходы» к «ориентации на конечный результат», т. е. на здоровье. Согласно теории управления это означает, что объектом государственного управления должны стать не только и не столько институты здравоохранения, но и само здоровье населения, а сами граждане – выступить полноправными партнерами в этом деле. Однако на пути формирования этой новой парадигмы стоит немало трудностей. Как отмечают специалисты, национальная система управления здравоохранением в настоящее время находится в критическом состоянии, а ее деятельность – одна из самых наболевших проблем российского государства. Длительный период в стране не были определены приоритетные цели в области здравоохранения, а, следовательно, отсутствовала четкая и последовательная, должным образом подкрепленная в правовом, организационном и финансовом отношении государственная политика в области охраны здоровья граждан. В этих условиях произошла деградация важных компонентов системы здравоохранения: был утрачен комплексный подход к охране здоровья, деформирована система медицинской профилактики, снизилась доступность квалифицированной медицинской помощи для большей части населения, развилась неконтролируемая теневая экономика в отрасли, многие важные решения и преобразования в отрасли здравоохранения осуществляются без консультаций со специалистами (Ерохина Т.В., 2008). Поэтому для того, чтобы разрабатывать новую стратегию требуется глубокий и честный анализ состояния дел. Необходимо также учитывать меняющуюся роль медицины в решении проблем здоровья. Центр тяжести в этом вопросе все больше смещается в сферу учета социальных детерминант и психологических факторов управления здоровьем. В частности, естественное желание человека быть здоровым можно рассматривать как цель, процесс достижения которой и является управлением здоровьем. Однако, как известно, в молодости человек (носитель здоровья), полагается, прежде всего, на силы природы и часто необдуманно эксплуатирует, то есть разрушает, свое здоровье. Лишь примерно к сорока годам с появлением хронических заболеваний его здоровье становится объектом управления со стороны здравоохранения, хотя предметом интереса последнего, как известно, являются в первую очередь недуги. Что может внести коррективы в эту шаблонную схему? Знания о здоровье, компетентные самооценки состояния, наличие информации о факторах риска, экономические возможности, доступность и качество

медицинских услуг, правовые нормы и культурные ценности. В значительной мере эти ресурсы связаны с государством. Поэтому государство имеет возможность повлиять на этот процесс не только через развитие здравоохранения, как это оно преимущественно делает в настоящее время, но и через определенную стратегию воздействия на всю социальную систему. Это воздействие может быть двояким: или через поддержание социального порядка, или путем управления социальными изменениями. Поскольку сегодня, как считают некоторые исследователи [Cockerham, 1999], причины нездоровья россиян коренятся, прежде всего, в унаследованных элементах старого социального порядка, а точнее, идеологии и образе (стиле) жизни, то значение использования государством стратегий управления социальными изменениями выступает на первый план. Задача управления социальными изменениями, в отличие от директивного руководства, характерного для советского времени, означает согласование целей всех социальных субъектов и их интересов, мотивацию и стимулирование деятельности в долгосрочной перспективе во имя оздоровления российского общества.

Литература

1. Ерохина Т.В. Государственное управление здравоохранением в Российской Федерации. Саратов: Ай Пи Эр Медиа, 2009. - 137 с.
2. Cockerham W.C. Health and Social Change in Russia and Eastern Europe/ W.C Cockerham. - New York and London: Routledge, 1999. - 284 pp.

О СОСТОЯНИИ ЗДОРОВЬЯ ДЕТЕЙ РЕСПУБЛИКИ КАЛМЫКИЯ

Нусхаева Б.Б. (Элиста)

В последние годы наблюдается ухудшение состояния здоровья детей. Такая ситуация определяет актуальность и важность данной проблемы. В статье проанализированы статистические данные по Республике Калмыкия с целью выявления уровня здоровья детей. Согласно данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Калмыкия, в 2011 (с учетом итогов ВПН-2010 г.) в республике 55310 детей в возрасте до 14 лет (19,15 %). По сравнению с 2010 г. их численность

сократилась на 502 человека, а в 2000 г. их численность достигала 77292 человека (или 25,07% от общей численности населения) [4; 6, 22]. Таким образом, в Республике Калмыкия наблюдается сокращение численности детей в возрасте до 14 лет. Наряду с сокращением численности детей отмечается ухудшение состояния здоровья детей. Особое внимание стоит уделить состоянию здоровья новорожденных. Статистика свидетельствует о высоком уровне заболеваемости новорожденных: более половины детей рождается больными или заболело. Например, в 2011 г. удельный вес составил 46,3 % от общего числа родившихся, а в 2010 г. отмечается самый высокий процент за последнее десятилетие — 75,3 % от общего числа родившихся [1, 31]. Для сравнения в России в 2010 г. родилось больными или заболели 35,5 % новорожденных, самый высокий показатель за это десятилетие в 2005 г., — 40,7% от общего числа родившихся. Можно сделать вывод о высоком уровне заболеваемости новорожденных в Республике Калмыкия. О проблеме здоровья новорожденных говорится в Комплексной программе по улучшению демографической ситуации в Республике Калмыкия на 2008-2011 гг., где подчеркивается, что в последние годы в республике повышается общая заболеваемость новорожденных. «В 1992 году рождался больным или заболел каждый шестой младенец (с массой тела 1000 грамм и более), в 1999 году уже два из пяти, в 2006 году - каждый второй» [3]. Здоровье новорожденных — одна из острых проблем региона. Проанализируем заболеваемость детей по основным классам болезней. В республике наблюдается общий рост заболеваемости детей: с 126686,6 до 158000,0 заболеваний на 100 000 детей в период с 2001 по 2011 гг. [5,103; 2, 34]. Лидирующее положение занимают болезни органов дыхания: в 2011 г. зарегистрировано 109047,4 больных на 100 000 детей. Кроме того, именно по этому классу причин отмечается самый высокий рост заболеваемости детей за последнее десятилетие (в 1,45 раз). Высокие показатели по болезням кожи и подкожной клетчатки, которые имеют тенденцию роста: с 7228,8 до 9310,2 больных на 100 000 детей за 2001 – 2011 гг. (в 1,29 раз). Также отрицательная динамика наблюдается по болезням органов пищеварения: рост числа заболеваний с 4799,4 до 5089,4 (в 1,06 раз). Аналогичные тенденции по болезням костно-мышечной системы и соединительной ткани: в 2001 г. зафиксировано 3585,0 больных, а в 2011 г. уже 4841,2 на 100 000 детей (в 1,35 раз). Инфекционные и паразитарные болезни занимают третье место, но в Республике Калмыкия наблюдается положительная динамика снижения заболеваемости по данному

классу: 6485,4 в сравнении с 10288,5 на 100 000 детей в 2011 и 2001 гг. соответственно. В число наиболее частых заболеваний входят травмы и отравления. Ситуация в республике по этому классу причин нестабильная: в 2001 г. зарегистрировано 4098,9 больных, в 2009г. – 3300,5, а в 2011 г. – 4071,2 на 100 000 детей. Сравним общероссийские и региональные показатели заболеваемости детей 0-14 лет. В Российской Федерации в 2001 г. зарегистрировано 146235,6 заболеваний на 100 000 детей, а в 2011г. – 193189,9 заболеваний (рост в 1,32). Наиболее частыми заболеваниями являются: болезни органов дыхания, болезни кожи и подкожной клетчатки, инфекционные и паразитарные болезни, болезни костно-мышечной и соединительной ткани, травмы и отравления. Снижение заболеваемости детей, как в Российской Федерации, так и в Республике Калмыкия наблюдается только по инфекционным и паразитарным болезням. В Республике Калмыкия заболеваемость по болезням кожи и подкожной клетчатки выше, чем по России в целом: в 2001 г. это соотношение составляет 9277,2 и 7228,8 больных на 100 000 детей соответственно и в 2011 г. – 9310,2 и 9034,6. Аналогичная ситуация по болезням костно-мышечной системы и соединительной ткани: в Республике Калмыкия 3585,0 больных на 100 000 детей в 2001 г., в 2011г. – 4841,2, а в Российской Федерации: 2904,0 и 3965,8 соответственно [1; 6, 103; 2, 34]. Таким образом, для региона характерна общероссийская тенденция роста заболеваемости детей 0-14 лет, но в Республике Калмыкия более сложная ситуация, которая связана с ростом заболеваемости по болезням органов дыхания, более высокими показателями по болезням кожи и подкожной клетчатки, а также костно-мышечной системы и соединительной ткани. Рассмотрим результаты профилактических осмотров детей в возрасте до 14 лет. По итогам осмотров в Республике Калмыкия в 2009 г. чаще всего диагностируются нарушение осанки (у 5 % детей от числа осмотренных). Эта проблема общероссийского масштаба: в Российской Федерации в 2009 г. выявлено 7,2 % детей от числа осмотренных. Кроме того, в последние годы в Республике Калмыкия отмечается рост числа детей с этим диагнозом, в то время как по России такой динамики не наблюдается (например, в 2005 г. выявлено 8,9 % от числа осмотренных, в 2011 г. – 6,8 % детей). При осмотре детей в республике выявлены: сколиоз у 2,1 % детей (в Российской Федерации у 1,4 %), с понижением остроты зрения у 1,9 % детей (в Российской Федерации – 6,1 %), с дефектами речи у 1,5 % детей (в Российской Федерации – 3,9 %), с понижением слуха у 0,05 % детей (в Российской Федерации – 0,2 %). Результаты

профилактических осмотров детей в Республике Калмыкия показывают более благоприятную ситуацию в состоянии здоровья детей в возрасте до 14 лет. Следует отметить рост числа детей с нарушением осанки, сколиозом и дефектами речи в регионе. Проведенный нами анализ позволяет сделать вывод о неудовлетворительном состоянии здоровья детей Республики Калмыкия, который выражается в высоком уровне заболеваемости новорожденных, росте общей заболеваемости детей и высоких показателях по отдельным классам причин.

Литература

1. Заболеваемость детей в возрасте 0–14 лет по основным классам болезней в 2001-2011 гг. /Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации [электронный ресурс] // URL: www.gks.ru (дата обращения: 02.10.2012 г.)
2. Здравоохранение Республики Калмыкия. Стат.сб. /Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Калмыкия. Элиста, 2012.
3. Постановление правительства Республики Калмыкия от 26.02.2008 № 59 «Об утверждении Комплексной программы по улучшению демографической ситуации в Республике Калмыкия на 2008-2011 годы»
4. Распределение постоянного населения по возрастным группам /Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Калмыкия [электронный ресурс] // URL: www.statrk.ru (дата обращения: 02.10.2012 г.)
5. Результаты профилактических осмотров детей в возрасте 0-14 лет / Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации [электронный ресурс]. // URL: www.gks.ru (дата обращения: 02.10.2012 г.)
6. Республика Калмыкия. 2010: Стат.сб. /Калмыкиятат. – Элиста, 2010. – 323 с.

ТРЕНДЫ ЖЕНСКОГО КУРЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: 1994-2009 ГГ.

Озерова О.В. (Санкт-Петербург)

Курение, как форма деструктивного поведения, широко распространенного в России, имеет свои социальные особенности. Одной из ключевых тенденций, с начала 1990-х гг., является

повышение уровня женского курения [1]. Среди основных причин этого процесса следует упомянуть выход на прежде закрытый российский рынок транснациональных табачных корпораций, сделавших ставку на целевой маркетинг для женской аудитории, агрессивную рекламу, «продающую зависимость как свободу»- “selling addiction as freedom”, позиционирующую сигареты как символ западной жизни и личной свободы выбора [1; 2]. В обществе, претерпевшем за небольшой временной период ряд глобальных и масштабных трансформаций, - как геополитических, так и социально-экономических, и, безусловно, культурных и идеологических, важную роль в обращении к деструктивному поведению сыграла и аномия [3]. Женщины, ставшие регулярными курильщиками в 1990-е, пытались таким способом максимально дистанцировать себя от «советского» воспитания, демонстрируя свою независимость от прежних социальных устоев и норм, изучая рамки своей новой социальной роли [4]. В то же время, с наступлением 2000-х годов, известных, как период относительной стабильности и экономического благополучия в обществе, потребление сигарет представительницами женской аудитории не только не сократилось, но и значительно повысилось. Настоящее исследование ставит своей целью продемонстрировать, как распределялась приверженность курению на разных ступенях социальной иерархии в 1994-2009 гг., и изучить характер изменений социально-экономических паттернов курения в группах, ранжированных по признаку дохода и образования. Анализ, представленный в данной работе, основан на эмпирических данных массовых опросов российского населения, проводившихся в рамках проекта «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ» (RLMS-HSE). Период исследования охватывает 15 лет современной российской истории- с 1994 по 2009 годы (исключая 1997 г.), и делится на три временных периода: 1994-1998 гг., 2000-2005 гг., и 2006-2009гг. В работе рассматриваются данные второго этапа RLMS-HSE -ежегодных опросов для членов домохозяйств в возрасте от 26 до 70 лет. Число опрошенных женщин - 44625 (*Исследование выполнено при поддержке РФФИ, грант № 11-06-00317-а). Поведение риска, в данном случае выраженное курением, во многом детерминировано социальной позицией, присущей индивиду. Основными показателями, отражающими эту позицию, являются доход и образование. Доход индивида отражает материальный аспект социально-экономического статуса, обуславливая качество и уровень жизни индивида. Образование

определяет культурные, ценностные и поведенческие установки в сфере здоровья, также являясь неотъемлемым маркером социального статуса человека. Необходимо отметить, что доход и образование анализировались отдельно, т.к. они отражают разные стороны социального неравенства. Углубленное исследование социальных отличий осуществлялось с помощью регрессионного анализа, используя аппарат логистической регрессии. Все получаемые показатели соотносились с референтной категорией - самой высокой по доходу, и образованию. Используя ответ на вопрос: «Каким был денежный доход всей Вашей семьи в течение последних 30 дней?», респонденты были ранжированы по четырем доходным квартилям, при этом все денежные показатели были приведены в пересчете на рубли 2009 года. Образовательный статус респондентов подразделялся на образование ниже среднего, среднее (включая общее, профессиональное и среднее специальное), и высшее (в том числе и незаконченное высшее). Определение статуса респондента как курящего/ некурящего фиксировалось вопросом: «Вы курите в настоящее время?», с возможными ответами - «да» (присваивалось значение «1») или «нет» (значение «0»). Изучая представительство женщин, дифференцированных по доходу, отметим, что с начала обследования - в 1994-98 гг., вплоть до 2006 года, основная часть аудитории курильщиц принадлежала к наиболее обеспеченным социальным кругам. Однако за период 2000-2005 гг., сопровождавшийся ростом доходов и благосостояния населения, распространенность курения в трех нижележащих доходных категориях существенно выросла, и к третьему периоду обследования наименее обеспеченные женщины показывали уровень потребления, практически идентичный референтной группе. Анализируя превалирование курения среди женщин в различных образовательных категориях, отметим, что на начало обследования - в 1994-1998 гг., в каждой из страт курила каждая десятая их представительница. Существенное повышение показателей курения наметилось в 2000-2005 гг.,- когда обладательницы школьных аттестатов, а также - образования ниже среднего, стали опережать дипломированных соотечественниц, а уже к 2006- 2009 гг., образовательные неравенства в курении были окончательно расширены, и закрепились - лидирующие позиции в курении заняли наименее образованные женщины. Согласно полученным результатам, за последние 15 лет все больше женщин становились сторонниками курения, и повышение уровня потребления табака наблюдалось на всех ступенях социальной иерархии. Все же, темпы

этого роста существенно разнились внутри каждой из страт, и в результате, ряды курильщиц были пополнены за счет наименее обеспеченных и наименее образованных категорий женщин. Можно заключить, что именно на эти страты, изначально являющиеся наиболее социально уязвимыми и неблагополучными, в будущем ляжет основное бремя курения.

Литература

1. Joceline Pomerleau, Anna Gilmore, Martin McKee, Richard Rose & Christian W. Haerpfer. Determinants of smoking in eight countries of the former Soviet Union: results from the Living Conditions, Lifestyles and Health Study. Society for the Study of Addiction (2004); Vol. 99. Pp. 1577-1585
2. Francesca Perlman, Martin Bobak, Anna Gilmore, Martin McKee. Trends in the prevalence of smoking in Russia during the transition to a market economy. Tobacco Control (2007); 16. Pp. 299-305
3. Hannele Palosuo. Health-related lifestyles and alienation in Moscow and Helsinki. Social Science & Medicine, 51, (2000); Pp. 1325-1354
4. Brian P. Hinote, William C. Cockerham & Pamela Abbott. Post-Communism and Female Tobacco Consumption in the Former Soviet States. Europe-Asia Studies. Vol.61, No. 9, (2009); Pp. 1534-1555

СОЦИАЛЬНО-МЕДИЦИНСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ДЕТЕЙ С РЕДКИМИ ГЕНЕТИЧЕСКИМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ

Орешенкова Н.Э. (Санкт-Петербург)

Под редкими генетическими (орфанными) подразумевают заболевания, которые имеют распространенность не более 10 случаев заболевания на 100 тысяч населения [1]. К ним относятся, например, муковисцидоз, фенилкетонурия, гемофилия, андрогенитальный синдром (врожденная гиперплазия коры надпочечников с разными формами). Большинство редких заболеваний являются тяжелыми хроническими заболеваниями, многие сопровождаются жизнеугрожающими проявлениями. Симптомы могут быть очевидны с рождения или проявляться в детском возрасте. В то же время более 50% редких заболеваний проявляются уже во взрослом возрасте. Для большинства редких заболеваний не существует эффективного лечения, однако существуют методы, позволяющие улучшить качество и продолжительность жизни пациентов. В Санкт-Петербурге примерно 3000 человек страдают редкими

заболеваниями. Большинство из них не получают лечения за счет государства, а вынуждены прибегать в помощи благотворителей или уходить из жизни [4]. Как правило, семьи, в которых есть дети с редкими заболеваниями, сталкиваются с проблемами, связанными с диагностикой, поиском квалифицированного специалиста, а также достоверной информации о заболевании. Отсутствие определенного диагноза существенно затрудняет тактику лечения и прогноз заболевания. В случае наследственного заболевания диагноз необходим для прогноза в отношении вероятности рождения других больных в этой семье. Уполномоченный по правам ребенка С.Агапитов в С.-Петербурге отмечает, что в Европе уже много лет существует специальная программа, направленная на лечение и поддержку детей с редкими заболеваниями. Эту программу поддерживает и Евросоюз, и Правительства стран. В России об орфанных заболеваниях заговорили относительно недавно. Причем, Петербург один из первых поднял эту проблему. И один из немногих, кто взял на себя ответственность за жизнь и здоровье маленьких горожан – согласился оплачивать дорогостоящее лечение [6]. Многие редкие заболевания связаны с нарушением двигательной, психической деятельности или функций органов чувств (зрительной, слуховой), для некоторых заболеваний характерны выраженные изменения внешнего вида. Например, дети, имеющие андрогенитальный синдром, пожизненно находятся на заместительной терапии, т.е. им необходимо ежедневно принимать соответствующие лекарственные препараты, сильный стресс может вызвать надпочечниковый криз; дети, страдающие финелконурией должны соблюдать определенный режим питания и употреблять только определенные продукты и т.п. У многих детей наблюдается ослабленный иммунитет, повышенная утомляемость и т.п., что естественно препятствует полноценному развитию. Одной из главных проблем, с которыми сталкиваются семьи имеющие детей с орфанными заболеваниями – получение льготных лекарств и продуктов для этой категории больных. Например, в последние несколько лет возникали перебои с поставкой лекарственных препаратов из-за процедуры сертифицирования. Существуют проблемы с включением таких детей в социум. В дошкольные учреждения определить такого ребенка сложно не только из-за существующей очереди в детские сады, но и потому, что есть ряд особенностей в развитии (например, необходимость приема лекарств в определенное время). Также можно отметить существующую в нашей стране бюрократизированную процедуру подтверждения

инвалидности, которая сопряжена с большими временными и моральными затратами как для родителей, так и для детей. Само «озвучивание» проблемы редких генетических заболеваний происходит во многом благодаря стараниям общественных организаций, например, в Федеральном законе от 21 ноября 2011 г. N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» данной категории больных обеспечена правовая поддержка [1]. Более того, стоит отметить, что по решению Минздравсоцразвития 2012 год признан годом редких заболеваний. Дети, имеющие редкие генетические заболевания попадают под категорию детей, имеющих ограниченные возможности, большинство из них имеет статус «ребенок-инвалид детства». Однако у них есть ряд специфических потребностей: лекарственные препараты для ограниченного числа потребителей. В связи с этим возникают проблемы при сертифицировании данных препаратов в РФ; особые продукты питания (без глютена, белка и т.п.). По мнению председателя комитета по редким медицинским продуктам Европейского международного агентства К.Вестмарк, для того, чтобы повысить интерес фармпроизводителей к орфанным препаратам, государство должно предложить им ряд стимулов (снижение налогов, эксклюзивные права на продажу, поощряющие преференции для бизнеса) [3, с.37]. В связи с этим необходима социальная защищенность данной категории на законодательном уровне: внесение данных лекарственных препаратов в льготный реестр; непосредственное участие государства в решении проблем финансирования при их закупке и т.п. Также важна дальнейшая реабилитация и адаптация таких детей в социум, изменение отношения образовательных учреждений к данной категории детей, инклюзивное образование. Несомненна роль общественных организаций в «озвучивании» данной проблемы, социальной поддержке и помощи семьям, реабилитации и адаптации.

Литература

1. Федеральный закон Российской Федерации от 21 ноября 2011 г. N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» ст.44, п.1// Российская газета. Федеральный выпуск №5639.// <http://www.rg.ru/2011/11/23/zdorovie-dok.html>.
2. Новое законодательство: Федеральный закон Российской Федерации от 21 ноября 2011 г. N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»//Редкие болезни в

России. № 1, 2012 с.19// http://www.rare-diseases.ru/images/stories/magazine/magazine_RBR_crv_vie_w.pdf

3. Бабияк В. И., Пашинин А. Н., В.Н.Тулкин О РЕДКИХ БОЛЕЗНЯХ//Российская оториноларингология №2 (51) 2011. с.37

4. Всероссийский союз общественных объединений, действующий в интересах детей// <http://www.detirossii.ru/16118.php>.

5. ОрфаМир – профессионалы о редких заболеваниях //http://www.orphamir.ru/disease/show/152.

6. Официальный сайт уполномоченного по правам ребенка// <http://www.spbdeti.org/id2928>

7. Редкие болезни и орфанные препараты: <http://www.rare-diseases.ru/rare-diseases.html>

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ СЕТИ ИНТЕРНЕТ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТНОГО ОТНОШЕНИЯ МОЛОДЕЖИ К СВОЕМУ ЗДОРОВЬЮ

Павленко Е.В. (Екатеринбург)

На современном этапе развития общества проблема сохранения здоровья граждан становится все более актуальной. Ухудшение состояния здоровья населения свидетельствует о потребности в коренном пересмотре тактики и стратегии охраны здоровья. Невнимание к здоровью молодого поколения может повлечь за собой снижение эффективности производительных сил в ближайшем будущем. Так, например, статистика заболеваемости по категориям населения свидетельствует о том, что состояние здоровья подростков ухудшается. Среди подросткового населения г. Екатеринбурга наибольшую тревогу вызывает динамика заболеваний органов дыхания, органов пищеварения, а так же травм и отравлений. Причем показатель по последнему классу заболеваний резко увеличивается: по данным 2005 г. он составлял 148,0, в 2010 г. – 192,7 (на 1000 подросткового населения) [1, с. 26]. Поэтому проблема здоровья и отношения к здоровью среди подростков и молодежи остается актуальной. Озвученные выше данные свидетельствует о невнимательном отношении подростков и молодежи к своему здоровью, т.к. данные классы заболеваний обусловлены, по большей части, образом жизни человека, его

поведением. На наш взгляд, ключевую роль здесь играет осознание населением ценности здоровья. И на осознание значимости этой ценности могут повлиять средства массовой коммуникации. В особенности, это касается молодежи, как наиболее прогрессивной части общества. Таким образом, мы подходим к еще одной проблеме – роли информационной сети Интернет в деле формирования ценностного отношения молодежи к своему здоровью. Интернет стал неотъемлемой частью повседневной жизни современного человека. Всемирная сеть содержит большое количество разнообразных информационных ресурсов, в том числе это касается и темы здоровья. Использование Интернета для поиска информации по вопросам здоровья вызывает большое количество споров. В первую очередь, это касается качества информации. Отсутствие стандартов качества и ответственности за размещение той или иной информации в Интернете вызывает тревогу. С другой стороны, существование ресурсов наподобие takzdorovo.ru [2], является, на наш взгляд, большим шагом в деле профилактики и санитарного просвещения. Основная проблема, в этом деле, касается информационной грамотности современной молодежи, умения искать и критически оценивать полученную информацию. Для того чтобы понять, насколько для молодежи важен Интернет, как источник информации по вопросам здоровья, в ноябре 2011 г. специалистами МБУ «Городской центр медицинской профилактики» было проведено исследование среди студенческой молодежи г. Екатеринбурга. В рамках исследования нам удалось охватить студентов получающих начальное профессиональное (НПО), среднее профессиональное (СПО) и высшее образование. Не смотря на то, что в настоящее время начальное профессиональное образование приравнивается к среднему профессиональному, в исследовании мы решили разграничить данные типы учебных заведений. На наш взгляд, они обладают разным социальным составом, что отражается в доступе к информационным ресурсам и специфике их использования. Метод исследования: анкетный опрос. Общее количество опрошенных: 989 респондентов. Распределение по полу выглядит следующим образом: 48,5 % мужчин и 51,5 % женщин. При опросе были охвачены студенты всех курсов. Подавляющее большинство – 92,9% учатся на очном отделении. 49,6% опрошенных являются студентами ВУЗа, 39% - студенты колледжей, 11,4% студенты училища. 34,6 % студентов отметили, что их интересует информация, касающаяся вопросов здоровья и профилактики заболеваний. 44% указали, что их не интересует подобная информация, 20,7% затруднились ответить

на вопрос. В анкете респондентам задавался открытый вопрос, в котором их просили написать темы, касающиеся здоровья и болезни, которые были бы им наиболее интересны. Мы выяснили, что наиболее интересными темами для студентов являются: правильное питание (22,6%); вопросы репродуктивного здоровья (в т.ч. профилактика ЗППП, контрацепция и т.д.) (19%); профилактика простудных заболеваний (15,3%); зависимости (в т.ч. курение) (11%); психоэмоциональное состояние, стрессы (8,8%); физическая активность (в т.ч. поддержание физической формы тела, красоты) (8,8%). Так же стоит учитывать, что открытые вопросы, как правило, являются сложными для респондентов, поэтому в данной анкете на эти вопросы ответила только треть респондентов. На наш взгляд, данный вопрос помог отразить интересы самих студентов к получению той или иной медицинской информации. Если говорить о реальных для респондентов источниках получения информации о здоровье, то ведущие места здесь занимают: Интернет (его используют 64%) и родственники (60,1%). При возникновении каких-либо проблем со здоровьем, в ЛПУ обращаются только 29,9%. Предпочтительными источниками получения информации являются личные консультации со специалистами (56,7%), Интернет (36,9%), СМК (телевидение, печатные издания) (26,8%), лекции специалистов (20,4%). Консультации со специалистами превышают по популярности такой источник информации как Интернет. Но стоит отметить, что Интернет в этом плане является более доступным. Помимо этого, стоит отметить, что нарастает популярность медицинского он-лайн консультирования. Более подробно остановимся на вопросе использования Интернета. Как уже отмечалось выше, Интернет для поиска информации по вопросам здоровья используют 64% опрошенных. 36 % не видят такого применения для Интернета. Наиболее активно Интернет, как источник получения информации по вопросам здоровья используется студентами высших учебных заведений (72,6 % среди студентов ВУЗов, 56,8% среди студентов колледжей, 50,9% среди студентов училищ). Респондентам был задан вопрос о том, какие тематики запросов они чаще всего используют, при поиске информации в Интернете. Среди наиболее популярных являются: поиск информации по возникшим симптомам (определение возможного заболевания, способы лечения, он-лайн консультации со специалистами, обсуждение на форумах) (55%); поиск информации о лекарствах (инструкции, цены, покупка и т.д.) (49,3%); поиск информации по уходу за телом (диеты, уход за кожей,

физкультурные упражнения и т.д.) (36,7%); поиск информации о медицинских услугах (клиники, услуги, цены, контакты) (32,1%); информация о здоровом питании (25,5%); информация по контролю своего психоэмоционального состояния (стрессы, волнения и т.д.) (13,2%); вопросы репродуктивного здоровья (контрацепция, ЗПП) (11,6%); профилактика сезонных заболеваний (например, грипп) (10,7%); способы избавления от зависимостей (в т.ч. курение, употребление алкоголя, наркотиков) (8,6%). Можно сделать вывод о том, что чаще всего студенты ищут информацию в Интернете в момент возникновения каких-либо проблем со здоровьем, частично отражены интересы озвученные выше. Однако эти данные могут вызвать некоторые опасения. Поиск симптомов в Интернете и самодиагностика заболеваний, во-первых, может являться некорректной, во-вторых, повышает уровень тревожности пользователя. Так же мы видим, что для опрошенных студентов актуальной является тема внешнего проявления здоровья (красоты), вопросы репродуктивного здоровья. Последняя тема является довольно острой, и очень важно её качество. Только 4,2% опрошенных отметили, что полностью доверяют полученной из Интернета информации, 56,1% стараются искать информацию на нескольких сайтах, с целью того, чтобы её проверить и дополнить. 29,2% обсуждают полученную информацию с родственниками, 22,7% обсуждают её с врачом. В качестве вывода можно отметить, что Интернет является востребованным источником получения информации по вопросам здоровья и болезни среди студенческой молодежи. Это говорит о том, что Интернет является актуальным инструментом формирования ценностного отношения молодежи к своему здоровью. Основная проблема заключается в подходе к получаемой информации. Грамотному отношению к ней со стороны населения.

Литература

1. Основные показатели здоровья населения и деятельности лечебно-профилактических учреждений г. Екатеринбурга за 2010 год // Сборник подготовленный экспертно-аналитическим отделом Управления здравоохранения администрации г. Екатеринбурга по данным годового государственного статистического отчета. Екатеринбург: ООО «Рекламная группа “Торнадо-дизайн”» - 31 с.
2. Здоровая Россия. URL: <http://www.takzdorovo.ru/> (дата обращения 10.07.2012)

МНОГОУРОВНЕВАЯ МЕТОДОЛОГИЯ В ИССЛЕДОВАНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ

Панова Л.В. (Санкт-Петербург)

Начиная со второй половины двадцатого века, в сфере исследования здоровья доминировал методологический, концептуальный и политический индивидуализм, особенно характерный для развитых стран. Этому подходу в значительной мере способствовала теория эпидемиологического перехода, которая подчеркивала, что роль хронических заболеваний в большей степени зависит от выбора индивидуального стиля жизни (курение, алкоголь, физическая активность), чем от структурных и инвайроментальных условий. Заметным продвижением в области изучения общественного здоровья стало понимание того явления, что не все причины заболеваний можно объяснить индивидуальными характеристиками людей. Следует сказать, что в своих истоках общественное здоровье, как указывают многие авторы, было по существу экологическим, т.е. связывающим окружающую среду и характеристики места проживания со здоровьем. В работах, посвященных истории общественного здоровья, отмечается, что в первых же публикациях, присутствовал данный подход, связывающий инвайроментальные характеристики с показателями инфекционных заболеваний. Но нарастание в индустриальных странах неинфекционных заболеваний (сердечнососудистых, онкологических болезней, диабета), вызвало перемещение факторов риска от инвайроментальных переменных к параметрам индивидуального уровня, таким как поведенческие и биологические характеристики, поскольку им приписывалась ответственность в возникновении хронических болезней. Такое понимание здоровья формирующегося, главным образом, за счет свойств индивида, препятствовало изучению влияния макро или групповых переменных, складывающихся на различных уровнях общества, и влияющих на общественное здоровье. Дальнейшие исследования показали недостаточность объяснения только факторами индивидуального характера распространенности неинфекционных заболеваний, что позволило многим специалистам пересмотреть роль социальной среды или значимость контекстуальных переменных в статусе здоровья. Можно отметить, что произошло переакцентирование внимания с индивидуальных факторов риска и индивидуальной ответственности за здоровье на детерминанты,

формируемые обществом. Сегодня плохое состояние здоровья рассматривается как следствие неудовлетворительных социальных стратегий и программ, несправедливых экономических механизмов, а также негативных последствий политики в других областях, касающихся здоровья. Причины различий в состоянии здоровья населения включают неравные условия жизни в раннем детстве, различные возможности получения образования, объем социального обеспечения и доступ к услугам здравоохранения, уровень доходов, места и условия проживания индивидов, а также, нормы и ценности. Все эти факторы, на уровне общества, рассматриваются как социальные детерминанты здоровья. Совместное изучение контекстуальных факторов, с переменными индивидуального уровня, в исследовании общественного здоровья, постепенно привело к использованию многоуровневых методологий социальных детерминант, которые являются основой современного понимания здоровья. Концептуальные рамки социальных детерминант здоровья начали оформляться в работах зарубежных исследователей в 70-х и ранних 80-х годах прошлого века, но наибольшее признание получила модель Ф. Дидерихсена, предложенная им совместно с его коллегами, позволяющая кроме индивидуальных характеристик человека, исследовать воздействие социальной среды и социального положения индивидов на здоровье [1]. Принципиальная особенность предложенной модели состоит в том, что в ней учитывается иерархичность многих влияний на здоровье, начиная с контекстуальных факторов, включающих социально-экономические, политические и культурные особенности данного общества, через групповые переменные, отражающие особенности сложившейся социальной структуры, до композиционного состава населения, состоящего из характеристик индивидуального уровня. Таким образом, данная модель состоит из трех ключевых блоков, к которым относятся социально-политический контекст, складывающийся из политических институтов и экономических процессов; структурные детерминанты, генерирующие социальную стратификацию; и индивидуальные характеристики населения, включающие материальные стандарты, психосоциальные обстоятельства жизни и поведенческие факторы. Структура модели социальных детерминант, состоящая из трех блоков (переменных социально-политического контекста, параметров социального положения и ресурсов, влияющих на индивидуальное благополучие), предполагает проведение многогранного анализа причин, участвующих в формировании здоровья. Кроме того, такой анализ дает

фактологическую основу для принятия политических решений, направленных на увеличение роста продолжительности жизни. То обстоятельство, что эти факторы, формируются на различных уровнях организации общества, включая и социальную среду социума, предусматривает использование многоуровневой методологии. Многоуровневое моделирование, снимает ограничения индивидуального и экологического исследовательских дизайнов, показывая вклад различных уровней анализа - индивидуального и контекстуального. Эта методология дает возможность не только включить предикторы социальной среды и характеристики индивидов, она позволяет использовать межуровневые интеракции, и таким образом показать, что определенные социальные характеристики среды могут по-разному влиять на здоровье различных групп населения. С развитием модели социальных детерминант здоровья отмечается экспоненциальный рост использования многоуровневого анализа в области изучения популяционного и индивидуального здоровья. Иерархические модели широко применялись при изучении влияния на здоровье независимых и взаимодействующих факторов контекста и индивидуальных характеристик населения на уровне различных стран, регионов и районов внутри страны. Как свидетельствуют исследования, проведенные для выяснения различия в здоровье в европейских странах, с использованием иерархического моделирования, индивидуальные переменные объясняли 60% вариаций между странами, в то время как 40% приходились на факторы, характеризующие экономические и социальные особенности государств [2]. Применение многоуровневого анализа особенно часто используется в исследовании социальных детерминант здоровья. Данная методология дает возможности выявления влияния таких контекстуальных факторов, как характеристики места проживания индивидов, гипотезы влияния общественного распределения доходов на здоровье, поведение, связанное с риском для здоровья, социальный капитал, выступающий в качестве общественного ресурса, на здоровье и благополучие индивида.

Литература

1. Diderichsen F, Evans T, Whitehead M. The Social Basis of Disparities in Health. In: Whitehead M, Evans T, Diderichsen F, Bhuiya A, Wirth M, editors. Challenging Inequities in Health: From Ethics to Action. New York: Oxford University Press. 2001. P. 13-23.

2. Olsen K., Dahl S. Health differences between European countries // Social Science & Medicine. 2007. Vol. 64 (8). P. 1665-1678.

УПОТРЕБЛЕНИЕ ТАБАКА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Прохода В.А. (Москва)

В публикации обобщены некоторые результаты проведенных в 2001 и 2010 гг. двух социологических исследований: 1. «Условия жизни, образ жизни и здоровье» - исследование проводилось Центром социологических исследований МГУ им. М. В. Ломоносова (INCO2-Corpernicus, контракт № ICA2-2000-10031, проект № ICA2-1999-10074). Объем выборки - 4006 человек. Тип выборки - стратифицированная, многоступенчатая, случайная на этапе отбора респондентов, репрезентативная для взрослого населения России. 2. «Здоровье населения и социальные перемены». Исследование проводилось Центром социологических исследований ОПИНИО (НПТ-СИС, соглашение о гранте № 223344, ЕС-FP7). Объем выборки - 3000 человек. Тип выборки - стратифицированная, многоступенчатая, случайная на этапе отбора респондентов, репрезентативная для взрослого населения России. О распространенности курения табака среди молодых россиян позволяют судить ответы на вопрос о том, выкуривает ли респондент хотя бы одну сигарету (папиросу, трубку и т. п.) в день. Процент выкуривающих хотя бы одну сигарету и т. п. в день за десятилетие несколько уменьшился. Если в 2001 г. факт курения констатировали 46,8% респондентов, в 2010 г. - 39,7%. Молодежь, как и десять лет назад больше вовлечена в курение табака, нежели люди старших возрастов (2010 г. - 28,3%, 2001 г. - 31,6%). Курение распространено среди молодых мужчин (курят 58,2%; в 2001 г. - 66,9%). Среди молодых женщин курят 26,1% опрошенных (2001 г. - 29,8%). Получается, что некоторое снижение распространенности курения в молодежной среде происходит в существенной степени за счет мужчин. Больше всего курящих фиксируется в Москве - 53,7% опрошенных, а минимален процент вовлеченных в курение среди жителей сел и деревень - 36,7%. Приведенные цифры несколько отличаются от результатов 2001 г., тогда наибольший процент курящих (50,3%) был отмечен среди молодежи, проживающей в областном центре, а наименьший опять же среди сельских жителей - 43,9%. Абсолютное большинство (99%) курящих респондентов употребляет сигареты с фильтром, еще 0,7% - сигареты без фильтра.

Папиросы употребляет лишь 0,3% курильщиков. Самокрутки и сигары не пользуются популярностью среди молодых россиян, об их курении респонденты не упоминали. Полученные результаты свидетельствуют, что употребление некурительных табачных продуктов (жевательный табак, нюхательный табак) не получило среди респондентов широкого распространения. Лишь 5,4% опрошенных констатировали опыт такого потребления. В силу малочисленности обозначенной категории она не рассматривается в дальнейшем анализе, основное внимание сконцентрировано на курильщиках. Результаты исследований позволяют констатировать тенденцию снижения возраста приобщения к курению. Средний возраст начала употребления табака у молодежи за десятилетний период снизился с 16 (16,2) до 15 (15,3) лет. Если в 2001 г. чуть более трети (35,6%) курящих опрошенных констатировали свое приобщение к курению в возрасте 15 лет и младше, то в 2010 г. таких оказалось уже около половины (48,8%). Озвученный вывод распространяется как на мужчин, так и на женщин. Так за прошедшее десятилетие доля мужчин начавших курить в возрасте 15 лет и младше увеличилась на 12,5%, достигнув 57,5%, женщин на 16,2% достигнув 37,4%. Основной возрастной период вовлечения в курение вне зависимости от пола – возраст от 12 до 18 лет. К своему совершеннолетию в 2010 г. употребляло табак уже 88,1% всех курильщиков из числа молодежи (2001 г. – 84%). Раннее приобщение к табаку повышает вероятность того, что респондент в дальнейшем станет заядлым курильщиком. Опрошенные, выкуривающих более 20 сигарет в день, независимо от года опроса, демонстрируют раннее приобщение к никотину. Изменения прослеживаются в ответах респондентов на вопрос о количестве выкуриваемых в день сигарет. В целом за прошедшее десятилетие молодежь стала курить интенсивнее. Среди молодых опрошенных почти в два раза уменьшилась доля выкуривающих до 10 сигарет (с 47,9% в 2001 г. до 24,5% в 2010 г.). При этом возросло с 45,3% до 69,3% число респондентов, выкуривающих от 10 до 20 сигарет. Обращает на себя внимание, что доля выкуривающих более 20 сигарет в день среди молодежи за десятилетие практически не изменилась (2001 г. – 6,8%; 2010 г. – 6,2%). Молодые мужчины в целом курят гораздо интенсивнее женщин. Однако среди курящих женщин за прошедшее десятилетие почти в три раза (с 21,1% в 2001 г. до 61% в 2010 г.) возросло число опрошенных, выкуривающих от 10 до 20 сигарет в день. Одновременно более чем в два раза (с 76,7% до 36,5%) снизился процент выкуривающих до 10 сигарет. Таким образом,

можно констатировать, что молодые женщины все активнее приобщаются к употреблению табака. Вред от курения для здоровья в глазах опрошенных очевиден. Употребление табака респонденты, прежде всего, увязывают с заболеваниями дыхательной системы (рак легкого – 91,3%; бронхиты – 67%), сердечно - сосудистыми заболеваниями – 72,9%, инсультом – 45,1%, кариесом – 31,7%, импотенцией – 20,2%, бесплодием – 19,7%, диабетом – 11%. В целом мнение курящих и некурящих молодых россиян, мужчин и женщин в большинстве случаев если и различается, то не сильно. Молодые россияне убеждены, что вредит здоровью не только активное употребление табака, но и пассивное курение. Лишь 4% респондентов из числа молодежи считают, что вред пассивного курения не доказан. При этом 81,2% опрошенных уверены, что оно крайне негативно влияет как на взрослых, так и на детей. Еще 7,2% респондентов отмечают негативное влияние пассивного курения на некоторые группы населения, при условии вдыхания дыма, а 4,9% молодых россиян заявляют о его слабом влиянии на здоровье. По мнению большинства опрошенных отказ от курения важен (69%) или скорее важен (15,7%) для поддержания здоровья. Лишь 5,6% молодых россиян категорически с этим не согласен, а 6,3% респондентов убеждены, что отказ от табака скорее не важен. При этом оценки существенно различаются в зависимости от вовлеченности респондентов в табакокурение. Если среди курильщиков в важности отказа от употребления табака категорично убеждены 49,5% опрошенных, то среди некурящих респондентов – 81,9%. Данные 2010 г. согласуются с опросом 2001 г., что позволяет констатировать устойчивость установок опрошенных по рассматриваемому вопросу. О важности отказа от курения для поддержания здоровья десять лет назад упоминало 64,6% респондентов (скорее важно – 20,4%; скорее не важно – 7,5%; не важно – 5%). Таким образом, молодые россияне в большинстве своем отчетливо осознают вред для здоровья от употребления табака. Эти представления весьма устойчивы и могут выступать основой поддержки большинством населения комплекса мер, направленных на ограничение табакокурения в России. Представленный материал, не претендуя на учет всех аспектов столь многогранной проблемы, является скорее попыткой рассмотреть проблему доступными социологии средствами.

**КОРРЕКЦИОННО-РАЗВИВАЮЩАЯ СРЕДА
СПЕЦИАЛЬНОГО (КОРРЕКЦИОННОГО)
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ**

Пшеничных Л.А., Шальнева Ю.Ю. (Белгород)

Коррекционно-развивающая среда в специальных (коррекционных) образовательных учреждениях является важным реабилитационным и социально-адаптивным средством воспитания и развития детей с отклонениями в развитии и имеет существенное отличие от предметно-развивающей среды образовательных учреждений общего вида. Коррекционно-развивающая среда в специальном (коррекционном) учреждении I вида (школа-интернат для глухих детей) должна соответствовать как общим нормативным актам проектирования условий воспитания, обучения в общеобразовательных учреждениях, так и отвечать на задачи коррекционно-компенсаторной работы, направленной на преодоление трудностей социальной адаптации глухих детей. Исходя из существующих нормативов организации среды и оснащение соответствующим оборудованием, разработанными Министерством образования и здравоохранения РФ, коррекционно-развивающая среда обеспечивает поддерживающие, предупредительные и подготовительные условия введения ребенка в социум. Коррекционно-развивающая среда базируется на учете «зоны актуального развития ребенка» и определяет условия для формирования «зоны ближайшего развития», на принципах поэтапного, многоступенчатого подведения ребенка в коррекционно-развивающую среду. Одним из общих правил организации среды является критерий ее доступности для ребенка. В специальных (коррекционных) учреждениях общепедагогические требования к оборудованию и оснащению учитывают проблемы и трудности социализации детей с проблемами в развитии, а комплектование детей по возрастному принципу не обеспечивает дифференцированный подход к воспитанию и обучению. Введение в общеразвивающую среду коррекционных блоков, центров, модулей не всегда соотносится с возможностями отдельных детей. Эффективность функционального воздействия среды зависит от оснащения ее специальным оборудованием, дидактическими материалами, содержанием работы, с коррекционно-компенсаторной направленностью на конкретный запрос детей. Социальная среда в специальных образовательных учреждениях коррекционного вида

должна учитывать уровень современной жизнедеятельности общества и быть приближена к ее требованиям. Особенно это касается технического оснащения всех сфер жизни ребенка: осуществление бытовых нужд, формирование социальной компетентности и социальной активности и жизнеустойчивости глухого ребенка. Наличие у глухих детей проблем контактирования с окружающей средой, гиподинамии, нарушения психоэмоциональной сферы и частая зависимость от взрослых требуют условий для систематического упражнения детей в самопроявлениях при выполнении различных видов деятельности. Содержание развивающей предметной среды современного специального (коррекционного) образовательного учреждения обосновано деятельностью-возрастным подходом и ориентировано на актуальное, ближайшее и перспективное развитие ребенка, а также становление его индивидуальных способностей. Таким образом, педагогический процесс и преемственность в организации среды для глухих детей обеспечиваются как общей системой требований к развивающей предметной среде, так и задачами коррекционной работы.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММ РЕАБИЛИТАЦИИ ИНВАЛИДОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Радькова Е.А. (Санкт-Петербург)

Одним из приоритетных направлений государственной политики Российской Федерации в области инвалидности является повышение эффективности реабилитационных мероприятий. В соответствии со ст. 9 Федерального закона от 24 ноября 1995 г. N 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» реабилитация инвалидов представляет собой систему и процесс полного или частичного восстановления способностей инвалидов к бытовой, общественной и профессиональной деятельности. Основным механизмом осуществления реабилитации инвалидов является индивидуальная программа реабилитации инвалида (ИПР), которая включает отдельные виды, формы, объемы, сроки и порядок реализации медицинских, профессиональных и других реабилитационных мер. Оценка результатов выполнения ИПР, осуществляемая при переосвидетельствовании инвалидов, позволяет анализировать реализацию рекомендуемых реабилитационных мероприятий, выявлять тенденции, планировать потребность

инвалидов в конкретных реабилитационных программах, услугах, технических средствах реабилитации. Целью работы явилась оценка эффективности реализации программ реабилитации инвалидов по данным заключений о выполнении ИПР инвалидов, выданных учреждениями медико-социальной экспертизы Российской Федерации при переосвидетельствовании инвалидов в 2010-2011 гг. Для реализации поставленной цели был выполнен анализ материалов федерального государственного статистического наблюдения по сведениям о медико-социальной экспертизе лиц в возрасте 18 лет и старше за 2010-2011 гг. В работе использованы системный и комплексный анализ и методы: математико-статистический, выкопировки данных из документов с применением современных информационных технологий. В соответствии с результатами статистического наблюдения федеральными государственными учреждениями медико-социальной экспертизы в 2010 г. было выдано 1859894, в 2011 г. - 1759456 заключений о выполнении индивидуальных программ реабилитации инвалидов. Удельный вес заключений с положительными результатами реабилитации в 2010 г. составил 42,18%, в 2011 г. незначительно ниже - 42,09%. Ранжирование федеральных округов по удельному весу заключений с положительными результатами реабилитации позволило установить, что в 2010-2011 гг. наибольшие значения показателя наблюдались в Уральском федеральном округе (в 2010 г. – 60,42%, в 2011 г. – 55,24%), Южном федеральном округе (55,98% и 56,63%) и Приволжском федеральном округе (54,61% и 52,78% соответственно). Наиболее низкие уровни показателя наблюдались в Северо-Кавказском федеральном округе (в 2010 г. – 31,30%, в 2011 г. – 22,25%) и Центральном федеральном округе (28,80% и 33,03% соответственно). В ходе анализа эффективности реабилитационных мероприятий в Российской Федерации проводилась оценка количества выданных заключений с положительными результатами медицинской, профессиональной и социальной реабилитации в расчете на 100 инвалидов, переосвидетельствованных для определения группы инвалидности. Мероприятия медицинской реабилитации имеют четыре направления: реконструктивная хирургия, протезирование и ортезирование, восстановительная терапия, а также санаторно-курортное лечение. В заключении о выполнении ИПР инвалида для оценки результатов медицинской реабилитации используются следующие позиции: достигнута компенсация утраченных функций (полностью, частично); восстановлены нарушенные функции (полностью, частично). В

результате анализа эффективности программ медицинской реабилитации установлено, что интенсивный показатель достижения полной компенсации утраченных функций на 100 переосвидетельствованных в 2010 г. составил 3,97, в 2011 г. на 8,0% больше - 4,29. Уровень достижения частичной компенсации утраченных функций составил по Российской Федерации в целом в 2010 г. 17,08, а в 2011 г. на 2,76% больше - 17,29. Интенсивный показатель полного восстановления нарушенных функций составил в 2010 г. - 2,79, а в 2011 г. - 2,84 на 100 переосвидетельствованных, частичного восстановления нарушенных функций – 8,36 и 10,01 соответственно. В целом следует отметить положительную динамику показателей эффективности медицинской реабилитации в 2011 г. по сравнению с 2010 г. Важнейшей составной частью комплексной реабилитации является профессиональная реабилитация инвалидов, которая направлена на возвращение (или включение) инвалида в общественно-полезный труд в соответствии с его состоянием здоровья, трудоспособностью, личными склонностями и желаниями. В целом по Российской Федерации в динамике за 2010-2011 г. наблюдалось снижение всех интенсивных показателей эффективности профессиональной реабилитации на 100 переосвидетельствованных: «получена новая профессия» (с 0,70 до 0,61), «повышена квалификация» (с 0,27 до 0,17), «повышен уровень общего (профессионального) образования» (с 0,94 до 0,89), «подобрано подходящее рабочее место» (с 5,34 до 4,92), «создано специальное рабочее место» (с 0,98 до 0,86), «обеспечена занятость» (с 6,31 до 5,95). Обратная ситуация наблюдается по эффективности программ социальной реабилитации, которая реализуется в рамках следующих мероприятий: социально-средовая, социально-педагогическая, социально-психологическая, социокультурная реабилитация, социально-бытовая адаптация, физкультурно-оздоровительные мероприятия и спорт. Интенсивные показатели эффективности программ социальной реабилитации в Российской Федерации возрастали в динамике за 2010-2011 гг.: по достижению полной способности к самообслуживанию – с 5,00 до 5,64, по достижению частичной способности к самообслуживанию – с 11,38 до 13,45, по достижению возможности самостоятельного проживания – с 9,46 до 10,33, по обеспечению интеграции в семью и общество – с 12,66 до 14,76 на 100 переосвидетельствованных. Результаты анализа свидетельствуют о повышении эффективности мероприятий данного вида реабилитации в Российской Федерации, что обусловлено активным развитием оказания психологической и юридической

помощи инвалидам и их родственникам, более широким охватом социокультурными и спортивными мероприятиями. Крайне востребованы мероприятия по социально-бытовой адаптации, обучение пользованию техническими средствами реабилитации, позволяющие лицам с ограниченными возможностями быстрее адаптироваться в социуме. Полученные данные демонстрируют более эффективную реализацию программ медицинской и социальной реабилитации, что связано с высокой мотивацией инвалидов в их получении, своевременным обращением инвалидов за реабилитационными мероприятиями, большими возможностями лечебных учреждений и реабилитационных центров, хорошим качеством оказываемых услуг. Следует отметить низкий уровень выполнения программы профессиональной реабилитации, что связано с отсутствием мотивации у работодателей создавать необходимые условия труда для лиц с ограниченными возможностями, низкой заработной платой вакансий, предлагаемых в центрах занятости населения. В целом показатели реализации медицинской, профессиональной социальной программ реабилитации в Российской Федерации остаются низкими, что свидетельствует об актуальности проблемы совершенствования условий и порядка предоставления услуг в сфере медико-социальной экспертизы и реабилитации, в частности развития и доступности сети реабилитационных учреждений, качественной работы исполнителей реабилитационных мероприятий, эффективного межведомственного взаимодействия учреждений медико-социальной экспертизы и организаций, осуществляющих реабилитацию инвалидов.

РАЗВИТИЕ ДОСТУПНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ ДЛЯ ЛИЦ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ В САНКТ- ПЕТЕРБУРГЕ

Романенко В.В., Бородкина О.И. (Санкт-Петербург)

Проблема профессионального образования лиц с ограниченными возможностями имеет существенное практическое значение для Санкт-Петербурга как для города, в котором расположено множество высших и средне-профессиональных учебных заведений с одной стороны, так и для города, в котором проживет большое количество инвалидов (768581 человек - по данным Администрации Санкт-Петербурга на 1.03.2011 г.), с другой

стороны. Для лиц с ограниченными возможностями образование сегодня способно сыграть важнейшую роль, ведь это - один из наиболее действенных социальных ресурсов, направленных на уменьшение общественной изоляции и экономической зависимости. В процессе получения профессионального образования и его практического применения (устройства на работу) лица с инвалидностью способны повысить не только свой материальный уровень, но и личностный статус, полноценно включаясь в жизнь общества, развивая новые мотивации и новые формы социальной активности [1]. Конвенцией ООН «О правах инвалидов» охвачены такие аспекты жизнедеятельности человека, как гражданские и политические права, право на участие в общественной жизни и недопустимость изоляции, право на образование, здоровье, занятость, социальную защиту и другие. Подчеркивается необходимость достижения равноправия инвалидов путем максимально полного включения («инклюзии») людей с инвалидностью в общественную жизнь, в том числе, речь идет и о качественном общедоступном образовании как об институте гражданского общества, в который лица с ограниченными возможностями включены наравне с прочими гражданами [2]. Сегодня одним из основных приоритетов в социальной политике как в целом в России, так и в Санкт-Петербурге, является создание доступной среды жизнедеятельности для инвалидов. В Санкт-Петербурге сформирована правовая основа для исполнения Федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», согласно которому повсеместно должны быть созданы условия для беспрепятственного доступа инвалидов к объектам социальной инфраструктуры. В 2011 году в Санкт-Петербурге принято постановление Правительства Санкт-Петербурга № 7 от 18.01.2011 «О Перечне мероприятий, направленных на развитие доступной среды жизнедеятельности для инвалидов в Санкт-Петербурге, на 2011-2012 годы». Эти законодательные основы закрепляют необходимость создания социальной инфраструктуры, отвечающей требованиям мобильности и беспрепятственной жизнедеятельности лиц с ограниченными возможностями, что является необходимым базовым условием социальной интеграции данной группы граждан. Однако эффективная социальная интеграция инвалидов невозможна без их активного участия в социальной и трудовой деятельности, что в свою очередь требует развития системы профессионального образования, в том числе и высшего образования, для данной целевой группы. ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации»

закрепляет разнообразные формы получения образования инвалидами в России, однако, требования и механизмы реализации права на образование инвалидов в «общих» учебных заведениях (т.е. неспециализированных школах, училищах и т.д.) отсутствуют[3]. Это противоречит принципам Конвенции ООН о правах инвалидов, таким образом, с законодательной точки зрения концепция образовательной системы в России для лиц с ограниченными возможностями нуждается в некоторой корректировке в сторону закрепления инклюзивного образования в качестве основной формы. На практике специальное образование иногда играет дополнительную роль по отношению к системе общего образования, но чаще является совершенно отдельной системой, «отгороженной» от обычных учебных заведений города. Интеграция людей с ограниченными возможностями в городскую образовательную среду может быть достигнута методом перенесения моментов специального образования в систему образования общего. Здесь речь идет не только о доступности образовательной «физической» среды (лифты для инвалидов в учебном заведении, широкие коридоры, пандусы и т.д.), но и о стратегиях обучения, программах, технических средствах, позволяющих преподносить материал доступно и без снижения качества образования для всех студентов, компетенции педагогов и т.д. По данным Федерального агентства по образованию отмечается рост принятых, обучающихся и выпущенных специалистов из числа студентов-инвалидов (с 2001 года по 2007 численность студентов-инвалидов, обучающихся в ВУЗах России, возросла практически в 5 раз, численность обучающихся инвалидов в учреждениях среднего профессионального образования возросла в 2 раза) [4, с.23]. Этот факт иллюстрирует то, что профессиональное образование является востребованным среди лиц с ограниченными возможностями. Необходимо в дальнейшем расширять доступность образовательных программ, и речь идет не только об обучении на базе специальных учебных заведений, о развитии дистанционных программ для обучения лиц, не имеющих возможность посещать учебные заведения лично (хотя это – тоже важное направление работы). Существует необходимость развивать инклюзивное обучение непосредственно в училищах и ВУЗах города. Оценка потребностей лиц с ограниченными возможностями в профессиональном образовании, оценка степени реализации этих потребностей и потенциала учебных заведений для успешного решения данного вопроса, на сегодняшний день являются важнейшими задачами в контексте интеграции инвалидов и

повышения их качества жизни в российском социуме. Развитие системы профессионального образования для лиц с ограниченными возможностями должно базироваться на комплексном подходе, который предполагает: 1) создание позитивного общественного мнения о совместном обучении студентов, 2) активную позицию гражданского общества в данном вопросе, межведомственное взаимодействие представителей общественных организаций, государственных и частных учебных заведений и представителей власти; 3) создание доступной городской среды (включая транспорт и инфраструктуру учебного заведения), 4) адекватную социальную поддержку семей с инвалидами 5) разработку и внедрение безбарьерных программ и методик обучения.

Литература

1. Бородкина О.И. Основные направления повышения качества жизни людей с ограниченными возможностями: по результатам социологического исследования в г. Санкт-Петербурге // Инвалиды в современном обществе: опыт России и Финляндии, Спб, Скифия-принт, 2009, с.170-197

2. Конвенция ООН о правах инвалидов (13.12.2006), документ в электронном виде http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml, дата последнего доступа 5.10.2012

3. Федеральный закон от 24 ноября 1995 г. N 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации»

4. Россия: на пути к равным возможностям/ Доклад ООН, Москва, 2009, документ в электронном виде http://www.unrussia.ru/sites/default/files/doc/russia_on_the_pat_ru.pdf , дата последнего доступа 5.10.2012

ТЕНДЕНЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ ЗДОРОВЬЯ РОССИЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В 1990-Е И 2000-Е ГГ.: ЗНАЧЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ И СОЦИЕТАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ

Русинова Н.Л., Сафронов В.В. (Санкт-Петербург)

В настоящем докладе освещаются некоторые результаты проведенного нами исследования, анализирующего тренды изменений в социальной стратификации здоровья российского населения, произошедшие в постсоветский период. В качестве

индикатора здоровья используется самооценка его состояния. Проведенный анализ был направлен на решение двух общих задач. При решении первой задачи выяснялось, действительно ли в 2000-е гг. происходило улучшение состояния здоровья россиян, и насколько отчетливо проявлялась эта тенденция в женской и мужской половинах российского населения. В центре внимания при этом остается вопрос о характере трендов, описывающих социальные неравенства в здоровье мужчин и женщин. Предполагалось, в частности, установить, сохранялись ли социальные (по образованию и доходу), а также демографические (возрастные) различия в здоровье, сложившиеся к середине-второй половине 1990-х гг., в последующий период, охватывающий первое десятилетие 2000-х гг. Или же эти различия менялись – в этом случае было важно понять, происходило ли в результате нарастание социальных неравенств в здоровье или же их сокращение. Вторая задача подразумевала прояснение вопроса о том, чем были обусловлены такие тенденции изменения самочувствия россиян, каковы факторы социального уровня, вызвавшие эти перемены. Напрашивающееся объяснение позитивных перемен в здоровье связано с быстрыми темпами экономического роста России в прошлом десятилетии, сопровождавшегося заметным подъемом благосостояния граждан (а значит и снижением стрессовых нагрузок, улучшением возможностей сбалансированного питания и рекреации, повышением доступности качественных негосударственных медицинских услуг) и появлением у государства бюджетных средств, позволяющих усилить социальную политику и совершенствовать систему здравоохранения. В связи с этим мы предпринимаем попытку выяснить, было ли улучшение здоровья наших сограждан обусловлено, с одной стороны, существенными изменениями социальной структуры нашего общества – расширением хорошо образованных и обеспеченных слоев; а с другой - повышением расходов на поддержание здоровья, учитывая отдельно как увеличение вложений государства в систему здравоохранения, так и нарастание расходов самих россиян на лекарства и платные медицинские услуги. Основным источником эмпирических данных, которые анализировались при решении этих задач, - «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)»[□]. Рассматривались данные второго этапа RLMS-HSE - четырнадцать ежегодных репрезентативных опросов, проводившихся с 1994 по 2009 (кроме 1997 г. и 1999 г.) для членов домохозяйств в возрасте от 26 до 70 лет (когда воздействие социальных факторов на здоровье

проявляется с наибольшей отчетливостью). Статистический анализ осуществлялся в нашей работе с учетом двухуровневой структуры подлежащих изучению опросных данных. Информация о самооценках россиянами здоровья, их демографических и социальных особенностях была зафиксирована на индивидуальном уровне, тогда как сведения о времени проведения опросов и изучаемых социетальных факторах относятся к иерархически надстроенному над ним уровню, где аналитическими единицами выступают 14 временных точек – годы проведения опросов. Иерархическая структура эмпирических данных – широко распространенное явление в социальных науках, и для ее анализа был разработан специальный математический аппарат многоуровневого моделирования [см., например, 1 – 4, 6]. В нашей работе, предполагающей двухуровневое моделирование при дихотомической зависимой переменной («плохое здоровье»), использовался статистический пакет HLM-6, позволяющий строить релевантные нашим задачам Иерархические генерализованные линейные модели [см. 5]. Такое моделирование осуществлялось по отдельности для женской и мужской совокупностей изучавшегося российского населения. Проведенный анализ позволил прийти к следующим основным выводам. В постсоветский период отчетливо просматриваются социальные неравенства в здоровье и мужчин и женщин: у представителей нижних слоев социальной стратификации, определяемой по признакам образования и дохода, самочувствие было заметно хуже по сравнению с теми, кто располагался на верхних ее ярусах. В 2000-е годы здоровье женщин стало меняться в позитивном направлении. Такая тенденция была обусловлена ростом их благосостояния и появлением у них возможности использования современных лекарственных средств и обращения за качественной помощью для поддержания здоровья в негосударственный сектор платной медицины. С наибольшей отчетливостью тенденция к улучшению здоровья проявлялась в социальном слое, отличающемся сравнительно высоким уровнем жизни. Сходные тенденции у мужчин оставались в зачаточном виде. Даже в рядах наиболее обеспеченных из них состояние здоровья не менялось к лучшему, а в нижележащих стратах, возможно, ухудшалось. Результаты исследования свидетельствуют, что проблему кризиса мужского здоровья едва ли можно решить, уповая исключительно на экономические стимулы. Он связан, надо полагать, с культурно укорененными представлениями и стилями жизни (в частности, распространенностью курения и приверженностью алкоголю),

нивелирующими потенциал позитивных перемен при росте благосостояния.

Литература

1. Bickel R. Multilevel Analysis for Applied Research: It's Just Regression! New York London: The Guilford Press, 2007.
2. Gelman A. and Hill J. Data analysis using regression and multilevel / Hierarchical Models. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.
3. Hox, J. Multilevel analysis: techniques and applications. Mahwan, NJ and London: Lawrence Erlbaum Associates, 2002.
4. Raudenbush, S.W., and Bryk, A. S. Hierarchical Linear Models: Applications and data analysis methods. Second Edition. Newbury Park, CA: Sage, 2002.
5. Raudenbush Stephen, Anthony Bryk, and Richard Congdon. Hierarchical Linear and Nonlinear Modeling.
6. Snijders T.A.B. and Roel J.B. Multilevel Analysis: An introduction to basic and advanced multilevel modeling. London, Thousand Oaks, New Delhi: Sage, 2003.

ПРОФИЛАКТИКА ПРОБЛЕМ ЗДОРОВЬЯ У ПОДРОСТКОВ ПУТЁМ РАЗВИТИЯ ИХ СОЦИАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ

Сергеева Н.И. (Санкт-Петербург)

Состояние здоровья во многом определяется социальными факторами, или детерминантами здоровья – условиями рождения, взросления, проживания, работы и старения людей . Значительную роль играет также образ жизни, закладывающийся в подростковом возрасте и оказывающий влияние на здоровье человека в дальнейшем. Специалисты ВОЗ связывают основные проблемы здоровья, возникающие у подростков, с психической сферой (тревога, депрессия, расстройства пищевого поведения и т.д.), употреблением табака, алкоголя и наркотиков, агрессией и насилием, непреднамеренными травмами, хронической недостаточностью питания, рискованным сексуальным поведением (инфекции, передаваемые половым путём), ВИЧ . Распространённость в подростковой среде вредных привычек (курения, злоупотребления алкоголем и употребления наркотических веществ) свидетельствует о низком уровне социальной компетентности многих несовершеннолетних. Она представляет собой совокупность базовых

знаний об обществе и социальных навыков индивида, использование которых в повседневной жизни способствует его полноценному участию в жизни общества. Можно выделить социальную компетентность в разных сферах жизнедеятельности: в семейной жизни, в общении с окружающими людьми, в обращении со средствами массовой информации и т.д. Социальная компетентность в отношении собственного здоровья включает в себя знания о способах профилактики заболеваний и сохранения здоровья, последствиях различных форм рискованного поведения, умение противостоять негативному давлению социальной среды, способность к анализу и прогнозированию результатов своих поступков для здоровья, следование здоровому образу жизни. На развитие социальной компетентности подростков оказывают влияние имеющиеся в их жизни агенты социализации – семья, школа, группа сверстников, средства массовой информации и др. Данные социальные институты и группы содержат ресурсы, необходимые для психофизического и социального развития личности. Для их использования подростки должны знать и следовать присущим этим институтам социальным нормам и моделям поведения. Низкий уровень социальной компетентности некоторых несовершеннолетних может привести к их отклоняющемуся поведению и, как следствие, к постепенному исключению из первичных социальных групп, «социальному отчуждению» таких подростков. Для предотвращения этих негативных для индивида и общества процессов необходимы разносторонние и действенные меры социальной политики на всех уровнях, прежде всего ориентированные на поддержку институтов семьи и образования. Они считаются основными воспитательными институтами в жизни детей и подростков, однако нередко сами оказываются социально некомпетентными или дисфункциональными. Для профилактики проблем здоровья у подростков специалисты ВОЗ наряду с многочисленными мерами социально-экономического и юридического характера (улучшение доступа к пищевым продуктам, методы сокращения числа дорожно-транспортных происшествий и травм во время них и т.д.) предлагают проведение информационных мероприятий и практических программ, направленных на социальное развитие подростков, содействие здоровому образу жизни, улучшение их социальных навыков и формирование компетентного поведения в области психического, физического, сексуального и репродуктивного здоровья. В качестве дополнения и составной части таких программ могут быть использованы аудиовизуальные средства - развивающие

компьютерные игры и профилактические видеофильмы. Они ориентированы на широкую аудиторию, но в первую очередь на подростковую, поскольку дети интересуются мультимедийными средствами, активно используют их в учебных и развлекательных целях. В основе сюжетов подобных игр и фильмов для подростков лежит какая-либо социальная проблема, например, агрессия, интолерантность, зависимое поведение: курение, употребление алкогольных напитков и наркотических веществ. В аудиовизуальных материалах представлены проблемные социальные ситуации из повседневной жизни подростков, различные модели поведения и их последствия для главных героев и их социального окружения. Преимуществом профилактических фильмов и игр является минимизация назиданий и нотаций в отношении поведения подростков, предоставление им возможности самостоятельно анализировать социальную проблему, оценить разные поведенческие стратегии, проходя игровые ситуации или наблюдая за развитием сюжета фильма. Неотъемлемой частью аудиовизуальных технологий формирования социальной компетентности подростков является обсуждение с подростками показанного видеоматериала, проведение групповой дискуссии. Развитие социальной компетентности способствует формированию здорового образа жизни, улучшению социальных навыков, анализу содержащихся в социальной среде рисков для здоровья, осмысленному отношению к нему и, таким образом, первичной профилактике проблем здоровья у подростков.

Литература

1. http://www.who.int/social_determinants/ru/
2. С какими проблемами здоровья сталкиваются подростки и что можно сделать для их предотвращения и решения? [Электрон. ресурс] Веб-сайт ВОЗ. Электрон. дан. (1 файл). http://www.who.int/maternal_child_adolescent/topics/adolescence/dev/ru/index.html

ФАКТОРНАЯ МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ ОБЩЕСТВА

Сошнев А.Н. (Санкт-Петербург)

В оценке состояния общества категория «социальное здоровье» находит всё большее признание. Вместе с тем, требуется методологическая проработка модели показателя. Нам представляется рациональным применить логично-смысловой и причинно-функциональный методы, предложенные П. А. Сорокиным в исследовании социальной и культурной динамики. Социальное здоровье общества можно представить в виде функции:

$$\text{СЗО} = f(\text{P}; \text{K}; \text{S}; \text{C}; \text{J}_d),$$

где: P - продуктивность общества как способность производить определённый объём общественных благ.

Рассмотрим факторы данной функции:

K - уровень развития коммуникаций, характеризующий способность общества формировать соответствующее информационное поле;

S - уровень культурного развития фактор, позволяющий оценить способность социального агента к целеполаганию;

C - фактор устойчивости общества, характеризующий условия сохранения и воспроизводства его социальной структуры;

J_d - индекс демократизации общества, как соотношение личного и общественного потребления.

Продуктивность (P) как фактор социального здоровья общества характеризует не только ресурсы, которыми располагает общество в данный момент времени, но и их включение в воспроизводство. В зависимости от целей исследования количество аргументов, включенных в модель показателя продуктивности, может меняться. В общем виде она может быть представлена функцией вида

$$P = f(x_1; x_2; x_3; \dots x_n),$$

где $x_1; x_2; x_3; \dots x_n$ - факторы продуктивности.

Следующим фактором в модели социального здоровья общества выступает уровень развития коммуникаций (K).

Социальное воспроизводство общества совершается в коммуникативной деятельности. Социальные агенты вступают в разнообразные отношения, связи, взаимодействия. Они организуют свою целесообразную деятельность, находясь в информационном поле. Коммуникации, в конечном счёте, служат инструментом формирования информационного поля. Состояние коммуникаций и их способность передавать информацию зависит от ряда обстоятельств, которые можно представить в виде факторов. В их числе: уровень технологического развития общества. Он характеризует технические возможности

организации коммуникаций в данном обществе. По мере роста уровня технологического развития происходит изменение коммуникативных средств доставки информации. Социальный агент получает возможность формировать своё информационное поле не только за счёт коротких (близких) коммуникаций, но и коммуникаций глобального уровня.

Регулирование коммуникаций достигается за счет ограничения информационных потоков. Такими ограничителями могут выступать политические и религиозные институты общества, устанавливающие ограничения и запреты на коммуникации, вводящие цензуру.

Одним из регуляторов выступает собственность на средства коммуникации. По нашему мнению, модель коммуникативного фактора социального здоровья можно представить в следующем виде:

$$K = f(y; y_1; y_2; \dots y_n),$$

где: y_i – уровень технологического развития общества;

$y; y_1; y_2; \dots y_n$ – факторы, определяющие регулирование коммуникаций.

Важным фактором социального здоровья общества является уровень культурного развития (S). Культура как социальный институт общества выполняет важные воспроизводственные функции. Первая из них - целеполагание. Общество как социальная система отличается от других систем целесообразным воспроизводством. Уровень культурного развития характеризуется способностью социального агента осваивать культурные нормы и образы. Последние выступают условием целеполагания и целесообразной деятельности как духовные компоненты человеческого труда.

В отличие от материальных потребностей, культурные нормы для своего освоения требуют предварительной подготовленности социального агента. Уровень культурного развития социального агента будет зависеть от деятельности соответствующих институтов общества и их результативности. К таким институтам следует отнести: культуру, образование, религию, семью. Ресурсы общества, затрачиваемые на деятельность этих институтов - главная предпосылка культурного развития. Исходя из этого, модель

уровня культурного развития можно представить следующим образом:

$$S = f(z_1; z_2; z_3; \dots z_n),$$

где $z_1; z_2; z_3; \dots z_n$ – факторы, характеризующие деятельность институтов общества по обеспечению культурного развития.

Значимым фактором социального здоровья общества выступает фактор устойчивости общества (С). Текущее воспроизводство общества представляет собой сложный процесс сочетания устойчивости и изменчивости. Но каждый элемент общества сохраняет свое функциональное качество до тех пор, пока общество испытывает в нём потребность. В свою очередь, он стремится к самосохранению, доказывая обществу свою необходимость. Таким образом, создаются предпосылки для устойчивости.

Государство как социальный институт, принимающий на себя функции по организации общества, уже изначально устойчивость принимает как главную характеристику своей деятельности вне зависимости от того, каким типом оно представлено. Свой вклад в устойчивость общества вносят и другие институты общества вне зависимости от того, выступают они на стороне государства или вступают с ним в конфликт.

Устойчивость закрепляется социальной структурой, поддерживаемой нормами и традициями, созданными в обществе и включаемыми в отношения в течение длительного периода времени.

Модель фактора устойчивости можно представить в следующем виде:

$$C = f(d_1; d_2; \dots d_n),$$

где $d_1; d_2; \dots d_n$ – факторы, характеризующие деятельность социальных институтов по формированию и сохранению норм и традиций.

Последним фактором, включенным нами в модель социального здоровья общества, является фактор демократизации общества (J_d).

Динамика соотношения институциональных потребностей к личным потребностям является показателем демократичности общества:

$$J_{do} = J_{pl} / J_{pi}$$

где: J_{do} – индекс демократичности общества;

J_{pi} – индекс личных потребностей;

J_{pi} – индекс институциональных потребностей общества.

Социальное содержание этого индекса определяется следующими условиями:

1. В каждый данный момент времени общество располагает ограниченным объемом общественного богатства;

2. Общественное богатство распределяется на удовлетворение текущих потребностей населения, на обеспечение деятельности институтов, функционально направленных на удовлетворение потребностей населения и на удовлетворение потребностей институтов государства.

Представленные факторы социального здоровья общества, по нашему мнению, могут быть представлены как социальные нормативы для целей управления социальным развитием общества. Социальное здоровье общества является обобщающим показателем, характеризующим состояние общества в каждый данный момент времени.

ПОВСЕДНЕВНОЕ ПИТАНИЕ СТУДЕНТОВ УНИВЕРСИТЕТА КАК ОСНОВА ВОЗМОЖНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ОРГАНИЗАЦИЕЙ ПИТАНИЯ

Стеценко А.И., Верецкая А.И., Довейко А.Б. (Воронеж)

В отличие от организации питания в других учреждениях, в ВУЗе имеет место «сезонность» работы предприятий питания, которая проявляется в полном прекращении работы столовых и буфетов в летний период. Сезонность работы и доходности определяет положение кадрового персонала предприятий питания, его текучесть, квалификацию (квалифицированные работники вряд ли могут себе позволить «прстои»). Поэтому управление процессом организации питания студентов (и не только) распространяется на сезон (примерно с начала учебного года по июнь следующего года). Другая часть проблемы состоит в том, что непосредственно гастрономическим поведением студентов в отношении посещения буфетов и столовых управлять невозможно, кроме как через установление удобного распорядка работы предприятий, цены и изменение ассортимента и качества блюд. Уровень цен как регулятор гастрономического поведения студентов тесно связан с платежеспособностью обучающихся. Ее регулировать в ВУЗе также невозможно и поэтому замысел и результаты нашего исследования

развернуты на доказательство гипотезы: студенты коммерческого набора, локализованные в 6 и 9 корпусах университета, питаются лучше, чем другие студенты из корпусов 1 и 8. В корпусе 1 локализованы студенты преимущественно бюджетного набора (математики, физики, химии и т.п.). В корпусе 6 обучаются студенты экономического факультета (в основном внебюджетники) и много студентов внебюджетного набора факультета геоэкологии и географии. В корпусе 8, где длительное время не работала столовая, обучаются студенты факультета международных отношений и студенты исторического факультета. Наконец, в корпусе №9 учатся студенты юридического факультета. Размещение студентов по корпусам представляется важным критерием анализа состояния питания студентов. Опрос 1153 студентов 1-4 курсов 12 факультетов (или 19,2% всего контингента студентов дневного отделения ВГУ) проведен социологами исторического факультета (студентами и сотрудниками) в мае 2012 г. по заданию и на средства ректората. Выборочная совокупность структурирована по факультетам и корпусам, а также курсам. Курировали проект проректор О.Н. Беленов и проректор О.П. Гришаев. Помогали в исследовании деканаты факультетов и студенческие профсоюзы. Проект служит логическим продолжением многолетнего мониторинга качества образования, постоянно подтверждавшего низкие значения удовлетворенности студентов качеством питания. Инструментарий разрабатывался в лаборатории социологических исследований кафедры социологии и политологии исторического факультета ВГУ. Целью исследования было получение социологической информации об удовлетворенности студентов своим питанием, его сторонами. В соответствии с целью были поставлены исследовательские задачи: 1) обнаружения и фиксирования проблем с питанием студентов в ВГУ, определения уровня проблемности в организации питания; 2) соотнесения структуры питания студентов и их потребностей в режиме питания и ассортименте блюд в стенах университета, предоставления конкретных услуг в сфере питания; 3) получения студенческой оценки возможности приема пищи в корпусах ВГУ (по времени, периодичности питания, цены и качества блюд); 4) определения масштабности проблем по корпусам и в ВГУ в целом; 5) выработка рекомендаций в адрес администрации ВГУ по регулированию проблемы питания. Социальная проблема организации питания (и управления ею) связана с противоречием: с одной стороны, питание должно быть оптимальным по доступности, организации, способствовать обучению и здоровью, а с другой

стороны, – существуют объективные и субъективные предпосылки, факторы, мешающие удовлетворению социальных потребностей студентов в здоровом и вкусном питании. Среди таких факторов могут быть названы: 1) социальная политика в стенах ВГУ; 2) усилия всех участников процесса обеспечения студентов, представителей учебно-вспомогательного персонала и педагогов полноценным питанием; 3) рыночные механизмы, в которые включены как администрация ВГУ, так и организации, занимающиеся обеспечением услуг в сфере питания; 4) _ позиции, вкусы, пристрастия студентов в отношении еды и распорядка дня; понимание субъектами своего питания с ценностной, смысловой, организационной, поведенческой и эмоционально-волевой точек зрения; 5) возможности ВУЗа обустроить помещения для питания студентов и сотрудников, оптимизировать распорядок работы и учебы для оздоровительных целей и др. Система показателей строилась на основе содержания основного понятия «питание». В русском языке слово «питание» означает: 1. Питать или кормить какой-либо пищей; 2. Пищу, характер и качество пищи; 3. Организацию снабжения пищей; 4. В переносном смысле – энергию, необходимую для функционирования чего-либо (С.И. Ожегов). Собственно, все перечисленные здесь значения работают на раскрытие нашей темы. Из показателей и индикаторов, характеризующих проблему, использованы: 1) мнение студентов о наличии проблемы питания (на основе шкалы); 2) структура проблем, среди которых: наличие мест питания со скудным меню; несоответствие желающих принять пищу и оперативности обслуживания, а также мощности «точки» питания; 3) влияние очередей в местах питания на учебную дисциплину (опоздания) студентов; 4) соответствие цен и ассортимента блюд; 5) отсутствие «горячего» и др. Одним из центральных вопросов в анкете был вопрос о наличии в корпусах ВГУ проблем организации питания. Студентов, согласных с наличием проблем в организации питания, в корпусе 1 было 62,5 % от числа опрошенных; в корпусе; в корпусе № 6 – 84,9%; №8 – 89,3%, корпусе №9 – 79,6%. Оценка проблемности по корпусам явно не соответствует материальному статусу респондентов в целом, если исходить из возможностей студентов-юристов, экономистов и других студентов. Наибольшая доля нареканий приходится на студентов, обучающихся в корпусе 8, где в то время не работала столовая. На втором месте расположился корпус №6 (в основном здесь обучаются студенты-экономисты и внебюджетники факультета географии и геоэкологии). Уточнение

содержания проблем питания студентов с точки зрения ассортимента блюд позволило выделиться юридическому факультету (22,4% опрошенных), Почти такая же обстановка в корпусе №1. Но в отношении очередей в буфетах наиболее неблагополучен корпус №6 (где много студентов экономического факультета) – 51,4 % опрошенных в корпусе. Здесь же отмечается обилие желающих поесть во время перерыва, хотя это не всегда удается, – 67,7%, что означает, что предприятия питания не справляются с нагрузками и не способны оперативно работать. То же самое отмечают юристы (корпус №9). Ответы на вопрос о ежедневном меню позволяют выявить оптимальный рацион студентов: каждый день и через день молочные продукты потребляют 68,3% студентов 1 корпуса, 54% студентов 6 корпуса, 65,5% студентов корпуса №8, 65% студентов корпуса №9. В вопроснике не уточнялось, едят ли студенты эти блюда в корпусе или дома. Меню в какой-то мере отражает уровень возможностей потребления. Интересен сам факт сниженного потребления молочных продуктов у экономистов и географов. Мясо и мясопродукты, являющиеся основой здорового питания, каждый день и через день потребляют 76% студентов из корпуса №1, 84,9% студентов 6 корпуса, 82,5% студентов из корпуса 8 и 84,9% студентов-юристов (корпус 9). То есть, юристы и экономисты получают мяса больше, чем другие студенты, например, их коллеги из корпуса 1. Рыба и рыбопродукты в основном – удел студентов 1 корпуса: ежедневно и через день рыбные блюда потребляют 34,7% опрошенных студентов из 1 корпуса, а также студентов юридического корпуса (вопрос: а каких сортов и пород рыбы?), в то время как в 6 корпусе ежедневно и через день едят рыбу 20% студентов. Отметим, что рыба сегодня не является дешевым и основным продуктом., хотя для интенсивной умственной деятельности она так необходима. Биологическую ценность овощного и фруктового меню признают, прежде всего, представители корпуса №9 (юристы, которые ежедневно и через день потребляют овощи и фрукты в 88,2% и 83,3% случаев соответственно по названным блюдам). В то время как представители 1 корпуса лишь в 79,0% (овощи) и 75,3% случаев с потреблением фруктов. Обгоняют юристы из корпуса №9 своих коллег из корпуса №1 по потреблению сладостей (конфет и пирожных): 57,3% против 44,8%, в употреблении соков – 75%. Ежедневно и через день их пьют юристы против 62,9% у студентов физического, химического, математического и других из корпуса №1. С учетом того, что нерегулярно, как получится, питаются 41,2% студентов 1 корпуса,

40,5% студентов корпуса 6, 45,3% студентов корпуса 6, и только 38,2% студентов из 9 корпуса, есть необходимость регулирования распорядка питания по времени (с предложением достаточных перерывов для приема пищи). Очевидно в некоторой зоне безопасности от приобретения болезней желудочно-кишечного тракта находятся 12,1% студентов 1 корпуса, 13,6% – 6 корпуса, 13% студентов 8 корпуса и 15,8% студентов корпуса 1 (юристов), которым удастся постоянно принимать горячую пищу. Остальные не застрахованы от колитов, гастритов и язвенной болезни. Гипотеза о неравенстве студентов из разных корпусов по признаку потребления продуктов питания частично подтвердилась. На следующем этапе можно проследить соответствие доходов и качества питания студентов разных факультетов. Общие возможности регулирования процесса организации нормального питания студентов лежат в пространстве доступных цен, однако важным моментом является достижение богатого ассортимента блюд, хронологической возможности студентов эффективно питаться. Размещение студентов в корпусах, как критерий анализа гастрономического потребления, открывает возможности рассчитать число клиентов на одну торговую точку, изменить распорядок дня в целях создания условий для полноценного питания студентов (и сотрудников) университета, выявить признаки социального неравенства между группами экономистов, юристов и других студентов, между бюджетниками и студентами коммерческого типа обучения. На основе полученных данных администрация ВГУ заключила договора подряда на обеспечение питания студентов, предложила меры по оптимизации качества питания студентов.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗДОРОВЬЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ.

Суслова Т.И., Фирсова Л.В. (Томск)

В последние годы «растут потери национального дохода вследствие смертности населения от сердечно-сосудистых заболеваний, инсульта, диабета и других заболеваний. На данном этапе «государство, политики, да и простые люди не относят здоровье к числу приоритетов, средний россиянин готов им пожертвовать ради достижения каких-то материальных или социальных выгод» [1.с.148] Социальные программы различных уровней, философия и идеология здоровья, культивирование ведения

здорового образа жизни со студенческой скамьи, способны принести весьма ощутимый эффект, позволят предотвратить не только большие расходы на восстановление здоровья в будущем, но и преодолеть связанные с болезнями ограничения вести полноценную, насыщенную жизнь. В Уставе ВОЗ здоровье характеризуется как «состояние человека, которому свойственно не только отсутствие болезней или физических дефектов, но и полное физическое, душевное и социальное благополучие».[2] Будучи базовой ценностью человека, здоровье определяется как некое идеальное состояние, поскольку на протяжении всей жизни человек не бывает постоянно вполне здоров. В Конституции указывается, что Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Это предполагает в числе прочего государственную поддержку инвалидов и пожилых граждан, развитие социальных служб, установление государственных пенсий, пособий и иных гарантий социальной защиты. Реальная практика демонстрирует постоянную или спорадическую изоляцию некоторых социальных групп, их маргинализацию и даже эксклюзию. Несмотря на предпринимаемые усилия, уровень интеграции инвалидов остается по-прежнему низким, социальная активность и профессиональная самореализация, социальные и семейные сценарии деформируются ограничениями, налагаемыми дефектами здоровья. В Российской Федерации наблюдается рост численности инвалидов: с 11,4 млн. человек в 2004 году до 13 млн. - в 2010. Ежегодно признаются инвалидами около 3,5 млн. человек, из них более 1 млн. человек впервые. Во многом это обусловлено высоким уровнем заболеваемости и травматизма населения, недостаточным качеством медицинской помощи и услуг, оказываемых лечебно-профилактическими учреждениями и учреждениями медико-социальной экспертизы, а также другими причинами. В социальной структуре общества наблюдается значительное количество лиц, имеющих ограничения жизнедеятельности вследствие боевых действий и военной травмы и их интеграции в общество. Количество инвалидов в Томске на сегодня – около 45 тысяч человек, среди них детей-инвалидов около 4 тысяч. В городе действуют программы, направленные на организацию существенной помощи лицам с ограниченными возможностями при участии, в том числе и представителей системы высшего образования, готовящих специалистов соответствующего профиля. Философия и идеология здоровья в практическом применении получили распространение в

Томском государственном университете систем управления и радиоэлектроники благодаря социальной направленности подготовки специалистов по «Социальной работе» и Организации работы с молодежью». За последние два года на гуманитарном факультете созданы два структурных подразделения, направленных на решение проблемы инклюзивного образования инвалидов. Во-первых, это Центр сопровождения студентов с инвалидностью, который создан с целью организации помощи и содействия студентам с ограниченными возможностями здоровья, обеспечения условий для успешной адаптации в образовательной деятельности. При посредстве центра в университете стало возможным обучение инвалидов, которых курируют специалисты с момента подготовки к вступительным испытаниям, поступления и сопровождения в процессе обучения. На сегодня в главном корпусе университета созданы условия для обучения инвалидов, в том числе колясочников: смонтированы пандусы, отдельные туалетные комнаты и специальные аудитории для обучения. Теперь на базе созданной инфраструктуры для инвалидов в университете проводятся городские спортивные мероприятия, в частности, не так давно прошел кубок по шахматам для детей с ограниченными возможностями. Во-вторых, в университете создан «Спортивно-оздоровительный центр», что связано с пониманием необходимости совершенствования системы физкультурно-оздоровительной работы среди студентов. В числе главных задач деятельности Центра стоят общие для всех университетов России задачи: медицинское обеспечение спортивно-массовых мероприятий, соревнований и учебного процесса по физическому воспитанию; организация и реализация спортивно-оздоровительных программ и проектов в университете; проведение в том числе социологических исследований с целью разработки и внедрения теории и методик совершенствования технической и тактической подготовки спортсменов различного уровня; проведения исследований функциональных возможностей и адаптационных резервов при занятиях физической культурой и спортом и ряд не менее значимых задач. Принято различать три состояния в жизни человека, влияющие на здоровье: телесное, душевное и духовное. Студенты гуманитарного факультета университета принимают участие в реализации городской программы «Социально-психологическая программа интеграции лиц с ограниченными возможностями в общество». Цель программы заключается именно в гармонизации психического состояния личности, как важного фактора показателя здоровья. В рамках программы актуализируется

позитивный опыт личной эффективности, расширяются способности адекватного и полного познания себя и других людей, снижается уровень тревожности, повышается уровень самооценки. Занятия проходят на базе ряда общественных организаций таких как: «Томское региональное отделение общественной организации «Всероссийское общество глухих», «Всероссийское общество слепых», на дому у лиц с ограниченными физическими возможностями. В рамках программы происходит взаимодействие и обмен опытом с организациями, занимающимися социальными, культурными и образовательными программами для инвалидов. Социогуманитарное направление научной, учебно-педагогической деятельности кафедр гуманитарного факультета определено как приоритетное, поэтому работа ведется в тесном контакте с городским центром профилактики здоровья. В рамках международного сотрудничества по магистерским программам кафедры философии и социологии сотрудничает с университетом г.Лимож (Франция), нам удалось привлечь находящихся в нашем университете на стажировке студентов Лиможского университета к участию в проекте, так как они занимаются разработкой технических средств помощи для лиц с потерей автономности. Сотрудничество оказалось плодотворным для всех участников, включая преподавателей, студентов и специалистов. Реализация мероприятий, предусмотренных программой, позволит усилить возможности успешной социализации и социально-психологической адаптации инвалидов в общество; увеличить объем реабилитационных мероприятий, создать для людей-инвалидов равные с другими людьми возможности участия в жизни общества.

Литература

1. Г.Степанова. Болевые точки здоровья россиян. //Человек. №1. 2008. с.148.
2. сайт ВОЗ.,2011. URL: www.who.int/governance/eb/constitution/ru/.

ЦЕННОСТНЫЕ УСТАНОВКИ БУДУЩИХ ВРАЧЕЙ: ОРИЕНТАЦИЯ НА ПРОФЕССИОНАЛИЗМ И ПРИЗНАНИЕ.

Сухова Е.Н. (Нижний Новгород)

Важнейшим показателем гармоничной идентичности профессионала является его бесконфликтная идентификация с

профессиональной группой как одной из нескольких групп социальной референции. Ценности и нормы профессионального взаимодействия становятся определяющими (базовыми) компонентами «Я-образа». Собственно трудовая деятельность рассматривается как социально обусловленные практики – эта последовательность рутинных действий служит не только исполнению общественных «обязательств» профессии, но и воспроизводству групповых ценностей, моделей поведения и отношений внутри профессионального поля. Именно «действие» следует считать основной аналитической единицей в контексте вопроса о профессиональной идентификации врача. Как утверждает Э. Фрейдсон, «действие» является первоочередным критерием, по которому следует оценивать успешность и эффективность работы медиков. Именно категория «действия» является линией демаркации между двумя типами медицинского знания – практическим (consulting professions (консультирующие профессии)) и академическим (learned scientific professions (исследовательская деятельность)): «От врачей <...> не требуется рассуждений в категориях «правды» или «истины», от них требуется действие...» [1, р. 21]. Поэтому важно помнить, что главной ориентацией будущих врачей – студентов медицины – должна стать ориентация на действие – осознанное, взвешенное, ответственное. Естественно, что способность к рациональному восприятию ситуации и принятию решений в сложных ситуациях студенты приобретают за время длительной и «испытывающей на прочность» профессиональной подготовки – как интеллектуальной, так и практической. В вопросе об условиях и факторах профессионального обучения важно не забывать о ценностном поле социализации врачей. По данным опроса студентов второго курса Нижегородской Государственной Медицинской Академии (весна 2012г., г. Нижний Новгород, N=200), посвященного проблеме профессиональной идентификации российских врачей, наиболее важными общественно поощряемыми ценностями названы престиж (41%), карьера и успех (35%), власть, влияние и авторитет (34%), финансовая стабильность (33,5%), а также социальные связи (32%). При этом лишь 19,5% респондентов признали «здоровье» – центральную ценность медицинской профессии – социально значимой. В целом, студенты показали ориентацию именно на рационализм и прагматизм, сохраняя при этом веру в «профессиональный идеализм» как необходимый и важный атрибут идентичности врача. Эта вера не только носит субъективный характер, но поддерживается объективными

условиями социализации студентов-медиков, в частности, организацией их учебного процесса. Среди очевидных для студентов сложностей учебного процесса были названы такие факторы, как: большие нагрузки и энергозатраты (20%), нехватка свободного времени (19%), непонимание и отсутствие помощи со стороны преподавателей (17,5%), неудобное расписание (15%) и необходимость изучать большой объем непрофильных (гуманитарных) дисциплин (12,5%). Ряд исследователей (Becker et al. 1963, Merton et al. 1957, Haas & Shaffir 1987, Sinclair 1997, DelVecchio Good 1995) считают, что именно давление со стороны преподавательского состава является основным психологическим барьером на пути к успешной профессиональной социализации; часто открытое признание неудач преподавателями заставляет студентов почувствовать себя уязвимыми и профессионально несостоятельными [2, p. 34-38]. В целом, интенсивная организация образовательного процесса заставляет студентов прилагать серьезные усилия к освоению предлагаемой информации и поддержанию режима обучения, но, с другой стороны, это повышает «иммунитет» студентов к стрессовым и иным жестким ситуациям, с которыми им придется работать в будущем – тем самым, они «работают над собой», повышая уровень «профессионального идеализма». Часто случается, что студентов медицины учат видеть в недостатках профессиональной деятельности проявление слабых черт их личности, в меньшей степени обращая внимание учащихся на факторы трудовой среды (professional settings) [1, p. 88]. Основная идея, высказанная представителями социологии знания П. Бергером и Т. Лукманом по проблеме позиционирования себя как части определенной «системы», заключается в том, что основой любой идентификации человека с группой является представление человека и его знание о себе как о представителе конкретной структуры – с ее собственной культурой, нормами поведения, регламентом, определенными социальными характеристиками. Это знание основывается на общей традиции, отражающей систему групп в обществе и определяющей место данной референтной (профессиональной) группы в социальной системе [3, с. 152]. Эта логика идентификации непосредственно связана с процессом освоения социальных ролей. Р. Мертон и др. отмечают, что 'социализация' – это процесс, посредством которого люди избирательно приобретают ценности и установки, познают интересы, навыки и знания – иными словами, культуру группы, которой ее участники придерживаются частью которой человек является или

хочет стать. Представители профессиональной группы развивают свое чувство профессионального «Я» вместе с его характерными ценностями, установками, знаниями, навыками, превращая все это в более-менее устойчивый набор диспозиций, которые управляют поведением человека в широком спектре профессиональных (и непрофессиональных) ситуаций [2, р. 35]. По результатам проведенного исследования, студенты-медики видят основополагающими ценностями представителя медицинской профессии такие характеристики, как интеллект/знания (65%), ответственность, умение принимать риски и их последствия (57%); трудолюбие и самодисциплина (49%), а также уверенность в себе (30,5%). Вновь, сочетание академических знаний и практических навыков легло в основу их понимания собственной профессиональной идентичности. Следует отметить значимость для студентов таких критериев трудовой (в том числе, учебной) деятельности, как стабильность, возможность саморазвития, относительная самостоятельность и независимость в принятии решений, психологический комфорт в коллективе и этика профессионального взаимодействия. Большинство студентов медицины отдают предпочтение области частной практики, руководствуясь такими критериями, как возможность карьерного роста (84%), развитие профессионального мастерства (78,5%), независимость в принятии решений (72%), тогда как сфера государственной медицины ограничивает, по их мнению, возможности качественной профессиональной деятельности (50%) и не предоставляет врачу шанса полноценно совмещать работу с семьей (47%). Более 75% студентов считают заслугой именно частной практики поддержание престижа медицины в обществе. Положительные аспекты частной практики объясняют стремление многих студентов стать частью именно частнопрактикующего медицинского сообщества (44,0%) (для 29,5% вопрос о приоритетной области врачебной деятельности пока не открыт). Таким образом, выстраивание системы профессиональных ценностей для студентов медицины осложняется не только существующим порядком и содержанием профессиональной подготовки, но и объективными условиями развития медицины в обществе. Ценностные приоритеты, значимые для профессионалов медицины, не всегда реализуются на практике, поскольку сталкиваются с социальными барьерами в виде бюрократических препон, влиянием СМИ, местными политическими и властными структурами, действиями страховых компаний и менеджмента здравоохранения. Сталкиваясь с

субъективными установками, эти внешние источники «социальной власти» формируют определенный образ «Я», который становится частью профессиональной идентичности врача. В зависимости от трудового коллектива, руководства учреждения, условий жизни и порой семейных обстоятельств, эта идентичность приобретает противоречивый характер. Это противоречие, в том числе, связано с необходимостью совмещать свои убеждения и нормы деятельности с требованиями коллектива и иных социальных агентов (пациентов, их родственников, руководства лечебных учреждений и т.п.). Профессиональная идентичность динамична и развивается в процессе привычной трудовой деятельности или сложных ситуациях, переживание которых связано с чувством непредсказуемости и неопределенности. Поэтому такие вопросы, как развитие профессионализма, самосовершенствование, укрепление практических навыков деятельности и возможность обмена опытом с медицинским сообществом всегда связаны с желанием социального признания и полноценного принятия профессиональной культуры медицины (всех ее особенностей, конструктивных аспектов и недостатков) не только самими врачами, но и теми структурами (и обществом, в целом), с которыми они работают. Гармоничное развитие как внутренней, так и внешней среды профессии будет только способствовать этому. Тем не менее, проблемы медицины и каждого конкретного трудового коллектива, которые стоят перед врачами и влияют на их профессиональную самореализацию и эффективность работы, порождают различные типы профессиональной идентичности: нельзя не говорить о личности врача, когда вопрос касается условий ее развития. В этой связи, прав Э. Фрейдсон, который пишет: «...не все, кто принадлежит к «медицинской профессии» и являются врачами, обладают одинаковой профессиональной идентичностью». [1, p. 74].

Литература

1. Freidson, E. Profession of Medicine: A Study of Sociology of Applied Knowledge: with a new afterword. University of Chicago Press, 1970. 440p.
2. Katja Ryyanän. Professional socialization in medicine// Constructing physician's professional identity – explorations of students' critical experiences in medical education. – Department of Psychiatry, University of Oulu, 2001. – P. 32-44.

3. Бергер, П., Лукман, Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания// П. Бергер, Т. Лукман. — М.: «Медиум», 1995. — 323с.

СОЦИАЛЬНОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ СЕМЕЙ, ЗАТРОНУТЫХ ПРОБЛЕМАМИ ВИЧ-ИНФЕКЦИИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ.

Фионик Ю.А. (Санкт-Петербург)

По данным Федерального научно-методического «Центра по профилактике и борьбе со СПИДом», в Санкт-Петербурге на 18.05.2012 год зарегистрировано 49942 ВИЧ-инфицированных [1]. Не вызывает сомнений тот факт, что семьи, затронутые ВИЧ-инфекцией нуждаются в поддержке (медицинской, социальной, психологической, юридической и другой). Поддержку, семьи, затронутые проблемами ВИЧ-инфекции, могут получить в государственных учреждениях и негосударственных некоммерческих организациях, которые на сегодняшний день составляют тесно взаимодействующую сеть. В Санкт-Петербурге, социальное обслуживание семей, затронутых проблемами ВИЧ-инфекции, осуществляется Комитетом по социальной политике с 2007 года в государственных учреждениях социального обслуживания населения. На 01.07.2012 год, в Санкт-Петербурге, работает 15 государственных центров социальной помощи семье и детям, 7 социально-реабилитационных центров для несовершеннолетних, 3 комплексных центра социального обслуживания населения, 1 кризисный центр помощи женщинам [2]. По данным Регионального Центра «Семья», с 2007 по 1-е полугодие 2012 года было принято на социальное сопровождение 1038 семей, затронутых проблемами ВИЧ-инфекции, из них 168 семей было принято за 1-е полугодие 2012 года (78% семей приняты на интенсивное сопровождение, 15% семей приняты на поддерживающее сопровождение, 7% семей приняты на мониторинговое сопровождение, 1% принят на стационарное обслуживание). Всего за 1-е полугодие 2012 года, в государственных учреждениях социального обслуживания населения семьям, затронутым проблемами ВИЧ-инфекции было оказано 67999 социальных услуг: социально-бытовых – 8686 услуг; социально-медицинских - 12654 услуг; социально-экономических - 4974 услуг; социально-педагогических - 13802 услуг; социально-психологических - 20593 услуг; социально-правовых - 7290 услуг [2]. В Санкт-Петербурге на сегодняшний день открыто 57

негосударственных некоммерческих организаций, работающих в сфере оказания социальных услуг, которые готовы оказать юридическую, гуманитарную, психологическую и другую помощь семьям. В последние годы в Санкт-Петербурге сформировалась сеть, включающая государственные учреждения и негосударственные некоммерческие организации, благодаря которой своевременно осуществляется социальное обслуживание семей, затронутых проблемами ВИЧ-инфекции на профессиональном уровне. Несмотря на результаты, достигнутые совместной деятельностью государственных учреждений и негосударственных некоммерческих организаций, работающих в сфере социального обслуживания семей, затронутых проблемами ВИЧ-инфекции, исследование проводимое в 2011 – 2012 годах, выявило необходимость внедрения новых методов работы, одним из таких методов может стать метод активизации ресурсов семьи. Данный вопрос требует дальнейшего исследования.

Литература

1. Федеральный научно-методический Центр по профилактике и борьбе со СПИДом / Статистика / Количество ВИЧ-инфицированных в России за 2012 год - <http://www.hivrussia.org/stat/2010.shtml> - дата обращения 04.10.2012.
2. Региональный Центр «Семья» Анализ результатов социального обслуживания семей, затронутых проблемами ВИЧ-инфекции, по результатам мониторинга за 1-е полугодие 2012 года.

ГИГИЕНА ЖИЗНЕННОГО РИТМА - ОСНОВНОЙ ФАКТОР СОЦИАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ.

Фобьянчук А.А. (Москва)

Тема социального здоровья носит актуальный характер, особенно в настоящее время. Новые формы общества значимых отношений в постиндустриальном обществе, бурный рост научно – технических достижений, в какой-то мере отодвигают на задний план экологически комфортную среду самого человека. А иногда и совсем забывая или искажая элементарные принципы лежащих в основе качественных физиологических потребностей человека. У истоков любого цивилизованного общества находятся критерии здорового общества, а вместе с тем и здоровье каждого гражданина данного общества. Это связано с тем, что здоровое общество в той или иной

степени влияет на экономический рост и научно технический потенциал страны. Здоровье можно определить, как необходимость и достаточность живого организма в полной мере выполнять свои функции по поддержанию и обеспечению жизнедеятельности, при этом сам живой организм имеет возможность постоянно развиваться. В тоже время, социальное здоровье дает возможность личности вести социально активную деятельность в обществе, реализовывать свои способности, навыки и умения через общественные институты, при этом придерживаться гармонии между своими потребностями и обществом в целом. Необходимо отметить, что в понятие здоровье, включается не только отсутствия каких либо болезней, физических недостатков индивида, но это в полной мере отражается в его физическом, духовном и социальном благополучии. В широком смысле, с точки зрения медико-социального подхода выделяют индивидуальное, групповое, региональное и общественное здоровье. Социальное здоровье неразрывно связано с деятельностью государственной политики так как, социальная сфера является одной из основ успешного развития общества в рамках государственности. Учитывая этот момент, правительство РФ уделяет реальное внимание этой сфере - разработкой программ деятельности и законодательской инициативой. Так в постановлении Правительства Российской Федерации от 1 декабря 2004 г. № 715 утверждается перечень социально значимых заболеваний и перечень заболеваний представляющих опасность для окружающих: -туберкулез; - инфекции, передающиеся преимущественно половым путем; - гепатит В; - гепатит С; - болезнь, вызванная вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ); - злокачественные новообразования; - сахарный диабет; - психические расстройства и расстройства поведения; - болезни, характеризующиеся повышенным кровяным давлением. Этот перечень необходим для целенаправленного внимания общества по работе с этими заболеваниями и направленность деятельности государственных институтов на понижения показателей этих заболеваний. Цикличность кризисных ситуаций в экономической и социальной сферах является причиной роста заболеваний обозначенными как социально значимые. Согласно данным Министерства Здравоохранения, эпидемиологическая ситуация в России приобретает все более напряженный характер. Социальное здоровье отражает условия, в которых люди живут и проходят все периоды жизни человека, при этом система здравоохранения играет здесь немаловажную роль. Социальное здоровье отдельно взятого человека

лежит в системе его мотивов и ценностей, тем самым регулируют его поведение, отражаемое в социуме. Поэтому социальное здоровье неразрывно несет в себе элемент физического здоровья отдельно взятого человека данного общества. При этом полное физическое благополучие является критерием физического здоровья, а не только отсутствие болезней или физических дефектов. Как уже говорилось выше физическое, духовно-психическое здоровье человека являются мерилем здоровья человека. Ведения здорового образа жизни есть основа сохранения и укрепления индивидуального и общественного здоровья, так как эти элементы имеют тесную взаимосвязь между собой. Борьба общества с патологическими формами социального здоровья несет в себе достаточно много различных затрат, что само по себе является с одной стороны необходимостью, а с другой стороны недостаточностью проводимых мероприятий или точнее сказать запаздыванием проведения таких мероприятий. С одной стороны эффективностью данной работы может являться профилактика негативных явлений и процессов, происходящих в обществе. Основа знаний и умений эффективности проведения профилактических мероприятий находятся в области такой медицины как гигиена и санитария. Гигиена важнейшая отрасль профилактической медицины. Гигиена как наука, изучает закономерности влияния среды обитания на организм человека и общественное здоровье, с целью обоснования гигиенических нормативов, санитарных правил и мероприятий, реализация которых обеспечивает укрепление здоровья населения, предупреждение заболеваний и долголетие человека. В свою очередь санитария (от лат. *sanitas* - «здоровье») - это такая система мероприятий, которая обеспечивает охрану здоровья и профилактику различных заболеваний. При этом, санитария проводит комплекс мер по практическому применению разработанных гигиенической наукой нормативов, санитарных правил и рекомендаций, обеспечивающих оптимизацию условий воспитания и обучения, быта, труда, отдыха и питания людей с целью укрепления и сохранения их здоровья. Выдающийся гигиенист Г. В. Хлопин определил это таким образом: «Если гигиена - наука о сохранении и улучшении здоровья, то санитария — практическая деятельность, при помощи которой это достигается» (1921).

**САМОСОХРАНИТЕЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ПОДРОСТКОВ НА
ПРИМЕРЕ ТАБАКОКУРЕНИЯ: «ПОНЯТЬ»
СОЦИОЛОГИЧЕСКИ - «ПОЗНАТЬ» КОМПЛЕКСНО.**

Опасность «подросткового курения» для здоровья нации и развития общества не признается актуальной в академической и прикладной социологии на адекватном уровне. Даже последователи публичной социологии своим не выбором этой проблемы поддерживают общественное восприятие курения как привычной практики повседневности, не связанной с определенным и высоким риском для общественного здоровья. Несмотря на большое число исследований подросткового курения (от психологических, гигиенических и до социологических) в них, в основном, описываются социально-демографические параметры и социальные факторы, связанные с группами риска по потреблению психотропных веществ (ПВ) [1, 2, 3]. Целью данной работы является обозначение актуальности проблемы изучения подросткового курения и некурения в социологии здоровья/медицины, обсуждение методологических возможностей гуманистической социологии и представление методического приема по вторичному анализу данных, собранных в классическом позитивистском опросе. Знакомство с исследованиями в области рискованного поведения (на примере ПВ) приводит к предварительному заключению, что выделяемое множество макро-, микросоциальных и личностных факторов, описываются, как правило, отдельно друг от друга, без учета их взаимного системного и динамического влияния на формирование аддиктивного поведения. И почти не изучается самосохранительное поведение подростков и компенсаторные механизмы, сдерживающие формирование зависимого поведения [4]. Таким образом, вызовом для современной социологии здоровья и медицины становится методологический сдвиг от только дескриптивной функции к аналитическо-прогностической с возможностью изменения социального действия и социальных установок. Именно молодежь, в силу психолого-возрастных особенностей, меньше всего думает о сохранении своего здоровья, а вместе с ним и об укреплении экономического потенциала своей страны [5]. Если в процессе эксперимента (свойственного молодости) подросток обращается со своим телом вопреки сигналам самого тела, то это сигнализирует о неразвитой (само)рефлексивности, когда тело (сома) и мозг (сознание) существуют отдельно. Например, он/она старается совладать с токсическими реакциями от табакокурения благодаря «промывке мозгов» табачными компаниями. Данные

социально-медицинских и психологических исследований свидетельствую о том, что курение в подростковом возрасте носит чаще всего характер психологической, а не физиологической зависимости [6]. Представляемые результаты эмпирического исследования не являются законченными, а описывают комплексный подход к научной проблеме и обозначают ключевые пункты для воплощения в социальной и образовательной практике. Из-за необходимости строгого соответствия исследовательской этике мы не называем город проведения опроса, однако для генерализации результатов уместно отметить, что этот регион является донором с высоким экономическим уровнем и повышенным вниманием администрации к проблематике здравоохранения и к вопросам медицинской профилактики. Был проведен вторичный анализ базы данных «Мониторинг гигиенического поведения учащихся ПТУ» (областной город-«миллионник», 1543 респондента (11 «выбросов») из 13 ПТУ, что составляет треть всех учащихся всех 27 ПТУ города. 13 ПТУ были выбраны из всех семи районов города; в выборке были учреждения стандартного типа, профессиональные лицеи и учреждение для детей с задержками в развитии; преимущественно 1 и 2 курсы. По всей выборке из 1543 анкет получились следующие выверенные результаты: из 1494 учащихся 650 не курили в период опроса (43,5%), а 335 никогда не курили (22,4%). Из тех, кто когда-либо пробовал, 215 не продолжили курение по сравнению с 779 подростками, кто уже «втянулся» (21,6% и 78,4%). В модели изучения самосохранительного поведения главная зависимая переменная формулировалась как «Опытный НЕкурильщик» (все кто пробовал курить, но не продолжил). Таким образом, в модели (Binary Logistic Regression, 994 единиц анализа в окончательной модели) были только подростки, у кого имелся опыт курения и по имеющимся объяснительным интерпретациям мы анализировали возможные предикторы того, что подросток становился «Experienced Non-Smoker». Согласно гипотезе был сконструирован индикатор (само)рефлексивности из вопросов о вреде курения и об источниках знаний о курении (выбор «собственный опыт» или «собственные наблюдения»). Кофакторами были пол, курс (как прокси возраста и влияния среды ПТУ), показатели учебы и возраст первой пробы. По основной гипотезе именно собственный опыт и собственные наблюдения, а не внешние силы (агитация взрослых и масс-медиа) значимо влияли на возросшие шансы не продолжать курение ($p=0.02$, $OR=1.9$). Что позволяет заключить о связи саморефлексивности с самосохранительным поведением в случае,

когда подросток проверял проблематизацию вредности курения на себе. Этот эффект усиливается в случае женского тела ($p=0.004, OR=1.9$), хороших и отличных показателей учебы ($p=0.021, OR=4.1$ и $p=0.002, OR=7.1$, соответственно). Однако наблюдалась нелинейная зависимость от возраста первой пробы с тенденцией к усилению «здравомыслия» тела в 11-12 лет по сравнению с возрастом до 10 лет ($p=0.03, OR=1.9$). Особенностью представленного методического приема является проведение данного опроса в двух десятках российских городов по одной анкете, следовательно, можно было бы протестировать повторяемость выявленного эффекта и самого понятия «саморефлексивность». При дальнейшем погружении исследовательских проблем в различные традиции социального познания наиболее эффективным видится следование парадигме гуманистической социологии в ситуации выявленных ограничений позитивистской социологии [7]. Для понимания, каким образом подростки с повышенной рефлексивностью реализуют практики самосохранительного поведения в отношении табакокурения (и в целом относительно всех ПВ) актуально проведение глубинных биографических или лейтмотивных интервью у подростков с прошлым опытом курения с учетом выявленных в работе статистически значимых кофакторов для организации выборки информантов [8].

Литература

1. <http://www.isras.ru/socis.html> - выпуски журнала «Социологические исследования», 2000-2012 годы.
2. http://bd.fom.ru/cat/home_fam/healthca/nicot - отчеты по восьми опросам Фонда Общественного Мнения по теме «Курение», 2002-2010 годы.
3. Скворцова Е.С., Миронова И.А. Распространенность курения среди подростков-школьников крупных городов России // Профилактика заболеваний и укрепление здоровья. 2007. N 3. с. 18-22.
4. Дик П.В. Влияние семьи на подростковое курение // СОЦИС. 2010. N 12. с. 131-133.
5. Михеева А.А., Панченко С.С. Метод изучения поведения, связанного с отношением к здоровью, у молодежи // Социальная профилактика и здоровье. 2007. N 1. с. 35-40.
6. Александров, А. А., Котова М.Б., Розанов В.Б. и др. Профилактика курения у подростков // Вопросы психологии. 2008. N 2, с. 55-61.

7. Семенова В.В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М.: Добросвет. 1998. 289 с.
8. Квале С. Исследовательское интервью. М. 2003. 301 с.

ДЕТЕРМИНАНТЫ СОЦИАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

Цыплакова О.Г. (Санкт-Петербург)

В современном российском обществе особую значимость приобретает проблема социального здоровья, как составляющей человеческого потенциала. Основные показатели здоровья населения страны находятся на низком уровне, а потому актуализируется проблема выявления детерминант, предопределяющих состояние социального здоровья. Согласно социальной парадигмы понятие здоровья характеризуется следующими особенностями: 1) признание в качестве базового определения здоровья не просто как отсутствия болезней, но и как состояние физического, психического и социального благополучия; 2) признание опосредованного воздействия социальных факторов на здоровье человека; 3) признание взаимозависимости человека и общества, которая обуславливает значимость социально-культурных различий людей в качестве ведущего фактора, определяющего состояние здоровья. [1, с.225-228] Социальная парадигма обеспечивает связь качества здоровья населения с типом общественного устройства. Общество и человек – взаимообусловлены. Понятия «здоровый» и «больной» - не столько медицинские, сколько социально-нормативные, которые основываются на представлениях о полноценности человека, принятых в данной культуре, поэтому здоровье человека и населения может быть рассмотрено как один из видов социального норматива. Ценность индивидуального здоровья в современной социально-экономической ситуации постоянно растет, но в основном не как терминальная, а как инструментальная ценность, т.е. как средство достижения жизненно важных благ (материального благополучия, престижной работы и т.п.) [2, с.136] Новым направлением в современных условиях является восприятие здоровья и отношения к нему как к мере человеческих возможностей. Быть здоровым – значит быть свободным от ограничений и проблем, побуждающих к саморефлексии. Опыт болезни дает возможность человеку осознать, что нездоровье, помимо неприятных ощущений, это еще и ограничение возможностей, связанных как с физическими, так и с

психическими сторонами жизни. И тогда понятие «здоровье» становится синонимом «самореализации», а состояние здоровья обуславливается не только биологией человека, но и духовным потенциалом, развитостью его предметного мира. В рамках экономического подхода существует группа исследователей, ориентированных на рассмотрение экономического роста, как фактора ухудшения социального здоровья (Т. Адорно, Л. Мэмфорд, Ф. Роззак, Ю. Хабермас). По их мнению, наука и техника, ухудшая окружающую среду, оказывают отрицательное воздействие на жизнь человека. Так Ю. Хабермас считал, что в ухудшении социального здоровья виноват сам человек: он, создавая технику, вложил в нее свои ценности; враждебность техники по отношению к обществу и окружающей его природной среде привнесена самим человеком. Для улучшения же социального здоровья он предлагал поставить в центр жизненные ценности человека и преодолеть культ техники. [5, с.106] Э. Фромм видел путь улучшения социального здоровья в гуманизации техники, подчинении ее человеку. Причиной ухудшения социального здоровья он считал научно-технический прогресс и культ материального потребления, поглотившего духовное начало. Современное общество, ориентированное на экономический рост, сделавшее ставку на роботизацию и автоматизацию, он называл патологическим обществом, потому что оно забыло о человеке. [4, с.49] Для психологического подхода к анализу социального здоровья характерным является не только рассмотрение реализованности личностных потребностей, но и степени адаптации внешней среды для личности. Представители этого направления считают, что социальное здоровье характеризует состояние общества прежде всего с точки зрения социально-психологического климата. В рамках медицинского подхода происходит объединение различных концепций. Это объясняется тем, что социальная медицина не получила еще достаточно самостоятельного статуса в системе социально-гуманитарных наук, а у представителей различных школ и направлений социального знания (философии, социологии, социальной психологии, антропологии и др.) существуют разные подходы к определению нормы и патологии, здоровья и нездоровья. Медицинский подход основан на происходящей в современном мире смене парадигмы здравоохранения с болезнецентристской на здоровьесцентристскую. Первая ориентирована на лечение болезни с использованием достижений медицинской науки и технологических инноваций, а вторая – на философию, пропагандирующей здоровый образ жизни. [3, с.126-127] Представители первой модели делают

ставку на новые открытия в области медицины, сторонники второй модели уделяют большое внимание проблемам защиты окружающей среды, снижению уровня бедности, внедрению программ государственного здравоохранения и социального страхования, предупреждению жизненных лишений и болезней. Вторая модель приобретает все большую популярность в последние годы, так как здоровый образ жизни – это прежде всего формирование личностью такого поведения, которое должно привести к увеличению продолжительности жизни и требуемому социальному здоровью. Она сосредоточена на анализе взаимодействия и взаимовлияния наследственности и жизненного опыта как факторов, определяющих состояние здоровья индивида и общества. Таким образом, в исследовании социального здоровья и выявлении его детерминант для каждого направления характерен специфический подход рассмотрения взаимодействия личности и общества. Экономический подход рассматривает личность как трудовой ресурс, как средство достижения экономического роста, в соответствии с чем основными индикаторами социального здоровья здесь являются материальные показатели, такие как уровень жизни и семейный бюджет. При социокультурном подходе в центре внимания исследователей находятся нематериальные показатели: условия труда, образование, информация и интеллект, а потому фиксируются такие показатели как уровень и качество образования, безопасности, занятости населения и социального обеспечения. Психологический подход взаимодействия личности и общества рассматривает здоровье на уровне социально-психологических характеристик. Каждый из названных подходов поставил и решил определенные проблемы в исследовании социального здоровья и выявления его детерминант. Все это способствует дальнейшей разработке концепции социального здоровья и возможности применения научных знаний на практике для реального улучшения показателей человеческого потенциала.

Литература

1. Государственный доклад «О состоянии здоровья населения РФ в 2000 году». М.: ГЭОТАР-МЕД, 2001. – 321 с.
2. Демьянова Л.М. Гигиена и экология человека. Ростов-на-Дону, Изд-во Феникс, 2003. - 448 с.
3. Решетников А.В. Социология медицины: учебник : для обучения в системе послевузовского профессионального образования / А.В. Решетников. - Москва : ГОЭТАР-Медиа, 2007. - 255 с.

4. Фромм Э. Во имя жизни // Человек и социкультурная среда. Вып. II. М.: Наука, 1992. – 159 с.

5. Хабермас Ю. Техника и наука как «Идеология» / Юрген Хабермас ; пер. с нем. под ред. О.В. Кильдюшова. - Москва : Праксис, 2007. - 201 с.

**СОЦИАЛЬНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ СУИЦИДАЛЬНЫХ
РИСКОВ НАСЕЛЕНИЯ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
ОКРУГА (НА ПРИМЕРЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ)**

Черепанова М. (Барнаул)

Специфика воспроизводства суицидальных рисков населения СФО определяется сочетанием факторов социально-экономического и социально-психологического неблагополучия, являющихся основой для роста пессимизма, депрессии, апатии, предсуицидального (попытки) и суицидального поведения. Сверхвысокому и высокому уровню распространенности суицидов в Бурятии, Алтайском крае способствует их неблагоприятное социально-экономическое положение, недостаточная развитость общей социальной инфраструктуры.[1] Относительно более благополучное положение, согласно статистическим социально-экономическим показателям Красноярского края, Новосибирской области, проявляется в более низких уровнях частоты суицидов. Сравнительный анализ моделей суицидального риска, на основе регрессионного анализа, позволяет утверждать, что такие показатели, связанные с оценкой своего социально-экономического благополучия как, «чувство неуверенности в завтрашнем дне», неудовлетворенность своим социальным положением («я достоин более высокого положения»), степень беспокойства относительно своих материальных затруднений, высокий уровень безработицы, а также длительность безработицы увеличивают шансы суицидальных рисков и характерны для регионов с низким уровнем развития. (Бурятия, Алтайский край). Чем более развит регион в плане социально-экономического положения, тем меньше выявлено переменных, связанных с суицидальным риском в контексте социально-экономического благополучия. (Красноярский край, Новосибирская область). Сравнительный анализ моделей суицидального риска, на основе регрессионного анализа, позволяет утверждать, что такие показатели, связанные с оценкой своего социально-психологического

благополучия как, удовлетворенность жизнью в целом, удовлетворенность своим здоровьем, чувство невыносимости в жизни, ощущение социальной фрустрации «Я достоин лучшей жизни» актуальны для всех изучаемых регионов, различна лишь структура компонентов социально-психологического неблагополучия, увеличивающая шансы населения попасть в группу суицидального риска. Так в Алтайском крае увеличивают шансы суицидального риска неудовлетворенность жизнью в целом, своим здоровьем, ощущение невыносимости жизни и др. Для населения республики Бурятия актуальны негативное социальное настроение (апатия; беспокойство; неуверенность в будущем); бессмысленность жизни, ощущение невыносимости жизни, неудовлетворенность семейным положением. Кроме того в республике данные тенденции усиливаются влиянием этнического и культурного фактора. Данные переменные значительно увеличивают шансы суицидальных рисков в республике. Для респондентов Новосибирской области, Красноярского края, значимы такие социально-психологические переменные в контексте суицидального риска, как неудовлетворенность семейными и детско-родительскими отношениями; негативная оценка состояния своего здоровья, социальное настроение (апатия; беспокойство; неуверенность в будущем; безысходность своего положения.). Несмотря на общие факторы воспроизводства суицидальных рисков в СФО существуют специфические особенности регионов в контексте суицидального поведения.

Литература

1. Валихметов Р., Мухмадиева Р., Хилажева Г. Опыт социологического исследования проблемы суицида.-//Вестник общественного мнения.-№1(103).- 2010.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ РЕАБИЛИТАЦИИ ПОСТРАДАВШИХ В РЕЗУЛЬТАТЕ НЕСЧАСТНЫХ СЛУЧАЕВ НА ПРОИЗВОДСТВЕ И ПРОФЗАБОЛЕВАНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Чернова Г.И., Радькова Е.А., Свинцов А.А. (Санкт-Петербург)

Сохранение здоровья работников промышленных предприятий, восстановительное лечение лиц, пострадавших в результате трудовой деятельности представляет сегодня в

Российской Федерации одну из актуальных государственных задач. В России сформирован институт обязательного социального страхования от профессиональных заболеваний и несчастных случаев на производстве. Федеральным законом от 24.07.1998 №125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» установлены правовые, экономические и организационные основы и определена система возмещения вреда, причиненного жизни и здоровью работника при исполнении им обязанностей по трудовому договору и в иных установленных настоящим Федеральным законом случаях. Вопросы определения степени утраты профессиональной трудоспособности пострадавшим от трудовых увечий и профессиональных заболеваний регламентируются постановлением Правительства РФ от 16.10.2000 № 789 «Об утверждении Правил установления степени утраты профессиональной трудоспособности в результате несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» и постановлением Министерства труда и социального развития РФ от 18.07.2001 № 56 «Об утверждении Временных критериев определения степени утраты профессиональной трудоспособности в результате несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний». В соответствии с Федеральным законом «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ ст. 14., приказом Министерства здравоохранения и социального развития России от 27 апреля 2012 г. № 427Н, утвержден новый перечень профессиональных заболеваний. Перечень подготовлен с учетом международной статистической классификации болезней и проблем, связанных со здоровьем (десятый пересмотр Всемирной организации здравоохранения). Действующие законодательные акты регулируют порядок проведения реабилитационных мероприятий в отношении лиц, пострадавших в результате несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, обеспечивая тем самым право граждан на своевременное получение медико-социальной помощи со стороны государства. Одним из основных направлений социальной политики в федеральных округах и субъектах Российской Федерации в отношении граждан, получивших повреждение здоровья вследствие трудового увечья и профессиональных заболеваний, является формирование и развитие системы их реабилитации, позволяющей осуществлять длительное, динамическое наблюдение, оценивать эффективность и качество реабилитационных мероприятий, своевременно проводить коррекцию. Предпринятые Правительством

РФ меры по внедрению комплекса мероприятий, направленных на сохранение здоровья работников, улучшению условий труда и снижению уровней профессиональных рисков свидетельствуют о том, что в настоящее время наблюдается изменение показателей инвалидности вследствие данной патологии. Так за последние два года снизилось количество впервые признанных инвалидами с причиной трудовое увечье или профессиональное заболевание от 6,9 тыс. до 6,5 тыс. человек. Аналитические данные показали, что в Российской Федерации учреждениями медико-социальной экспертизы при переосвидетельствовании граждан 18 лет и старше было признано инвалидами в 2010 году - 1954070 человек, в 2011г.- 1751039 человек. Доля лиц, повторно признанных инвалидами вследствие трудового увечья или профзаболевания в 2010 году составила 1,69 %. В 2011 году отмечалось некоторое снижение числа граждан данной категории, так при переосвидетельствовании удельный вес инвалидов вследствие трудового увечья или профзаболевания составил - 1,54 %. Результаты анализа свидетельствуют, что в РФ уровень интенсивного показателя по числу выданных заключений о выполнении программ реабилитации пострадавших (ПРП) в результате несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний (на 100 переосвидетельствованных граждан) составил в 2010 г.- 85,80, в 2011г.- 91,57. В трех федеральных округах - Северо-Кавказском, Южном и Дальневосточном ФО число выданных ПРП превышало средний показатель в целом по Российской Федерации. Более низкий интенсивный показатель в 2010 году отмечался в Уральском, Сибирском, Центральном и Северо-Западном федеральных округах. В 2011 году показатель количества выданных заключений о выполнении ПРП на 100 переосвидетельствованных по Приволжскому федеральному округу был выше, чем в Северо-Западном, Уральском и Центральном федеральных округах. При сравнительной оценке материалов федерального государственного статистического наблюдения выявлено, что первые три ранговых места по удельному весу выданных заключений с положительными результатами реабилитации пострадавших в результате несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний занимали Южный, Уральский и Приволжский федеральные округа. Стабильно высокий удельный вес выданных заключений с положительными результатами реабилитации данной категории граждан отмечен в Уральском федеральном округе, который занимал второе ранговое место как в 2010 г.- 64,97%, так и в 2011г. - 75,51%. В Приволжском

федеральном округе этот показатель был незначительно ниже, чем в Центральном ФО и Сибирском ФО. Выявлено, что в 2011 году удельный вес выданных заключений с положительными результатами реабилитации был ниже уровня по Российской Федерации в Северо-Кавказском ФО, Дальневосточном ФО и Центральном ФО. Низкая эффективность реализации ПРП в ряде субъектов РФ связана с несовершенством законодательной базы, отсутствием регламентов и стандартов формирования программ реабилитации пострадавших, а также отставанием существующей сети реабилитационных учреждений от потребности данной категории граждан. Кроме того, эффективность реализации программ реабилитации пострадавших зависит не только от качества ее заполнения и мотивации инвалида, но и от качества работы исполнителей реабилитационных мероприятий. Вместе с тем следует отметить, что отсутствие единых методических подходов, обоснованных критериев эффективности реабилитационного процесса может приводить к необъективной оценке медицинской и социальной помощи, оказываемой инвалидам в учреждениях здравоохранения и социальной защиты населения. Также в регионах отсутствует преемственность и координация действий специалистов с момента наступления несчастного случая и далее на всех этапах комплексной реабилитации. И как следствие - высокий уровень показателей эффективности реабилитации пострадавших в результате трудовых увечий и профзаболеваний в отдельных субъектах (по сравнению с российскими данными больше в несколько раз). Проведенная оценка результативности реализации программ реабилитации пострадавших по материалам их переосвидетельствования в учреждениях медико-социальной экспертизы будет способствовать повышению качества рекомендаций по комплексной реабилитации и социальной интеграции в семью и общество данной категории граждан.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МОТИВАЦИИ И ПРОФОРИЕНТАЦИИ ПОДРОСТКОВ ИНВАЛИДОВ НА ТРУД

Чернякина Т.С., Шестаков В.П., Свинцов А.Н. (Санкт-Петербург)

Исследование посвящено изучению особенностей мотивации и профориентации детей и подростков с ограниченными возможностями жизнедеятельности на труд. В задачи исследования

входило: выявление профессионального самоопределения и социальной направленности, изучение самооценки личности и определение профессионального личностного типа детей и подростков с ограниченными возможностями жизнедеятельности после прохождения курса занятий по профессиональной ориентации. Профессиональное самоопределение изучено с помощью анкеты, самооценка личности проведена с помощью теста Райдаса, для определения профессионального личностного типа использовался тест Джона Голланда. При проведении первичной диагностики с использованием анкеты «Профессиональное самоопределение и социальная направленность» участники старались избегать прямых вопросов, касающихся профессиональных намерений или с трудом отвечали на них. О содержании, требованиях к избираемой профессии практически ничего не знали. Ответы подростки на вопросы блоков анкеты «профессиональные интересы, склонности, способности» были скудными, содержали отрицательную информацию: «Ничего не умею», «Никем не вижу себя в будущем». Жизненные цели были более оптимистичны: получение профессионального образования, жить самостоятельно, завести свою семью, найти больше друзей. Результаты заключительной диагностики после успешного прохождения курса занятий по профессиональной ориентации показал, что участники программы отвечали на все вопросы анкеты более подробно. Практически все вспомнили свои любимые предметы в школе. В качестве профессиональных намерений подростки обозначали: «поступить в колледж, университет, получить образование, работать». Многие определились со своими профессиональными интересами и могут представить себя в будущем: «бухгалтером, программистом, воспитателем в детском саду, хореографом, автомехаником». К способам для развития интересов, связанных с выбором профессии, подростки отнесли: чтение специальной литературы, беседу со специалистом, занятие гимнастикой. Выявлены профессиональные склонности участников программы: «склонность к математике, любовь к маленьким детям, способность к работе на компьютере, желание учить танцам». К наиболее ярко выраженным личным качествам, необходимым для выбранного профессионального пути, подростки относят ответственность, целеустремленность, трудолюбие, терпение. На вопрос о развитии личных качеств, необходимых для успешного освоения выбранной профессии, подростки называли уверенность в себе, общительность, целеустремленность, терпимость. Своими отрицательными личными

качествами, с которыми нужно бороться подростки называли: лень, невнимательность. На блок вопросов «Готовность к выбору профессионального пути» участники исследования отвечали, что успехи в учебной деятельности считают средними и смогут осуществить свои профессиональные намерения. В случае не осуществления своих основных профессиональных планов подростки предусматривают: трудоустройство на легкий труд, поступление на заочное отделение по выбранным специальностям, прохождение курсов. Участники исследования поняли, что именно на данном этапе необходимо получить профессиональное образование. Они готовы справиться с неудачами в учебе, с пессимистичным настроением на будущее, трудностями, возникающими на профессиональном пути, со всеми комплексами, скопившимися годами в результате негативного отношения учителей и бывших одноклассников к их физическим недостаткам, к психологическим комплексам. При первичном проведении теста Райдаса «Самооценка уверенности в себе» самый низкий показатель самооценки был у 57% участников исследования, что говорит о неуверенности в своих силах, как в учебе, так и в труде. Часто оценка достижений может быть и заниженной, отсюда занижен уровень притязаний в планировании дальнейшей профессиональной деятельности. Результаты анкетирования 39% участников исследования свидетельствовали о проявлении потребности в обсуждении своих действий с друзьями, родителями. В ситуации выбора во избежание неудач данная категория детей и подростков с ограниченными возможностями жизнедеятельности выбирает задачи средней трудности. Всего у 4% участников исследования, показатели отражали высокую степень уверенности. Это позволяет предположить, что в сложных ситуациях они способны быть решительными, самостоятельными при принятии решения. По результатам заключительной диагностики видно, что показатели самокритичности изменились в положительном направлении: только 30% участников имеют низкий показатель самооценки, 61% - средний и уже 9% - высокий. Это говорит о том, что у участников исследования появилась, а у некоторых, укрепилась уверенность в себе, они научились планировать свою деятельность, у ребят появился положительный настрой на будущее, они не боятся и не стесняются обсуждать свои дела и мечты с родителями. В основном у ребят настроение было более приподнятым, оптимистичным. Изучение социальной направленности личности с помощью теста Джона Голланда показало, что из общего числа участников исследования 55% принадлежат к социальному типу

личности. Им присущи социальные умения, они нуждаются в контактах. Черты их характера: стремление учить и воспитывать, психологический настрой на человека, гуманность, не смотря на то, что многие участники данного типа принадлежат к мужскому полу. Представители данного типа стараются держаться в стороне от интеллектуальных проблем; активны, но часто зависимы от мнения группы людей. Проблемы решают, опираясь на эмоции, чувства, умение общаться. Конвенциональными личностями являются 23% из общего числа участников. Они предпочитают четко структурированную деятельность. Характер стереотипный, конкретный, практический. Не проявляют критичность, оригинальность, консервативны, зависимы, не любят смену деятельности. Слабо развиты организаторские способности. К реалистическому стилю отнесено 13% участников, которые ориентированы на настоящее, эмоционально стабильны, занимаются конкретными объектами (вещами, инструментами, машинами), отдают предпочтение занятиям, требующим моторной ловкости, конкретности. Развиты математические, невербальные способности. К предприимчивому типу отнесено 7% участников. Они выбирают цели, которые позволяют проявить энергию, энтузиазм, импульсивность, любят приключения. Представители данного типа доминанты, любят признание, любят руководить. Им не нравится практический труд, а так же занятия, требующие интеллектуальных усилий, усидчивости, они агрессивны и предприимчивы, обладают хорошими вербальными способностями. К интеллектуальному и артистическому типу личности относится только 1% участников. Типы личности участников исследования совпали с их профессиональными интересами, склонностями, способностями, намерениями. Таким образом, результаты исследования подростков-инвалидов, использованные специалистами в работе по профессиональной ориентации, оказали помощь в их самоопределении, что свидетельствует о необходимости совершенствования системы при реализации индивидуальных программ реабилитации.

**СОЦИАЛЬНОЕ ЗДОРОВЬЕ И КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ
ИНСТИТУТА ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ, СПОРТА,
ЗДОРОВЬЯ САФУ ИМ. М.В. ЛОМОНОСОВА**

Шрага М.Х., Кудря Л.И. (Архангельск)

Социальное здоровье рассматривается как научная категория в основе, которой — совокупность характеристик воспроизводство здоровья, продолжительности и качества жизни и др.[1]. Мы под понятием «социальное здоровье населения (социальной группы)» понимаем единство показателей, характеризующих степень реализации потребностей человека (качество жизни, социальная безопасность, социальное здоровье, социальное неблагополучие). Компетентность — совокупность компетенций; наличие знаний и опыта, необходимых для эффективной деятельности в заданной предметной области. О. И. Антоновой Архангельская область, наряду с другими территориями Северо-Западного федерального округа, северными территориями Центрального, Приволжского и Уральского федеральных округов, была ею включена в «европейскую зону неблагополучия» — устойчивые ареалы смертности трудоспособного населения от ведущих причин [2, 18]. В этих условиях степень алкоголизации населения и особенно молодежи становится одним из индикаторов целостного представления о состоянии социального здоровья общества. Объектом нашего исследования стали студенты Института физической культуры, спорта и здоровья С(А)ФУ им. М. В. Ломоносова. Количество респондентов - 151. Среди них юношей — 95 (63%), девушек — 65 (37%). Средний возраст опрошенных — 20,6 лет. Предмет исследования: основные компетентности здоровьесбережения и безопасности жизнедеятельности. Метод исследования: анкетирование. Гипотезой являлось предположение, что большинство студентов употребляют алкогольные напитки (в том числе пиво) и курят сигареты. В то же время наркомания и токсикомания ещё не так массово распространены среди студентов. Обсуждение результатов исследования. Были выявлены следующие детерминаты здоровья. 1. Проживание — 60% юношей и 56% девушек проживают дома. 2. Расписание учебных занятий. 3. Несоблюдение режима и качества питания. 4. Недостаток посадочных мест в университетских столовых и скудность и однообразие меню. 5. Боли при приеме пищи. 6. Отсутствие самостоятельных занятий физическими упражнениями, в т.ч. утренней гимнастикой. 7. Очень мало трезвенников — всего юношей 10%, и девушек — 22%. 8. Каждый десятый разделяет миф о полезности регулярного употребления алкоголя в малых дозах. 9. Большинство юношей (67%) и почти половина девушек (43%) употребляют алкоголь 1 раз в неделю, 24% юношей и 30% девушек - раз в две недели; раз в месяц выпивает 9% юношей и 27% девушек. 10. Отношение к курению:

36% юношей курят, среди девушек - 30%: 79% юношей и 53% девушек выкуривают 10 сигарет в сутки, и еще 6% студентов, как юношей, так и девушек выкуривают пачку сигарет в день. 11. Больше половины опрошенных (60% юношей и 57% девушек) считают свой уровень жизни средним. 12. Не работали - 43% юношей и 45% девушек. 13. Юноши (29,8 на 100 опрошенных) и девушки (21,9 на 100 опрошенных) опасные ситуации, главным образом, связывают с предложением алкоголя. 14. Полностью безопасными условия учебного процесса считают только 35% юношей и 41% девушек. Юноши считают важными следующие факторы: недостаточное количество посадочных мест в общественном питании (20%), некомфортные туалеты (17%), духота в аудиториях (14%), шум от транспорта (25%), неудобная учебная мебель (13%). Девушки выделили такие факторы: недостаточное количество посадочных мест в общественном питании (20%), некомфортные туалеты (18%), неудобная учебная мебель (17%), духота в аудиториях (12%). Результаты нашего исследования подтвердили гипотезу, что занятия спортом априори не обуславливают высокую компетентность спортсменов в сфере здоровья. Смертности населения от причин, связанных с употреблением алкоголя в РФ составляет — 73,1 на 100 тыс. [3]. Роль проблемы алкоголизации населения определялся не хроническим алкоголизмом (3,8%) или алкогольными психозами (0,7%) и даже не алкогольной болезнью печени (10,8%). Проблема определяется медицинскими последствиями, которые могут быть связаны с массовым регулярным потреблением этанола. Среди них на первый план выходят проблемы профилактики случайных отравлений алкоголем (28,6%) и алкогольных кардиомиопатий (26,6%). По результатам многочисленных исследований, особенности структуры российской смертности (высокая смертность мужчин в рабочих возрастах) связаны, главным образом, с опасным уровнем потребления алкоголя. В этой связи следует фокус в исследованиях, направленный на индивидуальные факторы риска алкоголизма, сменить на социальный подход. Мы же используем понятие социальный вред, который может быть связан с употреблением алкоголя, и он включает семейные и другие межличностные проблемы, проблемы на работе, насильственные и иные преступления и социальную безопасность. До сих пор в научной литературе обсуждается наличие четкой взаимосвязи между алкоголизмом родителей и физическим, и психическим здоровьем их детей. Статистический анализ клинического материала показал, что дети с нервно-психическими расстройствами достоверно чаще

встречаются в семьях, отягощенных родительским алкоголизмом, по сравнению со здоровыми семьями (90—98% и 14—20% соответственно)[16]. Полученные нами в 2012 году данные по распространению наркотизма среди молодёжи были соотнесены с данными, полученными в 2006 году [13]. В общем можно сказать, что распространение вредных привычек среди студентов растёт. По многим показателям значения увеличиваются, что означает, что ситуация с СЗ в Архангельской области ухудшается. Можно объективно отметить, что социально-педагогическая деятельность в школе, направленная на профилактику девиантного поведения, оказывается малоэффективной. Таким образом, можно утверждать, что степень алкоголизации учащейся молодёжи г. Архангельска может быть использована в качестве объективного прогностического индикатора социального здоровья региона и ее следует рассматривать как региональную социокультурную особенность. Эта социокультурная особенность по-прежнему остаётся мало осознанной не только властными структурами, но и ученым сообществом региона.

Литература

1. Москвич А.С. Социальное здоровье молодежи как фактор социально-экономического развития региона (на примере Хабаровского края) / Автореф. диссер. Хабаровск – 2008.
2. Антонова О. И. Региональная дифференциация смертности от внешних причин // Вопросы статистики. — 2007. — № 10. — С. 17–18.
3. Никитина С. Ю., Козеева Г. М. Совершенствование статистики смертности от алкоголизма // Вопросы статистики. — 2006. — № 11. — С. 21–23.

СПОРТИВНО-ОЗДОРОВИТЕЛЬНЫЙ ТУРИЗМ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ СТУДЕНТОВ

Щур В.С., Ивчик В.В. (Горки, Республика Беларусь)

Одним из эффективных видов укрепления здоровья и приобщения к здоровому образу жизни являются занятия студентов спортивно-оздоровительным туризмом. С целью изучения степени приверженности студентов к здоровому образу жизни и спортивно-оздоровительному туризму авторами материалов совместно с

исследователями СПбГУТД в 2011 году в четырех вузах Республики Беларусь (Белорусская государственная сельскохозяйственная академия; Белорусский государственный университет физической культуры); Белорусский государственный педагогический университет; Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники) (n= 328) и стольких же вузах Санкт-Петербурга (Санкт-Петербургская государственная лесотехническая академия им. С.М. Кирова; Санкт-Петербургский государственный университет информационных технологий, механики и оптики; Санкт-Петербургский государственный университет технологии и дизайна; Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья им. П.Ф. Лесгафта) был проведен социологический опрос студентов 1–5 курсов (n= 328)

Продуктивная и рациональная работа по приобщению юношей и девушек к здоровому образу жизни предполагает изучение доминирующих мотивов и установок, которыми они руководствуются в ходе занятий физкультурой и спортом, в том числе спортивно-оздоровительным туризмом. Что же побудило студентов заниматься туризмом? Значимость мотивов, представленных в таблице 1 (допускался выбор нескольких вариантов), для белорусских и российских респондентов по количеству выборов значительно отличается. Так если мотив «укрепить здоровье» у первой когорты респондентов является определяющим, то у вторых – он на шестом месте. Наибольшее значение для опрошенных россиян имеет мотив «проводить больше свободного времени на природе, свежем воздухе», который непосредственно связан с первым озвученным мотивом.

Таблица 1. – Мотивы, которыми руководствовались студенты, начиная заниматься туризмом (в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	Белорусские студенты	Петербургские студенты
1. Укрепить здоровье	49,7	56,3
2. Проводить больше свободного времени на природе, свежем воздухе	39,6	98,5
3. Рационально проводить свободное время	37,5	71,8
4. Расширить знания об окружающем мире	34,5	55,9
5. Научиться выживать в экстремальных ситуациях	33,2	75,5
6. Развить навыки коллективного общения и опыт совместных действий в различных ситуациях	27,4	73,1
7. Научиться бытовым работам: ставить палатку,	22,0	81,9

рубить дрова, разжигать костер, гребти веслом, ловить рыбу и др.		
8. Духовно обогатиться через общение с местными жителями и народами, через знакомство с их обычаями, традициями, праздниками во время слетов, походов и т.п.	16,2	34,0
9. Избавиться от вредных привычек	13,1	5,6
10. Сбирать и питаться экологически чистыми дарами природы (ягоды, грибы и др.) во время туристических слетов и походов	11,3	31,2

Занимаясь туризмом, студенты развивают не только физические, но духовные и социально значимые качества. Поэтому в мотивационной структуре опрошенных зафиксированы такие мотивы, как «расширить знания об окружающем мире», «развить навыки коллективного общения и опыт совместных действий в различных ситуациях», «духовно обогатиться через общение с местными жителями и народами, через знакомство с их обычаями, традициями, праздниками во время слетов, походов и т.п.».

В ходе опроса у респондентов выяснялось, с какого возраста они приобщились к занятиям туризмом. Полученные данные показывают, что 52,3% белорусских и 39,1% петербургских респондентов начали заниматься туризмом в школьные годы, во время обучения в колледже – 1,6% и 4,7% соответственно, а 46,1% и 52,3% – во время обучения в вузе.

Занятия любым видом спорта и физическими упражнениями позитивно влияет на развитие различных физических характеристик и психических качеств индивида и, в конечном счете, на укрепление здоровья. Какие позитивные качества развили и укрепили студенты, занимающиеся спортивно-оздоровительным туризмом? Пять доминирующих ответов белорусских респондентов, представленных в таблице 2 (допускался выбор не более пяти вариантов), таковы: «выносливость», «физическая сила», «закалил волю» и «улучшил телосложение, фигуру», «стал меньше болеть», а петербургских – «выносливость», «повысил работоспособность», «физическая сила», «закалил волю, характер», «стал психологически более выдержанным».

Таблица 2. – Перечень физических и психологических качеств, которые развили и укрепили у себя студенты в ходе занятий туризмом (в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	Белорусские студенты	Петербургские студенты

1. Выносливость	60,4	98,9
2. Физическую силу	49,4	68,4
3. Закалил (а) волю, характер	42,7	65,6
4. Улучшил (а) телосложение, фигуру	37,8	23,0
5. Стал (а) меньше болеть	32,0	40,4
6. Стал (а) психологически более выдержанным (ой)	25,0	44,3
7. Повысил (а) работоспособность	22,0	89,7
8. Стал(а) более привлекателен(ой) для противоположного пола	12,2	14,0
9. Меня стали больше уважать окружающие люди	10,7	35,5
10. Избавился(сь) от вредных привычек (курение, алкоголь и др.)	10,4	9,7

Серьёзная проверка уровня подготовки, сформированности туристических навыков и умений, физических и психологических качеств полноформатно происходит в ходе проведения различных соревнований и слетов. В каких же туристических соревнованиях и слетах респонденты принимали участие? Как вытекает из анализа данных, для обеих когорт студентов наиболее доступными оказались районные и городские (33,8% и 86,0% соответственно), а также внутривузовские состязания (32,3% и 72,5%). Реже студенты участвуют в межвузовских, областных, межрегиональных и международных соревнованиях и слетах.

Насколько же опрошенные студенты удовлетворены качеством и эффективностью проводимых туристических мероприятий? Распределение ответов показывает, что в полной мере они по этим критериям удовлетворяют 27,7% белорусских и 28,6% российских респондентов; сказали «скорее да, чем нет» 36,3% и 56,1%; еще 13,4% и 11,4% студентов дали ответ «скорее нет, чем да», а не удовлетворены их качеством 3,4% и 0,0% соответственно; при этом 19,2% респондентов из Беларуси не ответили на вопрос.

В ходе опроса выяснялось, что препятствует развитию и расширению спортивно-оздоровительного туризма. Ответы по предложенному в анкете спектру вариантов ответов отражены в таблице 3.

Таблица 3. – Препятствия, затрудняющие развитие туризма (в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	Белорусские студенты	Петербургские студенты

Не хватает денежных средств на проведение слетов и соревнований	55,5	99,9
Нехватка туристического снаряжения	36,6	59,8
Мало квалифицированных тренеров, инструкторов по туризму	27,7	18,3
Отсутствие хороших туристических баз	26,5	17,9
Отсутствие в достаточном количестве туристических маршрутов	10,7	3,0
Мало методической литературы по этому виду спорта	7,9	13,6
Нежелание молодежи заниматься туризмом	41,8	68,6
Много времени уходит на тренировки, страдает учеба	17,7	0,0
Недостаточное внимание ему уделяется государственными органами и спортивными ведомствами	36,6	100,0

Обращает на себя внимание, что самыми существенными преградами, по мнению опрошенных, является нехватка денежных средств на проведение туристических мероприятий и недостаточная поддержка туризма со стороны государства.

Итак, результаты социологического исследования показали, что довольно значительная часть опрошенных студентов адекватно осознает потребность в занятиях спортивно-оздоровительным туризмом и стремится ее реализовывать в контексте выработки устойчивого позитивного отношения к здоровому образу жизни как к базовой личностной и общественной ценности.

Секция 11. Социология и экономика питания

ПРОБЛЕМА СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЛЮ, КАК СРЕДСТВО ПРОИЗВОДСТВА ПРОДУКТОВ ПИТАНИЯ

Афанасьева И. (Санкт-Петербург)

Средством производства продуктов питания является, прежде всего, земельный ресурс, причем, не важно, будет ли там что-то выращиваться или разводиться скот. В любом случае, без земли, пригодной для ведения сельского хозяйства, не обойтись. В России большая часть таких земель является собственностью государства, и

поэтому граждане, изъявившие желание стать производителями продуктов питания для общества, а не только для личного пользования, могут получить земельный ресурс лишь на правах срочной или бессрочной аренды. Таким образом, земель, пригодной для ведения сельского хозяйства, можно пользоваться, владеть, но не распоряжаться. Это означает, что, к примеру, построить на такой земле жилой дом невозможно, так как это будет являться нецелевым использованием земель сельхозназначения. При этом, нельзя путать производителя продуктов питания и переработчика. Производители продуктов питания – те, кто непосредственно производят продукты питания, опосредуя результаты деятельности природы. Переработчики – те, кто, используя результаты деятельности производителей, создают продукты питания. Если фабрика делает чипсы, то это не означает, что она производит продукты питания, – фабрика лишь является переработчиком результатов труда производителя картофеля. Несовершенство российского законодательства приводит к тому, что землю, данную в аренду производителю продуктов питания, могут изъять под различными предлогами, например, если она используется не по назначению или не используется вовсе. Поэтому получается, что непосредственный производитель продуктов питания не является собственником основного инструмента производства, в силу чего он не сильно заинтересован в рациональном и долгосрочном использовании земли. Будучи лишь в положении «наемного работника», а не собственника, производитель стремится к быстрому обогащению порой за счет «варварских» методов ведения сельского хозяйства, что приводит к обнищанию земельных ресурсов. Неэффективное использование земельных ресурсов приводит к тому, что в мире сокращаются площади земель, пригодных для сельского хозяйства. То же самое касается и водных ресурсов – неконтролируемый вылов морепродуктов и рыбы приводит к сокращению морских биоресурсов. Однако, на фоне уменьшения земель, пригодных для сельского хозяйства, растет население планеты. Постоянно растущее население Земли требует все большего количества продуктов питания. Для того, чтобы решить проблему пропитания собственного населения, разные страны используют различные методы. Например, Китай скупает земли, пригодные для ведения сельского хозяйства, в Африке, производит там продукты питания для своего населения и вывозит их, в то время, как коренных жителей континента от голода спасает гуманитарная помощь из Европы. В европейских странах, таких, как Нидерланды, Германия, Голландия и

так далее, идут по другому пути. Там активно вкладывают средства в технические разработки в области аэропоники и гидропоники. В России многие представители бизнеса считают, что наиболее перспективно и рентабельно вкладывать деньги в землю, пригодную для ведения сельского хозяйства, чтобы потом, в будущем, сдавать ее в аренду для производства продуктов питания. Поэтому, например, представители московской бизнес-элиты при помощи различных законодательных механизмов скупают земли, пригодные для ведения сельского хозяйства, в Калмыкии, Костромской, Белгородской, Псковской и других областях. Очевидно, что понимание того, что земельные природные ресурсы, пригодные для ведения сельского хозяйства, истощимы, приживается медленно, а прогресс в области технологий сельского хозяйства свойственен пока только развитым странам. Однако проблема собственности на земли, пригодные для ведения сельского хозяйства для производства продуктов питания, уже сейчас стоит крайне остро и требует теоретической и практической проработки.

ЗАВИСИМОСТЬ ЗДОРОВЬЯ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ ОТ КАЧЕСТВА ИХ ПИТАНИЯ В СЕМЬЕ. (НА ПРИМЕРЕ Г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГА)

Басова Т.В., Таранова О.А. (Санкт-Петербург)

Питание людей, потребление ими алкоголя, табака, несомненно, влияет на физическое, психологическое и духовное здоровье. Здесь можно привести слова Сократа: «...пища или питье, которые ведут к здоровью – это благо, а которые ведут к болезни, – зло». [1] Несмотря на тот факт, что несбалансированное и неправильное питание, а также вредные пищевые привычки негативно влияют на все возрасты и категории граждан, все-таки, наиболее страдает от этого здоровье детей и подростков. Проблема может начать еще в утробе матери, где закладывается фундамент здоровья будущего ребенка. Мало того, что беременная женщина может питаться неправильно, несбалансированно и недостаточно (что может привести как к ожирению плода – прямой путь к диабету, так и недостаточному весу – риск рождения анемичного ребенка). Очень часты случаи употребления будущими матерями табака и алкоголя – а это может приводить к выкидышам, гипоксии плода. Если же беременность курящей женщины заканчивается родами, то такие дети могут страдать «гипотрофией, пороками сердца,

головного мозга, нарушениями нервной системы, дефектами развития носоглотки. Кислородное голодание может проявиться и через некоторое время после рождения ребенка. ...дети от курящих матерей отличаются разной степенью нарушения интеллектуального и физического развития, они плохо спят, учатся и часто болеют. Курение при беременности повышает риск развития таких заболеваний, как ожирение, диабет, синдром Дауна». [2] Проведя небольшое качественное социологическое исследование по вопросу курения во время беременности, мы обнаружили, очень часто среди курящих до беременности женщин, есть те, которые продолжают это делать и во время вынашивания. Среди причин, почему они продолжают курить, есть следующие: беременность для них проходила в сильных стрессовых ситуациях (проблемы с отцом ребенка, гормональные перепады), поэтому курение как средство снижения уровня стресса было «жизненно необходимо». А среди тех, кто курит с 12-14 лет (и все люди в их окружении тоже курят), называется причина – «ничего не могу с собой сделать – привычка». Почти половина респондентов курит сейчас (после рождения ребенка) и муж курит, но во время беременности и кормления не курили. А на вопрос «Не считаете ли Вы, что ребенку вредно вдыхать пары никотина?» они отвечают: «мы не курил ребенку в лицо» или «никотином можно надыхаться и идя по улице». Среди вариантов ответа на вопрос: «Почему Вы относитесь к курению положительно?» очень понравился нам следующий: «патамушта я раньше тоже курила а кагда узнала что я беременая бросила и теперь не курю:у меня есть муж но он тоже курит». Как можно заметить у этой девушки уровень грамотности не на высоте, и, кстати, среди женщин, которые ребенка и все равно курят более трети наших опрошенных примерно такой же стиль написания ответов (они пишут без учета правил правописания). Уровень грамотности может косвенно говорить о невысоком уровне достатка в семье опрошиваемых. Неполющенное питание детей и подростков, прежде всего в семьях, где уровень достатка ниже среднего, ведет к отставанию в физическом развитии, а также к развитию многих заболеваний (в т.ч. хронических). Недостаток питания или неправильное питание детей и подростков приводит в первую очередь к болезням органов пищеварения и эндокринной системы. За последние двенадцать лет исследований Регионального центра «Семья» (1999-2011гг.) было показано, что число этих заболеваний в Санкт-Петербурге неуклонно растет. [3] В основе своей недостаточное количество калорий (из-за недоедания и даже голода)

получают дети из семей, где материальный достаток на очень низком уровне. Конечно, этот пробел могут в какой-то мере восполнить школы, которым выделяются средства для обеспечения горячей пищей детей из малоимущих семей. Однако в полной мере эта проблема не решена. Кроме того, согласно данным Федеральной службы государственной статистики в семьях с детьми с рождением каждого последующего ребенка душевое потребление овощей, фруктов, мяса, молочных продуктов падает, практически не изменяется потребление хлеба и кондитерских изделий, а потребление картофеля, наоборот, растет. [4] Таким образом, проблема несбалансированного питания отражается больше всего на семьях с большим количеством детей. Происходит замещение растительной и белковой пищи хлебом, картофелем и сладостями, что существенным образом влияет на здоровье и вырабатывает в детях и подростках определенные пищевые привычки, которые они будут воспроизводить во взрослой жизни и передавать своим детям. Необходимо еще раз подчеркнуть, что семья является основным местом, где питается ребенок/подросток, где он приобретает вкусовые привычки, где он может получить знания и навыки приготовления пищи. Поэтому так важна грамотная социализация ребенка в семье, которая является носителем вкусовых привычек. Ведь почему нам иногда (или часто), завертевшись в повседневной суете, так хочется домашних пельменей, которые лепила бабушка или многослойных шоколадных тортов, которые мы в детстве помогали делать маме на праздники. Таким образом, под воздействием социально-экономических факторов происходит формирование, закрепление и трансляция определенного социального поведения в питании, которое существенным образом влияет на общественное здоровье.

Литература

1. http://pritchi.ru/id_2159
2. <http://protivkureniya.ru/vred-kureniya-pri-beremennosti/>
3. Аналитические материалы о положении детей в Санкт-Петербурге. СПб: «Региональный центр «Семья», 2011 г.: <http://homekid.ru/homekid.htm>
4. Федеральная служба государственной статистики. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/publishing/catalog/statisticJournals/doc_1140095125312

ДИНАМИКА ДЕМОНСТРАТИВНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ В ЕДЕ

Баханов А.Г. (Минск, Республика Беларусь)

На протяжении всей своей жизнедеятельности, индивид потребляет блага для существования. Каждый индивид для поддержания жизненно важных функций организма, должен потреблять минимально необходимый набор питательных веществ. Все мы питаемся по-разному, но должны удовлетворять природный инстинкт. Если оценивать большинство по определенным параметрам потребностей, то мы увидим множество вкусовых предпочтений. Например, если рассматривать потребление в архаическом обществе, мы обнаружим, что потребление основывалось преимущественно на добыче животных и собирательстве даров природы (ягоды, фрукты, овощи). Однако уже тогда существовали определенные «маркеры» качества и демонстрации своих предпочтений. Вождь выбирал только самые лучшие блага, которые выделялись как вкусовыми, так и питательными характеристиками. Относительно демонстративного потребления, стоит отметить форму такую форму потребления как потлач, описанный и проанализированный М. Моссом в работе «Очерк о даре». Выдающийся французский социолог и антрополог М. Мосс отмечал: «Дар» и «пища», отмечая что они не исключают друг друга, так как основная форма поставки здесь пищевая, по крайней мере теоретически» [3, 90]. В полной мере «феномен» демонстративного потребления проявляется в индустриальном обществе. В работе «Теория праздного класса (1899) Т. Веблен отмечал, что «жить напоказ является средством для достижения уважения» [1, 113]. «Когда происходит накопление денежных средств, выстраивается определенная структура и функции праздного класса, тогда начинается расслоение в обществе. Возникает более или менее сложная система рангов и ступеней» [1, 114]. Чтобы повысить свой статус в социальном окружении, индивид приобретает «престижные» вещи, которые символизируют окружающим праздность, с помощью предметов которые не доступны другим индивидом в социальном классе. В данном случае, может и не хватать денежных накоплений индивида для дальнейшего поддержания своего социально-экономического статуса – они уходят для демонстрации его перед окружающими. Продукты питания, которые может позволить себе большинство, не являются

показателями богатства или занимаемого положения в обществе. В таком случае, потребление основывается не в доступности продуктов, а в их высокой стоимости и признании со стороны потребителей символической ценности. Примером могут служить не только различные блюда из редких видов рыб, животных и растений. Им может быть, например, потребление сахара, который в свое время был недоступен большинству. Для достижения социального статуса, индивиды потребляют блага, которые имеют высокую цену. Такой стиль потребления составлял показную жизнь «праздного класса», индивидов, которые подражали высшему классу. Показное потребление, позволяло высшему классу укрепить свой социальный статус. Что касается городских жителей, то большинство старается поддерживать как благопристойный вид, так и более роскошно демонстрировать свою потребительскую праздность в еде. Так, многие товары повседневности, были когда-то доступны только богатому классу. В Европе первые упоминания о сахаре относятся к XIV веку. Уже в XV в. в Италии он утвердился в качестве роскошной сладости, которую могли позволить только богатые люди. В. Зомбарт пишет: «Благодаря сахару с начала XVII в. в Европе входит в обычай потребление какао, кофе и чая: они становятся любимыми напитками прежде всего в аристократических кругах, в частности при дворе. Кофе, к примеру, начал пользоваться спросом во Франции лишь после того, как Людовик XIV отдал его, принимая посольство султана Мухаммеда IV в 1670 г., после чего и ввел его употребление в придворных кругах» [2, 140]. Через определенный период времени, сахар распространился повсеместно и стал доступен более широким слоям населения. Сахар – один из немногих продуктов питания, который в среднем постоянно дешевел на протяжении XIX в., в то время как цены на другие продукты, повышались [4, 199]. В постиндустриальном обществе, мы можем проследить, как сахар становится менее популярной сладостью, так как доступен всем слоям населения. Современные производители, с помощью рекламы в СМИ, продемонстрировали населению, что употребление сахара вредит здоровью. В таком случае, производители решили повысить финансовые активы, с «переводом» различных слоев населения на здоровый образ жизни с помощью подсластителей. «Предполагается, что позитивное воздействие искусственных подсластителей на здоровье выступает в качестве эффекта плацебо, так как имеются различия между научными знаниями и существующими стереотипами» [4, 220]. В то время как негативное влияние сахара на здоровье рассматривается как само собой разумеющееся, снижение

веса, как многие полагают, является результатом потребления искусственных подсластителей [4, 221]. Сторонники данного решения, старались приобщить население к потреблению более дорогих напитков и продуктов, с целью увеличения доходов, но не проявляли заботу о здоровье потребителя. Если рассматривать современное общество, то суть демонстративного потребления, остаётся неизменной. Частично жизненные блага, которые были доступны всем слоям населения, со временем стали престижными. Стоит отметить, что современный базовый слой и средний слой, получили возможность заработать больше денежных средств. Многие потребители посещают дорогие заведения, лишь с целью демонстрации социального статуса или финансовых возможностей. В таком случае мы можем наблюдать подражание, навязываемое СМИ. Они определяют с помощью рекламных программ, телепередач, Интернета стили потребления, направляя людей на потребление для поддержки статуса и социальной позиции. Однако, существует часть определенных товаров, таких как картины, драгоценности, коллекционные ценности, ретро-автомобили и др., которые так и останутся роскошью, пока существует понятие ценности и ценностных установок.

Литература

1. Веблен, Т. Теория праздного класса : Пер. с англ. / Вступ. ст. с. [5–56] С. Г. Сорокиной; Общ. ред. В. В. Мотылева. – М. : Прогресс, 1984. – 367 с.
2. Зомбарт, В. Собрание сочинений в 3 томах / В. Зомбарт, пер. Д.В. Кузницына – СПб. : Владимир Даль, 2008. – Т. 3: Исследования по истории развития современного капитализма. – 480 с.
3. Общества. Обмен. Личность : Тр. по социал. антропологии / [Пер. с фр., послесл. и коммент. А.Б.Гофмана; Рос. акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая]. – М. : Изд. фирма «Вост. лит.», 1996. – 360 с.
4. Рост потребления и фактор разнообразия : новейшие исследования западных и российских эволюционистов: [сборник статей: перевод с английского / Центр эволюционной экономики]; научный редактор перевода В. И. Маевский. – Москва : Дело, 2007. – 271 с.

ДЕМОНСТРАТИВНОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ В ЕДЕ.

Показное потребление связано прежде всего с хвастливой демонстрацией богатства. Оно мотивируется желанием произвести впечатление на других своей способностью заплатить особенно высокую цену за престижный продукт, это форма потребления, которая вызывается скорее социальной, чем экономической или психологической полезностью продуктов. В ее чистом варианте, когда потребитель принимает решение о покупке под влиянием только желания или потребности продемонстрировать свою покупательную мощь, прямая полезность покупаемого товара, то есть возможности его использования, не представляет интереса. Удовлетворение является результатом реакции аудитории не на позитивные качества рассматриваемого товара или услуги, а на выставленное богатство покупателя потребительского продукта. Соответственно стоимость покупки или цена продукта становится единственным фактором, имеющим значение для покупателя. Говоря о демонстративной теории потребления пищи, разработчиком которой был Т. Веблен, важно отметить следующие моменты. Изначально существовала концепция престижного потребления в целом, и касалась она, прежде всего, моды. Однако в дальнейшем в его теории стали проследиваться аспекты, имеющие непосредственное отношение к питанию. В своей книге «Теория праздного класса» он представил и развил идею о том, что «образ жизни и модели потребления не только отражают социальные различия, но также и действуют как средства поддержания высокого социального статуса» [2]. Автор подчеркивал две стороны потребления: демонстрируемую и скрытую от посторонних глаз: «В результате того предпочтения, которое отдается демонстративному потреблению, семейная жизнь многих классов сравнительно убога в контрасте с той блистательной частью их жизни, которая проходит на виду. Как вторичное следствие того же предпочтения люди скрывают свою личную жизнь от чужих глаз» [2]. В русской живописи этот феномен ярко иллюстрируется картиной «Завтрак аристократа»: человек «белой кости» с утра жует корочку хлеба и с испугом оглядывается на дверь, опасаясь быть застигнутым в своей бедности. П. Бурдьё обращает внимание на то, что вкусы преобразуют физические свойства потребительских благ в символические выражения классовых позиций и становятся порождающей формулой для различных стилей жизни. Стили жизни оформляются в отношении друг к другу как «обусловленные различия в практиках

действия разных классов, которые оцениваются не только с точки зрения масштаба и структуры потребления, но и наделяются определенным символическим смыслом и уровнем престижа» [4]. Различия в потреблении, несомненно, зависят от уровня доходов, но не являются полностью обусловленными им. К примеру, с ростом материального благосостояния людей вовсе не обязательно возрастает величина их потребления. Напротив, «в высших классах вырабатываются особые вкусы, связанные с непринужденным самоограничением и своего рода «социальной цензурой». Эта добровольная аскеза выражается, например, в воздержании от разного рода грубых удовольствий, в соблюдении всяческих ограничений в еде (увлечении разными диетами) и т.д. С точки зрения Бурдьё, «содержание» отражает функциональное использование вещей — в данном случае, это означает принимать пищу для того, чтобы не испытывать чувство голода. «Форма» же касается главным образом процесса сервировки, порядка подачи блюд, а также других ритуалов, которые не имеют непосредственного отношения к функциональному потреблению пищи с целью утоления голода. «Если в этом контексте говорить о группах, ранжированных по общей сумме аккумулированных капиталов всех видов, то для высших классов в потреблении продуктов питания значительно важнее форма, тогда как для низших классов — содержание» [1]. Российский исследователь С. Кириленко обобщил вклад классиков социологии потребления и адаптировал их идеи под нашу действительность. Потребление становится для широких масс населения, прежде всего, «систематическим актом манипуляции знаками» [3]. Вследствие этого, возникает процесс социального конструирования чувства идентичности, то есть принадлежности к той или иной группе. Таким образом, в процессе потребления объект превращается в символ, а это, в свою очередь, означает, что, потребляя его, мы не столько удовлетворяем свои базовые потребности, сколько сигнализируем окружающим с помощью набора потребляемых товаров, кто мы такие и чего, собственно, хотим. Исходя из этого, смеем предположить, что потребление выполняет функцию коммуникации. При этом важно, что знаки, вкладываемые в это потребление, тоже играют свою роль. Они являются носителями информации о социальном опыте потребителя, о его месте в иерархии. Причем, конструируются знаки далеко не всегда исходя из индивидуальной воли человека. «Сложность исследования символического значения пищи, как и других предметных реалий культуры, связана с тем, что она не

создана специально для передачи сообщений. Специфика знаковых свойств бытовых предметов определяется их промежуточным положением между миром утилитарным и миром символическим» [5], — пишет Кириленко в работе «Символизация пищи в современном обществе». Именно от соотношения этих свойств зависит семиотический статус вещи. Высокий статус, связанный со способностью передавать значения, вещь приобретает в случае становления частью определенной знаковой системы. Примером таких форм символизации вещи служат ритуал и элементы этикета. При этом в разных культурах доминирующее значение приобретают различные знаковые системы, которые способны изменять семиотический статус вещных объектов. В традиционной культуре — это ритуал, а в современном обществе — показное потребление и реклама. Сегодня наблюдается чрезвычайное разнообразие символических значений, используемых в сфере производства, продвижения и потребления продуктов питания, которое принимает порой беспорядочные формы. Реклама пищи обращается к элементам социальной памяти, сохраняющимся в недрах культурного сознания, актуализируя архаические значения пищи. Вместе с тем, появляются новые мифологизированные представления, к которым, в частности, относится миф о «здоровой пище», которой конструируется средствами массовой информации и, в том числе, рекламой. Благодаря им утилитарные, на первый взгляд, характеристики полезной, диетической пищи обретают знаковые функции. Пища, маркированная как «здоровая», является неотъемлемой частью и индикатором определенных жизненных стилей: субкультуры фитнеса и здорового образа жизни. Таким образом, полуфабрикаты, непритязательная домашняя кухня имеют низкий семиотический статус, выполняя, прежде всего, функцию утоления голода. Однако в процессе выхода из этого повседневного пространства в виртуальное пространство массовой культуры и индустрии досуга на первый план выступает символическая функция пищи. Престижность, знаковость того или иного продукта связывается в первую очередь со способом его потребления — дифференцированного (ресторан с индивидуальным выбором потребителя) или унифицированного (фаст-фуд).

Литература

1. Бурдье П. Социальное пространство и символическая власть. — Спб.: Мир. С. 137.

2. Веблен Т. Теория праздного класса. Перевод с английского. Издательство «прогресс» 1984.
3. Ильин В. Потребление как текст // Consumers. Архив данных. — [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.consumers.narod.ru/book/text.html>
4. Радаев В.В. Социология потребления: основные подходы // Социологические исследования, 2005, № 1, С. 9.
5. См: Кириленко С. Особенности символизации пищи в современном обществе // Studiaculturae. Выпуск 3. С. 109.

ТАБУИРОВАНИЕ АЛКОГОЛИЗАЦИИ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ УЛУЧШЕНИЯ ЗДОРОВЬЯ НАЦИИ

Ганин Е.А. (Казань)

Алкогольная продукция в Российской Федерации приносит большой доход ее продавцам. Это связано с тем, что данные напитки употребляются в большом количестве. Это случается по праздникам, в выходные дни, нередко и по будням, с поводом и без повода как средство улучшения настроения, лишения проблем. Бытует даже мнение, что алкоголь полезен для организма. Тем не менее, несмотря на распространенность данного продукта, его увеселительные и раскрепощающие качества, он наносит непоправимый вред здоровью. Под действием этанола рушиться все, в первую очередь - нервная система и сердечно-сосудистая. Слабые мышцы, тромбы в сосудах, диабет, усохший головной мозг, раздутая печень, ослабленные почки, импотенция, депрессия, язва желудка - это лишь примерный перечень того, что может сделать алкоголь с организмом человека [1, 501]. Алкоголь известен с древнейших времен. Его стали производить с появлением керамической посуды. Но уже тогда догадывались о его губительных свойствах, что способствовало развитию системы табу на алкоголь. Вначале табу формировалось в рамках религии, затем и в рамках государственной политики. Одной из первых попыток табуирования алкогольных напитков было предпринято исламским пророком Мухаммедом во время пьянства населения арабских стран. Позже это было закреплено в Коране, а пьянство жестоко каралось. «На Руси с 16-го столетия начался массовый завоз из-за границы водки и вина. При Иване IV и Борисе Годунове учреждаются «царевы кабаки», приносящие массу денег в казну. Тем не менее, уже тогда пытались ограничить потребление

спиртных напитков системой табу. Так в 1652 году вышел указ «продавать водку по одной чарке человеку». Запрещалось выдавать вино «питухам» (т.е. пьющим), а также всем во время постов, по средам, пятницам и воскресеньям. Однако из-за финансовых соображений вскоре была внесена поправка: «чтобы великого государя казне учинить прибыль, питухов с кружечного двора не отгонять», чем фактически поддерживалось пьянство» [2, 166]. «Православие играло важную сдерживающую роль в отношении злоупотребления алкоголем, строго регламентировало его потребление. Свидетельство этому - некоторые известные пословицы и поговорки: «Для праздника Христова не грех выпить чарочку простого» (т.е. пить в будни - грешно)» [3]. Таким образом, первоначально технологии табуирования алкоголизации носили в значительной степени религиозный характер. После революции 1917 года пьянство в России набирает обороты и приобретает массовый характер. Только в 14 июня 1985 года ЦК КПСС объявил войну пьянству создавая новую систему табу алкогольной продукции. Бюджет потерял 50 миллиардов не нынешних, а тех еще полновесных рублей, в два раза возросло потребление самогона. Тем не менее, именно к 1987 году возросла средняя продолжительность жизни. Это произошло без уменьшения смертности от отравлений и несчастных случаев [3]. То есть данная система табуирования алкоголизации населения, не смотря на потери дохода, стала причиной улучшения здоровья граждан. После распада СССР, население России становится самым пьющим в мире. Ухудшается здоровье населения. Смертность от употребления алкоголя в 90-е годы колеблется от 100 до 120 человек на 100000 человек в год [4, 310]. Увеличивается количество заболеваемости, в том числе сердечно-сосудистой системы, печени и т.п. После 2000 года появляется политика, направленная на снижение уровня алкоголизации населения с помощью системы табу. На современном этапе развития это табу на покупку алкоголя в определенное время, различные правовые табу. Это приносит определенные плоды, в том числе улучшается здоровье нации, появляется все больше сторонников здорового образа жизни. В России формируется система табу, в которой ключевую роль играет государственная власть. Таким образом, технологии табуирования алкоголизации населения Российской Федерации необходимы для снижения ее уровня, улучшения социального самочувствия граждан, их здоровья. Ключевым механизмом системы табу на алкоголь является государственная политика.

Литература

1. Внутренние болезни / под ред. С.И. Рябова. – СПб.: СпецЛит, 2006. – 880с.
2. Вьюнов, Ю.А. Русский культурный архетип. Страноведение России / Ю.А. .- М.: Флинта, 2011. – 496с.
3. История алкоголя [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://istoria-alcogola.narod.ru/>, свободный.
4. Тощенко, Ж.Т. Социология / Ж.Т. Тощенко. – М.: Юнити, 2012. – 607с.

ПИТАНИЕ УЧАЩИХСЯ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО УРАЛА

Егорова М.В. (Челябинск)

Егорова М.В. Питание учащихся дореволюционного Урала

Изучая повседневную жизнь учащихся Урала в конце XIX – начале XX в. мы не могли обойти вниманием такой важный аспект жизни, как питание школьников. Растущий детский организм, нагруженный повседневными заботами, связанными с учебой, требовал хорошего сбалансированного питания. Создававшиеся при учебных заведениях пансионы были призваны, кроме предоставления места для проживания, обеспечивать учащихся более или менее приемлемым питанием. Жившие в пансионах учащиеся питались три раза в день и по отчетам средних учебных заведений можно сделать вывод, что в целом питание было более или менее хорошим, хотя и несколько однообразным. Так Д. Татаринов отмечал, что в пансионе Троицкой гимназии в основном питались мясом, хлебом, молоком. Фрукты, овощи, рыба им не упоминаются. Более разнообразным был стол учеников пансиона Оренбургской губернской гимназии в Уфе. Питание было традиционным для этого региона. Это разнообразные каши: гречневая, овсяная, ячневая, пшенная, перловая, манная. Включались в рацион питания картофель, морковь, свекла, репа, редька, горох, капуста, огурцы, лук. Были на столах пансионеров фрукты и ягоды: яблоки, клюква, брусника, вишня, малина, арбузы. Отличались разнообразием блюда из рыбы: стерлядь, осетрина, белая и красная рыба, севрюга, судак, сазан, окунь, лещ, щука, линь, налим, язь, жерих, сом. Причем подавалась к столу как свежеприготовленная, так и соленая рыба. Обязательными были блюда из курицы, яиц. К чаю на столах был мед, которым издревле славилась Башкирия. И конечно готовили блюда из мяса: говядины, телятины, из говяжьих языков, баранины. Употреблялось в пищу молоко и другие молочные продукты. [1] Однако не стоит думать,

что ситуация, связанная с питанием учащихся в пансионах и общежитиях, была вполне благополучной. Вопиющий случай, произошедший в общежитии Сольвычегодской женской гимназии, бурно обсуждался в местных газетах. Начальство общежития не обеспечило учащихся достаточным питанием и девочкам приходилось подкармливаться за свои деньги. Правда, лишь тем, у кого они были, а таких находилось в общежитии немного. Нередко ученицы жаловались «Хочется есть, а хлеба нет», или «Кашу сегодня никто не ел – тухлая». Другая говорила «За обедом мне и кусочка мяса не попало». В такой ситуации голодный ребенок мог решиться и на кражу съестного. Ученица 1-го класса некто К. подозревалась в краже у своих подруг съестных припасов. При этом отмечалось, что ранее, когда она проживала на ученической квартире, ничего подобного квартирная хозяйка за ней не замечала. Начальство пансиона потребовало, чтобы родители немедленно забрали эту ученицу из общежития. Местная общественность всесторонне обсуждала данную ситуацию и была глубоко возмущена тем, что ученицы фактически были вынуждены голодать, живя в общежитии. [2] В конце XIX – начале XX века в ряде средних учебных заведений Урала, благодаря заботам обществ вспомоществования недостаточным учащимся, а затем и родительским комитетам или попечительным советам, вводятся платные завтраки для учеников. Плата в месяц составляла от 50 копеек до 1 рубля 50 копеек. Неимущим ученикам завтраки предоставлялись бесплатно. Так, в 1901 году в Челябинской женской прогимназии завтракало 72 человека, или 32,4% всех учащихся. Шесть учениц завтракали бесплатно, за счет попечительского совета. [3] Причина, по которой было решено вводить завтраки в учебных заведениях, заключалась в том, что многие учащиеся употребляли на завтрак только хлеб. Чтобы избежать вредных последствий такого питания, предоставлялись горячие завтраки, состоявшие из молока, хлеба, мяса, котлет, пирожков, чая. Кроме того, за одну копейку можно было купить стакан молока или стакан чая. При некоторых средних учебных заведениях устраивались специальные столовые для учащихся. Бывший ученик Пермской частной мужской гимназии Циммерман Н.М. Шибанов вспоминал: «гимназия имела свою столовую, в которой было введено самообслуживание. Некоторые из гимназистов нарезали хлеб – ржаной и подавали его на подносах. Столующиеся сами брали суп, второе и третье». [4] В военные годы, когда повсеместно стал чувствоваться недостаток почти во всем, в том числе и в питании, столовые при школах продолжали

существовать. Однако и они вынуждены были поднять цены на предоставлявшиеся блюда. Так, при фельдшерско-акушерской школе в Уфе была в свое время открыта дешевая столовая для учениц. В 1916 году попечительский совет постановил в связи с вздорожанием цен на продукты увеличить и цены на питание. На порцию супа вместо 11 копеек – 15 копеек, жаркого вместо 12 копеек – 15 копеек, кашу вместо 6 копеек – 8 копеек и на сладкое 6 копеек. На молоко и хлеб было решено оставить прежние цены: стакан молока – 4 копейки, порция хлеба – 3 копейки. [5] В отчетах ряда средних учебных заведений имеются статистические сведения об уровне питания учащихся [6], как, например, в Слободском реальном училище в 1910 году: число лиц хорошего питания было – 86 среднего – 81 плохого – 11. Оренбургская мужская гимназия (1910 год): число лиц хорошего питания было – 82 среднего – 389 плохого – 102. Пермская 2 мужская гимназия (1914 год): число лиц хорошего питания было – 134 среднего – 45 плохого – 7. Вятская 2 мужская гимназия (1914 год): число лиц хорошего питания было – 14 среднего – 41 плохого – 22. Таким образом, большинство учащихся все же питались более или менее хорошо. Однако были ученики, чей рацион оставлял желать лучшего. В силу своих семейных обстоятельств некоторые учащиеся были вынуждены жить впроголодь, выкраивая каждую копейку на кусок хлеба. Так, например, в своих воспоминаниях Н.А. Чарушин писал: «я чувствовал себя счастливым, когда в кармане у меня болтались пятак или трешница (3 коп.), на которые я мог купить себе целых 2 или 3 фунта хлеба!». [7] Растущий детский организм требовал хорошего, сбалансированного и полезного питания. Однако в большинстве случаев ни школа, ни родители не могли предоставить необходимый рацион детям. В средних школах дореволюционного Урала, которые находились в губернских городах, в основном учились дети из уездов. Они были оторваны от семьи, и таким образом оставались без родительского присмотра. Именно школа должна была взять на себя заботу о детях, в том числе и заботу об их питании. Однако это было не всегда так. Были пансионаты, где детей кормили более или менее удовлетворительно, но нередко были и случаи, когда школьники фактически голодали. В отчетах учебных заведений имеются данные о заболеваниях учащихся, в том числе о такой болезни как малокровие, что нередко было вызвано отсутствием достаточно хорошего питания учащихся.

Литература

1. ЦГИА РБ. Ф.И. – 110. Оп. 1. Д. 808. Л. 25 – 26.
2. Областной отдел (от нашего корреспондента)//Вятская речь. – 1914. - №110. – 29 мая. – С. 4.
3. Отчет попечительского совета Челябинской женской прогимназии за 1901 год. – Челябинск, 1902. – С. 6.
4. ГАПО. Ф.Р. – 1596. Оп. 1. Д. 90. Л. 6.
5. ЦГИА РБ. Ф.И. – 121. Оп.1. Д. 38. Л. 1.
6. ГАКО. Ф. 881. Оп. 1. Д. 465. Л. 28 об.; ГАОО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 155. Л. 41; ГАПО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 4. Л. 39 об.; ГАКО. Ф. 212. Оп. 1. Д. 2. Л. 25.
7. Чарушин Н.А. О далеком прошлом. Из воспоминаний о революционном движении 70-х годов XIX века/Н.А. Чарушин. – М., 1973. – С. 39.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПИТАНИЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Зиброва Г.П. (Санкт-Петербург)

К первостепенным факторам существования человека относится потребление им воздуха, воды, тепла и пищи, что и становится для него предметом особого внимания на протяжении всей жизни. Поиски пропитания входят в круг его повседневных обязанностей, вокруг которых строятся его личные и общественные отношения, лежащие в основании социальных процессов жизнеобеспечения и развития. Источником пищи для людей всегда оставалась природа, а по мере их исторического развития необходимую функцию приготовления пищи взяла на себя семья. Семья как социальный институт всегда была связана с землей как средством производства, на которой она жила и от которой кормилась. Семейные наделы распределялись «по едокам», семьей считались не только те, кто «вместе запирались на ночь в одном помещении», но и те, кто «ел вместе за одним столом из одного горшка». Исторически за семьей закрепились сложная функция непосредственного социально-экономического воспроизводства общества, где человек мог развиваться от зачатия до кончины через удовлетворение всех своих личных потребностей: биологических, психофизических, эмоциональных и духовно-нравственных в едином отлаженном процессе социального воспроизводства. Процессы питания в семье регламентировались в соответствии с природными

циклами и принятыми пищевыми технологиями, закрепляясь в обычаях, навыках, ритуалах и праздниках. Свадьбы как публичные мероприятия проводились после сбора урожая, чтобы гости за столом не имели ни в чем недостатка, а хозяева могли распорядиться свободным остатком на зиму. Привязка процессов воспитания к навыкам ведения хозяйства была настолько велика, что проявлялась даже в правилах выбора суженого, например: «Женщина не пойдет за мужчиной туда, где не растет финиковое дерево». Социальные роли в семье распределялись так, чтобы дети и подростки усваивали их эмоционально-нравственные и технологические стороны как ступени мастерства в ведении хозяйства в целом. Экономика как наука о ведении домашнего хозяйства была тесно связана со всем мироустройством традиционного общества, с его потребительностоимостной природой, в которой учитывались и были согласованы между собой основные природные циклы как циклы воспроизводства человеческой жизни. Хрематистика как наука о ведении менового хозяйства сначала следовала за сложившейся природой вещей до такой степени, что даже потеряла свое специфическое название, но в современном обществе вновь возникла как экономика, теперь уже полностью ориентируясь на категории обмена и денег и потеряв свой изначальный антропоморфный характер. Вместе с трансформацией традиционного общества в современное изменилась до неузнаваемости и его основная ячейка, традиционная семья почти исчезла, а вместе с ней и та стабильность социального воспроизводства, которую она обеспечивала. Домашняя форма питания в малых городах еще как-то существует за счет отдельных энтузиастов и редкой возможности собираться у обеденного стола там, где это позволяют рабочие ритмы и расстояния. Однако структуры общественного питания детских садов, школ, больниц, домов престарелых, промышленных производств и офисов, уличных столовых, кафе и бистро уже прочно заняли свое место на рынке, поддерживая индустрию консервирования, полуфабрикатов и супермаркетов как основных поставщиков продукта, в том числе и на домашнюю кухню. Как и все в современном обществе, сельскохозяйственное производство подчинено росту денежной прибыли, поэтому его продукт, как правило, несет в себе избыточную долю опасных для человека химических соединений и мутаций. Пищевое производство добавляет к нему значительную долю искусственных веществ и консервантов. Торговые сети, увеличивая свою протяженность иногда до десятков тысяч километров, тоже не вносят в конечный продукт необходимой

свежести. Вся технологическая цепочка производства, продажи и перепродажи продуктов питания приводит к тому, что здоровых продуктов на рынке уже практически нет. Даже арбузы до своих последних дней в октябре несут с себе не только прибыль своему владельцу, но и аллергические реакции покупателю. Вода как основа пищевого производства тоже уже не свободна от тяжелых примесей и должна подвергаться глубокой очистке, включая воду окрестных водоемов, из которых уже не только нельзя пить, но где-то даже запрещено купаться. Современный высокий уровень социальной дифференциации позволяет небольшому числу граждан обезопасить себя от потока некачественных продуктов не только сетью дорогих специализированных поставщиков и регулярной практикой их тестирования, но и такой сменой образа жизни, которая их самих приближает к источникам продуктов высокого качества. Все остальные не гарантированы от контрафакта даже по элитным сортам в элитных ресторанах и супермаркетах, если они приобретают этот товар в этом месте нерегулярно, а только в качестве демонстративного потребления по праздникам. Торговые войны и агрессия некоторых внешних товаропроизводителей приводят к необходимости закрывать границу силами Роспотребнадзора для откровенно технологически некачественной продукции, например по мясу птицы из США или говядины из Польши. В борьбе за качество пищевых продуктов массового пользования Госдуме приходится проводить федеральные законы, обязывающие устанавливать истинное соответствие между маркировкой продукта и его реальным содержанием, например, по молоку и молочным продуктам, однако, даже детское питание не свободно от всех этих опасностей. Разрушение традиционного общества и семьи как его основы сопровождается изменением всей структуры духовно-нравственных ценностей, а вместе с ней и всего спектра потребления современного человека. Семейный и личный бюджет теперь часто тратится на то, что раньше в структуру потребления не входило: пиво, алкогольные напитки и напитки с высоким содержанием сахара как питание, а то и наркосодержащие продукты вместо питания, также попадающие в кровь и участвующие в обмене веществ. Незащищенность российского рынка от продуктов импортного производства выражается и в росте брендовых марок воды и напитков, состав которых защищен коммерческой тайной, а формирование нездоровой зависимости от них становится очевидным уже после первых недель потребления. Современные пищевые технологии в принципе могут производить высоко качественные пищевые продукты и

производят их, без этого невозможна современная жизнь больших городов, но для большинства населения они недоступны либо по причинам недостаточной платежеспособности, либо в связи с отсутствием самого спроса, вызванного структурными изменениями питания в неполных или социально деформированных семьях. Рынок наемной рабочей силы в принципе требует держать высокий оборот низкосортной продукции на доступном уровне, чтобы не увеличивать цену рабочей силы в целом. Недостающую прибыль торговля продуктами питания возмещает активным продвижением алкогольной продукции, усугубляя тем самым общие структурные проблемы потребления той массы населения, которая составляет основную демографическую матрицу страны. Выход из этого порочного круга должен быть найден. Он лежит в преодолении основного противоречия капитализма между общественным характером производства и частным характером присвоения, позволяющем по воле небольшого круга лиц весь объем социального капитала и его нового ресурса трансформировать в денежную форму частного капитала. Допущенное в свое время отступление от христианской религии в сторону протестантской этики, позволило оторвать развитие технологического прогресса от нужд развития человека и производить его за счет недоразвития самого человека. Это привело к прямому вырождению коренного населения промышленно развитых стран через распад такого устойчивого социального института как христианская семья. Не случайно в Европе идет процесс исламизации населения, когда даже женщины добровольно принимают ислам, чтобы создать традиционную форму семьи. У нас еще процесс капиталистического обогащения идет стремительно, приобретая форму демографического русского креста, и неуклонно поворачивая население к его традиционным духовно-нравственным ценностям. Принципиальное отличие православной церкви от католической позволяет надеяться, что мы и с этой задачей справимся, но уже на новом уровне социальных технологий.

ПИТАНИЕ И ЗДОРОВЬЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ ШКОЛЬНИКОВ Г. ТЮМЕНИ).

Казанцева А.А. (Тюмень)

Состояние здоровья детей является главной задачей, определяющей настоящее и будущее любого государства. В последние годы на фоне неблагоприятных показателей социально-

экономического положения детей продолжает ухудшаться состояние их здоровья. Рост заболеваемости детей связан, в первую очередь, с неправильным питанием, затем с химическими загрязнениями окружающей среды и отсутствием навыков и привычек здорового образа жизни [3]. Также на заболеваемость детей влияет неправильный образ жизни взрослых, так как дети наблюдают и впитывают в себя их поведение. Все чаще мы стали видеть, что вместо полноценных домашних обедов, люди идут в места, где можно быстро перекусить таких, например, как Макдоналдс, пиццерии. Фаст-фуд становится главным в обеденном меню. Поэтому необходимо следить за питанием, начиная со школьников. В связи с тем, что дети большее время проводят в школе, нами было проведено исследование в школе №25 г.Тюмени на тему: «Питание глазами учащихся. «За» и «Против» правильного питания». Исследование показало, что в большинстве случаев, школьники удовлетворены питанием, но при этом хотели бы внести некоторые изменения в меню. Например, 20% школьников хотели бы видеть в меню суши, 45% - пиццу, гамбургеры, хот-доги, а также в большей степени предпочтение отдавалось напиткам таким, как coca-cola и sprite, вместо чая или компота. В свободное время 89% учащихся посещают места общественного питания, а 9% - едят в автобусах, парках, по дороге домой и лишь 1% не питается вне дома. Изучив меню школьников, мы пришли к выводу, что питание сбалансировано, разнообразно, включает мясные, рыбные, молочные продукты, овощи и фрукты, растительные и животные жиры. Прием пищи проходит в одно и то же время, что способствует наиболее полному ее перевариванию. Однако, многие школьники отказываются от такого питания, либо съедают 1/3 часть всей порции, а по дороге из школы, заходят в магазины и покупают еду быстрого приготовления. Все это пагубно влияет на детский организм. Таким образом, можно сделать вывод, что школа предоставляет детям возможность правильно питаться, но то, что окружает детей в повседневном мире, в том числе многочисленная реклама заведений быстрого питания, навязывает им некие стереотипы, из-за которых многие согласны отказаться от правильного питания ради вкусного и недорогого. Еще одной причиной отказа школьников от здорового питания является недостаток внимания на проблемы здорового питания в семье. В целях борьбы с данной проблемой необходимо вести в учебных заведениях разъяснительные беседы, как со школьниками, так и с их родителями. Попытаться наглядно продемонстрировать последствия неправильного питания. И только в том случае, если родители

осознают всю значимость данной проблемы и примут меры, мы сможем вырастить здоровое поколение, которое обеспечит стабильное развитие нашей страны.

Литература

1. Горелова, Ж.Ю Новые формы организации питания детей в образовательных учреждениях / Ж.Ю. Горелова., В.Р. Кучма., А.В. Мосов // Вестник образования России.-2005.-№12.-С. 45-53
2. Иванова Т. Рынок профилактических продуктов питания: проблемы развития // Маркетинг.- 2009.-№3.-С.74-80
3. Румянцев Г.И., Новиков С.М., Шашина Е.А. (Московская медицинская академия им. И. М. Сеченова). Воздействия факторов окружающей среды на здоровье населения // © Окружающая среда - Риск - Здоровье, 2002 – 2008. <http://www.revich@mail.ecfor.rssi.ru>

ПРАВИЛЬНОЕ ПИТАНИЕ: СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Капусткина Е.В. (Санкт-Петербург)

Прежде всего, необходимо отметить, что существуют два понятия: «правильное питание» и «здоровое питание», которые, несмотря на мнения многих исследователей, не являются синонимичными. Первое понятие гораздо шире второго, поскольку правильное питание не всегда связано со здоровым образом жизни. Чаще всего оно обусловлено историческими и культурологическими причинами. Одним из показательных примеров в различии двух вышеуказанных понятий является динамика диет, поскольку она, в основном, обусловлена именно социальными факторами. По мнению М. Мид, употребление или отказ от тех или иных блюд отделяет разные социальные слои друг от друга. Так, например, это касается различий в потреблении каст в Индии. Широко известно, что разные касты в Индии могли употреблять строго определенные наборы продуктов. Например, принадлежность к высшей касте жрецов предполагала исключительно вегетарианскую диету. Низший слой – это каста могильщиков. Им было позволено употреблять любую пищу без ограничений. Другое дело, могли ли эти люди позволить себе есть мясо исходя уже из экономических возможностей. В традиционном обществе полнота человека указывала на его высокий социальный статус и соответствующий уровень доходов. Так, в странах Средней Азии зажиточные мужчины не только были упитанными, носили парчовые халаты – признак статуса, но и

вытирали об их полы жирные руки. Такое поведение было обусловлено далеко не представлениями о гигиене, которые исторически существовали в этом регионе. Оно представляет собой не что иное, как элемент демонстративного потребления, т.е. возможность показать, что в семье есть средства не только на богатую одежду, но и на высококалорийную пищу. В современном Египте женщинам по тем же причинам не позволено худеть. Египетские мужчины, вынужденные работать, следят за своей фигурой, используя настойку из сахарного тростника, а женщины, как показатель статуса семьи, такой возможности не имеют. В последнее время по всему миру наблюдается тенденция ведения здорового образа жизни. Одной из первых научно обоснованных систем принятия пищи была система сбалансированного питания, которая возникла более двухсот лет назад. Затем появилась концепция адекватного питания, вместе с открытием в 19-20 вв. гормональной системы кишечника, необходимостью употребления пищевых волокон, новых механизмов пищеварения, роли микробов в организме. Питание стало не просто сбалансированным, но и соответствующим состоянию и возможностям организма. Далее появляется концепция рационального питания, то есть питания, способного удовлетворить потребность организма в энергии. Количественной мерой энергетической ценности пищи становится калория. Приток энергии должен быть равен его расходу, тогда вес останется неизменным.

Некоторые исследователи к практикам здорового образа жизни также относят вегетарианство. Первое «Общество вегетарианцев» возникло в Англии еще в 1847 году в Манчестере. Это была элитарная группа. Помимо основных мотивов, включающих, в первую очередь, осуждение насилия над животными, они считали, что земледелие продуктивнее животноводства, т.е. причины возникновения данного направления в питании были исключительно социальными. Вегетарианство является образом жизни, при котором полностью исключается потребление плоти любых живых организмов. Среди типов вегетарианства, выделяют следующие: веганство (строгое вегетарианство, исключая употребление любого мяса, яиц, молока, иногда даже мёда), лактовегетарианство (допускается употребление молока и молочных продуктов), лактоовоовегетарианство (употребляются растительная пища, молочные продукты, яйца домашних птиц). Все виды вегетарианства допускают горячую обработку пищи, в отличие от витарианизма, при котором употребляется только сырая вегетарианская пища. Что

касается самых распространённых причин, по которым люди становятся вегетарианцами и веганами в настоящее время, то среди них, прежде всего - состояние здоровья, этическое отношение к животным, экономичность. Если говорить о состоянии здоровья, то в современном мире двигательная активность людей, связанная с их профессиональной деятельностью, постоянно снижается, что приводит к переизбытку и различным заболеваниям, как, например, сахарный диабет, ожирение, а также к снижению иммунитета и ухудшению состояния желудочно-кишечного тракта. С помощью вегетарианства лечатся такие болезни, как гипертония, ожирение, мочекаменная болезнь, острый гепатит, цирроз печени и т.д. Кроме возможности вести здоровый образ жизни, многие исследователи к числу положительных сторон вегетарианства относят не только заботу о животных, но и экономичность данного вида потребления, поскольку в подавляющем большинстве потребительских культур мясо является довольно дорогим продуктом. Так, например, Великий пост в православной традиции, который является, практически, вегетарианским, по времени совпадает с тем периодом, когда в большинстве традиционных российских семей (в первую очередь, конечно, крестьянских) запасы мясных продуктов заканчивались. С другой стороны, вегетарианство имеет и свои негативные стороны, поскольку приводит к дефициту цинка, железа, кальция, витаминов и к их низкой усвояемости. Вегетарианство, как, впрочем, и следование правилам жесткого Поста в православии, не рекомендуется детям и подросткам, беременным и кормящим женщинам, спортсменам. Таким образом, понятие «здоровый образ жизни» и понятие «правильный образ жизни» различаются. Первое имеет, в большей степени, международное содержание, имея в виду, в первую очередь, европейские страны и страны Северной Америки, причем зажиточную их часть. Что касается правильного образа жизни, то это, в первую очередь, желание следовать нормам и традициям той страны или региона, в которой проживает потребитель .

ПИЩА ДЛЯ ПРОЛЕТАРИАТА

Карапетян Р.В. (Санкт-Петербург)

Питание - основное условие существования человека и возможности его воспроизводства. То, насколько хорошо (с точки зрения качества и количества пищи) ест человек, зависит его физическое и духовное здоровье. Известно также, что в процессе

жизнедеятельности человек растрчивает энергию, полученную в результате потребления пищи. Более активная деятельность приводит к более интенсивным затратам энергии. Если учесть то обстоятельство, что большинство населения на протяжении восьми часов в сутки активно участвует в процессе общественного производства, интенсивно выполняя самый разнообразный труд, то окажется, что питание серьезнейшим образом влияет на трудовой потенциал человека. Капиталистический мир устроен так, что человек не может рассчитывать на систематическую или случайную благотворительность, не может он также располагать необходимыми для производства продуктов питания для себя и своей семьи условиями, поскольку основная трудовая деятельность забирает у него значительную часть сил и времени. Для большинства заработная плата (т.е. вознаграждение за затраченные собственные усилия в труде) оказывается единственным способом утоления голода. Так, в эпоху распространения капиталистического производства, по словам современника этого процесса, выдающегося экономиста Давида Рикардо, все усилия наемных работников направлялись только на одну цель - добывание пропитания, занимая ум одной мыслью об удовлетворении физических потребностей [Рикардо Д. Начала политической экономии и податного обложения. М.: 1935. С. 50-60]. Современному обществу конечно же не присущи подобные стандарты потребления. И все же раньше и сейчас справедливым оказывается утверждение о том, что чем больше человек зарабатывает, тем больше пищи и большее ее разнообразие доступно ему для потребления. Однако хотелось бы акцентировать внимание на еще одной закономерности, возникающей при изучении взаимосвязи труда и потребления продовольствия. Так совпало, что стандартизация производства и труда происходила параллельно со стандартизацией рациона потребляемой пищи зарождающегося пролетариата. В середине - конце XIX века, тем более начале XX века в индустриальных капиталистических державах сформировался перечень блюд, предполагаемый для удовлетворения голода наемных рабочих, так сказать, меню для пролетариата. Основу этих блюд составили продукты, достаточные для поддержания жизнедеятельности человеческого организма, но никак не ориентированные на излишки или возможные предпочтения в изысканной кухне. Например, в Англии традиционно блюдами для пролетариата стали: рыба и чипсы (Fish and Chips), печеный картофель (Jacket potato), сосиски и картофельное пюре (Bangers and mash), пироги (Pies). В Британии горячий корнуоллский пирожок,

начиненный или разнообразным мясом, или овощами, или фруктами, с начала XIX века считался традиционной национальной едой. Содержа достаточное количество калорий и заменяя основной прием пищи и десерт, данное блюдо давало много энергии для активного физического труда тем, кто его осуществлял. Например, шахтерам, для которых пирожок был любимой повседневной едой. Его адаптировали под потребности рабочих, специально вытягивая одну из сторон пирожка так, чтобы шахтеры могли держаться за нее грязными руками. Представляется, что совпадение стандартов, заданных организацией труда и промышленным производством продуктов питания не является случайным. Во-первых, индустриальный город сформировал стереотипы быта городского населения, являющегося в массе стандартной наемной рабочей силой. Можно предположить, что низкая квалификация предполагала скудность в возможностях выбора ассортимента блюд. К слову в условиях все большей востребованности высококвалифицированного труда растет разнообразие предлагаемых продуктов питания. И дело вовсе не в том, что изменяются в сторону повышения заработные платы работников интеллектуального труда по отношению к труду низкой квалификации. Растет разнообразие дешевой и доступной продукции. Однако пролетариату также, как и раньше недоступны предметы роскоши и деликатесы питания (черная икра, «ласточкино гнездо», черепаховый суп, лобстер и т.п.). Современная экономика не предполагает, что рядовой человек может захотеть отойти от стандартного продуктового набора и начать питаться разнообразной экзотической пищей. Скорее ему предложат продукты, имеющие отличительные названия, формы выпуска, упаковки, но идентичные по своему составу. Для удешевления массовых продуктов питания активно применяются добавки, часто не имеющие ничего общего с продовольствием. Если во времена Давида Рикардо, по его же словам, при всяком недостатке в главном средстве пропитания население могло прибегнуть лишь к очень немногим суррогатам [Рикардо Д. Начала политической экономии и податного обложения. М.: 1935. С. 54], то в наше время продукты - суррогаты активно заменяют натуральные и являются естественными и наиболее распространенными в продовольственной корзине населения города. Часто в разнообразных продуктах присутствует один и тот же компонент, скажем модифицированный крахмал или трансгенная соя. Можно предположить, что ассортимент продуктов питания для пролетариата не увеличивается, а напротив, сокращается, т.к. невелик и однообразен перечень ингредиентов в них входящих. То же самое

касается ингредиентов на которых вскормлены животные и выращены растения. Сегодняшний лозунг всех корпораций, производящих продукты питания, звучит так: «просто, быстро и вкусно» часто еще добавляют: «дешево и оригинально», но это вовсе не значит, что полезно. Напротив, по мнению многих экспертов, такая продукция наносит вред здоровью. При всей неоднозначности проблемы ясным оказывается одно, капитализм, как в прошлом, так и в настоящее время не предполагает для пролетариата альтернатив выбора, пусть даже это касается питания. На это также указывает то обстоятельство, что здоровая и полезная еда все более становится роскошью и привилегией элиты.

ПОТРЕБЛЕНИЕ НАСЕЛЕНИЕМ ПРОДУКТОВ ПИТАНИЯ И ПОТРЕБИТЕЛЬНАЯ СИЛА ОБЩЕСТВА.

Малинина Т.Б. (Санкт-Петербург)

В широком смысле потребление есть процесс удовлетворения потребностей человека, использование общественного продукта для удовлетворения потребностей. Показателями динамики потребления являются, прежде всего, потребительские расходы населения, которые имеют определенную структуру, которая характеризует потребительную силу общества. Структура и размеры потребительских расходов отражают уровень и качество жизни населения регионов. Анализ статистики показывает, что, если в еще 10 лет назад наблюдалось некоторое улучшение качества жизни населения России, то в настоящее время доля общих потребительских расходов в тратах на продукты питания стала сокращаться. Население стало меньше тратить на питание вне дома, все большую долю в структуре потребительских расходов стали занимать вынужденные затраты на разнообразные услуги. Изменение в структуре потребительских расходов объясняется двумя причинами: первая связана с ростом цен на товары и услуги, а вторая – с ускоренной глобализацией и интеграцией рынков, вызывающих диспропорции в потреблении. Наблюдается постепенное сокращение потребления продуктов питания населения, вызванное снижением платежеспособного спроса населения и увеличение доли расходов, связанных с обязательными платежами (услуги ЖКХ и проч.). Потребление продуктов питания это прежде всего физиологический процесс, обеспечивающий человека необходимыми питательными веществами для воспроизводства своих жизненных сил. Увеличение

или уменьшение объема потребления продуктов питания не характеризует качество питания населения. Обобщающим показателем уровня потребления продуктов питания, выступает калорийность, которая определяется в килокалориях в сутки. Определяется также пищевая ценность – состав пищевых веществ (белков, жиров и углеводов) потребленных продуктов питания. В составе пищевых веществ наибольший вес занимают углеводы. В 1999 году энергетическая ценность (калорийность) минимального набора продуктов в сутки питания для основных социально-демографических групп населения в целом по России составила: для трудоспособного населения - 2730 ккал для мужчин и 2110 ккал для женщин. Норма калорийности для пенсионеров – 2000 ккал, для детей от 0 до 6 лет – 1580 ккал, от 7 до 15 лет – 2360 ккал. [1] В целом по домашним хозяйствам энергетическая ценность едва превысила минимальный международный уровень потребностей, который составляет 2300 ккал. Заметим, что в промышленно развитых странах этот показатель превышает 3000 ккал. [2, 310]. Критической считается калорийность пищи равная 2000 ккал., или около 8400 кДж (в международной системе единиц оценка энергетической ценности пищи и расход энергии человека в процессе его жизнедеятельности даются в джоулях: 1 ккал = 4,184 кДж) . В 2005 году были внесены изменения в нормы калорийности для женщин – 2100 ккал и для детей от 0 до 6 лет – 1610 ккал. Если сравнивать характеристики пищевой и энергетической ценности действовавшего ранее и сейчас наборов продуктов питания, то энергетическая ценность действующего набора продуктов питания ниже, чем была ранее, для женщин в трудоспособном возрасте и детей, особенно в возрасте 7 -15 лет. Это снижение происходит за счет ухудшения пищевой ценности питания, прежде всего снижения потребления белков. В группе женщин в трудоспособном возрасте потребление белков снижено на 3,3%, а в группе детей в возрасте 7 - 15 лет – на 2,1%. В группе мужчин трудоспособного возраста увеличение энергетической ценности питания сопровождается ухудшением его химического состава. В натуральном выражение новый набор продуктов питания, в отличие от предыдущего, включает такие продукты питания, как соль, чай, специи, но исключает колбасные изделия и копчености. Нормы минимального потребления увеличены по большинству продуктов питания, кроме хлебных продуктов, масла растительного, маргарина и других жиров. Следует заметить, что формирование минимального набора продуктов питания, удовлетворяющего потребности различных

социально-демографических групп населения и необходимых для сохранения здоровья человека и обеспечения его жизнедеятельности исходит, прежде всего, из химического состава и энергетической ценности продуктов питания. Выбор продуктов должен соответствовать организации здорового питания при минимальных затратах. Исходя из этого, человеку для удовлетворения потребности в питании для сохранения своего здоровья и обеспечения жизнедеятельности необходимо определенное количество продуктов, которое выражается физическим объемом того или иного блага. Потребность в пище является необходимой, физиологической потребностью человека, обеспечивающая организм необходимыми питательными веществами для поддержания жизнедеятельности индивида. Однако его нельзя рассматривать только как физиологический процесс. Существуют различные стили потребления, в зависимости от национальных традиций, природно-климатических условий, социальных и статусных различий в обществе, а также от развития экономик в различных регионах. Можно оценить потребительную силу населения на рациональном уровне, т. е. необходимо рассматривать разумные потребности, которые отвечают требованиям нормального воспроизводства населения и свободного всестороннего развития личности. Критерием разумности потребностей выступают определенные научные принципы. Так, на основе данных физиологии, медицины, социальной гигиены, психологии, экономической теории, социологии и других наук, можно определить круг разумных потребностей и оптимальные нормы их удовлетворения для данного исторического периода. Можно принять за рациональную норму разработанный Институтом питания Российской Академией Медицинских наук набор основных продуктов питания в расчете на одного члена семьи, содержащий не менее 300 тысяч калорий в год и достаточный для нормальной жизнедеятельности. Рациональный нормативный набор создается на основе объективного развития потребностей современного человека, семьи, домашнего хозяйства под воздействием экономического, научно-технического и социального прогресса. Они разрабатываются по основным продуктам питания (физиологические нормы), предметам одежды, а также по некоторым видам материальных услуг, в основном производственного характера. Физиологические нормы потребления продуктов питания дифференцированы по половозрастным группам населения и по природно-климатическим зонам. Используя данные рациональных норм потребления, например, основных продуктов питания в среднем

на душу населения можно рассчитать потребность населения региона в продовольственных товарах. В итоге для определения величины потребности в том или в ином благе, последнее умножается на численность потребителей и, таким образом, устанавливается мера потребительной способности населения.

Литература

1.Постановление Правительства РФ от 17 февраля 1999 г. №192 «Об утверждении методических рекомендаций по определению потребительской корзины для основных социально-демографических групп населения в целом по Российской Федерации»

2.Ефимова М.Р., Бычкова С.Г. Социальная статистика. - М.: Финансы и статистика, 2003.-560с.

ПОТРЕБИТЕЛЬСКАЯ КОРЗИНА ПЕТЕРБУРЖЦЕВ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Никифорова О.А. (Санкт-Петербург)

Питание - базовая потребность человека, поэтому все проблемы, связанные с рынком продовольственных товаров, касаются каждого человека, потребителя услуг этого рынка. Согласно данным статистического сборника «Торговля в России», расходы среднестатистической семьи на питание в 2010 году составили 35,3 % от общего объема расходов, при том что в среднем расходы на конечное потребление на 1 члена домохозяйства составляли 10513,4 руб. в месяц. Кроме того, бедные слои населения тратят почти половину своих доходов на питание. Независимо от доходов, каждый потребитель имеет право на удовлетворение его потребностей в потреблении товаров желаемого качества и ассортимента. Однако в России проблема качества товаров и услуг остается слабым звеном. Не смотря на то, что с 2006 года в России действует федеральный закон № 44-ФЗ «О потребительской корзине», он не отражает реальные потребительские практики. Данные потребительской корзины пересчитываются несколько раз в год, отдельно для каждой категории граждан, а также в зависимости от региона страны. В апреле 2012 г. стоимость минимального набора продуктов питания в среднем по России составила 2482,9 рубля в месяц, однако реально ее набор отличается как по городам, так и по доходам жителей. Между тем петербуржцы все меньше и меньше

склонны тратить много денег на продукты и товары повседневного спроса. До кризиса жители Санкт-Петербурга готовы были оставлять в продуктовых магазинах половину своей заработной платы, отдавая предпочтение качественным, элитным товарам. На сегодняшний день в результате роста цен продуктовая корзина обитателей Санкт-Петербурга стала значительно скромнее, и на сегодняшний момент по розничному товарообороту на душу населения Петербург демонстрирует катастрофически низкие цифры.

СОВРЕМЕННЫЙ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ КРИЗИС И ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОДУКТАМИ ПИТАНИЯ

Петров А.В. (Санкт-Петербург)

По разным данным от 800 млн. до 1 млрд. 100 млн. человек в мире не имеют доступа к питанию, достаточному для здоровой и активной жизни. В мире постоянно голодает до 17% жителей планеты. Основная их часть проживает в развивающихся странах (от 20% до 50% их населения, а в ряде стран и более). Специалисты отмечают, что абсолютно- и относительно-дефицитное голодание стабильно сохраняется на фоне существенных изменений, связанных с увеличением мирового производства и потребления продовольствия (во второй половине XX в.). Сложная ситуация с обеспечением продовольствием сохраняется во многих развивающихся странах, где, несмотря на наблюдающееся в последние десятилетия увеличение на треть среднего потребления калорий на фоне почти двукратного роста населения, содержание калорий в рационе отстает не только от развитых стран, но и от оптимальных медицинских норм потребления, при том, что в бедных странах семьи тратят на приобретение продуктов питания от 40 до 80% бюджета, в то время как в богатых — лишь 15 – 25% [3, 96-97]. В первом десятилетии нового века положение с обеспеченностью продовольствием в развивающихся странах не изменилась в лучшую сторону. К тому же вторая половина 2000-х гг. ознаменовалась очередным продовольственным кризисом 2006-2008 гг., проявившемся в резком росте цен на продовольствие (с 2007 г. в среднем почти на 40%), который развивался на фоне глобального циклического финансово-экономического кризиса. Аналитики отмечают, что постепенное повышение цен началось еще в 2003 г., и связали эти изменения с рядом факторов, повлиявших на производственно-экономические

трансформации, таких как: климатические изменения (периодические засухи в разных регионах планеты), рост использования биотоплива, изменения курса доллара США, повышение цен на нефть и удобрения, и, как следствие, рост производственных затрат и транспортных расходов, сохранение низкого уровня инвестиций в производство продовольствия последние тридцати лет, спекуляции на финансовых рынках при низком уровне запасов. При этом эксперты ФАО предсказывают сохранение высоких цен на продовольствие в обозримой перспективе [4, 12-13]. Подобные негативные тенденции накладываются на глобальный кризис в сфере занятости и существенное ухудшение перспектив экономического роста, прежде всего в развитых странах, что оказывает давление на глобальный платежеспособный спрос (в том числе, на продовольствие). Уровень безработицы в развитых странах в 2011 г. был почти на 3% выше, чем в «докризисный» 2007 г., при увеличении глобальной застойной безработицы (особенно среди молодежи — с 13% в 2007 г. до 18% в 2011 г.), сохранении значительной доли низкооплачиваемых, занятых неполный рабочий день, не имеющих стабильных трудовых контрактов и не охваченных системой социальной защиты трудящихся в развивающихся странах [2, 4-5]. Причем, рост низкооплачиваемого труда фиксировался на протяжении последних 15 лет развития глобальной экономики [1, 34]. Почему же несмотря на все усилия «мирового сообщества» в лице многочисленных международных организаций, несмотря на реализацию многочисленных программ помощи экономикам развивающихся стран «призрак голода» по-прежнему преследует человечество и в начале XXI в. (причем почти без всяких шансов на решение этой важнейшей проблемы в обозримом будущем)? Сторонники неолиберального глобализма, несколько убавившие пыл в связи с тяжелыми глобальными социально-экономическими последствиями «великой рецессии», по-прежнему склонны сваливать всю вину на сами развивающиеся страны, ведь это очень удобная позиция, поскольку появляется возможность обосновать ограниченность экономической помощи этим странам, при этом не ставя под сомнение основные идеологические постулаты неолиберализма. Разумеется, причины носят глубокий и комплексный характер, глубину и комплексность им придает специфическая структурная направленность современных глобальных трансформационных процессов в мировой экономике. В качестве основных объективных причин, имеющих структурный характер, можно называть: во-первых, глобальную «маркетизацию»

сельского хозяйства, подчинение процесса осуществления инвестиций в производство продовольствия «идолу рентабельности», а процесса ценообразования на рынках самых необходимых продуктов питания целям извлечения сверхприбыли посредством установления контроля над этими рынками со стороны финансовых спекулянтов, крупных международных производителей пищевых товаров и торговых сетей (стремительное распространение глобального влияния и возможностей для монополизации деятельности которых связано с эскалацией процесса транснационализации производства и торговли). Во-вторых, развитие и глобальное распространение новых аграрных технологий (использование новой мощной техники и массового применения химических удобрений с 1960-х гг.), вызвавшее по началу резкий рост производства сельскохозяйственной продукции, в конечном счете привело к падению плодородия почв и дальнейшему их выводу из оборота вследствие водной, ветровой эрозии, существенного засоления, а также к повышению токсичности из-за накопления в них пестицидов и гербицидов. В-третьих, интенсивная урбанизация — процесс, отражающий сущность всех радикальных глобальных социально-экономических изменений второй половины XX — начала XXI вв. Множество земель выводится из сельскохозяйственного оборота по причине их использования под строительство новых городских кварталов, промышленных предприятий, транспортной инфраструктуры. Не говоря уже об экологических последствиях этого процесса. В-четвертых, постоянно нарастающие диспропорции между предложением и спросом и отсутствие эффективных мер антициклического регулирования в мировой экономической системе, проявляющиеся в росте межстрановой и внутристрановой дифференциации по уровню доходов и качеству жизни, консервации глобальной застойной бедности и создании предпосылок для разрушительных финансово-экономических кризисов. Реальные, постоянно предпринимаемые усилия конкретных стран и регулирующих межгосударственные отношения организаций, направленные на снижение негативного влияния указанных выше факторов на мировую экономическую систему, могут изменить ситуацию с решением глобальной проблемы обеспечения продуктами питания к лучшему.

Литература

1. Доклад «Заработная плата в мире в 2010–2011 гг.: политика в области заработной платы в период кризиса». Женева: Международная организация труда, 2010.
2. Мировое экономическое развитие и перспективы в 2012 году. Резюме. Нью-Йорк: ООН, 2012.
3. Петров А. В. «Глобализация» экономики: социальные и политические аспекты. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009.
4. Положение дел в связи с отсутствием продовольственной безопасности в мире. Как волатильность мировых цен влияет на экономику стран и продовольственную безопасность? Рим: ФАО, 2011.

ДЕМОНСТРАТИВНОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ ФЕРМЕРСКИХ ПРОДУКТОВ ПИТАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Попсуева А.А. (Санкт-Петербург)

Общемировые тенденции к осознанному питанию, наблюдаемые во всех наиболее развитых странах уже достаточно продолжительный период времени, начали просачиваться в российское общество только в последние несколько лет и исключительно в крупных городах. В этих странах гастрономическая культура нашла свое выражение в потреблении органических продуктов. Органический продукт характеризуется Министерством сельского хозяйства США как «термин, обозначающий пищу и другие сельскохозяйственные продукты, произведенные с помощью утвержденных методов, объединяющих культурные, биологические, технические практики, которые обеспечивают экологический баланс и сохранение биоразнообразия. В процессе их производства не могут быть использованы синтетические удобрения, осадки сточных вод, облучение и генная инженерия» [1]. Быстрые темпы развития науки в области разработки генномодифицированных продуктов с течением времени привели к обратному стремлению потребителей – потреблению натуральных органических продуктов. Сегодня часто путают понятия органический и экопродукт с понятием фермерский продукт. А если быть точнее, ввиду отсутствия в российском законодательстве четкой стандартизации производства органических продуктов, которая уже разработана и используется в странах Евросоюза, Америке, Японии, в нашей стране потребителю в качестве альтернативы предлагаются более привычные и простые в

производстве фермерские продукты. Российское общество пока далеко не всецело охвачено потреблением подобной продукции, однако мода в отдельных социальных группах успела укорениться достаточно глубоко. Гастрономическое потребление в последние годы стало разнообразнее, горожан поочередно увлекают фастфуд, итальянская, японская, китайская кухни, возможно, что на данный момент это лишь демонстративное потребление очередного модного тренда, у которого есть шанс перерасти в социальную потребность и сформировать у населения бытовую гастрономическую культуру, которая ввиду затяжного продовольственного дефицита и других факторов у многих социальных групп развита скудно. Социальным ритуалом в нашем обществе является сам процесс принятия пищи, а не традиция выбора ее ингредиентов. Молодое поколение активно влилось в течение моды на качественное питание и начало обращать внимание не только на заведение, в которое они идут чтобы поесть, но и на состав блюд, происхождение продуктов. Это и не удивительно, ведь молодежь, которая обладает весьма тонким и разборчивым вкусом в области музыки, одежды, кинематографа логичным образом должна была начать обращать внимание на то, что они потребляют в пищевой сфере. Занятым является тот факт, что эти же молодые люди еще несколько лет назад презрительно и с насмешкой относились к рассаде, которую выращивали на подоконнике представители старшего поколения. Свидетельством демонстративности потребления фермерских продуктов является популярность специальных культурных мероприятий и социальных событий, целью которых является вывести потребление продуктов питания за домашние, бытовые рамки, сделать их способом социальной демонстрации. Пожалуй самым ярким примером в рамках российской социальной действительности может послужить фермерский гастрокультурный проект «ЛавакаЛавка», осуществляющий не только продажу фермерских продуктов через интернет, но и организующий воскресные ярмарки, участвующий в круглых столах по вопросам здорового питания, организующий кулинарные мастер классы, даже выпускающий собственную газету и разбивший публичный огород на территории «Новой Голландии», где каждый желающий мог арендовать грядку для себя лично или же для своей кампании, среди множества растений можно было увидеть логотипы и названия практически всех самых крупных организаций в городе. Аналогичный общественный огород разбили и в Москве, организаторы задумали создать свое движение, под названием «Огородничество 2.0» и «надеются сделать его модным

временным проведением среди молодежи»[2]. « Цель нашего проекта — создать в центре города площадку, где можно было бы знакомить людей с сельским хозяйством, чтобы люди ответственно относились к потреблению еды», - говорит Борис Акимов, один из создателей «Лавки»[2]. Городские огороды уже давно существуют во многих городах мира: Лос-Анжелесе, Мельбурне, Сиэтле, Лондоне и многих других, причем участники не ограничиваются выращиванием растений, а еще и разводят скот, птиц, занимаются пчеловодством. Российские проекты не столь масштабны, но, как и многие объекты потребления и проведения досуга, активно перенимаются у западного общества. Несмотря на то, что международная эконогастрономическая организация SlowFood имеет представительства в России около десяти лет, первый фермерский фестиваль под ее началом прошел в Москве только в сентябре 2010 года. Slow Food — международная общественная организация, которая возникла в 1989 году в ответ на развивающийся культ быстрого питания и ускоряющийся темп жизни, как реакция на исчезновение местных традиций питания и потерю интереса людей к тому, что они едят, откуда привозят еду и как наш продовольственный выбор влияет на положение вещей в мире[3]. Философия SlowFood находит свое распространение в своеобразных «застольных обществах» (лат. *convivium*), которые пропагандируют культуру питания и призывают своих последователей к социальной ответственности за сохранение нашего наследия. В России на сегодняшний момент насчитывается только восемь конвивиумов SlowFood, три самых крупных находятся в Москве: «Ковчег», «Ферма», «Улитка», в то время как по миру их около восьмисот пятидесяти. Они не только занимаются организацией конференций и мероприятий для детей и взрослых, но и способствуют продвижению фермеров на рынок и даже научными разработками, направленными на сохранение исчезающих видов животных и растений. Гастрономические ярмарки, рынки выходного дня, лекции о здоровом питании для детей, интернет-магазины со службами доставки фермерских продуктов, конвивиумы, экологические фестивали, публичные огороды, выездные кафе — несмотря на разнообразие форм проявления, главной идеей этих специальных событий и социальных мероприятий является создание сообщества людей, которые производят, потребляют и интересуются фермерской едой. Но потребителю недостаточно того, что он может готовить и фермерских продуктов дома, поэтому постепенно открываются кафе, рестораны и даже быстро-самообслуживания и сети фастфуда со специальным фермерским меню, в которых помимо

первичных потребностей в пище он может удовлетворить потребность коммуникативную и социальную, посетив популярное заведение. Как уже говорилось, потребление фермерских продуктов можно наблюдать не только на рынках и частично в супермаркетах, их доставку можно оформить и через интернет. Помимо уже упомянутых, к самым крупным Петербургским он-лайн сервисам по торговле фермерскими продуктами можно отнести: «Зеленую ферму», Spbferma.ru, «Ферма+», но покупка продуктов питания через интернет пока не приобрела такой популярности как другие группы товаров. Привить культуру и знание о фермерских продуктах молодежи стремятся многие интернет издания, так на протяжении всего лета The Village публиковал серию материалов «Сезон молодых овощей», рассказывающую о местных сезонных овощах. Показательным является тот факт, что количество просмотров и положительных комментариев статей о репе, кабачке, свекле, капусте, тыкве, патиссоне или обычной моркови и том, что из них можно приготовить, не уступала постам о концертах, одежде или открывшихся барах. Стремление продемонстрировать, то что ты ведешь здоровый образ жизни проникло и в наши мобильные телефоны. Компания Greenhunter выпустила экоприложение для iPhone и смартфонов на базе Android, которое содержит информацию о свойствах пищи, а на встроенной карте Москвы отмечены «зеленые» места: магазины, рестораны, рынки, вело парковки и пункты сбора вторсырья. На протяжении всей эволюции демонстративного расходования, как отмечает Т. Веблен, очевидным образом подразумевается, что для того чтобы сохранить добрую славу потребителя, его демонстративное расходование должно быть направлено, кроме необходимого, также и на излишества[4, с. 71]. В нашем же случае, можно сказать, что в потреблении фермерских продуктов демонстративными являются не свойства потребляемого объекта, а то множество социальных событий, которое это потребление сопровождает. От традиционной роскоши объектов демонстративного потребления мы возвращаемся к истокам, выбирая минимализм и простоту натуральных продуктов. Используемая

Литература

1. United States Department of Agriculture. Agricultural Marketing Service – [Электронный ресурс]. www.ams.usda.gov (дата обращения 03.10.2012).

2. Ситуация «Лавка» открывает большой публичный огород в центре Москвы – [Электронный ресурс]. www.the-village.ru (дата обращения 20.09.2012).

3. Фермерский фестиваль SlowFood. www.slowfood-ulitka.ru –. – [Электронный ресурс] (дата обращения 23.09.2012).

4. Веблен Т. Теория праздного класса. – М.: Прогресс, 1984.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЖЕНЩИН С ПРОБЛЕМАМИ ВЕСА

Редя Г.П. (Пенза)

В современном обществе отмечается тенденция к нарастанию процента лиц с избыточным весом, что обусловлено как доступностью энергетически богатой пищи и снижением физической активности в связи с техническим прогрессом, так и нарастанием психоэмоционального напряжения в связи с ускорением темпа жизни. Ожирение не только является фактором риска для возникновения множества заболеваний, но и ведет к значительному психологическому риску, обусловленному сильным социальным давлением, вызванным существующими в обществе негативными установками по отношению к полным людям. Особая распространенность беспокойности по поводу избыточного веса среди женщин связана не только с особенностями функционирования женского организма, но и с доминирующими в современной западной культуре стандартами женской красоты, идеализирующими худощавое телосложение, а также большей значимостью внешности в иерархии ценностей у женщин. Целью настоящего исследования явилось изучение социально-психологических особенностей женщин с проблемами избыточного веса. В процессе исследования подтвердилось предположение, что у женщин существуют определенные психологические особенности, являющиеся предпосылкой для появления и удержания избыточного веса. В исследовании принимали участие 3 группы женщин: женщины, располневшие во взрослом возрасте (69 чел.), женщины, полные с детства (34 чел.) и женщины с нормальной массой тела, не беспокоенные по поводу избыточного веса, составившие контрольную группу (40 чел.). Всего было обследовано 143 женщины в возрасте от 18 до 50 лет. В группах женщин с проблемами веса, в особенности у женщин, полных с детства, выявлено большее количество случаев наличия избыточного веса у родителей,

алкоголизма у отца и применения телесных наказаний в детстве, по сравнению с контрольной группой. Они также чаще оценивали отношения между своими родителями и собственные семейные отношения как неровные. Среди них чаще встречались испытуемые, воспитывающие детей в одиночку. Полные женщины реже воспитывались в семьях с обоими родителями и чаще считали, что их воспитывали бессистемно, в зависимости от настроения родителей, по сравнению с женщинами, имеющими нормальный вес. Наибольшее число случаев систематических конфликтов и разводов между родителями, а также случаев воспитания матерью и отчимом выявлено в группе женщин, располневших во взрослом возрасте. Они также чаще оценивали собственные семейные отношения как систематически конфликтные, в отличие от женщин, полных с детства, которые чаще оценивали свои семейные отношения как спокойные и доброжелательные. Гораздо больший процент полных, в особенности, располневших женщин не имели высшего образования и являлись работниками физического труда. Они также значительно реже занимались спортом и чаще курили по сравнению со стройными женщинами. Наибольшая выраженность психосоциальной дезадаптации была обнаружена в группе женщин, располневших во взрослом возрасте. У них, по сравнению с контрольной группой, оказались более выражены пессимистичность, неуверенность в себе, склонность к повышенному чувству вины, избыточная самокритичность, нерешительность, преобладание пассивной личностной позиции с отсутствием попыток повлиять на свою судьбу, склонность к избеганию неуспеха. Депрессивные тенденции в данной группе женщин сочетались с замкнутостью, недоверчивостью, отстраненностью от других людей и стремлением скрывать собственную потребность в любви. Располневшим женщинам оказались наиболее свойственны ориентация на социальные нормативы, зависимость от мнения большинства, высокая чувствительность и подвластность средовым воздействиям, а также эмоциональная незрелость, стремление потворствовать своим слабостям, склонность к демонстративности и использованию симптомов своих соматических заболеваний как средства ухода от ответственности, в том числе, за избыточный вес. По сравнению с женщинами, имеющими нормальный вес, у располневших женщин оказалась более выражена чувствительность к негативному отношению окружающих. По сравнению с женщинами, полными с детства, у женщин, располневших во взрослом возрасте, оказалась менее выражена потребность контактировать и взаимодействовать с

окружающими, способность к самоотдаче и длительным привязанностям. У них более выражено субъективное представление о своей негативной социальной репутации, непривлекательности, неуважении окружающих, неумении добиваться поставленной цели, непопулярности. Женщины, полные с детства, по сравнению с женщинами, располневшими во взрослом возрасте, оказались более общительными, способными на сильные чувства и установление прочных и длительных межличностных отношений. Однако в данной группе испытуемых оказались наиболее выражены такие качества как агрессивность, потребность в доминировании, притязание на первенство, властолюбие, нетерпение, желание настоять на своем, которые оказались взаимосвязанными с ощущением собственной неспособности вызывать к себе уважение и симпатию других людей. В соответствии с результатами проведенного исследования можно выделить ряд направлений психокоррекционной работы по снижению избыточного веса у женщин в зависимости от психологических особенностей, способствующих патологическим образцам пищевого поведения и связанных с эмоционально-волевой и мотивационной сферами личности. Важнейшей задачей психокоррекции женщин с избыточным весом является повышение у них уровня осознания собственной способности контролировать события и ситуации своей жизни, отношения с другими людьми и состояние своего здоровья, в том числе, массу тела. Для этого целесообразно использовать методы и приемы рациональной и когнитивной психотерапии. У женщин с избыточным весом необходимо развивать гибкость установок и навыков межличностного взаимодействия, в том числе снижения враждебных тенденций, повышения доверия, открытости и непринужденности в отношениях с людьми и развития способности понимать чувства других людей большое значение имеет групповая психотерапия. В задачи психокоррекции женщин с избыточным весом также входит и развитие у них способности к поиску адаптивных способов поведения в ситуациях эмоционального напряжения, для чего рекомендуется проведение тренингов решения проблем и совладания со стрессом. В качестве методов психопрофилактики избыточного веса следует отметить повышение уровня знаний девушек и женщин о психологических причинах нарушений пищевого поведения и избыточного веса, а также об особенностях функционирования женского организма, связанных с изменением массы тела.

ПОЛОЖЕНО - ЕШЬ, НЕ ПОЛОЖЕНО - НЕ ЕШЬ: СОЦИАЛЬНОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ В ПИТАНИИ.

Синютин М.В. (Санкт-Петербург)

Принято считать, что питание относится к первостепенным или витальным потребностям человека. По современным расчетам индивиду в среднем необходимо 2-3 тысячи килокалорий в сутки для поддержания жизни. Однако, человек, включенный в канву социальных отношений, рассматривает питание исходя преимущественно из данных отношений. Поэтому прием пищи детерминируется физиологией человеческого организма лишь частично. А так как эта сторона питания становится относительно легко удовлетворимой посредством включения в социальные отношения современного общества, то на первый план для индивида выходят социальные аспекты питания. Они незаметны как привычки или принятые практики, но при этом незаменимы и неизбежны. Общество легитимизирует не только объекты, но также время, способы и условия питания. Институциональное воздействие на питание становится комплексным процессом, стремится к соответствию множеству имеющихся социальных структур и отношений. Здесь находится все разнообразие побуждений к питанию, которые выходят за рамки физиологии. Свои знания о практике питания человек черпает в доступной ему культуре общества. Но и они формируют принудительность в приеме пищи. Именно о принудительности социальных отношений питания и пойдет речь в заявленном докладе.

РЫНОК КОНЬЯКА: КОНСТРУИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЦЕННОСТИ И ЦЕНЫ

Смелова А.А. (Санкт-Петербург)

Социальная практика потребления коньяка неразрывно связана с потреблением его как ценности. Выделяют как экономическую ценность продукта, так и социальную. В экономической социологии существует эволюция представлений о категории «ценность» продукта. Так согласно политэкономам ценность измеряется как рабочие часы, необходимые для производства продукта. Маржиналисты рассматривали ценность как предельную полезность, Г.Зиммель как дистанцию между актором и

желаемым объектом, а Т.Веблен как культурный сигнал на рынке, влияющий на спрос продукта [1]. Существует определенная связь между социальной ценностью продукта, его ценой и социальным статусом продукта на рынке. Продукты с высоким социальным статусом и низким социальным статусом есть результат определения и переопределения социальной ценности продукта на рынке. Это борьба включает не только потребителей, но и производителей, товарных критиков, профессиональные ассоциации и др. Рыночная цена является следствием существующей социальной структуры рынка, его институциональных правил, социальных сетей и конвенций, создающих общее, разделяемое представление о социальной ценности продукта. Другими словами, конструирование социальной ценности продукта происходит на рынке и является результатом создания новых смыслов потребления рыночными субъектами. А рынок выступает механизмом координации производства и распределения социальных ценностей продуктов. Алкогольный напиток коньяк получил свое название по имени города Коньяк, департамента Шаранта, Франция. Первоначально в XII в этот город приобрел свою значимость, благодаря монополии на соль. В XIII в. Жан Безземельный даровал городу автономию. Это событие имело решающее значение в истории Коньяка, т.к. оно способствовало возникновению класса независимых негоциантов. А в XVII в. город оказал сопротивление «Фронде принцев» и в вознаграждение за свою преданность получил поддержку Людовика IV, в частности, разрешение устраивать ярмарки четыре раза в год [2]. Существует несколько гипотез создания коньяка. Так, перегонка вина в крепкий напиток позволяла увеличивать срок годности продукта во время его транспортировки на дальние расстояния (через Атлантический океан в США). По другой версии, вино использовалось как новый вид сырья для производства крепких напитков (вместо зерна, которое тогда находилось под защитой государства как гарантированного обеспечения населения продовольствием). Наконец, виноградари Коньяка оказались неспособными конкурировать с другими производителями вина, имеющими близкий выход к морю и налоговые послабления. Вследствие чего вино Коньяка приходилось продавать за бесценок, либо перегонять в уксус и крепкие напитки. С середины XVII в. уважаемое лондонское общество поместило коньяк среди напитков, пользующихся особым расположением, наравне Бордо и Порто. А в XVIII в. коньяк получил всеобщее признание. Особую роль в его продвижении сыграли иностранцы из Англии и Северной

Европы (младшие сыновья дворян, оставшиеся без наследства, уволенные военные, потомки гугенотов, опасавшиеся королевских преследований и др.). Здесь они становились негоциантами, интегрировались в новую среду, принимая французское гражданство, и укрепляли свое социальное положение, заключая аристократические браки. Такова история легендарных коньячных домов «Хенnessи» и «Мартель». Торговые отношения с Англией, главным рынком сбыта коньяка, много раз подвергались различным испытаниям. Так, когда во время Французской революции и особенно Первой Французской империи была введена блокада, это отрицательным образом отразилось на торговле. Начала развиваться контрабанда, а захваченные британскими таможенниками грузы с коньяком впоследствии продавались на аукционах. Следствием блокады стало превращение коньяка в раритет и, соответственно, увеличение его стоимости. На протяжении XIX в. продажи коньяка на рынке увеличивались, но вместе с тем увеличивались и его подделки. Методом борьбы с подделками стало введение маркировки бочек путем выжигания на них раскаленным железом фамильных гербов. Так в 1856 г. в торговой палате г. Коньяк началась регистрация торговых марок и фирм, которых с тех пор насчитывается более 16 тыс. [3]. Еще одним методом стало производство коньяка в оригинальной стеклянной таре (например, Арди, Камю, Отар, Реми Марти, Хенnessи). Приблизительно в 70-е гг. XIX в. в Шаранте началась эпидемия филлоксеры, которая привела к уничтожению виноградников. Большинство виноградарей разорились и были вынуждены продавать все свои запасы выдержанного коньяка торговцем. Они, в свою очередь, использовали разнообразную гамму коньяков, оказавшуюся в их распоряжении, чтобы создавать новые марки коньяков, отличавшихся по вкусовым качествам от продукции конкурентов. Именно торговые дома занялись вопросом выдержки коньяка. В 1888 г. был создан Комитет Виноградства (сегодня Национальное Межпрофессиональное Бюро Cognac (BNIC)), занимающийся вопросом классификации коньяков и их ценообразования. Так, согласно законодательству, поступать в продажу может коньяк, выдержанный в дубовой бочке не менее 2 лет. Наиболее распространенные обозначения для выдержки коньяка: • «V.S. (Very Special) или *** (три звезды) – Счет 2: самый молодой о-де-ви в купаже имеет выдержку не менее двух лет. • V.S.O.P. (Very Superior Old Pale), Réserve – Счет 4: самый молодой о-де-ви в купаже имеет выдержку не менее четырех лет. • Napoléon, X.O, Hors d'âge – Счет 6:

самый молодой о-де-ви в купаже имеет выдержку не менее шести лет» [4]. Инновации в социальных практиках потребления коньяка являются когнитивными реконфигурациями существующих продуктов. Как правило, сначала они воспринимаются потребителями с высоким социальным статусом и используются как сигнал социального различия, а затем копируются потребителями с высоким социальным статусом в других странах. Французский коньяк всегда позиционировался как напиток для высших слоев населения. Большой спрос он имел при английском дворе, где, кстати, предпочитали употреблять светлый коньяк (например, Hennessy Pure White). Интересно, что для рынка США, учитывая традиционный спрос на алкоголь в бутылках черного цвета, с 2010 г. выпускают черный Хеннесси (Black Hennessy) (в среднем € 90 за бутылку) как модный напиток, употребляемый в клубах. Но лидером из зарубежных рынков сбыта является Китай, причем здесь отдают предпочтение темным коньякам с выдержкой (Napoleon, XO, Hogs d'âge), подчеркивающим хороший вкус и высокий социальный статус потребителя. Молодые и относительно недорогие коньяки не пользуются спросом. Несмотря на то, что французский коньяк рано открыл себе дорогу в Россию (Хеннесси 1819 г., Камю 1870 – гг., 1959г.), официальным поставщиком российского двора являлся ереванский коньячный завод «АрАрАт», после приватизации и вхождения части завода в 1998 г. в состав международной группы «Pernod Ricard», он носит название вино-водочного-коньячного «Ной», сегодня это официальный поставщик Кремля. Существует определенная культура потребления коньяка. Согласно распространенному мнению, коньяк – это крепкий напиток, который употребляют в чистом виде или в качестве дигестива после обеда или ужина. Однако, во Франции коньяк долгое время употреблялся как лекарство, общеукрепляющее средство в любое время суток. Во время Второй Мировой войны его подавали в кафе и закусочных под названием «fine a l'eau», т.е. разбавленным свежей или сельтерской водой. Затем коньяк стали подавать со льдом, и он превратился в аперитив, частично заменив виски. Напротив, в азиатских странах коньяк сильно разбавляется свежей водой и сопровождает всю трапезу [5]. Коньяк, как правило, подают к баранине, филе утки или лосося, устрицам и морским гребешкам, а также к десертам. Классические гастрономические пары – это коньяк с трюфелями в шоколаде, желе или с имбирными пряниками. Французы традиционно употребляют коньяк в сочетании с тремя «С» — это шоколад (фр. chocolat), кофе (фр. café) и сигара (фр. cigare). В России

ещё во времена Николая II сложилась традиция закусывать коньяк долькой лимона, посыпанного 50 / 50 сахаром и кофе. В Армении закуской к коньяку служат шоколадные конфеты с сухофруктами и сочные фрукты, особенно персик. Так культура потребления коньяка находит себе поддержку в виде уже сложившейся высокой кухни, через продукты питания, которым в обществе приписывается наибольшая социальная ценность. Символическую ценность коньяку придает также и социальный статус его владельца. На коньячных заводах широко распространена практика дарить коньячные бочки почетным посетителям в рамках официальных визитов: президентам, деятелям искусства и др. Однако, как правило, бочка не передается новому владельцу, а остается на заводе. С одной стороны, дальнейшее хранение коньяка увеличивает его срок и, значит, улучшает вкусовые качества напитка. С другой стороны, в будущем именная бочка может быть продана на аукционе, причем на аукцион выставляется не только коньяк, но и имя владельца. Следуя логике Ч.Смита [6], коньячные аукционы представляют собой коллективный процесс приписывания социальной ценности материальным благам. Таким образом, можно утверждать, что существует определенная связь между социальной ценностью продукта, его ценой и социальным статусом. Динамика изменений социальной ценности продуктов на рынке является отражением исторических тенденций в производстве стандартных, эксклюзивных и инновационных продуктов, категорий цены и качества, процедур брендинга и классификации, а также социальной дифференциации в обществе.

Литература

1. The Worth of Goods. Valuation and Pricing in the Economy/ edited by J.Beckert, P.Asper. NY.Oxford University Press, 2011.
2. Дело Ж. Коньяк. М.: Изд.дом «Ниола 21-й век», 2005.
3. Там же.
4. Bureau National Interprofessionnel du Cognac URL: <http://cognac.ru.com/> (дата обращения 1.10.2012).
5. Дело Ж. Коньяк. М.: Изд.дом «Ниола 21-й век», 2005.
6. Smith Ch. Auctions: The Social Construction of Value. University of California Press.1990.

ПРАВИЛЬНОЕ ПИТАНИЕ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА

Тарандо Е.Е. (Санкт-Петербург)

Преодоление системного социально-экономического кризиса в нашей стране предполагает не в последнюю очередь сохранение и развитие имеющегося трудового потенциала как отдельного человека, так и общества в целом. Важнейшим компонентом трудового потенциала выступает здоровье населения. Этот компонент является основой реализации всех других компонентов трудового потенциала (образование, профессионализм, активность и т.д.). Здоровье основывается не только на генетически обусловленном потенциале сил и возможностей человека, но и предполагает соответствующий образ жизни, наклонности, привычки, в том числе стили питания как потребления в пищу определенных продуктов. В прошлом существовали традиции питания, различающиеся в зависимости от общественных групп и классов. Рацион представителей того или иного класса составляли продукты, которые было принято употреблять в пищу именно представителями данного класса в силу традиций, на которые откладывали свой отпечаток представления о свойствах того или иного продукта, его сакральном происхождении, соответствии его общественным характеристикам и потребностям представителей того или иного класса, материальными возможностями данных представителей. В настоящее время в связи с развитием медицины сформировались научно обоснованные нормы правильного питания, которое призвано сохранить здоровье, а значит и работоспособность. Эти представления включают в себя не только перечень продуктов, которые следует употреблять в пищу в определенном количестве, но и предписания того, как часто нужно питаться, чтобы сохранить хорошее здоровье до глубокой старости. К сожалению, в современной России питание большинства населения не соответствует научно обоснованным нормам. Во-первых, треть населения страны находится за чертой бедности. Этой группе просто не по карману правильно питаться. Во-вторых, в нашей стране сформировалась индустрия быстрого питания, которая предлагает быстро и недорого перекусить, что отнюдь не означает правильности такого питания. Быстрота и доступность делают такое питание привлекательным для большого количества людей. В-третьих, правильное питание требует от людей дополнительных усилий, которые хотят осуществлять далеко не все. Поэтому одной из актуальнейших проблем современной России является проблема неправильного питания, решение которой видится не только в повышении уровня доходов малообеспеченных слоев населения, но и

в становлении соответствующей культуры питания через формирование соответствующих привычек и социальных навыков.

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ СТОЛОВАЯ ГЛАЗАМИ СТУДЕНТОВ

Хасаншина М.В. (Чита)

Пища – основа жизни человека. От того, как человек питается, зависит его здоровье, настроение, трудоспособность. И студенты тому не исключение, поэтому актуальность данной проблемы говорит сама за себя. Студенческая жизнь насыщена, разнообразна, и конечно же требует больших затрат сил и энергии. В связи с этим мы решили рассмотреть столовую университета с точки зрения самих студентов, и узнать соответствует ли она их предпочтениям и ожиданиям. За основу было взято социологическое исследование, проведенное в апреле 2012 года научно-методическим центром по работе с молодежью факультета социально-политических систем Забайкальского государственного университета. В опросе было задействовано столовые, работающие только на базе университета. В опросе приняли участие 1305 студентов, обучающихся на: первом курсе – 11,6%, втором курсе – 29,3%, третьем курсе – 40,5%, четвертом курсе – 10,6%, пятом курсе – 2,3%. Как и ожидалось, большинство студентов посещают университетскую столовую (47,7% - постоянно, 32,8% - иногда, 15,7% - изредка) и как минимум один раз в день – 80,8%. А это значит, что столовая университета пользуется популярностью в студенческой среде и имеет высокий уровень дохода. Решающими факторами при выборе блюд для студентов являются аппетит (35,5%), качество продукции (29,4%) и цена (23,4%). Вследствие чего было установлено, что большинство респондентов удовлетворены качеством блюд (68,6%), а причинами неудовлетворенности являются объем порций 34,3% и вкусовые качества 26,3%. Что же касается цены, то 53,6% опрошенных она не устраивает, вследствие чего студенты, обедая в университетской столовой, отдают предпочтение выпечке (сладкому), либо только первому или второму блюду. И таким образом, именно данных блюд не хватает, по мнению респондентов, в меню столовой. Что касается санитарно-гигиенического состояния столовой, то были отмечены незначительные недостатки (37,0%), но в целом, по мнению студентов, столовые содержатся на должном уровне (36,7%). Результаты опроса показали, что 72,6% респондентов нравится

интерьер столовой, а также 80,6% удовлетворены графиком работы. Но все же 52,7% иногда не хватает мест в столовой, что объясняется маленьким помещением (29,0%) и медленным обслуживанием (18,9%). Хотя у большинства посетителей не возникло претензий при оценке качества работы персонала студенческих столовых. Более половины считали, что персонал работает «хорошо», и лишь 4,9% с этим не согласились. В ходе исследования также была установлена степень участия профсоюзных комитетов в контроле за качеством работы студенческих столовых. Оказалось, что студенты данного университета не в достаточной мере осведомлены о деятельности профкома в данной области. Ответы на вопрос: Участвует ли профсоюзные комитеты университета в контроле за качеством работы студенческих столовых? – расположились следующим образом: 59,6% студентов ничего неизвестно, об участии профсоюзных комитетов в деятельности университетской столовой, а 14,9% вообще не видят в этом смысла. В процессе опроса было предложено высказать свои предложения и пожелания руководству студенческих столовых. 33,3% от общего числа опрошенных воспользовались такой возможностью, и результат таков: 1. Расширить ассортимент; 2. Процветания; 3. Снизить цены; 4. Увеличить порции; 5. Более вежливого и приветливого персонала. Таким образом, можно говорить о благоприятном отношении студентов к университетским столовым. А для улучшения их работы необходимо обратить внимание на следующее: 1. Пересмотреть ассортимент и цены на предлагаемые блюда, для увеличения спроса и удовлетворенности студентов; 2. Увеличить количество площади, а вследствие посадочных мест; 3. Обратить внимание на качество обслуживания; 4. Заинтересовать студентов деятельностью профсоюзных комитетов за проведения различных акций («третий кусочек пиццы бесплатно», «при покупке двух пирожков кофе в подарок», проведение конкурса по дизайну столовой и т.д.)

КАЧЕСТВЕННОЕ ПИТАНИЕ В ОБЩЕСТВЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ

Щепинова Н.А. (Жигулевск)

Одной из центральной категории качества жизни в России является проблема питания. Важность питания обуславливается не только экономическими факторами, но и образом жизни в современной России. В настоящее время мы живем в мире новейших технологий, когда для всех важную роль играют такие качества, как

мобильность, быстрота, компактность и наукоемкость. Проблема здорового питания стала важна особенно в настоящее время, так как изменился образ жизни современного человека, экология и качество потребляемой пищи. С питанием люди получают вещества формирующие ткани организма, регулирующие жизненные процессы, восполняющие энергетические затраты, необходимые для жизнедеятельности. Для обеспечения всех потребностей организма и сохранения здоровья человек должен получать пищу определенного качества и в нужном количестве. От правильного питания человека с первых месяцев жизни зависят его нормальный рост, развитие и здоровье. При нарушении питания могут возникнуть различные заболевания, в настоящее время постоянно увеличивается число людей имеющих гастрит, язву, авитаминоз и другие болезни. Однако множество людей из-за ряда факторов забывают о правильном питании и о здоровом образе жизни, что очень и очень печально. Из-за быстрого темпа жизни многие забыли, что такое настоящая вкусная домашняя еда, часто мы можем увидеть, что дети и взрослые предпочитают горячему супу растворимую лапшу из пакетов, домашним пирогам - гамбургеры и чизбургеры, а печенью - чипсы. А ведь неправильное питание может стать причиной серьезных заболеваний, например, гастритов, панкреатитов, язв или кожных заболеваний. Так было проведено исследование методом анкетирования. Объем выборки составил 100 человек. 50 человек было опрошено молодежи в возрасте от 18 до 30 лет (из них 25 мужчин, а остальные 25 человек являются женщинами) и 50 людей старших поколений после 30-ти лет (из них 25 мужчин, а остальные 25 человек являются женщинами). Социологическое исследование проходило в г.о. Тольятти. Анкета состояла из 31-ого вопроса. Обработка полученных данных производилась в компьютерной программе Microsoft Office Excel 2003. Итак, перейдем теперь непосредственно к интересным результатам, полученным в ходе социологического исследования. Начнем с субъективных характеристик участников опроса, которые приняли участие в нашем социологическом исследовании. Первое, что мы решили выяснить в данном блоке, это определение понятия качественного питания с точки зрения респондентов. В этом вопросе предполагалось выделить не более 5-ти вариантов ответов. Качественное питание, по мнению, большинства, а это 63% опрошенных, не содержит химических добавок. На второй позиции «качественное питание соответствует сроку годности» (56 %), на третьей позиции «качественное питание содержит витамины: большой объем овощей, фруктов и ягод». Далее

расположились вкус (36 %), разнообразие (35 %) ,«овощи, фрукты, выращенные на собственном огороде» (35%), оптимальное соотношение белков, жиров и углеводов (34%), хорошо усваиваемые организмом продукты питания (31%). Меньше всего респонденты отметили под определением качественного питания такие пункты, как «включает молочные продукты» (23%), «не содержит холестерин» (16%), раздельное питание (10 %), калорийное (8 %), диетическое питание и «не содержит большое количество сахара в продукте» (по 5 %) и «включает продукты из дорогих магазинов» (2 %). Что касается различия между питанием молодежи и людей старшего поколения различия наблюдается. Этому есть подтверждение – расчет коэффициента Спирмена. Между женщинами 2-х групп молодого и старшего поколения прослеживаются расхождения в определении понятия качественного питания (где оказалось, что $r > \alpha$, $3,48 > 1,64$). 72% женщин 18-30 лет указали, что для них качественное питание – это питание, содержащее витамины: большой объем овощей, фруктов и ягод. Далее располагаются «не содержит химических добавок» (64%), «соответствует сроку годности» (44%) ,включает оптимальное соотношение белков, жиров и углеводов (44%). А у женщин старше 30 лет располагаются в первую очередь такие пункты, как качественное питание – это «не содержит химических добавок» (72 %), «соответствует сроку годности» (52%) и включает оптимальное соотношение белков, жиров и углеводов (44%). Между мужчинами 18-30 лет и мужчинами старше 30 лет также существуют различия. Коэффициент Спирмена тому объяснение ($r > \alpha$, $3,3 > 1,64$). Мужчины первой группы под определением качественного питания указывают такие критерии, как соответствие сроку годности» (68%), отсутствие химических добавок» (60%), вкусность (52%), содержание витаминов: большой объем овощей, фруктов и ягод (48%), питание, включающее овощи, фрукты, выращенные на собственном огороде (40%). Мужчины 18-30 лет выделяют такие тезисы в понятии качественного питания: «не содержит химических добавок» (64%), «соответствует сроку годности» (60%), «вкусное, разнообразное, содержащее витамины: большой объем овощей, фруктов и ягод» (40%), «овощи, фрукты, выращенные на собственном огороде» (36%), «хорошо усваиваемые организмом продукты питания» (36%) и «включает молочные продукты» (28%). Таким образом, можно сделать вывод, основанный на результатах данного социологического исследования, что разница в определении понятия качественного питания между молодежью и людьми более старшего поколения

существует. Но, что самое интересное, мужчины подразумевают в качестве питания такой показатель, как вкусность, он у них занимает третью позицию, а вот женщины на третье место ставят оптимальное соотношение белков, жиров и углеводов. Такой пункт, как оптимальное соотношение белков, жиров и углеводов, стоит у мужчин 18-30 и старше 30 лет на седьмом месте (у мужчин 18-30 лет -32%, а мужчин старше 30 лет -16%). Далее, приступим к рассмотрению вопроса о режиме питания. Большинство опрошенных ответили, что самый качественный режим питания является трехразовый. Так ответили 49% респондентов. Второе место по качеству режима питания занимает питание более трех раз в день (29%), следующую позицию занимает неограниченное питание (когда хочу, тогда и питаюсь), (13%), и, наконец, четвертое-это питание 2 раза в день (9%). Женщины старше 30 лет - это 44% ответили, что самый качественный режим является питание более трех раз в день, когда 48% женщин той же возрастной группы отметили наиболее благоприятным трехразовое питание. Немалый процент, а это 36% респондентов мужчин старше 30 лет отметили наиболее качественное питание – питание более трех раз в день. У женщины 18-30 лет расположились так места: трехразовое (52%), питание более трех раз в день (20%), питание 2 раза в день (20%) и неограниченное питание (13%). Мужчины также указали, что качественный режим питания есть трехразовое питание (48%), неограниченное питание (24%), питание более трех раз в день (16%), питание 2 раза в день (12%). Субъективные характеристики позволили в рамках данного социологического исследования оценить качество питания респондентов с точки их зрения. Использовалась пятибалльная шкала, «5» высший балл, «1» низший балл, «0» затрудняюсь ответить. Для обработки полученных данных использовались индексы, метод Стефенсона. Данный индекс в 2,91 показал, что большинство респондентов оценивают свое качество питания как удовлетворительное. Самыми уверенными в своем питании оказались мужчины в возрасте 18-30 лет, их индекс составил 3,32. Оценка потребляемых продуктов питания у мужчин старше 30 лет явилась самой заниженной по сравнению с остальными возрастными группами, их индекс составил 2,76. Женщины 18-30 лет оценили свое питание в 3,2, а женщины старше 30 лет – 3,16. Итак, подводя итог вышеизложенному, можно с уверенностью сказать, что качество питания со слов респондентов оценивается как удовлетворительное. Также респондентам в анкете предлагалось ответить на вопрос: «Можете ли вы назвать свое питание здоровым

(полезным для здоровья)?» 45% опрошенных ответили, что скорее не могут назвать свое питание здоровым, 34% отметили, что скорее могут назвать свое питание полезным для здоровья. Остальные выбрали такие варианты ответа, как 15% «да» полезное, и 6% «нет» нездоровое питание. Индекс, в общем, оставил 2,58, что свидетельствует о разделении людей на «скорее, да» и «скорее, нет» или здоровое питание и не очень полезное для здоровья. Люди не смогли дать ясного утвердительного ответа, является ли их питание полезным или нет, они использовали такое наречие, как «скорее». Удивили женщины 18-30 лет, 76% опрошенных ответили, что скорее не могут назвать свое питание полезным для здоровья. У них самый низкий индекс 2,28, а значит самая заниженная оценка о здоровом питании. Индексы расположились таким образом: 2,68 –мужчины 18-30 лет, 2,88 –женщины старше 30 лет и 2,48-мужчины старше 30 лет. Из этих результатов следует, что женщины более старшего поколения склонны оценивать свое питание ближе к здоровому, а точнее полезному для своего здоровья. Интерес к качеству питания подтверждается результатами данного социологического исследования. 41% респондентов ответили с полной уверенностью, что им актуальна проблема питания. 45% опрошенных отметили, что им скорее интересна проблема качественного питания. Только 4%-м не интересна совсем эта проблематика. 10% выбрали такой вариант ответа: « Мне, скорее не интересна проблема качественного питания». Все-таки интерес к питанию проявляют по большей части женщины. На вопрос : «Вам интересна проблема качественного питания?»,- предлагались такие варианты ответа: интересна, скорее интересна, скорее, не интересна, не интересна. Женщины старше 30 лет, а это 56% утверждают с полной уверенностью, что им интересна проблема качества питания, а 68 женщин 18-30 лет ответили, что им скорее интересна проблема качества питания. Тогда как 32% мужчин в возрасте 18-30 лет интересуется проблемой питания и 44% скорее, интересна данная тема. А вот мужчины старше 30 лет проявляют не меньшую заинтересованность, вариант «да» выбрали 52%, а «скорее, да» -32%. Интерес к качеству питания, несомненно, существует. Свидетельство этому полученные результаты. Актуальность данной проблемы подтверждается. Осведомленность своего питания респонденты оценили как удовлетворительно (41% опрошенных). Оценка производилась с помощью пятибалльной шкалы от «5-высший балл» до «1-низший балл», «0»-затрудняюсь ответить. Участники опроса по большей части получают информацию об индустрии питания по телевидению. Так ответили 69% опрошенных.

На втором месте у респондентов располагается Интернет как источник ценной информации (39%). 30% ответивших получают сведения из журналов, 23% - по слухам, 22% - от врачей, специалистов и только 5% узнает о качестве пищи по радио. Мужчины в возрасте старше 30 лет, а это 4% выделяют источник значимой информации в лице своих супругов. У молодежи не малую роль играет в данном вопросе Интернет как источник различных сведений. 52% женщин 18-30 лет и 60% мужчин 18-30 лет выделили Интернет как источник информации. А вот у мужчин и женщин старшего поколения Интернет занимает отнюдь не лидирующую позицию, 28% мужчин старше 30 лет и 16% женщин этого же возраста отмечают Интернет как накопитель и источник информации. Женщины старше 30 лет на первое место выделяют телевидение (84%), следующее место занимают журналы (52%). Такое же расположение позиций в этом вопросе у мужчин старше 30 лет. 80% мужчин данной возрастной группы указали телевидение, 36% мужчин старше 30 лет отметили журналы. Далее, в нашем инструментарии предполагается переход к ценностным аспектам проблемы качественного питания. Мы попытались выяснить, для чего человеку необходимо питаться качественно и в чем заключается ценность питания. Данные аспекты в этом блоке очень важны, так как именно они составляют мотивы человека для качественного питания, именно ценности руководят действиями людьми. Необходимость питания обуславливается, по мнению большинства, (а это 77% респондентов) желанием сохранить здоровье. 29% респондентов ответили, что качественному питанию нужно соответствовать для того, чтобы быть в хорошей физической форме и осуществлять профилактику ряда заболеваний. При этом 36% мужчин 18-30 лет и 48% мужчин старше 30 лет обуславливают необходимость питания в хорошей физической форме. Тогда как только 8% женщин 18-30 лет и 24% женщин более старшего возраста связывают важность питания с хорошей физической формой. Ценность качественного питания заключается в здоровье. Здоровье как вариант ответа в вопросе о ценности качественного питания выбрали 94% участника данного социологического опроса. Разницы в возрастных группах в этом вопросе не наблюдается. Итак, по итогам двух вышеупомянутых результатов, напрашивается вывод о том, что ценности здоровья преобладают, они весомо значимы для человека в выборе той или иной продукции питания. Здоровье является символом качественного питания. Здоровье как ценностный аспект деятельности мы выделили. Но также в данной курсовой работе мы

еще прослеживаем понятие моды в проблеме качественного питания. Ведь мода является таким влиятельным фактором в качестве питания! Мы решили задать вопрос респондентам и поинтересоваться, что же такое мода в питании с точки зрения людей. В вопросе в определения понятия моды можно было выделить не более 3-х вариантов ответа, использовалась номинальная шкала. Явного лидера, а точнее точного определения моды с точки зрения опрошенных мы не нашли. 42% людей связывают моды с полезностью, 38% - с популярными брендами, 17% - с безопасностью, 15% - с принадлежностью к определенным группам, 11% - с доступностью. 52 % женщин 18-30 лет понимают модой полезность, 64% мужчин 18-30 лет – популярные бренды. А вот старшее поколение ответило следующим образом. Для 52% женщин старше 30 лет мода – это полезность, а для 52% мужчин той же возрастной категории - это популярные бренды. Таким образом, мужчины понимают под модой популярные бренды, а вот женщины связывают понятие моды с полезностью. Также участникам опроса предлагать выделить самые модные по их мнению продукты питания. Самый модный продукт – это суши, блюда японской кухни (39% опрошенных). Расположились следующие позиции по модности продуктов питания так: морепродукты (32%), натуральные соки (не содержащие химических добавок), (26%), питьевые йогурты (23%), икра (22%); чизбургеры, гамбургеры, хотдоги (22%); «органические продукты» (17%), алкоголь: бренди, коньяк, импортное пиво (15%); зерновое кофе (12%), сухарики, чипсы (12%), алкогольные коктейли (12%). Интересен тот факт, что женщины связывают моду в большинстве своем с полезностью. Однако, вариант ответа «органический продукт» в вопросе о модности продуктов питания выбрали только 16% женщин 18-30 лет и более старшего возраста. А ведь органический продукт всегда ассоциируется с полезностью, он свободен от пестицидов, фунгицидов, при его производстве не используются химические удобрения, химические добавки, гормоны и консерванты. Мужчины 18-30 лет считают самым модным продуктом питания, как уже говорилось выше, суши или блюда японской кухни (32%). Но на втором месте у них по модности располагаются бренди, коньяк, импортное пиво (28%). У женщин и мужчин старше 30 лет бренди, коньяк и импортное пиво занимает отнюдь не лидирующую позицию (8-12%). В блоке ценностных аспектов деятельности мы решили выявить количество и виды направлений в питании у человека. Респонденты разделились на приверженцев здорового питания (41%) и людей, которые вообще

никакого стиля в питании не придерживаются (42%). Молодежь в основном не является приверженцами какого-либо направления в питания (мужчины 18-30 лет -52%, женщины 18-30 лет -56%). Здоровое питания у молодежи занимает по количеству второе место (мужчины 18-30 лет-24%, женщины 18-30 лет-36%). Но с возрастом ситуация меняется наоборот. У женщин старше 30 лет 52% опрошенных отмечают, что да, являются приверженцами здорового питания, 24% женщин не придерживаются каких-либо стандартов и стилей в питании. Мужчины старше 30 лет отметили такую же тенденцию, 52% из них – приверженцы здорового питания, другие 36%-не имеют определенного стиля в питании. Завершив, анализ результатов блока ценностных аспектов деятельности, перейдем к объективным характеристикам участников опроса. К объективным характеристикам в проблеме питания относится сама ее структура. В анкете задавался вопрос: «Какие продукты питания Вы употребляете каждый день?». Данный вопрос позволяет выяснить, какие же продукты являются самыми потребляемыми. Результаты оказались таковыми. Самым потребляемым продуктам стали хлебобулочные изделия (72% опрошенных). На втором месте по употреблению стоят овощи (47%). На третьем месте - мясо (говядина, свинина, птица),(38%). Далее, молоко и молочные продукты (37%), картофель (36%), сахар и кондитерские изделия (34%), крупы (28%). Мужчины выделяют мясо как ежедневный потребляемый продукт по сравнению с женщинами. Это можно наблюдать статистически. Возьмем и сравним молодежь. Мужчины 18-30 лет потребляют каждый день такие продукты питания: хлебобулочные изделия (72%), овощи (44%),мясо (40%). А у женщин такова ситуация: хлебобулочные изделия (52%), молоко и молочные продукты (48%), картофель (48%). Кроме структуры питания, в анкете рассматривается положение о магазинах, т.е. в каких магазинах люди в основном покупают продукты питания. Оказалось опять-таки, что люди разделились, кто просто ходит в привычные продуктовые магазины (51% опрошенных) и кто покупает еду в гипермаркетах, супермаркетах и универмагах (41% опрошенных). Молодежь в большинстве , что мужчины и женщины, покупают продукты питания в гипермаркетах(женщины-18-30 лет-52%, мужчины 18-30 лет -48%). А вот люди старшего поколения посещают привычные давно знакомые нам продуктовые магазины (мужчины -52%, женщины-68%). Далее, мы решили объективно установить, что с точки зрения респондентов им необходимо для улучшения их качества питания. У нас была предположена гипотеза, что для

улучшения качества людям нужно повысить расходы на питания. Наша гипотеза полностью себя не оправдала. 37% респондентов утверждают, что для улучшения качества питания им необходимо увеличить потребление натуральных продуктов, не содержащих химических добавок. И 30% отметили, что для улучшения качества пищи им нужно повысить расходы на питание. 25% -м необходимо повысить дисциплинированность, 21% опрошенным - сбалансировать калорийность и 13% -повысить расходы на питание. Респонденты отметили, что натуральный продукт – это качественный продукт, его необходимо внедрять в наш российский рацион. Но по итогам исследования выяснилось, что он не является столь модным продуктом по сравнению с другими, его выделили лишь 17% респондентов. Даже если моду оценивать в данном ключе как полезность или популярность брендов. Молодежи для улучшения своего питания необходимо повысить дисциплинированность (женщины 18-30 лет -32%, мужчины 18-30 лет-36%). Женщины в большинстве также выделяют критерий натуральности продукта как причину улучшения качества (32% женщин 18-30 лет). А вот женщины старше обеспокоены своим материальным положением (48% женщин старше 30 лет), они за повышение расходов на питание. У мужчин «картина» следующая: 44%- за натуральность продукта в своем рационе, 40%-за повышение расходов на питание. Люди отмечают разные денежные цифры, которые им необходимы для качественного питания. 31% респондентам достаточно будет 6-8 тыс. руб. для качественного питания, 23%-м опрошенных- 4-6 тыс. руб., 15%- 2-4 тыс. руб., 14% -8-10 тыс. руб. и 13%- 10-12 тыс. руб. В данном отчете мы решили провести такой эксперимент в массиве и сделать некий такой результат. В массиве отметили в программе Microsoft Office Excel 2007 людей, кто выбрал вариант ответа №3, т.е. 6-8 тыс.руб. И выделили их доходы. Потом мы рассчитали среднее по среднедушевому доходу, он оказался размером 9281 руб. Всего получилось 17 человек, кто выбрал вариант ответа №3 и указал среднедушевой доход. И если сравнить даже 6 тыс. руб. и 9.000 тыс. руб. То у 17-ти людей останется всего 3000 тыс. рублей на остальные нужды. Такая оставшаяся сумма очень мала для удовлетворения других не менее важных потребностей: оплата за обучения, проезд, необходимая одежда со сменой сезона, оплата ЖКУ и т.п. 6-8 тыс. руб. очень ощутимая цифра для качественного питания, если величина прожиточного минимума для трудоспособного населения составляет 7,3 тыс. руб. Заработная плата, несомненно, влияет на уровень питания людей. Человек не сможет позволить купить «себе

покушать», если у него нет денег. Деньги – значимый фактор для качественного питания. И размер заработной платы у наших респондентов оказался следующим: 33% из 100% человек имеют зарплату в размере 6-10 тыс. руб., 22% опрошенных - до 5 тыс. руб., 21% - 11-15 тыс. руб., 11% - 16-20 тыс. руб., 5% - 21-25 тыс. руб., 26-30 тыс. руб. - 5% и, наконец, зарплату свыше 30 тыс. руб. получают 2% респондентов. Зарплаты близки, в целом, (если брать большинство) по размеру близки к прожиточному минимуму 6 505 руб. Но сами респонденты, а это 31% (опрошенных) отмечают, что для благоприятного питания им необходимо 6-8 тыс. руб. Тут наблюдается некое противоречие. Среднее арифметическое среднедушевого дохода составляет 9108 тыс. руб. Прожиточный минимум в целом по России за II квартал 2011 года на душу населения составит 6 505 руб., для трудоспособного населения - 7 023 руб. То есть наш полученное среднее арифметическое среднедушевого дохода превышает прожиточный минимум. Но вопрос остается в том, какие же продукты относятся к качественным для организма человека предстоит еще выяснить, какая сумма денег необходима для здорового, натурального и вкусного питания, и является ли наша потребительская корзина по истине благоприятной для человека по многим критериям: вкус, разнообразие, полезность, ценность и т.п. Но пока мы исследовали в рамках данной курсовой работы признаки, которыми должен обладать продукт при его покупке. По мнению участников опроса, продукты питания обязаны соответствовать следующим характеристикам: вкус (53%), натуральность продукта (43%), ценность (содержание витаминов в продукте питания), (36%), отсутствие химических добавок (30%), привычность для семьи (26%), марка производителя (23%), сытность (23%). Данный вопрос относится к блоку установок на качественное питание. Рассмотрев установки на качественное питание, перейдем к блоку оценок на качественное питание. В данном блоке были заданы вопросы респондентам о доступности качества и безопасности российских продуктов питания, случаях, произошедших с участниками опроса, с некачественным питанием, о времени на поиск именно качественной еды. 50% опрошенных утверждают, что им скорее доступны качественные продукты питания. 32% респондентов отмечают, что скорее качественные продукты не присутствуют в их рационе. 14% участников опроса заявили, что качественная продукция существует и она в массовом пользовании у российских граждан. Остальные же 4% людей ответили, что не могут открыть себе доступ к качественной пище. Так же, как уже говорилось, в

анкете был вопрос о безопасности российских продуктов питания. Результаты получились такими: скорее, безопасны российские продукты питания- 52%, скорее, не безопасны – 27%, безопасны полностью – 14%, не безопасны – 7%. Индекс 2,73 (4- высший балл, «Да».....1-низший балл, «Нет») показал, что респонденты больше склоняются к безопасности российских продуктов питания, но этот противовес не сильно пока перевешивает. Также респондентам мы решили задать вопрос, приходилось ли им приобретать некачественные продукты питания. Оказалось, что целых 88% опрошенных сталкивались с проблемой некачественного питания. Результат поражает цифрой. И только у 12% участников опроса не случались ситуации с приобретением продукта, несоответствующего нормам качества. После данного вопроса, респонденты (88%) отмечали, именно какими некачественными характеристиками обладал купленный продукт. Так, 73% -м опрошенных приходилось покупать продукт питания с истекшим сроком годности. 22% респондента потребляли продукт, который не соответствовал санитарно-гигиеническим нормам. Другие 18% участников опроса указали случаи, когда в продукте питания присутствовали посторонние не продуктовые предметы. Блок оценок также содержит вопрос о времени на поиск качественных продуктов питания. Результат показал такую статистику. 44% респондентам достаточно времени на поиск качественных продуктов питания, 39% - мало времени на поиск качественных продуктов питания, 17% - совсем не достаточно времени на такой вид деятельности. Итак, мы вывели полученные данные и проанализировали их в блоках. Блоки пока мы рассматривали в отчете по отдельности. Теперь мы их проанализируем во взаимодействии. Проблема питания несовершеннолетних детей в семье беспокоит каждого нормального родителя, заботящегося о своем ребенке. Так, мы сделали задачу в данной курсовой, показать результаты опроса, как семьи с несовершеннолетними, так и семьи без наличия несовершеннолетних детей. Тем более что количество респондентов поделилось пополам, кто имеет несовершеннолетних детей и кто живет без них. Семьи с несовершеннолетними детьми, оценили свое качество индексом размером 3. А вот у людей не имеющих несовершеннолетних детей в семье индекс составил 3,22. Оценка осуществлялась с помощью пятибалльной шкалы, где «5» - высший балл качества питания, «1» - низший, «0» - затрудняюсь ответить. Был осуществлен анализ вопроса №4 в анкете, где предлагалось респондентам ответить, могут ли они назвать свое питание здоровым, полезным для здоровья.

Расположились позиции следующим образом. Семьи с несовершеннолетними: 46% считают, что скорее их питание не здоровое, 38% опрошенных ответили, что скорее рацион у них полезный для здоровья, у 8% - здоровое питание и 8% - считают питание свое совсем не полезное для здоровья. А вот ситуация с семьями без совершеннолетних детей немного другая. 22% опрошенных, считают свое питание полностью здоровым, 44 % - скорее нездоровое питание, 30% - скорее здоровое питание и 4% - нездоровое питание. Мы сравнили индексы, от «4» – да здоровое питание...до «1»-не здоровое питание. Индекс у семей с несовершеннолетними оказался 2,44, а у другой группы он составил 2,7, т.е. семьи без совершеннолетних детей оценивают свое питание более здоровым. Далее, мы решили сравнить, как две эти группы - семей выбирают, а точнее, чем руководствуются при покупке продуктов питания. Семьи с совершеннолетними детьми ориентируются больше на такие характеристики продукта, нежели семьи без совершеннолетних детей: вкусность (58% против 48%), ценность(44% против 28%), (содержание витаминов в продукте питания), привычность для семьи (34% против 24%). Семьи без несовершеннолетних смотрят на такие качества пищи как сытность (28% против 18%), натуральность (48% против 38%). Высшее образование также влияет на осведомленность человека какой-либо проблемы, в нашем случае эта проблема называется качественное питание. В нашем исследовании получились очень интересные результаты. Получилось, что люди без высшего образования (62% респондентов) оценили при помощи пятибалльной шкалы свою осведомленность индексом в 2,5. У людей с высшим образованием (38% респондентов) индекс составил 3,42. Таким образом, осуществив наше социологическое исследование, можно прийти к таким выводам. Качественное питание – питание, не содержащее химических добавок, соответствующее сроку годности и содержащее витамины: большой объем овощей, фруктов и ягод. Трехразовое питание является самым оптимальным. Качественное питание всегда ассоциируется с желанием сохранить здоровье, а в общем со здоровьем, не только с желанием. Также, было выяснено, что мода существует в питании. Только каждый понимает ее по своему, женщины в основном определяют ее понятием полезности, а мужчины с популярностью брендов. Самый модный продукт в настоящее время являются суши, блюда японской кухни. И мы сами это понимаем по численности японских ресторанов и предлагаемых японских продуктов. Люди ,по большей части, все равно

ориентируются на вкус, как бы они не отвечали на вопросы о здоровой пище, здоровом стиле. Итак, проблема качества является актуальной, это подтверждается результатом исследования, тем более, что люди очень часто встречаются с некачественными продуктами. 88% людей, принимающих участие в исследовании, сталкивались с такой проблемой как некачество. Это очень большая цифра. Ведь пища – это необходимость для человека, базовая потребность, она сильно влияет на самочувствие всего организма! С такими случаями нужно бороться, принимать меры, используя законодательство, пропаганду и т.д. В дополнении, с целью анализа индустрии питания был сделан контент-анализ кулинарных передач. Всего было просмотрено 15 самых популярных и новых кулинарных передач 2011 г. такие, как «Ешь и худей», «Кулинарный поединок», «Барышня и кулинар», «СМАК», «Едим дома с Юлией Высоцкой» и многие другие. Разнообразие приготовленных блюд, конечно, поражает воображение телезрителя. Телезритель смотрит и перенимает то, какая еда сейчас наиболее популярна и на него оказывается некое воздействие, кулинарные передачи задают направления в приготовления пищи. Так, просмотренные кулинарные передачи показали, что наиболее актуальны и модны такие блюда, как ризотто, свинина с различными добавками, блюда из морепродуктов и рыбы или рыбопродуктов. Самыми потребляемыми продуктами стали рыба, рыбопродукты, а точнее консервированная рыба, морепродукты, рис, баклажаны и мясо: свинина или курица. Несомненно, то что готовят на телевизионных передачах это вкусно, полезно и, естественно, качественно. Но что достается обычному человеку к столу, не знающему, как отличить качественное от некачественного, полезное от бесполезного? Ответ прост. Человеку достается, как правило, не то, что он желает получить для своего здоровья. К этому высказыванию есть точное подтверждение. В программе «Среда обитания» на «Первом канале» была посвящена тема о питании рыбой, рыбопродуктами, морепродуктами и мясом. В ней говорилось, что качество вышеупомянутых продуктов крайне не благоприятное. Например, «осетр залежался на полке магазина, позеленел, от тушки неприятный запах. Его убирают с витрины, режут ломтиками и закатывают в вакуумную упаковку. И делают специальную цену», «тухлая рыба мгновенно превращается в свежее пойманную» при помощи современных технологий, «скумбрия покрылась плесенью,.... вручают подсолнечное масло, задача –освежить протухшую рыбку». «Сырая рыба, чаще всего мы едим ее в

японских ресторанах – это модно, вкусно и совершенно безопасно, в этом уверены многие. Распространенный миф, что васаби и имбирь, которые подают к рыбе убивают всех микробов и паразитов.» Все данные примеры в программе «Среда обитания» проводились экспериментально в магазинах, рынках или в лабораториях. Рыбный или мясной бизнес очень выгоден предпринимателем, в рыбе или мясе есть различные уловки для прибыли, тем более, что рыба и мясо отнюдь не дешевые продукты. Главная задача продуктовых предпринимателей – это получение выгоды. Они применяют множество способов, чтобы продать свой не очень качественный продукт. А наша цель – лавировать среди недоброкачественных продуктов. Так, что смотря кулинарные передачи, задающие моду на определенные продукты, прививающие телезрителю вкус и пропагандирующие в основном здоровое питание, нужно быть внимательнее. «Не все то – золото, что блестит». Ведь наши магазины далеки от идеала, да и самому человеку подчас очень трудно разобраться в качестве того или иного продукта, не все же являются экспертами в питании. Помимо приготовления пищи в кулинарных передачах рекламировали различные продукты. Это и чай «TESS», «AKBAR», и бульоны KNORR, и растительное и рафинированное масло ACEITE DE OLIVE, и молочная продукция «Parmalat», и норвежские продукты «NORGE» и т.п. Мы решили выявить, доступны ли по цене вышеупомянутые продукты питания человеку основной массе населения и проанализировать их качество с помощью форума www.irecommend.ru, где располагаются цены и отзывы покупателей о том или ином продукте. Так, чай «TESS» имеет доступную цену по сравнению с другими чаями, его стоимость составляет 45 рублей, а другие чаи, как «Сенча» или «Чун МИ» стоят 100 руб. Другой рекламируемый чай «AKBAR» также можно считать доступным, его стоимость составляет 53 руб. На сайте «Отзывы покупателей» было отмечено, что чай «AKBAR» «по цене не дороже остальных – упаковка около 50 рублей стоит. Хотя и пью чай редко (утром в основном растворимый кофе спасает), но этот ...нравится, родители тоже любят». Н

Секция 12. Проблемы социологии глазами студентов

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Антонов А.А., Пашин Л.А., Проказина Н.В. (Орел)

С социологической точки зрения, если мы хотим понять поведение избирателей, мы должны понять, как они живут, в каких обстоятельствах, какова структура этих конкретно социальных обстоятельств, определяющих выбор их осознанного действия. Социальные условия имеют политические последствия, потому что они влияют на вероятность социального взаимодействия внутри групп и за их пределами, воздействуя на общий поток социальной информации, связанной с политикой. Источники информирования влияют и на уровень информирования потенциальных избирателей о деятельности органов власти. Социальные условия и характеристики важны не только потому, что прямо и неизбежно переходят в набор интересов и сопутствующих предпочтений, но и потому, что они определяют место индивида в социальной структуре и таким образом влияют на открытость политической информации. С позиции социально-психологического подхода существует устойчивое взаимовлияние институтов политического представительства и политических ориентаций граждан. Граждане получают достаточно большой объем информации о политических событиях, но при этом имеют очень ограниченные временные возможности для их анализа. Тем не менее, большинство избирателей имеют устойчивую схему сортировки, оценки и интерпретации новой информации. При этом лишь некоторые граждане обладают устойчивыми, целостными, непротиворечивыми идеологическими воззрениями и используют их для анализа политических процессов. Большинство же оценивает изменяющуюся политическую ситуацию через призму лояльности к определенной партии, или политическим лидерам. Партийная, политическая идентификация создает некое «сито», с помощью которого индивид пытается просеять происходящие политические события и выяснить, что наиболее соответствует его скрытым предпочтениям и ориентациям. Чем более устойчива идентификация с партией, тем более очевиден принцип этого выбора. Очевидно, что положительные идеи преобладают, и именно они могут стать основной идеологической установкой в условиях электоральной ситуации. Объектом, с которым избиратели солидаризируются, выступает партия, склонность к поддержке которой вырабатывается у индивида в процессе ранней

социализации. Главным агентом формирования политической идентификации является семья, где происходит процесс ранней социализации и формируется партийная лояльность. В этом случае влияние социальных параметров на политические предпочтения граждан не отрицается, однако оно опосредуется фактором партийной идентификации. Таким образом, партийная идентификация – это устойчивая установка в отношении к определенной политической партии, которая непосредственно влияет на электоральное поведение индивида. Рационально-инструменталистский подход к моделированию электорального поведения основан на установке, что «каждый гражданин голосует за ту партию, которая, по его мнению, предоставит ему больше выгод, чем любая другая». В результате, существует довольно сильная корреляция между положением в экономике и результатами выборов, что не означает, что люди понимают в экономике больше чем в политике. Изначально при голосовании избиратель исходит из того, что именно правительство несет ответственность за состояние экономики и если жилось хорошо – голосуй за действующую политическую элиту, если плохо – за оппозицию. В рамках теории рационального выбора избирателя следует учитывать и модель «перспективного голосования» в зависимости от набора конкретных проблем и предложений политических сил по их разрешению. В результате важным представляется выделение двух осей голосования: ретроспективное – перспективное; эгоцентрическое – социотропное. Ретроспективное голосование – когда избиратель, в основном оглядываясь назад, оценивает прошлую работу политической элиты/кандидата/партии; перспективное – когда избиратель голосует в ожидании улучшения, которое «обещано» политической элитой/кандидатом/партией в ближайшем будущем, в случае, если они будут избраны на новый срок. Эгоцентрическое голосование – когда выбор избирателя основывается на оценке собственного экономического положения; социотропное – когда выбор избирателя основывается на оценке экономического положения страны и функционирования экономики в целом. Таким образом, на электоральное поведение граждан влияют многочисленные факторы. Проведенный анализ электоральной ситуации в г. Орле характеризует ее сложность, многоаспектность, вариативность. Однако, основные электоральные предпочтения населения сформированы и именно они должны выступать условием для организации предвыборной кампании. Основным мотивом уклонения от участия в политической жизни (участия в выборах)

является уверенность в бесполезности такого участия. Поэтому стратегической задачей выступает повышение доверия к выборам, к политической системе, к кандидатам и политическим партиям и общественным движениям. Анализируя вовлеченность потенциальных избирателей Орловской области в политические процессы целесообразно рассмотреть типологию политического участия. Одним из разработчиков данной типологии является У. Милбрайт. Анализ политической активности потенциальных избирателей Орловской области свидетельствует о ее невысоком уровне развития. Причины абсентеизма потенциальных избирателей Орловской области многообразны. К основным из них относятся: - неведение граждан в эффективность политических институтов; - ощущение невозможности хоть как-то повлиять на процесс выработки и принятия решений («от меня ничего не зависит», «все уже решено»; - борьба за ситуативное удовлетворение интересов; - высокая степень удовлетворенности личных интересов, способность личности самостоятельно справляться со своими проблемами, частным образом отстаивать свои интересы может порождать ощущение ненужности политики; - (наоборот) угроза собственным интересам со стороны более могущественных групп порождает необходимость обратиться к политике как средству отстаивания и защиты своих интересов; - отсутствие представлений о связи политики и частной жизни; - низкий уровень развития политической культуры. В целом, избиратели оценивают свой уровень избирательной культуры как средний. Около половины избирателей занимается тем, что повышает свой уровень правовой и избирательной культуры. Такая же часть не совершенствует уровень правовой и избирательной культуры. Следовательно, целесообразно осуществлять системную деятельность с различными социальными группами по формированию и развитию избирательной и правовой культуры избирателей Орловской области. Основными формами повышения избирательной культуры респонденты называют СМИ (41,2%), и самообразование (40,5%). Следовательно, с целью повышения избирательной культуры граждан необходимо использовать именно СМИ посредством трансляции социальной рекламы, познавательных и просветительских программ и передач.

Литература

1. Проказина Н. В. Социологические подходы к списанию электоральной ситуации в Орле. Выборы в законодательный органы федерации и регионов: специфика, организация, прогнозы.

Материалы «круглого стола» 21 июня 2011 г. / Под ред. В. Ф. Ницевича, Д. Л. Цыбакова. Орел: издательство ОРАГС, 2011. С. 58 – 64.

2. Проказина Н.В. Особенности электорального поведения жителей Орловской области // Среднерусский вестник общественных наук. 2012. № 2. С. 63 – 69.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ БЮРОКРАТИИ

Антонова П.Л. (Орел)

Там, где великие мудрецы имеют власть, подданные не замечают их существования. Там, где властвуют невеликие мудрецы, народ бывает привязан к ним и хвалит их. Там, где властвуют еще меньшие мудрецы, народ боится их, а там, где еще меньшие, народ их презирает. Лао-цзы

Первое и наиболее полное описание бюрократии в отечественной литературе приводится в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона. В статье словаря рассматривается как позитивное так и негативное трактование этого феномена, анализируется не только социальная, но и историческая реальность. Авторы отмечают два значения слова. Первое – направление, которое принимает государственное управление в странах, где все дела сосредоточены в руках органов государственной центральной власти, действующих по предписанию (начальства) и через предписания (подчиненным). Второе значение – класс лиц, резко выделенный из остального общества и состоящий из агентов центральной правительственной власти. Возвышение бюрократического слоя в СССР в 20-30-е гг. поставило перед социальной теорией проблему этого факта. Актуальность осмысления проблемы бюрократизма была связана с тем, что когда большевики разгоняли самодержавный аппарат государственного управления и ставили на место царских чиновников-комиссаров – выходцев из рабочих и крестьян, они мечтали раз и навсегда покончить с бюрократизмом. И по признанию Ф. Дзержинского бюрократия расцвела «махровым цветом». Одна из первых попыток объяснения места бюрократии в советском обществе была сделана Львом Троцким. Он считал, что бюрократия в некоторой мере необходима для управления отсталой страной в переходный период, но в результате построения социализма какая-либо потребность в бюрократии полностью отпадает. Историческое развитие событий

привело к тому, что последователи Троцкого (отошедшие от его взглядов) формулируют идею о возникновении в СССР «нового класса». Наиболее ярким теоретиком «нового класса» был Дж. Бэрнэм. В своей работе «Революция менеджеров» он анализирует возвышение менеджерского (управленческого) слоя, который должен сменить буржуазию в качестве господствующего класса общества. К числу менеджеров он относил в первую очередь – управленческий персонал крупных промышленных предприятий, а в более широком смысле – всех специалистов управляющих, действующих в различных сферах общественной жизни. Бэрнэм признавал что в 40-е XX века в СССР реальная власть принадлежала не столько менеджерам, сколько политической бюрократии. Но поскольку контроль над средствами производства – это главный источник власти в любом обществе, а он находится в руках менеджеров, то в долгосрочной перспективе они неизбежно должны будут оттеснить политическую бюрократию от рычагов власти. Идеи, высказанные Бэрнэмом, как подвергались всеобщей критике, так и оказали заметное влияние на развитие ряда последующих теорий (теорию постиндустриального общества Д. Белла). В 1957 году появилась работа одного из бывших высших руководителей югославских коммунистов – «Новый класс». Под «новым классом», установившим безраздельное политическое господство в странах социалистического лагеря, выступает политическая бюрократия. Ее ядром выступает прослойка «профессиональных революционеров», а процесс формирования «нового класса» начинается сразу же после прихода политических партий к власти. Роль партии постепенно падает по мере усиления ее бюрократического аппарата, который сосредотачивает в своих руках всю полноту политической власти. М. Джилас проводит различие между административной бюрократией, выполняющей некоторые необходимые в любом обществе функции и политической бюрократией, которой и принадлежит реальная власть. Но он утверждает, что провести четкую границу между этими социальными группами практически невозможно. Наиболее полное описание советской политической бюрократии сделал М. Восленский в работе «Номенклатура: Господствующий класс Советского Союза» (1991). По данным М. Восленского численность высшего звена номенклатуры составляла в те годы 100 тыс. человек, а низшего – 150 тыс. человек. В номенклатуру входили те, кого нельзя было избрать или сменить всенародно. Номенклатура и бюрократия – явления разные. Номенклатура – издает приказы, а бюрократия – их реализует. По мнению Восленского номенклатура – иерархическая

структура высшего руководства страны – представляет собой господствующий и эксплуататорский класс феодального типа, присваивающий себе прибавочную стоимость, созданную лишенным политических и экономических прав народом. Предметом изучения отечественных социологов в 1990-е годы и в начале XXI века остается трансформация номенклатуры и изучение особенностей российской бюрократической власти.

Литература

1. Восленский М. С. Номенклатура. Господствующий класс Советского союза. М., 1999.
2. Масловский М. Политическая социология бюрократии. М., 1997.
3. Оболонский А. В. Бюрократия для XXI века? Модели государственной службы: Россия, США, Англия, Австралия. М.: Дело, 2002.
4. Проказина Н. В. Социология государственной службы. Орел, 2004.

СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ РАЗВИТИЯ НАУЧНОГО ПОТЕНЦИАЛА МОЛОДЕЖИ

Ахматгалиева А.И. (Уфа)

В современном мире значение образования как важнейшего фактора формирования нового качества экономики и общества увеличивается вместе с ростом влияния человеческого капитала. Хотя Россия в настоящее время отстаёт от многих стран в своём развитии, её богатый генетический, ресурсный и сохранившийся пока научно-технический потенциал ещё в состоянии преодолеть нынешний упадок и вывести государство на достойный уровень. Решающую роль в этом должно сыграть высшее и послевузовское профессиональное образование. Научно – исследовательская деятельность, ведущаяся в ВУЗах, имеет особую значимость для государства, определённую не только непосредственной заинтересованностью в использовании новых научных результатов в различных отраслях экономики, но и необходимостью подготовки специалистов, научно - педагогических работников и повышения их квалификации. Поэтому важное значение в настоящее время имеет предотвращение кризисных процессов в системе образования, принятие неотложных мер по нормализации работы

образовательных учреждений, совершенствование соответствующей нормативной правовой и статистической базы. За последнее десятилетие в высшем образовании России произошли значительные изменения. Важное значение в настоящее время имеет обеспечение реальной многоуровневости высшего профессионального образования, включающей в себя экспериментальную отработку многоступенчатой структуры российского высшего образования, совместимой с европейской системой высшего образования. Официально Россия включилась в Болонский процесс в сентябре 2003 года. На данный момент в государственных российских вузах обучаются 7418,2 тыс. чел. и 1283,3 тыс. чел. в негосударственных. Это в два раза больше по сравнению с 2001 годом. Также в два раза по сравнению с 2004 годом увеличилось финансирование российских вузов. Для того чтобы узнать как нынешняя молодежь относится к системе образования мы провели анкетирование. В анкетировании приняли участие студенты УГАТУ и РГСУ (УФ) всего 125 человек, из них 105 девушек и 20 юношей. Возраст опрашиваемых от 18 до 22 лет. Студентам предлагалась анкета состоящая из 17 вопросов, касаемых современного образования. Первый вопрос анкеты, «Какие предметы в школе кажутся Вам наиболее важными?». 64% опрошенных ответили «Все важно понемногу», что свидетельствует о том, что у студентов нет четких пристрастий, нет явных склонностей к предметам математического или гуманитарного цикла. Получается что каждый из них и «лирик» и «физик» в душе. На наш взгляд это отрицательный показатель. В итоге мы получаем выпускников, которые не являются специалистами ни в одной сфере. Далее мы задали респондентам вопрос о необходимости двенадцатилетнего обучения в школе. Больше половины респондентов (56%) ответили, что в школе и десять то лет делать нечего, куда уж двенадцать. Это может свидетельствовать о том, что студенты не понимают важность школьного образования. Для примера школьное образование в США длится 14 лет, в большинстве стран Европы по 13 лет. За это время школьников максимально адаптируют к последующему образованию и получению профессии. В отличие от России, когда школьники приходят в университет абсолютно неподготовленными. Молодые люди считают, что Единый Государственный Экзамен абсолютно не нужен и это бесполезная затея. Так ответили 56% опрошенных на вопрос «Как Вы относитесь к введению Единого Государственного Экзамена?» и скорее всего это не безосновательно. Наверняка многие бывшие школьник сталкивались с такими проблемами, когда невозможно дать

однозначный ответ на поставленный вопрос или применить творческий подход к решению задачи. Следующий вопрос «Хотели бы вы учиться за границей?» и здесь абсолютное большинство (68%) ответили «Да». Это свидетельствует о том, что заграничное образование является очень привлекательным для россиян. Среди стран, которые называли опрошиваемые, лидирующее место занимает Великобритания. В качестве аргументации своего ответа респонденты говорили о том, что там самое лучшее образование, высокий уровень и престиж учебных заведений. Также среди ответов встречаются такие страны как США, Германия, Франция, Китай, Чехия. При анализе вопроса «Какой, по-Вашему мнению, иностранный язык следует изучать прежде всего?» мы получили вполне ожидаемые результаты. Практически все респонденты отдали предпочтение английскому языку (96%). Это связано с тем, что английский - это язык международного значения. Тем не менее 8% опрошиваемых отдали предпочтение китайскому языку. И не безосновательно. Все прогрессивное человечество сейчас усиленно изучает этот язык, потому что колоссальное влияние Китая на мировую экономику и политику неоспоримо. И оно растет, а вместе с ним усиливается популярность китайского языка. Образование способствует высокому заработку и более комфортной жизни так считают 60% опрошенных. Первой ступенькой карьерного роста является высшее образование. Если её не преодолеть, дальнейший карьерный рост невозможен. Действительно, без высшего образования построить карьеру в наше время очень непросто. Работодатель оценивает диплом не только лишь как гарантию полученных знаний и подтверждения уровня квалификации по данной специальности, но также как результат целеустремленности, показатель способности работать и достигать поставленных целей. Образовательный процесс не должен прекращаться в течение жизни, так считают 68% опрошенных. И не зря, в условиях финансового кризиса и глобализации вопрос об образовании и развитии особенно актуален. Каждый стоит перед новыми вызовами времени, и обучение стало составной частью жизни. Именно, всей жизни. Период применения однажды приобретенных знаний и навыков становится все короче. Снова и снова мы должны учиться новым техникам, новым коммуникативным формам, нормам поведения. Каждое мгновение появляются новые вещи, о которых еще несколько лет назад никто даже не говорил. Остальная часть респондентов, а это 32%, ответили, что образование должно прекращаться после получения высшего образования. Как мы уже говорили ранее это

связано с неким стереотипом наличия диплома о высшем образовании и возможностью занять место под солнцем в этой жизни. С 2011 года вводится разделение на бакалавриат и магистратуру. Это еще одно условие, которое должна была выполнить Россия при вступлении в Болонский процесс. Мы решили узнать как к этому относятся опрошиваемые. Разброс в ответах был небольшой. 36% «отрицательно» против 24%, которые сказали «положительно». Перевес обусловлен скорее всего тем, что молодые люди еще не до конца разобрались с этими процессами. Но были и такие (12%), кто вообще не знал что такое бакалавриат и магистратура. Бакалавр – это академическая степень или квалификация, это законченное базовое высшее образование. Магистратура — ступень высшего профессионального образования, следующая после бакалавриата, позволяющая углубить специализацию по определенному профессиональному направлению. Согласно статистическим данным за период времени с 1989 года по 2004 год из России уехало порядка 25 тысяч ученых, а 30 тысяч работают за рубежом по временным контрактам. Это наиболее востребованные ученые, находящиеся в продуктивном научном возрасте. Сегодня число занятых в науке в России составляет порядка 40 % от уровня 90-х годов. Данный процесс принято называть «утечка мозгов». Этот процесс связан с низким уровнем оплаты труда, неудовлетворительной материально-технической и приборной базой и самое главное низким престижем статуса ученого в России. Эти процессы сохранились и сегодня. Об этом свидетельствуют результаты, которые мы получили при анализе вопроса «Планируете ли Вы уехать за границу после окончания учебы?». 4% сказали, что они уедут обязательно, 52% - уедут, если будут привлекательные условия и только 8% респондентов оказались настоящими патриотами ответив, что не уедут ни при каких обстоятельствах. А если сложить тех, кто обязательно уедет и тех, кто уедет, если будут привлекательные условия, а также прибавить сюда 32% которые пока еще не задумывались об этом, но возможно задумаются в скором будущем, то получится, что практически все выпускники с высшим образованием нацелены на то, что предлагает запад и на возможности туда уехать. В заключении можно сказать, что российское образование переживает сейчас не лучший период. Оценивая 20 лет реформ следует подчеркнуть, что за это время произошел переход от советской системы образования, считавшейся одной из лучших в мире. Эта коренная перестройка системы образования отличается сложностью, болезненностью, глубокими противоречиями, которые

не могли не сказаться на качестве образования. В настоящее время предпринимаются всевозможные попытки для выхода из сложившейся ситуации.

ИДЕОЛОГИЯ КАК ПРЕДМЕТ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИОЛОГИИ ПОЛИТИКИ

Банзarakцаева Т.Б. (Санкт-Петербург)

Идеология является одним из самых неоднозначных понятий, а проблема идеологии – одной из самых малоисследованных проблем, поэтому она послужила источником большого количества концептуальных неопределенностей и сложностей, чем любая другая категория общественных наук. Сегодня о таком явлении как современная российская идеология невозможно сказать что-то определенное, но отрицать ее существования нельзя. Т.к. мы глубоко уверены, что государства без идеологии существовать и функционировать не в состоянии. Задача лишь в том, чтобы выявить эту скрытую структуру. Заметим, что не всегда идеология выражена в четко сформулированных пунктах программ и манифестов, существуют и скрытые идеологии, которые могут проявляться на уровне повседневности: в выступлениях и интервью общественных и государственных деятелей, в средствах массовой информации, в обычных разговорах «на кухне». В современной социологии существует такая точка зрения, что идеология является объектом изучения философии, но не социологии политики. В ходе анализа понятий идеологии в социологических трудах мы пытаемся показать обратное. В работе проанализированы основные концепции идеологии, возникшие в XIX и XX вв., также был прослежен ход эволюции понятия идеологии. Для Маркса идеология есть особый тип мыслительного процесса, когда его субъекты – идеологи как производители и трансляторы идеологий – сами не сознают, что продукты их деятельности, т.е. идеи, обусловлены вполне конкретными классовыми интересами, в которых выражаются в первую очередь экономические мотивации данного класса. Именно поэтому идеологи рисуют ложную, сугубо иллюзорную картину действительности, в силу этого предстающей в искаженном виде. Мангейм выделил две специфические системы взглядов, связанные со стилями мышления, которые обозначил понятиями идеологии и утопии. Идеология – «духовное образование», складывающееся у правящей группы как

теоретическое обоснование определенной социально-политической ситуации, отвечающей интересам этой группы. Любая идеология есть апология, она направлена на сохранение сложившегося статус-кво и по сути выделяет в реальном мире лишь то, что соответствует установкам властителей. Утопия – негативный вариант идеологии, фиксирующий только то, что «определенные угнетенные группы столь сильно заинтересованы» разрушить или преобразовать. Отсюда общая направленность утопии на будущее и залог ее превращения в идеологию в случае прихода ее носителей к власти. Антонио Грамши вводит понятие гегемонии, которое распространяется в различных направлениях – политическом, экономическом, интеллектуальном и моральном. Идеологией в этом случае становится тот образец культуры, модель развития общества в будущем, который в полной мере отвечает интересам класса-гегемона. Современные мыслители, точнее, мыслители недавнего прошлого придерживаются следующих взглядов. Сторонники концепции «деидеологизации» противопоставляя науку и идеологию, пытались доказать, что Наука располагает объективно истинным знанием, в то время как идеологии выражают субъективные, социально-классовые интересы. Последователи франкфуртской школы считают, что теперь идеология выступает в иной форме – в форме массовой культуры. Она перестала быть теорией, и все больше сращивается с пропагандой, формируя вкусы “человека массы”. На место идеологии как выражения, часто бессознательного, коллективных интересов пришла вполне сознательная и централизованная манипуляция массовым сознанием. С точки зрения Ульриха Матца, идеологиями являются такие системы ценностей, которые выходят на авансцену во время серьезных общественных кризисов. С этой точки зрения идеологиями являются лишь такие системы ценностей, которые, выступая в качестве политического мировоззрения, имеющего силу веры, обладают особенно большим ориентационным потенциалом и потому способны обуздывать связанные с кризисом процессы социальной аномии. Поэтому идеологии – это эрзац-религии. Матц предложил идеальный тип идеологии, абстрагируясь от конкретного содержания следующих друг за другом больших идеологий Нового времени: либерализма, позитивизма, социализма, коммунизма, национал-социализма (консерватизм как самостоятельную идеологию он не рассматривает, поскольку считает, что тот получает отчетливое оформление благодаря своему противостоянию собственно идеологии). Отличительные признаки идеального типа: религиозная мотивация

системы ориентации, революционность, прогрессизм, авторитарность идеологического принципа. Клиффорд Гирц предложил свою концепцию, в рамках которой идеологии выступают в качестве своеобразных символических матриц, схематических образов социального устройства, помогающих координировать человеческое поведение, которое с точки зрения биологических регуляторов оказывается чрезвычайно пластичным. Заявление о том, что изучение идеологии – привилегия исключительно философии, не должно быть таким категоричным. На наш взгляд, идеология не является метафизической и оторванной от социальной реальности категорией, не конструируемой социальными акторами.

ВОЗМОЖНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОЦИОЛОГИИ В БЛИЖАЙШЕМ БУДУЩЕМ

Блохин А.А. (Санкт-Петербург)

Социология – наука, которая по определению является источником споров и разногласий между различными людьми. Противоположные точки зрения на социологию, ее полезность и научность встречаются как и в среде социологов, так и вне ее. Благодаря такой своей особенности, как плюрализм мнений, социология всегда раздираема внутренними конфликтами, которые могут приводить как к появлению большого количества качественных новых идей, так и к застою. В данной работе с помощью анализа современных тенденций внутри социологии и изменений, происходящих в обществе (т.е. объекте, который изучает социология), будет дан прогноз возможного развития социологии в ближайшем будущем. Поскольку делать очень долгосрочные прогнозы в нынешнем постоянно изменяющемся мире едва ли представляется возможным, прогноз, приведенный здесь, охватывает собой ближайшие 10-15 лет. Итак, социология сейчас переживает поворотный этап в своем развитии. Еще до недавнего времени считалось, что практическая польза от социологии или невелика, или отсутствует вовсе, однако политические события последних нескольких лет изменили мнение общественности об этой пока еще малоизвестной для широкого круга лиц науке в положительную сторону. Так, во время мирового экономического кризиса 2008-2011, правительства различных государств обратились к социологам для выработки концепций восстановления производства и поиска путей сокращения безработицы. Кроме государственных структур, к

социологам обратились и частные фирмы: люди, обладающие знаниями об обществе, необходимы для предпринимателей, поскольку они способны выработать идеи, которые могут существенно увеличить прибыль компании. Исходя из этой тенденции, можно прогнозировать рост использования социологии как прикладной науки в социально-ориентированных государствах (Швеция, Германия и др.) и компаниях, желающих увеличить доход путем «завоевания» все большего числа людей. Поскольку социология изучает такое широкое явление, как общество, в ней существует огромное пространство для интеграции с другими науками. Так, уже сейчас отдельные отрасли социологии пользуются экономическими методами и применяют экономические теории, а информационные технологии прочно вошли в социологию, значительно упростив сбор эмпирических данных и ускорив их обработку. «Кандидатами» на интеграцию с социологией могут быть такие социальные и гуманитарные науки, как психология, политология и теория международных отношений. Как общество детерминруется политическими, экономическими, личностными факторами, так и социология стремится обобщить данные других социальных наук, чтобы еще более детально рассмотреть взаимосвязи в обществе. Вышеперечисленные сферы знаний способны существенно обогатить и расширить социологию и дать социологам еще больше пищи для размышлений. Стоит отметить, что современные науки, в т.ч. социология, имеют тенденцию к дроблению на большое количество дисциплин, занимающихся специфическими проблемами. Подобный процесс уже происходит в социологии (выделение экономической социологии, социологии политики, социологии семьи и прочее), и нет никаких причин предполагать, что не произойдет еще большего разделения социологии на различные дисциплины, исследующие ограниченную часть общества. Стоит также добавить, что такая отрасль социологии, как социология личности, будет бурно развиваться из-за все большей ориентации человека внутрь, а не на внешний мир. Несмотря на предыдущий пункт, можно предсказывать и развитие гранд-теорий, идей, которые объясняют причины существования и принципы действия общественных механизмов вообще; этот прогноз обусловлен общемировой тенденцией к глобализации. Таким образом, учитывая предыдущий тезис (большее распространение микросоциологии), можно ожидать, что произойдет еще большее разделение социологии на макро- и микросоциологию, эти две дисциплины будут реже пересекаться. В данной работе было

представлено несколько идей о развитии социологии в ближайшем будущем. В целом прогноз достаточно оптимистичный: исходя из тенденций, которые мы видим в современном обществе, можно с определенной долей уверенности сказать, что ни мировая, ни российская социология не придут в упадок в ближайшие 10-15 лет. Наоборот, роль социологии как прикладной науки возрастет, и вопрос «как социологу найти работу по специальности в прикладной сфере» будет стоять менее остро. Давать прогнозы развития фундаментальной социологии еще сложнее, поскольку оно зависит в первую очередь от самих ученых-социологов и плодотворности их работы.

Литература

1. Anthony Giddens. Nine Theses on the Future of Sociology. In: A.Giddens. Social Theory and Modern Sociology. Cambridge : Polity Press, 1987, ch.2, p.22–51.
2. В.А. Ядов. Всемирный социологический конгресс в Гетеборге — событие, требующее осмысления и действий сообщества социологов. Социологический журнал. 2010. №3, с. 163-168
3. Голиков А.С. К вопросу о становлении социологии знания: факторы актуализации и интеллектуальные. // Шестые Ковалевские чтения / Материалы научно- практической конференции 11-12 ноября 2011 года / Отв. редактор: Ю.В. Асочаков. СПб., 2011.
4. Штомпка П. Социология социальных изменений; пер. с англ. М., 1996.

САМОРЕАЛИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ УСЛОВИЯХ

Ворожбитова А.В. (Санкт-Петербург)

Современное российское общество характеризуется изменчивостью, динамичностью, противоречивостью, а значит оно заинтересовано в том, чтобы его основу составляли эффективные, социально компетентные, инициативные люди. Такой основой, несомненно, должна стать современная молодежь. Однако, несмотря на то, что инновационные технологии и доступность информационного пространства расширили возможности для самореализации молодежи во многих сферах, в сложившихся на сегодняшний день в России условиях делать выбор на этапе

становления личности молодым людям становится все труднее. В таких условиях все более актуальной проблемой становится проблема самореализации молодежи в целом и, в частности, студенческой молодежи. Самореализация - одна из важнейших составляющих человеческой жизни, главная ее цель. Это потребность, форма, результат активности развитой личности, проявление уникальных способностей конкретного человека в процессе его жизнедеятельности, а также условие развития человечества. Успешная самореализация предполагает развитие врожденных способностей человека, а, значит, и возможность реализовать их, направив на благо общества. Структура современного общества постоянно меняется. Поскольку самореализация - динамический процесс, то он реагирует на эти изменения, а, значит, этот процесс нужно изучать постоянно, чтобы анализировать его в том состоянии, в котором он существует на данный момент. Более того, проблема заключается в том, что целостное представление о феномене самореализации отсутствует, уступая место исследованиям о различных его аспектах. В этой связи представляется необходимым изучить процесс самореализации молодежи в его целостности и многогранности. Для реализации поставленной цели была создана модель процесса самореализации, основанная на полисистемной модели самореализации С.И. Кудинова [1], классификации видов самореализации Р.А.Зобова и В.Н. Келасьева [2], модели самореализации В.В.Коврова [3], а также на полученной в ходе анализа материалов классификации условий самореализации. Эта модель легла в основу проведенного исследования, целью которого было изучение процесса самореализации студентов. Исследование было пилотажным и проводилось в мае 2012 года методом анкетирования среди студентов ВУЗов Санкт-Петербурга и Магнитогорска через социальную сеть «ВКонтакте». По итогам проведенного исследования было собрано и обработано 70 анкет, 26 из которых были заполнены студентами Санкт-Петербурга и 44 - студентами Магнитогорска. Среди опрошенных студентов двух возрастных категорий: 17-19 лет (42,9%) и 20-23 года (57,1%) - 14,3% мужского пола, 85,7% - женского пола. Среди респондентов были студенты 1-2 курса (37,1%), 3-4 курса (51,4%), 5 курса/магистратуры (11,4%). Поскольку ценности являются важнейшими актуализирующими ориентирами процесса самореализации, а, значит, во многом определяют стратегии самореализации студентов, то респондентам было предложено выбрать 4 ценности из предложенного списка. В ходе анализа

полученных результатов был сформирован набор самых важных для студентов ценностей. На первом месте в этом списке стоит семья и любовь (73,1%, 77,7%) (здесь и далее первое число в скобках – показатель для студентов Санкт-Петербурга, второе – для студентов Магнитогорска). Далее позиции немного расходятся. У студентов Санкт-Петербурга второе место принадлежит возможности заниматься любимым делом (53,9%), а для студентов Магнитогорска на втором месте стоит здоровье (68,2%), которое у студентов Санкт-Петербурга стоит на третьем месте (46,1%). У студентов Магнитогорска третье место занимает возможность заниматься любимым делом (45,7%). На четвертом месте у Санкт-петербургских студентов стоит профессиональная карьера (42,3%), а у магнитогорских - образование (43,2%). Для определения ориентации процесса самореализации студентам был задан вопрос о том, каким образом они предпочитают проводить свободное время. Наиболее популярным способом проведения досуга для студентов обоих городов является времяпрепровождение в кругу друзей: вечеринки, прогулки, поездки, путешествия (80,8%, 79,6%). На втором месте чтение книг, журналов, посещение выставок, музеев, кинотеатров (73,1%, 52,3%), на третьем - общение в социальных сетях, ведение блогов, компьютерные игры, посещение интернет-сайтов (50%, 50%). Далее идут занятия спортом (27%, 47,7%), шоппинг (27%, 34,1%), творческая деятельность (27%, 25%). Среди студентов Санкт-Петербурга достаточно высок процент студентов, которые не используют различные организации как канал для самореализации (15,4%), а вот среди студентов Магнитогорска он невысок - всего 4,6%. Наиболее активно студенты реализуют себя в органах студенческого самоуправления (38,5%, 27,3%), молодежных общественных объединениях (19,2%, 16%) и творческих объединениях (19,2%, 36,4%). Для определения уровня успешности самореализации студентам был задан вопрос о том, удовлетворены ли они тем, как складывается их жизнь на данный момент. Большинство студентов отметили вариант «скорее удовлетворен» (61,5%, 56,8%) и «полностью удовлетворен» (19,2%, среди студентов Магнитогорска полностью удовлетворены жизнью только 9,1%). Таким образом, уровень удовлетворенностью жизнью в целом, а, значит, и уровень успешности самореализации весьма высок (80,7%, 65,9%). Уровень неудовлетворенности жизнью у Санкт-петербургских студентов составляет 19,3%, у магнитогорских студентов он выше - 33,8%. Уровень удовлетворенности своими достижениями достаточно высок: в области образования -

73,1%/75,1%, в области науки 53,8%/59,1%, в области творчества 54,1% /61,4%, в участии в общественных объединениях 61,6%/54,5%, в участии в общественно-политических организациях 50,1% /47,7%, в общении 73,1%/90,9%. Востребованным каналом самореализации для студентов является участие в мероприятиях: 92,3% Санкт-петербургских и 100% магнитогорских студентов за последние пол года приняли участие в каком-либо мероприятии. Они участвовали в семинарах, тренингах, мастер-классах (61,5%, 59,1%), в творческих конкурсах (38,5%, 38,6%), мероприятиях культурно-досугового характера (38,5%, 56,8%), а также в научных проектах, грантах (30,8%, 22,7%) и тематических выездах (19,2%, 20,5%). Студентам также было предложено ответить на вопрос «Кем Вы видите себя через 5-10 лет?», ответ на который смогли дать 96,2% и 88,7% респондентов, и вопрос «Какой Вы видите свою жизнь через 5-10 лет?», на который смогли ответить 84,6% и 90,9% респондентов. Учитывая то, что 96,2% и 100% респондентов ответили на этот вопрос в позитивном ключе, можно говорить о том, что самореализация студентов позитивно ориентирована. В ходе исследования было выявлено наличие у всех студентов в процессе самореализации таких актуализирующих ориентиров как ценности и представления о жизненном пути. Представления о жизненном пути у студенческой молодежи оптимистичны и позитивно ориентированы. У студентов обоих городов была выявлена ориентация самореализации на общение, духовное развитие, творческую и спортивную деятельность и в некоторой степени на накопление материальных благ. Эти ориентации обретают формы самореализации через расширение границ собственного самосознания и совершенствование духовности, самореализации через общение, а также творческой самореализации. Для своей самореализации студенты выбирают такие каналы как культурно-досуговая деятельность, общение, творческие объединения, молодежные общественные объединения, а также спортивная деятельность. Анализ данных, полученных в ходе исследования, показал, что процесс самореализации студентов обоих городов проходит одинаково успешно. Все студенты удовлетворены и своей жизнью в целом, и своими достижениями в разных областях, они активно участвуют в мероприятиях и деятельности разного рода организаций и объединений, что свидетельствует и об успешной реализации в обоих городах социальных условий, необходимых для самореализации.

Литература

1. Самореализация как системное психическое образование// http://sbiblio.com/biblio/archive/kudinov_samo/.

2. Зобов Р.А., Келасьев В.Н. Человечествознание: самореализация человека: Учебник. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2008. С. 117-120.

3. Ковров В.В. Самореализация подростка в общественном объединении. Автореф. дисс. исслед. к.п.н., М., 1996. Цитируется по Могалюк Е.М. Социально-культурная деятельность молодежных общественных объединений как фактор самореализации личности: Дис. на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. Москва, 2001.

ДОСУГ КАК ФАКТОР СОЦИАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Габдулина Г.К., Андреева А.А. (Саратов)

В статье рассматривается досуг как фактор социализации современной молодежи. Приводятся результаты эмпирического исследования. Делается вывод о том, что в сфере досуга молодежи формируется новая социокультурная среда, которая влияет на формирование новых ценностных ориентаций современной молодежи в сфере досуга. Ключевые слова: молодежь, личность, социализация, досуг. Свободное время является одним из важных средств формирования личности молодого человека. Оно непосредственно влияет и на его производственно-трудовую сферу деятельности, так как в условиях свободного времени наиболее благоприятно происходят восстановительные процессы, снимающие интенсивные физические и психические нагрузки. Использование свободного времени молодежью является своеобразным проявлением ее культуры, круга духовных потребностей и интересов конкретной личности молодого человека или социальной группы. Для начала, собственно, остановимся на понятии социализации, рассмотрим какая стадия социализации характерна для молодого возраста, также проанализируем как досуговые практики влияют на процесс социализации молодежи. Социализация - это приобщение индивида к обществу, принятие им социальных ролей и статусов, накопление социального опыта, формирование ценностных ориентиров, норм и поведения в данных социальных условиях. Процесс социализации условно делится на две стадии: первичную и вторичную. Для нас наибольший интерес представляет вторая стадия

социализации, так как она как правило происходит в молодом возрасте и затрагивает период обучения. Досуг, являясь частью свободного времени, привлекает молодежь свободой выбора различных его форм, возможностью сочетать физическую, интеллектуальную, творческую деятельность. То, каким образом человек проводит свой досуг, показывает его духовную и нравственную зрелость в обществе. В наше время досуг становится отдельной индустрией, в рамках которой проводится множество мероприятий, направленных на развитие спортивной, умственной, духовной, культурной и других сфер деятельности. В городе Саратове существует множество досуговых центров, где каждый молодой житель может удовлетворить свои потребности в общении, развлечении, умственном просвещении и физическом развитии. Для того, чтобы выявить влияние досуга на процесс социализации молодого населения, в мае 2012 нами было проведено социологическое исследование. Методом исследования было выбрано анкетирование. Всего было опрошено 150 человек. Цель исследования - изучить досуг как один из факторов социализации молодежи. Основные гипотезы исследования: 1. Досуг один из важнейших факторов влияния на социализацию молодежи. 2. Молодежь, предпочитая развлекательный досуг, теряет способность нормального взаимодействия с обществом. 3. Современная молодежь довольно далека от проблем современного общества и их интересуется только удовлетворение личных потребностей. Проведенное исследование показало, что социальный облик молодого поколения, несомненно, отражается как в поведении молодежи, так и в ее пристрастиях и увлечениях. Предпочтения в музыке, литературе, кинематографе могут сказать о многих социальных аспектах развития данной категории населения. Результаты исследования показали, что досуг молодых жителей нашего города состоит из нескольких уровней пассивного и активного отдыха, различающихся по социальной, культурной и психологической значимости. Самый простой вид досуга – пассивный отдых. Он предназначен для восстановления сил, характеризуется состоянием покоя, который снимает утомление и восстанавливает силы. Данный вид досуга включает в себя прогулки по городу, прослушивание музыки и просмотр фильмов, чтение газет, журналов, книг посещение друзей и знакомых, проведение времени за компьютером. Отдых такого рода не ставит перед собой далеко идущих целей. Он пассивен, индивидуален, и не повышает культурной грамотности молодежи. Но тем не менее такой отдых –

неотъемлемый элемент жизни человека. Пассивный отдых подготавливает индивида к более сложной и творческой работе. Активный отдых быстро восстанавливает физиологические и психические функции человека. Наслаждаясь движением, сменой эмоциональных воздействий, общением с единомышленниками, человек быстрее снимает утомление. Активный отдых, в отличие от пассивного, требует сил, воли и подготовки – это занятия спортом, участие в художественной самодеятельности, участие в общественных молодежных движениях. Необходимо отметить, что только сочетание пассивного и активного отдыха развивает и гармонизирует личность. Так же опрос показал, что значительная часть молодых людей нашего города в качестве досуговой деятельности используют Интернет-технологии. Исследование показало, что современная молодежь не использует в полной мере возможности для проведения досуга в специализированных учреждениях. При большом количестве таких мест в нашем городе лишь небольшая часть респондентов посещала или посещает их. Некоторые виды досуга стали другими не столько по форме, сколько по содержанию (состав читаемой литературы, телепристрастия и кинопристрастия, музыка), что связано и с изменением менталитета молодого поколения и общества в целом. Таким образом проведенное исследование показало, что в настоящее время в сфере досуга молодежи формируется принципиально иная социокультурная среда, обуславливающая формирование новых ценностных ориентаций современной молодежи в сфере досуга, все это оказывает влияние на личность молодого поколения. Наиболее привлекательными формами для молодежи являются музыка, танцы, игры, ток-шоу. Не всегда культурно-досуговые центры строят свою работу, исходя из интересов молодых людей. Надо не только знать сегодняшние культурные запросы молодых, предвидеть их изменение, но и уметь быстро реагировать на них, суметь предложить новые формы и виды досуговых занятий. Можно предположить, что изменения, происходящие в досуге, будут углубляться. Возможно появление новых форм досуга. Но будем надеяться, что всё это будет не мешать, а способствовать активному участию российской молодёжи в жизни нашего общества, России и мира в целом.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОБРАЗА ПИСАТЕЛЯ В ЛИТЕРАТУРЕ

Поле изучения социологии постоянно расширяется. До недавнего времени искусство, и литература в частности, считались предметами изучения преимущественно истории, искусствоведения и лингвистики. Ни социальная природа литературы, ни ее структура как особой индустрии в данном случае не рассматривались. Только недавно ученые обратили внимание на то, что литература может выступать мощной социальной силой, преобразующей окружающий мир, поэтому знание механизмов ее действия расширяет возможности социологии, а значит, человека [6]. Однако подвергнуть научной объективации такую область человеческой деятельности, как литература, не так-то просто. С одной стороны, изучение ее с точки зрения социологии может показаться необъективным, слишком велико значение эстетического фактора, с другой стороны, изучение литературы только как рынка производства и потребления литературного продукта кажется одномерным и не охватывающим другие важные аспекты [7]. И для того чтобы избежать некоторой одномерности и неадекватной объективности, мною будет рассмотрен один из самых важных, ключевых акторов в литературе - писатель, или творец. Профессия писателя - одна из наименее кодифицированных [2], что является следствием того, что само поле слабоинституционализировано. Что это значит? Во-первых, это предполагает наличие малого количества норм, присущих данной профессии, непостоянство присутствия в данной профессии, необязательность наличия специального образования, необходимость дополнительного заработка. Кроме того, сам образ писателя со времен эпохи Возрождения носит сакральный, мистический характер. Гениальность всегда казалась чем-то божественным, поэтому социология литературы обратилась также к феномену идеологии художественного гения в современном обществе. Образ писателя является социальным конструктом. Он конструируется литературной элитой, СМК, читателями, самим писателем. Более того, образ писателя окружен множеством различных мифов, он представляется голодающим, отказывающимся от всех благ жизни ради искусства. Музеи воспринимаются как храмы, нормативы поведения в них схожи с поведением прихожан церкви. Некоторые люди посвящают свою жизнь, занимаясь изучением жизни того или иного писателя, создавая монографии и превращая статус писателя в святого. Если рассмотреть совокупность всех данных фактов, можно предположить, что литература, и искусство, сегодня строятся по

модели религии, поэтому чтобы социологически объективировать гениальность и талант, следует рассмотреть структуру идеологии гениальности.

Для того чтобы соответствовать образу гения, следует обладать следующим набором характеристик [3]: 1. нормальность ненормальности. Это значит, что отклонения от ожиданий и принятых моделей поведения является нормой; 2. неприятие и непризнание со стороны потребителей; 3. триумф гениальности переживают не современники, а потомки; 4. жертвоприношение, наличие вины общества за непризнание. Следует отметить, что каждое поколение в определенный период истории само задает критерии понятия гениальность и талант. Эти критерия зависят от социально-культурных факторов, идеологии и других факторов, которые еще следует изучить. Сложно сказать, какую именно функцию несет под собой создание образа гения. Это может быть желание человека упорядочить окружающий мир, наделить кого-то сверхвластью, кто будет пользоваться этой властью во благо народа, кто не будет злоупотреблять ей, как это произошло с политикой, но воспользуется своим талантом и даром провидения для улучшения общественного строя. Гений предстает в качестве «вождя», который интересуется заботами каждого из своих соплеменников. Отношения гения и читателей напоминают отношения отца и детей, почитающих и превозносящих его. С другой стороны, функцией конструирования образа гения может быть стремление развести социум на два полюса: на полюс, принимающий существующий режим и положение вещей, и аутсайдера, противостоящего социальной реальности. Важной характеристикой образа писателя выступает его позиционирование себя самого в тексте, то есть в литературном произведении. Подобное позиционирование носит название «писательской стратегии». Стратегия [5] – это тот способ коммуникации автора и читателя, который обеспечивает понимание текста, а также направлен на определенную интеллектуальную и эмоциональную реакцию со стороны второго. Особое влияние на выбор определенной писательской стратегии оказывает идиостиль автора. Идиостиль – это комплексное понятие, оно отражает социально-историческую сущность, индивидуальные, психологические, нравственно-этические особенности писателя, в идиостиле проявляется его мировоззрение, общая и языковая культура [1]. Так, в зависимости от способа организации диалога читателя и писателя, а также цели коммуникации, можно выделить три коммуникативных стратегии писателя [4]: 1. манипуляционная; 2. конвенциональная; 3.

презентационная стратегии. Манипуляционная коммуникация представляет собой активную коммуникацию писателя. В данной стратегии писатель находится «сверху», и замысел своего произведения он передает в открытой или же скрытой форме, манипулятивно, направляя читателя на нужный для автора вывод. В процессе коммуникации данного типа писатель создает сообщение. Конвенциональная стратегия – это стратегия интеракторная, писатель отвергает «наставническую» позицию и позволяет читателю текста самому творить смысл. В процессе данного типа стратегии производится диалог. Презентационная стратегия представляет собой стратегию, пассивную для писателя. Автор отправляет читателю послание, который тот вправе свободно трактовать, не давая при этом никаких направлений для размышления или рекомендаций. Писатель может выбрать сообразную с его идиостилем и замыслом стратегию коммуникации с читателем, одновременно обращая при этом внимание на ожидания реципиента, его литературную компетентность, на владение или же невладение читателем кодом дешифровки сообщения и другие аспекты понимания текста. Выбирая стратегию, автор главным образом надеется воздействовать на образ мыслей, действий читателя, на его картину мира. И если данное воздействие произошло – то коммуникация может считаться удачной и эффективной. Таким образом, образ писателя – это конструкт, критерии для соответствия которому создаются в процессе социальных взаимодействий. Какие именно факторы играют ключевую роль при выработке данных критериев пока не ясно. Однако известно, что для усиления воздействия на читателя, для передачи ему необходимой информации и для создания у читателя определенного образа писатель может выбрать соответствующие этой задаче стратегию и идиостиль. Образ писателя конструируется, а значит, имеет социальную природу. С этой точки зрения, социология не бессильна для изучения литературы, а литература перестает быть областью исключительно эстетической. Перед новой отраслью знания открываются новые горизонты.

Литература

1. Болотнова Н., «Коммуникативная стилистика художественного текста»//Вестник ТГПУ, 1998 год, выпуск 6;
2. Боскетти, А. «Цели и достижения подхода Пьера Бурдьё»;
3. Горностаева, «Художник как социальный актор»;

4. Дацюк С., «Коммуникативные стратегии» http://xyz.org.ua/discussion/communicative_strategy.html;
5. Лазарева Т. «Литературные стратегии современных писателей», Тюмень, 2004 // Введение в диссертацию;
6. Попов Е. А. «Социология искусства: проблема становления»// СоцИс, 2007 год, №9;
7. Шульга Р. «Социология искусства: новые реалии, старые проблемы».

СТРАХ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН

Дуплинская А.В. (Санкт-Петербург)

Страх - эмоциональная составляющая, которая присутствует в жизни каждого индивидуума, группы и общества. Его возникновение оповещает о потенциальных и реальных угрозах благосостоянию и даже самому существованию людей, групп или обществ. Страх имеет разную интенсивность, он может облегчаться или даже подавляться. Эмоционально-чувственную сторону социальной жизни можно описать как постоянное колебание и смену подвижных комбинаций уверенности и страха, но эти колебания не устойчивы. Если чувство страха становится постоянной характеристикой сознания, «застревает» на длительное время, можно говорить о формировании катастрофического сознания. Катастрофизм можно рассматривать с точки зрения психологии (как состояние психики) и с точки зрения социологии как массовое настроение, убеждение или система убеждений, компонент целостного мировоззрения или идеологии. Социологический подход позволяет ясно увидеть новый аспект проявления страха в общественной жизни: субъектом может являться человек с уравновешенным психологическим состоянием, но с катастрофичными убеждениями. Что есть катастрофа? Есть ли здесь проблема для социальной науки? Владимир Эммануилович Шляпентох, в своей работе «Катастрофическое сознание в современном мире в конце XX века» утверждает, что: «Интуитивно ясно, что катастрофа - нечто такое, что может коснуться любого проявления человеческой жизни, затронуть все человечество». Трудность определения катастрофы состоит в том, что в социальной науке оно не проработано. Хотя часто это связано с частое употребление в обыденной жизни и рассмотрением в естественных науках. Социальные науки, изучая катастрофы, как революционный

процесс, следуя старым традициям позаимствовали методологию из естественных наук, в том числе из биологии. Но для социолога в центре исследования оказывается субъективная сторона процесса, положение вовлеченного в нее субъекта, интерпретация и оценка происходящих событий, а также формы, в которых находит выражение эта интерпретация и оценка. Если говорить о временном характере этого процесса, то катастрофа - внезапна и кратковременна по определению; чрезвычайность происходящего четко отграничивает катастрофу от обычного фона протекания жизни. Но при этом некоторые виды катастроф (экологические, социальные и исторические, например) имеют более длительный характер. Временной параметр катастроф обычно соразмерен общественному субъекту, его уровню. Можно говорить и о рациональности катастрофизма, т.е. являться результатом оценки безнадёжности результата. Тем не менее страх - прежде всего для нас социальное чувство, разум может сдерживать и контролировать страх, так же как и другие чувства, однако он не в силах заместить их. Страхи несут большое социальное значение. Они могут влиять на общество, группу, индивида как положительно, так и отрицательно. Можно говорить, что при отрицательном влиянии страха появляются следующие непосредственные издержки: продуцирование страхов к «растрате человеческого и материального ресурса» и ухудшению жизни как индивидуальной, так и общественной. Есть еще и косвенные издержки: страх негативно сказывается на окружающих носителя страха. Высокая степень катастрофизма сопровождается ростом этнического негативизма и ксенофобии, общей деморализацией, распространением дикого, асоциального индивидуализма и мистицизма, увеличением числа апокалипсических сект в обществе. В.Шляпентох, с позиции умеренного социального конструктивизма, выделил следующие типы страхов. Специфические и универсальные. Несомненно, что образы страхов изменяются в ходе истории, т.е. исторически и культурно детерминированы. Однако, имеется также некоторое число универсальных страхов, которые воспроизводятся с небольшими вариациями в разное время и в разных культурах. Социализированные и несоциализированный страхи. Несоциализированный страх более близкий к природным реакциям живого существа на опасности существования. А социализированный страх реализовался как страх перед авторитетом. В ситуации аномии социализированный страх разрушается. Индивидуальные и массовые. Индивидуальные страхи бесконечны по своему содержанию.

Массовые страхи создаются в процессе социальной и культурной коммуникации. Достаточно часто они стереотипизированы. Массовыми могут быть признаны любые общераспространенные страхи. Такие страхи отражают иерархию ценностей и предпочтений, сложившихся в определенном обществе, его слоях и группах. Рациональные и иррациональные. Те страхи, которые направлены на ясно воспринимаемую определенную угрозу, имеющую высокую вероятность реализации, можно оценить как рациональные. Если страх возникает на основе неясных смутных переживаний и не может быть четко обоснован, то он оценивается как иррациональный. Один из главных источников иррациональных страхов - интересы идеологов и политиков, которые намеренно и рационально используют необоснованные страхи для того, чтобы достичь своих целей. В заключении хотелось бы сказать, что освещенный мной материал иллюстрирует теоретическое обоснования страха и катастрофизма, с точки зрения социологии. Данное направление можно назвать современным для социологического исследования. Что в дальнейшем может послужить отличной темой для студента-исследователя.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ САМООБРАЗОВАНИЯ

Евсикова Е.В. (Санкт-Петербург)

В современном мире человек постоянно сталкивается с новыми вызовами. Общество предъявляет все более и более высокие требования к самостоятельности, инициативе, предприимчивости человека. Оно требует от человека мультифункциональности. Человек должен постоянно адаптироваться к меняющимся условиям социальной среды. Одним из таких способов приспособления выступает самообразование, что и объясняет повышение интереса к данному феномену. В социологии вопросы самообразования рассматривались в рамках социологии образования. Тем не менее, нужно заметить, что данный феномен недостаточно изучен как на теоретическом, так и на эмпирическом уровнях. Поэтому можно смело заявить, что проблемы самообразования в рамках социологии являются открытыми для исследований. Самообразование – это вид свободной деятельности личности (социальной группы), характеризующийся ее свободным выбором, и направленный на удовлетворение потребностей в социализации, самореализации, повышении культурного, образовательного, проофессионального и

научного уровня, получение удовлетворения от реализации личностью ее духовных потребностей [1]. Самообразование индивида – это самостоятельное приобретение новых знаний, умений, навыков в какой-либо области науки, техники, культуры, политической жизни и т.п. Функции, которые выполняет самообразование, могут в очередной раз стать подтверждением его важности. На наш взгляд, приведенные ниже функции являются главными: • ориентировочная; • саморазвития; • экстенсивная; • коммуникативная; • методологическая; • омолаживающая и др. Несложно заметить, что функции самообразования при всей схожести с функциями образования, все же имеют ряд различий. Сегодня, в связи с развитием общества и сменой образовательных парадигм, с переходом к информационному обществу становятся актуальными проблемы образования. А, следовательно, и самообразования. Становится необходимым разработать подход к изучению самообразования, рассмотреть его в качестве социального феномена, т.к. он приобретает все большее значение и для общества, и для отдельно взятых людей. Е.А.Шуклина [3] выделяет теоретические и социальные предпосылки дальнейшего повышения роли самообразования: 1) Глобальные изменения в связи с переходом к информационному обществу, в котором главным является работа человека с информацией. Можно говорить о том, что такая деятельность (работа с информацией) является разновидностью самообразования. 2) Процесс становления рыночной системы отношений, который актуализирует ценность самообразования как инструмента социальной мобильности, противопоставляя его в известном смысле консервативности образования. 3) Самообразование становится доминирующим элементом жизни некоторых людей и социальных групп, что способствует изменению их места и роли в социальной структуре общества. 4) Самообразование выступает фактором совершенствования личности, и, следовательно, общества (по Э. Дюркгейму коллективное доминирует в примитивных обществах, индивидуальное – в развитых). Технологии образования меняются с колоссальной скоростью. Теперь самообразование выступает как в качестве неотъемлемой и очень важной части образования, так и в качестве автономной отрасли, присутствующей в той или иной степени в жизни каждого современного человека. Сегодня, ведущей деятельностью человека становится работа с информацией. По своей природе такой вид деятельности является формой самообразованием. Для того, чтобы постоянно оставаться востребованным, человеку

нужно приобретать все новые и новые навыки, а, следовательно, нужно постоянно находиться в непрерывном процессе образования и самообразования. Таким образом, самообразование превращается в один из доминантных элементов образа жизни людей, помогающим им постоянно переосмысливать свое место и роль в обществе, переоценивать свой интеллектуальный, эмоциональный и творческий потенциал. Образование является одним из факторов социального расслоения общества. Другим важным фактором выступает профессия. Как уровень образования в целом, так и уровень самообразования в частности, сильно сказывается на жизни человека, т.к. является каналом социальной мобильности. Человек, имеющий высокий уровень образования и самообразования, имеет большие шансы, по сравнению с другими людьми, переместиться по социальной лестнице вверх. Сам факт образования дает человеку основание претендовать на более высокую социальную позицию и принадлежащий этой позиции престиж. Однако, чтобы постоянно поддерживать свой социальный статус, чтобы не потерять свое рабочее место, нужно в должной мере уделять внимание самообразованию. К тому же, образование и самообразование являются частью имиджа человека. Таким образом, рассмотрев различные стороны самообразования, можно заключить, что, несмотря на близость к образованию, оно представляет собой отдельную и очень интересную сферу для изучения с точки зрения социологии. Более того, самообразование выполняет ряд важных функций и является неотъемлемой частью повседневной жизни людей.

Литература

1. Зборовский Г.Е., Шуклина Е.А. Самообразование как социологическая проблема //Социологические исследования.1997. №10
2. Смирнова Е.Э. Введение в социологию образования. СПб. 2006.
3. Шуклина Е.А. Самообразование как отрасль социологического знания. 1999. №4

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

Евсюкова А.В. (Белгород)

В последние годы решающим условием развития общества, реализации его экономических проблем становится социальная сфера. В Российской Федерации осуществляется профорIENTATION всей социальной политики на полномасштабные инвестиции в расширенное воспроизводство человека: в его здоровье, профессиональное, культурное, физическое развитие. Основной целью деятельности власти, ключевым вопросом государственной политики является существенное повышение уровня и качества жизни граждан. Сегодня проблемы демографии стали актуальными для самых разных сфер общественной жизни. Президент РФ демографическую проблему выделяет в число приоритетных. Борьба с высоким уровнем смертности, повышение престижа материнства и отцовства, создание условий, благоприятствующих рождению и воспитанию детей должны реализовываться одновременно. В условиях экономической нестабильности современного общества именно на семье лежит большая ответственность за воспитание детей, достойных граждан страны. Главными стратегическими документами, определяющими приоритеты развития области, являются Программа улучшения качества жизни населения Белгородской области, Стратегия социально-экономического развития Белгородской области на период до 2025 года, Концепция создания Белгородской интеллектуально-инновационной системы и Концепция программы «Формирование регионального солидарного общества». Стратегические документы области направлены на активизацию точек инновационного роста во всех секторах экономики и социальной сферы Белгородской области. Реализация главных стратегических документов в области обеспечивается выполнением 86 областных целевых программ, в том числе программ, принятых во исполнение 16 федеральных целевых программ, а также принятых на областном уровне 7 концепций, 2 отраслевых стратегий, положения которых соответствуют программным направлениям, определенным Президентом и Правительством Российской Федерации по модернизации страны. В Белгородской области к настоящему времени накоплен опыт формирования солидарного общества. В регионе в течение семи лет реализуется Программа улучшения качества жизни населения. В процессе ее осуществления заметно улучшились многие социальные характеристики населения региона. Численность населения области достигла 1 миллиона 532 тысячи 497 человек. В 1,7 раза увеличилось число детей, рожденных вторыми, в 1,9 раза – третьими и последующими. Продолжительность жизни на Белгородчине – 71,07

года, что выше среднероссийского значения на 2,4 года. Достигла успехов наша область в социальной сфере. За 2011 год среднедушевые денежные доходы, среднемесячная номинальная начисленная заработная плата и пенсии увеличились. В рамках национального проекта «Образование» значительное внимание уделяется в области развитию системы образования и подготовке специалистов для экономики региона. На начало 2010/2011 учебного года на Белгородчине действовали 620 дневных государственных и негосударственных общеобразовательных учреждений с общей численностью учащихся 136,2 тыс. человек, 514 учреждений дошкольного образования, 24 учреждения начального профессионального образования. В 27 самостоятельных государственных и муниципальных средних специальных учебных заведениях среднее профессиональное образование получают 20 тыс. студентов; в 6 государственных и муниципальных высших учебных заведениях и 10 филиалах обучается 73,5 тыс. студентов и в негосударственном высшем учебном заведении и 4 филиалах негосударственных вузов контингент обучающихся составляет 4,2 тыс. человек. Численность штатных преподавателей государственных и муниципальных вузов, имеющих ученую степень доктора наук, составляет 369 человек (11,7%), кандидата наук - 1701 (53,8%). В аспирантурах белгородских вузов по 16 отраслям наук на конец 2010 года обучались 1257 аспирантов. Развитие в области сети лечебных учреждений способствует улучшению качества медицинского обслуживания населения. Квалифицированную медицинскую помощь населению оказывают в 56 больничных и 219 амбулаторно-поликлинических учреждениях 6,2 тыс. врачей и 17,8 тыс. человек среднего медицинского персонала. Не останавливаясь на достигнутом, власти Белгородской области ставят перед собой высокие цели по созданию достойных условий жизни каждого жителя региона.

ОТНОШЕНИЕ КУРСКИХ СТУДЕНТОВ К ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ СТУДЕНЧЕСТВА ИЗ СТРАН ДАЛЬНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Зими́на Ю.В. (Курск)

Главенствующее положение в межкультурной коммуникации занимает культура межнационального общения представителей различных этнонациональных общностей, где

определяющим фактором является этническая толерантность личности. На сегодняшний день в нашей стране проживает все больше иностранцев, которые приезжают к нам для обучения или в поисках работы. Так же у нас в стране множество неформальных организаций, которые выступают за чистоту расы и не очень рады гражданам других стран на своей земле. Наша страна открыта для въезда и потому ее посещает ежедневно тысячи людей из разных стран, кто-то по делам, кто-то для культурного развития, а кто-то в целях обосноваться и стать частью нашего народа. Все больше в нашей стране появляется представителей дальнего зарубежья, Азии и так далее. В большинстве своем это студенты вузов, которые приезжают к нам для получения качественного и доступного образования, что наше правительство всячески поддерживает. Но вопрос: «Как наши студенты относятся к своим иноязычным братьям?» остается достаточно спорным, а, следовательно, и актуальным. Ответ на него поможет выяснить степень толерантности нашей молодежи. В странах запада давно не считаются с цветом кожи или разрезом глаз, это облегчает жизнь и взаимодействие между людьми, а у нас это все еще неблагоприятный фактор коммуникации. Итак, в связи с постоянно возникающими в разных городах России вспышками национальной и расовой неприязни, необходимо выяснить, так ли высок процент молодых людей, имеющих отрицательное отношение к иностранцам в своей стране. Это необходимо для того, чтобы просчитать перспективы международного сотрудничества и понять, возможно ли абсолютно мирное сосуществование россиян с представителями других национальностей на нашей земле при сохранении нашей расы. В конце 2010 года студентами группы СЛ-81 экономического факультета ЮЗГУ было проведено социологическое исследование на тему «Отношение курских студентов к представителям студенчества из стран дальнего зарубежья». В опросе участвовало 120 респондентов-представителей студенчества курских ВУЗов. В качестве гипотезы было выдвинуто следующее утверждение: в нашей стране наблюдается низкий уровень толерантности к гражданам других стран, принадлежащих другому этносу и культуре, что порождает частое непонимание в обществе и стычки между нашей молодежью и иностранцами, возникающие в результате проявления агрессии первых. Предполагается, что большинству нашей молодежи присущи высокие показатели расизма, хотя в большинстве высокоразвитых стран, к которым мы себя относим, проблем с толерантностью к иностранным гражданам нет, так как эти страны

мультинациональные и их население смешанное, а на территории России преобладает российская нация. Задачей исследования стало доказательство правильности гипотезы (низкий уровень толерантности российской молодежи к иностранцам) или ее опровержение. За проблему были взяты взаимоотношения студентов Курска с представителями стран дальнего зарубежья, обучающимися в курских ВУЗах. В общем, проблема отношений к иностранцам является общенациональной по своим масштабам, потому как затрагивает практически все страны мира. Но так как мы рассматриваем курское студенчество, то проблему можно отметить как местную, т.е. свойственную одному городу (поселку, деревне и т.д.). В качестве проблемной ситуации мы рассмотрели негативное отношение курских студентов к представителям студенчества других национальностей в их ВУЗах. Цель, поставленная в данной работе, была достигнута поэтапным разрешением задач: 1)Выявлением степени терпимости курских студентов к иностранным студентам их ВУЗа и вообще иностранцам в нашей стране. 2) Выяснением условий, влияющих на степень толерантности к иностранцам (представителям дальнего зарубежья)студенчества в курских ВУЗах. 3) Определением того, чем мотивируют студенты свое отношение (положительное или отрицательное) к иностранцам. Респондентам было задано множество вопросов, с целью определить уровень их толерантности к иностранцам в нашей стране, таких как: «Как Вы относитесь к иностранным студентам (дальнего зарубежья) в своем вузе?» «Есть ли у Вас знакомые или друзья среди представителей дальнего зарубежья?» «Проводятся ли в вашем ВУЗе мероприятия с участием студентов из дальнего зарубежья?» «Каково Ваше отношение к мероприятиям такого рода?» «Какие отношения с иностранцем вы считаете наиболее приемлемыми для себя?» (по шкале Богардуса) и т. д. Мы можем говорить о том, что полученные и обработанные результаты опровергают поставленную гипотезу. Студенческая среда Курска не отличается повышенной интолерантностью, а наоборот, является дружелюбной. Большинство студентов дружат и готовы общаться с представителями других национальностей. Некоторые готовы связать себя узами брака с иностранцами. У определенной части студентов чувство неприязни вызывают цвет кожи иностранных студентов или их незнание русского языка, но их процент очень мал. В большинстве же своем студенты города Курска имеют нейтральное отношение к представителям дальнего зарубежья, обучающимся в их ВУЗах, а это говорит о том, что национализм или расизм редко встречающееся явление в среде

курского студенчества. Курские студенты готовы к межкультурному и межнациональному взаимодействию во всех областях, стремятся к интеграции культур, полагая, что это хороший толчок для международных отношений. Но, как отмечает немалый процент опрошенных, уровень толерантности российской молодежи к иностранцам в нашей стране низкий, а это говорит о том, что столкновения между русскими молодыми людьми и представителями дальнего зарубежья, находящимися на территории России, продолжают возникать в разных городах страны. Мощнейшим мобилизационным фактором для большинства студентов является оскорбление по национальному признаку или негативная оценка народа, к которому принадлежит человек. Именно это чаще всего оставляет глубокий след в памяти человека и заставляет предпринимать какие-либо действия. Ещё одним мощным фактором этнической мобилизации является сопричастность или сопереживание какому-либо общему успеху или достижению. Исходя из вышесказанного, повышается ответственность университетского образования за будущее России, за то, по какому пути она пойдёт, как будут развиваться процессы межэтнического взаимодействия. Но, к сожалению, сегодня в этом направлении не ведется активной работы, и современная система образования не гарантирует формирования позитивных межэтнических установок. Все это является основой для разработки программы систематической и целенаправленной деятельности государственных органов, общественных объединений и организаций по формированию толерантности и профилактики нацизма.

Литература

1. Нации и национализм [текст] / Под редакцией Геллнер Э.Д.. – М.:Полис., 2007, 517 с.
2. Этническое самосознание [текст] / Под редакцией Хотинеца, В.Ю. – М.:Москва., 2009, 335 с.

СЕМЬЯ И БРАК: ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЕНИЯ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Иванова Е.А. (Санкт-Петербург)

Активное развитие гендерных исследований в 90-е годы в постсоветской России дало возможность изучать институт семьи и брака с новых и теоретических и методологических позиций.

Значительная часть проведенных исследований была ориентирована на изучение трансформации семейных и брачных отношений как таковых, а также на изучение отношения людей к этим институтам. Были проведены сравнительные исследования, фиксирующие изменения, происходящие с семьей и браком в Европе и бывших странах СССР, и новые черты, которые приобретают эти институты в условиях постсоветской России. Основным крупным исследованием, проведенным в конце 90-х годов, показали, что, несмотря на тот факт, модель построения семейных отношений на основе гендерного контракта «работающей матери», унаследованного от позднесоветского периода, продолжала оставаться основной моделью семьи, произошедшие в России политические и экономические изменения повлияли на изменение представлений россиян о семье и браке. Возникли альтернативы советскому гендерному контракту, который перестал быть нормативной моделью построения семейных отношений. Один из вариантов принятых гендерных контрактов, так называемый неотрадиционный, открыл возможность дискуссии об вероятности возвращения семьи в лоно традиционных ценностей и жизненных ориентиров; отношения, построенные на основе «эгалитарного» гендерного контракта, близки к концепции «чистых отношений», описанных Э.Гидденсом. В данный момент исследовательский интерес для меня представляют молодые люди до 30 лет, состоящие в браке или в «отношениях», воспринимаемых ими как альтернатива или подготовка к браку. Именно эта социальная группа готова наиболее активно менять привычные паттерны поведения для достижения своих целей. Как показывают данные исследований, именно молодежь склонна строить, - или планировать, - свою семью, основываясь на эгалитарной модели. Однако, есть некоторые аспекты, которые остаются конфликтными и неустойчивыми, а поэтому перспективными для изучения. Это те зоны, по которым в основном проходят гендерные границы в семье - и которые по этой причине зачастую становятся зоной конфликта. Пути, которыми молодые люди решают эти конфликты, в значительной степени определяют модель семьи, которую они находят наиболее привлекательной. Отношение молодых людей к институту брака также претерпевает изменения. Отодвигается возрастная граница вступления в брак; брак перестает быть необходимостью, становясь при этом осознанным выбором, требующем синхронизации всех жизненных планов. В этом аспекте наибольшую практическую значимость представляет анализ социальной политики, направленной на социальную группу

«молодые семьи», которая устанавливает определенные границы желательного для государства вступления в брак, и анализ личных предпочтений и мнений молодых людей, планирующих это событие сообразно из жизненному плану и современным реалиям.

ПРОФИЛАКТИКА РИСКА СУИЦИДАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ У ВОСПИТАННИКОВ ДЕТСКОГО ДОМА №6 Г. БАРНАУЛА.

Ильиных Е.С. (Барнаул)

Суицидальное поведение в настоящее время является глобальной социально-психологической проблемой. Психическое развитие детей, воспитывающихся без попечения родителей, отличается от ровесников, растущих в семье. Лишение детей материнской заботы с последующей психической депривацией в сиротских учреждениях, негативно сказываются на их социальном, психическом и физическом здоровье, следовательно, такие дети составляют «группу риска». Для того чтобы сформированные, в тяжелых условиях жизни, черты личности ребенка не привели к рискованному суицидальному поведению, необходимо во время оказывать помощь воспитанникам детского дома в форме профилактической работы. Объект – суицидальное поведение. Предмет – профилактика риска суицидального поведения у воспитанников детского дома. Цель: изучить проявления риска суицидального поведения у воспитанников детского дома и апробировать технологии социально-психологической профилактики. Гипотезы: 1. Психосемантические методы исследования позволят получить значимые результаты для оценки особенностей восприятия молодыми людьми базисных жизненных категорий в зависимости от выраженности суицидального риска. 2. В представлении подростков существуют дифференцированные образы базисных жизненных категорий, которые в зависимости от выраженности суицидального риска описываются определенным набором характеристик. 3. В результате пребывания в одних социальных условиях, личностные характеристики воспитанников детского дома схожи, что является одним из факторов, влияющих на формирования риска суицидального поведения. 4. Психосемантические методы позволят организовать эффективные технологии профилактики риска суицидального поведения в форме социально-психологического тренинга коррекции базисных жизненных категорий, в частности повысить и укрепить значимость

ценностной категории «жизнь» в представлении воспитанников детского дома. 5. Использование социально-психологического тренинга является эффективным, средством профилактики риска суицидального поведения среди воспитанников детского дома. Результаты: Наша работа состояла из следующих этапов: 1) Проведено анкетирование для определения риска суицидального поведения у воспитанников детского дома. По результатам 15 контрольных вопросов анкеты были выявлены подростки с высоким и низким риском. 2) Для выявления различных психических состояний, выделения личностных характеристик были использованы методики Г.Айзенка, М. Цукермана, А.Н. Орла, Дж. Роттера. 3) Далее для изучения взаимосвязи жизненных категорий и суицидального поведения воспитанников детского дома было проведено психосемантическое исследование. В качестве элементов анализа выступили базовые жизненные категории. Выбранные элементы оценивались по градуированной семибалльной шкале, в качестве дескрипторов выступали пары прилагательных - антонимов, образующих полярные полюса шкалы. 4) На основе полученных эмпирических результатов, был составлен социально-психологический портрет воспитанников детского дома и сделаны промежуточные выводы на основе которых, была разработана и реализована программа социально-психологического тренинга по профилактики риска суицидального поведения. 5) Далее на основе эмпирических данных повторного опроса дана оценка эффективности профилактической методики. Исходя из проведенного нами исследования, мы получили следующие обобщенные результаты: 1) Первичные результаты анкетирования показали наличие риска суицидального поведения у всей группы опрошенных, однако степень его выраженности различна. Высокий риск у 54% (8 человек) и низкий у 47% (7 человек) респондентов. После проведения СПТ можно заметить, что показатели по рискам снизились. Только у 13% (2 человека) респондентов показатели остались неизменно высокими, у 60% (9 человек) низкие, а у 27% (4 человека) риск суицидального поведения не выявлен. 2) Первичные результаты по методике Г. Айзенка выявили у воспитанников высокие показатели по шкалам, однако по результатам вторичного опроса, проведенного после СПТ, мы можем заметить, что показатели снизились. Фактически, подростки не испытывают чувство тревоги и агрессии, они спокойны и сдержаны, менее подвержены стрессам, но как прежде обладают ригидными чертами, хоть и менее выраженными. 3) Опираясь на результаты тест-

опросника А.Н. Орла, мы выявили, что у воспитанников детского дома выражены тенденции к нонконформистским взглядам, самоповреждающему, деликвентному, аддиктивному поведению, а так же к агрессии и насилию. По данным полученным после СПТ свидетельствуют о неготовности воспитанников детского дома к реализации самоповреждающего, аддиктивного и агрессивного поведения, однако, сохраняются склонность к деликвентному поведению и нонконформистским взглядам, не смотря на значительное снижение показателей по данным шкалам. 4) У респондентов по тесту УСК показатели выше среднего по шкале «семейных отношений», то есть подростки считают себя ответственными за события в их семейной жизни. По шкалам «здоровье и болезни» и «межличностное и производственное отношения» у воспитанников детского дома низкие показатели, что говорит о низкой ответственности за собственное здоровье и межличностное и профессиональное общение. После реализации СПТ можно заметить изменения по шкале межличностное общение. Воспитанники стали воспринимать самих себя как активных субъектов коммуникации, ответственных за результаты собственной деятельности. 5) По результатам психосемантического анализа выявлены нарушения у воспитанников детского дома в формировании представлений системы базовых жизненных ценностей. Жизненная категория «смерть» у всех подростков взаимосвязана с такими эмоциями как агрессивный, скучный и трусливый, однако находиться на положительных полюсах оси, может оцениваться как подсознательный способ решения трудных жизненных ситуаций. Категория «учеба» как и категория «детский дом» у большинства респондентов не имеет значимых взаимосвязей с эмоциями и другими конструктами. Среди подростков есть те, у кого в психосемантическом пространстве категории «жизнь», «семья», «любовь» описываются качественным набором отрицательных характеристик и располагаются на негативных полюсах пространства, что свидетельствует о низкой значимости данных конструктов. У большинства подростков эмоции находятся в отрыве от всех конструктов, что, вероятно, сформировано в процессе воспитания, вызвано недостатком любви и заботы, и свидетельствует об эмоциональной незрелости личностей. После проведения СПТ можно увидеть значимые изменения в представлении подростков системы базовых жизненных категорий. Особое внимание стоит уделить расположению в семантическом пространстве таких понятий как «смерть» и «жизнь». «Жизнь» в сознании подросток закрепились

как положительный и ценный конструкт, а категория «смерть» наоборот приобрела негативные характеристики. У большинства респондентов, такие элементы как «детский дом», «группа сверстников», «любовь», «семья», «карьера», «отдых», «учеба» расположены на положительных полюсах, что говорит о важности и необходимости этих компонентов в жизни испытуемых. Необходимо заметить, у подростков эмоции ценны, но находятся в отрыве от большинства конструктов, а результаты по тесту А.Н. Орла, говорят о сформированности волевого компонента эмоциональной сферы, причиной данного феномена может служить неумение или незнание способа как проявлять, открыто демонстрировать теплые чувства. В ходе проведенного исследования была достигнута его цель. Обобщая полученные данные, мы пришли к выводу, что использование социально-психологического тренинга как единственного способа превенции риска суицидального поведения, в целом, является достаточно эффективным.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ БИЗНЕС В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Касабуцкая М.С. (Санкт-Петербург)

Современные проблемы взаимосвязи потребления и пространства стилей жизни людей – важная тема в рамках социологических исследований. С одной стороны, потребление является основным механизмом социально-экономических отношений, с другой – ключевым аспектом жизненных практик людей, в результате которых постоянно формируется определённый социальный порядок с его иерархиями и статусами. Понятия социального пространства, социальных полей, практик, вкуса и агентов удивительно сплелись воедино в одном из самых значимых понятий концепции П. Бурдьё – габитусе [2]. Следует проанализировать применение концепции габитуса на основе данных основных социально-экономических характеристик разных стран.

На официальном Интернет ресурсе международного проекта «Всемирного обзора ценностей» (World Values Survey) представлены результаты исследований с 2005 по 2010 гг [5]. Респонденты 99 стран выражали свое мнение по различным социальным тематикам. Интерес представляют результаты ответов респондентов на следующий вопрос: «Насколько Вам важно быть богатым?». Мною

были выбраны 4 страны из разных регионов мира: Германия, Россия, Иран и Марокко с особенно ярко выраженными результатами.

Таблица №1. Данные по ответам респондентов на вопрос: «Насколько Вам важно быть богатым?»

Насколько Вам важно быть богатым?	Германия	Россия	Иран	Марокко
Важно	2,3 %	6,1 %	11,4 %	25,5 %
Достаточно важно	9,8 %	12,8 %	18,4 %	21,8 %
Всё равно	43,7 %	39,6 %	50 %	37,2 %
Скорее не важно	29,1 %	29,1 %	10,7 %	10,3 %
Не важно	15,0 %	12,5 %	9,5 %	5,2 %
Всего (чел, 100%):	2028 чел	1950 чел	2659 чел	1177 чел

Необходимость обладать высокими доходами характерна для таких стран, как Марокко и Иран. Интересен факт, что такое желание отсутствует у жителей Германии и находится на среднем уровне у граждан России.

Если сравнить эти данные с данными ВВП на душу населения (по ППС) за 2011 год, то можно обнаружить систематичность. ВВП Германии (37900\$) значительно превышает уровень ВВП России (16700\$) и тем более Ирана (12200\$) и Марокко (5100\$).

Согласно теории П.Бурдье, стили жизни являются систематической производной от габитусов. Можно проследить баланс соотношения распределения капитала, потребительских возможностей жителей разных стран с их удовлетворённостью стилем жизни, и, следовательно – статусной самоидентификацией.

Например, прослеживается связь формирования сходных габитусов в каждой из подгрупп. Так жители Германии, обладая высоким экономическим капиталом и культурным потенциалом, не нуждаются в значительных финансовых преобразованиях, тогда как жители Марокко стремятся улучшить достаточно стеснённый уровень жизни. Потребление, рассматривается П.Бурдье как важный инструмент формирования стиля жизни. На современном этапе, одним из важных аспектов культуры является туризм, как явление досуга. Именно туризм влияет одновременно на экономический успех производства и

на характер потребительской практики. Потребление продовольственных товаров и предметов домашнего обихода определяет лишь базовые потребности человека и поэтому существенно не влияет на развитие человеческого капитала. В то время, как отдых и восполнение затраченных физических усилий является важной составляющей человеческих практик.

Туризм даёт неоценимую потребительскую практику проживания в новых условиях, именно туристический опыт наделяет агентов познавательными или профессионально-деловыми навыками, что помогает формировать и закладывать новые схемы в уже имеющуюся структуру габитуса.

В условиях глобализации туризм становится той областью потребления, которая маркирует потребителя и дифференцирует его принадлежность к определённому стилю жизни.

По мнению французского социолога «любой стиль жизни может быть по-настоящему осмыслен лишь в его соотношении с другим стилем жизни» [1].

Таблица №2. Международный выездной туризм (млн. чел)

Регион	2000	2005	2008	2009	2010
Европа	385,6	439,4	485,2	461,5	476,6
Азия и регион Тихого океана	110,1	153,6	184,1	189	203,8
Америка	128,2	133,3	147,8	146	149,8
Ближний Восток	24,1	36,3	55,2	52,9	60,3
Африка	26,5	35,4	44,4	46,0	49,5

Показатели потребления туризма формируют представление о пространствах стилей жизни отдельных стран. Так, за последние 10 лет (с 2000 по 2010 год) Европа остаётся лидером по количеству потребления туристических услуг – почти 500 млн. туристов в 2010 году, что позволяет высокоразвитым странам ЕС манифестировать свои высокие позиции как в сфере культуры и отдыха, так и в экономической сфере с развитой инфраструктурой. Именно «вкус к роскоши» жителей стран Европы и умение организовать свой досуг формирует их стиль жизни.

Достаточно аскетичны в своих потребительских предпочтениях в сфере туризма жители стран Африки (49,5 млн чел) и Ближнего Востока (60,3 млн чел). Небольшое количество людей используют туризм как практику накопления культурного капитала. Страны

Африки и Ближнего Востока далеки от идеала в своём жизненном положении, где нужда превращается в выбор.

Таким образом, формирование габитуса менее развитых и развивающихся стран связано с откладыванием определенных желаний (например, потребление туристических услуг) и инвестирования в обыденные стремления (продукты питания и товары первой необходимости). Напротив, развитые страны достигают гармонии через постоянное исполнение желаний (например, в культурной сфере организации своего досуга). Представители высокоразвитых стран вкладывают больше, чем откладывают — и в экономическом, и в символическом смысле.

Проанализировав национальные особенности потребления услуг, связанных с проведением досуга, можно увидеть, что потребление является важнейшей составляющей стиля жизни и культуры, и каждая страна занимает определённое место в пространстве стилей жизни посредством своего потребления. Пространства предпочтений детерминированы объёмом и структурой капитала [4]. Страны, «обладающие одновременно наибольшим экономическим и культурным капиталом характеризуются вкусом и потреблением, считающимся благородным», в то время как потребление стран, «обделённых экономическим и культурным капиталом, можно обозначить вульгарным по причине доступности и распространённости» [3]. Габитус способствует накоплению практики, определяет вкусы и типы культурного потребления, позволяющие выстроить пространство стилей жизни как для страны в целом, так и для отдельных людей, проживающих на данной территории. Для России рост потребительского потенциала населения страны – это задача, где интересы экономики и социальной сферы непосредственно смыкаются.

Литература

1. Бурдьё П. Различение: социальная критика суждения // Экономическая социология. - Т. 6, № 3, 2005.
2. Бурдьё, П. Социология социального пространства / Пер. с франц.; отв. ред. перевода Н. А. Шматко — М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007.
3. Omar Lizardo, Pierre Bourdieu as a Post-cultural Theorist // Cultural sociology, UK, 2010.
4. Rob Stones, Key Sociological Thinkers. Second Edition – Palgrave Macmillan, 2007.

5. Официальный сайт "World Values Survey". Режим доступа: <http://www.worldvaluessurvey.org/>

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА КОМПАНИИ: ФЕНОМЕН СОПРОТИВЛЕНИЯ ИЗМЕНЕНИЯМ

Коваленко К.А. (Санкт-Петербург)

На сегодняшний день очевидным является тот факт, что любая ныне существующая организация, для того чтобы сохранить свою конкурентоспособность, прибыльность и эффективность в общем смысле, «вынуждена» в той или иной мере учитывать изменения внешней среды и вносить соответствующие коррективы в свою деятельность. Понятие управления изменениями, ставшее столь популярным в современной литературе по менеджменту, охватывает «все запланированные, организуемые и контролируемые перемены в области стратегии, производственных процессов, структуры и культуры любой социально-экономической системы, включая частные и государственные предприятия [3]. Принимая во внимание широту данного управленческого подхода, мы бы хотели указать на один из важнейших и определяющих, на наш взгляд, факторов успешности данного процесса - на проблему соотношения проводимых изменений и организационную культуру, подвергающегося этим изменениям, предприятия. Вслед за Э. Шейном, понимая организационную культуру как совокупность базовых представлений и убеждений, сформированных и усвоенных группой в целях успешной адаптации к внешней среде, внутренней интеграции, а также паттернов для разрешения всех возникающих проблем [4], мы считаем, что именно она может стать решающим фактором при проведении изменений в организации. Следовательно, управленческая деятельность должна подразумевать и работу с организационной культурой. Основное препятствие при необходимости изменений, связанное с неизбежным существованием организационной культуры и ее влиянием на деятельность компании, - это феномен сопротивления. Как точно замечает И. Ансофф, «сопротивление- это многоликий феномен, который приводит к неожиданным задержкам, непредусмотренным затратам и вносит нестабильность в процесс стратегических перемен»[1, с. 366]. Характерными чертами сопротивления являются промедление с началом выполнения новых задач, задержки при реализации стратегии, действия сотрудников компании,

направленные против изменений. Несомненно, для объяснения этого можно найти множество причин, в том числе, например, и личную выгоду от прежнего положения дел одного из сотрудников. Тем не менее, для управленческой деятельности больше интересно сопротивление не индивидуальное, которое преодолеть легче, а групповое, имеющее сильное влияние и тормозящее компанию. В свете этого вернемся к пониманию организационной культуры- ведь она, по сути, является некой призмой, с помощью которой ее члены формируют для себя «образ мира» и правила, нормы для существования в нем. Если какое-либо нововведение, пусть даже и проводимое управленцами высшего звена, вдруг вступает в конфликт с принятой, разделяемой всеми культурой, противоречит ценностям и верованиям, то, соответственно, оно и не будет полноценно реализовано. В общем виде можно говорить о двух формах сопротивления – систематической (вследствие недостаточного количества информации, неосведомленности, отсутствия необходимых навыков, возможностей) и поведенческой (вследствие реакций и оценок людей и групп, которых затрагивают перемены). Обе формы сопротивления могут произрастать из определенного типа организационной культуры. Феномен сопротивления переменам может иметь психологическое обоснование. Корпоративные психологи Киган Р. и Лейхи Л. выдвигают гипотезу о том, что сопротивление - это не обязательно проявление несогласия или обычной инерции [2]. Некоторые сотрудники, будучи искренне «за» перемены, неосознанно направляют все свои силы на поддержку других своих устремлений - противоположных убеждений. Помощь в выявлении и осознании этих убеждений у особенно ценных для организации сотрудников или группы сотрудников (особенно формальных и неформальных лидеров, оказывающих прямое воздействие на формирование организационной культуры всей компании)- так же является возможным способом преодоления возникающего сопротивления. Для этого подходят групповые тренинги под руководством опытных психологов, так как данные мероприятия предполагают открытый самоанализ со стороны сотрудников. Несомненно, только психологическими тренингами с персоналом не ограничивается весь арсенал управленческой борьбы с сопротивлением нововведениям в организации. Это может быть и комплексная работа по формированию и изменению организационной культуры, и внедрение отдельных пробных проектов с целью подготовки сотрудников к более масштабным заданиям, и создание специальных подразделений по осуществлению

специфических изменений и т.д. Уже перечисленные способы предполагают то, что в их разработке и проведении задействован широкий круг специалистов различных областей - психологи, социологи, менеджеры. На наш взгляд, сегодня, несмотря на обилие популярной литературы по обозначенной проблеме и все более возрастающее количество тренинг-консультантов, предлагающих свои услуги компаниям, за этой информацией и деятельностью стоит довольно скудная научная база, недостаточно подкрепленная данными исследований. В комплексном изучении феномена организационной культуры и ее воздействии на деятельность компании авторам видится решение освещенной ими в докладе проблемы.

Литература

1. Ансофф И. Новая корпоративная стратегия. СПб: Питер Ком, 1999
2. Корпоративная культура и управление изменениями. М.: Альпина Бизнес Букс, 2007.
3. Том Н. Управление изменениями/ Н. Том // Проблемы теории и практики управления. 1998. - №1. С.68-74.
4. Шейн Э. Организационная культура и лидерство. СПб: Питер, 2002

РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ СЕГОДНЯ: КТО, КАК И ПОЧЕМУ?

Кузьминых К.. (Санкт-Петербург)

Уместить заявленную тему в рамки короткого доклада кажется непростой задачей по некоторым причинам. Во-первых, прежде уже было сделано несколько серьезных профессиональных обзоров. Речь идет о публикациях Ю. Веселова, В. Радаева, В. Якубовича и С. Ярошенко, А. Куракина и других исследователей. Во-вторых, тема слишком обширна, требует определенного спектра знаний и, главное, опыта, чего сложно ожидать от студентки четвертого курса. Однако, я все же рискну и возьмусь за это опасное дело. Моей целью в данном случае является попытка максимально кратко и доступно объяснить своим коллегам, своим ровесникам, что представляет собой отечественная экономическая социология сегодня. Я особенно подчеркиваю последнее слово, так как в мои цели не входит ретроспективный анализ развития и

институционализации дисциплины. Где и как сегодня преподают экономическую социологию, каковы основные темы исследований, какие господствующие методологические течения, ключевые персоналии, публикации и научные мероприятия можно выделить на сегодняшний день – вот те вопросы, которые я перед собой ставлю. В конце своего выступления мне бы хотелось поделиться своими впечатлениями от одного из главных событий для российского академического сообщества экономических социологов - международной конференции «Embeddedness and beyond: do sociological theories meet economic realities?», прошедшей 25-28 октября 2012 года в московском филиале Высшей Школы Экономики. Итак, на сегодняшний день кафедры экономической социологии можно найти в СПбГУ, МГУ, НИУ-ВШЭ (Москва), Нижегородском Государственном университете, Саратовском государственном социально-экономическом университете. Магистров по направлению «экономическая социология» сейчас готовят в Москве, Петербурге, Тюмени, Новосибирске. Если говорить о наиболее передовых, еще не упомянутых ВУЗах, дающих возможность приобрести качественное социологическое образование, то, к сожалению, в МВИШСЭН им. Шанина фактически не занимаются экономической социологией (хотя основательница российской экономической социологии Татьяна Заславская долгое время работала именно там). Интересующий нас курс даже не читается там студентам, чего нельзя сказать о Европейском университете в Санкт-Петербурге. Экономической социологией здесь занимаются Элла Панеях и Вадим Волков (силовое предпринимательство, проблемы правоприменения, исследования судебной системы) В СПбГУ главным представителем дисциплины является Юрий Витальевич Веселов, в настоящее время исследующий проблематику доверия и социологии рынков. Также можно выделить его коллегу, Александра Викторовича Петрова. В его компетенцию входят сравнительные социально-экономические исследования России и Китая, проблемы профсоюзов, проблемы социального партнерства в условиях глобальных трансформаций и т.д. Последняя выпущенная кафедрой коллективная монография называется «Капиталистическое общество: проблема справедливости / Под ред. Ю. В. Веселова» 2011 год. «Стержнем» российской экономической социологии как науки, безусловно, является кафедра экономической социологии в московском филиале Высшей Школы Экономики, а главной фигурой в ней можно считать заведующего кафедрой и первого проректора ГУ-ВШЭ Вадима Валерьевича

Радаева. Благодаря ему в данной дисциплине было сделано много важных вещей, среди ключевых (в хронологическом порядке) 2000 год - первый выпуск единственного в России журнала, посвященного профильной теме, «Экономической социология». 2001 год - старт ЭКСОЦЕНТР-а , ресурсного сайта по экономической социологии. 2002 год – открытие портала ЭКОНОМИКА. СОЦИОЛОГИЯ. МЕНЕДЖМЕНТ. 2006 год – создание Лаборатории экономико-социологических исследований (ЛЭСИ) В перечень текущих проектов ЛЭСИ входят исследования на тему: «Основные формы развития контрактных отношений в розничной торговле» «Мониторинг финансового поведения населения и доверия финансовым институтам», «Неформальная экономическая деятельность полиции», «Что покупается и что продается на рынке высшего образования?» Как и все лаборатории Вышки, ЛЭСИ предельно открыта для мотивированных студентов. Здесь регулярно проводятся разнообразные семинары, где активно обсуждаются текущие и будущие проекты, работы классиков и даже художественные фильмы. Еще одна из функций ЛЭСИ – осуществление переводов ключевых работ по дисциплине (за которыми, как правило, следует публикация в журнале «Экономическая социология»). Как и в большинстве гуманитарных дисциплин, наблюдается ситуация отставания российской эконом. социологии от западной. Всем понятно, какими причинами это вызвано и заводить об этом долгий разговор не стоит. До 2000 годов ситуация с переводами работ западных коллег находилась в очень плачевном состоянии. С момента основания кафедры Радаев и его коллеги приложили существенные усилия, чтобы исправить эту ситуацию. Во многом частично, но были переведены классики новой экономической социологии: Грановеттер, Зелизер, Флигстин, Биггарт, Уайт, Сведберг и .т.д. Также была проведена серия интервью со звездами мировой экономической социологии, затем переведена на русский язык и издана в форме книги «Экономическая социология: автопортреты». В настоящее время отдельные экземпляры книги находятся в свободном доступе в библиотеке им. Маяковского. Что касается наиболее популярных методологических подходов на сегодняшний день, то здесь можно выделить социокультурный, новый институциональный подход и сетевой анализ. Что исследуют российские эконом.социологи? Очень популярны исследования неформальной экономики, социологии рынков, исследования структуры занятости, прежде всего неформальной (фриланс), финансового поведения населения (потребительские, сберегательные,

инвестиционные практики), отношений в организации, социально-экономической стратификации (исследования среднего класса), предпринимательства. К настоящему моменту дисциплина прошла сравнительно недолгий путь институционализации (с середины 80-ых годов) и по-прежнему находится в стадии активного развития. Но для успешного существования ей, безусловно, необходимы свежие силы в лице молодых, перспективных исследователей, способных вывести российскую экономическую социологию на международный уровень.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОЖИДАНИЯ СТУДЕНТОВ-СОЦИОЛОГОВ

Лобанова М.И., Сторожева С.П. (Новосибирск)

Одной из новых для России специальностей, которая появилась на рынке труда после экономических преобразований конца XX в., является специальность социолога. Спрос на специалистов-социологов существует как в научной, так и в прикладной области деятельности. Маркетинговые отделы, исследовательские центры и лаборатории, государственные и частные предприятия нуждаются в специалистах, способных организовать и провести социологическое исследование. Однако нередко недостаточная осведомленность о существующем положении на рынке труда, неготовность к полноценному участию в происходящих на рынке труда процессах не дает студентам возможность сформировать адекватное представление о будущей профессиональной карьере. По данным исследования С. Твороговой, для российских студентов социологическое образования служит не столько механизмом профессиональной специальности, а «образованием вообще», т.е. способом аккумуляции неспецифического культурного капитала. Так она отмечает, что большинство студентов, окончивших социологические факультеты, не намерены работать по специальности, а готовятся идти в коммерческие структуры. Исследование выпускников социологических факультетов в 2003 году проводилось А. Куликовой. Было проведено анкетирование 168 старшекурсников и выпускников факультетов социологии МГУ им. М.В. Ломоносова, ГУ-ВШЭ, МГСУ, ГУГН, ГУУ, РХТУ. Исследование показало, что на этапах вхождения на рынок труда перспективы трудоустройства определяет наличие нужных личных контактов. Это связано с тем, что основная потребность рынка апеллирует к практическим

навыкам, большую часть которых можно получить только на работе. При этом опыт работы даёт информацию для проектирования карьеры. В Новосибирске в настоящее время пять вузов готовят социологов, выпуская ежегодно около ста молодых специалистов. Поэтому представляет интерес изучение целей и ожиданий, с которыми студенты-социологи связывают выбранное ими поле деятельности. Объектом исследования были выбраны студенты 1-4 курса гуманитарного факультета, обучающиеся по специальности социология в ГОБУ ВПО «СибГУТИ». Предмет – профессиональные ожидания студентов-социологов. Для данного исследования мы использовали метод аудиторного анкетирования. Под профессиональными ожиданиями мы понимаем представления о возможных успехах в карьере, отношениях с коллегами, стратегиях профессиональной самореализации. Студенты-социологи, принявшие участие в анкетировании, обучаются на внебюджетной основе, и это означает, что у них был достаточно широкий выбор специальностей при поступлении в вуз. Для определения причин, по которым студенты поступили на эту специальность, был задан вопрос: «Что подтолкнуло вас к выбору специальности социология?». 25% ответили - интерес к специальности. У 38% были различные причины, такие, как получение отсрочки от службы в армии, низкий проходной балл, престижность университета. 37% подтолкнули к выбору друзья и родители. «Социология сочетает в себе знания, необходимые для практической деятельности в различных областях, им легко найти практическое применение», так считают 60% опрошенных студентов-социологов. На вопрос «общались ли вы с практикующими социологами» 54% ответили, что никогда не общались и плохо представляют, чем они занимаются. 35% студентов удалось пообщаться с практикующими социологами, и они вдохновили их продолжить карьеру по этой специальности. При всей новизне социологии и профессиональных трудностях при трудоустройстве, 40% опрошенных ожидают от будущей профессиональной деятельности широких возможностей при трудоустройстве, 60% полагают, что выпускник с дипломом социолога может быть не востребован на рынке труда, 20% считает, что будет востребован. На вопросы о том, хотели бы Вы, чтобы профессиональная карьера была связана с социологией, 80% студентов затрудняются ответить, это можно связать с тем, что у студентов пока еще отсутствуют четкие представления о трудоустройстве. 7% желают связать свою карьеру с социологией. О предпринимательской карьере социолога, задумывались два

человека, остальные считают, что для социолога целесообразно быть наемным работником. 98% опрошенных студентов, хотели бы применить свои знания в PR и рекламе. 60% студентов считают, что не смогут найти работу по специальности, из них 75% учатся на старших курсах. Причиной этому, по мнению студентов, служит узкий рынок труда. 61% в будущем не планируют работать по специальности, а будут строить карьеру в другой области, 20% планируют получать второе высшее образование. Важным показателем успешной карьеры для опрошенных студентов является уровень материального вознаграждения – 46%. Самореализация и личностный рост – 33%. Причины, по которым студенты хотят связать свою карьеру с социологией: любят общаться с людьми, считают профессию интересной и полезной, социология затрагивает многие области знания. С другой стороны, встречаются ответы, где студенты отмечали, что это мало перспективно, не прибыльно, высоки трудности в трудоустройстве, много бумажной волокиты, не престижно. Таким образом, профессиональные ожидания-студентов не однозначны. Многие из респондентов слабо знакомы с рынком труда и имеют недостаточно четкое представление о профессиональной карьере социолога. Но, несмотря на это, результаты показывают достаточно высокую заинтересованность в том, чтобы связать свою профессиональную деятельность с социологией

СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ РОССИЙСКОГО БИЗНЕСА: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Михайлик Я.В. (Санкт-Петербург)

В последнее время все большую популярность в России приобретает категория социальной ответственности бизнеса. Это явление широко обсуждается в среде экономистов, социологов, специалистов в области корпоративного управления, предпринимателей и представителей государственной власти. В США вопросами социальной ответственности стали заниматься еще в середине прошлого столетия, в Европе позже – в 90-х годах XX века. За прошедший период в этих странах были сформулированы идеологические и правовые основы социальной ответственности бизнес-структур, выработан единый подход к его оценке. Важно, что этот вопрос назрел сам на основании происходящих в обществе изменений и существующих предпосылок в виде устойчивой

экономической системы, развитого гражданского общества и устоявшихся демократических традиций. В Россию понятие корпоративной социальной ответственности пришло с Запада и сразу стало достаточно модным термином. Если посмотреть на ныне существующие российские компании, как крупные, так и не очень, то можно заметить, что многие из них стали позиционировать себя как социально-ответственные компании, которые заботятся об обществе в целом, и о своих работниках в частности. Но что стоит за этими словами? В нашей стране до сих пор не сформирован единый подход к социальной ответственности. Согласно исследованию, проведенному Ассоциацией менеджеров России в 2005 году, сущность социальной ответственности менеджерами, населением и государственными служащими понимается по-разному. Для управленцев роль социально-ответственного поведения во многом сводится к возможности повысить имидж своей компании. Государственные служащие рассматривают это явление как способ переложить ряд социальных обязательств государства на плечи бизнеса. У населения социальная ответственность ассоциируется, прежде всего, с заботой о сотрудниках компании, выплатой высоких заработных плат, а также с благотворительной деятельностью, направленной на поддержку беднейших слоев населения. Столь разное видение сущности социальной ответственности бизнеса приводит к возникновению множества противоречий и проблем в рамках взаимодействия государства, бизнеса и населения. Существует мнение, что социальная ответственность должна быть закреплена законодательно, поскольку сейчас выбор, следовать этим нормам или нет, полностью зависит от представителей бизнеса. Однако, подобный ход разрушает принцип, на котором базируется социальная ответственность – добровольность. Не стоит забывать и о природе бизнеса и государства. Главной целью бизнеса является получение прибыли, государство же призвано заботиться о своих гражданах, в том числе, через реализацию своих социальных обязательств.

В странах с развитой системой социальной ответственности часто отмечается, что многие компании, позиционирующие себя как социально ответственные, делают это для получения собственной экономической выгоды, пытаясь таким образом поднять имидж своей компании. Большинство российских компаний имеют такие же цели. Однако, в отличие от западных, у представителей российского бизнеса есть своя особенная черта: многие из них под видом

социальной ответственности демонстрируют исполнение обязательных правовых норм. Как известно, государство вырабатывает определенные законодательные нормы, которые регулируют деятельность предпринимателей и компаний. Эти нормы регламентируют отношения работников с работодателями (аспекты трудоустройства, увольнения, рабочего времени, обустройства рабочего места и многое другое), а также обязательства компаний по отношению к потребителям производимых товаров и услуг (например, требование информирования потребителей о предлагаемой услуге или товаре). В России эти законодательные нормы реализуются далеко не в полном объеме. А выполнение этих норм позиционируется как социально-ответственное поведение, что на деле таковым не является, поскольку социальная ответственность заключается в дополнительных действиях, превышающих обязательные к исполнению. В условиях российской действительности социальная ответственность бизнеса труднореализуема. Одна из причин этого – неготовность граждан и государственной системы к партнерскому диалогу и сотрудничеству. Многие российские граждане живут сегодняшним днем и не верят в завтрашний, что заставляет их соглашаться на неофициальное трудоустройство, «черную» заработную плату и т.д. Что касается неготовности государства, ныне существующие институты государственной власти, которые должны контролировать исполнение законодательных норм, часто неэффективны. Как уже отмечалось ранее, для успешной реализации системы социальной ответственности необходимы устойчивая экономика, развитое гражданское общество и сформировавшиеся демократические традиции. В России, к сожалению, эти институты пока не сформированы.

Существует также еще одна проблема, связанная с социальной ответственностью российского бизнеса. Принято считать, что социальная ответственность – это удел крупных компаний, а мелкий и средний бизнес не играет важной роли в реализации социальных программ. Однако, данный подход односторонен. Не смотря на невысокие, в сравнении с крупными компаниями, средства, направляемые средним и мелким бизнесом на социальные нужды, они являются важной составляющей модели взаимодействия государства и бизнеса. Таким образом, говорить о формировании системы социальной ответственности бизнеса в России пока преждевременно. В этом поле

существует множество проблем и вопросов, очертить которые и была призвана данная статья. Однако, определенный потенциал у российского общества все же есть – оно осознает необходимость построения модели взаимодействия государства и бизнеса, которая предполагала бы взаимную ответственность и ответственность перед гражданами и потребителями. Для достижения данной цели необходим конструктивный диалог между гражданами, государством и бизнесом.

НЕФОРМАЛЬНЫЕ ПЛАТЕЖИ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ.

Николаенко Г.А. (Санкт-Петербург)

Одной из составляющих в системе социально-экономических прав является право на охрану здоровья и медицинскую помощь. Оно предполагает бесплатность медицинской помощи в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения. Медицинская помощь финансируется за счет средств соответствующего бюджета, страховых взносов и других поступлений. Конституция указывает (ч. 2 ст. 41) на обязанность государства финансировать федеральные программы охраны и укрепления здоровья населения, необходимость принятия мер по развитию государственной, муниципальной и частной систем здравоохранения. Согласно Уставу Всемирной организации здравоохранения здоровье - это состояние полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней и физических дефектов. Обладание высшим достижимым уровнем здоровья является одним из основных прав всякого человека без различия расы, религии, политических убеждений, экономического и социального положения. Огромное значение таких благ, как жизнь и здоровье, обуславливает необходимость их всемерной охраны и исследования общественных отношений в сфере здравоохранения. Здоровье – одна из основополагающих ценностей в жизни любого человека. В связи с этим, особенно болезненно воспринимается тот факт, что в Российской Федерации, несмотря на перешедший колоссальный опыт СССР, институт здравоохранения находится в глубочайшем структурном кризисе. Финансовая необеспеченность государственных гарантий в России детерминировала рост неформальных платежей и снижение доступности медицинской

помощи для населения. Неформальными платежами выступают не только неофициальная (теневая) оплата пациентами услуг медицинских работников, но и затраты пациентов на приобретение лекарств и медицинских материалов при лечении в государственных и муниципальных лечебно-профилактических учреждениях, которые должны предоставляться бесплатно. Кроме того в настоящее время наблюдается обесценение профессии врача, обусловленное крайне низкой заработной платой, снижением престижа в глазах общественности и т.п. Данные явления указывают на глубочайший структурный кризис в системе здравоохранения. Основной целью данного исследования является анализ сложившейся ситуации, связанной с неформальными платежами в государственной системе здравоохранения Российской Федерации. В качестве респондентов будут выступать студенты Санкт-Петербургского Государственного Университета, имеющие опыт взаимодействия с государственной системой здравоохранения. Основными задачами исследования являются: определение доли респондентов, сталкивавшихся с неформальными платежами; определение среднего объема неформальных платежей (в зависимости от их природы); выявление наиболее проблемных зон современного здравоохранения (с точки зрения неформальных платежей); определение субъектов принятия неформальных платежей. В качестве результата исследования представлена структурированная информация о количестве студентов, столкнувшихся с проблемой теневых выплат в государственной системе здравоохранения, проанализирован объем неформальных платежей, выявлены наиболее коррумпированные сектора государственных медицинских учреждений. Полученная информация поможет более детально оценить данный аспект структурного кризиса, которому в наши дни подвержена государственная система здравоохранения.

**ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА»**

Окишева Т.С. (Санкт-Петербург)

Студент – новый человек в науке, поэтому ему необходимы помощь и ориентиры. Таковыми становятся научные руководители, другие преподаватели и ученые, а также научные мероприятия, где студент учится ориентироваться в научном пространстве, знакомится с последними разработками в своей области знания, приобретает

дополнительные ценные навыки и пробует собственные силы. На факультете Социологии СПбГУ проводится масса научных мероприятий, а с 2011 года в их числе появился уникальный интеллектуальный проект «Социологическая школа», в котором в течение двух лет, с 2011 по 2012 год, приняли участие 56 студентов вузов страны и зарубежья. Из них 35 человек участвовали в Школе в 2011 г. и 21 человек – в 2012 г. Уникальность проекта среди прочих научных мероприятий факультета Социологии заключается в том, что, во-первых, он создан совместными усилиями преподавателей и студентов факультета Социологии СПбГУ, а именно представителей Студенческого Совета, преимущественно Научного Комитета. Во-вторых, подобное сотрудничество обеспечило проекту двойную эффективность. Социологическая школа получила опытных руководителей в лице преподавателей. А также, на наш взгляд, благодаря участию в организации Школы Студенческого Совета, проект стал в большей степени отвечать интересам студентов. Последнее замечание важно, поскольку в современном обществе, где студенческая молодежь представляет собой так называемое «поколение пепси», а общее сознание молодежи от 10 до 40 лет приобрело «рыночный характер», образование стало носить характер услуги. У услуги, как и у организации, которой выступает Социологическая школа, имеется потребитель или клиент, на которого она направлена. Успех, востребованность такой услуги напрямую зависит от заинтересованности в ней ее потребителя – студента. Успех Социологической школы также зависит от того, насколько удовлетворены студенты результатами собственного участия в проекте. Для контроля и, по необходимости, улучшения работы Социологической школы, по ее итогам организаторами проводились опросы участников о качестве проекта. Так, по итогам двух лет, организаторы получили не самые утешительные результаты оценок потребителей. При росте прочих показателей (удовлетворенность культурными мероприятиями, удовлетворенность бытовыми условиями проживания), основной показатель – удовлетворенность учебными мероприятиями, а также рациональность распределения времени значительно снизились. Данные представлены в Таблице 1.

Таблица 1. Оценка реализации проекта Социологической школы 2011-2012 гг.		
показатель	2011 г. (баллы)	2012 г. (баллы)
Удовлетворенность учебными мероприятиями	3,5	2,9
Рациональность распределения времени	3,6	3,5
Удовлетворенность культурными мероприятиями	3,7	4,2
Удовлетворенность бытовыми условиями проживания	3,6	4,2

Поскольку удовлетворенность учебными мероприятиями Школы сильно снизилась, а данный показатель является основным для проекта, мы подробно изучили процесс и результат организации учебных мероприятий Социологических школ 2011 и 2012 гг., провели сравнительный анализ по двум годам, выявили ряд проблем и сформулировали рекомендации для дальнейшего улучшения работы Социологической школы. Проблемы: 1. Преобладание теории над практикой в содержании учебных мероприятий Социологической школы 2. Использование пассивных форм проведения занятий 3. Изучение неактуальных или уже известных участникам тем в социологии 4. Низкий уровень личностного взаимодействия преподавателей и студентов. Отсутствие обратной связи. Рекомендации:

1. Насыщение учебных мероприятий практическими занятиями, мастер-классами, групповыми семинарскими занятиями при общем уменьшении числа лекций по теории социологии, и без того доступных участникам в их вузах. 2. Использование активных и интерактивных форм проведения занятий. По аналогии с п. 1, введение форматов практической работы студентов. 3. Проведение занятий, посвященных новейшим исследованиям и разработкам в социологии. Освещение современных тенденций в социологической науке. Обучение студентов проведению социологических исследований, проведение занятий, посвященных проблемам работы в поле и их решению. Предоставление студентам рекомендаций по практике работы социолога. 4. Повышение качества проведения занятий на Социологической школе. Приглашение лучших преподавателей факультета Социологии СПбГУ на основе студенческих оценок преподавания, рекомендаций и собственного опыта. Приглашение специалистов из социологических институтов, лабораторий и центров. 5. Повышение уровня личностного взаимодействия преподавателей и студентов: предоставление преподавателям возможности проживания на территории проведения Социологической школы, предоставление свободного времени для общения с участниками проекта. Рассмотрение преподавателями студенческих работ в индивидуальном порядке, предоставление рекомендаций. С учетом всех указанных рекомендаций в 2013 году Организационным комитетом будет проведена III Социологическая школа факультета Социологии СПбГУ.

РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СОЗНАНИИ МОЛОДЕЖИ

Первушина Е.В. (Санкт-Петербург)

Личность не развивается сама по себе, в своем развитии ей необходимо опираться на те идеалы, которые ей наиболее близкие. Религия дала человечеству основы морали и правовых отношений, формировала эстетические и нравственные идеалы. Проблема религиозной идентификации молодежи в современном обществе стоит очень остро. Во многом это определяется тем, что отчасти мы не понимаем, как нужно рассматривать этот феномен. В последнее время существует тенденция несоответствия внешних проявлений религиозности или какой-то религиозной деятельности и внутренней его составляющей. В современном мире необходимо изучение религиозной идентичности, для того, чтобы понимать, какую политику реализовывать и каким образом контролировать процесс становления личности. Религиозная идентичность и религиозность изучается различными социологами, религиоведами, философами, теологами. Такие исследователи, как Кублицкая Е.А., Андреева А.А., Кобзева Н.А., Лебедев С.Д., Мчедлов М.П., Синелина Ю.Ю., Скларова Т.В. и некоторые другие изучали данные аспекты в сфере молодежи и религия. За последние годы было проведено достаточно исследований, которые помогают выработать определенный категориальный аппарат и методологическую основу для изучения этих феноменов. Вышеперечисленные исследователи рассматривали религиозную идентичность в различных аспектах. Религиозная идентичность рассматривается как самоотождествление индивида с той или иной конфессией, полное осознание того, что он сторонник какого-то определенного вероучения. Для того, чтобы глубже понять религиозную идентификацию, необходимо выявить основные факторы, которые формируют ее. Многие исследователи обращают внимание на то, что религиозная идентичность содержит в себе три компонента: религиозное сознание, религиозное поведение и религиозное отношение. При наличии всех этих составляющих можно говорить о полностью сформированной религиозной идентичности. Изучение данной темы необходимо обществу сегодня. Потому что мы можем в какой-то степени по тому, как сформирована религиозная идентичность, судить и о духовности общества, о его социальном здоровье. Так как изучается молодежь, то необходимо четко понимать, откуда, как и из-за чего у молодого поколения

возникают, или не возникают чувства приобщенности к религии. Молодые люди находятся на этапе своего становления и формирования своей личности, поэтому необходимо четко понять и изучить, через какие каналы сейчас социализируется молодежь и что оказывает наибольшее влияние. Религиозное поведение- это совокупность различных практик, которые индивид или группа выполняют соответственно своему вероисповеданию. Другая категория- религиозное сознание определяется, как причастность, приверженность определенной религиозной группе, организации, разделение тех же самых норм, установок и ценностей, которые в ней существуют. Религиозное поведение регулируется религиозными нормами. Они заключают в себе определенные установки и стандарты, которыми руководствуется индивид, причисляющий себя к той или иной конфессии. Религиозные отношения- это отношения, которые возникают на почве религиозных взаимодействий между отдельными индивидами, в группах, организациях и в целом в обществе. В современном мире роль религии достаточно быстро растет. Сегодня можно говорить о том, что растет религиозное самосознание и вероисповедание населения. Однако, чаще всего оно не подкреплено поведенческими характеристиками, что не дает нам четкой картины религиозности. Встает еще один вопрос, как определить соотношение религиозной культуры и религиозной идентичности. Для некоторых молодых людей религия является частью той культуры, в которой они живут. В таком случае не всегда может идти речь о сформировавшейся религиозной идентичности. Таким образом, необходимо понять, что выступает признаками религиозной идентичности. Более того необходимо развести эти понятия и определить, в каком соотношении будут выступать религиозная культура и религиозная идентичность: религиозная культура равно религиозная идентичность или же религиозная культура является частью общей культуры. В прошлом году в рамках курсовой работы, было проведено исследование. Результаты исследования свидетельствуют о том, что религиозная идентичность и сознание могут сформироваться только в сочетании религиозного самосознания и религиозного поведения. Все это задает определенное поле для исследования и определяет ниши для изучения конкретных понятий и явлений. Большинство опрошенных молодых людей (58,7%) определили себя верующими. Относительно соотношения поведенческих практик и религиозного сознания. Молодые люди на вопрос о том, как часто они посещают

церковь, чаще всего выбирали ответ «бывал несколько раз в жизни» (17,39%-парни, 13,04%- девушки). По поводу того, какое значение придается религиозным практикам, большинство опрошенных девушек и юношей ответили, что «существует определенная духовная потребность в данного рода практиках», 21,74% и 17,39% соответственно. Однако наиболее частый ответ на вопрос о том, какое содержание вкладывает молодежь в религиозные практики, большинство ответило, что рассматривают религиозный праздник, как «культурное мероприятие». Результаты социологического исследования показывают, что на сегодняшний день, религиозная идентичность молодежи очень мало как проявляется. Полностью сформировавшейся идентичность найти не представляется возможным. Можно вычленив только отдельные проявления, выраженные в той или иной степени. В целом можно сказать, что современная молодежь не отличается повышенным уровнем религиозности. Среди молодых людей распространены религиозные практика, но они не всегда подкреплены духовным содержанием. Также большое количество молодежи относится к внутреннему содержанию и к духовности очень серьезно, однако не всегда это сопровождается проявлениями религиозного поведения. Сегодня мы скорее можем говорить о том, что религиозная идентичность приравнивается религиозной культуре, которая в свою очередь является частью основной. Во многом такой подход объясняет современную ситуацию, когда молодой человек приходит в церковь на Рождество, считая это частью своей культуры, например православной культуры.

СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ ДЕТЕЙ-СИРОТ И ДЕТЕЙ, ОСТАВИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ В ГОРОДЕ ПЕТРОЗАВОДСКЕ

Петухова И.С. (Петрозаводск)

В обществе характерна взаимосвязь: когда происходит снижение или утрата общечеловеческих культурных и духовных ценностей, проявляет себя феномен появления сиротства, и, как следствие – рост числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Социальное сиротство стало ключевой проблемой социальной защиты детства в современной России. За 2010 год официальные источники называют цифру 731000. детей-

сирот, из них почти 170 000 находятся в специализированных учреждениях. Сегодня семейная и демографическая политика, защита прав детей объявлены одними из стратегических приоритетов государственной политики. Ребенок-сирота – это особый ребенок, он нуждается в постоянной опеке и защите со стороны государства и общества в лице создаваемых государством и обществом институтов. По данным Пресс-центра администрации Петрозаводска в Республике Карелия на 01.01.11 более 300 детей-сирот. В городе Петрозаводске на 1 января 2011 года – 167 детей-сирот. «Статус» сироты влияет, а зачастую и определяет, психологические особенности личности. Условия проживания в детском доме существенно влияют на социальную адаптацию ребенка, на то, как он устроится во взрослой жизни, на то, как будут строиться отношения в его будущей семье. На сегодняшний момент проблема сиротства исследована глубоко. На эту тему публикуется огромное количество научных работ. Достаточно глубоко исследованы проблемы социальной адаптации детей-сирот. Однако существование этой проблемы требует ее систематического изучения с новых научных позиций для выявления новых, более эффективных методов социальной адаптации. Проблемами адаптации ребенка в норме и в условиях депривации занимались многие выдающиеся психологи и социологи. Мировая социологическая мысль ценит Ч. Кули за его теорию «Зеркального Я», в которой ученый стремился преодолеть противопоставления индивида и общества. В ней социолог исходит из постулата о том, что общество формирует индивидов, а индивиды, в свою очередь, конструируют общество. [Кули Ч. Социальная самость/ Пер. с англ. – М., 2001. – С.17]. Для детей-сирот «зеркалом» является та группа, в которой он находится в детском доме, специалисты, воспитатели и другие работники детского дома. В своем ближайшем окружении дети видят реакции других на свое собственное поведение. Получая подтверждение представлению ребенка о себе, он раз за разом укрепляется в себе, приобретая постепенно целостность самого себя. Если упоминать психологические теории социальной адаптации, то необходимо назвать теории развития личности ребенка в норме и в условиях депривации: «Теория интерперсональных отношений» [Салливан Г.С. Интерперсональная теория психиатрии – М.,1991]; Теория развития личности Э. Эриксона [Эриксон Э. Теория личности. – Самара, 1996]. Целью нашего исследования является определение влияния условий детского дома на социальную адаптацию детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Задачи

исследования: выявление и анализ основных факторов, связанных с проживанием в условиях детского дома, влияющих на социальную адаптацию; анализ влияния условий проживания на социальную адаптацию на примере города Петрозаводска. Эмпирическая база исследования – анкетирование детей-сирот школьного возраста, а также глубинное интервью со специалистами по работе с детьми-сиротами. Респонденты социологического исследования – дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, школьного возраста, проживающие в городе Петрозаводске (135 детей). Сбор первичной информации о сиротстве как социальной проблеме – начальный этап исследования. Количество детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в Петрозаводском городском округе – 167. Если говорить о возрастном составе, то основная часть – дети подросткового возраста. В связи с возрастом у детей-подростков существует ряд проблем, таких как употребление психоактивных веществ, проблемы с учебой, с персоналом учреждения, неразборчивые дружеские связи. Второй этап – анкетирование. Респондентами исследования выступают дети-сироты в возрасте от 7 до 18 лет. Анкетирование проводилось среди детей, проживающих в Детских домах №2 и №4 города Петрозаводска. Среди детей-сирот преобладают мальчики, их 60%. Учителя и воспитатели называют некоторые сложности в адаптации мальчишек к условиям детского дома, к школе, во взаимоотношениях с воспитателями и учителями. Большинство респондентов – это дети, оставшиеся без попечения родителей, только 15% детей являются сиротами. 50% детей поддерживают отношения со своими родителями. У 17% детей нет родных братьев или сестер. Четверть детей имеет только брата, чуть меньше – только сестру. Большое количество детей не представляют, чем они будут заниматься после школы, больше трети детей утверждает, что по окончании школы устроится на работу, не представляя, что их будущая работа будет низкооплачиваемой. Почти половина респондентов ничем не увлекается, не записаны не в какие секции, после школы у них много свободного времени, которое они не знают, как потратить свое время. 45% респондентов отвечают, что они не испытывают никаких проблем в общении, в то время как воспитатели отмечают некоторые трудности в коммуникативной сфере. В основном дети-сироты общаются с ребятами из семей группы риска. Большая часть респондентов утверждает, что у них достаточно хорошие и спокойные отношения с учителями в школе. Отношения с персоналом в детском доме у детей значительно лучше, чем

отношения с учителями. Что касается музыки, большая часть (одна третья) слушает поп-музыку. В основном мальчики отвечали, что они слушают рэп и рок. В рамках данного исследования было проведено глубинное интервью со специалистами сиротских учреждений в городе Петрозаводске. Средний стаж работы специалистов с детьми-сиротами и детьми, оставшимися без попечения родителей – 7 лет. У ребят существуют большие трудности с социальной адаптацией по окончании сиротского учреждения. Дети не умеют правильно расходовать деньги, планировать свой бюджет. У детей-сирот существуют очень большие трудности с получением начального и основного общего образования. Ребята имеют огромные трудности в коммуникативной сфере. В заключении хочется сказать, что ребенок-сирота – это особый ребенок. Он нуждается в специальной поддержке и защите, как со стороны государства, так и со стороны воспитателей, социальных педагогов и психологов. Сиротство как фактор разрушает эмоциональные связи ребенка с окружающей его социальной средой, с миром взрослых и сверстников, развивающихся в более благоприятных условиях, и вызывает глубокие вторичные нарушения физического, психического и социального развития. Проведенное исследование подтверждает гипотезу работы о том, что сиротство как личная проблема препятствует успешной социальной адаптации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

**КРЕАТИВНЫЕ ПРОСТРАНСТВА КАК НОВАЯ
МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ПЛОЩАДКА ДЛЯ ДОСУГА
МОЛОДЕЖИ. (НА ПРИМЕРЕ КРЕАТИВНЫХ ПРОСТРАНСТВ
Г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГА).**

Попова М.А. (Санкт-Петербург)

В последние десятилетия Россия начала активно перенимать опыт западноевропейских стран в области культуры. Новые форматы, конфигурации, площадки уходят всё дальше от привычных форм, осваивая пограничные и маргинальные сферы. Руины недавнего индустриального мира как нельзя лучше подошли для новых творческих, креативных площадок. Данная тема является актуальной, поскольку в настоящее время становление креативных индустрий является одной из приоритетных задач в стратегии развития городов, переходящих в постиндустриальную стадию. А появление их в России в качестве площадок для досуга, оказывает всестороннее влияние на молодежь. Цель моей исследовательской работы состоит

в том, чтобы выявить причины успешного функционирования креативных пространств в качестве новых досуговых площадок для молодежи. Креативные пространства как таковые, а в особенности как досуговые площадки для молодежи не достаточно изучены. Основная причина этого – их новизна. Чтобы получить максимально развернутый ответ наа вопрос о том, что из себя представляют креативные пространства, необходимо начать с изучения творческих индустрий, сектором которых они являются. Творческие индустрии-это деятельность на основе индивидуального творческого начала, навыка или таланта, несущая в себе потенциал создания не только добавленной стоимости, но и рабочих мест путем производства и эксплуатации интеллектуальной собственности. Иными словами, творческие индустрии это такой вид предпринимательской деятельности, при которой экономическая ценность продукции неотделима от её существования как элемента культуры. Ключевыми моментами в работе творческих индустрий является: эксперимент, инновации, использование современных электронных технологий. Являясь таким образом источником инноваций, творческие индустрии поддерживают городскую культуру в конкурентоспособном состоянии, что является необходимым для выживания в условиях охваченного глобализацией мира. Кроме того, они решают ряд серьезных проблем, с которыми сталкиваются современные города, а именно обеспечивают новые рабочие места, оживляют заброшенные городские районы, способствуют привлечению туристов, повышают заинтересованность молодежи и других демографических групп населения в искусстве, развивают новый сектор экономики и помогают воплощать концепцию развития креативного города. К формированию стратегий развития творческих индустрий в России приступили только в 2001 году, благодаря «Партнерству по развитию творческих индустрий» в котором Санкт-Петербург принял участие совместно со специалистами из Хельсинки и Манчестера. Креативные пространства, как сектор творческих индустрий, стали активно развиваться и объединяться в кластеры для более эффективной работы. Они стремятся стать центрами молодежного, модного и продвинутого Петербурга. Кластерное освоение промышленных объектов в Петербурге активно набирает обороты. Это позволяет говорить о том, что активно идет развитие креативного города. Креативный город – это город, в котором созданы условия для развития и закрепления креативного класса. То есть в таком городе складывается инфраструктура для реализации общественных и

творческих инициатив и создается новый тип экономики. Согласно работам американского социолога Ричарда Флорида, современные города стремятся быть привлекательными не только для туристов, но и для «креативного класса», который выступает источником инноваций и двигателем прогресса. Флорида предложил индекс 3Т: Технологии-Талант-Толерантность для оценки привлекательности для креативного класса того или иного города. Каждый из этих элементов в отдельности является необходимым, но недостаточным условием: только наличие всех трех может привлечь творческих людей, генерировать новаторство и стимулировать экономический рост. Креативному работнику же комфорт и креативная среда. Развитие такой среды - креативных пространств является приоритетной задачей креативного города. Креативные пространства - это публично доступные места города, позволяющие людям самовыражаться, обмениваться идеями, демонстрировать другим результаты своего творчества. Если же город игнорирует создание таких «творческих котелков», то он неизбежно теряет активную, творческую и стремящуюся к развитию часть населения. В последние десятилетия креативные пространства, как отдельно взятые, так и собранные в кластеры, стали трендом, на который десятки организаций по всему миру выделяют деньги. Креативные пространства, особенно если они объединены в креативный кластер, являются неким «городом в городе» с развитой инфраструктурой, начиная от «мест производства, представленных мастерскими, офисами и студиями), заканчивая местами досуга и общения (кафе, выставочные, конференц-, концертные залы, медиа-центры). Творческая жизнь в кластере постоянно кипит: заключаются договоры, проходят концерты, мероприятия, мастер-классы, работают мастерские и креативные группы, театры, выставки, происходит неформальное общение. В рамках данного исследования наибольший интерес для нас креативные пространства представляют в качестве досуговой площадки для молодежи. Поскольку досуг является не просто временем, свободным от дел, а ресурсом, который позволяет чего-то достичь, важно, каким образом он проходит и каково его содержание. Креативные пространства позволяют молодежи использовать досуг в качестве времени, способствующего саморазвитию личности, её росту, созданию и усвоению культурных норм и ценностей. Молодежь как социально-демографическая группа обладает рядом особенностей, а это подчеркивает то, что совершенствование организации культурных форм молодежного досуга обеспечит ей возможность неформального общения,

творческой самореализации, духовного развития, будет способствовать воспитательному воздействию на большие группы молодежи. Будучи ориентированными преимущественно на молодежь, креативные пространства способствуют самореализации молодых людей, предлагая им разнообразные способы проведения досуга. Согласно проведенному исследованию, ориентированному на выделение основных факторов посещения креативных пространств в качестве мест проведения досуга и его содержания, можно выделить два наиболее важных вывода. Досуг, предложенный креативными пространствами, способствует всестороннему и гармоничному развитию личности, расширению кругозора молодежи и предоставляет поле для неформального общения, что является одной из важнейших потребностей молодых людей. Основным фактором, влияющим на выбор способа проведения досуга молодежью, является возможность общения с людьми, разделяющими их интересы. Однако, не менее важным фактором оказалась новизна и необычность креативных пространств.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ ЧГК КАК СРЕДА КОНСТРУИРОВАНИЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ ДЕВИАЦИИ

Рогожина Е.П. (Санкт-Петербург)

История существования интеллектуальных игр насчитывает уже не один десяток лет, а само движение интеллектуалов – десятки тысяч последователей по всему миру. Игра – неотъемлемая часть жизни многих людей. К интеллектуальным играм сегодня относят такие явления, как: «Что? Где? Когда?», «Брейн-ринг», «Своя игра» и «Эрудит-квартет».

История формирования этого феномена связана с появлением в 1975 году телевизионной игры «Что? Где? Когда?», придуманной Владимиром Ворошиловым. Через некоторое время на волне популярности ТВ-версии появился и спортивный аналог – ЧГК. Принцип игры представляет собой одновременный поиск несколькими командами, каждая из которых состоит из шести игроков, правильного ответа на любой заданный им вопрос при помощи мозгового штурма в течение одной минуты. Увлечение спортивным ЧГК быстро стало набирать обороты. Сегодня ЧГК породило целое движение, аналогов которому нет ни в России, ни в мире.

Главная особенность игры – в ее универсальности. Среди успешных ЧГК-шников есть и люди зрелого возраста, и студенты, и даже школьники. В развитии этого интеллектуального движения

велика роль молодежи, поскольку именно она составляет его основу. Практически в каждом российском ВУЗе сегодня есть свой «Клуб любителей интеллектуальных игр», порядка 75% играющих сегодня команд имеют в своем составе хотя бы одного игрока в возрасте от 16 до 27 лет.

Такая популярность не вызывает удивления. Участие в игре – довольно редкая сегодня возможность проявить свою эрудицию, логику, способность нестандартно мыслить. ЧГК нивелирует социальные и профессиональные статусы, помогает развитию личности. Участник рассматривает игру как непосредственную (хотя в большинстве случаев не единственную) форму самореализации; он развивается, совершенствует умение мыслить в условиях жесткого ограничения времени, умение работать в коллективе. Игра – это своего рода провокация: нужно вырабатывать тактику и стратегию, находить оптимальную роль в команде; у игроков развивается умение анализировать и сопоставлять факты не только на игровом поле, но и за его пределами.

Исходя из сказанного выше, можно рассматривать интеллектуальное движение ЧГК как сферу формирования положительной девиации, поскольку участие в нем носит отклоняющийся, но при этом не негативный характер.

Девиантное (отклоняющееся) поведение существует в любом обществе. Девиантом называют индивида, отличающегося по своим личностным характеристикам и поведенческим проявлениям от общепринятых норм (социальных, психологических, профессиональных и т.д.). Позитивная девиация – это отклонение от норм, которое поощряется в данном обществе. Сегодня все более актуальным становится изучение и анализ именно позитивных девиаций (в противовес негативной девиации, привлекавшей внимание социологов в течение долгого времени).

Говоря о ЧГК как о среде формирования положительной девиации, стоит отметить, что увлечение спортивным ЧГК способно коренным образом изменить не только повседневное поведение человека, его интересы, привычки и предпочтения, но и образ его жизни в целом. ЧГК-шник – человек особенный, со своими странностями, причудами, поведением, принципами и приоритетами. «Это импульсивный человек, склонный к взрывным реакциям», «У них своеобразные взгляды на мир, философия, своя манера общения», «Мы немного отличаемся мимикой, жестами, языком, даже одеждой» - так говорят ЧГК-шники о себе. При этом со стороны окружающих достаточно часто возникает весьма бурная и

эмоциональная реакция на это увлечение как на что-то противоестественное, чуждое, дикое, едва ли не «вредное и опасное». И часто такое отношение небезосновательно – ведь ЧГК давно уже вышло за рамки простой игры. ЧГК – это и творчество, и юмор, и соперничество, и фольклор, и сленг.

Таким образом, интеллектуальное движение ЧГК является важной составляющей повышения потенциала современной молодежи. Развитие этого движения в России и за ее пределами может быть прекрасным способом формирования положительной творческой девиации в виде нестандартного мышления, специфической логики, умения проводить параллели между не связанными на первый взгляд фактами, способности принимать решения в условиях ограничения времени и навыка работы в команде.

СООТНОШЕНИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОНЯТИЯ « ЭКСТРИМИЗМ» В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

**Салахутдинов А.А., Салахутдинова Р.Х. (Санкт-
Петербург)**

*Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ
проекта № 12-03-00361 «Механизм рекрутирования молодежи в
экстремизм».*

В практике судебной экспертизы тема экстремизма и соответствующие формы его проявления до сих пор являются прерогативой лингвистики, психологии, социальной психологии. Однако, методы этих наук, которые используются в экспертной деятельности, в силу специфики научного объекта и предметной области, способны представить оценку каждая лишь одной из сторон юридически значимых действий. Ограниченность возможностей этих научных областей обусловлена отсутствием необходимых как теоретических знаний для разработки методологии целостного подхода к объекту экспертного исследования, так и необходимых методов для объективного, аргументированного, доказательного анализа материалов, поступающих на экспертизу. Такими возможностями обладает социология, которая может обоснованно претендовать на

признание ее знаний и методов в практике судебной экспертизы. Однако, в социологии, как в научной области, так и в практике судебной экспертизы, обращение к данному направлению является новым.

Отсюда возникает необходимость формирования более или менее единых подходов в анализе содержания ряда процессов, определения понятий, становящихся предметной областью в практике судебной экспертизы. Одним из таких проблемных тем является экстримизм. Анализ многообразия определений и подходов в раскрытии сущности экстримизма, имеющиеся в научной литературе, свидетельствует о том, что данное понятие рассматривается в разноразмерных, по форме проявления, плоскостях. Так, например, как **приверженность** (верность, преданность - словарь синонимов) в политике и идеологии крайним взглядам и действиям определяют Ольшанский Д.В. [1]. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.[2]; в [3] реализация их в соответствующем социальном поведении. Проявление в **сознании и поведении** людей *крайних взглядов, средств и методов* решения проблем, достижения цели, а также форм жизнедеятельности; девиантность, деликвентность в[4]. С точки зрения Хоровинникова А.А экстримизм выражается в системе деструктивной активности и провоцирует конфликт; выступает осознанной деятельностью и направлен на приближение результата *крайними средствами*, отличающимися от установленных норм и правил [5]. Как негативное явление, исходящее *из крайних взглядов* и приверженности к *крайним мерам*, проявляющееся в деятельности (действие) радикальных субъектов по планированию, организации, подготовке и совершению запрещенных социальными нормами общества действий или аморальных деяний интерпретирует Д.З. Мутагиров [6]. В понимании Андреас Умланд экстримизм - это устранение оппонентов из социальной системы противоправными действиями организаций или физическими лицами (приверженность к крайним взглядам и методам). Отмечают, что в современной исследовательской литературе экстримизм рассматривается как форма отчуждения от культуры, базовых ценностей, культурных традиций; как превышение пределов допустимого при наличии злого умысла. Таким образом, большинство авторов в качестве содержательного признака экстримизма выделяют следующие понятия: приверженность к крайним взглядам, мерам, методам,

средствам, отличающиеся от установленных норм и правил для достижения цели.

При этом в определение понятия включается как уровень сознания и уровень поведения, действия, мировоззрение. Конкретизацией вышеуказанных определений можно рассматривать толкование экстримизма А.А.Козловым и В.Н.Томалинцевым «Экстремизм – это любое превышение пределов допустимого, при наличии злого смысла или умысла» [7]. Если рассматривать приведенные определения в качестве теоретической основы экспертного исследования по определению наличия признаков экстримизма, то данные суждения не позволяют выделить критерии оценки соответствия (несоответствия) объектов экспертизы категории «экстримизм». С законодательной точки зрения в этих определениях не конкретизируются: какие именно действия, взгляды, убеждения следует характеризовать как экстремистские, в том числе методы и средства. Не обозначен отличительный признак экстримизма от других подобных проявлений. В этом отношении определение и признаки экстримизма, указанные в Федеральном законе [8] отличаются от интерпретации в научной литературе более развернутым, конкретным по содержанию пониманием. Здесь ключевым выступает понятие «насильственное» в контексте «изменения основ конституционного строя». В части «дополнение к закону» конкретизируются методы, с помощью которых предлагается их осуществить: призывы к революции, к восстанию, к неповиновению законно избранной власти; также эта деятельность, названная в уголовном законодательстве вооруженным мятежом; раскрыты формы проявления насильственных действий. Являясь ключевым, понятие «насильственное» конкретизируется через такие действия как «призыв», «пропаганда», возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни. Обращается внимание на фактор публичности призывов и пропаганды. Не ставя в качестве задачи детальный анализ соотношения научной и законодательной интерпретации понятия «экстримизм», лишь отметим, что в законе прописаны большее количество признаков, через которые возможно определение наличия - отсутствия экстримизма в материале, представленном на экспертную оценку, акцентируется внимание на направленность действий и их конкретизацию.

Литература

1. Олышанский Д.В. Психология терроризма. – СПб.: Питер, 2002.
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. - 4-е изд., доп. – М., 2000.
3. Социологическая энциклопедия: В 2-х т. Гл. ред. В. Н. Иванов. М., 2003
4. Экстремизм в молодежной среде: теоретические и практические аспекты. / Под ред. Добренкова В.И. М., 2007
5. Хоровинников А. А. Экстремизм как социальное явление (философский анализ). Автореферат дис. на соиск. уч. ст. к. философ. н., Саратов – 2007.
6. Социология молодежи. Учебник. /Под общей ред. Д.З. Мутагирова), СПб, 2008
7. Томалинцев В.Н., Козлов А.А. Введение в социальную экстремологию: Учеб.пособие. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. , С. 84
8. Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.2002. № 114-ФЗ (с изменениями от 27 июля 2006 г., 10 мая, 24 июля 2007 г., 29 апреля 2008 г.).

ПРИМЕНЕНИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ МЕТОДОВ В ИССЛЕДОВАНИИ ЛИЦ, ОСУЖДЁННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

Сапрыкина Т.П., Миронова М. В. (Екатеринбург)

В практике социологического исследования выделяют количественную и качественную традиции. Количественные методы социологического исследования направлены на получение массовой информации. Такие методы нацелены на анализ данных по общим признакам для их последующей типизации. Данный подход позволяет оценить широту явления, выделить общие признаки, определить статистические показатели. Глубинную и развёрнутую информацию о предмете исследования можно получить, используя качественный подход. Качественное исследование проводится, прежде всего, для изучения индивидуального аспекта социальной практики - реального опыта жизни конкретных людей в конкретных обстоятельствах [1]. В современных условиях проблема социологического исследования осуждённых людей приобретает особую актуальность. Во-первых, как показывает статистика, количество лиц, осуждённых к лишению свободы, продолжает

ежегодно увеличиваться. На сегодняшний момент в нашей стране в местах лишения свободы находятся около 741,6 тысяч человек.[2] Во-вторых, ежегодно около 300 тысяч человек выходят на свободу. Часть из них через некоторое время вновь возвращается в исправительные учреждения, поскольку уровень рецидива в стране достаточно высок.[3] В-третьих, в рамках тенденции гуманизации, проводится реформирование российской системы наказания осужденных, результаты которой необходимо будет в скором времени подвергать критической оценке. Осуждённые люди являются труднодоступной и специфичной социальной группой. Жизненное пространство осуждённых представляет собой реальность, ограниченную рамками конкретного пенитенциарного учреждения. Таким образом, при выборе того или иного метода исследования данной группы, необходимо учитывать ряд факторов: закрытый тип исправительного учреждения, режим отбывания наказания и регламентация всех сторон жизни, невозможность удовлетворения значимых потребностей, социально-психологические особенности осуждённых и т.д. Несмотря на возрастающий интерес исследователей к изучению проблематики, связанной с системой исполнения наказания, данная проблема в социологических исследованиях представлена явно недостаточно. Количественные методы в пенитенциарной системе чаще всего используют сотрудники служб исполнения наказания для получения точной статистической информации, выделения тенденций и закономерностей. Количественные методы исследования носят достаточно стандартизированный и обобщенный характер, и не позволяют в полной мере изучить характер проблем осуждённых. Применение количественного подхода не дает возможности учесть индивидуальный жизненный опыт, особенности социализации, возможные причины попадания осуждённых в данные учреждения. Таким образом, выводы количественного исследования чаще всего бывают ограниченными. Тем не менее, социологические методы исследования в рамках количественной традиции находят свое применение, поскольку позволяют получить общее представление об изучаемом явлении или процессе. Они являются отправной точкой для углубленного изучения той или иной проблемы. Как показывает практика, при изучении осужденных в большей степени необходимо ориентироваться на качественные методы исследования. Данные методы нашли свое отражение в работах А. Н. Олейника (исследование тюремной субкультуры), Е. С. Ефимовой (изучение быта, традиций, фольклора в исправительных учреждениях), Н.В.

Тищенко (гендерные аспекты тюремной субкультуры), Т.Е. Темаева и О. А.Мельниковой (исследование роли семьи в социальной адаптации пожилых осужденных) и др. Мы поддерживаем точку зрения данных исследователей, что изучение такой специфической социальной группы, как осужденные, должно строиться на индивидуальном подходе, поскольку каждая ситуация уникальна и содержит специфичный социальный опыт. Одним из методов, с помощью которого можно изучить данный опыт, является биографический метод исследования. Использование данного метода в практике социологического исследования позволит всесторонне изучить жизненные истории людей, осуждённых к лишению свободы. Сбор биографических данных может производиться как в устной форме (участие в интервью), так и в письменной (написание биографии). Вид биографического интервью следует выбирать, исходя из целей исследования и способностей каждого осуждённого (насколько полно может излагать свою жизнь). Лейтмотивное биографическое интервью позволит получить от осуждённого полную информацию на конкретно заданные темы (о семье, образовании, друзьях и т.д.). Интервьюер сможет контролировать и направлять беседу с осуждённым, а так же подводить разговор к следующему блоку, когда рассказ об определённом жизненном периоде исчерпан. Тем самым, исследователь облегчит участие осуждённого в интервью и поможет справиться с волнением, страхом. Нарративное биографическое интервью предполагает создание условий, при которых человек свободно повествует о своей жизни. Такая форма исследования позволит выявить наиболее значимые события и эмоционально-важные моменты в жизни осуждённого. Данный метод позволяет создать доверительную атмосферу, при которой у осуждённого будет возможность откровенно рассказать о своей жизни. Возможно, в ходе интервью человек сможет заново обдумать свою жизнь, на время отделиться от тюремной субкультуры, подумать о дальнейшем исправлении. Автобиографии, написанные осуждёнными, так же способствуют исследованию данной социальной группы. Такой метод предполагает познание самого себя, своего характера. Изучая прошлый опыт, осуждённый подвергает его анализу и оценке, а из совершившихся событий извлекает уроки. Человек извлекает пользу и выгоду для себя из прошлого, задумывается о дальнейших перспективах. Несмотря на возможные внешние сходства в автобиографиях осуждённых (безграмотность, бедный словарный запас и т.д.), можно выявить определённые различия: способы описания осуждённым

жизни, особенности мышления, самоанализ и т.д. Знание особенностей, полученных при помощи автобиографии, позволит дифференцировать осуждённых на различные категории. Это поможет выбрать наиболее целесообразные формы индивидуального воздействия на каждого осуждённого. Таким образом, индивидуальная история жизни осуждённого может стать основой для изучения различных событий: поворотных моментов, индивидуальных кризисов, мотивов преступлений и т.д. Сравнительный анализ биографических интервью, автобиографий осуждённых позволяет провести сравнительный анализ социальных проблем осуждённых. В практике пенитенциарной социальной работы социологические методы имеют большое значение. Социологические исследования позволяют всестороннее изучить особенности осуждённых, охарактеризовать данную группу, выявить основные проблемы. Правильно организованное исследование служит основой разработки оптимальных форм работы с осуждёнными, повышая эффективность процесса реабилитации каждого осуждённого.

Литература

1. Семенова В.В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию: Учеб. пособие для студентов вузов / Ин-т социологии РАН. М.: Добросвет, – 1998– 290 с.
2. Официальный сайт Федеральной службы исполнения наказания [Электронный ресурс]/ Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы - Режим доступа : <http://фсин.рф/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20harka%20UIS/>
3. Российская газета - Федеральный выпуск №5353 (274) от 3 декабря 2010 г.

ЭТНИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ИСПАНСКИХ СТУДЕНТОВ О РУССКИХ ЛЮДЯХ

Сеничева А.А. (Санкт-Петербург)

Прошедший 2011 год был объявлен годом Испании в России и России в Испании; в обеих странах было проведено множество мероприятий, направленных на взаимное распространение испанской и русской литературы, музыки, живописи, фольклора; каждый год растёт количество русских туристов, посещающих

Испанию, и много испанцев и латиноамериканцев стремятся посетить Россию. Всё это говорит о росте взаимного интереса к культуре в Испании и России. Тем не менее, интерес не говорит об исчезновении преград в межкультурной коммуникации, более того, стереотипные представления жителей этих двух стран друг о друге могут стать препятствием для нормального, эффективного взаимодействия. В ходе данного исследования были изучены автостереотипы русских людей, этнические стереотипы испанцев (студентов Мадридского Университета) о русских и о России, а также было проведено сравнение полученных данных. Под этническим стереотипом в данной работе понимается образ своей или чужой этнической общности, отражающий упрощенный взгляд на психологические особенности и поведение представителей определенного народа, на основе которого формируется устойчивое и эмоционально окрашенное мнение одной нации о другой или о самой себе [2: 71]. Этнический стереотип, как любой социальный стереотип, может быть автостереотипом, т. е. описывающим собственную группу, и гетеростереотипом, т. е. описывающим другую этническую группу [3: 298]. Автостереотипы русских людей изучались методом контент-анализа исследований, посвященных изучению русского национального характера. По данным опросов, проводимых в различных городах России как в прошлом десятилетии [4: 97], так и в наши дни [5: 10], самым главным качеством русского человека является доброта и её проявление в отношении к людям в таких качествах как отзывчивость, сердечность, доброжелательность, сострадание. Типичными чертами русского также являются, по мнению респондентов, расчет на «авось», на случайную удачу, а также обратная, более положительная сторона этого «безрассудства» - «широта души», щедрость, гостеприимство. Что интересно, трудолюбие и работоспособность также отмечаются как характерные черты русских, однако процент отметивших в русском характере халатность, разгильдяйство и лень не намного ниже. Кроме того, русским свойственна толерантность, склонность судить о людях не по их этнической принадлежности, а по качествам личности, то есть этноцентризм не занимает значительных позиций в сознании русских [1:155]. Что касается распространенного стереотипа о том, что для русских характерна склонность к пьянству, то респонденты признают этот факт, однако не ставят его в приоритет, стараясь подчеркнуть наиболее позитивные черты русского характера. Как же относятся к России и русским испанские студенты? В ходе анкетирования, проведенного в январе-феврале

2012 года в городе Мадрид (Испания), было опрошено 45 студентов крупнейшего в Испании Университета Комплутенсе, в возрасте от 20 лет до 31 года, из них – 35 женщин и 10 мужчин. Респондентам были предложены как закрытые вопросы, так и открытые, в частности, вопросы, предполагающие ответ в форме свободных характеристик. Что касается отношения испанцев в целом к России и проявления интереса к этой стране, то по результатам можно судить о том, что большинство испанских студентов наслышаны лишь о самых крупных городах России (Москву хотят посетить 57% респондентов, Санкт-Петербург – 24%), а доля тех, кто владеет более подробной информацией, невелика. Однако без интереса относится к России всё же небольшое количество ответивших («Не знаю ничего о России» – 5%). Описывая «типичного русского», больше всего испанцы подмечают «серьезность», «суровость» (17,5%), «холодность» (17, 5%) русского человека, а также его «замкнутость» (9, 7%) и «отдаленность» (8,2%). Что примечательно, испанские студенты считают русского «тружеником» (8,2%), а также «дисциплинированным и ответственным» (2,3%). Также в ответах часто встречались характеристики внешности русских – 7% респондентов охарактеризовали русского как бледного, блондина со светлыми глазами. Физические характеристики русского отметили всего 5, 8 %, назвав его «высоким», а 2,3 % опрошенных назвали русского «сильным» и «красивым». Что касается интеллектуальных способностей и образованности, 2,3% респондентов считают русского «воспитанным и образованным» и такой же процент – «умным и сообразительным». То есть в глазах испанцев русский человек скорее «труженик» (эта характеристика подразумевает скорее физический труд), нежели «ученый». Как можно заметить, автостереотипы русских и мнения о них испанцев не сильно совпадают. Так, русские описывают себя как добрых, открытых, гостеприимных, в то время как испанские студенты представляют себе русских серьезными, закрытыми, интровертами, холодными и отдаленными. Это говорит о том, что, будучи социальным интровертом, русский обращен внутрь своей малой группы, мнением которой он очень дорожит. Вместе с тем, русский всё же толерантен, не агрессивен в отношении других народов. Можно предположить, что разность характеристик возникает из-за недостоверности источников, из которых испанцы узнают о России и о русских. У наибольшего числа респондентов представление о России (43%) и о русских (32%) сложилось под влиянием различных средств массовой информации – телевидения и фильмов. Что касается русской

классической литературы, этот источник также сильно повлиял на представления испанцев о России (25%) и русских (18%). Говоря о таких более достоверных источниках как «рассказы посетивших Россию или знакомых с русскими» (20% в обоих случаях) непосредственное общение с русскими или посещение России (12-20% и 0-10% соответственно), здесь процент ниже, что говорит о небольшой доле достоверной, осознанной информации в образах, сложившихся у испанцев. То есть непосредственных контактов респондентов с русской культурой и русскими людьми было немного, отсюда – зачастую искаженное представление о России и русских, подкрепленное образами из недостоверных источников. Что же касается характера русских людей, то как в своих собственных глазах, так и в глазах испанских студентов, русский характер противоречив и неоднозначен, и каждая положительная черта русского имеет оборотную сторону. Так, например, русские называют себя трудоспособными, но ленивыми, а спектр характеристик, приписываемых русским испанцами, варьируется от явно негативных к выражено позитивным. Получается, что русская душа – действительно потемки. Такое представление о русских можно называть ещё одним стереотипом, подчеркивающим загадочность русского характера, «широту русской души». Так или иначе, этнические стереотипы существовали и будут существовать. Они, как чрезвычайно устойчивые формы человеческого сознания, будут определять направление развития этнических идентичностей, а также характер межэтнических отношений, поэтому их дальнейшее изучение представляется актуальным.

Литература

1. Волкогонова О., Татаренко И. Этническая идентификация и искушение национализмом. Мир России. 2001. Т. 10. № 2.
2. Крысько В.Г. Этническая психология. Учебное пособие. Серия: высшее профессиональное образование. Издательство: Академия, 2008 г.
3. Платонов Ю.П. Народы мира в зеркале геополитики (структура, динамика, поведение): Учеб. пособие. - СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2000.
4. Сикевич З.В. Национальное самосознание русских (социологический очерк). Учебное пособие. – М.: Механик, 1996.
5. Янков А. Г. Синофобия - русофобия: реальность и иллюзии. Социологические исследования, № 3, Март 2010.

ОБЩЕСТВО ПОТРЕБЛЕНИЯ: СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Смирнов Р.Г. (Саратов)

«Потребитель – вечный младенец, требующий соску», – писал Э. Фромм, предвосхищая появление одного из значимых феноменов современности - общества потребления [1. С. 48]. Именно этот «вечный младенец» начинает играть ведущую роль в социуме, где центральное положение занимает потребление. Такое общество представляет собой сложное многогранное явление, в котором индивидуальное потребление становится базой социальных отношений, и для которого характерна ценностно-нормативная система, образованная под влиянием массового потребления материальных благ [2. С. 15]. Следует отметить, что непосредственный процесс потребления, направленный, в первую очередь, на удовлетворение основных потребностей, не рассматривается в рамках представленной проблемы, так как он имел место на протяжении всей истории человечества. Прежде всего, представляет интерес символическое или статусное потребление [3. С. 114], сформировавшееся в конце XIX – начале XX века и достигшее расцвета в современном обществе. Вместе с тем, общество потребления не может быть названо в качестве самостоятельной характеристики социума на данном этапе развития, являясь, скорее, одной из черт постиндустриального общества, результатом начала эпохи «постсовременности», постмодерна» [2. С. 27]. В настоящее время ученые выделяют достаточно широкий спектр особенностей, присущих обществу потребления, среди которых основными являются [4. С. 269]:

- тесная взаимосвязь экономической и культурной сфер: рынок и бизнес оказывают сильное влияние на формирование культуры;
- усиление значимости символического потребления, формирование его как одного из маркеров социальной принадлежности;
- развитие и расширение системы кредитования;
- коммерциализация образовательной, культурной и спортивной сфер общества;
- высокие темпы изменений в сфере моды.

Также одной из особенностей общества потребления является развитие системы маркетинга и увеличение ее роли в производственной сфере. Так, именно посредством маркетинговых технологий индивид включается в потребительскую гонку, и, имея все необходимое, продолжает ощущать острый недостаток чего-либо, что в конечном итоге отражается в стремлении к непрерывному

потреблению. Искусственно сформированная ценность потребления как одного из важнейших маркеров социальной принадлежности вынуждает человека к дальнейшим покупкам и, следовательно, к большему заработку. Таким образом, в настоящее время для реализации своих потребностей индивид вынужден работать больше, чем середине XX века. Представленная тенденция была проиллюстрирована в работе Рожиной Я.М. «Социология потребления». В приведенном исследовании показано, что к середине 90-ых годов средний доход американцев увеличился в два раза по сравнению с аналогичным показателем пятнадцатилетней давности, при этом было отмечено снижение уровня удовлетворенности жизнью. Вместе с этим в конце XX века американцы зарабатывали и, соответственно, тратили больше средств, чем в предыдущие годы, однако ощущали себя материально необеспеченными, бедными [5. С. 302]. В рамках обсуждаемого вопроса следует обратить внимание на тот факт, что в обществе потребления деньги преобразуются в самостоятельный товар, ценность. Представленный аспект был подробно освещен в исследовании Фонда общественного мнения (2011, N=2100) [6]. Данный опрос касался восприятия населением жизненных целей и установок современной молодежи. Анализ полученных данных показывает, что, по мнению большинства респондентов (53% по России и 63% по Москве), основной целью современной молодежи является заработок, материальное благополучие, при этом такие традиционные для молодого поколения цели, как «сделать карьеру» или «получить образование» отошли на второй план, а наименее популярными (менее 5% опрошенных) оказались такие позиции как «самореализация», «создание семьи» и «независимость». Результаты представленного исследования позволяют сделать вывод о том, что для современного общества характерен процесс универсализации денег, которому свойственны следующие черты: 1) калькуляция – социальные взаимодействия индивидов выражаются в количественной форме посредством денег; 2) деньги переходят из абстрактной формы посредника обмена в самостоятельный объект, при этом становясь для потребителя более актуальными, чем реальные ценности [7. С. 43]. Как отмечает О.В. Понукалина, в настоящее время индивидуальное потребление наряду с производством выступает компонентом базиса современного общества, приобретая все большую актуальность, превращаясь в важнейший фактор экономического развития государства [8. С. 56]. Однако одним из результатов процесса усиления значимости

потребления стало формирование феномена потребительства – замыкания процесса потребления на самом себе, становление его как самоценного. На этом этапе потребление преобразуется из обыденного приобретения вещей в новую систему ценностей, идей и действий, получившую название «консюмеризм». Следует подчеркнуть, что одновременно с трансформацией систем норм и ценностей изменениям подвергается и характер общественной структуры: она теряет четкие границы, усложняется, становясь более фрагментарной, при этом утрачивая свою целостность. Ж. Бодрийяр писал, что наступает «конец социального» – главным критерием социальной дифференциации в современном обществе становится уровень потребления, в то же время изменяется стиль и образ жизни, гибкое мировоззрение приходит на смену идеологии, при этом создаются условия для деактуализации духовных ценностей, лежащих вне рыночной сферы. В настоящее время объектом критики становится и сам процесс потребления, переходящий в зависимость – ониоманию (приобретение вещей доставляет большее удовлетворение, чем сам продукт). Представленная тенденция находит свое развитие в условиях, когда посредством потребления индивид имеет возможность достижения социального превосходства. Вместе с тем процесс приобретения вещей позволяет индивиду чувствовать себя интегрированным в общество, ощущать свою социальную принадлежность к социальной группе. Повышение покупательской способности становится основным стремлением человека, при этом образование и карьера уходят на второй план, рассматриваясь лишь как одно из возможных средств достижения главной цели. В результате развитие прогресса обеспечивает малая группа людей с высоким образовательным и творческим потенциалом, а социальные требования к интеллектуальному уровню остальных членов общества снижаются. Также одной из актуальных проблем становится активное использование невосполнимых природных ресурсов. При этом страны «третьего мира» рассматриваются в качестве сырьевого придатка мировой экономики. В то же время нельзя игнорировать и положительные социально-экономические характеристики общества потребления. Здесь в первую очередь необходимо обратить внимание на тот факт, что вследствие высокого уровня потребления и, следовательно, конкуренции производители вынуждены совершенствовать продукцию, создавать новые товары и услуги, что в свою очередь способствует прогрессу. Кроме того, растущие потребности стимулируют членов общества к зарабатыванию денег и, как

результат, к продолжительной учебе, упорной работе, повышению квалификации. Следует отметить и некоторое снижение уровня социальной напряженности, так как для индивида в обществе потребления свойственно стремление к поддержанию стабильности и уменьшение склонности к риску. Относительно стран «третьего мира» следует отметить, что обозначенные тенденции содействуют расширению их торгово-экономических отношений с развитыми государствами, что во многом способствует их развитию. Таким образом, общество потребления является наилучшей средой обитания «вечного младенца Фромма», оно представляет собой многоаспектное явление, обладающее как отрицательными, так и положительными социально-экономическими чертами. Вместе с тем, переход к нему является закономерным этапом развития социума, в связи с чем, в качестве одной из основных задач общества представляется не только нивелирование негативных черт потребления, но и создание условий для развития его позитивных сторон.

Литература

1. Фромм Э. Величие и ограниченность теории Фрейда. - М.: Изд-во АСТ, 2000.
2. Ильин В.И. Общество потребления: теоретическая модель и российская реальность // Мир России. 2005. №2.
3. Шрадер Х. Экономическая социология. - СПб., 2009.
4. Бодрийяр Ж. Общество потребления. - М.: «Республика», 2006.
5. Рощина Я.М. Социология потребления. - М.: ГУ ВШЭ, 2007.
6. http://bd.fom.ru/report/cat/job_and_leis/dd022827
7. Зарубина Н.Н. Трансформация рациональности в глобализирующемся мире: влияние денег // Социс. 2009. №4.
8. Понукалина О.В. Социокультурные практики потребления в пространстве досуга: монография. – Саратов: Сарат. гос. техн. ун-т, 2010.

РОЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ В МЕЖДУНАРОДНОМ СТУДЕНЧЕСКОМ СООБЩЕСТВЕ КАК ФАКТОРА ФОРМИРОВАНИЯ И ЗАРОЖДЕНИЯ КОММУНИКАЦИИ.

Стримовская П.И. (Санкт-Петербург)

В настоящее время Интернет как средство массовой информации и неформальной коммуникации является особенно популярным. По данным Фонда «Общественное мнение» пользователями сети Интернет в России считается 21 % населения. Еще четверть века назад человечество не могло предположить, какую большую роль в жизни каждого будет играть виртуальное пространство. На последнее десятилетие приходится пик создания и распространения социальных сетей по всему миру, поэтому изучение степени использования социальных сетей является особенно актуальным. Объектом данного исследования выступает коммуникация в виртуальном пространстве как основополагающий принцип развития новых коммуникативных практик. Взаимодействие и общение людей складывается в течение времени и проходит определенные этапы. Коммуникативные связи меняются и трансформируются, расширяясь или же, наоборот, прекращаясь. Интернет пространство в XXI веке превратилось в широко используемое поле экономической, политической и социальной деятельности. Практически каждый товар можно приобрести при помощи нескольких кликов «мыши» при этом не выходя из дома. Политические процессы и деятельность политиков находят моментальное отражение в обсуждениях, дискуссиях на форумах, видеороликах и фото-коллажах, именуемых «демотиваторами», которые возможно наблюдать лишь в виртуальном пространстве. Социальные сети являются Интернет порталом- — это популярным веб-сайтом с большим количеством предоставляемых услуг и сервисов, посещаемым большим количеством пользователей. В социальных сетях происходит формальная/ неформальная коммуникация, пользователи создают личный «аккаунт», обмениваются информацией о событиях, видео, фото и документами. Особый интерес данного исследования направлен на зарождение коммуникации в социальных сетях при условии ограниченного времени и нахождения пользователя в новой социокультурной среде. Предметной областью является использование иностранными студентами, обучающимися в университете города Билефельд, социальной сети „Facebook“ в качестве начального ресурса для развития коммуникативных связей с другими студентами. В начале октября 2012 года основатель «Facebook» Марк Цукерберг официально заявил о зарегистрировавшемся миллиардном пользователе своей сети, что может свидетельствовать о масштабах данного Интернет ресурса. Отличительной особенностью коммуникации в социальных сетях является

отсутствие институциональных и групповых норм. Пользователь может общаться с любым крутом лиц вне зависимости от его статуса и положения в обществе и вовлеченности в ту или иную социальную группу. Как указывает автор книги «Виртуализация общества, Version 2.0» Иванов Д. В., конструируемая личность за счет виртуального имени, виртуального статуса, дает свободу коммуникации и расширяет сферу возможных взаимодействий. Именно такая точка зрения легла в основу исследование среди иностранных студентов, которые обучаются в городе Билефельд. При проведении исследования было проведено 6 глубинных интервью с иностранными студентами, проходящими обучение в Германии в период с марта по июль 2012 года. Целью исследования было определение роли социальных сетей в международном студенческом сообществе как фактора формирования и зарождения коммуникации. Каждый семестр в Билефельд приезжает группа иностранных студентов, около 40 человек, которые принимают участие в различных международных программах: Erasmus, Erasmus Mundus, ISAP, ESAP и т.д. Попадая в новую социокультурную среду, студенты вынуждены строить коммуникационные связи с абсолютно незнакомыми людьми. Ни в одном из интервью не прозвучала позиция, что установленная коммуникация произошла благодаря использованию социальной сети «Facebook». Как указывали респонденты, большую роль в формировании коммуникаций сыграла деятельность офиса по работе с иностранными студентами (International Office). В большинстве интервью студенты указали, что их сплочение с группой иностранных студентов произошло из-за вечеринок, совместных просмотров кино, групповых поездок на природу, которые организовывала данная организация (International Office). «Facebook» помогал развивать уже налаженные контакты и упрощал организационный процесс, например, иностранными студентами активно использовалась опция создания мероприятий, на которые была возможность пригласить всех студентов, при это не прибегая к личному информированию каждого, а лишь оповещением в «Facebook». Таким образом, можно предположить, что достаточно рано судить о замещении виртуальной коммуникацией реальную. Конечно, развитие компьютерных технологий во многом упростило процесс передачи информации, но, при этом, зарождение коммуникации в Интернете не является основополагающим аспектом для иностранных студентов города Билефельд. В условиях погружения в новую социокультурную среду социальная сеть не является основным фактором формирования коммуникативных

связей, что и подтвердило проведенное исследование среди иностранных студентов в Германии.

МОТИВЫ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ

Суханова А.Ю. (Тольятти)

Данная статья посвящена анализу брошюры кандидата социологических наук Оберемко Олега Алексеевича «Благотворительность в моем городе: Состояние благотворительности в городах Подмосковья»[1]. Ввиду написания в предстоящем году выпускной квалификационной работы на тему: «Благотворительность как форма социального обмена» необходимо планомерное и качественное знакомство с литературой на заданную тематику. Брошюра автора посвящена результатам исследования благотворительной деятельности, которую ведут предприниматели трех наукоградов Подмосковья: Дубны, Жуковского и Фрязино. В ней рассмотрены мотивы благотворительности и барьеры, которые приходится преодолевать благотворителям, предлагаются рекомендации по стимулированию развития эффективной благотворительности в городских сообществах. Перечисленные выше аспекты, которые изучаются и формулируются в брошюре, как нельзя лучше подходят к выбранной теме диплома. Однако в работе всё внимание сосредоточено на мотивах благотворительной деятельности предпринимателей, владельцев какого-либо бизнеса и так далее. Объектом же социологического исследования, прилегающего к выпускной квалификационной работе, являются «простые» граждане, которые также имеют свою точку зрения на проблему благотворительности. Тем не менее, крайне необходимо изучить и мотивы такой социальной группы, как предприниматели, ведь, именно, они являются главными «благотворителями» на сегодня. Итак, в поле зрения проекта находились три категории предпринимателей: — предприниматели, ответственные за ведение бизнеса и материальное обеспечение благотворительности; — общественные организации, в задачи которых входит, в частности, деятельное посредничество между благотворителями и благополучателями; — городские администрации, отвечающие за общее благополучие городских сообществ, а потому совмещающие в себе наиболее широкий спектр различных функций. Но основной фокус внимания был направлен на предпринимателей. Цели

исследовательской части проекта: 1. Понять, мотивы благотворительной деятельности; 2. Выявить, что препятствует развитию благотворительности; 3. Наметить, что можно сделать, чтобы хотя бы какие-то препятствия устранить. При сборе данных использовались два метода: круглые столы с представителями общественных организаций и социально активных граждан и личные, полуструктурированные интервью с предпринимателями. На проводившихся в мае месяце круглых столах присутствовало от 14 до 22 активистов. Для обсуждения предлагались следующие темы: 1. Мотивы участия местного бизнеса в благотворительности. 2. Отношение местных властей, населения и представителей некоммерческого сектора к общественной и благотворительной деятельности местного бизнеса. 3. Препятствия для активного участия бизнеса в благотворительной деятельности. 4. Опыт взаимодействия представителей некоммерческого сектора с местным бизнесом и возможные формы сотрудничества. В связи с разворотом темы благотворительности в свете теории социального обмена, наибольшее внимание в статье будет уделено первой теме, а, именно, мотивам благотворительности. Для начала стоит отметить два основных режима благотворительности: личный и корпоративный. Для них характерны разные мотивы, цели, масштаб ответственности, разная личностная вовлеченность и разная степень свободы в принятии решений. Разумеется, утверждение о том, что корпоративная благотворительность начисто лишена морального измерения и решительно не оставляет места для ощущения «я сам/а это сделал/а», выглядит явным перебором. Более корректно утверждать, что при корпоративной благотворительности для достижения морального удовлетворения от человека требуются титанические усилия. Но зато если они венчаются успехом, ценность морального поступка многократно увеличивается масштабностью решаемых социальных задач. Итак, в «домашнем предприятии» мотивы благотворительной деятельности целиком связаны с личностью предпринимателя, и теми ролями, которые он/а готов/а играть. Как правило, это — семейные роли, роли надежного друга, соседа, отзывчивого человека и т.п. Чем более значима для человека роль и чем актуальнее проблемы с ней связанные, тем действеннее мотив. Именно, исходя из этих «домашних» ролей, предприниматели помогают школе, где учатся их дети, поддерживают, например, воинское братство, в котором много школьных приятелей и т.п. В основе корпоративной

благотворительности лежит расчет: либо стремятся избежать неприятностей, либо преследуют вполне конкретные цели, выходящие за рамки собственно помощи. Корпоративная благотворительность проигрывает личной благотворительности в моральном аспекте, но выигрывает в масштабности решаемых задач. Также в работе Оберемко особое внимание уделяется теме Интернета, как эффективного двигателя благотворительности. Повествуется о необходимости специализированного сайта, вызывающего доверие; такой источник позволит дать полную информацию о потенциальных благополучателях (по сути, базу данных), и что важно — специфическим образом классифицировать нуждающихся по рубрикам, чтобы благотворитель мог найти для себя наиболее приемлемые варианты. Данная тема также планируется быть изученной в контексте выпускной квалификационной работы, так как, на мой взгляд, этот аспект крайне важен, но не только для предпринимателей, но и для самих нуждающихся. В современном мире зачастую легче сообщить о своей проблеме не обратившись к врачу, или необходимому специалисту, а создав специализированный сайт, группу, сообщество в Интернете и посредством такой «страницы» заявить о себе, и попросить о помощи. Таким образом, представленная работа автора является одним из незаменимых источников информации по проблеме исследования благотворительности. В ней полно и систематизировано, раскрыто проведенное исследование, результаты которого можно использовать в качестве примера, а также как практически обоснованную часть работы, посвященную изучению основных мотивов деятельности «благотворителей».

Литература

1.Оберемко О. А. Благотворительность в моем городе: Анализ перспектив благотворительности в городах Подмосковья.- М.: Вариант; Институт социальной и гендерной политики, 2006. - 76 с.

ДОБРОВОЛЬЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ ТУЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА.

Сычева А.В. (Тула)

Современная жизнь ставит перед молодежью задачи, которые требуют их активного включения в социальные отношения, во взаимодействие с людьми и социальными институтами. Молодежная инициатива, стремление к самостоятельному участию в жизни общества и государства, к удовлетворению и реализации различных социальных потребностей и интересов ведут к возникновению лидерства, добровольчества и других форм социальной активности. Добровольческая деятельность по своему духу и сути органично отвечает ценностям и способу существования молодых людей. В целом добровольчество является собой способ полноценного существования человека как личности, возможность быть духовно развитым человеком. Поскольку личность как носитель сознания и воли может развиваться только свободно или добровольно. И в этом есть высший гуманистический и нравственный смысл добровольчества — творить Добро во имя общего Блага [1]. Актуальность проблемы исследования обусловлена тем, что активное развитие деятельности добровольцев характеризуется значительным отставанием научного анализа от практики, в то время как в современных условиях добровольчество является одной из основных форм проявления социальной активности молодежи. Цель исследования - выявить, теоретически обосновать и экспериментально проверить эффективность условий развития социальной активности молодежи в добровольческом движении для определения основных средства, с помощью которых можно помочь активизировать интерес и мотивировать добровольцев в Тульской области. Понятие «добровольчество», т. е. стремление людей оказать вклад в благополучие отдельных нуждающихся в помощи людей или социальных групп, или обществ в целом, прочно вошло в современный лексикон политиков и представителей органов государственного управления, а также ученых и общественных деятелей [2]. Эффективная молодежная политика нуждается в серьезном научно-методическом обеспечении, формирующем инновационные практики ее реализации. Исследования различных феноменов современной молодежной среды выступают как необходимое условие разработки и внедрения проектов системной поддержки профессиональной и личностной самореализации российской молодежи [3]. Молодёжь Тульской области с энтузиазмом откликнулась на программу добровольчества, предложенную Министерством спорта, туризма и молодежной политики. Суть программы не только в том, чтобы помогать тем, кто в этом нуждается, но ещё и в том, чтобы обучаться

этому делу и получать записи о выполненной работе в «Личную книжку волонтера». На базе лаборатории социально-политических исследований кафедры политологии и социологии гуманитарного факультета Тульского государственного университета в апреле-мае 2012 г. было проведено исследование «Добровольческая активность тульской молодежи». Выборочная совокупность исследования – 250 человек, ошибка выборки не превышает 4%. Результаты исследования выявили в молодежной среде региона позитивное отношение к феномену добровольческой деятельности: две трети опрошенных молодых жителей области в целом положительно относятся к общественно-полезной деятельности на добровольной основе; пятая часть респондентов — нейтрально и десятая часть — негативно. Отношение к феномену волонтерства связано со спецификой понимания молодыми респондентами содержания добровольческой деятельности. По представлениям большинства респондентов, волонтер — это молодой человек или подросток, занимающийся в свободное время добровольческой деятельностью из-за внутренней потребности помогать другим людям, который стремится изменить к лучшему сложившуюся ситуацию, кому не безразличны окружающие и который с определенной периодичностью участвует в проведении каких-либо благотворительных акций и мероприятий. На вопрос «Что лично для вас значит общественная волонтерская работа?» — 47% ответили, что это возможность принести пользу людям; по 30% опрошенных указали, что это участие в общественной жизни или общественная деятельность в свободное от основной деятельности (учебы, работы) время; 26% — добрая воля человека проявлять свою активность; 20% — общение с интересными людьми; 17% — способ приобрести полезные связи; 15% — приобретение нового опыта; 12% — реализация собственных идей; 11% — способ решения волнующей лично их проблемы; 9% — способ повысить свой общественный статус; 9% — отсутствие материальной компенсации за труд; 4% — указали, что это работа по принуждению. По мнению молодых туляков, человек, занимающийся добровольческой деятельностью, должен обладать прежде всего такими личностными качествами, как: любовь доброта (18%); к людям (15%); активность (13%); ответственность (12%); милосердие (12%) и терпение (10%). Приобретенный опыт волонтерской работы положительно влияет на готовность молодых людей к участию в общественно-полезной деятельности. Более половины респондентов имеют определенный добровольческий опыт. Среди них четверть приобрела опыт в

образовательных учреждениях; пятая часть — в молодежных центрах, социальных учреждениях молодежи, в мероприятиях и программах органов по делам молодежи; десятая часть — в общественных организациях. Также более половины опрошенных отметили потенциальную готовность в качестве волонтера принять участие в деятельности общественных или благотворительных организаций. Среди преимуществ волонтерской деятельности респонденты выделяют прежде всего способ проявить себя и реализовать свой потенциал (26%), а также: участие в реальных проектах (13%); личностный рост (18%); получение знаний и профессионального опыта (16%). Анализ ответов показывает, что при работе над развитием добровольчества в молодежной среде следует учитывать гендерный фактор: девушки сильнее мотивированы и активнее включаются в волонтерскую деятельность, а также более позитивно относятся к добровольчеству, чем юноши. В системе мотивов добровольческой деятельности сочетаются как альтруизм, стремление к самореализации в общественной сфере, так и причины индивидуалистического порядка, карьерные мотивы. Изучение современного состояния проблемы развития социальной активности молодежи и опыт работы в добровольческом движении показали, что добровольная общественная деятельность молодежи сегодня не только может помочь решению многих социальных проблем общества, но и способствовать развитию социально-значимых качеств юношей и девушек, формированию у них активной жизненной позиции. Соответствующим образом организованная добровольческая деятельность на всех уровнях и стадиях обучения создает условия для активного участия студентов в жизни общества, воспитания молодежи страны интеллигентными, честными, высокообразованными и социально ответственными личностями.

Литература

1. Ситаров, В.А., Сикорская, Л.Е. Добровольческая деятельность как школа нравственного становления молодежи. Ч. 2 // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 1. С. 161–166.
2. Козодаева Л.Ф. Добровольческая деятельность как основа воспитания нравственных качеств студенческой молодежи // Вестник ТГУ. 2010. Выпуск 11. С. 121-126.
3. Арсеньева Т.Н. Психолого-педагогические основы разработки и внедрения инновационных проектов молодежного добровольчества // Известия российского государственного

ЖИЗНЕННЫЕ СТРАТЕГИИ КУРСАНТОВ НА ПЕРИОД ОКОНЧАНИЯ ДЕЙСТВИЯ КОНТРАКТА

Типикина Ю.А. (Санкт-Петербург)

В настоящее время каждая отрасль общественной и государственной жизни постоянно претерпевает какие-либо изменения, которые влияют на функционирование других сфер общества. Это относится и к системе Вооруженных Сил Российской Федерации, в частности к системе военного образования, в которой в последние годы произошли серьезные изменения. Следует начать с того, что 2010 году было объявлено о «дне закрытых дверей» военных ВУЗов, что означало прекращение набора курсантов на два года. Это произошло по причине переизбытка кадров и дефицита офицерских должностей в Вооруженных силах Российской Федерации. По словам заместителя начальника главного управления кадров Вооруженных сил Тамары Фральцовой, в 2010 году планировалось набрать в военные ВУЗы около 150 тыс. абитуриентов. В тоже время заместитель министра обороны РФ Николай Панков говорил, что выпуски 2011, 2012 и 2013 годов будут достаточно большими – по 15 тыс. человек в каждом году. Исходя из этого видно, что желание обучаться военному искусству широко распространено среди молодых людей, однако в связи с реформами они вынуждены были отказаться от своих планов. Согласно точке зрения военного эксперта Николая Баранова, система военного образования нуждалась в серьезной реорганизации, в обновлении системы образования, преподавательского состава, условий жизни, службы и учебы курсантов и многого другого. По его же словам с каждым годом качество знаний и военной подготовки выпускников становится все хуже и хуже. К 2012 году ситуация изменилась, а именно сократилось количество принимаемых людей до 8-10 тыс., а также произошли существенные изменения в распорядке жизни, учебы и службы курсантов. Однако обучение в военном ВУЗе на контрактной основе по-прежнему продолжает существовать, но порядок распределения лейтенантов по местам службы и должностям после окончания учебного заведения также немного поменялся. В военных вузах отказались от практики субботних и воскресных увольнений. Сейчас каждый курсант с первого дня учебы

может свободно ходить в город. Для этого в расписании дня вуза предусмотрено личное время. Но в тоже время требования к дисциплине и успеваемости будущих офицеров стали гораздо жестче. Любой серьезный проступок курсанта или нарушение им устава учебного заведения чревато немедленным отчислением из вуза. Причем важно отметить, что в случае отчисления курсанта ему придется возвращать деньги, потраченные на него за время обучения. Передавать экзамены в военных училищах, институтах и академиях теперь запрещено. Если курсант не сдает экзамен, то сразу встает вопрос об его отчислении. Самые перспективные посты сейчас достаются золотым медалистам и владельцам «красных» дипломов. То есть еще с курсантской скамьи, будущая офицерская карьера человека строится на конкурсной основе. Все это направлено на то, чтобы получить только самых сильных, целеустремленных молодых людей, которые действительно хотят быть военными. Из этого следует, что реформы направлены на то, чтобы качественно воспроизводить офицерский состав. В связи с этим встает вопрос, формированию какой жизненной стратегии у курсантов способствуют условия военного образования и как вообще происходит формирование жизненных стратегий в рамках военной системы. Действительно ли курсанты на выходе ориентированы на продолжение службы после окончания срока действия контракта, удовлетворены ли они своей жизненной ситуацией, и что влияет на их жизненное ориентирование. Теоретическая актуальность изучаемой темы связана с тем, что данная отрасль в науке разработана достаточно мало. Можно найти много работ посвященных адаптации военных к военной среде или к жизни после ухода из военной системы, но крайне мало исследований посвященных именно ценностям и жизненным стратегиям курсантов. Понятие «жизненные стратегии» как социологическая категория стало развиваться и изучаться относительно недавно. Этот термин пришел в социологию из психологии, в рамках которой эта тема вызвала большой интерес и активно разрабатывалась Абульхановой-Славской К.А. Фундамент для изучения жизненных стратегий в отечественной социологии заложили такие корифеи социологии молодежи, как Лисовский В.Т., Титма М.Х., Иконникова С.Н. и др. Далее этой проблематикой занимались Резник Т.Е., Резник Ю.М., Васильева О.С., Демченко Е.А., Руткевич М.Н., Матуленис А.А., Наумова Н.Ф. и др. За основу авторами взята концепция Ю.М. Резника, который

рассматривал жизненные стратегии, как составляющую системы жизненного ориентирования. С его точки зрения стратегия жизни определяется как «динамическая, саморегулирующая система социокультурных представлений личности о собственной жизни, ориентирующая и направляющая ее поведение в течение длительного времени. Он выделяет три типа жизненных стратегий: стратегию жизненного благополучия, стратегию жизненного успеха и стратегию самореализации. На основе данных типов выстраивалось исследование данной работы.

Кроме того в рамках данного исследования рассматривается специфическая социальная среда, а именно среда в военных учебных заведениях. Основными ее характеристиками являются единоначалие, приказ, распорядок дня, суточный наряд, воинское приветствие и воинская вежливость. Более того, особенностью военного образования является заключение контракта о прохождении воинской службы, который предполагает обязательный срок службы после окончания военного учебного заведения, который ограничивает возможности выбора курсантов и определяет в некоторой степени формирование их жизненных планов. Цель исследования заключалась в выявлении сформировавшихся жизненные стратегии курсантов на период окончания действия контракта.

Объектом исследования являлись учащиеся 1, 3 и 5 курсов Морского корпуса Петра Великого Санкт-Петербургского Военно-Морского института.

На основе результатов данного исследования были получены следующие данные. Военная система ориентирует молодых людей на формирование стратегии жизненного благополучия, так как для большинства опрошенных главной ценностью на данный момент (20 человек) и при формировании жизненных стратегий (25 человек) является материальное благополучие.

Кроме того, при выборе работы 18 из 27 курсантов предпочитают работу с высоким заработком, даже если не будут испытывать интереса к работе. Большинство респондентов (24 человека) на вопрос об их осведомленности о возможностях трудовой деятельности после окончания учебного заведения и в постконтрактное время ответили, что они не обладают никакой информацией по данному вопросу. С одной стороны, можно говорить о том, что если курсанты ничего не знают об условиях жизни и работы на период после окончания учебного заведения, то на постконтрактный период тем более. Но с другой стороны, курсанты

могут узнать об условиях жизни и работы в постконтрактный период уже на месте распределения, и уже тогда степень осведомленности может повлиять на формировании жизненных стратегий. Как показали результаты исследования, определяющим фактором продолжения военной службы по истечении срока действия контракта является высокая заработная плата (22 человека), предоставление хорошего жилья (13 человек), карьерный рост (10 человек). Это означает, что социально-экономические условия являются важным фактором продолжения военной службы. Проведенное исследование в некоторой степени освещает проблему формирования жизненных стратегий курсантов в условиях системы военного образования. Но стоит отметить, что данная тематика требует более глубоко и тщательного изучения.

ПРОБЛЕМА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ РИСКОВ МОЛОДЕЖИ

Токарева Е.С., Каменский Е.Г. (Курск)

Современная российская молодежь развивается и формируется как социально-демографическая общность с характерными социально-психологическими особенностями, ценностями и жизненными установками в условиях, неоднозначно влияющих на становление ее жизненных приоритетов и ориентиров и на ее жизненное самоопределение в целом, в том числе в профессиональной сфере. Профессиональное самоопределение представляет собой длительный процесс, о завершенности которого можно говорить тогда, когда у человека формируется положительное отношение к себе как к субъекту определенной профессиональной деятельности. В данном случае можно говорить, о разделении первичного профессионального выбора (выбор того или иного учебного заведения и специальности) и вторичного (начало трудовой деятельности). Выбор несет в себе существенную долю непредсказуемости и неопределенности. Неопределенность конечного результата, вероятность как позитивного, так и негативного исхода придают выбору смысл рискованного поступка. В условиях риска и высокой степени неопределенности изменяются все механизмы взаимодействий, те принципы, которыми руководствуется молодежь, выбирая себе профессию и место в социальной структуре общества, также существенно изменяются.

Сама ситуация выбора выступает в роли стрессовой и напряженной ситуации в силу ряда причин. Незнание конечного результата повышает риск, приводя к постоянным сомнениям по поводу правильности сделанного выбора. Подобная рефлексия выбора состоит в критическом анализе с одной стороны, институциональных условий – системы профессионального образования, будущей сферы приложения своего профессионального образования и своих собственных действий, соотнесение своего выбора с выбором и отношением к нему со стороны значимых других. Чем меньше гарантий, тем выше риск профессиональной самореализации молодежи. Таким образом, в ситуации профессионального выбора возрастает тревожность. В этот период жизненные стратегии могут существенно изменяться. Давящее влияние самого выбора как ситуации риска может активизировать различные цели и средства их достижения, тем самым создаются особые условия для актуализации одних жизненных стратегий и нивелирование других. Профессиональный выбор – это особая ситуация, связанная со стратегическим выбором жизненных альтернатив и может рассматриваться в качестве условий выбора жизненных стратегий. Поэтому жизненные стратегии существенно дифференцируются в зависимости от уровня неопределенности и риска. В тоже время, к моменту профессионального выбора молодой человек подходит уже с более или менее сложившимися жизненными стратегиями, которые могут быть первичными по отношению к профессиональному выбору. Вместе с тем, жизненные стратегии также влияют на выбор. В таком взаимодействии между жизненными стратегиями молодежи и ее профессиональным выбором устанавливается реверсная причинно-следственная связь. Профессиональный выбор представляет собой не только ориентацию на саму профессию, но и на определенный тип достижений в выбираемой профессии. На уровне мотивации выбор той или иной профессии в целом, можно ожидать реализацию определенных типов жизненных стратегий, выстроенных на различных основаниях. Это означает, что жизненная стратегия ведет к жизненной цели молодого человека, а профессия является инструментом, которая приобретает свою форму уже в определенном выборе той или иной профессии. И принцип выбора цели в профессии, и принцип выбора пути к цели определяется типом жизненных стратегий человека, т.е. из имеющегося набора целей он подсознательно выбирает ту, достижение которой обеспечивает максимальную реализацию жизненной стратегии. Сущность профессионального выбора в современных условиях

постиндустриального развития существенно отличаются от традиционных обществ. В последних профессиональная принадлежность редко определялась свободным выбором, а была связана с социальным статусом, трудовой деятельностью родителей. Коллективные представления, ориентированные на строгое соблюдение традиционных норм поведения и исключающие индивидуальную свободу выбора личности строго регламентировали возможность профессиональной мобильности в обществах такого типа. Но в таких обществах проблемы профессионального выбора и последующей занятости практически не существовало. Эпоха индустриального развития общества потребовало огромного числа рабочих, готовых переобучаться, сняться с места в поисках работы или переехать, если это потребуются. Как правило, выбор профессии также осуществлялся на всю жизнь, но сама профессия уже предполагала мобильность. В принципиально новых условиях профессиональный выбор молодежи приобретает сложную траекторию и подвержен влиянию ряда факторов: 1. Внешняя среда, под воздействием которой формируется выбор - крайне дифференцирована. 2. Условия неопределенности меняют сам механизм выбора (в ситуации неопределенности молодой человек дезориентирован и не имеет достаточных оснований для рационального выбора профессии). 3. Постоянные динамические изменения системы социально-экономических отношений и как следствие статуса профессий, требует от молодежи умения предвидеть не только настоящие, но и будущие изменения в сфере образования и рынка труда. 4. Процесс глобализации повышает уровень мобильности специалистов и информированность о сферах занятости, что приводит к увеличению трудовой миграции. Следует также отметить, что риски, сопровождающие развитие молодежи любого времени развития общества, зависят от разного рода факторов (объективных и субъективных). Происходящие в современном обществе фундаментальные социально-экономические и социо-культурные изменения еще больше усиливают ситуацию неопределенности, непредсказуемости процессов. В российских условиях воспроизводство риска носит еще более широкий характер, что обуславливает его дальнейшую эскалацию. В качестве объективного фактора можно отметить сложную ситуацию на рынке труда. Российский рынок труда на данном этапе характеризуется рисками и опасностями, присущими устанавливающимся новым рыночным отношениям: высокий уровень безработицы, жесткая конкуренция на рынке труда; низкая оплата труда и т.д. Также

микросреда имеет большое значение в вопросе трудоустройства. Представители разных слоев общества на данном этапе оказываются в разных условиях. Таким образом, выбор профессии — это многомерный процесс, который можно рассматривать с разных сторон. Во-первых, как серию задач, которые общество ставит перед личностью и которые эта личность должна последовательно разрешить. Во-вторых, как процесс поэтапного принятия решений, посредством которого индивид формирует баланс между своими предпочтениями и склонностями, с одной стороны, и потребностями существующей системы общественного развития труда, с другой. В-третьих, как процесс формирования индивидуального стиля жизни, жизненной стратегии. В данном случае выбор профессии выступает своего рода формулой жизни.

ТРОЛЛИНГ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ - АКТИВНЫХ ИНТЕРНЕТ-ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ

Федюкина К.А., Труфанов Д.О. (Красноярск)

С языком, с человеческим словом, с речью безнаказанно шутить нельзя; словесная речь человека — это видимая и осязаемая связь, союзное звено между телом и духом. Владимир Даль. Троллинг — социальный феномен, зародившийся в 1990-х годах в Usenet. [1] Троллинг представляет собой процесс коммуникации в интернет-среде, объектом которого является жертва, а субъектом — тролль, посылающий провокационные сообщения (троли) с целью вызова ответной реакции. На сегодняшний день существует множество примеров негативного влияния троллинга на процесс коммуникации в интернет-среде. Во-первых, троллинг затрудняет эффективное использование интернет-ресурсов, таких как социальные сети, форумы, блоги и др. Во-вторых, способствует разжиганию конфликтов в интернет-среде. В-третьих, способствует безнаказанному внесению разлада, рассогласованности в общество. Под воздействием данных факторов формируется неадекватное представление о троллинге как о явлении отрицательном. Вместе с тем, есть основания утверждать, что троллинг, имеет положительные стороны: позволяет отвлечь от острых тем, перевести разговор в другое русло, воспитывает критическое мышление, кроме того может быть использован как инструмент эффективного поведения в конфликте. Проблема, на решение которой направлено наше исследование, заключается в следующем: вследствие того, что

на сегодняшний день существует множество фактов, свидетельствующих об отрицательном влиянии троллинга, в массовом сознании формируется неадекватное восприятие этого явления как негативного. Однако, как было отмечено, есть и положительные стороны данного явления, которые могут служить инструментом эффективного общения. В связи с этим, представляется актуальным выяснить, как воспринимается явление троллинга, для этого мы решили исследовать отношение наиболее активных интернет-пользователей – студенческую молодежь к этому феномену. С этой целью в 2012 году нами было проведено социологическое исследование – отношение студенческой молодежи – активных интернет-пользователей к явлению троллинга в интернет-среде. Для достижения данной цели были поставлены следующие задачи: изучить уровень осведомленности студенческой молодежи – активных интернет-пользователей с явлением троллинга в интернет-среде; выявить эмоциональную оценку образа тролля; исследовать допустим ли стиль общения троллей в реальной жизни, по мнению студенческой молодежи; выяснить отношение студенческой молодежи – активных интернет-пользователей к запрету троллинга в интернет-среде; выявить когнитивную оценку троллинга, как явления позитивного или негативного. В качестве методов сбора первичных данных выбраны: контент-анализ, экспертный опрос и анкетный опрос. Для анализа полученных данных были использованы методы описательной статистики и факторный анализ. Для проведения анкетирования представилось целесообразным опросить пользователей социальной сети ВКонтакте, так как этот сайт является наиболее популярным среди молодежи, в том числе и студенческой, и занимает одно из первых мест по количеству пользователей. По данным исследовательского холдинга «Romir» за 2009 год генеральная совокупность пользователей социальной сети ВКонтакте составила 50078125 человек.[2] Выборочная совокупность – 384 человека, отражает генеральную совокупность с 5% погрешностью, доверительный интервал составил 95%. Далее представлены основные результаты исследования. Большинство опрошенных респондентов (80%), сталкивались с явлением троллинга в интернет-среде. При этом 78% из числа опрошенных воспринимают троллинг, как социальное явление, направленное на то, чтобы ввести жертву в заблуждение различными провокационными способами. В связи с этим, наиболее распространенный образ тролля в сознании студенческой молодежи – это образ человека, размещающего провокационные сообщения в сети Интернет, так считает 71% из

числа опрошенных. Также важно отметить, что, по мнению, 30% респондентов эмоциональный образ тролля выглядит следующим образом: тролль – это что-то большое, зеленое и мерзкое, причиняющее вред. Возможно, это связано со стереотипами, сформированными в сознании молодежи, на основе мультипликационных персонажей. Что касается отношения пользователей к запрету троллинга в интернет среде, то около половины (41%) респондентов однозначно ответили, что это явление необходимо запретить, при этом наиболее приемлемый способ – исключение из интернет сообществ при помощи модераторов пользователей, занимающихся троллингом. Также следует отметить, что довольно большой процент (53%) из числа опрошенных составляют пользователи, которым безразлично запретят ли это явление в интернет-среде или нет. Исходя из этого, можно предположить, что на сегодняшний день явление троллинга имеет не столь обширный характер, поэтому не вызывает у пользователей какой-либо эмоциональной реакции. Однако 84% респондентов не хотели бы жить в обществе, где будет преобладать стиль общения троллей. Несмотря на это, факторный анализ показал, что устойчивых представлений об образе тролля в массовом сознании не выявилось. Доминирующие представления о тролле оформились в две группы факторов. Первый фактор имеет описательную силу 29%, сюда относятся представления негативного характера: неуравновешенность, конфликтность, недоброжелательность, враждебность, жестокость, злость, грубость; второй фактор имеет описательную силу 13%, к нему относятся представления позитивного характера: толерантность, утонченность, аккуратность. Это позволило нам сделать вывод о том, что тролль в массовом сознании характеризуется как нечто враждебно настроенное, способное оскорбить, унижить, нагрубить, но при этом может сделать это достаточно тонко и аккуратно. Еще одной важной особенностью, на которую следует обратить внимание, является когнитивная оценка троллинга, как явления позитивного или негативного. Согласно полученным результатам более половины респондентов (59%) полагают, что троллинг – негативное явление, носящее деструктивный характер, остальная половина считает, что троллинг – это своеобразное средство самовыражения и самоутверждения. Таким образом, отношение студенческой молодежи – активных интернет-пользователей к явлению троллинга в интернет-среде имеет следующие основные черты: большая часть пользователей социальной сети ВКонтакте ознакомлены с данным явлением, при

этом троллинг воспринимается как негативное явление, носящее деструктивный характер и его распространение в интернет-среде следует запретить, но, вместе с этим, около 60% из числа опрошенных составляют пользователи, которым безразлично запретят ли это явление в интернет-среде.

Литература

1. Маслов Н. «Что такое троллинг?» [Электронный ресурс]: Сообщество сфера разума: исследование контакта. – Режим доступа: www.ferarazuma.ru/kosmicheskij-trolling – Загл. с экрана (28.09.12)

2. Ромир: «В контакте» - самая часто посещаемая из соцсетей» [Электронный ресурс]: Romir исследовательский холдинг. - Режим доступа: www.mediarevolution.ru/audience/demography/2227.html - Загл. с экрана (3.10.12)

МЕХАНИЗМЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ-УЧАСТНИКОВ ПРОГРАММЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СТУДЕНЧЕСКОГО ОБМЕНА «WORK AND TRAVEL».

Финашина М.Д. (Санкт-Петербург)

Характерной чертой развития современного мира является непрерывный рост образовательных контактов и развитие программ международных студенческих обменов (International Student Exchange Programs) между различными странами. Мировое образовательное пространство становится все более открытым и предоставляет студентам большое количество всевозможных вариантов деятельности и активности. Участие студентов в таких программах международного студенческого обмена непрерывно связано с перемещением студента в новую социокультурную среду. Это, в свою очередь, порождает необходимость усваивать новые нормы, ценности и правила, модели поведения, способы общения и т.д. То есть возникает необходимость социокультурной адаптации студента к новым для него социальным и культурным условиям. Проблема социокультурной адаптации связана, прежде всего, с поиском и реализацией различных механизмов, которые помогают индивиду адаптироваться к новым социальным условиям, усвоить новые культурные ценности, определенным образом интегрироваться в новую среду и найти свое место в ней. Механизмы

социокультурной адаптации реализуются при помощи использования адаптантом определенного набора средств адаптации в виде действий, мер, личностных характеристик, направленных на приспособление к социокультурной среде.

Большой вклад в выявление механизмов социокультурной адаптации внесли социолог С.К. Додд, антрополог Ф. Бок и психолог Дж. Берри. Идеи М. Вебера о типах социального действия, У. Томаса и Ф. Знанецкого о типах характера, концепция «социальных сетей» Э. Тоффлера и иерархия потребностей А. Маслоу так же интересны с точки зрения механизмов адаптации.

В рамках изучения проблематики социокультурной адаптации было проведено разведывательное исследование и использованием методики он-лайн анкетирования. Исследование проводилось среди участников программы международного студенческого обмена «Work and Travel». Цель исследования состояла в выявлении основных механизмов социокультурной адаптации студентов – участников программы. На основе анализа полученных в ходе исследования данных об основных составляющих социокультурной адаптации студентов-участников программы обмена, были сделаны нижеследующие выводы относительно того, какие механизмы социокультурной адаптации использовали респонденты.

Выяснилось, что процесс социокультурной адаптации у 54% опрошенных происходил по модели механизма «гибкость», или «флексibilität», который характеризуется тем, что респондент почти всецело включался в новую социокультурную среду и усваивал ее атрибуты. 70% опрошенных, применивших механизм гибкости, вели активный образ жизни и совмещали различные виды деятельности (работа, спорт, развлечения, культурная программа). Более того, у 92% из них в наивысшей степени проявлялись большинство (в среднем 8 из 10) качеств личности, таких как уважение, коммуникабельность, дружелюбие, умение считаться с интересами других людей, терпимость к чужим недостаткам, неконфликтность, чувство ответственности, миролюбие.

У респондентов, реализовавших механизм гибкости, прослеживается следующая тенденция: половина из них была знакома со всеми культурными особенностями страны пребывания по программе обмена (язык, культурные ценности и нормы, традиции и обычаи, особенности общения, кухня и праздники); а другая половина имела представление лишь о некоторых особенностях, причем 46% их этой половины были знакомы в основном с языком и еще одной особенностью (кухня и праздники, или культурные ценности и нормы). Было выявлено,

что 42% опрошенных реализовали механизм социокультурной адаптации - «фильтрация», поскольку респонденты в равной мере сохраняли атрибуты своей родной культуры и усваивали атрибуты новой социокультурной среды. 80% респондентов, использовавших адаптивный механизм фильтрации, вели относительно активный образ жизни, совмещая работу с каким-либо одним дополнительным видом деятельности. Также 70% респондентов из данной группы были более склонны к умеренному проявлению качеств личности, а у 40 % некоторые из характеристик проявлялись слабо, например, инициативность, терпимость к чужим недостаткам, способность принимать чужие нормы и ценности. У респондентов, использовавших фильтрационный механизм адаптации, лишь в 30% случаев было выявлено знакомство со всеми особенностями новой среды. Остальные респонденты (70%) были знакомы с двумя или тремя ее особенностями.

Также стоит отметить, что из респондентов, принимавших участие в программе обмена больше одного раза, 71% использовали именно адаптивный механизм гибкости, а значит, они в большей мере принимали атрибуты новой социокультурной среды и интегрировались в нее. У респондентов, использовавших фильтрационный механизм, был замечен аналогичный случай лишь дважды, и в большинстве своем (80%) опрошенные принимали участие в программе обмена один раз. Анализируя ожидания, имеющиеся у респондентов до их поездки по программе обмена, необходимо отметить, что почти все респонденты (80%), у которых имелись положительные оправдавшиеся ожидания (возможность заработать, найти новых друзей, проявить себя), реализовали адаптивный механизм гибкости. У 60% опрошенных, имевших положительные частично оправдавшиеся ожидания, был выявлен адаптивный механизм флексibility. Следовательно, можно сделать вывод о том, что у адаптантов, проявивших гибкость, прослеживается наличие позитивных ожиданий от предстоящей поездки и их полное оправдание. Тогда как у респондентов, использовавших флексibility как способ адаптации, было выявлено наличие позитивных ожиданий, но оправдавшихся в меньшей степени.

4% из всех опрошенных студентов более других были склонны к сохранению ценностей родной культуры и слабо принимали атрибуты новой социокультурной среды. Более того процесс адаптации для них оказался сложным, респонденты испытывали чувство бессилия, желание самоизолироваться, а также чувство тоски по родным и друзьям, а также имели ограниченные знания о чужой культуре, подкрепленные ожиданием худшего.

Анализируя данный случай, можно сделать вывод о том, что у 4% респондентов проявился промежуточный механизм адаптации между фильтрацией и уходом, скорее всего ближе к уходу, т.к. респондент стремился в большей степени сохранить свое ценностное пространство, нежели интегрироваться в новую социокультурную среду и принять ее ценности и нормы. Механизм социокультурной адаптации - это одна из важнейших составляющих процесса социокультурной адаптации. В условиях непрерывно меняющегося мира и расширения сети межкультурного взаимодействия все более актуальной становится проблема изучения того, как и за счет чего люди с различной мотивацией и способностями приспосабливаются к новой для них среде. Следовательно, необходимо изучать механизмы социокультурной адаптации для того, чтобы в полной мере раскрыть сложный и многогранный процесс адаптации человека к новой социокультурной среде.

ПОДРОСТКИ КАРЕЛИИ НА РЫНКЕ ТРУДА: КЕЙС-СТАДИ МУ «ЦСЗМ»

Хохлов Э.В. (Петрозаводск)

В этом году в рамках выпускной квалификационной работы нами осуществлялся третий этап в исследовании подростков Карелии на рынке труда. На предыдущих этапах мы руководствовались схемой бинарной модели «Подросток- Работодатель». В процессе глубинного изучения темы было установлено, что данная схема не отображает действительность в полной мере. По этой причине нами была предложена другая модель, где отдельно выделяется третий элемент- Центр содействия занятости молодежи. В качестве метода исследования была выбрана количественно- качественная стратегия «Кейс-стади». В качестве кейса выступает «Центр содействия занятости молодежи» в г. Петрозаводске. Фокусом исследовательского интереса выступают социальные отношения «организация – работодатель» и «организация - подросток». Кейс носит единичный характер. Объект: МУ Центр содействия занятости молодежи г. Петрозаводска Созданное в 1999 году, муниципальное учреждение «Центр содействия занятости молодежи» работает в направлении «Молодежь и экономика» муниципальной целевой программы Петрозаводского городского округа «Молодежная политика города Петрозаводска» на 2007–2010 годы, осуществляя

содействие социально-экономической адаптации молодежи. Предмет: Процесс реализации посреднической функции ЦСЗМ при трудоустройстве несовершеннолетних Цель: выявить возможности посреднической функции ЦСЗМ между работодателями и работающими подростками Основная гипотеза исследования: Посредническая функция ЦСЗМ реализуется неэффективно. В ходе выступления мы бы хотели осветить ход самого исследования, а так же поговорить о практических рекомендациях, которые нам удалось разработать на базе полученного эмпирического материала.

РЕЛИГИОЗНАЯ КУЛЬТУРА КАК ТРАНСЛЯТОР ДУХОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ МОЛОДЕЖИ: ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.

Чернова А.В. (Санкт-Петербург)

Духовные ценности - это своеобразный духовный капитал человечества, накопленный за тысячелетия, который не только не обесценивается, но, как правило, возрастает. Поэтому ценности определяют как «локаторы нравственного сознания личности», главной функцией которых является создание упорядоченной, стабильной, имеющей для человека значение, картины мира. Духовные ценности - это ядро структуры личности, определяющее ее направленность. Наличие или отсутствие этих ценностей определяет вектор решения многих жизненных вопросов. Под духовными ценностями понимают объединяющие начала общества, выражаемые в виде моральных ценностей и традиций, сконцентрированные, как правило, в религиозных учениях и практиках, а также в художественных образах искусства. В литературе выделяют следующие типы духовных ценностей:

- Мировоззренческо-философские (смысложизненные ценности) - это принципы, идеалы, основные жизненные ориентиры, специфические для каждого человека и для каждого исторического типа культуры.
- Нравственные ценности - регулируют отношения между людьми с позиции противостояния должного и сущего. Они связаны с утверждением достаточно жестких неписаных законов – принципов, предписаний, запретов и норм.
- Эстетические ценности - это ценности, связанные с созданием гармонии, ощущением психологического комфорта. Эстетическое в системе духовной культуры есть высшая ступень лишнего, свободного от утилитарности. В некоторых источниках религиозные ценности,

которые совмещают в себе мировоззренческие, нравственные и эстетические, так же причисляются к духовным ценностям. С целью изучения религиозной культуры и ее влияния на духовные ценности молодежи, автором был проведен анализ духовности и религиозности в рамках междисциплинарного подхода. Целью исследования стало определение основных способов передачи духовных ценностей религиозной культурой. Вследствие многообразия подходов и классификаций к изучению религиозных, духовных и светских ценностей, а также мало уловимой разницей между этими понятиями, автором была разработана своя классификация ценностей в каждой из трех групп: духовных, религиозных и светских ценностей. К примеру, светские ценности были использованы больше для того, чтобы сопоставить с религиозными. Духовные же практически не различимы с религиозными. С одной стороны одни включают другие, а с другой стороны – наоборот. В рамках контент-анализа мы поставили следующие задачи: нахождение источников ценностей; на основе источников выявление критериев систематизации ценностей; распределение ценностей на три группы – светские, религиозные и духовные; группировка однопорядковых понятий; систематизация ценностей на подгруппы внутри каждой группы. Критерием систематизации ценностей на группы, а в дальнейшем на подгруппы, стало осознание того, что каждая из ценностей является однопорядковой той или иной ценности, т.е. находится в одной плоскости. Это может касаться поведенческих установок или человеческих качеств, например. Вследствие чего, каждой из подгрупп были даны символические наименования. Светские ценности. В эту группу ценностей вошли: 1.Интеллигентность/культурность, в которой подразумевается: справедливость, честность, уважительность, добропорядочность, уважение вне зависимости от национальной и религиозной принадлежности, бережное отношение к памятникам архитектуры, заботливое отношение и сохранение природы, использование нормативных выражений в речи. 2.Человечность - любовь, доброта, дружелюбие, милосердие, миролюбие. 3.Поведение - соблюдение чистоты и порядка, свобода от пагубного влияния вредных привычек, ведение здорового образа жизни. 4.Личностные качества, такие как: спокойствие, аккуратность. Духовные ценности. Эти ценности разделены на следующие подгруппы: 1.Стремление к совершенствованию (знания), в котором подразумевается: широта взглядов, эрудиция, потребность в познании, культура. 2.Душевные качества, такие как: любовь, сердечность, человечность, доброта, искренность, теплота,

открытость, бережное отношение к себе и к окружающему миру, сострадание, милосердие, дружелюбие. 3. «Вечные» ценности: вера, память предков, патриотизм, солидарность, нравственность. Религиозные ценности В данную группу вошли: 1. Чтение, прославление и служение Богу (божественные). Это первые 4 заповеди: - Я Господь Бог твой, пусть не будет у тебя других Богов, кроме меня. - Не делай себе кумира и ни какого изображения того, что на небе вверху, что на земле внизу и что в водах ниже земли; не поклоняйся и не служи им. - Не произноси имени Господа Бога твоего напрасно. - Помни день субботний, чтобы проводить его свято: шесть дней работай и делай в продолжении их все дела твои, а день седьмой – день покоя (суббота) посвящай Господу Богу твоему. 2. Основоплагающие моральные ценности, под которыми подразумевается: почитание и уважение родителей, не убивать, не прелюбодействовать, не красть, не завидовать, не произносить ложного свидетельства, не судить, прощать, не хвалиться, не гордиться. 3. Душевные качества, такие как: смирение, долготерпение, любовь к ближнему как к самому себе, сострадание, братолюбие, милосердие, дружелюбие, доброта, кротость, благочестивость. Именно авторский перечень духовных ценностей был использован в инструментарии исследования. В мае 2011 года было проведено эмпирическое исследование на тему «Способы формирования духовных ценностей». Респондентами выступили 120 студентов высших учебных заведений Санкт-Петербурга. Цель исследования была следующая: выяснить наиболее эффективные способы формирования духовных ценностей молодежи. Выводы. Ряд гипотез, обозначенных в исследовании, подтвердился, ряд – нет. Таким образом, подтвердились гипотезы о том, что дети из религиозных семей обладают заложенной родителями системой духовных ценностей, что СМИ сегодня не способно оказывать эффективное воздействие на формирование духовных ценностей в силу малого количества религиозных передач и в условиях перевеса зарубежных шоу-передач и кино. Также подтвердилась гипотеза, утверждающая, что эффективность института религии по формированию духовных ценностей проявляется только в отношении тех, кто имеет непосредственную взаимосвязь с этим социальным институтом. Не подтвердились гипотезы, утверждающие, что духовные ценности идентифицируются молодежью с религиозными, что социальный институт не в полной мере выполняет функцию формирования духовных ценностей. Мы выяснили, что наиболее эффективными способами формирования духовных ценностей

является процесс семейной социализации. Семья, в свою очередь, способна не только формировать определенную систему ценностей, но и передавать нормы, традиции, образцы поведения, интересы, образ мысли, в том числе, религиозной направленности. Религиозная деятельность, осуществляемая в семейной среде (праздники, ритуалы, атрибуты, посещение Церкви) в полной мере передается и в дальнейшем воспроизводится молодыми людьми. Семья является основным каналом трансляции по формированию духовных ценностей религиозной культурой.

О ВЗАИМОСВЯЗИ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ И МОТИВАЦИИ ЕЕ УЧАСТНИКОВ

Чернышева Л.С. (Санкт-Петербург)

Процесс трансформации российского общества сопровождается изменением роли государства, граждан и ростом гражданских инициатив. В ряде ВУЗов появляются студенческие организации, к числу которых относятся студенческие советы. Студенческий совет можно определить как орган студенческого самоуправления, группу студентов, представляющих интересы студентов перед лицом администрации и организующих различные культурно-массовые, спортивные, научные и др. мероприятия для студентов. Студенческий совет является частным случаем общественной организации - добровольного, самоуправляемого, некоммерческого формирования, созданного по инициативе студентов, объединившихся на основе общности интересов для реализации общих целей. Члены студенческого совета – студенты-волонтеры, добровольно и безвозмездно занимающиеся общественно полезной работой. Любая организация заинтересована в собственном развитии и повышении эффективности работы. Эффективность работы организаций часто связывают с уровнем мотивации ее сотрудников. В отношении студенческой организации, которая является частным случаем некоммерческой организации, речь идет о существовании нематериальной мотивации волонтеров, работающих в ней. Исследование волонтеров - членов студенческих организаций (на примере Студсоветов нескольких факультетов СПбГУ) показало, что всей совокупности студентов-волонтеров свойственно преобладание эгоцентрической мотивации над альтруистической в соотношении 82% к 18%. К альтруистическим мотивам участия в

деятельности студенческих организаций относятся: - ощущение нужности обществу; - желание сделать мир вокруг себя лучше - выражение религиозных убеждений и приверженностей; - выражение сострадания и солидарности нуждающимся людям; - ощущение морального долга заниматься волонтерством, К эгоцентрическим мотивам относятся: - знакомство с новыми людьми; борьба с одиночеством; заполнение свободного времени; для развлечения - одобрение со стороны окружающих; выражение своего творческого начала; возможности для личностного роста; расширение собственного кругозора; - приобретение практических навыков и знаний; завязывание новых связей и появление новых контактов, которые в дальнейшем помогут в трудоустройстве; возможность для карьерного роста; получение рекомендаций для карьерного роста или учебы. Изучение внешних факторов, повлиявших на решение студента принять участие в деятельности студенческой организации, дало возможность выделить и ранжировать наиболее существенные из них: 1. наличие друзей-волонтеров 2. потребность общества в волонтерском труде 3. одобрение волонтерства окружающими Таким образом, неожиданно высокому соотношению эгоцентрической и альтруистической мотивации волонтеров (82 к 18) сопутствует подверженность влиянию эгоцентрического фактора в большей степени, чем альтруистического. Результат исследования показывает, что волонтерский труд в значительной степени воспринимается студентами-волонтерами как способ удовлетворения своих потребностей, приобретения полезных навыков, которые, вероятно, пригодятся им в дальнейшей жизни. Результаты данного исследования, а также результаты наблюдения за работой студенческого совета факультета социологии СПбГУ, позволяют построить ряд гипотез в отношении взаимосвязи корпоративной культуры организации и мотивации ее участников. Рассмотрим данную взаимосвязь на примере работы Студенческого совета Факультета социологии СПбГУ. Для реализации какого-либо проекта в рамках студенческого совета необходимо взаимодействие между его активистами, в результате которого возникает кооперация участников, и вместе с ней формируется корпоративная культура организации. Корпоративная культура студенческой организации представляет собой социальное пространство, в котором происходят социальные взаимодействия на основании существующих артефактов, архетипов, а также ценностей, норм, образцов поведения, обеспечивающих успешный баланс интеграции внутри организации и

ее адаптации к внешней среде. Итак, корпоративная культура – это пространство, в котором происходят взаимодействия между студентами-участниками организации. От того, насколько это пространство благоприятно для взаимодействий, зависит успешность интеграции коллектива студенческой организации. Являясь первой важной функцией корпоративной культуры, интеграция коллектива ведет к реализации второй важной функции корпоративной культуры – функции адаптации студенческой организации к окружающей среде. Адаптация означает успешное функционирование организации, реализацию ее целей. Однако, как было отмечено выше, личные мотивы участников организации в большей степени являются эгоцентрическими, т.е. направлены на получение волонтером навыков и удовлетворение личных потребностей. Наблюдения показывают, что взаимодействие с другими участниками организации меняет мотивацию волонтеров: мотив развить, улучшить, сделать успешной организацию становится мотивом каждого ее участника, выходит на первый план, становится явным и осознаваемым. Личные же мотивы не исчезают и не трансформируются, они лишь переходят на неосознаваемый уровень. Личные мотивы перестают осознаваться, т.к. постоянно реализуются, однако при возникновении ситуации, в которой участник не может реализовать свои личные мотивы, появляется конфликт, который даже может привести к выходу участника из состава студенческой организации. Таким образом, схема взаимосвязи корпоративной культуры с мотивацией участников организации выглядит следующим образом: 1. В студенческой организации существует корпоративная культура 2. Волонтер приходит в студенческую организацию и начинает взаимодействовать с другими участниками в пространстве этой корпоративной культуры 3. Корпоративная культура интегрирует каждого участника в коллектив, будучи при этом сама поддерживаема взаимодействиями между участниками студенческой организации. 4. Интеграция коллектива приводит к тому, что каждый участник начинает разделять общий для всех мотив сделать организацию успешной, который выходит на первый, явный, осознаваемый план. Личные мотивы каждого участника организации не исчезают, не трансформируются, а становятся скрытыми и неосознаваемыми. Данные тезисы являются гипотезой, сам объект же требует подробного изучения. Понимание механизма взаимосвязи личных мотивов участников студенческой организации и ее корпоративной культуры даст возможность предпринимать вмешательство в корпоративную культуру студенческой организации

и ее корректировку с целью увеличить эффективность работы организации.

ОПРОС В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ КАК АКТУАЛЬНЫЙ МЕТОД СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

**Черняев М.В., Шишкин Е.В., Злобина В.М., Шишкина Е.О.
(Челябинск)**

В современной России традиционные способы опроса очным анкетированием постепенно отходят на второй план в виду развития и распространения автоматизации и компьютеризации. Интернет шагнул в дом практически каждой семьи. Оперативность обмена данными и формирование новой среды способствует конструированию новых форм проведения социологических исследований. Мы подразумеваем социальные сети как способ связи с респондентами, как площадку для проведения заочного опроса. Официально публикуемые данные свидетельствуют, что свой профиль в сетях имеют уже свыше 50 миллионов россиян. В среднем более двух часов проводят они ежедневно в режиме online, что указывает на ту или иную активность потенциальных респондентов. Цели и задачи. Исходя из непреходящей актуальности развития способов социальных исследований, целью настоящего исследования явилось изучение готовности населения России, имеющего доступ к сети Интернет участвовать в социологических исследованиях. Задачами исследования явились необходимость провести опрос в одной из социальных сетей с помощью сформированной анкеты, статистическая обработка полученных результатов, анализирование полученных результатов. Материалы и методы. С помощью одной из популярных молодежных сетей мы организовали опрос граждан, имеющих доступ к сети Интернет в возрастной группе старше 18 лет, по материалам анкеты, содержащей следующие вопросы: 1. «если бы Вам нужно было бы узнать домашнее задание по пропущенному предмету, Вы: 1) лично встретитесь с одноклассниками/однокурсниками и получите ответ 2) позвоните по городскому телефону 3) по сотовому телефону или смс 4) напишете сообщение в социальных сетях»; 2. «если Вы захотите найти партнера для совместных занятий танцами, скалолазанием или другим видом спорта, Вы: 1) будете расклеивать объявления 2) ходить по улицам с целью опроса 3) напишете объявление в социальной сети 4) иной способ» 3. «охотно ли вы отвечаете на

небольшие опросы в социальных сетях? 1) Да, это кому то важно 2) Нет, это мне не важно 3) Да, интересно посмотреть, сколько таких же, как и я» Интересным представляется тот факт, что в опросах в режиме online респондент получает возможность моментально узнать промежуточные результаты голосований, что, по нашему мнению, стимулирует интерес к подаче ответов. Наш опрос был активен в течение 3 дней. С целью популяризации нами была опубликована ссылка на опрос в 5 тематических «обществах», число членов в которых составляет от 40.000 пользователей до 60.000. В общей сложности, за установленный срок на опрос откликнулись 15.643 человека в возрасте от 18 до 43 лет. Особенность социальной сети состоит в том, что один человек может ответить на конкретный опрос лишь раз, это заложено программой. Голосование с разных учетных записей нам представляется бессмысленным, поэтому данную возможность мы не учитывали. Каждый человек отвечал сразу на три вопроса. Результаты. Результатами явились следующие данные: На первый вопрос: 1)- 254 (1,63%) 2) – 2911 (18,61%) 3) – 5879 (37,58%) 4) – 6599 (42,18%) На второй вопрос: 1) – 48 (0,31%) 2) – 1430 (9,14%) 3) – 8302 (53,07%) 4) – 5863 (37,48%) На третий вопрос: 1) – 2993 (19,13%) 2) – 2159 (13,8%) 3) – 10491 (67,1%) Обсуждение. Наше, не требующее особых усилий и времени, социальное исследование показало, что за короткий срок можно получить выборку значительно большую, чем при очном опросе. Так, для выборки в 900 человек при прошлом исследовании нам понадобились семь дней персонального анкетирования. Кроме того, при анализировании результатов оказывается, что респонденты активнее участвуют в опросе, ведь виртуальное голосование позволяет избежать преград, предопределенных личностью, таких как, например, стеснение. В целом, можно говорить о том, что пользователи благоприятно относятся к опросам в сети и предпочитают проводить личный поиск по средствам Интернет. Нам представляется, что будущее социальных исследований предопределено развитием социальных сетей, тем более, что авторитетные органы СМИ и центры опроса общественного мнения также считают для себя важным иметь корпоративные профили в сети. Очевидным минусом данного подхода является тот факт, что практически исключаются лица, относящиеся к старшей возрастной категории. Но, по нашему мнению, это является временным затруднением в связи с постепенным освоением техники и инноваций всеми слоями общества и не является преградой для многих исследований.

ФОРМИРОВАНИЕ ЖИЗНЕННЫХ СТРАТЕГИЙ СОВРЕМЕННЫХ ШКОЛЬНИКОВ

Шушурин И.Н. (Новосибирск)

Выбор будущей профессии первая серьезная жизненная проблема, с которой сталкиваются старшеклассники. И от того, как решит подросток эту проблему, зависит его благополучие и комфорт, как в эмоциональном, так и в личностном планах. Вопрос профессионального самоопределения начинает осознаваться ребятами уже в 14-15 лет. Согласно ежегодно проводимым исследованиям лишь 10-15% обучающихся имеют твердые профессиональные намерения. Примерно столько же вообще не задумываются о своих профессиональных планах. Около 70% не имеют четкой позиции, сомневаются в своем выборе. На помощь в данном случае с советами приходят родители и другие родственники. Для эффективного решения проблемы профессиональной ориентации школьников может быть интересно, какие стратегии поведения они используют. В данном исследовании осуществляется попытка определить формирующиеся жизненные стратегии школьников. Для более точного определения стратегии молодежи, можно предложить два вида их поведения: Стратегия выживания ориентирована на пассивное отношение молодежи к жизни. Для нее характерно отсутствие стремления и изменению существующей ситуации, неспособность самостоятельно решать свои проблемы. Стратегия развития ориентирована на самостоятельное решение возникающих жизненных проблем. Для нее характерна опора на собственные силы, творческое использование интеллектуального, культурного, образовательного потенциала, ориентация на самообеспечение, саморазвитие. Для достижения поставленной цели необходимо ответить на ряд вопросов: 1. Определить оценку успеваемости учеников 2. Выявить приоритеты школьников по отношению к различным профилям высшего образования 3. Установить наиболее приоритетные учебные заведения для выпускников 4. Определить типы жизненных стратегий школьников 5. Проанализировать влияние родителей и др. родственников в жизни школьников 6. Определить жизненную стратегию школьников. Эмпирическим объектом исследования стали ученики 9; 11 классов Средних Общеобразовательных Школ №11, №7 Октябрьского района города Новосибирска. Теоретический Объект – жизненные стратегии

школьников старших классов. Предмет исследования – конструирование жизненной стратегии школьником. Под влиянием внешних и внутренних факторов, к которым можно отнести школу, родителей, друзей, личностные качества, у школьника формируется определенная жизненная стратегия, под влиянием которой и происходит выбор своего будущего, в частности профессиональная ориентация школьника. В результате проведенного социологического исследования было опрошено 63 ученика 9;11 классов СОШ № 11 и 7 г. Новосибирска. Проанализировав полученные данные, были получены следующие результаты: Уровень оценки своих сил в сдаче ЕГЭ старшеклассники оценили достаточно высоко; однако 78% опрошенных уверены, что им необходимо дополнительное время для подготовки. 70% школьников предпочли бы сдавать экзамены в стенах родной школы, нежели вступительные экзамены в ВУЗе. Это говорит о том, что ученики не уверены в своих силах за пределами школы. 85% школьников уверены, что аттестат является показателем их знаний, следовательно, можно предположить, что большинство учеников стараются окончить школу с хорошим аттестатом. 35% школьников не планируют получать высшее образование, только средне-специальное. Как правило, такие ученики выбирают технические специальности обучения. Из 65% школьников, планирующих поступать в ВУЗ, лишь 30% посещают подготовительные курсы при каком-либо ВУЗе. 40% опрошенных отметили влияние родителей при выборе будущего учебного заведения. Можно предположить, что уровень самостоятельности современных школьников довольно высок. 40% опрошенных старшеклассников уже настраивают себя на совмещение работы и дальнейшей учебы. Но лишь 27% подростков ранее работали где-либо. На саморазвитие и занятиями творчеством направлены лишь 25% школьников, т.е. преобладает пассивной жизненной стратегия. Большинство учеников не смогли дать прогноз относительно своего будущего (уровень доходов, создание семьи, число детей, место проживания). Многие не имеют представления о реальном заработке после окончания университета и получения диплома. В результате проведенного исследования можно представить себе примерный «портрет» современных старшеклассников с позиции выбора образовательной траектории после окончания школы. Современные школьники ориентированы на использование пассивной жизненной стратегии, что может говорить о большой степени зависимости от факторов внешней среды. Результаты исследования позволяют говорить, что для формирования

активной позиции в жизни необходимо уделять особое внимание вопросу выбора жизненных стратегий учениками старших классов, проводить тренинги, тематические классные часы, позволяющие старшеклассникам лучше понять свои возможности, самостоятельно выбрать будущую профессию, строить жизненные планы. Результаты проведенного учебного исследования в рамках дисциплины социология образования, позволяют предположить, что для уточнения вопросов тренингов, тематических классных часов и тестов на профориентацию школьников, было бы целесообразно провести социологическое исследование более широкого масштаба (например, старшеклассники Новосибирска), дабы уточнить частоту проведения и эффективность данных мероприятий в школах Новосибирска.

ПРОБЛЕМА ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Щекина И.В. (Петрозаводск)

В настоящее время процесс оценивания деятельности социальных учреждений должен стать таким же неотъемлемым элементом социальной защиты населения, как и практика оказания социальной помощи. В системе социального обслуживания населения оценке подвергается процесс и результаты оказания услуг. Организациям, предоставляющим услуги социальной помощи различным клиентам, необходимо проводить оценку результатов своей деятельности, так как она позволяет увидеть реальное положение дел в организации, определить пути закрепления успехов и исправления недостатков. Наряду с самооценкой необходимо регулярно привлекать специалистов, независимых консультантов, экспертов, исследователей, которые могут взглянуть на деятельность организации со стороны. Их оценка зачастую бывает более объективной. Эффективность деятельности определяется с помощью конкретных критериев. На базе отделения социальной помощи семье и детям Кондопожского комплексного центра социального обслуживания населения «Забота» нами было проведено исследование, целью которого было определение критериев эффективности деятельности отделения социальной помощи семье и детям. Исследование было проведено с помощью таких методов, как анкетирование клиентов отделения (22 человека), глубинное

интервью со специалистами отделения (пять человек), экспертный опрос. В качестве экспертов выступили начальник отделения социальной помощи семье и детям Е.П. Цветкова, директор Центра Г.А. Шилова, начальник отдела социальной политики администрации Кондопожского района М.О. Коротких. По мнению опрошенных клиентов, эффективная работа отделения зависит от квалификации и умения специалистов вежливо общаться. Ни один из опрошенных не считает важными факторами информационную доступность и техническую оснащенность отделения. Внешний вид сотрудников и интерьер отделения считают важным 23% опрошенных, т.е. 5 человек. В целом, деятельность отделения оценивают как очень хорошую 8 респондентов (36%), как хорошую – 10 (45%), как слабую – 4 человека или 19%. Понравилось в обслуживании клиентам доброжелательность, готовность помочь и квалифицированность специалистов. Так ответили 19 (86%) респондентов, 3 человека отмечают регулярное посещение клиентов с трудностями передвижения, 4 человека – посещение клиентов, проживающих за пределами города. Таким образом, основными «критическими точками», влияющими на эффективность деятельности отделения, клиенты называют квалификацию и вежливость специалистов, а также территориальную доступность отделения. Однако не все клиенты понимают значимость своей роли в решении их социальных проблем. Согласно результатам интервью со специалистами деятельность отделения регулярно оценивается и анализируется самим коллективом отделения и руководством учреждения (начальниками отделов, директором учреждения, сотрудниками Отдела социальной политики администрации Кондопожского района) через проведение планерок и консилиумов. Таким образом, можно говорить как о самооценке деятельности отделения, так и об экспертной оценке, что значительно повышает объективность выводов и заключений. К ведущим факторам, от которых зависит эффективность деятельности, специалисты относят уровень квалификации сотрудников и потребность в услугах отделения. Основными барьерами эффективному обслуживанию населения специалисты называют территориальную отдаленность отделения от населенных пунктов Кондопожского района, посещать которые регулярно мешает еще одна проблема – проблема транспорта в отделении. В Центре всего один автомобиль, который могут предоставить отделению не чаще двух раз в месяц для посещения шести населенных пунктов. Еще одним фактором называется недостаточность технического оборудования отделения – в нем один

компьютер, нет таких необходимых для работы с клиентами таких средств как принтер, проектор, интерактивная доска. Опрошенные эксперты называют проблемами, препятствующими эффективности деятельности отделения: 1. Проблемы финансирования. 2. Разобщенность министерств и ведомств. Говоря о факторах, влияющих на эффективность деятельности, эксперты выделяют такие не названные клиентами и сотрудниками факторы как информационная доступность отделения и уровень организации труда специалистов. Небольшое помещение, в котором вынуждены работать сотрудники, отсутствие столовой или буфета, а также трудности с оргтехникой могут значительно понизить работоспособность специалистов, а, следовательно, и эффективность их деятельности. Таким образом, анализируя результаты проведенного исследования, нам удалось предложить критерии, по которым можно оценивать эффективность деятельности социального учреждения: 1. Потребность в услугах ☐ Число семей состоящих на учете ☐ Количество семей, снятых с учета 2. Доступность услуг ☐ Доступность месторасположения ☐ Оснащенность учреждения оборудованием, облегчающим доступ людям с ограниченными возможностями ☐ Информационная доступность (наличие сайта учреждения в сети Internet, частота подачи объявлений в местных газетах) 3. Уровень (качество) подготовки персонала ☐ Численность и квалификация специалистов ☐ Организация повышения квалификации специалистов 4. Качество и уровень организации труда специалистов ☐ Характеристики помещения (количество комнат, техническое состояние помещения, наличие необходимой для работы мебели, места для клиентов, наличие столовой или буфета для персонала) ☐ Количество специалистов, работающих в одном помещении ☐ Наличие необходимого для оказания помощи оборудования и оргтехники 5. Качество и уровень социального обслуживания ☐ Формы, методы и технологии социального обслуживания ☐ Результаты социального обслуживания (количество семей, снятых с учета в связи с решением их проблем) 6. Взаимодействие с различными учреждениями системы социального обслуживания населения ☐ Количество учреждений, с которыми налажено взаимодействие ☐ Разработка и реализация совместных программ ☐ Координация планов работы Указанные критерии можно применять в оценке деятельности центров и отделений социальной помощи семье и детям.

КОНСТРУИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ ЧЕРЕЗ ИЗМЕНЕНИЕ ПАРАМЕТРОВ ТЕЛА

Яцук А.В. (Санкт-Петербург)

Всеобщее помешательство современных девушек на похудении и стройности, очевидно, заметно всякому члену общества. Предприниматели делают колоссальные деньги на индустрии похудения, предлагая на рынке различные продукты и услуги: диеты, книги, курсы упражнений, абонементы в фитнес-клубы, продукты питания, биологически активные добавки к пище. Все эти вещи призваны помочь даме в борьбе со своим телом за высокий статус, за создание новой, идеальной, стройной себя. Женщина должна быть красивой. Женщины, недовольные фигурой, чаще недовольны и своей жизнью. Женщина, считающая себя толстой, априори вешает на себя набор таких ярлыков, как «нежеланная», «опущенная», «объект насмешек», «уродливая». Это страшно, и от этих свойств стараются избавиться всеми силами, чтобы соответствовать наконец эталону привлекательности. Когда человек недоволен жизнью, у него есть три стратегии: прилагать усилия по изменению ситуации, приспособлять под ситуацию себя или продолжать сидеть и жаловаться. Очень часто можно встретить у худеющих следующие слова: «Я хочу стать собой». Они считают своё тело не соответствующим их душе. Они создают себя, самосознание, самоидентификацию через похудение. Именно конструирование идентичности через изменение параметров женской фигуры является темой текущего доклада. Объект моего исследования – идентичность человека. То, как человек воспринимает себя, накладывает очевидно заметный отпечаток на его поведение, и стремление соответствовать идеалу в проявленной или латентной форме присутствует у любого члена общества. Предмет исследования – конструирование идентичности через изменение параметров фигуры. Здесь воплощаются такие тезисы, как «Ты – то, как ты выглядишь» и «Встречают по одежке». Чтобы быть тем, кем хочется, следует иметь соответствующее тело. Навязанные СМК стереотипы и нормы проводят в голову получателя информации идею, что счастливы только стройные и красивые, что красота без вариантов подразумевает стройность и так далее. Отсюда стремление разобраться в этом соматическом подходе к оценке собственной личности. Цель исследования – определить процесс и результат конструирования идентичности через изменение фигуры. Среди

ученых, ставивших проблему идентичности, приведём Баумана, утверждавшего, что практически безальтернативная предопределенность социального положения с приходом времени модернизируется на необходимость самоопределения, стоящую перед каждым человеком на протяжении его жизни. Если самостоятельно принять решение трудно, человек ищет точку опоры, которую можно использовать в качестве ориентира. Где расположена граница общественных норм, каковы ценности его социума, каким образом истолковываются различные явления – всю эту информацию человек берёт извне. Безусловно, это касается и того, как «следует» выглядеть и какую фигуру иметь для того, чтобы считаться красивым. По Бурдьё, право навязывать обществу легитимное видение социального мира – предмет борьбы социальных классов. Откуда, по каким механизмам насаживаются в наши головы эти эталоны – вот в чём вопрос. Прежде чем разбирать влияние стройного тела на формирование идентичности женщины, следует понять: кто задает приоритет именно этой внешности. Итак, наиболее заметный источник формирования какого-либо общественного мнения – средства массовой коммуникации. Среди социальных функций средств массовой коммуникации Лазарсфельд и Мертон упоминают присвоение статуса «личностям, проблемам, движениям, организациям». Очевидно, что массово распространенные эталоны женской фигуры имеют своим источником СМК – журналы, телевидение, а теперь и интернет. Вместе с распространением образа происходит создание интуитивной шкалы «хорошая фигура – плохая фигура». Согласно этой шкале, фигура тем лучше, чем более она соответствует образцу, который, в свою очередь, наделяет носителя высоким статусом Признанной Красавицы. Изящество, гибкость, легкость, желанность – все характеристики присваиваются именно стройным, прямо при публичном обсуждении, или косвенно через визуальные образы рекламы. Пример такого акцентирования фокуса общественного внимания описывает Барт, продолжая историю жизни Модной Женщины. Очередной её парадокс заключён в том, что одновременно она и реальна, и идеальна – то есть представляет собой как читательницу глянцевого журнала, так и ту, кем она мечтает стать. Присвоение статуса как часть системы легитимного видения социального мира оспаривается социальными классами у Бурдьё. Классы, определяемые гомогенностью по определенным признакам, борются за право установления монополии на навязывание легитимного видения социального мира, т.е за право утверждать, как правильно, и получать подчинение остальных мнений в ответ. Если

возможно определить экономические или профессиональные классы, также имеет смысл поступить с классами полных и стройных, с однозначной и безусловной победой стройных. Они навязывают смысл: стройность – это хорошо, полнота – это омерзительно, и общество согласно с классом стройных людей. Если ты не согласен, если ты не воплощаешь своим телом норму и тем более если при этом доволен – будь готов к положению маргинала. Это и есть воплощение слов Бурдые о производстве здравого смысла. Обмен веществ, легкость, доступ к спорту и развлечениям – это далеко не полный список приписываемых стройности преимуществ, которые мы регулярно слышим в средствах массовой коммуникации. Лазарсфельд и Мертон продолжают обзор социальных функций средств массовой коммуникации, подспудно раскрывая нам новые механизмы влияния на формирование представлений. Демонстрируя широкой публике нечто несоответствующее социальной норме, СМК провоцирует людей на немедленную реакцию. Создается обязательство немедленно присоединиться или к лагерю «за», или к лагерю «против» . Соответственно, в ситуации демонстрации проблемы лишнего веса ситуация получает широкий общественный резонанс и ясную трактовку, что полнота – это плохо. Здесь вновь демонстрируется такая социальная функция средств массовой коммуникации, как определение границ общественной нормы. Лагерь «против толстых» наполняется рядами как стройных представителей фенотипической элиты, не желающих загрязнять своё эстетическое видение мира, так и пышных людей, желающих перестать быть таковыми. В этом им помогает индустрия красоты, раскрытая Ивановым . Призванная управлять внешностью людей и корректировать её в пользу той, что несёт столь необходимый привлекательный образ, эта отрасль современного рынка осваивает всё новые виды товаров и услуг. Всё завязано на образе: сам по себе человек чист, дело лишь в том, как укутать его образом, и каким. Например, стройность олицетворяет юность и счастье. В ходе адаптации научных теорий к контексту телесной идентификации возможно выделить 7 социальных ролей женщины, на реализацию которых влияет форма тела: □ Дочь □ Мать □ Жена □ Карьеристка □ Душа компании □ Модница □ Победительница Далее будут представлены результаты практического исследования, посвященные тому, ради воплощения какой же роли худеет большинство дам.